Кіевская Старина

Ежемѣсячный Историческій Журналъ

ЯНВАРЬ.

1887 г.

Кіевъ. Типографія А. Давиденко, арендуемая **Л. Штамомъ.**

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

ТОМЪ XVII.

Январь.

1887 г.

КІЕВЪ.

Тип. А. Давиденко, аренд. Л. Штамомъ, Мало-Житом. ул., д. № 4.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 24-го декабря 1886 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

Январь, 1887 г.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

Изд. 1882 г.

Четыре тома, въ больш. 8°, до 160 печатныхъ листовъ, болѣе 2500 стр.

Главнѣйшія статьи и матеріалы:

Кіевъ, его судьба и значеніе съ XIV по XVI ст., проф. *В. Б. Антоновича*. Паны Ходыки, воротилы городскаго самоуправленія въ Кіевѣ въ XVI и XVII ст., *его же*. Уманскій сотникъ Ив. Гонта, *его-же*. Дневникъ Освѣцима, переводъ съ польскаго, *его же*. Поѣздка въ Бѣлую Церковь, *Н. И. Костомарова*. Матеріалы для исторіи Коліивщины, *его-же*. Матеріалы для біографіи Шевченка, *Н. М. Бѣлозерскаго*. Люди Старой Малороссіи (Лизогубы, Милорадовичи, Миклашевскіе, Свѣчки), *А. М. Лазаревскаго*. Сулиминскій фамильный архивъ. *его-же*. Украинская деревня половины настоящаго ст., *Е. М. Крыжановскаго*. Малорусскій вертепъ (съ нотами и рисункомъ вертепнаго ящика), съ предисловіемъ *Г. П. Галагана*. Главнѣйшіе моменты въ исторіи землевладѣнія въ харьковской губ., *А. Л. Шиманова*. Старинный южно-русскій театръ, проф. *Н. И. Петрова*. Разговоръ Великороссіи съ Малороссіей (литерат. памятникъ XVIII ст.), *его-же*. Забытыя иноческія обители (монастыри холмскій и замостьскій), *его-же*. Кіевское представительство прежняго времени, *N*. Князья Ружинскіе, *И. П. Новицкаго*. Кіевскій митрополитъ Петръ Могила, проф. *Ф. А. Терновскаго*. Альбомъ М. А. Максимовича, *С. И. Пономарева*. Южнорусскіе архіереи XVI и XVII в., *О. И. Левицкаго*. Социніанство въ Польшѣ и юго-западной Руси, *его-же*. Къ исторіи крестьянскихъ волненій 1855 года въ кіевской губерніи: а) Посмертный разсказъ свящ. *А. Ковальскаго*, б) Изъ воспоминаній потерпѣвшаго, прот. *В. Сикорскаго*. Къ характеристикѣ Д. Г. Бибикова, *N*. Почаевская Успенская Лавра, кн. *Н. С. Голицына*. Образцы обличительной литературы Малороссіи, *П. С. Ефименка*. Ссыльные малороссіяне въ Архангельской губ. (1708—1802), *его-же*. Учебныя заведенія въ русскихъ областяхъ Польши послѣ ея раздѣла, *Е. К.* Поляки и Русины (къ исторіи ихъ отношеній), *Л. Мацѣевича*. Архіерейскія печали, *К. Березы*. Старинныя воззрѣнія русскихъ людей на русскій языкъ, *П. И. Житецкаго*. Внутренніе распорядки Запорожья, *А. А. Скальковскаго*. Умань и Софіевка, *А. Смоктія*. Переписка гр. Румянцева о возстаніи въ Украйнѣ 1768 г.—Кромѣ того до 50 отзывовъ о вновь выходящихъ книгахъ по южнорусской исторіи и болѣе 100 разныхъ разсказовъ и замѣтокъ. Приложены портреты: Богдана Хмельницкаго, Гонты, Саввы Туптала и Петра Могилы и видъ Кіевск. Академіи и ея студентовъ 1697—1702 г.

Цѣна 8 р. 50 к., съ пересылкой 10 р.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

Изд. 1883 г.

Три большихъ тома, 160 печатныхъ листовъ, 2566 страницъ.

Главнѣйшія статьи и матеріалы:

П. А. Кулишъ и его послѣдняя литературная дѣятельность, *Н. И. Костомарова*. Жидотрепаніе въ началѣ XVIII в. (хроника), *его-же*. Серапіонъ, митрополитъ кіевскій, проф. *Ф. Терновскаго*. Фрески кіево-кирилловской церкви XII в., проф. *А. В. Прахова*. Замѣтки объ украинской народной словесности, *М. Т—ова*. Письма Шевченка къ Брон. Залесскому, съ пред. *его-же*. Двѣ южнорусскія интермедіи начала XVII ст., съ пред. *его-же*. Записки Карла Хоецкаго, съ пред. проф. *В. Б. Антоновича*. Судьба одного галицко-русскаго дѣятеля (И. Н. Вагилевича), *Я. Головацкаго*. Печерскіе антики (изъ воспоминаній о Кіевѣ), *Н. С. Лѣскова*. Неизвѣстный доселѣ гетманъ (Д. Барабашъ), проф. *В. Б. Антоновича*. Анна-Алоиза, кн. Острожская, монографія *О. И. Левицкаго*. Задунайская Сѣчь (по мѣстнымъ воспоминаніямъ и разсказамъ, съ приложеніемъ нѣсколькихъ картъ и вида Дунавца), *Ѳ. Кондратовича*. Удѣльный періодъ и его изученіе, *Д. И. Багалѣя*. Генеральная опись Малороссіи, *его-же*. Займанщина въ лѣвобережной Украйнѣ XVII—XVIII ст., *его-же*. Галагановскій фамильный архивъ, *А. М. Лазаревскаго*. И. П. Забѣла, знач. войсковой товарищъ, *его-же*. Смѣна народностей въ южной Руси, *И. Житецкаго*. Волынская революція первой четверти XIX ст. (обширный современный мемуаръ). Ириней Фальковскій, коадъюторъ кіевскій, *Г. Булашева*. Воспоминанія о Шевченкѣ, *А. Смоктія*. Картинки народной жизни, *его-же*. Записки барона Тодта о татарскомъ набѣгѣ 1769 г., съ пред. *С. Е.* Украинскія женщины (съ польскаго), разсказы д-ра *Антонія I.* Страшный Іосифъ (съ польскаго), *его-же*. Г. Ѳ. Квитка, историко-литературный очеркъ, *Н. Маркова*. Харьковскій Вертеръ, *А. Барымова*. Происхожденіе думы о Самойлѣ Кишкѣ, *В. П. Науменка*. Колонизація Кубанской области, *Ф. Щербины*. Бѣглые и крѣпостные въ Черноморіи, *его-же*. Ребъ-Лейбъ-Суресъ (еврейскія легенды), *А. Тарнавскаго*. Украинскій Соломонъ (по фамильнымъ воспоминаніямъ), *С. Д. Носа*. Предсмертная поземельная борьба Запорожья, *А. Шиманова*. Судъ надъ вѣдьмами въ Малороссіи, *П. С. Ефименка*. Шпитали въ Малороссіи, *его-же*. Братства и союзы нищихъ, *его-же*. Куплетныя формы южнорусской пѣсни, *Ц. Г. Неймана*. Семенъ Гаркуша, *К. Кошовика*. Новыя свадебныя малорусскія пѣсни, *Ѳ. Николайчика*. Къ исторіи южнорусскихъ свадебныхъ обычаевъ, проф. *Н. Ѳ. Сумцова*. Посѣщеніе Кіева в. кн. Павломъ

Петровичемъ (современное описаніе). Разновидности Марципанъ и Ганнусковой горѣлки (рецепты малорусскихъ печеній, соленій и настоекъ по рукописи XVIII ст.). Херсонесъ Таврическій (по поводу юбилея). *В. Ястребова.* По поводу 50-лѣтняго юбилея Почаевской Лавры, *А. Тарнавскаго.* Къ 300-лѣтнему юбилею Ив. Ѳедорова, перваго русскаго печатника, *В. Ястребова.* Изъ бумагъ И. П. Котляревскаго, *В. П. Горленка.* Изъ бумагъ холмскаго архива. Допросъ Григ. Герцыка объ участіи его въ измѣнѣ Мазепы, съ пред. *А. П. Барсукова.* Переписка гр. Румянцева о возстаніи 1768 г. О бугскихъ козакахъ, *А. Скальковскаго.* Запорожскіе выборы и порядки (по современ. описаніямъ), *А. Андріевскаго.* Покровская церковь въ Переяславлѣ, *А. Т.* Второбрачіе южнорусскихъ священниковъ, *С. Ц.* Кафельные памятники XVIII в. Національные типы въ украинской словесности. Малорусскія эпитафіи XVIII в., *А. Маркевича.* Клады въ кіевской губерніи по рукописи XVIII ст. Гетманъ Ив. Куцковичъ, *А. С—ка.* О Кіевской Десятинной церкви. Кіевская пертурбація 1786 г. Анатолій Мартыновскій, архіепископъ могилевскій, д-ра *Пирожкова.* Восемь писемъ Т. Г. Шевченка къ разнымъ лицамъ. Письма Н. В. Гоголя къ В. В. Тарновскому. Письма С. Т. Аксакова, Мерзлякова, Раича, кн. Одоевскаго, М. Г. Павлова, Чижова и др. къ М. А. Максимовичу, письма Г. Ѳ. Квитки, митрополита Евгенія Болховитинова и др.; помѣщены также письма князя Конст. Конст. Острожскаго и холмскаго епископа Якова Суши; до 150 рецензій и мелкихъ замѣтокъ по исторіи и этнографіи Малороссіи. Портреты: задунайскаго запорожца А. Коломыйца, жены Гонты, кн. Конст. Конст. Острожскаго, знаменитаго ревнителя православія и жены его, княгини Софіи.

Цѣна 8 р. 50 к., съ пересылкой 10 р.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

Изданіе 1884 года.

Три тома, 2486 страницъ.

Главнѣйшія статьи и матеріалы.

Неизданная повѣсть Т. Г. Шевченка «Княгиня». Записки гофмейстера *И. Д. Селецкаго* (1821—1846 гг.). Записки сенатора *А. Я. Стороженка.* Хроника кіевской общественной жизни 1804—1824 гг. по дневнику митрополита Серапіона, проф. *Ф. А. Терновскаго.* Семейная хроника и воспоминанія кн. *Б. И. Куракина* (рукопись XVII—XVIII в.), съ предисловіемъ проф. *Терновскаго.* Записки А. С. Пишчевича о Новороссійскомъ краѣ. Происхожденіе запорожскаго коза-

чества, *Л. П.* Топографическій очеркъ Запорожья, *Д. И. Эварницкаго.* Число и порядокъ запорожскихъ сѣчей, *его же.* Посмертныя бумаги архіепископа могилевскаго *Анатолія* Мартыновскаго. Зміевы валы въ предѣлахъ кіевской земли, проф. *В. Б. Антоновича.* Стороженки—фамильная лѣтопись. Иннокентій Гизель, проф. *Н. Θ. Сумцова.* Іоанникій Галятовскій, *его же.* Матеріалы для исторіи штунды, *И. Л—ва.* Историческія замѣтки о Кіевѣ, *его же.* Изъ прожитыхъ на Волыни дней, *Н. И. Костомарова.* Люди старой Малороссіи (Марковичи), *А. М. Лазаревскаго.* Кобзари и лирники, *В. Горленка.* Первыя козацкія движенія въ Рѣчи посполитой, *Θ. Н.* Самоуправленіе у кубанскихъ козаковъ, *Θ. Щербины.* Черты внутренняго строя западно-русской церкви XVI и XVII ст., *О. И. Левицкаго.* Путевые очерки Подолья, *К. М.* Церковь и византійство, проф. *О. И. Миллера.* Вопль Мазепы, *С. Исаевича.* Еврейскій документъ о посольствахъ св. Владиміра для испытанія вѣръ. Письма графа А. А. Аракчеева къ Г. И. Лисаневичу (о военныхъ поселеніяхъ на югѣ Россіи). Малорусскіе колонисты на Кавказѣ, *И. С.* Слободское украинское дворянство въ произведеніяхъ Г. Θ. Квитки. Судъ Божій надъ душой грѣшника (южнорусская драма конца XVII ст.), съ пред. *Ц. Неймана.* Къ исторіи бунта въ Малороссіи 1687 г., проф. *И. В. Лучицкаго.* О царскихъ скиѳахъ, *Θ. Г. Мищенка.* О работахъ козаковъ по прорытію ладожскаго канала. Нѣжинскій журналъ Гоголя, *С. Пономарева.* Малорусскій пѣсенникъ, *Ц. Неймана.* Загадочные портреты, *Д. Сапожникова.* Очаковская зима по современному описанію, *В. Ястребова.* Приглашеніе къ открытію университета св. Владиміра и правила поступленія въ оный, сообщ. графъ *Г. А. Милорадовичъ.* Кіевскій пещерникъ XVIII ст., сообщ. *А. Лашкевичъ.* Художникъ В. Л. Боровиковскій, три о немъ замѣтки: *И. Боровиковскаго, В. Горленка,* и *И. Н. Божерянова.* О. М. Новицкій (некрологъ). Митрополитъ Іосифъ Симашко, прот. *А. Мацкевича.* Судьба одного кіевскаго сооруженія (строющійся Владимірскій соборъ), *А. К.* Старинные способы возвратить языкъ нѣмому и разсѣять ложные слухи, *П. Ефименка.* Къ исторіи малорусскихъ нравовъ XVIII ст., *Н. Стороженка.* Домашнее воспитаніе начала XIX ст., *В. Ястребова.* Роковое чтеніе псалтыри (изъ быта кіевскихъ „спудеевъ“), *К. Цыбульскаго.* П. П. Чубинскій (некрологъ), проф. *А. Θ. Кистяковскаго.* Населеніе Кіева въ прошломъ ст., *Д Т.* Вымирающіе типы украинской деревни, *Л. Кисилевича.* 107 лѣтъ южно-русской этнографіи, *В. Г.* Вертепъ въ купянскомъ уѣздѣ, *А. Селиванова.* VI археологическій съѣздъ въ Одессѣ. Школьныя воспоминанія о Кіевѣ, *Н. Барановскаго.* Еврейскій плѣнъ въ Запорожьѣ, *А. Скальковскаго.* Волынская бывальщина, *И. О.* Древнія мозаики въ

кіево-софійскомъ соборѣ, *П. Л—ва.* Замѣтки о запорожской старинѣ, *А—ва.* Воспоминанія священника о жизни въ военномъ поселеніи, *П. Павловича.* Великій грѣшникъ (малор. сказка). Мѣры противъ вечерницъ и кулачныхъ боевъ въ Малороссіи, *А. Маркевича.* Домикъ Котляревскаго въ Полтавѣ, *В. Бучневича.* Лментація кіево-братскихъ монаховъ конца XVII ст. Распродажа въ Вишневецкомъ замкѣ коллекціи кн. Вишневецкихъ, *В. Горленка.* Къ исторіи газетно-журнальнаго дѣла въ Кіевѣ, *В. Науменка.* Нѣмецко-хохлацкая штунда, *Б. Познанскаго.* Народные разсказы о кладахъ, *О. К.* Изъ слѣдовательской дѣятельности А. П. Стороженка. Оскорбленіе гетманской чести, *А. Андріевскаго.* Эпизодъ изъ авторско-издательской дѣятельности Т. Г. Шевченка. Б. М. Маркевичъ въ роли сельскаго педагога, *Б. Д—ра.* До 50 рецензій, 30—35 мелкихъ въ каждомъ томѣ замѣтокъ по южно-русской исторіи и этнографіи. Въ приложеніи Дневникъ Николая Ханенка (1728—1753). Портреты виновниковъ уніи Ипатія Потѣя, кіев. уніатскаго митрополита, и Кирилла Терлецкаго, епископа луцкаго. Портретъ дочери в. кн. Ярослава Мудраго, королевы французской Анны.

Цѣна 8 р. 50 коп. съ пересылкой 10 р.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

Изданіе 1885 года.

Три тома, 2358 страницъ.

Главнѣйшія статьи и матеріалы.

Старосвѣтскіе батюшки и матушки, повѣсть *И. С. Левицкаго* (Нечуя). Иванъ Подкова, историч. разсказъ д-ра Антонія І. Воронежскіе хохлы,—замѣтки и наблюденія *Б. С. Познанскаго.* Воспоминанія о польскомъ возстаніи 1863 года на Украйнѣ, *его-же.* Воспоминанія о школѣ и грамотности въ кіевской губ., *его-же.* Воспоминанія о Т. Г. Шевченкѣ, Суханова-Подколзина. Автобіографія Т. Г. Шевченка, по рукописи П. А. Кулиша. На могилу Шевченка, *Ѳ. И. Каминскаго.* Къ біографіи Т. Г. Шевченка (его письма). Народная пѣсня о Т. Г. Шевченкѣ. Эпизодъ изъ жизни Т. Г. Шевченка. Памяти Н. И. Костомарова: а) очеркъ его жизни и дѣятельности, б) библіографическій указатель его произведеній, *Ѳ. Николайчика,* в) Н. И. Костомаровъ, какъ историкъ, проф. *В. Б. Антоновича* и г) Н. И. Костомаровъ, какъ этнографъ, *В. П. Науменка.* Нѣсколько встрѣчъ съ Н. И. Костомаровымъ, *М. А. Кулишъ.* Воспоминанія о Н. И. Костомаровѣ, *В. Л. Беренштама.* Случай изъ жизни Н. И. Костомарова, N. Даръ пятьде-

сятницы и наши первоучители (памяти Н. И. Костомарова), проф. *О. И. Миллера.* Некрологъ А. Ѳ. Кистяковскаго, проф. *И. В. Лучицкаго.* Очеркъ научной дѣятельности А. Ѳ. Кистяковскаго, *Д. Бѣлогрицъ-Котляревскаго.* Очеркъ исторіи юго-западной Руси, *К. М.* Адамъ Кисель, воевода кіевскій (историко-біографическій очеркъ), *И. П. Новицкаго.* Охочекомонный полковникъ И. Ѳ. Новицкій, монографія *Н. В. Стороженка.* Гетманство Брюховецкаго, *С. Е.* Іоаннъ Вышенскій (южнорусскій полемистъ XVII ст.), историко-литературное изслѣдованіе проф. *Н. Ѳ. Сумцова.* Южнорусскій дворянинъ XVIII в., *Н. Н. Бакая.* Баптизмъ или штунда въ кіевской губерніи, *П. Л—ва.* Малорусскія фамильныя прозванія, проф. *Н. Ѳ. Сумцова.* Автобіографія южнорусскаго священника XVIII ст., сообщ. *П. А. Лукашевичъ.* Художникъ К. И. Гловачевскій (біографич. очеркъ), *И. Н. Божерянова.* Копные суды въ лѣвобережной Украйнѣ, *А. Е.* Къ исторіи театра въ юго-западномъ краѣ. О началѣ кіевской академіи, проф. *С. Т. Голубева* и *П. Л—ва.* Старѣйшія русскія драматическія сцены, *П. Кузьмичевскаго.* Воеводскія вѣстовыя отписки, *Н. Н. Оглоблина.* Пѣснь на случай открытія университета св. Владиміра. Прилуцкій асаулъ Михайло Мовчанъ и его записная книга, проф. *В. Б. Антоновича.* Характеристика южнорусской литературы XVII в., проф. *Н. Ѳ. Сумцова.* Религіозно-миѳическое значеніе малорусской свадьбы, *его-же,* Къ исторіи колонизаціи Новороссіи. Кириллъ и Меѳодій, славянскіе просвѣтители (къ ихъ юбилею). Проектъ казеннаго сельскаго хозяйства въ присоединенныхъ отъ Польши къ Россіи областяхъ. Новелла Боккачіо въ южнорусскомъ стихотворномъ пересказѣ, *В. П. Науменка.* Воззваніе конфедератовъ къ русскому народу. Давыдова боженка (къ лѣтописной топографіи кіевскаго Полѣсья), *М. Андріевскаго.* Польско-русскія соотношенія XVII вѣка въ современной польской призмѣ (по поводу повѣсти Г. Сенкевича «Огнемъ и мечемъ»), проф. *В. Б. Антоновича,* На память тысячелѣтней годовщины славянскихъ просвѣтителей, проф. *Ѳ. Успенскаго.* Пророкъ «Многовѣръ» и судъ надъ нимъ, *О. И. Левицкаго.* Пекельный Марко, *сообщ. Зуйченк.* Романовское староство и судьба его жителей. Малороссія на передвижныхъ выставкахъ картинъ, проф. *Н. Ѳ. Сумцова.* Къ исторіи екатерининской коммисіи для составленія проекта новаго уложенія, проф. *Д. И. Багалѣя.* Малорусская похоронная причеть, *С. Браиловскаго.* Двѣ украинскія пѣсни и по поводу ихъ, *Б. С. Познанскаго.* Нѣсколько документовъ къ исторіи гайдамачины, *А. А. Скальковскаго.* По поводу возстановленія кіево-межигорскаго монастыря, *А. А. Андріевскаго,* Шуточные стихи начала прошлаго вѣка, *В. П. Науменка.* Стефанъ Яворскій въ

двойной роли хвалителя и обличителя Мазепы, *его-же*. Остатки братствъ и цеховъ въ Полтавщинѣ, *В. Василенка*. Кобзарь Крюковскій (некрологъ), *В П. Горленка*. Запись о кладѣ XVIII ст., проф. *В. Б. Антоновича*. На могилѣ А. П. Стороженка, *Н. В. Стороженка*. Археологическія раскопки въ екатеринославской и кіевской губерніяхъ, *Д. И. Эварницкаго*. Запорожская пещера надъ Днѣпромъ, *его-же*. Раскопки у трехсвятительской церкви въ г. Кіевѣ, проф. *В. Б. Антоновича*. Изъ исторіи развитія канцелярской переписки въ Малороссіи, *Н. В. Стороженка*. Чума 1813 г. въ херсонской губ., *Н. И.* Южнорусскіе священники, отыскивающіе права дворянства, *А. Залѣсскаго*. Старинная малорусская эпитафія, *А. М. Лазаревскаго*. Черти въ продажѣ, *Прибыльскаго*. Малорусская историческая шарада. Изъ народныхъ воспоминаній объ О. М. Гладкомъ и возвращеніи запорожцевъ, *В. Василенка*. О началѣ единовѣрія въ Кременчугѣ, *И. Матченка*. Кураковскій договоръ 1625 года, *И. Никифорова*. Изъ временъ польскаго возстанія 1863 года, *И. Ревы*. Малорусская политическая сатира на Польшу по поводу ея раздѣла. Наслѣдники запорожскихъ земель, проф. *Д. И. Багалѣя*. Кіевская актовая рѣчь 1841 г., сообщ. *Е. Попруженко*. Мазепа князь и его гербъ, кн. *А. В. Дабижи*. Изъ фамильныхъ преданій, *Н. В. Стороженка*. Къ характеристикѣ шляхетско-козачьяго быта XVIII в., *Ѳ. Н.* Кіевъ въ 1799 году, *В. Горленка*. Вулканъ въ Тавридѣ въ концѣ XVIII ст., *С. Н. Исаевича*. Гетманскій городъ, *В. Е. Бучневича*. Археологическія находки въ гомельскомъ уѣздѣ, *А. И. Лоначескаго*. Какъ разсудилъ панъ староста Каневскій (графъ Потоцкій), *Б. Познанскаго*. Пещера въ Лебединскомъ лѣсу и остатки старинной живописи въ Лебединскомъ монастырѣ, *М. Васильева*. Изъ народныхъ разсказовъ Новороссіи. Народныя преданія о запорожцахъ. *Я. Новицкаго*. Любопытныя рукописи одной частной библіотеки, *Д. Синицкаго*. Нѣмецкій тринкгельдъ на малорусской почвѣ, *С. Бѣлинскаго*. Два письма Богдана Хмельницкаго къ Сапѣгѣ. Воспоминанія о маневрахъ подъ Елисаветградомъ, *Ф. Перепелицы*. Народные разсказы о слободско-украинскихъ помѣщикахъ, *А. Катрухина*. Старинныя орудія наказанія и исправленія, *И. Новицкаго*. Вольныя литературныя упражненія въ судахъ XVII ст., *П. Шеболдаева*. Запрещеніе купальскихъ огней. *П. Ефименка*. Русская святыня на западѣ Европы. Волынская бывальщина, *И. Шафарука*. Слѣды запорожцевъ въ Сванетіи, *Г. Лебединца*. Императоръ Александръ I въ Кіевѣ, *Л. Мацѣевича*. Сербы въ Кіевѣ. О мѣстѣ погребенія и могилѣ Мазепы, проф. *В. Б. Антоновича*. О времени смерти кн. К. К. Острожскаго, *Д. Гродецкаго*. Малорусскія пѣсни по латыни, *Я. Новицкаго*. Польское привѣтствіе отъ лица Бѣлоруссіи Наполеону I, *С. Исаевича*. Дарствен-

ная запись кн. К. Острожскаго. Вероника Крепсъ, сообщ. *Ц. Г. Нейманъ.* Французъ-путешественникъ на Украинѣ, *В. П. Горленка.* Сверхъ того въ каждомъ томѣ по 16 рецензій на новыя книги и много мелкихъ замѣтокъ, пѣсенъ, думъ и проч.; въ приложеніи Дневникъ Николая Ханенка (1728—1753) и портреты: композитора Д. С. Бортнянскаго (гравюра акад. Боброва) и кіевскаго воеводы А. Киселя.

Цѣна 8 р. 50 коп., съ пересылкой 10 р. с.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

Изданіе 1886 года.

Три тома, 2678 страницъ.

Главнѣйшія статьи и матеріалы.

Неизданныя произведенія *Т. Г. Шевченка*: Слѣпая (поэма), Варнакъ, Наймичка и Близнецы (повѣсти). О. Хортица на р. Днѣпрѣ (поѣздка по запорожскимъ урочищамъ), *Д. И. Эварницкаго.* Вѣдьма, полѣсскій разсказъ, *Э. Оржешко* (переводъ съ польскаго). Дневникъ Θеодора Евлашевскаго, съ предислов. проф. *В. Б. Антоновича.* Люди Старой Малороссіи (Кулябки, Ломиковскіе, Афендики, Левенцы, Лѣсницкіе), *А. М. Лазаревскаго.* Очеркъ литературной дѣятельности А. Я. Стороженка, *Н. В. Стороженка.* Что слышалось и что видѣлось, воспоминанія *Б. С. Познанскаго.* Турецкіе анекдоты въ украинской народной словесности, *П. Кузьмичевскаго.* Колядки, щедривки, коломыйки, пьяницкія пѣсни, проф. *Н. Θ. Сумцова.* Досвѣтки и посидѣлки, *его-же.* Малорусская географическая номенклатура и мѣстныя названія въ украинской народной словесности, *его-же.* Записки ново-оскольскаго дворянина И. О. Острожскаго-Лохвицкаго (1771—1846). Кіево-печерская лавра въ ея прошедшемъ и нынѣшнемъ состояніи, *П. Л—ва.* Борьба съ католичествомъ и умственное пробужденіе въ южной Руси къ концу XVI в., проф. *Архангельскаго.* Къ исторіи перваго крымскаго похода, *А. Востокова.* Шагинъ-Гирей, послѣдній крымскій ханъ, монографія *Θ. Лашкова.* Мазепа и его «прекрасная Елена», *И. М. Каманина.* Кіевскія смуты прошлаго столѣтія, *А. А. Андріевскаго.* Кармелюкъ, перев. съ польскаго, разсказъ д-ра *Антонія І.* Двѣ поѣздки съ Н. И. Костомаровымъ, *В. Горленка.* Тревога надъ свѣжей могилой Шевченка, *И. Р.* Изъ эпохи крестьянской реформы, *П. Ефименка.* О вліяніи греческаго и римскаго ритуала на малорусскую свадьбу, проф. *Н. Θ. Сумцова.* Секретная переписка запорожскаго коша, *А. Скальковскаго.* Къ исторіи Запорожья, *Д. И. Эварницкаго.* О началѣ кіевской Академіи, *Н. Оглоблина.* Михаилъ Чайковскій (Садыкъ-паша) и козакофильство. Историческая геогра-

фія южнорусскихъ степей, *П. Я. Бурачкова.* Житіе Сковороды, соч. друга его М. И. Ковалѣнскаго, съ предисл. проф. *Н. Ѳ. Сумцова.* Письма Д. П. Трощинскаго къ кн. Лобанову-Ростовскому, сообщ. *Н. С—ко.* Колдовство въ югозападной Руси въ XVIII ст., *А. Сѣлецкаго.* Изъ исторіи слободской Украины, *Евг. Максимова.* Волынская бывальщина, *И. О—ва.* Альбомы и рисунки Шевченка въ собраніи В. В. Тарнавскаго, *В. Горленка.* Къ воспоминаніямъ г-жи Смирновой о Гоголѣ, *его-же.* Гоголь въ гадячской ратушѣ, *А. Луговаго.* Изъ записокъ А. С. Пишчевича. Бугскіе козаки и украинскіе уланы, *его-же,* сооб. *В. Я.* О «дикомъ попѣ», *Л. Мацѣевича.*, Судъ въ Сѣчи Запорожской, *А. Скальковскаго.* Изъ записной книжки южно-русскаго священника XVIII ст., сообщ. проф. *В. Б. Антоновичъ.* Поимка Гаркущи въ Ромнѣ, *Н. С.* Гайдамацкій бандуристъ, *В. Ястребова.* Скельскій монастырь, *А. Твердохлѣбова.* «Мазепа» Чайковскаго, *В. Горленка.* Къ родословной Мазепы. Глушковская суконная фабрика, *Н. Добротворскаго.* Пѣвческая школа къ Глуховѣ. Замѣчательный праздникъ въ г. Холмѣ, *О. П.* Къ исторіи малорусскихъ ремесленныхъ издѣлій, проф. *Н. Ѳ. Сумцова.* Колоколъ «Кизикермень», *В. Бучневича.* Родъ Слупицъ и помѣстье ихъ Куна, *С. В—го.* Къ исторіи черниговской типографіи, сообщ. *А. М. Лазаревскій.* Довбушевъ кладъ, *Ѳ. Федьковича.* О Кармелюкѣ (воспоминанія и замѣтки), *С. Венржеyовскаго и Ю. Олтаржевскаго.* Харьковскіе коцари, *А. Т.* Былъ-ли Геродотъ въ южной Россіи, *Ѳ. Г. Мищенка.* Семейная драма въ уманскомъ военномъ поселеніи, *В. Г.* Къ исторіи кіевскихъ золотыхъ воротъ. *Д. И. Сапожникова.* Археологическая экскурсія въ г. Владиміръ-Волынскій.—Въ приложеніи: Роспись рода Горленковъ, кн. *А. В. Дабижи.* Дневникъ Николая Ханенка (1728—1753 гг.). Три вида великой церкви кіево-печерской лавры XVII и XVIII ст. и портретъ охочекомоннаго полковника Иліи Ѳедоровича Новицкаго. Сверхъ того 48 рецензій на вновь выходящія книги и много мелкихъ замѣтокъ по южнорусской исторіи и этнографіи.

Цѣна 8 р. 50 к., съ пересылкой 10 р.

Желающіе пріобрѣсти журналъ за прежніе годы пользуются значительной уступкой, а именно: получающіе на мѣстѣ, безъ пересылки, уплачиваютъ: за **два** года 16 р. 30 коп., за **три** года 21 р. 70 коп., за **четыре** года 27 р. 20 коп., за **пять** лѣтъ 32 р., за всѣ **шесть** лѣтъ 40 р. 50 к., а выписывающіе съ **пересылкой** платятъ: за **два** года 18 р., за **три** года 25 р. 50 коп., за **четыре** года 32 р., за **пять** лѣтъ 37 р. 50 коп., за всѣ **шесть** лѣтъ 47 р. 50 коп.

Приложеніе къ «КІЕВСКОЙ СТАРИНѢ» 1886 года.

НЕИЗДАННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ Т. Г. ШЕВЧЕНКА.

V.

ХУДОЖНИКЪ.

(АВТОБІОГРАФИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ).

Великій Торвальдсенъ началъ свое блестящее артистическое поприще вырѣзываніемъ орнаментовъ и тритоновъ съ рыбьими хвостами для тупоносыхъ копенгагенскихъ кораблей. Герой мой тоже, хотя и не такъ блестящее, но тѣмъ не менѣе артистическое поприще началъ растираніемъ охры и муміи въ жерновахъ и крашеніемъ половъ, крышъ и заборовъ. Безотрадное, безнадежное начинаніе! Да и много ли васъ счастливцевъ геніевъ-художниковъ, которые не такъ начинали? Весьма и весьма немного! Въ Голландіи, напримѣръ, во время самаго блестящаго золотаго ея періода, Остаде, Бергемъ, Теньеръ и цѣлая толпа знаменитыхъ художниковъ, кромѣ Рубенса и Ванъ Дейка, въ лохмотьяхъ начинали и кончали свое великое поприще. Несправедливо было бы указывать на одну только меркантильную Голландію. Разверните Вазари и тамъ увидите тоже самое, если не хуже. Я говорю «хуже» потому, что тогда даже политика намѣстниковъ святого Петра требовала изящной декораціи для ослѣпленія толпы и затмѣнія еретическаго ученія Виклефа и Гуса, уже начинавшаго воспитывать неустрашимаго доминиканца Лютера. И тогда, говорю, когда Левъ X и Леонъ II спохватились и сыпали золото встрѣчному и поперечному маляру и каменьщику, и въ то золотое время умирали великіе художники съ голоду, какъ напримѣръ Корреджіо и Цампіери. И такъ случалось къ несчастію

весьма нерѣдко, всегда и вездѣ, куда только проникало божественное животворящее искусство; случается и въ нашъ девятнадцатый просвѣщенный вѣкъ, вѣкъ филантропіи и всего, клонящагося къ пользѣ человѣчества, при всѣхъ ~~его~~ средствахъ отстранить и укрыть жертвы,

Карающей богинѣ обреченныя.

За что же, вопросъ, этимъ олицетворенньмъ ангеламъ, этимъ представителямъ живой добродѣтели на землѣ выпадаетъ всегда такая печальная, такая горькая доля! Вѣроятно за то, что они ангелы во плоти.

Эти разсужденія ведутъ только къ тому, что отдаляютъ отъ читателя предметъ, который я намѣренъ ему представить, какъ на ладони.

Лѣтнія ночи въ Петербургѣ я почти всегда проводилъ на улицѣ или гдѣ нибудь на островахъ, но чаще всего на академической набережной. Особенно мнѣ нравилось это мѣсто, когда Нева спокойна и, какъ гигантское зеркало, отражаетъ въ себѣ со всѣми подробностями величественный портикъ Румянцевскаго музея, уголъ сената и красныя занавѣси въ домѣ графини Лаваль. Въ зимнія длинныя ночи этотъ домъ освѣщался внутри, и красныя занавѣси, какъ огонь, горѣли на темномъ фонѣ, и мнѣ всегда досадно было, что Нева покрыта льдомъ и снѣгомъ и декорація теряетъ свой настоящій эффектъ.

Любилъ я также лѣтомъ встрѣчать восходъ солнца на Троицкомъ мосту. Чудная, величественная картина! Въ истинно художественномъ произведеніи есть что-то обаятельное, прекраснѣе самой природы—это возвышенная душа художника, это божественное творчество. За то бываютъ и въ природѣ такія чудныя явленія, предъ которыми поэтъ-художникъ падаетъ ницъ и только благодаритъ Творца за сладкія, душу чарующія, мгновенія.

Я часто любовался пейзажами Щедрина, и въ особенности плѣняла меня его небольшая картина «Портичи передъ закатомъ солнца». Очаровательное произведеніе! Но оно никогда не очаровывало меня такъ, какъ видъ съ Троицкаго моста на Выборгскую сторону передъ появленіемъ солнца.

Однажды, насладившись вполнѣ этою нерукотворенною картиною, я прошелъ въ Лѣтній садъ отдохнуть. Я всегда, когда мнѣ

случалось бывать въ Лѣтнемъ саду, не останавливался ни въ одной аллеѣ, украшенной мраморными статуями: на меня эти статуи дѣлали самое дурное впечатлѣніе, особенно уродливый Сатурнъ, пожирающій такое же, какъ и самъ, уродливое свое дитя. Я проходилъ всегда мимо этихъ неуклюжихъ богинь и боговъ и садился отдохнуть на берегу озерка и любовался прекрасною гранитною вазою и величественною архитектурою Михайловскаго замка.

Приближаясь къ тому мѣсту, гдѣ большую аллею пересѣкаетъ поперечная аллея и гдѣ въ кругу боговъ и богинь Сатурнъ пожираетъ свое дитя, я чуть было не наткнулся на живого человѣка въ тиковомъ грязномъ халатѣ, сидящаго на ведрѣ, какъ разъ противъ Сатурна.

Я остановился. Мальчикъ (потому что это дѣйствительно былъ мальчикъ, лѣтъ четырнадцати или пятнадцати) оглянулся и началъ что-то прятать за пазуху. Я подошелъ къ нему ближе и спросилъ, что онъ здѣсь дѣлаетъ.

— Я ничего не дѣлаю, отвѣчалъ онъ застѣнчиво: иду на работу, да по дорогѣ въ садъ зашелъ,—и немного помолчавъ, прибавилъ; я рисовалъ.

— Покажи, говорю, что ты рисовалъ.

Онъ вынулъ изъ-за пазухи четверку сѣрой писчей бумаги и робко подалъ мнѣ. На четверкѣ былъ назначенъ довольно вѣрно контуръ Сатурна.

Долго я держалъ рисунокъ въ рукахъ и любовался запачканнымъ лицемъ автора. Въ неправильномъ и худощавомъ лицѣ его было что-то привлекательное, особенно въ глазахъ умныхъ и кроткихъ, какъ у дѣвочки.

— Ты часто ходишь сюда рисовать? спросилъ я его.

— Каждое воскресенье, отвѣчалъ онъ: а если близко гдѣ работаемъ, то и въ будни захожу.

— Ты учишься малярному мастерству?

— И живописному,—прибавилъ онъ.

— У кого же ты находишься въ ученьи?

— У комнатнаго живописца Ширяева.

Я хотѣлъ распросить его подробнѣе, но онъ взялъ въ одну руку ведро съ желтой краской, а въ другую желтую же обтертую большую кисть и хотѣлъ идти.

— Куда ты торопишься?

— На работу. Я и то ужъ опоздалъ, хозяинъ придетъ, такъ достанется мнѣ.

— Зайди ко мнѣ въ воскресенье по утру и, если есть у тебя какіе нибудь рисунки своей работы, то принеси мнѣ показать.

— Хорошо, я приду; только гдѣ вы живете?

Я записалъ ему адресъ на его же рисункѣ и мы разстались.

Въ воскресенье по утру рано я возвратился изъ всенощной свой прогулки и въ корридорѣ передъ №-мъ своей квартиры встрѣтилъ меня мой новый знакомый, уже не въ тиковомъ грязномъ халатѣ, а въ чемъ-то похожемъ на сюртукъ коричневаго цвѣта, съ большимъ сверткомъ бумаги въ рукахъ. Я поздоровался съ нимъ и протянулъ ему руку. Онъ бросился къ рукѣ и хотѣлъ поцѣловать. Я отдернулъ руку, меня сконфузило его раболѣпіе. Я молча вошелъ въ квартиру, а онъ остался въ корридорѣ. Я снялъ сюртукъ, надѣлъ блузу, закурилъ сигару, а его все еще нѣтъ въ комнатѣ. Я вышелъ въ корридоръ, смотрю, пріятеля моего, какъ не бывало; я сошелъ внизъ, спрашиваю дворника: не видалъ такого?—Видѣлъ, говоритъ, малаго съ бумагами въ рукѣ, выбѣжалъ на улицу. Я на улицу—и слѣдъ простылъ. Мнѣ стало грустно, какъ будто я потерялъ что-то дорогое мнѣ. Скучалъ я до слѣдующаго воскресенья и никакъ не могъ придумать, чтобы такое значилъ внезапный побѣгъ моего пріятеля.

Дождавшись воскресенья, я во второмъ часу ночи пошелъ на Троицкій мостъ и, полюбовавшись восходомъ солнца, пошелъ въ Лѣтній садъ, обошелъ всѣ аллеи—нѣтъ моего пріятеля, хотѣлъ было уже идти домой, да вспомнилъ Аполлона Бельведерскаго, т. е. пародію на Бельведерскаго бога, стоящаго особнякомъ у самой Мойки. Я туда, а пріятель мой какъ тутъ.

Увидя меня, онъ бросилъ рисовать и покраснѣлъ до ушей, какъ ребенокъ, пойманный за кражею варенья. Я взялъ его за дрожащую руку и, какъ преступника, повелъ въ павильонъ и мимоходомъ велѣлъ трактирному заспанному гарсону принести чаю.

Какъ умѣлъ, обласкалъ я моего пріятеля и, когда онъ пришелъ въ себя, я спросилъ его, зачѣмъ онъ убѣжалъ изъ корридора.

— Вы на меня разсердились, и я испугался, отвѣчалъ онъ.

— И не думалъ я на тебя сердиться, сказалъ я ему; но мнѣ непріятно было твое униженіе. Собака только руки лижетъ, а человѣкъ этого не долженъ дѣлать.

Это сильное выраженіе такъ подѣйствовало на моего пріятеля, что онъ опять было схватилъ мою руку. Я разсмѣялся, а онъ покраснѣлъ, какъ ракъ, и стоялъ молча, потупя голову.

Напившись чаю, мы разстались. На разставанье я сказалъ ему, чтобы онъ непремѣнно зашелъ ко мнѣ или сегодня или въ слѣдующее восресенье.

Я не имѣю счастливой способности сразу разгадывать человѣка; за то имѣю несчастную способность быстро сближаться съ человѣкомъ. Потому, говорю, несчастную, что рѣдко быстрое сближеніе мнѣ обходилось даромъ, въ особенности съ кривыми и косыми. Эти кривые и косые дали мнѣ знать себя! Сколько не случалось мнѣ съ ними сталкиваться, хоть бы одинъ изъ нихъ порядочный человѣкъ, начисто дрянь; или это ужъ мое такое счастье.

Всего третій разъ я вижу моего новаго знакомаго, но я уже съ нимъ сблизился, я уже къ нему привязанъ, уже полюбилъ его. И дѣйствительно, въ его физіономіи было что-то такое, чего нельзя не полюбить. Физіономія его, сначала некрасивая, съ часу на часъ дѣлалась для меня привлекательнѣе. Вѣдь естъ же на свѣтѣ такія счастливыя физіономіи!

Я пошелъ прямо домой, боясь заставить пріятеля своего ждать себя въ коррйдорѣ. Что же, вхожу на лѣстницу, а онъ уже тутъ, въ томъ же коричневомъ сюртучкѣ, умытый, причесаный, улыбающійся.

— Ты порядочный скороходъ, сказалъ я: вѣдь ты еще заходилъ къ себѣ на квартиру? какъ же ты успѣлъ такъ скоро?

— Да я торопился,—отвѣчалъ онъ,—чтобы быть дома, какъ хозяинъ отъ обѣдни придетъ.

— Развѣ у тебя хозяинъ строгій? спросилъ я.

— Строгій и....

— И злой, ты хочешь сказать.

— Нѣтъ, скупой, хотѣлъ я сказать. Онъ побьетъ меня, а самъ радъ будетъ, что я опоздалъ къ обѣду.

Мы вошли въ комнату. У меня стояла на мольбертѣ копія со «Старика Веласкеза», что въ Строгоновой галлереѣ, и онъ прильнулъ къ ней

глазами. Я взялъ у него изъ рукъ свертокъ, развернулъ и сталъ разсматривать. Тутъ было все, что безобразитъ Лѣтній садъ, отъ вертлявыхъ, сладко улыбающихся богинь до безобразнаго Гераклита и Праклита, а въ заключеніе нѣсколько рисунковъ съ барельефовъ, украшающихъ фасады нѣкоторыхъ домовъ, въ томъ числѣ и барельефы изъ купидоновъ, украшающихъ домъ архитектора Монферана, что на углу набережной Мойки и Фонарнаго переулка.

Одно что меня поразило въ этихъ болѣе чѣмъ слабыхъ контурахъ, это необыкновенное сходство съ оригиналами, особенно контуры Праклита и Гераклита. Они выразительнѣе были своихъ подлинниковъ, правда, и уродливѣе, но все-таки на рисунки нельзя было смотрѣть равнодушно.

Я въ душѣ радовался своей находкѣ. Мнѣ и въ голову тогда не пришло спросить себя, что я буду дѣлать при моихъ больше нежели ограниченныхъ средствахъ съ этимъ алмазомъ въ кожухѣ? Правда, у меня и тогда мелькнула эта мысль, да тутъ же я окунулся въ пословицу: «Богъ не безъ милости, козакъ не безъ доли».

— Отчего у тебя нѣтъ ни одного рисунка оттушеваннаго?—спросилъ я его, отдавая ему свертокъ.

— Я рисовалъ всѣ эти рисунки по утру рано до восхода солнца.

— Значитъ, ты не видалъ ихъ, какъ они освѣщаются?

— Я ходилъ и днемъ смотрѣть на нихъ, но тогда нельзя было рисовать: люди ходили.

— Что же ты намѣренъ теперь дѣлать: остаться у меня обѣдать или идти домой?

— Онъ съ минуту помолчалъ и, не поднимая глазъ, едва внятно сказалъ:

— Я остался бы у васъ, если вы позволите.

— А какъ же ты послѣ раздѣлаешься съ хозяиномъ?

— Я скажу, что спалъ на чердакѣ.

— Пойдемъ же обѣдать.

У мадамъ Юргенсъ посѣтителей еще никого не было, когда мы пришли, и я былъ очень радъ: мнѣ непріятно было бы встрѣтить какую нибудь чиновничью вытюженную физіономію, безсмысленно улыбающуюся, глядя на моего, далеко не щеголя, пріятеля.

Послѣ обѣда вздумалъ было я повести его въ академію и показать ему «Послѣдній день Помпеи», но не все вдругъ. Вмѣсто того я предложилъ ему или идти гулять на бульваръ, или читать книгу;

онъ выбралъ послѣднее; я же, чтобы проэкзаменовать его и въ этомъ предметѣ, заставилъ его читать въ слухъ. На первой страницѣ знаменитаго романа Диккенса «Никласъ Никлби» я заснулъ; но въ этомъ ни авторъ, ни чтецъ не повинны, мнѣ просто хотѣлось спать, потому что я ночью не спалъ.

Когда я проснулся и вышелъ въ другую комнату, мнѣ какъ то пріятно бросилась въ глаза моя отчаянная студія; ни окурковъ сигаръ, ни табачнаго пеплу нигдѣ не было замѣтно; вездѣ все было убрано и выметено, даже палитра, висѣвшая на гвоздѣ съ засохшими красками, и она была вычищена и блестѣла, какъ стеклышко; а виновникъ всей этой гармоніи сидѣлъ у окна и рисовалъ маску знаменитой натурщицы Торвальдсена Фортунаты.

Все это было для меня чрезвычайно пріятно. Эти услуги ясно говорили въ его пользу. Я однакожъ, не знаю почему, не далъ ему замѣтить моего удовольствія; но поправилъ ему контуръ, проложилъ тѣни, и мы отправились въ «Капернаумъ» чай пить. Капернаумъ— сирѣчь трактиръ «Берлинъ» на углу шестой линіи и академическаго переулка; такъ окрестилъ его, кажется, Пименовъ во времена своего удалаго студенчества. За чаемъ мой пріятель разсказалъ мнѣ про свое житье-бытье. Грустный, печальный разсказъ! Но онъ разсказалъ его такъ наивно-просто, безъ тѣни ропота и укоризны. До этой исповѣди я думалъ о средствахъ къ улучшенію его воспитанія, но выслушавши исповѣдь, и думать пересталъ: онъ былъ крѣпостной человѣкъ.

Меня такъ озадачило это грустное открытіе, что я потерялъ всякую надежду на его переобразованіе. Молчаніе длилось по крайней мѣрѣ полчаса. Онъ разбудилъ меня отъ этого столбняка своимъ плачемъ. Я взглянулъ на него и спросилъ, чего онъ плачетъ.

— Вамъ непріятно, что я....

Онъ не договорилъ и залился слезами.

Я разувѣрилъ его, какъ могъ, и мы возвратились ко мнѣ на квартиру.

Дорогой встрѣтился намъ старикъ Венеціановъ. Послѣ первыхъ привѣтствій онъ пристально посмотрѣлъ на моего товарища и спросилъ, добродушно улыбаясь:

— Не будущій ли это художникъ?

Я сказалъ ему и да и нѣтъ. Онъ спросилъ причину. Я объяснилъ ему шепотомъ. Старикъ задумался, пожалъ мнѣ крѣпко руку, и мы разстались.

Венеціановъ взглядомъ своимъ, пожатіемъ руки, какъ бы упрекнулъ меня въ безнадежности. Я ободрился и, вспомнивъ нѣкоторыхъ художниковъ, учениковъ и воспитанниковъ Венеціанова, увидѣлъ, правда, неясно, что-то въ родѣ надежды на горизонтѣ.

Protegè мой въ вечеру, прощаясь со мною, просилъ у меня какого нибудь эстампика срисовать. У меня случился одинъ экземпляръ, въ то время только что напечатанный, Геркулесъ Фарнейскій, выгравированный Служинскимъ по рисунку Завьярова и еще Аполлино Лосенка. Я завернулъ оригиналы въ листъ петергофской бумаги, снабдилъ его итальянскими карандашами, далъ наставленіе, какъ предохранять ихъ отъ жесткости, и мы вышли на улицу. Онъ пошелъ домой, а я къ старику Венеціанову.

Не мѣсто да и не кстати распространяться здѣсь объ этомъ человѣколюбцѣ-художникѣ. Пускай это сдѣлаетъ одинъ изъ многочисленныхъ учениковъ его, который подробнѣе меня знаетъ всѣ его великодушные подвиги на поприщѣ искусства.

Я разсказалъ старику все, что зналъ о моей находкѣ, и просилъ его совѣта, какъ мнѣ дѣйствовать на будущее время, чтобы привести дѣло къ желаемымъ результатамъ. Онъ, какъ человѣкъ практическій въ дѣлахъ такого рода, не обѣщалъ мнѣ и не совѣтовалъ ничего положительнаго; совѣтовалъ только познакомиться съ его хозяиномъ и по мѣрѣ возможности стушевывать его настоящее жесткое положеніе.

Я такъ и сдѣлалъ. Не дожидаясь воскресенья, я на другой день до восхода солнца пошелъ въ Лѣтній садъ. Но увы! не нашелъ тамъ моего пріятеля; на другой день тоже, на третій тоже, и я рѣшился ждать, что воскресенье скажетъ.

Въ воскресенье по утру явился мой пріятель и на спросъ мой, почему онъ не былъ въ Лѣтнемъ саду, сказалъ мнѣ, что у нихъ началась работа въ Большомъ театрѣ (въ то время Кавосъ передѣлывалъ внутренность Большаго театра) и что по этой причинѣ онъ не можетъ посѣщать Лѣтній садъ.

И это воскресенье мы провели съ нимъ, какъ прошедшее. Въ вечеру уже, разставаясь, я спросилъ имя его хозяина и въ какіе часы онъ бываетъ на работѣ.

На слѣдующій же день я зашелъ въ Большой театръ и познакомился съ его хозяиномъ. Расхвалилъ безмѣрно его трафареты и потолочные чертежи собственной его композиціи, чѣмъ и положилъ прочный фундаментъ нашему знакомству.

Хозяинъ моего пріятеля былъ цеховой мастеръ живописнаго и малярнаго цеха; держалъ онъ постоянно трехъ, а иногда и болѣе замарашекъ въ тиковыхъ халатахъ подъ именемъ учениковъ и, смотря по надобности, отъ одного до десяти нанималъ, поденно и помѣсячно, костромскихъ мужиковъ—маляровъ и стекольщиковъ, слѣдовательно онъ былъ въ своемъ цеху не послѣдній мастеръ и по искусству, и по капиталу. Кромѣ помянутыхъ матеріальныхъ качествъ, я у него увидѣлъ нѣсколько гравюръ на стѣнахъ Одрана и Вольпато, а на комодѣ нѣсколько томовъ книгъ, въ томъ числѣ и путешествіе Анахарсиса Младшаго. Это меня ободрило. Но увы! когда я ему издалека намекнулъ объ улучшеніи состоянія его тиковыхъ учениковъ, онъ удивился такой дикой мысли и началъ мнѣ доказывать, что это повело бы ни къ чему больше, какъ къ собственной ихъ гибели.

На первый разъ я ему не противорѣчилъ, да и напрасно было бы увѣрять его въ противномъ: люди матеріальные и неразвитые, прожившіе свою скудную юность въ грязи и испытаніяхъ и кое какъ выползшіе на свѣтъ Божій, не вѣруютъ ни въ какую теорію; для нихъ не существуетъ другихъ путей къ благосостоянію, кромѣ тѣхъ, которые они сами прошли, а часто къ этимъ грубымъ убѣжденіямъ примѣшивается еще грубѣйшее чувство: меня, дескать, не гладили по головкѣ, за что я буду гладить.

Мастеръ живописнаго цеха, кажется, не чуждъ былъ этого античеловѣческаго чувства. Мнѣ однако со временемъ удалось уговорить его, чтобы онъ не препятствовалъ моему protegè посѣщать меня по праздникамъ и въ будни, когда работы не бываетъ, напримѣръ зимою. Онъ хотя и согласился, но все таки смотрѣлъ на это, какъ на баловство, совершенно ни къ чему не ведущее, кромѣ погибели. Онъ чуть-чуть не угадалъ.

Минуло лѣто и осень, настала зима. Работы въ Большомъ театрѣ были окончены. Театръ открытъ и очаровательница Тальони начала свои волшебныя операціи. Молодежь изъ себя выходила, а старичье просто бѣсновалось. Одни только суровыя матроны и отчаянныя львицы упорно дулись и во время самыхъ неистовыхъ аплодисментовъ съ презрѣніемъ

произносили »mauvais genre», а неприступныя пуританки хоромъ воскликнули: «развратъ! развратъ! публичный развратъ»! И всѣ эти ханжи и лицемѣрки не пропускали ни одного спектакля Тальони, а когда знаменитая артистка согласилась быть Princesse Trabukon, онѣ первыя оплакивали великую потерю и осуждали женщину за то, чего сами не могли сдѣлать при всѣхъ косметическихъ средствахъ.

Карлъ Великій (такъ называлъ покойный Василій Андреевичъ Жуковскій покойнаго же Карла Павловича Брюлова) безгранично любилъ всѣ прекрасныя искусства, въ чемъ бы они не проявлялись, но къ современному балету онъ былъ почти равнодушенъ и если говорилъ онъ иногда о балетѣ, то не иначе, какъ о сахарной игрушкѣ. Въ заключеніе своего тріумфа Тальони протанцовала качучу въ балетѣ «Хитана». Въ тотъ же вечеръ разлетѣлась качуча по всей нашей Пальмирѣ, а на другой день она уже владычествовала и въ палатахъ аристократіи, и въ скромномъ уголкѣ коломенскаго чиновника. Вездѣ качуча—и дома, и на улицѣ, и за рабочимъ столомъ, и въ трактирѣ, и... за обѣдомъ и за ужиномъ, словомъ: всегда и вездѣ качуча. Не говорю уже про вечера и вечеринки, гдѣ качуча сдѣлалась необходимымъ дѣломъ. Это все ничего: красотѣ и юности все это къ лицу; а то почтенныя матери и даже отцы семействъ и тѣ туда же. Это просто была болѣзнь св. Вита въ видѣ качучи. Отцы и матери вскорѣ опомнились, и нарядили въ Хитанъ своихъ едва начинающихъ ходить малютокъ. Бѣдныя малютки, сколько вы слезъ пролили изъ-за этой проклятой качучи! Но за то эффектъ былъ полный, эффектъ, дошедшій до спекуляціи. Напримѣръ, если у амфитріона не имѣлось собственнаго карапузика, то вечеринка украшалась карапузикомъ Хитаномъ, взятымъ на прокатъ. Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!

Въ самый разгаръ качучеманіи посѣтилъ меня Карлъ Великій (онъ любилъ посѣщать своихъ учениковъ), сѣлъ на кушеткѣ и задремалъ. Я молча любовался его умной и кудрявой головой. Черезъ минуту онъ быстро поднялъ глаза, засмѣялся и спросилъ меня:

— Знаете что?

— Не знаю, отвѣтилъ я.

— Сегодня Губеръ (переводчикъ Фауста) обѣщалъ мнѣ дать билетъ на Хитану, пойдемте.

— Въ такомъ случаѣ пошлите своего Лукьяна къ Губеру, чтобы онъ досталъ два билета.

— Не сбѣгаетъ ли этотъ малый, сказалъ онъ, показывая на моего протеже.

— И очень сбѣгаетъ, пишите записку.

На лоскуткѣ сѣрой бумаги онъ написалъ итальянскимъ карандашемъ: «Достань два билета. К. Брюловъ». Къ этому лаконическому посланію я прибавилъ адресъ, и Меркурій мой полетѣлъ.

— Что это у васъ модель или слуга? спросилъ онъ, показывая на затворяющуюся дверь.

— Ни то, ни другое, отвѣчалъ я.

— Физіономія его мнѣ нравится—не крѣпостная.

— Далеко не крѣпостная, а между тѣмъ.... Я не договорилъ и остановился.

— А между тѣмъ онъ крѣпостной? подхватилъ Брюловъ.

— Къ несчастью такъ, прибавилъ я.

— Барбаризмъ, прошепталъ Брюловъ и задумался. Послѣ минуты раздумья онъ бросилъ на полъ сигару, взялъ шляпу и вышелъ, но сейчасъ же воротился и сказалъ:

— Я дождусь его: мнѣ хочется еще взглянуть на его физіономію,— и закуривъ сигару, сказалъ: покажите мнѣ его работу!

— Кто вамъ подсказалъ, что у меня есть его работа?

— Должна быть, сказалъ онъ рѣшительно.

Я показалъ ему маску Лаокоона, рисунокъ оконченный, и слѣпокъ Микель Анджело, только проложенный. Онъ долго смотрѣлъ на рисунки, т. е. держалъ рисунки въ рукахъ, а смотрѣлъ, Богъ его знаетъ, на что онъ смотрѣлъ тогда.

— Кто его господинъ? спросилъ онъ, поднявъ голову.

Я сказалъ ему фамилію помѣщика.

— О вашемъ ученикѣ нужно хорошенько подумать. Лукьянъ обѣщался угостить меня ростбифомъ, приходите обѣдать.

Сказавъ это, онъ подошелъ къ двери и опять остановился:

— Приведите его когда нибудь ко мнѣ. До свиданья!

И онъ вышелъ.

Черезъ четверть часа возвратился мой Меркурій и объявилъ мнѣ, что они, т. е. Губеръ, хотѣли сами зайти къ Карлу Павловичу.

— А знаешь ли ты, кто такой Карлъ Павловичъ? спросилъ я его.

— Знаю, отвѣчалъ онъ; только я его никогда въ глаза не видалъ.

— А сегодня?

— Да развѣ это онъ былъ?

— Онъ.

— Зачѣмъ же вы мнѣ не сказали, я хоть бы взглянулъ на него, а то я думалъ такъ просто какой нибудь господинъ. Не зайдетъ ли онъ къ вамъ еще когда нибудь? спросилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Не знаю, сказалъ я и началъ одѣваться.

— Боже мой, Боже мой! Какъ бы мнѣ на него хоть издали посмотрѣть!—Знаете, продолжалъ онъ: я, когда иду по улицѣ, все объ немъ думаю и, смотря на проходящихъ, ищу глазами его между ними. Портретъ его, говорятъ, очень похожъ, что на «Послѣднемъ днѣ Помпеи».

— Похожъ, а ты все-таки не узналъ его, когда онъ былъ здѣсь. Ну, не горюй, если онъ до воскресенья не зайдетъ ко мнѣ, то мы въ воскресенье съ тобой сдѣлаемъ ему визитъ. А пока вотъ тебѣ билетъ къ m-me Юргенсъ: я сегодня дома не обѣдаю.

Сдѣлавши такое распоряженіе, я вышелъ.

Въ мастерской Брюлова я засталъ В. А. Жуковскаго и М. Ю. графа Віельгорскаго. Они любовались еще неоконченной картиной «Распятіе Христа», писанной для лютеранской церкви Петра и Павла. Голова плачущей Маріи Магдалины уже была окончена, и В. А. Жуковскій, глядя на эту дивную плачущую красавицу, самъ заплакалъ и, обнимая Карла Великаго, цѣловалъ его, какъ бы созданную имъ красавицу.

Не рѣдко случалось мнѣ бывать въ Эрмитажѣ вмѣстѣ съ Брюловымъ. Это были блестящія лекціи теоріи живописи; и каждый разъ лекціи заключались Теньеромъ и въ особенности его «Казармой». Передъ этой картиной надолго, бывало, онъ останавливался и, послѣ восторженнаго, сердечнаго панегирика знаменитому фламандцу, говаривалъ: «для этой одной картины можно пріѣхать изъ Америки». Тоже самое можно теперь сказать про его «Распятіе» и въ особенности про голову рыдающей Маріи Магдалины.

Послѣ объятій и поцѣлуевъ Жуковскій вышелъ въ другую комнату. Брюловъ, увидѣвши меня, улыбнулся и пошелъ за Жуковскимъ. Черезъ полчаса они возвратились въ мастерскую, и Брюловъ, подойдя ко мнѣ, сказалъ, улыбаясь: «фундаментъ есть». Въ это самое время дверь отворилась и вошелъ Губеръ уже не въ путей-

скомъ мундирѣ, а въ черномъ щегольскомъ фракѣ. Едва успѣлъ онъ раскланяться, какъ подошелъ къ нему Жуковскій и, дружески пожимая ему руку, просилъ его прочитать послѣднюю сцену изъ Фауста, и Губеръ прочиталъ. Впечатлѣніе было полное, и поэтъ былъ награжденъ искреннимъ поцѣлуемъ поэта. Вскорѣ Жуковскій и графъ Віельгорскій вышли изъ мастерской, Губеръ на просторѣ прочиталъ намъ новорожденную Терпсихору, послѣ чего Брюловъ сказалъ:

— Я рѣшительно не ѣду смотрѣть Хитану.

— Почему? спросилъ Губеръ.

— Чтобы сохранить вѣру въ твою Терпсихору.

— Какъ такъ?

— Лучше вѣровать въ прекрасный вымыселъ, нежели...

— Да ты хочешь сказать, прервалъ его поэтъ, что мое стихотвореніе выше божественной Тальони. Мизинца, ногтя на ея мизинцѣ она не стоитъ, Богомъ тебѣ божусь! Да, я чуть было не забылъ, мы сегодня у Александра ѣдимъ макароны и стофато съ лакрима-кристи. Тамъ будетъ Несторъ, Миша ëtc., etc..., и въ заключеніе Пьяненко. Ѣдемъ!

Брюловъ взялъ шляпу.

— Ахъ, я чуть было не забылъ... продолжалъ Губеръ, вынимая изъ кармана билеты; вотъ тебѣ два билета, а послѣ спектакля къ Нестору на биржу (такъ въ шутку назывались литературные вечера Кукольника).

— Помню, отвѣчалъ Брюловъ, и надѣвая шляпу, подалъ мнѣ билетъ.

— И вы съ нами? сказалъ Губеръ, обращаясь ко мнѣ.

— И я съ вами, отвѣчалъ я.

— Ѣдемъ, сказалъ Губеръ, и мы вышли въ корридоръ. Лукьянъ, затворяя дверь, проворчалъ:

— Вотъ тебѣ и ростбифъ!

Послѣ макаронъ, стофато и лакрима-кристи компанія отправилась на биржу, а мы, т. е. я, Губеръ и Карлъ Великій пошли въ театръ. Въ ожиданіи увертюры, я любовался произведеніями моего протеже. Для всѣхъ орнаментовъ и арабесковъ, украшающихъ плафонъ Большаго театра, рисунки были сдѣланы имъ по указаніямъ архитектора Кавоса. Это сообщилъ мнѣ не самъ онъ и не честолюбивый его хозяинъ, а машинистъ Карташевъ, который присутствовалъ постоянно при работахъ и по утрамъ рано угощалъ чаемъ моего протеже. Я хотѣлъ было сказать Брюлову про ара-

бески своего ученика, но увертюра грянула, всѣ, въ томъ числѣ и я, устремили глаза на занавѣсь. Увертюра кончилась; занавѣсь вздрогнула и поднялась; начался балетъ. До качучи все шло благополучно: публика держала себя, какъ и всякая благовоспитанная публика. Съ первымъ ударомъ кастаньетъ все вздрогнуло и затрепетало. Аплодисменты тихо, какъ раскаты грома вдали, пронеслись по залѣ, потомъ громче и громче, когда же качуча кончилась, раздался громъ рукоплесканій. Благовоспитанная публика, въ томъ числѣ и я, грѣшный, взбѣленилась: реветъ, кто во что гораздъ, кто браво, кто da capo, а кто только стонетъ, да руками и ногами работаетъ. Послѣ перваго припадка взглянулъ я на Карла Великаго, а у него бѣднаго потъ катитъ градомъ, работаетъ руками и ногами и что есть духу кричитъ: da capo!—Губеръ тоже. Я немного перевелъ духъ, да и себѣ ну валять за учителемъ.

Мало по малу ураганъ началъ стихать и въ десятый разъ вызванная чаровница выпорхнула на сцену и послѣ нѣсколькихъ, самыхъ граціозныхъ присѣданій исчезла.

Тогда Карлъ Великій всталъ, вытеръ потъ съ чела и, обращаясь къ Губеру, сказалъ:

— Пойдемъ на сцену, познакомь меня съ ней.

— Пойдемъ, сказалъ Губеръ восторженно, и мы пошли за кулисы. За кулисами уже роилась толпа поклонниковъ, состоящая большею частью изъ почтенныхъ лысинъ, очковъ и биноклей. Мы и себѣ пристроились къ толпѣ. Не безъ труда просунулись мы въ центръ этой массы. И Боже мой, что мы тамъ увидѣли! Порхающая, легкая, какъ зефиръ, очаровательница лежала въ вольтеровскихъ креслахъ съ разинутымъ ртомъ и раздутыми, какъ у арабской лошади, ноздрями, а по лицу, какъ весной, текутъ мутные ручьи, смѣшанные съ потомъ,—бѣлила и румяна.

— Отвратительно! сказалъ Карлъ Великій и обратился вспять; я за нимъ, а бѣдный Губеръ, воистину бѣдный,—онъ только что кончилъ приличный случаю комплиментъ и, произнося фамилію Брюлова, оглянулся вокругъ себя, а Брюловъ исчезъ. Не знаю, какъ онъ выпутался изъ бѣды.

Оставался еще одинъ актъ балета, но мы оставили театръ, чтобы не портить дессерта капустой, какъ выразился Брюловъ. Не

знаю, посѣщалъ ли онъ балетъ послѣ Хитаны; знаю только, что онъ никогда не говорилъ о балетѣ.

Обращаюсь къ моему герою. Послѣ словъ, сказанныхъ мнѣ Брюловымъ: «фундаментъ положенъ», въ воображеніи моемъ надежды начали принимать болѣе опредѣленныя формы. Я началъ думать, чѣмъ бы лучшимъ занять своего ученика; домашнія средства мои ничтожны. Я думалъ объ античной галлереѣ; Андрей Григорьевичъ, смотритель галлереи, пожалуй и согласился бы, да въ галлереѣ статуи такъ освѣщены, что рисовать невозможно. Послѣ долгихъ размышленій я съ двугривеннымъ обратился къ живому Антиною, натурщику Тарасу, чтобы онъ въ неклассные часы пускалъ моего ученика въ гипсовый классъ. Такъ и сдѣлано. Впродолженіи недѣли онъ и обѣдалъ въ классѣ, нарисовалъ голову Люція Верра, распутнаго наперстника Марка Аврелія и голову Генія—произведенія Кановы. Потомъ перевелъ я его въ фигурный классъ и велѣлъ ему на первый разъ нарисовать *Антиноя* съ четырехъ сторонъ. Въ свободное время я приходилъ въ классъ и поощрялъ неутомимаго труженика фунтомъ ситника и кускомъ колбасы, а постоянно онъ обѣдалъ кускомъ чернаго хлѣба съ водою. если Тарасъ воды принесетъ. Бывало, и я полюбуюсь Бельведерскимъ торсомъ да не утерплю и сяду рисовать. Дивное, образцовое произведеніе древней скульптуры! Не даромъ слѣпой Микель Анджело ощупью восхищался этимъ кускомъ отдыхающаго Геркулеса. И странно! Нѣкій господинъ Герсевановъ въ своихъ путевыхъ впечатлѣніяхъ такъ художнически вѣрно оцѣниваетъ педагогическое произведеніе Микель Анджело, «Страшный судъ», фрески божественнаго Рафаэля и многія другія знаменитыя произведенія скульптуры и живописи, а въ Аполлонѣ Бельведерскомъ видитъ только кусокъ мрамора, ничего больше. Странно! Послѣ Антиноя мой пріятель сдѣлалъ рисунокъ Германика и танцующаго Фавна, и въ одно прекрасное утро я его представилъ Карлу Великому. Восторгъ моего ученика былъ неописанный, когда Брюловъ ласково и снисходительно похвалилъ его рисунки.

Я въ жизнь мою не видалъ веселѣе и счастливѣе человѣка, какъ онъ былъ въ продолженіи нѣсколькихъ дней.

— Неужели Брюловъ всегда такой добрый, такой ласковый? спрашивалъ онъ меня нѣсколько разъ.

— Всегда, отвѣчалъ я.

— И эта красная комната любимая его комната?

— Любимая, отвѣчалъ я.

— Все красное! комната красная, диванъ красный, занавѣси у окна красныя, халатъ красный и рисунокъ красный! Все красное. Увижу ли я его еще когда нибудь такъ близко?

И послѣ этого вопроса пріятель мой начиналъ плакать. Я, разумѣется, не утѣшалъ его; да и какое участіе, какая утѣха можетъ быть выше этихъ счастливыхъ, этихъ райскихъ, божественныхъ слезъ?—Все красное! повторялъ онъ сквозь слезы.

Красная комната, увѣшанная большею частью восточнымъ дорогимъ оружіемъ, сквозь прозрачныя красныя занавѣси освѣщенная солнцемъ, меня, привыкшаго къ этой декораціи, на минуту поразила, а ему она осталась памятной до гроба. Послѣ долгихъ и страшныхъ испытаній, забылъ онъ все: и искусство, и духовную жизнь свою, и любовь, отравившую его, и меня, искренняго друга своего, все и все забылъ. Красная декорація и Карлъ Павловичъ было послѣднимъ его словомъ.

На другой день послѣ этого визита встрѣтился я съ Карломъ Павловичемъ, и онъ спросилъ меня адресъ, имя и фамилію господина моего *protegè*. Я сообщилъ ему. Онъ взялъ извощика и уѣхалъ, сказавши мнѣ: вечеромъ зайдите.

Въ вечеру я зашелъ.

— Это самая крупная свинья въ торжовскихъ туфляхъ!—такими словами встрѣтилъ меня Карлъ Павловичъ.

— Въ чемъ дѣло? спросилъ я его, догадавшись, о комъ идетъ рѣчь.

— Дѣло въ томъ, что вы завтра сходите къ этой амфибіи, чтобы онъ назначилъ цѣну вашему ученику.

Карлъ Великій былъ не въ духѣ. Долго ходилъ онъ молча по комнатѣ, наконецъ плюнулъ и проговорилъ: вандализмъ!

— Пойдемте на верхъ, прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ, и мы молча пошли въ верхнія комнаты, гдѣ помѣщались его спальня, библіотека и вмѣстѣ столовая.

Онъ велѣлъ подать лампу, попросилъ меня читать что нибудь вслухъ, а самъ сѣлъ кончать рисунокъ сепіей «Спящая одалиска» для альбома, кажется, Владиславлева.

Мирныя занятія наши однакожъ продолжались не долго. Его, какъ видно, все еще преслѣдовала свинья въ торжовскихъ туфляхъ.

— Пойдемте на улицу, сказалъ онъ, закрывая рисунокъ.

Мы вышли на улицу и долго ходили на набережной, потомъ вышли на Большой Проспектъ.

— Что онъ у васъ теперь дома? спросилъ онъ меня.

— Нѣтъ, отвѣчалъ я; онъ у меня не ночуетъ.

— Ну, такъ пойдемте ужинать, и мы зашли къ Дели.

Я видѣлъ не мало на своемъ вѣку разнаго разбора русскихъ помѣщиковъ, и богатыхъ, и средней руки, и хуторянъ. Видѣлъ даже такихъ, которые постоянно живутъ во Франціи и въ Англіи и съ восторгомъ говорятъ о благосостояніи тамошнихъ фермеровъ и мужиковъ, а у себя дома послѣднюю овцу у мужика грабятъ. Видѣлъ я много оригиналовъ въ этомъ родѣ, но такого оригинала, русскаго человѣка, который бы грубо принялъ у себя въ домѣ К. Брюлова, не видалъ.

Любопытство мое въ сильной степени было возбуждено, я долго не могъ заснуть: все думалъ и спрашивалъ самъ себя, что это такое за свинья въ торжовскихъ туфляхъ. Любопытство мое однако-жъ охладѣло, когда я на другой день по утру сталъ надѣвать фракъ; благоразуміе взяло верхъ. Благоразуміе говорило мнѣ, что эта свинья не такая интересная рѣдкость, чтобы изъ-за нея жертвовать собственнымъ самолюбіемъ, хотя дѣло требовало и большой жертвы. Но вотъ вопросъ: а если и я, по примѣру моего великаго учителя, не выдержу пытки? тогда что?

Подумавши немного, я снялъ фракъ, надѣлъ свое повседневное пальто и отправился къ старику Венеціанову. Онъ практикъ въ подобныхъ дѣлахъ: ему вѣрно не разъ и не два приходилось имѣть стычки съ этими оригиналами, стычки, изъ которыхъ онъ выходилъ съ честью.

Венеціанова я засталъ уже за работой. Онъ дѣлалъ тушью рисунокъ собственой же картины «Мать учитъ дитя молиться Богу». Рисунокъ этотъ предназначался для альманаха Владиславлева «Утренняя Заря».

Я объяснилъ ему причину несвоевременнаго визита и сообщилъ адресъ амфибіи. Старикъ оставилъ работу, одѣлся, и мы вышли на улицу. Онъ взялъ извощика и уѣхалъ, а я возвратился на квартиру, гдѣ и засталъ уже моего веселаго, счастливаго ученика. Веселость его и счастливость какъ будто омрачались чѣмъ-то;

онъ былъ похожъ на человѣка, который желаетъ подѣлиться съ пріятелемъ великой тайной, но и боится, чтобы эта тайна не сдѣлалась не тайной. Прежде чѣмъ я снялъ пальто и надѣлъ блузу, я замѣтилъ, что съ моимъ пріятелемъ что-то такъ да не такъ.

— Ну, что у тебя новенькаго? спросилъ я его: что ты дѣлалъ вчера въ вечеру? какъ поживаетъ твой хозяинъ?

— Хозяинъ ничего, отвѣчалъ онъ, запинаясь: я же читалъ Андрея Савояра, пока не легли спать, а потомъ зажегъ стеариновую свѣчу, что вы мнѣ дали, и рисовалъ.

— Что же ты рисовалъ? спросилъ я его:—съ эстампа? или такъ что нибудь?

— Такъ, сказалъ онъ, краснѣя.—Я недавно читалъ сочиненія Озерова, и мнѣ понравился «Эдипъ въ Аѳинахъ», такъ я пробовалъ компоновать.

— Это хорошо. Ты принесъ съ собою свою композицію? Покажи мнѣ ее.

Онъ вынулъ изъ кармана небольшой свертокъ бумаги и дрожащими руками развертывая его и подавая мнѣ, проговорилъ:

— Не успѣлъ перомъ обрисовать.

Это было первое его сочиненіе, которое съ такимъ трудомъ рѣшился онъ показать мнѣ. Мнѣ понравилась его скромность или, лучше сказать, робость: это вѣрный признакъ таланта. Мнѣ понравилось такъже и самое сочиненіе его по своей несложности: Эдипъ, Антигона и вдали Полиникъ, только три фигуры. Въ первыхъ опытахъ рѣдко встрѣчается подобный лаконизмъ; первоначальные опыты всегда многосложны, Молодое воображеніе не сжимается, не сосредоточивается въ одно многоговорящее слово, въ одну ноту, въ одну черту, ему нуженъ просторъ; оно паритъ и въ пареніи своей часто запутывается, падаетъ и разбивается о несокрушимый лаконизмъ.

Я похвалилъ его за выборъ сцены и посовѣтовалъ читать, кромѣ поэзіи, исторію больше всего и прилежнѣе срисовывать хорошіе эстампы, какъ напримѣръ Рафаэля, Вольпато или Пуссена Одрана.—И тѣ и другіе, говорю, есть у твоего хозяина, вотъ и рисуй въ свободное время, а книги я тебѣ буду доставать.—И тутъ же снабдилъ его нѣсколькими томами «Исторіи древней Греціи».

— У хозяина, проговорилъ онъ, принимая книги, кромѣ тѣхъ, что висятъ на стѣнахъ, полный портфель эстамповъ, но онъ

мнѣ не позволяетъ рисовать съ нихъ: боится, чтобы я не испортилъ. Да.... продолжалъ онъ улыбаясь, я сказалъ ему, что вы водили меня къ Карлу Павловичу и показывали мои рисунки и что... (тутъ онъ запнулся) и что они... да впрочемъ я самъ тому не вѣрю.

— Что-же? подхватилъ я; онъ не вѣритъ, что Брюловъ похвалилъ твои рисунки?

— Онъ не вѣритъ, чтобы я и видѣлъ Карла Павловича и назвалъ меня дуракомъ, когда я его увѣрялъ.

Онъ хотѣлъ еще что-то говорить, какъ въ комнату вошелъ Венеціановъ и, снимая шляпу, сказалъ, усмѣхаясь:

— Ничего не бывало! Помѣщикъ, какъ помѣщикъ! Правда, онъ меня съ часъ продержалъ въ передней; ну, да у нихъ ужъ обычай такой. Что дѣлать, обычай—тотъ же законъ. Принялъ онъ меня у себя въ кабинетѣ. Вотъ кабинетъ мнѣ не понравился. Правда, все это роскошно, дорого, великолѣпно, но все это по японски великолѣпно. Сначала я повелъ рѣчь о просвѣщеніи вообще и филантропіи въ особенности. Онъ молча долго меня слушалъ со вниманіемъ и наконецъ прервалъ: «да вы скажите прямо, просто, чего вы хотите отъ меня съ вашимъ Брюловымъ? Одолжилъ онъ меня вчера, этотъ настоящій американскій дикарь»! И онъ громко захохоталъ. Я было сконфузился, но вскорѣ оправился и хладнокровно, просто объяснилъ ему дѣло.

— Вотъ такъ бы давно сказали, а то филантропія, какая тутъ филантропія! Деньги и больше ничего! прибавилъ онъ самодовольно.—Такъ вы хотите знать рѣшительную цѣну? Такъ ли я васъ понялъ?

— Я отвѣтилъ: дѣйствительно такъ.

— Такъ вотъ же вамъ моя рѣшительная цѣна: 2,500 рублей, согласны?

— Согласенъ, отвѣчалъ я.

— Онъ человѣкъ ремесленный,—продолжалъ онъ, при домѣ необходимый.... и еще что-то хотѣлъ говорить, но я поклонился и вышелъ. И вотъ я передъ вами, прибавилъ старикъ, улыбаясь.

— Сердечно благодарю васъ.

— Васъ сердечно блягодарю, сказалъ онъ, крѣпко пожимая мнѣ руку.—Вы мнѣ доставили случай хоть что нибудь сдѣлать въ

пользу нашего прекраснаго искусства и видѣть наконецъ чудака, который называетъ нашего великаго Карла американскимъ дикаремъ.

Старикъ добродушно засмѣялся.

— Я, послѣ смѣха сказалъ онъ, положилъ свою лепту, теперь за вами дѣло, а въ случаѣ неудачи я опять обращусь къ аглицкому клубу. До свиданья пока!

— Пойдемте вмѣстѣ къ Карлу Павловичу, сказалъ я.

— Не пойду, да и вамъ не совѣтую. Помните пословицу: не во время гость хуже татарина, тѣмъ паче у художника, да еще и по утру; это бываетъ хуже цѣлой орды татаръ.

— Вы меня заставляете краснѣть за сегодняшнее утро, проговорилъ я.

— Нисколько. Вы поступили, какъ истинный христіанинъ. Для труда и отдыха мы опредѣлили часы, но для добраго дѣла нѣтъ назначенныхъ часовъ. Еще разъ сердечно благодарю васъ за вашъ сегодняшній визитъ. До свиданья! Мы сегодня обѣдаемъ дома, приходите. Бельведерскаго, если увидите, тащите и его за собой,— прибавилъ онъ, уходя (Бельведерскимъ называлъ онъ Аполлона Николаевича Мокрицкаго, ученика Брюлова и страстнаго поклонника Шиллера).

На улицѣ разстался я съ Венеціановымъ и пошелъ сообщить Карлу Павловичу результатъ собственной дипломатіи. Но увы! даже Лукьяна не нашелъ. Липинъ, спасибо ему, выглянулъ изъ кухни и сказалъ, что они ушли въ портикъ. Я въ портикъ и тамъ заперто. (Портикомъ у насъ называлось зданіе за теперешнимъ академическимъ садомъ, гдѣ помѣщались мастерскія: Брюлова, барона Клодта, Заурвейда и Басина). Черезъ Литейный дворъ я вышелъ на улицу и, проходя мимо лавки Давицети, увидѣлъ въ окнѣ кудрявый профиль Карла Великаго. Увидя меня, онъ вышелъ на улицу.

— Ну что? спросилъ онъ.

— Гдѣ вы сегодня обѣдаете? спросилъ я.

— Не знаю, а что?

— А вотъ что, говорю я, пойдемте къ Венеціанову обѣдать; онъ вамъ такія чудеса разскажетъ про амфибію, какихъ вы навѣрное никогда не слыхали да никогда и не услышите.

— Хорошо, пойдемъ, сказалъ онъ, и мы отправились къ Венеціанову.

За обѣдомъ старикъ разсказалъ намъ исторію своего сегодняшнего визита и, когда дошла рѣчь до американскаго дикаря, всѣ мы захохотали, и обѣдъ кончился истерическимъ смѣхомъ.

Между Большимъ и Среднимъ Проспектомъ, въ 7-й линіи, въ домѣ Кастюрина нанималась большая квартира обществомъ поощренія художниковъ для своихъ пяти пансіонеровъ. Кромѣ комнатъ, занимаемыхъ пансіонерами, тамъ еще были двѣ учебныя залы, украшенныя античными статуями, какъ то: Венерой Медицейской, Аполлономъ, Германикомъ и группою гладіаторовъ. Этотъ пріютъ, вмѣсто гипсоваго класса, подъ покровительствомъ Тараса натурщика, я прочилъ для своего ученика. Кромѣ сказанныхъ статуй, тамъ былъ еще человѣческій скелетъ, а познаніе скелета для него было необходимо, тѣмъ болѣе, что онъ наизустъ рисовалъ анатомическую статую Фишера, а о скелетѣ не имѣлъ понятія.

Съ такою-то благою цѣлью, на другой день послѣ обѣда у Венеціанова, сдѣлалъ я визитъ бывшему тогда секретарю общества В. И. Григоровичу и испросилъ у него позволеніе моему ученику посѣщать пансіонерскія учебныя залы.

Обязательный Василій Ивановичъ далъ мнѣ въ видѣ билета на входъ записку къ художнику Головни, живущему вмѣстѣ съ пансіонерами въ видѣ старшины.

Не слѣдовало-бы мнѣ останавливаться на такомъ жалкомъ явленіи, какъ художникъ Головня, но какъ онъ явленіе рѣдкое, тѣмъ болѣе рѣдкое между художниками, то я и скажу о немъ нѣсколько словъ.

Сильно, рѣзко нарисованная фигура Плюшкина блѣднѣетъ передъ этимъ анти-художникомъ Головней. У Плюшкина по крайней мѣрѣ была юность, а слѣдовательно и радость, хоть не полная, не ликующая радость, но все таки радость, а у этого бѣдняка ничего и похожаго не было на юность и на радость.

Онъ былъ пансіонеромъ общества поощренія художниковъ и когда, по конкурсу академіи художествъ, онъ долженъ былъ исполнить программу на вторую золотую медаль (сюжетъ программы былъ: Адамъ и Ева надъ трупомъ своего сына Авеля) и для исполненія картины понадобилась женская модель, а ея въ Петербургѣ не легко, а главное не дешево достать можно, то парень смекнулъ дѣло и отправился къ щедрому покровителю художни-

ковъ и тогдашнему президенту общества поощренія художниковъ Кикину просить вспомоществованія, т. е. денегъ для найма натурщицы и, получивши сто-рублевую асигнацію, зашилъ ее въ тюфякъ, а первозданную красавицу нарисовалъ съ куклы, которую употребляютъ живописцы для драпировокъ.

Кто знаетъ, что значитъ золотая медаль для молодаго художника, тотъ пойметъ отвратительную душонку юноши-скареды. Предъ нимъ Плюшкинъ просто мотыга.

Этому-то нравственному уроду представилъ я при запискѣ моего нравственно прекраснаго найденыша. На первый разъ я самъ вынулъ изъ шкафа скелетъ, усадилъ его на стулѣ въ позиціи самаго отчаяннаго кутилы и, легкими чертами означивши общее положеніе скелета, предложилъ ученику своему нарисовать подробности.

Черезъ два дня я съ великимъ удовольствіемъ сравнивалъ его рисунокъ съ анатомическими литографированными рисунками Басина и находилъ подробности отчетливѣе и вѣрнѣе. Но это, можетъ быть, увеличительное стекло виновато, въ которое я смотрѣлъ на своего найденыша. Какъ-бы то ни было, только мнѣ его рисунокъ нравился.

Онъ продолжалъ въ разныхъ положеніяхъ рисовать скелетъ и, подъ покровительствомъ натурщика Тараса, статую повѣшеннаго Аполлономъ Мидаса. Все шло своимъ чередомъ; своимъ-же чередомъ зима проходила, а весна близилась. Ученикъ мой замѣтно сталъ худѣть, блѣднѣть и задумываться.

— Что съ тобой? спрашивалъ я его; здоровъ-ли ты?

— Здоровъ, отвѣчалъ онъ печально.

— Чего-же ты плачешь?

— Я не плачу, я такъ.

А слезы ручьемъ лились изъ его прекрасныхъ выразительныхъ очей. Я не могъ разгадать, что все это значитъ и начиналъ уже думать, не стрѣла-ли злого амура поразила его непорочное, молодое сердце; какъ въ одно почти весеннее утро онъ сказалъ мнѣ, что ежедневно посѣщать меня не можетъ, потому что съ понедѣльника начнутся работы и онъ долженъ будетъ опять заборы красить.

Я какъ могъ ободрялъ его, но о намѣреніяхъ Карла Павловича не говорилъ ему ни слова, и болѣе потому, что самъ не зналъ положительно ничего такого, на чемъ-бы можно было основать надежду.

Въ воскресенье посѣтилъ я его хозяина съ тѣмъ намѣреніемъ, что нельзя-ли будетъ замѣнить моего ученика обыкновеннымъ простымъ маляромъ.

— Почему нельзя? Можно, отвѣчалъ хозяинъ, пока еще живописныя работы не начались, а тогда ужъ извините: онъ у меня рисовальщикъ, а рисовальщикъ, вы сами знаете, что значитъ въ нашемъ художничествѣ. Да вы какъ полагаете, продолжалъ онъ: въ состояніи ли онъ будетъ поставить за себя работника?

— Я самъ поставлю работника.

— Вы? съ удивленіемъ спросилъ хозяинъ. Да съ какой радости, съ какой корысти вы-то хлопочете?

— Такъ, отвѣчалъ я, отъ нечего дѣлать, для собственнаго удовольствія.

— Хорошо удовольствіе—зря сорить деньгами! Видно, у васъ ихъ и куры не клюютъ, замѣтилъ мой собесѣдникъ и улыбнувшись самодовольно, продолжалъ:

— Напримѣръ, по скольку вы берете за портретъ?

— Каковъ портретъ? отвѣчалъ я, предугадывая его мысль, и каковъ давалецъ. Вотъ съ васъ, напримѣръ, я болѣе ста рублей серебра не возьму.

— Ну, нѣтъ, батюшка, съ кого угодно берите по сту цѣлковыхъ, а съ насъ кабы десяточекъ взяли, такъ это еще куда ни шло.

— Такъ лучше-жъ мы сдѣлаемъ вотъ какъ, сказалъ я, подавая ему руку; отпустите мнѣ мѣсяца на два вашего рисовальщика—вотъ вамъ и портретъ.

— На два, проговорилъ онъ въ раздумьи, на два много, не могу. На мѣсяцъ можно.

— Ну, хоть на мѣсяцъ, согласенъ, сказалъ я. И мы, какъ барышники, ударили по рукамъ.

— Когда же начнемъ? спросилъ онъ меня.

— Хоть завтра, сказалъ я, надѣвая шляпу.

— Куда же вы? а могорычу-то?

— Нѣтъ, благодарю васъ; когда кончимъ, тогда можно будетъ. До свиданія!

— До свиданія!

Что значитъ одинъ быстрый мѣсяцъ свободы между многими тяжелыми длинными годами неволи? Въ четверикѣ маку—одно зернышко. Я любовался моимъ пріятелемъ въ продолженіи этого счастливаго мѣсяца. Его выразительное юношеское лице сіяло такою свѣтлою радостью, такимъ полнымъ счастіемъ, что я, прости меня Господи, позавидовалъ ему. Бѣдная, но пріятная и чистая его костюмировка казалась мнѣ щегольскою; даже фризовая шинель его казалась мнѣ изъ байки, самой лучшей русской байки. У m-me Юргенсъ во время обѣда никто не посматривалъ искоса то на него, то на меня: значитъ не я одинъ въ немъ видѣлъ такую счастливую перемѣну. Въ одинъ изъ этихъ счастливыхъ дней мы шли вдвоемъ къ m-me Юргенсъ и встрѣтили на Большомъ Проспектѣ Карла Павловича.

— Куда вы? спросилъ онъ насъ.

— Къ мадамъ Юргенсъ, отвѣчалъ я.

— И я съ вами. Мнѣ что-то вдругъ ѣсть захотѣлось, сказалъ онъ и повернулъ съ нами въ третью линію.

Карлъ Великій любилъ изрѣдка посѣтить досужую m-me Юргенсъ: ему нравилась не сама услужливая мадамъ Юргенсъ и не служанка ея, Олимпіада, которая была моделью для Агари покойному Петровскому,—ему нравилось, какъ истинному артисту, наше разнохарактерное общество. Тамъ онъ могъ видѣть и бѣднаго труженика сенатскаго чиновника, въ единственномъ, весьма не щегольскомъ вицъ-мундирѣ, и университетскаго студента, тощаго и блѣднаго, лакомившагося обѣдомъ m-me Юргенсъ за деньгу, полученную имъ отъ богатаго бурша кутилы за переписку лекцій Фишера. Тутъ многое и многое онъ видѣлъ такое, чего онъ не могъ видѣть ни у Дюме, ни у Сѐнжоржа.

Юргенсъ предлагала ему въ особенной комнатѣ накрытый столъ и особенное какое нибудь кушанье, наскоро приготовленное, отчего онъ, какъ истинный соціалистъ, всегда отказывался. Но въ этотъ разъ не отказался и велѣлъ накрыть столъ въ особой комнатѣ на три прибора и послалъ Олимпіаду къ Фоксу за бутылкой Джаксона.

Мадамъ Юргенсъ земли подъ собой не слышала; такъ забѣгала, засуетилась, что чуть чуть было свой новый парикъ не сдернула вмѣстѣ съ чепцомъ, когда вспомнила, что надо чепецъ перемѣнить для столь дорогого гостя.

Для нея Брюловъ былъ дѣйствительно дорогой гость. Съ того самого дня, какъ онъ въ первый разъ посѣтилъ ее, нахлѣбники у нея стали множиться со дня на день, и какіе нахлѣбники,—не шушера какая нибудь—художники, студенты да двугривенные сенатскіе чиновники, а люди, для которыхъ нужна была бутылка Медоку и какой нибудь особенный бефъ-стексъ. И это весьма естественно. Если платятъ четвертакъ за то, чтобы посмотрѣть даму изъ Амстердама, то почему же не заплатить тридцать копѣекъ, чтобы посмотрѣть вблизи на Брюлова? И m-me Юргенсъ вполнѣ это понимала и по мѣрѣ возможности пользовалась.

Ученикъ мой молча сидѣлъ за столомъ, молча и блѣдный выпилъ стаканъ Джаксона и молча пожалъ руку Карла Великаго, и на квартиру пришелъ молча, а дома уже не раздѣваясь упалъ на полъ и проплакалъ остатокъ дня и цѣлую ночь.

Еще недѣля оставалась его независимости, но онъ на другой день послѣ описаннаго мною обѣда свернулъ въ трубку свои рисунки и, не сказавши мнѣ ни слова, вышелъ за двери. Я думалъ, что онъ пошолъ по обыкновенію въ седмую линію, а потому и не спрашивалъ его, куда онъ идетъ. Пришло время обѣда,—его нѣтъ, и ночь пришла,—его нѣтъ. На другой день я пошелъ къ его хозяину, и тамъ нѣтъ. Я испугался и не зналъ, что думать. На третій день передъ вечеромъ онъ приходитъ ко мнѣ болѣе обыкновеннаго блѣдный и разстроенный.

— Гдѣ ты былъ? спрашиваю я; что съ тобою? ты боленъ? ты нездоровъ?

— Нездоровъ, едва внятно отвѣчалъ онъ.

Я послалъ дворника за Жадовцевымъ, частнымъ лекаремъ, а самъ принялся раздѣвать его и укладывать въ постель. Онъ, какъ кроткій ребенокъ, повиновался мнѣ. Жадовцевъ пощупалъ пульсъ и посовѣтывалъ мнѣ отправить его въ больницу, потому, говоритъ, что горячку при вашихъ средствахъ дома лечить опасно.

Я послушался его и въ тотъ же вечеръ отвезъ своего бѣднаго ученика въ больницу св. Маріи Магдалины, что у Тучкова моста.

Благодаря вліянію частнаго лекаря Жадовцева, больного моего приняли безъ узаконенныхъ формальностей. На другой день я далъ знать хозяину его о случившемся, и форма была исполнена со всѣми аксесуарами.

Я посѣщалъ его каждый день по нѣскольку разъ, и всякій разъ, когда я выходилъ изъ больницы, мнѣ становилось грустнѣе и грустнѣе. Я такъ привыкъ къ нему, я такъ сроднился съ нимъ, что безъ него я не зналъ, куда дѣваться. Пойду бывало на Петербургскую сторону, сверну въ Петровскій паркъ (въ то время еще зачинавшійся), выйду къ дачамъ Соболевскаго и опять назадъ въ больницу, а онъ все еще горитъ огнемъ. Спрашиваю у сидѣлки: что, не приходитъ въ себя?—Нѣтъ, батюшка.—Не бредитъ?—Одно только: красный и красный.—Ничего больше?—Ничего, батюшка. И я опять выхожу на улицу, и опять прохожу Тучковъ мостъ и посѣщаю дачу г. Соболевскаго и опять возвращаюсь въ больницу.

Такъ прошло восемь дней. На девятый онъ пришелъ въ себя и, когда я подходилъ къ нему, онъ посмотрѣлъ на меня такъ пристально, такъ выразительно, такъ сердечно, что я этого взгляда никогда не забуду. Хотѣлъ онъ сказать мнѣ что-то и не могъ, хотѣлъ протянуть мнѣ руку и только заплакалъ. Я ушелъ.

Въ корридорѣ встрѣтившійся мнѣ дежурный медикъ сказалъ что опасность миновала, что молодая сила взяла свое.

Успокоенный добрымъ медикомъ, я пришелъ къ себѣ на квартиру. Закурилъ сигару. Сигара какъ-то плохо курилась; я бросилъ ее, вышелъ на бульваръ. Все что-то не такъ, все чего-то не достаетъ для моей радости. Я пошелъ въ академію, зашелъ къ Карлу Павловичу, его нѣтъ дома. Выхожу на набережную, а онъ стоитъ себѣ у огромнаго сфинкса и смотритъ, какъ по вскрывшейся Невѣ скользитъ яликъ съ веселыми пассажирами, а за нимъ тянется длинная тоненькая серебрянная струйка.

— Что, вы были у меня въ мастерской? спросилъ онъ меня, не здороваясь.

— Не былъ, отвѣчалъ я.

— Пойдемте.

И мы молча пошли въ его домашнюю мастерскую. Въ мастерской застали мы Липина. Онъ принесъ съ свѣжими красками палитру и, усѣвшись въ спокойномъ креслѣ, любовался еще не вы-

сохшимъ подмалевкомъ портрета В. А. Жуковскаго. При входѣ нашемъ бѣдный Липинъ соскочилъ, переконфузился, какъ школьникъ, пойманный на мѣстѣ преступленія.

— Спрячьте палитру: я сегодня работать не буду, сказалъ Карлъ Павловичъ Липину и сѣлъ на его мѣсто; по крайней мѣрѣ съ полчаса молча смотрѣлъ онъ на свое произведеніе и, обращаясь ко мнѣ, сказалъ:

— Взглядъ долженъ быть мягче: его стихи такіе мягкіе, сладкіе. Не правда-ли?

И, не давъ мнѣ отвѣтить, продолжалъ:

— А знаете-ли вы назначеніе этого портрета?

— Не знаю, отвѣчалъ я.

Еще минутъ десять молчанія; потомъ онъ всталъ, взялъ шляпу и проговорилъ:

— Пойдемте на улицу, я разскажу вамъ назначеніе портрета.

Выйдя на улицу, онъ сказалъ:

— Я раздумалъ, объ этихъ вещахъ не разсказываютъ прежде времени. При томъ-же я вполнѣ увѣренъ, что вы не любопытны, прибавилъ онъ шутя.

— Если вамъ такъ хочется, сказалъ я, пусть это останется загадкой для меня.

— Только до другаго сеанса.—Ну что вашъ протеже, лучше-ли ему?

— Началъ приходить въ себя.

— Стало быть, опасность миновала?

— По крайней мѣрѣ такъ медикъ говоритъ.

— До свиданья, сказалъ онъ, протягивая руку, зайду къ Гильбергу.—Едва-ли онъ, бѣдный, встанетъ, прибавилъ онъ грустно, и мы разстались.

Меня чрезвычайно заинтересовалъ этотъ таинственный портретъ. Я издалека догадывался о его назначеніи; и какъ сильно ни хотѣлось мнѣ убѣдиться въ истинѣ моей догадки, однако я имѣлъ столько мужества, что даже не намекнулъ о ней Карлу Великому.

Правда въ одно прекрасное утро сдѣлалъ я визитъ В. А. Жуковскому подъ предлогомъ полюбоваться сухими контурами Корнеліуса и Петра Гессе, а на самомъ дѣлѣ затѣмъ, не провѣдаю-ли чего о таинственномъ портретѣ. Однакожъ я ошибся.

Кленцъ, Валгала, Пинакотека и вообще Мюнхенъ занялъ все утро, такъ что даже о Дюссельдорфѣ не было помянуто ни одного слова, а портрета просто на свѣтѣ не существовало.

Восторженныя похвалы германскому искусству незабвеннаго Василія Андреевича были прерваны приходомъ графа М. Ю. Віельгорскаго.

— Вотъ вина и причина теперешнихъ хлопотъ вашихъ, сказалъ Василій Андреевичъ, указывая на меня графу.

Графъ съ чувствомъ пожалъ мнѣ руку. Я сдѣлалъ уже проэктъ на вопросъ, какъ вошелъ слуга и проговорилъ какую-то незнакомую мнѣ превосходительную фамилію. Я нашелъ свой проэктъ неудобоисполнимымъ, раскланялся и вышелъ, какъ говорится, съ носомъ.

А между тѣмъ молодое здоровье брало свое. Мой ученикъ, какъ тотъ сказочный пресловутый богатырь, оживалъ и крѣпчалъ не по днямъ, а по часамъ. Онъ въ какую нибудь недѣлю послѣ двухнедѣльной горячки сталъ на ноги и ходилъ, хотя придерживаясь за свою койку, но такой скучный и невеселый, что я, не взирая на наставленія медика—не говорить съ нимъ объ отвлеченныхъ предметахъ, спросилъ его однажды:

— Ты здоровѣешь? тебѣ весело? чего-же ты скучаешь?

— Я не скучаю, мнѣ весело, но я не знаю, чего мнѣ хочется.... мнѣ хотѣлось-бы читать.

Я спросилъ у медика, можно-ли ему дать читать что нибудь.

— Не давайте, тѣмъ болѣе чтенія серьезнаго.

— Что-же мнѣ съ нимъ дѣлать? Сидѣлкой его я не могу быть, а болѣе ему помочь нечѣмъ.

Въ этомъ тяжеломъ раздумьи вспала мнѣ на память «Перспектива» Альберта Дюрера съ русскимъ толкованіемъ, которую я во время оно изучалъ, изучалъ, да и бросилъ, не добравшись толку. И странно, я вспомнилъ о путаницѣ Альберта Дюрера и совсѣмъ забылъ о толковомъ, прекрасномъ курсѣ линейной перспективы нашего профессора Воробьева. Чертежи этого курса перспективы у меня были въ портфелѣ (правда въ безпорядкѣ). Я собралъ ихъ и, сначала посовѣтовавшись съ медикомъ, отдалъ ихъ ученику своему вмѣстѣ съ цыркулемъ и треугольникомъ, и тутъ-же прочиталъ ему первый урокъ линейной перспективы. Второй и третій уроки

перспективы нечего мнѣ уже было толковать ему: онъ какъ быстро выздоравливалъ, такъ быстро и понималъ эту математическую науку, не зная впрочемъ четырехъ правилъ ариѳметики.

Уроки перспективы кончились. Я просилъ старшаго медика выписать моего ученика изъ больницы, но медикъ растолковалъ мнѣ, что для окончательнаго излѣченія ему необходимо еще пробыть подъ медицинскимъ надзоромъ по крайней мѣрѣ мѣсяцъ. Скрѣпя сердце, я согласился.

Въ продолженіи этого времени часто я встрѣчался съ Карломъ Павловичемъ, видѣлъ раза два или три портретъ В. А. Жуковскаго послѣ второго сеанса. Въ разговорѣ съ Карломъ Павловичемъ замѣчалъ я неумышленные намеки на какой-то секретъ, но не знаю, почему я самъ отстранялъ его откровенность. Я какъ будто чего-то боялся, а между прочимъ почти угадывалъ секретъ.

Тайна вскорѣ открылась. 22 апрѣля 1838 года по утру рано получаю я собственноручную записку В. А. Жуковскаго, такого содержанія:

Милостивый государь
N. N.

Приходите завтра въ одинадцать часовъ къ Карлу Павловичу и дожидайтесь меня у него; дожидайтесь меня непремѣнно, какъ-бы я поздно не пріѣхалъ.

В. Жуковскій.

P. S. Приведите и его съ собою.

Слезами облилъ я эту святую записку и, не довѣряя ее карману, сжалъ въ кулакѣ и побѣжалъ въ больницу. Швейцаръ, хотя и имѣлъ приказаніе пропускать меня во всѣ часы дня, на этотъ разъ однако-жъ не пустилъ, сказавши: «рано, ваше благородіе, больные еще спятъ». Меня это немного охолодило; я разжалъ кулакъ, развернулъ записку, прочиталъ ее чуть-чуть не по складамъ, бережно сложилъ ее и положивъ въ карманъ, степенными шагами воротился на квартиру, въ душѣ благодаря швейцара за то, что онъ остановилъ меня.

Давно, очень давно, еще въ приходскомъ училищѣ украдкою отъ учителя читалъ я знаменитую «Перелицовану Энеиду» Котляревскаго и

Коли чого въ рукахъ не маешъ,
То не кажи, що вже твое.

Эти два стиха такъ глубоко мнѣ врѣзались въ память, что я и теперь, повторяя ихъ, часто примѣняю къ дѣлу. Эти-то два стиха и пришли мнѣ на память, когда я возвращался на квартиру. И въ самомъ дѣлѣ, зналъ - ли я навѣрно, что эта святая записка относится къ его дѣлу? Не зналъ, только предчувствовалъ, а предчувствіе часто обманываетъ. А что, если-бъ оно и теперь обмануло? Какое - бъ я страшное сдѣлалъ зло и кому еще, любимѣйшему человѣку! Я самъ себя испугался при этой мысли.

Въ продолженіи этихъ длиннѣйшихъ сутокъ я разъ двадцать подходилъ къ двери Карла Павловича и съ какимъ-то непонятнымъ страхомъ возвращался назадъ; чего я боялся, и самъ не знаю. Въ двадцать первый разъ я рѣшился позвонить и Лукьянъ, выглянувши въ окно, сказалъ: «ихъ нѣтъ дома». У меня какъ гора съ плечъ свалилась, какъ будто я совершилъ огромный подвигъ и наконецъ вздохнулъ свободно.

Бодро выхожу я изъ академіи на третью линію, и какъ тутъ Карлъ Павловичъ на встрѣчу. Я совершенно растерялся и хотѣлъ было бѣжать отъ него, но онъ остановилъ меня вопросомъ.

— Вы получили записку Жуковскаго?

— Получилъ, едва внятно отвѣтилъ я.

— Приходите - же ко мнѣ завтра въ одинадцать часовъ. До свиданья! Да.... если онъ можетъ, приведите его съ собой, прибавилъ онъ, удаляясь.

— Ну, подумалъ я, теперь ни малѣйшаго сомнѣнія, а все таки

Коли чого въ рукахъ не маешъ,
То не кажи, що вже твое.

Прошло нѣсколько минутъ, и это мудрое изреченіе выпарилось изъ моей весьма не практической головы. Мною овладѣло непреодолимое желаніе привести моего больного завтра къ Карлу Павловичу. А позволитъ ли медикъ? вотъ вопросъ. И чтобы разрѣшить его, я пошелъ къ доктору на квартиру, засталъ его дома и разсказалъ ему причину моего внезапнаго визита. Докторъ привелъ мнѣ нѣсколько фактовъ умопомѣшательства, причиною котораго были внезапная радость или внезапное горе. А тѣмъ болѣе, заключилъ онъ, что вашъ протеже не совсѣмъ еще оправился послѣ горячки. На такіе аргументы отвѣчать было нечѣмъ, и я, поблагодаривши доктора за добрый совѣтъ, откланялся и вышелъ на улицу.

Долго шлифовалъ я мостовую безъ всякаго намѣренія; хотѣлъ было зайти къ старику Венеціанову, не скажетъ ли онъ мнѣ чего опредѣленнаго, но было уже за полночь; а онъ не нашъ братъ холостякъ, слѣдовательно и думать нечего о полунощномъ посѣщеніи. Не пойти ли мнѣ, подумалъ я, на Троицкій мостъ полюбоваться восходомъ солнца? Но до Троицкаго моста не близко, а я начиналъ уже чувствовать усталость. Не ограничиться ли мнѣ безмятежнымъ сидѣньемъ у сихъ огромныхъ сфинксовъ? Вѣдь все равно та же Нева. Та же, да не та. И подумавши, я направился къ сфинксамъ. Сѣвши на гранитную скамью и прислонясь къ бронзовому грифону, я долго любовался на тихоструйную красавицу Неву.

Съ восходомъ солнца пришелъ на Неву за водой академическій швейцаръ и разбудилъ меня, приговаривая въ родѣ поученья: благо еще люди не ходятъ, а то подумали-бъ какой гулящій.

Поблагодаривъ гривенникомъ швейцара за услугу, я отправился на квартиру и заснулъ уже настоящимъ, какъ говорится, хозяйскимъ сномъ.

Ровно въ одинадцать часовъ явился я на квартиру Карла Павловича, и Лукьянъ, отворяя мнѣ дверь, сказалъ: «просили подождать». Въ мастерской въ глаза мнѣ бросилась только по славѣ и Миллерову эстампу знаемая, знаменитая картина Цампіери «Іоаннъ Богословъ». Опять недоумѣніе: не по случаю ли этой картины пишетъ мнѣ Василій Андреевичъ? Зачѣмъ же онъ пишетъ: «приведите и его съ собой». Записка была при мнѣ, я досталъ ее и прочитавши нѣсколько разъ P. S., не много успокоился и подошелъ къ картинѣ поближе, но проклятое сомнѣніе мѣшало мнѣ вполнѣ насладиться этимъ въ высшей степени изящнымъ произведеніемъ.

Какъ не мѣшало мнѣ сомнѣніе, однакожъ я не замѣтилъ, какъ вошелъ въ мастерскую Карлъ Великій въ сопровожденіи графа Віельгорскаго и В. А. Жуковскаго. Я съ поклономъ уступилъ имъ свое мѣсто и отошелъ къ портрету Жуковскаго. Они долго любовались великимъ произведеніемъ бѣднаго мученика Цампіери, а я замиралъ отъ ожиданія. Наконецъ Жуковскій вынулъ изъ кармана и подалъ мнѣ форменно сложенную бумагу.

Я развернулъ бумагу,—это была отпускная нашего общаго *protegè*, засвидѣтельствованная графомъ Віельгорскимъ, Жуковскимъ и К.

Брюловымъ. Я набожно перекрестился и трижды поцѣловалъ эти знаменитыя рукоприложенія.

Благодарилъ я, какъ могъ, великое и человѣколюбивое тріо и раскланявшись, какъ попало, вышелъ въ корридоръ и побѣжалъ прямо къ Венеціанову. Старикъ встрѣтилъ меня радостнымъ вопросомъ: что новаго? Я молча вынулъ изъ кармана драгоцѣнный актъ и подалъ ему.

— Знаю, все знаю, сказалъ онъ, возвращая мнѣ бумагу.

— Да я то ничего не знаю! Ради Бога, разскажите мнѣ, какъ это все совершилось.

— Слава Богу, что совершилось, а мы сначала пообѣдаемъ, а потомъ я примусь разсказывать: исторія длинная, а главное прекрасная исторія.

И, возвыся голосъ, онъ прочиталъ стихъ Жуковскаго:

Дѣти, овсяный кисель на столѣ, читайте молитву!

— Читаемъ, папаша, раздался женскій голосъ, и въ сопровожденіи А. Н. Мокрицкаго вышли изъ гостиной дочери Венеціанова, и мы сѣли за столъ.

За обѣдомъ противъ обыкновенія какъ-то было шумнѣе и веселѣе. Старикъ воодушевился и разсказалъ исторію портрета В. А. Жуковскаго и почти не упомянулъ о собственномъ участіи въ этой благородной исторіи. Только въ заключеніе прибавилъ:

— Да я только былъ простымъ маклеромъ въ этомъ великодушномъ дѣлѣ.

А самое то дѣло было вотъ какъ.

Карлъ Брюловъ написалъ портретъ Жуковскаго, а Жуковскій и графъ Віельгорскій этотъ самый портретъ предложили августѣйшему семейству за 2,500 руб. ассигн. и за эти деньги освободили моего ученика, а старикъ Венеціановъ, какъ онъ самъ выразился, разыгралъ въ этомъ добромъ дѣлѣ роль усерднаго и благороднаго маклера.

— Что же мнѣ теперь дѣлать? спрашивалъ я; когда и какъ мнѣ объявить ему эту радость?

Венеціановъ говоритъ мнѣ то же самое, что и врачъ сказалъ, и я совершенно убѣжденъ въ необходимости этой предосторожности. Да какъ-же я утерплю! Или прекратить свои посѣщенія на нѣкоторое время? Нельзя: онъ подумаетъ, что я тоже заболѣлъ или покинулъ его, и будетъ мучиться. Подумавши, я вооружился всею си-

лою воли, пошелъ въ больницу Маріи Магдалины. Первый сеансъ выдержалъ, какъ лучше не надо, за вторымъ и третьимъ визитомъ я уже началъ его по немногу приготовлять. Спрашивалъ медика, какъ скоро его можно выписать изъ больницы; медикъ не совѣтовалъ торопиться, и я опять началъ мучиться нетерпѣніемъ.

Однажды по утру приходитъ ко мнѣ бывшій хозяинъ моего больного и безъ дальнихъ околичностей начинаетъ упрекать меня, что я его ограбилъ самымъ варварскимъ образомъ, что я укралъ у него лучшаго работника и что онъ черезъ меня теряетъ по крайней мѣрѣ не одну тысячу рублей. Я долго не могъ понять, въ чемъ дѣло и какимъ родомъ я попалъ въ грабители. Наконецъ онъ мнѣ сказалъ, что вчера призывалъ его помѣщикъ, разсказалъ ему весь ходъ дѣла и требовалъ отъ него уничтоженія контракта, и что вчера-же онъ былъ въ больницѣ и что больной ничего про это не знаетъ.

— Вотъ тебѣ и предосторожности! подумалъ я.

— Чего-же вы теперь отъ меня хотите? спросилъ я у него.

— Ничего, хочу узнать только, правда-ли все это.

Я отвѣчалъ: правда, и мы разстались.

Я былъ доволенъ такимъ оборотомъ дѣла: больной теперь уже приготовленъ и можетъ принять это извѣстіе спокойнѣе, чѣмъ прежде.

— Правда-ли? можно-ли вѣрить тому, что я слышалъ? такимъ вопросомъ встрѣтилъ онъ меня у дверей своей палаты.

— Я не знаю, что ты слышалъ.

— Мнѣ говорилъ вчера хозяинъ, что... я...

И онъ остановился, какъ бы боясь окончить фразу, и, помолчавши не много, едва слышно проговорилъ: что я отпущенъ... что вы... И онъ залился слезами.

— Успокойся, сказалъ я ему: это еще только похоже на правду.

Но онъ ничего не слышалъ и продолжалъ плакать.

Черезъ нѣсколько дней онъ выписался изъ больницы и поселился у меня на квартирѣ совершенно счастливый.

Много, неизчислимо много прекраснаго въ божественной безсмертной природѣ, но торжество и вѣнецъ безсмертной красоты это оживленное счастьемъ лице человѣка. Возвышеннѣе, прекраснѣе въ природѣ я ничего не знаю. И этою-то прелестью разъ въ жизни моей удалось мнѣ вполнѣ насладиться. Въ продолженіи нѣсколькихъ дней мой ученикъ былъ такъ счастливъ, такъ прекрасенъ, что

я не могъ смотрѣть на него безъ умиленія. Онъ переливалъ и въ мою душу свое безграничное счастіе. Восторги его смѣнялись тихой улыбающейся радостью. Во всѣ эти дни хоть онъ и принимался за работу, но работа ему не давалась, и онъ, было, положитъ свой рисунокъ въ портфель, вынетъ изъ кармана отпускную, прочитаетъ ее чуть не по складамъ, перекрестится, поцѣлуетъ и заплачетъ. Чтобы отвлечь его вниманіе отъ предмета его радости, я взялъ у него отпускную подъ предлогомъ засвидѣтельствованія ея въ гражданской палатѣ, а его каждый день водилъ въ академическія галлереи, а когда было готово платье, я, какъ нянька, одѣлъ его, и пошли мы въ губернское правленіе. Засвидѣтельствовавши священный актъ, сводилъ я его въ Строгонову галлерею, показалъ ему оригиналъ Веласкеза, и тѣмъ кончились въ тотъ день наши похожденія.

На другой день часу въ десятомъ утра одѣлъ я его снова и отвелъ къ Карлу Павловичу и, какъ отецъ любимаго сына передаетъ учителю, такъ я его передалъ безсмертному нашему Карлу Павловичу Брюлову. Съ того дня онъ началъ посѣщать академическія классы и сдѣлался пансіонеромъ общества поощренія художниковъ.

Давно уже собирался я оставить нашу сѣверную Пальмиру для какого нибудь смиреннаго уголка гостепріимной провинціи. Въ текущемъ году желанный уголокъ опростался при одномъ изъ провинціальныхъ университетовъ, и я не преминулъ воспользоваться имъ. Во время оно, когда я посѣщалъ гипсовый классъ и мечталъ о странѣ чудесъ, о всемірной столицѣ, увѣнчанной куполомъ Буонароти, въ то время, если-бы мнѣ предложили мѣсто рисовальнаго учителя при университетѣ, я бросилъ-бы карандашъ и воскликнулъ: стоитъ-ли послѣ этого изучать божественное искусство! А теперь, когда уравновѣсилось воображеніе съ здравымъ смысломъ, когда въ грядущее не сквозь радужную призму, а такъ просто смотришь, то противъ воли лѣзетъ въ голову поговорка: «не сули журавля въ небѣ, а дай синицу въ руки».

Еще зимою мнѣ слѣдовало отправиться на мѣсто, но кое-какія собственныя дѣлишки, а въ особенности дѣло ученика, теперь уже не моего, а К. П. Брюлова, меня задержали въ столицѣ; потомъ болѣзнь его и продолжительное выздоровленіе и наконецъ финансы. Когда все это пришло къ благополучному концу, я, какъ

сказалъ уже, пріютилъ своего любимца подъ крыломъ Карла Великаго и въ первыхъ числахъ мая оставилъ и надолго оставилъ столицу.

Оставляя возлюбленнаго моего, я передалъ ему свою квартиру съ мольбертомъ и прочею мизерною мебелью и со всѣми гипсовыми вещами, которыхъ тоже нельзя было взять съ собою, и совѣтовалъ ему до слѣдующей зимы пригласить товарища къ себѣ, съ тѣмъ, что зимой пріѣдетъ къ нему Штернбергъ. Послѣдній былъ тогда въ Малороссіи и я, условившись встрѣтиться съ нимъ у одного общаго знакомаго нашего въ прилуцкомъ уѣздѣ, намѣревался при этой встрѣчѣ просить его, по возвращеніи въ столицу, поселиться съ моимъ пріятелемъ на квартирѣ, что и случилось къ величайшей радости. Совѣтовалъ я еще моему возлюбленному посѣщать Карла Павловича, но осторожно, чтобы не надоѣдать ему частыми визитами, совѣтовалъ также не манкировать классами и, какъ можно больше, читать, а въ заключеніе просилъ его писать мнѣ чаще письма и писать такъ, какъ-бы онъ писалъ отцу родному.

И поручивши его покрову Предвѣчной Матери, я разстался съ нимъ и увы! разстался на вѣки.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Археологическія изслѣдованія въ г. Владимірѣ-Волынскомъ и его окрестностяхъ.

Въ нашей періодической печати прошлаго года появилось нѣсколько замѣтокъ объ археологическихъ изслѣдованіяхъ и открытіяхъ въ г. Владимірѣ-Волынскомъ относительно его древнихъ храмовъ. Болѣе полныя свѣдѣнія объ этихъ изысканіяхъ помѣщены, къ сожалѣнію, отрывочно, въ ежедневномъ провинціальномъ періодическомъ изданіи, прекратившейся кіевской газетѣ «Заря» и легко могутъ затеряться, замѣтки же, помѣщенныя въ другихъ изданіяхъ, напр. въ «Вѣстникѣ Европы» и «Недѣли», или не полны или расходятся съ истиной. Считаемъ поэтому не лишнимъ сгруппировать какъ уже появлявшіяся въ печати и разбросанныя по разнымъ изданіямъ, такъ и намъ лично доступныя свѣдѣнія о тѣхъ археологическихъ раскопкахъ и изслѣдованіяхъ, какія были произведены лѣтомъ минувшаго года въ г. Владимірѣ-Волынскомъ. Въ свое время мы сообщали читателямъ «Кіевской Старины» объ открытіи во Владимірѣ-Волынскомъ особой коммисіи для подготовительныхъ работъ по обновленію въ этомъ городѣ древняго Успенскаго каѳедральнаго собора и о приглашеніи въ составъ этой коммисіи профессоровъ; В. Б. Антоновича и А. В. Прахова и члена-секретаря кіевской археографической коммисіи О. И. Левицкаго, а равно представили краткій обзоръ первыхъ дѣйствій коммисіи и полученныхъ отъ того результатовъ [1]), Здѣсь мы не только пополнимъ сообщен-

[1]) См. „Кіев. Стар." 1886 г., апрѣль, стр. 837—39 и августъ, стр. 766—69.

ныя раньше свѣдѣнія, но скажемъ и о тѣхъ работахъ коммисіи, которыя выступали за предѣлы первоначальной спеціальной ея задачи и имѣютъ несомнѣнный научный интересъ.

Исходнымъ и главнымъ пунктомъ изслѣдованій владиміро-волынской коммисіи былъ, какъ мы уже сказали, лежащій въ развалинахъ Мстиславовскій каѳедральный соборъ во имя Успенія Божіей Матери. Съ которой стороны вы не подъѣзжали бы къ Владиміру-Волынскому, васъ поражаетъ громадная, господствующая надъ городомъ, руина съ величественнымъ фронтономъ и башнями древняго храма. Этотъ фронтонъ, пристроенный къ храму въ половинѣ XVIII вѣка и прорубленныя тогда же въ стѣнахъ огромныя окна, въ стилѣ возрожденія, придаютъ зданію видъ католическаго костела; но достаточно взглянуть поближе на задѣланныя въ его стѣнахъ узкія окна древняго византійскаго стиля, на остатки фресокъ въ алтарной части храма, а главное на кирпичъ и цементъ его стѣнъ, и вы убѣдитесь, что предъ вами несомнѣнно древнее сооруженіе княжескаго періода нашей исторіи. Относительно кладки стѣнъ этого храма мы позволяемъ себѣ привести высказанное въ засѣданіи коммисіи, вполнѣ компетентное, мнѣніе пр. Прахова: «храмъ, говоритъ пр. Праховъ, сохранился настолько, что ближайшій анализъ его частей не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что мы имѣемъ дѣло дѣйствительно съ сооруженіемъ XII в. Руководствуясь древнею кладкою, господствовавшею въ древней Руси въ теченіи X—XIII в. и рѣзко отличающеюся не только отъ современной, но и отъ той, которая употребительна была послѣ XIII в., размѣромъ, вымѣсомъ и цвѣтомъ кирпича, цвѣтомъ и толщиною известковыхъ швовъ, можно безошибочно опредѣлить въ существующей величественной развалинѣ древнія части XII в. отъ всѣхъ позднѣйшихъ пристроекъ, передѣлокъ и прибавокъ, которыя составляютъ незначительную часть цѣлаго сравнительно съ частями, принадлежащими XII вѣку».

Эти, такъ сказать, фактическія доказательства древности храма подтверждаются и лѣтописными сказаніями. Въ Ипатской лѣтописи подъ 1172 годомъ (стр. 382) говорится, что Мсти-

славъ Изъяславовичъ, вел. кн. кіевскій, впослѣдствіи владиміро-волынскій, погребенъ «въ святѣі Богородици въ епископѣи, юже бѣ самъ созда въ Владимѣри». На князя Мстислава Изъяславовича, какъ на строителя этого храма, указываютъ и другія лѣтописи. Живое преданіе о времени построенія Успенскаго храма сохранилось до позднѣйшаго времени въ описаніи владиміро-волынскихъ церквей, составленномъ въ 1695 г. по распоряженію высшаго уніатскаго духовенства и хранящемся до настоящаго времени въ мѣстной соборной церкви; въ немъ говорится, что этотъ каѳедральный соборъ «знаменито построенъ болѣе 500 лѣтъ назадъ». Мстиславовскій храмъ, какъ каѳедра старѣйшей епископіи въ западнорусской окраинѣ, со времени своего построенія, считался главной святыней края и служилъ усыпальницей владиміро-волынскихъ князей и владыкъ. Въ теченіе своей 600 лѣтней жизни онъ не разъ подвергался разоренію, но благодаря усердію къ этому храму князей и частныхъ благотворителей, надѣлявшихъ его десятками населенныхъ недвижимыхъ имѣній, храмъ тотчасъ же обновлялся и украшался вновь. Послѣ разрушенія его въ 1491 г. крымскими татарами, храмъ былъ обновленъ и украшенъ иконами и церковными сосудами епископомъ Вассіаномъ въ 1494 г. (Супрасльская лѣтоп., стр. 140). Къ числу иконъ, пожертвованныхъ этимъ епископомъ, слѣдуетъ, полагаемъ, отнести образъ Богоматери прекраснаго греческаго письма, высокочтимый впослѣдствіи и сохранившійся до настоящаго времени въ мѣстной соборной церкви. Второй разъ, какъ видно изъ описанія владиміро-волынскихъ церквей 1695 г., этотъ храмъ обновленъ послѣ страшнаго пожара 1683 г., истребившаго весь городъ Владиміръ съ его церквями и замками; въ это время на соборѣ сгорѣла крыша и обрушились башни, щиты и своды. Послѣдней и самой капитальной передѣлкѣ храмъ подвергся въ 1753 г., при уніатскомъ епископѣ Ѳеофилѣ Годебскомъ, который пристроилъ къ нему съ западной стороны прекрасный фронтонъ, въ стилѣ поздняго *ренесанса*, положилъ новый полъ изъ каменныхъ плитъ и прорубилъ въ стѣнахъ его новыя окна; на горнемъ мѣстѣ при немъ устроено

возвышеніе для уніатскаго алтаря съ величественнымъ балдахиномъ, который поддерживался двумя золочеными колоннами, находящимися въ настоящее время въ мѣстномъ монастырѣ. Въ то же время сѣверный и южный придѣлы алтаря были отдѣлены отъ остальной церкви сплошною стѣною, къ которой пристроены уніатскіе алтарики.

Эти пристройки и передѣлки, измѣнившія внѣшній и внутренній видъ храма, не измѣнили размѣровъ и древняго его плана. Мстиславовскій храмъ трехкорабельный, длина его 47 арш., кромѣ наружной паперти, пристроенной въ 1753 г.; ширина 23½ арш.; стѣны сложены изъ тонкихъ широкихъ кирпичей на толстомъ слоѣ темнорозоваго цемента. Надъ его очень высокими стѣнами съ западной стороны возвышаются двѣ осьмиугольныя башни, служившія основаніемъ западныхъ куполовъ; двѣ остальныя башни, надо полагать, не возобновлялись послѣ пожара 1683 г., разрушившаго ихъ. Фундаментъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ былъ изслѣдованъ, оказался болѣе 4-хъ аршинъ глубины.

Своды храма поддерживались 6 громадными «столпищами», пилонами, по 3 съ каждой стороны храма. Къ западной стѣнѣ во всю ея ширину пристроены хоры; они занимаютъ все пространство между этою стѣною и первыми двумя «столпищами» и тянутся вдоль сѣверной и южной стѣны до среднихъ «столпищъ». Столпища эти сохранились до настоящаго времени, за исключеніемъ одного, средняго, съ сѣверной стороны. Вслѣдствіе неудачной попытки прорубить въ немъ ходъ къ проповѣднической каѳедрѣ, столбъ рухнулъ, за нимъ рухнули своды и храмъ пришелъ въ запустѣніе. Случилось это въ 1782 г. (Описаніе собора 1806 г.).

Обломки сводовъ, столповъ и крыши образовали огромную груду мусора, покрывшуюся со временемъ перегноемъ разныхъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, въ складъ которыхъ былъ обращенъ соборъ его блюстителями, и заросшую бурьяномъ и кустарниками; ко времени очистки мусора на мѣстѣ иконостаса успѣла вырости огромная рябина, на горнемъ же мѣстѣ цѣлая

клумба бузины. По вырубкѣ деревьевъ и кустарниковъ и уборкѣ мусора открылся мостъ, покладки 1753 г., изъ широкихъ каменныхъ плитъ зеленоватаго и фіолетоваго цвѣтовъ, такой же точно, какой и въ настоящее время можно видѣть въ почаевской лаврѣ и нѣкоторыхъ церквяхъ и костелахъ Волыни. Помостъ этотъ лежалъ на толстомъ слоѣ мусора, отъ $^1/_2$—$^3/_4$ аршина, смѣшаннаго съ костями, а подъ нимъ во многихъ мѣстахъ сохранился древній кафельный, цѣнинный, полъ, состоящій изъ поливныхъ желтаго, зеленаго, чернаго, краснаго и синяго цвѣта кирпичиковъ отъ $1^2/_3$—5 вершковъ длины, въ формѣ прямоугольниковъ, треугольниковъ и параллелипипедовъ, положенныхъ на такомъ же, какъ и въ стѣнахъ, розовомъ цементѣ.

Въ разныхъ мѣстахъ храма въ полу образовались впадины, указывавшія мѣста завалившихся склеповъ; одинъ изъ нихъ въ юго-западномъ углу, возлѣ хода на хоры, оказался открытымъ и пустымъ; по срединѣ же церкви валялась разбитая на нѣсколько частей огромная плита чернаго мрамора, болѣе 3-хъ аршинъ длины и около $1^1/_2$ арш. ширины, съ сохранившейся, хотя не вполнѣ, польскою надписью, изъ которой видно, что она была надгробіемъ Анны Сангушковны-Коширской, по мужу Сапѣжиной, воеводины витебской, умершей во 2-й половинѣ XVI вѣка. При очисткѣ мусора, наполнявшаго пространство между двумя помостами, найдены: на мѣстѣ царскихъ вратъ древній византійскій мѣдный крестъ, 3 дюйм. вышины, и въ юго-западной части храма бронзовое золоченое Распятіе.

Изслѣдованіе подземныхъ частей храма начато со склепа уніатскихъ епископовъ, устроеннаго въ 1-й половинѣ XVII в. третьимъ по порядку уніатскимъ епископомъ Ваковецкимъ. Склепъ этотъ, длиною около 18 аршинъ, находится подъ южнымъ придѣломъ храма, діаконникомъ. Вполнѣ сохранившійся входъ въ этотъ склепъ устроенъ противъ южнаго алтарика. Гроба епископовъ стоятъ вдоль стѣнъ склепа и покрыты для защиты отъ сырости толстымъ слоемъ песку. Одинъ изъ гробовъ оказался открытымъ; на черепѣ покойника сохранилась скуфья,

облаченіе валяется въ клочкахъ въ безпорядкѣ; нѣтъ ни креста, ни евангелія, ни другихъ какихъ либо принадлежностей епископскаго сана. Осмотръ этого гроба и всѣхъ другихъ, находимыхъ въ Успенскомъ храмѣ, убѣждаютъ въ томъ, что въ его подземельяхъ рылись и хозяйничали многіе темные изслѣдователи. Второй склепъ, самый близкій къ общей усыпальницѣ уніатскихъ епископовъ, находится между амвономъ и царскими вратами; этотъ очень просторный склепъ, въ которомъ, судя по духовному завѣщанію перваго уніатскаго епископа и митрополита Ипатія Поцѣя, долженъ быть погребенъ этотъ пріобрѣвшій печальную извѣстность сановникъ церкви, оказался пустымъ, если не считать валявшихся въ немъ обломковъ кафель, пикъ, глиняныхъ трубокъ, бутылокъ и другихъ предметовъ, не имѣющихъ ничего общаго съ епископскою гробницею. Изъ этого склепа прорубленъ ходъ въ сосѣдній съ сѣверной стороны склепъ, оказавшійся тоже пустымъ; въ этомъ склепѣ завѣщалъ похоронить себя преемникъ Потѣя, 2-й уніатскій епископъ, Іоакимъ Мораховскій. Судя по находкѣ въ этихъ склепахъ, рядомъ съ бутылками, пиками и трубками, 15 гривенниковъ времени императрицы Екатерины II, слѣдуетъ прійти къ тому заключенію, что оба склепа были очищены еще во время владычества въ краѣ уніи и послѣ запустѣнія храма служили притономъ разныхъ искателей приключеній. Противъ сѣвернаго придѣла открытъ склепъ съ 5 пустыми гробницами, изъ которыхъ въ одной лишь найдены остатки атласной скуфьи.

По сторонамъ главнаго, западнаго входа въ храмъ высѣчены въ стѣнахъ полукруглыя ниши, аркасоліи, мѣста княжескихъ гробницъ; три изъ нихъ въ сѣверной стѣнѣ, двѣ въ южной и одна въ западной, на лѣво отъ входа. Три ниши открыты, но оказались пустыми, другія замурованы и подверглись передѣлкѣ. Размѣръ нишъ 2¾ арш. ширины, 1¼ арш. глубины и 2¼ арш. вышины. Возлѣ первой отъ входа сѣверной ниши открытъ, при раскопкѣ, разрушенный и заваленный мусоромъ склепъ и въ немъ, кромѣ множества смѣшанныхъ въ безпорядкѣ съ мусоромъ костей, деревяный асфальтированный

гробъ. Крышка его развалилась и въ немъ засыпанный мусоромъ лежалъ женскій скелетъ. на черепѣ котораго сохранились клочки русыхъ волосъ; въ этомъ же гробѣ валялись остатки туфель, разбитое зеркало въ шелковой рамѣ, куски плотной шелковой матеріи, большой изъ тонкаго кружева воротникъ и куски чернаго бархата, вѣроятно часть головнаго убора, шитаго золотомъ, шелками и крупнымъ бисеромъ; узоръ шитья изображалъ бѣгущихъ оленей. Въ мусорѣ, выброшенномъ изъ этого гроба, найдено 2 золотыхъ кольца: одно массивное кольце съ небольшой овальной печатью изъ горнаго хрусталя, положенной на красной эмали; на печати, изображающей скачущаго всадника съ поднятымъ мечемъ, вырѣзаны буквы: A. S. K.; по сторонамъ всадника «1570», на внутренней же сторонѣ кольца изображено сердце и буквы A—Z; второе кольце изъ тонкой проволоки, меньше перваго, на немъ посажено отличной работы изображеніе собаки и къ ней на цѣпочкѣ привѣшена крошечная гирька; на внутренней сторонѣ кольца надпись: *sic fidus*. Сличая гербъ Гедиминовичей на печати кольца съ такимъ же гербомъ на надгробной плитѣ, найденной по срединѣ церкви, и буквы A. S. K. съ надписью на этой плитѣ, профессоръ Антоновичъ пришелъ къ заключенію, что описанный гробъ принадлежитъ Аннѣ Сангушковой-Коширской, надгробіе которой, неизвѣстно кѣмъ и для какой надобности сдвинуто съ гроба и отброшено на средину церкви.

Кромѣ этихъ главныхъ склеповъ, было изрыто и изслѣдовано подполье храма во многихъ мѣстахъ и вездѣ приходилось натыкаться на остатки гробницъ и покойниковъ. Гробницы стояли рядами одна надъ другою, соприкасаясь въ нѣкоторыхъ мѣствхъ съ верхнимъ церковнымъ помостомъ; всѣ онѣ деревяныя, развалившіяся, нѣкоторыя изъ нихъ тройныя асфальтированныя: досчатый, обитый внутри шелковою тканью, гробъ помѣщался въ другомъ досчатомъ гробѣ, а тотъ былъ вставленъ въ верхній асфальтированный, большею частью дубовый, долбленый гробъ. Переполненіе гробами церковнаго подполья и находимые въ этихъ гробахъ и мусорѣ куски дорогихъ тканей до-

казываютъ, что Мстиславовъ храмъ служилъ усыпальницей не только князей и епископовъ, но и мѣстной волынской знати.

Изъ всѣхъ погребеній, открытыхъ въ этомъ храмѣ, сохранились лучше другихъ 2 гробницы въ алтарной его части, каждая изъ нихъ въ отдѣльномъ склепѣ. Одна помѣщена между престоломъ и горнимъ мѣстомъ, другая на право отъ нея у стѣны діаконника. Крышки надъ головами этихъ покойниковъ, надо полагать, важныхъ сановниковъ церкви, разсыпались и въ образовавшіяся отверстія ихъ можно разсмотрѣть: въ первомъ гробѣ черепъ съ остатками рыжеватыхъ волосъ на головѣ и бородѣ, во второмъ голову покойника, закрытую лентой. На крышкѣ этого гроба найденъ полуистлѣвшій, деревянный осмиконечный крестъ. Болѣе подробное изслѣдованіе этихъ погребеній, по независящимъ отъ коммисіи обстоятельствамъ, отложено до слѣдующаго года, а до того времени всѣ отверстія склеповъ закрыты деревянными осмоленными щитами, поверхъ которыхъ наваленъ мусоръ и приняты мѣры противъ доступа въ гробницы воздуха и сырости.

Въ обычныхъ мѣстахъ княжескихъ погребеній, въ аркасоліяхъ, гробницъ, какъ мы уже говорили, не найдено, но при позднѣйшемъ изслѣдованіи одного изъ нихъ, въ сѣверозападномъ углу храма, надъ склепомъ, въ которомъ найденъ гробъ Анны Сангушковны-Коширской, профессору Прахову удалось открыть вырубленное въ стѣнкѣ, служившей основаніемъ аркасоліи, и замурованное сверху помѣщеніе для костей. Длина этого ящика около $1^1/_2$ арш., ширина менѣе аршина; въ немъ сложены 4 скелета: два мужскихъ, одинъ женскій и одинъ дѣтскій. Мѣсто храненія этихъ скелетовъ, тщательное сбереженіе ихъ сравнительно съ другими, наконецъ нахожденіе на одномъ изъ скелетовъ поврежденія, которое не могло быть случайнымъ и на которое находится указаніе въ лѣтописи, при описаніи кончины одного изъ владимірскихъ князей, заслуживаютъ, по нашему мнѣнію, особеннаго вниманія. Изъ Ипатской лѣтописи (стр. 570, 574, 601—604) извѣстно, что въ Мстиславовскомъ храмѣ, кромѣ строителя его, погребены, въ числѣ другихъ князей, князь Василько Романо-

вичъ, въ 1271 г., жена его Елена въ 1265 г., и сынъ ихъ Іоаннъ-Владиміръ, скончавшійся 10 дек. 1289 г. Лѣтописецъ подробно описываетъ наружность этого князя, болѣзнь, отъ которой онъ умеръ, и его погребеніе: это былъ человѣкъ очень большаго роста, «плечами великъ», скончался отъ рака нижней челюсти («челюсть бородняя перегни») и погребенъ „въ отнѣ гробѣ". Въ числѣ скелетовъ, найденныхъ подъ аркасолью, одинъ выдается очень крупнымъ размѣромъ костей и имѣетъ только лѣвую половину нижней челюсти, почернѣвшіе края которой указываютъ на какое-то патологическое прижизненное перерожденіе кости. Храненіе, повторяемъ, этихъ скелетовъ подъ аркасолью и сохранившіяся на одномъ изъ нихъ примѣты, допускаютъ предположеніе, что этотъ скелетъ принадлежитъ князю Владиміру Васильковичу, и если слова «въ отнѣ гроба» употреблены лѣтописцемъ не въ обширномъ смыслова, означавшемъ Мстиславовъ храмъ, а означаютъ родовой склепъ, то очень вѣроятно, что въ числѣ остальныхъ скелетовъ находятся скелеты кн. Василька и Елены, что родовымъ склепомъ этихъ князей служилъ склепъ, въ которомъ въ настоящее время покоится Анна Сангушковна-Коширская, для погребенія которой всесильная въ то время ея родня очистила княжескій склепъ; но что изъ уваженія къ памяти покойниковъ кости ихъ бережно были сложены и замурованы надъ родовымъ склепомъ.

При археологическихъ изслѣдованіяхъ Мстиславова храма желательно, конечно, было выяснить мѣсто постройки болѣе древняго каѳедральнаго собора въ г. Владимірѣ-Волынскомъ, созданнаго въ X в. основателемъ города, св. Владиміромъ, въ честь Богоматери. При этомъ было обращено вниманіе на холмъ, находящійся въ 2-хъ верстахъ отъ города, возлѣ дер. Ѳеодоровицы, и носящій названіе «Старой Каѳедры». Въ описаніи владимірскихъ церквей 1695 г. говорится, что на этомъ мѣстѣ въ 1683 г. стояла деревянная церковь св. Ѳеодора, названная въ описаніи «стародавней каѳедрой» владимірскихъ епископовъ, и что въ этомъ году она отъ давности сгнила и обру-

шилась. Эти преданія, сохранившіяся въ рукописи и устахъ народа, дали мѣсто предположить, что первый каѳедральный соборъ въ г. Владимірѣ существовалъ въ означенномъ урочищѣ и что слѣдовательно Мстиславовъ храмъ поставленъ на новомъ мѣстѣ. Для провѣрки этого предположенія приступлено къ раскопкѣ холма. По раскопкѣ его оказалось, что холмъ покрываетъ собою низы большаго каменнаго храма около 36 арш. длины и 24 арш. ширины; двѣ стѣны, сѣверная и западная, сохранились болѣе сажени въ вышину, южная же часть, за исключеніемъ паперти, вся обрушилась въ р. Лугъ, надъ обрывомъ котораго построенъ храмъ. По остаткамъ восточной стѣны видно, что храмъ былъ трехъ-корабельный, стѣны положены изъ кирпича, употреблявшагося въ княжескій періодъ нашей исторіи и похожаго на тотъ кирпичъ, съ котораго построенъ Мстиславовъ храмъ, соединеннаго толстымъ слоемъ свѣтлорозоваго цемента. Фундаментъ не глубокій и состоитъ частью изъ кирпича, положеннаго на необыкновенно крѣпкомъ цементѣ сѣраго съ бѣлыми крапинками цвѣта, частью же изъ очень твердой бѣлой глины или мѣлу. Снаружи стѣны украшены полукруглыми кирпичными колонками. Въ архитектурномъ отношеніи въ этой церкви поражаетъ обиліе голосниковъ (резонаторовъ) въ стѣнахъ и необыкновенное разнообразіе формъ и размѣровъ кирпичей, употреблявшихся, судя по ихъ формѣ, для постройки колоннъ, сводовъ и разныхъ архитектурныхъ деталей и доказывающихъ затѣйливость постройки. По мнѣнію пр. Прахова, этотъ храмъ построенъ въ лучшую эпоху русскаго строительнаго искусства, въ XI—XII вѣкѣ. При расчисткѣ отъ мусора восточной стѣны храма найденъ низъ какой-то стѣны, не имѣющей, по видимому, никакой связи со стѣнами храма и значеніе которой намъ совершенно непонятно. Построена она полукружіемъ такого радіуса, какъ средній корабль церкви; начало ея въ алтарѣ возлѣ горняго мѣста, гдѣ она пересѣкается алтарною стѣною, за алтарною стѣною она тянется аршина на три и затѣмъ пропадаетъ безелѣдно. Сложена она изъ необыкновенной крѣпости кирпичиковъ менѣе $^1/_2$ вершка толщины, $3^1/_2$ вер. длины и $2^2/_3$ в. ширины. Скрѣплявшій ее цементъ совсѣмъ вывѣтрился

и кирпичики свободно отдѣляются одинъ отъ другаго. Внутренность церкви раздѣлена на 3 части: алтарь, среднюю часть и внутреннюю паперть или бабинецъ; послѣдняя отдѣляется стѣною отъ остальной церкви. Въ стѣнахъ этого храма устроено 5 нишъ—аркасолей, шириною въ $3^1/_4$ арш. и около $1^1/_4$ глубины; изъ нихъ 3 ниши въ бабинцѣ, 2 въ сѣверозападномъ углу средней части храма. Эти ниши, какъ и весь бабинецъ, росписаны фресками, которыхъ въ остальныхъ частяхъ храма мы не находили. На кускахъ отвалившейся съ фресками штукатурки попадаются отдѣльныя буквы, по которымъ видно, что надписи были на славянскомъ языкѣ. Все подполье бабинца занято склепами, судя по кирпичу, съ котораго онѣ сложены, болѣе поздняго происхожденія. Склеповъ этихъ на небольшомъ пространствѣ бабинца 7, ширина ихъ отъ 14 вер. до $3^1/_2$ арш., длина же и глубина всѣхъ склеповъ одинакова: $3^1/_2$ арш. и 1 аршинъ. Эти склепы оказались наполненными мусоромъ, смѣшаннымъ съ человѣческими костями, безъ всякихъ признаковъ гробовъ; въ одномъ изъ нихъ найденъ черепъ взрослаго человѣка, пробитый гвоздемъ въ темени. Съ такимъ же точно четвереугольнымъ отверстіемъ въ темени и торчащимъ въ немъ гвоздемъ найденъ въ г. Владимірѣ другой черепъ, при раскопкѣ пр. Праховымъ урочища Михайловщины. Этой находкой подтверждается преданіе о прободеніи черепа татарами, какъ казни, которой они подвергали плѣнныхъ. Такіе точно черепа съ гвоздями, по словамъ мѣстныхъ старожиловъ, находили въ недавнее еще время въ окрестности г. Владиміра, въ ур. Житани, извѣстной, по лѣтописи, стоянкѣ татарскихъ полчищъ. Въ алтарной части храма, при изслѣдованіи надписей, найдены остатки четырехъ деревянныхъ столбовъ, окружавшихъ престолъ и поддерживавшихъ, вѣроятно, навѣсъ надъ престоломъ, киворій. Въ алтарѣ сохранилась часть древняго кафельнаго пола, въ другихъ мѣстахъ храма кафли, составлявшія полъ, валялись въ безпорядкѣ въ мусорѣ. Въ бабинцѣ и средней части церкви, судя по находимымъ тамъ кафлямъ, полъ состоялъ изъ кафель въ формѣ щитковъ и треугольниковъ, толщиною отъ $^3/_4$—1

вершка, ширина же щитковъ $5^1/_2$ вершка; окраска ихъ чернаго и очень яркаго желтаго и зеленаго цвѣтовъ. Кафли алтарнаго пола вполовину тоньше остальныхъ, выдѣланы въ формѣ прямоугольниковъ около $2^3/_4$ вер. ширины и равностороннихъ трехъугольниковъ разныхъ величинъ, отъ $1^1/_3$—$2^1/_3$ вершка. Сохранившаяся въ алтарѣ часть пола состоитъ изъ трехъугольниковъ, ряды которыхъ лежатъ полукружіями, параллельно полукружію восточной алтарной стѣны. Полива этихъ кафель отличается красотою и разнообразіемъ красокъ: преобладаетъ полива перламутовая, за тѣмъ желтаго яркаго цвѣта, темнозеленаго съ золотистымъ отливомъ, темно и свѣтлокоричневаго цвѣта. Квадратныя кафли большею частью темнокоричневаго, почти чернаго цвѣта расписаны желтою, зеленою и бѣлою красками, при чемъ легко отличить по изяществу рисунка древнія кафли отъ кафель съ грубымъ рисункомъ болѣе поздняго происхожденія. Обрушившійся храмъ образовалъ изъ мусора, какъ мы говорили, холмъ, вышина котораго достигала 7 аршинъ отъ уровня церковнаго пола; на этомъ холмѣ и была, вѣроятно, построена небольшая деревянная Ѳеодоровская церковь, вся же не занятая часть холма служила кладбищемъ; по этому при раскопкѣ холма приходилось натыкаться на цѣлые ряды сгнившихъ и развалившихся гробовъ и человѣческихъ костей, сложенныхъ въ нѣсколькихъ ярусахъ. Въ верхнемъ слоѣ мусора найденъ литой, мѣдный, наперсный католическій крестъ, мѣдный овальный небольшой образокъ съ обозначеніемъ 1600 г., мѣдное большое кольцо съ печатью и звѣздою па ней, а въ одномъ изъ череповъ три бѣлыхъ буса; въ нижнемъ слоѣ, кромѣ строеваго матеріала и разбитыхъ кувшиновъ, никакихъ предметовъ не найдено. Въ числѣ кирпичей, разбросанныхъ по стѣнамъ, найденъ на югозападномъ столпѣ кирпичь съ рисункомъ, нацарапаннымъ на сырой глинѣ, надо полагать, при формовкѣ кирпича. Рисунокъ изображаетъ, какъ видно, строителя храма, въ видѣ воина въ латахъ, съ большими шпорами; голова его не покрыта, волосы проборомъ по серединѣ головы, бородка маленькая клиномъ; одѣтъ онъ въ длинную съ шитьемъ одежду. Обѣ руки подняты вверхъ; въ одной изъ нихъ булава, возлѣ другой крестъ. Рисунокъ грубый, но поя-

вленіе его на сыромъ кирпичѣ доказываетъ развитіе въ мѣстномъ рабочемъ художественнаго вкуса.

Въ этихъ развалинахъ древняго храма, открытаго въ урочищѣ «Старая Каѳедра», было-бы естественно видѣть остатки храма, по преданію, построеннаго св. Владиміромъ по введеніи христіанства на Волыни и при основаніи имъ же епископской каѳедры во Владимірѣ. Мы не считаемъ, однако, возможнымъ настаивать на достовѣрности подобной догадки, и прежде всего на основаніи топографическихъ соображеній. По нашему мнѣнію, если и допустить, что во Владимірѣ былъ когда-либо храмъ, построенный просвѣтителемъ Руси, то мѣсто, гдѣ стоялъ этотъ храмъ, надо искать въ самомъ городѣ, а не на чертѣ его; урочище же «Старая Каѳедра», по своему мѣстоположенію, никогда не могло входить въ черту города, который, судя по сохранившимся остаткамъ валовъ, группировался возлѣ двухъ болѣе защищенныхъ отъ непріятельскихъ нападеній холмиковъ: на одномъ изъ нихъ стояли окруженные валами княжескіе терема съ церковью Іоакима и Анны, на другомъ Мстиславовъ соборъ съ епископскимъ домомъ, окруженные высокою каменною стѣною. Изучая внимательно положеніе древняго г. Владиміра, мы приходимъ къ тому заключенію, что въ немъ не было другаго болѣе удобнаго мѣста для построенія перваго каѳедральнаго собора, какъ то, на которомъ въ настоящее время стоитъ соборъ Мстиславовъ, что существовавшій въ г. Владимірѣ до начала княженія Мстислава Изяславовича каѳедральный храмъ былъ безъ сомнѣнія деревянный и, вѣроятно, разрушился отъ ветхости, и на мѣстѣ его Мстиславъ воздвигъ новый величественный храмъ. Что же касается вопроса, какая именно церковь открыта въ урочищѣ «Старая Каѳедра», то мы находимъ нѣкоторое основаніе предполагать, что это была церковь св. Димитрія. Кѣмъ и когда построена въ г. Владимірѣ Димитріевская церковь, мы не встрѣчаемъ указанія въ лѣтописяхъ, но объ ней упоминается уже въ XIII в. Въ Ипатской лѣтописи (ст. 608—609) говорится, что кн. Владиміръ Васильковичъ (1272—1289 г.) «списа святого Дмитрея

всего, и съсуды служебные серебряные скова, и икону пресвятыя Богородица окова сребромъ съ каменьемъ дорогимъ и завѣсы золотомъ шиты, а другые оксамитные съ дробницею и всѣми узорочьи украси ю»... Изъ этихъ словъ мы видимъ, что церковь св. Димитрія была расписана, и тоже находимъ въ церкви «Старой Каѳедры»; въ томъ, что эта церковь расписана не одновременно съ ея постройкою, убѣждаетъ насъ двойной слой штукатурки, находимый подъ фресками. Изъ тѣхъ же словъ лѣтописи слѣдуетъ прійдти къ тому заключенію, что Димитріевская церковь была одна изъ лучшихъ въ городѣ. Въ лѣтописныхъ преданіяхъ сохранилась память о самыхъ незначительныхъ церквяхъ древняго г. Владиміра и указываются мѣста ихъ построенія, память же о Дмитріевской церкви совершенно изгладилась въ народѣ. Объяснить это странное обстоятельство можно только тѣмъ путемъ, что на мѣстѣ этой церкви, разрушенной во время какого нибудь непріятельскаго нашествія, построена была новая церковь въ честь св. Ѳеодора, имя котораго изгладило въ народной памяти названіе церкви болѣе древней. Подтвержденіе, хотя очень слабое, своего предположенія о тождественности Димитріевской церкви съ развалинами храма въ урочищѣ «Старая каѳедра» мы видимъ еще и въ томъ обстоятельствѣ, что на ручкахъ кувшиновъ, найденныхъ въ мусорѣ при раскопкѣ храма «Старой Каѳедры», мы находили отчетливо вырѣзанную букву Д, что могло означать иниціалъ названія церкви, которой принадлежали кувшины.

Независимо отъ археологическихъ работъ, связанныхъ съ задачами мѣстной коммисіи, пр. Антоновичъ и Праховъ посвятили часть свободнаго времени на археологическія изслѣдованія, не входившія въ программу коммисіи. Пр. Антоновичъ изслѣдовалъ древній, разбросанный на громадномъ пространствѣ, могильникъ возлѣ с. Зимно, въ окрестностяхъ Владиміра, и остатки валовъ въ самомъ Владимірѣ, которые огибали городъ съ трехъ сторонъ, упираясь на югѣ концами въ р. Лугъ; это послѣднее изслѣдованіе имѣетъ большое значеніе для опредѣленія гра-

ницъ древняго города. Пр. Праховъ успѣлъ осмотрѣть нѣсколько болѣе замѣчательныхъ храмовъ во владимірскомъ уѣздѣ, именно: церковь въ с. Зимно, по преданію, построенную св. Владиміромъ, церковь св. Георгія въ м. Любомлѣ, построенную, по словамъ Ипатской лѣтописи, въ XIII в. кн. Владиміромъ Васильковичемъ, монастырь Загоровскій, построенный въ XVI вѣкѣ и замѣчательный прекрасною фресковою живописью, и церковь въ с. Нискиничахъ, построенную въ XVII вѣкѣ извѣстнымъ ревнителемъ православія въ здѣшнемъ краѣ, Адамомъ Киселемъ (описаніе памятника и гробницы Киселя въ апр. кн. «Кіев. Ст.»). При этомъ пр. Праховымъ сняты фотографически не только самыя церкви съ ихъ архитектурными и художественными деталями и фресками, но и всѣ предметы въ нихъ найденные и представляющіе археологическій интересъ. Кромѣ того пр. Праховымъ приглашены спеціалисты-лѣпщики, которые, по его указанію, приготовили слѣпки всѣхъ болѣе замѣчательныхъ въ художественномъ отношеніи предметовъ, сохранившихся въ этихъ храмахъ. Въ г. Владимірѣ пр. Праховъ приступилъ къ изслѣдованію древнихъ урочищъ: Михайловщины, на которомъ стоялъ въ древности Михайловскій монастырь, мѣсто насильственной смерти и погребенія въ XIV в. кн. Войшелга, и мѣстность, окружающую древнюю Васильевскую церковь; но эти изслѣдованія, по недостатку времени, не могли быть окончены въ настоящемъ году. Желательно, чтобы они были доведены до конца и чтобы изслѣдованія коснулись и другихъ древнихъ урочищъ Владиміра-Волынска, которыми усѣянъ весь городской берегъ р. Луга. Что касается газетныхъ слуховъ о томъ, что пр. Праховъ приступилъ уже къ обновленію древнихъ церквей въ с. Зимно и Васильевской въ г. Владимірѣ, то слухи эти лишены основанія. Пр. Праховъ изслѣдовалъ только кладку стѣнъ церкви с. Зимно, для опредѣленія времени ея построенія и, на сколько намъ извѣстно, призналъ ее постройкою XVI вѣка.

Е. Дверницкій.

РАЗСКАЗЪ СОВРЕМЕННИКА

о приключеніяхъ съ нимъ во время „Коліивщины".

Между бумагами покойнаго дѣда моего, Ѳедора, находится прилагаемая здѣсь въ дословномъ переводѣ съ польскаго записка о приключеніяхъ отца его, Ромуальда, во время «Коліивщины». Она списана сыномъ, Ѳедоромъ, со словъ отца на основаніи замѣтокъ, которыя дѣлалъ онъ и его сестры во время разсказа, что и выражено въ рукописи. Весь разсказъ ведется отъ перваго лица съ очевиднымъ желаніемъ возстановить его въ формѣ, въ которой онъ былъ устно высказанъ.

Разсказъ относится ко времени, когда, по словамъ поэта, «замучени руки розвязались—и кровъ за кровъ, и муки за муки». Надъ головой разсказчика пронеслась гроза событій того времени, но онъ вышелъ изъ нихъ благополучно. 14-тилѣтній мальчикъ полякъ, ученикъ базиліанъ' бѣжитъ изъ обреченнаго на гибель Умани и отыскивая убѣжище, наталкивается на суровыя проявленія народнаго возбужденія, но въ концѣ концовъ изъ тѣхъ-же «замученихъ рукъ» получаетъ и пищу и одежду, въ сердцахъ людей противной среды находитъ и человѣческое состраданіе къ его личному печальному положенію. Въ родномъ селѣ Соколовкѣ онъ, вмѣстѣ съ другими, подпадаетъ грозной народной расправѣ, но его спасаетъ любимая народомъ пѣснь: «Пречистая Диво-Мати руського краю», которую онъ изучилъ у базиліанъ и которую поетъ, привязанный къ столбу для разстрѣлянія. При звукахъ этой пѣсні козацкій старшина проливаетъ слезы и даетъ помилованіе остальной, обреченной на казнь, шляхтѣ и евреямъ.

Эти черты человѣчности среди возбужденной въ высшей степени народной массы проливаютъ смягчающій свѣтъ на общую грозную картину возстанія и составляютъ, полагаю, не безцѣнныя указанія для изучающихъ коллективную народную психологію.

Не лишеннымъ интереса кажется мнѣ и общій тонъ разсказа. Разсказъ ведется съ той степенью объективности, которую трудно было предположить у человѣка, котораго жизни угрожали данныя событія.

Это; конечно, не объективизмъ соціолога, изучающаго данный моментъ общественной эволюціи—это объективизмъ простаго, незатѣйливаго человѣка, смотрящаго на факты во всей ихъ простотѣ. Объективизмъ этотъ истекаетъ, кажется, изъ двухъ источниковъ: частнаго и болѣе общаго, но тотъ и другой представляютъ нѣкоторый общественный интересъ.

Разсказчикъ поневолѣ столкнулся ближе съ народной средой, а добрая половина предразсудковъ отдѣльныхъ общественныхъ группъ вытекаетъ изъ незнанія народной жизни, что не мѣшаетъ тому, чтобы и въ наше время въ глазахъ весьма обширной публики всякая серьезная попытка изучить ее представлялась чѣмъ-то особенно предосудительнымъ.

Но личныя впечатлѣнія разсказчика не устраняютъ въ немъ міровоззрѣнія его среды и времени. Сблизившись съ народной жизнію поневолѣ, онъ не извлекаетъ изъ данныхъ обстоятельствъ матеріала для сознательной переработки своего общественнаго міровоззрѣнія: онъ не разстается съ сознаніемъ своей отдѣльности отъ «простацтва», для него вполнѣ ясно, что его нельзя смѣшивать съ людьми „простой кондиціи", доброта крестьянъ и ихъ расположенность къ господамъ для него однозначущи, но онъ съ видимымъ удовольствіемъ подчеркиваетъ обращаемыя къ нему слова: «добре по-нашому говоришъ», онъ трогается проявленіями личной доброты по отношенію къ нему, для него вполнѣ понятна защита его родственницы гайдамацкимъ атаманомъ, въ виду ея доброты для бѣдныхъ и защиты крестьянъ отъ наказаній пана. Однимъ словомъ для него и данный легальный порядокъ, и данная ему реакція представляются, такъ сказать, въ порядкѣ вещей.

Міровоззрѣнію этому не достаетъ сознанія о переходности даннаго порядка вещей и потому оно страдаетъ односторонностію, предполагая инстинктивно принципъ, которому противорѣчитъ вся исторія человѣчества, принципъ неподвижности общественныхъ отношеній отдѣльнаго историческаго момента.

Но дѣйствительно-ли мы ушли такъ далеко отъ подобнаго міровоззрѣнія? Не ограничивается-ли вообще нашъ эволюціонизмъ преимущественно примѣненіями къ отдаленному прошлому? А по отношенію къ данному, спеціально мѣстному общественно-національному антагонизму представляется-ли мысли современнаго намъ общества удовлетворительный исходъ? Не извлекаемъ-ли мы изъ прошедшаго болѣе традиціонныхъ инстинктовъ, чѣмъ уразумѣванія общаго направленія жизненныхъ явленій? Ясно-ли для насъ, что антагонизмы отдѣльныхъ общественныхъ группъ могутъ быть исчерпаны только дальнѣйшимъ

развиваніемъ той демократизаціи общественныхъ отношеній, постепенное усиленіе которой представляется и какъ результатъ наблюденія прошедшаго, и какъ этическій постулятъ развивающейся человѣческой мысли?

Не будемъ - же слишкомъ горделиво смотрѣть на міровоззрѣніе отошедшихъ поколѣній; пусть лучше изученіе условій ихъ общественной жизни и того ряда преображеній, которому она подверглась, послужитъ для насъ матеріаломъ для уразумѣванія современности и нѣкотораго предвидѣнія будущаго.

Эту работу мысли вызываетъ неминуемо всякое серьезное изученіе исторіи. Прилагаемый здѣсь разсказъ, можетъ быть, составитъ маленькое привнесеніе къ матеріаламъ этой науки.

Ѳадей Рыльскій.

Однажды лица, находившіяся въ домѣ родителей моихъ, обратились къ моему отцу съ просьбой, чтобы онъ имъ разсказалъ о своихъ приключеніяхъ во время уманской рѣзни. Мой отецъ удовлетворилъ ихъ просьбу и, призвавъ меня и жившихъ въ то время моихъ сестеръ, Гонорату и Юзефу, разсказалъ слѣдующее:

«Я воспитывался въ уманской базиліанской школѣ; мнѣ было тогда лѣтъ 14. Такъ какъ я имѣлъ голосъ хорошій и сильный, то я часто пѣлъ во время богослуженія. Въ тотъ день, какъ взбунтовавшіеся козаки приблизились къ Умани, я вмѣстѣ съ меньшимъ моимъ братомъ Антоніемъ прислуживалъ при богослуженіи въ уніатской церкви священнику уніату, Евстафію Тарнавскому (священникъ этотъ вмѣстѣ съ другими уніатами подписалъ въ 1768 г. 22 декабря манифестъ, помѣщенный въ житомирскихъ актахъ, въ которомъ разсказывается о тираніи гайдамацкой и о вліяніи игумена Мелхиседека Яворскаго, проживавшаго въ мотронинскихъ лѣсахъ). Въ то время Евстафій Тарнавскій жилъ за городомъ. Во время богослуженія козаки ворвались въ церковь, при видѣ ихъ всѣ пришли въ трепетъ. Я уповалъ только на Бога, къ которому и обратился съ горячей молитвой. Послѣ богослуженія я взялъ миссалъ, мой братъ, Антоній, орнатъ и другія ризы и мы вышли вмѣстѣ съ священникомъ изъ церкви. Намъ приходилось проходить около палисада, окружавшаго Умань. Тамъ стояла козацкая стража. Священника пропустили, но насъ задержали и направивъ на насъ копья, сказали: «а то ляшки, чортови диты», но священникъ ска-

залъ, что мы его домашніе и такимъ образомъ спасъ нашу жизнь. Когда мы пришли домой, священникъ сказалъ намъ: «я не могу васъ припрятать, такъ какъ я и самъ не знаю, какая участь меня постигнетъ. Пусть васъ Богъ ведетъ и охраняетъ». При этомъ слезы появились на глазахъ почтеннаго священника. Онъ далъ намъ простую (крестьянскую) одежду, хлѣба и сала и перекрестивъ, къ вечеру отправилъ насъ въ путь.

Съ этого времени начинаются мои ужасныя приключенія.

Мы долго раздумывали съ братомъ, куда намъ направиться среди такихъ опасныхъ обстоятельствъ. Я зналъ добрыхъ стариковъ, проживавшихъ въ Грековомъ лѣску, что вблизи Умани; гуляя я часто заходилъ къ нимъ. Но мы знали, что около этого лѣска взбунтовавшіеся козаки расположились таборомъ. Но что-же дѣлать? Призвавъ Бога на помощь, мы рѣшились пробраться туда. Шли мы окольнымъ путемъ, ярами, окруженнымн скалами, то и дѣло прячась за скалы и прислушиваясь, и только эхо стоновъ и криковъ отражалось отъ скалъ; но мы дошли благополучно до перваго пункта нашего бѣгства. Здѣсь надѣялись мы спрятаться у знакомыхъ намъ добрыхъ стариковъ, но къ несчастію въ хатѣ никого не было. Не теряя времени, мы направились дальше, придерживаясь правой стороны Умани, чтобы такимъ образомъ удалиться отъ Грековаго лѣска. По дорогѣ присоединился къ намъ нашъ родственникъ Воюдзкій, молодой человѣкъ, тоже воспитанникъ базиліанской школы.

Ночь и слѣдующій день мы провели среди хлѣбовъ, у насъ же при томъ былъ пока запасъ харчей. Но запасъ нашъ былъ не великъ и нужно было идти дальше. Когда насталъ вечеръ, мы пошли дальше окольными путями и набрели на какой-то ярокъ. Въ яркѣ былъ ставокъ, гребля и млынокъ.

Издали мы увидали огонекъ въ мельницѣ; мы подошли къ ней потихоньку и увидали тамъ человѣка, спавшаго около огня. Свита его загорѣлась отъ огня. Намъ стало жаль его и, вбѣжавъ въ мельницу, мы стали топтать ногами горѣвшую свиту. Этимъ мы разбудили спавшаго пьянаго человѣка. Проснувшись, онъ сталъ кричать; «а, вы вражи диты, хтилы свитою мене задушити», Напрасно мы старались объясниться, напрасно указывали на обгорѣвшую свиту; онъ схватилъ топоръ и хотѣлъ меня ударить по

головѣ. Но я имѣлъ перевѣсъ въ борьбѣ съ выпившимъ человѣкомъ, отнялъ у него топоръ и бросилъ въ воду. Тогда онъ схватилъ лежавшій вблизи колъ и такъ меня ударилъ по головѣ, что я упалъ, лишившись чувствъ. Не знаю, какимъ образомъ я уцѣлѣлъ. Къ утру только я пришелъ въ себя. Моего брата и моего родственника уже здѣсь не было и я не зналъ, что съ ними случилось. Я еле поднялся на ноги и потянулся въ глубь хлѣбовъ. Тамъ я отдохнулъ, поблагодарилъ Бога за мое спасеніе и подкрѣпилъ свои силы зерномъ, вытертымъ изъ колосьевъ, такъ какъ другой пищи у меня не было.

Здѣсь я прерву разсказъ о дальнѣйшихъ моихъ приключеніяхъ для того, чтобы объяснить настоящее.

Въ то время, когда я лежалъ безъ чувствъ возлѣ гребли, тамъ шелъ одинъ изъ «директоровъ» уманской школы. Увидавъ мертвое тѣло, онъ сталъ присматриваться къ нему при свѣтѣ луны и узналъ меня. Послѣ, желая придать больше достовѣрности своему объ этомъ разсказу, онъ сообщилъ и мое школьное прозваніе Ромуальдъ Шестопалекъ, меня-жъ дѣйствительно такъ называли, такъ какъ у меня два большіе пальца на правой рукѣ. Присматриваясь, онъ перевернулъ меня и помогъ мнѣ такимъ образомъ прійдти въ себя, передвинувъ на болѣе влажное мѣсто. Изъ его разсказа видно, что и мельникъ, считая меня убитымъ, выволокъ меня изъ мельницы».

Этимъ и окончилъ мой отецъ разсказъ того дня, такъ какъ онъ подвергся нервному припадку. Это съ нимъ случалось до самой смерти со времени случая, о которомъ рѣчь.

На другой день мой отецъ такъ продолжалъ свой разсказъ:

«Потерявъ около мельницы скромный запасъ харчей, данный мнѣ уніятомъ и чувствуя потребность подкрѣпить свои силы чѣмъ нибудь болѣе существеннымъ, чѣмъ зерно, вытираемое изъ колосьевъ, къ вечеру я сталъ приближаться къ одному селу. Выглядывая изъ хлѣбовъ, я замѣтилъ хату, стоящую въ сторонѣ. Я направился къ ней, но лишь только я приблизился къ воротамъ, выскочилъ небольшой хлопчина съ головой, завязанной окровавленнымъ платкомъ и вооруженный длиннымъ «ожогомъ». Это былъ дрючокъ (колъ), заостренный по образцу копья и обожженый на концѣ. Мальчикъ бѣжалъ, направивъ на меня свой дрючокъ, какъ бы желая меня заколоть. Но стоявшая вблизи женщина схватила мальчика на руки, отнесла его въ избу и

заперла. Ободренный поступкомъ этой женщины, я стоялъ на мѣстѣ. Женщина подошла ко мнѣ и спросила, чего я желаю.

— Пищи и убѣжища, отвѣтилъ я,

— Пищи я дамъ, но укрыть тебя не могу, да и не совѣтую искать здѣсь убѣжища. Всё село взбунтовано и вооружено въ списы, ножи и ружья, а младшіе подѣлали себѣ ожоги въ родѣ того, что ты видѣлъ у моего сына, и колютъ жидовъ и ляховъ.

Женщина вывела меня за свою усадьбу и велѣла мнѣ тамъ поджидать, пока не принесетъ харчей. Я не довѣрялъ ея обѣщанію, перешелъ на другую сторону лѣска и поглядывалъ изъ-за кустовъ. Но скоро я увидѣлъ, что она идетъ одна и несетъ завернутый обильный запасъ пищи. Ободренный, я направился на указанное мнѣ мѣстоо а она пришедши положила узелокъ на землѣ и сказала: вотъ тебѣ пища. Тамъ былъ борщъ съ кашей, хлѣбъ, сало и фляшка горѣлки. Выпивъ чарку водки, я принялся за яство съ возбужденнымъ аппетитомъ. Остававшійся хлѣбъ и сало женщина приказала мнѣ забрать съ собою и совѣтовала не задерживаться долго, такъ какъ она боится, что ее выдастъ ея сынокъ.

Въ то время, когда я ѣлъ, она разговаривала со мной ласков, по-русски; я ей отвѣчалъ на томъ - же языкѣ. Улыбаясь, она мнѣ сказала:

— Почему не говоришь ты по-польски.? Хотя ты одѣтъ и по мужицки, никто тебя не признаетъ за мужика: ты выглядишь совсѣмъ не такъ, какъ наши, ты не загорѣлъ, да при томъ будь ты мужикъ, тебѣ - бы не зачѣмъ и укрываться.

Не желая, чтобы она оставалась при этомъ мнѣніи, я сказалъ, что я служилъ дворовымъ человѣкомъ и перешелъ въ католическую вѣру, а потому и скрываюсь. Она и этому не повѣрила, но сказала:

— Кто-бы ты ни былъ, уходи дальше и да ведетъ тебя Господь благополучно!

Послѣ этого она ушла.

Такая доброта и обходительность этой женщины среди взбунтовавшагося люда меня тронула, но я долженъ былъ послушать ея совѣта. Уйдя подальше, я забрался въ глубь хлѣбовъ на ночлегъ и помолившись легъ спать. Послѣ вкусной пищи и чарки водки я уснулъ такъ крѣпко, что на другой день проснулся только съ восходомъ солнца.

Ставши, я пошелъ по тропинкѣ, пролегавшей около мѣста моего ночлега. Ставъ на дорогѣ, я началъ разсматривать мѣстность. Я хотѣлъ пробраться въ с. Соколовку, которую арендовала моя тетка. Я тамъ бывалъ во время вакацій и зналъ тамошнихъ крестьянъ. Они мнѣ казались добрыми и расположенными для «двора» людьми; у нихъ я надѣялся найти убѣжище.

Разсматривая мѣстность, я и не замѣтилъ, какъ изъ близъ лежащаго ярка приближался ко мнѣ пароконный возъ. На немъ ѣхали крестьянскія бабы, лошадкой погонялъ дюжій мужицкій парень. Бѣжать было слишкомъ поздно. Я посторонился и, ставъ спиной къ дорогѣ, началъ креститься по православному обряду и бить поклоны. Но и это не помогло.

— Гей хлопче! закричалъ возница, сдержавъ лошадей и соскочивъ съ воза.

Я оглянулся.

— А ты ляшокъ, вражій сыну! сказалъ возница, посмотрѣвъ на меня строго.

Я отвѣтилъ, тоже по-русски, что онъ ошибается.

— Брешешъ, сякій-такій сыну; не такъ выглядаешъ, якъ наша вира, сказалъ онъ въ отвѣтъ и обратясь къ одной изъ женщинъ, крикнулъ:

— Ярино, дай но мени ножа, спрятну цёго ляшка!

— Женщины начали упрекать, ругать и просить его, говоря, что онѣ не дозволятъ проливать кровь невинную. Онѣ увѣряли, что я несомнѣнно ихъ вѣры, иначе не говорилъ бы такъ хорошо на ихъ языкѣ. Не смотря на это, парубокъ ударилъ меня крѣпко кнутовищемъ по плечамъ и стянулъ съ меня свиту и сапоги; а затѣмъ, доставъ изъ воза жидовскій «лапсердакъ» съ висящими внизу «торочками» и накинувъ на меня, сказалъ:

— Ось въ цимъ тоби до-ладу, бо ты чортъ знае якои виры. Подякуй цимъ жинкамъ, що тебе оборонили одъ смерти. А якъ що ты нашои виры, то не повиненъ ты у твоихъ литахъ литомъ ходить у чоботяхъ.

Тутъ послѣдовалъ взрывъ смѣха со стороны женщинъ, осматривавшихъ мой костюмъ. Взглянувъ на себя, я и самъ вторилъ имъ мимовольно.

На прощанье возница ударилъ меня нѣсколько разъ кнутомъ и тронулъ лошадей, я-же, скрываясь отъ людей, спрятался въ хлѣбахъ и провелъ цѣлый день безъ пищи.

Къ вечеру бросивъ «лапсердакъ», я пошелъ мановцами (окольнымъ путемъ) и приблизился къ какому-то хутору. Тамъ я замѣтилъ старика, сидящаго въ пасѣкѣ. Голодъ понуждалъ меня къ смѣлости. Подойдя къ плетню, я сказалъ: «добрывечиръ! Слава Богу!» и просилъ старика подойти ко мнѣ. Добродушный видъ старика осмѣлилъ меня. Я рѣшился просить у него какую-нибудь свитку, разсказывая, что я посыльный и что на дорогѣ украли у меня свиту, а спѣшить мнѣ необходимо. Старикъ слушалъ терпѣливо мой разсказъ, расправшивая, откуда и куда меня послали. Я отвѣчалъ, какъ могъ. Старикъ покачалъ головою и сказалъ:

— Добре по-нашому говоришъ, але то не правда. Ты не вашои виры, видно по тоби. Але ты мене не бійся; я не гайдамака; я маю душу.

Онъ далъ мнѣ свитку, хлѣба и сала и отпустилъ меня, говоря:

— Иди соби зъ Богомъ, бо и тутъ крутяться недобри люде.

Переночевавъ въ хлѣбахъ, по утру я направился къ цѣли моего путешествія. Къ полдню я уже былъ въ Соколовкѣ.

Проходя селомъ, я никого не замѣтилъ на улицѣ, но такъ какъ это былъ воскресный день, то я догадывался, что я застану всѣхъ около корчмы и направился туда смѣло. Около корчмы было дѣйствительно много народа. Я началъ привѣтствовать знакомыхъ. Всѣ, порядочно уже выпившіе, закричали:

— А то панычъ! треба и ёго такъ почастувати, якъ иншихъ ляхивъ и жидивъ.

Меня окружили, толкали, тянули за волосы, давали мнѣ прозвища. Легко догадаться, какихъ прозвищъ можно ожидать отъ пьянаго и взбунтованнаго «простацтва». Корчма была уже пуста; я не видѣлъ никакой возможности спастись. Просьба, напоминанія знакомства, плачь—все это не дѣйствовало. Ожиданіе неминуемой смерти отняло у меня всѣ силы, я стоялъ, какъ мертвый. Среди громады стоялъ старикъ, опершись на посохъ.

— Панове-громада, сказалъ онъ, вашого панованья симъ днивъ, а вишанья буде на симъ литъ.

— Не знати, що старый говорить; starость помишала ёму вже умъ, закричали всѣ и прибавили, что такъ какъ я ихній панычъ, то

они меня сами не лишатъ жизни, а пошлютъ въ Умань и попросятъ кого нибудь изъ старшинъ, чтобы имъ прислали кого для расправы.

Старикъ покачалъ головою, говоря: «таки по-моёму буде» и поплелся потихоньку.

Послѣдняя надежда на мое спасеніе исчезла. Меня схватили за волосы и бросили въ погребъ, находившійся вблизи корчмы, заперевъ двери его на замокъ. Погребъ былъ переполненъ жертвами разнаго возраста и пола изъ шляхты и жидовъ. Насилу я могъ пробраться въ глубь его. Я долженъ былъ стоять, такъ какъ сѣсть было негдѣ. Въ темнотѣ слышались только стоны и плачь. Такъ провели мы ночь, молясь и вручая себя Божію милосердію.

По утру отперли дверь нашей узницы. Поочередно вытягивали изъ погреба за волосы по одной жертвѣ. Остававшимся въ погребѣ слышны были выстрѣлы, раздававшіеся всякій разъ. Послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ кто-то сказалъ: «а де-жъ нашъ панычъ? пора вже прыйшла и на нёго, нехай не мучиться въ лёху». Меня отыскали и вытянули изъ погреба такимъ же образомъ, какъ и другихъ, а затѣмъ привели къ развалившейся клунѣ, изъ которой остались одни столбы. Тутъ я увидѣлъ нѣсколько козаковъ съ «янчарками» и вздрагивавшіе еще трупы убитыхъ. Мнѣ завязали глаза и привязали къ столбу. Въ то время, когда у меня еще были руки свободны, я перекрестился, предавая душу мою Богу. И дѣйствительно я испыталъ дѣйствіе чудотворнаго Его заступничества.

— Чекайте, я вамъ щось скажу, закричалъ я.

Старшій изъ козаковъ, надѣясь, вѣроятно, что я открою какое нибудь сокровище, велѣлъ развязать мнѣ глаза. Тогда, по вдохновенію Провидѣнія, я началъ пѣть русскую пѣснь, которую я пѣвалъ въ церкви у базиліановъ: «Пречистая Диво—Мати руського краю». Я повторялъ ее безъ перерыва нѣсколько разъ. Пѣснь эта такъ тронула старшаго козака, что слёзы у него хлынули изъ глазъ. Онъ велѣлъ отвязать меня отъ столба и сказалъ:

— Шкода ёго губити; визьмить соби ёго за дячка, нехай вамъ у церкви спивае.

Онъ велѣлъ пропѣть еще разъ пѣсню, погладилъ меня по головѣ и рекомендовалъ быть вѣрнымъ. Я обѣщался, благодаря за помилованіе. Громада спросила козака, что дѣлать съ остальными, оставшимися въ погребѣ.

— Напилисьмося вже доволи крови, отвѣчалъ онъ; пустить и тихъ, та нехай ёму подякують, що своею писнею спасъ ихъ одъ смерти.

Трогательно было смотрѣть съ одной стороны на освобожденныя жертвы, которыя болѣе походили на мертвецовъ, чѣмъ на живыхъ и, рыдая, бросались къ стопамъ атамана и моимъ, благодаря за ихъ спасеніе, съ другой на лежавшую кучку не остывшихъ еще труповъ. Я имѣлъ такимъ образомъ и то удовольствіе, что голосомъ своимъ спасъ отъ гибели столько людей.

Этимъ и окончились приключенія мои въ тотъ день. Козаки уѣхали, а меня завели въ церковь и отдали подъ надзоръ старшему дяку.

Я очень недолго исправлялъ обязанности дячка. Послѣ усмиренія гайдамачества россійскими войсками, дяки изъ окрестныхъ селъ ходили въ россійскій лагерь «колядовать». Пришла очередь и на Соколовку. Мой ближайшій начальникъ зазвалъ и меня вмѣстѣ съ цѣлымъ кружкомъ своихъ подчиненныхъ и рекомендовалъ пѣть хорошо, угрожая въ случаѣ ослушанія церковнымъ наказаніемъ. Поневолѣ я долженъ былъ идти. Когда мы очутнлись въ лагерѣ, я напрягалъ всю силу моего голоса, чтобы угодить моему начальнику. Мой голосъ заинтересовалъ капитана команды; онъ слушалъ съ удовольствіемъ и велѣлъ повторить мнѣ одному спѣтую пѣснь. Капитанъ внимательно ко мнѣ присматривался, потомъ спросилъ, какъ меня зовутъ.

— Романъ Рыліенко, подхватилъ мой начальникъ.

— Молчи, дуракъ, не тебя спрашиваютъ, крикнулъ капитанъ.

Дякъ замолчалъ, опустивъ голову. Капитанъ велѣлъ мнѣ говорить, прибавляя, чтобы я не боялся, что онъ видитъ, что я не «простой кондиціи» и что онъ беретъ меня подъ свое покровительство. Ободренный рѣчью капитана, я сказалъ ему свою фамилію и приключенія, вслѣдствіе которыхъ я долженъ былъ оставаться дячкомъ. Этотъ разсказъ удивилъ его и, казалось, тронулъ. Онъ разругалъ сурово моего начальника, велѣлъ ему идти прочь, а меня оставилъ въ своей палаткѣ.

Но не долго нродолжалась обманчивая учтивость капитана. Узнавъ, что я играю на «торбанѣ», онъ переодѣлъ меня козачкомъ, велѣлъ пѣть, плясать, играть на гитарѣ и отдалъ подъ надзоръ своимъ деньщикамъ. Съ ними я долженъ былъ и жить. Наконецъ

капитанъ заявилъ мнѣ, что такъ какъ я круглый сирота, потому что мои родители и родственники. по его словамъ, погибли будто-бы всѣ во время рѣзни, то онъ изъ состраданія возьметъ меня къ себѣ въ имѣніе въ курскую губернію, недалеко отъ г. Рыльска. Онъ обѣщалъ, что мнѣ тамъ будетъ хорошо, что я тамъ познакомлюсь съ моими однофамильцами, князьями Рыльскими, лишь бы я хорошо исполнялъ должность надсмотрщика за его имѣніемъ. Бѣжать изъ лагеря было не возможно, и я обѣщалъ исполнять въ точности его порученія.

На другой день капитанъ отправилъ меня въ кибиткѣ съ своимъ собственнымъ кучеромъ, давъ на дорогу полтинникъ и обѣщалъ хорошее годичное жалованье. Сердце у меня сжималось въ виду новаго моего положенія, и я не питалъ уже никакой надежды на освобожденіе изъ этой неволи; потому передъ кучеромъ я старался казаться веселымъ и очень довольнымъ предложеніемъ капитана. Кучеръ, вѣроятно наученный, расхваливалъ доброту. щедрость и богатство своего барина. Такъ обманывая другъ друга, мы доѣхали до Елисаветграда.

Снискавъ довѣріе моего надсмотрщика, я попросилъ у него позволенія пойти на базаръ для покупки вяленой рыбы. Онъ далъ мнѣ десять грошей на харчъ, говоря, что это онъ дѣлаетъ по порученію своего господина. При этомъ онъ повторялъ похвалы его щедрости и доброты, хвалилъ и меня за то, что я добрый малый и умѣлъ снискать его расположеніе.

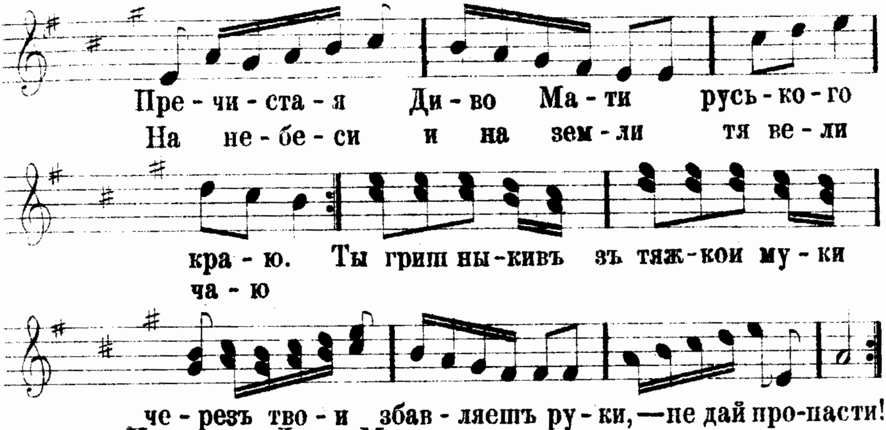
На базарѣ какой-то господинъ замѣтилъ меня и подошелъ, говоря: «здравствуй, Ромуальдъ!» Я не помнилъ этого лица и боясь какой нибудь новой измѣны, отказался отъ своего имени. Тогда онъ сказалъ мнѣ мою фамилію и прибавилъ, что онъ высланъ Квиткевичемъ отыскивать его родственниковъ и друзей, что братъ мой Антоній и родственникъ Воюдзкій находятся въ домѣ здѣшняго управляющаго. Этотъ разсказъ возбудилъ во мнѣ довѣріе къ разсказщику и я сдался на его попеченіе. Онъ привелъ меня въ домъ управляющаго, гдѣ я съ радостію увидѣлъ своихъ родственниковъ. Отсюда управляющій отправилъ меня къ моимъ родителямъ, которыхъ я засталъ въ живыхъ. Капитанскій кучеръ, не дождавшись моего возвращенія, ворвался, было, за мною въ домъ управляющаго;

но тамъ, отколотивъ порядкомъ, прогнали его. Благодаря Провидѣнію, этимъ и окончились мои приключенія».

Что настоящій разсказъ моего отца вѣрно и точно записанъ, я ручаюсь, такъ какъ за время разсказа я вмѣстѣ съ моими сестрами дѣлалъ замѣтки, по которымъ и списалъ настоящій разсказъ.

Кромѣ этого разсказывалъ мой отецъ о несчастномъ случаѣ, постигшемъ въ то - же время сестру его, Елену Воюдзкую, мать упоминаемаго здѣсь Воюдзкаго.

Во время уманской рѣзни она бѣжала было къ родственникамъ своимъ на Волынь. У нея было два грудныхъ ребенка—близнецы. На дорогѣ она остановилась въ одной корчмѣ. Въ это время въ корчму прибѣжала шайка гайдамаковъ-козаковъ. Добрая кормилица, желая спасти ее, отдала ей свое платье, сама - же, взявъ на себя одежду госпожи, бѣжала съ дѣтьми въ близлежащій кустарникъ. Но это не помогло. Красота Воюдзкой выдала ее. Прибѣжавшіе козаки начали приставать къ Воюдзкой, сидѣвшей въ корчмѣ въ одеждѣ кормилицы. Они заставляли ее пить съ ними водку, а когда она отказывалась, стрѣляли надъ ея головой, угрожая смертію. Одинъ изъ козаковъ, узнавъ Воюдзкую, обратился къ ней со словами: «здорова, Галько!» Слезы ея и память добрыхъ ея поступковъ тронули козака. Онъ началъ разсказывать другимъ, какъ она помогала бѣднымъ, какъ часто своими просьбами освобождала людей отъ наказаній. При этомъ онъ заявилъ, что не дозволитъ, чтобы съ ней случилось малѣйшее зло. На это грозное заявленіе—это былъ атаманъ шайки—одинъ изъ козаковъ сказалъ: «коли даруешъ життя матери, оддаймо - жъ ій и дити». Козаки разбѣжались сейчасъ отыскивать дѣтей, и одинъ изъ нихъ принесъ ребенка на копьѣ и бросилъ къ ногамъ матери. Атаманъ наказалъ его сейчасъ-же «по-козацки». Изнывающая, съ сердцемъ, переполненнымъ отчаянія, бѣдная мать должна была продолжать путь съ оставшимся въ живыхъ ребенкомъ и кормилицею. Защитившій ее козакъ проводилъ ее нѣсколько миль до мѣста, откуда она безопасно могла продолжать свой путь.

Въ память чудеснаго спасенія моего отца, я прилагаю упоминаемую пѣснь, которую онъ пѣлъ, и ноты.

Пречистая Диво, Мати руського краю,
На небеси и на земли Тя величаю:
Ты гришныкивъ зъ тяжкои муки
Черезъ свои збавляешъ руки,
Не дай пропасти!
Тоби вси святыи служать родице Бога,
И мы гришни славимъ Тебе вси, яко мога,
Цилымъ серцемъ. Нехай мило
Тоби служить душа, тило,
Мати чистая!
Хто невдяченъ ласки твоей, скажи, которыи
Зъ-пидъ каменья для збавленья идуть до горы?
Темныхъ, хорыхъ и уломныхъ
Очищаешъ тамъ притомныхъ—
Прошу жъ, и мене
Май въ бачности и милости вирного слугу,
Не дай мени упадати въ велику тугу.
Скажи-жъ теперъ—колибъ знати:
Що зъ гришныкомъ будешъ дилати,
Пани ласкава!
Утикающихъ къ Тоби во всякой потреби
Знаешъ и ихъ вспомагаешъ, хотяй живешъ у неби.
Не выпускай же на вики
Зъ Твоей пресвятой опики
Мене гришного!

Подай руку въ тяжкій биди и утрапленью,
Даруй ласку просящему мени ку збавленью.
Ратуй, всимъ намъ оборона,
Просить Тя наша корона,
Яко царыци.
Зъ Сыномъ Твоимъ возлюбленнымъ буди ласкава,
Которому нехъ съ Тобою поклонъ, честь, слава
Во викъ виковъ не престане,
Поки сёго свита стане—
Одъ всихъ слугъ твоихъ!

ТУРЪ ВЪ НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

I.

Историко-зоологическія свѣдѣнія о турѣ.

Въ древности въ Европѣ жили двѣ породы дикихъ быковъ: зубръ (bos priscus) и туръ (bos primigenius). Зубръ до сихъ поръ сохранился въ Бѣловежской пущѣ, въ гродненской губерніи. Бѣловежская пуща—громадный сплошной лѣсъ или лѣсной островъ, отдѣленный отъ другихъ лѣсовъ Литвы селеніями и обработанными полями. Правительство заботливо охраняетъ зубровъ. Лѣсная стража ежегодно провѣряетъ ихъ число, заготовляетъ для нихъ на зиму сѣно, уничтожаетъ хищныхъ животныхъ. За умышленное убійство зубра виновный судится, какъ за уголовное преступленіе. Туръ принадлежитъ къ числу совершенно вымершихъ большихъ травоядныхъ животныхъ, и память о немъ сохранилась въ мѣстныхъ названіяхъ, обрядахъ и пѣсняхъ.

О зубрѣ писали много[1]), и самого зубра можно видѣть въ лучшихъ европейскихъ зоологическихъ садахъ. О турѣ писали мало, и всѣ свѣдѣнія о внѣшнемъ видѣ и образѣ жизни тура мы почерпаемъ изъ старинныхъ книгъ, изъ замѣчаній, оброненныхъ мимоходомъ древними писателями.

Плиній говоритъ: «Скиѳія очень бѣдна животными и въ Германіи ихъ немного; но замѣчательны два вида дикихъ быковъ, именно, украшенный гривою бизонъ и отличающійся силою и бы-

---

[1]) *Усовъ*, „Зубръ“ (монографія); *Brehm*, Thierleben, II, и др.

стротою уръ». Плиній прибавляетъ къ этому, что несвѣдущій народъ называетъ уровъ буйволами» (bubalus).

Сенека говоритъ: «пестрые тигры даютъ тебѣ перси, мохнатые бизоны и дикіе уры съ широкими рогами хребты». Сенека здѣсь ясно различаетъ бизоновъ и уровъ чертами, характерными для обоихъ животныхъ.

У Марціала въ одномъ стихѣ поставлены рядомъ бизонъ и уръ, но послѣдній подъ именемъ bubalus: illi cessit atrox bubalus atque bison.

Юлій Цезарь въ своемъ сочиненіи De bello Gallico, въ описаніи Герцинскаго лѣса, говоритъ объ урѣ.

Сентъ-галенскій монахъ Эксгартъ, умершій въ 1070 г., перечисляя мясную пищу, которую употребляли въ его монастырѣ, указываетъ на wizent и ur, какъ на двухъ разныхъ животныхъ [1]).

Существованіе тура въ Россіи, преимущественно, южной и западной, подтверждается многими свидѣтельствами, русскими и польскими. Въ поученіи Владиміра Мономаха, вставленномъ въ Лаврентьевскую лѣтопись подъ 1096 г., а составленномъ, по вѣроятному соображенію Погодина, въ 1099 г. [2]), находится слѣдующее выраженіе Владиміра: «Тура мя два метали на розѣхъ и съ конемъ» [3]). Изъ поученія видно, что мѣстомъ охоты на тура въ данномъ случаѣ были лѣса нынѣшней черниговской губерніи. Эпитетъ Всеволода въ «Словѣ о Полку Игоревѣ» «яръ-туръ» получаетъ особенную силу и значеніе, если принять во вниманіе отзывы Плинія, Сенеки и Марціала объ урѣ, какъ о животномъ сильномъ, быстромъ и жестокомъ. Выраженіе храбрости воина посредствомъ сравненія его съ туромъ, можно думать, было довольно обычно въ древности, можетъ быть, было общимъ эпическимъ выраженіемъ. Въ началѣ Волынской лѣтописи по Ипатьевскому списку, въ характеристикѣ кн. Романа Галицкаго, сохранившей обрывки древнихъ поэтическихъ мотивовъ, находится выраженіе: «храборъ бо бѣ, яко и туръ» [4]).

---

[1]) *Усовъ*, Зубръ, стр. 82—83.

[2]) *Извѣстія* Акад. Наукъ, т. X, вып. 3.

[3]) *Лѣтопись*, изд. 1872 г., стр. 24.

[4]) *Бестужевъ-Рюминъ*, О составѣ русскихъ лѣтописей, стр. 43.

Матвѣй Мѣховскій въ трактатѣ о Сарматіяхъ 1521 г. говоритъ о дикихъ быкахъ или турахъ, какъ животныхъ, водившихся въ литовскихъ лѣсахъ[1]). Послѣ трактата Мѣховскаго въ исторіи знаній, относящихся къ міру животныхъ восточной Европы, замѣтно выступаетъ сочиненіе Іовія. Іовій замѣчаетъ, что въ Литвѣ, въ той ея части, которая примыкаетъ къ Пруссіи, водились туры (uri ingentes et fèrocissimi taurorum specie). Повидимому, Іовій смѣшивалъ тура съ зубромъ, потому что послѣ приведенной фразы замѣчаетъ: quos Bisontes vocant[2]). Наиболѣе цѣнныя извѣстія о турѣ находятся въ Запискахъ Герберштейна о Московіи. Изъ подробнаго описанія зубра и тура у Герберштейна видны особенности того и другаго. «Кромѣ тѣхъ звѣрей, которыя водятся въ Германіи, говоритъ Герберштейнъ, Литва имѣетъ еще бизонтовъ (bisons), буйволовъ (urus), лосей (alce), которыхъ иные называютъ онаграми, лѣсными лошадьми. Бизонта литовцы называютъ на своемъ языкѣ зубромъ, германцы неправильно зовутъ его Aurax или Urax... Бизонты съ гривой; шея и плечи ихъ косматыя; борода, висящая съ подбородка; волоса пахнутъ мускусомъ; голова короткая; глаза большіе, впалые, какъ-бы пылающіе; лобъ широкій... Спина зубра приподнимается въ видѣ горба, такъ что передняя и задняя части животнаго ниже середины». Далѣе слѣдуетъ описаніе охоты на зубра. «Буйволы, продолжаетъ Герберштейнъ, водятся только въ одной пограничной съ Литвой Мазовіи. На туземномъ языкѣ называются турами, а у германцевъ настоящее имъ имя Urox. Это въ самомъ дѣлѣ лѣсные быки, нисколько не отличающіеся отъ домашнихъ быковъ, развѣ только тѣмъ, что всѣ они черны и имѣютъ черную съ бѣлымъ полосу вдоль хребта. Ихъ не очень много, и на нѣкоторыя деревни возложены уходъ и присмотръ за ними; наблюдаютъ за ними почти такъ же, какъ въ какихъ-нибудь звѣринцахъ. Они случаются съ домашними коровами, но это сопровождается дурными послѣдствіями для нихъ, ибо потомъ прочіе буйволы не допускаютъ ихъ въ стадо, какъ обезчестившихся (infames); да и телята, рождающіяся отъ этого смѣшенія, не живучи. Король Сигизмундъ Августъ подарилъ мнѣ, когда я былъ у него

---

1) *Замысловскій*, Герберштейнъ, стр. 269.

2) Тамъ-же, стр. 277.

посломъ, одного выпотрошеннаго буйвола, котораго добили охотники, когда онъ полуживой былъ выгнанъ изъ стада; у него была вырѣзана кожа, которая покрываетъ лобъ, и я думаю, что это сдѣлано было не даромъ... Извѣстно, что пояса, сдѣланные изъ буйволовой кожи, цѣнятся дорого, и въ народѣ вѣрятъ, что опоясываніе ими помогаетъ въ родахъ. По этой причинѣ королева Бона, мать Сигизмунда Августа, подарила мнѣ два такихъ пояса, изъ которыхъ одинъ благосклонно приняла въ подарокъ отъ меня моя пресвѣтлѣйшая государыня, королева римская» [1]). Въ другомъ мѣстѣ Герберштейнъ говоритъ, что самогиты употребляли буйволовы рога вмѣсто чашъ [2]).

Лаврентій Сурій, писатель половины XVI в., говоритъ: «заблуждаются тѣ, которые уровъ зовутъ бизонами, ибо бизоны многимъ отличаются отъ уровъ [3]).

Блэзъ де Виженеръ въ «La Description du Royaume de Poloigne» 1573 г. упоминаетъ о турахъ, причемъ руководствуется Записками Герберштейна. Блэзъ де Виженеръ говоритъ, что туры отличались отъ домашнихъ быковъ величиной, уступая въ этомъ отношеніи только слонамъ. Цвѣтъ ихъ черный, съ бѣлой полосой на хребтѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ихъ держали въ большихъ деревянныхъ оградахъ или паркахъ, что вполнѣ согласуется съ показаніями Герберштейна [4]).

Граціанъ де Бурго, конца XVI ст., также упоминаетъ объ урахъ и бизонахъ.

Нѣмцевичъ издалъ въ 1821 году дневникъ Муканте, бывшаго секретаремъ папскаго нунція при польскомъ дворѣ въ 1595 году. Здѣсь Муканте говоритъ, что онъ посѣтилъ большой королевскій паркъ близъ Варшавы, гдѣ были бизоны и туры.

Воевода Остророгъ, писавшій въ XVI ст. многія сочиненія, касающіяся охоты и сельскаго хозяйства, написалъ руководство къ устройству охотничьихъ парковъ, гдѣ совѣтуетъ не содержать въ одномъ и томъ же паркѣ бизоновъ и уровъ, ибо вслѣдствіе враж-

---

[1]) *Герберштейнъ*, Записки о Московіи, перев. Анонимова, стр. 168.

[2]) *Замысловскій*, Герберштейнъ, стр. 306. Примѣчаніе.

[3]) *Усовъ*, Зубръ, стр. 85.

[4]) *Кулишъ*, Исторія возсоед. Руси, т. II, стр. 450.

дебной антипатіи эти животныя часто дрались бы. Кромѣ того, о турѣ упоминаютъ другіе писатели XVI вѣка, Мартынъ Кромеръ, Туанъ и Іоаннъ Ботеръ, въ своихъ историческихъ и статистическихъ описаніяхъ Литвы[1]).

Писатели XVII вѣка, Генебергеръ, Гарткнохъ, Московій уже смѣшиваютъ зубра и тура и все, относящееся къ зубру, относятъ къ туру, или обратно.

Общій смыслъ всѣхъ историческихъ свидѣтельствъ писателей XVI ст. о турѣ состоитъ въ томъ, что въ это время туръ становился рѣдкостью. Его уже оберегаютъ отъ истребленія, содержатъ въ особыхъ помѣщеніяхъ, обязываютъ населеніе извѣстныхъ мѣстностей охранять стада туровъ. Цѣль охраненія туровъ могла быть различной: охота высокопоставленныхъ лицъ, снабженіе лучшими экземплярами королевскихъ парковъ, полученіе изъ кожи убитыхъ туровъ ремней съ суевѣрными врачебными цѣлями. Какъ-бы то ни было, охраненіе тура не спасло его отъ окончательнаго вымиранія, и въ XVII ст. совсѣмъ исчезъ Bos primigenius въ восточной Европѣ.

Герберштейнъ и Блэзъ де Виженеръ оставили рисунки тура; рисунокъ Герберштейна, между прочимъ, помѣщенъ въ монографіи Усова о зубрѣ; рисунокъ Блэза де Виженера въ концѣ 2 тома «Исторіи возсоед. Руси» П. А. Кулиша. Голова тура въ рисункѣ Блэза отчасти напоминаетъ голову зубра; рисунокъ Герберштейна, повидимому, вѣрнѣе передаетъ оригиналъ.

II.

Филологическія разысканія о турѣ.

Въ санскритскомъ sthira—быкъ, въ смыслѣ прилагательномъ обозначаетъ понятія крѣпкій, сильный, неподвижный, понятія, такъ подходящія для характеристики быка. Корень слова stha (stare) встрѣчается во всѣхъ арійскихъ языкахъ. Отсюда въ санскр. sthura—сильный человѣкъ, sthaura—сила, sthaurin, sthurin, sthorin—сильная лошадь. Къ этому разряду словъ относятся зендское ctaora—вьючное животное, осетинское stur—большое животное вообще, готское stiur, англ-саксонское steor, styre, древне-верхне-нѣмецкое stiuri,

---

[1]) *Усовъ*, Зубръ, стр. 87, 88.

sturi, ново-нѣмецкое stier—волъ, быкъ, названіе, до сихъ поръ напоминающее stark—сильный, крѣпкій. Во всѣхъ этихъ словахъ ясно обнаруживается опредѣленіе животнаго по силѣ, какъ главному качеству его.

Въ разныхъ языкахъ въ глубокой древности уже обнаружилась потеря начальнаго S. Такъ въ греч. thauros, латинск. taurus, сканд. thior, швед. tiur, датск. tyr, древне-слав. тоуръ, русск. туръ.

Любопытно, что эти арійскія названія для быка, домашняго или дикаго, встрѣчаются у народовъ семитическихъ: халдеевъ tora, сирійское tauro, араб. thavr. Трудно опредѣлить, въ какомъ отношеніи находится эта группа семитическихъ словъ къ арійскимъ наименованіямъ быка. Можно думать, что въ данномъ случаѣ заимствовали семиты [1]).

Въ славянскихъ языкахъ встрѣчается одна форма названія туръ, безъ начальной s [2]).

Нѣмецкое названіе для тура ur, urox производятъ отъ общаго ведическаго названія быка и коровы usra. Это слово обозначало лучъ, свѣтъ и быковъ съ шерстью красноватаго оттѣнка. Среднее s могло ассимилироваться слѣдующему затѣмъ въ usra r. Странно, однако, что животное чернаго цвѣта получило наименованіе отъ слова, означающаго красный цвѣтъ, и этой несообразности не устраняетъ предположеніе Пикте, что основной смыслъ слова usra былъ потерянъ германцами и кельтами [3]). Любопытно, что у славянъ слово оуръ въ древности имѣло совсѣмъ особое значеніе, именно означало героя, доблестнаго воина, богатыря. Такъ, въ одной древней болгарской рукописи, заключающей въ себѣ переводъ греческихъ сказаній о троянской войнѣ, находятся выраженія: грѣцкыѧ воеводы и саракинстіи оурове, царѣ и оурове грьцстіи» [4]).

У сербовъ и хорватовъ туръ извѣстенъ былъ подъ названіемъ «дивій волъ» [5]), напоминающимъ малорусскій эпитетъ тура—оленя «дивное звѣря». Положеніе слова туръ въ малорусскомъ языкѣ неизвѣстно. Лексикальная сторона малорусскаго языка почти со-

---

[1]) *Pictet*, Les origines indo-europeennes, т. I, стр. 397.

[2]) *Mklosich*, Lexicon palaeoslavico—gr.—latinum, 1015.

[3]) *Pictet*, Les origines, т. I, стр. 339.

[4]) *Miklosich*, Lexicon palaeoslavico—gr.—latinum, 1063.

[5]) *Linde*, Słovnik, V.

всѣмъ неизслѣдована. Съ словомъ туръ сходны многія областныя великорусскія слова; но въ большинствѣ случаевъ это сходство случайное. Нѣтъ основаній, ни филологическихъ, ни логическихъ, связывать слово туръ съ такими словами, какъ турлыкать (напѣвать, чаще курлыкать; слово звукоподражательно «журавли курлыкаютъ»), турусы (пустословіе), турухтанъ (драчунъ куликъ, tringa pugnax), туркотъ (порода голубей, слово звукоподражательное отъ турчать). Можетъ быть, въ родственной связи съ туромъ находятся слова: турить, турнуть (тамб., костром. и др.) въ значеніи гнать, туркій (нижегор.) въ значеніи быстрый, туровить (волог., перм.) въ значеніи торопить, туровый (волог., новг.)—скорый, быстрый, турлукъ (рязан.)—частоколъ, плетень, турыкала или турыбала—охотникъ про себя, турыбала (тверск.)—неловкая, неуклюжая баба, турышко (волог.)—ведерце, туръ или турокъ (арханг.)—печной столбъ, коего окончаніе, или нога, расписывается пестро красками. Послѣднее слово встрѣчается въ народныхъ пѣсняхъ сѣвернаго края, напримѣръ: туру ногу пишетъ[1]).

Народъ часто даетъ названіе одного животнаго другому, когда перваго животнаго нѣтъ въ той мѣстности, гдѣ живетъ другое, но гдѣ первое животное было нѣкогда и воспоминанія о немъ сохранились. Такъ, неизвѣстно, къ какому виду рода cervus относилось исчезнувшее слово елень. Измѣнившись въ елень, оно относится къ двумъ разнымъ животнымъ, именно: на Сѣверѣ и въ Сибири оленемъ просто называется Cervus tarandus, сѣверный олень (эпитетъ сѣверный приданъ зоологами); на югѣ Россіи оленемъ называютъ Cervus claphus. Эти два вида животныхъ въ Россіи сходятся только въ одномъ мѣстѣ, именно Сибири, и тамъ тотчасъ же оба вида пріобрѣтаютъ два различныя видовыя названія; за первымъ остался олень, второй получилъ названіе изюбръ. Названіе серна также относится къ двумъ различнымъ видамъ, даже разныхъ семействъ, именно: серною называютъ козулю, Cervus capreolus, и собственно серну Capella rupicarpa. Подобный же переносъ названія съ одного животнаго на другое обнаруживается въ словѣ туръ. Гдѣ не сходились Bos primigenius и Bison curapaeus, названіе тура могло отно-

---

[1]) *Даль*, Толковый словарь, т. IV, стр. 406; *Дополненія* къ нему, изд. Акад. Наукъ.

ситься къ тому и другому; тамъ же, гдѣ оба вида сходились вмѣстѣ, напр. въ Литвѣ и Польшѣ, тамъ явилось и два видовыхъ названія: туръ и зубръ [1]). На Кавказѣ туромъ называется дикій, каменный или горный баранъ, capra caucasica. Ученые туромъ назвали большаго жука, оленя или рогача [2]). Въ Литвѣ растеніе Hierochlea berealis называется зубровкой и туровкой [3]).

III.

Туръ въ личныхъ именахъ.

Извѣстно, что у народовъ, непросвѣщенныхъ христіанствомъ, личныя имена происходятъ отъ названій предметовъ физическаго міра, преимущественно названій растеній и животныхъ. У дикихъ и варварскихъ народовъ, напримѣръ, американскихъ индѣйцевъ, обычны личныя имена Волкъ, Лисица, Змѣя и т. п. Несомнѣнно, славяне въ языческую пору также употребляли названія растеній и животныхъ для обозначенія людей, какъ личныя имена. Замѣчательнымъ переживаніемъ служатъ сохранившіяся у сербовъ и болгаръ личныя имена по растеніямъ и животнымъ, напримѣръ, имя извѣстнаго сербскаго этнографа Караджича Вукъ, т. е. Волкъ. У болгаръ въ настоящее время встрѣчаются слѣдующія личныя имена по растеніямъ: Босилко (мужское) и Босилка (жен.), Вишнё (муж.) и Вишна (жен.), Врьбанъ (муж.) и Врьбана или Верба (жен.), Гроздё (муж.) и Грозда или Гроздана (жен.), Данко или Дѫбко (муж.), Лозана (жен.), Цвѣтанъ (муж.) и Цвѣтана или Цвѣтка (жен.), Билина, Дафна (греч. лавръ), Дуля (груша, айва), Карамфила (турец. гвоздика), Маслина (въ западной Болгаріи), Ружа, Ракита, Трендафила (греч. роза), Чиреша—все женскія личныя имена, и слѣдующія личныя имена по животнымъ, исключительно мужескія: Влѫко, Волко, Влѫчо, Влѫчанъ, Вѫко, Куртъ (турец. волкъ), Меца и Мечка (медвѣдь), Паунъ, Павлинъ, Рако, Славей. Въ западной Болгаріи встрѣчается женское личное имя Зазуля [4]). Въ сербскихъ пѣсняхъ встрѣчается слово туръ въ значеніи юнака, богатыря, Туре Влахине богатырь

---

[1]) *Усовъ*, Зубръ, стр. 92—93.

[2]) *Даль*, Толковый словарь, т. IV, стр. 406.

[3]) *Усовъ*, Зубръ, стр. 92.

[4]) *Каравеловъ*, Памятники народ. быта болгаръ, т. I, стр. 1861.

Волохъ, соотвѣтственно съ буй туръ Всеволодъ въ «Словѣ о Полку Игоревѣ».

Въ русскихъ лѣтописяхъ находятся указанія, что въ древній періодъ русской исторіи русскіе славяне имѣли личныя имена, произведенныя отъ названія животныхъ и, въ частности, тура. Въ первоначальной лѣтописи подъ 980 г.: Бѣ бо Рогъволодъ пришелъ изъ заморья, имяше власть свою въ Полотьскѣ, а Туры въ Туровѣ, отъ него же и Туровци прозвашася»[2]). Основателемъ Турова дѣйствительно могъ быть князь Туръ, согласно съ обычаемъ называть города по имени основателей. О древности этого обычая можно судить по тому, что на первыхъ страницахъ первоначальной лѣтописи уже встрѣчаются города Владиміръ, Ярославль, Святополчь, Борисовъ. Основателемъ Турова могъ быть князь славянскаго происхожденія. Въ лѣтописи встрѣчаются несомнѣнно русско-славянскіе люди съ личнымъ именемъ Туръ. Такъ въ лѣтописи, приписываемой Нестору, или первоначальной, подъ 1097 г. упоминается владимірецъ Турякъ. Въ Ипатьевской лѣтописи подъ 1208 г. упоминается Петръ Туровичъ. Бо́льшаго довѣрія заслуживаетъ, однако, другое предположеніе, что основателемъ Турова былъ варягъ, по имени Туръ, землякъ упоминаемаго рядомъ съ нимъ Рогволода. Нужно думать, что воинственные варяги любили личное имя по сильному быку, туру. Слово Туръ было довольно обычнымъ въ именахъ варяжскихъ. Оно встрѣчается въ именахъ нѣсколькихъ варяжскихъ дружинниковъ въ договорѣ Игоря съ греками 945 года, какъ-то Турдовъ, Турбидъ, Турбенъ, отъ скандинавскаго thior, швед. tiur. На народномъ славянскомъ языкѣ какой-либо Турдовъ или Турбидъ обращался въ Тура. Вообще, въ этой области личныхъ именъ славяне сходились съ норманнами, такъ какъ названія тура у тѣхъ и другихъ были почти тождественны въ фонетическомъ отношеніи.

Какъ извѣстно, русскій народъ уже въ древности, XII и XIII ст., оставилъ старинныя личныя имена по растеніямъ, животнымъ или нравственнымъ качествамъ и принялъ всецѣло лчныя имена святыхъ, почитаемыхъ православною церковью, безъ различія отъ степени ихъ извѣстности или благозвучности.

---

[1]) *Лѣтопись* по Лавр. сп., 1873, стр. 74.

Въ настоящее время встрѣчаются фамильныя прозванія Туровъ, Туренко, Туранскій, Туринскій и т. п. Весьма сомнительно, чтобы въ основаніи ихъ лежало названіе животнаго тура, давно уже вымершаго.

IV.

Туръ въ мѣстныхъ названіяхъ.

Мѣстныя собственныя имена, происшедшія отъ тавра—тура, указываютъ, въ какихъ мѣстностяхъ водились туры въ большомъ количествѣ. Слово таврусъ встрѣчается во многихъ мѣстныхъ названіяхъ греческихъ и римскихъ. Къ этому разряду мѣстныхъ собственныхъ именъ принадлежатъ наименованія: Таврида, Taurasia или Augusta Taurinorum, нынѣ Туринъ въ сѣверной Италіи, Таврополіумъ—храмъ Діаны на островѣ Икаріи, Taurunum—городъ въ нижней Панноніи, нынѣ Бѣлградъ [1]). Нельзя не признать, однако, крайнимъ произволомъ сваливаніе въ одну кучу и пріуроченіе къ туру всѣхъ наименованій странъ и народовъ, гдѣ только слышится слово туръ или сходное съ нимъ,—сваливаніе, замѣтное въ Словарѣ Ходаковскаго [2]), въ книгѣ «Божества древнихъ славянъ» г. Фаминцына и въ особенности въ статьѣ г. Безсонова «Мнимый туранизмъ русскихъ», напечатанной въ «Чтеніяхъ москов. общ. ист. и древ. россійскихъ» (1885 г., кн. II). Древній народъ ады или уты и туръ—это два кита, на которыхъ держится вся филологія, этнографія, этнологія и археологія г. Безсонова. У г. Безсонова туръ переплетается съ тигромъ, этрусками, тюрингенцами, буй-туръ «Слова о Полку Игоревѣ» отождествляется съ британскимъ Артуромъ, и все это сводится къ туру (стран. 101); кентавръ—коне—туръ (101); этруски, туррены, туссагеты, туринги, тирольцы, турки, по словамъ г. Безсонова, «конечно изъ помянутаго тура». Мало того: «имя татаръ, продолжаетъ г. Безсоновъ, редупликація или удвоеніе корня тр, являющагося уже въ извѣстныхъ намъ наименованіяхъ: тигръ, туръ, тавръ» [3]). Сравнительная славянская филологія и мифологія все терпитъ. Въ этой области, загроможденной всякаго рода

---

[1]) *Кронебергъ*, лат.-рус. словарь, стр. 523.

[2]) *Погодинъ*, Русск. историч. сборникъ, 1844 г., т. VII.

[3]) *Чтенія* въ общ. ист. и древ. росс., 1885 г., т. II, стр. 110.

хламомъ, весьма полезной является стротая и суровая критика, въ родѣ уничтожающей рецензіи проф. Будиловича въ Журналѣ министерства народоднаго просвѣщеніи на «Славянскій міръ» генерала Риттиха.

Слово туръ входитъ во многія славянскія мѣстныя названія. Такъ сюда относятся словинскія: Турье, Турякъ, Турянци, Турья Глава, хорватскія: Турини, Туряньско, Турополье, Туриново село, сербскія: Турія, Турье, Турица, Туряке, чешскія: Туржи, Тура, Турице, Туровъ, Турова, Туровецъ, Туровище, Туровка, Турско, Турна, Тура луна, Турополе, польскія: Туръ, Туржецъ, Туры, Туржа, Туржынъ, Туревъ, Турово, Туровице, Туростово, Турова воля, Турже поле[1]). Въ Великороссіи находимъ мѣстныя названія: Тура (рѣчка въ лух. уѣз. костр. губ.), Турья (рѣка въ серп. уѣз. моск. губ.), Туринино (село въ калуж. губ.), Турово (село въ твер. и въ новгор. губ.), Тураево (село въ калуж. губ.), Турова (село въ яр. губ.), Волотуръ (тул. губер.), Верхотурье (перм. губ.)[2]). Туръозеро (въ кур. губер.), Туриково (въ костр. губ.), Туромша (въ ряз. губ.), Туренка (рѣка въ тул. губ.), Туровскій лѣсъ (въ ряз. губ.), Турская (село въ новг. губ.), Итурова пустошь (въ новг. губ.), Отурицы (въ новг. губ.), Обо-Турово (въ костр. губ.), Оботуринъ (рѣка въ твер. губ.), Туровское озеро (въ костр. губ.), Туренка (рѣка въ орл. губ.), Туровская (въ тамб. губ.), Туровъ логъ (въ кур. губ.). По замѣчанію Ходаковскаго, «обыкновенно являются сіи названія при нашихъ городищахъ»[3]).

Въ западной и юго-западной Россіи, въ Галиціи и Польшѣ сохранилось много мѣстныхъ названій, произведенныхъ отъ тура. Эти страны, въ особенности Литва и Волынь, въ древности были покрыты дремучими лѣсами, отчасти сохранившимися до настоящаго времени, и тутъ, нужно думать, водилось много туровъ и зубровъ. Такъ, въ волынской губерніи находимъ Турьи горы, въ кремен. уѣз., подъ Городищемъ, въ Загайцахъ, Турье поле, во владим. у., подъ Городищемъ, что въ Зимнѣ, Турійскъ, Туря (притокъ р. Припети). Въ кіевской губ. Турія, Турова божница. Въ черниговской

[1]) *Miklosich*, Die slavisch. Orstnamen, т. II, стр. 110.

[2]) *Фаминцынъ*, Боги славянъ, т. I, стр. 233.

[3]) *Погодинъ*, Русск. истор. сборн., т. VII, стр. 375.

губ. р. Турья, притокъ Снови. Въ Галиціи Турочки, Туроньско[1]). Названіе рѣки Стырь, можетъ быть, происходитъ отъ слова туръ, въ готской его формѣ stiur, древне-нѣм. stiuri, sturi[2]).

Отраженіе тура въ мѣстныхъ названіяхъ не представляетъ хронологическаго интереса. По этимъ названіямъ нельзя опредѣлить время исчезновенія тура въ разныхъ мѣстностяхъ. Въ нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ мѣстныхъ названій могли возникнуть отъ личнаго и фамильнаго прозванія перваго поселенца, причемъ самое прозваніе могло на нѣсколько столѣтій пережить тура, отъ котораго первоначально произошло. Во всякомъ случаѣ многія мѣстныя названія, произведенныя отъ тура, возникли въ глубокой древности и встрѣчаются уже на первыхъ страницахъ древней лѣтописи. Городъ Туровъ кіевской области, нынѣ село Турово минской губ., встрѣчается подъ 980 г. Подъ 1097 г. упоминается Турійскъ, гор. владимірской обл., нынѣ мѣст. волынской губерніи на рѣкѣ Турьѣ. Подъ 1146 г. упоминается Турова божница близъ Кіева; подъ 1283 г. село Турово курской области. Городъ Туръ на рѣкѣ Нѣманѣ упоминается въ числѣ древнихъ городовъ литовскихъ.

Нѣкоторыя мѣстныя названія отъ тура могли возникнуть потому, что, какъ мы уже видѣли, на обязанности жителей нѣкоторыхъ селъ лежало охраненіе этого животнаго[2]).

V.

Туръ въ малорусскихъ поговоркахъ.

Поговорки бываютъ разнаго рода. Однѣ поговорки вышли изъ пѣсенъ, и въ пѣсняхъ нужно искать ихъ полнаго значенія. Другія поговорки представляются результатомъ простаго наблюденія надъ міромъ физическимъ и имѣютъ самостоятельное происхожденіе и самостоятельную цѣну. Малорусскія поговорки о турѣ принадлежатъ къ послѣднему разряду поговорокъ народныхъ. Онѣ не повторяютъ пѣсенныя выраженія, пѣсенныя характеристики тура, а прибавляютъ къ нимъ новыя, оригинальныя черты народной наблю-

---

[1]) Тамъ же, стр. 343; *Головацкій*, Пѣсни, т. I, *Фамицынъ*, т. I, стр. 233.

[2]) *Pictet*, Les origines indo-europeennes, т. I, стр. 336.

[3]) *Лѣтопись* по Лавр. сп., 1872 г., стр. 74, 258, 457; *Фаминцынъ*, стр. 233; *Барсовъ*, Матеріалы, стр. 202.

дательности и народныхъ воспоминаній объ этомъ животномъ. Малорусскія поговорки о турѣ немногочисленны; но онѣ любопытны и цѣнны по вѣрной характеристикѣ тура въ главныхъ, существенныхъ его свойствахъ.

1) Гримъ такій, що хочъ туры гони, такъ не почують (Волынь).

2) Леминтъ такій, или глухе таке, що хочъ туры гони, то не почують (тамъ-же).

3) Зъ тобою ходити, якъ зъ туромъ водитись (варіантъ, якъ зъ гованомъ). (Подолія).

4) Баба, якъ туръ (встрѣчается у Илькевича).

5) Ззираются, якъ на тура (говорятъ въ Галиціи и Подоліи).

6) Тутъ, туре, грузько (встрѣчается въ рукописи начала XIX ст., заключающей въ себѣ приказки изъ Уманщины).

7) У него натура, якъ у тура (у Илькевича и Войцицкаго).

8) Хорошъ и той пидъ тура (изъ Уманщины).

9) Выгонимъ сирого тура зъ луга (у Войцицкаго).

10) Сидить, якъ туръ у горахъ (запис. въ Кіевѣ) [1]).

Всѣ эти поговорки народнаго происхожденія; всѣ записаны въ юго-западномъ краѣ и въ Галиціи, и это обстоятельство не лишено значенія при рѣшеніи вопроса, гдѣ водились на югѣ Россіи туры и гдѣ они долѣе всего держались. Поговорки вѣрно передаютъ намъ основную особенность тура, его величину, тяжесть и цвѣтъ шесрти. Извѣстно, что цвѣтъ шерсти тура черный, но на спинѣ животнаго шла бѣлая полоска, и потому малорусскій эпитетъ тура сѣрый представляется вѣрнымъ. Въ особенности любопытны 9 и 10 поговорки, указывающія на пребываніе тура въ лѣсахъ Кіевщины и Волыни и на покрытыхъ лѣсами горныхъ отрогахъ Карпатъ въ Подоліи и Галиціи. Данныя о турѣ, находящіяся въ поговоркахъ, подтверждаются малорусскими пѣснями, представляющими нѣсколько новыхъ характерныхъ чертъ тура, точнѣе воспоминаній о турѣ.

Туръ изрѣдка встрѣчается въ малорусскихъ заговорахъ, напримѣръ, въ заклинаніи противъ кровотеченія: «тамъ на горѣ туры орали, красну рожу сіяли» [2])....

---

[1]) *Герберштейнъ,* въ пер. Анонимова, стр. 168.

[2]) *Номисъ,* Украинськи приказкн, §§ 562, 645, 2662, 7813, 8587, 13323, 13328, 13338, 5296 и 1353.

VI.

Туръ въ малорусскихъ пѣсняхъ.

Въ малорусскихъ историческихъ пѣсняхъ или думахъ нѣтъ тура. Въ то время, когда слагались думы, въ XVII ст., тура уже не было въ южной Россіи. Туръ сохранился въ болѣе древнихъ малорусскихъ пѣсняхъ, нменно въ колядкахъ и свадебныхъ пѣсняхъ. Въ колядкахъ говорится, что «хорошая жена мыла пеленки или ризы Спасителя на краю Дуная надъ синимъ моремъ и сушила ихъ въ тура на рози»[1]). Здѣсь примѣшался христіанско - легендарный мотивъ о Богоматери. Въ другихъ колядкахъ (напримѣр. Голов. II, 18) рѣчь идетъ вообще о бѣлой кошулѣ, или сорочкѣ славимаго домохозяина.

Одинъ изъ самыхъ обычныхъ, въ высшей степени распространенныхъ пріемовъ народной мысли въ созданіи пѣсенъ состоитъ въ мультипликаціи или увеличеніи числа предметовъ, о которыхъ идетъ рѣчь въ пѣсни, увеличеніи, большею частію выражающемся въ троеніи предмета. Вмѣсто одной дороги, одной травы, одного богатыря, является три дороги, три травы, три и болѣе богатырей. Повидимому, это формальное явленіе народной поэзіи обнаруживается въ тѣхъ мѣстахъ колядокъ, гдѣ говорится про девять роговъ тура-оленя. Газдынонька, т. е. домохозяйка, смотритъ въ чистое поле:

> Ой высмотрѣла дивное звѣрье,
> Дивное звѣрье, тура-оленя.
> На головцѣ жъ му та девять рожкивъ[2]).

Въ другой галицко-русской колядкѣ зеленая дуброва шумитъ:

> Бо въ себѣ чую дивное звѣря,
> Дивное звѣря, тура-оленя,
> Що на головцѣ девять рожечкивъ,
> А на десятомъ теремъ збудованъ,
> А въ томъ теремѣ кгречная панночка[3])....

---

[1]) *Ефименко*, Малор. заклинанія, стр. 13.

[2]) *Kolberg*, Pokucie, т. I, стр. 100.

[3]) *Головацкій*, т. II, стр. 48.

Этотъ мотивъ довольно часто встрѣчается въ колядкахъ, и въ сущности въ немъ нѣтъ ничего страннаго, если принять во вниманіе съ одной стороны громадные рога тура, съ другой свойственный народной поэзіи гиперболизмъ, poetica licentia. Извѣстно, что туръ часто смѣшивался съ зубромъ въ сообщеніяхъ иностранныхъ путешественниковъ и, можно думать, въ народныхъ разсказахъ, причемъ нѣкоторыя черты зубра или разсказы о немъ переносились на тура. Герберштейнъ говоритъ: «рога зубровъ большею частію были широки и расположены такъ, что въ промежуткѣ между ними могутъ усѣсться три хорошо сложенныхъ человѣка; этотъ опытъ былъ сдѣланъ, какъ утверждаютъ, королемъ польскимъ Сигизмундомъ, отцомъ нынѣ царствующаго Сигизмунда Августа, который, мы знаемъ, былъ хорошаго и крѣпкаго сложенія, вмѣстѣ съ двумя другими, которые были не меньше его»[1]. Тутъ, очевидно, есть преувеличеніе. Сказка эта тѣмъ болѣе любопытна, что повторяется въ сочиненіи Гуссовіана о бизонтѣ (1523 г.)[2]. Въ старинное время вѣроятно существовали подобнаго рода преувеличенные разсказы о величинѣ роговъ тура, проникшіе даже въ пѣсни. Судя по приведеннымъ колядочнымъ мотивамъ, въ южно-русскомъ народѣ ходилъ преувеличенный разсказъ о громадномъ быкѣ турѣ съ теремомъ на головѣ между рогами, причемъ въ разсказѣ могли быть дополнительныя, не дошедшія до насъ подробности о томъ, кто построилъ теремъ и съ какой цѣлью. Замѣчаніе о томъ, что въ теремѣ находится «кгречная панночка», даетъ поводъ предположить, что весь разсказъ о турѣ съ теремомъ на головѣ былъ пріуроченъ къ извѣстнымъ сказкамъ восточнаго происхожденія о томъ, какъ отецъ оберегаетъ сына или дочь отъ змѣя, колдуновъ, злыхъ людей. Подобнаго рода разсказъ находится въ повѣсти о Варлаамѣ и Іоасафѣ. Ближайшимъ образомъ могло оказать вліяніе какое-нибудь житійное сказаніе или легенда, въ родѣ легенды о св. Христинѣ. Св. Христина, дочь благородныхъ, но нехристіанскихъ родителей, заключена въ башню вмѣстѣ съ 12 служанками и идолами[3]).

«Необходимо помнить, говоритъ А. Н. Веселовскій, что не все миѳическое или кажущееся таковымъ, необходимо древнее, исконное,

[1]) *Головацкій*, т. II, стр. 84, 612.

[2]) *Герберштейнъ*, Записки, стр. 167.

[3]) *Усовъ*, Зубръ, стр. 85.

[4]) *Кирпичниковъ*, Греческіе романы въ новой литературѣ, стр. 221.

принадлежащее къ сути того или другаго эпическаго лица или образа, а могло приклеиться къ нему и впослѣдствіи, случайно, и тѣмъ болѣе, чѣмъ дальше, въ порядкѣ хронологіи или географически, пѣсня или преданіе отошли отъ своего источника. Переселившись на новое мѣсто, оторванная отъ живыхъ корней, пѣсня легче подвергается превращеніямъ, особливо, когда она полюбилась, пришлась къ дому; въ такихъ случаяхъ она не только обростаетъ сказочными и миѳическими подробностями, но пріурочивается наново: захожато богатыря начинаютъ считать своимъ» [1]). Посмотрѣвши съ такой точки зрѣнія на «гречную панночку» малорусской колядки, мы можемъ сопоставить съ ней жену Святогора. Видитъ Илья Муромецъ:

Ѣдетъ богатырь выше лѣсу стоячаго,
Головой упираетъ подъ облаку ходячую,
На плечахъ везетъ хрустальный ларецъ,
Отмыкалъ ларецъ золотымъ ключемъ;
Выходитъ оттоль жена богатырская.
Такой красавицы на бѣломъ свѣтѣ.
Не видано и не слыхано [2]).

По замѣчанію М. Е. Халанскаго, «въ сказаніяхъ о Святогорѣ указано такъ много элементовъ книжныхъ (о сумочкѣ переметной, о смерти Святогора), что вопросъ о литературномъ происхожденіи былинъ объ этомъ богатырѣ кажется близкимъ къ положительному рѣшенію. Замѣчательно, что сами былины не присвояютъ русской землѣ этого богатыря»:

Святогоръ былъ Богомъ данный, не русскій,
И жилъ Святогоръ въ землѣ не русскія [3]).

Другой изслѣдователь былевой поэзіи г. Ждановъ указалъ на связь Святогора съ Самсономъ [4]). И В. Ягичъ и А. Н. Веселовскій также обратили вниманіе на эту связь. Въ былинахъ жена Святогора влюбляется въ Илью и, въ то время, когда мужъ ея спитъ, заставляетъ Илью сотворить съ нею любовь. Въ этомъ отношеніи

---

[1]) *Веселовскій,* въ Запискахъ, Академіи Наукъ, т. 45, стр. 350.

[2]) *Рыбниковъ,* Пѣсни, т. I, стр. 37.

[3]) *Халанскій,* Великорус. былины, стр. 184.

[4]) *Ждановъ,* Къ литер.-ист. рус. былевой поэзіи, стр. 118.

она напоминаетъ коварную и развратную жену Соломона апокрифическихъ сказаній. При всемъ томъ, связь ея съ «гречной панночкой» колядки и Святогора съ туромъ представляется темной, и невольно напрашивается на мысль сначала одно предположеніе, что малорусскія колядки о турѣ и былины о Святогорѣ сложились подъ вліяніемъ разныхъ апокрифическихъ сказаній, затѣмъ другое предположеніе, что былъ одинъ, общій для этихъ колядокъ и былинъ житійный или легендарный источникъ; но при этомъ въ былинахъ о Самсонѣ и Святогорѣ нужно признать добавочныя наслоенія апокрифическихъ сказаній о Самсонѣ и Соломонѣ.

Въ галицко-русскихъ колядкахъ и свадебныхъ пѣсняхъ сохранились весьма любопытныя воспоминанія объ охотѣ на тура. Въ колядкѣ «гордый молодецъ».

Коня сѣдлае, гадку гадае:
Коню мій сивый, будь ми счастливый!
Поѣдемо жь мы въ чистое поле,
Въ чистое поле, та въ темный лѣсокъ,
За чорнымъ туромъ, за грубымъ звѣромъ.
Та якъ надыбавъ чорного тура,
И спопокъ стрилокъ... [1]).

Въ свадебной пѣснѣ, записанной въ жолковскомъ уѣздѣ:

Въ луженьку калиновомъ
Два дзвоны малесеньки,
Але голосеньки:
Выдзвонили и выголосили
Сѣраго тура зъ луга.

Далѣе слѣдуетъ уподобленіе: бояре жениха Ивана «вымовили Касуню видъ батенька» [2]).

Цвѣтъ тура опредѣленъ въ пѣсняхъ вѣрно. Также совершенно вѣрно опредѣлено любимое мѣстопребываніе туровъ—темные лѣса. Туръ названъ грубымъ, т. е. большимъ и свирѣпымъ. Но самое цѣнное въ свадебной пѣсни—воспоминаніе объ охотѣ на тура. Употребленіе колокольчиковъ, свистковъ, гудковъ на охотѣ вообще въ старину было обычно въ приложеніи къ разнымъ животнымъ.

---

[1]) *Головацкій*, т. II, стр. 69.
[2]) Тамъ же, т. IV, стр. 238.

Польскій писатель начала XVI ст. сообщаетъ описаніе охоты татаръ за сайгой. «Когда, говоритъ онъ, въ какомъ-нибудь полѣ замѣтятъ стадо сайгъ, ханъ или предводитель татаръ съ множествомъ своихъ слугъ выѣзжаютъ верхомъ на лошадяхъ и, скрываясь въ очень высокой травѣ, со всѣхъ сторонъ окружаютъ поле. Какъ только начинаютъ бить въ литавры (timpanis), сайги, объятыя страхомъ, чрезвычайно быстро начинаютъ бѣгать отъ однихъ людей къ другимъ, приходятъ въ изнеможеніе, и тогда татары ихъ убиваютъ» [1]. Нѣчто подобное, нужно думать, продѣлывали на охотѣ за туромъ. Нужно было оцѣпить извѣстное количество лѣса, гдѣ были туры, и шумомъ выгнать звѣря на удобное для охоты мѣсто. Условія охоты могли измѣняться сообразно съ мѣстностью. Въ глухихъ лѣсистыхъ мѣстахъ охота на тура вѣроятно производилась такъ же, какъ и охота на зубра, а послѣдняго рода охота описана Герберштейномъ; рисунокъ охоты на зубра находится въ книгѣ Блэзъ де Виженера. Дѣло происходило такъ. Для охоты выбиралось удобное мѣсто, гдѣ деревья стояли бы въ извѣстныхъ промежуткахъ другъ отъ друга; стволы ихъ должны быть не слишкомъ толсты, чтобы не трудно было ходить около нихъ, и не слишкомъ тонки, чтобы за нихъ могъ спрятаться человѣкъ. У этихъ деревъ располагаются охотники по одному и зубръ, встревоженный преслѣдующими его собаками, выгоняется на это мѣсто и стремительно бросается на перваго попавшагося изъ охотниковъ, тотъ укрывается за деревомъ и при всякомъ удобномъ случаѣ вонзаетъ въ него охотничье копье. Звѣрь еще не падаетъ, не смотря на сыплющіеся на него удары, но свирѣпѣетъ все болѣе и болѣе, потрясаетъ рогами и языкомъ, который у него такъ шероховатъ и жестокъ, что онъ схватываетъ и притягиваетъ охотника однимъ прикосновеніемъ языка къ его одеждѣ; тутъ онъ уже не оставляетъ человѣка, прежде чѣмъ убьетъ его. Если кто хочетъ отдохнуть, уставши бѣгать кругомъ и бить, то бросаетъ животному красную шапку, которую оно топчетъ и терзаетъ рогами. Когда же кто-нибудь другой захочетъ принять участіе въ этомъ бою, пока еще животное не свалено, что необходимо сдѣлать, если они желаютъ воротиться

---

[1]) *Замысловскій*, Герберштейнъ, стр. 275.

цѣлыми, тотъ легко вызываетъ его противъ себя, крикнувъ хоть одинъ разъ лу—лу—лу (sono barbaro Lululu) [1]).

Вообще въ малорусскихъ поговоркахъ и пѣсняхъ обнаруживается непосредственное и близкое знакомство народа съ туромъ. Самыя пѣсни объ охотѣ на тура относятся къ древнему времени, по меньшей мѣрѣ къ XVI ст., вообще къ тому отдаленному времени южно-русской исторіи, когда туръ былъ обычной дичью. Приведенныя выше галицко-русскія колядка и свадебная пѣсня заключаютъ въ себѣ такія древнія бытовыя черты, что возникаетъ предположеніе о современности ихъ поэтическихъ и бытовыхъ мотивовъ охотамъ Владиміра Мономаха, т. е. о возникновеніи этихъ мотивовъ въ до-монгольской южной Руси.

VII.

Туръ въ великорусскихъ былинахъ.

Туръ встрѣчается почти исключительно въ былинахъ о Добрынѣ и Маринкѣ, въ былинахъ о Василіи Игнатьевичѣ и въ былинахъ о Соловьѣ Будиміровичу. Марина оборачиваетъ Добрыню въ гнѣдаго тура и посылаетъ его въ поле, гдѣ пасутся девять туровъ, все оборотни, изъ прежнихъ жениховъ ея. Когда Добрыня былъ обращенъ въ тура, то былъ всѣмъ турамъ атаманъ [2]). Въ побывальщинѣ Марина беретъ Добрыню за кудри и перекидываетъ его черезъ плече, приговаривая: «Гдѣ былъ Добрыня Никитичъ, тутъ стань златорогій туръ!» [3]). Въ нѣкоторыхъ варіантахъ Марина говоритъ:

> Оберну Добрыню я сорокою,
> Оберну Добрыню я вороною,
> Оберну Добрынюшку я свиньею,
> Оберну Добрынюшку гнѣдымъ туромъ!» [4]).

и затѣмъ по очередно обращаетъ его въ этихъ животныхъ. Большею частью Добрыня обращается только въ тура.

---

[1]) *Герберштейнъ*, Записки, стр. 167.

[2]) *Кирѣевскій*, Пѣсни, т. II, стр. 47, 57, 58.

[3]) *Рыбниковъ*, Пѣсни, т. I, стр. 173.

[4]) *Гильфердингъ*, Онежскія былины, стр. 833.

У ней было въ полѣ тридевять туровъ,
Сбылся въ полѣ тридесятый туръ.
Рожки у тура да въ золоти;
Ножки у тура да въ серебри,
Шерсть на туру да рыта бархата (Гильф., 833).

Въ одномъ варіантѣ (Гильфердингъ, стр. 26) Добрыня туръ топчетъ въ полѣ стада гусиное, лебединое, овечье, коровье и лошадиное, и потому узнаютъ въ немъ богатыря. Въ другомъ варіантѣ (Гильф., стр. 1206) Марина посылаетъ Добрыню—тура «къ турецкому морю», въ третьемъ варіантѣ (Гильф., стр. 1251) «во темные лѣса».

Въ былинахъ о Василіи Игнатьевичѣ туры пріурочиваются къ Кіевщинѣ.

Изъ подъ бѣлыя березы кудревастенькой,
Изъ подъ чуднаго креста Леванидова,
Выходила турица златоругая
Со своими со турами со дѣтушками.
Случилось идти турамъ мимо Кіевъ градъ,
Мимо тую стѣну городовую... [1])

Въ варіантѣ былины о Василіи Игнатьевичѣ «шли четыре тура златорогіе» [2]).

Въ былинахъ о Соловьѣ Будиміровичѣ туръ упоминается мимоходомъ въ описаніи корабля Соловья, бока котораго были выведены «по туриному» (Гильф., стр. 173, 952, 977). Любопытнымъ представляется лишь слѣдующее мѣсто въ одномъ, рѣдкомъ варіантѣ былины о Соловьѣ Будиміровичѣ:

.... бѣжитъ тридцат кораблей,
Тридцат кораблей со единыимъ.
Единый корабликъ передомъ бѣжитъ,
Передомъ бѣжитъ, какъ соколъ летитъ;
Высоко его головка призаздынута;
Носъ—корма была по звѣриному,
А бока сведены по туриному,

---

1) *Рыбниковъ*, Пѣсни, т. I, стр. 174.
2) Тамъ же, т. II, стр. 39.

Того ли тура заморскаго,
Заморскаго тура Литовскаго [1]).

Послѣднія слова въ пѣсни показываютъ, что русскій народъ считалъ тура «заморскимъ» звѣремъ, точнѣе литовскимъ. Положеніе тура въ былинахъ довольно неопредѣленное. Во многихъ варіантахъ былинъ о Добрынѣ и Маринкѣ тура совсѣмъ не встрѣчается; его замѣняетъ лошадь (у Кирѣев., т. II, стр. 43), сѣрый волкъ (у Гильф., стр. 116), жаба (Ib., стр. 1327). Вездѣ туръ называется гнѣдымъ, тогда какъ въ дѣйствительности туръ былъ чернаго цвѣта. Слово гнѣдый означаетъ темно-рыжій цвѣтъ. Повидимому, подъ туромъ былинъ скрывается зубръ, на что указываетъ не только названіе тура литовскимъ, но и постоянный эпитетъ гнѣдой. Еще Аристотель, описывая зубра, замѣтилъ, что у него «шерсть блѣдно-бурая, желтоватая». Цвѣтъ шерсти зубра мѣняется по времени года. Зимой коротковолосыя части тѣла темно-бураго цвѣта; шея и плечи значительно свѣтлѣе съ изсѣра-желтоватымъ налетомъ; конечности темно-бураго, почти чернаго цвѣта. Лѣтомъ цвѣтъ шерсти свѣтлѣе и впадаетъ въ желтовато-сѣрый тонъ. Вообще, зубръ безошибочно можетъ быть названъ гнѣдымъ.

Что представленіе сказателей былинъ о турѣ смутно, видно изъ выраженія «морской туръ», встрѣчающагося въ одной онежской былинѣ [2]).

Предполагая, что основные мотивы былинъ о Добрынѣ и былинъ о Василіи сложились на югѣ Россіи въ до-монгольское время, можно допустить, что въ это время вошелъ въ былины и туръ, и затѣмъ, съ переходомъ былинъ о Добрынѣ и Маринѣ и былинъ о Василіи Игнатьевичѣ на сѣверъ, обезличился и потерялъ присущія ему природныя черты.

Появленіе тура въ былинахъ о Соловьѣ Будимировичѣ, можетъ быть, произошло случайно, независимо отъ мѣста и времени возникновенія былинъ этого разряда, на основаніи дѣйствительнаго бытоваго факта. Извѣстно, что скандинавы морскимъ судамъ придавали форму животныхъ. Мы не склонны думать, что былины о Со-

---

[3]) Тамъ же, т. I, стр. 318.

[1]) *Гильфердингъ,* стр. 1327.

ловьѣ Будиміровичѣ выработалась изъ свадебныхъ пѣсенъ [1]) и, опираясь на большую устойчивость былинъ и на многія историко-бытовыя варяжскія черты былинъ о Соловьѣ, придерживаемся стараго, высказаннаго еще Ѳ. И. Буслаевымъ мнѣнія, что въ былинахъ о Соловьѣ Будиміровичѣ сохранилось воспоминаніе о смѣломъ варажскомъ гостѣ, воинѣ-купцѣ.

Ученыхъ миѳологическаго направленія соблазняли золотые рога тура. Въ народной поэзіи эпитетъ золотой прикладывается къ самымъ разнообразнымъ предметамъ. Такъ, въ малорусской поэзіи съ эпитетомъ золотой встрѣчаются сѣдло, грива лошади, человѣческіе волоса, челнокъ, весло, столъ, ножъ, тарелка, перстень, соха, серпъ и многіе другіе предметы. Большею частію эпитетъ этотъ вообще означаетъ доброкачественность предмета, вмѣсто прозаическаго слова хорошій. Говорятъ-же и въ настоящее время въ интеллигентномъ обществѣ: золотой человѣкъ, золотое сердце, не связывая съ словомъ золотой ничего таинственнаго. Выраженіе »туръ—золотые рога« и происшедшее отсюда выраженіе «златорогій туръ» только показываетъ, что слухъ о громадныхъ рогахъ литовскаго зубра зашелъ на далекій русскій сѣверъ. Нужно замѣтить, что въ народныхъ пѣсняхъ съ золотыми рогами является не только туръ, но и олень. Въ галицко-русскихъ колядкахъ часто встрѣчается только «туръ-олень»; въ великорусскихъ свадебныхъ пѣсняхъ встрѣчается «бѣлый олень золотые рога» [2]).

VIII.

Туръ въ обрядахъ.

Такъ какъ bos primigenius—туръ оставилъ послѣ себя слѣды въ личныхъ и мѣстныхъ именахъ, въ поговоркахъ и пѣсняхъ народныхъ, то нужно отыскать его еще въ обрядахъ, въ томъ почти всегда вѣрномъ предположеніи, что всякій предметъ, укоренившійся въ народной поэзіи, проникаетъ и въ обряды народные, въ силу внутренней органической связи обряда и пѣсни, происхожденія изъ одного и того-же родника народнаго духа.

---

[1]) *Халанскій,* Великорус. былины, стр. 147.

[2]) *Шейнъ,* Рус. нар. пѣсни, т. I, стр. 448.

Предположеніе это оправдывается въ приложеніи къ туру. Нельзя сказать, чтобы многіе обряды связаны были съ туромъ; напротивъ, число такого рода обрядовъ незначительно, и всѣ они одного характера, сходны между собою по времени исполненія и внѣшнимъ его формамъ.

Въ разныхъ странахъ, въ древнее и новое время, на рождественскихъ святкахъ соблюдается обычай ряженія. Ученые миѳологической теоріи объясняютъ этотъ обычай обряднымъ выраженіемъ перемѣнъ временъ года или языческихъ боговъ. Ученые, придерживающіеся теоріи литературнаго и бытоваго заимствованія пѣсенъ и обрядовъ, усматриваютъ въ святочныхъ ряженіяхъ и маскахъ остатки римскихъ Врумалій. Наиболѣе распространено ряженіе козою: это встрѣчается въ Россіи, Болгаріи, Румыніи, Норвегіи, Англіи и Германіи. Къ распространеннымъ принадлежатъ также маски коня и тура: нѣм. Fasnachtschimmel, «бѣсовская кобылка» древнихъ русскихъ колядокъ, «турица» дубровницкой масляницы. А. Н. Веселовскій думаетъ, что «Туръ Сатана» колядскихъ игрищъ, о которомъ говоритъ авторъ Синопсиса, представлялъ животную маску: въ Польшѣ и Галиціи еще недавно водили на святкахъ по домамъ парня, наряженнаго туромъ-быкомъ [1]). Въ львовскомъ Номоканонѣ XVII в. упоминаются языческія игрища Туры. Весенній праздникъ до сихъ поръ называется у славянъ Турище. Въ Галиціи Турицы празднуютъ въ началѣ мая или на Зеленой недѣлѣ [2]). Тоже обыкновеніе встрѣчалось у словаковъ и поляковъ [3]).

Происхожденіе и значеніе обрядныхъ животныхъ или, точнѣе сказать, животныхъ обрядовъ можетъ быть различно. Въ основаніи обрядныхъ представленій животныхъ лежатъ древнія религіозно-миѳическія воззрѣнія народа на природу, или олицетвореніе ея силъ и явленій въ образѣ животныхъ (солнце—жаръ птица, птица веретеница, вѣтеръ—орелъ или соколъ), или въ большинствѣ случаевъ жертвоприношеніе животныхъ богамъ, преимущественно богамъ покровителямъ земледѣлія и брака. Обычай приносить животное въ жертву смѣнился разнообразными символическими и обряд-

---

[1]) *Веселовскій*, Записки Акад. Наукъ, т. 45, стр. 128.

[2]) *Аѳанасьевъ*, Поэтич. воззр. слав. на прир., т. I, стр. 664.

[3]) *Miklosich*,, Die Ortsnamen, т. II, стр. 110; *Linde*, Słownik, V.

ными его выраженіями въ быту народномъ. Можно думать, что въ основаніи всѣхъ обрядовъ съ свиньею, косою, бараномъ, пѣтухомъ скрывается древнее жертвоприношеніе богамъ этихъ животныхъ; въ рѣдкихъ сравнительно обрядахъ съ лошадью и быкомъ скрывается или жертвоприношеніе, или символичсское выраженіе купли продажи невѣсты.

Обряды съ туромъ, повидимому, имѣютъ особое значеніе. «Грубый звѣрь, черный туръ» не могъ быть жертвеннымъ животнымъ. Нужно думать, туръ въ обрядахъ замѣнилъ быка, корову или козу; другими словами, онъ попалъ въ обряды случайно, изъ цѣлей развлеченія и удовольствія, доставляемаго преувеличеніемъ предмета, гиперболизмомъ, проникъ въ обряды въ тѣхъ именно мѣстностяхъ Европы, гдѣ водился въ значительномъ количествѣ.

Обрядовое значеніе тура преувеличено покойнымъ Аѳанасьевымъ до сверхъ-естественнаго значенія, а г. Фаминцынымъ до значенія божества.

«Въ памяти нашего народа, говоритъ Аѳанасьевъ, сохранились отрывочныя восноминанія о яромъ турѣ—свѣтломъ, весеннемъ плодотворящемъ быкѣ бога-громовника. Эпитетъ ярый указываетъ на творческія силы весны и роднитъ тура съ именемъ древне-славянскаго божества Ярила (Перуна—плодотворителя)». Въ другомъ мѣстѣ Аѳанасьевъ говоритъ, что «славяне чествовали тура, какъ воплощеніе божества» [1]).

Аѳанасьевъ находитъ, что съ названіемъ тура нераздѣльны понятія о быстромъ движеніи и стремительномъ напорѣ: туровый, туркій, турить и проч. Это вѣрно, но нельзя понять, при чемъ тутъ богъ-громовникъ. Болѣе или менѣе отвлеченныя понятія источникомъ имѣютъ всегда простые предметы внѣшней природы, и понятія о быстромъ движеніи и стремительномъ напорѣ самымъ естественнымъ образомъ могли образоваться отъ «грубаго звѣря», яраго и стремительнаго тура.

Аѳанасьевъ замѣчаетъ далѣе, что народныя «весеннія пѣсни вспоминаютъ Тура—удалаго молодца и соединяютъ его имя съ другими прозваніями Перуна: ой, Туръ-Дидъ-Ладо!» Здѣсь все сомнительно и спорно, начиная отъ пѣсни, откуда взятъ припѣвъ и кончая каждымъ именемъ изъ этихъ трехъ именъ въ припѣвѣ.

---

[1]) *Аѳанасьевъ*, Поэтич. воззр. славянъ, т. I, стр. 662—663.

Появленіе тура—удалаго молодца въ весеннихъ пѣсняхъ такъ-же легко и просто объясняется, какъ Туре-Влахинче сербскихъ пѣсенъ, какъ буй-туръ Всеволодъ Слова о полку Игоревѣ,—эпитетомъ молодца, по сильному bos primigenius, туру.

Аѳанасьевъ выдвигаетъ затѣмъ мѣстныя названія. «Именемъ тура, говоритъ онъ, народъ окрестилъ многія географическія мѣстности». Это также вѣрно, но снова нужно добавить, мѣстныя названія не имѣютъ значенія для миѳологическаго толкованія обряднаго тура. Какую натяжку допускали иногда миѳологи, видно изъ слѣдующихъ словъ Аѳанасьева: «Особенно любопытны названія озеръ: Волотуръ, Воловье око, Туръ-озеро. На метафорическомъ языкѣ древняго славянина озеро—эта свѣтлая, зеркальная масса воды, заключенная въ округлой рамкѣ береговъ, уподоблялась глазу быка... Такъ какъ съ одной стороны тучи представлялись небесными источниками, а съ другой самое созданіе земныхъ водъ приписывалось Перуну, низводителю дождевыхъ ливней, то очевидно, что въ указанныхъ названіяхъ озеръ кроется языческое вѣрованіе въ происхожденіе этихъ водоемовъ отъ тура громовника» (663). Изъ возможныхъ многихъ объясненій предмета здѣсь ученый избралъ самое затѣйливое и мудреное объясненіе. Гораздо проще предположить, что приведенныя выше названія озеръ произошли по той причинѣ, что вблизи ихъ водились туры, на подобіе того, какъ произошли названія озеръ Лебяжье, Кабанье, Медвѣжье.

Наконецъ Аѳанасьевъ указываетъ на то мѣсто Синопсиса, гдѣ говорится, что «простолюдины» на своихъ законопротивныхъ сборищахъ нѣкоего Тура-сатану и прочія богомерзкія скареды измышляюще—воспоминаютъ», Что разумѣлъ Иннокентій Гизель подъ Туромъ-сатаной, нельзя сказать съ полной точностью. Наиболѣе вѣроятнымъ представляется предположеніе А. Н. Веселовскаго, что здѣсь скрывается обличеніе святочнаго ряженія туромъ, ряженія, нѣкогда обычнаго въ Малороссіи и до сихъ поръ сохранившагося въ Галиціи. Самое слово «скареды» указываетъ на святочныя игры, гаданія и переряживанія, съ точки зрѣнія духовнаго лица «богомерзкія».

Г. Фаминцынъ своимъ обширнымъ изслѣдованіемъ «Божества древнихъ славянъ» создалъ цѣлый славянскій Олимпъ и тура также помѣстилъ въ общество боговъ. «Близко родственнымъ Ярилѣ божествомъ, говоритъ г. Фаминцынъ, былъ на Руси и несомнѣнно

также у южныхъ и западныхъ славянъ Туръ, имя котораго въ первоначальномъ смыслѣ означало быка, представителя бога солнца и обусловливаемаго симъ послѣднимъ плодородія» (стр. 233). Главной фактической опорой г. Фаминцына служатъ мѣстныя названія, въ особенности Турова божница близъ Кіева. Авторъ не допускаетъ предположеній, что названіе церкви могло произойти отъ построенія въ Туровомъ, наполненномъ турами лѣсу, или отъ имени строителя-жертвователя Тура, и полагаетъ причиной названія божество Тура. Фактическія данныя, приведенныя уже Аѳанасьевымъ въ пользу мнѣнія о сверхъ-естественномъ значеніи тура, г. Фаминцынъ увеличиваетъ приведеніемъ нѣсколькихъ пѣсенныхъ выраженій о златорогомъ турѣ, причемъ усматриваетъ въ этихъ выраженіяхъ «солнечную природу Тура» (стр. 237).

Изслѣдованіе г. Фаминцына произвело неблагопріятное впечатлѣніе въ ученомъ мірѣ. Проф. А. И. Кирпичниковъ въ статьѣ: «Что мы знаемъ достовѣрнаго о личныхъ божествахъ славянъ», напечатанной въ CCXLI части Журн. Минист. Нар. Просвѣщенія, замѣтилъ: «строго говоря, изъ всѣхъ боговъ русскихъ непоколебимо можетъ вынести критику только одинъ Перунъ» (стр. 65).

Общій выводъ настоящей статьи можетъ быть резюмированъ въ немногихъ словахъ: Bos primigenius, грубый звѣрь—черный туръ существовалъ въ южной и западной, быть можетъ въ средней и сѣверной Россіи съ древнѣйшихъ временъ до XVI вѣка включительно. Какъ животное очень крупное и сильное, на котораго охота сопряжена была съ большими опасностями, и какъ животное, рогами и кожей котораго пользовались для домашнихъ подѣлокъ и съ суевѣрными лѣчебными цѣлями, туръ производилъ сильное впечатлѣніе на мысль и воображеніе народа и вошелъ въ народные обряды, поговорки и пѣсни, сохранившіеся отчасти, въ силу консерватизма народной жизни, до настоящаго времени.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

НЕИЗДАННЫЙ РАЗСКАЗЪ Г. Ѳ. КВИТКИ.

Лѣтомъ 1885 года харьковскій городской голова И. О. Фесенко передалъ мнѣ небольшой разсказъ Г. Ѳ. Квитки, въ письмахъ, на русскомъ языкѣ, съ содержаніемъ изъ харьковской жизни. Подписи автора нѣтъ, но по тону, по изложенію, по языку и, главное, по почерку разсказъ несомнѣнно написанъ Г. Ѳ. Квиткой. Письмо Квитки красивое, четкое. Рукопись звключаетъ въ себѣ два листа простой, желтоватой писчей бумаги. Время составленія разсказа—тридцатые годы. Въ небольшомъ разсказѣ Квитки находится краткая, но мѣткая характеристика женъ и дочерей стариннаго харьковскаго дворянства, изложенная въ формѣ переписки. Приводимъ здѣсь этотъ разсказъ цѣликомъ.

С.

ПИСЬМО 1-е.

Отъ г-жи Перепеловской къ г-жѣ Клунѣ-Ятровской.

Крутогоровка, 2 сентября 183... года.

Милой мой другъ, матушка сестрица Настасья Карповна!

Первое мое дѣло, возвратясь съ ярмонки, зная, что у тебя во многихъ вещахъ запасъ давно вышелъ и ты безъ всего этого сидишъ и даже безъ чаю, поспѣшить отправить изъ купленныхъ мною для тебя покупокъ, что понужнѣе, а именно то и посылаю: чаю 1 ф., кофею 10 фунтовъ, сахару 1 пудъ, мыла простого 2 пуда, сальныхъ, граненыхъ свѣчей 20 фунтовъ. Канальскіе цѣны на все! А содержаніе, такъ ужасъ! Вообрази, что я за двѣ комнаты, правда, на Сумской улицѣ, недалеко отъ театра и благороднаго собранія, платила восемъ рублей въ сутки, да содержаніе де-

вяти лошадей, восьми человѣкъ прислуги и для насъ провизіи, стоило двѣнадцать рублей въ сутки. Такъ вотъ, какъ хочешъ, двадцать рублей въ день, кромѣ театра, куда всякой день должны были возить дѣтей! Спасибо, въ благородное собраніе дамъ впускаютъ даромъ; но все нужны и тамъ издержки. Какъ-бы ни было, надобно-же и имъ свѣтъ и ихъ свѣту показать, хотя Дуничка еще и ребенокъ. Да таки не даромъ ихъ вывозили: у насъ что-то наклюнулось. Управившись съ домашними хлопотами, немедленно поспѣшу по долгу моему къ тебѣ, матушка сестрица, пріѣхать, поразсказать и заблаговременно посовѣтоваться. Проклятой сахаръ замучилъ меня! Знавши, что на разъ-ярмонкѣ все бываетъ дешевле, я отложила его покупать до послѣдняго дня; думала, куплю, уложу и въ тотъ-же день выѣду. Что-жъ! на мою бѣду и возвышся цѣна! Былъ сорокъ два съ полтиною и всѣ такъ покупали; а тутъ вдругъ сорокъ три! Что мнѣ дѣлать! Три дня лишняго прожила уже безъ всякаго дѣла, все ходила изъ лавки въ лавку, билась, билась, торговалась, торговалась, сорокъ три да сорокъ три, хоть въ руки не бери! До слезъ дошло! И какъ-же иначе: проживаюсь, трачусь и не могу выторговать. Спасибо уже одинъ купецъ уважилъ меня, къ нему я пристала и ровно полтора дня выторговывала. Онъ, видя мои хлопоты, сжалился и уступилъ по сороку два съ полтиною, и то, думаю, потому, что сразу брала два пуда и таки ему и надоѣла; однако-жъ нужды нѣтъ, не отстала отъ людей и не переплатила лишняго. Свѣчи отличныя, рекомендую, береги, матушка сестрица, для большихъ гостей, божился купецъ, что не текутъ и запаха не слышно. Вотъ ужъ мыло съ душкомъ, ну такъ дешево, а въ хозяйствѣ сойдетъ, какъ и хорошее, но въ цѣнѣ разница. Всей покупкѣ подробный счетъ пришлю вмѣстѣ съ прочею покупкою, которой съ подводами завтра ожидаю. Все ращитаю и остальныя деньги, когда прійдется, пришлю; я твоего не захочу; Богъ съ нимъ, матушка сестрица! У Фомки, спроси, особо въ бумагѣ запечатанная осьмушка сахару; недоставало въ головахъ до полнаго пуда, но я таки вытребовала. Чай Майюконъ отличный, пять рублей за фунтъ, чуть было тебя не промотала, не взяла и другаго фунта,—ужъ куды-бы ни шло,—да побоялась, не прикинула-бы мнѣ

назадъ. Прошу тебя, матушка сестрица, кушать все посылаемое на здоровье и вспоминать объ усердіи покупавшей,

преданной тебѣ сестры
Ефимьи Перепеловской.

ПИСЬМО 2-ое.

Отъ той-же къ той-же.

По титулѣ 4 сентября.

Только что хотѣла посылать къ тебѣ Ваську съ покупками, какъ и Фомка воротился съ отвѣтомъ отъ тебя. Какъ жаль, что твой чай испортили, положивъ его въ ящикъ съ мыломъ! Ей-Богу, этому не я причиною: это все проклятая Афроська! Сколько она у меня добра перевела, а съ малыхъ лѣтъ за мной ходитъ и ничего не смыслитъ. Впрочемъ эту бѣду можно исправить: прикажи, матушка сестрица, чай положить въ сѣно на сутки,—тотчасъ мыльный запахъ отобьетъ, а ежели нѣтъ, такъ мадамѣ и дѣтямъ прикажи выдавать; помаленьку изойдетъ и деньги не пропадутъ. Дѣточекъ же у тебя, слава Богу! по чашкѣ, такъ шесть чашекъ.

Охъ, дѣти, дѣти! теперь меня раздумье беретъ и съ одной подросшею дѣвченкой, а у тебя ихъ двѣ на возрастѣ, да еще каши сколько! Только мы и жили пока въ дѣвкахъ; а тамъ заботы, попеченіе все объ нихъ и для нихъ, а черезъ нихъ истинно! во вдовствѣ и люди насъ обѣгали. Хоть-бы и погнался кто за выгоднымъ имѣніемъ нашимъ, такъ какъ поглянетъ на длинный нашъ хвостъ, что малъ-мала меньше, такъ и раздумаетъ; а мы и сиди, да нянчись съ ними. Они, они заѣдаютъ нашу молодость, да еще увидимъ, что отъ нихъ дальше будетъ, когда, ничего не видя, Пазинька часто твердитъ: батинькина деревня, да сколько доходовъ получается съ батинькиной деревни? Поглядишь, нынче дѣти смышленнѣе насъ и нашихъ отцевъ. Богъ съ ними!

Посылаю при семъ всю прочую покупку и щетъ въ двухъ стахъ рубляхъ, отъ тебя данныхъ. Сдѣлай одолженіе, матушка сестрица, повѣрь пожалуста сама, или поручи кому сощитать повѣрнѣе, не ошиблась-ли я? Я выкладывала на щетахъ, а Пазинька арифметикою, только я все что-то сомнѣваюсь. Ужасное дѣло! Столько покупокъ, а будто должно еще оставаться два рубли трид-

цать четыре копѣйки. Я все сама записывала и думала, что свои передержала, а выходитъ, что надобно доплатить. Волосы дыбомъ становятся! Еще повторяю убѣдительнѣйшую просьбу, повѣрь повѣрнѣе, и ежели я обочлася, то передачу пришли черезъ сего. Послѣ ярмонки въ чувство не приду, поиздержалася ужасно! А еще расходы предстоятъ... ты просишь, чтобы я объяснила, что у насъ наклюнулось? Хотѣла было къ тебѣ сама ѣхать и посовѣтоваться, какъ съ истиннымъ моимъ другомъ и съ сестрою, которую я съ малолѣтства привыкла чтить и обязана ей за многое и которой я всѣмъ жертвовать готова; но не могу теперь навѣстить тебя и милой моей крестницы Лизаньки ко дню ея ангела, потому что завтра во всемъ домѣ располагаю мыть полы и потому боюсь отлучиться: канальи, все не такъ вымоютъ, какъ при глазахъ преданной тебѣ сестры

Евгеніи Перепеловской.

При семъ посылаю ярморочнаго твоимъ дѣткамъ: Фесинькѣ и Лизанькѣ по аршинцу атласной ленточки моднаго цвѣта, Стешинькѣ и Любинькѣ полную бумагу кедровыхъ орѣшковъ, Глашинькѣ каменную куколку, а Митенькѣ гремушечку. Пусть помнятъ ласки любящей ихъ тетки.

ПИСЬМО 3-е.

Отъ Пазиньки Перепеловской къ Фесинькѣ Клунѣ-Ятровской.

Крутогоровка. 4 сентября 183... г.

Милая моя ma chere Фесинька!

У меня такъ много разсказать тебѣ, что было-бы на цѣлый день. Я съ нетѣрпѣніемъ ожидала, что моя ma chere поѣдетъ къ твоей ma chere mere на имянины Лизаньки, но вышло напротивъ. Какъ это справедливо, что lomme praupoge, a Dieu dispoge. Ma chere mere очень озабочена: завтра будутъ во всемъ домѣ мыть полы, потомъ рѣзать птицу, бучить столовое бѣлье, также и постельное, пересыпать гостинные пуховики... Vous demanderai: вѣрно будутъ гости? А я тебѣ отвѣтствую: oui, ma chere, будутъ... Ахъ!.. ты можешь отгадать, зачѣмъ?.. Я всѣ дни въ большемъ смущеніи! Pour quoi-же я не Васька! Я бы теперь поѣхала къ тебѣ и все разсказала, но за неимѣніемъ возможности разсказать изустно, раскажу тебѣ въ сихъ строкахъ.

Во первыхъ, милая моя ma chere Фесинька, въ твою грудь передаю важную тайну моего сердца. Узнай! Я чувствую, что я...... влюблена! Такъ я уже ношу зародышъ сего гибельнаго пламени въ сердцѣ моемъ. О amour, amour! Ни одинъ смертный не избѣгнетъ судьбы, возлагаемой на него оковами любви.

Онъ уланскій капитанъ и очень comme il faut! Росту высокаго, строенъ, ахъ какъ строенъ! прелесть! бѣлокуръ, краснощекъ...... а усики! Усики, что нынѣ дѣйствуетъ одинаково съ древними стрѣлами амура...... Эти усики сама любовь насадила, аврора, поливая ихъ своими слезами во время его сна, возрастила, игры и смѣхъ, въ нихъ поселившись и ежечасно играя ими, образовали эти восхищающія завитки, а лукавый купидонъ, скрываясь въ нихъ, обращаетъ наше вниманіе на его розовыя губки и обѣщаетъ невыразимое блаженство тѣмъ, чьи уста прильнутъ къ нимъ. Глаза...... Hebas! глаза точно такіе, какъ помнишь, мы, читая новый романъ: *Матери-соперницы*, воображали графа Росманда. Тотъ-же огонь, таже выразительность, тоже очарованіе. En un mot, онъ весь совершенство, прелесть, нѣчто неземное. Третій день выѣзда моего на ярмонку былъ роковой для твоей ma chere Пазиньки! Въ тотъ день я потеряла свободу и pour toujour!...... Выѣхавъ съ ma chere mere въ ряды и пришедъ въ ту лавку, гдѣ собирается весь bomonde, мы начали ради скуки пересматривать кое-какіе товары, какъ вдругъ звукъ шпоръ и громъ сабли, такъ сильно плѣняющій насъ дѣвицъ и изъ дали, поразилъ слухъ мой и произвелъ во мнѣ какое-то невыразимое чувство. Оборачиваюсь—вижу...... его! Довольно было и видѣть его, но онъ кинулъ на меня взглядъ, который очень громко договорилъ въ моемъ сердцѣ. Что потомъ было, я не могу тебѣ дать отчета, потому что я была въ величайшемъ смущеніи отъ того, что онъ не спускалъ съ меня глазъ и пожиралъ меня пламенными своими взглядами. Ma chere скоро перешла въ серебрянную лавку и съ намѣреніемъ, видя, что и онъ скоро за нами туда же вошелъ, спрашивала самыхъ богатыхъ вещей, годныхъ только для приданаго и будто располагала ихъ купить. Онъ стоялъ тутъ же посматривалъ на серебро, но на меня смотрѣлъ очень внимательно. Что то такое спросилъ онъ у ma chere mere и потомъ il adresse ко мнѣ: «не холодно-ли вамъ, сударыня?»—Увы, послѣднее слово сказано было съ такимъ очарованіемъ!..... Погода точно была сы-

рая, при холодномъ вѣтрѣ, но я очень поняла, что онъ чрезъ то хотѣлъ сказать, не холодно-ли мое сердце? и потому, приведя на память всѣхъ героинь читанныхъ мною романовъ, вошла въ ихъ характеръ и въ мое положеніе, дабы не отразить его при первой встрѣчѣ и не ввергнуть въ отчаяніе, я отвѣчала томнымъ голосомъ, сообразно чувствамъ сердца моего: «холодъ мнѣ не свойственъ», потупила глаза и покраснѣла съ самодовольнымъ видомъ, что не уронила себя и показала, что я дѣвушка съ воспитаніемъ и очень умѣю разобрать, что и къ чему говорится. Потомъ онъ и началъ отборными словами разспрашивать: гдѣ мы живемъ, давно-ли пріѣхали и т. под. Я едва переводила духъ, отвѣчала хотя и въ замѣшательствѣ, но каждое слово украшая фразой изъ какого нибудь романа. Ma chere mere вмѣшалась и вела съ нимъ рѣчь, а я стояла...... и была вся зрѣніе и вниманіе. Это свиданіе, рѣшившее судьбу сердца и чувствъ моихъ, продолжалось не такъ долго, какъ бы я желала. Мы уѣзжали и онъ, сажая насъ въ карету, спросилъ, какъ я замѣтила, трепещущимъ голосомъ, будемъ-ли мы въ театрѣ. Я поспѣшила успокоить его; восторгъ былъ написанъ на его лицѣ и мы разстались.

Въ театрѣ я тотчасъ замѣтила его. Онъ съ однимъ коннымъ адьютантомъ очень прилежно осматривали всѣ ложи. Къ сожалѣнію, моя ma chere mere взяла ложу въ нижнемъ ярусѣ и они не скоро насъ замѣтили, но, узнавъ, тотчасъ поспѣшили къ намъ притти. Адьютантъ наговорилъ намъ тьму привѣтствій и тотчасъ подсѣлъ къ ma chere mere. Во весь спектакль онъ не умолкалъ: слова лились у него обильною рѣкою. Безъ памяти любитъ своего товарища и только лишь о немъ все говорилъ. Разсказывалъ, что у него двѣ тысячи душъ въ Кавказскихъ горахъ, полторы тысячи въ Сибирскихъ степяхъ и пребогатѣйшія рыбныя ловли въ Черномъ морѣ. Хвалилъ качества души его и сердца. Жалѣлъ, что ежели онъ женится, такъ ревность его замучитъ; потому что онъ желалъ-бы, чтобы онъ никогда съ нимъ не разлучался, а ежели онъ дойдетъ до того несчастія, что онъ женится, то онъ, оставшись совершенно одинъ въ мірѣ, затоскуется до смерти. Меня до слезъ тронула такая между ними дружба и всѣ слова его, ты можешь вообразить, съ какою жадностью глотала...... Онъ-же нашелъ мѣсто подлѣ меня, говорилъ, разумѣется тихо, много любовныхъ сладостей и все въ

относительномъ смыслѣ, но я очень умѣла постигнуть прямую цѣль его предметовъ, но однако-же ничего ему не отвѣчала, краснѣла и смущалась.

Imajinez же, что вышло? Съ нами въ ложѣ была Дуничка и заглядѣвшись на театръ, такъ расхохоталась, что и не уймется. Всѣ обратились на нашу ложу и онъ спросилъ меня: «что это за дѣвочка?» Я посовѣстилась назвать ее сестрою и только сказала: «это наша... такъ»... и отвлекла его вниманіе на другую матерію. Наши кавалеры проводили насъ до коляски съ милою заботливостію.

Hebas! если-бы я описывала тебѣ всѣ мои чувства, мысли и воображенія, услаждавшія меня во всю слѣдовавшую потомъ ночь, то исписала-бы пол-дести бумаги, но ты можешь все вообразить, ты была въ подобномъ положеніи... и знаешь все по опыту.

На другой день мы нашли его въ лавкахъ одного; онъ насъ ожидалъ и ведя меня изъ лавки въ лавку, гордился, когда я называла его mon chevalier. Ахъ! какъ мнѣ хорошо было съ нимъ вездѣ! Онъ ангажировалъ меня въ Собраніи на первую кадриль, куда мы и поспѣшили пріѣхать и—a propos—я такъ была щегольски одѣта, что сама себя не помнила отъ радости. Моя милая ma chere mere не пожалѣла денегъ, а модная мадамъ истощила все свое искусство, только снуровка была немного тѣсновата и я едва дышала. Все было хорошо.... но начинаются танцы,—собираются кадрили, я стала съ нимъ, начинаютъ... imajinez же мое смущеніе? Фигура кадрили новая, презапутанная, пренепонятная; я смѣшала всѣхъ, разстроила и принуждена была выйти изъ круга. Imajinè! Русскихъ кадрилей уже вовсе не танцуютъ, а всѣ французскія, пребезтолковыи, которыхъ безъ танцмейстера нельзя выучиться. Къ довершенію моего горя, послѣ нѣсколькихъ кадрилей, танцовали котильонъ, а ты знаешь, что я отъ полнокровія не могу долго кружиться, и тотчасъ потеряю кадансъ, слѣдовательно я просидѣла весь вечеръ безъ танцевъ и, что пуще всего, онъ порхалъ, какъ зефиръ, съ другими граціями, а его Душенька etc abandannée: Que faire! За то онъ былъ со мной на другой и слѣдующіе дни; для меня, онъ говорилъ, жилъ въ рядахъ, для того, чтобы тамъ видѣть меня, а на квартиру ma chere mere его не приглашала, потому что наша квартира была прегадкая и тѣсна, чтобы принять такого гостя. Прощаясь, при послѣднемъ свиданіи, онъ сказалъ, что скоро надѣется

быть у насъ въ деревнѣ и повергнетъ судьбу свою къ ногамъ моимъ. Не ясно-ли это?

Pour cela мы и ожидаемъ его на сихъ дняхъ. И такъ, поѣздка наша въ Харьковъ была не даромъ. En fin je serai marie. Первое мое дѣло по выходѣ замужъ будетъ способствовать любви твоей и отвергнувъ всѣ препятствія, довести тебя къ желаемой тобою цѣли, хотя-бы и противъ воли, даровавшей тебѣ жизнь. Но qui est lui хорошее на закуску: il est Alexice, Prince Bourminsky. Ah! ma chere Фесинька, votre chere cousine sera marie et sera princesse.

Pour toujour votre Pasinka.

ЗАПИСКА.

Отъ князя Бурминскаго къ пріятелю.

Харьковъ. 2-го Сентября 183...

Съ полученіемъ сего прикажи, mon cher Basile, моему Филькѣ, собравъ весь мой княжескій гардеробъ, скакать, сломя голову, ко мнѣ въ Харьковъ. Ссуди его деньгами для найма, не болѣе какъ верховаго коня. Благодаря моей философіи, все мое княжеское имущество можно на такомъ экипажѣ перевести на край свѣта. Да будетъ вѣдомо тебѣ и кому о томъ вѣдать надлежитъ, что подмѣченная нами перепелочка, она же и Пазинька, морившая насъ въ ложѣ своими романическими возгласами, не смотря на свою глупость и немиловидность, точно имѣетъ отцовскихъ триста душъ и пропастное приданое; въ этомъ меня увѣрилъ близкій по деревнѣ сосѣдъ ея и который, выслушавъ описаніе моихъ владѣній въ Кавказскихъ горахъ, Сибирскихъ степяхъ и въ глубинѣ Чернаго моря, какъ одолженія себѣ, проситъ взять себя сватомъ и ручается за успѣхъ, а потому мы и спѣшимъ скорѣе увѣнчать пламенную мою любовь. Дабы же мнѣ еще болѣе плѣнить мою ma chere Пазиньку, пришли мнѣ романы нашей полковой поповны; изъ нихъ я долженъ научиться съ ma chere Пазинькою и отвѣчать ей въ томъже тонѣ.

Знай и объявляй, что какъ скоро женюсь, тотчасъ плачу долги тебѣ и всему свѣту.

Твой Алексѣй.

Наставь пожалуста Фильку разсказывать въ домѣ невѣсты о моемъ несмѣтномъ богатствѣ, ежели ты не забылъ сочиненнаго тобою о немъ описанія. Здѣшнимъ машер-мерамъ оно одно только и нужно.

СУДЬБА КРАСАВИЦЫ.

(София Глявоне-Витте-Потоцкая) [1].

Въ апрѣлѣ 1778 года маіоръ Витте, сынъ каменецъ-подольскаго коменданта, въѣзжалъ въ Жванецъ во главѣ отряда артиллеріи, подъ сильнымъ эскортомъ кавалеріи разнаго рода. Цѣлью похода было привѣтствіе королевскаго посла Боскампа Лясопольскаго, возвращавшагося изъ Турціи. Посланникъ только чрезъ два мѣсяца прибылъ на берега Днѣстра; собравшаяся здѣсь шляхта встрѣтила его торжественно.

Посолъ имѣлъ въ своей свитѣ двухъ молодыхъ дивной красоты гречанокъ: одну пятнадцатилѣтнюю, которой даже имени не знаемъ, другую тринадцатилѣтнюю, Софію, родную сестру первой. Современныя извѣстія утверждаютъ, что Боскампъ везъ ее для короля, потому что хотя оффиціально занималъ высшія должности, но при дворѣ исполнялъ различныя двусмысленныя порученія; вѣроятно и въ этотъ разъ онъ везъ для короля эту прелесть, пріобрѣтенную у бѣдной торговки въ Цареградѣ. Почему онъ не взялъ ее съ собой въ Варшаву, а оставилъ на границѣ—трудно объяснить. Возвращаясь къ тѣмъ же извѣстіямъ, слѣдовало бы повторить, что Боскампъ хотѣлъ сначала своимъ описаніемъ красавицы поджечь любопытство въ коронованномъ вѣтренникѣ и выговорить для себя двойное вознагражденіе. Намъ же кажется, что побудило его оставить это сокровище на границѣ государства путешествіе черезъ Австрію, гдѣ царствовала набожная, съ пуританскими воззрѣніями на нравственность, Марія Терезія.

[1]) Переводъ съ польскаго. Изъ истор. разсказовъ д-ра Антонія I.

Гдѣ первоначально поселились красавицы, сказать не съумѣемъ, вѣроятнѣе въ Хотинѣ. Здѣсь скоро онѣ обратили на себя вниманіе молодаго маіора Витте, проникнутаго либерализмомъ и уже надлежащимъ образомъ просвѣтившагося въ тогдашней Варшавѣ, куда отецъ такъ часто посылалъ его. Сначала онъ сталъ ухаживать за старшей, но скоро она наскучила ему; онъ бросилъ увлеченную и отыскалъ ей мужа. Хотя мы нигдѣ не встрѣчаемъ затѣмъ отмѣтки о ней въ каменецкихъ метрическихъ книгахъ о бракахъ, но знаемъ, что чрезъ десять лѣтъ она была первой женой хотинскаго паши.

Второй—Софіи суждено было сыграть болѣе блестящую роль въ судьбахъ нѣсколькихъ семействъ, занимавшихъ выдающееся положеніе въ падающей Польшѣ въ послѣдній ея моментъ.

Іосифъ Витте перенесъ свою любовь со старшей сестры на младшую. «Потомъ, выучивши ее не скоро польскому и французскому языкамъ, по словамъ «манифеста» Каролины Витте, обвѣнчался съ нею по обряду римско-католической церкви, такъ какъ она, предупрежденная судьбой сестры и совѣтами подкомандныхъ офицеровъ, не хотѣла иначе отвѣчать на его страсть».

Первая наставница, которая «отесала Софію Витте отъ ново-греческихъ манеръ и познакомила съ тономъ высшаго общества», была жена подполковника Лоская. Софія сохранила къ ней благодарность до смерти: сначала выдала ее замужъ за Грохольскаго, брацлавскаго воеводу, подаривши ему нѣсколько сотъ тысячъ злотыхъ, а когда Грохольскій умеръ, взяла къ себѣ вдову и заботливо пеклась о ней; какъ о матери, до самой ея смерти.

Учиться долго у Лаской она не могла. Мы знаемъ, что Лясопольскій съ Софіей прибылъ въ Жванецъ 21 іюня 1778 года, а 3 апрѣля слѣдующаго года она была уже въ Каменцѣ.

«Константинопольская madame только недѣлю тому назадъ пріѣхала сюда, ожидая изъ Варшавы какихъ-то резолюцій», пишетъ съ сарказмомъ старикъ Витте къ Дѣдушинскому, большому своему пріятелю.

Ему, старыхъ христіанскихъ убѣжденій воину, не по вкусу было это новаторство; не ожидалъ бѣднякъ, что вскорѣ долженъ будетъ называть ее невѣсткой! 14 іюня 1779 года ксендзъ Антоній Хмелевскій, каноникъ каѳедральный каменецкій, благословилъ этотъ

бракъ въ зиньковецкомъ костелѣ (предмѣстьи старой крѣпости), съ согласія Адама Красинскаго, каменецкаго бискупа: вѣнчались Іосифъ Витте, шефъ пѣхотнаго полка, съ Софьей Клявона, свидѣтелями были: Игнатій Прыбышевскій, капитанъ того же полка, и Симеонъ Квятковскій, мѣстный житель.

Старикъ комендантъ ничего не зналъ о бракѣ, и этому не слѣдуетъ удивляться; обстоятельство это объясняется неудовольствіемъ бискупа Красинскаго: имѣли они между собою счеты еще со времени барской конфедераціи. Отецъ впрочемъ скоро простилъ сына, да и что-жъ наконецъ онъ могъ бы сдѣлать? И вотъ уже 26 іюня, спустя двѣнадцать дней послѣ злосчастнаго брака, пишетъ онъ къ зятю своему полковнику Бертранду:

«День именинъ (св. Іоанна) провели, какъ поминки, такъ какъ въ этотъ день я долженъ былъ уступить просьбамъ сына и простилъ его за то, что безъ вѣдома родителей женился на той чужестранкѣ, которую его милость Боскампъ привезъ себѣ въ жены. И вотъ Боскампу вѣнецъ гороховый, а намъ крапивный. Надо, значитъ, и это испытаніе принять отъ Бога. Стоялъ уже, по милости Бога, на такой ступени, съ которой могъ достичь лучшаго положенія; но если онъ хочетъ довольствоваться и этой долей, пусть имъ Богъ даетъ счастіе».

Грустью и разочарованіемъ вѣетъ отъ этихъ словъ. Въ утѣшеніе старику отцу говорили, что Лясопольскій привезъ Софію съ намѣреніемъ жениться на ней (будущую жену развѣ оставилъ бы на границѣ?), что происходила она изъ стариннаго греческаго рода Геличи или Маврокордато, а воспитывалась въ домѣ французскаго посла въ Стамбулѣ. Однако мы видимъ, что метрика опровергаетъ эти басни.

Каролина Витте разсказываетъ, что прекрасная Софія сама просила на колѣняхъ стараго коменданта о прощеніи и благословеніи сына и ея мужа. Она была дивно хороша: въ большихъ чорныхъ очахъ виднѣлись тоска и страстность; въ движеніяхъ ея было столько невыразимой прелести, на губахъ столько покорности и мольбы, что генералъ, извѣстный своей суровостью и энергіей, уступилъ.

— Встань, моя милая, воскликнулъ онъ; ты такъ хороша, что не удивляюсь сыну, сдѣлавшему глупость. Встань! Прощаю и благословляю.

Мать была тверже, а можетъ и тщеславнѣе: она не могла простить сыну mesaliansa, слегла въ постель и уже больше не вставала; въ ноябрѣ (24) слѣдующаго года закрыла глаза. Сынъ, видно, не ожидалъ смерти матери, такъ какъ въ маѣ 1780 года выѣхалъ въ Францію съ красавицей женой.

Въ Парижѣ Софія пріобрѣла лоскъ, который еще больше увеличилъ ея прелести. Тамъ, она, семнадцатилѣтняя, разсталась съ «предразсудками», которые удерживали ее еще на пути нравственности и супружеской вѣрности. «Тамъ, говоритъ Хронщевскій, народная молва прославляла ея красоту, а monsieur, позже король Людовикъ XVIII, боготворилъ ее и преклонялся предъ ея красотой».

Въ Парижѣ у молодаго супружества родился первый сынъ; въ книгахъ о рожденіяхъ, хранящихся въ каѳедральномъ каменецкомъ костелѣ, мы находимъ вшитую метрику на французскомъ языкѣ, дословный переводъ которой приводимъ здѣсь: «17-го декабря 1781 года родился въ Парижѣ въ улицѣ..... въ домѣ..... Иванъ, сынъ Іосифа и Софіи Витте, законныхъ супруговъ. Совершалъ обрядъ крещенія надъ ребенкомъ, съ разрѣшенія епископа Бомонъ, настоятель прихода св. Евстафія, священникъ (подпись неразборчива).

Въ 1782 году молодая пара уже вернулась въ Каменецъ. Софія съ той поры вмѣстѣ съ Аксамитовской Теклей, сестрой мужа [1]), принимаютъ всегда участіе во всѣхъ мѣстныхъ торжествахъ. Красавица-гречанка кружитъ головы офицерамъ и сводитъ съ ума всю окрестную молодежь. Въ домѣ шефа всегда полно гостей; въ день св. Іосифа и св. Станислава (королевскіе именины) бывали балы съ иллюминаціями, фейерверками и пушечной пальбой. Софья кокетни-

---

[1]) Въ Каменцѣ осталось преданіе, что и дочь Ивана Витте, Текля, вышла замужъ противъ воли родителей за славетнаго каменецкаго армянина Аксамитовскаго, и по этому поводу каменецкіе жители, въ насмѣшку надъ надменностію коменданта, сочинили такую пѣсенку:

Czy wy wiecie,
Panie Wice,
Wasza curka
W axamicie.

Примѣч. переводч.

чаетъ съ волокитами; со всякимъ обращается одинаково любезно и вызывающе. На блестящихъ вечерахъ въ комендантствѣ, съ претензіями на французскую галантность и вкусы, первый разъ ученица подполковницы Лоскай начинаетъ пробовать свои собственныя силы, примѣняя вывезенную изъ Парижа теорію къ практикѣ. Очарованная шляхта теряетъ голову; даже старикъ комендантъ начинаетъ вѣрить въ дипломатическія способности невѣстки.

Въ 1784 году Богъ далъ имъ другаго сына. Вотъ выпись изъ метрическихъ книгъ: «2 декабря я, ксендзъ Хмелевскій, каноникъ каѳедральный каменецкій, совершилъ таинство крещенія надъ новорожденнымъ Корнелемъ, Іосифомъ, Станиславомъ, сыномъ Іосифа де-Витте, шефа пѣхотнаго полка, и Софьи «Челече», законныхъ супруговъ; воспріемниками были» и т. д.

Здѣсь уже, какъ видимъ, выступаетъ фамилія Челече, выдуманная для успокоенія пустаго тщеславія стараго коменданта. Однако и внукъ, и дѣдъ скоро умерли, одинъ за другимъ. Послѣдній разстался съ жизнію въ декабрѣ 1785 года. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Іосифъ сталъ комендантомъ крѣпости, а жена всемогущей госпожей гарнизона, города и окрестностей.

Іосифъ Витте смотрѣлъ на ухаживанья за его женой сквозь пальцы, не принимая въ соображеніе, что супруга честолюбива, безъ всякихъ убѣжденій и испорчена похвалами, а самъ онъ некрасивъ и уже не первой молодости. Софія поставила цѣлью своей жизни, будь, что будетъ, стать высоко. Тихій городъ, населенный главнымъ образомъ армянами, мало соотвѣтствовалъ ея видамъ. Наконецъ, не разъ долетало до ея ушей, что ея мужъ, достигшій генеральскаго чина, сынъ мѣстнаго жителя, т. е. мѣщанина, а о его армянскомъ происхожденіи и говорить было нечего: довольно было посмотрѣть на эту мѣшковатую фигуру, съ кривыми ногами, смуглымъ лицемъ, огромнымъ приплюснутымъ носомъ, небольшой головой, покрытой шерстистыми, завивающимися въ кудри волосами—все это только раздражало красивую комендантшу, ознакомившуюся съ парижской жизнью.

Надоѣли ей слишкомъ грубоватыя и угловатыя ухаживанія пограничныхъ паничей, и она подумывала о Потоцкомъ. Только что полученное имъ генеральство отъ артиллеріи было предлогомъ къ визиту. Но визитъ не удался, и вотъ она повернула къ русскимъ, стоявшимъ постоянно лагеремъ на границѣ

Рѣчи - Посполитой. Тѣ, какъ извѣстно, охотно принимали всякую услугу, платя за нее щедро, но, что самое пріятное, никогда не поднимали носа. Надо признать, что русскіе Екатерининскіе генералы отличались большой галантностью и особенной податливостію къ прекрасному полу.

M-me Витте имѣла передъ глазами не одинъ готовый примѣръ того, какъ играли въ политику, и жаждала подражать такимъ примѣрамъ, не задумываясь надъ тѣмъ, насколько это нравственно. Первые ея шаги на этомъ пути покрыты таинственностію. Современные мемуары говорятъ подробно, что она была въ Вѣнѣ, въ Стамбулѣ, гдѣ посѣтила французскаго посла Шуазеля, въ русскомъ лагерѣ, наконецъ въ Петербургѣ, что оказала большія услуги русскому правительству и что Екатерина, вознаграждая прекрасную гречанку, отдала ей въ вѣчное владѣніе порядочное имѣніе въ Бѣлоруссіи, прирѣзанной къ Россіи по первому раздѣлу Польши.

Постараемся хоть немного разъяснить этотъ періодъ въ жизни Софіи.—Война турецкая, въ которой принимала участіе каменецкая комендантша, объявлена была въ 1788 г., а окончена миромъ въ Яссахъ 1792 года. По источникамъ, какіе имѣемъ подъ рукой, можемъ утвердительно сказать, что наша героиня представлялась царицѣ въ Крыму, а въ іюнѣ 1787 г. сѣла въ Херсонѣ на корабль и вмѣстѣ съ Мнишковой, во главѣ двѣнадцати женщинъ, отправилась въ Константинополь. Мёнчевскій охранялъ путешественницъ. M-me Витте имѣла цѣлью этого вояжа посѣщеніе старой бѣдной матери. Это во всякомъ случаѣ дѣлаетъ ей честь: родительница была не очень чувствительнаго сердца, если продала дочь; но дочь не отплатила взаимностью, хотя имѣла на то право. Свиданіе впрочемъ продолжалось не долго, потому что уже осенью Софія была во Львовѣ. Измученная ревностью мужа, она рѣшилась поселиться здѣсь на долго. «Но Витте скоро узналъ о ея возвращеніи и полетѣлъ къ ней мириться; вымаливалъ у нея прощенія за прежнія оскорбленія и въ будущемъ обѣщалъ быть деликатнѣе. Покорность мужа смягчила ее, и она дала себя упросить къ дальнѣйшему сожительству».

Поведеніе гречанки, преобразившейся въ польскую генеральшу, заставило мужа забыть дисциплину. Узнавши, что Софія не думаетъ двинуться изъ Львова, онъ просилъ короля позволить

ему поѣхать за нею. Вотъ какъ Станиславъ Августъ отвѣчалъ ему 4-го сентября: «и не думай оставлять крѣпости изъ-за своей жены. Вѣдь ты надѣлалъ-бы и себѣ, и намъ стыда, оставляя свой постъ въ самую критическую минуту. Во всякомъ случаѣ, твоя жена скоро должна возвратиться. Довѣрься ея уму; она сама придумаетъ, какимъ образомъ и куда ей найлучше и найприличнѣе будетъ возвратиться». Витте не послушалъ приказа короля и поѣхалъ. Это сошло ему безнаказанно, а потому впослѣдствіи онъ рѣшился на другой, болѣе продолжительный, вояжъ, тоже безъ разрѣшенія, въ погоню за легкомысленной женой. Но не будемъ предупреждать событій.

Въ началѣ 1788 года Софія опять вернулась въ Каменецъ. Изъ современныхъ записокъ мы узнаемъ, что она гостила въ лагерѣ Салтыкова, осаждавшаго въ маѣ того-же года съ австрійскими войсками хотинскую крѣпость. Очарованный ея красотой, генералъ, расположившійся въ лагерѣ подъ Брагой, давалъ блестящіе въ честь ея балы, но главное, до того поддался ея чарамъ, что даже поступился военною честью.

Вотъ что пишетъ участникъ этой войны, Энгельгардтъ. Салтыковъ донесъ фельдмаршалу Потемкину, собиравшемуся тогда осадить Очаковъ, что Хотинъ сдается на капитуляцію, проситъ только о трехдневномъ перемиріи. Фельдмаршалъ, ожидая вѣсти о сдачѣ, приказалъ зарядить пушки, чтобы объявить о новой побѣдѣ; но новый курьеръ пріѣхалъ съ новымъ рапортомъ, въ которомъ Салтыковъ доноситъ, что согласился на трехдневное перемиріе. Потомъ еще два раза возобновлялъ перемиріе. Потемкинъ этимъ былъ очень недоволенъ. Говорили тогда довольно громко, что причиной лѣнивой осады Хотина и больше чѣмъ девятидневнаго перемирія была любовь Салтыкова къ красивой женѣ каменецкаго коменданта Витте, которая часто пріѣзжала въ русскій лагерь. Сестра ея, какъ первая жена паши, жила въ Хотинѣ. Салтыковъ, поддаваясь мольбамъ возлюбленной, постоянно посылалъ письма черезъ парламентера отъ m-me Витте въ Хотинскую крѣпость и отвѣты, оттуда принесенные, вручалъ прекрасной Софіи. Этотъ первый успѣхъ заохотилъ нашу героиню къ дальнѣйшимъ шагамъ. Можетъ быть, наконецъ, Салтыковъ, желая умѣрить гнѣвъ Потемкина и зная его сла-

бость къ красивымъ женщинамъ, послалъ ему гречанку, какъ удовлетвореніе за уступку, сдѣланную туркамъ подъ Хотиномъ.

Не знаемъ уже, отъ Потемкина-ли, или изъ Каменца поѣхала красавица въ Варшаву. По недостатку свѣдѣній, слѣдовало-бы предположить, что она взяла въ столицу Польши русскія предложенія. Россія, занятая войной съ Турціей, не желала перемѣнъ въ Рѣчи-Посполитой. M-me Витте не способна была, конечно, отвратить ихъ, но могла присмотрѣться ко всему и потомъ отдать подробный отчетъ Потемкину, такъ какъ онъ велъ политику на собственный страхъ, независимо отъ петербургскаго кабинета, всегда заботясь, надо отдать ему справедливость, объ истинныхъ пользахъ своего отечества.

Какъ-бы то ни было, а Нѣмцевичъ, бывшій тогда въ Варшавѣ, такъ описываетъ madame Витте:

«Хороша, какъ богиня Грида. Одѣвалась разъ по гречески, другой по европейски. Гдѣ показывалась, приводила всѣхъ въ восторгъ; толпы тѣснились къ ней; многіе вскакивали на скамьи, чтобъ только ее видѣть».

«Въ это-то время увидѣлъ ее Щенсный Потоцкій и влюбился въ нее страстно. Но, будучи разсерженъ, что сеймъ его не слушаетъ, отложилъ свою любовь до болѣе благопріятнаго времени». Софія однако вернулась изъ столицы неудовлетворенная. Слишкомъ много слышала она въ ней протестовъ противъ Россіи; король обошелся съ нею болѣе чѣмъ равнодушно, а Потоцкій хоть, казалось, пожиралъ ее глазами, былъ молчаливъ и пасмуренъ болѣе обыкновеннаго: страсть и надменность боролись въ немъ съ любовію къ отечеству. Паденіе было близко; можетъ быть, онъ предчувствовалъ его!

«Комендантша, пишетъ одинъ изъ офицеровъ каменецкаго гарнизона, Дальке, очень недовольна Варшавой; его милость король едва проговорилъ къ ней нѣсколько словъ; цѣлый дворъ отворачивался отъ нея».—«Предпочитаю эту крѣпость столицѣ», такъ по крайней мѣрѣ говорила она. Но supponitur, что эта птичка изъ клѣтки скоро улетитъ». И дѣйствительно, улетѣла, потому что уже въ 1789 году встрѣчаемъ ее въ лагерѣ подъ Очаковымъ и въ свитѣ князя Потемкина въ Яссахъ. А блестящая въ самомъ дѣлѣ была эта свита, почти королевская; среди русскихъ генераловъ тутъ

были: князь Ангальтъ-Бернбургскій, принцъ де-Линь, графъ Браницкій, князь Нассау, Іосифъ Понятовскій, графъ д'Амеасъ и много австрійскихъ офицеровъ.

Изъ женщинъ Потемкина окружали: невѣстка (bratowa) фельдмаршала, графиня Самойлова, графиня Браницкая, графиня Долгорукова, графиня Головина, графиня Гагарина, словомъ: цвѣтъ аристократіи. Безпрестанные празднества и балы, театръ, балетъ и концерты, подъ управленіемъ знаменитаго артиста Сарти,—роскошь невиданная доселѣ....

Императрица стала равнодушна къ своему старому фавориту, вся привязанность ея перешла на молодаго Валеріана Зубова; но она позволяла все таки Потемкину черпать a discretion изъ казначейства; и князь, разочарованный, предчувствуя свое паденіе, видя свое вліяніе пошатнувшимся, не жалѣлъ казны, желая забыться въ безумной роскоши.

Натурально, madame Витте померкала въ этой плеядѣ звѣздъ первой величины, но держалась «за новую клямку» крѣпко, предчувствуя, что на ея сторонѣ скоро будетъ побѣда. Мужъ не умѣлъ внушить ей привязанности къ падающей Польшѣ, да и самъ ее не любилъ, если, тоскуя по Софьѣ, въ августѣ 1789 года полетѣлъ за ней подъ Очаковъ, не спросивъ на это разрѣшенія у своего начальства. За такое самовольство онъ былъ отставленъ отъ должности каменецкаго коменданта, но, должно быть, не очень сожалѣлъ объ этомъ и остался при русской арміи. Благодаря вліянію жены, онъ добился у Потемкина того, что тотъ создалъ для него должность коменданта въ Херсонѣ, съ жалованьемъ въ 6,000 р. с., куда онъ и отправился въ началѣ 1791-го года. Пробывъ на этой должности до 1797 года, Витте уже генералъ-лейтенантомъ вернулся въ Подолію и поселился въ имѣніи, которое получилъ отъ Потоцкаго за проданную жену.

Сближеніе прекрасной Софіи съ Щенснымъ началось въ Яссахъ, куда недовольные королемъ заглядывали часто, ведя переговоры съ Потемкинымъ, а потомъ съ Безбородко. У насъ въ рукахъ почти доказательство того, что m-me Витте выступила здѣсь въ роли политическаго агента, кокетствомъ склоняя колеблющагося Потоцкаго принять предложенія «сѣверной союзницы». На человѣка съ небольшимъ умомъ слишкомъ много было разставлено здѣсь сѣтей;

прежде всего щекотали спѣсь, поддерживали олигархическія убѣжденія, а тутъ еще самая красивая женщина, ангелъ или сатана во плоти, вѣшается ему на шею, нашептывая сладкія слова любви, и съ свойственной восточнымъ націямъ образностью рисуетъ ему будущее счастье его отечества, а его самого въ этомъ отечествѣ—первымъ гражданиномъ, можетъ быть королемъ, котораго благословятъ подданные. Была это идиллія на изнанку, если можно такъ такъ выразиться. Какъ во Франціи придворные играли въ Аркадію и чувствительныхъ пастушковъ, не предвидя кровавого зарева революціи и воздвигнутой ею гильотины, такъ въ то же время и надменный польскій шляхтичъ старался принаровить эти буколическія затѣи къ своимъ убѣжденіямъ, залегшимъ въ его узкомъ умѣ; онъ жаждалъ Аркадіи, но такой, чтобъ она лежала у его ногъ и чтобъ настоящіе пистушки играли на флейтахъ на мотивы его тщеславія. Потоцкій долженъ былъ пасть. Эту печальную страницу исторіи разскажемъ въ нѣсколькихъ словахъ: задыхаешься, читая эти выцвѣтшіе документы; хотя они и доказываютъ больше глупости, нежели подлости, все же въ сердцѣ мимо воли закипаетъ негодованіе къ виновникамъ катастрофы. Мы воспитаны еще подъ вліяніемъ могущественной традиціи; мы съ молокомъ матери всосали убѣжденіе въ измѣнничествѣ тарговицкой «троицы»; пѣли намъ объ этомъ надъ колыбелью пѣсенки, поражавшія дѣтское воображеніе, а народъ въ полѣ проклиналъ въ тоскливой пѣснѣ «воеводскаго сына».

Внуки тарговичанъ кончили скверно, и свидѣтели ихъ смерти шептали намъ устрашающую сентенцію: «даромъ пропадаетъ за вину дѣда, тарговичанина». И въ общественномъ мнѣніи конфедерація—преступленіе, за которое не достаетъ уже наказанія въ уголовномъ кодексѣ. Тульчинецкія богатства уменьшались, таяли изъ за Тарговицы; линія тульчинецкая, имѣвшая во главѣ гетмановъ, захудала страшно—за Тарговицу. Громъ за громомъ ударялъ въ это гнѣздо орловъ, лившихъ свою цѣнную кровь за отечество, богъ мщенія низвергалъ во адъ гордыхъ, а потому падшихъ ангеловъ. То были впечатлѣнія первыя—отроческія; потомъ юноша, читая «Библію Тарговицкую» и Колонтая «Объ упадкѣ конституціи 3-го мая», укрѣплялся въ увѣренности въ преступленіи. Въ настоящее время, когда новые матеріалы выхо-

дятъ изъ подъ спуда, при чтеніи этихъ полинявшихъ документовъ конца XVIII-го вѣка, отрывочно, но ярко, искренно, безъ обмана рисующихъ эпоху, закрадывается невольное сомнѣніе; изстари вкоренившееся убѣжденіе «объ измѣнѣ магнатовъ» исчезаетъ; выступаютъ обстоятельства смягчающія, уменьшающія мѣру преступленія. Тяжесть его падаетъ не на трое плечей, а на большинство народа; троица же—это козлы отпущенія... Таково наше нынѣшнее убѣжденіе о конфедераціи. Но у насъ нѣтъ силы обставить его подробнѣйшими доказательствами, потому что хладнокровіе безпристрастнаго разсказчика насъ оставляетъ, традиція беретъ перевѣсъ, мысль путается по слѣдамъ молвы и партіозныхъ мнѣній. Закроемъ нашъ портфель, повторяя, можетъ быть, сотый разъ, что еще не пора говорить о тѣхъ временахъ.

Возвращаясь къ разсказу, прибавимъ, что Потоцкій сошелся окончательно съ Софіей въ Яссахъ. По началу мужъ удовлетворялся скромнымъ вознагражденіемъ; но чтобы и это не имѣло ясныхъ признаковъ продажи, сохранилъ наружное приличіе: взялъ будто на себя доставку пшеницы въ Молдавію для русскихъ войскъ отъ 15 до 30 т. корцевъ. Деньги ему заплатилъ Потемкинъ. Пшеница совсѣмъ не была доставлена, Потоцкій же черезъ нѣсколько лѣтъ заплатилъ казначейству все, что взялъ Витте.

Прекрасная Софія, подъ знаменемъ тарговицкимъ и покровительствомъ Россіи, въѣзжала съ своимъ возлюбленнымъ въ Польшу въ маѣ 1792 года, но тайно; въ обществѣ не показывалась, скрывалась въ Тульчинѣ, гдѣ пребывалъ маршалъ конфедераціи съ своимъ штабомъ, хотя всѣ уже знали объ ихъ отношеніяхъ, даже жена маршала Юзефина Потоцкая, жившая тогда въ Петербургѣ.

Первый разъ ловкая гречанка открыто является въ обществѣ могущественнаго Потоцкаго въ Гроднѣ. По окончаніи конфедераціи она выѣзжаетъ вмѣстѣ съ нимъ въ Россію въ мартѣ 1793-го года. Ужасное было тогда положеніе маршала конфедераціи: отечество гибнетъ; въ сердцѣ предчувствіе проклятій, въ глазахъ зрѣлища руинъ вмѣсто фантастическаго грандіознаго зданія золотой старо-шляхетской вольности. И, еслибы не любовь къ Софіи, можетъ быть, въ другой разъ онъ поднялъ бы на себя руки. Но дома его ожидала улыбающаяся, тоскующая, прекрасная, какъ ангелъ, любовница, чувствовавшая уже себя матерью, шептавшая ему, что

онъ долженъ жить для нея! Бѣдный маршалъ, всегда игравшій въ идиллію, но теперь уже дѣйствительную, а не шляхетскую, повѣрилъ любви Софіи, забывъ, что красивая гречанка въ лагеряхъ Салтыкова и Потемкина вступила на путь супружеской невѣрности. Поэтому сейчасъ онъ входитъ въ условія съ женой, заключаетъ съ нею такъ называемую «компланацію», которую императрица Екатерина утвердила 23-го мая 1793 года. Состоитъ она изъ девятнадцати пунктовъ. Содержаніе ихъ такое: Потоцкій, больной неизлечимой болѣзнью, выѣзжаетъ за границу, все имѣніе отдаетъ своей женѣ, передаетъ ей опеку надъ дѣтьми, жена же обязывается выплачивать ему ежегодно 50 т. голанд. черв. въ два срока (1-го іюля и 2 января), а послѣ его смерти туже сумму обязана давать въ продолженіи двухъ лѣтъ тому лицу, которое укажетъ Потоцкій.

Покончивъ такимъ образомъ съ своими дѣлами, Потоцкій въ обществѣ m-me Витте и нѣсколькихъ своихъ придворныхъ, между которыми были: бригадиръ Рудницкій, адъютантъ Метцель, камердинеръ Бистецкій и парикмахеръ Дудзиньскій, переименованный въ казначея, двинулся въ Гамбургъ, съ намѣреніемъ никогда больше не возвращаться на родину.

Жена его, Маріанна Юзефина Потоцкая выѣхала на Украину. Отмѣчаемъ здѣсь еще одинъ фактъ, очень любопытный. Софія Витте «за непристойную жизнь была обжалована Юзефиной изъ Мнишковъ Потоцкой предъ императрицей. Императрица именнымъ указомъ осудила ее на заключеніе въ монастырь», но та своевременно успѣла улизнуть за границу. Щенсный не ставилъ женѣ въ укоръ этого ея поступка; онъ умѣлъ прощать ей не разъ предъ тѣмъ, а теперь самъ столько-же нуждался въ прощеніи.

II.

Влюбленная пара поселилась въ Гамбургѣ. Не очень весело провела тамъ Софія два съ половиною года вмѣстѣ съ Щенснымъ, въ обществѣ его придворныхъ,

Послѣ блестящихъ баловъ подъ Очаковымъ, послѣ безумныхъ оргій въ Гроднѣ, пребываніе въ нѣмецкомъ городѣ, хотя-бы и въ такомъ торговомъ, какъ Гамбургъ, можно было сравнить только съ монастырской жизнью. Прибавьте къ этому пасмурное по природѣ настроеніе маршала и сумасшествіе бригадира Рудницкаго, кото-

рый, тоже входя въ составъ свиты, считалъ себя духомъ изъ другаго міра, а на пребываніе на землѣ смотрѣлъ, какъ на изгнаніе, какъ на адъ и наказаніе за отступничество отъ своего знамени.

Потоцкій также сгибался подъ тяжестью обвиненій. Родина вновь раздѣлена; затѣмъ революція Костюшки съ кровавымъ эпизодомъ народнаго движенія въ Варшавѣ, съ тѣми висѣлицами, на которыхъ возлѣ Коссаковскаго, Ожаровскаго, Забѣловъ, Четвертинскаго, Боскампа были повѣшены родственники и его пріятелей, потомъ паденіе Рѣчи - Посполитой и собственное разореніе. Соберите все это, и вы будете имѣть понятіе о жизни этихъ добровольныхъ изгнанниковъ на чужбинѣ.

Гречанка не могла противиться ударамъ, направленнымъ на судно, править которое взялъ на себя ея возлюбленный. Часто потомъ повторяла она, что смѣло можетъ грѣшить, такъ какъ въ Гамбургѣ за всѣ будущія прегрѣщенія она принесла покаяніе съ излишкомъ.

Одиночество тутъ чувствовалось полное.

Потоцкій силился всѣми способами выйти изъ этого положенія, запрашивалъ къ себѣ путешествующихъ русскихъ и соотечественниковъ, но и тѣ, и другіе избѣгали непріятной встрѣчи, а потому онъ рѣшился войти въ сношенія съ гражданами Гамбурга, сдѣлалъ «славетнымъ райцамъ» визиты и, пользуясь первымъ торжественнымъ днемъ, запросилъ ихъ къ себѣ на пышный балъ.

Въ назначенный день никто изъ мѣстныхъ сановниковъ не явился. Это униженіе въ высшей степени оскорбило могущественнаго владѣльца Тульчина.

А тутъ бѣда стала заглядывать въ глаза, денегъ изъ имѣнія не высылали, надо было продавать излишки, цѣнныя фамильныя вещи шли жидамъ въ залогъ, на письма въ имѣніе не получалъ отвѣта.

Печальное положеніе, не правда ли?

Чтобы надлежащимъ образомъ понять его, надо вернуться назадъ. Мы знаемъ, что Щенсный, оставляя Петербургъ, заключилъ «компланацію», по которой жена обязана была выплачивать ему ежегодно 50 т. червонцевъ; за то цѣлое имущество переходило къ ней и ея дѣтямъ. По утвержденіи императрицей Екатериной

этого договора, Юзефина Потоцкая сейчасъ же уѣхала въ Тульчинъ для принятія имѣнія въ управленіе и приведенія дѣлъ въ порядокъ. Именно къ этому времени относятся имѣющіяся у насъ до дюжины ея писемъ въ Гамбургъ, которыя подробно рисуютъ печальное положеніе края. Считаемъ необходимымъ извлечь изъ нихъ въ дополненіе нѣсколько подробностей.

Пройдемъ молчаніемъ отношенія супруговъ, хотя удивляться надо тому достоинству и деликатности, съ какой Юзефина отнеслась къ отъѣзду мужа и къ поздней его страсти. Помимо воли приходится повѣрить въ искренность двустишія, сложеннаго въ ея честь и очень тогда популярнаго въ Польшѣ:

Твое мѣсто въ брачныхъ узахъ другая заступила,
Но ее свѣтъ презираетъ, а твоя память намъ мила.

Но пойдемъ дальше.

Не забывайте, что дѣло происходитъ между вторымъ и третьимъ раздѣломъ Польши. Громадныя имѣнія Потоцкаго остались за кордономъ, т. е. въ той части земли, которая была присоединена къ Россіи, между тѣмъ всѣ имущественные интересы этихъ провинцій улаживались въ Дубнѣ, на Волыни, принадлежавшей еще урѣзанной недавно Рѣчи Посполитой. Большое было это затрудненіе, потому что дубенскіе контракты составляли главный рынокъ, а капиталисты не хотѣли заключать никакихъ сдѣлокъ (1793, 1794, 1795 гг.), не будучи увѣрены въ будущемъ.

Потоцкій владѣлъ тремя милліонами морговъ [1]) пахатной и степной земли, но главный доходъ имѣнія составляла продажа водки. Новое правительство обложило ее податью, на которую тульчинское имѣніе теряло 30 т. ежегодно, а такъ какъ на имѣніяхъ тяготѣли долги (восемь милліоновъ) и касса тульчинецкая не въ состояніи была выплачивать проценты, то поднялся большой ропотъ между кредиторами, пожелавшими возвращенія долговъ.

Потоцкая, незнакомая съ дѣлами, очутилась сначала въ очень непріятномъ положеніи и потому писала обо всемъ мужу. Маршалъ сталъ сейчасъ искать займа, обратился въ Амстердамъ, прося сто тысячъ червонцевъ подъ залогъ всего имѣнія; но банкиры ему отказали. Потоцкіе, видно, пользовались уже плохимъ кредитомъ на

---

[1]) Моргъ=1317 квад. саж.—*Примѣч. перев.*

заграничныхъ биржахъ: фирма Прота пошатнулась тогда, и многіе потеряли. Винцентій Потоцкій, жившій въ Немировѣ, задолжалъ 787 т. голандскихъ червонцевъ и не въ состояніи былъ выплатить ихъ. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго, что Щенсный не нашелъ кредита у капиталистовъ. Желая наконецъ быть аккуратнымъ, онъ задумалъ продать все имѣніе за 300 тысячъ червонцевъ, но купца не нашелъ. Посудите сами, моргъ украинской земли предлагали купить по «два злотыхъ польскихъ», и охотниковъ не нашлось. Трудно это понять, особенно теперь, когда за аренду этого морга платимъ 30 и 40 злотыхъ польскихъ въ годъ. И однакожъ я тутъ ничего не прибавлю; всѣ данныя для разсказа я черпаю изъ многихъ и достовѣрныхъ записокъ и корреспонденцій.

Потоцкая, въ виду такого печальнаго положенія дѣлъ, опустила руки, забрала фамильные брильянты и серебро, полученное въ приданое, выѣхала въ Петербургъ, пріобрѣла тамъ красивый домъ и стала въ немъ жить. Не имѣя доходовъ, она не могла ими дѣлиться съ мужемъ; а этотъ послѣдній тратился изо дня въ день, проживая послѣднее.

За то господа комиссары имѣній, подстаросты, стали потомъ магнатами, и теперь не одинъ внукъ разбогатѣвшаго такимъ образомъ оффиціалиста даже не хочетъ догадаться, что дѣдушка тихонько пользовался изъ кассы Потоцкаго.

Не смотря на бѣду и недостатки, навѣрно Щенсный не вернулся бы на родину, еслибъ не Іосифъ Витте, законный супругъ его возлюбленной Софіи, въ то время уже носившій титулъ «графа». Наскучило ему комендантство на херсонскихъ степяхъ; онъ хотѣлъ еще пожить въ свое удовольствіе, да денегъ не хватало. У этого стараго вертопраха все было для продажи; все продавалъ онъ очень выгодно и, не смотря на то, его карманъ всегда былъ дырявый. Такъ и теперь нѣсколько десятковъ разъ онъ напоминалъ Потоцкому, но, не получая отвѣта, послалъ ему грозный ультиматумъ, потребовавъ жену, на что конечно имѣлъ право.

Прелестная Софія задрожала; предъ ея глазами стоялъ грозный мужъ, съ точки зрѣнія турка смотрящій на жену, плачемъ и лаской заставила она возлюбленнаго вернуться.

Онъ привезъ гречанку во Львовъ, а самъ отправился на Украину. Львовъ однако не пришелся по вкусу эксъ-комендантшѣ.

Тамъ жила тогда родственница маршала, Екатерина Коссаковская, урожденная Потоцкая, извѣстная кастелянша каменецкая; она не любила Щенснаго, не могла поэтому ласково относиться и къ его подругѣ. Надменная вдова сурово смотрѣла на ихъ отношенія, не освященныя таинствомъ, и ея жизнь была доказательствомъ ея убѣжденій.

Сраженная этой первой своей неудачей, Софія начала хлопотать о разводѣ съ мужемъ. Архіепископъ львовскій отказалъ ей; въ Люблинѣ постигла ее также неудача. Одинъ изъ адвокатовъ предложилъ ей обратиться къ «судамъ шляхетскимъ»; тѣ дѣйствительно согласились признать разводъ, но только на извѣстныхъ условіяхъ, а именно: primo, если жена дастъ присягу, что принуждена была вступить въ бракъ; secondo, если мужъ въ продолженіи шестнадцати дней противъ этого протестовать не будетъ. Снабженная такимъ документомъ, прекрасная сепаратка, считавшая уже себя таковой, пріѣхала въ Каменецъ. Здѣсь она нашла столько напоминавшаго ея прошлое, нашла и хорошаго знакомаго, летичевскаго бискупа Сѣраковскаго, тарговицкаго совѣтника, назначавшагося когда-то ея посланникомъ въ апостольскую столицу, словомъ пріятеля дома Потоцкихъ. Къ нему-то поспѣшила Софія съ своимъ дѣломъ. Натурально, прелатъ разсмѣялся ей въ глаза и посовѣтовалъ примириться съ Витте. Онъ увѣренъ былъ, что они скоро и легко поладятъ другъ съ другомъ.

Испуганная гречанка поспѣшила въ Умань.

Щенсный тѣмъ временемъ старался уничтожить фатальное для него условіе, извѣстное подъ именемъ «компланаціи», и уговорить жену къ разводу.

Во дворцѣ Пилявитовъ жилъ въ то время генералъ-фельдмаршалъ Суворовъ, предводитель войскъ, расположенныхъ въ южныхъ губерніяхъ. Взялъ онъ на себя роль посредника и миротворца между супругами. Генералъ насколько былъ отважнымъ воиномъ, на столько плохимъ дипломатомъ. Желая помирить стороны, онъ еще больше поссорилъ ихъ. Напросился онъ къ Потоцкимъ на обѣдъ. Супруги конечно были очень рады; сѣли къ обѣду вмѣстѣ съ своимъ медіаторомъ. Сначала рѣчь шла о вещахъ посторонних, но въ концѣ фельдмаршалъ ребромъ поставилъ вопросъ о разводѣ.

Юзефина молчала; Щенсный легко протестовалъ, а генералъ все больше и больше входилъ въ свою роль.

— Ну, эта ваша Виттиха! воскликнулъ онъ: я проучилъ бы ее! Вотъ что сдѣлала съ человѣкомъ!—и прибавилъ, указывая на маршала: потерялъ зубы отъ большой любви, состарѣлся, пожелтѣлъ! Отошлите вы Виттиху мужу въ степи, а сами возвращайтесь сюда, потому что любовь—это глупость, когда есть одинадцать душъ дѣтей и уже такихъ взрослыхъ.

Потоцкій сидѣлъ, какъ на иголкахъ, наконецъ не могъ вынести колкостей, закрылъ лице платкомъ, показывая видъ, что пошла кровь носомъ, сѣлъ въ экипажъ и уѣхалъ въ Умань.

Между тѣмъ дѣло прекрасной Софіи окончательно было выиграно, хотя она очень боялась этого свиданія въ Тульчинѣ. Щенсный возвратился съ рѣшительнымъ намѣреніемъ окончательно порвать связи съ женой. Послѣдняя сейчасъ опять вернулась въ Петербургъ, но не хотѣла согласиться ни на уничтоженіе «компланаціи», ни на разводъ.

Легче дѣло пошло съ Витте, потому что тутъ деньги могли все сдѣлать, и медіаторъ нашелся ловкій и хитрый—Антоній Новина Злотницкій, другъ дома, вскормленный хлѣбомъ Потоцкихъ, и теперь хоть генералъ-комендантъ Каменца и украшенный орденами, но все таки въ имущественномъ отношеніи бѣднякъ, а потому заискивающій у тульчинскаго «королька».

Пригласилъ онъ Витте изъ Херсона въ Ободовку, село подъ Уманью, которую держалъ въ «безплатной арендѣ»; сюда пріѣхала и Софія, и ея хмурый обожатель. «Въ продолженіи нѣсколькихъ дней, пишетъ въ своемъ реманифестѣ Новина Злотницкій, шли торги съ большими заботами для меня и непріятностями отъ Витте. Наконецъ, хотя Потоцкій и поручилъ мнѣ предложить ему два милліона, которые онъ ему уже давалъ три года тому назадъ; но я всевозможными способами уговорилъ Витте получить 500 т. польскихъ злотыхъ, нѣсколько тысячъ корцевъ пшеницы и ту сумму, которую прежде подарилъ madame Витте». Въ дѣйствительности было это нѣсколько иначе.

Витте старался на сколько возможно выгоднѣе продать «продуктъ», купленный двадцать лѣтъ назадъ за сравнительно дешевую цѣну (самъ онъ заплатилъ Боскампу за прекрасную Софію

лишь тысячу червонныхъ злотыхъ), и вмѣстѣ съ тѣмъ спѣшилъ поскорѣе покончить продажу, такъ какъ этотъ продуктъ въ образѣ красивой женщины начиналъ уже старѣться. Софіи тогда уже считали тридцать лѣтъ. а это не мало для женщины, родившейся на востокѣ.

Торговались крѣпко. Потоцкій ничего не хотѣлъ прибавить. Витте не уступалъ, а предметъ торга совсѣмъ этимъ не оскорблялся, наоборотъ: льстили этой женщинѣ и цѣна, и купецъ. Не забывайте, что она воспитывалась почти на порогѣ гарема и что первыя впечатлѣнія вынесла оттуда.

Послѣ долгихъ споровъ супруги пришли къ соглашенію. Любопытный этотъ договоръ такъ начинается.

«Графъ де Витте, генералъ-поручикъ войска ея императорскаго величества, кавалеръ ордена св. Станислава, съ одной стороны, и Софья графиня де Витте съ другой, въ силу основанныхъ на каноническихъ правилахъ и другихъ важныхъ обстоятельствахъ трехъ декретовъ бракоразводнаго львовскаго суда отъ 17-го ноября 1795 г., 19 января и 26 янв. 1796 г., признаютъ справедливыми и ненарушимыми слѣдующія условія, заключенныя между ними по добровольному соглашенію» и т. д.

Суть этихъ условій слѣдующая.

Жена уступаетъ мужу права на Бѣлорусскія имѣнія и 150 т. злотыхъ, дарованныхъ ей Потоцкимъ по векселю: кромѣ этого, даетъ ему еще 400 т. золотыхъ на покупку Грушевскаго ключа, который принадлежитъ Потоцкому въ Ушицкомъ уѣздѣ. Имѣніе это должно быть куплено на имя сына, но отецъ имѣетъ на него права пожизненнаго владѣнія. Потоцкій квитуетъ всѣ долги Витте, въ томъ числѣ и долгъ за недоставленную въ Яссы пшеницу, суммою до 450 т. злотыхъ; наконецъ Потоцкій обязывается воспитывать сына графа Ивана Витте, въ то время пятнадцатилѣтняго мальчика. Согласитесь, что тутъ больше двухъ милліоновъ. Ниже мы увидимъ, что старый развратникъ не остановился на этомъ.

Условія подписаны 18 февраля 1796 г. Витте такъ радъ былъ удачной сдѣлкѣ, что, побуждаемый чувствомъ благодарности, купилъ у Злотницкаго Демшинъ, сельцо подъ Каменцемъ, прилегающее къ Грушевскому ключу, заплативъ за него довольно щедро—150 т. Злотницкій въ свою очередь отправился въ Петербургъ и, послѣ долгихъ трудовъ, уничтожилъ «компланацію», но только уже по смерти

Екатерины, которая защищала Юзефину. Ему однако не удалось принудить ее къ разводу, и только скоропостижная смерть Юзефины въ началѣ 1798 г. положила конецъ распрѣ.

Любовники были обвѣнчаны 17-го апрѣля того же года. Бракъ совершенъ тихо, почти безъ свидѣтелей, въ церкви на предмѣстьи Тульчина (Нестерваркѣ). Вѣнчалъ мѣстный пріоръ доминиканъ по латинскому обряду.

Епископъ Сѣраковскій предлагалъ свои услуги и хотѣлъ пріѣхать въ Тульчинъ на бракъ, но Щенсный ловко отклонилъ предложеніе. Не приходилось какъ-то такъ скоро послѣ смерти второй жены праздновать свадьбу торжественно и шумно; оставшіеся послѣ нея дѣти все же были и его дѣти.

Новожены стали играть въ идиллію, съ той только разницей, что маршалъ принялъ ее въ серьезъ, а жена его приступила къ этой комедіи съ извѣстнымъ легкомысліемъ.

Потоцкіе поселились въ Умани. Здѣсь-то Щенсный развелъ садъ, который въ память возлюбленной третьей своей жены Софіи назвалъ «Софіевкой». Съ лихорадочной поспѣшностью старался онъ кончить его. Метцель, извѣстный артиллеристъ и отчасти инженеръ, нѣкогда адъютантъ маршала и товарищъ его по путешествію въ Гамбургъ, распоряжался работами. Денегъ не жалѣли. Игрушка эта, возбуждая удивленіе посѣтителей и до сихъ поръ, стоила восемь милліоновъ. Развѣ это не идиллія?—только въ большихъ размѣрахъ, какъ все, что ни дѣлалъ Потоцкій.... Если дарилъ онъ Рѣчи Посполитой, то цѣлый полкъ съ значительнымъ запасомъ пушекъ; если устраивалъ конфедерацію, то Тарговицкую; если заводилъ садъ, то Софіевку!

Но въ этомъ громадномъ саду пастушеская простота, хотя дорогой цѣной купленная, прежде всего. Здѣсь луга, рощи, скалы, ручьи, а среди этой красоты три разбитые обелиска:

. . . . ukochane cienie
Wam na cześć: Konstantemu, Mikule, Helenie,

Bez względu na małżeństwo zamknął los do trumny.
Wielkie domu nadzieje i przyszłe kolumny [1]).

Однимъ словомъ,—это были памятники троихъ дѣтей Потоцкаго отъ Софіи, умершихъ въ младенчествѣ.

На берегу тихаго ручья поставленъ бюстъ Трембецкаго, возлѣ котораго Щенсный Потоцкій на красной мраморной доскѣ написалъ слѣдующее осьмистишіе, единственное его поэтическое созданіе, извѣстное публикѣ:

Płyń, strumyku, cichym biegiem,
Te na zawsze rzucaj cienie,
Z kwiecistym się żegnaj brzegiem,
Dzikie skrapiać spiesz kamienie.
Tak szczęśliwy dzień uchodzi,
Choć zbyt rzadki dla człowieka,
Ledwie się go ujrzeć godzi,
Tylko błyśnie i ucieka [2]).

Нашелся наконецъ и пѣвецъ, который воспѣлъ чудеса этой Софіевки. Коснулся онъ всего: перечелъ заслуги семейства, о теперешнемъ устроителѣ этого чудеснаго уголка выразился дипломатически, отдѣлываясь двустишіемъ:

A co czynił dla kraju, co dla swoich ziomków,
Na osobnej to karcie damy dla potomków [3]).

---

[1]) . . . . Милыя тѣни, вамъ на честь: Константину, Николаю и Еленѣ. Безпощадно для родителей заключила судьба во гробъ семьи великія надежды и въ будущемъ ожиданья.

[2]) Въ теченьи тихомъ плыви, мой ручеекъ,
Бросай на вѣкъ тѣ тѣни,
Съ цвѣтистымъ берегомъ прощайся
И дикіе спѣши кропить каменья.
Такъ счастья день для насъ проходитъ:
Онъ рѣдкій гость для человѣка,
И чуть узрѣть его удастся,
Какъ онъ мелькнетъ и въ мигъ уходитъ.

[3]) А что дѣлалъ онъ для края, для своихъ единозёмковъ,
Мы особо о томъ скажемъ для потомковъ.

Но обѣщаніемъ и ограничился: не хватило у него смѣлости тогда, послѣ погрома, выступить съ масличной вѣтвью мира, со словомъ примиренія, а можетъ—и прощенія. За то о Софіи распространялся широко. Прежде, двадцать съ лишнимъ лѣтъ тому назадъ, когда Софія проѣзжала, какъ генеральша Витте черезъ Варшаву за границу, вызывая своей красотой всеобщій крикъ удивленія, тотъ-же придворный пѣвецъ почтилъ ее стихомъ удивленія не безъ примѣси ироніи:

Sliczna Zofio, twoje nawiedziny
Wiodą mi na myśl obaloną Troję,
Z podobnej ona zginęła przyczyny,
Jakzę się słusznie o Kamieniec boję [1]).

Теперь, когда та же Софія стала Потоцкой, а королевскій пѣвецъ перешелъ на содержаніе тульчинскаго владѣльца, онъ нѣсколько иначе выразилъ свой восторгъ:

. . . . . . To miejsce, Zofio, więcej sdobisz sama,
Podobniejsza niebiankom Adama.
Ciebie tu spuścił Olimp, chcąc trudy nadgrodić
I chcąc takiego męźa waźne troski słodzić.
Godne są w jego domu wiek utwierdzać złoty
Twe wdzięki, twe piękności, twe łagodne cnoty,
A póki między rodem ludzkim raczysz gościć,
Poł świata czcić cię będzie, drugie poł zazdrościć [2]).

Маршалъ принималъ это за чистую монету. Онъ щедро наградилъ Трембецкаго, давъ ему за поэму, въ которой восхвалялась Софіевка и добродѣтели его жены, двѣ тысячи червоныхъ злотыхъ! Никогда самый геніальный поэтъ не получалъ такого гонорара!

---

[1]) Твои посѣщенья, прелестная Софія, приводятъ мнѣ на мысль осажденную Трою. Отъ подобной причины она погибла,—какъ же мнѣ серьезно не бояться за Каменецъ?

[2]) Это мѣсто, Софія, сама ты больше украшаешь, подобясь небожителямъ Адама. Тебя Олимпъ сюда спустилъ, чтобы награждать труды мужа и услаждать его великія скорби. Твои чары, твои прелести, твои высокія качества способны въ его домѣ золотой вѣкъ утвердить. И пока въ родѣ людскомъ гостить будешь, всегда половина свѣта будетъ покланяться, а другая завидовать тебѣ.

Какой-то досужій высчиталъ, что камергеръ получилъ за каждый стихъ по четыре червонца. Все произведеніе состояло изъ пятисотъ стиховъ; впрочемъ не было у насъ терпѣнія провѣрить счетъ.

Графъ де Лагардъ перевелъ на французскій языкъ «Софіевку», а въ прибавленіи написалъ удивительную исторію самой Софіи, подъ заглавіемъ: «Прекрасная фанаріотка», въ которой Каменецъ сравнилъ съ Троей, а Софію съ Еленой. Должно быть, его наградили еще щедрѣе, чѣмъ камергера. А почтенная наша литература съ вѣрой приняла эту сказку. Dziennik domowy, выходившій въ Познани, повторилъ ее на своихъ страницахъ.

Забавлялись, какъ видимъ, въ Умани, потому что дѣйствительность была печальна.

Щенсный изъ семи дочерей, оставшихся послѣ Мнишковой, пять выдалъ замужъ, а двѣ остались дома; сыновья учились въ Петербургѣ. Кругомъ держали аренды ех-тарговичане и друзья: Гулевичъ, Мощинскій, Злотницкій, Томашевскій и скромный Рудницкій, у котораго помѣшательство перешло въ тихую меланхолію. Иногда заглядывалъ сюда старикъ гетманъ Браницкій, нѣсколько генераловъ изъ Августовской эпохи, кое-кто изъ русскихъ властей, даже окрестная шляхта.

Жизнь, слѣдовательно, тянулась сносно, относительно даже весело, еслибъ не новое несчастье, которое было слѣдствіемъ легкомысленныхъ и непостоянныхъ наклонностей супруги.

Старшему сыну маршала, Юрію Щенсному, любимцу отца было тогда 22 года. Это былъ красивый мужчина, необузданный, избалованный матерью, съ шаткими убѣжденіями; да и неудивительно: ексъ-піаръ Тросколавскій, самъ не высокой нравственности человѣкъ, воспитывалъ его съ самаго дѣтства и конечно не могъ вкоренить ихъ въ немъ. И вотъ этотъ любимецъ родителей, ставши камеръ-юнкеромъ при царскомъ дворѣ, поселился въ Петербургѣ. Началъ онъ при дворѣ пошаливать: карты, женщины и мотовство стали единственной цѣлью его жизни; а гулялъ онъ такъ шумно, съ такимъ увлеченіемъ, что этимъ обратилъ на себя вниманіе императора Павла. Узнавъ, что паничъ въ теченіи года сдѣлалъ на два милліона злотыхъ долговъ, царь такъ разсердился, что сейчасъ же

выслалъ съ фельтъегеремъ мота-сына къ отцу подъ опеку. Это случилось въ 1799 г.

Маршалъ заплатилъ безъ жалобы долги сына, которыхъ было, должно быть, больше указанной сейчасъ цифры, потому что новые кредиторы безпрестанно посылали свои жалобы въ Тульчинъ чрезъ мѣстныхъ генералъ-губернаторовъ. Не поражало это Щенснаго нисколько: наоборотъ, желая представить новое доказательство своей привязанности къ расточителю, онъ купилъ на его имя, кромѣ выдѣленной части, Немировское имѣніе (у Винцентія Потоцкаго), въ которомъ считалось 10 тыс. душъ; затѣмъ подарилъ ему Могилевскій ключъ съ прилегающими селами, въ 6 тыс. душъ.

Но молодой вѣтренникъ скучалъ послѣ столичной жизни; уманскій дворецъ казался ему тюрьмою. Одно оставалось ему: по примѣру всѣхъ окружающихъ его, играть въ идиллію; и онъ началъ эту игру, избравъ предметомъ пастушеской любви тридцатипятилѣтнюю мачиху.

Сначала отецъ легкомысленно относился къ этимъ заигриваніямъ, потому что, подозрительный ко всѣмъ вообще, вѣрилъ безусловно, до идолопоклонства, женѣ.

Можетъ быть причиною этого была спѣсь? Онъ, истинное королятко польское, поднявшій бѣдную невольницу изъ уличной пыли до такого высокаго положенія, могъ ли допустить, что она, ставши его женой, подумаетъ объ измѣнѣ? А между тѣмъ здѣсь повторилась очень обыкновенная въ жизни исторія. Всѣ уже давно догадывались о сближеніи пасынка съ мачихой, только онъ одинъ ничего не зналъ. Можетъ быть, неудачи внѣ дома сдѣлали Потоцкаго слѣпымъ для всего того, что дѣлалось вокругъ него.

А между тѣмъ въ это время его alter ego во всѣхъ его политическихъ дѣяніяхъ, Антоній Злотницкій, разсерженный за отказъ ему въ арендѣ, разоблачалъ съ неизвинительнымъ цинизмомъ, въ манифестахъ и реманифестахъ, старательно переписываемыхъ шляхтой, всѣ тайны, всѣ интриги тульчинскаго магната, изображая его еще болѣе черными красками, чѣмъ тѣ земяне-сосѣди, которые учились исторіи недавняго прошлаго по пѣснямъ и пасквилямъ.

Въ этихъ отвратительныхъ писаніяхъ мелкаго пограничнаго шляхтича, осыпаннаго благодѣяніями семейства Потоцкихъ, вліяніе которыхъ сдѣлало его богатымъ паномъ и значительнымъ чиновни-

комъ, Щенсный представляется громадной силой, которая изъ-за родоваго тщеславія разрушила зданіе Рѣчи-Посполитой и погребла подъ его развалинами независимость и свободу ея сыновъ. Это было слишкомъ тяжелое обвиненіе для человѣка, который самъ признавалъ за собой вину, объясняя ее заблужденіемъ. Но толпа, всегда склонная побить каменьями за малѣйшую вину, тѣмъ охотнѣе забрасывала грязью золотой крестъ Пилявитовъ и плевала въ глаза съ ненавистью, презрѣніемъ и проклятіемъ.

Вокругъ гордаго магната все больше и больше росло число непріятелей и во главѣ ихъ онъ видѣлъ своихъ бывшихъ товарищей, со сжатыми кулаками грозящихъ обвиняемому. Должно быть, предполагали они, что злословіе поможетъ имъ обмыть въ слезахъ обиженныхъ свои собственныя одежды, загрязненныя недавней продажностью. Вѣроятно и Злотницкій придерживался того же мнѣнія, потому что онъ слишкомъ громко кричалъ, чтобъ его слушала темная шляхетская толпа.

Потоцкій ня это поруганіе отвѣтилъ съ достоинствомъ—потомъ замолчалъ.

Пока онъ еще жилъ подъ родной кровлей, подъ той великолѣпной кровлей, и доблесть была не чужда дому, въ то время золотая надпись на тульчинскомъ дворцѣ, по крайней мѣрѣ, на половину не была анахронизмомъ; теперь объ этомъ и разговора не было.

У него жена—купленная невольница; не ея то вина, что созданная баядеркой, она заняла мѣсто матери у домашняго очага въ семействѣ самомъ знатномъ въ цѣлой Польшѣ.

Но Потоцкій любилъ, а потому вѣрилъ и былъ слѣпымъ. Поэтому, когда въ жизни общественной встрѣчали его горечь и обманъ, онъ шелъ къ своей кролевѣ и госпожѣ, чтобы подлѣ нея найти успокоеніе и отраду. Шелъ и засталъ ее въ объятіяхъ любимѣйшаго сына! Нѣтъ злодѣянія, которое заслуживало бы такого наказанія!

Маршалъ окаменѣлъ, онъ заперся между четырехъ стѣнъ. Ревность, гордость, спѣсь наталкивали его на самые противурѣчивые планы; онъ оттолкнулъ отъ себя жену и сына, какъ нѣкогда оттолкнуло его отъ себя общество.

Въ это время Іосифъ Витте съ цинизмомъ торгаша написалъ письмо къ Потоцкому, донося ему, что знаетъ о «приключеніи», но вмѣстѣ съ тѣмъ желаетъ поправить его старую ошибку, предлагая купить у него другую жену, гораздо моложе прежней и равную по красотѣ; что же касается цѣны, то обѣщалъ быть даже болѣе умѣренымъ.

Не хочется вѣрить всему этому, и однако мы не прибавляемъ ни одного слова лишняго къ тому, что намъ даютъ достовѣрные современные источники.

И въ эту-то тяжелую пору безнадежной печали явился передъ Потоцкимъ человѣкъ изъ другого совершенно міра.

То былъ Тадеушъ Грабянка, ливскій староста, подолянинъ, мистикъ, основатель и глава Авиньонской секты, теперь ищущій пріюта въ чужихъ домахъ.

И онъ имѣлъ значительное состояніе, но пожертвовалъ имъ для своего ученія; предъ нимъ лежала открытою дорога къ чинамъ и почестямъ, но онъ отрекся отъ нихъ, во имя высшихъ цѣлей; у него была жена любящая, дѣти привязанные, но и ихъ онъ оставилъ для идеи.

Эта идея невѣдомой силой толкала его, со знаменемъ въ рукахъ, на которомъ были какіе-то таинственные и непонятные для толпы знаки, въ среду чужихъ людей, проникнутыхъ матеріализмомъ. Ничто не смущало его: ни грозная инквизиція, ни облитая кровью гильотина... Онъ всегда оставался самимъ собою, вѣрный убѣжденіямъ, которыя пропагандировалъ.

Такимъ его видѣли въ Авиньонѣ, гдѣ за нимъ ухаживали королевскіе сыновья и принцы крови, такимъ онъ былъ и теперь, отвергнутый всѣми, безъ гроша въ карманѣ, въ скромномъ и потертомъ платьѣ. Въ полныхъ огня глазахъ его выражалась вѣра, въ улыбкѣ спокойствіе и чарующая прелесть, въ манерахъ кротость и мягкость. Такія двѣ противоположности встрѣтились теперь и хотя обѣ шли по ложнымъ дорогамъ, но иллюминатъ Грабянка имѣлъ перевѣсъ надъ Тульчинскимъ магнатомъ, которымъ руководило самолюбіе почти во всю его жизнь. Теперь однако, когда все вокругъ разбито и разломано, онъ схватился, какъ утопающій за соломенку, за новаго пророка. Вѣроятно, онъ сталъ бы мистикомъ, еслибъ наконецъ не смиловалась смерть надъ нимъ, самымъ

богатымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самымъ несчастнымъ человѣкомъ.

Щенсный умиралъ одинокимъ; у ногъ его стоялъ на колѣняхъ всегда вѣрный Бистецкій, старый и испытанный другъ, у изголовья почтеннный докторъ Гриколевскій.

Ни сынъ, ни жена не имѣли мужества предстать передъ этимъ застывающимъ лицомъ, носившимъ уже признаки смерти.

Сынъ въ сосѣдней комнатѣ заливался слезами, а жена, скрытая въ складкахъ полога, закрывавшаго кровать ея господина и повелителя, съ напряженнымъ вниманіемъ прислушивалась къ его послѣднему дыханію.

Въ испуганныхъ черныхъ горящихъ глазахъ выражалось угрызеніе совѣсти за вѣроломство; представлялся ей кожаный мѣшокъ, пронимала уже дрожь отъ холодной морской воды. Удивительно похожа она была въ это время на гаремную рабыню,

Щенсный Потоцкій, маршалъ тарговицкой конфедераціи, генералъ-аншефъ русской арміи, кавалеръ ордена Александра Невскаго и обоихъ польскихъ, умеръ 15 марта 1805 г.

Великолѣпные похороны устроили ему дѣти.

Третій сынъ покойнаго Ярославъ, двадцатилѣтній въ то время юноша, занялся устройствомъ этой печальной церемоніи. Немного явилось шляхты, чтобы отдать послѣдній долгъ магнату; но за то громадными толпами собрался народъ и несъ на своихъ плечахъ останки своего благодѣтеля.

Положили ихъ въ костелѣ доминикановъ въ Тульчинѣ; по этой причинѣ это скромное деревянное зданіе родственники покойнаго снесли и на его мѣстѣ построили великолѣпный каменный монастырь, оконченный 1819 г.

Печальна однакожъ была судьба Потоцкаго и по смерти; даже праху его не суждено было узнать покоя. Въ1833 г. костелъ доминикановъ былъ передѣланъ въ православную церковь, и останки маршала были перенесены въ кладбищенскую каплицу. Воры забрались туда, выбросили тѣло изъ гроба, сняли съ него богатый мундиръ, ордена и медальонъ съ изображеніемъ Гертруды Комаровской, который пріятели повѣсили ему на шею, потому что онъ объ этомъ просилъ передъ смертью: не разставаясь съ нимъ во всю свою жизнь, онъ и по смерти хотѣлъ имѣть его возлѣ себя.

III.

Не долго длился трауръ въ тульчинскомъ дворцѣ по смерти маршала. Прекрасная вдовушка, тревожившаяся за будущее, теперь вздохнула свободно. Прежде всего она занялась приведеніемъ въ порядокъ имущества; стала понимать стоимость денегъ; хотѣла обезпечить себѣ старостъ независимую и спокойную. Ей уже стукнулъ 40-й годъ, и хотя она была все еще хороша собой, однакожъ отлично понимала, что въ очень недалекомъ будущемъ красота ея угаснетъ безвозвратно и что поэтому прежде всего надо позаботиться о матеріальномъ обезпеченіи. И не трудно было это сдѣлать, потому что ея мужъ не оставилъ духовнаго завѣщанія, притомъ она имѣла дѣло съ наслѣдниками, удивительно уступчивыми и равнодушными ко всякимъ денежнымъ разсчетамъ: они такъ много наслѣдовали, что больше или меньше получатъ послѣ отца, все таки останутся богачами въ полномъ значеніи этого слова. Поэтому сейчасъ-же вмѣстѣ съ пасынкомъ она поѣхала въ Петербургъ, чтобы привести дѣла въ порядокъ.

«Тогдашній министръ Сперанскій невѣрно доложилъ императору Александру, что по статуту литовскому вдова, оставшаяся послѣ мужа, у котораго отъ первой жены остались дѣти, должна получить равную часть съ пасынками и своими дѣтьми, и то не пожизненно, а въ вѣчное владѣніе».

«На основаніи такого толкованія закона, Потоцкая получила 8-ю часть имущества, наравнѣ съ четырьмя пасынками и тремя своими сыновьями».

«Позже узналъ императоръ, что былъ обманутъ, и Сперанскій попалъ къ немилость» (прибавимъ отъ себя: совсѣмъ не потому, что онъ сдѣлалъ одолженіе Потоцкой).

«Вышелъ именной указъ, чтобъ для другихъ порядокъ наслѣдованія по литовскому статуту былъ сохраненъ; но Потоцкая удержала за собой имѣніе».

Такъ пишетъ Хронщевскій, найлучше знакомый съ мѣстными отношеніями.

Въ концѣ 1805-го вернулись обое, Софія и Юрій, изъ столицы. Съ этого момента началась сумасшедшая жизнь въ Тульчинѣ. Ма-

чиха въ объятіяхъ пасынка была царицей въ толпѣ шулеровъ и сорвиголовъ, стекавшихся сюда чуть-ли не изъ цѣлой Европы. Во главѣ этой толпы былъ извѣстнѣйшій Гадзевичъ (Хадзевичъ—называетъ его Хрощевскій); за нимъ слѣдовалъ князь Адамъ Понинскій, генералъ временъ Рѣчи-Посполитой, посолъ на Гродненскомъ сеймѣ, стоявшій въ рядахъ оппозиціи, сынъ не блаженной памяти подскарбія, который обыкновенно о себѣ говаривалъ, что, хотя онъ и безъ страха (sans peur), но ужъ вовсе не безъ упрека (sans reproche). Третьимъ въ этомъ тріумвиратѣ былъ Кантонъ, французъ, умѣвшій съ картами продѣлывать всевозможные фокусы. На второмъ планѣ группировались: салонный Валицкій рядомъ съ грубоватымъ Міёнчинскимъ и циникомъ Гуровскимъ, сыномъ извѣстнаго вора;—просимъ извиненія за слишкомъ жесткое выраженіе, но мы любимъ называть вещи ихъ собственными именами. Оберпровіантмейстеръ русской арміи Обольяниновъ, квартировавшій въ Тульчинѣ, довѣрялъ измѣнчивой картѣ не мало денегъ, даже старый Трембецкій оставлялъ на зеленомъ столѣ свой эмеритурный пенсіонъ. За нимъ шла цѣлая шеренга мѣстныхъ шулеровъ: играли здѣсь всѣ—посессоры, комиссары, подскарбіи, лакеи, повара, кучера.

Распутный Гадзевичъ, пользовавшійся европейской извѣстностію, какъ плутъ, и проведшій даже извѣстнаго французскаго министра Фуше, умѣлъ раздуть эту пагубную страсть. Желая идти «на вѣрняка», какъ онъ самъ выражался, т. е. желая на вѣрняка обыграть молодаго тульчинскаго владѣльца, онъ не нашелъ лучшаго средства для этого, какъ развратить всѣхъ его окружающихъ.

Въ одну почти минуту нѣсколько милліоновъ перешло въ руки счастливыхъ или пронырливыхъ.

Потоцкій передалъ управленіе имѣніемъ подчиненнымъ, самъ же цѣлые дни и ночи проводилъ за «фараономъ»; забылъ даже о своей страсти къ мачихѣ. При бѣшеной и поджигаемой страсти къ выигрышу пламенная любовь къ женщинѣ таяла и гасла. Это былъ первый ударъ для гречанки, столько лѣтъ торжествовавшей. Она увидѣла себя брошенной, а это навело ее на многія мысли, припомнило ей приближающееся время отцвѣта и одинокую осень. И сердце ея сжалось отъ боли, запылало ненавистью къ виновникамъ этого охлажденія.

Съ особеннымъ упрямствомъ она стала преслѣдовать Гадзевича, но нашла въ немъ отважнаго противника! Онъ отбивался на каждомъ шагу. Когда однажды, пишетъ Генрихъ Ржевуцкій, она упрекала его въ жадности за то, что онъ нахально требовалъ слѣдуемыя ему деньги отъ ея пасынка, котораго довелъ до раззоренія, постоянно его обыгривая, онъ ей на это отвѣтилъ:

— Вашъ пасынокъ былъ гораздо болѣе меня жаденъ: то, что я хотѣлъ у него выиграть, не доведетъ его до нищеты; а онъ, имѣя отъ предковъ два милліона дохода въ годъ, хотѣлъ взять у меня послѣднихъ триста червонныхъ злотыхъ, потому что, начиная со мною играть, хорошо зналъ, что больше ничего у меня нѣтъ. А впрочемъ мы съ вами должны поддерживать другъ друга, потому что обоихъ насъ привезли на пагубу этого семейства: васъ моремъ, а меня сухимъ путемъ.......

Это былъ намекъ на происхожденіе Софіи.

Въ другой разъ она спросила его, когда онъ намѣренъ оставить Тульчинъ.

— Я имѣю большое сходство съ нарывомъ, милая графиня: я прорываюсь лишь тогда, когда достаточно наполнюсь.

Эти мелкія стычки повторялись безпрестанно; въ борьбѣ обѣ стороны не всегда употребляли честныя средства; а страдалъ отъ этихъ ссоръ по преимуществу человѣкъ, котораго не интересовали эти дрязги; страдалъ вдвойнѣ, потому что терялъ здоровье и раззорялъ состояніе.

Хронщевскій въ своихъ неоконченныхъ мемуарахъ отчетливо рисуетъ всѣхъ участниковъ этихъ оргій. Когда еще жилъ маршалъ, въ тульчинскомъ дворцѣ почти не употребляли картъ, одинъ только разъ подскарбій Понинскій, толкуя съ нимъ о покупкѣ галицкихъ имѣній, подговорилъ его сыграть въ азартную игру и впродолженіи двухъ часовъ выигралъ у него 30 тысячъ червонцевъ. Щенсный тогда-же далъ слово больше двухъ злотыхъ на карту не ставить, и сдержалъ его.

За то въ домахъ «граціалистовъ» и пріятелей дома, которыхъ поселилось въ Тульчинѣ очень много, «фараонъ» процвѣталъ; особенно были извѣстны вечеринки, которые устроялъ у себя Клембовскій. Весело на нихъ проводили время. Клембовскій пріѣхалъ въ Тульчинъ на возахъ съ вещами Юзефины Потоцкой.

Этотъ широкоплечій и высокій блондинъ былъ дворецкимъ у своей барыни и постояннымъ ея фаворитомъ. Иногда она забывала о немъ; но онъ не оскорблялся этимъ, терпѣливо выжидалъ, былъ готовъ явиться по первому требованію и опять попадалъ въ милость.

Клембовскій научился красиво, т. е. калиграфически, писать, и потому обязанностью его стало веденіе корреспонденцій. По смерти своей балгодѣтельницы онъ остался въ Тульчинѣ и немногимъ ее пережилъ, въ концѣ 1799 г. умеръ скоропостижно, оставивъ много движимаго имущества, какъ-то: серебра, часовъ дорогихъ, красиваго оружія, и забавнѣе всего, въ спискѣ тѣхъ вещей, составленномъ оффиціально, стоитъ больше «тысячи колодъ картъ» и погребъ съ большимъ запасомъ винъ. Кромѣ всего этого по немъ осталась аренда двухъ селъ, Русавы и Александровецъ, въ ямпольскомъ уѣздѣ.

Если-бы все это цѣнить по нынѣшней стоимости, то имущество Клембовскаго превышало 500 тысячъ злотыхъ.

Не смотря на то, что администрація искала наслѣдниковъ, ихъ вовсе не нашлось; никто не признавалъ его своимъ родственникомъ, хотя, если вѣрить Хронщевскому, Клембовскій оставилъ родственниковъ много.

У него-то молодой Юрій, подъ надзоромъ гувернера, пробовалъ свои первыя силы на зеленомъ полѣ. Всегдашнимъ ихъ партнеромъ былъ Сѣраковскій, летичевскій, потомъ каменецкій бискупъ. Еще будучи каноникомъ въ Варшавѣ, проигрывалъ онъ тихую и пѣтую обѣдню, часто посохъ и инфулу отдавалъ жидамъ въ закладъ, чтобы добыть нужную копѣйку на фараона! Да и такія ли еще средства употреблялъ этотъ «князь церкви», чтобы добыть деньги? О немъ безъ колебанія можно сказать, что все у него было продажно.

По смерти маршала его перворордный сынъ ввелъ карточную игру въ самомъ дворцѣ, потому что не было уже надобности скрываться. Въ это-то время и началась въ Тульчинѣ «холостая жизнь», во всемъ значеніи этого слова!

Софія въ лагеряхъ научилась вольному лагерному обращенію. Чтобы попасть въ эту компанію, не надо было доказательствъ о происхожденіи, объ общественномъ положеніи, приличныхъ манеръ,

соотвѣтствующей одежды, ничего, кромѣ кошелька, наполненнаго деньгами, и готовности играть цѣлые дни, недѣли, мѣсяцы.

Но можетъ вамъ любопытно знать, кто побѣждалъ? Были такіе счастливцы! Гадзевичъ выигралъ два милліона злотыхъ, князь Понинскій половину этой суммы, Кантонъ 500 тысячъ злотыхъ, Томашъ Вигурскій, адвокатъ, брацлавскій совѣтникъ во время Тарговицы, болѣе 700 тысячъ злотыхъ.

Эта скотина вела себя по кабацки: поссорившись съ Трембецкимъ, онъ ударилъ его по лицу, а вызванный оскорбленнымъ на дуэль, донесъ о вызовѣ полиціи. Бѣдный поэтъ, огорченный, впалъ въ тихое помѣшательство и уже до смерти не приходилъ въ сознаніе.

Думаете ли, что передъ Вигурскимъ заперли двери тульчинскаго дворца? Какое! Остался постояннымъ его гостемъ: вѣдь у него столько было денегъ для игры!

Съ отвращеніемъ рисуемъ картину этого упадка, не имѣя права пропустить ее, такъ какъ она представляетъ нѣсколько лѣтъ изъ жизни женщины, которая хотя и носила вдовій чепецъ, но, не соображаясь съ своимъ положеніемъ, неистовствовала, какъ вакханка.

Вѣроятно къ этой эпохѣ относятся разнообразные вирши, рисующія ея поведеніе. Можетъ не повѣрите, что изъ этихъ писаній, пачкающихъ Софію, можно бы составить порядочный томикъ? Расходились они по шляхетскимъ домамъ въ формѣ эпиграммъ, разсказовъ или діалоговъ. Такая была тогда мода. Найболѣе же мы встрѣчаемъ здѣсь четверостишій особаго рода, имѣвшихъ значеніе въ тогдашнемъ обществѣ.

Начало эта литература получила у насъ давно, но особенно стала развиваться въ половинѣ XVII вѣка, въ царствованіе Яна Казимира. Во время саксонской династіи она носитъ характеръ тяжелый и неуклюжій, на половину пасквиля, на половину сатиры. Четырехлѣтній сеймъ былъ кульминаціонной точкой ея развитія; но и времена сеймовъ 1784—1786 гг. уже были изобильны этими произведеніями, по крайней мѣрѣ, много этихъ летучихъ строфъ я нашелъ въ архивѣ Грабянокъ. Не мало тамъ рѣчи о Софіи Витте, а потомъ Потоцкой.

Старостина ливская, Терезія Грабянка урожденная Стадницкая, принадлежала къ другому лагерю, а потому ея приверженцы доставляли ей все, что было писано о Тульчинѣ и его обитателяхъ. Не

смотря на искреннѣйшее наше желаніе, мы не можемъ помѣстить здѣсь и маленькаго отрывка, потому что всѣ они безъ исключенія для печати не годятся.

Презрительное ли отношеніе къ ней общества, равнодушіе ли любовника, или наконецъ солидный возрастъ толкнули Софію на путь благоразумія?

Ея объятія, ея ласки, страстный огонь ея сгубили уже не одну жизнь. Послѣдняя жертва трепетала у ея ногъ. Гетманскій правнукъ царилъ здѣсь, на этомъ рубежѣ, не отвагой, не добродѣтелями, не совѣтами, какъ его дѣды, а распущенностью, развратомъ и пьянствомъ. Жертва должна была погибнуть, какъ погибли и многіе другіе.

Вслѣдъ за ликвидаціей любовной, вслѣдъ за появленіемъ въ сердцѣ симптомовъ банкротства, настала и имущественная ликвидація. И здѣсь раззореніе полное. Могилевскій ключъ проданъ еще въ 1806 году; другія имѣнія покупали счастливые партнеры, или старые товарищи отца и сотрудники по послѣдней конфедераціи: Мощинскій, Гулевичъ, Вигурскій, Юковскій, Лещинскій, Моссаковскій. На остальныхъ имѣніяхъ тяготѣли большіе долги. Годъ, два такой жизни, и громадное состояніе, оставшееся послѣ Щенснаго, пошло бы съ молотка.

Надо было его спасать.

Юрій отдавалъ всю свою часть кредиторамъ, т. е. 30 тысячъ крѣпостныхъ, серебро большой стоимости и очень цѣнную галлерею картинъ, купленную у Винцентія Потоцкаго. Точный счетъ показалъ, что всего этого будетъ мало. Бѣдный безумецъ въ первый разъ взглянулъ въ пропасть, разверзшуюся передъ нимъ, и оцѣпенѣлъ отъ ужаса; отозвалось въ немъ благородное чувство, извѣстная честность Потоцкихъ взяла перевѣсъ; здѣсь шло дѣло не столько о немъ самомъ, сколько о кредиторахъ, съ которыми разсчитаться онъ не могъ, и о братьяхъ, которыхъ довѣренностью злоупотреблялъ, какъ опекунъ.

— Я тебя спасу, отозвалась въ то время Софія: я возьму твои долги на себя, хотя они простираются до 13 милліоновъ злотыхъ съ лишнимъ; но съ однимъ условіемъ....

— Согласенъ на все съ охотой, воскликнулъ обрадованный.

— Мое условіе, чтобы ты сейчасъ же навсегда оставилъ страну.

Юрій остолбенѣлъ отъ изумленія.

— Не понимаю, прошепталъ онъ.

— Чтобы сейчасъ навсегда оставилъ страну, повторила Софія и, не давая ему проговорить слова, продолжала дальше:

— Выѣдешь сегодня, или завтра, или найбольше черезъ недѣлю; я буду тебѣ платить ежегодно по 50 тысячъ червонцевъ до моей смерти, а послѣ смерти эта обязанность перейдетъ на дѣтей. Это послѣднее мое слово. Подумай и выбирай между униженіемъ и разлукой.

И вышла, оставляя пораженнаго любовника.

Никакія просьбы не могли поколебать ея рѣшимости; осталась неумолимой до конца.

Нѣтъ ничего опаснѣе, какъ оскорбить любовь старѣющейся женщины, обмануть послѣднее ея чувство.

Это происходило въ 1809 г. Юрій Щенсный скоро оставилъ страну. Спустя годъ, онъ умеръ въ Берне, во Франціи, одинокій, съ чувствомъ сожалѣнія о жизни, такъ необдуманно испорченной. Предсмертное его воззваніе къ младшимъ братьямъ полно глубокой горести.

Въ предсмертной исповѣди онъ подводитъ какъ бы итогъ всей своей жизни, въ поученіе тѣмъ, которыхъ былъ опекуномъ; въ концѣ искренно прощается съ Софіей, выражая ей благодарность и благословеніе. Ей онъ совѣтовалъ остепениться. Хотя преждевременная смерть есть какъ бы удовлетвореніе и расплата за безумно проведенную жизнь, но онъ ожидаетъ ее во всякомъ случаѣ съ раскаяніемъ во всѣхъ проступкахъ и съ большимъ сожалѣніемъ, что такъ легкомысленно растратилъ сокровища, данныя ему отъ Бога.

Что сталось съ его товарищами?

Князь Понинскій и Кантонъ окончили жизнь въ Тульчинѣ, Юковскій также умеръ, скоропостижно. Трембецкій еще нѣсколько лѣтъ догоралъ, забытый и оставленный всѣми. Въ минуты сознанія, онъ брался писать дѣянія Рѣчи-Посполитой и собирать документы, оправдывающіе поведеніе Щенснаго Потоцкаго во время Тарговицкой конфедераціи.

Умеръ онъ въ 1812 г., завѣщавъ бумаги Софіи. Но бумагъ послѣ его смерти найдено немного, да и тѣ не имѣли никакой

цѣнности. Осталось еще нѣсколько хроникъ, на которыхъ онъ подѣлалъ помѣтки. У насъ было такихъ два фоліанта Гваньина и Кромера; но отмѣтки, сдѣланныя на нихъ авторомъ «Софіевки», не заключали въ себѣ ничего достойнаго вниманія.

Изъ всей этой плеяды картежниковъ доля Гадзевича была самая печальная. Мстительная гречанка, при помощи связей и своего вліянія, достигла того, что его выслали въ глубь Россіи, а деньги его расплылись. Жена Гадзевича, дѣвушка простого званія, которую онъ вымѣнялъ на ключъ и называлъ Сойкой, осталась вѣрной ему до конца. Она лично просила Александра I объ освобожденіи мужа. Императоръ былъ очень удивленъ, потому что даже ничего не зналъ о ссылкѣ, и приказалъ освободить Гадзевича, но было уже поздно: онъ умеръ въ корчмѣ подъ лавкой, распившись отъ огорченія.

Послѣдній періодъ жизни Софіи Потоцкой начался въ 1810 г. и продолжался до ея смерти. Эти послѣдніе годы были какъ-бы раскаяніемъ ея въ грѣхахъ. Провела она эти годы въ постоянныхъ и добросовѣстныхъ трудахъ; все время ея уходило на благотворенія, на заботливое воспитаніе дѣтей и подготовленіе ихъ будущаго положенія. Съ лѣтами прошла легкомысленность, но гречанка не стала и ханжой. Напротивъ, не перестаетъ она быть веселой; жизнь ведетъ роскошную, но не раззорительную; сначала живетъ въ Тульчинѣ, но, поссорившись съ сыномъ, переѣзжаетъ въ Умань. И тамъ не избѣгаетъ она общества, охотно въ немъ бываетъ, пріобрѣтаетъ важность, свойственную нашимъ матронамъ, окружаетъ себя бѣдняками и заботится о нихъ, тайно помогаетъ обѣднѣвшимъ шляхетскимъ семействамъ, которыя прежде служили Потоцкимъ, словомъ, становится совсѣмъ другой, правственно хорошѣетъ.

Важность и приличіе господствуютъ въ Умани, а потому окрестныя сосѣдки начинаютъ посѣщать вдовушку, входя съ ней въ ближайшія сношенія; здѣсь ужъ нѣтъ больше мѣста баламъ, импонирующимъ своей роскошью, недавнихъ оргій и безумія, время въ этомъ маломъ кружкѣ проходитъ очень пріятно, и сюда съѣзжается много сосѣдей и сосѣдокъ.

Въ нашей коллекціи есть портретъ Софіи именно отъ этого времени. Это пятидесятилѣтняя матрона, со слѣдами былой красоты; лицо выразительное, не смотря на бурно проведенную жизнь.

Не тѣ уже черныя, полныя огня, очи, притѣненныя длинными шелковистыми рѣсницами; теперь они подернуты уже мглой, но смотрятъ на свѣтъ Божій весело; волосы причесаны гладко, только на вискахъ завиты въ пукли и тронуты сѣдиной; не блестятъ они уже, какъ прежде, не разсыпаны небрежно на прикрытыхъ роскошныхъ плечахъ. На губахъ—выраженіе добродушія и внутренняго самодовольствія, какъ бы эти губы, принося присягу, никогда не нарушали ее ни однимъ грѣшнымъ поцѣлуемъ, ни одной кокетливой улыбкой.

Одежда на ней тоже скромная: голубой бархатный капотъ, опушенный мѣхомъ; шея обрамлена тонкимъ кружевнымъ воротникомъ; прекрасная Софія одной рукой подперла щеку, а въ другой держитъ яблоко.

Не имѣлъ ли въ виду художникъ представить символъ вѣроломства Евы прародительницы? А что портретъ, представленный здѣсь, есть дѣйствительно изображеніе Софіи Потоцкой, вотъ доказательства. Достался онъ намъ изъ первыхъ рукъ, изъ небольшой коллекціи Іосифа Витте и снабженъ его подписью.

Присматриваясь къ этимъ яснымъ и спокойнымъ чертамъ, мимовольно задаешь себѣ вопросъ: неужели эта женщина грѣшила, не сознавая грѣха? Или она подчинялась первому увлеченію, не соображаясь даже съ тѣмъ, какія послѣдствія повлечетъ оно за собой.

Какъ бы тамъ ни было, но лицо Софіи на портретѣ полно того спокойствія, какое дается только внутреннимъ представленіемъ о честно проведенной молодости, о лѣтахъ прожитыхъ согласно съ заповѣдями. Еще разъ повторяемъ, что сердце этой женщины навсегда останется неразгаданной психологической загадкой.

Можетъ быть, и тогдашнія обстоятельства вліяли на настроеніе Софіи. Все то общество, среди котораго она провела самыя лучшія минуты жизни, по очереди стало прощаться съ нею, переходя въ иной лучшій міръ. Закрыла она глаза полковницѣ Лоскай, послѣ женѣ брацлавскаго воеводы Грохольскаго, своей первой учительницѣ. Послѣдняя утрата была для нея очень чувствительна; она сама утверждала, что особенно ее опечалила смерть двухъ лицъ: этой импровизированой воеводихи и князя Потемкина Таврическаго и что этого любовника своего она жалѣла, какъ роднаго отца.

Почтенный генералъ Орловскій, тогдашній каменецкій комендантъ, былъ очень удивленъ, слыша это признаніе изъ устъ m-e Витте.

Тарговицкая старшина также по очереди ложилась во гробъ; мы говоримъ здѣсь о лицахъ близкихъ и связанныхъ съ Щенснымъ Потоцкимъ не только политическими убѣжденіями, но и интимностью и сосѣдними отношеніями, всегда окружавшихъ извѣстнаго рода почтеніемъ вдову своего принципала.

Бискупъ Сѣраковскій и бригадиръ Рудницкій при жизни ея мужа въ одинъ и тотъ же годъ разстались съ этимъ міромъ (1812), а по смерти маршала и другіе очень скоро потянулись за нимъ.

Шеренгу эту началъ собой безсчастный противникъ конституціи 3-го мая, завзятый сторонникъ шляхетской вольности, Янъ Сухоржевскій, бѣднякъ, искавшій пріюта по зажиточнымъ домамъ шляхты. Онъ, можетъ быть, сотый разъ прибылъ въ Тульчинъ погостить и тутъ сложилъ свои измученныя косточки (1807); скончались затѣмъ гетманы: Северинъ Ржевускій (1811 г. въ Вѣнѣ), Францискъ-Ксаверій Браницкій (1819 г. въ Бѣлой Церкви), заступавшіе мѣсто маршала Михаилъ Вилевскій (1816), Антоній Пулавскій (1820), совѣтники брацлавскіе и подольскіе: Бенедиктъ Гулевичъ (1818), Томашъ Вигурскій, Северинъ Качковскій, Людвикъ Голынскій, Адамъ Мощинскій (1822 г.), братья Моссаковскіе,—маіоръ и предназначенный посломъ къ Портѣ Оттоманской. Изъ всей этой толпы возвысившихся изъ комиссаровъ до званія воеводскихъ сановниковъ, а позже тульчинскихъ и уманскихъ поссесоровъ, пережили ее только Антоній Новина Злотницкій, Бонча, Дызма-Томашевскій и Клеменсъ Лещинскій.

Первый участвовалъ въ войнѣ съ Персіей и со времени недоразумѣній, упомянутыхъ нами выше, не сходился уже больше съ Потоцкими. Второй писалъ неудачные георгики и неустанно работалъ надъ отыскиваніемъ, если не доказательствъ, оправдывавшихъ прошедшее поведеніе, то по крайней мѣрѣ смягчающихъ обстоятельствъ. Шуринъ его Хронщевскій собралъ все это въ одно, но все таки этого недостаточно, чтобы вынести оправдательный вердиктъ. Томашевскій не переставалъ бывать въ Тульчинѣ и Умани, всегда съ надлежащимъ почтеніемъ къ Софіи Потоцкой. Клеменсъ Лещинскій, преобразившійся изъ подстаростія въ полковника, а

потомъ въ богатаго помѣщика, предводительствовалъ съ честью въ Винницкомъ уѣздѣ. До конца остался онъ вѣренъ семейству, которое вывело его въ люди, служилъ совѣтомъ вдовѣ, на плечахъ которой всегда было много заботъ по имѣніямъ.

И первый мужъ Софіи предупредилъ ее на пути ко гробу; умеръ онъ въ 1814 году, дождавшись почтенной старости, и хотя не разъ выходили между ними недоразумѣнія, но у Софіи въ сердцѣ всегда оставалась благосклонность къ нему. Боялась она его, какъ мужа, и всегда старалась пріобрѣсти его дружбу. Эта благосклонность выражается съ достаточною степенью въ оставленномъ ею духовномъ завѣщаніи: упоминая о сынѣ отъ перваго брака и о записи, сдѣланной въ его пользу, она прибавляетъ: «хотя онъ сынъ отъ другаго отца, но всегда былъ и теперь искренно привязанъ къ своимъ братьямъ и сестрамъ, а потому надѣюсь, что сыновья и дочери Потоцкіе, почитая Іосифа Витте, какъ отца своего, не будутъ мнѣ ставить въ вину этого новаго доказательства привязанности моей къ сыну отъ перваго брака».

Около 1820 г. здоровье Софіи стало надламываться; но она привѣтствовала старость спокойно и съ улыбкой. Одна дочь вышла замужъ за графа Киселева; сынъ Александръ, любимецъ и гордость матери, былъ уже ротмистромъ гвардіи. А что онъ былъ «гордостью» дѣйствительно, это онъ доказалъ всею своею послѣдующею жизнію. Вотъ какъ изображаетъ его Хронщевскій.

«Дослужившись чина, онъ укрылся въ тишинѣ частной жизни, весь отдаваясь музыкѣ, чтенію и самому ласковому и простому обхожденію съ сосѣдями. Получивши въ молодости громадное состояніе, онъ пользовался имъ очень скромно, ограничивая по возможности свои собственныя потребности, не для собиранія богатствъ, которымъ не придавалъ особеннаго значенія, а для доставленія себѣ большей возможности дѣлать добро. Помогалъ онъ матери выпутаться изъ долговъ Юрія-Щенснаго, а остальное посвятилъ въ награду людямъ, служившимъ его семейству, и на помощь семействамъ, достойнымъ состраданія».

Второй сынъ, самый младшій, былъ еще почти ребенокъ, дочь Ольга, впослѣдствіи графиня Нарышкина, славившаяся своей красотой и добротой сердечной, была уже невѣста. Наконецъ долги

стали уменьшаться, Софія пріобрѣла кредитъ, извѣстность и, если хотите, даже всеобщее уваженіе. Наше общественное мнѣніе такъ снисходительно къ счастливцамъ!

Но не все однѣ удачи: пришла и болѣзнь; сначала незначительныя страданія, потомъ они приняли грозный характеръ; нестерпимыя боли отгоняли сонъ, предчувствіе приближающейся смерти переходило въ увѣренность. Надо было подумать о послѣднемъ распоряженіи.

Съ этой цѣлью Софія, передъ выѣздомъ за границу, отправилась въ 1822 г. въ Петербургъ и тамъ составила духовное завѣщаніе. Въ этомъ цѣнномъ документѣ отражается вся женщина, не та прежняя баядерка, но преобразившаяся, важная, суровая и даже нравственно прекрасная.

Опекунами дѣтей Софія просила быть графа Милорадовича, петербургскаго генералъ-губернатора, убитаго въ декабрскіе дни 1825 г., и князя В. Витгенштейна, командовавшаго второй арміей; въ свидѣтели пригласила пять сановниковъ: сенатора князя Куракина, Ланского, адмирала Мордвинова, вице-адмирала Шишкова и знаменитаго графа Аркадія Моркова.

Духовное завѣщаніе состояло изъ двадцати пунктовъ. Повторять все мы не видимъ надобности, тѣмъ болѣе, что тамъ есть упреки, которые должны остаться семейной тайной. Мы сдѣлали только нужныя выписки, чтобы закруглить нашъ разсказъ о Софіи Потоцкой.

Въ началѣ она уничтожаетъ духовное завѣщаніе, составленное 1809 г. «Единственною цѣлью его, говоритъ, было обезпечить судьбу умершаго графа Юрія, самаго старшаго наслѣдника отъ перваго брака и самаго любимаго сына блаженной памяти моего мужа, который, скоро потерявши все состояніе свое, оставленный, скажу я, своими братьями отъ перваго брака, безъ всякихъ средствъ, уѣхалъ за границу. Принимая во вниманіе такое печальное его положеніе, я изъ одного состраданія, а еще больше изъ почтенія къ памяти его отца, а моего милаго мужа, считала святою обязанностью своею и дѣтей моихъ обезпечить ему приличное содержаніе въ его крайней нищетѣ. Не долго пользовался принесенной ему жертвой Юрій Щенсный, потому что не больше какъ черезъ годъ умеръ за

границей, выражая въ своей духовной глубокую благодарность за оказанную ему помощь».

Это воспоминаніе Софіи есть какъ бы платежъ долга пасынку, преждевременно погибшему по ея винѣ.

Дальше въ завѣщаніи идутъ уже распоряженія имущественныя. А состояніе у Софіи было порядочное: 37 тысячъ душъ, поселившихся на соотвѣтственномъ количествѣ земли, кромѣ того 40 тысячъ морговъ степи (пастбища), дворецъ въ Умани со всѣмъ хозяйствомъ, серебро и картинная галлерея, оцѣненныя въ 100 тысячъ червонцевъ, и на столько же наличныхъ денегъ (хотя на имѣніи было долга 20 милліоновъ злотыхъ), наконецъ громадное стадо расовыхъ лошадей, состоявшее изъ 600 матокъ, стада воловъ, овецъ (мериносовъ матокъ 3 тысячи) и т. д. Не слѣдуетъ забывать, что это было состояніе самой Софіи, исключительно ей принадлежавшее.

Имѣніе раздѣлялось на три части, причемъ уманская часть, доставшаяся Александру, назначалась на уплату долговъ. Сыновья, каждый изъ своей части, обязаны были выплатить по 3 мил. приданаго своимъ сестрамъ, сверхъ того Ольгѣ, еще тогда дѣвушкѣ, 20 тысячъ на приданое и сыну отъ перваго брака 100 тысячъ червонцевъ. Остатокъ назначался на пенсіонъ нѣкоторымъ лицамъ и на госпиталь.

«Не будучи въ состояніи, говоритъ далѣе Софія Потоцкая, приступить къ приведенію въ исполненіе желаній своихъ, прошу, чтобъ какъ въ имѣніяхъ сына моего Александра, такъ тоже и Болеслава Потоцкихъ, были основаны госпитали, подъ надзоромъ шаритокъ, на пятьдесятъ больныхъ каждый, и чтобы на содержаніе госпиталей было ассигновано по 20 тысячъ злотыхъ на каждый въ годъ, на вѣчныя времена, кромѣ построекъ, которыя должны быть произведены на счетъ основателя, и дровъ, доставляемыхъ изъ лѣса на подводахъ колляторовъ».

Въ концѣ завѣщанія Софія проситъ, чтобъ ее похоронили въ Умани скромно, безъ всякой пышности, давая понять, что наслѣдники лучше сдѣлаютъ, если раздадутъ милостыню бѣднымъ, которые молились бы «объ испрошеніи милосердія за всѣ прегрѣшенія».

Таково въ краткихъ словахъ содержаніе документа.

Послѣ его составленія Потоцкая лишь нѣсколько дней еще гостила въ Петербургѣ. Въ концѣ мая она выѣхала въ Берлинъ,

ища помощи у знаменитостей того времени, Гуфланда и Горна. Тѣ не обѣщали ей жизни, и потому она просила лишь объ облегченіи страданій.

22-го ноября 1822 г. Софія Потоцкая отдала Богу душу на 58 году жизни.

Вотъ вамъ въ общихъ чертахъ жизнь женщины, прославившей на Украинѣ своей красотой и легкомысліемъ.

И какая поразительная противоположность!

Тринадцатилѣтняя дѣвочка, дочь бѣдной нищенки, въ скромной и оборванной юбочкѣ, сидѣвшая на чемоданахъ Боскампа во время его переправы черезъ Днѣстръ, а въ концѣ жизни важная матрона, носящая самую громкую фамилію въ странѣ, утопающая въ княжеской роскоши.

Не авантюристка это, гоняющаяся за судьбой; напротивъ, не она шла за счастіемъ, а само счастье шло ей на встрѣчу! Довольно было этому ребенку съ улицы, проданному собственной матерью, стать ногой на почву Рѣчи-Посполитой, чтобъ господствовать и очаровывать! Всѣмъ обязана она тому личику, на которомъ, вмѣстѣ съ пламенной страстью, выражалась скромность, доходящая до наивности.

Первые ея владѣльцы,—будемъ называть вещи ихъ именами,—хотѣли воспитать изъ нея вѣтренницу; поэтому удивляться надо, что хотя подъ конецъ жизни, руководимая собственнымъ инстинктомъ, она оказалась такой, какою я ее представилъ. А что я не прибѣгалъ къ яркимъ краскамъ, а наоборотъ слишкомъ рѣзкія линіи старался смягчить, на это найдется достаточно доказательствъ въ запискахъ современниковъ.

ИНСТРУКЦІЯ ГЕТМАНА ДАНИЛА АПОСТОЛА МАЛОРОССІЙСКИМЪ СУДАМЪ.

По смерти Скоропадскаго, въ 1722 г. Петръ Великій замѣнилъ гетманское управленіе въ Малороссіи коллегіею этого имени. Главной причиной такой перемѣны выставлялись злоупотребленія полковой старшины и чинимыя ею козакамъ и посполитству притѣсненія, какъ въ административномъ, такъ еще болѣе въ судебномъ и экономическомъ отношеніяхъ.

Коллегія не искоренила зла, которое всего менѣе зависѣло отъ формы режима и имѣло болѣе глубокія основанія въ прошедшемъ страны. Въ цѣломъ рядѣ указовъ того и послѣдующаго времени находимъ указанія на тѣ же злоупотребленія, особливо на пристрастіе, волокиту и взяточничество въ судахъ, которыми старшина пользовалась между прочимъ для захвата земель у козаковъ и превращенія ихъ въ своихъ подданныхъ. Вся вина валилась лишь на судящихъ, о другой, болѣе дѣйствительной, причинѣ неправосудія, о неустройствѣ судовъ, о разнообразіи законовъ и противорѣчіи однихъ другимъ, что собственно и открывало широкій путь къ злоупотребленіямъ, повидимому не догадывались.

Гетманъ Данило Апостолъ, вскорѣ послѣ своего назначенія, обратилъ вниманіе на эту сторону въ управленіи страною и вслѣдствіе его представленія Верховный Тайный Совѣтъ призналъ необходимымъ пересмотрѣть и свести въ одинъ кодексъ источники законовъ, по которымъ судился малороссійскій народъ (Литовскій Статутъ, Магдебургское право и Саксонское Зерцало), съ переводомъ ихъ на великороссійскій языкъ, а для того образовать особую коммисію изъ свѣдущихъ въ законахъ людей. Указъ объ этомъ послѣдовалъ 23 апрѣля 1728 года, но работа

коммисіи затянулась на долго, трудъ ея, оконченный лишь черезъ 15 лѣтъ, положенъ подъ сукно и хотя вопросъ о «сводѣ правъ» выдвигался еще не разъ, но и готовый сводъ никогда не былъ примѣненъ къ дѣлу. А между тѣмъ запущенные въ то время суды требовали исправленія и улучшенія, и если сама коммисія по «своду правъ» въ самомъ началѣ своихъ работъ просила у гетмана для себя особой инструкціи, то тѣмъ болѣе такая инструкція нужна была для отправляющихъ правосудіе судовъ.

Среди такихъ обстоятельствъ явилась помѣщаемая ниже инструкція гетмана Апостола малороссійскимъ судамъ. Она помѣчена 13 іюля 1730 г., т. е. явилась спустя два года послѣ учрежденія коммиссіи «свода правъ». Очень можетъ быть, что она и выработана въ этой самой коммисіи, какъ составленной изъ «искусныхъ и знающихъ людей»; на это указываютъ отчасти дѣлаемыя въ ней своды однородныхъ постановленій по данному вопросу изъ Статута, Магдебургскаго права и Саксонскаго Зерцала, а также изъ сборника «Порядокъ правъ».

Инструкція не упоминаетъ вовсе о судахъ земскихъ и подкоморихъ, какъ возстановленныхъ позже, но только о судахъ войсковыхъ и отчасти городскихъ и сельскихъ, опредѣляетъ составъ судей, порядокъ судопроизводства, вводитъ нѣкоторыя гарантіи для судящихся, нѣкоторыя облегчительныя и предохранительныя отъ поборовъ мѣры и ясно, опредѣленно чертитъ идеалъ суда скораго, праваго и безъубыточнаго. Инструкція поэтому представляетъ собою памятникъ несомнѣнной исторической важности, давая намъ понятіе какъ о внѣшней формальной, такъ и внутренней идеальной сторонѣ суда въ Малороссіи до окончательной отмѣны отдѣльнаго управленія ею. Воспроизводимъ списокъ инструкціи съ сохраненіемъ всѣхъ особенностей языка и правописанія того времени.

Инструкція о судахъ, 13-го іюля 1730 года.

Понеже ея всепресвѣтлѣйшое величество, Анна Іоановна, императрица и самодержица всероссійская, государиня всемилостивѣйшая, милосердуя о вѣрныхъ своихъ подданнихъ народа нашего малороссійского, всемилостивѣйше соизволила содержать насъ при прежнихъ правахъ и вольностяхъ, какъ о томъ именно въ пунктахъ гетмана Богдана Хмѣльницкаго изображено, и такіе права и вольности наши въ нынѣшнемъ

1730-мъ году, во время бытности насъ, гетмана, въ великомъ градѣ Москвѣ, подтвердила своею императорскою жалованною грамотою; а прошлого 1728 году, по указу блаженнія и вѣчно достойнія памяти Петра второго, его императорского величества, въ верхнемъ тайномъ совѣтѣ на поданное наше прошеніе учинено рѣшеніе, въ которомъ рѣшеніи первой пунктъ о судахъ имѣется тако: «Его императорское величество всемилостивѣйше соизволяетъ въ Малой Россіи гетмана и всѣхъ подданыхъ своихъ содержать по прежнимъ ихъ правамъ и вольностямъ и то имъ подтвердитъ своею императорскою жалованною грамотою, и суду и расправѣ у нихъ въ Малой Россіи указалъ его императорское величество быть по прежнему ихъ обыкновенію, какъ именно въ пунктахъ гетмана Богдана Хмѣльницкаго изображено, по которого пунктамъ подтвержденія сами они просятъ, и быть тѣмъ судьямъ изъ ихъ народа и отправлять въ городѣхъ на ратушахъ и сотникамъ и полковой старшинѣ и полковникамъ, которіе-бъ были въ тѣхъ чинахъ люди добріе и правдивые, чтобъ народъ отнюдь никакими неправдами судомъ ни отъ кого отягощенъ не былъ; когда же кто изъ обидиихъ тѣмъ судомъ не будетъ доволенъ, тому дается позволеніе чинить апеляцію на неправіе и подозрительние суды: на сотенніе къ полковникамъ, а на полковниковъ въ Глуховъ къ генеральному суду; а понеже напредь сего на тотъ генеральній судъ отъ малороссійского народа многіе жалобы къ его імператорскому величеству и челобитнія бывали въ неправихъ ихъ судахъ, что чинятся тѣ суди съ великими наклады і взятки і отъ того бѣдніе козаки и посполство і зъ правдою обвинени бываютъ, и его императорское величество, милосердуя къ народу малороссійскому и яко Главній Судія всероссійской имперѣи, желая вездѣ между подданными своими установить правосудіе, соизволяетъ для лутшого между іми малороссійского народа въ судахъ доброго порядка, быть при томъ генеральномъ судѣ великороссійскимъ тромъ персонамъ, да ізъ малороссійскихъ тромъ же персонамъ, которымъ великороссійскимъ разсматривать дѣла обще съ ихъ малороссійскими судьями и решить тѣмъ великороссій-

скимъ и малороссійскимъ судіямъ по ихъ малороссійскимъ правамъ, токмо безъ накладовъ и взятковъ и разореній народа, и отправлять имъ тотъ судъ съ сообщенія гетману, яко президенту того суда, и по разсмотрѣнію дѣлъ ежели явится, что судіи нижнихъ судовъ объвинили кого неправедно ізъ взятковъ или для какого похлѣбства, за то тѣхъ судей въ томъ генералномъ судѣ штрафовать, по разсмотрѣнію судей и по разсмотрѣнію гетманскому, и изъ взятого отъ нихъ судей штрафу чинить обидимымъ награжденіе, и не бивъ прежде челомъ въ нижнихъ судахъ по порядку, въ генеральномъ судѣ никому ни на кого ни въ какомъ иску не бить челомъ и челобитень нигдѣ не подавать, ежели же кто генеральнаго суда рѣшеніемъ не будетъ доволенъ, и такимъ бить челомъ ея императорскому величеству въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ: того ради, во исполненіе таковаго милостиво состоявшагося его императорскаго величества указу, въ согласіе же и примѣръ прежнихъ правъ и обыкновенія, хотячи мы, гетманъ, дабы надлежащій въ судахъ малороссійскихъ содержанъ былъ порядокъ, оніе суда латвѣе бы въ самую правду проізвождени быть могли, велѣлисмо сочинить сию инструкціи пунктами, по которымъ имѣютъ по всѣхъ полкахъ рейменту нашего тие жъ совершатися суда таковымъ порядкомъ.

I.

Въ судѣ полковомъ надлежитъ быть безъ перемѣни всегда судіи и при немъ писару судовому, а съ ними въ ономъ судѣ засѣдать съ полковой старшины обозному, асауламъ двомъ, хоружимъ двомъ и значковому товариству почережно, то есть тромъ персонамъ, двомъ изъ означенной старшины, а третему значковому товаришу, по чверти года. А онаго суда всегда полковникъ долженъ смотрѣть, такъ чтобъ за его вѣдомомъ и соизволеніемъ и за подпискою руки всѣ дѣла вершилися, и въ приключающихся крѣминальнихъ и иннихъ значнихъ, подлеглихъ суду полковому, справахъ долженъ самъ полковникъ со всею купно старшиною присудствовать суду и вершеніе справи

учиня, зъ старшиною согласно, подписоватся, ибо многіе давніе декреты илы писма судовіе імѣются въ людей разнихъ чиновъ за руками и печатми прежнихъ полковниковъ, зъ которихъ показуется, что въ судахъ полковихъ самы полковникы зъ старшинами присудствовалы и по приговору и согласію общому разніе дѣла вершили.

2.

Понеже все судебное дѣло найпаче залежитъ на судіи да на писару, почему и титуломъ тимъ славится судія; того ради должны быть судіи, кромѣ природнаго добронравія, совѣтние, умние и въ писаніи искусніи, найпаче права знающіе, чтобъ не названіемъ толко, но і вещію можно было таковихъ почитать за судей, и се по праву, а особливе въ Статутѣ княжества литовского, въ роздѣлѣ 4, арт. 1-мъ положенному, якую должность ихъ и присяга на томъ же мѣстѣ въ Статутѣ обширно показуетъ. И ктому въ книзѣ «Порядка» на листѣ 8-мъ, въ части 1, написано тако: «судія долженъ имѣть въ себѣ тія добродѣтели: боязнь Божію, правду, искуство (mądrość), ростропность, умѣренность (mierność), ко всѣмъ равную любовь (miłość), права умѣетность, могущество (mązność), а имѣетъ судити безъ квапливости, безъ гнѣва, ненависти, любви, пріязнѣ, даровъ и протчого», и въ книги правной «Зеркала саксоновъ», подъ словомъ судъ и судія, на листѣ 357. Такожъ и писару при онихъ судахъ быть искусному и присяжному по інформаціи—на помянутомъ же ономъ листѣ, въ Статутѣ имѣющемся; ибо хотя писари судовіе въ дѣлахъ судовихъ не імѣютъ голосу до чиненя приговоровъ, но тіе залежатъ на судіи и на протчихъ, присидячихъ ему, и противъ челобытя естли отъ кого проізійдетъ на судъ нижній о неправомъ (рѣшеніи) въ висшомъ судѣ, то судія съ другими сосидящими въ судѣ, а не писарѣ должны отвѣтствовать, се же по статутскому праву, въ роздѣлѣ четвертомъ, артик. 48-мъ, параграфѣ 1-мъ положенному; однакъ въ томъ ихъ писарей должность есть, чтобъ отъ жалобливой и отвѣтуючой стороны прилагаеміе къ доводу или оправданію своему рѣчи

и дѣла, такожъ и приговори вѣрно, обстоятелно и ісправно записовали, понеже не токмо за неисправность въ ихъ дѣлѣ, но і за помилку ихже обвиняетъ тое жъ статутское право, въ роздѣлѣ 4-мъ, артикулѣ 4-мъ, параграфѣ 5-мъ тако імѣющоесь: «писарь можетъ подписка или двохъ, албо сколко ему потребно будетъ, имѣть и пилно того смотрѣть, дабы вѣрне и правдиве, безъ продолженія, до книгъ записивано было, а где бы помилка въ справѣ отъ нихъ была, неповинни правуючиесь подписковъ смотрѣть, но на самомъ писару за ту помилку шкоды своей доходити имѣютъ! Да судовому жъ писаревѣ, по силѣ присяги своей, которою обовязался въ званіи своемъ, не смотрѣти на високіе и подліе лица, на власти и достоинства и безъ власти зостаючихъ, на богатого и убогого, на тутейшого и на гостя, на кревного и на далекого, на друга и недруга, и проч., надлежитъ же ему писару всякую справу по нумерамъ и числамъ, когда какая къ суду приточится, судіямъ докладать и совѣтовать, дабы безъоткладно розискивана, слушана и сужена была чтобъ чрезъ тое не имѣло быть людемъ, найпаче убогимъ, волокиты и въ судахъ продолженія, и для того імѣетъ быть всякихъ суплѣкъ или жалобливыхъ доношеній реестръ съ краткою запискою.

3.

Въ сотеннихъ судахъ, гдѣ нѣтъ магистрату, засѣдать всегда безъ перемѣни сотнику, атаману городовому, писару, хоружему, войту и бурмистрамъ; а где атамана городового нѣтъ, тамъ атаманамъ курѣннимъ быть и употреблять, особливо къ знатнимъ дѣламъ, сколько пристойно, отъ знатного сотенного товариства. А где есть,—майстратъ особно, а сотенній судъ особно-жъ дѣла свои отправлять имѣютъ.

4.

И суди оніе прозводить, найпаче въ кримѣналнихъ и иннихъ знатнѣйшихъ дѣлахъ, такимъ образомъ: перво слушать и читать жалобливаго суплѣку или доношеніе, потомъ противъ

оной суплѣки по пунктамъ, въ якихъ сила и справа содержится, допрашиватя обжалованого, то есть отвѣтчика, и что въ допросахъ скажетъ, оніе вопросніе рѣчи записивать, туюжъ записку выразнимъ вычитанемъ читать добре ему обжалованному, чтобъ виразумѣлъ до подлѣнна, и казать на оннхъ допросахъ, перво начерно сочиненнихъ, подписоватся, а потомъ и на бѣло переписаннихъ руки прикладывать, а хто писать не умѣетъ, во мѣсто себѣ о подписъ упрашивалъ бы, кого можетъ, а крестами не подписоватся, понеже много того бываетъ, что упрамни такого своего крестами подпису запираются. По совершеніи жъ онаго отвѣтного допросу, якую въ томъ жалующійся постережетъ неправость, долженъ обличать оную и своей правды доводить явленіемъ достовѣрныхъ писемъ или, не імѣючи о нихъ писемъ, ссилатся на свидѣтельство людей честныхъ и неподозрительныхъ въ воровствѣ или прелюбодѣяніи и другихъ безъчинияхъ, также непрестарѣлихъ, младолѣтнихъ и проч., какъ о свѣдителехъ поучаютъ особливо правніе артикули, и на кого тая отсилка будетъ, найпаче когда на тыхъ же свѣдителей ссилатимется и отвѣтчикъ, то і туюю общую ссилку записать и на записцѣ велѣть имъ подписыватся выше означеннымъ, какъ и на отвѣтѣ, образомъ. Ежели-жъ обжалованній, не ссилаючись на тыхъ свѣдителей, покажетъ другіе своему оправданію доводи писменніе, или свѣдителемъ, отъ челобитчика представляемымъ, дастъ правную въ подозрѣніи или о свойствѣ съ нимъ челобытчикомъ причину, или другихъ отъ своей стороны покажетъ достовѣрнѣйшихъ свѣдителей; то тое также записовать и на оной записцѣ взаемно подписоватся казать ему отвѣтчику, явленніе же въ доводъ писма принимать отъ обоихъ сторонъ подлинніе, а взявши зъ тихъ за ихъ руками копіи, подлинніе по росправѣ, ежели правіе и неподозрителніе суть, отдавать возвратно съ росписками, а ежели зъ доводу на судѣ являтся якіе пѣсма, чили свѣдительства и мунѣмента, албо декрета не право сочиненніе, или измишленніе и подозрительніе, то на оннхъ помѣчать рукамы судящихъ, что суть неправіе и настоящимъ судомъ скасованніе, съ изображеніемъ краткимъ того уничто-

женія причинъ, и воспять судимымъ отдавать же съ росписками, а особливо въ декретахъ означать о тихъ неправихъ писмахъ, чего ради скасованы и не должни имѣть своей сили. А ежели отъ обоихъ сторонъ не будетъ показано ни писемъ, ни свѣдителей, то обжалованному, естли не зазорній человѣкъ, а не жалующемуся, приговоривать присягать, ибо право, на многихъ мѣстцяхъ положенное, а особливо въ «Порядку», гдѣ починаются артикули права магдебурского, на листахъ 17 и 19, въ сумнителнихъ рѣчахъ къ отводу и оправданію своему ближшимъ чинитъ отвѣтчика, нежели къ доводу челобитчика, кромѣ дѣла объ крадежъ, забойство и протчіе преступства, которіе дѣла надлежитъ не присягою рѣшить, но, смотрячи по состоянію дѣла, доводовъ лицъ и другихъ околичностей, пристрастною пробою допитоватся, чего надлежитъ однакъ уживать не скваплико, но съ опаснимъ и прилѣжнимъ разсмотреніемъ (опрочъ случаевъ, продолженія времени не терпящихъ, о чемъ ясная наука ізображена въ правѣ статутскомъ, розд. 1, арт. 26, параг. 2 и ктому въ «Порядку», въ правахъ цесарскихъ виписанномъ подъ нумерами 1, 2, 3 и 4, на листахъ 2, 3, 4, 5 и 6). Свѣдителей же, кому подлугъ права надлежитъ меть ставить, прежде ихъ свѣдителства должни судящіе приводить къ присязѣ, тамже въ судебномъ дому, на такой имянно ротѣ, которая написана въ «Порядку», въ части 3, на л. 8, или во мѣсто тоей присяги имѣютъ судіи упоминати онихъ свѣдителей страхомъ страшнаго суда Божія и казни временной и вѣчной, ложнихъ свѣдителей не минуть імѣющой. Да онихъ же свѣдителей допрашивать каждого порознь, а при допросѣ и свѣдителствѣ тожъ імѣетъ присудствовать и сторона, противъ которой представлени будутъ тѣ свѣдителѣ, якъ о семъ въ томже «Порядку» на выше означенномъ мѣстѣ ізображено. А по розиску во всякихъ заводнихъ и кримѣналнихъ дѣлахъ, винайшовши приличніе правніе артикули, за общимъ всѣхъ судящихъ лицъ согласиемъ, декретовать и руками всѣхъ же тотъ декретъ закрѣплять.

5.

До приговору же или до вершенія всякаго дѣла искать перво артикуловъ приличнихъ всегда въ Статутѣ княжества литовскаго по которыхъ обыкновенію въ Малой Россіи суды производятся, которіе книги такожъ въ Малой Россіи отъ древнихъ лѣтъ до судовъ употребляются, и по онимъ правамъ, а не по своему собственному и правамъ противному мнѣнію, дѣла вершить; о чомъ поучаетъ тое-жъ право статутское, въ роздѣлѣ 4, арт. 54 имѣющоесь въ такой силѣ: «всякій судящій ничего съ домыслу и мнѣнія своего, такожъ и и зъ вѣдомости своей судити и рѣшпты не мѣстъ и не будетъ силенъ, только по тому статуту и артикулехъ, въ немъ описанниxъ, подлугъ споровъ и суду обоихъ сторонъ, а где чего въ томъ Стату(тѣ) не доставало-бъ, тогда судіи, прихиляючись до болшей справедливости, по совѣсти своей и иншихъ правъ прикладомъ христіянскихъ тое отправлять и судыть имѣютъ». А естли въ которомъ знатномъ дѣлѣ на сотенниxъ судахъ и аа необысканіемъ правнихъ артикуловъ зайдетъ къ вершенію дѣла сумнѣніе и трудность, о томъ доносить въ полковій судъ, описавшы оное дѣло со всякимъ обстоятельствомъ, и рѣшенія просить.

6.

Сочиненніе-жъ и закрѣпленіе вышеозначеннимъ образомъ декрета, записавши въ книгу начисто, отдавать полковой старшинѣ съ притисненіемъ настоящого суду печати. А оніе записанніе держать при судѣ, также и іние черние и бѣліе допроси и сказки, которіе за руками судимыхъ илы свѣдителей крѣплени, имѣть въ судовой архивѣ, что чинитимется по правамъ и по древнему обыкновенію, ибо и нынѣ по нѣкоторихъ городахъ, где прежніе суть урядники, таковіе книги отъ древнихъ временъ имѣются.

7.

Съ полковихъ судовъ ни по якимъ жалобамъ, заразъ за предложеніемъ онихъ въ судъ, никуда никого не посилать на

розискъ, но перво принявши жалобу и противъ оной допросившы, по вышеписанному сей инструкціи 4 пункту, обжалованного, естли обидвѣ сторони ссилатымутся, или хочай една якая, на которыхъ свѣдителей, а онихъ свѣдителей, за множествомъ числа, или за слабостію ихъ, або за далекимъ разстояніемъ, сискивать къ суду неподатно будетъ и тіежъ сторони сами если требоватымутъ кого о висилку на розыскъ, тогда, усмотря на тое розищиковъ добрихъ людей, въ писмѣ и въ правахъ искусныхъ, опредѣлять съ инструкциею ясною, о чомъ іменно надлежитъ розискивать и на томъ розиску свѣдителей онихъ допрашивать, а что по тихъ допросахъ покажется, должни означенніе розыщики записовать такіе допроси; и велѣть свѣдителямъ, которымъ право свѣдительствовать не возбраняетъ, всякому на своемъ допросѣ подписоватся умѣючимъ, писать самимъ, а неумѣючимъ упрошовать о подписъ вмѣсто себе другого, писать вмѣючого; потомъ розищики оные жъ допроси или розискъ імѣютъ закреплять своими руками и привозить албо присилать въ судъ полковій для вершенія и приговору: а вершить дѣла самимъ разищикомъ не поручать, ибо отъ такого порученія могутъ произходить многіе трудности и дѣла маліе розводитися въ великіе, на большій обидимимъ убытокъ и волокиту. А если заводніе стороны сами въ приватныхъ своихъ дѣлахъ поточнихъ (кромѣ воровства и убійства и другихъ важнихъ дѣлъ), не входячи въ большій заводъ, доброволне схотятъ при розищикахъ примиритися, то должны обидвѣ стороны дать одна другой росписки за руками своими и за руками-жъ зъ обоихъ стоонъ по два свѣдители, а въ кого могутъ быть и запечатаны, якъ о семъ поучаетъ право въ Статутѣ княжества литовскаго, въ розд. 4, арт. 25, и розищики такимъ развѣ образомъ могутъ споръ ихъ окончиты, а другіе-жъ такіе росписки присилать албо привозить въ судъ, съ которого послани, а судъ оній тое примиріе ихъ долженъ конфирмовать и тогда конфирмацію требующей сторонѣ выдавать.

8.

А содержать помянутихъ розищиковъ требующой онихъ сторонѣ на своемъ пристойномъ коштѣ, въ общой же ссильцѣ обомъ сторонамъ по половинѣ. Посильщикамъ же, особливо съ позвами, платить по копѣйцѣ за версту съ поворотомъ, а свѣдителей зисковать въ судъ и сустентовать також пристойнимъ коштомъ требующой сторони, которій коштъ, какъ на розищиковъ, такъ на свѣдителей, и на писарей, и на посильщиковъ выложенній, опослѣ сторона, какая обвиненна будетъ, награждать должна, а то по праву, ізображенному въ «Порядку», арт. 45, на листѣ 27 и части 3, на стр. 106-й, і зверхъ оной надлежащой сустентаціи неповинни розищики, ни писарѣ нѣчого большъ у сторонъ витягать и всякихъ иншихъ вимисловъ и взятковъ собою на убытокъ имъ чинить, особливо, когда обѣдвѣ сторони требоватимуть розищиковъ въ дѣлахъ розмежованія грунтовъ, то избѣрать тогда найпаче розищиковъ, въ писмѣ и правѣ искусних, которіе-бъ могли, о чемъ имъ будетъ полѣцено, совершенно управиться. А управляться имъ въ томъ межевомъ дѣлѣ такъ, какъ поучаетъ о подкоморихъ право въ Статутѣ, въ розд. 5, въ арт. 2, 3, 5, 6, 7 и 8.

9.

Вишеозначеннимъ судовимъ особамъ въ судѣ засѣдать и оній проізводить три днѣ въ тиждень, въ понедѣлокъ, среду і пятокъ. А того ради не по вся дни, чтобъ мощно было вправиться въ описаніи обстоятелномъ дѣлъ по вишеозначенному 4 пункту; во дни же неделніе и праздничніе, а ктому особливо предъ празденствомъ Рождества Христова, отъ 22 декабра до праздника Богоявленія, такожъ въ седмицы сирную и первую до второй недѣлѣ великого поста, отъ Лазаревой субботи до неделѣ Ѳоминой і во всю неделю пятдесятную Сошествія Святого Духа до неделѣ всѣхъ святихъ, также во дни государственнихъ торжествъ и ктому въ лѣтное рабочее и каникулярное время, отъ 15 юля до 15 августа, судебніе дѣла отстав-

лять, кромѣ нужнихъ дѣлъ о убійствѣ, разбои и о другихъ, которіе по правамъ називаются горячими учинками і продолженія времени терпѣть не могуть, о чемъ поучаетъ право въ «Порядку», въ части 2, на листѣ 78 положенное. Паче же всего дѣла судовіе должни судящіе производить со тщаніемъ самою сущею истиною, безъволокитно, безъ лицезрѣнія и безъ всякихъ накладовъ і взятковъ, указами запрещенныхъ и правамъ противнихъ.

10.

Кто по такому суду явится быть выноватымъ, особливо за побой, за безчестіе і за другіе преступленія, то приговоровать оплачивать надлежащую обыдимому, подлугъ права статутского, на разнихъ мѣсцяхъ положенного, навязку и гвалтъ, и ежели кому по справедливосты которій искъ присужденъ будетъ, то тотъ искъ означать імянно, что на комъ доправить и на не імѣющемъ готовихъ денегъ доправлять зъ его пожитковъ по оцѣнки настоящею цѣною съ торгу, а безъ оцѣнки нѣчого въ грабѣжъ самоволно не брать. Что же многіе представляютъ свое сумнѣніе сторони навязки, козакамъ подобающой, такъ ли на оплату оной приговоривать, какъ шляхтичамъ въ Статутѣ положено, то козаки, кои найпаче толко за шляхту признаватись должни, такъ шляхетскую и навязку имъ приговоривать надлежитъ, понеже примѣромъ шляхти войсковіе службы Ея императорскому величеству отправуютъ і за тое по милости Ея високчайшей особливими жалованни волностми. А компанѣйцамъ, яко платнимъ и наемнимъ людемъ, жолнѣрамъ приличная навязка, подлугъ тогожъ статутского права, приговороватись имѣетъ.

11.

По совершеніи нижняго суда, кто бы онимъ нижнимъ же судомъ не былъ контентъ, въ вишшій судъ не возбраняеть апеліовати, подлугъ указу Ея императорскаго величества, въ рѣшительномъ 1-мъ пунктѣ ізображеннаго, такожъ подлугъ права статутового, въ розд. 4, арт. 86, парагр. 1, кромѣ причинъ, въ

томъ же розд. 4, арт. 88 вписанныхъ, и естли по апеляціи въ вишшомъ судѣ неправость низшаго суда явится, то оніе судящіе непременно імѣють быть обвинени по важности дѣла, какъ въ 1-мъ рѣшителномъ пунктѣ о томъ показано. А понеже многіе напрасно апеляцію для убытку и далшей волокиты обидимаго нарочно чинить обикли, то когда по апеляціи покажется въ вишшомъ судѣ, что напрасно кто апеліовалъ бы і тоею апеляціею напрасно судящихъ опорочилъ, таковій самъ долженъ подлежати штрафу и наказанію, какъ о томъ поучаетъ право въ Статутѣ княжества литовскаго, въ розд. 4-мъ, арт. 40, параг. 3 и арт. 89, такожъ въ розд. 9-мъ, арт. 7, то есть имѣетъ по оныхъ артикулахъ опороченному собою неслушне судове нижнему 12 рублей денегъ, а противной сторонѣ своей всѣ убытки уплатить: а кого такожъ доведется въ судѣ полковомъ приговорить на смертную казнь, или на лишеніе чести, особливо надъ знатными персонами, о томъ отписоваться съ мнѣніемъ напередъ къ намъ гетману і въ судъ войсковій енеральній, а не отписавшись и не получивши рѣшенія, экзекуціи въ той смертной казни нѣ надъ кимъ и въ лишеніи чести надъ знатними людми не производить.

12.

Понеже писарамъ судовимъ особливо для сустентаціи нѣтъ опредѣленія, безъ которого имъ въ званіи своемъ прожите трудно, ибо въ суду полковомъ одинъ писаръ и управиться не можетъ, но принужденъ держать себѣ въ помощь и другихъ подписковъ, а хотя въ такой сустентаціи оныхъ правное описано доходовъ опредѣленіе въ томъ же Статутѣ, въ розд. 4, арт. 6, однакъ что тотъ доходъ, яко весма малій и доволить оныхъ писарей въ препитаніи и одеждѣ не можетъ, понеже теперь по сей інструкціи болше дѣла імъ въ запискахъ и перепискахъ и въ протчемъ прибавится, того ради, какое впредъ учинится опредѣленіе о заплатѣ полковимъ писарамъ и канцеляристамъ и прочимъ полковимъ служителямъ, потому і объ ихъ судовихъ писарахъ разсмотрѣніе быть должно. Ктому всякіе челобитчики, кому слу-

чится писать свои челобитніи где ни будь или въ тихже судахъ, въ которихъ требуютъ своимъ дѣламъ рѣшенія, то за тіе суплѣки платить имъ писарамъ отъ полуаркушов й страницы по пять копѣекъ, то есть на которой суплѣцѣ будетъ списана одна страница полуаркушевая, за тую пять копѣекъ, а за писане двохъ полуаркушевыхъ страницъ гривню, за цѣлій же аркушъ, на которомъ всѣ четыре страницы будутъ списани, двѣ гривнѣ. А смотря по убожеству судимого, мощно и менщимъ награжденіемъ имъ писарамъ доволствоватись, и отъ приговорнихъ писемъ, которіе называются декретами и даются обыкновенно сторонѣ правой, взимать имѣютъ писари, смотря по дѣлу малому и великому, отъ страницы едной по гривнѣ; только они писары для своего взиску и убытку судимимъ не должны выше потребы въ написанѣ тихъ супликъ, допросовъ и декретовъ ширить рѣчи, но писать обикновенними нерѣдкими строками, для болшаго тимъ писмомъ страницъ занятья, чего сами судіи постерѣгать и не допускать имѣють.

13.

По селахъ, въ выдѣніи сотенной и городовой старшины обретаючихся, на судъ сходитися велѣть къ атаману или войту, не въ шинковіе домы, і емужъ атаману засѣдать съ двома или трома товаришами, а войту тожъ зъ двома или трома людьми трезвими и розсудними, по маетностѣхъ же державскихъ, когда жалоба будетъ отъ мужика на козака, судъ той содержать атаману съ товариствомъ знатнѣйшимъ, и когда жалоба зайдетъ отъ козака на мужика, то судить старостамъ і войтамъ въ справахъ мелкихъ поточнихъ и судить тожъ не въ шинкахъ, не пьянимъ, но трезвимъ, безъ всякихъ накладовъ и взятковъ. А кто зъ нихъ виннимъ покажется, атаману-жъ съ козака, а старшинѣ и войту съ мужика падлежащую чинить росправу: чего же разсудить не могутъ по селамъ, то отсилать въ судъ сотенній или кто где вѣдомъ, а самовольства и грабительства безправно отнюдь бы нѣхто нѣ надъ кимъ нѣгде чинити не важился, подъ правними неопустними винами, въ Статутѣ, въ розд. 3,

арт. 37 вираженними. А когда бы тамъ, где кто вѣдомъ, не дана была жалобливому управа, найпаче когда державца якій зъ подданного своего козаку, или хочай посполитому человѣку, неподчиненному себѣ справедливость не покажетъ, то жалобливій на полковомъ судѣ съ свѣдительствомъ нижняго суда искать оной справедливости долженъ, и судъ полковій тое дѣло имѣетъ рѣшить безъ волокиты, кромѣ всякого лицезрѣнія, по первомъ и пятнадцатомъ рѣшителномъ пунктамъ и подлежащимъ правамъ.

14.

Сотенніе и городовіе, где майстрату нѣтъ, урядники, а где майстратъ есть, видавать імѣютъ майстратовіе требуючимъ людямъ купчіе записи въ продажи грунтовъ знатнихъ великой суммы, такожъ протесты и духовніе записи сочинять и видавать, по правамъ, безъ взятковъ, противнихъ праву, а въ продажи грунтовъ самой меньшой сумми мощно чинить и видавать и по селамъ купчіе записи и духовницы, и тіе купчіе и духовници, такъ городовіе, какъ и селскіе, писать съ обстоятелнимъ грунтовъ ограниченіемъ, съ свѣдительствомъ помежниковъ продаемому грунту; такожъ протести или атестаціи, которіе въ сотеннихъ или городовихъ урядахъ будутъ отправлятся, видани были-бъ за подписомъ рукъ тоей сотенной и городовой старшини, а по селахъ за руками парохіальныхъ священниковъ, дьячковъ, атамановъ, войтовъ и другихъ вѣри годныхъ людей, а барзѣй самихъ продавцовъ і тѣхъ, которіе добра свои духовною распоражатимутъ (толко-бъ слушне и непротивно праву оніе распоряжени были), и всѣ помянутіе персони на такихъ записках подписовались бы по вышеозначенному сами, а хто писать не умѣетъ, во мѣсто себе упрошовали-бъ о подписъ умѣючихъ писать, а крестами не подписоватся. Голословно же, безъ купчихъ писемъ, отъ сего времени жаднихъ грунтовъ нѣгде не продавать, ни покуповать, понеже черезъ такіе голословніи купчіи и продажи не маліе у народѣ устають тяжбы и въ судахъ дѣется трудность въ томъ, что кгрунта отколко десять лѣтъ проданніе по писменной купчой, а дѣти и сродственники про-

давцовъ, вминяючи оніе заставленніе, усиловуются откупать і тѣмъ какъ позванную сторону прыводятъ до убытку, такъ и судъ напрасно затрудняютъ. Только въ дачи купчихъ записовъ помянутіе урядники должны опасно смотрѣть: 1) чтобъ пенних и спорнихъ грунтовъ едни другимъ не продавали, 2) чтобъ какъ въ селахъ за державцами імѣющихся, такъ въ городахъ и вездѣ всякіе мирскіе люде духовнимъ особамъ, по 18 рѣшительному пункту, а особливо козаки мужикамъ угодій и ни якихъ грунтовъ отнюдь не продавали, ибо черезъ таковіе продажи, за сходомъ по продажи козаковъ, войсковая служба умаляется, а мужики въ селахъ державскихъ ни козакамъ, чтобъ и посполитая не умалялась служба, ни другъ другу, безъ вѣдома державци своего, не імѣютъ продавать, да и у отходящихъ и отшедшихъ зъ селъ козаковъ и мужиковъ, которіе обыкли тайно продавать свои грунта, таковыхъ грунтовъ отнюдь никому не покупать подъ потераніемъ денегъ, за тѣ грунта данних, и жестокимъ наказаніемъ, чтобъ за такою непокупкою могли тіе отшелцы паки на свои оніе возвратитися грунта. Въ Глуховѣ, іюля 13-го, 1730 году.

На подлинномъ подписался:

Ея императорскаго величества войска запорожского обоихъ сторонъ Днѣпра гетманъ и кавалеръ рукою властною.

Сообщ. **А. А. Ѳедотовъ-Чеховскій.**

Библіографія.

Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по екатеринославской губерніи. Томъ II. Бахмутскій уѣздъ. Екатеринославъ. 1886 г.

Что лучшіе люди земства сознаютъ важность основательнаго изученія экономическаго и сельско-хозяйственнаго положенія крестьянъ, доказываютъ многочисленные, но, къ сожалѣнію, малоизвѣстные земскіе сборники, матеріалы, труды. Кто, напримѣръ, знаетъ, что бессарабское земство издало 95 томовъ сборника свѣдѣній о сельско-хозяйственномъ и экономическомъ положеніи бессарабскаго края, что подобнаго рода изданія сдѣлали многія другія земства, херсонское, черниговское, екатеринославское? Теперь передъ нами лежитъ толстая претолстая книга, съ вышеприведеннымъ заглавіемъ, изданная статистическимъ отдѣленіемъ екатеринославской губернской земской управы. Первый томъ, заключающій въ себѣ описаніе ростовскаго уѣзда, вышелъ немного ранѣе. Теперь дошла очередь до бахмутскаго уѣзда. Въ сборникѣ собраны свѣдѣнія о населеніи уѣзда, формахъ и условіяхъ землевладѣнія, земледѣліи, скотоводствѣ, арендѣ, промыслахъ, семейныхъ раздѣлахъ, грамотности, денежныхъ платежахъ и доходахъ. Нѣкоторые отдѣлы изложены подробно, другіе кратко, и однимъ изъ найболѣе слабыхъ представляется отдѣлъ грамотности. Правда, и тутъ много цыфръ, но за цыфрами не видно живого народнаго тѣла.

Оставляя въ сторонѣ $^9/_{10}$ содержанія сборника, мы остановимся только на одной, небольшой третьей главѣ перваго отдѣла общихъ свѣдѣній объ уѣздѣ, заключающей въ себѣ «историческій очеркъ заселенія бахмутскаго уѣзда» (стран. 19—52).

Очеркъ этотъ составленъ 1) на основаніи печатныхъ источниковъ и пособій, статистическихъ и историческихъ статей А. Скальковскаго

В. Павловича, И. Бѣляева, В. Семевскаго и нѣкоторыхъ другихъ авторовъ, 2) рукописныхъ, именно списка инструкціи императрицы Елисаветы Бибикову о заселеніи Славяносербіи и списка ландкарты Славяносербіи 1754—1756 гг. и 3) устныхъ разсказовъ старожиловъ, собранныхъ статистическимъ отдѣленіемъ на мѣстахъ.

Въ началѣ «Очерка» говорится объ историческихъ судьбахъ края до XVI в. и заселеніи уѣзда въ періодъ времени съ начала XVI до половины XVIII в., а затѣмъ слѣдуютъ обзоры колонизаціи народной, иностранной, казенно-слободской, горно-заводской и помѣщичьей. Аборигенами мѣстности, составляющей бахмутскій уѣздъ, являются малороссы, козаки-запорожцы. Преобладающій процентъ засельниковъ въ колонизаціонную эпоху падаетъ также на украинскихъ выходцевъ малороссовъ. Въ составъ остальной части поселенцевъ вошли представители разныхъ племенъ и народностей, главнымъ образомъ великороссы, потомъ валахи, молдаване, сербы, венгерцы, поляки и другіе. Но большинство ихъ еще въ самомъ началѣ, а главнымъ образомъ впослѣдствіи смѣшались съ малороссами и съ теченіемъ времени многіе почти вовсе утратили свои бытовыя и племенныя особенности. Въ настоящее время господствующій, а мѣстами почти исключительный типъ крестьянскаго населенія бахмутскаго уѣзда малорусскій. Правда, въ нѣкоторыхъ мелкихъ и большихъ селеніяхъ и теперь преобладаютъ великороссы, а мѣстами валахско-молдаванское населеніе, но и тутъ господствующій элементъ не удержался во всей своей чистотѣ и цѣлости и постепенно поглощается малорусской народностью (стр. 52).

Количество крестьянскаго населенія уѣзда въ 1858 г. было 127,225 душъ обоего пола, въ 1884 г. 173,006 человѣкъ.

Инструкція императрицы Елисаветы инженеру Бибикову, главные пункты которой впервые напечатаны въ разсматриваемомъ историческомъ «Очеркѣ», касается перваго поселенія сербовъ и молдаванъ въ бахмутскомъ уѣздѣ въ 1753—1755 гг., подъ предводительствомъ Шевича и Прерадовича. Повелѣно было поселить ихъ отъ Бахмута до р. Лугани, причемъ Прерадовичу, какъ пришедшему ранѣе Шевича, дать лучшія земли, начиная отъ Бахмута, а Шевичу менѣе населенныя отъ Лугани. Переселенцамъ дана была земля, незанятые дома, по карабину и парѣ пистолетовъ, и назначено жалованье за военную службу. Правительство было озабочено, «дабы сей новоприходящій народъ въ имперію не только не огорченъ и не отгоняемъ былъ въ другую сторону, но по возможности оному показуемымъ благоволеніемъ и выгодами къ подданству и вѣрности могъ бы пріохоченъ быть». Австрійскіе выходцы заняли сѣверо-восточную часть бахмутскаго и западную славяносерб-

скаго уѣздовъ. Болѣзни, происшедшія отъ перемѣны климата и воды и отъ недостатка или тѣсноты квартиръ, уничтожили значительную часть новоприбывшихъ. Въ добавокъ, татары въ 1768 г. сильно опустошили бахмутскую провинцію.

Весьма любопытными представляются воспоминанія стариковъ о прошлыхъ крѣпостныхъ временахъ и въ частности о помѣщичьей колонизаціи края. Въ этихъ воспоминаніяхъ, какъ было въ самой жизни, есть и жестокіе, и добрые помѣщики. Общій смыслъ воспоминаній тотъ, что до раздачи земель помѣщикамъ мужики жили привольно и свободно. Такъ въ с. Бѣлогоровкѣ сохранилось преданіе, что первымъ паномъ былъ Ларинъ и что крестьяне, привыкшіе относиться къ пану, какъ къ равному, долго не подчинялись ему. Для того. чтобы заставить крестьянъ работать на барщинѣ болѣе одного дня, помѣщикъ объявлялъ имъ небывалые царскіе указы, предписывавшіе, напримѣръ, спѣшить съ уборкою господскаго хлѣба. Впослѣдствіи крестьяне стали работать 3 дня, а въ концѣ тридцатыхъ годовъ были переведены на полную барщину. Крестьяне с. Бѣлокузьминовки сохранили воспоминаніе о первомъ владѣльцѣ села, офицерѣ морской службы, Кузьмѣ Котельниковѣ, какъ о человѣкѣ добромъ и заботливомъ о крестьянахъ, во время котораго въ хозяйствѣ многихъ крестьянъ было до 10 паръ воловъ, 150 овецъ, 8—10 коровъ, 150 колодокъ пчелъ. Крестьяне работали на помѣщика три дня, а при наслѣдникахъ Кузьмы Котельникова перешли на полную барщину и обѣднѣли. Память народная до сихъ поръ сохранила мельчайшія подробности добрыхъ отношеній Котельникова— простоты обращенія и заботливости о крестьянскомъ благосостояніи.

Вообще, историческій очеркъ заселенія бахмутскаго уѣзда составленъ хорошо и представляется вполнѣ умѣстнымъ въ сборникѣ статистическихъ свѣдѣній о бахмутскомъ уѣздѣ. Желательно, чтобы статистическія описанія уѣздовъ всегда сопровождались подобнаго рода историческими очерками и чтобы очерки эти издавались также отдѣльно, въ видѣ оттисковъ или брошюръ. Въ такомъ видѣ они нашли-бы болѣе читателей.

Н. С.

Кустарные промыслы курской губерніи, сост. Н. А. Добротворскимъ. Курскъ. 1886 г.

Въ послѣдніе два, три года правительство и земство обратили серіозное вниманіе на кустарные промыслы, подавляемые, въ ущербъ народному благосостоянію, крупнымъ заводскимъ и фабричнымъ произ-

водствомъ. Однимъ изъ найболѣе плодотворныхъ стремленій земствъ въ настоящее время является стремленіе уяснить современное состояніе мелкой кустарной промышленности, поддержать ее матеріально и внести въ нее техническія улучшенія. Въ послѣдніе годы статьи о кустарныхъ промыслахъ появились во всѣхъ журналахъ и газетахъ и земствами издано нѣсколько спеціальныхъ монографій по этому предмету. Къ сожалѣнію работы по этой части не получаютъ достаточной извѣстности въ образованной части общества, не смотря на важное ихъ значеніе, экономическое и даже историческое. Въ лучшихъ изслѣдованіяхъ о кустарной промышленности часто попадаются весьма любопытные факты для исторіи мѣстной краевой нромышленности.

Такого рода черты, между прочимъ, находятся въ изслѣдованіи Н. А. Добротворскаго о кустарныхъ промыслахъ курской губерніи, изданномъ курскимъ губернскимъ земскимъ статистическимъ бюро, на основаніи матеріала, добытаго во время статистическаго описанія губерніи въ 1884 и 1885 гг. Въ изслѣдованіи г. Добротворскаго находится обзоръ статистическихъ и экономическихъ данныхъ о производствѣ кожевенномъ, сапожномъ, каменотесномъ, овчинномъ, различныхъ подѣлкахъ изъ дерева и другихъ мѣстныхъ производствахъ. Трудъ г. Добротворскаго обладаетъ многими цѣнными достоинствами, какъ-то обиліемъ фактическихъ данныхъ, яснымъ и простымъ изложеніемъ и точной формулировкой того, что нужно сдѣлать для улучшенія того или другаго производства и для нoднятія благосостоянія кустарей.

Для «Кіевской Старины», какъ спеціальнаго историческаго и притомъ областнаго историческиго журнала, представляютъ интересъ лишь тѣ историческія черты, которыя относятся къ кустарнымъ промысламъ малоруссовъ суджанскаго и грайворонскаго уѣздовъ курской губерніи, именно двумъ промысламъ, кожевенно-сапожному и иконописному.

Районъ кожевенно-сапожнаго производства тянется по всей южной окраинѣ курской губерніи и переходитъ на востокѣ въ воронежскую, на югѣ и западѣ въ сѣверную часть харьковской губерніи. До развитія въ этомъ районѣ кожевенно-сапожнаго пройзводства, т. е. до 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія главнѣйшими занятіями здѣшнихъ крестьянъ были винокуреніе и бондарство. Винокуреніе было совершенно свободно отъ регламентаціи со стороны закона. Крестьянинъ оставшійся отъ годоваго употребленія излишекъ хлѣба перегонялъ въ водку и въ такомъ видѣ продуктъ достигалъ рынка. Винокуреніе было промысломъ весьма выгоднымъ и имъ занималась большая часть здѣшнихъ крестьянъ. Сильнымъ развитіемъ винокуренія вызвано было процвѣтаніе бондар-

ства. «Время вольнаго винокуренія, говоритъ г. Добротворскій, было золотымъ вѣкомъ для Борисовки, Мирополья, Ольшанки и другихъ слободъ южныхъ уѣздовъ, вошедшихъ нынѣ въ составъ курской губерніи. Здѣшніе крестьяне до сихъ поръ не забыли его и, вынимая изъ скрынь по праздничнымъ днямъ для своихъ скромныхъ пирушекъ старинные серебряные и золотые стаканы и чарочки, вспоминаютъ о томъ, какъ хорошо жилось во время оно ихъ дѣдамъ, пользовавшимся правомъ безпошлинно курить горилку» (стр. 56). Когда право свободнаго винокуренія было потеряно, т. е. съ 1772 года, винокуры и бондари должны были бросить свои занятія. Они начали приставать къ сапожникамъ и учиться у нихъ кожевенному и сапожному производствамъ. Благодаря обилію сыраго матеріала и большему спросу на сапожныя издѣлія на всѣхъ рынкахъ Украины, кожевенно-сапожное производство начало быстро развиваться. Высшаго разцвѣта это производство достигло въ 50 и 60-хъ годахъ, когда украинскія ярмарки были завалены сапогами здѣшняго издѣлія. Затѣмъ послѣдовалъ быстрый упадокъ кожевенно-сапожнаго производства, вслѣдствіе малоземелія, увеличенія податей и въ особенности вслѣдствіе проведенія Курско-Харьковской и Курско-Кіевской желѣзныхъ дорогъ. Вмѣстѣ съ разными ситцами, сукнами, кушаками и другими издѣліями московскихъ и владимірскихъ мануфактуръ, желѣзныя дороги внесли въ степныя окраинныя губерніи и кимрскій и московскій сапоги, которые, по своей добротности и дешевизнѣ сразу заняли видное мѣсто на всѣхъ южныхъ рынкахъ и сдѣлались опасными конкуррентами курскаго сапога, почему и цѣна на послѣдній значительно понизилась.

Иконное производство свило себѣ гнѣздо въ сл. Борисовкѣ, грайворонскаго уѣзда. Изготовляемыя здѣсь иконы развозятся по всей южной Россіи и достигаютъ даже Болгаріи и Сербіи. Извѣстный въ исторіи церковной живописи Боровиковскій учился живописи въ сл. Борисовкѣ. Квитка-Основьяненко въ одной своей повѣсти замѣтилъ, что здѣсь, въ Борисовкѣ «наилучши богомазы, иконописцы и усяки маляри» (107). Возникновеніе борисовскаго иконнаго производства связываютъ съ возникновеніемъ Борисовскаго женскаго монастыря, основаннаго въ 1714 г. знаменитымъ сподвижникомъ Петра I Борисомъ Петр. Шереметевымъ. Шереметевъ прислалъ изъ Петербурга мастера живописца Игнатьева для исполненія иконописныхъ работъ въ монастырскихъ храмахъ и для обученія борисовскихъ жителей иконописному мастерству.

Въ исторіи развитія кожевенно-сапожнаго и иконописнаго производствъ въ южной части курской губерніи среди малороссовъ, по мнѣнію г. Добротворскаго, важное значеніе имѣли прислан-

ные сюда помѣщиками изъ велико-русскихъ губерній ремесленники. Весьма возможно, что приходившіе изъ Великороссіи ремесленники вносили въ среду малороссіянъ кое-какія ремесленныя свѣдѣнія; но во всякомъ случаѣ малороссіяне имѣли въ этомъ отношеніи также знающихъ людей. Нельзя согласиться съ мнѣніемъ автора, что великорусскіе ремесленники могли научить чему-нибудь полезному «козаковъ, въ большинствѣ случаевъ ничего не знавшихъ до тѣхъ поръ (начала XVIII ст.), кромѣ войны и набѣговъ» (стр. 55). Въ старинной Малороссіи многія отрасли кустарной промышленности находились въ превосходномъ состояніи. Гончарныя издѣлія отличались художественной отдѣлкой. Коцарскій, или ковровый промыселъ занималъ много рукъ. Малорусскихъ садоводовъ вызывали въ Москву, какъ знатоковъ своего дѣла. Иконное и вообще малярное производство также процвѣтало; весьма цѣнные памятники старинной малорусской иконописи находятся въ Музеѣ кіевской духовной академіи, въ церквяхъ Галиціи и Малороссіи и у нѣкоторыхъ частныхъ лицъ. Павелъ Алеппскій, бывшій въ Малоросіи въ половинѣ XVII ст., чрезвычайно хвалитъ одну икону кисти малорусскаго живописца.

Насколько измѣняется бытъ малоруссовъ крестьянъ съ переходомъ ихъ, въ значительномъ количествѣ семей одного и того же села, отъ земледѣлія къ кустарной промышленности, можно отчасти видѣть на крестьянахъ богатаго и промышленнаго села Борисовки, грайворонскаго уѣзда. Населеніе Борисовки состоитъ исключительно изъ малороссовъ; но, по словамъ г. Добротворскаго, здѣсь уже нельзя встрѣтить того сосредоточеннаго и замкнутаго хохла, котораго видимъ обыкновенно въ мелкихъ деревняхъ. Малороссъ здѣсь очень подвиженъ, живъ и расторопенъ. Характеръ его напомнаетъ обыкновеннаго городскаго обывателя ремесленника». За словомъ онъ въ карманъ не полѣзетъ, шапки ни передъ кѣмъ не ломаетъ; на ближайшее начальство, въ родѣ старшины. урядника и даже становаго и священника, смотритъ съ усмѣшечкою... Чтобы рѣзче отдѣлиться отъ «чернаго народа», онъ рѣдко употребляетъ свой природный языкъ и старается говорить по русски, «какъ господа говорятъ», и подражаетъ этимъ послѣднимъ во всемъ—въ одеждѣ, въ домашней обстановкѣ etc. Въ домѣ у него всегда чистота и опрятность; на окнахъ дешевыя коленкоровыя занавѣсочки съ кружевами домашняго приготовленія, и нѣсколько горшковъ съ цвѣтами—геранью, фуксіей и т. п., на полу постланъ коврикъ также домашняго приготовленія, на лавкѣ, въ переднемъ углу, подъ «святомъ»—старательно вычищенный самоваръ, а въ столовомъ ящикѣ—цѣлая дюжина чайныхъ чашекъ, такъ какъ живописецъ обязательно пьетъ чай по два раза въ день. Онъ «не дуракъ выпить», не прочь кутнуть въ праздничный день съ пріятелями; но при этомъ онъ не пойдетъ въ кабакъ вмѣстѣ

съ «сѣрымъ народомъ», а выпьетъ дома, тихо, скромно, или въ крайнемъ случаѣ зайдетъ въ трактиръ, но никогда не напьется до самозабвенія, не дойдетъ до мордобитія, стеклобитія и т. п. безобразій. Одѣвается онъ въ пиджакъ, пальто, брюки и смазные сапоги. Пѣсни поются здѣсь городскія: «Подъ вечеръ осенью ненастной», «Тамъ гдѣ море» и т. п.; знаютъ даже «Стрѣлочку» и «Ночной зефиръ». Свои народныя малороссійскія пѣсни всѣ забыты. Грамотныхъ среди живописцевъ насчитывается около 50 % общаго количества, нѣкоторые изъ мастеровыхъ читаютъ даже книжки и газеты, доставая ихъ въ училищной библіотекѣ и у духовныхъ» (стр. 125).

Слабыя стороны подобнаго рода быта обусловлены не столько внѣшними культурными вліяніями, сколько односторонностью въ ихъ воспріятіи.

Н. С.

Крачунъ-Корочунъ, Шухардта (Archiv für slavische Philologie. 1886 г. T. XI 3. 527).

Крачуномъ въ Галиціи называется рождественскій праздникъ и относящійся къ нему огромный бѣлый хлѣбъ. Крачунъ приготовляютъ наканунѣ праздника съ большою торжественностью и обрядностью. На столъ ставятъ разныя кушанья и среди нихъ хлѣбъ крачунъ. Ѣдятъ его, съ появленіемъ звѣзды, хозяева и рабочіе вмѣстѣ за однимъ столомъ, а по окончаніи ужина хозяинъ дѣлаетъ въ окно пистолетный выстрѣлъ (Терещ., Бытъ рус. нар., VII., 20). Значеніе слова «крачунъ» темно. Гуго Шухардтъ въ послѣдней книжкѣ «Архива слав. филологіи» предложилъ по этому поводу небольшую замѣтку. Шухардтъ указываетъ на то, что слово «крачунъ» неизвѣстно лужичанамъ, полякамъ славинцамъ и хорватамъ, и вообще его употребленіе въ славянствѣ настолько ограничено, что нельзя считать его славянскимъ словомъ по происхожденію. Слова «крачунъ» и «карачунъ» встрѣчаются у великоруссовъ, малороссовъ, словаковъ и сербовъ. Шухардтъ предполагаетъ, что эти народы заимствовали слово «крачунъ» у румынъ. Румынское crăciun —Рождество Христово, съ краткимъ *a*. Ближе всего къ этому слово подходитъ малорусское «керечунъ». Гуцульское «корочунъ» пріобрѣло русскую полногласную форму. Указаніе на румынскій источникъслова «крачунъ» представляется тѣмъ болѣе любопытнымъ, что восполняетъ еще одной чертой исторію живаго и тѣснаго общенія южноруссовъ съ румынами.

Н. С.

Степъ. Херсонськый беллетристычный сбирныкъ. 1886.

Названіе даннаго сборника «беллетристычнымъ» не вполнѣ точно характеризуетъ его составъ, такъ какъ въ него, кромѣ произведеній изящной литературы: разсказовъ и стихотвореній, вошло и нѣсколько статей научныхъ, а также небольшое собраніе народныхъ свадебныхъ пѣсенъ. Что касается беллетристическаго отдѣла въ собственномъ смыслѣ, то по достоинствамъ внутреннимъ—трезвому реализму, этнографической колоритности и чисто народному юмору, равно и по живому. безъискусственному языку, первое мѣсто въ сборникѣ принадлежитъ разсказу Ив. Левицкаго «Невынна». Подобно тому, какъ въ раннихъ произведеніяхъ его, извѣстныхъ «Бабѣ Палажкѣ» и «Бабѣ Параскѣ»,— и здѣсь разсказъ ведется отъ имени деревенской бабы, откровенно повѣствующей матушкѣ, почему прослыла она «злодійкою» на селѣ; она божится, присягаетъ, готова земли съѣсть, что ни въ чемъ «невинна й невинна»; вся бѣда пошла оттого, что не она, а мужъ ея кралъ; правда, каждый разъ, когда приносилъ онъ поживу—то кукурузы, то проса, то сала,—она, какъ вѣрная подруга, и не смѣя перечить мужу, все «притуляла» къ своему, а когда принесъ пшеницы, то просто скрыла, ибо притулять было не къ чему, а потомъ ухитрилась потихоньку смолоть и испекла паску; правда и то, что идя чрезъ Кушниренковъ дворъ и увидя поросятъ, взяла одного и погладила, хотѣла «погратись», а въ огородѣ сосѣдки Марты забрала яйца, думая, что ихъ снесла ея собственная курица, постоянно летавшая туда; былъ наконецъ еще одинъ случай съ разсказчицей: купила она образъ, понесла святить и посвятивши, по забывчивости не заплатила «шести шагивъ», но за то и покаралъ же ее Богъ невыносимыми мученіями совѣсти, которыя привели ее на исповѣдь къ священнику: «але, кажу. батюшко—разсказывала баба—ей Богу, я невынна».—Разсказъ Данилы Мордовця «Будякъ» представляетъ собою нѣчто въ родѣ «стихотворенія въ прозѣ», на манеръ тургеневскихъ, но не отличается оригинальностью мысли, хотя, при теплотѣ тона, читается не безъ удовольствія. Далѣе, въ сборникѣ находимъ четыре разсказа Дмитрія Марковича «Изъ уголовщины», привлекающихъ къ себѣ горячимъ гуманнымъ чувствомъ автора къ несчастнымъ, выброшеннымъ изъ колеи людямъ, въ которыхъ онъ умѣетъ подмѣтить искру Божію; разсказъ М. Заволоки «Бидна дивчина» съ большой правдой и даже съ извѣстной тонкостью изображаетъ душевное состояніе дѣвушки, народной учительницы, дочери пьянаго чиновника, забитой, запуганной и некрасивой, въ моментъ, когда она рѣшается покончить жизнь самоубійствомъ. Впрочемъ, языкъ

этого разсказа не лишенъ искусственности и потому тяжелъ: такъ, напримѣръ, врядъ ли удобны такія слова «оповидання» г. Марковича: колотнеча, обметыця, пагосы, тыслытця, вона звомпыла, латво (було), хить, перебаранчить, выпадокъ, чавыла (смерть ее) и проч. Три миніатюрныхъ «оповиданья» А. Браунера запечатлѣны живою любовью къ степной природѣ: отъ его разсказовъ «Идилія въ плавняхъ» и «Тырса» вѣетъ ароматомъ полевыхъ цвѣтовъ и живительнымъ дуновеніемъ рѣки. О разсказѣ Пенчукивця «Тарасенко» нельзя сказать ничего особенно хорошаго, ни особенно дурного... Наконецъ въ разбираемый альманахъ вошла драма недавно выступившаго въ литературѣ талантливаго И. Карпенка, «Бондаривна», создавная на основѣ извѣстной исторической пѣсни, напечатанной въ сборникѣ въ двухъ варіантахъ. Для того, чтобы быть краткими и не повторять сказаннаго другими объ этой драмѣ, по поводу недавно вышедшаго его «Збирника творивъ», ограничимся слѣдующими замѣчаніями. Къ несомнѣннымъ достоинствамъ «Бондаривны», какъ равно и остальныхъ пьесъ г. Карпенка, слѣдуетъ отнести безподобный по своей чистотѣ, образности и музыкальности языкъ и художественный драматизмъ положеній, къ отрицательнымъ же качествамъ—нѣкоторую сантиментальность и недостатокъ въ комическомъ элементѣ, который разнообразилъ бы дѣйствіе и оживлялъ его.—Кромѣ «оповидань» и драмы, въ сборникѣ помѣщены стихотворенія П. Тулуба, Днипровой Чайки, А. Конощенка и П. Залозпаго; стихотвореніе послѣдняго «Сыротина» лучше другихъ.—Вообще о беллетристическомъ отдѣлѣ можно сказать, что онъ составленъ не дурно, что нѣкоторыя вещи въ немъ положительно хороши, но достоинство его пострадало отъ дробности матеріала, неизбѣжной впрочемъ въ такого рода изданіяхъ; по прочтеніи беллетристики «Степа» остается впечатлѣніе въ родѣ того, какъ будто цѣлый вечеръ угощали васъ одними бисквитами и не дали пичѣмъ запить ихъ. Еще лишній разъ слѣдуетъ сказать, что краткость и художественность совмѣщаются удачно только подъ перомъ крупныхъ дарованій.

Иное слѣдуетъ сказать о научномъ одѣлѣ «Степа»; въ немъ находимъ также небольшія по объему статьи, но онѣ даютъ почтенный вкладъ по спеціальнымъ вопросамъ этнографіи и статистики. Статья Маріи Ганенка мѣтко очерчиваетъ семейно-имущественныя отношенія крестьянъ елисаветградскаго уѣзда: крестьянскіе раздѣлы, власть родителей и отношеніе къ нимъ младшихъ членовъ семьи, заключеніе брака, „братанье" (побратимство у великороссовъ), вторичные браки, нарушеніе вѣрности, разводы, незаконныя дѣти, приданое, усыновленіе и опеку. Намъ думается однако, что слѣдовало бы подробнѣе изобразить

вліяніе города на крестьянскую семью, вліяніе о которомъ авторъ сказалъ только нѣсколько словъ въ началѣ статьи. Въ статьѣ К. Шрама передъ читателемъ является украинская деревня—по драмамъ гг. Старицкаго и Кропивницкаго: въ ней выясняется генезисъ извѣстнаго «глитая» («кулака» у великоруссовъ), существенныя черты его соціальной политики, очерчивается положеніе труда въ современной сельской жизни по сравненію съ жизнью крѣпостной, причемъ выводы получаются авторомъ глубоко безотрадные для современности; въ заключеніе говорится о нравственномъ, въ положительномъ смыслѣ, значеніи вечерницъ. Въ концѣ помѣщена статья А. Русова, посвященная вопросу о роли и значеніи земской статистики.

Изданъ сборникъ чистенько и цѣна ему не высокая Можно надѣяться и во всякомъ случаѣ слѣдуетъ желать, чтобы онъ привлекъ къ себѣ вниманіе читающей публики.

В. Я.

Извѣстія и замѣтки

(историко-литературныя, этнографическія и историческія).

Картина В. Е. Маковскаго „Мать и Дочь“.

Имя Владиміра Егоровича Маковскаго давно уже извѣстно, какъ имя одного изъ лучшихъ современныхъ художниковъ. Родился онъ въ Москвѣ въ 1846 г., образованіе получилъ въ московскомъ училищѣ живописи и ваянія, въ 1873 г. удостоенъ званія академика. Картины В. Е. Маковскаго извѣстны публикѣ по передвижнымъ выставкамъ, гдѣ онѣ всегда привлекаютъ вниманіе зрителей, по разнообразію сюжетовъ и въ особенности по бытовой ихъ правдивости.

Въ послѣдніе два года въ художественной дѣятельности В. Е. Маковскаго обнаружилась перемѣна относительно избираемыхъ художникомъ сюжетовъ. На первыхъ двѣнадцати передвижныхъ выставкахъ мы видѣли картины общаго буржуазнаго содержанія, преимущественно съ сюжетами изъ городскаго чиновничьяго и купеческаго быта. На XIII передвижной выставкѣ изъ 17 картинъ, принадлежащихъ кисти Маковскаго, шесть малорусскаго содержанія, и лучшія картины были изъ числа этихъ шести, въ особенности крупныхъ размѣровъ картина «Шинокъ». На XIV выставкѣ изъ десяти картинъ В. Е. Маковскаго лучшею по идеѣ и содержанію была также съ малорусскимъ сюжетомъ картина «Мать и дочь». О ней-то мы и хотимъ сказать нѣсколько словъ.

Написана эта картина на слова малорусской пѣсни:

Ище солнце не заходило,
Щось до мене та приходило;
Приходила моя матинка,
Приходила моя ридная,
Порадонька моя вирная.

Не нужно быть спеціалистомъ художникомъ, чтобы при внимательномъ разсматриваніи этой картины не замѣтить погрѣшностей въ технической отдѣлкѣ передней ея части. Зеленое поле набросано слишкомъ поспѣшно, небрежными мазками и потому представляется монотоннымъ и грязноватымъ. Нѣкоторое недоразумѣніе вызываетъ также головной покровъ старухи крестьянки, нѣчто широкое, съ длинными концами, въ родѣ западно-русской коруны. Коруна—головной уборъ замужнихъ женщинъ у малороссіянъ сѣдлецкой губерніи; это бѣлая, тюлевая, иногда изъ тонкаго полотна лента, нагофренная и пришитая къ болѣе широкой полотняной лентѣ, которая называется «биндаль». Коруны окаймляютъ верхнюю часть лица и придерживаются платкомъ, иногда пришиваются къ чепчику [1]). Народное употребленіе этого головнаго убора ограничивается извѣстной мѣстностью, и въ восточной Малороссіи ничего подобнаго корунѣ не встрѣчается. Исключительная особенность головнаго убора старухи даетъ вниманію зрителя одностороннее направленіе и отвлекаетъ его на мелочь въ ущербъ общему содержанію картины. А между тѣмъ это общее содержаніе картины заслуживаетъ полнаго вниманія.

Вложенная художникомъ въ картину народная идея о благотворномъ значеніи матери въ семьѣ такъ глубока и поэтическая сторона картины такъ увлекательна, что зритель забываетъ мелкіе техническіе недостатки картины и любуется ею, какъ прекраснымъ художественнымъ произведеніемъ, затрогивающимъ тонкія струны человѣческаго сердца. Содержаніе просто: раннее утро; заря чистая, яркая, но солнце еще не взошло; вдали разстилается малорусское село и едва видны его крайнія хатки. Миръ и тишина. Небо ясное, чистое, обѣщающее хорошій, жаркій лѣтній день. За «цариной», въ полѣ, лицемъ къ зрителю, стоитъ молодая женщина, грустная и печальная. Она внимательно слушаетъ, что ей говоритъ старушка, ея мать, а послѣдняя говоритъ что-то важное, съ выраженіемъ доброты и заботливости, съ выраженіемъ ласки и многолѣт-

[1]) *Яницкъ*. Малорусская свадьба, стр. 110.

ней житейской опытности. Это дѣйствительно «порадонька вирная», мать любящая, заботливая, откуда-то пришедшая навѣстить свою злополучную дочь, пришедшая на разсвѣтѣ, чтобы никто ее не увидѣлъ и не передалъ объ ея приходѣ злой свекрови или мужу молодой женщины.

Всматриваясь въ картину, мы догадываемся, въ чемъ состоитъ горе молодой женщины, и къ намъ съ полотна сходятъ слова утѣшенія, сказанныя ея вѣрной «порадонькой», матерью. Молодая женщина, можно навѣрно сказать, бѣдная жена, притѣсняемая пьяницей мужемъ, можетъ быть, въ добавокъ злой свекровью. И не спроста она такъ рано вышла за околицу села. Нужно думать, молодая женщина въ данномъ случаѣ одна изъ тѣхъ жертвъ семейнаго нестроенія, которыя яркими чертами обрисовали «свою нудьгу, свои печали» въ народныхъ пьяницкихъ пѣсняхъ.

Винъ въ двери—я утикаю,
Викномъ, дверима утикаю;
У садочку ночлигъ маю,
До мисяца розмовляю (Чубин. т. V, стр. 1092).

Всматриваясь въ заботливое и добродушное выраженіе лица старухи, сколько можно разсмотрѣть его въ профиль, принимая во вниманіе вообще весь внѣшній обликъ старухи матери и ея дочери, нельзя допустить, чтобы она выдала замужъ свою дочь противъ ея воли. Въ печальномъ и сосредоточенномъ выраженіи лица молодой женщины сквозитъ другая мысль, на слова народной пѣсни:

Нихто не виненъ, тилько я,
Щомъ полюбила гультяя....
Не виненъ отецъ и мати,
Не силовали мене отдати (Чубин. т. V, стр. 217).

Въ малорусской народной поэзіи находится множество указаній на мать, какъ «порадоньку вирную». Въ думѣ про Коновченка мать совѣтуетъ ему не выскакивать впереди войска и не бросаться въ битву первымъ. Въ думѣ про вдову и ея трехъ сыновей кара Божія постигаетъ крестьянскія семьи, не признавшія въ лицѣ матери «вирной порадоньки». Въ колядкахъ, свадебныхъ и семейно-родственныхъ пѣсняхъ мать, какъ «порадонька вирная», даетъ сыну благожелательные, исполненные глубокаго жизненнаго

опыта совѣты о выборѣ дѣвушки-невѣсты, чтобы онъ бралъ убогую и трудолюбивую, потому что не въ богатствѣ и знатности рода счастье, а въ трудолюбіи и смиреніи сердца.

Мать, какъ вѣрная порадонька, тэма въ высшей степени благодарная для художественнаго творчества, и В. Е. Маковскій удачно ею воспользовался. Старуха-мать производитъ на зрителя пріятное и успокаивающее впечатлѣніе, какъ олицетворенное выражежение житейской опытности, сердечности и добродушія. Сморщенное лицо старушки показываетъ, что много лѣтъ ею прожито, многое прочувствовано и пережито, и при всемъ томъ она сохранила любящее, отзывчивое сердце, и теперь спокойно, мягко успокаиваетъ и утѣшаетъ свою, очевидно, горемычную дочь.

Въ картинѣ В. Е. Маковскаго заслуживаетъ еще вниманія контрастъ между радостной природой и печальнымъ человѣкомъ. Раннее утро такъ свѣжо, заря такъ чиста; село еще дремлетъ и ничто не нарушаетъ торжественной тишины ранняго лѣтняго утра, и среди этого мира и тишины выдаются вставшія чуть свѣтъ и выгнанныя за околицу села тайнымъ домашнимъ горемъ любящая старуха мать и обездоленная, горемычная ея дочь. Природа равнодушна къ страданіямъ и горю человѣка. Это давно почувствовалъ и созналъ человѣкъ и сталъ искать нравственной опоры въ духовныхъ силахъ своихъ и всего человѣчества, въ религіи, въ искусствѣ, въ поэзіи, въ семейно-родственныхъ связяхъ. Творецъ великими сокровищами украсилъ внѣшній міръ; но еще большія сокровища вложилъ въ человѣческую душу и далъ ей способность раскрывать эти сокровища въ мірѣ поэзіи и искусства, въ дѣлахъ любви и милосердія.

Блаженъ, кто въ себѣ дальновидно скопилъ
Въ часы одиночества, мысля сурово,
Избытокъ душевныхъ и умственныхъ силъ
Для жизни духовной средь шума мірскаго (Сырокомля).

Такого рода избытокъ душевныхъ и умственныхъ силъ обнаружилъ художникъ въ картинѣ «Мать и дочь», равно какъ въ цѣломъ рядѣ другихъ картинъ, и, какъ всегда бываетъ въ сферѣ умственныхъ интересовъ и отношеній, этотъ избытокъ личныхъ духовныхъ силъ поднимаетъ средній уровень духовныхъ силъ общества,

поднимаетъ главнымъ образомъ тѣмъ, что укрѣпляетъ въ обществѣ чувство гуманности и пробуждаетъ въ немъ новые интересы народности.

Въ частности, нельзя не порадоваться появленію картины «Мать и дочь», какъ первому довольно удачному опыту художественнаго воспроизведенія малорусскихъ народно-поэтическихъ мотивовъ. Это непочатый уголъ для художественнаго вдохновенія и творчества. Не даромъ-же такой безпристрастный судья, какъ И. В. Ягичъ въ статьѣ о Дунаѣ (Archiv, 1876, т. I) называетъ малорусскую поэзію самой богатой и задушевной славянской поэзіей, а другой писатель, нѣмецкій поэтъ Боденштедтъ гораздо ранѣе г. Ягича, въ 1845 г., замѣтилъ, что въ Малороссіи «дерево народной поэзіи принесло величественные плоды».

Н. С.

Къ біографіи Г. Н. Теплова.

Личность Г. Н. Теплова, этого особаго и особымъ образомъ воспитаннаго совѣтника при гетманской особѣ, автора извѣстной записки «О не порядкахъ въ Малороссіи», играетъ столь не ясную и вмѣстѣ столь важную роль въ исторіи послѣднихъ дней ея, что всякая новая архивная справка о немъ будетъ не лишнею для его біографіи.

Такою справкою тѣмъ болѣе можетъ быть найденная нами въ архивѣ департамента герольдіи его записка о своей службѣ. Вотъ подлинный ея текстъ.

«По оказаніи успѣховъ въ наукахъ, которыхъ обучался въ Санктпетербургскихъ училищахъ, въ 1736 году по именному покойной императрицы Анны Іоановны указу опредѣленъ въ академію наукъ коллежскимъ переводчикомъ.

Въ 1743 году по именному-жъ указу покойной императрицы Елисаветы Петровны, будучи при томъ адъюнктомъ въ исторіи натуральной, посланъ былъ въ университеты нѣмецкіе для продолженія наукъ и усмотрѣнія университетскихъ въ чужихъ краяхъ порядковъ. Въ 1745 г., именнымъ же ея величества императрицы Елисаветы Петровны указомъ пожалованъ ассесоромъ коллежскимъ и присутствовалъ въ канцеляріи академіи наукъ, будучи при томъ членомъ той же академіи.

Въ 1750 г. именнымъ ея величества указомъ пожалованъ коллежскимъ совѣтникомъ и былъ у отправленія по ея же указу гетманскихъ малороссійскихъ дѣлъ.

Въ 1758 г. пожалованъ отъ ея величества, покойной императрицы, статскимъ совѣтникомъ, а въ 1762 году бывшимъ императоромъ, при вступленіи его на престолъ, пожалованъ голстинскаго двора камергеромъ, а послѣ статскимъ дѣйствительнымъ совѣтникомъ.

Въ томъ же 1762 году, при благополучномъ вступленіи на престолъ ея императорскаго величества, нынѣ царствующей государини императрицы, находился при дѣлахъ, отъ ея собственныхъ повелѣній зависящихъ, а потомъ въ 1763 году особливымъ ея величества именнымъ указомъ, объявленнымъ въ сенатѣ, опредѣленъ точно для отправленія собственныхъ ея величества дѣлъ и къ принятію челобитень, подаваемыхъ ея величеству въ собственныя руки.

Въ 1765 г. сентября 22 пожалованъ орденомъ святыя Анны, а въ нынѣшнемъ 1767 г. сентября 22 дня пожалованъ въ тайные совѣтники».

(Собственноручно:) Григорей Тепловъ.

Декабря 26 дня
1767 г.

Записку эту Тепловъ представилъ въ Герольдію на предметъ изготовленія для него диплома на дворянство и герба. Начало записки весьма неопредѣленно и неточно. Выставленный 1736 годъ какъ будто бы указываетъ на время опредѣленія Теплова въ академію наукъ переводчикомъ; въ дѣйствительности же опредѣленіе это состоялось въ 1740 году и не по именному высочайшему указу, а по резолюціи кабинетъ-министровъ. Это видно изъ имѣющагося при дѣлѣ герольдіи слѣдующаго донесенія академіи наукъ въ кабинетъ ея императорскаго величества, отъ сентября 1740 года:

«Прошедшаго августа 18 дня сего 1740 года, поданнымъ доношеніемъ въ академію наукъ просилъ семинаріи покойнаго Феофана, архіепископа новгородскаго, ученикъ Григорій Тепловъ о опредѣленіи его при академіи наукъ, къ чему годенъ явится, и дабы при томъ случаѣ имѣть могъ въ наукахъ вящее искусство себѣ получить. И хотя по освидѣтельствованію его, Теплова, какъ въ языкѣ латинскомъ, такъ и въ разныхъ наукахъ, уже имѣющаго добраго искусства, онъ при академіи наукъ не безъ пользы быть имѣетъ,

однакоже академія безъ указу ея императорского величества онаго опредѣлить не можетъ, и для того чрезъ сіе о милостивой на то резолюціи всеподданнѣйше проситъ. А по мнѣнію академіи наукъ, помянутый Тепловъ опредѣленъ быть можетъ на мѣсто умершаго переводчика Ильинскаго въ переводчики-жъ, съ опредѣленіемъ жалованья по 180 рублевъ въ годъ, для переводу книгъ изъ латинскаго на россійскій языкъ; а со временемъ, по уповательному его, Теплова, къ наукамъ ревностному прилежанію, онъ въ ея императорскаго величества службѣ, куда заблагоразсуждено будетъ, себя вящше способнымъ учинить можетъ».

Донесеніе подписали: Бреверпъ, Гольдбахъ и Шумахеръ.

Тепловъ опредѣленъ былъ въ академію слѣдующею резолюціею кабинетъ министровъ (Андрея Остермана, князя Алексѣя Черкасскаго и Алексѣя Бестужева-Рюмина), отъ 3 октября 1740 года:

«По сему доношенію вышеозначеннаго ученика Григорья Теплова, когда онъ въ той академіи быть потребенъ, то его на мѣсто помянутаго умершаго переводчика Ильинскаго съ жалованіемъ по 180 рублей опредѣлить».

Относительно отправленія Теплова за границу въ томъ же дѣлѣ герольдіи находится слѣдующій указъ сената академіи наукъ, отъ 7 марта 1743 года:

«Сего марта 4 дня, ея императорское величество, именнымъ, за подписаніемъ собственныя ея императорскаго величества руки, указомъ всемилостивѣйше указать соизволила: академіи наукъ адъюнкта Григорья Теплова, по прошенію его, для дальнѣйшаго и совершеннаго обученія и усмотрѣнья въ чужестранныхъ академіяхъ установленныхъ наилучшихъ порядковъ и учрежденій, отправить въ чужестранныя академіи, а имянно въ виртембергское княжество въ городъ Тубингъ, а оттуда въ Парижъ, и для того опредѣлить ему жалованья по 600 рублей на годъ, которое на нынѣшній годъ, и сверхъ того на дорожный проѣздъ 400 руб., выдать ему изъ штатсъконторы; а впредь, какъ онъ тамо прибудетъ, получать ему оное жалованье отъ пребывающаго при дворѣ французскомъ россійскаго министра».

Въ ассесоры академической канцеляріи Тепловъ былъ пожалованъ не въ 1745 году, какъ сказано въ его запискѣ, а въ 1746 году, іюля 1 дня.

Въ коллежскіе совѣтники пожалованъ не въ 1750 году, а 1 марта 1751 года, именнымъ указомъ сенату слѣдующаго содержанія:

«Пожаловали мы академіи нашей ассесора Григорья Теплова за его прилежаніе и труды въ положенныхъ на него дѣлахъ въ коллежскіе совѣтники. А понеже просилъ насъ гетманъ, дабы ему дать для правленія домашнихъ его гетманскихъ дѣлъ онаго Теплова, того ради всемилостивѣйше повелѣли Мы помянутому совѣтнику Теплову быть при гетманѣ въ Малороссіи всегда въ такомъ званіи, въ какомъ гетманъ заблагоусмотритъ по его чину, и получать свое удовольствіе отъ него гетмана».

Александръ Барсуковъ.

Рѣчь

малороссійскаго генералъ-губернатора кн. Н. Гр. Репнина къ дворянству черниговской и полтавской губерній.

Послѣдній малороссійскій генералъ-губернаторъ, князь Николай Григорьевичъ Репнинъ, былъ высоко гуманнымъ и благонамѣреннымъ администраторомъ. Онъ искренно любилъ ввѣренный ему край, заботился о благосостояніи всего ея населенія, охранялъ интересы крѣпостнаго люда и энергично отстаивалъ уцѣлѣвшія еще права козаковъ, чѣмъ навлекъ даже на себя подозрѣніе въ сепаратизмѣ, не согласное вовсе ни съ его возвышенными стремленіями, ни съ духомъ и обстоятельствами того времени.

Указанныя черты дѣятельности Н. Гр. Репнина сквозятъ и въ помѣщаемой здѣсь его рѣчи, не смотря на ея оффиціальный, по тому времени напыщенный и искусственный характеръ, и даютъ ей право на мѣсто въ историческомъ изданіи. Рѣчь эту произносилъ онъ, по случаю дворянскихъ выборовъ, дважды, въ Полтавѣ 3-го, въ Черниговѣ 20-го генваря 1818 года. Приводимъ ее по современному печатному экземпляру, уцѣлѣвшему въ фамильномъ архивѣ Лашкевичей.

Чѣмъ стану привѣтствовать васъ, почтенные дворяне, въ торжественный день собранія вашего? Какія слова достойны важности предмета, вамъ предстоящаго? Мои были-бы слабы; но обратимся къ тѣмъ, на коихъ основаны права наши, къ тому залогу любви и милосердія, который далъ намъ всеавгустѣйшій императоръ въ первые дни царствованія своего:

(Здѣсь прочтенъ манифестъ отъ 2 апрѣля 1801 года, возстановляюшій права дворянства).

Такъ вѣщалъ царь нашъ, взошедши на престолъ предковъ своихъ. Надежда вселилась въ сердца наши при сей зарѣ благоденствія. И сколь величественно она исполнилась!

Гдѣ грозныя тучи, носившіяся надъ Россіею?—Онѣ изчезли. Гдѣ враги ея?—Всевышній низвергъ ихъ, поборствуя царю, уповающему на него, изшедшему на брань съ крестомъ въ сердцѣ и воззвавшему къ народу съ отеческою любовію.

Россія блаженствуетъ, торжествуетъ, *за не царь ея по сердцу Божію и Господь есть на всѣхъ путехъ его.*

Какихъ великихъ событій были мы, почтенные дворяне, свидѣтелями и соучастниками! Сими знаменитыми родами будутъ гордиться и дальніе потомки наши; но да увидятъ они въ насъ примѣръ не только добродѣтелей воинственныхъ, но и гражданскихъ; пожертвованія наши да не прекратятся со днями опасности; но и во дни покоя почтемъ собственныя выгоды ничтожными въ сравненіи съ благомъ общимъ. Тогда только можемъ быть достойными подданными великаго и кроткаго Александра и сопутствовать ему въ памяти потомства.

Вы, почтенные дворяне, повинуясь гласу царя, не знали преградъ своимъ пожертвованіямъ, не считали вы достояній своихъ, не помышляли о женахъ и дѣтяхъ вашихъ,—себя, все что имѣли, приносили въ жертву очечеству. Всевышній благословилъ усилія ваши, и всемилостивѣйшій государь удѣлилъ вамъ часть славы своея, сказавъ: «дворянство есть вѣрная и крѣпкая ограда престола, умъ и душа народа».

Вникните въ сіи царскія слова, и да послужатъ онѣ вамъ путеводителемъ въ будущихъ вашихъ дѣяніяхъ.

Право, предоставленное россійскому дворянству избирать изъ среди себя какъ судей, такъ и чиновниковъ, пекущихся о внутреннемъ спокойствіи есть знакъ величайшаго довѣрія правительства къ нашему сословію: оправдаемъ оное, и да неуклонится никто изъ васъ отъ возлагаемой на него обязанности; да не падетъ избраніе ваше на иныхъ, какъ на людей достойныхъ и опытныхъ, и да не возжелаетъ никто мѣста выше силъ своихъ.

Отличительная черта въ русскомъ дворянинѣ есть безпрестанное его служеніе отечеству. Онъ не считаетъ, какъ иноплеменникъ, что сойдя съ поля брани, сложивъ съ себя какое либо званіе гра-

жданское, прекратились его обязанности, что онъ уже заплатилъ дань отечеству; нѣтъ, онъ пребываетъ вѣрнымъ его сыномъ до конца дней своихъ и дѣятельнымъ сотрудникомъ верховныхъ властей.

Теперь предлежитъ вамъ еще величественное поприще содѣйствовать отцу отечества и въ попеченіи его о устроеніи внутренняго благоденствія. Всякій, исполняющій долгъ свой съ ревностію, жертвующій собственнымъ спокойствіемъ и личными выгодами для пользы общей, можетъ гордиться сею мыслію. И щедрый и справедливый царь нашъ не оставитъ заслуги его въ тунѣ.

Всегда сіи пожертвованія были легки для васъ, благородное малороссійское дворянство! но теперь онѣ будутъ восхитительны при воспоминаніи о тѣхъ торжественныхъ дняхъ, въ кои удостоились мы видѣть всемилостивѣйшаго государя среди насъ. Кто можетъ вспомнить безъ восторга милостивое его снисхожденіе къ каждому, попеченіе о благѣ общемъ, награды, коими онъ удостоилъ сочленовъ вашихъ?

И такъ, ничтожны для васъ будутъ всѣ трудности, предлежащія вамъ въ исполненіи возлагаемыхъ на васъ обязанностей.

Вы, коихъ удостоитъ почтенное дворянство своимъ избраніемъ, вступя въ судилища, оставьте за прагомъ оныхъ всѣ прежнія сношенія ваши. Да будутъ месть и злоба чужды сердецъ вашихъ, но да и не поколеблятъ васъ тоже связи родственныя и дружескія; со страхомъ Божіимъ въ сердцахъ будьте тверды, не бойтесь мощныхъ на земли, а взыщите сирыхъ и убогихъ: *Возлюбите правду судящіи землю: мудрствуйте о Господѣ во благостыни, и въ простотѣ сердца взыщите его.* (Премуд. Солом. гл. I, ст. I).

Но и тѣмъ изъ васъ, почтенные дворяне, кои останутся свободными отъ служенія общественнаго, предстоитъ въ помѣстьяхъ вашихъ служеніе отечеству и подражаніе милосердому царю нашему чрезъ попеченіе о благѣ подвластныхъ вамъ крестьянъ. Вспомните паки слова его: «мы несомнѣнно увѣрены», вѣщаетъ всемилостивѣйшій государь, «что дворянство увеличитъ заботы и попеченіе его о благосостояніи ввѣренныхъ ему Богомъ и законами, достойныхъ любви его домочадцовъ. Мы увѣрены, что забота наша о благосостояніи помѣщичьихъ крестьянъ предупредится попеченіемъ о нихъ господъ ихъ. Существующая издавна между ими, русскимъ нравамъ и добродѣтелямъ свойственная связь, прежде и

нынѣ многими опытами взаимнаго ихъ другъ къ другу усердія и общей къ отечеству любви ознаменованная, не оставляетъ въ насъ ни малаго сомнѣнія, что съ одной стороны помѣщики отеческою о нихъ, яко о чадѣхъ своихъ, заботою, а съ другой они, яко усердные домочадцы, исполненіемъ сыновнихъ обязанностей и долга, приведутъ себя въ то счастливое состояніе, въ какомъ процвѣтаютъ добронравныя и благополучныя семейства».

Благородное дворянство! сіе воззваніе отца отечества уже навѣрно глубоко напечатлѣлось въ сердцахъ вашихъ: вамъ не трудно будетъ оное исполнить, да и собственное благосостояніе ваше того требуетъ.

Связь, существующая между помѣщиками и крестьянами, есть тоже отличительная черта рускаго народа: у иноземцовъ часто владѣлецъ помышляетъ только о доходѣ, а нисколько о тѣхъ, которые ему оный доставляютъ. Онъ изгоняетъ наемниковъ своихъ, коль скоро найдетъ предлагающихъ ему болѣе; не умолимъ онъ бываетъ ни воплями семей, ни отчаяніемъ земледѣльцовъ, лишаемыхъ того крова, подъ коимъ родились, отдаляемыхъ отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ покоится драгоцѣный прахъ ихъ предковъ. Но сколь и пагубны отъ сего послѣдствія! Пришли враги, и за родину никто не принесъ себя въ жертву. Мѣняли царей, опровергали древніе законы и обычаи, ко всему были равнодушны, и память бы ихъ изчезла въ смертномъ снѣ, въ коемъ они были погружены, ежели бы народъ, вѣрный Богу, вѣрный царю не возбудилъ ихъ. Сіе справедливое изображеніе бывшаго въ глазахъ нашихъ побудитъ васъ не подражать имъ; корыстолюбіе изгнано будетъ изъ сердецъ вашихъ; вы не будете изыскивать все, что можетъ дать вамъ крестьянинъ доходу, а то, что вы можете отъ него требовать, не уменьшая благоденствія его: напротивъ вы изыщете способы увеличить оное; вы пожертвуете для сего изъ доходовъ вашихъ; вы устроите училища для малолѣтнихъ, больницы для недугующихъ; вы улучшите хижины крестьянъ вашихъ; вы снабдите неимущихъ скотомъ и плугами для воздѣлыванія земли, вы займетесь нравственностію подвластныхъ вамъ и отвлечете ихъ отъ порока, столь между простолюдинами здѣсь обыкновеннаго, и не будете на немъ основывать дохода своего. Тогда-то, по словамъ царскимъ, помѣстья ваши будутъ уподоблятся добронравнымъ и благополучнымъ семействамъ.

Но сіи отеческія попеченія ваши да не будутъ подвержены кратковременности жизни человѣческой: оснуйте и на будущія времена благоденствіе чадъ и внучатъ вашихъ. Помѣстнымъ познаніемъ вашимъ изыщите способы, коими, не нарушая спасительной связи между вами и крестьянами вашими, можно бы было обезпечить ихъ благосостояніе и на грядущія времена, опредѣливъ обязанности ихъ. Чрезъ сію единственно мѣру, предохраните вы ихъ навсегда отъ тѣхъ притѣсненій, которыя по несчастію еще доселѣ случаются, избавите правительство отъ горестной обязанности преслѣдовать оныя и благородное сословіе ваше отъ нареканія, происходящаго чрезъ поступки людей, недостойныхъ быть сочленами онаго.

Не новое предлагаю я вамъ, почтенные дворяне: иные изъ васъ совершенно уже сіе исполнили, другіе своими попеченіями о подвластныхъ имъ крестьянахъ весьма къ сему сближились; но да будетъ сіе подвигомъ общимъ и да удостоится малороссійское дворянство быть по истинѣ умомъ и душею народа!

Симъ великимъ привѣтствіемъ царя нашего началъ и кончу изложеніе обязанностей вашихъ; важность предмета, о коемъ я обращался къ вамъ, полагаетъ преграды моему вѣщанію; но порывъ благодарности заставляетъ нарушить оныя, и я дерзаю еще нѣсколько мгновеній занять васъ изъясненіемъ чувствъ, наполняющихъ сердце мое.

Въ сей день, малороссійское дворянство, когда я нахожусь среди почтеннаго собранія вашего, чувствую найболѣе всю важность служенія, милостію монаршею на меня возложеннаго. Онъ довѣрилъ мнѣ пещись о вашемъ благосостояніи, быть исполнителемъ велѣній его, блюстителемъ порядка и правосудія въ краѣ семъ, столь знаменитомъ своими воспоминаніями, столь значительномъ и нынѣ въ общей связи государственной.

Священныя обязанности возложены на меня; но не въ силахъ моихъ и частію бы оныя исполнить, естьлибъ не осчастливленъ я былъ содѣйствіемъ вашимъ. Память истекшаго года неизгладима изъ сердца моего, многіе изъ васъ удостоили меня своей дружбою и своимъ довѣріемъ; всѣ оказали новые опыты приверженности къ царю и отечеству: отъ щедротъ вашихъ основывается здѣсь учи-

лице,—новый памятникъ того стремленія къ просвѣщенію, которое всегда отличало малороссійское дворянство.

Вы, почтенные сотрудники мои, избранные отъ дворянства мужи, коимъ вручило оно жезлъ предводительства, вы истинно заслужили отличное мое уваженіе и благодарность. Я часто обращался къ вамъ и всегда находилъ въ васъ усерднѣйшихъ подданныхъ государю, защитниковъ чести и спокойствія вашихъ согражданъ, мнѣ же дѣятельнѣйшихъ помощниковъ, не скрывающихъ отъ меня никогда зла и говорящихъ мнѣ всегда правду.

Малороссіяне! течетъ уже другой годъ, какъ я среди васъ. Уповаю, что не чуждъ уже я вамъ и что вы сохраните память приверженности моей и въ то время, ежели волею монаршею перемѣнится мое служеніе: буде же нѣкогда прекратится оное, то среди же васъ буду искать себѣ успокоенія; дружба и уваженіе ваши будутъ и тогда лестнѣйшею для меня наградою отечества.

Теперь, почтенные дворяне, приглашаю васъ отправиться въ храмъ Господень, принести предъ престоломъ Всевѣдущаго священный обѣтъ въ нелицепріятномъ избраніи изъ среди себя судей правыхъ, чиновниковъ дѣятельныхъ, мнѣ же сотрудниковъ, достойныхъ моего уваженія.

Сообщ. **А. С. Лашкевичъ.**

Бракоразводный казусъ конца XVI ст.

Извѣстно, что въ южной Руси, со временъ литовскаго и польскаго владычества, выработался въ русскомъ православномъ обществѣ особый взглядъ на брачный союзъ, по которому въ бракѣ ясно различался такъ называемый *шлюбъ,* по нынѣшнему гражданскій бракъ или брачный договоръ, и *всселе*, *весилля*, т. е. вѣнчанье, совершеніе таинства брака вмѣстѣ съ торжественнымъ празднованіемъ онаго и начала брачнаго сожительства. Брачный договоръ основывался на взаимномъ согласіи жениха и невѣсты, скрѣпляемаго согласіемъ родителей, если таковые были, присутствіемъ свидѣтелей и записью договора въ актовыя книги въ гродскомъ судѣ или магистратѣ, при чемъ въ классахъ имущихъ вписывалось въ книги и все то имущество, которое обѣ стороны приносили для совмѣстной жизни. Вѣнчаніе, «веселье» обыкновенно слѣдовало за брачнымъ договоромъ и большею частію не вдругъ, а по истеченіи двухъ, трехъ и болѣе недѣль. Случалось, хотя рѣдко, и на обо-

ротъ; но въ такомъ случаѣ, если предположенный договоръ почему либо разстраивался, обвѣнчанные не считались мужемъ и женою и свободно расходились, заявляя о семъ письменно въ книгахъ гродскихъ или магистратскихъ, иногда въ присутствіи священника. Подобнымъ порядкомъ добровольно расходились и жившіе нѣсколько лѣтъ въ супружествѣ, заключая новые браки. Хотя священники и приглашались иногда для присутствія при заключеніи указаннымъ порядкомъ бракоразводныхъ актовъ, но вообще разрѣшеніе духовной власти на расторженіе брака не требовалось, такъ какъ особаго послѣдованія или чина церковнаго на это не было и нѣтъ, юридическое же постановленіе о семъ очевидно присвоялось не духовному, но гражданскому суду, да и этотъ послѣдній, при добровольномъ согласіи расторгающихъ бракъ, являлся только свидѣтелемъ или маклеромъ въ ихъ сдѣлкѣ, которую принималъ для записи и свѣдѣнія всѣмъ, имѣвшимъ въ томъ надобность. Существованіе такого порядка разводныхъ актовъ отнюдь не означало упадка и распущенности нравовъ. Въ Статутѣ Литовскомъ и другихъ судебникахъ, которыми руководствовались суды того времени, за преступленія противъ брака назначались такія наказанія, которыя поражаютъ насъ своею суровостію; но законъ и судъ оставляли мѣсто и добровольнымъ сдѣлкамъ супруговъ, въ предположеніи, что они лучшіе судьи въ своемъ дѣлѣ.

Оригинальнѣйшій случай развода въ такомъ родѣ имѣлъ мѣсто на Волыни въ концѣ XVI ст.—Нѣкто Иванъ Венедиктовичъ Глинскій, шляхтичъ или мѣщанинъ, женился на нѣкоей Катеринѣ Криковнѣ. Послѣдняя и въ самомъ началѣ супружества *«перлась»* своего мужа и не хотѣла съ нимъ жить, а полюбивши нѣкоего Щаурскаго, перешла на жительство къ нему. Мужъ словесно заявилъ о томъ владимірскому гродскому суду и съ разрѣшенія его, разыскавши въ г. Владимірѣ жену, засадилъ ее въ тюрьму. Жена взмолилась и, при посредствѣ своихъ и мужа пріятелей, просила его освободить ее отъ брачныхъ съ нимъ узъ, предоставивъ ей жить съ Щаурскимъ, при чемъ и она предоставляла мужу взять себѣ другую жену. Мужъ, не видя въ женѣ любви къ себѣ, согласился, и въ этомъ смыслѣ, 14 февраля 1581 г., между имъ и женою заключенъ былъ разводный актъ въ гродскомъ владимірскомъ судѣ. Одно выговаривалъ себѣ Иванъ Глинскій, чтобы «выпускаемая» имъ «изъ стану малженского» Катерина Криковна, въ случаѣ смерти новаго мужа ея Щураскаго, отнюдь не выходила замужъ за человѣка цыганской націи, но только за православнаго или католика. И Катерина Криковна принимала на себя это обязательство, подвергая себя въ противномъ случаѣ «караню на горлѣ», т. е. смертной казни чрезъ отсѣченіе головы. Глинскій и Щаурскій въ

обезпеченіе заключенной сдѣлки представили каждый по двѣсти копъ грошей литовскихъ, и въ пользу короля по столько же, обезпечивая сверхъ того другъ другу «всякій покой и безпечность здоровья».

Вотъ отъ слова до слова этотъ актъ, какъ онъ записанъ на листѣ 1-мъ въ книгѣ гродской владимірской, хранящейся въ кіевскомъ центральномъ архивѣ подъ № 342.

«Янушъ Бенедиктовичъ Глинскій, не будучи ни отъ кого примушонъ, самъ доброволне а устне до книгъ кгродскихъ володимерскихъ, передъ врядниками кгродскими: подстаростимъ и судьею, вызналъ тыми словы, ижъ штомъ былъ, за посланемъ вашеи милости, пане подстарости, потрахвивши тутъ, въ месте володимерскомъ, зъ слугами в. м., жону свою, на имя Катерину Криковну, тутъ ку вашеи милости привелъ и до везеня осадити далъ, которая жона моя теды мене, яко мужа своего, перво ся перла, але другого мужа собе, Ивана Щауръского, бытъ менила, а потомъ засъ, узнавшися и взявши Бога въ серъце, мене за мужа собе признала и мене черезъ приятелей, такъ своихъ, яко и моихъ, въ томъ просила, абымъ я ей то все, што колвекъ она мне чинила, пробачылъ и отпустилъ, а ее зъ малжонства своего выпустилъ. Я, поважаючи прозбу приятелей ее и своихъ, и тежъ видечи то, же она милости правое малжонское а счирого серъца ку мне не маетъ, ее отъ себе зъ стану того малжонского на часы векуистые волною передъ в. м. чиню и вже напотомъ вечне жадного дела до нее мети не маю и мочы не буду, а ни ее о жадную речъ поискивати; волна она съ тымъ мужемъ своимъ, которого теперь маетъ, Иваномъ Щаурскимъ, яко властнымъ шлюбнымъ, въ стане малженскомъ поты, поки воля Божая будетъ, мешкати; а если же бы тотъ мужъ ее Щаурскій, ижъ каждый человекъ теды есть смертелный, напередъ нижъ она умеръ, теды она, то есть тая Катерина Криковна, маетъ за мужъ за нацею нашу ити, одно за человека закону греческого або рымъского и иншихъ; якожъ и тая Щаурская, тутъ же стоячи очевисте, на то все, яко ся звышъ поменило, зезволила и того истого Януша Бенедиктовича зъ стану своего малжонского выпустила и волнымъ учинила на часы вечные и дала ему волность другою жоною ся оженить, обечуючи ему въ томъ жадное трудности и шкоды не задавати, подъ заклады на обедве стороны по двесте копъ грошей литовскихъ, а на его королевскую милость другими двесте копъ грошей.

И то тежъ тая Катерина сознала: кгде бы тому постановенью досыть не вчинила, а по смерти мужа своего Щаурского если бы ся оставши за нацею народу цыганского пошла за мужъ, тогды ничимъ иншимъ, одно горломъ, маетъ быти карана, а врядъ каждый ее въ томъ караню боронити не маетъ, или еще выдати маетъ. А по тыхъ обу зознаняхъ стоячы передо мною очевисто Иванъ Щаурскій созналъ и шлюбовалъ тому Янушу Бенедиктовичу самому, братьи, приятелемъ, слугамъ и подданнымъ ихъ за вшелякій покой и безпечность здоровья, а Янушъ также тому Щаурскому шлюбовалъ подъ тыми ся заклады звышъ поменеными. И просили зъ обудвухъ сторонъ, абы то все для памети до книгъ кгродскихъ записано было. Я то записати велелъ».

Подписи судьи нѣтъ, но это былъ или подстаростій Константинъ или заступавшій мѣсто судьи Лазаря Иваницкаго Ѳедоръ Курцевичъ, какъ то видно изъ послѣдующихъ актовъ въ той же книгѣ.

Сообщ. **А. А. Федотовъ-Чеховскій.**

Празднованіе понедѣльника въ Малороссіи.

Во всей южной Руси съ незапамятныхъ временъ укоренился, Богъ вѣсть откуда заимствованный, обычай праздновать, сверхъ воскресенья и другихъ установленныхъ церковію праздниковъ, еще нѣкоторые особые дни въ недѣли. Такою честію пользуютси изстари пятницы, четвергъ и понедѣльникъ. Пятницъ и четверговъ, особо чествуемыхъ, считается въ году по 10-ти,—это дни, предшествующіе большимъ праздникамъ и постамъ. Что касается понедѣльника, онъ не пріурочивается къ праздникамъ, а празднуется самостоятельно и безъ очереди,—понятно, тѣми, кто имѣетъ охоту его праздновать. Достойно вниманія, что празднованіе этихъ трехъ дней практикуется только среди женшинъ, исключительно замужнихъ и преимущественно не молодыхъ. Чествованіе того или другого изъ дней состоитъ въ молитвѣ, постѣ и воздержаніи отъ работъ, особливо продолжительныхъ и тяжелыхъ, и опять таки женскихъ, какъ напр. пряденье.

При оскудѣніи мотивовъ религіозныхъ, благочестивыхъ, молитва и постъ устраняются и остается просто ничего недѣланье. Мы нашли мѣстность, гдѣ именно въ этомъ смыслѣ сохраняется «понедилкованье» съ незапамятныхъ временъ и, что всего замѣчательнѣе,

входитъ особою статьею въ предбрачный договоръ; другими словами: льгота ничего не дѣлать въ понедѣльникъ выговаривается невѣстою у жениха до вступленія въ бракъ на всю послѣдующую жизнь. Такимъ мѣстомъ, и единственнымъ намъ пока извѣстнымъ, является м. Борисполь, полтавской губерніи, переяславскаго уѣзда. Вотъ въ какомъ видѣ существуетъ тамъ этотъ обычай.

Во время «сватання», когда «запиваютъ могоричъ», родители невѣсты объявляютъ сватовьямъ, какое именно приданое даютъ за дочерью, и вмѣстѣ съ тѣмъ выговариваютъ для послѣдней право «понедилкувать», т. е. быть свободной въ понедѣльникъ отъ обычныхъ работъ и занятій. По установившемуся обычаю, самый строгій и взыскательный супругъ не имѣетъ права заставить жену исполнять хозяйственныя работы въ понедѣльникъ, если она сама добровольно не откажется отъ своего права. Такъ установилось «съ предковъ» и поддерживается теперь, хотя въ послѣдній десятокъ лѣтъ, по словамъ туземцевъ, нѣкоторыя рачительныя хозяйки уже сами добровольно работаютъ по понедѣльникамъ. Вышедшія въ замужество за бориспольцевъ дѣвицы изъ другихъ селъ имѣютъ право «понедилкувать» наравнѣ съ туземками, но бориспольскія дѣвицы не пользуются этимъ правомъ при выходѣ замужъ въ другія селенія.

Въ Борисполѣ обыкновенно водится такъ, что жена имѣетъ въ своемъ безотчетномъ распоряженіи «жиноцьке» хозяйство, къ которому относятся «дробина» (мелкая домашняя птица), продукты огородничества, конопля и ленъ (волокно и сѣмена), мука и крупа для харчей, молочные скопы и сало. Вся выручка отъ этихъ предметовъ поступаетъ въ распоряженіе жены и предназначается спеціально для заготовленія приданаго дочерямъ; сыновьямъ же ничего не удѣляется, и нужды ихъ пополняются отцемъ изъ общаго хозяйства.

При такомъ порядкѣ, женщины не стѣсняются припасать къ понедѣльнику для продажи небольшое количество (торбинку или кошикъ) муки, гороху, фасоли и т. п. Выходя въ понедѣльникъ на базаръ для распродажи, женщины усаживаются въ ряды, избирая сосѣдство съ кумушками, свахами и пріятельницами. Послѣ распродажи своихъ продуктовъ, нѣкоторыя дѣлаютъ кое-какія покупки, между прочимъ почти всегда мясо въ скоромные дни, и за тѣмъ

въ компаніи отправляются для выпивки. Въ лѣтнее время всѣ эти «понедилкующія» женщины усаживаются на открытомъ воздухѣ, а зимой въ хатѣ, и начинается круговая... Многія остаются въ компаніи весь день, а домашніе иногда сидятъ безъ обѣда, если нѣтъ въ домѣ дѣвочки, способной сварить обѣдъ. Весьма часто мужья заходятъ также выпить, подъ предлогомъ зазвать жену домой, если они живутъ между собой болѣе или менѣе сносно; строптивый же или ревнивый мужъ въ бабью компанію не пойдетъ, иначе его осмѣютъ и наговорятъ ему съ три короба всякой всячины.

На поддержаніи «понедилкування» особенно настаиваютъ матери, высказывая, что ихъ «бабки й матери понедилкували, та й намъ заказали».

Въ Бориспольѣ бываютъ базары ежедневно (не исключая воскресеній), но по понедѣльникамъ и пятницамъ базары именуются «торгами» и отличаются тѣмъ, что въ эти дни обыкновенно наѣзжаютъ «крамари» (торговцы) изъ Кіева, Переяслава, Козельца и Остра съ разными товарами, такъ что базаръ имѣетъ характеръ ярмарки болѣе или менѣе многолюдной. Пьянство въ Бориспольѣ на столько вкоренилось, что нѣкоторыя бабы не просто «понедилкуютъ», но положительно пьянствуютъ и послѣднее представляется какъ-бы общимъ правиломъ.

«Понедилкуванье» въ этой своеобразной формѣ не пошло далѣе Борисполя, и даже въ ближайшихъ селахъ не существуетъ; пьянство же бабъ въ базарные дни вообще встрѣчается во многихъ мѣстечкахъ по всей Полтавщинѣ.

Повидимому въ Бориспольѣ въ прежнее время существовало женское братство, и еще не такъ давно дѣлались сборы на «мvроносицъ» и на складочныя деньги покупались «ставники» для приходскихъ церквей; но теперь это уже вывелось.

В. Василенко.

Коляды и щедривки.

Старинныя обрядныя рождественскія пѣсни еще живутъ въ южнорусскихъ деревняхъ и распѣваются подъ окнами хатъ и въ ту минуту, какъ предаются печати эти строки. Много текстовъ ихъ записано соби-

рателями (къ сожалѣнію только рѣдко съ музыкальными мотивами), но есть еще возможность собрать кое-что невѣдомое по этой части и теперь, въ особенности въ глухихъ углахъ, гдѣ всякія пѣсни, въ томъ числѣ и обрядныя, сохраняются чище и лучше. Печатаемыя десять пьесъ доставлены намъ изъ сосницкаго уѣзда черниговской губерніи. Въ примѣчаніяхъ мы обозначили томы и страницы тѣхъ этнографическихъ сборниковъ, гдѣ встрѣчаются ихъ варіанты. Нѣкоторыхъ пьесокъ въ сборникахъ не оказалось совсѣмъ. Послѣднія четыре щедривки, изъ печатаемыхъ ниже, по сообщенію записавшаго ихъ лица, поются исключительно дѣтьми. Какъ видно изъ нашихъ справокъ, нѣкоторыя изъ щедривокъ поются иногда въ видѣ колядъ, т. е. съ другимъ припѣвомъ, что доказываетъ, что между тѣмъ и другимъ рядомъ пьесъ не всегда существуетъ строго намѣченная разница.

I.

Ой рано, рано да до церкви звонять,
Святый вечеръ!
А раніе того (имя рекъ) встала,
Умывалася, убиралася,
Клала на себе сребро да злото,
На челядочки все китаечки...
До церкви йшла—якъ зоря зойшла,
У церкви стала—церковь сяла.
Изъ церкви йшла красною панною,
За ею йшли два стари мужи—
Измагаются, закладаются:
Одинъ каже: царевна иде,
А другій каже: королевна иде.
Іи батенько осьмихается:
«Се моя дочка иде (имя рекъ)».

Ср. Труды" Чубинск., т. III, стр. 395—399 (14 варіантовъ).

II.

Зажурилась каменна гора,
Святый вечеръ!
Що не вродила шовкова трава,
А уродило зелено вино.
Що у виногради дивочка (имя рекъ)

Да вина стерегла,
Крипко заснула,
Ничого не чула.
Налетили до іи,
Чорныя галочки, райскія пташечки,
Вино попили, чашки побили.
Якъ проснулася дивочка (имя рекъ)—
Райскія пташечки, чорныя галочки!
Ой на що жъ бо вы
Вино попили, чашки побили?...

Чубинск. т. III, стр. 399—402 (10 варіантовъ). Тамъ же въ щедривкахъ стр. 458.—O. Kolberg, Pokucie, т. I, стр. 105, 116 и 119. Сборн. Головацкаго, ч. II стр. 93.

III.

Отъ Кіева до Ильмова тамъ лежала дорога,
Святый вечеръ!
На тій дороги свитлонька стояла,
А въ тій свитлоньки молодая шинкарка торговала—
Торговала вона медомъ и виномъ, солодкимъ пивомъ.
Пришло до іи три козаченьки.
Медъ, вино пьють и грошей не дають.
Одинъ же каже: дорогимъ подаркомъ подарю,
А другій каже: ще дорогшимъ подаркомъ наддарю,
А третій каже: ще и славу изроблю!
Первый казавъ—золотый перстень дамъ,
А другый казавъ—коня вороного,
А третій каже—гостру шабельку...
Перстень золотенькій на руку надила,
А вороного коня батеньку отдала,
А гостру шабельку ридному братику...
Да бувай здорова, красна панна,
Зъ Іисусомъ Христомъ, святымъ Рождествомъ!

Чубинск.. т. III, стр. 391—392. Два варіанта. Сборн. Головацкаго, т. II, стр. 88, т. IV, стр. 38.

I.

Що въ бору бору да волохи поють,
Щедрый вечеръ! (3)
Пречистая Божа Мати,
Щедрый вечеръ!
Поють, поють, церковь будують
И збудовали зъ трома окнами,
Зь трома дверями.
Въ перве оконечко вскочило сонечко,
Въ друге оконечко мисець усвитивъ,
Въ трейте оконечко ангелъ улетивъ,
На престоли сивъ, слизоньку уронивъ.
А зъ тыеи слизоньки да потекли риченьки,
А зъ тыеи риченьки розлився Дунай.
Дивка (имя рекъ) по водицю йшла
Да забачила ангела на води—
Плыви, плыви, ангелу, близше къ берегу.
Я тоби, ангелу, и голивку змыю,
Коску заплету, золотомъ обведу
Да и на воду пущу.
Плыви, плыви, ангелу, на чужую сторону,
Хвали мене, ангелу, царямъ,
Князьямъ, да боярскимъ сынамъ!

Въ сборникѣ Чубинскаго эта пѣсня отнесена къ колядкамъ. См. т III, стр. 305—307 и 434. (Варіанты изъ уѣздовъ кіевскаго, радомысльскаго, борзенскаго и васильковскаго). Сб. Головацкаго, т. II, стр. 12 (тоже колядка).

II.

Що у пана хазяина на ёго двори,
Щедрый вечеръ! и проч.
Тамъ стояла яблонька тонка, высока,
Пидъ тыею яблонькою все столы стояли,
По за тыми столами седять паны рядами,
Пишутъ перами. Помижъ тыми панами
Молодець (имя рекъ) у дудочку грае, хороше спивае.
У ёго паны выпытували:
Хто тебе навчивъ у дудочку грать,

Хороше спивать?
Навчила мене моя матинка,
Темнои ночи не всыпаючи,
На билыхъ ручкахъ выхитуючи.

III.

Самъ Іисусъ Христосъ да по морю йшовъ,
Щедрый вечеръ! и проч.
Мостивъ кладки да въ три рядки,
По тихъ кладкахъ Божа Мати йшла, ризы несла,
Ризы несла, замочила.
Повисила ризы та на дереви,
Да на дереви да на кедрови.
Де взялися ангелята, да взяли ризы да на крилята,
Понесли ризы да у церковку,
Положили ризы да на престоли, на святомъ Николи.
—Хто въ сіи ризы буде убираться?
Самъ Іисусъ Христосъ буде убираться,
Буде служить службу за пана хозяина,
За пана хозяина, ще и за его жену,
За его жену и за его дитокъ...
Да бувай здоровъ, панъ хозяинъ!

Чубинск., т. II, стр. 329, 442—444 и 449 (Варіанты изъ губерній черниговской, волынской, кіевской, полтавской и подольской).

IV.

Що изъ пидъ гаю, гаю зеленого,
Щедрый вечеръ,
Добрый вечеръ,
Добрымъ людямъ
На здоровье!
Выбигае коникъ вороненькій,
Нихто ёго не поймае...
Да поймае молодець,
Да поймае, осидлае,
До тещеньки поизжае.
Теща каже: мій зять їде—

Мій зять ûде, дивку везе!
Да взяла его за рученьку,
Повела его у свйтлоньку,
Посадила его на скамейку,
Пиднесла ему меду, вина,
А конику овса ще й сина...
Бувай здоровъ молодець (имя рекъ)!

V.

Що на гори да на гирочци,
Щедрый вечеръ! и проч.
Дивка (имя рекъ) садъ садила, поливала—
Поливала, примовляла:
Рости, саду винограду
Выше плоту, краще злоту,
Выше мене, краще себе...
Оришечки на втишечки,
А яблучки на закусочки,
А холстинки на хусточки,
А хусточки на подарочки...
Бувай здоровъ (имя рекъ)!

VI.

Летивъ, летивъ сизъ голубонько,
Щедрый вечеръ! и проч.
Прилетае до свитлоньки,
Кватирочку очиняе,
У свитлоньку заглядае...
Ще й свитлонька не метена,
Дивка (имя рекъ) не чесана.
Плели косу—не вгодили,
Черевички шили—помалили,
Шубку шили—вкоротили,
Зовсимъ дивку розгнивили.

VII.

Що на гори да на гирочци,
Щедрый вечеръ! и проч.
Молодець Иванко собиравъ військo.
Назбиравъ військo—земли важко....
Ще поїхавъ да на гирочку, да по дивочку.
Стрила темна ничка и метеличка
Его молодого, коня вороного...
Да бувай здоровъ молодець Иванко!

Къ портрету гетмана И. С. Мазепы.

Личность гетмана И. С. Мазепы на столько общеизвѣстна, что было-бы излишне говорить объ немъ по поводу только его портрета. Достаточно указать на обширную о немъ монографію Н. И. Костомарова, хотя въ ней изображена лишь политическая жизнь Мазепы, а частная почти совсѣмъ не тронута.

Политическая измѣна Мазепы и суровое по этому отношеніе Петра В. къ нему и ко всему, что напоминало объ немъ, а также преслѣдованіе его сообщниковъ, которыхъ выискивали долгое время и въ послѣдующія царствованія, были причиною того, что до насъ дошло сравнительно ничтожное число портретовъ этого гетмана, да и тѣ до такой степени не сходны между собою, что невозможно уловить въ нихъ одинъ общій типъ изображаемаго лица, который схватывается такъ легко въ массѣ напр. портретовъ Петра В., или Богдана Хмельницкаго. Нашъ уважаемый профессоръ В. Б. Антоновичъ выложилъ однажды предъ нами шесть фотографическихъ карточекъ и мы нашли, что на нихъ представлены совершенно различныя лица, когда на самомъ дѣлѣ это были снимки съ разныхъ портретовъ одного и того же Ивана Степановича Мазепы. Что есть портреты, никогда не изображавшіе Мазепу, лучшимъ примѣромъ можетъ служить найболѣе распространенный съ именемъ Мазепы портретъ, находящійся въ академіи художествъ, о которомъ дана намъ двукратная справка изъ записей академіи, что онъ долгое время *слылъ* за портретъ Мазепы, на самомъ же дѣлѣ изображаетъ совсѣмъ другое лице, а какое—неизвѣстно.

Есть серія портретовъ такъ называемаго польскаго источника, на которыхъ Мазепа изображенъ человѣкомъ весьма преклонныхъ лѣтъ (а онъ умеръ 64—69 лѣтъ), съ клинообразною сѣдою раздвоенною бородою (а гетманы и козаки носили лишь усы), при томъ очень дряхлымъ и изможденнымъ (что не соотвѣтствуетъ энергіи, которую онъ обнаруживалъ до послѣднихъ дней своей политической карьеры). На одномъ изъ такихъ портретовъ (снимокъ съ стариннаго оригинала въ альбомѣ де-ля-Флиса, въ церковно-археологическомъ музеѣ при кіев. духов. академіи) вмѣсто Мазепы мы видимъ какое-то старое гороховое чучело, которымъ только воробьевъ пугать.

Есть однако другой рядъ портретовъ Мазепы, мало кому извѣстныхъ и на столько сходныхъ между собою, что въ нихъ можно уже уловить общія черты лица. Таковы: 1) два гравированныя изображенія конца XVII в., работы извѣстнаго гравера кіево-печерской лавры Иннокентія Щирскаго, которыхъ клишэ сохранились доселѣ, 2) снимокъ съ стариннаго портрета, приложенный къ Исторіи Малороссіи Бантышъ-Каменскаго, 3) поясной портретъ масляными красками, сохранившійся въ родѣ Горленковъ и принадлежащій В. П. Горленку, 4) современное (1705—1709 г.) изображеніе Мазепы, вмѣстѣ съ портретомъ Петра В., на иконѣ Покрова Божіей Матери, хранившейся въ этой церкви до прошлаго года, а въ мартѣ этого года принесенной пр. Іоанномъ полтавскимъ въ даръ вел. князю Николаю Николаевичу Младшему и имъ увезенной въ Петербургъ, и 5) современное же стѣнное во весь ростъ изображеніе масляными красками, уцѣлѣвшее въ великой церкви кіево-печерской лавры на заломѣ стѣны, противъ лѣваго клироса. Съ послѣдняго изображенія сдѣланъ и нашъ снимокъ, прилагаемый къ настоящей книжкѣ.

Общія черты лица Мазепы на портретахъ послѣдней серіи суть слѣдующія: типичный трехъугольный складъ передней части головы, прямой продолговатый носъ, отнюдь не выдавшіяся скулы, широкій открытый лобъ, правильно очерченные глаза, брови и губы, болѣе или менѣе длинные висячіе усы, вообще типъ чисто малорусскій, въ частности весьма близкій къ типу бѣлоцерковскому, выраженіе лица спокойное и пріятное, взоръ сосредоточенный и въ добавокъ—никакой рѣзкой, выдающейся черты въ лицѣ и его выраженіи.

Принадлежность Мазепѣ того портрета, съ котораго сдѣланъ нашъ снимокъ, удостовѣряется подписью: *Иванъ Степановичъ Мазепа гетманъ*, которая была еще три года назадъ сему и о существованіи которой свидѣтельствуютъ нѣсколько лицъ изъ начальствующей лаврской братіи. Древность этого изображенія видна по пошибу его письма, вполнѣ сходному съ изображеніями XVII в. и не имѣющему ничего общаго съ остальными изображеніями лаврской церкви позднѣйшей работы. О близости его къ подлиннику можно заключить, какъ по высокому положенію лица, съ котораго писанъ портретъ, и учрежденія, для котораго онъ писанъ, такъ и по сходству его съ тѣми гравированными изображеніями, какія дѣлалъ Щирскій для поднесенія Мазепѣ. Не могъ Щирскій дѣлать свои гравюры какъ нибудь, не могъ и рисовать какъ нибудь неизвѣстный авторъ портрета стѣннаго, а что первый былъ искусный граверъ, а второй не менѣе искусный маляръ, это видно и по ихъ работѣ. Возможность появленія портрета Мазепы на стѣнѣ великой лаврской церкви объясняется какъ общимъ тогда обычаемъ имѣть въ церквахъ портреты правящихъ и благотворящихъ лицъ, такъ и особливыми въ пользу лавры жертвами Мазепы, который обвелъ ее высокою каменною стѣною, построилъ въ ней каменную церковь на экономскихъ воротахъ и сдѣлалъ много приношеній въ ризницу. Иное дѣло, какъ могъ уцѣлѣть этотъ портретъ послѣ извѣстной катастрофы съ Мазепою и начавшагося изъ году въ годъ повсюднаго его анаѳематствованія, а также послѣ пожара 1718 г,, истребившаго иконостасъ и большую часть утвари великой лаврской церкви. Но и это легко объясняется мѣстомъ изображенія Мазепы: оно написано на обращенномъ къ западу заломѣ главной лѣвой стѣны церкви, куда не заходили ни свѣтъ, ни огонь. И теперь въ этомъ уголкѣ совершенный мракъ, и изображеніе Мазепы можно разглядѣть только при нарочитомъ освѣщеніи.

Есть еще одно обстоятельство, говорящее какъ-бы не въ пользу подлинности портрета или его сходства: Мазепа представленъ здѣсь моложавымъ, лѣтъ 45-ти, когда гетманство принялъ въ возрастѣ за 50 лѣтъ; притомъ на портретѣ нѣтъ вовсе отличій гетманскаго званія—булавы, шапки съ перомъ и пр. Но портретъ могъ быть снятъ съ него еще въ ту пору, когда онъ былъ генеральнымъ асауломъ, или скопированъ съ портрета, снятаго въ

то время, внѣшнія же отличія извѣстнаго званія далеко не всегда являлись на портретахъ.

Недавно получено нами свѣдѣніе, что въ Румянцевскомъ музеѣ, въ архивѣ Н. А. Маркевича, въ отдѣлѣ рукописей Лукашевича есть рукопись средины XVIII ст., заключающая въ себѣ перечень и описаніе всѣхъ иконъ и стѣнныхъ изображеній, какія находились тогда въ великой лаврской церкви. О снятіи для насъ списка съ этой рукописи мы уже снеслись съ Москвой и если въ ней окажется изображеніе Мазепы, то это будетъ новымъ и рѣшительнымъ доказательствомъ принадлежности Мазепѣ сохранившагося доселѣ стѣннаго портрета съ его именемъ. О результатахъ такой справки мы не преминемъ сообщить нашимъ читателямъ.

Въ свое время газеты оповѣстили, что съ этого портрета академикъ Дмитріевъ-Кавказскій готовитъ гравюру для «Кіевской Старины». Гравюра дѣйствительно готовилась для насъ еще съ апрѣля м. г., но не удалась, и намъ остается лишь сожалѣть объ этомъ. Настоящій снимокъ есть такъ называемая автотипія, и мы можемъ только засвидѣтельствовать о вѣрности ея съ сдѣланнымъ для насъ снимкомъ, а послѣдняго съ оригиналомъ.

Ред.

Отъ редакціи.

Журналъ „**Кіевская Старина**“ выходитъ *неизмѣнно* 1-го **числа** каждаго мѣсяца и въ тотъ-же день разсылается городскимъ подписчикамъ, а 2-го и не позже 3-го числа сдается въ Почтовую Контору для отправки внутри Имперіи и за границу.

Редакція отвѣчаетъ за исправное полученіе журнала лишь при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если въ *четко* написанномъ адресѣ означены: имя, отчество и фамилія подписчика, равно губернія, уѣздъ и почтовое учрежденіе, гдѣ *допущена* выдача журналовъ, 2) если жалоба на неполученіе книжки прислана непосредственно въ редакцію, хотя-бы подписка была сдѣлана въ одномъ изъ книжныхъ магазиновъ, 3) если жалоба послана. согласно объявленію Почтоваго Департамента, не позже полученія или срока выхода слѣдующей книжки, 4) если къ жалобѣ приложено будетъ удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книжка ею не была получена и 5) если о перемѣнѣ адреса было сдѣлано заявленіе редакціи и притомъ сдѣлано своевременно, т. е. съ такимъ разсчетомъ времени, чтобы редакція могла получить оное не позже выхода слѣдующей книжки.

За перемѣну адреса иногородняго на городской и обратно уплачивается *пятьдесятъ коп.*, а при перемѣнѣ иногородняго на иногородный-же высылается *четыре семикопѣечныя марки.*

Подписная цѣна на мѣстѣ 8 р. 50 к., съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи 10 р., за границу 11 р. По той-же цѣнѣ высылаются и оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры 1882—1886 гг.

Подписка принимается въ редакціи журнала и конторѣ оной (*Кіевъ*, *Трехсвятительская улица*, *№ 8-й*), въ книжныхъ магазинахъ Оглоблина въ Кіевѣ и Петербургѣ, «Новаго Времени» и Глазунова въ Петербургѣ и Москвѣ, Мелье, Вольфа и Мартынова въ Петербургѣ, Федорова, Розова, Динтера, Корейво, Гинтера и Малецкаго въ Кіевѣ и др.

Издателямъ и авторамъ книгъ и брошюръ по южно-русской исторіи и этнографіи, приславшимъ экземпляръ своихъ изданій въ редакцію, обѣщается рецензія.

Кіевская Старина.

Ежемѣсячный Историческій Журналъ

ФЕВРАЛЬ.
1887 г.

Кіевъ. Типографія А. Давиденко, арендуемая Л. Штамомъ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

ТОМЪ XVII.

Февраль.

1887 г.

КІЕВЪ.

Тип. А. Давиденко, аренд. Л. Штамомъ, Мало-Житом. ул., д. № 4.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 29-го января 1887 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

Февраль, 1887 г.

НЕИЗДАННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ Т. Г. ШЕВЧЕНКА.

ХУДОЖНИКЪ.

(Продолженіе) [1].

Первыя письма моего пріятеля однообразны и похожи на подробный и монотонный дневникъ школьника, и только для меня они интересны, ни для кого больше. Въ послѣдующихъ письмахъ началъ проявляться и складъ, и грамотность, и содержаніе, какъ напримѣръ слѣдующее девятое его письмо.

Сегодня въ девятомъ часу утра свернули мы на валъ картину «Распятіе Христово», и я съ натурщиками отправилъ ее въ лютеранскую Петропавловскую церковь. Карлъ Павловичь поручилъ мнѣ сопровождать ее до самой церкви; черезъ четверть часа онъ и самъ пріѣхалъ, при себѣ велѣлъ натянуть опять на раму и поставить на мѣсто. Такъ какъ она не была еше покрыта лакомъ, то издали и не показывала ничего, кромѣ темнаго матоваго пятна. Послѣ обѣда пошли мы съ Михайловымъ и покрыли ее лакомъ. Вскорѣ пришелъ и Карлъ Павловичъ; сначала онъ сѣлъ на передней скамейкѣ, но, недолго поглядѣвши, перешелъ на самую послѣднюю. Тутъ и мы подошли къ нему и тоже сѣли. Долго онъ сидѣлъ молча и только изрѣдка приговаривалъ: «вандалъ! ни одного луча свѣту на алтарь. И для чего имъ картины?»

---

[1]) См. „Кіев. Стар." 1887 г., январск. кн., стр. 1—35.

— Вотъ если бы, сказалъ онъ, обращаясь къ намъ и показывая на арку, раздѣляющую церковь: если бы во всю величину этой арки написать картину распятія Христа, то это была бы картина, достойная Богочеловѣка.

О, если бы хоть сотую, хоть тысячную долю могъ я передать вамъ изъ того, что я отъ него тогда слышалъ. Но вы сами знаете, какъ онъ говоритъ. Его слова невозможно положить на бумагу, они окаменѣютъ. Онъ тутъ же сочинилъ эту колоссальную картину со всѣми мельчайшими подробностями, написалъ и на мѣсто поставилъ. И какая картина! Николая Пуссена «Распятіе»—просто суздальщина, а про Мартенса и говорить нечего.

Долго онъ еще фантазировалъ, и я слушалъ его съ благоговѣніемъ; потомъ онъ надѣлъ шляпу и вышелъ, а вслѣдъ за нимъ и я съ Михайловымъ. Проходя мимо статуй апостоловъ Петра и Павла, онъ проговорилъ: «куклы въ мокрыхъ тряпкахъ, а еще съ Торвальдсена»!—Проходя мимо магазина Даціаро, онъ вмѣшался въ толпу зѣвакъ и остановился у окна, увѣшаннаго раскрашенными французскими литографіями. Боже мой, подумалъ я, глядя на него, и этотъ самый геній, который сей часъ только такъ высоко парилъ въ области прекраснаго искусства, теперь любуется приторными красавицами Греводока. Непонятно! А между прочимъ правда. Сегодня первый разъ я не былъ въ классѣ, потому что Карлъ Павловичъ не пустилъ меня: усадилъ насъ съ Михайловымъ за шашки, двоихъ противъ себя одного, и проигралъ намъ коляску на три часа. Мы поѣхали на острова, а онъ остался дома дожидать насъ ужинать.

P. S. Не помню, въ прошедшемъ письмѣ писалъ ли я вамъ, что я въ сентябрьскій третной экзаменъ переведенъ изъ первыхъ въ натурный классъ за «Бойца».

Если бы не вы, мой незабвенный, и чрезъ годъ меня бы не перевели въ натурный классъ. Я началъ посѣщать анатомическія лекціи профессора Буяльскаго; онъ теперь читаетъ остовъ. И тутъ вы причина, что я знаю наизустъ остовъ. Вездѣ и вездѣ вы мой единственный, мой незабвенный благодѣтель. Прощайте!

Всѣмъ существомъ моимъ преданный вамъ N. N.

Я намѣренъ досказать исторію моего пріятеля собственными его письмами, и это будетъ тѣмъ болѣе интересно, что въ письмахъ своихъ

онъ часто описываетъ занятія и почти вседневный домашній бытъ Карла Павловича, котораго онъ былъ и любимымъ ученикомъ, и товарищемъ. Для будущаго біографа К. Брюлова я со временемъ издамъ всѣ его письма, а теперь помѣщу тодько тѣ, которыя непосредственно касаются его занятій и развитія на поприщѣ искусства и развитія его внутренней высоконравственной жизни.

Вотъ уже октябрь мѣсяцъ въ исходѣ, а Штернберга все нѣтъ, какъ нѣтъ. Я не знаю, что мнѣ дѣлать съ квартирою: она меня не обременяетъ, я плачу за нее пополамъ съ Михайловымъ; я почти безвыходно нахожусь у Карла Павловича, только ночевать прихожу домой, а иногда и ночую у него, а Михайловъ и на ночь домой не приходитъ. Богъ его знаетъ, гдѣ онъ и какъ живетъ. Я съ нимъ встрѣчаюсь только у Карла Павловича, да иногда въ классахъ. Онъ очень оригинальный, добраго сердца человѣкъ. Карлъ Павловичъ предлагаетъ мнѣ совсѣмъ къ нему перейти жить, но мнѣ и совѣстно, и боюсь вамъ сказать. Мнѣ кажется, что я свободнѣй при своей квартирѣ, а во вторыхъ мнѣ ужасно хочется хоть нѣсколько мѣсяцевъ прожить вмѣстѣ съ Штернбергомъ, потому собственно, что вы мнѣ такъ совѣтовали, а вы мнѣ дурного не посовѣтуете.

Карлъ Павловичъ черезвычайно прилежно работаетъ надъ копіей съ картины Доминикино «Іоаннъ Богословъ». Копію эту заказала ему академія художествъ. Во время работы я читаю. У него порядочная своя библіотека, но совершенно безъ всякаго порядка; нѣсколько разъ мы принимались дать ей какой нибудь толкъ, но только все бсзуспѣшно. Впрочемъ недостатка въ чтеніи нѣтъ. Карлъ Павловичъ обѣщался сдѣлать рисунокъ Смирдину для его «Ста литераторовъ», и онъ служитъ ему всею своею библіотекою. Я прочиталъ уже почти всѣ романы Вальтеръ Скотта и теперь читаю «Исторію крестовыхъ походовъ» Мишо. Мнѣ она нравится лучше всѣхъ романовъ, и Карлъ Павловичъ тоже говоритъ. Я начертилъ эскизъ, какъ Петръ Пустынникъ ведетъ толпу первыхъ крестоносцевъ черезъ одинъ изъ германскихъ городовъ, придерживаясь манеры и костюмовъ Печи; показалъ Карлу Павловичу, но онъ мнѣ строжайше запретилъ брать сюжеты изъ чего бы то ни

было, кромѣ библіи, древней греческой и римской исторіи. «Тамъ, сказалъ онъ, все простота и изящество, а въ средней исторіи безнравственность и уродство». И у меня теперь на квартирѣ, кромѣ библіи, ни одной книги нѣтъ. Путешествіе Анахарсиса и Исторію Греціи Галиса я читаю у Карла и для Карла Павловича, и онъ всегда слушаетъ съ одинаковымъ удовольствіемъ. И если бы вы видѣли, съ какимъ вниманіемъ, съ какой сердечною любовью кончаетъ онъ свою копію. Я просто благоговѣю передъ нимъ, да и нельзя иначе. Но что значитъ волшебное, магическое дѣйствіе оригинала? Или это просто предубѣжденіе, или время такъ очаровательно стушевало эти краски, или Доминикино... Но нѣтъ, это грѣшная мысль, Доминикино никогда не могъ быть выше нашего божественнаго Карла Павловича. Мнѣ иногда хочется, чтобы скорѣе унесли оригиналъ.

Какъ то разъ за ужиномъ зашла рѣчь о копіяхъ, и онъ сказалъ, что ни въ живописи, ни въ скульптурѣ онъ не допускаетъ истинной копіи, т. е, возсозданія, и что въ словесной поэзіи онъ знаетъ одну единственную копію, это «Шильонскій узникъ» Жуковскаго, и тутъ же прочелъ его наизустъ. Какъ онъ дивно стихи читаетъ! Ей Богу, лучше Брянскаго и Каратыгина! Кстати о Каратыгинѣ. На дняхъ зашли мы случайно въ Михайловскій театръ; давали «Тридцать лѣтъ или жизнь игрока», пересоленная драма, какъ онъ выразился. Между вторымъ и третьимъ дѣйствіемъ онъ ушелъ за кулисы и одѣлъ Каратыгина для роли нищаго. Публика бѣсновалась, сама не зная отчего. Что значитъ костюмъ для хорошаго актера!

Тальони уже пріѣхала въ Петербургъ и вскорѣ начнетъ свои волшебные полеты. Онъ однакожъ что-то ея не жалуетъ. Ахъ, если бы скорѣе Штернбергъ пріѣхалъ! Я не видавши полюбилъ его. Карлъ Павловичъ для меня слишкомъ колоссаленъ и, не смотря на его доброту и ласки, мнѣ иногда кажется, что я одинъ. Михайловъ прекрасный благородный товарищъ, но ничѣмъ не увлекается, никакая прелесть, кажется, его не чаруетъ. А можетъ быть я его не понимаю. Прощайте, мой незабвенный благодѣтель!

Я въ восторгѣ! Давно и такъ нетерпѣливо ожидаемый мною Штернбергъ наконецъ пріѣхалъ. И какъ внезапно, нечаянно!

Я испугался и долго не вѣрилъ своимъ глазамъ, думалъ, не видѣніе ли? Я же въ то время компоновалъ эскизъ: «Іезекіиль на полѣ, усѣянномъ костями». Это было ночью, часу въ второмъ. Я углубился въ «Іезекіиля» и двери забылъ запереть на ключъ. Вдругъ двери растворяются и является въ шубѣ и теплой шапкѣ человѣческая фигура. Я сначала испугался и самъ не знаю, какъ проговорилъ: «Штернбергъ!»—«Штернбергъ», отвѣчалъ онъ мнѣ, и я, не давъ ему шубу снять, принялся цѣловать его, а онъ отвѣчалъ мнѣ тѣмъ-же. Долго мы молча любовались другъ другомъ, наконецъ онъ вспомнилъ, что ямщикъ у воротъ дожидается, и пошелъ къ ямщику, а я къ дворнику—просить принести вещи въ квартиру. Когда все это было сдѣлано, мы вздохнули свободно. И странно! Мнѣ казалось, что я встрѣтилъ стараго знакомаго, или, лучше сказать, вижу васъ самихъ передъ собою. Пока я распрашивалъ, а онъ разсказывалъ, гдѣ и когда онъ васъ видѣлъ, о чемъ говорили и какъ разстались,—пока все это было, и ночь минула. Мы тогда только разсвѣтъ замѣтили, когда увидѣли упавшую отъ подсвѣчника ярко голубую тѣнь.

— Теперь, я думаю, можно и чаю напиться, сказалъ онъ.

— Я думаю—можно, отвѣчалъ я, и мы пошли въ «Золотой Якорь».

Послѣ чаю уложилъ я его спать, а самъ пошелъ сказать о моей радости Карлу Павловичу, но онъ тоже спалъ. Дѣлать нечего, я вышелъ на набережную и не успѣлъ пройти нѣсколькихъ шаговъ, какъ встрѣтилъ Михайлова, тоже, кажется, всю ночь не спавшаго; онъ шелъ съ какимъ-то господиномъ въ пальто и въ очкахъ.

— Левъ Александровичъ Элькинъ, сказалъ Михайловъ, указывая на господина въ очкахъ.

Я сказалъ свою фамилію, и мы пожали другъ другу руку. Потомъ я сказалъ Михайлову о пріѣздѣ Штернберга, и господинъ въ очкахъ обрадовался, какъ прибытію давно жданнаго друга.

— Гдѣ же онъ? спросилъ Михайловъ.

— У насъ на квартирѣ, отвѣчалъ я.

— Спитъ?

— Спитъ.

— Ну, такъ пойдемъ въ «Капернаумъ», тамъ вѣрно не спятъ, сказалъ Михайловъ.

Господинъ въ очкахъ въ знакъ согласія кивнулъ головою, и они, взявшись подъ руки, пошли, и я въ слѣдъ за ними.

Проходя мимо квартиры Карла Павловича, я замѣтилъ въ окнѣ голову Лукьяна, изъ чего заключилъ, что маэстро уже всталъ. Я простился съ Михайловымъ и Элькиномъ и пошелъ къ нему. Въ корридорѣ я встрѣтилъ его со свѣжею палитрою и чистыми кистями, поздоровался съ нимъ и возвратился назадъ: теперь я не только въ слухъ, и про себя читать былъ не въ состояніи. Походивши немного по набережной, я пошелъ на квартиру. Штернбергъ еще спалъ, я тихонько сѣлъ на стулъ противъ его постели и любовался его дѣтски непорочнымъ лицемъ; потомъ взялъ карандашъ и бумагу и принялся рисовать спящаго вашего, а слѣдовательно и моего друга. Сходство и выраженіе вышло порядочное для эскиза, и только я очертилъ всю фигуру и назначилъ складки одѣяла, какъ Штернбергъ проснулся и поймалъ меня на мѣстѣ преступленія. Я сконфузился, онъ это замѣтилъ и засмѣялся самымъ чистосердечнымъ смѣхомъ.

— Покажите, что вы дѣлали? сказалъ онъ.

Я показалъ; онъ снова засмѣялся и до небесъ расхвалилъ мой рисунокъ.

— Я когда нибудь отплачу вамъ тѣмъ же, сказалъ онъ смѣясь и, вскочивъ съ постели, умылся и, развязавши чемоданъ, началъ одѣваться.

Изъ чемодана изъ-подъ бѣлья вынулъ онъ толстый портфель и, подавая его мнѣ, сказалъ:

— Тутъ все, что я сдѣлалъ прошлымъ лѣтомъ въ Малороссіи, кромѣ нѣсколькихъ картинокъ масляными красками и акварелью. Посмотрите, если время позволяетъ, а мнѣ нужно кое-куда съѣздить.

— До свиданья! сказалъ онъ, подавая мнѣ руку.—Не знаю, что сегодня въ театрѣ, я ужасно за нимъ соскучился. Пойдемте вмѣстѣ въ театръ.

— Съ большимъ удовольствіемъ! сказалъ я: только вы зайдите за мною въ натурный классъ.

— Хорошо, зайду, сказалъ онъ уже за дверями.

Если бы не пришелъ за мною Лукьянъ отъ Карла Павловича, мнѣ обѣдъ и на мысль не пришелъ-бы; мнѣ даже досадно было, что

для Лукьяновскаго ростбифа я долженъ былъ оставить портфель Штернберга.

За обѣдомъ я сказалъ Карлу Павловичу о моемъ счастіи, и онъ пожелалъ видѣть Штернберга. Я сказалъ ему, что мы условились съ нимъ быть въ театрѣ. Онъ изъявилъ желаніе сопутствовать намъ, если даютъ что нибудь порядочное. Къ счастью, въ тотъ день на Александрійскомъ театрѣ давали «Заколдованный домъ». Въ концѣ класса Карлъ Павловичъ зашелъ въ классъ, взялъ меня и Штернберга съ собою, усадилъ въ свою коляску, и мы поѣхали смотрѣть Людовика XI. Такъ кончился первый день.

На другой день по утру Штернбергъ взялъ свой толстый портфель, и мы отправились къ Карлу Павловичу. Тотъ былъ въ восторгѣ отъ вашей однообразно-разнообразной, какъ онъ выразился, родины и отъ задумчивыхъ земляковъ вашихъ, такъ прекрасно-вѣрно переданныхъ Штернбергомъ. И какое множество рисунковъ и какъ все прекрасно! На маленькомъ лоскуткѣ сѣренькой оберточной бумаги проведена горизонтально линія; на первомъ планѣ вѣтряная мельница, пара воловъ около телѣги, наваленной мѣшками; все это не нарисовано, а только намекнуто, но какая прелесть! очей не отведешь. Или подъ тѣнью развѣсистой вербы у самаго берега бѣленькая, соломою крытая хатка—вся отразилась въ водѣ, какъ въ зеркалѣ. Подъ хаткою старушка, а на водѣ утки плаваютъ,—вотъ и вся картина, и какая полная, живая картина!

И такихъ картинъ или лучше сказать живо трепещущихъ очерковъ полонъ портфель Штернберга. Чудный, безподобный Штернбергъ! Не даромъ его поцѣловалъ Карлъ Павловичъ.

Невольно вспомнилъ я братьевъ Чернецовыхъ. Они недавно возвратились изъ путешествія по Волгѣ и приносили Карлу Павловичу показать свои рисунки: огромная кипа Ватманской бумаги, по нѣмецки аккуратно перышкомъ исчерченная. Карлъ Павловичъ взглянулъ на нѣсколько рисунковъ и, закрывши портфель, сказалъ (разумѣется не братьямъ Чернецовымъ): «Я здѣсь не только матушки - Волги, и лужи порядочной не надѣюсь увидѣть». А въ одномъ эскизѣ Штернберга онъ видитъ всю Малороссію. Ему такъ понравилась ваша родина и унылыя физіономіи земляковъ вашихъ, что онъ сегодня за обѣдомъ построилъ уже себѣ хуторъ на берегу Днѣпра, близъ Кіева, со всѣми угодьями

въ самой очаровательной декораціи. Одно, чего онъ боится и чего никакъ устранить отъ себя не можетъ,—это помѣщики или, какъ онъ называетъ ихъ, феодалы-собачники.

Онъ совершенное дитя, со всею прелестью дитя! И сегодняшній день мы заключили спектаклемъ. Давали Шиллеровскихъ «Разбойнниковъ». Оперы почти не существуетъ, изрѣдка появится или «Робертъ» или «Финелла». Балетъ или, лучше сказать, Тальони все уничтожила. Прощайте, мой незабвенный благодѣтель!

Вотъ уже болѣе мѣсяца, какъ мы живемъ вмѣстѣ съ несравненнымъ Штернбергомъ, и живемъ такъ, какъ дай Богъ, чтобы братья родные жили. Да и какое же онъ доброе, кроткое созданіе! Настоящій художникъ! Ему все улыбается, какъ и онъ всему улыбается. Счастливый, завидный характеръ! Карлъ Павловичъ его очень любитъ. Да и можно ли, знавши, не любить его!

Вотъ какъ мы проводимъ дни и ночи: по утру въ девять часовъ я ухожу въ живописный классъ (я уже дѣлаю этюды масляными красками и прошедшій экзаменъ получилъ третій номеръ), Штернбергъ остается дома и дѣлаетъ изъ своихъ эскизовъ или рисунки акварелью или небольшія картины масляными красками. Въ одиннадцать часовъ я или захожу къ Карлу Павловичу, или прихожу домой, и завтракаемъ съ Штернбергомъ, чѣмъ Богъ послалъ; потомъ я опять ухожу въ классъ и остаюсь тамъ до трехъ часовъ. Въ три часа мы идемъ обѣдать къ мадамъ Юргенсъ, иногда и Карлъ Павловичъ съ нами, потому что я почти каждый день въ это время заставалъ его у Штернберга; онъ часто отказывался отъ роскошнаго аристократическаго обѣда для мизернаго демократическаго супа. Истинно необыкновенный человѣкъ! Послѣ обѣда я отправляюсь въ классы, а къ семи часамъ въ классы приходитъ Штернбергъ, и мы или идемъ въ театръ, или, не много погулявши по набережной, возвращаемся домой, и я читаю что-нибудь вслухъ, а онъ работаетъ, или я работаю, а онъ читаетъ. Недавно мы прочитали «Вудстокъ» Вальтеръ Скотта. Меня чрезвычайно заинтересовала сцена, гдѣ Карлъ II Стюартъ, скрывающійся подъ чужимъ именемъ въ замкѣ стараго баронета Ли, открывается его дочери Юліи Ли, что онъ король Англіи, и предлагаетъ ей при дворѣ

своемъ почетное мѣсто наложницы. Настоящая королевская благодарность за гостепріимство. Я начертилъ эскизъ и показалъ Карлу Павловичу. Онъ похвалилъ мой выборъ и самый эскизъ и велѣлъ изучить Павла-де-ля-Роша.

Штернбергъ недавно познакомилъ меня съ семействомъ Шмидта. Это какой-то дальній его родственникъ, прекрасный человѣкъ, а семейство его—это просто благодать Господня. Мы часто по вечерамъ бываемъ у нихъ, а по воскресеньямъ и обѣдаемъ. Чудное, милое семейство! Я всегда выхожу отъ нихъ какъ будто чище и добрѣе. Я не знаю, какъ и благодарить Штернберга за это знакомство.

Еще познакомилъ онъ меня въ домѣ малороссійскаго аристократа, того самаго, у котораго вы съ нимъ встрѣтились прошедшее лѣто въ Малороссіи. Я рѣдко тамъ бываю, и то собственно для Штернберга: не нравится мнѣ этотъ покровительственный тонъ и подлая лесть его неотесанныхъ гостей, которыхъ онъ кормитъ своими роскошными обѣдами и поитъ малороссійскою сливянкой. Я долго не могъ понять, какъ это Штернбергъ терпитъ подобныя картины. Наконецъ дѣло открылось само собой. Однажды онъ возвратился отъ Тарновскихъ совершенно непохожъ на себя, т. е. сердитый; долго молча ходилъ по комнатѣ, наконецъ легъ въ постель, всталъ и опять легъ, и это повторилъ раза три, наконецъ успокоился и заснулъ. Слышу, во снѣ онъ произноситъ имя одной изъ племянницъ Тарновскаго. Тутъ я началъ догадываться, въ чемъ дѣло. На другой день Виля мой опять отправился къ Тарновскому и возвратился поздно ночью въ слезахъ. Я притворился, будто не замѣчаю этого. Онъ упалъ на диванъ и, закрывъ лицо руками, рыдалъ, какъ ребенокъ! Такъ прошло по крайней мѣрѣ съ часъ; потомъ поднялся онъ съ дивана, подошелъ ко мнѣ, обнялъ меня, поцѣловалъ и горько улыбнулся, сѣлъ около меня и разсказалъ мнѣ исторію любви своей. Исторія самая обыкновенная: онъ влюбился въ старшую племянницу Тарновскаго, та хотя и отвѣчала ему тѣмъ же, но въ дѣлѣ брака предпочла ему какого-то лысаго доктора Бурцева. Самая обыкновенная исторія. Послѣ исповѣди онъ немного успокоился, и я уложилъ его въ постель.

На другой и третій день я его почти не видѣлъ: уйдетъ рано, придетъ поздно, а гдѣ онъ проводитъ дни, Богъ его знаетъ. Пробо-

валъ я съ нимъ заговорить, но онъ едва мнѣ отвѣчаетъ; предлагалъ посѣтить Шмидтовъ, но онъ отрицательно кивнулъ головой. Въ воскресенье по утру предложилъ я ему поѣхать въ оранжерею ботаническаго сада, и онъ, правда, принужденно, но согласился. Оранжерея на него подѣйствовала благодѣтельно. Онъ повеселѣлъ, началъ мечтать о путешествіи въ тѣ волшебные края, гдѣ растутъ эти всѣ удивительныя растенія, какъ у насъ чертополохъ.

Выйдя изъ оранжереи, я предложилъ ему пообѣдать на Крестовскомъ въ нѣмецкомъ трактирѣ; онъ охотно согласился. Послѣ обѣда мы послушали тирольцевъ, посмотрѣли, какъ съ горъ катаются, и поѣхали прямо къ Шмидту. Шмидты въ тотъ день обѣдали у Фицтума, инспектора университета, и вечеръ тамъ остались. Мы туда. Насъ встрѣтили восклицаніемъ: гдѣ мы пропадали! У Фицтума насладились мы квинтетомъ Бетховена и сонатою Моцарта, гдѣ солировалъ знаменитый Бемъ, и часу въ первомъ ночи возвратились на квартиру. Бѣдный Виля опять задумался. Я не утѣшаю его, да и чѣмъ я его могу утѣшить.

На другой день, по порученію Карла Павловича, я пошелъ въ магазинъ Смирдина и между прочими книгами взялъ два номера «Библіотеки для чтенія», гдѣ помѣщенъ «Никласъ Никльби», романъ Диккенса. Я задумалъ устроить литературные вечера у Шмидтовъ и пригласилъ Штернберга. Какъ затѣяно, такъ и сдѣлано. Въ тотъ же день, послѣ вечернихъ классовъ отправились мы къ Шмидтамъ съ книгами подъ мышкой. Выдумка моя была принята съ восторгомъ, и послѣ чаю началось чтеніе. Первый вечеръ читалъ я, второй Штернбергъ, потомъ опять я, потомъ опять онъ, и такъ мы продолжали, пока кончили романъ. Это имѣло прекрасное вліяніе на Штернберга. Послѣ «Никласа Никльби» такимъ же порядкомъ прочитали мы замокъ «Кинельвортъ», потомъ «Пертскую красавицу» и еще нѣсколько романовъ Вальтеръ Скотта. Часто просиживали мы за полночь и не видали, какъ и рождественскіе праздники наступили. Штернбергъ почти пришелъ въ себя, по крайней мѣрѣ работаетъ и меньше груститъ; дастъ Богъ, и это пройдетъ. Прощайте, мой отецъ родной! Не обѣщаюсь писать вамъ въ скоромъ времени, потому что праздники наступаютъ, а я уже сдѣлалъ себѣ, по милости Штернберга, кромѣ Шмидтовъ, еще нѣкоторыя знакомства, и знакомства, которыя слѣдуетъ поддерживать. Сдѣлалъ

я себѣ къ празднику новую пару платья и изъ англійской байки пальто, точно такое, какъ у Штернберга, чтобы не даромъ насъ Шмидты называли Касторъ и Поллуксъ; а къ веснѣ думаемъ заказать себѣ камлотовыя шинели. У меня теперь деньги водятся. Я началъ рисовать акварельные портреты, сначала по пріятельски, а потомъ и за деньги. Только Карлу Павловичу еще не показываю: боюсь. Я больше придерживаюсь Соколова; Гау мнѣ не нравится: приторно сладкій. Думаю еще заняться французскимъ языкомъ: это необходимо. Предлагала мнѣ свои услуги одна пожилая вдова съ тѣмъ, чтобы я ее сына училъ рисовать. Взаимное одолженіе, но мнѣ оно не нравится, во первыхъ потому, что далеко ходить (въ Эртелевъ переулокъ), а во вторыхъ возиться два часа съ избалованнымъ мальчуганомъ—это тоже порядочная коммиссія. Лучше же я эти два часа употреблю на акварельный портретъ и заплачу учителю деньги. Я думаю, и вы скажете, что лучше. У Карла Павловича есть Гиббонъ на французскомъ языкѣ, и я не могу смотрѣть на него равнодушно. Не знаю, видѣли ли вы его эскизъ или, лучше сказать, небольшую картину «Посѣщеніе Рима Гензерихомъ»; теперь она у него въ мастерской.—Чудная! какъ и все чудное, что выходитъ изъ подъ его кисти. Если не видали, то я сдѣлаю небольшой рисунокъ и пришлю вамъ. Бахчисарайскій фонтанъ тоже пришлю. Это, кажется, еще при васъ начато.

Ахъ, да! чуть чуть было не забылъ, готовится необыкновенное событіе: Карлъ Павловичъ женится; послѣ праздника свадьба. Невѣста его—дочь рижскаго почетнаго гражданина Тима. Я не видѣлъ ея, но, говорятъ, удивительная красавица. Брата ея я встрѣчаю иногда въ классѣ; онъ ученикъ Заурвейда, чрезвычайно красивый юноша. Когда все это совершится, то я опишу вамъ съ самомельчайшими подробностями, а пока еще разъ прощайте, мой незабвенный благодѣтель!

Вотъ уже два мѣсяца, какъ я не писалъ вамъ. Такое долгое молчаніе непростительно. Но я какъ будто нарочно выжидалъ, пока кончится интересный эпизодъ изъ жизни Карла Павловича. Въ послѣднемъ письмѣ писалъ я вамъ о предполагаемой женитьбѣ, теперь опишу вамъ подробно, какъ это совершилось и какъ разрушилось.

Въ самый день свадьбы Карлъ Павловичъ одѣлся, какъ онъ обыкновенно одѣвается, взялъ шляпу и, проходя черезъ мастерскую, остановился передъ копіей Доминикино, уже оконченной; долго стоялъ онъ молча, потомъ сѣлъ въ кресла (кромѣ его и меня въ мастерской никого не было); молчаніе длилось еще нѣсколько минутъ, потомъ онъ, обращаясь ко мнѣ, сказалъ:

— Цампіери какъ будто говоритъ мнѣ: не женись—погибнешь!

Я не нашелся, что ему сказать, а онъ взялъ шляпу и пошелъ къ своей невѣстѣ и во весь этотъ день не возвращался къ себѣ на квартиру. Приготовленій къ празднику не было совершенно никакихъ, даже ростбифа Лукьянъ не жарилъ въ этотъ день, словомъ ничего похожаго не было на праздникъ. Въ классѣ я узналъ, что будетъ онъ вѣнчаться въ восемь часовъ вечера въ лютеранской церкви св. Анны, что въ Кирочной. Послѣ класса взяли мы съ Штернбергомъ извощика и отправились въ Кирочную. Церковь уже была освѣщена и Карлъ Павловичъ съ Заурвейдомъ и братомъ невѣсты былъ въ церкви. Увидя насъ, онъ подошелъ, подалъ намъ руку и сказалъ: женюсь.

Въ это самое время вошла въ церковь невѣста, и онъ пошелъ къ ней на встрѣчу. Я въ жизнь мою не видалъ да и не увижу такой красавицы. Въ продолженіи обряда Карлъ Павловичъ стоялъ, глубоко задумавшись; онъ ни разу не взглянулъ на свою прекрасную невѣсту. Обрядъ кончился, мы поздравили счастливыхъ супруговъ, проводили ихъ до кареты и по дорогѣ заѣхали къ Клею, поужинали и за здоровье молодыхъ выпили бутылку Клико. Все это происходило 8 генваря 1833 года. И у Карла Павловича свадьба кончилась бутылкой Клико; ни въ тотъ, ни въ послѣдующіе дни не было никакого праздника.

Черезъ недѣлю послѣ этого событія встрѣтился я съ нимъ въ корридорѣ какъ разъ противъ квартиры графа Толстого, и онъ зазвалъ меня къ себѣ и оставилъ обѣдать. Въ ожиданіи обѣда онъ что-то чертилъ въ своемъ альбомѣ, а меня заставилъ читать Квентинъ Дорварда. Только что я началъ читать, какъ онъ остановилъ меня и довольно громко крикнулъ: Эмилія!

Черезъ минуту вошла ослѣпительная красавица, жена его. Я неловко поклонился ей, а онъ сказалъ:

— Эмилія, на чемъ мы остановились? или нѣтъ, садись, ты сама читай. А вы послушайте, какъ она мастерски читаетъ по-русски.

Она сначала не хотѣла читать, но потомъ раскрыла книгу, прочитала нѣсколько фразъ сильнымъ нѣмецкимъ выговоромъ, захохотала, бросила книгу и убѣжала. Онъ позвалъ ее опять и съ нѣжностью влюбленнаго просилъ ее сѣсть за фортепіано и спѣть знаменитую каватину изъ «Нормы». Безъ малѣйшаго жеманства она сѣла за инструментъ и послѣ нѣскольких прелюдій запѣла. Голосъ у нея не сильный, не эффектный, но такой сладкій, чарующій, что я слушалъ и самъ себѣ не вѣрилъ, что я слушалъ пѣніе существа смертнаго, земного, а не какой нибудь воздушной феи. Или это магическое вліяніе красоты, или она дѣйствительно хорошо пѣла, теперь я вамъ не могу сказать основательно, только я и теперь какъ будто слышу ея волшебный голосъ. Карлъ Павловичъ тоже былъ очарованъ ея пѣніемъ, потому что сидѣлъ онъ, сложа руки надъ своимъ альбомомъ и не слышалъ, какъ вошелъ Лукьянъ и два раза повторилъ: кушанье подано.

Послѣ обѣда на тотъ-же столъ подалъ Лукьянъ фрукты и бутылку Лякрима-Кристи. Пробило пять часовъ, и я оставилъ ихъ за столомъ и ушелъ въ классъ. На прощанье Карлъ Павловичъ подалъ мнѣ руку и просилъ приходить къ нимъ каждый день къ обѣду. Я былъ въ восторгѣ отъ такого приглашенія.

Послѣ классовъ встрѣтилъ я ихъ на Набережной и присоединился къ нимъ. Вскорѣ они пошли домой и меня пригласили къ себѣ. За чаемъ Карлъ Павловичъ прочиталъ «Анжело» Пушкина и разсказалъ, какъ покойный Александръ Сергѣевичъ просилъ его написать съ его жены портретъ и какъ онъ безцеремонно отказалъ ему, потому что жена его косая. Онъ предлагалъ Пушкину съ самого его написать портретъ, но Пушкинъ отплатилъ ему тѣмъ же. Вскорѣ послѣ этого поэтъ умеръ и оставилъ насъ безъ портрета. Кипренскій изобразилъ его какимъ-то денди, а не поэтомъ.

Послѣ чаю молодая очаровательная хозяйка выучила насъ въ «гальбе-цвельфъ» и проиграла мнѣ двугривенный, а мужу каватину изъ «Нормы», и сейчасъ-же сѣла за фортепіано и расплатилась. Послѣ такого великолѣпнаго финала я поблагодарилъ очаровательную хозяйку и хозяина и отправился домой; это уже было далеко за полночь. Штернбергъ еще не спалъ и дожидался меня. Я, не

снимая шляпы, разсказалъ ему свои похожденія, и онъ назвалъ меня счастливцемъ.

— Позавидуйте и мнѣ, сказалъ онъ: меня приглашаетъ генералъ-губернаторъ оренбургскаго края къ себѣ въ Оренбургъ на лѣто; я былъ сегодня у Владиміра Ивановича Даля, и мы условились уже на счетъ поѣздки. На будущей недѣлѣ прощай!

Меня это извѣстіе ошеломило; я долго говорить не могъ и, придя въ себя, спросилъ его.

— Когда же это ты такъ скоро успѣлъ все обдѣлать?

— Сегодня, отвѣчалъ онъ, часу въ десятомъ присылаетъ за мною Григоровичъ; я явился. Онъ предлагаетъ мнѣ это путешествіе, я соглашаюсь, отправляюсь къ Далю, и дѣло кончено.

— Что же я буду безъ тебя дѣлать? какъ же я буду жить безъ тебя? спросилъ я его сквозь слезы.

— Такъ, какъ и я безъ тебя: будемъ учиться, работать и одиночества не замѣтимъ.—Вотъ что, прибавилъ онъ, завтра мы обѣдаемъ у Іоахима. Онъ тебя знаетъ и просилъ меня привести тебя къ себѣ. Согласенъ?

Я отвѣчалъ: согласенъ, и мы легли спать.

На другой день мы обѣдали у Іоахима. Это сынъ извѣстнаго каретника Іоахима, веселый, простой и прекрасно образованный нѣмецъ. Послѣ обѣда показывалъ онъ намъ свое собраніе эстамповъ и между прочимъ нѣсколько тетрадей только что полученныхъ превосходнѣйшихъ литографій Дрезденской галлереи. Такъ какъ это было въ субботу, то мы и вечеръ провели у него. За чаемъ какъ-то рѣчь зашла о любви и о влюбленныхъ. Бѣдный Штернбергъ, какъ на иголкахъ, сидѣлъ. Я старался перемѣнить разговоръ, но Іоахимъ какъ нарочно раздувалъ его и въ заключеніе про самого себя разсказалъ слѣдующій анекдотъ.

Когда я былъ влюбленъ въ мою Адельгейду, а она въ меня нѣтъ, то я рѣшился на самоубійство. Я рѣшился умертвить себя угаромъ: приготовилъ все, что слѣдуетъ, какъ то: написалъ записки нѣсколькимъ друзьямъ и между прочимъ ей (и онъ указалъ на жену), досталъ бутылку рому и велѣлъ принести жаровню съ холоднымъ угольемъ, лучины и свѣчу. Когда все было готово, я заперъ на ключъ двери, налилъ стаканъ рому, выпилъ, и мнѣ началъ грезиться «Пиръ Валтасара» Мартенса. Я повторилъ дозу, и мнѣ уже

ничего не грезилось. Увѣдомленные о моей преждевременной и трагической смерти, друзья сбѣжались, выломили двери и нашли меня мертвецки пьянаго. Дѣло въ томъ, что я забылъ уголья зажечь, а то бы непремѣнно умеръ. Послѣ этого происшествія и она сдѣлалась ко мнѣ благосклоннѣе и наконецъ рѣшилась сдѣлать меня своимъ мужемъ.

Разсказъ свой заключилъ онъ добрымъ стаканомъ пунша.

Іоахимъ мнѣ чрезвычайно понравился своей манерой, и я вмѣнилъ себѣ въ обязанность навѣщать его, какъ можно чаще.

Воскресенье мы провели у Шмидта. Въ одинадцать часовъ возвратились на квартиру и уже раздѣваться начали; вдругъ Штернбергу понадобился носовой платокъ, онъ сунулъ руку въ карманъ и вмѣсто платка вынулъ афишу.

— Я и забылъ, сегодня въ Большомъ театрѣ маскарадъ, сказалъ онъ, развертывая афишу; поѣдемъ!

— Пожалуй, поѣдемъ: спать рано, сказалъ я, и мы, надѣвши вмѣсто сюртуковъ фраки, поѣхали сначала къ Полицейскому мосту въ магазинъ костюмовъ, взяли капуцины и черныя полумаски и отправились въ Большой театръ. Сіяющій залъ быстро наполнялся замаскированной публикой, музыка гремѣла, и въ шумѣ общаго говора визжали маленькіе капуцины. Скоро сдѣлалось жарко и маска мнѣ страшно надоѣла; я снялъ ее, Штернбергъ тоже; можетъ быть, инымъ показалось это страннымъ, да намъ-то какое дѣло.

Мы пошли въ верхнія боковыя залы вздохнуть отъ тѣсноты и жару. Ни одна маска, хоть бы на смѣхъ, не преслѣдовала насъ. Только на лѣстницѣ встрѣтилъ насъ Элькинъ, тотъ самый господинъ въ очкахъ, что встрѣтился мнѣ однажды съ Михайловымъ. Онъ меня узналъ, Штернберга тоже и, хохоча во все горло, заключилъ насъ въ свои объятія: въ это время подошелъ къ нему молодой мичманъ, и онъ отрекомендовалъ намъ, называя его своимъ искреннимъ другомъ Сашею Оболонскимъ. Былъ уже третій часъ, когда мы поднялись на верхъ. Въ одной изъ боковыхъ залъ накрытый столъ и жующая публика возбудили во мнѣ аппетитъ. Я это сообщилъ Штернбергу шопотомъ, а онъ вслухъ изъявилъ согласіе. Но Элькинъ и Оболонскій противъ этого протестовали и предложили ѣхать къ неизмѣнному Клею и поужинать, какъ слѣдуетъ.

— А то, прибавилъ Элькинъ, здѣсь не накормятъ, а возьмутъ вдесятеро.

Мы единодушно изъявили согласіе и отправились къ Клею.

Молодой мичманъ понравился мнѣ своею разбитною манерою. До сихъ поръ встрѣчался я только съ своими скромными товарищами, а свѣтскаго юношу еще въ первый разъ видѣлъ вблизи. Каламбурами и остротами такъ и сыплетъ, а водевильныхъ куплетовъ безъ счету, просто прелесть юноша.

Мы просидѣли у Клея до разсвѣта, и какъ удалой мичманъ былъ не много подгулявши, то мы взяли его къ себѣ на квартиру, а съ Элькинымъ разстались въ трактирѣ.

Вотъ какъ я нынче живу: по маскарадамъ шляюсь, въ трактирахъ ужинаю, деньги, какъ попало, трачу, а давно ли, давно ли сіяло надъ Невой то незабвенное утро, въ которое вы нашли меня въ лѣтнемъ саду передъ статуей Сатурна. Незабвенное утро! незабвенный мой благодѣтель! Чѣмъ и какъ я достойно возблагодарю васъ? Кромѣ чистой сердечной слезы-молитвы, я ничего не имѣю.

Въ девять часовъ я по обыкновенію пошелъ въ классъ, а Штернбергъ съ гостемъ остался дома; гость еще спалъ. Въ одинадцать часовъ зашелъ я къ Карлу Павловичу и получилъ милѣйшій выговоръ отъ милѣйшей Эмиліи Карловны. До второго часу играли мы въ «гальбе-цвельфъ». Они хотѣли, чтобы я до обѣда оставался съ ними; и я уже началъ было соглашаться, но Карлъ Павловичъ замѣтилъ мнѣ, что манкировать не должно, и я, сконфуженный по уши, пошелъ въ классъ. Въ три часа я опять явился, а въ пять часовъ оставилъ ихъ за столомъ и опять ушелъ въ классъ.

Такъ проводилъ я всѣ дни у нихъ, какъ вышеописанный, кромѣ субботы и воскресенья. Суббота была посвящена Іоахиму, а воскресенье Шмидту и Фицтуму. Вы замѣчаете, что всѣ мои знакомые—нѣмцы, но какіе прекрасные нѣмцы! Я просто влюбленъ въ этихъ нѣмцевъ. Штернбергъ въ продолженіи недѣли хлопоталъ о своемъ путешествіи и вѣрно что нибудь забылъ: это въ его натурѣ. Въ субботу мы отправились къ Іоахиму, встрѣтили тамъ старика Кольмана, извѣстнаго акварелиста и учителя Іоахима.

Послѣ обѣда Кольманъ заставилъ ученика своего показать намъ свои этюды съ деревьевъ, на что ученикъ неохотно согласился. Этюды сдѣланы чернымъ и бѣлымъ карандашомъ на сѣрой бумагѣ

и сдѣланы такъ превосходно, такъ отчетливо, что я не могъ налюбоваться ими. За одинъ изъ этюдовъ онъ получилъ вторую серебряную медаль, и добрый Кольманъ хвалилъ этотъ рисунокъ до небесъ, какъ торжество ученика своего, и всѣмъ святымъ божился, что онъ самъ не нарисуетъ такъ прекрасно. Такъ какъ Штернбергу оставалось только дня два, не болѣе, провести съ нами, то Іоахимъ и спросилъ у него, какъ онъ намѣренъ распорядиться этими днями. Штернбергъ, кажется, объ этомъ и не подумалъ. Іоахимъ предложилъ вотъ что: завтра, т. е. въ воскресенье, посѣтить галлереи Строгонова и Юсупова, а въ понедѣльникъ Эрмитажъ. Проэктъ былъ принятъ, и на другой день заѣхали мы къ Іоахиму и отправились въ галлерею Юсупова. Доложили князю, что такіе-то художники просятъ позволенія посмотрѣть его галлерею; на это вѣжливый хозяинъ велѣлъ сказать намъ, что сегодня воскресенье и прекрасная погода, а потому и совѣтуетъ онъ намъ, вмѣсто изящныхъ произведеній, насладиться лучше великолѣпной погодой. Намъ, разумѣется, осталось поблагодарить хозяина за обязательный совѣтъ, и больше ничего. Чтобы не выслушать подобнаго совѣта и у Строгонова, мы отправились въ Эрмитажъ и часа три наслаждались, какъ истинные поклонники прекраснаго искусства. Обѣдали у Іоахима, а вечеръ провели въ театрѣ.

Въ понедѣльникъ по утру Штернбергъ получилъ записку отъ Даля. Владиміръ Ивановичъ писалъ ему, чтобы онъ въ три часа былъ готовъ къ выѣзду. Штернбергъ поѣхалъ проститься съ своими друзьями, а я принялся укладывать его вещи въ чемоданъ. Къ тремъ часамъ мы уже были у Даля, а въ четыре мы поцѣловались съ Штернбергомъ у средней рогатки, и я одинъ возвратился въ Петербургъ чуть-чуть не въ слезахъ. Думалъ было заѣхать къ Іоахиму, но мнѣ хотѣлось уединенія и въ тоже время не хотѣлось ѣхать къ себѣ на квартиру: я боялся пустоты, которая меня поразитъ дома. Отпустивши извощика у заставы, я пошелъ пѣшкомъ. Пространство, пройденное мною, не утомило меня, какъ я этого ожидалъ, и я долго еще ходилъ по набережной противъ академіи. Въ квартирѣ Карла Павловича свѣтился огонь. Вскорѣ огонь погасъ, и черезъ минуту вышелъ онъ съ женою на набережную. Я, чтобы не встрѣтиться съ ними, ушелъ къ себѣ и, не зажегши огня, раздѣлся и легъ въ постель.

Я теперь почти не бываю дома: скука и пустота безъ Штернберга. Михайловъ опять поселился со мною и по прежнему не сидитъ дома. Онъ тоже гдѣ-то познакомился съ мичманомъ Оболонскимъ, вѣроятно у Элькина. Оболонскій часто приходитъ ночью, и если Михайлова нѣтъ дома, то онъ ложится спать на его постели. Юноша этотъ мнѣ начинаетъ менѣе нравиться, чѣмъ прежде: или онъ дѣйствительно однообразенъ, или это мнѣ такъ кажется, потому что я самъ теперь на себя не похожъ. И въ самомъ дѣлѣ, классы посѣщаю я по прежнему исправно, но работаю вяло, что и Карлъ Павловичъ замѣтилъ; мнѣ это досадно, и я не знаю, какъ исправиться.

Эмилія Карловна со мною по прежнему любезна и по прежнему играетъ со мною въ гальбе-цвельфъ.

Вскорѣ послѣ отъѣзда Штернберга Карлъ Павловичъ велѣлъ мнѣ приготовить карандаши и бумагу. Онъ хочетъ нарисовать 12 головокъ съ жены своей въ разныхъ поворотахъ для предполагаемой картины изъ баллады Жуковскаго «12 спящихъ дѣвъ». Бумага и карандаши однакожъ лежатъ безъ всякаго употребленія.

Это было въ концѣ февраля, я по обыкновенію обѣдалъ у нихъ. Въ этотъ роковой день жена Карла Павловича показалась мнѣ особенно очаровательною; за обѣдомъ она потчивала меня виномъ и была такъ любезна, что когда пробило пять часовъ, то я готовъ былъ забыть про классъ; однако-жъ она сама мнѣ про него напомнила. Дѣлать было нечего, я всталъ изъ-за стола и ушелъ не прощаясь, обѣщая зайти изъ класса и непремѣнно обыграть ее въ гальбе-цвельфъ.

Классы кончились; захожу я по обѣщанію къ нимъ. Меня въ дверяхъ встрѣчаетъ Лукьянъ и говоритъ, что баринъ никого принимать не приказали. Я не мало удивился такому превращенію и пошелъ къ себѣ на квартиру. Противъ обыкновенія засталъ я дома Михайлова и удалого мичмана. Вечеръ пролетѣлъ у насъ въ веселой болтовнѣ. Часу въ двѣнадцатомъ они пошли ужинать, а я легъ спать.

На другой день по утру изъ класса захожу я къ Карлу Павловичу, вхожу въ мастерскую, и онъ встрѣчаетъ меня весело такими словами:

— Поздравьте меня, я холостой человѣкъ!

Сначала я его не понялъ, онъ повторилъ мнѣ тоже еще разъ. Я еще не вѣрилъ, и онъ прибавилъ совсѣмъ не весело:

— Жена моя вчера послѣ обѣда ушла къ Заурвейдовой и не возвращалась.

Карлъ Павловичъ велѣлъ потомъ Лукьяну сказать Липину, чтобы тотъ подалъ ему палитру и кисти. Черезъ минуту все было подано, и онъ засѣлъ за работу. На станкѣ стоялъ неоконченный портретъ графа Мусина-Пушкина. Карлъ Павловичъ принялся за него. Какъ ни старался онъ казаться равнодушнымъ,—работа ему сильно измѣняла. Наконецъ онъ бросилъ палитру и кисти и проговорилъ какъ-бы про себя:

— Неужли это меня такъ тревожитъ? работать не могу.

И онъ ушелъ къ себѣ на верхъ.

Во второмъ часу я ушелъ въ классъ, все еще не совсѣмъ увѣренный въ случившемся. Въ три часа я вышелъ изъ класса и не зналъ, что дѣлать: идти ли мнѣ къ нему, или оставить его въ покоѣ. Лукьянъ встрѣтилъ меня въ корридорѣ и разрѣшилъ мое недоразумѣніе, сказавши:«баринъ просятъ обѣдать».—Обѣдалъ однакожъ я одинъ. Карлъ Павловичъ ни до чего не дотронулся, даже за столъ не садился, жаловался на головную боль, а самъ курилъ сигару. На другой день онъ слегъ въ постель и пролежалъ двѣ недѣли; въ это время я не отходилъ отъ него. Въ немъ по временамъ показывался горячечный бредъ, но онъ ни разу не произнесъ имя жены своей. Наконецъ онъ началъ поправляться и въ одинъ вечеръ пригласилъ брата своего Александра и просилъ его рекомендовать ему адвоката, чтобы хлопотать о формальной разводной. Теперь онъ уже выходитъ и заказалъ Довиціели большой холстъ: думаетъ начать картину «Взятіе на небо Божіей Матери» для Казанскаго собора, а въ ожиданіи холста и лѣта началъ портретъ во весь ростъ князя Александра Николаевича Голицына и Ѳедора Ивановича Прянишникова. Старикъ будетъ изображенъ въ сидячемъ положеніи, въ Андреевской лентѣ и въ сѣромъ фракѣ.

Не пишу вамъ о слухахъ, какіе ходятъ о Карлѣ Павловичѣ въ городѣ и въ самой академіи. Слухи самые нелѣпые и возмутительные, и повторять ихъ грѣшно. Въ академіи общій голосъ называетъ авторомъ этихъ вѣстей Заурвейда, и я имѣю основаніе этому вѣрить. Пускай все это немного постарѣетъ, и тогда я вамъ

сообщу мои подозрѣнія, а пока скопятся и выработаются матеріалы. Прощайте, мой незабвенный благодѣтель!

P. S. Отъ Штернберга изъ Москвы получилъ я письмо. Добрый Виля! онъ и васъ не забываетъ, кланяется вамъ и проситъ, если случится вамъ встрѣтить въ Малороссіи племянницу Тарновскаго, госпожу Бурцеву, то засвидѣтельствуйте ей отъ него глубочайшее почтеніе. Бѣдный Виля! онъ все еще помнитъ ее.

Слѣдующее за этимъ письмо я не помѣщаю потому, что оно, кромѣ нелѣпыхъ сплетень и самой гнусной клеветы, адресованной на имя Карла Великаго, ничего въ себѣ не заключаетъ; а такія вещи не должны имѣть мѣста въ сказаніи о благороднѣйшемъ изъ людей. Несчастное его супружество кончилось полюбовной сдѣлкой, т. е. разводомъ, за который онъ заплатилъ ей 13,000 рублей ассигнаціями. Вотъ и весь интересъ письма.

Петербургскаго сѣренькаго лѣта какъ не бывало. На дворѣ сырая, гнилая осень, а въ академіи нашей блистательная выставка. Что бы вамъ пріѣхать взглянуть на нее, и я бы на васъ полюбовался. По части живописи изъ ученическихъ работъ особенно замѣчательнаго ничего нѣтъ, кромѣ программы Петровскаго «Явленіе ангела пастухамъ». За то скульпторы отличились: Рамазановъ и Ставасеръ, особенно Ставасеръ. Онъ исполнилъ круглую статую молодого рыбака и какъ исполнилъ! просто прелесть, особенно выраженіе лица: затаивши дыханіе, живое лицо слѣдитъ за движеніемъ поплавка. Я помню, когда статуя была еще въ глинѣ, Карлъ Павловичъ нечаянно зашелъ въ кабинетъ Ставасера и, любуясь его статуею, посовѣтовалъ ему вдавить немного нижнюю губу рыбака. Онъ это сдѣлалъ и выраженіе измѣнилось. Ставасеръ готовъ былъ молиться на великаго Брюлова.

О живописи вообще скажу вамъ, что для одной картины Карла Павловича стоило пріѣхать изъ Китая, а не только изъ Малороссіи. Чудо богатырь: за одинъ присѣстъ и подмалевалъ, и кончилъ, и теперь угощаетъ алчную публику своимъ дивнымъ произведеніемъ. Велика его слава и необъятенъ его геній!

Что мнѣ вамъ про самого себя сказать? Получилъ первую серебрянную медаль за этюдъ съ натуры. Еще написалъ небольшую картинку маслянными красками: «Сиротка мальчикъ дѣлится милостыней съ собакою подъ заборомъ», вотъ и все. Въ продолженіи лѣта постоянно занимался въ классахъ и рано по утрамъ ходилъ съ Іоахимомъ на Смоленское кладбище лопухи и деревья рисовать. Я болѣе и болѣе влюбляюсь въ Іоахима. Мы съ нимъ почти каждый день видимся; онъ постоянно посѣщаетъ вечерніе классы.

Хорошо сошелся съ Карломъ Павловичемъ, и часто бываютъ другъ у друга. Иногда мы позволяемъ себѣ прогулки па Петровскій и Крестовскій острова съ цѣлью нарисовать черную ель или бѣлую березу. Раза два ходили пѣшкомъ въ Парголово, и тамъ познакомилъ я его со Шмидтами. Они лѣтомъ живутъ въ Парголовѣ. Іоахимъ чрезвычайно доволенъ этимъ знакомствомъ; да кто не будетъ доволенъ семействомъ Шмидта!

Раскажу вамъ еще одно презабавное происшествіе, недавно со мною случившееся. Въ одномъ этажѣ со мною поселился недавно какой-то чиновникъ съ семействомъ. Семейство его: жена, двое дѣтей и племянница, прекрасная дѣвушка, лѣтъ пятнадцати. Какимъ родомъ я узналъ всѣ эти подробности, я вамъ сейчасъ разскажу. Вы помните хорошо вашу бывшую квартиру: изъ крошечной прихожей дверь отворяется въ общій корридоръ. Однажды я отворяю эту дверь и, представьте мое изумленіе, предо мною стоитъ прекрасная дѣвушка, сконфуженная и покраснѣвшая до ушей. Я не зналъ, что сказать ей, и съ минуту помолчавши, поклонился, а она, закрывъ лице руками, убѣжала и скрылась въ сосѣдней двери. Я не могъ понять, чтобы это значило, и послѣ долгихъ догадокъ и предположеній пошелъ въ классъ. Работалъ я плохо: все мнѣ мѣшала загадочная дѣвушка. На другой день она встрѣтила меня на лѣстницѣ и вспыхнула, какъ и прежде, я тоже остолбенѣлъ; черезъ минуту она захохотала такъ дѣтски, такъ чистосердечно, что я не утерпѣлъ и началъ ей вторить. Чьи-то шаги послышались на лѣстницѣ и уняли нашъ смѣхъ. Она приложила палецъ къ губамъ и убѣжала. Я тихо поднялся по лѣстницѣ и вошелъ въ свою квартиру, еще болѣе озадаченный, чѣмъ въ первый разъ .Она мнѣ нѣсколько дней покою не давала; я поминутно выходилъ въ корридоръ въ надеждѣ встрѣтить знакомую незнакомку, но

она если и выбѣгала въ корридоръ, то такъ быстро пряталась, что я не успѣвалъ даже кивнуть ей головой, а не то чтобы порядочно поклониться. Въ такомъ положеніи прошла цѣлая недѣля. Я уже началъ было ее забывать. Только слушайте, что случилось. Въ воскресенье, въ десятомъ часу утра, входитъ ко мнѣ Іоахимъ, и угадайте, кого онъ ввелъ за собою? Мою таинственную раскраснѣвшуюся красавицу.

— Я у васъ поймалъ вора, говорилъ онъ, смѣясь.

При взглядѣ на загадочную шалунью я самъ сконфузился ни какъ не меньше пойманнаго вора; Іоахимъ это замѣтилъ и, выпуская руку красавицы, лукаво улыбнулся. Освобожденная красавица не исчезла, какъ можно было предполагать, а осталась тутъ же и поправивши косыночку и косу, осмотрѣлась и проговорила:

— А я думала, что вы какъ разъ противъ дверей сидите и рисуете, а вы вонъ гдѣ, въ другой комнатѣ.

— А если бы противъ дверей онъ рисовалъ, тогда бы что? сказалъ Іоахимъ.

— Тогда бы я смотрѣла въ дырочку, какъ они рисуютъ.

— Зачѣмъ въ дырочку? Я увѣренъ, что товарищъ мой настолько вѣжливъ, что позволитъ оставаться въ комнатѣ во время работы.

И я въ подтвержденіе словъ Іоахима кивнулъ головою и предложилъ стулъ гостьѣ. Она, не обративъ вниманія на мою вѣжливость, повернулась къ стоявшему на станкѣ, недавно мною начатому портрету госпожи Соловой, и только что начала приходить въ восторгъ отъ нарисованной красавицы, какъ послышался рѣзкій голосъ въ корридорѣ:

— Гдѣ же это она пропала! Паша!!

Гостья моя вздрогнула и поблѣднѣла.

— Тетенька, прошептала она и бросилась къ дверямъ; у дверей остановилась и, приложивши пальчикъ къ губамъ, съ минуту постояла и скрылась.

Посмѣявшись этому оригинальному приключенію, отправились мы съ Іоахимомъ къ Карлу Павловичу.

Приключеніе это само по себѣ ничтожно, но меня оно какъ будто-бы безпокоитъ; оно у меня изъ головы не выходитъ, я объ немъ постоянно думаю. Іоахимъ иногда подтруниваетъ надъ моей

задумчивостью, и мнѣ это не нравится, даже досадно, зачѣмъ онъ случился при этомъ приключеніи.

Сегодня я получилъ письмо отъ Штернберга. Онъ собирается въ какой-то походъ на Хиву и пишетъ, чтобы не ждать его къ праздникамъ, какъ онъ прежде писалъ, въ Петербургъ. Мнѣ скучно безъ него: онъ для меня ничѣмъ не замѣнимый. Михайловъ уѣхалъ къ своему мичману въ Кронштадтъ, и я уже болѣе двухъ недѣль его не вижу. Прекрасный художникъ, благороднѣйшій человѣкъ и, увы, самый безолаберный! На время его отсутствія я пригласилъ къ себѣ, по рекомендаціи Фицтума, студента Демскаго. Скромный и прекрасно образованный и въ добавокъ бѣдный молодой полякъ. Онъ цѣлый день проводитъ въ аудиторіи, а по вечерамъ занимается со мною французскимъ языкомъ и читаетъ Гиббона. Два раза въ недѣлю по вечерамъ я хожу въ зало вольнаго экономическаго общества слушать лекціи физики профессора... Хожу еще разъ въ недѣлю, вмѣстѣ съ Демскимъ, слушать лекціи зоологіи профессора Куторги. У меня, какъ вы сами видите, даромъ время не проходитъ; скучать совершенно некогда, а я все таки скучаю: мнѣ чего-то не достаетъ, а чего, я и самъ не знаю. Карлъ Павловичъ теперь ничего не дѣлаетъ и почти дома не живетъ. Я съ нимъ вижусь весьма рѣдко и то на улицѣ. Прощайте, мой незабвенный, мой благодѣтель! Не обѣщаюсь вамъ писать вскорѣ: время у меня проходитъ скучно, монотонно, писать не о чемъ, а я не хотѣлъ-бы, чтобы вы дремали надъ моими однообразными письмами такъ, какъ я дремлю надъ этимъ посланіемъ. Еще разъ прощайте!

Я обманулъ васъ: не обѣщалъ вамъ писать вскорѣ, и вотъ не прошло еще и мѣсяца послѣ послѣдняго моего посланія, а я опять принимаюсь за посланіе. Событіе поторопило, оно-то обмануло васъ, а не я. Штернбергъ заболѣлъ въ хивинскомъ походѣ; умный добрый Даль посовѣтовалъ ему оставить военный лагерь и возвратиться во своояси, и онъ совершенно неожиданно явился предо мною 16 декабря ночью. Если-бы я былъ одинъ въ комнатѣ, то я принялъ-бы его за видѣніе и, разумѣется, испугался-бы, но мы были съ Демскимъ и переводили самую веселую главу изъ «Брата Якова» Поль-де-Кока, слѣдовательно явленіе Штернберга мнѣ пока-

залось почти естественнымъ явленіемъ, хотя удивленіе и радость мои отъ этого нисколько не уменьшились. Послѣ первыхъ объятій и лобзаній отрекомендовалъ я ему Демскаго, и, какъ еще было только десять часовъ, то мы отправились въ «Берлинъ» напиться чаю. Ночь, разумѣется, прошла въ разспросахъ и разсказахъ. На разсвѣтѣ Штернбергъ изнемогъ и заснулъ, а я, дождавшись утра, принялся за его портфель, такой-же полный, какъ и тотъ, что прошлаго года онъ привезъ изъ Малороссіи. Но здѣсь уже не та природа, не тѣ люди; хотя все такъ же прекрасно и выразительно, но совершенно все другое, кромѣ меланхоліи; впрочемъ это, можетъ быть, отраженіе задумчивой души художника. Во всѣхъ портретахъ Ванъ Дейка господствующая черта умъ и благородство, и это объясняется тѣмъ, что Ванъ Дейкъ самъ былъ благороднѣйшій умница. Такъ и я толкую себѣ общую экспрессію прекрасныхъ рисунковъ Штернберга. О, если-бъ вы знали, какъ весело, какъ невыразимо быстро и весело мелькаютъ для меня дни и ночи. Такъ весело, такъ быстро, что я не успѣваю выучивать миньятюрнаго урока Демскаго, за что и грозитъ онъ вовсе отъ меня отказаться. Но Боже сохрани, я себя до этого не доведу. Знакомства наши не уменьшились, не увеличились, все тѣ-же, но всѣ они такъ расцвѣли, такъ повеселѣли, что мнѣ просто не сидится дома. Хотя, правду вамъ сказать, у меня дома тоже не безъ прелести, не безъ очарованія. Я говорю о сосѣдкѣ, о той самой воровкѣ, что у дверей поймалъ Іоахимъ. Что это за милое, невинное созданіе! Настоящій ребенокъ, и самый прекрасный, неиспорченный ребенокъ! Она ко мнѣ каждый день нѣсколько разъ забѣжитъ, попрыгаетъ, полепечетъ и выпорхнетъ, какъ птичка. Проситъ меня иногда рисовать ея портретъ, но никакъ болѣе 5 минутъ не высидитъ, просто ртуть! Не давно понадобилась мнѣ женская рука для дамскаго портрета, я попросилъ ее подержать руку; она, какъ добрая, и согласилась, и что-жъ вы думаете, секунды не подержитъ спокойно—настоящій ребенокъ! Такъ я бился, бился и наконецъ долженъ былъ пригласить модель для руки. Что-жъ вы думаете? Только что я усадилъ модель и взялъ палитру въ руки, вбѣгаетъ въ комнату сосѣдка, какъ всегда рѣзвая, смѣющаяся, и только увидѣла натурщицу, вдругъ окаменѣла, потомъ зарыдала и, какъ тигренокъ, бросилась на нее. Я не зналъ, что и дѣлать; по счастью случилась у меня

малиновая бархатная мантилья той самой дамы, съ которой я портретъ писалъ; я взялъ мантилью и накинулъ ей на плечи. Она опомнилась, подошла къ зеркалу, полюбовалась на себя съ минуту, потомъ бросила на полъ мантилью, плюнула на нее и выбѣжала изъ комнаты! Я отпустилъ модель, и рука по прежнему осталась неоконченною.

Три дня послѣ этого происшествія не показывалась сосѣдка въ моей квартирѣ; если встрѣчалась со мной въ корридорѣ, то закрывала лице руками и убѣгала въ противоположную сторону. На четвертый день только что я пришелъ изъ класса домой и началъ приготовлять палитру какъ входитъ сосѣдка, скромная, тихая, я просто не узналъ ея. Молча обнажила она по локоть руку, сѣла на стулѣ и приняла позицію изображаемой дамы. Я, какъ ни въ чемъ не бывало, взялъ палитру, кисти и принялся за работу. Черезъ часъ рука была готова. Я разсыпался въ благодарности за такую милую услугу, но она хоть бы улыбнулась, встала, опустила рукавъ и молча вышла изъ комнаты. Меня это, признаюсь вамъ, задѣло за живое, и я теперь ломаю голову, какъ возстановить мнѣ прежнюю гармонію. Такъ прошло еще нѣсколько дней, гармонія начала видимо возстановляться. Она уже не бѣгала отъ меня въ корридорѣ, а иногда даже улыбалась. Я уже начиналъ надѣяться, что вотъ-вотъ дверь растворится и влетитъ моя птичка красноперая. Дверь однако-жъ не растворялась, и птичка не показывалась. Я начиналъ безпокоиться и придумывать силокъ для коварной птички. И когда разсѣянность моя стала дѣлаться несносною не только мнѣ самому, но и добрѣйшему Демскому, въ это самое время, какъ ангелъ съ неба, является ко мнѣ Штернбергъ изъ Киргизской степи.

Теперь я живу совершенно съ однимъ Штернбергомъ и для одного Штернберга, такъ что еслибъ сосѣдка не попадалась мнѣ иногда въ корридорѣ, то можетъ быть, я бы совсѣмъ ее забылъ. Ей ужасно хочется забѣжать ко мнѣ, но вотъ горе: Штернбергъ постоянно дома, а если уходитъ со двора, то и я съ нимъ ухожу. На праздникахъ она однако-жъ не утерпѣла, и такъ какъ насъ по вечерамъ дома не бываетъ, то она замаскировалась днемъ и прибѣжала къ намъ. Я притворился, что не узнаю ея. Она долго вертѣлась и всячески старалась показать, чтобы я узналъ ее; но

я упорно стоялъ на своемъ. Наконецъ она не вытерпѣла, подошла ко мнѣ и почти въ слухъ сказала:

— Несносный, вѣдь это я!

— А когда вы снимете маску, сказалъ я шопотомъ, тогда я узнаю, кто вы.

Она немного замялась, потомъ сняла мвску и я отрекомендовалъ ей Штернберга.

Съ того дня у насъ пошло по прежнему. Со Штернбергомъ она не церемонится точно также, какъ и со мною, мы балуемъ ее разными лакомствами и обращаемся съ нею, какъ добрые братья съ родною сестрою.

— Кто она такая? однажды спросилъ меня Штернбергъ.

Я не зналъ, что отвѣчать на этотъ внезапный вопросъ. Мнѣ никогда и въ голову не приходило спросить ее объ этомъ.

— Должно быть, сирота, или дочь самой безпечной матери, продолжалъ онъ; во всякомъ случаѣ она жалка. Умѣетъ ли она хоть грамотѣ?

— И этого не знаю, отвѣчалъ я нерѣшительно.

— Давать бы ей читать что нибудь, сказалъ Штернбергъ; все-бы голова не совсѣмъ была праздна. А кстати, узнай, если она читаетъ, то я ей подарю весьма моральную и мило изданную книгу: «Векфильдскій священникъ», Гольдсмита. Прекрасный переводъ и прекрасное изданіе!

А минуту спустя онъ продолжалъ, обращаясь ко мнѣ съ улыбкою:

— Ты замѣчаешь, я сегодня чувствую себя въ припадкѣ морали. Напримѣръ, вопросъ такого рода: чѣмъ могутъ кончиться визиты этой наивной рѣзвушки?

По мнѣ пробѣжала легкая дрожь, но я сейчасъ же оправился и отвѣчалъ:

— Я думаю, ничѣмъ.

— Дай Богъ! сказалъ онъ и задумался.

Я всегда любуюсь его благородной, дѣтски беззаботной физіономіей; но теперь эта милая физіономія мнѣ показалась совсѣмъ не дѣтской, а созрѣвшей и прочувствовавшей на свою долю физіономіей. Не знаю почему, но мнѣ невольно на мысль пришла Тар-

новская, и онъ какъ бы подстерегъ мою мысль, посмотрѣлъ на меня и глубоко вздохнулъ.

— Береги ее, мой другъ. сказалъ онъ, или самъ берегись ея. Какъ ты самъ чувствуешь, такъ и дѣлай, только помни и никогда не забывай, что женщина—святая и неприкосновенная вещь и вмѣстѣ такъ обольстительна, что никакая сила воли не въ силахъ противустать этому обольщенію. Только чувство самой возвышенной евангельской любви, оно одно только можетъ защитить ее отъ позора, а насъ отъ вѣчнаго упрека. Вооружись же этимъ прекраснымъ чувствомъ, какъ рыцарь желѣзнымъ панцыремъ, и иди смѣло на врага.

Онъ на минуту замолчалъ.

— А я страшно постарѣлъ съ прошлаго года, сказалъ онъ, улыбаясь: пойдемъ лучше на улицу; въ комнатѣ что-то душно, кажется.

Долго молча мы ходили по улицѣ, молча возвратились на квартиру и легли спать.

По утру я ушелъ въ классъ, а Штернбергъ остался дома. Въ одинадцать часовъ я прихожу домой и что же вижу?! Вчерашній профессоръ морали нарядилъ мою сосѣдку въ бобровую съ бархатнымъ верхомъ и золотою кистью татарскую шапочку и какой-то красный шолковый татарскій же шугай, а самъ, надѣвши башкирскую остроконечную шапку, наигрываетъ на гитарѣ *качучу*, а сосѣдка, что твоя Тальони, такъ и отдѣлываетъ соло.

Я, разумѣется, только всплеснулъ руками, а они хоть бы тебѣ глазомъ повели: продолжаютъ себѣ качучу, какъ ни въ чемъ не бывало. Натанцовавшись до упаду, она сбросила шапочку и шугай и выбѣжала въ корридоръ, а моралистъ положилъ гитару и захохоталъ, какъ сумасшедшій. Я долго крѣпился, но наконецъ не вытерпѣлъ и такъ чистосердечно завторилъ, что приму заглушилъ.

Нахохотавшись до упаду, усѣлись мы на стульяхъ одинъ противъ другого. Съ минуту помолчавъ, онъ первый заговорилъ:

— Она самое увлекательное созданье; я хотѣлъ было нарисовать съ нея татарочку, но она не успѣла нарядиться, какъ принялась танцовать качучу, а я, какъ ты видѣлъ, не утерпѣлъ и вмѣсто карандаша и бумаги схватилъ гитару, а остальное ты знаешь. Но вотъ что ты не знаешь: до качучи она разсказала мнѣ свою исторію, разумѣется, лаконически, да подробности едва ли она и сама

знаетъ; но все-таки, если бъ не эта проклятая шапка, она бы не остановилась на половинѣ разсказа, а то увидѣла шапку, схватила, надѣла, и все забыто. Можетъ быть, она съ тобою будетъ разговорчивѣе, выспроси у нея хорошенько; ея исторія должна быть самая драматическая исторія. Отецъ ея, говоритъ она, умеръ въ прошломъ году въ Обуховской больницѣ....

Въ это время дверь отворилась и въ комнату вошелъ давно невиданный Михайловъ, а за нимъ удалой мичманъ. Безъ дальнихъ околичностей Михайловъ предложилъ намъ завтракъ у Александра. Мы переглянулись съ Штернбергомъ и, разумѣется, согласились. Я заикнулся было на счетъ классовъ, но Михайловъ такъ неистово захохоталъ, что я молча надѣлъ шляпу и взялся за ручку двери.

— А еще хочешь быть художникомъ! Развѣ въ классахъ образуются истинные великіе художники? торжественно произнесъ неугомонный Михайловъ.

Мы согласились, что лучшая школа для художника—таверна, и въ добромъ согласіи отправились къ Александру.

У Полицейскаго моста мы встрѣтили Элькина, прогуливающагося съ какимъ-то молдаванскимъ бояриномъ и разговаривающаго на молдаванскомъ нарѣчіи. Мы взяли и его съ собой.

Странное явленіе этотъ Элькинъ: нѣтъ языка, на которомъ-бы онъ не говорилъ, нѣтъ общества, въ которомъ-бы онъ не встрѣчался, начиная съ нашей братіи и кончая графами и князьями. Онъ, какъ сказочный волшебникъ, вездѣ и нигдѣ: и на Англійской набережной, у конторы пароходства, пріятеля за границу провожаетъ, и въ конторѣ дилижансовъ, или даже у средней рогатки тоже провожаетъ какого нибудь задушевнаго москвича, и на свадьбѣ, и на крестинахъ, и на похоронахъ, и все это впродолженіи одного дня, который онъ заключаетъ присутствіемъ своимъ во всѣхъ трехъ театрахъ. Настоящій Пинетти! Его иные остерегаются, какъ шпіона, но я въ немъ не вижу ничего похожаго на подобное созданіе. Онъ въ сущности неумолкаемый говорунъ и добрый малый и въ добавокъ плохой фельетонистъ. Его еще въ шутку называютъ вѣчнымъ жидомъ, и этотъ титулъ онъ самъ находитъ для себя приличнымъ. Онъ со мною иначе не говоритъ, какъ по фран-

цузски, за что я ему весьма благодаренъ, такъ какъ это для меня хорошая практика.

Вмѣсто завтрака у Александра мы плотно пообѣдали и разошлись во свояси. Михайловъ и мичманъ у насъ переночевали и по утру уѣхали въ Кронштадтъ. Святки прошли у насъ быстро, значитъ весело. Карлъ Павловичъ велитъ мнѣ приготовляться къ конкурсу на вторую золотую медаль. Не знаю, что-то будетъ. Я такъ мало еще учился, но съ Божьей помощью попробуемъ. Прощайте, мой незабвенный благодѣтель! Не имѣю сказать вамъ ничего болѣе.

Ужъ и масляница, и великій постъ, и наконецъ праздники прошли, а я вамъ не писалъ ни одного слова. Не подумайте, мой безцѣнный, незабвенный благодѣтель, что я забываю васъ. Боже меня сохрани отъ подобнаго грѣха! Во всѣхъ помышленіяхъ, во всѣхъ начинаніяхъ моихъ вы, какъ самое свѣтлое, самое отрадное существо, присутствуете въ моей благодарной душѣ; причина же моего молчанія очень проста, не о чемъ писать—однообразіе. Нельзя сказать, чтобы это однообразіе было скучное, монотонное, напротивъ, дни, недѣли и мѣсяцы для меня летятъ незамѣтно. Какое благодѣтельное дѣло—трудъ! особенно если онъ находитъ поощреніе. А я, слава Богу, въ поощреніи не нуждаюсь: на экзаменахъ я постоянно не сажусь ниже 3-го №; Карлъ Павловичъ постоянно мною доволенъ, какое-же можетъ быть отраднѣе, существеннѣе поощреніе для художника? Я безгранично счастливъ! Эскизъ мой на конкурсѣ приняли безъ малѣйшей перемѣны, и я уже принялся за программу. Сюжетъ я полюбилъ, онъ мнѣ совершенно по душѣ, и я весь ему предался; это сцена изъ Иліады: Андромаха надъ тѣломъ Патрокла. Теперь только я совершенно понялъ, какъ необходимо изученіе антиковъ и вообще жизни и искусства древнихъ грековъ и какъ мнѣ въ этомъ случаѣ пригодился французскій языкъ. Я не знаю, какъ благодарить добраго Демскаго за эту услугу.

Мы очень оригинально встрѣтили праздникъ Христова Воскресенія съ Карломъ Павловичемъ. Онъ днемъ еще говорилъ мнѣ, что намѣренъ идти къ заутрени въ Казанскій соборъ, чтобы посмотрѣть

свою картину при огненномъ освѣщеніи и крестный ходъ. Въ вечеру велѣлъ подать чай въ десять часовъ. Чтобы незамѣтнѣе прошло время, я налилъ ему и себѣ чаю, онъ закурилъ сигару, легъ на кушетку и началъ читать въ слухъ «Пертскую красавицу», а я ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Только и помню; потомъ слышу неясно, какъ будто громъ, открываю глаза,—въ комнатѣ свѣтло, лампа едва горитъ на столѣ; Карлъ Павловичъ спитъ на кушеткѣ; книга на полу лежитъ, а я сижу въ креслахъ и слушаю, какъ изъ пушекъ стрѣляютъ. Погасивши лампу, я тихонько вышелъ изъ комнаты и пошелъ къ себѣ на квартиру. Штернбергъ еще спалъ. Я умылся, одѣлся и вышелъ на улицу. Люди уже съ освященными пасхами выходили изъ Андреевской церкви. Утро было настоящее праздничное. И знаете, что меня больше всего занимало въ это время?—Совѣстно сказать, а сказать необходимо, необходимо потому, что мнѣ было бы грѣшно скрывать отъ васъ какую бы то ни было мысль или ощущеніе. Я былъ въ это время настоящій ребенокъ. Меня больше всего занималъ тогда мой непромокаемый плащъ. Не странно ли, меня тѣшитъ праздничная обнова? А если подумать, такъ и не странно. Глядя на полы своего блестящаго плаща, я думалъ: давно ли я въ затрапезномъ, запачканномъ халатѣ не смѣлъ и помышлять о подобномъ блестящемъ нарядѣ, а теперь! Сто рублей бросаю за какой нибудь плащъ, просто Овидіево превращеніе! Или, бывало, промыслишь какъ нибудь эту бѣдную полтину и несешь ее въ раекъ, не выбирая спектакля, и за полтину, бывало, такъ чистосердечно нахохочусь и горько наплачусь, что иному во всю жизнь свою не прійдется такъ плакать и такъ смѣяться. И давно ли это было? Вчера, не дальше,—и такая чудная перемѣна! Теперь я уже иначе не иду въ театръ, какъ въ кресла и рѣдко когда въ мѣста за креслами, и иду смотрѣть не что попало, а наровлю попасть или на бенефисъ, или на повтореніе бенефиса, или хоть и старое что нибудь, но всегда съ выборомъ. Правда, что я утратилъ уже тотъ непритворный смѣхъ и искреннія слезы, но мнѣ ихъ не жаль. Вспоминая все это, я васъ вспоминаю, мой незабвенный благодѣтель, и то святое утро, въ которое васъ самъ Богъ навелъ на меня въ Лѣтнемъ саду, чтобы взять меня изъ грязи и ничтожества. Праздникъ встрѣтилъ я въ семействѣ Уваровыхъ, не подумайте графовъ, Боже сохрани, мы еще такъ высоко

не летаемъ. Это простое скромное семейство, но такое доброе, милое, гармоничное, что, дай Богъ, чтобы всѣ семейства на свѣтѣ были таковы. Я принятъ у нихъ, какъ самый близкій родной. Карлъ Павловичъ тоже ихъ не рѣдко посѣщаетъ.

Праздникъ провели мы весело. Въ продолженіи недѣли ни разу не обѣдали у m-me Юргенсъ, а все въ гостяхъ, то у Іоахима, то у Шмидта, то у Фицтума, а вечера или въ театрѣ, или у Шмидта. Сосѣдка наша по прежнему насъ посѣщаетъ, и все такая же шалунья, какъ и прежде была. Жаль, что она не можетъ служить мнѣ моделью для Андромахи: слишкомъ молода и субтильна, если можно такъ выразиться. Я удивляюсь, что это за женщина ея тетенька. Она, кажется, и не думаетъ о своей шалуньѣ племянницѣ. Она иногда у насъ бѣсится часа два сряду, а тетенькѣ и нуждушки нѣтъ. Странно! Штернбергъ досказалъ мнѣ ея исторію. Матери она не помнитъ, а отецъ ея былъ какой-то бѣдный чиновникъ и, какъ кажется, пьяница, потому что когда они жили въ Коломнѣ, то онъ каждый день приходилъ съ должности краснехонькой, какъ она сама выразилась, и сердитый; если у него были деньги, то онъ посылалъ ее въ кабакъ за водкой, а если денегъ не было, то посылалъ ее на улицу просить милостыню, а вицъ-мундиръ носилъ всегда съ прорванными локтями. Тетка, ея теперешняя покровительница, а его родная сестра, иногда приходила къ нимъ и просила его, чтобы онъ Пашу отдалъ ей на воспитаніе; но онъ и слышать не хотѣлъ. Долго-ли они такъ жили въ Коломнѣ, она не помнитъ; только однажды зимою онъ съ должности не пришелъ ночевать на квартиру; она одна ночевала дома и ничего не боялась. На другую ночь онъ тоже не приходилъ, а на третій день уже пришелъ за нею отъ отца изъ Обуховской больницы служитель. Она пошла къ нему, и служитель дорогою ей разсказалъ, что отца ея будочники подняли ночью на улицѣ и отправили въ часть, а изъ части уже на другой день въ горячкѣ привезли его въ больницу и что прошлой ночью онъ не надолго пришелъ въ себя, сказалъ свою фамилію, разсказалъ, гдѣ его квартира, и просилъ привести ее къ себѣ. Больной отецъ не узналъ ея и прогналъ отъ себя. Тогда она пошла къ теткѣ и осталась у нея. Вотъ и вся ея грустная исторія. На дняхъ подарилъ ей Штернбергъ «Векфильдскаго священника». Она схватила книгу, какъ дитя хватаетъ хорошенькую иг-

рушку, и, какъ дитя, поиграла ею, посмотрѣла картинки и бросила на столъ, а уходя и не вспомнила о книгѣ. Штернбергъ почти рѣшительно увѣренъ, что она безграмотна, я тоже думаю, судя по ея печальному дѣтству. У меня даже родилась мысль, если она дѣйствительно безграмотна, выучить ее по крайней мѣрѣ читать. Штернбергу мысль моя понравилась, и онъ вызвался помогать мнѣ. Онъ такъ увѣренъ въ ея безграмотности, что въ тотъ-же день пошелъ въ книжную лавку и купилъ азбуку съ картинками. Но благой проэктъ нашъ только проэктомъ и остался, и вотъ почему: на другой день, когда мы хотѣли приступить къ первой лекціи, пріѣхалъ изъ Крыма Айвазовскій и остановился у насъ на квартирѣ. Штернбергъ съ восторгомъ встрѣтилъ своего товарища, но мнѣ, не знаю почему, на первый разъ Айвазовскій не понравился. Въ немъ есть, не смотря на его изящныя манеры, что-то не симпатическое, не художническое, а что-то вѣжливо-холодное, отталкивающее. Портфеля своего онъ намъ не показываетъ: говоритъ, оставилъ въ Ѳеодосіи у матери, а дорогой ничего не рисовалъ, потому что торопился застать первый заграничный пароходъ. Онъ прожилъ съ нами однако-жъ слишкомъ мѣсяцъ, не знаю по какимъ обстоятельствамъ. И въ продолженіи этого времени сосѣдка насъ ни разу не посѣтила: она боится Айвазовскаго, и я его за это готовъ каждый день проводить за границу. Но вотъ мое горе—съ нимъ вмѣстѣ и мой безцѣнный Штернбергъ уѣзжаетъ.

Еще прошло нѣсколько дней, и мы проводили моего Штернберга до Кронштадта. Около него собралось насъ человѣкъ десять, а около Айвазовскаго ни одного. Странное явленіе между художниками! Въ числѣ провожавшихъ Штернберга былъ и Михайловъ, и одолжилъ-же онъ насъ! Послѣ дружескаго веселаго обѣда у Стеварта онъ заснулъ богатырски. Мы хотѣли его разбудить, но не могли и, взявши пару бутылокъ Клико, отправились съ Штернбергомъ на пароходъ. На палубѣ «Геркулеса» выпили вино, вручили нашего друга г. Тыринову, надальнику парохода, простились и возвратились уже вечеромъ въ трактиръ. Михайловъ уже полупроснулся. Мы принялись разсказывать ему, какъ провожали мы Штернберга,—онъ молчалъ,—и какъ были на пароходѣ,—онъ все молчалъ, и какъ выпили двѣ бутылки Клико.—Негодяи! проговорилъ онъ при словѣ Клико, не разбудили товарища проводить.

Скучно мнѣ безъ моего милаго Штернберга, такъ скучно, что я не только отъ квартиры, гдѣ мнѣ все его напоминаетъ, но даже отъ рѣзвой сосѣдки своей готовъ бѣгать. Не пишу вамъ теперь ничего больше: скучно, а я не хочу навести на васъ скуку своимъ монотоннымъ посланіемъ. Примусь лучше за програму. Прощайте!

Лѣто у меня такъ быстро промелькнуло, быстрѣе, чѣмъ у празднаго денди одна минута. Я послѣ выставки едва только замѣтилъ, что оно уже кануло въ вѣчность. А между прочимъ въ продолженіи лѣта мы съ Іоахимомъ нѣсколько разъ посѣщали на Крестовскомъ островѣ старика Кольмана, и подъ его руководствомъ я сдѣлалъ три этюда: двѣ елки и одну березу. Добрѣйшее созданіе этотъ Кольманъ! Шмидты возвратились уже въ городъ, и они-то мнѣ напомнили своими упреками, что уже прошло лѣто. Я ихъ ни разу не посѣтилъ. Далеко, а у меня всѣ дни и ночи были отданы программѣ. За то какъ они искренно поздравляли меня съ успѣхомъ! Да, съ успѣхомъ, мой незабвенный благодѣтель! Какое великое дѣло для ученика программа! Это пробный камень, и какое великое для него счастье, если онъ на этомъ камнѣ оказался неподдѣльнымъ и истиннымъ художникомъ! Я это счастье испыталъ вполнѣ. Не могу описать вамъ этого чудного, этого безпредѣльно сладкаго чувства. Это продолжительное присутствіе всего святаго, всего прекраснаго въ мірѣ въ одномъ человѣкѣ. За то какое горькое, какое мучительное состояніе души предшествуетъ этой святой радости—это ожиданье. Не смотря на то, что Карлъ Павловичъ увѣрялъ меня въ успѣхѣ, я такъ страдалъ, какъ страдаетъ преступникъ передъ смертной казнью,—нѣтъ, больше. Я не зналъ, умру ли я, или останусь въ живыхъ, а это по моему тягостнѣе. Приговоръ еще не былъ произнесенъ, и въ ожиданіи этого страшнаго приговора зашли мы съ Михайловымъ къ Дели сыграть партію въ биліардъ, но у меня дрожали руки и я не могъ сдѣлать ни одного шара, а онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, такъ и рѣжетъ; а вѣдь онъ тоже былъ подъ судомъ: его программа стояла рядомъ съ моею. Меня бѣсило такое равнодушіе; я бросилъ кій и ушелъ къ себѣ на квартиру. Въ корридорѣ встрѣтила меня смѣющаяся, счастливая сосѣдка.

— Что? спросила она меня.

— Ничего, отвѣтилъ я.

— Какъ ничего? Я убрала вашу комнату, какъ для свѣтлаго праздника, а вы идете такой скучный.

И она тоже хотѣла сдѣлать скучную мину, но никакъ не могла. Я поблагодарилъ ее за вниманіе и просилъ въ комнату. Она такъ дѣтски непритворно начала утѣшать меня, что я не выдержалъ и расхохотался.

— Ничего еще неизвѣстно: экзаменъ еще не кончился, сказалъ я.

— Такъ зачѣмъ же вы меня обманули, безсовѣстный! Еслибъ я знала, не убирала-бъ и комнату.

И она надула розовенькія губки.

— У Михайлова, продолжала она, небось я не убрала; пускай себѣ съ своимъ мичманомъ валяются, какъ медвѣди въ берлогѣ, мнѣ какое дѣло.

Я поблагодарилъ за предпочтеніе и спросилъ ее, будетъ ли она рада, если Михайловъ медаль получить, а я нѣтъ.

— Я ему руки переломаю, глаза выцарапаю, я его убью до смерти.

— А если я?

— Я тогда сама умру отъ радости.

— За что же мнѣ такое предпочтеніе? спросилъ я ее.

— За что?... за то... за то... что вы меня обѣщались зимой грамотѣ учить.

— И я сдержу свое слово, сказалъ я.

— Идите же въ академію, сказала она, и узнайте, что тамъ дѣлается, а я васъ подожду въ корридорѣ.

— Зачѣмъ же не здѣсь? спросилъ я.

— А если придетъ мичманъ, что я тогда буду дѣлать?

Правда, подумалъ я и, не говоря ни слова, вышелъ въ корридоръ. Она замкнула дверь и ключъ спрятала въ карманъ.

— Я не хочу, замѣтила она, чтобы они безъ васъ вошли въ вашу комнату и что нибудь испортили.

Съ чего она взяла, что они у меня что нибудь испортятъ, подумалъ я,—такъ просто дѣтскій капризъ.

— До свиданья! сказалъ я, спускаясь по лѣстницѣ: пожелайте мнѣ счастья.

— Отъ всей души, сказала она восторженно и скрылась.

Я вышелъ на улицу. Войти въ академію я боялся: академическія ворота показались мнѣ разинутою пастью какого то страшнаго чудовища. Побродивши однако-жъ до поту по улицѣ, я перекрестился и пробѣжалъ въ страшныя ворота. Во второмъ этажѣ, въ корридорѣ

какъ тѣни у Харонова перевоза, блуждали мои нетерпѣливые товарищи; въ толпу ихъ вмѣшался и я. Профессора уже прошли изъ цыркля въ конференцъ-залу, ужасная минута близилась! Андрей Ивановичъ (инспекторъ) вышелъ изъ круглой залы, я ему первый попался на встрѣчу, и онъ, проходя мимо меня, шепнулъ мнѣ: поздравляю! Въ жизнь свою я не слыхалъ да и не услышу такого сладкаго, такого гармоническаго звука. Я стремглавъ бросился домой и въ восторгѣ разцѣловалъ мою сосѣдку. Хорошо еще, что никто не видѣлъ, потому что это было на лѣстницѣ. Хотя я здѣсь ничего предосудительнаго не вижу, но все-таки, слава Богу, что никто не видалъ.

Такъ, или почти такъ совершился этотъ душу потрясающій экзаменъ. И все то, что я вамъ написалъ, теперь это только темный силуэтъ съ живой природы, слабая тѣнь настоящаго происшествія: его ничѣмъ нельзя выразить—ни перомъ, ни кистью, ни даже живыми словами. Михайлову экзаменъ не удался. Боже сохрани, если бы со мной случилось подобное несчастіе. Я бы съ ума сошелъ, а онъ какъ ни въ чемъ не бывало, зашелъ на квартиру, надѣлъ теплое пальто и уѣхалъ къ своему мичману въ Кронштадтъ. Я не знаю, что у него за симпатія къ этому мичману; я въ немъ совершенно не нахожу ничего привлекающаго, а онъ отъ него безъ души. Сначала, правда, онъ и мнѣ понравился, но это не на долго, а бѣдный мой учитель Демскій—вотъ истинно симпатическій человѣкъ! Онъ, бѣдный, боленъ и неизлечимо боленъ: чахотка въ послѣднемъ періодѣ. Онъ еще ходитъ, но едва-едва ходитъ. На дняхъ зашелъ поздравить меня съ медалью, и мы съ нимъ провели вечеръ въ самой сладкой дружеской бесѣдѣ. Онъ мнѣ предсказывалъ мое будущее съ такимъ убѣжденіемъ, такъ натурально, живо, что я невольно ему вѣрилъ. И бѣдный Демскій, онъ и не подозрѣваетъ своей болѣзни; онъ такъ искренно увлекается своимъ будущимъ, какъ можетъ увлекаться только полный здоровья юноша. Счастливецъ, если можно назвать мечту счастьемъ. Онъ говоритъ, что главное и самое трудное уже уничтожено, т. е. нищета, что онъ не обязанъ уже просиживать ночи надъ перепиской лекцій за какой нибудь рубль, что онъ теперь совершенно независимъ отъ нищеты, можетъ предаться своей любимой наукѣ, что онъ, если не превзойдетъ своего идола Лелевеля въ отече-

ственной исторіи, то по крайней мѣрѣ сравняется съ нимъ и что будущая его диссертація откроетъ ему всѣ средства осуществить свои блестящія надежды; а между тѣмъ бѣднякъ кашляетъ кровью и старается это скрыть отъ меня. И, Боже мой, чего бы я не далъ за осуществленіе его пламенныхъ желаній! Но увы! совершенно никакой надежды, едва ли проживетъ онъ и до вскрытія Невы.

Въ минуту самыхъ сердечныхъ изліяній Демскаго съ шумомъ отворилась дверь и вошелъ удалой мичманъ.

— Что Мишка у себя? спросилъ онъ, не снимая шапки.

— Онъ вчера еще уѣхалъ къ вамъ, отвѣчалъ я.

— Значитъ мы съ нимъ разъѣхались; пусть его прогуляется, а между прочимъ я у васъ ночую.

И онъ вошелъ въ комнату Михайлова. Я ему подалъ свѣчу. Что мнѣ было дѣлать? Я предложилъ Демскому постель Михайлова въ совершенной надеждѣ, что у насъ ея никто не завоюетъ. Демскій замѣтилъ мое невыгодное положеніе, улыбнулся, взялъ шапку и протянулъ мнѣ руку. Я тоже молча взялъ шапку и вышелъ съ нимъ на улицу, предоставивъ мичмана самому себѣ. Проводивши Демскаго до его квартиры, я весьма неохотно возвратился назадъ, и чтоже застаю дома? Сосѣдка моя не знала, что меня дома нѣтъ, и забѣжала въ мою комнату, а удалой полураздѣтый мичманъ схватилъ ее и хотѣлъ было дверь на ключъ запереть, но въ это время я подошелъ къ двери и помѣшалъ ему. Сосѣдка вырвалась у него изъ рукъ, плюнула ему въ лицо и убѣжала.

— Настоящая ртуть, сказалъ онъ, утираясь.

Меня эта сцена оскорбила, но я этого не далъ ему замѣтить и какъ еще было не поздно, то безъ церемоніи оставилъ его на квартирѣ, а самъ пошелъ искать лучшаго товарища коротать осенній вечеръ.

Визиты мои товарищамъ были неудачны: я кланялся только замкамъ дверей. Къ Шмидтамъ идти было поздно; Карла Павловича тоже не было дома, и я не зналъ, что съ собою дѣлать; меня мучилъ проклятый мичманъ; я ненавидѣлъ его. Не знаю, была ли то ревность, или просто чувство отвращенія къ человѣку, который поругалъ святое чувство скромности въ женщинѣ. Женщинѣ, какая бы она ни была, мы обязаны если не уваженіемъ, такъ по крайней мѣрѣ приличіемъ. А мичманъ пренебрегъ и то и другое: онъ

просто пьянъ или въ глубинѣ души мерзавецъ. Я какъ-то невольно вѣрую въ послѣднее. Въ квартирѣ Карла Павловича засвѣтился огонь, и я зашелъ къ нему и у него переночевалъ. Карлъ Павловичъ замѣтилъ однако-жъ мое ненормальное состояніе, но былъ такъ любезенъ, что не сдѣлалъ мнѣ ни одного вопроса, велѣлъ сдѣлать мнѣ постель въ одной комнатѣ съ собою и самъ сѣлъ читать въ слухъ. То была книга Вашингтона Ирвинга «Христофоръ Колумбъ». Читая, онъ тутъ же импровизировалъ картину, какъ неблагодарные испанцы выводятъ съ баркаса на берегъ обремененнаго цѣпями великаго адмирала. Какая грустная, поучительная картина! Я предложилъ ему лоскутокъ бумаги и карандашъ; но онъ отказался и продолжалъ читать.

Однажды во время ужина, разсказывая свое путешествіе по древней Элладѣ, Карлъ Павловичъ набросалъ чудную картину подъ названіемъ: «Аѳинскій вечеръ». Картина представляла аѳинскую улицу, освѣщенную вечернимъ солнцемъ. На горизонтѣ вчернѣ оконченный Парфенонъ, но еще лѣса не убраны. На первомъ планѣ среди улицы пара буйволовъ везутъ мраморную статую «Рѣка Илисъ» Фидія; съ боку самъ Фидій, встрѣчаемый Перикломъ и Аспазіей и всѣмъ, что было славнаго въ Перикловыхъ Аѳинахъ, начиная съ знаменитой гетеры и до Ксантипы. И все это освѣщено лучами заходящаго солнца. Великолѣпная картина! Что аѳинская школа передъ этой животрепещущей картиной!? А онъ именно потому только ея и не исполнилъ, что уже существуетъ Аѳинская школа. И сколько подобныхъ картинъ онъ оканчиваетъ или вдохновеннымъ словомъ или вершковымъ эскизомъ въ своемъ весьма не великолѣпномъ альбомѣ. Такъ, напримѣръ, прошедшей зимой онъ начертилъ нѣсколько самыхъ миніатюрныхъ эскизовъ на одну и туже тему. Я ничего не могъ понять и только дагадывался, что великій мой учитель замышляетъ что-то великое; и я не обманулся въ своихъ догадкахъ.

Нынѣшнее лѣто я сталъ замѣчать, что онъ до восхода солнечнаго ежедневно началъ уходить въ свою мастерскую, въ портикъ, въ своей сѣрой рабочей курткѣ, и оставался тамъ до самаго вечера. Одинъ Лукьянъ только зналъ, что тамъ совершается, потому что онъ приносилъ ему воду и обѣдъ. Я тогда работалъ надъ программой и не могъ предложить ему услугъ книгочтенія, хотя и былъ

увѣренъ, что онъ охотно принялъ бы такую услугу, потому что онъ любитъ чтеніе. Такъ прошло три недѣли. Я трепеталъ отъ нетерпѣнія. Никогда онъ такъ постоянно не посѣщалъ свою студію. Должно быть что нибудь необыкновенное; да и что обыкновенное создаетъ такой колоссальный геній.

Однажды я передъ вечеромъ, отпустивъ натурщика, хотѣлъ выйти на улицу. Въ корридорѣ встрѣтился мнѣ Карлъ Павловичъ съ небритой бородой. Онъ пожелалъ видѣть мою программу. Я съ трепетомъ ввелъ его въ свой кабинетъ, онъ сдѣлалъ нѣсколько не важныхъ замѣчаній и сказалъ: «теперь пойдемъ смотрѣть на мою программу», и мы пошли въ портикъ.

Я не знаю, разсказывать ли вамъ, что я тамъ увидѣлъ. Разсказать я вамъ долженъ, но какъ я разскажу неразсказываемое?!

Отворились двери въ мастерскую, и мнѣ представилось огромное темное полотно, натянутое на раму. На полотнѣ черной краской написано: «нач. 17 іюня», за полотномъ музыкальный ящикъ игралъ хоръ Noблей изъ «Гугенотовъ». Съ замираніемъ сердца прошелъ я за полотно, оглянулся и у меня дыханіе захватило: предо мною стояла не картина, а со всѣмъ ужасомъ и величіемъ живая «Осада Пскова». Вотъ гдѣ смыслъ крошечныхъ эскизовъ! Вотъ для чего онъ прошедшее лѣто дѣлалъ прогулку въ Псковъ! Я зналъ о его предположеніи, но никогда не могъ вообразить себѣ, чтобы это такъ быстро исполнилось. Такъ быстро и такъ прекрасно! Пока я сдѣлаю для васъ небольшой контуръ съ этого новаго чуда, опишу вамъ его, разумѣется, весьма ограниченно.

На правой сторонѣ отъ зрителя, на третьемъ планѣ картины, взрывъ башни; немного ближе проломъ въ стѣнѣ и въ проломѣ рукопашная схватка, да такая схватка, что смотрѣть страшно. Кажется, слышишь крики и звонъ мечей о желѣзные ливонскіе, польскіе, литовскіе и, Богъ знаетъ, еще о какіе желѣзные шлемы. На лѣвой сторонѣ картины, на второмъ планѣ, крестный ходъ съ хоругвями и съ иконой Божіей Матери, торжественно спокойно предшествуемый епископомъ съ мечемъ святого Михаила, князя псковскаго. Какой удивительный контрастъ! На первомъ планѣ, въ срединѣ картины, блѣдный монахъ съ крестомъ въ рукѣ, верхомъ на гнѣдой лошади. По правую сторону монаха издыхающій бѣлый конь Шуйскаго, а самъ Шуйскій бѣжитъ къ пролому съ поднятыми

вверхъ руками. По лѣвую сторону монаха благочестивая старуха благословляетъ юношу, или, лучше сказать, мальчика, на супостата. Еще лѣвѣе дѣвушка поитъ водою изъ ведра утомленныхъ воиновъ, а въ самомъ углу картины полуобнаженный умирающій воинъ, поддерживаемый молодою женщиной, быть можетъ будущей вдовой. Какіе чудные разнообразные эпизоды! И я вамъ ихъ и половины не описалъ: мое письмо было бы безконечно и все таки не полно, если бы я вздумалъ описывать всѣ подробности этого совершенства искусства.

Удовольствуйтесь на первый разъ хоть этимъ прозаическимъ очеркомъ въ высшей степени поэтическаго произведенія. Со временемъ пришлю вамъ контуръ съ него, и вы тогда яснѣе увидите, что это за божественное произведеніе.

О чемъ же мнѣ еще писать вамъ, мой незабвенный благодѣтель! Я такъ рѣдко и такъ мало пишу вамъ, что мнѣ совѣстно. Упреки ваши, что я лѣнивъ писать, не совсѣмъ справедливы. Я не лѣнивъ, но не мастеръ объ обыденной жизни своей разсказывать увлекательно, какъ это другіе умѣютъ дѣлать. Я недавно (собственно для писемъ) прочиталъ Кларису, переводъ Жуль Жиньяка, и мнѣ понравилось одно только предисловіе переводчика, а самыя письма такія сладкія, такія длинныя, что изъ рукъ вонъ. И какъ это достало терпѣнія у человѣка писать такія безконечныя письма! А письма изъ-за границы мнѣ еще менѣе понравились: претензіи много, а толку мало, педантизмъ и больше ничего. Я, признаюсь вамъ, имѣю сильное желаніе выучиться писать, да не знаю, какъ это сдѣлать. Научите меня. Ваши письма такъ хороши, что я ихъ наизусть выучиваю, а пока овладѣю вашимъ секретомъ, буду вамъ писать такъ, какъ сердце продиктуетъ, и моя простосердечная откровенность пускай пока замѣнитъ искусство.

Переночевавши у Карла Павловича, я часу въ десятомъ весьма неохотно пошелъ къ себѣ на квартиру. Михайловъ былъ уже дома и наливалъ въ стаканъ едва проснувшемуся мичману какое-то вино, а моя вѣтренная сосѣдка, какъ ни въ чемъ не бывало, выглядывала изъ моей комнаты и хохотала во все горло. Никакого самолюбія, ни тѣни скромности! Простая ли это естественная наивность, или это слѣдствіе уличнаго воспитанія? Вопросъ для меня неразрѣшимый, неразрѣшимый потому, что я къ ней безотчетно привя-

занъ, какъ къ самому милому ребенку. И, какъ настоящаго ребенка, я посадилъ ее за азбучку. По вечерамъ она твердитъ склады, а я что нибудь черчу или съ нея же портретъ рисую. Головка просто прелесть! И замѣчательно, что съ тѣхъ поръ, какъ она начала учиться, перестала хохотать, а мнѣ смѣшно становится, когда я смотрю на ея серьезное дѣтское личико. Отъ нечего дѣлать впродолженіи зимы я думаю написать съ нея этюдъ при огненномъ освѣщеніи, въ такомъ самомъ положеніи, какъ она сидитъ съ указкою въ рукѣ, углубившись въ азбучку. Это будетъ очень миленькая картинка à la Грезъ! Не знаю, совладаю ли я съ красками; въ карандашѣ она порядочно выходитъ.

На дняхъ я познакомился съ ея тетушкой и весьма оригинально. По обыкновенію, въ одинадцать часовъ утра, возвращаюсь изъ класса, въ корридорѣ встрѣчаетъ меня Паша и именемъ тетеньки проситъ къ себѣ на кофе. Меня это изумило, я отказываюсь. Да и въ самомъ дѣлѣ, какъ войти въ незнакомый домъ и прямо на угощеніе? Она однако-жъ не даетъ мнѣ выговорить слова, тащитъ меня за рукавъ къ своимъ дверямъ, какъ упрямаго теленка; я, какъ теленокъ, упираюсь и уже чуть-чуть не освободилъ свою руку, какъ раскрылась дверь и явилась на помощь сама тетенька. Не говоря ни слова, схватываетъ она меня за другую руку и втаскиваютъ въ комнату, двери на ключъ и просятъ быть какъ дома.

— Прошу покорно, безъ церемоніи, говоритъ, запыхавшись, хозяйка: не взыщите на простотѣ. Пашенька, что-же ты ротъ разинула? Неси скорѣе кофей!

— Сейчасъ, тетя! отозвалась Паша изъ другой комнаты и черезъ минуту явилась съ кофейникомъ и чашками на подносѣ, настоящая Геба.

Тетя тоже немного смахивала на тучегонителя.

— Намъ съ вами давно хотѣлось познакомиться, такъ начала гостепріимная хозяйка: да все какъ-то случай не выпадалъ, а сегодня, слава Богу, я таки поставила на своемъ. Ужъ вы насъ извините за простоту. Не угодно ли чашечку кофею? Давно что-то нашей охтянки не видать, а въ лавочкѣ сливки такая дрянь, да что будешь дѣлать? Ко мнѣ Паша давно уже пристаетъ, чтобы я познакомилась съ вами, да вы-то такой нелюдимъ, настоящій затворникъ, и въ корридоръ-то вы лишній разъ не выглянете. Кушайте еще

чашечку. Вы съ нашей Пашенькой просто чудо сотворили: мы ее просто не узнаемъ: съ утра до ночи за книжкой, воды не замутитъ, такъ что даже любо. А вчера, вообразите наше удивленіе, достала съ картинками книжку, ту самую, что вашъ товарищъ подарилъ ей, раскрыла и принялась читать; правда еще не совсѣмъ бойко, но понимать совершенно все можно. Какъ бишь называется эта книга?

— «Векфильдскій священникъ», сказала Паша, выходя изъ-за перегородки.

— Да, да, священникъ, какъ онъ бѣдный, и въ острогѣ сидѣлъ, какъ онъ и дочь свою безпутную отыскивалъ,—всю книжку, какъ есть, прочитала—куда и сонъ дѣвался! Кто выучилъ тебя? спрашиваю я ее. Она говоритъ: вы. Вотъ ужъ, правду сказать, одолжили вы насъ. Кирило Афанасьичъ мой если не въ должности, такъ дома сидитъ за бумагами. Настанетъ вечеръ, мы и примемся за молчанку, и вечеръ тебѣ годомъ кажется, а теперь, да я просто и не видала, какъ онъ пролетѣлъ! Не угодно ли еще чашечку?

Я отказался и хотѣлъ уйти; не тутъ-то было. Самымъ нецеремоннымъ образомъ хозяйка схватила меня за руку и усадила на свое мѣсто, приговаривая: нѣтъ, у насъ (не знаемъ, какъ у васъ) такъ не дѣлаютъ,—вошелъ и вышелъ. Нѣтъ, просимъ покорно побесѣдовать съ нами да закусить, чѣмъ Богъ послалъ.

Отъ закуски и отъ бесѣды я однако-жъ отказался, ссылаясь на боль въ животѣ и на колотье въ боку, чего у меня, слава Богу, никогда не бывало. А дѣло въ томъ, что мнѣ нужно было идти въ классъ: первый часъ уже былъ въ исходѣ.

На честное слово я былъ отпущенъ до семи часовъ вечера. Вѣрный данному слову, въ семь часовъ вечера я явился къ гостепріимной сосѣдкѣ. Самоваръ уже былъ на столѣ, и она меня встрѣтила со стаканомъ чаю въ рукахъ. Послѣ перваго стакана чая она отрекомендовала меня *хозяину* своему, какъ она выразилась, лысому въ очкахъ старичку, сидѣвшему въ другой комнатѣ за столикомъ надъ кипою бумагъ. Онъ всталъ со стула, поправилъ очки и, протянувши мнѣ руку, сказалъ: «прошу покорно садиться». Я сѣлъ. Онъ снялъ съ носа очки, протеръ ихъ платкомъ, надѣлъ ихъ опять на носъ, сѣлъ молча на свое мѣсто и по прежнему углубился въ свои бумаги. Такъ прошло нѣсколько минутъ. Я не

зналъ, что мнѣ дѣлать, положеніе мое становилось смѣшнымъ. Хозяйка, спасибо, меня выручила.

— Не мѣшайте ему, сказала она, выглядывая изъ другой комнаты. Идите къ намъ, у насъ веселѣе.

Я молча оставилъ трудолюбиваго хозяина и перешелъ къ хлопотуньѣ хозяйкѣ. Смиренница Паша сидѣла за «Векфильдскимъ священникомъ» и разсматривала картинки.

— Видали нашего хозяина? сказала хозяйка,—вотъ онъ всегда такой; такъ онъ привыкъ къ этимъ бумагамъ, что минуты безъ нихъ не проживетъ.

— Я сказалъ какой-то комплиментъ трудолюбію его и попросилъ Пашу, чтобы она читала вслухъ.

Довольно медленно, но правильно и внятно прочитала она страницу изъ «Векфильдскаго священника» и была награждена отъ тетеньки стаканомъ чаю въ накладку и панегирикомъ, котораго и на трехъ страницахъ не упишешь, а мнѣ, какъ ментору, кромѣ безконечной благодарности, предложено было рому съ чаемъ. Но какъ онъ былъ еще у Фогта и Паша должна была за нимъ сбѣгать, то я отказался отъ рому и отъ чая, къ немалому огорченію гостепріимной хозяйки. Въ одинадцатомъ часу поужинали, и я ушелъ, давши обѣщаніе навѣщать ихъ ежедневно.

Не могу вамъ ясно опредѣлить, какое впечатлѣніе произвело на меня это новое знакомство. А первое впечатлѣніе, говорятъ, весьма важно въ дѣлѣ знакомства. Я доволенъ этимъ знакомствомъ потому только, что знакомство мое съ Пашей до сихъ поръ казалось мнѣ предосудительнымъ, а теперь все это какъ-бы устранилось и наша дружба какъ будто бы скрѣпилась этимъ нечаянно новымъ знакомствомъ.

Я сталъ бывать у нихъ каждый день и черезъ недѣлю былъ уже, какъ старый знакомый, или, лучше сказать, какъ свой семьянинъ. Они мнѣ предложили у себя столъ за ту самую цѣну, что и у m-me Юргенсъ, и я измѣнилъ доброй m-me Юргенсъ, охотно принявъ предложеніе сосѣдки. И не раскаиваюсь: мнѣ наскучила беззаботная холостая компанія, у нихъ же мнѣ такъ хорошо, тихо, спокойно, все это по домашнему, все это такъ въ моемъ характерѣ, такъ въ гармоніи съ моею миролюбивою натурою. Пашу я называю сестрицей, а тетеньку ея своей тетенькой называю, а дяденьку никакъ не называю, потому что я его только и вижу за

обѣдомъ. Онъ, кажется, и по праздникамъ ходитъ въ должность. Мнѣ такъ хорошо у нихъ, что я почти никуда не выхожу, кромѣ Карла Павловича.. У Іоахима, не помню, когда и былъ, у Шмидтовъ и Фицтума тоже. Самъ вижу, что не хорошо дѣлаю, но что же дѣлать: не умѣю врать передъ добрыми людьми. Недостатокъ свѣтскаго образованія—ничего больше.

Въ слѣдующее воскресенье сдѣлаю имъ всѣмъ визиты, вечеръ у Шмидта проведу, а то какъ бы и въ самомъ дѣлѣ не раззнакомиться. Все это ничего, все это какъ нибудь уладится, а вотъ мое горе: не могу поладить съ Михайловымъ, т. е. собственно не съ нимъ, а съ его сердечнымъ другомъ мичманомъ: онъ почти каждую ночь ночуетъ у насъ. Это-бы еще ничего, а то наведетъ съ собою, Богъ знаетъ, какихъ людей, и на пролетъ всю ночь карты и пьянство. Не хотѣлось-бы мнѣ перемѣнять квартиры, а кажется придется, если эти оргіи не прекратятся. Хоть-бы скорѣе весна настала, пускай-бы себѣ ушелъ въ море этотъ несносный мичманъ. Началъ я этюдъ съ Паши красками при огнѣ. Очень миленькая выходитъ головка, жаль только, что проклятый мичманъ мѣшаетъ работать. Хотѣлось-бы къ празднику кончить и начать что нибудь другое, да едва-ли. Я пробовалъ уже у сосѣдокъ расположиться съ работой, да все какъ-то не ловко. Мнѣ такъ понравилось огненное освѣщеніе, что, окончивши эту головку, я думаю начать другую съ Паши-же—Весталку. Жаль только, что теперь нельзя достать бѣлыхъ розъ для вѣнка, а это необходимо; но это еще впереди.

Паша начинаетъ уже хорошо читать и полюбила чтеніе; это мнѣ чрезвычайно пріятно, но я затрудняюсь въ выборѣ чтенія для нея. Романы, говорятъ, не хорошо читать молодымъ дѣвушкамъ, а я право не знаю, почему нехорошо. Хорошій романъ изощряетъ воображеніе и облагораживаетъ сердце, а сухая какая нибудь, хотя и умная, книга, кромѣ того что ничему не научитъ, пожалуй еще и поселитъ отвращеніе къ книгамъ. Я ей на первый разъ далъ Робинзона Крузо, а послѣ предложу Путешествіе Араго или Дюмонъ Дюрвиля, а потомъ опять какой нибудь романъ, а потомъ Плутарха. Жаль, что нѣтъ у насъ переведеннаго Вазари, а то бы я ее познакомилъ и съ знаменитостями нашего прекраснаго искусства. Хорошъ-ли мой планъ? какъ вы находите? Если имѣете что

нибудь сказать противъ него, то сообщите мнѣ въ слѣдующемъ письмѣ, и я вамъ буду сердечно благодаренъ. Меня она теперь занимаетъ, какъ будто что-то близкое, родное. Я на нее грамотную теперь смотрю, какъ художникъ на свою неоконченную картину, и великимъ грѣхомъ считаю для себя предоставить теперь ей самой выборъ чтенія или, лучше сказать, случай чтенія, потому что ей не изъ чего выбирать: лучше было не учить ее читать. Я надоѣлъ вамъ своими сосѣдками, но что дѣлать? По пословицѣ: что у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ; а если правду сказать, то у меня теперь и говорить больше не о чемъ. Нигдѣ не бываю и ничего не дѣлаю. Не знаю, что-то мнѣ судьба готовитъ въ будущее лѣто, а я его не безъ трепета ожидаю; да и можно ли его ожидать иначе? Будущее лѣто должно положить настоящій фундаментъ избранному мною, или, лучше сказать, вами поприщу. Карлъ Павловичъ говоритъ, что вскорѣ послѣ праздниковъ будетъ объявлена программа на первую золотую медаль. Со мной чуть-чуть не дѣлается обморокъ при одной мысли объ этой роковой программѣ. Что если мнѣ удастся? Я съ ума сойду. А вы? Неужели вы не пріѣдете посмотрѣть трехгодовую выставку и взглянуть на мою одобренную програму и на смиреннаго творца ея, какъ на свое собственное созданіе? Я увѣренъ, что вы пріѣдете. Напишите мнѣ о вашемъ пріѣздѣ въ слѣдующемъ письмѣ, и я буду имѣть благовидный предлогъ отказать Михайлову отъ квартиры. Мичманъ, кажется, и ему уже надоѣлъ. Хорошо еще, что я имѣю пріютъ у сосѣдокъ, а то пришлось бы бѣгать собственной квартиры. Напишите, сдѣлайте милость, что вы пріѣдете, тогда я все разомъ покончу. Прощайте, мой незабвенный благодѣтель! Въ слѣдующемъ письмѣ сообщу вамъ о дальнѣйшихъ успѣхахъ моей ученицы и о слѣдствіяхъ предстоящаго конкурса. Прощайте!

P. S. Бѣдный Демскій уже изъ комнаты не можетъ выйти. Не пережить ему весны.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ГОРЛЕНКИ.

(Очерки прилуцкой старины) [1]).

Посвящается княгинѣ Анастасіи Александровнѣ Дабижа, рожденной Горленко.

„Полягла козацька молодецька голова,
Якъ отъ витру на степу трава;
Слава не вмре, не поляже:
Лыцарство козацьке всякому роскаже"!
(Изъ думы объ Иванѣ Коновченкѣ).

На опушкѣ дубовыхъ и березовыхъ чащъ, чрезъ который пролегаетъ, минуя одинокіе лѣсные поселки и хутора, проселочная дорога изъ Черниговщины въ Полтавщину, открывается широкое степное раздолье. Привольно раскинулось оно въ даль и ширь своими нивами и заливными лугами, кое-гдѣ отмѣченными яркими полосами бѣлѣющихъ на солнцѣ песковъ, да темными пятнами селеній и рощей, постепенно сливающихся съ прозрачной дымкой горизонта.

Привѣтливо пестрѣетъ въ темной зелени предмѣстій, на обрывистомъ берегу Удая, городокъ, съ тонущими въ садахъ стройными силуэтами колоколень. Шаловливая игра лѣтнихъ облаковъ неуловимыми переливами свѣта и тѣни скользитъ по этой мирной картинѣ, то разсыпая снопы солнечныхъ лучей, то дробясь и сверкая въ легкой рѣчной ряби и стеклахъ город-

[1]) Собранные матеріалы являются частичной попыткой къ осуществленію завѣтнаго желанія незабвеннаго М. А. Максимовича, мечтавшаго о созданіи полной картины „минувшей жизни прилуцкой Украйны" (Сочиненія, т. I, стр. 325).

скихъ оконъ, то загораясь бѣглыми искрами на церковныхъ крестахъ и въ блестящей листвѣ пирамидальныхъ тополей, словно на стражѣ стоящихъ у старинныхъ земляныхъ валовъ. Это—родовое Горленковское гнѣздо, древняя малорусская крѣпость Прилуки, когда-то резиденція полковой старшины славнаго войска запорожскаго, нынѣ уѣздный городъ полтавской губерніи.

Живая страница изъ скорбной лѣтописи Украйны, Прилуки, впервые упомянутыя въ духовной Владиміра Мономаха, видѣли въ своихъ стѣнахъ чуть ли не всѣ враждебныя Россіи народности, начиная съ половцевъ и кончая шведами. Уже въ отдаленную эпоху нашей исторіи этотъ городъ былъ яблокомъ раздора между Мономаховичами и Ольговичами: въ 1138 г. великаго князя Ярослава Владиміровича правнукъ, Всеволодъ Ольговичъ, съ братьями и половцами городъ «военною рукою бралъ» [1]) и Прилуки окончательно остались за черниговскими князьями. Нашествіе Батыя не пощадило ихъ: въ 1239 году городъ съ окрестностями подвергся страшному разгрому и опустошенію. Завоеванный Гедиминомъ, въ XIV вѣкѣ, онъ перешелъ въ руки литовскихъ князей, а въ 1604 году, входя въ составъ громадныхъ украинскихъ маетностей Вишневецкихъ, былъ разоренъ московской ратью. По изгнаніи изъ Малороссіи князя Іереміи, воеводы русскаго, перваго изъ Вишневецкихъ измѣнившаго «праотеческому благочестію», Прилуки стали полковымъ городомъ войска запорожскаго и управлялись, за непродолжительными перерывами, болѣе полувѣка, полковниками изъ семейства Горленковъ.

Среди родовой малороссійской аристократіи, вышедшей изъ рядовъ «значной» козацкой стершины, Горленкамъ, въ теченіи четырехъ поколѣній давшимъ Малороссіи двухъ наказныхъ гетмановъ и трехъ полковниковъ, безспорно принадлежитъ одно изъ первыхъ мѣстъ, какъ по значенію, которое они имѣли въ гетманщинѣ, такъ и по давности признанія за ними правъ

---

[1]) Лѣтопись Нестора.

дворянства. Выясненіе исторической роли этого старшаго козацкаго рода является цѣлью настоящаго изслѣдованія.

I.

Семейныя преданія Горленковъ считаютъ своихъ предковъ выходцами «изъ Венгровъ»[1]) въ славную Сѣчь запорожскую[2]).

Дошедшіе до насъ письменные памятники не упоминаютъ о нихъ ранѣе половины XVII столѣтія, что легко объясняется хаотическимъ состояніемъ края, во время котораго на вѣки погибла масса драгоцѣнныхъ документовъ. За то украинская *дума*, поэтическая исторія страны, сохранила память объ одномъ изъ членовъ этой фамиліи, повидимому сподвижникѣ доблестныхъ гетмановъ Свѣрговскаго и Зборовскаго, козацкихъ мучениковъ послѣдней трети XVI вѣка.

«Ой, панъ пышный, панъ Свѣрьговскій,[1])
«А ще другій—панъ Зборовьскій,[2])
«А ще третій—Морозенко,
«А четвертый—панъ Горленко»[3])!

Не даромъ, вѣроятно, имя пана Горленка стоитъ на ряду съ именами излюбленныхъ народной поэзіей героевъ; но, за отсутствіемъ историческихъ данныхъ, остаются лишь болѣе или менѣе гадательные выводы, основанные на старинныхъ Горленковскихъ «помянникахъ», конца XVII—начала XVIII столѣтія, въ которыхъ передъ «убіеннымъ Лазаремъ» стоятъ имена Θеодора и Лукьяна[4]).

---

1) Подъ именемъ „Венгерской земли" часто подразумѣвалась *Угорская Русь*, область населенная древне-свянскимъ племенемъ *русиновъ*, откуда, спасаясь отъ иновѣрческаго гнета, выходило въ козацкую вольницу не мало отважныхъ поборииковъ православной вѣры и русской народности.

2) Роспись рода Горленковъ, см. „Кіевск. Стар." за іюнь 1886 г.

1) Замученъ турками подъ Киліей 1574 г.

2) Обезглавленъ въ Краковѣ канцлеромъ Замойскимъ 1584 г.

3) *Максимовичъ*, Украинскія народныя пѣсни, т. II, стр. 73.

4) Родъ его милости пана Дмитрія Горленка, полковника прилуцкаго (Семейный архивъ).

«Лазарь Горленко, полковникъ войска его царского пресвѣтлого величества запорожского прилуцкій», какъ титуловался онъ въ современныхъ актахъ, открываетъ собою рядъ дѣятелей, данныхъ родинѣ семьей Горленковъ.

Далеко раздавшійся кличъ къ отчаянной борьбѣ за существованіе, бурнымъ дыханіемъ пронесшійся по Украйнѣ, и грянувшее вслѣдъ за нимъ имя Зиновія Богдана Хмельницкаго застали Лазаря въ рядахъ прилуцкаго полка, не задолго передъ тѣмъ возникшаго на лѣвой сторонѣ Днѣпра, гдѣ основались Горленки. Все поднялось на тотъ призывъ со стихійной, неудержимой силой и молодой козакъ беззавѣтно ринулся въ водоворотъ бранной жизни. Въ битвѣ подъ Зборовымъ, столь знаменательной по своимъ послѣдствіямъ для козачества, прилуцкіе полчане кровью освятили добытыя ими на полѣ сраженія права. 19 августа 1649 г., они были утверждены знаменитымъ Зборовскимъ договоромъ, заключеннымъ въ интересахъ реестроваго козачества. Численность послѣдняго опредѣлялась въ 40,000. Имена этихъ избранныхъ были вписаны въ такъ называемые «Реестры войска запорожскаго», что въ ту пору давало каждому простому реестровому козаку права равныя со шляхтой. Въ представленной королю Яну Казиміру V, въ Варшавѣ, книгѣ реестровъ, имя Лазаря Горленка въ числѣ первыхъ занесено было въ списокъ второй прилуцкой городовой сотни [1]).

Въ суровой боевой школѣ проходило военное воспитаніе Горленка; въ ней выковалась и закалилась его желѣзная натура, надломить которую не могли ни годы, ни испытанія. Слишкомъ десять лѣтъ дѣлилъ онъ съ освободителями Украйны ихъ воинскіе труды, удачи, невзгоды и превратности. Походы смѣнялись походами. Опустошенная и объятая пламенемъ столица Молдавіи, Яссы, кровавымъ заревомъ освѣтила возобновленіе войны съ поляками, завершившейся роковымъ пораженіемъ козаковъ

---

[1]) *Бодянскій*, Реестры войска запорожскаго, Чтенія моск. общ. ист. и др. рос., . 3, стр. 305. Сотникомъ въ ней значился Проценко, а полковникомъ прилуцкимъ былъ извѣстный Тимоѳей Носачъ, впослѣдствіи наказной гетманъ.

подъ Берестечкомъ, гдѣ палъ прилуцкій полковникъ Шкуратъ. Изнемогавшая подъ бременемъ нескончаемыхъ войнъ, Малороссія снова очутилась во власти непріятелей. Вся страна была въ огнѣ, возстанія подавлялись со страшной жестокостью и жители, бросая все, что имѣли, толпами спасались въ великорусскія окраины.

Тяжесть переживаемыхъ бѣдствій отразилась на народномъ міровоззрѣніи и сказалась общимъ упадкомъ духа, усиленнымъ необычайными небесными явленіями. Съ суевѣрнымъ ужасомъ смотрѣли украинцы на солнечное затмѣніе, считая его предвѣстникомъ новыхъ кровопролитій, пожаровъ, наводненій, голода и мора. Зараза дѣйствительно появилась весной 1652 года на обѣихъ сторонахъ Днѣпра и свирѣпствовала въ прилуцкомъ полку отъ Тройцына дня до самой зимы. Въ Прилукахъ и ихъ окрестностяхъ вымерло все почти населеніе; люди бросали жилища и бѣжали въ лѣса; по опустѣлымъ селамъ бродили хищные звѣри, терзая непогребенные трупы [1]).

Въ конецъ обезсиленная Украйна, опутанная кознями и измѣной бывшихъ союзниковъ, очутилась въ безвыходномъ положеніи, приведшемъ ее къ Переяславской радѣ. 8-го января 1654 года, Лазарь Горленко, наравнѣ съ прочимъ «товариствомъ», присягнулъ перейти «подъ высоку Государеву руку» [2]) Послѣдовавшая вскорѣ затѣмъ смута, попеременно бросавшая сбитыхъ съ толку малороссіянъ въ лживыя объятія Турціи, Польши, Швеціи, Седмиградскаго и Придунайскихъ княжествъ, не прекратилась со смертью Богдана Хмельницкаго, а шаткая и безпокойная политика его преемниковъ поддерживала внутреннее неустройство Малороссіи.

Прилуцкій полкъ держался стороны Выговскаго въ его борьбѣ съ Пушкаремъ, полковникомъ полтавскимъ, изъ-за Богданова наслѣ-

---

[1]) Лѣтопись Самовидца, стр. 32: Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи, Ригельмана, стр. 173—174.

[2]) Въ январѣ того-же года прилуцкій полкъ былъ приведенъ къ присягѣ бояриномъ Бутурлинымъ.

дія, но когда гетманъ поддался Польшѣ, то прилуцкому полковнику, извѣстному впослѣдствіи Петру Дорошенку, удалось увлечь за собой лишь часть своихъ полчанъ. Остальные, отказавшись поднять оружіе противъ единовѣрной Москвы, вернулись домой и ходатайствовали предъ царемъ о назначеніи имъ другаго полковника. Высланный противъ Выговскаго князь Ромодановскій до полученія отвѣта изъ Москвы поставилъ въ Прилукахъ Воронченка, а къ зимѣ 1658 г. былъ избранъ и утвержденъ полковникомъ Ѳедоръ Терещенко [1]),

Въ это уже время Горленко, въ званіи сотника сребрянскаго [2]) правившій одною изъ главныхъ сотенъ прилуцкаго полка, бывшей театромъ ожесточенныхъ битвъ и междоусобій, и также оставившій Дорошенка, сталъ быстро выдвигаться изъ среды полковыхъ старшинъ [3]) и, замѣняя отсутствующаго Терещенка въ званіи наказнаго полковника, осенью слѣдующаго года первый сдѣлалъ шагъ къ сближенію съ Москвой. 6 сентября 1659 г. къ воеводѣ князю Трубецкому, шедшему изъ Путивля къ Переяславлю, на Прилуки, явилась депутація съ представителями духовной и свѣтской власти прилуцкаго полка. Во главѣ ея были иченскій протопопъ Адамовичъ, попъ Давидъ и сотники прилуцкій и иченскій. Они привезли боярину грамоту отъ наказнаго полковника прилуцкаго Лазаря Горличенка [4]), который отъ имени своего и всего полка билъ челомъ царю, чтобы тотъ «отдалъ прилуцкимъ жителямъ ихъ вины» и дозволилъ «по прежнему быть въ вѣчномъ его подданствѣ». Принявъ присягу отъ депутатовъ и одаривъ ихъ «великаго государя жалованьемъ, Трубецкій отправилъ съ ними въ Прилуки Неплюева «привести къ вѣрѣ полковника и всякихъ жи-

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, т. IV, стр. 160; Ригельманъ, т. II, стр. 8 и 9.

[2]) Значительное и богатое мѣстечко *Срибное* или *Сребное*, лежащее на р. Удаѣ, по инвентарю кн. Іер. Вишневецкаго, было населеннѣйшимъ пунктомъ въ прилуцкомъ полку.

[3]) Протестація Димитрія Горленка (Архивъ В. П. Горленка).

[4]) Варіантъ фамиліи Горленковъ, встрѣчающійся въ статейныхъ спискахъ средины XVII столѣтія.

телей и обнадежить ихъ милостью великаго государя [1]). Примѣру прилуцкаго полка послѣдовали и сосѣдніе полки и, сойдясь въ Переяславъ на раду «войскомъ, дали булаву» сыну покойнаго Хмельницкаго Юрію [2]).

Неудачный походъ новаго гетмана на Волынь, окончившійся переходомъ его къ Польшѣ, осенью 1660 г., имѣлъ своимъ ближайшимъ послѣдствіемъ отпаденіе прилуцкаго полка отъ московской державы. Послѣ пораженія Шереметева подъ Чудновымъ, прилучане отчаянно врубились въ сплошныя массы окружавшихъ ихъ татаръ и проложили себѣ дорогу къ главнымъ козацкимъ силамъ. Перейдя Днѣпръ въ качествѣ союзниковъ Ю. Хмельницкаго, польскія войска покрыли сѣтью своихъ отрядовъ всѣ лѣвобережные полки, начиная съ прилуцкаго. Горько отзывалась на послѣднемъ каждая изъ политическихъ перемѣнъ; въ краѣ уже разоренномъ во время предшествовавшихъ войнъ такъ похозяйничали на зимнихъ квартирахъ ляхи и татары, что, какъ доносилъ царю нѣжинскій полковникъ, въ немъ «ужь мало чего цѣлаго осталось [3]).

Зловѣщія тучи безъ просвѣту сгущались надъ несчастной, раздираемой внѣшними и внутренними врагами страной; носились слухи о близкой кончинѣ міра и пришествіи съ востока антихриста [4]), а усобица и смута росли и заполоняли собой всю Украйну. Однако къ веснѣ 1661 года усилія немногихъ сторонниковъ Москвы, убѣжденіями и силой приводившихъ къ покорности отложившихся, увѣнчались успѣхомъ: поляки отступили повсюду. Прилуцкій полкъ, предпочитавшій подчиненію Москвѣ польское главенство, на основаніи гадячскаго договора 1658 года, сдался на краснорѣчивыя увѣщанія наказнаго гетмана Сомка и, обнадеженный обѣщаніемъ «милостиваго жалованья и отпущенія преступленія, хотя невольнаго, со всѣми воло-

---

1) Акты, т. IV, стр. 249, 251.
2) Ibid.
3) Акты, т. V, стр. 44.
4) Лѣтопись Величка, т. II, стр.17.

стями своими наклонился подъ высоку государеву руку». Санкціей этаго шага явилась царская оберегательная «отъ всякихъ наѣздовъ» грамота, за государственной большой печатью, исходатайствованная Сомкомъ [1]).

Въ это самое время Лазарь выступилъ на политическую арену, какъ самостоятельный дѣятель, смѣнивъ на прилуцкомъ полковничествѣ своего предшественника. Съ тѣхъ поръ, съ незначительными промежутками, около тридцати лѣтъ правилъ онъ полкомъ, занимая этотъ важный постъ до самой своей смерти.

II.

«Въ Малой Россіи, говоритъ Шафонскій, три главные паны или командиры почитались: гетманъ, полковники и сотники» [2]).

Дѣйствительно, эти лица, не смотря на выборный характеръ войсковыхъ должностей, пользовались столь обширной, нерѣдко переходившей въ произволъ, властью, что фактически господствовали почти неограниченно въ сферѣ своего управленія.

«Малороссійскій полковникъ», по свидѣтельству того же автора, «въ разсужденіи чина по войсковой генеральной старшинѣ первое занималъ мѣсто, а въ разсужденіи власти по самомъ гетманѣ *первымъ* почитался въ Малой Россіи начальникомъ». Не было отрасли управленія, на которую не распространялось бы его вліяніе. Прочно утвердившись на своемъ урядѣ, во главѣ военнаго и гражданскаго строя ввѣренной ему области «полковникъ былъ такимъ же властелиномъ, какъ и средневѣковой феодалъ. Въ его рукахъ соединялись высшія инстанціи судебная, административная и экономическая. Онъ былъ въ одно и тоже время военачальникомъ и градоначальникомъ, правителемъ всѣхъ военныхъ, полицейскихъ и земскихъ дѣлъ, президентомъ полковаго суда и командиромъ полковой артиллеріи [3]). Какъ въ

---

[1]) Акты, т. V, стр. 53.

[2]) Описаніе черниговскаго намѣстничества, стр. 91.

[3]) Ibid., стр. 110, 111.

военное, такъ и въ мирное время онъ распоряжался у себя самовластно: имѣлъ право пожалованій, взималъ подати, творилъ судъ и расправу, водилъ своихъ полчанъ на врага и подъ часъ, выступая представителемъ какого-либо самостоятельнаго политическаго движенія, бравировалъ авторитетомъ самаго гетмана.

Неотъемлемыми знаками полковничьяго достоинства были такъ называемые «полковые клейноты»: знамя, жезлъ или *пѣрначъ* и литавры, всегда находившіеся при особѣ полковника; къ получаемымъ имъ сначала 100 голландскимъ ефимкамъ годоваго жалованья и мельницѣ, вскорѣ были прибавлены «на рангъ» деревни и хутора, въ которыхъ тысячное населеніе работало на содержаніе своего господина[1]. Понятно, что званія этого, часто служившаго переходомъ къ гетманству, домогались даже генеральные старшины, стоявшіе по служебной іерархіи степенью выше полковниковъ.

Будучи, такимъ образомъ, по своему значенію вторымъ лицемъ въ войскѣ, полковникъ управлялъ своимъ полкомъ на тѣхъ-же основаніяхъ, на какихъ гетманъ правилъ всей Малороссіей. Какъ и тотъ, онъ имѣлъ свою канцелярію, въ которой предсѣдательствовалъ, а въ отсутствіе свое посылалъ въ нее предложенія, имѣлъ и старшинъ: обознаго, судью, писаря, двухъ асауловъ и хорунжаго, резидировавшихъ «при его боку», въ полковомъ городѣ, съ правомъ совѣщательнаго голоса, но на дѣлѣ бывшихъ въ полной отъ него зависимости. Полковнику подчинялись еще начальники отдѣльныхъ *сотенъ*, входившихъ въ составъ полка, какъ административной и населенной территоріальной единицы, имѣвшихъ въ свою очередь особыя знамена «корогвы», свои канцеляріи, свою старшину и подраздѣлявшихся на *курени*, которыми завѣдывали атаманы. Въ иной сотнѣ числилось до тысячи козаковъ: она заключала въ себѣ города и села и называлась по имени значительнаго мѣстечка.

---

[1]) Описаніе черниговскаго намѣстничества, стр. 64.

Подобныхъ сотень въ прилуцкомъ полку было сначала двадцать [1]), а впослѣдствіи одинадцать [2]). Онѣ располагались по теченію р. Удая и въ нихъ, кромѣ укрѣпленнаго главнаго города Прилукъ, находилось восемь большихъ мѣстечекъ, 35 селъ и деревень и 547 хуторовъ.

При Богданѣ Хмельницкомъ прилуцкій полкъ былъ по числу козаковъ однимъ изъ самыхъ людныхъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра: въ немъ считалось по статьямъ Зборовскаго договора однихъ *реестровыхъ* 2,106 человѣкъ. Число ихъ значительно возросло съ теченіемъ времени [3]), такъ какъ по величинѣ и пространству прилуцкій полкъ принадлежалъ къ самымъ обширнымъ: территорія его охватывала нынѣшній прилуцкій уѣздъ, южную часть нѣжинскаго, борзенскаго и конотопскаго, западную роменскаго и сѣверную пирятинскаго и лохвицкаго уѣздовъ.

Положеніе Прилукъ въ населенномъ и промышленномъ [4]) центрѣ лѣвобережной Украйны, въ краѣ хлѣбородномъ, на большомъ военномъ трактѣ изъ Великороссіи въ Заднѣпровье, дѣ-

---

[1]) Въ 1649 г. прилуцкій полкъ имѣлъ слѣд. сотни: прилуцкихъ 3, шкуратову 1, варвинскихъ 2, срибрянскую 1, дѣвицкую 1, галицкую 1, переволочанскую 1, иченскихъ 2, городенскую 1, иваницкую 1, монастырскую 1, корибутовскую 1, краснянскую 1, голенскую 1, гужовскую 1 и кропивенскую 1 (Реестры Войска Запорожскаго).

[2]) Прилуцкая 1, ичснская 1, переволочанская 1, монастырищенская 1 иваницкая 1, голенская 1, журавская 1, красноколядинская 1, срибрянская 1, первоварвинская 1, второварвинская 1. Корибутовская сотня, слившаяся было съ красноколядинской, въ 1739 г. снова отдѣлилась отъ нея (Шафонскій. Описаніе черниговскаго намѣстничества).

[3]) По ревизіи 1764 г. на 69,169 д. населенія числилось 20,550 козаковъ. Ibid).

[4]) Въ 1665 г. въ прилуцкомъ полку, какъ видимъ изъ лѣтописи Грабянки, бывало 9 ярмарокъ: въ Прилукахъ: на сырной недѣлѣ, на Рождетво Предтечи и св. Димитрія, въ Ичнѣ въ Петрово заговѣнье и Ильинъ день, въ Варвѣ въ Петровъ день, въ Красномъ на Николу осенняго и Петрово заговѣнье и въ Срибномъ на Николу осенняго.

лало ихъ однимъ изъ завидныхъ урядовъ. Земледѣліе, скотоводство и пчеловодство всегда процвѣтали въ полку, но особенно прибыльными статьями были винокуреніе, коневодство и селитровареніе. Окрестности Прилукъ издревле славились у великороссіянъ какъ «мѣста жилыя и хлѣбныя, въ которыхъ людскихъ и конскихъ кормовъ вездѣ много»[1]). Въ слѣдствіе легкости продовольствія и удобствъ сообщенія, Прилуки сдѣлались пунктомъ, чрезъ который направлялись ратные царскіе люди на Переяславль, Кіевъ и Чигиринъ. Это-же былъ обычный путь слѣдованія московскихъ пословъ и гонцовъ, ѣхавшихъ въ гетманщину на Путивль и порубежные города.

Теченіемъ Удая, Прилуки дѣлились на двѣ части.

Въ главной, надъ правымъ нагорнымъ берегомъ господствовалъ древній «земляной городъ», обведенный высокими насыпными валами. Глубокій, сухой ровъ опоясывалъ линію укрѣпленій; въ центрѣ высилась цитадель или «замокъ», вмѣщавшій въ своихъ стѣнахъ «дворецъ» полковника и присутственныя мѣста. Тутъ-же стоялъ старинный храмъ во имя св. Николая Чудотворца[2]).

Четверо крѣпостныхъ воротъ выходили на сѣверъ, югъ, востокъ и западъ, къ Глухову, Пирятину, Ромнамъ и Кіеву. Сторожевыя надворотныя башни носили каждая имя соотвѣтствовавшей дороги. Съ высоты зубчатыхъ двойныхъ стѣнъ и бойницъ полковая «гармата» грозно глядѣла на ютившіяся подъ защитой городскихъ валовъ пестрыя и шумныя предмѣстья, на сверкающіе въ зеленой рамкѣ береговъ серебристые изгибы Удая, да на раскинувшуюся кругомъ узорную сѣть пригородныхъ дорогъ, вьющихся по косогорамъ и греблямъ, между колосящимися пажитями и дальними хуторами, и теряющихся гдѣ-то тамъ, въ безпредѣльныхъ степяхъ, протянувшихся къ западу и юговостоку. Только къ сѣверу горизонтъ замыкался разбросан-

---

1) Акты, т. X, стр. 155.

2) Шафонскій, Описаніе черниговскаго намѣстничества.

ными по «яркамъ» рощами и лѣсками, постепенно соединявшимися въ одну непрерывную синѣющую цѣпь, зубчатой стѣной вырѣзывавшуюся на блѣдномъ небосклонѣ.

Выѣзды южные и западные расходились радіусами изъ города въ открытую степь; къ сѣверному путь круто спускался подъ гору, къ водѣ, проходилъ чрезъ самый земляной валъ и оттуда лежалъ плотиной чрезъ рѣку, среди шумящихъ вербъ и очерета, и развѣтвляясь на противоположномъ берегу, шелъ влѣво, чрезъ сотенный «городъ» Ичню, въ Борзну, и вправо, на Глуховъ, чрезъ Лапинцы и сотенное мѣстечко Иваницу.

Верстахъ въ семи отъ города, тамъ, гдѣ иваницкій шляхъ, миновавъ пески, углублялся въ лѣса, дорога внезапно сворачивала въ сторону отъ главнаго пути и спускалась въ красивую лѣсную ложбину. Здѣсь, среди яркой и сочной зелени болотныхъ зарослей, на поросшемъ дремучимъ боромъ островѣ, омываемомъ причудливо-извивающимися разливами Удая, надъ кудрявыми верхушками вѣковыхъ дубовъ и липъ, мирно сіяли въ глубокой небесной лазури церковные кресты; отсюда, изъ дикой лѣсной глуши доносился протяжный благовѣстъ, вторившій отдаленному перезвону прилуцкихъ церквей и нарушавшій торжественное безмолвіе чащи. Въ этомъ глубокомъ уединеніи, за зеленымъ лѣснымъ пологомъ, укрылась отъ людскихъ взоровъ и суеты мірской скромная обитель, прославившаяся не сокровищами своихъ храмовъ и ризницъ, а богатствомъ духовнымъ, благодаря которому ей суждено было стать оплотомъ православія и разсадникомъ просвѣщенія во всей восточной Украйнѣ.

Свято-Троицкая Пустынно-Густынская обитель, облагодѣтельствованная Горленками и впродолженіи двухъ вѣковъ служившая имъ родовой усыпальницей, возникла на рубежѣ XVI и XVII столѣтій. Четверо аѳонскихъ иноковъ, прельстившись дикой красотой мѣстности, основали здѣсь «пустынь», развели фруктовый садъ, устроили пасѣку, а лѣтъ четырнадцать спустя, при помощи прилуцкихъ благотворителей и набожной княгини Вишневецкой, создался монастырь на островѣ, носившемъ въ народѣ прозваніе «Густыни» отъ покрывавшей его *густой*, не-

проглядной чащи [1]). Съ тѣхъ поръ продолжалъ онъ нерушимо стоять среди бурь и пламени, охватившихъ окрестный край, превозмогая всѣ невзгоды, гоненія и бѣдствія, и стяжалъ себѣ громкую извѣстность въ лѣтописяхъ южно-русской церкви.

Подъ покровительствомъ государей московскихъ и гетмановъ малороссійскихъ [2]), считавшихъ нравственнымъ долгомъ поддерживать народную святыню, Густынская обитель росла, развивалась и богатѣла, постепенно увеличивая свои владѣнія и доходы. Монастырскіе грунты, сѣножати, лѣса и млины были разбросаны по различнымъ сотнямъ прилуцкаго полка, а заселявшаяся вокругъ мѣстность, съ возникавшими по берегамъ Удая слободами, становилась въ зависимость отъ монастыря и была обязана въ пользу его различными повинностями [3]), характеръ и размѣръ коихъ опредѣлялись полковникомъ, тщательно регулировавшимъ отношенія своихъ полчанъ къ монастырскимъ властямъ.

Въ тѣсной связи съ Густынею находился получившій отъ нея свое начало Покровскій Ладинско-Подгорскій монастырь, основанный въ 1619 году, въ живописномъ гористомъ мѣстоположеніи надъ Удаемъ, близь сотеннаго прилуцкаго мѣстечка Журавки. Вскорѣ онъ былъ преобразованъ въ женскій и первой его игуменьей была сестра извѣстнаго густынскаго настоятеля и подвижника, впослѣдствіи митрополита кіевскаго, Исаіи Копинскаго.

---

[1]) Лѣтопись св. Троицкаго Пустынно-Густынскаго монастыря. 1849 г. М.

[2]) Архивъ Густынскаго монастыря содержитъ значительное число прекрасно сохранившихся привиллегій, грамотъ, универсаловъ и листовъ князей Михаила Корибута и Іереміи Вишневецкихъ, княгини Регины (Могилянки) Вишневецкой, князя Симеона Лыка, царя Алексѣя Михайловича, короля Яна Казиміра, гетмановъ: Богдана Хмельницкаго, Выговскаго, Брюховецкаго, Дорошенка, Многогрѣшнаго, Самойловича, Мазепы, Скоропадскаго, Данила Апостола и графа Разумовскаго, полковниковъ прилуцкихъ: Дорошенка, Терещенка, Чернявскаго, Лазаря Горленка, Мащенка, Третьяка, Стороженка, Димитрія Горленка и другихъ, воеводы князя Трубецкаго, полковника полтавскаго Жученка и т. д.

[3]) Главнѣйшими были поддержка и починка монастырскихъ гребель (плотинъ), служившихъ единственнымъ сообщеніемъ острова съ берегомъ, но ежегодно размываемыхъ Удаемъ.

Первоначальными строителями и защитниками Густынскаго и Ладинскаго монастырей были тогда еще православные и могущественные князья Вишневецкіе, а затѣмъ охранителями ихъ интересовъ сдѣлались полковники прилуцкіе, къ уряду которыхъ естественно тяготѣли обѣ обители, въ частности всегда бывшія особенно близкими семейству Горленковъ.

III.

Въ началѣ мая 1661 года, въ третье воскресенье послѣ Пасхи, происходила на большемъ полѣ подъ Нѣжиномъ, при громадномъ стеченіи народа, торжественная присяга на вѣрноподданство царю Алексѣю Михайловичу покорившагося прилуцкаго полка. Вмѣстѣ со своими полчанами и полковникъ Горленко «цѣловалъ предъ св. Евангеліемъ крестъ на вѣрную службу», въ присутствіи наказнаго гетмана Сомка и царскихъ представителей, кн. Ромодановскаго, стольника Зміева, другихъ воеводъ и старшинъ всего войска запорожскаго.

По окончаніи церемоніи, было приступлено къ выборамъ гетмана, что возбудило сразу страстныя пререканія. Голоса раздѣлились: нѣжинцы требовали избранія своего полковника, Золотаренка, а за доблестнаго Якима Сомка стояли всѣ прочіе полки, въ томъ числѣ и прилуцкій, гдѣ онъ «полковникувалъ» одно время [1]). Споры были неожиданно прерваны извѣстіемъ о приближеніи Ю. Хмельницкаго, который шелъ на Переяславль съ крымскимъ ханомъ и поляками, провѣдавъ о готовившемся ему сопернике въ лицѣ избираемаго гетмана. Пришлось радѣ поспѣшно разойтись, ничѣмъ не покончивъ и не успѣвъ, «противъ обычая давняго, того гетмана обрать, кого все войско любитъ». Общимъ совѣтомъ рѣшено было, отложивъ раду до болѣе благопріятнаго времени, немедленно отправить въ Москву представителей вновь присягнувшихъ полковъ съ челобитьемъ, въ которомъ Сомко, Горленко и пять остальныхъ «вѣрныхъ» полковниковъ, просили царя о назначеніи имъ гетмана и о при-

---

[1]) Величко, т. I, стр. 119.

сылкѣ на раду особы «отъ боку своего», а въ названные полки воеводъ съ ратными людьми [1]).

Прямо изъ-подъ Нѣжина Лазарь со своими козаками поспѣшилъ на югъ, для преграждeнія непріятелю пути въ полтавскій полкъ, гдѣ еще держались послѣдніе мятежники. 16-го мая предводители дѣйствовавшаго двадцатитысячнаго отряда, Горленко, Животовскій и воевода Косаговъ сообщили Сомку, изъ лагеря на греблѣ Шиповой, радостную вѣсть объ окончательномъ умиротвореніи края: Полтава сдалась безъ боя, бывшій полковникъ Жученко принесъ повинную, а новоизбранный, со всѣми жителями города, былъ приведенъ къ присягѣ Горленкомъ и капитаномъ солдатскаго строя Толстымъ [2]).

Похвальная царская грамота отъ 29-го мая была наградой прилуцкому полковнику за военныя заслуги.

Все слѣдующее лѣто, осень и зима прошли въ непрерывныхъ военныхъ дѣйствіяхъ и только въ концѣ весны, послѣ неудавшейся вторичной попытки избрать гетмана, полученъ былъ указъ великаго государя объ учиненіи «полной» рады. Мѣстомъ ея предполагалось назначить Прилуки [3]) и уже были разосланы приглашенія по всѣмъ полкамъ, какъ новое вторженіе Ю. Хмельницкаго заставило опять козаковъ взяться за оружіе.

Въ то время, какъ съ перемѣннымъ счастьемъ шло единоборство Москвы съ Польшей изъ-за обладанія Украйной, внутренняя рознь и несогласія не переставали разъѣдать войско малороссійское. Въ средѣ его происходила ожесточенная борьба партій «городоваго» и «сѣчеваго» козачества, представителей началъ аристократическаго и демократическаго,—борьба не прекращавшаяся съ того самаго 1660 года, когда запорожцами былъ выдвинутъ въ качествѣ кандидата на гетманскую булаву кошевой атаманъ Брюховецкій. Ловкій и смѣлый честолюбецъ

---

[1]) Акты, т. V, стр. 56, 57, 60.

[2]) Ibid., т. V, стр. 64, 69.

[3]) Акты, т. V, стр. 106

искусно повелъ игру, опираясь, съ одной стороны, на свою приверженность къ московскому правительству, а съ другой— на преданность интересамъ народной массы. Въ короткое время онъ съумѣлъ пріобрѣсти среди простыхъ козаковъ большую популярность; въ вліятельной старшинѣ онъ уже издавна заискивалъ, не скупясь на тонкую лесть, щедрыя обѣщанія и подарки. Почуявъ опаснаго соперника, враждовавшіе полковники тѣснѣе сплотились вокругъ Сомка и въ соборной церкви прилуцкаго сотеннаго мѣстечка Ични присягнули ему на гетманство [1]). Однако льстивыя посланія Брюховецкаго къ знаменитому «пану полковнику прилуцкому» сдѣлали свое дѣло и посѣяли смуту въ Прилукахъ, до сихъ поръ вѣрныхъ Сомку: къ сношеніямъ Горленка съ Запорожьемъ отнеслись подозрительно и послѣдствіемъ этого въ концѣ 1662 года было появленіе въ званіи прилуцкихъ полковниковъ, сначала Терещенка, а вскорѣ затѣмъ и Дмитрія Чернявскаго [2]).

Но развязка близилась: дни противниковъ Брюховецкаго уже были сочтены.

Собравшаяся подъ Нѣжиномъ въ іюнѣ 1663 года кровавой памяти «черная рада» по своему рѣшила вопросъ въ пользу запорожскаго кошеваго, провозглашеннаго «вольными голосами» гетманомъ Малороссіи. Въ рѣшительную минуту приверженцы Сомка были покинуты своими полками и схвачены подъ предлогомъ измѣны царю, частью отданы на войсковую расправу, частью сосланы въ Москву, а оттуда въ Сибирь [3]). Послѣдней участи подвергся и прилуцкій полковникъ Чернявскій.

Новоизбранный гетманъ лѣвой стороны Днѣпра шагнулъ къ власти чрезъ трупы казненныхъ имъ соперниковъ. Трудно опредѣлить роль Горленка въ разыгравшейся въ Борзнѣ трагедіи, но извѣстно, что въ числѣ судей, изрекшихъ смертный приговоръ злосчастному Сомку и его друзьямъ, уже находился по-

---

[1]) Лѣтопись Самовидца, стр. 72, 74.

[2]) Архивъ Густынскаго монастыря и архивъ Маркевича, № 341.

[3]) Самовидецъ, стр. 77.

ставленный Брюховецкимъ въ Прилукахъ новый полковникъ, Данило Песоцкій [1]).

Судьба, казалось, сама хотѣла уничтожить всякое воспоминаніе о столь трагически завершившемся гетманствѣ Якима Сомка: страшный пожаръ испепелилъ Ичню и ту церковь, гдѣ за годъ передъ тѣмъ наказной гетманъ принялъ присягу отъ прилуцкаго полка, въ тотъ самый день, какъ Сомко и его единомышленники были взяты подъ стражу.

IV.

Временно заслоненный быстро смѣнявшимися событіями, Лазарь Горленко вскорѣ былъ снова вынесенъ силою ихъ теченія на сцену малорусской исторіи, въ тотъ бѣдственный ея періодъ, который запечатлѣлся въ памяти народной подъ характернымъ эпитетомъ «руины».

На первыхъ же порахъ своего гетманства, Брюховецкому пришлось считаться съ выдвинутымъ Польшей вмѣсто Хмельницкаго новымъ претендентомъ. Польскій ставленникъ, Павелъ Тетеря, перешелъ Днѣпръ и вторгся въ прилуцкій полкъ лютой зимой 1663 года. «Въ ту зиму», по образному выраженію современника, «на плечахъ козацкихъ и всей Украины были король съ коронным, литовскимъ и нѣмецкимъ войскомъ, Чарнецкій, три салтана съ ордой и Тетеря съ измѣнниками» [2]). Янъ-Казиміръ V съ полчищами хана Мехметъ-Гирея проникъ въ самое сердце лѣвобережной Украйны. Его военачальники, коронный гетманъ Потоцкій, Янъ Собѣсскій и кровожадный Чарнецкій, хорошо памятный своими страшными неистовствами въ Брацлавщинѣ въ 1653 году, огнемъ и мечемъ обозначали свой слѣдъ. На пути ихъ одни за другими, послѣ ожесточеннаго отпора, падали города и мѣстечки прилуцкаго полка. Взяты Монастырище, Ичня и Прилуки, гдѣ Тетеря, оставивъ «залогу», двинулся далѣе на сѣверъ, по глуховской военной дорогѣ, къ

---

[1]) Исторія Россіи, Соловьева, т. XI.

[2]) Акты, т. V, стр. 256.

Ичнѣ, на соединеніе съ королевскимъ войскомъ. Сотенное мѣстечко Монастырище, въ наказаніе за геройское сопротивленіе было выжжено и разграблено польскими жолнѣрами и козаками Тетери, а населеніе его огуломъ отдано въ полонъ татарамъ, не смотря на заступничество передавшагося полякамъ прилуцкаго полковника Песоцкаго [1]). Подъ Глуховымъ счастье измѣнило наконецъ непріятелямъ; Брюховецкій и Ромодановскій нанесли имъ рѣшительный ударъ и заставили въ безпорядкѣ отступить за Днѣпръ, куда былъ такимъ образомъ перенесенъ центръ военныхъ дѣйствій.

По измѣнѣ Песоцкаго, прилуцкое полковничество было возвращено Горленку, мужественно бившемуся съ Чарнецкимъ и буджацкой ордой и блистательно заявившему свои военныя качества во время заднѣпровскихъ походовъ къ Чигирину. Однако въ концѣ октября 1664 года, когда перевѣсъ оказался на сторонѣ превосходнаго по численности непріятеля, прилуцкому полку, оставленному «залогой» въ очищенной отъ поляковъ мѣстности, пришлось очень плохо. Занявшіе Лысянку [2]) со своими козаками Горленко и Витязенко, отрѣзанные отъ главныхъ силъ, очутились въ отчаянномъ положеніи. Гетманъ, запертый въ Каневѣ, не могъ выручить отряда, тщетно умолявшаго чрезъ перебѣжчиковъ о настоятельной помощи и въ свою очередь усиленно просилъ царя Алексѣя Михайловича о подкрѣпленіяхъ, «дабы», какъ писалъ онъ, «закрой Боже, въ Лысянкѣ какая отъ непріятелей поруха не учинилась» [3]).

Цѣлыхъ пять недѣль отбивался Горленко, «не щадя головы своей и не сдаваясь ни на какія непріятельскія прелести и подсылки» осаждавшихъ его Чарнецкаго и Тетери [4]). Стойкость прилучанъ и безуспѣшность приступовъ охладили пылъ нападав-

---

[1]) Самовидецъ, стр. 80; Ригельманъ, т. II, стр. 72.

[2]) Укрѣпленное мѣстечко звенигородскаго уѣзда кіевской губерніи, гдѣ въ 1639 году населеніе было поголовно вырѣзано поляками.

[3]) Акты, т. V, стр. 233—234.

[4]) Жалованная на дворянство грамота Горленку 1665 г. (Семейн. архивъ).

шихъ и въ декабрѣ поляки, снявъ осаду и отступивъ къ Кіеву, дали Горленку возможность соединиться съ гетманомъ.

Военныя дѣйствія затягивались, такъ какъ враги расположились зимовать на Украйнѣ.

Положеніе «матери городовъ русскихъ», самого Кіева, становилось весьма критическимъ. Охваченный желѣзнымъ кольцемъ непріятельскихъ отрядовъ, городъ былъ совсѣмъ изолированъ; запасы истощились, подвозу не было ни откуда. Слабый и до того кіевскій гарнизонъ рѣдѣлъ съ каждымъ днемъ, съ голодухи перебѣгая къ непріятелямъ. Ратнымъ людямъ, уже девятнадцать мѣсяцевъ не получавшимъ ни кормовыхъ денегъ, ни жалованья, нечего было ѣсть, даже начальные, не выдержавъ лишеній, стали передаваться полякамъ или, чтобы какъ-нибудь прокормиться, распродавали оружіе, амуницію, лошадей и послѣднее платье. Къ довершенею бѣды, кіевляне, потерявъ надежду на помощь и видя, что съ голоднымъ, едва прикрытымъ отъ холода людомъ, вдобавокъ изнуреннымъ постоянной караульной службой, не удержать ветхихъ полуразвалившихся укрѣпленій, стали сноситься съ непріятелями чрезъ проникавшихъ въ городъ лазутчиковъ и польскихъ купцевъ. Воеводѣ кіевскому Чаадаеву, сидѣвшему безъ денегъ и хлѣба, поневолѣ приходилось быть безсильнымъ свидѣтелемъ полной деморализаціи подвластнаго ему города [1]).

Жалкое положеніе Кіева обратило наконецъ вниманіе государя и по его требованію гетманъ 25 генваря отправилъ въ Кіевъ хлѣбные запасы, а на усиленіе гарнизона отрядилъ изъ Канева, по царскому указу, Горленка съ его полкомъ, предписавъ ему пробиться къ Кіеву и стать на Подолѣ, чтобы съобща съ ратными людьми «чинить промыселъ» надъ непріятелемъ и отвлечь его силы къ Полѣсью [2]).

Не прошло и пяти сутокъ со дня выступленія Горленка, какъ отъ него прибылъ въ Каневъ гонецъ съ письмомъ, возбу-

---

[1]) Акты, т. V. стр. 235. Донесеніе полковника Гамильтона.

[2]) Акты, т. V, стр. 246.

дившимъ въ главномъ лагерѣ Брюховецкаго сильнѣйшее негодованіе.

Горленко писалъ гетману, что въ Кіевѣ козаковъ встрѣтилъ столь неожиданный пріемъ, что они «никогда такого безчестія на себя быти не чаяли». Оказалось, что кіевскій воевода, по внушеніямъ мѣстнаго войта, не ладнвшаго съ Брюховецкимъ, ярымъ противникомъ городовыхъ привиллегій, и опасавшагося козацкой стоянки чуть-ли не болѣе непріятельскаго нашествія, не только приказалъ затворить городскія ворота передъ прилуцкимъ полкомъ, не велѣвъ пропускать «ни единаго изъ товариства, какъ измѣнниковъ его царскаго просвѣтлаго величества», но даже отказался ихъ «на малый часъ» впустить, для временной стоянки «на своихъ харчахъ». Самого полковника, Лазаря, настойчиво требовавшаго объясненій у воеводы, Чаадаевъ едва согласился принять у себя, въ Печерской крѣпости, и тутъ произошелъ у нихъ разговоръ, «какъ у волка съ овцой». Думный дворянинъ, давно уже возстановленный противъ Брюховецкаго, не стѣсняясь высказалъ Горленку, что онъ гетмана и его распоряженія не ставитъ ни во что [1]).

Письмо было помѣчено «31 генваря изъ подъ Кіева на лугу».

Такимъ образомъ, отрядъ высланный на помощь Кіеву, очутился между двухъ огней. Прилучанамъ, «какъ нетребникамъ какимъ», пришлось стать на выгонѣ, подъ городскими стѣнами, на лютой зимней стужѣ, безъ съѣстныхъ запасовъ и конскаго корму. Повсюду кругомъ были непріятели [1]), со дня на день грозившіе раздавить и уничтожить отрядъ прилуцкаго полковника. Со всѣхъ сторонъ получались вѣсти о приближеніи Чарнецкаго, уже занявшаго Мотовиловку и творившаго звѣрскую расправу съ сопротивлявшимися, не давая пощады ни полу, ни возрасту. Сотники бориспольскій и воронковскій письменно убѣждали Горленка не медлить болѣе, въ виду подозритель-

---

1) Акты, т. V, стр. 251. Письмо Горленка.

2) Въ Васильковѣ, Новоселкахъ, Безрадичахъ, Бояркѣ, Дымерѣ и т. д.

поведенія печерскихъ чернецовъ, переговаривавшихся съ врагами и поспѣшить занять укрѣпленія печерской горы, а кіевляне и слышать не хотѣли о томъ, чтобы пустить козаковъ въ городъ [1]).

Такъ какъ всѣ отписки и запросы гетмана къ Чаадаеву оставлялись безъ отвѣта, то Брюховецкій, близко принявъ къ сердцу оскорбленіе, нанесенное войску запорожскому въ лицѣ Горленка, обратился прямо къ государю, увѣдомляя его о происшедшемъ и препроводивъ къ нему собственное письмо Лазаря. Принося жалобу на воеводу, дерзнувшаго не оказать довѣрія и противиться посланному именемъ царскимъ полковнику, гетманъ привлекалъ вниманіе государя на то, что великое безчестіе это было нанесено военачальнику особенно избранному, извѣстному всѣмъ своими заслугами и непоколебимой преданностью царю. «Лазарь Горленко, полковникъ вѣрнаго войска вашего царскаго пресвѣтлаго величества запорожскаго прилуцкій», писалъ онъ, «вѣрне вашему царскому пресвѣтлому величеству служачи, прошлыя зимы, по отходѣ короля польскаго, тое стороны заднѣпровскіе городы, отчину вашего царскаго пресвѣтлаго величества отъ непріятеля очищалъ и, не щадя здоровья своего, за достоинство пресвѣтлаго престола и благородныхъ наслѣдниковъ вашего царскаго пресвѣтлаго величества... противъ непріятеля стоячи, многи на себѣ раны отнесъ» [2]).

Чаадаевъ въ свою очередь не жалѣлъ обвиненій противъ гетмана и его козаковъ, приписывая даже прекращеніе подвоза хлѣба не столько страху предъ поляками, сколько безчинствамъ гетманскихъ людей, грабившихъ по большимъ дорогамъ. «Волокита» тянулась, время уходило и прилуцкій полковникъ, вмѣсто того, чтобы съ кіевлянами ударить на общаго врага, продолжалъ стоять въ бездѣйствіи, «на лугу», не взирая на представляемыя имъ воеводѣ письма и копіи съ царскихъ указовъ. Уже поляки, узнавъ, въ чемъ дѣло, пріостановили свое отступленіе и гетманъ выражалъ царю опасеніе, что надъ слу-

---

[1]) Ibid.

[2]) Акты, т. V, стр. 250. Письмо Брюховецкаго отъ 3 февраля.

чившимся враги «не токмо тѣшитися будутъ», но станутъ смѣло тѣснить Кіевъ и другіе города [1]).

Скоропостижная смерть Чарнецкаго положила конецъ продолжавшемуся цѣлый мѣсяцъ безъвыходному положенію Горленка.

V.

Весной 1665 года, съ замѣной умершаго Чарнецкаго княземъ Яблоновскимъ, дѣла поляковъ пошли хуже. Въ апрѣлѣ сдался Корсунь, причемъ попало въ плѣнъ важное лице—наказной гетманъ Тетери Носачъ, бывшій при Хмельницкомъ полковникомъ прилуцкимъ, а 21-го мая самъ Яблоновскій подъ Бѣлой Церковью былъ разбитъ на голову соединенной велико и малорусской ратью, съ помощью пришедшей съ Хитровымъ калмыцкой орды. Торжествовавшій гетманъ, «наскоро» снарядивъ въ Москву своего гонца, Селецкаго, извѣстилъ государя, что отправляетъ къ нему «Лазаря полковника прилуцкаго», который объявитъ его царскому пресвѣтлому величеству о радостномъ событіи и «объ иныхъ дѣлахъ простране» [2]).

26-го мая козацкое посольство, съ Горленкомъ во главѣ, выѣхало изъ Канева и, переправившись чрезъ Днѣпръ у Переяславля, прослѣдовало чрезъ Прилуки и Нѣжинъ въ Великороссію. Въ свитѣ посла находился старшій сынъ его, Петръ, несшій уже боевую службу подъ руководствомъ отца и только что побывавшій на Запорожьѣ—въ воинской школѣ тогдашней молодежи [3]). Въ посольскомъ обозѣ ѣхали, подъ крѣпкой охраной, живые подарки царю—взятые въ плѣнъ подъ Бѣлой Церковью нѣмцы и поляки, между которыми былъ капитанъ солдатскаго строя и пять шляхтичей различныхъ хоругвей.

Около 20-го іюня посольство совершило свой въѣздъ въ столицу и ударило челомъ отъ имени гетмана и всего войска запорожскаго царю Алексѣю Михайловичу, царевичамъ, ближ-

---

[1]) Акты; т. V, стр. 252.

[2]) Ibid., т. VI, стр. 281.

[3]) Акты, т. VI, стр. 283.

нему боярину Салтыкову, вологодскому намѣстнику и другимъ приближеннымъ вельможамъ. Въ аудіенціи малороссійскій посолъ принесъ его царскому пресвѣтлому величеству поздравленія «съ значной надъ ляхами побѣдой, идѣже гусарскаго, рейтарскаго панцырнаго, козацкаго и нѣмецкаго люду не мало на вступномъ бои пропало», и благодарилъ государя за присылку вспомогательныхъ калмыцкихъ войскъ.

По принятому въ Москвѣ обычаю, Горленко съ товарищами посѣтили завѣдывавшаго приказомъ Малой Россіи, думнаго дьяка Ивана Поликарповича и были распрашиваемы о политическихъ событіяхъ на югѣ. Приведенные плѣнные «языки» также подверглись «распроснымъ рѣчамъ» [1]).

Изложивъ общій ходъ военныхъ дѣйствій въ Полѣсьѣ и на Украйнѣ и коснувшись затѣмъ состоянія Польши и Крыма, Горленко указалъ на затруднительное положеніе гетмана, ведущаго войну на свой страхъ и рискъ, съ далеко недостаточными силами. То обстоятельство, что ему уже два года не присылали московскихъ ратныхъ людей, поколебало его авторитетъ и истолковывалось его недоброжелателями въ смыслѣ неблаговоленія московскаго правительства; отступленіе къ Бѣлгороду стряпчаго Тухачевскаго являлось какъ-бы оправданіемъ этихъ злонамѣренныхъ слуховъ и еще болѣе смущало малороссіянъ. Прося, вслѣдствіе этого, ускорить присылку подкрѣпленій, прилуцкій полковникъ сослался на благопріятный оборотъ, принятый дѣлами съ приходомъ 7000 калмыцкой орды. По его словамъ, козаки очень цѣнили своихъ дикихъ союзниковъ и всячески ухаживали за ними, продовольствуя ихъ «добрымъ товаромъ, овечками, хлѣбомъ, медомъ, пивомъ, виномъ, тютюномъ» [2]). Дѣйствительно, эти страшные на видъ кочевники, къ тому же не-

---

[1]) Акты, т. VI, стр. 283.

[2]) Интересно сопоставить донесеніе Горленка съ свидѣтельствомъ Самовидца, характеризующаго видъ калмыковъ слѣдующимъ образомъ: „а потрава онымъ *всякій звѣръ, що есть на свѣтѣ;* ничѣмъ ся не бридятъ: и мишь, жаба, свиня, только сирѣчь рака единаго не люблятъ и бридятся ракомъ“. (Самовидецъ, стр. 88).

примиримые враги крымцевъ, однимъ своимъ появленіемъ приводили татаръ въ какой-то суевѣрный ужасъ. Сынъ Лазаревъ, молодой Горленко, замѣтилъ, что бывши въ Запорожской Сѣчи, онъ видѣлъ побѣдоносное возвращеніе остальной части калмыцкой орды изъ-подъ Перекопа, гдѣ она, вмѣстѣ съ извѣстнымъ кошевымъ атаманомъ Сѣркомъ, разгромила шедшаго было на Украйну мурзу Карачъ-бея и сожгла татарскіе улусы по черноморскому побережью [1]).

Возложенная на Лазаря Горленка дипломатическая миссія требовала не только извѣстной подготовки и опытности, но и предполагала основательное знакомство съ возбуждаемыми ею разнообразными вопросами. Данныя ему письменныя инструкціи были весьма обширны: въ тринадцати пунктахъ «информаціи» были перечислены дѣла, какъ свѣтскія, такъ и духовныя, о которыхъ посолъ былъ уполномоченъ вести переговоры съ царемъ и его совѣтниками [2]). Брюховецкій поступался уже своими и всей страны правами съ цѣлью укрѣпить собственное непрочное положеніе. Горленку поручено было хлопотать о присылкѣ въ кіевскую митрополію великорусскихъ духовныхъ властей изъ Москвы, «дабы», какъ говорилось въ «информаціи», »чинъ духовный кіевскій къ лядскимъ митрополитамъ не метався и изъ послушанія святѣйшихъ патріарховъ московскихъ не удалился», но чтобы тѣмъ самымъ «Русь Малая, услышавъ о присланіи русскаго на митрополію строителя, утверждалась и подъ высокою его царскаго пресвѣтлаго величества рукою укрѣплялась». Вмѣстѣ съ тѣмъ Горленко просилъ обуздать малорусскихъ «поповъ», безъ вѣдома гетманскаго и войсковаго, ѣздящихъ въ Москву «выправлять себѣ маетности» на счетъ козаковъ, чтобы затѣмъ ихъ же самыхъ, «которые головы свои, съ непріятелями бьючися, полагаютъ»— облагать повинностями и изгонять изъ своихъ помѣстій [3]). Кромѣ того инструкціи касались спеціальныхъ вопросовъ ратнаго

---

[1]) Акты, т. VI, стр. 283.

[2]) Ibid., стр. 281.

[3]) Акты, т. VI, стр. 281, § 8 и § 12.

дѣла, между прочимъ, основанія селитренныхъ майдановъ для снабженія войскъ порохомъ, вопроса продовольственнаго, вопросовъ о жалованьи, подкрѣпленіяхъ, а также соображеній, намѣреній и плановъ гетмана относительно начавшейся компаніи.

Не забыто было, ни Брюховецкимъ, ни Горленкомъ, одно изъ самыхъ больныхъ мѣстъ въ управленіи гетманскомъ,—вопросъ о городовыхъ привиллегіяхъ, данныхъ королями польскими по магдебурскому праву нѣкоторымъ украинскимъ городамъ,—привиллегіяхъ, ограничивавшихъ гетманскую власть и послужившихъ исходной точкой несогласій между гетманомъ и кіевскимъ воеводой, защитникомъ интересовъ горожанъ. Жалобы на неправды и насилія Чаадаева были перечислены въ двухъ особыхъ параграфахъ и Горленко не преминулъ довести до свѣдѣнія государя «о своемъ и всего полку прилуцкаго безчестіи, которое отъ думнаго дворянина пріялъ, чѣмъ непріятель радовался, а войско запорожское въ смятеніе пришло было, что купцовъ львовскихъ и иншихъ ляцкихъ въ Кіевъ пускали, а вѣрныхъ людей государевыхъ, которые кровъ свою проливаютъ, пустити не хотѣли» [1]).

Оскорбленіе, нанесенное прилуцкому полковнику и его полчанамъ, не осталось безъ возмездія: замѣна Чаадаева княземъ Львовымъ была ближайшимъ послѣдствіемъ миссіи Горленка, а вскорѣ бывшій кіевскій воевода, «по слезной челобитной», былъ окончательно отозванъ въ Москву и уволенъ вовсе отъ должности [1]).

Тревожныя вѣсти изъ Малороссіи ускорили возвращеніе Лазаря и его товарищей.

VI.

Снова зашумѣло, заволновалось козачество на Украйнѣ.

На смѣну сошедшему со сцены правобережному гетману Тетерѣ выступилъ новый противникъ союза съ Москвою, искатель гетманской булавы. Это былъ хорошо знакомый прилучанамъ

---

[1]) Акты, т. VI, стр. 281.

[2]) Акты. т. VI. стр. 287

Петръ Дорошенко, бывшій у нихъ въ 1657—59 годахъ полковникомъ, имѣвшій когда-то «великіе бои» съ Ромодановскимъ, Куракинымъ, Шереметевымъ и Трубецкимъ [1]).

Не смотря на наступившія на правой сторонѣ Днѣпра смутныя обстоятельства, грозившія замѣшательствомъ и въ лѣвобережной Украйнѣ, Брюховецкій не счелъ возможнымъ долѣе откладывать свою поѣздку въ Москву, куда его не переставали звать, и рѣшилъ лично представиться царю, чтобы разрѣшить нѣкоторые неотложные вопросы, отчасти уже подготовлеенны предшдствовавшей миссіей Горленка.

Во время своего отсутсгвія, Брюховецкій поставилъ въ Каневѣ, служившемъ ему наблюдательнымъ пунктомъ и операціоннымъ базисомъ на правой сторонѣ, наказнымъ гетманомъ своего любимца, переяславскаго полковника Ярмоленка, съ прилуцкимъ и другими тремя полками [2]).

Отсутствіе желѣзной руки, сдерживавшей козацкую «шатость» и своеволіе, сказалось очень скоро по отъѣздѣ гетмана и старшинъ. Въ Каневѣ началось броженіе, принимавшее все большіе размѣры, въ виду угрожающаго положенія Дорошенка, готовившагося совмѣстно съ крымской ордой къ набѣгу на лѣвую сторону Днѣпра. Бывшіе при Ярмоленкѣ лѣвобережные полковники, опасаясь за свои дома, стали разъѣзжаться по своимъ полкамъ, чтобы приготовиться къ ихъ защитѣ, да и простыхъ козаковъ едва можно было удержать въ Каневѣ. Оставленные подъ начальствомъ наказнаго полковника Стычинскаго прилучане на отрѣзъ отказались повиноваться и не пошли въ Полѣсье, куда ихъ посылалъ наказной гетманъ, для охраны отъ непріятелей важнаго пункта—переправы близь Дымера [3]).

Между тѣмъ гетманъ Иванъ Мартыновичъ Брюховецкій прибылъ 13 сентяаря наступившаго 1666 (по старому лѣтосчисленію) года въ Москву съ блестящей свитой изъ 500 съ

---

[1]) Ibid., т. V, стр. 251.

[2]) Акты, т. VI, стр. 61.

[3]) Акты, т. VI, стр. 41. Костомаровъ, Монографіи, т. XV, стр. 94.

лишним лицъ и былъ принятъ съ большимъ почетомъ и пышностью, какъ высокая владѣтельная особа. Тутъ-то онъ отъ имени своего, генеральной старшины и полковниковъ «ударилъ челомъ всѣми малороссійскими городами и мѣстами и мѣстечками и съ слободами и съ уѣздами и со всякими доходы» [1]).

Царскія милости не замедлили щедро посыпаться на участниковъ этого рѣшенія, осуществовившаго завѣтныя стремленія московской политики. Гетманъ былъ возведенъ въ небывалое на Украйнѣ боярское достоинство, бывшіе съ нимъ старшины, а также вліятяльнѣйшіе изъ отсутствовавшихъ, пожалованы вотчинами и россійскимъ дворянствомъ. Къ послѣднимъ принадлежалъ Горленко, лично извѣстный государю и московскому правительству [2]).

По грамотѣ царя Алексѣя Михайловича отъ 17 ноября 7174 г. (1665 г.), данной «въ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ» [3]), Лазарь Горленко, полковникъ прилуцкій, «за многія службы, храбрость и непоколебимую вѣрность... написанъ во дворяне» и пожалованъ «селомъ Ольшаною [4]), въ прилуцкомъ полку, въ 50 дворовъ, со всѣми угодіи» [5]).

---

[1]) Полное собраніе законовъ Россійской имперіи, т. I, стр. 613. По списку, представленному царю, въ прилуцкомъ полку числились слѣд. города, или крупныя мѣстечки, обведенныя рвами, валами и деревянными укрѣпленіями: Прилуки, Ичня, Красный (Колядинъ), Сребное, Варва, Иваница, Переволочная и Журавка; послѣдняя была совсѣмъ разорена. (Акты, т. VI, стр. 19).

Уполномоченными отъ прилуцкаго полка при гетманѣ были сотникъ прилуцкій Тищенко и сотникъ краснянскій Сычъ. (Ригельманъ, ч. II, стр. 88).

[2]) Акты, т. VI, стр. 15.

[3]) Подлинникъ хранится въ губернскомъ черниговскомъ архивѣ.

[4]) Нынѣ село прилуцкаго уѣзда, въ 15 верстахъ отъ Прилукъ; населенія свыше 300.

[5]) Божіею милостію, мы, великій государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ (слѣдуетъ большой титулъ), пожаловали есмя нашего царскаго величества Войска Запорозскаго, прилуцкаго полковника, Лазаря Горленка, за его къ намъ, великому государю, нашему царскому величеству, многія службы. Какъ подъ нашею государскою высокодержавною рукою учинилась въ подданствѣ предковъ нашихъ, великихъ государей, князей россійскихъ и нашего царскаго величества отчина, Малая Россія, и онъ, Лазарь, служилъ намъ, великому государю, нашему

На память о пребываніи въ гостяхъ у великаго государя малороссіяне получили богатые подарки. Царь прислалъ каждому изъ полковниковъ по драгоцѣнному кубку, сороку соболей въ 80 р. сорокъ, куску дорогой шелковой матеріи и штукѣ англійскаго сукна.

царскому величеству, по своему обѣщанію вѣрно и противъ непріятелей стоялъ твердо и мужественно, не склоняясь ни на какія непріятельскія прелести и на подсылки и бился, не щадя головы своей, и поиски многіе надъ непріятели чинилъ, и за тѣ его многія службы, мы, великій государь, наше царское величество, пожаловали его, Лазаря, влѣли написать во дворяне и сію нашу, царского величества, жалованную грамоту на дворянство дати. И билъ челомъ намъ, великому государю, нашему царскому величеству, онъ, Лазарь, чтобъ намъ, великому государю, нашему царскому величеству, пожаловати его, велѣть ему дать въ прилуцкомъ полку село Ольшаное, въ немъ 50 дворовъ, со всѣми угодіи, да два вешняка (мельницы, работающія весной, въ половодье): и мы великій государь, наше царское величество, пожаловали въ прилуцкомъ полку село Ольшаное, 50 дворовъ крестьянскихъ, со всѣми угодіи, опричь казачьихъ дворовъ и земель, и два вешняка дать ему велѣли, и по нашей государской милости, полковнику Лазарю Горленку тѣмъ селомъ Ольшанымъ со крестьяны и со всѣми угодіи, опричь казачьихъ дворовъ и земель, и вешняками владѣть и доходы съ нихъ надлежащіе имати, и ему, Лазарю, видя къ себѣ нашу государскую милость и жалованье, служити намъ великому государю, царю и великому князю Алексѣю Михайловичу, всея великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцу, и нашимъ государскимъ дѣтямъ: благовѣрному цесаревичу и великому князю Алексѣю Алексѣевичу всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи, и благовѣрному царевичу и великому князю Θеодору Алексѣевичу всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи, и благовѣрному царевичу и великому князю Симеону Алексѣевичу всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи и нашимъ государскимъ наслѣдникамъ вѣрно и всякаго добра хотѣти и наше государское повелѣніе исполняти по своему обѣщанію. Дана сія наша, царскаго величества, жалованная грамота въ нашемъ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ, лѣта отъ созданія міра 7174, ноября 17-го дня.

Божіею милостію великій государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всея Великія и Малыя Россіи самодержецъ.

Примѣчаніе. Первыми русскими дворянами изъ козаковъ были сдѣланы 12 лицъ: генеральный судья Забѣла, генеральный писарь Гречаный, полковники: прилуцкій Горленко, кіевскій Дворецкій, черниговскій Многогрѣшный (будущій гетманъ), полтавскій Витязенко, миргородскій Апостолъ, переяславскій Ярмоленко, нѣжинскій Гвинтовка, лубенскій Гамалѣя и стародубовскій Острянинъ и войсковой писарь Шійкевичъ (тогда же лишенный дворянства и сосланный въ Сибирь).—Акты, т. VI, стр. 15.—Кажется, что потомство первыхъ московскихъ дворянъ въ Малороссіи сохранилось только въ лицахъ Горленковъ, Забѣлъ и Гамалѣевъ.

На Украйнѣ извѣстіе о пожалованныхъ старшинамъ отличіяхъ, возводившихъ ихъ на степень «пановъ» и юридически вводившихъ въ Малороссіи крѣпостное право», встрѣчено было общимъ неудовольствіемъ. Усиленію его еще болѣе способствовали надменность и произволъ боярина-гетмана, вернувшагося къ Рождеству съ царскими воеводами изъ Москвы, гдѣ онъ изъ личныхъ видовъ столь легко поступился интересами духовенства, мѣщанства и посполитства. Жалованныя дворянскія грамоты возбуждали сильный ропотъ козаковъ. «У насъ» твердили они, «съ предковъ бояръ и дворянъ не бывало: всѣ мы равны». Новые дворяне не только не смѣли чваниться своимъ привилегированнымъ положеніемъ, но дѣлали видъ, что нисколько имъ не дорожать, говоря, что имъ-де дворянства не надобно и что они по старому козаки![1]). Болѣе всѣхъ были раздражены бывшіе друзья Брюховецкаго, запорожцы, и громко осуждали неслыханныя нововведенія, угрожавшія старымъ народнымъ вольностямъ.

Первая вспышка произошла вскорѣ въ переяславскомъ полку.

Въ срединѣ лѣта Горленко получилъ предписаніе какъ можно скорѣе идти въ сосѣдній Переяславль, на выручку недавно назначеннаго воеводой Вердеревскаго. Въ городѣ вспыхнуло возмущеніе, грозившее, по словамъ Брюховецкаго, «разгорѣться въ большой огонь[2]).

Переяславцы поднялись, изрубили ненавистнаго имъ полковника и осадили въ мѣстномъ „замкѣ" великороссійскаго резидента. Подоспѣвшій Горленко съ сосѣдними полками и людьми стольника князя Щербатова разогналъ возставшихъ и преслѣдовалъ ихъ до Золотоноши. Окруженные со всѣхъ сторонъ переяславцы послали за помощью къ Дорошенку, чутко слѣдившему за событіями лѣвобережной Украйны, и тотъ не замедлилъ увѣдомить крымскаго хана, что настало удобное время для пораженія Москвы. По первому его призыву, 30,000 отборной орды, всегда готовой къ войнѣ и грабежу, перешло къ

---

[1]) Костомаровъ, Монографіи, т. XV, стр. 125.

[2]) Акты, т. VI. стр. 129.

1 октября Днѣпръ, подъ предводительствомъ трехъ ханскихъ братьевъ, Нуреддина, Махмета и Саломета-Гиреевъ.

Прежде всего враги массой устремились подъ Переяславль, на укрѣпленный лагерь главныхъ козацкихъ силъ, думая захватить его врасплохъ, но были отбиты со значительнымъ урономъ Горленкомъ и другими вождями и отступили, потерявъ «много значныхъ людей» [1]). Побѣдители воспользовались замѣшательствомъ сторонниковъ Дорошенка и поспѣшили занять стратегическіе пункты у Днѣпровскихъ переправъ. Чтобы отрѣзать непріятелю отступленіе, Горленко двинулся изъ подъ Переяславля «шляхомъ татарскимъ» со своимъ «товариствомъ» и рейтарами князя Щербатова [2]).

Однако, отброшенные отъ Переяславля, татары разбились на три отряда и одинъ изъ нихъ сокрушительнымъ потокомъ прорвался къ сѣверу, въ незащищенные лѣвобережные полки. Пользуясь отсутствіемъ козацкихъ силъ, Салометъ Гирей немилосердно выжегъ, разорилъ и опустошилъ окрестности Борзны, Нѣжина и Прилукъ. 9 октября «чамбулы» его вторглись въ прилуцкій уѣздъ и горожане, твердо надѣявшіеся на войско, стоявшее подъ Золотоношей, съ ужасомъ увидали внезапно показавшіяся изъ лѣсовъ пестрыя шайки татаръ, облегавшія со всѣхъ сторонъ городъ. Лазарь Горленко со своимъ полкомъ былъ далеко «на великаго государя службѣ», а новый московскій воевода, Загряжскій, имѣя при себѣ ничтожную горсть людей [3]), не только въ случаѣ нападенія, не могъ бы дать отпора, но укрывшись съ жителями и ихъ семьями въ «замкѣ», не имѣлъ никакихъ сообщеній съ окрестностями и не зналъ, что кругомъ дѣлается [4]). Къ счастью, набѣгъ былъ кратковременный и крымцы города взять не рѣшились, но за то безнаказанно

---

[1]) Акты т. VI, стр. 155.

[2]) Акты т. VI, стр. 156.

[3]) 1 прапорщика и 50 чел. солдатъ (Ibid.).

[4]) Иченцы захватили одного татарина и привезли его въ Прилуки, откуда воевода препроводилъ его въ Москву, въ качествѣ „языка“. (Ibid.).

опустошили всѣ поселенія прилуцкаго полка, сожгли хлѣбъ и дворы и, разграбивъ все, что могли, угнали за Днѣпръ громадную толпу несчастныхъ, не успѣвшихъ скрыться за прилуцкими валами [1]).

Подобные набѣги были обыденнымъ явленіемъ въ Малороссіи суроваго XVII вѣка. Рѣдкій годъ проходилъ безъ того, чтобы едва вздохнувшая послѣ иноземныхъ нашествій Украйна не стонала снова подъ копытами татарскихъ коней. Вихремъ налетали шайки свирѣпыхъ хищниковъ, на своихъ степныхъ скакунахъ, на беззащитныя поселенія и дикіе зловѣщіе клики «алла!» похороннымъ звономъ отдавались въ ушахъ обезумѣвшихъ жителей. Мусульмане ураганомъ проносились по странѣ: сразу уничтожались долголѣтніе труды, цвѣтущіе хутора обращались въ пепелъ, нивы вытаптывались, табуны и стада угонялись и столь же быстро, при первомъ появленіи козаковъ, птицами исчезали татары въ необъятныхъ степяхъ, на лету подхватывая своихъ раненныхъ и убитыхъ, гоня передъ собой тысячный «яссырь» и избивая плѣнниковъ, затрудняющихъ ихъ бѣгство. Назади оставались трупы да дымящіяся, обугленныя развалины. Уцѣлѣвшимъ, безъ пищи и крова, оставалось лишь умирать съ голоду, скитаясь по лѣсамъ подобно звѣрямъ, или становиться жертвами свѣжихъ ордъ, появлявшихся на мѣсто ушедшихъ и загонами разсыпавшихся по краю. Особенно терроризована была ими правая сторона Днѣпра и горемычные ея обитатели, обнищавшіе, голодные, нагіе, «какъ овцы» [1]), въ паническомъ страхѣ, бѣжали на лѣвый берегъ и разсказами о мучительствахъ басурманъ распространяли ужасъ въ народѣ. Благодатнѣйшій край, славившійся изобиліемъ и богатствомъ, превращался въ безлюдную пустыню. Десятки тысячъ лучшей украинской молодежи томились въ крымскихъ цѣпяхъ и наполняли восточные рынки, а малорусскихъ невољ-

---

[1]) Акты, т. VI, стр. 155, 156. Донесеніе Загряжскаго; Самовидецъ, стр. 92; Грабянка, стр. 191; Ригельманъ, т. II, стр. 98.

[2]) Акты, т. VI, стр. 63.

никовъ встрѣчали на побережьи Адріатики и даже въ Испаніи... Прошли года, десятки лѣтъ, столѣтія, мрачныя событія того желѣзнаго вѣка стали преданіемъ далекаго прошлаго, а болѣзненный стонъ несчастливцевъ все еще чудится въ современной думѣ, поминающей страданія украинскаго народа:

«Зажурилась Украина, що негдѣ ся дѣти:
Вытоптала орда коньми уси мали дѣти,
Малыхъ потоптала, старыхъ порубала,
А середніи забрала,—у полонъ погнала... [1]).

Князь **А. Дабижа.**

(Продолженіе слѣдуетъ)

[1]) Максимовичъ: Украинскія народныя пѣсни, т. II, стр. 108.—Полагаютъ, что въ теченіи XVII и XVIII ст. до 150,000 малороссіянъ было уведено въ татарскій полонъ.

КОЗЕЛЕЦКАЯ РАДА 1662 ГОДА.

Знаменитый бытописатель Малороссіи Н. И. Костомаровъ, много занимаясь собираніемъ матеріаловъ для своихъ работъ въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи, о чемъ свидѣтельствуютъ многочисленныя въ его произведеніяхъ цитаты изъ документовъ этого архива, не коснулся однако одного отдѣла архивныхъ документовъ, гдѣ онъ могъ-бы почерпнуть очень много матеріаловъ для исторіи Малороссіи. Это документы Сибирскаго приказа. Разумѣется, и самое названіе: «сибирскій приказъ» не могло побудить его, занятаго Малороссіей, заглянуть въ дѣла этого приказа, а потому, конечно, игнорированіе этихъ документовъ нельзя поставить ему въ вину, тѣмъ болѣе, что и другой знаменитый историкъ, С. М. Соловьевъ, писавшій *общую* исторію Россіи и тоже много занимавшійся въ архивѣ, совершенно упустилъ изъ виду этотъ отдѣлъ документовъ. Такъ какъ документы сибирскаго приказа, относящіеся къ исторіи Малороссіи[1]), принадлежатъ конечно къ числу тѣхъ, которые потомъ были распредѣлены между главнымъ архивомъ министерства иностранныхъ дѣлъ и архивомъ министерства юстиціи, то, понятно, они восполняютъ тѣ пробѣлы въ исторіи Малороссіи, которые сдѣлали оба историка въ своихъ трудахъ, пользуясь лишь извѣстными въ обоихъ архивахъ матеріалами. Къ числу такихъ пробѣловъ принадлежитъ извѣстіе о Козелецкой радѣ, состоявшейся 19 апрѣля 1662 г.

Вотъ что пишетъ о ней С. М. Соловьевъ.

«Весною 1662 г. въ Москвѣ узнали, что въ Козельцѣ была рада для избранія гетмана, и немедленно объ этой радѣ пришли

---

[1]) Обозрѣніе этихъ документовъ со временемъ будетъ представлено на страницахъ „Кіевской Старины“.

различныя извѣстія: съ одной стороны писалъ Сомко и преданные ему полковники, что на радѣ былъ епископъ Меѳодій, полковники, сотники и асаулы сей стороны Днѣпра, а черни и всего поспольства не было; черни и поспольству Сомко быть не велѣлъ потому, чтобъ городу большихъ убытковъ не было; на радѣ выбрали въ гетманы Сомка до указа великаго государя, а какъ великаго государя указъ будетъ о полной радѣ, то на этой полной радѣ гетманъ велитъ быть всему поспольству и черни. Когда послѣ рады присутствовавшіе разъѣхались по домамъ и пріѣхали въ Нѣжинъ епископъ Меѳодій и Василій Золотаренко, то послѣдній епископу говорилъ, что Сомко принялъ гетманство самовольствомъ, а онъ, Василій, съ своимъ полкомъ ни въ какихъ расправахъ его слушать не хочетъ»... И далѣе: «легко понять, какое впечатлѣніе должны были произвести въ Москвѣ подобныя грамоты: Сомко и приверженцы его писали безсмыслицу (?), за которою скрывалось какое-то незаконное дѣло: что это была за рада въ Козельцѣ безъ черни и поспольства? Гетманъ выбранъ, зачѣмъ-же еще нужна новая рада? Что нибудь одно: или рада въ Козельцѣ была незаконная, или новая рада не нужна!» [1]).

«Ожидая вновь нашествія Хмельницкаго, пишетъ Н. И. Костомаровъ, Сомко, 23 апрѣля 1662 года, оповѣстилъ раду въ Козельцѣ, какъ-бы для совѣщанія о средствахъ обороны. Онъ надѣялся, что здѣсь, между прочимъ, состоится выборъ его въ гетманы, и тогда останется только просить царскаго утвержденія.... Когда одна часть козаковъ желала имѣть его гетманомъ, другая, настроенная Меѳодіемъ и Золотаренкомъ, кричала, что онъ недостоинъ, что онъ измѣнникъ, сносится съ Юраскомъ, дружитъ полякамъ. Преданная ему партія составила избирательный актъ; приложены были руки и печати; другіе, подстрекаемые Меѳодіемъ, не признавали законнымъ этого акта. Сомко остался тѣмъ, чѣмъ былъ, не болѣе. Постановили просить царя о присылкѣ рати, а тѣмъ часомъ дѣйствовать сообща противъ Хмельницкаго, *избраніе-же отложить* до того времени, когда прибудетъ царскій посланникъ. Съ тѣхъ поръ приверженцы Сомка полагали, что избраніе въ Козельцѣ совершилось: присланному отъ царя не останется ничего, какъ только утвердить

[1]) Исторія Россіи, Соловьева, т. II, гл. 2, стр. 126—127. Изд. 2-е.

состоявшееся избраніе; но противники ихъ говорили, что никакого избранія отнюдь не было, и оно должно произойти снова при царскомъ посланникѣ, и не иначе, какъ черною радою, то есть, гдѣ-бы участвовали громады козаковъ и посполыства».

Таковы свѣдѣнія, сообщаемыя намъ историками о Козелецкой радѣ; въ дѣйствительности дѣло происходило нѣсколько иначе.

Съ измѣною Ю. Хмельницкаго подъ Слободищами открылась кандидатура на званіе гетмана его пресвѣтлаго царскаго величества войска запорожскаго и кандидаты, разумѣется, не замедлили явиться; это были: Якимъ Сомко, полковникъ переяславскаго полка, выбранный послѣ измѣны Хмельницкаго наказнымъ гетманомъ, Василій Золотаренко, полковникъ нѣжинскій, и Иванъ Брюховецкій, кошевой атаманъ запорожскаго войска. Всѣ три кандидата искали поддержки у Меѳодія, епископа мстиславскаго и оршанскаго, блюстителя кіевской митрополіи. Меѳодій, ставленникъ Москвы, имѣлъ большое вліяніе на малорусскія дѣла, какъ человѣкъ, которому больше, чѣмъ кому нибудь, довѣряло московское правительство, не знавшее, на кого изъ малороссіянъ можно положиться, кому можно довѣрять. Рекомендаціи Меѳодія имѣли большое значеніе въ Москвѣ; поэтому всѣ полковники, вѣрные Россіи, со всѣми просьбами обращались къ нему, искали у него совѣта и одобренія своимъ дѣйствіямъ. Человѣкъ хитрый, честолюбивый, Меѳодій, преслѣдуя свои личныя цѣли, старался, сколько могъ, для московскаго правительства: поддерживалъ между полковниками согласіе, заставлялъ одного помогать другому, собиралъ вѣсти о непріятеляхъ, раздавалъ кому нужно подарки и деньги, разумѣется, получая за то вдвое съ правительства. Видя троихъ кандидатовъ на гетманскую булаву, Меѳодій до поры до времени не хотѣлъ никому изъ нихъ отдать преимущество: обнадеживая Сомка въ своей помощи, онъ увѣрялъ въ своей дружбѣ Золотаренка и въ тоже время переписывался съ Брюховецкимъ, удерживая его отъ крайнихъ поступковъ, которые могли-бы повредить ему въ глазахъ правительства. Но нѣтъ сомнѣнія, что Брюховецкій давно уже былъ желаннымъ для него кандидатомъ, Меѳодій самъ могъ расчитывать на него впослѣдствіи, какъ на человѣка, который всецѣло обязанъ ему своимъ выборомъ, и при содѣйствіи его достичь тѣхъ цѣлей, къ которымъ онъ стремился. И вотъ начинается комедія: дружа, повидимому, съ Сомкомъ, онъ натра-

вливаетъ его на Золотаренка, который служитъ де ему помѣхой, чтобы сдѣлаться гетманомъ, доказательствомъ чему была Быховская рада, на которой лишь Золотаренко воспротивился избранію Сомка въ гетманы; въ тоже время онъ совѣтуетъ Золотаренку избавиться отъ опаснаго конкуррента доносами на него въ Москву; наконецъ, по его-же совѣту, Брюховецкій пишетъ доносы въ Москву и на Сомка, обвиняя его въ измѣнѣ, и на Золотаренка, обвиняя его въ бездѣятельности.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда зашла рѣчь о Козелецкой радѣ.

Въ февралѣ 1662 г. Сомко дружески бесѣдовалъ въ Кіевѣ съ епископомъ Меѳодіемъ о положеніи дѣлъ въ Малороссіи. Между прочимъ Сомко просилъ Меѳодія отписать государю, чтобы скорѣе былъ присланъ бояринъ для выбора гетмана. По этому поводу въ Кіевѣ 21 февраля состоялась рада, на которой присутствовали полковники: нѣжинскій Золотаренко, черниговскій Іоанникій Силинъ съ сотниками и козаками, а отъ имени Сомка, не явившагося на раду, были полковники: барышпольскій Григорій Гаркуша и воронковскій Даніилъ Кириловъ. На этой радѣ было постановлено: послать къ государю просьбу о присылкѣ боярина, который-бы присутствовалъ на радѣ при избраніи гетмана и чтобы на раду былъ приглашенъ и гетманъ войска запорожскаго Иванъ Брюховецкій. Такое челобитье и было послано 27 марта съ барышпольскимъ полковникомъ Григоріемъ Гаркушею съ товарищами.

Крѣпко не понравилось Сомку то обстоятельство, что на радѣ долженъ присутствовать Брюховецкій, такъ какъ это былъ опасный конкуррентъ ему; за Брюховецкаго было многое: за нимъ было много козачества, такъ какъ онъ проповѣдывалъ всеобщее равенство козаковъ, чѣмъ въ особенности была обольщена чернь, за него былъ Меѳодій, о чемъ не могъ не догадываться Сомко, и наконецъ за него было правительство, настроенное въ его пользу Меѳодіемъ. Надо было такъ или иначе отдѣлаться отъ этого соперника, а единственнымъ исходомъ было собраніе рады прежде, чѣмъ явится Брюховецкій. Къ этому могло побуждать и то обстоятельство, что Сомко не находилъ себѣ соперниковъ среди полковниковъ, которые должны были присутствовать на радѣ; игру съ Золотаренкомъ Меѳодій велъ такъ тонко, что никто не могъ видѣть въ немъ кандидата на гетманство, въ

Меѳодіи-же Сомко былъ увѣренъ, такъ какъ въ руки его не мало попало отъ Сомка «вкладовъ по душѣ», въ чемъ впослѣдствіи Меѳодій оправдывался передъ московскимъ правительствомъ. Будучи увѣренъ въ удачномъ исходѣ задуманнаго предпріятія, Сомко созываетъ въ отбитый имъ у поляковъ городокъ Козелецъ полковниковъ, «чтобы поговорить о нужныхъ великаго государя дѣлахъ и порадиться, какъ-бы лучше противъ непріятелей стоять», приглашая ихъ явиться лишь съ немногими людьми, «человѣкъ по десяти съ собой имѣючи»; такъ объ этомъ приглашеніи писалъ потомъ въ Москву епископъ Меѳодій, тоже приглашенный на раду «для всякой порады». Опасаясь противодѣйствія своему избранію со стороны воеводъ, Сомко ни одного изъ нихъ не пригласилъ на раду и, выѣхавъ изъ Переславля въ Козелецъ 5 апрѣля, не увѣдомилъ даже переславскаго воеводу, кн. В. Волконскаго о предстоящей радѣ. Но этотъ послѣдній, будучи въ неладахъ съ Сомкомъ и въ то же время вслѣдствіе постоянныхъ доносовъ на Сомка, обвинявшихъ его въ измѣнѣ, имѣвшій по порученію правительства строгій надзоръ за его поступками, послалъ въ Козелецъ стрѣлецкаго голову Никифора Батюшкова съ приказаніемъ шагъ за шагомъ слѣдить за всѣмъ, что произойдетъ въ Козельцѣ. Батюшковъ пріѣхалъ въ Козелецъ 13 апрѣля и нашелъ тамъ полковниковъ: черниговскаго, нѣжинскаго, полтавскаго, миргородскаго и прилуцкаго; дожидали лишь Меѳодія, чтобы открыть раду. Между тѣмъ переславскій воевода князь В. Волконскій, тотчасъ-же по выѣздѣ изъ города Сомка, поставилъ караулъ къ его дому и арестовалъ многихъ козаковъ, распространяя повсюду слухъ, что «Сомко поѣхалъ изъ Переславля великому государю измѣною, а не для рады, хотя скарбъ свой и кошъ, по мѣстечкамъ ѣздя, испродать, а испродавъ, отъѣхать къ ляхамъ». Слухъ объ этомъ дошелъ и до Козельца и сильно возмутилъ собравшихся полковниковъ.

«Съ листовъ Тимоѳея Гуляницкаго», писали полковники кн. Волконскому, «судьи войскового, съ Переяславля до пана Якима Сомка, гетмана наказного, писаныхъ, вѣдомо намъ учинилося, что вы, пріятель нашъ, усумнѣваетесь о томъ, что той-же панъ гетманъ наказный съ нами вкупѣ въ дѣлахъ его царскаго величества и всему православію полезныхъ на съѣздѣ въ Козельцѣ, и безъ бытности гетманской не малое въ Переяславлѣ смущеніе починаетъ быти. Потомъ вамъ, пріятелю нашему, буди вѣдомо о томъ,

что мы всѣ на семъ боку будучіе полковники, какъ прежде сего вѣрно Богу и великому государю нашему, его царскому величеству, головъ своихъ не щадя, служили и за достоинство его царского величества отпоръ бусурманомъ, и измѣнникомъ, и ляхомъ, по силѣ нашей, давали, такъ и нынѣ не для чего иного союзный съѣздъ учинили есмя, токмо для того, чтобъ, поговоря съ паномъ гетманомъ наказнымъ, промыслъ о цѣлости всего боку, великому государю нашему, его царскому пресвѣтлому величеству, вѣрно радѣючи, учинили есми и общее отъ того бочнаго непріятеля безопаство симъ краемъ умыслили есми, чтобъ на семъ-же съѣздѣ видимое радѣніе и дружелюбную въ той мѣрѣ рѣчь между собою учинивъ, не подаватись врагомъ государевымъ и нашимъ въ третью безхлѣбную осаду; зачѣмъ вы, пріятель нашъ, не усумнѣвайтеся о томъ съѣздѣ нашемъ и до ушей своихъ словъ, любовь нашу развращающихъ, не допускайте..... всякія вражды на пана гетмана наказного и на насъ всѣхъ вѣрныхъ его царскому величеству подданныхъ покиньте и дружелюбно въ Переяславлѣ съ миромъ извольте, кромѣ всякаго прекословія, жити..... А если-бы вы, пріятель нашъ, нашу братолюбную пріязнь его царскаго величества людемъ развращати допущали и съ боку прелестниковъ вѣру яли и до не належащаго себѣ дѣла утруждалися, задаючи пану гетману наказному и намъ всѣмъ оскорбленіе, тогда въ той скорби нашей будемъ бити челомъ великому государю, его царскому пресвѣтлому величеству».

Въ такомъ-же родѣ послалъ нѣсколько писемъ къ Волконскому и Сомко; писалъ къ нему и Меѳодій 13 апрѣля, собираясь на раду: «лучшей-бы, государь мой, вѣдалъ и зналъ ты о наказномъ гетманѣ, какая-бъ его неправда передъ великимъ государемъ была, потому что живешь съ нимъ въ одномъ мѣстѣ, а нежели тамъ въ такомъ далекомъ разстояніи вѣдати о томъ. Я мню, что есть то неправда и есть отъ непріятелей нашихъ такія наносныя слова на наказнаго гетмана, которые непріятели хотятъ насъ до ссоры довести. Молю тя, государя моего, съ великимъ усердіемъ, Бога ради тѣхъ присланныхъ козаковъ утѣшай и про наказнаго гетмана все съ ними добро говори и къ запорожскому кошевому гетману, къ Ивану Брюховецкому, пожалуй изволь отписать отъ себя съ ними о службѣ и о вѣрности, которую вѣдаешь къ великому государю наказнаго гетмана Якима Сомка, чтобъ ихъ въ соединеніе привести и тѣмъ не

ссорити и великаго государя дѣлу порухи не учинить. И тебя, государя моего, и паки молю, пожалуй, Господа ради, съ наказнымъ гетманомъ поживи въ любви и въ совѣтѣ добромъ, какъ изначала, такъ и до конца, а ссорныхъ словъ безъ подлиннаго сыску ни отъ кого не слушай. Да молю тя, государя моего, повторе и по десяте, пожалуй, Господа ради, изволь отписать къ Ивану Брюховецкому съ уничиженіемъ, чтобъ онъ теперь подождалъ и ничего не починалъ до зупольной рады, чтобъ обрали себѣ досконалого гетмана войскомъ; а великій государь боярина для рады вскорѣ пришлетъ».

Послѣ оказалось, что вся эта переписка возникла по слѣдующему поводу: Брюховецкій прислалъ въ Переяславль съ своими козаками письмо, въ которомъ обвинялъ Сомка въ измѣнѣ; письмо попало въ руки товарища Волконскаго, воеводы Ив. Чаадаева, который немедленно распорядился поставить караулъ у дома Сомка, объявляя, что Сомко измѣнникъ. Что бы однако не послужило поводомъ къ такому оскорбленію Сомка, оскорбленіе это произвело сильное впечатлѣніе на собравшихся полковниковъ и невольно привело ихъ къ мысли, что этого не случилось бы, если бы у нихъ былъ гетманъ, защищавшій ихъ права и свободу отъ насилій московскихъ воеводъ. Переговоры въ этомъ родѣ уже происходили въ Козельцѣ, когда прибылъ туда Меѳодій, какъ видно изъ его письма къ Волконскому, не подозрѣвавшій умысла Сомка.

О томъ, что произошло по пріѣздѣ Меѳодія въ Козелецъ, имѣются три, болѣе или менѣе отличающіяся одно отъ другаго извѣстія: донесенія стрѣлецкаго головы Никифора Батюшкова, письма къ государю Якима Сомка и письма епископа Меѳодія. Чтобы судить, на чьей сторонѣ правда, разберемъ всѣ эти сообщенія.

«И апрѣля въ 16 день», пишетъ въ статейномъ спискѣ Батюшковъ, «пріѣхалъ въ Козелецъ изъ Кіева Меѳодій, епископъ, и всѣ полковники: нѣжинскій Василей Золотаренокъ, да черниговскій полковникъ Аникій Силинъ, прилуцкой Лазарь Горличенко, лубенской Андрей Пирской, миргородскій Павелъ Царенко, зинковской Василей Шабанъ и сотники и ясаулы съ казаками, которые за ними полковниками пріѣхали изъ городовъ, человѣкъ по тридцати, и по двадцати, и по пятнадцати нарочитыхъ людей, а ждалъ онъ къ себѣ на раду епископа, и съ ними совѣтовали и думали, кому у нихъ быть надъ ними старшиною до государева указу и полнымъ гетма-

номъ. И того числа полковники и сотники и ясаулы приговорили, чтобы надъ ними полковниками, и сотниками, и казаками, и всѣхъ государевыхъ черкасскихъ городовъ надъ мѣщаны, старшиною и полнымъ гетманомъ быть Якиму Самку, и о томъ они полковники и сотники и ясаулы и всѣ козаки, бывъ у епископа, пришедъ на дворъ къ наказному гетману Якиму Самку и учали словесно говорить, чтобъ онъ, Якимъ Самко, надъ ними былъ старшиною и полнымъ гетманомъ *до государева указу*, а не наказнымъ. И Якимъ Самко тѣмъ полковникамъ и сотникамъ и казакамъ въ гетманствѣ отказывалъ и старшиною быть у нихъ не хотѣлъ. Полковники, и сотники, и казаки учали говорить наказному гетману Якиму Самку, что окромѣ де намъ тебя Якима Самка старшиною и полнымъ гетманомъ выбрать некого. И гетманъ Якимъ Самко, по ихъ мирскому выбору и словесному приговору, съ ними полковники, и ясаулы, и козаки пошли въ соборную церковь къ епископу крестъ цѣловать великому государю въ службѣ своей и въ правдѣ. И епископъ Меѳодій въ соборной церкви гетмана Якима Самка и всѣхъ полковниковъ и сотниковъ, и ясауловъ и козаковъ къ крестному цѣлованію не приводилъ и говорилъ гетману Якиму Самку и всѣмъ полковникамъ и сотникамъ, ясауламъ и козакамъ: приводить де я васъ ко кресту безъ государева указу не смѣю, потому что писано у насъ преже сего къ великому государю къ Москвѣ, кому укажетъ великій государь быть въ своихъ государевыхъ черкасскихъ городахъ гетманомъ, и изъ соборныя церкви всѣхъ, не приводя къ вѣрѣ, выслалъ. И въ то время учалъ ему епископу говорить нѣжинскій полковникъ Вас. Золотаренокъ, при всѣхъ полковникахъ и казакахъ: ты де епископъ нашего воинскаго дѣла не знаешь, зналъ бы де ты свой монастырь и молилъ за великаго государя Бога и спасалъ душу свою; а на насъ де нынѣ и на его государевы городы наступаютъ вскорѣ изъ за-Днѣпра государевы непріятели, и государевы города хотятъ разорить, а насъ погубить всѣхъ безъ остатку, а намъ, безъ старшины будучи и безъ гетмана, управиться съ тѣми государевыми непріятели не кѣмъ, для того де мы и выбираемъ себѣ старшину и полнаго гетмана *до государева указу* Якима Сомка, чтобъ намъ, собрався съ войскомъ, стать подлѣ Днѣпра, чтобъ государевыхъ непріятелей въ государевы украинные города не пропустить. И апрѣля въ 18 день полковники и сотники, ясаулы

и казаки совѣтовали и ходили къ епископу на дворъ, чтобъ ихъ благословилъ выбирать себѣ *до государева указу* старшину и гетмана и къ вѣрѣ-бъ ихъ въ государевой службѣ привелъ. И того числа епископъ Меѳодій ихъ полковниковъ, и сотниковъ, и казаковъ благословилъ и велѣлъ имъ выбрать *до государева указу* гетмана. И они полковники и сотники, ясаулы и козаки выбрали гетманомъ его-жъ Якима Сомка.

А въ то время было у Якима Сомка въ городѣ въ Козельцѣ введено пѣшихъ людей сотъ съ шесть и больше и велѣлъ по городу, въ которую пору выбирали гетмана и договоръ былъ, поставить по воротамъ караулъ человѣкъ по сту и больше и выпускать никого изъ города не велѣлъ, а у его Якимова двора и на дворѣ, гдѣ у нихъ былъ договоръ, стоялъ караулъ же человѣкъ со сто и больше и нарядъ, собравъ съ городовой стѣны, поставленъ былъ у его жъ двора у воротъ.

И выборъ полковники на себя за своими руками и печатьми ему Якиму Сомку дали, что во всемъ его гетмана великаго государя въ дѣлахъ и службахъ и во всякихъ справахъ слушать и ни въ чемъ не огуряться, а станемъ де мы писать и бить челомъ великому государю вообще, чтобъ великій государь насъ пожаловалъ и велѣлъ ему Якиму Сомку прислать свое жалованье—знакъ и булаву».

Далѣе Батюшковъ разсказываетъ о приводѣ Меѳодіемъ ко кресту новообраннаго гетмана, полковниковъ и казаковъ и о собраніи послѣ того полковниковъ у Сомка, причемъ онъ потребовалъ, чтобы полковники дали ему согласіе, въ случаѣ непослушанія, «карать ихъ горломъ, не отписываясь къ великому государю». Полковники передали Сомку, каждый отъ своего полка, и именные списки козаковъ, общее число которыхъ простиралось до 35 тысичъ.

Совсѣмъ иначе разсказываетъ объ этихъ событіяхъ епископъ Меѳодій. «Вѣдомо тебѣ, государю моему, чиню», пишетъ онъ кн. Волконскому, «что гетманъ Якимъ Сомко обманулъ всѣхъ насъ, меня и полковниковъ, такимъ обычаемъ: писалъ къ полковникамъ, чтобъ съѣхались въ Козелецъ не съ большими людьми, человѣкъ по десяти съ собою имѣючи, не для рады и не для обранія гетмана совершеннаго, только чтобъ поговорить о нужныхъ великаго государя дѣлахъ и порадиться, какъ бы лучше противъ непріятелей

стоять; также и ко мнѣ писалъ, чтобъ я пріѣхалъ въ Козелецъ къ нимъ для всякой порады. И какъ съѣхались полковники и я къ нимъ въ Козелецъ пріѣхалъ, и онъ не подалеку потаенное войско, сколько тысячъ имѣючи козаковъ пѣхоты, въ городъ впровадилъ и замкнулъ городъ, а замкнувши почалъ говорить полковникамъ, чтобъ совершеннаго обрали гетмана. И я ему много въ томъ противился, чтобъ до указу великаго государя и до пріѣзду посланцовъ полковника Гаркуши съ товарищи такъ бы онъ не чинилъ и гетманомъ бы совершеннымъ сильно, безъ указу его царскаго пресвѣтлаго величества, не учинился и безъ совершенной рады, также и безъ запорожскихъ козаковъ; и онъ меня не послушалъ, а полковникамъ грозилъ смертью, а найпаче полковникамъ: нѣжинскому, черниговскому и прилуцкому. И я такое насильство и неправду видячи, изъ церкви выгналъ было гетмана Якима Сомка, а потомъ боячись, чтобъ не погубилъ полковниковъ, а найпаче нѣжинскаго Василья Золотаренка, на котораго онъ весь ядъ свой обращалъ, мусилемъ (долженъ былъ) позволить, чтобъ невинные люди, а найпаче великіе великому государю доброхоты не пропали, также и не боронилъ таковаго разбойническаго обранія ему на гетманство, гдѣ онъ учинился сильно гетманомъ неправдою и лукавствомъ; а еще и на полковникахъ присягу вымучилъ, чтобъ его во всемъ слушали и ему бъ грамоту, и знамя, и булаву на вѣчное гетманство у великаго государя выправили, что учинилъ противъ Бога и великаго государя и всего войсковаго давняго звычаю».

Чтоже говоритъ самъ новообранный гетманъ о событіяхъ въ Козельцѣ?

«Понеже», пишетъ онъ къ государю, «нынѣшняго времени слышачи непріятель объ отступленіи изъ Украйны войскъ вашего царскаго пресвѣтлаго величества въ великороссійскіе края, знаючи насъ пребываючихъ опричь всякаго порядку и звычайныхъ въ войскѣ нашемъ запорожскомъ поступковъ, почался сбирати и къ намъ сближати, зачѣмъ всѣ полковники наши заднѣпровскіе, забѣгаючи такому непріятельскому замыслу и не хотя до остатного упадка и спустошенья чрезъ урядъ придти, умыслили то, какъ бы, съѣхавшися и вкупѣ собравшись, всякій порядокъ на вѣрную службу вашего царскаго пресвѣтлаго величества, совокупясь, учинити и постановити, и, сложивши въ мѣстечкѣ Козельцѣ раду, съѣхалися

всѣ полковники, сотники и чернь войска вашего царскаго величества запорожскаго, на который съѣздъ и я прибылъ для достовѣрнѣйшаго всѣхъ справъ совершенья, и упросили есмо сполне велебнаго господина отца Меѳодія Филимоновича, епископа мстиславскаго и прочая. И такъ за пріѣздомъ его къ намъ въ Козелецъ учинили полковники, сотники и вся чернь такое постановленіе, что безъ совершеннаго старшаго никакой порядокъ доброй не можетъ быть, про то надѣясь на неизреченную милость вашего царскаго пресвѣтлаго величества, что имъ того поступка въ гнѣвъ почитати не изволишь, учинивъ раду на обраніе гетмана совершеннаго, единомысленно всѣ меня просили на тотъ урядъ. И я, имѣючи многія свои причины: одно, ижъ есмо о томъ о всемъ до вашего царскаго пресвѣтлаго величества посланцовъ своихъ послали, другое, что недужство силъ моихъ подъ таковое время не можетъ понести того бремени, третее, что большая, чтобъ тѣмъ милостиво жалованья вашего царскаго пресвѣтлаго величества (не лишиться), чрезъ дни многіе всѣми силами отговаривался, а понеже великая наступила просьба и единодушное изволеніе полковниковъ, сотниковъ и всей черни и всего поспольства, не моглмся того наложенного уряду отговорити и чтобъ то постоянное было и непоколебимое обраніе гетманства, присягою, такъ я на вѣрное подданство вашего царскаго пресвѣтлаго величества, какъ и всѣ полковники на тожъ и мнѣ на послушенство, при бытности г. отца Меѳодія Филимоновича, епископа мстиславскаго и многихъ духовныхъ и отеческихъ, въ церкви соборной всемилостиваго Спаса въ Козельцѣ, утвердили есмо, о чемъ о всемъ тѣжъ полковники, собрався тотчасъ до войска, будутъ вашему пресвѣтлому царскому величеству челомъ бить. А нынѣ отецъ епископъ, яко самовидецъ всего того дѣла, пространно вашему царскому пресвѣтлому величеству объявитъ чрезъ отца протопопа кіевскаго Василья Барскаго и списки присяги моей и полковницкой посылаетъ».

Сопоставляя эти три разсказа объ избраніи гетмана, большую достовѣрность слѣдуетъ придать сообщенію Батюшкова, какъ потому, что онъ былъ посторонним свидѣтелемъ, не заинтересованнымъ лицемъ при избраніи, такъ и потому, что, зная нерасположеніе Волконскаго къ Сомку, въ своемъ статейномъ спискѣ сообщилъ бы скорѣе такіе факты, которые говорили бы противъ Сомка; онъ и упоминаетъ о вводѣ Сомкомъ 600 своихъ козаковъ въ городъ, ко-

торые охраняли городскія ворота и дворъ, гдѣ происходила рада. По разсказу Батюшкова можно представить такую картину: полковники, собравшіеся въ Козельцѣ еще до пріѣзда Меѳодія, пришли къ заключенію, что въ виду наступленія такого времени, когда удобно начать военныя дѣйствія, и ожидая нападенія со стороны непріятелей, необходимо имѣть надъ собою одного начальника, который согласовалъ бы ихъ дѣйствія въ борьбѣ съ врагами; а между тѣмъ ожидать прибытія отъ царя боярина, который присутствовалъ бы на радѣ при избраніи гетмана, казалось невозможнымъ, такъ какъ о такой присылкѣ не было ни слуху, ни духу; такой царскій посланецъ могъ явиться въ самый разгаръ военныхъ дѣйствій, когда было бы не до выборовъ, какъ это и было раньше. Когда пріѣхалъ Меѳодій и полковники сообщили ему свое намѣреніе, онъ, какъ настоящій слуга московскаго правительства, заботящійся о водвореніи порядка и согласія между полковниками, не могъ отказать имъ въ своемъ благословеніи избрать начальника, ограничивая однако свое согласіе двумя условіями, именно: чтобы выборъ былъ *словесный*, а не письменный, и чтобы избранный начальствовалъ лишь *до государева указу*. Этими двумя условіями онъ отнималъ всякую дѣйствительность выборовъ: избранный гетманъ гетманствовалъ бы лишь до пріѣзда государева боярина, а отсутствіе письменнаго выбора предоставляло полную свободу выборщикамъ подавать свои голоса на будущей радѣ за кого они похотѣли бы. Дѣйствуя такимъ образомъ, Меѳодій достигалъ двухъ цѣлей: оставался вѣрнымъ слугою Москвы и оставлялъ открытымъ путь къ гетманству своему кандидату Брюховецкому. Но Сомко, разумѣется, не желалъ удовлетвориться предоставляемымъ ему положеніемъ: ужъ выбирать такъ выбирать совершеннаго гетмана съ соблюденіемъ всѣхъ условій, какія существовали относительно выбора гетмановъ, съ составленіемъ выборной записи и съ принятіемъ присяги на послушаніе ему. И вотъ, принявши выборъ, онъ прежде всего потребовалъ принятія присяги полковниками въ вѣрности. Требованіе законное, поддержанное и соперникомъ Сомка—Василіемъ Золотаренкомъ, заставлявшимъ Меѳодія привести ихъ къ присягѣ. Но Меѳодій вовсе этого не хотѣлъ: обязавши полковниковъ присягою на вѣрность *совершенному гетману*, онъ отнималъ возможность у Брюховецкаго искать этого уряда; поэтому онъ на отрѣзъ отказалъ въ приведеніи

ко кресту. Это было 16 апрѣля. На другой день Меѳодій, разумѣется, постарался убѣдить полковниковъ, что ѳни затѣяли нехорошее дѣло, выбирая гетмана безъ царскаго указа; намекнулъ Золотаренку на то, что теперь путь къ гетманству ему будетъ отрѣзанъ, и полковники готовы были взять назадъ свой выборъ. Тогда-то Сомко прибѣгъ къ крайней мѣрѣ: ввелъ своихъ козаковъ въ городъ, поставилъ у воротъ караулы и, быть можетъ, угрожалъ Меѳодію и Золотаренку насиліемъ. Будучи вынужденъ такимъ поступкомъ Сомка къ тому, чтобы утвердить выборъ его въ гетманы приведеніемъ его и полковниковъ къ присягѣ, Меѳодій сразу-же по выѣздѣ изъ Козельца указалъ на эту вынужденность, а отсюда и недѣйствительность присяги; а чтобы объяснить свою перемѣну къ Сомку, доселѣ бывшему его другомъ, сталъ обвинять его въ измѣнѣ на основаніи писемъ Брюховецкаго, которымъ самъ двѣ недѣли тому назадъ просилъ Волконскаго не вѣрить. Обвиненіе въ измѣнѣ было необходимо, потому что съ формальной стороны выборъ былъ обставленъ правильно и никто изъ присутствовавшихъ на радѣ не протестовалъ, кромѣ Золотаренка; напротивъ, всѣ полковники прямо изъ Козельца отправились подъ Быховъ, гдѣ и собрали свои полки подъ начальствомъ Сомка. Можно вообще сомнѣваться, чтобы со стороны Сомка были употреблены насильственныя мѣры при выборахъ: не сталъ-бы онъ поручать Меѳодію писать отчетъ о выборѣ его въ гетманы къ государю, если бы тотъ явно показывалъ свое неудовольствіе на выборъ; безъ сомнѣнія Сомко имѣлъ-бы полное основаніе сомнѣваться въ вѣрности сообщенія Меѳодія о выборахъ, если-бы тотъ сильно противился этому. Да и съ извѣстіемъ о выборѣ былъ посланъ въ Москву отъ Сомка кіевскій протопопъ Барскій, подчиненный Меѳодія, который, конечно, не пощадилъ-бы Сомка при распросахъ въ Москвѣ, и Сомко не послалъ-бы его, если-бы не былъ увѣренъ въ правильности своего выбора. Законность этого выбора признавала и вся Малороссія, кромѣ Меѳодія и Золотаренка; послѣдній самъ въ письмѣ своемъ къ государю отъ 27 мая проситъ поскорѣе прислать бояръ для избранія гетмана, «что-бы за скорымъ поспѣхомъ боярскимъ въ Козельцѣ попсованныя рѣчи вскорѣ направити и чтобъ тѣхъ рѣчей въ разширеніе, не малую болѣзнь нужному малороссійскому народу наносячее, не допускати»; и далѣе: «если затѣмъ тѣ

бояре и окольничіе не поспѣшатъ и въ скоромъ времени не пріѣдутъ, тогда козельская злоба не токмо умѣряться и уменьшаться не будетъ, но развѣ большую смуту прибавитъ и горшее разширеніе»..... Но голосъ Золотаренко былъ единичнымъ, никто къ нему не присоединялся, всѣ признавали Сомка гетманомъ; обвиненія-же въ измѣнѣ опровергались удачными военными дѣйствіями Сомка, при которомъ находились восемь полковниковъ: переяславскій, ирклеевскій, лубенскій, прилуцкій, кременчугскій, миргородскій и гадячскій съ 20 тысячами козаковъ; черниговскій полковникъ былъ посланъ подъ Гомель.

Какъ-же отнеслось къ выбору въ гетманы Якима Сомка московское правительство?

Въ документахъ, которыми мы пользуемся, нѣтъ указанія на то, какому изъ трехъ сообщеній оно повѣрило. Оно было поставлено въ затруднительное положеніе: не признать Сомка совершеннымъ гетманомъ было опасно, потому что за нимъ стояла значительная сила; признать, значитъ возбудить неудовольствіе Золотаренка и еще болѣе опаснаго человѣка, Ивана Брюховецкаго, которому было обѣщано участіе въ выборѣ гетмана и который самъ, какъ объ этомъ было извѣстіе, добивался этого уряда; при томъ постоянныя увѣренія Брюховецкаго, Золотаренка и Меѳодія, что Сомко измѣнникъ, заставляли относиться къ нему съ большою осторожностью. Москва вышла изъ затрудненія съ свойственной ей изворотливостью: «писалъ ты гетманъ съ кіевскимъ протопопомъ Василіемъ Барскимъ, на нынѣшней де козельской радѣ, по прошенью всѣхъ полковниковъ, которые съ тобою для нашихъ великаго государя дѣлъ въ томъ вышеписанномъ городѣ Козельцѣ съѣздъ имѣли для наступленіи непріятельскаго на наши великаго государя украинные города, учинился ты Іоакимъ Сомко совершеннымъ гетманомъ; а нынѣшняго-жъ 170 г. (1662) присланы къ намъ великому государю какъ отъ богомольца нашего Меѳодія, епископа мстиславскаго и оршанскаго и блюстителя митрополіи кіевской, нѣжинскій протопопъ Семіонъ, такъ и отъ васъ гетмана и полковниковъ посланцы барышпольскій полковникъ Григорій Горкуша съ товарищи съ желательнымъ и нижайшимъ челобитьемъ, чтобъ мы, великій государь, васъ пожаловали, для обороны отъ непріятельскихъ

приходовъ, указали съ бояриномъ нашимъ или съ инымъ съ кѣмъ прислати къ вамъ на помочь ратныхъ людей; да къ вамъ-же бы прислати для обранія гетмана, кого мы, великій государь, укажемъ; да намъ-же великому государю велѣти-бъ послати нашъ государевъ указъ на Кошъ къ гетману къ Ивану Брюховецкому и къ козакамъ, чтобъ онъ для гетманскаго обиранья на раду ѣхалъ, или отъ всего войска прислалъ къ вамъ посланцовъ съ полною мочью, а безъ запорожскихъ низовыхъ кошевыхъ козаковъ гетманское обиранье быти не можетъ..... А нынѣ ты, гетманъ, не дожидаясь, противъ челобитья *своего*, отъ насъ великаго государя милостиваго указу и высланнаго боярина нашего и воеводы на полную раду для гетманскаго обиранья пріѣзду, также и изъ Запороговъ полковника нашего Ивана Брюховецкаго, или отъ него посланцовъ присылки, и, мимо вашего стародавняго войска запорожскаго обычая, смѣлъ дерзнуть учинился гетманомъ въ маломъ городкѣ и не на полной радѣ безъ совѣту всего войска запорожскаго, при немногихъ полковникахъ, самоизволомъ, забывъ нашу великаго государя милость и жалованье..... И какъ къ тебѣ гетману сія наша великаго государя грамота прійдетъ, а бояринъ..... съ вами сближится, и тебѣ-бъ *наказному* гетману..... учинить полную раду, гдѣ пристойно».....

Далѣе въ грамотѣ сказано, что если его, Сомка, на полной радѣ выберутъ, то государь пришлетъ ему знамя и булаву, а за теперешнюю вѣрную службу его «милостиво похваляютъ». Вышло такимъ образомъ, что Сомко побилъ себя своимъ собственнымъ оружіемъ; онъ-же просилъ о присылкѣ боярина для гетманскаго обиранья, онъ-же указалъ на необходимость присутствія на радѣ депутатовъ отъ коша запорожскаго, и самъ-же нарушилъ эти условія. Мало того, онъ, блюститель правъ и привиллегій малороссійскихъ козаковъ, нарушилъ исконный козацкій обычай—собирать раду для выбора гетмана *въ полѣ*, а не въ городѣ. Таковаго-же содержанія грамоты, съ указаніемъ *на незаконность рады*, *а не на правильность* выбора Сомка въ гетманы, были посланы и всѣмъ полковникамъ; вмѣстѣ съ тѣмъ они приглашались явиться на пол-

ную раду для выбора гетмана съ соблюденіемъ всѣхъ установившихся обычаевъ.

Гетманство Сомка продолжалось всего одинъ мѣсяцъ, а затѣмъ, по справедливому замѣчанію Н. И. Костомарова, «онъ остался тѣмъ, чѣмъ былъ, не болѣе». Три раза ускользала у него изъ рукъ гетманская булава, въ четвертый разъ онъ сложилъ за нее голову на плахѣ.

А. Востоковъ.

Москва.
15 декабря 1886 г.

Записки Ивана Матвѣевича Сбитнева.

(Изъ времени учрежденія на Волыни и Подоліи, послѣ возстанія 1831 г., русскихъ школъ, въ замѣнъ польскихъ).

Авторъ предлагаемыхъ записокъ, Иванъ Матвѣевичъ Сбитневъ, родился въ Новгородъ-Сѣверскѣ, воспитывался въ тамошней же гимназіи, изъ которой, по окончаніи полнаго курса, въ 1816 году поступилъ въ харьковскій университетъ по физико-математическому факультету. Окончивъ здѣсь курсъ со степенью кандидата, Сбитневъ былъ назначенъ учителемъ гимназіи въ Екатеринодаръ, а оттуда въ 1820 году переведенъ въ новгородъ-сѣверскую гимназію учителемъ математики. Въ 1832 г. онъ, въ числѣ другихъ учителей, былъ употребленъ учебнымъ начальствомъ для дѣла устройства учебныхъ заведеній въ юго-западномъ краѣ на новыхъ началахъ.

Какъ извѣстно, здѣсь, со времени присоединенія края къ Россіи, царила система польскаго образованія, поддерживаемая всѣми силами польскаго общества и такихъ выдающихся его дѣятелей, какъ Адамъ Чарторыйскій и Ѳаддей Чацкій, и широко сѣяла польскій духъ, симпатіи и традиціи въ средѣ кореннаго русскаго населенія. Съ обнаруженіемъ польскаго возстанія, подготовленнаго главнымъ образомъ путемъ школы, императоръ Николай повелѣлъ закрыть всѣ польскія учебныя заведенія въ цѣломъ краѣ, чтобы образовать въ замѣнъ ихъ русскія. Въ эти новыя заведенія требовались новые дѣятели, которыхъ рѣшили выбрать изъ среды русскихъ учителей; кромѣ того надо было привести въ точную извѣстность средства существованія прежнихъ училищъ, исключительно частныя, т. е. дарственныя записи польскихъ пановъ, такъ называемые фундуши. Для этой то цѣли и былъ избранъ, въ числѣ другихъ, авторъ настоящихъ записокъ, И. М. Сбитневъ,

прежде исполненія сего послѣдняго порученія назначенный инспекторомъ новообразованной русской гимназіи въ г. Каменцѣ-Подольскомъ.

Записки Сбитнева обнимаютъ время 1832—1835 г. и касаются самой темной поры въ мѣстной исторіи народнаго образованія. Этимъ опредѣляется немаловажное историческое ихъ значеніе. Сущность даннаго Сбитневу порученія заключалась въ открытіи школьныхъ фундушей и актуальномъ ихъ установленіи для такъ называемыхъ приходскихъ училищъ въ Подоліи и на Волыни; въ свѣдѣніяхъ объ этомъ и главный интересъ его записокъ. Но этимъ не исчерпывается содержаніе ихъ: авторъ съ большою подробностію говоритъ о выборѣ дѣятелей народнаго образованія для юго-западнаго края и о своемъ переходѣ туда на службу, а при этомъ нерѣдко, хотя мимоходомъ, даетъ весьма интересныя свѣдѣнія, рисующія современное положеніе школьнаго дѣла, его предшествующую судьбу и главныхъ его дѣятелей. Автору не достаетъ широты кругозора; ему неизвѣстны ни правительственные планы во всей ихъ широтѣ, ни ихъ политическая основа, ни частности дѣла, къ которому онъ вмѣстѣ съ другими призывался, онъ смутно представляетъ это дѣло и съ боязнію смотритъ на предстоящую ему службу въ краѣ, который всѣ считали еще польскимъ; но что доступно было его вѣдѣнію и наблюденію, то онъ отмѣчаетъ тщательно и вполнѣ добросовѣстно.

Ведя свои записки въ формѣ путевыхъ замѣтокъ и наблюденій, авторъ разнообразитъ и пополняетъ свой разсказъ описаніемъ, иногда же и краткою исторіею посѣщенныхъ имъ мѣстъ—отъ Новгородъ-Сѣверска до Харькова и отъ Харькова до Каменца-Подольскаго и отдаленныхъ сѣверныхъ пунктовъ Волыни. Это придаетъ запискамъ живость, которую они утратили бы, еслибы представлены были въ формѣ оффиціальнаго отчета.

Помимо историческаго интереса записки Сбитнева не лишены и нѣкоторыхъ литературныхъ достоинствъ; авторъ ихъ въ свое время пописывалъ въ столичныхъ журналахъ и въ запискахъ его замѣтно выдѣляются литературные пріемы того времени.

И. М. Сбитневъ былъ вообще образованнымъ и развитымъ человѣкомъ своего времени. Многочисленные ученики его сохранили самую свѣтлую о немъ память за его гуманное съ ними обращеніе; онъ былъ врагъ педантизма того времени, защищалъ своихъ учениковъ въ совѣтѣ гимназіи, старался развить въ нихъ вкусъ къ литературному чтенію и пониманіе высшихъ интересовъ жизни. Прослуживъ болѣе опредѣленнаго срока, онъ вышелъ въ отставку, поселился снова въ Новгородъ-Сѣверскѣ и умеръ здѣсь въ августѣ 1856 года.

Записки начинаются призывомъ ихъ автора въ командировку и оканчиваются съ исполненіемъ даннаго ему порученія.

3-е іюля 1832 года. Новгородъ-Сѣверскъ.

Наконецъ наступило время отдыха, которое введено въ учебныя заведенія министерствомъ народнаго просвѣщенія въ 1803 году. Кто изъ насъ не вспомнитъ о тѣхъ сладкихъ минутахъ, которыя мы имѣли въ юности нашей при наступленіи лѣтняго отдохновенія! Бывало, съ какою быстротою мы собирались въ путь, съ какимъ трепетаніемъ сердца приближались къ нашимъ домамъ, съ какою радостію бросались въ объятія родителей, принимали ласки домочадцевъ!...

Дѣти, послѣ годичной разлуки, вносили въ дома своихъ родителей или отраду, или огорченіе. Праздникъ въ семействѣ, если дитя явилось къ нимъ на вакацію съ похвалою, наградою отъ училищнаго начальства и переводомъ въ высшій классъ; скука, огорченіе родителямъ, если свидѣтельства обнаружатъ шалость, лѣнь и нерадѣніе ихъ дѣтей.

Въ народныхъ училищахъ, основанныхъ еще въ царствованіе Екатерины Великой, до означеннаго выше времени были два экзамена для учениковъ: одинъ предъ праздникомъ Рождества Христова и двѣ недѣли для отдохновенія, а другой, окончательный, въ іюлѣ мѣсяцѣ, и—одна только недѣля для вакаціи. Но въ замѣнъ того было гораздо болѣе праздничныхъ дней въ году, въ которые не было ученія. Число этихъ праздничныхъ дней значительно превышало число дней нынѣшней лѣтней вакаціи.

Введеніе мѣсячной вакаціи въ учебныя заведенія несравненно полезнѣе для учащихся и учащихъ, чѣмъ прежнія, прерывчатыя отдохновенія во время множества церковныхъ праздниковъ. Дѣти, проводя въ кругу своихъ родныхъ самое лучшее время въ году, имѣютъ благодѣтельный случай, при постоянной свободѣ, отдохнуть, укрѣпить свои силы; за то послѣ вакаціи они уже предаются занятіямъ наукою охотнѣе. Но лишь только начнутся перемежки, праздники, святки, дѣти станутъ развлекаться, слабѣть въ трудахъ. Подлинно, каждый изъ преподавателей не могъ не замѣтить, что дѣти, начиная отъ послѣднихъ чиселъ декабря до истеченія святокъ Свѣтлаго праздника,

учатся не такъ ужъ успѣшно, и только приближеніе грознаго годичнаго отчета, рѣшающаго ихъ судьбу, снова пробуждаетъ въ нихъ заснувшее усердіе, рвеніе къ успѣшному прохожденію науки. Тогда въ одинъ день они дѣлаютъ несравненно болѣе успѣховъ, чѣмъ прежде сего въ недѣлю. Но ослабленіе въ трудахъ, въ усердіи къ наукѣ, проявляющееся между воспитанниками, не происходитъ ли также отъ ослабленія въ трудѣ и недостатка въ усердіи самыхъ воспитателей?—Воспитатели обыкновенно любятъ обвинять дѣтей, будучи иногда сами виновны. Рѣдко, очень рѣдко, въ теченіи моей долговременной службы по учебному вѣдомству, случалось мнѣ замѣтить, чтобы дѣти за нашъ теплый трудъ въ преподаваніи науки, за наше къ нимъ усердіе, заплатили намъ лѣностію, нерадѣніемъ и не успѣхами. Итакъ мы, воспитатели, отвѣчаемъ предъ Богомъ, закономъ и родителями за половину юнаго поколѣнія, которое поступило къ намъ или съ малымъ приготовленіемъ въ наукѣ, или со слабыми способностями. Обязанность добросовѣстнаго наставника состоитъ въ занятіяхъ не съ дѣтьми, хорошо приготовленными, одаренными воспріимчивостію, но съ дѣтьми, которыя имѣютъ слабыя способности, наклонны къ разсѣянію, испорчены. За первыми должно только наблюдать, развивать; послѣднихъ нужно руководить, лелѣять, помогать, поощрять и только въ случаѣ нужды карать, до тѣхъ поръ, пока не привьется къ нимъ любовь, теплота къ наукѣ, къ труду, пока не вырвется у нихъ съ корнемъ порча нравовъ, дурныя привычки, пока не разовьются у нихъ умственныя силы. Вотъ гдѣ трудная обязанность наставника, которая недаромъ названа святою! За то какъ сладокъ бываетъ для него лѣтній покой, если онъ, въ продолженіи академическаго года, прошелъ свой предметъ добросовѣстно и успѣшно для большаго числа своихъ воспитанниковъ!

Наставникъ только въ лѣтнія вакаціи можетъ свободно обработать свои лекціи для будущаго академическаго года, на досугѣ устраивать свое благосостояніе, свидѣться съ близкими родными, пріучить себя къ условіямъ, принятымъ въ общежитіи

и отвыкнуть отъ особенныхъ привычекъ, которыя прививаются незамѣтно отъ продолжительнаго обращенія съ дѣтьми и которыя, по забвенію, проявляются иногда тамъ, гдѣ бы этого не слѣдовало. Не правда ли, что долговременное служеніе чиновника по учебному вѣдомству налагаетъ на его личность особенную печать, дѣлаетъ его эксцентрическимъ, не ловкимъ въ пріемахъ, принятыхъ въ свѣтѣ. Но за то бесѣда его будетъ пламенной, восторженной въ обществѣ томъ, гдѣ любятъ поговорить о наукѣ, которою онъ преимущественно занимался!

Сегодня вечеромъ я простился съ моимъ почтеннымъ начальникомъ, директоромъ Н. Ѳ. Тимковскимъ. Вотъ и онъ окончилъ уже свою годичную отчетность и располагаетъ завтра отправиться въ деревню на лѣтній отдыхъ.

Опять повторяю: великое дѣло для чиновника имѣть отдыхъ на цѣлый мѣсяцъ, безъ контроля, безъ подчиненности, быть властителемъ своего времени, своихъ занятій, безъ зова училищнаго колокольчика, отъ котораго бываетъ иногда очень грустно. Мнѣ кажется, ни на кого звукъ его не производитъ такого сильнаго впечатлѣнія, какъ на чиновника учебнаго вѣдомства! Не правда ли, онъ напоминаетъ преподавателю мгновенно, вереницею, всѣ его обязанности въ отношеніи къ начальству, къ учащимся, отвѣтъ предъ Богомъ, государемъ и обществомъ? Особенно онъ невыносимъ при началѣ академическаго года!

Такимъ или подобнымъ размышленіямъ предавался я по окончаніи еще одного года моей службы, намѣреваясь и самъ предаться отдыху, когда 3 іюля 1832 г., въ три часа по полудни, прибѣжавшій ко мнѣ въ попыхахъ училищный служитель объявилъ мнѣ, что г. директоръ проситъ меня пожаловать къ нему тотчасъ и что получена какая-то важная бумага съ почты. Я немедленно отправился къ директору, гдѣ уже засталъ двухъ моихъ товарищей: Македонскаго, учителя русской словесности, и Красковскаго, учителя историческихъ наукъ.

— А, и вы здѣсь? обратился я къ нимъ въ смущеніи.—Не знаете ли, для чего насъ позвали? Какая получена бумага?

Мои товарищи пожали плечами и отвѣчали мнѣ, что ничего не знаютъ, а между тѣмъ и сами не скрывали отъ меня своего недоумѣнія и безпокойства, которыя родились у нихъ отъ такого неожиданнаго призыва.

Въ ожиданіи появленія директора, мы почти съ часъ просидѣли въ залѣ, не говоря другъ съ другомъ ни слова. Директоръ Илья Федоровичъ Тимковскій имѣлъ иногда привычку потомить своихъ подчиненныхъ ожиданіемъ выхода, особенно въ случаяхъ важныхъ. Это обстоятельство еще болѣе смущало насъ и дѣлало безмолвными.

Наконецъ директоръ вышелъ къ намъ съ бумагою въ рукахъ и объявилъ намъ слѣдующее: «Вы, господа, должны всѣ трое отправиться въ Харьковъ, немедленно, по дѣламъ службы. Вотъ бумага, которую я сегодня получилъ отъ ректора университета Еллинскаго; извольте ее прочесть». Нужно ли описывать, съ какимъ нетерпѣніемъ мы желали поскорѣе узнать смыслъ этой бумаги? Содержаніе бумаги было короткое, но таинственное. Ректоръ писалъ директору слѣдующее: «Покорнѣйше прошу ваше высокоблагородіе немедленно распорядиться объ отправкѣ учителей ввѣренной вамъ гимназіи: Сбитнева, Македонскаго и Красковскаго въ Харьковъ, по дѣламъ службы, которые обязаны явиться ко мнѣ непремѣнно къ 9-му іюлю».

Директоръ и мы изумлялись отъ такого необыкновеннаго и поспѣшнаго требованія, тѣмъ болѣе, что о прогонахъ не было ничего упомянуто.

Какъ ни старались мы увѣрить себя, что намъ нечего страшиться, что мы не чувствуемъ за собой никакой вины, но не хочу скрывать, что мы все таки были встревожены такимъ строгимъ требованіемъ, безпримѣрнымъ для чиновниковъ учебнаго вѣдомства, по крайней мѣрѣ до этихъ поръ. Бывало, хочетъ чиновникъ служить и служитъ лѣтъ 40 на одномъ мѣстѣ, даже до смерти; желаетъ выйти въ отставку, его увольняютъ; вздумаетъ перемѣститься въ другое мѣсто, его перемѣщаютъ безпрекословно, если есть вакансія.

Бывало, учители по полугоду болѣютъ, достигаютъ глубокой дряхлой старости, придерживаются плохой, обветшалой методы въ преподаваніи своихъ лекцій,—все имъ прощалось. Начальство снисходительно смотрѣло даже на значительнѣйшіе недостатки и неспособности чиновника. «Совѣстно обидѣть бѣднаго несчастнаго чиновника, обремененнаго многочисленнымъ семействомъ, получающаго такой ограниченной окладъ жалованья»! говорили обыкновенно члены училищнаго комитета, если доходили къ намъ частныя, даже оффиціальныя свѣдѣнія о какомъ либо непригодномъ къ службѣ учителѣ. И не потому ли въ то время родители высшаго круга не питали совершеннаго довѣрія къ казеннымъ учебнымъ заведеніямъ и поручали воспитаніе своихъ дѣтей иноземнымъ пришельцамъ?..

Но я уклонился отъ предмета. Насъ занимало, насъ даже смущало таинственное требованіе, которое надо было выполнить въ самократчайшее время и въ совершенной точности. Словомъ, мы должны были спѣшить отправиться въ неблизкій путь.

Поѣздка въ Харьковъ.

Въ одинъ день я собрался въ дорогу; ко мнѣ присталъ Красковскій. Прогоновъ намъ не выдали, потому что отъ Новгородъ-Сѣверска до Харькова считается всего только 400 верстъ. Поэтому мы рѣшились отправиться въ путь на долгихъ и ужъ конечно на свой счетъ.

Лишь только вербы глуховской дороги скрыли отъ насъ Новгородъ-Сѣверскъ, вдругъ съ сѣвера начала подниматься черная туча, гонимая сильнымъ вѣтромъ; она заволокла весь горизонтъ и скрыла отъ насъ солнце; густая пыль, поднявшись столбомъ до облаковъ, ослѣпляла насъ, сверкнула молнія, грянулъ громъ, и тяжелая туча разразилась проливнымъ дождемъ, измочившимъ насъ до нитки. Неужели разлука моя съ семействомъ, подумалъ я, подвергнетъ жизнь мою внѣшнему бурному вліянію, изломитъ, запятнаетъ ея теченіе, до тѣхъ поръ покойное и счастливое? Крупный дождь мочилъ насъ до самой Богдановки, гдѣ мы рѣшились имѣть нашъ первый ночлегъ и высушиться. Къ

счастью нашему, на другой день настала ясная погода и не измѣняла намъ до самаго прибытія нашего въ Харьковъ.

Мы проѣхали Шостенскій пороховой заводъ. Прямыя, ровныя улицы, однообразные дома, построенные на кирпичныхъ основаніяхъ, красивыя ворота при въѣздѣ и выѣздѣ, съ позолоченными орлами, симметрическая посадка деревьевъ по улицамъ, ясно показывали, что надъ этимъ многолюднымъ поселеніемъ господствуетъ заботливая военная власть. Красивый Гамалѣевскій женскій монастырь навѣялъ на насъ набожныя чувства. Мы зашли въ церковь и помолились усердно, тепло; да выпутаетъ насъ Творецъ милосердый благополучно изъ нашихъ таинственныхъ обстоятельствъ! Прелесть глуховскихъ равнинъ, съ одной стороны безпредѣльныхъ, а съ другой окаймленныхъ лѣсистыми горами, разогрѣла нашу душу къ принятію живыхъ впечатлѣній, къ ослабленію нашей грусти, которая по временамъ невольно западала въ мою душу, какъ отъ грознаго призыва въ Харьковъ, такъ и отъ разлуки съ родиною и семьей.

За Глуховомъ, въ 6-ти верстахъ отъ деревни, прекрасный ландшафтъ представился намъ по обѣимъ сторонамъ дороги и такъ плѣнилъ насъ, что мы остановились здѣсь кормить лошадей, хотя еще было рано.

Вотъ небольшая рѣка Клевань! Она составляетъ рѣзкую границу между гетманщиною (Малороссіею) и Великою Россіею. За нею иные жители, иная рѣчь, иная дѣятельность, иные обычаи; даже замѣтна разность въ природѣ физической: вмѣсто песчаныхъ полей, пересѣкаемыхъ частыми лѣсами, единообразная степь, состоящая изъ чернозема, съ роскошною растительностію, простирается до небосклона отдаленнаго.

Отъ чего единообразіе степи скоро наскучаетъ человѣку? Тамъ за легкій трудъ—богатая награда. Отъ чего гористыя мѣста, разрѣзываемыя бурными ручьями, поросшія густыми лѣсами, чаруютъ его душу? Тутъ и трудъ, и опасность, и малая награда, и препятствія. Отъ чего мирное, единообразное теченіе жизни нашей черствитъ умственныя наши способности и отъ чего сила ихъ проявляется только въ жизни дѣятельной и въ

борьбѣ съ препятствіями?—Подобные вопросы мы задавали одинъ одному въ Путивлѣ, въ городѣ замѣчательномъ въ эпоху борьбы Россіи съ властолюбіемъ Польши, и каждый изъ насъ рѣшалъ эти вопросы по своему убѣжденію.

Кто любитъ натуральные ландшафты, пусть въ Путивлѣ пойдетъ на городскую площадь, станетъ на самомъ краю утеса и посмотритъ на луговую сторону р. Сейма: тотъ, я увѣренъ, не равнодушно проведетъ часъ времени!

Вотъ торговой городъ Сумы. Онъ построенъ на самой срединѣ необъятной и прелестной равнины, омываемой р. Пселомъ.

Вотъ нагорное и лѣсистое урочище, называемое Образъ, потому, что въ красивой каплицѣ, которая сооружена возлѣ лѣса, хранится чудотворная икона Матери Божіей. Это урочище своими мрачными дубравами, дикими и глубокими ярами, пробудило въ товарищѣ моемъ воспоминаніе о наѣздничествѣ и удальствѣ гайдамакъ, которые когда-то скрывались въ этихъ лѣсныхъ трущобахъ. Онъ неравнодушно воспоминалъ о поэтической жизни этихъ суровыхъ сыновей пустынь слободско-украинскихъ, и въ честь ихъ спѣлъ, съ значительною восторженностію, пѣсню: «Лита орелъ, лита сизый».

Тѣ счастливцы, кому досугъ и богатство дозволяли почаще посѣщать различныя страны, меньше подвергаются сильнымъ впечатлѣніямъ; но мы, домосѣды, на все смотрѣли съ юношескимъ любопытствомъ. Насъ сильно занимали и особенности украинцевъ, рослыхъ и тяжелыхъ на подъемъ, и наивность ихъ женщинъ, опрятныхъ и привѣтливыхъ, и чистота избъ украинскихъ, выбѣленныхъ и кой-гдѣ желтою глинкою покрашенныхъ, и вообще приволье въ жизни украинской. Всякое укрѣпленіе, всякій курганъ, лежащіе въ степи, живо рисовали въ нашемъ воображеніи битвы русскихъ съ крымцами, бродячую жизнь запорожцевъ, ловкихъ, удалыхъ, и невольно приводили намъ на память мудрую и неусыпную дѣятельность русскихъ самодержцевъ, оградившихъ эти пустыни отъ внезапныхъ набѣговъ татаръ и вольницы, давшихъ средства основать села, мѣстечки и города, нынѣ уже значительно процвѣтающіе.

Впрочемъ, скажу мимоходомъ, тотъ сильно ошибется, кто потребуетъ отъ насъ многихъ дѣльныхъ замѣтокъ о нашемъ путешествіи отъ Новгорода Сѣверскаго до Харькова, на разстояніи почти 400 верстъ! Въ должностныхъ поѣздкахъ, спѣшныхъ, срочныхъ, сидя всякій день по пяти часовъ на повозкѣ до обѣденнаго отдыха и часа по четыре до ночлега, не много увидишь, узнаешь интереснаго о пройденной странѣ!... Одно воображеніе, насыщенное историческими воспоминаніями, оживляло нашу дорогу.

Наконецъ, въ бореніи любопытства и страха, мы увидѣли съ Холодной горы Харьковъ, 9-го іюля, именно въ тотъ день когда намъ велѣно явиться къ начальству университета...

Харьковъ.

Харьковъ многолюдный, красивый, богатый и торговый городъ. Вотъ что намъ тотчасъ бросилось въ глаза, когда мы ѣхали по длинной Екатеринославской улицѣ, обстроенной прекрасными зданіями! Намъ казалось, что жизнь въ немъ кипитъ несравненно болѣе, чѣмъ гдѣ либо, потому, можетъ быть, что мы долго засидѣлись въ скромномъ Новгородѣ-Сѣверскѣ, гдѣ по главнымъ улицамъ, въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ, не увидишь часто ни одного человѣка! Отъ ѣзды множества экипажей надъ Харьковомъ висѣла густая пыль, для насъ не выносимая. Она и спирала наше дыханіе, и ослѣпляла наши глаза. Мы остановились на квартирѣ на постояломъ дворѣ, дрянномъ, неопрятномъ домикѣ, который стоялъ надъ самою р. Лопанью противъ круглаго трактира, въ близкомъ разстояніи отъ университета, и немедленно занялись приготовленіемъ къ предстоявшему на другой день утреннему визиту.

Ректоръ университета Елинскій принялъ насъ милостиво, обязательно и объявилъ намъ чистосердечно, что попечитель харьковскаго учебнаго округа Филатьевъ, бывшій еще въ ту пору въ Петербургѣ, предписалъ совѣту университета, чтобъ, выбравъ лучшихъ преподавателей изъ округа, отправилъ ихъ на службу въ имѣющія открыться учебныя заведенія въ подоль-

ской и волынской губерніяхъ; при томъ онъ добавилъ, что этотъ выборъ сперва повѣритъ лично самъ попечитель, а потомъ отъ тѣхъ чиновниковъ, на которыхъ падетъ жребій, никакія отговорки, никакія причины не будутъ приняты въ уваженіе, исключая только тяжкихъ неизлечимыхъ болѣзней. «Имъ, говорилъ онъ, выдадутъ, сверхъ прогоновъ, денежныя пособія на путевыя издержки; увеличатъ окладъ жалованья, несравненно большій противъ настоящаго, дадутъ впослѣдствіи и другія награды, и вообще тамъ служба гораздо виднѣе, чѣмъ здѣсь». «Для этой то цѣли и списокъ избранныхъ наставниковъ препроводится, добавлялъ онъ, на высочайшее усмотрѣніе государя императора»...

Скоро иамъ ясны стали обстоятельства, приведшія къ такимъ чрезвычайнымъ мѣрамъ, равно и самый ходъ дѣла, къ которому мы призывались.

Въ 1830 году, въ началѣ осени, зашумѣли буйныя головы сперва въ Царствѣ Польскомъ, а потомъ въ нашихъ западныхъ провинціяхъ. Поляки, подстрекнутые французами, захотѣли отвергнуть мирную жизнь подъ мудрымъ правленіемъ русскихъ самодержцевъ и произвели войну кровопролитную. Но Варшава пала, анархія подавлена; буйныя головы удалились во Францію и Англію, а легкомысліе присмирѣло. Тогда-то наше правительство вознамѣрилось дать юношеству западныхъ губерній воспитаніе прочное, въ духѣ господствующаго народа и самодержавія. Для этой цѣли оно отправило, осенью 1831 года, въ кіевскую, подольскую и волынскую губерніи попечителя харьковскаго учебнаго округа Филатьева и двухъ профессоровъ харьковскаго университета: Кронеберга и Архангельскаго. Первымъ занятіемъ ихъ было закрыть всѣ существующія въ нихъ училища, ознакомиться съ тамошними чиновниками учебнаго вѣдомства и избрать мѣста, гдѣ удобнѣе можно основать гимназіи на новыхъ началахъ, такъ, чтобъ онѣ вполнѣ удовлетворяли требованіямъ правительства. Проэктъ ихъ по сему предмету представленъ былъ министру просвѣщенія Шишкову, а въ слѣдъ за проэктомъ отправился въ Петербургъ и самъ попечитель, для личнаго совѣщанія о новомъ устройствѣ училищъ.

Мы узнали, что, кромѣ насъ, почти въ одно время явились въ Харьковъ чиновники изъ гимназій: курской, воронежской, черниговской, екатеринославской, херсонской и астраханской. Вытребовано было всѣхъ чиновниковъ 52 человѣка.

Я нашелъ въ Харьковѣ многихъ моихъ товарищей по университету, а именно: Елинскаго, ректора университета и профессора хирургіи, Тюрина, директора херсонской гимназіи, Черняева, профессора ботаники, Затеплинскаго, профессора астрономіи, Бойкова, профессора агрономіи, Федорова и Яковлева, старшихъ учителей воронежской гимназіи, Калиновскаго, старшаго учителя астраханской гимназіи, и Пригару, штатнаго смотрителя борзенскаго училища.

Свиданіе наше было умилительно! Мы оставили университетскія скамьи около 15-ти лѣтъ тому назадъ, въ полной молодости, съ теоретическимъ воззрѣніемъ на свѣтъ, съ выгоднымъ мнѣніемъ о своихъ достоинствахъ. Мы надѣялись играть значительную роль въ обществѣ, получивъ высшее образованіе; мы были увѣрены, что будемъ пользоваться полнымъ уваженіемъ лицъ, не видѣвшихъ стѣнъ университета. Однако скоро мы разочаровались въ нашихъ мечтахъ в ожиданіяхъ! Скудный окладъ жалованья, встрѣча съ невѣжествомъ богатымъ, съ невѣжествомъ, гордившимся своимъ высокимъ происхожденіемъ, нежеланіе примѣняться къ пустымъ обычаямъ жителей, требовательныхъ и упорныхъ, особенно въ малыхъ городахъ, доставляли намъ много непріятностей и горя. Обзаведшись семействомъ, мы еще болѣе усилили нашу незавидную долю. Недостатки и предосудительное поведеніе нашихъ предшественниковъ помогали невниманію къ намъ даже во мнѣніи порядочныхъ и благомыслящихъ людей. При томъ мы состарѣлись; нѣкоторые изъ насъ стали терять къ себѣ довѣріе, другіе совершенно пали духомъ. Однако мы все-таки много обязаны были наступившимъ событіямъ, хоть тѣмъ, что они помогли намъ свидѣться; безъ нихъ этого никогда не могло бы случиться. Забывъ настоящую дѣйствительность, для многихъ изъ насъ незавидную, мы, при нашихъ сходкахъ, бросались въ воспоминанія о быломъ, о на-

шей университетской жизни, полной наслажденій, мечтаній, надеждъ и очарованій. Въ общество наше часто приходили любимые нами профессора: Комлишенскій и Павловскій; Пригара былъ мастеръ одушевлять нашу бесѣду разсказами о козакахъ, которые надѣлали ему много хлопотъ, и живымъ изображеніемъ тѣхъ лицъ, о которыхъ онъ говорилъ, въ рѣчахъ, тѣлодвиженіяхъ и привычкахъ ихъ. Мы смѣялись много, какъ бывало, смѣялись въ то время, когда были студентами! Черняевъ и Затеплинскій описывали намъ свое свиданіе съ знаменитыми учеными въ Германіи, Франціи и Англіи, развитіе сельскаго домоводства, промышленности, цивилизаціи и просвѣщенія въ этихъ государствахъ. Они путешествовали за границею три года на счетъ суммъ харьковскаго университета. Тюринъ, который не задолго предъ симъ визитировалъ полуденныя учебныя заведенія харьковскаго округа, живо изображалъ намъ свои впечатлѣнія, которыя произвели на его душу величественный Эльборусъ, господствующій надъ цѣпью кавказскихъ горъ [1]). Эту цѣпь онъ уподоблялъ черной тучѣ, охватившей далекій горизонтъ, каменной стѣнѣ, преграждающей свободный путь въ прелестную Малую Азію, богатую историческими событіями, роскошью растительности и, къ сожалѣнію, варварствомъ жителей. Калиновскій разсказывалъ намъ про любопытную Астрахань, въ которой проживаютъ образчики почти всѣхъ азіятскихъ народовъ, съ ихъ богослуженіемъ, привычками и костюмами, наводилъ на насъ грусть, которую онъ самъ чувствовалъ, проѣзжая песчаную приволжскую пустыню, мѣстами населенную юртами калмыковъ. Я вспоминалъ мое двухъ-годичное пребываніе между черноморскими козаками, ихъ битвы съ горскими народами, о сопкахъ на Таманѣ и въ Крыму, о рѣзкихъ слѣдахъ существованія заморскаго царства и о моей храброй выходкѣ съ заржав-

---

[1]) Вѣдомству харьковскаго учебнаго округа принадлежали тогда гимназіи: симферопольская, ставропольская, екатеринодарская и астраханская со всѣми низшими училищами въ этихъ губерніяхъ. Полтавская и черниговская губерніи принадлежали тоже харьковскому округу.

ленной саблею, противъ напавшей на Екатериноградъ ватаги черкесовъ,—выходкѣ, заставившей расхохотаться всю широкоштанную усатую батарею черноморцевъ. Потомъ снова разнообразили нашу бесѣду задушевнымъ разсказомъ о нашихъ семействахъ, нашихъ предпріятіяхъ, надеждахъ, лишеніяхъ, потеряхъ и горестяхъ; хвалились пріобрѣтеніемъ опытности, тяжкими страданіями. И тутъ-то мы подмѣтили, что у многихъ изъ насъ уже показались сѣдины, начатки разрушенія организма! А много ли мы сдѣлали?!

Такимъ образомъ, не чувствительно для насъ протекло двѣ недѣли со времени нашего прибытія въ Харьковъ; а между тѣмъ не было никакихъ вѣстей ни о пріѣздѣ попечителя, ни о его распоряженіяхъ.

Университетское начальство, для того, чтобы мы не соскучились, озаботилось открыть намъ свою библіотеку и всѣ свои кабинеты; намъ позволяли пользоваться книгами, показывали намъ рѣдкіе и любопытные предметы и объясняли свойства ихъ. Эти учебныя пособія содержались въ отличномъ порядкѣ, но число предметовъ въ нихъ было пока не велико. Ежели университетъ имѣлъ тогда слишкомъ ограниченныя матеріальныя пособія, то чего же должно было ожидать отъ гимназій, уѣздныхъ училищъ?

Скоро потомъ профессора: Кронебергъ, Комлишенскій, Архангельскій, Бойковъ и Чановъ начали приглашать къ себѣ, по утрамъ, по очереди, по два или по три человѣка изъ вызванныхъ чиновниковъ. Имъ предлагались вопросы или изъ наукъ, которыми они преимущественно занимались, или изъ современныхъ событій, общественнаго быта, общей литературы, рѣшеніе которыхъ всѣмъ доступно. Профессора внимательно слѣдили за точностію отвѣтовъ, образомъ объясненія и пріемами въ обращеніи. Мой товарищъ Красковскій справедливо замѣтилъ, что эта бесѣда имѣла видъ испытанія, потому что гг. профессоры тотчасъ дѣлали свои отмѣтки. Впрочемъ Македонскій и я были изъяты отъ этого испытанія.

Надобно замѣтить, что Кронебергъ и Архангельскій отлично отзывалчсь всегда объ учителяхъ школъ въ западныхъ провинціяхъ; поэтому видно, что экзаменаторы этимъ испытаніемъ желали замѣнить тѣхъ преподавателей такими, которые не уступали бы имъ ни въ ловкости обращенія и находчивости, ни въ развитіи наукою.

Вслѣдъ за тѣмъ мы узнали, что эти испытанія производились по поводу инсьма, полученнаго ректоромъ отъ попечителя изъ Петербурга. Въ этомъ письмѣ онъ извѣщалъ также и о скоромъ своемъ возвратѣ въ Харьковъ.

Прошла еще недѣля! Нѣтъ попечителя, нѣтъ мѣръ для рѣшенія нашей участи. Уже и наши средства содержанія стали истощаться, потому что мы взяли изъ дому не много денегъ, полагая недолго прожить въ Харьковѣ. Мы стали уже скучать и скука наша проявлялась тѣмъ сильнѣе, чѣмъ прежде живѣе было удовольствіе отъ свиданія съ школьными товарищами. Уже стали мы замѣчать, что иное товарищъ въ школѣ, иное человѣкъ въ свѣтѣ....

Наконецъ, 4-го августа, часу въ четвертомъ по полудни, пріѣхалъ попечитель, котораго скоро посѣтилъ ректоръ университета. Итакъ, мгла нашихъ финансовыхъ затрудненій разсѣялась, давъ мѣсто овладѣть душею нашею надеждѣ на скорое рѣшеніе нашей участи!

Дѣйствительно, на другой день насъ оповѣстили, чтобы мы 6-го августа собрались въ университетскую церковь для выслушанія обѣдни, а потомъ явились бы къ его превосходительству.

И вотъ, мы, вызванные чиновники, въ 9 часовъ 6-го августа, всѣ прибыли въ церковь въ полныхъ мундирахъ, за нами многіе професора и ректоръ университета, а потомъ и самъ попечитель. Обѣдня тотчасъ началась. Конечно молитва наша была теплая, усердная. Послѣ обѣдни ректоръ повелъ насъ въ залу, къ его превосходительству. Чрезъ нѣсколько минутъ въ кабинетъ попечителя позвали Кулжинскаго и Рудановскаго. Когда они возвратились къ намъ, то по радос-

нымъ лицамъ ихъ видно было, что имъ сдѣлано было назначеніе очень пріятное. Дѣйствительно, первый назначенъ директоромъ, второй инспекторомъ въ луцкую гимназію. Учителями въ туже гимназію опредѣлены Морачевскій и Калиновскій. За сими вслѣдъ позвали меня и Македонскаго. Его превосходительство съ минуту пытливо смотрѣлъ на насъ, не говоря ни слова. Потомъ онъ милостиво объявилъ намъ, что одинъ изъ насъ долженъ отправиться инспекторомъ въ Каменецъ-Подольскую гимназію, гдѣ опредѣленъ уже директоромъ Телешевъ, а другой въ житомірскую, гдѣ есть уже директоръ Бокщанинъ. Македонскій просилъ попечителя предоставить ему службу въ житомірской гимназіи, по той причинѣ, что въ Житомірѣ служилъ его братъ, слѣдовательно, на мою долю досталась служба въ Каменецъ-Подольскѣ. И я принялъ мой жребій съ живѣйшею благодарностію его превосходительству за его милостивое вниманіе ко мнѣ. Учителями въ подольскую гимназію назначены: Китченко, Науменко и мой товарищъ Красковскій, а въ житомірскую приглашены два чиновника изъ Петербурга. Въ винницкую гимназію опредѣлены: директоромъ Фовицкій, инспекторомъ Рябоконовъ, а учителемъ Яковлевъ. Всѣмъ прочимъ вызваннымъ чиновникамъ велѣно отправиться къ своимъ должностямъ, а намъ ожидать пока дальнѣйшихъ распоряженій.

И такъ только 12 человѣкъ было избрано дѣятелями великаго дѣла преобразованія молодаго поколѣнія въ губерніяхъ кіевской, подольской и волынской, вмѣстѣ съ чиновниками кіевской гимназіи, куда издавна опредѣляли уже чиновниковъ православнаго исповѣданія. И это избраніе послѣдовало въ день Преображенія Господня, какъ бы въ ознаменованіе того, что и мы должны облечься въ новую одежду труда и тонкаго благоразумія, содѣйствуя видамъ правительства!

Мы простились съ товарищами нашей юности со слезами на глазахъ. Они пожелали намъ успѣха въ предполагаемой цѣли, а мы, проводивъ ихъ, пожелали имъ лучшей участи, здоровья и долголѣтней жизни. Разлука наша была также уми-

лительна, какъ и самое свиданіе. Свидимся ли мы снова еще въ этой жизни?...

10 августа и наша судьба рѣшена окончательно. Попечитель приказалъ намъ, по полученіи ирогоновъ, отправиться къ мѣстамъ нашей службы, гдѣ мы должны ожидать предписанія объ отъѣздѣ въ западныя провинціи, выдачи прогонныхъ денегъ и сверхъ того значительнаго денежнаго пособія на подъемъ. Того же числа мы оставили Харьковъ. Время покроетъ туманомъ забвенія наше необыкновенное посѣщеніе этого города, посѣщеніе, которое сильно занимало жителей его! Это событіе замѣнится приливомъ свѣжихъ важнѣйшихъ происшествій; время также поглотитъ въ волнахъ забвенія и наше существованіе, замѣнивъ его другими дѣятелями по учебному вѣдомству, съ иною цѣлью, иною предпріимчивостію!

Не равнодушно мы взглянули съ дергачевскихъ горъ, можетъ быть въ послѣдній разъ, на высокую харьковскую колокольню, которая начала уже скрываться въ туманной выси. Слеза закрыла глаза мои. Я всегда любилъ и теперь люблю Харьковъ, гдѣ въ юности, воспріимчивой, цвѣтущей, беззаботно взиралъ на будущее, гдѣ я имѣлъ много свѣтлыхъ отрадъ: и родственную привѣтливость моихъ наставниковъ, и наслажденія въ наукѣ, дружбѣ, и сильныя біенія сердца къ существу, которому не суждено было сопутствовать мнѣ въ жизни. Эти воспоминанія всегда слѣдили меня, и нынѣ слѣдятъ въ минуты моего одиночества, отдохновенія, и будутъ слѣдить до послѣдняго моего дыханія...

Красковскій долго стоялъ неподвижно, глядя на Харьковъ. Потомъ, глубоко вздохнувъ, отеръ глаза и сказалъ: «пора ѣхать! пора! поѣдемъ»!

Новгородъ-Сѣверскъ. 1832 года.

1-го декабря дирекція гимназіи получила предписаніе отъ училищнаго комитета харьковскаго университета объ отправленіи меня въ Каменецъ-Подольскій на должность инспектора гимназіи и вмѣстѣ преподавателя высшей части математики,

Македонскаго въ гимназію житомірскую на должность инспектора и преподавателя русской словесности, а Красковскаго преподавателемъ латинскаго языка, присовокупляя при этомъ, что гимназіи подольская и житомірская должны открыться непремѣнно 1-го генваря 1833 года. И такъ это предписаніе есть послѣднее звѣно, соединявшее меня съ родною гимназіею, гдѣ я прежде учился, а потомъ служилъ!

Директоръ замедлилъ отправкою насъ, потому, что не скоро были высланы подорожнія отъ черниговскаго гражданскаго губернатора, а въ то время не имѣлось подорожень по казенной надобности. Судя по заботливости Тимковскаго о надзорѣ за, гимназіею, ему ввѣренною, которую этотъ превосходный начальникъ желалъ сдѣлать образцовою, это замедленіе для него было очень пріятно, потому что гимназія отъ недостатка трехъ преподавателей могла ослабѣть, а ихъ не только въ то время, да и теперь замѣнить другими, наличными, было почти не возможно.

Наконецъ, 6-го генваря, мы получили прогонныя деньги, подорожнія и подъемныя: Македонскому и мнѣ назначили по 300 руб. ассиг., а Красковскому 150 руб. асс. Мы простились съ нашимъ начальникомъ, глубоко нами уважаемымъ, который постоянно, не усыпно заботился, какъ онъ всегда выражался, о своей гимназіи, умѣлъ подчинить насъ къ себѣ душевно, входя съ живымъ участіемъ во всѣ обстоятельства нашей частной жизни, наблюдая и укрѣпляя насъ къ неослабному исполненію служебныхъ обязанностей нашихъ. Новгородсѣверскую гимназію онъ называлъ своею еще потому, что онъ преобразовалъ ее въ 1808 году изъ главнаго народнаго училища, будучи посланъ для этой цѣли отъ университета визитаторомъ. Сверхъ того, еще въ бытность свою профессоромъ университета, участвовалъ и голосомъ и властію въ необходимости имѣть гимназію въ такомъ пунктѣ, отъ котораго-бы прочія гимназіи отстояли почти на двухъ-сотъ-верстномъ разстояніи. Эту мѣру вполнѣ одобрилъ бывшій министръ просвѣщенія, графъ Петръ Васильевичъ Завадовскій, который, посѣщая, лѣтомъ 1809 года,

новгородсѣверское главное народное училище, остался доволенъ и способностями преподавателей и успѣхами учащихся, и многолюдствомъ и благонравіемъ ихъ, и прелестнымъ положеніемъ города.

Подлинно, существуютъ также стратегическіе пункты для устройства учебныхъ заведеній, подобно тому, какъ существуютъ стратегическія мѣста, важныя въ военномъ отношеніи. Гдѣ много живетъ въ окрестности мелкопомѣстныхъ дворянъ, тамъ учебное заведеніе будетъ непремѣнно многолюдно. Устройте училище въ киргизскихъ степяхъ, снабдите его превосходными пособіями, дайте ему отличныхъ преподавателей, оно будетъ пусто. По этому не удивительно, если новгородсѣверская гимназія была всегда многолюдна и пользовалась постоянно хорошею репутаціею, по причинѣ достойныхъ чиновниковъ, въ ней служившихъ и служащихъ.

Я простился съ моими сотрудниками по новгородсѣверской гимназіи. Нѣкоторые изъ нихъ были моими наставниками, а другіе когда-то дѣлили со мною дѣтскія игры, потомъ раздѣляли со мною трудные, святые подвиги на поприщѣ воспитанія юношества.

Поѣздка въ Каменецъ-Подольскій.

10-го генваря, 1833 года, обнявъ мое семейство, я оставилъ Новгородсѣверскъ. Малолѣтнія дѣти мои не понимали еще этой разлуки. Я не могъ и не считалъ благоразуміемъ разомъ подняться со всѣмъ моимъ семействомъ, потому болѣе, что, какъ я думалъ тогда, опасно было пріѣхать въ страну, гдѣ недавно кипѣли смуты и брани, и потому, что было неудобно переѣзжать съ дѣтьми въ холодную пору, и еще потому, что сперва нужно устроить квартиру, обзавестись разными потребностями, обыкновенными въ семейномъ быту.

Пріѣздомъ моимъ въ Кролевецъ я обрадовалъ тамошняго судью, Капитана Долинскаго. Этотъ чиновникъ былъ мой родственникъ, съ которымъ видѣться въ каникулярное время было непремѣнною моею обязанностію. Онъ участвовалъ въ борьбѣ

Александра Благословеннаго съ Наполеономъ, а потому всякій разъ свиданіе съ нимъ было для меня интересно. Къ тому-же онъ былъ мастеръ разсказывать пламенно, увлекательно, подробности о томъ, что самъ видѣлъ, слышалъ, про отечественную войну, о которой еще не доходило къ намъ никакихъ описаній. Я пробылъ у него однако не болѣе двухъ часовъ. Ночевалъ въ Алтыновкѣ на станціи, гдѣ въ комнатѣ безъ ошибки можно было опредѣлить болѣе 10° и ниже точки замерзанія.

На другой день я проѣхалъ Батуринъ, бывшій долгое время столицею малороссійскихъ гетмановъ, а теперь деревня, построенная на живописномъ мѣстѣ. Имѣлъ ночлегъ въ Борзнѣ у тамошняго штатнаго смотрителя Пригары, о которомъ я упомянулъ уже прежде. Я прозябъ до костей отъ сильнаго мороза, но Пригара меня согрѣлъ и теплотою своей пріязни, и горячимъ чаемъ, и своими разсказами, всегда забавными. Однако среди нашего веселія прививалась ко мнѣ порою грустная мысль о разлукѣ съ семействомъ и родиною, гдѣ душа отдыхала, обращаясь къ предметамъ знакомымъ, и наслаждалась воспоминаніемъ о быломъ!

Правда, и на родинѣ не всегда свѣтитъ солнце истины, не всегда цвѣты надеждъ прозябаютъ, не всегда ласкаютъ благовонные зефиры усердія и радушія. Гдѣ-же лучше, однако, укрыться отъ непогодъ и грозныхъ явленій нравственнаго міра, какъ не въ родимомъ уголкѣ своемъ? Горько уподобляться стеблю оторванному отъ своего корня, стеблю, который сохнетъ въ отдаленіи! Горько влачить жизнь безъ пріязненныхъ движеній души, услаждающихъ наше бытіе и которыя рѣдко встрѣчаемъ на чужой сторонѣ!...

Хотя Борзна стоитъ на московской дорогѣ, однако мало обнаруживаетъ признаковъ благосостоянія. Этотъ городъ богатъ больше естественными произведеніями, чѣмъ деньгами и промышленностію, а потому жители его обитаютъ по большей части въ домахъ съ кровлями соломенными. На третій день я прибылъ въ Нѣжинъ, населенный греками, имѣющій высшую гимназію, устроенную иждивеніемъ князя Безбородка въ 1820 году. Это

заведеніе и торговля сдѣлали его значительнымъ городомъ въ имперіи; Нѣжинъ славится вареньями, табакомъ, огурцами, сливами, вишнями и греческими колбасами. Здѣсь я видѣлся съ гимназическимъ врачемъ. Федоровичемъ, очень образованнымъ молодымъ человѣкомъ, и Билѣвичемъ, бывшимъ моимъ сослуживцемъ, а теперь профессоромъ въ гимназіи. Послѣднему я былъ когда-то полезенъ своими связями по Харькову, а въ Нѣжинѣ, на перепутьи, онъ въ свою очередь отплачивалъ мнѣ своимъ родственнымъ радушіемъ. Федоровичу я также много обязанъ и покойнымъ пріютомъ, и дружескимъ привѣтомъ, и гостепріимствомъ. Кто не воспоминаетъ во все продолженіе своей жизни съ живѣйшею благодарностію о вниманіи тѣхъ лицъ, которые успокоивали насъ отъ путевыхъ трудовъ съ теплымъ участіемъ и заботою!

Оставляя броварскую станцію, я забылъ усталость тѣлесную. Можно ли равнодушно приближаться къ Кіеву, особенно въ первый разъ, какъ я тогда, этому богатому нѣкогда городу, гдѣ развилось ядро государственнаго быта Россіи, началось христіанство, быстро разлившееся по славянскимъ племенамъ! Съ чувствомъ благоговѣнія я посѣтилъ печерскую лавру, поклонился святымъ мощамъ угодниковъ Божіихъ въ ближнихъ и дальнихъ пещерахъ; посѣтилъ также софійскій, михайловскій и николаевскій соборы и братскій монастырь. Съ трепетомъ, съ благоговѣйнымъ чувствомъ приближался я къ тому мѣсту въ оврагѣ, гдѣ князь Владиміръ крестилъ народъ свой въ христіанство. Почти въ одинъ день ознакомился я съ Кіевомъ, знаменитымъ по стратегическому своему положенію, въ военномъ отношеніи, и по историческимъ событіямъ, въ немъ совершившимся.

Любопытны, величественны и очаровательны и окрестности его, если смотрѣть на нихъ или съ крѣпостного вала, или съ главной площади, обсаженной стройными тополями, или съ Андреевской горы.

При всемъ томъ, я долженъ сознаться, что внутренность Кіева разочаровала меня. Множество избъ ветхихъ, полуразваленныхъ, на Печерскомъ, Крещатикѣ и Старомъ Кіевѣ, и толпы

жидовъ слишкомъ безобразятъ городъ. Если отнять отъ него великолѣпные соборы и монастыри, зданія въ крѣпости, присутственныя мѣста, гимназіи и десятка два частныхъ домовъ; то Кіевъ сдѣлается ничтожнымъ городомъ. Одинъ только Подолъ заслуживаетъ названія очень порядочнаго города. Могъ ли я думать, чтобъ этотъ многолюдный городъ, посѣщаемый жителями почти всей Россіи, стоящій на такой богатой судоходной рѣкѣ, существующій почти пятнадцать вѣковъ, бывшій долгое время столицею великихъ князей, такъ мало двинулся во внутреннемъ благоустройствѣ? Харьковъ почти въ шесть разъ моложе его, но Харьковъ богатствомъ частныхъ домовъ гораздо выше Кіева. Причиною медленнаго шествія Кіева къ благосостоянію, на которое онъ имѣетъ полное, заслуженное право, полагаю, частыя разрушенія отъ татаръ, междоусобія князей, а особенно притѣсненія отъ Польши, подъ властію которой онъ долгое время стоналъ. Нужны и долгое время и сильныя средства на уврачеваніе глубокихъ язвъ, для движенія къ улучшенію его благосостоянія. Эти сильныя средства уже примѣнилъ къ Кіеву государь императоръ Николай I-й. Основаніе университета св. Владиміра, сооруженіе крѣпости, кадетскаго корпуса, института благородныхъ дѣвицъ, льгота дарованная купечеству—быстро двинули его къ цвѣтущему состоянію. Кіевъ въ послѣдніе 15 лѣтъ сдѣлалъ гораздо болѣе успѣха въ своемъ благоустройствѣ, чѣмъ прежде въ 15 вѣковъ.

Окончивъ осмотръ города, я посѣтилъ моего товарища по университету, Абрамова. Онъ и я разстались съ Харьковомъ почти въ одно время: его отправили въ кіевскую гимназію, а меня въ екатеринодарскую, а потому въ теченіи 15-ти лѣтъ мы не видались одинъ съ другимъ и немного состарѣлись. Можно догадаться, что намъ было кое-что разсказать! Отъ него-то я узналъ, что уже открытъ новый учебный округъ, котораго попечителемъ назначенъ дѣйствительный статскій совѣтникъ, Егоръ Федоровичъ фонъ-Брадке. Итакъ, разлучась съ харьковскимъ округомъ, мы должны были ознакомиться съ новымъ начальствомъ, совершенно насъ не знавшимъ. У товарища моего

я увидѣлся также съ Петровымъ, блестящимъ молодымъ человѣкомъ по образованію, уму и службѣ.

Уже ударило 12 часовъ, я поспѣшилъ изъявить мое уваженіе генеральшѣ Александрѣ Ивановнѣ Семенютиной. Въ домѣ отца ея, профессора харьковскаго университета, Каменскаго, я былъ принятъ почти какъ родной и участвовалъ въ воспитаніи малолѣтнихъ дѣтей его. Съ нею я также не имѣлъ чести видѣться около пятнадцати лѣтъ. Предъ отъѣздомъ моимъ въ Черноморію, я оставилъ ее въ Харьковѣ дѣвицею, которая, по отличному воспитанію въ наукахъ, блестящему таланту въ музыкѣ, считалась первою дѣвицею въ Харьковѣ. Случайная поѣздка ея въ Кіевъ рѣшила тамъ ея судьбу. Но тѣ годы, въ которые мы не видѣлись, оставили на ея лицѣ, тогда цвѣтущемъ, прекрасномъ, неизгладимыя морщины!... Сестры ея, бывшія мои ученицы, также замужнія, приняли меня съ теплымъ радушіемъ, вспоминали о своихъ маленькихъ дѣтскихъ продѣлкахъ, въ полномъ убѣжденіи, что я оныхъ тогда вовсе не замѣтилъ..... Тутъ-то я имъ сознался, что мое незамѣчаніе было притворное, потому что онѣ были скромныя дѣвицы, а къ такимъ дѣвицамъ всегда есть снисхожденіе, даже въ дѣлахъ серьезныхъ.

Я возвратился отъ моихъ знакомыхъ на квартиру, бывшую на почтовой станціи, въ 3 часу вечера. Они и на другой день приглашали меня къ себѣ; я обѣщалъ, но не исполнилъ, потому что хотѣлъ скорѣе достигнуть цѣли моего путешествія. Я рѣшился выѣхать изъ Кіева. Станціонный писарь совѣтовалъ мнѣ ѣхать въ Каменецъ-Подольскій чрезъ Винницу. «И ближе и дешевле, чѣмъ чрезъ Житоміръ», говорилъ онъ. Совѣтъ его я принялъ охотно; въ Винницѣ, думалъ я, найду моихъ товарищей, которые мнѣ сообщатъ свои наблюденія надъ обывателями, съ которыми доведется мнѣ жить, и дадутъ опытный совѣтъ, какъ успѣшнѣе, ловче, безъ противоборства, достигнуть цѣли, для которой начальство отправило насъ въ эти мѣста.

Въ 10 часовъ ночи я мчался уже по направленію Крещатика, потомъ переѣхалъ чрезъ Лыбедь, поднялся на гору, быстро переѣхалъ чрезъ дремучій лѣсъ и наконецъ почти въ полночь очутился на станціи въ Васильковѣ. Чрезъ полъ-часа я оставилъ этотъ историческій, но незавидный городъ, построенный на скатѣ горы, богатый нечистотою и неопрятными жидовскими корчмами. Свѣтлая луна, тихая, безморозная ночь, очень содѣйствовали и поощряли меня къ продолженію пути; потомъ предметы стали слабѣе мелькать въ глазахъ моихъ, думы и впечатлѣнія стали гаснуть мало по малу, наконецъ погасли. Словомъ, я заснулъ и спалъ крѣпкимъ сномъ до самой Бѣлой-Церкви, построенной на большой равнинѣ. Это мѣстечко памятно тѣмъ, что въ немъ приговорены къ казни Искра и Кочубей, павшіе въ д. Борщаговкѣ отъ сѣкиры, которую наточили злоба и мщеніе Мазепы.

На другой день, не взирая на снѣгъ, валившій хлопьями, я видѣлъ на пути своемъ деревни съ ветхими деревянными церквами, на перекресткахъ кресты съ распятіемъ нарисованнымъ, съ распятіемъ вырѣзаннымъ изъ дерева. И такъ мнѣ довелось видѣть три уѣздныхъ города за Днѣпромъ: Васильковъ, Сквиру и Липовецъ, въ который я прибылъ въ 6 часовъ вечера. Боже мой! Что это за города? Это собраніе корчемъ, поставленныхъ безъ порядка, плана, по произволенію домохозяевъ-жидовъ, на кривыхъ улицахъ, на которыя гнѣваются, кажется, и самыя корчмы, глядя на нихъ искоса, на эти улицы, наполненныя навозомъ и нечистотою, предназначенныя, казалось, болѣе для стойла скоту, чѣмъ для сообщенія людямъ.

Изъ Липовца нѣтъ почтовой дороги до Винницы. Я рѣшился здѣсь переночевать, а утромъ поискать фурмана, который бы свезъ меня въ Винницу короткимъ путемъ.

Уже мнѣ поданъ самоваръ, а за нимъ, по прошествіи нѣсколькихъ минутъ, явился и самъ хозяинъ еврей, такой благообразный, щеголевато одѣтый, такъ приличенъ въ обращеніи и, казалось, такой добрый, безкорыстный! Я предложилъ ему ста-

калъ чаю и при этомъ объявилъ ему, что нуждаюсь въ фурманѣ, который бы свезъ меня въ Винницу.

— Извольте ваше превосходительство, ваше благородіе, васъ панъ! Звините, я не знаю, какъ васъ назвать», затараторилъ предо мною еврей съ быстрымъ жестомъ.—«Ну, и у меня есть лошади, не почтовыя, а мои. И какія лошади! молодыя, крѣпкія, а летятъ, какъ змѣи, извольте ѣхать хоть сей-часъ! За три часа мѣста будете въ Винницѣ. Ночь свѣтлая, дорога славная, панъ и не опомнитесь, какъ будете на мѣстѣ».

Я положился на увѣренія хитраго еврея и тутъ же сторговался съ нимъ за три рубля серебромъ.

Неохотно разставался я съ чистою и теплою моею квартирою, какъ будто предчувствовалъ бѣду, которая случится со мною въ эту ночь!... Пара лошадей уже были заложены; кучеръ, жидъ, сидя въ саняхъ, ожидалъ меня. Меня однако удивило, что лошади при самомъ выѣздѣ со двора едва-едва тронули съ мѣста. Сначала я подумалъ, что это кучи наваленнаго на дворѣ навозу затрудняютъ ихъ прыть; но послѣ оказалось, что еврей надулъ меня, давъ мнѣ тощихъ, старыхъ и лѣнивыхъ лошадей. Что-жъ однако было дѣлать? Не возвращаться же назадъ, сдѣлавши уже нѣсколько верстъ! Но тутъ новая бѣда: не успѣли мы проѣхать и 15 верстъ отъ Липовца, какъ на самомъ почти рубежѣ подольской губерніи, густая туча, нахлынувъ, заслонила свѣтлый мѣсяцъ и скрыла нашу дорогу. Потомъ поднялась вьюга; снѣгъ билъ намъ въ лице и засыпалъ дорогу; лошади стали утомляться, наконецъ мы потеряли дорогу. Неужели, подумалъ я, это грозное естественное явленіе есть предзнаменованіе нравственной невзгоды, которая встрѣтитъ меня въ подольской губерніи, во время моей тамъ службы? Неужели это мнѣ предсказываетъ нравственную вьюгу, которая омрачитъ, замедлитъ мой путь, мое стремленіе къ исполненію государственной мѣры, къ улучшенію моего быта? Но сильный вѣтеръ, насквозь продувшій меня, но сильный снѣгъ, засыпавшій меня, выкинувъ всякую думу, со всѣми ея предчувствіями, изъ головы моей, заставилъ меня заботиться о самохраненіи, искать приста-

нища, гдѣ бы можно было укрыться отъ ненастья и согрѣться. Едва, едва усталыя лошади дотащили меня до какой-то корчмы, стоявшей въ лѣсу, неопрятной, холодной, находившейся въ двѣнадцати верстахъ отъ Винницы. Подъ шубой, на полу, на соломѣ, отогрѣвая мои окоченѣлые члены, я крѣпко жалѣлъ объ оставленномъ ночлегѣ, тепломъ и съ удобствами. О самоварѣ здѣсь и думать было нельзя! Эта корчма, со времени своего основанія, никогда не имѣла этой машинки.

По утру, часовъ въ 10, я прибылъ въ Винницу и остановился въ чистой корчмѣ, находившейся почти противъ гимназіи. Оправившись отъ всѣхъ страданій, потерпѣнныхъ въ прошедшую ночь, я немедленно пошелъ къ Яковлеву, учителю русской словесности, куда скоро прибылъ и инспекторъ гимназіи Рябоконовъ. Отъ нихъ я узналъ, что винницкая гимназія открыта 6-го декабря, слѣдовательно, существуетъ въ новомъ видѣ почти полтора мѣсяца; они же сообщили мнѣ свои наблюденія надъ воспитанниками, разсказали о своихъ свиданіяхъ съ ихъ родителями и о желаніяхъ сихъ послѣднихъ. Почетный попечитель Држевецкій руководствовалъ ихъ на первыхъ порахъ, чтобы выиграть общественное мнѣніе и такимъ образомъ собрать большее число учащихся. Стали искать просторныхъ квартиръ, куда-бъ можно было помѣщать побольше учениковъ гимназіи, для лучшаго за ними надзора. Инспекторъ каждый день предъ начатіемъ ученія водилъ ихъ въ костелъ, для выслушанія «цихой» мши, которую отправлялъ латинскій законоучитель гимназіи. Эти пріемы очень понравились обществу, потому что такъ дѣлалось въ прежнихъ школахъ. Въ самомъ дѣлѣ, благоразумно, очень дѣльно поступаютъ тѣ преобразователи, которые, не торопясь, придерживаясь хотя нѣсколько прежнихъ обыкновеній, привычекъ, вводятъ мало по малу свои, новыя, согласныя съ предназначенною цѣлію. При воспитаніи юношества вездѣ, и особенно въ странѣ, не выгодно къ намъ предубѣжденной, необходимо общественное довѣріе, пріобрѣтаемое не однимъ честнымъ трудомъ, но вмѣстѣ угожденіемъ родителямъ и дозволеннымъ снисхожденіемъ къ дѣтямъ.

Изъ разсказовъ моихъ товарищей я смекнулъ, въ чемъ дѣло, а потому и поспѣшилъ оставить Винницу въ тотъ же день.

Въ сумерки проѣхалъ я Литинъ, городъ, подобный городамъ, которые я видѣлъ въ кіевской губерніи: тѣже корчмы, таже нечистота, тѣже жиды. Въ 9 часовъ вечера я пріѣхалъ въ Летичевъ и остановился ночевать на почтовой станціи, теплой, опрятной и просторной.

Утро 19 генваря встрѣтилъ я радостно, потому, что въ этотъ день наставалъ конецъ моему путешествію. Десятидневная моя поѣздка изнурила меня, приливъ новыхъ впечатлѣній, новыхъ чувствованій утомили мою душу.

Когда я выѣхалъ изъ прелестной рощи, лежащей за Летичевомъ, вправо мелькнули мнѣ зубчатыя стѣны Меджибожа, бывшія когда-то опорою отъ набѣговъ турокъ и татаръ. Адамъ Чарторійскій потерялъ этотъ замокъ и ключь богатыхъ его имѣній, лежащихъ по р. Бугу, за участіе въ послѣднихъ польскихъ смутахъ. Если зимою становится весело душѣ, глядя на деревни и лѣса, расположенные по берегамъ Буга, то какъ очаровательны должны быть эти мѣста лѣтомъ! Трудно найти равнину красивѣе, плодоноснѣе, роскошнѣе этой равнины!

При выѣздѣ изъ Проскурова съ особеннымъ любопытствомъ взираешь на холмистую равнину, теряющуюся въ далекомъ небосклонѣ; ее уподобить можно громаднымъ волнамъ необозримаго океана, взволнованнаго бурею. Это значитъ, я въѣхалъ въ отрасль Карпатовъ. На 25-й верстѣ отъ Проскурова, влѣво отъ дороги, простирается широкая долина, на которой построена деревня и господскій домъ, принадлежащіе князю Дульскому. Эта фамилія замѣчена исторіею по связямъ ея съ честолюбивымъ Мазепою.

Какое милое мѣстечко Ярмолинцы! И въѣзжаешь въ него, и выѣзжаешь изъ него по аллеѣ, усаженной многолѣтними топо-

лями. Оно обстроено каменными, красивыми корчмами, которыя содержатся чисто. Огражденный каменною стѣною базаръ украшаетъ базарную площадь, а эта площадь господствуетъ надъ обширною холмистою равниною, изрѣдка окаймленною лѣсами.

Вотъ уже мелькнуло мѣстечко Тинное съ великолѣпнымъ костеломъ, возлѣ котораго поставленъ изваянный изъ камня образъ Матери Божіей, во весь ростъ. Вотъ показалась деревня Нѣгинъ, огражденная справа и слѣва высокими каменными утесами. Наконецъ, съ высотъ горы, на которой отведены православное и латинское кладбища, свѣтлая луна озарила блѣдными лучами Каменецъ-Подольскій, въ глубокой безднѣ лежащій, и возлѣ него замокъ, съ высокими и острыми башнями.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАПИСКА ПРЕОСВЯЩЕННАГО АНАТОЛІЯ, АРХІЕПИСКОПА МОГИЛЕВСКАГО.

(О сельскомъ православномъ духовенствѣ западнаго края).

Имя преосвященнаго Анатолія (Мартиновскаго) довольно извѣстно постояннымъ читателямъ «Кіевской Старины» по напечатаннымъ въ ней нѣкоторымъ его запискамъ и письмамъ и сообщеннымъ при томъ біографическимъ о немъ свѣдѣніямъ, а также по теплому воспоминанію о немъ доктора Пирожкова. Помимо высокихъ качествъ ума и сердца, отличавшихъ его симпатичную личность, это былъ, можно сказать, духовный публицистъ въ высшемъ значеніи этого слова и пріобрѣлъ себѣ извѣстность своими смѣлыми, откровенными и правдивыми до рѣзкости проэктами, записками и перепискою съ выдававшимися іерархами его времени. Это была пламенная душа, горѣвшая неугасимою ревностію о благѣ церкви русской вообще, заботою о своей паствѣ, скорбію о примѣчаемыхъ тамъ и здѣсь нуждахъ и недостаткахъ, доходившею по временамъ до рѣзкаго обличенія, до вопля и отчаянія. Уроженецъ Подоліи, онъ большую часть жизни своей провелъ въ юго-западномъ и сѣверо-западномъ краѣ, съ дѣтства былъ свидѣтелемъ приниженности и подавленности здѣсь православнаго населенія, возмущался при видѣ гордаго и сильнаго католичества, особенно же дѣйствій католической пропаганды и болѣлъ сердцемъ въ виду недостатка средствъ для борьбы съ нимъ, невниманія или равнодушія тѣхъ, кого это найболѣе касалось. Будучи не только безпристрастнымъ, но даже строгимъ судьею всего своего, онъ всѣ силы напрягалъ къ возвышенію православія, къ поднятію образованія и нравственности въ духовенствѣ и народѣ и пользовался для этого удобными случаями, выступая съ проэктами и записками по возбуждаемымъ и назрѣвшимъ вопросамъ нашей церковно-общественной жизни и управленія.

Такою именно заботою вызвана была и прилагаемая здѣсь записка «о сельскомъ православномъ духовенствѣ западнаго края». Она была представлена покойному императору Александру II, собственноручно написавшему на ней: «обсудить въ учрежденномъ комитетѣ при Синодѣ». Записка относится къ 60-мъ годамъ, когда учрежденный въ 1858 году комитетъ по обезпеченію быта православнаго духовенства западнаго края, былъ расширенъ въ Главное Присутствіе при Синодѣ по тому же пред-

мету для всей имперіи и когда открыли свои дѣйствія учрежденные для той же цѣли губернскіе комитеты.

Много лѣтъ протекло съ тѣхъ поръ, записка утратила значительную часть своего практическаго интереса, но тѣмъ болѣе возросло ея историческое значеніе, какъ памятника свѣтлаго и оригинальнаго взгляда по данному вопросу, какъ памятника заботы святителя о своей паствѣ и какъ авторитетнаго его свидѣтельства о положеніи духовенства данной мѣстности въ ту пору. По этимъ соображеніямъ мы и даемъ мѣсто запискѣ на страницахъ нашего изданія.

Кому неизвѣстно благотворное участіе, которое принимало православное духовенство въ исторіи и образованіи Россіи и кто не знаетъ неудовлетворительной степени нынѣшняго его состоянія? Стѣсненное въ средствахъ къ жизни, униженное нравствено и отстраненное отъ содѣйствія въ историческомъ развитіи народа русскаго, духовенство наше дошло нынѣ до того положенія, что утратило всякую почти возможность дѣйствовать на него съ пользою.

Не смотря однакоже на очевидность и многознаменательность совершившейся перемѣны, никто не возвыситъ правдиваго голоса, чтобы уяснить настоящія причины нравственнаго безсилія нашихъ пастырей въ дѣлѣ религіознаго вліянія на паству.

Въ брошюрахъ, появляющихся по этому предмету за границею, высказывается только преднамѣренная мысль выставить на общее посмѣяніе, въ увеличенномъ и искаженномъ видѣ, недостатки и особенности лицъ духовнаго сословія; духовная же власть наша, тѣсно связывая самобытное значеніе своего сословія съ неприкосновенностію церковныхъ уставовъ, упорно защищаетъ эту связь и старается доказать пользу въ ненарушимости родовыхъ правъ своихъ, въ томъ убѣжденіи, что видоизмѣненіе этихъ правъ, или ослабленіе нѣкоторыхъ несовременныхъ привиллегій, нанесетъ вредъ самой церкви. Выраженіемъ подобныхъ, ни на чемъ не основанныхъ доводовъ, духовенство наше вредитъ само себѣ и общему дѣлу образованія еще болѣе, чѣмъ желчныя выходки нашихъ заграничныхъ отщепенцевъ и безсознательныя и скудоумныя розсказни людей свѣтскихъ, мало знакомыхъ съ сущностью этого дѣла.

Записка эта составлена съ искреннимъ желаніемъ восполнить, въ общихъ чертахъ, хотя отчасти, недостатокъ положительныхъ

свѣдѣній о сельскомъ духовномъ сословіи нашемъ, показать истинную степень его нравственнаго и матеріальнаго быта и опредѣлить средства къ его вызвышенію и, такъ сказать, возрожденію.

Въ ней не говорится о монашествующемъ и бѣломъ духовенствѣ столицъ и коренныхъ русскихъ губерній, но разсматривается это сословіе только въ одной сторонѣ юнаго православія въ Бѣлоруссіи и Литвѣ, въ отношеніи его вліянія на паству, а также, по возможности, уясняются явленія духовной жизни возсоединеннаго отъ уніи народа, во время и послѣ перемѣны исповѣданія.

Анализъ этихъ явленій можетъ дать болѣе точное понятіе о западномъ духовенствѣ нашемъ, указать средства къ улучшенію его быта и разрѣшеніемъ этого *частнаго*, важнаго для той мѣстности вопроса, помочь, быть можетъ, и вопросу *общему*: о духовенствѣ русскомъ.

Когда церковь наша торжествовала соединеніе съ нею до $1^1/_2$ милліона уніатовъ, древнихъ ея послѣдователей, тогда каждый русскій, видя въ этомъ торжествѣ православія укрѣпленіе за Россіею Бѣлоруссіи и Литвы неразрывными узами общей вѣры, предвидѣлъ для западнаго края лучшую будущность.

Но не прошло и 20 лѣтъ со времени возсоединенія уніатовъ, какъ въ томъ же самомъ народѣ уже явились мысли обращенія въ латинство, которое и совершилось бы въ обширныхъ размѣрахъ, если бы правительство не преграждало путей совращенія.

Спрашивается: чему приписать такое явленіе? Отъ чего достаточно было одного духовнаго слова уніатскихъ священниковъ, чтобы $1^1/_2$ милліона людей отказались отъ религіи, наслѣдованной отъ отцовъ и исповѣдуемой въ странѣ около 250 лѣтъ, чтобы идти безропотно въ слѣдъ за своими пастырями, и отъ чего тотъ же народъ, руководимый тѣми же пастырями, принявшими съ ними одновременно православіе, сталъ думать о переходѣ въ латинство, къ религіи для него непонятной и ему чуждой?

Потому, и потому единственно, что въ этомъ періодѣ времени возсоединенное духовенство утратило свое нравственное, вѣковое вліяніе на паству.

И какъ могло оно удержать его, когда съ переходомъ въ православіе было оставлено на произволъ случая?

Помѣщики того края, поддерживавшіе его матеріально, навсегда устранились отъ него, купечества православнаго тамъ нѣтъ, правительство не могло дѣлать жертвы, какія требовались. въ пособіяхъ изъ духовныхъ капиталовъ ему отказывалось,—и оно должно было искать помощи отъ одной своей паствы. Но что могъ дать барщинный крестьянинъ, который не имѣлъ никогда и никакой собственности? Онъ, можетъ быть, не отказалъ бы въ лептѣ добровольной, въ посильныхъ жертвахъ, но на него наложили обязанность нести новую барщину въ пользу духовенства, непонятную ему до того времени, его заставили обрабатывать священническія земли, давать причту дома, хлѣбъ, топливо, строить церкви, а духовенство, утративъ то, что получало отъ щедротъ помѣщика, обратилось къ народу и стало вынуждать плату за требы съ прихожанъ. Словомъ, тѣ самые священники, которые, во время уніи, были пастырями духовными, обратились въ какихъ-то новыхъ поземельныхъ владѣльцевъ, съ правами на трудъ народный, и въ сборщиковъ податей и повинностей.

Мало этого: уніатское духовенство состояло только изъ священника и наемнаго дьячка, а Базиліанскій орденъ не имѣлъ и сего послѣдняго, но по образцу латинской церкви нанималъ органиста. Съ приведеніемъ же уніатовъ къ православію, назначены по всѣмъ приходамъ дьячки, а по многимъ діаконы, пономари и просфирни. Образовалось огромное духовное сословіе, которое поселяне должны были, какъ и священниковъ, содержать и продовольствовать. Послѣдствія всего этого извѣстны: духовенство обѣднѣло, въ народѣ возбудился ропотъ, между пастыремъ и паствою явились унизительныя для перваго столкновенія, а наконецъ, при неудовольствіи со стороны иновѣрныхъ владѣльцевъ имѣній, устраненныхъ отъ патронатства надъ бывшими уніатскими приходами, и при проискахъ недремлющей пропаганды латинской, умѣющей пользоваться всѣми случаями для совращеній, явились и первыя попытки къ переходу бывшихъ уніатовъ въ латинство.

Но это одна только сторона упадка западнаго нашего духовенства, сторона матеріальная; есть другая, нравственная.

Уніатское духовенство, какъ и прежнее латинское, состояло большею частію изъ лицъ дворянскаго происхожденія, владѣвшихъ собственными, хотя небольшими, помѣстьями. Это давало ему мѣсто,

по рожденiю, въ ряду дворянъ того края, и какъ въ то время не было другихъ учебныхъ заведенiй, кромѣ духовныхъ школъ, то сыновья священниковъ воспитывались въ однихъ и тѣхъ же училищахъ съ дѣтьми другихъ дворянъ, а дочери ихъ нерѣдко получали воспитанiе съ дочерьми помѣщичьими. Словомъ, общественная жизнь этихъ двухъ сословiй была близка одна къ другой, какъ по степени образованiя и воспитанiя, такъ и по общимъ сословнымъ интересамъ.

По возсоединенiи же унiатовъ, духовенство подчинено общимъ правиламъ организацiи православнаго духовенства въ Россiи. Сыновьямъ священниковъ стѣсненъ доступъ воспитанiя въ гражданскихъ учебныхъ заведенiяхъ: ихъ, по образцу коренныхъ русскихъ губернiй, замкнули, съ семилѣтняго вѣзраста, въ семинарiи; дочерей же они должны были воспитывать на свой счетъ, потому что помѣщики не принимали въ нихъ прежняго участiя и не допускали ихъ въ свои семейства. Между тѣмъ священники, не имѣя возможности давать дочерямъ своимъ того воспитанiя, какое получали ихъ матери, стали прибѣгать къ унизительнымъ для сана ихъ средствамъ,—они всячески заискивали расположенiя помѣщиковъ, дабы только не лишать дочерей общества ихъ.

Что могутъ подобныя дѣти православiя внести въ народный и свой семейный бытъ?

Сыновья, послѣ продолжительнаго семинарскаго заточенiя, являются, въ 19-лѣтнемъ возрастѣ, не тѣми пастырями духовными, которые съ любовiю къ паствѣ соединяли бы кротость и терпѣнiе, но какими то недоученными педантами, отвергающими всякое сообщество съ прихожанами внѣ церкви и исполненiя духовныхъ требъ, или впадаютъ въ другую крайность: они сближаются съ простымъ народомъ до того, что сами подчиняются влiянiю его грубыхъ привычекъ и наклонностей, а чрезъ такую неразумную популярность скоро невозвратно теряютъ къ себѣ всякое уваженiе прихожанъ. Въ особенности это случается съ тѣми, которыхъ въ самомъ началѣ матерiальный недостатокъ заставляетъ искать помощи у прихожанъ [1]).

---

[1]) Святѣйшiй синодъ созналъ самъ вредъ, какой приноситъ церкви рукоположенiе въ iереи людей, только что оставившихъ скамью, и опредѣлилъ рукополагать студентовъ семинарiи втораго разряда во священника по прошествiи

Дочери священниковъ, или остаются безъ всякаго образованія и тогда мало отличаются отъ простыхъ поселянокъ, или воспитываясь, какъ выше упомянуто, подъ вліяніемъ помѣщиковъ, усвоиваютъ польскія начала и отчуждаются отъ всего русскаго.

Если на такой низкой степени стоятъ семейства священниковъ, то какое можно составить себѣ понятіе объ образованіи семействъ прочаго причта: діаконовъ, дьячковъ, пономарей?

Весь клиръ, безъ преувеличенія можно сказать, есть ничто иное, какъ сословіе какихъ то землепашцевъ, въ прямомъ значеніи этого слова, не отличающихся ничѣмъ отъ крестьянъ, кромѣ большаго развитія мертвой грамотности.

Какъ послѣ этого удивляться, что простой народъ, пересталъ вѣрить духовнымъ словамъ и убѣжденіямъ пастырей своихъ? Видя ихъ какъ бы переродившимися и сравнивая ихъ съ ксендзами, образованными разумно и въ мѣру, популярными и поставленными въ независимое отъ прихожанъ состояніе, онъ невольно долженъ вспоминать то время, когда принадлежалъ къ уніи, и не имѣя возможности возвратиться къ прежнему своему исповѣданію, обращаетъ взоры на схожее съ нимъ, по наружной формѣ, хотя и непонятное ему католичество, которое и благолѣпіемъ своихъ костеловъ, и вкрадчивымъ вниманіемъ ксендзовъ къ народу, и расположенностію помѣщика къ отщепенцу отъ православія, старается поддерживать и усиливать въ немъ это стремленіе.

Вотъ почему необходимо преобразованіе въ организаціи нашего духовнаго сословія западныхъ губерній: не одной Бѣлоруссіи, но и Литвы, и Подоліи, и Волыни, потому что и тамъ православное духовенство и народъ находятся въ одинаковой степени нравственнаго и матеріальнаго упадка, а латино-польскій элементъ повсемѣстно силенъ и настойчивъ.

Когда въ началѣ этого года сдѣлалось извѣстнымъ, что правительство обратило наконецъ вниманіе на улучшеніе быта нашего духовенства, хотя въ одномъ матеріальномъ отношеніи, и велѣно

ими низшихъ степеней, причетнической и діаконской. Нельзя не пожалѣть, что эта благодѣтельная мѣра не распространена на всѣхъ студентовъ, выходящихъ изъ семинаріи и что она является, когда уже церковь наша перенесла много золъ отъ недостатка истинныхъ пастырей.—*Примѣч. автора.*

обсудить вопросъ этотъ особымъ губернскимъ комитетамъ, всѣ желающіе пользы нашей церкви съ особымъ любопытствомъ и вниманіемъ слѣдили за его разрѣшеніемъ, но вскорѣ пришли къ заключенію, что мѣра, предположенная правительствомъ, благодѣтельная въ своемъ принципѣ, не приведетъ его къ цѣли, къ которой оно стремится.

По общему сознанію правительство лучше бы сдѣлало, если бы, высказавъ свою идею, предоставило ея развитіе и примѣненіе къ мѣстнымъ условіямъ губернскимъ комитетамъ и позволило имъ разсмотрѣть прежнюю систему обезпеченія духовенства вполнѣ; но оно, давъ комитетамъ программу и указавъ только на тѣ пункты, которые предполагается измѣнить, стѣснило тѣмъ комитеты въ выраженіи своихъ мыслей.

Другими словами правительство предположило измѣнить однѣ повинности натуральныя, какія несли доселѣ прихожане, въ денежныя; но оно не приняло въ соображеніе: нужны ли эти повинности? могутъ ли прихожане исполнить ихъ? облегчатъ ли они положеніе прихожанъ и самаго духовенства, или по прежнему будутъ тяготить ихъ?

Конечно, нельзя и винить правительство въ непредусмотрительности. Оно не знало, какъ будетъ велика цифра этихъ повинностей, потому что точное число всѣхъ лицъ духовнаго сословія могло быть извѣстно одной духовной власти, а дѣломъ обезпеченія духовенства занялось гражданское начальство, которому, къ чести его, принадлежитъ и первая мысль возвышенія этого сословія.

Теперь съ увѣренностію можно сказать, что правительство ужаснется, когда придется положить новый налогъ на гражданъ.

Для примѣра укажемъ на одну Витебскую губернію, гдѣ для обезпеченія духовенства комитетомъ исчислено [1]) ежегоднаго расхода 141,346 р. и одновременнаго пожертвованія отъ прихожанъ 468,342 р. [2]).

---

[1]) См. прилож. лит. А.

[2]) Здѣсь еще не исчислено расхода на монашествующихъ, воспитанниковъ семинаріи и наставниковъ ихъ, на ожидающихъ назначенія на мѣста и живущихъ праздно, на женъ и вообще на семейства священно-церковнослужителей, которыхъ содержатъ также прихожане, но изъ добровольныхъ пожертвованій, приносимыхъ алтарю и церкви.

Витебская (полоцкая) епархія одна изъ меньшихъ по численности православнаго народонаселенія и духовенства; сколько же нужно полагать въ кіевской и другихъ губерніяхъ, гдѣ издревле существуетъ православіе, на устройство и содержаніе духовныхъ лицъ?

Ни одно изъ иновѣрныхъ духовенствъ западныхъ губерній не можетъ сравниться *по числительности* съ православнымъ. Не говоря о латинскомъ, какъ безсемейномъ, даже лютеранское не составляетъ и 20-й доли, сравнительно съ православнымъ, по отношенію къ числу прихожанъ, хотя также обезпечивается послѣдними; та же разница и въ средствахъ содержанія обоихъ этихъ духовенствъ [1]).

Безъошибочно можно сказать, что наше православное духовенство въ десять разъ тягостнѣе для народа, чѣмъ лютеранское, а между тѣмъ въ десять разъ бѣднѣе его.

Но оставимъ матеріальныя жертвы и тягость повинностей, возвратимся къ самому духовенству.

Наше духовенство, изъ котораго образовалась каста, съ каждымъ годомъ увеличивается числительностію въ огромной пропорціи. Ни одно изъ сословій государства не можетъ соперничать съ нимъ въ этомъ отношеніи, потому что оно, оставаясь въ одномъ извѣстномъ кругу дѣятельности, не подвергается многимъ условіямъ убыли, какъ дворянское и податное. Неизбѣжное послѣдствіе этой неподвижности есть общее его обѣдненіе, потому что средства къ его содержанію однѣ и тѣже, между тѣмъ какъ численность его годъ отъ году увеличивается.

Сознавая свое положеніе, духовенство наше старается скрыть оное отъ вниманія правительства, опасаясь реформы, которая можетъ нарушить его сословныя и родовыя права.

Кто повѣритъ, напримѣръ, что въ мѣстностяхъ, значительно населенныхъ православными, есть приходы (и ихъ много), имѣющіе менѣе 100 душъ и имъ данъ особый священникъ съ причетникомъ; есть также приходы, гдѣ существуетъ въ одномъ и томъ же селеніи три церкви: одна древне-православная, другая бывшая уніатская и третья обращенная изъ католической въ православную съ

---

[1]) См. прилож. лит. Б, сравнительный выводъ.

причтомъ для каждой изъ нихъ, и на всѣ три церкви прихожанъ не менѣе 300 душъ! И это (какъ извѣстно изъ несомнѣнныхъ данныхъ) допускается, между прочимъ, для того, чтобы дать возможность размѣстить безпріютныхъ воспитанниковъ семинаріи, полуграмотныхъ причетниковъ и просфирень вдовъ!

При настоящей системѣ, хотя законъ и допускаетъ дѣтямъ священниковъ и діаконовъ вступать въ гражданскую и военную службу, но этимъ дозволеніемъ духовенство не можетъ пользоваться по недостатку средствъ; при томъ въ гражданской и военной службѣ, при настоящемъ направленіи, требуется болѣе или менѣе предварительнаго спеціальнаго образованія, котораго не получаютъ воспитанники духовныхъ училищъ и семинарій; кромѣ того личныя преимущества дворянства, посвящающаго себя также службѣ, отодвигаютъ семинаристовъ на второй планъ: по этому нѣкоторые изъ нихъ не выходятъ изъ духовнаго сословія, опасаясь остаться одними тружениками на поприщѣ служебномъ, а между тѣмъ нерѣдко случается, что оставляютъ духовное званіе и поступаютъ въ свѣтское такіе семинаристы, которые, не успѣвая въ духовныхъ школахъ, боятся попасть въ причетники, или такіе, которые за предосудительные поступки исключаются изъ заведенія. Остальные готовы бороться со всѣми нуждами, лишь бы сохранить духовный санъ, освобождающій ихъ отъ налоговъ и повинностей государственныхъ.

Болѣе всего увеличиваетъ духовное сословіе классъ причетниковъ, причисленныхъ къ духовному званію, которыхъ и дѣти, окончившіе курсъ въ семинаріи, имѣютъ равное право на рукоположеніе съ дѣтьми священниковъ. Это равенство, по праву, имѣетъ свою вредную сторону, потому что бѣдность не позволяетъ причетникамъ приготовлять дѣтей къ высокому званію священника. Получая въ семинаріи одно схоластическое образованіе и не усвоивая, предварительно, въ дому родителей началъ нравственнаго воспитанія, причетническія дѣти рѣдко являются настоящими пастырями церкви.

Все это приводитъ къ сознанію не только одной необходимости улучшенія матеріальнаго быта духовенства, но и неотложной потребности ограниченія коренныхъ и родовыхъ его правъ и привиллегій, несовмѣстныхъ ни съ духомъ настоящаго времени, ни съ собственною пользою духовенства.

Здѣсь вопросъ о сельскомъ духовенствѣ распадается на двѣ стороны, одинаковыя въ принципѣ, но расходящіяся въ порядкѣ и средствахъ своего исполненія: на улучшеніе матеріальнаго его быта и на нравственное его возвышеніе.

Но какъ упадокъ нравственнаго быта духовенства вредитъ успѣхамъ православія въ западномъ краѣ, возбуждая справедливыя нареканія народа, и служитъ поводомъ къ злонамѣреннымъ толкамъ болѣе еще, чѣмъ матеріальное его униженіе, то, измѣняя послѣдовательность изложенія въ этой запискѣ, обратимся прямо къ вопросу о нравственномъ возвышеніи духовенства.

Главнѣйшая причина упадка духовенства заключается *въ кастовой* его организаціи и въ *замкнутости* этого сословія въ отношеніи его правъ и образованія.

Уяснимъ теперь, по возможности, въ краткомъ очеркѣ, исторію образованія у насъ родоваго духовнаго сословія и разрѣшимъ вопросъ, существуютъ ли какія либо каноническія правила, утверждающія это родовое начало въ русской церкви.

Св. апостолы, избранные Спасителемъ изъ разныхъ колѣнъ Израиля, не установляя особаго сословія для служенія Богу, какъ это было въ ветхозавѣтной церкви въ колѣнѣ Левіиномъ, рукополагали во всѣ должности, отъ епископской до діаконской, людей разнаго званія и состоянія. Они даже какъ бы не желали (въ противоположность ветхозавѣтной церкви), чтобы организовалось это сослоаіе когда либо, потому что не положили священнодѣйствующимъ обязательнаго условія на бракъ, но, напротивъ того, воспретили имъ въ этомъ званіи вступать въ супружество, дозволяя это однимъ чтецамъ и пѣвцамъ, готовящимся въ священство и діаконство, и то только однимъ желающимъ [1]).

Таковому правилу св. апостоловъ слѣдовали первые учители церкви и всѣ вселенскіе соборы, которые прошли молчаніемъ о необходимости брачной жизни для лицъ священнодѣйствующихъ, и хотя на первомъ Никейскомъ соборѣ одинъ старецъ [2]) и заявилъ эту мысль, но соборъ не сдѣлалъ никакого о томъ постановленія, предоставя безбрачное состояніе (клириковъ) волѣ каждаго.

---

[1]) 26 правило св. апостолъ и VI вселен. собора 6 п.

[2]) Преподобный Пафнутій.

Вопросъ о безбрачности священнослужителей былъ въ послѣдствіи нѣсколько разъ возбуждаемъ, но церковь восточная, по прежнему, не воспрещая женатымъ поступать въ клиръ, не стѣсняла тоже и свободы священнослужителей оставаться безбрачными. Въ ея правилахъ брачная жизнь духовенства является вездѣ какъ *разрѣшеніе*, а не какъ *обязанность*. Изъ двухъ крайностей, брачной жизни и безбрачія, она избрала средній путь: желающимъ брака не препятствовать вступленію въ оный до рукоположенія, что окончательно и утверждено ею въ Константинополѣ, на соборѣ трульскомъ (622 года) [1], который, допуская бракъ для поступающихъ въ клиръ, предоставилъ съ другой стороны болѣе свободы къ безбрачію, дозволивъ, въ видахъ строгаго благочестія, даже брачнымъ священникамъ расходиться съ женами своими и жить особо.

По перенесеніи православія въ Россію и при занятіи у насъ митрополіи греческими первосвятителями, правила эти соблюдались и у насъ; но какъ въ это время происходили между восточною и латинскою церквами сильнѣйшіе религіозные споры, то изъ опасенія безпорядковъ, какими наполнена исторія латинская, по безженству латинскаго духовенства, въ княженіе великаго князя Ярослава, первый русскій митрополитъ Іоаннъ 2-й, въ церковномъ правилѣ или посланіи къ черноризцу Іакову, постановилъ, между прочимъ, чтобы желающихъ степеней діаконской и священнической не постановлять иначе въ санъ, какъ при условіи, если они оженятся. Правило это, внесенное у насъ въ Кормчую книгу, но православнымъ духовенствомъ другихъ странъ *не признанное за каноническое*, пріобрѣло въ Россіи такую силу, что даже женатымъ, но овдовѣвшимъ священникамъ запрещалось священнодѣйствовать (Стогл. соб.). Хотя запрещеніе это и было уничтожено, но оно оставило еще слѣдъ прежняго порядка дѣлъ въ общепринятомъ обычаѣ: не возводить вдовыхъ діаконовъ въ священники.

Въ церковномъ правилѣ митрополита Іоанна 2-го, а болѣе еще въ преданіяхъ и мѣстныхъ обычаяхъ, лежитъ основаніе организаціи нашего духовенства въ отдѣльнве сословіе, къ которому причислялись не только дѣйствительно состоящіе на службѣ свя-

---

[3]) Правила трульскаго собора, 13.

щеннослужители, но и ихъ дѣти, пользовавшіеся особыми правами въ древнемъ обществѣ [1]).

Хотя по малому числу священниковъ и были, по временамъ, невозбранно рукополагаемы въ священнослужители лица всѣхъ состояній, даже крѣпостные помѣщичьи крестьяне, а также духовенству нашему предоставлялась полная свобода въ избраніи для себя рода занятій [2]), однакоже недостатокъ образованнаго духовенства и усилившійся расколъ вызвали (въ 1731 г.) положительный законъ, которымъ повелѣно было: дѣтей священническихъ и причетническихъ набирать въ духовныя школы, съ воспрещеніемъ поступленія въ другія званія. Это узаконеніе довершило замкнутость духовнаго сословія. Но до послѣднихъ дней царствованія Екатерины II, при обязательной системѣ воспитанія, духовенство не пользовалось полнотою нынѣшнихъ своихъ правъ: дѣти не только причетниковъ, а даже и священниковъ, были сдаваемы въ военную службу и духовенство подвергалось тѣлеснымъ наказаніямъ. Съ этой только эпохи и въ законодательствѣ нашемъ въ первый разъ встрѣчается слово «духовное званіе». Въ царствованіе Павла I, Александра I и Николая I духовенство наше окончательно изолировалось отъ прочихъ сословій и достигло своей громадной числительности. Однако причетники и ихъ семейства хотя и пріобрѣли званіе духовное, но права свои не слили съ правами лицъ священнодѣйствующихъ; имъ только дано позволеніе считаться духовными, съ присвоеніемъ однихъ правъ низшаго податнаго сословія; имъ возбраненъ доступъ въ гражданскую [3]) и военную службу и они за преступленія подвергаются наказаніямъ наравнѣ съ лицами податныхъ сословій [4]). Слѣдовательно они не получили преимуществъ *полнаго* духовнаго родоваго званія, какъ священнослужители, ни *полной* свободы избирать рода жизни и занятій, какъ лица другихъ сословій, а только привиллегіи на неплатежъ податей и повинностей государству. Такое двуличное и анормальное положеніе класса причетниковъ стѣснительно и для нихъ самихъ, и для государства.

---

[1]) См. уст. Ярослава, ханскіе ярлыки, уст. Всеволода.

[2]) Въ законодательствѣ царя Алексѣя Михайловича видимъ, что духовенство наше занималось торговлею и промыслами.

[3]) Свод. зак., т. III, изд. 1857 г., ст. 4.

[4]) Уложеніе о наказаніяхъ уголов. и исправ., ст. 19, прим. 1, изд. 1857 г.

Этотъ краткій очеркъ убѣждаетъ, что родовыя сословныя права нашего духовенства, организація его въ отдѣльную касту, непремѣнное обязательство брачной жизни для поступающихъ въ священнослужители и присвоеніе духовнаго званія причетникамъ, созданы, такъ сказать, русскою церковью съ утвержденія только правительства, которое вызвано было къ этому политическими и религіозными случайностями минувшаго времени; но теперь, когда обстоятельства измѣнились, когда дарованныя и усвоенныя привиллегіи тяготятъ само духовенство и вредятъ правильному теченію народной жизни, наступила, кажется, святѣйшему синоду пора подвергнуть пересмотру случайныя установленія русской церкви, не основанныя на каноническихъ правахъ, и измѣнить ихъ сообразно съ новыми потребностями духовенства и народа.

Укажемъ теперь тѣ мѣры, которыя представляются, по крайнему нашему разумѣнію, необходимыми и возможными въ настоящее время для преобразованія духовнаго сословія въ западномъ краѣ, съ цѣлію нравственнаго и матеріальнаго возвышенія.

Прежде всего слѣдуетъ озаботиться объ *уменьшеніи* духовнаго сословія и въ этихъ видахъ, оставивъ прирожденными только *пастырей церкви*, присвоить послѣднимъ ту высокость значенія духовнаго сана, какую въ общемъ понятіи должно имѣть лице служащее алтарю.

Хотя по духу учрежденій апостольскихъ посвященіе въ духовный санъ можетъ невозбранно быть произведено надъ каждымъ членомъ церкви, но, принимая во вниманіе установившееся у насъ съ давнихъ временъ рукоположеніе преимущественно надъ лицами духовнаго сословія, не слѣдуетъ измѣнять этого вѣковаго обычая, имѣющаго, быть можетъ, и другое высшее значеніе. А потому, предоставляя іерейскія и діаконскія мѣста священнослужительскимъ дѣтямъ, приготовленнымъ къ пастырскому поприщу воспитаніемъ и имѣющимъ къ нему *призваніе*, слѣдуетъ измѣнить прежнюю обязательную систему какъ *въ этомъ отношеніи*, такъ и *по непремѣнному вступленію въ супружеское состояніе*, по крайней мѣрѣ для тѣхъ, которые будутъ предназначаться въ званіе *миссіонеровъ*, т. е. возстановить у насъ вполнѣ апостольскія правила и соборныя постановленія, соблюдаемыя и донынѣ православною церковію на востокѣ.

Если каждый родъ занятій требуетъ къ нему особаго призванія, то оно болѣе, чѣмъ гдѣ либо, необходимо для пастыря церкви, который, независимо отъ высокости и вмѣстѣ съ тѣмъ скромности предстоящаго ему поприща, долженъ ежечасно бороться съ невѣжествомъ, терпѣть безропотно лишеніе и въ тоже время утверждать въ другихъ добрыя правила нравственности.

Одного опредѣленія возраста недостаточно для того, чтобы дать церкви изъ кончившихъ курсъ семинаристовъ истинныхъ пастырей, если поступающій на это святое поприще не будетъ проникнутъ глубокимъ къ нему призваніемъ.

Въ этихъ видахъ тѣмъ изъ дѣтей священнослужителей, которые не чувствуютъ призванія къ духовному сану, слѣдуетъ предоставить полную свободу гражданскаго образованія, принятаго у насъ, и открыть имъ большій доступъ къ службѣ государственной и къ занятіямъ спеціальнымъ.

Въ духовныхъ семинаріяхъ, гдѣ должны воспитываться одни священнослужительскія дѣти [1]), слѣдуетъ уничтожить замкнутость воспитанія, или такъ называемыя *бурсы*, семинаристамъ дозволять жить во время учебное на квартирахъ [2]), выдавая казеннокоштнымъ воспитанникамъ квартирныя деньги, какъ это принято нынѣ для студентовъ университетовъ, стараться, чтобы будущіе пастыри церкви знакомились со всѣми условіями жизни народной, изучали ее не по учебникамъ однимъ, или словамъ преподавателей, а повѣряли бы ее наглядно, собственными опытами. Для этого воспитаніе юношества въ семинаріяхъ поручить преимущественно бѣлому духовенству, которое по собственному опыту можетъ передать дѣтямъ—будущимъ пастырямъ церкви то, что ожидаетъ ихъ

---

[1]) Въ Константинополѣ и Аѳинахъ юношество православ. исповѣданія, желающее посвятить себя духовному служенію, воспитывается въ университетахъ, гдѣ учреждены особые богословскіе факультеты; но въ послѣднее время, на островѣ Халки, учреждена также духовная академія. У насъ приличнѣе всего воспитывать духовенство въ семинаріяхъ и академіяхъ, которыя необходимо только преобразовать въ отношеніи преподаванія и ввести для гражданскихъ наукъ свѣтскихъ преподавателей, съ утвержденія мѣстнаго преосвященнаго.

[2]) Всего лучше помѣщать ихъ на общихъ квартирахъ, какъ это принято уже въ нѣкоторыхъ епархіяхъ, гдѣ и воспитанники менѣе стѣснены и болѣе можно имѣть за ними надзора.

на пути предстоящаго имъ служенія. Для усиленія духовнаго элемента въ воспитанникахъ семинарій, будущихъ пастыряхъ церкви, самое опредѣленіе и увольненіе свѣтскихъ учителей предоставить духовной мѣстной власти, по примѣру опредѣленія и увольненія преподавателей въ римско-католическихъ семинаріяхъ и академіи [1]). Монашествующему духовенству предоставить въ дѣлѣ воспитанія наблюдать за правильностію, ходомъ и единствомъ преподаванія духовныхъ предметовъ.

Для дочерей священнослужительскихъ открыть особыя въ каждой епархіи училища, предоставивъ воспитываться въ женскихъ гимназіяхъ и другихъ гражданскихъ учебныхъ заведеніяхъ только тѣмъ изъ нихъ, для которыхъ родители предпочитаютъ званіе свѣтское; но однако не возбранять и кончившимъ курсъ ученія въ гимназіяхъ дѣвицамъ духовнаго званія выходить замужъ за священнослужителей, если они того пожелаютъ.

Какъ ни однимъ изъ каноническихъ постановленій не даруется причетникамъ (т. е. дьячкамъ и пономарямъ) духовнаго значенія, соборъ-же трульскій, замѣтивъ, что въ церкви Армянской принимаютъ въ клиръ только происходящихъ изъ священнаго сословія, по примѣру ветхозавѣтной церкви, не одобрилъ этого обычая, а велѣлъ смотрѣть не на родъ поставляемаго, но на его достоинство (прав. 33), то и уничтоженіе дарованныхъ причетникамъ свѣтскою властію правъ не нарушитъ правъ церкви, а будетъ только мѣрою административною, вполнѣ справедливою и въ высшей степени полезною.

По примѣру введенія наемныхъ причетниковъ въ имѣніяхъ бывшихъ пахатныхъ солдатъ, въ полковыхъ церквахъ и при заграничныхъ миссіяхъ, слѣдовало-бы уничтожить нынѣшнее фальшивое положеніе священника къ причту, положеніе, которое составляетъ одну изъ главныхъ причинъ безпорядковъ въ нашей церкви и тѣхъ постоянныхъ раздоровъ, кои существуютъ почти въ каждомъ приходѣ, по случаю ограниченія власти священника въ отношеніи причетниковъ и подчиненія послѣднихъ прямо епархіальной власти.

Въ этихъ видахъ, причетниковъ держать съ найма и предоставить ихъ въ распоряженіе и большую зависимость отъ священ-

---

[1]) 105 ст. т. II, уст. дух. дѣлъ иностран. исповѣданій.

никовъ. Не присвоивать имъ никакого духовнаго значенія, а предоставить только общія права по рожденію; освободить ихъ отъ поступленія въ военную службу на все то время, пока будутъ состоять въ причетническомъ званіи, не изъемля отъ платежа другихъ государственныхъ повинностей.

Дѣтямъ ихъ открыть доступъ въ гимназіи и спеціальныя учебныя заведенія и дозволить имъ поступленіе на службу, но не иначе, какъ по полученіи ими ученыхъ степеней, какъ это предоставлено и мѣщанскому сословію.

Но здѣсь можетъ быть предложенъ вопросъ: низведя половину членовъ нашего духовнаго сословія въ состояніе податное, можно-ли будетъ найти достойныхъ служителей церкви въ этомъ послѣднемъ званіи, которое не усвоило себѣ даже простой, мертвой грамотности, и не будетъ-ли церковь затрудняться въ пріисканіи причетниковъ, а въ послѣдствіи этотъ недостатокъ не вызоветъ-ли правительство на новыя имъ привиллегіи? Также не образуется-ли изъ такихъ причетниковъ (которыхъ въ настоящее время въ 9 западныхъ губерніяхъ считается 9,323 человѣка, исключая ихъ семействъ) особаго класса пролетаріевъ?

Предлагаемыя реформы служатъ къ уменьшенію духовной касты въ *будущемъ*, въ настоящее-же время необходимо сохранить причетникамъ преимущество занять эти должности по найму, но оставить при церкви только тѣхъ изъ нихъ, которые съ честію проходятъ прежнее свое служеніе. Всѣхъ ихъ, какъ остающихся на своихъ мѣстахъ, такъ и заштатныхъ, не облагать лично податьми и освободить отъ всѣхъ прочихъ повинностей и на всю жизнь; дѣтей-же причетническихъ приписывать къ податнымъ сословіямъ до 20 лѣтняго возраста безъ обложенія податьми, а потомъ подчинить общимъ условіямъ мѣщанскаго быта. При такихъ основаніяхъ *въ первое время* церковь не будетъ имѣть недостатка въ причетникахъ; нынѣшніе достаточно обезпеченные предпочтутъ остаться на своихъ мѣстахъ; но разница въ томъ, что останутся только достойнѣйшіе изъ нихъ. *Въ будущемъ-же* духовенство должно само озаботиться приготовленіемъ служителей церкви изъ молодаго поколѣнія сельскаго класса, образованіе котораго находится въ рукахъ его. Правительству при томъ слѣдуетъ только ввести въ курсъ сельскихъ школъ обязательное преподаваніе церковныхъ предме-

товъ. Поселяне, имѣя въ виду пользу своихъ дѣтей, для которыхъ откроются честныя и вѣрныя средства къ жизни, и льготы, которыя можетъ предоставить имъ правительство (наприм. освобожденіе отъ рекрутства на время служенія церкви), охотно будутъ готовить дѣтей своихъ въ причетники.

Но за всѣмъ этимъ скрывается цѣль высшая, болѣе нравственная и политически-важная въ настоящее время, именно: развитіе въ народѣ соревнованія къ изученію церковности и надежда быть на ближайшемъ служеніи церкви возвысятъ духъ его, укрѣпятъ въ вѣрѣ и положатъ въ самомъ народѣ преграду соблазнамъ и проискамъ иновѣрныхъ пропагандъ и либеральныхъ стремленій. Между тѣмъ дѣти причетниковъ, освободясь отъ замкнутости настоящаго своего положенія, обратятся къ другаго рода занятіямъ, по склонности и своему образованію, и найдутъ сами въ себѣ силы къ обезпеченію своего существованія; при томъ-же имъ не возбраняется готовиться и въ причечники, по желанію родителей.

Изложивъ такимъ образомъ необходимость измѣненія тѣхъ правъ православнаго духовенства, которыя имѣютъ свизь съ каноническими установленіями нашей церкви и которые въ разрѣшеніи зависятъ отъ св. синода, перейдемъ къ мѣрамъ необходимымъ для матеріальнаго обезпеченія духовенства, изысканіемъ коихъ занимается нынѣ особо учрежденный при св. синодѣ комитетъ.

Для этого необходимо прежде всего дать помѣщеніе священникамъ[1]), чтобы вывести ихъ изъ крестьянскихъ хатъ и жидовскихъ корчемъ, гдѣ въ настоящее время многіе изъ нихъ живутъ по необходимости. *Оградить бытъ священнниковъ* отъ всякой посторонней зависимости *увеличеніемъ содержанія* по крайней мѣрѣ до 500 руб. сер., чтобы тѣмъ хотя нѣсколько приблизить ихъ въ средствахъ къ жизни къ пастырямъ другихъ исповѣданій. Оставить

---

[1]) Это было всегда заботою нашего правительства. Въ указѣ Петра 1722 года запрещено духовенству коренныхъ губерній имѣть свои собственные дома, а велѣно было покупать и строить оные на счетъ духовныхъ суммъ. Въ царствованіе Николая I составлено въ 1842 году положеніе объ устройствѣ въ западныхъ губерніяхъ домовъ причтамъ.

имъ изъ церковнаго участка въ надѣлѣ 15 дес. удобной земли для того, чтобы они въ первыхъ хозяйственныхъ нуждахъ не прибѣгали къ пособію прихожанъ, могли бы содержать лошадь для разъѣздовъ по приходу и имѣли приличную прислугу.

Предоставить св. синоду изыскать средства къ обезпеченію престарѣлыхъ священниковъ, выслуживших 35 лѣтній срокъ, а также оставляющихъ служеніе по болѣзни и увѣчью, и ихъ семействъ приличнымъ пенсіономъ (по крайней мѣрѣ не менѣе получаемаго нынѣ гражданскими чиновниками), безъ котораго они остаются однимъ бременемъ для поступающяхъ на ихъ мѣста.

Діаконовъ, какъ иеобходимыхъ только для большей торжественности служенія, оставить при однихъ только городскихъ церквахъ, гдѣ прихожане болѣе состоятельны, чѣмъ въ селеніяхъ, и слѣд. могутъ, безъ собственнаго обремененія, дать имъ приличное содержаніе; при сельскихъ же приходахъ оставить ихъ только тамъ, гдѣ прихожане того пожелаютъ, или тамъ, гдѣ устроены или устраиваются поселянскія училища [1]).

Въ обоихъ сихъ случаяхъ содержаніе ихъ должно быть отнесено на счетъ прихожанъ; а чтобы избѣжать особыхъ расходовъ на устройство домовъ для діаконовъ, то давать имъ помѣщенія при сельскихъ школахъ.

Причетникамъ, при содержаніи ихъ съ найма, производить жалованья по 150 р. сер. въ годъ, ограничить число ихъ *однимъ* на приходъ, устроить для нихъ при домахъ священниковъ одну

---

[1]) Въ настоящее время, когда польская литература провозглашаетъ во всѣ голоса и на всѣ тоны свою національность, стараясь увѣрить, что западныя области наши до Смоленска и Пскова составляютъ исконную Польшу, когда въ помѣщичьихъ имѣніяхъ учреждаются сельскія школы, гдѣ, по примѣру, данному австрійскимъ правительствомъ въ Галиціи, вводятъ учебники на мѣстномъ русскомъ нарѣчіи, печатанные польскимъ шрифтомъ, и когда латинское духовенство и помѣщичьи прикащики внушаютъ крестьянамъ мысль, что они поляки, а не русскіе, необходимо болѣе, чѣмъ когда либо, открытіе при церквахъ поселянскихъ безмездныхъ школъ для распространенія русской грамотности и точныхъ историческихъ свѣденій о западномъ краѣ, искони русскомъ. Эти элементарныя и въ высшей степени полезныя школы поручить діаконамъ, у которыхъ болѣе свободнаго времени, чѣмъ у священниковъ; но съ тѣмъ, чтобы діаконы были изъ окончившихъ курсъ семинаріи.

особую комнату съ перегородкою [1]), чтобы во всякое время они были въ распоряженіи священника.

Должность особыхъ нросфирней упразднить вовсе, возложивъ обязанность заготовленія просфоръ на вдовъ и дочерей дѣвицъ священнослужительскихъ. Бывшимъ же просфирнямъ, не дѣлая ни какого пособія отъ прихожанъ, назначить пенсіонъ изъ духовныхъ суммъ, соотвѣтственно званію ихъ мужей, такъ какъ должность эта предоставлялась только однимъ вдовамъ священниковъ и діаконовъ.

Послѣ этого остается рѣшить вопросъ: гдѣ найти должный источникъ для увеличенія жалованья священникамъ и наемнымъ псаломщикамъ?

По внимательномъ соображеніи тѣхъ средствъ, которыя предоставляли, до настоящаго времени, прихожане и правительство духовенству, утвердительно можно сказать, что не только достаточно будетъ этихъ средствъ, но даже представится возможность освободить простой сельскій классъ отъ всѣхъ почти повинностей, кромѣ устройства помѣщеній для причта (и то въ половину меньшемъ размѣрѣ) и содержанія въ благолѣпіи сельскихъ церквей, которыя находятся нынѣ еще въ болѣе бѣдственномъ положеніи, нежели самое духовенство.

Денежныя средства на этотъ предметъ можно образовать изъ тѣхъ суммъ, какія жертвуетъ ежегодно правительство на жалованье духовенству и изъ дохода церковной земли, которая останется отъ надѣла священниковъ 15 дес. пропорціею. Землю эту слѣдуетъ облюстровать повсемѣстно, для того, что-бы прихожане и правительство знали цыфру матеріальнаго состоянія духовнаго сословія и при всякой перемѣнѣ политико-экономическихъ условій государства могли тотчасъ же явиться на помощь духовенству и увеличить его содержаніе до необходимой нормы.

Но чтобы и тутъ избавить духовенство отъ всякихъ личныхъ столкновеній съ прихожанами, полезно было-бы образовать приходскіе совѣты изъ почетнѣйшихъ прихожанъ по выбору членовъ всего прихода. На совѣты эти возложить обязанность облюстриро

---

[1]) Объ одной комнатѣ.

ванія земли, т. е. вѣрнаго исчисленія съ оной дохода, завѣдываніе кружечнымъ и свѣчнымъ сборами и отсылкою ихъ по назначенію, содержаніе въ приличномъ благолѣпіи храмовъ и утвари церковной, уплату духовенству доходовъ съ земли, по исчисленнымъ предварительно окладамъ, и раскладку, а также взысканіе съ каждаго недостающаго для полнаго обезпеченія духовенства количества денегъ, устройство училищъ и богоугодныхъ заведеній и вообще попечительство о церквахъ и духовенствѣ.

Совѣты эти должны состоять въ вѣденіи губернскихъ комитетовъ по обезпеченію духовенства. Во всѣхъ поименованныхъ предметахъ и сборахъ должны участвовать не только одни поселяне, но и прихожане всѣхъ вообще сословій, такъ какъ отношенія ихъ и нужды въ дѣлахъ вѣры одинаковы съ сельскимъ классомъ.

Подробный разсчетъ указанныхъ средствъ на содержаніе духовенства и порядокъ распредѣленія оныхъ изложены въ особомъ приложеніи лит. В.

Но не одинъ матеріальный разсчетъ жизни имѣется въ виду. Нравственное преобразованіе духовенства, возвышеніе его на степень самостоятельныхъ пастырей, уменьшеніе и со временемъ окончательное уничтоженіе касты, прекращеніе народнаго ропота и польза общаго нравственнаго его исправленія, котораго должно ожидать отъ предлагаемыхъ реформъ, выше всѣхъ расчетовъ.

Реформы эти только въ началѣ могутъ пугать духовенство, но оно скоро пойметъ пользу ихъ; въ православномъ же народѣ западныхъ губерній они произведутъ даже благое впечатлѣніе, потому что результаты этихъ мѣръ облегчатъ бремя повинностей и будутъ представлять подобіе прежней организаціи уніатскаго духовенства до возсоединенія съ православіемъ.

Правительство, улучшая такимъ образомъ и одновременно участь простаго народа уменьшеніемъ налоговъ и бытъ духовенства увеличеніемъ средствъ его содержанія, дастъ священникамъ возможность посвящать болѣе времени паствѣ. Безъ новыхъ, тяжкихъ въ настоящую минуту для государственной казны, пожертвованій оно пріобрѣтетъ истинныхъ пастырей-руководителей народныхъ; вызвавъ же изъ неподвижности праздную и безполезную массу

причетниковъ, оно получитъ новыхъ дѣятелей на поприщѣ гражданскаго развитія государственныхъ силъ и вмѣстѣ съ тѣмъ дастъ народному образованію средства къ желаемому преуспѣянію. Сравнивъ по содержанію наше западное духовенство съ пастырями другихъ исповѣданій, правительство возродитъ въ нашихъ священникахъ самостоятельную дѣятельность, необходимую въ западномъ краѣ для охраненія православнаго народа отъ происковъ латино-польской партіи, употребляющей тамъ всѣ мѣры къ униженію нашего духовенства въ глазахъ паствы и къ привлеченію послѣдней въ католичество.

Предложенныя реформы, не нарушая ни политическихъ, ни гражданскихъ законовъ имперіи, ни каноническихъ правилъ церкви, и будучи собственно мѣрами административными и вполнѣ справедливыми, могутъ со временемъ быть примѣнены и къ великороссійскимъ губерніямъ, гдѣ матеріальный и нравственный бытъ духовенства требуетъ также улучшенія, хотя содержаніе его отъ прихожанъ возбудитъ тамъ менѣе ропота, чѣмъ въ западномъ краѣ, потому что сельское населеніе коренныхъ русскихъ губерній богаче, болѣе привязано къ церкви и искони привыкло къ порядку, тамъ давно существующему, но новому для приходовъ запада.

Ограниченіе числа сельскихъ приходовъ, наемъ причетниковъ, дозволеніе рукополагать (въ видахъ уменьшенія духовной касты) въ священнослужители безъ обязательнаго условія брака, реформа семинарій, учрежденіе женскихъ школъ, увеличеніе средствъ содержанія священниковъ безъ обремененія прихожанъ и государственной казны новыми налогами, устройство для нихъ приличныхъ помѣщеній, обезпеченіе престарѣлыхъ священниковъ, образованіе приходскихъ совѣтовъ и наконецъ открытіе при церкви поселянскихъ училищъ—вотъ мѣры къ дѣйствительному и прочному утвержденію православія на западѣ Россіи.

Утвержденіе это въ настоящую минуту болѣе, чѣмъ когда либо, необходимо; ибо полная въ Россіи вѣротерпимость при автономіи, къ которой стремятся иностранныя исповѣданія, желающія выбросить изъ нашего законодательства прерогативы господствующей вѣры, не принесетъ намъ пользы, ни въ смыслѣ истиннаго

прогресса, ни въ видахъ утвержденія предержащей власти. И потому развитіе православныхъ элементовъ, при благоразумной остановкѣ западныхъ іезуитскихъ, либеральныхъ, протестантскихъ и другихъ чуждыхъ намъ стремленій, сохранитъ нашему отечеству, при всѣхъ перемѣнахъ, его ожидающихъ и чрезъ которыя съ Божіею помощью оное пройдетъ мирно и невредимо, мощную силу и историческую доблесть царелюбивыхъ предковъ нашихъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Лит. А. Витебскимъ губ. комитетомъ для обезпеченія православнаго духовенства полоцкой епархіи исчислено: одновременнаго расхода на постройку для причтовъ 468,342 р. и расхода ежегоднаго 29,370 р., на вознагражденіе священниковъ за необработку ихъ земель 26,700 р., за наемъ квартиръ для духовенства, пока не построятся домы, 14,205 руб. и 1071 руб. на пособіе духовенству при поступленіи въ должность. Всего ежегоднаго расхода 71,346 руб., а съ присоединеніемъ ежегодно ассигнуемой изъ казны на жалованье духовенству суммы до 70 т. р. будетъ 141,346 р., если же принять въ расчетъ предположенія того комитета о возвышеніи содержанія священникамъ до 500 р., тогда потребовалась-бы сумма ежегоднаго расхода до 195/т. р., а именно: на жалованье 267 священникамъ 133,500 р., на наемъ квартиръ до постройки домовъ 26,700 р. и до 35/т. на жалованье прочему причту.

Лит. Б. По витебской (полоцкой) епархіи на 124/т. душъ прихожанъ 267 священниковъ, 42 діакона, 270 дьячковъ, 186 пономарей и 225 просфирней, всего 990 человѣкъ, составляющихъ причтъ церковный. На каждаго священника среднимъ числомъ причитается 468 душъ и на каждый такой приходъ болѣе 3½ членовъ причта; въ смежной же съ витебскою губерніею, лифляндской, по лютеранскому консисторіату, на 525,654 души прихожанъ только 111 пасторовъ и на каждаго изъ нихъ круглымъ счетомъ причитается 5,276 душъ.

Лютеранскіе пасторы и адъюнктъ-пасторы лифляндской губерніи среднимъ числомъ получаютъ слишкомъ 775 р. серебромъ [1]); православ-

---

[1]) Пасторы получаютъ не менѣе 1000 руб., а нѣкоторые и до 3000 руб.; цифра же эта уменьшается до 775 руб., потому что въ общій расчетъ вошли

ные же священники витебской губерніи отъ 100 до 180 р., т. е. почти въ 7 разъ менѣе первыхъ. Если даже и существующія натуральныя повинности прихожанъ обратить въ денежныя, то и тогда священникъ получитъ только до 270 р. въ годъ, или въ три раза менѣе пастора.

Лит. В. До настоящаго времени правительство ассигновало ежегодно полоцкой епархіи до 70/т. р., а повинности прихожанъ, по переложеніи ихъ на деньги, составляли (по исчисленію губернскаго комитета) 71/т., всего 141/т. р. сер., и при такихъ пожертвованіяхъ содержаніе священника, какъ объяснено въ приложеніи лит. Б, достигало едва до 270 р. сер. въ годъ, сумма очевидно едва достаточная для самой бѣдной жизни одинокаго человѣка, а священники наши большею частію имѣютъ значительныя семейства.

Если оставить при сельскихъ приходахъ только священниковъ и наемныхъ псаломщиковъ и назначить жалованье первымъ 500 р., а послѣднимъ по 150 р., то при настоящемъ состояніи епархіи изъ 267 приходовъ потребовалась-бы сумма 173,550 р., или на 32/т. болѣе той, которая жертвовалась донынѣ. Для восполненія этой послѣдней суммы нужно было-бы прибѣгнуть къ новому налогу прихожанъ; но объясненныя въ запискѣ обстоятельства положительно доказываютъ, что не только увеличеніе налога не возможно, но необходимо озаботиться объ уменьшеніи повинностей прихожанъ, чтобы возстановить должныя отношенія между пастыремъ и паствою.

Въ этихъ послѣднихъ видахъ и въ цѣли лучшаго обезпеченія духовенства, необходимо соединить православные приходы такъ, чтобы при каждомъ среднимъ числомъ состояло до 600 душъ [1]) прихожанъ и тогда, при православномъ народонаселеніи полоцкой епархіи 124/т. душахъ, составилось бы въ той епархіи, вмѣсто 267, только 206 приходовъ и на содержаніе при нихъ 206 священниковъ и столькихъ же псаломщиковъ потребовалось бы суммы 133,900 р. сер., т. е. 8/т. менѣе отпускаемой нынѣ ежегодно.

адъюнктъ-пасторы (викаріи), лица безсемейныя и потому получающія меньшее содержаніе.

[1]) Не стѣсняя преосвященныхъ непремѣннымъ требованіемъ, чтобы каждый приходъ былъ не менѣе 600 душъ, слѣдуетъ, кажется, назначить только число приходовъ въ епархіи и предоставить мѣстной духовной власти сообразоваться въ подробностяхъ съ условіями края, не запрещая разрѣшать образованіе приходовъ и менѣе 600 душъ, но такъ, чтобы по всей епархіи не выходить изъ общаго, утвержденнаго святѣйшимъ синодомъ, числа прихожанъ.

Но чтобы еще болѣе облегчить сельскій классъ въ повинностяхъ, было бы полезно ввести слѣд. мѣры: церковную землю, за исключеніемъ 15 дес. въ надѣлъ священнику, отмежевавъ особо, облюстровать и исчисленный доходъ съ оной обратить въ итогъ суммы, требуемой для содержанія духовенства.

Священникъ, имѣя землю въ 15 дес. и получая 500 р. сер. ежегодно жалованья, если не вполнѣ будетъ обезпеченъ, то вдвое противъ прежняго улучшитъ свой бытъ и значительно приблизился бы, по независимости своихъ средствъ, къ священникамъ другихъ исповѣданій; а прихожане если не совершенно могли бы освободиться отъ повинностей въ пользу духовенства, то, съ причисленіемъ дохода съ земель церковныхъ, значительно были бы въ повинностяхъ этихъ облегчены. При этихъ мѣрахъ получены были бы слѣдующіе результаты:

По витебской (полоцкой) епархіи состоитъ нынѣ въ пользованіи духовенства удобной земли 12,604 десятины; для надѣла каждаго изъ 206 священниковъ по 15 дес. потребовалось бы 3,090 дес., и въ остаткѣ 9,514 десят.; каждая десятина принесетъ въ той губерніи minimum валоваго дохода 10 р. 50 к. сер. [1]), изъ коихъ, отсчитывая $^2/_5$ на обработку и содержаніе рабочихъ, получится чистаго дохода 6 р. 20 к. сер., а съ 9,514 дес. 58,986 р. 80 к. сер. Прибавя къ этому сумму, жертвуемую правительствомъ ежегодно до 70/т. р. сер., составится 128,686 р. 80 к., менѣе требуемой до полной суммы на жалованье 4,913 р. 20 к., по раздѣленіи которой на 206 приходовъ будетъ причитаться на каждый по 23 р. 25 к., а на 600 человѣкъ прихожанъ причиталось бы къ платежу съ каждаго около 4 к. сер. въ годъ. Если же принять въ соображеніе, что и 70/т. руб., жертвуемыя правительствомъ, собираются съ тѣхъ же прихожанъ, то по раздѣленіи этой суммы на 124/т. душъ будетъ причитаться по $56^1/_8$ к., а всего съ каждаго прихожанина по $60^1/_2$ коп. сер.,—налогъ очень незначительный и противу прежняго въ половину меньшій, а что всего важнѣе, не будетъ посягательства на личный трудъ поселянина. Но какъ количество земли церковной неравномѣрно, не только отдѣльно по приходамъ, но даже и въ каждой

---

[1]) Считая съ каждой десятины чистаго урожая, за отдѣленіемъ на посѣвъ $2^1/_2$ зеренъ, съ одной десятины будетъ $3^1/_2$ четверти хлѣба, полагая каждую четверть въ 3 руб. сер., получится 10 р. 50 к. Строгая повѣрка этихъ данныхъ на мѣстѣ приведетъ безъ сомнѣнія еще къ лучшимъ экономическимъ результатамъ.

губерніи, такъ-что въ одной губерніи на приходъ причитается *60 дес.*, а въ другой доходитъ до *200 дес.*, то люстрацію церковныхъ земель произвести посредствомъ приходскихъ совѣтовъ одновременно по всѣмъ 9 губерніямъ и исчислить вообще валовый доходъ ихъ, какой будетъ подлежать съ земли, и особо чистый доходъ, за отчисленіемъ расходовъ на обработку; этотъ послѣдній доходъ распредѣлить по числу всѣхъ приходовъ въ упомянутыхъ губерніяхъ, и если общая сумма дохода съ земель, съ присоединеніемъ къ ней суммы, жертвуемой правительствомъ, будетъ менѣе суммы, нужной на содержаніе духовенства, считая за норму 650 р. сер. на каждый приходъ, тогда недостающее количество распредѣлить между прихожанами по числу душъ такъ, чтобы повинности эти и жалованье духовенству по каждой губерніи были одинаковы, не возбраняя приходскимъ совѣтамъ, по желанію ихъ, увеличивать содержаніе своего духовенства, по своему усмотрѣнію; если же сумма эта будетъ превышать нормальную сумму содержанія духовенства, то остатокъ предоставить въ распоряженіе губернскихъ комитетовъ по обезпеченію духовенства, раздѣливъ по ровну на каждую губернію, для увеличенія жалованья священникамъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ по особымъ обстоятельствамъ, какъ-то: по дороговизнѣ, по многосемейности и т. п., необходимо сдѣлать прибавку къ 650 р. сер.

Сборъ денегъ, слѣдуемыхъ съ прихожанъ, производить на слѣдующемъ основаніи: приходскіе совѣты, получа ежегодно свѣдѣнія изъ губерн. комитета, сколько слѣдуетъ къ сбору денегъ, а также сколько по уваженію совѣта нужно собрать на мѣстные приходскіе расходы, какъ-то: на поддержаніе церквей, училищъ, постройки домовъ и т. д., обязаны сдѣлать у себя внутреннюю раскладку, какъ найдутъ удобнѣе, по числу ли душъ, или по средствамъ каждаго прихожанина, и потомъ исчисливъ, сколько будетъ слѣдовать къ сбору съ податныхъ сословій, сообщить эти свѣдѣнія губерн. комитету для взысканія съ податныхъ лицъ по той системѣ, какая будетъ принята правительствомъ нашимъ по разрѣшеніи крестьянскаго вопроса; неподатныя же лица должны вносить упадающія на нихъ суммы прямо въ совѣтъ, который и обязанъ слѣдуемыя деньги въ жалованье священникамъ и причетникамъ отсылать въ уѣздныя казначейства, а изъ остальныхъ за тѣмъ суммъ удовлетворять прочіе расходы.

Въ совѣтахъ этихъ должны присутствовать и приходскіе священники на равнѣ съ прочими членами прихода, представлять совѣту о нуждахъ церкви и указывать на нужды приходскія.

Жалованье же какъ священники, такъ и причетники должны получать прямо изъ уѣздныхъ казначействъ; а чтобы надѣлъ земельный 15 дес. не стѣснялъ духовенство въ исполненіи его обязанностей къ паствѣ и не давалъ повода къ новымъ нареканіямъ его на бѣдность, предоставить ему на волю принять и обрабатывать землю, или отказаться и передать прихожанамъ, отъ которыхъ получитъ за нее люстраціонный доходъ.

Сообщилъ **К. Береза.**

Библіографія.

Матеріалы для оцѣнки земель херсонской губерніи. Томъ II. Елисаветградскій уѣздъ. (Статистико-экономическое описаніе уѣзда). Составлено статистическимъ отдѣленіемъ при херсонск. губ. земск. управѣ. Съ двумя картами и 10 прилож.—Херсонъ, 1886.

Новый трудъ херсонскихъ статистиковъ отличается отъ вышедшей три года тому назадъ книги объ одесскомъ уѣздѣ большею полнотою въ разработкѣ деталей по вопросамъ оцѣночнаго содержанія и добавкою подробностей относительно экономическаго положенія сословныхъ группъ; все остальное: группировка данныхъ, добытыхъ при изслѣдованіи, методъ разработки оцѣночныхъ свѣдѣній и пр. осталось безъ измѣненія. Настоящая книга представляетъ томъ въ 547 страницъ текста и 85 страницъ приложеній. Въ нее вошли свѣдѣнія о елисаветградскомъ уѣздѣ слѣдующаго содержанія: территорія и населеніе, землевладѣніе и земледѣліе, сельско-хозяйственныя угодья и ихъ производительность, и въ заключеніе помѣщенъ сводъ оцѣночныхъ данныхъ. Съ точки зрѣнія спеціальныхъ задачъ историческаго журнала для насъ представляются болѣе важными данныя о заселеніи уѣзда, вошедшія въ составъ названной книги, въ видахъ историческаго обоснованія происхожденія разныхъ формъ землевладѣнія и видовъ экономическихъ отношеній между общественными группами. Очеркъ по исторіи колонизаціи названной области не великъ (127—141 стр), но заключаетъ указанія, не обращавшія на себя вниманія старыхъ историковъ новороссійскаго края и нашедшія себѣ мѣсто и получившія соотвѣтствующее освѣщеніе въ изданіи статистическаго отдѣленія, именно, благодаря спеціальнымъ задачамъ послѣдняго.

По справкѣ о распредѣленіи населенія елисаветградскаго уѣзда по національнымъ группамъ видно, что 72% всего населенія составляютъ малороссы, за ними слѣдуютъ молдаване, великороссы, евреи, болгары, нѣмцы, поляки и др. Согласно съ этими цифровыми данными въ разбираемой главѣ обращено больше прежняго вниманіе на колонизацію запорожцевъ и малороссовъ, бѣжавшихъ изъ польскихъ областей, и на помѣщичью колонизацію,—колонизаціи же заграничной, преимущественно сербской, отведено заслуженное мѣсто на заднемъ планѣ картины. При составленіи этого очерка статистич. отдѣленіе пользовалось, кромѣ давно извѣстныхъ и отчасти устарѣвшихъ трудовъ г. Скальковскаго, недавно изданными мемуарами С. Пишчевича, также статьями разныхъ спеціальныхъ изданій, Полнымъ Собраніемъ законовъ и наконецъ матеріалами, почерпнутыми изъ устъ народа и изъ мѣстныхъ церковныхъ архивовъ.

Относительно запорожской колонизаціи указывается, что въ правобережныхъ приднѣпровскихъ степяхъ, кромѣ запорожскихъ зимовниковъ, гдѣ жили, какъ извѣстно, холостые козаки, были и слободы, населенныя семейнымъ посполытствомъ, которое составляло подданство запорожскаго войска. По этому поводу небезъинтереснымъ считаемъ замѣтить, что основаніе такихъ слободъ сдѣлалось особенно популярнымъ у запорожцевъ въ послѣдніе годы существованія Сѣчи, въ то время, когда на ихъ земляхъ поселены были сербы и другіе иностранные выходцы, а на южной окраинѣ Новой Сербіи учреждено Ново-козачье слободское поселеніе, составленное главнѣйше изъ бѣглыхъ малороссовъ, жившихъ дотолѣ на мѣстахъ, отведенныхъ сербамъ, отчасти изъ великороссовъ-раскольниковъ и изъ молдаванъ. Изъ сочиненія академика Гильденштедта, путешествовавшаго по елисаветградской провинціи въ 1774 г., и изъ «Примѣчаній на новороссійскій край» А. Пишчевича видно, что эти слободы запорожцами заводились по окраинѣ слободскаго поселенія; Гильденштедтъ говоритъ, что каждую весну запорожцы производили набѣги на слобожанъ, мѣшали имъ въ сельскихъ работахъ, угоняли рабочій скотъ и уводили въ свои новозаведенныя слободы самихъ слобожанъ. Такимъ образомъ эта колонизація запорожцевъ имѣла какъ-бы стратегическій характеръ, а ихъ слободы служили имъ форпостами въ предсмертной, отчаянной борьбѣ съ колонизаціей, приходившей извнѣ на ихъ земли.

Бѣглыми, въ качествѣ колонизаціоннаго матеріала, пользовалось и правительство, и помѣщики. Примѣры Ольвіополя, Новоархангельска, Петроострова и Новомиргорода—поселеній, основанныхъ бѣглыми малороссами при поддержкѣ русскаго правительства,—примѣры, взятые ав-

торами разбираемой книги изъ бумагъ, нынѣ уже опубликованныхъ А. А. Андріевскимъ, далеко не единственные въ этомъ родѣ; такихъ поселеній основано было значительное число, и они служили поводомъ постоянныхъ раздоровъ между русскими и поляками, изъ которыхъ послѣдніе были сильно заинтересованы въ удержаніи населенія отъ побѣговъ на новыя мѣста, такъ какъ сосѣднія съ русскими владѣніями польскія области и сами заселены были недавно, и побѣги составляли больное мѣсто ихъ, а новопоселяемыя слободы за польскимъ рубежемъ часто служили убѣжищемъ для гайдамакъ и всѣмъ, чѣмъ могли, помогали послѣднимъ въ набѣгахъ на Польшу, за которые поляки отплачивали той же монетою.

Колонизація такого рода должна была прекратиться только съ изданіемъ въ 1827 и 1828 г. указовъ «о прекращеніи бродяжничества въ новороссійскомъ краѣ», коими бѣглые обязывались приписываться къ помѣщикамъ, въ казенныя селенія и въ мѣщане; послѣдніе снимали землю у помѣщиковъ, чаще всего «за десятую», отъ чего и получили названіе «десятинщиковъ». Въ послѣднее время, послѣ воли, снова начали переходить въ елисаветградскій уѣздъ крестьяне изъ губерній кіевской и подольской и поляки изъ тѣхъ же мѣстъ, а параллельно съ этимъ начинается эмиграція крестьянъ изъ елисаветградскаго уѣзда въ другія мѣста. Въ елисаветградскомъ уѣздѣ приходится 28,44 души на 1 квадр. версту; онъ населенъ рѣже уѣздовъ, лежащихъ сѣвернѣе его, и гуще одесскаго, положеннаго южнѣе.

Помѣщичья колонизація пользовалась, въ качествѣ матеріала для заселенія своихъ дачъ, отчасти бѣглыми, какъ мы сказали выше, отчасти крѣпостными, переводя ихъ изъ другихъ имѣній и покупая у другихъ владѣльцевъ; так. обр. сюда переходили крѣпостные изъ полтавской, черниговской, кіевской, подольской, харьковской, курской, тамбовской, орловской, рязанской и другихъ губерній.

Отъ сербовъ въ настоящее время не осталось никакого слѣда, ни памяти въ уѣздѣ; они вполнѣ поглощены болѣе сильной средой и обрусѣли. Держатся еще другія національности, но также неизбѣжно идутъ къ обрусѣнію, только медленнѣе тѣхъ. Сильнѣйшимъ средствомъ ассимиляціи народностей, населяющихъ уѣздъ, какъ и вездѣ, служатъ смѣшанные браки. Болгары избѣгаютъ смѣшанныхъ браковъ и охотнѣе женятся на молдаванкахъ, чѣмъ на малороссіянкахъ: послѣднія слишкомъ самостоятельно и независимо поставлены въ семьѣ, чѣмъ коренныя болгарки и чѣмъ молдаванки, и сверхъ того болгары особенно цѣнятъ въ женщинѣ умѣнье прясть, вышивать, дѣлать сукна и ковры, каковыми добродѣтелями болѣе отличаются молдаванки, чѣмъ малорос-

існянки, обыкновенно покупающія эти предметы домашняго хозяйства на базарѣ. Молдаване, входя въ близкія сношенія съ малороссами, легче ассимилируются съ ними, но замѣчается, что молдаванки выходятъ замужъ за малороссовъ охотнѣе, чѣмъ малороссіянки за молдаванъ. Малороссы нерѣдко женятся на молдаванкахъ и на болгаркахъ, но чаще на великороссіянкахъ. Только нѣмцы составляютъ исключеніе, не смѣшиваясь съ другими народностями и не поддаваясь чуждымъ вліяніямъ. «Въ общемъ же можно сказать, что все населеніе, за исключеніемъ нѣмцевъ (на обрусѣніе послѣднихъ сильно вліяетъ въ послѣднее время всеобщая воинская повинность), постепенно теряетъ свои національные признаки, все болѣе и болѣе сливаясь съ малоруссами, которые, въ свою очередь, приспособляются къ своимъ сосѣдямъ, принимая въ свой языкъ много чуждыхъ ему словъ (молдавскихъ, великорусскихъ и болгарскихъ) и нѣсколько видоизмѣняя свои обычаи».

Къ разбираемой книгѣ приложены двѣ карты елисаветградскаго уѣзда: на первой обозначены густота населенія, пункты сбыта, движенія грузовъ и цѣны за доставку имъ, на второй—величина поселеній и распредѣленіе частнаго и мірскаго землевладѣнія. Въ «приложеніяхъ» находимъ метеорологическія таблицы и таблицы о населеніи, образцы условій найма на полевыя работы и пр.

В. Я.

Три пьесы Ив. Карого. Херсонъ. 1886 г.

Съ предоставленіемъ въ послѣдніе годы нѣкоторыхъ правъ малорусской сценѣ, сталъ пополняться крайне бѣдный до той поры ея репертуаръ. Пьесы г. Карого являются въ немъ послѣдней новинкой. Онѣ появились на сценѣ въ началѣ 1886 года, а въ печати—во второй его половинѣ. Сценичность ихъ и способность автора схватывать новыя явленія жизни обратили на себя вниманіе. Въ вышедшемъ сборникѣ помѣщены одна историко-бытовая пьеса и двѣ изъ современной сельской жизни. Въ современныхъ пьесахъ замѣтна живая наблюдательность и характеры, не обычные въ малорусской драматургіи. Тѣневыя краски—лучшія на палитрѣ г. Карого. Эгоизмъ, кулачество, будничная зяурядность—вотъ явленія, которыя онъ замѣчаетъ всего удачнѣе. Лица идеальныя и героическія ему не удаются. На смѣну правдивыхъ красокъ выступаютъ фразеологія и слащавость.

«Бондаривна»—драма историческая только по имени. Мало въ ней общаго и съ извѣстной народной балладой этого названія, хотя

главныя лица тѣ-же, что и въ балладѣ. Трудно понять, по какимъ соображеніямъ авторъ отступилъ такъ далеко отъ народнаго преданія. Оно исполнено глубокаго драматизма, характеры лицъ, насколько они намѣчены въ пѣснѣ и разсказахъ, занимательнѣе и сложнѣе. Фабула зиждется не на мотивахъ отдаленнаго политическаго гнета эпохи Хмельницкаго, къ которой пріурочилъ г. Карый свою драму, а на болѣе близкомъ намъ, во всемъ сходномъ съ крѣпостнымъ правомъ, угнетеніи правобережныхъ пановъ средины прошлаго вѣка. Панъ староста каневскій, Николай Потоцкій, насколько выяснилась его личность, былъ самодуръ съ своеобразнымъ польско-козакофильскимъ оттѣнкомъ, отчасти вольтерьянецъ. У г. Карого это заурядный сластолюбецъ, да и роль его почти стушевана. Активнымъ лицомъ въ несчастной судьбѣ Бондаривны является приспѣшникъ старосты, Герцель, мелодраматическій злодѣй, вкусившій отъ Шекспира. Дочь Бондаря Тетяна, по намѣренію автора, должна олицетворять типъ героической козачки стараго времени. Она плѣняется разсказами запорожца Тараса о военныхъ подвигахъ и готова стать его женой, въ то время, какъ староста похищаетъ ее и убиваетъ, съ досады, что она ему не досталась. Рѣчи ея и Тараса занимаютъ въ драмѣ всего болѣе мѣста. Несмотря на обиліе словъ, мы не видимъ людей. Характеры ихъ «сдѣланы». Слова ихъ красивы, но холодны.

Пьеса лишена историческаго колорита. Мы не имѣемъ въ виду мелкихъ бытовыхъ подробностей и архаизмовъ. Надо, чтобъ въ людяхъ выведенной эпохи чувствовался опредѣленный историческій моментъ, тотъ «духъ времени», который сообщитъ свою печать всему остальному. Авторъ можетъ указать на Лессинга, который не высоко ставилъ спеціальныя условія исторической драмы и требовалъ только, чтобъ театръ поучалъ тому, «что всякій человѣкъ извѣстнаго характера сдѣлаетъ при данныхъ обстоятельствахъ». Но при этомъ условіи рѣчь о вѣкахъ и эпохахъ стала бы пустымъ звукомъ, и пьесы всѣхъ временъ и народовъ были бы похожи другъ на друга.

Сельская драма «Хто виненъ» основана на мотивѣ несходства характеровъ жены и мужа и на угнетеніи невѣстки свекровью. Здѣсь лучше всѣхъ вводное лицо разбитной Варьки, любящей Гната (герой пьесы) и ради этой страсти совершенно спокойно разбивающей жизнь своей соперницы. Этотъ характеръ вылился цѣликомъ. Недуренъ и Гнатъ, заурядный человѣкъ, и злой, и добрый, смотря по условіямъ, въ какія ставитъ его жизнь, и по вліяніямъ, подъ какими находится. Типъ свекрови-матери не новъ. Пьеса вообще этимъ характеромъ напоминаетъ замѣчательный, тоже малорусскій, реалистическій этюдъ Сте-

ценка «Доля». Но нельзя ставить этого г. Карому въ вину. Мотивъ семейнаго гнета очень распространенъ въ самой народной поэзіи и слѣдовательно есть отголосокъ явленія слишкомъ обычнаго въ сельской жизни. Какъ вырабатывается этотъ типъ домашней тиранки въ малорусской женщинѣ, вообще любящей и доброй? Эта, столь извѣстная, старческая придирчивость свекровей, доводящая иногда до семейнаго ада, является, можетъ быть, результатомъ утомленія трудовою жизнію, наслѣдіемъ прожитой невзгоды. Обстановка крестьянской жизни придаетъ ей мелочныя, тяжелыя формы... Надо сказать, что непріязнь къ невѣсткѣ, какою она выведена у г. Карого, сообщается отчасти и читателю. До того нервно-плаксива и слащава его Софія. Таковы же и другія добродѣтельныя лица пьесы. За то дивчата и парубки въ народныхъ сценахъ нарисованы чрезвычайно правдиво.

Найболѣе интересна по темѣ и по лицамъ комедія «Розумный и дурень». На сценѣ современное и дѣйствующее поколѣніе, выросшее въ пореформенную эпоху.

Старый Окунь честно нажилъ когда-то добро чумачествомъ. Теперь онъ мирно доживаетъ вѣкъ при дѣтяхъ. У него два сына,—двѣ совершенно разныя натуры. Старшій, Михайло, заправляетъ всѣмъ хозяйствомъ. Это человѣкъ инстинктовъ наживы, глубоко постигшій тѣ пружины, съ помощью которыхъ можно прожить и обобрать сельскій людъ, пользуясь его довѣрчивостью и невѣдѣніемъ. При содѣйствіи мелкотравчатаго «аблаката» онъ устраиваетъ выгодныя аферы съ шинками, взявъ право торговли на свое имя и перепродавъ его евреямъ. Онъ настраиваетъ отца противъ младшаго брата и достигаетъ передачи всего имущества себѣ «для удобства управленія». Данило, меньшій братъ, кой чему учился, кой что прочелъ. Это человѣкъ совѣстливый, направленный на добро. Онъ становится поперекъ дороги брату, и тотъ принуждаетъ его покинуть домъ и идти на заработки.

У Данила есть невѣста, на которую засматривается и старшій братъ. Онъ не столько любитъ ее,—къ любви такіе люди не склонны,—сколько очарованъ ея умомъ, однимъ изъ тѣхъ самородковъ, какими поражаетъ иногда наше крестьянство. Самой Маринѣ больше по душѣ Данило. Но его лишили наслѣдства, а она бѣдна и выросла «въ злыдняхъ». За Михайломъ она забудетъ нужду, станетъ богатой хозяйкой, всѣми уважаемой. Борьба сердечныхъ стремленій съ крутыми условіями жизни кончается торжествомъ «благоразумія».

Теперь она вѣрная помощница мужа во всѣхъ хищныхъ его затѣяхъ, вся преданная культу благополучія, выше всего цѣнящая достатокъ. «Цилуй, тильки не помны одежи»! Вся она въ этихъ словахъ.

Одна изъ плутней Михайла разоблачена. Отецъ, отъ имени котораго совершена сдѣлка, долженъ или платить крупный штрафъ, или сѣсть въ острогъ. Практическіе сынъ и невѣстка уговариваютъ старика избрать этотъ дешевый способъ отдѣлаться отъ штрафа. Въ это время возвращается Данило и освобождаетъ отца отъ позора своими заработанными деньгами. Онъ застаетъ свою невѣсту женою брата.

Михайло, Марьяна и старики—живыя лица. Блѣднѣе идеалистъ Данило. Изъ царства тѣней взята также пораженная стрѣлой Купидона Марта, своею любовью наполняющая совсѣмъ ненужный четвертый актъ, гдѣ рисуются сцены на рыбныхъ промыслахъ.

Блѣдность идеальныхъ лицъ у г. Карого зависитъ оттого, что главная его сила въ наблюденіи, а такія лица сочиняетъ онъ по готовымъ образцамъ. Въ малорусскихъ пьесахъ накопились отъ старыхъ временъ нѣкоторыя черты сентиментализма и условности, которыя давно пора оставить. Ихъ фальшивый тонъ нисколько не маскируется для насъ народной рѣчью. Народными сельскія пьесы должны быть не по языку только, но по складу изображаемыхъ людей, по формѣ ихъ мысли, по типу ихъ развитія. Г. Карый имѣетъ всѣ данныя, чтобъ стать правдивымъ, не связаннымъ никакой условностью, наблюдателемъ народной жизни. Къ защитѣ высшаго духовнаго строя, къ лицамъ «добродѣтельнымъ» также строго должны примѣняться требованія правды и реализма, какъ и къ другимъ. Иначе г. Карый заставитъ, пожалуй, согласиться съ старымъ афоризмомъ, по которому самая скучная вещь на свѣтѣ—добродѣтель.

Г.

Коротка исторія литературы рускои, Омельяна Огоновскаго.

Имя профессора львовскаго университета Ом. Огоновскаго въ Галиціи и въ Россіи пользуется почетной извѣстностью. Въ Галиціи г. Огоновскаго знаютъ и цѣнятъ преимущественно за его полезную общественную дѣятельность, какъ человѣка, словомъ и дѣломъ отстаивающаго жизненные интересы русскаго населенія. Въ Россіи извѣстность г. Огоновскаго не выходитъ за предѣлы ученаго міра, и здѣсь въ лицѣ проф. Огоновскаго признаютъ крупнаго научнаго дѣятеля, обогатившаго науку нѣсколькими полезными работами. Найбольшей извѣстностью пользуются слѣдующія сочиненія г. Огоновскаго:

1) *Слово о полку Игоревѣ.* Львовъ. 1876 г. Предпославъ въ началѣ изслѣдованія небольшія замѣчанія о состояніи русской образованности въ XII в., г. Огоновскій далѣе опредѣляетъ историческую и по-

этическую стороны Слова, предлагаетъ замѣчанія объ авторѣ Слова и характеристику Игоря, говоритъ о языкѣ и поэтическихъ мотивахъ Слова, изданіяхъ и переводахъ и наконецъ предлагаетъ самый текстъ памятника, переводъ на галицко-русскій языкъ, и массу интересныхъ объясненій на отдѣльныя мѣста Слова. Не смотря на то, что литература Слова громадна, что надъ разъясненіемъ этого памятника работали лучшіе ученые въ Россіи и что г. Огоновскому, писавшему свое изслѣдованіе во Львовѣ, не были извѣстны нѣкоторыя цѣнныя русскія изслѣдованія по этому предмету, трудъ г. Огоновскаго оказался на высотѣ современныхъ научныхъ требованій и внесъ много новаго, любопытнаго и полезнаго.

2) *O przyimkach w językach starosłoweńskim, ruskim i polskim* въ V т. журнала краковской академіи наукъ: «Rozprawy i sprawozdania» 1879 г.—Проф. А. А. Кочубинскій въ своемъ сочиненіи «Итоги славянской и русской филологіи», на стр. 89, такъ отзывается объ этомъ сочиненіи г. Огоновскаго: «Трудолюбивая компиляція по отношенію къ старославянскому языку, съ экскурсіями въ сравнительную грамматику, сработанная главнымъ образомъ по Миклошичу. Вообще, полезный обзоръ предлоговъ въ сказанныхъ трехъ языкахъ, съ ихъ этимологическимъ и синтаксическимъ значеніями».

3) *Studien auf dem Gebiete der ruthenischen Sprache* (Lemberg, 1880.) являются третьимъ крупнымъ по объему и весьма цѣннымъ въ научномъ отношеніи изслѣдованіемъ г. Огоновскаго. Въ началѣ изслѣдованія находятся главнѣйшія историко-литературныя данныя о географической распространенности малорусскаго языка и его нарѣчіяхъ. Затѣмъ слѣдуетъ спеціальное изслѣдованіе о звукахъ, словообразованіи, именахъ, глаголахъ и предлогахъ. Ясность въ изложеніи и систематичность въ группировкѣ филологическихъ фактовъ составляютъ крупныя достоинства г. Огоновскаго, какъ филолога. Для всякаго, приступающаго къ спеціальному изученію малорусскаго языка, «Studien» Огоновскаго могутъ служить аріадниной нитью на извилистыхъ путяхъ филологической науки. Изученіе этого сочиненія принесло бы пользу также малорусскимъ писателямъ, поставивъ на твердую научную почву ихъ практическое знаніе языка, не всегда свободное отъ недоразумѣній и ошибокъ въ частныхъ случаяхъ. «Studien» проф. Огоновскаго тѣмъ болѣе цѣнны, что въ области изученія звуковъ и формъ малорусскаго языка и въ области синтаксиса сдѣлано немного и немногими учеными, Миклошичемъ, Потебней, Житецкимъ, П. Лавровскимъ и Смаль-Стоцкимъ. Многое совсѣмъ не затронуто; такъ, не опредѣлено значеніе церковнославянскаго языка въ южной Руси, нѣтъ историческаго словаря мало-

русскаго языка, не опредѣлены его заимствованія изъ языковъ татарскаго, румынскаго, нѣмецкаго, ни степень его вліянія на языки румынскій и бѣлорусское нарѣчіе, нѣтъ критики литературныхъ памятниковъ, нѣтъ порядочнаго толковаго словаря.

Небольшія историко-литературныя статьи г. О. Огоновскаго разбросаны въ лучшихъ изданіяхъ галицкихъ, въ «Зорѣ» и «Дѣлѣ».

Въ «Зорѣ» прошлаго 1886 года напечатана «Краткая исторія» кіево-галицкой литературы съ древнѣйшихъ временъ по XIX ст. Изъ объявленія редакціи «Зори» объ изданіи журнала на 1887 годъ видно, что въ предстоящемъ году въ «Зорѣ» будетъ напечатана «Исторія русской литературы XIX в.» Эти новые труды проф. Огоновскаго представляютъ первый опытъ систематическаго изложенія южнорусской письменности съ древнихъ временъ до настоящаго времени. Въ краткомъ, но ясномъ и живомъ предисловіи въ 1 № «Зори» авторъ опредѣляетъ общій ходъ развитія южнорусской литературы, отношеніе книжной письменности къ безъискуственной народной поэзіи и раздѣляетъ исторію южнорусской литературы на пять періодовъ: 1) Отъ начала южнорусской литературы, т. е. отъ XI в. до нашествія татаръ (1440). Это славянско-русскій періодъ. 2) Отъ татарскаго нашествія до соединенія южной и западной Руси съ Польшею (1386). Это періодъ упадка литературной жизни на Руси. 3) Отъ соединенія Руси съ Польшей до основанія Петромъ Могилой въ Кіевѣ коллегіи (1632 г.),—періодъ польско-русскій. 4) Отъ основанія коллегіи до Ивана Котляревскаго,—періодъ схоластическій и 5) отъ Ивана Котляревскаго до настоящаго времени,—періодъ народный. Это дѣленіе южнорусской литературы на пять періодовъ нельзя признать вполнѣ удачнымъ. Недоразумѣніе читателя вызываетъ третій періодъ, почему-то называемый авторомъ польско-русскимъ. Появленіе въ этомъ періодѣ «Перестроги» и посланій Іоанна Вишенскаго и выдающееся положеніе въ системѣ народнаго обученія греко-славянскихъ наукъ не оправдываетъ наименованія этого періода русско-польскимъ. Національное самосознаніе южнорусскаго народа въ это время было весьма развито, что выразилось и въ тогдашней литературѣ, и въ этой именно области противоположеніе всего русскаго польскому (въ языкѣ, вѣрованіяхъ и бытѣ) было гораздо сильнѣе, чѣмъ въ схоластическій періодъ южнорусской литературы. Основательнѣе было бы назвать этотъ періодъ греко-русскимъ, по сильному вліянію византійской школы на русскую и по случаю появленія въ южной Руси конца XVI и начала XVII ст. такихъ дѣятелей изъ грековъ, какъ Никифоръ и Ѳеофанъ.

Въ №№ 2—6 «Зори» находится историческій очеркъ русской литературы съ XI до половины XIII ст., о м. Иларіонѣ и Даніилѣ Мнихѣ,

о сборникахъ Святослава, Печерскомъ Патерикѣ, Русской Правдѣ, Поученіи Владиміра Мономаха, Лѣтописи Нестора и Лѣтописи кіевской и наконецъ о Даніилѣ Заточникѣ и Словѣ о Полку Игоревѣ. Для русскихъ ученыхъ эта часть изслѣдованія г. Огоновскаго не представляетъ интереса, какъ краткая компиляція на основаніи обширной русской научной литературы о древне-русской письменности.

Въ №№ 7—8 говорится о южно-русской литературѣ времени татарскаго ига, о м. Кириллѣ, Серапіонѣ и м. Кипріанѣ, затѣмъ о Кормчей, Пчелѣ, Златой цѣпи, апокрифахъ древнихъ списковъ, волыно-галицкой лѣтописи и княжескихъ грамотахъ. Принадлежность м. Кипріана и въ особенности владимірскаго еп. Серапіона южнорусской литературѣ представляется весьма сомнительной.

№№ 8—16 находится сначала общій историческій и литературный обзоръ жизни южнорусскаго народа въ XV, XVI и въ первой половинѣ XVII ст. и затѣмъ статьи о м. Фотіѣ (какъ намъ кажется, напрасно отнесенномъ въ число южнорусскихъ писателей), Григоріѣ Цимблакѣ, Симеонѣ Будномъ, Христофорѣ Бронскомъ, Мелетіи Смотрицкомъ, Иванѣ Вишенскомъ, Кириллѣ Транквилліонѣ-Ставровецкомъ, Захаріи Копыстенскомъ, Лаврентіи Зизаніи и Исаіѣ Копинскомъ. Далѣе слѣдуетъ статья о первыхъ типографахъ, Фіолѣ, Скоринѣ, Ѳедоровѣ и Слезкѣ, и о рукописныхъ переводахъ Библіи. Это одна изъ лучшихъ главъ въ изслѣдованіи г. Огоновскаго, по полнотѣ и фактичности. Также хорошо составлена слѣдующая затѣмъ глава о грамматикахъ, словаряхъ, лѣтописяхъ и законодательныхъ памятникахъ XV и XVI ст. Разсмотрѣніе «польско-русскаго» періода завершается обзоромъ повѣстей и сказокъ: о Соломонѣ и Китоврасѣ, Александрѣ Македонскомъ, Троянской войнѣ, Стефанитѣ и Ихнилатѣ, Индіи богатой, Димитріѣ Басаргѣ, Девгеніи Акритѣ, Синагрипѣ, Варлаамѣ и Іосафѣ. И въ этой главѣ, составленной преимущественно по Пыпину, есть любопытные факты и указанія, напр. указаніе на малорусскій переводъ повѣсти о Варлаамѣ и Іосафѣ XVII ст.

Въ №№ 17—24 находится обзоръ, большею частью компилятивный, южно-русской схоластической литературы XVII и XVIII ст. Сдѣлавъ предварительно общую характеристику южнорусской образованности и литературы XVII в., г. Огоновскій предлагаетъ статьи о Петрѣ Могилѣ, Іоанникіѣ Галятовскомъ, Лазарѣ Барановичѣ, Иннокентіѣ Гизелѣ, Симеонѣ Полоцкомъ и Димитріѣ Тупталѣ Ростовскомъ. Далѣе слѣдуетъ статья о южнорусскихъ мистеріяхъ, интермедіяхъ и вертепной драмѣ, и статья о лѣтописяхъ и хроникахъ Ин. Гизеля, Леонтія Боболинскаго, Самовидца, Григорія Грабянки, Самойла Велички, Лукомскаго, Ханенка, Симоновскаго, Конисскаго и Ригельмана. Эти двѣ

статьи—однѣ изъ лучшихъ по группировкѣ историко-литературныхъ фактовъ. Послѣдняя заключительная или точнѣе сказать переходная глава къ предстоящему изслѣдованію о новой южнорусской литературѣ посвящена Климентію, Зиновію и Гр. Сковородѣ, которые уже отчетливо обнаружили наклонность выйти, по выраженію автора, «на шляхъ широкій, далекій, на шляхъ народнои просвиты».

Вообще «Краткая исторія русской литературы» г. Огоновскаго полезный трудъ, особенно для галичанъ. Ничто такъ не поднимаетъ національнаго самосознанія, какъ знакомство съ литературой и словесностью роднаго народа, выражающихъ идеальныя стремленія лучшихъ людей. Изученіе литературы не только углубляетъ и расширяетъ чувство уваженія къ народу, какъ коллективной нравственной личности, но и обосновываетъ это чувство на твердыхъ разумныхъ основаніяхъ. Соотвѣтственно съ тѣмъ расширяется міросозерцаніе и улучшается моральная сторона интеллигентныхъ индивидуумовъ. Въ итогѣ возникаетъ взаимное пониманіе и нравственная связь между интеллигенціей и народомъ, городомъ и селомъ, паномъ и мужикомъ, жизнь того и другаго начинаетъ улучшаться и облагораживаться, по мѣрѣ ихъ взаимнаго сближенія и общей дѣятельности на поприщѣ цивилизаціи и культуры.

Н. С.

Виленскій календарь на 1887 годъ. Четвертый годъ изданія. Вильна. 1886 г.

Въ замѣткѣ о «Виленскомъ календарѣ» на прошлый годъ, помѣщенной въ «Кіевской Старинѣ» за февраль минувшаго года, мы указали на то, что изданіе «Виленскаго календаря» выдается между многими этого рода изданіями по строго обдуманному плану, сказывающемуся какъ на составѣ общихъ календарныхъ статей и справочныхъ свѣдѣній, такъ и на подборѣ разнаго рода восполнительныхъ статей, имѣющихъ мѣстный интересъ—историческій и современный, религіозный, общественный, экономическій и т. под. Съ удовольствіемъ константируемъ, что этотъ планъ настойчиво и умѣло выдерживается и въ изданіи календаря на текущій 1887 г. Въ самомъ составѣ календарныхъ статей и справочныхъ свѣдѣній общаго свойства примѣчается желаніе редакціи восполнить отдѣлы этихъ статей и свѣдѣній внесеніемъ въ оные такихъ частей, которыми округляется содержаніе ихъ за прежніе годы, такъ что календарь каждаго года удерживаетъ свою относительную пригодность, календарь минувшаго года не утрачиваетъ интереса при календарѣ новаго года и въ свою очередь не ограничиваетъ интереса ново-

годняго календаря перестановкою цифръ въ святцахъ и т. п. Какъ на примѣръ полезнаго восполненія обыкновенныхъ календарныхъ свѣдѣній въ Виленскомъ календарѣ на 1887 г., укажемъ въ частности на статистическій отдѣлъ и здѣсь—на часть его, озаглавленную: «Образованіе въ сѣверо-западномъ краѣ Россіи» (стр. 168—172). И для посторонняго наблюдателя назидательно всматриваться въ цифры, представляемыя статистикою образованія въ сѣверо-западномъ краѣ, дающею видѣть несомнѣнные успѣхи его и возбуждающею пожеланія дальнѣйшаго развитія этой силы, на могуществѣ которой прежде всего покоятся надежды русскаго дѣла въ краѣ. Впрочемъ не останавливаясь на тѣхъ отдѣлахъ и статьяхъ календаря, которые болѣе или менѣе входятъ въ общій составъ всякихъ изданій этого рода, отмѣтимъ помѣщенныя въ Виленскомъ календарѣ на 1887 г. статьи литературнаго характера, представляющія тотъ или другой мѣстный интересъ, во многомъ общій юго-западному краю съ сѣверо-западнымъ.

Въ церковномъ отдѣлѣ, въ видѣ продолженія историческихъ, назидательныхъ чтеній, помѣщенныхъ въ прошлыхъ годахъ, теперь помѣщены свѣденія о чудотворныхъ иконахъ, особенно объ иконахъ мѣстныхъ и вообще всей западно-русской окраины [1]). Помимо общей религіозной назидательности этого рода чтеній, сказанія о мѣстныхъ иконахъ и святыняхъ имѣютъ большое значеніе для исторіи края, въ особенности исторіи церкви, судьбы православія въ борьбѣ съ иновѣріемъ, исторіи отдѣльныхъ мѣстностей, даже лицъ и фамилій, въ немалой также степени и для исторіи народнаго быта, народныхъ преданій и вѣрованій. Безъ сомнѣнія, въ сказаніяхъ о мѣстныхъ иконахъ и святыняхъ всегда было и останется немало легендарнаго, уже потому, что основою этихъ сказаній очень нерѣдко служатъ устные разсказы и преданія. Но это не умаляетъ указаннаго выше интереса этихъ сказаній. Авторъ статьи объ иконахъ не одинъ разъ ссылается на монастырскія или церковныя записки, содержащія эти сказанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, отъ имени редакціи, приглашаетъ приходскихъ священниковъ доставлять ей имѣющіяся на мѣстѣ свѣдѣнія о чудотворныхъ иконахъ, съ тѣмъ, чтобы они основаны были на историческихъ данныхъ и т. д. Полагаемъ, что работа какъ надъ собраніемъ и изданіемъ существующихъ письменныхъ сказаній, уже извѣстныхъ, но неизданныхъ, такъ и надъ отысканіемъ и приведеніемъ въ извѣстность другихъ, была бы полезна и въ смыслѣ разработки матеріаловъ для исторіи края въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ его.

---

[1]) Къ календарю приложены снимки четырехъ иконъ: минской, колошской, билыничской и супрасльской.

Послѣ статьи, представляющей оживленное описаніе отраднѣйшаго событія для края въ минувшемъ году, какимъ было посѣщеніе его ихъ императорскими величествами, государемъ императоромъ и государынею императрицею, съ августѣйшими дѣтьми и прочими особами царствующаго дома, слѣдуютъ въ календарѣ историческіе очерки изъ прошлой судьбы края, какъ-то: 1) *Религіозное состояніе Литвы предъ появленіемъ въ ней іезуитовъ и начало дѣятельности ихъ въ Вильнѣ*, 2) *Историческій очеркъ городскаго населенія въ Западной Россіи* и 3) *Вильна и Виленцы въ 1812 г.* Первыя двѣ статьи дѣльно обработаны въ научномъ отношеніи, съ признаками болѣе самостоятельнаго отношенія къ предмету въ послѣдней статьѣ. Нѣтъ нужды говорить о современной назидательности такихъ историческихъ воспоминаній, какія вызываются обоими очерками. Но по силѣ живой современной назидательности еще болѣе замѣчательна статья: *Вильна и Виленцы 1812 г.* Виленскіе эпизоды этого года давно были разсказаны Кукольникомъ; въ статьѣ «Виленскаго календаря» разсказъ этотъ кое въ чемъ пополненъ. Какъ было бы желательно, что бы эти эпизоды почаще припоминались самими потомками тѣхъ, которые были участниками ихъ въ 1812 году! Съ полнымъ правомъ авторъ статьи: *Вильна и Виленцы 1812 г.* могъ заключить свой разсказъ выраженіемъ такой надежды: «будемъ надѣяться, что тяжкія внушенія историческихъ событій и давняго прошлаго и не столь отдаленнаго времени, не пропадутъ безслѣдно, будемъ чаще приводить себѣ на память это прошлое и заимствовать у него уроки благоразумія, честнаго отношенія къ своей родинѣ, вѣрѣ и Богомъ данному правительству».

Какъ и въ прошломъ году, въ календарѣ помѣщены некрологи скончавшихся въ минувшемъ году лицъ изъ служившихъ въ западномъ краѣ Всѣхъ некрологовъ 14. Не повторимъ того, что было въ прошлый разъ сказано нами о живомъ интересѣ этого рода некрологическихъ очерковъ, интересѣ, возбуждаемомъ особенностями службы, служебнаго и жизненнаго положенія русскихъ людей, проходившихъ все свое жизненное поприще или часть его въ сѣверо-западномъ краѣ. Нѣкоторые изъ некрологовъ представляютъ особенно назидательныя характеристики; начертаны онѣ, какъ видно, лицами, проникнутыми тѣмъ-же духомъ вѣрнаго служенія долгу, который одушевлялъ почившихъ дѣятелей и не изнемогалъ среди постигавшихъ ихъ испытаній, время которыхъ, къ счастію, миновало для продолжателей ихъ трудовъ. Отчетливѣе другихъ составлены некрологи Виноградова, Зюзюкина, Малиновскаго, кн. Оболенскаго, еп. Смарагда, протоіерея Чудовскаго, уч. Шолковича и Юшкевича. Чудовскій, памятный и намъ

еще по Жировицамъ и немалое время по его служенію въ Новогродкѣ, могъ-бы своею личностью и своею дѣятельностью представить, кажется намъ, и болѣе обильный матеріалъ для біографической характеристики, если-бы авторъ не стѣснялся предѣлами очерка въ формѣ некролога.

Въ календарѣ на 1886 годъ помѣщена была статья: „Необходимыя условія для прибыльнаго земледѣлія въ Россіи". Новый опытъ въ томъ-же направленіи представляетъ помѣщенная въ календарѣ 1887 г. статья: «Жизнь растеній, какъ основной источникъ знаній для земледѣлія». Въ предисловіи авторъ статьи превосходно выясняетъ ту простую, но большинствомъ не усматриваемую, сознаваемую лишь немногими истину, что упадокъ земледѣлія, вызывающій общія сѣтованія и жалобы, найболѣе существенную причину имѣетъ именно въ недостаткѣ сельско-хозяйственныхъ научныхъ знаній, въ неумѣньи хозяйничать и отчасти въ жизни не по средствамъ, расточительности. Въ глубокомъ сознаніи этой истины и предприняты авторомъ эти научно-популярныя изложенія по вопросамъ о земледѣліи, имѣющія продолжаться и въ слѣдуюшихъ изданіяхъ календаря. Дай Богъ, чтобы это доброе и разумное слово науки падало не на каменистую почву: впрочемъ капля и камень пробиваетъ!

И. Малышевскій.

Извѣстія и замѣтки

(ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ, ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ И ИСТОРИЧЕСКІЯ)

Гетманская усыпальница.

Ученый изслѣдователь украинской старины никогда бы не пожалѣлъ о потраченномъ времени, если бы вздумалъ посѣтить мѣстечко Сорочинцы полтавской губерніи, миргородскаго уѣзда. Сорочинцы, нѣкогда полковой городъ, сохраняютъ доселѣ остатки земляныхъ валовъ, насыпаныхъ когда-то вокругъ мѣстечка въ цѣляхъ военныхъ, а нынѣ раскапываемыхъ обывателями въ совершенно мирныхъ цѣляхъ. Уцѣлѣвшій валъ съ восточной стороны представляетъ довольно значительную крутизну; на ней храмъ старинной постройки, внизу тихо струится одинъ изъ рукавовъ рѣки Псла, такъ называемый Затонъ, отражая въ своихъ хрустальныхъ водахъ лазуревыя облака Украйны. Съ противоположной стороны Затона, которая представляетъ собою низменность, именуемую Оболонью, церковь и крутые, отвѣсные берега вала очаровательны. Церковь, простой и вмѣстѣ изящной архитектуры, носитъ на себѣ печать далекой старины. При взглядѣ на нее въ душѣ зрителя невольно и незамѣтно возникаетъ цѣлый рядъ воспоминаній о давно минувшихъ временахъ, людяхъ, событіяхъ. Все это было и прошло, пронеслось и исчезло, остался храмъ, нѣмой свидѣтель превратности судьбы, пережившій событія и людей для того, чтобы служить живой связью прошлаго съ настоящимъ, напоминать грядущимъ поколѣніямъ о быломъ ихъ родины, ихъ предковъ.

Это сорочинская Преображенская церковь; построена она бывшимъ полковникомъ миргородскимъ Даніиломъ Павловичемъ Апостоломъ, не задолго до его смерти; въ лѣтописи Самовидца подъ 1734 годомъ читаемъ: «Въ року же наставшемъ 1734, генваря 17 дня, гетманъ и кавалеръ Даніилъ Апостолъ въ Глуховѣ умеръ въ покои, при вѣрности ея императорскому величеству, которого тѣло проважено было до Сорочинецъ и тамъ въ *новосооруженной* отъ него жъ каменной церквѣ погребено архіепископомъ кіевскимъ Рафаиломъ Заборовскимъ, съ церемоніею преизрядною, февруарыя 5 дня». Церковь каменная о пяти главахъ, древняго византійскаго стиля, оштукатурена какъ внутри, такъ и снаружи, при чемъ снаружи по карнизамъ и пилястрамъ отдѣлана множествомъ лѣпныхъ украшеній чрезвычайно оригинальнаго и довольно древняго рисунка; ни фронтоновъ, ни портиковъ, ни колоннъ нѣтъ. На цоколь церковь не поднята вовсе, такъ что уровень ея помоста приходится въ уровень съ землей. Когда смотрите на церковь извнѣ, она представляется зданіемъ весьма значительныхъ размѣровъ, могущимъ вмѣстить большое число молящихся; но когда входите во внутрь ея, васъ поражаетъ какъ незначительность ея объема, такъ и толщина ея стѣнъ и сводовъ. По всему видно, что она предназначалась не для прихода, но для небольшой, именно гетманской, семьи—служить ей при жизни мѣстомъ молитвы, по смерти мѣстомъ вѣчнаго упокоенія. Утративъ давно первое значеніе, церковь сохранила второе, и ее нельзя иначе назвать, какъ «гетманскою усыпальницею».

Церковь о трехъ престолахъ; главный—во имя Преображенія Господня, сѣверный во имя Покрова Пресв. Богородицы и южный—во имя Животворящей Тройцы. Полъ въ церкви желѣзный, изъ кованныхъ квадратныхъ плитъ. Иконостасъ деревянный, рѣзной, покрытый сусальной позолотой; рисунокъ его довольно кудрявый, изображающій вѣтви деревъ и растеній со множествомъ листьевъ и цвѣтовъ. Живопись на иконостасѣ также старая; при этомъ только лики святыхъ и обнаженныя части ихъ рукъ и ногъ писаны масляными красками; все-же остальное на иконахъ, какъ-то: одежды, вѣнцы, сіянія на главахъ святыхъ и прочія части вырѣзныя, лишь отчасти представляющія слабый рельефъ и покрытыя, смотря по вдохновенію мастера, то матовой, то полированной и потому когда-то ярко блиставшей позолотой. Теперь и та и другая позолота

сильно потускнѣла. Позади обоихъ клиросовъ, къ пилонамъ, поддерживающимъ главные своды и главный куполъ, придѣланы особыя мѣста, предназначавшіяся, вѣроятно, для избранныхъ молящихся. Мѣста эти, для 4-хъ, 5-ти человѣкъ каждое, подняты на одну ступеньку выше общаго пола церкви, отгорожены отъ остальнаго пространства покрашенной, массивной рѣшеткой съ дверькой; внутри имѣютъ двѣ лавочки, прикрѣпленныя къ стѣнамъ пилоновъ, а стѣны этихъ послѣднихъ обиты темно-зеленымъ съ черными мелкими цвѣточками сукномъ, начиная отъ пола до вышины роста человѣка. Здѣсь надъ правымъ мѣстомъ на стѣнѣ хранится рѣзное деревянное, раскрашенное въ нѣсколько цвѣтовъ, изображеніе фамильнаго герба гетмана Даніила Апостола, на щитъ котораго, на красной орденской лентѣ, возложенъ крестъ ордена св. Александра Невскаго; въ полѣ щита, въ видѣ полукруга, рельефными буквами славянскаго шрифта, девизъ ордена: «*за труды и отечество*». Далѣе въ церкви около южныхъ дверей, съ боку царскихъ вратъ южнаго престола, стоитъ деревянный крестъ, съ рѣзнымъ рельефнымъ изображеніемъ Распятія Христа въ натуральную величину. Въ стѣнѣ, рядомъ съ правымъ клиросомъ, противъ южнаго престола, вдѣлана бѣлая металлическая доска, на которой вырѣзана надгробная надпись, свидѣтельствующая, что здѣсь гдѣ-то, подъ церковью, или около церкви, похороненъ генералъ-маіоръ Георгій Лесли. Доска двумя продольными чертами раздѣлена на три части, и надпись вырѣзана на нихъ на трехъ языкахъ: налѣво отъ зрителя на польскомъ, по срединѣ на русскомъ и на послѣдней на латинскомъ. Надпись русская написана силлабическими стихами. Подъ текстомъ, слѣва символическое изображеніе, въ срединѣ гербъ, надо полагать, самого Георгія Лесли, справа часовой циферблатъ съ цифрами и стрѣлкой, показывающей цифру VIII, а надъ циферблатомъ латинская надпись: «*ita cursum consumavi*» и славянскій ея переводъ: «*тако теченіе совершихъ*». Русская надпись имѣетъ слѣдующее заглавіе: *Всепресвѣтлѣйшаго императорскаго россійскаго маестату* высокоблагородному и высокопревосходительному генералу майору Георгію Лесли, 11-го дня февраля, при брегу Днѣпровомъ, сильно отъ варваръ аттакованному, безмѣрно израненному и мужественно умершему, въ незабвенную память *Эпитафіонъ* или *гробное надписаніе*.

Слѣдуетъ за тѣмъ самая эпитафія въ объемѣ 44 силлабических стиховъ, въ которыхъ, по общему масштабу, воспѣваются добродѣтели Лесли отца, убитаго въ войну съ Турціею въ 1737 г. и Лесли сына, попавшаго въ плѣнъ при защитѣ отца. Мы опускаемъ эти тяжелые стихи, какъ не дающіе никакого историческаго факта, не заключающіе ни искорки поэзіи.

Въ ризницѣ церковной не много уцѣлѣло предметовъ древности. Особое вниманіе обращаютъ на себя: 1) Фелонь серебрянной парчи, съ серебрянными пуговками на бокахъ; риза эта шита на чрезвычайно плотнаго и высокаго человѣка, почему теперешними и не такъ давно бывшими здѣшними священно-служителями не надѣвается вовсе; 2) Серебрянный вызолоченный напрестольный крестъ 1765 года; 3) Евангеліе въ бархатномъ переплетѣ, обдѣланное въ массивную серебрянную вызолоченную оправу, напечатанное въ 1717 году въ Москвѣ и 4) Типиконъ, печатанный въ 1755 году. Понятно, что все это даръ самаго строителя церкви и членовъ его семьи. Болѣе важный въ историческомъ отношеніи остатокъ древности составляетъ, безъ сомнѣнія, фамильный склепъ гетмана Даніила Апостола, устроенный подъ поломъ въ самой церкви. Это усыпальница собственно гетмана и его семьи; но, какъ утверждаютъ старожилы, здѣсь же хоронили и другихъ, близкихъ имъ или знатныхъ людей. Прежде доступъ въ склепъ постороннимъ лицамъ для осмотра его былъ довольно свободенъ и разрѣшался властью мѣстнаго настоятеля церкви; но это вело къ разнымъ неудобствамъ, а иногда и къ прямымъ злоупотребленіямъ. Отъ слишкомъ частаго открыванія склепа и дѣйствія атмосфернаго воздуха покойники въ гробахъ стали весьма быстро и сильно разлагаться; притомъ любопытствующіе не ограничивались простымъ осмотромъ, а пытались иногда брать «на память» части одеждъ покойниковъ, пуговицы, позументъ, украшавшіе одежды и т. п. Такимъ образомъ историческіе памятники расхищались и пропадали безслѣдно. Все это заставило епархіальное начальство наложить свое *veto*, и доступъ въ склепъ всѣмъ безъ исключенія былъ воспрещенъ. Теперь склепъ открывается лишь въ промежутки времени лѣтъ черезъ 10—15, когда церковный надъ нимъ полъ требуетъ ремонта. Счастливый случай осмотрѣть склепы представился мнѣ въ іюлѣ мѣсяцѣ минувшаго года; по поводу починки пола, вслѣдствіе гнилости балокъ,

въ той именно части, которая закрывала входъ въ гетманскую усыпальницу, склепъ былъ открытъ, и желающіе осматривать оный были свободно допущены туда, а въ числѣ ихъ и я.

Склепъ—каменный, устроенъ подъ поломъ, какъ разъ по серединѣ церкви, подъ большимъ паникадиломъ; онъ имѣетъ форму четырехсторонней камеры со сводчатымъ, въ видѣ арки, потолкомъ, значительно удлиненной въ восточномъ и западномъ направленіи. Внизъ онъ углубляется на десять ступенекъ ниже уровня церковнаго пола, т. е. приблизительно аршина на три или немного меньше. Ступеньки ведущія туда тоже каменныя. Конечно, склепъ можно было осматривать только при помощи плохаго освѣщенія восковыми свѣчами, такъ какъ не только въ немъ, но и въ самой церкви довольно темно. Длина склепа аршинъ восемь, ширина аршина четыре, высота немного выше роста человѣческаго. При входѣ, съ послѣдней ступеньки вы видите по правую и по лѣвую сторону сложенные гробы, именно по два гроба подъ обѣими стѣнами въ рядъ и поверхъ ихъ еще по одному на каждомъ, т. е. всего четыре гроба. Затѣмъ, все остальное пространство впереди, т. е. восточная часть завалена самымъ безпорядочнымъ образомъ всевозможныхъ размѣровъ гробами и ихъ остатками. Здѣсь находятся и дѣтскіе гробы, длиною менѣе аршина, и гробы среднихъ размѣровъ. Вообще все въ склепѣ представляетъ самый хаотическій видъ. Большинство гробовъ совершенно развалились отъ гнилости и представляются въ видѣ гнилыхъ обломковъ съ кой-гдѣ уцѣлѣвшими обрывками обивочной матеріи; сосчитать поэтому число всѣхъ покойниковъ въ склепѣ невозможно; лишь приблизительно можно сказать, что всѣхъ гробовъ въ немъ 15—18 или 20.

Такъ какъ болѣе или менѣе сохранились только первые четыре гроба, стоящіе тотчасъ у входа, то мы и занялись подробнымъ осмотромъ только ихъ однихъ. Гробъ, стоящій направо отъ входа, на полу, хранитъ въ себѣ останки самого гетмана Даніила Апостола. Длиною гробъ около трехъ аршинъ; онъ дубовый на точеныхъ ножкахъ, обитъ чернымъ бархатомъ; крышка его по краямъ обгнила, и обивка на ней сохранилась только кой-гдѣ; но самый гробъ сохранился хорошо, за исключеніемъ его дна, которое въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прогнило. Снаружи, на изголовьи гроба, прибита четырехугольная металлическая дощечка около 5 вершковъ въ

квадратѣ; на ней масляными красками нарисованъ большой кругъ, изображающій часовой циферблатъ съ одной только стрѣлкой, поставленной на цифрѣ V; на правой сторонѣ его написаны римскія цифры, начиная отъ XII до V включительно; на лѣвой-же цифръ нѣтъ, но значится написанное по окружности славянскимъ шрифтомъ слово «*преста*». Въ большомъ кругѣ нарисованъ еще малый кругъ, а въ немъ ландшафтъ, изображающій заходъ солнца, въ видѣ человѣческаго лица, съ сіяющими лучами. Очевидно, что эта надпись и рисунокъ есть аллегорическое изображеніе времени дня, когда послѣдовала кончина гетмана. Когда была приподнята крышка гроба, то взорамъ представился довольно высокаго роста покойникъ, одѣтый въ кафтанъ, достигающій колѣнъ. Мягкія части головы и лица совершенно исчезли, превратившись отчасти въ похожую на сажу пыль, въ изобиліи покрывающую костный скелетъ головы и лица. Кафтанъ изъ парчи, первоначальный цвѣтъ которой, а также рисунокъ ея тканья опредѣлить, конечно, невозможно; все это сильно измѣнилось отъ времени; теперь кафтанъ имѣетъ цвѣтъ зеленовато-грязный, застегнутъ на правой сторонѣ на нѣсколько металлическихъ пуговицъ, имѣющихъ оливкообразную форму и еще кой-гдѣ уцѣлѣвшихъ отъ расхищенія; рукава довольно длинные, съ обшлагами, къ кистямъ рукъ постепенно съуживающіеся. На головѣ изъ такой-же парчи, какъ и кафтанъ, небольшая шапочка, по покрою напоминающая священническую скуфью; отъ времени, а быть можетъ и отъ чрезмѣрнаго усердія къ древностямъ многихъ прежнихъ посѣтителей гетманской усыпальницы отдѣлка шапочки сильно пострадала; замѣтно, что она была украшена узорчатымъ шитьемъ или чѣмъ-либо подобнымъ, что потомъ исчезло. Черезъ лѣвое плечо широкая лента, несомнѣнно орденская. На лѣвой сторонѣ груди на кафтанѣ нашита золотомъ звѣзда ордена св. Александра Невскаго, которымъ покойникъ былъ пожалованъ въ 1731 г.; въ кружкѣ ея девизъ ордена: «*за труды и отечество*». Остальныя принадлежности костюма совершенно разложились; сохранились только на ногахъ кожаные туфли. Мягкія части рукъ и ногъ также совершенно разложились, превратившись въ маркую черную пыль, покрывающую обнажившіяся кости.

Второй гробъ стоитъ сверху сейчасъ описаннаго; обивка его почти совершенно исчезла. Въ немъ покоятся останки какого-то военнаго сановника. Всѣ мягкія части тѣла и здѣсь совершенно разложились и превратились въ черную, пылеобразную, въ видѣ сажи насѣвшую массу. Покойникъ одѣтъ въ короткій мундиръ со стоячимъ высокимъ воротникомъ и расходящимися полами. Воротникъ расшитъ золотымъ шитьемъ, а полы, карманные клапаны на бокахъ полъ и рукавные обшлага обшиты позументомъ, изображающимъ дубовые листья; по бортамъ полъ, на клапанахъ и обшлагахъ металлическія плоскія пуговицы. На рукахъ шелковыя вязанныя перчатки; на ногахъ длинные шелковые чулки и кожаные башмаки. Очень можетъ быть, что это и есть останки того генералъ-маіора Георгія Лесли, о которомъ гласитъ упомянутая выше эпитафія. Третій гробъ, нижній съ лѣвой стороны, обитъ шелковой полосатой матеріей, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поистрепавшейся; гробъ довольно длинный, также на точеныхъ ножкахъ. Заключенные въ немъ останки покойника накрыты кускомъ черной матеріи; изъ одеждъ болѣе или менѣе сохранился только длинный шелковый, чернаго цвѣта, шлафрокъ съ рукавами, а на ногахъ башмаки; покойникъ сильно разложился; за исключеніемъ костнаго скелета, все остальное исчезло. Можно предполагать, что въ этомъ гробѣ похоронена женщина, а шелковая обивка гроба и такой-же шлафрокъ указываютъ, что женщина эта принадлежала къ высшему богатому кругу. Очень можетъ быть, что это прахъ жены гетмана Апостола. Наконецъ, четвертый гробъ, стоящій на верху третьяго, также съ лѣвой стороны у входа, заключаетъ въ себѣ останки и одежды на столько разложившіеся и измѣнившіеся, что болѣе или менѣе ясное представленіе ихъ и описаніе почти невозможны. Гробъ этотъ также сильно обгнилъ. Остальные гроба, развалившіеся и согнившіе, свалены въ безпорядочную кучу щепъ, обломковъ, выпавшихъ ножекъ и массы древесной пыли; заняться осмотромъ ихъ было невозможно, да и самый осмотръ, вѣроятно, не далъ-бы ничего интереснаго. Я оставилъ покойниковъ почивать въ мирѣ и ждать трубнаго гласа...

Александръ Ксензенко.

Каштелянъ брацлавскій, Василій Загоровскій, въ полонѣ у татаръ.

«Родъ Загоровскихъ, пишетъ авторъ статьи: «Мазепа и его прекрасная Елена» [1]), принадлежитъ къ числу старинныхъ южнорусскихъ дворянскихъ родовъ на Волыни... Роду Загоровскихъ принадлежало не малое число селъ и деревень. При большомъ богатствѣ семья пользовалась и знатностью: нѣкоторые изъ членовъ этого рода исполняли важныя государственныя должности, являясь напр. въ качествѣ королевскихъ пословъ при иноземныхъ дворахъ, или занимая выдающіяся должности въ своемъ воеводствѣ. Обезпеченные прекрасно въ матеріальномъ отношеніи, нѣкоторые изъ нихъ испытывали однакоже невзгоды въ семейной жизни. Надъ Загоровскими точно тяготѣлъ какой-то злой рокъ. Особенно извѣстенъ семейными неудачами Василій Загоровскій, брацлавскій каштелянъ и владимірскій городничій, послѣ развода съ первою своею женою, княжною Марушею Збаражскою, женившійся вторично и брошенный также и второю женою, княжною Екатериною Чарторійскою».

Объ этомъ Василіи Загоровскомъ въ актовыхъ книгахъ Центральнаго Архива при университетѣ св. Владиміра (кн. грод. владим., № 939, л. 37—39) мы нашли документъ, въ краткихъ чертахъ воспроизводящій его злосчастную жизнь и, быть можетъ, самый конецъ оной. Дѣло происходитъ въ началѣ послѣдней четверти тревожнаго XVI вѣка.

Богатый и знатный дворянинъ, занимавшій важную должность каштеляна брацлавскаго воеводства, которому жить-бы да поживать, въ довершеніе всѣхъ невзгодъ семейныхъ, попадаетъ въ полонъ къ татарамъ, при отраженіи, надо полагать, одного изъ набѣговъ татарскихъ, такъ частыхъ въ то время. Незадолго предъ этимъ его бросила жена,—первая или вторая, не знаемъ. Имѣнія, дѣти, домъ—все осталось на произволъ случая. Томясь въ неволѣ, испытывая всѣ ужасы заключенія у дикарей, мучась неизвѣстностью собственной судьбы, зависящей отъ произвола хана, его прибли-

---

[1]) См. „Кіев. Стар." 1886 г., ноябрьск. кн., стр. 528.

женныхъ, даже стражи, Загоровскій останавливается на выкупѣ, какъ единственномъ средствѣ отвратить постигшую его бѣду. Онъ предлагаетъ за себя 400 червоныхъ, поступалъ даже 500 и надѣялся, что такая или иная сумма была бы принята. Но гдѣ и какъ добыть ее? Имѣнія его были, какъ видно, въ разстройствѣ и дома въ наличности потребной суммы не было. И вотъ Загоровскій шлетъ письмо къ своему сосѣду и благопріятелю, бѣглецу московскому, князю Андрею Курбскому, прося его дать ему въ займы и прислать въ мѣсто его заключенія 500 червонцевъ. Но что если смерть постигнетъ скорѣе выкупа? Плѣнникъ спокойно ввѣряетъ судьбу свою волѣ Божіей; но его тревожитъ судьба дѣтей, оставленныхъ матерью, гуляющею на волѣ, и онъ поручаетъ ихъ опекѣ и покровительству князя Курбскаго и своего близкаго родственника Яна Бокия, котораго братъ томился съ нимъ въ неволѣ, ближайшее же попеченіе о дѣтяхъ и управленіе домомъ и имѣніемъ ввѣряетъ женѣ брата своего, а ихъ крестной матери, Загоровской, по всей вѣроятности, вдовѣ. Съ особенною заботливостію онъ проситъ ее и опекуновъ позаботиться объ обученіи и воспитаніи его дѣтей и не допускать къ нимъ его жены, а ихъ матери, во избѣжаніе, конечно, дурнаго вліянія; но онъ не только не хочетъ насиловать естественнаго чувства дѣтей, когда они придутъ въ возрастъ, а напротивъ самъ завѣщаетъ имъ оказывать ей, какъ матери, почтеніе и любовь. Прописавъ и еще о какихъ-то, вѣроятно, имущественныхъ дѣлахъ своихъ съ войтомъ владимірскимъ, извѣстныхъ кн. Курбскому и вообще высказавъ всѣ свои желанія и распоряженія какъ-бы въ предсмертный часъ, Загоровскій даетъ всему письму своему видъ и значеніе духовнаго завѣщанія и проситъ князя въ этомъ смыслѣ вписать оное въ книги гродскія владимірскія, въ замѣнъ же печати, которой у него не оказалось, присовокупляетъ подпись своего соузника Ѳедора Бокия.

Письмо дышетъ тѣмъ трогательнымъ тономъ и чувствомъ, которые такъ естественны въ положеніи человѣка, утратившаго все, что дорого было ему въ жизни и самую свободу и въ вопросѣ о ней, какъ и о самой жизни борющагося между надеждою и отчаяніемъ. Въ письмѣ отразились черты времени и вся трагическая судьба его автора; тутъ въ завиткѣ цѣлая драма, которая можетъ

быть восполнена другими, столь же случайно попадающимися документами.

Вѣроятно, внесеніе частнаго письма въ гродскія книги, въ качествѣ духовнаго завѣщанія, встрѣчало какія либо формальныя препятствія, для устраненія которыхъ кн. Курбскій прибѣгъ къ посредничеству всесильнаго тогда князя Константина Острожскаго, старосты владимірскаго. По письму послѣдняго къ владимірскому подстаростѣ Краевскому и было вписано въ гродскія владимірскія книги письмо Загоровскаго, котораго текстъ приводимъ здѣсь.

Лѣта по нароженю Исуса Хрыста, Сына Божого, тисеча пятьсотъ семдесятъ семого, месеца априля, двадцать второго дня.

Приездилъ на врядъ кгродскій, въ замокъ господаръскій володимеръскій, до мене Станислава Кграевского, столника подляского, подстаростего володимерского, его милость князь Андрей Михаиловичъ Курпскии ярославскии, зъ листомъ его велможное милости, князя Костентина Острозского, воеводы киевского, маршалка земли волынское, старосты володимерского, до мене писанымъ, и съ копеею зъ листу его милости пана Василя Загоровскаго, кашталяна браславского, маршалка его королевское милости, городничого володимерского, до его милости писаного, подъ печатю княжати, его милости, для записаня до книгъ, до мене писаного, и просилъ мене его милость князь Курпскии, абымъ я, ведлугъ писаня листу княжати его милости, тую копею въ книги кгродские записати казалъ. А такъ я тое копеи огледевши и достаточне ее вычитавши, слово отъ слова въ книги кгродские вписати велелъ, которая такъ ся въ собе маетъ.

Копея зъ листу пана Загоровского властною рукою писана.

«Милостивый государъ, княжо Андрей Курпскии!

Убогии вязень всего доброго вашмости, въ милосердью Бозскомъ, властне яко пану и добродею своему, уживати зычу.—Тотъ упадъ мой въ руки людей царевича его милости кримского, а меновите князя Девлея мурзы, до которого-мъ пришолъ зъ ласки Божское, справедливымъ судомъ Его светымъ за грехи мое на службе Речи Посполитое, вязнемъ въ руки; мамъ за то, ижъ до сего часу у его ми-

лости не есть тайно; толко ижъ о то идетъ, абы человекъ бедный хотя и въ убогомъ жилищу, толко бы въ прирожоной волности кости свои озле гробовъ родителей своихъ въ гробъ за часомъ воли Бозское погребъ. Про то покорне, а унижене вашмости, моему милостивому пану, чоломъ бью, утри мое слезы крывавые, а въ томъ упаде моемъ стань мнѣ милостивымъ отцомъ и добродеемъ. Хотя жъ еще окупу за мене не менятъ, але до цара его милости откладаютъ: ведже уже я чоломъ билъ, абы отъ мене, яко человека убогого, чотыреста золотыхъ чирвоныхъ взяли, а на остатокъ и пятсотъ поступовалемъ; про то вашей милости, моего милостиваго пана и добродея, покорне, а унижене прошу: часу тое моее пригоды, покажи хрестиянскую любовъ надо мною, а золотыхъ пятсотъ червоныхъ, ослобожуючи мене съ тое тяжкое неволи, позычити мне пожалуй, которые, скоро ме Богъ милостивый съ тое неволи вызволитъ, шлюбую и обецую цнотливымъ словомъ моимъ, съ покорнымъ, а униженымъ подякованемъ, вашей милости отдати и вечне заслуговати, а особливе Богъ милостивый то вашей милости будетъ платити. А если пакъ се зде душу мою Богъ съ тѣла моего озметъ, тогды, яко ми ся вашмость обецалъ и руку на томъ далъ, ижъ сполечне съ паномъ Яномъ Бокиемъ детки и убогий домокъ мой въ опеце и обороне своей до летъ ихъ держати, а потомъ гды сподобитъ ихъ Богъ летъ годныхъ науце дойти, на науку ихъ дать: тогды, якъ и теперь, тымъ писанемъ властное руки моей вашихъ милостей дву, то есть особу вашмости и пана Яна Бокия, брата моего, опекунами и оборонцами деткамъ и убогой маетносце моей обираю и прикладаю подъ тымъ способомъ, абы детки мои, до болшихъ летъ ихъ, ее милость, пани Александровая Загоровская, яко матка ихъ хрыщоная, въ дому моемъ выховывала и сама домомъ моимъ, убогою маетносткою редила, а кгды летъ таковыхъ, науце годныхъ, дойдутъ, же бы ихъ ку вашмости на науку дала и што заплаты научителемъ приходити будетъ, же бы позбираючи платила, а рады вашмости во всемъ держала, и тотъ долгъ пятьсотъ червоныхъ золотыхъ, або въ нихъ часть именечка моего, што бы за то стояло, вашмости въ тыхъ пенезехъ пяти сотъ чирвоныхъ золотыхъ въ заплате за то дала, а отъ всѣхъ кривдъ, которые бы ся отъ кого колвекъ деяли, чоломъ бью, рачъ милостивую оборону

деткамъ и убозству моему делати. Звлаща еслибы войтъ володимерскій зъ войтовства, которое, безъ певного зо мною постановеня и дубникъ, не можетъ кгвалтомъ отнимать, тогды, где бы кгвалтовне съ того выбилъ, прошу, абы урядовне противко нему вашмость поступили, а до книгъ замковыхъ то записавши и вознымъ обведши, правомъ противо нему, яко и я самъ, попирати рачъ, бо съ книгъ листъ судовый у писара кгродского, што зо мною право доконченe взялъ, роскажещъ вашмость подъ печатью урядовою взять: ведьже я и милосердье вделати близокъ, толко бы листы таковые, яко обецалъ, мне отъ него дошли. Жена тежъ моя, которая, отъ мене, мужа своего, и отъ детокъ нашихъ отъ часу немалого отъехавши, по своей воли живетъ, а присязе своей досыть не чинитъ, тая абы и теперь въ дому моемъ убогомъ до детокъ моихъ нехай не бывала бы: ведже кгды дастъ Богъ летъ они зъуполнихъ доростутъ, нехай ее, яко матку свою, водлугъ повинности своее, честуютъ и ей услугуютъ: але поколь лѣтъ еще мети не будутъ, кгды жъ мною и ими взгордила, нехай въ домъ мой къ нимъ, а ни до найменшое убогое маетностки моее ничого не маетъ. А тые золотые, кгды будетъ воля вашмости до тое потребы моее, а праве горачое и слезное, не боронити, толко рачъ ихъ вашмости на руки пану Бокию дати, до которогомъ писалъ, абы съ тымъ окупомъ, который за брата своего пана Ѳедора Бокия способитъ, и тие пятъ сотъ золотыхъ, черезъ слугу моего Марка при якомъ купцу, до Криму, або где царъ будетъ, послали.—За тымъ поручамъ се милостивой ластце вашмости, чоломъ бью и повторе слезне чоломъ бью, не опускай же мя въ той моей тяжкой неволи, а стань ми отцомъ и добродеемъ, бо ширенъ ку вамъ писать не могу, часу столко, яко то бидному вязню, не стало, толко чоломъ бью повторе и потрете, для Бога, для Бога змилуйтеся надо мною, своимъ слугою.

Данъ на полю, недалеко Пыкова, въ недѣлю четвертую, вступивши въ постъ велики, року семдесятъ семого. И тотъ листъ и поручене мое за властный кгрунтовный тестаментъ вамъ у себе ховати, а на уряде велѣти записати рачъ: бомъ ачъ печати, будучи въ неволи, не мелъ, алемъ его всего самъ моею рукою писалъ, до которого на свядецство и панъ Ѳедоръ Бокий и свою руку подписалъ.

Слуга вашмости поволне Василей Загоровскій властною рукою. Өедоръ Бокии Печихвостскіи рукою властною».

Сообщ. **А. А. Өедотовъ-Чеховскій.**

Къ родословной Полуботковъ.

Черниговской губерніи, глуховскаго уѣзда, въ с. Ховзовкѣ, въ приходской церкви есть и теперъ синодикъ, писанный въ 1776 году и хранящій въ себѣ имена славнаго нѣкогда въ Малороссіи рода Полуботковъ, отрасли котораго существуютъ доселѣ. Появленіе здѣсь помянника Полуботковъ, а быть можетъ и самое сохраненіе его въ теченіе столь долгаго времени, объясняется тѣмъ, что при ховзовской церкви было нѣсколько священниковъ изъ фамиліи Кирницкихъ, или Кирнѣцкихъ, родоначальникъ которыхъ Василій состоялъ на службѣ при Василіѣ Полуботкѣ, полковникѣ переяславскомъ; онъ-то, въ благодарность за какія либо благодѣянія, самъ, или чрезъ сына, и завелъ синодикъ его для всегдашняго поминовенія. Синодикъ начинается замѣткой объ этомъ Полуботкѣ и служившемъ при немъ Кирницкомъ:

«Полуботокъ, при коемъ Кирнѣцкой отъ 747 по 768 июня 29-е находился въ первыхъ дѣлахъ».

Замѣтка эта сдѣлана рукою сына или внука упомянутаго Кирницкаго и глухо указываетъ на поводъ и время учрежденія поминовенія. За симъ, послѣ словъ: *Помяни Господи*, вписаны слѣд. имена рода Полуботковъ:

Леонтія, Павла, Андрея, Маріи, Василія, Катерины, Софіи, Анны, Александра (бригадиръ коробовскій), Парасковіи (жена его коробовскаго, а сестра Василіева [1]), была прежде за Лѣсевицкимъ), Иоанна Миклашевскаго (за коимъ была Софія), Димитрія [4]) (за коимъ была Анна).

Кромѣ сдѣланныхъ уже здѣсь вставокъ и поясненій, составитель помянника сдѣлалъ еще слѣд. дальнѣйшія поясненія:

---

1) Т. е. Василія Полуботка.

2) Дочь его же.

3) Другая дочь его же.

4) Изъ слѣдующей за этимъ именемъ фамиліи первой буквы разобрать не возможно, а за тѣмъ читается: *асковъ*.

Леонтій, полковникъ переясловскій, Павелъ полковникъ чернѣговскій и вице-гетманъ, Андрей, бунчуковый товарищъ, Василій, праправнукъ Леонтіевъ, полковникъ, имѣлъ двѣ жены: Катерину, генерала Владимира Васильевича Изьмайлова дочь, съ нею жилъ 22 года, имѣвъ 2 сына и 2 дочери, почитая мертво родившіе, умерла бездѣтна [1]), другую Марву Матвѣеву, дочь полковника Куликовскаго, и съ ней полтора года живъ, 768 года иуня 29 дня (умре); осталась жена бездѣтна.

Очевидно, составитель помянника былъ близокъ къ Полуботкамъ и интересовался ихъ родомъ не ради одного молитвеннаго поминовенія, а потому и сообщаемыя имъ о семъ родѣ свѣдѣнія можно считать достовѣрными.

Изъ другихъ помѣтокъ на томъ же синодикѣ видимъ, что Кирнѣцкій Михаилъ былъ священникомъ ховзовской церкви, что прежняя церковь сгорѣла, но въ 1776 году уже была готова новая, существующая доселѣ, что послѣ Михаила Кирнѣцкаго былъ Іоаннъ Верещинскій; но въ 1772 г. былъ «произведенъ во иерея» сынъ Михаила Андрей Кирнѣцкій; Іоаннъ же «началъ жить у монастырѣ Петропавловскомъ» ($1^1/_2$ вер. отъ с. Ховзовки).

Д. Онацкій.

Вниманію археологовъ.

Верстахъ въ четырехъ отъ большой дороги, идущей изъ Глухова въ Путивль, расположено небольшое с. Ховзовка, глуховскаго уѣзда, на лѣвомъ берегу Клевени, которая здѣсь служитъ границей между курской и черниговской губерніями. Приблизительно въ полуверстѣ къ с.-з. отъ Ховзовки въ Петропавловскій монастырь, находится давно забытое, никому невѣдомое «Городище», извѣстное и у мѣстныхъ жителей подъ этимъ именно названіемъ. Говорятъ, что на этомъ мѣстѣ, Богъ вѣсть когда, былъ укрѣпленный городъ. Ничего нѣтъ невѣроятнаго въ томъ, что это слѣдъ одного изъ тѣхъ древнеславянскихъ укрѣпленій, остатки которыхъ сохранились до нашего времени въ Приднѣпровьѣ подъ именемъ «городищъ». Не мѣшало бы археологамъ заглянуть сюда и покопаться.

---

[1]) Послѣдняя, малопонятная фраза, по всей вѣроятности, поставлена не на мѣстѣ и относится ко второй женѣ Маврѣ.

Что нибудь да нашли бы здѣсь. Вѣдь это и путь и мѣстность вполнѣ историческія.

«Городище» тянется отъ запада къ востоку приблизительно на 250 шаговъ, въ видѣ довольно высокаго съ двумя уступами вала, примыкающаго съ западной стороны къ широкому, ровному полю, еще очень недавно представлявшему роскошные лѣса съ могучими вѣковыми дубами. На восточной своей оконечности валъ спускается чрезвычайно крутою стѣною къ лѣвому берегу Клевени. Повышеніе его идетъ постепенно въ направленіи къ западу, гдѣ валъ заканчивается чрезвычайно высокой могилой, задняя стѣна которой опускается въ когда-то существовавшій очень широкій и глубокій ровъ. Вдоль всего вала, въ томъ же направленіи, идетъ сначала одинъ, а потомъ два ряда углубленій, сближающихся между собою; на самой же могилѣ въ юго-западной ея части находится небольшое отверстіе, какъ лисья нора. Говорятъ, что года 3—4 тому назадъ отверстіе это было настолько большое, что чрезъ него можно было человѣку пройти въ могилу, а теперь и головы туда просунуть нельзя. Тщетно небольшое деревцо, выросшее какъ разъ надъ отверстіемъ, съ нѣжностью матери распростираетъ свои молодыя вѣтви, чтобы закрыть его отъ злой непогоды: непогода беретъ свое и забиваетъ отверстіе... Говорятъ, что ховзовское крестьянское общество приступило было къ раскопкѣ могилы; но потомъ... дѣло какъ-то разстроилось.

Въ населеніи тѣхъ мѣстъ сохранилось слѣдующее преданіе.

Въ могилѣ хранится дорогой кладъ, когда и кѣмъ зарытъ— лишь Богъ про то вѣдаетъ, а что есть тамъ кладъ, такъ это вѣрно. Охотника лишь нѣтъ, чтобы достать его. А достать его можно только на первый день Христова Воскресенья, когда крещеный людъ съ краснымъ яичкомъ спѣшитъ въ храмъ Божій къ святой заутрени. Былъ одинъ смѣльчакъ когда-то, давно, не за нашей памяти,—дьячекъ одинъ, да нѣтъ! не судилось видно. Только зазвонили къ заутрени, онъ и пошелъ къ отверстію... вздрогнуло тѣло, да дѣлать нечего! Вошелъ въ могилу—темно и страшно... Подходитъ къ двери, а она сама собой растворяется. Подходитъ къ другой, третьей... и всѣ такъ же. Наконецъ растворилась послѣдняя дверь (по счету двѣнадцатая), и какія груды серебра, золота и иныхъ каменьевъ блеснули разомъ въ глазахъ дьячка! Но тутъ... о

ужасъ!.. глядитъ, какъ разъ у тѣхъ грудъ на толстыхъ цѣпяхъ сидятъ двое чертей съ хвостами и стерегутъ заклятое добро. «Голову давай!» съ страшнымъ гуломъ отдалось подъ сводомъ могилы, когда дьякъ сдѣлалъ шагъ, чтобъ денегъ набрать. Отъ страха дьякъ не помнитъ, какъ онъ бросился вонъ бѣжать; только слышалъ, какъ быстро захлопывалась дверь, чрезъ которую онъ пробѣгалъ. Счастливъ еще онъ, что не затворило его тамъ; только послѣдняя дверь полу одну притворила—такъ и отнесло всю полу... «Въ рукахъ былъ кладъ, да взять не умѣлъ, прибавляютъ разсказчики; съ старыми людьми нужно было посовѣтоваться. Когда черти стали говоритъ: «давай голову!»—ну и бросилъ бы имъ хоть куриную головку,—правъ бы вышелъ».

Д. Онацкій.

Два акта для исторіи „руины" правобережной Украйны. 1672—1682 г.г.

Предлагаемые два акта, списанные съ подлинниковъ [1]), дополняютъ исторію запустѣнія Малороссіи праваго берега Днѣпра, разсказанную Костомаровымъ въ его «Руинѣ».

I.

Петро Дорошенко гетманъ зъ войскомъ запорозкимъ. Пану полковникови черкаскому, сотникомъ, атаманомъ городовымъ и всему старшому и меншому товариству, войтомъ и всѣмъ посполитимъ людемъ, такъ въ мѣстѣ Черкасехъ, яко и по иншихъ того полку местахъ мешкаючымъ, доброго здоровя и щасливого поводженя отъ Господа Бога мѣти зычимъ.

Южъ насъ повторе вѣдати доходитъ, же прочане частокротъ пересмыкаются зъ сего боку на тамъ тую сторону. Яко теды въ першомъ нашомъ унѣверсалѣ послалисмо о томъ заказъ войсковый, такъ и теперъ знову сурово приказуемъ, же бысте на всѣхъ шляхахъ, въ полку своемъ найдуючыхся, уставичную мѣючи сторожу,

---

[1]) Первый актъ изъ собранія А. С. Лашкевича, а второй -В. В. Тарновскаго.

жадного живого духа, опрочъ купцовъ, на тамтую сторону прочанъ не пускали; а мѣли бы надъ заказъ нашъ силоватися, теды маетки и всю худобу у таковыхъ отбирати, самихъ засъ до вязеня брати позволяемъ и росказуемъ. А если бы, за нечулостю старшыхъ, мѣли бы переходити отъ того часу прочане, теды таковыхъ старшыхъ и меншыхъ, хто не будетъ пилно сего росказу нашого пилновати, не толко на маеткахъ, але и на здоровю карати кажемъ суду войсковому. Що все иначей абы не было, повторе, подъ неласкою войсковою, приказуемъ.

Затымъ поручаемъ Господу Богу и звыклую нашу вамъ засылаемъ зычливость. Зъ Чегирина, 27 февруарія, року 1672.

Петъро Дорошенко гетманъ рука власная. (М. П.)

II.

Іо Дука, зъ ласки Божей господаръ земель молдавскихъ и земель украинскихъ.

Всѣмъ вобецъ і каждому зособна, кому о томъ вѣдать будетъ належне потреба, меновите всякого стану и кондиціи людемъ, живучимъ при святой обители Лебединской (ознаймуемъ), ижъ поглядаючи господарство мое на хвѣючоеся (шаткое) здання ваше, же и въ недавномъ часѣ роспустними руками допустилисте законниковъ Божиихъ брати зъ-межи васъ и зъ панства нашего украинского достоенства найяснейшого цесара, его милости, въ заграничное панство провадить: прето тимъ нашимъ универсаломъ васъ упевняемъ, абисте нѣ въ чомъ наймнѣй не вонтпили, а нѣ къ кому иншому склонятися мѣли, кромѣ щикгулной прихилности ку намъ и защиту нашому, при спокойномъ помѣшканю, о которое горливе стараемся и учинилемъ и волности стародавніе уконфѣрмовалемъ, такъ ижъ кримскіе, ногайскіе, бѣлогородскіе и тигинскіе (sic) орди и иншіе заграничніе, пріятелскіе и непріятелскіе, войска на Украину и ногою не постанутъ. Слушне упевнивши васъ, и повторе документомъ тимъ при той святой обители на слободу взиваемъ на лѣтъ пять заживати вшелякихъ волностей, помножати собѣ вшелякихъ достатковъ гандлемъ, якимъ хто зхочетъ, сиченнямъ медовъ, вареннямъ пивъ, куреннямъ горѣлокъ и паханнямъ поля, хто чимъ звикъ, при зуполной волности. Для тимъ далшого валіору руку мою власную

подписавши, печать притиснути росказалемъ. Данъ въ Церекуновцѣ 1 іюля, 1682.

Іо Дука. (М. П.),

На оборотъ: «унѣверсалъ Іо Дука, господара земель молдавскихъ и украинскихъ, позволяючий людемъ слободу на пять лѣтъ, при монастырю Лебединскому селячимся, данний року 1682».

Собщ. **Ал. Лазаревскій.**

Еще о портретѣ И. С. Мазепы.

(Изъ письма въ редакцію).

Въ январьской книжкѣ «Кіевской Старины» на нынѣшній годъ (стр. 188—191) помѣщена замѣтка о портретахъ Мазепы, по поводу найденнаго на стѣнѣ великой церкви кіево-печерской лавры, снимокъ съ котораго приложенъ къ помянутой книжкѣ «Кіевской Старины».

При чтеніи этой замѣтки мнѣ припомнилось, что какое-то свѣдѣніе о портретѣ Мазепы есть въ старыхъ моихъ бумагахъ, а мнѣ теперь 75 лѣтъ.

На дняхъ, перебирая запыленные мои шпаргалы давно прошедшаго времени, я нашелъ между ними клочекъ бумаги, касающійся портрета Мазепы, находившагося въ кіево-братскомъ монастырѣ и уничтоженнаго митрополитомъ кіевскимъ Самуиломъ Миславскимъ. Это коротенькій разсказецъ о портретѣ Мазепы извѣстнаго въ свое время любителя и знатока старины, Максима Ѳедоровича Берлинскаго, переданный одному изъ моихъ соучениковъ по гимназіи въ 1829 году. Въ то давно прошедшее время я былъ ученикомъ кіевской гимназіи, а М. Ѳ. Берлинскій преподавалъ естественныя науки: минералогію, ботанику и зоологію. Какъ извѣстно М. Ѳ. Берлинскій издалъ въ 1820 году описаніе Кіева и былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ тогдашнимъ ученымъ кіевскимъ митрополитомъ Евгеніемъ.

Въ упомянутой выше замѣткѣ «Кіевской Старины» сказано: «есть серія портретовъ такъ называемаго польскаго источника, на которыхъ Мазепа изображенъ человѣкомъ весьма преклонныхъ лѣтъ (а онъ умеръ 64—69 л.) съ клинообразною, сѣдою, раздвоенною

бородою (а гетманы и козаки носили только усы)». По свидѣтельству Берлинскаго, на бывшемъ на стѣнѣ кіево-братскаго монастыря портретѣ Мазепа изображенъ также съ бородою.

Какъ-бы то ни было; но забытый съ 1829 года листокъ посылаю при семъ въ редакцію «Кіевской Старины», на тотъ конецъ, не пригодится-ли онъ почему либо редакціи. Это записка, писанная ко мнѣ въ 1829 г. А. Я. Р.

Андрей Цимбалистовъ.

Вотъ отъ слова до слова текстъ этой записки.

«Я сейчасъ спрашивалъ у Максима Ѳедоровича о портретѣ Мазепы; но по нещастію митрополитъ Самуилъ лишилъ насъ удовольствія видѣть его. Максимъ Ѳедоровичъ разсказывалъ мнѣ вотъ какимъ образомъ «что онъ былъ нарисованъ въ Братскомъ монастырѣ возлѣ дверей; по словамъ прежнихъ стариковъ, былъ онъ схоженъ (sic) съ Гетманомъ очень, съ бородою и усами сѣдыми, съ густыми и большими бровями, въ зеленой шинели съ небольшимъ воротникомъ, и собою былъ очень прекрасенъ. Митрополитъ Самуилъ, пріѣхавши въ Кіевъ, велѣлъ сей портретъ разбить въ прахъ; но въ Исторіи Бантышъ-Каменскаго нарочно сдѣланъ для презрѣнія такимъ дурнымъ и безъ бороды *(Слѣдуютъ тщательно замаранныя два-три слова)*. Братскій монастырь, также Никольскій и колокольню Софійскую онъ выстроилъ.—Максимъ Ѳедоровичъ обѣщалъ мнѣ дать свои записки о Малороссіи».

Записка писана на лоскуткѣ, составляющемъ 16-ю долю листа обыкновенной писчей бумаги, когда-то бѣлой, теперь совершенно пожелтѣвшей. Счастливой случайности, которая сберегла отъ утраты этотъ лоскутокъ, и любезному сообщенію почтеннаго старца г. Цимбалистова мы обязаны свѣдѣніемъ, которое безъ сего погибло бы, какъ и доселѣ оставалось въ совершенной неизвѣстности, именно, что въ Кіевѣ, въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія, существовалъ, кромѣ написаннаго на стѣнѣ великой лаврской церкви, другой еще портретъ гетмана Мазепы, въ большой церкви братскаго монастыря, тѣмъ же Мазепою сооруженной. Особенность этого свѣдѣнія та, что въ противуположность лаврскому портрету Мазепа изображенъ былъ здѣсь старцемъ, съ бородою, а не одними усами. Зеленая шинель съ собольимъ воротникомъ—это таже эпанча, что и на лаврскомъ изображеніи. Братскій портретъ, полагать надо, написанъ былъ также на стѣнной штукатуркѣ и къ ней-то конечно

относится выраженіе записки: «велѣлъ сей портретъ *разбить въ прахъ*», совсѣмъ неприложимое къ портрету, писанному на холстѣ и только висѣвшему на стѣнѣ. Митрополитъ Самуилъ, «лишившій насъ, говоря словами записки, удовольствія видѣть этотъ портретъ», будучи уроженцемъ Кіева и воспитанникомъ кіевской академіи, многіе годы служилъ на сѣверѣ Россіи и когда подъ конецъ прибылъ на каѳедру кіевской митрополіи, то былъ пораженъ тѣмъ, что даже профессора академіи не могли говорить правильно и съ соблюденіемъ надлежащаго акцента по русски. Съ жаромъ онъ принялся руссифировать и вообще реформировать устарѣвшую академію. Не мудрено, что въ такомъ настроеніи онъ не придалъ значенія историческому памятнику и уничтожилъ оный навсегда; притомъ въ его время, во всей силѣ своего феноменальнаго голоса, анаѳемствовалъ Мазепу знаменитый кіевскій протодіаконъ Заградскій, по разсказамъ старожиловъ, приведшій въ испугъ своею гортанью Великую Екатерину, а при митр. Евгеніѣ глубокимъ старцемъ садившійся на ступенькахъ амвона, когда владыка садился на свою каѳедру. Разсказъ о братскомъ портретѣ Мазепы Берлинскій могъ слышать отъ очевидцевъ и въ этомъ отношеніи свидѣтельство записки едва ли можетъ подлежать какому-либо сомнѣнію. Иное дѣло ея выраженія о сходствѣ портрета съ самимъ Мазепою и что этотъ послѣдній «собою былъ очень прекрасенъ»; этой части преданія, очень удаленнаго отъ времени Мазепы, нельзя придавать значенія, а прибавка о портретѣ Мазепы въ Исторіи Б.-Каменскаго совсѣмъ не заслуживаетъ опроверженія и можетъ считаться лишь выраженіемъ сожалѣнія о портретѣ безвозвратно погибшемъ.

Ред.

Справка о Г. Н. Тепловѣ.

Въ предъидущей книгѣ «Кіев. Старины» г. Барсуковъ напечаталъ документы, представляющіе интересную параллель. Это—записка Теплова о своей службѣ и свѣдѣнія о томъ же предметѣ изъ архива департамента герольдіи. Вымѣтки изъ дѣлъ герольдіи на каждомъ шагу противорѣчатъ словамъ Теплова, желающаго какъ можно преувеличить давность своихъ служебныхъ заслугъ. Записка составлена Тепловымъ на склонѣ лѣтъ и подтверждаетъ какъ нельзя

болѣе отзывъ о немъ Безбородка: «Тепловъ исчезаетъ отъ лѣтъ и болѣзней, но лжетъ еще больше на старости» [1]).

Съ развязной уклончивостью Тепловъ обходитъ вопросъ о своемъ происхожденіи, забываетъ упомянуть о годѣ рожденія и начинаетъ свою исторію прямо съ шестнадцатилѣтняго возраста. Отдѣльной біографіи ментора Разумовскаго еще нѣтъ; но имя его мелькаетъ чуть не на каждой страницѣ исторіи средины прошлаго вѣка. Записки современниковъ, преданія и разрозненныя замѣтки гласятъ слѣдующее: Григорій Тепловъ, родившійся 1720 г., былъ сынъ жены истопника въ псковскомъ архіерейскомъ домѣ и воспитанникъ Ѳеофана Прокоповича. Такъ какъ у него не было фамиліи, то Прокоповичъ изобрѣлъ ему таковую, съ намекомъ на общественное положеніе матери [2]). Первоначальное образованіе онъ получилъ въ школѣ, учрежденной Ѳеофаномъ при Александро-Невской лаврѣ, а потомъ долгое время, но еще въ отрочествѣ, учился за границей. Шестнадцати лѣтъ онъ пристроился уже къ академіи наукъ, хотя переводчикомъ сталъ только въ 1740, а не въ 1736, какъ увѣряетъ въ своей запискѣ.

Въ вѣкъ Екатерины II въ ходу были въ высшемъ кругу такъ называемые сатирическіе каталоги. Составлялась роспись книгъ дѣйствительно существующихъ или вымышленныхъ. Заглавія ихъ заключали указанія на особенность или смѣшную сторону лица, выставляемаго авторомъ. Одинъ изъ такихъ каталоговъ, вышедшій изъ придворныхъ сферъ, напечаталъ когда то М. Лонгиновъ [3]). Въ этой росписи досталось порядкомъ всѣмъ. Кириллу Разумовскому приписана была книга Мирабо «L'ami des hommes» (брошюра трактующая объ умноженіи народонаселенія), такъ какъ у гетмана за одиннадцать лѣтъ родилось десять человѣкъ дѣтей. Тепловъ выставленъ сочинителемъ книги «Le je ne sais quoi»... (не знаю что...), съ намекомъ, конечно, на его таинственное происхожденіе. «Теплова, коментируетъ г. Лонгиновъ, считали то сыномъ Ѳеофана Прокоповича, то какого-то истопника».

---

[1]) „Кн. Безбородко" Григоровича, стр. 253.

[2]) Бантышъ-Каменскій, „Словарь достопам. людей", т. V, стр. 133; Helbig, „Russiche Günstlinge", стр. 313; Васильчиковъ, „Семейство Разумовскихъ", т. I, стр. 15.

[3]) Русск. Архивъ 1871 г., № 8.

Похожденія его отъ молодыхъ лѣтъ поразительны, и поразительна также ловкость, съ какою онъ выходилъ изъ самыхъ трудныхъ положеній. Честолюбіе толкало его во всѣ рискованныя предпріятія, но всегда во время, съ самоувѣреннымъ нахальствомъ, онъ успѣвалъ стать на ту сторону, куда клонился успѣхъ. Шестнадцати лѣтъ онъ былъ уже запутанъ въ дѣлѣ Волынскаго. На допросѣ въ тайной канцеляріи, въ цѣпяхъ, онъ смѣло утверждалъ, что разрисовалъ только пресловутое генеалогическое древо въ домѣ Волынскаго, ничего не зная о цѣли рисунка. Самообладаніе спасло его. Гельбигъ приписываетъ ему главную инціативу въ дѣлѣ Мировича. По свидѣтельству нѣмецкаго мемуариста, въ искуственно произведенной смутѣ, трагически кончившейся, Мировичъ будто бы игралъ только исполнительную роль. Онъ увѣренъ былъ въ своей безопасности и, такъ какъ его не разувѣряли до послѣдней минуты, онъ улыбаясь шелъ и на казнь [1]).

Періодъ могущества Теплова начинается съ временемъ возвышенія Разумовскихъ. Войдя въ довѣріе Алексѣя Разумовскаго, онъ выбранъ былъ имъ воспитателемъ для младшаго брата и сопровождалъ будущаго гетмана за границу. Пробывши два года въ чужихъ земляхъ, Кириллъ Разумовскій пріѣхалъ въ Петербургъ и восемнадцати лѣтъ былъ назначенъ президентомъ академіи наукъ. Истиннымъ президентомъ сталъ конечно Тепловъ и подъ его жесткой рукой запищали и Ломоносовъ и Тредьяковскій. За какую то критику его книжки «Знанія, вообще до философіи касающіеся», Тепловъ ругалъ піиту «изрядно» и угрожалъ проколоть шпагой [2]).

Съ возстановленіемъ гетманства для Кирилла Разумовскаго, Тепловъ сдѣлался негласнымъ правителемъ Малороссіи. Офиціально онъ былъ завѣдующимъ гетманской канцеляріей, но въ сущности политическимъ директоромъ, инспекторомъ, администраторомъ и менторомъ ясневельможнаго и совершенно взялъ въ руки «бразды правленія». По выраженію Соловьева, «Тепловъ стоилъ четверыхъ великороссійскихъ членовъ прежней малороссійской коллегіи [3]). Онъ мало съ кѣмъ ладилъ, но пользовался неограниченнымъ довѣ-

---

[1]) „Русск. Старина" 1886 г., № 10. стр. 20.

[2]) Васильчиковъ, т. 1, стр. 186.

[3]) „Истор. Россіи", т. XXIII, стр. 47.

ріемъ гетмана. Этого довѣрія не могли поколебать даже постоянныя просьбы старухи матери гетмана, съ женскимъ инстинктомъ разгадавшей Теплова и постоянно умолявшей сына удалить его отъ себя. Бывшій воспитатель вершилъ большинство дѣлъ. Самъ гетманъ и жена его, рожденная Нарышкина, скучали въ Глуховѣ и въ Батуринѣ и постоянно рвались въ Петербургъ, къ покинутой свѣтской и придворной жизни. Къ этому времени относится знаменитая записка Теплова «О непорядкахъ, которые происходятъ отъ злоупотребленія правъ и обыкновеній, грамотами подтвержденныхъ Малороссіи». Но о ней ниже.

Въ 1763 году Тепловъ становится статсъ-секретаремъ Екатерины II. Тутъ онъ измѣняетъ Разумовскому и придумываетъ противъ него по истинѣ предательскій планъ. Онъ подъучаетъ гетмана просить о дарованіи потомству его наслѣдственнаго гетманскаго достоинства, побуждая его собирать старшинъ для поддержки такого требованія, и въ то же время представляетъ правительству объ опасности, грозящей отъ такого волненія и отъ намѣреній гетмана. Тогда приняты были мѣры противъ замысловъ гетмана, и Разумовскому велѣно было подать въ отставку, въ ноябрѣ 1764 года[1]).

Современникъ этихъ событій, таинстсенный авторъ «Исторіи Руссовъ», передалъ разсказъ о первой встрѣчѣ Теплова съ Разумовскимъ во дворцѣ послѣ этого событія. Тепловъ встрѣтилъ опальнаго вельможу объятіями, а бывшій тутъ Григорій Орловъ произнесъ въ слухъ: «И лобза, его же предаде»!

По свидѣтельству всѣхъ историковъ, Тепловъ игралъ видную роль въ событіяхъ воцаренія Екатерины II. Незадолго передъ тѣмъ онъ пожалованъ былъ Петромъ III чиномъ статскаго совѣтника и камергерствомъ. Тепловъ былъ авторомъ перваго манифеста Екатерины II и формулы присяги. Онъ же былъ секретаремъ чрезвычайнаго совѣта, собиравшагося въ первые дни ея правленія. Черезъ нѣсколько времени Бестужевъ открылъ, что когда то онъ доносилъ о перепискѣ Екатерины II съ Разумовскимъ, предшествовавшей событіямъ воцаренія[2]).

Безпримѣрная перемѣнчивость «коварника», какъ называлъ его Ломоносовъ, находитъ нѣкоторую аналогію въ характерѣ и

---

[1]) Бантышъ-Каменскій, Соловьевъ и всѣ историческія свидѣтельства.

[2]) Соловьевъ, т. XXV, 102.

образѣ дѣйствій его воспитателя. Высоко талантливый Прокоповичъ менѣе всего грѣшилъ стойкостью привязанностей и убѣжденій. Онъ съ необыкновеннымъ искусствомъ принаравливался къ каждой перемѣнѣ власти. Въ 1709 году онъ превозносилъ Меньшикова, называя его Іосифомъ и Давидомъ и клялся «всегда на прославленіе добродѣтелей его подвигатися», а въ слѣдъ за паденіемъ вельможи называлъ его «воплощеннымъ порокомъ, негоднѣйшимъ изъ всѣхъ двуногихъ существъ нечестивцемъ, вышедшимъ изъ пигмеевъ» [1]). Извѣстно также его коварство по отношенію къ Лопатинскому и Стефану Яворскому.

Уступая въ талантѣ и способностяхъ Прокоповичу, Тепловъ былъ щедро одаренъ природою и владѣлъ выдающимся образованіемъ. Не удивительны его политическая роль и появленіе при дворѣ Екатерины, гдѣ, по словамъ Грабовскаго, «вельможи при Государинѣ бывшіе, кромѣ князя Потемкина, не знали русскаго правописанія».

Тѣмъ не менѣе императрица не любила его и тяготилась его присутствіемъ при дворѣ. Онъ нылъ и стоналъ о своихъ недостаткахъ и, будучи уже очень богатымъ владѣльцемъ, писалъ кн. Щербатову: «Весьма ложною я нахожу пословицу: «за Богѳмъ молитва, а за царемъ служба не пропадаетъ». Таланты и качества часто за безцѣнокъ идутъ въ свѣтъ, и мнѣ кажется счастливъ тотъ, кто самъ для себя проворствуетъ. Не родился я ни богатъ, ни знатенъ и вижу, что въ такую же нищету потомки мои возвращаются, въ которой я родился» [2]). А между тѣмъ, кромѣ пожалованной Тепловки и другихъ имѣній, «Тепловъ не упустилъ уже тогда примежевать къ своей землѣ землю Лизогубовъ, верстъ на десять въ окружности» [3]). Государыня отдалила отъ себя Теплова между прочимъ вслѣдствіе жалобъ, поступившихъ отъ сосѣдей его крестьянъ. Вѣроятно вспоминая это, онъ въ томъ же письмѣ называетъ «малороссіянцевъ» дураками и ябедниками.

Образцемъ чисто іезуитской казуистики можетъ служить его знаменитая «Записка о непорядкахъ», такъ превосходно разобран-

---

[1]) Письмо къ герцогу Карлу Фридриху Голштинскому.—Труды К. Дух. Ак., 1865 г., № 3).

[2]) Русск. Архивъ, 1869 г., стр. 216.

[3]) Сочиненія Максимовича, т. I, стр. 560.

ная Максимовичемъ. Подъ видомъ защиты «правъ и обыкновеній, грамотами подтвержденныхъ», онъ рекомендуетъ уничтоженіе каждаго изъ нихъ. Записка его не встрѣтила полнаго успѣха и многое утвержденное старымъ правомъ и обычаемъ сохранялось, какъ извѣстно, для такъ называемыхъ «малороссійскихъ губерній» еще долгое время. Особенно ненавистно было Теплову выборное начало и вольный переходъ крестьянъ, «отъ котораго бѣдные помѣщики часъ отъ часу въ большую бѣдность приходятъ». Есть всѣ основанія думать, что первая мысль о закрѣпощении малороссійскихъ крестьянъ заронена была Тепловымъ, хотя осуществленія ея онъ не увидѣлъ уже. Тепловъ умеръ въ 1779 году.

В. Г.

Ненаучные пріемы въ научномъ дѣлѣ.

(По поводу одного газетнаго извѣстія о рѣдкомъ портретѣ Мазепы).

Въ № 6-мъ газеты «Кіевлянинъ» на нынѣшній годъ помѣщена замѣтка неизвѣстнаго автора, подъ заглавіемъ: «Рѣдкій портретъ Мазепы». Сказавъ о томъ, что къ январьской книжкѣ «Кіевской Старины» нынѣшняго года приложенъ снимокъ съ портрета Мазепы, написаннаго масляными красками на стѣнѣ великой церкви кіево-печерской лавры, и что «крайне сомнительно, чтобы этотъ портретъ дѣйствительно изображалъ Мазепу», авторъ, въ противоположность сему «столь ипокрифическаго характера» портрету, «позволяетъ себѣ напомнить о старинномъ гравированномъ портретѣ Мазепы, работы извѣстнаго варшавскаго гравера конца XVII и начала XVIII ст. Норблина, въ значительной степени болѣе соотвѣтствующемъ историческимъ даннымъ о Мазепѣ». Онъ представляетъ затѣмъ и самое описаніе гравюры Норблина. Это, говоритъ, «маленькое поясное изображеніе, всего въ 9,1 сантим. вышины и 8,3 сантим. ширины. Мазепа изображенъ дряхлымъ старикомъ. Надвинутая почти на самые глаза гетманская шапка, узкіе глаза, продолговатый насъ, большой ротъ, при чемъ разстояніе отъ верхней губы до носа весьма значительно; усовъ нѣтъ, а вмѣсто бороды два рѣдкіе клочка волосъ на подбородкѣ. Взглядъ

острый, принцательный, съ какимъ обыкновенно представляютъ старыхъ іезуитскихъ патеровъ. На гетманѣ накинутъ плащъ, спереди котораго двѣ застежки. На шеѣ медаль, висящая на цѣпи. На медали изображеніе какого-то бюста, весьма можетъ быть, изображеніе Петра I».

Замѣтка имѣетъ, по видимому, цѣль научную. Отъ чего въ самомъ дѣлѣ не указать читающей публикѣ на историческую недостовѣрность только что изданнаго редакціею «Кіевской Старины» портрета Мазепы и на существованіе другаго, гораздо болѣе достовѣрнаго, но мало кому извѣстнаго и чрезвычайно рѣдкаго портрета того же историческаго лица? Но недостаточно только указать, а надо еще доказать. Что же авторъ приводитъ въ доказательство своего мнѣнія о томъ и другомъ портретѣ Мазепы?

О портретѣ лаврскомъ, изданномъ «Кіевскою Стариною», онъ говоритъ только, что «не существуетъ никакихъ положительныхъ указаній на то, чтобы этотъ портретъ дѣйствительно изображалъ Мазепу; напротивъ, многое заставляетъ предполагать, что если даже неизвѣстный художникъ пытался изобразить портретъ Мазепы на стѣнѣ лаврской церкви, то этого онъ не достигъ, такъ какъ ни одна изъ чертъ лица не отражаетъ въ себѣ характера той исторической личности, которая такъ прекрасно очерчена въ извѣстной монографіи покойнаго Н. И. Костомарова «Мазепа и Мазепинцы».

Относительно портрета Мазепы, представляемаго гравюрою Норблина, авторъ замѣчаетъ, что онъ «въ значительной степени болѣе соотвѣтствуетъ историческимъ даннымъ о хитромъ, умномъ, крайне двуличномъ и вѣроломномъ характерѣ того лица, съ именемъ котораго народное преданіе связываетъ понятіе объ измѣнѣ и проклятіи». И далѣе: «все изображеніе Мазепы (въ гравюрѣ Норблина) производитъ впечатлѣніе человѣка лукаваго, жестокаго, самаго подлаго характера, какимъ въ дѣйствительности былъ Мазепа».

И такъ въ основу сужденія объ исторической подлинности портрета вообще и въ частности портрета Мазепы авторъ замѣтки ставитъ не историческія данныя о внѣшнемъ видѣ изображаемаго историческаго дѣятеля (чертахъ его лица, цвѣтѣ самаго лица, глазъ, волосъ и т. п., равно возрастѣ, ростѣ, фигурѣ, костюмѣ

и проч.), какія данныя имѣемъ мы напр. о кіевскомъ князѣ Святославѣ и отчасти даже о самомъ Мазепѣ (свидѣтельство шведскаго мемуариста, показаніе Герцика, показанія генеральной старшины, спрошенной по дѣлу о портретѣ Мазепы на иконѣ въ каменскомъ монастырѣ), и не тѣ же данныя о его національности, происхожденіи, образѣ жизни и дѣятельности, основныхъ чертахъ его характера и т. д.; съ другой стороны и не свѣдѣнія о томъ, когда и гдѣ жилъ художникъ, писавшій извѣстный портретъ и *могъ* ли онъ написать портретъ точный (т. е. могъ ли видѣть и знать изображаемое лице, или имѣть хорошій его портретъ, равно владѣлъ ли своимъ искусствомъ въ достаточной степени), но только непремѣнное требованіе, чтобы портретъ, будь онъ писанъ за 150 или 200 лѣтъ, представлялъ изображаемое лице съ отраженіемъ тѣхъ чертъ характера, какія находитъ въ немъ современная намъ исторія. Требованіе странное, не выполнимое и ужъ конечно совсѣмъ не научное. Не могъ же въ самомъ дѣлѣ неизвѣстный художникъ, писавшій портретъ Мазепы на стѣнѣ лаврской церкви, знать то, что напишетъ о немъ Костомаровъ спустя около 200 лѣтъ. Если Норблинъ до нѣкоторой степени предъугадалъ то, что сказалъ авторъ замѣтки о его гравюрѣ, перефразируя отзывъ Костомарова о Мазепѣ, или же автору замѣтки удалось прозрѣть то, что думалъ о Мазепѣ Норблинъ, то это въ одинаковой степени одно лишь недоразумѣніе... На самомъ дѣлѣ оба современные художники, пиша портреты Мазепы задолго до его измѣны, представляли его себѣ конечно не такимъ, какимъ онъ объявленъ послѣ обнаруженія измѣны, какимъ явился въ представленіи народномъ послѣ слишкомъ полуторастолѣтняго ежегоднаго его анаѳемствованія и какимъ представляетъ его себѣ авторъ замѣтки, прочитавши монографію о немъ Костомарова. Они должны были считать Мазепу такимъ же, какимъ вообще считали его современники, а современники въ большей части представляли его себѣ человѣкомъ умнымъ, любезнымъ, сладкорѣчивымъ, властолюбивымъ и твердымъ, но вмѣстѣ и гибкимъ, даже набожнымъ и благочестивымъ, такъ какъ онъ благодѣтельствовалъ монастырямъ, строилъ много церквей, и никто, кромѣ жертвъ его неиависти и мести, не видѣлъ въ немъ «человѣка лукаваго, жестокаго, самаго подлаго характера». Автору замѣтки до всего этого дѣла нѣтъ; онъ знаетъ одно, что Мазепа

измѣнникъ, что онъ проявилъ въ своей жизни хитрость, лукавство, вѣроломство, коварство и что разъ эти качества были присущи его душѣ, то должны были отражаться и на его лицѣ, ибо лице зеркало души. Нужды нѣтъ, что не всякое лице одинаково подвижно и выразительно и что нѣтъ данныхъ, говорящихъ о томъ, что на лицѣ Мазепы отражались именно перечисленныя выше качества; авторъ убѣжденъ, что Мазепа долженъ глядѣть старымъ іезуитскимъ патеромъ и что тотъ портретъ, на которомъ онъ представленъ инымъ, не имѣетъ исторической достовѣрности. Такимъ онъ и объявляетъ портретъ, написанный на стѣнѣ лаврской церкви; не найдя въ немъ выраженія хитрости. лукавства и проч., онъ не входитъ уже въ разсмотрѣніе соображеній и доводовъ, приведенныхъ редакціей «Кіевской Старины» въ подтвержденіе принадлежности этого портрета Мазепѣ и сходства съ нимъ. Намъ нѣтъ надобности повторять эти соображенія предъ нашими читателями, автору же замѣтки мы рекомендовали бы вновь прочесть ихъ и представить соотвѣтственное опроверженіе, иначе мы вправѣ считать и считаемъ его заявленіе о лаврскомъ портретѣ неосновательнымъ, а пріемы сужденія о немъ совсѣмъ не научными.

Не иное же значеніе имѣетъ и сообщеніе его о гравюрѣ Норблина. Авторъ ни чѣмъ не подтверждаетъ принадлежности этого портрета Мазепѣ и сходства съ нимъ, кромѣ надписи *Mazeppa* въ верхней части гравюры, съ правой стороны; а это въ связи съ самымъ портретомъ напоминаетъ отчасти того малорусскаго маляра, который, нарисовавши льва и опасаясь, чтобы его не признали за другое животное, счелъ нужнымъ надписать: *се левъ, а не собака.* Напрасно авторъ говоритъ: «несомнѣнно, что данныя для изображенія Мазепы у Норблина были, и притомъ онъ легко могъ ихъ собрать, такъ какъ личность Мазепы была хорошо извѣстна въ Варшавѣ, гдѣ въ молодости гетманъ занималъ выдающееся мѣсто при дворѣ короля Яна Казиміра». При этомъ дворѣ Мазепа занималъ мѣсто камеръ-пажа и оставилъ Варшаву еще въ 1663 г., гравюра жъ Норблина, какъ говоритъ авторъ, сдѣлана въ 1703—5 годахъ. Если по истеченіи 40 съ лишнимъ лѣтъ и были въ Варшавѣ лица, которыя хорошо помнили Мазепу, то конечно они помнили его не такимъ, какимъ онъ представленъ на гравюрѣ Норблина. На ней нѣтъ никакихъ слѣдовъ ни той красоты, которою Мазепа

несомнѣнно обладалъ въ молодости, ни той бодрости и энергіи, которыя онъ сохранялъ и въ старости, ни тѣхъ типичныхъ чертъ его лица, о которыхъ сохранились свидѣтельства современниковъ. Какъ портрету источника польскаго, гравюрѣ Норблина ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть отдано предпочтеніе предъ портретами мѣстными, писанными или гравированными въ Кіевѣ, быть можетъ съ натуры, или образцовъ съ нею свѣренныхъ. О гравюрѣ Норблина можно и должно упоминать при перечисленіи портретовъ Мазепы; но придавать этому портрету значеніе достовѣрнаго, близкаго къ оригиналу, нѣтъ никакого основанія. Хитрость, лукавство, подлость—черты внутреннія и установлены за Мазепою, такъ сказать, заднимъ числомъ; судить же о сходствѣ портрета съ изображеннымъ лицемъ только по одной подписи никто не рѣшится. Въ коллекціи напр. карточекъ Мазепы, находящейся у проф. В. Б. Антоновича, есть портретъ съ выраженіемъ также взгляда «остраго и проницательнаго», но до такой степени напоминающій извѣстнаго писателя П. А. Кулиша, что для устраненія неизбѣжнаго смѣшенія этихъ двухъ лицъ, раздѣленныхъ чуть не двумя столѣтіями, слѣдовало бы надписать на немъ: *се Мазепа, а не Кулишъ*. Нѣкоторое *а не* не мѣшало бы, можетъ быть, добавить и къ надписи на гравюрѣ Норблина...

Изъ-за чего же авторъ названной замѣтки такъ превозноситъ эту гравюру? Изъ за чего онъ такъ взываетъ, и не одинъ разъ, къ собственнику гравюры профессору Бецу, чтобы тотъ издалъ ее или далъ на то свое согласіе? Что вызвало съ его стороны упрекъ по адресу двухъ кіевскихъ ученыхъ, совсѣмъ по видимому неповинныхъ въ дѣлѣ гравюры Норблина? «Крайне странно, говоритъ онъ, что такой знатокъ исторіи Малороссіи, какъ проф. В. Б. Антоновичъ, и собиратель малороссійскихъ древностей А. М. Лазаревскій, несомнѣнно знающіе о существованіи гравюры Норблина, не обратили на нее вниманія». Чего онъ хотѣлъ отъ почтенныхъ ученыхъ, мы право недоумѣваемъ. Ужъ если «нынѣшній владѣлецъ гравюры Норблина, проф. В. А. Бецъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ издалъ нѣсколько портретовъ гетмановъ изъ извѣстной коллекціи В. В. Тарновскаго», то что мѣшало бы ему принять на себя изданіе и «малоизвѣстнаго и рѣдкаго экземпляра портрета Мазепы», которому онъ, или авторъ замѣтки, придаетъ «особенный интересъ»? Но и въ послѣднихъ словахъ своей замѣтки авторъ все-таки взываетъ, чтобы проф. Бецъ далъ

(кому. неизвѣстно) на изданіе столь рѣдкаго портрета свое согласіе. По неволѣ подумаешь, что «умыселъ тутъ былъ иной»...

Впрочемъ авторъ замѣтки, насчитывая три экземпляра гравюры Норблина, допустилъ, кажется, ошибку, за которую не можетъ поблагодарить его кіевскій собственникъ столь рѣдкаго портрета Мазепы. Дѣло въ томъ, что въ библіотекѣ гр. Красинскихъ (а не Красицкаго) въ Варшавѣ хранится шелковый платъ, на одной сторонѣ котораго оттиснута плащаница, а на другой портретъ Мазепы, что конечно не однородно съ гравюрою Норблина; портретъ же Мазепы, бывшій у г. Иваницкаго и подаренный имъ краковскому музею, принадлежитъ болѣе позднему времени и есть произведеніе придворнаго художника короля Станислава Августа Понятовскаго. Тѣмъ большую поэтому рѣдкость представляетъ гравюра, составляющая собственноссь проф. В. А. Беца; она просто *unica*...

Но одна рѣдкость въ этомъ, какъ храбрость въ военномъ, дѣлѣ не составляетъ всего. Большую напр. рѣдкость составляетъ въ настоящую пору фотографическій снимокъ съ портрета Мазепы, находящагося на стѣнѣ лаврской церкви, сдѣланный однимъ изъ кіевскихъ фотографовъ при освѣщеніи магніемъ для одного высокопоставленнаго лица въ Москвѣ. Мы видѣли портретъ въ натурѣ, фотографный снимокъ въ негативѣ и тотъ-же снимокъ послѣ перевода на бумагу, и не нашли ничего общаго между этимъ послѣднимъ и оригиналомъ, какъ не находятъ и другіе, видѣвшіе и снимокъ и оригиналъ. Въ чемъ же дѣло? А въ томъ, что получить съ помощью фотографіи ясный и опредѣленный снимокъ съ стараго закопченнаго портрета, давно утратившаго яркость красокъ, дѣло чрезвычайно трудное, едва достижимое, притомъ не иначе, какъ съ помощью самой добросовѣстной и искусной ритушевки, при тщательной повѣркѣ по оригиналу. Видѣнный нами негативъ далъ лишь самый слабый отпечатокъ изображенія Мазепы, въ которомъ, не говоря о выраженіи лица, трудно было отличать даже главныя его линіи и черты. Снимокъ отдѣлалъ, можно сказать просто сдѣлалъ ремесленникъ ритушеръ по собственному вдохновенію, не справляясь съ оригиналомъ, и получились не тотъ складъ и поворотъ головы, не тѣ черты лица, не то выраженіе,—вышло, какъ выразился одинъ изъ видѣвшихъ оригиналъ, «нѣчто; напоминаю-

щее короля зулусовъ, Ситевайо»... Усердный ритушеръ всадилъ даже въ шапку Мазепы огрызокъ какого-то пера, котораго и признаковъ нѣтъ въ натурѣ. И что же? Пройдетъ нѣсколько лѣтъ, забудутся обстоятельства и время изготовленія снимка, снимокъ перейдетъ въ десятыя руки съ переиначенными о немъ свѣдѣніями, придетъ, пожалуй, кому нибудь охота сдѣлать по нему гравюру и явится новый рѣдкій портретъ Мазепы, работы какого нибудь новѣйшаго Норблина. *И будутъ послѣдняя горша первыхъ.*

Н. Цыбульскій.

Гдѣ находился кіевскій домъ Саввы Туптала сотника?

Въ № 19 «Кіевлянина» за текущій годъ, въ статьѣ подъ названіемъ *Историческій домъ*, разсказывается, будто въ Кіевѣ, на углу Хоревой и Межигорской улицъ, находится домъ кіевскаго сотника Саввы Туптала и что въ этомъ домѣ родился его сынъ, св. Димитрій, бывшій митрополитъ ростовскій, извѣстный не только святостію жизни, но своими историческими и проповѣдническими сочиненіями.

Для предохраненія кіевлянъ отъ заблужденія, въ которое могутъ вводить авторы подобныхъ замѣтокъ, считаемъ не излишнимъ сообщить достовѣрныя свѣдѣнія о вышеупомянутомъ домикѣ и о домѣ, въ которомъ дѣйствительно жительствовали родители св. Димитрія Ростовскаго.

Старинный двуэтажный домикъ на углу Хоревой и Межигорской улицъ на Подолѣ извѣстенъ намъ съ 1833 года, т. е. 53 года. Въ то время онъ былъ не жилой и покрытъ былъ не желѣзомъ, какъ нынѣ, а по старинѣ—черепицею; въ нижнемъ его этажѣ со сводами имѣлись желѣзныя двери и желѣзныя ставни, а на углу, по карнизу, отдѣляющему нижній этажъ отъ верхняго, росъ кустъ красной смородины, красовавшійся здѣсь нѣсколько лѣтъ до перехода этого дома во владѣніе купца Калинникова. Глядя на этотъ старинный домъ, семинарсты и студенты академіи дѣйствительно называли его иногда домомъ св. Димитрія ростовскаго; но изъ кіевскихъ старожиловъ никто не усвоялъ его ни св. Димитрію, ни родителю его, кіевскому сотнику Саввѣ Тупталѣ. За болѣе точною справкою мы обращались къ жительствовавшему на противоположномъ углу Хоревой и Межигорской улицъ 97-лѣтнему

старцу, протоіерею о. Іоакиму Игнатовичу, который учился въ кіевской академіи въ концѣ прошлаго столѣтія; но и онъ, проживщій почти столѣтіе въ Кіевѣ, на сей же улицѣ, не слыхалъ о принадлежности этого дома родителю св. Димитрія ростовскаго, хотя могъ бы объ этомъ знать не только отъ другихъ, но и отъ своего тестя, протоіерея воскресенской церкви Маниковскаго, въ приходѣ котораго находился этотъ домъ. Покойный протоіерей Игнатовичъ называлъ этотъ домъ домомъ *Артемихи*, а въ Дневникѣ митрополита кіевскаго Серапіона († 1822 года) значится, что Артемиха была кіевская гражданка, славившаяся въ прошломъ столѣтіи искусствомъ приготовлять извѣстное кіевское варенье. Вотъ и вся достовѣрная исторія этого стариннаго дома. Внутренность его мнѣ извѣстна потому, что около 1838 года въ немъ въ лѣтнее время квартировалъ мой товарищъ по семинаріи А. Крупскій.

Что касается родины св. Димитрія ростовскаго, то она извѣстна всякому, мало мальски знакомому съ мѣстной исторіей; родился онъ не въ Кіевѣ, а въ м. Макаровѣ, находящемся въ 40 вер. отъ Кіева и въ 5-ти верстахъ вправо отъ кіево-житомірскаго шоссе, въ чемъ можно удостовѣриться изъ Дневника св. Димитрія. Въ томъ же дневникѣ значится, что домъ Саввы Туптала находился подлѣ кіево-подольской Притиско-Николаевской церкви, противъ нея, и таковой дѣйствительно существовалъ между этою церковью и кіево-флоровскимъ монастыремъ въ дворѣ бывшемъ купца Курлюкова, а нынѣ купца Новикова. Одноэтажный этотъ домъ, въ видѣ каменицы со сводами, сломанъ уже въ 40 годахъ купцемъ Курлюковымъ, о чемъ мы знаемъ отъ покойнаго инженеръ-полковника Чеснока, владѣвшаго тѣмъ дворомъ послѣ Курлюкова.

Столь же невѣрно въ названной статьѣ извѣстіе объ основаніи іорданскаго женскаго монастыря родственниками св. Димитрія послѣ поступленія его въ настоятели кіево-кирилловскаго монастыря. Іорданскій николаевскій женскій монастырь извѣстенъ еще съ XVI вѣка и чуть ли не былъ тѣмъ монастыремъ св. Николая, въ которомъ въ XI вѣкѣ постриглась мать преподобнаго Өеодосія печерскаго.

Л. П.

Отъ редакціи.

Журналъ „**Кіевская Старина**" выходитъ *неизмѣнно* 1-го числа каждаго мѣсяца и въ тотъ-же день разсылается городскимъ подписчикамъ, а 2-го и не позже 3-го числа сдается въ Почтовую Контору для отправки внутри Имперіи и за границу.

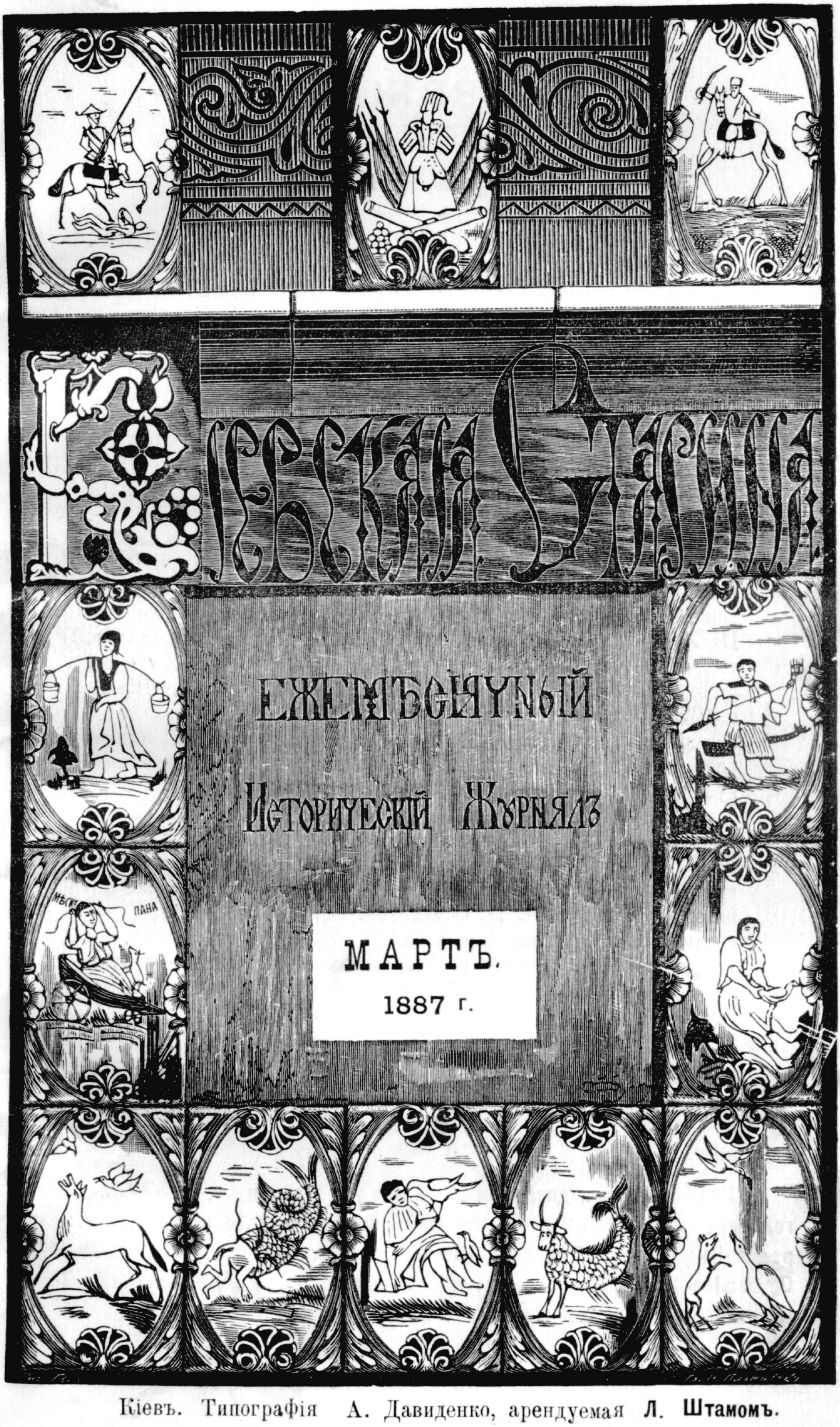
Редакція отвѣчаетъ за исправное полученіе журнала лишь при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если въ *четко* написанномъ адресѣ означены: имя, отчество и фамилія подписчика, равно губернія, уѣздъ и почтовое учрежденіе, гдѣ *допущена* выдача журналовъ, 2) если жалоба на неполученіе книжки прислана непосредственно въ редакцію, хотя-бы подписка была сдѣлана въ одномъ изъ книжныхъ магазиновъ, 3) если жалоба послана. согласно объявленію Почтоваго Департамента, не позже полученія или срока выхода слѣдующей книжки, 4) если къ жалобѣ приложено будетъ удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книжка ею не была получена и 5) если о перемѣнѣ адреса было сдѣлано заявленіе редакціи и притомъ сдѣлано своевременно, т. е. съ такимъ разсчетомъ времени, чтобы редакція могла получить оное не позже выхода слѣдующей книжки.

За перемѣну адреса иногородняго на городской и обратно уплачивается *пятьдесятъ коп.*, а при перемѣнѣ иногородняго на иногородный-же высылается *четыре семикопѣечныя марки.*

Подписная цѣна на мѣстѣ 8 р. 50 к., съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи 10 р., за границу 11 р. По той-же цѣнѣ высылаются и оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры 1882—1886 гг.

Подписка принимается въ редакціи журнала и конторѣ оной (*Кіевъ*, *Трехсвятительская улица*, *№ 8-й*), въ книжныхъ магазинахъ Оглоблина въ Кіевѣ и Петербургѣ, «Новаго Времени» и Глазунова въ Петербургѣ и Москвѣ, Мелье, Вольфа и Мартынова въ Петербургѣ, Федорова, Розова, Динтера, Корейво, Гинтера и Малецкаго въ Кіевѣ и др.

Издателямъ и авторамъ книгъ и брошюръ по южно-русской исторіи и этнографіи, приславшимъ экземпляръ своихъ изданій въ редакцію, обѣщается рецензія.



Кіевъ. Типографія А. Давиденко, арендуемая Л. Штамомъ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

ТОМЪ XVII.

Мартъ.

1887 г.

КІЕВЪ.

Тип А. Давиденко, аренд. Л. Штамомъ, Мало-Житом. ул., д. № 4.

СОДЕРЖАНІЕ.

Мартъ, 1887 г.

НЕИЗДАННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ Т. Г. ШЕВЧЕНКА.

ХУДОЖНИКЪ.

(ОКОНЧАНІЕ) [1]).

По полученіи этого письма я написалъ моему пріятелю, что не къ выставкѣ, а можетъ быть и къ святой недѣлѣ пріѣду къ нему въ гости и что пріѣду къ нему прямо на квартиру, какъ Штернбергъ пріѣзжалъ. Я написалъ это для того собственно, чтобы избавить его отъ неотвязчиваго мичмана. Я, правду сказать, опасался за его еще неустановившійся молодой характеръ. Чего добраго, какъ разъ можетъ сдѣлаться двойникомъ безпардоннаго мичмана; тогда прощай все: и геній, и искусство, и слава, и все очаровательное въ жизни. Все это уляжется, какъ въ могилѣ, на днѣ всепожирающей рюмочки. Примѣры эти къ несчастію весьма и весьма даже нерѣдки, въ особенности у насъ въ Россіи. И что за причина? Неужели одно пьяное общество можетъ умертвить всякій зародышъ добра въ молодомъ человѣкѣ? или тутъ есть еще что нибудь для насъ непонятное? А впрочемъ народная мудрость вывела одно заключеніе: скажи, съ кѣмъ ты знакомъ, и я тебѣ скажу, кто ты таковъ. А Гоголь, вѣроятно, тоже не безъ основанія замѣтилъ, что русскій человѣкъ, коли хорошій мастеръ, то непремѣнно и пьяница. Что бы это значило? Ничего больше, я полагаю, какъ недостатокъ всеобщей цивилизаціи. Такъ, напримѣръ, сельской или другой какой писарь въ кругу честныхъ безграмотныхъ мужичковъ все

---

[1]) См. „Кіев. Стар.“ 1887 г., февральск. кн., стр. 193—236.

равно, что Сократъ въ Аѳинахъ, а посмотрите, самое безнравственное, безпросыпное животное, потому именно, что онъ мастеръ своего дѣла, что онъ одинъ единственный грамотѣй между сотнями простодушныхъ мужичковъ, на счетъ которыхъ онъ упивается и распутничаетъ, а они только удивляются его досужеству и никакъ не могутъ себѣ растолковать, что бы такое значило, что такой умнѣйшій человѣкъ и такой великій пьяница! А простакамъ и не въ домекъ, что онъ одинъ между ними мастеръ письменнаго или другого какого дѣла, что нѣтъ ему соперника, что давальцы его навсегда останутся ему вѣрны, потому что, кромѣ его, не къ кому обратиться. Онъ себѣ, спустя рукава, кое какъ дѣлаетъ свое дѣло и легкіе заработки пропиваетъ. Вотъ по моему одна единственная причина, что у насъ коли мастеръ своего дѣла, то непремѣнно и горькій пьяница. А кромѣ этого замѣчено и между цивилизованными націями, что люди, выходящіе изъ круга обыкновенныхъ людей, одаренные высшими душевными качествами, всегда и вездѣ болѣе или менѣе были чтителями, а нерѣдко и усердными поклонниками веселаго бога Бахуса. Это уже, должно быть, непремѣнное свойство необыкновенныхъ людей.

Я лично и хорошо зналъ геніальнаго математика нашего О. (а математики вообще люди не увлекающіеся); съ нимъ мнѣ случилось нѣсколько разъ обѣдать вмѣстѣ. Онъ, кромѣ воды, ничего не пилъ за столомъ. Я и спросилъ его однажды:

— Неужели вы никогда вина не пьете?

— Въ Харьковѣ еще когда-то я выпилъ два погребка, да и забастовалъ,—отвѣтилъ онъ мнѣ простодушно.

Не многіе однакожъ кончаютъ двумя погребками, а непремѣнно принимаются за третій, не рѣдко и за четвертый, и на этомъ-то роковомъ четвертомъ кончаютъ свою грустную карьеру, а нерѣдко и самую жизнь.

А онъ, т. е. мой художникъ, принадлежалъ къ категоріи людей страстныхъ, увлекающихся, съ воображеніемъ горячимъ, а это-то и есть злѣйшій врагъ жизни самостоятельной, положительной. Хотя я далеко не поклонникъ монотонной, трезвой аккуратности и вседневной однообразной воловьей дѣятельности, но не скажу, чтобы я былъ и открытый врагъ положительной аккуратности.

Вообще въ жизни средняя дорога есть лучшая дорога, но въ искусствѣ, въ наукѣ и вообще въ умственной дѣятельности средняя дорога ни къ чему, кромѣ безвременной могилы, не приводитъ.

Въ художникѣ моемъ хотѣлось бы мнѣ видѣть и моего великаго необыкновеннаго художника и самого обыкновеннаго человѣка въ домашней жизни; но эти два великія свойства рѣдко уживаются подъ одной кровлей.

Сердечно желалъ бы я предвидѣть и предотвратить все вредно дѣйствующее на молодое воображеніе моего любимца, но какъ это сдѣлать, не знаю. Мичмана я рѣшительно боюсь, да и отъ сосѣдки нельзя ожидать ничего добраго; это ясно, какъ день. Теперь еще это могло бы кончиться разлукой и слезами, какъ обыкновенно кончается первая пламенная любовь, но при содѣйствіи тетушки, которая ему такъ понравилась съ перваго разу, кончится все это факеломъ Гименея, и, дай Богъ мнѣ ошибиться, развратомъ и нищетой.

Онъ мнѣ прямо не говоритъ, что онъ влюбленъ по уши въ свою ученицу, да и какой юноша прямо откроетъ эту священную тайну. По одному слову своей обожаемой онъ бросится въ огонь и въ воду, прежде чѣмъ выговорить ей словами свое нѣжное чувство. Таковъ юноша любящій искренно. А бываютъ ли юноши любящіе иначе?

Что бы хоть сколько нибудь отвлечь его отъ сосѣдокъ, съ умысломъ не упоминаю о нихъ ни слова. Я совѣтовалъ ему посѣщать, какъ можно, чаще Шмидта, Фицтума и Іоахима, какъ людей необходимыхъ для его внутренняго образованія, навѣщать старика Кольмана, котораго добрые совѣты по части пейзажной живописи ему необходимы, и каждый Божій день, какъ храмъ искусства, посѣщать мастерскую Карла Павловича, и во время этихъ посѣщеній сдѣлать для меня акварелью копію съ «Бахчисарайскаго фонтана». А въ заключеніе описалъ ему всю важность предстоящей программы, для которой онъ долженъ посвятить всего себя и всѣ свои дни и ночи до самаго дня экзамена, т. е. до октября мѣсяца. Такой срокъ и такого роду занятіе мнѣ казались достаточными, чтобы хотя немного охладить первую любовь. Я писалъ ему, что если мнѣ нельзя будетъ на

все лѣто оставаться въ столицѣ, то къ осени я непремѣнно опять пріѣду собственно для его программы.

Письмо мое, какъ я и ожидалъ, имѣло свое доброе дѣйствіе, но только въ половину: программа ему удалась, а сосѣдка увы! Но зачѣмъ прежде времени поднимать завѣсу таинственной судьбы? Прочитаемъ еще одно и послѣднее его письмо.

Волею или неволею, не знаю, а знаю только то, что вы меня жестоко обманули, мой незабвенный благодѣтель. Я дожидалъ васъ, какъ самаго дорогого моему сердцу гостя, а вы, Богъ вамъ судья... И зачѣмъ было обѣщать! А сколько было хлопотъ мнѣ съ моими жильцами? На силу выжилъ. Михайловъ, правда, сейчасъ же согласился, но неугомонный мичманъ дотянулъ таки до самой весны, т. е. до страстной недѣли и на разставаньи мы чуть было съ нимъ не поссорились: онъ непремѣнно хотѣлъ остаться и на святую недѣлю, но я рѣшительно сказалъ ему, что я васъ дожидаю.
— Эка важная фигура вашъ родственникъ, въ трактирѣ можетъ поселиться,—сказалъ онъ, покручивая свои глупые усы.

Меня это взбѣсило, и я готовъ былъ уже надѣлать, Богъ знаетъ, какихъ дерзостей, да спасибо Михайловъ остановилъ меня. Я не знаю, что ему особенно понравилось въ нашей квартирѣ; вѣроятно только то, что она даровая, не нанятая. Зимой, бывало, Михайловъ по нѣсколько ночей дома не ночуетъ и днемъ изрѣдка заглянетъ и сейчасъ же уйдетъ, а онъ только и выйдетъ пообѣдать да напиться пьянымъ и опять лежитъ на диванѣ, или спитъ, или трубку куритъ; но послѣднее время онъ было уже и чемоданъ съ бѣльемъ притащилъ, и когда я совсѣмъ уже отказалъ отъ квартиры, такъ онъ все еще приходилъ нѣсколько разъ ночевать—просто безсовѣстный! И еще одна странность, до самого его выѣзда въ Николаевъ (онъ переведенъ въ Черноморскій флотъ) я его каждый день вечеромъ, возвращаясь изъ класса, встрѣчалъ или въ корридорѣ, или на лѣстницѣ, или у воротъ. Не знаю, кому онъ дѣлалъ вечерніе визиты. Но Богъ съ нимъ, слава Богу, что я отъ него избавился.

Какіе успѣхи сдѣлала въ продолженіи зимы моя ученица, просто чудо! Что если бы ее начать учить въ свое время, изъ нея могла бы быть просто ученая. И какая она сдѣлалась скромная, кроткая, просто прелесть! Дѣтской игривости и наивности и тѣни не осталось.

Правду сказать, мнѣ даже жаль, что грамотность, если это только грамотность, уничтожила въ ней эту милую дѣтскую рѣзвость. Я радъ, что хоть тѣнь той милой наивности осталась у меня на картинѣ. Картинка вышла очень миленькая; огненное освѣщеніе, правда не безъ труда, но удалось. Прево предлагаетъ мнѣ сто рублей серебромъ, на что я охотно соглашаюсь, только послѣ выставки. Мнѣ непремѣнно хочется представить мою милую ученицу на судъ публики. Я былъ бы совершенно счастливъ, еслибъ вы не обманули меня въ другой разъ и пріѣхали къ выставкѣ, а она въ нынѣшнемъ году особенно будетъ интересна: многіе художники, и наши, и иностранцы изъ-за границы, обѣщаютъ прислать свои произведенія, въ томъ числѣ баронъ Берне, Годенъ и Штейбенъ. Пріѣзжайте, ради самого Апполлона и девяти его прекрасныхъ сестрицъ!

До сихъ поръ моя программа идетъ тупо; не знаю, что дальше будетъ. Композиціей Карлъ Павловичъ доволенъ, больше ничего не могу вамъ о ней сказать. Съ будущей недѣли примусь въ плотную, а до сихъ поръ я ее какъ будто бѣгаю. Не знаю, что это значитъ? Ученица моя и та уже начинаетъ понукать меня. Ахъ, если-бъ я вамъ могъ разсказать, какъ мнѣ нравится это простое доброе семейство! Я у нихъ, какъ свой родной. Про тетушку и говорить нечего: она постоянно добрая и веселая. Угрюмый и молчаливый дядюшка—и тотъ иногда оставляетъ свои бумаги, садится съ нами около шумящаго самовара и изподтишка отпускаетъ шуточки, разумѣется, самыя не замысловатыя. Я иногда позволяю себѣ роскошь, разумѣется, когда лишняя копѣйка зазвенитъ въ карманѣ, угощаю ихъ ложей третьяго яруса въ Александринскомъ театрѣ, и тогда всеобщее удовольствіе безгранично, особенно если спектакль составленъ изъ водевилей; а ученица и модель моя нѣсколько дней послѣ такого спектакля и во снѣ, кажется, поетъ водевильные куплеты. Я люблю или, лучше сказать, обожаю все прекрасное

какъ въ самомъ человѣкѣ, начиная съ его прекрасной наружности, такъ само, если не больше, и возвышенное, изящное произведеніе ума и рукъ человѣка. Я въ восхищеніи отъ свѣтски образованной женщины и мущины тоже. У нихъ все, начиная отъ выраженій до движеній, приведено въ такую ровную стройную гармонію; у нихъ во всѣхъ пульсъ, кажется, бьется одинаково. Дуракъ и умница, флегма и сангвиникъ это рѣдкія явленія, да едва-ли они и существуютъ между ними, и это мнѣ безконечно нравится; не на долго однакожъ это можетъ быть, потому что я родился и выросъ не между ними, а грошовымъ воспитаніемъ своимъ и подавно не могу равняться съ ними, и потому-то, не смотря на всю очаровательную прелесть ихъ жизни, мнѣ больше нравится семейный бытъ простыхъ людей, такихъ, напримѣръ, какъ мои сосѣди. Между ними я совершенно спокоенъ, а тамъ все чего-то какъ будто боишься. Послѣднее время я и у Шмидтовъ чувствую себя не ловко, и не знаю, чтобы это значило. Бываю я у нихъ почти каждое воскресенье, но не засиживаюсь, какъ это прежде бывало. Можетъ быть это отъ того, что нѣтъ милаго незабвеннаго Штернберга между нами. А кстати о Штернбергѣ. Я недавно получилъ отъ него письмо изъ Рима. Да и чудакъ же онъ препорядочный! Вмѣсто собственныхъ впечатлѣній, какія произвелъ на него вѣчный городъ, онъ рекомендуетъ мнѣ, и кого-же вы думаете? Дюпата и Пероneза! Вотъ чудакъ! Пишетъ, что у Лепри видѣлъ онъ великій соборъ художниковъ; въ томъ числѣ и Иванова, автора будущей картины: «Іоаннъ Предтеча проповѣдуетъ въ пустынѣ». Русскіе художники подтруниваютъ надъ нимъ изподтишка, говорятъ, что онъ совсѣмъ завязъ въ Понтійскихъ болотахъ и все таки не нашелъ такого живописнаго сухого пня съ открытыми корнями, который ему нуженъ для третьяго плана его картины, а нѣмцы вообще въ восторгѣ отъ Иванова. Еще встрѣтилъ онъ въ кафе Греко безмѣрно расфранченнаго Гоголя, разсказывающаго за обѣдомъ самые сальные малороссійскіе анекдоты. Но главное, что онъ встрѣтилъ при въѣздѣ въ вѣчный городъ, въ виду купола св. Петра и въ виду безсмертнаго великана Колизея, это качуча, граціозная, страстная, такая, какъ она есть въ самомъ народѣ, а не такая чопорная, нарумяненная, какъ ее видимъ на сценѣ. Вообрази себѣ, пишетъ онъ,

что знаменитая Тальони копія съ копіи того оригинала, который я видѣлъ безплатно на римской улицѣ. Но для чего мнѣ дѣлать выписки, я вамъ пришлю его письмо въ оригиналѣ. Тамъ вы и про себя кое что не безъинтересное прочитаете. Онъ, бѣдный, все еще вспоминаетъ о Тарновскихъ. Вы ее часто видите, скажите, счастлива-ли она съ своимъ эскулапомъ? Если счастлива, то не говорите ничего про нашего друга, не тревожьте пустымъ воспоминаніемъ ея тихаго семейнаго покоя; если же нѣтъ, то скажите ей, что другъ нашъ Штернбергъ, благороднѣйшее созданіе въ мірѣ, любитъ ее до сихъ поръ также искренно и нѣжно, какъ и прежде любилъ. Это усладитъ ея сердечную тоску. Какъ-бы человѣкъ ни страдалъ, какія бы ни терпѣлъ испытанія, но если онъ услышитъ одно привѣтливое сердечное слово, слово искренняго участія отъ далекаго неизмѣннаго друга, онъ забываетъ гнетущее его горе хоть не на долго, хоть на часъ, на минуту, онъ совершенно счастливъ, а минута полнаго счастія, говорятъ, замѣняетъ безконечные годы самыхъ тяжелыхъ испытаній.

Прочитывая эти строки, вы улыбнетесь, мой обожаемый друже, и, чего добраго, подумаете, не терплю ли я какого нибудь испытанія, потому что такъ красно разсуждаю объ испытаніи. Божусь вамъ, у меня никакого горя, а такъ что-то взгрустнулось. Я совершенно счастливъ, да и можетъ ли быть иначе, имѣя такихъ друзей, какъ вы и милый незабвенный Виля. Не многимъ изъ людей выпадаетъ такая сладкая участь, какъ выпала на мою долю, и если-бы не вы, пролетѣла-бы мимо меня слѣпая богиня; но вы ее остановили надъ заброшеннымъ бѣднымъ замарашкой. О, Боже мой, Боже мой! я такъ счастливъ, такъ безпредѣльно счастливъ, что мнѣ кажется, я задохнусь отъ этой полноты счастья, задохнусь и умру. Мнѣ непремѣнно нужно хоть какое нибудь горе, хоть ничтожное; а то сами посудите, что-бы я не задумалъ, чего бы я не пожелалъ, все мнѣ удается. Всѣ меня любятъ, всѣ меня ласкаютъ, начиная съ нашего великаго маэстро, а его любви, кажется, достаточно для совершеннаго счастья.

Онъ часто заходитъ ко мнѣ на квартиру, иногда даже и обѣдаетъ у меня. Скажите, могъ-ли я тогда думать о такомъ счастіи, когда я въ первый разъ увидѣлъ его у васъ въ этой самой квартирѣ. Многіе и весьма многіе вельможи-царедворцы не удостоены

такого великаго счастья, какимъ я, неизвѣстный нищій, пользуюсь. Есть-ли на свѣтѣ такой человѣкъ, который не позавидовалъ-бы мнѣ въ настоящее время?

На прошедшей недѣлѣ заходитъ онъ ко мнѣ въ классъ, взглянулъ на мой этюдъ, сдѣлалъ на скоро кое-какія замѣчанія и вызываетъ меня на пару словъ въ корридоръ. Я думалъ, что и онъ знаетъ какой секретъ, и что-же? Онъ предлагаетъ мнѣ ѣхать вмѣстѣ съ нимъ на дачу къ Уваровымъ обѣдать. Мнѣ не хотѣлось оставить классъ, и я началъ было отговариваться, но онъ мои резоны назвалъ школьничествомъ и неумѣстнымъ прилежаніемъ, замѣтивъ, что пропустить одинъ классъ ничего не значитъ.

— А главное,—прибавилъ онъ: я вамъ дорогою прочитаю такую лекцію, какой вы отъ профессора эстетики никогда не услышите.

Что я могъ сказать на это? Убралъ палитру и кисти, переодѣлся и поѣхалъ. Дорогой однакожъ и помину не было объ эстетикѣ. За обѣдомъ, какъ обыкновенно, былъ веселый общій разговоръ, а послѣ обѣда уже началась лекція. Вотъ какъ было дѣло.

Въ гостиной за чашкой кофе старикъ Уваровъ завелъ рѣчь о томъ, какъ быстро летятъ часы и какъ мы не дорожимъ этими алмазными часами, особенно юноши, прибавилъ старикъ, глядя на сыновей своихъ.

— Да вотъ вамъ животрепещущій примѣръ, подхватилъ Карлъ Павловичъ, показывая на меня: онъ сегодня оставилъ классъ, чтобы только побаклушничать на дачѣ.

Меня, какъ кипяткомъ, обдало, а онъ, ничего не замѣчая, прочиталъ мнѣ такую лекцію о всепожирающемъ быстролетномъ времени, что я теперь только почувствовалъ и понялъ символическую статую Сатурна, пожирающаго дѣтей своихъ. Вся эта лекція была прочитана съ такой любовью, съ такой отцовской любовью, что я тутъ, въ присутствіи всѣхъ гостей, заплакалъ, какъ ребенокъ, уличенный въ шалости.

Послѣ всего этого, скажите, чего мнѣ не достаетъ? Васъ, только одного вашего присутствія недостаетъ мнѣ. О, дождусь-ли я той радостной великой минуты, въ которую обниму васъ, моего родного, моего искренняго друга? А знаете что? Не напишите вы мнѣ, что пріѣдете ко мнѣ къ Святой, я непремѣнно посѣтилъ бы васъ прошедшею зимой; но видно, святые на небѣ позавидовали

моему земному счастію и не допустили этого радостнаго свиданія.

Не смотря, однакожъ, на всю полноту моего счастья, мнѣ иногда бываетъ такъ невыносимо грустно, что я не знаю, куда укрыться отъ этой гнетущей тоски. Въ эти страшно продолжительныя минуты одна только очаровательная ученица моя имѣетъ на меня благотворное вліяніе. И какъ-бы мнѣ хотѣлось тогда раскрыть ей мою страдающую душу, разлиться, растаять въ слезахъ передъ нею!.... Но это оскорбитъ ея дѣвственную скромность, и я себѣ скорѣе лобъ разобью объ стѣну, чѣмъ позволю оскорбить какую-бы то ни было женщину, тѣмъ болѣе ее, ее прекрасную и пренепорочную отроковицу.

Я, кажется, писалъ вамъ прошедшей осенью о моемъ намѣреніи написать съ нея весталку въ *pendant* прилежной ученицѣ. Но зимою трудно было достать лиліи или бѣлой розы, а главное мнѣ мѣшалъ несносный мичманъ; теперь-же эти препятствія устранены, и я думаю между дѣломъ, т. е. между программою привести въ исполненіе задушевный мой проэктъ, и тѣмъ болѣе это возможно, что програма моя немногосложна, всего три фигуры: это Іосифъ толкуетъ сны своимъ соузникамъ виночерпію и хлѣбодару. Сюжетъ старый, избитый, а потому-то нужно хорошенько его обработать, т. е. сочинить. Механической работы тутъ не много, а впереди еще слишкомъ три мѣсяца времени. Вы мнѣ пишете о важности моей, быть можетъ, послѣдней программы и совѣтуете, какъ можно прилежнѣе изучать ее или, какъ вы говорите, проникнуться ею. Все это прекрасно, и я совершенно убѣжденъ въ необходимости всего этого. Но, единственный мой друже, я боюсь выговорить: весталка меня болѣе и постоянно занимаетъ. Программа это второй планъ весталки, и какъ я не стараюсь поставить ее на первый планъ, нѣтъ, не могу—уходитъ, и чтобы это значило, не знаю! Думаю прежде окончить весталку: она у меня уже давно начата. Окончу да и съ рукъ долой; тогда свободнѣе примусь за програму.

Программа! Я что то недоброе предчувствую съ моею программой. И откуда берется это роковое предчувстіе? Не отказаться ли мнѣ отъ нея до слѣдующаго года? Но потерять годъ времени... чѣмъ вознаградится эта потеря? Вѣрнымъ успѣхомъ? А кто поручится за этотъ успѣхъ? Не правда ли, я боленъ. Я дѣйствительно

немножко какъ будто бы рехнулся, я становлюсь похожимъ на «Метафизика» Хемницера. Бога ради, пріѣзжайте, возстановите мою падающую душу.

Какой я однако безсовѣстный эгоистъ! На какомъ основаніи я почти требую вашего визита? Во имя какой разумной идеи вы должны оставить ваши занятія, ваши обязанности и ѣхать за тысячу верстъ для того только, чтобы увидѣть какого-то полуидіота?

Прочь недостойное малодушіе! Ребячество, ничего больше, а я уже, слава Богу, допущенъ къ программѣ на первую золотую медаль! Я уже человѣкъ кончающій... Нѣтъ, нѣтъ, художникъ, начинающій свою, быть можетъ, великую карьеру. Мнѣ стыдно предъ вами, мнѣ стыдно самого себя. Если только не имѣете крайней надобпости, то, Бога ради, не ѣздите въ столицу; не пріѣзжайте по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока я не окончу мою программу и мою задушевную весталку. А тогда если пріѣдете, т. е. къ выставкѣ, о! тогда моя радость, мое счастье будетъ безконечно. Еще одно, и странное и постоянное мое желаніе: мнѣ ужасно хочется, чтобы вы хоть мимоходомъ взглянули на модель моей весталки, т. е. на мою ученицу. Не правда ли, странное, смѣшное желаніе? Мнѣ хочется показать вамъ ее, какъ самое лучшее, прекраснѣйшее произведеніе божественной природы; и, о самолюбіе! какъ будто и я споспѣшествовалъ нравственному украшенію этого чуднаго созданія, т. е. выучилъ ее русской грамотѣ. Не правда ли, я безконечно самолюбивъ? А, кромѣ шутокъ, грамотность придала ей какую-то особенную прелесть. Одинъ маленькій недостатокъ въ ней, и это маленькое несовершенство недавно я замѣтилъ: какъ мнѣ кажется, она не охотно читаетъ. А тетенька ея давно уже перестала восхищаться своею грамотницей Пашей.

Послѣ праздниковъ далъ я ей прочитать Робинзона Крузо. Чтожъ бы вы думали? Она въ продолженіи мѣсяца едва-едва прочла до половины. Признаюсь вамъ, такое равнодушіе меня сильно огорчило, такъ огорчило, что я началъ уже раскаиваться, что и читать ее выучилъ. Разумѣется, я ей этого не сказалъ, а только подумалъ; она же какъ будто подслушала мою думу: на другой же день дочитала книгу и въ вечеру за чаемъ съ такимъ непритворнымъ увлеченіемъ и съ такими подробностями разсказала безсмертное твореніе Дефо своей равнодушной тетенькѣ, что я

готовъ былъ расцѣловать свою ученицу. Въ этомъ отношеніи я нахожу много общаго между ней и мною. На меня иногда находитъ такое деревянное равнодушіе, что я дѣлаюсь совершенно ни на что не способенъ, но со мною, слава Богу, эти припадки непродолжительны бываютъ. А она, и что для меня непонятно, съ тѣхъ поръ, какъ оставилъ меня неугомонный мичманъ, сдѣлалась какъ-то особенно скромнѣе, задумчивѣе и равнодушнѣе къ книгѣ. Неужели она?... Но я этого допустить не могу: мичманъ созданіе чисто антипатическое, жесткое и едва ли онъ можетъ заинтересовать женщину самой грубой организаціи. Нѣтъ, это мысль нелѣпая. Она задумывается и впадаетъ въ апатію отъ того, что ея возрастъ такой, какъ увѣряютъ насъ психологи.

Я вамъ надоѣдаю своей прекрасною моделью и ученицей! Вы чего добраго, пожалуй, подумаете, что я къ ней неравнодушенъ. Оно дѣйствительно на то похоже: она мнѣ черезвычайно нравится, но нравится такъ, какъ что-то близкое, родное, нравится, какъ самая нѣжная сестра родная.

Но довольно о ней. А кромѣ ея въ настоящее время мнѣ и писать вамъ больше не очемъ. О программѣ теперь писать еще нечего, она едва подмалевана, да и по окончаніи ея я вамъ писать не буду. Мнѣ хочется, чтобы вы о ней въ газетѣ прочитали, а больше всего мнѣ хочеття, чтобы сами ее увидали. Я говорю съ такою самоувѣренностью, какъ будто уже все кончено, остается только медаль взять изъ рукъ президента и тушъ на трубахъ прослушать.

Пріѣзжайте, мой незабвенный, мой сердечный другъ! Безъ васъ мой тріумфъ не полный будетъ, потому не полный, что вы одинъ единственный виновникъ моего настоящаго и будущаго счастья.

Прощайте, мой незабвенный благодѣтель! Не обѣщаю вамъ писать вскорѣ. Прощайте!

P. S. Бѣдный Демскій и вскрытія Невы не дождался: умеръ, и умеръ, какъ истинный праведникъ, тихо, спокойно, какъ будто бы заснулъ. Въ больницѣ Маріи Магдалины мнѣ часто удавалось наблюдать за послѣдними минутами угасающей жизни человѣка, но такого спокойнаго, равнодушнаго разставанья съ жизнью я не видѣлъ. За нѣсколько часовъ передъ кончиной я сидѣлъ у его кровати и читалъ вслухъ какую то брошюру легкаго содержанія. Онъ слушалъ, закрывши глаза, и по временамъ едва замѣтно при-

поднимались у него углы рта, это было что-то въ родѣ улыбки. Чтеніе продолжалось не долго: онъ раскрылъ глаза и, обратя ихъ на меня, едва слышно проговорилъ:

— И охота же вамъ на такіе нустяки дорогое время тратить!

И переводя духъ, прибавилъ:

— Лучше бы рисовали что нибудь, хоть съ меня.

Со мной по обыкновенію была книжка или такъ называемый альбомъ и карандашъ. Я началъ очерчивать его сухой, рѣзкій профиль; онъ опять взглянулъ на меня и сказалъ, грустно улыбаясь:

— Не правда ли, спокойная модель?

Я продолжалъ рисовать. Тихонько растворилась дверь, и въ дверяхъ обернутое чѣмъ-то грязнымъ показалось грязное лицо квартирной хозяйки; но, увидя меня, она спряталась и дверь притворила. Демскій, не раскрывая глазъ, улыбнулся и далъ знать рукою, чтобы я наклонился къ нему. Я наклонился. Онъ долго молчалъ и наконецъ едва внятно, со вздрагиваньемъ проговорилъ:

— Заплатите ей, Бога ради, за квартиру. Дастъ Богъ, сквитаемся.

Со мною не было денегъ, и я тотчасъ пошелъ на квартиру. Дома меня, не момню, что-то задержало: тетушкинъ кофе или что-то въ этомъ родѣ, не помню. Пришелъ я къ Демскому уже передъ закатомъ солнца. Комнатка его была освѣщена ярко оранжевымъ свѣтомъ заходящаго солнца такъ ярко, что я долженъ былъ на нѣсколько минутъ глаза зажмурить. Когда я раскрылъ глаза и подошелъ къ кровати, то подъ одѣяломъ уже остался только трупъ Демскаго, въ такомъ точно положеніи, какъ я его оставилъ живымъ; улыбка на полъ-линіи не измѣнилась; глаза закрыты, какъ у спящаго. Такъ спокойио умираютъ только праведники, а Демскій принадлежалъ къ сонму праведниковъ. Я сложилъ ему на груди полуостывшія руки, поцѣловалъ его въ холодное чело и прикрылъ одѣяломъ; нашелъ хозяйку, отдалъ ей долгъ покойника, просилъ распорядиться похоронами на мой счетъ, а самъ пошелъ къ гробовщику. На третій день пригласилъ я священника изъ церкви св. Станислава, взялъ ломового извощика и съ помощью дворника мы вынесли и поставили скромный гробъ на роспуски, и двинулись съ Демскимъ въ далекую дорогу. За гробомъ шелъ я, патеръ Посяда и маленькій причетникъ. Ни одна нищая не сопутствовала намъ, а ихъ не мало встрѣчалось дорогою. Но эти бѣд-

ные тунеядцы, какъ голодныя собаки, носомъ чуютъ милостыню; отъ насъ онѣ не предвидѣли подачи и не ошиблись; ненавижу я этихъ отвратительныхъ промышленниковъ, спекулирующихъ именемъ Христовымъ. Съ кладбища пригласилъ я патера на квартиру покойника, не съ тѣмъ, чтобы тризну править, а затѣмъ, чтобы показать скромную библіотеку Демскаго. Вся библіотека заключалась въ небольшомъ едва сколоченномъ ящикѣ и состояла изъ 50 съ чѣмъ-то томовъ, большею частью историческаго и юридическаго содержанія, на языкахъ: греческомъ, латинскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ. Ученый патеръ весьма неравнодушно перелистывалъ греческихъ и римскихъ классиковъ весьма скромнаго изданія, а я откладывалъ книги только на французскомъ языкѣ. И странно, кромѣ Лелевеля, на польскомъ языкѣ только одинъ крошечный томикъ Мицкевича самаго лубочнаго познанскаго изданія, больше ничего не было. Не ужели онъ не любилъ своей родной литературы? Не можетъ быть. Когда библіотека была разобрана, я взялъ себѣ французскія книги, а всѣ остальныя предложилъ ученому патеру. Добросовѣстный патеръ никакъ не соглашался пріобрѣсти такое сокровище совершенно даромъ и предложилъ на свой счетъ положить гранитную плиту надъ прахомъ Демскаго. Я съ своей стороны предложилъ половину издержекъ, и мы тутъ же опредѣлили величину и форму плиты и надпись сочинили. Надпись самая не хитрая: Leonard Demsci mort. anno 18.... Покончивши все это и взявши всякій свою долю наслѣдства, мы разстались, какъ давнишніе пріятели. Странно однако жъ, неужели покойный Демскій не приближалъ къ себѣ и самъ не приблизился ни къ кому, кромѣ меня? Въ квартирѣ его я никогда никого не встрѣчалъ; но когда выходили мы съ нимъ на улицу, на улицѣ часто встрѣчались его знакомые и по пріятельски здоровались, а нѣкоторые даже пожимали ему руку. И все это были люди порядочные. И то правда, такъ называемый порядочный человѣкъ посѣтитъ ли труженика бѣдняка въ его мрачной лачугѣ? Грустно! Бѣдные порядочные люди!

Прощайте еще разъ. Не забывайте меня, мой незабвенный благодѣтель!

Изъ этого страннаго и пестраго письма я вычиталъ во первыхъ, что художникъ мой, какъ и слѣдуетъ быть истинному ху-

дожнику, въ высокой степени благородный и кроткій человѣкъ. Простые люди не могутъ такъ искренно, такъ безкорыстно прилѣпляться къ такимъ горькимъ, всѣми покинутымъ бѣднякамъ, каковъ былъ покойникъ Демскій. Въ этой прекрасной, безкорыстной привязанности я ничего не вижу особеннаго, это обыкновенное слѣдствіе взаимнаго сочувствія всему великому и прекрасному въ наукѣ и въ человѣкѣ. По своей природѣ и по завѣщанію нашего божественнаго Учителя мы всѣ должны быть таковы. Но увы! весьма и весьма немногіе изъ насъ соблюли Его святую заповѣдь и сохранили свою божественную природу въ любви и цѣломудріи. Весьма немногіе! И потому-то намъ и кажется необыкновеннымъ чѣмъ-то человѣкъ, любящій безкорыстно, человѣкъ истинно благородный. Мы, какъ на комету, смотримъ на такого человѣка и, насмотрѣвшись до сыта, боясь, чтобы наше грязное, себялюбивое существо не такъ рѣзко самимъ намъ бросалось въ глаза, начинаемъ и этого чистаго человѣка пачкать, сначала скрытой клеветой, потомъ явной, а когда и эта не взяла, обрекаемъ его на нищету и страданія. Это еще счастіе, если запремъ его въ домъ умалишенныхъ, а то-просто вѣшаемъ, какъ самаго гнуснаго злодѣя. Горькая, но увы, истина! Я однакожъ не кстати зарапортовался. Второе, что я вычиталъ изъ нескладнаго письма моего возлюбленнаго художника— это то, что онъ, сердечный, самъ того не замѣчая, влюбился по уши въ свою хорошенькую вертлявую ученицу. Это въ порядкѣ вещей, это хорошо, это даже необходимо, тѣмъ болѣе художнику, а иначе закоптится серце надъ академическими этюдами. Любовь есть животворящій огонь въ душѣ человѣка, и все, созданное человѣкомъ подъ вліяніемъ этого божественнаго чувства, отмѣчено печатью жизни и поэзіи. Все это прекрасно, но только вотъ что: эти, какъ называетъ ихъ Любельтъ, огненныя души удивительно какъ неразборчивы въ дѣлѣ любви. И часто случается, что истинному и самому восторженному поклоннику красоты выпадаетъ на долю такой нравственно-безобразный идолъ, что только дымъ кухонного очага ему въ пору, а онъ, простота, куритъ предъ нимъ чистѣйшій фиміамъ. Очень и очень немногимъ этимъ огненнымъ душамъ сопутствовала гармонія. Отъ Сократа, Бергама и до нашихъ дней одна и та же безобразная нескладица въ обыденной жизни. И къ большему горю, эти огненныя души влюбляются со-

всѣмъ не по кавалерійски, а хуже всякаго самаго мизернаго пѣхотинца, т. е. на всю жизнь. Вотъ что для меня непонятно! И чего я боюсь въ моемъ художникѣ? Пожалуй и онъ закабалитъ, по примѣру всемірныхъ геніевъ, свою нѣжную воспріимчивую душу какому нибудь сатанѣ въ юпкѣ. И хорошо еще, если онъ подобно Сократу и Пуссену, шуточкой отдѣлается отъ домашней сатаны и пойдетъ своею дорогой, а въ противномъ случаѣ прощай наука и искусство, прощай поэзія и все очаровательное въ жизни, прощай на вѣки! Сосудъ разбитъ, драгоцѣнное мvро пролито и съ грязью смѣшано, а лучезарный свѣтильникъ мирной артистической жизни погасъ отъ ядовитаго дыханія домашней мѣдяницы. О, если бы могли эти свѣточи міра обойтись безъ семейнаго счастья, какъ бы прекрасно было! Сколько великихъ произведеній не потонуло бы въ этомъ домашнемъ омутѣ и остались бы на землѣ въ назиданіе и наслажденіе человѣчеству. Но увы! и для генія вѣроятно, какъ и для нашего брата, домашній каминъ и семейный кружокъ необходимъ. Это вѣрно, потому что для души, чувствующей и любящей все возвышенно-прекрасное въ природѣ и въ искусствѣ, послѣ высокаго наслажденія этой обаятельной гармоніей необходимъ душевный отдыхъ; а сладкій этотъ успокоитель утомленнаго сердца можетъ существовать только въ кругу дѣтей и доброй любящей жены. Блаженъ, стократъ блаженъ тотъ человѣкъ и тотъ художникъ, чью такъ несправедливо называемую прозаическою жизнь осѣнила прекрасная муза гармоніи! Его блаженство, какъ Господнее, необъятно.

Въ наблюденіяхъ своихъ по дѣлу семейнаго счастья я вотъ что замѣтилъ. Замѣчаніе мое относится вообще къ людямъ, но особенно къ вдохновеннымъ поклонникамъ всего благого и прекраснаго въ природѣ; они то бѣдные и бываютъ тяжкою жертвою своего обожаемаго идола—красоты. И ихъ винить нельзя, потому что красота вообще, а красота женщины въ особенности дѣйствуетъ на нихъ всесокрушительно. Иначе и быть не можетъ, а это то и есть мутный всеотравляющій источникъ всего прекраснаго и великаго въ жизни.

Какъ такъ? закричатъ неистовые юноши: красавица, Богомъ созданная для того только, чтобъ услаждать нашу исполненную слезъ и треволненій жизнь! Правда, назначеніе ея отъ Бога такое,

да она то, или, лучше сказать, мы ухитрились измѣнить ея высокое божественное назначеніе и сдѣлали изъ нея бездушнаго, безжизненнаго идола. Въ ней одно чувство поглотило всѣ другія прекрасныя чувства: это эгоизмъ, порожденный сознаніемъ собственной всесокрушающей красоты. Мы еще въ дѣтствѣ дали ей почувствовать, что она будущая раздирательница и зажигательница сердецъ нашихъ. Правда, мы ей только намекнули; но она такъ это быстро смекнула, такъ глубоко поняла и почувствовала эту будущую силу, что съ того-же рокового дня сдѣлалась невинной кокеткой и домогильной поклонницей собственной красоты. Зеркало сдѣлалось единственнымъ спутникомъ ея жалкой одинокой жизни. Ее не можетъ перемѣнить никакое воспитаніе въ мірѣ. Такъ глубоко упало случайно брошенное нами зерно себялюбія и неизлечимаго кокетства.

Таковъ результатъ моихъ наблюденій надъ красавицами вообще, а надъ привилегированными красавицами въ особенности. Привиллегированная красавица ничѣмъ не можетъ быть, кромѣ красавицы: ни любящей кроткой женой, ни доброй нѣжной матерью, ни даже пламенной любовницей. Она деревянная красавица и ничего больше; и было-бы глупо съ нашей стороны и требовать чего нибудь больше отъ дерева.

Вотъ почему я и совѣтую любоваться этими прекрасными статуями издали, но никакъ съ ними не сближаться, а тѣмъ болѣе не жениться, въ особенности художникамъ и вообще людямъ, посвятившимъ себя наукѣ или искусству. Если нсобходима красавица художнику для его любимаго искусства, для этого есть натурщицы, танцовщицы и прочія мастерицы цеховыя, а въ домѣ ему, какъ и простому смертному, необходима добрая любящая женщина, но никакъ не привиллегированная красавица. Она, привиллегированная красавица, на одно только мгновеніе освѣтитъ яркими, ослѣпительными лучами радости мирную обитель любимца Божія, а потомъ, какъ отъ мелькнувшаго метеора, такъ отъ этой мгновенной радости и слѣда не останется. Красавицѣ, какъ истинной актрисѣ, необходима толпа поклонниковъ, истинныхъ или ложныхъ, для нея все равно, какъ для древняго идола; были-бы поклонники, а безъ нихъ она, какъ и древній кумиръ, прекрасная мраморная статуя и больше ничего.

Не всякое слово въ строку, говоритъ наша пословица; бываютъ-же исключенія и между красавицами: природа безконечно разнообразна. Я глубоко вѣрую въ это исключеніе, но вѣрю, какъ въ самое необыкновенное явленіе, потому-то я такъ остороженъ въ своемъ вѣрованіи, что, проживя уже между порядочными людьми слишкомъ полвѣка, такого чуднаго явленія еще ни разу не видѣлъ. А нельзя сказать, чтобы я принадлежалъ къ числу мизантроповъ или къ числу безпардонныхъ хулителей всего прекраснаго. Напротивъ, я самый неистовый поклонникъ прекраснаго, какъ въ самой природѣ, такъ и въ божественномъ искусствѣ.

Недавно со мною вотъ что случилось. Далеко, очень далеко отъ порядочнаго или цивилизованнаго общества, въ захолустьи, почти необитаемомъ, досталось мнѣ прозябать довольно не короткое время, и въ это самое захолустье залетѣла, только не случайно, свѣтская красавица; такою по крайней мѣрѣ она впослѣдствіи сама себя называла. Вотъ я знакомлюсь; а я, нужно вамъ замѣтить, на знакомства не очень тугъ. Знакомлюсь, наблюдаю новую знакомку-красавицу, и о чудо изъ чудесъ! Ни тѣни сходства съ прежде видѣнными мною красавицами. Не одичалъ ли я въ этой пустынѣ? думаю себѣ. Нѣтъ, во всѣхъ отношеніяхъ прекрасная женщина: и умная, и скромная, и даже начитанная, и, что называется, ни тѣни кокетства. Мнѣ совѣстно самому стало за свою наблюдательность, и я всякую недовѣрчивость въ сторону и дѣлаюсь не то, что поклонникомъ, это ремесло мнѣ не далось, а дѣлаюсь добрымъ, искреннимъ пріятелемъ. Не знаю, за что, но и я ей понравился, и мы сдѣлались почти друзьями. Я не навосхищаюсь моимъ открытіемъ, такъ даже, что въ старомъ сердцѣ пошевелилось нѣчто больше обыкновенной простой привязанности, и чуть чуть было не сыгралъ роль водевильнаго стараго дурака. Случай спасъ, и самый обыкновенный случай. Однажды по утру,—я былъ принятъ ими въ домѣ, какъ свой, такъ, что они меня часто на утренній чай приглашали,—такъ однажды по утру я замѣтилъ у нея надъ самымъ затылкомъ въ мелкія косички заплетенные волосы. Мнѣ это открытіе не понравилось. Я прежде думалъ, что у нея естественно завиваются волосы на затылкѣ, а это вотъ что! И это-то самое открытіе остановило меня въ признаніи въ любви. Я снова сталъ простымъ добрымъ пріятелемъ. Почти ежедневно разговаривая о

литературѣ, музыкѣ и прочихъ искусствахъ съ образованной женщиной, совѣстно же сплетничать. Въ этихъ разговорахъ я замѣтилъ, и то уже на другой годъ, что она весьма поверхностна и о прекрасномъ въ искусствѣ или въ природѣ говоритъ довольно равнодушно. Это немного поколебало мою вѣру. Далѣе, нѣтъ на свѣтѣ на нѣмецкомъ и русскомъ языкѣ такой книги, которой бы она не читала, и ни одной не помнитъ. Я спросилъ причину. Она сослалась на какую-то женскую болѣзнь, которая отшибла у нея память еще въ дѣвицахъ. Я простодушно повѣрилъ. Только замѣчаю, какіе нибудь пошленькіе стишки, читанные ею еще въ дѣвицахъ, она и теперь читаетъ наизусть. Послѣ этого мнѣ стало совѣстно говорить съ ней о литературѣ, а послѣ этого вскорѣ я замѣтилъ, что у нихъ ни одной книжки въ домѣ, кромѣ памятной на текущій годъ. По вечерамъ зимою они играли въ карты, если собиралась партія; но это, думалъ я, изъ приличія, а того и не замѣчалъ, что она была ужасно не въ духѣ, ежели ей не удавалось составить партію: у ней сейчасъ же начинала страшно голова болѣть. Ежели партія собиралась у мужа, то она, какъ ни въ чемъ не бывало, садилась около стола и смотрѣла въ карты игроковъ, какъ бы въ свои собственныя, и это милое занятіе часто продолжалось уже далеко за полночь. Я, какъ только начиналась эта бездушная сцена, сей часъ же выходилъ на улицу. Отвратительно видѣть молодую, прекрасную женщину за такимъ безчувственнымъ занятіемъ. Я тогда совершенно разочаровался, и она казалась мнѣ просто полипомъ или вѣрнѣе, настоящей привилегированной красавицей.

И еслибы продлилось ея уединеніе еще годъ, другой, въ этомъ темномъ углу безъ кровожадныхъ обожателей, т. е. безъ львовъ и онагровъ, я увѣренъ, что она бы одурѣла или сдѣлалась бы настоящей идіоткой. Состоянія полуидіотки она уже достигла, а я то, я то простофиля! Вообразилъ себѣ, что вотъ наконецъ открылъ Эльдорадо, а это Эльдорадо просто деревяная кукла, на которую я впослѣдствіи не могъ смотрѣть безъ отвращенія.

Прочитывая эту грозную сентенцію красавицамъ, иной подумаетъ, что я второй Буонароти въ этомъ родѣ,—ничего не бывало! Такой же самый поклонникъ, какъ и любой изъ леопардовъ, и можетъ быть еще и неукротимѣе; а дѣло въ томъ, что люблю

открывать мои убѣжденія во всей ихъ наготѣ, не смотря на чинъ и званіе; притомъ же я это дѣлаю теперь собственно для друга моего, художника, а не съ намѣреніемъ печатать свое мнѣніе о красавицахъ. Боже меня сохрани отъ этой глупости! Да меня тогда сестра родная готова была бы повѣсить на первой осинѣ, какъ Іуду предателя..... Впрочемъ она не красавица: ее нечего опасаться.

Гдѣ же начало этого зла? А вотъ гдѣ начало: въ воспитаніи. Если нѣжныхъ родителей Богъ благословитъ красавицей дочкой, они сами начинаютъ ее портить, предпочитая ее другимъ дѣтямъ, а объ образованіи своей любимицы они вотъ что думаютъ и даже говорятъ: зачѣмъ напрасно убивать дитя надъ пустою книгою? Она и безъ книги и даже безъ приданаго сдѣлаетъ себѣ блестящую карьеру. И красавица дѣйствительно дѣлаетъ блестящую карьеру. Предсказаніе родителей сбылось, чего же больше? Это начало зла, а продолженіе,—я впрочемъ не увѣряю, а только предполагаю —продолженіе вотъ гдѣ.

Наше любезное славянское племя, хотя и причисляется къ семейству кавказскому, но наружностью своею немногимъ взяло передъ племенами финскимъ и монгольскимъ, слѣдовательно у насъ красавица явленіе весьма рѣдкое. И это рѣдкое явленіе, едва только изъ пеленокъ, мы начинаемъ его набивать своими нелѣпыми восторгами, себялюбіемъ и прочею дрянью и наконецъ дѣлаемъ изъ него деревянную куклу на шарнирахъ, на подобіе той, какую живописцы употребляютъ для драпировокъ.

Въ странахъ, которыя Богъ благословилъ породою прекрасныхъ женщинъ, тамъ онѣ должны быть обыкновенными женщинами, а обыкновенная женщина по моему есть самая лучшая женщина.

Къ чему-же это я развелъ такую длинную рацею о раздирательницахъ сердецъ человѣческихъ, въ томъ числѣ и моего? Кажется, въ назиданіе моему другу. Но я думаю, что это наставленіе будетъ для него совершенно лишнее, да и весталка его, сколько могъ я заключить изъ его описаній, едва-ли способна залѣзть поглубже въ сердце художника, который такъ прекрасно чувствуетъ и понимаетъ все возвышенно прекрасное въ природѣ, какъ мой пріятель. Это должна быть быстроглазая, курносенькая плутовка, въ

родѣ швеи или бойкой горничной, а подобные субъекты не рѣдкость, и онѣ совершенно безопасны.

А вотъ такіе субъекты, какъ ея шелковая тетушка, они тоже нерѣдки, но чрезвычайно опасны. Тетушка ея, хотя и сладко онъ ее описываетъ, напоминаетъ мнѣ гоголевскую сваху, которая на вопросъ искателя невѣсты: оженитъ ли она его? отвѣчаетъ: «охъ, голубчикъ! да такъ ловко, что и не услышишь». Пріятель мой, разумѣется, не имѣетъ ничего общаго съ гоголевскимъ героемъ, и въ этомъ отношеніи я за него почти не опасаюсь. Огонь первой любви хотя и жарче, но за то и короче. Но опять, какъ подумаю, нельзя и не опасаться, потому что эти удивительные браки безъ «*услышанія*» очень часто случаются не только съ умными, но даже съ осторожными людьми, а въ другѣ моемъ я большой осторожности не предполагаю, это добродѣтель не художника. На всякій случай я написалъ ему письмо, разумѣется, не назидательное. Боже меня сохрани отъ этихъ назидательныхъ посланій! Я написалъ ему дружески, откровенно, чего я опасаюсь и чего онъ долженъ опасаться; указалъ ему безцеремонно на милую тетеньку, какъ на самую главную и самую опасную западню. На письмо мое я не получилъ однакожъ отвѣта, вѣроятно оно ему не понравилось. Худой знакъ, подумалъ я; а впрочемъ въ продолженіи лѣта онъ былъ занятъ программой, такъ не мудрено, что могъ забыть о моемъ письмѣ. Но прошло лѣто, прошелъ сентябрь и октябрь мѣсяцъ, пріятель мой ни слова. Читаю въ «Пчелѣ» разборъ выставки, бойко написанный, должно быть, Кукольникомъ. «Весталку» моего друга превозносятъ до небесъ, а о программѣ ни слова.

Что бы это значило? Неужели она ему не удалась? Я написалъ ему еще письмо, прося его объяснить мнѣ свое упорное молчаніе, причемъ о программѣ и вообще о его занятіяхъ не упоминалъ ни слова, зная изъ опыта, какъ непріятно отвѣчать на пріятельскій вопросъ: каково идетъ работа? когда работа идетъ скверно. Черезъ два мѣсяца получилъ я на письмо мое отвѣтъ; отвѣтъ лаконическій и крайне безтолковый. Онъ какъ-бы стыдился или боялся высказать мнѣ откровенно то, что его терзало, а его что-то ужасно терзало. Между прочимъ онъ въ письмѣ своемъ намекаетъ на какую-то неудачу (вѣроятно на програму, которая по его словамъ, чуть въ гробъ его не свела) и пишетъ, что если онъ существуетъ

на свѣтѣ, то существованіемъ своимъ обязанъ добрымъ своимъ сосѣдямъ, которые въ немъ приняли самое живое, самое искреннее участіе, что онъ теперь почти ничего не работаетъ, страдаетъ и душевно и физически и не знаетъ, чѣмъ все это кончится.

На все это я смотрѣлъ, разумѣется, какъ на преувеличеніе. Это обыкновенно въ молодыхъ воспріимчивыхъ натурахъ: они всегда дѣлаютъ изъ мухи слона. Мнѣ хотѣлось узнать что нибудь обстоятельнѣе о его положеніи; меня что-то безпокоило. Но какъ? отъ кого? Отъ самого его я толку не добьюсь. Я обратился къ Михайлову, прося его написать мнѣ все, что онъ знаетъ о моемъ другѣ. Обязательный Михайловъ не заставилъ долго ждать своего оригинальнаго и откровеннаго посланія. Вотъ что написалъ мнѣ онъ.

Другъ твой, братъ, дуракъ, да еще какой дуракъ! Отъ сотворенія міра не было еще такого необыкновеннаго дурака. Ему, видишь ли, не удалась программа, что же онъ сдѣлалъ съ отчаянія? Вотъ ужъ не отгадаешь: женился, ей Богу, женился! И знаешь на комъ? На своей весталкѣ, да еще на беременной. Вотъ потѣха: беременная весталка! И, какъ онъ самъ говоритъ, беременность именно и заставила его жениться. Но не думай, чтобы онъ самъ былъ причиною этого грѣха, ничего не бывало, это бестія мичманъ напакостилъ; она сама созналась. Молодецъ мичманъ накуралесилъ да и уѣхалъ себѣ въ Николаевъ, какъ ни въ чемъ не бывало. А твой-то великодушный дуракъ и бухъ, какъ куръ во щи. Куда, говоритъ, она теперь дѣнется? Кто ее пріютитъ теперь, бѣдную, когда родная тетка выгоняетъ изъ дому? Взялъ да и пріютилъ. Ну, скажи самъ, видалъ ли ты подобнаго дурака на бѣломъ свѣтѣ? Вѣрно и не слыхалъ даже. Правду сказать, безпримѣрное великодушіе, или вѣрнѣе безпримѣрная глупость. Это все еще ничего, а вотъ что до безконечности смѣшно: онъ написалъ съ нея свою весталку беременной, да какъ написалъ! просто прелесть! Такой наивно невинной прелести я еще не видывалъ ни на картинѣ, ни въ природѣ. На выставкѣ толпа отъ нея не отходила. Она сдѣлала въ публикѣ такой шумъ, какой, помнишь, когда-то сдѣлала дѣвушка съ тамбурикомъ Тыранова. Превосходная вещь! Самъ Карлъ Павловичъ передъ нею много разъ останавливался, а это что нибудь да значитъ. Ее купилъ какой-то богатый вельможа

и хорошо заплатилъ. Копіи и литографіи съ нея—во всѣхъ лавкахъ и на всѣхъ перекресткахъ. Однимъ словомъ, успѣхъ полный, а онъ дуракъ женился. На дняхъ я заходилъ къ нему и нашелъ въ немъ какую-то непріятную перемѣну. Тетушка, кажется, его прибрала къ рукамъ. У Карла Палловича онъ никогда не бываетъ, вѣроятно, стыдится. Началъ онъ съ своей жены и не съ своего дитяти Мадонну съ предвѣчнымъ Младенцемъ и если онъ кончитъ такъ хорошо, какъ началъ, то это превзойдетъ «Весталку». Экспресія младенца и матери удивительно хороша. Какъ это ему не удалась программа, я удивляюсь! Не знаю, допустятъ ли его, какъ женатаго, на будущій годъ къ конкурсу; кажется, нѣтъ. Вотъ все, что могу тебѣ сообщить о твоемъ безтолковомъ другѣ. Карлъ Павловичъ нашъ не совсѣмъ здоровъ; весною думаетъ начать работать въ Исакіевскомъ соборѣ.

Твой Михайловъ.

Невыразимая грусть овладѣла мною по прочтеніи этого простого пріятельскаго письма. Блестящую будущность моего друга, моего любимца я видѣлъ уже оконченною, оконченною на самомъ разсвѣтѣ лучезарной славы, но помочь горю уже было невозможно. Какъ человѣкъ, онъ поступилъ неблагоразумно, но въ высокой степени благородно. Будь онъ простой живописецъ ремесленникъ, это событіе не имѣло бы на его занятія никакого вліянія, но на него, на художника, истинно пламеннаго, это можетъ имѣть самое гибельное вліяніе. Потерять надежду быть посланнымъ за границу на казенный счетъ, этого одного достаточно, чтобы уничтожить самую сильную энергію. На свой счетъ побывать за границей—объ этомъ ему теперь и думать нечего. Если усиленный трудъ и дастъ ему средства, то жена и дѣти отнимутъ у него эти бѣдныя средства прежде, нежели онъ подумаетъ о Римѣ и его безсмертныхъ чудесахъ. Итакъ,

Италія, счастливый край,
Куда въ волшебномъ упоеньи
Летитъ младое вдохновенье
Узрѣть мечтательный свой рай!....

этотъ счастливый, очаровательный край закрылся для моего друга навсегда. Развѣ какой нибудь необыкновенный случай рас-

кроетъ ему двери этого немечтательнаго рая; но эти случаи весьма и весьма даже рѣдки. У насъ перевелись тѣ истинные покровители, которые давали художнику деньги, чтобы онъ ѣхалъ за границу и учился. У насъ теперь если и рискнетъ какой нибудь богачъ на подобную роскошь, то изъ одного только дѣтскаго тщеславія; онъ беретъ художника съ собою вмѣстѣ за границу, платитъ ему жалованье, какъ наемному лакею и обращается съ нимъ, какъ съ лакеемъ: заставляетъ его рисовать отель, гдѣ онъ остановился, или морской берегъ, гдѣ жена его принимаетъ морскія ванны, и тому подобные весьма нехудожественные предметы, а простофили барабанятъ: вотъ истинный любитель и знатокъ изящнаго! художиика съ собой возилъ за границу!—Бѣдный художникъ, что въ твоей кроткой душѣ совершается при этихъ неистовыхъ глупыхъ возгласахъ? Не завидую тебѣ, бѣдный поклонникъ прекраснаго въ природѣ и искусствѣ! Ты, какъ говорится, былъ въ Римѣ и папы не видалъ, а слава, что ты былъ за границей, тебѣ должна казаться жесточайшимъ упрекомъ. Нѣтъ, лучше съ котомкой идти за границу, нежели съ бариномъ ѣхать въ каретѣ, или вовсе отказаться видѣть «мечтательный свой рай», а пріютиться гдѣ нибудь въ уголку своего прозаическаго отечества и втихомолку поклоняться божественному кумиру Аполлона. Глупо, удивительно какъ глупо распорядился своею будущностью мой пріятель. Вотъ уже недѣли двѣ, какъ я ежедневно прочитываю откровенное письмо Михайлова и все-таки не могу убѣдиться въ истинѣ этой непростительной глупости. До того не вѣрится, что мнѣ приходитъ иногда мысль побывать самому въ Петербургѣ и собственными глазами увидѣть эту отвратительную истину. Еслибы это было каникулярное время, я и не задумался бы; но къ несчастію теперь учебные мѣсяцы, слѣдовательно отлучка если и возможна, то только двадцати-восьмидневная, а въ половину этихъ дней что я могу сдѣлать для него? Ровно ничего; увижу развѣ только то, чего бы не желалъ и во снѣ видѣть. Подумавши хорошенько и оправившись отъ перваго впечатлѣнія, я рѣшился ждать, что скажетъ старый Сатурнъ, а между тѣмъ завести постоянную переписку съ Михайловымъ. На его письма я потерялъ надежду, а надежда на письма Михайлова совершенно не сбылась. Расчитывая на Михайлова, я упустилъ изъ виду, что этотъ человѣка

менѣе всего способенъ къ постоянной перепискѣ, и если я получилъ отъ него отвѣтъ на мое письмо, и такъ скоро, какъ я не ожидалъ, то я долженъ былъ считать это осьмымъ чудомъ, и по одному письму никакъ не должно было расчитывать на постоянную переписку. Дѣлать нечего! Ошибся, да и кто же не ошибается? Сгоряча я написалъ ему нѣсколько писемъ и въ отвѣтъ не получилъ ни одного. Это меня не остановило, я еще, и чѣмъ далѣе, тѣмъ чувствительнѣе. Въ отвѣтъ ни слова. Наконецъ я вышелъ изъ себя и написалъ ему грубое и самое недлинное письмо; это подѣйствовало на Михайлова, и онъ прислалъ мнѣ отвѣтъ такого содержанія.

Удивляюсь, какъ у тебя хватаетъ терпѣнія, времени и наконецъ бумаги на твои уморительныя, чтобы не сказать, глупыя письма. И о комъ ты пишешь? О дуракѣ. Стоитъ ли онъ того, чтобы о немъ думать, не только писать, да еще такія уморительныя письма, какъ ты пишешь. Плюнь ты на него, пропащій человѣкъ, ничего больше; а чтобы тебя утѣшить, то я вотъ что еще прибавлю: онъ вмѣстѣ съ женою и мамашею, какъ онъ ее величаетъ, началъ тянуть проволоку, т. е. принялся за сивуху. Сначала онъ повторялъ все свою «Весталку» и повторялъ до того, что и на толкучемъ перестали брать его копіи, потомъ принялся раскрашивать литографіи для магазиновъ, а теперь не знаю, что онъ дѣлаетъ, вѣроятно пишетъ портреты по цѣлковому съ рыла. Его никто не видитъ, забился гдѣ-то въ двадцатую линію. Въ угоду твою я пошелъ его отыскивать на прошлой недѣлѣ, насилу нашелъ его квартиру у самаго Смоленскаго кладбища. Самого его не засталъ дома; жена сказала, что на сеансъ ушелъ къ какому то чиновнику. Я полюбовался его неоконченной Мадонной, и знаешь ли, мнѣ какъ-то грустно стало: за что, подумаешь, пропалъ человѣкъ? Не дождавшись его самого, я ушелъ и съ хозяйкой не простился: она мнѣ показалась отвратительной.

Карлъ Павловичъ, не смотря на болѣзнь, началъ работать въ Исакіевскомъ соборѣ. Доктора совѣтуютъ ему оставить работу до будущаго года и уѣхать на лѣто за границу, но ему не хочется разставаться съ начатой работой. Что ты не пріѣдешь хоть на короткое время въ Питеръ, хоть только взглянуть на чудеса нашего чудотворца Карла Павловича, да и своимъ бы дуракомъ по-

любовался. Ты, кажется, тоже женился, только не признаешься. Не пиши ко мнѣ, отвѣчать не буду. Прощай! Твой Михайловъ.

Боже мой! Неужели одна единственная причина, эта несчастная женитьба, могла такъ внезапно, такъ быстро уничтожить геніальнаго юношу? Другой причины не было? Печальная женитьба!

Съ нетерпѣніемъ ожидалъ я каникулъ. Наконецъ экзамены кончились, я взялъ отпускъ и маршъ въ Петербургъ. Карла Павловича я уже не засталъ въ Петербургѣ. Онъ, по совѣту врачей, оставилъ работу и уѣхалъ на островъ Мадеру. Съ большимъ трудомъ нашелъ я Михайлова. Этотъ оригиналъ никогда не имѣлъ своей постоянной квартиры, а жилъ, какъ птица небесная. Я встрѣтилъ его на улицѣ объ руку съ удалымъ мичманомъ, теперь уже лейтенантомъ. Не знаю, какимъ родомъ онъ очутился снова въ Петербургѣ. Я не могъ смотрѣть на этого человѣка. Поздоровавшись съ нимъ, я отвелъ его въ сторону и началъ спрашивать адресъ моего пріятеля. Михайловъ сначала захохоталъ а потомъ, едва удерживая смѣхъ, обратился къ мичману и сказалъ:

— Знаешь ли, чью квартиру онъ спрашиваетъ? Своего любимца N. N.

И Михайловъ снова захохоталъ. Мичманъ ему вторилъ, но не искренно. Михайловъ бѣсилъ меня своимъ неумѣстнымъ смѣхомъ, наконецъ онъ опомнился и сказалъ мнѣ:

— Друъ твой живетъ теперь въ самой теплой квартирѣ, на седмой верстѣ. Его, видишь ли, не допустили къ конкурсу, такъ онъ, недолго думавши, спятилъ съ ума, да и маршъ въ теплое мѣсто. Не знаю, живъ ли онъ теперь.

Я не простясь съ Михайловымъ, взялъ извощика и отправился въ больницу Всѣхъ Скорбящихъ. Меня къ больному не пустили, потому что онъ былъ въ припадкѣ бѣшенства. На другой день я его увидѣлъ, и еслибъ не сказалъ мнѣ смотритель, что это такой-то художникъ, то я самъ-бы его никогда не узналъ: такъ странно измѣнило его безуміе. Онъ меня, разумѣется, тоже не узналъ, принялъ меня за какого-то римлянина съ рисунка Пинели, захохоталъ и отошелъ отъ рѣшотчатыхъ дверей. Боже мой, какое грустное явленіе—обезображенный безуміемъ человѣкъ! Я не могъ и нѣсколько минутъ пробыть зрителемъ этого печальнаго образа,

простился съ смотрителемъ и возвратился въ городъ; но несчастный другъ мой не давалъ мнѣ нигдѣ покоя, ни въ академіи, ни въ Эрмитажѣ, ни въ театрѣ, словомъ нигдѣ. Его страшный образъ вездѣ преслѣдовалъ меня и только ежедневное посѣщеніе больницы Всѣхъ Скорбящихъ мало по-малу уничтожило первое ужасное впечатлѣніе. Бѣшенство его съ каждымъ днемъ становилось слабѣе и слабѣе, за то и силы физическія быстро исчезали; наконецъ онъ не могъ уже подняться съ кровати, и я свободно могъ входить къ нему въ комнату. По временамъ онъ какъ будто приходилъ въ себя, но все еще меня не узнавалъ. Однажды пріѣхалъ я по утру рано; утренніе часы были для него легче. Засталъ я его совершенно спокойнаго, но такъ слабаго, что онъ не могъ рукою пошевелить. Долго онъ смотрѣлъ на меня, какъ будто что-то припоминая. Послѣ долгаго задумчиваго, умнаго взгляда, онъ едва слышно произнесъ мое имя, и слезы ручьями хлынули изъ его просвѣтлѣвшихъ очей. Тихій плачъ перешелъ въ рыданіе, въ такое душу терзающее рыданіе, что я и не видалъ, и дай Господи не видать никогда такого страшно рыдающаго человѣка. Я хотѣлъ его оставить, но онъ знаками остановилъ меня. Я остался. Онъ протянулъ руку, я взялъ его за руку и сѣлъ около него. Рыданія мало по-малу утихли, катились одни крупныя слезы изъ-подъ опущенныхъ рѣсницъ. Еще нѣсколько минутъ и онъ совершенно успокоился и задремалъ. Я потихоньку освободилъ свою руку и вышелъ изъ комнаты, въ полной надеждѣ на его выздоровленіе. На другой день, такъ-же рано по утру, пріѣзжаю я въ больницу и спрашиваю попавшагося мнѣ на встрѣчу сторожа: каковъ мой больной? И сторожъ мнѣ отвѣтилъ: «больной вашъ, ваше благородіе, уже въ покойницкой; вчера какъ уснулъ по утру, такъ и не проснулся».

Послѣ похоронъ я оставался нѣсколько дней въ Петербургѣ, самъ не знаю, для чего. Въ одинъ изъ этихъ дней встрѣтился мнѣ Михайловъ. Послѣ разсказа о томъ, какъ онъ провожалъ вчера мичмана въ Николаевъ и какъ они кутнули на средней рогаткѣ, рѣчь зашла о покойникѣ, его вдовѣ и наконецъ о его неоконченной Мадоннѣ. Я просилъ Михайлова проводить меня на квартиру вдовы, на что онъ охотно согласился, потому что ему самому хотѣлось еще разъ посмотрѣть на неоконченную Мадонну. Въ квартирѣ покойника мы ничего не встрѣтили, что бы свидѣтельствовало

о пребываніи здѣсь когда-то художника, кромѣ палитры съ засохшими красками, которая теперь замѣняла разбитое стекло. Я спросилъ о Мадоннѣ. Хозяйка не поняла меня. Михайловъ растолковалъ ей, чтобы она показала намъ ту картину, которую когда-то смотрѣлъ онъ у нихъ. Она ввела насъ въ другую комнату, и мы увидѣли Мвдонну, служившую заплатой старымъ ширмамъ. Я предложилъ хозяйкѣ десять рублей за картину, она охотно согласилась. Я свернулъ въ трубку свое драгоцѣнное пріобрѣтеніе, и мы оставили утѣшенную десятью рублями вдову.

На другой день я простился съ моими знакомыми и, кажется, навсегда оставилъ сѣверную Пальмиру. Незабвенный Карлъ Великій уже умиралъ въ Римѣ.

4 октября,
1856 г.

Малороссійскія пѣсни объ освобожденіи крестьянъ.

I.

Крѣпостное право должно было оставить по себѣ глубокій слѣдъ въ населеніи русскомъ, а съ другой стороны освобожденіе крестьянъ въ Россіи государственнымъ актомъ 1861 г. было однимъ изъ самыхъ важныхъ переворотовъ, какіе совершались въ исторіи этого населенія. Поэтому мы вправѣ были бы ожидать, что какъ крѣпостное право, такъ и отмѣна его должны были отразиться въ русской народной словесности многочисленными пѣснями. На самомъ дѣлѣ это не совсѣмъ такъ. Пѣсни о крѣпостномъ правѣ далеко не равномѣрно распространены среди трехъ русскихъ племенъ. Среди племени великорусскаго до сихъ поръ записано всего лишь нѣсколько пѣсенъ о крѣпостномъ правѣ [1]). Но изъ нихъ во многихъ варіантахъ записаны только двѣ, собственно не крестьянскія, а лакейскія: одна извѣстная пѣсня о холуѣ, который ночуетъ съ барской дочкой, а другая, которой варіанты перемѣшиваются съ пѣснями солдатскими; въ ней лакей разсказываетъ, какъ его «били кнутомъ», за то, что онъ «любилъ дѣвушекъ путемъ», а все таки замѣчаетъ, что

Хорошо лакеямъ жить
Во господскомъ во дому:
Лакей пашеньки не пашетъ,
Косы въ руки не беретъ и т. д. [2])

---

1) Шейнъ, Рус. нар. пѣсни, стр. 183—4; Русск. Филол. Вѣстникъ, 1879 г., т. II, стр. 155; Русск. Старина. 1876 г., февраль—мартъ, стр. 489—491, 667—672.

2) Шейнъ, Рус, нар. пѣсни, стр. 183—184; Русская Старина, 1876 г., мартъ; ср. козацкій варіантъ томской губ. въ Этногр. сборн., т. VI, стр. 113—114.

Напротивъ того у малоруссовъ обращается и до сихъ поръ довольно большое количество пѣсенъ о крѣпостномъ правѣ. Нѣкорыя изъ нихъ были напечатаны въ «Основѣ», въ «Кіевлининѣ», въ «Трудахъ экспедиціи» Чубинскаго, въ собраніи галицкихъ пѣсенъ г. Головацкаго и буковинскихъ г. Купчанка (въ Запискахъ юго-зап. отд. рус. геогр. общества) и др. Но этимъ не исчерпываются, конечно, всѣ украинскія пѣсни о крѣпостномъ правѣ, которыя всѣ протестующаго характера. Не столько, но все же не мало подобныхъ пѣсенъ находится у бѣлоруссовъ. Судя по печатнымъ ихъ образцамъ, представленнымъ въ собраніяхъ гг. Носовича и Шейна, значительная часть ихъ заимствована у малороссовъ; но есть и вполнѣ оригинальныя, которыя говорятъ противъ распространеннаго мнѣнія о пассивности бѣлоруссовъ.

Что касается до пѣсенъ объ упраздненіи крѣпостнаго права, то до сихъ поръ не опубликовано ни одной подобной великорусской, ни бѣлорусской. Малорусскихъ же извѣстно нѣсколько, хотя только одну изъ нихъ слѣдуетъ признать вполнѣ народною, по ея распростроненности. Происхожденіе этой пѣсни на столько кажется намъ интереснымъ и на столько неизвѣстно даже лицамъ спеціально занимающимся у насъ народной словесностію, не исключая даже и Н. И. Костомарова, который посвятилъ варіантамъ этой пѣсни нѣсколько страницъ въ своей монографіи «Исторія козачества въ памятникахъ южнорусскаго народнаго пѣсеннаго творчества» (Русская Мысль, 1880, кн. VII, 64—66), что мы считаемъ нужнымъ посвятить ей маленькое изслѣдованіе, основанное на нѣкоторыхъ рѣдкихъ печатныхъ, а также неизданиыхъ рукописныхъ матеріалахъ.

Основу занимающей насъ пѣсни составляетъ образъ «зозули» (кукушки), которая возвѣщаетъ людямъ свободу, при чемъ въ эту канву вплетается то насмѣшка надъ панами, то благодарность царю за освобожденіе, то картины отмѣненнаго крѣпостнаго права и наступившей свободы труда, то наконецъ надежды на будущія льготы, въ родѣ отмѣны податей, то всѣ эти подробности вмѣстѣ. Варіанты пѣсни такого рода замѣчены были въ разныхъ мѣстахъ правобережной Малороссіи, въ волынской и подольской губерніи, и проникли въ мѣстную (кіевскую) печать уже съ конца 60-хъ

годовъ. Но еще раньше того варіанты этой пѣсни были напечатаны въ столичиыхъ изданіяхъ, интересовавшихся малорусскою этнографіей: въ «Основѣ» 1862 г. (апрѣль и май) и въ «Чтеніяхъ въ моск. общ. исторіи и древностей россійскихъ», гдѣ былъ напечатанъ большой сборникъ г. Головацкаго «Народныя пѣсни галицкой и угорской Руси», вышедшій и отдѣльнымъ изданіемъ, въ которомъ (т. III, 205—212) находимъ три варіанта названной пѣсни: два, помѣченные, какъ галицкіе и одинъ, какъ угорско-русскій.

Такимъ образомъ оказывается, что распространяющаяся теперь въ извѣстной части Россіи пѣсня объ освобожденіи крестьянъ—не мѣстнаго, россійскаго происхожденія, а заграничнаго, австрійскаго. Но этого мало. Пѣсня эта вовсе и не «народнаго», устнаго, происхожденія, какъ въ этомъ увѣряли нашу публику галицкіе писатели, первые сообщившіе въ Россію (въ «Основѣ», въ статьяхъ «Русины въ 1848 г.» и «Объ отношеніяхъ галицкихъ русиновъ къ сосѣдямъ», а также въ названномъ сборникѣ г. Головацкаго) варіанты этой пѣсни, а письменнаго и даже въ первоначальномъ своемъ видѣ не русскаго, а польскаго.

Благодаря любезности талантливаго галицкаго беллетриста г. Ив. Франка, мы имѣемъ въ рукахъ чрезвычайно рѣдкій листокъ, напечатанный въ 1848 г. въ Львовѣ, и въ немъ первый эмбріонъ занимающей насъ пѣсни. Составленъ онъ на малорусскомъ языкѣ, галицкой разновидности, а напечатанъ латинскими буквами, правописаніемъ близкимъ къ польскому. Воспроизводимъ этотъ листокъ съ дипломатическою точностію.

PISŃ RADOSTY.

Prylytiła łastiwońka de naszoho seła,
Oy pryiszła nam nowynońka, dla wsih nas weseła.
Oy łetiła łastiwońka ta po nad rikoju,
Zmyłuwały sia laszeńke nad naczoj bidoju.
Zjichały sia ta di Lwowa, stały rozmowlaty:
Zanychajmo na pańszczynu chłopiw wyhaniaty.
Zanychajmo wyhaniaty, hodi toho bude,
Bo i chłop ny towaryna, bo i chłopy ludy.
Rada w radu, rada w radu, treba sia zhodyty,

Chłopy ludy, jak i druhi, z ludmy treba żyty.
Jeden, druhi, treti każe—i wsyi prystały,
Szczoby z chłopom w zhodi żyty, z chłopom sia bratały.
Napysały do Cisara, nechaj o tim znaje,
Czczo dla chłopiw Pan sia swojej pańszczyny zrikaje.
Pryłetiła łastiwońka ta do nas z wesnoju,
Oj pryjichaw Pan zi Lwowa do nas z nowynoju.
Oj pryjichaw, taj skazaw nam: pomahaj Bih ludy,
Jak buwało—tak buwało,—teper dobre bude,
Nema teper wże pańszczyny, nema hatamana,
Szczob chodyw koladuwaty po pid wikna z rana.
Nema chłopa, nema popa—łesze wsi jednaki,
Tak wsi choczem i tak wsiji żadajut Polaki.
Jak susidy, jak bratia tra sia myłuwaty,
Bo wsich jeden Oteć Pan Bich, jedna zemla maty:
Oj łytiła łastiwońka wid seła do seła,
Rozijszła sia nowynońka dla wsich nas wesela.
Oj łytiła łastiwońka po nad berehamy,
Naj Lachy budut zdorowi—trymajmo z Lachamy.
Pryłetiła czuźa ptycia, siła z hołubamy,
Pozazdrostyw tiaźkyj woroh zhodi meże namy.
Zjichaw z cyrkulu komisar—taj nam publikuje,
Szczo sam Cisar pańsku praciu dla chłopiw daruje.
Oy perestań komisaru teje hołosyty,
Bo my dawno wże ne chodym pańszczyny robyty.
Oj jest u nas prypowistka,—każdy Rusyn znaje:
«Ne pryrobyt, chto ne dbaje, ne dast, chto ne maje»
Oy jest u nas jeszcze druha—prosty, Pane Boże,
. . . . toj, kotroj daje bilsze, a nizely może.

A. L.

Na korzyść braci wracających z Kufszteinu, Sprilbergu z Zagranicy.

Drukiem Piotra Pillera.

Для того, чтобъ сдѣлать эту «Пѣснь радости» вполнѣ понятною читателямъ, мы должны сказать нѣсколько словъ о томъ, при какихъ условіяхъ состоялось въ Галиціи въ 1848 г. освобожденіе крестьянъ, или лучше сказать отмѣна панщины, такъ какъ собственно крѣпостное рабство было тамъ отмѣнено еще въ XVIII в. мѣрами Маріи Терезіи и Іосифа II.

Еще передъ 1848 г. и правительство, тогда вполнѣ нѣмецкое, и извѣстная часть помѣщиковъ, поляковъ, пришли къ убѣжденію въ необходимости покончить съ этимъ остаткомъ феодализма; но дѣло затягивалось, какъ вслѣдствіе консерватизма правительства Меттерниха и сословнаго своекорыстія массы помѣщиковъ, такъ и вслѣдствіе политическаго соперничества. Даже та часть польскаго общества, которая желала отмѣны панщины, хотѣла-бы вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобъ эта отмѣна послужила среди крестьянъ средствомъ къ агитаціи въ пользу возстановленія польскаго государства. Въ такомъ духѣ вела въ 40-е годы пропаганду демократическая польская партія среди крестьянъ, поляковъ и русиновъ, сочиняя при этомъ для послѣднихъ и пѣсни на ихъ языкѣ [1]). Но въ 1846 г. это польское національно-демократическое движеніе кончилось весьма трагически именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ пропаганда и своего рода «хожденіе въ народъ» были найболѣе дѣятельны; тамъ, при первой попыткѣ польскихъ революціонеровъ болѣе или менѣе шляхетскаго происхожденія привлечь крестьянъ къ возстанію противъ «цесаря и нѣмцевъ», крестьяне, преимущественно поляки западной Галиціи, перебили инсургентовъ, а за тѣмъ и многихъ помѣщиковъ. Правительство однакожъ увидѣло необходимость сдѣлать что нибудь для крестьянъ, но ограничилось палліативами, въ родѣ отмѣны поставки «длинныхъ повозокъ» и «помощи» во время жатвы, т. е. добавочной къ тремъ днямъ панщины, дозволенія подавать жалобы

---

[1]) Болѣе другихъ замѣчательны такія малорусскія пѣсни, сложенныя Цѣнглевичемъ и напечатанныя въ Noworocznikie Demokratycznym, 1842 г., стр. 298—304 и въ львовской „Зорѣ“ 1884 г. № 5. Цѣнглевичъ „ходилъ въ народъ“ въ 1837 г., агитируя и противъ цезаря („що панъ не здре, цесарь забере“,— говорится въ одной изъ его пѣсенъ). Пѣсенка его, которая оканчивается словами: „не поженешъ насъ въ рекруты, бо мы маемъ косы кути“, есть передѣлка извѣстной: „Ой, оравъ мужикъ край дороги“.

на помѣщиковъ прямо въ крейсамтъ[2]). Въ концѣ 1846 года изданъ былъ законъ, дозволявшій крестьянамъ замѣнять, по соглашенію съ помѣщиками, панщину деньгами, землей (земля крестьянская была отдѣлена отъ собственно помѣщичьей еще законами XVIII ст.) или инымъ способомъ. Конечно, никакихъ подобныхъ соглашеній не произошло и край былъ въ напряженномъ состояніи съ самаго 1846 г., какъ вдругъ въ мартѣ 1848 г. вспыхнула революція въ Вѣнѣ, и императоръ согласился созвать на іюль парламентъ изъ депутатовъ отъ всѣхъ классовъ населенія имперіи. Одновременно произошли замѣшательства въ Венгріи. Всѣ эти событія не могли не отразиться и въ Галиціи. Въ краѣ появились польскіе эмигранты и политическіе арестанты, выпущенные изъ крѣпостей. Само собою разумѣется, что многіе изъ нихъ считали время благопріятнымъ для національнаго возстанія и предлагали начать его съ объявленія о прекращеніи панщины. Но въ тоже время среди крестьянъ появились явные признаки желанія повторить сцены 1846 года, такъ что помѣщики спѣшили оставить деревни и перебраться въ города. Панщина стала фактически прекращаться и на очереди сталъ вопросъ, кто и на какихъ условіяхъ прекратитъ ее легально. 19 марта явились къ намѣстнику во Львовѣ, гр. Стадіону, депутаты отъ либеральной группы дворянъ и горожанъ съ прошеніемъ о томъ, чтобъ было дозволено учрежденіе національной гвардіи, которая, какъ сказалъ одинъ изъ депутатовъ, нужна противъ «бунтовски-настроенныхъ крестьянъ» и противъ «врага Польши, московскаго царя», а также и о томъ, чтобъ отмѣнена была панщина и замѣнена оброкомъ. Въ то же время во Львовѣ составилось польское политическое общество «Рада Народова», которое стало обсуждать, какъ вопросъ національный, такъ и вопросъ о панщинѣ. Краковскіе демократы предлагали подарить крестьянамъ панщину, но большая часть помѣщиковъ не согласилась на это и даже болѣе благожелательные для крестьянъ паны боялись,

---

[1]) Въ это время, вѣроятно, сочинена была какимъ либо полякомъ-демократомъ чрезвычайно рѣзкая малорусская пѣсня: „Крейсамтъ съ панамя тримае, за нашу биду не знае"...., призывающая „хлопцивъ до сокиры" (Пѣснп буковинскаго народу, въ II т. Запис. юго-зап. отд. рус. геогр. общ., стр. 556—557). Пѣсня эта и теперь распѣвается мѣстами въ Галиціи и Буковинѣ, преимущественно грамотными.

что крестьяне имъ не повѣрятъ, а захотятъ, чтобъ отмѣна панщины была подтверждена императорскимъ закономъ, а тогда, говорили они, вся благодарность крестьянъ обратится на императора, а не на Польшу. Но надо же было на что нибудь рѣшиться. Конечно, откровенное рѣшеніе въ духѣ предложеній краковскихъ депутатовъ было бы всего достойнѣе и даже выгоднѣе для пановъ-патріотовъ, но только 70—30 помѣщиковъ рѣшилось на это, да и тѣ, какъ по крайней мѣрѣ увѣряетъ гр. Стадіонъ, бывшій тогда намѣстникомъ Галиціи, были большею частію помѣщики задолжавшіеся, которыхъ имѣнія уже не давали доходу. Эта ничтожная цифра всего лучше показываетъ тщету увѣреній польскихъ помѣщиковъ въ томъ, что иниціатива отмѣны панщины въ Галиціи принадлежитъ имъ и что они предполагали провести эту мѣру на болѣе выгодныхъ для крестьянъ условіяхъ, чѣмъ это сдѣлало правительство, вырвавши будто-бы это доброе дѣло изъ рукъ поляковъ-помѣщиковъ. Даже послѣ, когда уже была объявлена отмѣна панщины, депутаты-поляки въ вѣнскомъ парламентѣ 1848 г., не исключая и демократовъ, подали голоса, кромѣ одного, за выкупъ панщины. Въ критическую же минуту всѣ ихъ благожеланія ограничились вышесказаннымъ, да обращеніемъ комитета галицкаго сейма къ намѣстнику 6-го апрѣля съ требованіемъ, чтобъ дозволено было ему, комитету, объявить отмѣну панщины съ тѣмъ, чтобы сеймъ послѣ постановилъ условія этой отмѣны.

Между тѣмъ панщина фактически прекратилась и крестьяне стали составлять противъ панскихъ вооруженныхъ обществъ свои сельскія стражи, а въ тарновскомъ округѣ (въ польской части Галиціи), бывшемъ въ 1846 г. театромъ особенно жестокой рѣзни пановъ, дошло опять до столкновеній: крестьяне обезоруживали и арестовывали пановъ. Паны тарновскіе послали къ императору петицію объ упраздненіи панщины и вмѣстѣ объ обезпеченіи спокойствія въ краѣ, т. е. объ усмиреніи крестьянъ. Вотъ въ такое-то время гр. Стадіонъ посовѣтовалъ императорскому правительству объявить отъ себя отмѣну панщины. 17 апрѣля 1848 г. появился министерскій указъ о томъ, что съ 3/15 мая панщины въ Галиціи не будетъ; объ условіяхъ же выкупа панщины, усадебъ и полей постановитъ-де имперскій парламентъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ гр. Стадіонъ посовѣтовалъ правительству опереться противъ польскаго

сепаратизма на національныя стремленія русиновъ, которыя не задолго предъ тѣмъ стали проявляться съ извѣстною энергіею: 19 апрѣля гр. Стадіонъ послалъ императору заявленіе съѣзда русинскихъ нотаблей, большею частію священниковъ, составившихъ общество «Руска Рада», о томъ, что «русины (по нѣмецки die Ruthenen)—особенная нація, отдѣльная какъ отъ русскихъ (die Russen), такъ и отъ поляковъ, и составляютъ часть націи малорусской (die Kleinrussen), вполнѣ преданную Австріи[1]).

Такимъ образомъ австрійское правительство взяло въ свои руки крестьянское дѣло во всей Галиціи и національное движеніе русиновъ въ восточной ея части и направило то и другое противъ тогдашнихъ польскихъ стремленій. Польскимъ патріотамъ, даже демократамъ, осталось только кое-какъ защищать свои позиціи, покамѣстъ болѣе теоретически. Однимъ изъ проявленій этой защиты была *Pisń radosti*, которую мы воспроизвели выше и которая представляетъ крестьянамъ-малоруссамъ отмѣну панщины дѣломъ «ляшенькивъ» и подсказываетъ этимъ крестьянамъ братство съ ляхами противъ «чужой птицы, тяжкаго ворога, цесарского комиссара», который-де даритъ то, чего самъ не имѣетъ[2])

Разумѣется, подобныя обращенія, довольно запоздалыя, не могли имѣть практическаго значенія: крестьяне, а тѣмъ болѣе духовенство галицко-русское, остались на сторонѣ цесаря и его комиссаровъ. Но тѣмъ не менѣе въ литературномъ отношеніи эта *Pisń radosti* не пропала даромъ, а послужила точкою отправленія для сложенія въ лагерѣ русиновъ пѣсенъ объ отмѣнѣ панщины и при томъ пѣсень противныхъ панамъ, а въ дальнѣйшихъ редакціяхъ и вообще «ляхамъ».

---

[1]) Подробности объ этомъ всемъ см. въ интересной книжкѣ „Polnische Rewolutionen-Errinerungen aus Galicien. Prag. 1863., а также у Springer, Die neueste Geschichte Oesterreichs. II, въ Augsburger Allgem. Zeitung 1848; Beilage, № 166 (Записки гр. Стадіона) и 246 (заявленіе Руской Рады) въ „Основѣ“ 1862 г., IV (Русины въ 1848 г.) и въ „Зорѣ“ 1880 г. (Русины въ 1848 г.).

[2]) Пѣсня эта не была въ своемъ родѣ единственною. Г. Франко приводитъ въ „Зорѣ“ 1886 г. (стр. 272) еще одну—противъ „нѣмцевъ“ и Стадника (Стадіона) и обѣщаетъ сдѣлать спеціальный обзоръ этого сорта литературы 184—49 гг.

Судя по содержанію, *Pisń radosti* появилась около 3 мая 1848 г. А уже черезъ два мѣсяца, въ 8 № (4 іюля) «Зори Галицкой», перваго органа галицко-русскаго возрожденія, появилось слѣдующее:

«Красненькій то и серце каждого русина радостно наповняющій появъ часу и сильный доводъ[1]), якъ высоко взнѣсъ ся вже духъ народности русскои, коли недавно тому мало кто зъ мужѣвъ рускихъ писавъ по руски; а теперь и невѣсты, котри перше може и слова руского не написали, письменностевъ русcковъ щире ся займаютъ и по руски пишутъ, а не ось то якѝ будь бакалюки, якъ то кажуть нѣ въ пять, ни въ десять, але можемъ сказати, краснѝ якъ на початокъ поэтицкіи утворы. Отъ одна вже поважненька руска невѣста ôдъ часу, якъ ся левъ рускій пробудивъ, займае ся поезіевъ русковъ, и то оточена своими внуками, при занятію господарскôмъ, и написала вже зъ десять ковалкôвъ въ дусѣ народнôмъ; пробивае ся въ нихъ чувство утиску и недолѣ народу нашого. Умѣщаемо на той разъ въ Зори два наступающіи кавалки.

1. Прилетѣла зозуленька, тай стала ковати,
Ой щось я вамъ, добрѝ люде, маю повѣдати:
Якъ вже гаѣ зеленили, я до васъ вертала,
Сѣла-мъ собѣ въ темнôмъ лѣсѣ, трохи-мъ спочивала;
Ажъ ту разомъ щось збуднѣло, я ся споглянула—
Якемь диво обачила, ажемь ся забула.
А то паньщину свобода передъ собовь гнала,
Загнала ю въ лѣсы, дебри, щобы тамъ пропала...
А за нею женутъ паны, взяли ю просити:
Вертай, вертай назадъ до насъ; нема зъ ôдки жити.
Паньщина имъ заповѣла: що жъ я тому винна?
Самѝсьте мя ôдправили, я вамъ була вѣрна.
Не въ той способъ мы съ тобою хтѣли ся розстати,
Мы судили, що тя колись зновъ будемъ витати.

---

[1]) Считаемъ нужнымъ предупредить читателя, что названный галицкій журналъ, какъ большая часть писателей въ Галиціи, употреблялъ правописаніе такъ называемое этимологическое, т. е. приближенное къ церковно-славянскому, со значками для оттѣнковъ фонетическихъ ѣ=і, ô=і, ôд=від, ê=і, и=ы (хотя не всегда), а потому острое и (і) отмѣчается ѝ.

Мы не вмѣемъ молотити, наши жѣнки жати,
Мы не знали, що такъ тяжко на хлѣбъ працювати;
До кавярнѣ нема зъ чимъ йти тай чортика грати—
Бо въ кешени всюда пусто, ôдкижъ чого взяти?
Зъ арендаря вже не можна бôльше вытягати,
Бо вже на боргъ хлопъ не хоче горѣлочки брати.

---

2. Ой ты Зоре Галицкая, якажесь намъ ясна:
Такъ есь красно засвѣтила, ажъ паньщина згасла.
Хоть такъ ясно засвѣтилась, не всѣ видятъ люди,
Ой суть такû межи нами, що маютъ полуды.
Ой ты, Зоре Галицкая, не свѣти нѣкому,
Тôлько нашôй руской справѣ, якъ пôйде до трону.
П....а зъ К....

Берѣть приклад, красніи дѣвицѣ! Читайте и пишѣть и вы по рускû; вашû думки и пѣсеньки обôйме чувство пріязни и любви; але завше най будутъ въ дусѣ рускôмъ».

Что первая пѣсня есть только передѣлка, конечно направленная противъ пановъ, вышеприведенной «Пѣсни радости», это, кажется, ясно изъ простаго сопоставленія. Что же касается второй, то это тоже передѣлка, но только уже народной пѣсни любовной.

Ой мисяцю, мисяченьку не свûты никому,
Тилькы мому мыленькому, якъ иде до дому и т. д.

Одинъ взглядъ на эту передѣлку, на ея партіонныя преокупаціи, выраженныя въ 3—4 стихахъ, намекающихъ на польско-русинское общество «Рускій Соборъ», которое поляки хотѣли противупоставить чисто русинской руской радѣ, предводители которой издавали «Зорю Галицкую», на ея послѣдніе стихи, намекающіе на представленіе меморандума центральному правительству, отнимаетъ всякую возможность предположенія простонародности автора этой передѣлки. Конечно, этимъ авторомъ не была ни какая «невѣста», но кто либо изъ близкихъ редакціи «Зори» лицъ.

Спустя немного «зозуленька» пущена была опять въ ходъ по новому поводу: по случаю агитаціи въ пользу обществъ трезвости.

Въ той же «Зорѣ Галицкой» 1849 г., № 25 (16—28 марта) появилось стихотвореніе «Горѣлочка», въ началѣ котораго стоитъ:

Прилетѣла зозуленька, тай стала кувати,
Ой! часъ люде горѣвчище пити перестати;
Най ю вже пьють бѣси въ пеклѣ, турки та татары (!!),
Най ю пôрвутъ лыхи вѣтры, пôбьютъ чорни хмары;
Поки люди горѣвчище любили та й пили,
Арендарѣ повбирани, якъ паны ходили.
Будуть они по улицяхъ теперь драньемъ трясти,
Якъ не схотятъ молотити, а жôнки ихъ прясти.

Дальше слѣдуетъ описаніе гнусности пьянства, а въ концѣ уже не зозуленька, а рыбка излагаетъ дѣвчатамъ прелести трезвости:

Придивѣть-ся дѣвчатоньки, якъ я красно скачу,
Якъ весело си гуляю, хоть корчмы не бачу!

Впрочемъ, такъ какъ это новое стихотвореніе не имѣетъ, кромѣ какъ своимъ началомъ, ближайшаго отношенія къ нашему предмету, то мы и не будемъ далѣе на немъ останавливаться. Для насъ интересно теперь только начало послѣдняго стихотворенія, показывающее, какъ понравился галицко-русскимъ патріотамъ 1848—89 гг. пріемъ польскаго автора *Pisni radosti*—заставить птицу возвѣщать извѣстныя политическія мѣры и идеи галицкимъ крестьянамъ.

Мы привели пѣсенку о зозуленькѣ, возвѣщающей свободу, въ томъ видѣ, въ какомъ она напечатана въ австро-русскихъ областяхъ духовными руководителями тамошняго населенія. Въ статьѣ «Русины въ 1848 году» (Основа 1862 г., стр. 6—7) сообщенъ галицкій варіантъ этой пѣсни, лишь нѣсколькими выраженіями отличающійся отъ напечатаннаго въ «Зорѣ Галицкой», а въ сборникѣ пѣсенъ г. Головацкаго (III, 211) напечатанъ варіантъ «изъ Угорской Руси», отличающійся слегка діалектически, да выпускомъ въ серединѣ одного стишка, вмѣсто котораго прибавлено въ концѣ отъ имени пановъ:

Ни съ чѣмъ, ни съ чѣмъ намъ вже жити,
Пришлось пропадати.

Въ упомянутой статьѣ «Основы» пѣсня о зозуленькѣ названа стихотвореніемъ, но нѣсколько выше «другое стихотвореніе»—обращеніе къ «Зорѣ Галицкой» представлено какъ привѣтствіе «народное». Характеръ, мало критическій, сборника г. Головацкаго не позволяетъ съ увѣренностію сказать, былъ-ли представляемый въ этомъ сборникѣ варіантъ, какъ и варіантъ статьи «Русины въ 1848 году», записанъ «изъ народныхъ устъ», каково бы ни было его первоначальное происхожденіе, или-же взятъ съ какой нибудь рукописи, или печатнаго популярнаго листка. Тоже самое надо сказать и о третьемъ варіантѣ, напечатанномъ у г. Головацкаго же въ томъ же томѣ, на стр. 205—210 (№ 75). Варіантъ этотъ, подъ которымъ не помѣчено мѣста, гдѣ онъ записанъ, сливаетъ два «кавалки»,—«невѣсты» II—а зъ К. о панщинѣ и о «Зорѣ Галицкой», въ одну «Пѣсню о панщинѣ», а въ серединѣ между ними, а равно и между куплетами перваго «кавалка» даетъ новые куплеты, и, что всего интереснѣе, между ними находимъ куплетъ изъ *Pisni radosti* цѣликомъ, а другіе въ явной антитезѣ слогамъ этой послѣдней.

Такъ непосредственно послѣ словъ пановъ къ панщинѣ о томъ, что они надѣялись (въ данномъ варіантѣ: «мы казали»), «що ще будемъ съ тобовъ ся витати», стоитъ куплетъ изъ Pisni radosti.

А вже нема того пана,
А ни ватамана,
Жебы ходивъ, колядовавъ
По-пидъ викна зъ рана.

Это воспоминаніе о представителѣ стараго порядка даетъ поводъ къ дальнѣйшимъ куплетамъ, въ которыхъ рисуется, какъ прошлое, такъ и теперешнее положеніе пановъ. Мы приведемъ эти куплеты, дополняющіе варіантъ «Зори», между прочимъ потому, что они поясняютъ мѣста въ варіантахъ, записанныхъ въ Россіи, часто искаженныя и не совсѣмъ понятныя.

Окомонивъ, ватаманивъ,
Уже скасовали,
Що на панщину гонили,
Викна выбивали.

Перше були штыри паны,
А два ватаманы,
Восимнадцать полёвыхъ,
А единъ пидданый!
Выйшла стара пани
На затыльни двери:
«Повернися, панщинонько,
До насъ до вечери!
Ой вернися, панщинонько,
Вернися, вернися,
Хоць на рочокъ, або на два,
Та у насъ наймися!»
Панщина имъ видповила:
«Я за васъ не дбаю,
То-то мь ся въ васъ доробила,
Що нйчо не маю».
Ой пишовъ панъ молотити,
Пани пидмитати:
«Десь нашои панщиноньки
Теперь не видати!»

Дальше идутъ три куплета, опять сходные съ первымъ «кавалкомъ» «Зори Галицкой», а за тѣмъ являются на сцену комиссары, только совсѣмъ не въ томъ видѣ, какъ въ Pisni radosti:

Наихали комысари,
Стали голосити:
«О часъ бы вамъ, бидни хлопы,
Панщинъ не робити!»
Отъиздили комысари
Тай наказували,
Жебы хлопы предъ панами
Шапокъ не здіймали.
Хлопы йдуть, люльки курятъ,
Паны сидять, та й ся журятъ:
«Де бъ намъ гроши заробити,
И тымъ хлопамъ заплатити;

И табаки понюхати,
Жебы пана послухати,
И горивки оковити,
Щобъ на пана ще робити.

Дальше варіантъ возвращается опять къ «зозуленькѣ», а за тѣмъ вводитъ на сцену и другихъ птицъ, въ томъ числѣ и «ластивочку» и голубей польскаго первообраза:

Вылетѣла зозуленька,
Сѣла зъ голубами:
«Ой часъ бо вамъ, паны,
Приставати съ нами!»
Сѣла соби надъ водою
Сыва посмитюха,
Та й спивала панщиноньки,
А той ляшокъ слуха:
«Ой жебы намъ, пане брате,
Посмитюху вбити,
Щобъ не вчила та пташина
Зъ бидныхъ ляшкивъ кпити (насмѣхаться)!
Ой летѣла та сорока,
Та й стала, скреготче:
«Чогось бо намъ вже панщины
Робитись не хоче!»
Вылетѣла ластивочка,
Уже снигу мало:
«Въ сами свята Великодни
Панщины не стало».

Послѣ этого слѣдуютъ куплеты второго «кавалка» «Зори Галицкой»-

Въ составленіи этого варіанта очевидно непосредственное вліяніе *Pisni radosti*. Является только вопросъ: встрѣтилась ли уже среди «народа» эта *pisnia* съ своимъ подражаніемъ, выпущеннымъ изъ «Зори Галицкой», или же это слитіе двухъ пѣсней сдѣлано было просто у письменнаго стола какого нибудь галицко-русскаго патріота? Окончательно рѣшить этотъ вопросъ могло бы только откровенное признаніе кого нибудь изъ близкихъ къ тогдаш-

нимъ галицкимъ литературнымъ дѣламъ лицъ. Но мы бы подали голосъ скорѣе за второе, чѣмъ за первое предположеніе, уже въ виду растянутости послѣдняго варіанта и искуственности расположенія его частей.

Какъ бы то ни было, но какъ «кавалки» «Зори Галицкой», такъ и ихъ обработка, напечатанная въ сборникѣ г. Головацкаго подъ именемъ «Пѣсни о панщинѣ», были внесены въ народъ и стали тамъ распространяться посредствомъ устной передачи, такъ что теперь уже можно найти почти всѣ ихъ составныя части въ разныхъ комбинаціяхъ и редакціяхъ среди несомнѣнно устной народной словесности. Такъ несомнѣнно устнаго характера варіантъ № 76 упомянутаго отдѣла въ сборникѣ г. Головацкаго, помѣченный: «Изъ Жолковскаго уѣзда». Онъ почти во всемъ подобенъ первому «кавалку» «Зори Галицкой», кромѣ нѣкоторыхъ діалектическихъ отмѣнъ; только слово «паны» замѣнено словомъ «ляхи», да отброшены четыре стиха въ концѣ. Въ такомъ же родѣ рукописный варіантъ, доставленный изъ «Угорской Руси» г. Симеономъ Ревтіемъ, интересный, какъ образчикъ усвоенія русинами закарпатскими пѣсни, которая распространялась среди галичанъ, жившихъ хотя при сходныхъ въ основѣ, но все таки отличныхъ въ подробностяхъ условіяхъ. Въ видахъ сбереженія мѣста, мы приведемъ здѣсь только конецъ его: заключеніе ламентацій пановъ и обращеніе къ «Зорѣ Галицкой».

— «Въ кафегаусъ не пойдеме,
Ни до корчмы пити,
Въ кешеняхъ всягды пусто,
Вутки (звидки, откуда) то-то взяти?»
Ой, Зоре Галицкая,
Зазори намъ ясно,
Чтобы долго можно жити
Тихо, чесно, красно.

Послѣдній куплетъ показываетъ, что за Карпаты пѣсня дошла въ редакціи, имѣющей связь съ тою, которая слила два «кавалки» «Зори Галицкой», только эта редакція не могла удержаться въ Венгріи въ той удлиненной формѣ, въ какой ее поддерживало

въ населеніи Галиціи постоянное вліяніе на массу крестьянъ грамотныхъ ихъ руководителей.

Изъ Галиціи мы имѣемъ нѣсколько неизданныхъ варіантовъ, несомнѣнно записанныхъ «изъ народныхъ устъ» чрезвычайно точными собирателями. Первый варіантъ пошелъ очевидно отъ сводной редакціи, что у г. Головацкаго (№ 75), хотя опять очень укороченный:

Ой летила зизуля по надъ наши села[1]),
Принесла намъ новиноньку для насъ всихъ веселу:
Прыихали комысари, взяли голосити:
—«Не будете, добри люде, панщины робити».
Ой летила ластивонька, куда снигивъ мало,
Въ сами свята великодни панщины не стало.
Приихали комысари и наказували,
Жебы хлопы предъ панами шапокъ не здоймали.
—Ты не вміешъ косити, я не вмію прясти,
Ой пидемо, бидни люде, слѝпѝ диды водити.
А выйшла стара пани на затыльни двери:
—Ой вернися, панщинонько, хоцынь до вечери.
—Не вернуся, не вернуся, я ти була вирна,
Ой ты мене видправила, я тому не винна.

Въ слѣдующемъ варіантѣ, записанномъ г. М. Бучинскимъ въ с. Гринивцы, въ Подгорьи, аллегорическая зозуленька уже почти совсѣмъ атрофировалась и посвященные ей куплеты замѣнились картинами отмѣненнаго рабства и выраженіями благодарности и радости по поводу освобожденія:

Вылетила зозулечка зъ зеленого гаю,
Та втикала панщиночка изъ нашого краю.
Еи паны атаманы хотили зловити.
—«Та вернися, панщиночко, съ чого будемъ жити?»
Будуть паны та косити, а паньи вязати,
Будуть знати вражи ляхи людей шановати.
Видъ полудня до полудня людей збиткувати.

---

[1]) Ради читателей въ Россіи мы сглаживаемъ тонкости горской, гуцульской, фонетики въ нашей транскрипціи этого и слѣдующаго варіантовъ.

Просить Бога, молодыци, тай коло крыныци,
Що вамъ цисаръ подарувавъ тяжки роботныци.
Просить Бога, молодыци, та коло фигуры[1]),
Що вамъ цисаръ подарувавъ покладки (яйца) тай куры.
Якъ не видко умерлого, по свйти не ходитъ,
Такъ не видко панщиночки, нихто ій не робыть.
Якъ не видко умерлого та й коло цвынтаря,
Такъ не видко панщиночки въ нашого цисаря.

Между новыми подробностями, какія появляются въ этомъ варіантѣ, интересна молитва за «цесаря» съ ея мотивами. Эту молитву мы встрѣтимъ далѣе въ россійскихъ варіантахъ, а потому тѣмъ болѣе должны остановиться на ея развитіи въ варіантахъ австрійскихъ, откуда она пошла въ Россію. Эта молитва прицѣпилась въ пѣсни о зозуленькѣ и панщинѣ изъ особой пѣсни о венгерскомъ возстаніи, которое совпало хронологически съ уничтоженіемъ панщины. Уже этого послѣдняго обстоятельства было достаточно для того, чтобъ въ умахъ крестьянъ, мало знакомыхъ съ мотивами политическихъ событій, оба явленія приведены были въ причинную связь между собою. Венгры—враги цесаря, отмѣнившаго панщину, явились сторонниками панщины. Къ тому же на сторонѣ венгровъ стали поляки, синонимъ «пановъ» для галицкихъ крестьянъ. Венгры, ляхи и паны слились въ одно въ умахъ этихъ послѣднихъ, особенно въ то время, когда сформировался при венгерской арміи польскій легіонъ и когда правительство цесаря приняло мѣры къ развитію крестьянской сторожи, уже и прежде, съ самаго начала смутъ 1848 г. сложившейся почти самостоятельно. Теперь этой сторожѣ поручена была спеціально охрана карпатскихъ проходовъ отъ польскаго легіона въ Венгріи. Само собою разумѣется, что роялистическая агитація, къ которой пристали

---

[1]) „Фигурами“ называютъ въ Галиціи, какъ и въ западныхъ губерніяхъ Россіи, большіе кресты съ скульптурнымъ распятіемъ и относящимися къ нему эмблеммами. Такія „фигуры“ ставили крестьяне во многихъ мѣстахъ въ память освобожденія, при чемъ аллегорически погребали подъ ними панщину, на что намекаютъ и пѣсни. Иногда погребаемая панщина изображалась бутылкою водки, которая закапывалась въ землю въ знакъ того, что отнынѣ крестьяне уже не будутъ обязаны брать извѣстное количество водки изъ панскаго шинка.

принципіально священники, тогдашніе политическіе вожди галицкихъ русиновъ, поддерживала своеобразное отношеніе галицкихъ крестьянъ къ венгерско-польскому движенію, чѣмъ и объясняется особенно ревностный цезаризмъ этихъ крестьянъ не только противъ венгровъ, но даже и противъ итальянцевъ, которые въ то же время возставали, какъ извѣстно, въ Ломбардіи и Венеціи противъ цесаря. Такое настроеніе галицкихъ крестьянъ отразилось и въ народной словесности австрійскихъ малороссовъ довольно большимъ количествомъ пѣсенъ о тогдашнихъ военныхъ событіяхъ, которое представляетъ контрастъ весьма равнодушному отношенію къ военно-политическимъ событіямъ XIX в. малороссійской народной словесности, такъ чуткой къ нимъ въ XVII и даже XVIII вв.

Уже въ собраніи г. Головацкаго есть нѣсколько австро-малорусскихъ пѣсенъ о венгерскомъ движеніи 1848—49 гг., и, что замѣчательно, пѣсенъ этихъ гораздо больше галицкихъ, чѣмъ собственно венгерскихъ, по причинамъ, указаннымъ выше. Между этими мы остановимся на одной, которая имѣетъ ближайшее отношеніе къ нашему предмету. Вотъ начало ея:

А Господи милосердный,
Якъ мы бидували,
А поки мы та панщину
Тяжко видбували.
Славу Богу, же намъ гараздъ
Теперь, се-си лита,
А же бы нашъ цисарь здоровъ
Та й живъ многи лита.
Бога просимъ за Тисаря
Шо часъ, шо годины,
Намъ панщину подаровавъ,
А быхъ не робили;
Бога просимъ за Тисаря
Сараки-руснаки,
На Тисаря нагнивався
Венгеръ та Поляки и т. д. [1]).

(Нар. Пѣсни Гал. Угор. Руси, т. II, стр. 460—461).

---

[1]) Далѣе идетъ дѣло о волненіяхъ среди поляковъ до самой Варшавы, о приходѣ въ Австрію „москаля вороными киньми“ и о побѣгѣ „венгра“ (... гихъ варіантахъ Кошута, по именно) „пидъ Турка“.

По нѣкоторымъ признакамъ, особенно по концу пѣсни, котораго намъ нѣтъ здѣсь основанія приводить, можно думать, что и эта пѣсня въ первоначальной своей формѣ не устнаго, а письменнаго происхожденія. Но пѣсня эта вошла въ народъ и тамъ обтерлась отъ слишкомъ книжныхъ чертъ и значительно распространилась. У насъ есть нѣсколько варіантовъ ея, записанныхъ несомнѣнно изъ народныхъ устъ. Одинъ изъ нихъ прямо начинается съ молитвы за цесаря:

Бога просймъ за цисаря у святои матки,
Що намъ цисаръ подаровавъ панщину й податки[1]).
Просймъ Бога за цисаря въ святои фигуры,
Що намъ цисаръ подарувавъ пряжу, яйця й куры, и т. д.
(Запис. Константина Бородайкевичева, въ Рожен ѣ въ горахъ Коломыйскихъ въ 1872 г.).

Въ другомъ варіантѣ, котораго части тоже зашли въ Россію, въ началѣ опять является «зозулечка», но скоро совсѣмъ затирается реальными образами и надеждами:

Вылетила зозулечка зъ высокои горы
Та занесла панщиночку за Дунай у море.
Та дай же ты, пане війте, та до людей знати,
Та най идуть на Середу панщину сховати.
Та й панщину поховали, хрестъ на ню поклали.
Якъ учули варіяты[2]), ревне заплакали.
Та не плачте, варіяты, сами-сь-те хотилы:
Мы робили по штыри дни, та й не малы виры;
Теперъ бо, пане брате, лишъ на свйти жити —
Цесарське заплатити, та й соби робити.
Просйть Бога за цисаря, що часъ, що годыни,
Подарувавъ панщиночку, що бы'мъ не робили.
Подарувавъ панщиночку, оплатну худобу;
Оплати грунтъ, халупу, сиди соби въ дому.

---

[1]) Обязательныя приношенія панамъ натурою, а не подати государственныя, какъ поняли пѣвцы въ Россіи.

[2]) Польск. wariat=сумасшедшій; такъ пѣсня честитъ пановъ.

Пáли карты видъ цисаря, щобы ихъ читати,
А въ тыхъ картахъ написано: села вартувати и т. д.
(Запис. Александръ Стефановичъ, въ 1872 г. въ Корневѣ,
коломыйскаго повѣта).

Остальная часть пѣсни посвящена венгерской войнѣ, а потому и не приводится здѣсь.

Еще болѣе передѣлалась въ реальномъ направленіи аллегорическая пѣсня о зозуленькѣ въ интересномъ варіантѣ, напечатанномъ въ «Основѣ» въ 1862 г., № V, въ статьѣ «объ отношеніяхъ галицкихъ русиновъ къ сосѣдямъ». Мы приведемъ его здѣсь вполнѣ, такъ какъ почти всѣ его составныя части пошли на образованіе варіантовъ, вращающихся теперь въ Россіи.

Ой дай, Боже, здоровьечко нашому цареви,
Та що зробивъ полекшинья нашому краеви!
Ой дай, Боже, здоровьечко та нашій царивни.
Ой щожъ теперь тай мужики изъ панами ривни!
Пише цисарь тай патенты межи свои люде:
—«Ой молиться пану Богу—панщины не буде»!
Ой летила зозуленька зъ зеленого гаю,
Утикала панщинонька изъ нашого краю;
Ой якъ вона соби сила та й трошки спочила:
Дивилася, якъ свобода панщину тиснула.
Ой якъ вона утикала, паны ю-ловили.
—Ой вернися, панщиночко, мы тебе любили.
—Не вернуся, дурню пане, ничимъ вамъ не винна;
Було жъ мене шановати,—я вамъ була вирна;
Було жъ мене шановати. мыръ не збытковати.
Вы не знали, якъ то гирко на хлибъ бидоваты.
Вы не вмилы бо й косити, ваши жинки жати:
Будетъ ваша панщинонька въ поли зимовати.
Минулыся тіи вроки, да тіи гайдуки,
Що носили гарапники та й лискови буки!
Минулося, що ти паны, що ти окомоны
Заливали въ печи огонь жинкамъ коновками.
Йде чоловикъ на панщину зъципомъ молотити,
Ой-я вони забигають, хотя(тъ) ёго вбити (ударить)

Въ понедилокъ на панщину, въ вивторокъ панщина!
Вже ся теперъ, пане брате, панщина скинчила!

Вышеприведенный варіантъ интересенъ между прочимъ тѣмъ, что здѣсь устное народное творчество наконецъ справилось довольно удовлетворительно съ однимъ весьма труднымъ для него мѣстомъ въ разговорѣ панщины съ панами, пущеннымъ въ оборотъ «Зорей Галицкой». Послѣдняя считалась съ претензіей помѣщиковъ на то, что будто они сами, а не цесарь, отмѣнили панщину, и отнеслась къ этой претензіи съ ироніей, заставивъ панщину говорить имъ, что сами, молъ, вы меня отправили, а я была вамъ вѣрна, на что паны отвѣчаютъ (для большаго ихъ посрамленія): мы не такъ желали съ тобой разстаться, мы думали, что вновь будемъ привѣтствовать тебя и т. п. (см. выше). Вся эта иронія оказалась слишкомъ сложною для устной народной словесности, а потому, какъ можно видѣть изъ вышеописаннаго, большая часть устныхъ варіантовъ удержала полно и даже разработала изъ этого разговора только слова о неумѣніи пановъ работать, а слова о томъ, что паны же сами отправили вѣрную имъ панщину, поставились въ этихъ варіантахъ не въ ироническомъ, а въ прямомъ смыслѣ, конечно вѣ противность намѣреніямъ редакторовъ «Галицкой Зори» и къ невыгодѣ ясности основной мысли пѣсни. Послѣдній варіантъ мотивируетъ отходъ панщины очень ловко: паны не берегли ее, излишнимъ притѣсненіемъ крестьянъ, котораго картина за тѣмъ и рисуется по матеріалу, какой былъ уже готовъ въ пѣсняхъ о крѣпостномъ правѣ, одинаковыхъ въ Галиціи, какъ и въ Украйнѣ, особенно на правомъ берегу Днѣпра [1]).

Кромѣ этого конца въ послѣднемъ варіантѣ интересно начало, гдѣ выражается благодарность царю и даже царевнѣ. Начало это встрѣчаемъ мы, какѣ конецъ довольно спутанной пѣсни (съ упоминаніемъ зозуленьки жъ), напечатанной въ «Галичанинѣ» (1862 г. кн. I, вып. II, стр. 19—20). о происхожденіи которой мы не рѣшаемся высказаться опредѣленно. Но каково бы ни было проис-

---

[1]) Въ такомъ же духѣ и буковинскій варіантъ говоритъ;
Було людей та й не бити, тай не катувати,
Було людямъ та й но лапахъ снопивъ не рубати.

хожденіе этого конца, ему суждено было распространиться въ народѣ и войти въ составъ другихъ варіантовъ въ Австріи [1]) и въ Россіи, а въ послѣдней развиться даже въ особую пѣсню.

Почти всѣ основные мотивы, какіе мы встрѣчали до сихъ поръ въ разбираемыхъ выше варіантахъ, слились довольно оригинальнымъ образомъ въ одномъ, но такъ, что преобладающимъ вышелъ мотивъ ироніи надъ панами, которые не умѣютъ работать. Варіантъ этотъ записанъ въ с. Воскресинцахъ, около Коломыи, и напечатанъ въ львовской «Зорѣ» 1886 г., стр. 214—215.

Ой летила зозулечка тай стала кувати,
Якъ зачьила видъ панивъ панщина впадати.
Выихавъ панъ та на мисто, посьигъ у кишеню,
Та выймае изъ кишени—порожнюю жменю.
Посьигъ же винъ у другую, витьигае дудку.
—А за що-жь си ту напити, мой гиренькій смутку!
Бричку, кони продавати, робити наймати,
А за що-жь си ту напити тай въ карты заграти?
Ой пити бъ намистъ кавы борщикъ бураковый,
Бидна-жь моя головонько, живитъ не здоровый!
Ой коровы попродани, дійницѣ вакуе,
То-жь то мени безъ сметанки кава не смакуе.
Пишли паны й мандатори цисаря просити:
—Подаруй намъ панщиночку, нема зъ чого жити!
Не вміемо молотити, наши жѣнки жьити,
Не знаемо, цисарику, якъ на хлибъ робити.
Не можемо мы сапати, наши жѣнки прьисти,
Хиба пôдемъ по пôдъ плоты концурьичкомъ [2]) трясти.
Ввійшовъ дидичь до стôдолы, зачьивъ молотити,
Та подавивъ мозольита тай ставъ голосити.
Ой пôшовъ ôнъ до покою та взьивъ соби лою
Та намастивъ мозольита..... Оттакъ дурный гою!

---

[1]) Между прочимъ, кромѣ вышеприведеннаго,—въ буковинскомъ варіантѣ въ Зап. югозап. отд. Р. Геогр. Общества, 560, гдѣ благодарность выражается не только царю, царевнѣ, царевымъ дѣтямъ, но и „царевому роду, (бо) нема намъ уже панщины, нема и худобы“, т. е. скоту.

[2]) Кóнцурѣ—лохмотья; трясти кóнцурэмъ по пидъ плоты—просить милостыни.

Не боитъ си голый дощу, а ни тои бури,
Засунувъ си въ чужи грьидки та мыче цыбули.
Та якъ выйшовъ газда зъ хаты та вдаривъ коломъ:
—На що, пане, тото мычешь, коли-сь не половъ?
—Дайте мнѣ фустиночки, голову завьизати!
Поки буду, вже не буду въ грьидки зазирати!
Помолитъ си люде добри до свьитои Дѣвы:
Що ходивъ панъ на общасахъ, теперь на холиви.
Помолитъ си люде добри до тои фигуры:
Вже вамъ цѣсарь подарувавъ мотки, ейци, кури.
Помолитъ си люде добри до тои каплыцѣ:
Утратили паны ласку ой черезъ Кошыци! [1]).

Мы исчерпали весь имѣющійся въ нашемъ распоряженіи печатный и рукописный матеріалъ, по которому можно видѣть, какъ спрявлялось устное творчество австрійскихъ малороссовъ съ внесенною въ его область довольно искусственною, хотя и претендующею на народность пѣснью о такомъ важномъ для народа явленіи, какъ освобожденіе отъ панщины. Мы видѣли, какъ это устное творчество усиливалось закрыть книжническія аллегоріи реальными образами настоящаго и недавно прошедшаго, а также благодарностію представителю власти, отъ котораго, какъ увѣрили народъ ближайшіе его совѣтники, вышла инициатива благодѣтельной для народа мѣры. Оставляя теперь австрійскихъ малороссовъ, чтобъ перейти къ россійскимъ, мы попросимъ у редакціи еще немножко мѣста, чтобъ воспроизвести еще одну неизданную галицкую пѣсню все о томъ же сюжетѣ, такъ какъ эта пѣсня имѣетъ много общаго съ нѣкоторыми варіантами пѣсни, разобранной выше, хотя не имѣетъ ничего общаго съ ея первоначальной аллегорической основой и развилась отъ нея вполнѣ самостоятельно и вполнѣ устнымъ образомъ. Мы дѣлаемъ это тѣмъ болѣе, что эта пѣсня не только даетъ намъ примѣръ вполнѣ народнаго творчества австрійскихъ малороссовъ о важномъ событіи въ ихъ исторіи, но имѣетъ себѣ параллели и въ пѣсняхъ малороссовъ въ Россіи.

---

[1]) Кошицы (нѣмецк. Koschau)—городъ въ сѣв. Венгріи, гдѣ стоялъ польскій легіонъ.

Ой же хлопци не спивали, голосу не мали,
Болячки ихъ пидперали, що не додыхали.
Болячки ихъ пидперали, що не додыхали,
Черезъ тыждень на панщыни гаразду не знали:
Черезъ тыждень на панщыни, ще то-то не решта (не конецъ),
Ой въ недилю до полудня берутъ до арешту.

Ой въ недилю дуже рано до церковци дзоня(тъ),
Атаманы съ полёвыми до рахунку гоня(тъ).
Прыйшовъ же я та й до двора, взявъ си раховати,
А винъ [1]) мени на одинъ день по три дни складати.
Я изъ нызька уклонився, та й взявъ го просити,
А винъ мене ймивъ за чуперъ, якъ мя зайде бити.

Прыйшовъ я до дому, та ще не встыгъ систи.
А полёвый йде, кричить: давай конимъ ўсти.
Прыйшовъ я до дому, жинка си питае,
Чи багато, чоловиче, та й панщины маемъ?
Ввійшовъ я до хаты, взявъ жинци казати,
А ватаманъ йде, кричить: коня запрягати!
Я закликавъ го до хаты, та й узявъ просити:
Най попоимъ трохи джуру [2]), не можу ходити.

Прыихавъ я та й до двора, та й ставъ передъ браму,
А окомонъ йде, кричить, кляне мене въ маму.
Я и шапку іому скинувъ, здалека вклонився,
Винъ нагайку изъ-пидъ плаща, та й мене набився!

Минулися то-ти часы, та й то-ти гайдуки,
Що носили та й за людьми лисковіи буки.
Минулися то-ти часы й то-ти атаманы,
Та й що они молодыцямъ огонь заливали.
Теперъ паны головати, нема що робити,
Пишутъ они до цисаря: нема видки жити,
Вже си люде збунтували, не хотя(тъ) робити.
Мы не вміемъ та й косити, наши жинки жати,
Мы не знали, що такъ тяжко на хлибъ працювати.

Сидить цисаръ та й у Видни, ничого не знае,

---

[1]) Панъ или управляющій.

[2]) Родъ похлебки изъ овсяной муки.

А гвардыя изъ поляквиъ бити ся гадае.
Пишутъ они до цисаря а всиляки листы:
— «Зроби право, нашъ монархо, бо будемъ ся бити».
Сидить цисаръ коло стола, та й права читае,
А гвардыя изъ поляквиъ нещистье кохае.
Пише цисаръ до Москаля: що мени робити,
Що гвардыя изъ поляквиъ та й хоче си бити?—
Іому Москаль видписуе: та якъ же си маешъ,
Чи велику на сердечку ой ты журу маешъ?
— Ой не того, каже, маю, що нема що ӥсти—
Е що ӥсти, е що пити, не прыймае трунокъ.
Пише цисаръ до Москаля, просить на ратунокъ.
Іому Москаль видписуе: та я пӥти—пиду,
Нема мени Польщу[1]) бити, лише до обиду!
(Запис. Ал. Стефановичъ, въ Корневѣ, въ колом. пов. въ 1872 г.).

Не знаемъ, какъ рѣшитъ читатель, а намъ сейчасъ приведенная пѣсня кажется выше «зозуленьки», не только по своему реализму, но и по своей художественной постройкѣ и даже, не смотря на нѣкоторыя наивности въ концѣ, по своему политическому смыслу. Но тѣмъ не менѣе «зозуленька» успѣла распространиться гораздо болѣе, чѣмъ подобныя чисто народныя пѣсни. Почему это? Мы думаемъ потому, что *народныя пѣсни слагаются во время общаго возбужденія извѣстнымъ чувствомъ, но и при полной ясности для народа извѣстнаго факта или положенія дѣлъ.* События 1848 г. застали галицкое крестьянство въ расплохъ, и оно не сразу успѣло отдать сетѣ отчетъ въ своемъ положеніи, а потому и не могло сразу сложить о немъ пѣсенъ. За крестьянство похлопотала грамотная интеллигенція и создала для него «зозуленьку», а вмѣстѣ съ тѣмъ подложила подъ чувство довольства крестьянъ отмѣной панщины роялистическія идеи. Пѣсня о «зозуленькѣ» распространилась, особенно благодаря усиленной пропагандѣ духовенства, но простонародье стало постепенно передѣлывать ее по своему и, какъ мы думаемъ, вовсе не къ худшему во всѣхъ отношеніяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, когда къ 1849 г. общее положеніе дѣлъ выяснилось болѣе и передъ крестьянами, то они стали складывать и

[1]) Въ другихъ вар. „Венгра".

вполнѣ самостоятельныя пѣсни, въ родѣ послѣдней вышеприведенной. Конечно, въ началѣ эти пѣсни складывались съ тѣми политическими идеями, какія подсказывало крестьянамъ наивное эмпирическое наблюденіе текущихъ событій и какія пропагандировала среди народа тогдашняя интеллигенція, духовенство. Мало по малу дальнѣйшій ходъ галицкой и вообще австрійской исторіи произвелъ измѣненіе и въ политическихъ идеяхъ галицкаго простонародья. Въ одномъ новомъ варіантѣ пѣсни о венгерско-польскомъ возстаніи, послѣ воспоминанія прежней бѣды отъ панщины и послѣ благодарности «цисарю» за «подарокъ» панщины, слѣдуютъ жалобы и на настоящее: на безземелье, на то, что, гдѣ прежде только волки выли (въ горахъ), тамъ теперь приходится бѣдствовать людскимъ дѣтямъ,—и вырывается восклицаніе:

А, Господи милосердный, якъ будемо жити,
Що бы коника й коровку при соби держити[1]).
(Запис. Нат. Окуневская въ Яворовѣ, коссовскаго уѣзда, въ 1883 г.).

Оптимизмъ пѣсенъ 1848—1849 гг. относительно цесарскихъ податей, послѣ отмѣны податковъ панамъ и панщины, въ новыхъ пѣсняхъ смѣняетя жалобами на тяжесть налоговъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ является, а въ рекрутскихъ пѣсняхъ и усиливается, враждебное, если не насмѣшливое, отношеніе къ самому цесарю, и между любимыми въ Галиціи «коломыйками» появляются напр. такія:

Ой на тоби, цисарику,
Та шапочка срибна!
Ты не знаешъ, цисарику,
Яка то Русь бидна!
Бидна-жъ вона, бидна,
Бо ляхи (или швабы-нѣмцы) зидрали,
А що було по корови
Та й жиды забрали.
Жиды беруть по корови,
Цисаръ бере диты:

[1]) Оставляемъ гуцульскую фонетику для рифмы.

Ой нема намъ, пане брате,
Чо(го) въ Руси сыдити [1].

Или:

Ой цисарю, цисарику, яке-жъ ты ледащо:
Берешъ людей, берешъ гроши, та й не знати за що [2])!

Но мы уже забѣжали впередъ вмѣстѣ съ дѣлами Галиціи. Возвратимся назадъ, хотя не въ Галицію, а въ Россію, положеніе которой въ 1861—1864 гг. сильно напоминаетъ положеніе Австріи въ 1848—1849, такъ какъ въ Россіи въ это время сошлись такія два явленія, какъ освобожденіе крестьянъ и польское революціонное движеніе.

(Окончаніе слѣдуетъ).

[1]) Два варіанта, запис. М. Бучинскимъ въ Королевкѣ и В. Волошнюкомъ въ Гринивцахъ, въ Подгорьи, въ 1872 и въ 1869 г.

[2]) Запис. И. Франко, въ с. Кулневичахъ, самборск. п., въ 1883 г.

Записки Ивана Матвѣевича Сбитнева.

(Изъ времени учрежденія на Волыни и Подоліи, послѣ возстанія 1831 г., русскихъ школъ, въ замѣнъ польскихъ).

(Продолженіе) [1].

Каменецъ-Подольскій.

Въ смутныхъ ощущеніяхъ радости, грусти и любопытства я въѣхалъ въ Каменецъ въ 11 часовъ вечера 19 генваря 1833 года и остановился въ трактирѣ, который находится противъ ресурсоваго дома, гдѣ обыкновенно бываетъ благородное собраніе. Я принялъ рѣшительное намѣреніе сперва хорошенько выспаться, а потомъ предаться дня на два уединенію, чтобы успокоить и тѣло мое отъ утомленія, и душу мою отъ взволновавшихъ ее ощущеній.

Но это намѣреніе мое рушилось, какъ иногда разрушаются многія человѣческія предначертанія, гораздо важнѣйшія! Едва разсвѣло, какъ начали осаждать меня факторы; одна толпа этихъ нахаловъ смѣнялась другою; шумъ ихъ разбудилъ меня. Изъ нихъ нахальнѣе всѣхъ былъ Абрагамъ или Аврумъ, смуглый еврей, небольшаго роста, съ черными волосами. Въ одно время, одни факторы предлагали мнѣ превосходную квартиру, другіе— иголки, иные развертывали предо мною чахлы съ заграничными сукнами, а иные женскіе чулки, шелковыя матеріи, разныя мыла, помады, гребни, щетки, конфекты; всего не перечтешь.

---

[1] См. „Кіев. Стар.“ 1887 г., февральск. кн., стр. 285—316.

— Убирайтесь!—сказалъ я имъ, мнѣ ничего не нужно; пріидете послѣ, а теперь дайте мнѣ покой.

Лишь только произнесъ я эти слова, какъ Аврумъ сталъ по своему распоряжаться: онъ вытолкалъ изъ моей комнаты всѣхъ своихъ товарищей, а самъ, надѣлавши болѣе всѣхъ другихъ шуму, началъ обвинять своихъ товарищей въ невѣжливости, нахальствѣ и шумѣ. Оставшись одинъ со мною, онъ тотчасъ же подступилъ ко мнѣ съ своими распросами и свѣдѣніями.

— Ну, позвольте, господинъ, знать, зачѣмъ же вы пріѣхали? И кто вы будете, господинъ, и какъ васъ величать?

Я не отвѣчалъ. Ловкій факторъ перемѣнилъ тактику.

— А, знаете, господинъ, что я вамъ скажу? Былъ я сейчасъ у директора гимназіи,—я тамъ свой человѣкъ. Ну, и какъ же онъ жалѣетъ, что доселѣ нѣтъ инспектора. И мы всѣ жалѣемъ; съ часу на часъ ожидаемъ его, а онъ не ѣдетъ. Мы уже и квартиру для него приготовили, славную квартиру, гдѣ квартировалъ губернскій маршалъ, графъ.....

Я не выдержалъ и машинально спросилъ:

— А далеко ли отсюда до этой квартиры и просторна ли она?

Эти вопросы измѣнили моему инкогнито.... Абруму только это и нужно было; онъ тотчасъ смекнулъ мое званіе и мгновенно улизнулъ изъ комнаты.

Чрезъ полъ-часа Аврумъ, снова явясь ко мнѣ, уже скороговоркою и съ сіяющимъ лицемъ передавалъ мнѣ:

— Я, знаете, господинъ инспекторъ, заразъ до пана директора побѣжалъ и сказалъ ему, что господинъ инспекторъ уже пріѣхалъ и чтобъ они уже не безпокоились. И какъ же панъ директоръ радъ! Онъ сказалъ мнѣ, чтобъ я заразъ до пана инспектора бѣжалъ и чтобъ панъ инспекторъ пожаловалъ къ нему.

Сказавши это, еврей вторично исчезъ отъ меня, а чрезъ нѣсколько времени, вбѣжавъ въ попыхахъ ко мнѣ, снова повторилъ тоже желаніе директора, и прибавилъ:

— Только чтобы заразъ. Поскорѣе, сказалъ панъ директоръ.

Ого! подумалъ я. Это повторенное желаніе уже походитъ на приказаніе; видно, здѣсь не дремлютъ, дѣлая дѣла.

Одѣвшись въ форменную одежду харьковскаго учебнаго округа, я явился къ Ѳ. Я. Телешеву. Первая встрѣча была далеко не привѣтливая. Окинувъ меня холоднымъ начальническимъ взглядомъ, директоръ сухо проговорилъ:

— Что же это вы облеклись въ форму того округа, къ которому мы уже не принадлежимъ?

Я старался оправдать себя краткостію времени, незнаніемъ самой формы. Вмѣсто снисхожденія на меня посыпались укоризны.

— Вотъ и вы, продолжалъ директоръ, какъ и другіе русскіе чиновники, не сочли долгомъ прибыть въ Каменецъ къ 1-му генваря. Вѣдь въ этотъ день назначено было да и послѣдовало открытіе гимназіи?—Ахъ, сколько труда и заботъ, присовокупилъ онъ, сколько безпокойства и страданій пришлось мнѣ одному перенести при этомъ торжествѣ!

Я объяснилъ директору причину моего медленнаго, совершенно отъ меня не зависѣвшаго, прибытія къ моей должности,—даже показалъ ему свидѣтельство, подписанное 6-го генваря директоромъ новгородсѣверской гимназіи, на свободный проѣздъ мой до Каменца. Однако и очевидныя доказательства моей невинности не убѣдили его.

Мое положеніе становилось несноснымъ, и я недоумѣвалъ уже, чего мнѣ дальше ждать. Но вдругъ директоръ, откинувъ строгій тонъ начальника, съ необыкновеннымъ добродушіемъ самъ повелъ меня на казенную квартиру, объ устройствѣ которой онъ еще гораздо прежде прибытія моего много заботился. Это добродушіе и усердіе его примирили меня съ нимъ, и я поспѣшилъ изъявить ему за то душевную мою благодарность.

Того-же дня явился я къ г. гражданскому губернатору, Ѳ. П. Лубяновскому и архіепископу Кириллу. Оба они приняли меня благосклонно. Надобно присовокупить, что попечитель округа, Филатьевъ, писалъ къ нимъ о насъ еще прежде, поручая насъ ихъ благосклонному вниманію, и просилъ не оставлять

насъ, буде нужно, своимъ покровительствомъ и руководствомъ. Потомъ посѣтилъ я также латинскаго бискупа Мацкевича и губернскаго дворянскаго предводителя, графа Пржездзѣцкаго.

На другой день я вступилъ въ исправленіе моей должности.

Изъ русскихъ чиновниковъ въ гимназіи были: директоръ Телешевъ, инспекторъ я, законоучитель православнаго вѣроисповѣданія протоіерей Гогоцкій, учителями: русской словесности Китченко, латинскаго языка Красковскій, русскаго языка и географіи Науменко и рисованія Булатовъ. Прочіе же преподаватели, именно: законоучитель латинскаго вѣроисповѣданія каноникъ Гловацкій, исторіи Паевскій, математики Ивановскій, латинскаго языка Стычинскій, нѣмецкаго Свирскій и французскаго Дюренъ, были туземцы. Слѣдовательно при воспитаніи юношества въ Каменцѣ, мы должны были идти къ цѣли ощупью, потому что почти половина чиновниковъ были туземцы, слабо знавшіе русскій языкъ и притомъ долгое время служившіе въ училищахъ прежняго порядка.

Учебныя пособія гимназіи составились изъ учебныхъ пособій, принадлежавшихъ бывшему каменецъ-подольскому училищу и дублетовъ училищъ въ Барѣ, Меджибожѣ и Немировѣ.

На первый разъ въ гимназіи открыто только четыре класса; учениковъ поступило 70 человѣкъ, изъ которыхъ едва пятую долю составляли православные, а прочіе были католики. Эти послѣдніе происхожденіемъ были изъ бѣднѣйшей шляхты. Отцы ихъ служили лакеями, дворниками, поварами; иные принадлежали къ ремесленному сословію.

Скоро я замѣтилъ, что дѣти воспріимчивы къ наукамъ, довольно развиты и находчивы въ отвѣтахъ; но внѣ классовъ они ужасные шалуны и способны на разныя продѣлки, которыя подмѣтили вѣроятно или у своихъ родителей, или у евреевъ. По этому, и въ классахъ и въ квартирахъ, съ великимъ терпѣніемъ пріучая ихъ къ правдѣ и благороднымъ поступкамъ, я старался всѣми мѣрами уничтожить въ нихъ ложь, воровство и вражду къ евреямъ, отъ которыхъ ежедневно получалъ нѣ-

сколько жалобъ о томъ, что они, ученики, или бьютъ стекла въ домахъ, или обижаютъ малолѣтнихъ евреевъ. Сперва употреблялъ я для того выговоры, лишенія мѣста въ классѣ, аресты; когда-жъ эти мѣры не были достаточны и не унимали учениковъ отъ своевольствъ, то въ такихъ крайнихъ случаяхъ употреблялъ и розги. Впрочемъ, послѣдней мѣры я всячески старался избѣгать, будучи всегда убѣжденъ, что нравственное внушеніе полезнѣе, прочнѣе. Кто-то еще до прибытія нашего въ Каменецъ оповѣстилъ туземцевъ, что мы варвары, тираны, и эта новость была причиною того, что во вновь открытую гимназію вошла ватага воспитанниковъ только изъ самаго низшаго сословія, родители же другихъ сословій присматривались къ намъ, забирали справки о нашихъ дѣйствіяхъ, дабы потомъ рѣшиться на что-нибудь. Такъ какъ дѣти, по прежней привычкѣ, собирались въ классъ очень рано, за часъ и болѣе предъ начатіемъ ученія, то я въ помощь моимъ товарищамъ употреблялъ этотъ ихъ досугъ къ тому, чтобъ пріучить ихъ къ правильному выговору словъ и свободному объясненію по-русски. Для того собиралъ ихъ въ общую залу и велѣлъ имъ, по очереди, разсказывать по-русски или свои уроки, или свои обыкновенныя происшествія, свободно, не стѣсняясь моимъ присутствіемъ. Ошибки въ произношеніи словъ и въ выраженіяхъ мыслей немедленно были мною исправляемы. Такимъ образомъ, отъ совокупныхъ усилій русскихъ чиновниковъ дѣти въ самое короткое время оказали быстрые успѣхи въ практическомъ знаніи русскаго языка и объяснялись на немъ довольно свободно, а отъ успѣховъ въ языкѣ стали замѣтнѣе и успѣхи ихъ въ наукахъ. Надобно замѣтить, что директоръ еще до пріѣзда моего уничтожилъ обычай ежедневно водить дѣтей въ костелъ, считая эту мѣру излишнею, и не ввелъ общихъ квартиръ, по той причинѣ, что всѣ почти воспитанники состояли изъ дѣтей городскихъ жителей. Слѣдовательно, мой надзоръ за учащимися, живущими въ домахъ родителей, или родственниковъ, былъ очень затруднителенъ.

Среди неусыпныхъ нашихъ трудовъ и заботъ о надлежащемъ стройномъ ходѣ гимназіи насъ удостоилъ своимъ посѣщеніемъ попечитель кіевскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ, Егоръ Ѳедоровичъ фонъ-Брадке. Его превосходительство прибылъ къ намъ съ тѣмъ, чтобы ознакомиться съ гимназіею въ нравственномъ и матеріальномъ отношеніяхъ, для будущихъ своихъ намѣреній и дѣйствій. При этомъ онъ снабдилъ насъ многими словесными дозволеніями и наставленіями въ святомъ дѣлѣ воспитанія юношества. Мы прежде работали въ этомъ дѣлѣ ощупью, подъ собственною отвѣтственностію; но руководство главнаго начальства развязало намъ руки и указало широкую дорогу къ достиженію цѣли, и мы дѣйствовали уже, не страшась никакихъ порицаній и препонъ.

При всей нашей добросовѣстности въ исполненіи обязанностей, мы однако подмѣтили, что за нами былъ надзоръ отъ уволенныхъ въ заштатъ учителей бывшихъ школъ, и надзоръ пристрастный. Они получали отъ дѣтей свѣдѣнія о нашихъ дѣйствіяхъ и эти свѣдѣнія, конечно не вѣрныя, искаженныя, передавали въ публику въ самомъ искаженномъ, превратномъ видѣ. Въ отвѣтъ на ихъ лживыя слова и клеветы мы противопоставили имъ волю высшей власти, нашъ трудъ и болѣе чѣмъ точность, добросовѣстность и усердіе въ исполненіи нашихъ обязанностей. Правда наша затмила, уничтожила всѣ ихъ ухищренія; благопріятное мнѣніе общества осталось за нами. До 1-го мая дѣти оказали необыкновенные успѣхи и въ наукахъ, и въ русскомъ языкѣ.

И такъ, за нами осталось только устройство общихъ квартиръ; но эту мѣру мы рѣшились привести въ исполненіе лишь послѣ вакацій, когда ознакомимся лучше и съ обывателями города, и съ удобствомъ квартиръ, для помѣщенія въ нихъ учениковъ.

Въ теченіи этого времени я познакомился съ Каменцомъ, и считаю нужнымъ сказать здѣсь нѣсколько словъ, какъ о нынѣшнемъ его состояніи, такъ и о прежней его жизни.

Каменецъ Подольскій построенъ на скалѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ р. Смотричь. Надъ этою скалою господствуютъ кругомъ другія каменныя горы, такъ что Смотричь течетъ по узкой долинѣ, огражденной съ обѣихъ сторонъ отвѣсными скалами; омывая такимъ образомъ городъ вокругъ, рѣка течетъ въ сосѣдствѣ этихъ скалъ по извилистой долинѣ дальше и впадаетъ въ Днѣстръ. Въѣздъ въ Каменецъ съ сѣверной стороны крутъ и очень труденъ, а съ южной, со стороны не большой крѣпости, по здѣшнему фортецы, облегченъ высокимъ мостомъ, сдѣланнымъ изъ кирпича. Этотъ мостъ построенъ королемъ польскимъ Баторіемъ для соединенія города съ замкомъ; но его называютъ почему-то турецкимъ мостомъ.

Изъ публичныхъ зданій въ Каменцѣ примѣчательны: православная и латинская каѳедры, кармелитскій, доминиканскій, армянскій и тринитарскій костелы, присутственныя мѣста, губернаторскій домъ, семинарія и ратуша. Четвероугольная площадь, которой фасы застроены огромными частными домами въ нѣсколько ярусовъ, можетъ украсить любой городокъ. Въ прочихъ частяхъ города дома незначительны, улицы узки, извилисты, какъ это обыкновенно бываетъ во всѣхъ старыхъ городахъ, населенныхъ въ большинствѣ евреями, но вымощены дикимъ камнемъ и содержатся въ отличной чистотѣ. Воздухъ въ городѣ спертъ и удушливъ какъ отъ многолюдства жителей на маломъ пространствѣ, такъ отъ тѣсноты улицъ и самаго положенія города въ углубленіи.

Къ городу принадлежатъ еще три фольварка, или предмѣстія: польскій, русскій и Карвасары.

Число жителей считалось въ мое время до 16 тысячъ, изъ которыхъ едва третюю часть составляли христіане, а двѣ трети—евреи. Вся внутренняя торговля въ рукахъ евреевъ. Для оживленія мелкой торговли они выдумали бумажныя деньги, цѣною въ 1, 2, 3 и 5 грошей; это четвероугольныя картонныя карточки, на которыхъ напечатано еврейскими буквами достоинство этихъ оригинальныхъ монетъ. Изъ русскихъ купцовъ торгуетъ здѣсь только одинъ домъ и торгуетъ, кажется, вы-

годно. Всякій день на базарной площади производится довольно значительный торгъ съѣстными припасами, кромѣ субботы; въ этотъ день трудно достать самое необходимое для стола.

Въ Каменцѣ много трактировъ, откуда холостые люди получаютъ кушанья—гораздо выгоднѣе и дешевле, такъ что не стоитъ обзаводиться въ домѣ кухней. Здѣсь также можно дешево купить хорошія сукна, шелковыя матеріи, голландскіе холсты; все это евреи получаютъ изъ Галиціи, откуда они пробираются путемъ, имъ однимъ извѣстнымъ. Полиція слаба унять эти незаконныя ухищренія, или вслѣдствіе малыхъ средствъ, или вслѣдствіе своекорыстія...

Каменецъ Подольскій, по мѣстоположенію своему, кажется, издревле предназначенъ охранять плодоносныя равнины Подоліи отъ вторженія народовъ, живущихъ грабежемъ. Геродотъ повѣствуетъ, что въ этихъ мѣстахъ живали скиѳы—хлѣбопашцы. Татары, овладѣвъ Червоною Русью, покорили всю Подолію, вмѣстѣ съ Каменцомъ; князь Гединминъ въ 1321 году отторгнулъ этотъ городъ и присоединилъ его къ Литвѣ. Съ тѣхъ поръ Каменецъ былъ яблокомъ раздора между Польшею и Литвою; каждая изъ нихъ добивалась власти надъ этою твердынею, охранявшею прелестную Подолію. Во время этой борьбы, порою врывались въ Подолію татары и валахскіе господари, брали въ плѣнъ жителей ея и громили Каменецъ. Такія притѣсненія терпѣлъ этотъ городъ до самого царствованія короля польскаго Сигизмунда Августа, который въ 1569 году присоединилъ на всегда Каменецъ и Подолію къ своей коронѣ. Поляки, приглашая на престолъ Владислава IV, между многими условіями обязали его укрѣпить Каменецъ новыми окопами. Султанъ турецкій, въ 1633 году, не взирая на многочисленную рать свою, былъ разбитъ одинадцатью тысячами поляковъ подъ самымъ Каменцомъ и тѣмъ на долго лишился охоты дѣлать набѣги на Подолію.

Притѣсненія, которыя дѣлали поляки малороссійскимъ козакамъ, подвинули послѣднихъ на защиту своей независимости. Вслѣдствіе того Богданъ Хмельницкій старался, въ 1649 году, для опоры своихъ военныхъ дѣйствій овладѣть Камен-

цомъ, но упорная защита тогдашняго коменданта, Петра Потоцкаго, все мѣсячное усиліе Хмельницкаго сдѣлала тщетнымъ. Онъ вторично осадилъ этотъ городъ въ іюлѣ 1652 года, чтобы обезпечить себя на случай борьбы съ молдавскимъ господаремъ, отъ котораго требовалъ дочери въ супружество своему сыну, Тимоѳею. Янъ Казиміръ, король польскій, поспѣшилъ на защиту Каменца; но, окруженный козаками подъ Жванцемъ, лежащемъ на Днѣстрѣ въ 18 верстахъ отъ Каменца, принужденъ былъ заключить постыдный миръ, которымъ обезпечивалась независимость козаковъ. Въ это время турки и татары, союзники Хмельницкаго, свирѣпствовали въ Подоліи и уводили жителей ея въ неволю. Магометъ IV взялъ обратно Каменецъ отъ Польши; жителямъ велѣлъ выйти изъ города, а взамѣнъ ихъ помѣстилъ въ немъ гарнизонъ; храмы латинскіе превратилъ въ въ мечети. Минаретъ, нынѣ существующій возлѣ латинской каѳедры, есть памятникъ его владычества. Разсказывали старики, что въ это время онъ до того издѣвался надъ христіанскою религіею, что улицы мостилъ св. иконами. Это я потомъ прочиталъ и въ исторіи. Наконецъ вся Подолія поступила во власть турокъ по Бучачскому миру, заключенному ими съ поляками 18-го октября 1672 года. Событіе это ускорило смерть короля Михаила Вишневецкаго. Тщетно освободитель Вѣны, Іоаннъ Собѣскій, старался вырвать Каменецъ изъ рукъ турокъ. Ни побѣды его, одержанныя надъ ними подъ стѣнами Хотина и Львова, ни угрозы вѣнскаго двора и римскаго папы не могли поколебать могущества турокъ въ Подоліи. Эти послѣдніе, подобно лютымъ звѣрямъ, свирѣпствовали въ окрестностяхъ Каменца, расхищали у подолянъ имущесгво, женъ и дѣтей, которыхъ скрывали на неприступныхъ скалахъ Каменца. Дабы унять турокъ отъ набѣговъ, Андрей Потоцкій велъ съ ними въ окрестностяхъ Каменца кровопролитную войну. Къ нему прибылъ на помощь съ дружиною сынъ Собѣскаго, Іаковъ. Совокупными силами напали они на турецкій гарнизонъ, запертый въ этомъ городѣ, но были отражены. Іаковъ, увидѣвъ, что гарнизонъ изобильно снабженъ военными и съѣстными припасами и замѣтивъ вражду и

несогласіе между коронными гетманами, снялъ осаду съ Каменца и возвратился съ войсками своими въ Варшаву. Огорченный этою неудачею, Собѣскій-отецъ, нанявъ войско на свой счетъ, рѣшился напасть въ расплохъ на Каменецъ и вырвать его изъ рукъ турокъ; но это предпріятіе также не удалось ему. Курфирстъ саксонскій, Августъ, при вступленіи на польскій престолъ обязался Посполитой Рѣчи своимъ иждевеніемъ покорить Каменецъ польской коронѣ. Для того онъ послалъ къ этому городу 20 тысячь саксонцевъ въ помощь польскому войску. Но усиленный татарами гарнизонъ упорно защищался. Войска, простоявъ долгое время въ окрестности Каменца, возвратились въ Польшу безъ успѣха и съ потерею въ людяхъ.

Князь Алексѣй Михайловичъ Голицынъ, въ 1769 году, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, подступалъ къ Каменцу и бомбадировалъ замокъ. Ядра и бомбы и до сихъ поръ торчатъ въ стѣнахъ замка. Но, оставивъ при немъ сильный отрядъ для блокады, онъ переправилъ свой обозъ и артилерію на канатахъ чрезъ горы и приступилъ 15 апрѣля къ Днѣстру противъ крѣпости Хотина. Въ дѣйствіяхъ Голицына противъ Хотина каменецкій гарнизонъ много вредилъ съ тылу. Вслѣдствіе этого князь приказалъ своей арміи отодвинуться отъ Днѣстра и когда турки погнались за ней, то онъ напалъ на нихъ 10 сентября и совершенно ихъ разбилъ. Каменецкій гарнизонъ, устрашенный этою побѣдою, оставилъ городъ, разсѣялся по лѣсамъ и погибалъ въ волнахъ Днѣстра, который въ это время былъ въ полномъ разливѣ. Тогда князь легко завладѣлъ Каменцомъ.

Наконецъ Каменецъ поступилъ во власть Россіи навсегда, по ясскому миру, заключенному въ 1791 году 26 декабря между Россіею и Портою Съ тѣхъ поръ Россія владѣетъ спокойно симъ отъ природы крѣпкимъ городомъ

Вотъ краткій очеркъ исторической жизни сего города; но начало основанія его, какъ обыкновенно выражаются, покрыто мракомъ неизвѣстности.

Кстати означу здѣсь, какія учебныя заведенія вошли въ составъ кіевскаго учебнаго округа. Это: 1) высшая нѣжинская

гимназія, что нынѣ лицей князя Безбородка, 2) кіевская гимназія съ подольскимъ уѣзднымъ училищемъ, 3) подольская гимназія съ каменецкимъ приходскимъ училищемъ, 4) винницкая гимназія съ винницкимъ приходскимъ училищемъ, 5) волынская гимназія въ Житомірѣ съ житомірскимъ приходскимъ училищемъ, 6) луцкая гимназія съ луцкимъ приходскимъ училилищемъ, 7) черниговская гимназія съ 16 уѣздными и 16 приходскими училищами, 8) новгородсѣверская гимназія съ уѣзднымъ и приходскимъ училищемъ и 9) полтавская гимназія съ 15 уѣздными и 15 приходскими училищами.

25 мая получилъ я отъ г. попечителя округа пакетъ на мое имя, съ надписью «по секрету». Такъ какъ этому секрету прошло уже много лѣтъ, при томъ этотъ секретъ уже приведенъ въ исполненіе, о немъ знаютъ уже почти всѣ волынскіе помѣщики и теперь онъ попалъ уже въ разрядъ давнихъ историческихъ событій по кіевскому учебному вѣдомству, то я имѣю полное право сдѣлать его явнымъ.

Г. фонъ Брадке предписалъ мнѣ, по пріѣздѣ въ Каменецъ профессора кременецкаго лицея, А. Н. Мицкевича, сдѣлать съ нимъ совѣщаніе о томъ: 1) какъ удобнѣе и скорѣе осмотрѣть на мѣстахъ приходскія училища, закрытыя во время послѣднихъ польскихъ смутъ, сперва въ волынской, потомъ въ подольской и кіевской губерніяхъ, для чего данъ намъ подробный списокъ этихъ училищъ; 2) войти въ сношенія съ гг. фундаторами сихъ училищъ о приведеніи въ надлежащій порядокъ домовъ, въ которыхъ они помѣщались прежде, для открытія ихъ вновь; 3) совершить съ фундаторами законныя сдѣлки или объ отпускѣ денегъ, или объ отводѣ земель, для содержанія училищъ, на основаніи данныхъ ими обязательствъ; 4) привести въ извѣстность училищныя недоимки, которыя произошли отъ несвоевременной уплаты слѣдуемыхъ отъ фундаторовъ денегъ на содержаніе училищъ, а также самые капиталы или фундуши на устройство и содержаніе училищъ, гдѣ таковыя еще не были открыты, и эту послѣднюю сумму обеспечить на свободномъ имѣніи фундаторовъ; 5) избрать мѣста, гдѣ-бы можно было

устроить училища для уніатовъ, въ тѣхъ мѣстахъ, конечно, гдѣ они живутъ въ значительномъ числѣ; 6) сдѣлать испытаніе тѣмъ учителямъ закрытыхъ школъ, которые пожелаютъ служить, и если окажутся способными, то сдѣлать о таковыхъ представленіе на благоусмотрѣніе его превосходительства. Въ этомъ предписаніи вмѣнялось мнѣ, какъ русскому, въ особенную обязанность заняться означенными дѣлами внимательно, съ патріотическимъ усердіемъ, и дозволялось отдѣльно, по секрету, представлять попечителю замѣтки о важныхъ событіяхъ, которыя могутъ случиться при мѣстныхъ нашихъ дѣйствіяхъ. Самый проэктъ попечителя объ открытіи приходскихъ училищъ, какъ сказано было въ предписаніи, первоначально одобренъ г. министромъ просвѣщенія и потомъ высочайше утвержденъ государемъ императоромъ.

Въ присланномъ мнѣ пакетѣ приложены были также открытые листы отъ кіевскаго, волынскаго и подольскаго генералъ-губернатора графа Левашова и отъ латинскихъ бискуповъ: Мацкевича и Пивницкаго, для содѣйствія намъ, буде нужно, отъ гражданскихъ чиновниковъ и латинскаго духовенства.

Скоро потомъ, а именно 7 іюня, прибылъ ко мнѣ въ Каменецъ Мицкевичъ. При первомъ-же нашемъ свиданіи, мы очень скоро и единодушно покончили наши совѣщанія и намѣренія по исполненію возложеннаго на насъ порученія, и именно слѣдующимъ образомъ: такъ какъ обстоятельства сего обширнаго и важнаго дѣла намъ обоимъ совершенно неизвѣстны, то слѣдуетъ намъ, не мѣшкая, отправиться въ Кременецъ, чтобы тамъ посовѣтоваться съ чиновниками, служившими въ эдукаціонной коммиссіи, а потомъ уже приступить къ исполненію высочайшей воли.

При этомъ считаю приличнымъ замѣтить, что профессоръ Мицкевичъ есть родной братъ знаменитаго польскаго поэта; воспитывался онъ въ виленскомъ университетѣ, гдѣ получилъ ученую степень магистра по юридическому факультету; знаетъ основательно латинскій, нѣмецкій, французскій, русскій и польскій языки и въ дополненіе обладаетъ благороднѣйшею душею.

Эти качества души его и я извѣдалъ въ затрудненіяхъ и недугахъ моихъ, во время совмѣстнаго нашего путешествія по Волыни, и въ послѣдующіе годы. Его теплое, родственное участіе проявилось потомъ и на моемъ сынѣ, который, подъ его руководствомъ, воспитывался въ харьковскомъ университѣ. Эта память сердца моего да будетъ хотя слабою данью моей душевной къ нему благодарности!

Поѣздка въ Кременецъ.

И такъ, вслѣдствіе нашихъ совѣщаній, Мицкевичъ и я, 9 іюня, въ 11 часовъ вечера, оставили Каменецъ-Подольскій. Не скрою при этомъ моего наслажденія: мнѣ въ первый разъ въ жизни моей довелось путешествовать въ іюнѣ мѣсяцѣ, въ мѣсяцѣ, столь роскошномъ растительностію и благорастворенiемъ воздуха, въ мѣсяцѣ столь трудномъ, тяжеломъ какъ для воспитателей, такъ и для воспитанниковъ. Какъ легко, пріятно подышать ароматнымъ, свѣжимъ воздухомъ послѣ спертой, зловонной каменецкой атмосферы! Всю ночь на пролетъ, безъ устали, мы проскакали на почтовыхъ лошадяхъ и уже въ Проскуровѣ рѣшились нѣсколько отдохнуть и согрѣться чаемъ отъ прохладнаго утра.

Верстахъ въ пяти отъ станціи Западинцы, предъ нами открылась обширная, прелестная равнина, а въ срединѣ оной Старый-Константиновъ, орошаемый р. Стрый и принадлежащій графамъ Ржевускимъ. Въ Старомъ-Константиновѣ намъ разсказали, что когда-то на этой равнинѣ императоръ Александръ Благословенный дѣлалъ смотръ войскамъ своимъ и принялъ милостиво отъ графовъ Ржевускихъ великолѣпный балъ, сдѣланный для него и его сподвижниковъ. Въ Каменцѣ я часто встрѣчался съ графинею Ржевускою, гдѣ она проживала на наемной квартирѣ, скромно, довольствуясь достаточнымъ количествомъ денегъ, назначенныхъ ей отъ правительства; а имѣніе графовъ Ржевускихъ секвестровано по причинѣ сильнаго участія владѣльцевъ онаго въ эпоху послѣднихъ смутъ въ Царствѣ Польскомъ.

Въ Заславль мы пріѣхали въ сумерки. Этотъ городъ принадлежитъ князьямъ Сангушкамъ, которые устроили въ немъ суконную фабрику и каретный заводъ, очень извѣстные въ тѣхъ мѣстахъ по отличной добротѣ предметовъ, на нихъ выдѣлывающихся. Тутъ случилось съ нами маленькое происшествіе, нѣсколько насъ побезпокоившее. На станціи дали намъ порядочныхъ лошадей; но ямщику захотѣлось везти насъ медленно, почти шагомъ, подъ предлогомъ песчаной дороги и будто слабости лошадей. Товарищъ мой, истощивъ всѣ мѣры понужденія, рѣшился наконецъ погрозить ему палкою. Ямщикъ, не дождавши еще исполненія этой угрозы, быстро спрыгнулъ съ козелъ экипажа и скрылся въ лѣсу. И такъ, мы остались въ лѣсу безъ кучера и въ темную ночь! Что оставалось намъ дѣлать? Не сидѣть же цѣлую ночь въ лѣсу напрасно, безъ всякой цѣли! Мицкевичъ приказалъ своему человѣку сѣсть на козлы и гнать лошадей до слѣдующей станціи, до которой еще считалось 8 верстъ. Боже мой! какъ вполошили мы станціоннаго смотрителя, когда пріѣхали къ станціи безъ ямщика! Но чрезъ часъ явился и самъ ямщикъ, начались слѣдствіе, разборы, очныя ставки; изъ нихъ станціонный смотритель убѣдился, что самъ бѣглецъ очень не правъ.

Съ чувствомъ благоговѣйнымъ я приближался къ Острогу, городу, гдѣ во время уніи православіе долго боролось съ фанатизмомъ латинскаго духовенства, къ отчизнѣ князя Острожскаго, который такъ успѣшно поддерживалъ православіе и такъ справедливо заслужилъ титулъ святаго [1]). Славная рѣка Горынь орошаетъ и украшаетъ этотъ городъ. Въ немъ существуютъ развалины бывшихъ огромныхъ зданій, гдѣ когда-то живали православные епископы, гдѣ существовала во время уніи знаменитая типографія для церковныхъ книгъ, которыя ревнители

[1]) Авторъ очевидно смѣшиваетъ преподобнаго Ѳедора князя Острожскаго († 1438 г.), котораго мощи почиваютъ въ Дальнихъ пещерахъ кіевской лавры, и князя Василія-Константина Острожскаго († 1608 г.), жившаго въ періодъ люблинской и брестской уніи и извѣстнаго горячею защитою православія и вообще широкою просвѣтительною и благотворительною дѣятельностью въ пользу онаго. *Ред*

православія разсылали во множествѣ по Червонной Руси. Пожаръ, случившійся въ 1820 году, привелъ эти зданія въ ужасное разрушеніе. Вслѣдствіе того, владѣлецъ Острога, князь Яблоновскій, помѣстилъ и волынскаго пастыря, и волынскую семинарію въ Аннополѣ, отдавъ для этой цѣли и свой домъ, и всѣ свои экономическія постройки.

Солнце склонялось къ западу, вдалекѣ забѣлѣли зданія города Дубно. Онъ принадлежитъ князьямъ Любомірскимъ и до полѣднихъ смутъ славился контрактами, на которые стекались многіе помѣщики и повеселиться, и для совершенія торговыхъ сдѣлокъ. Въ Дубнѣ недавно учрежденъ складъ воинскихъ потребностей. Здѣшній костелъ величественъ и прелестенъ.

Вотъ королевскій мостъ чрезъ рѣку Икву, возлѣ котораго мятежный Дверницкій стоялъ лагеремъ, угрожая Кременцу! Уже и горы кременецкія болѣе и болѣе возвышались по мѣрѣ нашего къ нимъ приближенія! Вотъ и узкій проходъ, или, лучше сказать, ущелье въ трущобу, огражденную высокими, почти отвѣсными скалами, въ которой солнце восходитъ двумя часами позже и заходитъ двумя часами ранѣе! Въ этой-то трущобѣ построенъ Кременецъ, который во время существованія лицея слылъ на Волыни Аѳинами.

Кременецъ.

Въ Кременцѣ мы застали попечителя учебнаго округа, прибывшаго сюда, чтобы разобрать споры и жалобы, возникшіе между лицеальнымъ вѣдомствомъ и посессоромъ лицеальныхъ недвижимыхъ имуществъ, и вмѣстѣ распорядиться перемѣщеніемъ лицея въ Кіевъ, которое должно было исполниться непремѣнно къ 25 іюля.

Явясь къ его превосходительству, мы сознались ему искренно, что не знаемъ, какъ приступить къ исполненію обширнаго дѣла, намъ порученнаго, и что по этой причинѣ мы рѣшились пріѣхать въ Кременецъ, чтобъ посовѣтоваться о томъ съ знающими и опытными людьми и запастись потребными актами. Мѣру эту попечитель вполнѣ одобрилъ и при томъ совѣтовалъ

намъ, согласно съ мнѣніемъ Бокщанина, управляющаго лицеемъ, посѣтить помѣщиковъ Подгородинскаго и Борейку, которые долгое время были членами эдукаціонной коммиссіи и неоднократно визитировали приходскія училища въ западныхъ провинціяхъ, а потому могли дать намъ опытное руководство къ полезному исполненію даннаго намъ порученія. Прощаясь съ нами, его превосходительство приказалъ, чтобы мы явились въ Кіевъ непремѣнно къ 25 іюлю и обрадовали его основательными свѣдѣніями, по крайней мѣрѣ о тѣхъ училищахъ, которыя встрѣтятся намъ по пути къ Кіеву. Потомъ, отведя меня въ сторону, сказалъ тихо:

— На васъ надѣюсь, г. Сбитневъ. Вы русскій, вы понимаете важность этого щекотливаго дѣла. Будьте-же расторопны, осторожны; дѣлайте уступки, снисхожденія, только-бы сохранить эти фонды. Я не забуду вашего труда. Желаю вамъ успѣха.

И тотчасъ-же уѣхалъ въ Кіевъ.

И такъ, мы обратились за совѣтомъ къ правителю дѣлъ эдукаціонной коммиссіи, Казачинскому, который, сверхъ того, снабдилъ насъ спискомъ приходскихъ училищъ, съ перечнемъ о каждомъ порознь, сколько каждое училище получаетъ доходовъ для своего содержанія и сколько на каждомъ фундаторѣ училища считается недоимки. Эти свѣдѣнія намъ показались поверхностными и притомъ составленными еще прежде, до закрытія училищъ, слѣдовательно въ это время уже не вѣрными.

— А чтобы вамъ имѣть подробныя свѣдѣнія объ этихъ училищахъ, добавилъ правитель, такъ извольте вамъ дѣла.

Сказавъ это, онъ раскрылъ шкафъ, нагроможденный связками бумагъ въ такомъ количествѣ, что трудно было-бы помѣстить ихъ и въ ломовую телѣгу.

— Здѣсь вы найдете, продолжалъ онъ, подлинныя обязательства фундаторовъ, всѣ расчеты о фундушахъ и всю переписку о каждой парафіальной школѣ порознь.

Нечего дѣлать! Мы занялись прочетомъ дѣлъ и составленіемъ выписокъ, въ родѣ докладныхъ записокъ, о такихъ училищахъ, которыя намъ должны встрѣтиться на пути къ Кіеву,

и сверхъ того о тѣхъ школахъ, которыя находятся за Кременцомъ, на границѣ Галиціи. Не стать же намъ возиться на дорогѣ съ громадною кучею бумагъ!...

Мы помѣстились на квартирѣ у профессора древней словесности Якубовича, человѣка ученаго, добраго и гостепріимнаго. Къ нему почти каждый день собирались его товарищи по лицею; оставаясь безъ всякихъ служебныхъ обязанностей, они любили потолковать о наукѣ и быломъ, и о томъ, о семъ. Время, проведенное съ ними въ часы моего досуга, я всегда буду вспоминать съ полнымъ удовольствіемъ и благодарностію. Профессоръ физики Абламовичъ, долгое время путешествовавшій по Европѣ на счетъ виленскаго университета, расказывалъ намъ, какъ очевидецъ, про революцію, бывшую въ Парижѣ 1830 года, про тамошніе физическіе кабинеты, также о шагѣ, который въ новѣйшее время сдѣлала любимая имъ наука; не однократно водилъ насъ въ лицеальный физическій кабинетъ, гдѣ для сюрприза дѣлалъ намъ многіе эксперименты. Въ этомъ кабинетѣ число предметовъ удовлетворительно и соотвѣтствуетъ настоящему состоянію науки. Профессоръ химіи Зѣновичъ, теплый любитель своего предмета, въ дружескихъ бесѣдахъ нашихъ развивалъ намъ быстрые успѣхи этой науки, часто съ жаромъ увлекался въ область системъ и новыхъ гипотезъ, которыя легко и удовлетворительно, по его мнѣнію, объясняютъ многія физическія явленія въ природѣ. Онъ-то неоднократно повторялъ намъ свое убѣжденіе, что кременецкія горы, идущія къ Дубну, произошли чрезъ посредство вулканическихъ силъ и образовали провалъ, въ которомъ построенъ Кременецъ, и что этотъ провалъ можетъ быть засыпанъ упомянутою цѣпью горъ наравнѣ съ горою королевы Боны, такъ что отъ нихъ ни пылинки не останется, съ прибавкою къ тому кучи камней, находящихся при въѣздѣ въ Кременецъ. Говорятъ, что онъ для вѣрности своего предположенія измѣрилъ и высоту и цѣпь горъ, простирающихся на нѣсколько верстъ.... Профессора математики Гречина и Вижевскій сообщали намъ о новыхъ пріемахъ и открытіяхъ, сдѣланныхъ ими и другими математиками въ анализѣ,

которые усовершенствовали теорію этой важной отрасли наукъ. Бесѣды эти были и по вечерамъ, во время чая, и по очереднымъ обѣдамъ. Къ намъ иногда присоединялись отставные профессора, уже давно выслужившіе эмеритуру, т. е. пенсіонъ, сохранивъ и прежній свой костюмъ, и свои длинные волоса, разсыпавшіеся по плечамъ, и свою степенную важность, и свою трость. Бесѣда съ ними была также поучительна въ ученомъ, педагогическомъ и психологическомъ отношеніи. Для освѣженія отъ нестерпимаго жару иногда мы всѣ вмѣстѣ ходили купаться въ тинистой рѣкѣ Иквѣ, текущей мимо Кременца на полутораверстномъ отъ него разстояніи. Порою, по утрамъ, обозрѣвали мы лицеальную библіотеку, богатую числомъ книгъ, библіотеку, составленную разными образами бывшимъ генеральнымъ визитаторомъ Ѳаддеемъ Чацкимъ. Въ этой библіотекѣ храмится бронзовый бюстъ и сердце Чацкаго...

Тадеушъ Чацкій.

Чтобъ имѣть свѣдѣнія объ основаніи и развитіи учебныхъ заведеній въ кіевской, волынской и подольской губерніяхъ, нужнымъ считаю предложить здѣсь краткое описаніе жизни Чацкаго. Свѣдѣнія о немъ я собралъ изъ актовъ эдукаціонной коммисіи, разсказовъ отставныхъ профессоровъ, живущихъ въ Кременцѣ и знавшихъ его лично, и записокъ бывшаго латинскаго законоучителя Оссинскаго.

Тайный совѣтникъ и кавалеръ Бѣлаго Орла и св. Станислава 1-й степени, Тадеушъ Чацкій родился 28 іюля 1765 года, въ мѣстечкѣ Порыцкѣ, волынской губерніи, владимірскаго уѣзда. Съ первыхъ дней своего дѣтства онъ испытывалъ горести сиротства. Отецъ его, коронный подчашій Феликсъ, содержался въ Бродахъ подъ стражею за политическія мнѣнія свои, а мать отъ душевной скорби умерла. Въ этихъ несчастныхъ для него обстоятельствахъ, дядя увезъ его, вмѣстѣ съ братомъ, въ Данцигъ, гдѣ пробылъ съ ними около 4½ лѣтъ. Когда снята была опала съ отца его и дозволено было ему возвратиться въ свою вотчину, Порыцкъ, тогда и дѣти его соединились съ нимъ.

Іезуитъ Фаустъ Гродзицкій обучалъ Тадеуша латинскому языку и геометріи, а для нѣмецкаго языка избранъ былъ гувернеромъ Мартынъ Варминчикъ. Юный Чацкій успѣвалъ въ преподаваемыхъ ему предметахъ чрезвычайно быстро, читалъ прилежно латинскихъ классиковъ, помнилъ основательно и подробно все то, что прочиталъ, и сильно напитался духомъ и обычаями римлянъ. Онъ уклонялся отъ забавъ и рѣзвостей, свойственныхъ юношеству, былъ послушенъ къ старикамъ, тихъ и скроменъ. Получаемыя на свои дѣтскіе расходы карманныя деньги употреблялъ онъ благоразумно не по лѣтамъ, а именно: онъ отдавалъ ихъ учителю за обученіе сиротъ чтенію, письму и Закону Божію. Для этой цѣли онъ выпросилъ у отца своего домикъ въ Порыцкѣ, помѣстилъ въ немъ школу и учителя и содержалъ ихъ на своемъ иждивеніи. Эта школа, въ часы его досуга, доставляла ему единственное развлеченіе и несказанное удовольствіе.

На девятнадцатомъ году своей жизни Тадеушъ опредѣлился на службу въ варшавскій коронный судъ, гдѣ пріобрѣлъ практическія свѣдѣнія въ юриспруденціи. Въ досужное время слушалъ лекціи по части исторіи и статистики у Нарушевича и Альбертранди; также покупалъ множество книгъ и рукописей, которыя и отсылалъ въ Порыцкъ.

Горное искусство въ Польшѣ было въ небреженіи; король Станиславъ воскресилъ это дѣло, опредѣливъ въ горную коммисію Чацкаго. Чацкій предложилъ на сеймѣ 1784 года, чтобы послать за границу нѣсколько способныхъ людей для усовершенствованія въ горныхъ наукахъ, пробирномъ искусствѣ и минералогіи. Предложеніе это было принято. Вслѣдствіе сего были отправлены за границу Янъ Мирошевскій, Антонъ Біенковскій, Янъ Окрашевскій и другіе. За отличное устройство самой горной коммисіи Чацкій получилъ отъ короля орденъ св. Станислава 1-й степени.

Вскорѣ послѣ того король Станиславъ, узнавъ честность и безкорыстіе Чацкаго, въ 1786 году опредѣлилъ его подскарбіемъ въ финансовую коммисію. Въ этомъ званіи Чацкій объѣзжалъ польскую Украину, съ тѣмъ, чтобъ составить проэктъ улуч-

шенія водяныхъ и сухопутныхъ сообщеній, которыя потребны для успѣшнаго движенія торговли; пожертвовалъ собственныхъ десять тысячь червонцевъ для составленія подробной гидрографической карты веей Польши, умножилъ государственные доходы посредствомъ лотерейной игры, подалъ Посполитой Рѣчи проэктъ объ образованіи евреевъ, описалъ Краковъ и привелъ въ порядокъ и извѣстность рукописи, которыя до того хранились въ сырыхъ подвалахъ тамошнихъ монастырей.

Въ эпоху тарговицкой конфедераціи, Чацкій долгое время проживалъ въ Краковѣ; этимъ онъ подалъ поводъ русскому правительству подозрѣвать его въ злоумышленіяхъ противъ короля и Россіи. Вслѣдствіе сего Порыцкъ и все его имѣніе конфисковано въ казну. Тогда Чацкій отправился въ Петербургъ, явился къ генералу Зубову(?) и просилъ представить его государю императору Павлу Петровичу. Затѣмъ наряжена была коммисія, подъ предсѣдательствомъ Зубова, которой Чацкій представилъ ясныя доказательства своей невиновности, устраненія отъ всѣхъ партій, раздиравшихъ Польшу, свои занятія объ устройствѣ разореннаго своего имѣнія, свои труды по составленію ученыхъ записокъ, которыя онъ велъ, пользуясь книгами тамошией библіотеки и совѣтами тамошнихъ профессоровъ академіи. Вотъ какая была цѣль пребыванія его въ Краковѣ.... Коммисія признала его невиннымъ; императоръ Павелъ приказалъ возвратить ему конфискованное имущество, принялъ его милостиво, благосклонно и пожаловалъ ему чинъ тайнаго совѣтника, съ предложеніемъ присутствовать въ правительствующемъ сенатѣ.

По случаю священнаго коронованія императора Павла I-го, 2 апрѣля 1797 года, Чацкій чрезъ князя Куракина повергнулъ монаршему престолу всеподданнѣйшую просьбу поляковъ, жившихъ на Волыни, въ Подоліи и кіевскомъ намѣстничествѣ, въ которой испрашивалъ: 1) милостиваго забвенія прошедшаго тѣмъ полякамъ, которые политическими своими поступками заслужили кару законовъ; 2) перенесенія архива республики, подъ названіемъ «Метрика», въ которой хранятся документы о поль-

скомъ дворянствѣ и привиллегіи на ихъ имущество, въ западныя провинціи; 3) возобновленія присутственныхъ мѣстъ на правахъ польскихъ, которое желала произвести еще Екатерина Великая, но не успѣла по причинѣ смутъ и неустройства въ западныхъ провинціяхъ; 4) дозволенія дворянамъ упомянутыхъ провинцій выбирать изъ среды себя маршаловъ, судей, исправниковъ и другихъ чиновъ въ повѣтахъ и 5) производства всѣхъ судебныхъ дѣлъ на польскомъ языкѣ, для уничтоженія затрудненій, происходящихъ отъ незнанія русскаго языка.

Этотъ всеподданнѣйшій докладъ Чацкаго императоръ Павелъ благоволилъ утвердить во всей силѣ. Тогда-то Костюшко былъ освобожденъ отъ строгаго заключенія въ петропавловской крѣпости; поляки, сосланные въ разныя времена за политическія свои мнѣнія въ Сибирь, были возвращены на родину; производство дѣлъ въ присутственныхъ мѣстахъ и обученіе юношества въ школахъ началось на польскоиъ языкѣ. Такимъ образомъ уничтожилось намѣреніе Екатерины II-й, желавшей при самомъ началѣ присоединенія этихъ провинцій къ Россіи, привить въ жителяхъ ихъ духъ господствующаго народа посредствомъ могучихъ средствъ: ученія и судопроизводства, чѣмъ, можетъ быть, устранились-бы смуты и кровопролитіе, которыя случились въ этихъ странахъ чрезъ 33 года.

По предложенію кіевскаго военнаго губернатора, Чацкій составилъ проэктъ улучшенія торговли на Волыни и въ Подоліи, богатыхъ естественными произведеніями, но громоздкими и не удобными для доставки къ торговому пункту. Этотъ проэктъ состоялъ въ проведеніи шоссе изъ Волыни къ рѣкамъ Бугу и Днѣстру, въ учрежденіи гдѣ либо въ западныхъ провинціяхъ коммерческаго банка, въ расчищеніи рѣкъ такъ, чтобы онѣ могли сдѣлаться судоходными, и другихъ мѣрахъ. Мало того, онъ составилъ компанію съ Држевецкимъ, Подгородинскимъ и другими для закупки пшеницы въ южныхъ повѣтахъ Волыни и Подоліи, учредилъ контору компаніи въ Одессѣ и построилъ купеческій корабль для свозки пшеницы въ Тріестъ, Марсель и италіанскіе

приморскіе города. Это предпріятіе его, не знаю почему, не удалось и лопнуло съ великимъ ущербомъ для компаніи.

Движимый дѣятельностію своего духа [1]), Чацкій вознамѣрился усилить народное образованіе въ кіевской, волынской и подольской губерніяхъ. Для того, сравнивъ воспитаніе юношества въ этихъ провинціяхъ подъ правленіемъ польскихъ королей и подъ властію русскихъ государей, изложилъ письменно причины запутанности въ этомъ важномъ дѣлѣ. Эти причины, по его мнѣнію, были слѣдующія: 1) уничтоженіе эдукаціонной коммисіи, распоряжавшейся учебными заведеніями и ихъ фундушами; 2) малочисленность школъ въ такомъ обширномъ и очень населенномъ краѣ; 3) запрещеніе преподавать польское и римское право и слабое преподаваніе латинскаго языка и 4) недостатокъ системы въ управленіи школами, съ тѣхъ поръ, какъ эти провинціи вошли въ составъ имперіи. Оттого, по выраженію Чацкаго, произошло невѣжество мѣщанъ, произведшее упадокъ городовъ и мѣстечекъ, и слабое движеніе польской словесности и исторіи, сокрытой въ заплеснѣлыхъ рукописяхъ, которыя не имѣли до сихъ поръ другихъ пріютовъ, кромѣ темныхъ и сырыхъ подваловъ.

Записку свою по этому предмету Чацкій препроводилъ въ 1802 году къ бывшему министру просвѣщенія, графу Петру Васильевичу Завадовскому, который, по высочайшей волѣ государя императора Александра перваго, сдѣлалъ Чацкаго генеральнымъ визитаторомъ училищъ кіевской, волынской и подольской губерній, съ чрезвычайнымъ уполномочіемъ открывать частныя пожертвованія на пользу училищъ и вновь устраивать школы въ мѣстахъ къ тому удобныхъ. Эту мѣру русскаго правительства тамошніе жители приняли съ великимъ восторгомъ.

---

[1]) Говоря о дѣятельности Чацкаго по поднятію и расширенію образованія въ юго-западномъ краѣ въ чисто польскомъ патріотическомъ духѣ, авторъ записокъ, призванный для насажденія тамъ-же образованія русскаго, и не подозрѣваетъ ни той ловкой анти-правительственной агитаціи, которую велъ Чацкій и руководимая имъ польская партія, ни той простоты и недальновидности, которыя проявили тогдашніе заправители нашей внутренней политики. *Ред.*

Чацкій въ скоромъ времени собралъ 415,455 злотыхъ 19 грошей (62,318 р. 33½ к. сер.) для устройства волынской гимназіи въ Кременцѣ.

Вскорѣ потомъ по зову Чацкаго, а именно 26-го октября 1803 года, собралось латинское духовенство въ Луцкѣ, подъ предсѣдательствомъ бискупа Каспера Цѣцишевскаго. Это засѣданіе открылось рѣчью Чацкаго, въ которой краснорѣчиво, убѣдительно изложена потребность всякому поляку въ знаніи Закона Божія, рахунковъ или ариѳметики и родного языка. Вслѣдствіе того, Цѣцишевскій, съ единодушнаго согласія волынскаго духовенства, опредѣлилъ открыть при каждомъ костелѣ парафіальную школу, обязавъ каждаго пробоща содержать это учебное заведеніе изъ костельныхъ доходовъ.

При семъ считаю приличнымъ замѣтить, что упомянутое обязательство для латинскаго духовенства не есть новый налогъ; они должны были приступить къ этой мѣрѣ еще прежде, потому что по эрекціямъ, или завѣщаніямъ фундаторовъ костеловъ и монастырей, пробощи и настоятели оныхъ получали деньги, кромѣ для себя, еще и на содержаніе учителей и костельныхъ школъ.

Слѣдуя примѣру волынскаго духовенства, также по настоянію Чацкаго, каменецъ-подольскій бискупъ Янъ Дембовскій извѣстилъ Чацкаго, что и каменецъ-подольское духовенство постановило: взымать десятую часть изъ костельныхъ доходовъ на устройство парафіальныхъ школъ въ Подоліи и хранить эти деньги въ каменецкомъ капитулѣ впредь до востребованія и надлежащаго употребленія. Въ 1804 году этихъ суммъ уже было собрано 10,958 злотыхъ 18 грошей (1643 р. 79 к. сер.). Къ симъ пожертвованіямъ приступило и кіевское латинское духовонство.

Волынское дворянство не только не отстало въ усердіи къ образованію своего края, но гораздо больше превзошло въ томъ и самое духовенство. О пожертвованіяхъ дворянства по каждой изъ трехъ губерній для устройства приходскихъ училищъ я въ свою очередь сообщу подробно.

Чацкій, собравъ всѣ свѣдѣнія о пожертвованіяхъ дворянъ и духовенства, предположилъ открыть 85 приходскихъ училищъ на Волыни, 26 въ Подоліи и 15 въ кіевской губерніи.

Проэктъ устава о приходскихъ училищахъ, составленный Чацкимъ, высочайше утвержденъ 31 августа 1807 года.

Для устройства повѣтовыхъ училищъ на степени гимназіи Чацкій отправился во Владиміръ-Волынскій, Добровицы, Любаръ, Овручъ, Житоміръ, Бердичевъ. Каневъ, Умань, Винницу и Баръ, чтобы самому лично осмотрѣть зданія, принадлежащія тамошнимъ монастырямъ и ознакомиться съ настоятелями этихъ монастырей. При этомъ визитѣ онъ согласилъ тамошнихъ настоятелей къ ежегодному взносу, для содержанія повѣтовыхъ училищъ, слѣдующихъ суммъ, а именно для владимірскаго 6,900 злотыхъ, добровицкаго 1,900 злот., любарскаго 3,100 злот., овручскаго 900 злот., житомірскаго 1,350 руб. ас. и 375 злот., бердичевскаго 2,500 злот., каневскаго 6,500 злот., уманскаго 2,000 злот., винницкаго 6,787 злот. и барскаго 1,400 злот. Къ тому-же онъ нашелъ въ каждомъ монастырѣ и нѣсколько молодыхъ ученыхъ монаховъ, которые обязались преподавать въ своихъ училищахъ какую либо науку или *gratis,* или за весьма умѣренную плату.

Проэктъ устава повѣтовыхъ училищъ, составленный Чацкимъ по совѣту извѣстнѣйшихъ въ то время ученыхъ мужей въ Польшѣ, получилъ высочайшее утвержденіе также въ 31 день августа 1807 года.

Окончивъ дѣла по этому предмету, онъ обратился къ патріотическому чувству дворянъ кіевской и подольской губерній, приглашая ихъ къ пожертвованію на святое дѣло воспитанія юношества въ этихъ провинціяхъ. Вслѣдствіе этого умнаго, пламеннаго воззванія, кіевское дворянство пожертвовало единовременно по одному рублю ассигн. съ каждой ревизской души, что составило капиталъ 46,2000 р. ассигн. для устройства въ Кіевѣ гимназіи на особыхъ правахъ и въ помощь другимъ училищамъ, а подольское дворянство взнесло 15,000 руб. ассигн. для основанія въ Винницѣ гимназіи и другихъ училищъ въ

Подоліи. Сверхъ того, въ то-же время графъ Феликсъ Потоцкій обязался ежегодно уплачивать съ каждой ревизской души своихъ крестьянъ, находящихся въ кіевской и подольской губерніяхъ, по 5 коп. ассигн. для содержанія училища въ Немировѣ.

Бывшій министръ просвѣщенія, графъ Завадовскій, получивъ донесенія о сихъ пожертвованіяхъ дворянъ, всеподданнѣйше доложилъ о томъ государю императору Александру І-му. Волынское, подольское и кіевское дворянство получило за то монаршее благоволеніе, а съ этимъ вмѣстѣ и Чацкій получилъ особенный высочайшій рескриптъ, въ которомъ было изъявлено ему милостивое благоволеніе за неусыпные труды его по этому предмету.

Г. Ярковскій, бывшій префектъ волынскаго лицея, съ восторгомъ, со слезами на глазахъ, повѣтствовалъ мнѣ о торжественномъ открытіи волынскаго лицея въ Кременцѣ. Уставъ лицея былъ высочайше утвержденъ еще 19 декабря 1803 года, а открытіе онаго послѣдовало 1-го октября 1805 года. Еще заблаговременно прибылъ въ Кременецъ Тадеушъ Чацкій, бойкій, мудрый, величавый Чацкій, для предварительнаго распоряженія и устройства этого народнаго торжества, а потомъ къ назначенному дню пріѣхали: бискупъ Цѣцишевскій съ викаріемъ Полимовскимъ и неизчетное число канониковъ и пробощей, волынскій губернаторъ, графъ Мнишекъ (?) изъ Вишневца, графъ Хоткевичь изъ Млынова, князья Любомирскіе и великое число владѣльцевъ волынскихъ изъ Владиміра, Луцка, Острога и Стараго Константинова, словомъ: «изъ цалего свята». Когда собралась публика въ лицеальную залу, то Чацкій, взошедъ на каѳедру, произнесъ рѣчь, исполненную богатыхъ мыслей о воспитаніи вообще, о пользѣ просвѣщенія, прославлялъ монарховъ русскихъ: Екатерину Вторую, Павла перваго и Александра перваго за милости ихъ къ полякамъ, тепло, сильно величалъ дворянство западныхъ губерній за любовь къ просвѣщенію, за ихъ жертвы на пользу онаго; съ живымъ вдохновеніемъ начерталъ счастливую судьбину будущихъ поколѣній въ этихъ провинціяхъ, ихъ благосостояніе, ихъ богатство, которыя, съ по-

мощію науки, извлекутся изъ нѣдръ плодоносныхъ равнинъ, изъ утесистыхъ горъ, дремучихъ лѣсовъ, кристальныхъ водъ, прозрачной атмосферы. Графъ Завадовскій, получивъ отъ Чацкаго эту рѣчь, благодарилъ его за то восхитительное удовольствіе, которое доставило ему чтеніе этой поэтической рѣчи, уподоблялъ Чацкаго въ краснорѣчіи Геродоту, когда-то повѣтствовшему на Олимпійскихъ горахъ о произшествіяхъ въ Греціи. «Я, заключилъ свой разсказъ Ярковскій, по небытности на лицо директора лицея, Чеха, я, какъ префектъ лицея, принялъ отъ Чацкаго, съ чувствомъ глубокаго благоговѣнія, высочайшую грамоту и уставъ лицея....»

Въ лицей поступили преподаватели изъ виленскаго университета, краковской академіи и львовскаго университета, по выбору самаго Чацкаго.

Чацкій озаботился умножить и въ огромномъ количествѣ умножилъ лицей учебными пособіями.

Во первыхъ онъ пріобрѣлъ покупкой за 7,500 зол. червонцевъ у наслѣдниковъ послѣдняго короля польскаго Станислава богатую библіотеку, состоявшую изъ 15,880 книгъ, подаренныхъ заславскою княгинею Сапѣгиною, также множество книгъ, принесенныхъ въ даръ Яномъ Потоцкимъ, Миклашевскимъ и самимъ имъ, которыя онъ или выпрашивалъ у владѣльцевъ, настоятелей монастырей, или тайно похищалъ у тѣхъ, кто почему-нибудь не склонялся на его просьбу. Такимъ образомъ въ самое короткое время библіотека кременецкаго лицея возрасла до 32,468 томовъ. Во вторыхъ умножилъ минцъ-кабинетъ монетами и медалями, которыя онъ купилъ у тѣхъ же наслѣдниковъ короля Станислава за 7,500 зол. червонцевъ. Въ непродолжительное время число монетъ и медалей въ лицеѣ возросло до 20,000 номеровъ. Въ третьихъ выписалъ физическіе инструменты изъ Парижа, самаго лучшаго достоинства. Въ четвертыхъ составилъ минералогическій кабинетъ изъ пожертвованій князя Іосифа Понятовскаго, Сосновскаго, графа Мошинскаго, Валицкаго, петербургскаго купца Ситникова и извѣстнаго ксендза Колонтая, свирѣпаго врага русскихъ... Въ пятыхъ пригласилъ

изъ Кракова ботаника Шейдта, для устройства лицеальнаго ботаническаго сада. Въ шестыхъ, умножилъ доходы лицея пріобрѣтеніемъ кременецкаго староства, которое было до того въ пожизненномъ владѣніи у князя Сангушка. Императоръ Александръ, вслѣдствіе представленія бывшаго министра просвѣщенія графа Завадовскаго по этому предмету, благоволилъ Высочайше утвердить кременецкое староство за лицеемъ въ 13 день октября 1806 года. Въ седмыхъ Чацкій испросилъ дозволеніе оправить базиліанскій монастырь, въ которомъ помѣстилъ волынскій лицей удобно, прилично. Это помѣщеніе лицея послѣдовало также осенью 1807 года, и въ немъ лицей существовалъ до 1833 г., т. е. до времени своего перенесенія въ Кіевъ.

Король Станиславъ Понятовскій, на основаніи постановленія сейма 1770 года, изгналъ изъ Польши іезуитовъ, которые своимъ фанатизмомъ и пронырствомъ сильно содѣйствовали къ ослабленію королевства, а богатое ихъ имущество опредѣлилъ употребить на воспитаніе юношества. Для завѣдыванія этими фондами, онъ учредилъ эдукаціонную коммисію, въ вѣдомство которой передавалъ и другіе эдукаціонные капиталы. По присоединеніи Волыни и Подоліи къ Россіи, эта коллегія перестала существовать, чрезъ то одни капиталы были совершенно утрачены, другіе возросли до неоплатныхъ процентовъ, а нѣкоторые не были обезпечены никакимъ имуществомъ, слѣдовательно могли пропасть у частныхъ лицъ. Чацкій, желая собрать и сохранить эти капиталы, не утруждая другихъ присутственныхъ мѣстъ, кромѣ исполнительной власти, начерталъ проэктъ учрежденія двухъ эдукаціонныхъ коммисій: одной въ Кременцѣ, а другой въ Вильнѣ. Эти коммисіи дѣлятся на два отдѣленія: экономическое и судное. Управленіе коммисіею поручается пяти или болѣе членамъ, выбраннымъ изъ дворянъ, извѣстныхъ своею образованностію и благонамѣренностію. Въ каждой коммисіи должно быть по одному предсѣдателю и секретарю. Императоръ Александръ, 21 декабря 1807 года, вполнѣ утвердилъ этотъ проэктъ. Чацкій былъ избранъ предсѣдателемъ кременецкой эду-

каціонной коммисіи, а членами оной графъ Олизаръ, Борейко, графъ Собанскій, графъ Хоткевичъ и графъ Плятеръ.

Чацкій отлично исполнилъ свою должность предсѣдателя: вновь открывалъ училищные капиталы и какъ тѣ, такъ уже и прежде открытые—или взыскивалъ, или обезпечивалъ на недвижимыхъ имѣніяхъ. Наличныя суммы снова раздавалъ обывателямъ подъ залогъ, для приращенія процентами. Такимъ образомъ неподвижный эдукаціонный капиталъ скоро возросъ до 2,350,000 злотыхъ, или 352,500 руб. сер. Сверхъ того на всѣ обязательства фундаторовъ училищъ Чацкій сдѣлалъ акты и внесъ ихъ въ мѣстныя гражданскія палаты на утвержденіе.

Его стараніемъ открыта гимназія въ Винницѣ 1810 года и преобразована кіевская въ 1812 году, 30 генваря, съ предоставленіемъ этой послѣдней особыхъ правъ.

Всѣмъ извѣстна преданность поляковъ бывшему императору Наполеону, который обольщалъ ихъ обѣщаніями возстановить Польшу. Молодые люди нетерпѣливо ожидали исполненія этихъ обѣщаній, а особливо кременецкіе воспитанники. Вслѣдствіе того, министръ просвѣщенія, въ 1807 году, предположилъ перенесть кременецкій лицей въ Кіевъ, постановивъ причиною тому близость Кременца отъ границы и необходимость надежнаго надзора за духомъ воспитывающагося юношества. Вмѣстѣ съ тѣмъ, военный губернаторъ, Голенищевъ-Кутузовъ, отъ 27 генваря 1807 года, предписалъ Чацкому отправиться въ Харьковъ и быть тамъ подъ надзоромъ университета. Въ Харьковѣ Чацкій узналъ, что осеннее его путешествіе по кіевской, волынской и подольской губерніяхъ возродило подозрѣніе у его недоброжелателей, которые описали его императору человѣкомъ опаснымъ, сильно поддерживающимъ въ воспитывающемся юношествѣ національность вредную для Россіи. Тамъ посѣщали его профессора университета: Стойновичь, Рижскій и Тимковскій, входили съ нимъ въ ученыя и политическія бесѣды и плѣнялись его начитанностію, теплотою, благородными движеніями сердца, благоразумными убѣжденіями и искреннею преданностію учрежденіямъ правительства. Такъ прошло три недѣли. Никто не требовалъ

отъ него никакихъ объясненій, никто не излагалъ причинъ, навлекшихъ на него опалу. Считая себя совершенно невиннымъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, Чацкій послалъ всеподданнѣйшую жалобу государю императору, въ которой просилъ, какъ милости, строгаго, но скораго суда надъ собою. Вслѣдствіе сего императоръ потребовалъ его въ Петербургъ и повелѣлъ графу Кочубею, князю (?) и Новосильцеву разслѣдовать поступки его, которые въ доносѣ были изложены. Здѣсь Чацкій представилъ уважительныхъ свидѣтелей, доказавшихъ, что онъ мирный человѣкъ, всегда уклонялся отъ партій, раздиравшихъ Польшу, всегда въ задушевныхъ бесѣдахъ съ негодованіемъ отзывался о тѣхъ лицахъ, которые смущали поляковъ противъ русскаго правительства и что онъ весь свой досугъ, всѣ свои путешествія по провинціямъ, всю свою дѣятельность болѣе пяти лѣтъ употреблялъ для образованія новаго поколѣнія ко благу страны. Коммисія, убѣдясь очевидными доказательствами въ невиновности Чацкаго, донесла о томъ государю императору, который повелѣлъ освободить его отъ суда, 20 іюля 1807 года, и дозволилъ ему возвратиться на мѣсто прежняго его жительства.

Чацкій, посѣщая часто бывшаго министра просвѣщенія графа Завадовскаго, употребилъ все свое вліяніе на него, чтобы только удержать лицей въ Кременцѣ, присовокупивъ къ тому, что лицей можетъ существовать только въ этомъ городѣ, потому что обыватели къ этому мѣсту привыкли, для этого именно мѣста опредѣлили фундуши и что въ другомъ мѣстѣ стѣны его будутъ пусты. Министръ рѣшился оставить лицей въ Кременцѣ. Сверхъ того, проживая въ Петербургѣ, Чацкій составилъ проэктъ учрежденія при волынскомъ лицеѣ школы землемѣровъ, каковой проэктъ высочайше утвержденъ 27 іюля 1807 года. Съ этимъ уставомъ Чацкій возвратился на Волынь.

Въ эпоху, когда Наполеонъ пріуготовлялъ грозное свое нашествіе на Россію, когда вызванъ уже былъ въ Парижъ Іосифъ Понятовскій, другъ Чацкаго, для содѣйствія этой цѣли, когда въ западныхъ провинціяхъ снова разлилась молва о скоромъ возобновленіи Польши, именно въ 1810 году, Чацкій снова воз-

будилъ подозрѣніе правительства во враждебныхъ дѣйствіяхъ своихъ противъ Россіи. Его потребовали въ Житоміръ, гдѣ для того наряжена была коммисія. Этой коммисіи поручено сверхъ того еще разслѣдовать: 1) способъ преподаванія наукъ въ волынскомъ лицеѣ соотвѣтствуетъ ли видамъ правительства, 2) удобно ли помѣщается лицей въ Кременцѣ и если не удобно, то гдѣ-бы лучше помѣстить оный и 3) эдукаціонные доходы достигаютъ ли своей цѣли. Чацкій объяснялся сильно, убѣдительно и отчетливо предъ этою коммисіею, и она совершенно его оправдала отъ ложныхъ доносовъ и нашла необходимою потребностію оставить лицей въ Кременцѣ.

Неусыпные труды Чацкаго, понесенные имъ въ продолженіе многихъ лѣтъ на поприщѣ воспитанія юношества и послѣднія горести пріобрѣли ему глубокое уваженіе волынянъ, и они, соорудивъ на свой счетъ бронзовый бюстъ его, опредѣлили поставить оный въ лицеальной библіотекѣ, имъ созданной и умноженной и сверхъ того въ память этого народнаго торжества выбили медаль.

Чацкій умеръ отъ нервной горячки, 8 февраля 1813 года, скоро послѣ того счастливаго для Россіи событія, когда въ ней не оставалось ни одного непріятельскаго воина. Тѣло его погребено въ Порыцкѣ, а сердце съ великимъ торжествомъ перенесено для храненія въ кременецкій лицей, въ ознаменованіе того, что всѣ его помыслы, всѣ его дѣйствія въ жизни были посвящены на приведеніе этого учебнаго заведенія въ цвѣтущее состояніе...

(Продолженіе слѣдуетъ).

СВАДЬБА ТИМОША ХМЕЛЬНИЦКАГО.

(Эпизодъ изъ исторіи малорусско-молдавскихъ отношеній).

Старшій сынъ славнаго гетмана Богдана Хмельницкаго Тимоѳей, по лѣтописному и народному названію Тимошъ, былъ любимцемъ отца и всего украинскаго козачества. Онъ обладалъ недюжинными способностями, воспитался въ лучшей тогда военной школѣ—Запорожьѣ, явилъ не мало опытовъ исполнительности и распорядительности, храбрости и отваги, ума и твердой воли. На него возлагались большія надежды; онъ былъ правой рукой отца и, не умри такъ не во время, могъ бы имѣть рѣшающее вліяніе на положеніе придунайскихъ княжествъ, съ судьбою которыхъ дальновидный политикъ того времени, его отецъ, хотѣлъ связать его судьбу. Живи онъ долѣе, кто знаетъ, иначе, быть можетъ, сложилась бы тогда исторія самой Украйны. Само сватовство Тимоѳея, встрѣчавшее такъ много препонъ, его женитьба, недолгая брачная жизнь и трагическая смерть—все это влечетъ къ себѣ невольное любопытство и представляетъ не малый интересъ. Мы тѣмъ охотнѣе избираемъ эти событія для нашего разсказа, что въ нихъ ярко отразилось тогдашнее политическое положеніе Малороссіи и ея отношенія къ сосѣдямъ вообще, въ частности къ княжествамъ дунайскимъ—Молдавіи и Валахіи.

Для ясности дѣла представимъ прежде въ общихъ чертахъ положеніе тогдашней Молдавіи, ея князя, будущаго свата Богданова, съ семействомъ и самаго Тимоша, героя разсказа. Предваряю, что свѣдѣнія о Тимошѣ я беру у польскихъ авторовъ, которые вообще неблагосклонно относятся къ любимцу «батька Богдана» и украинскаго народа и не скупятся на темныя краски,

но за то дають массу подробностей, которыхъ не находимъ въ источникахъ южнорусскихъ и безъ которыхъ невозможно было-бы полное освѣщеніе событій и лицъ того далекаго времени.

I.

Въ первой половинѣ XVII-го вѣка Молдавія представляла собою типъ славянскаго государства, съ примѣсью византійско-болгарскихъ формъ, но съ преобладающимъ складомъ и характеромъ этого племени: вверху стояло боярство, большею частію выходцы изъ Галиціи, Польши, Болгаріи и Венгріи; за нимъ слѣдовали свободныя сословія: магилы, земяне и вообще посполъство земли молдавской, съ огромнымъ процентомъ поселенцевъ славянскаго происхожденія, разсѣянныхъ въ массѣ потомковъ древнихъ даковъ; торговое сословіе составляли жиды и армяне, а внизу этой соціальной лѣстницы стояли безправные цыгане. Господствующій языкъ страны былъ славянскій: на немъ писали, молились и говорили.

Кто-бы ни были жители Молдавіи до завоеванія Балканскаго полуострова турками: даки или румыны, половцы или команы, но съ этого періода культурное значеніе ихъ въ развитіи страны постепенно ослабѣваетъ, а въ замѣнъ его усиливаются и колонизація и культура славянъ [1]). Молдавія находилась на рубежѣ двухъ міровъ, христіанскаго и мусульманскаго, и эти міры, сталкиваясь.

---

[1]) Мнѣніе почтеннаго автора объ ослабленіи туземнаго элемента въ Румыніи послѣ нашествія турокъ кажется намъ не вполнѣ точнымъ и нѣсколько преувеличеннымъ; напротивъ, въ это именно время румынская народность проявила наибольшую энергію какъ для защиты своей самостоятельности, такъ и для организаціи своего внутренняго быта. Въ это именно время мы встрѣчаемъ въ Валахіи замѣчательныхъ воеводъ устроителей и организаторовъ своего государства: Мирчу I (1383—1418 гг.) и Раду IV Великаго (1493—1566 гг.), а въ Молдавіи замѣчательнаго политика и законодателя Александра I Добраго (1401—1432 гг.) и славнаго Стефана Великаго (1458—1504 гг.), который въ теченіи 50 лѣтъ отражаетъ съ неистощимою энергіею громадныя силы турокъ, стоявшихъ тогда на высотѣ могущества (Магометъ II и Баязетъ II) и кромѣ того успѣваетъ наносить чувствительныя пораженія венграмъ (у Шкоца 1486 г.) и полякамъ (на Буковинѣ 1494 г.), пытавшимся воспользоваться его затруднительнымъ положеніемъ. Усиленіе славянской колонизаціи и культуры слѣдуетъ относить къ болѣе позднему времени. *Ред.*

истребляли населеніе страны, а уцѣлѣвшую ея часть то и дѣло захватывала орда и продавала на азіятскіе и африканскіе рынки. Опустошенная, но плодородная и богатая страна не могла долго оставаться безлюдной: она привлекала главнымъ образомъ украинскаго хлопа, не мирившагося съ польскими порядками, желавшаго хоть минуту подышать свободой и воспользоваться роскошью страны, не обращая вниманія на то, что ея почва полита кровью и упитана тѣлами предшественниковъ. Туда сбѣгались подолянинъ и волынецъ, галичанинъ и мазуръ, кіевлянинъ и бѣлоруссъ и всякому было мѣсто.

Бувай здоровъ, Ляцькій краю!
Вжежъ я тебе покидаю.
Ой пиду я въ Волощину,
И тамъ же я не загину:
Въ Волощинѣ добри люде,
И тамъ мени гараздъ буде.

Отношенія между населеніемъ Молдавіи и Польши всегда были родственныя и дружескія. Проштрафится ли бояринъ передъ своимъ княземъ, онъ бѣжитъ въ Польшу и всегда находитъ пріютъ у вольнолюбивой украинской шляхты. «Посполъство земли молдавской» было въ Сѣчи, какъ у себя дома, и не разъ съ запорожцами «мигало мушкетными огнями передъ окнами сераля его милости султана». Освободится ли княжескій престолъ въ Молдавіи, друзья-пріятели, либо поляки, либо козаки, съ истинно братской готовностью не только найдутъ кандидата на княжескій престолъ въ осиротѣлой странѣ, но и на собственный коштъ утвердятъ его на немъ, разсчитывая въ будущемъ на щедрыя и богатыя милости отъ своего избранника. Такъ въ половинѣ XVI в. буйный и разорившійся панъ Альбрехтъ Ласкій, желая чѣмъ нибудь поправить свои дѣла, не задумывается съ компаніей сорвиголовъ посадить на княжество какого-то авантюриста Гераклида. Но Гераклидъ кажется боярамъ подозрительнымъ, потому что либеральничаетъ и вводитъ реформы; его выживаютъ изъ страны, и тотъ же Ласкій рекомендуетъ имъ Байду Вишневецкаго. Въ другой разъ приходитъ вѣсть въ польскій лагерь, расположившійся подъ Ярмолинцами (въ Подоліи), что династія Драгошей въ Молдавіи пресѣклась. Скучающее воинство

занялось дѣлами Молдавіи и порѣшило одолжить сосѣднюю страну княземъ. Тамъ же, въ лагерѣ, была волошская хоругвь на службѣ у Польши, а начальствовалъ надъ нею Александръ Лопушнянъ. Онъ то и былъ избранникомъ польскихъ рыцарей. Сказано—сдѣлано. Гетманъ Синявскій отдѣлилъ достаточный отрядъ и послалъ съ нимъ кандидата для утвержденія его на молдавскомъ престолѣ. Сигизмундъ Августъ, находившійся тогда въ Пруссіи, услышавъ эту новость, только диву дался. Потомъ, когда Ивоня узурпировалъ власть въ Молдавіи, отнявши престолъ у Богдана, сына Александра Лопушняна, тогда цвѣтъ пограничнаго польскаго рыцарства заступился за наслѣдника своего кандидата и повелъ утверждать его въ правахъ, и вѣроятно утвердилъ бы, если бы Ивоня, по происхожденію русинъ, силачъ и красавецъ собой, обогатившійся торговлею въ Константинополѣ и купившій тамъ достоинство молдавскаго господаря, имѣя тогда еще фаворъ у Порты, не выпросилъ у нея большаго вспомогательнаго войска. Тотъ же Ивоня, впослѣдствіи проштрафившись передъ своимъ сюзереномъ, долженъ былъ либо лишиться власти, либо объявить себя непокорнымъ вассаломъ. Онъ выбралъ послѣднее и сталъ приглашать добровольцевъ изъ Польши.

Ой мы волохи, мы христіяне,
Да не милують насъ бусурмане,
Вы, козаченьки, за виру дбайте—
Намъ, христіянамъ, на помичъ прибувайте!
А козаченьки за виру дбають,
Волохамъ христіянамъ помичь посылають,
Трублять въ трубы, въ сурьмы выгравають,
Оченьками козаченькивъ зъ Украины провожають.

Долго и упорно онъ боролся съ громадными полчищами падишаха, не смотря на незначительность своихъ силъ, и вѣроятно вышелъ бы побѣдителемъ, если бы не измѣна его друга—гаріи-спурката Іереміи Чарнецкаго, подкупленнаго турками, которыхъ онъ пропустилъ черезъ Дунай, разставивъ при этомъ ловушку своему господарю, извѣщая его, что турокъ только 15 тысячъ, когда ихъ на самомъ дѣлѣ было двѣсти. Ивоня ринулся на врага, разсчитывая еще на помощь Чарнецкаго, у котораго былъ 30-ти тысячный

корпусъ, но тотъ помощи ему не далъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что его турки самого аттаковали. Ивоня попалъ въ разставленныя сѣти, и конецъ его и его союзника былъ очень печаленъ.

Якъ того пана Ивана,
Що Свирчовского гетьмана,
Да якъ бусурмани піймали,
То голову ёму рубали.
Ой голову ёму рубали,
Да на бунчукъ вишали,
Да у сурьмы выгравали,
Зъ ёго глумовали.

Современникъ такъ разсказываетъ о смерти Ивони: «Капуджи паша, должно быть оскорбленный его рѣчью, не смотря на данное обѣщаніе пощадить жизнь плѣнника, если онъ добровольно сдастся, разсѣкъ ему лицо мечемъ. Раненаго Иваню схватили янычары и полумертвому отрубили голову. Потомъ тѣло его, привязавъ къ двумъ верблюдамъ, разорвали, бросая куски на съѣденіе животнымъ. Голову наткнули на пику, а костями раздѣлились палачи. Кровью убитаго турки намазывали острія своихъ мечей и давали ее пить своимъ конямъ, прося Бога, чтобы онъ внушилъ и имъ, и ихъ конямъ такой же мужественный и рыцарскій духъ». Запорожцы до того проникнулись любовію къ своему союзнику Ивонѣ, что не только избрали своимъ атаманомъ его брата Ивана Подкову, но еще два раза водили его въ Молдавію на престолъ и не ихъ вина, если онъ по своей довѣрчивости и добродушію, какъ тогда говорили, попалъ въ волчьи зубы (т. е. въ руки Баторія, гербъ котораго былъ три волчьихъ зуба). Впослѣдствіи Запорожье не отказалось отъ своей миссіи снабжать Молдавію князьями, потому что пыталось еще возвести на престолъ брата предъидущихъ князей, а потомъ и сына одного изъ нихъ. Въ концѣ уже XVI-го вѣка Янъ Замойскій посадилъ на престолъ Молдавіи Іеремію Могилу, котораго дочь была потомъ въ замужествѣ за воеводой кіевскимъ Михаиломъ Вишневецкимъ, а сынъ, знаменитый Петръ Могила, сталъ кіевскимъ митрополитомъ и связалъ свою родину новыми духовными узами съ своею новою отчизною, которой отдалъ всю свою жизнь. Династія Могилъ вошла въ родство и съ домами поль-

скихъ магнатовъ и укрѣпила связь своей страны съ Польшею и Украйною. Стефанъ Потоцкій и Самуилъ Корецкій были женаты на Могилянкахъ. Послѣдній жестоко поплатился за преданность династіи Могилъ, и вообще Польшѣ дорого обошлась эта фамилія, потому что она была увлечена ею въ войну съ Турціей, кончившуюся цецорскимъ пораженіемъ; только хотинская битва смыла пятно безчестія за цецорское пораженіе, и то благодаря козакамъ и ихъ предводителю Сагайдачному.

Какъ видите, поляки и козаки хозяйничали въ Молдавіи, какъ у себя дома, и ничего нѣтъ удивительнаго, что они дали разростись въ ней такъ буйно славянскимъ элементамъ. Чтобъ ни говорили румынскіе историки, будто ихъ Румынія никогда не была славянской землей, а факты говорятъ противное. Если до турецкаго владычества ее заселяли дако-команы. то во время нашествія мусульманъ значительная часть ихъ выселилась въ Карпаты, а другая въ Балканы. Въ свободныя мѣста постепенно сходились славяне, и хотя южныя степи отданы были турками татарамъ, но и здѣсь запорожцы владѣли оргѣевскимъ и лопушнянскимъ (теперешнимъ кишиневскимъ, приблизительно) цинутами на такомъ-же положеніи, какъ и приднѣпровскими степями. Можно даже думать, что они имѣли здѣсь свои паланки, такъ какъ и теперь въ оргѣевскомъ уѣздѣ, близъ Гиржавскаго монастыря, есть деревня, которая называется «Паланкой»[1]), а ея жители—чистокровные украинцы, сохранившіе всѣ отличительныя черты своего племени, несмотря на окружающее ихъ сплошное молдавское населеніе, несъумѣвшее ихъ ассимилировать.

Религіозная связь Молдавіи съ Украйной была также тѣсна, какъ и національная. Молдавія всегда была страной православной и даже долго была въ зависимости въ церковномъ отношеніи отъ галицкихъ митрополитовъ. Львовъ не только печаталъ богослужебрыя книги для Молдавіи, но даже лилъ колокола, писалъ иконы и пр., а Молдавія, въ свою очередь, отплачивая за услуги сосѣду,

---

[1]) *Паланка* слово турецкое, заимствованное запорожцами; оно означаетъ тоже, что древне-русское *градъ*, т. е. укрѣпленный городъ; городъ турецкій, обнесенный рвомъ, валомъ и палисадомъ, назывался паланка, а цитадель въ немъ *кале*.—*Ред.*

обучала пѣнію молодыхъ людей, готовящихся быть дьячками на Руси и Украйнѣ.

Не только молдаване, но и ихъ господари принимали самое дѣятельное участіе въ знаменитомъ львовскомъ ставропигіальномъ братствѣ. Александръ Лопушнянъ, гордый и надменный, съ своими боярами не стыдится вписать свое имя рядомъ съ именами «славетныхъ» мѣщанъ города Львова, принимаетъ самое дѣятельное участіе въ постройкѣ братской церкви во имя Успенія св. Богородицы, устраиваетъ «парастасы» для братства; ставитъ лишь условіе братчикамъ, «ижъ бы ляхове не пришли до церкви у нашемъ законѣ, того ся не годытъ, у стола могутъ сѣдѣти...... и за насъ Бога просити, а сами, ваши милости, пійте и ѣжте и насъ не забувайте». Вникните въ эти и дальнѣйшія его слова: какая близость, сердечность, простота отношеній! Господарь входитъ въ самыя мелочи братской жизни. «Знати даемо», пишетъ онъ братству, «ижъ милостивый Богъ дастъ и той храмъ Божій докончится и будетъ на мѣрѣ своей, а ваши милости смотрите, ижъ правило святыхъ отецъ кажетъ, што не подобаетъ мужамъ вкупѣ съ жонами и дѣвками у въ одномъ мѣстѣ стояти, але мужье ажъ бы стояли унутри церкви, а жоны и дѣвки у притворѣ передъ церковью». Или въ другомъ мѣстѣ такія наставленія читаетъ братчикамъ: «до церкви не ходите, такъ тежъ и звычаевъ христіанскихъ не выполняете, которыи отъ вѣка установлены, свѣчъ, проскуръ не даете, а хоть который рѣдко проскуры пришлетъ, ино такъ велики, якъ яблоко, и тыхъ еще половину до дому несете; и опять попа ни за що маете, а ни въ доми свои у дни недѣльныи и праздничныи для благословенія хлѣба не призываете, штобъ слушно мало быть, а звлаща у дни праздниковъ Господнихъ великихъ мѣли бы есте приносы чинити и вси у единомъ мѣстѣ быти, хвалячи Бога, съ чего бы и попъ споможеніе мети могъ и убогимъ бы давано, которыи не маютъ ничего, а теперь и попъ межи вами только перекупничествомъ живится: самъ идетъ до церкви, а попадья идетъ на рынокъ съ хлѣбомъ и цыбулею, такожъ у другого перекупивши, и што съ того приторгуеть, тѣмь ся живятъ».—Могилы, не смотря на свое родство съ аристократическими домами въ Польшѣ и Украйнѣ, вписывались также въ число членовъ львовскаго братства. Однимъ

словомъ: связь между Молдавіей и Польшей, точнѣе русскою частію послѣдней, была самая тѣсная и близкая.

Но эта связь и видимое преобладаніе въ странѣ славянскаго элемента и симпатій были не по вкусу Турціи; съ другой стороны они шли въ разрѣзъ съ пробуждавшимся движеніемъ кореннаго румынскаго населенія. Движеніе это увеличилось съ тѣхъ поръ, какъ выселившіеся нѣкогда румыны, жившіе въ Карпатахъ подъ именемъ мультянъ, а въ Балканахъ куцовлаховъ, тѣснимые трансильванскимъ княземъ Георгіемъ Ракоцци, который старался навязать имъ Кальвиново ученіе и для скорѣйшаго успѣха своего намѣренія приказалъ перевести на ихъ языкъ священное писаніе и протестантскій катехизисъ, снова стали спускаться съ горъ въ гостепріимное княжество, гдѣ ихъ встрѣчали съ распростертыми объятіями. Въ жизни Молдавіи происходилъ кризисъ: внутри шла племенная борьба, рѣшался вопросъ о томъ, возьметъ-ли перевѣсъ славянскій элементъ или румынскій; извнѣ совершалась перемѣна въ порядкѣ полученія страною князей и усиленія ея вассальной подчиненности. Раньше Турція снисходительно смотрѣла на заигрыванія молдавскихъ князей съ сосѣдними государствами и сохраняла автономію страны; но послѣ того, какъ молдавское господарство стало замѣщаться всевозможными авантюристами, которыхъ сажали на престолъ польская шляхта и козаки, наскучивъ частою ихъ смѣною и встрѣчая между ними непокорныхъ, война съ которыми обходилась дороже получаемаго съ княжества *гарача*, она уже не ограничивалась утвержденіемъ избраннаго боярами князя, но стала просто назначать князей въ Молдавію, выбирая въ это званіе людей, которые вели бы ея политику,—большею частію изъ эпирцевъ, албанцевъ и грековъ. При такихъ-то обстоятельствахъ и изъ числа такихъ избранниковъ Турціи на молдавскомъ господарствѣ является будущій тесть Тимоша Хмельницкаго, Василій Лупулъ.

Албанецъ, а можетъ быть и арнаутъ, или, какъ иные думаютъ, сербъ либо серbo-албанецъ изъ Эпира, Василій Лупулъ, попавъ въ Молдавію, умомъ, ловкостію и изворотливостію изъ невиднаго положенія достигъ высокихъ степеней въ княжествѣ. Ставъ «вистерникомъ», или министромъ финансовъ при господарѣ Граціани, онъ угодилъ въ тюрьму по подозрѣнію въ тайныхъ сношеніяхъ съ турецкимъ правительствомъ и погибъ бы безслѣдно, если бы не ги-

бель самого Гаспара подъ Цецорой. Благополучно также пережилъ онъ всѣ послѣдующія княженія: Александра, Иліи, Стефана Тимисевича или Томши, Радо, Мирона Берновскаго, Александра Радо, опять Александра Иліи, опять Мирона Берновскаго и наконецъ Мойсея Могилы, хотя интриговалъ безпрестанно. Противъ Александра Иліи онъ поднялъ знамя возстанія, воспользовавшись народнымъ неудовольствіемъ противъ князя за то, что тотъ навелъ съ собою грековъ и вводитъ въ княжествѣ греческіе порядки, и Александръ Илія лишился престола. Мирона Берновскаго Лупулъ оклеветалъ передъ султаномъ, и бѣдный князь сложилъ свою голову въ Константинополѣ. Къ новому господарю Мойсею Могилѣ, родному брату кіевскаго митрополита Петра, онъ вкрался въ такое довѣріе, что тотъ далъ ему званіе великаго дворника (генералъ-губернатора) и послалъ въ Константинополь хлопотать по своимъ дѣламъ. Но великій дворникъ такъ ловко повелъ дѣло въ Константинополѣ, что вернулся домой воеводою и господаремъ земли молдавской. Достигнувъ края своихъ желаній, Лупулъ сталъ хлопотать о Валашскомъ княжествѣ для своего сына. Но тутъ встрѣтилъ не менѣе ловкаго и сильнаго соперника, въ лицѣ готоваго князя Матвѣя Бессараба. Ни дружба со Стамбуломъ, ни деньги, разсыпаемыя тамъ, ни сѣти, ловко разставляемыя противнику, ничто не помогало: Бессарабъ съ равной ловкостью избѣгалъ разставляемыхъ ему сѣтей и даже формальное предложеніе Порты очистить престолъ умѣлъ обойти. Чтобы подслужиться Турціи и погубить своего соперника, Лупулъ помогъ туркамъ взять крѣпость Азовъ, которою овладѣли было козаки, и убѣдилъ Порту вызвать туда-же, какъ-бы на помощь, Бессараба, дабы тамъ, съ ея же согласія, расправиться съ нимъ, какъ съ ослушникомъ султанской воли. Но Бессарабъ, предчувствуя грозу, не явился и тѣмъ разстроилъ весь планъ Лупула. Послѣднему оставалось добиваться своей цѣли новой выслугой передъ Портой, а такой выслугой могло быть прежде и болѣе всего ослабленіе славянскаго элемента въ княжествѣ, всегда столь опаснаго для прочнаго владычества здѣсь турокъ. И вотъ Лупулъ принялся за расторженіе той связи между молдаванами, поляками и козаками, которая существовала до него. «Новая исторія наша, восклицаетъ одинъ румынскій историкъ, началась не со взятія Константинополя, а со времени штурма, даннаго церковно-славянскому языку, и со времени, когда

мы начали учиться по-романски. Наша новая исторія начинается съ момента, когда Матвѣй Бессарабъ, въ преклонномъ уже возрастѣ, сдѣлался выраженіемъ романскаго народа, когда Василій Лупулъ, въ цвѣтѣ лѣтъ, сталъ выраженіемъ другой независимой части румынской націи, и когда оба эти великіе воеводы, которыхъ султанъ послалъ сюда царствовать надъ румынами, стали соперничать другъ съ другомъ на поприщѣ интеллектуальной культуры».

Угождая Турціи, не пощадилъ Лупулъ и церковной зависимости Молдавіи отъ славянскихъ іерарховъ. Извѣстно, что молдавская церковь вначалѣ зависѣла отъ галицкихъ митрополитовъ, а потомъ отъ охридскаго архіепископа, именовавшаго себя болгарскимъ патріархомъ. Турція давно стремилась къ тому, чтобы подчинить молдавскую церковь константинопольскому патріарху; но до сихъ поръ это какъ-то не удавалось. Лупулъ провелъ эту мѣру и по особымъ еще личнымъ соображеніямъ. Ему вздумалось жениться на черкешенкѣ-мусульманкѣ: православный народъ поднялъ ропотъ противъ своего князя за эту женитьбу, турки въ свою очередь смотрѣли неблагосклонно на этотъ бракъ, потому что правовѣрная мусульманка должна была быть женой гяура, мѣстная же іерархія отказывала въ признаніи законности брака. Лупулъ придумалъ въ высшей степени искусную сдѣлку: подчинясь константинопольскому патріарху, онъ получилъ отъ него разрѣшеніе на бракъ и тѣмъ заставилъ умолкнуть ропотъ у себя дома, а разорвавъ послѣднюю нить, связывавшую Молдавію съ славянствомъ, онъ тѣмъ самымъ примирялъ султана съ своей женитьбой. Помимо этого, за право женитьбы на мусульманкѣ онъ далъ султану «бакшишъ» 50,000 реаловъ и 280 кошельковъ патріарху за церковное разрѣшеніе на этотъ бракъ.

Съ подчиненіемъ молдавской церкви константинопольскому патріарху, и языкъ въ богослуженіи сталъ употребляться румынскій. Но такъ какъ другихъ богослужебныхъ книгъ на румынскомъ языкѣ не было, кромѣ тѣхъ, которыя принесли румыны изъ Трансильваніи, то книги эти, не смотря на то, что были проникнуты Кальвиновымъ ученіемъ, были введены въ общее употребленіе, хотя противъ этого протестовалъ сочавскій митрополитъ Варлаамъ.

Съ этихъ поръ славянскій поселенецъ княжества, лишенный правъ, обездоленный, долженъ былъ скрывать свою національность

и выдавать себя за румына, чтобы имѣть право пользоваться тѣми преимуществами, какія получилъ послѣдній, хотя самъ обладалъ несомнѣнно болѣе высокой культурой. Впрочемъ официальнымъ государственнымъ языкомъ въ Молдавіи до XVIII столѣтія оставался все еще языкъ славянскій, пока князья фанаріоты не замѣнили его греческимъ[1]).

Полная тревогъ и разочарованій и далеко не безгрѣшная жизнь Лупула привела его на путь раскаянія и онъ сталъ набожнымъ человѣкомъ: построилъ Трехсвятительскую церковь[1]) въ Яс-

---

1) Какъ памятникъ господства славянскаго языка въ Молдавіи, въ современномъ молдавскомъ языкѣ, которымъ говорятъ простолюдины, сохранилась масса близкихъ и понятныхъ намъ словъ. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ. Воевода—вода, господаръ, бойеръ, ворникъ, постельникъ, стольникъ, ключеръ, попы, неваста (невѣста), кумытру (кумъ), иконы, числы, букеле, словеле, читаторъ (чтецъ), лѣтописцулъ, сута (сто), басне, стихуръ, повѣсти, преданіеле, карти (книги), гришала (грѣхи, ошибки), гласъ, образъ, плети (длинные волосы), разбой (война), войникъ (воинственный), витязь, раны, духъ, юбовникъ (любовникъ), тыргъ, ярмарокъ, свеклы, гыски, борщъ, прысбы, стылпъ (столбъ), свѣшникъ, стрѣшникъ (застрѣха), осыи (оси), темницы, скицы (спицы), лопаты, грабли, плугъ, бразды, весли, цѣлины, бороны, снопъ, чоботи, перины, кожохъ, сукманъ, сподницы, простиры, бичужка (бичъ, кнутъ), барда (топоръ), косыи (косы), клешни, скобы, свердель (буравъ), жаратикъ (жаръ), время, забавы, обычей, нетребникъ (негодный), вѣчникъ (вѣчный), иткусыть (искусный), жидиторъ (зиждитель), страшникъ, образникъ (безобразный) и проч.

1) Въ первой половинѣ настоящаго столѣтія Анатолій Демидовъ, посѣтивъ Яссы, такъ описываетъ этотъ храмъ:

„Въ столицѣ Молдавіи мало церквей, и изъ существующихъ отличается красивая церковь, слишкомъ любопытный памятникъ, чтобъ путешественникъ не помянулъ о немъ. По мѣстному обычаю, она окружена кельями монаховъ; построена во имя трехъ святителей: святаго Василія, святаго Іоанна Златоуста, этого восточнаго Боссюэта, и святаго Григорія Богослова. Церковь построена изъ превосходнаго камня; двѣ высокія башни возносятся надъ ней. Весь фронтонъ постройки, украшенный арабесками, верхъ совершенства лѣпной работы; узкія окна пропускаютъ слабый свѣтъ, который едва борется съ свѣтомъ свѣчей и лампъ, горящихъ днемъ и ночью подъ сводами церкви.

Церковь заложена воеводой Василіемъ около 1622 года [?]. Внутри ея былъ придѣлъ весь вызолоченный, но три пожара и татарскія нападенія, не считая землетрясенія въ 1802 г., совершенно его разрушили. Трехсвятительская церковь, „Трифстатили". какъ ее называютъ въ Яссахъ, владѣла большими сокровищами, остатки которыхъ сохранились и до-нынѣ. Найкрасивѣйшимъ изъ такихъ остатковъ, безъ сомнѣнія. считается собраніе картинъ, вышитыхъ рукой княгини Тодоры, жены Василія, набожнаго создателя храма. Картины эти рѣдкой красоты, представляютъ въ натуральную величину самую

сахъ, завелъ при ней училище и типографію, выкупилъ мощи св. Параскевіи у турокъ за триста кошельковъ и перенесъ ихъ изъ Тырнова въ новопостроенную Трехсвятительскую церковь, гдѣ онѣ и нынѣ почиваютъ; построилъ монастырь—Галію и церкви въ Оргѣевѣ и Киліи. Слава о его благочестивыхъ дѣлахъ выходила за предѣлы его княжества; но благочестивѣйшій царь московскій Алексѣй Михайловичъ очень заподозрилъ чистоту сихъ дѣлъ, когда архидіаконъ Алеппскій, сопровождавшій въ путешествіи антіохійскаго патріарха Макарія, разсказалъ ему, что Лупулъ, крася свои сѣдые волосы, ходитъ въ церковь въ колпакѣ, чтобы не изобличить себя.

Молдавскіе историки первые годы княженія Лупула считаютъ счастливымъ временемъ для Молдавіи и утверждаютъ, что, благодаря миру, земля стала населяться и благосостояніе страны увеличиваться; но они-же говорятъ объ огромныхъ податяхъ и налогахъ и несмѣтныхъ сокровищахъ, которыя скопилъ себѣ этотъ господарь. Лѣтописецъ Іоаннъ Некульча прославляетъ Василія Лупула за то, что, по его ходатайству, Молдавія была освобождена на три года отъ взноса податей Турціи и что онъ ввелъ въ расходы своего дворца большую экономію: «одѣвался не въ собольи, а въ лисьи мѣха и тратилъ на содержаніе своего дома по два червонца въ

княгиню, талантливую художницу, которая съумѣла придать жизнь портретамъ, вышитымъ золотомъ, атласомъ и шелкомъ, сына ея старшаго и двадцати семи его дѣтей. Одѣяніе боярина, хранящееся тамъ-же, имѣетъ большее сходство съ венгерскимъ, нежели съ восточнымъ. Въ той богатой базиликѣ сохранялся портретъ самого воеводы, но двадцать лѣтъ тому назадъ кѣмъ-то украденъ.

Цѣлую касту, завѣдывавшую церковнымъ казнохранилищемъ, обвинили за пропажу этого памятника, и не даромъ, потому что обвиненіе было не безъ основанія, такъ какъ платье и шапка воеводы были вышиты дорогимъ жемчугомъ. Но если портретъ воеводы за свои богатыя украшенія поплатился, то другой альфреско, представляющій воеводу молящимся, остался нетронутымъ. На портретѣ изображенъ тотъ моментъ, когда воевода преподноситъ въ лѣвой рукѣ оконченную церковь для посвященія патронамъ ея и святители съ высоты благословляютъ ее. Мало того, Василій, построивши храмъ Божій, всякій разъ его украшалъ. Съ давнихъ поръ мощи святой Венеранды, т. е. досточтимой Параскевы) находились въ рукахъ турокъ. Василій выкупилъ ихъ отъ невѣрныхъ и торжественно перевезъ въ христіанскую землю; самъ султанъ провожалъ ихъ до границы своей имперіи. Такова легенда, которую уясняютъ два изображенія надъ богатой ракой, въ которую положены мощи—предметъ общаго почитанія вѣрныхъ.—Anatole de-Demidoff. Voyage dans la Russie meridionale et la Crimée.—Paris, 1854 г., стр. 162—164.

день». Но польскіе очевидцы, присутствовавшіе на свадьбѣ старшей дочери Лупула Маріи, были поражены роскошной жизнью молдавскаго князя, а ихъ то, кажется, трудно было удивить, потому что польскіе магнаты поражали своей роскошью всю Европу. По свидѣтельству одного изъ нихъ, присутствовавшаго на аудіенціи у Лупула, «магнифиценція господарская была достойна удивленія на немъ было платье такое же, какъ у турецкаго царя, и лучшаго, кажется, не было ни у одного монарха. Пошито оно было изъ альтенбаса (парчи), вышитаго золотыми цвѣтами, толщиною въ палецъ, подбито собольимъ мѣхомъ и застегивалось двумя брильянтовыми застежками дорогой цѣны».

И счастливыя времена въ Молдавіи при Лупулѣ сомнительны, потому что тотъ-же Алеппскій архидіаконъ, похваляя набожность Василія, не оставляетъ безъ замѣчанія, что благочестивый и христолюбивый воевода въ свое царствованіе казнилъ лютыми муками до четырнадцати тысячъ человѣкъ.

Василій Лупулъ считается еще и первымъ законодателемъ Молдавіи; но изданные имъ законы заимствованы изъ разныхъ источниковъ, несогласованы между собою и представляютъ собою смѣсь варварства съ идеями гуманными. Вотъ нѣкоторыя изъ статей этого сборника: «Кто покусится уворовать воловъ и, прогнавъ пастуха, оставитъ стадо безъ присмотра, выколоть глаза. Вырубившему виноградныя лозы и фруктовыя деревья отрѣзать руки и взыскать съ него убытки. За двоеженство или двоемужество виновный сажается на осла голымъ и во время шествія по улицамъ подвергается бичеваніямъ. Цыганъ, цыганка или ихъ дѣти за первые три воровства гуся или другой живности не подвергаются наказанію; за воровство же предметовъ судятся, какъ воры. Кто по крайней бѣдности украдетъ не болѣе того, сколько нужно, чтобы поѣсть или одѣться, тотъ прощается. Судья скорѣе долженъ оставить свой постъ, нежели обвинить невиннаго по требованію власти. Кто подъ вліяніемъ страсти поцѣлуетъ встрѣтившуюся ему на дорогѣ дѣвушку, тотъ не наказывается».

Мы привели все, что могли собрать о будущемъ сватѣ Богдана, тестѣ его первенца; возвратимся къ его политикѣ.

Борьба Лупула съ Бессарабомъ не прекращалась. Усердная служба его султану не дала ожидаемыхъ результатовъ: Матвѣй

Бессарабъ сидѣлъ прочно на своемъ мѣстѣ и не думалъ уступать онаго наслѣднику Василія. Тогда послѣдній, по примѣру своихъ предшественниковъ, обратилъ свои взоры на Польшу, ожидая отъ нея помощи. Въ союзѣ съ Москвой и другими Польша готовилась въ то время къ крестовому походу противъ Турціи; король выдалъ запорожцамъ деньги на постройку чаекъ, нужныхъ для этого похода. Въ столь рискованномъ дѣлѣ важенъ былъ союзъ и молдавскаго господаря, а онъ имѣлъ свои виды и чтобы вѣрнѣе заручиться помощью Польши, рѣшилъ выдать старшую свою дочь Елену за Януша Радзивилла, литовскаго гетмана. Три года уже Радзивиллъ добивался руки дочери Лупула, но тогда Лупулъ еще не рѣшался на это изъ опасенія Турціи, которая была такъ подозрительна къ бракамъ членовъ господарскаго семейства съ польскими магнатами; ходили притомъ слухи, будто самъ московскій царь желаетъ просить руки богатой княгини. Но Бессарабъ не давалъ покоя Лупулу, надеждъ на Турцію не было, а московскій царь не слалъ сватовъ, и Лупулъ, стремясь сблизиться съ Польшею, въ январѣ 1644 г. далъ согласіе на бракъ своей дочери съ Радзивилломъ. Свадьба была очень пышная. Женихъ явился съ двумя тысячами свиты, господарь встрѣтилъ его за десять верстъ отъ Яссъ, а при въѣздѣ жениха въ Яссы велѣлъ палить изъ пушекъ. Торжество длилось двѣ недѣли: вѣнчалъ самъ митрополитъ кіевскій Петръ Могила въ церкви Трехъ Святителей, встрѣченный съ великими почестями и пробывшій здѣсь семь дней.

Нечего описывать пышныхъ пировъ, богатаго платья молдавскихъ бояръ и польскихъ пановъ,—все это само собою разумѣется; но вотъ что особо поражало современниковъ на этомъ свадебномъ пиру. «Съ неимовѣрной быстротой являлись на площади громадоыя зданія: замки, крѣпости, которые потомъ быстро обращались въ развалины огнемъ и мечемъ. Изъ развалинъ выходили великаны и вступали въ бой со львами и слонами и другими тварями, неизвѣстными въ природѣ. Другіе комедіанты съ низко остриженными волосами. оставивъ только одну длинную прядь ихъ, привязывали ею громадные мельничные жернова на своей головѣ или позволяли разбивать ихъ на своемъ тѣлѣ; наконецъ, пролѣзая въ отверстія жернова, комедіантъ крутился съ нимъ по сценѣ, какъ волчокъ, падая въ концѣ на колѣни передъ господаремъ, чтобы получитъ подачку».

Отпраздновавъ такъ пышно свадьбу своей дочери, Лупулъ, подъ вліяніемъ своего зятя, рѣшился прекратить миръ съ турками; но бояры воспротивились этому и онъ согласился подождать, пока поляки перейдутъ Дунай. Въ это именно время вспыхнуло въ Малороссіи всеобщее народное возстаніе; Польшѣ было уже не до войны съ Турціею. Рѣшеніе бояръ спасло Молдавію отъ страшной бѣды, грозившей ей со стороны Турціи; но на политическую арену, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Лупуломъ, выступалъ другой могучій дѣятель, съ которымъ ему надо было такъ или иначе ладить. То былъ грозный козацкій гетманъ, Зиновій Михайловичь Богданъ-Хмельницкій, переворачивавшій вверхъ дномъ всю Польшу.

II.

Теперь Лупулъ попалъ въ очень неловкое положеніе: на Турцію разсчитывать было нельзя, а скорѣе можно было опасаться ея, потому что она сильно подозрѣвала его; надежды на Польшу тоже рушились, потому что возстанія Украйны совсѣмъ ее ослабили, и она сама еле дышала. Что оставалось Лупулу, скомпрометировавшему себя передъ Турціей и лишившемуся надежды на помощь своего новаго друга Польши, какъ не броситъся въ объятія Богдана Хмельницкаго, военная слава котораго достигла теперь своего зенита? Г. Накко такъ разсказываетъ о сближеніи Лупула съ Хмельницкимъ: «Во время этого похода (подъ Львовъ и Збаражъ) къ Хмельницкому прибыли послы Василія Лупула съ просьбой помочь ему противъ Матвѣя Бессараба. Хмельницкій уклонился, однако, отъ вмѣшательства въ дѣла княжествъ, изъ опасенія вооружить противъ себя Турцію. Когда же Лупулъ представилъ Хмельницкому требуемое имъ разрѣшеніе Порты, то онъ послалъ въ Молдавію сына своего Тимофея, съ помощью котораго Лупулъ взялъ верхъ надъ своими противниками. Во время бытности своей въ Молдавіи Тимофей страстно влюбился въ дочь Василія Лупула Роксанду и требовалъ ея руки, но получилъ отказъ подъ предлогомъ, что султанъ будетъ недоволенъ этимъ бракомъ».

Познакомлю теперь читателя съ женихомъ и невѣстой. О невѣстѣ много говорить не приходится; о ней осталось очень мало свѣдѣній; извѣстно только, что вторая дочь Лупула слыла красавицей и богатой невѣстой. Еще передъ свадьбой ея старшей

сестры отецъ ихъ послалъ въ Варшаву къ королю польскому Владиславу извѣщеніе о предстоящемъ бракосочетаніи своей дочери Елены съ кн. Радзивилломъ. Король, отвѣчая на любезность любезностью, въ свою очередь послалъ своего представителя для участія въ свадебномъ торжествѣ. Выборъ палъ, по просьбамъ родныхъ, на Петра Потоцкаго, брацлавскаго воеводича, снятынскаго старосту, сына будущаго коронваго гетмана Николая Потоцкаго и роднаго брата Степана, преждевременно погибшаго на Желтыхъ Водахъ. Выборъ былъ мотивированъ еще и тѣмъ, что молодой Потоцкій считался родственникомъ жениха и невѣсты. Его отецъ Николай былъ родной племянникъ Стефана Потоцкаго, женатаго на дочери Іереміи Могилы, бывшаго господаря Молдавіи, дочь Степана Потоцкаго могилянка—Марія вышла замужъ за Януша Радзивилла, который теперь послѣ ея смерти посваталъ дочь Лупула Елену. Родство же невѣсты съ Потоцкими чрезъ Могилъ было Лупуломъ вымышлено изъ тщеславія: онъ почему-то находилъ, что жена его была въ родствѣ съ Могилами. Петръ Потоцкій, исполняя порученіе короля, самъ не забывалъ себя, и на свадьбѣ Радзивилла крѣпко пріударилъ за младшей сестрой невѣсты. Но ему вдругъ сталъ на дорогѣ незнакомецъ, человѣкъ образованный, ловкій, смѣлый, плѣнявшій все общество при дворѣ Василія Лупула. Этотъ рыцарь, явившійся инкогнито, былъ никто иной, какъ Димитрій Вишневецкій, сынъ короннаго хорунжаго Януша, внукъ по прямой линіи Михаила Вишневецкаго, женатаго тоже на могилянкѣ—Регинѣ и правнукъ Димитрія Вишневецкаго—Байды; онъ то и плѣнилъ сердце молодой княжны Роксанды. Понятно, что Петру Потоцкому пришлось отойти на второй планъ. Разсказываютъ, что былъ еще третій претендентъ на руку молодой «домницы»—самъ гетманъ польный, черниговскій воевода Калиновскій, богатый помѣщикъ въ Покутьи и Подоліи, почтенный старецъ, давно уже овдовѣвшій. Трудно было Тимошу Хмельницкому тягаться съ такими блестящими, сановитыми и богатыми панами, но онъ съ отцемъ крѣпко вѣровали въ свою судьбу; еще такъ недавно въ корсунской битвѣ

> Козаки ляхивъ доганяли,
> Пана Потоцького піймали,
> Якъ барана звязали,
> Та передъ Хмельницького гетьмана примчали.

Послѣ свадьбы Радзивилла претенденты на руку Роксанды были непріятно удивлены, узнавъ, что молодая княжна была взята изъ родительскаго дома, завезена въ Константинополь и посажена въ султанскій сераль, въ качествѣ заложницы, потому что новая политика ея отца вводила его въ подозрѣніе у Турціи и послѣдняя требовала гарантіи его вѣрности. Но разнеслись дурные слухи о жизни княжны въ сералѣ; говорили, что она, желая скорѣе вырваться оттуда, поступилась дѣвичьей честью. Турецкія извѣстія, правда, намеками, даютъ этому другое объясненіе: онѣ говорятъ, что агентъ Лупула продалъ Роксанду какому-то пану польскому или венгерскому за 20,000 піастровъ и что послѣ этой сдѣлки Роксанда уѣхала въ родительскій домъ. Здѣсь этотъ панъ предполагалъ обвѣнчаться съ ней, но Тимошъ съ своими домогательствами воспрепятствовалъ этому браку.

Вѣроятно, этотъ панъ былъ никто иной, какъ Петръ Потоцкій, потому что въ 1650 году мы застаемъ жену Василія Лупула съ дѣтьми въ Польшѣ въ гостяхъ у Радзивилла, родственника Потоцкаго. Тамъ около Роксанды увивался молодой Потоцкій и своимъ ухаживаньемъ только разжигалъ ревность Тимоша и заставлялъ его еще настойчивѣе добиваться руки княжны. Споръ изъ-за обладанія рукою красавицы дошелъ, говорятъ, до самаго султана, который, по словамъ одного польскаго историка, рѣшилъ не отдавать Роксанды ни поляку, ни козаку, а спрятать ее у себя въ сералѣ. Такимъ образомъ Роксанда попала въ другой разъ въ Константинополь.

Перейдемъ теперь къ Тимошу. Польскіе историки аттестуютъ его юношей дикимъ, неотесаннымъ, безъ знанія свѣта и обычая, «лотрикомъ» съ дурнымъ характеромъ. Вслѣдъ за ними и малорусскіе лѣтописцы не лучше отзываются о немъ. Самуилъ Величко говоритъ: «ободва сына Хмельницкаго, Тимошъ и Юрій, были палеводы своевольніе».

Что Тимошъ не былъ салоннымъ кавалеромъ, противъ этого не спорю, я даже допускаю, что онъ любилъ въ товариществѣ выпить и со врагомъ не любилъ церемониться; но это было въ обычаѣ того времени. Развѣ польскіе военачальники и вообще паны въ этомъ отношеніи были лучше его? Самъ гетманъ Н. Потоцкій, по свѣдѣніямъ польскихъ писателей, развѣ не былъ и пьяницей и жестокимъ человѣкомъ? Нѣтъ ничего удивительнаго, что

у Тимоша не было знанія свѣта и обычаевъ съ точки зрѣнія польскихъ пановъ. Вѣдь его еще въ самой ранней молодости отецъ взялъ на Запорожье, а тамъ цѣнилось другое знаніе свѣта и обычаевъ:

Въ насъ у Сичи то и норовъ, хто Отче нашъ знае,
Якъ умывся, вставши вранцѝ, то чарки шукае,
Чи чарка то, чи ковшъ буде, не глядить перемины;
Гладко пьють, якъ зъ лука бьютъ, до ночнои тûнû.

Изъ Запорожья Тимошъ переѣхалъ въ Крымъ, въ столицу хана, въ среду совсѣмъ неблагопріятную для пріобрѣтенія свѣтскихъ приличій; потомъ лагерная жизнь до самой смерти... Гдѣ и отъ кого онъ могъ пріобрѣсти знаніе свѣта и обычаевъ? Наконецъ, его называютъ дуракомъ, лотрикомъ и «паливодой». Что онъ не былъ дуракъ, это лишне было бы доказывать; достаточно сослаться на тотъ фактъ, что, будь онъ глупъ, Хмельницкій не поручилъ бы ему, крайне юному, такого щекотливаго и важнаго порученія, какъ развѣдываніе новостей въ ханской столицѣ и расположеніе къ союзу съ отцомъ его не только крымцевъ, но и Порты, что Тимошъ выполнилъ блистательно. Укажемъ и другой фактъ: не его ли распорядительностію и энергіею держалась Сочава? Припомните, что Сочава сдалась только послѣ смерти Тимоша. Что онъ былъ «парубокъ моторный и хоть куды козакъ», это мы видимъ изъ трехъ его молдавскихъ походовъ; но чтобъ онъ былъ лотрикомъ и паливодой, этому мы нигдѣ не встрѣчаемъ подтвержденія. А ужъ будьте увѣрены, что если бы онъ былъ такимъ, современныя польскія извѣстія нагромоздили бы цѣлую кучу обвиняющихъ фактовъ, между тѣмъ они оставили только два такихъ факта: будто Тимошъ обжегъ бороду монаху и повѣсилъ мачиху. О первомъ не споримъ,—то могли быть «жарты» козацкіе подъ пьяную руку; но второй фактъ до сихъ поръ возбуждаетъ сомнѣнія. И вообще, могъ ли бы Тимошъ быть такимъ популярнымъ и любимымъ среди козачества, если бы онъ былъ «лотрикъ»; а отецъ довѣрилъ ли бы лотрику, хоть и сыну, исполненіе порученій высокой важности? Мнѣ думается, что онъ скорѣе былъ несчастенъ, чѣмъ «паливода» и «лотрикъ,» что, какъ говорится, сама злодѣйка судьба была противъ него. Въ самомъ дѣлѣ, сколько энергіи и труда онъ потратилъ, пока добился

руки любимой женщины!.. И что-жъ? даже добившись завѣтной мечты, долго ли онъ наслаждался своимъ счастьемъ? Но не буду забѣгать впередъ.

Послѣ извѣстной исторіи съ Чаплинскимъ, Хмельницкій, задумавъ поднять народъ противъ притѣснителей пановъ и уходя отъ ихъ преслѣдованія въ Сѣчь, взялъ съ собою туда и Тимоша, между прочимъ для того, чтобы дать ему возможность получить козацкую полировку и пріобрѣсти звычаи низоваго братства. Изъ Сѣчи онъ отправился въ Крымъ просить у хана помощи, въ виду готовившейся борьбы съ Польшей, и снова взялъ съ собою сына; когда-жъ добился помощи отъ хана, то оставилъ Тимоша въ Крыму на той же квартирѣ у армянина, гдѣ самъ жилъ съ нимъ до выѣзда, обязавъ хозяина квартиры «не безъ дишкреціи обходиться съ своимъ гостемъ». Тимошу и его свитѣ выдавалось все содержаніе изъ ханскаго дворца; сверхъ того ханъ дозволилъ ему «являться передъ свое лицо и зъ мурзами крымскими обознаватися». Какъ ни тяжело было отцу оставлять сына заложникомъ въ рукахъ «тяжкого ворога міра христіанского, царя бусурманского», но онъ зналъ по личному опыту, какъ важно юношѣ знать языкъ и нравы народа, съ которымъ ему впослѣдствіи придется сталкиваться. Пока Тимошъ гостилъ у хана, атаманъ-батько

На жовтимъ писку пидбився,
У города Корсуня зъ ляхами посварився...

Только подъ Пилявой сынъ соединился съ отцемъ, приведя съ собой на помощь четыре тысячи татаръ подъ командой Карабчей-мурзы. Здѣсь, какъ извѣстно, козакамъ досталась несмѣтная добыча. Добыча увеличивалась по мѣрѣ продолженія побѣдоноснаго похода Хмелкницкаго; съ одного Львова было взято имъ сто тысячъ битыхъ талеровъ, семьдесятъ пять поставовъ сукна и пр., да и у бродскихъ евреевъ тоже пропасть полотна, сукна и кожъ. «Въ Чигринѣ, по словамъ очевидца, было у Хмельницкаго закопано до 20 бочекъ серебра. Турецкихъ лошадей у него было на конюшнѣ 130, богатаго платья 24 сундука». И всю эту добычу онъ поручилъ сыну своему транспортировать, въ то опасное время, въ Переяславъ, давъ ему для этой цѣли отрядъ козаковъ. Тимошъ успѣшно исполнилъ порученіе отца и благополучно доставилъ сокровища по

назначенію. Изъ Переяслава Тимошъ съ отрядомъ козаковъ и ордой Тугая-бея отправился, какъ сказано было выше, на помощь Василію Лупулу, противъ Бессараба и хотя помогъ ему одолѣть противника, но, посватавшись на его дочери, получилъ «гарбузъ».

Лупулъ не особенно опасался послѣдствій этого отказа, онъ сидѣлъ дома тихо и внимательно слѣдилъ за событіями. Онъ зналъ, что Хмельницкій самъ, безъ разрѣшенія Турціи, не посмѣетъ мстить ея вассалу за отказъ въ рукѣ дочери, но боялся союзниковъ гетмана—крымскихъ татаръ, которыхъ онъ могъ легко подговорить «сплюндровать волошскую землю». Поэтому въ 1648 году, какъ только начали проникать слухи въ Молдавію о приближеніи орды на помощь Хмельницкому, онъ сейчасъ «послалъ ко всѣмъ волошскимъ и греческимъ купцамъ, чтобъ они немедленно отступили за Прутъ, потому что уже орда крымская перешла Днѣпръ, только не знаетъ какимъ шляхомъ». А затѣмъ сталъ серьезно готовиться къ отпору, на случай еслибъ хищники пожелали посѣтить его страну, такъ что не на шутку испугалъ сосѣдей этими приготовленіями. «Лупулъ господарь, говоритъ современникъ полякъ, собираетъ войска, очевидно, на насъ. Онъ далъ гетманское званіе и титулъ великаго дворника родному брату своему Петрочайку, а Чогалу прислалъ сюда въ Хотинъ буркулабомъ. Пословъ Хмѣля принималъ съ почетомъ, жидовъ и ляховъ впускать запретилъ». Не смотря на такое почетное принятіе Лупуломъ пословъ Хмельницкаго, послѣдній все таки не забывалъ обиды, нанесенной его первенцу отказомъ въ рукѣ дочери. Въ томъ же извѣстіи польскомъ говорится: «Хмѣль подумывалъ идти въ Молдавію, но Лупулъ послалъ ему подарки и подговаривалъ идти на насъ. Помощь обѣщалъ, если его изберутъ русскимъ княземъ, предлагая господарство Хмѣлю. Эти переговоры ведутся черезъ кіевскихъ монаховъ, отъ которыхъ мы все это знаемъ. Патріархъ бѣжалъ въ Москву и тамъ подговариваетъ царя вступить въ союзъ съ Лупуломъ противъ насъ». Но послѣ зборовскихъ пактовъ опасенія Лупула оправдались: крымская и буджакская орды, союзники Хмельницкаго, возвращаясь изъ Польши, обремененные добычею, разграбили по дорогѣ Бессарабію. «Обиженные жители, по словамъ Накко, бросились тогда въ Яссы къ Василію съ жалобою на татаръ, говоря, что они грабятъ ихъ и уничтожаютъ посѣвы, и Василій приказалъ нѣ-

сколькимъ отрядамъ выступить немедленно для наказанія хищниковъ. Услышавъ кличъ, молдаване, «охотники до добычи», говоритъ Миронъ. бросились изъ городовъ и селъ, каждый какъ могъ, верхомъ и пѣшкомъ, вмѣстѣ съ боярскими слугами и, настигнувъ татаръ при с. Братуленахъ, у Резины, внезапно напали на нихъ, когда они были спѣшившись, начали рубить на право и на лѣво и отобрали у нихъ добычу и плѣнныхъ. Такимъ же образомъ они раздѣлались съ татарами и въ Лопушнѣ. За то, когда татары достигли Буджака, то въ свою очередь послали жалобу крымскому хану, прося позволенія отомстить Василію».

Гетманъ, не мѣшаясь пока въ ссору своихъ союзниковъ съ сватомъ, выжидалъ событій, а теперь, упоенный первыми побѣдами надъ поляками, онъ торжественно вступалъ въ Кіевъ.

Гостившій въ ту пору въ Кіевѣ іерусалимскій патріархъ Паисій выѣхалъ изъ города на встрѣчу ему, вмѣстѣ съ кіевскимъ митрополитомъ, и посадилъ его на саняхъ по правую руку отъ себя. Не смотря на зимнюю пору, народъ несмѣтными толпами повалилъ за городъ и привѣтствовалъ его въ полѣ; академія прославляла его рѣчами и восклицаніями: «ты нашъ Мойсей, освободившій народъ отъ неволи лядской, спаситель, Богомъ данный»! Патріархъ величалъ его свѣтлѣйшимъ княземъ. Въ крѣпости и въ городѣ стрѣляли изъ всѣхъ пушекъ. «Бестія торжествовалъ»! со злостію замѣчаетъ полякъ современникъ и мѣшаетъ были съ небылицами, заканчивая тѣмъ, какъ патріархъ далъ Хмельницкому разрѣшеніе на бракъ съ Чаплинскою и послалъ ей подарки и три свѣчи, которыя сами загораются, чрезъ особаго посланца, монаха, которому будто-бы Тимошъ опалилъ бороду, напоивши его предварительно водкой.

Между тѣмъ по жалобѣ татаръ на Лупула производилось разслѣдованіе и султанъ, рѣшивъ дѣло въ пользу татаръ, разрѣшилъ хану дать реваншъ Лупулу за избіеніе его орды. Ханъ отправилъ въ Молдавію 20,000 крымскихъ татаръ подъ начальствомъ Калги-султана, пригласивъ при этомъ и своего союзника Хмельницкаго. Теперь наступилъ для гетмана удобный моментъ отомстить за оскорбленіе сына и добиться у Лупула согласія на бракъ Роксанды съ Тимошемъ, а можетъ быть и захватить престолъ молдавскій для союзника болѣе надежнаго, нежели Лупулъ. Мечты Богдана въ эту

пору были самыя смѣлыя, планы самые широкіе; но проникнуть въ его душу никто не могъ.

> Якъ изъ низу изъ Днистра тихій витеръ повивае,
> Богъ святый знае, Богъ святый й видае,
> Що Хмельницькій думае-гадае;
> Та не могли знати ни сотники, ни полковники,
> Ни джури козацькіи,
> Ни мужи громадськіи,
> Що нашъ панъ гетьманъ Хмельницькій,
> Батько Зиновъ Богдану Чигиринській,
> У городи Чигрини задумавъ вже й загадавъ.

Свое неудовольствіе противъ Лупула Хмельницкій такъ выражалъ турецкому посланнику Османъ-агѣ въ Чигринѣ: «молдавскій господарь измѣнилъ его милости султану: онъ задерживалъ его письма и посылалъ въ Польшу». А потомъ прибавилъ: «поведу Мойсея Могилу на господарство, а султану готовъ отдать не только Польшу, но и Римъ». Имѣя разрѣшеніе султана на походъ въ Молдавію, Хмельницкій далъ татарамъ въ помощь 16,000 козаковъ. Во главѣ 30 тысячнаго отряда татаръ сталъ Калга-султанъ, а надъ козаками начальствовали: прилуцкій полковникъ Носачъ, полтавскій Пушкаренко и гарматный писарь Дорошенко, сынъ запорожскаго кошеваго Михаила Дорошенка и братъ извѣстнаго Петра. Верховное начальство надъ этими вождями было поручено Тимошу, а самъ гетманъ съ Нуреддиномъ султаномъ составляли какъ бы резервъ и все время стоялъ подъ Ямполемъ въ наблюдательномъ положеніи, пока Тимошъ и Калга-султанъ «плюндровали» Молдавію. Незначительный по видимому походъ отпечатлѣлся въ народномъ представленіи въ ярко-опредѣленныхъ чертахъ.

> Дванадцать паръ пушокъ впередъ себе одиславъ,
> А ще самъ зъ города Чигрина рушавъ,
> За нимъ козаки идуть,
> Якъ ярая пчола гудуть;
> Котрый козакъ не міе въ себе шабли булатнои,
> Пищали семипьяднои,
> Той козакъ кій на плечи забирае,

За гетьманомъ Хмельницькимъ у в'охотне військо поспишае.
Оттогди жъ то, якъ до рички Днистра прибувавъ.
На три части козакивъ переправлявъ,
А ще до города Сороки прибувавъ,
Пидъ городомъ Сорокою шанци копавъ,
У шанцяхъ куренемъ стоявъ.

И дѣйствительно, союзныя войска раздѣлились на три отряда: у Ямполя, какъ уже замѣчено, остановился самъ гетманъ съ Нуреддиномъ, а остальные, раздѣлившись у Днѣстра на два отряда, переправились у Сорокъ и Оргѣева и вступили въ Бессарабію. Первый отрядъ татарскій направился къ Сочавѣ, а козаки чрезъ Лопушну на Яссы. Ограбивъ и опустошивъ страну во всѣхъ направленіяхъ и угнавъ множество скота, лошадей и плѣнныхъ, въ томъ числѣ много бояръ и ихъ семействъ, оба отряда сошлись, наконецъ, недалеко отъ Яссъ. Калга-султанъ занялъ позицію на Цецорѣ, а козаки стали на Владникѣ въ Бессарабіи. Застигнутый въ расплохъ, Василій не успѣлъ во время собрать свои войска и потому вынужденъ былъ бѣжать изъ Яссъ».

Жена Лупула съ дѣтьми и богатствомъ спряталась въ Сочавѣ, но, не находя себя въ этой крѣпости безопасной, убѣжала къ зятю своему Радзивиллу въ Польшу, а Лупулъ съ своими придворными укрывался въ буковинскихъ лѣсахъ; ему нечего было и думать защищаться, потому что у него было не болѣе 6 тысячъ войска, а ожидать помощи было неоткуда. Хотя Потоцкій и стоялъ подъ Каменцемъ, но помочь ему не могъ, такъ какъ король строго вос претилъ ему вмѣшиваться въ дѣла Молдавіи. Вся страна пылала Яссы, оставленные жителями, были разорены и сожжены козаками и татарами; осталось только нѣсколько лавочекъ, да церкви и монастыри, которыхъ козаки не хотѣли разорять. Лупулъ ограничилъ свою дѣятельность тѣмъ, что разсадилъ развѣдчиковъ на высокихъ деревьяхъ въ лѣсу, въ которомъ скрывался, и приказалъ имъ каждую минуту доносить себѣ, въ какомъ мѣстѣ начинается пожаръ. Когда ужъ нечего было жечь и грабить, татары начали склоняться къ миру. Гетманъ чувствовалъ себя въ положеніи торжествовавшаго побѣдителя, могущаго требовать покорности отъ своего противника, такъ недостойно его обманувшаго и такъ грубо оскорбившаго.

А ще одъ своихъ рукъ листы писавъ,
До Василія молдавського посылавъ,
А въ листахъ приписувавъ:
«Эй Василію молдавській,
Господарю волоській!
Що теперъ будешъ думати й гадати:
Чи будешъ зо мною биться,
Чи мириться?
Чи города свои волоськи уступати,
Чи червинцями полумиски сповняти?
Чи будешъ гетьмана Хмельницького благати?»
Тогди жъ Василій молдавській,
Господаръ волоській,
Листы читае,
Назадъ одсылае,
А въ листахъ приписуе:
«Пане гетьмане Хмельницкій,
Батьку Зиновъ Богдану Чигриньскій!
Не буду я зъ тобою ни биться,
Ни мириться,
Ни городивъ тоби своихъ волоськихъ уступати,
Ни червинцями полумискивъ сповняти:
Не лучче-бъ тоби покориться меншому,
Не нужли мени тоби старшому»?

Переговоры о мирѣ шли не долго. Припертый къ стѣнѣ Лупулъ прислалъ просто двухъ бояръ просить пощады. Хмельницкій формулировалъ свои условія коротко: оставляя Лупулу спокойное обладаніе Молдавіей, онъ требовалъ только, чтобы воевода молдавскій выдалъ дочь свою за Тимоша чрезъ три мѣсяца, т. е. сейчасъ послѣ Рождества Христова 1650 г. Лупулъ, заранѣе изъявившій на это согласіе въ униженномъ письмѣ къ Хмельницкому, уплатилъ татарамъ контрибуціи 180 тыс. талеровъ, а 10 тыс. въ подарокъ гетману и обязался отдать въ залогъ четырехъ знатнѣйшихъ бояръ, въ томъ числѣ и своего племянника. Хмельницкаго онъ просилъ объ одномъ, чтобы женихъ, отправляясь на свадьбу, не велъ съ собою козаковъ, а тѣмъ болѣе татаръ, что онъ могъ считать необходимымъ для собственной безопасности въ вынужденномъ бракѣ,

но явился бы къ браку лишь съ почетной свитой, при томъ по польски одѣтый и въ польской компаніи. О послѣднемъ писали современники поляки изъ Львова, прибавляя: «эта свадьба должна праздноваться съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы сынъ Хмельницкаго пріѣхалъ на свадьбу съ польской шляхтой и нашей «политикой» (манерами), что ему, вѣроятно, удастся, такъ какъ при немъ есть много шляхты, которая будетъ учить его политикѣ». Чтобы Хмельницкій далъ на это свое согласіе, какъ увѣряли тѣже современники, въ томъ можно крѣпко сомнѣваться, зная его ненависть къ полякамъ и тогдашнее превосходство его въ войнѣ съ ними. Ему впрочемъ и не до того было въ ту пору: война, недавно законченная зборовскимъ трактатомъ, грозила вспыхнуть снова и конецъ ея предвидѣть было трудно. Какъ бы ни было, но относительно Молдавіи и женитьбы Тимоша дѣло казалось поконченнымъ, и козаки, «повернувъ о Покровѣ зъ Волохъ, упокоемъ сидѣли въ домахъ».

(Окончаніе слѣдуетъ).

Историческія записки о войскѣ черноморскомъ. [1])

(Со времени поселенія онаго на всемилостивѣйше пожалованной землѣ по 1831 годъ).

3-го іюля текущаго 1887 года исполнится ровно 100 лѣтъ съ того момента, когда покрытые славою кубанскихъ битвъ старшины бывшаго запорожскаго войска, впослѣдствіи незабвенные дѣятели войска черноморскаго—Сидоръ Бѣлый, Антонъ Головатый, Захарій

---

[1]) Заглавіе печатаемыхъ Записокъ принадлежитъ ихъ автору, который самъ опредѣлилъ себя, отмѣтивъ на заглавномъ листѣ, что эти записки *„Трудовъ“* войска черноморскаго № 2-го конно-козачьяго полка и орденовъ св. равно-апостольнаго князя Владиміра 4-й степени съ бантомъ и св. Анны 3-й степени съ бантомъ и 4-й съ надписью за храбрость кавалера, Александра Михайловича Туренка“.

Другихъ біографическихъ свѣдѣній объ авторѣ записокъ мы не имѣемъ.

Записки печатаются съ экземпляра, принадлежавшаго самому автору. Это книга въ листъ желтоватой плотной бумаги, заключающая въ себѣ 226 страницъ и оправленная въ корешокъ. Вся она переписана, какъ видно изъ замѣтки въ концѣ, рукою войсковаго урядника Маркіана Скляревскаго; но помѣщенныя въ концѣ примѣчанія, которыя мы ставимъ въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ подъ чертою, всѣ писаны рукою самаго Туренка. На заглавномъ листѣ, въ рединѣ, рукою писаря выведено: *1838 года;* но былъ ли то годъ окончанія, или переписки всего труда, остается неизвѣстнымъ.

На оборотѣ бѣлаго, предшествующаго заглавному, листа рукою автора сдѣлана слѣдующая надпись:

„Изъ уваженія и любви къ Николаю Христофоровичу Донъ-Дистерло дарю эти записки. Октября 21 дня 1839 г.—Крѣпость Анапа.

А. Туренко“.

Намъ сообщены эти записки для печатанія уѣзднымъ казначеемъ г. Купянска А. В. Жуковымъ, при посредствѣ инспектора народныхъ школъ П. И. Иванова. Приносимъ имъ нашу искреннюю за это благодарность.—*Ред.*

Чепига и др. въ Кременчугѣ получили отъ проѣзжавшей по Малороссіи императрицы Екатерины въ отвѣтъ на поднесенное ей прошеніе именной указъ на новое возрожденіе запорожскаго войска и временное поселеніе межъ р.р. Днѣстромъ и Бугомъ; послѣ чего въ слѣдующемъ году 14-го января возрожденному войску опредѣлено было занять нынѣшнюю Кубанскую Область, собственно Черноморію, по правому берегу р. Кубани. Итакъ 3-е іюля должно служить для черноморцевъ всегда днемъ воспоминанія своего рожденія. Призванные къ новой гражданской жизни козаки вполнѣ оправдали свое назначеніе—среди дикой природы, въ нездоровомъ климатѣ, на глазахъ у врага, ни чѣмъ не уступавшаго имъ въ храбрости и любви къ свободѣ и національной независимости. Съ «рушныцею» въ одной рукѣ, въ другой съ плугомъ и косою, черноморцы несли знамя культуры и цивилизаціи; и какъ ни странно въ наше время подобное единеніе меча и плуга, но тогда это было такъ!

Лишь только козаки ступили на почву своего новаго отечества, они сейчасъ-же обставили свою жизнь тѣми святыми для народа атрибутами, среди коихъ жили они у себя на Днѣпрѣ. Въ годъ же переселенія Головатый на свой коштъ создалъ церковь въ Тамани; другая возникла на мѣстѣ теперешняго Ейска; немного спустя поднялъ свои главы громадный екатеринодарскій соборъ, созданный руками козаковъ и простоявшій чуть не сто лѣтъ; онъ кончилъ свое существованіе нѣсколько лѣтъ тому назадъ, разрушенный при новыхъ гражданахъ Екатеринодара, которые, придя въ него послѣ того, какъ смолкли громы пушекъ, потрясавшихъ вершины козачей святыни, отнеслись къ нему вполнѣ индиферентно, и многоглавый свидѣтель разсвѣта русской жизни на Кавказѣ сникъ съ лица родной земли! Общая участь русскихъ историческихъ памятниковъ.... Послѣ возникновенія войсковаго собора, новымъ устоемъ черноморцевъ на Кубани былъ войсковой монастырь, ведущій свое начало тоже съ конца прошлаго вѣка. Все это доказывало, что на кубанскомъ берегу стала ногою не дикая орда, или народъ безъ задатковъ гражданственности, нѣтъ—это были тѣ живые корневые отпрыски, коими, какъ древесный организмъ, разрослось русское государство. Вскорѣ послѣ устройства церквей и духовной іерархіи, появились въ Черноморіи школы по куренямъ, благодаря памятной дѣятельности протоіерея Россинскаго; его-же дѣломъ была войсковая гимназія, явившаяся въ г. Екатеринодарѣ около 20-го года. Благодаря Россинскому, войско имѣло до 20 школъ и гимназію, и все это явилось въ 30 лѣтъ послѣ поселенія на

Кубани. Тотъ-же Россинскій завелъ при церквяхъ въ станицахъ нѣчто въ родѣ лѣтописныхъ сборниковъ.

Вотъ нѣкоторыя изъ тѣхъ основъ, на коихъ зиждется нынѣшнее черноморцевъ.

Черноморское козачество, принесшее съ собою все развитіе бывшаго днѣпровскаго козачества, подъ вліяніемъ своего удаленнаго положенія отъ русскаго народа, географически съ нимъ разобщенное, въ виду грознаго врага, волей неволей должно было сплотиться въ одну тѣсную семью, съ замѣтно развитымъ чувствомъ единенія, особенно въ первые опасные годы своего существованія.

Съ днѣпровскихъ же береговъ занесли козаки обычай, если такъ можно выразиться, или умѣнье отдавать отчетъ себѣ и потомству во всемъ совершенномъ.

Кухаренко былъ ученикъ запорожской школы; его труды остались лучшимъ памятникомъ быта въ первое время житья на Кубани. За нимъ, по важности историческихъ данныхъ, стоялъ до сихъ поръ Короленко; третьимъ черноморскимъ писателемъ былъ высокообразованный ученикъ новой школы, Попка; его трудъ носитъ болѣе беллетристическій характеръ; но по теплотѣ чувства, образности разсказа онъ просто неподражаемъ!—Въ послѣднее время особенно выдается своею дѣятельностью Фелицынъ; его дѣятельность больше издательская; потомство оцѣнитъ его добросовѣстность, энергію и неподражаемую любовь къ своему дѣлу. Наконецъ въ среду поименованныхъ писателей теперь долженъ вступить еще Туренко, трудъ котораго, проблуждавъ по бѣлу свѣту 48 лѣтъ, теперь находитъ себѣ мѣсто въ печати. Туренко будетъ лучшимъ дополнителемъ сочиненія Короленка. Его трудъ носитъ чисто лѣтописный характеръ. Конечно, если говорить подробно, то можно бы было найти въ немъ много недомолвокъ, компромиссовъ, подъ-часъ странностей; но, смотря на произведеніе его, какъ на историческій матеріалъ, мы всегда вынесемъ изъ чтенія его глубокую благодарность автору за его сообщенія. Нѣкоторые взгляды автора, тамъ, гдѣ онъ выходитъ изъ лѣтописной колеи, объясняются хорошо положеніемъ его и обстоятельствами; такъ онъ, приступивъ къ труду, пишетъ вообще о козачествѣ, при чемъ повторяетъ общее ходячее мнѣніе о немъ: въ началѣ онъ какъ-бы строгій критикъ козачества—оно у него не симпатично, разбойничаетъ, грабитъ и болѣе ничего; но вскорѣ за тѣмъ козаки—доблестные, храбрые и войско запорожское—«славное», и самъ Потемкинъ-Таврическій «подъ своимъ начальствомъ желалъ имѣть сихъ храбрыхъ воиновъ».

Не забудемъ, что Туренко написалъ свой трудъ въ 1838 году или нѣсколько ранѣе. Вниманія заслуживаютъ также собственноручныя его замѣчанія въ концѣ труда, гдѣ имѣются извѣстія, не передаваемыя нигдѣ въ другихъ сочиненіяхъ и почерпнутыя авторомъ изъ разсказовъ своихъ сослуживцевъ-односумовъ. Такимъ образомъ историческая черноморская литература пополняется еще однимъ значительнымъ трудомъ, притомъ выходящимъ въ то время, когда войско, о которомъ онъ повѣствуетъ, можетъ закончить сто лѣтъ своего существованія и теперь въ спокойныя минуты помянуть всѣ бури и несчастья, коими полна каждая страница лѣтописи Туренка.

Происхожденіе козаковъ, обитавшихъ за днѣпровскими порогами, покрыто неизвѣстностью. Ученые писатели, основываясь на догадкахъ весьма темныхъ, полагаютъ достовѣрнѣйшимъ появленіе ихъ въ сихъ мѣстахъ около XV вѣка. Возникшіе во время войнъ сосѣдственныхъ государствъ запорожцы никогда не составляли народа отдѣльнаго; но число ихъ безпрерывно увеличивалось выходцами изъ Россіи, Польши, Молдавіи, Валахіи, Булгаріи, отъ татаръ и даже отъ европейскихъ державъ. Не имѣя никакого постояннаго учрежденія, они раздѣлялись на женатыхъ и холостыхъ: женатые поселились между Днѣпромъ и Бугомъ, а холостые на Хортицкомъ островѣ устроили первоначально свою Сѣчь [1]), которую въ послѣдствіи времени,

---

[1]) Сѣчь запорожскихъ козаковъ подробно описываетъ г. Бантышъ-Каменскій въ своей Исторіи Малой Россіи, во 2 части, главѣ 25. Изъ дѣлъ же войсковаго архива видно, что Сѣчь Запорожская, или главный кошъ (станъ) козаковъ имѣлъ, кромѣ хижинъ жителей, постоянно въономъ обитавшихъ, еще 38 куреней (домовъ), кои занимали козаки, избранные на службу изъ куренныхъ слободъ и что куренные атаманы и каждый курень носилъ имя той слободы, атаманъ которой въ немъ жилъ. Все войско запорожское было поселено въ 38 куренныхъ слободахъ и прилежавшихъ къ онымъ хуторамъ, по степи разсѣянныхъ, которыя получали названіе или отъ строителя, или отъ отчества перваго основателя онаго, или отъ верховнаго главы Сѣчи. Всѣ эти курени составляли Сѣчь. Начальникомъ Сѣчи былъ кошевой атаманъ, избираемый голосомъ старшинъ и народа, а въ помощники ему избирались изъ опытнѣйшихъ и грамотнѣйшихъ войсковый судья и войсковый писарь, и сіи три лица составляли правленіе запорожцевъ. Курени раздѣлялись на двое. Въ однихъ, по слободамъ и хуторамъ, жили козаки семейные, хозяева постоянные, въ другихъ же бездомки (въ малороссійскомъ нарѣчіи *сиромы*, т. е. холостые), которые вели жизнь оди-

смотря по обстоятельствамъ, произвольно перемѣняли. Никому не подвластные, они вели жизнь дикую, воинственную, свободно избирая атамановъ. Запорожцы, подъ предводительствомъ ихъ, сражались противу поляковъ, турокъ, татаръ, нападали даже на россійскія владѣнія; вездѣ грабили, опустошали, уводили въ плѣнъ мирныхъ жителей и жестокими разбоями сдѣлались страшны для своихъ сосѣдей.

По присоединеніи къ Россіи всей Малороссійской Украины (1653-го) государи россійскіе старались всѣми средствами покорить ей мужественный народъ своему единодержавію. Неоднократно послы царскіе успѣвали исторгать у запорожцевъ клятву быть вѣрноподданными Россіи; но своевольные, мятежные, не долго сохраняли оную, снова буйствовали, снова занимались разбоями, набѣгами и не было возможности обуздать ихъ дикую волю. Наконецъ императрица Екатерина II рѣшилась покорить ихъ силою оружія и—счастливо исполнила. Въ 1775 году она повелѣла генералъ-поручику Текелію занять ихъ Сѣчь многочисленными регулярными войсками и манифестомъ 3-го августа того года совершенно уничтожила оную.

Бывшимъ въ Сѣчи старшинамъ [1]) запорожскимъ даны чины армейскіе и право избирать родъ службы, какой пожелаютъ; козаки служащіе, смотря по способностямъ, распредѣлены въ регулярные полки, жители же селеній и хуторовъ обра-

---

нокую и занимались болѣе грабежами, разбоями въ земляхъ имъ сосѣдственныхъ; во время войнъ между окружавшими ихъ царствами, они, собираясь шайками, нанимались служить тому, кто болѣе давалъ денегъ, или гдѣ надѣялись получить болѣе добычи. При такихъ своевольныхъ собраніяхъ бездомки выбирали себѣ въ предводители ватажка (атамана) изъ самыхъ отважнѣйшихъ.

[1]) Въ старшины запорожскіе назначались козаки испытанные въ храбрости, благоразумнѣйшіе; имъ въ военное время поручались въ командованіе отдѣльныя части козаковъ до 1,000 человѣкъ и болѣе, и тогда они назывались полковниками, въ мирное же время они употребляемы были отъ Коша по дѣламъ внутренняго управленія запорожцевъ. Но по возвращеніи въ дома свои они обращались въ прежнее состояніе, пользуясь однакожъ всеобщимъ уваженіемъ и званіемъ товарищей. (Изъ дѣлъ войсковаго архива).

щены въ подушной окладъ и наименованы казенными поселянами. [1]).

Такъ уничтожилось славное нѣкогда войско запорожское— и казалось, что съ сего времени самое имя запорожцевъ должно было совершенно уже исчезнуть. Но въ послѣдствіи политическія обстоятельства Россіи подали надежду запорожскимъ старшинамъ: Сидору Бѣлому, Захарію Чепѣгѣ, Антону Головатому [2]), и многимъ другимъ вновь возстановить войско; а путешествіе императрицы, весною 1787 года, въ южную Малороссію благопріятствовало имъ и ускорило исполненіе ихъ надеждъ.

Война съ Портою Оттоманскою, тогда открывшаяся, была причиною, что князь Потемкинъ-Таврическій,—сильный въ то время вельможа, не только не препятствовалъ старшинамъ запорожскимъ ходатайствовать о возстановленіи войска на прежнихъ правахъ, но напротивъ содѣйствовалъ имъ совѣтами и предстательствомъ своимъ у императрицы; ибо, зная изъ опытовъ, какъ запорожскіе козаки были полезны своимъ отчаяннымъ мужествомъ и вѣрною службою въ недавно минувшую войну съ турками, подъ командою фельдмаршала Румянцева-Задунайскаго, онъ и подъ своимъ начальствомъ желалъ имѣть сихъ храбрыхъ воиновъ.

Въ Кременчугѣ старшины запорожскіе подали императрицѣ прошеніе; ея величество, принявъ оное милостиво, благоволила утвердить возстановленіе войска, давъ о томъ имянной указъ 3-го іюля того года и назначивъ для ихъ поселенія землю между рѣкъ Днѣстра и Буга. Въ слѣдующемъ же 1788 году указомъ 14 генваря опредѣлила, вмѣсто назначаемой земли, по-

---

1) По уничтожені и Сѣчи запорожской обращены въ казенные поселяне одни семейные козаки и весьма малая часть бездомковъ; всѣ же прочіе бездомки, не желая утратить своей дикой вольности, бѣжали въ Турцію.

2) Старшины запорожскіе, по уничтоженіи Сѣчи, служили по дворянскимъ выборамъ съ чинами армейскими: Бѣлый, секундъ-маіоръ, екатеринославскимъ дворянскимъ предводителемъ; Головатый, секундъ-маіоръ, также капитаномъ-исправникомъ въ Новомосковскѣ, а Чепѣга капитаномъ жилъ въ отставкѣ. (Изъ дѣлъ войсковаго архива).

селить сіе вновь составленное войско запорожское въ Керченскомъ кутѣ или на Тамани [1]).

При открытіи войны съ Турціею 1787 года запорожскіе козаки, подъ предводительствомъ своего кошевого атамана Сидора Бѣлаго [2]), собирались и выступили въ составъ дѣйствовавшей арміи. Они раздѣлились на двѣ части: одна, подъ начальствомъ Чепѣги, дѣйствовала на сухомъ пути, а съ другою самъ кошевый на лодкахъ присоединился къ *главному* флоту [3]). Въ продолженіи войны, возобновленные запорожцы своими мужеественными подвигами старались оправдать высочайшую къ нимъ милость императрицы и покровительство знаменитаго ея полководца, и—оправдали. Ибо кромѣ наградъ излитыхъ монархинею и прочими военачальниками на старшинъ, чиновниковъ и козаковъ, кромѣ всѣхъ отличій, заслуженныхъ войскомъ на незабвенныхъ штурмахъ Очакова и Измаила, они въ сію войну взятіемъ острова Березани [4]) своею ничтожною гребною флотиліею показали искусство и способность дѣйствовать не на одномъ только сухомъ пути, но и на морѣ, за что пріобрѣли имя вѣрныхъ черноморцевъ [5]), которое сохранили до сего времени.

---

[1]) Во время войны Россіи съ Портою Оттоманскою, по завоеваніи Бессарабіи, вновь составленному войску запорожскому государыня Екатерина II повелѣла первоначально селиться между Бугомъ и Днѣстромъ, по берегу Чернаго моря, до бендерской дороги. (Изъ дѣлъ войсковаго архива).

[2]) Первымъ кошевымъ атаманомъ назначенъ былъ, съ производствомъ въ подполковники, Сидоръ Бѣлый, войсковымъ судьею подполковникъ Головатый и войсковымъ писаремъ старшина Подлисецкій. (Изъ дѣлъ войсковаго архива).

[3]) Первую часть собраннаго войска составляла конница, въ которую явились старшины Запорожья: Алексѣй Высочинъ, Иванъ Шамъ, Лукьянъ Тиховскій и Семенъ Письменный; а вторую пѣхота, назначенная для флотиліи, гдѣ были старшинами: Иванъ Курлянскій, Мукій Гуликъ, Иванъ Порохня, Константинъ Кордовскій, Савва Бѣлый, Иванъ Чернышевъ, Давидъ Бѣлый и Яковъ Мокрый. (Изъ дѣлъ войсковаго архива).

[4]) Островъ Березань и на ономъ турецкая крѣпость была взята запорожцами подъ предводительствомъ судьи Головатаго 7 ноября 1788 года. (Изъ дѣлъ войсковаго архива).

[5]) Названіе *вѣрныхъ* черноморцы получили 3 генваря 1786 г., что видно изъ высочайшихъ рескриптовъ, грамотъ и ордеровъ князя Потемкина, хранящихся въ войсковомъ архивѣ.

Война съ Турціею кончилась со славою для Россіи, но съ окончаніемъ оной не стало войсковаго гетмана и покровителя черноморцевъ, князя Потемкина-Таврическаго [1]). Горестна была возстановленному его ходатайствомъ войску такая потеря! Оно, не имѣя еще никакихъ положительныхъ правилъ къ своему существованію, весьма могло опасаться прежняго уничтоженія, тѣмъ болѣе, что по окончаніи войны оно сдѣлалось ненужнымъ. Однако вѣрная полезная служба Россіи, оказанная сими остатками запорожцевъ, обратила на нихъ особенное вниманіе государыни, и Великая, желая достаточно наградить сихъ вѣрныхъ слугъ, 30-го іюля 1792 года соизволила вручить посланному отъ войска въ Санктъ-Петербургъ съ просьбою депутату, войсковому судьѣ полковнику Головатому [2]) высочайшую мило-

---

[1]) 1790 г. генваря 10, князь Потемкинъ-Таврическій возведенъ государыней императрицей въ званіе великаго гетмана екатеринославскихъ и черноморскихъ козачьихъ войскъ; но еще и до сего возведенія въ гетманы, Потемкинъ, любя запорожцевъ и желая поощрить ихъ къ службѣ, добровольно записался въ ихъ войско козакомъ, подъ именемъ *Грицька Нечосы.* Грицько—Григорій, а Нечоса, потому, что князь носилъ волосы непричесанными и потому, что въ Запорожьѣ было обыкновеніе переименовывать настоящее прозваніе соотвѣтственно качеству человѣка. Состоя по списку въ куренѣ васюринскомъ, Потемкинъ платилъ въ оный ежегодно жалованье на одного козака, который несъ за него на равнѣ съ прочими службу. Кромѣ сего, по примѣру князя, записались въ войско и другіе знатные чиновники, коимъ выданы тогда же отъ Коша аттестаты, а именно:

1-й двора его императорскаго величества оберъ-шталмейстеру и кавалеру Льву Нарышкину, № 818.

2-й бригадиру Василію Голицыну, № 815.

3-й дивизіонъ-квартермистру Егору Маклашевскому, № 822.

4-й надворному совѣтнику Федору Квѣткѣ, № 817.

5-й капитану Иліи Квѣткѣ, № 819.

6-й прапорщику Лисовицкому, № 820.

и 7-й полковнику Михайлѣ Горновскому, № 816.

[2]) Когда умеръ князь Потемкинъ, то съ смертію его пріостановилось какъ сформированіе, такъ и предположенное поселеніе между Днѣстромъ и Бугомъ нынѣшняго войска, такъ какъ всѣ дѣла были у одного князя Потемкина, въ Санкпетербургѣ же мало кому извѣстно было о семъ войскѣ.

Войско отправило въ С.-Петербургъ депутатомъ полковника Головатаго для испрошенія войску утвердительныхъ грамотъ и опредѣлительнаго мѣстоводворенія. Головатый, ходя отъ министра къ министру и не получая ничего удовлетворительнаго, по веселонравію своему, будучи одаренъ природнымъ

стивую грамоту [1]) слѣдующаго содержанія:

«Божію милостію мы Екатерина вторая, императрица и самодержица всероссійская».

«Вѣрнаго нашего войска черноморскаго кошевому атаману, старшинамъ и всему войску нашего императорскаго величества милостивое слово:

«Усердная и ревностная войска черноморскаго намъ служба, доказанная, въ теченіи благополучно оконченной съ Портою Оттоманскою войны, храбрыми и мужественными на сушѣ и водахъ подвигами, ненарушимая вѣрность, строгое повиновеніе начальству и похвальное поведеніе, отъ самаго того времени, какъ сіе войско по волѣ нашей покойнымъ генераломъ-фельдмаршаломъ Потемкинымъ-Таврическимъ учреждено, пріобрѣло особливое наше вниманіе и милость. Мы потому, желая воздать заслугамъ войска черноморскаго учрежденіемъ всегдашняго ихъ благосостоянія и доставленіемъ способовъ къ благополучному пребыванію, всемилостивѣйше пожаловали оному въ вѣчное владѣніе состоящій въ области таврической островъ Фанагорію со всею землею, лежащею на правой сторонѣ рѣки Кубани отъ устья ея къ устью Лабинскому и Редуту, такъ чтобы съ одной стороны рѣка Кубань, съ

умомъ и дальновидностію, рѣчистъ, смѣлъ и храбръ, проводилъ время болѣе въ остроумныхъ шуткахъ... Наконецъ предсталъ внезапно предъ государынею императрицу въ Лѣтнемъ саду, весь въ красномъ запорожскомъ платьѣ, вооруженный двумя пистолетами съ лядункою и саблею, облитымъ сребромъ и золотомъ, и съ обритою головою, упалъ на колѣни и съ сокрушеннымъ сердцемъ воскликнулъ: „*Стій Маты!*" Потомъ съ душевнымъ благоговѣніемъ и слезами, навернувшимися на глаза, произнесъ слѣдующую рѣчь:

„Жизнедательнымъ державнаго велѣнія твоего словомъ перерожденный изъ неплоднаго бытія, вѣрный черноморскій Кошъ пріемлетъ нынѣ дерзновеніе вознести благодарный гласъ свой святѣйшему величеству твоему и купно изглаголати благодарность сердецъ его. Пріими оную, яко едино къ тебѣ сохраненную, и буди намъ прибѣжище, покровъ, радованіе,—тай годи!"

Освѣдомившись отъ Головатаго лично обо всемъ, касающемся до войска, государыня имератрица повелѣть соизволила: „сдѣлать докладъ".

(Слов. преданіе генерала Бурсака).

[1]) Вмѣстѣ съ грамотами, императрица пожаловала войску серебренное вызолоченное блюдо съ таковою же солонкою, хлѣбомъ и солью; большое бѣлое знамя, серебренные литавры, двѣ серебренныя трубы и для церкви святый потиръ со всѣмъ приборомъ, суто-вызолоченныя глазетныя ризы со стихаремъ и со всѣмъ облаченіемъ. (Изъ дѣлъ войсковаго архива).

другой-же Азовское море до Ейского городка служили границею войсковой земли, съ прочихъ-же сторонъ разграниченіе указали мы сдѣлать генералъ-губернатору кавказскому и губернаторамъ екатеринославскому и таврическому чрезъ землемѣровъ, обще съ депутатами отъ войска донскаго и черноморскаго.

«Всѣ состоящія на помянутой нами пожалованной землѣ всякаго рода угодья, на водахъ-же рыбныя ловли, остаются въ точномъ и полномъ владѣніи и распоряженіи войска черноморскаго, исключая только мѣстъ для крѣпости на островѣ Фанагоріи и для другой при рѣкѣ Кубани съ подлежащимъ для каждой выгономъ, которыя для вящшей войску и особливо на случай военной безопасности сооружены быть имѣютъ.

Войску черноморскому предлежитъ бдѣніе и стража пограничная отъ набѣговъ народовъ закубанскихъ.

На производство жалованья кошевому атаману съ войсковыми старшинами, по положенной росписи, на употребляемые къ содержанію стражи отряды и на прочіе нужные по войску расходы повелѣли мы отпускать изъ казны нашей по двадцати тысячъ рублевъ въ годъ.

Желаемъ мы, чтобъ земское управленіе сего войска, для лучшаго порядка и благоустройства, соображаемо было съ изданными отъ насъ учрежденіями о управленіи губерній. Мы предоставляемъ правительству войсковому расправу и наказаніе впадающихъ въ погрѣшности въ войскѣ, но важныхъ преступниковъ повелѣваемъ для осужденія по законамъ отсылать къ губернатору таврическому.

Мы всемилостивѣйше позволяемъ войску черноморскому пользоваться свободною внутреннею торговлею и вольною продажею вина на войсковыхъ земляхъ.

Всемилостивѣйше жалуемъ войску черноморскому знамя войсковое и литавры, подтверждая такъ же употребленіе и тѣхъ знаменъ, булавы, перначей и войсковой печати, которыя оному отъ покойнаго генерала фельдмаршала князя Григорія Александровича Потемкина-Таврическаго по волѣ нашей оставлены.

Губернатору таврическому указали мы доставлять войску черноморскому всѣ исходящія отъ насъ узаконенія, предлагать оному о нарядахъ на службу по назначенію военнаго начальства и

преподавать всѣ нужныя способствованія, а потому правительство войсковое имѣетъ относиться къ сему губернатору и чрезъ каждыя двѣ недѣли присылать ему свѣдѣнія о благосостояніи войска и обо всѣхъ важныхъ происшествіяхъ, какія въ теченіи двухъ недѣль могутъ приключиться, для донесенія намъ.

Мы надѣемся, что войско черноморское, соотвѣтствуя монаршему нашему о немъ попеченію, потщится не только бдительнымъ охраненіемъ границъ соблюсти имя храбрыхъ воиновъ, но и всемѣрное употребитъ стараніе заслужить названіе добрыхъ и полезныхъ гражданъ внутреннимъ благоустройствамъ, трудолюбіемъ и распространеніемъ семейственнаго житія.

Дано въ Царскомъ Селѣ іюня 30 дня лѣта отъ рожденія Христова 1792, а государствованія нашего тридесятъ перваго.

На подлинномъ подписано собственною ея императорскаго величества рукою тако:

Екатерина.

РОСПИСЬ

жалованью ежегодному, полагаемому на войско черноморское козачье:

	Рублей
Кошевому атаману	1000
Войсковому судьи	800
Войсковому писарю	500
Войсковому есаулу	500
Протопопу	200
Попу	100
Діакону	80
На причетъ церковный	120
Куреннымъ атаманамъ каждому по 40 рублей	1600
Пушкарю и довбышу по 40 рублей	80
Итого	4,980
Содержаніе артиллеріи и жалованья козакамъ, въ дѣйствительной службѣ находящимся, и на всѣ прочіе, по разсмотрѣнію войсковаго правительства, расходы	15,020
Всего	20,000

Войсковымъ старшинамъ, или полковникамъ, когда они внѣ владѣнія войска черноморскаго на службу отряжены, каждому производить въ годъ по сту рублей.

Сотникамъ, есауламъ, квартермистрамъ и прочимъ полковымъ старшинамъ, когда они на службу наряжены внѣ предѣловъ войска черноморскаго, каждому по пятидесяти рублевъ.

Козакамъ, откомандированнымъ за предѣлы войсковые, производить жалованья въ годъ по двѣнадцати рублевъ и провіантъ указный, а коннымъ и фуражъ.

На подлѣнномъ подписано тако: Екатерина.

Въ Царскомъ Селѣ іюня 30 дня 1792 года.

Въ слѣдующій день, т. е. 1-го іюля получилъ Головатый вторую грамоту:

Божію милостію мы Екатерина вторая, императрица и самодержица всероссійская.

Вѣрнаго нашего войска черноморскаго кошевому атаману, старшинамъ и всему войску нашего императорскаго величества милостивое слово.

Разсмотрѣвъ всеподданнѣйшія представленія, вступившія къ намъ отъ войска черноморскаго и отъ присланнаго отъ онаго войсковаго судьи Головатаго съ прочими депутатами и удовлетворяя прошеніямъ, съ справедливостію согласнымъ, всемилостивѣйше мы повелѣли:

Первое. Губернатору таврическому имѣть попеченіе объ отысканіи и доставленіи старшинамъ и козакамъ войска черноморскаго справедливо и законно принадлежащаго имъ имѣнія, буде гдѣ оное въ прежнихъ ихъ жилищахъ задержано; равнымъ образомъ истребовать ему для причисленія къ войску тѣхъ старщинъ и козаковъ съ ихъ имуществомъ, которые дѣйствительно прежде служили въ военномъ званіи и Запорожьѣ и по разрушеніи Сѣчи, поселясь въ разныхъ мѣстахъ, удерживаются тамъ противу воли ихъ, для чего отъ войска черноморскаго и нужно доставленіе къ губернатору таврическому имяннаго всѣхъ оныхъ списка, съ означеніемъ мѣстъ ихъ пребыванія.

Второе. На снабженіе переселяющихся въ новопожалованныя войску черноморскому въ Фанагорійскомъ уѣздѣ земли неимущихъ козаковъ, особливо вдовъ съ дѣтьми, потерявшихъ мужей своихъ на сраженіяхъ, отпустить тридцать тысячъ рублевъ.

Третье. Всѣхъ военно-служащихъ козаковъ въ новомъ ихъ поселеніи довольствовать пропитаніемъ по сентябрь мѣсяцъ будущато тысяча семь сотъ девяносто третьяго года.

Четвертое. Всѣмъ переселяющимся изъ новопріобрѣтенной между Днѣстра и Буга области въ Фанагорійскій уѣздъ старшинамъ и козакамъ дозволить продавать построенныя ими въ той области домы и прочія строенія и въ томъ имъ всякое способствованіе преподавать.

Пятое. При семъ переходѣ войска черноморскаго изъ состоящихъ на пути магазейновъ довольствовать оное провіантомъ и въ переправахъ чрезъ рѣки всевозможное вспоможеніе чинить, въ соотвѣтствіе чего и войско черноморское, во время прохода, да сохранитъ строгую дисциплину и да возбранитъ у себя пріемъ бѣглецовъ, подданныхъ россійскихъ, какъ тогда, такъ и впредъ, по самовольномъ оставленіи жилищъ своихъ, къ оному являющихся.

Шестое. Что касается до пожалованныхъ отъ покойнаго генерала фельдмаршала князя Потемкина-Таврическаго по сему войску въ штабъ и оберъ офицерскіе чины старшинъ, онымъ о выдачи патентовъ указали мы нашей военной коллегіи. Мы надѣемся, что войско черноморское, монаршею нашею милостію взысканное, употребитъ усильнѣйшее стараніе о скорѣйшемъ переселеніи своемъ на земли всемилостивѣйше ему отъ насъ пожалованныя и всемѣрно потщится ревностною и усердною службою учинить себя и впредъ достойнымъ нашего благоволенія. Дана въ Царскомъ Селѣ, іюля 1 дня, 1792 года.

На подлинномъ подписано тако: Екатерина.

Въ августѣ мѣсяцѣ войсковый судья Головатый прибылъ изъ С.-Петербурга къ войску съ сими грамотами и былъ принятъ счастливыми козаками, какъ радостный вѣстникъ милостей царицы матери [1]).

---

[1]) Прибытіе Головатаго къ войску съ высочайшими грамотами было радостнѣйшимъ днемъ для всѣхъ запорожцевъ, днемъ новаго ихъ бытія и принятіе грамотъ въ Кошѣ ознаменовалось торжествомъ великолѣпнѣйшимъ. Пѣли благодарственные молебни Господу и молились о здравіи царицы матери; стрѣляли изъ пушекъ и ружей; давали пиры и, поздравляя другъ друга съ высокомонаршими милостями, знаки нелицемѣрной радости своей изъявляли пѣніемъ пѣсни, ими тогда же сложенной отъ полноты сердечныхъ чувствъ:

Ой годи намъ журитися, пора перестати;
Диждалися одъ царыци за службу заплаты.
Дала хлибъ-силь и грамоты за вирніи службы.
Отъ теперь мы, миле братье, забудемъ вси нужды!

Но еще до полученія грамотъ кошевый атаманъ Захарій Чепѣга отправилъ Чернымъ моремъ, подъ начальствомъ бригадира Пустошкина, премьеръ-маіора Савву Бѣлаго съ 4,000 старшинъ и козаковъ къ острову Фанагорійскому, на 51 лодкѣ, для обозрѣнія и занятія высочайше дарованной земли. 21 августа Бѣлый прибылъ къ острову Фанагоріи. Онъ тогда же по распоряженію Пустошкина отрядилъ полковника, арміи поручика Чернышева съ старшинами и козаками на 20-ти лодкахъ къ устью Кубани въ лиманы Кизильтажскій и Сукоровъ для наблюденія надъ черкесами и для сохраненія рыбныхъ ловлей. Сія часть флотиліи осталась тамъ зимовать, остальная же расположилась у крѣпости Фанагоріи, занималась перевозкою изъ Керчь-Еникаля провіанта и другихъ матеріаловъ, отпускаемыхъ по волѣ начальства на постройку куреней для козаковъ.

Въ слѣдъ за ними полковникъ Кордовскій съ двумя пѣшими полками и частію семействъ прибылъ сухимъ путемъ на сію землю и, ставъ при старомъ Темрюкѣ, учредилъ наблюдательный постъ и устроилъ курени на зиму.

Сентября же 3-го, кошевой атаманъ бригадиръ Чепѣга съ войсковымъ писаремъ Котляревскимъ, полковниками, старшинами и 300 конными козаками, по высочайшему повелѣнію, выступилъ отъ Днѣстра, оставя тамъ начальникомъ надъ поселенными семействами старшинъ и козаковъ войсковаго судью Головатаго и перейдя рѣку Ею октября 24, остановился для зимовки на Ейской косѣ. Построивъ наскоро кое-какія землянки, установивъ церковь въ бывшемъ тамъ ханскомъ домѣ, онъ занялся учрежденіемъ отводныхъ карауловъ по рѣкѣ Чалбасахъ для

Въ Тамани жить, вирно служить, гряныцю держати,
Рыбу ловить, горилку пить, ще й будемъ багати.
Да ще-жъ треба женитися и хлиба робити,
А хто прыйде къ намъ зъ невирныхъ,—якъ ворога бити.
Слава Богу и царыци и покій гетману,
Залчили въ сердцяхъ нашихъ великую рану!
Дякуймо-жъ царыци, молимося Богу,
Що вона намъ показала на Тамань дорогу.

наблюденія надъ запорожцами, проживавшими по временамъ на сей землѣ для звѣриной охоты и рыбной ловли. Ему сопутствовалъ іеромонахъ Ѳеофанъ.

Такимъ образомъ первоначально была занимаема высочайше пожалованная земля черноморскимъ войскомъ и взяты мѣры продосторожности противъ закубанскихъ сосѣдей.

Бдительность черноморцевъ въ сію зиму была не безполезна. Они успѣли истребить 14 черкесъ и до 10 некрасовцевъ, жившихъ на Каракубанскомъ островѣ и покушавшихся на воровство, одного же некрасовца, взятаго въ плѣнъ, отправили къ таврическому гражданскому губернатору Жигулину. Съ нашей стороны въ сихъ первыхъ дѣйствіяхъ убитыхъ и раненыхъ не было, въ плѣнъ же захвачены хорунжій Безкровный и одинъ козакъ, которые въ скорости оттуда бѣжали.

Перезимовавъ на Ейской косѣ, кошевый атаманъ съ войсковымъ правительствомъ и конницею 10-го маія 1793 года выступилъ къ рѣкѣ Кубани и, прибывъ къ устью Лабы, явился къ бывшему тогда командиру кавказскаго корпуса генералъ-аншефу Гудовичу, отъ коего получа повелѣніе итти внизъ по теченію Кубани и за 7 верстъ отъ воронежскаго редута занимать границу кордонами, двинулся и разставилъ лично посты въ слѣдующемъ порядкѣ и разстояніи каждаго изъ кордоновъ отъ Усть-Лабы:

1) Противъ темиргайцевъ: воронежскій въ разстояніи 18 и константиновскій 9 верстъ.

2) Противъ чечней: Александринъ въ 7-ми, павловскій и велико-марьянскій въ 8-ми верстахъ.

3) Противъ пшедухи: екатеринодарскій въ 7 и александровскій въ 6 верстахъ.

4) Елинскій и марьяновскій въ 7-ми, ново-екатериновскій въ 10, ольгинскій и славянскій въ 7-ми и протоцкій въ 8-ми верстахъ и

5) Противъ натухайцевъ: копыльскій въ 2-хъ, петровскій въ 20-ти, андреевскій въ 19-ти, георгіевскій въ 22-хъ, фанагорійскій въ 12-ти верстахъ.

На каждомъ изъ сихъ постовъ кошевый опредѣлилъ имѣть по 100 козаковъ при исправныхъ чиновникахъ и раздѣливъ всю линію на двѣ части, ввѣрилъ начальство надъ оными двумъ полковникамъ; полковъ еще не было. Бывшіе въ войскѣ бездомки (сѣромы), болѣе пріобыкшіе къ военнымъ трудамъ, презиравшіе самую жизнь, алкавшіе однихъ битвъ и добычи, отличнѣйшіе стрѣлки, занявъ первую цѣпь надъ самою Кубанью въ топкихъ гнилыхъ болотахъ, заросшихъ густыми, непроходимымя камышами, и упражняясь тамъ почти безвыходно звѣриною охотою, служили большою помощію кордонной стражѣ. Сіи безстрашные воины названы пластунами [1]). Нося всегда одежду легкую, сходственную съ черкескою, они отличаются необыкновеннымъ проворствомъ, скоростію въ своихъ движеніяхъ и дѣйствіяхъ. Ружье и подсохъ [2]) единственное ихъ вооруженіе, а искусство въ стрѣльбѣ составляетъ всю ихъ славу. Вѣрный глазъ и твердая рука пластуна всегда гибельны непріятелю. Находясь безпрерывно на виду у горцевъ, они совершенно свыклись со всѣми ихъ хитростями и уловками: скрытно наблюдая за всѣми дѣйствіями непріятеля, они предъугадываютъ его намѣренія, быстро извѣщаютъ объ оныхъ кордоны и притаясь въ густотѣ камышей у самой переправы злодѣевъ, первые встрѣчаютъ ихъ своимъ губительнымъ ружейнымъ огнемъ. До сего времени пластуны служатъ вѣрнѣйшимъ и надежнѣйшимъ охраненіемъ границы черноморской отъ внезапныхъ вторженій непріятельскихъ.

Кошевый атаманъ, при занятія мѣста для кордоновъ, желая самъ имѣть бдительнѣйшее наблюденіе за спокойствіемъ границы, призналъ удобнѣйшимъ расположиться съ войсковымъ правительствомъ и остальною конницею при Кубани въ Карасунскомъ кутѣ и 10 іюня сталъ въ ономъ лагеремъ.

---

[1]) Названіе пластуновъ заимствовано отъ малороссійскаго глагола *пластать*, то есть бродить по грязи, по болоту; ибо они, съ малолѣтства пристращаясь къ охотѣ, проводятъ всю жизнь въ топкихъ мѣстахъ, заросшихъ непроходимымъ тростникомъ, гдѣ обитаютъ одни дикіе звѣри.

[2]) Родъ копья, нѣсколько короче обыкновеннаго.

Въ слѣдъ за сими распоряженіями по границѣ учреждены паланки [1]),—первая въ Тамани, куда полковникомъ назначенъ премьеръ-маіоръ Савва Бѣлый, а вторая на рѣкѣ Еѣ, въ карантинномъ строеніи, подъ управленіемъ полковника Семена Письменнаго, коему въ помощь опредѣленъ есауломъ поручикъ Уманецъ, а писаремъ прапорщикъ Герченко; въ вѣдомство сей послѣдней поступили рыболовные промыслы на приморскихъ косахъ, Ейской, Долгой и Комышеватой. Для соблюденія же порядка въ управленіи и отклоненія могущихъ встрѣтиться недоразумѣній, сіи чиновники получили отъ войсковаго правительства надлежащія наставленія.

Между тѣмъ войсковый судья Головатый, въ февралѣ мѣсяцѣ, заботился о приготовленіи къ переселенію сюда остававшихся на прежнихъ жилищахъ между рѣками Буга и Днѣстра штабъ и оберъ-офицеровъ, старшинъ, козаковъ и семействъ ихъ; ходатайствовалъ у генералъ аншефа графа Суворова Рымникскаго, просилъ губернаторовъ: екатеринославскаго, херсонскаго и таврическаго о безпрепятственномъ слѣдованіи переселенцевъ; предписалъ полковнику Тиховскому, кинбурской и березанской паланкамъ такъ же готовиться къ походу съ подвѣдомственными имъ жителями. 18 марта онъ отправилъ съ секундъ-маіоромъ Шульгою и капитаномъ Григоревскимъ первую колонну козаковъ съ семействами и всѣмъ имуществомъ, велѣвъ имъ, при слѣдованіи по пути, который будетъ признанъ удобнѣйшимъ, руководствоваться высочайшими грамотами. Слѣдованіе прочихъ предположено въ 20 колоннахъ, чрезъ Бугъ на Соколы, а чрезъ Днѣпръ на Бериславль. Начальниками колоннъ были назначены: полковникъ Бѣлый, бунчуковые товарищи: секундъ-маіоръ Бурносъ, капитанъ Танскій, Лисица, поручики: Мален-

[1]] Паланками назывались въ Запорожьѣ пограничные укрѣпленные посты, а послѣ нынѣшніе окружные или земскія управленія.

скій, Дрига, Никипольскій, Брунько, Миргородскій, Куцкій, Иваненко, Верисъ, Сташковъ, Малый; поручики: Томначевскій, Семенко; прапорщики: Лозовый, Голубицкій, Щербина и полковый хорунжій Мазуренко. Колонны сіи разновременно приходили на эту землю и заселяли оную. Іюля же 15-го и самъ войсковый судья съ остальнымъ войскомъ и всѣми тяжестями выступилъ отъ Днѣстра къ Фанагоріи и прибылъ въ оную 15-го августа. Его сопровождалъ войсковый протоіерей Романъ Порохня.

Спустя нѣсколько времени послѣ сего кошевый атаманъ съ войсковымъ правительствомъ, войсковые старшины и атаманы, собравшись общимъ совѣтомъ, положили: въ воспоминаніе славнаго имяни великія государыни императрицы Екатерины Алексѣевны, самодержицы всероссійской, матери благодѣтельницы войска, въ Карасунскомъ кутѣ противъ дубравы, называемой *Кругликъ*, построить главный войсковый городъ *Екатеринодаръ* [1]) и въ немъ быть войсковому правительству и сорока куренямъ [2]). По границѣ же, для скорѣйшаго снисканія съ закубанскими народами сосѣдственной дружбы и для прекращенія имъ свободной переправы чрезъ Кубань, устроить при кордонахъ военныя селенія и дать имъ названіе куреней по примѣру бывшихъ нѣкогда въ Сѣчи Запорожской, что тогда же исполнилось въ слѣдующемъ порядкѣ:

Поселено при кордонахъ жителей:

---

[1]) Планъ города былъ сдѣланъ присланнымъ отъ губернатора Жигулина инженеръ-прапорщикомъ Гетмановымъ.

[2]) Въ городѣ, по примѣру запорожскаго Коша, были устроены 40 куреней (домовъ) для жительства куренныхъ атамановъ и козаковъ, служащихъ и бездомовныхъ.

	Число дворовъ.	Число душъ. Мужеска пола.	Женска пола.
Воронежскомъ	250	685	546
Константиновскомъ	195	480	406
Александровскомъ	107	316	269
Павловскомъ	109	320	275
Великомарьянскомъ	289	768	646
Въ городѣ Екатеринодарѣ . . .	365	916	769
Александровскомъ	50	132	116
Елинскомъ	47	119	91
Елисаветиномъ	39	93	62
Марьянскомъ	125	306	221
Ново-Екатериновскомъ . . .	226	630	597
Ольгинскомъ	39	95	70
Славянскомъ	54	129	98
Протоцкомъ	43	97	81
Копыльскомъ . , . . .	76	211	173
Петровскомъ	65	175	116
Андреевскомъ	77	184	110
Григорьевскомъ	112	313	267
Платоногорскомъ	119	350	293
Фанагорійскомъ.	34	91	59
При рѣкѣ Еи у сладкаго лимана .	95	300	259
При горькомъ Бурлацкомъ броду .	115	362	271
У колодцевъ выше устья Сасыкъ-Еи .	39	64	78
При устьи Кугу-Еи	57	161	102
Итого . .	2727	7308	5975

Сверхъ сего въ фанагорійскомъ округѣ построенъ городъ Тамань, въ коемъ поселено въ 129 дворахъ мужеска пола 516, женска 480 душъ. Но со стороны кавказскаго намѣстничества селеній вовсе не было, только старшины и козаки заводили тамъ хутора.

Приходившіе въ послѣдствіи времени изъ прежнихъ своихъ мѣстъ старшины и козаки разселялись войсковымъ правительствомъ

симъ куренямъ, согласно желанію каждаго, и кромѣ того заводились новые курени, смотря по необходимости. Между тѣмъ войско просило позволенія строить храмы Божіе и назначенія въ оные священниковъ и церковнослужителей. Государыня императрица соизволила 2-го генваря 1794 г. повелѣть святѣйшему синоду таковую просьбу удовлетворить. Маія 1-го войсковые старшины, полковники, бунчуковые товарищи и атаманы, вникая въ положеніе престарѣлыхъ, раненыхъ въ сраженіяхъ и увѣчныхъ старшинъ и козаковъ, кои желали бы окончить жизнь на заслуженной ими землѣ при церквѣ Божіей, а нѣкоторые и поступить въ монашескій чинъ для своего успокоенія и пропитанія, согласились испросить разрѣшеніе у святѣйшаго правительствующаго синода построить на войсковой землѣ монашескую пустынь. Сіе было разрѣшено и первымъ архимандритомъ черноморской екатерино-лебежской пустыни поставленъ синодомъ іеромонахъ Ѳеофанъ.

15-го іюля войсковый судья Головатый, по ревности къ православію, желая на собственной щетъ построить въ Тамани церковь во имя Покрова Пресвятыя Богородицы, представилъ планъ оной преосвященному Іову, епископу ѳеодосійскому и маріупольскому и просилъ разрѣшенія на постройку. Преосвященный утвердилъ планъ и поставилъ туда священникомъ козака Павла Демешка.

Въ таковомъ порядкѣ съ іюня 1792 года по 1794 г. до 25 тысячъ старшинъ и козаковъ, оставшихся отъ сильнаго нѣкогда войска запорожскаго, съ женами и дѣтьми переходили на сію землю и селились, сообразуясь съ обычаями своихъ предковъ, на виду у непріятеля, дабы безпрестанно имѣть надъ нимъ наблюденіе и удобнѣе предупреждать всякое его злонамѣреніе.

Внутреннее управленіе и устройство сей горсти черноморцевъ остановилось въ то время на нуждахъ цѣлаго сословія и каждаго козака порознь. Старшины и старики въ общемъ совѣтѣ обдумывали средства къ улучшенію благосостоянія всѣхъ, а кошевый атаманъ своимъ рѣшеніемъ утверждалъ ихъ благія

предположенія и только въ случаяхъ важныхъ испрашивалъ разрѣшенія у начальства высшаго. Перемѣна таковаго управленія сдѣлана правительствомъ уже въ послѣдствіи времени, о чемъ будетъ говорено въ своемъ мѣстѣ, до того же черноморцы руководствовались одними только высочайшими грамотами, нѣкоторыми предписаніями начальства и правилами, собственно войсковымъ правительствомъ издаваемыми, какъ напримѣръ:

Вѣрнаго императорскаго войска черноморскаго господамъ полковникамъ, бунчуковому товариству, полковымъ старшинамъ, курѣннымъ атаманамъ и всему войску.

Порядокъ общей пользы:

Божіимъ призрѣніемъ и всепресвѣтлѣйшія державнѣйшія великія государыни императрицы Екатерины Алексѣевны, самодержицы всероссійской, монаршимъ благоволеніемъ, блаженныя и вѣчно-достохвальныя памяти покойнымъ господиномъ генералъ-фельдмаршаломъ, священныя римскія имперіи княземъ и великимъ гетманомъ, Григоріемъ Александровичемъ Потемкинымъ-Таврическимъ, при учрежденіи войска черноморскаго, мы, будучи избранными и утвержденными къ управленію имъ въ начальники, нынѣ воспоминая первобытное сего войска существованіе подъ названіемъ запорожцевъ и Божіимъ попущеніемъ онаго за разныя погрѣшности уничтоженіе, а потомъ неизреченною Его милостію и ея императорскаго величества матернимъ милосердіемъ, сверхъ заслугъ сего войска и нашихъ, нечаяннаго, новаго, почетнѣйшаго и полезнѣйшаго нынѣшняго состоянія сего войска и нашего учрежденія, съ утвержденіемъ всегдашняго его благосостоянія, къ благополучному пребыванію всемилостивѣйшее отъ ея императорскаго величества земли пожалованіе, по принесеніи Богу благодарственнаго моленія и ея императорскому величеству съ преданностію сердечной вѣрности благодаренія, постановляемъ отънынѣ на всегда: *первое*, по Божію и монаршему правосудію за достойное наказаніе въ страхъ и трепетъ воображать, *а второе*, ощущая Божіе и монаршее благодѣяніе нынѣшнее на насъ и войско черноморское, яко неоцѣненный даръ свято почитать и сохранять, дабы сего войско не потеряло, по силѣ высочайшей ея императорскаго величества гра-

моты, въ 30-й день іюня 1792 года всемилостивѣйше войску жалованной, сообразуясь изданнаго отъ ея императорскаго величества учрежденія о управленіи губерній, устроить порядокъ нижеслѣдующій:

1-е. Да будетъ въ семъ войскѣ войсковое правительство, на всегда управляющее войскомъ на точномъ и непоколебимомъ основаніи всероссійскихъ законовъ безъ и малѣйшей отмѣны, въ которомъ засѣдать должны: атаманъ кошевый, войсковый судья и войсковый писарь.

2-е. Ради войсковой резиденціи, къ непоколебимому подкрѣпленію и утвержденію состоящихъ на пограничной стражѣ кордоновъ, при рѣкѣ Кубани, въ Карасунскомъ кутѣ воздвигнуть градъ и, для вѣчнаго достопамятства нынѣшней жизнодательницы и благодѣтельницы нашей, всемилостивѣйшей государыни императрицы Екатерины Алексѣевны, самодержицы всероссійской, именовать его *Екатеринодаръ*.

3-е. По воинской дисциплинѣ, ради собранія войска, устроенія довлѣемаго порядка и прибѣжища бездомныхъ козаковъ, въ градѣ Екатеринодарѣ выстроить сорокъ куреней, подъ названіемъ симъ: Екатериновскій, Кисляковскій, Ивановскій, Конеловскій, Сергѣевскій, Динскій, Крыливскій, Канивскій, Батуринскій, Поповичивскій, Васюринскій, Незамаивскій, Ирклієвскій, Щербиновскій, Титоровскій, Шкуренскій, Коринивскій, Рогивскій, Корсунскій, Калниболотскій, Уманскій, Деревянковскій, Нижне-стеблієвскій, Выше-стеблієвскій, Джерелієвскій, Переясловскій, Полтавскій, Мышастовскій, Минскій, Тымошивскій, Величковскій, Леушковскій, Пластуновскій, Дядьковскій, Брюховецкій, Ведмедовскій, Платнировскій, Пашковскій, Кущовскій и Березанскій, по плану, да и войско при границѣ поселить курѣнными селеніями въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ какому куреню по жребію принадлежать будетъ.

4-е. Въ курени избирать атамановъ тѣхъ куреней войску изъ достойныхъ людей и перемѣнять ихъ другими каждаго года мѣсяца іюня 29 числа, то есть въ день святыхъ апостоловъ Петра и Павла и на вѣрность должности приводить ихъ къ присягѣ.

5-е. Курѣнные атаманы долженствуютъ въ куреняхъ безотлучное пребываніе всегда имѣя, по нарядамъ начальства на службу козаковъ чинить немедленное выстаченіе и случающіясь между ку-

рѣнными людьми маловажныя ссоры и драки разбирать голословно и примирять, съ доставленіемъ обиженной сторонѣ справедливаго удовольствія, а за важное преступленіе представлять подъ законное сужденіе войсковому правительству.

6-е. Всѣ обрѣтающіесь у войска старшины безъ должности, какого-бы ранга ни были, и козаки, состоя подъ управленіемъ своего куреня, да повинуются атаману и товариству; напротивъ того и атаманы съ товариствомъ, отдавая заслугамъ справедливую признательность старшинъ и козаковъ, въ недавно кончившуюся турецкую войну за вѣру и отечество всероссійскаго престола, дѣйствительно лично служившихъ и кровь проливавшихъ, съ уваженіемъ пристойнымъ образомъ да почитаютъ.

7-е. Для заведенія и утвержденія во всей войсковой земли, къ долгоденственному спокойствію, благоустройнаго порядка, раздѣлить войсковую землю на пять округовъ и завесть окружныя начальства, подъ названіемъ таковымъ: *первое*, при рѣкѣ Кубани между козачьимъ Еркомъ и Усть-лабинскою крѣпостью въ городѣ Екатеринодарѣ, *Екатеринодарское; второе* отъ Чернаго моря до Чернаго Ерка на Фанагорійскомъ островѣ, въ называемой Тамани, *Фанагорійское*; *третье*, отъ Ачуева вверхъ по Азовскому морю до рѣчки Чалбасъ, съ лѣвой стороны теченія рѣки Бейсуга, при устьѣ его, *Бейсугское*; *четвертое* отъ рѣки Чалбасъ до рѣки Еи при устьѣ ея, *Ейское* и *пятое* при границѣ отъ стороны Кавказскаго Намѣстничества, по размежеваніи земель, гдѣ заспособнѣе будетъ, *Григорьевское.*

8-е. Для управленія округами въ окружныя правленія опредѣлить по одному полковнику, писарю, асаулу и хорунжему и, на должность приведя къ присягѣ, велѣть имъ, исключая I-ю Екатеринодарскую округу, въ послѣднихъ четырехъ округахъ выстроить окружные города, яко то: *Фанагорію*, *Бейсугъ*, *Ейской и Григорьевской*, а села всѣмъ поселять въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ назначено будетъ, переселяющимися изъ разныхъ мѣстъ сего войска людьми, и для печатанія при правленіяхъ письменныхъ дѣлъ поделать окружныя печати за гербами, по приличію округовъ свойственными, яко то: на Екатеринодарской, такъ какъ на границѣ противу врага имени христіанскаго, козакъ водрузившій ратище въ землю и приложа къ нему, во мѣсто присѣшекъ, ружье, держа

лѣвою рукою ратище и ружье, а другою прикладъ, врага стрѣляющій; на Фанагорійской—по морю плавающая лодка, со всѣмъ воинскимъ приборомъ; на Бейсугской рыба; на Ейской козакъ, на границѣ единовѣрныхъ съ ружьемъ на караулѣ стоящій, а на Григорьевской, отъ пустаго степу, такъ какъ на отводномъ пикетѣ, козакъ, сидящій на конѣ, при всемъ воинскомъ приборѣ.

9-е. Окружныя правленія и командиры долженствуютъ по посылаемымъ отъ амамана кошеваго и войсковаго правительства письменнымъ повелѣніямъ чинить непремѣнное и немедленное исполненіе, безъ и малѣйшаго упущенія.

10-е. Окружныя правленія имѣютъ попеченія: о заведеніи жителями хлѣбопашества, мельницъ, лѣсовъ, садовъ, виноградовъ, скотоводства, рыболовныхъ заводовъ, купечества и прочихъ художествъ, къ оживленію человѣческому способствующихъ, а имѣющіесь лѣса и родючое дерево да сохранятъ отъ опустошенія вырубкою, скотомъ и пожаромъ въ цѣлости, къ общей войсковой пользѣ; такъ же между людьми встрѣчающіясь ссоры и драки голословно разбирать, обиженныхъ защищать, съ доставленіемъ справедливаго удовлетворенія, свирѣпыхъ укрощать и во всемъ имъ помогать, лѣнивыхъ побуждать къ трудолюбію, для распространенія семейственнаго житія холостыхъ къ женитьбѣ понуждать, не покоряющихся власти и не почитающихъ старѣйшинъ по мѣрѣ преступленія штрафовать, а содѣявшихъ важное преступленіе къ законному сужденію присылать въ войсковое правительство.

11-е. Окружныя правленія о благосостояніи въ той округѣ всѣхъ военныхъ жителей семидневныя, а о чрезвычайностяхъ въ тотъ же самой часъ имѣютъ присылать рапорты атаману кошевому и въ войсковое правительство, для донесенія главной командѣ.

12-е. Окружныя правленія долженствуютъ имѣть приличное смотрѣніе, дабы всѣ жительствующіе въ тѣхъ округахъ старшины и козаки, имѣя у себя на каждую мужеска пола душу военное орудіе, во всякой чистотѣ исправное, на случай наглаго военнаго времени, или воровскимъ образомъ на войсковыхъ жителей и проѣзжающихъ по сей землѣ постороннихъ россійскихъ людей непріятельскаго нападенія, имущественные конно, а не имущественные пѣшо, къ пораженію непріятеля были на всякой часъ въ готовности и чтобъ на войсковой землѣ за всякимъ дѣломъ ѣздить,

ходить, хлѣба пахать, рыбу ловить и скотъ на пастьбу гонить безъ военнаго орудія никто не дерзалъ, а кто въ семъ ослушнымъ окажется, на томъ-же мѣстѣ штрафовать.

13-е. Окружныя правленія да имѣютъ смотрѣніе по своимъ округамъ, чтобъ на рѣкахъ, болотахъ и гдѣ надобно, переправы мосты и гати были во всей исправности.

14-е. Окружныя правленія должны смотрѣть за жителями, чтобъ въ городахъ и селеніяхъ, по улицамъ и дворамъ сохранена была чистота и на случай пожара имѣли къ утушенію онаго воду и обыкновенные для пожара желѣзные инструменты.

15-е. Въ тѣхъ округахъ, ежели гдѣ появятся воры и разбойники, окружнаго правленія командиры долженствуютъ съ подчиненными имъ старшинами и козаками стараться всѣхъ переловить и отослать къ законному сужденію, какъ и передержателей, въ войсковое правительство при рапортѣ.

16-е. Ежели въ какой округѣ на людяхъ появится заразительная болѣзнь, отъ чего Боже сохрани, окружныя правленія имѣютъ тотъ часъ зараженныхъ отъ здоровыхъ людей отдѣля, окружить карауломъ съ великою осторожностію, дабы зараженные изъ здоровыми отнюдь не совокуплялись, и съ подробнымъ поясненіемъ, откудова таковое зло возъимѣло начало, рапортовать атаману кошевому и войсковому правительству, безъ и малѣйшаго замедленія, для донесенія о томъ главной командѣ.

17-е. При случаѣ въ тѣхъ округахъ скотскаго падежа, окружныя правленія, стараясь оное же истребить, чрезъ кого слѣдуетъ, увѣдавъ о томъ подробно, тотъ часъ рапортуютъ атаману кошевому и войсковому правительству, и отдѣля скотъ больный отъ здороваго, содержать больной на особомъ закрытомъ пастьбищѣ, пока отъ заразы выздоровѣетъ, и съ палаго кожъ не снимать, а съ оными зарывать въ глубокія ямы; и какъ съ того мѣста никуда зараженнымъ не выѣзжать, такъ и въ оное съ стороны съ здоровымъ скотомъ въѣзжать запретить, покудова отъ заразы то мѣсто освободится.

18-е. Въ окружныхъ правленіяхъ чиновъ перемѣняетъ войсковое правительство другими каждаго года, іюня 29 числа, т. е. въ день св. апостоловъ Петра и Павла, а ежели съ ихъ первые явятся чрезъ тотъ годъ въ препорученности своей должности исполните-

лями довлѣемаго по законамъ порядочнаго служенія безспорны, то, о таковыхъ уважая, пріостановлять ихъ при тѣхъ же должностяхъ и на дальнѣйшее время; а которыя окажутся въ непорядочномъ поведеніи и законамъ противныхъ преступленіяхъ, сихъ, не дожидаясь года, въ то самое время, когда увѣдано будетъ, перемѣняя другими, предавать законному сужденію и штрафу.

19-е. Сначала учрежденія вѣрнаго войска черноморскаго, старшинамъ и козакамъ, во всю не давно кончившуюсь съ Портою Оттоманскою войну за вѣру, отечество и сію землю, дѣйствительно лично служившимъ и тѣмъ важность пріобрѣвшимъ, за ихъ труды и подвиги позволяется въ городахъ и селеніяхъ, по желанію ихъ, имѣть собственные свои дворы, а въ степи хутора и мельницы, заводить лѣса, сады, винограды, хлѣбопашество и скотоводство, а на приморскихъ косахъ и другихъ удобныхъ мѣстахъ рыболовные заводы.

20-е. Въ отмѣнное воздаяніе старшинамъ, яко вождямъ, наставникамъ и попечителямъ, отъ общихъ сего войска благъ, позволяется при своихъ хуторахъ изъ сродственниковъ и вольно-желающихъ людей населить дворовъ и опредѣлить подъ оныя земли, по прилагаемой у сего штатной росписи.

21-е. Старшины населенныхъ въ своихъ хуторахъ людей да почитаютъ не подданными своими, а вольноживущими подъ ими козаками, и выходить онымъ съ старшинскихъ хуторовъ на войсковыя земли, куда пожелаютъ, вольно, кромѣ долговъ, коими ежели кто будетъ обязанъ, не имѣетъ воли выйтить, дондеже долгъ хозяину не возвратитъ.

22-е. Козаковъ, какъ выше писано, во уваженіе ихъ службы и понесенныхъ ими трудовъ и подвиговъ, ни въ какія общественныя и войсковыя тягости по конецъ ихъ жизни не употреблять.

23-е. Вышеписаннымъ старшинамъ и козакамъ на вѣчно спокойное показанными дворами, хуторами, мельницами, лѣсами, виноградами и рыболовными заводами владѣніе выдать открытые листы, съ тѣмъ, чтобъ до онаго, кромѣ хозяина и законнаго ихъ наслѣдія, ко владѣнію никто права не имѣлъ, да и землею не утѣснялъ.

24-е. Для военнаго время, а въ случаѣ и воровскимъ образомъ нападенія на военныхъ жителей, или постороннихъ россійскихъ людей отъ закубанскихъ зловредныхъ сосѣдъ, какъ служив-

шіе старшины съ поселенными людьми и козаками, такъ и не служившіе старшины и козаки, исключая только старыхъ, скалѣченныхъ и малолѣтковъ къ службѣ негодныхъ, словомъ сказать всѣ безъ изъятія долженствуютъ со всѣмъ воинскимъ исправнымъ приборомъ къ пораженію непріятеля, имущественные конно, а не имущественные пѣшо, быть на каждой часъ во всей готовности.

25-е. Войсковый асаулъ долгъ имѣетъ, по границѣ и внутри войсковой земли разъѣзжая, смотрѣть за опредѣленными въ окружныя правленія чинами и кордонными старшинами, дабы всѣ повелѣнія атамана кошеваго и войсковаго правительства были выполняемы въ самой точности безъ и малѣйшей отмѣны, и ежели за кѣмъ будетъ имъ усмотрѣна какая неисправность, рапортовать атаману кошевому и войсковому правительству съ подробнымъ поясненіемъ его винности; для чего отъ кошеваго давать ему о томъ на оное наставленіе.

Вышеписанный порядокъ, въ соотвѣтствованіе высочайшей ея императорскаго величества воли, мы, будучи обязаны усердіемъ и ревностію къ отечеству, а любовію ко всему нашему обществу, почитая для долговременнаго благосостоянія сего войска самонужнѣйшимъ началомъ и на войсковой землѣ возстановляя, надѣемся, что наше войсковое общество пріиметъ сей въ кротости духа и воздавъ Богу за ея императорское величество благодарственныя молитвы, посвятитъ себя къ непремѣнному его исполненію на всегда. Благополучный городъ Екатеринодаръ. 1794 года генваря 1-го дня.

Подлѣнный подписали: атаманъ кошевый, арміи бригадиръ и кавалеръ Захарій Чепѣга; войсковый судья, арміи полковникъ и кавалеръ Антонъ Головатый; войсковый писарь, арміи подполковникъ, Тимофей Котляревскій.

Земля, высочайше дарованная черноморскому войску и занятая имъ, какъ выше сказано, отдѣляется рѣкою Кубанью отъ разноплеменныхъ народовъ, извѣстныхъ подъ именемъ черкесъ, которые, состоя въ подданствѣ турецкой имперіи, жили свободно и не имѣя никакихъ положительныхъ законовъ въ своемъ управленіи, подобно дикимъ, склонны къ хищничеству и разбоямъ. Сосѣдство такого народа было тягостно для черноморцевъ, еще не устроившихся на новомъ своемъ поселеніи. Недостатокъ во всѣхъ житейскихъ потребностяхъ, съ одной стороны, и опасность

сосѣдства съ хищниками, съ другой, препятствовали черноморцамъ съ успѣхомъ заниматься внутреннимъ благоустройствомъ. Первоначально должно было радѣть о укрѣпленіи границы по Кубани, нужно было помышлять о защитѣ семействъ своихъ,— и войсковое правительство дѣятельно, неутомимо заботилось о томъ. Черкесы внимательно наблюдали за всѣми дѣйствіями, видѣли всѣ мѣры противъ нихъ предпринимаемыя и, какъ-бы боясь сихъ новыхъ мужественныхъ пришельцевъ, начали укрываться въ лѣса и горы, бросая прибережныя свои жилища, на равнинахъ при Кубани разсыпанныя. Впрочемъ, можетъ быть, причиною сего страха была не одна бдительность черноморцевъ, но и то еще, что анапскій паша, по сношенію россійскаго двора съ Портою Оттоманскою, имѣлъ тогда приказаніе и нарочитыя войска для удержанія своеволія черкесъ, которые долго были принуждаемы возвращать все похищаемое ими у черноморцевъ имущество; кромѣ того, по замѣчанію здѣшнихъ старожилыхъ, такъ надобно принять во вниманіе, что они въ то время хотя были равно хищны и жадны къ воровству, какъ теперь, но были менѣе воинственны, не собирались еще большими партіями, не нападали открытою силою.

Тогда же нѣкоторыя племена начали явно искать дружбы козаковъ и покровительства Россіи. Предводители шседуховъ, султаны: Муратъ-Мусатъ Кирей, Марсутъ-Кирей Исламъ Гиреевъ; князья Лейтенъ, Алкасъ, Батокъ и Батыръ-Гирей Аджеевы съ узденями сего народа, Уздемиромъ Шеретлуковымъ и Бедусомъ Исламовымъ; натухайскій бей Асланъ Гирей и чеченскіе князья Машетъ, Бечукъ-Нотахокъ, Батъ-Мурза, Натхажъ, Махметъ Калабатъ и Хатукай Асланъ Гирей со множествомъ узденей и слугъ явились къ кошевому Чепѣгѣ, съ предложеніемъ мира и обѣщаніемъ пребыть въ подданствѣ Россіи. Чепѣга угощалъ, ласкалъ ихъ и, увѣривъ въ искренномъ своемъ къ нимъ дружелюбіи, разстался съ ними по пріятельски и донесъ о томъ таврическому губернатору Жигулину. Такія дружескія сношенія съ черкесами были весьма полезны для черноморцевъ; ибо и закубанцы, желая жить мирно и опасаясь нападенія съ

нашей стороны, въ продолженіи четерехъ лѣтъ доставляли козакамъ все нужное по хозяйству и во всемъ пособляли, сколько могли. Хлѣбъ всѣхъ родовъ въ зернѣ для посѣва, фруктовыя дерева для разведенія садовъ и даже оружіе они сами привозили въ кордоны и отдавали козакамъ за самое ничтожное количество соли, а иногда и даромъ изъ дружбы. Наконецъ послѣдствіемъ сей дружбы было то, что въ ноябрѣ мѣсяцѣ владѣтельный князь Батыръ-Гирей убѣдительно сталъ просить войсковое правительство отправить его съ нѣсколькими дворянами къ высочайшему двору въ Санктъ-Петербургъ, чтобы лично представиться государынѣ императрицѣ и искать милостей ея и покровительства всѣмъ миролюбивымъ черкескимъ племенамъ. Кошевый атаманъ испрашивалъ на сіе разрѣшенія у высшаго начальства и, по предписанію къ нему губернатора Жигулина, февраля 21 отправилъ Батыръ-Гирея при хорунжемъ Кравченкѣ въ Симферополь, оттуда же 5-го апрѣля, по волѣ графа Зубова, его препроводили ко двору.

Князь сей былъ такъ счастливъ, что успѣлъ въ своемъ предстательствѣ, и государыня императрица имяннымъ указомъ 3 маія 1794 г. повелѣла графу Зубову объявить натухайскимъ и пшедухскимъ князьямъ, ихъ мурзамъ и дворянамъ еа монаршее благоволеніе, съ увѣреніемъ, что они за спокойное пребываніе на Кубани и воздержаніе впредъ подвластныхъ имъ народовъ отъ хищничества будутъ приняты подъ высочайшее покровительство; а въ случаѣ нападенія на нихъ враждебныхъ абазеховъ дано имъ позволеніе перегонять свои табуны для сбереженія на войсковую землю, съ платою умѣренной цѣны козакамъ, за оными наблюдающимъ. Благоволеніе великой императрицы къ симъ дикимъ племенамъ сдѣлало ихъ совершенно преданными Россіи и спокойствіе нашей границы казалось нерушимымъ.

Но обитатели горъ, непріязненные абазехи, завидуя мирнымъ батыръ-гирейцамъ, удостоеннымъ высочайшаго вниманія, рѣшились мстить имъ. 1796 г. іюня 25 они, собравшись до 12,000, намѣревались сперва разорить аулы ихъ, а потомъ

вторгнуться въ границы войска для грабежа. Князь Батыръ Гирей, свѣдавъ о семъ злоумышленіи абазеховъ, немедленно далъ знать о семъ кошевому Чепѣгѣ, прося у него помощи и защиты. Чепѣга для пользы общей и для спокойствія цѣлаго края не могъ отказать Батыръ-Гирею въ его просьбѣ. Десять старшинъ, сто козаковъ и одно орудіе, ввѣривъ кордонному полковнику капитану Еремѣеву, отправилъ за Кубань, приказавъ ему присоединиться къ 3,000 собравшихся батыръ-гирейцевъ и дѣйствовать совмѣстно противъ хищныхъ абазеховъ. Капитанъ Еремѣевъ отправился съ своимъ отрядомъ къ Батыръ-Гирею, принялъ начальство и надъ черкесами и, ставъ лагеремъ между рѣкъ Супъ и Суксупсъ, ожидалъ послѣдствій.

20 іюня передовые наши караулы дали знать, что абазехи показались толпами и готовятся къ нападенію. Храбрый Еремѣевъ не хотѣлъ ожидать онаго, но, посовѣтовавшись съ Батыръ-Гиреемъ, рѣшился предупредить ихъ нечаяннымъ стремительнымъ натискомъ. Битва продолжалась болѣе 4 часовъ. Благоразумныя распоряженія Еремѣева, личная храбрость князя Батыръ-Гирея и вѣрные картечные выстрѣлы изъ орудія рѣшили оную въ нашу пользу. Ни многочисленность абазеховъ, ни отчаянное ихъ мужество не могло спасти ихъ. Они обратили тылъ и были поражаемы на всякомъ шагу; 1,000 человѣкъ убитыхъ, до 2,000 раненыхъ, 300 взятыхъ въ плѣнъ и 800 отбитыхъ лошадей свидѣтельствовали о ихъ пораженіи и остались нашими трофеями, съ нашей же стороны раненъ прапорщикъ Блоха и 8 козаковъ; батыръ-гирейцевъ ранено и убито до 200 человѣкъ; но съ ними вмѣстѣ, къ сожалѣнію, палъ и храбрый ихъ предводитель князь Батыръ-Гирей.

Пораженіе абазеховъ и помощь, оказанная кошевымъ Чепѣгою батыръ-гирейцамъ, возбудили мстительность всѣхъ горцевъ, и они предпринимали сдѣлать нападеніе на наши границы съ разныхъ сторонъ. Анапскій паша былъ о томъ увѣдомленъ войсковымъ правительствомъ, и онъ, по праву, ему представленному, вызвавъ въ Анапу двухъ абазехскихъ султановъ, главныхъ возмутителей, казнилъ ихъ смертію. Братья сихъ султа-

новъ рѣшились мстить пашѣ. Они, созвавъ до 20,000 горцевъ разграбили Пашинскій поселокъ, лежавшій у Кизильташскаго лимана, захвативъ всѣхъ жителей онаго въ плѣнъ и еще не удовольствуясь симъ, приступили наконецъ къ самой крѣпости съ намѣреніемъ разорить оную до основанія. Гарнизонъ, находясь въ осадѣ, нѣсколько дней терпѣлъ недостатокъ въ водѣ; но осада сія не могла быть продолжительна. Въ Анапу вскорѣ прибыло немаловажное подкрѣпленіе изъ Трапезонта и другихъ турецкихъ крѣпостей и черкесы, свѣдавъ о томъ и сами уже нуждаясь въ продовольствіи, по неимѣнію средствъ на долго запасаться онымъ, принуждены были бѣжать отъ крѣпости. Паша по слѣдамъ ихъ пошелъ съ гарнизономъ своимъ въ горы и жестоко наказалъ виновныхъ злодѣевъ.

Стеченіе такихъ обстоятельствъ было началомъ недружелюбія къ намъ черкесъ и съ сего времени спокойствіе границы рушилось. Но между тѣмъ войсковое правительство заботилось о поселеніи жителей внутри земли, высочайше пожалованной, на мѣстахъ отведенныхъ по плану подъ селенія куренныя и распорядилось въ слѣдующемъ порядкѣ устроить 40 курѣнныхъ селеній, которыя и раздѣлены на округи:

1) Щербиновское, гдѣ учреждено сыскное окружное правленіе, при рѣчкѣ Еѣ, у Чернаго Броду и гдѣ чрезъ рѣку Ею сдѣланъ мостъ. [1]).

2) Деревянковское, при рѣчкѣ Еи.

3) Минское, при рѣчкѣ Сасыкѣ.

4) Конеловское
5) Шкуринское } при рѣчкѣ Еи.

6) Кущовское при устьѣ рѣчки Кугуейки.

7) Кисляковское
8) Екатериновское
9) Незамаивскоое } при рѣчкѣ Еи.

10) Калниболотское, гдѣ Григорьевское окружное правленіе, при рѣчкѣ Еи.

---

[1]) Сыскное Ейское начальство переведено въ 1820 году изъ щербиновскаго куреня въ кущовскій.

11) Переяславское при рѣчкѣ Сасыкѣ, при раздорахъ, отъ границы верстъ за пятнадцать, кои разбиты тамъ, какъ и на нижеписанныхъ рѣчкахъ.

12) Уманское, при той же самой рѣчкѣ.

13) Криловское при рѣчкѣ Тихинькой, около старой дороги, съ лѣвой стороны.

14) Леушковское при рѣчкѣ Чальбасахъ съ правой стороны, пониже той же дороги за двѣ версты.

15) Ирклѣевское 16) Брюховецкое	при вершинѣ рѣчки Альбаша, при раздорахъ, на старой дорогѣ, Ирклѣевскому съ правой, а Брюховецкому съ лѣв. стороны.
17) Березанское 18) Батуринское	при рѣчкѣ Великомъ Бейсугу, Березанскому съ правой стороны, а Батуринскому съ лѣвой, верстъ 35 отъ кавказской границы; тутъ Бейсугское окружное правленіе.
19) Коренивское 20) Дядьковское	при рѣчкѣ Маломъ Бейсугу, Коренивскому съ правой, а Дядьковскому съ лѣвой стороны, отъ кавказской границы верстъ за 6.
21) Платнировское 22) Сергіевское	при рѣчкѣ Кирпиляхъ, Платнировскому съ правой, а Сергіевскому съ лѣвой стороны, отъ той же границы верстъ за восемь.

23) Васюринское, тутъ Екатеринодарское окружное правленіе состояло. 24) Корсунское	Сіи по надъ рѣкою Кубанью поселены.
25) Пластуновское 26) Динское 27) Пашковское 28) Величковское 29) Тимошивское 30) Рогивское	И сіи по надъ рѣкою Кубанью поселены.

31) Поповичивское (за пять верстъ до урочища
32) Мышастовское (Сачи.

33) Ивановсоое (до Сухого Лиману.
34) Нижне-стебліевское (

35) Полтавское, за 15 верстъ до вершины Сухой Ангелики. Сіи отъ Кубани отдвинуты по причинѣ низменныхъ тамъ мѣстъ на возвышенныя мѣста.

36) Джереліевское
37) Каневское } Въ Куркахъ.
38) Ведмедовское

39) Титаровское, при Новогригорьевскомъ и Широчанскомъ постахъ.

40) Выше-стебліевское при Сухомъ Лиманѣ.

Въ войскѣ учреждено 5 окружныхъ правленій и членами въ оныхъ опредѣлены: *Екатеринодарскомъ*, полковникъ арміи капитанъ Василій Танскій, есаулъ Максимъ Килининъ, писарь Тарасъ Вынниковъ; *Бейсугскомъ*, полковникъ арміи, капитанъ Герасимъ Кухаренко, есаулъ Иванъ Сербинъ, хорунжій Максимъ Письменный, писаремъ Иванъ Мулява; *Ейскомъ*, полковникъ арміи, капитанъ Сакъ, есаулъ Николай Матяшевскій, писарь Иванъ Замолѣй; *Григорьевскомъ*, полковникъ арміи, капитанъ Иванъ Куликъ, есаулъ Иванъ Василенко, писарь Семенъ Нещерецкій; *Фанагорійскомъ* полковникъ арміи, секундъ - маіоръ Бурносъ, есаулъ Григорій Лозинскій, писарь Семенъ Аксентьевъ, хорунжій, Федоръ Брусенко. Въ слѣдъ за симъ устроенъ войсковый рыболовный заводъ при впаденіи рукава Кубани въ Азовское море и начальникомъ онаго назначенъ прапорщикъ Григорій Дубчакъ, писарь Яковъ Демидовичъ.

Разселяя такимъ образомъ жителей и обезопася границу кордонною линіею, войсковое правительство опредѣлило старшаго есаула для наблюденія за порядкомъ арміи секундъ-маіора Лукьяна Тиховскаго, снабдивъ его инструкціею, въ слѣдующихъ пунктахъ:

1-е. Всѣ посылаемыя повелѣнія по сдѣланной порученности исполнять во всей точности безъ и малѣйшаго упущенія, и по сему обязанъ живущій въ вѣдомствѣ его быть послушнымъ; не исполни-

телей же закона и установленнаго порядка также и ослушниковъ ради подлежащаго, при обстоятельныхъ рапортахъ, представлять начальству.

2-е. Маловажныя и уголовныя дѣла разбирать въ вѣдомствѣ сего войска случившіесь, не исключая и тѣхъ мѣстъ, гдѣ надъ войсковыми жителями и частные командиры опредѣлены, принимая обиженныхъ по просьбамъ ихъ подъ свое покровительство, а такъ же, гдѣ командиръ своего подчиненнаго обидѣлъ несправедливымъ судомъ, притѣсненіемъ и прочимъ тому подобнымъ, доставлять имъ по справедливости слѣдуемое удовлетвореніе, виновныхъ старшинъ присылать съ просителями при своихъ обстоятельныхъ рапортахъ на рѣшеніе правительства, а рядовыхъ на томъ же мѣстѣ штрафовать по мѣрѣ вины ихъ; но какое, гдѣ и когда случится сдѣлать разбирательство и чѣмъ спорющіесь примирены, или обиженный удовольствованъ будетъ, долженствуетъ опредѣленной при немъ писарь для всякихъ справокъ записать кратко, но ясно въ книгу; о важномъ-же дѣлѣ, буде не подлежитъ его рѣшенію, вмѣстѣ тяжущимся развѣдаться въ правительствѣ, или ближнемъ окружномъ правленіи.

3-е. Всѣ состоящіе при Кубани на пограничной стражѣ кордонные старшины съ козаками и войсковыя селенія, начиная отъ Чернаго моря до Усть-лабинской крѣпости, отдаются въ полное его командованіе и распоряженіе, почему долженъ онъ наблюдать за оными, что по прежде даннымъ отъ правительства содержащимъ сію стражу гг. полковникамъ и городничему повелѣно было, и имѣлъ бы строгую воинскую дисциплину, съ тѣмъ, чтобы у кордонныхъ козаковъ, а въ селеніяхъ у жителей на всякую мужескаго пола душу были исправныя ружья, пики и другія воинскія оружія, установя для безопасности въ кордонахъ денныя и ночныя по самымъ берегамъ Кубани отъ одного къ другому конные разъѣзды, въ городѣ же и селеніяхъ ночные обходы и велѣть, что ими съ противной стороны повсюду усмотрѣно будетъ, тотъчасъ о томъ давать знать ему и своимъ командамъ; онъ, разсмотря оное, ежели подвержено будетъ какой опасности, или чрезвычайности, имѣетъ въ обстоятельствѣ правительству рапортовать.

4-е. Буде гдѣ появится въ вѣдомствѣ его скопище воровъ и разбойниковъ, о таковыхъ дать знать правительству, а самому отпра-

виться съ потребнымъ числомъ команды въ то мѣсто, стараться всѣхъ переловить; а за тѣмъ, по разспросѣ ихъ на мѣстѣ и оговоренныхъ участвовавшими, забравъ подъ караулъ, имѣніе всѣхъ ихъ описать безъ остатка, отдать, какихъ слѣдовать будетъ, подъ присмотръ, самыхъ же учинившихъ злое дѣло и на чемъ пойманы будутъ, все то доставлять правительству за крѣпкимъ карауломъ, для сужденія по законамъ, при рапортахъ.

5-е. Смотрѣть, дабы состоящіе въ вѣдомствѣ его лѣса отнюдь, кромѣ нужной для строенія вырубки, отпущаемы не были, а мосты и гати были бы во всей исправности такъ, чтобы вездѣ въ проѣздахъ никто не могъ терпѣть неудобства и остановки.

6-е. Ежели случится полкамъ ея императорскаго величества, или командамъ вступить въ предѣлы, въ вѣдѣніи его состоящіе, смотрѣть за оными, чтобы во время ночлеговъ и растахъ не угнетали сего войска старшинъ и козаковъ излишнимъ вымагательствомъ и дабы ни у кого ничего безденежно не брать и войсковые сѣнокосные луга въ лѣтнее время безъ отвода не смѣлъ бы никто занимать; а ежели сіе отъ кого воспослѣдуетъ, то требовать отъ полковаго, или при командѣ находящагось командира удовольствія, безъ котораго не давать потребныхъ квитанцій.

7-е. Когда появится въ вѣдомствѣ его на людяхъ (отъ чего Боже храни) заразительная болѣзнь, или прилипчивая горячка, тотъчасъ отдѣливъ людей больныхъ отъ здоровыхъ, накрѣпко запретить имъ соединяться; для чего учредить пристойный караулъ и для взятія о предосторожности сосѣдственныхъ мѣстъ рапортовать начальству.

8-е. Ежели гдѣ появится въ вѣдомствѣ сего войска скотской падежъ, то, отдѣля больной скотъ отъ здороваго, опредѣлить больному пастьбище и не велѣть отнюдь соединять до настоящаго выздоровленія; а палой, не снимая кожъ, зарывать глубоко въ землю, о чемъ тогожъ времени рапортовать для учиненія о невыѣздѣ туда по другимъ мѣстамъ публикаціи.

9-е. Имѣть попеченіе въ вѣдомствѣ его, дабы наблюдаема была по улицамъ и дворамъ чистота и предосторожность отъ пожара; а ежели гдѣ случится пожаръ, то обязанъ всякъ живущій съ опредѣленнымъ къ тому инструментомъ спѣшить на то мѣсто, гдѣ пожаръ случится, и всячески стараться утушить, для чего ка-

ковы должны быть инструменты и отъ кого оные исправить, даны будутъ ему въ свое время наставленія; одно начальное средство способствовать можетъ къ предохраненію отъ пожара, ежели всякъ хозяинъ въ домѣ изобиловать будетъ водою.

10-е. Дабы въ вѣдомствѣ его продажа всему производилась умѣренными цѣнами, вѣсы и мѣры были справедливыя, имѣть смотрѣніе; а у кого найдены будутъ при продажѣ чего либо вѣсы или мѣра фальшивые, таковыхъ продавцовъ съ тѣми вѣсами и мѣрами брать подъ караулъ и доставлять при рапортахъ въ правительство, а товары ихъ описавъ запечатать и до резолюціи не велѣть продавать.

11-е. Приблудный скотъ, ежели отъ кого объявленъ будетъ оной, описать масть и примѣты и опредѣля пристойное число козаковъ, отправить въ войсковое правительство для учиненія объ ономъ, гдѣ надлежитъ, публикаціи.

14-е. Дабы въ вѣдомствѣ его никто не принималъ бѣглыхъ и безпашпортныхъ, россійскихъ подданныхъ, людей, о томъ найстрожайше подтвердить, а ежели гдѣ таковые бѣглые окажутся, взявъ подъ караулъ, отослать при рапортѣ въ войсковое праиительство для отсылки, куда слѣдуетъ, а передержателей привлекать къ сужденію по законамъ.

13-е. О благосостояніи препорученности, о случившейся чрезвычайности, гдѣ будетъ находиться, чрезъ каждыя семь дней рапортовать безъ упущенія правительству.

Въ пункты для осторожности отъ покушеній непріязненныхъ сосѣдей, кошевый атаманъ куреннымъ атаманамъ куреней, поселенныхъ при рѣкѣ Кубани, предписалъ къ непремѣнному исполненію слѣдующее:

1-е. По полученіи приказа, собравъ вмѣстѣ войсковыхъ жителей, объявить, чтобы они, учрсдя изъ себя для осторожности очередь по числу дворовъ, отъ каждаго двора высылали по одному вооруженному караульному, которымъ, раздѣлясь на двѣ половины, очередоваться каждую ночь занятіемъ около онаго частыми караулами, а обходы и караулы повѣрять самымъ куреннымъ атаманамъ.

2-е. Когда караульные усмотрятъ шедшихъ ночью стремящихся къ воровству или къ другому какому злу закубанцевъ, таковыхъ изловля и ради подлежащаго прислать за крѣпкимъ карауломъ при рапортѣ къ нему; буде же изловить ихъ не будетъ способа и возможности, съ таковыми тогда поступать, какъ съ непріятелями.

4-е. Ежели же и за симъ воровство въ сихъ селеніяхъ или другое какое злоключеніе чрезъ неосторожность учинится, то за таковое слабое и нерадивое смотрѣніе старшины той половины караульныхъ, на которой сіе зло произойдетъ, и за нанесеніе главной командѣ излишнихъ затрудненій, не минуетъ строжайшего по законамъ взысканія, а казаковъ чрезъ третьяго, въ строгій примѣръ другихъ, безъ пощады жестоко бить кіями [1]).

Попечительность войсковаго атамана Чепѣги и судьи Головатаго о внутреннемъ устройствѣ сего края доставила имъ покровительство бывшаго генералъ-фельдцехмейстера графа Зубова, а безпримѣрныя милости къ войску августѣйшей императрицы доказывали, сколь велико было его покровительство.

Щедрая монархиня, по его ходатайству, 1794 г. соизволила назначить 3,000 рублай на сооруженіе храма въ городѣ Екатеринодарѣ, подарила для онаго богатѣйшую церковную утварь и ризы, повелѣла отпускать войску провіантъ отъ казны, по случаю дороговизны на оный отъ неурожая и недостаточныхъ здѣсь въ то время способовъ къ занятіямъ хлѣбопашествомъ и наконецъ строжайше указала возвратить войску всѣхъ людей, удержанныхъ притѣсненіями помѣщиковъ въ тѣхъ селеніяхъ малороссійскихъ губерній, гдѣ прежде жили черноморцы.

Вскорѣ послѣ сего государыня императрица благоволила назначить 2 пятисотные полка отъ войска, для дѣйствія противу поляковъ, подъ начальствомъ войсковаго атамана Чепѣги. Графъ Зубовъ, сообщивъ Чепѣгѣ волю высочайшую, просилъ его письмомъ прибыть въ Санктъ-Петербургъ. Іюня 16 Чепѣга, оставя по себѣ правителемъ войска войсковаго судью Голова-

[1]] Кіи были деревянные посохи и на концѣ одномъ наростъ.

того и выкомандировавъ полки въ походъ, подъ командою премьеръ-маiора Высочина, отправился въ Петербургъ.

По прибытiи въ столицу онъ явился къ графу Зубову и былъ имъ представленъ императрицѣ. Ея величество съ особенною благосклонностiю приняла атамана черноморцевъ и отпуская его на войну, вручила ему хлѣбъ, соль и саблю, украшенную алмазами, сказавъ: «Бей, сынокъ, враговъ отечества»! При выѣздѣ изъ столицы, по высочайшему ея повелѣнiю, онъ снабженъ отъ двора дорожною коляскою и прогонными деньгами.

2-го iюля Чепѣга явился къ генералъ-фельдмаршалу графу Суворову Рымникскому въ м. Варновичахъ съ своими полками и вступилъ на военное поприще. Разбитiе козаками авангарда генерала Сѣраковскаго, занятiе Кобрина и отличныя дѣйствiя ихъ при истребленiи непрiятеля подъ мѣстечкомъ Кобылкою доставили Чепѣгѣ генералъ-маiорскiй чинъ, за мужественные же подвиги, имъ оказанные при знаменитомъ штурмѣ Праги, награжденъ орденомъ св. равно-апостольнаго князя Владимiра 2-й степени большаго креста.—Однимъ словомъ, въ сiю войну съ Польшею, черноморскiе полки служили отлично и съ честiю возвратились 23 декабря 1795 г. въ Екатеринодаръ.

Между тѣмъ, въ отсутствiе атамана изъ войска, войсковый судья Головатый неутомимо занимался водворенiемъ порядка въ управленiи и распространенiемъ благосостоянiя жителей.

1794 г. iюля 1-го его старанiемъ отдана на откупъ масайскому купцу Яшнину продажа вина и другихъ напитковъ на войсковой землѣ; 4-го начали проводиться дороги отъ Екатеринодара до Ейской и Тамани и по онымъ учредились почтовыя станцiи: до ейскаго окружнаго правленiя десять и до Тамани десять; на каждую изъ нихъ опредѣлено по шести паръ лошадей съ исправными повозками и ямщиками; 5-го устроены, по разрѣшенiю преосвященнаго Iова, епископа ѳеодосiйскаго и марiупольскаго, двѣ походныя церкви: св. архистратига Михаила въ Копылѣ и Преображенiя Господня на Ейской; 18-го бывшiй

въ Тамани карантинъ по распоряженію губернатора переведенъ на Бугазъ.

Тогда же, по сношенію графа Гудовича съ Жигулинымъ, высланные депутаты кавказскаго намѣстничества: коллежскій совѣтникъ Томашевскій, секундъ-маіоръ Ехеридузевъ съ сельскими засѣдателями и уѣзднымъ землемѣромъ, таврической губерніи землемѣръ Колчигинъ съ тремя уѣздными землемѣрами, генералъ-поручикъ Бердяевъ и чиновники отъ войска: премьеръ-маіоръ Гуликъ, секундъ-маіоры: Котляревскій и Письменный занимались постановленіемъ границъ земли сего войска отъ кавказскаго намѣстничества и отъ земли войска донскаго, и границы утверждены, какъ нынѣ существуютъ.

1794 г. Несовершенное еще устройство жилищъ, недостатокъ въ жизненныхъ потребностяхъ и непривычка къ здѣшнему климату, всегда непостоянному и сырому, породили въ семъ году между жителями Екатеринодара и окрестныхъ селеній болѣзни заразительныя, смертоносныя. Головатый, принимая всевозможныя мѣры къ искорененію сего бѣдствія, просилъ таврическаго губернатора Жигулина, о высылкѣ медика въ войско (коего до сего никогда не было), и первымъ войсковымъ медикомъ назначенъ въ то время штабъ-лѣкарь Барвинскій, медикаменты же предписано покупать изъ еникальской полевой аптеки. Вскорѣ болѣзни и смертность прекратились.

1795 г. Февраля 20-го отданы рыболовныя заводы на южной косѣ на откупъ керченскимъ жителямъ; іюня 24 доставлены изъ Херсона въ Екатеринодаръ водою семь колоколовъ и въ Тамань одинъ для церквей; сентября 8 прислана изъ С.-Петербурга съ капитаномъ Язучевскимъ высочайше подаренная войску золотая церковная утварь: чаша, дискосъ, звѣзда, два копья, двѣ ложицы и два блюдца, вѣсомъ въ 14 фунтъ 8 золотниковъ.

Лѣтомъ построенъ за Карасуномъ кирпичный войсковый заводъ, совершенно починена войсковая гребная флотилія, снабжена всѣмъ нужнымъ и для всегдашняго безопаснаго ея пре-

быванія устроена въ Бугазѣ удобная гавань такъ же приведена къ окончанію постройка фанагорійской крѣпости, которая и занята тогда двумя баталіонами егерей, подъ командою полковника Куприна.

1796 г. Въ сіе время послѣдовалъ разрывъ съ Персіею и государынѣ императрицѣ угодно было назначить снова 1,000 черноморцевъ для военныхъ дѣйствій противъ персіянъ. Графъ Зубовъ предписалъ кошевому исполнить волю ея величества. Чепѣга назначилъ войсковаго судью Головатаго начальникомъ двухъ пѣшихъ полковъ, долженствовавшихъ выступить въ походъ. Таврическій губернаторъ Жигулинъ желалъ лично присутствовать при выступленіи сихъ полковъ изъ Екатеринодара, но жестокія мятели и сильные морозы совершенно затруднили сообщеніе съ Крымомъ и онъ, не могши удовлетворить своему желанію, благословилъ выступающихъ въ походъ иконою Спасителя, которую прислалъ съ нарочнымъ. 26 февраля Головатый, по отслушаніи молебствія, выступилъ съ полками. 15-го мая онъ поступилъ на передовыя транспортныя суда и, по теченію Волги спускаясь въ Каспійское море, 13 іюля прибылъ въ г. Баку. Тамъ явился онъ къ главнокомандующему графу Валеріану Александровичу Зубову, родному брату генералъ-фельдцехмейстера и благодѣтеля черноморцевъ, которымъ былъ принятъ съ особеннымъ благоволеніемъ. Въ сію войну, какъ и въ прежнія, черноморцы своимъ мужествомъ, своею вѣрною неутомимою службою, пріобрѣли лестное вниманіе начальства. Они дѣйствовали противу персіянъ на небольшихъ судахъ, отдѣльно отъ прочей флотиліи, и вездѣ одерживали надъ ними побѣду; весьма часто абордажемъ брали у нихъ лодки и вредили всѣмъ сообщеніямъ персіянъ. За такія дѣйствія Головатый произведенъ въ бригадиры. Но графъ Валеріанъ Александровичъ, всегда внимательный, благосклонный къ черноморцамъ, желалъ еще болѣе поощрить ихъ. Онъ просилъ Головатаго зачислить его и малолѣтняго сына его, Платона Валеріановича, въ войско и просьба сія тогда же удовлетворена. Онъ записанъ войсковымъ товарищемъ,

а сынъ его полковымъ есауломъ. Кромѣ сего и прочіе чиновники штаба его, по примѣру начальника, приняты въ войско товарищами.

Тѣмъ временемъ дружескія сношенія Черноморіи съ черкесами не прекращались. Но вкравшаяся неосторожность при такихъ сношеніяхъ была пагубна для черноморцевъ.

Въ исходѣ марта мѣсяца 1796 г. безпечные козаки, посланные капитаномъ Данильченкомъ въ черкескіе аулы для размѣна хлѣба на соль, внесли оттуда на нашу сторону моровую язву. Злое повѣтріе мгновенно разнеслось по всей землѣ. Города Екатеринодаръ, Тамань и курени: брюховецкій, ивановскій, нижне-стебліевскій, крыливскій, титаровскій, вышестебліевскій и многіе хутора подверглись ужасной гибели, и не было средствъ прекратить смертность, продолжавшуюся болѣе 3-хъ мѣсяцевъ. Наконецъ, едва 8 іюля сильными дѣйствіями и неимовѣрною заботливостію Чепѣги съ присланнымъ на сей случай въ войско главнымъ докторомъ пограничныхъ краевъ, коллежскимъ совѣтникомъ Очаковымъ, таможеннымъ директоромъ Фонъ-Матіясъ и главнымъ начальникомъ таврическихъ карантиновъ надворнымъ совѣтникомъ Гофельдомъ, успѣли совершенно остановить заразу.

Августа 10-го, по прекращеніи оной, обозрѣвали Черноморію екатеринославскій, вознесенскій и таврическій вице-генералъ-губернаторъ Іосифъ Ивановичъ Хорватъ и дѣйствительный статскій совѣтникъ Тебекинъ. Они были приняты Чепѣгою, сообразно ихъ достоинствамъ; входили съ участіемъ въ положеніе сего края, всматривались во внутренное благосостояніе жителей онаго и обѣщали войску свое покровительство, а при выѣздѣ пожелали, со всѣми чиновниками, ихъ сопровождавшими, записаться товарищами въ курень кисляковскій, на что имъ тогда же выданы отъ войсковаго правительства аттестаты.

14 сентября войсковые старшины и товарищество въ общемъ собраніи положило: отдачу на откупъ продажи вина на войсковой землѣ съ будущаго 1797 года уничтожить, а была бы такова вольная, со взносомъ въ войсковую сумму отъ каждаго ведра по одному рублю. Въ тотъ же день обществомъ признали полезнымъ для приращенія войсковыхъ доходовъ открыть на откупъ съ 1797 года ачуевскій черно-протоцкій рыболовный заводъ желающимъ явиться на торги.

Войсковое правительство внимательно наблюдая, что закубанскіе наши сосѣди, не смотря на мѣры кротости, употребляемыя при сношеніяхъ съ ними, начали день ото-дня усиливать свои покушенія къ прорыву на нашу сторону для грабежей, и желая, сколько возможно, оградить жителей безопасностію, командировало премьеръ-маіора Гулика осмотрѣть всю кордонную линію и поручило ему, гдѣ признаетъ нужнымъ, учредить новые пикеты надъ самымъ берегомъ Кубани, а въ мѣстахъ, удобныхъ для переправы, усилить кордоны стражею. Сообразно симъ распоряженіямъ, кордонная линія достаточно укрѣплена; ее раздѣлили по прежнему на двѣ части и командованіе каждой изъ оныхъ поручено полковникамъ. Козаковъ опредѣлено во всякій кордонъ по 25 конныхъ и по столько же пѣшихъ и положено всѣмъ служащимъ довольствоваться собственнымъ провіантомъ.

Тогда же сдѣлана перемѣна чиновниковъ въ окружныхъ правленіяхъ. Въ Екатеринодарѣ построенъ арсеналъ для храненія бывшей въ войскѣ артиллеріи. Въ куренѣ щербиновскомъ, по просьбѣ жителей, учреждено въ годъ три ярмонки: 1-я на Ѳоминой недѣли, 2-я 29-го іюня на праздникъ Петра и Павла и 3-я въ день Воздвиженія Честнаго Креста, 14-го сентября.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1796 г. Черноморія, вмѣстѣ съ сѣтующей Россіею, оплакивала кончину блаженно-незабвенной памяти

государыни императрицы Екатерины великой, возстановительницы войска сего, матери благодѣтельницы онаго! Вскорѣ же за сею плачевною утратою черноморцы лишились первѣйшихъ своихъ начальниковъ. Войсковый атаманъ генералъ-маіоръ Чепѣга 14 генваря скончался въ Екатеринодарѣ, а 28 того же мѣсяца войсковый судья бригадиръ Головатый умеръ въ Персіи. Потеря всегда чувствительная, но невозвратная для войска!

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПУТЕВЫЯ ЗАМѢТКИ ОТЪ СМОЛЕНСКА ДО КІЕВА.

Предлагаемыя вниманію читателей замѣтки найдены мною въ старой рукописной книгѣ конца прошлаго столѣтія, одномъ изъ тѣхъ сборниковъ всякой всячины, которые во множествѣ обращались въ средѣ грамотныхъ людей XVII, XVIII и начала XIX столѣтій на юго-западѣ и сѣверо-западѣ Россіи, составляя настольную книгу нашихъ предковъ, которую они пополняли и просматривали въ часы досуга и давали другимъ для прочтенія, какъ теперь даются газеты и журналы. Находящійся у насъ сборникъ наполненъ самыми разнообразными выписками и записями, преимущественно духовно-нравственнаго характера, сдѣланными изъ такихъ же сборниковъ и быть можетъ отдѣльныхъ рукописей. Тутъ есть между прочимъ житіе Макарія Переяславскаго, написанное въ 1756 г. какимъ-то Ѳедоромъ силлабическими стихами въ 230 строфъ съ акростихомъ; есть апокрифъ о жизни Іуды предателя, начиная съ его дѣтства, и много другихъ подобныхъ статей. И рядомъ съ такими важными для тогдашняго средняго читателя произведеніями пріютились эти болѣе чѣмъ скромныя замѣтки едва грамотнаго человѣка, никогда конечно не разсчитывавшаго, что онѣ попадутъ въ печать. Старинный скорописный почеркъ замѣтокъ и бумага ихъ, на которой выведенъ водянымъ знакомъ 1797 годъ, показываютъ, что онѣ писаны въ концѣ прошлаго столѣтія. Ихъ велъ какой-то богомолецъ, путешествовавшій изъ Смоленска въ Кіевъ на поклоненіе тамошней святынѣ. Поэтому храмы, святыни—главный сюжетъ его замѣтокъ, и объ нихъ онъ неопустительно упоминаетъ. Но цѣль замѣтокъ, по видимому, была другая: путешественникъ, человѣкъ небогатый, или, по крайней мѣрѣ, разсчетливый, записывалъ каждую копѣйку, деньгу, полушку, на что истратилъ ту или другую. Какъ-бы мимоходомъ опъ обозначаетъ производство и продукты проходимыхъ имъ мѣстностей, а главное ихъ цѣны, или же дѣлаетъ наблюденія въ качествѣ натура-

листа, въ родѣ того, напр., что въ Стародубѣ «легушки квохчать не по смоленски». Все это любопытно и забавно; но не въ этомъ главный интересъ замѣтокъ. Въ нихъ отразился во всей своей непосредственности, простотѣ и наивности русскій человѣкъ, какимъ онъ являетъ себя во время *хожденія*. Тутъ онъ весь на лицо—съ его религіознымъ настроеніемъ, будничными привычками, незатѣйливыми потребностями, своимъ особымъ кругозоромъ и даже волнующими подъ часъ его чувствами. Въ этомъ отношеніи помѣщаемыя замѣтки являются рѣдкимъ памятникомъ нашей письменной литературы.

Богомолецъ, видно, былъ свѣтскій человѣкъ, потому что брился, какъ это означено въ замѣткахъ. Ходилъ онъ не одинъ, а въ группѣ другихъ богомольцевъ; по крайней мѣрѣ въ запискахъ обозначаются еще три личности: Титъ, Данило и отецъ Анатолій. Путешественники были смоленскіе, а записывающій, кромѣ того, хорошо былъ знакомъ съ мѣстностью смоленскаго уѣзднаго города Сычевска, какъ равно и со Смоленскомъ, съ которымъ и сравниваетъ встрѣчающееся на пути.

Писаны замѣтки отчасти чернилами, отчасти карандашемъ, и съ трудомъ разбираемы были. Приводимъ ихъ, какъ онѣ есть, цѣликомъ, съ удержаніемъ орѳографіи подлинника.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

Пошли въ суботу маия 29, въ вечерню. Отъ Смоленска на 15 верстъ виделъ Стіопку, секретарскаго беглеца [1]); послалъ назадъ.

Ночлегъ отъ Смоленска жъ 17 верстъ въ Дрѣжинѣ, на постоялѣ дворѣ. Тамъ хозяину, Никитѣ Иванову, объявилъ объ Стіопкѣ.

30-го воскресенье. Около Белоручья, вправѣ, недалече около Надолгомостья, змѣя было укусила въ завтракъ.

31-го. Село Стрыгино. Дьячекъ Иванъ Богдановскій 30 числа [2]), на заговены, дравшись, убилъ было до смерти свою своячину; отливали ее водою дьячиху. Отецъ Михаилъ говоритъ, что у него часто сіе бываетъ, а битая прикидывается міортвой.

---

[1]) Бѣглые люди изъ дворовыхъ слугъ—обычная черта крѣпостной эпохи.

[2]) Тогда наступалъ петровскій постъ, въ который и пришлось странствовать нашимъ путешественникамъ.

Рославль отъ Смоленска 119 верстъ. Село Гореново отъ Рославля 10 верстъ. Въ ономъ у священника Петра ночевали. Сынъ онаго священника, діаконъ села Ладыжина, Иванъ тамъ былъ.

Титъ у Росковлѣ свалился съ гребли (плотины).

Село Рудня отъ Росковля.... Село Ершичи отъ Росковля 31 верста.

Съ слѣдующаго пункта начинается финансовый счетъ. Порядокъ записокъ такой: сначала упоминаніе о селеніяхъ, а потомъ запись расходовъ, которая однако ведется не всегда послѣдовательно: затраченное раньше иногда вспоминается послѣ.

Съ Михайлою, попомъ Стрыгинскимъ . . . . . 6 к.
У жидовъ съ попами за полпиво, гдѣ господинъ стоитъ . 8 к.
У Росковлѣ попу Михай. . . . . 4 к.
Самъ за. . . . . 2 к.
Витушикъ за. . . . . 2 к.
На закуску . . . . 1 к.
Луку за. . . . . 2 к.
За квасъ . . . . 2 к.

Разрытое отъ Росковля 56 верстъ. Смоленская граница кончилась при рѣкѣ Ипати, отъ Росковля въ 76 верстахъ. До Мглина оттоль 26 верстъ, и тамъ шатеръ на столбахъ.

На родинахъ въ Хмарѣ за себѣ и за Данилу . . . 10 к.

Мглинъ имѣетъ 3 церкви, а 4-ая на выѣздѣ Николаевская и все деревянные, и строенія каменнаго нѣтъ. Грязно весма, *мостовъ нѣту*[1]). Горелку въ рынкѣ продаютъ, словно квасъ и даютъ откушивать[2]). Дворъ будынокъ.—Отъ поповъ остались, не доходя до Мглина 15 верстъ.

Вышедши изъ Смоленска на нищихъ . . . . . 2 к.
У Дрожжинѣ горѣлки за . . . . 4 к.
У жидовъ въ Разрытомъ . . . . 15 к
Въ Мглинѣ въ будынкѣ на квасъ . . . . . 2 к.
На табакъ . . . . $1^1/_2$ к.

---

[1]) Сравненіе со Смоленскомъ, въ которомъ въ то время до 1812 года, низкія улицы города были устилаемы бревнами.

[2]) Для Смолянина и въ ту пору это была большая новость, ибо въ Смоленскѣ со времени Алексѣя Михайловича горѣлку продавали только въ 3 или 4 кабакахъ.

Мглинъ и Стародубъ новгородско-северскаго намѣстничества. Отъ Новгорода Мглинъ 150 верстъ, Стародубъ 90. *Легушки квохчатъ не по смоленский.*—Отъ Мглина 12 верстъ постоялой дворъ, при немъ погребенъ Загвосткинъ Максимъ; дворъ тотъ мглинскаго стряпчаго Косоча.

Въ косочьемъ дворѣ на горѣлку . . . . . . 5 к.
Ѳляшку . . . . 3 к.
Въ нее горѣлки на . . . . 6 к.
Квасу . . . . 2 к.
Въ другомъ мѣстѣ квасу на . . . . 2 к.

Стародубскаго уѣзду село Бѣлогорецъ, церковь Покрова, отъ Мглина 20 верстъ.

На ночлегѣ, гдѣ два козака ночевали, горѣлки за . 3 к.

Село Ряхово стародубскаго уезду, церковь Иліи пророка; отъ Мглина 40, а до Стародуба 20 верстъ. Село Осколково, до Стародуба 7 верстъ; храмъ архидіакона Стеѳана. Въ правой сторонѣ село Пятовскъ, храмъ Дмитрія Ростовскаго. Стародубъ—славный городъ, но грязенъ, а всего довольно, и добрые и личные въ немъ люди; разстояніемъ не меньше Смоленска; строеніе хотя хорошее, но каменнаго, кромѣ церквей, нѣту.

Въ Стародубѣ рыбы за . . . . 6 к.
Хлѣбъ . . . . , ... 3 к.
Булка и колачь тройной . . . . 3 к.
Рашки . . . . 1 к.
Горѣлки въ рынкѣ за . . . . 4 к.
Въ шинкѣ, где ночевали въ Стародубѣ за горелку, за варенье рыбы и за постой . . . . . . 7 к.

Село Нижнее, отъ Стародуба на 16 верстъ; 2 церкви: 1—Покровъ, 2—Рождество Богородицы.

Въ томъ селѣ въ богодѣльню денга, да на греблѣ безпалой денга жъ . . . . 1 к.

Село Курозново, церковь Воскресенія, уѣзду новомирскаго. Село Изтобки, церковь троепрестольная: Георгія, Луки и Тройцы.

У жида горѣлки за 15 верстъ до Рѳбскаго. . . 4 к.

У Робскѣ, гдѣ ночевали, хозяйка дочку родила.

Въ Робскѣ пироговъ тройныхъ за . . . . . 4 к.

У жида горѣлки за . . . . 6 к.

Робскъ отъ Стародуба 50 верстъ.

Въ Робскѣ, въ шинкѣ у козака, за тобаки . . . 3 к.

Отъ Робска село Балычаны, церковь архангела Михаила; такъ, какъ Сычевскъ Короваево. Село Бровничи, церковь Петра и Павла.

Въ немъ за варенье бѣлуги . . . . . . 1 к.

Село Соловьево, церковь николаевская.

Въ немъ у жидовъ, сидѣвши отдохая, горелки за. . 5 к.

Село Куршановичи, церковь Благовѣщения, рѣка Трубишъ, уѣзду новомирскаго. Село Хорошнее, епархіи новгородско-сѣверской, церковь Николая чудотворца. Въ немъ у жида рыбу доели [1]).

Горѣлки за . . . . $4^1/_2$ к.

Местечко Горекъ черниговскаго намѣстничества, уезду городницкаго. Отъ Горска Городня 24 версты.

Въ Горскѣ хлѣбъ . . . . 2 к.

Двѣ витушки тройныя и згибень, все по 1 к. . . 3 к.

У жида горѣлки за . . . . 4 к.

Рыбъ и за варение съ ухою и съ перцемъ. . . 4 к.

Село Жабчичи, церковь Петра и Павла, 14 верстъ до Городни. Село Бутовка, церковь Покрова, 9 верстъ до Городни. Тамъ ночевали противъ *10 числа июня*.

Въ Городнѣ хлѣба (1 булка по грошу) за . . . 4 к.

Горѣлки за . . . . 5 к.

Село Листвено 2 церкви: 1 каменная, 2 деревянная.

Подъ Черниговымъ за 12 верстъ у жида горѣлки за . 5 к.

За вареніе рыбъ съ грибами и крупами . . . 2 к.

Село Куликово. Село Седнево.—Въ Черниговѣ, въ домѣ Дзогина, гдѣ ночевали, ввечеру новгородской губерніи дворянинъ Иванъ Кондратьевичъ Берчниковъ подчивалъ горѣлкою и просилъ кланяться отцу економу Дмитрію.

Въ Черниговѣ рыбъ за . . . . 2 к.

Квасу за. . . . . 1 к.

Поляницу . . . . 1 к.

Хлѣба . . . . 7 к.

---

[1]) Какъ выше обозначено, рыба эта (бѣлуга) куплена еще въ Стародубѣ за 6 копѣекъ; изъ нея три раза варили кушанье; слѣдовательно каждое такое кушанье всякій разъ обходилось для троихъ животовъ только по 2 копѣйки.

Горѣлки въ рынкѣ . . . . 5 к.
Близъ Тройцы ввечеру *отъ живота* . . . . 4 к.
Утромъ тамъ-же . . . . 4 к.
У жида Пенскѣ за . . . . 5 к.
За варение грибовъ[1]) . . . . 2 к.
Ввечеру за . . . . 6 к.
Въ Олишевкѣ въ церковь и на милостину . . . 1 к.

Село.... Село....[2]) Село Красное, церковь Параскевы Пятницы. Въ Олишевки двѣ церкви. Село Чемерь.

Въ немъ горелки за. . . . . 6 к.
За варение грибовъ со пшеномъ . . . . 2 к.
На горѣлку тамъ . . . . 6 к.

Подъ Козелцомъ, за 15 верстъ, волкъ скотину несъ.—Село Хотки.—Село Лемеши отъ Козелца къ Смоленску на 13 верстъ.

Въ Козелцѣ хлѣбъ . . . . 8 к.
Рыбку и за табакъ . . . . 2 к.
На квасъ . . . . 1 к.
Два колоча жолтинкихъ . . . . 4 к.
Въ церковь Николая чудотворда . . . . . 1 к.
Горѣлки за . . . . 4 к.
За ночлегъ . . . . 1 к.
Въ обѣдѣ горѣлки за . . . . 4 к.
Квасу за . . . . 2 к.
На пути въ шелашѣ на церковь Праскевы. . . 1 к.
Въ шелашѣ за холодецъ . . . . . . $1^1/_2$ к.
За рыбку . . . . 1 к.

Село Владимерка. Село Дымарка.

Нищему . . . . $^3/_4$ к.
За поленицу . . . . 1 к.
Въ Проворахъ селедей . . . . 3 к.
Ситная . . . . 2 к.
Горѣлки за . . . . 4 к.

---

[1]) Грибы, вѣроятно, сами собирали, идя дорогой.

[2]) Прилучившееся болѣзненное состояніе путешественника не дозволило ему своевременно записать названія данныхъ селъ, а послѣ онъ, вѣроятно, не могъ вспомнить.

Въ Киевѣ церквѣй около 60. Церковь Успенія, двенадцатью святыми строенная, весьма хороша и украшенная; престоловъ въ ней..... Пещеры нижние и верхние ближние.

Михайловской золотоверхней монастырь, въ немъ мощи великомученицы Варвары безъ главы, по левой сторонѣ, противъ царскихъ вратъ, посреди церкви, подъ сѣнию въ рацѣ прекрасной. По правую сторону часть мощей святыхъ Понтелея, целителя зубовъ.—Софійской монастырь; въ немъ мощи митрополита киевскаго Макария по средней церкви ево; а недалече по левой— части разныхъ святыхъ мощей. Въ софійскомъ монастырѣ, въ Софіе же престоловъ 18, а было 24, иныхъ 6 уничтожены, изъ нихъ одинъ вмѣсто жертвенника. Братской монастырь, гдѣ стояли, тамъ академия.—Петропавловскій монастырь; Дѣвичей противъ его на другой сторонѣ.

17 числа (іюня) въ четвергъ въ банѣ хотѣли париться, но покупались; а ключи отца Анатолия были украдены, но откинуты; а печатку, снятую у вора, послѣ по обыскѣ отобрали.

18 числа. Варварѣ мученицѣ на акаѳистъ и на свѣчи и въ Софійскомъ монастырѣ мощамъ Макария издержано денегъ: 1 р. 78к.

На квасъ въ Кіевѣ	2 к.
Мыла и масла на	2 к.
Брылся	4 к.
Нищимъ	1 к.
На баню, хотя и не парились	5 к.
Василью повару на горѣлку	5 к.
Въ церковь на свѣчи	4 к.
Да въ кошелекъ	1 к.
На квасъ на радощахъ, что печатка нашлась	1 к.
Просвиры 4 к., пузырьки 7 к., на квасъ 2 к.	13 к.
На проскомидію съ просвирами общихъ	20 к.».

Замѣтки кончились. На обратномъ пути богомолецъ нашъ уже не велъ записи. Мы свели къ итогу его расходы. Оказывается, всего изведено 4 р. 93 копѣйки. Изъ нихъ въ Кіевѣ, составлявшемъ цѣль его путешествія, затрачено 2 р. 36 копѣекъ; а путь отъ Смоленска до Кіева обошелся ему, при полномъ довольствѣ, безъ выпрашиванія подаяній (напротивъ, онъ самъ подаетъ милостину), въ 2 рубля 57 копѣекъ, считая не на серебро, а на ассигнаціи.

Смоленскъ. 1887 г. 5 января.

Сообщилъ **С. Писаревъ.**

Библіографія.

Полтавскій адресъ-календарь на 1887 г. Составленный подъ редакціею секретаря полтавск. губернскаго статистич. комитета Д. А. Трощинскаго.

Въ то время, какъ въ русской исторической наукѣ установлено положеніе, что дальнѣйшая ея разработка должна идти по частямъ, путемъ областнымъ, мѣстная областная исторія пополняется очень туго, дозами микроскопическими, и находитъ себѣ мѣсто въ такихъ изданіяхъ, гдѣ никакой исторіи по видимому совсѣмъ не полагалось-бы. Вотъ полтавскій адресъ-календарь на нынѣшній годъ. Казалось-бы, какъ можетъ забрести исторія въ это чисто практическое и такъ сказать мимолетное изданіе. Но почтенные издатели нашли и тутъ для нея мѣсто.

«Кіевской Старинѣ», какъ органу мѣстному, но періодическому, надо выслѣживать и въ такихъ изданіяхъ историческія крохи и собирать ихъ въ одну общую массу, вмѣстѣ съ болѣе крупнымъ историческимъ матеріаломъ, по пословицѣ: «ловись рыбка велика й маленька».

Въ названномъ календарѣ есть двѣ статьи, относящіяся къ мѣстной исторіи и одна къ мѣстной этнографіи. Названія ихъ слѣдующія: 1) Историческія свѣдѣнія о Полтавѣ и ея памятникахъ; 2) Полтава 1779 г. и 3) Полтавская старина. Всѣ три статьи составлены однимъ лицемъ, г. Сторожевскимъ. Первая изъ нихъ была напечатана еще въ 1882 г. въ «Справочно-адресной книгѣ г. Полтавы» на этотъ годъ. Теперь она перепечатана снова, притомъ безъ всякихъ измѣненій и дополненій, и сдѣлано-ли это, какъ отъѣзжающимъ артистомъ, *по желанію публики*, или по соображенію, что статья забыта и явится опять новинкой, или еще почему либо, остается неизвѣстнымъ. Быть

можетъ, авторъ, по скудости мѣстныхъ источниковъ, не нашелъ, чѣмъ пополнить свою статью, или онъ считалъ ее на столько полною, что всякія дополненія дѣйствительно были-бы излишни? Но ни того, ни другаго сказать нельзя. Стоило бы автору пересмотрѣть мѣстныя губернскія вѣдомости до 60-хъ годовъ, а также «Памятную книжку полтавской губерніи», составленную г. Бодянскимъ, и онъ нашелъ-бы тамъ и здѣсь не мало такого, что могъ-бы съ пользою внести въ свой историческій очеркъ. А что этотъ очеркъ страдаетъ крайней неполнотой даже для невзыскательнаго провинціальнаго читателя, въ этомъ убѣдиться не трудно. Не говоря о первой половинѣ XVII столѣтія, и для второй половины онаго и даже для всего XVIII вѣка въ «историческомъ очеркѣ» г. Сторожевскаго не находимъ необходимыхъ свѣдѣній. О возстаніи, напримѣръ, Мартина Пушкаря онъ говоритъ какъ-бы мимоходомъ, посвящая этому историческому моменту всего 11 строкъ (стр. 88). Подробнѣе авторъ останавливается на описаніи полтавской битвы (39—43), но и здѣсь главное вниманіе обращается только на ходъ самаго сраженія. О составѣ населенія Полтавы за прежнее время, хотя-бы за XVIII в., нигдѣ не говорится ни слова; между тѣмъ данныя для этого, и весьма интересныя, лежали подъ рукою у автора историческаго очерка, именно въ архивѣ мѣстнаго губернскаго правленія, и отчасти уже были помѣщены въ Полт. Губ. Вѣдомостяхъ за 1861 г., въ № 3-мъ, подъ заглавіемъ: «Компутъ всего полку полтавского 1718 г.» Находящіяся здѣсь цифровыя данныя не только опредѣляютъ количество населенія, но даютъ понятіе и о сословныхъ группахъ г. Полтавы прошлаго вѣка. Быть можетъ, эти-же данныя заставили-бы автора остановиться долѣе на значеніи Полтавы, какъ оплота отъ набѣговъ татаръ XVII в. и первой половины XVIII в., о чемъ авторъ упоминаетъ только мимоходомъ (стр. 38). Не будемъ останавливаться на другихъ пробѣлахъ историческаго очерка г. Полтавы, не имѣющаго особеннаго интереса даже для мѣстнаго обывателя. Замѣтимъ только, что перечень нѣсколькихъ фактовъ изъ внѣшней исторіи полтавскаго края, при невсегда удачной связи ихъ, а главное, при полномъ игнориваніи значенія этихъ фактовъ въ развитіи внутренней жизни мѣстнаго общества, представляется намъ совершенно излишнимъ и безполезнымъ балластомъ.

Больше интереса представляетъ вторая статья: «Полтава 1799 г.», составляющая извлеченіе изъ дѣлъ архива городской полиціи. Но и здѣсь авторъ, по пословицѣ, больше «медомъ помазалъ».... Въ началѣ статьи онъ заявляетъ, что ему «удалось, какъ въ архивахъ, такъ и въ частныхъ домахъ, на аукціонахъ и т. п. случаяхъ отыскать (?) много старыхъ дѣлъ, книгъ полтавскаго суда, бумагъ и документовъ, начиная

съ первой половины прошлаго столѣтія (стр. 107) и что по этимъ матеріаламъ онъ предполагалъ рядомъ отрывковъ и монографій изобразить, хотя отчасти, мѣстный бытъ, общественныя отношенія, устройство (?), средства (?) и постепенное развитіе Полтавы отдаленныхъ временъ». Но.... предположеніе автора не сбылось и собранный богатый матеріалъ былъ переданъ имъ же нынѣ покойному профессору кіевскаго университета Кистяковскому. Но и проф. Кистяковскій не сдѣлалъ изъ переданныхъ ему бумагъ употребленія и уцѣлѣли ли они, неизвѣстно; въ рукахъ же г. Сторожевскаго остались архивныя бумаги лишь съ 1798 г.

Для статьи о Полтавѣ главнымъ матеріаломъ послужили рапорты городничаго кн. Шаховскаго ревизовавшему Полтаву кіевскому военному губернатору Беклешову и рапортъ преемника Шаховскаго, Михаила Значко-Яворскаго. Въ статьѣ подробно описанъ городъ, какимъ онъ былъ тогда, съ его старыми валами, остатками бастіоновъ и башень, съ его деревянными постройками, крытыми дранью и соломой. Всѣхъ домовъ было 1283, всѣхъ жителей, мужчинъ и женщинъ, 7769. Изъ нихъ около 5½ тысячъ козаковъ и болѣе тысячи мѣщанъ. Дворянъ не было и 500 человѣкъ: переходъ въ благородное сословіе и прибавки къ фамиліи окончанія *въ* тогда только-что входили въ моду. Въ описи подробно обозначены городскія зданія и учрежденія, доходы и оброчныя статьи города, лавки и базары; сообщаются данныя о доставляемыхъ городомъ *полевыхъ*, огородныхъ и садовыхъ продуктахъ, о ярмаркахъ и о поразительныхъ по дешевизнѣ рыночныхъ цѣнахъ.

Улицы не носили тогда опредѣленныхъ названій и изъ всѣхъ ихъ вымощена была одна. Только позднѣе, при Куракинѣ, сталъ застраиваться городъ. Къ той позднѣйшей эпохѣ относится умышленно-наивное, лукавое восклицаніе, вложенное Котляревскимъ въ уста одного изъ лицъ его безсмертной «Наталки»: «Вже-жъ городъ буде—якъ макъ цвите! Якъ бы покійни шведы, що згинули пидъ Полтавою, повставали, то-бъ теперъ и не познали Полтавы»!

Иностранцевъ въ Полтавѣ было въ ту пору всего три: французъ и два нѣмца. На нихъ, по предписанію губернатора Миклашевскаго, устремлено было «недремленное око» городничаго. Французъ Жаке дѣйствительно пошатался по Россіи,—былъ въ плѣну у Пугачева, оттуда бѣжалъ къ Михельсону и потомъ вынырнулъ какъ-то въ Полтавѣ. Нѣмецъ Менгесъ состоялъ при разорителѣ Сѣчи Текеліи. Пасторъ Веберъ существовалъ неизвѣстно для чего. Жаке и Менгесъ «занимались въ Полтавѣ обученіемъ и наставленіемъ благороднаго юношества въ наукахъ» и содержали два пансіона. Кромѣ этихъ иноземныхъ разсад-

никовъ просвѣщенія, въ 1799 г. была открыта «предположенная по положенію общества г. Полтавы 4-хъ классная школа».

Третья статья: «Старина Полтавская» представляетъ собою изложеніе трехъ дѣлъ, разбиравшихся въ полтавскомъ полковомъ судѣ первой половины XVIII в. Первое дѣло: «Евдохи Дацѣй, чаровничимъ дѣломъ бавячейся», относится къ 1710 г. и состояло въ слѣдующемъ. У Евдохи Дацѣй было найдено четыре узелка «завязанныхъ чаровничихъ рѣчей» и «полторы палянички изъ житней муки». Дацѣй была вызвана въ судъ, гдѣ показала, что въ первомъ узелкѣ «заключается земля отъ гроба мертваго человѣка, взятая на особливомъ мѣстцу у гробовища». Земля была смѣщана съ бѣлымъ макомъ; по словамъ Дацѣй, достаточно было этой смѣсью «посыпать въ судѣ, шобъ право было тому человѣкови, который пришолъ поклониться суду»; во второмъ узелкѣ содержался «замурокъ (заморенный зародышъ яйца) курячій съ пушкомъ», употребляемый, какъ средство отъ лихорадки: «накурившись тымъ замуркомъ, заразъ трясця покине»—объявила Дацѣй на судѣ. Въ третьемъ узелкѣ «чаровничихъ рѣчей» находился «спаленный на уголь мозокъ кошечій зъ ничеными нитками»,—средство свести кого-либо съ ума, «щобъ зайшолъ въ голову», какъ говоритъ документъ. Въ четвертомъ узелкѣ было найдено «мыло съ покармомъ женскимъ»: смѣсь эту нужно было «росколотить съ пивомъ и въ каждую бочку всыпать, щобъ зо всѣхъ сторонъ люде до того двора шинкового сходились пить, минаючи иніе дворы, хочь-бы найлѣпшій напитокъ гдѣ былъ». Относительно паляничекъ, найденныхъ у Дацѣй, она заявила, что приготовлены онѣ изъ житней муки съ святой водой, «якая святится въ церкви богоявленского святъ вечера» и давались ею (Дацѣй) при дурныхъ супружескихъ отношеніяхъ, «жебы зъ собою жили гараздъ». На судѣ въ качествѣ свидѣтельницы была спрошена и «мужа Дацѣйного мачиха»—Оришка, заявившая, что «тую Дацѣю о чаровання не просила». Послѣ допроса «судъ городовый полтавскій вынайшовъ въ Саксонѣ правъ магдебургскихъ тотъ пунктъ: ежели бы кто кого очаровалъ, маетъ быти огнемъ спаленъ« (126 стр.), но принявъ во вниманіе, что Дацѣй не успѣла „чаровничства“ привести въ исполненіе, а мачиха—Оришка, зная о чародѣйствѣ Евдохи, не „свѣдчила“, постановилъ наказать обѣихъ публично канчуками „нещадно, жебы болше такихъ поступковъ чинить завстяглися“.

Изложивъ содержаніе этого дѣла, г. Сторожевскій, между прочимъ, говоритъ: „изъ многочисленныхъ рѣшеній полковыхъ судовъ XVII и XVIII в. ясно можно видѣть, что употреблявшіеся въ Малороссіи кодексы, по своей средневѣковой суровости, не соотвѣтствовали уже тѣмъ

идеаламъ народнаго сознанія, которые выработались къ тому времени общественною жизнію». Съ замѣчаніями автора можно согласиться только отчасти. Въ полковыхъ судахъ Малороссіи XVIII в. далеко не всегда и не вездѣ руководились правомъ обычнымъ. Все зависѣло отъ личности судей, а чего либо вполнѣ установившагося нельзя замѣтить.

Другое дѣло: «О ложномъ чудѣ» относится къ 1711 году. Особеннаго научнаго интереса оно не представляетъ; вотъ его суть. Въ Полтавѣ рзнесся слухъ, что въ погребѣ мѣстнаго обывателя Рымаря *«щось говорить»*. Народъ толпами сходился слушать этотъ невѣдомый голосъ, убѣждавшій, напримѣръ, одного жителя, чтобы онъ, «якъ доробитъ церковь», имѣлъ бы «доброе въ сердцю и добрые дѣла сотворялъ, и будетъ благодать мати». Судъ послалъ коммисію для изслѣдованія погреба. Оказалось, что слова, слышанныя изъ погреба, произносила Оришка, жена Рымаря. Вызванная въ судъ Оришка заявила, что сама «своими нечистыми устами говорила и прельщала людей для собиранія денегъ съ легковѣрныхъ». Судъ постановилъ: «тую блюзнѣрку Оришку подъ часъ торгу поблѣчне выбити на мосту».

Невольно какъ-то вспоминается при этомъ обошедшее недавно газеты, а первоначально явившееся въ «Кіевскомъ Словѣ» сообщеніе о необычайномъ явленіи, которое, по наблюденію кіевскаго вице-губернатора Баумгартена и профессора Прахова, имѣло мѣсто въ новостроющемся въ Кіевѣ Владимірскомъ соборѣ и состояло въ томъ, что на запрестольной стѣнѣ этого собора показывалось то самое изображеніе Божіей Матери, которое задумалъ художникъ Васнецовъ.

Наконецъ 3-е дѣло 1727 г.: «о Рѣшетиловскомъ упырѣ Гаврилѣ Ивановѣ Мовчаненкѣ» заключаетъ въ себѣ тоже не безъинтересныя данныя для исторіи повѣрій южно-русскаго народа. Иванъ Мовчаненко, назвавшись упыремъ, въ с. Рѣшетиловкѣ заявилъ народу, что наступившее бездождіе прекратится тогда, когда будутъ утоплены четыре мѣстныя вѣдьмы, указываемыя имъ. Громада рѣшетиловская потребовала отъ сотника привести въ исполненіе предсказаніе Мовчана, но сотникъ поспѣшилъ объявить о начавшемся народномъ бунтѣ коменданту Полтавы. Комендантъ и полковникъ послали въ Рѣшетиловку унтеръ-офицера и бургомистра, которые и доставили въ судъ Мовчаненка и указанныхъ имъ четырехъ вѣдьмъ изъ мѣстныхъ обывательницъ. На судѣ «подъ батожьимъ боемъ» упырь сознался, что «въ безуміи опорочилъ этихъ женъ и что въ новомѣсячьи припадаетъ ему въ голову замѣшаніе». Полтавскій полковой судъ отпустилъ женщинъ, освободилъ отъ наказанія и упыря, объявивъ «всему товариству и посполитству рѣшетиловскому не довѣрять вымышленному обманщику и не полнаго ума человѣку».

Какъ видитъ читатель, и эта статья, и предшествовавшая ей хотя представляютъ собою простое изложеніе сырыхъ матеріаловъ, но заключаютъ въ себѣ не мало интересныхъ данныхъ по южно-русской этнографіи. Спасибо любителямъ полтавской старины; но невольно подумаешь при этомъ о судьбѣ самыхъ памятниковъ этой старины. Сколько ихъ лежитъ втунѣ въ архивахъ полтавскаго губ. правленія, казенной палаты, окружнаго суда, консисторіи, дворянскаго депутатскаго собранія! И нѣтъ особаго надежнаго хранилища для нихъ, нѣтъ рукъ и средствъ для ихъ разработки. Есть архивныя коммисіи въ Саратовѣ, въ Рязани, въ Новочеркасскѣ проэктируется музей, а нашъ югъ и не помышляетъ о семъ, ожидая вѣрно толчка свыше. Тѣмъ больше чести отдѣльнымъ личнымъ попыткамъ, къ какимъ принадлежитъ безспорно и разсмотрѣнный нами трудъ гг. Сторожевскаго и Трощинскаго.

Н. Н. Бакай.

Воронежскій юбилейный сборникъ въ память трехсотлѣтія г. Воронежа. Изд. воронежскаго губернскаго статистическаго комитета. Воронежъ. 1886 г. т. I—II.

Оба тома названнаго сборника очень объемисты и весьма разнообразны по своему составу. Въ первомъ томѣ помѣщено 20, во второмъ 7 статей, касающихся различныхъ сторонъ мѣстной, минувшей и современной, жизни. Мы не можемъ однако разсматривать этого сборника во всей полнотѣ и разнообразіи его содержанія. По спеціальной задачѣ нашего изданія, мы можемъ слѣдить въ немъ лишь то, что относится къ исторіи или этнографіи южнорусскаго или малорусскаго населенія той мѣстности; но статей съ такимъ содержаніемъ въ обоихъ томахъ сборника очень мало, или почти совсѣмъ нѣтъ. Лучшія статьи обоихъ томовъ посвящены преимущественно или даже исключительно городу Воронежу, трехъсотлѣтній юбилей котораго праздновался, а такія статьи, какъ о землевладѣніи и семейныхъ раздѣлахъ въ крестьянскомъ классѣ, или этнографическіе очерки населенія воронежской губерніи, гдѣ можно бы найти что-либо по малорусской исторіи и этнографіи, крайне малы и слабы. Конечно, этото не могло бы случиться при болѣе широкомъ взглядѣ мѣстныхъ литературныхъ дѣятелей на задачи юбилейнаго сборника, такъ какъ территорія воронежская, отчасти и самый Воронежъ первоначально заселены черкасскими выходцами, да и въ настоящее время на 2,486,197 д. населенія губерніи приходится 1,200,000 малороссіянъ; но мы должны довольствоваться тѣмъ, что даетъ для нашихъ

цѣлей сборникъ въ настоящемъ его составѣ, а даетъ онъ, какъ мы уже сказали, весьма немного.

Въ 1-й томъ сборника вошла статья неизвѣстнаго автора (N.) о малорусскомъ населеніи полтавской гусерніи, напечатанная первоначально въ Полтавскомъ Сборникѣ 1877 г. Странно, конечно, встрѣтить такую перепечатку въ юбилейномъ изданіи; но составители Воронежскаго Сборника объясняютъ такое заимствованіе съ одной стороны огромнымъ процентомъ малорусскаго населенія воронежской губерніи, а съ другой тѣмъ, что среди населенія полтавской губерніи лучше сохранились этнографическія особенности малорусскаго народа. Объясненіе это мало поправляетъ ошибку издателей, такъ какъ самая статья оказывается крайне жидкой и пустой. На 23 страницахъ разгонистой печати говорится о типѣ малороссовъ, ихъ характерѣ, положеніи женщины, жилищѣ, одеждѣ, пищѣ, обрядахъ, обычаяхъ и повѣрьяхъ, обо всемъ понемножку, съ примѣсью громкихъ фразъ, причемъ не видно ни малѣйшей личной наблюдательности или личнаго изученія народа. Перепечатка этой пустой статьи, хотя вышла изъ самыхъ лучшихъ побужденій, обнаружила однако почти полное незнакомство составителей сборника съ малорусской этнографіей вообще и этнографіей воронежскихъ малороссовъ въ частности. А между тѣмъ украинское населеніе губерніи въ 1 мил. 200 тыс. человѣкъ вполнѣ заслуживаетъ изученія, и въ связи съ остальнымъ украинскимъ народомъ, и отдѣльно, изученія этнографическаго, археологическаго и бытоваго.

Съ большимъ интересомъ можно остановиться на статьѣ, служащей украшеніемъ перваго тома; это историческій очеркъ города Воронежа, составленный Л. Б. Вейнбергомъ, членомъ-секретаремъ мѣстнаго статистическаго комитета. Представимъ вкратцѣ его содержаніе; въ немъ не мало любопытныхъ фактовъ изъ исторіи малорусскихъ поселенцевъ въ томъ краѣ и самомъ Воронежѣ.

Воронежъ построенъ въ 1585 г. по указу Ѳедора Іоанновича, одновременно съ г. Ливнами, и главной цѣлью основанія этихъ двухъ городовъ было облегчить «передачу вѣстей про приходъ воинскихъ людей». Первымъ воеводой былъ Сабуровъ. Въ 1590 г. малорусскіе козаки изъ Канева въ количествѣ 600 человѣкъ напали на Воронежъ и разрушили его. Находясь на бойкомъ торговомъ пути, Воронежъ скоро оправился, обстроился; но въ смутное время Заруцкій его ограбилъ и разорилъ. Царь Михаилъ Ѳедоровичъ очень заботился о заселеніи воронежскаго края великороссами и малороссами. Очень уважая малорусское козачество за храбрость, Михаилъ Ѳедоровичъ надѣлилъ малороссовъ-переселенцевъ разными льготами и привиллегіями. Черкасы мас-

сами двинулись въ плодородный воронежскій край, и въ четыре года основали три города: Усердъ (1641 г.), Коротоякъ (1642 г.) и Ольшанскъ (1645 г.). При Алексѣѣ Михайловичѣ возникаютъ новые малорусскіе города: Усмань (1650 г.), Орловъ (1650 г.), Острогожскъ (1652 г.) и Землянскъ (1657 г.). Острогожскъ скоро такъ поднялся, что Воронежъ сталъ ему завидовать. Права и привиллегіи черкассъ, въ особенности торгово-промышленныя, неблагопріятно повліяли на экономическую жизнь великороссовъ, и между первыми и послѣдними возникли непріязненныя отношенія. Въ особенности часто спорили воеводы съ черкасскими полковниками. Обвиненія всякаго рода и доносы шли въ Москву въ обиліи отъ обѣихъ сторонъ: но правительство не обращало серьезнаго вниманія на эти доносы, такъ какъ знало, что они были вызваны преимущественно личными интересами начальныхъ людей. Правительство понимало, что близость привиллегированныхъ черкасскихъ городовъ оказывала неблагопріятное вліяніе на экономическую жизнь Воронежа, но оно интересы всего края ставило выше интересовъ города Воронежа и весьма цѣнило военную доблесть и опытность малорусскихъ поселенцевъ, тѣмъ болѣе, что малорускіе поселенцы были найболѣе культурнымъ элементомъ въ краѣ. Въ Воронежѣ въ XVII ст., по словамъ г. Вейнберга, число грамотныхъ жителей было весьма велико, причемъ грамотность была распространена не только среди дворянъ и дѣтей боярскихъ, но также среди купцовъ и крестьянъ; наставниками были, вѣроятно, малороссы. Въ селѣ Ендовищѣ въ концѣ XVII ст. была школа для дѣтей козаковъ-черкасъ. Выпускные ученики назывались выростками. Учителемъ былъ дьячекъ мѣстной церкви. Грамота преподавалась по азбукамъ, составленнымъ грамотѣями. Малорусское населеніе давало не только испытанныхъ въ бояхъ воиновъ, не только наставниковъ грамоты, но также искусныхъ ремесленниковъ. Иностранецъ путешественникъ де-Бруинъ, посѣтившій воронежскій край въ 1702 г., говоритъ объ одной необыкновенной мельницѣ, построенной малорусскимъ мастеромъ, причемъ приложенъ рисунокъ съ нея. Мельница имѣла форму восьмиугольника. Втутри зданія помѣщались четыре мельницы, которыя дѣйствовали одновременно безъ крыльевъ и всякихъ другихъ наружныхъ приспособленій для примѣненія силы вѣтра. Но внутри этой главной мельничной постройки устроено семь парусовъ, похожихъ на обыкновенные барочные паруса, и само зданіе снабжено и закрывается снаружи большими окнами или дверями. При благопріятномъ вѣтрѣ открывали два или три окна съ той стороны, съ какой онъ дулъ. Черезъ эти окна врывался вѣтеръ, надувалъ паруса и такимъ образомъ приводилъ въ быстрое движеніе весь механизмъ. Эту мельницу осматривалъ Петръ Великій.

Населеніе города Воронежа состояло изъ разнородныхъ элементовъ, среди которыхъ элементъ малорусскій занималъ не послѣднее мѣсто.

Пребываніе Петра Великаго въ Воронежѣ и предпринятая имъ въ широкихъ размѣрахъ постройка кораблей на воронежской верфи чрезвычайно оживили этотъ захолустный городокъ и еще болѣе преобразили его разношерстный составъ. Громадные пустыри среди города и вдоль берега рѣки покрылись живописными домиками иноземцевъ. Быстро выросла нѣмецкая улица, на которой рядомъ съ легкой галлереей домика швейцарца высилась неуклюжая крыша флегматика голландца. Населеніе этой улицы весь день проводило на работѣ, на рѣкѣ, строя корабли. Шумъ былъ такой, что вся крупная рыба ушла изъ рѣки Воронежа въ Донъ. Въ началѣ XVIII ст. Воронежъ имѣлъ уже десять тысячъ жителей, одѣтыхъ во «ѳранцужское» платье, обучающихся и лечащихся у врачей иностранцевъ, переписывающихся по «ординарной» почтѣ, охотниковъ до музыкальныхъ исполненій «виртуозовъ-черкасъ».

Воронежъ Петра Великаго сгорѣлъ почти до-тла въ 1748 г. Пожаръ истребилъ болѣе тысячи домовъ, въ томъ числѣ государевъ дворецъ, адмиралтейскій дворъ, дома Апраксина и Меньшикова. Городъ вскорѣ отстроился. Въ 1773 г. Воронежъ снова выгорѣлъ, и лишь съ этого времени приняты были нѣкоторыя гигіеническія и противопожарныя мѣры,

Съ шестидесятыхъ годовъ обнаружился упадокъ торговли и вообще экономической жизни Воронежа. Съ открытіемъ московско-курской и курско-харьковско-азовской желѣзныхъ дорогъ Воронежъ отодвинутъ былъ въ сторону Харьковомъ и даже Ельцомъ.

Въ замѣну понесеннаго Воронежомъ ущерба въ матеріальномъ благосостояніи благосклонная къ нему судьба дала ему духовные успѣхи. Въ текущемъ столѣтіи страницы исторіи г. Воронежа украсились цѣлымъ рядомъ именъ полезныхъ мѣстныхъ дѣятелей: Болховитинова, Второва, Хованскаго, Вейнберга и двумя именами всероссійской извѣстности, Кольцовымъ и Никитинымъ.

Въ второмъ томѣ лучшая статья Н. В. Воскресенскаго о Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ. Это правдивая и фактическая лѣтопись просвѣтительной дѣятельности лучшихъ силъ мѣстной интеллигенціи.

Въ 1847—1849 годахъ редакторомъ Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостей состоялъ А. С. Аѳанасьевъ, писавшій подъ псевдонимомъ Чужбинскій, авторъ извѣстной «Поѣздки» на югъ Россіи, по Днѣпру и Днѣстру. При Аѳанасьевѣ въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ помѣщались статьи для народнаго чтенія на русскомъ и малорусскомъ языкахъ.

Такъ, по случаю новаго года (1848 г.) редакторъ обратился къ малороссамъ съ такимъ привѣтствіемъ: «Поздоровляю васъ съ новымъ годомъ! Чи живеньки, здоровеньки? Чи добре бенкетували на святкахъ? Ну, брацця (!), щожъ робытымемо съ новаго году. Мынулы святки, пора пріиматысь за роботу; годи седыть позкладавши руки. А я кожнисенькій тыждень у суботу розсказыватыму вамъ яку небудь прыповисть: и старовыну згадаемъ, и казку найдемо, и балясы точытымемо, щобъ нескушно було у недилю, а у мене розсказивъ багато, повнысенька торба—тильки слухайте». Редакторъ очевидно не владѣлъ малорусскимъ языкомъ и, чтобы скрыть свое незнаніе, прибѣгъ къ шуткамъ и пустословію. Но долго нельзя было держаться на этой шутовской почвѣ въ дѣлѣ серіозномъ, и съ іюля 1848 г. разсказы для народнаго чтенія прекратились.

Въ теченіе первыхъ десяти лѣтъ (1838—1848 г.) существованія Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостей не было помѣщено ни одной статьи по этнографіи. Въ Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 50 и 60-хъ годовъ помѣщено много этнографическихъ статей, при чемъ лучшія статьи написаны фонъ-Кремеромъ.

Въ статьѣ о Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ находятся обширныя извлеченія изъ весьма любопытнаго этнографическаго альбома Второва и его статистико-этнографическихъ замѣчаній о населеніи воронежской губерніи. Разсматривая населеніе воронежской губерніи за 1854 г., Второвъ обрисовываетъ великоруссовъ, населяющихъ всѣ сѣверные и восточные уѣзды, и малоруссовъ, составляющихъ значительное большинство въ западныхъ и южныхъ уѣздахъ: «Малороссіяне, говоритъ онъ, набожны и религіозны, усердны къ церкви и строго исполняютъ церковныя установленія. Они охотно учатся грамотѣ. Много между ними есть самоучекъ-живописцевъ, такъ что почти всѣ иконостасы въ сельскихъ и многихъ городскихъ церквахъ воронежской губерніи писаны хохлами. Многіе также промышляютъ разными ремеслами; вообще они предпріимчивы и склонны къ торговымъ занятіямъ. Малороссіяне еще живо сохраняютъ въ памяти прежнее свое козачество... Въ случаяхъ злоупотребленій помѣщичьей власти, со стороны малоруссовъ встрѣчалось болѣе оппозиціи, чѣмъ со стороны крѣпостныхъ великоруссовъ... Малоруссы живутъ весьма опрятно, хаты у нихъ, даже у самыхъ бѣдныхъ, свѣтлыя, обмазанныя внутри и снаружи глиною и выбѣленныя, а передъ хатами, выходящими лицомъ всегда на улицу, находятся палисадники съ мальвами, шафраномъ и другими цвѣтами; въ пищѣ малороссіяне не любятъ себя ограничивать... Нравственность сохраняется въ чистотѣ... Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ малорусское населеніе сближается съ

великорусскимъ, болѣе ощутительное вліяніе оказываетъ первое на послѣднее; великороссіяне живутъ тамъ опрятнѣе, въ бѣлыхъ хатахъ..., въ языкѣ малоруссы и великоруссы имѣютъ взаимное вліяніе другъ на друга, и перевѣсъ остается на сторонѣ великоруссовъ. Вступая въ браки, они перемѣшиваются, но при этомъ, если мать малороссіянка, то дочери въ языкѣ и одеждѣ удерживаютъ болѣе малорусскую національность, а сыновья походятъ болѣе на отца, и наоборотъ». Этнографическій альбомъ Второва содержитъ 49 рисунковъ, изъ которыхъ каждый содержитъ отъ 2 до 6 и болѣе типовъ. Эти рисунки изображаютъ крестьянъ 23 великорусскихъ, 6 малорусскихъ и 1 нѣмецкаго поселенія. Костюмы описаны весьма подробно.

Г. Воскресенскій слѣдитъ за содержаніемъ Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостей изъ года въ годъ, сообщаетъ біографіи редакторовъ и перечисляетъ главныя статьи по этнографіи, исторіи и статистикѣ. Въ приложеніи къ статьѣ о Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ находятся біографическіе очерки знаменитыхъ людей, родившихся въ воронежской губерніи: митроп. кіевскаго Евгенія, А. В. Кольцова, Н. И. Костомарова и Н. А. Сѣверцова. Юбилейный сборникъ снабженъ нѣсколькими рисунками и портретами, мимоходомъ замѣтимъ, плохо исполненными.

Въ цѣломъ Воронежскій Юбилейный Сборникъ представляется весьма отраднымъ явленіемъ провинціальной жизни.

Н. С.

A. v. Schweiger Lerchénfeld, Zwischen Donau und Kaukasus. A. Hartleben's Verlag. Wien. Pest. Leipzig. 1886. (А. ф. Швейгеръ Лерхенфельдъ. Отъ Дуная до Кавказа).

Подъ приведеннымъ заглавіемъ вышло популярное сочиненіе со многими политипажами, картинами и картами, посвященное описанію странъ, прилегающихъ къ Черному морю, между которыми, понятно, нашла себѣ мѣсто и степная полоса юга Россіи. Если судить о сочиненіи Швейгеръ Лерхенфельда по одеждѣ, то надо пожалѣть, что подобнаго сочиненія о югѣ Россіи до сихъ поръ нѣтъ и въ нашей литературѣ: изобиліе и красота иллюстрацій, отличная бумага и хорошій шрифтъ закупаютъ въ пользу его книги; однако, при ближайшемъ ознакомленіи съ ней, обаяніе исчезаетъ.

Ближайшимъ образомъ къ югу Россіи относятся собственно двѣ главы: введеніе, представляющее общій обзоръ историко-географиче-

скаго содержанія, и спеціальная глава «Южная Россія (отъ Прута до Дона)». Въ обѣихъ говорится объ очень многомъ. Такъ, введеніе (1—52 стр.) трактуетъ о путяхъ переселенія въ Европу кельтовъ, греко-италійцевъ, славянъ и финновъ, объ арійскомъ происхожденіи скиѳовъ, о достовѣрности Геродота, касается геграфическаго распредѣленія народовъ геродотовой скиѳіи, говоритъ о греческихъ колоніяхъ и ихъ торговыхъ сношеніяхъ со скиѳами, о движеніяхъ савроматовъ, гунновъ, болгаръ, аваръ и пр., занимается топографіей похода агронавтовъ, босфорскимъ царствомъ и т. д., кончая Петромъ Великимъ и его азовскими походами, и наконецъ столь же поверхностнымъ географическимъ обзоромъ.

Спеціальная глава о югѣ Россіи (97—136 стр.), при равныхъ претензіяхъ, не превосходитъ достоинствами вводную главу. Начинается она географическимъ обзоромъ степныхъ губерній, расположенныхъ между Прутомъ и Дономъ. Въ немъ мы находимъ удивительныя вещи. Такъ, напримѣръ, Днѣпръ впадаетъ близъ Одессы, въ одесскій заливъ (101 стр.), минимумъ зимней температуры 25°Ц., средняя лѣтняя температура равна средней лѣтней Мадеры, зимняя средней таковой же сѣверныхъ странъ Европы (102 стр.). Далѣе опять на сцену является исторія. О курганахъ говорится, что большая часть ихъ насыпана кочевыми народами для указанія границъ и дорогъ (111 стр.). Потомъ снова мчатся скиѳы, ихъ нагоняютъ мадьяры, болгары, готѳы и другіе «языки», свыше дванадесяти—толпятся на небольшомъ пространствѣ трехъ страницъ (115—118 стр.), спутываются, сшибаются и ложатся огромной, безпорядочной кучей. За симъ слѣдуетъ нѣчто, озаглавленное «Народная мозаика на югѣ Россіи»; это нѣчто посвящено вопросу о сравнительной этнической чистотѣ малоруссовъ и великоруссовъ, при чемъ авторъ держитъ себя вполнѣ прилично, что надо зачесть въ большую похвалу ему: онъ признаетъ нѣкоторую подмѣсь въ великоруссахъ финскаго, а въ малоруссахъ тюркскаго начала, но считаетъ ее мало существенною, а разстояніе между тѣми и другими менѣе, чѣмъ между Ober und Niederdeutschen. Вслѣдъ за тѣмъ, послѣ нѣсколькихъ секундъ серьезно-деликатной бесѣды, авторъ съ неожиданной быстротой перескакиваетъ въ Запорожье; говоритъ немного о національности «козаковъ», приходя къ похвальному заключенію, что они тоже славяне, заявляетъ, что украинскіе козаки назывались сначала запорожцами, но что потомъ, съ начала XVI в., слово козакъ получило болѣе обширное значеніе, запорожцами же стали называть преимущественно днѣпровскихъ островитянъ (122—123 стр.). Затѣмъ Швейгеръ Лерхен-

фельдъ садится на быстраго пегаса и мчится далѣе: вмѣстѣ съ козаками онъ воюетъ съ Польшей и Турціей, участвуетъ въ возстаніи Богдана Хмельницкаго и въ присоединеніи Малороссіи къ Москвѣ, вмѣшивается въ бунтъ Мазепы и на короткое время останавливается на эпохѣ Екатерины, для того, чтобы высказать нѣсколько глубокомысленныхъ замѣчаній относительно того, что хотя козаки были храбры, смѣлы и осмотрительны, но что эти добрыя качества затемнялись пагубными наклонностями къ пьянству и къ игрѣ (къ какой?). Послѣ экскурса о козакахъ, слѣдуетъ новое нѣчто, названное авторомъ: «Къ исторіи Руси». Здѣсь идетъ рѣчь о вторженіяхъ норманновъ и о пришествіи Рюрика; вопросъ о Руси обойденъ темною фразою о томъ, что славяне стали называться русскими со времени Рюрика; далѣе говорится о сношеніяхъ Руси съ Византіей, вліяніе которой признается болѣе сильнымъ, чѣмъ норманское, и оцѣнивается слѣдующимъ образомъ: положительная сторона византійскаго вліянія та, что оно одолѣло азіатскій духъ и положило предѣлъ распространенію магометанства, отрицательная—застой подъ преобладаніемъ консервативныхъ богословскихъ взглядовъ (128—129 стр.). Потомъ мелькаютъ передъ читателемъ Святославъ, Владиміръ, Иванъ III, Иванъ VI и далѣе. Наконецъ, утомленное этой базарной пестротой предметовъ вниманіе на нѣсколько минутъ останавливается на обозрѣніи современныхъ южно-русскихъ городовъ и прежде чѣмъ закрыть книжку, читатель еще почерпаетъ не лишенныя новизны свѣдѣнія, что въ Николаевѣ есть важный музей древностей крымскихъ и южно-русскихъ, а Елисаветградъ—сильно укрѣпленный городъ съ обширнымъ арсеналомъ (135 стр.).

Нѣсколько словъ о рисункахъ. Въ началѣ главы о югѣ Россіи изображенъ бородачъ съ длинными, спускающимися на плечи, волосами и съ кнутомъ въ рукѣ, это малорусскій кучеръ; на стр. 112 чудовищный «тарантасъ», небывалый и несуществующій на югѣ, мчится тройкой вдоль кривыхъ телеграфныхъ столбовъ, торчащихъ въ разныя стороны; на стр. 120 и 121 представлены малороссіянка и малоруссъ; послѣдній также съ бородой, но остриженъ въ скобку, одѣтъ въ долгополый кафтанъ, а въ рукахъ держитъ длинную трубку; на пейзажѣ, окружающемъ изображеніе, слѣва виднѣются двѣ сосны и тесовая крыша, а справа два тополя. Послѣднія два изображенія почерпнуты изъ соч. Гельвальда: «Естеств. исторія племенъ и народовъ (стр. 792—793, II т. въ русск. перев.)»; но у того бородачъ сидитъ за чаемъ и представляетъ великоросса, у Швейгера онъ сошелъ за малоросса, благо, Швейгеръ не находитъ между ними большаго

различія. Наконецъ, въ заключеніи главы, изображенъ монахъ съ подписью «попъ».

Сказаннаго считаемъ достаточнымъ для того, чтобы признать сочиненіе Швейгеръ-Лерхенфельда неудовлетворяющимъ самымъ снисходительнымъ требованіямъ, предъявляемымъ популярному сочиненію по географіи и по исторіи. Въ недавнее время европейская литература и наука обратили самое серьезное вниманіе на Россію и представили рядъ солиднѣйшихъ трудовъ по ея изученію, весьма важныхъ или, по меньшей мѣрѣ, любопытныхъ и для русской читающей публики. Сочиненіе Швейгера показываетъ еще разъ, что интересъ къ Россіи на западѣ очень великъ, но что его можно эксплуатировать и такой негодной книжкой, скомпонованной на чисто коммерческихъ основаніяхъ; само собою разумѣется, что для русскихъ читателей она представляетъ только интересъ курьеза.

В. Я.

Харьковскій календарь на 1887 г. и харьковскій сборникъ (литературно-научное приложеніе къ календарю). Изданіе Харьков. Губер. Стат. Ком. подъ редакціей дѣйств. члена-секретаря П. С. Ефименка. Цѣна 1 р. 20 к.

Прошлогодній Харьковскій календарь, изданный подъ редакціей П. С. Ефименка, не оставлялъ, казалось, желать ничего лучшаго; но календарь этого года далеко оставляетъ за собою прошлогодній. Не говоря о внушительныхъ достоинствахъ изданія, довольно сказать о его объемѣ и цѣнѣ. За 1 руб. 20 коп. покупатель пріобрѣтаетъ 2 книги: Календарь въ 63 печ. листа мелкаго петита (болѣе 1000 страницъ) и Сборникъ въ 17 печатныхъ листовъ (278) стр.) также мелкаго петита. Что литературно-научныя статьи выдѣлены теперь въ особую книжку, названную Харьковскимъ Сборникомъ, къ этому нельзя не отнестись сочувственно; безъ этого календарь, вслѣдствіе своей излишней тучности, былъ бы неудобенъ для справокъ: но идя въ этомъ направленіи, слѣдовало бы, намъ кажется, для удобства публики перенести въ сборникъ изъ календаря и статьи научнаго характера: отъ этого объемъ календаря нѣсколько уменьшился бы, а объемъ сборника увеличился. Изъ календаря текущаго года можно было бы безъ ущерба перенести въ сборникъ статьи по сельскому хозяйству.

Мы не будемъ перечислять статей, помѣщенныхъ въ календарѣ, ни знакомить читателей съ разнообразнымъ содержаніемъ всего сборника,

а укажемъ только на тѣ статьи его, которыя имѣютъ связь съ задачами «Кіев. Старины,» журнала, посвященнаго южно-руской старинѣ.

На первомъ мѣстѣ въ Харьковскомъ Сборникѣ стоятъ воспоминанія Ф. О. Рейнгардта о Харьковѣ 20-хъ и 30-хъ годовъ текущаго столѣтія. Для харьковцевъ это самая интересная и занимательная статья въ книгѣ. Авторъ статьи (донынѣ здравствующій отставной педагогъ 75 лѣтъ) обладаетъ поразительною феноменальною памятью и знаніемъ стариннаго Харькова: ему въ точности извѣстны, напр., всѣ каменные дома въ Харьковѣ 30-хъ годовъ; онъ прекрасно вообще знаетъ топографію стариннаго Харькова и тѣ перемѣны, которыя совершались въ немъ въ послѣдующее время; приводитъ любопытные цифры цѣнъ того времени, имена и фамиліи купцовъ, жителей, содержателей магазиновъ, владѣльцевъ заводовъ, иностранныхъ ремесленниковъ и т. п. Чрезвычайна любопытна его характеристика домашней жизни и нравовъ разныхъ сословій тогдашняго общества; приведено при этомъ не мало и анекдотовъ.

Гораздо менѣе занимательны мемуары другаго харьковскаго уроженца о г. Харьковѣ и харьковской губерніи (съ 1788 по 1820), В. И. Ярославскаго. Они носятъ слишкомъ отрывочный характеръ. Впрочемъ эти недостатки относятся больше къ внѣшней сторонѣ записокъ. Но и въ нихъ мы найдемъ не мало любопытныхъ данныхъ о болѣе или менѣе выдающихся дѣятеляхъ того времени—Шидловскомъ, Комбурлеѣ, архитекторѣ Палицынѣ и др., есть и нѣкоторыя интересныя бытовыя подробности (объ экзаменѣ въ университетѣ для полученія чина коллежскаго ассесора).

Особенный интересъ представляетъ отрывокъ изъ воспоминаній о В. Н. Каразинѣ, которому обязанъ своимъ происхожденіемъ харьковскій университетъ. Личность Каразина выступаетъ передъ нами въ не совсѣмъ привлекательномъ видѣ. Здѣсь между прочимъ разсказывается о томъ, что Каразинъ выхлопоталъ у государя признаніе законорожденной дочь помѣщика Надаржинскаго, для того, чтобы жениться на ней и взять ея богатое приданое.

В. Н. Каразину посвящена кромѣ того еще отдѣльная статья въ сборникѣ «В. Н. Каразинъ, какъ помѣщикъ села Кручина», прот. Н. А. Лащенкова. Здѣсь приведены новыя[1]) и интересныя свѣдѣнія о Каразинѣ, какъ первомъ эмансипаторѣ изъ украинскихъ помѣщиковъ I-й четверти настоящаго столѣтія. Вышедши въ отставку въ цвѣтѣ силъ (31 г.), Каразинъ поселился въ своемъ родовомъ имѣніи с. Кручинѣ и

[1]) Свѣдѣнія эти почерпнуты изъ архива харьк. дух. консисторіи.

предпринялъ цѣлый рядъ филантропическихъ мѣръ, направленныхъ къ улучшенію быта и просвѣщенію его крестьянъ. Въ числѣ ихъ на первомъ планѣ нужно поставить попытку его устроить бытъ духовенства своей церкви на совершенно новыхъ началахъ: «онъ составилъ запись, въ которой лично отъ себя назначилъ священнику очень достаточное содержаніе, поставивъ при этомъ правиломъ, чтобы священникъ ни подъ какимъ видомъ не бралъ съ прихожанъ платы за требы и отказался не только отъ занятія хлѣбопашествомъ, но и отъ владѣнія церковною землею». Запись эта была утверждена, хотя съ нѣкоторыми измѣненіями (напр., пунктъ о церковной землѣ былъ совсѣмъ выброшенъ) и на практикѣ принесла большую пользу, м. б., главнымъ образомъ потому, что выборъ священника оказался очень удачнымъ. Другимъ предпріятіемъ Каразина было устройство *сельской думы*, въ которой участвовали выборные изъ крестьянъ для суда, раскладки податей и т. п. Наконецъ, въ третьихъ, В. Н. Каразинъ устроилъ въ своемъ имѣніи первую приходскую школу, о процвѣтаніи которой сильно заботился. Прот. Лащенковъ называетъ Каразина необыкновенно смѣлымъ вождемъ народа и, что важнѣе, въ его-же духѣ и чувствѣ». Что такое заключеніе о. Лащенкова преувеличено, доказывать это было-бы излишне. Попытки урегулировать отношенія между приходскими священниками и населеніемъ имѣли мѣсто въ Малороссіи еще въ XVIII ст., и существуетъ цѣлый рядъ договоровъ такого рода между священниками и сельскими громадами. Тоже самое нужно сказать о школахъ: онѣ существовали почти во всѣхъ значительныхъ мѣстечкахъ и селахъ Малой Россіи и Слоб. Украйны, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ Румянцевскяя опись Малороссіи и перепись Хрущова; остается также подъ сомнѣніемъ, чтобы Каразинъ дѣйствовалъ именно въ духѣ своего (т. е. малорусскаго) народа; скорѣе, пожалуй, можно сказать, что онъ былъ однимъ изъ представителей либеральной эпохи имп. Александра I, чѣмъ и объясняются его филантропическія и освободительныя идеи и проэкты. Но, какъ сынъ своего вѣка, онъ не чуждъ былъ и многихъ отрицательныхъ въ нравственномъ отношеніи чертъ.

Изъ другихъ историческихъ матеріаловъ въ «Сборникѣ» обращаетъ на себя наше вниманіе прекрасно составленная статья „Старинная одежда и принадлежности домашняго быта слобожанъ». Матеріаломъ для нея послужило одно дѣло изъ харьковскаго историческаго архива (объ имѣніяхъ ахтырскаго полковника Перекрестова). Можно пожелать, чтобъ и на будущее время редакція такъ обработывала сырые архивные матеріалы. Недостаетъ впрочемъ рисунковъ этихъ одеждъ и утвари. Въ замѣткѣ «Кое что о древностяхъ харьковской губерніи»

заключается нѣсколько извѣстій о находкахъ древнихъ монетъ и другихъ предметовъ въ предѣлахъ харьковской губерніи; 2 монеты, по опредѣленію проф. В. Б. Антоновича, времени Митридата и Марка Аврелія. Въ статьѣ о замѣчательныхъ уроженцахъ и дѣятеляхъ харьковской губерніи помѣщены междупрочимъ біографіи В. Пассека и Сохавской (Кохановской); эта послѣдняя написана особенно тепло и задушевно. Статья А. Д. Твердохлѣбова объ ахтырскомъ Свято-Троицкомъ монастырѣ даетъ мало новыхъ данныхъ. Среди матеріаловъ и мелкихъ замѣтокъ особенное вниманіе обращаетъ на себя статья: «Страница изъ исторіи благоустройства г. Харькова (1760—1765)». Это документъ, извлеченный изъ Харьк. Историческаго архива и проливающій много свѣта на состояніе нашего города во 2-й половинѣ XVIII ст. Здѣсь мелду прочимъ помѣщена жалованная грамота царя Алексѣя Михайловича харьковскимъ обывателямъ на устройство цеховъ—извѣстіе совершенно новое. Весьма интересно также «Хроно-географическое описаніе г. Харькова (1767 г.)». Наконецъ, въ отдѣлѣ библіографіи помѣщены рецензіи на книги, касающіяся харьковской губерніи.

Мы перечислили только статьи и матеріалы, относящіеся къ мѣстной исторіи; но, кромѣ ихъ, есть еще работы статистическія, экономическія, этнографическія. Нельзя не подивиться умѣнью редактора «Сборника» привлечь къ участію въ немъ (замѣтьте—*безвозмездному*) такую массу сотрудниковъ.

Д. Чеп—ый.

В. Шенрокъ. Ученическіе годы Гоголя. Москва 1887 г.

Въ концѣ прошлаго года авторъ этой книги сдѣлалъ очень цѣнный вкладъ въ литературу о Гоголѣ, издавъ «Указатель» къ его письмамъ, заключающій въ себѣ объясненія инициаловъ и другихъ сокращеній въ изданіи Кулиша, лучшемъ до сихъ поръ и единственномъ, куда вошла переписка великаго писателя. Въ объяснительныхъ замѣткахъ г. Шенрокъ собралъ данныя объ отношеніяхъ Гоголя къ его корреспондентамъ и свѣдѣнія о нихъ самихъ. Все это значительно освѣщаетъ переписку и облегчаетъ пользованіе ею въ видахъ изслѣдованія. Задумавъ біографическій трудъ о Гоголѣ главнымъ образомъ на основаніи его писемъ, г. Шенрокъ очевидно желалъ уяснить житейскія отношенія поэта самому себѣ, и въ виду общаго интереса совершенно кстати подѣлился своимъ трудомъ и съ публикой. Предъ нами теперь біографическія замѣтки о первомъ періодѣ жизни Гоголя, составляющія, нѣтъ сомнѣнія, только начало труда болѣе значительнаго.

Совершенно резонно составитель этой книги сѣтуетъ на поразительное равнодушіе общества къ Гоголю, выразившееся какъ въ отсутствіи попытокъ новой біографіи его, по накопившимся матеріаламъ, такъ и въ небрежности и неполнотѣ всѣхъ новыхъ изданій его сочиненій. Относительно біографіи, думаемъ мы, сказалось явленіе, замѣчаемое почти всегда, когда какого нибудь литературнаго вопроса коснется рука мастера. »Записки о жизни Гоголя» Кулиша составлены съ такимъ талантомъ и проникновеніемъ въ духовную и житейскую натуру писателя, что повторять опытъ прежняго біографа во всемъ его объемѣ у многихъ, надо думать, не хватало рѣшимости. Со времени выхода книги Кулиша количество опубликованныхъ данныхъ о жизни Гоголя удвоилось, цѣлые отдѣлы книги могли бы быть написаны теперь почти заново. Но нѣтъ сомнѣнія, что въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ книга эта едва ли будетъ превзойдена когда нибудь, хотя бы ужъ потому, что носитъ на себѣ характеръ почти современнаго герою мемуара, что описанныя въ ней событія и явленія схвачены и запечатлѣны по первымъ горячимъ слѣдамъ. Изслѣдованіе г. Шенрока—одно изъ тѣхъ пріятныхъ литературныхъ явленій, гдѣ съ большимъ тактомъ, съ любовью и знаніемъ дѣла, не повторяются въ видѣ свода труды и наблюденія прежнихъ работниковъ на томъ же полѣ, а пріискиваются свои пути разсмотрѣнія, новая группировка извѣстныхъ фактовъ и матеріалъ уже опубликованный подвергается новому методу анализа. Наши замѣчанія не будутъ осужденіемъ этого труда, а лишь указаніемъ тѣхъ пробѣловъ, которыя бросаются въ глаза сами собой и при отсутствіи которыхъ эта почтенная работа, думается намъ, несравненно выиграла бы въ рельефности и полнотѣ.

Основнымъ матеріаломъ книги служатъ гоголевскія письма. Въ одной изъ начальныхъ главъ г. Шенрокъ самъ обращаетъ вниманіе на то, что корреспонденція ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть разсматриваема, какъ незыблемый матеріалъ для біографіи. Ни къ кому важность этого замѣчанія не относится въ такой степени, какъ къ Гоголю, который, по своей натурѣ художника, иногда умышленно, иногда инстинктивно, незамѣтно для себя, становился на точку зрѣнія того лица, съ кѣмъ велъ рѣчь и какъ бы проникался его міросозерцаніемъ. Безъ всякаго стремленія къ лжи, но по художнической живости представленія, онъ вдругъ неожиданно надѣляетъ себя тѣми чертами, которыя, какъ онъ чувствуетъ, будутъ близки, схвачены и усвоены лицомъ, къ которому онъ обращается. Подтвержденіемъ этого могутъ служить хотя бы тѣ примѣры «практичности», которыя отмѣчаетъ въ нѣкоторыхъ письмахъ Гоголя г. Шенрокъ. Эта воображаемая практичность на каждомъ

шагу опровергается въ корень поступками, которые подъ стать только отчаянному мечтателю, а о житейскомъ разсчетѣ невозможно и говорить, въ виду благородства души поэта, умершаго нищимъ. Вторымъ капитальнымъ пробѣломъ работы г. Шенрока надо считать нѣкоторое изолированіе своего героя отъ условій мѣста и времени. Въ тѣни оставлены объстоятельства, факторы, лица, вліявшіе такъ или иначе на формировку характера и воззрѣній писателя. Въ біографіи едва ли можно достигнуть желаемой правды и полноты, не послѣдовавъ тому методу Тэна, который (въ примѣненіи къ болѣе обширной сферѣ явленій) формулированъ имъ въ трехъ словахъ: le climat, le milieu, la race.

Племенныя, расовыя черты натуры и характера Гоголя очень мало, только вскользь анализированы новымъ его біографомъ. Между тѣмъ въ этихъ чертахъ, въ исторически-сложившихся особенностяхъ той среды, къ которой по происхожденію всѣми корнями своими принадлежалъ Гоголь, лежитъ разгадка многаго кажущагося неяснымъ въ его сложномъ характерѣ, въ его тончайшей духовной организаціи. Эти черты расы бросились въ глаза одному изъ новѣйшихъ критиковъ Гоголя, талантливому де-Вогюе, который очень удачно выдвинулъ ихъ въ своей блестящей характеристикѣ поэта. Въ столкновеніи, въ періодъ молодости. этой нѣжной натуры съ явленіями жизни чуждой и жосткой, онъ видитъ разгадку того пессимизма, которымъ, какъ флеромъ, подернулось впослѣдствіи творчество Гоголя. Отсутствіе анализа среды и общества чувствуется у г. Шенрока также съ первыхъ главъ. Въ разсказѣ о дѣтскихъ годахъ Гоголя мы не видимъ той патріархальной, свѣтлой картины, которая воспитала молодое творчество поэта и дала ему удивляющія насъ до сихъ поръ, сіяющія, радужныя краски. Въ характеристикѣ семьи г. Шенрокъ оставилъ къ сожалѣнію безъ вниманія появлявшіеся разновременно маленькіе мемуары, дающія цѣнныя черты, въ родѣ напримѣръ, отрывка изъ записокъ сестры Гоголя Е. В. Быковой, или писемъ матери Гоголя Марьи Ивановны, напечатанныхъ «Русской Стариной» (1882 г.). Глава объ ученіи въ Нѣжинѣ не даетъ почти никакихъ данныхъ ни для характеристики школы, гдѣ учился Гоголь, ни людей, которые его окружали, всѣхъ этихъ Орлаевъ, Шапалинскихъ, Бѣльевичей, которые давно потонули бы въ рѣкѣ забвенія, еслибъ мимо нихъ не прошла тѣнь поэта и не коснулась ихъ крыломъ. Очень богатый матеріалъ могла сообщить въ этомъ случаѣ книга г. Лавровскаго «Гимназія высшихъ наукъ въ Нѣжинѣ», составленная хотя по даннымъ оффиціальнымъ, но менѣе всего приближающаяся къ типу оффиціальныхъ книгъ. Петербургъ начала тридцатыхъ годовъ, служебный міръ, журналистика, знакомства Гоголя—все это необходимыя, но

отсутствующія краски для фона, на которомъ рельефно выдѣлилась бы тщательно рисуемая изслѣдователемъ фигура поэта.

Необходимость расширить кругъ наблюденій въ глубь и въ ширь чувствуется всякій разъ въ біографіи такого дѣятеля, жизнь котораго уже извѣстна въ главныхъ чертахъ, но личность котораго желательно уяснить себѣ ярче и полнѣе. Эта потребность сказывается тѣмъ настоятельнѣе, чѣмъ дальше отодвигается отъ насъ время и общество, среди котораго жилъ человѣкъ, чѣмъ болѣе то и другое дѣлается намъ чуждымъ. Не приводя въ примѣръ излишне, можетъ быть, мелочныхъ изслѣдованій мольеристовъ и шекспиристовъ, укажемъ, какъ на образцы въ этомъ родѣ, на характеристики Тэна или на недавнія работы Де-Ломени о Мирабо и Бомарше.

Анализъ перваго періода творчества Гоголя, къ которому обращается г. Шенрокъ въ концѣ своей книги, могъ бы быть несомнѣнно обстоятельнѣе. Сюда могли бы быть введены не только разборъ произведеній Гоголя со стороны ихъ первоначальныхъ мотивовъ и вліяній, подъ какими онѣ создавались, но и исторія распространенія и пріема ихъ въ обществѣ и печати. Сближеніе „Вечеровъ" и „Миргорода" съ данными народнаго малорусскаго творчества только намѣчено. Существуютъ между тѣмъ въ этой области пункты любопытнѣйшихъ совпаденій. Въ обнародованномъ въ печати этнографическомъ малорусскомъ матеріалѣ можно указать напр. двѣ легенды, служащія первообразомъ „Вія"[1] и проч.

Замѣчанія эти грѣшатъ, можетъ быть, тѣмъ, что расширяютъ представленіе о цѣли, которой задавался авторъ разбираемой книги. Если цѣль его только анализъ писемъ Гоголя по эпохамъ его жизни, то нельзя проявить большей точности и обстоятельности, чѣмъ тѣ, которыя проявилъ г. Шенрокъ. И въ этихъ рамкахъ трудъ его, доведенный до конца, будетъ единственнымъ въ своемъ родѣ въ литературѣ о Гоголѣ.

В. Г.

---

[1]) Малор. народн. пред. и разсказы, Кіевъ. 1874 г. стр. 71. Легенда „Видьма та видьмакъ". „Труды" Чубинскаго, т. I, (Вѣрованія и суевѣрія), стр. 200— Разсказъ о дьячкѣ и вѣдьмѣ.

Извѣстія и замѣтки

(историко-литературныя, этнографическія и историческія)

Изъ исторіи одного при-сеймскаго села.

Случайно въ г. Курскѣ намъ удалось преобрѣсти часть библіотеки и нѣсколько рукописей, нигдѣ еще до сихъ поръ не напечатанныхъ и принадлежащихъ перу извѣстнаго мѣстнаго помѣщика, Д. А. Деменкова, бывшаго много лѣтъ гражданскимъ губернаторомъ г. Москвы. Деменковъ былъ, по разсказамъ, человѣкъ очень образованный; объ этомъ можно судить и по составу его библіотеки, состоящей почти исключительно изъ книгъ научнаго содержанія, и въ особенности по тѣмъ рукописямъ, которыя остались послѣ него. Рукописи его, имѣющіяся у насъ въ рукахъ, распадаются собственно на два отдѣла: 1) Путешествія (въ пензенскую губернію, костромскую, изъ Архангельска до Курска и т. д.) и автобіографическія замѣтки, и 2) мѣстная исторія и этнографія, изъ которыхъ послѣднею Деменковъ занимался съ особенной любовью. Описанія путешествій по сѣвернымъ и центральнымъ губерніямъ Россіи, конечно, не имѣютъ интереса для «Кіевской Старины»; другое дѣло рукописи по мѣстной исторіи и этнографіи,—этнографіи того именно края, гдѣ двѣ народности, великорусская и малорусская, взаимно соприкасаются между собою.

Имѣніе Деменкова, с. Кремянное, находится въ за-сеймской, южной части льговскаго уѣзда (курской губ.), которая, если не вся цѣликомъ, то по крайней мѣрѣ на три четверти населена

черкасами въ XVII столѣтіи. Мѣстность эта съ исторической и этнографической точки зрѣнія тѣмъ интереснѣе, что взаимное воздѣйствіе двухъ народностей здѣсь обнаруживается, можетъ быть, съ большей ясностію, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ другихъ мѣстахъ. Здѣсь нѣтъ ни одного поселка, который можно бы было назвать собственно чисто-малорусскимъ или чисто великорусскимъ; населеніе представляетъ такую неопредѣленную этнографическую массу, что сплошь и рядомъ положительно нѣтъ никакой возможности разобрать, гдѣ кончается малороссъ и начинается великороссъ. Этнографическія данныя, собранныя Деменковымъ, даютъ въ этомъ отношеніи богатый матеріалъ для опредѣленія взаимнаго воздѣйстія двухъ народностей, и мы, вѣроятно, въ скоромъ времени подѣлимся ими съ читателями «Кіевской Старины». А теперь покамѣстъ сдѣлаемъ коротенькое извлеченіе изъ одной исторической рукописи Деменкова, подъ названіемъ «*Село Кремянное*», гдѣ авторъ, частію на основаніи устныхъ преданій, частію на основаніи архивныхъ и церковныхъ данныхъ, подробно излагаетъ исторію своего села, исторію, какъ полагаемъ, далеко не безъинтересную для всѣхъ, кто занимается изученіемъ южно-русскаго края. Считаемъ нужнымъ сказать здѣсь, что рукопись эта была написана Деменковымъ въ 1834—36 гг., какъ это намѣчено у него въ заголовкѣ.

Первое начало заселенію с. Кремяннаго положилъ нѣкій Козьма Полянскій, который, какъ значится по старымъ документамъ (изъ какихъ именно «документовъ» взяты эти свѣдѣнія, Деменковъ ничего не говоритъ объ этомъ), въ царствованіе Михаила Ѳедоровича, въ 1639 году (7147), имѣлъ здѣсь жалованныхъ ему въ помѣстье за сторожевую службу 50 четвертей земли. Полянскій промѣнялъ въ скорости эту землю Лукьяну Викторову. Кто были эти Полянскій и Викторовъ, въ рукописи Деменкова объ этомъ не сказано, но, судя по общимъ историческимъ признакамъ, можно догадываться, что они принадлежали къ числу тѣхъ «боярскихъ дѣтей», которые посылались правительствомъ на южную «польскую» границу нести сторожевую службу и охранять предѣлы государства отъ внезапныхъ нашествій южныхъ хищниковъ—крымскихъ татаръ. Какъ бы то ни было, но этотъ вопросъ такъ и остается у Деменкова не разъясненнымъ.

Въ 1649 г. (7156) царь Алексѣй Михайловичъ пожаловалъ здѣсь же, въ с. Кремянномъ, помѣстье рыльскому дворянину (?) Никифору Григорьевичу Деменкову въ 184 четвертей, въ число назначенныхъ ему «по окладу» 300 четвертей, часть которыхъ была отведена ему въ другомъ мѣстѣ. Немного спустя, именно въ 1653 году, къ Деменкову перешла и земля Лукьяна Викторова, удалившагося отсюда, какъ говоритъ авторъ въ Недригайловъ и сложившаго голову подъ Конотопомъ, гдѣ царскіе воеводы потерпѣли жестокое поряженіе отъ козачьихъ войскъ. Никифоръ Деменковъ заполучилъ землю эту, по особому прошенію, какъ «пустовую» и «нежилую».

Никифоръ Деменковъ привелъ съ собою на землю нѣсколько человѣкъ крѣпостныхъ крестьянъ и поселилъ ихъ въ с. Кремянномъ; но такъ какъ земли у него было много и его крѣпостные не могли обработать ее всю, вслѣдствіе чего значительная часть ея лежала впустѣ. то онъ «*пригласилъ* на свою землю свободныхъ черкасъ изъ-за Днѣпра» и поселилъ ихъ частію въ с. Кремянномъ, частію на хут. Погребскомъ Колодезѣ (нынѣ деревня Погребки, въ 8 верстахъ отъ с. Кремяннаго). Черкасы эти, по объясненію Деменкова, поднялись съ своихъ мѣстъ и ушли сюда первоначально отъ польскихъ угнетеній; затѣмъ они выселялись сюда (т. е. въ южную часть льговскаго уѣзда) вслѣдствіе тѣхъ смутъ, какимъ подвергалась Украйна въ гетманство Богдана и Юрія Хмѣльницкихъ и Дорошенка. Со словъ стараго преданія, Деменковъ записалъ, что крупныхъ переселеній черкасъ, когда они приходили сюда большими партіями, было 6. Селились они здѣсь по большей части на помѣщичьихъ земляхъ. Владѣльцы сначала «припущали» ихъ къ землѣ даромъ, заботясь лишь о томъ, чтобы земля, имъ принадлежащая, не пустовала, а была воздѣлана и обработана; но когда увидѣли, что черкасовъ прибываетъ сюда все больше и больше, стали пускать ихъ на землю съ извѣстными ограниченіями и условіями. Главнѣйшимъ условіемъ поселенія на землѣ они стали ставить то, чтобы черкасы отдавали владѣльцу земли четвертый или пятый снопъ изъ урожая. Эта форма договора въ скорости перенесена была, нужно думать, и на тѣхъ черкасъ, которые поселились на земляхъ владѣльца въ прежнее время и безъ всякаго договора. Такимъ образомъ черкасы поселились на первыхъ порахъ на земляхъ владѣльческихъ въ качествѣ простыхъ арендато-

ровъ, но потомъ «въ непродолжительномъ времени, говоритъ Деменковъ, подпали они въ крѣпость тѣхъ владѣльцевъ, на земляхъ коихъ поселились». Какимъ образомъ произошло это закрѣпощеніе, объ этомъ авторъ, будучи самъ помѣщикомъ и имѣя цѣлый рядъ благородныхъ предковъ, скромно умалчиваетъ...

Переселеніе половины XVII стол. шло такъ интензивно, что, какъ видно изъ «описи» 1676 года, цитируемой Деменковымъ, въ с. Кремянномъ въ то время было уже 87 дворовъ и около 20 душъ муж. пола; изъ этого числа великороссіянъ считалось всего только 12 дворовъ, остальные же всѣ принадлежали къ малорусской народности. Въ настоящее время, прибавимъ мы отъ себя, въ с. Кремянномъ считается 214 дворовъ, но раздѣлить ихъ по народностямъ, или по крайней мѣрѣ *опредѣлить*, къ какой *вообще* народности они относятся по своему костюму, рѣчи и другимъ бытовымъ чертамъ, не рѣшился бы ни одинъ ученый и опытный этнографъ. Намъ самимъ случалось бывать въ с. Кремянномъ и другихъ селеніяхъ за-сеймской стороны льговскаго уѣзда и мы нарочно, путемъ опроса самихъ крестьянъ, хотѣли установить, кто изъ нихъ по происхожденію великороссъ, вели опросъ и по отдѣльнымъ семьямъ и по селеніямъ, и въ результатѣ всегда получали отвѣтъ приблизительно такого рода.

— А хто е зна! Бачишь самъ. Вси топеръ кабы пидъ одну мѣрку подошли...

«Вси и топеръ»—развѣ есть у насъ такой языкъ, который бы допускалъ подобныя соединенія? А здѣсь, въ описываемой мѣстности, такія соединенія въ рѣчи не только пользуются полнымъ правомъ гражданства, но составляютъ общее, заурядное явленіе, потому что всѣ поголовно говорятъ такимъ невозможнымъ, варварскимъ жаргономъ... Но это конечно только къ слову.

Начиная съ 1649 года по 1676 г., въ теченіе 25 лѣтъ, Никифоръ Деменковъ былъ единственнымъ владѣльцемъ с. Кремяннаго, но потомъ пришли наслѣдники Лукьяна Викторова и оттягали у него свою наслѣдственную землю. Затѣмъ появились и другіе владѣльцы, такъ что къ 1834 году, когда была написана исторія села, всѣхъ владѣльческихъ дворянскихъ родовъ въ селѣ было уже *одиннадцать*.

Церковь въ селѣ была выстроена въ 1680—1690 гг. на общія средства Деменкова и Викторовыхъ.

Переходя затѣмъ къ исторіи XVIII столѣтія, Деменковъ первѣе всего останавливается на Мазепѣ. Но здѣсь мы уже предоставимъ слово самому автору.

«Мазепа пользовался, какъ извѣстно изъ исторіи, неограниченной довѣренносью государя Петра I, который считалъ его своимъ другомъ и кромѣ крупецкой волости (въ путивльскомъ уѣздѣ) пожаловалъ ему столь же значительныя дачи въ рыльскомъ уѣздѣ. Но задумывая продать отечество свое Польшѣ (?) и быть владѣтельнымъ княземъ сѣверскимъ, онъ безпрестанно распространялъ свои и безъ того общирныя владѣнія, скупалъ разныя небольшія дачи отъ окрестныхъ владѣльцевъ, чтобы посредствомъ этихъ лоскутковъ имѣть возможность раздвигаться все болѣе и болѣе (при этомъ онъ скупалъ имѣнія только у русскихъ, а своихъ черкасъ не трогалъ). Напримѣръ: у Ѳедора Трунова къ рѣчкѣ Крѣпнѣ и къ Общему Колодезю купилъ 40 четвертей, Петра Износкова въ пустоши Общаго Колодезя, гдѣ нынѣ с. Износково, 7 чет., отъ однодворца Максима Маслова между рѣчкой Крѣпной (?) 7 четв., отъ Афросиньи Масловой и Февроньи Копачевой. въ путивльскомъ уѣздѣ, межъ р. Крѣпной и Снагостьемъ, да въ Дикомъ полѣ къ Семи 20 четв., отъ Артюшкова къ Расподицкому болоту (?) 50 четвертей, Ильи Маслова межъ Крѣпной и Локней и къ Колодезю Погребскому да отъ разныхъ путивльскихъ и рыльскихъ помѣщиковъ 650 четв. Да въ Кремянской дачѣ пріобрѣлъ онъ отъ Ильи Маслова 30 четв. въ 1707 г., отъ Игната Коренева 20 четв. и 80 четв. отъ Осипа Злобина, и тогда же (17 февраля) посланецъ гетмана просилъ о справкѣ за нимъ поступныхъ земель отъ рыльскихъ помѣщиковъ: Слѣпушкина, Анисимова, Маслова, Артюшкова, Дерюгиныхъ, которыя по мѣстнымъ приказамъ за нимъ отказали. Въ томъ же 1707 году кремянскіе помѣщики жаловались уже на гетмана рыльской канцеляріи, что онъ безъ всякаго права и крѣпостей отнялъ у нихъ Шептуховку съ принадлежащими къ погребенской ихъ дачѣ землями, о чемъ тогда и дѣло производилось.

«Послѣ смерти Мазепы все имѣніе его перешло къ любимцу Петра кн. Александру Даниловичу Меньшикову, при чемъ отказана ему и Шептуховка. Князь, какъ извѣстно, не любилъ уступать и дѣйствовалъ подобно своему предшественнику; также скупалъ дачки

у дворянъ и однодворцевъ, обрѣзывалъ сосѣдей. Такъ завладѣлъ онъ еще значительнымъ числомъ десятинъ земли, принадлежащихъ къ сс. Шептуховкѣ и Кремянному и дер. Погребкамъ. Кремянскіе владѣльцы, Викторовъ и Сафоновъ, неоднократно подавали на него просьбы рыльской канцеляріи (1728 г. генваря 17 и февраля 13), но эти жалобы, какъ и приносимыя на Мазепу, не имѣли никакого дѣйствія. По паденіи Меньшикова, все недвижимое имущество его 1720 г. приписано было къ комнатѣ государини Евдокіи, а въ 1731 г., по кончинѣ ея. ко дворцу.

«Меньшиковъ, при жизни своей, для увеличенія своего имущества употреблялъ всѣ средства, не щадя даже лицъ, занимавшихъ мѣсто несравненно выше, нежели кремянскіе помѣщики. Такъ вице-адмиралъ графъ Ник. Фед. Головинъ въ просьбѣ своей къ правительствующему сенату 1732 г. объясняетъ, что въ бытность его въ Швеціи посланникомъ онъ потерпѣлъ великіе убытки и прежде того разоренъ былъ отъ нападенія кн. Меньшикова, во владѣніе коего, рыльскаго уѣзда въ село Ивановское съ деревнями, изъ собственныхъ и приданныхъ его деревень бѣжали болѣе 4,000 душъ крестьянъ, гдѣ живутъ и донынѣ, и что хотя по многимъ ето и жены его прошеніямъ и были посылаемы изъ Сената и Юстицъ Коллегіи указы къ губернаторамъ и воеводамъ, но правители и крестьяне сопротивились имъ и присланныхъ били и выгоняли, онъ же за бѣглыхъ крестьянъ близъ тридцати лѣтъ подати платитъ, почему и просилъ село Ивановское съ деревнями пожаловать вѣчно ему и дѣтямъ его во владѣніе. И на этомъ прошеніи собственнаго ея императорскаго величества рукою подписано: *жалуемъ по его прошенію*. Тогдо то все бывшее владѣніе кн. Меньшикова въ рыльскомъ, путивльскомъ, льговскомъ и другихъ уѣздахъ отдано графу Головину, а по смерти его досталось дочери его Наталіи Николаевнѣ, супругѣ генералъ-фельдмаршала и генералъ губернатора ревельской губерніи, принца Петра Федоровича Фонъ-Голштейнъ-Бекъ.

«Но при новыхъ сосѣдяхъ не легче было селу Кремянному. Крестьяне с. Шептуховки годъ отъ году дѣлались дерзостнѣе, захватывали земли и покосы, рубили лѣса, свозили хлѣбъ съ полей, били жителей. Изъ сохранившихся бумагъ видно, что иногда, собравшись человѣкъ по 40 и болѣе, они, вооруженные копьями и дубинами, подъ предводительствомъ атамана своего, на подводахъ,

отправлялись на промыселъ. Въ одно время (1754 года, іюня 3-го) забрали они до 800 копенъ сѣна, въ другой разъ (1762 г., сентября 13-то) вырубили до 10,000 строеваго и дровянаго лѣса. Нападали на работающихъ въ полѣ, хватали ихъ и, увезя въ с. Шептуховку, били, мучили и запирали ихъ на дворѣ. Кремянскіе помѣщики безпрестанно жаловались на эти половецкіе набѣги рыльской вотчинной канцеляріи [1]). Она немедленно посылала солдата объявить виновнымъ, чтобъ прибыли въ городъ къ отвѣту. Посланный не находилъ ихъ никогда дома и возвращался ни съ чѣмъ. Вызовы повторялись. Не многіе являлись въ судъ, давали подписки жить спокойнѣе и дѣйствовали по прежнему. Отъ директора и управляющихъ имѣніемъ графа Головина (Рейха и Птахинскаго) требовали крѣпостей на владѣніе с. Шептуховкою, ихъ не показывали; дѣла длились, длились и погребались въ архивѣ».

Дальнѣйшія свѣдѣнія, сообщаемыя Деменковымъ о своемъ селѣ, уже не имѣютъ такого общаго интереса и потому мы ихъ здѣсь не приводимъ.

Н. Добротворскій.

Архивная справка по поводу „Записокъ И. М. Сбитнева".

Въ «Кіевской Старинѣ» съ февральской книжки начаты печатаніемъ записки И. М. Сбитнева, имѣющія немаловажное значеніе для исторіи народнаго образованія въ юго-западномъ краѣ въ ту именно пору, когда оно впервые поставлено на надлежащій путь. Въ самомъ почти началѣ этихъ записокъ читаемъ: «Въ 1830 г. зашумѣли буйныя головы въ Царствѣ Польскомъ, а потомъ въ нашихъ западныхъ провинціяхъ.... Тогда то наше правительство вознамѣрилось дать юношеству западныхъ губерній воспитаніе прочное, въ духѣ господствующаго народа и самодержавія. Для этой цѣли оно отправило осенью 1831 года въ кіевскую, подольскую и

---

[1]) „1736 года ноября 1-го, декабря 14 и 22-го числа о побоѣ крестьянъ; о томъ же 1754 г. іюля 3, 1755 г. августа 10 и 20-го, 1762 г. октября 3, 1765 г. апрѣля 29. Это явочныя, а сколько было неизвѣстныхъ!"—Дм. Д.

волынскую губерніи попечителя харьковскаго учебнаго округа Филатьева и двухъ профессоровъ харьковскаго университета: Кронеберга и Архангельскаго. Первымъ занятіемъ ихъ было закрыть всѣ существующія въ нихъ училища, ознакомиться съ тамошними чиновниками учебнаго вѣдомства и избрать мѣста, гдѣ удобнѣе можно основать гимназіи на особыхъ началахъ, чтобы онѣ вполнѣ удовлетворяли требованіямъ правительства». Въ другомъ мѣстѣ записокъ Сбитневъ замѣчаетъ, что «Кронебергъ и Архангельскій отлично отзывались всегда объ учичеляхъ школъ въ западныхъ провинціяхъ».

Приведенныя строки подали мнѣ мысль, что вся официальная переписка объ учебной реформѣ въ юго-западномъ краѣ 30-хъ годовъ, которой посвящены записки Сбитнева, должна находиться въ архивѣ харьковскаго университета. Наведя здѣсь справку, я нашелъ лишь указанія, что хотя командировка Филатьева, Кронеберга и Архангельскаго въ юго-западный край дала дѣйствительно богатый матеріалъ для ознакомленія правительства съ положеніемъ школьнаго дѣла въ краѣ и хотя въ результатѣ посѣщенія ими разныхъ просвѣтительныхъ центровъ края и изученія мѣстныхъ учебныхъ заведеній явилась масса «дѣлъ», которыя мало по-малу были сплавлены въ архивъ харьковскаго университета, но что потомъ, и именно въ 1833 году, всѣ эти дѣла отправлены отсюда попечителю кіевскаго учебнаго округа, по настоятельной его просьбѣ. Было нѣсколько отправокъ: 25-го февраля было отправлено 11 дѣлъ, 4-го марта 38, 9-го 38 д., 1-го 5 дѣлъ, 18-го того-же мѣсяца самая большая отправка—66 дѣлъ и 1-го апрѣля 16 дѣлъ, всего же разновременно передано изъ Харькова въ Кіевъ 167 дѣлъ. Въ настоящее вретя въ архивѣ харьковскаго университета хранятся только краткія описи дѣлъ, отправленныхъ въ Кіевъ. Соображая, какъ важно для занимающихся мѣстною исторіею знать, гдѣ и какія свѣдѣнія можно найти по изслѣдуемому предмету, я считаю нужнымъ, не ограничиваясь этою общею справкою, привести здѣсь и названія дѣлъ, найболѣе относящихся къ затронутой записками Сбитнева реформѣ школьнаго дѣла въ юго-западномъ краѣ въ 1831 г.

Здѣсь на первомъ планѣ представлннія самого попечителя харьковскаго Филатьева министру народнаго просвѣщенія по начатію и выполненію предпринятой реформы. Именно:

29 сент. 1831 г., № 1333, о выѣздѣ Филатьева въ подольскую, кіевскую и волынскую губерніи; 6 окт. того же года, № 1345, о городѣ Житомірѣ; 17 окт., № 1353, о прибытіи его въ Кременецъ и проч.; 15 окт., № 1355, о дѣйствіяхъ въ Кіевѣ и проч.; 15 окт., № 1375, продолженіе о кременецкомъ лицеѣ; 23 окт., № 1368, объ отправкѣ профессора Архангельскзго въ винницкую гимназію для исправленія директорской должности; 11 ноября, № 1386, о выѣздѣ Филатьева изъ Каменецъ-Подольска и проч.; 12 ноября, № 1388, объ отправкѣ профессора Архангельскаго въ Махновку для осмотра таможняго училища; 16 ноября, № 1397, о прибытіи въ Умань; 19 декабря, № 1493, о кременецкомъ лицеѣ; 31 декаб., № 1542, объ училищахъ въ волынской губерніи.

Далѣе слѣдуютъ дѣла безъ обозначенія времени и №, именно:

О закрытіи волынскаго лицея, гимназіи въ Винницѣ и училищъ, содержимыхъ римско-католическими монахами, на 66 листахъ; объ училищахъ въ волынской, подольской и кіевской губерніяхъ на 199 листахъ; о перемѣщеніи волынскаго лицея въ Кіевъ на 29 листахъ; о жалованьѣ учителямъ закрытыхъ училищъ на 28 листахъ; объ ассигнованныхъ суммахъ на 1833 годъ на содержаніе училищъ и на другіе расходы изъ общихъ поіезуитскихъ доходовъ на 5 листахъ; объ усиленіи по высочайшему повелѣнію въ училищахъ кіевской губерніи русскаго языка на 5 листахъ; объ упраздненіи по высочайшему повелѣнію приходскихъ училищъ въ кіевской, волынской и подольской губерніяхъ на 12 листахъ; о наймѣ и построеніи дома для каменецъ-подольской гимназіи на 35 листкахъ; объ учрежденіи по высочайшему повелѣнію кіевскаго учебнаго округа на 5 листахъ; о частныхъ пансіонахъ въ г. Винницѣ на 2 листахъ; о заключенномъ съ графомъ Потоцкимъ договорѣ относительно содержанія въ его мѣстѣчкѣ Немировѣ уѣзднаго училища; распоряженія объ учителяхъ и другихъ чиновникахъ училищъ волынской и подольской губерній на 23 листахъ; объ удаленіи отъ должности ректора любарскаго базиліанскаго монастыря Синицкаго и префекта Литинскаго на 9 листахъ; о наймѣ и построеніи домовъ для уѣздныхъ училищъ на 40 листахъ; о спорной землѣ принадлежащаго волынскому лицею имѣнія Дунаево на 11 листахъ; о спорныхъ земляхъ волынскаго лицея съ графомъ Мнишкомъ на 8 листахъ; о продажѣ училищнаго зданія съ мѣстомъ въ

г. Житомірѣ на 12 листахъ; о поіезуитской коллегіи въ Житомірѣ на 18 листахъ; о пріемѣ библіотеки и другихъ учебныхъ пособій изъ овручскаго базиліанскаго монастыря на 33 листахъ; объ осмотрѣ полицмейстеромъ кременецкимъ Курнатовскимъ церкви волынскаго лицея на 13 листахъ; о высочайшемъ утвержденіи состоящаго въ званіи камергера Скибицкаго почетнымъ попечителемъ житомірской гимназіи на 4 листахъ; о высочайшемъ утвержденіи помѣщика гайсинскаго уѣзда Іосифа Држевецкаго почетнымъ попечителемъ подольской гимназіи на 2 листахъ; о закрытіи нѣкоторыхъ училищъ въ кіевской губерніи по случаю болѣзни холеры и потомъ о начатіи въ нихъ ученія на 10 листахъ; о ложномъ доносѣ на волынскій лицей на 12 листахъ; о мягежѣ, бывшемъ въ кіевской, волынской и подольской губерніяхъ, и о лицахъ учебнаго вѣдомства причастныхъ оному; объ удаленіи по высочайшему повелѣнію директора подольской гимназіи Ковалевскаго, префекта Богатько и учителей и объ опредѣленіи Телешова [1]) директоромъ подольской гимназіи на 30 листахъ; историческія записки объ учебныхъ заведеніяхъ кіевской губерніи на 68 листахъ; объ училищахъ взаимнаго обученія по методѣ Ланкастера ня 7 листахъ; о бывшемъ слѣдствіи надъ учениками 3 класса винницкаго училища по извѣту партикулярнаго учителя Ашарда на 10 листахъ; о библіотекѣ и кабинетахъ бывшаго при бердичевскомъ монастырѣ кармелитскаго училища на 49 листахъ и наконецъ о типографіи волынскаго лицея на 19 листахъ.

Кромѣ того, въ описяхъ перечисляются многія дѣла о награжденіи учителей, выдачѣ имъ пенсій, о книжныхъ средствахъ волынскаго лицея, о его фундушахъ и др. т. п.

Въ «Дѣлѣ» подъ № 1703 находится отношеніе попечителя кіевскаго учебнаго округа къ попечителю Филатьеву о перемѣщеніи въ юго-западный край учителей Сбитнева, Македонскаго и Красковскаго въ 1832 г. и объ отпускѣ имъ изъ суммъ новгородъ-сѣверской гимназіи прогонныхъ 151 руб. 37 коп. ассигнаціями.

Н. Сумцовъ.

---

[1]) Упоминается въ „Запискахъ Сбитнева“.

Отголоски польско-русской борьбы XVII ст. въ мелочахъ будничной жизни.

(Стихотворный памфлетъ въ актовыхъ книгахъ XVII ст.).

На страницахъ «Кіевской Старины» не разъ уже появлялись стихотворенія шутки и пародіи, извлеченныя изъ такихъ солидныхъ памятниковъ, въ коихъ, казалось бы, вовсе не должно быть мѣста для нихъ,—разумѣемъ актовыя книги старинныхъ судовъ правобережной Украйны. Какъ могло явиться въ нихъ столь странное и неумѣстное смѣшеніе забавнаго съ серьезнымъ, шуточныхъ упражненій пера рядомъ съ суровыми приговорами къ «диффамаціи, банціи, туремному вязеню и караню на горлѣ»? Объясняется это отчасти племеннымъ характеромъ наполнявшихъ тогдашнія судебныя канцеляріи малороссіянъ, столь вообще склонныхъ къ привнесенію комическаго элемента въ самое серьезное дѣло, а болѣе всего недосмотромъ или благодушіемъ тогдашнихъ «реентовъ» судебныхъ и иныхъ канцелярій: декретъ, записанный вчера, становился не нужнымъ завтра, и къ нему не возвращались больше, а если и нападали случайно на неумѣстное упражненіе канцеляриста, то снисходительно относились къ проказамъ, свойственнымъ юному возрасту. Канцеляристы старинныхъ южно-русскихъ судовъ были, какъ видно, вообще народъ веселый, привыкшій разнообразить свою скучную службу разными забавными похожденіями и вносившій элементъ забавы и развлеченія даже въ то самое дѣло, коимъ они занимались въ часы службы, въ стѣнахъ канцелярій. Чаще всего они забавлялись пародированіемъ стереотипныхъ юридическихъ формулъ, влагая въ нихъ какое-нибудь комическое содержаніе: наприм. составляли, съ точнымъ соблюденіемъ узаконенныхъ формъ и юридическихъ выраженій, «*протестаціи*» (жалобы) мышей на кота, вьюновъ на щукъ, «панеи Ѳиты противко панеи Ижицы» и т. под.; «*интерцызы*» (контракты) между волкомъ и козой; «*квиты*» (квитанціи) отъ сороки воронѣ; «*пленипотенціи*» (довѣренности) наприм. «отъ пана *Кухлевича* панови *Выпивайкови* на выпивку горѣлки»; «*росписи*» (мировыя) между волкомъ и медѣдемъ, между шинкаремъ и пьяницей [1]); иногда писались «проте-

[1]) Для образца укажемъ на помѣщенный въ ноябрьской кн. „Кіев. Стар." 1885 г. подобнаго характера шуточный документъ: „Зыскъ п. гроша на п. Калитѣ отриманный".

стаціи» отъ имени кого-либо изъ канцеляристовъ «напротивко шинкарки Маруши о неданье карваша горѣлки на боргъ (въ долгъ), или же вручались «мандаты» кому-либо изъ товарищей по обвиненію въ томъ, что, не умѣя хорошо говорить по-польски, употребляетъ этотъ языкъ, или же что спитъ по цѣлымъ днямъ и съ похмѣлья портитъ казенную бумагу и т. под. И всѣ эти шалости старинные канцеляристы, не смущаясь, вносили, на память грядущимъ вѣкамъ, въ подлинныя актовыя книги, заводя ихъ подъ очередной номеръ и отмѣчая въ реестрѣ на ряду съ королевскими универсалами, сеймиковыми постановленіями и другими важными и серьезными актами. Подобныхъ шуточныхъ документовъ особенно много встрѣчается въ актовыхъ книгахъ XVII ст., меньше ихъ въ книгахъ XVIII в. и почти совсѣмъ нѣтъ въ книгахъ XVI ст.

Кромѣ шуточныхъ записей, такимъ же путемъ попадали въ актовыя книги разнаго рода стихотворенія, отрывки изъ псалмовъ [2]), церковныхъ пѣсней, афоризмы и разныя изреченія (нерѣдко изъ латинскихъ классиковъ) и вообще все, что почему-либо останавливало на себѣ вниманіе досужаго или любознательнаго канцеляриста.

Къ числу такихъ піесъ принадлежитъ и приводимое ниже польское стихотвореніе, внесенное въ луцкую гродскую книгу подъ 14-мъ августа 1696 г. (№ 2225, листъ 423 обор.) подъ заглавіемъ: *Descriptio omnium gentium a quodam nobili Poloni* (т. е. описаніе всѣхъ народовъ, составленное нѣкіимъ польскимъ дворяниномъ). Отличительную особенность его составляетъ то, что въ основу его положенъ политическій и въ концѣ чисто племенной мотивъ,—домашній счетъ съ ненавистнымъ для поляка русиномъ. Является такимъ образомъ новый оттѣнокъ этой своеобразной досужей литературы, это взаимное пикированіе двухъ національностей, представители которыхъ, засѣдая нерѣдко за однимъ канцелярскимъ столомъ, не упускали случая обмѣняться и тутъ чувствами взаимной ненависти и озлобленія. А поляки, нужно замѣтить, были большіе мастера по части составленія политическихъ и иныхъ памфлетовъ и составляли ихъ въ столь легкой и забавной формѣ, что они быстро за-

---

[2]) См., напр., такого рода отрывокъ стихотворнаго переложенія псалма на южно-русскій языкъ въ март. кн. „Кіев. Старины“ 1886 г.

учивались всѣми на память и благодаря тому распространялись по самымъ отдаленнымъ закоулкамъ. Названное стихотвореніе врядъ ли было составлено кѣмъ либо изъ канцеляристовъ поляковъ; скорѣе оно вписано было, какъ ходячій памфлетъ, въ актовыя книги въ пику сослуживцамъ русинамъ и во всякомъ разѣ даетъ понятіе не только о томъ, въ какомъ свѣтѣ для поляка XVII ст. представлялись другіе европейскіе народы и какія черты онъ считалъ въ нихъ найболѣе характерными, но и о томъ, какія чувства питалъ къ своему ближайшему сосѣду и заклятому врагу—русину.

Приводимъ текстъ этого стихотворенія, съ правописаніемъ подлинника, а затѣмъ и возможно близкій къ его смыслу, а не буквѣ переводъ:

Hyszpan woiuie, Włoch koktezuie,
Zaś obźyrcowie są Francuzowie,
A Niemiec piie, Dunczyk z ryb żyie.
Mężni Polacy dobrzy junacy;
Angelczykowie są żeglarzowie.
Szwed gęś domowa, jedza gotowa,
Zasię Szkotowie są doktorowie,
Moskwicin głuchy szyie kożuchy;
Litwin poluie, Czech obiecuie,
Żyd wnet oszuka, bo zysku szuka.
Wołoszynowie i Węgrzynowie
Radzi zdradzaią, z rodu to maią.
Hołendry smiele kupuią wiele,
A zaś Persowie są stroyniczkowie,
Brzydcy Turkowie okrutnikowie,
Tatarzyn wszywy, a Mazur żwawy,
Ale y łzawy.
Non cadit in duros
Sapientia et patientia sancta Mazuros.

Испанецъ ходитъ въ походы, итальянецъ волочиться лишь умѣетъ, французъ обжирается, нѣмецъ пьетъ, датчанинъ рыбой живетъ, а поляки удальцы, добрые молодцы. Англичане все пла-

ваютъ по водамъ, шведъ домашній гусь, готовая ѣда, а шотландцы доктора. Москвичъ глухъ, шьетъ кожухъ; литвинъ все для охоты забываетъ; чехъ все обѣщаетъ, еврей въ мигъ обчиститъ, онъ прибыли ищетъ. Румыны и венгры рады всякаго предать, и у нихъ то въ натурѣ. Голландцы знай въ волю торгуютъ, персіанинъ любитъ рядиться, мерзкій турокъ свирѣпо надъ всѣми глумится. Татаринъ вшивъ, а мазуръ удалъ, да слезливъ. Не далися грубымъ мазурамъ ни мудрость, ни терпѣніе святое.

Далѣе слѣдуютъ еще 7 строкъ того же стихотворенія, а противъ нихъ отвѣтъ въ пять строкъ, писанный иною рукою; но въ текстѣ стихотворенія первыя три строки столь старательно перечеркнуты, что нѣкоторыхъ словъ совсѣмъ нельзя прочесть. Приводимъ однако, какъ есть, то и другое:

. . . . . . snadnie
Wszystkich okradnie
. . . . yz . . . j . . . ię
Różny kray daie,
Jako Polskie mosty,
Tak Niemieckie posty.

Kiep ci to pisai,
Boday że wisiał
Na szubienicy
Posrod ulicy
Tu w Lucku!

Переведемъ пока лишь отвѣтъ; онъ гласитъ слѣдующее:

«Дуракъ это писалъ; висѣть бы ему на висѣлицѣ среди улицы, здѣсь въ Луцкѣ»!

Чѣмъ могло быть вызвано столь злое пожеланіе писавшему и чѣмъ объяснить то, что въ приведенномъ стихотвореніи такъ или иначе характеризованы почти всѣ европейскіе и даже нѣкоторые азіатскіе народы, а о ближайшихъ сосѣдяхъ поляковъ, *русинахъ*, ни словомъ не упомянуто? Неизбѣжно допустить, что конецъ стихотворенія посвященъ былъ *русину*, съ ѣдкой и даже не печатной бранью. Тогда понятнымъ становится вполнѣ благородное негодованіе канцеляриста-*русина*, старательно вымазавшаго обидныя для своей народности строки въ стихотвореніи и выбранившаго, тоже стихами, ляха, былъ ли онъ авторъ, или переписчикъ. Въ семъ случаѣ текстъ послѣднихъ строкъ памфлета могъ быть таковъ: «А русинъ коварно всѣхъ проведетъ: разную дрянь разныя страны даютъ, какъ въ Польшѣ мосты, а въ нѣмцахъ посты». Словомъ

неизвѣстный памфлетистъ, кромѣ не печатныхъ какихъ-то словъ по адресу русиновъ, характерно приравнялъ ихъ къ тому, что было на его взглядъ самаго негоднаго въ польской странѣ и въ ненавистной ярому католику нѣмецкой вѣрѣ.

О. Л—й.

Изъ записной книжки.

Таинственная судьба такъ называемаго кирилло-меѳодіевскаго кружка до сихъ поръ не выяснена. Пострадавшіе участники этой исторіи, по весьма понятнымъ причинамъ, не могли имѣть особеннаго расположенія вдаваться въ воспоминанія объ этой исторіи, да и относительно близкое разстояніе времени не благопріятствовало выясненію ея со стороны дѣйствующихъ лицъ. Говорятъ, что въ составленной Н. И. Костомаровымъ обширной автобіографіи подробно выяснено все дѣло; но автобіоорафія эта, по всей вѣроятности, появится въ печати не скоро. Сколько извѣстно, Н. И. даже въ интимномъ кружкѣ не любилъ распространяться объ этомъ и въ очень рѣдкихъ случаяхъ передавалъ лишь нѣкоторые эпизоды, преимущественно тѣ, въ которыхъ такъ или иначе выражались свѣтлыя проявленія того времени. Сообщу нѣсколько его разсказовъ, слышанныхъ мною отъ лица близкаго къ нему.

I.

Какъ извѣстно, доносъ на Костомарова и кирилло-меѳодіевскій кружокъ сдѣланъ былъ студентомъ Петровымъ. Доносъ этотъ, по словамъ Н. И., первоначально явился въ формѣ анонимнаго письма на имя генералъ-губернатора Бибикова. Бибиковъ приказалъ произвести негласное дознаніе, но такъ какъ дознаніемъ ничего особеннаго не было обнаружено, кромѣ собраній нѣсколькихъ лицъ и болѣе или менѣе свободныхъ между ними разговоровъ, то Бибиковъ ограничился только учрежденіемъ негласнаго надзора. Петровъ, не зная послѣдствій своего анонимнаго доноса, рискнулъ лично заявить о своемъ открытіи Бибикову. Но на этотъ разъ вышло хуже. Бибиковъ вообще не долюбливалъ доносовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ высоко цѣнилъ нравственныя отношенія, особенно обязательныя при извѣстномъ положеніи; лишь только Петровъ началъ

свой разсказъ, какъ Бибиковъ, догадавшись по анонимному письму, въ чемъ дѣло, нахмурилъ брови и строго оборвалъ его вопросомъ:

— Ты кто такой?

— Студентъ университета св. Владиміра, робко отвѣчалъ доноситель.

— А Костомаровъ кто такой?

— Профессоръ университета.

— И ты осмѣливаешься доносить на своего учителя, котораго ты долженъ почитать, какъ своего благодѣтеля? Вонъ мерзавецъ!— вскричалъ Бибиковъ и энергическимъ движеніемъ своей единственной руки повернулъ его къ передней.

У Петрова были свои тѣсныя обстоятельства, побуждавшія его выбыть изъ Кіева, и именно какъ-нибудь по волѣ начальства, и онъ рѣшился продолжать разъ начатое дѣло. Воспользовавшись отъѣздомъ Бибикова въ Петербургъ, онъ послалъ свой доносъ прямо туда и на этотъ разъ добился желаемаго: немедленно назначено было строгое слѣдствіе, и Петровъ самъ былъ доставленъ въ Петербургъ, откуда болѣе не возвращался въ Кіевъ.

II.

Въ 1857 году, при возвращеніи Шевченка изъ ссылки, онъ по какимъ-то обстоятельствамъ задержанъ былъ въ Нижнемъ Новгородѣ, причемъ впредь до особаго распоряженія надъ нимъ учрежденъ былъ строгій полицейскій надзоръ и домашній арестъ, съ воспрещеніемъ переписки и свиданія съ кѣмъ-бы то ни было безъ исключенія. Извѣстный московскій артистъ М. С. Щепкинъ, землякъ и большой пріятель Шевченка, узнавши о задержаніи его, отправился изъ Москвы въ Нижній, чтобы скорѣе увидѣться съ своимъ другомъ и по возможности похлопотать о немъ. Губернаторомъ въ Нижнемъ Новгородѣ былъ въ то время Муравьевъ, съ которымъ М. С. Щепкинъ былъ хорошо знакомъ; вотъ къ нему-то и обратился Щепкинъ за разрѣшеніемъ свиданія. Губернаторъ сначала отказывалъ, ссылаясь на строгость воспрещенія, но наконецъ согласился, съ тѣмъ однакоже, чтобы свиданіе это было въ его присутствіи. Ничего не вѣдая о предстоящемъ свиданіи, Шевченко ходилъ мрачный по комнатѣ, какъ вдругъ дверь отворяется и

предъ нимъ его искренній другъ Щепкинъ. Друзья бросились другъ къ другу въ объятія и осыпая взаимными поцѣлуями, разрыдались, какъ дѣти. Сцена эта глубоко тронула Муравьева, человѣка вообще чрезвычайно добродушнаго и гуманнаго. Муравьевъ прослезился, а еще мгновеніе—и онъ присоединился къ друзьямъ, цѣлуя со слезами умиленія то одного, то другаго. Въ это время Щепкинъ быстро освобождается отъ объятій, отскакиваетъ въ сторону и съ свойственнымъ ему комизмомъ обращается къ губернатору: «Ваше превосходительство! Что я вижу! Вы плачете? да вѣдь вы мнѣ всѣхъ губернаторовъ испортили»! Случай этотъ передавалъ Костомарову Шевченко, сообщая при этомъ, что губернаторъ Муравьевъ значительно облегчилъ его положеніе въ Нижнемъ Новгородѣ и не мало содѣйствовалъ ему въ скорѣйшемъ разрѣшеніи его дѣла. Впослѣдствіи же Н. И. слышалъ объ этомъ и отъ самого М. С. Щепкина.

М. Комаровъ.

Давнишняя справка о крестномъ ходѣ въ г. Березнѣ.

Въ черниговской губерніи есть городъ Березна; его не найдете ни въ какихъ россійскихъ географіяхъ и отыщете развѣ въ спискахъ населенныхъ мѣстъ. Такъ вотъ въ этомъ-то городѣ, скажемъ, примѣняя пріемъ Шевченка, существовалъ, а можетъ быть и теперь существуетъ крестный ходъ. Въ сборникѣ документовъ Домницкаго монастыря я нашелъ переписку объ этомъ крестномъ ходѣ. Изъ нея видно, что уже въ исходѣ 30-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія свѣдѣнія о началѣ и значеніи этого хода затерялись, и какъ ходъ идетъ въ Березну изъ Домницкаго монастыря, отстоящаго на 9 верстъ, то заинтересовался учрежденіемъ его архимандритъ домницкій Серафимъ и обратился по этому поводу съ письмомъ къ благочинному г. Березны, протоіерею Макарію Рындовскому, который и пояснилъ ему, послѣ долгихъ справокъ, происхожденіе и значеніе крестнаго хода. Оригиналенъ самый способъ переписки: архимандритъ написалъ свой запросъ на чистыхъ листахъ монастырскаго сборника и послалъ протоіерею Рындовскому самую книгу, прося написать въ ней отвѣтъ, „такъ какъ, замѣчаетъ онъ, отсюда никакъ не можетъ и никогда утратиться“.

Такъ какъ теперь кольми паче многимъ черниговскимъ обывателямъ, и уповательно и самимъ жителямъ г. Березны, неизвѣстно

происхожденіе и значеніе совершающагося тамъ 8-го сентября крестнаго хода, то почитаю не лишнимъ подать въ печать упомянутую давно наведенную о немъ справку. Вотъ эти два письма.

I.

Ваше высокопреподобіе, достопочтеннѣйшій старецъ, отецъ протоіерей Макарій!

Всепокорнѣйше прошу васъ, почтеннѣйшаго отца и старца, доставить свѣденіе на щетъ крестнаго ходу изъ вашего города Березны въ сей домницкій монастырь: 1-е, съ котораго году онъ учрежденъ, 2-е, по какому случаю и нѣтъ ли въ подтвержденіе оному или письменнаго, или народнаго вѣрнѣйшаго преданія. Желательно, чтобы это учрежденіе предковъ, особенно случай, по которому учрежденъ оный, могъ, въ честь Божія Матери, сохраниться въ потомство и послѣ насъ. Благоволите отзывомъ вашимъ почтить обитель сію, достопочтеннѣйшій отецъ и старецъ, на оборотѣ сего—болѣе потому, что отсюда никакъ не можетъ и никогда утратиться.

Вашего высокопреподобія, достопочтеннѣйшаго старца, всепокорнѣйшій слуга и сомолитвенникъ, домницкій архимандритъ Серафимъ.

Августа 12-го дня 1838 года.

II.

Ваше высокопреподобіе, всепочтеннѣйшій господинъ, отецъ архимандритъ Серафимъ!

По письму вашего высокопреподобія ко мнѣ, отъ прошлаго августа 12 числа состояшемуся, касательно доставленія отъ меня свѣденія о крестномъ ходѣ изъ нашего города Березны въ вашъ домницкій монастырь, 8 сентября, 1-е, съ котораго года оный учрежденъ, 2-е, по какому случаю и нѣтъ ли въ подтвержденіе оному письменнаго или народнаго вѣрнѣйщаго преданія, симъ честь имѣю ваше высокопреподобіе освѣдомить:

По забратой мною вѣрнѣйшей справкѣ оказалось, что крестный ходъ изъ нашего города Березны въ вашъ домницкій монастырь, каждогодно 8-го сентября, то есть въ день престольнаго праздника въ немъ во имя Рождества Божіей Матери, всѣмъ города Березны духовенствомъ съ многочисленнымъ народомъ дѣлаемый, начало свое имѣетъ съ 1772 года и установленъ по

случаю сему: когда въ 1771 году оказалася въ городѣ Березнѣ моровая язва и начала свирѣпствовать умерщвленіемъ каждодневно много народа; то городское духовенство и всѣ жители въ общемъ своемъ совѣтѣ положили упросить и упросили домницкой святой обители настоятеля съ братіею сдѣлать духовную процессію изъ монастыря къ городу Березнѣ съ чудотворнымъ образомъ Божія Матери, по принесеніи коего къ городу образъ былъ встрѣченъ у заставы города духовенствомъ онаго и народомъ, гдѣ, по отпѣтіи молебствія съ колѣнопреклоненіемъ, чудотворный образъ обнесенъ былъ вокругъ города, съ пѣніемъ акафиста Божіей Матери. А по окончаніи таковаго шествія повторно отпѣто было съ колѣнопреклоненіемъ молебствіе и образъ обратно понесенъ въ святую обитель. По таковомъ обхожденіи губительная язва примѣтно начала уменьшаться и въ томъ же 1771 году совершенно уничтожилась. Въ память чего и въ благовѣйную благодарность пречистой Дѣвѣ Богородицѣ за явное милосердіе ея ко всему народу города Березны, обще согласно положено ходить каждогодно изъ сего города въ домницкій монастырь, отстоящій отъ Березны въ 9 верстахъ, 8 сентября съ крестнымъ ходомъ, для поклоненія сему чудотворному образу, каковъ ходъ и начатъ 1772 года и совершается каждаго года. Чему, хотя не отыскано мною письменнаго документа, но старожилы нашего города Березны, бывшіе самовидцы и довольно свѣдомые о всемъ выше прописанномъ, единогласно то утверждаютъ.

Съ отличнымъ моимъ почтеніемъ и таковою же преданностію честь имѣю пребыть навсегда вашего высокопреподобія всепокорнѣйшимъ слугою.

Благочинный заштатнаго города Березны, протоіерей Макарій Рындовскій.

1838 года, сентября 30 дня.

В. К—шъ.

Маленькое поясненіе къ „Кобзарю“ Т. Г. Шевченка.

Всякое, даже малѣйшее указаніе, относящееся къ незабвенному нашему поэту Т. Г. Шевченку, особенно, если это указаніе относится къ уясненію непонятныхъ мѣстъ въ его сочиненіяхъ, должно быть дорого для всякаго украинца, любителя роднаго языка и литературы.

Одно изъ такихъ поясненій хочу и я предложить вниманію читателей «Кіевской Старины».

Во всѣхъ изданіяхъ «Кобзаря» въ заключительной строфѣ стихотворенія «Хиба самому написать таке посланіе до себе» при словѣ *дулевина*» [1]) поставленъ вопросительный знакъ (?), обозначающій, конечно, что смыслъ этого слова не ясенъ былъ для лицъ, редактировавшихъ всѣ изданія «Кобзаря». При чтеніи названнаго стихотворенія я тоже неоднократно останавливался на этомъ словѣ; казалось и мнѣ оно очень страннымъ, и я никакъ не могъ допустить, чтобы такой знатокъ живаго украинскаго языка, какимъ былъ Шевченко, могъ употребить слово, не существующее въ дѣйствительности.

Въ настоящее время, въ бытность мою въ ананьевскомъ уѣздѣ херсонской губерніи (въ с. Перешорахъ), мнѣ пришлось услышать это слово въ живой народной рѣчи отъ тамошняго владѣльца, который мнѣ и объяснилъ, что *дулевина* есть разновидность *стали*, которой мѣстные жители кузнецы различаютъ два сорта: *темлянка* —мягкая, употребляющаяся при обыкновенныхъ подѣлкахъ (якъ треба насталити сокиру, або що), и *дулевина*—твердая и хрупкая, сильно загартованная (закаленная) сталь, употребляемая исключительно въ тѣхъ случаяхъ, когда орудіе испытываетъ сильное треніе. Изъ дулевины, напр., дѣлается *зерно*—конецъ мельничнаго веретена и гнѣздо, въ которомъ оно вертится.

Такимъ образомъ фраза

«Въ дулевину себе закуй»

становится совершенно ясной и въ переводѣ на обще-русскій литературный языкъ значитъ: закуй себя въ непроницаемую броню (сильно закаленную сталь), что вполнѣ гармонируетъ и со смысломъ

---

[1]) Ничого, друже, не журыся
Въ *дулевыну* (?) себе закуй,
Гарненько Богу помолыся,
А на громаду хочъ наплюй—
Вона капуста головата.
А въ тимъ, якъ знаешъ, пане брате:
Не дурень—самъ соби миркуй.

(*Кобзаръ*, С.-Петербургъ, 1883 г., стр. 292).

всей заключительной строфы этого стихотворенія нашего незабвеннаго поэта.

Смѣю надѣяться, что настоящая замѣтка послужитъ къ разъясненію этого, сколько мнѣ извѣстно, единственнаго темнаго мѣста въ «Кобзарѣ».

А. Г.

Коротенькое воспоминаніе о Т. Гр. Шевченкѣ.

Я была очень маленькой, мнѣ не было еще и пяти лѣтъ, когда Шевченко умеръ; но я помню его очень живо.... Не много я знала его и объ немъ, но одно врѣзалось въ моей памяти: онъ любилъ дѣтей и дѣти его любили; какая-то непостижимая сила связывала его чистую высокую душу съ этими непорочными существами. Передаю, что вспомнилось объ немъ изъ моего далекаго прошлаго, и пусть это слабое мое воспоминаніе ляжетъ новымъ вѣнкомъ на его одинокую полузабытую могилу.

Однажды вечеромъ (это было въ Петербургѣ), мы всѣ собрались въ нашей столовой, вокругъ чайнаго стола. Я была въ тревожномъ состояніи, ожидался одинъ нашъ знакомый, котораго я почему-то боялась и не долюбливала.... Раздался звонокъ, и я стремительно вскакиваю съ мѣста и прячусь лицомъ у отца въ колѣняхъ, невольно подражая извѣстной привычкѣ страуса...

Слышатся чьи-то тяжелые шаги; но вошедшій гость молчитъ, не подаетъ голоса, очевидно его предупредили...

— А подивись, *хто* прыйшовъ! загадочно-весело говоритъ мнѣ отецъ.

Подозрѣвая предательскую западню, я не двигаюсь.

— Та то не той дядько, не бійсь, дурна!... подивись!...

Тотъ-же самый результатъ; я не поддаюсь.

Отецъ беретъ мою голову и насильно приподымаетъ. Я въ ужасѣ открываю крѣпко защуренные глаза и вижу—передо мной стоитъ здоровый, лысый «дядя» съ добродушнѣйшей улыбкой на кругломъ, полномъ лицѣ.

— Дядько Кобзарь! вскрикнула я и въ одно мгновеніе повисла у него на шеѣ.

Да, дѣти любили добродушнѣйшаго кобзаря.

Помнится еще другой случай. Мы переѣхали на дачу въ Стрѣльну, и Шевченко у насъ гостилъ. Однажды, забравши насъ дѣтей (меня, которую онъ называлъ: «мое маленьке», и сестру мою моложе меня годомъ, которую онъ называлъ: «мое велыке»), онъ отправился съ нами гулять на какую-то поляну. День былъ ясный, солнечный, золотистый, одинъ изъ тѣхъ радостныхъ, лѣтнихъ дней, которые могутъ быть только въ беззаботномъ дѣтствѣ и которые никогда потомъ не забываются.... Мы съ сестрой безъ устали бѣгали по душистой, пестрой левадѣ, собирая цѣлыми охапками цвѣты и таская ихъ въ перегонку «дядьку Кобзарю»....

Онъ сидѣлъ съ краю, на какомъ-то возвышеніи, должно быть скатѣ рва, и, склонивъ голову на руку, въ безмолвіи глядѣлъ въ даль....

О чемъ онъ думалъ, что дѣлалось въ его тоскующей душѣ, или какіе образы проносились въ могучемъ воображеніи, я конечно тогда не спрашивала себя; но вотъ и теперь, послѣ многихъ лѣтъ, я ясно, какъ живую, вижу передъ собой эту выдвинутую среди зеленаго моря задумчивую фигуру, точно всю облитую золотистымъ солнцемъ!... Мы со смѣхомъ бросали ему на колѣни цвѣты, онъ поднималъ голову, тихо улыбался и гладилъ насъ рукой по стриженнымъ головкамъ.

Помнится еще такой-же ясный лѣтній день; мы бродили съ отцомъ по смоленскому кладбищу и все допрашивали его: «гдѣ-же могила дядька Кобзаря?....»

Н. М. Кибальчичъ.

По поводу 25-ти лѣтія „Филологическихъ записокъ".

31 декабря м. г. въ Воронежѣ состоялось скромное празднованіе 25-ти лѣтняго юбилея мѣстнаго изданія «Филологическихъ записокъ». Существованіе провинціальнаго научнаго изданія 25-ти лѣтъ,, притомъ въ г. Воронежѣ, не имѣющемъ ни университета, ни лицея, ни духовной академіи, фактъ замѣчательный во многихъ отношеніяхъ. Главная заслуга въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ, разумѣется, редактору-издателю, бывшему преподавателю въ воронеж-

скомъ кадетскомъ корпусѣ, Алексѣю Андреевичу Хованскому. Нужно имѣть большую любовь къ наукѣ и большое трудолюбіе, чтобы 25 лѣтъ изъ года въ годъ вести научный журналъ, привлечь сотрудниковъ, перечитывать получаемый матеріалъ, слѣдить за корректурой, крайне трудной въ филологическихъ статьяхъ, слѣдить за ходомъ печатанія, брошюровки и разсылки, и все это при скудныхъ средствахъ матеріальныхъ, при весьма ограниченномъ числѣ подписчиковъ. А. А. Хованскій съ честью для себя и пользой для филологической науки велъ изданіе спеціальнаго научнаго журнала, и нѣтъ сомнѣнія, что всякій, интересующійся успѣхами провинціальной жизни, пожелаетъ г. Хованскому еще многихъ и многихъ лѣтъ для дальнѣйшей почетной и полезной дѣятельности, а самому изданію пожелаетъ всяческаго успѣха, научнаго и денежнаго.

Цѣль этого періодическаго изданія—«развивать и объяснять разные филологическіе вопросы, быть ближайшимъ посредникомъ между преподавателями во всемъ томъ, что относится до изслѣдованія по филологіи, быть сборникомъ разныхъ филологическихъ статей и служить для преподавателей готовымъ матеріаломъ при преподаваніи русскаго языка и словесности въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ».

Академикъ Я. К. Гротъ въ статьѣ «Изъ поѣздки въ Воронежъ», помѣщенной въ Вѣстникѣ Европы 1870 г., говоритъ: «Съ ничтожными средствами г. Хованскій умѣлъ оказать русской филологіи существенную услугу сборникомъ, вмѣщающимъ въ себѣ уже множество полезныхъ и отчасти замѣчательныхъ трудовъ по этой части. Кромѣ статей нѣкоторыхъ извѣстныхъ лицъ (Аѳанасьева, Буслаева, Котляревскаго, Потебни и др.), въ «Филологическихъ запискахъ» явились первые опыты молодыхъ ученыхъ, обѣщающихъ стать достойными дѣятелями науки, напр. Чудинова, Желтова, Лавренка. Журналъ г. Хованскаго заслуживаетъ благодарность и поддержку всѣхъ любителей русскаго языка».

Немного страницъ въ «Филологическихъ запискахъ» посвящено малорусскому языку и словесности, но все таки въ нихъ есть кое-что и по этой части, напр. цѣнныя статьи А. А. Потебни о нѣкоторыхъ особенностяхъ малорусскаго языка, одинъ весьма любопытный,

украинскій лѣчебникъ, открытый проф. Сырку, также весьма интересный народный апокрифъ о хожденіи Іисуса Христа по землѣ и объ адскихъ мученіяхъ и пр.

Редакція журнала обѣщаетъ выпустить въ непродолжительномъ времени указатель статей, помѣщенныхъ въ «Филологическихъ запискахъ» за все время ихъ существованія,

Н. С.

Отъ редакціи.

Журналъ „**Кіевская Старина**“ выходитъ *неизмѣнно* 1-го числа каждаго мѣсяца и въ тотъ-же день разсылается городскимъ подписчикамъ, а 2-го и не позже 3-го числа сдается въ Почтовую Контору для отправки внутри Имперіи и за границу.

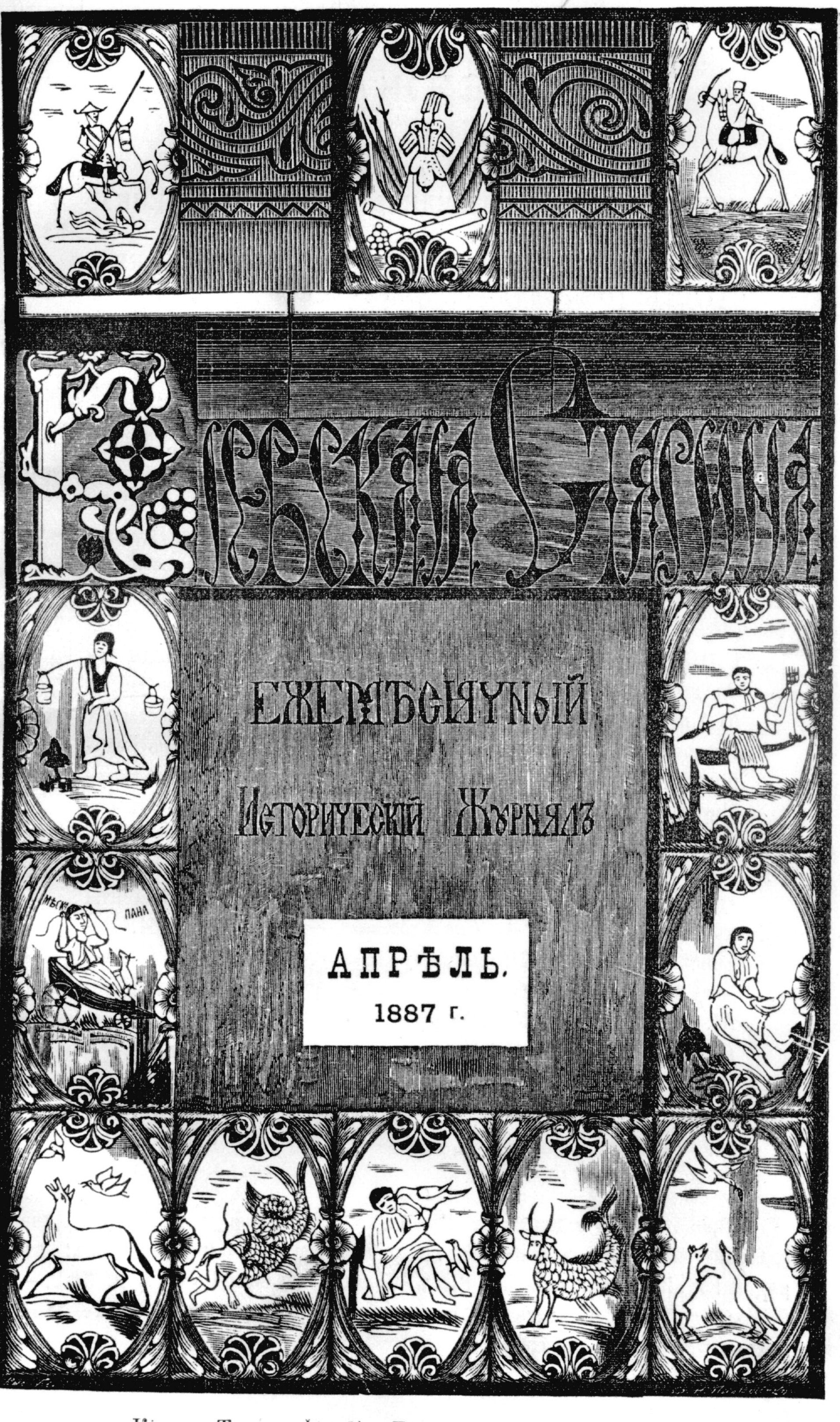
Редакція отвѣчаетъ за исправное полученіе журнала лишь при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если въ *четко* написанномъ адресѣ означены: имя, отчество и фамилія подписчика, равно губернія, уѣздъ и почтовое учрежденіе, гдѣ *допущена* выдача журналовъ, 2) если жалоба на неполученіе книжки прислана непосредственно въ редакцію, хотя-бы подписка была сдѣлана въ одномъ изъ книжныхъ магазиновъ, 3) если жалоба послана. согласно объявленію Почтоваго Департамента, не позже полученія или срока выхода слѣдующей книжки, 4) если къ жалобѣ приложено будетъ удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книжка ею не была получена и 5) если о перемѣнѣ адреса было сдѣлано заявленіе редакціи и притомъ сдѣлано своевременно, т. е. съ такимъ разсчетомъ времени, чтобы редакція могла получить оное не позже выхода слѣдующей книжки.

За перемѣну адреса иногороднаго на городской и обратно уплачивается *пятьдесятъ коп.*, а при перемѣнѣ иногороднаго на иногородный-же высылается *четыре семикопѣечныя марки.*

Подписная цѣна на мѣстѣ 8 р. 50 к., съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи 10 р., за границу 11 р. По той-же цѣнѣ высылаются и оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры 1882—1886 гг.

Подписка принимается въ редакціи журнала и конторѣ оной (*Кіевъ*, *Трехсвятительская улица*, *№ 8-й*), въ книжныхъ магазинахъ Оглоблина въ Кіевѣ и Петербургѣ, «Новаго Времени» и Глазунова въ Петербургѣ и Москвѣ, Мелье, Вольфа и Мартынова въ Петербургѣ, Федорова, Розова, Динтера, Корейво, Гинтера и Малецкаго въ Кіевѣ и др.

Издателямъ и авторамъ книгъ и брошюръ по южно-русской исторіи и этнографіи, приславшимъ экземпляръ своихъ изданій въ редакцію, обѣщается рецензія.



Кіевъ. Типографія А. Давиденко, арендуемая Л. Штамомъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Апрѣль, 1887 г.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

ТОМЪ XVII.

1887 г.

КІЕВЪ.
Тип. А. Давиденко, аренд. Л. Штамомъ, Мало-Житом. ул., д. № 4.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 30-го марта 1887 года.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

ТОМЪ XVII.

Апрѣль.

1887 г.

КІЕВЪ.

Тип А. Давиденко, аренд. Л. Штамомъ, Мало-Житом. ул., д. № 4.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 30-го марта 1887 года.

СОДЕРЖАНІЕ

ТОМА XVII. 1887 г.

Январь, 1887 г.

Февраль, 1887 г.

Мартъ, 1887 г.

Апрѣль, 1887 г.

НЕИЗДАННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ Т. Г. ШЕВЧЕНКА.

VI.

КАПИТАНША.

Въ 1845 году, въ томъ самомъ году, когда наводненіемъ до половины разрушило городъ Кременчугъ, а Крюковъ остался невредимъ, а въ Кіевѣ такъ даже къ Братскому монастырю вода поднялася, такъ въ этомъ критическомъ году, въ концѣ марта мѣсяца, выѣхалъ я изъ Москвы по тульскому, тогда только-что открытому шоссе. Ѣхалъ я (замѣтьте на почтовой перекладной телѣгѣ) двѣ недѣли до Тулы, да до Орла недѣлю, и того три недѣли. А что я вытерпѣлъ въ эти три недѣли, такъ этого никакое перо не въ силахъ описать. Одно только скажу вамъ, что я, не изъ описанія какого нибудь туриста, а изъ собственнаго опыта зная, что стоитъ тарелка щей и ломоть хлѣба на почтовой станціи и будучи такимъ образомъ практически знакомъ съ комфортомъ почтовыхъ станцій, на выѣздѣ изъ Москвы, нагрузилъ порядочную корзину всякимъ соленымъ и копченымъ добромъ—и что же? всю эту благодать я долженъ былъ бросить на второй станціи, т. е. въ городѣ Подольскѣ, потому что все это, да и самъ я, окунулися нѣсколько разъ въ грязной снѣжной водѣ. Благоразуміе требовало возвратиться въ Москву, но поди же ты, толкуй съ упрямою головою, ибо между нами будь сказано, я таки не отсталъ отъ своихъ земляковъ въ этой добродѣтели, т. е. въ упрямствѣ, что мы изъ вѣжливости называемъ силою воли. Итакъ отъ Подольска до Тулы пропутешествовалъ я на пищѣ св. Антонія, а отъ Тулы до Орла на той же самой пищѣ, потому что городъ Тула хотя и славится ружьями

и гармониками, но колбасной лавкой не можетъ похвалиться; словомъ я въ Тулѣ, и то съ трудомъ, нашелъ соленаго судака, привезеннаго съ береговъ синяго Дона, или съ береговъ Урала, или же съ береговъ матушки Волги. Съ такимъ-то провіантомъ доѣхалъ я до города Орла. Остановился я было въ гостинницѣ, тутъ же около почтовой станціи, да на другой день, какъ пересчиталъ свою казну, такъ только ахнулъ! У меня всего на все было наличныхъ трехрублевая депозитка, да мелочи два четвертака, а изъ Москвы я взялъ съ собою ровно сто рублей серебромъ. Съ такою суммою какъ не доѣхать изъ Москвы до Кіева? А вотъ же случилось такъ, что я только до Орла доѣхалъ, а тамъ, т. е. въ Орлѣ, и сѣлъ, какъ ракъ на мели. Призадумался я не на шутку, и послѣ сугубыхъ размышленій пошелъ искать постоялый дворъ. Опять горе— Ока и Орликъ затопили не только всѣ постоялые дворы, но и большую часть самого города. Возвратился я въ свой номеръ еще грустнѣе, чѣмъ изъ него вышелъ; въ раздумьи сѣлъ у окна и смотрю на улицу, а по улицѣ плетется запряженная парою невзрачныхъ лошадокъ большая крытая телѣга, а около нея съ кнутикомъ въ рукѣ идетъ небольшаго роста, пузатенькій, съ рыжей бородкой, мужичекъ. А, пріятель, думаю себѣ, тебя-то мнѣ и нужно! Я отворилъ окно и крикнулъ:

— Эй! мужичекъ! молодецъ!

Мужичекъ остановился, снялъ шапку и, посмотрѣвши на окно гостинницы, увидѣлъ меня и сказалъ:

— Ты, баринъ, кличешь?

— Я.

— А что тѣ надоть? спросилъ онъ.

— А вотъ что. Ты извощикъ?

— Вѣстимо, что извощикъ!

— А которой губерніи?

— Тутошней губерніи, баринъ, а уѣзда митровскаго.

— А не желалъ бы ты, любезный, на праздникѣ дома побывать? (Это было на шестой недѣлѣ великаго поста).

— Какъ не желать, баринъ, вѣстимо, желаю; да какъ порожнемъ пустишься одинъ?

— А хочешь, я тебѣ сѣдока найду до Глухова?

— Какъ не хотѣть, да мнѣ, пожалуй, хоть и до Москвы.

— Да ты знаешь ли, гдѣ Глуховъ?

— Какъ не знать,—за Митровскимъ. Мы и въ Кіевѣ бывали не разъ.

— Много ли же ты возьмешь?

— Съ пуда, что ли, баринъ?

— Пожалуй, хуть и съ пуда.

— По два съ полтинной, баринъ!

— Хорошо, согласенъ, только съ тѣмъ, чтобы деньги получить въ Глуховѣ.

— А задаточку, баринъ?

— Да тамъ же въ Глуховѣ и задаточку.

Мужичекъ почесалъ въ затылкѣ и, посмотрѣвъ на меня съ минуту, спросилъ:

— А когда ѣхать баринъ?

— Да, пожалуй, хоть и сейчасъ.

— Сейчасъ, баринъ, нельзя: маненько лошадокъ укормить надоть.

— Да гдѣ же ты ихъ кормить станешь? Какъ тебя найти?

— Да здѣсь же на улицѣ; вишь постоялые дворы всѣ залило водою, гдѣ кормить станешь?

И, говоря это, онъ приворотилъ къ забору и началъ откладывать лошадокъ.

Я вышелъ къ нему на улицу, осмотрѣлъ телѣгу. Телѣга была помѣстительная, крытая вплошь, въ родѣ жидовской брычки.

— Какой же ты товаръ перевозишь въ этой посудинѣ? спросилъ я его.

— Да какой товаръ? Вотъ теперь хоть и вашу милость повезу, а сюда какую-то барыню привезъ изъ Митровска; къ дѣтушкамъ что ли пріѣхала, въ училищѣ какомъ-то, али корпусѣ, говоритъ; да ужъ и злющая же, Богъ съ ней, то и дѣло дерется съ дѣвкой.

— А какъ думаешь, выѣдемъ сегодня, или не выѣдемъ?

Мужикъ посмотрѣлъ на солнце и сказалъ:

— Лучше, баринъ, переночуемъ.

— Пожалуй, переночуемъ.

И я отъ нечего дѣлать пошелъ шляться по городу.

Проходя мило табачной лавочки, я увидѣлъ между выставленными на окнѣ съ разными изображеніями табачные картузы и гар-

монику. Не предвидѣлось мнѣ большаго разнообразія въ моемъ путешествіи: дай-ка, думаю, куплю гармонику; буду хоть дѣтей потѣшать на подворкахъ. Купилъ я гармонику и возвратился на квартиру; а на квартирѣ, отдохнувши послѣ прогулки, я задалъ себѣ такой вопросъ: а что если у моего пріятеля въ Глуховѣ, на котораго я надѣялся, какъ на каменную стѣну, не случится денегъ, что я тогда стану дѣлать? Правда, у меня въ Глуховѣ есть и другой пріятель, на котораго навѣрнякъ можно разсчитывать; онъ одной фарфоровой глины продаетъ тысячъ на сто въ продолженіи года, такъ какъ на него не понадѣяться? Но дѣло въ томъ, что онъ панъ на всю губу, какъ говорится. У него къ обѣду иначе выйти нельзя, какъ во фракѣ, а это-то мнѣ и не нравилось. Оно и въ самомъ дѣлѣ смѣшно жить въ деревнѣ и наряжаться каждый день,—чертъ знаетъ что! Хорошо еще, ежели похороны или свадьба, или другой какой семейный праздникъ, а такъ—это больше ничего, какъ нелѣпое подражаніе аглицкимъ лордамъ. Итакъ, по долгомъ размышленіи, я написалъ письмо въ Кіевъ и просилъ, чтобы выслали мнѣ денегъ въ г. Глуховъ и адресовали на имя не того пріятеля, что продаетъ фарфоровую глину, а на имя сосѣда его ротмистра въ отставкѣ такого-то.

Устроивши все, какъ слѣдуетъ порядочному человѣку, я на другой день до восхода солнца погрузился въ фургонъ и благополучно прибылъ на постоялый дворъ, отстоящій отъ города Орла на двадцать пять верстъ. Здѣсь было бы очень кстати описать со всевозможными подробностями постоялый дворъ; но такъ какъ эту tableau de genre описывали уже многіе, не токмо прозою, но даже и стихами, то я и не дерзаю соперничать ни съ кѣмъ изъ этихъ досужихъ описателей, ни даже съ самимъ гомеровскимъ описаніемъ въ стихахъ постоялаго двора, напечатаннымъ, не помню, въ какомъ то журналѣ, гдѣ и сравнивается это описаніе съ Иліадою.

Въ г. Кромы мы прибыли ночью и до разсвѣта выѣхали, слѣдовательно о городѣ Кромахъ мнѣ тоже нечего сказать, развѣ только, что за тарелку постныхъ щей съ меня взяли полтину серебра, собственно за то, что я не поторговался прежде. Вотъ все, что могу сказать о городѣ Кромахъ.

Солнце уже довольно высоко поднялось, когда я проснулся въ своемъ фургонѣ. Проснувшись, я высунулъ голову посмотрѣть

на свѣтъ Божій и спросилъ у Ермолая (такъ звали моего извощика), далеко ли до постоялаго двора.

— А вотъ спустимся за горку, тамъ будетъ и постоялый дворъ, отвѣчалъ Ермолай.

Я посмотрѣлъ вокругъ; думалъ, что и въ самомъ дѣлѣ гдѣ нибудь увижу хоть маленькую горку; ничего не бывало,—равнина и однообразная равнина, перерѣзанная черною полосою почтовой дороги, утыканной кое-гдѣ ракитникомъ и пестрыми столбами, именуемыми верстами.

Незавидный, правду сказать, пейзажъ, а если принять въ соображеніе мое не быстрое путешествіе, то онъ покажется даже скучнымъ. Что будешь дѣлать? Читать нечего, думать не о чемъ (въ то время я повѣстей еще не сочинялъ). Вотъ я полежу, полежу въ фургонѣ, да и вылѣзу изъ него, пройду версту, другую пѣшкомъ да и опять въ фургонъ, поиграю на гармоникѣ, а Ермолай попляшетъ (онъ почти не садился на облучокъ), но постоянно шелъ себѣ съ кнутикомъ около лошадокъ и когда я наигрывалъ на гармоникѣ, то онъ принимался плясать, сначала тихо, потомъ быстрѣе, а когда приходилъ въ азартъ, то, обращаясь ко мнѣ, почти вскрикивалъ:

— Почище, баринъ, почище!

Я ему и почище заиграю, а онъ почище попляшетъ, а тамъ, глядишь, и постоялый дворъ.

Такъ то мы съ Ермолаемъ коротали и время, и дорогу до самой Эсмани (первая станція черниговской губерніи). Не успѣешь переѣхать границу орловской губерніи, какъ и декорація перемѣнилась: вмѣсто ракитника по сторонамъ дороги красуются высокія развѣсистыя вербы; въ первомъ селѣ черниговской губерніи уже бѣленькія хатки, соломою крытыя, съ дымарями, а не сѣрыя бревенчатыя избы; костюмъ, языкъ, физіономіи—совершенно все другое. И вся эта перемѣна совершается на пространствѣ двадцати верстъ; впродолженіе одного часа вы уже чувствуете себя какъ будто въ другой атмосферѣ, по крайней мѣрѣ я себя всегда такъ чувствовалъ, сколько разъ я не проѣзжалъ этой дорогою. Ѣдучи изъ Кіева черезъ Черниговъ, хотя и чувствуешь себя по ту сторону Десны уже не въ Малороссіи, но тамъ все таки есть хоть небольшая интонація, а между Эсманью и Глуховомъ со-

вершенио никакой. Проѣхавши версты двѣ или три отъ Эсмани, я увидѣлъ вправо, не далеко отъ дороги, уже не сѣрый бревенчатый съ крѣпкими воротами постоялый дворъ, а бѣлую подъ соломенной крышей между вербами корчму. Видъ этой первой корчмы напомнилъ мнѣ еще въ дѣтствѣ слышанную мною пѣсню, которая начинается такъ:

Ой у поли верба,
Пидъ вербою корчма.

Засвѣтло можно было бы пріѣхать еще въ Глуховъ, но мнѣ такъ понравилась эта корчма, что я просилъ Ермолая остановиться въ ней и переночевать, на что онъ охотно согласился, потому что въ корчмѣ, какъ онъ говорилъ, все дешевле, нежели въ городѣ.

Поровнявшись съ самою корчмою, мы остановились, и я увидѣлъ человѣка, ие обращавшаго на насъ совершенно никакого вниманія. Человѣкъ этотъ одѣтъ былъ довольно странно: въ сѣрой солдатской шинели, подпоясанный, вмѣсто пояса, свитымъ изъ соломы жгутомъ, въ чорной бараньей шапкѣ и съ граблями въ рукахъ. Я вылѣзъ изъ телѣги и, подойдя къ нему, спросилъ:

— Что ты хозяинъ?

— А вже-жъ хазяинъ, отвѣтилъ онъ, едва взглянувши на меня.

— Что у тебя сѣно есть?

— А вже-жъ есть.

— И овесъ еть?

— А вже-жъ есть.

— А поужинать будетъ ли что?

— А вже-жъ буде.

Послѣ этого говорившій со мною человѣкъ обратился къ моему извощику и совсѣмъ неласково сказалъ ему:

— Чого жъ ты тамъ стоишъ, московська ворона, чому не заѣзжаешъ!—и самъ пошелъ отворять ворота корчмы.

Мнѣ понравился мой оригинальный землякъ, какъ содержатель заѣзжаго дома на большой дорогѣ. Особенно послѣ орловскихъ дворниковъ, которые встрѣчаютъ тебя за полверсты, снимаютъ шапку, кланяются, божатся, что у нихъ все есть, кромѣ птичьяго

молока, а на повѣрку окажется только овесъ и гнилое сѣно, а поужинать или пообѣдать, особенно въ великомъ посту, и не думай; подадутъ тебѣ щей съ вонючимъ постнымъ масломъ, да и слупятъ полтину серебра, коли впередъ не поторгуешься. Пока не словоохотный хозяинъ отворялъ и затворялъ ворота своей корчмы, я пошелъ размять ноги, онѣмѣвшія отъ долгаго сидѣнія.

Корчма была тщательно выбѣлена и около оконъ обведено было желто-красноватой глиной; примыкающій къ корчмѣ сарай, или такъ называемая стодола тоже акуратно вымазана желтой глиной; вообще видъ корчмы показывалъ, что чрезъ нѣсколько дней будетъ у людей великій праздникъ. По другую сторону корчмы я увидѣлъ изгородь, примыкавшую къ самому строенію,—небывалая вещь около корчмы. Я подошелъ поближе. За изгородью двѣ женщины копали гряды и одна изъ нихъ что-то разсказывала, а другая такъ звонко чистосердечно смѣялась, что я самъ невольно разсмѣялся. Та, которая разсказывала, была женщина уже не первой молодости, а которая смѣялась, только что разцвѣвшая чернобровая красавица и, казалось, была дочерью первой, а не подругою. Не успѣлъ я разсмотрѣть ихъ хорошенько и наслушаться гармоническаго смѣху красавицы, какъ изъ-за угла корчмы показался самъ хозяинъ и позвалъ ихъ въ хату варить вечерю. Я и себѣ послѣдовалъ за ними въ хату. У дверей встрѣтился я съ хозяиномъ. Онъ мнѣ пожелалъ добраго здоровья и просилъ войти въ свѣтлицу. Я вошелъ въ просторную чисто выбѣленную хату, раздѣлявшуюся во всю длину ея, какъ стѣною, кафельною печью (Бироновщина); около стѣнъ кругомъ стояли лавы, или скамейки, а между ними возвышался дубовый чисто вымытый столъ; на стѣнѣ въ углу висѣлъ образъ, украшенный свѣжею вербою и засохшею мятой и васильками.

Просымо садыться, сказалъ хозяинъ, снимая шапку; здесь мы сами живемо, прибавилъ онъ, а для такого народу у насъ есть другая хата.

— А что, хозяинъ, спросилъ я его, садясь на скамьѣ, можно у васъ достать водки?

— Чому не можно. Вамъ полкварты, чи всю кварту? спросилъ онъ.

— Хоть полкварты на первый разъ.

— Добре, сказалъ онъ и вышелъ изъ хаты.

Вскорѣ возвратился онъ съ рюмкою и графиномъ, а за нимъ шла съ тарелкою и полотенцемъ въ рукахъ веселая огородница. Это была самая очаровательная брюнетка, шестнадцати или пятнадцати лѣтъ, стройная, гибкая, какъ молодая тополь; волосы ея, густые, блестящіе, были повязаны черной лентой и украшены свѣжимъ зеленымъ барвинкомъ.

Она накрыла край стола полотенцемъ, поставила тарелку съ какой-то соленой рыбой, положила на столъ два куска бѣлаго хлѣба и улыбнувшись удалилась изъ хаты. Проводивши глазами красавицу, я обратился къ хозяину.

— А что, землякъ! не выпить ли намъ по рюмкѣ водки?

— Чому не выпить? отвѣчалъ онъ и сѣлъ на скамейкѣ.

— Я выпилъ водки и хозяина попотчивалъ; не много погодя, я еще попотчивалъ его и спросилъ:

— Ты, кажется, хозяинъ, служилъ въ солдатахъ?

— Авжежъ служилъ.

— То-то ты такъ важно и по русски говоришь.

— О такъ пакъ! у владимірской губерніи квартирували шесть лѣтъ, та що-бъ не выучиться говорить по русски.

Добрякъ не замѣтилъ моей шутки, за то я ему налилъ еще рюмку водки.

— А что, я думаю, ходилъ и подъ француза?

Этотъ вопросъ я сдѣлалъ ему потому, что замѣтилъ у него голубую ленточку, нашитую на шинели.

— Авжежъ ходывъ! отвѣтилъ онъ.

— Не мало же ты ихъ проклятыхъ пересажалъ на штыкъ?

— А ни одного.

— Отчего же это такъ случилось? не безъ удивленія спросилъ я его.

— Я былъ музыкантомъ, отвѣчалъ хозяинъ.

Это меня еще больше удивило, потому что въ физіономіи его и вообще въ пріемахъ не замѣтно было ничего такого, что обличало-бы въ немъ виртуоза.

— На какомъ же ты инструментѣ игралъ? спросилъ я его.

— На барабанѣ, отвѣчалъ онъ, не измѣняя тону рѣчи.

И на этомъ звучномъ инструментѣ едва ли ты отличался, подумалъ я, глядя на его честный выразительный профиль, а онъ

сидѣлъ себѣ на скамьѣ и согнувшись болталъ ногами, какъ это дѣлаютъ маленькія дѣти. Я разсчитывалъ, и довольно основательно, что услышу отъ него о какихъ нибудь богатырскихъ подвигахъ во время стычекъ, о какой нибудь частной продѣлкѣ, о которой нигдѣ ничего не прочитаешь, даже въ «Запискахъ русскаго офицера», а не тутъ то было: онъ былъ музыкантомъ и въ добавокъ не лгуномъ. Но я все еще не терялъ надежды вызвать его на разсказы, предложивши ему еще рюмку водки, на что онъ охотно согласился, и когда онъ полою шинели вытеръ свои бѣлые усы и крякнулъ, я спросилъ его какъ бы случайно.

— А въ нѣмецкихъ земляхъ и во Франціи таки довелося побывать?

— Довелося. У самій Франціи два года квартирували.

— Кькъ же ты разговаривалъ съ французами?

— По французски, отвѣчалъ онъ, не запинаясь и, не много погодя, продолжалъ.

— Я и по французскому. и по нѣмецкому умѣю. Еще въ десятомъ году, когда ишли мы изъ-подъ турка, одинъ венгеръ выучилъ меня, царство ему небесное! Я, сказавши правду, по всякому умѣю, прибавилъ онъ самодовольно. Напримѣръ, стоимо мы лагеремъ таки подъ самымъ Парижемъ: тутъ и прусакъ, тутъ и цесарець, и агличанинъ, якъ той ракъ червоный, и синеполый шведъ, и Богъ его знае, откудова той шведъ прыйшовъ! до самого Парижа его не видно було, а тутъ мовъ изъ земли выросъ. Отъ воны гуляють по лагерю та межъ собою по своему розмовляють. Отъ, говорять, дасть Богъ, завтра вступимо въ Парижъ, а тамъ, комрадъ, и махенъ вейнъ, и закусымо, комрадъ, и мамзельхенъ либеръ, и всего въ волю. А я хожу соби межъ ными, усъ покручую да думаю: не хвалитесь, комрады, побачимъ, що съ того буде! Черезъ день, чи черезъ два, одилы насъ, выстроили, перевели черезъ Парижъ церемоніальнымъ маршемъ, не дали и воды напиться; уже верстъ 20 за Парижемъ дали намъ духъ перевести. Отъ я пидхожу до цесарця та й говорю ему по цесарскому: а що, комрадъ, Парижъ важный, говорю, городъ, и вейну, и мамзельхенъ, всего, говорю, въ волю.

— Одеръ дейфель! говоритъ, чтобъ онъ имъ до тла выгоривъ!

— То то—говорю ему по цесарски—не хвалытися було, идучи на рать.

— А что, землякъ, есть какая нибудь разница между французскимъ и нѣмецкимъ языкомъ? спросилъ я его.

— Малность разныци! такъ что ежели умѣешь добре по нимецьки, то и съ французомъ можно поговорить; малность разныци, повторилъ онъ, покручивая свои бѣлые усы.

Въ это время занавѣска въ нiши отдернулась, и вошла въ комнату со свѣчею въ рукахъ та самая женщина, которую я видѣлъ мелькомъ на огородѣ. Это была по городскому опрятно одѣтая, уже не молодая женщина, высокаго роста, съ живыми чертами глубоко впалыми глазами и вообще пріятнымъ выразительнымъ лицемъ. Она поставила на столъ свѣчку, взглянула на моего собесѣдника и, обратясь ко мнѣ, сказала чистымъ великороссійскимъ нарѣчіемъ:

— Не потчуйте его, сдѣлайте одолженіе, а то онъ вамъ и отдохнуть не дастъ.—Иди-ка ты лучше, ложись спать, сказала она, обращаясь къ нему.

— Мовчи ты, капитанша! ма..... отвѣтилъ ей мой собесѣдникъ и мунуту спустя, улыбнувшись, прибавилъ:

— Матери твоій чарка горилки!

Женщина молча посмотрѣла на него и скрылась за занавѣской.

— Что это жена твоя! спросилъ я хозяина.

— Жена, отвѣтилъ онъ.

— Зачѣмъ-же ты ее зовешь капитаншею?

— Это я такъ, жартуючи...., а по правди сказать, такъ вона и есть капитанша; да еще не простая, а лейбгвардейская, прибавилъ онъ, какъ-бы про себя, и такъ тихо и скоро, что я едва могъ разслышать и понять.

Меня подстрекало разспросить у него, почему она капитанша, да еще и лейбгвардейка; но онъ такъ невесело опустилъ на грудь свои бѣлые усы, что мнѣ казался всякій вопросъ про капитаншу неумѣстнымъ и даже дерзкимъ.

Недолго мы сидѣли молча, изъ-за занавѣски явилась опять таже женщина и поставила на столъ уху съ какой-то маленькой рыбки, очень вкусно приготовленную. Я поужиналъ, поблагодарилъ хозяевъ и пошелъ въ свой фургонъ спать. Долго я однакожъ не могъ заснуть: мнѣ не давало спать слово капитанша; со мною

впрочемъ это часто случается, да я думаю и со всякимъ: на какомъ нибудь самомъ простомъ словѣ построишь цѣлую драматическую фантазію не хуже прославившагося въ этомъ фантастическомъ родѣ распочтеннаго N. K. Такъ случилось и теперь: слово капитанша раздѣлилось у меня уже на акты, сцены, явленія, и уже чуть-чуть не развязалася драма самой страшной катастрофой, какъ начали смежаться мои творческія вѣжди, и я заснулъ богатырскимъ сномъ.

Впродолженіе моего путешествія отъ Орла до этой интересной корчмы, я просыпался каждое утро въ дорогѣ. Догадливый Ермолай никогда не будилъ меня, да и не зачѣмъ было будить: я вручилъ ему мою трехрублевую депозитку еще въ Кромахъ, послѣ дорогихъ щей, и онъ всю дорогу разсчитывался за съѣденное и выпитое мною на каждомъ постояломъ дворѣ, а я себѣ спалъ сномъ праведника и просыпался всегда въ дорогѣ. Просыпаясь подъ стукъ колесъ и легкое качанье телѣги, я иногда снова засыпалъ и просыпался уже на постояломъ дворѣ. Послѣ неоконченной драмы на слово капитанша проснулся я на другой день уже не рано и къ немалому моему удивленію не чувствовалъ ни покачиванья телѣги, ни холоднаго утренняго воздуха; прислушивался и не слышалъ ничего вокругъ себя, даже постукиванья колесъ.

Неужели мы уже проѣхали станцію? подумалъ я. Да нѣтъ, не можетъ быть! вѣдь мы должны быть теперь у пріятеля моего въ деревнѣ около Глухова, а не на постояломъ дворѣ; да правда я ему вчера дорогу не разсказалъ, а онъ, дурень, не разбудилъ меня, когда изъ корчмы выѣхали. Рѣшивши такъ мудро сей вопросъ, я снова было задремалъ, но Ермолай, вѣроятно, подслушалъ мое рѣшеніе, подошелъ къ телѣгѣ и сказалъ:

— Баринъ! а баринъ!

— Что Ермолай? отозвался я.

— Вы спите? спросилъ онъ.

— Сплю, отвѣчалъ я.

— Пора вставать.

— Хорошо, встану; не случилось-ли чего нибудь?

— Ничего не случилось; слава Богу, все обстоитъ благополучно.

— Такъ что-же? Ну, и обѣдай съ Богомъ!

— Какой тутъ обѣдъ, баринъ! у насъ нечѣмъ и за вчерашній ужинъ расплатиться: я деньги всѣ, и свои и ваши, израсходовалъ!

— Будто ничего не осталось?

— Ни копѣйки!

— Плохо, подумалъ я, и потомъ спросилъ Ермолая: а лошади у тебя сыты?

— Лошади сыты, дворникъ ничего не знаетъ, отпускаетъ все, что ни спросишь.

— Хорошо; поди-же, скажи ему, чтобы самоваръ нагрѣлъ, я сейчасъ приду.

Ермолай удалился.

Въ трактиръ въ Тулѣ приходитъ ко мнѣ какой-то не совсѣмъ трезвый человѣкъ и предлагаетъ новое одноствольное ружье за три рубли серебромъ. Я, чтобы отвязаться отъ него, посулилъ ему рубль; онъ вышелъ было за двери, не сказавши ни слова; немного погодя, опять вошелъ въ комнату, спросилъ меня, что я шучу съ нимъ или серьезно говорю. Я сказалъ, что серьезно. Онъ немного подумалъ и сказалъ: «а коли серьезно, такъ вотъ вамъ вещь, давайте деньги». Я отдалъ ему рубль, а ружье положилъ на столѣ, не посмотрѣвши даже на него хорошенько, какъ на вещь совершенно мнѣ не нужную. Могъ ли я предвидѣть тогда, что это ружье, почти насильно купленное, разыграетъ такую важную роль, какую я ему теперь назначилъ?

Вылѣзъ я изъ своей подвижной спальни, пошелъ къ колодцу, умылся, охорошился кое-какъ и вошелъ въ комнату. На столѣ уже стоялъ самоваръ, а вчерашняя капитанша вытерла чистымъ полотенцемъ большую чайную фарфоровую чашку. Я привѣтствовалъ ее съ добрымъ утромъ, на что она отвѣчала тѣмъ же.

— А гдѣ же вашъ хозяинъ? спросилъ я.

— А онъ рано еще уѣхалъ къ помѣщику, у котораго мы эту корчму нанимаемъ.

— А какъ прозываютъ этого помѣщика и далеко ли онъ отъ васъ живетъ?

— Отставной ротмистръ NN, а живетъ онъ почти около самаго города.

Да это и есть мой пріятель, моя единая надежда, подумалъ я и, обратясь къ хозяйкѣ, спросилъ, какъ она думаетъ, скоро ли ея хозяинъ возвратится назадъ.

— Я думаю скоро, если его не задержитъ Викторъ Александро-

вичъ: ему тамъ нечего долго дѣлать, отдать деньги и получить бочку водки. Да вамъ что его дожидать, вы и со мною можете разсчитаться.

Въ томъ то и дѣло, что не могу, подумалъ я и вслухъ прибавилъ:

— Мнѣ бы хотѣлось еще разъ съ нимъ повидаться и побесѣдовать: онъ долженъ быть добрый старикъ.

— Прекрасный человѣкъ! съ замѣтнымъ волненіемъ сказала она.

— Жаль, если я его не дождусь. А впрочемъ мнѣ торопиться некуда.—Не хотите ли со мною чашку чаю выпить?

— Благодарю васъ покорно! мы уже чай пили, говорила она съ едва замѣтнымъ наклоненіемъ головы.

Мнѣ чрезвычайно нравились въ этой простой женщинѣ: голосъ ея, ея простая и граціозная манера и самая безукоризненная чистота, начиная съ головного платка до башмака. Пока я придумывалъ средство, какъ-бы ее задержать въ комнатѣ, она сложила и положила на столъ полотенце, а сама скрылась за занавѣску.

Напившись чаю, я вышелъ на дворъ полюбоваться весеннимъ апрѣльскимъ утромъ, но это утро уже кануло въ вѣчность, а мѣсто его заступилъ апрѣльскій, теплый, прекрасный полдень. Я обошелъ кругомъ корчму и остановился у изгороди. За изгородью, какъ и вчера, копали гряды мои знакомки.

Я обратился съ вопросомъ къ старшей:

— Что это дочь ваша?

— Дочь! отвѣчала она, но какъ-то не смѣло.

— А какъ ее зовутъ?

— Елена.

— Елена, спросилъ я дѣвушку, умѣешь ли ты играть на гармоникѣ?

— Нѣтъ, не умѣю, отвѣчала она, запинаясь.

— А хочешь, я тебя выучу?

— А гдѣ же вы гармонику возьмете?

— Это не твое дѣло; ты хочешь ли только учиться?

— Хочу, выучите, сказала она, краснѣя.

Я вынесъ гармонику, и лекція началась

Ученица оказалась весьма понятною, чему мать ея замѣтно радовалась.

Мы такъ прилежно занялися гармоникою, что не замѣтили, какъ пріѣхалъ хозяинъ домой и какъ, подходя къ нимъ, крикнулъ:

— Отака повись! люды добри до плащаныци знаменуються, а воны онъ що выробляють!

И подойдя ко мнѣ, онъ взялъ у меня изъ рукъ гармонику, повертѣлъ ее въ рукахъ и сказалъ:

— Славна штука! де вы іи купили?

— Въ Орлѣ, отвѣчалъ я.

— И дорого? спросилъ онъ, отдавая мнѣ гармонику.

— Рубль серебра заплатилъ.

— Гм... А ну, заграй и ты, Олено!

Я подалъ дѣвушкѣ гармонику, и она взяла на ней нѣсколько аккордовъ. Старикъ улыбнулся и, обращаясь ко мнѣ, спросилъ:

— Чи не продажня у васъ оця музыка?

— Продать то я ея не продамъ, а когда хочетъ Елена, такъ я подарю ей эту музыку, а ты, старикъ, коли хочешь, купи у меня ружье.

Старикъ задумался, а я продолжалъ:

— Ружье славное, настоящее тульское.

— А на чорта оно мнѣ ваше тульское ружье, когда я и стрѣлять не умію.

Я отозвалъ его въ сторону и объяснилъ, въ чемъ дѣло. Онъ выслушалъ меня, усмѣхнулся и весело сказалъ:

— Олено, музыка наша! неси въ хату.

— Только слышите, прибавилъ я: я гармонику дарю, а не продаю.

— Добре, добре! весело говорилъ старикъ: просымо милости въ хату.—Идить и вы, хазяйки мои нечепурни, прибавилъ онъ, обращаясь къ женщинамъ.

Женщины оставили свои гряды, и мы гурьбой отправились въ хату. Впереди важно выступалъ нашъ хозяинъ. Онъ былъ одѣтъ уже не по вчерашнему въ солдатскую шинель, а въ синемъ тонкаго сукна жупанѣ, препоясанъ краснымъ широкимъ поясомъ и въ черной смушевой высокой шапкѣ; въ этомъ нарядѣ онъ былъ похожъ на стариннаго малороссійскаго горожанина, или на зажиточнаго козака.

Мимоходомъ я шепнулъ Ермолаю, чтобы онъ закладывалъ лошадей; а войдя въ хату, я спросилъ хозяина, засталъ ли онъ дома Виктора Александровича. Онъ отвѣчалъ мнѣ, какъ на самый обыкновенный вопросъ, что засталъ дома и что онъ собирается къ какому то сосѣду на праздникъ.

— Сказано, холостой человѣкъ, одинокій, прибавилъ хозяинъ: то ему и праздникъ не въ праздникъ. Всего у него наварено, напечено, наготовлено, и не съ кѣмъ пообѣдать.

— А вы, добродію, жонати, чи ни? спросилъ меня хозяинъ.

Я отвѣчалъ, что нѣтъ.

— Женитесь, добродію, непремѣнно женитесь, бо скучно буде старитыся одинокому.

Пока мы разговаривали съ хозяиномъ, хозяйка накрывала на столъ, а Елена за занавѣской играла на гармоникѣ. Когда уже на столъ были поставлены водка и закуска, въ это время вошелъ въ комнату Ермолай и сказалъ, что лошади готовы. Я велѣлъ ему принести ружье, а тѣмъ временемъ распрашивалъ, какъ ближе проѣхать къ Виктору Александровичу. Хозяинъ, расказавши мнѣ со всѣми подробностями дорогу, предложилъ выпить рюмку водки и закусить на дорогу. Я отказался, ссылаясь на великую субботу, а въ сущности потому, что было еще рано. Хозяинъ отказался отъ моего ружья и предложилъ деньги за гармонику. Я, разумѣется, тоже отказался. Онъ и жена все еще упрашивали меня выпить и закусить на дорогу, прибавляя, что Богъ проститъ дорожнему человѣку и тому подобное; я однако къ не поддался ихъ доводамъ, простился съ ними, какъ съ старыми знакомыми, и поѣхалъ искать хуторъ Виктора Александровича.

Не доѣзжая версты двѣ до города Глухова, въ правой сторонѣ отъ большой дороги чернѣетъ небольшая березовая роща, а къ этой рощицѣ вьется маленькая дорожка. Эта дорожка привела меня прямо къ усадьбѣ Виктора Александровича.

Усадьба или хуторъ Виктора Александровича скрывался, какъ за скромною занавѣсью, за той рощей. Когда мы приближались къ рощѣ, мнѣ послышался какой-то неопредѣленный шумъ. Шумъ усиливался по мѣрѣ нашего приближенія; еще немного, и я явственно могъ разслушать, что шумъ этотъ происходилъ отъ каскада падающей воды. И дѣйствительно я не ошибся. Между бѣлыми березовыми стволами кое-гдѣ просвѣчивала блестящая вода. По выѣздѣ изъ рощи передо мною открылся широкій прудъ и плотина, полузакрытая старыми огромными вербами; по ту сторону пруда, почти у самаго берега, выглядывали изъ-за деревьевъ бѣлыя хатки и отражалися въ водѣ; между крестьянскими хатками бѣлѣла подъ почернѣвшей соломенной крышей, съ гнѣздомъ гайстра или аиста, большая, о четырехъ

окнахъ, панская хата или будынокъ, а передъ нею стоялъ огромный развѣсистый вязъ; за хуторомъ по косогору раскинулся фруктовый садъ, окруженный старыми березами; на самомъ косогорѣ на фонѣ голубаго неба рисовалась вѣтряная мельница о шести крылахъ, а влѣво отъ мельницы, за пологой линіей косогора, на самомъ горизонтѣ въ фіолетовомъ туманѣ едва замѣтно рисовался городъ Глуховъ.

Между вербами вдоль плотины медленно прохаживался самъ хозяинъ этого скромнаго пейзажа въ смушевомъ тулупѣ, крытомъ сѣрымъ нѣмецкимъ сукномъ, подпоясанный краснымъ поясомъ и въ черной смушевой шапкѣ. Увидя мой фургонъ, выдвигавшійся изъ рощи, онъ остановился и, заслонивъ рукою, какъ-бы козырькомъ, глаза отъ солнца, смотрѣлъ на мой неуклюжій экипажъ.

— Викторъ Александровичъ! закричалъ я ему, не показываясь изъ своей буды.

Онъ сталъ всматриваться еще внимательнѣе.

— Здоровы-ли вы, Викторъ Александровичъ! закричалъ я ему, все еще не показываясь.

— Да какая-же сатана кричитъ тамъ и не вылазитъ на свѣтъ Божій? отозвался онъ, какъ-бы сердясь.

— Это не сатана, а это я, Викторъ Александровичъ, говорилъ я, вылѣзая изъ телѣги.

— Такъ ты-бы такъ и говорилъ! а то кричитъ, кричитъ, а не показывается, проговорилъ онъ,—и мы обнявшись поцѣловались.

— Ай да молодецъ! восклицалъ онъ: ай да козакъ! Спасибо, спасибо, а я уже думалъ, что ты непремѣнно обманешь. Думалъ ужъ было сегодня на ночь пуститься къ Семену Максимовичу праздникъ встрѣчать, а вотъ ты и пріѣхалъ. Спасибо, спасибо тебѣ, теперь не нужно и фракъ доставать.

— Ну, какъ вы поживаете? что подѣлываете, Викторъ Александровичъ?

— Да что подѣлываю! Вотъ другая недѣля, какъ поднялъ шлюзъ да и гуляю день и ночь на греблѣ, какъ собака на цѣпи. Богъ его знаетъ, откуда эта вода прибываетъ, такъ и поддаетъ, и поддаетъ! говорилъ онъ и, взявши меня подъ руку, прибавилъ:

— Ну, теперь просимо до хаты; а ты пріятель, сказалъ онъ, обращаясь къ Ермолаю, отправляйся прямо на конюшню, спроси тамъ кучера Артема и бери у него все, чего душа твоя пожелаетъ.

Панская хата, какъ снаружи, такъ и внутри, отличалась только своими размѣрами и ничѣмъ больше, да и самъ панъ, правду сказать, малымъ чѣмъ разнился отъ своихъ подданныхъ; развѣ только тѣмъ, что носилъ красную шелковую рубашку и черные плисовые шаровары, а по праздникамъ надѣвалъ фракъ и ѣздилъ обѣдать къ своему церемонному сосѣду,—больше ничѣмъ. Воспитывался онъ, правда, въ нѣжинскомъ лицеѣ въ одно время съ незабвеннымъ нашимъ Гоголемъ; потомъ служилъ въ какихъ-то гусарахъ и служилъ съ такимъ успѣхомъ, что и тѣни въ немъ не осталось прежняго воспитанія. Онъ ужъ лѣтъ пять какъ оставилъ службу, но и теперь не прочь былъ погусарить при удобномъ случаѣ и жаловался только на упадокъ физическихъ силъ, т. е. на головную боль послѣ попойки; но это, я думаю, происходило вслѣдствіе недостатка практики. Какъ настоящій бандуристъ, игралъ онъ на бандурѣ и въ часы досуга занимался сочиненіемъ чувствительныхъ малороссійскихъ романсовъ, изъ числа которыхъ одинъ положенъ на музыку извѣстнымъ нашимъ композиторомъ Глинкою; а чтобы сохранить самобытность въ литературѣ, не читалъ онъ ровно ничего, кромѣ басенъ Федра, переведенныхъ во время оно знаменитымъ Барковымъ, да еще кое-когда заглядывалъ въ «Царь или спасенный Новгородъ» Хераскова. Словомъ сказать, онъ совершенно оградилъ себя отъ всякаго подражанія на поприщѣ литературы. Для полноты его характера надо прибавить, что, ведя уединенную жизнь въ самыхъ привольныхъ мѣстахъ для охотника, онъ былъ заклятый врагъ охоты и охотниковъ называлъ не иначе, какъ живодерами и псарями.

Пріятель мой не отличался изящными манерами и привлекательной наружностью, но въ его смугломъ, изрытомъ оспою лицѣ было столько веселаго прямодушія, что нельзя было смотрѣть на него безъ удовольствія, оообенно когда онъ разсказывалъ какой нибудь малороссійскій анекдотъ, или передразнивалъ кого нибудь изъ своихъ сосѣдей: самой естественной мимикой владѣлъ онъ въ высшей степени.

Былъ онъ уже мущина не первой молодости, но нельзя было назвать его и старымъ холостякомъ, хотя онъ уже близился къ категоріи сихъ послѣднихъ. Онъ такъ освоился съ одиночествомъ, что о женитьбѣ и помину не было. На современное воспитаніе ба-

рышень вообще и сосѣдокъ въ особенности онъ смотрѣлъ по своему, т. е. косо и, судя по его оригинальному взгляду на предметы, нельзя было предполагать, чтобы онъ когда нибудь женился, а вышло иначе; не дальше, какъ чрезъ годъ послѣ моего свиданія съ нимъ, онъ женился и какъ въ литературѣ, такъ и въ этомъ дѣлѣ, поступилъ самобытно.

Нужно прибавить, что среди своихъ «подданныхъ» онъ былъ, какъ отецъ среди семейства: бралъ отъ нихъ только то, что ему необходимо было для дневнаго существованія, прихотей-же не зналъ никакихъ и вообще его расходы были чрезвычайно ограниченны; съ этой стороны онъ былъ достоинъ подражанія.

— Бабусю! крикнулъ хозяинъ, войдя въ хату.

На зовъ его вошла опрятная чистенькая старушка въ деревенскомъ платьѣ.

— Самоваръ! чаю! и прочее..... догадалась?

Старушка кивнула утвердительно головою и вышла изъ хаты.

— Какой-же ты добрый человѣкъ, если-бы ты зналъ, такъ просто я и сказать не умѣю! говорилъ онъ, обнимая и усаживая меня на дубовую широкую лаву или скамью.—Да этакого другаго человѣка и съ фонаремъ теперь не найдешь: дать слово и сдержать его! право не найдешь!

Я молча пожималъ ему руку и кивалъ головою. Пока мы мѣнялись любезностями, тѣмъ временемъ зашумѣлъ самоваръ на столѣ и опрятная бабуся вытирала стаканы, а хозяинъ, оставя меня, принялся раскупоривать бутылку, на ярлыкѣ которой красовались готическія буквы, изображавшія слово «коньякъ».

— Жаль, что не засталъ ты здѣсь стрѣлковаго батальона, говорилъ онъ, ставя на столъ раскупоренную бутылку: на прошлой недѣлѣ выступилъ только; а что за лихіе ребята, большею частію шведы! Чудо, что за народъ: воспитанные, образованные, а ужъ кутнуть или загнуть уголъ, такъ просто, что твои гусары, особенно поручикъ Штремъ, просто геніальная голова.

Пока онъ воздавалъ похвалы поручику Штрему и компаніи, бабуся налила въ стаканы чаю, и мы подсѣли къ столу. Послѣ перваго стакана чаю Викторъ Александровичъ обратился ко мнѣ и сказалъ:

— Разскажи-же ты мнѣ про свое путешествіе: вѣдь ты человѣкъ наблюдательный; я думаю, много интереснаго подмѣтилъ.

— Самое интересное, сказалъ я, изъ всего моего путешествія— это ваша корчма около Эсмани, а особенно корчмарь, вашъ посессоръ.

— А, это Омелько Туманъ! Такъ вы таки познакомились съ нимъ?

— Я у него ночевалъ, да еще въ добавокъ и въ долгъ.

— Какъ такъ въ долгъ?

Въ отвѣтъ я разсказалъ ему исторію моихъ финансовъ.

— Плохо! замѣтилъ онъ разсѣянно и, не много помолчавъ, сказалъ:

— А знаете-ли, этотъ старый инвалидъ, Омелько Туманъ презамѣчательный человѣкъ и въ добавокъ оригиналъ совершенно въ малороссійскомъ характерѣ. Онъ не разсказывалъ вамъ про свое знакомство съ Блюхеромъ, или какъ они чрезъ Парижъ промаршировали?

— Про Парижъ разсказывалъ, а про Блюхера нѣтъ.

— Какъ-же это такъ! вѣрно жена помѣшала.

Я подтвердилъ его догадку.

— И онъ вѣрно назвалъ ее капитаншею?

— Дѣйствительно такъ.

— Видишь, какъ я изучилъ моего арендаря или, какъ ты говоришь, посессора. Знай-же, что подъ этой грубой корою скрывается самая возвышенная, самая благородная душа. Жена его, которую онъ шутя называетъ капитаншею, это его воспитанница съ самого нѣжнаго дѣтства. Я вамъ на досугѣ разскажу эту исторію; онъ сослуживецъ и однополчанинъ моего отца, и покойникъ мой безъ сердечнаго умиленія не могъ разсказывать его похожденій. А лучше всего я подарю тебѣ рукопись, написанную со словъ покойнаго батюшки; тамъ ты не найдешь ни одного слова фантазіи, нагая истина. Я думалъ было напечатать ее, да послѣ раздумалъ. Пожалуй, еще какой нибудь баронъ Брамбеусъ остриться на меня вздумаетъ или просто назоветъ ее пустой выдумкой, а это для меня пуще ножа остраго; а ты ее, пожалуй, напечатай, только подъ своимъ именемъ, чтобы я былъ въ сторонѣ. Я завтра-же ее тебѣ доставлю; она у меня гдѣ-то спрятана; я самъ не помню, надо спросить у бабуси: бабуся у меня всему хозяйка. А дочку его видѣлъ? прибавилъ онъ, улыбаясь.

— Видѣлъ, сказалъ я.

— Что? не правда-ли красавица?

— Дѣйствительно красавица, и хоть она одѣта по крестьянски, но нисколько не похожа на крестьянку.

— На крестьянку! Гм..... она похожа на царевну, а не на крестьянку! А какъ ты думаешь, прибавилъ онъ, пристально глядя мнѣ въ глаза: можно-ли такому важному человѣку, какъ напримѣръ я, назвать ее своею женою, а?

— Почему-же и не такъ, сказалъ я: если она и во всемъ такъ прекрасна, какъ наружностью.

— Рѣшительно во всемъ, сказалъ онъ восторженно. Я сердечно радъ, что встрѣтилъ хоть одного человѣка однихъ мыслей со мною на счетъ истинной независимой семейной жизни, а то приличіе да приличіе, и вся жизнь основана на взаимномъ обманѣ, т. е. приличіи. Провались они съ своимъ приличіемъ! прибавилъ онъ, допивая стаканъ чаю.

— Одно, что мнѣ въ ней показалось страннымъ, говорилъ я.

— А что такое?

— А то, что она для корчмы слишкомъ невинна; она, напримѣръ, до сегоднишняго дня не знала о существованіи гармоники— настоящая дикарка!

— Вотъ именно это мнѣ въ ней и нравится! Какъ-же это она сегодня сдѣлала такое великое открытіе? ужъ не съ вашей-ли помощью?

— Именно съ моею. Я подарилъ ей гармонику.

Радушный хозяинъ посмотрѣлъ на меня изъ подлобья и, покручивая усы, сказалъ:

— Чертъ васъ носитъ съ вашими гармониками! только добрыхъ людей развращаете. Ну, скажи на милость, къ лицу-ли ей, такой принцессѣ, твоя глупая гармоника? Вѣдь она ее обезобразитъ; это все равно, что орловскую увѣсистую бабу посадить за клавикорды Лихтенталя. Сегодня-же отберу и въ печку брошу!

— Бабусю! крикнулъ онъ.

Вошла бабуся.

— Пошлите въ корчму Максима, чтобы онъ принесъ мнѣ музыку..... или нѣтъ, не нужно: я самъ поѣду.

И хозяинъ поспѣшно надѣлъ шапку и, выходя изъ комнаты, сказалъ:

— Бабусю! найди та отдай имъ ту синюю бумагу, помнишь, что янедавно читалъ Ильѣ Карповичу?

— Помню, сказала бабуся. Хорошо, что вы сказали, а то я хотѣла ее сегодня употребить по хозяйству.

— И хорошо-бы сдѣлала. Отдай-же теперь имъ, когда не успѣла въ дѣло употребить. Прощайте! сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ и вышелъ, порядочно хлопнувъ дверью.

Мнѣ было какъ-то неловко, такъ неловко, что я думалъ было позвать Ермолая и велѣть вооружить колесницу, но раздумалъ, потому именно, что не на что было подняться; волею не волею я долженъ былъ извинить оригинальной и совершенно хуторянской выходкѣ моего Амфитріона, а себя оправдывалъ тѣмъ, что и не такія выходки намъ частенько въ жизни приходится извинять и не только по службѣ, а такъ, какъ говорится, по стѣсненнымъ обстоятельствамъ и даже безъ всякихъ обстоятельствъ. Пока я предавался такимъ великодушнымъ мыслямъ, бабуся принесла и положила передо мною на столъ довольно объемистый свертокъ синей бумаги, перевязанной розовой ленточкой, и молча начала убирать со стола стаканы. Закуривши сигару (я въ то время еще курилъ сигары), я развязалъ и развернулъ свертокъ, сѣлъ около стола на лавѣ съ умысломъ, не позволяя себѣ никакого комфорта или просто горизонтальнаго положенія, чтобы не сдѣлать въ своемъ родѣ невѣжливости и не заснуть предъ лицемъ автора на первой-же страницѣ его скромнаго творенія.

Я принялся читать. Заглавіе было такое:

Капитанша или великодушный солдатъ. Разсказъ самовидца.

Даровавши миръ Европѣ, войска нами маршировали во свояси; въ томъ числѣ маршировалъ и нашъ удалый пѣхотный полкъ №. Полковый адъютантъ нашъ былъ хватище на всѣ руки: напримѣръ наша братья простота спустили все нѣмкамъ да француженкамъ, иной и родительское благословеніе хватилъ по боку сгоряча, а онъ себѣ втихомолочку копилъ денежку за денежкой, да разныя, какъ мы тогда называли, бездѣлушки собиралъ, а эти бездѣлушки были не что иное, какъ рѣдкости: золото и алмазъ—больше ничего! Между прочими рѣдкостями вывезъ онъ на родину и жокея француза или, какъ онъ еще его называлъ, пажа.

Ну, жокей или пажъ, это совершено все равно, дѣло только въ томъ, что этотъ пажъ былъ удивительной красоты мальчикъ и стыдливъ, какъ самая непорочная дѣвица. Звалъ онъ его Альфредомъ или Альбертомъ, не помню хорошенько, а только знаю, что полковые музыканты называли его Володькой, а за музыкантами, признаться, и наша братія, офицію имѣющіе, тоже его Володькой называли: свое родное, знаете, какъ то къ сердцу ближе, особенно когда не побываешь на родинѣ годика два, три. Вѣрите-ли, когда мы вступили въ предѣлы Россіи, то первый постоялый дворъ, какъ онъ не грязенъ, мнѣ показался лучше всякаго французскаго отеля. Все это конечно предразсудокъ, но какъ для кого, а для меня этотъ самый предразсудокъ имѣетъ свою какую-то прелесть. Адъютантъ нашъ жилъ, какъ вообще живутъ скупцы, т. е. на замкѣ. У него бывали товарищи развѣ только за дѣломъ и то за весьма важнымъ дѣломъ, слѣдовательно его домашняя жизнь мало кому была видима; носились однакожъ слухи, что онъ вмѣстѣ съ Володькой и чай пьетъ и ужинаетъ (обѣдалъ онъ каждый день у полкового командира), но это были пока только слухи. Одинъ единственный человѣкъ, который ежедневно посѣщалъ квартиру адъютанта—это барабанный староста. Онъ приходилъ къ нему не столько по обязанности, сколько для Володьки.

Барабанный староста этотъ былъ природный нашъ братъ хохолъ и оригиналъ, какого мнѣ другого и встрѣчать не удавалось. Онъ вообразилъ себѣ, что лучше его не только во всемъ полку, во всемъ корпусѣ никто французскаго и нѣмецкаго языка не знаетъ, а когда спросишь-его, бывало, есть-ли какая разница между языками французскимъ и нѣмецкимъ, онъ пресерьезно отвѣтитъ.

— Малность! ежели кто добре знае французскій языкъ, то можетъ говорить и по нѣмецки.

И этотъ то чудакъ во время похода взялся выучить Володьку русскому языку; а онъ столько же зналъ русскій языкъ, сколько нашъ хуторянинъ, не видавшій русской бороды никогда; хотя староста квартировалъ шесть лѣтъ во владимірской губерніи, но это ему мало помогло: онъ все таки остался настоящимъ хохломъ. Если бы Володька вздумалъ серьезно отъ него поучиться русскому языку, то былъ бы похожъ на того англичанина, съ которымъ вышелъ такой казусъ. Вздумалось ему выучиться по русски говорить; онъ,

чтобы достигнуть скорѣе своей цѣли, поселился на лѣто въ деревнѣ и договорился съ попомъ, чтобы тотъ его выучилъ къ зимѣ настоящему коренному русскому языку, а попъ его и выучилъ церковному нашему языку. Англичанинъ зимою возвращается въ столицу и въ модномъ салонѣ отпустилъ какое-то *бо мо* на церковномъ языкѣ. Барыня такъ и покатилась со смѣху. Англичанинъ оторопѣлъ: онъ совсѣмъ не такого ожидалъ эффекта отъ своего *бо мо;* переконфузился, бѣднякъ, и не могъ понять, чтобы это значило, да послѣ уже ему растолковали.

Съ французикомъ Володькой могло случиться тоже самое, что и съ чудакомъ британцемъ. Однакожъ этого не случалось, а случилось вотъ что: впродолженіи похода французикъ, не смотря на угрюмый и молчаливый нравъ барабанщика, такъ къ нему привязался, какъ только можетъ привязаться дитя къ матери. Чудныя вещи совершаются въ природѣ: на примѣръ Туманъ, барабанный староста (такъ онъ прозывался, и мы его такъ будемъ называть) былъ совершенно не въ французскомъ характерѣ человѣкъ, а полюбился вѣтренному французу, да еще какъ полюбился! просто какъ родной. Есть что-то тайное, незримое, намекающее намъ на наше будущее несчастье, но мы не въ силахъ понять эти нѣмые намеки, а потому и страдаемъ. Французу тоже его ангеломъ хранителемъ была подсказана эта симпатія къ человѣку простому, грубому, чуждому, казалось, всякаго возвышеннаго чувства; а вышло, что всѣ мы ошиблись, а французъ угадалъ.

Володя или французикъ, какъ я сказалъ, былъ скромный и даже застѣнчивый мальчикъ со всѣми, кромѣ Тумана, а съ нимъ онъ такія штуки выдѣлывалъ, какъ можетъ случалось вамъ видѣть играющаго молодаго котенка съ старымъ котомъ. Что-бы ни сдѣлалъ молодой котенокъ, старый только глаза жмуритъ. Такъ и Туманъ: что бы не выдѣлывалъ съ нимъ Володя, онъ только смотритъ на него и улыбается. Развѣ ужъ очень онъ ему надоѣстъ своими шалостями, или просто отдохнуть не дастъ послѣ ротнаго ученья и покурить трубку на свободѣ, такъ онъ поворотится на другой бокъ и проговоритъ: «а шобъ ты ему опрягмось»...., да не кончивши нехорошей фразы, остановится, перекрестится и скажетъ: «Господи! прости меня грѣшнаго, оно сирота да еще на чужинѣ, а я его лаю»,—и какъ бы уставши ни былъ, встанетъ, пойдетъ

достанетъ гдѣ нибудь творогу и прочаго и примется вареники лѣпить длл своего Володи, чтобы тѣмъ хоть сколько нибудь загладить вину свою передъ нимъ. Адъютантъ хоть видимо и не поощрялъ, но въ тайнѣ былъ доволенъ взаимной ихъ привязанностью, да иначе и быть не могло. Володька что еще?—почти дитя, да еще между чужими людьми, долго ли избаловаться? Къ такому возрасту все льнетъ одинаково: и худое, и хорошее, а онъ былъ увѣренъ, что отъ Тумана пажъ не выучится ничему худому, потому что Туманъ во всемъ полку слылъ за человѣка самого аккуратнаго и самаго честнаго; а что онъ угрюмый, такъ это ничего; иной и ласково смотрить, а кусаетъ, какъ гіена.

Вступивши въ предѣлы нашего возлюбленнаго отечества, остановились мы на зимнія квартиры. Володя началъ скучать и какъ-то чудно перемѣнился въ лицѣ. А что еще чуднѣе, такъ это то, что онъ своего широкаго плаща никогда не снималъ, такъ и спалъ въ плащѣ. И никогда уже не игралъ, какъ котенокъ, съ своимъ угрюмымъ другомъ, а упадетъ къ нему на грудь, да такъ и обольется слезами. Туманъ хотя всячески баловалъ и старался его развеселять, но мало успѣвалъ. Мы думали сначала, что это просто тоска по родинѣ, больше ничего, и что со временемъ пройдетъ; вышло иначе. Адъютантъ, взявши отпускъ, уѣхалъ съ родными повидаться, а Володѣ нанялъ въ мѣстечкѣ у жида квартиру и оставилъ его на попеченіи барабаннаго старосты. Мы этому тоже не могли надивиться. Отчего бы не взять мальчика съ собой! Онъ все бы таки немного поразсѣялся. Мы приписали это скупости адъютанта, больше ничему.

Не знаю почему, но французенокъ этотъ насъ всѣхъ интересовалъ, въ особенности меня. Въ немъ было что-то привлекательное, симпатическое; и когда онъ остался безъ своего патрона и не показывался на улицѣ, то я какъ будто что то потерялъ и всякій разъ, когда увижу Тумана, спрашивалъ о французѣ. Туманъ сначала отвѣчалъ мнѣ, что Володя скучаетъ, а потомъ началъ отвѣчать, что Володя «не здужае». Много разъ подмывало меня зайти провѣдать Володю да поговорить съ нимъ о его родномъ Парижѣ; можетъ быть, ему и легче бы стало. Такъ чтожъ вы будете дѣлать съ глупою фанаберіею? Какъ дескать я, будучи офицеръ, пойду съ визитомъ къ какому нибудь, положимъ себѣ, хоть и французу

а все таки лакею. О воспитаніе! Съ отъявленнымъ чиновнымъ негодяемъ мы привѣтливо раскланиваемся на улицѣ, принимаемъ у себя въ домѣ съ самою обязательной улыбкой, предлагаемъ стулъ и первое мѣсто за семейнымъ столомъ и не боимся, что эта ядовитая тварь своимъ дыханіемъ заразитъ дѣтей нашихъ; а встрѣчается съ нами на улицѣ простой человѣкъ, нечиновный, который своимъ безкорыстіемъ и прямотою, быть можетъ, намъ же оказывалъ услуги, да мы на него и не взглянемъ, а если и взглянемъ, то такъ благосклонно, что лучше бы и не взглядывали. И это у насъ называется приличіе! Мерзость, ничего больше! Мы хуже браминовъ: тотъ по крайней мѣрѣ издыхать будетъ, а у парія воды не попроситъ, что бы не быть ему ничѣмъ обязаннымъ. А мы!... впрочемъ на эту тему цѣлые томы написано, такъ не лучше-ли оставить, потому что я ничего новаго сказать не умѣю, да и замѣчено не разъ, что великіе теоретики не всегда бываютъ такіе же практики. Я это говорю въ отношеніи филантроповъ и моралистовъ; а чтобы не попасть въ эту же категорію, то я возвращаюсь къ французику Володѣ.

Прошло мѣсяца два послѣ отъѣзда адъютанта; онъ въ полку не имѣлъ никакого близкаго или пріятеля, слѣдовательно мы объ немъ никакихъ извѣстій не имѣли. Квартировалъ я вмѣстѣ съ нашимъ штабъ-лекаремъ и сидимъ себѣ вдвоемъ въ вечеру да читаемъ какую-то французскую книгу, не помню, какую именно; только деньщикъ докладываетъ, что барабанный староста проситъ позволенія войти.

— Позови, говорю.

Туманъ вошелъ блѣдный и перепуганный.

— Что скажешь, Туманъ? спросилъ я.

— Къ ихъ высокоблагородію.

— Что же тебѣ нужно? спросилъ лекарь.

— Володька умираетъ, ваше высокоблагородіе! Помогите! Только это не Володька, ваше высокоблагородіе, а женщина.

— Какъ женщина? спросили мы въ одинъ голосъ.

— Такъ просто женщина и теперь страдаетъ родами.

Лекарь наскоро одѣлся и ушелъ вслѣдъ за Туманомъ. Долго онъ не возвращался, или это, быть можетъ, такъ мнѣ показалось потому что я его съ нетерпѣніемъ ожидалъ; наконецъ онъ пришелъ.

— Ну, что! спросилъ я его.

— Ничего, разрѣшилась, отвѣчалъ онъ; младенецъ здоровъ, будетъ живъ, а она бѣдная сильно пострадала, едва ли выдержитъ.

По утру пришелъ Туманъ и объявилъ намъ, что она умерла вскорѣ послѣ ухода ихъ высокоблагородія.

— Дали знать о случившемся полковому командиру. Тотъ велѣлъ на другой день похоронить ее и предать это дѣло забвенію. Полковница хотѣла было взять дитя на воспитаніе, но Туманъ не уступилъ.

— Я предъ Богомъ буду отвѣчать за это дитя; мать, когда умирала, то цѣловала мои руки и все на дитя показывала, т. е. просила, чтобы не покидать ея дитя, и я не долженъ покидать его, говорилъ онъ; и такъ сдѣлалъ: съ помощью фактора въ тотъ же день нашелъ кормилицу, передалъ ей ребенка и заплалилъ деньги.

Хотѣлось намъ узнать, кто такая была покойница, но ничего не узнали: бумагъ никакихъ при ней не оказалось,—должно быть, или какая нибудь кочующая актриса, или просто изъ моднаго магазина субретка, Богъ ее знаетъ.

Теперь я думаю не совсѣмъ еще поздно будетъ познакомить васъ покороче съ моимъ неуклюжимъ героемъ; но лучше поздно, нежели никогда, говоритъ мудрая пословица.

Въ 1809 году запасныя войска наши были расположены частью въ Бессарабіи, частью въ херсонской губерніи, въ томъ числѣ и нашъ полкъ. Я тогда только что кончилъ курсъ наукъ въ шляхетскомъ кадетскомъ корпусѣ; меня едва обмундировать успѣли, какъ послали въ дѣйствующую армію, т. е. въ запасныя войска. Прибылъ я въ полкъ, поступилъ въ роту; ротный командиръ и поручилъ мнѣ, между прочими занятіями, только что прибывшихъ въ роту съ полсотни рекрутъ обучить фронту. Въ числѣ рекрутъ былъ и Туманъ.

Едвали самая упрямая цыганская кляча перенесла столько побоевъ, сколько этотъ бѣдный рекрутъ, а дѣло впередъ не подвигалось ни на шагъ: наука парню не далась, шесть мѣсяцевъ прошло, а онъ какъ ни въ чемъ не бывало; собою-жъ онъ былъ видный, здоровый, молодой, безо всякаго качества, какъ говаривалъ капралъ, только съ норовомъ. А правду сказать, такъ мы сами снаровки не знали, какъ обращаться съ рекрутами, особенно съ

моими земляками. Владиславлевъ въ то время не издавалъ еще памятной книжки для штабъ и оберъ-офицеровъ, въ которой помѣщено весьма дѣльное наставленіе доктора N. на этотъ предметъ. Вскорѣ былъ заключенъ съ турками миръ, и нашему полку приказано было двигаться во внутрь Россіи. И такъ мы на Туманѣ только напрасно хворостъ переломали. Наша рота двигалась вмѣстѣ съ полковымъ штабомъ, слѣдовательно и съ полковой музыкой. Походомъ нашъ недобитый рекрутъ познакомился съ барабанщикомъ; тотъ и давай ему на дневкахъ открывать таинства своего искусства. Что же вы думаете? Не дошли мы еще до назначеннаго мѣста, какъ нашъ Туманъ или, какъ солдаты ето называли, медвѣдь, выбивалъ на барабанѣ зорю, да такъ искусно, что самъ учитель завидовалъ. Ротный командиръ видитъ, что медвѣдь не совсѣмъ безтолковъ, предложилъ ему быть форменнымъ барабанщикомъ. Туманъ охотно согласился и съ такимъ жаромъ и, можно сказать, увлеченіемъ предался своему любимому искусству, что когда подъ Бородинымъ убили у насъ барабаннаго старосту, то онъ занялъ его мѣсто. Что значитъ призваніе! Уразумѣй мы въ немъ это призваніе съ самаго начала и фура хворосту не пропала бы даромъ.

Послѣдующія событія въ служебной и частной жизни моего героя не такъ примѣчательны, чтобы ихъ стоило описывать; развѣ только разсказать о томъ, какъ онъ, если вѣрить его собственнымъ словамъ, познакомился съ Блюхеромъ, какъ Блюхеръ по нѣмецки предлагалъ ему стаканъ шнапсу и какъ Туманъ по нѣмецки же отъ шнапсу отказался и попросилъ у его высокопревосходительства стаканъ вейну, въ чемъ, разумѣется, ему не было отказано. Принимая въ соображеніе характеръ знаменитаго полководца, все это могло случиться такъ, какъ расказывалъ Туманъ; но я какъ не былъ свидѣтелемъ этой сцены, то и не ручаюсь за истину этого курьезнаго происшествія.

Святое то времячко было для нашего брата военнаго человѣка! Бывало, какъ поставятъ полкъ на зимнія квартиры, такъ тутъ онъ и корни пуститъ: зимъ десять съ мѣста не сойдетъ, такъ что наша братія на половину переженится; что я говорю на половину?—всѣ переженятся, если только невѣстъ въ околоткѣ хватитъ. Да, въ то время невѣсты не засиживались, какъ теперь. Да что теперь? Не успѣетъ полкъ, какъ говорится, мѣста нагрѣть, глядь, его турнутъ

на другой конецъ Россіи; какая тутъ женитьба? Дай Богъ познакомиться какъ нибудь! А солдатъ тогда просто блаженствовалъ! Иной ловкій парень такъ уживется съ хозяевами, что просто дѣлается членомъ семейства, если не больше. Одно только что было больно не по нутру нашимъ солдатикамъ, это форма, т. е. обмундированіе. И дѣйствительно, страшно было смотрѣть, когда его бѣдного одѣваютъ въ полную боевую аммуницію: два одѣваютъ третьяго, а когда одѣнутъ и поставятъ на ноги, такъ ужъ стой; а ужъ если, Боже сохрани, споткнулся да упалъ, такъ ужъ такъ и лежи: самъ не встанешь; нужно опять два человѣка, чтобы поставить его на ноги. А ко всему этому прибавьте бѣлаго сукна шинели; это такая была обуза для солдата, что онъ бѣдный не зналъ, что съ нею дѣлать; вмѣсто того, чтобы защищаться отъ непогоды шинелью, онъ долженъ ее защищать. Въ настоящее время русскій солдатъ въ отношеніи обмундировки просто богдыханъ китайскій. Мундиръ только его немножко безобразитъ; ну, да и этотъ недостатокъ со временемъ замѣнятъ чѣмъ нибудь поблагопристойнѣе.

Кто про что, а солдатъ про амуничку; такъ и я: увлекся крагами да кутасами, а о главномъ то и забылъ. Вотъ какъ было.

По обычаю того времени, полкъ нашъ прозимовалъ въ однѣхъ и тѣхъ же квартирахъ восемь зимъ слишкомъ. Варочка (такъ называлъ Туманъ свою воспитанницу) росла не по днямъ, а по часамъ. И что это за прелестное дитя было! просто совершенство дѣтской красоты. Вотъ уже пятый десятокъ коротаю, а не видалъ еще другаго такого очаровательнаго дитяти. И ко всему этому тихое, скромное, совершенный ангелъ небесный. Оно если позволяло себѣ иногда дѣтскую рѣзвость, такъ только съ однимъ своимъ татомъ (такъ называла она угрюмаго Тумана); въ свою очередь и самая нѣжная мать не можетъ ласковѣе улыбаться своему дитяти, какъ угрюмый Туманъ улыбался, лаская свою кудрявую Варочку. Мнѣ часто случалось его видѣть, сидящаго подъ хатою на завалинѣ и ласкающаго на колѣняхъ свою Варочку. Мнѣ всегда эта сцена напоминала прекрасную гравюру, изображавшую усатаго рыцаря въ кольчугѣ съ прекраснымъ младенцемъ на рукахъ; дитя треплетъ его за усы, а онъ ему ласково улыбается. Точь въ точь Туманъ съ своею Варочкою. Счастливый Туманъ! А правду сказать, онъ вполнѣ заслуживалъ этого счастія.

Взявши на свое попеченіе дитя, онъ началъ съ того, что перестаяъ курить трубку и пить водку. Хотя онъ не былъ никогда записнымъ пьяницею, но при случаѣ отъ добрыхъ людей не отставалъ. Отказавшись отъ единственныхъ прелестей солдата, онъ все-таки немного уэкономилъ для своей Варочки: простыми ломовыми трудами въ жидовскомъ мѣстечкѣ не много возьмешь; нужно было подумать о какомъ нибудь ремеслѣ. Вотъ онъ, понадумавшись хорошенько, принялся сапоги точать. Точаетъ онъ ихъ годъ, другой, а на третій приноситъ мнѣ показать опойковые сапоги собственнаго издѣлія, да какіе сапоги, я вамъ скажу! хоть столичному мастеру, такъ въ носъ бросятся. Я, признаться, не повѣрилъ его досужеству и велѣлъ ему сдѣлать для себя сапоги, онъ и сдѣлалъ. Посмотрю, еще лучше: на ногѣ сидитъ просто, какъ вылитый сапогъ. Я рекомендовалъ его товарищамъ. Туманъ ретиво принялся работать и не прошло году, какъ онъ уже работалъ на всѣхъ офицеровъ въ полку и даже на самого бригадира, который, какъ извѣстно, щеголялъ все еще въ парижскихъ сапогахъ н думалъ уже было заказывать въ Варшавѣ. Такъ вотъ какой изъ неуклюжаго и, какъ думали, глуповатаго Тумана вышелъ мастеръ! Правда, что рѣдко встрѣчаются въ русскомъ человѣкѣ двѣ эти добродѣтели, т. е. и мастерство и трезвость, однакожъ встрѣчаются, и вотъ вамъ доказательство Туманъ. За то онъ жилъ, какъ иному офицеру дай Богъ такъ жить; квартира у него лучше квартиры офицерской (онъ нанималъ у шляхтича отдѣльную хатку въ саду; не помню, что платилъ). Нянька у него нанятая опрятная старушка, тоже чуть чуть не шляхтянка; себѣ онъ отказывалъ только въ винѣ и трубкѣ, а больше ни въ чемъ, а про Варочку и говорить нечего: выбѣжитъ бывало на улицу, что твоя куколка разрисованная, куда шляхетскія дѣти! просто замарашки передъ ней; а самъ Туманъ такъ только и показывался на ученьи,—нигдѣ больше его не увидишь: сидитъ себѣ и день и ночь за своими сапогами, да пѣсенки попѣваетъ.

Человѣкъ трудолюбивый, по моему, самый счатсливый человѣкъ на свѣтѣ, особенно если трудъ его имѣетъ такую возвышенную, такую благородную цѣль, какъ трудъ этого простого, этого безграмотнаго человѣка. Завидую и всегда буду завидовать тебѣ, счастливый благородный труженикъ.

Старушка, Варочкина нянька, между прочими добродѣтелями, была еще и грамотная, по польски, разумѣется, почему я заключаю, что она должна быть шляхетскаго роду; и когда Варочкѣ пошелъ пятый или шестой годъ, не помню хорошенько, помню только, что она уже говорила чисто и внятно и еще не много картавила, что выговору ея придавало особую прелесть,—старушка нянька на досугѣ принялась показывать грамоту Варочкѣ. Туману понравилось, что Варочка его будетъ читать, да еще и по польски, и удовольствіе свое онъ выразилъ тѣмъ, что на первой въ мѣстечкѣ ярмаркѣ купилъ шерстяной какого-то темнаго цвѣта платокъ, тулупъ и козловые сапоги, да сверхъ того подарилъ ей полкарбованца. Старушка была въ восторгѣ, и благодарностямъ ея конца не было. Сначала Туманъ было подумалъ, къ чему Варочкѣ грамота, что она за панна такая, но, посмотрѣвши на дитя, нашелъ, что она дѣйствительно панна и, махнувши рукою, сказалъ: «нехай соби учиться,—умитыме до ладу хоть Богу помолитися». А такъ какъ простодушный Туманъ не находилъ большой разницы между языками нѣмецкимъ и французскимъ, то такъ само между грамотой польской и русской: все равно, абы читала!—Однажды, это уже было вскорѣ предъ нашимъ выходомъ изъ благословеннаго мѣстечка, иду я по улицѣ мимо квартиры Тумана и вижу: Туманъ сидитъ подъ хатою на завалинѣ, въ своемъ пестромъ мундирѣ и съ барабаномъ между колѣнъ (должно быть, только что пришелъ съ ученья); передъ нимъ стоитъ Варочка и проситъ у него барабанныя палки; онъ ей подалъ; она взяла палки, да какъ пріударитъ походъ, такъ что твой барабанщикъ; я просто удивился; настоящая Córka Regimentu, что въ прошломъ лѣтѣ польскіе актеры въ Ромнѣ представляли. Но нужно было видѣть самого Тумана: ни одинъ, я думаю, любитель музыки не слушалъ съ такою любовію симфонію Бетховена, съ какою онъ слушалъ и любовался своею Варочкой.

Это мнѣ напомнило другой эстампъ такой самой величины, да чуть ли и не одного мастера, на которомъ изображенъ рыцарь, тоже въ кольчугѣ, обучающій мальчика бить на барабанѣ. Только перемѣнить костюмъ и будетъ та самая картина.

Впрочемъ уже минуло восемь лѣтъ, когда нащему полку приказано было двинуться по смоленской дорогѣ. Туманъ какъ-бы предвидѣлъ эту катастрофу, обзавелся лошадью и повозкой, такъ

что когда приказали выступить въ походъ, наши братья въ тридорога платили за паршивую лошаденку, и то трудно было достать; а Туманъ только улыбался, глядя на запыхавшихся факторовъ и на наши сборы. Кое какъ мы собрались и въ одно прекрасное утро полковой штабъ и моя рота выступили изъ благодатнаго мѣстечка. Проводы были пышные; да и какъ не быть имъ пышнымъ? Простоявши столько времени на одномъ мѣстѣ, многіе солдатики не только коханками, дѣтками обзавелись. Ну, да это картина не въ моемъ вкусѣ, и я не буду описывать вамъ ни слезъ. ни рыданій, ни судорожныхъ объятій; скажу только, что первый переходъ нашъ длился цѣлый день, и половина моей удалой роты ночевала на дорогѣ.

Мы двигались той самой дорогой, по которой такъ недавно промчался геній войны со всѣми ужасами. Въ городахъ, особенно въ Борисовѣ и Красномъ, были видны еще слѣды войны, а въ селахъ какъ будто ничего не бывало; только и слѣду, что у мужичковъ въ баняхъ на каменкахъ замѣненъ былъ булыжникъ чугунными ядрами. Въ одномъ Смоленскѣ оставались еще цѣлыя улицы въ развалинахъ, а соборъ уже возобновлялся.

Въ Смоленскѣ скупился нашъ полкъ, и послѣ инспекторскаго смотра распустили насъ на зимнія квартиры. Такъ какъ я командовалъ гренадерскою ротою, то вмѣстѣ съ полковымъ штабомъ остался въ Смоленскѣ, а прочія роты расположились въ окрестныхъ селахъ. Туманъ съ своею Варочкою тоже оставался въ Смоленскѣ.

Не смотря на то, что половина города была еще въ развалинахъ, дворянства къ зимѣ съѣхалось много, и мы на развалинахъ древняго Смоленска зиму провели шумно и весело. Маменьки, вѣроятно, разсчитывая на полковую холостежь, навезли невѣстъ, да прехорошенькихъ. Но увы! рѣшительно некому было сватать: наша молодежь, какъ и прежде еще я имѣлъ честь докладывать, вся переженилась. Признаюсь, грѣшный человѣкъ, меня самого тогда подмывало повторить узы Гименея, да жаль стало Викторика; а ему эту зиму только пошелъ четвертый годочекъ, а въ этомъ возрастѣ для дитяти, я по себѣ знаю, что значитъ самая лучшая мачиха; а если, Боже сохрани, навяжется сатана, въ видѣ ангела неземнаго, тогда что дѣлать? Итакъ я подумалъ, подумалъ да и рукой махнулъ. Послѣ я слышалъ, что предметъ моихъ воздыханій сочетался бра-

комъ съ какимъ-то безносымъ богачемъ Энгельгадртомъ, и черезъ годъ онъ уѣхалъ за границу, а она за другую. Я только Богу помолился, когда услыхалъ такую интересную новость.

Квартиру я въ полуразрушенномъ Смоленскѣ успѣлъ захватить порядочную и недорогую. Была одна комната совершенно лишняя, я и предложилъ ее Туману съ тѣмъ, чтобы онъ, какъ человѣкъ трезвый и аккуратный, присматривалъ за моимъ мизернымъ хозяйствомъ: и Варочкѣ его будетъ веселѣе, и Викторикъ мой безъ меня скучать не будетъ. Нянька и гувернантка у меня была прекрасная и грамотная женщина, и Варочка впродолженіи зимы шутя выучилась русской грамотѣ, да и Викторика моего выучили азбучкѣ. Въ великомъ посту онъ уже пребойко читалъ по верхамъ, а Варочка каждый Божій день по утру и ввечеру читала вслухъ, въ присутствіи всѣхъ, утреннія и вечернія молитвы. Счастливый Туманъ плакалъ отъ умиленія, слушая, какъ Варочка читаетъ такія прекрасныя молитвы, о которыхъ онъ, человѣкъ темный, прежде и понятія не имѣлъ; особенно, когда она начнетъ читать «Помилуй мя Боже» и дойдетъ до стиха «сердце чисто созижди во мнѣ Боже», онъ положитъ земной поклонъ и сквозь слезы поцѣлуетъ въ темя свою умную Варочку. За то нянька моя уже не нуждалася въ башмакахъ, у нея всегдѣ въ запасѣ было паръ шесть лишнихъ,—на случай походу, какъ говорилъ Туманъ, а Викторикъ мой каждое воскресенье щеголялъ въ новыхъ сапогахъ. Я скажу ему бывало: зачѣмъ ты, Туманъ, ему такъ часто сапоги перемѣняешь? — Росте, ваше благородіе, то и перемѣняю. — Добрякъ увѣрялъ меня, что ребенокъ можетъ такъ вырости впродолженіи недѣли, что ему необходимо сапоги перемѣнять. Я разъ было попробовалъ взять какой-то матеріи на платьице для Варочки, да и самъ не радъ былъ: Туманъ мой такъ расходился, что чуть было съ квартиры не сошелъ, насилу унялъ я его—такой чудакъ! Обижаете, говоритъ, ваше благородіе, да и баста. У васъ, говоритъ, самыхъ росте дитына, а вы на чужихъ дитей тратытесь. Я человѣкъ рукомесленный, у мене завсегда буде, а вы де возьмете, якъ Богъ не дасть здоровья; хорошо еще, якъ пенсіи дослужитесь, а то и такъ выпустять.

Въ продолженіи зимы я коротко узналъ этого простаго благороднаго и въ высшей степени безкорыстнаго человѣка.

Весною выступили мы изъ Смоленска по московской дорогѣ; за обозомъ моимъ и за людьми я поручилъ надзирать Туману и былъ совершенно спокоенъ. Въ городѣ всяко случается: не вездѣ для тебя все приготовлено; иной разъ и на тощакъ заснешь, что станешь дѣлать? Но въ этомъ походѣ я былъ, какъ у Бога за пазухой: бывало, не успѣешь придти на мѣсто, у Тумана уже все готово: и для меня и для дѣтей квартирка, и самоваръ кипитъ, и ужинъ готовится, и лошадямъ всего въ волю, и Богъ его знаетъ, какъ это онъ все успѣваетъ. А съ мужиками, не смотря на свое хохлацкое произношеніе, никто лучше его ладить не умѣлъ. Удивительный человѣкъ!

Въ Москвѣ скупилась вся наша дивизія, и бывшій тогда еще корпусный нашъ командиръ, покойникъ Сакенъ, послѣ инспекторскаго смотра, отдалъ приказъ по корпусу, чтобы всѣхъ неграмотныхъ унтеръ-офицеровъ обратить въ рядовые. Не знаю, что ему вздумалось покойнику. Изъ этого вышла такая безладица въ ротахъ, что и Боже упаси. Особенно намъ, ротнымъ командирамъ, надѣлалъ онъ хлопотъ своимъ приказомъ. Безграмотныхъ унтеръ-офицеровъ дѣйствительно было много, но за то это были люди самые расторопные и трезвые—двѣ ничѣмъ незамѣнимыя добродѣтели солдата. Такъ такихъ-то людей мы должны были замѣстить грамотными пьяницами и ворами. Тутъ-то я только узналъ, что значитъ такъ называемый грамотный русскій человѣкъ. Грамотѣи попадаютъ въ солдаты большею частью изъ помѣщичьихъ сельскихъ писарей. Мужички наши не даромъ говорятъ: «не буде добра и правды на земли, поки письменнымъ очи не повылазять». Только вслѣдствіе глубокаго презрѣнія къ этимъ грамотѣямъ могла родиться подобная поговорка. Что бы подумалъ про моихъ земляковъ великій ревнитель народнаго образованія Ланкастеръ, когда бы онъ зналъ, что у насъ существуетъ такая варварская поговорка? Подумалъ бы, что земляки мои не люди, а пародія на людей, и былъ бы несправедливъ. Общая грамотность въ народѣ величайшее добро, но гдѣ на 100 душъ одинъ грамотный, тамъ она величайшее зло. Я ничего не знаю безнравственнѣе и отвратительнѣе сельскаго писаря: онъ первый грабитель бѣднаго мужика, лѣнтяй, пьяница, сосудъ всѣхъ мерзостей и первый развратитель простодушнаго мужика, потому что онъ святое письмо читаетъ.

Покойный Основьяненко въ своемъ «Шельменкѣ волостномъ писарѣ» только легкій очеркъ набросалъ этого отвратительнаго типа. И этакими то грамотѣями снабжаютъ помѣщики нашу славную армію! На вѣрное покойникъ Сакенъ не отдалъ бы такого приказа, если бы онъ хоть недѣлю побылъ экономомъ въ помѣщичьемъ селѣ.

Со званіемъ барабаннаго старосты Туманъ соединялъ и скромное званіе унтеръ-офицера, гордился и дорожилъ этимъ званіемъ, какъ собственною личною заслугою. Но увы! какъ человѣкъ не грамотный, долженъ былъ спороть только что купленные въ Москвѣ дорогіе не мишуровые, а настоящіе серебрянные галуны. И ихъ пришлось спороть и бросить въ помойную яму, такъ, ни за что спороть, потому только, что онъ неграмотный разбойникъ. Глубоко было задѣто самолюбіе бѣднаго Тумана. Какъ развѣнчанный Наполеонъ, ходилъ онъ молча нѣсколько дней, не принимая пищи!

Нашему полку назначена была квартира въ Муромѣ, и мы собирались въ походъ; я просилъ его принять снова команду надъ моимъ мизернымъ хозяйствомъ.

— Возмить соби ундера, сказалъ онъ, едва удерживая слезы; а то рядовой васъ дорогою окраде.

Я самъ чуть не заплакалъ и не въ силахъ былъ повторить моей просьбы.

Отпуская его, я былъ такъ неостороженъ, что предложилъ ему синенькую на водку. Зарыдалъ онъ, бѣднякъ, плюнулъ на мою ассигнацію и вышелъ изъ комнаты. На другой день привели его изъ Арбатской части въ полковой штабъ едва-едва движущагося. Когда спросили его, гдѣ онъ пропадалъ, онъ только могъ выговорить: «водки! а то здохну!» Дали ему стаканъ водки и заперли въ пустую комнату. Я испугался за него, но, слава Богу, мой страхъ былъ напрасенъ; Туманъ благополучно отрезвился и больше не повторялъ утѣхи въ горѣ, только до самого Мурома шелъ молча, какъ помѣшанный. Въ Муромѣ вдругъ Туманъ пропалъ; я спрашиваю: гдѣ онъ? говорятъ въ госпиталѣ. Я пошелъ навѣстить его. Прихожу, отворяю дверь въ палату—и чтоже? Вотъ ужъ такой гравюры я не видалъ, да, я думаю, такой картины и на свѣтѣ нѣтъ. Самому великому художнику не представлялось такое прекрасное и оригинальное видѣніе: на койкѣ въ лазаретномъ халатѣ

и колпакѣ сидитъ Туманъ, а на колѣняхъ у него сидитъ Варочка съ азбукою въ рукахъ и складываетъ вслухъ «тма мна», а за нею тихонько басомъ повторяетъ Туманъ. Увидя меня, онъ смѣшался и вставши отвѣтилъ на мое привѣтствіе, прибавивъ краснѣя.

— Варочка оце мени *Помылуй мя Боже* читала.

— Вотъ ужъ и *Помилуй мя Боже*, сказала Варочка наивно: вы еще и склады, Богъ знаетъ, какъ читаете.

— Цыть, дурне! сказалъ торопливо Туманъ, дергая ее за рукавъ.

Варочка сконфузилась, взглянула на меня, потомъ на него и съ упрекомъ сказала.

— Развѣ я не правду говорю? Думала завтра *азъ*, *ангелъ* показать, а теперь и послѣ завтра не покажу, просидите вы у меня всю недѣлю на *тмѣ*, *мнѣ*.

И съ послѣднимъ словомъ она выбѣжала изъ палаты. Туманъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ и съ досадой проговорилъ:

— Отъ тоби на!—И обратясь ко мнѣ прибавилъ:

— Воно бреше, ваше благородіе.

Я видѣлъ ясно, что воно не бреше, но показалъ видъ, что я не догадываюсь, въ чемъ дѣло, и спросилъ его.

— А что она постоянно при тебѣ находится?

— Нѣту, ваше благородіе! у фельдшерши находится, а до мене забижить на яку минуту, тай зновъ до фельдшерши.—Таке не посыдяще! прибавилъ онъ, опуская глаза.

— Клевещешь, клевещешь, Туманъ! сказалъ я ему; я знаю, что ты дѣлаешь, да за чѣмъ же отъ меня скрывать? Развѣ худое дѣло учиться грамотѣ?

Туманъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня и помолчавши сказалъ:

— Худое, ваше благородіе, очень худое! Скажите, чи бачилы вы, шобъ дытя—блазенъ учило старого человика?

И бѣднякъ почти заплакалъ, а спустя минуту сталъ меня просить, чтобы я никому не говорилъ о его грамотѣ. Я далъ ему слово молчать и предложилъ ему денегъ, но онъ сказалъ, что у него свои еще тянутся. Простившись и пожелавъ ему успѣха, я вышелъ изъ палаты.

Алмазъ, а не человѣкъ, думалъ я, и не жалѣлъ даже, что этотъ алмазъ въ корѣ, такъ онъ мнѣ нравился въ своемъ естественномъ видѣ. Хотѣлъ было я сдѣлать сравненіе съ

червонцемъ, Крылова, да разсудилъ, что такія натуры, какъ Туманъ едва ли въ состояніи переродиться, т. е. переобразоваться.

Штабъ-лекарь нашъ подсмотрѣлъ тайну Тумана и не выписывалъ его изъ госпиталя, пока онъ самъ не попросился. Чрезъ мѣсяцъ является ко мнѣ Туманъ съ улыбающимся видомъ (что было ему со всѣмъ не къ лицу), съ азбукою за обшлагомъ и проситъ меня, чтобы я послушалъ, какъ онъ читаетъ. Я послушалъ его: изрядно читаетъ и заповѣди, и все, что есть въ букварѣ. Я подалъ ему уставъ о гарнизонной службѣ, онъ и уставъ читаетъ. Я въ тотъ же день отрекомендовалъ его адъютанту, а онъ бригадиру, и чрезъ мѣсяцъ Туманъ нашилъ снова свои московскіе дорогіе галуны, переселился ко мнѣ на квартиру и снова принялъ въ свои руки мое хозяйство.

Случилось такъ, что въ тотъ самый день, когда Туманъ торжественно нашивалъ свои нефальшивые галуны, и мнѣ вышло повышеніе: я произведенъ былъ въ маіоры, а командиру перваго батальона вышла отставка, я и долженъ былъ принять отъ него батальонъ. Хотя я по прежнему остался одинокимъ, но хозяйство мое по неволѣ должно было увеличиться и такой человѣкъ, какъ Туманъ, былъ для меня необходимъ, а тѣмъ болѣе, что Викторика своего я отправилъ въ Нѣжинъ къ сестрицѣ, что-бы она приготовляла его для лицея; слѣдовательно и Варочка, какъ дитя, для меня тоже была необходима, потому что я безъ Викторика страшно скучалъ, а она, точно ангелъ Божій, явилась въ моемъ домѣ.

Да, не обинуясь можно было уподобить ее ангелу Божію. Такой красоты неописанной я уже не увижу болѣе. А кротость? Истинно ангельская кротость! Ей уже было лѣтъ одинадцать съ небольшимъ, и она мнѣ чрезвычайно живо напоминала покойную Володьку, т. е. свою несчастную мать. Улыбка, голост, глаза—все было, какъ у бѣдной матери; только у Варочки все это было смягчено кротостью и непорочностью. Хотѣлось мнѣ пріохотить ее къ книгамъ, но для ея возраста въ то время какія можно было книги достать! Издавался въ то время журналъ подъ названіемъ «Благонамѣренный». Я прочиталъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» объявленіе и, увлекшись такимъ благороднымъ названіемъ, выписалъ его собственно для Варочки, да какъ прочиталъ первую книжку,

такъ остальныхъ уже и не разрѣзывалъ,—такъ ихъ у меня въ ларѣ и мыши съѣли.

Во время пребыванія Тумана въ госпиталѣ, Варочка подружила съ фельдшершею и теперь почти ежедневно ее посѣщала. Мнѣ эти визиты были не по сердцу, и я нѣсколько разъ говорилъ Туману, что эта дружба до добра не доведетъ; но онъ, Богъ его знаетъ, по чему, не обращалъ на мои слова вниманія. Я прибѣгнулъ было къ хитрости, т. е. задумалъ пріохотить ее къ чтенію и тѣмъ заставить сидѣть дома; но хитрость моя не удалась. А Варочка тѣмъ временемъ росла и хорошѣла.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Малороссійскія пѣсни объ освобожденіи крестьянъ.

(окончаніе) [1].

II.

Какъ было уже сказано, до сихъ поръ не извѣстно ни одной народной пѣсни объ освобожденіи крестьянъ ни великорусской, ни бѣлорусской. Тоже слѣдуетъ сказать и о Малороссіи лѣваго берега Днѣпра и о Новороссіи. До сихъ поръ народныя пѣсни о «волѣ» подмѣчены только въ Малороссіи праваго берега Днѣпра. При этомъ характерно то обстоятельство, что и въ правобережной Малороссіи пѣсни о «волѣ» появились не въ 1861 г., не въ непосредственной связи съ актомъ 19 февраля этого года, а позже, въ связи съ польскимъ возстаніемъ и особенно въ связи съ вызванными этимъ возстаніемъ аграрными мѣрами 1863—1864 г.г.

Какъ ни странными могутъ показаться кому нибудь, кто знакомъ съ исторіей освобожденія крестьянъ только по оффиціальнымъ документамъ, всѣ эти обстоятельства, но, при ближайшемъ вниканіи въ дѣло, они являются вполнѣ натуральными. Масса крестьянъ во всей Россіи не была подготовлена къ объявленію положенія 19 февраля не только обстоятельною пропагандою, но даже самою поверхностною гласностію, а потому преобладающее чувство въ этой массѣ въ моментъ эманципаціи было недоумѣніе, если даже не недовѣріе и разочарованіе. Въ Малороссіи же крестьяне на столько сильно ожидали и послѣ 19 февраля 1861 г.

---

[1]) См. „Кіев. Стар.“ 1887 г., мартов. кн., стр. 412—438.

«настоящей воли» и «слушного часу», что сама верховная власть сочла нужнымъ лично объявить представителямъ крестьянъ въ Кременчугѣ въ 1872 г., что «никакой другой воли не будетъ». Понятно, что при такомъ настроеніи народъ не создалъ пѣсенъ объ актѣ 1861 г. ни тотчасъ, ни даже послѣ. На правомъ берегу Днѣпра обстоятельства сложились нѣсколько иначе. Во первыхъ, тутъ крестьяне были нѣсколько болѣе приготовлены къ объявленію свободы еще инвентарными правилами 1847—1848 г. Во вторыхъ, и это главное, здѣсь аграрныя мѣры 1863—1864 г.,—прекращеніе сразу объязательной работы и повѣрка уставныхъ грамотъ, произвели сразу же существенный переворотъ въ положеніи крестьянъ и при томъ къ явной ихъ выгодѣ, моральной и экономической. Въ третьихъ, здѣсь антагонизмъ между крестьянами и помѣщиками осложнялся національными и религіозными различіями, а потому и самосознаніе крестьянъ проявлялось сильнѣе. Наконецъ, въ частности на появленіе здѣсь пѣсенъ о текущихъ политическихъ событіяхъ, въ томъ числѣ и объ эманципаціи, имѣло вліяніе присутствіе здѣсь элемента, довольно близкаго къ крестьянамъ и въ то же время въ извѣстной мѣрѣ литературнаго. Элементъ этотъ состоитъ изъ лицъ духовнаго сословія, которое на правомъ берегу Днѣпра, по разнымъ причинамъ, ближе къ крестьянству, чѣмъ на лѣвомъ, шляхтичей, писарей, однодворцевъ и т. п. Во всѣхъ этихъ низшихъ разночинцахъ на правомъ берегу Днѣпра еще не замерли преданія стариннаго малороссійскаго виршеписанія, которыя поддерживались даже среди болѣе или менѣе ополяченныхъ ихъ слоевъ уніатскими воспоминаніями и примѣрами польско-малороссійскихъ поэтовъ, въ родѣ Падуры, пѣсни котораго довольно популярны среди мелко-шляхетскихъ и разночинскихъ элементовъ правобережнаго населенія безъ различія вѣроисповѣданія. Въ довершеніе на появленіе на правомъ берегу Днѣпра пѣсенъ объ эманципаціи крестьянъ долженъ былъ повліять примѣръ сосѣдней Галиціи, откуда, какъ увидимъ, перешли цѣликомъ варіанты пѣсенъ галицкихъ.

На основаніи имѣющагося у насъ матеріала, мы можемъ указать только на одинъ вполнѣ ясный слѣдъ существованія въ правобережной Украйнѣ воспѣванія эманципаціи крестьянъ до 1863 г. Это вирша, переданная намъ, какъ пѣсня, записанная въ 1869 г.

г. Ал. Руданскимъ въ м. Миньковцахъ, ушицкаго уѣзда, подольской губерніи.

Мы воспроизводимъ здѣсь ее вполнѣ въ виду того, что она до сихъ поръ не замѣчена русскою печатью и что быть можетъ, кто нибудь послѣ насъ нападетъ на другіе ея варіанты.

Велику радисть, важну новину
Зъ Петербурга шлють на Вкраину; (2)
Вона намъ принесла и росказала,
Що польска пыха та вже пропала, (2)
Що мужикъ,—слуга панській виковый,
Царськимъ указомъ скинувъ оковы
Зъ рукъ, зъ шыи й зъ нижокъ мордуваныхъ,
Видъ боли, праци кривью зальляныхъ,
Що нашъ помищыкъ страшно богатый,
Зъ Иваномъ, Карпомъ за панибрата,
Що Иванъ и Карпо въ шапкахъ стояли
И зъ економомъ въ нихъ розмовляли.
—«Ой ты, Иване, Иване милый,
Прóсю-жъ я тéбе та на хрестины,
А ты Васылю, громадьска думо,
Въ мене самого будь, серце, кумомъ.
Напрошу людей я на хрестины
И для пріязни вдягну свитыну,
Руську[1]) сорочку, поясъ червоный,
Штаны въ халявы заткну юхтови».

На панську ласку Васыль ся вклонивъ
И до громады отакъ промовивъ:
— Ой подружились паны зъ хлопáми,
Слава цареви ридному, слава!
Александръ Вторый въ насъ въ серцяхъ буде,
Дилъ ёго святыхъ Богъ не забуде,
Александръ Вторый въ насъ въ серцяхъ буде,
Для ёго зъ любовью кровъ наша й груди!

По обстоятельствамъ эта вирша подходитъ къ 1862 году, когда, на канунѣ возстанія, многіе изъ польской шляхты начали

[1]) Украинскую, вышитую.

сближаться съ крестьянами, особенно съ вліятельными, и когда описываемыя въ виршѣ сцены братанія сословій были сравнительно не рѣдки въ правобережной Украйнѣ. По формѣ своей, вирша эта очень подходитъ къ стариннымъ малороссійскимъ виршамъ и уніатскимъ кантамъ и кантычкамъ, сбиваясь, какъ и эти послѣднія, на польскій ладъ въ удареніяхъ и стихосложеніи. Но интересно, что не смотря на эти признаки польскаго вліянія, не смотря даже на польскій, такъ сказать, импульсъ къ самому сюжету вирши, она оказалась совсѣмъ противною тогдашнимъ политическимъ стремленіямъ поляковъ, хотя и очень благодушною и довѣрчивою къ панскому классу, въ которомъ, какъ казалось слагателю вирши,—очевидно, зажиточному крестьянину, равнодушному къ аргарной сторонѣ эманципаціи, «польская пыха» уже пропала, подъ вліяніемъ царскаго закона. Уже по этому мы сомнѣваемся, чтобъ вышеприведенная вирша получила широкое распространеніе. Во всякомъ же случаѣ, пока будетъ извѣстенъ только одинъ ея варіантъ, нельзя считать ее за настоящую народную пѣсню.

Можетъ быть, около того же времени, составилась и пѣсня напечатанная въ «Кіевской Старинѣ» 1886 г., іюль, 571—572 стр. Г. М. В., доставившій ее изъ «имѣющагося у него пѣсеннаго матеріала«, называетъ ее «волынскою пѣснею», но, къ сожалѣнію, не называетъ даже мѣста, гдѣ она записана, между тѣмъ, какъ въ подобномъ случаѣ (совсѣмъ новой пѣсни, которой варіантъ является въ печати въ первый разъ) больше даже, чѣмъ въ другихъ, необходимо бы отмѣтить не только это, но и то, кто пѣлъ пѣсню, какого возраста и состоянія человѣкъ, грамотный ли, а равно и то, гдѣ онъ научился пѣснѣ, что о ней думаетъ самъ и т. п. Пѣсня эта

Несчастніи часы зійшлы,
Якъ зъ неволи хлопы выйшлы и т. д.

больше вспоминаетъ о бывшей неволѣ (особенно подробно о деморализаціи женщинъ въ панскомъ дворѣ), нежели о наступившей волѣ, о которой только и говоритъ въ концѣ.

Теперъ, слава Богу, всюды тихо.
Минулося й не вернеться те лихо.

Пѣсня говоритъ о неволѣ у «пана-ляха», но ни словомъ не упоминаетъ о польскомъ возстаніи 1863 г., почему и возможно предположеніе, что она составлена еще раньше этого времени, хотя это предположеніе еще нельзя считать вполнѣ достовѣрнымъ: нѣсколько объективный, такъ сказать протокольный характеръ ея, можетъ говорить и въ пользу того, что она сложилась даже значительно позже самаго 1863 г., когда уже можно было съ нѣкоторымъ самообольщеніемъ вспоминать тяжкое прошлое. Во всякомъ случаѣ интересно, что собственно о волѣ и о томъ, какъ она пришла, пѣсня эта не говоритъ вовсе.

Бóльшая часть до сихъ поръ записанныхъ на правомъ берегу Днѣпра пѣсенъ объ эманципаціи крестьянъ прямо связываетъ это событіе съ польскимъ возстаніемъ 1863 г. Нѣсколько изъ нихъ было напечатано: въ «Днѣ» 1864 г. № 9 (въ статьѣ г. Кокошкина «Три мѣсяца на Волыни»), въ «Кіевлянинѣ» 1869 г. №№ 64 и 95 и въ «Кіевской Старинѣ» 1866 г., іюль, 572—573 стр. Мы отсылаемъ къ указаннымъ изданіямъ тѣхъ читателей, которые пожелали бы узнать полные тексты этихъ пѣсенъ, а здѣсь скажемъ только по нѣсколько словъ объ общемъ ихъ характерѣ.

Кромѣ одной, которая рисуетъ страшную расправу крестьянъ съ поляками повстанцами у с. Соловіевки, радомысльскаго уѣзда, кіевской губерніи, и которая приводитъ только кратко мотивъ: «намъ зъ ляхами не жити», остальныя три говорятъ болѣе или менѣе обстоятельно о крѣпостномъ правѣ, какъ о мотивѣ ненависти къ панамъ-полякамъ и недовѣрія къ нимъ даже тогда, когда они предлагаютъ «золотыя грамоты». Двѣ изъ нихъ,—напечатанныя въ «Днѣ», выражаютъ горячія благодарности царю, который «вольность черни даровавъ, вражихъ ляшкивъ изунявъ». Одна пѣсня восклицаетъ:

> Теперъ, черне моя,
> Вамъ воленька одъ царя,
> Вамъ воленька одъ царя,
> Панамъ бити васъ нельзя.

Другая, которой начало сливаетъ приступъ извѣстной малороссійской пѣсни объ осадѣ Почаева турками съ приступомъ великорусской солдатской пѣсни о шведской войнѣ 1741—43 г.г.,

съ тѣхъ поръ передѣлывающійся на всякую новую войну, очень сближается съ галицкими пѣснями въ слѣдующихъ словахъ:

Подякуймо царю, царю Александру;
Винъ намъ вольность давъ,
Що винъ поляченьковъ, превражихъ сыночковъ,
На ланцугъ побравъ.
Щобъ наша цариця и царськи диты
До ста литъ жили;
Вони поляченьками по всихъ городочкахъ
Тюрмы сповнили.
Не журиться жъ, добри люде,
Ще щось мае Богъ вамъ дать:
Передъ поляками, чернь моя кохана,
Шапки не ламать [1]).

Пѣсня, напечатанная въ «Кіевской Старинѣ», довольно длинно повѣствуетъ, какъ въ «Цвитосци (заславск. уѣзд. волынск. губ.) межъ лисами зибрались мосци-паны воювати зъ москалями», описываетъ участіе въ возстаніи ксендза въ инфулѣ и потомъ круто сворачиваетъ на то, какъ «царь нашъ руській змилувався, за те дуже добре взявся, щобъ мужикамъ волю дати, изъ рукъ лядськихъ одибрати», и заключаетъ:

Александеръ теперъ царь,
Винъ те дило розибравъ,

---

[1]) Напомнимъ, что и въ благодушной виршѣ 1862 г. отмѣчается, какъ самое отрадное явленіе, что „Иванъ и Карпо передъ экономомъ въ шапкахъ стояли“, что въ галицкихъ пѣсняхъ „несниманіе шапокъ“ передъ панами играетъ важную роль. Еще въ старыхъ пѣсняхъ XVII—XVIII вопросъ о шапкѣ игралъ важную роль въ столкновеніяхъ малороссовъ и „ляховъ“.

Ой ходить ляхъ по рыночку,
Шабельку стискае,
За нимъ иде козаченько,
Шапки не знимае.
Ой кинувся ляхъ до шабли,
А козакъ до друка:
— Ой тутъ тоби, вражій ляше,
Зъ душею розлука!

Що Иванъ та Степанъ
Зъ теи жъ шопы, що и панъ.
Винъ те дило розибравъ,
Та и волю людямъ давъ!
Нехай теперъ кожный знае,
Нехай кожный споминае,
Чи то въ хати, чи на поли,
Чи то въ праци, чи у воли,
Що винъ батька-царя мае.

Пѣсня эта отзывается семинарско-дьяковскою книжностію и, по всей вѣроятности, сочинена грамотѣемъ клерикальнаго воспитанія, но она, очевидно, получила нѣкоторое распространеніе. Не знаемъ еще, на сколько она распространена въ крестьянствѣ, но мы слышали, что семинаристы и бурсаки въ подольской и волынской губерніи поютъ слѣдующій варіантъ ея послѣднихъ словъ, какъ особую пѣсню:

Схаменитесь вы, паны,
Поскидайте жупаны,
Надивайте сіряки,
Бо не ваши мужики.
Александеръ царь наставъ,
Винъ те дило розибравъ,
Що Иванъ и Степанъ,
Съ теи-жъ глины, що и панъ [1]).

Еще одна имѣющаяся у насъ пѣсня, записанная г. Ал. Руданскимъ въ м. Колюсикѣ, ушицкаго уѣзда, подольской губ., говоритъ о крѣпостномъ правѣ и эманципаціи въ связи съ польскимъ возстаніемъ и очевидно сложилась непосредственно послѣ этого возстанія еще въ 1863 г. Эта пѣсня не была еще напечатана, а потому мы выпишемъ ее здѣсь всю:

Нема свята, ни недили, а голосить въ церкви дзвинъ,
Мило гуде о пивночи, всихъ сзывае въ Божій димъ.
Кажуть, есть щось видъ царя,
Чи не крикнемъ ёму: ура!

---

[1]) Интересно, что и тутъ на первомъ планѣ высунута идея *равенства*.

Дзвинъ гуде про нашу милу долю, всихъ кличе пидъ святый хрестъ,
Бо про нашу милу волю прыйшовъ царській манифестъ.
Молитеся за царя
И вси крикнемъ ёму: ура! [1])
Въ шистьдесятъ першимъ року, а въ начали сентября
Выйшли царськіи оброки, выйшовъ выкупъ видъ царя.
Нагай панській на викъ згинувъ, и гришнее тило
Теперъ трохи видпочило, бо вже дуже насъ болило.
Нашихъ хлопцивъ, ни дивокъ не буде вже панъ винчати,
А якъ злучить Господь Богъ, не посміе розлучати.
Стала панщина не тая: противъ нашой доброй воли
Насъ недиленька святая не застане вже на поли.
Теперъ наша душа властна, вже панъ іи не продасть
И вражій ляхъ безнапрасно за собаку не виддасть.
Паны цёго не злюбили, та взялися за пала́ши,
А мы пики поробили, та сказали: мы не ваши!
Вси помремъ за Русь святую, вона наша ридна мати,
И за волю золотую, що хотять ляхи видибрати.
Молимося за царя
И вси крикнемъ ёму: ура!

По всему видно, что нескладная пѣсня эта не устнаго происхожденія. Это также семинарщина, только низшей пробы; на складъ ея имѣло, кажется, вліяніе стихотвореніе Падуры «Ruchawka. Piśń kozacza», написанное въ 1825 г. и распѣвавшееся среди польскихъ повстанцевъ на Украинѣ въ 1831 г. и съ тѣхъ поръ не забытое среди мелкой шляхты и оффиціалистовъ на правомъ берегу Днѣпра.

Hej! kozacza, w dobryj czas!
Wże holosyt' w cerkwi dzwin;
Komu wilniśt' myła z was,
Za worohom na zdohin!
Hej! kozacze, na wraha,
Hurraha! hurraha!

---

[1]) Повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ.

Что касается до содержанія пѣсни, то въ ней особенно интересны слѣдующія два стиха:

Въ шистьдесятъ першимъ року, а въ начали сентября
Выйшли царськіи оброки, выйшовъ выкупъ одъ царя.

Цыфра «61-й рокъ» тутъ очевидно стоитъ неправильно вмѣсто 63-го. Поправка-ли это записывателя, или пѣвецъ, слыхавшій-же о законѣ 1861 года, сдѣлалъ эту поправку, но въ обоихъ случаяхъ она находится въ противурѣчіи съ дальнѣйшими важными словами. Манифестъ 19 февраля 1861 года дошелъ до Подоліи и объявленъ въ началѣ марта, а не сентября, въ сентябрѣ-же объявлялось, но не 1861 г., а въ 1863 г. распоряженіе о прекращеніи обязательныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ и объ обязательномъ выкупѣ по сбавленнымъ оброкамъ, то, что второй изъ выписанныхъ стиховъ и называетъ «царскими оброками и выкупомъ отъ царя».

Если мы прибавимъ къ отмѣченнымъ еще одну пѣсню, напечатанную въ «Кіевлянинѣ» (1869 г., № 95) и которая начинается съ горькаго воспоминанія о томъ, что «мы зазнали одъ тыхъ панивъ-ляшкивъ», и оканчивается указаніемъ на перемѣну въ обращеніи пановъ, пѣсню, очевидно, сложенную уже послѣ объявленія аграрныхъ льготъ 1863 г., то мы закончимъ обзоръ всѣхъ пѣсенъ объ эманципаціи крестьянъ въ правобережной Украйнѣ, извѣстныхъ намъ по одному варіанту каждая. Повторяемъ, что уже по этому послѣднему обстоятельству трудно высказаться окончательно о степени народности этихъ пѣсенъ.

Покамѣстъ дѣйствительно народною, популярною пѣснью о великомъ переворотѣ въ жизни крестьянства въ Россіи слѣдуетъ признать только пѣсню о «зозуленькѣ» съ ея осложненіями, перенесенную изъ Австріи. Намъ извѣстно уже шесть ея варіантовъ, записанныхъ въ разныхъ мѣстахъ правобережной Украйны: три печатныхъ (въ «Кіевлянинѣ» 1869 г. № 95, въ «Запискахъ юго-зап. отдѣла географич. общест., т. I, прилож. 54—59, и въ статьѣ г. Костомарова «Исторія козачества» и пр. «Русск. Мысль, 1880 г., іюль, стр. 64—65) и три неизданныхъ.

Изъ этихъ варіантовъ напечатанный у г. Костомарова, очевидно, тотъ-же, который мы имѣемъ въ рукописи, въ сборникѣ г.

Сѣницкаго, записанный въ Гайсинѣ, подольск. губ., самый короткій и подходитъ вполнѣ къ жолковскому варіанту г. Головацкаго, который въ свою очередь представляетъ найболѣе безхитростное усвоеніе перваго «кавалка» «Зори галицкой». Варіантъ «Кіевлянина» подходитъ къ серединѣ обработки перваго образца, напечатаннаго у г. Головацкаго подъ № 75, только составныя части его сложены по своему и кромѣ того въ концѣ поставлена благодарность «Богу да своему цареви», въ родѣ тѣхъ, какія мы видѣли въ другихъ галицкихъ варіантахъ, съ тою только разницею, что здѣсь вмѣсто слова съ *панами* (на ривнû) сказано: съ *ляхами*. Варіантъ этотъ усиливается обставить тему россійскими подробностями. Такъ онъ начинаетъ со словъ:

Наихали *становыи*, стали говорити:
— «Не будете, люде добри, панщины робити»!
Наихалы *мировыи*, та й стали казати:
— «Не будете передъ панами шапокъ издіймати»

и даже говоритъ, что панщина пропала *въ мисяци феврали*, но тѣмъ не менѣе россійскій варіантъ не смогъ переварить подробностей австрійскихъ. Въ серединѣ въ немъ являются и *комиссары*, только совсѣмъ въ странномъ видѣ: они «збираються на тихее озерце!» совѣщаться, «чимъ бы мужика пиняти, шобъ выняти серце!» и наконецъ разсуждаютъ, какъ паны австрійскихъ варіантовъ, о своемъ положеніи при неумѣніи трудиться и рѣшаютъ: «хиба пидемо на шляхи учитися красти». Уже изъ этого видно, что россійскій варіантъ хотя менѣе ловко сшитъ, чѣмъ австрійскіе, но еще злѣе относительно пановъ. Также зло вспоминаетъ онъ и экономовъ, говоря:

А въ нашого оконома нагай за плечима,
За ковниромъ купа в...й зъ чорными очима.

Варіантъ кіевскаго отдѣла географич. общества, записанный г. Н. Бѣлинскимъ въ м. Браиловѣ, винницкаго уѣзда, подольск. губ., отъ лирника, живущаго въ с. Овсяникахъ, литинск. уѣзда, под. губ., заподозрѣнъ г. Костомаровымъ, который отзывается о немъ такъ: «пѣсня эта, хотя и выдаваемая за чисто народную, при ближайшемъ разсмотрѣніи употребленныхъ въ ней пріемовъ оказывается амплификаціею мотивовъ, выражаемыхъ въ приведенныхъ

нами здѣсь пѣсняхъ (вар. г. Сѣницкаго и «Кіевлянина»), амплификаціею, составленною какимъ-то досужимъ любителемъ и знатокомъ малорусской народной поэзіи» (Р. М. 1880, іюль, 66). Почтенный историкъ на этотъ разъ не правъ. Не говоря уже о томъ, что «досужіе любители», которые выдаютъ свои изданія за чисто народныя пѣсни (какъ это было съ нѣкоторыми даже извѣстными писателями въ 30—40-е годы, въ родѣ Срезневскаго, Максимовича и др.), не поступаютъ такъ, какъ г. Бѣлинскій, который далъ полный адресъ своего лирника,—г. Костомаровъ не сказалъ бы приведеннаго выше суда, если бы не упустилъ изъ виду даже напечатанныхъ галицкихъ варіантовъ, которыхъ впрочемъ, на бѣду своего примѣчанія къ пѣснѣ, не зналъ и г. Бѣлинскій. Варіантъ послѣдняго заключаетъ въ себѣ множество элементовъ галицкихъ варіантовъ. Въ этомъ особенно можно убѣдиться, если прибавить къ печатнымъ галицкимъ варіантамъ тѣ рукописные, съ которыми мы познакомили читателя выше. Допустить же, что самъ г. Бѣлинскій сдѣлалъ сводъ галицкихъ варіантовъ, не возможно, такъ какъ это бы значило предположить, что онъ имѣлъ въ рукахъ тѣ варіанты, которые только теперь нами опубликовываются. Въ довершеніе подлинность варіанта г. Бѣлинскаго подтверждается еще двумя варіантами, которыхъ существованіе не могло быть извѣстно ни г. Бѣлинскому, ни его почтенному обвинителю, такъ какъ они находятся у насъ въ рукописяхъ. Это два варіанта записанные въ Россіи по близости къ галицкой границѣ и представляющіе нѣчто среднее между изложенными выше галицкими варіантами и варіантомъ г. Бѣлинскаго. Первый изъ нихъ записанъ въ м. Сатановѣ на самой границѣ съ Австріей, но, къ сожалѣнію, достался намъ въ весьма неразборчивой рукописи. Онъ представляетъ очень неловкое усвоеніе галицкаго варіанта, близкаго къ № 75 г. Головацкаго. Птицъ въ немъ также много: *зозуленька*, *посмитюха* и *дика качка*, которой нѣтъ въ галицкомъ варіантѣ, но которая вмѣстѣ съ *павою* является и въ «Кіевлянинѣ», представляющемъ въ этомъ отношеніи тоже «амплификацію». Съ непонятными для нашихъ крестьянъ комиссарами здѣсь вышла путаница еще большая, чѣмъ въ варіантѣ «Кіевлянина»:

А що були паны графы, теперъ комисары,
А що були комисары, теперъ екоманы.

Но за то съ обращеніемъ къ мѣсяцу справился сатановскій варіантъ даже лучше иныхъ своихъ галицкихъ собратовъ:

Ты, мясяцю ясный, красный, не сьвити никому,
Сьвити царю Александру, якъ иде до трону [1]).

Другой варіянтъ записанъ г. Ал. Руданскимъ въ с. Калюсикѣ, ушицкаго уѣзда, подольск. губ., въ 1870 г. «на ярмаркѣ на св. Николая отъ лирника, который очень гордился своимъ знаніемъ и котораго толпа слушала съ невыразимымъ удовольствіемъ». Это гораздо болѣе умѣлое усвоеніе—сводъ галицкихъ варіантовъ съ мѣстными прибавками, тоже довольно умѣло вставленными. Впрочемъ и тутъ не обошлось безъ путаницы въ тѣхъ случаяхъ, когда мужику-лирнику пришлось справляться съ книжностями въ родѣ «полуды» на очахъ недостаточно пробудившихся русиновъ, или съ австрійскими комиссарами. Для большей прочности нашихъ финальныхъ выводовъ, а также для полной регабилитаціи варіанта г. Бѣлинскаго, интереснаго во многихъ отношеніяхъ, политическомъ и литературномъ, мы выпишемъ здѣсь варіантъ г. Руданскаго цѣликомъ.

Ой летила зозуленька черезъ наши села,
Чогось наша громадонька смутна, невесела [2])

---

[1]) Подобнымъ образомъ передѣланъ совсѣмъ уже искуственный финалъ вышеприведеннаго 2-го „кавалка" „Зори Галицкой" и въ нѣкоторыхъ галицкихъ пѣсняхъ. Тамъ поется: „Тильки сьвити цисарику, якъ иде до трону", но иногда вм. послѣднихъ словъ является: „якъ ȋде зъ кордону!"

[2]) Это начало, которое находится и въ сатановскомъ варіантѣ, не совсѣмъ умѣстно въ пѣснѣ о радостномъ событіи и весьма интересно въ литературномъ отношеніи, какъ своего рода атавизмъ. Такъ начинаются многія народныя пѣсни, напр.: „Кувала зозулечка видъ села до села, щось наша файна любка сумна, не весела" (Зап. А. Стефановичъ въ с. Вильховци, въ колом. пов.); или пѣсня объ убійствѣ мужа женою: „Ой летила зозуленька зъ гаю до до села, чому жъ наша шинкарочка смутна не весела (у Головацкаго, т. III, стр. 19 и 20; ср. т. I, стр. 59 „Два голубы" и т. II, стр. 602 „Сыви пташки"). По образцу послѣдней пѣсни, повидимому, и сложена была наша пѣсня, чѣмъ, можетъ быть, объясняется и то, что мотивъ ея, какъ извѣщаетъ г-жа К. изъ Новоградъ-Волынска, грустный. Конечно галицкіе составители этой пѣсни передѣлали народное начало соотвѣтственно своему сюжету; но въ Россіи, внѣ книжнаго вліянія, старое начало и всплыло на верхъ. Впрочемъ, по сообщенію г-жи К., въ новоградъ-волынскомъ уѣздѣ она слышала начало такъ: „Ой летила зозуленька черезъ наши села, та принесла новиноньку усимъ намъ веселу", т. е. близко къ началу „Piśni Radosti",

Ой летила зозуленька, зачала кувати:
—«Схожайтеся, люде добри, щось маю казати;
Ой маю я щось казати, маю говорити:
Не будете, люде добри, панщины робити.
Якъ настануть мировіи, ще й до того волостніи,
Ой стануть повидати, шобъ теперъ передъ панами
шапокъ не знимати.»

Ой поихавъ панъ въ село на панщину гнати:
—Выйди, выйди, вражый сыну, маешъ кару взяти!—
Ажъ нихто свого пана слухати не хоче
И на ёго гризни ричи смиливо ся регоче.
Бо въ нашого окомана нагай за плечима,
Въ него в..и по за комиръ зъ черными очима.
Наши паны вже не багати, бо маютъ полуды;
Видибрали панщиноньку, не слухають люде.

Ой летила черезъ село сыва посмитюха
Та спивала панщиноньки, а ляшуга слуха:
—«Ходимо, пане брате, тыю птыцю вбити,
Най ся вона перестане зъ биднихъ ляшкивъ кпити».
—«Ой кпилася, кпилася та й кпитися буду,
Бо есть таки мыже вами, шо роблять облуду».

Ой летила дика качка, впала въ очерети,
Ой тикала панщинонька видъ панивъ въ верети.
Не сама вона втикала, іи громада гнала,
Загнала іи въ пущи, въ нетри, шобъ тамъ пропадала.

Ой якъ вийшла стара пани на затыльни двери [1]):
—«Ой вернися, панщинонько, хочъ намъ до вечери!»
—«Не вернуся, не вернуся, бо я вамъ була вирна,
Сами-жъ то вы видправили, я тому не винна».

—«Ой вернися, панщинонько, вернися, вернися,
Ой хочъ на рикъ, хочъ на два въ панивъ наймися».—

Ой ты зоро вечерняя [2]), ой ты зоро ясна,

---

[1]) На эти двери выходитъ мать муже-убійцы шинкарки въ пѣснѣ указанной выше.

[2]) Опять возвращеніе къ образцу народной поэзіи отъ галицкой книжности.

Ото-жъ ты намъ засьвитыла, ажъ панщина згасла.
Въ нашимъ сели штыри паны, а два окоманы,
Висимнадцять полёвыхъ, а еденъ пидданный.
Ой зъихались комисары *кармалюка* [1]) грати;
Сюда-туда по кешеняхъ, нигде чого взяти [2]).
—Шо мы будемъ, пане брате, шо будемъ робити,
Шо не вміемъ, пане брате,ципомъ молотити?
Шо не вміемъ молотити, наши жинки прясти,
Ой ходимо до Шкалата [3]), навчимося красти.
Шо не вміемо косити, наши жинки жати,
Ой ходимо на гору въ тополяхъ лежати......
Ой летила посмитюха, середъ села впала:
А мисяця сентября панщина пропала.
Вылетила ластивонька, мало снигу, впала,
Въ сами свята великодни панщина пропала [4]).
Летила зозуленька, сила на гилляци,
Выбачайте, добри люде, вже панщина въ с...и!
Ой въ нашого пана-графа малёвани брамы,
Въ него в...и по-за комиръ дрыгають лапками.
Ой летила ряба птиця середъ села впала,
Ажъ теперечки, голодранци, панщина пропала!
На многія лита нашому цареви,
Шо зробивъ увольненя нашому краеви;
На многія лита нашій и царыци,
Шо не ходять на панщину наши молодыци;
На многія лита ще й царевимъ дитямъ,

---

[1]) Билліардъ, м. б. какъ пародія на гоньбу чиновниковъ за извѣстнымъ разбойникомъ 30-хъ годовъ Кармелюкомъ.

[2]) Ср. выше въ закарпатскомъ варіантѣ, а также финалъ еще одного галицкаго варіанта (запис. А. Стефановичемъ, въ Шешорахъ, въ колом. горахъ) изъ короткихъ, котораго мы не упомянули выше по его незначительности.

[3]) Скалатъ—городъ Галиціи.

[4]) Въ этихъ четырехъ стихахъ противурѣчиво сведены двѣ австрійскія даты: около Пасхи въ 1848 г. фактически прекратилась въ Галиціи панщина и издано было распоряженіе о ея отмѣнѣ въ Галиціи (см. выше), а въ сентябрѣ того же года изданъ былъ общій австрійскій законъ объ отмѣнѣ всякой барщины. Мѣсяцъ послѣдней даты совпадаетъ съ закономъ 3 сентября 1863 г. для юго-западнаго края.

Шо позволивъ добрымъ людямъ въ корчми посидити.
Ой будемо заробляти, на боже давати,
Шо не ходять окоманы по-пидъ наши хаты.
Нихто-жъ теперъ мужика, нихто-жъ вже не збудить,
Хиба ёму въ головахъ дитина затрубить.
На панщину хожу, хожу,
Нигде въ сьвити не догожу;
Хожу въ зими, хожу въ лити,
Не догожу нигде въ сьвити! [1])
Ото, хлопци, наши злыдни:
За еденъ день [2]) робивъ три дни
Робивъ три дни, наробився,
Прыйшовъ вечиръ, ще й набився.
Молотивъ я въ понедилокъ
Молотивъ я и въ вивторокъ,
Обмолотивъ я въ вивторокъ,
Лышилося снопивъ зъ сорокъ.
А въ середу докинчивъ:
День панщины видробивъ.
А теперъ я до полудня бъю солому,
А зъ полудня йду до дому.
Оттакъ ципомъ помахаю,
А все видъ ляха сорокивця маю.
Теперъ моя жинка паня,
Шо не пряде митка зраньня.
Серпомъ гоныть, юркомъ душить,
Заплатити ій панъ мусить.
Наши хлопци празникують,
Бо въ ляшуги гроши чують.
Ой ходить панъ по сели
Та збирае косари:
— «Ходи́ть, хлопци, косити,
Буду платити

---

[1]) Подобное же воспоминаніе о панщинѣ см. въ „Кіевлянинѣ“, 1869 г., № 95, 375, въ пѣснѣ о польскомъ возстаніи 1863 г.

[2]) Пропущенный противъ инвентарнаго положенія.

Й дамъ горилки оковити».
Ой ходить панъ по нивоньци,
Мае клопитъ въ голивоньци:
Дрибни снопы, копивъ мало,
А въ кешени легко стало.....
Помолиться, люде, Богу до святои Матки,
Подарувавъ царъ панщину,—подаруе и податки.
Помолиться, молодыци, до святои фигуры,
Шо подарувавъ вамъ царъ яйця, митки, куры...

Варіантъ г. Бѣлинскаго, какъ сказано было, очень близокъ къ вышеприведенному. То же расположеніе, та же географія (Шкалатъ въ той же роли), тѣ же по большей части выраженія; но только онъ гораздо распространеннѣе. Птицъ еще больше; прибавлена еще и гадюка, какъ символъ горькой для пановъ вѣсти,— и каждое существо привлекаетъ за собою связанные съ нимъ образцы въ народной словесности. Но особенность варіанта составляетъ горячность фантазіи его первыхъ слагателей, которая побуждаетъ ихъ прибавлять все новыя подробности уже готовыхъ мотивовъ, особенно тамъ, гдѣ приходится рисовать панщину и пановъ, къ которымъ данный варіантъ относится еще злѣе, чѣмъ другіе. Это озлобленіе побудило включить въ этотъ варіантъ часть особенной пѣсенки, которая, кажется, сложена была въ Галиціи еще въ первой четверти текущаго столѣтія, когда тамъ введена была рекрутчина, конечно, сначала только для крестьянъ. Вотъ эта пѣсенка, оканчивающаяся проклятіемъ.

Ой тикали два ледени (молодцы) по гори садами,
А за ними два капралы зъ довгимы шаблями.
—«Не тикайте, лединики, дайте ся имити;
У цисаря добра служба, лышень бы служити».
— У цисаря добра служба, та й добра заплата:
Не одному воячкови головочка стята.
Ой стята, стята, та й не похована,
За нашого цисарика, за нашого пана.

Бодай паны панували, бодай паны жили,
Бодай паны въ самимъ Видни тачками возили!
(Запис. Н. Окуневская, въ Яворовѣ, въ 1883 г.)[1]).

Послѣднее проклятіе развилось въ отдѣльную злобную пѣсенку, вѣроятно около 1848 г.

Бо-дай панки панували, бо-дай панки жили,
Въ веретки ся зодягали, въ насъ хлиба просили.
Бо-дай панки панували, бо-дай панки жили,
Бо-дай панки при дорози каминчики били.
Бо-дай панки панували, бо-дай панки жили,
Бо-дай панки въ Тернополи кайданы носили.
Бо-дай панки панували, бо-дай панки жили,
Бо-дай панки въ Тернополи песики водили.
(Запис. въ 1872 г. П. Бѣлинскій въ тернопольск. пов.).

Въ Галиціи потомъ пѣсенка эта передѣлалась и на жидовъ,—новыхъ пановъ, у овсяниковскаго же лирника она явилась въ такомъ видѣ:

Дай, Боже, щобъ паны жили: на рукахъ, на ногахъ кайданы носили,
Шобъ воны проживали: въ мисти Камъянци рынокъ замитали!

Въ озлобленіи на пановъ варіантъ г. Бѣлинскаго передѣлываетъ образы своихъ предшественниковъ, выражающіе недоумѣніе пановъ, какъ они будутъ жить, не пріученные къ крестьянской работѣ, на фантазію о томъ, какъ паны и мужики помѣнялись ролями:

Силы хлопци коло стола *марьяша* грати,
Пислали своихъ панивъ до стосивъ рубати и т. д.

Подобныхъ подробностей нѣтъ въ галицкихъ варіантахъ, хотя варіантъ г. Бѣлинскаго въ цѣломъ, конечно, сложенъ еще въ Га-

---

[1]) Варіантъ конца оттуда же:

Бодай паны панували, бодай паны жили,
Бодай тоби, цесарыку, мы вже не служили.
Бодай паны панували, бодай паны жили,
Бодай пана молодого на воячка взяли!

лиціи. Лирникъ, который диктовалъ его нашему собирателю, самъ признавался, что научился этой пѣсни *отъ нимця.* Выше приведенная вставка, картина домашнихъ крестьянскихъ судовъ, которые замѣнили панскую расправу, да воспоминаніе о трехдневной барщинѣ, вм. однодневной,—вотъ и всѣ россійскія прибавки къ австрійской основѣ. Характеристична впрочемъ незначительная по смыслу передѣлка стиха о «податкахъ», которую мы уже встрѣчали и въ другихъ россійскихъ варіантахъ, но которая выражена въ варіантѣ овсянниковскаго лирника особенно ясно:

Молитеся, хлопци, Богу до святои Матки,
Подарувавъ царъ панщину, *подаруе ще й податки.*

Между тѣмъ, какъ овсянниковскій варіантъ почти резюмируетъ все найболѣе характерное изъ всѣхъ, какъ австрійскихъ, такъ и россійскихъ разновидностей пѣсни о зозуленькѣ и волѣ, такъ что становится уже обременителенъ для обыкновенной крестьянской памяти и доступнымъ только для спеціалиста-лирника, еще одинъ неизданный варіантъ, который мы имѣемъ отъ г-жи П. Поплавской (запис. въ с. Уланцѣ, около Томашполя, ямпольскаго уѣзда, подольской губ. въ 1882 г.) показываетъ новое направленіе въ обработкѣ этой все таки книжной темы въ устной народной словесности: изъ многихъ мотивовъ разросшихся варіантовъ взятъ одинъ, найболѣе простой и обработанъ въ отдѣльную, короткую народную пѣсню. Вотъ она:

Дай-же, Боже, здоровья нашому цареви,
Що намъ зробивъ вольность, нашому краеви.
Дай-же, Боже, здоровья нашои царивни,
Що зробила зъ мужика, що зъ панами ривный.
Дай-же, Боже, здоровья ще царевымъ дитямъ,
Що намъ вильно заробляти, де самому хотити.
Дай-же, Боже, заробити, та й на боже дати,
Що не ходятъ осавулы по-пидъ наши хаты.
Ой, у поли могилочка зъ витромъ говорила,
Ой у той могилочци панщина зогнила!

Этотъ конецъ, схватившій изъ длиннаго описанія аллегорическаго погребенія панщины галицкими крестьянами только одинъ

образъ могилы и вспомнившій по поводу этого слова старый пѣсенный образъ степной могилы, которая говоритъ съ вѣтромъ, по нашему мнѣнію, прекрасно замыкаетъ эту пѣсенку, бросая на нее тѣнь народности и въ тоже время изящества.

Вотъ и всѣ извѣстныя намъ до сихъ поръ пѣсни и варіанты опытовъ поэтическаго воспроизведенія великаго событія освобожденія крестьянъ на русскихъ земляхъ въ двухъ имперіяхъ, символически изображаемыхъ двуглавыми орлами. Послѣ сказаннаго, безспорно, что найболѣе распространенная изъ этихъ пѣсенъ, возникла въ имперіи австрійской и уже оттуда распространилась въ Россіи, пока только въ одной, сравнительно не широкой мѣстности. Мы уже показывали на самыхъ россійскихъ варіантахъ ея, что она связалась въ Россіи, подобно другимъ пѣснямъ того-же рода, не съ 1861 г., а съ 1863 годомъ. Но кромѣ указаній самой пѣсни, есть и постороннія свидѣтельскія показанія о времени появленія этой пѣсни въ Россіи и о ея движеніи по «юго-здпадному краю».

Первое указаніе на появленіе пѣсни о зозуленькѣ на Волыни относится къ 1864 г. («День», №№ 9 и 21); но, къ сожалѣнію, корреспондентъ московской газеты не далъ полнаго текста встрѣтившейся ему волынской редакціи пѣсни. Тоже слѣдуетъ сказать и о сообщеніи г. Блажіенка въ «Волынскихъ Губ. Вѣдомостяхъ» (перепечатано въ «Кіевлянинѣ» 1869 г., № 36) о новыхъ пѣсняхъ «про панщину», появившихся въ острожскомъ уѣздѣ, волынск. губ., по словамъ самихъ мѣстныхъ крестьянъ въ декабрѣ 1868 года. «Прохожій изъ Старо-Константинова, говоритъ г. Блажіенко, пропѣлъ первую изъ нихъ въ гульчанской корчмѣ (с. Гульча) и не могъ отвязаться отъ крестьянъ, пока не выучилъ ихъ, и такъ пѣсня распространилась далѣе: гульчанцы научили сосѣдей урвенцевъ и такъ далѣе, такъ что въ настоящее время пѣсни эти поются во всемъ острожскомъ, дубенскомъ и староконстантиновскомъ уѣздѣ». Дѣло идетъ, очевидно, о зозуленькѣ. Мы имѣемъ сообщеніе о томъ, что пѣсня эта поется уже и въ новоградъ-волынскомъ уѣздѣ лирниками[1]). Подольскіе варіанты, лирницкіе и простой, мы при-

[1]) Намъ говорили также, что пѣсню эту пѣли уже около 1866 г. колядники одного села въ радомысльскомъ уѣздѣ.

вели выше,—при чемъ лирникъ г-на Руданскаго въ 1870 г. гордился своимъ знаніемъ пѣсни, очевидно, какъ новостью. Пошла ли уже эта пѣсня дальше на востокъ, дошла ли она хоть до Днѣпра,—пока печатныхъ указаній нѣтъ. Но судя по тому интересу, съ какимъ ее, по всѣмъ вышеприведеннымъ свидѣтельствамъ, слушаютъ крестьяне на Волыни и Подоліи, можно думать, что движеніе ея не остановится на этихъ мѣстностяхъ.

Отголосокъ ея замѣченъ уже и въ сѣверо-западномъ краѣ, гдѣ къ нему прицѣпилось начало весьма распространенной на Украйнѣ прекрасной пѣсни о крѣпостномъ правѣ, очевидно, сложенной въ концѣ XVIII вѣка, тотчасъ по раздѣлѣ Польши. Вотъ для сравненія, этотъ отголосокъ:

Була, була Польща,
Та стала Вкраина[1]),
Не заступить сынъ за батька,
А батько за сына.
Пишовъ батько изъ косою,
А сынъ съ бороною;
Пишла мати за ленъ жати,
А дочка до гною.
Ой ковала зозуленька,
Ковала, ковала,
Якъ панщина даремщина
Отъ панивъ втикала.
Утикала [illegible]инонька,
Ажъ г[illegible] тряслися,
А за нею эк[illegible]:
«Панщино, вернися»!
— Не вернуся, не вернуся,
Бо нема до кого,
Було хлопа шановати,
Якъ здоровья свого.
Догоняли панщиноньку
У Калиновимъ мости:

1) Въ текстѣ приводимаго списка стоитъ: *Россея*, но это очевидно измѣненіе первоисточника, на что указываетъ риѳма.

«Ой, вернися, панщинонько,
Хочь до насъ у гости»!
— Не вернуся, не вернуся,
Бо нема до кого,
Теперъ мене подавайте
Хочь до мирового!
Подякуймо царю й Богу,
И нашій царыци:
Закопали панщиноньку
На пруській граныци.
Подякуймо царю й Богу
И нашій царицни,
Що зривняли панивъ, ляхивъ
И усихъ заривнй[1]).

Подъ этой пѣснею подписано г. Шеловымъ: «Записалъ слушатель виленскаго учительскаго института М. Середа», но гдѣ записана пѣсня, не сказано. Въ языкѣ этого варіанта нѣтъ ничего бѣлорусскаго, слѣдовательно онъ записанъ, по всей вѣроятности, отъ малоросса гродненской губерніи и еще не успѣлъ обѣлоруситься.

Въ заключеніе считаемъ не лишнимъ указать для сравненія съ малорусскими пѣснями, которыя намъ кажутся виршами, объ эманципаціи крестьянъ, извѣстныя уже вирши, записанныя въ Бѣлоруссіи и Великороссіи.

Изъ первой г. Шейнъ сообщаетъ довольно длинную виршу *Разговоръ Данилы и Сьцьпана про волю.* Разговоръ этотъ, въ которомъ главное мѣсто занимаютъ сопоставленія картинъ крѣпостнаго права и воли, *еще ожидаемой* отъ царя, напоминаетъ по своему духу и идеямъ вышеприведенныя украинскія пѣсни, между прочимъ и въ томъ, что и здѣсь большое значеніе придается предстоящему гражданскому и свѣтскому равенству мужиковъ съ панами:

---

[1]) Пѣсня эта помѣщена въ „Русской Старинѣ“ за 1886 г., мартов. кн., стр. 673, но въ невозможной, якобы мѣстной, транскрипціи, которую мы, ради прекраснаго содержанія пѣсни и для удобства чтенія, замѣнили здѣсь общеукраинскою. Цѣлыя пѣсни о панщинѣ съ такимъ началомъ напечатаны: въ „Основѣ“, 1862 г., т. IV, стр. 107 и у Костомарова, въ его трудѣ „Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой“, стр. 868—869. Мы имѣемъ еще три рукописныхъ варіанта.

Но цяперъ на свѣцѣ усе иначей строюць:
Уже не сермяги да сюрдуты кроюць,
Треснуць яны, лопнуць, а на ихъ ня будзе,
Бо уже рѣчи стали у цара и у судзѣ,
Кабы мужыкъ быу воленъ, а царъ яго паномъ,
И ня смѣвъ бы николи звацъ панъ его хамумъ.
Будзиць тоя, браце, дожджомъ, мой Сьцѣпане,
Што панъ на насъ скажиць: «мой коханы пане!»
Мы на ихъ не глянимъ и шапки не снимемъ,
Хоць близка насъ будзиць, не скланіувшись минемъ
и т. п.

(Русская Старина, 1886, III. 675.).

Сообщая эту интереснѣйшую виршу, г. Шейнъ замѣчаетъ: «Послѣднее стихотвореніе одно изъ немалочисленныхъ произведеній новѣйшей народной или популярной бѣлорусской музы. Стихотвореніе это распространено во многихъ спискахъ, особенно въ минской губерніи. Замѣчательно, что лучшій списокъ написанъ польскими литерами—доказательство, что стихи распространены между крестьянъ римско-католическаго вѣроисповѣданія». Послѣднее обстоятельство можетъ показаться удивительнымъ для тѣхъ, кто раздѣляетъ ходячія понятія о католическомъ и православномъ населеніи западныхъ губерній. Но кто знаетъ дѣйствительное положеніе дѣлъ, тотъ не удивится и предположенію о томъ, что и самая вирша эта сочинена въ средѣ крестьянъ католическихъ, болѣе образованныхъ въ томъ краѣ, при первыхъ еще вѣстяхъ о предстоящей волѣ, въ 1857—58 году. Это предположеніе подтверждается и слѣдующими стихами вирши:

Ать ксендзоу, ать жидоу усѣ людзи чуюць,
Що вольносць намъ бѣднымъ дасьць царъ безъ откладу.

Въ Великороссіи еще не замѣтно ни пѣсенъ, ни виршей, спеціально посвященныхъ освобожденію крестьянъ. Факта этого только коснулся, въ ряду другихъ, простонародный стихотворецъ сатирикъ Яковлевъ, богородскаго уѣзда, московской губерніи, описанный г. Михневичемъ. «Наблюдая указанные нами факты деморализаціи промышленнаго крестьянина, его страстишку къ франтовству и модничанью, къ трактиру, гульбѣ и проч., говоритъ г.

Михневичъ, нашъ доморощенный Ювеналъ усмотрѣлъ корень всему злу въ волѣ:

Какъ крестьяне волю получили,
То себя больше къ пьянству пріучили;
Нынѣ крестьяне живутъ, не робѣютъ,
А себѣ добра не прочатъ, не радѣютъ,
Кто для себя добываетъ,
И то все на вино пропиваетъ [1]).

П. Кузмичевскій.

---

[1]) Вл. Михневичъ, Истор. Этюды русской жизни, стр. 413. Статья „Изв. ащеніе народнаго пѣснотворчества".

Записки Ивана Матвѣевича Сбитнева.

(Изъ времени учрежденія на Волыни и Подоліи, послѣ возстанія 1831 г., русскихъ школъ, въ замѣнъ польскихъ).

(Продолженіе) [1].

Краткія свѣдѣнія о школахъ въ западныхъ провинціяхъ, бывшихъ до преобразованія.

Эти же занятія мои дѣлами кременецкой эдукаціонной коммисіи познакомили меня нѣсколько съ учебными заведеніями, существовавшими въ кіевской, волынской и подольской губерніяхъ, въ томъ состояніи, въ какомъ они были до закрытія ихъ въ 1831 году.

Эти учебныя заведенія были слѣдующія:

А. Въ кіевской губерніи.

1) Кіевская гимназія на особыхъ правахъ. Въ ней сверхъ наукъ, которыя преподавались обыкновенно во всѣхъ гимназіяхъ, были еще введены русское право, римское право и греческій языкъ. Воспитанникъ, по окончаніи гимназіи, получалъ чинъ 14 класса. Для содержанія этой гимназіи суммы отпускались изъ казны, преподаватели были присылаемы изъ педагогическаго института и харьковскаго университета.

---

[1]) См. „Кіевская Старина“ 1887 г., мартовск. кн., стр. 439—468.

2) Подольское уѣздное училище, въ которомъ преподавались науки, введенныя во всѣ русскія уѣздныя училища. Содержаніе получало изъ казны.

3) Каневское повѣтовое училище о шести классахъ, на степени гимназіи, содержалось на иждивеніи базиліанъ. Въ этомъ училищѣ часть преподавателей была изъ монаховъ базиліанскихъ, часть выписывалась изъ виленскаго университета.

4) Уманское повѣтовое училище, также о 6 классахъ, на степени гимназіи, содержалось на иждивеніи базиліанъ.

Предметы въ этихъ училищахъ преподавались такіе, какіе обыкновенно введены въ гимназіяхъ; но были еще особенные учителя для латинскаго языка, Закона Божія и польской словесности.

Сверхъ этихъ среднихъ учебныхъ заведеній существовало пятнадцать приходскихъ училищъ.

Б. Въ волынской губерніи.

5) Кременецкій лицей или волынская гимназія. Этотъ лицей состоялъ изъ семи классовъ; въ первыхъ четырехъ классахъ преподавались предметы, какъ къ семинаріяхъ, а въ послѣднихъ трехъ курсахъ науки преподавались въ такой почти степени, какъ въ университетахъ. Преподаватель долженъ имѣть степень доктора, или, по крайней мѣрѣ, магистра. Они присылались по большей части изъ виленскаго университета. Лицей этотъ содержался изъ собственныхъ доходовъ, пожертвованныхъ дворянствомъ, и доходовъ изъ кременецкаго староства.

6) Клеванское повѣтовое училище, о 6 классахъ, на степени гимназіи, помѣщалось въ замкѣ, подаренномъ для сего князьями Любомірскими. Суммы для содержанія его отпускались изъ казны.

7) Межирецкое повѣтовое училище, также о 6 классахъ, на степени гимназіи, содержалось на иждивеніи піаровъ.

8) Овручское повѣтовое училище было о четырехъ классахъ; но въ послѣднемъ классѣ преподавались три года гимна-

зическіе предметы для тѣхъ воспитанниковъ, которые желали потомъ поступить въ университетъ. Это училище содержалось иждивеніемъ базиліанъ.

9) Бердичевское повѣтовое училище, о четырехъ только классахъ, содержалось иждивеніемъ кармелитовъ.

Сверхъ того были на Волыни слѣдующія городскія училища: въ г. Житомірѣ, мѣстечкѣ Полонномъ, Коднѣ, Бердичевѣ, Новоградъ-Волынскѣ, Корцѣ, Острогѣ, Овручѣ, Велединкѣ, Заславлѣ, Старомъ-Константиновѣ, Теофиполѣ, Кременцѣ, Катербургѣ, Вишневцѣ, Алексинѣ, Почаевѣ, Радзивиловѣ, Боремлѣ, Млыновѣ, Дубнахъ, Доростаѣ, въ большомъ и маломъ, Луцкѣ, Мизочѣ, Локачахъ, Несвижѣ, Торчинѣ, Владимірѣ-Волынскомъ, Седлицѣ, Гороховѣ, Порыцкѣ, Сельцѣ, Устилугѣ, Ковлѣ, Турійскѣ, Мѣльницахъ, Голобахъ, Ратномъ, Коблинѣ, Любарѣ, Чудномъ, Колкахъ, Любомлѣ, Ровнѣ, Клевани, Олыкѣ, Деражномъ, Степани, Бережинцахъ, Шпаковѣ, Казимірковѣ, Горынь-городѣ, Заблоцѣ, Буковцѣ и Трояновѣ.

Большая часть изъ этихъ училищъ содержались на счетъ владѣльцевъ помѣщиковъ, а остальныя на иждивеніи латинскаго духовенства. Владѣльцы для этого опредѣляли: 1) домъ о двухъ комнатахъ и при немъ огородъ въ два морга, 2) сѣнокосъ въ два морга, 3) пахатной земли—въ иныхъ по 10, въ другихъ по 20, а въ иныхъ по 30 морговъ; сверхъ того 4) учители получали деньгами 600 злотыхъ, 5) въ награду прилежнымъ учителямъ 5 р. 40 к. сереб., 6) за каждую перемѣну владѣльца вотчиною платится цѣна 50 корцевъ ржи, 7) изгородь огорода, первую обработку полей и засѣвъ также бралъ на себя фундаторъ и 8) въ добавокъ, два кормленыхъ кабана и двѣ фастки масла.

В. Въ подольской губерніи.

10) Винницкая гимназія. Получала содержаніе изъ казны.

11) Меджибожское повѣтовое училище. Помѣщалось въ замкѣ князя Адама Черторижскаго и получало содержаніе отъ казны.

12) Каменецъ-Подольское повѣтовое училище. Получало содержаніе отъ казны.

13) Барское повѣтовое училище. Содержалось на иждивеніи тринитаровъ.

Всѣ три послѣднія училища были о 6 классахъ; въ нихъ преподавались науки въ такомъ же объемѣ, какъ въ гимназіяхъ.

Сверхъ того существовало еще 29 приходскихъ школъ, содержимыхъ по большей части латинскимъ духовенствомъ.

Окладъ жалованья чиновникамъ былъ слѣдующій.

Въ кременецкомъ лицеѣ: директору 1,000 р. сер.

Въ винницкой гимназіи: директору 800 р. сер., префекту и преподавателямъ наукъ по 400 р. сер.

Въ повѣтовыхъ школахъ: штатному смотрителю 400 р. с., учителямъ по 300 р. сер.

Въ приходскихъ училищахъ жалованье учителю не превосходило 150 р. сер., если онъ самъ не хотѣлъ заниматься обработкой назначенныхъ ему земель.

Учебныя книги для кіевской гимназіи присылались изъ департамента министерства просвѣщенія и харьковскаго университета; а для прочихъ учебныхъ заведеній, по требованію, высылалъ коммисіонеръ виленскаго университета, Глюксбергъ. Всѣ книги были на польскомъ языкѣ. Каждый классъ имѣлъ свою книгу, и онѣ назывались: книга для перваго класса, книга для втораго класса, книга для третьяго класса и т. д. Въ книгѣ для перваго класса изложена часть науки, которая должна быть пройдена непремѣнно въ этомъ классѣ, въ книгѣ для втораго класса было продолженіе той же науки, а въ книгѣ для третьяго класса слѣдовало продолженіе науки съ того пункта, на которомъ она оканчивалась въ книгѣ, предназначенной для втораго класса, и т. д. Эти книги печатались на сѣрой бумагѣ. Цѣна имъ назначалась очень малая: отъ 6 грошей до 2-хъ злотыхъ, не дороже. Виленское училищное начальство очень заботилось о томъ, чтобы не перемѣнять учебниковъ и тѣмъ не вводить воспитанниковъ въ разореніе отъ частыхъ покупокъ. Учи-

теля для руководства въ преподаваніи всеобщей исторіи имѣли исторію Кайданова, переведенную на польскій языкъ. Она всегда находилась на каѳедрѣ развернутою и, кажется, только и имѣла это назначеніе—лежать на каѳедрѣ, потому что преподаватели руководствовались другими учебниками по этой части. Тоже можно сказать и о русской исторіи.

Воспитанники по нѣсколько человѣкъ помѣщались на избранныхъ префектомъ квартирахъ, подъ надзоромъ или старшихъ учениковъ или окончившихъ прежде ученіе. Даже дѣти, живущіе въ томъ городѣ, гдѣ было училище, имѣли дозорца, надзирателя. Каждый дозорца имѣлъ переплетенную книгу, въ которой прописывались имена воспитанниковъ, ихъ лѣта, въ какомъ классѣ кто находился, какія у него книги, вещи, сколько у него денегъ, сколько издержалъ воспитанникъ денегъ и сколько у него осталось на лице. Въ этой книгѣ ежедневно отмѣчались успѣхи воспитанниковъ въ наукахъ и ихъ поведеніе. Префектъ почти ежедневно посѣщалъ квартиры воспитанниковъ, а по утрамъ получалъ донесенія о нихъ отъ дозорцевъ. При посѣщеніи онъ пересматривалъ книгу, въ которую собственноручно записывалъ свои замѣчанія о воспитанникахъ, ихъ вещахъ, состояніи квартиры, чиста ли она, тепла, или холодна, и всѣ свои расправы, которыя онъ учинилъ. Расправы съ воспитанниками на квартирѣ были обыкновенно розги; эту экзекуцію всегда исполнялъ цензоръ, ученикъ атлетическаго роста и силы. По окончаніи годичнаго курса, дозорцы передавали эти книги префекту для храненія, а въ началѣ курса имъ выдавались новыя. Сверхъ того префектъ имѣлъ особеннаго довѣреннаго человѣка, шпіона, изъ постороннихъ лицъ, иногда изъ простаго сословія, даже изъ жидовъ. Эти тайные дозорцы, подъ благовиднымъ предлогомъ, посѣщали хозяина квартиры, или воспитанниковъ, ловко стороною развѣдывали о поведеніи дозорцевъ и воспитанниковъ и секретно доносили о томъ префекту.

Дѣти достаточныхъ родителей помѣщались при монастыряхъ, въ отдѣльныхъ комнатахъ, называемыхъ конвиктами, подъ надзоромъ монаховъ, или живали на квартирахъ учитель-

скихъ съ платежемъ денегъ по условію. И тѣмъ и другимъ платили значительныя деньги. Дѣти бѣднѣйшихъ родителей и круглые сироты помѣщались даромъ на общихъ квартирахъ.

Каждый классъ имѣлъ свое знамя, которое выносилось только во время торжественныхъ случаевъ, а именно: во время праздника Божіе Тѣло, или во время маювки, т. е. майскаго гулянья. Этихъ гуляній было непремѣнно три: 1, 15 и 30-го мая. Горе училищному начальству отъ родителей, если оно не выполнитъ этихъ трехъ гуляній съ ихъ дѣтьми!

Между преподавателями находилось много съ хорошимъ образованіемъ. Въ гимназію опредѣлялись магистры, даже доктора, а въ уѣздныя училища кандидаты, Нѣсколько изъ преподавателей кременецкаго лицея впослѣдствіи заняли каѳедры въ виленскомъ университетѣ. Извѣстный Лелевель былъ сперва учителемъ въ кременецкомъ лицеѣ. Всѣ преподаватели пользовались хорошимъ общественнымъ мнѣніемъ и принимались даже въ домахъ аристократовъ, или магнатовъ, какъ тамъ обыкновенно выражаются, съ отличнымъ уваженіемъ.

Преподаватели и воспитанники имѣли *мундуръ*, форменную одежду, высочайше утвержденную для виленскаго учебнаго округа. Но мѣстное училищное начальство не стѣсняло бѣдныхъ воспитанниковъ; имъ дозволялось являться въ училище и въ партикулярной одеждѣ.

Дешевизна въ учебныхъ пособіяхъ, квартирахъ и содержаніи, свобода въ одеждѣ, а особливо любовь поляковъ къ образованію вообще, привлекали воспитанниковъ въ учебныя заведенія, которыя были многолюдны.—Въ Межирѣчи, Каневѣ, Винницѣ считалось ежегодно до 300 учениковъ и болѣе, а въ кременецкомъ лицеѣ число воспитанниковъ доходило до 1000.

Преподаватели, даже и тѣ, которые служили въ училищахъ, содержимыхъ духовенствомъ, могли получать чины, еслибъ того желали они сами. Но тѣ и другіе не любили ранговъ, чиновъ, боясь подвергнуться общественной насмѣшкѣ. Я зналъ многихъ преподавателей, которые служили по двадцати лѣтъ, состарѣлись, получили даже полный пенсіонъ и не имѣли чи-

новъ. Отъ нихъ-то я узналъ, что бывшій попечитель виленскаго учебнаго округа, князь Адамъ Чарторижскій, сильно, могущественно поддерживалъ эту нелюбовь къ чинамъ. «На что вамъ чины? вы шляхтичь, вы ученый человѣкъ; это выше всѣхъ чиновъ»! Такъ обыкновенно отвѣчалъ Чарторижскій тѣмъ преподавателямъ, которые просили его о представленіяхъ къ чинамъ.

Всѣ училища посѣщаемы были визитаторами, которые присылались, въ разныя времена, изъ виленскаго университета; но по большей части, по распоряженію виленскаго университета, эти училища визитировались или предсѣдателемъ, или членами эдукаціонной коммиссіи. По дѣламъ коммиссіи видно, что Чацкій, графъ Плятеръ и Подгородинскій часто посѣщали училища въ качествѣ визитаторовъ.

Во всѣхъ училищахъ введенъ былъ обычай каждый день предъ начатіемъ ученія водить учениковъ въ костелъ для выслушанія тихой мши, т. е. когда не играетъ органъ и ксендзъ шепчетъ про себя весь составъ литургіи. Это обыкновеніе было, по мнѣнію моему, очень хорошо, потому что оно пріучало дѣтей молитвою начинать дневные труды.

Въ заключеніе, не могу утаить, что въ давнія времена въ этихъ училищахъ сильно поддерживалась національность польская: скрывали отъ воспитанниковъ и движеніе образованности въ Россіи, и могущество ея подъ властію мудрыхъ самодержцевъ, и развитіе въ ней промышленности, и благотворныя дѣйствія и учрежденія правительства, ведущія имперію къ цвѣтущему состоянію; но за то умѣли возвеличить передъ ними, при всякомъ случаѣ, и прелесть края польскаго, и высокую образованность поляковъ, ихъ великую заслугу въ успѣхахъ изящной словесности; съ теплотою прославляли мужество, непобѣдимость польскихъ воиновъ, добродѣтели поляковъ, ихъ врожденное дарованіе ко всему, и тому подобное. Оттого юноши не любили Россію, но обожали Польшу; однимъ словомъ, Россія была для учениковъ terra incognita, но за то Польша была извѣстна со всѣми подробностями, и въ прошедшія, и въ насто-

ящія времена, и они не сомнѣвались въ исполненіи ихъ будущей судьбины, на основаніи тѣхъ понятій, которыя заранѣе имъ внушались. Не удивительно, если напитанные такими внушеніями юноши и въ возмужалыхъ лѣтахъ были глухи къ призыву русскаго правительства на служеніе общему отечеству—Россіи! Молодые люди съ большимъ состояніемъ оставались въ домахъ, хозяйничали, охотились, иногда путешествовали по Европѣ съ ученою цѣлью и безъ цѣли; люди съ среднимъ состояніемъ также хозяйничали, также охотились, но путешествовали не далѣе Львова и Варшавы, чтобъ только сказали о нихъ, что они путешествовали; а бѣдная шляхта служила у тѣхъ и другихъ, сперва лакеями, кучерами, писарями, далѣе дворецкими, потомъ если повезетъ необыкновенное счастіе, то достигали выгодной должности коммисара, т. е. управляющаго имѣніемъ, а тамъ чрезъ нѣсколько времени дѣлались поссесорами, то есть брали во временное владѣніе деревни у богатыхъ, а наконецъ дѣлались настоящими владѣльцами и достигали иногда почетнаго титла: hrabia, т. е. графа, пожалованнаго имъ отъ околодка, а иногда отъ цѣлаго уѣзда. Изъ этой шляхты были дѣльцы, занимались адвокатствомъ,—самымъ прибыльнымъ ремесломъ и служили по выборамъ дворянства.

Дѣвицы съ порядочнымъ состояніемъ получали воспитаніе преимущественно въ женскихъ монастыряхъ у визитокъ, гдѣ внушали имъ страхъ Божій, строгое благочестіе, высокую нравственность, любовь къ дѣятельности, опрятности; за тѣмъ, по выпускѣ изъ монастыря, они узнавали въ домахъ все то, что нужно имъ для общественной жизни. Эти монастырскія училища визитировались только бискупомъ или уполномоченнымъ отъ него. Бѣдныя шляхтянки воспитывались или въ домахъ своихъ родителей, или у родственниковъ своихъ, или въ парафіальныхъ школахъ; потомъ дѣлались прислужницами и компаніонками въ богатыхъ домахъ. Всѣ польки вообще набожны, высокой нравственности, умѣютъ одѣваться къ лицу, привѣтливы, ловки въ обращеніи, а потому прелестны; притомъ большія хозяйки и, нечего скрывать, большія патріотки и деспотки въ домахъ сво-

ихъ, но деспотствуютъ силою женской дипломаціи: кротостію, красотою и прелестью. Объ исключеніяхъ я не стану говорить ни слова.

Кіевъ, 25 іюля.

Окончивъ наши выписки, столько, сколько нужно на первый разъ, товарищъ мой и я рѣшились отправиться въ путь прямо на Вишневецъ. Лишь только поднялись мы на гору, то казалось, что мы приблизились къ земному полюсу градусовъ на пять: такъ и пахнуло на насъ свѣжимъ воздухомъ, оживившимъ наши силы, чрезвычайно истощенныя тропическою теплотою глубокаго ущелья кременецкаго. Въ Вишневцѣ мы остановились въ домѣ тамошняго пробоща. Оправившись нѣсколько послѣ дороги, мы, въ сопровожденіи этого духовнаго лица, отправились въ замокъ графа Мнишка, но его, къ несчастію, не застали въ домѣ. Насъ встрѣтилъ управляющій его имѣніемъ, который заблаговременно былъ уполномоченъ владѣльцемъ исполнять всѣ наши требованія. Вслѣдствіе того, мы отправились осмотрѣть училищный домъ, находившійся противъ замка и приведенный въ отличный порядокъ. Въ разсчетѣ недоимки за прежнее время и въ отпускѣ 150 р. с. на содержаніе учителя не только не произошло спора, но еще охотно исполнилъ онъ и другія наши предложенія, которыя клонились къ лучшему благосостоянію училища. Актъ былъ написанъ и подписанъ, какъ слѣдуетъ. Слава Богу! подумалъ я. Первый приступъ къ нашему дѣлу исполненъ удачно, а хорошее начало есть половина дѣла, говоритъ пословица.

Здѣсь къ стати открыть истину. Всѣ фундаторы училищъ, кромѣ духовенства, вслѣдствіе своихъ обязательствъ, поставили непремѣннымъ условіемъ, что пожертвованія ихъ прекращаются съ тѣхъ поръ, какъ скоро училища будутъ закрыты. И такъ, мы имѣли большое основаніе обрадоваться первому нашему успѣху.

Управляющій простеръ свою къ намъ привѣтливость еще далѣе. Онъ отправилъ гонца въ Алексинцы съ тѣмъ, чтобъ все

было приготовлено къ нашему пріѣзду, для того, говорилъ онъ, дабы мы не имѣли ни въ чемъ остановки. А, кажется, цѣль его была другая: онъ извѣстилъ тамошняго управляющаго о томъ, что мы говорили и дѣлали въ Вишневцѣ. Могу ли умолчать о томъ, съ какимъ вниманіемъ я осматривалъ замокъ, прекрасный паркъ, его вѣковыя липы, подъ которыми, можетъ быть, ложный царевичъ, Димитрій, за два вѣка передъ этимъ. очарованный ловкою дочерью Мнишка, Мариною, любовался прелестнымъ положеніемъ Вишневца и мечталъ съ нею о царствованіи своемъ надъ Московіею!

Дѣйствительно, въ Алексинцахъ намъ не было никакой задержки: мы въ три часа покончили съ тамошнимъ управляющимъ всѣ дѣла наши по училищу на такомъ же основаніи, какъ и въ Вишневцѣ. Почему, не мѣшкая ни мало, мы отправились въ Почаевъ, мѣстечко знаменитое тамошнимъ монастыремъ, гдѣ нашла пріютъ чудотворная икона Матери Божіей и гдѣ указываютъ на слѣдъ стопы ея, напечатлѣнный на камнѣ, слѣдъ, изъ котораго безпрестанно струится кристальная вода. Говорятъ, что этотъ монастырь былъ очень богатъ церковною утварью тогда, когда онъ былъ подъ властію базиліанъ. Какъ скоро они узнали, что этотъ монастырь предназначается въ каѳедру православнаго архіепископа, то, расхитивъ драгоцѣнные камни, золотые и серебренные сосуды, скрыли ихъ такъ, что никакихъ слѣдовъ не оставили. Первою моею обязанностію почелъ я посѣтить и принять благословеніе отъ архіепископа Иннокентія, который недавно основалъ здѣсь свою каѳедру, перенесши жилище свое изъ Аннополя. Преосвященный распрашивалъ меня объ основаніи, на которомъ будутъ открыты приходскія школы и чьему надзору они должны быть поручены. Я тогда могъ ему сообщить только то, что мнѣ ничего не извѣстно, ибо я боялся откровеннымъ сознаніемъ сдѣлать огласку, которая могла повредить полезному окончанію нашего дѣла. Затѣмъ я познакомился съ намѣстникомъ монастыря архимандритомъ Антоніемъ; ему самому угодно было показать мнѣ достопримѣчательности монастыря и присутствовать при молитвен-

номъ обрядѣ, посредствомъ котораго при гробѣ угодника Божія Іова изгоняли тяжкій недугъ у какого-то человѣка. Мнѣ и въ голову не приходило тогда, что этотъ умный, кроткій и ученый Антоній, бывшій незадолго предъ этимъ законоучителемъ въ кременецкомъ лицеѣ, будетъ со временемъ возведенъ на первый святительскій престолъ въ имперіи. Во время легкой закуски были только онъ, я и дочь его, жена деревенскаго священника кіевской губерніи. И онъ, сознаваясь въ недостаточномъ своемъ состояніи, съ душевною скорбію принужденъ былъ отказать ей въ такомъ денежномъ пособіи, какого она съ плачемъ требовала. Дочь моя любезная! я далъ тебѣ столько, сколько могъ; не требуй отъ меня большаго! Я самъ ничего не имѣю. Клянусь Богомъ! таковы были послѣднія слова его. Послѣ нихъ я немедленно простился съ нимъ. Мнѣ грустно стало.

Изъ Почаева мы снова возвратились въ Кременецъ, чтобы составить рапортъ къ г. попечителю учебнаго округа о первыхъ нашихъ успѣшныхъ дѣйствіяхъ по предмету устройства школъ. Этотъ нашъ возвратъ былъ по низменной равнинѣ, лежащей на сѣверной сторонѣ кременецкихъ горъ. Роскошь растительности и частыя встрѣчи съ прудами и быстрыми ручьями, обсаженными тополями и вербами, а можетъ быть и особенное настроеніе духа, представляли мнѣ эту равнину живымъ образомъ рая, въ которомъ, казалось, разрушеніе не могло коснуться человѣческаго организма.

Чрезъ три дня, а именно 26 іюня, мы снова вырвались изъ ущелья, называемаго Кременцомъ, и направили наше странствованіе прямо въ Дубны, куда прибыли на закатѣ палящаго солнца. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ день былъ зноенъ невыносимо. На другой день, утромъ, мы посѣтили тамошняго почтеннаго пробоща, который по предмету дубенской школы съ перваго нашего слова на все согласился и все сдѣлалъ. И такъ, не мѣшкая, учинили мы наѣздъ къ графу Ходькевичу, котораго въ тамошнихъ окрестныхъ мѣстахъ именуютъ еще графомъ млыновскимъ, вѣроятно потому, что онъ живетъ въ м. Млыновѣ, и еще потому, что въ дубенскомъ уѣздѣ есть другой

графъ Ходькевичь, который также имѣетъ другое придаточное прозваніе, если не ошибаюсь, графа варковичскаго. По небытности въ домѣ самаго владѣльца, насъ принялъ сынъ его, молодой человѣкъ, съ отличнымъ образованіемъ. Онъ намъ между прочимъ объявилъ, что онъ былъ уже предувѣдомленъ о нашемъ пріѣздѣ, а потому заблаговременно привелъ училищный домъ въ порядокъ и станетъ отпускать содержаніе учителю, на основаніи условія, *хоть заразъ*. Намъ осталось только благодарить его за вниманіе и привѣтливость. Этотъ молодой графъ—большой любитель химіи и имѣетъ порядочную коллекцію книгъ по этому предмету. По этому, вся наша бесѣда вертѣлась около этой науки, и надобно правду сказать, бесѣда его была очень занимательна.—Такъ какъ деревня Доростаи, принадлежитъ тому же владѣльцу, то и тамъ насъ не задержали. Оттуда мы отправились въ Луцкъ, городъ, окруженный почти со всѣхъ сторонъ болотами, извѣстный въ отечественной исторіи тѣмъ, что въ немъ за $2^1/_2$ вѣка тому назадъ бывали частые соборы духовенства, православнаго и латинскаго, для совѣщанія о предметахъ вѣры.

Здѣсь мы должны были остановиться на нѣсколько дней за тѣмъ, чтобъ составить второй рапортъ къ г. попечителю о нашихъ занятіяхъ.

Въ Луцкѣ я представился латинскому преосвященному, бискупу Пивницкому, которому лично принесъ глубокую, душевную мою благодарность за циркулярную его инструкцію къ подвѣдомому ему духовенству. Вслѣдствіе этой инструкціи, пробощи костеловъ оказали намъ радушное гостепріимство, а главное: снабдили насъ, со всею искренностію, мѣстными свѣдѣніями объ училищахъ и владѣльцахъ.

Потомъ посѣтилъ я директора гимназіи, И. Г. Кулжинскаго, который ловко и дѣльно боролся съ лицами, преданными съ патріотическимъ фанатизмомъ прежнимъ школамъ, и неусыпными трудами старался ослаблять въ нихъ предубѣжденія къ училищамъ, устроеннымъ на новыхъ началахъ. Правда, эта борьба была для него не легка, особливо въ Луцкѣ, въ центрѣ

высшей власти латинскаго духовенства, гдѣ такъ много молодыхъ ученыхъ канониковъ, получившихъ образованіе въ виленскомъ университетѣ, «первѣйшемъ въ цѣломъ свѣтѣ университетѣ», по выраженію поляковъ. Въ интимныхъ нашихъ бесѣдахъ мы сознались однако, что только время и терпѣніе, эти вѣрные союзники во всѣхъ человѣческихъ предпріятіяхъ, помогутъ намъ въ головахъ нѣкоторыхъ сословій привить начала русской жизни.

Въ Луцкѣ можно ли оставить безъ вниманія великолѣпный костелъ и архивъ рукописей, ожидающій заботливаго и ученаго разбора!

Изъ Луцка отправились мы въ Локачи, Несвижъ, Торговицу, потомъ чрезъ Доростаи въ Олыку, мѣстечко, принадлежащее князьямъ Радзивилламъ. Здѣшній костелъ великолѣпенъ и надѣленъ огромными фундушами. Пробощъ онаго имѣетъ званіе инфулата, потому что носитъ инфулу и пользуется правами бискупа при священодѣйствіи. За двѣсти лѣтъ тому назадъ, епископъ Заіерскій, въ бытность свою инфулатомъ олыкскимъ, завѣщалъ 70,000 злотыхъ, обезпечивъ эту сумму на имѣніи князя Родзивилла, съ тѣмъ, чтобы основать въ этомъ мѣстечкѣ семинарію и училище для всякихъ сословій. Вслѣдствіе этого завѣщанія князь Радзивиллъ, эрекціею 1638 года 15 апрѣля, основалъ духовно-свѣтское училище въ Олыкѣ, въ которое опредѣлилъ пять учителей: двухъ изъ духовнаго званія, а трехъ свѣтскихъ; они получали содержаніе изъ процентовъ означеннаго капитала. Изъ тѣхъ капиталовъ содержалось еще 8 такъ называемыхъ анколѣтовъ, т. е. готовившихся къ священному сану семинаристовъ. Потомъ олыкскій инфулатъ, Сухинскій, эрекціею (завѣщаніемъ) 1657 года 10 апрѣля записалъ 17,305 злотыхъ для содержанія при немъ 7 семинаристовъ, подъ названіемъ фіалетковъ. Наконецъ ксендзъ Козеровскій въ 1762 году 20 августа пожертвовалъ въ пользу училища 3,000 злотыхъ.

Не взирая на такой значительный фундушъ, училище существовало въ разныхъ формахъ и мало достигало своей цѣли, а иногда и вовсе не существовало. Проценты изъ означенныхъ

суммъ, кажется, употреблялись на другіе предметы, извѣстные только олыкскимъ инфулатамъ. Чацкій во время своего визита, въ 1803 году, сдѣлалъ распоряженіе и условіе объ устройствѣ отдѣльнаго свѣтскаго училища съ двумя учителями. Это училище кой-какъ существовало съ тѣхъ поръ, а съ 1824 года и вовсе его не было. Это обстоятельство озаботило г. министра просвѣщенія, графа Сергія Семеновича Уварова, и это дѣло передано намъ для разслѣдованія.

Прибывши въ Олыку, мы обратились къ инфулату Оссинскому, мужу ученому, острословному, который передъ тѣмъ былъ законоучителемъ въ Кременецкомъ лицеѣ. Онъ принялъ насъ ласково, и мы сдѣлали съ нимъ разсчетъ училищныхъ недоимокъ безъ всякаго ропота съ его стороны и постановили новыя условія о будущемъ существованіи школы,—единодушно, спокойно.

Отсюда мы отправились въ Клевань, гдѣ остановились въ замкѣ, который князь Любомірскій отдалъ для помѣщенія дворянскаго уѣзднаго училища. Училище это должно было открыться въ началѣ наступающаго академическаго года.

По изустному преданію мы узнали, что князья Олыкскіе и Клеванскіе во время существованія Польши держались иногда разныхъ партій на сеймѣ. Вслѣдствіе того существовали между ними распри, оканчивавшіяся по большой части кровопролитною битвою. Замки наполнялись мелкою шляхтою, которая во время вылазокъ нападала на поселенія мирныхъ жителей, грабила имущество ихъ, умерщвляла ихъ, сожигала домы и хлѣбъ на поляхъ ихъ. И это убійство, этотъ грабежъ, эти смуты, производимыя во имя свободы, славили какъ счастливое, блаженное время!...

Въ Клевани мы составили третье донесеніе г. попечителю кіевскаго учебнаго округа по предмету устройства училищъ, осмотрѣнныхъ нами по пути отъ Луцка.

Изъ Клевани мы отправились въ Ровно, городъ, принадлежащій князьямъ Любомірскимъ. Князь принялъ насъ въ загородномъ домѣ своемъ привѣтливо и угостилъ прекраснымъ за-

втракомъ. Потомъ показывалъ намъ огромную оранжерею, устроенную не далеко отъ его прекраснаго дома, который построенъ въ срединѣ города. При этомъ спрашивалъ у насъ мнѣнія, не можетъ ли помѣститься гимназія въ этомъ зданіи, разумѣется съ тѣмъ, что въ немъ будутъ сдѣланы напередъ потребныя передѣлки. Тогда я ему искренно объявилъ, что хотя это зданіе двухъэтажное и каменное, но оно такъ узко, что въ немъ при всѣхъ возможныхъ внутреннихъ перестройкахъ гимназія помѣститься не можетъ. Потомъ совѣтывалъ ему достать планъ и фасадъ, которые недавно Высочайше утверждены вообще для зданій гимназическихъ, и, по разсмотрѣніи разсчитать, выгодно-ли будетъ ему построить такое зданіе, послѣ чего онъ уже можетъ обратиться съ своимъ предложеніемъ къ г. попечителю. Князь, подумавъ нѣсколько, сказалъ, что онъ по первой почтѣ напишетъ къ г. попечителю письмо, въ которомъ изъявитъ желаніе построить въ Ровно такое зданіе, какое пожелаетъ училищное началнство, съ условіемъ помѣстить въ немъ луцкую гимназію, которая теперь тѣснится въ маломъ и неопрятномъ домѣ. А мы обѣщали ему, что, прибывши въ Кіевъ, при явкѣ къ его превосходительству, переговоримъ съ нимъ о томъ подробнѣе. Вотъ начало основанія гимназіи въ Ровно, а окончаніе оной послѣдовало, кажется, чрезъ четыре года потомъ.

Успѣхи наши по устройству школъ были быстры въ Шпановѣ, Острогѣ, Аннополѣ, Корцѣ, Новоградѣ Волынскомъ, Полонномъ и Межирѣчи, потому что не было никакихъ препонъ со стороны владѣльцевъ и еще потому, что мы сами искусились въ этомъ дѣлѣ совершенно. При томъ на всѣ обстоятельства по этому предмету мы имѣли уже готовыя формы.

Такъ-какъ до 25 іюля намъ осталось нѣсколько лишнихъ дней, то мы рѣшились отдохнуть въ Житомірѣ и въ тоже время приготовить четвертое донесеніе къ г. попечителю о нашихъ дѣйствіяхъ.

Здѣсь кстати замѣтить, что житомірская гимназія вошла въ свое дѣло смирно и успѣшно; она не встрѣтила никакого упорства отъ фанатизма къ прежнему порядку; притомъ директоръ гимназіи, Бокщанинъ, какъ туземецъ, немедленно ввелъ въ учебное заведеніе, ему ввѣренное, всѣ обстановки и обыкновенія, пріятныя и обывателямъ. Вслѣдствіе того число воспитанниковъ въ первое полугодіе простиралось до 250 человѣкъ. Помѣщеніе гимназіи было впрочемъ очень-незавидно, даже не благовидно.

Путь нашъ отъ Житоміра до Кіева не имѣлъ никакихъ служебныхъ остановокъ, а потому мы живо промчались чрезъ Радомысль, крѣпко неопрятный городъ, и не опомнились, какъ очутились на послѣдней станціи предъ Кіевомъ, въ Бѣлогородкѣ. Поднявшись на гору, мы увидѣли сперва печерскую колокольню, а потомъ и величавый Кіевъ и его великолѣпные храмы, которыхъ куполы, казалось, горѣли отъ лучей заходящаго солнца. Путь этотъ мы совершили почти въ одни сутки.

При этомъ по неволѣ вспомнилось мнѣ, какимъ гоненіямъ, терзаніямъ подвергалась нѣкогда провославная церковь въ странѣ, теперь мною пройденной,—въ странѣ, въ которой она прежде имѣла покойный пріютъ! Глубокія ея раны, при всѣхъ заботахъ правительства нашего, при всей ревности пастырей, еще и теперь не совершенно залѣчены. Молитвенные домы наши, отъ которыхъ въ давнія времена отстали вельможи и зажиточные обыватели, стали бѣднѣть, ветшать: они построены на отдаленныхъ отъ селъ мѣстахъ, часто едва приступныхъ, а въ тоже время латинскіе костелы, великолѣпно сооруженные, съ изваянными украшеніями, оглашаемые мелодіею звучныхъ органовъ, высились гордо на лучшихъ площадяхъ. Латинское духовенство пировало и пируетъ, владѣя и значительными доходами изъ недвижимыхъ имѣній, и процентами изъ капиталовъ, пожертвованныхъ фундаторами костеловъ; а наши кроткіе священники едва-едва могутъ прокормить себя и семейство свое доходами

изъ скромныхъ усадьбъ и мірскихъ подаяній. очень скудныхъ. Тѣ самонадѣянно вступаютъ въ пышные замки магнатовъ и, владѣя ихъ совѣстію, веселятся съ ними и получаютъ сверхъ того все то, что имъ нужно для пріятной, одинокой жизни; а нашимъ священникамъ едва доступны дома владѣльцевъ, и то развѣ только въ дѣловыхъ случаяхъ. Я видѣлъ нашихъ священниковъ, съ набожнымъ чувствомъ вступавшихъ въ костелы, какъ храмы христіанскіе, и молившихся Творцу Всевышнему; но ничто не заставитъ ксендза войти въ православную церковь, которую они называютъ мужицкою, потому что въ ней собирается только простой народъ. Часто я былъ свидѣтелемъ набожныхъ чувствованій православныхъ изъ простаго народа, которые въ костелахъ молятся усердно, даже благоговѣйно повергаются долу и, переплетясь руками одинъ съ другимъ, недвижимо выслушиваютъ цѣлую мшу, но католикъ рѣдко посѣтитъ нашу церковь, и то лишь въ случаяхъ необходимыхъ...

На другой день по прибытіи въ Кіевъ мы явились къ г. попечителю округа съ нѣкоторымъ смущеніемъ и сильнымъ любопытствомъ, какъ онъ приметъ и наши дѣйствія, и наши отчеты по устройству училищъ. Его превосходительство при первой встрѣчѣ объявилъ намъ свою благодарность и нѣсколько разъ повторилъ: «я очень, очень доволенъ вами; отчеты ваши совершенно удовлетворительны; о томъ я говорилъ уже генералъ-губернатору, о томъ я писалъ и дальше». Потомъ приказалъ намъ принять совершенный покой послѣ такихъ непрерывныхъ странствованій и заботъ, впредь до востребованія его.

Здѣсь я снова увидѣлся съ профессорами бывшаго кременецкаго лицея, прибывшими въ Кіевъ вмѣстѣ съ учебными пособіями онаго и помогавшими г. Бокщанину въ путевыхъ заботахъ по этому предмету. Эти учебныя пособія были сложены въ длинномъ каменномъ домѣ, нарочно для того нанятомъ на Печерскѣ.

Послѣ того, какъ я былъ обласканъ г. попечителемъ, подъ вліяніемъ этого отраднаго состоянія души моей, мнѣ блеснула

мысль, вмѣсто того, чтобъ покоиться въ Кіевѣ, испросить у него дозволеніе отправиться на самое короткое время въ Новгородсѣверскъ для устройства перемѣщенія моего семейства въ Каменецъ-Подольскій. Я обратился о томъ къ его превосходительству съ просьбою, присовокупивъ къ тому и долговременную разлуку мою съ семействомъ, и неопытность семейства для такой далекой поѣздки. Г. попечитель милостиво и охотно изъявилъ на то свое согласіе.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Крестьянскія движенія въ грайворонскомъ уѣздѣ курской губерніи, въ 1861—62 гг.

Совершенно правъ г. Ефименко, говоря въ февральской книжкѣ «Кіевской Старины» за 1886 г., что намъ, людямъ, живущимъ въ послѣдней четверти XIX столѣтія, нужно торопиться собирать среди самого народа изустный матеріалъ о народныхъ движеніяхъ вообще и въ особенности о народныхъ движеніяхъ, вызванныхъ крестьянской реформой 1861 года, такъ какъ очевидцевъ этаго великаго момента съ каждымъ годомъ становится все меньше и меньше, и недалеко, вѣроятно, то время, когда разсказы о «волѣ» будутъ передаваться намъ уже изъ вторыхъ рукъ, устами новаго молодаго поколѣнія, которое будетъ говорить обо всемъ «со словъ стариковъ» и «по слухамъ», вслѣдствіе чего утратится всякая свѣжесть драгоцѣнныхъ разсказовъ и, что особенно печально въ интересахъ исторіи, они, эти разсказы, утратятъ значительную часть своей достовѣрности и такъ изукрасятся вымыслами фантазіи, что будутъ представлять не историческій матеріалъ для воспроизведенія великой картины крестьянскаго освобожденія, а скорѣе матеріалъ этнографическій, въ смыслѣ характеристики того поколѣнія, которое украситъ ихъ цвѣтами своей фантазіи и будетъ разсказывать ихъ «по своему», пропуская черезъ призму собственнаго сознанія. Да, необходимо скорѣе, какъ можно скорѣе собирать и записывать всѣ разсказы объ этомъ времени, сохраняющіеся еще въ памяти непосредственныхъ участниковъ этихъ движеній, кто-бы ни были эти послѣдніе, крестьяне-ли, помѣщики или священники.

Если мы не постараемся сдѣлать этого, то исторія будетъ вправѣ бросить намъ упрекъ въ преступномъ равнодушіи къ од-

ному изъ самыхъ выдающихся моментовъ въ жизни нашего народа; если о какой нибудь войнѣ 1877—78 гг., не имѣвшей никакого рѣшающаго значенія въ нашей внутренней жизни, написаны цѣлыя книги воспоминаній, анекдотовъ, даже пѣсенъ, книги, которыя могли-бы, по своему количеству, составить порядочную библіотеку, то по исторіи крестьянскаго освобожденія, съ котораго начинается новая эра крестьянской жизни, мы должны были-бы имѣть теперь уже цѣлую литературу, а между тѣмъ что мы видимъ на самомъ дѣлѣ? Нѣсколько толстыхъ томовъ главнѣйшихъ официіальныхъ матеріаловъ (изд. Стрельбицкаго) и двѣ-три жиденькія монографіи, изъ которыхъ лучшая (проф. Иванюкова) выдается только мастерской систематизаціей и группировкой матеріаловъ, не затрогивая и даже не намѣчая многихъ сторонъ этого въ высшей степени интереснаго момента. Если прибавить къ этому еще нѣсколько мелкихъ сообщеній, разсѣянныхъ въ историческихъ журналахъ и составленныхъ большею частью на основаніи оффиціальныхъ документовъ, то передъ нами будетъ и вся литература объ освобожденіи. Изустныя-же преданія объ этой интересной эпохѣ еще почти совершенно не затронуты. Намъ могутъ возразить, что изустныя преданія вообще отличаются односторонностію, а тѣмъ болѣе односторонни и пристрастны они должны быть въ данномъ случаѣ, такъ какъ въ моментъ освобожденія наша страна переживала весьма острый кризисъ, вызванный рознью интересовъ кртстьянскаго и дворянскаго сословія; кромѣ этого намъ могутъ указать на оффиціальные документы, которые хранятся въ архивахъ, какъ на источники, по которымъ можно будетъ возстановить полную и истинную картину эпохи освобожденія. Что говорить, архивные мстеріалы вещь прекрасная и вполнѣ необходимая для исторіи; вѣрно и то, что изустныя преданія, отъ кого-бы они ни были почерпнуты, могутъ быть пристрастны и тенденціозны. Но одинъ архивный матеріалъ, уже по своей извѣстной сухости и лаконичности, не дастъ возможности сдѣлать болѣе или менѣе правильныхъ выводовъ относительно той эпохи и нарисовать полную драматизма картину крестьянскаго освобожденія, тѣмъ болѣе, что въ этихъ документахъ сплошь и рядомъ нѣтъ самыхъ необходимыхъ и при томъ найболѣе характерныхъ подробностей, которыя съ изумительной отчетливостью передаются свидѣтелями-очевидцами. Занимаясь архивными изысканіями,

мы не разъ наталкиваемся на подобнаго рода явленія...... Вотъ почему, вмѣстѣ съ почтеннымъ П. Ефименкомъ, мы настаиваемъ на необходимости собранія устныхъ сказаній объ эпохѣ освобожденія и при томъ настаиваемъ на возможно скорѣйшемъ собраніи ихъ, такъ какъ время, уже унесшее многое, конечно не замедлитъ стереть въ крестьянской средѣ и послѣднюю память объ этомъ событіи. Пусть эти разсказы будутъ тенденціозны и односторонни,—бѣда небольшая: исторія провѣритъ ихъ при помощи оффиціальныхъ архивныхъ документовъ и, откинувши все субъективное и тенденціозное, возьметъ изъ нихъ лишь то, что не будетъ противорѣчить истинѣ и что можетъ служить дополненіемъ и освѣщеніемъ протокольныхъ оффиціальныхъ данныхъ. Въ этомъ, какъ извѣстно, и заключается все великое значеніе подобныхъ народныхъ разсказовъ для исторіи.

Откликаясь на призывъ г. Ефименка и «Кіевской Старины», обѣщавшей давать мѣсто на своихъ страницахъ для подобныхъ народныхъ разсказовъ о времени освобожденія крестьянъ, мы приводимъ здѣсь два такихъ разсказа, записанные нами въ грайворонскомъ уѣздѣ курской губерніи, во время производства мѣстныхъ изслѣдованій, которыми мы занимались здѣсь по порученію курскаго губернскаго земства. Разсказы эти были записаны нами частію со словъ крестьянъ, частію со словъ мѣстнаго духовенства и вообще всѣхъ, кто во время оно были живыми свидѣтелями происходившихъ тогда событій и помнятъ всѣ обстоятельства, ихъ сопровождавшія.

Первый разсказъ нашъ относится къ Борисовской вотчинѣ графа Шереметева, состоявшей изъ слободы Борисовки съ прилегающими къ ней хуторами (эти послѣдніе составляютъ въ настоящее время 2 особыя волости: Стригуновскую и Высоковскую) и слободы Краснаго Кутка. По X ревизіи, въ этой графской вотчинѣ числилось 21,300 душъ обоего пола, въ настоящее-же время, по послѣдней земской переписи, здѣсь считается уже около 31,000 душъ.

Слобода Борисовка представляетъ одинъ изъ наиболѣе населенныхъ крестьянскихъ центровъ на югѣ курской губерніи. Здѣсь, по послѣднимъ свѣдѣніямъ, считается около 16,000 душъ обоего пола. Слобода эта издавна служила главнымъ торговымъ рынкомъ для всего грайворонскаго уѣзда. Сюда привозили прежде, до проведенія курско-харьковской желѣзной дороги, хлѣбъ со всего грай-

воронскаго уѣзда. Здѣсь во время двухъ осеннихъ ярмарокъ, Крестовоздвиженской и Михайловской, происходили, да и теперь происходятъ еще милліонные торговые обороты. Въ настоящее время въ Борисовкѣ нѣсколько церквей прекрасной архитектуры, десятка 3—4 каменныхъ домовъ, множество торговыхъ лавокъ и питейныхъ заведеній (послѣднихъ считается здѣсь 37), вплотную оцѣпляющихъ широкую базарную площадь; наконецъ, здѣсь есть почтовая и даже телеграфная станція; все это, конечно, скорѣе напоминаетъ городъ, чѣмъ простую слободу, населенную исключительно крестьянами-земледѣльцами.

Не мудрено, что населеніе этой слободы издавна отличалось своею культурностью и образованностію. Такою-же культурностію отличается и населеніе хуторовъ прилегающихъ къ Борисовкѣ, потому что здѣшніе крестьяне есть не болѣе, какъ выселенцы изъ Борисовки, и выселенцы сравнительно очень недавніе.

Когда послѣ «воли» объявлена была по вотчинѣ «уставная грамота», сущность которой заключалась въ томъ, что крестьяне до выхода на выкупъ, должны отбывать въ барской экономіи трехдневку, то здѣшнее населеніе начало роптать. До освобожденія борисовцы не работали на барщинѣ и всѣ находились на оброкѣ, занимаясь по домашности разнаго рода кустарными производствами и отхожими промыслами. И вдругъ теперь, когда имъ и манифестъ прочитанъ въ церкви относительно «воли», когда они думали, что совершенно избавились отъ помѣщичьей власти, теперь ихъ заставляютъ ходить на барщину и ставятъ такимъ образомъ въ бóльшую зависимость отъ помѣщиковъ, чѣмъ стояли они до сихъ поръ. Это показалось борисовскимъ крестьянамъ величайшей несправедливостію. «Это все отъ помѣщиковъ», рѣшили они: «царь насъ освободилъ, а они опять насъ закабалить подъ себя хотятъ»....

Къ тому-же, по «уставной грамотѣ» борисовцевъ выпускали съ «неполнымъ надѣломъ», не какъ другихъ: въ надѣлъ имъ было отведено всего по 2 дес. на ревизскую душу, тогда какъ высшій размѣръ надѣла для грайворонскаго уѣзда, по мѣстному положенію, равнялся $2^3/_4$ десят. Борисовцы посылали къ управляющему своихъ уполномоченныхъ, выборныхъ отъ міра, и просили его нарѣзать имъ надѣлъ по высшему размѣру, но управляющій, основываясь на общемъ положеніи, отвѣтилъ, что сдѣлать этого никакъ

нельзя, такъ какъ крестьяне до положенія владѣли неполнымъ надѣломъ и потому теперь не могутъ требовать прирѣзки. Борисовскіе же грамотѣи толковали положеніе по своему и были въ полной увѣренности, что эта прирѣзка необходимо должна быть. Они сначала заподозрили было управляющаго въ томъ, что онъ нарочно прижимаетъ ихъ, съ цѣлью самому воспользоваться частію крестьянскаго надѣла. Но когда управляющій показалъ собственноручную подпись графа подъ уставною грамотою, то они стали винить барина своего и всѣхъ вообще помѣщиковъ, которые де-скать «не хотятъ съ чернымъ народомъ раздѣлаться по совѣсти». Лѣтомъ, около Успеньева дня, крестьяне собрались какъ-то на общій вотчинный сходъ, гдѣ принимали участіе не только одни борисовцы, но и населеніе всѣхъ окружныхъ хуторовъ, кромѣ с. Краснаго Кутка, у котораго была особая «расправа» и который имѣлъ право самостоятельнаго схода. Послѣ долгихъ преній на сходѣ рѣшено было: если экономія не прирѣжетъ земли—не платить оброка и не ходить на барщину.

Объ этомъ узналъ мѣстный грайворонскій исправникъ, Булгаковъ, и пріѣзжалъ увѣщевать крестьянъ «покориться законнымъ требованіямъ властей и помѣщика». Собиралъ онъ сходъ два раза, разъяснялъ, грозилъ, увѣщевалъ—все было напрасно; крестьяне упорно стояли на своемъ и отказывались подписывать уставную грамоту, требуя прирѣзки земли, въ противномъ случаѣ отказывались платить какіе-бы то ни было налоги. Дѣло было серьезное. Исправникъ не рѣшился въ этомъ случаѣ дѣйствовать на свой страхъ, какъ это бывало въ мелкихъ деревняхъ съ незначительнымъ населеніемъ, и далъ знать объ этомъ въ «губернію».

Волненіе шереметевскихъ крестьянъ не утихало и осенью, и зимой 1861 г.; напротивъ, съ каждымъ днемъ оно принимало все болѣе и болѣе угрожающіе размѣры. Въ мартѣ мѣсяцѣ 1862 года случилось здѣсь одно происшествіе, которое еще болѣе усилило возбужденіе борисовскихъ крестьянъ. Пришелъ въ Борисовку какой то загадочный странникъ и говорилъ всѣмъ крестьянамъ:

— «Стойте и держитесь крѣпко *за вѣру и правду*. Не слушайте дворянъ. Идетъ царь Михаилъ; онъ былъ заключенъ до сего времени за 2 желѣзными дверями и 6 замками, а теперь вышелъ на свободу. Идетъ онъ не одинъ, съ нимъ большое воинство, и хочетъ

онъ извести всѣхъ баръ на русской землѣ. Подержитесь только немного; онъ придетъ въ скорости»......

И показывалъ будто-бы странникъ крестьянамъ золотую книгу, а въ этой книгѣ было сказано, что всю землю царь Михаилъ отдаетъ крестьянамъ во владѣніе, а помѣщикамъ не оставляетъ ничего.

Странника этого видѣли многіе. Намъ передавали о немъ люди, сами съ нимъ лично бесѣдовавшіе. Говорятъ, онъ былъ уже очень старъ, весь сѣдой, ноги его едва держали; одѣтъ онъ былъ въ поношенный подрясникъ; на головѣ черная скуфейка, какъ у послушника. Странникъ говорилъ свои рѣчи и въ частныхъ домахъ, и на рынкѣ, останавливаясь вездѣ, гдѣ толпилась куча народа. Сколько времени онъ пробылъ въ Борисовкѣ—неизвѣстно.

Посѣщеніе странника и его возмутительныя рѣчи возымѣли дѣйствіе. 7-го апрѣля борисовцы собрались всѣ вмѣстѣ на общій сходъ со всѣхъ четырехъ сотенъ, чтобы еще разъ «помиркувати», какъ и что предпринять имъ. Посланы были гонцы на хутора, чтобы созвать весь народъ на вотчинную сходку. Сдѣлано это было «не по закону», помимо вотчиннаго правленія, которое одно могло собирать общіе вотчинные сходы. Распорядились этимъ «старики», которымъ за это впослѣдствіи и досталось не мало...

— Что станетъ дѣлать Борисовка, на томъ станемъ и мы, толковали хуторяне и валомъ валили въ Борисовку.

Всѣ улицы въ слободѣ были запружены народомъ.

Толковали цѣлый день; однако ни къ чему опредѣленному не пришли и рѣшили собраться на слѣдующее утро.

На другой день узнали, что пріѣхалъ царскій чиновникъ «изъ губерніи».

— Ну, вотъ, значитъ, онъ намъ настоящій царскій указъ привезъ, обрадовались крестьяне. То намъ все облыжную, неправильную волю показывали, а теперь увидимъ настоящую.

Всѣ повалили къ «расправѣ» (волостному правленію), гдѣ остановился дѣйствительно прибывшій въ Борисовку чиновникъ. Это былъ Мосоловъ, чиновникъ особыхъ порученій при курскомъ губернаторѣ; но прибылъ онъ не одинъ, съ нимъ было 4 эскадрона гусаръ.

Мосоловъ пріѣхалъ въ Борисовку ночью; самъ онъ съ офицеромъ помѣстился до утра въ расправѣ, а солдатъ оставилъ на улицѣ.

Рано утромъ Мосоловъ былъ уже на ногахъ и ожидалъ крестьянъ.

Когда крестьяне подошли къ расправѣ, онъ, въ сопровожденіи старшины, становаго и цѣлаго отряда сотскихъ, вышелъ на крыльцо и сталъ объяснять крестьянамъ, что они должны подписать «уставную грамоту» и платить оброкъ, потому что въ противномъ случаѣ всѣ подвергнутся строгому наказанію, какъ не повинующіеся законнымъ властямъ.

— Подумайте хорошенько, братцы, закончилъ Мосоловъ, что вы затѣваете. Добромъ это для васъ не кончится, если будете продолжать упорствовать. Разойдитесь сейчасъ же по домамъ, а ужо, въ вечеру, васъ соберутъ по сотнямъ и вы будете подписывать грамоту... Да смотрите, чтобы каждый домохозяинъ при этомъ внесъ оброкъ, который состоитъ за нимъ. Безъ этого я не уѣду... А теперь разойдитесь пока, да обдумайте хорошенько.

— Не станемъ мы расходиться, отвѣчали коноводы изъ толпы. Не зачѣмъ... Мы только на Бога надѣемся, да на царя. Отдай намъ сейчасъ истинный царскій указъ—мы сію минуту разойдемся по домамъ, не дашь—не тронемся съ мѣста.

Мосоловъ былъ поставленъ въ затруднительное положеніе. Видимое дѣло, убѣждать крестьянъ было напрасно: сколько ихъ не убѣждай, они не послушаютъ, но ему также не хотѣлось употреблять въ дѣло и вооруженную силу.

— Кто въ Бога вѣритъ и на царя надѣется, громко сказалъ онъ, пусть станетъ на колѣни и сложитъ крестъ по православному.

Никто въ толпѣ не шелохнулся. Тогда онъ снова повторилъ свой призывъ. Очень немногіе, не болѣе 20—30 человѣкъ изъ 7 ми-тысячной толпы стали на колѣни и подняли руку, сложивъ пальцами крестное знаменіе. Большинство же осталось на ногахъ, полагая, что если они исполнятъ приказаніе чиновника, то это будетъ значить, что они согласны на принятіе уставной грамоты.

Мосоловъ распорядился отдѣлить, какъ агнцевъ отъ козлищъ, всѣхъ, кто сталъ на колѣни и затѣмъ приказалъ гусарамъ окружить со всѣхъ сторонъ остальныхъ. Тотчасъ же это было приведено въ исполненіе. Появились на сценѣ розги и началась расправа съ непокорными. Сѣкли всѣхъ подъ рядъ, не разбирая, какъ передаютъ крестьяне. «Секуція» продолжалась съ утра до ночи, въ 3 или 4 мѣстахъ разомъ; однако, не смотря на это,

далеко не всѣ побывали подъ розгами. При разсказѣ объ этой секуціи, крестьяне не обходятся конечно безъ преувеличеній; разсказываютъ напр., что когда пучекъ розокъ сверху обламывался, то били «оцупками», что нѣкоторые при этомъ «заходились», и т. д. Трудно, даже совсѣмъ невозможно провѣрить, въ какой мѣрѣ эти разсказы справедливы...

Такъ какъ цѣпь гусаръ была не сплошная, а съ небольшими промежутками, то нѣкоторые борисовцы пытались «утикать» изъ этого круга. Такихъ гусары догоняли и сопротивлявшихся били по головѣ, спинѣ, рукамъ, по чему попало. Инымъ удалось уйти. Одинъ крестьянинъ разсказывалъ намъ, что онъ «20 верстъ въ ту пору безъ оглядки пробѣжалъ, только тѣмъ и спасся»...

Мосоловъ стоялъ почти все время на крыльцѣ и смотрѣлъ на расправу съ крестьянами. Нѣкоторые крестьяне, лежа подъ розгами, всячески ругали и «паскудили» Мосолова—такихъ онъ приказывалъ класть подъ розги по два раза: вотъ тутъ-то и случалось, что попавшіе подъ розги «заходились» и не скоро приходили въ чувство.... Такимъ путемъ иные получили по 250—300 ударовъ. По два же раза клали подъ розги и тѣхъ, которые распоряжались собираніемъ самовольнаго вотчиннаго схода. Послѣ этой расправы борисовцы не стали противиться, и на другой-же день всѣ 4 «сотни», на которыя раздѣлено село, подписали уставную грамоту.

Не можемъ не привести здѣсь еще одного эпизода, который разсказывали намъ крестьяне. Во время экзекуціи, Мосолову донесли о томъ, что недавно, былъ здѣсь, въ слободѣ, старецъ-странникъ, говорившій возмутительныя рѣчи. Правленскія власти выразили даже предположеніе, что странникъ этотъ, можетъ быть, и до сихъ поръ находится въ Борисовкѣ. Мосоловъ обратился къ крестьянамъ, спрашивая, не видѣли-ли они странника, не останавливался-ли онъ у кого на ночлегъ. Крестьяне всѣ дали по этому поводу отрицательный, уклончивый отвѣтъ: знать, дескать, не знаемъ и видомъ не видали такого.

Опасаясь, что «странникъ» этотъ, разъ онъ остался въ селѣ, опять можетъ насказать крестьянамъ разныхъ разностей и произвести новую смуту, Мосоловъ приказалъ разставить «бекеты» (изъ сотскихъ и десятскихъ) по всѣмъ дорогамъ, которыя вели въ Борисовку и велѣлъ приводить къ себѣ всѣхъ «странныхъ людей»

безъ разбора. Въ теченіе одного дня изловлено было до 50 человѣкъ странниковъ, изъ которыхъ больше половины было нищихъ. Мосоловъ допрашивалъ всѣхъ: кто онъ, откуда, требовалъ паспорта и если таковаго не оказывалось, то приказывалъ сѣчь и сажать въ холодную, а когда здѣсь мѣста не хватило, ихъ стали запирать просто въ сарай. Черезъ нѣсколько дней послѣ отъѣзда Мосолова ихъ всѣхъ выпустили на свободу.

Послѣ этого стали отыскивать среди борисовцевъ «зачинщиковъ» мятежа, т. е. грамотѣевъ, читавшихъ и разъяснявшихъ народу общее положеніе. Семь человѣкъ, особенно усердно агитировавшихъ противъ податей и барщины и въ томъ числѣ три старика, распоряжавшихся относительно созыва вотчиннаго схода, были привлечены къ слѣдствію, какъ народные возмутители. Всѣ они были сосланы въ Сибирь, въ тобольскую и томскую губерніи. Одинъ изъ нихъ, крестьянинъ Шестопаловъ, воротился оттуда по «милостивѣйшему манифесту», въ 1876 или 1877 г. Участь остальныхъ неизвѣстна.

Мосоловъ уѣхалъ изъ Борисовки черезъ три дня послѣ экзекуціи, какъ только всѣ крестьяне подписали уставную грамоту. Онъ взялъ съ собою только одинъ эскадронъ гусаръ, остальные-же остались въ Борисовкѣ и жили здѣсь еще недѣли три послѣ него. Объ ихъ пребываніи здѣсь борисовцы разсказывали много весьма некрасивыхъ вещей; таскали они сѣно и овесъ, куръ, утокъ и поросятъ, раздавали подзатыльники и зуботычины мужикамъ, не обходилось безъ подлаживаній къ молодицамъ и т. д. Жители Борисовки были такъ напуганы ими, что боялись выходить изъ домовъ. уѣзжали потихоньку въ ночное время изъ Борисовки въ сосѣдніе лѣса. Вѣрно-ли все это—сказать мудрено; но вотъ напр., какой интересный анекдотъ передавали намъ, между прочимъ въ селѣ Борисовкѣ по поводу гусаръ. Если этотъ анекдотъ и не вѣренъ, если онъ не показываетъ дѣйствительныхъ отношеній гусаръ къ крестьянамъ, то по крайней мѣрѣ весьма ярко характеризуетъ взглядъ этихъ послѣднихъ на гусаръ.

Идетъ солдатъ по улицѣ; видитъ—мужикъ сидитъ на землѣ, лапоть ковыряетъ. Солдату захотѣлось побаловаться; вотъ онъ и говоритъ крестьянину:

— Слушай, другъ любезный. Положу я тебѣ пучокъ соломы на голову; если ты хоть одну соломинку изъ него на землю уронишь, пока я въ кабакѣ шкаликъ водки выпью, не сносить тебѣ головы.

Положилъ мужику пукъ соломы на голову, а самъ пошелъ въ кабакъ; вмѣсто шкалика хватилъ тамъ цѣлый полштофъ и позабылъ про мужика.

Въ сумерки вышелъ изъ кабака; идетъ домой; видитъ—мужикъ все сидитъ на землѣ и держитъ на вѣсу въ одной рукѣ кочедыкъ, въ другой лапоть, а солома у него на головѣ: онъ, бѣдный, сидѣлъ тамъ въ теченіи нѣсколькихъ часовъ и пошевелиться боялся, чтобы не сронить соломинки; такъ и застылъ въ томъ положеніи, въ какомъ его оставилъ солдатъ, идя въ кабакъ.

Увидѣвши его теперь, солдатъ засмѣялся.

— Ты еще, говоритъ, все сидишь? Поди домой, я только пошутилъ....

Si non e vero, e ben trovato.

Экзекуція оставила въ народѣ по себѣ твердую память. Борисовцы помнятъ ее во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ; они даже время измѣряютъ этимъ событіямъ. Секуція сдѣлалась для борисовцевъ своего рода эрой. Спрашиваете вы, напримѣръ, борисовскаго крестьянина: «когда ты купилъ усадьбу?»—«Черезъ два года послѣ секуціи», отвѣчаютъ вамъ. «Когда сына поженилъ?» —«На другой годъ послѣ секуціи». И такъ далѣе.

Въ с. Красномъ Куткѣ, въ той-же вотчинѣ гр. Шереметева, движеніе носило такой-же характеръ, какъ и въ Борисовкѣ. Здѣсь крестьяне также отказались подписать уставную грамоту и перестали платить подати и повинности, какъ только это рѣшено было въ Борисовкѣ.

Когда долетали сюда темные слухи о томъ, какъ въ другихъ мѣстахъ расправляются съ непокорными крестьянами, то кутковцы храбрились сначала и говорили, что они въ случаѣ надобности даже и противъ солдатъ пойдутъ, въ колья ихъ примутъ, а все таки «правды» добьются и податей платить не будутъ до тѣхъ поръ, пока ихъ не «ублаготворятъ» землею. Но когда услыхали они о томъ, что солдаты уже появились въ Борисовкѣ, въ 5 верстахъ, и производятъ тамъ общую «секуцію», то на всѣхъ напалъ паниче-

скій ужасъ и они поразбѣжались по сосѣднимъ вольнымъ деревнямъ, гдѣ жили однодворцы—четвертники и крестьяне государственные, экономическіе. Нѣкоторые убѣжали въ лѣсъ, захвативъ съ собою найболѣе цѣнныя вещи изъ своего имущества. Остались дома только тѣ, кто не хотѣлъ «противиться начальству», кто не отказывался платить подати и внесъ ихъ своевременно въ вотчинное управленіе. Такихъ домохозяевъ набралось всего 16 изъ общаго числа 150.

Мосоловъ, покончивши свое дѣло въ Борисовкѣ, пріѣхалъ сюда въ сопровожденіи одного эскадрона гусаръ (остальные, какъ мы выше упоминали, остались въ Борисовкѣ). Онъ тотчасъ-же, разумѣется, собралъ сходъ изъ оставшихся домохозяевъ и сталъ допрашивать ихъ, куда дѣвались остальные крестьяне. Узнавъ-же, что они попрятались по лѣсамъ и разбѣжались по сосѣднимъ деревнямъ къ однодворцамъ, онъ разослалъ сотскихъ и десятскихъ звать ихъ въ Кутокъ и при этомъ обѣщалъ, что наказанія имъ никакого не будетъ, лишь-бы только вернулись. Въ случаѣ, если они не явятся домой черезъ три дня, имъ не будетъ нарѣзано земли по «новому положенію».

Черезъ два дня всѣ бѣглецы были уже дома. Мосоловъ все это время жилъ въ Красномъ Куткѣ и подъ рукою развѣдывалъ о зачинщикахъ и коноводахъ настоящаго движенія.

На третій день утромъ онъ собралъ сходъ и велѣлъ наказать розгами четырехъ зачинщиковъ. Одинъ обвинялся въ томъ, что самовольно созвалъ сходку въ мартѣ мѣсяцѣ, безъ заявленія объ этомъ сельскимъ властямъ; двое другихъ—въ томъ, что возбуждали крестьянъ къ бунту, говорили имъ, что по положенію нужно у помѣщиковъ отнять всю землю въ пользу крестьянъ; четвертый-же былъ наказанъ за то, что убѣждалъ крестьянъ увозить свое имущество въ лѣсъ, говоря: придутъ де солдаты, набросятся на вашу «худобу» и всю ее растащатъ.....

Относительно всѣхъ другихъ крестьянъ, убѣжавшихъ изъ Кутка при приближеніи солдатъ, Мосоловъ исполнилъ свое обѣщаніе и оставилъ ихъ безъ наказанія. Да, впрочемъ, этого и не нужно было дѣлать, такъ какъ всѣ они, напуганные расправой въ Борисовкѣ, безъ малѣйшаго колебанія выразили готовность под-

писать уставную грамоту и тотчасъ-же полностію внесли просроченный оброкъ.

Въ вотчинѣ кн. Хорвата грайворонскаго уѣзда, въ сл. Головчиной, д. Антоновкѣ и Тополяхъ, крестьяне не хотѣли принимать уставную грамоту, такъ какъ имъ не нравилось, что тамъ было, между прочимъ, прописано, что они должны ходить на панщину еженедѣльно 3 раза: 2 дня мужчина и 1 женщина.

— Страдали, страдали, говорили крестьяне, да еще и теперь поди робь на барина-то. Нѣтъ, ужъ это дудки.....

Князь Хорватъ, узнавъ объ этомъ отъ своего управляющаго, немедленно-же далъ знать о «бунтѣ» въ городъ исправнику Булгакову; тотъ прискакалъ сію-же минуту, собралъ въ сл. Головчиной крестьянъ на сходъ и сталъ ихъ спрашивать.

— Чего, братцы, хотите, зачѣмъ бунтуете?

Крестьяне, предчувствуя бѣду, хотѣли отдѣлаться молчаніемъ. Стоятъ всѣ передъ исправникомъ безъ шапокъ и никто ни слова.

Исправникъ понялъ, къ чему они клонятся и безъ дальнихъ околичностей потребовалъ грамоту, велѣлъ вынести столъ на крыльцо волостнаго правленія и заявилъ сначала тихо, мирно, «не бранясь», разсказываютъ крестьяне.

— Ну вотъ теперь ребята съ Богомъ подходите, кто у васъ грамотный, подписывайте. Не бойтесь, при мнѣ васъ никто не обидитъ. Подходите.

Мужики молчали, топтались на одномъ мѣстѣ, переминаясь съ ноги на ногу, но никто изъ нихъ къ столу не подходилъ.

Исправникъ и еще разъ попробовалъ убѣждать крестьянъ подписаться подъ грамотой, разъяснялъ имъ, что самъ царь, де-скать, требуетъ отъ васъ этой подписи и что онъ царскій слуга, ручается, что крестьянамъ никакого худа отъ этого не выйдетъ. Но эти убѣжденія и разъясненія нисколько не помогали дѣлу. Крестьяне молчали, но къ подписи не шли. Тогда исправникъ сошелъ съ крыльца, взялъ перваго попавшагося мужика за плечо и спросилъ:

— Ты умѣешъ писать?

— Нѣтъ, не обучены, отвѣтилъ мужикъ.

Другого—тоже самое, тотъ же отвѣтъ; третьяго, четвертаго, всѣ отозвались, что грамотѣ не знаютъ, не обучались.

— Такъ промежъ васъ и нѣтъ ни одного грамотнаго, спросилъ улыбаясь исправникъ.

— Такъ и нѣтъ, отвѣтили ему изъ толпы, и подписывать вашу грамоту некому.

Это конечно неправда и исправникъ отлично зналъ, что въ культурномъ и многолюдномъ селѣ грамотныхъ среди крестьянъ много.

— Эй, не дурите, братцы, сказалъ исправникъ: худо будетъ.

Но братцы по прежнему стояли, какъ вкопанные, и молчали. Исправникъ приказалъ подать розогъ.

— Такъ не хотите подписывать? Въ послѣдній разъ васъ спрашиваю, обратился онъ къ толпѣ.

Гробовое молчаніе.

— Кладите вотъ этого, перваго, указалъ исправникъ на крестьянина, стоявшаго къ нему ближе всѣхъ другихъ.

— Батюшка, отецъ родной! взмолился крестьянинъ; пощади. Ей-Богу, не обученъ, не разумѣю грамотѣ.

Однако его разложили..... Дали 10 ударовъ.

— Довольно, отставь! крикнулъ исправникъ. Берись за другого.

Было подвергнуто экзекуціи 4 человѣка; но крестьяне все таки не сдавались и грамоты подписать не хотѣли.

Исправникъ плюнулъ и уѣхалъ, ничего не добившись.

Въ деревняхъ Антоновкѣ и Тополяхъ сходъ также стоялъ предъ исправникомъ безмолвно, слушая его разъясненія и угрозы, но подписать уставную грамоту никто не рѣшался. Крестьянѐ здѣшніе твердили исправнику только о томъ, что они—«какъ головчанцы».

— Коли Головча подпишетъ, то и мы подпишемъ. Головча у насъ всему голова[1]).

Исправникъ и разговаривать не сталъ здѣсь, махнулъ рукою на непослушныхъ крестьянъ и уѣхалъ домой въ городъ, чтобы сейчасъ отрапортовать въ губернію о «бунтѣ» хорватовскихъ крестьянъ и описалъ при этомъ подробно все, что случилось, не скупясь разумѣется на краски.

---

[1]) Головча—самый большой и населенный пунктъ въ имѣніяхъ князя Хорвата; здѣсь считается въ настоящее время около 400 дворовъ.

Въ апрѣлѣ пріѣхалъ сюда изъ Борисовки чиновникъ особыхъ порученій, тотъ же Мосоловъ и съ нимъ эскадронъ гусаръ.

На этотъ разъ крестьяне оказались сговорчивѣе. Пріѣздъ ли губернскаго чиновника съ отрядомъ внушительнаго вида, или что другое на нихъ подѣйствовало, но только они съ перваго же слова согласились подписать грамоту. Казалось бы, и дѣлу конецъ; но пріѣхавшее начальство сочло все-таки полезнымъ для «примѣра другимъ» наказать розгами главныхъ зачинщиковъ. Зачинщики указаны были барскимъ управителемъ; ихъ оказалось въ Головчѣ 5 человѣкъ, въ Антоновкѣ 2 и въ Тополяхъ 8 человѣкъ, и всѣ они подвергнуты «секуціи», конечно, не такой, чтобы могла служить эрой...

Н. Добротворскій.

КАРТИНКИ СТАРИНЫ.

Кіевскій спектакль начала XVIII в.

I.

Весенній день восьмаго мая 1708 года кончался въ Кіевѣ.

На горахъ верхняго города еще горѣли солнечные лучи; надъ Подоломъ, отъ горъ, потянулись тѣни. Уличная суета, передъ наступленіемъ ночи, становилась тороплививѣе. Козаки, въ жупанахъ, въ кармазинахъ, скакали на гору небольшимъ отрядомъ. Торговцы и мѣщане нижняго города убирали товаръ на базарахъ, укладывая его въ сундуки или на ручныя тачки, купцы собирались закрывать лавки. Гдѣ то, подъ окнами, слышалось пѣніе школьниковъ—*миркачей*. Часы на зданіи магистрата пробили шесть ударовъ и въ нишѣ, гдѣ они стояли, показалась и исчезла процессія двѣнадцати апостоловъ.

На валу, что шелъ по гребню горъ верхняго города, перекликались часто разставленные часовые. На легкомъ, розоватомъ вечернемъ небѣ вырисовывались главы церквей и пушки укрѣпленій. Старая деревянная церковка на андреевскомъ холмѣ, стоявшая въ линіи валовъ, блестѣла крестомъ издалека. Послѣ жаркаго дня, наступила та прохлада майскаго вечера, когда цвѣты благоухаютъ сильнѣе, когда отъ молодой травы и кустарниковъ, отъ недавно распустившихся тополей, одѣтыхъ еще нѣжной и клейкой листвой, отъ цвѣтущихъ яблонь и вишень льется животворный, упоительный ароматъ. Стоявшія наискось къ Днѣпру улицы стараго Подола изобиловали садами и палисадниками. Заботливыя хозяйки поливали

передъ вечеромъ огородныя грядки и цвѣточныя клумбы, гдѣ цвѣли нарцизы и раскидистыя пивоніи и гдѣ начинала ужь разстилаться огородная зелень.

На площади передъ Братствомъ было особенное оживленіе. Любимое дѣтище стараго Кіева—коллегіумъ, недавно названный академіей, въ тотъ день справлялъ ежегодное торжество. Передъ разъѣздомъ студентовъ, по окончаніи годовыхъ испытаній, устраивалось театральное представленіе, котораго ожидали и къ которому готовились давно. На этотъ разъ профессоръ піитики Лаврентій Горка, ставилъ въ первый разъ свою пьесу.

И бурсаки, и приходящіе студенты, сновали и толпились въ академическомъ дворѣ. Длинныя китайковыя и шелковыя студенческія киреи, кафтаны, застегнутые до верху на металическія пуговицы, смѣшивались съ жупанами горожанъ, съ скользившими въ толпѣ черными тѣнями монаховъ. Мелькавшія то тутъ, то тамъ стройныя фигуры усатыхъ академистовъ, искреннее оживленіе на ихъ молодыхъ, здоровыхъ лицахъ, яркіе цвѣта сапогъ и одежды, звонкіе голоса, оживлявшіе эту суету, все вмѣстѣ представляло оживленную, радостную картину.

На небѣ зажглась первая звѣзда, показался серпъ мѣсяца. Огоньки замелькали тутъ и тамъ въ домахъ Подола. У заставъ, у четырехъ пловучихъ мостовъ надъ Днѣпромъ скопились возы, ѣдущіе въ городъ и уѣзжающіе изъ него. Гдѣ то за рѣкой на лугахъ разгорался яркимъ пламенемъ костеръ... Прекращена переправа по Днѣпру на всю ночь... Послѣдніе всадники въѣхали въ Кіевъ, послѣдній воловый возъ потянулся къ броварскимъ лѣсамъ; спитъ хозяинъ на возу, волы лѣниво плетутся у самой лѣсной опушки, топча копытами траву, среди которой пріютился свѣжій, росистый ландышъ.

Къ братской оградѣ народъ прибывалъ въ экипажахъ и пѣшій. Большой двухъ-этажный каменный корпусъ, построенный Мазепой, уже свѣтился огнями. Тамъ «на конгрегаціи», въ залѣ торжественныхъ собраній устроена была сцена, туда и стремился народъ. Далеко не всѣ изъ студентовъ могли попасть въ самую залу: ихъ такъ много, свыше 1000, было въ то блестящее для академіи время. Зрителями на спектакль допускались, разумѣется, только старшіе. Изъ младшихъ, въ число счастливцевъ, попали лишь уча-

ствующіе въ самой пьесѣ, гдѣ было множество хоровъ и «воинствъ». Непопавшіе въ залу толпились у оконъ, глядя пока на стѣснившуюся въ залѣ публику и прочитывая издали искусно разрисованную, огромную афишу, гдѣ возвѣщалось, что «на позоръ христолюбивому роду» благородными сынами россійскими показана будетъ сегодня трагедо-комедія «Іосифъ Патріарха».

Нѣкоторые изъ горожанъ, родственниковъ студентовъ и почетныхъ лицъ, наполнявшихъ залу, бывали уже на академическихъ представленіяхъ. Но многіе не видѣли ничего подобнаго никогда и крайне интересовались предстоящимъ зрѣлищемъ. Искуственно привитая, пока еще только школьная забава,—театръ не проникъ еще въ южно-русское общество и только что начиналъ пускать корни у этого народа селянъ и воиновъ. Великій Могила, стремясь къ европейскому просвѣщенію, завелъ въ созданной имъ школѣ театръ по образцу нѣмецкихъ университетовъ и польскихъ школъ. Латинскія и польскія мистеріи и моралите и игрались сперва, пока появился свой репертуаръ и свои писатели. Къ концу XVII вѣка и началу XVIII дѣло драмы оживилось. Талантливыя попытки Прокоповича привлекли къ ней вниманіе, въ интермедіяхъ стали мелькать типы ежедневной, окружающей жизни и толпа удивилась, увидѣвъ ня сценѣ самую себя, личности ей знакомыя, любимыя или ненавидимыя ею. Начитанный, образованный Горка написалъ свою пьесу въ ту пору подъема духа. Сквозь схоластическія формы въ ней пробивается сильно лиризмъ, есть попытки рисовать типы. Строгая и возвышенная библейская драма оживлялась двумя, вставленными въ нее, фарсами.

II.

Восковыя свѣчи рампы, вправленныя въ вогнутые металлическіе подсвѣчники, мелькаютъ отъ проносящагося по залѣ вѣтерка. Во избѣжаніе жары открыли всѣ окна и съ надвору вѣетъ запахомъ цвѣтущей сирени и яблонь, несетъ отъ Днѣпра вечерней прохладой. За кулисами суета приготовленій, нервное нетерпѣніе, комическія сцены. Страшно загримированная «Зависть» разговараваетъ съ »Фараономъ», въ бумажной тіарѣ, неприступный красавецъ «Іосифъ» дружески обнимаетъ миловидную «жену Пентефрія», изображаемую на сей вечеръ его товарищемъ, сыномъ полковника

съ Лѣвобережья. Какъ водится всегда и вездѣ, какъ водилось и въ академіи въ прошломъ вѣкѣ, актеры сквозь щели занавѣси смотрятъ въ залу на страшную для нихъ многоголовую публику.

Они видятъ въ первомъ ряду, рядомъ съ префектомъ, кіевскаго полковника, войта, того полковника съ Лѣвобережья, сынъ котораго играетъ Пентефріеву жену, нѣсколько сотниковъ изъ сосѣдней Черниговщины, много горожанъ и сплошною стѣною столпившуюся массу смѣющихся, оживленныхъ товарищей. Молодой, стройный Іосифъ, совсѣмъ одѣтый и загримированный, подходитъ къ занавѣси и впивается глазами въ толпу. Лицо его зажглось румянцемъ удовольствія и прекрасныя, строгія очи улыбнулись. Въ тѣсныхъ рядахъ публики, прижавшись къ матери, сидитъ юная подольская красавица.... Онъ знаетъ, ради кого она явилась сюда.

Самъ авторъ пьесы и учитель—за кулисами руководитъ последними приготовленіями, осматриваетъ наскоро гримировку многочисленныхъ аллегорическихъ лицъ. Пьеса тщательно репетировалась и приготовлялась. Къ спектаклю ожидался самъ гетманъ; но онъ проѣхалъ на дняхъ изъ Батурина въ Бѣлую Церковь, озабоченный и мрачный, остановившись въ Кіевѣ лишь на нѣсколько часовъ, занятый повидимому теперь болѣе всего разбирающимся въ Витебскѣ дѣломъ Кочубея.

Всѣ приготовленія кончены, подымается занавѣсь. Неприхотливая декорація домашней живописи изображаетъ фантастическую улицу древне-египетскаго города.

Идетъ нѣчто въ родѣ пролога. Другъ Іосифа, пріѣхавшій въ Египетъ, радуется, разсказывая о его счастливой судьбѣ и, уходя со сцены, въ концѣ длиннаго монолога, наталкивается на отвратительную фигуру «Зависти», неожиданно вылѣзшую изъ за кулисы. Эта братоубійственная, скверная сила, преслѣдующая бѣднаго юношу, проклинаетъ Іосифа и клянется его погубить. «Зависть» взываетъ къ помощи и сцена вдругъ покрывается страшными уродами, бѣсами и гарпіями. Они грозятъ Іосифу, обѣщая въ конецъ погубить его душу и тѣло, «разсѣчь на малыя части, распилить пилою смерти, отдать его на съѣденіе звѣрямъ»! Зависть кричитъ, что убить одно тѣло—недостаточно, надо убить и душу.

Свѣчи притушены. На сценѣ, подъ шипѣнье гадовъ, воцаряется мракъ. Вдругъ волны свѣта, отъ выставленныхъ вокругъ сноповъ свѣчей, заливаютъ сцену. Прекрасное видѣніе «Божіей защиты» разгоняетъ адское сборище и предсказываетъ судьбу Іосифа, который, хоть и претерпитъ искушенія, оковы, тюрьму и бѣды, но будетъ посаженъ на царскомъ престолѣ:

Будетъ и въ темницѣ,
И въ бѣдѣ велицѣ
Жити;
И вражду сокрушитъ,
И смерти разрушитъ
Сѣти:
Вся бо та погибнутъ лютѣ и сила прелестна!

На послѣднихъ строкахъ этой пѣсни о непостоянствѣ міра и о побѣдѣ правды, съ послѣднимъ, стройнымъ аккордомъ мелодіи, опускается занавѣсь.

Актъ первый:—«протазисъ». Египетская комната съ изображеніями сфинксовъ, съ іероглифическими надписями и колоннами. Жена Пентефрія, въ пурпуровой, обшитой золотомъ одеждѣ, «сквернымъ желаніемъ бѣснуется». Предъ ней, изъ трапа, предстаетъ вдругъ, въ бѣлой одеждѣ, «совѣсть» и хочетъ отрезвить ее. Но «Велможа» не внемлетъ своей совѣсти, велитъ слугамъ связать ее и повергнуть въ темницу. Діалогъ идетъ стремительно, съ возрастающей страстью:

Велможа. Кій се срамъ или студъ
Чого сердце желаетъ?
Совѣсть. Студъ есть велій.
Велможа. . . . отнюдъ
Того не познаю.
Совѣсть. Познай, бо глубока
Любовъ глубокъ гнѣвъ творитъ: друга жестока
Имаши.
Велможа. . . . Жестокъ есть, не левъ лва не убіетъ
И ниже пардъ на парда когда свирѣпѣетъ.
Совѣсть. Но отецъ тя убіетъ.
Велможа. Отецъ мя измлада
Воспита во сластехъ, не погубитъ мя, чада
Своего.

Совѣсть. Мати згубитъ тя.

Велможа. Всякая мати
За своимъ ищадіемъ готова подъяти
Язви. И како схощетъ дщерь свою згубити,
За ню же готова есть душу положити?

Совѣсть. Но желаннаго отнюдъ не познаешъ.

Велможа. Чему не познаю?

Совѣсть. Жестокъ есть.

Велможа. Жестокому сему
Любовъ преодолѣетъ!

Совѣсть. Избѣжитъ.

Велможа. Но аще
И за море побѣгнетъ, азъ ему, гоняще,
Одолѣю!...

Появившаяся «Прелесть» хвалитъ вельможу «за то, что она не послушалась своей совѣсти и идетъ улавливать Іосифа».

Сцена мѣняется. «Слонце ясне лучи свои простираетъ». «Дѣлатели», идущіе въ дальнее поле, ожидаютъ приказаній Іосифа. Онъ сходитъ къ нимъ съ высокаго крыльца. «Красятся вертограды зъ вѣтвями», на поляхъ стоитъ еще не убранная въ стоги пшеница. Идите и работайте! Господинъ дастъ всякому мзду достойну». Эта часть людей пойдетъ къ стадамъ. Оставьте на лугахъ тощій скотъ, пусть поправляется, и пригоните сюда лучшій. Торговые корабли и рыбачьи лодки пусть ѣдутъ по своему дѣлу!» Люди идутъ, а онъ молится Богу своихъ праотцевъ, прося направить его и сохранить честнымъ и полезнымъ въ чужой землѣ, среди чужихъ людей и вѣры. Во время молитвъ предъ нимъ предстаетъ «Прелесть» и лестью и обѣщаніями желаетъ преклонить его къ себѣ. Но онъ прогоняетъ ее, скорбя о своемъ одиночествѣ, объ отсутствіи души, которая могла-бы поддержать его на правомъ пути.

Кто ми днесь подастъ крилѣ, яко голубинѣ,
Да бихъ излетѣлъ скоро отъ снѣди звѣринѣ?!

«Прелесть» летитъ объявить «Вельможѣ» о непреклонности Іосифа. Хоръ «малыхъ младенцевъ» воспѣваетъ Іосифово мужество и непоколебимость, сравнивая искушеніе Іосифа съ искушеніемъ Христа въ пустынѣ.

Въ красивыхъ сочетаніяхъ голосовъ заключается хоръ:

Красенъ есть кринъ удолній и слонце есть красно:
Той бо краситъ вся поля, а то свѣтитъ ясно.
Но душа Іосифа, въ чистотѣ едина,
Яснѣйша отъ слонца, краснѣйша отъ крина!....

Медленно падаетъ занавѣсь, отодвинутая на этотъ разъ на столько, что между нею и рампой остается пространство въ нѣсколько саженей. Кой-кто изъ «поважныхъ особъ» покидаетъ свои мѣста и идетъ «розминаться», а молодая публика, утомленная торжественной серьезностью драмы, остается смотрѣть веселую интермедію, которая и разыгрывается передъ опущенной занавѣсью на авансценѣ.

III.

Изъ боковой кулисы стремительно выкатывается на сцену возъ, на которомъ стоитъ огромная деревянная клѣтка. Въ клѣткѣ сидитъ мужикъ, а возлѣ воза кружатся, какъ изъ земли выросшіе, панъ и жидъ. Кучка народу въ разнообразныхъ костюмахъ изображаетъ базарную толпу. Жидъ носитъ за плечами коробку съ продажнымъ хламомъ, состоящимъ изъ онучекъ, одной черной и другой зеленой, изъ лоскутковъ кожи, мѣховъ, да отрѣзковъ разноцвѣтныхъ суконъ; у жида люлька, чубукъ, кисетъ съ табакомъ, въ рукахъ посохъ. Панъ въ кунтушѣ, съ длинными усищами, массивный и сытый, хорошо олицетворяемый дюжимъ академистомъ. Между жидомъ и паномъ идетъ торгъ: панъ продаетъ жиду мужика и кончаетъ сдѣлку на сто злотыхъ. Жидъ боится, чтобъ мужикъ не разломалъ клѣтки и не убилъ его ночью. Онъ проситъ пана связать мужика. Но вотъ слышенъ топотъ. Съ пѣснью вылетаетъ на сцену запорожецъ. Сіяющій яркими красками одеждъ, шумливый и бравый, онъ однимъ взмахомъ соломенной булавы, которую держитъ въ рукахъ, разбиваетъ клѣтку и освобождаетъ мужика, а пана и жида бьетъ булавою и запрягаетъ вмѣстѣ въ ярмо.

Появленіе запорожца встрѣчается дружнымъ восторгомъ публики, а освобожденіе мужика—цѣлой бурей радостныхъ криковъ.

Короткій антрактъ и драма продолжается. На сцену выходитъ «Тайновидецъ» и разсказываетъ о покушеніи жены Пентефрія на Іосифа. Въ этомъ разсказѣ рѣзко выступаетъ авторъ монахъ:

. . . . . нѣсть въ мірѣ лести
Болшой паче женская. Не можетъ изнести
Горшаго лукавства весь міръ, яко тое!

Студенческая публика лукаво улыбается, а полковникъ изъ перваго рода ехидно подмигиваетъ знакомой горожанкѣ.

Отверженная жена Пентефрія мучится оскорбленіемъ и злобой. «Плѣнникъ, вѣчный рабъ, цѣною купленный,» погордился ею. «Презрѣлъ ми рабъ лстивій, смѣется зъ любви моей! О лютѣ мнѣ бѣдной, посмѣянной»! Одна отрада ея въ мести, неумолимой, жестокой:

Судъ приметъ безъ милости, азъ ему устрою!
Изобью ему тѣло, не будетъ въ немъ сили,
Кости ему изочту, расторгну вся жили.

Предшествуемый «Вѣстникомъ», явился Пентефрій и, видя слезы жены, распрашиваетъ о причинѣ. Въ горячемъ монологѣ она изливаетъ ему злобу на «отрока онаго еврейскаго»: поругался надо мной, «ему же въ длани вручилъ еси весь домъ нашъ». Съ женскимъ лукавствомъ она ласкается къ мужу и проситъ быть заступникомъ оскорбленной ея чести.

О свѣте мой солнечный, свѣте круга мирна!
Тебе азъ поставляю свидѣтеля вирна.

Монологъ Пентефрія передъ связаннымъ и скованнымъ Іосифомъ дышетъ гнѣвомъ. Въ немъ искусно намѣчено развитіе этого чувства. Пентефрія мучитъ болѣе всего то, что его обманулъ человѣкъ, котораго онъ любилъ и которому благодѣтельствовалъ. Хоръ добродѣтелей рыдаетъ надъ Іосифомъ, уводимымъ въ темницу. Строфы хора продолжаютъ параллель и сравниваютъ темницу Іосифа съ сошествіемъ во адъ Христа.

Обычныя дѣленія старой драмы: «эпитазисъ» и «катастазисъ», соотвѣтствующія актамъ, чередуясь одно за другимъ, движутъ пьесу къ заключительной «катастрофѣ». Сцена изображаетъ дворъ Фараона, мучимаго злыми предзнаменованіями и силящагося разъяснить, съ помощью мудрецовъ и звѣздочетовъ, свои загадочные сны. Льстивые сенаторы, раболѣпные придворные, по обыкновенію, увѣряютъ, что такому могучему владыкѣ заботиться не о чемъ и что «все обстоитъ благополучно». «Мудрецы» плетутъ какую-то кани-

тель. Царь прогоняетъ ихъ. А Іосифъ, скованный, сидитъ въ темницѣ и темная «Вражда», не довольствуясь его бѣдами, распаляетъ гнѣвъ Пентефрія, чтобъ добиться смерти юноши. Гонецъ отъ Фараона останавливаетъ исполненіе казни, въ то время, какъ Іосифа уже вывели изъ темницы.

Хоръ, заключающій этотъ актъ, сопровождается танцами. «Младенци аравидстіи, скачуще, въ своемъ ликованіи являютъ, яко скорби и печали не только убогихъ и богатихъ, но и царей превисокихъ, во дни и въ нощи, во снѣ и на явѣ, многовидно смущаютъ и мучатъ».

«По танцу—интермедія.»

На этотъ разъ игралась шутка одного изъ академистовъ. Самъ профессоръ предоставилъ составить интермедію ученикамъ. Авторомъ первой былъ Довгалевскій, вторую соорудилъ веселый Танскій, оба юные автора были и исполнителями въ своихъ сценкахъ.

IV.

Опять на сценѣ козакъ. Онъ выходитъ гулять по свѣту и встрѣчаетъ красивую дивчину.

— Добры-день, сердце! говоритъ онъ ей.

Дѣвка задумалась и говоритъ матери:

— Козакъ сказавъ «сердце!» Певно-жъ хоче сватать, а у мене ни що не готово!

Козакъ услышалъ и говоритъ:

— Гарна дивчина, та тольки яка жъ дурна!—Ну, пусть же будетъ такъ: пойду блукать по свѣту; если найду кого глупѣе, то вернусь сватать эту дѣвку, а какъ не найду, то не вернуся.

Первая встрѣча: дѣвка за веревку тащитъ корову. «Корова» (курьезно обшитый мѣхомъ академистъ) упирается и не хочетъ идти.

— Куда ты ее тащишь?

— Та що-жъ, отвѣчаетъ та, батько вмеръ, та казавъ корову дати на церкву, то я и хочу теперъ іи туда вытягнути.

— А бодай тебе!... Ты возьми продай корову, а гроши до церковъ и отдай.

— Отъ спасыби тоби! Оставайся жъ зо мною, будешъ по всякъ часъ радити мене.

Задумался козакъ—можно ли быть глупѣе? Потомъ вставъ, говоритъ: нѣтъ, надо идти еще дальше.

Идетъ... Вдовѣ «майстры» сдѣлали зимою въ хатѣ возъ. Прошла весна, вдова выбивается изъ силъ, никакъ не вытащитъ воза изъ хаты на дворъ.

Козакъ беретъ, разбираетъ возъ, выноситъ изъ хаты и складываетъ опять на дворѣ.

— Голубчику, козаче, останься, научай мене, що и якъ чинити!

Нѣтъ, думаетъ себѣ козакъ, пойду еще дальше.

Пошелъ.... Женщина вынесла на дворъ курицу и такъ ее за что-то бьетъ.

— Що ты робишъ?

— А отъ бачишъ, курка не дае ц....и курчатамъ, то я іи за те бъю.

— Яка-жъ ты дурна! Возьми пшона та дай имъ, то воны самы будуть ѝсти!

Изумленный размѣромъ и обиліемъ женской глупоты, козакъ, при гомерическомъ хохотѣ публики, рѣшаетъ весь вѣкъ свой остаться бурлакомъ.

Живая правда обыденныхъ сценъ смѣняется заключительнымъ актомъ траги-комедіи.

До Фараона дошелъ слухъ о мудрости Іосифа. Напрасно окружающіе сановники стараются отклонить его отъ страннаго юноши, который «не учився нигдѣ, смиренній, простій, бездѣльній, нищій.» Они повторяютъ излюбленный аргументъ высшихъ сословій всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ:

. . . . нѣсть бо тое прилично,
Дабы рабскій постигалъ разумъ, что обычно
Постизаютъ мудрецы . . .

Но сынъ козака изъ Стаекъ, авторъ пьесы, устами Фараона глумится надъ ихъ хитрыми умничаніями и обличаетъ ихъ затаенный, лукавый эгоизмъ. «Убогій и бѣдный» можетъ обладать великими духовными дарами, носить въ себѣ «божественную благодать», о какой и не снилось богатымъ и сильнымъ. Слава и богатство, поддерживаетъ царя одинъ изъ сенаторовъ, только мѣшаютъ мудрости. Онѣ опутываютъ человѣка сѣтями условныхъ понятій, развиваютъ эгоизмъ, заслоняютъ отъ него лице правды. Истинную, нелицепріятную правду и премудрость «обычно имѣютъ убози».. Золотыя слова эти едва ли могли быть сказаны въ Египтѣ, но

въ обществѣ, не знавшемъ сословныхъ различій и чуждомъ духа касты, они могли быть встрѣчены только сочувствіемъ.

Чудесное истолкованіе сна ведетъ Іосифа на вершину славы. Громкія пѣсни прославляютъ его мудрость, его возводятъ на высокій правительскій тронъ, среди сцены запруженной народомъ, поющимъ въ честь его звучный, торжественный гимнъ.

Публика, утомленная длинннымъ спектаклемъ и жарой, начинаетъ расходиться. Майская ночь тепла и дышетъ запахомъ цвѣтовъ. Днѣпръ серебрится лентой подъ блѣднымъ лучемъ мѣсяца. На улицахъ Подола и на окрестныхъ горахъ погасли вечерніе огни. Несутся откуду-то пѣсни. «Іосифъ» провожаетъ свою красавицу на Глыбочицу и въ первый разъ шепчетъ ей о томъ, какъ ее любитъ.

Ясно и безоблачно было утро слѣдующаго дня; многіе изъ академистовъ разъѣзжались по домамъ. Академическій дворъ, залитый лучами солнца, представлялъ оживленную картину. Товарищи, передъ отъѣздомъ, прощались другъ съ другомъ, прощались съ учителями. Кончившіе ученіе покидали академію навсегда. По городамъ и мѣстечкамъ лѣваго и праваго берега, по отдаленнымъ степнымъ хуторамъ, растекались питомцы «Аполлоновыхъ житницъ», какъ звали академію ея главари. Для многихъ изъ нихъ кончились годы беззаботной юности и начиналась самостоятельная жизнь.

У префекта толковали о вчерашнемъ вечерѣ, хвалили пьесу, хвалили актеровъ. Лѣвобережный полковникъ, пріѣхавшій за сыномъ, отдавалъ должное академической наукѣ въ хорѣ этихъ похвалъ, но втайнѣ, въ практической своей головѣ, держалъ не ясно формулированную еще мысль объ удаленности этой науки, которой обучался и сынъ его, отъ жизни, отъ всего ея строя, отъ ея нуждъ. Въ кружкѣ духовныхъ говорили о новыхъ требованіяхъ Петра, о неудовольствіи, какому подвергся съ нѣкоторыхъ поръ всѣми любимый Кроковскій. Горка обмѣнивался съ Прокоповичемъ замѣчаніями о непрочности великихъ почестей, вспоминая любимца своего Горація, съ его теоріею простой и независимой жизни. Онъ цитировалъ строчку одной изъ его одъ въ своемъ переводѣ, гдѣ говорилось, какъ удары судьбы направляются на то, что осмѣливается на свѣтѣ выдаваться:

Частѣе кедри зиблетъ вѣтръ суровый,
Тяжчае падуть возвишенни кровы,

Обично біютъ на холми високи
Громы жестоки! [1])

Прокоповичъ слушалъ съ улыбкой, но въ глазахъ его, сіявшихъ умомъ, можно было прочесть, какъ мало раздѣляетъ онъ въ этомъ случаѣ мнѣніе своего товарища.

Двое изъ вчерашнихъ актеровъ подъѣзжали на добрыхъ коняхъ къ днѣпровской переправѣ. «Іосифъ» убѣжалъ изъ Кіева, товарищъ его, сынъ полковника, провожалъ его. Лицо «Іосифа» дышало спокойнымъ счастьемъ. Онъ разсказывалъ пріятелю, какъ объяснялся съ родными своей невѣсты, какъ получилъ ея согласіе и какъ осенью будетъ слать къ ней сватовъ. Онъ увезетъ ее изъ Кіева въ свой дальній, миргородскій, осѣненный вербами хуторъ. Тамъ укроется онъ и отъ науки, и отъ военной грозы. «Жена Пентефрія» пожалъ плечами и объявилъ, что переговоривъ съ отцомъ онъ тоже бросаетъ Кіевъ и уѣзжаетъ на Запорожье.

В. Г

---

[1]) Horatii Carminum, Liber II, carm. X.
Saepius ventis agitatur ingens
Pinus, et celsae graviore casu
Decidunt turres, feruintque summos
Fulgura montes.

НА ШПАКОВОМЪ ШЛЯХУ.

Разсказъ изъ быта Подоліи начала XVIII вѣка[1]).

(Переводъ съ польскаго)

Талантливый и трудолюбивый польскій историкъ-беллетристъ, д-ръ Антоній І., и настоящимъ своимъ разсказомъ, какъ и раньше помѣщеннымъ нами его разсказомъ о Кармелюкѣ (см. «Кіев. Стар.» 1886 г., мартъ, стр. 495—560) дѣлаетъ, по его собственному выраженію, „неблагодарную" попытку низвести еще одного изъ народныхъ нашихъ героевъ, козацкаго предводителя начала XVIII в. Шпака, въ рядъ простыхъ разбойниковъ, обыкновенныхъ бунтовщиковъ. Попытка, по самой природѣ вещей, оказалась безплодною; но отъ нея остается не мало новыхъ данныхъ о малоизвѣстномъ въ нашей исторіи времени и лицѣ,—данныхъ, искусною рукою добытыхъ и талантливо сгруппированныхъ. Герой разсказа, Ѳедоръ Шпакъ, былъ однимъ изъ второстепенныхъ и даже третьестепенныхъ предводителей народнаго возстанія въ Подоліи того времени, когда разоренная въ конецъ и не разъ договорами сосѣдей обрекаемая на вѣчное запустѣніе правобережная Украйна энергіею Палія, по иниціативѣ короля Яна Собѣсскаго, преслѣдовавшаго впрочемъ другія цѣли, еще разъ воскресила убиваемое систематически козачество и, освободившись отъ ига турецкаго, свергала вновь налагаемое на нее ярмо польское. Простой осадчій въ колонизуемой вновь, послѣ ухода турокъ, Подоліи, по фамиліи Билоцкій или Билецкій, по прозванію Шпакъ, стихійною силою втягивается въ народное возстаніе, формируетъ отряды, достигаетъ званія полковника, мститъ, грабитъ, разоряетъ, устраиваетъ,

---

[1]) Opowidania d-ra Antonia I, serya czwarta, I. Warszawa. 1884.

быть можетъ, при этомъ свои дѣлишки, ловко избѣгаетъ преслѣдованій, платится, быть можетъ, головой и оставляетъ имя свое въ народныхъ пѣсняхъ и въ названіи дороги, по которой ходилъ. Такой или иной, но онъ участникъ той борьбы за идею свободы, которая свѣтлой зарей проходитъ чрезъ всю исторію южно-русскаго народа и составляетъ его высшее отличительное качество. Этой именно стороной своей жизни и дѣятельности вошелъ и Шпакъ въ народную память и исторію, и не вычеркнутъ его отсюда никакимъ строгимъ изслѣдователямъ и не измѣнить того облика, съ какимъ онъ занялъ здѣсь свое скромное мѣсто. Для этого надо было бы самую идею, которой онъ былъ естественнымъ носителемъ, исключить изъ цикла идей украшающихъ человѣчество. И Хмельницкаго объявляли хлопомъ бунтовщикомъ, и весь народъ южнорусскій необузданнымъ, дикимъ быдломъ, и Запорожье гнѣздомъ дикаго и грубаго разгула, хотя они были и останутся единственнымъ свѣточемъ свободы среди окружавшей тьмы рабства и невыразимо дикаго деспотизма. Авторъ въ героѣ своего разсказа Шпакѣ отыскиваетъ темныя пятна... Что намъ до того? Ихъ такъ много въ жизни „великихъ“ древняго и новаго міра и несравненно больше въ жизни тѣхъ колонизаторовъ и культуръ-трегеровъ, которые, въ числѣ другихъ возставшихъ, ловили и Шпака, вырѣзывали непокорное населеніе цѣлыхъ городовъ, мѣстечекъ и селъ и попадали въ комическое по истинѣ положеніе, не зная, чѣмъ и какъ воздѣлывать свои нивы, откуда извлекать доходы. Богатые, властные, гордившіеся образованностію, гуманностію, они не знали, какъ организовать колонизируемый вновь богатый край къ взаимной выгодѣ своей и призываемыхъ ими на «слободы»; неудивительно, что предводители простаго народа, не даваясь панамъ въ ярмо, подобно имъ, жгли, грабили, вѣшали, убивали. И Шпакъ дѣлалъ тоже, что воевода Потоцкій и инквизиторъ Сенявскій, но онъ служилъ иной идеѣ и оставилъ имя въ памяти народной.

Да, неблагодарную задачу поставилъ себѣ почтенный авторъ; но онъ даетъ намъ данныя, пригодныя для нашей мало разработанной исторіи, способныя, можетъ быть, и въ правду, предостеречь кого либо отъ увлеченія, и мы съ признательностію пользуемся его трудомъ и помѣщаемъ его интересный по многому другому разсказъ.—*Ред.*

I.

Путешественникъ, ѣдущій по желѣзной дорогѣ съ сѣвера на югъ Подоліи, не догадывается о томъ, что онъ ѣдетъ по дорогѣ, съ давнихъ временъ проложенной и обильно политой кровью на-

шихъ предковъ: здѣсь пролегалъ одинъ изъ татарскихъ «шляховъ» или путей, такъ называемый Кучманскій, главное направленіе котораго было къ Бару. Начинался онъ у Куяльницкихъ яровъ, раскинутыхъ по берегу Чернаго моря, и въ прибрежныхъ степяхъ распадался на тысячи дорожекъ; потомъ въ окрестностяхъ нынѣшней Балты, у рѣчекъ Кодымы и Кучманя, эти дорожки соединялись въ одинъ шляхъ, который тянулся дальше вдоль плоскогорья, служащаго водораздѣломъ подольскихъ водъ,—съ одной стороны притоковъ Днѣстра, съ другой—притоковъ Буга. Инженеры татарскіе, если только татары имѣли инженеровъ, назадъ тому еще четыре вѣка признали за самое лучшее вторгаться въ непріятельскія земли этой именно дорогой; и желѣзнодорожные инженеры выбрали эту мѣстность, какъ самую удобную для проложенія пути локомотивамъ. Здѣсь точная наука участвовала въ изысканіяхъ направленія пути, тамъ опытъ, а можетъ быть только инстинктъ, нашелъ эту дорогу, но во всякомъ случаѣ нужно удивляться практичности татаръ: путь шелъ по гористымъ возвышенностямъ, и хищники, разъ ставши на нихъ, имѣли кругомъ горизонтъ открытымъ, легко могли замѣтить не только непріятеля, но всѣ заселенія, обновившіяся послѣ послѣдняго ихъ посѣщенія; вода имъ также не дѣлала препятствій, хотя ея было изобильно внизу дороги, съ одной и съ другой стороны; въ сосѣдствѣ же водъ были плодоносные луга, а слѣдовательно и обильный кормъ лошадямъ. Эту-то дорогу татаръ или, точнѣе, дорогу, идущую почти параллельно съ утоптанной хищниками, народъ въ началѣ прошлаго столѣтія назвалъ «Шпаковымъ шляхомъ» и это названіе удержалъ до сихъ поръ. Почему,—этого теперешній крестьянинъ не можетъ себѣ объяснить; достаточно ему и того, что объ этомъ онъ съ дѣтства слыхалъ отъ отца, отецъ отъ дѣда и т. д. Съ теченіемъ времени съ этимъ названіемъ соединилось нѣсколько легендъ, туманныхъ, теряющихся съ каждымъ часомъ: быть можетъ, какой нибудь народный рапсодъ пѣлъ думу о богатырѣ Шпакового шляха... Гдѣ собственно этотъ шляхъ начинается, гдѣ онъ пропадаетъ, объ этомъ не можетъ вамъ сказать самый лучшій знатокъ. Одни, какъ Руликовскій, утверждаютъ, что онъ бралъ начало возлѣ Липовца, шелъ чрезъ Красное и Брацлавъ къ Балтѣ и къ Ольвіополю, наконецъ у переправы чрезъ Днѣпръ возлѣ Никитина Рога совсѣмъ пропадалъ.

Другіе говорятъ, что дальше Брацлавщины онъ не простирался: начинался въ окрестностяхъ Немирова, а возлѣ Балты незамѣтно пропадалъ. Отличалась ли эта дорога какими нибудь особенными знаками, бо́льшимъ или меньшимъ удобствомъ, большей или меньшей безопасностью и была ли она кратчайшимъ путемъ между двумя данными пунктами, этого мы не съумѣемъ сказать; однако каждый селянинъ зналъ, куда направлялся Шпаковъ шляхъ и на вопросъ, какъ найудобнѣе и найлучше добраться изъ окрестностей Немирова къ херсонскимъ степямъ, отвѣчалъ, что нужно ѣхать такъ и такъ, а тамъ когда выѣдешь на Шпаковъ шляхъ, такъ онъ ужъ вѣрно приведетъ тебя въ тѣ безлюдные края.

Кто же былъ тотъ Шпакъ, названіе котораго народъ удержалъ въ памяти до настоящей поры? Но прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, разскажемъ о событіяхъ, совершавшихся въ началѣ прошлаго столѣтія въ двухъ пограничныхъ провинціяхъ—Подоліи и Брацлавщинѣ. Это не будетъ исторія, выписанная изъ печатныхъ книжекъ, но составленная изъ мелкихъ, летучихъ замѣтокъ, разсыпанныхъ по современнымъ актамъ. Въ сочиненіяхъ, посвященныхъ нашему прошлому, говорится вообще, что въ началѣ XVIII столѣтія по Карловицкому трактату пограничныя земли возвращены были Рѣчи Посполитой, что прибывшіе сюда прежніе землевладѣльцы застали здѣсь пустыню и что вмѣстѣ съ заселеніемъ края начались здѣсь казацкія смуты, которыя послужили не малымъ препятствіемъ къ экономическому развитію плодоносной страны. Книжка говоритъ правду, но очень кратко; впрочемъ иначе и быть не можетъ: еслибы пришлось разсказывать день за день всѣ судьбы провинцій, входившихъ въ составъ давней Польши, то нужно было бы написать тысячи огромныхъ фоліантовъ. Желаніе наше ограничивается скромной рамкой: взявъ основаніемъ выше сказанное, дополнимъ его нѣсколькими чертами и обрисуемъ данную эпоху. Повторяемъ, что мы черпали матеріалъ не изъ фантазіи романиста, а изъ мѣстныхъ памятниковъ. Стряхнувши пыль съ старыхъ бумагъ и освободивши разсказы отъ обильной, закорузлой латыни, мы даемъ въ болѣе исправленномъ изданіи то, что занесъ на бумагу гродскій или земскій писарь,

либо магистратскій канцеляристъ. Вотъ наша заслуга, на которую мы заявляемъ немного правъ. Послѣ этого «исповѣданія вѣры» приступаемъ къ дѣлу.

Второе присоединеніе Подоліи и Брацлавщины къ Польшѣ случилось въ слишкомъ смутную эпоху. Августъ II, желая крѣпче утвердиться на престолѣ и удержать въ краѣ свои саксонскія войска, всѣ силы обратилъ на Лифляндію, слѣдствіемъ чего было то, что въ Польшу стягивались рати голодныхъ шведовъ. Съ другой стороны раздоры Сапѣговъ на Литвѣ заняли вниманіе всего военнаго люда.

Эвакуація Каменца совершилась безъ особеннаго торжества. Назадъ тому двадцать слишкомъ лѣтъ утрата его оплакана была по всей Польшѣ, проповѣдники трогали до слезъ набожную толпу яркимъ описаніемъ господства невѣрныхъ въ только-что захваченной крѣпости, теперь же освобожденіе этой крѣпости отъ тяжелаго гнета почти не вызвало радости: нѣсколько комиссаровъ, нѣсколько сенаторовъ и духовныхъ, горсть войска, два-три представителя шляхты—вотъ и всѣ прибывшіе въ Каменецъ къ этому времени.

Турки печально двинулись къ Босфору, оставивши, какъ слѣдъ по себѣ, «липковъ»-грабителей, поселившихся по сосѣдству съ Каменцемъ за Днѣстромъ. Но это сосѣдство было не такъ опасно; гораздо грознѣе были полчища Палѣя, расположенныя по Днѣпру. Палѣю еще раньше приказано было уничтожить полки, распустить дружины; но онъ этого не исполнилъ, что вполнѣ естественно: онъ могъ уступить только силѣ, а когда этой силы не видѣлъ, то смѣялся надъ универсалами гетмановъ. Дѣятельность его не ограничивалась однимъ мѣстомъ, а все болѣе и болѣе расширялась; къ его организаціи присоединялись цѣлыя земли, только-что присоединенныя къ Рѣчи Посполитой. Новые шляхетные пришельцы Подоліи думали, что, избавившись отъ мусульманъ, они вполнѣ безопасны; между тѣмъ нашлись новые претенденты на эту землю и на этотъ народъ, охотно поддающійся имъ, такъ какъ они обѣщали ему больше свободы и были одной съ нимъ вѣры, если не одного происхожденія.

Двѣ враждебныя стороны смотрѣли другъ на друга и вымѣряли свои силы. Разсчетъ оказался не очень благопріятнымъ для только-что

прибывшихъ изъ глубины Польши: на цѣломъ пространствѣ двухъ воеводствъ было въ ихъ рукахъ нѣсколько малыхъ крѣпостей, очень слабо укрѣпленныхъ. Каменецъ, считавшій сясамымъ сильнымъ городомъ, на самомъ-же дѣлѣ бѣдный, слабый. разрушенный, съ развалившимися зданіями, могъ дать подъ оружіе едва 500—600 людей во главѣ коменданта Кошкеля. Немировъ, ключъ по-бугской позиціи, какъ называли его тогдашніе стратеги, считалъ у себя нѣсколько не вполнѣ устроенныхъ хоругвей; столько-же было въ Меджибожѣ, на содержаніи Сенявскаго, и въ Барѣ, принадлежавшемъ Любомирскому. Винницу защищали нѣсколько десятковъ драгунъ, которыхъ держалъ у себя мѣстный староста. Были еще крѣпостцы—Бѣлая Церковь, охраняемая особымъ комендантомъ, содержавшимся на жалованьи Рѣчи Посполитой, и Бердичевъ подъ опекой владѣльца,—обѣ въ кіевскомъ воеводствѣ. Вотъ и все. Иного войска нигдѣ не было. Оставалось посполитое рушеніе, но на него было мало надежды: позже въ 1702 г., не смотря на приказы и угрозы, собралось въ Подоліи еле-еле 400 душъ, хотя всѣ жители стали подъ оружіе, по крайней мѣрѣ, всѣ до единаго записались въ каменецкихъ гродскихъ книгахъ. Въ окрестностяхъ Винницы было хуже: здѣсь нельзя было насчитать и сотни гербовныхъ поселенцевъ; они вмѣсто того, чтобы объявить Палѣю войну, сочли за лучшее послать къ нему Фащевскаго съ просьбой, чтобы онъ избавилъ ихъ отъ притѣсненія не козаковъ, а обыкновенныхъ разбойниковъ, пользующихся слабостью охраны города. Эти разбойники безнаказанно проживали въ сосѣдствѣ города и занимались разбоемъ по дорогахъ.—Удивительно и тѣмъ не менѣе вѣрно, что насколько Винница славилась своимъ миролюбіемъ и даже насквозь проникнута была польскимъ духомъ, на столько сосѣдній съ ней Немировъ былъ охотникъ до бунтовъ и съ удовольствіемъ принималъ у себя гайдамакъ и «левенцевъ». И дѣйствительно, онъ представлялъ изъ себя истинное гнѣздо бунтовщиковъ. Исторія этого мѣстечка во второй половинѣ XVII вѣка и въ первой четверти XVIII в. полна буйствъ и крови. Немировъ былъ столицей княжества Сарматскаго и резиденціей Юрія Хмельницкаго, господствовавшаго въ этомъ княжествѣ. Въ Немировѣ «господаровалъ» и Дука, съ которымъ пришло въ Немировъ много молдаванъ, любившихъ также разбои. Разогналъ ихъ Собѣскій, далъ имъ предводителей отъ себя и, когда началъ организовать польское козачество въ кі-

евскомъ Полѣсьѣ, не забылъ и о Немировѣ: оставилъ здѣсь «наказнаго атамана», или иначе сказать, атамана in partibus: этотъ атаманъ во время мира сидѣлъ, сложа руки, а въ случаѣ войны къ нему стягивались полки польской вольницы и шли съ нимъ помогать войску Рѣчи-Посполитой въ частыхъ походахъ Яна III въ Валахію. Вообще, Немировъ имѣлъ большое значеніе; это «ключъ Побужья», говорилъ о немъ король; «ключъ Побужья», повторялъ великій гетманъ коронный, а за королемъ и гетманомъ повторяли всѣ. И козаки въ концѣ концовъ сознали это: должна-же быть здѣсь сила, думали они, если ляхи такъ о немъ заботятся. И вотъ, когда начались волненія, поднятыя Палѣемъ, полковникъ Абазынъ со своимъ отрядомъ засѣлъ въ Брацлавѣ и только высматривалъ, какъ-бы захватить Немировъ. Кажется, въ этой мѣстности Абазынъ былъ единственнымъ ватажкомъ, съ которымъ полякамъ нужно было тягаться; это былъ молдованинъ, служившій у Дука, смѣльчакъ, разбойникъ, какихъ мало, не признающій никакой власти, кромѣ Палѣевой, и то, когда она грозила ему висѣлицей.

Таково было положеніе дѣлъ въ началѣ 1702 года въ мѣстности, которая будетъ служить мѣстомъ дѣйствія дальнѣйшаго нашего разсказа.

II.

Но если государственные чины Рѣчи-Посполитой старались удержать Немировъ на степени оборонительнаго пункта, если Абазынъ измышлялъ средства захватить его, то было еще третье лицо, радѣющее также о мѣстечкѣ и о прилегающихъ къ нему земляхъ. Этотъ третій былъ Іосифъ Потоцкій, владѣлецъ Станиславова, Бродъ, княжества Збаражскаго и Юзефова, недавно вошедшій въ составъ сената, какъ воевода кіевскій. Онъ. занявши эту мѣстность, оставленную недавно турками, сталъ запрашивать народъ въ свои пограничныя владѣнія на «слободы», выгодныя для новыхъ колонистовъ.

Въ числѣ первыхъ пришельцевъ былъ Федоръ Билоцкій; онъ занялъ большой кусокъ земли подъ мѣстечкомъ, на краю лѣса, гдѣ были развалины «дѣвичьяго скита», т. е. женскага монастыря. Мѣстность прекраеная, но не привлекало къ себѣ охотниковъ селиться: и поля было здѣсь много, и вода въ близости, и

свобода пользованія лѣсомъ на постройки и ежедневныя потребности, но именно этотъ лѣсъ, густо заросшій, много лѣтъ не тронутый, имѣлъ недобрую славу, онъ былъ пристанищемъ гультяевъ, которые здѣсь, въ развалинахъ скита, по цѣлымъ недѣлямъ гуляли, придумывая новые разбойничьи походы.

Билоцкій «осадчій»,—такъ называли колонистовъ, основывавшихъ слободы,—скоро и хорошо захозяйничалъ на выбранномъ урочищѣ. Хата его напоминала собою домикъ шляхтича, былъ даже «ганокъ» (крыльцо), поставленный на тонкихъ колонкахъ; въ окнахъ стекляныя шибы; внутри, рядомъ съ кухней съ приземистой печью, была «изба гостинная», за ней «комора», а дальше «изба шатная»; въ углу каждой комнаты висѣли иконы въ позолоченныхъ рамахъ, закрытыя занавѣсками; на стѣнахъ было развѣшано разнаго рода оружіе. Подъ навѣсомъ висѣла сбруя, украшенная серебрянными пуговками.

Хозяйство было видное значительное; нѣсколько «наймитовъ» трудилось на полѣ осадчаго, но самъ хозяинъ больше любилъ военныя, чѣмъ тихія сельскія занятія. Откуда онъ прибылъ, никто его объ этомъ не спрашивалъ, а если-бы и спросилъ, то, конечно, немного бы отъ него вывѣдалъ. Хорошъ-бы былъ управитель имѣніями, если-бы требовалъ отъ своихъ колонистовъ свидѣтельствъ объ ихъ происхожденіи: при малѣйшей такой попыткѣ съ его стороны, всѣ бы ушли съ его земель. Билоцкій, очевидно, человѣкъ бывалый, козакъ или челядинецъ какого нибудь богатаго пана; онъ умѣлъ жить съ простымъ народомъ, часто помогалъ ему деньгами и добрымъ совѣтомъ и скоро пріобрѣлъ уваженіе среди распущеннаго крестьянства.

Мѣстное управленіе, поставленное отъ дѣдича, наблюдало за Билоцкимъ, подозрѣвало его въ дурныхъ намѣреніяхъ, но молчало, молчало и потому, что къ Билоцкому часто пріѣзжалъ полковникъ Абазынъ, засѣвшій въ сосѣднемъ Брацлавѣ, часто навѣдывались къ нему какіе-то подозрительные люди, а иногда являлись волохи, и всегда ночью пріѣзжали, и ночью уѣзжали. Вообще движеніе въ усадьбѣ подъ лѣсомъ было большое; дорога къ одинокому хутору была утерта, какъ будто къ какому-нибудь двору помѣщика; трава на сосѣднихъ лугахъ была вытоптана конскими копытами. Драгуны, высылаемые изъ Немирова въ ту сторону для развѣдокъ, встрѣчали иногда даже татаръ.

Обо всемъ этомъ было донесено комиссару Краевскому, но тотъ не обратилъ на это вниманія, потому что зналъ, что для успѣха колонизаціи нужно было предоставить больше свободы колонистамъ и не вмѣшиваться въ ихъ дѣла. Эта колонизація и ея надлежащее веденіе такъ вскружила головы землевладѣльцамъ, что дальше ея они уже ничего не видѣли и думали, что колонистъ, будь онъ раньше бродяга и разбойникъ, если только поселится на «слободѣ», то привяжется къ сельской работѣ и сдѣлается хорошимъ хозяиномъ. Правда, подчасъ не обходилось безъ висѣлицы, но къ ней прибѣгали въ крайнихъ случаяхъ, при явныхъ и не опровержимыхъ доказательствахъ совершенія злодѣянія.

Такъ стояли дѣла, когда Самусь, сподвижникъ Палѣя, неожиданно напалъ на Немировъ. А раньше этого уже было извѣстно, что онъ взялъ Бердичевъ и ограбилъ тамъ Потоцкаго, старосту хмельницкаго, взявши у него около милліона злотыхъ движимостію и наличными. Въ нѣсколько часовъ Самусь порѣшилъ съ Немировомъ, окруженнымъ земляными валами и частоколомъ и защищаемымъ нѣсколькими десятками драгунъ, такъ какъ надворная милиція, состоявшая изъ тамошнихъ жителей, сразу перешла на сторону окружавшихъ городъ. Занявши городъ, онъ сейчасъ-же уничтожилъ польскую организацію, недавно здѣсь привитую. Помогалъ ему при взятіи города Абазынъ, а вмѣстѣ съ Абазыномъ явился новый, дотолѣ неизвѣстный предводитель, во главѣ дружины въ триста душъ, составленной изъ мѣстныхъ селянъ; называлъ онъ себя, по козацкому обычаю того времени, Шпакомъ, а въ дѣйствительности это былъ Федоръ Билоцкій, осадчій изъ хутора, построеннаго подъ Немировскимъ лѣсомъ. Во время грабежа онъ велъ себя странно. Вольница Самуся и Абазына убивала жолнеровъ, потѣшалась надъ панами и ксендзами; одному, напримѣръ, изъ іезуитовъ ксендзу Цапукевичу, содрали кожу съ бороды, потомъ разсѣкли его на части и тащили куски тѣла по улицамъ; губернаторъ (управитель имѣніемъ), намѣстникъ хоругви пали подъ обухами бродягъ. Побѣдители жгли всѣ бумаги, чтобы уничтожить всякіе слѣды прежнихъ условій и обязательствъ, грабили имущества, а въ концѣ концовъ разрушали дома, предавая ихъ огню, и при заревѣ пожара пьяная толпа дико распѣвала пѣсни, какъ бы гимнъ своего тріумфа. Напослѣдокъ, начали потѣшаться одинъ надъ другимъ: сильнѣйшій бросалъ сла-

бѣйшаго въ пламя: импровизованный мученикъ старался вылѣзть изъ пламени, а зрители съ дикимъ хохотомъ толкали его пиками въ огонь. Конечно, эта потѣха продѣлывалась главнымъ образомъ надъ шляхтою и жидами, но доставалось и русинамъ чистой крови. Шпакъ велъ себя совсѣмъ иначе; онъ и грабилъ,—какъ счастливый побѣдитель, онъ даже имѣлъ на то право,—и убивалъ, но убивалъ только старыхъ и увѣчныхъ, а все, что было моложе, сильнѣе, здоровѣе, находило у него снисхожденіе, особенно красивыя женщины. Тутъ уже онъ не различалъ народности: и полька, и единоплеменная, лишь бы имѣла чистое, пріятное лицо, длинныя косы, могла быть увѣрена, что не уйдетъ отъ предательской опеки Федора Шпака. И удивительно, не только не уходили отъ этого плѣна, напротивъ, среди ужасныхъ сценъ убійствъ, къ нему прибѣгали, какъ къ якорю спасенія. И торжествующій предводитель подъ конецъ утомительнаго дня возвращался къ себѣ на хуторъ подъ лѣсъ во главѣ большаго табора плѣнныхъ, а за ними тянулись возы съ запасами продовольствія, съ болѣе или менѣе цѣннымъ скарбомъ, съ награбленной одежей.

Холодная и темная ноябрьская ночь прикрыла таборъ мракомъ. Вѣтеръ несъ клубы дыма изъ мѣстечка, превратившагося въ одинъ огненный столбъ, зіяющій красными языками. Стоны терзаемыхъ, пѣсни и крики побѣдителей—все это наводило такой ужасъ на толпу, гонимую въ какой-то странный плѣнъ, что плѣнники шли покойно, боясь только, чтобы ихъ не возвратили снова туда, откуда вывели и гдѣ большая часть близкихъ и дорогихъ ихъ сердцу почили навсегда подъ топорами Самусевыхъ и Абазыновыхъ головорѣзовъ.

Плѣнники послѣ такого тяжелаго и ужаснаго дня провели ночь на небольшомъ дворѣ хутора, лежавшаго близъ лѣса; счастливѣйшіе изъ нихъ успѣли занять мѣста въ сараѣ и у стоговъ сѣна. Шпакъ разставилъ со всѣхъ сторонъ караулъ. Караульные были, конечно, недовольны тѣмъ, что они должны мерзнуть въ открытомъ полѣ въ то время, когда ихъ товарищи грѣются и гуляютъ при огромномъ кострѣ, разведенномъ въ мѣстечкѣ; но нечего было дѣлать, новый ихъ предводитель, пока еще скромный осадчій, умѣлъ внушить имъ къ себѣ уваженіе и повиновеніе.

— Что онъ станетъ дѣлать съ этимъ живымъ мясомъ?—думалъ не одинъ изъ плѣнныхъ и не могъ разгадать. Ужъ не запалъ ли гдѣ нибудь татарскій загонъ? Но о татарахъ давно уже нѣтъ слуху.

На другой день Шпакъ объявилъ далекій походъ и приказалъ готовиться къ нему, прибавляя, что въ походъ заберетъ съ собой и плѣнныхъ. И дѣйствительно въ сумерки слѣдующаго дня онъ двинулся таборомъ. Шли полями, проходили чрезъ лѣса, между Брацлавомъ и Краснымъ, возлѣ Шпикова, между Тимановкой и Мясковкой, близъ нынѣшней Кодымы и Крутыхъ, словомъ двигались на полдень. Тѣ немногіе, которые встрѣчали эту толпу, никакъ не могли понять, что гонитъ ее въ улусы татарскіе. Не татары вѣдь, а христіане, но по варварски поступаютъ, ведутъ въ яссыръ столько молодыхъ мужчинъ и красивыхъ женщинъ..... Пусть Юрась Хмельницкій, котораго народъ до сихъ поръ клянетъ въ пѣсняхъ, запродалъ всю Украину крымскимъ варварамъ; но тогда они сами являлись сюда и забирали невольниковъ; теперь совсѣмъ на оборотъ: величающій себя защитникомъ воли козацкой и свободы народной промышляетъ, какъ скотомъ, тѣми, которые стремились къ свободѣ.

Остановки въ пути были короткія, роздыхи минутные; огня разводили мало, опасаясь привлечь чье либо вниманіе. Правда, край былъ опустѣлый, коронныхъ войскъ нигдѣ, но кто знаетъ, какой нибудь панокъ изъ Побережья не пожелаетъ ли попробовать счастья и не устроитъ ли засады. Въ это время уже входила въ моду охота на торговцевъ живымъ мясомъ, а Шпакъ также, преобразившись изъ ватажка въ купца, шелъ съ живымъ товаромъ.

Во время путешествія съ плѣнниками обходились внимательно, милостиво; въ избыткѣ давали имъ пищу; позволяли надѣть теплую одежду; для ослабѣвшихъ нашлись даже возы. Долго ли продолжалось путешествіе, не знаемъ; но съ первыми снѣгами Шпакъ переправился уже черезъ Ягорлыкъ, называемый татарами Кайнаромъ, и сталъ таборомъ подъ Дубоссарами. Это былъ первый на пути городъ ханства, столица округа, или чыфлика, принадлежащаго крымскимъ владѣльцамъ. Въ то время тамъ былъ начальникомъ немолодой уже армянинъ. Когда новоприбывшій купецъ разбилъ на полянѣ свои палатки, начальникъ города явился туда, осмотрѣлъ плѣнниковъ глазомъ знатока, оцѣнилъ товаръ со стороны силы, сложенія и красоты, что-то поговорилъ въ сторонѣ съ предводите-

лемъ и возвратился во свояси, взявши съ собой, какъ подарокъ, крѣпкаго немировскаго поселянина. Къ вечеру прибыли къ обозу «мажи», наполненныя хлѣбомъ изъ кукурузы; пригнали нѣсколько барановъ. Ватажекъ самъ раздѣлялъ съѣстные припасы; женщинамъ приказалъ надѣть покрывала на лицо, помѣстилъ ихъ въ сарай, наскоро сбитый изъ досокъ, и сталъ спокойно поджидать купцовъ, очевидно хорошо знакомый съ дѣлами такого рода.

Сейчасъ разошлась вѣсть по Буджаку и княжеству Оргѣевскому, что доставленъ въ Дубоссары транспортъ невольниковъ-мужчинъ, способныхъ къ работѣ, и женщинъ, годныхъ не только въ невольницы, но и въ гаремныя одалиски, и все это съ Легистану, гдѣ женщины бѣлы, имѣютъ глаза голубые, кожу мягкую и нѣжную, волосы, мягкіе, какъ ленъ, сплетенные въ длинныя косы, что высоко цѣнилось на Востокѣ. Собралось много любопытныхъ и между ними не мало покупателей; было въ томъ числѣ нѣсколько мурзъ татарскихъ и посланецъ паши бендерскаго, который хотѣлъ освѣжить свой гаремъ новыми экземплярами, а если-бы нашлась красавица, то думалъ послать ее великому визирю въ Царьградъ, гдѣ такіе подарки всегда съ благодарностью принимались сановниками высокой Порты, засѣдающими въ диванѣ.

Когда плѣнники убѣдились въ томъ, что ихъ-христіанъ продаетъ въ бусурманскую неволю христіанинъ-же, то поднялся ужасный плачъ и крикъ. Женщины больше всего протестовали, такъ что покупатели насильно, чуть не на арканахъ, уводили ихъ съ собой. Особенно-же одна, самая красивая изъ всѣхъ, при видѣ которой мурзы чмокали губами, а «факторъ» паши предлагалъ большія деньги, громко въ лицо проклинала Шпака; но онъ равнодушно смотрѣлъ, какъ гаремный евнухъ стаскивалъ съ нея одежду и ловко ощупывалъ красивыя плечи, грудь, локти, какъ проводилъ по бедрамъ черной, шерсткою рукой... Дѣвушка вырывалась, кричала, но это не вело ни къ чему; слуга турецкаго владѣтеля, привыкшій къ протестамъ такого рода, продолжалъ спокойно осмотръ, какъ человѣкъ, не имѣющій представленія о любви и даже влеченія, возбуждаемаго обыкновенной страстью, и велъ себя, какъ настоящій покупатель-барышникъ, который не хочетъ показать, что товаръ ему понравился, хотя мимо воли въ его очахъ свѣтилось удовольствіе, вызванное тою мыслію, что его господинъ, которому онъ

усердно служитъ, хорошо вознаградитъ его за подобную покупку.

Осмотръ-ли евнуха или протесты женщины обратили вниманіе ватажка, но онъ сталъ присматриваться къ невольницѣ.

— Чья ты? спросилъ онъ.

— Твоего сосѣда, такого-же осадчаго, какъ и ты, прибывшаго недавно къ Немирову.

— Не продается! громко сказалъ Шпакъ, отстраняя отъ плѣнницы посланца паши.

Понурое лицо послѣдняго вытянулось отъ удивленія; онъ подумалъ, что продавецъ хочетъ больше денегъ.

— Прибавляю еще къ тому, что я обѣщалъ, сказалъ онъ: хотѣлъ-бы я ляшкой пополнить гаремъ моего господина; да и ты такимъ подаркомъ пріобрѣтешь для себя навсегда его покровительство.

— Не продается! повторилъ Билоцкій: не продается, даже еслибы ты давалъ за нее сто разъ столько.

Дѣвушка хотя и не знала, о чемъ они говорили, но поняла, что произошло что-то особенное. Человѣкъ съ смуглымь лицемъ отошелъ въ гнѣвѣ, а ватажекъ возвратился къ ней и сказалъ:

— Успокойся, возвратишься домой.

Между тѣмъ таборъ мало по-малу уменьшался. Молодые парни, годные къ тяжелой работѣ, пошли въ Левантъ; евреи остались въ Крыму, новые ихъ владѣльцы были увѣрены, что рано или поздно они получатъ хорошій окупъ за этотъ товаръ; женщины лучшія по виду отправлены въ Стамбулъ; худшія-же и постарѣе остались служанками въ татарскихъ улусахъ.

Шпакъ сосчиталъ деньги, оказалась немалая сумма; львиную часть оставилъ онъ себѣ, остальное роздалъ дружинѣ. Но что дѣлать съ дѣвушкой, которая передъ тѣмъ такъ неугомонно кричала, а теперь молчаливо и грустно глядитъ? О женитьбѣ Шпакъ доселѣ и не помышлялъ; теперь-же эта мысль явилась у него сама собой, и онъ, не откладывая на долго, тутъ же предложилъ плѣнницѣ совмѣстную жизнь; не колеблясь ни минуты, она дала свое согласіе: изъ невольницы стать женою ватажка—и то уже было для ней счастье. И въ Дубоссарахъ отпраздновали свадьбу среди дикой толпы татаръ и обусурманенныхъ армянъ.

Медовые мѣсяцы приходилось новобрачнымъ провести въ пути. Но какимъ путемъ возвращаться? Идти прежней дорогой было небезопасно. Шпакъ не подозрѣвалъ, что народъ уже тогда сталъ называть эту дорогу Шпаковымъ шляхомъ.

III.

Въ половинѣ декабря значительно уменьшившійся отрядъ немировскаго осадчаго перешелъ Ягорлыкъ и сталъ на границахъ Рѣчи-Посполитой. Билоцкій рѣшилъ держаться побережья Днѣстра. Въ этой мѣстности колонизація началась недавно, но шла бойко; села, расположенныя по берегу стараго Тираса, были многолюдны и полны движенія. Большая часть колонистовъ были молдоване; обыкновенно оставляли родину сильно провинившіеся въ чемъ нибудь предъ закономъ, въ Подоліи же они селились при самыхъ выгодныхъ условіяхъ: не нужно было имъ разрывать связи съ оставшимися на мѣстѣ, такъ какъ ихъ раздѣляла только рѣка; не требовалось удостовѣренія о прежней ихъ жизни,—никто о томъ не спрашивалъ, не предстояло имъ и особеннаго труда, какъ не отсидѣвшимъ еще срока «слободы»; наконецъ зачѣмъ и трудъ, когда можно было и безъ него обойтись, когда «липки», расположившіеся въ бессарабской степи, особенно же козаки такъ заманчиво увлекали ихъ къ грабежу? А грабежъ всегда сходилъ съ рукъ безнаказанно. Онъ получилъ даже здѣсь видъ какого-то удивительнаго правоваго порядка, особенно съ того времени, когда Сѣмашко, пасынокъ Палѣя, явился на Поднѣстровье и объяснилъ осадчимъ, что они только здѣсь паны и должны соединиться въ дружины для освобожденія края отъ шляхетскаго гнета. Сѣмя упало на добрую и плодоносную почву: Побережье поднялось и было полно отрядами, состоящими большею частью изъ волоховъ, а предводителей было, какъ маку: Мидопака, бунчучный Григорій, сотникъ Аксентій, Дабижа, Дерикалика, Рынгачъ, Микуличъ, Солтанъ, Малокитскій—«найбольшій измѣнникъ господаря и тамошняго краю», Дубина, Деревяненко и много, много иныхъ. Все это были обыкновенные разбойники, имѣвшіе въ виду только себя; дружины ихъ не превышали 20—30 человѣкъ, но тѣмъ не менѣе причиняли большой вредъ землевладѣльцамъ, очень не многочисленнымъ въ этой сторонѣ; особенно допекали они «державцамъ» и «оффиціалистамъ» знатныхъ пановъ. Извѣстно, что

цѣлое почти Побережье принадлежало Яну-Александру Конецпольскому, воеводѣ сѣрадскому; онъ, какъ одинъ въ родѣ, считалъ, что для него много и тѣхъ имѣній, что были въ Червонной Руси, поэтому и не думалъ о пустопорожнихъ украинскихъ владѣніяхъ, отдавалъ ихъ въ «державцамъ», отважнымъ смѣльчакамъ, и не требовалъ отъ нихъ никакой платы, а только ставилъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы они въ извѣстный срокъ колонизовали всю временно занятую ими землю. Печальна была судьба этихъ піонеровъ польской цивилизаціи въ пограничныхъ земляхъ: явившись въ далекія полуденныя земли, среди непріязненной толпы простого народа, они утѣшали себя надеждой, что тамъ, въ правительственныхъ сферахъ, поймутъ ихъ незавидное положеніе, что Рѣчь-Посполитая пришлетъ имъ вооруженные отряды для поддержанія ихъ правъ; но дѣлалось на оборотъ: Рѣчь-Посполитая ихъ приглашала въ ряды своихъ отрядовъ для поддержанія династичныхъ мечтаній Августа II. Конечно, оставить свои пепелища они не могли, но и обороняться отъ своевольныхъ разбойничьихъ отрядовъ также не были въ состояніи, потому и ждали на мѣстѣ, что имъ судьба припошлетъ.

А между тѣмъ кругомъ образовывались новые козацкіе полки: Шаргородскій, Могилевскій и т. д. Организація козацкая все болѣе и болѣе созрѣвала: изъ мелкихъ предводителей дѣлались полковники, изъ полковниковъ—даже богатыри.

Намъ попались въ руки небольшіе мемуары одного изъ такихъ гербовныхъ колонизаторовъ, запершагося въ укрѣпленіяхъ, возведенныхъ на скорую руку, далеко на Побережьи, за Днѣстровыми порогами. Этотъ документъ производитъ при чтеніи тяжелое впечатлѣніе: гордый волынскій шляхтичъ Ледоховскій поднялъ флагъ Рѣчи-Посполитой на хворостяной башенькѣ, похожей скорѣе на хлѣвъ, и обороняетъ ее отъ нападеній «хлоповъ-разгультяевъ»; постепенно отказывается онъ отъ полеваго хозяйства, потому что своевольныя толпы прогоняютъ его оттуда; на его долю остается огородъ, но и тотъ мало приноситъ ему пользы; вотъ онъ запирается во дворѣ, обнесенномъ наскоро рвомъ и частоколомъ, находитъ нѣсколько вѣрныхъ себѣ людей и съ оружіемъ въ рукахъ ожидаетъ непрошенныхъ гостей. «Ивась-кучеръ», расположившись на крышѣ башеньки, высматриваетъ прибытія помощи—войска королевскаго: Ледоховскому думалось, что цѣлый край долженъ по-

спѣшить для его освобожденія, и эта надежда не оставляла его до конца. Въ началѣ онъ отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ новость, принесенную арендаремъ Срулемъ, будто тотъ видѣлъ по близости хоругвь его милости пана кіевскаго (Іосифа Потоцкаго), и все ждетъ; но Ивась ему нѣсколько разъ въ день рапортуетъ, что ничего не видно на горизонтѣ, и Ледоховскій пишетъ въ своемъ дневникѣ день за днемъ зловѣщее «item»..... Наконецъ дождался, но не поляковъ, а козаковъ, которые уничтожили все до основанія.

И такъ Шпакъ выбралъ для себя дорогу по прибрежью Днѣстра. Онъ имѣлъ подъ своей властью 200 человѣкъ, титуловалъ себя то запорожскимъ полковникомъ, то полковникомъ его царскаго величества, то наконецъ полковникомъ его королевской милости, смотря потому, какъ ему было выгоднѣе въ извѣстную минуту; всѣмъ этимъ онъ поддерживалъ свой престижъ передъ своими мелкими товарищами-разбойниками, поднимался въ ихъ глазахъ и своими сношеніями съ Самусемъ, и своимъ давнимъ знакомствомъ съ Абазыномъ, и наконецъ своимъ участіемъ во взятіи Немирова. Причину своего путешествія онъ объяснялъ дипломатической миссіей къ крымскому хану; поэтому его вездѣ принимали съ почетомъ. Только присутствіе «бабы» смущало нѣкоторыхъ; но видя, какъ эта баба ловко держалась на конѣ и какой воинственный видъ она имѣла, всѣ съ удивленіемъ только посматривали на нее; съ удивленіемъ смотрѣлъ и мужъ, счастливый тѣмъ, что она такъ хорошо приспособилась къ его наклонностямъ.

Быстро прошелъ Билоцкій пространство въ нѣсколько десятковъ миль; попадающимся ему на пути крестьянамъ твердилъ, что они вольны, что ихъ воли желаетъ и король, и царь, и Палѣй, что противятся ей только паны и что слѣдовательно съ панами нужно воевать. Въ Могилевѣ немного подозрительно принялъ его Скорычъ, называвшій себя также полковникомъ, но и онъ поддался нашептываніямъ своевольной толпы, отвѣчавшимъ его собственнымъ стремленіямъ. Отважный ватажокъ не встрѣчалъ уже нигдѣ отпора; немногочисленная шляхта не ставала ему на дорогѣ; напротивъ, запиралась въ дворахъ, обнесенныхъ наскоро оградой, и была готова дорого продать свою жизнь. Шпакъ однако ихъ не трогалъ, не хотѣлъ на мелочь тратить времени; ему хотѣлось ограбить лучше устроенныя и болѣе богатыя имѣнія, а къ

такимъ причислялись имѣнія Студеницкія, принадлежавшія воеводѣ Іосифу Потоцкому. И дѣйствительно Шпакъ добился своего; увеличивши свой отрядъ вдвое, онъ въ бѣшеномъ порывѣ бросился къ Копычинцамъ, лежащимъ уже за Збручемъ, чтобы, какъ онъ выражался, «покарать Баворовскаго, притѣсняющаго своихъ подданныхъ». Расправа была короткая: все пустилъ съ огнемъ и въ началѣ 1703 г. явился подъ стѣнами Каменца. Не бывалая дерзость,—не правда ли? И тѣмъ не менѣе она возбудила тревогу въ малочисленномъ населеніи пограничной крѣпости. Но и Шпакъ испугался своей отваги и сочинилъ письмо къ генералу Кошкелю, начальнику гарнизона,—письмо довольно оригинальное. Въ немъ онъ и покоренъ и дерзокъ вмѣстѣ.

«Объявляю, говоритъ, письмомъ вашей милости, пану добродѣю моему, что я пришелъ сюда съ войскомъ, какъ мнѣ поручено,—не самъ по себѣ, не для своевольства пришелъ, но по приказанію найяснѣйшаго его милости короля и добродѣя нашего. Явно-жъ всѣмъ намъ стало, что ихъ милости паны-дѣдичи съ своими подданными не какъ съ подданными поступаютъ, а какъ съ бунтовщиками. Мы однако никакихъ бунтовщиковъ въ свое войско не принимаемъ: по милости Божьей и королевской есть у насъ и свое войско, но кто хочетъ добровольно идти въ ряды наши, пусть идетъ, и я того принимаю».

Письмо это было похоже на насмѣшку; Кошкель такъ и понялъ, хотя и приказалъ внести его въ мѣстныя актовыя книги. Подумывалъ онъ уничтожить отрядъ бунтовщика, но имѣлъ слишкомъ мало войска и, кромѣ того, не былъ увѣренъ, будетъ ли спокойно населеніе города, состоящее большею частію изъ малороссіянъ. Шпакъ, пользуясь слабостью противника, расположился обозомъ на поляхъ гуминецкихъ, въ окопахъ Конецпольскаго: зима была умѣренная; народъ доставлялъ продовольствіе и фуражъ, и Шпакъ съ компаніей весело проводили время, хотя и подъ открытымъ небомъ. О немъ-то неизвѣстный корреспондентъ сообщалъ тогда изъ Львова: «изъ Сатанова и Меджибожа пишутъ, что тамъ этой «галайстры» есть около 3000; села, мѣстечка разоряютъ, ульи изъ пасѣкъ, спрятанные на зиму, выбиваютъ и, что только можно, уничтожаютъ, а если попадется полякъ или жидъ, убиваютъ. Подъ Каменцемъ были; тамъ не сдѣлали никакой пакости, только ѣли, пили и коней кормили».

Но это веселье непріятно было прервано вѣстью о вступленіи на пограничье коронныхъ войскъ,—и дѣйствительно, давно ожидаемая помощь явилась. Во главѣ ихъ былъ Сенявскій; онъ занялъ Меджибожъ и направился къ Немирову. Въ помощь ему прибыли Любомірскій, Янушъ Вишневецкій и грозный владѣтель мѣстечка Немирова, Іосифъ Потоцкій. Въ мигъ овладѣли они Немировымъ, по пятамъ козаковъ двинулись къ Брацлаву и взяли Ладыжинъ. Самусь во время ушелъ къ Богуславу, Абазынъ же попалъ въ руки гетмана, который велѣлъ казнить его въ Каменцѣ (а не Либавѣ, какъ ошибочно утверждаетъ Отвиновскій). Грозный Пилявитъ «собственныхъ подданныхъ изъ немировскихъ и константиновскихъ владѣній не щадилъ, повелѣвши нѣсколько тысячъ ихъ казнить». Затѣмъ пошло въ дѣло клейменіе, т. е. отрѣзываніе носовъ, ушей, отсѣченіе одной руки и одной ноги и пр. Воевода кіевскій держался правила Стефана Чарнецкаго, что бунтовщиковъ нужно смирять грозой. Было ли это благовременно, вопросъ иной, рѣшая который, мы зашли бы далеко.

Испуганные козаки стремглавъ бѣжали на Поднѣстровье, чтобы оттуда пробраться въ мультанскую (валахскую) землю. За ними все Побережье, какъ одинъ человѣкъ, ушло въ бессарабскую степь. И Шпакъ очутился тамъ же съ своей женой и хотя титуловалъ себя полковникомъ его королевской милости, но не имѣлъ смѣлости встрѣтиться съ гетманомъ его королевской милости и предпочиталъ уступать ему дорогу.

Край былъ успокоенъ, но за то опустѣлъ такъ, какъ часто бывало во время турецкаго владычества.

Что тутъ дѣлать?

Въ началѣ марта шляхта сбѣжалась въ Каменецъ, чтобы посовѣтоваться. Снова не хватало рукъ рабочихъ; не много ихъ было и прежде, при томъ едва ли и половиной тѣхъ, которые были, можно было пользоваться, а теперь совсѣмъ никого не было. Около 70 селъ, расположенныхъ по берегу Тираса, совершенно опустѣли; въ верхнихъ еще кой-гдѣ были старые поселяне, но въ нижнихъ, отъ Ушицы до Могилева, не было живой души. Шляхта знала, что бѣглецы вмѣстѣ съ своими предводителями нашли себѣ пріютъ за Днѣстромъ, и потому рѣшила послать депутатовъ къ его господарской милости. Эту миссію приняли на себя поручикъ Самуилъ Поплинскій и хорунжій повѣтовой хоругви Іосифъ Васи-

левскій. Данная депутатамъ инструкція составлена была очень искусно: сначала они должны были упомянуть о тридцатилѣтней почти дружбѣ, потомъ о той радости, какая наполняетъ сердца земянъ при мысли о такомъ близкомъ сосѣдствѣ съ господаремъ, а дальше должна была идти рѣчь о печальныхъ событтіяхъ того времени. Это приступъ, потомъ шли частности, или претензіи: первое мѣсто занимали пропавшіе волы. Не думайте однако, что ихъ много угнано было на берегъ мультанскій,—всего только девять. О такой мелочи, при всеобщей тревогѣ, можно было и забыть; но какъ же тутъ забыть, когда пара этихъ благородныхъ четвероногихъ принадлежала каштеляну краковскому и генералу земель подольскихъ (Мартину Контскому), а семь воеводѣ кіевскому (Іосифу Потоцкому),—вѣдь обижать сенаторовъ нельзя. Слѣдовалъ затѣмъ списокъ бунтовщиковъ—осадчихъ, которые увели съ собой изъ воеводства простой народъ. Понятно, что между ними Шпакъ занимаетъ самое видное мѣсто: «осадчій Билоцкій,—говорилось о немъ въ инструкціи,—который, набравши въ Немировѣ не мало христіанъ и евреевъ подданныхъ, продавалъ татарамъ въ Дубоссарахъ, а потомъ подъ именемъ Шпака взбунтовалъ все Поднѣстровье, начиная отъ Ягорлыка до самаго Китайгорода».

Делегаты направились въ Сучаву, гдѣ въ то время имѣлъ временную резиденцію господарь Константинъ Дука, сынъ того Дуки, который трижды возвращался на мультанскій престолъ, а въ промежуткахъ управлялъ по султанскому повелѣнію Немировомъ. Этотъ Константинъ Дука былъ человѣкъ чрезвычайно вѣжливый; съ своими подданными обращался съ такой трогательною деликатностью, что однажды, какъ передаетъ его біографъ, своему кучеру, который въ чемъ-то провинился, сказалъ съ пріятной улыбкой: «потрудись панъ, пойти къ «перкелабу» и попросить его отъ меня, чтобы онъ отсчиталъ тебѣ пятьдесятъ палокъ».

Можно себѣ представить, съ какими почестями принялъ онъ пословъ подольскихъ; не заставилъ даже долго ждать отвѣта. Но что изъ этого? Въ отвѣтѣ, написанномъ даже хорошей латынью, онъ со всей любезностью докладывалъ, что о волахъ ничего не знаетъ, изъ списка же осадчихъ ясно видитъ, что половина тамъ поименованныхъ вовсе не находятся въ границахъ его государства, иначе онъ слыхалъ бы что нибудь о нихъ; другая же меньшая половина дѣйствительно жила въ Подоліи, но тогда, когда ею владѣли турки; съ

выходомъ же изъ Подоліи оттоманъ, и они перешли въ Молдавію и здѣсь пользуются вниманіемъ господаря, какъ самые вѣрные подданные и во всѣхъ отношеніяхъ благонамѣренные люди.

Послы возвратились ни съ чѣмъ. Волненіе между подольской шляхтой было большое; опять съѣхались въ Каменецъ на сеймикъ и рѣшили ограничить сроки «слободъ». Но и это мало помогло; напротивъ, еще болѣе повредило, потому что невыполненіе даннаго слова дало поводъ къ новымъ бунтамъ.

О Шпакѣ господарь ничего не упоминалъ, какъ будто его вовсе не было въ границахъ его земли, мало того, онъ приказалъ дать знать Шпаку, чтобы тотъ былъ на сторожѣ. Поэтому полковникъ отправился въ Дубоссары къ своимъ пріятелямъ; здѣсь помѣстилъ жену въ безопасномъ мѣстѣ, а самъ отъ времени до времени дѣлалъ набѣги въ околицы Немирова и Брацлава тѣмъ самымъ шляхомъ, который носилъ его имя и каждый разъ, возвращаясь, велъ съ собой нѣсколько плѣнниковъ—молодыхъ мужчинъ и красивыхъ женщинъ. Хотя это ремесло не шло къ лицу полковника, но что же дѣлать,—нужно же чѣмъ-нибудь жить, а деморализованное общество на столько утратило понятіе о томъ, что хорошо и что дурно, что смотрѣло равнодушно на этотъ торгъ людьми.. Нашлись даже поставщики и факторы, и не только изъ евреевъ, но даже изъ своихъ, которые проникали въ глубь края, чтобы помогать промышленному ватажку.

Одинъ разъ Билоцкій чуть не поплатился жизнію. Отдыхалъ онъ съ нѣсколькими товарищами въ Барскихъ лѣсахъ и, должно быть, поджидалъ транспорта плѣнниковъ, обѣщанныхъ ему однимъ изъ соучастниковъ его. Выборъ мѣста былъ не особенно удаченъ; недалеко былъ Баръ, державшійся немного лучше другихъ мѣстечекъ, а комендантъ замка Скипоръ имѣлъ послушную милицію и былъ извѣстенъ своей энергіей и суровостью. Пойманнаго разбойника онъ сейчасъ-же вѣшалъ на валахъ и держалъ повѣшеннаго до тѣхъ поръ, пока трупъ не разлагался, если только не заступалъ его мѣсто новый преступникъ. Непріятное это было сосѣдство для Шпака, но вмѣстѣ съ тѣмъ ему необходимо было ждать здѣсь, чтобы не идти съ пустыми руками домой. При такихъ обстоятельствахъ встрѣчается ему крестьянинъ—молодой, но хромой и безобразный. Увидѣвъ чужихъ людей, крестьянинъ началъ уходить, но его легко поймали и начали допрашивать; хромоногій говорилъ обо

всемъ, что видѣлъ и чего не видѣлъ. Между прочимъ онъ сознался, что пылаетъ страстью къ Гандзѣ Максымовой, но что къ нему Гандзя не благоволитъ, потому что отецъ ея богатый, имѣетъ не далеко хуторъ и служитъ сотникомъ въ милиціи замка, дѣвушка-же красивѣе утренней зари.

Для Шпака достаточно было этихъ признаній, чтобы воспользоваться ими для своей корысти. Что онъ предпринялъ, не важно, а важно то, что онъ выкралъ дѣвушку и, уже не медля ни минуты, полетѣлъ съ ней за Ягорлыкъ. Старый Максымъ чуть не сошелъ съ ума отъ горя; во главѣ нѣсколькихъ сотъ дворскихъ козаковъ кинулся слѣдить негодяя; часто ему во время погони представлялось, что онъ слышитъ крикъ своей несчастной единственной дочери. Но все было напрасно, она пропала. Единственной цѣлью его жизни стало потомъ отбивать уводимыхъ въ яссыръ невольниковъ. Онъ поджидалъ ихъ въ пущахъ; предводители-барышники, уводившіе ихъ, если не гибли отъ пули, то вѣшались на ближайшемъ деревѣ.

Все это заставило Шпака перемѣнить въ концѣ концовъ свое ремесло; но со сторонниками Палѣя онъ не разрывалъ сношеній, потому что считалъ себя за представителя степнаго козачества. Потомъ, когда измѣнились обстоятельства, онъ опять явился въ окрестностяхъ Немирова и осѣлъ на хуторѣ подъ лѣсомъ вмѣстѣ съ женой и двумя сыновьями, которыми подарила его полковница. Мѣстный губернаторъ (управляющій) какъ будто забылъ прежніе подвиги Билоцкаго, привѣтствовалъ его и спокойно выслушалъ его обѣщанія жить хорошо, такъ какъ хотѣлъ одного только, чтобы земли не лежали пустыми и чтобы какъ можно болѣе было рабочихъ рукъ. Интересъ владѣльцевъ и государства уступилъ мѣсто интересу личному.

Колонизація росла, а съ ней вмѣстѣ разростались и новыя желанія воли и доли козацкой.

IV.

Нужно сказать, что обстоятельства сложились для Шпака какъ нельзя лучше. Въ Немировѣ хотя и было войско, но, какъ обыкновенно водилось, небольшое, недостаточное. Народъ волновался, не могъ забыть владѣльцу замка кровавой расправы, бывшей два года

назадъ; одна благопріятная минута и скопившійся горючій матеріалъ долженъ былъ вспыхнуть.

Поводъ къ новому возстанію во владѣніяхъ кіевскаго воеводы былъ слѣдующій. Еще во время перваго бунта въ Немировѣ, надворный козакъ владѣльца Олекса убилъ сторонника Палѣя Борисенка, присланнаго сюда Палѣемъ для организаціи возстанія; убивши, онъ голову бунтовщика, какъ corpus delicti, представилъ во дворъ. Понятно, что такое геройство послужило къ возвышенію Олексѣ: онъ былъ сдѣланъ сотникомъ дворской милиціи, отправлявшей гарнизонную службу въ мѣстечкѣ. Но не долго онъ пользовался такою честью. По прошествіи нѣкотораго времени нашелся мститель—братъ убитаго, Грыцько Борисенко, также сотникъ въ Погребищахъ, пользовавшійся особымъ расположеніемъ Палѣя. Этотъ послѣдній, желая поднять возстаніе не только въ цѣломъ правобережьи Днѣпра, но и во всей Украинѣ, Подоліи до самаго Сана, воспользовался жаждой мести и, чтобы ее усилить, часто твердилъ Грыцьку:

— Олекса теперь пануетъ въ Немировѣ, связался съ ляхами, а пануетъ потому, что убилъ твоего брата, а ты смотришь на это равнодушно.

И вотъ Грыцько во главѣ своей сотни направился къ столицѣ Юрія Хмельницкаго. Не доходя мѣстечка, онъ разослалъ подкомандныхъ по окрестнымъ селеніямъ съ приказомъ, чтобы они въ назначенный день собрали какъ можно больше народу. Самъ-же проникъ въ Немировъ, хотя сторожа была кругомъ, повидался съ бывшими здѣсь сторонниками Палѣя, къ которымъ имѣлъ отъ него порученіе, именно Наливайкомъ изъ Кернасовки и Иваномъ асауломъ, пробрался и къ Шпаку, который тихо сидѣлъ себѣ на хуторѣ подъ лѣсомъ, такъ какъ у него болѣла жена и сыновья не могли обойтись безъ его присмотра.

Въ назначенный день Олекса палъ посреди рынка подъ ножемъ Борисенка.

Это было началомъ новаго возстанія. Громады изъ Немирова, Ковалевки и Прилуки, собравшись на ярмаркѣ, начали совѣщаться. Помнили они суровую кару владѣльца мѣстечка и теперь стали обдумывать дѣло хладнокровнѣе. Прежде всего рѣшили не выпускать изъ рукъ Борисенка, а потомъ стали подумывать о томъ, не

представить-ли его во дворъ, гдѣ сотня Олексы вмѣстѣ съ губернаторомъ приготовилась уже къ защитѣ.

Случайное обстоятельство повернуло рѣшеніе толпы въ иную сторону, какъ это часто бываетъ при народныхъ бунтахъ.

Какъ разъ во время совѣщаній ѣхалъ чрезъ рынокъ на плохенькой лошадкѣ какой-то шляхтичъ, Пырха. Ѣхалъ онъ, не догадываясь, что, какъ ночная мошка, лѣзетъ прямо на огонь: ему казалось дѣломъ обыкновеннымъ, что въ ярмарокъ такъ много на рынкѣ хлопства. Хлопы обратили внаманіе на Пырху: не видный, а крикливый, знать издалека возвращается,—думаютъ и не уступаютъ дороги. Пырха стегнулъ не одного нагайкой; наконецъ сталъ грозить, что пожалуется Олексѣ.

— Молчи, закричалъ ему одинъ, другой, скажи лучше, кто ты такой? Смотрите, ляшокъ между нами!

Пырха догадался, что тутъ не шутки, что самъ можетъ поплатиться головой: не теряя храбрости, онъ кричитъ, что пріѣхалъ въ Немировъ съ письмомъ отъ короля.

— Съ письмомъ? закричали близко стоявшіе. Показывай, читай.

Шляхтичъ поворотился на сѣдлѣ, вынулъ изъ-подъ подушки какую-то бумагу и сталъ читать:

— Любомирскіе, Потоцкіе, Сенявскіе поднимаютъ бунты противъ короля; теперь они подъ Сенявой и идутъ на васъ. Идите жъ и, какъ можете, разгоняйте ихъ и направляйте къ королю.

Толпа болѣе не слушала; вся хлынула къ Борисенку.

— Идемъ подъ Сеняву,—кричали,—самъ король приказываетъ гнать ляховъ.

Пырха воспользовался этимъ моментомъ и успѣлъ улизнуть.

Крестьяне были наскоро организованы Наливайкомъ и подъ его командой двинулись впередъ; на дорогѣ встрѣтили хоругвь Станислава Падлевскаго и разбили ее. Предводитель хоругви, тяжело раненый. нѣсколько «товарищей» и касса въ 15,000 золотыхъ достались въ руки побѣдителей. Тріумфъ былъ большой, но не продолжительный: отрядъ Падлевскаго былъ передовымъ въ войскѣ Сенявскаго. Сенявскій скоро настигъ толпу бунтовщиковъ и разогналъ ихъ; Борисенко былъ схваченъ и повѣшенъ.

Разсказали мы эту исторію потому, что она нужна намъ для уясненія дальнѣйшихъ дѣйствій Федора Билоцкаго. Онъ съумѣлъ воспользоваться

зоваться происшедшимъ волненіемъ и какъ только войско Рѣчи Посполитой потянулось въ глубь Польши, а въ мѣстечкахъ остались незначительные гарнизоны, онъ сейчасъ вышелъ изъ своего убѣжища. Знакомыхъ въ окрестностяхъ было у него много, охотниковъ козаковать нашлось также не мало; поэтому въ теченіи какого-нибудь десятка дней онъ успѣлъ организовать отрядъ въ 600 человѣкъ. И сдѣлать это было не трудно, подобное явленіе на Украйнѣ было самымъ обыкновеннымъ, особенно легко удавалось это человѣку сколько-нибудь популярному.

Поднялся Шпакъ и «надѣлалъ людямъ много бѣдъ и руинъ». Такъ лаконически говорятъ акты о тогдашнихъ нападеніяхъ Шпака.

Гарнизонъ немировскій былъ на столько слабъ, что не могъ бороться съ полковникомъ, человѣкомъ, не разбирающимъ въ средствахъ, имѣющимъ самыя близкія сношенія съ разсыпаннымъ по цѣлому краю «гультяйствомъ». Новый предводитель, единственный изъ козацкой старшины на всю Брацлавщину, осматривался вокругъ и не зналъ, что предпринять. Горизонтъ для дѣйствій показался ему тѣснымъ, поле дѣятельности малымъ; идти на востокъ не имѣлъ охоты, тамъ все покончили полки Палѣя, наконецъ и Мазепа вступилъ въ кіевское воеводство (въ іюлѣ 1704 г.) во главѣ козацкихъ дружинъ, хорошо устроенныхъ и дѣйствующихъ подъ контролемъ царскаго войска, которымъ предводительствовалъ князь Голицынъ; встрѣчаться съ ними не безопасно. Имѣлъ Шпакъ предъ собой южную часть брацлавскаго воеводства, совсѣмъ разоренную и покрытую руинами; передъ нимъ открыта была и Подолія, немного оправившаяся въ продолженіи двухъ мирныхъ отчасти лѣтъ. И вотъ Шпакъ, перейдя черезъ шляхъ, названый его именемъ, очутился въ летичевскомъ повѣтѣ и здѣсь свелъ какіе-то давніе свои счеты, начавъ съ того, что совершенно ограбилъ имѣнія двухъ пановъ—Станислава Зелинскаго и Масловскаго, самихъ же ихъ подкомадные Шпака, «связавши въ ихъ собственныхъ владѣніяхъ, мучили и убили».

Великій страхъ напалъ на пановъ Подоліи; обратились они за помощью къ королю, и король прислалъ универсалъ; князь Голицынъ съ своей стороны также прислалъ универсалъ. Въ обоихъ универсалахъ рекомендовали Шпаку умѣренность, признавали въ его ватагѣ

какъ бы воющую сторону, что ужъ слишкомъ; приглашали его на боевую линію для совмѣстнаго дѣйствія противъ шведовъ.

Приглашеніе Голицына ватажокъ принялъ и даже поцѣловалъ, а предложеніе его королевской милости отвергъ.

Противъ разбойника поднято было наконецъ посполитое рушеніе; одновременно были посланы послы къ королю и къ Мазепѣ, стоявшему у Паволочи. Увидѣлъ Шпакъ, что ему можетъ быть плохо: запуганный народъ не слушался уже его агентовъ, паны слѣдили каждый шагъ послѣдняго полковника козацкой вольницы. Шпакъ распустилъ своихъ подначальныхъ и выселился изъ Немирова навсегда; жена его съ сыновьями также скрылись, ибо и ей угрожала опасность. Такъ прошелъ годъ. На Украйнѣ между тѣмъ произошли важныя перемѣны: Палѣй попалъ въ темницу, его сподвижники притихли, а Мазепа двинулся уже къ Волыни; по просьбѣ подольской шляхты онъ вызвалъ Шпака къ своему обозу и тамъ задержалъ его. .

Съ той поры Шпакъ исчезаетъ вовсе съ историческаго горизонта, о немъ уже нигдѣ не находимъ упоминанія.

V.

Выше мы говорили, что Билоцкій имѣлъ двухъ сыновей: Ивана и Захара. Сынъ ли полковника, или иной какой Иванъ Шпакъ, былъ извѣстенъ, какъ гайдамака и, по утверждеиію Руликовскаго, далъ названіе шляху. Но изъ вышеизложеннаго мы знаемъ, что эту печальную славу заслужилъ Федоръ, и такого же мнѣнія и г. Антоновичъ, основательный знатокъ мѣстной исторіи. Конечно, мы не можемъ отвергать того, что въ продолженіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ могли проказничать на этой дорогѣ и два Шпака. Между гультяйствомъ существовалъ свой привиллегированный классъ, династичность своего рода; традиціи у него значили много, человѣкъ съ извѣстнымъ именемъ скорѣе всего находилъ себѣ сторонниковъ. Такъ могло статься и, вѣроятнѣе всего, сталось и съ молодыми Шпаками. Выселились они когда-то въ Заднѣпровье; по смерти отца ихъ постигла тяжелая доля сиротъ, тѣмъ болѣе тяжелая, что дѣтство сохранило имъ воспоминаніе о жизни въ довольствѣ и о славѣ отца; придя въ возрастъ, они потянулись, быть можетъ вмѣстѣ съ овдовѣлой своей матерью, въ Брацлавщину, но тутъ

застали новые порядки. Козаковъ не осталось и слѣда; панщина вездѣ изъ конца въ конецъ края, сколько глазъ окинуть можетъ; для запорожскихъ юнаковъ и гайдамакъ чуть не въ каждомъ селѣ висѣлицы; менѣе виновные, или болѣе счастливые изъ нихъ съ выбритыми лбами тяжко работали въ рвахъ каменецкой или бердичевской крѣпости, высыпали плотину въ окрестностяхъ барской крѣпостцы, таскали камни на постройку тарнорудскаго костела, а самые счастливые подъ стражей городскихъ «пахолковъ» исполняли обязанности этихъ пахолковъ..... Незавидная доля, особенно для человѣка, привыкшаго къ вольной козацкой жизни; оставались для него или панщина, или свободная жизнь разбойника, и онъ выбиралъ послѣднюю. Нужды нѣтъ, что рано или поздно придется поплатиться головой; нѣсколько лѣтъ свободы тоже чего нибудь стоятъ.

И вотъ двадцатилѣтній Иванъ началъ буйствовать на шпаковомъ шляху: грабилъ проѣзжающихъ, нападалъ на панскіе дворы, не щадилъ жидовъ, и такъ буйствовалъ онъ на очень большомъ пространствѣ, и какъ администрація тогдашняя дѣйствовала слабо, то и унять расходившагося разбойника не было возможности. Съ теченіемъ времени Шпакъ пріобрѣлъ даже славу: особенно заботился онъ о чумакахъ, обороняя ихъ въ херсонскихъ степяхъ отъ разбойниковъ, извѣстныхъ подъ названіемъ «комышниковъ». За это чумаки его полюбили и разнесли славу о немъ по корчмамъ и по селамъ, лежащимъ на шляху, а слѣпой лирникъ, въ угоду чумакамъ и народу, слагалъ про него пѣсни: въ нихъ говорилось объ удальствѣ этаго молодца, о его удивительныхъ продѣлкахъ, о дорогѣ, носящей его названіе, по сторонамъ которой онъ прятался, то въ ярахъ куяльницкихъ, то въ дремучихъ лѣсахъ, то въ густыхъ степныхъ травахъ, по глубокимъ балкамъ, болотистымъ лугамъ,—пустыннымъ, рѣдко кѣмъ посѣщаемымъ. Ряды своихъ сподвижниковъ Шпакъ пополнялъ большею частію въ бессарабскихъ степяхъ потомками липковъ и левенцевъ; доставляли ему товарищей и милиціи дворскія, доставляли часто и села, въ которыхъ укрывалась молодежь, любившая бурлаковать.

Удача сдѣлала разбойника смѣлымъ, сталъ онъ показываться въ окрестностяхъ многолюдныхъ мѣстечекъ, вторгался даже въ мѣстности, занятыя войскомъ,—и за свою смѣлость поплатился жизнью: «какъ разбойникъ, пойманный на большой дорогѣ, въ 1730 г. онъ былъ осужденъ винницкимъ магдебургскимъ судомъ

на смерть». И умеръ не по козацки, не на висѣлицѣ, не на «палѣ», отдалъ голову свою подъ мечь «ката».

Захаръ пошелъ по слѣдамъ Ивана. Послѣ смерти Августа II-го повторились бунты крестьянъ, дѣйствовавшихъ подъ охраной союзныхъ войскъ. Вартанъ изъ Шаргорода (Садокъ ошибочно называетъ его Берлумомъ), начальникъ надворной милиціи Любомірскаго, сталъ во главѣ своевольныхъ отрядовъ, назвавъ себя наказнымъ полковникомъ; на его призывъ стеклось нѣсколько тысячъ народа, въ числѣ ихъ былъ и Захаръ Шпакъ со своей гайдамацкой дружиной.

«Реестры взбунтовавшихся хлоповъ» попали въ руки польскихъ военачальниковъ вмѣстѣ съ самыми плѣнниками. Эти послѣдніе добровольно сознались, какъ они присягали на «вѣру императрицѣ», какъ имъ приказано было разглашать во всѣ стороны, что вольница ихъ составлена исключительно изъ волоховъ и сербовъ, тогда какъ въ дѣйствительности она состояла «изъ замковыхъ козаковъ уманскихъ, бершадскихъ, комаргородскихъ», а подъ названіемъ волоховъ шли всѣ мѣстные бунтовщики. Войско Вартана дѣлилось на нѣсколько отрядовъ, начальникомъ надъ однимъ изъ нихъ былъ капитанъ Кифа, а подъ начальствомъ послѣдняго былъ десятникомъ Захаръ Шпакъ. Не знаемъ, достигъ ли онъ болѣе виднаго положенія, или погибъ тогда-же, гдѣ нибудь на дубовомъ суку, пойманный жолнерами воеводы уманскаго, который съ горячностію юноши очищалъ край отъ бушевавшей саранчи.

По усмиреніи этого хлопскаго бунта наступила тридцатилѣтняя тишина; гайдамачество нисходитъ до мелкихъ размѣровъ; выдающіеся его представители исчезаютъ съ исторической арены. Исчезъ и родъ Шпаковъ, а шляхъ, который онъ надѣлилъ своимъ названіемъ, существуетъ доселѣ; рѣже и рѣже тянутся по немъ чумацкіе возы, и уже не къ Черному морю, а къ ближайшей станціи желѣзной дороги. Мѣстная традиція меркнетъ, все сглаживаетъ и нивилируетъ этотъ стремительный бѣгъ цивилизаціи, который, какъ огненный змѣй, летитъ по безконечно-блещущей линіи, оставляя за собой мало свѣта, но на столько дыму, чтобы туманомъ мрака и забвенія закрыть давнія дѣла, то славныя, то кровавыя и позорныя.

Но все это еще не основаніе тому, чтобы записывать подвиги обыкновеннаго разбойника: у насъ были иныя побужденія выступить въ этотъ разъ на поле изысканій, безплодное и неблагодарное. Люди непріязненной намъ стороны систематически трудятся надъ отыскиваніемъ богатырей, которые достойно воевали противъ идеи полонизма, навязанной пограничнымъ туземцамъ; какое-нибудь имя, закрѣпленное легендой или пѣснью народной, чрезъ это уже самое попадаетъ въ искусственно созданный пантеонъ. И по необходимости приходится сомнѣвающемуся изслѣдователю самому доискиваться правды, и не его вина, если, разсмотрѣвши внимательно, онъ находитъ въ прославленномъ защитникѣ свободы народной самаго обыкновеннаго бунтовщика и преступника, имѣвшаго въ виду только свою собственную пользу [1]).

---

[1]) Источники: Акты о козакахъ, Кіевъ, 1868 г., ч. III, т. II, стр. 520, 521, 567, 643, 647, 685, 686 (Предислов., стр. 176). Акты о гайдамакахъ, ч. IY, т. Ш, Кіевъ, 1880 г., стр. 71—78. Накко, Исторія Бессарабіи. Одесса, 1878 г., т. II, стр. 321. Rulikowski, Dawne drogi i szlaki na prawym brzegu Dniepru i ich znaczenie historyczne (Ateneum. 1878, X, 84). Załuski, Epistolae histor. familiar. Ш. 294. Otwinowski, Dzieje Polski pod panowaniem Augusta II, стр. 42. Kossakowski, Monografie, II, 183. Русская Старина 1882 г., т. II, стр. 546. Pamiętnik dziejów polskieh S. Barącza. Lwów, 1855 г., стр. 262.

Историческія записки о войскѣ черноморскомъ.[1])

(Со времени поселенія онаго на всемилостивѣйше пожалованной землѣ по 1831 годъ).

(Продолженіе).

По смерти Чепѣги, бывшій въ войскѣ войсковымъ писаремъ подполковникъ Котляревскій до разрѣшенія начальства принялъ должность правителя онаго.

При священнѣйшей коронаціи возшедшаго на всероссійскій престолъ государя императора Павла I-го повелѣно: быть въ церемоніи черноморскому войсковому атаману и шести чиновникамъ отъ войска въ видѣ депутатовъ. Котляревскій, по не имѣнію атамана, какъ управитель войска, съ старшинами секундъ-маіорами: Петромъ Бурносомъ, Федоромъ Бурсакомъ, Захаріемъ Малымъ, капитанами Сакомъ, Кухаренкомъ и есауломъ Жолѣ, отправился въ Москву, откуда по высочайшему соизволенію возвратился въ войско войсковымъ атаманомъ.

Котляревскій по прыбытіи изъ Москвы вступилъ въ отправленіе своей должности и начало его правленія ознаменовалось внутренними смутами.

Возвратившіеся изъ персидскаго похода полки произвели возмущеніе. Недовольные умершимъ начальникомъ своимъ бригадиромъ Головатымъ, они вспомнили буйное, дикое Запо-

---

[1]) См. „Кіевская Старина" 1887 г., мартовск. кн., стр. 494—536.

рожье и вздумали не просить, но силою требовать удовлетворенія въ обидахъ. Превозгласивъ своими предводителями отважнѣйшихъ смѣльчаковъ: *Дикуна, Шмалька и Собакаря,* они отправились испровергнуть весь порядокъ управленія и, разсѣвая мятежъ въ народѣ, день ото дня умножали число своихъ соумышленниковъ. Напрасно атаманъ Котляревскій и войсковое правительство, то благоразумными убѣжденіями, то угрозами наказанія, желали вразумить безсмысленныхъ мятежниковъ. Они никого не слушали. Повиновеніе совершенно исчезло: дерзкіе своевольцы буйствовали, требовали вольности запорожской, искали уничтоженія войсковаго правительства, смерти атамана, всѣхъ своихъ начальниковъ и благомыслящихъ старшинъ. Наконецъ, убѣжденные прибывшимъ въ Екатеринодаръ для усмиренія мятежа полковникомъ Пузыревскимъ, они согласились отправить депутатовъ къ государю императору въ Петербургъ и тамъ испрашивать удовлетворенія въ обидахъ, возвращенія утерянныхъ правъ,—воли Запорожья. Главные возмутители: Дикунъ, Шмалько и Собакарь отправились депутатами и спокойствіе въ войскѣ возстановилось.

По прибытіи въ столицу сихъ мятежниковъ, государь повелѣлъ взять ихъ подъ стражу и судить военнымъ судомъ, вмѣстѣ съ прочими ихъ сообщниками, оставшимися въ войскѣ. Военный судъ изслѣдовалъ въ точности всѣ причины и обстоятельства сего возмущенія и, основываясь на законахъ, рѣшилъ строго наказать всѣхъ виновныхъ. Но государь императоръ Павелъ I-й, снисходя на невѣжество ихъ и дикость нравовъ, отвергъ строгій приговоръ суда и, наказавъ только однихъ главнѣйшихъ возмутителей, прочимъ благоволилъ даровать прощеніе. Таковая милость монарха привела преступниковъ къ душевному раскаянію и вѣрная полезная служба ихъ впослѣдствіи времени загладила преступленія.

Но возмущеніе сіе сдѣлалось поноснымъ для чести всѣхъ черноморцевъ, ибо послѣдствіемъ онаго было то, что государь императоръ 8-го генваря 1798 года высочайше повелѣть соиз-

волилъ черноморскому козачьему войску впредъ не именоваться вѣрнымъ.

Атаманъ Котляревскій, немедленно по отправленіи 14 мятежниковъ въ Петербургъ, поручивъ правленіе войскомъ войсковымъ старшинамъ Гулику и Кордовскому, выѣхалъ туда же. Находясь въ столицѣ до 1799 года, онъ по высочайшему соизволенію былъ произведенъ 16 октября 1797 года въ полковники, а 1798 г. октября 30-го въ генералъ-маіоры. По возвращеніи Котляревскаго въ Екатеринодаръ полученъ (13-го февраля 1799 года) высочайшій рескриптъ, въ коемъ повелѣно: «не дѣлать никакихъ перемѣнъ въ войскѣ, а оставить въ томъ же точно положеніи, какъ было при восшествіи его величества на всероссійскій престолъ.

Между тѣмъ при внутреннихъ смутахъ Черноморіи и закубанскіе хищники не оставались праздными: они усилили свои нападенія и прорывы ихъ на нашу сторону день отъ дня дѣлались чаще. Въ теченіи 1797 года, производя постоянно каждый мѣсяцъ по нѣсколько вторженій въ наши предѣлы, черкесы успѣли нанести жителямъ уронъ не маловажный: убили козаковъ 7, взяли въ плѣнъ 16, уворовали рогатаго скота 235 штукъ и лошадей 105. Хотя впослѣдствіи времени, по сношенію генерала Михельсона съ анапскимъ пашею, сіи похищенія черкесами возвращены, но безнаказанность нападенія содѣлывала ихъ болѣе дерзкими и какъ бы поощряла къ дальнѣйшимъ злодѣяніямъ.

Впрочемъ произведя грабежи у черноморцевъ, они не щадили и своихъ единовѣрцевъ, намъ преданныхъ и мирно живущихъ надъ Кубанью. Враждебные абазехи безпрерывными нападеніями и разореніемъ прибрежныхъ ауловъ довели до того владѣльцевъ пшедухскаго племени, Явбука Гирея и сапсугскаго султана Али Шеретлу Оглу, что они, опасаясь лишиться послѣдняго имущества, а можетъ быть и свободы, и не имѣя средствъ ни противиться злодѣямъ, ни отвратить ихъ нападеній, убѣдительно просили Котляревскаго принять ихъ со всѣми подвластными имъ народами, числомъ болѣе 2,000 человѣкъ, не

включая женскаго пола, въ подданство Россіи и позволить переселиться на войсковую землю.

Котляревскій, принимая въ соображеніе пользу, могущую произойти отъ сего переселенія мирныхъ закубанцевъ, представилъ о томъ на разрѣшеніе военнаго губернатора графа Коховскаго, который донесъ государю императору. Его величество всемилостивѣйше соизволилъ на принятіе сихъ владѣльцевъ въ подданство и покровительство Россіи и повелѣлъ для поселенія ихъ отвести въ Черноморіи достаточное количество земли, на мѣстахъ не заселенныхъ козаками. Исполняя волю высочайшую, Котляревскій съ общаго совѣта въ войсковомъ правительствѣ и по согласію султана Али Шеретлугъ Оглу назначилъ ему и подданнымъ его землю при устьѣ рѣки Ангилики, въ 60 верстахъ отъ Кубани, позволяя пользоваться имъ всѣми угодьями рыболовной ловли и хлѣбопашества на равнѣ съ козаками, тамъ жившими.

1799 г. Явбукъ же Гирей, не находя выгодною для своего поселенія землю, занятую султаномъ Али, просилъ Котляревскаго позволить ему селиться съ своими подданными въ мѣстахъ лѣсистыхъ по правому берегу Кубани. По представленію о томъ государю императору, послѣдовало милостивое разрѣшеніе, и Явбукъ со всѣми своими подданными поселился надъ Кубанью. Къ нему тогда же присоединились изъ-за Кубани прибрежные владѣльцы темиргойскій Безрукъ-бей, Арсланъ Гирей, бей джанайскій, Мисофъ-бей и нагайскій султанъ Шаханъ-Гирей, со своими семействами и крестьянами.

Но и таковая милость была пагубна для Черноморіи. Явбукъ-Гирей не долго оказывалъ преданность къ Россіи; раскаяніе и тоска по дикой родинѣ склонила его къ бѣгству. Онъ 30-го сентября съ 200 душъ обоего пола обратно переправился за Кубань, и дабы избѣгнуть гнѣва анапскаго паши за переселеніе на нашу сторону, увѣрилъ его, что черноморцы силою заставили его переселиться. Паша, повѣривъ измѣннику, требовалъ отъ Котляревскаго и остальныхъ 1380 душъ его подданныхъ, которые не хотѣли вмѣстѣ съ ними измѣнить Россіи.

Котляревскій по распоряженію начальства выпустилъ всѣхъ, пожелавшихъ возвратиться за Кубань. Люди сіи, по переходѣ за Кубань, забывъ оказанное имъ покровительство, сдѣлались нашими злѣйшими врагами. Зная съ точностію кордонную линію, они долго служили проводниками хищникамъ въ ихъ набѣгахъ на пограничныя черноморскія селенія и производили лютые грабежи. Кромѣ же сего зла войско потеряло безъ возврата слишкомъ 8,000 руб., употребленныхъ на ихъ продовольствіе во время жительства ихъ на сей землѣ.

Въ отвращеніе на предбудущее время подобныхъ побѣговъ переселяющихся къ намъ закубанцевъ, государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ Котляревскому всѣхъ, которые пожелаютъ приходить изъ-за Кубани, поселять далѣе отъ границы, тамъ, гдѣ онъ самъ изберетъ мѣсто и чтобы они по переселеніи имѣли продовольствіе собственное.

1799 г. Вскорѣ за симъ его величество соизволилъ на учрежденіе мѣновыхъ дворовъ по границѣ, для продажи горцамъ соли и для другихъ сношеній съ ними, съ строжайшимъ наблюденіемъ карантинныхъ правилъ, для чего и опредѣлены карантинные чиновники.

Первый мѣновый дворъ учрежденъ въ Екатеринодарѣ, второй у Гудовиченой переправы и третій при урочищѣ Куркахъ. Тогда же разрѣшено устроить при границѣ въ Бугазѣ, у Суковскаго лимана, удобную гавань для черноморской учебной флотиліи.

1799 г. Генералъ-маіоръ Котляревскій, удрученный старостію и болѣзнями, пожелалъ увольненія отъ службы и избравъ на мѣсто свое, съ совѣта общаго, атаманомъ войска подполковника Бурсака, повергнулъ на милостивое усмотрѣніе государя императора. Декабря 22 1800 г. его величество соизволилъ милостиво утвердить таковое избраніе и 17 генваря Бурсакъ вступилъ въ должность.

Соображаясь съ дѣйствіями своихъ предмѣстниковъ съ начала занятія границъ черноморцами и принимая во вниманіе минувшія обстоятельства, разновременно служившія къ измѣ-

нѣнію духа здѣшнихъ жителей, къ перемѣнѣ ихъ отношеній съ черкесами и къ усиленію хищничества сихъ послѣднихъ, Бурсакъ первоначально занялся установленіемъ порядка на кордонной линіи и 26 генваря издалъ особенныя правила, къ руководству начальникамъ постовъ, о недремленномъ содержаніи границы.

Потомъ 1-го февраля онъ учредилъ конвойную команду изъ 25 отборнѣйшихъ козаковъ, которые, находясь безпрерывно при немъ, долженствовали быть во всегдашней готовности къ движенію повсюду, куда его воля укажетъ; 2-го марта сформировалъ *подвижный пяти-сотный* полкъ въ подкрѣпленіе пограничныхъ карауловъ, а болѣе для отраженія нечаянныхъ нападеній черкесъ; и тогда раздѣлилъ кордонную линію на три части, давъ каждой особаго начальника благонадежнаго, испытаннаго. Для лучшаго же наблюденія за всѣми покушеніями злодѣевъ назначены два байдака для безпревывныхъ разъѣздовъ по Кубани; а города и селенія, вблизи границы расположенныя, ограждены окопами, укрѣплены караулами и устроены на выѣздахъ бдительныя заставы.

Черкесы внимательно наблюдали наши дѣйствія и замѣтивъ такія распоряженія по границѣ, приняли съ своей стороны дѣятельнѣйшія мѣры къ отысканію удобства производить по прежнему свои злодѣйскія вторженія въ наши предѣлы; устроили разъѣзды и, раздѣлясь на многія шайки, подъ главнымъ начальствомъ измѣнника Явбука Гирея, стремились къ грабежамъ. Осторожность наша и военныя хитрости были внимательно замѣчаемы закубанцами; они ими пользовались и становились деньото дня хитрѣе и непримиримѣе.

Атаманъ Бурсакъ, видя, что мѣры, предпринимаемыя имъ къ удержанію гибельныхъ набѣговъ закубанцевъ, весьма не достаточны, рѣшился просить разрѣшенія сдѣлать противъ нихъ экспедицію и наказать злодѣевъ въ самыхъ ихъ жилищахъ. Государь императоръ, давъ соизволеніе на сіе предположеніе Бурсака, повелѣлъ генералу Михельсону привести оное въ исполненіе. Михельсонъ отрядилъ генералъ-маіора Драшкевича съ

14-мъ и 15-мъ егерскими полками и назначивъ его начальникомъ отряда, долженствовавшаго дѣйствовать за Кубанью, предписалъ Бурсаку присоединиться къ нему съ козаками и состоять въ полномъ его распоряженіи.

5-го іюня 1800 г. отрядъ нашъ переправился за Кубань. Бурсакъ съ конными козаками былъ командированъ впередъ и первый завязалъ дѣло съ черкесами, собравшимися, чтобы остановить наши дѣйствія. Подкрѣпляемый генераломъ Драшкевичемъ съ пѣхотой, онъ сбилъ непріятеля съ занятыхъ имъ крѣпкихъ позицій, смѣшалъ его, обратилъ въ бѣгство и преслѣдовалъ до самыхъ горъ. Отчаянное мужество черкесъ, къ защитѣ жилищъ своихъ употребленное, было безполезно. Отрядъ нашъ атаковалъ ихъ со всѣхъ сторонъ, прогналъ въ ущелья горъ, зажегъ три аула владѣльцевъ Арсланъ Гирея и брата его Девлета, взялъ въ плѣнъ 20 человѣкъ, рогатаго скота 1500 штукъ, 4,000 овецъ, нѣсколько лошадей, множество разной домашней рухляди и благополучно возвратился въ свои предѣлы. Съ другой стороны въ тоже время капитанъ Когинякъ съ козаками былъ посланъ для наказанія самаго измѣнника Явбука Гирея. Онъ такъ же счастливо окончилъ экспедицію, на всѣхъ пунктахъ поразилъ злодѣйскія шайки, прогнавъ ихъ въ горы, и предавши огню аулъ султана Магмета, захватилъ въ ономъ 500 штукъ рогатаго скота, 2,000 овецъ и большое количество разныхъ вещей.

По возвращеніи обоихъ отрядовъ, общимъ совѣтомъ начальниковъ положено было всѣ вещи и рухлядь, взятыя въ аулахъ непріятельскихъ, продать съ публичнаго торгу. Вырученныя за оныя деньги до 2,000 руб. розданы въ поддержаніе козакамъ, лишившимся лошадей во время битвы, бѣднымъ вдовамъ, потерпѣвшимъ разореніе отъ хищниковъ и лишившихся въ сраженіяхъ мужей своихъ. Весь отбитой у черкесъ скотъ повелѣлъ государь императоръ раздѣлить войскамъ, участвовавшимъ въ экспедиціи. Закубанцы, бывъ обезкуражены такимъ пораженіемъ, принуждены были искать мира и дружелюбія у черноморцевъ чрезъ посредничество анапскаго паши; возвратили

весь зарабленный ими разновременно скотъ, заплатили за всѣ похищенія, въ пограничныхъ нашихъ селеніяхъ сдѣланныя и обѣщали жить мирно въ своихъ границахъ, съ условіемъ, что бы и наши не дѣлали никакихъ покушеній на ихъ жилища.

Татары же, жившіе за Кубанью своими поселками, 25 августа пожелали перейти на нашу сторону и по высочайшему на то соизволенію поселены до 50 семействъ на сѣверовосточной косѣ Азовскаго моря; курѣнь ихъ названъ Аддою.

Октября 12 его величество повелѣлъ генералъ лейтенанту Киряеву быть присутствующимъ въ войсковой канцеляріи.

Въ началѣ 1801 года, при спокойствіи границы, черноморцы были обрадованы милостію императора Павла 1-го, высочайше утвердившаго грамоту вѣчно-блаженной памяти государыни Екатерины Великой во всей ея силѣ, данную войску сему при начальномъ основаніи онаго, слѣдующаго содержанія.

Божіею поспѣшествующею милостію мы Павелъ I-й императоръ и самодержецъ всеросійскій, московскій, кіевскій и проч.. и проч., и проч.

Вѣрнаго нашего черноморскаго войска атаману, старшинамъ и всему войску наше императорское милостивое слово.

Пріемля съ монаршимъ нашимъ благоволеніемъ службу вѣрноподданнаго намъ черноморскаго войска, видѣли мы съ особеннымъ удовольствіемъ нашимъ вѣрность, усердіе и отличную храбрость, оказанныя симъ войскомъ въ теченіе бывшей послѣдней войны съ Портою Оттаманскою, и нынѣ же съ таковою похвальною ревностію продолжающаго намъ службу свою, Мы, благоволительно желая изъявить войску сему Нашу Императорскую благопризнательность и милостиво оказать щедроты и возданіе за вѣрность и службу ихъ, жалуемъ и подтверждаемъ въ вѣчномъ владѣніи ихъ населяемый симъ войскомъ островъ Тамань во всѣхъ тѣхъ предѣлахъ, которые положены данною имъ въ 1792-мъ году іюня 30 грамотою и учиненнымъ отъ губернаторскаго начальства разграниченіемъ. Сію императорскую милость нашу распространяемъ мы на слѣдующихъ постановленіяхъ:

Первое. Всѣ состоящія на сей пожалованной имъ землѣ всякаго рода угодья, на водахъ же рыбныя ловли, да пребудутъ въ точномъ и полномъ владѣніи и распоряженіи войска черноморскаго, исключая только мѣста для крѣпостей, съ подлежащимъ для каждой выгономъ, кои на тѣхъ земляхъ для безопасности построены быть имѣютъ.

Второе. Войску черноморскому благоволительно ввѣряемъ бдѣніе и охраненіе пограничное отъ набѣговъ народовъ закубанскихъ.

Третье. Всемилостивѣйше позволяемъ и подтверждаемъ войску черноморскому право пользоваться свободною внутреннею торговлею и вольною продажею вина на земляхъ войску принадлежащихъ.

Четвертое. Войско черноморское получаетъ отъ насъ повелѣніе чрезъ военное начальство, какъ объ устройствѣ сего войска, такъ и о нарядахъ на службу, которые обязано исполнять съ точностію и поспѣшностію, свойственными вѣрноподданнымъ нашимъ; при томъ же правительство войсковое о благосостояніи войска и обо всѣхъ важныхъ происшествіяхъ, какія тамъ случаться могутъ, имѣетъ по часту доносить намъ, по гражданской же части быть въ вѣдѣніи нашего сената.

Пятое. Простирая монаршее наше попеченіе о благѣ вѣрнаго намъ черноморскаго койска, соизволяемъ, чтобъ и управленіе дѣлъ, до онаго относящихся, воспріяло лучшій образъ и для того всемилостивѣйше повелѣваемъ учредить въ немъ войсковую канцелярію на слѣдующемъ основаніи: 1-е въ войсковой канцеляріи присутствовать отъ войска черноморскаго атаману, двумъ членамъ и сверхъ того особамъ, каковыхъ мы заблагоразсудимъ назначить; 2) отъ сей канцеляріи зависитъ должное наблюденіе въ подчиненныхъ мѣстахъ благоустройства и правосудія и рѣшенія всѣхъ дѣлъ; 3) учредить зависящія отъ той канцеляріи экспедиціи: первую для дѣлъ криминальныхъ, вторую для гражданскихъ и тяжебныхъ, третью для казенныхъ, четвертую для межевыхъ, пятую для полиціи и шестую сыскное начальство, соотвѣтствующее земскому суду, и во всѣхъ сихъ экспедиціяхъ быть отъ черноморскаго войска пристойному числу чиновъ; 4) экспедиціи сіи, производя дѣла, приговоры свои по онымъ должны вносить на утвержденіе войсковой канцеляріи и опредѣленной отъ насъ въ оную довѣренной

особѣ и доколѣ утверждены не будутъ, исполнять своихъ положеній не долженствуютъ; 5) войсковая канцелярія и подчинненыя ей экспедиціи какъ теченіе дѣлъ, такъ и земское управленіе должны производить на основаніи общихъ узаконеній всероссійской имперіи; 6) дѣла по гражданской части на аппеляцію вносить въ сенатъ, а по военной относиться въ военную коллегію, сообразно чему и уголовныя вносить на ревизію по роду ихъ и принадлежности до того или другаго правительства, но отсылая прежде приговоры свои на разсмотрѣніе довѣренной отъ насъ особѣ; 7) въ судейскія должности опредѣлять погодно, избирая въ сіе званіе способныхъ и благонадежныхъ людей; 8) канцелярію и ея экспедиціи снабдить и впредъ снабдѣвать по распоряженію войсковой канцеляріи канцелярскими служителями въ такомъ числѣ, какое для успѣшнаго производства дѣлъ потребно; 9) для сохраненія правосудія и доставленія каждому скорѣйшаго по дѣламъ на законномъ основаніи удовлетворенія всемилостивѣйше дозволяемъ при войсковой канцеляріи быть прокурору.

Шестое. Желая распространить торговлю и промыслы и въ черноморскомъ войскѣ и преподавать оному средства, всѣмъ нашимъ вѣрнымъ подданнымъ присвоенныя, всемилостивѣйше дозволяемъ каждому изъ сего войска съ позволенія войсковой канцеляріи записываться въ гильдіи и мѣщане, на основаніи общихъ государственныхъ узаконеній и согласно съ дарованными отъ насъ каждому состоянію преимуществами, свободно производить торги и промыслы, какъ во всей нашей имперіи, такъ и внѣ оной, для суда же и расправы записавшихся въ купечество и мѣщанство учреждать повсюды ратгаузы на томъ основаніи, какъ оные учреждены и содержатся во всѣхъ россійскихъ торговыхъ мѣстахъ, поступая въ порядкѣ переноса сихъ дѣлъ на аппеляцію и ревизію по предъидущему пятому пункту.

Седьмое. Атаману съ войсковыми старшинами и присутствующими въ войсковой канцеляріи на жалованье, такъ же на употребляемые къ содержанію карауловъ отряды и на прочіе по войску нужные расходы предоставляемъ на всегда пользоваться отпускаемою изъ казны нашей денежною суммою по двадцати тысячъ рублей каждогодно.

Восьмое. Всемилостивѣйше дозволяемъ войску черноморскому, въ означеніе службы его престолу нашему, употреблять данныя имъ отъ насъ знамена, булавы, перначи и войсковую печать, каковая въ войскѣ нашемъ положена.

Впрочемъ мы надѣемся, что войско черноморское, ощущая монаршее наше о немъ попеченіе и покровительство, потщится навсегда не только имѣть бдительное сохраненіе границъ и отправлять съ ревностію и храбростію службу, каковыя на него отъ насъ возлагаются, но и всемѣрно продолжать будетъ стараніе о внутреннемъ благоустройствѣ, тишинѣ, трудолюбіи и распространеніи семейственнаго житія, и чрезъ то удостоится вящшаго нашего благоволенія и щедротъ.

Дано въ михайловскоиъ замкѣ, мѣсяца февраля шестаго на десятъ дня, лѣта отъ рождества Христова тысяча восемъ сотъ перваго, царствованія нашего въ пятое лѣто; высшаго же магистерства нашего въ третье.

На подлинномъ подписано собственною его императорскаго величества рукою тако: Павелъ.

Графъ Ростопчинъ.

27 марта возвѣщено въ Екатеринодарѣ о возшествіи на всероссійскій престолъ всеавгустѣйшаго государя императора Александра I, а маія 23 высочайшимъ указомъ его величества повелѣно генералъ лейтенанту Киряеву, за присвоеніе не принадлежащей ему власти, не присутствовать въ войсковой канцеляріи и вмѣсто его назначенъ генералъ отъ инфантеріи Дашковъ.

1802 г. Неутомимая бдительность Бурсака къ сохраненію спокойствія границы, разъѣзды байдаками по Кубани и недремлемость кордонной стражи служили помѣхой открытымъ набѣгамъ закубанцевъ въ наши пограничныя селенія; они, питая вражду и давая притворное обѣщаніе жить мирно, умышляли въ тоже время новыя злодѣйства; главнѣйшимъ препятствіемъ ихъ предпріятіямъ они почитали разъѣзды по Кубани и вознамѣрились вредить байдакамъ: скрывая злое намѣреніе, терпѣли, выжидали удобнаго случая и не упустили имъ воспользоваться.

Въ это время войсковое правительство предписало артиллеріи хорунжему Венгеру на одномъ байдакѣ, состоявшемъ подъ командою прапорщика Жвачки, перевезть въ Екатеринодаръ хранившійся

въ Бугазѣ порохъ и свинецъ. Хорунжій Венгеръ, нагрузя на байдакъ 200 пудъ пороху и столько же свинцу и не предвидя никакой опасности, плылъ по теченію вверхъ по Кубани къ Екатеринодару. Черкесы, наблюдавшіе движеніе байдака, собравшись въ значительныхъ силахъ, внезапно напали на оный у Каракубанскаго острова. Тщетно мужественные защитники байдака, 2 офицера и 28 козаковъ, усиливались отбиться; злодѣи прозрѣли ихъ малочисленность, стремительнымъ нападеніемъ овладѣли байдакомъ, убили обоихъ офицеровъ и одинадцать козаковъ, съ прочими людьми, съ 3-хъ фунтовою пушкою, съ порохомъ и свинцомъ и другимъ имуществомъ, взяли оный въ плѣнъ.

Злодѣяніе сіе не оставлено безъ наказанія. Государь императоръ, получивъ объ ономъ донесеніе, повелѣлъ военному генералъ губернатору Михельсону требовать удовлетворенія отъ анапскаго паши и въ случаѣ отказа соизволилъ разрѣшить сдѣлать противъ закубанцевъ экспедицію и жестоко наказать ихъ. Присутствовавшій въ войсковой канцеляріи генералъ отъ инфантеріи Дашковъ сносился по сему случаю съ анапскимъ пашею, настоятельно требовалъ удовлетворенія всѣхъ убытковъ, понесенныхъ черноморцами отъ хищничества закубанцевъ; но паша отказался удовлетворять претензію, не предприн*ялъ никакихъ мѣръ къ укрощенію, и экспедиція назначена. 14 и 15 егерскіе полки изготовились; Бурсакъ, собравъ черноморцевъ конныхъ 2,275, пѣшихъ 3,858 человѣкъ и принявъ всѣ средства къ обезпеченію переправы чрезъ Кубань и продовольствія сихъ войскъ, поступилъ подъ начальство шефа 14 егерскаго полка полковника Штетера.

29 маія 1802 г. отрядъ переправился чрезъ Кубань при Ольгинскомъ посту. Полковникъ Штетеръ, получивъ достовѣрныя свѣдѣнія о жилищахъ злодѣевъ, участвовавшихъ въ отбитіи байдака, командировалъ впередъ Бурсака съ конными и пѣшими козаками, а самъ съ остальнымъ отрядомъ двинулся въ слѣдъ за нимъ.

Бурсакъ, пройдя всю ночь, на разсвѣтѣ 30 числа приблизился тихо къ владѣніямъ князя Баджука и, приказавъ пѣшимъ не отставать, съ конницею кинулся въ аулы. Внезапное рѣшительное нападеніе сіе произведено съ успѣхомъ: черкесы, не ожидавшіе онаго, пришли въ чрезвычайное замѣшательство. Напрасно

300 полунагихъ наѣздниковъ старались защитить свои жилища и прикрыть бѣгство семействъ своихъ съ имуществомъ въ лѣса и горы. Бурсакъ мгновенно смялъ ихъ, истребивъ на мѣстѣ до 200 человѣкъ; онъ отрѣзалъ отъ лѣса бѣгущихъ и захватилъ въ плѣнъ самаго князя Баджука съ его семействомъ и другими владѣльцами обоего пола до 25 душъ, а узденей и прочихъ черкесъ съ семействами до 600 душъ; отбилъ рогатаго скота 1,158 штукъ, овецъ 2,500 и часть лошадей. При семъ же отнято изъ числа похищеннаго у насъ злодѣями пороху 30 пудъ, свинцу 70 пудъ и множество желѣза въ ломѣ изъ байдака. Уронъ съ нашей стороны былъ весьма маловаженъ: убито козаковъ 4, ранено старшинъ 2 и козаковъ 13.

Окончивъ такимъ образомъ экспедицію, отрядъ нашъ, отправясь на сію сторону, выдерживалъ карантинный терминъ при Ольгинскомъ посту, а плѣнные черкесы отправлены въ екатеринодарскую карантинную заставу.

Государь императоръ, усматривая изъ всеподданнѣйшихъ донесеній столь успѣшное дѣйствіе нашихъ войскъ противъ закубанцевъ, всемилостивѣйше благоволилъ наградить атамана Бурсака чиномъ полковника, а султана Али Шеретлу Оглу, вѣрно, съ особеннымъ самоотверженіемъ дѣйствовавшаго противъ своихъ единовѣрцевъ, въ подполковники; но и прочіе, оказавшіеся достойными, не лишены также высоко-монаршихъ милостей. Взятый скотъ, овецъ и лошадей повелѣно раздать войскамъ, бывшимъ въ дѣйствіи. Плѣнныхъ черкесъ предположено размѣнять на нашихъ, разновременно захваченныхъ злодѣями; въ послѣдствіи времени, по представленію военнаго губернатора Михельсона, всѣхъ оставшихся отъ размѣна плѣнныхъ закубанцевъ, позволено раздавать на поруки штабъ и оберъ-офицерамъ черноморскаго войска цѣлыми семействами, изъ коихъ нѣкоторыя, привыкнувъ къ образу жизни козаковъ, къ ихъ нравамъ и обычаямъ, пожелали на всегда остаться здѣсь, крестились и, вступивъ въ службу, были стражами нашей границы, храбрыми воинами.

1802 г. Государственная военная коллегія, разсматривая переданные въ оную всеподданнѣйшіе рапорты генерала отъ кавалеріи Михельсона и прежде присутствовавшаго въ войсковой канцеляріи генералъ-лейтенанта Киряева и, соображая съ свѣдѣніями,

собранными оною, о войскѣ черноморскихъ козаковъ, положила произвесть въ ономъ разныя перемѣны, и слѣдующее ея мнѣніе утверждено государемъ императоромъ.

1-е. Принявъ за основаніе количество состоящихъ нынѣ въ войскѣ черноморскомъ способныхъ къ службѣ чиновниковъ и козаковъ и уважая при томъ дарованное имъ по высочайшей грамотѣ дозволеніе записываться въ купцы и мѣщане, равно домашнія упражненія по возрождающемуся еще, такъ сказать, хозяйству и въ то же время исправленія внутренней службы по войску, имѣющему бдѣніе о сохраненіи границъ отъ злодѣйствующихъ сосѣдей, а не менѣе и возможность къ приведенію себя въ требуемое родомъ ихъ службы состояніе, которое достаточнымъ впредь до усмотрѣнія быть почитается, положить нынѣ въ ономъ могущихъ въ случаѣ надобности употребиться на походную службу 10 конныхъ и 10 пѣшихъ пяти-сотныхъ полковъ, удѣляя изъ числа сихъ послѣднихъ для службы на судахъ и при артиллерійскихъ орудіяхъ, какъ сего надобность и обстоятельства потребуютъ.

2-е. Каждому полку состоять по примѣру донскаго, какъ конному, такъ и пѣшему, изъ одного полковника, 5-ти полковыхъ есауловъ, 5-ти сотниковъ, 5-ти хорунжихъ, 1-го квартермистра, 1 писаря и 483 козаковъ, всѣхъ чиновъ 501 человѣкъ, а по сему количеству полковъ опредѣлить и комплектъ штабъ и оберъ-офицеровъ и именно: полковниковъ 20, полковыхъ есауловъ 100, сотниковъ 100, хорунжихъ 100, квартермистровъ 20; изъ коихъ всѣ тѣ, которые не на походной службѣ обрѣтаться будутъ, равно и состоящіе нынѣ противъ сего числа сверхъкомплектными, употреблены быть могутъ на исправленіе внутренней по войску службы.

3-е. Чины имѣть войсковымъ старшинамъ и полковникамъ маіорскіе, полковымъ есауламъ ротмистрскіе, сотникамъ поручичьи, хорунжимъ корнетскіе, а квартермистрамъ равняться съ квартермистрами регулярныхъ войскъ.

4-е. Всѣхъ находящихся въ войскѣ, не имѣющихъ еще армейскихъ ранговъ, способныхъ и неспособныхъ чиновниковъ 350 человѣкъ, выключая выбывшихъ изъ того числа разными случаями, утвердить въ сообразность вышеизъявленному чинами оберъ офицерскими армейскими, оставляя имъ прежнее войсковое званіе; по-

ручиковъ въ войскѣ служащихъ всемилостивѣйше пожаловать полковыми есаулами, а подпоручиковъ сотниками, прапорщикамъ же остаться въ чинахъ хорунжихъ, имѣя предъ тѣми хорунжими, кои нынѣ въ чинахъ утвердятся, старшинство.

5-е. Объявленіе по сему чиновъ, въ которомъ черноморскаго войска чиновники утверждаются, сохраняя прежнія ихъ наименованія или производятся, препоручить инспектору войскъ, который бы, истребовавъ объ нихъ списки, предписалъ черноморской войсковой канцеляріи, кому именно какой чинъ объявить, и таковые же списки о всѣхъ утвержденныхъ въ чинахъ и о произведенныхъ изъ поручиковъ въ есаулы, а изъ подпоручиковъ въ сотники, равномѣрно какъ и вообще о всѣхъ чиновникахъ войска черноморскаго, всеподданнѣйше представить государю императору и въ государственную военную коллегію, дабы списочное ихъ состояніе, съ различіемъ способныхъ и неспособныхъ, приведено было въ довлѣемую извѣстность.

6-е. Что принадлежитъ до недостающаго числа, по количеству полковъ, полковниковъ, то за помѣщеніемъ на сіи вакансіи находящихся теперь въ войскѣ штабъ-офицеровъ, представить на достальныя мѣста къ произведенію изъ старшихъ, но достойныхъ и заслуженныхъ капитановъ и полковыхъ есауловъ, атаману и войсковой канцеляріи чрезъ инспектора государю императору.

7-е. Впредъ ни въ какіе офицерскіе чины по войску никому не производить; а о тѣхъ, кои слѣдовать будутъ къ произведенію, не иначе, какъ на вакансіи въ положенной выше комплектъ, по удостоенію атамана съ войсковою канцеляріею, всеподданнѣйше представить государю императору чрезъ инспектора, а въ военное время чрезъ командующаго генерала арміею или корпусомъ войскъ, гдѣ черноморскіе козачьи полки находиться будутъ, по удостоенію походнаго атамана или полковниковъ.

8-е. При таковыхъ представленіяхъ наблюдать не одно только старшинство, но способность къ службѣ и достоинство, а въ военное время наблюдать найпаче отличную храбрость и расторопность, въ дѣлѣ съ непріятелемъ оказанныя; тѣмъ не меньше однакожъ, когда въ представленіи офицеровъ къ повышенію кто изъ старшихъ за слабое исправленіе службы, неспособность или за какой либо порокъ обходимъ будетъ, тогда въ ономъ же представ-

леніи доносить, для чего именно не удостоивается; къ произведенію же сверхъ комплекта никому никогда не представлять.

9-е. На службу наряжать офицеровъ войсковому атаману обще съ войсковою канцеляріею по ихъ разсмотрѣнію изъ состоящихъ по спискамъ; но еслибы впредъ, когда войско черноморское въ состояніи будетъ больше выкомандировать на службу полковъ, нежели то число, для какого теперь въ комплектъ офицеровъ полагается, случился въ оныхъ недостатокъ; то опредѣлять тогда въ полки офицерами за урядъ изъ способныхъ и заслуживающихъ сію довѣренность урядниковъ, или по ихъ названію сотенныхъ есауловъ и козаковъ; и для того изъ сихъ за урядъ служащихъ, кои въ званіи и должности ихъ желаемую исправность и въ дѣлѣ съ непріятелемъ отличное мужество и расторопность окажутъ, преимущественно представлять на открывающіяся вакансіи къ производенію по порядку въ хорунжіе, а чрезъ чинъ никого отнюдь не представлять, дабы прочіе, дѣйствительно въ офицерскихъ чинахъ вмѣстѣ служащіе, чрезъ то обиды чувствовать не могли.

10-е. Вообще при нарядахъ полковъ и командъ, офицеровъ и козаковъ на службу войсковому атаману и войсковой канцеляріи руководствоваться совершеннымъ безпристрастіемъ, наблюдая безобидное однихъ съ другими уравненіе и очередь, какъ того самый долгъ присяги требуетъ; за всякой же вопреки сему поступокъ неминуемо повинны да будутъ дать отвѣтъ.

11-е. Когда надобность и обстоятельства востребуютъ командировать изъ сего войска конные, или пѣшіе полки на службу внутрь имперіи, или за предѣлы оной, то съ того времени, когда они находиться будутъ далѣе ста верстъ отъ тѣхъ мѣстъ, изъ которыхъ полкъ собравшись весь выступилъ, получать по самое возвращеніе въ границы земель войска черноморскаго слѣдующее содержаніе: при конныхъ полкахъ штабъ и оберъ офицерамъ денежное жалованье съ денщичьимъ и раціонами по послѣдне состоявшемуся штату армейскихъ гусарскихъ полковъ, каждому по своему чину, полковому же писарю жалованья въ годъ по тридцати рублей и указанную дачу провіанта; коннымъ козакамъ денежнаго жалованья въ годъ по 12 рублей, а провіантъ противу солдатскихъ дачъ, и какъ писарю, такъ и козакамъ производить на зимніе мѣсяцы фуражъ, полагая по климатамъ отъ 6 до 8 мѣсяцевъ, каж-

дому на двѣ лошади, изъ коихъ на одну натурою, а на другую деньгами по цѣнамъ, за какія въ тѣхъ мѣстахъ фуражъ при покупкѣ его въ казну обходится. При пѣшихъ же полкахъ штабъ и оберъ офицерамъ жалованье съ денщичьимъ и раціонами по послѣдне состоявшемусь штату полевыхъ пѣхотныхъ полковъ, но денщиковъ въ натурѣ никому не давать, писарю такъ же въ годъ жалованья 30 рублей съ солдатскою дачею провіанта, козакамъ пѣшихъ полковъ равное же жалованье съ козаками конными, то есть въ годъ по 12 руб. и указную дачу противу рядоваго провіанта; а дабы они имѣли на чемъ поднять въ походѣ провіантъ и экипажъ свой, то, когда не на судахъ употреблены будутъ, производить на каждую сотню на десять лошадей фуражъ, овесъ и сѣно, натурою, или деньгами, по тѣмъ цѣнамъ, по коимъ онъ покупкою въ казну обходится, такъ же какъ выше сказано, по климатамъ. Сверхъ сего на лошадей подъ артиллерію и снаряды при сихъ полкахъ въ походѣ во время войны, быть имѣющіе, ограничивая число ихъ, полагаемыхъ на сіе употребленіе при прочихъ равныхъ калибровъ орудіяхъ, отпускать на зимніе мѣсяцы, по климатамъ же, фуражъ натурою, или деньгами, какъ выше сказано; и въ случаѣ когда сколько изъ оныхъ убито или отбито будетъ непріятелемъ, или же падетъ отъ форсированныхъ маршей, выдавать изъ казны за нихъ на узаконенномъ основаніи и порядкѣ деньги, по цѣнамъ, въ штатахъ полевыхъ пѣхотныхъ полковъ подъемной лошади положеннымъ.

12-е. Когда въ случаѣ открытой войны войско сіе употребится къ дѣйствіямъ противу непріятеля, хотя бы они по положенію жилищъ своихъ по границѣ и близко отъ оныхъ отряжены были, то производить имъ равномѣрное вышеписанному содержаніе съ самаго того времени, какъ скоро они будутъ посажены на суда, пойдутъ отъ береговъ въ море, или выступятъ по сей же причинѣ съ сборныхъ мѣстъ за границу, не взирая на опредѣленное выше сего разстояніе, до возвращенія ихъ къ войсковымъ предѣламъ; не распространяется сіе однакожъ на употребляемыхъ для стражи по границѣ противу сопредѣльныхъ имъ хищныхъ народовъ, для частныхъ экспедицій, для репрессальевъ и наказанія злодѣевъ, въ пользу войсковыхъ жителей производимыхъ, и для разъѣздовъ около своихъ береговъ, принадлежащихъ къ кордонной ихъ стражѣ.

Указъ государственной военной коллегіи по сему предмету послѣдовалъ войсковой канцеляріи 18 ноября 1802-го года.

Войсковый атаманъ Бурсакъ обще съ войсковою канцеляріею, приведя въ точное исполненіе сіе мнѣніе государственной военной коллегіи 16 апрѣля 1803 г., занялся укомплектованіемъ двадцати пятисотныхъ полковъ и назначилъ командирами въ оные испытанныхъ штабъ-офицеровъ.

Въ сіе время послѣдовало исполненіе и прочихъ учрежденій по войсковому правленію, означенныхъ въ указѣ 26 марта 1802 года, правительствующимъ сенатомъ данномъ, а именно:

По войску черноморскому:

Первое. Составить войсковое правительство съ такимъ же числомъ присутствующихъ, какъ въ донскомъ войскѣ полагается, то есть: присутствовать въ оной, подъ предсѣдательствомъ войсковаго атамана, двумъ членамъ непремѣннымъ и четыремъ ассесорамъ по выбору, смѣняя сихъ послѣднихъ чрезъ каждые три года; впрочемъ не возбранять въ званія сіи выбирать и опредѣлять такъ же изъ отставныхъ, которые, не будучи болѣе способны въ военную службу, могутъ, по пріобрѣтенной ими опытности, съ большею еще пользою быть судьями, но съ тѣмъ, чтобы по дѣламъ воинскимъ зависѣть отъ инспектора крымской инспекціи, а по части гражданской состоять въ вѣдомствѣ тамошняго губернскаго начальства и особенно управляющаго губерніею.

Второе. Затѣмъ присутствіе особаго генерала такъ же отмѣнить, оставя въ канцеляріи прокурора седьмаго класса, которому состоять въ вѣдомствѣ губернскаго прокурора.

Третье. По совершенно нездоровому мѣстоположенію г. Екатеринодара, войсковую канцелярію перевести въ Тамань, предоставляя однакожъ жителямъ Екатеринодара полную свободу оставаться на мѣстѣ, или по возможности, выгодѣ и удобности, такъ же переселиться въ Тамань.

Четвертое. Составленіе штата для войсковой канцеляріи препоручить генералу Дашкову, съ тѣмъ, чтобы онъ представилъ мнѣніе свое правительствующему сенату для внесенія къ Намъ на утвержденіе.

Но переводъ войсковой канцеляріи изъ Екатеринодара въ Тамань государемъ императоромъ высочайше отмѣненъ по просьбѣ войска, находившаго въ семъ перемѣщеніи большія неудобства, по причинѣ отдаленности Тамани отъ центра границы и отъ прочихъ селеній сей земли, равно и штатъ не утвержденъ.

Послѣ таковыхъ перемѣнъ въ устройствѣ войска всеавгустѣйшій императоръ Александръ I-й благоволилъ пожаловать оному всемилостивѣйшую грамоту слѣдующаго содержанія:

Божіею милостію мы Александръ первый, императоръ и самодержецъ всероссійскій и проч. и проч. и проч.

Вѣрнаго нашего черноморскаго войска атаману, старшинамъ и всему войску наше императорское милостивое слово:

Во уваженіе на службу вѣрноподданнаго намъ черноморскаго войска, съ ревностію и усердіемъ продолжаемую, за благо признали мы симъ подтвердить пожалованныя ему въ 30 день іюня 1792 г. и въ 16 февраля 1801 года грамоты, съ нижеслѣдующими постановленіями.

Первое. Населяемый симъ войскомъ островъ Тамань да будетъ въ вѣчномъ и неотъемленномъ владѣніи онаго во всѣхъ тѣхъ предѣлахъ, которые по учиненному разграниченію ему предоставлены, и въ слѣдствіе того всѣ состоящія на сей землѣ всякаго рода угодья, на водахъ же рыбныя ловли, должны на всегда оставться въ точномъ и полномъ распоряженіи войска, исключая токмо мѣста для крѣпостей, съ подлежащимъ для каждой выгономъ, кои на землѣ сей для безопасности построены быть имѣютъ.

Второе. Войску черноморскому ввѣряется по прежнему бдѣніе и стража пограничная отъ набѣговъ народовъ закубанскихъ. Мы надѣемся при семъ, что войско сіе, бывъ сильно отразить во всякое время сихъ непріятелей, не позволитъ себѣ принимать извнутри Россіи никакихъ людей подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, ибо подобные переходы противны общему порядку и благоустройству государства.

Третье. Всемилостивѣйше позволяемъ и утверждаемъ войску черноморскому право пользоватся свободною внутреннею торговлею и вольною продажею вина на земляхъ войску принадлежащихъ. При сихъ даруемыхъ войску выгодахъ долженствуетъ оно всѣ по земству повинности, найпаче же содержаніе казармъ и отапливанеі

и освѣщеніе находящихся и впредь тамъ быть могущихъ армейскихъ полковъ, исправлять всегда безмолвно, какъ того общественная польза требуетъ.

Четвертое. Войско черноморское получаетъ отъ насъ повелѣніи чрезъ военное начальство, какъ объ устройствѣ онаго, такъ и о нарядахъ на службу, которыя и обязано исполнять съ точностію и поспѣшностію.

Пятое. Войсковому правительству быть на томъ точно основаніи, какъ въ указѣ нашемъ, въ 25 день февраля 1802 года изданномъ, постановлено: по дѣламъ войсковымъ должно оно зависѣть отъ инспектора крымской инспекціи, а по части гражданской состоять въ вѣдомствѣ таврическаго губернскаго начальства и особенно управляющаго губерніею.

Шестое. Всемилостивѣйше дозволяемъ и подтверждаемъ каждому изъ сего войска, съ вѣдома войсковаго начальства, записываться въ гильдіи и мѣщане, на основаніи общихъ государственныхъ узаконеній, для свободнаго отправленія торговъ и промысловъ, какъ во всей имперіи нашей, такъ и внѣ оной.

Седмое. Для учрежденныхъ въ войскѣ черноморскомъ, по указу отъ 13-го ноября 1802 года, двадцати полковъ, къ даннымъ отъ покойнаго родителя нашего, государя императора Павла Петровича, 14-ти знаменамъ, всемилостивѣйше жалуемъ и при семъ доставляемъ войску еще 6 знаменъ, подтверждая и употребленіе булавы, перначей и войсковой печати.

Въ прочемъ увѣрены мы, что войско наше черноморское, пользуясь подтвержденными ему нынѣ правами, по колику они могутъ быть съ общими государственными постановленіями согласны, не престанетъ съ обычною ему къ намъ ревностью продолжать быть навсегда храбрымъ и ревностнымъ къ службѣ, соблюдая внутреннее благоустройство и тишину, и распространеніемъ семейственнаго житія вящшее пріобрѣтая отъ насъ къ себѣ благоволеніе.

Дано въ Санкпетербургѣ маія тридесятъ перваго дня тысяча восемъ сотъ третьяго года.

На подлинномъ подписано собственною его императорскаго величества рукою тако: Александръ.

Государственный канцлеръ Александръ Воронцовъ.

Сентября 7-го государственная военная коллегія, по высочайшей волѣ, указомъ повелѣла въ пятисотные черноморскіе полки добавить еще по 50 козаковъ и установила имѣть чиновниковъ въ комплектѣ полно: полковника 1, есауловъ 5, сотниковъ 5, хорунжихъ 5, квартермистра 1, писаря 1 и урядниковъ 10, коимъ во время службы производить жалованье старшимъ 58 руб., а младшимъ 17 руб. ассигнаціями, и сіе положеніе распространено на всѣ иррегулярныя войска.

Кромѣ сего для наблюденія и объѣзда береговъ Чернаго моря, прилежащихъ къ сей землѣ, высочайше повелѣно адмиралу Мордвинову дать войску изъ Таганрога вновь выстроенныхъ десять лодокъ со всѣмъ вооруженіемъ; лодки сіи доставлены въ Бугазъ капитаномъ-лейтенантомъ де-Голетомъ. Старую-же гребную флотилію, состоявшую въ войскѣ, предписано было изломать и построить изъ оной нѣсколько байдаковъ для разъѣздовъ по Кубани и для перевозки провіанта козакамъ, на кордонной службѣ состоящимъ, что исполнено атаманомъ Бурсакомъ не прежде 30 апрѣля 1804 года.

Вь семъ-же 1803-мъ году, по представленію военнаго генералъ-губернатора Михельсона, посѣтившаго Черноморію. снята съ черноморцевъ повинность снабжать регулярныя войска, здѣсь квартировавшія, собственнымъ отапливаніемъ, ибо сія тягость, несенная козаками съ начала прибытія въ Черноморію тѣхъ полковъ, найдена не только обременительною, но даже совершенно разоряющею жителей, всегда находящихся на стражѣ границы опасной. И съ сего времени регулярныя войска, какъ употребляемыя для однихъ экспедицій, а потому свободныя отъ службы, заготовляли отапливаніе собственными средствами.

Генералъ Михельсонъ, бывши въ Черноморіи, обозрѣвалъ всѣ части устройства въ войскѣ, всѣ отрасли промышленности жителей и найдя во всемъ строгій порядокъ и благодѣтельное попеченіе войсковаго правительства о благосостояніи края, всеподданнѣйше доносилъ о томъ государю императору, который, въ высочайшемъ рескриптѣ отъ 9 октября изъявивъ особенное монаршее благоволеніе къ отличному усердію войсковаго атамана

Бурсака, всемилостивѣйше наградилъ его орденомъ св. Анны 2 класса.

9-го сентября бдительные черноморцы замѣтили шайку закубанцевъ, напавшихъ на купеческое турецкое судно, сѣвшее на мель въ Бугазскомъ заливѣ, не вдалекѣ отъ нашего берега, бросились въ каюки и поспѣшили на помощь туркамъ; они сразились съ хищниками, обратили ихъ съ большимъ урономъ въ бѣгство и спасли судно. Анапскій паша въ благодарность за столь полезную помощь прислалъ въ подарокъ храброму начальнику спасителей судна, поручику Паливодѣ дорогую лисью шубу, пару пистолетовъ, оправленныхъ въ серебро и вызолоченныхъ, и отличное ружье, и вещи сіи съ дозволенія атамана Бурсака Паливода принялъ.

Въ теченіи 1803 года закубанцы, устрашенные сдѣланными противъ нихъ экспедиціями, показывая миролюбивое расположеніе къ Черноморіи, не тревожили границъ нашихъ. Но Бурсакъ не переставалъ наблюдать за ними, былъ остороженъ при всѣхъ переговорахъ съ владѣльцами разныхъ племенъ, ежедневно пріѣзжавшими на екатеринодарскую пристань и ласково принимая всѣ ихъ увѣренія въ дружелюбіи къ намъ, въ преданности ихъ Россіи, посредствомъ вѣрнаго помощника своего султана Али. перешедшаго изъ-за Кубани въ Россію еще въ 1799 году и облагодѣтельствованнаго правительствомъ возвышеніемъ въ чинъ подполковника, внимательно старался разгадывать ихъ скрытные коварные замыслы.

Такая благоразумная осторожность, всегда необходимая противу хитрыхъ хищниковъ, не скрылась отъ ихъ проницательности. Они, желая отвратить отъ себя всякое подозрѣніе, тогда же оставили набѣги свои на Черноморію и толпами многочисленными обратились къ кавказской линіи. Тамъ начальствовалъ въ то время генералъ-лейтенантъ Глазенапъ. Онъ съ малочисленными своими войсками не могъ ни отражать набѣговъ непріятеля, ни наказывать его и черкесы безпрепятственно свирѣпствовали на линіи. Въ короткое время они успѣли нанести величайшій вредъ тамошнимъ обитателямъ, угнали въ горы

большую часть ногайцевъ, издавна подданныхъ Россіи, жившихъ вблизи границъ. Генералъ Глазенапъ вынужденнымъ нашелся требовать въ подкрѣпленіе своихъ войскъ нѣсколько донскихъ козачьихъ полковъ. а между тѣмъ, сообщая Бурсаку о столь сильной опасности кавказской кордонной линіи, предлагалъ ему, для отвлеченія отъ оной нападенія горцевъ, сдѣлать диверсію за Кубань съ черноморскими полками.

Атаманъ Бурсакъ, имѣя высочайшее повелѣніе государя императора не производить дѣйствій за Кубанью, не могъ безъ разрѣшенія начальствовавшаго въ Крыму генерала отъ инфантеріи Розенберга исполнить предложеніе Глазенапа; представя же о томъ, получилъ предписаніе блюсти спокойствіе одной своей границы. Но еще до полученія Бурсакомъ сего разрѣшенія донскіе полки прибыли на линію и набѣги черкесъ умалились. Главнѣйшія скопища злодѣевъ совершенно разсѣялись, остались только небольшія шайки, чтобы тревожить кордоны: прочіе же, переселясь къ сапсугамъ, при наступленіи зимы, въ генварѣ 1804 года открыли дѣйствія противу Черноморіи.

1804 г. съ генваря по іюль мѣсяцъ непріятели значительными толпами нападали на границы наши; кордонная стража употребляла всѣ усилія къ отраженію, но не всегда имѣла въ томъ успѣхъ. При случившихся въ это время жаркихъ перестрѣлкахъ, злодѣи убили двухъ офицеровъ, козаковъ 22, захватили въ плѣнъ жителей обоего пола 10 человѣкъ и угнали разнаго скота до 100 штукъ.

Атаманъ Бурсакъ, желая отмстить хищникамъ за такіе разбои, испрашивалъ у генерала Розенберга разрѣшенія сдѣлать экспедицію. Государь императоръ, по представленію о томъ Розенберга, высочайше повелѣть соизволилъ наказать закубанцевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ приказано генералу Глазенапу въ одно время съ Бурсакомъ дѣйствовать противъ нихъ отъ стороны кавказской линіи. Вскорѣ 10 черноморскихъ полковъ подъ начальствомъ самаго Бурсака и баталіонъ 12 егерскаго полка съ полковникомъ Сабанѣевымъ выступили за Кубань. Генералъ-лейтенантъ Глазенапъ тогда-же открылъ свои дѣйствія.

Между тѣмъ, какъ Глазенапъ двумя отрядами стремился наказать племя бесленеевское, обитавшее по рѣкамъ Урупѣ, Тагакѣ, большомъ и маломъ Зеленчугахъ, Бурсакъ, раздѣливъ свои войска на три колонны, третьяго декабря перешелъ рѣки Шепшь и Афипсъ и разными направленіями вторгнулся во владѣнія сапсуговъ. Нападенія его на аулы были быстры, рѣшительны; отчаянное сопротивленіе черкесъ не могло остановить ихъ. Мужественные козаки жестоко мстили хищникамъ за ихъ коварства и за смерть своихъ товарищей, павшихъ при защитѣ границы. Убійства продолжались по 14-е число; разоривъ до основанія со всѣми продовольственными заготовленіями нѣсколько ауловъ, въ коихъ заключалось болѣе тысячи домовъ, отрядъ возвратился къ Кубани. Уронъ непріятеля былъ значителенъ: взято въ плѣнъ четыре наѣздника, убито обоего пола до 700 душъ, ранено 1,000 человѣкъ, лошадей убито 200, рогатаго скота угнано до 2,000 и овецъ 3,000, значительное имущество, найденное въ аулахъ, взято нашими войсками. Потеря съ нашей стороны была: убитыхъ оберъ-офицеровъ 3 и козаковъ 60, раненныхъ 40 человѣкъ.

Государь императоръ за столь удачную экспедицію противу горцевъ удостоилъ высочайшаго благоволенія своего атамана Бурсака и монаршими милостями повелѣлъ наградить отличнѣйшихъ и храбрыхъ его сподвижниковъ.

Миролюбивыя прибрежныя племена закубанскія, искренно радуясь гибели ненавистныхъ для нихъ сапсуговъ, прислали въ Екатеринодаръ своихъ мурзъ и дворянъ благодарить Бурсака и раздѣлить вмѣстѣ съ нашими воинами радость счастливой побѣды.

Взятый въ добычу у сапсуговъ скотъ Бурсакъ приказалъ разѣлить на двѣ части, изъ коихъ одна тогда же поступила на войска, участвовавшія въ экспедиціи, а другая роздана бѣднымъ вдовамъ и сиротамъ, болѣе потерпѣвшимъ при набѣгахъ закубанцевъ, и въ пользу госпиталей и лазаретовъ.

1805 года Черноморія отдохнула отъ набѣговъ хищныхъ сосѣдей и жители ревностно занимались домашнимъ благоустройствомъ, вспомоществуемые попеченіями войсковаго правительства.

Самые злѣйшіе наши непріятели сапсуги, бывъ жестоко наказаны за свои злодѣянія, чрезъ посредство анапскаго паши, просили въ это время мира и клялись не тревожить нашей границы, если непріязненныя противъ нихъ дѣйствія будутъ прекращены. Атаманъ Бурсакъ не только обѣщалъ имъ не разорять ихъ владѣній, но даже рѣшился позволить имъ по прежнему вести торговыя сношенія съ Черноморіею на мѣновыхъ дворахъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы они возвратили нашихъ плѣнныхъ и бѣглецовъ. Они согласились на сіе условіе и въ скоромъ времени привели на екатеринодарскій мѣновый дворъ двухъ дезертировъ и 12 человѣкъ плѣнныхъ разнаго званія. Ревностная и полезная служба государству атамана Бурсака удостоилась особеннаго высочайшаго вниманія государя императора и въ семъ году при всемилостивѣйшемъ рескриптѣ его величества онъ имѣлъ счастье получить орденъ св. Анны 2-го класса, алмазами украшенный.

1806 г. Въ маіѣ мѣсяцѣ 1806 года владѣлецъ племени пшедуховъ Батъ-мурза, бывшій въ покорности Россіи съ 1801 года, вздумалъ возмущать какъ своихъ подданныхъ, такъ и другихъ сосѣдственныхъ ему владѣльцевъ къ возобновленію набѣговъ на Черноморію. Причиной этому былъ ложный слухъ, распространившійся между горцами, будто бы съ нашей границы откомандированы всѣ войска противу французовъ и мы совершенно уже безсильны отражать ихъ нападенія. Но таковое заблужденіе горцевъ было кратковременно, и хотя при двухъ удачныхъ набѣгахъ они успѣли угнать съ нашей стороны 60 лошадей и 7 воловъ, однакожъ увидя, что за сіе воровство Бурсакъ началъ сильно готовиться наказать ихъ, они тотъ часъ возвратили всѣхъ лошадей и воловъ и присягой обязались не дѣлать болѣе никакихъ враждебныхъ покушеній. Батъ-мурза тогда же раскаялся и присягнулъ въ вѣрности.

Такимъ образомъ спокойствіе въ войскѣ снова водворилось. Государь императоръ, по засвидѣтельствованіи Дюка-де-Ришелье за отличной порядокъ во всѣхъ отрасляхъ управленія, найденный имъ при вступленіи своемъ въ начальствованіе симъ

краемъ и благоустройство войска сего, въ высочайшемъ рескриптѣ своемъ удостоилъ монаршего благоволенія атамана Бурсака и въ тоже время соизволилъ всемилостивѣйше наградить золотыми часами его помощниковъ: непремѣнныхъ членовъ войсковой канцеляріи—подполковниковъ Чепѣгу и Кордовскаго, ассесоровъ войсковыхъ—полковниковъ Гелдыша, Вараву и Волкорѣза и секретаря есаула Мудраго.

Стараніями Бурсака въ семъ году учреждено въ Екатеринодарѣ войсковое училище, съ одобренія попечителя императорскаго харьковскаго университета, тайнаго совѣтника, графа Потоцкаго. Смотрителемъ онаго назначенъ войсковой протоіерей Кириллъ Россинскій, умный, ревностный помощникъ атамана въ развитіи въ семъ краѣ просвѣщенія.

26 ноября генералъ лейтенантъ Дюкъ-де-Ришелье, выступя изъ Одессы со своею дивизіею въ компанію противу французовъ, поручилъ генералъ лейтенанту Пустошкину требовать изъ Черноморіи 2 конные полки въ Крымъ для занятія разъѣздовъ по берегамъ Чернаго моря. По измѣнившимся въ послѣдствіи обстоятельствамъ Пустошкинъ предписалъ Бурсаку командировать туда одинъ только полкъ, который, съ войсковымъ полковникомъ Ляхомъ, прибылъ въ Карасубазаръ 6 февраля 1807 года, гдѣ и находился по ноябрь мѣсяцъ, а послѣ былъ обращенъ въ войско.

1806 годъ, кромѣ сего, ознаменованъ переселеніемъ въ Россію изъ-за Кубани, по высочайшему повелѣнію, татаръ, изъ коихъ одна часть пошла на жительство въ Крымъ, а другая поселена въ предѣлахъ Черноморіи, таманской округи, на сѣверовосточной косѣ Азовскаго моря. Черкесы же, пожелавшіе перейти къ намъ, помѣщены въ екатеринодарскомъ округѣ при куренѣ Гривинскомъ на рѣчкѣ Ангиликѣ; они въ послѣдствіи времени, желая вѣрно служить Россіи, добровольно поступали въ черноморскіе полки и, раздѣляя съ козаками по братски всѣ труды и опасности, съ одинаковымъ усердіемъ охраняли наши границы отъ набѣговъ своихъ единовѣрцевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Библіографія.

Труды VI археологическаго съѣзда въ Одессѣ (1884 г.). Томъ I. Одесса. 1886 г.

Не такъ давно то время, когда подъ именемъ археолога разумѣли у насъ собирателя-антиквара, а на самую археологію смотрѣли, какъ на особаго рода чудачество, безвредное, но непростительное для человѣка, обладающаго всѣми своими способностями. Предубѣжденіе противъ археологіи коренилось въ той изолированности и частичности, которыми отличались у насъ занятія этою отраслью историческихъ знаній до учрежденія археологическихъ обществъ, а потомъ періодическихъ съѣздовъ въ разныхъ городахъ Россіи. Разрозненныя дотолѣ усилія и труды отдѣльныхъ лицъ при посредствѣ обществъ и съѣздовъ вошли во взаимныя соотношенія, а оттого мѣстные вопросы и интересы получили обще-научную почву и болѣе широкое обоснованіе. Въ обобщеніи и популяризаціи археологическихъ данныхъ особенно важное значеніе имѣли археологическіе съѣзды, привлекавшіе многочисленныхъ ученыхъ со всѣхъ концовъ Россіи, сближавшіе ихъ путемъ личнаго знакомства и совмѣстнаго обсужденія вопросовъ общихъ для нихъ занятій, а вмѣстѣ съ тѣмъ выводившіе на широкую дорогу знанія работниковъ туземныхъ, по тѣмъ или инымъ причинамъ обязанныхъ сидѣть на корню.

Съ этой точки зрѣнія мы и должны разсматривать труды послѣдняго по времени одесскаго съѣзда, первый томъ которыхъ такъ скоро сравнительно вышелъ изъ печати.

Изданіе это посвящено памяти устроителя съѣздовъ гр. А. С. Уварова и открывается портретомъ и обстоятельной біографіей его, составленной Д. Н. Анучинымъ.

Затѣмъ слѣдуютъ матеріалы для исторіи съѣзда и характеристика бывшей при немъ выставки, изъ предметовъ которой выдѣлены: славянское четвероевангеліе XV—XVI в. изъ елисаветградской покровской единовѣрческой церкви, украшенное множеттвомъ драгоцѣнныхъ миніатюръ, и бронзовая ручка съ древней вазы VI или V вв. до Р. Х., найденной въ курганѣ близь с. Мартоноши елисаветгр. уѣзда. Далѣе слѣдуетъ черезчуръ, быть можетъ, коротенькая «замѣтка» объ экскурсіи, состоявшейся послѣ съѣзда и имѣвшей цѣлью осмотръ Севастополя, развалинъ Херсонеса и пещерныхъ городовъ Крыма.

Послѣ этой вводной части помѣщено 18 рефератовъ, читанныхъ на съѣздѣ; въ первый томъ вошли статьи почти исключительно пріѣзжихъ археологовъ и большая часть посвящена древностямъ первобытнымъ. Нѣкоторые рефераты появились въ печати въ болѣе полномъ видѣ и тщательнѣе отдѣланными, а нѣкоторые трудно и узнать.

Болѣе къ антропологіи, чѣмъ къ археологіи, относится стоящее на первомъ мѣстѣ изслѣдованіе Д. Н. Анучина по древнѣйшей исторіи домашнихъ животныхъ въ Россіи, представляющее результатъ краніологическихъ и остеологическихъ измѣреній немногихъ извѣстныхъ, завѣдомо-древнихъ скелетовъ животныхъ. Въ концѣ своего труда авторъ обращается съ просьбой хранить и доставлять ему кости животныхъ, вырытыя изъ древнихъ могилъ.

Его-же рефератъ «О нѣкоторыхъ своеобразныхъ древнихъ каменныхъ издѣліяхъ изъ Сибири» посвященъ каменнымъ орудіямъ, представляющимъ изображеніе рыбъ. Подобные имъ предметы находимы были и въ сѣверной Америкѣ. Выводъ тотъ, что доисторическія культуры Сибири и сѣверной Америки находились въ общеніи и что американская оказывала вліяніе на сибирскую.

Г. О. Оссовскій въ «Опытѣ хронологической классификаціи находокъ каменнаго вѣка въ Россіи», указывая на малопримѣнимость для Россіи такой классификаціи, установленной французскими учеными, предлагаетъ свою, на основаніи данныхъ, полученныхъ раскопками пещеръ въ кѣлецкой губерніи и въ окрестностяхъ Кракова. Полагаемъ, что съ классификаціей г. Оссовскаго по мѣстнымъ признакамъ и съ мѣстными топографическими обозначеніями можетъ случиться такая-же бѣда, при болѣе широкомъ примѣненіи, какая случилась съ французскою.

Кн. П. А. Путятинъ, въ статьѣ объ «орнаментаціи древняго гончарства», сближая ее съ рѣзами на «биркахъ», ставитъ вопросъ о происхожденіи алфавита изъ цифровыхъ знаковъ.

Трудъ В. Б. Антоновича «о скальныхъ пещерахъ на берегу Днѣстра въ подольской губ.» богатъ столько-же мѣстнымъ, сколько и об-

щимъ интересомъ. Имъ изслѣдованы пещеры у Нѣчина, у Кривчика, у Нагорянъ и во многихъ изъ нихъ найдены и изучены издѣлія каменнаго вѣка; для исторіи-же собственно русской народности важнѣе открытіе у с. Бужи замѣчательнаго горельефа, изображающаго человѣческую фигуру, по типу выполненія похожую на «каменную бабу», стоящую на колѣняхъ и держащую въ рукахъ чашу, какъ-бы совершая возліяніе предъ изображеніемъ пѣтуха, помѣщеннымъ на деревѣ; позади фигуры находится изображеніе оленя, по видимому не живого, а скульптурнаго, потому что подъ ногами его представленъ пьедесталъ. На основаніи миѳологическихъ сближеній и историко-художественныхъ данныхъ, горельефъ этотъ относится къ до-христіанской эпохѣ и изображаетъ сцену изъ славянскаго языческаго культа.

Чрезвычайной тщательностью отличается почтенный по результатамъ трудъ начинающаго археолога, Е. Н. Мельникъ: «Слѣды мегалитическихъ сооруженій въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ южной Россіи». До послѣдняго времени мегалиты были найдены въ разныхъ мѣстностяхъ Азіи, Африки, западной Европы, также въ Крыму и на Кавказѣ, но территорія собственно Россіи и центральной Европы представляла бѣлое пятно на картѣ мегалитическихъ памятниковъ. Между тѣмъ, если держаться теоріи переселенія изъ Азіи народовъ, принесшихъ въ Европу культуру неолитическаго періода, то указанный пробѣлъ представляется болѣе, чѣмъ страннымъ. Г-жа Мельникъ первая констатировала и изучила на югѣ Россіи двѣ группы мегалитическихъ памятниковъ. Одна группа открыта въ александрійскомъ уѣздѣ херсон. губ., въ системѣ р. Ингульца, гдѣ найдено нѣсколько дольменовъ разныхъ типовъ, извѣстныхъ въ европейской археологіи подъ названіями трилитовъ, ментровъ, кромлеховъ и двойныхъ дольменовъ, кромѣ одного, представляющаго экземпляръ, въ наукѣ не имѣющій аналогіи. Особенность александрійскихъ дольменовъ та, что они поставлены на твердой скальной поверхности и потому не могли служить надгробіями, подобно другимъ, ранѣе изслѣдованнымъ. Другая группа мегалитовъ найдена въ бассейнѣ Днѣстра, въ подольской губерніи, и представляетъ рядъ такъ называемыхъ чашечныхъ камней и изображеній на скалахъ. Изображенія эти суть своего рода іероглифы, и настанетъ и для нихъ, можетъ быть, время, когда будутъ читать ихъ, подобно египетскимъ; въ настоящее-же время слѣдуетъ благодарить г-жу Мельникъ и за ту попытку классификаціи знаковъ изображеній и за тѣ сближенія и аналогіи, которыя сдѣланы ею.

Весьма важенъ для южно-русскаго археолога, столько-же, какъ и для каждаго археолога вообще, рефератъ А. Ѳ. Лихачева «Скиѳскіе эле-

менты въ чудскихъ древностяхъ казанской губерніи». Извѣстно, что терминъ «чудскія» древности, примѣняемый преимущественно къ нѣкоторымъ археологическимъ памятникамъ Сибири, не имѣетъ смысла этнографическаго, т. е. не обозначаетъ принадлежности ихъ народу чуди или финнамъ. Извѣстно также, что и вопросъ о народности геродотовыхъ скиѳовъ и другихъ, одновременныхъ съ ними, обитателей Россіи вопросъ доселѣ темный. Ученый референтъ дѣлаетъ въ высшей степени интересныя сближенія древностей казанской губерніи съ древностями скиѳскими съ одной стороны и сибирскими съ другой, что приводитъ его къ заключенію о существованіи сношеній у пріуральскихъ народовъ съ черноморскими скиѳами. „Если эти факты, говоритъ г. Лихачевъ, нельзя относить ко временамъ Геродота, то все таки они могутъ восходить къ первымъ вѣкамъ христіанской эры и служить доказательствомъ сношеній пріуральскихъ народовъ съ Киммерійскимъ Воспоромъ, вѣроятно, ранѣе 375 года, когда гунны, вторгнувшись въ предѣлы Воспорскаго царства, совершенно его уничтожили".

Докладъ Д. Я. Самоквасова «Могильныя древности алексавдровскаго уѣзда екатеринославской губерніи» предлагаетъ фактическое изложеніе обильныхъ раскопокъ, произведенныхъ имъ ниже днѣпровскихъ пороговъ, надъ р. Конкою. Изслѣдованныя могилы референтъ дѣлитъ на четыре типа: 1) древнѣйшія могилы характеризуются „утробнымъ положеніемъ покойника и могильною обстановкою, состоящею только изъ предметовъ глиняныхъ, каменныхъ, костяныхъ, мѣдныхъ и различнаго цвѣта красокъ"; 2) могилы эпохи скиѳской; 3) могилы съ остатками трупосожженія съ обстановкой, которую впервые встрѣтилъ въ своей практикѣ г. Самоквасовъ, относимыя имъ къ эпохѣ промежуточной между скиѳскою и славянскою, или, употребляя его выраженіе, „ко времени господства сарматовъ въ области Приднѣпровья"; 4) могилы, эпоха которыхъ опредѣляется точно двумя монетами, найденными въ нихъ и относимыми ко времени золото-ордынскихъ хановъ Узбека и Джанибека.

Небольшой рефератъ Н. А. Бранденбурга посвященъ спеціальному вопросу о фибулахъ, находимыхъ въ могилахъ сѣверной Россіи. Референтъ относитъ нѣкоторыя изъ фибулъ къ предметамъ туземнаго производства, признавая скандинавское вліяніе.

Р. А. Прендель, отправленный предварительнымъ комитетомъ съѣзда на о. Березань, на розыски доисторическихъ памятниковъ древностей, таковыхъ не нашелъ, и докладъ его представляетъ скорѣе дѣловой отчетъ, чѣмъ научное изслѣдованіе.

Гр. А. А. Бобринскій представилъ докладъ „О курганахъ близь м. Смѣла кіевской губерніи по раскопкамъ 1881—1884 г.». Авторъ относитъ обслѣдованные имъ 16 кургановъ къ тремъ эпохамъ: 1) каменный вѣкъ, съ признаками, аналогичными съ обстановкой могилъ перваго типа, изслѣдованныхъ г. Самоквасовымъ, 2) бронзовый вѣкъ и 3) вѣкъ желѣзный. Изслѣдованіе отличается осторожностью, тщательностію и разносторонностью; обращено вниманіе на кости людскія и принадлежащія животнымъ.

Рефератъ Д. Н. Анучина «О нѣкоторыхъ формахъ древнѣйшихъ русскихъ мечей» отличается, какъ и всѣ впрочемъ труды почтеннаго профессора, широкой начитанностью, точнымъ наблюденіемъ и изслѣдованіемъ научныхъ фактовъ и ясностью формулировки заключеній. Референтъ имѣлъ въ виду, во первыхъ, мечъ, найденный на Кавказѣ, сближаемый имъ съ микенскимъ, въ предположеніи, что первообразъ такихъ мечей слѣдуетъ искать въ сходныхъ формахъ бронзовыхъ мечей, употреблявшихся въ передней Азіи; затѣмъ останавливается на мечахъ скиѳскихъ, одинъ типъ которыхъ сближаетъ съ мѣдными кинжалами Сибири, не находя для него никакихъ другихъ аналогій ни въ Западной Европѣ, ни въ могилахъ славянской эпохи. Мечи славянской эпохи, попадающіеся рѣдко, а на сѣверѣ Россіи не попадающіеся совсѣмъ, напоминаютъ формы, по замѣчанію г. Анучина, западно-европейскихъ мечей; дѣлая такое сближеніе, референтъ прослѣживаетъ формы мечей на Западѣ и потомъ переходитъ къ саблѣ, которая скоро вытѣснила мечи въ Россіи и была заимствована, повидимому, у хазаръ, печенѣговъ, татаръ и другихъ восточныхъ народовъ.

В. В. Сусловъ, читавшій на съѣздѣ интереснѣйшій рефератъ о древнихъ деревянныхъ колокольняхъ, напечаталъ въ „Трудахъ“ собственно другой рефератъ: «О древнихъ деревянныхъ постройкахъ сѣверныхъ окраинъ Россіи“, въ которомъ планъ перваго реферата расширенъ, отъ чего собственно колокольни много потеряли.

Далѣе слѣдуютъ небольшія сообщенія: гр. И. И. Толстаго „О знамени первыхъ нашихъ христіанскихъ великихъ князей“ по монетамъ Владиміра, Святополка и Ярослава, и Ю. Б. Иверсена „О монетныхъ кладахъ послѣднихъ трехъ лѣтъ“; въ послѣднемъ выдѣлены вновь открытыя монеты суздальскихъ князей.

Изслѣдованіе Г. А. Воскресенскаго «Характеристическія черты древнихъ редакцій славянскаго перевода Евангелія, по рукописямъ XI—XV вв.» имѣетъ цѣлью, путемъ сличенія древнихъ текстовъ, открыть первоначальный текстъ славянскаго перевода Евангелія, какъ извѣстно, не дошедшій до насъ.

Небольшое сообщеніе І. І. Первольфа имѣетъ предметомъ «Червоно-русскій переводъ Вислицкаго статута». Вслѣдъ за присоединеніемъ Червоной и Подольской Руси къ Польшѣ въ XIV в., стали вводиться тамъ польскіе порядки и польское право; послѣднее вводилось въ томъ видѣ, какъ оно было введено Казиміромъ въ Вислицѣ, на латинскомъ языкѣ, который вытѣснялъ русскій языкъ изъ публичной жизни; но это происходило медленно и потому явился русскій переводъ Вислицкаго статута, въ которомъ польскіе порядки явились въ русской одеждѣ. Одна рукопись этого перевода хранится въ Румянцевскомъ музеѣ и издана, другая находилась до 1827 г. въ Супрасльскомъ монастырѣ, входя въ составъ сборника разныхъ статей, была описана и издана въ отрывкахъ и неисправно, а потомъ исчезла. «Если найдется эта Супрасльская рукопись, говоритъ референтъ, можно будетъ на разные вопросы отвѣтить болѣе положительнымъ образомъ».

Въ зачлюченіе—курьезъ. Въ концѣ книги помѣщенъ рефератъ И А. Износкова, подъ заглавіемъ: «Можно-ли по одинаковымъ названіямъ населенныхъ мѣстъ, находящихся въ разныхъ мѣстахъ Россіи, судить о колонизаціи этихъ частей?». Какой вопросъ! Конечно, можно, и не только можно, но и должно, и не по названіямъ населенныхъ мѣстъ только, но всѣхъ вообще урочищъ; мало того, мысль эта давно служитъ общимъ мѣстомъ въ историческихъ работахъ. Но г. Износковъ дѣлаетъ свой особый вкладъ: онъ открылъ для всероссійской науки..... профессора казанской духовной академіи Некрасова и половину своего жидкаго сообщенія занялъ подробнымъ изложеніемъ его замѣчательной рѣчи о направленіи движенія славянъ по отношенію къ Черному морю,—рѣчи, произнесенной еще 8 ноября 1879 г. на актѣ въ этой академіи. Познакомимъ читателей вкратцѣ съ прелестями «филологической» аргументаціи казанскаго профессора. Возьмемъ мѣсто изъ начала рѣчи: «изъ городовъ древней Колхиды извѣстны *Эа* и *Фазисъ*: изъ рѣкъ также Фазисъ. Городъ и рѣка Фазисъ будутъ означать: честь, слава, это тоже, что древнее (?) *ван*—чтить, хвалить, а также *ванд*, откуда древнее названіе славянъ—венеты, анты, винды. *Эа*—нашъ Землянскъ или Землячевъ (воронежской губ.)». Изъ середины: „Названіе Кій—стародавнее; городъ Брусса,..... получившій свое названіе отъ древней Прузы или Пруссіады, сама (самъ?) еще древнѣе называлась (—лся) Кій; также называлась и рѣка, при которой стоялъ городъ, а заливъ, въ который впадала эта рѣка, назывался *κιανός* (по нашему *Кіевскій*)».... и т. д. Изъ конца: въ орловской губерніи есть городъ Кромы; г. Некрасовъ, производя это названіе отъ слова *кромъ* (закромъ) въ древнемъ смыслѣ мыса, косы, говоритъ: «такого-же происхожденія наз-

ванія греческаго города Кромы, о которомъ упоминаетъ Павзаній въ перечисленіи городовъ Аркадіи, и древняго венетскаго города Кромна, о которомъ упоминаетъ Гомеръ". Названіе города Коломна, по мнѣнію г. Некрасова, «есть тоже, что Гомеровская Кромна».... и т. д. въ томъ же родѣ. И къ такой филологической эквилибристикѣ благоговѣйный референтъ относится только, какъ къ смѣлой попыткѣ! Плохая услуга и г-ну Некрасову, и наукѣ!

Съ внѣшней стороны «Труды» изданы отлично, изобилуютъ прекрасными фототипіями и рисунками въ текстѣ. Слѣдуетъ только пожалѣть, что къ рефератамъ проф. Самоквасова и гр. Бобринскаго не приложено ни одного листа рисунковъ (тогда какъ, напр., сообщеніе г. Оссовскаго преизбыточествуетъ ими), а буквенныя обозначенія на рисункахъ въ рефератѣ г-жи Мельникъ не всегда соотвѣтствуютъ тексту.

В. Ястребовъ.

Екатеринославское блуканіе (1777—1791). Александра Егорова. Екатеринославъ. 1887 г.

Брошюрка эта недавно появилась въ екатеринославскихъ книжныхъ магазинахъ и невольно вызываетъ на то, чтобы сказать о ней нѣсколько словъ. Не велика эта брошюра, всего въ 20 страницъ, но далеко не лишена интереса, по крайней мѣрѣ мѣстнаго. Названіе ея точно выражаетъ и ея содержаніе; она излагаетъ вкратцѣ исторію передвиженія гор. Екатеринослава «съ одного мѣста на другое прежде, нежели онъ прикрѣпленъ былъ къ нынѣшнему своему мѣсту положенія, по волѣ свѣтлѣйшаго кн. Потемкина. Исторія эта извѣстна, но воспоминаніе о ней въ живомъ изложеніи и ко дню празднованія столѣтія основанія города далеко не лишнее. Память о старинѣ такъ легко у насъ изглаживается, а изданій, способствующихъ воскрешенію и поддержанію воспоминаній о старинѣ, о предкахъ, такъ мало у насъ вообще, что нельзя не благодарить за всякое въ этомъ родѣ даяніе. Помимо этого, мы привѣтствуемъ брошюру г. Егорова и какъ весеннюю ласточку, обѣщающую намъ, быть можетъ, повлечь за собою, если и не обиліе, то хоть нѣсколько мѣстныхъ изданій въ нынѣшнемъ знаменательномъ для насъ годѣ. Объ изданіи историческаго очерка г. Екатеринослава городскою думою и особо «переписи» населенія нашего города, въ видѣ систематически обработаннаго сборника, уже объявлено и постановлено екатеринославскою городскою думой.

Авось, и статистическій нашъ комитетъ, безмолвствующій уже многіе годы, подаритъ насъ «Памятною книжкою», хоть подобною изданной имъ на 1875 г., или, еще лучше, подобною двумъ «памятнымъ книжкамъ», изданнымъ имъ на 1867 г. и составляющимъ нынѣ библіографическую рѣдкость.

Разсказывая просто, но обстоятельно о всѣхъ перипетіяхъ въ строительствѣ и самомъ названіи г. Екатеринослава, пока наконецъ съ декабря 1802 г., по повелѣнію императора Александра I, онъ не былъ окончательно оставленъ на нынѣшнемъ мѣстѣ и съ нынѣшнимъ своимъ именемъ, авторъ брошюры приводитъ воспоминанія и о нѣкоторыхъ изъ первоначальныхъ «засельниковъ» мѣстности, нынѣ занимаемой Екатеринославомъ. На первомъ планѣ здѣсь стоитъ имя полковаго эсаула Лазаря Глобы, знаменитаго садовода того времени, оставившаго городу въ наслѣдство два превосходныхъ сада, извѣстныхъ подъ именами «Потемкинскаго», на горѣ, возлѣ бывшаго дворца Потемкина, и «Городскаго», внизу, недалеко отъ вокзала Екатерининской желѣзной дороги и еще ближе къ зданіямъ бывшихъ суконныхъ фабрикъ, основанныхъ также по мысли Потемкина. Широки были замыслы кн. Потемкина относительно постройки Екатеринослава. По планамъ его, утвержденнымъ указами Екатерины II, городъ долженъ былъ занимать пространство отъ р. Дихира до р. Мокрой Суры, а въ другомъ направленіи въ него входили нынѣшнія села Новые и Старые Кайдаки, какъ форштаты; это пространство верстъ 15 въ длину и верстъ 10 въ ширину, т. е. 105 кв. верстъ. Предполагалось устроить здѣсь 12 фабрикъ, университетъ, академію художествъ, консерваторію; каѳедральный соборъ имѣлъ быть 12-ти престольный и, какъ говаривалъ Потемкинъ, на аршинчикъ повыше римскаго собора апостола Петра. Словомъ, свѣтлѣйшій кн. Потемкинъ предполагалъ создать здѣсь нѣчто въ родѣ южной, украинской столицы въ затмѣніе даже, быть можетъ, сѣвернымъ столицамъ, и только смерть его, а затѣмъ и смерть Екатерины, 6 ноября 1796 г., пріостановили построеніе «втораго Рима», или и вторыхъ Аѳинъ, какъ того желалось Потемкину. Богатства края опредѣлены были свѣтлѣйшимъ весьма прозорливо, и будь осуществлена въ то время постройка Екатеринослава по плану и размѣрамъ Потемкина, криворожская руда и бахмутскія желѣзныя руды и соленыя залежи давно были бы разрабатываемы, весь край давно бы заселили и обогатили; и, какъ знать, не повліяло ли бы такое приближеніе русской столицы къ Черному морю на вопросы внѣшней политики! Быть можетъ, и самаго восточнаго вопроса или вовсе не было бы теперь, или по крайней мѣрѣ, въ томъ видѣ, какъ нынѣ онъ стоитъ.

Авторъ брошюры, относясь съ теплымъ воспоминаніемъ къ мѣстной старинѣ, шлетъ справедливый упрекъ г. Екатеринославу за небрежность въ отношеніи памятника запорожцу, полковому есаулу Глобѣ, кѣмъ-то поставленному въ разведенномъ имъ, нынѣшнемъ городскомъ, саду. Небрежность, разумѣется, не извинительная; но, скажемъ отъ себя, слѣдовало бы городу помянуть добромъ и кн. Потемкина, такъ много замышлявшаго для пользы края вообще и нынѣшняго Екатеринослава въ особенности. Повторяемъ, брошюра, собственно говоря, не много даетъ свѣдѣній о Екатеринославѣ и могла-бы дать ихъ гораздо больше, еслибы авторъ обратился хоть къ такимъ изданіямъ, какъ «Исторія Екатерины II» Брикнера, Исторія Россіи Соловьева и пр.; но она все таки имѣетъ свою цѣну, какъ напоминаніе о мѣстной старинѣ, которая совсѣмъ забывается современниками.

Въ послѣднемъ отношеніи Екатеринославъ могъ бы дать весьма обильный матеріалъ для розысканій и изслѣдованій. Не говоря уже объ архивахъ административныхъ учрежденій, каковы: губернское правленіе, казенная палата, консисторія, городскія учрежденія, даже архивы судебныхъ учрежденій, каковы стародавніе суды, палаты, ратуши и магистраты, какъ уясняютъ изслѣдованія Багалѣя и Сумцова, могли бы раскрыть весьма многое изъ прошлой жизни всего новороссійскаго края. Дѣло о «разбойныхъ черкасахъ и запорожцахъ» могло бы многое выяснить въ исторіи уклада населенія страны, во-очію (въ показаніяхъ самыхъ этихъ черкасъ при разныхъ допросахъ) представить тѣ мысли, желанія и стремленія, какими двигались изъ края въ край какъ послѣдніе остатки Запорожской Сѣчи, такъ и массы вновь нахлынувшихъ поселенцевъ, а равно и руководителей мѣстнаго народнаго движенія. Учрежденіе въ Екатеринославѣ мѣстной архивной коммисіи является дѣломъ крайней необходимости. Напомнимъ здѣсь, въ подтвержденіе этой необходимости, хоть то богатство бумагъ о Запорожьѣ, какое нашелъ здѣсь г. Скальковскій, авторъ «Исторіи Новой Сѣчи», въ связкахъ «дѣлъ Запорожскаго Коша», о которыхъ онъ говоритъ въ предисловіи къ своему труду. Бумаги нашихъ мѣстныхъ архивовъ побывали во многихъ рукахъ; многіе, какъ извѣстно, въ особенности рылись въ архивѣ екатеринославскаго губернскаго правленія. Вопросъ: въ цѣлости ли сохранились всѣ эти, безцѣнныя по своему историческому значенію, связки дѣлъ и бумагъ, или ихъ забиралъ и не возвращалъ, въ цѣлости или по частямъ, всякій, кто хотѣлъ? Кто слѣдилъ за ихъ «неутратностью» и цѣлостью? Мы имѣемъ основаніе думать, что бумаги эти сохранились до нашихъ дней далеко «не въ цѣлости»; и жаль будетъ, если этотъ богатый кладъ погибнетъ для науки и потомства. Только

ученая архивная коммисiя могла бы собрать все это богатство, сгруппировать и издать его. Мы думаемъ, что и на г. Скальковскомъ лежитъ нравственный долгъ издать *цѣликомъ, дословно весь тотъ матерiалъ*, который ему удалось добыть «въ дѣлахъ Запорожскаго Коша». Извлеченiя, какiя онъ даетъ намъ въ своей «Исторiи Новой Сѣчи», не могутъ удовлетворить насъ вполнѣ, не могутъ замѣнить и восполнить *подлинныхъ словъ* важнаго историческаго памятника, словъ, которыя всякiй получилъ бы возможность знать и понимать такъ или иначе. Екатеринославцы въ особенности были бы благодарны г. Скальковскому за такое изданiе, и мы позволяемъ себѣ обратить къ нему нашу объ этомъ просьбу печатно.

Г. З.

Екатеринославъ,
2 марта 1887 г.

Календарь черниговской губернiи на 1887 годъ. Сост. К. В. Корвинъ-Пiотровскiй. Годъ второй. 1016 стр., ц. 1 р. 60 к.

Къ двумъ мѣстнымъ календарямъ на настоящiй годъ, харьковскому и полтавскому, разсмотрѣннымъ въ предыдущей книгѣ нашего журнала, прибавимъ третiй—черниговскiй. Представляя собою внушительную книгу въ тысячу съ лишнимъ страницъ, этотъ календарь свидѣтельствуетъ тѣмъ о почтенномъ усердiи составителя его, члена-секретаря мѣстнаго статистическаго комитета, г. Корвинъ-Пiотровскаго. Разбору нашему не подлежитъ большая часть этой толстой книги, но по поводу ея толстоты нельзя удержаться отъ одного замѣчанiя. Книга стоитъ 1 р. 60 к. Конечно, это дешево для тома въ 63 печатныхъ листа; но съ другой стороны если *календарь* стоитъ 1 р. 60 к., кому-же охота платить столько ежегодно *за календарь*? Редакцiи календаря лучше знать свои издательскiе рессурсы, но все таки въ интересахъ распространенiя въ мѣстномъ населенiи тѣхъ полезныхъ свѣдѣнiй, которыя заключаются въ черниговскомъ календарѣ вообще и въ историческомъ его отдѣлѣ въ частности, нельзя не пожелать большей практичности этому почтенному изданiю.

Какъ въ харьковскомъ и полтавскомъ, такъ и въ черниговскомъ календарѣ, есть особый отдѣлъ *историческiй* (265 стр.), посвященный мѣстной исторiи и этнографiи. Хотя содержанiе этого отдѣла не можетъ стать въ параллель съ историческимъ содержанiемъ харьковскаго календаря,—тотъ вѣдь издается въ университетскомъ городѣ, ну, боль-

шому кораблю большое и плаванье,—но и черниговцы, къ чести ихъ, вносятъ все таки лепту въ сокровищницу родной исторіи.

Историческій отдѣлъ начинается хронологическими перечнями «русскихъ великихъ князей, царей и императоровъ», *черниговскихъ* князей и епископовъ, полковниковъ временъ гетманщины, воеводъ и стольниковъ, а также малороссійскихъ гетмановъ (въ числѣ ихъ и Павелъ Полуботокъ), генералъ-губернаторовъ, губернаторовъ и проч. Всѣ перечни составлены вполнѣ прилично, въ научномъ смыслѣ. Вотъ только «списокъ *русскихъ великихъ князей*»... Князья эти жили: «въ Новгородѣ (Рюрикъ)», «въ Кіевѣ», «въ Кіевѣ и Владимірѣ», «во Владимірѣ, но жили и въ другихъ мѣстахъ», наконецъ «въ Москвѣ». Пора-бы оставить этотъ карамзинскій порядокъ; современный взглядъ науки на удѣльный періодъ давно осудилъ его... Тутъ-же другая неловкость—«хронологія достопамятнѣйшихъ событій края». «Хронологія» эта имѣетъ такую форму (отрывокъ со стр. 478):

Отъ покоренія великимъ княземъ литовскимъ Гедиминомъ всей южной Руси	567	(годъ)
» присоединенія Чернигова и другихъ русскихъ городовъ, отпавшихъ отъ Литвы при Іоаннѣ III Васильевичѣ	393	»
» нападенія князей Константина Острожскаго и Михаила Вишневецкаго на Черниговъ . . .	308	»
» учрежденія постоянной черниговской епархіи .	234	»
» управленія Чернигова россійскими воеводами .	229	»
» опустошенія моровой язвой черниговскаго воеводства	176	»
» великихъ пожаровъ, бывшихъ въ Черниговѣ .	169	»

и т. д. Авторъ этой, какъ-бы сказать, хронологіи на изнанку выпустилъ изъ виду, что факты черниговской исторіи не міровой извѣстности, чтобы стоило открывать новые пункты зрѣнія на нихъ; мелкое же неизвѣстное событіе читающая публика можетъ воспринять только по тому способу, которому учили ее, т. е. принимая за эру Рождество Христово. Каждая новая дата по общепринятому счисленію вызываетъ въ представленіи читателя, по мѣрѣ его историческаго вѣдѣнія, ту обстановку, среди которой ему нужно помѣстить новый фактъ... И любителей юбилеевъ авторъ лишилъ удовольствія упражняться въ правилахъ вычитанія.

Далѣе слѣдуютъ двѣ статьи историческихъ и одинъ набросокъ по доисторической археологіи края. Первая статья относится къ драгоцѣнному памятнику старины, черниговскому каѳедральному собору Спаса-

Преображенія, чуть ли не древнѣйшему зданію во всей Россіи. Статья обработана основательно и написана довольно живо, благодаря пріему автора ея—мѣшать описаніе съ историческимъ повѣствованіемъ. Основаніе храма приписывается князю Мстиславу Владиміровичу. Въ первоначальной лѣтописи подъ 1034 годомъ говорится: «Мьстиславъ изыиде на ловы и разболѣся и умре; и положиша и въ церкви святаго Спаса, юже создалъ самъ; бѣ бо вьздано ея при немь вьзвыше, яко и на конѣ стоячи рукою досячи». «Такъ какъ древніе князья, говоритъ авторъ, строили храмы въ память особенныхъ событій, а изъ жизни Мстиславовой въ Черниговѣ лѣтопись отмѣчаетъ два важныя событія—войну съ Ярославомъ, окончившуюся миромъ 1026 г. и войну Мстислава и Ярослава съ ляхами 1031 г., сопровождавшуюся возвращеніемъ къ Россіи червенскихъ городовъ.., то основаніе черниговскаго собора можно относить къ 1026 или къ 1031 г. Смотря же на то, что соборъ возведенъ былъ къ 1034 г. не выше двухъ саженей отъ земли, должны мы признать за болѣе вѣроятное, что основанъ онъ въ 1031 г.». Соборъ опустошаемъ былъ нѣсколько разъ пожарами, напр. въ 1239, 1611 и 1750 г.г. Тѣмъ не менѣе до настоящаго времени сохранился въ цѣлости весь корпусъ зданія, кромѣ куполовъ. Даже 8 дорогихъ мраморныхъ колоннъ до сего времени поддерживаютъ своды хоровъ внутри храма. Соборная ризница не отличается богатствомъ, такъ какъ частые разгромы Чернигова непріятелями и домащнія хищенія лишили церковь вкладовъ древнихъ князей. Самая старая книга въ ризницѣ—евангеліе львовской печати 1636 года, «наданное» въ 1639 году райцею черниговскимъ Корниліемъ Талѣрчичемъ.

Слѣдующая статья принадлежитъ знатоку и почитателю мѣстной старины, А. И. Ханенку. Это историко-біографическій очеркъ о преосвященномъ Ѳеодосіи углицкомъ, преемникѣ Лазаря Барановича по черниговской каѳедрѣ, мѣстно-чтимомъ святителѣ, изданный прежде отдѣльной книжкой. Въ очеркѣ собрано все, что только могъ найти въ печатныхъ и рукописныхъ источникахъ опытный изслѣдователь. Чрезвычайно интересны письма Ѳеодосія къ разнымъ лицамъ, помѣщенныя въ концѣ очерка. Въ нихъ ясно отражается любящая душа этого святаго человѣка.

Археологическій набросокъ («Городки и курганы») составленъ покойнымъ Н. А. Константиновичемъ и, судя по общему заглавію: «Историческіе памятники черниговской губерніи», долженъ былъ составлять первую главу въ болѣе обширномъ очеркѣ. Набросокъ не представляетъ ничего новаго: списокъ городищъ взятъ у Самоквасова, а о курганахъ кое-что повторено авторомъ изъ собственнаго реферата на 3-мъ архе-

ологическомъ съѣздѣ въ Кіевѣ, помѣщеннаго въ трудахъ этого съѣзда. Статья написана популярно, какъ и должно быть въ изданіи, разсчитанномъ на возможно большее распространеніе.

Въ концѣ отдѣла, подъ рубрикой: «Къ исторіи края», напечатаны, въ видѣ матеріала, письма разныхъ лицъ къ Андрею Степановичу Милорадовичу, генералъ-поручику и первому правителю открытаго въ 1782 году черниговскаго намѣстничества. Письма сообщены редакціи почетнымъ членомъ черниговскаго губернскаго статистическаго комитета, графомъ Г. А. Милорадовичемъ. Намъ кажется, что эти письма весьма мало прибавляютъ къ мѣстной исторіи. Хотя писаны они чуть-ли не всѣми свѣтилами екатерининскаго времени, но большая часть изъ нихъ состоитъ изъ полуоффиціальныхъ просьбъ и вѣжливыхъ приказовъ о поставкѣ лошадей для авторовъ писемъ, или объ отводѣ имъ помѣщенія въ Черниговѣ.

Нельзя, наконецъ, пропустить этнографическаго очерка, подъ нѣсколько страннымъ заглавіемъ: «Внутренній и внѣшній бытъ мѣстнаго населенія черниговской губерніи». Очеркъ—компиляція изъ разныхъ статей въ „Черниговск. Губ. Вѣдомостяхъ“ и устарѣвшаго для настоящаго времени описанія черниговской губерніи Домонтовича. Неизвѣстный авторъ этой компиляціи скользнулъ дѣйствительно по всему «внутреннему и внѣщнему быту» жителей черниговщины. Хотя онъ и отдѣлилъ другъ отъ друга евреевъ, нѣжинскихъ грековъ (о которыхъ, кстати сказать, теперь сохранилось только пріятное воспоминаніе), раскольниковъ-великороссовъ, бѣлоруссовъ и малороссовъ, но съ двумя послѣдними племенами въ черниговской губерніи нельзя легко управиться. Такъ называемая Сѣверщина есть такой этнографическій уголокъ, въ которомъ, чтобъ не повторять общихъ избитыхъ фразъ, нужно каждый лоскутъ земли брать съ бою. Конечно, это дѣло будущихъ изслѣдованій, но нельзя говорить о «внутреннемъ и внѣшнемъ бытѣ» Сѣверщины докторальнымъ тономъ.

Въ началѣ книги приложенъ фотографическій снимокъ черниговскаго собора.

Ѳ. Н.

А. А. Васильчиковъ. Семейство Разумовскихъ, т. IV. Спб. 1887 г.

Четвертымъ томомъ, вышедшимъ нынѣ, г. Васильчиковъ заканчиваетъ повидимому замѣчательный свой трудъ, начатый печатаньемъ лѣтъ десять назадъ. Первая книга этого сочиненія, посвященная двумъ первымъ Разумовскимъ, «временьщику» Алексѣю и гетману Кириллу, успѣла стать необходимымъ достояніемъ всякаго собранія книгъ по южно-русской старинѣ. Не будучи научно разработанной исторіей послѣдняго гетманства, очеркъ г. Васильчикова представляетъ для такой исторіи первостепенный матеріалъ, неоцѣнимый въ особенности для изученія характеровъ и частной жизни выводимыхъ лицъ. Авторъ, кромѣ государственныхъ архивовъ, воспользовался частными архивами всѣхъ близкихъ роду Разумовскихъ фамилій и ввелъ въ свой трудъ архивный матеріалъ, частную переписку, разсказы современниковъ и преданія въ такомъ объемѣ, который приближаетъ его работу то къ типу мемуаровъ, то къ характеру прекрасно разработаннаго сборника документовъ. Если отъ этого страдаетъ стройность и «строгость» изслѣдованія, то необыкновенно ярко выступаютъ стороны, рисующія «духъ вѣка», а подлинныя письма, замѣтки и дѣловые документы всецѣло вводятъ читателя въ кругъ интересовъ и житейской обстановки лицъ рода Разумовскихъ, что и было, по собственному признанію автора, одной изъ главныхъ его цѣлей.

Въ послѣдовательномъ рядѣ томовъ г. Васильчиковъ разсмотрѣлъ судьбу сыновей Кирилла Разумовскаго, въ связи съ общимъ ходомъ историческихъ событій. Второй томъ заключаетъ въ себѣ біографіи старшаго сына гетмана, Алексѣя Кирилловича, надменнаго и желчнаго аристократа и массона, смѣнившаго Завадовскаго на постѣ министра народнаго просвѣщенія, и четырехъ его младшихъ братьевъ. Томы третій и четвертый изображаютъ личность и жизнь шестого изъ сыновей гетмана—графа Андрея Кирилловича, русскаго посла въ Вѣнѣ въ эпоху наполеоновскихъ войнъ, одного изъ творцовъ священнаго союза, стяжавшаго къ концу дипломатической карьеры титулы князя и «свѣтлѣйшаго».

Старшій изъ второго поколѣнія Разумовскихъ оставилъ только женское потомство; Андрей Кирилловичъ не оставилъ его совсѣмъ, а братья его—Петръ, Левъ и Иванъ, передавши отчасти свои громадныя состоянія «воспитанникамъ» и «воспитанницамъ», не могли передать имъ своего имени. Сохранилось потомство только одного изъ сыновей гетмана—графа Григорія Кирилловича. Этотъ сынъ былъ менѣе всѣхъ любимъ гетманомъ и судьба его была самая бурная. Женив-

шись въ молодости на французской эмигранткѣ де-Мольсенъ, онъ вскорѣ бросилъ свою жену, возненавидѣлъ почему-то ее на всю жизнь. При жизни первой супруги, онъ женился въ Германіи во второй разъ на баронессѣ Шенкъ-де-Кастель. Первая супруга оспаривала законность этого брака, отъ котораго у Разумовскаго было трое дѣтей. Бракъ этотъ не былъ признанъ въ Россіи и хотя дѣтямъ Григорія Кирилловича дано было дворянство и право носить фамилію Разумовскихъ, но графское достоинство на нихъ не перешло. Убитый смертью жены и неудачнымъ исходомъ процесса, Разумовскій покинулъ навсегда Россію, принялъ австрійское подданство и протестанство. Внукъ его Камиллъ Разумовскій, саксенъ-кобургъ-готскій подданный и лютеранинъ, и является теперь послѣднимъ представителемъ этого, блестящаго нѣкогда рода.

Заключительный томъ труда г. Васильчикова обнимаетъ собою первыя пятнадцать лѣтъ настоящаго столѣтія и представляетъ цѣнный вкладъ какъ въ русскую историческую литературу, такъ и въ литературу европейской дипломатической исторіи. Событія того времени отъ посольства Новосильцева въ Лондонъ съ проэктомъ «вѣчнаго мира», до вѣнскаго конгресса и парижскаго мира, съ нескончаемымъ рядомъ войнъ по срединѣ, разсмотрѣны здѣсь какъ съ внѣшней, такъ и съ интимной, анекдотической стороны. Личность Андрея Разумовскаго, англомана и ненавистника Бонапарта, утонченнаго аристократа, выдѣлявшагося даже въ тогдашней аристократической Вѣнѣ, чрезвычайно характерна въ своемъ космополитическомъ изяществѣ.

Почти невозможнымъ кажется воспоминаніе о томъ, что отецъ этого пышнаго вельможи занималъ во дни юности мало аристократическій постъ пастуха въ с. Лемешахъ. Родовыми чертами у Андрея Кирилловича остались только страсть къ изящнымъ искусствамъ и музыкѣ. Въ страсти къ искусствамъ и коллекціонированью всѣ Разумовскіе сходились, впрочемъ, съ другими вельможами-южанами того времени, каковы Безбородко, Завадовскій, Трощинскій. Любовь къ музыкѣ вѣнскій посолъ унаслѣдовалъ отъ отца и дяди Алексѣя. Онъ самъ былъ превосходнымъ исполнителемъ; связанный дружбой съ Гайдномъ и Бетховеномъ, онъ обратилъ вниманіе послѣдняго на красоту народныхъ мелодій страны, которая была колыбелью его рода. Три квартета Бетховена (Op. 59. Streichquartete), посвященные

Андрею Разумовскому, написаны на темы сообщенныхъ Бетховену Разумовскимъ малороссійскихъ пѣсень. Въ его жизни это, кажется, единственная черта прямой связи съ родиной его предковъ, если не считать, конечно, той связи, которая обусловливалась пользованіемъ злачными малороссійскими мѣстами, какъ Батуринъ и Ропскъ, прожитыми и проданными къ концу его жизни.

W.

Извѣстія и замѣтки

(ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ, ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ И ИСТОРИЧЕСКІЯ)

Опытъ истолкованія обычая „понедилкуванья“.

Жизнь народная хранитъ въ своихъ нѣдрахъ не мало остатковъ глубочайшей старины, то въ видѣ обрядовъ съ ясной древнѣйшей основой, то въ видѣ обычаевъ, по видимому не столь древнихъ, но въ дѣйствительности тоже принадлежащихъ отдаленнѣйшей эпохѣ. Можно намѣтить двоякій генезисъ этихъ остатковъ старины. Прадавніе обычаи, нѣкогда имѣвшіе реальное жизненное значеніе, могутъ утерять его съ теченіемъ времени, превратиться въ простой символъ, въ дѣйствіе, смыслъ котораго или затѐривается народной памятью, или-же выростаетъ на почвѣ недавнихъ, ближайшихъ къ намъ по времени жизненныхъ отношеній. Такъ слагается *обрядовая* сторона народной жизни.

Но существуетъ и другой генезисъ стародавнихъ обычаевъ. Народная жизнь подъ вліяніемъ различныхъ мотивовъ можетъ сохранить извѣстный обычай съ давнихъ временъ, преслѣдуя помощію его иныя цѣли, чѣмъ тѣ, кои имѣлись въ виду при первоначальномъ его установленіи. Тогда обычай, хотя и теряетъ нѣсколько первоначальный характеръ сообразно съ измѣнившимися цѣлями, однако не превращается въ простой символъ, а продолжаетъ сохранять жизненное реальное значеніе.

Если принадлежность глубокой старинѣ обычаевъ, превратившихся въ символы, представляется за-частую очевидною, благо-

даря архаичности, которая, такъ сказать, вѣетъ отъ этихъ символовъ, то не всегда тоже самое можно сказать относительно обычаевъ, имѣющихъ генезисъ втораго рода. Здѣсь принадлежность даннаго обычая прадавней старинѣ не такъ ясна и именно не ясна потому, что обычай удержалъ свое жизненное значеніе, лишь принаровившись къ *новымъ* цѣлямъ, которыя и представляются на первый взглядъ первоначальными мотивами его возникновенія. Однако и въ этомъ случаѣ, при болѣе внимательномъ ознакомленіи съ обычаемъ, мы можемъ возстановить его въ первоначальной формѣ, различить первоначальныя причины его возникновенія и такимъ образомъ отнести его къ памятникамъ давнопрошедшей жизни даннаго народа.

Къ числу такихъ обычаевъ на нашъ взглядъ относится и замѣчательный обычай «понедилкуванья», о которомъ было сообщено г. Василенкомъ въ январьской книжкѣ «Кіевской Старины» за текущій годъ. Ничто въ этомъ обычаѣ по видимому не позволяетъ отыскивать корни его въ отдаленнѣйшей эпохѣ существованія малорусскаго народа. А между тѣмъ въ немъ есть три важныя черты, заставляющія глубоко задуматься надъ прошлымъ обычая. Эти три черты съ полною основательностью отмѣчены и г. Василенкомъ, а именно: 1) что «понедилкуванье» не пріурочивается, подобно чествованію пятницъ и четверговъ, къ какимъ-либо праздникамъ или постамъ, а совершается самостоятельно и притомъ безъ очереди, т. е. каждый понедѣльникъ, 2) что оно практикуется только сроди женщинъ и притомъ исключительно замужнихъ и, наконецъ, 3) что особенно достойно замѣчанія, право «понедилкувать» входитъ особою статьею въ предбрачный договоръ.

На основаніи этихъ трехъ характерныхъ чертъ разсматриваемаго обычая мы считаемъ возможнымъ отнести возникновеніе его къ отдаленнѣйшей эпохѣ первоначальнаго устроенія опредѣленныхъ брачныхъ отношеній моногамическаго типа.

Трудами Баховена, Моргана, Лёббока, а въ новѣйшее время Поста и Жиро-Телона съ достаточной твердостью установленъ фактъ существованія въ первобытныя эпохи жизни человѣчества брачнаго состоянія, при которомъ всѣ женщины даннаго племени считались состоящими въ бракѣ со всѣми мужчинами того-же племени, при которомъ человѣчество не выработало еще понятія о

кровосмѣшеніи и не проявляло еще стремленія къ индивидуализаціи брачныхъ отношеній. Нѣкоторые изслѣдоваттли даютъ этому состоянію наименованіе «общиннаго (Лёббокъ) или «коммунистическаго» (Ж. Телонъ) брака. Не имѣя въ виду касаться исторіи брака вообще, мы ограничимся лишь упоминаніемъ того, что эпоха перехода отъ очерченнаго состоянія брачныхъ отношеній къ брачнымъ отношеніямъ моногамическаго типа, т. е. отмѣченныхъ индивидуальностью и большей опредѣленностью, даетъ начало цѣлому ряду крайне оригинальныхъ обычаевъ, изъ которыхъ въ данномъ случаѣ мы обратимъ вниманіе лишь на обычаи, основанные на идеѣ такъ наз. «искупленія за бракъ» (expiation du mariage).

«Хотя наше возмущенное чувство, говоритъ Ж. Телонъ, съ величайшимъ трудомъ понимаетъ логику варварскаго міра, однако многочисленные факты никоимъ образомъ не позволяютъ сомнѣваться въ томъ, что люди первобытныхъ эпохъ выводили право супруги на цѣломудріе изъ предшествовавшаго ему примѣненія женщины къ ея естественной функціи[1]). Это была въ нѣкоторомъ родѣ плата и гарантія строгости будущей семейной жизни, которая допускалась лишь подъ условіемъ уголовнаго взысканія: въ сущности же, это была дань, уплачиваемая общинѣ, права которой нарушались. Разъ уплативши эту дань, женщины получали право сохранять полнѣйшее воздержаніе»[2])... Къ этому, такъ сказать, правовому мотиву присоединялся мотивъ религіозный: бракъ съ индивидуальнымъ характеромъ почитался нарушеніемъ религіозной заповѣди и требовалъ искупленія передъ божествомъ, коего законъ онъ попиралъ своею исключительностью. Въ глазахъ древняго человѣка «природа надѣлила женщину всѣми прелестями вовсе не для того, чтобы она завяла въ объятіяхъ одного лица: законъ матеріи отвергаетъ всѣ ограниченія, ненавидитъ какія-бы то ни было оковы, и на каждую исключительность смотритъ какъ на прегрѣшеніе передъ божествомъ»[3]). Затѣмъ древнее установленіе, какимъ является

---

[1]) Каковой почиталось брачное общеніе женщины со *всѣми* мущинами племени.—*Прим. авт.*

[2]) A. Giraud. Teulon. Les origines du mariage et de la famille. Genéve. 1884, pp. 29 и 30.

[3]) Bachofen. Das Mutterrecht. Stuth. 1861, s. XIX.

гетеристическій бракъ, какъ завѣтъ предковъ, получило религіозное освященіе въ глазахъ потомковъ (Вилькенъ), и изъ всѣхъ этихъ элементовъ создалась идея искупленія за бракъ, давшая начало всѣмъ тѣмъ обычаямъ, въ которыхъ строгое цѣломудріе замужней женщины сочетается съ отсутствіемъ всякаго цѣломудрія и полной свободой половыхъ отношеній дѣвушки, а равно въ которыхъ самый бракъ является связаннымъ съ гетерическими элементами. Къ числу послѣдняго рода обычаевъ, кромѣ такъ называемаго (впрочемъ едва-ли удачно) права первой ночи, мѣны женъ и т. п., относится и замѣчательный обычай, остроумно названный Лёббокомъ «бракомъ на три четверти» [1]). Этотъ обычай особенно ярко выступаетъ въ жизни гассанидскихъ арабовъ, племени, живущаго на Бѣломъ Нилѣ. «Арабы Ассанайеха, по словамъ Петерика, заключаютъ свои браки на столько-то дней въ недѣлю, обыкновенно на четыре; но при этомъ, во время предварительныхъ переговоровъ, мать невѣсты протестуетъ заранѣе противъ «принужденія ея дочери къ строгому соблюденію той вѣрности, которой требуютъ брачныя узы, болѣе чѣмъ въ продолженіи двухъ дней въ недѣлю»; сообразно съ такими обычаями, со стороны мужчинъ явилось должное приспособленіе въ чувствахъ: такой мужъ не только дозволяетъ своей женѣ, въ теченіи выговоренныхъ дней, пренебрегать всѣми супружескими обязанностями, но даже смотритъ на связи ея съ другими мужчинами, какъ на комплиментъ своему собственному вкусу» [2]). Дни недѣли, въ которые жена обязана сохранять цѣломудріе, опредѣляются количествомъ головъ скота, уплачиваемыхъ женихомъ, и составляютъ статью брачнаго договора. Остальными-же днями жена имѣетъ право распоряжаться по своему усмотрѣнію [3]).

Такимъ-же бракомъ «на три четверти», т. е. заключеннымъ всего лишь на извѣстные дни недѣли, мы считаемъ и первообразъ «понедилкуванья», тотъ первоначальный обычай, изъ котораго путемъ долгаго процесса выработался современный обычай празднованія понедѣльника сначала въ его бориспольской формѣ, а затѣмъ

---

[1]) Лёббокъ. Начало цивилизаціи, С.-п.б., 1876 г., стр. 58.

[2]) Г. Спенсеръ. Основанія соціологіи, Спб., 1877 г., стр. 672.

[3]) G. Teulon. op. cit. p. 46 и 47.

и въ формѣ распространеннаго повсюду въ Малороссіи обычнаго «понедилкуванья».

То, что извѣстно намъ о древнѣйшемъ состояніи славянскаго брака, не только не препятствуетъ принятію такой гипотезы, но дѣлаетъ ее весьма правдоподобной.

Что въ жизни славянскаго племени была эпоха, въ которую брачныя отношенія носили характеръ очерченнаго выше общиннаго брака, можно было предполагать уже изъ преданій, занесенныхъ въ хроники; такимъ является напр. преданіе чешскаго народа, записанное Козьмой Пражскимъ. И дѣйствительно, ближайшее изученіе славянской старины подтвердило такое предположеніе. Г. Ковалевскій въ вышедшемъ въ минувшемъ 1886 году сочиненіи по первобытному праву, сдѣлавъ систематическій обзоръ относящихся сюда фактовъ архаической старины славянъ и въ частности малороссіянъ, находитъ «возможнымъ считать стадообразное состояніе съ полнымъ общеніемъ женъ низшей ступенью ихъ общественнаго развитія» [1]). Собранные г. Ковалевскимъ факты не относятся только непосредственно къ эпохѣ коммунизма женъ у славянъ, въ числѣ ихъ имѣются и факты, подтверждающіе, такъ сказать, косвенно существованіе такой эпохи и принадлежащіе указанному выше періоду перехода отъ коммунизма въ брачныхъ отношеніяхъ къ индивидуализаціи ихъ. Къ числу такихъ слѣдовъ первоначальнаго коммунизма г. Ковалевскій, вслѣдъ за Сумцовымъ [2]), относитъ украинскія вечерницы и великорусскія посидѣлки, а равнымъ образомъ причисляетъ къ нимъ и нѣкоторые свадебные обряды [3]). Съ своей стороны мы можемъ указать, наприм., на извѣстіе арабскаго географа Аль-Бекри XI в., свидѣтельствующее, что у славянъ, подобно многимъ народамъ стараго и новаго свѣта, строгое цѣломудріе замужнихъ женщинъ сочеталось нѣкогда съ свободой половыхъ отношеній дѣвушки, явленіе столь характерное для той

---

[1]) М. Ковалевскій. Первобытное право. М. 1886 г., вып. II, стр. 2.

[2]) Кстати, пользуясь случаемъ, исправляемъ ошибку въ ссылкѣ г. Ковалевскаго. Статья о вечерницахъ г. Сумцова была помѣщена не въ „Историческомъ Вѣстникѣ", а въ „Кіевской Старинѣ" за мартъ 1886 г., подъ названіемъ „Досвѣтки и посидѣлки".—*Примѣч. авт.*

[3]) М. Ковалевскій. Op. cit., стр. 6.

эпохи живого господства идеи искупленія за бракъ, какой представляется эпоха перехода отъ брачныхъ отгошеній коммунистическаго типа къ таковымъ-же отношеніямъ типа моногамическаго [1]).

Такимъ образомъ имѣя несомнѣнные факты, указывающіе на существованіе въ жизни славянъ переходной эпохи, мы едва-ли сдѣлаемъ особенно смѣлое предположеніе, отыскивая въ этой эпохѣ и первообразъ разсматриваемаго нами обычая «понедилкуванья»; а между тѣмъ принятіе такой гипотезы дѣлаетъ для насъ совершенно понятными три указанныя выше характерныя черты этого обычая, т. е. празднованіе понедѣльника *безъ очереди*, участіе въ этомъ праздновавіи лишь *замужнихъ* женщинъ и, наконецъ, выговариваніе права на «понедилкуванье» въ *брачномъ договорѣ*.

Но если первообразъ «понедилкуванья» есть своего рода бракъ «на три четверти» и получилъ начало въ эпоху устроенія брачныхъ отношеній по типу моногамическому, то каковъ былъ тотъ вѣроятный путь, которымъ первоначальный обычай перешелъ въ свою современную форму? Нѣтъ сомнѣнія, что послѣ того, какъ брачныя отношенія *окончательно* сложились по типу моногамическому, требовавшему со стороны женщины полнаго супружескаго цѣломудрія, обычай, который мы считаемъ первоначальной формой «понедилкуванья», т. е. бракъ «на три четверти», могъ удержаться лишь при условіи совершеннаго изчезновенія изъ него эротиче-

[1]) Вотъ это извѣстіе Аль-Бекри: „женщины ихъ (*славянъ*), когда выйдутъ замужъ, не прелюбодѣйствуютъ. А когда дѣвица кого полюбитъ, то она къ нему отправляется и у него удовлетворяетъ свою страсть. А когда мужчина женится и найдетъ свою жену дѣвственною, онъ ей говоритъ: если-бы было у тебя что-нибудь хорошее, то мужчины полюбили-бы тебя и ты избрала-бы себѣ кого-нибудь, который-бы тебя лишилъ невинности—и прогоняетъ ее и отрекается отъ нея“.—А. Куникъ и бар. В. Розенъ. Извѣстія Аль-Бекри и другихъ авторовъ о Руси и славянахъ. СПБ. 1878, стр. 56.—Чтобы судить о томъ, насколько можно довѣрять этому извѣстію Аль-Бекри, считаемъ нелишнимъ привести слѣдующее, помѣщенное у Спенсера, свидѣтельство о чипчасахъ древней Центральной Америки: „они не только были равнодушны къ дѣвственности своихъ невѣстъ, но даже, когда невѣста оказывалась дѣвственницей, „считали ее несчастливицей, не имѣвшей въ жизни удачи и не умѣвшей ни разу внушить любви мужчинѣ; а потому они не любили такой жены и смотрѣли на нее, какъ на ничего не стоющую дрянь“.—Спенсеръ. Op. cit., стр. 672.

скаго элемента, или-же видоизмѣненія этого элемента въ простой обрядъ, не оскорбляющій чувства супруга, какъ видоизмѣнился, напримѣръ, упоминаемый Діодоромъ Сицилійскимъ[1]) балеарскій обычай принадлежности дѣвства невѣсты друзьямъ жениха въ свадебный обрядъ, предоставляющій брату жениха (французская свадьба) или поѣзжанамъ (лауенбургская свадьба) право на первый поцѣлуй невѣсты, или дружку право на первый съ невѣстою танецъ (швабская свадьба).

Повидимому развитіе разсматриваемаго нами обычая пошло по первому пути, т. е. по пути совершеннаго исчезновенія эротическаго элемента (по крайней мѣрѣ въ современномъ «понедилкуваньи» нельзя открыть и малѣйшихъ слѣдовъ этого элемента), и если-бы первоначальный обычай содержалъ въ себѣ *только* эротическій элементъ, то съ исчезновеніемъ этого послѣдняго онъ и самъ долженъ былъ-бы исчезнуть изъ жизни. Но въ немъ помимо элемента эротическаго былъ и другой, тѣсно связанный съ нимъ элементъ, благодаря которому и самъ обычай могъ удержаться до настоящаго времени. Этотъ элементъ—*трудовой*.

Какъ извѣстно, у народовъ, стоящихъ на низкихъ ступеняхъ развитія, мужчина, пріобрѣтая себѣ жену, пріобрѣталъ въ ней не только предметъ для удовлетворенія своей страсти, но и извѣстную рабочую силу, плоды труда которой принадлежали ему, господину и владыкѣ. Но понятно, что въ тѣ дни, въ которые женщина по предбрачному договору освобождалась отъ своихъ супружескихъ обязанностей, она освобождалась вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ своихъ обязанностей, какъ рабочаго. Выговоренными въ брачномъ договорѣ днями жена распоряжалась по своему усмотрѣнію (Ж. Телонъ). Эта сторона «брака на три четверти» на нашъ взглядъ является чрезвычайно важной стороной его и благодаря-то именно ей самый обычай, совершенно утерявъ эротичесвій элементъ, могъ тѣмъ не менѣе удержаться въ жизни до настоящаго времени. У дикихъ народовъ жена обыкновенно становится трудовымъ воломъ, на котораго возлагаются ея господиномъ самыя тяжелыя работы не только по домашнему хозяйству, но и внѣ домашней сферы.

---

[1]) Diodor. 5, 18. cit. у Bachofen'a, op. cit, p. 12.

Такимъ-же воломъ, правда, быть можетъ въ нѣсколько меньшей степени, женщина продолжала, да, пожалуй, и продолжаетъ быть и до сего времени. Естественно поэтому, что право жены на свободу отъ труда въ теченіи извѣстныхъ дней въ недѣлѣ было въ глазахъ женщинъ чрезвычайно важнымъ правомъ, которое желательно было сохранить во чтобы то ни стало. Древній обычай брака «на три четверти» представлялъ для этого удобное средство по способности своей принаровиться къ интерессамъ подавленной трудомъ жены, и жизнь его удержала. Право на свободу отъ брачныхъ обязанностей, составлявшее существенную черту прежняго обычая, какъ несовмѣстимое уже съ понятіемъ о строгомъ супружескомъ цѣломудріи, вытѣсняется усиленнымъ развитіемъ другой стороны того-же обычая, трудовой, пока наконецъ не исчезаетъ совершенно, замѣнившись правомъ на свободу отъ труда. Древній обычай удержалъ свое жизненное реальное значеніе, принаровившись къ новымъ цѣлямъ и сообразно съ ними измѣнивши свой первоначальный характеръ: эротическій элементъ опталъ, а въ замѣнъ его выдвинулся элементъ экономическій. Такова бориспольская форма «понедилкуванья».

Однако съ теченіемъ времени и эта форма неминуемо должна была потерпѣть измѣненія. Право на свободу отъ труда, столь полезное для интересовъ женщинъ, наносило несомнѣнный ущербъ семейному хозяйству, почему подъ давленіемъ экономической необходимости и по мѣрѣ того, какъ семья получала характеръ равноправнаго союза мужа и жены, одинаково заинтересованныхъ въ преуспѣяніи семейнаго хозяйства, упомянутое право должно было потерпѣть ограниченіе какъ во времени. такъ и въ объемѣ: [1]) количество дней, въ которые жена освобождаясь отъ труда, уменьшаясь, дошло до одного въ недѣлю, а право на свободу отъ труда вообще, столь полное еще въ бориспольскомъ обычаѣ, постепенно съужалось, пока не превратилось наконецъ въ обыкновеніе воз-

---

[1]) Уже и въ Борисполѣ, по словамъ г. Василенка, въ послѣдніе десять лѣтъ нѣкоторыя рачительныя хозяйки сами добровольно работаютъ по понедѣльникамъ.

держиваться въ понедѣльникъ лишь отъ извѣстнаго вида труда. Такой именно характеръ и имѣетъ въ настоящее время «понедилкуванье» въ остальной Малороссіи.

Н. Чернышевъ.

Русскіе диссиденты въ Новороссіи.

Въ давно минувшіе сороковые годы приходилось мнѣ много странствовать по новороссійскому краю и исколесить его въ разныхъ направленіяхъ, исполняя разныя служебныя порученія. Отъ того времени остались у меня разные наброски и замѣтки, между прочимъ и о нашихъ диссидентахъ или раскольникахъ въ Новороссіи. Пересмотрѣвъ снова и кое въ чемъ исправивъ и дополнивъ эти мимолетные наброски далекой молодости, на склонѣ лѣтъ моихъ дѣлюсь ими съ читающею публикою и если она найдетъ въ нихъ нѣчто неизвѣстное, буду радъ, что и это немногое не канетъ въ бездну забвенія.

Усталой старческой памяти не воскресить уже живыхъ впечатлѣній молодости, а дрожащее перо безсильно передать и то, что сохранилось еще въ ней и могло бы оживить мою рѣчь. Пріими, великодушный читатель, эти немногія строки, которыя сохранила для твоего любопытства любознательная нѣкогда молодость.

Новороссійскія степи, въ теченіи XVIII и 1-й трети IX столѣтій, представляли зрѣлище весьма сходное съ положеніемъ Сѣверо-американскихъ штатовъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Именно, онѣ были убѣжищемъ, вольнымъ или невольнымъ, для многихъ эмигрантовъ, искавшихъ почти также, какъ и пуритане въ Америкѣ, спокойнаго исповѣданія своей вѣры и клочка земли для своего прочнаго благоустройства. Въ особенности это относится къ нашимъ русскимъ «диссидентамъ», раскольникамъ разныхъ толковъ, которыхъ въ теченіи полутора столѣтія поселены или поселились въ нашемъ краѣ цѣлыя тысячи.

Въ періодъ 1731—1756 годовъ, т. е. начала прочнаго занятія сѣверныхъ частей Новороссіи, мы находимъ уже тамъ слободы русскихъ старообрядцевъ, въ небольшихъ усадьбахъ, раскинутыхъ на весьма большомъ пространствѣ, преимущественно по берегамъ Днѣпра. Въ это время русское правительство нашло на

окраинахъ Новороссіи двѣ общины старообрядцевъ. Одна изъ нихъ поселилась на берегу таманскаго залива, близъ Керчи, а частію даже на Крымскомъ полуостровѣ; это были донскіе козаки, бѣжавшіе съ Дону во время Булавинскаго мятежа и предавшіеся «подъ руку Турціи», точнѣе крымскихъ хановъ и были также извѣстны подъ именемъ «Игнатъ козаковъ», или Некрасовцевъ, которые въ послѣдствіи, при занятіи русскими войсками крымскаго ханства, перешли въ Болгарію и поселились близъ Баба-даги [1]). Другая община старообрядцевъ поселилась на берегахъ Днѣпра, выше пороговъ, гдѣ они основали Крюковъ, Крыловъ, Цыбулевъ, а послѣ Бешку (нынѣшнюю Александрію хер. губ.).

Но съ 1750-хъ годовъ началось уже правильное переселеніе старовѣровъ въ Новороссійскія степи, не только съ соизволенія, но и по формальному вызову самаго правительства. Манифестами 16 марта 1734 года и 4 сентября 1755 года старообрядцы, бѣжавшіе при Петрѣ В. и Аннѣ Іоановнѣ въ Молдавію и Польшу, прощены и приглашены на поселеніе и службу въ Новороссію. Откликаясь на такой призывъ, они явились въ значительномъ числѣ и поселились между 1750 и 1760 годами сперва въ форштатѣ крѣпости св. Елисаветы, а послѣ въ разныхъ мѣстахъ нынѣшняго елисаветградскаго уѣзда, по границѣ Запорожья, гдѣ основали многолюдныя и богатыя селенія: *Злынку*, *Лысую-Гору*, *Песчаный бродъ*, *Клинцы*. Къ нимъ присоединились впослѣдствіи другіе раскольники, вышедшіе изъ черниговскихъ (стародубскихъ) слободъ, а также вызванные изъ Молдавіи и Бессарабіи графомъ Румянцевымъ, во время войны 1769—1776 г.г., и основали въ разныхъ мѣстахъ нынѣшней херсонской губерніи свои селенія: *Плоское*, *Ананьевъ* (нынѣ уѣздный городъ херсонской губерніи), *Калиновку*, *Золотаревку* и другія. Эти раскольничьи общины были весьма замѣчательны по своему скорому развитію и отличались не только хорошимъ сельскимъ хозяйствомъ, но и торговою дѣятельностію. Раскольники первые вели въ это время пограничную торговлю съ Молдавіею и татарскими аулами, и на свою ярмарку въ крѣпости св. Елисаветы (Елисаветградъ) привлекали своихъ сосѣдей и противниковъ: запорожцевъ, турокъ и поляковъ. Они построили прекрасныя церкви, небольшія

[1]) Объ этихъ „Некрасовцахъ" помѣстили мы небольшую монографію въ журналѣ Министерства Вн. Дѣлъ 1844 года... VIII, стр. 61—82.

училища и даже завели типографію въ Клинцахъ для печатанія церковныхъ книгъ.

По вѣдомости, составленной въ новороссійской губернской канцеляріи въ 1773 г., раскольниковъ въ Кременчугѣ и въ елисаветградской провинціи показано 12,650 душъ об. п., а въ 1774 г., если вѣрить Гильденштедту, они составляли большую часть жителей Елисаветграда [1]). Елисаветградское духовное правленіе въ 1777 г. доносило епархіальному архіерею Евгенію, что раскольники выстроили здѣсь «огромную часовню, превышающую благолѣпнымъ строеніемъ всѣ здѣшнія городскія церкви, со взнесеніемъ на оную крестовъ, на позорище всему городу, съ немалымъ при томъ числомъ колоколовъ...,» что «при оной своей часовнѣ сокрываютъ бѣглецовъ поповъ и монаховъ, кои попы, какъ сами собою, такъ и чрезъ своихъ единомышленниковъ, кредитомъ денегъ и другими довѣренностями и ухищреніями прельщаютъ простой народъ и отъ церкви Божіей принимаютъ къ часовнѣ» [2])....
Такимъ образомъ, ново-поселенные раскольники нашли себѣ сильныхъ противниковъ въ представителяхъ мѣстнаго духовенства. Но, по новости дѣла, правительство терпѣло раскольниковъ и не принимало мѣръ стѣсненія; все ограничивалось мѣрами духовными. Такъ, первый херсонскій архіерей Евгеній Булгарисъ поручилъ увѣщевать раскольниковъ и склонять ихъ къ возсоединенію съ православной церковью елисаветградскому священнику Димитрію Смолодовичу, который и обратилъ въ православіе до ста душъ въ теченіи 1777—1779 г. [3]) Преемникъ преосвященнаго Евгенія, архіепископъ Никифоръ Ѳеотоки продолжалъ начатое дѣло. Ему принадлежитъ краснорѣчивое «посланіе» къ старообрядцамъ (1780 г.); сверхъ того, архипастырь и лично посѣщалъ мѣста, населенныя раскольниками и, съ содѣйствіемъ упомянутаго священника Димитрія, увѣщевалъ елисаветградскихъ старообрядцевъ прійти подъ его благословеніе, обнадеживая ихъ, что «онъ дозволитъ изъ той часовни церковь освятить и, кого пожелаютъ, изъ своихъ поставить имъ священника, по старопечатнымъ книгамъ служить дозволитъ и всякія христіанскія потребы отправлять тому священнику по старо-

---

[1]) Reisen d. Rusland, т. II, стр. 176.

[2]) Свящ. Н. Неводчиковъ, Евгеній Булгарисъ. Одесса, 1875 г., стр. 42—43,

[3]) Тамъ же, стр. 46—47.

обрядчеству.» Старообрядецъ-авторъ частнаго письма, изъ котораго почерпаемъ эти свѣдѣнія, передаетъ и о результатѣ этого увѣщанія: «И такія рѣчи отъ имени его преосвященства говорилъ елисаветскій священникъ Дмитрій троекратно, точію всѣ молчали, а на третьемъ возглашеніи изъ среди подали голосъ, что они не желаютъ». «И сего жъ іюля мѣсяца (1780), продолжаетъ авторъ письма, оной архіепископъ Никифоръ пріѣхавъ въ слободу Знаменку и похитилъ тамошнихъ многихъ жителей, ибо они отъ него приняли священника, и освятилъ имъ церковь» [1]).

При водвореніи на сѣверной окраинѣ степей сербовъ, раскольники, прежде поселившіеся на тѣхъ мѣстахъ, вошли въ составъ ново-казачьяго слободскаго полка и поселены отъ Синюхи до Днѣпра, за чертой, первоначально назначенной для поселенія, на самомъ рубежѣ Запорожья. Для нихъ опредѣленъ особымъ начальникомъ ротмистръ Поповъ, которому приказано было надѣлять ихъ дачами, селить и записывать въ земледѣльцы или мѣщане. Они получили хорошія земли, пособія деньгами и лѣсомъ и пользовались свободой по части ношенія бородъ и свойственнаго имъ костюма. Петербургскій академикъ Гильденштедтъ писалъ о нихъ: «они вполнѣ сохранили господствующіе въ Великороссіи обычаи въ одеждѣ и въ постройкахъ, равно и языкъ; впрочемъ, многіи вывели дымовыя трубы въ горницахъ по малороссійски». Въ хозяйствѣ они также слѣдовали дѣдовскимъ обычаямъ и пахали земли сохами, что однако же оказалось неудобнымъ, ибо соха легко ломалась въ твердой мѣстной почвѣ. Ученый путешественникъ даетъ оченъ лестный отзывъ о раскольникахъ:» трудолюбіемъ, умѣренностію и наклонностію къ порядку они рѣзко отличаются отъ всѣхъ остальныхъ обитателей этой провинціи»—говоритъ онъ [2]).

Вообще, въ глазахъ какъ начальства края, такъ и правительства, раскольники должны были представлять самый надежный матеріалъ для колонизаціи новороссійскаго края. Отраженіемъ такого взгляда на нихъ можетъ служить благопріятный отзывъ посланнаго изъ Петербурга академика Гильденштедта. Много разъ

---

[1]) Посланіе архіеп. Никифора и выдержка изъ приведеннаго частнаго письма напечатаны въ Хронол. обозрѣніи новор. кр., т. I, прилож. № 6.

[2]) Reisen d. Russland, т. II, стр. 142 и 171.

упоминая о нападеніяхъ запорожцевъ на поселенія пикинернаго (бывшаго ново-казачьяго) полка, объ уводѣ людей для заселенія слободъ, ими самими основываемыхъ по границѣ елисаветградской провинціи, отзываясь вообще о запорожцахъ, какъ о разбойникахъ, о жителяхъ великорусской слободы (единственной—не раскольничьей) Покровской (правовѣрной) говоритъ онъ слѣдующее: «отъ запорожцевъ здѣшніе жители не знаютъ безпокойства, хотя живутъ совсѣмъ на границѣ,—доказательство, что запорожцы не охотно вступаютъ въ какія либо сношенія съ москалями, какъ называютъ они великороссовъ, и что волохи и малороссы переходятъ къ запорожцамъ больше по склонности, чѣмъ по принужденію» [1]). Общій смыслъ этихъ словъ позволяетъ отнести этотъ отзывъ ко всѣмъ вообще великороссамъ колонистамъ, а большинство изъ нихъ здѣсь были раскольники.

Поселенные на границѣ съ Запорожьемъ и не вдалекѣ отъ владѣній ногайскихъ татаръ, они должны были постоянно быть на сторожѣ отъ тѣхъ и отъ другихъ и служили надежнымъ аванпостомъ для тѣхъ самыхъ сербовъ, на которыхъ возлагалось столько напрасныхъ и дорого стоившихъ правительству надеждъ.

Но благосклонное отношеніе къ елисаветградскимъ раскольникамъ продолжалось до уничтоженія самостоятельности Запорожья и до присоединенія Крыма. Эти два событія послужили поворотнымъ пунктомъ въ отношеніи къ новороссійскимъ раскольникамъ и въ дальнѣйшей судьбѣ ихъ, какъ колонистовъ.

Въ іюлѣ 1783 г, московскіе стародубовскіе старообрядцы прислали къ Потемкину, какъ генералъ губернатору здѣшняго края, и въ сенатъ просьбу о «дозволеніи имъ выселиться цѣлыми обществами, построить церкви для служенія въ нихъ по старопечатнымъ книгамъ и даже имѣть своего собственнаго епископа». Потемкинъ, отказывая въ послѣднемъ желаніи, испросилъ Высочайшее дозволеніе на водвореніе ихъ на свободныхъ казенныхъ земляхъ «въ отдаленныхъ мѣстахъ имперіи», то есть въ Крыму, заселеніе коего теперь выдвинулось на первый планъ; по этому случаю, отъ имени государыни и своего, онъ писалъ весьма любопытныя грамоты на имя «выборнаго отъ знаменскихъ старообрядцевъ Мартьяна, въ ко-

---

[1]) Указ. сочин., стр. 182.

торыхъ говорится, что имъ «дается земли довольное число, такъ чтобы оной было достаточно не только для нихъ, но и для поповъ приходящихъ; воздвигнутся имъ церкви или монастырь казеннымъ иждивеніемъ; дома также будутъ имъ построены отъ казны и дастся льгота отъ податей на нѣсколько лѣтъ»[1]). Этими льготами Потемкинъ имѣлъ въ виду привлечь во вновь завоеванную Тавриду всѣхъ раскольниковъ имперіи. Но блестящія ожиданія оправдались плохо: изъ черниговской губерніи выселилось лишь до 60 семей; знаменскіе раскольники вовсе не хотѣли переселяться, не внемля никакимъ посуламъ. «Князю угодно было назначить имъ къ поселенію мѣсто противъ Никополя, гдѣ теперь стоитъ Малая Знаменка, съ такимъ намѣреніемъ, чтобы въ путешествіи государинѣ изъ никопольскаго дворца показать селеніе въ мѣстахъ, дотолѣ необитаемыхъ; но знаменскіе не хотѣли тамъ селиться[2]).

На таврическомъ полуостровѣ старообрядцы заселили села: *Большую и Малую Знаменку*, *Бѣлозерку* и другія.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, именно съ 1802 г. началось переселеніе новыхъ «диссидентовъ», а именно духоборцевъ, о которыхъ будемъ говорить ниже съ нѣкоторою подробностію. Въ 1811—12 г. послѣдовало водвореніе въ измаильскомъ округѣ Бессарабіи упомянутыхъ выше Некрасовцевъ, продолжавшееся до 1830 года; они устроились въ предмѣстьи крѣпости Измаила Тучковѣ и въ четырехъ усадьбахъ, въ которыхъ въ 50-хъ годахъ считалось уже ихъ до 2,000 душъ обоего пола.

Послѣдній выходъ въ новороссійскія степи русскихъ диссидентовъ произошелъ уже въ 1820-хъ годахъ. Это были *молокане*, называющіе себя, какъ и духоборцы, «духовными христіанами». Правительство выселило ихъ изъ разныхъ мѣстъ имперіи, преимущественно изъ тамбовской и астраханской губерній. Распоряженіе о водвореніи ихъ въ здѣшнемъ краѣ по Высочайшей волѣ послѣдовало въ маѣ 1820 и въ апрѣлѣ 1821 года. Они поселены

---

[1]) Изъ грамоты Потемкина отъ 3 апрѣля и 27 августа 1785 г.—См. наше Хронологическое обозрѣніе Исторіи Новороссійскаго края, т. I, стр. 171, 280—281.

[2]) Изъ современнаго письма священника с. Знаменки херсонск. губ. Карпа Маркіанова; оно опубликовано мною въ XI т. „Кіевской Старины", стр. 531—538.

на земляхъ отведенныхъ для ногайскихъ татаръ, выведенныхъ изъ Бессарабіи, но ими не вполнѣ занятыхъ. Съ 1822 по 1825 г. они основали на лѣвомъ берегу р. Молочной селенія Васильевку, Новоспасское и Астраханку, названную въ память губерніи, откуда молокане были выведены. Къ нимъ присоединились и тѣ молокане, которые было водворились сами въ томъ же уѣздѣ, при татарскихъ урочищахъ: Юзъ-Кай и Сары-гезъ. Въ 1830 годахъ ихъ было уже болѣе 1,500 душъ обоего пола, а въ концѣ 1860-хъ считалось по офиціальнымъ спискамъ до 4,540 душъ об. п.[1]). По показанію мѣстнаго начальства, они отличались «прекрасною нравственностію, трудолюбіемъ и замѣчательнымъ единодушіемъ, что составляетъ главную причину успѣха ихъ въ хозайственномъ быту. Овцеводство особенно доведено было у нихъ до совершенства». Но правительство, опасаясь ихъ пропаганды, ограничило ихъ пребываніе въ краѣ двумя условіями: 1) воспрещеніемъ называть свои усадьбы именами святыхъ, а также именами учителей, чтимыхъ этими сектантами и 2) не удаляться за черту земель, имъ отведенныхъ, болѣе 30 верстъ. Впрочемъ къ молоканамъ правительство относилось довольно снисходительно, особенно послѣ посѣщенія ихъ усадьбъ ученымъ ревизоромъ Кеппеномъ въ 1838 г.[2]).

Теперь обратимся къ духоборцамъ. Въ наши степи духоборцы перешли на жительство на основаніи слѣдующаго соизволенія юнаго императора Александра I. «Внявъ прошенію отъ духоборцевъ, въ слободской украинской губерніи обитающихъ, и получивъ таковое же отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ новороссійской губерніи[3]) живущихъ, о соединеніи ихъ въ одно мѣсто и водвореніи сколько можно отдаленно отъ прочихъ, я призналъ за благо, сколько по уваженію претерпѣннаго сими людьми разоренія, сколько и по тому предположенію, что таковое отдѣленіе считаю я надежнѣйшимъ средствомъ къ погашенію ихъ ереси и къ пресѣченію вліянія ея на другихъ, переселить ихъ въ новороссійскую губернію, въ маріупольскій уѣздъ (нынѣ мели-

---

[1]) Списокъ населенныхъ мѣстъ таврической губерніи. Спб. 1865 г., стр. XXXIX.

[2]) Въ 1879 г. молоканъ въ таврич. губ. считалось 3,864 д. обоего пола.

[3]) По волѣ имп. Павла 3 губерніи: херсонская, екатеринославская и таврическая названы были въ 1796 году „Новороссійскія губерніи“.

топольскій и бердянскій), на обильныхъ поляхъ, лежащихъ по теченію рѣчки Молочной»[1]).

Сперва явились изъ екатеринославской губерніи 30 семействъ духоборцевъ и устроили свои поселки на правой сторонѣ рѣки Молочной; это было началомъ селенія «Терпѣніе», впослѣдствіи главной усадьбы ихъ общества. При постоянномъ наплывѣ послѣдователей этой секты основались 4 другія селенія по теченію той же рѣки. При переходѣ ихъ въ таврическія степи считалось ихъ не болѣе 700 душъ об. пола, а въ 1830 году уже офиціально показывались болѣе 1,430 душъ.

Правительство отвело имъ въ полную собственность 27,800 десят. земли, съ правомъ пользоваться участками ногайскихъ земель, съ платою по 7 к. за десятину, и сверхъ того предоставило имъ пятилѣтнюю льготу отъ податей и повинностей.

Въ теченіи 40 лѣтняго существованія въ указанной мѣстности, духоборцы устроили вполнѣ девять обширныхъ и многолюдныхъ селеній, въ которыхъ въ 1841 году считалось 4,505 д. об. пола. Пять изъ этихъ усадьбъ находилось по теченію рѣки Молочныхъ водъ, а четыре близъ Молочнаго озера или лимана.

Въ какомъ положеніи, въ отношеніи хозяйства, находилось духоборческое общество въ 1830-хъ годахъ, можно судить по словамъ незабвеннаго М. С. Воронцова, отмѣченныхъ имъ по рукописи 1 части моей «Статистики Новороссійскаго края» въ 1832 году: «Большая часть духоборцевъ люди зажиточные и даже богатые, имѣютъ обширное скотоводство и улучшенное овцеводство. Они по своему домашнему быту и по хозяйственнымъ обзаведеніямъ принадлежатъ къ лучшимъ поселянамъ государства и могутъ даже служить примѣромъ хозяйственныхъ ихъ устройствъ».

Духоборцы не любили распространяться о своемъ вѣроученіи съ посторонними. Когда, по желанію преосвященнаго Гавріила, образованные священники просили ихъ, въ дружескихъ бесѣдахъ съ старообрядцами, изложить хотя вкратцѣ свое ученіе, они отвѣчали: «мы духомъ бодрствуемъ, духомъ Бога прославляемъ, отъ духа мечь беремъ и духомъ врага, т. е. грѣхъ побѣждаемъ».

---

[1]) Именной указъ 1802 г., января 25 новоросс. губернатору Миклашевскому.

Въ первые годы переселенія духоборцевъ на таврическія степи былъ у нихъ чѣмъ-то въ родѣ духовнаго и свѣтскаго старшины отставной капралъ Капустинъ, одинъ изъ выдающихся учителей духоборчества, жившій прежде съ такою же общиною на остр. Эзелѣ, а послѣ въ харьковской губерніи. Отличаясь большимъ умомъ и даромъ слова и обладая красивой наружностью, Капустинъ господствовалъ надъ всѣми безусловно, подобно анабаптистскому пророку Іоанну Лейденскому въ Мюнстерѣ. Баронъ Гакстгаузенъ, посѣтившій въ 1843 г. Терпѣніе, описывая домъ, принадлежавшій Капустину, говоритъ: «Домъ состоялъ изъ двухъ этажей; небольшая галлерея сбоку вела наверхъ. На эту галлерею Капустинъ выходилъ въ опредѣленные дни къ народу, собиравшемуся внизу на дворѣ. Тогда всѣ падали на колѣни и молились ему. Иногда онъ садился въ одной изъ залъ верхняго этажа, въ одну дверь входили мужчины, въ другую женщины цѣлой процессіей, цѣловали его руки и принимали благословеніе» [1]. Капустинъ устроилъ молитвенные домы, сперва въ основанномъ имъ селеніи «Терпѣніе», а послѣ въ Еремовкѣ и Горѣломъ. Близъ молитвеннаго дома, въ первомъ селеніи, построилъ нѣсколько домиковъ для сиротъ и бездомныхъ людей и для ихъ содержанія завелъ общественное скотоводство и мельницу на рѣкѣ Молочной. Въ земледѣльческомъ хозяйствѣ духоборцы ввели общинную обработку всѣхъ полей съ равнымъ раздѣломъ продуктовъ. На случай неурожая заведены были ими запасные общественные магазины хлѣба. Но главными занятіями сектантовъ были скотоводство, особенно—овцеводство (они разводили и мериносовъ), а также извозничество.

Духоборцы, какъ полагаютъ, не признавали въ принципѣ не только духовной, но и свѣтской власти, между тѣмъ они исправно платили подати и аренду за снимаемыя земли, давали рекрутъ и подводы; въ числѣ переселившихся на Кавказъ находимъ отставныхъ солдатъ изъ ихъ общества и даже кантонистовъ.

Они старательно соображали свою жизнь съ обычаями окружавшаго ихъ православнаго общества: праздновали Рождество Христово, Пасху и сошествіе св. Духа, праздновали также масляницу остановкою работъ и угощеніемъ, но никакого духовнаго зна-

---

[1]) Изслѣдов. внутр. отношеній народн. жизни, т. I, стр. 28?.

ченія не придавали этимъ праздникамъ. Къ этому надо добавить что духоборцы энергично преслѣдовали пьянство и воровство въ своей средѣ. Такимъ образомъ, независимо отъ вѣроученія, духоборцы были мирными и уживчивыми колонистами.

Но настали и для нихъ тяжкіе годы. Пока они жили, селились и богатѣли въ пустыняхъ Тавриды, не имѣя другихъ сосѣдей, кромѣ подобныхъ себѣ сектантовъ-менонитовъ и ногайцевъ, которыхъ турки считали мусульманскими вольнодумцами,—никакихъ жалобъ, нареканій или доносовъ на нихъ не было. Но съ усиленіемъ русскаго водворенія около Ногайска и близь основаннаго вновь Бердянскаго порта, явились у духоборцевъ соперники и даже завистники. Многіе удивлялись ихъ богатству и благосостоянію, приписывая это не труду и воздержной ихъ жизни, а помощи нечистой силы. Первое нападеніе сдѣлалъ какой-то Ефименко, предлагавшій управленію государственныхъ имуществъ отобрать у духоборцевъ тѣ земли, которыя имъ даны на основаніи царскихъ милостей 1802 года съ платою по 20 коп. ассигнаціями за десятину, и сдать ему съ платою по 60 коп. и даже по 1 руб. ассигн. за десятину. Когда предложеніе это не было принято, онъ и ему подобные начали доказывать вредъ отъ пребыванія такихъ «безбожниковъ», какъ духоборцы, среди православнаго русскаго народа. Такого же взгляда держались и многіе представители мѣстной администраціи. Такъ, въ 1816 году херсонскій военный губернаторъ Ланжеронъ сдѣлалъ представленіе о выселеніи духоборцевъ изъ таврической губерніи, вслѣдствіе «развратной ихъ жизни, зловредныхъ для общества правилъ и желанія разсѣевать ихъ между другими». Но правительство отвергло это предположеніе: «не о новомъ переселеніи сихъ людей помышлять надлежитъ (говорилъ Высочайшій указъ), но объ огражденіи скорѣе ихъ самихъ отъ всѣхъ излишнихъ притязаній за разномысліе ихъ въ дѣлѣ спасенія и совѣсти»[1]).

Князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ, какъ сан[illegible] школы императора Александра I по части вѣротерпимости, желалъ усердно возсоединенія духоборцевъ съ православной церковью, но

---

[1]) Полн. собр. Зак., т. XXXIII № 26, стр. 550.

не одобрялъ вовсе принудительныхъ къ тому мѣръ. Даже императоръ Николай I выразилъ лишь желаніе о приведеніи этихъ сектантовъ къ безпрекословному исполненію всѣхъ гражданскихъ обязанностей и къ сближенію ихъ *по возможности* съ православною церковью (22 февраля 1838 г.)

Съ этою цѣлью неоднократно были направляемы образованныя духовныя лица для сношеній и бесѣдъ съ духоборцами, но сектанты не вступали даже въ серьезные съ ними споры, извиняясь совершеннымъ незнаніемъ ни священнаго писанія, ни твореній отцевъ Церкви, отвергали только названіе «раскольниковъ», такъ какъ, по ихъ словамъ, ни они, ни праотцы ихъ къ церкви православной «не принадлежали» и никогда слѣдственно отъ нея «не отступали».

Вскорѣ однако среди самой секты обнаружились такія явленія, съ которыми правительство не могло помириться.

Со смертію Капустина, энтузіазмъ, отличавшій первые шаги секты, изчезъ, вмѣстѣ съ живымъ вліяніемъ его личности, которымъ и держался въ напряженномъ состояніи. Симптомами ослабленія и упадка его явились во первыхъ какія то «мистеріи» (по выраженію бар. Гакстгаузена), вѣроятно, радѣнія, въ родѣ хлыстовскихъ; говорили, по крайней мѣрѣ, что «мистеріи» эти сопровождались оргіями, въ которыхъ принимали участіе 30 «старшинъ»; во вторыхъ, явилась среди сектантовъ нетерпимость къ отступникамъ, результатомъ которой было учрежденіе ими страшнаго, истинно инквизиціоннаго судилища. Выраженіе: «кто отречется отъ своего Бога, да погибнетъ отъ меча», получило буквальное толкованіе. Домъ засѣданія суда назывался *рай и мука*; мѣсто казни было на островѣ при устьѣ Молочной. Уже по одному подозрѣнію въ измѣнѣ или въ переходѣ къ православію подвергали [illegible]кѣ и смерти. Въ продолженіи двухъ лѣтъ пропало, большей [illegible]стію безслѣдно, до 400 чел. Послѣднее разслѣдованіе со [illegible]сны правительства (по словамъ бар. Гакстгаузена) дало ужасные результаты; найдено нѣсколько за-живо похороненныхъ, многіе были изуродованы» [1]).

---

[1]) Харламовъ, Духоборцы, „Русская Мысль“, 1884 г., № 12, стр. 113.

Въ концѣ 1828 года отношенія правительства къ духоборцамъ такъ обострились, что имъ предложено было на выборъ: или соединиться съ православною церковью, или выселиться изъ Крыма на земли болѣе отдаленныя, напримѣръ въ Закавказскія провинціи. Послѣднее предположеніе имѣло въ виду пресѣчь возможность уклоненія отъ военной службы. Предложеніе Ермолова о выселеніи духоборцевъ въ Закавказье принято въ комитетѣ министровъ на двухъ основаніяхъ: во первыхъ духоборцы будутъ поставлены въ постоянную необходимость защищаться противъ горцевъ; во вторыхъ, такое ихъ употребленіе удержитъ другихъ отъ поступленія въ секту [1]). Только ничтожное меньшинство поколебалось, остальные всѣ согласились на переселеніе, которое началось въ 1841 году и продолжалось до 1845 г. Передъ отходомъ ихъ правительство уплатило имъ цѣнность усадебныхъ строеній, а они, съ своей стороны, внесли вполнѣ слѣдующія съ нихъ подати. Такимъ образомъ таврическія степи лишились болѣе 4,000 лучшихъ хлѣбопашцевъ, а земли ихъ отданы другимъ русскимъ переселенцамъ. Въ девяти упомянутыхъ нами селеніяхъ считается теперь болѣе 9,000 душъ об. пола, большею частію великороссійскихъ поселянъ. Говорятъ, что тѣ духоборцы, которые раскаявшись въ своихъ заблужденіяхъ, возвратились назадъ изъ своихъ закавказскихъ селъ, водворены на прежнихъ ихъ мѣстахъ; но сколько ихъ было, намъ неизвѣстно.

А. А. Скальковскій.

Письмо О. М. Бодянскаго къ А. В. Шишацкому-Иллучу.

Послѣ покойнаго редактора неоффиціальной части «Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», Шишацкаго-Иллича, осталась богатая библіотека, довольно большое собраніе старинныхъ малорусскихъ рукописей, масса писемъ. Почти все это (какъ это часто у насъ случается) безслѣдно исчезло. Уцѣлѣла часть дѣловой переписки и одна тетрадь его дневника.

[1]) Изслѣд. внутр. отношеній, т. I, стр. 275.

Шишацкому-Илличу удалось привлечь къ сотрудничеству въ «Вѣдомостяхъ» почти всѣ наличныя малорусскія литературныя и ученыя силы того времени; г.г. Кулишъ, Лазаревскій, Ефименко, Глѣбовъ и т. д. принимали въ нихъ довольно живое участіе. Большинство сотрудниковъ находилось въ довольно оживленной перепискѣ съ редакторомъ. Въ этой перепискѣ дѣловые счеты и переговоры очень часто чередуются съ соображеніями и вліяніями чисто личнаго свойства.

Помѣщаемое ниже письмо Бодянскаго взято нами изъ остатковъ этой дѣловой переписки. Бо̀льшая часть его представляетъ мало интересные переговоры о полученіи Губ. Вѣдомостей, номеровъ «Чтеній» и т. д. Интересенъ конецъ письма, весьма характтрный для Бодянскаго: онъ-то и побудилъ насъ предать тисненію все письмо.

Милостивый государь, Александръ Васильевичъ.

Письмо ваше отъ 7-го прошлаго мѣсяца и при немъ три книги «протоколовъ 1686, 1688 и 1689 года», равно какъ «Черниговскія Губернскія Вѣдомости» за 1855—56 гг., да текущаго 26 №№, къ которымъ по сіе время прибыло еще 4 (27—30), получилъ. Принося вамъ мою искреннюю благодарность за то и другое, скажу, что года 1857 Губернскихъ Вѣдомостей не дослано, хотя и стоитъ онъ въ вашемъ письмѣ въ числѣ отправленныхъ; равномѣрно въ 1855 году не доставлено 2 и 52, а въ 1856 также двухъ, 26 и 51 №№.

Протоколы въ свое время непремѣнно будутъ помѣщены въ «Чтеніяхъ» нашего историческаго общества, а потомъ немедленно подлинники возвратятъ по принадлежности. Во взаимность посылаю вамъ при семъ двѣ книжки «Чтеній» и нѣсколько оттисковъ изъ прежнихъ статей о Малороссіи; болѣе не отыскалось пока подъ рукой. Жалко, что болѣе 30 оттисковъ, посланныхъ мною для редакціи Черниговскихъ Вѣдомостей во время завѣдыванія имъ г. Ростовцева [1]), теперь нѣтъ въ ней.

Продолженіе «Чтеній» будете получать исправно, по мѣрѣ выхожденія каждой книги. Я полагалъ бы нужнымъ, для большаго ознакомленія съ ними, печатать въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ со-

---

[1]) Предшественника Шишацкаго-Иллича.

держаніе каждой нововышедшей книги »Чтеній», по крайней мѣрѣ въ Губернскихъ Малороссійскихъ Вѣдомостяхъ, да вѣдаютъ православные малороссы, что и на Москвѣ есть люди, которые кое-что подѣлываютъ для ихъ стороны. Если между своими не будетъ взаимности, то отъ кого-же прикажете ждать ее? Ужели отъ чужихъ! Общество наше не нуждается въ томъ, чтобы о немъ трубили тамъ и сямъ, ни для своей извѣстности, ни для сбыта своихъ изданій. Но, думаю, нужно знать тѣмъ, кѣмъ занимается оно, что именно сдѣлано имъ для нихъ. Не такъ ли?

Примите увѣреніе въ совершенномъ уваженіи и преданности вашего, милостивый государь, покорнѣйшаго слуги, О. Бодянскаго.
Августа 17-го дня 1858 г.

Сообщ. **В. К—шъ.**

Преданія о Лебединскомъ монастырѣ и селѣ Лебединѣ.

Въ сѣверо-западномъ углу чигиринскаго уѣзда лежитъ большое село Лебединъ, а при немъ нѣсколько столѣтій существовалъ, нынѣ уже «зруйнованный», Георгіевскій мужской монастырь, замѣненный съ конца прошлаго столѣтія монастыремъ женскимъ, извѣстнымъ также подъ названіемъ лебединскаго. Лебединъ представляетъ собою одно изъ типичнѣйшихъ украинскихъ селъ; онъ буквально утонулъ «въ садкахъ», «кохается» въ морѣ зелени; лишь стройные, четырехкрылые «витряки» гордо и открыто высятся по-надъ селомъ. Восточный и южный края села упираются и сползаютъ въ балки, которыя служатъ верховьями рѣчки Туріи. Когда-то эти балки изобиловали водой, на нихъ было расположено до десятка водяныхъ мельницъ; теперь отъ прежняго обилія водъ осталось лишь два ставка: *Лозовый*, расположенный въ селѣ, у подножія бывшаго монастыря, и *Тартакъ* или *Черенчій* ставокъ, лежащій за селомъ по направленію къ селу Журавкѣ, у «Черенчого хутора».

Населенія въ Лебединѣ насчитываютъ болѣе пяти тысячъ душъ. Глубокій черноземъ и сосѣдство сахарнаго завода, могущаго доставить заработокъ, отнюдь не вынуждающій ухода хозяина изъ села, являются причиной относительной зажиточности крестьянъ. Земледѣліе и работа на заводѣ суть единственныя формы труда мѣстнаго населенія; богатѣйшіе сады, которые, при раціональной культурѣ

ихъ, могли-бы явиться источникомъ обильныхъ доходовъ крестьянъ, совсѣмъ не эксплуатируются; то же приходится сказать и относительно пчеловодства—лишь одинъ хозяинъ занимается исключительно пасѣкой.

Въ селѣ есть двѣ церкви: «мурована», сооруженная въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія и деревянная, построенная недавно, уже въ 80-хъ годахъ, на мѣстѣ бывшаго монастыря; есть сельская школа, проэктируется съ этого года и церковно-приходская.

Лебединъ, въ смыслѣ населеннаго пункта, существовалъ уже въ XVI ст. и былъ однимъ изъ видныхъ пунктовъ на границѣ съ татарскими степями; тутъ была пасѣка Богдана Хмельницкаго, тутъ осесялъ слободы Александръ Дука, господарь молдавскій, посланный сюда султаномъ во время господства здѣсь и въ Подоліи турокъ. Въ народѣ о возникновеніи этого пункта не осталось опредѣленныхъ преданій, по крайней мѣрѣ эти преданія не идутъ далѣе «Гайдамачины», которая, какъ извѣстно, заслонила въ памяти народной событія и лица предшествовавшихъ эпохъ. Пунктомъ, отъ котораго начался Лебединъ, считается, по преданію, мѣстность бывшаго мужскаго монастыря, такъ называемое прежде урочище Чичково; здѣсь поселился, по словамъ однихъ, «розбійникъ», по выраженію другихъ «гайдамака» Лебедь, отъ него-то и пошло названіе «Лебединъ».

— Та Богъ ёго святый знае, отвѣчалъ мнѣ на вопросъ о происхожденіи сего названія «старецъ» Каленикъ; кажуть люди, що не наче-бъ тутъ живъ колись розбійникъ Лебедь, хутиръ, чи що, тутъ ёго бувъ.....

— Тутъ бувъ скризь сылный лисъ, говорилъ семидесятилѣтній Бодайко; якъ разъ по-надъ самымъ яромъ стояла колись кампличка; іи построивъ Лебедь; бувъ такій гайдамака, звитяжець....., набравъ гайдамакъ, тай сидивъ отъ якъ хутиръ! Потимъ, якъ винъ вже вмеръ—Богъ ёго знае..... на тому мисти церкву зробили Покрову, багато пройшло!.....

Въ 1872 году, во время холеры, крестьянинъ Дубовый въ своемъ огородѣ копалъ яму для умершаго ребенка; при рытьѣ найдены были, между прочими металлическими вещицами, много металлическихъ наконечниковъ стрѣлъ. Находка была сдѣлана подъ однимъ изъ множества холмиковъ, разбросанныхъ по всей усадьбѣ

Дубоваго и его сосѣда. По поводу этой находки мнѣ случилось слышать слѣдующее: когда еще на мѣстѣ Лебедина стоялъ хуторъ Лебедя, набѣжали татары съ криками «Галла! галла!» Хуторъ Лебедя, скрытый въ лѣсахъ, не былъ ими замѣченъ.

— А Лебедь мавъ (десь уже взявъ) рушныцю, а тоди тильки стрилами стриляли. Ну, треба дати имъ откоша, каже; та якъ пальнувъ, такъ и покотивъ найстаршого. Такъ ото ёго оттутъ и закопали.

— Дуже старе це мисце—старище видъ Кіева, добавилъ разсказчикъ.

Какъ на мѣстѣ «камплички» выросъ монастырь и когда это случилось, народъ не помнитъ. Въ «Очакивську зиму» сгорѣлъ монастырь; огонь истребилъ монастырскій архивъ и все, что могло сказать о прошломъ этого безспорно историческаго мѣста. Послѣ пожара, какъ говорятъ, въ монашеской кельѣ была сооружена временная «церковця», хворостяная, укрытая очеретомъ, но это мѣсто лежало выше того, на которомъ стояла «камплачка» Лебедя, а потомъ монастырская церковь: послѣ были выстроены двѣ церкви— каменная и деревянная, которыя и представляли монастырь въ послѣднее время его существованія, т. е. до 40-хъ гг.

Крестьяне старики изъ разсказовъ своихъ стариковъ знаютъ кое-что о заселеніи Лебедина, быть можетъ даже томъ, которое произошло послѣ «руины»; но народное преданіе придвигаетъ его, по всей видимости, ко временамъ послѣ «Коліившины», принимая это заселеніе за первоначальное.

— Потимъ, прибавлялъ Бодайко, уже якъ приписка вышла, ночали сходитись люди, займали земли, скильки хотили; щепили садки, сажали жывци; зъ усихъ бокивъ люди такъ и посыпались; мій дидъ изъ Золотоноши.

Старыхъ поселенцевъ, которыхъ застали уже новые, насчитываютъ дворовъ девять; остальное населеніе состоитъ изъ пришлыхъ.

— Зъ тои поры якъ ставъ Лебединъ, тай Лебединъ, тай Лебединъ!.... заключилъ Бодайко.

Воспоминанія о набѣгахъ татаръ циркулируютъ въ большомъ количествѣ среди населенія Лебедина. Къ сожалѣнію, они такъ сказать вывѣтрились и отличаются значительнымъ однообразіемъ: подробности перезабыты, остались едва общія мѣста. Вотъ для примѣра одинъ изъ разсказовъ этого рода.

«Набигла орда; люди зарубали шляхъ на Колонтаивъ (дорога къ селу Матусову). А винъ (татаринъ) якъ ускочивъ сюда, та найшовъ сотського, та каже: господинъ сотській, женить, каже, людей до Шполы (сосѣднее мѣстечко); кажить, що орда звидтиля (зъ Колонтаива) иде. Сотській звычайне злякався, та давай по селу кричать, люди и кинулись до Шполы. А тамъ тилько хто выскочить зъ-за горы, заразъ ёго на арканъ» и т. д.

По словамъ старика Токара, сообщившаго это преданіе, это было въ послѣдній набѣгъ татаръ на Лебединъ и свидѣтелемъ этого событія была его мать.

Съ памятью о монастырѣ въ народѣ связаны воспоминанія о Малхесидекѣ Значко-Яворскомъ, какъ игуменѣ лебединскаго монастыря. Странно, что такое преданіе распространено и въ другихъ мѣстахъ, хотя на самомъ дѣлѣ знаменитый въ своемъ родѣ Мелхиседекъ никогда не былъ игуменомъ этого монастыря. Поводомъ къ сему послужило, конечно, близкое сосѣдство мотронинскаго монастыря, въ которомъ игуменствовалъ Мелхиседекъ, а равно и то, что онъ былъ «правителемъ» всѣхъ украинскихъ церквей и монастырей, а слѣд. и лебединскаго, и могъ въ немъ часто бывать по близкому сосѣдству. Хотя документально доказано, что съ конца 1766 г. Мелхиседекъ не былъ въ своемъ монастырѣ до и послѣ возстанія 1768 г., но, вырвавшись изъ уніатской тюрьмы въ Городкѣ на Волыни, проживалъ въ Переяславѣ и предъ самымъ возстаніемъ писалъ оттуда увѣщательныя посланія къ украинскому народу, всячески отклоняя его отъ бунта и кровопролитія, но инціативу «Коліивщины» преданіе приписываетъ ему и этимъ повторяетъ обвиненіе, пущенное польскою стороною, дошедшее чрезъ нашего посла въ Польшѣ кн. Волконскаго до Екатерины и бывшее причиною перемѣщенія Мелхиседека «пристойнымъ образомъ за Днѣпръ». Лебединское преданіе говоритъ, что когда гайдамаки прибыли въ лебединскій монастырь и потребовали, чтобы Мелхиседекъ освятилъ «кинджалы», послѣдній отказался исполнить это требованіе. «Тоди старшій межъ ними каже: а, коли ты боишься царськои кары, то не побоишься нашои—на килъ ёго!» Мелхиседекъ сталъ увѣщевать. Раздались крики: «такъ и ты бузувиръ, такъ и ты за жидивъ та ляхивъ!» И «старшій» сталъ перечислять всѣ безчеловѣчія и безчинства, какія совершали тогда надъ народомъ поляки и жиды. Мелхиседекъ уступилъ будто-бы и освятилъ ножи.

Теперь отъ Георгіевскаго лебединскаго монастыря не осталось ничего, кромѣ удивительно прочной «брамы», сооруженной еще въ прошломъ столѣтіи; на верхней перекладинѣ оной вырѣзанъ четырехконечный крестъ, а рядомъ надпись: «1770 года сооруженно за игуменства іеромонаха Филофея Контаесовского». Недавно еще были надгробныя плиты на кладбищѣ, расположенномъ здѣсь же въ роскошномъ саду, но теперь мнѣ уже не удалось ихъ найти.

Михаилъ Васильевъ.

Универсалъ гетмана Скоропадскаго о переводѣ „книгъ правнихъ" на малорусскій языкъ.

Покойный нашъ профессоръ, А. Ѳ. Кистяковскій, издавшій въ 1879 г. въ Кіевѣ огромную рукопись, подъ заглавіемъ: «Права, по которымъ судится малороссійскій народъ», въ своемъ предисловіи къ этому изданію (стр. 5—9) начало свода и перевода «правнихъ книгъ», т. е. тѣхъ кодексовъ и сборниковъ, которыми руководствовались малороссійскіе суды, относитъ къ гетманству Даніила Апостола и царствованію Петра II. Таково и общепринятое у насъ мнѣніе по сему предмету.

Приводимый ниже универсалъ гетмана Скоропадскаго отъ 16 мая 1721 г. не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что дѣло перевода, если не свода дѣйствовавшихъ въ Малороссіи законовъ начато еще въ царствованіе Петра I-го, за годъ до смерти гетмана Скоропадскаго и безъ сомнѣнія по его ходатайству. Кромѣ этого новаго, совершенно неизвѣстнаго факта, въ универсалѣ обращаетъ на себя вниманіе то мѣсто, гдѣ гетманъ говоритъ: «Зайшовъ... указъ.... правніе книги *на наше русское виложити нарѣчіе*», тогда какъ указомъ 1728 года требовалось перевести эти книги «*на великороссійскій языкъ*». Къ сожалѣнію, самаго указа нѣтъ и намъ неизвѣстны его мотивы. О нихъ можно впрочемъ догадываться. На малороссійскіе суды сыпались укоры во взяточничествѣ и пристрастіи, доходившіе до государя и имъ предъявляемые гетману. Гетманъ заступался за суды; но не могъ онъ не видѣть, что главнѣйшею причиною злоупотребленій въ нихъ служили противорѣчіе законовъ, рѣдкость ихъ источниковъ и недоступность ихъ по языку. Отсюда необходимость перевода и свода. Универсалъ называетъ избранныхъ переводчиковъ, указываетъ нѣкоторыя

предоставленныя имъ средства. Было ли что сдѣлано во исполненіе «премоцнѣйшаго указа»,—не знаемъ. Памятниковъ первоначальныхъ по этому трудовъ не дошло до насъ; не указываетъ ихъ и «правная» комиссія 1730 г., но быть можетъ они гдѣ либо сохраняются и со временемъ объявятся. Будемъ пока довольствоваться универсаломъ. По титулѣ гласитъ онъ слѣдующее:

«Всѣмъ, кому колвекъ о томъ вѣдати належитъ, особливе пану полковникови гадяцкому, зъ старшиною его полковою и сотниками, симъ нашимъ объявляемъ унѣверсаломъ, ижъ зайшолъ насъ премощнѣйшій царского священнѣйшого величества, государя нашего всемилостивѣйшого указъ таковой, дабысмо повелѣли правніе книги, зъ которихъ зде въ Малороссіи всякіе справи судими бываютъ, а именно Саксона, Статутъ великого князства литовского и Порядокъ, зъ полского діаліекту на наше руское виложити нарѣчіе; якое монаршое мы исполняючи повелѣніе, назначаемъ на исправленіе того дѣла п.п. Александра Ситенского, писара полкового гадяцкого и Захарія Рощаковского, знатного товарища войскового, которіе повинни неотложно книгу правную Саксона, разобравши по секстерне, перекладати на здѣшнее нарѣчіе. У помощъ зась для писаня опредѣляемъ писцовъ Андрѣя Пѣщанского и Григорія Балясного, бывшихъ при судіи енералномъ, такожъ писара городового опошнянского. А болше, если того будетъ указовать потреба, позволяемъ имъ же п.п. Ситенскому и Рощаковскому, когда могутъ въ томъ гадяцкомъ полку зъ годнихъ до переписки усмотрѣвши въ школахъ, чили где инде, употребити. А переложивши скилка секстерновъ, заразъ оніе сюда, къ намъ, оніе прислати повинни. Въ чомъ абы имъ п.п. Ситенскому и Рощаковскому, где надлежатиметъ, свѣдчана была неотмовная помощъ, особливе въ зисканю писцовъ, пилно рейментарско упоминаемъ и приказуемъ. Данъ въ Глуховѣ, мая 16, року 1721.

А на препитаніе тихъ писцовъ и на папѣръ виражениому въ семъ нашемъ указѣ дѣлу потребнихъ, мѣетъ панъ господарь гадяцкій зъ нашей покуховнихъ, до скарбу войскового вибираючихся, по слушности и по потребѣ приказать видавати, повелѣваемъ.

Звишменованный гетманъ рукою власною».

Собщ. **Ал. Лазаревскій.**

По пирятинскому уѣзду.

(Кое-что изъ прежней жизни лѣвобережнаго священства).

Лѣтомъ минувшаго года пришлось мнѣ осмотрѣть до 20 церквей пирятинскаго уѣзда полтавской губерніи. Мною руководило при этомъ желаніе ознакомиться въ сельскихъ храмахъ съ остатками церковной старины, въ видѣ священныхъ предметовъ, рукописей и пр. Увы, этихъ предметовъ такъ мало, что и говорить было бы не о чемъ. Тѣмъ не менѣе мнѣ удалось собрать кое-какія свѣдѣнія о положеніи здѣсь сельскаго священника въ прошломъ столѣтіи и мнѣ кажется, что они не лишены интереса для всякаго русскаго человѣка, къ какому бы сословію онъ ни принадлежалъ, почему и дѣлюсь ими съ читателями «Кіевской Старины».

Жизнь сельскаго священника здѣсь въ прошломъ столѣтіи мало чѣмъ разнилась отъ жизни сельскаго обывателя, простолюдина. Сельскій священникъ того отдаленнаго уже отъ насъ времени былъ лишь старшій межъ равными; происходя не рѣдко изъ той же среды и будучи выбранъ сельскою общиной, онъ связанъ былъ съ нею многими узами и такъ или иначе зависѣлъ отъ нея. Сельскаго священника прихожане знали не только, какъ исполнителя таинствъ и требъ, какъ наставника и учителя, но и какъ члена своей семьи, участвовавшаго въ горѣ и радостяхъ своихъ пасомыхъ, въ ихъ нуждахъ и заботахъ, въ ихъ даже сходахъ, въ рѣшеніи общественныхъ дѣлъ. Сельскій священникъ того времени былъ въ семьѣ своего прихожанина, такъ сказать, своимъ человѣкомъ, не брезгалъ его хлѣбомъ-солью, иногда и пирушкой, а съ почетнѣйшими водилъ и самъ хлѣбъ-соль и принималъ ихъ у себя, какъ гостей; вѣдалъ подъ часъ домашнія и сосѣдскія ихъ дѣла, былъ ихъ судьею и миротворцемъ. Столько же почти близкимъ и своимъ былъ онъ и въ кружкѣ сельскаго дворянства, успѣвшаго порвать связи съ народомъ уже въ прошломъ вѣкѣ. Вотъ что разсказывалъ мнѣ на послѣднюю тему священникъ.

Запросто бывало любила въ праздникъ общественный или семейный сходиться у священника С., жившаго въ с. М—цахъ, мѣстная аристократія. Послѣ службы Божіей (а тогда, прибавилъ разказчикъ, всѣ паны считали своимъ долгомъ быть каждое воскресенье въ церкви, пѣли на клиросѣ и чуть ли не по очереди чи-

тывали Апостолъ и «Вѣрую») всѣ шли къ свему отцу духовному на «Отче нашъ», какъ говорилось тогда, а иногда и на обѣдъ. По обѣдѣ направлялись въ «кимнату», по срединѣ которой на «доливкѣ» разстилался солидныхъ размѣровъ домашней работы «килымъ» или коверъ; тутъ гости и усаживались въ кругъ, поджавъ ноги. Появлялась варенуха, сливянка или терновка и гости «балакали», а не то играли въ «трилисника». Случалось, что подвыпившій гость начиналъ за «трилисникомъ» шумѣть. Тогда хозяинъ дома обращался къ шумѣвшему съ такимъ приблизительно внушеніемъ:

— Ты бо (имярекъ) схаменись, бо якъ скрутимо джгута, то довго будешъ чухати спину.

И иной разъ несговорчивому панку и дѣйствительно приходилось съ похмѣлья «чухать спину»...

Полтавско-пирятинскій сельскій священникъ прошлаго столѣтія былъ въ собственномъ смыслѣ учителемъ своихъ прихожанъ и ихъ дѣтей; онъ училъ и въ церкви, и въ школѣ. Въ церкви читалъ и толковалъ своимъ прихожанамъ молитвы, заставляя затверживать ихъ наизустъ, читалъ и объяснялъ даже катихизисъ, объявлялъ праздники, какіе слѣдовали на недѣлѣ, обличалъ случавшіяся въ селѣ безчинства, конечно, не въ формѣ проповѣдей. Въ школѣ грамоту и также молитвы изучали подростки подъ руководствомъ опять таки священника. При сельскихъ церквахъ пирятинскаго уѣзда въ XVIII ст. существовали школы, устрояемыя на счетъ громады и церкви, а въ нихъ учили члены причта. Изъ уцѣлѣвшихъ документовъ, хранящихся при библіотекахъ нѣкоторыхъ церквей пирятинскаго уѣзда, видно, что школы существовали: въ с. Малютинцахъ въ 1770 г., въ с. Кейбаловкѣ, гдѣ въ 1828 г. отъ школы остался одинъ «плецъ», въ с. Повстинѣ и др. Повстинскую школу постигла та же участь, что и кейбаловскую: по описи 1828 г. церкви с. Повстина видно, что мѣсто, гдѣ прежде стояла школа, въ этомъ году было пустопорожнее и отмѣчено, какъ *безполезное* для церкви. Не этимъ ли, позднѣе, по особымъ причинамъ, сложившимся взглядомъ сельскихъ священниковъ на школу объясняется регрессъ въ грамотности, какой напр. случился въ богодуховскомъ уѣздѣ харьковской губерніи, гдѣ въ 1752 г. 1 грамотный приходился на 1,191 душу муж. п., а въ 1885 г. 1 грамотный на 1,793 души муж. пола?

Сельскіе пастыри той мѣстности и времени, о которыхъ у насъ рѣчь, получали образованіе въ черниговской славяно-латинской школѣ, переяславскомъ семинаріумѣ, кіевской академіи и харьковскомъ коллегіумѣ. Извѣстный своею ученостью харьковскій коллегіумъ и кіевская академія, вмѣщавшія 1140—1230 питомцевъ, особенно привлекали къ себѣ алчущихъ и жаждущихъ умнаго свѣта. Въ данномъ случаѣ для насъ важно то, что учившіеся даже въ академіи шли въ сельскіе священники и конечно могли быть хорошими учителями, наставниками, руководителями сельской жизни.

Чѣмъ же платило сельское общество такъ много значившему для него лицу, котораго при томъ само избирало себѣ пастыремъ? Какія средства давало оно ему для существованія?

Въ церковныхъ описяхъ 1827 г., какія мы имѣли возможность видѣть почти во всѣхъ посѣщенныхъ нами церквахъ, при перечнѣ священниковъ, бывшихъ въ извѣстномъ селѣ въ прошломъ вѣкѣ, о каждомъ говорится: «... пользовался отъ прихожанъ доброхотнымъ даяніемъ». Такимъ образомъ, основою обезпеченія сельскаго пастыря въ XVIII в. были прежде всего доброхотныя даянія прихожанъ. Но эти даянія оформлены были письменными договорами обѣихъ сторонъ, пастыря и его прихожанъ, заключавшимися при выборахъ священника сельскимъ обществомъ, громадой. Въ числѣ доброхотныхъ даяній въ такихъ договорахъ первое мѣсто занимали земли, которыя отводили прихожане въ пользованіе причта. Онѣ выдѣлялись главнымъ образомъ изъ общественныхъ земель и угодій; кромѣ пахатныхъ и сѣнокосныхъ полей были и такъ называемыя угодья: рыболовные пруды, луга, гаи, лѣса. Надѣлы производились вновь со ссылкою на пятую заповѣдь и уваженіе къ священнику, иногда-же на указъ, не только въ концѣ прошлаго, но и въ началѣ нынѣшняго вѣка. Намъ пришлось видѣть дарственную запись козаковъ с. Харьковецъ на землю, въ количествѣ 31 дес., въ пользу причта, въ 1828 г. Мы отмѣчаемъ эту запись потому, что козаки (48 челов.) надѣляютъ землю причту *въ одномъ кускѣ.* Быть можетъ, эта запись можетъ указать на слѣды общиннаго владѣнія, существовавшаго въ лѣвобережной Украйнѣ еще въ текущемъ столѣтіи. Выдѣлялись прихожанами, но уже исключительно для одного священника, грунты, гдѣ и строились для священниковъ жилыя помѣщенія. Правда, такое обезпеченіе было не обязательно и священ-

ники жили иногда на квартирахъ, нанимаемыхъ ими самими, иногда-же, пользуясь добрымъ сердцемъ своихъ прихожанъ, запросто впрашивались въ чью-либо избу и тамъ жили.

Въ договорахъ точно обозначалась плата, какая условливалась при выборахъ, за совершеніе каждой требы. Таксы такого рода существовали рядомъ съ оффиціальными, какія устанавливались царскими, синодальными и консисторскими указами. Онѣ многочисленны и разнообразны. Для образца приведемъ росписку 1768 г, ставленника Василія Андріевскаго, данную жителямъ с. Талалаевки, роменскаго уѣзда; по ней онъ обязывался взимать: за крещеніе младенца 3 к., за вѣнчаніе первобрачныхъ 10 к., вѣнчающихся вторымъ и третьимъ бракомъ 20 к., за «вводины» 5 к., за вѣнчаніе чужихъ прихожанъ не болѣе 1 руб.; за малый похоронъ 5 к., за большой 10 к., за освященіе дома 20 к., за поминальную обѣдню 10 к., за сорокоустъ 2 руб., за молебенъ 10 к., панихиду 10 к.

Сверхъ денежной платы за требоисправленія, священникъ имѣлъ право сбора хлѣба съ прихожанъ, право такъ называемой *роковщины*. Размѣръ роковщины также обозначался въ договорахъ: отъ имѣющаго до 3 воловъ брали зерна полъчетверика государевой мѣры, до 4 воловъ или плугъ—одинъ четверикъ. Зерно принималось священникомъ то, какое выдавалъ прихожанинъ.

Собственность священниковъ, родовая и благопріобрѣтенная (путемъ наслѣдства, купли и приданное) въ видѣ грунтовъ съ постройками, домашнимъ скарбомъ и пр., играли нерѣдко болѣе значительную роль въ обезпеченіи священника, особенно его семьи, чѣмъ доброхотныя даянія прихожанъ.

Прошло много лѣтъ отъ того времени, котораго мы коснулись; но теперешнее положеніе священниковъ пирятинскаго уѣзда относительно матеріальнаго обезпеченія мало въ чемъ измѣнилось: 8 изъ 16 священниковъ, не имѣя никакой собственности, должны исключительно существовать на средства, получаемыя отъ прихожанъ, довольствуясь тѣмъ-же архаическимъ вознагражденіемъ за свой трудъ. Въ этой формѣ и скудной мѣрѣ вознагражденія за трудъ священника, намъ кажется, заключается источникъ и нареканій на поборы отъ священниковъ и самыхъ поборовъ, несоотвѣтствующихъ ни сану, ни положенію пастыря, причина неудовле-

творительныхъ отношеній пасомыхъ къ пастырю и обратно, относительной бѣдности духовенства и уклоненія лучшихъ силъ онаго отъ будущей пастырской миссіи. «Доброхотныя даянія» не условливаются теперь добровольными соглашеніями, но т. ск. практикой, которая для каждаго почти прихода своя, и это тѣмъ хуже для обѣихъ сторонъ. Плата за требы въ общемъ значительно возвысилась, но она и на половину не удовлетворяетъ нуждъ священника и его семьи. Теперь въ мѣстности, о которой говоримъ, за требы взимаютъ приблизительно такъ: за крещеніе 10 коп., за вѣнчаніе 8 р., за похоронъ малаго 30 к., за похоронъ взрослаго 50 к., за молебенъ отъ 50 к. до 1 р. Водосвятіе, освященіе полей, скота, избъ и т. п. по личному соглашенію. Въ недавнее еще время существовала здѣсь предковская «роковщина», но она видоизмѣнилась такимъ образомъ, что, вмѣсто прежняго сбора зерна отъ имущаго рабочій скотъ, теперь каждый дворъ высылалъ ежегодно къ священнику рабочаго (косаря, или вязальника) безъ платы на одинъ день. Въ нѣкоторыхъ селахъ удержался также обычай убирать хлѣбъ или сѣно священнику *толокой*, для которой избираются всѣмъ памятные дни: Прокопа (8-го іюля), Гавріила (13-го іюля), Иліи (20-го іюля), Палія (Пантелеимона, 27-го іюля) и др. Существовалъ не такъ давно, но теперь уже совсѣмъ вывелся обычай «льнованія», состоявшій въ томъ, что «матушка», при участіи опытной молодицы, пріѣзжала на домъ къ болѣе зажиточнымъ прихожанкамъ и, послѣ потребленія привезеннаго ею-же угощенія, получала ленъ, коноплю и пр.

Архаическая форма вознагражденія за трудъ священника, скажемъ въ заключеніе, чуть ли не главная причина ослабленія единенія между сельскимъ пастыремъ и его прихожанами. На это указывалъ намъ одинъ изъ старожиловъ-священниковъ названной нами мѣстности. «Тамъ, говорилъ онъ, гдѣ священникъ не имѣетъ никакой собственности и во всемъ глядитъ въ руки прихожанъ, отношенія ихъ большею частію если не враждебны, то холодны и далеки; напротивъ, у священниковъ, имѣющихъ собственныя достаточныя средства, отношенія къ прихожанамъ и обратно далеко искреннѣе».

Z.

Какъ готовилось екатеринославское духовенство къ встрѣчѣ импер. Екатерины II.

9-го мая сего года Екатеринославъ будетъ праздновать столѣтіе своего существованія. Одновременно съ этимъ во многихъ просвѣщенныхъ уголкахъ Украйны и Новороссіи вспомнятъ о путешествіи на югъ, совершенномъ въ 1787 году Екатериною II.

Это путешествіе надолго взволновало нашъ югъ, не опомнившійся еще отъ произведенной въ немъ всесторонней ломки: разгрома Запорожья, переустройства гражданскаго и соціальнаго, введенія новыхъ властей, призыва новыхъ поселенцевъ. Все предшествовавшее лѣто и осень, во всю слѣдующую зиму, особенно же ранней весной шли по всему пути на широкую руку приготовленія къ встрѣчѣ «Державной»: строились временные дворцы, разбивались роскошныя палатки и шатры, выстраивались цѣлыя слободы на берегу Днѣпра, въ виду дворцевъ, стягивались экипажи и лошади, заготовлялись всевозможные припасы, чистились города и села по пути, чинились и устраивались вновь мостовыя, выравнивались улицы и дороги, вылавливались нищіе, пьяницы и бродяги и высылались внутрь края, либо накрѣпко заключались на мѣстѣ. Словомъ, уничтожалось и сносилось, устранялось и скрывалось все ветхое, неприглядное, нечистое и бѣдное и нарочито создавалось и выставлялось то, что могло веселить взоръ и свидѣтельствовать о геніѣ и необычайныхъ заботахъ Потемкина о благѣ края, яко бы имъ призваннаго къ жизни, дотолѣ же безлюднаго и дикаго.

Въ генварѣ 1787 г. Екатерина прибыла въ Кіевъ и здѣсь прожила зиму: посѣщала церкви и монастыри, молилась и лишь изрѣдка веселилась. Одно загадочное происшествіе нарушило здѣсь ея покой: вѣковая обитель Межигорская, вторая лавра кіевская, митрополія Запорожья, истреблена пожаромъ въ ночь передъ тѣмъ днемъ, въ который императрица хотѣла посѣтить ее. Но съ этимъ оканчивались заботы Потемкина о ломкѣ здѣсь стараго строя церковнаго, объ уничтоженіи обителей, бывшихъ представительницами иной жизни, объ изглажденіи всего, съ чѣмъ связана была еще память о старыхъ порядкахъ и ненавистномъ ему Запорожьѣ. 22-го

апрѣля Екатерина съ блестящей свитой отплыла отъ Кіева внизъ по Днѣпру на галерахъ, разукрашенныхъ флагами, направляясь въ волшебно созданную Потемкинымъ Тавриду. Въ Каневѣ ее встрѣтили два вѣнценосные сосѣда. Празденство закончилось фейерверкомъ, да мимоходомъ «старый грѣшникъ» увлекъ за собою чистокровную украинку, выданную потомъ въ замужество за сенатора, а либеральный Фалькенштейнъ чрезъ Коховскаго далъ подобный заказъ на далекіе лезгинскіе улусы. Вправо отъ Канева и самый Каневъ считались еще Польшей. Въ дальнѣйшемъ плаваніи Екатерина посѣтила Кременчугъ и села нынѣшней екатеринославской губерніи: Романково, Новые Кайдаки и наконецъ пустынную запорожскую слободу Половицу, гдѣ положила камень въ основаніе Преображенскаго собора, а вмѣстѣ и города Екатеринослава. Опасные пороги она объѣхала сухимъ путемъ, но съ надгорій днѣпровскихъ глядѣла, какъ ея галера съ частью свиты опускалась въ вѣчно бушующій *Ненасытецъ*, и, закрывъ глаза платкомъ, плакала. Лоцманъ Полторацкій получилъ щедрую награду, а царица въ экипажѣ поѣхала необитаемой степью чрезъ Никополь и Бериславъ до Херсона. Посѣщены Таврія и Крымъ. Шествіе уподоблялось тріумфу; грандіозныя затраты создавали волшебство; но закулисная сторона открывала много непригляднаго: безумную прихоть тщеславнаго баловня судьбы, гнетъ, насиліе и грубый обманъ ея выполнителей. Новоосаженные, съ помощію посуловъ и угрозъ, поселяне, вышколенные и выстроенные для торжественной встрѣчи, съ недоумѣніемъ смотрѣли на появлявшіяся въ ихъ избахъ на мгновенье самовары, чайные приборы, жареныхъ поросятъ, а сопутствовавшій, въ числѣ другихъ, Екатеринѣ графъ Сегюръ, незамѣтно оторвавъ въ одной избѣ хвостъ отъ жаренаго поросенка, легко приставилъ его въ другой.

Утомленная продолжительнымъ и шумнымъ путешествіемъ, Екатерина направилась въ обратный путь чрезъ Харьковъ, а отъ устроенной Потемкинымъ грандіозной церемоніи не осталось, кажется, иного слѣда, кромѣ сомнительной славы его, какъ колонизатора Новороссіи, которую онъ перестраивалъ на манеръ расходившагося юнаго наслѣдника несмѣтныхъ богатствъ, разрушающаго до основанія прочное, но скромное жилище своихъ предковъ, даже

не осмотрѣвъ его путемъ, и на развалинахъ его воздвигающаго прихотливыя, дорого стоющія, но недолговѣчныя палаты.

Среди причудливыхъ затѣй главнаго устроителя этого путешествія, въ громадной массѣ вызванныхъ имъ циркуляровъ, ордеровъ, предписаній и всего болѣе частныхъ писемъ, едва примѣтить можно скромную резолюцію екатеринославскаго архіерея, данную имъ въ ожиданіи того же высочайшаго путешествія, 20 генваря 1787 года. Она найдена нами въ архивѣ покровскаго собора, въ г. Александровскѣ, екатеринославской губерніи, и направлена къ устроенію и соблюденію найлучшаго порядка въ церквахъ и духовенствѣ тѣхъ мѣстъ, которыя могли бы удостоиться во время пути Высочайшаго посѣщенія. За годъ почти до начала путешествія, какъ говорится въ резолюціи, именно 18 іюня 1786 г., прислано было изъ святѣйшаго синода росписаніе разныхъ городовъ и селъ, чрезъ которые имѣло послѣдовать въ генварѣ слѣдующаго года высочайшее ея императорскаго величества шествіе, съ предложеніемъ, конечно, епархіальнымъ архіереямъ сдѣлать соотвѣтственныя въ свое время распоряженія относительно высочайшей встрѣчи. Тогдашній екатеринославскій архіепископъ Амвросій съ первымъ, надо думать, извѣстіемъ о прибытіи императрицы въ Кіевъ поспѣшилъ дать отъ себя инструкцію относительно необходимыхъ по духовной части приготовленій. Приготовленія несложныя, ничего почти не стоющія, требовавшія лишь нѣкотораго усердія и времени; но и на нихъ лежитъ печать общей заботы о томъ, чтобы отъ взоровъ Высокой путешественницы устранено было все носившее характеръ будничной жизни и обстановки, хотя бы съ подмѣномъ или заимствованіемъ. Вотъ эта резолюція-инструкція.

«Консисторіи предписать, кому надлежитъ, слѣдующее:

I) Благочиннымъ, а гдѣ ихъ нѣтъ, самимъ протопопамъ осмотрѣть не только показанныя въ приложенномъ реестрѣ, но и между оными стоящія церкви и наблюдать: 1) чтобы всходы въ оныя и лѣсницы были исправны и надежны; 2) ветхости были починены; 3) полы были тверды и вымыты; 4) пыль и паутина были обметены; 5) дорога изъ церкви усыпана была пескомъ и травою; изъ церкви по краямъ около стѣнъ полъ усыпанъ травою; также около градъ дровъ, бревенъ и никакой нечистоты не было и оная была

исправлена; 6) гдѣ ризы худы, взять лучше изъ другихъ церквей, также кресты, кадилы, лампады; 7) гдѣ священники не надежны— быть самому благочинному или другому по его наряду.

II) При въѣздѣ ея императорскаго величества, при церквахъ звонить, доколь взойдетъ въ покой.

III) При выѣздѣ звонить же.

IV) Выходить изъ церкви при въѣздѣ съ крестомъ, кадилами и лампадою и стоять въ святыхъ воротахъ ограды, къ каретѣ жъ не подходить, развѣ остановленіемъ кареты противу церкви дастся знакъ, тогда подойти священнику, съ однимъ крестомъ, одному.

V) Гдѣ два или три священника, быть всѣмъ въ ризахъ.

VI) Гдѣ діакона нѣтъ, нарядить отъ другой церкви діакона порядочнаго.

VII) По всѣмъ уѣздамъ, по которымъ будетъ шествіе ея императорскаго величества, всѣхъ священно и церковно-служителей обязать подъ опасеніемъ строжайшаго штрафа подписками, чтобы ни они, ни жены, ни сродники ихъ не осмѣливались ни подъ какимъ видомъ ея императорское величество просьбами своими утруждать и чтобы никто ко дворцу въ близости не подходилъ, предъ окнами не стоялъ, отчего и прихожанъ своихъ также удерживать.

VIII) Обязать же подписками, чтобы всѣ были трезвы и порядочны, чего и благочиннымъ накрѣпко смотрѣть, а пьянствующихъ на то время, гдѣ будетъ высочайшее шествіе, разослать для содержанія въ монастыри или въ отдаленнѣйшія мѣста; если же кто усмотрѣнъ будетъ пьянымъ или непорядочнымъ, то и благочинный и священникъ той церкви штрафованы будутъ.

IX) Гдѣ будетъ шествіе высочайшее поутру, священникамъ быть готовыми къ служенію литургіи, которую и не начинать до двѣнадцати часовъ, и съ утра изготовить проскомидію и прочесть часы, если-жъ гдѣ не будетъ слушать ея величество литургіи, то изготовленные дары употребить, или литургіи не служить.

X) Нарядить изъ священно и церковно-служителей для чтенія и пѣнія искусныхъ до четырехъ человѣкъ—отъ другихъ церквей и чтобъ были въ суконномъ пристойномъ платьѣ, въ сапогахъ, вымыли руки и лице и причесали волосы».

Сообщ. **Я. П. Новицкій.**

Іосифъ-Игнатій Крашевскій.

Кончина ветерана польской литературы, умершаго въ Женевѣ прошлаго 7 марта, на 75 году отъ рожденія, встрѣчена европейской и русской печатью какъ крупная литературная потеря. Для литературы и журналистики польской эго потеря незамѣнимая и скорбь, которой приникнутъ общій хоръ похвалъ, возданныхъ Крашевскому польскою печатью, находитъ себѣ полное объясненіе въ дѣятельности покойнаго писателя. Онъ не покидалъ пера въ теченіи 57 лѣтъ и оставилъ около 500 книгъ разнообразнѣйшихъ сочиненій, не считая безчисленныхъ статей и замѣтокъ. Въ значительной степени его усиліями создана читающая польская публика и три поколѣнія были его читателями. «Онъ шелъ рука объ руку со своимъ временемъ, пишетъ о немъ" *Gazeta Polska*, и потому не остался въ тылу за другими; онъ всегда былъ современнымъ и не сдѣлался живымъ анахронизмомъ, замѣняя каждое устарѣвшее сочиненіе прежней эпохи новымъ, дышащимъ жизненностью текущей минуты... Онъ держалъ перо на пульсѣ общества». «Орачъ, плугъ котораго прошелъ по разнороднымъ нивамъ искусства,» Крашевскій былъ романистомъ, и сатирикомъ, драматургомъ, изслѣдователемъ старины, эстетикомъ, филологомъ, журналистомъ и даже рисовальщикомъ и музыкантомъ. «Былъ онъ, какъ выражается образно о его неутомимой дѣятельности *Wiek*, расточительнымъ богачемъ, разбрасывающимъ на обѣ стороны сокровища духа, и алчнымъ скупцемъ, жалѣвшимъ минуты спокойствія и отдыха... для себя». Единогласные въ оцѣнкѣ вліянія и производительности покойнаго романиста, органы польской печати расходятся нѣсколько въ оцѣнкѣ размѣровъ его дарованія. Для такой оцѣнки нужно, конечно болѣе спокойное состояніе духа, которое не мирится съ взволнованнымъ скорбью чувствомъ. Органъ позитивистовъ *Przegląd Tygodniowy* относится довольно сурово къ сошедшему въ могилу романтику, но, конечно, и онъ воздаетъ должное его литературнымъ заслугамъ.

Изъ многолѣтней и неистощимой производительности Крашевскаго считаемъ долгомъ отмѣтить произведенія, посвященныя нашему краю. Какъ беллетристъ, онъ примыкалъ отчасти, въ особенности въ періодъ многолѣтняго своего житья на Волыни, къ такъ назы-

ваемой украинской школѣ польскихъ писателей, чуждаясь ея фантасмогорій и ограничиваясь obyczajowemi powieściami, повѣстями изъ панскаго и народнаго быта. Прекрасною страницею въ его дѣятельности останутся также описательные, историческіе и этнографическіе этюды мѣстностей Волыни, Полѣсья, Подоліи и Новороссіи, написанные живо, съ знаніемъ дѣла и съ любовью къ нему и чуждые тенденціи.

Въ своихъ польско-украинскихъ повѣстяхъ Крашевскій нерѣдко стоитъ искренно на сторонѣ малороссійскаго простонародья и не становится слѣпымъ предъ грѣхами его угнетателей, потому только, что эти угнетатели соплеменники писателя.

Отношенія его къ мѣстному крестьянскому классу, при ихъ гуманности, носятъ конечно извѣстный условный оттѣнокъ. Рабство вещь позорная и злоупотребленія крѣпостнымъ правомъ тоже. Но виноваты преимущественно не помѣщики, то живущіе за границею, то ушедшіе совсѣмъ въ научныя спеціальности, а посредники между мужикомъ и помѣщикомъ—экономы. Противъ развитія мѣстной литературы и языка возразить ничего нельзя, но какъ не предпочесть имъ богатую и обширною культуру соплеменнаго народа? За всѣмъ тѣмъ въ украинскихъ повѣстяхъ Крашевскаго много правды и искренности. О его практическомъ отношеніи къ крестьянскому вопросу говорятъ статьи его въ эпоху освобожденія крестьянъ, доказывавшія необходимость обезпеченія ихъ земельнымъ надѣломъ.

Ostap Bondarczuk i Jaryna, романы служащіе одинъ продолженіемъ другого, принадлежатъ къ извѣстнѣйшимъ изъ украинскаго цикла произведеній Крашевскаго. Крестьянскій мальчикъ оказалъ услугу пану въ открытіи клада, за это панъ даетъ ему воспитаніе. Бондарчукъ возвращается изъ-за границы докторомъ иностраннаго университета, здѣсь на родинѣ попадаетъ въ отношенія соперничества къ сыну своего воспитателя. Они оба любятъ одну панну, которая отдаетъ предпочтеніе человѣку своего круга: Бондарчукъ, съ досады, женится на крестьянкѣ, которую не любитъ. Заключительная часть романа занята обрисовкой борьбы чувствъ великодушія и сердечныхъ стремленій изображенныхъ лицъ.

Ulana—лучшая изъ новѣстей Крашевскаго изъ украинской жизни. Молодой панъ, въ глубокомъ волынскомъ Полѣсьи, влюбляется въ замужнюю крестьянскую женщину и любимъ ею. Эти отношенія

рождаютъ драму въ семьѣ героини повѣсти. Мужъ Ульяны, съ горя, поджигаетъ панскій домъ, заложивши предварительно выходъ камнями. Пойманный и судимый, онъ отравляется въ тюрьмѣ ядомъ, который приноситъ ему тетка крестьянка. Ульяна поселяется въ панскомъ дворѣ. Черезъ нѣсколько лѣтъ панъ бросаетъ ее и женится. Ульяна вѣшается съ отчаянія.

Отношенія пана къ Ульянѣ выступаютъ у автора не въ обычномъ видѣ «крѣпостныхъ» романовъ. Въ нихъ много идеальнаго элемента и истинной любви. Это не заставляетъ однако писателя видѣть въ своемъ героѣ рыцаря идеаловъ. Во всѣхъ другихъ сторонахъ жизни и характера панъ остается съ кругомъ воззрѣній и привычекъ, свойственныхъ рабовладѣльческому классу. Онъ прекрасно пользуется своимъ правомъ помѣщика, чтобъ удалять отъ Ульяны мужа, сначала подъ предлогомъ работъ и посылокъ, а потомъ и совсѣмъ ужъ откровенно. Во время суда надъ крестьяниномъ, ему не приходитъ и въ голову, что расправа, учиненная мужемъ Ульяны, вызвана нарушеніемъ элементарнѣйшихъ человѣческихъ правъ и что во всемъ этомъ дѣлѣ виновнѣе всѣхъ онъ самъ.

Въ романѣ *Latarnia Czarnoxięska* (Волшебный фонарь) встрѣчается эпизодъ, который слѣдуетъ признать одною изъ самыхъ сильныхъ и искреннихъ вещей изъ всего, что писалъ Крашевскій о малорусскомъ мужикѣ. Это разсказъ одного изъ вводныхъ лицъ романа, *Historya Savki*, о томъ, какъ на его глазахъ въ панскомъ дворѣ былъ засѣченъ крестьянинъ.

Трехтомный историческій романъ изъ временъ Сигизмунда III *Ostatnia z xiąząt Słuckich* повѣствуетъ о бракѣ этой послѣдней представительницы рода Олельковичей съ княземъ Соломерецкимъ. Героиня этого романа еще разъ выводится въ одномъ изъ небольшихъ очерковъ писателя, описывающимъ осаду Дубна.

Прекрасная книга *Wspomnienia Polesia, Wołynia i Litwy*, вышедшая вторымъ изданіемъ въ Парижѣ съ изящными рисунками самого автора, даетъ очерки жизни, прошлаго и быта народа названныхъ мѣстностей, оживленныя искуснымъ карандашомъ романитта. Другое, трехтомное сочиненіе въ томъ-же родѣ, *Wspomnienia Odessy, Jedyssanu i Budzaku* («члена одесскаго общества исторіи и древностей, Крашевскаго»), есть журналъ его путешествія по Подоліи, Новороссіи и Бессарабіи. На ряду съ замѣтками наблюдателя, тутъ раз-

сѣяно множество историческихъ воспоминаній, этнографическихъ отмѣтокъ, набросковъ жизни и людей того времечи (епископъ Гавріилъ, Воронцовъ, Нарышкинъ и др.) и прекрасныхъ характеристикъ степной природы края. Два послѣднія сочиненія не утратили и понынѣ своего интереса и переводъ ихъ въ цѣломъ или въ извлеченіи былъ-бы крайне желателенъ.

Въ издававшемся Крашевскимъ въ Вильнѣ «Атенеумѣ» помѣщалось не мало статей о Южной Россіи, иногда фантастическихъ, какъ работы печальной памяти этнографа Изопольскаго, но большею частью писанныхъ съ знаніемъ дѣла.

Къ заграничному періоду дѣятельности писателя относится еще повѣсть, начальныя главы которой имѣютъ мѣстомъ дѣйствія Каневъ, во время извѣстной встрѣчи въ этомъ городѣ Екатерины II съ Понятовскимъ. Героиня-крестьянка, подъисканная лицемъ изъ свиты короля, какъ мимолетная забава ему во время остановки въ скучной глуши, въ Варшавѣ становится женою сенатора, получающаго за то каштелянскій дипломъ и орденъ. Этотъ сенаторъ такъ попалъ на свое призваніе, что предлагалъ потомъ тому же Понятовскому и вторую свою жену за званіе воеводы. Паденіе высшихъ классовъ польскаго общества иъ ту эпоху нарисовано здѣсь Крашевскимъ безпощадно строгою кистью.

Думаемъ, что не будетъ лучшей похвалы скончавшемуся писателю, какъ сказать, что онъ имѣлъ силу духа и мужество быть правдивымъ. Въ взаимной справедливости залогъ любви и мира родственныхъ народностей и слава тому, кто умѣлъ служить ей.

W.

Отъ редакціи.

Журналъ „**Кіевская Старина**" выходитъ *неизмѣнно* 1-го числа каждаго мѣсяца и въ тотъ-же день разсылается городскимъ подписчикамъ, а 2-го и не позже 3-го числа сдается въ Почтовую Контору для отправки внутри Имперіи и за границу.

Редакція отвѣчаетъ за исправное полученіе журнала лишь при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если въ *четко* написанномъ адресѣ означены: имя, отчество и фамилія подписчика, равно губернія, уѣздъ и почтовое учрежденіе, гдѣ *допущена* выдача журналовъ, 2) если жалоба на неполученіе книжки прислана непосредственно въ редакцію, хотя-бы подписка была сдѣлана въ одномъ изъ книжныхъ магазиновъ, 3) если жалоба послана. согласно объявленію Почтоваго Департамента, не позже полученія или срока выхода слѣдующей книжки, 4) если къ жалобѣ приложено будетъ удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книжка ею не была получена и 5) если о перемѣнѣ адреса было сдѣлано заявленіе редакціи и притомъ сдѣлано своевременно, т. е. съ такимъ разсчетомъ времени, чтобы редакція могла получить оное не позже выхода слѣдующей книжки.

За перемѣну адреса иногороднаго на городской и обратно уплачивается *пятьдесятъ коп.*, а при перемѣнѣ иногороднаго на иногородный-же высылается *четыре семикопѣечныя марки.*

Подписная цѣна на мѣстѣ 8 р. 50 к., съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи 10 р., за границу 11 р. По той-же цѣнѣ высылаются и оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры 1882—1886 гг.

Подписка принимается въ редакціи журнала и конторѣ оной (*Кіевъ*, *Трехсвятительская улица*, *№ 8-й*), въ книжныхъ магазинахъ Оглоблина въ Кіевѣ и Петербургѣ, «Новаго Времени» и Глазунова въ Петербургѣ и Москвѣ, Мелье, Вольфа и Мартынова въ Петербургѣ, Федорова, Розова, Динтера, Корейво, Гинтера и Малецкаго въ Кіевѣ и др.

Издателямъ и авторамъ книгъ и брошюръ по южно-русской исторіи и этнографіи, приславшимъ экземпляръ своихъ изданій въ редакцію, обѣщается рецензія.

Кіевъ. Типографія А. Давиденко, арендуемая Л. Штамомъ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

ТОМЪ XVIII.

Май.

1887 г.

КІЕВЪ.

Тип А. Давиденко, аренд. Л. Штамомъ, Мало-Житом. ул., д. № 4.

Дозволено цензурою. Кіевъ. 30-го апрѣля 1887 года.

СОДЕРЖАНІЕ

ТОМА XVIII. 1887 г.

Май, 1887 г.

Іюнь и Іюль, 1887 г.

Августъ, 1887 г.

НЕИЗДАННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ Т. Г. ШЕВЧЕНКА.

КАПИТАНША.

(ОКОНЧАНІЕ[1]).

На третьемъ или четвертомъ году нашей благополучной стоянки въ г. Муромѣ переведенъ былъ въ нашъ полкъ за какія-то проказы капитанъ гвардіи NN, лѣтъ двадцати пяти, красавецъ собою, богачъ и самой благородной аристократической фамиліи, человѣкъ образованный, деликатный и самый безпардонный кутила, а въ то время это была не послѣдняя добродѣтель, и Давыдовъ несправедливъ, приписывая эту благородную страсть однимъ гусарамъ, наша братья пѣхотницы нисколько имъ не уступали.

Молодое офицерство наше все такъ къ нему и прильнуло, а про барышень и говорить нечего: всѣ, сколько ихъ было въ Муромѣ и около Мурома, всѣ разомъ влюбились въ него. Ну, положимъ такъ, ихъ дѣло молодое, неопытное, имъ простительно, а то барыни, матери взрослыхъ дѣтей, туда же сунулись соперничать съ своими дочерьми. Господи, какую страшную силу имѣетъ золото на сердце человѣка! А къ тому еще онъ хорошо говорилъ по французски, читалъ наизусть и даже пѣлъ нѣкоторыя такія пѣсни Беранже, что порядочный французъ постыдится пѣть ихъ въ холостой и пьяной компаніи, а онъ, молодецъ, пѣлъ ихъ въ муромскихъ гостинныхъ, и нѣжному полу такъ нравились эти не двусмысленныя пѣсни, что ихъ наизустъ выучивали и въ тѣни сирени, подъ акомпаниментъ гитары и соловья, пѣвали ихъ безбожно уныло. Простодушныя, онѣ и не подозрѣвали, что пѣли; онѣ думали, что ангелы если разговариваютъ между собою, то непремѣнно на французскомъ языкѣ и поютъ такія пѣсни, какъ и предметъ

[1]) См. „Кіев. Стар.“ 1887 г., апрѣльск. кн., стр. 589—625.

ихъ нѣжной страсти. Вскорѣ послѣ появленія этого хвата барыни и барышни, если обращалися къ кому съ вопросомъ, то вмѣсто имени и отчества произносили *мсью*, и это было такъ обще, что свѣжій человѣкъ непремѣнно подумалъ-бы, что все муромское народоселеніе говоритъ по французски.

Вотъ когда открывался Туману благопріятный случай блеснуть своимъ знаніемъ французскаго языка. Но увы! онъ бѣдный плебей, а то аристократія, да еще какая аристократія—уѣздная! А это, я думаю, всѣмъ извѣстно, что англійская аристократія самая гордая и щекотливая, но, въ сравненіи съ нашей уѣздной, она ничего не значитъ. Хотя французскіе плѣнные солдаты часто попадали въ ея недоступный кругъ, но то французскіе, дѣло совсѣмъ другого рода.

Была у меня здѣсь одна хорошая знакомая, женщина уже не первой молодости, примѣрная, можно сказать, жена и примѣрная мать семейства; по образованію она была немногимъ выше своихъ согражданокъ, но здраваго практическаго смысла и безъ всякаго жеманства, что мнѣ въ ней особенно нравилось; такъ вотъ она однажды стала мнѣ описывать добродѣтели и образованность нашего гвардейца. Слушая ее, я думалъ, что она шутитъ, слушалъ ее и молча улыбался; но она, не обращая вниманія на мои улыбки, такъ увлеклась панегирикомъ, что начала выхвалять глубокія его познанія въ русской исторіи. Я тогда и рукой махнулъ. Ну, статочное ли дѣло, чтобы русскій баринъ того времени, да еще и гвардеецъ, зналъ что-нибудь, кромѣ французскаго языка? А то еще и отечественную исторію! Карамзинъ тогда началъ издавать свою знаменитую исторію, такъ объ ней то вѣрно слышалъ въ столицѣ нашъ капитанъ, да и пустилъ въ ходъ свои познанія между непорочными муромками. Бѣдныя муромки! и еще бѣднѣйшіе муромцы!!

Если женщина, которая почиталась образцемъ ума и семейныхъ добродѣтелей, и та увлеклась удалымъ капитаномъ, то какое же вліяніе онъ имѣлъ на обыкновенные умы и добродѣтели? Вліяніе сильное, до того сильное, что не прошло году, какъ мужья молодыхъ женъ и отцы молодыхъ дочерей почти начали убѣждаться въ сильномъ вліяніи капитана на ихъ женъ и дочерей, и когда полку нашему назначенъ былъ походъ въ Москву по случаю коронаціи, то отцы и мужья перекрестились и свободно вздохнули, а

Однакожъ горькія рыданія оказались напрасными: капитанъ заболѣлъ и до выздоровленія остался въ Муромѣ.

Какой однакожъ былъ ужасъ маменекъ и ихъ милыхъ дочерей, мѣтившихъ на капитана, какъ на самую выгодную партію, когда къ нему, въ отсутствіи нашемъ, пріѣхали жена и теща и застали его не на одрѣ болѣзни, а въ кругу собутыльниковъ. Теща начала было ему приличную случаю проповѣдь, но онъ ее остановилъ такими словами: «вы, кажется, умная женщина, а такія глупыя вещи говорите; вѣдь вы видѣли, вы знали, кому вы отдавали свою единственную дочь, такъ о чемъ же вы мнѣ теперь толкуете»? Старушка посмотрѣла на него, заплакала и, взявши свою единственую дочь, отправилась во свояси; а онъ, хохоча, кричалъ имъ вслѣдъ: «куда торопитесь? не угодно ли со мною пообѣдать»? Каковъ молодецъ!

Не смотря однакожъ на все это, вліяніе его на нѣжный полъ продолжалось, такъ что бѣдные мужья и отцы не видѣли другихъ средствъ избавиться отъ опаснаго капитана, какъ написать просьбу государю отъ лица всего ихъ конклава и слезно просить, чтобъ онъ за примѣрныя добродѣтели капитана перевелъ бы его снова въ гвардію. Не знаю, по ихъ ли просьбѣ, или по чьей другой, только капитанъ, проживши еще два года, былъ переведенъ, но не въ гвардію, а въ городъ Вологду подъ надзоръ полиціи; а въ продолженіи этихъ двухъ лѣтъ онъ разыгралъ еще съ десятокъ слезныхъ мелодрамъ и послѣднюю самую патетическую содержанія слѣдующаго.

Выходя въ Москву, вагенбургъ и прочія полковыя тяжести намъ приказано было оставить въ Муромѣ, изъ чего и слѣдовало заключать, что мы вскорѣ возвратимся на прежнія квартиры. Офицеры, которые имѣли порядочныя квартиры, оставили ихъ за собою, я и свою квартиру тоже за собою оставилъ, а при ней мебель и прочую громоздкую мизерію. Полковой командиръ, спасибо ему, уважилъ мою просьбу, отдалъ въ мое полное распоряженіе Тумана, а я Туману отдалъ въ полное распоряженіе свою квартиру и все къ ней принадлежащее. Прощаясь съ нимъ, я наказывалъ ему пуще своихъ глазъ беречь Варочку и, какъ можно, рѣже позволять ей посѣщать фельдшершу, потому, говорю ему, что ты

самъ знаешь, что за звѣрь остается въ городѣ! Не равно какъ нибудь она ему на глаза попадется, пропала тогда.

— Бога гнѣвите, ваше высокоблагородіе, сказалъ онъ: воно ще дытына!

Я замолчалъ, зная по опыту, что никакія доказательства не въ состояніи поколебать упрямаго земляка моего; а замѣтьте, что этой дитинѣ миналъ уже пятнадцатый годъ.

Сходили мы въ Москву и возвратились назадъ благополучно. Въ Муромѣ также все по старому; квартиру я свою и прочее добро нашелъ въ отличнѣйшемъ порядкѣ, иначе и быть не могло. Варочка встрѣтила меня съ самой дѣтской непритворной радостью, а Туманъ, отрапортовавши мнѣ о благополучіи, благодарилъ меня, что я его оставилъ въ Муромѣ, потому, говоритъ, что онъ впродолженіи этого времени, кромѣ того, что выучился выводить всѣ цифры на бумагѣ, да еще зашибъ препорядочную копѣйку; весь городъ надѣлилъ сапогами, а послѣдній весь почти мѣсяцъ работалъ на одного капитана.

Ну, начало сдѣлано! подумалъ я.

— Не приходилъ ли онъ къ тебѣ иногда сапоги примѣривать? спросилъ я Тумана.

— Приходилъ, ваше высокоблагородіе, разъ нѣсколько приходилъ.

Плохо, подумалъ я и отпустилъ простодушнаго добряка, не сказавши ему первый разъ ни слова.

На другой день спросилъ я его, кто рекомендовалъ его капитану. Туманъ немножко замялся и сказалъ.

— Признаться сказать, ваше высокоблагородіе, фельдшерша.

— А что я тебѣ говорилъ, выходя въ Москву? спросилъ я его.

— Помню, ваше высокоблагородіе.

— Нѣтъ, не помнишь, забылъ; припомни и подумай хорошенько, что изъ всего этого можетъ выйти. А что онъ видѣлъ у тебя Варочку?

— Видѣлъ, ваше высокоблагородіе.

— И говорилъ съ нею?

— Говорилъ, ваше высокоблагородіе.

— И за сапоги платилъ не торговавшись?

— Не торговавшись, ваше высокоблагородіе, даже впередъ, сколько угодно, денегъ предлагалъ, только я не бралъ: не треба було.

— Видишь, Туманъ, какъ я все знаю; слушай же: съ сегоднешняго дня, Боже тебя сохрани, если ты пустишь хоть за ворота безъ себя Варочку, прощайся съ нею на вѣки, слышишь?

— Слушаю, ваше выс—діе.

— То-то-же слушай и не забывай! А то и тебя и меня Богъ накажетъ за наше нерадѣніе: за чужое дитя мы больше отвѣчаемъ предъ людьми и предъ Богомъ! Ступай себѣ, Туманъ, за своимъ дѣломъ, сказалъ я въ заключеніе своей проповѣди.

— Спасыби за науку, ваше выс—діе, сказалъ растроганный Туманъ и вышелъ.

Послѣ этого онъ каждое утро, рапортуя мнѣ о благополучіи по хозяйству, рапортовалъ также и о похожденіяхъ своихъ съ Варочкою. Ходили они, и то разъ или два въ недѣлю, на берегъ Оки къ рыбакамъ, или такъ просто для проходки, и иногда къ фельдщершѣ на чашку чаю, тѣмъ и ограничивались ихъ похожденія; да еще разъ въ недѣлю, т. е. каждое воскресенье, ходили они къ обѣднѣ въ церковь святыхъ угодниковъ Флора и Лавра.

А въ городѣ, между тѣмъ, т. е. въ кругу дворянъ и даже въ жирномъ кругу купеческомъ исторія за исторіей повторялась самаго скандальнаго содержанія и главнымъ дѣйствующимъ лицомъ всѣхъ тѣхъ новеллъ былъ, разумѣется, нашъ безпардонный капитанъ. Къ зимѣ въ городѣ, по примѣру прошлыхъ зимъ, составился дворянскій клубъ или собраніе; на первомъ, на второмъ собраніи я хотя и былъ, но не замѣтилъ ничего необыкновеннаго, а прочіе замѣтили и мнѣ ужъ послѣ сообщили, что на балахъ не показывалась ни одна уѣздная львица, а причиною тому былъ никто другой, какъ все нашъ безпардонный капитанъ; самые прескверные анекдоты сочинялись по случаю неявленія на балъ львицъ, но смиренныя овечки, на которыхъ онъ не обращалъ вниманія, скромно варьировали эти анекдоты, чувствительно взирая на изверга капигана.

Я постоянно ходилъ въ церковь святыхъ мучениковъ Бориса и Глѣба, что въ Благовѣщенскомъ монастырѣ, и вдругъ по чему-то мнѣ вздумалось пойти къ обѣднѣ въ церковь Флора и Лавра. Прихожу, перекрестился, гляжу, предчувствіе меня не обмануло: капитанъ тутъ, а передъ нимъ шагахъ въ двухъ Варочка, а около нея фельдшерша что-то шепчетъ ей на ухо и ставитъ свѣчки пе-

редъ образами. Капитанъ такъ пристально смотрѣлъ на затылокъ и толстыя темнорусыя косы Варочки, что не замѣтилъ, какъ я прошелъ мимо его и почти рядомъ съ Варочкой остановился. Странная и непонятная вещь! Отъ чего, напримѣръ, долго каждый день любовался я красотой Варочки, и ни разу не бросились мнѣ въ глаза такія милыя и, можно сказать, пластическія подробности, какъ въ церкви: напримѣръ, на бѣломъ изящномъ округленномъ затылкѣ прозрачно вьющіеся кудри, я вамъ скажу, это такая сатанинская прелесть, противъ которой не въ силахъ человѣкъ устоять. Я перекрестился и двинулся нѣсколько шаговъ впередъ. По окончаніи обѣдни, на паперти встрѣтился мнѣ капитанъ; ему, какъ я замѣтилъ, ужасно хотѣлось зайти ко мнѣ на квартиру, но я искусно отманеврировалъ, раскланялся съ нимъ на перекресткѣ и пошелъ по направленію къ квартирѣ полковаго командира, гдѣ его хоть и принимали, но весьма осторожно потому, правду сказать, что командиръ нашъ былъ уже старикъ и въ добавокъ израненный старикъ, командирша же баба хоть куда, а въ добавокъ еще и нѣмка, такъ оно, знаете, опасно было пускать такого звѣря въ домъ, какъ капитанъ.

На другой день послѣ рапорта спросилъ я у Тумана, который теперь будетъ годъ Варочкѣ.

Онъ долго считалъ по пальцамъ и наконецъ сказалъ:

— Зъ Варвары семнадцатый пошелъ.

— Гм..., семнадцатый, подумалъ я, опасно!... и разсказалъ ему, что я вчера замѣтилъ въ церкви и какихъ отъ этого послѣдствій ожидать можно и даже должно.

Туманъ долго молчалъ, повѣся голову, потомъ вздохнулъ и проговорилъ, какъ бы про себя:

— Морока, тай годи!

И помолчавши продолжалъ:

— Порадьте, ваше высокоблагородіе, що мени зъ нею робить?

— А что робить? Найти порядочнаго человѣка да выдать замужъ, другаго средства я не знаю.

— Замужъ, замужъ..... говорилъ онъ шопотомъ. Замужъ, продолжалъ онъ тѣмъ-же тономъ: за кого? ни за кого! сказалъ онъ, возвыся голосъ.—Пропаду! я здохну, якъ та стара собака, безъ неи, ваше высокоблагородіе.

— Ну, такъ самъ оженись.

— Не можно, ваше выс—діе, грихъ отъ Бога: вона моя дитина, и люди пальцями показуватимуть; бачъ, скажуть, старый дурень, для чого выкохавъ байстря!

И онъ снова опустилъ голову и задумался.

Глядя на него, мнѣ самому взгрустнулося. Хорошо было-бы, подумалъ я, если-бы всѣ родные отцы такъ любили своихъ дѣтей, какъ этотъ бѣднякъ пріемыша.

— Ну, что-же ты придумалъ, Туманъ? спросилъ я его.

— Ничего, ваше выс—діе.

— Такъ пока и не придумывай ничего, только смотри за нею хорошенько, можетъ, дастъ Богъ, опасность пройдетъ.

Я это говорилъ потому, что шалости капитана становились похожими на денной разбой, и полковой командиръ два раза уже аттестовалъ его, какъ человѣка неисправнаго и вреднаго полку.

Прошло лѣто, настали темные долгіе вечера осенніе, а съ ними и спутницы ихъ—грязь и скука. По вечерамъ, бывало, Туманъ сидитъ въ своей комнатѣ предъ стеклянымъ глобусомъ, наполненнымъ водою, и голенищу точаетъ, а въ углу около столика Варочка тоже или за работой, или читаетъ въ сотый разъ житіе Варвары великомученицы; и всякій разъ, когда она прочитывала имя Діоскора, Туманъ плевалъ и шепталъ себѣ подъ носъ: собака! У нихъ была еще и другая назидательная книга, это житіе святыхъ Петра и Февроніи, тутъ въ Муромѣ, въ Благовѣщенскомъ монастырѣ, нетлѣнно почивающихъ; но эту книгу она рѣже читала, потому, можетъ быть, что Варвара великомученица ея патронъ. И я, бывало, по пробитіи зари, отпущу фельдфебелей и, закуривши трубочку, зайду къ нимъ, и такъ тихо, мило пройдетъ у меня время до ужина, какъ никогда ни прежде, ни послѣ не проходило оно въ блестящихъ гостинныхъ.

Здѣсь прилично было-бы нарисовать красавицу Варочку на подобіе Сивиллы Куманской Кипренскаго, или просто юную красавицу, при свѣтѣ читающую книгу во вкусѣ фламандскаго мастера Рембрандта; но признаюсь откровенно, эта задача не по мнѣ; при томъ-же я врагъ великій художниковъ-самоучекъ, а въ этомъ дѣлѣ я былъ ниже всякаго самоучки. Я, подобно юношѣ-поэту, по цѣлымъ часамъ не сводилъ съ нея моихъ очей, и, Богъ

знаетъ, какія мысли роились въ моей сѣдой головѣ; а между прочими также у меня была въ дѣтствѣ страсть къ живописи, но какъ отецъ мой былъ настоящій суворовскій солдатъ, то онъ о живописи и вообще объ изящныхъ искусствахъ имѣлъ самое грубое понятіе или, лучше сказать, никакого; мать моя была несравненно образованнѣе отца и, какъ женщина, по природѣ своей она хотя безотчетно чувствовала прелесть нерукотворнаго созданія и ей любо было подмѣчать во мнѣ тоже самое чувство; но чтобы посвятить меня какому нибудь искусству или наукѣ, она объ этомъ и подумать не смѣла.

Разъ какъ то, мать, показывая отцу мой рисунокъ, сказала:
— А что если бы его отдать въ академію художествъ? Можетъ быть, изъ него вышелъ бы славный живописецъ?

— Что? сказалъ отецъ, сердито взглянувши на нее. Живописецъ?.. маляръ?.. Ты, кажется, пьяна была и не проспалась! Живописецъ! Ха, ха, ха... живописецъ... Да ты подумай, мудрая голова: дворянское ли дѣло въ краскахъ пачкаться? Въ академію!... вмѣстѣ съ холопами. Прекрасную карьеру выбрала ты своему сыну, прекрасную, нечего сказать!

И, взявши меня на руки, отецъ прибавилъ:
— Нѣтъ, братъ Саша, ты у меня будешь настоящій солдатъ.

Спустя годъ послѣ этой сцены, меня отвезли въ шляхетскій кадетскій корпусъ, и изъ меня дѣйствительно вышелъ настоящій солдатъ, и больше ничего. И я теперь думаю, какъ хорошо было бы, если бы я былъ живописцемъ: я бы на полотнѣ передалъ прелести Варочки отдаленному потомству, подобно, какъ Рафаэль обезсмертилъ свою Фарнарину или какъ Гвидо—Рени цѣломудренную Беатриче Ченчію; но объ этомъ теперь и толковать нечего.

Странно какъ то случается съ людьми: человѣкъ, напримѣръ, дальновидный; онъ за годъ, за два предвидитъ опасность и всѣ мѣры, всѣ средства употребляетъ, чтобы отвратить отъ себя несчастье, день и ночь не спитъ, слухъ и зрѣніе и все существо его постоянно бодрствуетъ на сторожѣ, а въ самую минуту опасности возьметъ да и заснетъ, да какъ заснетъ! Какъ самый счастливый человѣкъ.

Вотъ точно также теперь случилося съ нами. Время уже близилось къ рождественскимъ святкамъ. Туманъ, какъ обыкновенно

это бываетъ, заваленъ былъ работой; я даже на это время просилъ адъютанта, чтобы не тревожить его на ученье; думаю себѣ: пусть человѣкъ при случаѣ заработаетъ себѣ какой нибудь лишній грошъ! Вотъ однажды, отпустивши фельдфебелей, я по обыкновенію закурилъ трубочку, надѣлъ архалукъ и пошелъ къ Туману. Прихожу, онъ работаетъ предъ стеклянымъ глобусомъ; на столикѣ въ углу горитъ свѣча и уже порядочно нагорѣла, предъ свѣчей на столѣ лежитъ развернутая книга, а Варочки нѣтъ. Ну, что бы мнѣ было догадаться и спросить, давно ли она вышла? Впрочемъ, что и спрашивать: нагорѣвшая свѣча ясно показывала, что давно, а я еще снялъ со свѣчи и сѣлъ себѣ, ничего не подозрѣвая, началъ спрашивать Тумана, много ли онъ паръ уже кончилъ и сколько еще надѣется кончить къ празднику и какую цѣну онъ беретъ, смотря по давальцу и лицу, или со всѣхъ одинаково, на что онъ отвѣчалъ весьма основательно: «однаково, бо однаково и роботаю». Потомъ ни съ сего, ни съ того перешли мы къ воспитанію, говорили о заграничныхъ нашихъ похожденіяхъ, потомъ о тульчинскихъ маневрахъ и наконецъ свернули рѣчь на покойнаго Володю.

— Да, говоритъ Туманъ, недаромъ сказано: волосъ довгій, а розумъ короткій! И то сказать, прибавилъ онъ: молоде, дурне, а можеще и сирота, доглядать було никому.

И сказавъ это, Туманъ взглянулъ на то мѣсто, гдѣ должна была сидѣть Варочка, замѣтно измѣнился въ лицѣ и не сводилъ глазъ съ догоравшей свѣчи и развернутой книги.

— Мовчить, не реве, ажъ їй дома нема! проговорилъ онъ едва слышно и, обращаясь ко мнѣ, сказалъ:

— Я думаю, чомъ вона не читае, ажъ їй и въ хати нема.

И Туманъ быстро всталъ на ноги и съ работою въ рукахъ вышелъ изъ комнаты. Минутъ чрезъ десять онъ возвратился, встревоженный. Я спросилъ у него: ну, что? Онъ только шевелилъ губами, но словъ произнести не могъ; наконецъ кое-какъ шопотомъ проговорилъ: нема! Я въ свою очередь тоже вскочилъ на ноги и сказалъ ему: бѣги къ фельдшершѣ, а самъ наскоро одѣлся и пошелъ къ городничему дать знать о случившемся и просить, что-бы онъ принялъ свои мѣры. Но что значила полиція въ то время въ уѣздныхъ городахъ? Ровно ничего. Возвращаясь домой, захожу къ Туману и думаю, что онъ воротился тоже; ничуть не бывало, онъ, какъ я

его оставилъ, такъ и остался на томъ мѣстѣ, какъ окаменѣлый. Спрашиваю его, былъ ли онъ у фельдшерши; онъ лишь послѣ нѣсколькихъ повтореній едва проговорилъ: ни! Я оставилъ его и еще разъ обошелъ всѣ комнаты, раза два справлялся въ людской, на кухнѣ и искалъ ее, какъ мы обыкновенно ищемъ затерянную какую нибудь мелкую вещицу разъ десять въ одномъ и томъ же мѣстѣ; посмотрѣлъ во всѣхъ углахъ, за комодомъ, подъ диваномъ и, убѣдившись наконецъ, что Варочки нигдѣ нѣтъ, думалъ лечь заснуть. Не тутъ то было: только что сомкну глаза, предо мною является или капитанъ, или Варочка. До самаго свѣта корчился я на постелѣ, какъ карась на сковородѣ. На разсвѣтѣ я всталъ и пошелъ посмотрѣть, что Туманъ дѣлаетъ, потому что я его оставилъ ночью въ самомъ жалкомъ видѣ. Отворяю тихонько дверь и вижу въ комнатѣ едва мерцающій огненный свѣтъ, это догорала свѣча передъ стекляннымъ глобусомъ, а по сю сторону того-же глобуса на своемъ рабочемъ табуретѣ сидитъ Туманъ, подперши голову обѣими руками. Сначала я подумалъ, что онъ спитъ, и хотѣлъ выйти изъ комнаты; но онъ поднялъ голову, посмотрѣлъ на меня и едва слышно проговорилъ: нема! и такъ страшно проговорилъ, что я не на шутку за него испугался. Онъ снова опустилъ голову на руки, а я тихонько вышелъ изъ комнаты, будучи вполнѣ увѣренъ, что никакое участіе не въ состояніи было разбудить его отъ этой страшной летаргіи. А спросить бы въ самомъ дѣлѣ у психологовъ: каково дѣйствуетъ на душу самое искреннее участіе въ такомъ страшномъ критическомъ состояніи, въ какомъ теперь находилась душа моего бѣднаго Тумана. Я про себя скажу: въ полу-горѣ на меня благодѣтельно дѣйствовало даже неискреннее, а только дружеское участіе, а во время самаго истиннаго горя, когда душа наша прячется въ самый темный уголъ, куда и собственная мысль наша проникнуть не смѣетъ, тогда самое нѣжное, самое искреннее участіе дѣлается лютѣйшею отравой. Вотъ почему я не рѣшился утѣшать несчастнаго Тумана.

Пошелъ я по утру къ городничему узнать, не открылось ли какого слѣда; дорогою повстрѣчался мнѣ знакомый и послѣ первыхъ привѣтствій спрашиваетъ:

— Какъ это такъ случилось, что у васъ дворовая дѣвка пропала?

Я не отвѣтилъ ему ни слова, воротился назадъ домой, къ городничему не зачѣмъ было ходить. И дѣйствительно онъ только и умѣлъ сдѣлать, что въ тотъ же день благовѣстили во всѣхъ переулкахъ о нашей покражѣ. Послѣ этого какой тутъ слѣдъ откроешь?

Три дня и три ночи просидѣлъ несчастный Туманъ на своемъ табуретѣ, не подымая головы. Я испугался и совѣтовался съ докторомъ; благоразумный докторъ велѣлъ только окно или дверь открыть на нѣсколько часовъ (а то было, какъ я уже сказалъ, зимою). Я по части врачебныхъ наукъ совершенно невинный и изъ усердія взялъ да и растворилъ тихонько и окно, и дверь. Проходитъ часъ, другой, я все заглядываю то въ дверь, то въ окно и думаю, что выйдетъ изъ этой операціи.

Смотрю, уже такъ будетъ предъ вечеромъ, Туманъ началъ вздрагивать, а чрезъ часъ всталъ, оглянулся кругомъ, затворилъ окно и дверь, походилъ съ полчаса по комнатѣ, вздрагивая и едва слышно говоря: «отъ тоби й на», легъ затѣмъ или, лучше сказать, упалъ на свою койку, укрывшись тулупомъ. Мнѣ показалось, что онъ уснулъ. Я подумалъ: слава тебѣ Господи! и пошелъ тоже немного отдохнуть. Не успѣлъ я напиться чаю, денщикъ докладываетъ мнѣ, что Туманъ мечется, стонетъ и меня къ себѣ проситъ. Прихожу, спрашиваю:

— Что съ тобою, Якиме?

— Ничого! Спина! Холодно! Сумно! Що знаете, то те й робить.

Я вижу, дѣло плохо, послалъ за докторомъ, а самъ остался съ Якимомъ. Онъ нѣсколько разъ обращался ко мнѣ и кричалъ:

— Пить! Дайте пить, а то згорю!

Я подавалъ ему чайной чашкой квасу, и онъ немного успокаивался. Пришелъ лекарь, пощупалъ пульсъ, посмотрѣлъ на своего «брегета» съ секундною стрѣлкой и сказалъ:

— Горячка! Отправьте его сейчасъ же въ госпиталь.

Я сейчасъ же и отправилъ Якима въ госпиталь.

Мѣсяца два съ лишнимъ пролежалъ бѣдный Туманъ въ госпиталѣ. Самъ лекарь начиналъ уже сомнѣваться въ его выздоровленіи, особенно въ послѣдніе дни горячки или, какъ говорятъ, перелома болѣзни. Однако желѣзная натура больного превозмогла, и онъ къ концу перваго мѣсяца могъ уже безъ посторонней помощи

вставать съ постели, а къ концу втораго бодро уже гулялъ по коридору и все ѣсть просилъ, въ чемъ, разумѣется, ему отказывали.

Во время болѣзни Тумана, я дѣлалъ все, что могъ сдѣлать, чтобы открыть хотя темный слѣдъ нашей бѣглянки: я устроилъ своихъ лазутчиковъ и самыхъ неусыпныхъ; мнѣ фельдфебеля каждый вечеръ доносили подробнѣйше о всѣхъ движеніяхъ капитана; каждый шагъ его былъ видѣнъ, былъ на счету у моихъ вѣрныхъ агентовъ, но ни малѣйшаго слѣда: какъ въ воду канула. И не одинъ я, а всѣ въ городѣ указывали на капитана, да что ты станешь дѣлать: преступникъ на лицо, а доказательствъ никакихъ. И по неволѣ злодѣя, звѣря назовешь человѣкомъ.

Туманъ уже началъ поправляться, когда изъ Владиміра пріѣхалъ жандармскій офицеръ, взялъ нашего капитана и повезъ въ Вологду. Я однакожъ все еще не терялъ надежды; я написалъ частное письмо вологодскому полиціймейстеру, прося его, чтобы онъ увѣдомилъ меня, кто именно пріѣдетъ съ такимъ-то капитаномъ и въ особенности въ числѣ его прислуги не будетъ ли молодой дѣвушки, при чемъ я описалъ и примѣты Варочки. Чрезъ полгода, не раньше, получилъ я письмо отъ вологодскаго полиціймейстера, въ которомъ были описаны съ большими подробностями какъ самъ господинъ, такъ и его прислуга и между прочимъ горничный козачекъ Климка. «Помянутый козачекъ Климка, писалъ полиціймейстеръ, чрезъ четыре мѣсяца бѣжалъ отъ капитана и теперь неизвѣстно гдѣ обрѣтается; дѣвушки же, продолжалъ онъ, о которой вы пишете, никакой съ нимъ не прибыло въ нашъ городъ. Поговаривали сначала, что помянутый козачекъ Климка будто бы нереодѣтая женщина, но это бабьи сплетни, ничего больше. Я потому сужу, что какъ бы ни былъ человѣкъ развратенъ, а все таки не рѣшится на такое законопреступное дѣло; да и то еще опровергаетъ клевету сію, что у женщины, какъ у созданія физически и нравственно слабаго, не достанетъ духу на таковой рѣшительный поступокъ, какъ напримѣръ бѣжать; на это и мущина не всякій рѣшится. Нахожу ненужнымъ писать вамъ о самомъ капитанѣ: уповаю, что вы его хорошо знаете; развѣ только скажу, что онъ ни на волосъ не измѣнился».

Письмо, какъ обыкновенно, заключено искони принятою вѣжливостью и больше ничего. Вологодскій полиціймейстеръ долженъ

быть простодушный добрякъ, подумалъ я. Какъ таки можно не провѣрить бабьи, какъ говоритъ онъ, сплетни на дѣлѣ? Какъ можно было сомнѣваться въ законопреступномъ поступкѣ капитана, прочитавши его формуляръ! А полиціймейстеръ навѣрное его читалъ. Простота, ничего больше!

Что же мнѣ теперь оставалось дѣлать? Я вполнѣ былъ увѣренъ, что Климка козачекъ никто иной, какъ наша Варочка. Бѣдная! она свою участь наслѣдовала отъ своей матери, какъ бы и ей не пришлось кончить, какъ покойница кончила. Но гдѣ она теперь? Сидитъ, я думаю, въ пошехонской или другой какой тюрьмѣ да кормитъ вшей, а можетъ, ея уже и на свѣтѣ нѣтъ. Послѣ долгаго раздумья рѣшился я послать объявленіе въ «Мосвовскія Вѣдомости»: «Губернскія Вѣдомости» въ то время еще не печатались. Сдѣлавши это, я рѣшился подѣлиться моими надеждами съ Туманомъ; рѣшился, говорю, потому, что Туманъ хотя и совершенно оправился отъ горячки, но не смотря на то, что восемь мѣсяцевъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Варочка пропала, все еще былъ похожъ на помѣшаннаго. Онъ и до того былъ не рѣчистъ, а теперь и совсѣмъ онѣмѣлъ, бросилъ свое ремесло и по цѣлымъ днямъ просиживалъ въ своей комнатѣ, подперши голову руками. Я одного боялся, чтобы онъ не началъ пить, однакожъ, слава Богу, этого не случилось. Такъ вотъ я и не утерпѣлъ поговорить съ нимъ о Варочкѣ, предполагая, что надежда освѣжитъ его скорбящую душу, и однажды по утру, послѣ рапорта о благополучіи по хозяйству, разсказалъ ему о моемъ открытіи. Онъ долго стоялъ передо мною молча, опустя голову; я прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ, онъ, какъ статуя, не шевелился; я хотѣлъ ему что-то сказать, только смотрю, а у него изъ-подъ опущенныхъ рѣсницъ слезы, какъ горохъ, покатились; потомъ онъ вздохнулъ и едва слышно проговорилъ: капитанша!—и, поворотя на лѣво кругомъ, вышелъ изъ комнаты. Я посмотрѣлъ ему въ слѣдъ и горько раскаялся въ моей опрометчивости.

Это было осенью. Въ полку были дозволены годовые и полугодовые отпуски. Туманъ на другой день приходитъ и говоритъ, что онъ представленъ въ отпускъ на полгода, и проситъ меня, чтобы я не препятствовалъ.

— Схожу, говоритъ до дому, чи не лучше буде.

— Иди, я говорю, съ Богомъ, и наказываю ему, чтобы, когда будетъ идти чрезъ Глуховъ, зашелъ на мой хуторъ посмотрѣть, что тамъ дѣлается.

— Добре, зайду.

Чрезъ недѣлю ему выдали билетъ, и онъ, простившись со мною, ушелъ.

Напрасно ожидалъ я результата отъ моей публикаціи,—ничего не вышло; спустя мѣсяца три послѣ ухода Тумана въ отпускъ, въ одно утро докладываютъ мнѣ, что Туманъ пріѣхалъ. Я удивился, что такъ скоро. Выхожу на дворъ, смотрю, изъ небольшой одноконной рогожаной кибитки высаживаетъ Туманъ закутанную и въ нагольномъ тулупѣ женщину съ ребенкомъ на рукахъ. Туманъ, увидя меня, весело проговорилъ:

— Найшовъ! найшовъ, ваше высокоблагородіе!

И дѣйствительно это была Варочка. Но какая разница противъ прежней Варочки!—обвѣтренная, худая! Она отдала ребенка на руки Туману и, какъ помѣшанная, бросилась къ моимъ ногамъ и зарыдала. Дитя проснулось на рукахъ у Тумана и заплакало, а онъ, приголубивая его, понесъ въ свою комнату. Я поднялъ рыдающую Варочку и повелъ ее вслѣдъ за Туманомъ.

На другой день Туманъ принялъ опять мое хозяйство въ свои руки, и все у насъ въ домѣ пошло по прежнему. Однажды послѣ рапорта я спросилъ его, гдѣ онъ нашелъ свою Варочку.

— Де найшовъ?—отвѣчалъ онъ:—въ Молози, въ тюрьми!

Лыбопытство мое не совсѣмъ было удовлетворено его отвѣтомъ; но я зналъ, что онъ не охотникъ былъ до подробностей, то и не переспрашивалъ его. Нѣкоторое время Варочка никуда не выходила изъ своей комнаты, и даже отъ меня она пряталась; мнѣ тоже какъ-то казалось неловко къ нимъ заходить. У Тумана я каждый день спрашивалъ о ея здоровьи и о здоровьи дитяти, и онъ отвѣчалъ мнѣ:

— Благодарить Господа милосерднаго—обое здоровы!

Я соскучился по Варочкѣ и однажды, отпустивши фельдфебелей, зашелъ къ нимъ въ комнату и, какъ прежде бывало, Варочка читала житіе Варвары великомученицы, а Туманъ сидѣлъ противъ нея и няньчилъ на рукахъ Еленочку. Я никогда не забуду эту истинно нравственную картину.

Послѣ моего визита на другой день Туманъ пришелъ ко мнѣ по обыкновенію и послѣ рапорта сказалъ:

— Ваше высокоблагородіе! я думаю жениться, щобъ люде головою не кивали, та пальцями на насъ не показували.

Благороднѣйшій ты человѣкъ, подумалъ я и въ тотъ же день испросилъ ему у полковаго командира позволеніе, а въ слѣдующее воскресенье я присутствовалъ на свадьбѣ Тумана въ видѣ посаженнаго отца.

Варочка послѣ свадьбы долго еще все была грустная, задумчивая и никуда не выходила, кромѣ церкви. Тумана она по прежнему называла своимъ татомъ и часто плакала, глядя на него, когда онъ ласкалъ ея Еленочку, какъ-будто свое родное дитя. Мало по малу она какъ-будто бы начала забывать свое прошедшее, стала заходить въ мои комнаты, сначала въ мое отсутствіе, а потомъ и при мнѣ. Бѣлье мое и все, что требовало женскаго глаза, она взяла подъ свою опеку, и лучше и аккуратнѣе хозяйки требовать нельзя было. Однажды поутру приходитъ она ко мнѣ съ Еленочкой на рукахъ, веселая такая, счастливая; я предложилъ ей чашку чаю, посадилъ около себя и стороною повелъ рѣчь о томъ, какъ она убѣжала и гдѣ была спрятана капитаномъ до поѣздки въ Вологду.

Сначала спросилъ я ее, бываетъ ли она у фельдшерши.

— Никогда не бываю, отвѣчала она.

— Почему же ты не бываешь? спросилъ я: вы были такія короткія пріятельницы.

— Хорошія пріятельницы! Она гнусная, лукавая женщина! Еслибы не она, я бы до сихъ поръ не знала ничего; это она все надѣлала,—и Варочка заплакала.

Немного погодя, я сказалъ:

— Да, таки порядочныхъ хлопотъ ты намъ тогда надѣлала; бѣдный Туманъ чуть въ могилу не отправился. Но я до сихъ поръ не могу понять, гдѣ ты была спрятана, потому что я тогда всѣ мышьи норки перерылъ въ городѣ. Разскажи, сдѣлай одолженіе, какъ это такъ случилось.

— А вотъ какъ! сказала она, утирая слезы. Помните, въ тотъ день первый снѣгъ выпалъ. Фельдшерша, будь она проклята, подговорила меня покататься съ нею вечеромъ; я и ушла къ ней безъ

спросу, а свѣчу и книгу оставила на столѣ: думала, сейчасъ ворочусь, и никто не будетъ знать, гдѣ я была. Прихожу я къ фельдшершѣ, а у нея самоваръ на столѣ; она налила мнѣ чашку чаю; чай былъ такой вкусный, что я попросила и другую, а потомъ и третью, и мнѣ стало такъ хорошо, такъ весело, что я готова была плясать: я про все на свѣтѣ тогда забыла. Въ это время противъ оконъ на улицѣ остановились сани; мы вышли, сѣли и поѣхали. Долго мы ѣздили по городу, такъ долго, что мнѣ спать захотѣлось и такъ захотѣлось спать, что я не помню, какъ я и заснула. Проснулась я въ теплой комнатѣ; было темно, только въ маленькія скважины сквозь ставни пробивался свѣтъ. Я стала припоминать вчерашнее катанье, но только и могла припомнить одинъ чай и фельдшершу, и то, какъ во снѣ. Вскорѣ отворилась дверь и ко мнѣ вошла деревенская старуха со свѣчею въ рукахъ. Я спросила ее:

— Гдѣ я?

— У добрыхъ людей, отвѣчала она.

— Какъ же я здѣсь очутилась?

— Тебя на улицѣ подняли: знать шальные кони изъ саней выбросили.

— Не нужно-ли тебѣ чего? спросила она, ставя на столъ свѣчу.

— Не нужно ничего, отвѣчала я, и старуха взяла со стола свѣчу и вышла вонъ, защелкнувши на крючекъ двери за собою.

Я все думала, гдѣ я и что со мною хотятъ дѣлать; долго я думала и наконецъ опять заснула. Когда я проснулась во второй разъ, то уже свѣту въ скважинахъ не видно было; голова у меня не то что болѣла, а кружилась хуже всякой боли; я стала плакать. Вошла опять та-же самая старуха со свѣчой и начала меня утѣшать, предлагая мнѣ чаю и разныхъ лакомствъ. Я отказывалась и только просила ее, чтобы она сказала мнѣ, гдѣ я. Спрашивала про васъ, про тата, про городъ нашъ—далеко-ли онъ. Старуха отвѣчала, что ни васъ, ни тата не знаетъ, а про такой городъ, побожилась, что отъ роду не слыхала; потомъ предложила она мнѣ чаю, я отказалась; предложила ужинъ, я тоже отказалась; старуха зажгла лампадку предъ образомъ и вышла изъ комнаты. Я вскочила съ постели и бросилась къ двери, но старуха успѣла ихъ защелкнуть на крючекъ. Не много погодя, послышался за дверью мужской го-

лосъ; голосъ былъ мнѣ знакомый, но я не могла припомнить, гдѣ я его слышала. Голосъ спрашивалъ:

— Ну что, ей лучше теперь?

Старуха отвѣчала:

— Все равно, батюшка, бредитъ и мечется.

— Ну хорошо! говорилъ тотъ-же голосъ; я ей завтра лекаря пришлю.

— Неужели это они обо мнѣ говорятъ? Неужели я въ самомъ дѣлѣ нездорова? подумала я. Лекарь однако не приходилъ, и я успокоилась.

Долго, долго я сидѣла въ этой проклятой тюрьмѣ, чуть было съ ума не сошла отъ скуки; кромѣ отвратительной старухи, я во все это время никого не видала, только уже за день передъ тѣмъ, какъ взять ему меня съ собою, вошла ко мнѣ фельдшерша съ узломъ въ рукѣ. Я, какъ родной матери, обрадовалась ей; она принялась меня утѣшать и сулить мнѣ, Богъ знаетъ, какія радости въ будущемъ, съ тѣмъ только, чтобы я ей во всемъ покорилась. Она предложила мнѣ остричься и одѣться въ мужское платье; я было отказалась, но она пригрозила мнѣ вѣчною тюрьмою, и я повиновалась. У ней съ собою были ножницы, и она сейчасъ-же остригла мои косы. Господи, какъ я тогда плакала! Потомъ вынула изъ узла мужское платье и одѣла меня и только начала было восхищаться мною, какъ я хороша въ этомъ нарядѣ, какъ вошла старуха и сказала: пріѣхали..... Мы поспѣшно вышли на дворъ, уже было темно. За воротами стояло двѣ кибитки—одна большая, а другая поменьше; усадила меня фельдшерша въ большую кибитку, перекрестила и лошади тронулись съ мѣста, а остальное вы уже знаете, проговорила Варочка и заплакала.

Вскорѣ началась польская революція, и нашему корпусу велѣно было двинуться въ Литву. Я отослалъ, что было лишнее, къ себѣ домой на хуторъ и уговорилъ Тумана, чтобы онъ и Варочку съ ребенкомъ отпустилъ ко мнѣ на хуторъ съ обозомъ. Онъ такъ и сдѣлалъ, и мы двинулись въ походъ на телѣгѣ. По окончаніи компаніи я взялъ отставку въ чинѣ полковника, а въ скоромъ времени вышла отставка и Туману, и онъ пришелъ ко мнѣ на хуторъ. Я думалъ было его сдѣлать у себя прикащикомъ, но такъ какъ мнѣ самому дѣлать было нечего около мизернаго хо-

зяйства, то я отдалъ ему въ содержаніе корчму, что около Эсмани, безплатно за прежнія его услуги и Викторкови моему завѣщалъ тоже дѣлать, когда меня не станетъ.

Что я и буду дѣлать до конца дней моихъ.

Викторъ N. N.

Прочитавши этотъ разсказъ, я призадумался и въ воображеніи моемъ грубый ветеранъ-корчмарь преобразился въ такого человѣка-христіанина, что дай Богъ, чтобы всѣ были хоть немного похожи на него. Отрадное это размышленіе прервано было восклицаніемъ: «чертъ знаетъ что»! Дверь растворилась и въ комнату вошелъ мой пріятель, держа въ рукахъ мою гармонику и повторяя: чертъ знаетъ что! Я думалъ, что онъ ей что нибудь доброе пода рилъ. Полтина! больше полтины не стоитъ!—и увидя у меня свою рукопись въ рукахъ, какъ-бы опомнился и сказалъ:

— Что какова, повѣсть? али ты ее еще не дочиталъ?

— Какъ разъ предъ вашимъ пріѣздомъ кончилъ, отвѣчалъ я.

— Ну, какъ по твоему, стоитъ напечатать, или нѣтъ?

— И очень даже.

— Вотъ то-то и есть, а они дурни думаютъ, что, не читавши ничего, ничего не напишешь, а вотъ-же написалъ.

— Позвольте мнѣ ее переписать такъ для пямяти, сказалъ я.

— Вотъ еще переписывать! Возьмите такъ, какъ есть, и хоть напечатайте ее, только съ тѣмъ, какъ я вамъ и прежде говорилъ, чтобы не выставлять моего имени.

Я далъ слово. На дворѣ уже было темно; напившись чаю, мы погуторили еще немного, одѣлись и поѣхали въ городъ, въ историческій николаевскій соборъ «Дѣянія» слушать.

Послѣ заутрени пріятель мой поѣхалъ къ себѣ на хуторъ, какъ онъ говорилъ, по хозяйству распорядиться, а какъ послѣ оказалось, за тѣмъ только, чтобы соблюсти долгъ приличія, т. е. натянуть фракъ на независимыя плечи; я же, какъ никого не имѣлъ знакомыхъ и не имѣлъ охоты знакомиться, то нашелъ эту церемонію лишнею и остался въ городѣ въ ожиданіи обѣдни. Погода (что весьма рѣдко случается въ это время года) стояла хорошая: улицы были почти сухія, и я пошелъ шляться по городу, отыскивая то мѣсто, гдѣ стояла знаменитая Малороссійская Коллегія и гдѣ сто-

ялъ дворецъ гетмана Скоропадскаго, тотъ самый дворецъ, въ которомъ онъ чествовалъ Данилича, когда тотъ заѣхалъ поблагодарить гетмана за гостинецъ, т. е. за городъ Почепъ съ волостью. Даниличъ, не будучи дуракъ, взялъ да и отмежевалъ къ почепской волости посредствомъ нѣмецкой астролябіи сотни Балаклинскую, Мглинскую и половину Стародубовской, да и заѣхалъ въ Глуховъ благодарить гетмана, а простоватый Ильичъ, ничего не вѣдая, знай угощаетъ своего свѣтлѣйшаго гостя, ажъ пока свѣтлѣйшій гость, въ знакъ благодарности, велѣлъ складть на площади противъ дворца каменный столбъ и вбить въ него пять желѣзныхъ спицъ: одну для гетмана, а прочія для старшинъ, если они хоть заикнутся предъ царемъ про нѣмецкую астролябію. Однакожъ старшины не устрашились и, будучи въ Москвѣ, пожаловались на грабителя, за что наперстникъ и былъ оштрафованъ.

Но гдѣ-же эта площадь? гдѣ этотъ дворецъ? гдѣ коллегія съ своимъ кровожаднымъ чудовищемъ—тайною канцеляріею? Гдѣ все это? И слѣду не осталось! Странно! А все это такъ недавно, такъ свѣжо! Сто лѣтъ какихъ нибудь мелькнуло, и Глуховъ изъ резиденціи малороссійскаго гетмана сдѣлался самымъ пошлымъ уѣзднымъ городкомъ.

Благовѣстъ къ обѣднѣ прервалъ мои невеселые вопросы, и я перекрестился, пошелъ въ николаевскую церковь, одинъ единственный памятникъ временъ минувшихъ. На площади догналъ я чумацкій возъ, везомый парою сѣрыхъ воловъ—великановъ. На возу сидѣли двѣ женщины въ бѣлыхъ свиткахъ: одна въ лентахъ и въ барвинковыхъ цвѣтахъ, а другая повязанная шелковымъ платкомъ; рядомъ съ волами шелъ высокаго роста мущина въ черной киреѣ и черной смушевой шапкѣ съ батогомъ въ рукѣ. Изъ воза выглядывалъ еще бѣлый большой узелъ. Это была завернутая въ бѣлую скатерть пасха со всѣми принадлежностями.

Поровнявшись съ возомъ, я не мало удивился, узнавши въ путешественникахъ моихъ старыхъ знакомыхъ—Тумана и его фамилію. Волы остановились, я со всѣми ими похристосовался, и бесѣдуя о томъ, что Богъ послалъ погоду и день такой хорошій для такого великаго праздника, мы тихонько приблизились къ церкви.

Послѣ обѣдни на цвинтарѣ или на погостѣ пріятель мой не безъ умиленія облобызалъ дюжины двѣ православныхъ христіанъ и христіанокъ, взялъ меня за руку и подвелъ къ только что вышедшему изъ церкви не большому толстенькому человѣчку въ губернскомъ мундирѣ съ румянымъ добродушнымъ лицемъ и, похристосовавшись съ нимъ, сказалъ, указывая на меня: такой-то. Я поклонился, пріятель прибавилъ:

— Карлъ Самойловичъ Стернъ, эскулапъ нашъ уѣздный. Ему такъ нравится нашъ истинно христіанскій обычай, что онъ каждый годъ надѣваетъ мундиръ и является къ обѣднѣ собственно для этого праздника и хочетъ принять нашу православную вѣру, да нѣтъ, я думаю, совретъ,—извини, Карлъ Самойловичъ!

Нѣмецъ добродушно улыбнулся и мы разстались.

Пріѣхали мы на хуторъ, и я, войдя въ комнату или свѣтлицу, не мало удивился, не видя ничего такого, чѣмъ бы можно было разговѣться. Хозяинъ, замѣтя мое удивленіе, вывелъ меня въ сѣни и молча показалъ на большую дверь, ведущую, какъ я думалъ, въ садъ. Я отворилъ дверь, и изумленнымъ очамъ моимъ представился не садъ, какъ я воображалъ, а огромный досчатый сарай съ маленькими окнами, примкнутый къ самому дому; это были залы пиршествъ, какъ я узналъ. По срединѣ сарая стоялъ безконечный столъ, покрытый бѣлой скатертью и, Боже, чего на этомъ столѣ не было! И все это было въ самыхъ гомерическихъ размѣрахъ. Бабуся, вертѣвшаяся около стола, казалась мухой противъ колоссальной пирамиды изъ тѣста, называемой пасхой. По сторонамъ пирамиды, какъ египетскіе сфинксы, по нѣсколько въ рядъ, лежали не поросята, а цѣликомъ зажаренные огромные кабаны, съ корнями хрѣну въ зубахъ, и все прочее въ такихъ размѣрахъ, даже водка и сливянка стояли по краямъ стола въ большихъ барилахъ (боченкахъ), покрытыхъ салфетками, словомъ: все было циклопическое, такъ что еслибы проснулся великій слѣпецъ хіоскій, такъ и онъ только бы усъ покрутилъ, больше ничего, да, можетъ быть, подумалъ бы, что на хуторѣ ждутъ Кадма съ товарищами.

Хозяинъ, ходя по залѣ (такъ называлъ онъ сарай), поглядывалъ то на столъ, то на меня и самодовольно улыбался. Зачѣмъ же дѣло стало? чего тутъ недостаетъ? думалъ я; можно бы, ка-

жется, и приступить къ дѣлу, или онъ кого дожидаетъ. Я хотя и не былъ голоденъ, но и равнодушно не могъ взирать на всѣ сіи блага, особенно на порося и на бабу, точно московская кубическая купчиха, бѣлая, румяная,—ну такъ бы и проглотилъ всю разомъ; а хозяинъ, какъ ни въ чемъ не бывало, ходитъ себѣ да только улыбается. Полчаса, если не больше, прошло въ ожиданіи; я началъ уже припоминать такой анекдотъ про царя и его любимаго боярина. Вѣрный бояринъ проворовался въ чемъ-то предъ царемъ; добрый царь не хотѣлъ для открытія истины употреблять въ дѣло огня и желѣза, а продержавши сутокъ съ трое въ темницѣ безъ хлѣба и воды своего вѣрнаго боярина, потомъ велѣлъ подать себѣ мису добрыхъ щей, жаренаго поросенка и позвать боярина къ допросу. Что же вы думаете? За ложку щей да за хвостикъ поросенка во всемъ бояринъ повинился. Вины, правда, я за собой никакой не сознавалъ, но мнѣ невольно думалось, не хочетъ ли пріятель мой и надо мною такую шутку выкинуть, какъ тотъ царь надъ своимъ вѣрнымъ бояриномъ, только въ чемъ же я предъ нимъ провинился. Въ эту самую секунду дверь отворилась, и вошла въ залу бабуся съ тарелкой въ рукахъ; въ тарелкѣ была священная вода и кропило изъ васильковъ сухихъ. Входя въ залу, бабуся скороговоркою сказала: «уже на гребли»! Пріятель мой вышелъ въ сѣни; вскорѣ послышался на дворѣ стукъ колесъ, и минуты двѣ спустя, вошелъ въ залу священникъ при епитрахили, сопровождаемый хозяиномъ и церковниками. За клиромъ вошелъ Туманъ со своими домочадцами, а за Туманомъ чинно, безъ шуму, разглаживая усы, вошли мужички и чрезъ минуту наполнили собою весь сарай. Послѣ священнодѣйствія священникъ, а за нимъ хозяинъ, а потомъ уже я похристосовались со всѣми предстоящими и, разговѣвшись кусочкомъ черваго хлѣба, приступили кто къ чему имѣлъ поползновеніе. Теперь только объяснилось, для чего въ такихъ гигантскихъ размѣрахъ было приготовлено съѣдобное и спитобное! Пріятель мой (за что я съ нимъ десять разъ похристосовался) буквально слѣдовалъ слову Златоустаго витіи и любви и смиренію первобытныхъ христіанъ. Тутъ не было раба и владыки; тутъ былъ со мной радушный хозяинъ и самые нецеремонные гости.

Проводивши священика и крѣпостныхъ своихъ гостей, онъ усадилъ за столъ меня, Тумана съ фамиліею, и самъ сѣлъ между

нами, сказавши: «отъ теперь розговѣемся»! Противъ меня сидѣла Еленочка съ матерью, и теперь только я разсмотрѣлъ ее съ должнымъ вниманіемъ. Это была настоящая, только, только что разцвѣвшая красавица: густые темно-каштановые волосы, заплетенные въ двѣ косы и перевитые желтыми и синими лѣнтами съ барвинкомъ, придавали какую-то особенную свѣжесть ея изящной головкѣ; тонкая бѣлая рубаха съ бѣлыми же прозрачными узорами на широкихъ рукавахъ ложилась на плечахъ и на груди такими складками, какія не снилися ни Скопазу, ниже самому Фидію,—словомъ предо мною сидѣла богиня красоты и непорочности. Рядомъ съ Еленочкой сидѣла мать ея, когда-то Варочка, а теперь Варвара Ивановна, какъ называлъ ее самъ хозяинъ, и около нея сидѣлъ Туманъ, съ улыбкою покручивая бѣлые усы свои. Я смотрѣлъ на него не какъ на простого корчмаря ветерана, а какъ на рыцаря великихъ нравственныхъ подвиговъ, какъ на человѣка христіанина въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова, и, признаться, завидовалъ ему. Онъ въ моихъ глазахъ казался совершенно счастливъ, да иначе и быть не могло. Человѣкъ, такъ высокоблагородно исполнившій свои обязанности въ отношеніи къ ближнему, даже въ нищетѣ и одиночествѣ долженъ быть счастливъ, а его старость была окружена достаткомъ и самими искренними, самими нѣжными друзьями. Не случалось мнѣ видѣть такого изящнаго произведенія скульптуры или живописи, которое такъ успокоительно сладко привлекало бы мои глаза къ себѣ, какъ кроткое и спокойное лицо этого сѣдого доблестнаго героя добродѣтели. Озеровъ вполнѣ чувствовалъ эту прелесть, сказавши устами Эдипа.

Мой не увидитъ взоръ
Ни мужа кроткаго пріятнаго чела,
Котораго рука боговъ произвела.

Встали мы изъ за стола тихо, скромно, какъ будто изъ-за обыкновеннаго обѣда, помолились Богу, и Туманъ, взявши свою смушевую шапку, взглянулъ на жену и сталъ прощаться съ хозяиномъ. Туманъ вообще не говорливый, но на этотъ разъ онъ былъ совершенно нѣмой за столомъ. Я думалъ было завести разговоръ о Блюхерѣ или о Бонапарте, но, при взглядѣ на него, мысль моя показалась мнѣ просто тривіальною. Одно единственное слово я услышалъ отъ него теперь, и то уже на дворѣ: когда онъ

посадилъ свою фамилію въ чумацкій возъ и волы тронулись съ мѣста, то хозяинъ, стоя на порогѣ, спросилъ его:

— Такъ на Ѳоминой, батьку?

— Эге!—отвѣчалъ Туманъ и пошелъ за возомъ.

Въ вечеру за чаемъ пріятель мой вопреки своей натурѣ былъ задумчивъ. Я сдѣлалъ ему какихъ-то два три вопроса, да потомъ и самъ началъ барабанить по столу пальцами. Уже бабуся и свѣчи подала, уже убрала и самоваръ съ принадлежностями, а мы все сидимъ, не двигаясь, да барабанимъ по столу, и не знаю, долго ли бы продолжалось это барабанное упражненіе, если бы я не вздохнулъ такъ себѣ отъ нечего дѣлать. Пріятель мой поднялъ голову, взглянулъ на меня и засмѣялся.

— Послушай, сказалъ онъ, насмѣявшись досыта, мое дѣло хозяйское: мнѣ есть о чемъ задуматься и вздохнуть, ну, а ты какого черта вздыхаешь?

— Хозяинъ невольно передаетъ свои впечатлѣнія гостямъ, отвѣчалъ я.

— Правда, правда твоя! А знаешь ли что?... проговорилъ онъ и замолчалъ.

— Буду знать, коли скажешь.

— У меня къ тебѣ великая просьба есть. Дай слово, что исполнишь, скажу.

— Дамъ слово, если скажешь, какая просьба.

— Прогости у меня до Ѳоминой недѣли!

— Не могу.

— Вотъ то-то и есть! заставилъ меня открыть секретъ, а теперь и назадъ. Это не похоже на порядочнаго человѣка.

— Какой же тутъ секретъ? спросилъ я.

— А такой секретъ, отвѣчалъ онъ, подумавши, что на Ѳоминой недѣлѣ я думаю вѣнчаться, а тебя прошу быть у меня шаферомъ или по нашему бояриномъ; ну что, согласенъ?

Я, какъ былъ въ то время человѣкъ совершенно независимый, то, не долго думаючи, и сказалъ ему: согласенъ!

— Вотъ это по дружески! говорилъ онъ, пожавши мою руку такъ по дружески, что я чуть не закричалъ.—Теперь же ходимо вечерять! прибавилъ онъ, вставая.

Тучная вечеря и нелицемѣрное возліяніе развязали языкъ моему пріятелю и открыли его сердечный тайникъ. Онъ сначала

высказалъ мнѣ свои самыя естественныя понятія о семейной и политической жизни человѣка, о его назначеніи вообще какъ созданія прекраснаго и разумнаго, и какъ онъ, можетъ быть, независимъ, а слѣдовательно и счастливъ въ своей кратковременной жизни, ни малѣйше не нарушая гармоніи общества себѣ подобныхъ. Онъ такъ увлекъ меня своими сужденіями, что я въ немъ началъ видѣть самого натуральнаго, самаго естественнаго мудреца, чуть ли не выше самого Сократа; но какъ мудрецу и вообще человѣку трудно и, кажется, вовсе невозможно указать самому точку, чрезъ которую не должно переступать, то и пріятель мой незамѣтно перешелъ къ утопіи и началъ мнѣ доказывать, что грамотность, особенно въ женщинахъ, много вредитъ благополучію человѣчества. Я думалъ было, что источникъ такой идеи— вино, обильный пріемъ сливянки, пока онъ не заключилъ своихъ доказательствъ такими словами:

— Я надѣюсь, и не безъ основанія, что я буду совершенно счастливъ съ моей женою, и именно потому, что она неграмотная.

— Ты, можетъ быть; но этого нельзя сказать про многихъ, и я первый не скажу про себя.

— Потому, что многіе, въ томъ числѣ и ты, ничего больше, какъ нравственные уроды.

Вотъ тебѣ на! подумалъ я и помолчавши сказалъ:

— Какъ твой старшій бояринъ, имѣю ли я право спросить у своего князя: кто же это такая будущая счастливая княгиня?

— Секретъ! до послѣдняго дня секретъ; а то ты, пожалуй, станешь меня разочаровывать.

Долго мы сидѣли за столомъ молча, изрѣдка поглядывая другъ на друга и на бутылку со сливянкой, и, когда увидѣли, что на сухомъ днѣ бутылки ничего достойнаго вниманія не оказалось, встали изъ-за стола и, выразительно пожавши другъ другу руки, пошли спать.

Въ продолженіи недѣли мы съ пріятелемъ закусывали, завтракали, обѣдали, вечеряли и спали; много и много переговорили мы о разныхъ, совершенно посторонних, предметахъ, въ томъ числѣ и о современной литературѣ, за которой онъ, какъ и всякій порядочный человѣкъ, слѣдилъ довольно внимательно, что меня не мало удивило, потому что я, кромѣ варварскаго перевода басенъ Федра,

ни одной книжки не видѣлъ въ его домѣ. Кромѣ современной литературы, у насъ часто заходила рѣчь о тонкой современной политикѣ Меттерниха, но о предстоящей свадьбѣ ни полслова. Я разъ, было, вопреки вѣжливости, заикнулся о семъ щекотливомъ предметѣ, но пріятель мой былъ нѣмъ, аки рыба, приказалъ заложить бричку и, не сказавши мнѣ, до свиданія, сѣлъ и уѣхалъ, Богъ его знаетъ, куда. Прошла наконецъ безконечная для меня Святая недѣля, прошла и половина Ѳоминой; пріятель мой уѣхалъ въ среду по утру и пропадалъ до самаго вечера; возвратясь къ вечеру домой, онъ молча надѣлъ фракъ, причесался, посмотрѣлъ въ зеркало и сказалъ, обращаясь ко мнѣ:

— Я готовъ! Одѣвайся скорѣе, поѣдемъ!

Я тоже одѣлся, и мы сѣли въ бричку и поѣхали въ городъ прямо въ николаевскую церковь. Церковь была освѣщена; священникъ въ облаченіи, по рединѣ церкви налой, а дьячекъ, разглаживая усы, чуть-чуть не возглашалъ: Исаія ликуй!... Не успѣлъ я осмотрѣться, какъ двери растворились и вошла Еленочка, сопровождаемая Туманомъ и матерью. Войдя въ церковь, она перекрестилась, смѣло подошла къ налою и стала на свое мѣсто. Я, когда увидѣлъ ее поближе и ярче освѣщенную, такъ только ахнулъ! Вѣнчанье кончилось, и я не безъ зависти поздравилъ моего счастливаго пріятеля съ новой жизнью, съ новой радостью, а на другой день, поблагодаривши его за хлѣбъ-соль, я уѣхалъ въ Кіевъ.

СВАДЬБА ТИМОША ХМЕЛЬНИЦКАГО.

(Эпизодъ изъ исторіи малорусско-молдавскихъ отношеній).

(окончаніе[1]).

III.

На первыхъ порахъ, хоть для виду, Лупулъ строго держался условій мира, заключеннаго съ гетманомъ козацкимъ и въ ноябрѣ 1650 года посылалъ даже къ Хмельницкому спросить, когда онъ назначитъ день свадьбы. «Митрополитъ волошскій былъ у него (гетмана), говорятъ современныя извѣстія, прося чтобъ назначилъ день свадьбы своего сына Тимошки, и онъ назначилъ или въ день Рождества Христова, или на Крещеніе, и дружески отпустилъ посла, давши ему тайное порученіе».

Очевидно, это посольство Лупула къ гетману было только отводомъ глазъ, потому что еще 22-го октября гетманъ Потоцкій приблизительно вотъ что писалъ королю:

Въ письмѣ волошскаго господаря, которое я послалъ вашему величеству, нѣкоторыя мѣста не совсѣмъ ясны. Такъ, напримѣръ, не извѣстно, кто строитъ козни въ Портѣ противъ него, съ какой цѣлью и противъ кого онъ ищетъ нанять три тысячи человѣкъ въ земляхъ в. в. и, наконецъ, какъ онъ поступитъ, когда Хмельницкій добьется руки его дочери для своего сына. Мнѣ, кромѣ того, важно было узнать его расположеніе къ Рѣчи-Посполитой (въ виду опустошенія Хмельницкимъ земли молдавской). Съ этой цѣлью я и

---

[1]) См. „Кіевская Старина“ 1887 г., мартовск. кн., стр. 469—463.

послалъ къ нему нарочно довѣренное лицо, чрезъ которое получилъ отвѣтъ на всѣ выше приведенные вопросы. Первѣе всего Лупулъ очень благодаритъ за память о немъ, но жалуется на обиды, нанесенныя ему козаками и татарами, чѣмъ воспользовавшись господарики, проживающіе въ Констанстантинополѣ и ожидающіе тамъ вакансій на господарство, донесли султану, что господарь погибъ въ этой войнѣ. Лишь только Лупулъ узналъ объ этомъ, сейчасъ же извѣстилъ Порту, что онъ живъ, и въ тоже время просилъ меня помочь ему, въ случаѣ попытки одного изъ господариковъ овладѣть Молдавіей.

Теперь его дѣла пошли хорошо; посолъ турецкаго царя уже везетъ ему саблю, кафтанъ и подтвержденіе въ господарскомъ достоинствѣ. Лупулъ больше не нуждается въ нашей помощи, развѣ впослѣдствіи, если бы кто изъ его враговъ вздумалъ напасть на него.

На второй вопросъ о его расположеніи къ Рѣчи Посполитой, я узналъ, что оно будетъ соразмѣрно съ тѣмъ покровительствомъ и той помощью, какую в. в. и Рѣчь Посполитая дадутъ ему, но при этомъ онъ горько жаловался, что за его дружескія отношенія къ полякамъ и козакамъ, которыхъ онъ въ своей странѣ такъ гостепріимно принималъ и укрывалъ во время войны у нихъ дома, послѣдніе такъ жестоко отблагодарили его нападеніемъ.

При этомъ онъ прибавилъ, что это бѣдствіе постигло его по нашей винѣ, потому что Хмельницкій ему выговаривалъ, зачѣмъ де онъ о нашихъ гетманахъ хлопоталъ, почему ихъ, возвращавшихся изъ неволи, принялъ любезно, зачѣмъ даетъ деньги на войско в. в. зачѣмъ якшается съ ляхами и доноситъ имъ обо всемъ, что дѣлается въ Портѣ. Поводъ для этихъ попрековъ дали волошскій господарь и Ракоцци, которые поклялись ему но враждѣ къ в. в. Хмельницкій и самаго Лупулу довелъ до того, что тотъ поклялся быть врагомъ в. в. и даже письменно обязался помочь ему противъ насъ. Слѣдовательно, дѣло находится въ такомъ положеніи: чѣмъ больше мы окажемъ ему помощи и покровительства, тѣмъ болѣе онъ будетъ послушенъ волѣ в. в.; но если эта помощь будетъ мала, то онъ предпочтетъ исполнить свои обязательства передъ Хмельницкимъ. Желаетъ онъ и горячо проситъ в. в., чтобъ вы не оставили его своей милостью: онъ предпочитаетъ сломать

присягу, данную этому измѣннику и, прильнувъ всей душой къ в. в., отдохнуть подъ сѣнью крыльевъ орла в. в. Но чтобъ это его желаніе не возбуждало подозрѣнія, проситъ объ индигенатѣ, для полученія котораго желаетъ, чтобъ в. в. разослали свои письма на сеймики, если уже имъ посланы инструкціи. По моему, было бы желательно перетянуть этого воеводу на нашу сторону, къ чему не предвидится трудностей, насколько я понялъ его, потому что онъ самъ къ этому стремится и обѣщаетъ намъ свою помощь, и было-бы даже справедливо оказать ему наше покровительство за постоянную его дружбу къ намъ.

Переходя затѣмъ къ послѣднему вопросу объ обѣщаніи Лупула выдать дочь свою за сына Хмельницкаго, онъ меня извѣщаетъ, что дѣйствительно обѣщалъ руку дочери сыну Хмельницкаго, но желалъ бы какъ-нибудь ловко отвертѣться отъ этого обѣщанія, и будь на то воля в. в., я совѣтовалъ бы написать сему измѣннику, чтобы онъ бросилъ эту затѣю, потому что, женивъ сына на подданной султана, тѣмъ наведетъ на себя подозрѣніе въ вѣрности».

Какъ король отнесся къ совѣтамъ Потоцкаго, мы не знаемъ; но просьба Лупула о признаніи за нимъ шляхетсакго званія, поддержанная его зятемъ Радзивилломъ, была удовлетворена и король далъ господарю земли молдавской право быть членомъ Рѣчи Посполитой «во вниманіе къ тому, что онъ довольно явилъ свою вѣрность, постоянство и усердіе къ ней».

Весной 1651 года постигло стараго гетмана большое горе. «Мая въ 10-й день, говорятъ современные акты, пришла къ гетману вѣсть, что не стало жены его, и о томъ гетманъ былъ зѣло кручиненъ».

Я не остановился бы на этомъ событіи, если бы оно не касалось такъ близко героя нашего разсказа. Польскіе историки всецѣло приписываютъ вину смерти Чаплинской Тимошу; въ слѣдъ за ними и нашъ лѣтописецъ, Самуилъ Величко, говоритъ: «и толь (Тимошъ) былъ своевольній, же по смерти отчиной, если то есть правда, Чаплинскую, мачиху свою, на ворогахъ обвѣсилъ»...

Но уже Величко усумнился въ ихъ разсказахъ. И дѣйствительно, въ варіантахъ пущенной ими легенды о смерти Чаплинской такъ много противорѣчій и несоотвѣтствій въ датахъ, что несо-

стоятельность ея очевидна; тѣмъ не менѣе я приведу эти характерные разсказы въ извлеченіи.

Польскіе историки предполагаютъ, что Тимошъ, собираясь жениться и думая ввести свою молодую жену въ отчій домъ, не хотѣлъ, чтобы она была въ подчиненности мачихи и стояла рядомъ съ женщиной сомнительной репутаціи и даже не совсѣмъ законной женой, такъ какъ ея прежній законный мужъ Чаплинскій былъ еще живъ; другіе прибавляютъ, что, быть можетъ, онъ боялся вліянія мачихи на отца, такъ какъ эта златокудрая славянская Елена умѣла задобрить старика мужа и вліяла на всѣхъ окружавшихъ его. Въ угодность Богдану, она, разодѣтая въ парчу и бархатъ, обвѣшанная драгоцѣнными камнями и жемчугомъ, подносила дорогимъ гостямъ въ золотыхъ кубкахъ простую горѣлку, набивала имъ трубки табакомъ и въ черепочкѣ подавала «табаку» для своего мужа.

Тимошъ поэтому поджидалъ будтобы удобнаго случая, который уронилъ бы его мачиху въ глазахъ отца, и такой случай скоро представился.

«Чаплинская, разсказываетъ одинъ польскій историкъ, вторая жена Хмельницкаго, завязала интрижку съ часовымъ мастеромъ. Былъ это паничъ родомъ изъ Львова, красавецъ, съ изящными манерами, съ шляхетскими привычками; а такъ какъ гетманша была тоже изъ гербоваго семейства, то не удивительно, что они поняли другъ друга и сошлись; подумывали даже о побѣгѣ, но дѣло остановилось изъ за-бочки золота, которую надо было захватить съ собой, а такихъ бочекъ хранилось у Богдана въ погребѣ много.

На бѣду любовниковъ, Тимошъ подглядѣлъ ихъ шашни и донесъ отцу, а послѣдній приказалъ сыну казнить обоихъ смертью. Шестнадцатилѣтній гетманичъ устроилъ экзекуцію съ помпой: пригласилъ козацкую старшину и позвалъ младшаго брата Юрася. Мальчикъ плакалъ отъ жалости и страха, глядя, какъ мачиху и ея возлюбленнаго тянутъ на висѣлицу, какъ тѣло ея конвульсивно дрожало въ предсмертной агоніи; но Тимошъ успокоивалъ брата, а подпившіе козаки пѣли веселыя пѣсенки подъ висѣлицей».

Иначе разсказываетъ это событіе современникъ:

«Въ то время, говоритъ, пришло смѣшное извѣстіе о Хмельницкомъ и его женѣ. Разсказывали, что жена Хмельницкаго имѣла связь съ извѣстнымъ львовскимъ часовыхъ дѣлъ мастеромъ, довела эту связь

до крайняго скандала и непристойности и дѣлала мужу всевозможныя непріятности, гдѣ только могла. Къ этому прибавляютъ, что самъ Хмельницкій сдѣлалъ этого часоваго мастера гофмейстеромъ при своей женѣ. Долго это между ними продолжалось in secreto, пока Хмельницкій не тронулъ своихъ сокровищъ, которыя были поручены охранѣ того-же часоваго мастера, а тронулъ онъ ихъ затѣмъ, чтобъ заплатить татарамъ, и не досчитался одного боченка съ золотомъ. Сразу подумали, что сынъ Хмельницкаго, идучи въ Литву, взялъ его съ собою, но, списавшись съ сыномъ по этому поводу, гетманъ узналъ, что сынъ не только не бралъ, но даже не видалъ его. Тогда Хмельницкій сталъ пытать своего милаго подскарбія; тотъ признался въ воровствѣ боченка съ червонцами, но оправдывался тѣмъ, что и жена гетмана была соучастницей этого воровства, а потомъ проболтался и о своей преступной связи съ ней. Послѣ этого признанія Хмельницкій, не смотря на свою горячую привязанность къ женѣ, не могъ простить ей супружеской невѣрности и приказалъ ихъ обоихъ повѣсить въ такомъ видѣ, какъ они были in actu adulterii, связавши имъ ноги. Объ этомъ происшествіи намъ съ удовольствіемъ разсказалъ король за ужиномъ».

Мы конечно должны вѣрить современнику; но если бы хоть часть вины лежала на Тимошѣ, то онъ слишкомъ поспѣшилъ очистить мѣсто для своей возлюбленной, такъ какъ Лупулъ все продолжалъ еще упрямиться и не только не хотѣлъ выдать своей дочери за него, объясняя свой отказъ то молодостію невѣсты, то неимѣніемъ согласія султана на этотъ бракъ, но еще сталъ интриговать противъ самаго гетмана.

«Марта въ 28-й день пришелъ изъ Царя-града посолъ къ гетману въ Животово, предлагая помощь; гетманъ послалъ въ Каменецъ Демка и Тетерю, а съ ними 60,000 войска, до 10 тысячъ татаръ, и до нихъ за три дня ляхи изъ города выбѣжали. А гетманъ для того и послалъ было, чтобы ихъ побить, а Василій воевода тѣмъ ляхамъ вѣсть подалъ, потому они изъ Каменца и ушли. Василій-же воевода писалъ къ венгерскому королю на гетмана съ осудомъ, такъ, что когда молдавскій посолъ приходилъ къ гетману, гетманъ его принять велѣлъ непріятно, потому что всю его не правду провѣдалъ». Маркевичъ такъ комментируетъ вышеприведенныя слова: «посланникъ (Лупула) больше занимался наблюденіями

за движеніями козаковъ, нежели скрѣплялъ дружбу своего господаря съ гетманомъ, и изыскивалъ способы отклонить свадьбу Тимоша съ Роксандой, такъ что гетманъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ выпроводить посланника молдавскаго господаря за границу».

Такое упрямство Лупула выводило Хмельницкаго изъ себя. «Хмельницкій обѣдалъ въ тотъ день (во время заключенія бѣлоцерковскаго мира), говоритъ Маркевичъ, съ своими полковниками у польскихъ гетмановъ и, разгоряченный напитками, ругалъ Лупула, господаря молдавскаго. Радзивиллъ вступился за своего тестя, поссорился съ предводителемъ малороссіянъ, но былъ примиренъ Выговскимъ». Но все таки Богданъ, чиня волю Лупула, послалъ просьбу къ султану о разрѣшеніи на бракъ его сына Тимоша съ дочерью молдавскаго господаря и, когда получилъ требуемое разрѣшеніе, написалъ такое грозное письмо Лупулу: «Сватай, господарь, дщерь свою съ сыномъ моимъ Тимошемъ, и тебѣ добре будетъ; а не выдашь, изотру и останка твоего не останется и вихремъ прахъ твой размечу по воздуси».

Очевидно, угроза не произвела надлежащаго дѣйствія на молдавскаго господаря, и потому гетманъ, желая привести ее въ исполненіе, подумывалъ о новомъ походѣ въ Молдавію.

«Печальную посылаю вамъ вѣсть», пишетъ въ декабрѣ 1651 года одинъ современникъ: «Хмельницкій послалъ сына своего Тимоша съ частью войска въ Молдавію за барышней, дочерью молдавскаго господаря, обѣщанной ему въ супружество; съ нимъ были и татары, въ то время кочевавшіе на Капустянской долинѣ за Корсунемъ; они должны были выступить въ походъ въ двѣ недѣли. Видя панъ краковскій (Николай Потоцкій), что это можетъ быть не только съ величайшей обидой для Рѣчи-Посполитой, но и опасностью, задержалъ войско подъ Махновкой подъ предлогомъ бунтовъ, и власть надъ нимъ передалъ польному гетману (Калиновскому), а самъ, будучи очень боленъ, выѣхалъ 22 декабря въ Хмельникъ для леченія». Вѣроятно, походъ не состоялся, потому что и козаки и татары зимой воевать не любили. Вскорѣ потомъ Потоцкій умеръ, и потому шансы его сына Петра на успѣхъ у молдавской княжны уменьшились; при томъ онъ, кажется, въ это время не могъ за ней ухаживать, такъ какъ былъ еще въ плѣну у татаръ, замѣнивъ собою отца. Про Димитрія Вишневецкаго, дру-

гаго претендента на руку княжны, ничего не слышно было. Оставался только старикъ Калиновскій, который взялъ на себя непосильную роль заступить дорогу Тимошѣ и не пустить его въ Яссы. И Лупулъ, кажется, видѣлъ въ польномъ гетманѣ единственную для себя защиту, потому что писалъ къ нему письмо, прося о помощи; просилъ онъ, правда, помощи у короля, но король занятый дѣлами и уѣзжая въ Пруссію, отдѣлывался отъ Лупула только утѣшеніями и успокоеніями. Калиновскій, взявъ на себя задачу не пропустить молодаго Хмельницкаго въ Молдавію, расположился лагеремъ у Батога[1]) и заложилъ такой большой лагерь, что въ немъ можно было-бы помѣстить стотысячную армію. У него было не больше 10 тыс., но онъ разсчитывалъ на прибытіе другаго корпуса, подъ начальствомъ своего брата, зимовавшаго въ Нѣжинѣ; разлитіе Буга, однако, помѣшало соединенію корпусовъ подъ Батогомъ. Напрасно начальникъ артиллеріи Пріемскій и другіе старые опытные воины убѣждали гетмана Калиновскаго бросить не удобную позицію и перенести лагерь подъ Брацлавъ, гдѣ подъ защитой крѣпостныхъ пушекъ имъ было-бы безопаснѣе: гетманъ никого и слушать не хотѣлъ и оставался на мѣстѣ. Между тѣмъ Хмельницкій зналъ всѣ неудобства и беззащитность польскаго лагеря, зналъ онъ и то, что братъ польнаго гетмана уже близко подошелъ къ Бугу, но войти въ лагерь на Батогѣ не можетъ, и потому только ожидалъ окончанія сейма, собравшагося тогда въ Варшавѣ, боясь теперь напасть на польское войско, чтобы не возбудить противъ себя гнѣва сеймующей шляхты. Но сеймъ былъ сорванъ; самъ король извѣстилъ Хмельницкаго, что шляхта недовольна даже бѣлоцерковскимъ миромъ. Эти обстоятельства развязали Хмельницкому руки. Онъ теперь смѣло могъ броситься на обоихъ братьевъ Калиновскихъ: они оба были предъ нимъ виноваты—первый,

---

[1]) Въ описаніи мѣстечка Ладыжина сказано: „къ юго-востоку отъ Ладыжина, внизъ по теченію Буга и на возвышенномъ берегу сей рѣки, вблизи нынѣшняго с. Четвертиновки, находилось м. Батогъ (или Батовъ), получившее названіе отъ Батыя или Баторія, теперь совершенно уничтоженное при учрежденіи военныхъ поселеній. До сихъ поръ, по пути изъ с. Четвертиновки въ с. Болешовку, возвышаются могильные курганы, напоминающіе о битвѣ Хмельницкаго съ поляками. А по пути въ мѣстечко Соболевку (опять) нѣсколько могилъ напоминаютъ о семъ подвигѣ козаковъ.

польный гетманъ, тѣмъ, что вздумалъ стать на дорогѣ его сына, а другой за неистовства надъ украинскимъ народомъ во время своей зимней стоянки на лѣвомъ берегу Днѣпра.

Надвигалась большая гроза, и замѣтилъ эту грозу даже Василій Лупулъ въ Яссахъ: «онъ увѣрялъ Хмельницкаго въ своей дружбѣ, просилъ, чтобы гетманъ недруговъ его рѣчей не слушалъ, мѣстъ его татарамъ раззорять не давалъ, а про дочь свою писалъ, буде гетманъ изволитъ, готовъ учинить съ нимъ сватовство».

По сказанію современника, Хмельницкій передъ выступленіемъ въ походъ на Батогъ, простеръ свое рыцарство до того, что не только извѣщалъ Калиновскаго о намѣреніи своемъ напасть на него, но даже указывалъ на неудобства его стоянки. «Не хочу, писалъ онъ ему, скрывать передъ вашей вельможностью, что своевольный сынъ мой Тимофей съ нѣсколькими тысячами войска идетъ жениться на дочери молдавскаго господаря. Конечно, до этого никому нѣтъ дѣла; но я удивляюсь, что польское войско стало при Батогѣ, какъ будто хочетъ заступить дорогу моему сыну.

Я прошу вашу вельможность, для спокойствія отечества, отступить съ войскомъ, тѣмъ болѣе, что мѣсто неудобно для обоза. Я боюсь, чтобъ свадебные бояры не затѣяли ссоры съ войскомъ, а мой сынъ по своей юности не сталъ-бы искать первой удачи на военномъ поприщѣ».

Къ другому Калиновскому Хмельницкій не сталъ даже писать письма, а отправилъ къ нему, говоритъ Маркевичъ, въ даръ коня безъ хвоста и гривы, съ веревкою на шеѣ, сплетенною изъ нихъ. Этотъ символъ значилъ: попадешься ты, голубчикъ, мнѣ; тогда я разсчитаюсь съ тобой!

Хмельницкій выступилъ противъ польнаго гетмана съ довольно значительными силами: съ нимъ было четыре полка козаковъ: чигринскій, черкасскій, переяславскій и корсунскій и около сорока тысячъ татаръ подъ начальствомъ Нуреддинъ-султана. Самъ гетманъ и Нуреддинъ-султанъ съ большей частію своихъ татаръ, составляя какъ бы резервъ, стояли въ отдаленіи и наблюдали за битвой, а «шестнадцать тысячъ орды, пишетъ Николай Дложевскій къ канцлеру Лещинскому, 1-го іюня подступили къ нашему войску. Въ этотъ день наши войска обнаружили большую храбрость, особенно три полка, загнавшіе орду на полъ-мили отъ лагеря; но ордѣ

пришла помощь, и она съ свѣжими силами взяла надъ нами перевѣсъ, не безъ вреда для нашего рыцарства. Работы намъ съ ордой было довольно до самаго вечера». На другой день татары возобновили битву; въ этотъ моментъ съ противоположной стороны вихремъ налетѣлъ Тимошъ съ своимъ отрядомъ, скрывавшимся до сихъ поръ за ближайшимъ лѣсомъ. Польскій лагерь, стиснутый съ двухъ сторонъ, подвергся несчастію внутри: во время замѣшательства среди него загорѣлся фуражъ и пламя пожара обдавало и жгло осажденныхъ. Поляки чувствовали себя точно въ аду. Паника овладѣла всѣмъ лагеремъ. «Хмельницкій съ такой силой ударилъ на насъ, продолжаетъ свое описаніе батожскаго пораженія Дложевскій, что и часу мы не могли удержать его натиска, и тогда, окруживши насъ со всѣхъ сторонъ, орда бросилась на насъ съ саблями, а козаки овладѣли нашимъ лагеремъ. Панъ гетманъ укрылся въ то время на редутѣ чужеземцевъ, но и тамъ долго не могъ удержаться, потому что и этотъ редутъ сейчасъ окружили пушками, которыхъ съ ними было нѣсколько десятковъ. Если мы поддались непріятелю, то потому, что не имѣли возможности защищаться, не было никакой возможности удержаться въ редутахъ, сдѣланныхъ съ поспѣшностью, безъ воды и при такомъ ужасномъ натискѣ и стремительности непріятеля, да еще при такомъ конфузѣ: когда уже надо было биться, тогда только стали трубить, чтобы собрать челядь. Лагерь-же былъ такой величины, что его едва-ли бы сто тысячъ защитили. На челѣ поставили только одинъ рядъ воиновъ, а сзади не осталось ни одной души для защиты. Гдѣ хотѣли, тамъ насъ и брали, и татары, и козаки; куда хотѣли, туда и вторгались въ нашъ лагерь. Мнѣ Богъ помогъ съ однимъ товарищемъ одной хоругви спастись, для службы Рѣчи-Посполитой, и намъ съ нимъ удалось только чудомъ спастись вплавь. Рѣдко кто ушелъ или очень мало, потому что переправы очень близко одна возлѣ другой, да и густые лѣса окружаютъ это мѣсто».

Черезъ двѣ недѣли послѣ батожской битвы писали изъ Львова, что «изъ нѣсколькихъ тысячъ товарищей и сотня не спаслась». Самаго польнаго гетмана голова, воткнутая на пику татариномъ, была принесена въ подарокъ Хмельницкому, а гетманскій сынъ, молодой Калиновскій, подававшій большія надежды, спасаясь бѣгствомъ, свалился съ обломавшагося моста близъ села Бубновки

(должно быть на рѣкѣ Соби) и утонулъ; пять тысячъ плѣнныхъ поляковъ гетманъ Хмельницкій выкупилъ у татаръ. А обошлись ему, очевидно, плѣнники дорого, потому что за одного Марка Собѣсскаго, родного брата будущаго короля Яна III-го, онъ заплатилъ 30 тысячъ червонныхъ злотыхъ, и предалъ ихъ всѣхъ лютымъ казнямъ.

Отмстивъ полякамъ, Хмельницкій въ одно время хотѣлъ наказать и Лупула. «Татары и козаки, говорятъ тѣ же извѣстія изъ Львова, двинулись было въ Молдавію, но молдаване встрѣтили орду съ богатыми подарками, прося не вторгаться въ ихъ землю и не пустошить ее. Взявши подарки, орда перемѣнила свое рѣшеніе и не пошла въ Молдавію. Теперь Хмельницкій стоитъ на прежней стоянкѣ вмѣстѣ съ ордою. Замыселъ у него отдать Каменецъ турку, и уже силистрійскій паша двинулся къ Каменцу. Трое татаръ, пойманныхъ на «герцахъ», говорятъ тоже самое, что войско турецкое идетъ на насъ. При этомъ прибавляютъ, что хана надо ожидать тутъ черезъ двѣ недѣли, а здѣсь только Нуреддинъ-султанъ съ нѣсколькими десятками тысячъ татаръ».

Отсюда, дѣйствительно, Хмельницкій бросился къ Каменцу и, извѣщая Лупула о своей побѣдѣ надъ поляками на Батогѣ, еще разъ потребовалъ у него выдать дочь за сына своего Тимофея. Въ письмѣ къ нему онъ давалъ понять, что хотя сынъ его и незнатнаго происхожденія, но что гораздо лучше добиться званія самому, чѣмъ получить его отъ предковъ. «А впрочемъ», прибавлялъ онъ въ концѣ: «если вашей милости не угодно породниться со мной добровольно, то я заставлю силой». «Ожидавшій осады Каменецъ, по словамъ современника, очень обрадовался, когда разнесся слухъ, что Тимошъ поѣхалъ въ Молдавію жениться; тамъ думали, что женитьба сына отвлечетъ Хмельницкаго отъ осады города. Дѣйствительно, Тимошъ съ частію орды переправился чрезъ Днѣстръ на пять миль выше Каменца и Хотина. Поляки были убѣждены, что Каменецъ останется цѣлъ, такъ какъ сватовство Тимоша потребуетъ много времени и отвлечетъ Хмельницкаго отъ осады». «Сынъ Хмельницкаго, читаемъ въ другихъ извѣстіяхъ, предполагалъ играть свою свадьбу съ молдавской княжной въ прошлый вторникъ, на русскаго Петра и Павла. Послѣ этой свадьбы, говорятъ, онъ вернется съ небольшимъ отрядомъ войска на «переносины» въ

Чигиринъ. На свадьбѣ предполагаетъ быть самъ ханъ, и всѣ войска татарскія и козацкія къ тому времени должны стянуться на янчариху». Эти извѣстія только на половину не обманули осажденныхъ: послѣ нѣсколькихъ недѣль осады Каменца, Богданъ, долженъ былъ вернуться въ Украйну, куда, какъ ему донесли, вторгнулись поляки и гдѣ потому требовалось его личное присутствіе. Съ тѣмъ вмѣстѣ пришло и для него пріятное извѣстіе изъ Молдавіи: тамъ бояры, узнавъ о грозномъ требованіи Хмельницкаго, заставили Лупула согласиться отдать дочь за Тимоша; въ противномъ случаѣ грозили выбрать другаго господаря, а его выдать Хмельницкому. Радъ не радъ— Лупулъ долженъ былъ согласиться и, посылая своего племянника въ Чигиринъ заложникомъ, писалъ Тимошу: «Беллина, богиня войны, не ходитъ въ дружкахъ. Неприлично тебѣ являться на свадебный пиръ съ такимъ множествомъ невѣжливыхъ кавалеровъ. Отпусти татаръ, оставь дома въ Украйнѣ безпокойныя козацкія купы, уговори батька не приближаться къ границамъ Молдавіи и пріѣзжай съ Богомъ въ сопровожденіи домашней свиты».

IV.

Влюбленный юноша просился у отца, чтобы его отправили къ невѣстѣ какъ можно скорѣе, торопилъ челядь, да правду сказать, и нечего было откладывать; сватовство и такъ тянулось больше трехъ лѣтъ. Препятствій больше не придвидѣлось никакихъ: согласіе отца невѣсты было, заложникъ тоже былъ, значитъ, лукавый волошинъ не могъ ничего дурнаго сдѣлать жениху.

Въ княжескомъ дворцѣ въ Яссахъ шли хлопотливыя приготовленія къ свадьбѣ. Домна Тодора, жена Василія Лупула, въ угоду жениху хотѣла устроить свадьбу по украинскимъ обычаямъ, а потому надо было многое приготовить, многому научиться и научить челядь. Къ свадебному пиру всѣ комнаты усыпаны были розмариномъ. Невѣста тоже размечталась о женихѣ: вѣроятно, слышала о его новыхъ подвигахъ на Батогѣ и приказывала пѣть козацкія думы и пѣсни, желая, быть можетъ, перенести подвиги героевъ этихъ думъ на своего суженаго. Народъ ликовалъ, что наконецъ грозившая опасность нашествія иноземцевъ прошла. Одинъ, кажется, Лупулъ сидѣлъ нахмурившись, горюя о несбывшихся надеждахъ.

Между тѣмъ женихъ въ обществѣ Выговскаго и Тетери, которыхъ отецъ его придалъ ему въ качествѣ менторовъ, и съ небольшимъ отрядомъ козаковъ приближался къ пограничному городу Ямполю, гдѣ его должно было встрѣтить молдавское посольство, чтобы сопровождать въ Яссы. Но дальше поведемъ разсказъ словами очевидца, хотя негодующаго противъ жениха и не щадящаго для него и его свиты черныхъ красокъ, но передающаго все дѣло съ полною обстоятельностію. «Случилось, восклицаетъ онъ, то, чего или самъ Богъ желалъ и что предопредѣлилъ отъ вѣка для возлюбленнаго дѣтища его милости господаря, или же—что неизбѣжный злой рокъ не хотѣлъ минуть этого дома; во всякомъ случаѣ, онъ не могъ избѣжать своей горькой судьбы послѣ пораженія поляковъ на Батогѣ и осады Каменца. Послѣ долгихъ переговоровъ по поводу этого брака, обѣ стороны подошли къ Днѣстру 18-го августа. Для привѣтствія Тимоша, остановившагося въ Ямполѣ, его милость господарь, какъ человѣкъ мудрый, выслалъ къ Сорокамъ великаго дворника, Тому, съ небольшимъ отрядомъ войска; съ нимъ же отправилъ карету съ шестью лошадьми, а также всевозможные припасы и приказалъ приготовить винъ и медовъ, чтобы угостить Тимоша въ Сорокахъ, какъ сына; оттуда Тома долженъ былъ служить проводникомъ ему въ Яссы. Что же дѣлалъ Тимошъ? Онъ послалъ къ дворнику въ Сороки, приглашая его къ себѣ въ Ямполь; а когда дворникъ, не желая противиться его волѣ, переправился на другую сторону Днѣстра, то Тимошъ задержалъ его, опасаясь измѣны, и, мало того, сейчасъ написалъ къ его милости господарю, чтобы онъ прислалъ своего брата въ качествѣ заложника. И на это долженъ былъ согласиться его милость господарь съ пасмурнымъ лицемъ. Лишь только гетманъ прибылъ въ Ямполь, какъ Тимошъ съ своимъ войскомъ сталъ переправляться на волошскій берегъ Днѣстра. Это было во вторникъ 26-го августа. Въ среду онъ ночевалъ въ Бѣльцахъ (уѣзд. городъ ясскаго уѣзда, бесс. губ.), въ четвергъ надъ Прутомъ въ Каушанахъ (деревня въ ясскомъ уѣздѣ), а въ пятницу около полудня подъѣзжалъ къ Яссамъ. Для привѣтствія нежеланнаго сына выѣхалъ и его милость господарь съ боярами и восемью тысячами войска; при немъ были шесть паюковъ, одѣтыхъ красиво по турецки, и кавалькада изъ 8-ми осѣдланныхъ лошадей. Словомъ, ѣхалъ, какъ монархъ, ве-

личіе котораго довольно достойно описать не могу. Съѣзжая въ долину на встрѣчу Тимошу, шедшему съ тремя тысячами запорожскаго войска, какъ говорятъ, отборнѣйшаго, однакожъ, ужасно оборваннаго, въ четверти мили отъ него, войско его милости господаря выстроилось по обѣимъ сторонамъ дороги. Спускаясь подъ гору съ своимъ войскомъ, Тимошъ гетманичъ нѣсколько испугался и приказалъ играть, какъ передъ сраженіемъ, войсковой музыкѣ. Съѣхавшись, его милость господарь и Тимошъ сошли съ лошадей и поздоровались. Тимошъ обнялъ его милость, какъ отца, а его милость поцѣловалъ его, какъ сына. Его милость господарь сказалъ ему нѣсколько словъ привѣтствія, радуясь его пріѣзду, а тотъ хоть бы слово проронилъ: стоялъ, какъ столбъ, и кусалъ себѣ губы. Выговскій отвѣчалъ за него. Кавалькада Тимоша состояла изъ 9-ти лошадей не видныхъ, да и тощихъ; правда, на двухъ сѣдла были очень дорогія; одно густо осыпано жемчугомъ, а другое богато вышито золотомъ. Самъ Тимошъ—человѣкъ еще молодой, съ лицемъ, изрытымъ оспой, большаго росту, великій дурень, одѣтъ былъ въ атласный кармазиновый жупанъ и бархатную, подбитую соболями, ферезію, но какъ бы съ чужаго плеча. Имѣлъ онъ еще два рыдвана, каждый въ шесть лошадей, возъ со скарбомъ, да мѣшковъ до 400 съ солью, которой они набрали, кажется, для торговли. Нѣкоторые полковники были на хорошихъ лошадяхъ; всѣ въ польскихъ костюмахъ, въ серебрѣ, но такихъ было не много, большая же часть голота. Въ городъ Тимошъ ѣхалъ бокъ о бокъ съ его милостію господаремъ; при въѣздѣ ихъ стали стрѣлять изъ пушекъ и заиграла военная, а также турецкая и цыганская музыка. Его милость господарь ввелъ Тимоша въ богато убранные покои, гдѣ представилъ ему своего сына Стефана и много говорилъ, выражая радость и удовольствіе по поводу его пріѣзда. Тимошъ по прежнему молчалъ, Выговскій опять отвѣчалъ за него. Между тѣмъ въ комнатѣ невѣсты боярышни стали сейчасъ танцовать, а цыгане рѣзали усердно на своихъ сербахъ. Его милость господарь ушелъ въ другія комнаты, предлагая жениху тоже отдохнуть послѣ такого труднаго путешествія и умыться отъ дорожной пыли; услуживать ему назначилъ своихъ придворныхъ. Съ нимъ осталась и его ассистенція (свита), какъ-то: Выговскій, Тетеря и не мало другихъ его приближенныхъ; тутъ же стояли нѣкоторые

волошскіе бояры, но онъ, повернувшись къ нимъ задомъ (только прошу veniam—извиненія), сталъ обрѣзывать себѣ ногти. Полковникамъ, есауламъ и сотникамъ назначили въ городѣ приличныя квартиры и каждому дали все необходимое, а подъ виноградниками стоялъ козацкій таборъ, причинившій не мало убытку ясскимъ жителямъ. Жиды и не показывались, потому что приходилось откупаться дорогой цѣной, если попадались въ козацкія руки. Потомъ наѣхали и жены козацкія; имъ тоже дали квартиры и все необходимое. Между тѣмъ во дворцѣ уже приготовили обѣдъ, къ которому его милость господарь пригласилъ Тимоша; но тотъ медлилъ, такъ что его милости пришлось долго ожидать. Наконецъ, онъ пришелъ къ обѣду, переодѣвшись въ другое, польское платье. Его милость усадилъ Тимоша подлѣ себя. Стали ѣсть, пить за здоровье и стрѣлять изъ пушекъ, а Тимошъ, по прежнему, ни *бе*, ни *ме*, что ужасно обижало его милость господаря. Играла турецкая и волошская музыка, а турки выдѣлывали всякіе фокусы до самой ночи. Въ субботу утромъ Тимошъ приготовлялся къ браку и не былъ на обѣдѣ. Всѣ боярыни и боярышни, богато одѣтыя, танцовали въ замкѣ, а Тимошъ, покуривая въ окнѣ дымный табачище, въ присутствіи всѣхъ, присматривался къ волошскимъ танцамъ. Въ воскресенье молодежь и волошскія боярыни тоже танцовали; затѣмъ ихъ милости свою гордую Роксанду, возлюбленное свое дѣтище, отдали съ великою печалью, Богъ знаетъ кому, неотесанному, нѣмому мужику. Тимошъ ѣхалъ въ церковь на своемъ турецкомъ конѣ подъ китой въ дорогомъ платьѣ, которое подарилъ ему его милость господарь. Два паюки шли подлѣ него; бояре тоже провожали его, какъ что-нибудь путное. Тимошъ вернулся изъ церкви въ замокъ франтомъ, веселый, обнявши невѣсту. Собралось много народу; стрѣляли изъ пушекъ, пѣли; дочь его милости заливалась слезами, а прежде бывало нетерпѣливо выглядывала жениха и приказывала пѣть козацкія пѣсни. Потомъ сѣли за столъ. Послали за козачками, но ихъ не застали на квартирахъ, потому что всѣ онѣ угощались горѣлкой въ «карвасерахъ» (предмѣстье въ турецкихъ городахъ, гдѣ обыкновенно находились кабаки и жилъ чернорабочій народъ). Привезли ихъ въ замокъ, какъ какія-нибудь страшилища; все это были родственницы Хмельницкаго, очень безобразныя, въ жидовскихъ «гермакахъ», подбитыхъ,

однакожъ, соболями, съ большими воротниками; онѣ хотѣли, чтобы ихъ наряды соотвѣтствовали волошскимъ. Много о нихъ слѣдовало бы писать, но стыдъ удерживаетъ меня. Всѣхъ этихъ женщинъ угощала ея милость господарыня въ другихъ комнатахъ, а его милость господарь поминутно просилъ своего зятя Тимоша ѣсть, пить и веселиться. Только теперь, наконецъ, нагнувшись къ Котнарскому, онъ тихо проговорилъ: «спасыби дуже его милости господарови: есть всего досыть. Чого жъ бильше треба»! Далъ таки Богъ услышать отъ него хоть слово! Опять заиграла турецкая музыка; стали стрѣлять изъ гарматъ и пить за здоровье Хмельницкаго и за счастье новобрачныхъ. Тимошъ послалъ за своей музыкой: органистомъ, тремя скрипачами и пузанистомъ, и только теперь немного разошелся. Музыканты стали играть ему по польски, а онъ приказалъ своимъ козакамъ «идти въ танецъ». Тѣ, какъ скотъ, повалили въ комнаты. Пили за полночь, но козачекъ еще довольно рано учтиво отвели на квартиры, потому, что когда боярыни сказали имъ что-то непріятное, одна козачка, большая воструха, по имени Галька Карпыха, при княгинѣ отвѣтила: «чи це на смихъ мы до васъ прыихали? Коли вы пышнищи видъ насъ, чому жъ дочку свою за козака виддаете»? Спускаясь потомъ по лѣстницѣ, она свалилась не только отъ своей толстоты, но и потому, что пьяна была; едва ее довели до кареты. Другія козачки, однакожъ, держались на ногахъ, и всякій разъ, какъ отвозили ихъ на квартиры, возницы и логофеты его милости господаря получали отъ нихъ въ подарокъ орѣхи. Послѣ свадебнаго пира новобрачный, вставши изъ-за стола, отправился въ покои, отведенные для него и его жены, и два дня къ ряду не выходилъ оттуда. Въ среду выѣхалъ въ поле на прогулку. Въ четвергъ обѣдали въ покояхъ его милости господаря. На обѣдѣ присутствовали ихъ милости господарь и господарыня, гордая Роксанда и Тимошъ, а также бояры и боярыни; изъ постороннихъ мало кто былъ допущенъ; за столомъ ихъ милостямъ прислуживали камеръ-юнгферы. Послѣ обѣда Тимошъ рѣшился уже самъ танцовать съ своей женой; при этомъ ему служили Выговскій и Тетеря. За такой трудъ его милость господарь подарилъ зятю штуку парчи, но послѣдній не съумѣлъ даже и поклониться. Того же дня рано Тимошъ дѣлалъ подарки его милости господарю и знатнѣйшимъ боярамъ. Его милости подарилъ сорокъ соболей,

своей женѣ адамашковую соболевую шубку, а боярамъ каждому по сто талеровъ левковыхъ. На такіе дары нѣкоторые гордые бояры не обратили почти вниманія. Въ свою очередь его милость подарилъ Хмельницкому четырехъ лошадей: двухъ турецкихъ съ сѣдлами и двухъ волошскихъ аргамаковъ. Посолъ господаря мультанскаго (валашскаго) тоже подарилъ ему коня съ сѣдломъ, а женѣ его коверъ и штуку парчи; другихъ пословъ не было. Его милость господарь далъ приданаго за дочерью 20 тысячъ талеровъ, кромѣ платья; сверхъ того, ей, какъ любимой дочери, еще особо подарилъ двѣ тысячи червонныхъ злотыхъ, карету и много возовъ со скарбомъ. Выговскій получилъ въ подарокъ 20 локтей атласу, 10 локтей бархату, рысій мѣхъ на шубу и 150 талеровъ левковыхъ. Другимъ изъ свиты Тимоша, есауламъ, сотникамъ, тоже дарили деньги, да тѣ безъ стыда сами домогались подарковъ. Въ пятницу 6-го сентября выѣхалъ Тимошъ изъ Яссъ. Его милость господарь провожалъ его до того мѣста, гдѣ встрѣтилъ его при въѣздѣ; провожали молодыхъ и ея милость господарыня съ боярынями. Сошли съ лошадей и стали прощаться. Прощаясь, его милость госгодарь долго разговаривалъ съ своимъ зятемъ; въ это время Роксанда, обливаясь слезами, обнимала мать, наконецъ, подошла къ отцу попрощаться. Его милость поцѣловалъ зятя, принимая веселый видъ, но на сердцѣ у него была печаль, едва дававшая ему возможность говорить; прощались также бояры и боярыни. Еще его милость стоялъ съ открытой головой, а Тимошъ уже сѣлъ на коня и, надѣвши шапку, уѣхалъ. Сбывши такого гостя, его милость господарь поѣхалъ обратно въ городъ».

V.

Тимошъ на своей свадьбѣ былъ однакожъ больше разговорчивъ, чѣмъ представляетъ его авторъ вышеприведеннаго разсказа. По другимъ свѣдѣніямъ, во время свадьбы въ княжескомъ дворцѣ часто сибирались на семейныя совѣщанія и на нихъ Тимошъ игралъ не послѣднюю роль. Бесѣды имѣли политическій характеръ; въ одной изъ нихъ Лупулъ сталъ уговаривать своего зятя относиться къ полякамъ миролюбивѣе. Тимошъ отвѣтилъ ему рѣзко на это: «поки ця шабля у мого боку, не перестану іи тупити на ляхахъ». Въ дальнѣйшихъ бесѣдахъ проглянули завѣтныя мечты

Хмельницкихъ—отца и сына, которыя они связывали съ устроившимся теперь бракомъ. Тимошъ сталъ дѣлать прозрачные намеки, что самъ желалъ бы стать господаремъ земли молдавской, а Лупула утѣшалъ тѣмъ, что съ батькомъ они достаточно вліятельны въ Стамбулѣ, чтобы выхлопотать или, наконецъ, купить валашское княжество. «Еще и Ракоцци достанется»! прибавилъ Тимошъ въ концѣ бесѣды. Опечалили Лупула такія рѣчи зятя, и онъ сейчасъ по отъѣздѣ Тимоша въ Украйну сталъ хлопотать въ Константинополѣ о валашскомъ господарствѣ, рѣшивъ въ крайнемъ случаѣ уступить молдавское зятю. Не знаю, чѣмъ бы эти хлопоты кончились, еслибъ ихъ не предупредили событія, которыя не дали самому Лупулу удержаться на молдавскомъ господарствѣ.

На свадебныхъ семейныхъ совѣщаніяхъ присутствовалъ логофетъ, первый сановникъ княжества, самое довѣренное лицо Лупула, Стефанъ Бурдуцъ (толстый, или Георгица, какъ называютъ его другіе). Онъ слышалъ всѣ планы и предположенія новыхъ родственниковъ и проболтался о нихъ предъ своей женой, которая была по происхожденію валашка и состояла въ близкомъ родствѣ съ Матвѣемъ Бессарабомъ. Понятно, что жена логофета не замедлила сообщить послѣднему полученныя ею отъ мужа свѣдѣнія. Матвѣй Бессарабъ, слыша объ угрозахъ Тимоша Ракоцци, котораго желалъ имѣть давно союзникомъ противъ Лупула, сообщилъ о семъ трансильванскому князю, предлагая ему заключить наступательный и оборонительный союзъ противъ Лупула и его зятя. Пошли дѣятельные переговоры. Новые союзники разожгли честолюбіе молдавскаго логофета обѣщаніемъ посадить его на мѣсто Лупула. Новый тріумвиратъ сталъ подготовлять почву къ осуществленію своихъ плановъ.

Пока все это происходило, въ Украйнѣ «барзо примерки великіе были въ Корсунѣ и по инныхъ городахъ въ тихъ повѣтахъ, также и на Заднѣпрю, въ Переясловлю и въ пригородкахъ его, въ Носовцѣ, въ Прилуцѣ, опрочъ Нѣжина, много вымерло людей, же пусты зостали дворѣ». Страхъ заразы заставилъ Тимоша, спустя нѣсколько недѣль послѣ своей свадьбы, искать убѣжища у своего тестя, и потому онъ просилъ Лупула позволить имъ переѣхать въ Яссы съ женой на то время, пока въ Украйнѣ свирѣпствуетъ чума. Лупулъ, скрѣпя сердце, пригласилъ зятя съ дочерью; но, кажется, былъ убѣжденъ, что у Тимоша это только предлогъ,

а умыселъ у него другой, и сталъ еще настойчивѣе хлопотать въ Стамбулѣ о валашскомъ господарствѣ. Между тѣмъ и супружеская жизнь молодыхъ, кажется, не ладилась; спустя два мѣсяца послѣ ихъ свадьбы, разнеслись слухи, что они живутъ очень немирно, и слухи эти такъ далеко распространились, что Шайноха нашелъ ихъ даже въ французской газетѣ (Gazette de France 1652 г. 15 ноября): «сынъ генерала Хмельницкаго Тимошъ уже два раза билъ свою молодую жену, дочь волошскаго князя, попрекая ее за дурное поведеніе съ великимъ визиремъ, еще въ то время, когда была заложницей въ серали и хотѣла при его помощи добиться свободы. Но отецъ молодаго Хмельницкаго, желая сохранить хорошія отношенія съ отцомъ невѣстки, удерживаетъ сына отъ дурного обращенія съ женой».

Не сидѣли, сложа руки, Бессарабъ и Ракоцци: они поспѣшили въ Стамбулъ и очернили Лупула предъ турецкимъ диваномъ. Хлопоты ихъ увѣнчались успѣхомъ, султанъ далъ разрѣшеніе союзникамъ низложить молдавскаго господаря. Въ то время, какъ въ Константинополѣ велась интрига противъ Лупула, въ Яссахъ Стефанъ логофетъ собиралъ недовольныхъ бояръ и подготовлялъ возстаніе при ихъ помощи. И когда въ Яссахъ умы были достаточно подготовлены, ожидая только сигнала къ возстанію, тогда 15 тысячъ трансильванцѐвъ, подъ начальствомъ Януша Кимени, вторглись съ одного конца Молдавіи, а гетманъ Дика съ волохами съ другого. Въ вербное воскресенье 6-го апрѣля 1653 г. оба союзныя войска внезапно напали на Яссы. Лупулъ въ ужасѣ убѣжалъ съ семействомъ изъ своей столицы въ Каменецъ и укрылся за его крѣпкими стѣнами, а въ Яссахъ побѣдители провозгласили господаремъ земли молдавской Стефана Бурдуца или Георгицу.

Лупулъ, очнувшись послѣ перваго страха, рѣшилъ, что его дѣла не такъ плохо стоятъ, какъ ему казалось, и поспѣшилъ изъ Каменца въ Украйну къ своему свату просить помощи. Тамъ ему хоть и не отказали въ ней, но онъ еще хотѣлъ испробовать легальныя средства, и поѣхалъ въ Стамбулъ, заручившись протекціей Хмельницкаго. Новоизбранный молдавскій господарь тоже явился въ Константинополь за хоругвію и утвержденіемъ въ своемъ достоинствѣ. Диванъ блистательной Порты, въ виду двухъ претендентовъ на молдавское господарство, представлялъ настоящую аукціон-

ную камеру. Новый господарь подкупалъ всѣхъ турецкихъ сановниковъ и обѣщалъ Портѣ тройной гарачъ; Лупулъ тоже не скупился на подкупы, просьбы и посулы въ будущемъ и предложилъ отъ имени Хмельницкаго подчиненіе Украйны и сдачу Каменца туркамъ. Порта, въ виду столькихъ предложеній, не знала, что и дѣлать: одно было хорошо, но другое еще лучше, и она, ничего не сдѣлавъ, ограничилась только тѣмъ, что запретила Ракоцци вмѣшиваться въ чужую распрю, а Лупула обѣщала помирить съ Бессарабомъ. Вѣроятно, въ одно время съ Лупуломъ бѣжалъ изъ Яссъ и Тимошъ, только не въ Каменецъ, а въ Украйну, къ отцу, и сталъ дѣятельно приготовляться къ походу въ Молдавію, чтобы возвратить власть тестю. Послѣ Пасхи 1653 года «Богданъ выправилъ на помощь въ двѣнадцать тысячъ добрыхъ козаковъ (но въ отрядѣ были левенцы, карпатскіе горцы и татары) свату своему, господарю волошскому, Тимоша, сына своего, зъ Богуномъ полковникомъ, который, по отшествіи уже съ Яссъ логафетовомъ, туда прибувши и президіумъ (венгерскую пѣхоту), отъ логофета въ нихъ зоставленное, вирубавши, возвратилъ знову съ Каменца въ Яси на господарство волошское изгнаннаго отголь логофетомъ тестя своего». Вѣроятно, во время похода Тимоша въ Молдавію, Лупулъ уже возвратился изъ Константинополя въ Каменецъ, чтобы терпѣливо дожидаться мирнаго исхода своего дѣла, обѣщаннаго ему Турціей, но его зять, не дожидаясь результатовъ поѣздки тестя въ Константинополь, очистилъ ему дорогу въ Яссы, такъ что Лупулъ уже въ Каменцѣ получилъ извѣстіе, что власть возвращена ему, и, принявъ ее изъ рукъ Тимоша, не дожидаясь ни разрѣшенія Порты, ни примиренія съ своими врагами, по необходимости долженъ былъ слѣдовать и дальше за Тимошемъ, т. е. изъ оборонительнаго положенія перейти въ наступательное. Пока Лупулъ возвращался изъ Каменца, Тимошъ, очистивъ Яссы отъ непріятеля, погнался за Кимени и, разбивъ его при деревнѣ Поприканахъ, заставилъ бѣжать въ Трансильванію. Послѣ такой блистательной удачи Тимошъ, не видя больше передъ собою враговъ и считая себя непобѣдимымъ, сталъ уговаривать тестя искать врага въ его собственной землѣ. Положеніе тестя было таково, что ему не оставалось ничего больше, какъ дать согласіе на это. Соединенныя молдавско-козацкія силы вторглись въ Валахію. Сначала дѣла ихъ

пошли хорошо, потому что, по словамъ г. Накко, они разбили Дику у Фокшанъ и направились къ Тырговицамъ. По дорогѣ снова разбили валаховъ при Шаплѣ. Тимошъ предавалъ все огню и мечу, не щадя даже и церквей, а козаковъ, не рѣшавшихся жечь храмы, убивалъ собственноручно. Но при рѣчкѣ Яловцѣ (Тележинѣ, а Накко говоритъ на рѣкѣ Галбинѣ при Флинтѣ) 17-го мая 1653 г. самъ Матвѣй Бессарабъ вышелъ имъ на встрѣчу, имѣя съ собой Януша Кимени съ венгерцами, и далъ имъ рѣшительную битву. Сначала фортуна отнеслась благосклонно къ нашему герою, но страшная буря въ лицо козакамъ и молдаванамъ повернула успѣхъ въ пользу Бессараба. Лупулъ, кажется, первый бѣжалъ съ поля сраженія и остановился только въ Галацѣ; за нимъ разбѣжались его молдаване, потомъ бѣжали Носачъ и Пушкаренко; Грицько съ частію левенцовъ палъ въ сѣчи, а остатки его отряда были изрублены по приказанію валашскаго генерала Андроника. «Тимошъ, по словамъ лѣтописца, герхнувши, заледво зъ меньшимъ числомъ того (войска) собрался и до Чигрина прибылъ зъ Богуномъ». А польскій современникъ прибавляетъ: «погнался было за нимъ Кондрацкій, но травленный заяцъ Тимошка пробрался на Украйну тропинками». Послѣ пораженія Тимоша и Лупула Стефанъ Георгица возвратился снова въ Яссы, а жена Лупула съ остатками богатства заперлась въ сильно укрѣпленномъ тогда замкѣ—Сочавѣ.

Вторженіе Тимоша въ Валахію произвело самое дурное впечатлѣніе на сосѣдей; даже Богданъ Хмельницкій чувствовалъ неловкость своего положенія, и въ письмѣ къ королю, не умѣя оправдать поведенія сына, отвергалъ самый фактъ вторженія его въ Валахію. «Видя низложеніе его милости господаря, мы двинулись было къ волошской границѣ, но, увидѣвши, что тамъ все успокоилось, мы, не сдѣлавъ никакого вреда въ владѣніяхъ вашего величества, возвратились назадъ и ожидаемъ на милостивую декларацію вашего величества и Рѣчи Посполитой»! Смѣлый поступокъ Тимоша обезпокоилъ даже Турцію, и по этому поводу визирь Аземъ-Магометъ писалъ къ Хмельницкому, требуя, чтобы онъ «своихъ ратныхъ людей держалъ въ уйму и въ государство его государя входить не велѣлъ и о томъ учинилъ крѣпкій заказъ, а сына своего взялъ бы къ себѣ».

Послѣ пораженія Тимоша союзныя войска венгерцевъ, молдаванъ и валаховъ повернули къ Сочавѣ, древней столицѣ молдавскаго княжества; они рѣшили осадить эту крѣпость, чтобы принудить жену Василія Лупула выдать свои богатства. Должно быть, у Домны Тодоры было еще много состоянія, хотя она ушла въ Сочаву только съ остатками богатствъ Лупула. Современники говорятъ, что у него было до шести милліоновъ, не считая того, что онъ закопалъ въ боченкахъ въ землю и что Роксанда успѣла взять съ собой; притомъ у него были большія суммы въ банкахъ Венеціи, Константинополя и Данцига. Но Тимошъ предупредилъ союзниковъ, подоспѣвъ на помощь къ своей тещѣ съ восемью тысячами козаковъ и, заперпшись съ ней въ Сочавѣ, привелъ крѣпость въ оборонительное положеніе. Хотя сочавскій замокъ для своего времени былъ почти неприступнымъ и имѣлъ значительный гарнизонъ, но положеніе осажденныхъ было трудно. Съ самаго начала союзная армія въ числѣ 20 тысячъ окружила замокъ желѣзнымъ кольцомъ, лишивъ такимъ образомъ городъ возможности пользоваться подвозомъ съѣстныхъ припасовъ и фуража; потомъ силы осаждающихъ еще увеличились приходомъ пятитысячнаго польскаго отряда подъ командой Кондрацкаго. Правда, замокъ былъ достаточно крѣпокъ и у осажденныхъ было довольно храбрости. Будь малѣйшая надежда на помощь извнѣ, Тимошъ могъ бы продержаться и даже отбить осаду; но такой помощи ни откуда нельзя было ожидать, потому что самъ король польскій сталъ лагеремъ у Каменца, чтобы не допустить Богдана Хмельницкаго подать помощь сыну. Можетъ быть, Богданъ и не обратилъ-бы вниманія на это препятствіе, еслибъ чувствовалъ въ себѣ достаточно силы, чтобы помочь своему первенцу; но это было послѣ постигшей его неудачи въ борьбѣ съ поляками; татары его оставили, а свои козаки протестовали противъ новаго похода въ Молдавію, такъ какъ надо было напречь всѣ силы противъ Польши для поправленія проиграннаго дѣла. «Напрасно, говоритъ современникъ, Лупулъ хлопоталъ въ Чигринѣ у стараго Хмельницкаго о помощи; гетманъ пилъ безъ просыпу цѣлую недѣлю, и говорить съ нимъ о дѣлѣ въ это время не было никакой возможности. Только на восьмой день замѣтилъ онъ господаря и, подавая ему чарку, сказалъ: «ото, брате, найлучша потиха въ смутку».

Не смотря на такой отчаянный отвѣтъ Лупулу, Хмельницкій все таки разослалъ универсалы козакамъ, чтобы они собирались въ Чигиринъ для похода въ Молдавію, а Лупулъ въ то время велъ переговоры, не безъ успѣха, съ бѣлогородской ордой о помощи и поселившись въ Рашковѣ, сталъ вербовать охотниковъ для будущаго похода въ Молдавію. Въ то время, какъ въ Украйнѣ собирали помощь осажденной Сочавѣ, осажденные стали чувствовать недостатокъ. «Въ Сочавѣ, говоритъ современникъ, Тимошка крѣпко окопался и продолжаетъ окапываться; у нихъ отвели воду, а ихъ все таки трудно добыть. Голодъ и вонь у нихъ ужасные; имѣютъ они много лошадей и воловъ, а кормить ихъ нечѣмъ, и скотъ издыхаетъ. Выслалъ было Тимошка пять тысячъ козаковъ достать корму для лошадей и скота: но вылазка не удалась, козацкій отрядъ не могъ пробиться; много убилъ онъ людей въ отрядѣ венгровъ и Кондрацкаго, захватилъ двѣ пушки, но при возвращеніи въ крѣпость пушки бросилъ и понесъ большой уронъ въ людяхъ».

Дѣйствительно положеніе осажденныхъ становилось очень труднымъ; многіе изъ гарнизона уходили къ осаждающимъ. Весь гарнизонъ падалъ духомъ; одна Домна Тодора, жена Василія Лупула, поддерживала мужество и бодрость осажденныхъ. «Она, говорятъ современные лѣтописцы, козаковъ задобряла деньгами, волоховъ поощряла обѣщаніями, словомъ: всѣхъ своею смѣлостію подбодряла, даже съѣстные припасы сама лично дѣлила и воду мѣрой раздавала. А когда не стало пороху, выставила всю посуду для приготовленія его; Тимошку обязывала бражничать съ козаками и побуждать ихъ къ неустанной оборонѣ, но на всѣ мирныя предложенія союзниковъ отвѣчала отказомъ».

Наконецъ въ лагерь осаждающихъ прибылъ давній соперникъ Тимоша, Дмитрій Вишневецкій. Узнавъ отъ бѣжавшихъ изъ Сочавы трехъ поляковъ, спасенныхъ нѣкогда Тимошемъ отъ смерти, гдѣ находился его соперникъ, онъ приказалъ навести въ это мѣсто «колюбрину» (родъ пушки). Выстрѣлъ оказался роковымъ: пушку разорвало и ея осколкомъ оторвало ногу у Тимоша. Раненнаго, въ безчувственномъ состояніи, подхватили козаки и долго трясли, желая привести въ чувство; но это ни къ чему ни при-

вело. Тимошъ прожилъ еще четыре дня въ страшныхъ мученіяхъ, у него развился антоновъ огонь, и онъ умеръ.

Постреляный, порубаный,
На раны смертельни знемаганый.
У головкахъ сивый кинь стоить,
А въ ниженькахъ слуга сидить,
А въ рученькахъ свича горить.

Теща долго скрывала смерть Тимоша; тѣло его въ гробѣ, покрытомъ двумя коврами, временно было поставлено въ лавкѣ. 9-го октября Сочава сдалась. Козакамъ позволено выйти съ оружіемъ и взять съ собою тѣло своего предводителя. Неустрашимая жена Лупула попала въ плѣнъ; за ней строго наблюдали, чтобы она не переписывалась съ друзьями и Константинополемъ; потомъ перевезли ее въ Трансильванію и тамъ держали въ какой-то глухой деревнѣ, впослѣдствіи-же и совсѣмъ о ней забыли. Новый господарь Молдавіи, Георгица, не желая имѣть соперника въ сынѣ Лупула, ошельмовалъ его, т. е. распоролъ ему носъ и обрѣзалъ уши. Старикъ Лупулъ успѣлъ было уговорить крымскаго хана идти на помощь Сочавѣ, обѣщая ему свои богатства; но лишь только ханъ тронулся въ походъ, какъ на пути явился къ нему посланникъ новаго молдавскаго господаря съ извѣстіемъ, что Сочава взята. Хану не трудно было сообразить, что и сокровища Лупула, на которыя онъ могъ разсчитывать, были въ рукахъ у новаго господаря; къ тому-же послѣдній преподнесъ и отъ себя богатые дары. Благоразумный обладатель Крыма счелъ за лучшее возвратиться во свояси, а бывшаго съ нимъ Лупула отправилъ въ Константинополь. Лупулъ попалъ въ Единкуль, откуда заключенные не возвращаются на свѣтъ Божій.

Впрочемъ, нѣкоторые молдавскіе историки говорятъ, что Лупулъ и послѣ всѣхъ этихъ несчастій своихъ долго еще жилъ и умеръ хотя въ крайней бѣдности, но на свободѣ.

Козаки съ тѣломъ Тимоша потянулись въ Украину. Но, вблизи Днѣстра, имъ заступилъ дорогу Могильницкій съ отрядомъ поляковъ. Завязалась отчаянная схватка. Козаки смяли польскій отрядъ и даже самого Могильницкаго взяли въ плѣнъ.

Печальная вѣсть о смерти Тимоша быстро разнеслась по Украйнѣ. Ломала руки въ отчаяніи молодая жена, заливаясь горючими слезами. Не такъ думала она встрѣтить милаго. Отчаяніе ея еще усугублялось, когда она глядѣла на двухъ своихъ малютокъ близнецовъ, которые лишились отца, прежде чѣмъ его увидѣли. Старый Богданъ былъ тоже неутѣшенъ, потерявъ въ сынѣ главную свою надежду; но его скорбь нѣсколько утихала при мысли, что любимый сынъ его не достался въ руки ворогу и умеръ козакомъ.

22-го октября печальный кортежъ подъ предводительствомъ наказнаго кіевскаго полковника подходилъ къ Чигрину; на встрѣчу ему вышло духовенство въ полномъ облаченіи, съ образами и хоругвями. За нимъ слѣдовала семья гетмана, кромѣ Роксанды, которая встрѣтила процессію только въ Субботовѣ. Когда вносили тѣло въ чигиринскій соборъ, на всѣхъ колокольняхъ зазвонили уныло въ колокола.

Въ семипьядни пищали гримали,
У суремки жалибно выхваляли:
То ще добре козацька голова знала,
Що безъ війска козацького не вмирала!

А съ крѣпостныхъ валовъ въ честь покойнаго раздавались гарматные выстрѣлы. Батько Богданъ былъ далеко отъ Чигрина; онъ прислалъ распоряженіе, чтобъ тѣло убитаго сына оставалось въ церкви до его пріѣзда, такъ что только 27 декабря Тимоша похоронили въ Субботовѣ въ церкви, построенной Богданомъ.

Злая судьба преслѣдовала Тимоша и послѣ смерти: разоряя Субботовъ, Чарнецкій выбросилъ его кости изъ гроба.

А ляхи зъ своимъ Чарнецькимъ,
Зъ поганымъ Степаномъ,
Запалили церкву Божу,
И кости Богдана
И Тимошеви въ Субботови
Гарненько спалили.

Что же сталось съ вдовою гетманича, такъ много уже переиспытавшею въ тотъ бурный вѣкъ въ своей молодой жизни? Утѣшилась ли она въ своемъ горѣ? Полюбила ли новую свою отчизну,

родину преждевременно погибшаго своего мужа? И наши и польскіе историки не сохранили объ этомъ никакихъ свѣдѣній. Знаемъ только, что по смерти Тимоша Богданъ Хмельницкій далъ своей невѣсткѣ во владѣніе м. Рашковъ надъ Днѣстромъ, гдѣ она и поселилась; но долго ли и какъ она тамъ жила и что испытывала по смерти стараго гетмана, неизвѣстно. Накко разсказываетъ, что въ 1659 г. вступилъ на молдавское господарство сынъ Василія Лупула Стефанъ и что первымъ дѣломъ его было послать войско за своею сестрою въ Рашковъ. Но козаки отбили молдаванъ отъ Рашкова и вслѣдъ за ними вторглись въ Бессарабію, вмѣстѣ съ Константиномъ Бессарабомъ, и отъ Сорокъ направились прямо въ Яссы. Стефанъ Лупулъ вышелъ имъ на встрѣчу и расположился у с. Колчекъ, на Прутѣ.

Отсюда онъ послалъ авангардъ своего войска къ р. Реуту, но козаки разбили его, и, узнавъ о мѣстѣ расположенія воеводы, пошли ему на перерѣзъ къ с. Загаранчѣ. Тогда Стефанъ отступилъ черезъ Яссы къ Томештамъ и, тѣснимый непріятелемъ, направился далѣе въ Буденакъ. Тамъ онъ подкрѣпился 3,000 татаръ и, вернувшись въ Яссы, изгналъ изъ него Константина Бессараба, заставивъ его удалиться за Днѣстръ вмѣстѣ съ козаками. Тѣмъ не менѣе Роксанда оставила злополучную Украйну и переселилась подъ покровительство своего брата въ его господарство.

Послѣдній печальный конецъ Роксанды такъ описываетъ Величко: «Домна на свои отчистіи добра зъ Украины, въ огнѣ военномъ тогда пылавшой, для тишины и покою въ землю Волошскую отъѣхавши, въ нихъ, яко достатная и богатая пани вдовствующая, господствовала ажъ до смерти своей, якая нечаянно постигнула еи отъ рукъ нестатковъ а гультяевъ козацкихъ, которіи, поворочаючи подобно зъ нѣяхихсь затяговъ военныхъ, набрели въ Волощинѣ Домну въ нѣякойсь еи маетности, и тамъ на домъ еи разбойническо нападши, прочихъ скарбовъ схованихъ допитовалися Домни мученіемъ и тиранствомъ. Лечь она, будучи мужественною невѣстою, отповидѣла козакамъ такъ: лучше хоцу, да владѣетъ земля бездушная, нежели вы, одушевленніе враги мои, скарбами моими,— при якихъ словахъ сконченю, абіе скончала и животъ свой Домна Тимошиха».

Только и всего о молодомъ супружествѣ!

Роксанда оставила вещественный знакъ своего пребыванія въ Украйнѣ. Покойный Костомаровъ во время поѣздки въ Бѣлую-Церковь видѣлъ въ одной изъ томошнихъ церквей на иконѣ привѣску чистаго золота, густо усаженную драгоцѣнными камнями. Церковными записями удостовѣрено, что это было ожерелье жены Тимоша, а преданіе поясняетъ, что оно случайно досталось Семену Палію, который, построивши церковь Спаса въ Бѣлой-Церкви, принесъ ей въ даръ это ожерелье. Въ уцѣлѣвшемъ придѣлѣ этой церкви оно хранится и доселѣ. Точный снимокъ съ него при семъ прилагается.

Тимошъ также оставилъ память по себѣ въ Молдавіи: онъ, по словамъ Палаузова, построилъ церковь въ Яссахъ, которая и теперь извѣстна тамъ подъ именемъ «Фурмосъ» (Красивая) [1]).

Сергѣй Венгрженовскій.

---

[1]) Источники: Богданъ Хмельницкій, Н. Костомарова; Исторія Малой Россіи, ч. I, Маркевича; Лѣтопись Самуила Величка; Лѣтопись Самовидца; Акты, относящіеся къ южной и западной Россіи, т. 3; Исторія Бессарабіи, ч. II, Алексѣя Накко; Историческія пѣсни малорусскаго народа Антоновича и Драгоманова; Записки о Южной Руси. Изд. Кулишъ. Т. I; Славянская надпись въ килійской церкви св. Николая изъ „Записокъ одесскаго общества исторіи и древностей". Т. III; Zabytki z dziejow, Jakuba Michalowskiego; Szkice historyczné. Skreslił Karol Szajnocha. T. IY; Voyage dans la Russie méridionale et la Crimée, par m-r Anatole de Demidoff; Książę Sarmacyi. Dr. Antoni I. Opowiadania historyczne; Kółko Domove. T. V. 1885 г., стр. 123—125

Записки Ивана Матвѣевича Сбитнева.

(Изъ времени учрежденія на Волыни и Подоліи, послѣ возстанія 1831 г., русскихъ школъ, въ замѣнъ польскихъ).

(Окончаніе) [1].

Новгородъ-Сѣверскій.

Боже мой, съ какимъ восторгомъ, съ какою поспѣшностію я собрался въ путь 26 іюля! Я самъ гналъ лошадей, я упрашивалъ гнать лошадей, я платилъ, чтобъ гнали лошадей. Мимо летѣли версты, мелькали города и деревни, а мнѣ казалось, что мы ѣхали такъ медленно, невыносимо медленно, какъ ползутъ черепахи. Нетерпѣніе мое умножалось по мѣрѣ приближенія къ цѣли. И вотъ Десна. И вотъ Новгородъ-Сѣверскъ! Не стану описывать тѣхъ свѣтлыхъ, радостныхъ минутъ въ жизни нашей, которыя рождаются отъ свиданія съ семействомъ, надолго съ нами разлученнымъ, и которыя вполнѣ поймутъ только семейные люди, бывшіе на моемъ мѣстѣ!

Я пріѣхалъ домой 28 іюля, въ самую глухую полночь, а до восхода солнца уже всѣ граждане знали о моемъ пріѣздѣ. Вотъ особенности малыхъ городовъ! Въ нихъ гораздо больше необыкновенныхъ случаевъ, которые въ большихъ городахъ считаются обыкновенными. Тамъ вѣсти летаютъ съ одного конца города въ другой быстрѣе, чѣмъ въ послѣднихъ съ одного дома

---

[1]) См. апрѣльск. кн. „Кіев. Стар." 1887 г., стр. 650—666.

въ другой—сосѣдній. Словомъ, жители въ малыхъ городахъ любопытнѣе, чѣмъ въ большихъ, отъ скуки конечно, отъ нечего дѣлать.

И вотъ, на другой день, нахлынули ко мнѣ родственники, знакомые и бывшіе товарищи мои. Съ какимъ нетерпѣніемъ, съ какимъ настояніемъ они желали знать о далекой, неизвѣстной странѣ, въ которой недавно кипѣли смуты и кровопролитіе. Я началъ разсказъ мой описаніемъ латинскаго богослуженія, а именно съ того момента, когда въ великую субботу, бискупъ каменецкій, въ сопровожденіи всего своего духовенства, обходя костелы, съ благоговѣйнымъ чувствомъ покланялся Распятію на крестѣ, положенномъ среди храма на полу, засланномъ богатымъ ковромъ, какъ онъ потомъ, взошедши въ свой каѳедральный соборъ, облекался въ богатую бискупскую одежду и отправлялъ резуррекцію, при пѣніи канониковъ, клериковъ, громогласныхъ звукахъ органа и звонѣ колокольчиковъ, повѣшенныхъ по разнымъ мѣстамъ костела. Этотъ священный, величественный обрядъ оканчивался не за долго до благовѣста въ православныхъ церквахъ. Я также разсказалъ имъ о моемъ впечатлѣніи, когда въ праздникъ Божія Тѣла бискупъ, въ сопровожденіи всего своего духовевства, «дзядовъ» съ исполинскими свѣчами и безчисленнаго множества жителей, шествовалъ изъ каѳедры на площадь, на которой были устроены, на-крестъ, четыре олтаря, какъ въ то время дѣвицы впереди бискупа несли на многихъ носилкахъ фигуры въ богатыхъ тканяхъ, величиною въ ростъ пятилѣтняго дитяти, фигуры, изображающія Спасителя, Матерь Божію, ангеловъ, апостоловъ и Іоанна Крестителя, какъ къ пѣнію духовенства примѣшивались мелодическіе голоса дамъ, иногда оглушаемые звучною полковою музыкою, слѣдовавшею обыкновенно за священною процессіею.

Съ большимъ вниманіемъ мои родные и знакомые слушали мой разсказъ о любопытномъ каменецкомъ бульварѣ, вырубленномъ на каменномъ утесѣ съ великимъ трудомъ и значительными издержками. Ихъ крайне удивило, когда я пояснилъ имъ, что на этомъ камнѣ успѣли выростить порядочнаго роста липы

и, сверхъ того, развести отличные цвѣтники и затѣйливыя рощи изъ кустарниковъ и деревъ, что самый утесъ, тѣ наклонныя скалы, на которыхъ невозможно стать ногою, чтобы не упасть въ пропасть, постепенно уменьшаясь, превращались мало по малу въ прелестныя дорожки, обсаженныя тополями, и что со временемъ каменецкіе охотники до гуляньевъ, разными зигзагами, обсаженными деревьями, не чувствительно, даже съ пріятностію, будутъ спускаться въ пропасть, по которой течетъ р. Смотричь..... Къ этому я добавилъ, что бульваръ ежедневно, въ вечернее время, оживлялся многочисленными посѣтителями и украшался ловко разодѣтыми дамами, ихъ стройною и легкою походкою.

Воспоминалъ я также и о томъ, что было для насъ и смутное время, а особливо въ половинѣ мая 1833 года, когда пронеслась ужасная молва, что Дверницкій съ десяти-тысячнымъ отрядомъ изъ Галиціи стремился ворваться въ Каменецъ и завладѣть его замкомъ и государственною казною. Вслѣдствіе того собрана была въ городъ вся внутренняя стража изъ окрестныхъ деревень и усилены караулы и ночью обходы. Въ то время бульваръ опустѣлъ, торговля прекратилась, но за то трактиры и многіе дома наполнились множествомъ молодыхъ людей, прибывшихъ изъ разныхъ мѣстъ Подоліи, которые веселились, пировали, непомѣрно шумѣли. Такъ было грустно, не пріятно около двухъ недѣль! Потомъ молодые люди разъѣзжались, бульваръ и торговля оживились, и сумрачныя тѣни нашего воображенія разсѣялись...... Говорили, что Австрія сама управилась съ мятежниками.....

Могъ-ли я умолчать о привѣтливости и гостепріимствѣ поляковъ, о прекрасныхъ корчмахъ, въ которыхъ во всякое время можно найти покойный пріютъ и сытный обѣдъ и которыя устроены на всѣхъ проселочныхъ дорогахъ! Словомъ, въ Новгородѣ-Сѣверскомъ были для меня и время и предметъ для моихъ разсказовъ о странѣ, которую позволила мнѣ судьба узнать подробно въ продолженіи осмимѣсячнаго моего въ ней пребыванія.....

Сборы мои въ дорогу были не продолжительны и коротки, потому что чиновники учебнаго вѣдомства обыкновенно имѣютъ не многосложное достояніе. И такъ 15 августа я былъ уже въ Кіевѣ, вмѣстѣ съ моимъ семействомъ.

Кіевъ.

Чрезъ три дня семейство мое одно отправилось въ дальнѣйшій путь въ Каменецъ-Подольскій, а мнѣ и г. Мицкевичу поручено заняться разборомъ дѣла о немировскомъ училищѣ, для чего препровождена была къ намъ огромная связка бумагъ, писанныхъ на польскомъ языкѣ Это дѣло поручено было сперва подольскому почетному попечителю, Држевецкому и префекту кременецкаго лицея Бокщанину, которые еще въ іюнѣ мѣсяцѣ ѣздили для того въ Немировъ. Проживши тамъ напрасно болѣе двухъ недѣль и потерявши терпѣніе отъ уловокъ тамошняго адвоката, они возвратили это дѣло попечителю не исполненнымъ, донесши при томъ, что оно, по причинѣ запутанности своей, по ихъ мнѣнію, совершенно не разрѣшимо.

Дѣло состояло въ слѣдующемъ. Графъ Феликсъ Потоцкій, онъ-же Щенсный, назначилъ ежегодную уплату съ каждой ревизской души своихъ крестьянъ по 5 коп. ассигн., съ тѣмъ, чтобъ устроить уѣздное училище о 6-ти классахъ въ Немировѣ. Имѣніе его находилось въ кіевской и подольской губерніяхъ. Чацкій, принявши это обязательство, передалъ оное эдукаціонной коммисіи, которая немедленно препроводила въ кіевскую гражданскую палату на утвержденіе, о чемъ увѣдомлена была и подольская гражданская палата. Словомъ, приняты были всѣ надлежащія мѣры для огражденія законности акта. Спустя нѣсколько времени, графъ Феликсъ умеръ, а имѣніе его, съ лежащимъ на немъ обязательствомъ, поступило во владѣніе наслѣдниковъ его. Прошло много времени; наслѣдники ни денегъ не вносили по этому обязательству въ эдукаціонную коммисію, ни мѣръ не принимали къ устройству училища въ такой степени, какъ дозволяли средства. Вслѣдствіе этой неустойки, эдукаціонная коммисія, уставши отъ безполезной переписки съ

наслѣдниками, вошла въ переписку съ губернскими правленіями: кіевскимъ и подольскимъ, прося ихъ распоряженія какъ о взысканіи съ Потоцкихъ прежнихъ недоимокъ, такъ и о побужденіи ихъ къ исполненію обязательствъ, сдѣланныхъ графомъ Феликсомъ, и на будущее время. Земскія полиціи, по настоянію означенныхъ правленій, переписывались съ главною экономіею, которая была въ Немировѣ, часто туда пріѣзжали, настаивали на исполненіи условій и получали только хитрые отзывы тамошняго уполномоченнаго. Эти отзывы, какъ водится, возвращались обратнымъ путемъ въ эдукаціонную коммиссію, съ умышленнымъ замедленіемъ и со свѣденіями о чрезвычайной трудности къ исполненію. Эдукаціонная коммиссія вступила въ переписку уже съ казенными палатами для того, чтобы сперва привести въ извѣстность число ревизскихъ душъ въ бывшемъ имѣніи графа Феликса, а потомъ уже приступить къ дальнѣйшимъ мѣрамъ. Казенныя палаты прислали въ коммиссію требуемое расчисленіе, но уѣздныя казначейства представили другое расчисленіе, совершенно несогласное съ первымъ. Въ свою очередь немировская экономія жаловалась кіевскому военному губернатору, что казенныя палаты и уѣздныя казначейства сдѣлали расчисленіе крестьянъ совершенно не вѣрно, что число ихъ по экономическимъ книгамъ совсѣмъ другое, но какое, о томъ умолчала. Все это снова поступило на разсмотрѣніе эдукаціонной коммисіи. Пошли снова повѣрки, вкрадывались снова невѣрности въ числахъ и возникали снова жалобы. Между тѣмъ, одни члены эдукаціонной коммиссіи замѣнялись другими, новыми, которымъ нужно еще было время, чтобы присмотрѣться къ дѣламъ вообще, а потомъ уже приступать къ рѣшенію. Такъ дѣло о фундушахъ немировскаго училища тянулось долго, накоплялось, возросло до громадныхъ размѣровъ и наконецъ дождалось нашего разбора.

Я нарочно вошелъ въ подробное описаніе всѣхъ переписокъ, возникшихъ при производствѣ этого дѣла, затѣмъ, чтобы показать образчикъ ловкости тамошнихъ адвокатовъ, ихъ умѣніе выставить себя необходимыми въ глазахъ туземныхъ помѣ-

щиковъ, которые не знали ни русскихъ законовъ, ни языка. И, Боже мой, какой русскій языкъ эти адвокаты употребляли при своихъ перепискахъ! Это смѣсь нелѣпостей, умноженныхъ на нелѣпость. А между тѣмъ случались примѣры, что они умышленную путаницу, вздоръ, употребляли въ свою пользу и, въ случаѣ улики, извинялись незнаніемъ языка. Такимъ образомъ дѣло пускалось въ проволочку, а эта проволочка иногда помогала имъ и выигрывать дѣла, и наживать деньги.

Въ теченіи сентября мѣсяца мы окончили это запутанное дѣло, отдѣливши сущность его отъ плутней, составили о немъ докладную записку, съ изложеніемъ проэкта, какъ удобнѣе взыскать недоимки и побудить наслѣдниковъ къ исполненію въ будущемъ своихъ обязательствъ. Г. попечитель эту записку представилъ на усмотрѣніе г. министру просвѣщенія. Какъ скоро наслѣдники графа Феликса узнали, что продѣлки адвокатовъ ихъ ни къ чему уже не поведутъ и не помогутъ ослабить законность акта и правильность отъ того выводовъ, то рѣшились наконецъ приступить къ мировымъ сдѣлкамъ съ г. попечителемъ кіевскаго учебнаго округа. Главныя статьи этого условія были слѣдующія: 1-е) устроить въ Немировѣ такой домъ, чтобы въ немъ могли помѣститься гимназія, директоръ, инспекторъ и всѣ учители; 2-е) наслѣдники принимаютъ на свой счетъ содержаніе всего дома, отапливаніе его и прислугу, и 3-е) принимаютъ также уплату жалованья всѣмъ чиновникамъ съ дополненіемъ отъ казны только трехъ тысячъ рублей серебромъ. Чрезъ три года потомъ послѣдовало открытіе немировской гимназіи, и первымъ директоромъ оной, по желанію владѣльца, былъ коллежскій совѣтникъ Миладовскій.

Послѣ говорили мнѣ, что эта мировая сдѣлка, по случаю устройства общихъ ученическихъ квартиръ, получила нѣкоторыя измѣненія.

Дѣятельность попечителя въ это время была изумительна. Независимо отъ занятій своихъ по канцеляріи, онъ ежедневно посѣщалъ гимназію, уѣздное училище на Подолѣ и два приходскія училища, а эти учебныя заведенія, кому извѣстно мѣсто-

положеніе Кіева, отстоятъ одинъ отъ другаго на нѣсколько верстъ; поспѣвалъ къ обѣду воспитанниковъ благороднаго пансіона и школы землемѣровъ, чтобъ узнать, какъ и какія изготовлены блюда; въ то же время назначалъ у себя свиданіе нѣсколькимъ чиновникамъ, которымъ или отдавалъ новыя приказанія, или выслушивалъ то, что они уже сдѣлали; собиралъ у себя извѣстныхъ ему чиновниковъ для составленія педагогическихъ совѣщаній о разныхъ предметахъ, въ особенности о мѣрахъ къ успѣшному движенію наукъ во всѣхъ подвѣдомственныхъ ему учебныхъ заведеніяхъ, въ числѣ какихъ мѣръ на этихъ совѣщаніяхъ родилась мысль о введеніи параллельныхъ классовъ въ учебныя заведенія; ежедневно посѣщалъ лицеальные кабинеты, наблюдалъ за постановкою въ нихъ предметовъ, даже на первый разъ самъ распоряжался разстановкою мебели въ гимназіи, для того, чтобъ учителю можно было удобнѣе обозрѣвать воспитанниковъ въ классѣ; придумалъ занятія бывшимъ профессорамъ кременецкаго лицея: Мѣховичу въ школѣ землемѣровъ, Якубовичу, Абламовичу, Гречинѣ и Плансону въ гимназіи; собственноручно писалъ инструкціи чиновникамъ, которыхъ отправлялъ въ виленскій университетъ для доставленія тамошнихъ учебныхъ пособій въ Кіевъ, и пр., и пр. Его неутомимая дѣятельность побуждала къ дѣятельности другихъ: всѣ суетились, работали весело, охотно, слѣдовательно успѣшно, потому что были увѣрены, что труды ихъ были извѣстны ему.

Кременецъ.

Г. попечитель поторопилъ насъ къ выѣзду изъ Кіева съ тѣмъ, чтобы мы снова продолжали наши занятія по устройству училищъ на Волыни. Профессоръ Мицкевичъ отправился прямо въ Кременецъ, я же, съ дозволенія его превосходительства, заѣхалъ прежде въ Каменецъ-Подольскій, желая сколько нибудь помочь моему семейству въ устройствѣ домашняго быта.

Въ Кременецъ я прибылъ 28 октября, пробираясь отъ Ланцкорона по проселочной дорогѣ, лежащей параллельно и близко австрійской границы, причемъ не рѣдко казачьи разъѣзды оста-

навливали меня и осматривали, нѣтъ ли со мною контрабанды. Г. Мицкевичъ уже съ недѣлю ожидалъ меня въ Кременцѣ. Съ пріѣздомъ моимъ, мы снова занялись разборомъ училищныхъ дѣлъ и выпискою изъ нихъ. Эта работа, скучная и заботливая, заняла насъ цѣлый мѣсяцъ.

Съ отъѣздомъ профессоровъ въ Кіевъ, умчались и всѣ лица, которыя были соприкосновенны лицею, а въ замѣнъ ихъ въ Кременцѣ водворились мертвенная тишина, скука и нищета. Бывало, въ большихъ домахъ кипѣли увеселенія аристократовъ, а домики и самыя отдаленныя лачуги были набиты биткомъ воспитанниками лицея, содержателями магазиновъ, торговцами и мастеровыми. Теперь всѣ лицеальные готическіе «муры» (зданія), которые ежедневно посѣщало до 700 воспитанниковъ, и всѣ почти лучшіе дома опустѣли, и только корчмы, наполненныя жидами, обнаруживаютъ еще, что Кременецъ не совершенно безлюденъ. Эти жиды, во время существованія лицея, живали изобильно; торговля, факторство и контрабанда доставляли имъ червонцы, богатую одежду, выгоды домашнія. Теперь они или сидятъ въ корчмахъ и охаютъ отъ недостатка, или толпами сходятся на лицеальную площадь вспоминать о быломъ, золотомъ вѣкѣ Кременца. Бывало, не легко найти выгодную квартиру за очень дорогую цѣну, а теперь каменные, огромные дома въ нѣсколько ярусовъ, съ фруктовыми садами, украшенными тополями и колоссальными деревьями волошскихъ орѣховъ, продаются за баснословно дешевую цѣну, за три, даже двѣ тысячи рублей серебромъ. Бывало, воспитанники лицея, цвѣтущіе молодостію, упоенные самодовольствіемъ, богатые, собирали своихъ товарищей и, пируя, строили воздушные замки, мечтали возстановить Польшу, возродить счастье страны, блистать въ свѣтѣ, въ совѣтахъ, создать науку, воскресить литературу.... Бывало, по лицеальному «огроду», т. е. ботаническому саду, красивыми группами мелькали юныя польки, одѣтыя въ дорогія ткани ліонскихъ фабрикъ, наполняя воздухъ веселымъ лепетомъ, смѣхомъ и благовоніями, и бросали меткіе, огненные взгляды на статную и ловкую молодежь. Бывало, въ богатыхъ магази-

нахъ блестѣло золото, серебро, бронза, ослѣпляли дорогія ткани, произведенія Востока. Съ переводомъ лицея въ Кіевъ все исчезло, какъ сновидѣнье, и изъ Аѳинъ Волыни Кременецъ сталъ лишь уѣзднымъ городомъ волынской губерніи.

Можно себѣ представить, какому грустному одиночеству, въ продолженіе мрачнаго ноября, мы подвергались въ Кременцѣ, гдѣ ноябрь несравненно мрачнѣе, чѣмъ гдѣ либо. Утомясь отъ дѣловыхъ выписокъ, скучныхъ, запутанныхъ, и наглотавшись протухлой пыли, которою проникнуты архивныя дѣла, мы разнообразили наше тамъ пребываніе только тѣмъ, что выходили на лицеальную площадку подышать воздухомъ, или, спотыкаясь, бродили по улицамъ, прежде грязнымъ, а потомъ взборожденныхъ ноябрьскимъ морозомъ.

Въ Кременцѣ мы узнали, что всѣ лицеальныя зданія уступлены православному духовенству для помѣщенія въ нихъ духовной семинаріи, которая до этихъ поръ, какъ я уже сказалъ выше, помѣщалась въ мѣстечкѣ Аннополѣ, острожскаго уѣзда. Такимъ образомъ семинарія, ставъ ближе къ жилищу преосвященнаго, лучше сохранитъ православіе въ своихъ воспитанникахъ, удалитъ отъ нихъ вліяніе туземныхъ обычаевъ, пріемовъ, симпатій и языка, который мало по малу усиливался, особенно между нашимъ духовенствомъ. Дѣйствительно, я былъ неоднократно очевидцемъ, что священники наши и въ домахъ своихъ, и въ личныхъ сообщеніяхъ между собою говорили на польскомъ языкѣ; даже видѣлъ примѣры, что и переписка между ними велась на этомъ же языкѣ. Родное русское начало вкрадывалось въ это сословіе только вліяніемъ двухъ, или трехъ лицъ изъ высшаго духовенства, слѣдовательно незамѣтными атомами.

29 ноября мы совершенно окончили наши извлеченія изъ дѣлъ эдукаціонной коммисіи и донесли попечителю о томъ, что я принялъ мѣстный обзоръ приходскихъ училищъ въ уѣздахъ: дубенскомъ, луцкомъ, владимірскомъ, ковельскомъ, острожскомъ, ровенскомъ, новоградъ-волынскомъ и овручскомъ, а Мицкевичъ предоставилъ себѣ для той-же цѣли уѣзды: кременецкій, староконстантиновскій, заславльскій и житомирскій. Пунктомъ соеди-

ненія мы назначили Житоміръ и въ тотъ же день разъѣхались по своимъ участкамъ. Ни снѣгъ, ни дождь, чередовавшіеся въ одинъ день по нѣсколько разъ, не остановили насъ отъ такой рѣшимости. Такъ надоѣлъ намъ Кременецъ!

Кіевъ.

Въ одни сутки приплылъ я въ Луцкъ, въ сопровожденіи дождя и снѣга, которые очень много прибавили вѣсу къ моей верхней одеждѣ. Если Луцкъ въ самое жаркое лѣтнее время бываетъ грязенъ, начиная отъ жилища бискупа почти до каѳедральнаго костела, то можно себѣ вообразить, въ какомъ грязномъ, неопрятномъ видѣ представлялся Луцкъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ, сыромъ и дождливомъ. Грязь, по самому вѣрному измѣренію, была по колѣни; домы раскисли, жалки, казалось, плачутъ, а валъ бывшей крѣпости часъ отъ часу распадался, являя взору кое-гдѣ исковерканный дернъ, пріятное время-препровожденіе нѣкоторыхъ животныхъ, употребляющихъ обыкновенно вмѣсто лапъ рыло.

Я вторично отдохнулъ и душею и тѣломъ, обмѣнявшись искреннею бесѣдою съ Кулжинскимъ. Бывши въ Кременцѣ, я цѣлый мѣсяцъ или молчалъ, или отмалчивался, считая невѣжливостію, даже жестокостію часто напоминать людямъ объ ихъ безразсудствѣ; а эта осторожность, затаенность душевныхъ помысловъ сильно тяготила, даже изнурила меня. Въ Кременцѣ мнѣ было нравственно холодно, какъ будто ледяная струя воздуха обдавала душу мою, скажу больше, мнѣ какъ то страшно было въ этомъ городѣ...

На другой день я снова представился бискупу Пивницкому затѣмъ, чтобы узнать, какія онъ сдѣлалъ распоряженія о взысканіи съ пробощей денегъ, принадлежащихъ разнымъ приходскимъ училищамъ, и о количествѣ которыхъ мы еще изъ Клевани, въ іюлѣ мѣсяцѣ, препроводили къ нему подробную вѣдомость. Его преосвященству угодно было показать мнѣ всю переписку по этому предмету, и онъ обѣщалъ, взыскавши немедленно, отправить эти деньги въ Кіевъ, въ лицеальное казначей-

ство. Бискупъ Пивницкій служилъ въ римско-католической коллегіи, въ Петербургѣ, гдѣ въ долговременное свое пребываніе замѣтилъ особенную способность у русскихъ —построеніе красивыхъ домовъ однимъ топоромъ и фабрикацію превосходныхъ картъ для игры, и только...

Изъ Луцка я отправился по владимірской дорогѣ и ночевалъ въ Локачахъ, гдѣ, вслѣдствіе извѣстія о нашемъ визитѣ, было уже все приготовлено къ открытію училища, а именно: домъ выбѣленъ внутри и снаружи, полы вымыты, скамьи окрашены и такимъ образомъ порядочно меблированное жилище ожидало только учителя, или, какъ тамъ обыкновенно называютъ, пана директора, пана профессора. И подлинно, одинокому человѣку, который еще не былъ избалованъ честолюбіемъ и прихотями, эта должность доставляетъ приличное содержаніе. Онъ имѣетъ просторное помѣщеніе, огородъ прокормитъ его зеленью, овощами и плодами, ибо онъ обязанъ заводить садъ, для примѣра крестьянамъ; имѣетъ свое молоко, которое приноситъ ему корова, получающая кормъ изъ училищнаго сѣнокоса; поле доставляетъ ему въ изобиліи хлѣбъ; 600 злотыхъ даютъ ему средства для пріобрѣтенія предметовъ нѣсколько прихотливыхъ. Къ тому же, родители воспитанниковъ, въ знакъ благодарности, обсылали его разною провизіею, а иные приглашали его на все вакаціонное время и не даромъ. Такимъ образонъ приходскій учитель не только удовлетворялъ этими доходами всѣмъ своимъ потребностямъ, но были примѣры, что онъ составлялъ еще значительный капиталъ для будущаго времени. Во многихъ училищахъ, особенно при монастыряхъ, участь приходскихъ учителей еще лучше обезпечена.

Изъ Локачей я отправился въ Порицкъ. Съ чувствомъ особеннаго любопытства еще издали взглянулъ я на высокіе куполы порицкаго костела и потомъ въѣхалъ въ это мѣстечко, принадлежавшее Тадеушу Чацкому. Квартира назначена была мнѣ у каноника Шевалье, глубокаго старца, бывшаго французскаго эмигранта, который въ девяностыхъ годахъ прошедшаго столѣтія сохранилъ свою голову отъ гильотины и нашелъ на

Волыни роскошный пріютъ. Ни лѣта, ни прошедшія бѣдствія не лишили этого бывшаго аббата любезности, живости и гостепріимства. Отъ него то я узналъ, что въ октябрѣ мѣсяцѣ урна, въ которой заключено было сердце Чацкаго, перенесена изъ кременецкаго лицея въ порицкій костелъ. Этотъ печальный обрядъ сопровождали и стройные ряды латинскаго духовенства, и множество окрестныхъ владѣльцевъ, съѣхавшихся для того, чтобы почтить память покойника. Сынъ и единственный наслѣдникъ его вотчины разсудилъ, что съ перенесеніемъ лицея въ Кіевъ сердце отца его можетъ успокоиться только въ порицкомъ костелѣ...

Я познакомился съ сыномъ Чацкаго, молодымъ, образованнымъ человѣкомъ, охотно изъявившимъ согласіе на немедленное открытіе училища въ Порицкѣ. Каменный домъ, красивый, просторный, назначенный для этого предмета, уже совершенно отдѣланъ. Въ искренней бесѣдѣ нашей онъ сознался, что заботы отца его, которыя онъ употреблялъ для образованія края, разорили какъ его собственное имѣніе, такъ и имущество прочихъ владѣльцевъ. При томъ, продолжалъ онъ, чрезъ него на всѣхъ почти имѣніяхъ лежитъ тягость, приводящая помѣщиковъ иногда къ затруднительному состоянію. Частныя взысканія и секвестры возбуждаютъ у нихъ не благословеніе отцу моему, но ропотъ, порицаніе, а можетъ быть и клятвы.

Въ Порицкѣ дали мнѣ лошадей для проѣзда въ мѣстечко Гороховъ, къ бывшему польскому сенатору Стройновскому, который во время смутъ послѣдней революціи удалился въ Галицію. Меня приняла привѣтливо его супруга, почтенная и образованная дама, и безъ всякаго прекословія изъявила готовность къ открытію въ мѣстечкѣ училища. Назначеніе учителя возложила на волю училищнаго начальства. При этомъ случаѣ она съ горестію воспоминала о бывшихъ смутахъ въ 1830 г., заставившихъ мужа ея удалиться въ Галицію. Молодежь польская, ворвавшись въ домъ ихъ, требовала отъ хозяина денегъ и гостепріимства; онъ не могъ отказать ни въ томъ, ни въ другомъ, потому что его лишили-бы жизни, какъ измѣнника

отчизнѣ. «Вотъ и все преступленіе мужа моего, навлекшее на него подозрѣніе мѣстной полиціи!» заключила она. Въ отвѣтъ я ей сказалъ: правительство наше милостиво и справедливо, оно разобрало бы проступокъ вашего супруга, невольный, вынужденный страхомъ, и потомъ возвратило-бы ему всѣ права и свободу; а бѣгство за границу и уклоненіе его отъ суда усиливаетъ только подозрѣніе правительства, а слѣдовательно и увеличиваетъ его отвѣтственность предъ нимъ.

Оттуда я отправился въ Селецъ, мѣстечко принадлежащее Феликсу Чацкому, родственнику Тадеуша. Этотъ почтенный помѣщикъ, съ аристократическими манерами, очаровалъ меня и большою начитанностію, и опытною наглядностію въ свѣтѣ. Онъ много путешествовалъ по Европѣ и потомъ проживалъ на Волыни, съ упованіемъ, что въ мірѣ все идетъ къ лучшему. Но Дверницкій, ворвавшійся съ девяти-тысячною ватагою своею въ его вотчину Боремль, заставилъ его уйти въ Галицію, затѣмъ, чтобы избѣжать невольнаго участія въ смутахъ. Вслѣдствіе того имѣніе его было конфисковано. Однако, по зову правительства, онъ явился въ Кіевъ къ суду и былъ, какъ должно, оправданъ, съ возвращеніемъ ему всего имущества. Впрочемъ жена его съ тѣхъ поръ не могла еще поправиться въ здоровьи, разстроенномъ сильными душевными потрясеніями отъ бывшихъ событій. Сдѣлки мои съ нимъ объ устройствѣ въ Сельцѣ парафіальной школы окончены съ возможною скоростію, въ чемъ намъ помогъ бывшій начальникъ клеванскаго училища, Риндинскій.

Скоро окончились мои служебныя дѣла въ Устилугѣ, Турійскѣ, Ратномъ, Ковлѣ и я, измученный постоянными разъѣздами, въ гнилую зиму, спѣшилъ отдохнуть въ Голобахъ, у Вильги, молодаго, образованнаго человѣка, воспитывавшагося въ кременецкомъ лицеѣ. Онъ разсказалъ мнѣ драматическое приключеніе, случившееся съ нимъ въ глубокую осень 1830 г. Вотъ, сидитъ онъ одинъ въ домѣ, ночью, погруженный въ думу: что предпринять ему въ это смутное время? Остаться-ли дома, или выѣхать хоть въ Житоміръ, хоть въ Кіевъ? Въ первомъ

случаѣ сволочь, предводительствуемая Дверницкимъ, о приближеніи котораго въ Кіевѣ уже носилась молва, принудитъ его принять участіе въ смутахъ; а во второмъ она сожжетъ домъ и деревню его, какъ измѣнника отчизны, если узнаетъ о его бѣгствѣ. Среди этихъ размышленій, внезапно налетѣла на дворъ его толпа всадниковъ, разставила на всѣхъ выходахъ дома караулъ и вошла шумно, неистово къ нему въ залу. То были всѣ его лицеальные товарищи, въ нетрезвомъ видѣ, вооруженные съ ногъ до головы. Вильга наружно обрадовался ихъ посѣщенію, но внутренно былъ въ сильномъ смущеніи, догадываясь, что они прибыли къ нему, вѣроятно, съ цѣлью взять его въ ряды свои. И онъ не ошибся, потому что предложеніе было сдѣлано немедленно:

— Вильга, готовься съ нами, на защиту отчизны!

— Охотно, паны, сказалъ онъ имъ въ отвѣтъ, но сперва позвольте мнѣ угостить васъ, товарищи!

И вотъ сталъ онъ распоряжаться угощеніемъ, разсчитывая въ то же время, что въ самомъ разгарѣ пира можно будетъ какъ нибудь улизнуть отъ мятежниковъ. Но двое изъ гостей его по очереди слѣдили за нимъ съ пистолетами въ рукахъ. И разъ, въ часы искреннихъ изліяній бесѣды, они открыли ему свои подозрѣнія такими словами:

— Напрасно, панъ, заботишься отдѣлаться этимъ отъ насъ; не прогнѣвайся, панъ, если, при первой твоей попыткѣ къ побѣгу, или влѣпится въ твое тѣло десять пуль, или будешь тутъ-же въ залѣ повѣшенъ.

Вильга догадался, что съ нетрезвыми гостями шутить неловко, сталъ просить у нихъ не много времени, чтобы собрать денегъ и отдать приказъ по управленію имѣніемъ, прибавивъ, что тогда уже будетъ готовъ къ ихъ услугамъ. Мятежники, при этомъ отзывѣ Вильги, приступили къ нему съ остервененіемъ; одни кричали: повѣсить его, врага отчизны, другіе: разстрѣлять его! Одинъ, самый неистовый, навелъ даже пистолетъ прямо въ грудь Вильги и спустилъ замокъ; но къ счастію кремень осѣкся. При этомъ хозяинъ вскричалъ:

— Паны! Успокойтесь! Неужели я менѣе васъ люблю свою отчизну и не желаю ей счастія? У меня теперь нѣтъ денегъ. Не вѣрите?..... вотъ ключи! Ищите, гдѣ хотите: не найдете болѣе десяти червонцевъ. Найдете больше, тогда можете умертвить меня. Чтоже я буду дѣлать безъ денегъ, безъ вооруженной прислуги?

Такая энергическая рѣчь хозяина остановила мятежниковъ. Поставивъ стражу надъ нимъ, они стали дѣлать розыски по всѣмъ шкатулкамъ, комодамъ, столамъ и кладовымъ: нашли и деньги, но мало! Стало быть, хозяинъ правъ. Тогда велѣли ему призвать прикащика въ свое присутствіе, внимательно слѣдили за миною, за распоряженіями хозяина.

— Паны, ура! воскликнулъ потомъ Вильга; бокалы шампанскаго!

Снова пиръ закипѣлъ и продолжался около двухъ дней. Опьянѣлые гости, откинувъ въ сторону всякое подозрѣніе, стали уже убѣждаться въ искренности хозяина и ослабили надзоръ за нимъ; онъ этимъ воспользовался и ушелъ чрезъ паркъ, гдѣ, по догадливости его лакея, въ скрытномъ мѣстѣ, еще заблаговременно была приготовлена пара верховыхъ лошадей.

Переодѣвшись въ простую одежду, Вильга шатался потомъ двѣ недѣли въ окрестности, подвергаясь ежеминутно опасности встрѣтиться съ шайкою мародеровъ. Наконецъ, въ одной корчмѣ отъ жида узналъ онъ, что боремльская битва окончилась не въ пользу Дверницкаго, что этотъ генералъ всякой сволочи ушелъ за границу. Вильга сдѣлалъ повѣрку въ другомъ и третьемъ мѣстѣ: одна и таже вѣсть. Тогда Вильга воротился въ Голобы, а за нимъ вслѣдъ явилась и земская полиція, которая провѣдала уже о наѣздѣ къ нему вооруженныхъ людей, двухъ-дневномъ ихъ пированіи, двухъ-недѣльномъ отсутствіи владѣльца... и караулила его. Чрезъ три мѣсяца потомъ военный судъ оправдалъ его.

И такъ, закончилъ свой разсказъ Вильга, справедливо, что въ смутное время событія въ своемъ стремленіи увлекаютъ и

людей спокойныхъ, преданныхъ законному порядку и не одобряющихъ безумныхъ предпріятій своихъ родаковъ, и тѣмъ накликаютъ на нихъ бѣды, разоренія и страданія.

Вильга, по причинѣ разстроеннаго своего состоянія, при разсчисленіи недоимокъ по училищу, сдѣлалъ ко мнѣ отзывъ о томъ, чтобы часть недоимокъ, числящихся на немъ, употребить на починку дома и устройство училищной мебели, а остальную простить. О томъ-же ходатайствовалъ у меня и почетный попечитель волынской гимназіи, камергеръ Скибицкій, въ бытность мою у него въ деревнѣ Вербѣ. Все это я представилъ на благоусмотрѣніе г. попечителя. Послѣдствія мнѣ неизвѣстны.

Отъ Голобовъ, по проселочнымъ дорогамъ и чрезъ дремучіе боры, пробрался я въ Седлецъ, скоро очутился на большой дорогѣ такъ, что Владиміръ остался за мною ужъ въ 7 верстахъ назади, и потомъ чрезъ Луцкъ, также проселкомъ, прибылъ вторично въ Клевань, мѣстечко, о которомъ я уже упоминалъ прежде.

Здѣсь я узналъ, что г. попечитель приказалъ перемѣстить луцкую гимназію въ Клевань, а клеванское уѣздное училище въ Луцкъ. Въ Клевани также узналъ я и о томъ, что къ луцкой гимназіи присоединенъ огромный фундушъ доктора медицыны Лернета, который завѣщалъ, чтобы на проценты сего капитала воспитывались ежегодно четыре воспитанника изъ волынянъ и тѣмъ изъ нихъ, которые окончатъ успѣшно курсъ наукъ въ этой гимназіи, выдавать сверхъ того каждому единовременно по три тысячи рублей серебромъ.

Уже настало 15-е декабря, но вмѣсто снѣга, на мою бѣду, лилъ постоянно дождь. Въ это-то ненастное время я проѣхалъ Деражно, Степань и Бережницу, гдѣ окончилъ довольно успѣшно всѣ мои обязанности по устройству въ нихъ училищъ.

На возвратномъ пути моемъ въ городокъ Степань сперва небо заволоклось снѣжными тучами, потомъ пошелъ снѣгъ, и вѣтръ, усиливаясь мало по-малу, произвелъ сильную вьюгу. Эта пурга заставила меня переждать цѣлый день въ Степани,

доставила мнѣ пріятнѣйшее знакомство съ графомъ Вурцелемъ, владѣльцемъ города Степани. Согбенный лѣтами графъ и его супруга великодушно переносили свое одиночество, въ которое повергли проступки дѣтей ихъ, вовлеченныхъ, по легкомыслію, въ недавнія смуты. Боже мой! буйныя головы, промотавшія все свое достояніе и желавшія мятежомъ противъ законнаго порядка или поправить свое состояніе, или насытить свое честолюбіе, сколько семействъ ввергли въ невыносимыя горести, отторгнувъ отъ нихъ или отцевъ, или сыновей, или супруговъ!....

Изъ Степани, чрезъ мѣстечко Казиміровку, я по санной дорогѣ прибылъ въ Ровно, вечеромъ, въ самый сочельникъ, предъ праздникомъ Рождества Христова. Признаюсь, послѣ осеннихъ поѣздокъ въ ненастье, ѣзда по зимней дорогѣ, сухой, не трудъ, а отдохновеніе! Князь Любомірскій, узнавши о моемъ пребываніи въ Ровно, просилъ меня къ себѣ провести цѣлый день. Однако, я уклонился отъ этого приглашенія, желая успокоиться въ чистой и теплой корчмѣ; безпрестанныя поѣздки, частыя перемѣны мѣстъ, лицъ, принужденность при форменныхъ свиданіяхъ съ ними, до того утомили меня, что я почелъ для себя самымъ большимъ наслажденіемъ уединеніе. Въ корчмѣ, въ которой я остановился, очень усердно прислуживалъ мнѣ молодой еврей, довольно бойкій и сметливый. Онъ дешево взялъ съ меня за труды, за то эта дешевизна стоила мнѣ весьма дорого, потому что онъ самъ себя наградилъ за свои услуги, тайно утащивъ часть моей одежды изъ чемодана въ то время, когда я весь почти день провелъ во снѣ.

Мигомъ пролетѣлъ я Шпаковъ, Корецъ, мѣстечко, извѣстное фабрикою фарфоровой посуды, Новоградъ-Волынскій, Овручь, бывшую столицу древлянъ, оттуда чрезъ Новоградъ прибылъ въ Житоміръ 30-го декабря. А это разстояніе не бездѣлица! оно составляетъ только 300 верстъ. Какъ? спросятъ меня, проѣхать 300 верстъ и о томъ сказать только нѣсколько словъ? Неужели на такомъ огромномъ разстояніи не встрѣтилось ничего любопытнаго, ничего новаго? Въ отвѣтъ такимъ вопроша-

телямъ доложу только, что не берусь разсуждать о причинѣ тому, ни объяснять той апатіи, того утомленія душевнаго, того отсутствія всякой наблюдательности, которыя завладѣли всѣмъ моимъ существомъ, особенно при концѣ моихъ странствованій. Помню только то, что все мнѣ надоѣло; знаю только то, что едва ли не всѣ дѣятели при концѣ своихъ дѣйствій спѣшатъ и скучаютъ....

Первымъ моимъ дѣломъ въ Житомірѣ было справиться, гдѣ квартируетъ г. Мицкевичъ, съ которымъ для свиданія назначилъ я этотъ городъ. Инспекторъ гимназіи Македонскій увѣдомилъ меня, что мой товарищъ уѣхалъ въ Кіевъ еще вчера, чтобъ успѣть проститься съ г. попечителемъ, спѣшившимъ выѣзжать въ Петербургъ, для личнаго совѣщанія объ устройствѣ лицея въ Кіевѣ. Не теряя нисколько времени и я поспѣшилъ съ отъѣздомъ въ Кіевъ, и въ одни сутки прибылъ въ этотъ городъ. Попечителя я уже не засталъ, исправленіе своей должности онъ поручилъ директору гимназіи Петрову, къ которому явился я съ донесеніемъ о томъ, что было мною до сихъ поръ сдѣлано.

Работа моя въ Кіевѣ квкъ-то не клеилась, пробудилось желаніе отправиться въ Каменецъ-Подольскій, тѣмъ болѣе, что и средства мои къ содержанію уже стали истощаться. Я отправился къ г. Петрову съ тѣмъ, чтобы увѣдомить его, что я уже собрался ѣхать въ Каменецъ-Подольскій, при этомъ я показалъ ему предписаніе г. попечителя, которымъ мнѣ предоставленъ былъ выборъ мѣста, гдѣ удобнѣе я могъ-бы заняться отчетностью порученнаго мнѣ дѣла. И подлинно, гдѣ-же могъ-бы я найти болѣе спокойствія, хорошее помѣщеніе и приличное содержаніе безъ излишнихъ издержекъ, какъ не въ Каменцѣ? И при томъ исполняя порученіе, я въ тоже время могъ-бы заняться и настоящею моею должностію.

Эти мои доводы совершенно убѣдили г. Петрова; онъ принялъ мой рапортъ и дозволилъ мнѣ уѣхать въ Каменецъ. Чрезъ три дня послѣ этого дозволенія я былъ уже тамъ.

Среди моихъ занятій отчетностію по устройству училищъ и заботъ по должности инспектора гимназіи, должности шаткой въ западныхъ провинціяхъ и требовавшей большой оглядки, особенно при первоначальномъ устройствѣ тамошнихъ учебныхъ заведеній, пронеслась молва о томъ, что въ Кіевѣ, вмѣсто лицея, будетъ основанъ университетъ. Съ возвращеніемъ г. попечителя въ Кіевъ, въ первыхъ числахъ февраля 1834 года, эта разнорѣчивая молва превратилась въ истинное событіе. Графъ Сергій Семеновичъ Уваровъ, узнавши изъ личнаго донесенія попечителя, какими огромными пособіями владѣетъ лицей, объявилъ ему, что такъ какъ эти учебныя пособія совершенно удовлетворяютъ всѣмъ потребностямъ университета, то будетъ всеподданнѣйше ходатайствовать объ основаніи въ Кіевѣ университета. И вскорѣ послѣдовало высочайшее повелѣніе объ учрежденіи въ Кіевѣ университета св. Владиміра, котораго краеугольный камень, девизъ, святая обязанность пролить свѣтъ истины и просвѣщенія, провести начала нашей русской жизни въ западныхъ провинціяхъ. Всѣ бывшіе преподаватели лицея предназначены занять каѳедры въ новомъ университетѣ. Итакъ, мысль Екатерины Великой объ учрежденіи въ Кіевѣ университета осуществилась уже въ царствованіе внука ея, Николая I.

Среди огромныхъ приготовленій къ немедленному открытію университета, которое заняло всѣ умы въ западныхъ провинціяхъ, послѣдовало открытіе четырехъ дворянскихъ уѣздныхъ училищъ: въ Подоліи—немировскаго и меджибожскаго, а на Волыни—новоградъ-волынскаго и теофипольскаго.

Занятія мои по отчету о посѣщенныхъ училищахъ окончились. На эту отчетность я употребилъ три мѣсяца, начиная съ половины января до половины апрѣля. 17-го апрѣля я отправилъ къ г. попечителю окончательный мой рапортъ, въ которомъ изложилъ общій обзоръ всѣхъ нашихъ дѣйствій и занятій по устройству приходскихъ училищъ на Волыни, а именно: 1) причину моей поѣздки въ Кременецъ вмѣстѣ съ Мицкевичемъ; 2) занятія наши дѣлами эдукаціонной коммисіи, т. е.

справки и выписки изъ дѣлъ о тѣхъ училищахъ, которыя находятся вокругъ Кременца и о тѣхъ, которыя намъ встрѣтятся по пути отъ Луцка до Кіева; 3) мѣстный обзоръ выше означенныхъ училищъ, съ означеніемъ времени нашего съѣзда на мѣста, гдѣ существовали училища; 4) время прибытія нашего въ Кіевъ и занятія наши разборомъ спорнаго и запутаннаго дѣла о немировскомъ училищѣ; 5) вторичную поѣздку въ Кременецъ и предметъ нашего занятія въ этомъ городѣ въ продолженіи цѣлаго мѣсяца; 6) причину раздѣленія труда между г. Мицкевичемъ и мною при мѣстномъ обзорѣ училищъ и мою поѣздку на мѣста, гдѣ существовали остальныя училища; 7) сложный счетъ, сколько нашими занятіями сохранено суммъ ежегоднаго взноса въ пользу училищъ (около 50 т. руб. сер. и недоимочныхъ суммъ около 25 т. руб. сер., происшедшихъ или отъ несвоевременнаго открытія училища, или отъ неполнаго взноса денегъ владѣльцемъ за прежнее время), сколько сохранено училищныхъ домовъ и морговъ пахатной, сѣнокосной и садовой земли въ пользу тѣхъ училищъ, а равно, сколько верстъ пути употреблено мною на мѣстный обзоръ (около 5,000 вер.), поѣздку самую мучительную, совершенную по большой части по проселочнымъ дорогамъ, въ ненастное время, имѣвшую разрушительное дѣйствіе и на мое здоровье, и на мой путевой багажъ.

При этомъ рапортѣ моемъ приладилъ я также: 1) докладныя записки о каждомъ порознь училищѣ, со времени основанія до закрытія ихъ въ 1831 году; 2) копіи съ переписокъ моихъ съ училищнымъ начальствомъ и фундаторами училищъ и 3) вѣдомость о прогонныхъ деньгахъ, употребленныхъ мною при мѣстномъ обзорѣ училищъ.

За все это я, въ послѣдствіи времени, получилъ *(слѣдуетъ пробѣлъ съ цифрами 1, 2 и 3)* 4-е, *(снова пробѣлъ)* и 1,000 руб. ассигн. единовременнаго вознагражденія за потери, понесенныя въ пути.

Что сталось съ закрытыми приходскими училищами въ кіевской и подольской губерніяхъ, мнѣ не извѣстно; знаю только то, что дѣло это остановлено училищнымъ начальствомъ по причинѣ чрезмѣрныхъ занятій, которыми оно озаботилось при открытіи университета, наймѣ квартиръ для временнаго помѣщенія этого заведенія и составленіемъ проэкта о постройкѣ казеннаго зданія для университета.

РОДЪ ВИШНЕВСКИХЪ.

Царствованіе Петра В., помимо широкихъ реформъ, громкихъ побѣдъ и другихъ болѣе или менѣе важныхъ событій, памятно еще и большимъ наплывомъ къ намъ иноземцевъ. Голландцы, нѣмцы, французы и шведы, греки, сербы, волохи и армяне шли къ намъ, какъ въ обѣтованную землю, то въ одиночку, то цѣлыми партіями. Иныхъ звалъ самъ Петръ, другіе шли по собственному почину, а иныхъ тащили за собой единоземцы. Всѣмъ имъ жилось у насъ не дурно, лучше, чѣмъ на покинутой родинѣ; а тѣ, кого звалъ или зналъ самъ Петръ и кто имѣлъ случай прислужиться ему въ чемъ либо, быстро создавали себѣ иногда весьма завидную карьеру, благодаря его широкой натурѣ, столь же щедро награждавшей, какъ и жестоко наказывавшей. Не успѣвшіе составить себѣ фортуны при Петрѣ, создавали оную при его преемникахъ, такъ какъ его почины и симпатіи чтились долго и свято во всемъ, отъ заморскихъ наукъ до шлёнскихъ овецъ и венгерскихъ винъ. Иные изъ пришельцевъ выдвигались умомъ, знаніемъ, полезною дѣятельностію, другіе брали ловкостью, мелкими услугами, шли въ силу перваго толчка, или влекомые землячествомъ, кумовствомъ и т. п. Тѣмъ или инымъ путемъ люди иногда самаго простаго званія достигали генеральскихъ чиновъ, графскихъ и иныхъ титуловъ, оставляли большія состоянія и широко развѣтленное потомство. Измѣна Мазепы и казнь его единомышленниковъ открыли выходцамъ, южныхъ преимущественно странъ, широкій доступъ въ ряды козачей старшины и какой нибудь арендарь или крамаръ облекался въ званіе сотника, достигалъ полковничьяго уряда, наживалъ богатыя «маетности», роднился съ мѣст-

ною и обще россійскою знатью и полагалъ собою начало дальнѣйшему, богатому и знатному, дворянскому роду.

Къ числу произшедшихъ отъ такихъ выходцевъ родовъ, кромѣ фамилій Милорадовичей, Томаръ, Хорватовъ и многихъ другихъ, принадлежитъ и многочисленный нынѣ дворянскій родъ Вишневскихъ.

Родоначальникомъ Вишневскихъ былъ у насъ Ѳедоръ Степановичъ Вишневскій, сербъ, уроженецъ Бѣлграда, вышедшій изъ такъ называемой рагузской республики, славившейся въ XIV и XV в. на берегахъ Адріатики. Раньше его вышелъ оттуда же другой сербъ, Савва, принявшій, какъ кажется, прозваніе отъ своей родины по переходѣ въ Россію, составившій себѣ большую карьеру при Петрѣ В., получившій графство при Екатеринѣ I-й и давшій начало роду графовъ Владиславичей. Савва торговалъ разнымъ товаромъ въ Константинополѣ; Вишневскій, по всей видимости, состоялъ у него повѣреннымъ или прикащикомъ сперва вообще, а потомъ по винной торговлѣ. Савва открылъ ему путь въ Россію, а его спеціальность составила дальнѣйшую его карьеру. Но прежде о Саввѣ.

Торгуя на глазахъ у нашихъ пословъ въ Константинополѣ, онъ вошелъ съ ними въ сношенія около 1700 года [1]) и не разъ оказывалъ чрезъ нихъ услуги нашему правительству своими свѣдѣніями и сообщеніями о томъ, что творилось въ турецкомъ и юго-славянскомъ мірѣ. Охотно пользовались наши послы, князь Голицынъ и Украинцевъ, услугами его, какъ человѣка бывалаго, по самому роду своихъ занятій способнаго на всякаго рода развѣдки и непривлекавшаго на себя особыхъ подозрѣній. Въ 1702 г. Савва, подъ предлогомъ развѣдать путь Чернымъ моремъ въ Россію, явился въ Азовъ съ деревяннымъ масломъ, кумачами и хлопчатою бумагою, откуда уже въ 1703 году поѣхалъ въ Москву. Въ Москвѣ его приняли хорошо. Петръ далъ ему жалованную грамоту на десять лѣтъ свободно торговать во всѣхъ городахъ россійскихъ, при чемъ далъ ему и порученія въ Константинополь къ послу Толстому. Въ 1705 году Савва возвращается опять въ Москву уже съ тайными бумагами отъ Толстаго изъ Константинополя, а Петръ В., помимо щедрой денежной заплаты, второю жалованною грамотою на его имя предоставляетъ ему торговать въ Малороссіи, въ Азовѣ

---

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. 14, стр. 327.

и вездѣ всякими товарами, кромѣ запрещенныхъ, а также имѣть свободный съ оными проѣздъ въ окрестныя державы. Въ просмотрѣнной нами рукописной книгѣ «Опись дѣламъ господина графа Гаврила Владиславича.... 1750 году генваря сочиненная», входящей въ составъ домашняго архива княгини Марьи Павловны Долгоруковой (с. Великая Топаль новозыбковскаго уѣзда), перечислена масса бумагъ 1705—1715 года, относящихся къ Саввѣ Рагузинскому, изъ которыхъ открывается, что помимо тайныхъ дипломатическихъ услугъ, за которыя Петръ В. щедро награждалъ его чинами и имѣніями, онъ велъ обширную торговлю внутри и внѣ Россіи и былъ однимъ изъ главныхъ поставщиковъ на армію и флотъ того времени. Въ 1711 году Рагузинскій сопровождалъ Петра въ прутскомъ походѣ и, какъ видно, имѣлъ миссію поднимать недовольныхъ турецкимъ владычествомъ молдаванъ, угро-руссовъ и другихъ славянъ [1]). Въ послѣдствіи, именно въ 1715 г. [2]), всѣ эти молдаване, венгры и славяне, поднятые противъ турокъ, безъ различія ихъ подданства цесарю или султану, были приняты въ русскую службу; въ числѣ ихъ находимъ и Ѳ. С. Вишневскаго. Въ описи бумагъ самаго Рагузинскаго, съ 1715 г. до самой смерти Петра В., мы нашли массу порученій, которыя давались Рагузинскому и лично императоромъ и его приближенными по части пріобрѣтенія тѣхъ или другихъ вещей за границею,—преимущественно въ Италіи. Въ роли агента Рагузинскаго по части закупки вина въ Венгріи для поставки ко двору Петра встрѣчаемъ и Вишневскаго. Какъ извѣстно, Петръ еще во время карлсбадскаго своего лѣченія вошелъ во вкусъ венгерскаго вина и потреблялъ его цѣлыми кувшинами одновремено съ *шпруделемъ*. Поставка этого вина къ императорскому двору началась еще въ 1714 г. Какъ рано пріобрѣлъ въ ней Вишневскій самостоятельную роль, сказать не можемъ; но эта крупная и прибыльная операція стала не только постоянною его профессіею, но даже какъ бы монополіею, переходила то въ подрядъ, то въ спеціальную коронную службу и доставляла ему деньги и чины. Въ «Дневныхъ Запискахъ» Якова Марковича подъ 1731 годомъ упоминается о проѣздѣ Вишневскаго че-

---

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. 16. стр. 87.

[2]) Тамъ же, стр. 132.

резъ Глуховъ изъ Венгріи съ винами. Въ 1733 г. онъ выхлопоталъ себѣ весьма крупную и выгодную поставку на десять лѣтъ, прямо изъ Венгріи, «про обиходъ императорскаго двора, венгерскаго вина по 150 анталовъ въ годъ», съ тѣмъ, чтобы придворная контора выдала ему впередъ 20,000 руб., которые онъ обязывался возвратить черезъ 10 лѣтъ, и чтобы вино, остающееся отъ поставки ко двору, отдавать въ его «диспозицію» для вольной продажи въ Россіи [1]). Придворная контора приняла эти условія; но еще не окончился срокъ этого контракта, какъ онъ придумалъ въ 1740 г. иной способъ доставки венгерскаго вина, болѣе выгодный для него и болѣе убыточный для казны. Высочайшимъ указомъ 1745 г. учреждена была для этого въ Токаѣ особая коммисія. Вишневскій былъ ея творцемъ и онъ же сталъ ея предсѣдателемъ, съ огромнымъ по тогдашнему содержаніемъ въ 2000 руб. ежегодно. Коммисія завела свои виноградники и винодѣльни, покупала и готовое вино. О размѣрѣ операцій коммисіи можно судить по тому, что однихъ высшихъ сортовъ венгерскаго вина доставлялось ко двору въ годъ иногда до 100,000 бутылокъ. Вишневскій имѣлъ помощника, секретаря, 15 драгунъ, много мастеровыхъ, личной прислуги, особую церковь и причтъ, съ нищенскимъ жалованьемъ для священника 120 р. въ годъ [2]).

Особое обстоятельство, быть можетъ даже и случайное, приблизило Вишневскаго къ цесаревнѣ, впослѣдствіи императрицѣ Елисаветѣ. Еще въ 1731 г., сопровождая транспортъ винъ изъ-за границы въ Петербургъ, онъ зашелъ въ селѣ Чемерѣ (нынѣ козелецкаго уѣзда, черниговской губерніи) въ церковь, плѣнился тамъ голосомъ и наружностью молодаго козака Алексѣя Розума и уговорилъ дьячка чемерской церкви отпустить съ нимъ его воспитанника въ Петербургъ. Алексѣй охотно согласился на предложеніе Вишневскаго и съ нимъ вмѣстѣ отправился туда. Въ Петербургѣ Вишневскій представилъ Розума тогдашнему оберъ-гофмаршалу графу Рейнгольду Левенвольду, который помѣстилъ его въ придворный хоръ. Красивый и голосистый хохленокъ оставался здѣсь недолго;

---

[1]) Карновичъ, Очерки русск. прав. и быта въ XVIII в. Истор. Вѣст. 1881 г., № 7.

[2]) Кіевск. Стор. 1883 г., январ. кн., стр. 95—96.

спустя нѣсколько дней послѣ его поступленія въ хоръ, цесаревна Елисавета Петровна, присутствовавшая при богослуженіи въ дворцовой церкви, была поражена его голосомъ и пожелала его видѣть. Красота Розума еще болѣе плѣнила великую княгиню, чѣмъ голосъ его, почему она просила Левенвольда уступить ей молодаго пѣвчаго; тотъ согласился и Алексѣй Розумъ перешелъ ко двору цесаревны [1]). Дальнѣйшая судьба Алексѣя Григорьевича Разумовскаго слишкомъ извѣстна, чтобы нужно было говорить объ ней. Понятно, что съ воцареніемъ Елисаветы Петровны, занявъ при ней выдающееся и исключительное положеніе ея наперсника, Разумовскій не могъ забыть того, кому обязанъ былъ случайнымъ своимъ возвышеніемъ, и старался отблагодарить его. И дѣйствительно съ этого времени Вишневскій возвышается въ чинахъ, закрѣпляетъ и улучшаетъ свое профессіональное положеніе поставщика винъ и становится особо близкимъ ко двору и столь же необходимымъ при немъ, какъ и привозимые имъ «анталы». Въ ту пору было съ обычаѣ награждать военными чинами людей, ничего общаго въ военнымъ дѣломъ не имѣвшихъ, и если первоначальный хозяинъ Вишневскаго, торговецъ Савва, давно облекся графскимъ титуломъ, то ничего удивительнаго не было въ томъ, что его прикащикъ, при особой къ тому протекціи, достигъ генеральскихъ чиновъ. 5 февраля 1741 г. Ѳедоръ Степановичъ награжденъ рангомъ полковника и отправленъ къ генералу Кейту для опредѣленія къ дѣламъ Малороссіи, т. е. въ составъ членовъ малороссійской коллегіи, 6-го апрѣля 1745 г. произведенъ въ генералъ-маіоры, 24 апр. 1748 г. въ бригадиры. Въ тоже время Вишневскій продолжаетъ заниматься въ Венгріи заготовленіемъ и закупкою винъ для двора, а на указахъ [2]) о доставкѣ того или другаго сорта вина императрица дѣлаетъ собственноручныя приписки, въ которыхъ просвѣчивается ея благосклонность къ поставщику. Такъ къ указу 8 ноября 1745 г. она приписываетъ: «А ежели возможно, хотя три антала по почтѣ прислать, что сдѣлалась нужда, что нигдѣ сыскать невозможно, а я обойтисься безъ онаго не могу, что и вы извѣстны»; къ указу

---

[1]) Васильчиковъ, Семейство Разумовскихъ, т. I, стр. 3, 4, 42.

[2]) Подлинники указовъ въ моемъ семейномъ архивѣ; напечатаны въ Русск. Арх. 1870 г., т. II, стр. 274—279.

же 4 ноября 1743 г. дѣлаетъ такую прибавку: «И когда вы распорядите, то желаю васъ въ Москвѣ здоровыхъ видить». Особое вниманіе явила императрица Вишневскому при пожалованіи его орденомъ св. Анны 2-й степени. Посылая ему знаки этого ордена, она написала ему собственноручно слѣдующее письмо:

«Господинъ генералъ-маіоръ.

Поздравляю васъ неоцѣненнымъ наступающимъ празникомъ, съ великимъ Христовимъ воскресеніемъ, которихъ желаю вамъ многихъ такихъ еще торжествъ видитъ во всякомъ благополучіи; при семъ посилаю къ вамъ кавалерію светия анни, которая въ дороге васъ охранять будетъ светими своими молитвами, и желаю носить на здорове и видить васъ въ ней.

Елисаветъ.

Сей часъ идемъ въ церковь съ вербой стоять: сожелею, что васъ нету, то бы можно бы вербою старые кости поправить».

О близости Вишневскаго къ Разумовскому и говорить нечего; въ дневникахъ малороссіянъ того времени его имя то и дѣло появляется, какъ только рѣчь заходитъ о любимцѣ государыни. Императрица Елисавета дарила Вишневскому много дорогихъ вещей, которыя частью сохраняются и теперь у его потомковъ. Послѣдній, найболѣе цѣнный даръ ея заключался въ надачѣ ему имѣнія въ переяславскомъ полку села Фарбованаго. Случилось это такимъ образомъ. У Ѳедора Степановича родился внукъ. Извѣщая о семъ императрицу, хитрый сербъ писалъ: родился у меня внукъ Иванъ, да такой богатырь, что все кричитъ: «дай папки»! Императрица догадалась, на что мѣтитъ счастливый дѣдушка и шутливо отвѣчала: «для вашего внука Ивана-богатыря жалую *на папку* село Фарбовано». Объ этомъ пожалованіи въ семьѣ Вишневскихъ долго хранился указъ или письмо Елисаветы. Къ сожалѣнію, документъ этотъ утерянъ и сохранилась только память объ немъ.

Достигши значительныхъ для своего происхожденія почестей и составивъ порядочное состояніе, Ѳ. С. Вишневскій скончался при отправленіи своихъ обязанностей въ Токаѣ; но гдѣ погребенъ, мнѣ неизвѣстно.

Въ старыхъ бумагахъ моихъ сохранилась надгробная его надпись, писанная гдѣ-то и кѣмъ-то въ Малороссіи, изъ чего должно заключить, что прахъ его былъ перевезенъ изъ Венгріи въ его ма-

лороссійское помѣстье. Надпись не лишена историческаго интереса, и я приведу ее здѣсь цѣликомъ.

Епитафіонъ, сіе есть надгробное надписаніе.

Всякъ приходяй зри, кто въ семъ гробѣ положися
и, сотворше молбу о немъ Богу, прослезися.
Сей объявитъ истинну чтущему не ложно,
ибо въ его силѣ есть вся признать возможно.
Федоръ Степановичъ Вишневскій съ природы
былъ отъ странъ Трансильваніи сербскія знатный.
Въ Россіи-же онъ труда показалъ доволны:
пятьнадесятъ во флотѣ морскомъ лѣтъ исполни,
Посемъ въ армейскихъ полкахъ трудился же нелицемѣрно,
ревностно служилъ во всемъ монарху своему вѣрно,
Былъ на штурмахъ, приступахъ и баталіяхъ разныхъ
съ шведи и турки, въ палбахъ и огняхъ преужасныхъ.
Вѣрно служилъ сей внутръ и внѣ государства,
нелестный былъ ревнитель россійскаго царства.
Посилаемъ всюду отъ Петра, всероссійска императора славна,
перва, велика, въ имени всему свѣту главна,
Къ разнымъ посылкамъ себя готовійша ставилъ.
Какъ Петръ Великій славно Россію правилъ,
Потомъ Елисаветы видѣлъ дни преславны.
Едвали гдѣ есть въ свѣтѣ толь монархъ благонравный,
Къ вѣрнымъ отечества дѣтямъ та зѣло милосердна,
храбра сердцемъ, премудра дѣломъ и во вѣрѣ тверда.
Сей мимошедшій его вѣкъ гдѣ окончися,
дѣло бо ему тогда въ Токаѣ случися.
И такъ въ службѣ россійской лѣтъ пятьдесятъ живяше,
день ото дня трудовъ болше являше.
Службы же проходилъ онъ тѣ не безъ награды,
генералъ-маіоромъ учиненъ тѣмъ ради,
Былъ и кавалеръ ордена святыя Анны знатный,
имѣлъ бо сея чести и знакъ всепріятвый.
А какъ щасливо ленту получилъ онъ алу
(Богъ бо и монархи являли похвалу:)
Жизнь временно премѣнилъ въ скорѣ на ину,
идѣ же лицы святыхъ торжествуютъ вину.
Можетъ бо въ вѣчной жизни быть сей несумнѣнно,
ибо въ вѣрѣ православной стоялъ неизмѣнно,

От рожденія своего всѣхъ шестьдесятъ семь лѣтъ сей живяше,
во истину, о во истинну болше не имяше.
Былъ годъ тысяча сем-сотъ сорокъ девятій,
мисяця генваря день седмый двадесятій.
Ты же, сія прочетши, серцемъ умилися,
всеприлежно о немъ къ Богу помолися.
Рцы: преставленнаго сего, Христе, не забуди,
а отъ насъ на землѣ въ родъ и родъ вѣчная память буди (2).

Если въ ту пору простодушный посѣтитель могилы Вишневскаго приходилъ, быть можетъ, въ умиленіе отъ этого напыщеннаго воспѣванія его подвиговъ и добродѣтелей, то современный читатель останется въ недоумѣніи, не слышавъ ничего подобнаго о такомъ великомъ героѣ, равно не найдя и въ нашемъ предшествовавшемъ изложеніи какого либо указанія на военные его подвиги. Объясняется же это недоумѣніе не тѣмъ, чтобы напр. современники упустили изъ виду военные подвиги Вишневскаго и забыли занести ихъ на страницы нашей исторіи, а тѣмъ, что Вишневскій въ походахъ противъ непріятеля и сраженіяхъ съ нимъ бывалъ, такъ сказать, на особомъ положеніи и въ особомъ смыслѣ; говоря иначе, составитель эпитафіона зачислилъ Вишневскому въ службу во флотѣ и въ полкахъ армейскихъ все то время, что онъ состоялъ при Саввѣ Рагузинскомъ въ качествѣ его торговаго агента или прикащика, Рагузинскій же, какъ извѣстно, держалъ въ арендѣ такъ называемую *индукту* въ Малороссіи, между прочимъ, въ шведскую войну, занимался поставками на армію и сопровождалъ Петра В. въ прутскомъ походѣ. Въ этомъ смыслѣ должно понимать присутствіе и Вишневскаго «на штурмахъ, приступахъ и баталіяхъ разныхъ» и участіе его «въ палбахъ и огняхъ преужасныхъ».

У Ѳедора Степановича Вишневскаго былъ единственный сынъ Гавріилъ, о которомъ извѣстно, что онъ былъ полковникомъ гвардіи, служилъ въ Петербургѣ и женился тамъ на дочери генералъ-поручика князя Ѳедора Васильевича Мещерскаго, княжнѣ Марьѣ Ѳедоровнѣ Мещерской [1]). Оба они, и мужъ и жена, скоро умерли, оставивъ сыновей Ивана и Федора и дочь Елену на попеченіи своей родственницы Анны Никитишны Нарышкиной.

---

[1]) Кн. Долгоруковъ, Россійская Родослов. Книга, ч. 2, стр. 24.

Оба они были уже полковниками, когда имп. Екатериною II дана была знаменитая жалованная грамота россійскому дворянству и когда свѣже народившемуся въ Малороссіи дворянству надо было приводить въ извѣстность свои права. Владѣльцамъ с. Фарбованого въ доказательствѣ своихъ правъ на дворянское званіе повидимому не предстояло трудности, въ виду высокихъ военныхъ чиновъ ихъ дѣда и отца; но ихъ соблазнялъ вѣроятно примѣръ Рагузинскаго, добывшаго на родинѣ какія-то свидѣтельства, удостовѣрявшія его якобы графское отъ предковъ достоинство и успѣвшаго при Екатеринѣ I добиться признанія и за собою сего титула. И вотъ старшій внукъ бывшаго прикащика Рагузинскаго, тотъ самый, что еще въ люлькѣ кричалъ: «дай папки!», заключаетъ съ іеродіакономъ какого-то введенскаго монастыря Івковичемъ, очевидно сербомъ, договоръ объ отысканіи въ сенатѣ рагузской республики диплома на графское достоинство его дѣда за вознагражденіе въ 300 руб. Характерная черта времени и лица! Какъ будто этого не могъ сдѣлать самъ дѣдъ, лучше внука знавшій свое происхожденіе, такъ часто и по долгу живавшій за границей и видѣвшій живой примѣръ успѣха въ такомъ дѣлѣ на своемъ хозяинѣ. Приводимъ дословно этотъ любопытный документъ.

«1784 года генваря 30 дня я нижеподписавшейся повѣрилъ отыскать дипломъ на графское достоинство, какъ я узналъ точно, что покойный дедъ мой, Феодоръ Стефановичъ Вишнѣвскій, россійской генералъ-маіоръ и ордена святыя Анны кавалеръ, родился въ сербскомъ городѣ Белградѣ, на Дунаѣ, какъ и его отецъ Стефанъ (и предки его), а Феодоръ родилъ сына въ Россіи Гавріила, и оной находясь въ россійской же службѣ полковникомъ, а по кончинѣ его остается нынѣ въ живыхъ два сына, Иванъ и Феодоръ Гавриловы дѣти, также и дочь Елена; и оба мы находимся въ россійской же службѣ арміи полковниками; и потому естли по сему извѣренію отыщетъ предъявитель сего, свято-веденскаго монастыря іродіаконъ Софроній Івковичъ, означенный дипломъ найдостовѣреніе изъ сенату рагузской республики, то я и обязываюся за доставленіе онаго намъ съ братомъ, и наслѣдники наши, естли стоить будѣтъ, не свыше трехсотъ рублевъ ему господину Івковичу, или отъ него кому извѣрено будѣтъ, въ доставленіи онаго же диплома мнѣ и потомкамъ, то и удовольствованъ будѣтъ отъ насъ или нас-

лѣдниковъ нашихъ означенною суммою денегъ, въ чемъ и подписуся съ приложеніемъ герба моего печати».

Дипломъ ли завѣтный не отыскался, или съ помощію его нельзя было ничего добиться, только внукъ пресловутаго винодѣла такъ и остался безъ своего рагузинскаго графства и долженъ былъ удовольствоваться россійскимъ дворянствомъ, менѣе громкимъ, но болѣе прибыльнымъ. Малороссія съ измѣны Мазепы стала обѣтованною землею для многихъ желавшихъ создать себѣ фортуну, устроить благополучіе своего потомства. Лучше всѣхъ смекали это югославянскіе пришельцы и ютились по преимуществу здѣсь. Знаменитый патронъ Вишневскаго Рагузинскій, по пожалованію благоволившаго къ нему Петра, обѣими руками подбиралъ «маентности» измѣнниковъ и что лежало о бокъ ихъ. Если его протеже явился въ семъ дѣлѣ болѣе скромнымъ, то быть можетъ быть потому, что центръ его дѣятельности былъ въ Токаѣ. Но одновременно съ нимъ выступали и дѣйствовали въ томъ же направленіи Милорадовичи, Владиславичи, Божичи, Богъ вѣсть откуда налетѣвшіе грузинскіе царевичи и князья, потомъ Хорваты, Депрерадовичи, Шевичи, Зоричи, а между ними случайные также нѣмцы и французы, рядомъ съ коренными русскими, отъ которыхъ не отставала и которыхъ подъ часъ перегоняла мѣстная козачья старшина. Во всей странѣ съ начала и до конца почти столѣтія шла невѣроятная пертурбація, чрезвычайная, радикально мѣнявшаяся ломка и смѣна одного порядка другимъ: коллегія смѣнялась единоличнымъ режимомъ, канувшее въ вѣчность гетманство генералъ-губернаторствомъ, послѣднее намѣстничествомъ съ примѣненіемъ и увеличеніемъ общихъ правъ и льготъ для одного класса и ограниченіемъ ихъ для другихъ. Въ это переходное, такъ благопріятное для многихъ время Иванъ Гавриловичь Вишневскій, благодаря своей тетушкѣ скоро дослужившійся до чина полковника, поддаваясь, быть можетъ, общему теченію, поѣхалъ въ 1771 году въ благословенную Малороссію осмотрѣть свое имѣніе,—поѣхалъ, какъ говоритъ семейное преданіе, на короткое время, такъ какъ тетка его Нарышкина, при своихъ связяхъ въ Петербургѣ, имѣла въ виду лучше устроить его тамъ. Но тутъ вышелъ казусъ, измѣнившій его карьеру, вопреки намѣреніямъ покровительницы. Въ Малороссіи, вблизи своего имѣнія, молодой полковникъ познакомился съ семействомъ Степана Васильевича Томары и въ тотъ же годъ женился

на дочери его Ульянѣ. Хотя Томара также былъ внукомъ греческаго выходца, начавшаго свою карьеру въ скромной роли «крамаря», но онъ вошелъ уже въ ряды знатной малороссійской старшины, имѣлъ значительныя помѣстья, былъ женатъ на Аннѣ Васильевнѣ Кочубей [1]), состоялъ въ родствѣ съ выдвинувшимся теперь Безбородкомъ, по женитьбѣ брата своей жены Павла Васильевича на Ульянѣ Андреевнѣ Безбородковнѣ. И однако Нарышкина, какъ гласитъ преданіе, осталась крайне недовольна этимъ бракомъ. Лишившись ея расположенія, Иванъ Гавриловичъ не продолжалъ уже службы въ Петербургѣ и изъ Петербурга выѣхалъ сначала въ свои тверскія помѣстья, доставшіяся ему по матери, а послѣ въ свое полтавское имѣніе с. Фарбованое. Получивъ затѣмъ мѣсто предсѣдателя кіевской уголовной палаты, онъ поселился въ Кіевѣ, гдѣ и выстроилъ себѣ домъ на Печерскѣ по Миліонной улицѣ. При проѣздѣ Екатерины II въ домѣ этомъ, по семейному преданію, останавливалась А. Н. Нарышкина и по вечерамъ принимала въ немъ государыню. Наступило тихое время для края и такая же жизнь для давняго полковника, мечтавшаго когда-то объ иной карьерѣ. Все послѣдующее время Иванъ Гавриловичъ дѣлилъ между однообразными дѣлами службы и мирными занятіями книгой, мало мѣшаясь въ хозяйство и предоставивъ его вполнѣ заботамъ своей жены. А онъ, не смотря на малограмотность приведеннаго выше договора съ іеродіакономъ Івковичемъ, былъ очень образованнымъ человѣкомъ своего времени. Отзывы объ немъ въ этомъ смыслѣ находимъ въ Запискахъ Вигеля; тоже подтверждаютъ находящіеся у насъ каталоги его библіотеки, а также нѣкоторыя принадлежавшія ему книги, въ особенности его замѣтки на тѣхъ и другихъ, говорящія о его любознательности, обширной начитанности и живѣйшемъ интересѣ, съ какимъ онъ относился къ вопросамъ богословскимъ и философскимъ, историческимъ и юридическимъ и во-

---

[1]) Намъ передавалъ Валеріанъ Андреевичъ Ивановъ (пасынокъ дочери Ивана Гавриловича Вишневскаго, Надежды Ивановны) разсказъ о бракѣ С. В. Тамары на А. В. Кочубей. Браку этому сильно препятствовали родные невѣсты, гордившіеся своею знатностью; Томара же, заручившись согласіемъ невѣсты, увезъ ее изъ родительскаго дома, причемъ какъ онъ, такъ и невѣста, верхомъ на коняхъ, окруженные верховыми козаками того полка, въ которомъ служилъ Томара, на случай обороны отъ преслѣдованія, прискакали въ намѣченную заранѣе деревню и едва успѣли обвѣнчаться до прибытія родителей.

обще къ ходу современной ему русской и иностранной литературы. Этимъ разностороннимъ образованіемъ и любовію къ книгѣ объясняются и заботы Ивана Гавриловича о воспитаніи своихъ дѣтей, изъ которыхъ дочерямъ онъ далъ солидное воспитаніе дома, а сыновей, по примѣру дяди ихъ Василія Степановича Томары (по матери), воспитаннаго за границею, посылалъ для окончанія ихъ образованія въ львовскій университетъ [1]). Скончался Иванъ Гавриловичъ 7 мая 1800 года и погребенъ въ родовомъ своемъ имѣніи, въ с. Фарбованомъ.

По нѣкоторымъ даннымъ изъ дѣла, происходившаго между дѣтьми его за наслѣдство, видно, что послѣ него оставались записки, на которыя ссылались сыновья его Степанъ и Гавріилъ Вишневскій, доказывая, что сестры ихъ Анна Туманская, Надежда Ганжа и Варвара Муссманъ были выдѣлены изъ отцевскаго имѣнія приданымъ при выходѣ ихъ въ замужество за жизни отца. Нѣкоторые отрывки изъ этихъ записокъ вошли въ печатную сенатскую записку по названному дѣлу, обязательно сообщенную намъ А. М. Лазаревскимъ. По нимъ видно, что записки ведены на манеръ общераспространенныхъ тогда въ Малороссіи домашнихъ записныхъ книгъ, писаны подъ названіемъ календаря и обнимаютъ собою 1801, 1805, 1807 и 1808 годы. Въ отрывкахъ, между прочимъ, значится слѣдующее:

»1801 года октября 15-го писалъ я къ дочери Аннѣ Туманской съ увѣдомленіемъ, что данную на владѣніе дворовыхъ людей въ приданое получить имѣетъ она отъ генералъ маіора Егора Кузанова,—къ нему оная теперь отправлена.

1805 года января 15-го получилъ отъ свояченицы Надежды Зильбергарнишевой черезъ почту письмо съ увѣдомленіемъ о сговорѣ дочери моей Софіи, при ней находящейся. за генералъ-маіора Петра Ганжу, также и дочь моя пишетъ о рѣшеніи и согласіи выходить замужъ за него и отъ 29 декабря 1804 года и отъ 5 января 1805 года письма изъ Херсона получены.

16-го послалъ письмо чрезъ почту въ Херсонъ къ свояченицѣ моей Надеждѣ Зильбергарнишевой и дочерѣ моей Софьи съ посылкою образа въ окладѣ серебренномъ съ позолотою.

---

[1]) Изъ письма И. Г. Вишневскаго къ женѣ своей 15 сентября 1791 года видно, что сыновья его вели журналъ за границею своего время-препровожденія, который и высылали къ нему.

Маія 20-го отправилъ подводы въ Херсонъ къ дочери моей Софьѣ съ приданымъ, съ тремя служителями: парикмахеромъ Кузьмою Дубасенкомъ, Петромъ башмачникомъ и кучеромъ Михайломъ Кляшенкомъ и пятью дѣвками: Аксиньею, Екатериною, Аграфеною, Вассою и Марьею, подъ смотрѣніемъ деревни моей Сосновы старосты Бревенка, да съ дочерью моею находится также дѣвка Аграфена Дикая.

Іюня 6 писалъ черезъ почту въ Херсонъ къ свояченицѣ мой Надеждѣ Зильбергарнишевой съ приложеніемъ вѣновнаго реэстра, даннаго дочери моей Софьѣ, при выходѣ ея въ замужество за генералъ-маіора Ганжу, для его подпису.

Іюня 23 отправлены деньги черезъ переяславскую почту ассигнаціями 2,500 руб. въ Одессъ къ Надеждѣ Зильбергарнишевой къ числу приданаго дочери моей Софьи.

Іюля 7 получено черезъ переяславскую почту съ ящиками серебро столовое для дочери моей Софьи отъ зятя моего Григорія Туманскаго изъ Москвы, какъ выше показано въ полученномъ письмѣ отъ него жь предъ симъ.

10-го писалъ черезъ почту въ Одессъ къ свояку моему Фролу Зильбергарнишеву и женѣ его Надеждѣ съ посылкою денегъ 500 р. въ приданое дочери моей Софьѣ.

1808 года сентября 14 пріѣхалъ зять Михаилъ Мусманъ. 20-го обвѣнчана дочь Варвара за онаго Михаила Мусмана, въ деревнѣ моей село Фарбованое, священникомъ Нестеровскимъ.

27-го отправлена дочь моя Варвара съ мужемъ своимъ Мусманомъ въ городъ Дубны. 29-го отправленъ обозъ съ людьми въ Дубны къ дочери моей Варварѣ.

Въ печатной сенатской запискѣ, изъ которой мы привели эти выдержки, имѣется повсюду ссылка на листы записокъ И. Г. Вишневскаго [1]), а это даетъ возможность предполагать, что самыя записки находятся при дѣлѣ выше нами названномъ, которое окончательно рѣшено осенью 1833 года въ общемъ собраніи правительствующаго сената 4-го, 5-го и межеваго департаментовъ, по всеподданнѣйшей жалобѣ Мусмана на опредѣленіе 2 отдѣленія 3-го департамента сената.

Въ нашихъ семейныхъ бумагахъ мы нашли исписанный рукою Ив. Гавр. Вишневскаго полулистъ бумаги, заключающій въ себѣ

---

[1]) Дочери И. Г. Вишневскаго въ своей отвѣтной бумагѣ говорятъ, что за жизнь свою отецъ ихъ имѣлъ обыкновеніе заносить въ эту записку всякую всячину.

его чисто семейныя замѣтки. Полулистъ вырѣзанъ, кажется, изъ евангелія или другой священной книги, куда наши предки имѣли обыкновеніе вписывать обстоятельства своей семейной жизни. Привожу здѣсь эту запись, какъ автобіографическій памятникъ о самомъ Иванѣ Гавриловичѣ и его потомствѣ, снабдивъ ее нѣкоторыми своими замѣтками, въ надеждѣ, что онѣ вызовутъ дополненія и поясненія, а быть можетъ и поправки отъ членовъ многочисленнаго рода Вишневскихъ.

«1771 года іюня 29 дня женился я (И. Г. Вишневскій), въ бытность мою въ Малороссіи, на дочерѣ коллежскаго совѣтника Степана Васильевича Тамары Ульянѣ Степановнѣ, и вѣнчался я въ деревнѣ тестя моего, называемой селѣ слободкѣ Бубновской, золотоношскаго уѣзда. 1773 года сентября 3-го дня, во вторникъ, родился у меня сынъ Александръ въ Санктъ-Петербургѣ, по полуднѣ половинѣ седьмаго часу, а скончался въ 1776 году апрѣля 2-го дня въ великороссійской моей деревнѣ, твѣрскаго намѣстничества, краснохолмскаго уѣзда, селѣ Божоничахъ, гдѣ и погребенъ.

1774 года августа 6 дня, въ среду, родился у меня сынъ Феодоръ, въ Санктъ-Петербургѣ, по полуночи въ девятомъ часу половинѣ (а имянинникъ онъ того же мѣсяца 11 дня). Скончался въ Малороссіи, золотоношскаго уезду, въ деревнѣ тестя моего, селѣ Ковровѣ, 1777-го году генваря 8 дня, гдѣ и погребенъ.

1775 года октября 13 дня, во вторникъ, родился сынъ мой Стефанъ въ Малороссіи, золотоношскаго уѣзду, въ деревнѣ тестя моего, называемая Новая-Гребля, по полуночи въ началѣ десятаго часу, имянины его того же мѣсяца октября 28 дня».

Послѣдній, оставшійся въ живыхъ сынъ, Степанъ, получилъ образованіе въ львовскомъ университетѣ и, окончивъ въ немъ курсъ, опредѣлился на службу въ гвардію, но служилъ очень недолго, съ чиномъ подпоручика гвардіи вышелъ въ отставку и поселился въ своемъ имѣніи сперва въ тверской губерніи, гдѣ женился на Аннѣ Шубинской, а послѣ перешелъ въ полтавское свое имѣніе, село Фарбованое. Здѣсь онъ, по смерти первой жены, вторично женился на отданной было въ приданое за его сестрой Надеждою Ивановою горничной дѣвушкѣ Авдотьѣ.

Степанъ Ивановичъ обращалъ на себя вниманіе своими странностями и причудами, изъ которыхъ нѣкоторыя попали, отчасти въ извращенномъ видѣ, въ печать (Лѣсковъ. Разсказы кстати. Новь. 1885 г. № 8 и 9). Скончался онъ въ началѣ 1850 года.

Отъ перваго брака съ Анною Шубинскою у С. И. Вишневскаго было двѣ дочери: Ульяна и Анна. Дочерей этихъ онъ не любилъ и стѣснялъ ихъ въ средствахъ къ жизни, послѣдствіемъ чего была съ ихъ стороны жалоба на высочайшее имя, которая была вручена ему, какъ отцу ихъ. Положеніе бѣдныхъ дѣвушекъ въ семьѣ отъ этого нисколько не измѣнилось, выдавъ же ихъ замужъ, Степанъ Ивановичъ лишилъ ихъ всякаго наслѣдованія по себѣ.

Первая изъ этихъ дочерей, Ульяна Степановна, была въ первомъ бракѣ за Акимомъ Акимовичемъ Сулимою (род. 1780, † 1840). Въ сулимовскомъ архивѣ, изданномъ А. М. Лазаревскимъ, приведены семь писемъ Акима Акимовича къ отцу о слушаніи имъ лекцій въ московскомъ университетѣ, о посѣщеніи голицынской больницы, о частныхъ занятіяхъ архитектурою и садоводствомъ, о работахъ по приготовленію зданія для царскосельскаго лицея и о желаніи ѣхать за границу—продолжать образованіе. Письма эти относятся къ 1804—1812 г. и рисуютъ намъ человѣка, заинтересованнаго философіею и математикою, пристрастившагося къ архитектурѣ и садоводству. Такимъ, по разсказамъ, и былъ А. А. Сулима, женившись уже совсѣмъ пожилымъ человѣкомъ на Ульянѣ Степановнѣ. Вся жизнь его проходила въ постройкахъ, которыя онъ затѣвалъ то въ имѣніяхъ своихъ, то въ Кіевѣ на своихъ усадьбахъ. Особенно старался онъ выказать свой архитектурный вкусъ и познанія при постройкѣ своего дома въ Кіевѣ на Лютеранской улицѣ; но при жизни своей онъ этой постройки не кончилъ, не докончила ея и Ульяна Степановна и въ такомъ недостроенномъ видѣ домъ отданъ былъ ею, по завѣщанію 1859 г., на благотворительныя цѣли.

По разсказамъ, Акимъ Акимовичъ былъ еще очень скупъ, отъ чего много терпѣла Ульяна Степановна. Умирая, онъ отписалъ ей все свое состояніе, но она имѣла неосторожность выдать довѣренность на утвержденіе духовнаго завѣщанія и вводъ ея во владѣніе племяннику своего мужа Войцѣховичу, а тотъ, оставивъ эти бумаги безъ движенія, поспѣшилъ самъ утвердиться въ правахъ наслѣдства по Акимѣ Акимовичѣ. Ульяна Степановна затѣяла процессъ, который удалось окончить ея второму мужу, артилерій-

скому генералу Ловцову, мировою сдѣлкою, по которой она отдала Войцѣховичу родовыя сулиминскія имѣнія, а благопріобрѣтенныя (м. Мотыжинъ въ кіевской губерніи, село Рогозово въ полтавской губерніи и кіевскіе дома) оставила за собою. Выйдя вторично замужъ, Ульяна Степановна не поѣхала съ мужемъ въ Петербургъ, гдѣ онъ обязанъ былъ жить по службѣ, а осталась жить въ Кіевѣ, въ небольшомъ кружку родныхъ и знакомыхъ. Состояніе свое, за исключеніемъ дома, отданнаго на благотворительныя учрежденія въ Кіевѣ, она передала, по духовному завѣщанію,—меньшую часть (с. Рогозово въ полтавской губерніи) второму своему мужу, остальное же все дочери своей родной сестры Кандыбиной, Марьѣ Николаевнѣ, по мужу Савицкой [1]).

Вторая дочь отъ перваго брака С. И. Вишневскаго, Анна Степановна, вышла замужъ за помѣщика черниговской губерніи, отставного поручика Николая Кандыбу. У ней были: сынъ Николай и дочь Марія, вышедшая замужъ за генералъ-маіора В. Ю. Савицкаго.

Отъ втораго брака С. И. Вишневскаго съ дѣвицею Авдотьею были дѣти: сынъ Николай, рожденный до брака,—его отецъ надѣлилъ капиталомъ, послѣ чего онъ поселился въ Москвѣ, и дочь Ольга Степановна, вышедшая замужъ за барона Э. К. Штромберга,—ей С. И. передалъ все свое имѣніе какъ въ полтавской, такъ и въ тверской губерніяхъ.

«1777 года іюня 8 дня, въ четвертокъ, родился у меня сынъ Гавріилъ, въ Малороссіи, уѣзда переяславскаго, селѣ Фарбованнѣ, по полудни одинадцатаго часу, имянины его іюля 13 дня».

Коллежскій асессоръ Гавріилъ Ивановичъ Вишневскій, окончивъ свое образованіе за границею въ львовскомъ университетѣ, при посредствѣ своего дяди по матери, Томары, поступилъ на службу въ Петербургъ въ иностранную коллегію; но на службѣ оставался не долго, такъ какъ, пріѣхавъ въ Малороссію и женившись здѣсь противъ воли родителей своихъ на Мароѣ Михайловнѣ Волховской (дочери кременчугскаго городничаго), лишился средствъ

---

[1]) Въ родѣ Савицкихъ, у дѣтей М. Н. и В. Ю. Савицкихъ, должны сохраняться бумаги А. А. Сулимы, не вошедшія въ сулимовскій архивъ. Интересно было бы познакомиться съ ихъ содержаніемъ.

къ продолженію петербургской жизни. При жизни отца и первое время послѣ его смерти онъ проживалъ въ нѣжинскомъ уѣздѣ, у родственниковъ своей жены Петра и Татьяны Волховскихъ, а послѣ въ имѣніяхъ своихъ тверской и полтавской губерніи. Умеръ Гавріилъ Ивановичъ въ концѣ 1840-хъ годовъ.

Отъ брака Гавріила Ивановича Вишневскаго съ Марьею Михайловною Волховскою были дѣти:

1. Сынъ Иванъ Гавриловичъ; сначала служилъ въ военной службѣ, а послѣ по выборамъ дворянства, былъ женатъ на Аделаидѣ Дмитріевнѣ Селецкой. У нихъ дѣти: Иванъ, Гавріилъ, Дмитрій, Митрофанъ, Варвара и Вѣра.

2. Дочь Ульяна Гавриловна, въ замужествѣ за артиллерійскимъ генераломъ Глинкою.

3. Дочь Елизавета Гавриловна, въ замужествѣ за генераломъ Пичугинымъ.

4. Дочь Александра Гавриловна, въ замужествѣ за Безручко-Высотскимъ.

5. Дочь Вѣра Гавриловна, въ замужествѣ за княземъ Михаиломъ Михайловичемъ Долгорукимъ. У нихъ было два сына и три дочери; изъ нихъ извѣстны: сынъ Василій Михайловичъ, нынѣ витебскій губернаторъ и дочь свѣтлѣйшая княгиня Екатерина Михайловна Юрьевская.

6. Дочь Софья Гавриловна, извѣстная красавица, бывшая въ замужествѣ за Писаревымъ, правителемъ канцеляріи у кіевскаго генералъ-губернатора Д. Г. Бибикова, впослѣдствіи олонецкимъ губернаторомъ.

7. Дочь Надежда Гавриловна, бывшая въ замужествѣ за Карпачевымъ и

8. Дочь Варвара Гавриловна, бывшая въ замужествѣ за извѣстнымъ богачемъ и библіофиломъ Иваномъ Яковлевичемъ Лукашевичемъ.

«1778 года мая 19 дня въ субботу родилась у меня дочь Анна, въ Малороссіи, уезда переяславскаго, въ деревнѣ моей селѣ Фарбованнѣ, по полуднѣ одинадцатаго часу. Имянины ее іюля 15 дня».

Анна Ивановна Вишневская вышла замужъ 12 февраля 1799 г. за генералъ-маіора Григорія Туманскаго, рано овдовѣла и жизнь свою провела то въ Петербургѣ, то въ Кіевѣ, то въ своихъ имѣніяхъ въ черниговской и полтавской губерніяхъ. Будучи женщиною

умною и очень строгою, она въ кругу своей родни имѣла громадный авторитетъ; скончалась въ Кіевѣ въ 1858 году.

Дѣти ея:

1. Дочь Ульяна Григорьевна, бывшая замужемъ за прапорщикомъ артиллеріи Дмитріемъ Александровичемъ Санковскимъ. Умерла бездѣтной.

2. Дочь Софья Григорьевна замужемъ за дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Александромъ Григорьевичемъ Милорадовичемъ. У нихъ дѣти:

1. Графъ Григорій Александровичъ Милорадовичъ.

2. Леонидъ Александровичъ Милорадовичъ.

3. Александра Александровна въ замужествѣ за тайнымъ совѣтникомъ В. Д. Дунинъ-Борковскимъ.

4. Анна Александровна въ замужествѣ за Грековымъ.

5. Софья Александровна (†) въ замужествѣ за Казнаковымъ.

«1779 года, іюля 20 дня въ субботу, родилась у меня дочь Софья въ Малороссіи, уезда переяславскаго, деревнѣ моей селѣ Фарбованнѣ, по полуночи въ началѣ перваго часу (имянины въ сентябрѣ 17 дня)».

Софья Ивановна Вишневская въ октябрѣ 1805 года вышла замужъ за генералъ-маіора Петра Осиповича Ганжу; проживала въ имѣніи мужа кобеляцкаго уѣзда полтавской губерніи.

У нихъ дочь Ульяна Петровна въ замужествѣ за Александромъ Владиміровичемъ Юзефовичемъ.

«1781 года октября 27 дня, въ среду, родилась у меня дочь Екатерина въ Малороссіи, уезда переяславскаго, селѣ Фарбованнѣ, по полуночи въ началѣ осмого часа. Скончалась въ Кіевѣ отъ воспы по полуночи въ шестомъ часу 1786 года апрѣля 27 дня и погребена въ Кіево-Выдубицкомъ монастырѣ».

«1783 года маія 16 дня во вторникъ родилась у меня дочь Елена въ Кіевѣ по полудни втораго часу половинѣ (имянины ея мая 21 дня)».

Елена Ивановна Вишневская, послѣ смерти отца своего, въ апрѣлѣ 1818 г. вышла замужъ за коллежскаго совѣтника Михаила Семеновича Бардакова († 1850) и проживала то въ полтавской губерніи въ своемъ имѣніи с. Фарбованомъ, то въ Кіевѣ. Скончалась 21 ноября 1862 г.

У нихъ одна дочь Ульяна Михайловна (род. 1820, скончалась 1853 г.) въ замужествѣ за коллежскимъ совѣтникомъ Степаномъ

Ивановичемъ Лашкевичемъ (1809—1872). У нихъ дѣти Иванъ († 1869), Александръ, Сергѣй († 1877) и Анастасія.

«1785 года сентября 22 дня, въ понедѣльникъ, родилась у меня дочь Варвара въ Кіевѣ, по полудни девятаго часу въ началѣ (имянины въ декабрѣ 4 дня)».

Варвара Ивановна Вишневская вышла замужъ 20 сентября 1808 года за коллежскаго асессора Михаила Родіоновича Мусмана († 1848 г.). Жила въ Кіевѣ при мужѣ, считавшемся однимъ изъ кіевскихъ богачей того времени.—О странностяхъ его ходитъ и теперь еще много разсказовъ.

У нихъ сынъ Михаилъ Михайловичъ Мусманъ († въ 1880 г.), женатый на дочери генералъ-маіора Олимпіадѣ Андреевнѣ Ивановой († въ 1856 г.), и отъ нихъ дѣти: Борисъ, Варвара и Александра.

«1786 года сентября 30 дня, въ среду, родилась у меня дочь Надежда, по полуночи третьяго часа половинѣ, въ городѣ Кіевѣ (имянины ея сентября 18 дня».

Надежда Ивановна Вишневская вышла замужъ за начальника кіевскаго арсенала генералъ-маіора Андрея Захарьевича Иванова—проживала то въ Кіевѣ, то въ имѣніи мужа своего въ полтавской губерніи. Скончалась въ концѣ 1840-хъ годовъ бездѣтной; родовое имѣніе ея перешло къ Ульянѣ Михайловнѣ Лашкевичъ.

«1788 года маія 6 дня, въ субботу, родилась у меня дочь Александра, по полудни въ одинадцатомъ часу, въ пятнадцатой минутѣ, въ Кіевѣ (имянины ее маія 18 дня). Скончалась въ Кіевѣ 1791 года маія 19 дня по полудни въ одинадцатомъ часу и погребена въ Кіево-Выдубицкомъ монастырѣ.

А. Лашкевичъ.

ОЧЕРКИ ИЗЪ БЫТА УКРАЙНЫ КОНЦА XVIII В.

I.

Сожженіе вѣдьмы [1]).

I.

Нерадостно встрѣтило Пасху 1799 г. населеніе мѣстечка *Жашкова* [2]). Шла уже вторая половина апрѣля, а до сихъ поръ не выпало ни одной капли дождя. Стояли жаркіе, даже удушливые дни, какіе бываютъ здѣсь только въ самомъ разгарѣ лѣта. Поля и лѣса давно уже зазеленѣли, но безъ влаги растительность медленно развивалась. Недоброе чуялось въ этомъ знойномъ не по времени воздухѣ: и люди, и скотъ ходили опустя голову. Точно такая же весна была и въ прошломъ году, и въ запрошломъ, и раньше: вотъ уже шестой годъ стоитъ въ этомъ благодатномъ прежде краѣ невѣроятная засуха. Особенно сильна она была въ послѣдніе три года, когда полные неурожаи совсѣмъ измучили крестьянъ. Кто могъ, тотъ ушелъ на дальніе заработки—на Донъ, въ Слободскую Украйну, или поближе—на Волынь и въ Полтавщину. Оставшіеся съ нетерпѣніемъ ждали весны, надѣясь, что одинъ годъ урожая

---

[1]) Очеркъ основанъ на дѣлѣ *таращанскаго* уѣзднаго суда. хранящемся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи (по описи 1-й № 94).

[2]) М. Жашковъ—нынѣ таращанскаго уѣзда кіевской губерніи, на ручьѣ Торчѣ—принадлежитъ къ древнѣйшимъ поселеніямъ края. Памятно оно и въ новой исторіи Малороссіи. Жашковскія поля занимаютъ часть извѣстнаго *Дрыжи—поля* (около дер. *Баговы*), гдѣ 20 генваря 1656 г. происходила знаменитая битва Богдана Хмельницкаго съ Лянцкоронскимъ, Потоцкимъ и Чарнецкимъ и гдѣ такъ отличился Богунъ (см. *Л. Похилевича* „Сказанія о населенныхъ мѣстностяхъ кіев. губ.“, стр. 465).

поправить все испорченное предъидущимъ трехлѣтіемъ. Правда, голода и полной нужды еще не было: до этихъ послѣднихъ годовъ жилось тамъ привольно, о неурожаяхъ не было и помину, такъ что у населенія скопились значительные запасы хлѣба и скота. Но теперь они близились къ концу. Еще одинъ неурожайный годъ и— всѣ остатки прежнихъ запасовъ будутъ доѣдены. Чувствовалось приближеніе настоящаго голода...

Оттого и ждали въ Жашковѣ такъ боязливо весны 1799 г. Она пришла и, къ ужасу крестьянъ, грозила тѣмъ же, что и въ прошломъ году. Будущее вставало предъ встревоженными ихъ умами во всемъ своемъ грозномъ величіи и волновало безконечно. Всѣ думы и разговоры жашковцевъ были направлены на одну эту тему о будущемъ неурожаѣ. Каждый день съ первой зари и до поздняго вечера ихъ взоры невольно тянулись къ небу въ томительномъ ожиданіи, не покажется-ли гдѣ хотя небольшое облачко, которое теперь было для нихъ дороже всего на свѣтѣ. Но съ самаго ранняго утра и до темной ночи видѣли они тамъ одинъ раскаленный солнечный шаръ, медленно плывущій по безоблачному небу и обдававшій своими горячими лучами все живое.

Скучно и тихо тянулись дни Пасхи въ м. Жашковѣ. Днемъ никого не видно было на улицѣ, кромѣ самыхъ малыхъ дивчатокъ и хлопчиковъ, которымъ еще непонятно было горе ихъ отцовъ и матерей. А въ былые годы какъ шумлива и оживлена была съ самаго ранняго утра эта улица въ этотъ любимѣйшій изъ праздниковъ! Сколько тутъ было живого смѣху, сколько милыхъ пѣсень и бойкихъ игръ! Теперь все какъ рукой сняло. За стариками пріуныла и молодежь. Всѣ больше хоронились по угламъ, а если и сходились, то только для того, чтобы перемолвить другъ съ другомъ о проклятой жарѣ и о надеждахъ на благодатный дождь.

Только вечерами, съ наступившей прохладой, когда скрывалось это ужасное солнце, а вмѣсто него выплывала спокойная луна, нѣсколько оживлялось и старое, и молодое поколѣніе. Старики подбадривали молодыхъ, да тѣ и сами чувствовали потребность разогнать живыми играми и смѣхомъ одолѣвавшія всѣхъ недобрыя предчувствія въ близкомъ будущемъ. Южная кровь и эгоизмъ молодости брали свое. Въ тиши роскошныхъ лунныхъ но-

чей затягивалась пѣсня, заводились игры и—грядущее горе хотя на время забывалось.

Но днемъ было не то. Днемъ опять появлялось солнце, опять жгло, раскаляя и воздухъ и землю, опять нагоняло на людей тоску и страхъ за будущее.

Только на 3-й день праздника, 19 апрѣля, улица Жашкова неожиданно оживилась и днемъ. Послѣ полудня, когда старики, пообѣдавши, выспались и хозяйки покончили съ домашними хлопотами, народъ понемногу сталъ высыпать на улицу, сосредоточиваясь главнымъ образомъ около одного пункта—у корчмы жида Сруля.

Не весело было въ эти дни и жидовской душѣ Сруля. Плохо пили въ эти праздники его горилку. Только самые домовитые хозяева Жашкова, у которыхъ водились еще въ скрыняхъ остатки турецкихъ лиръ и польскихъ червонцевъ—воспоминанія о недавнемъ прошломъ гайдаматчины...—только они, ради Великодня, позволяли себѣ угостить пріятелей срулевской горилкой. Но такихъ было немного, а большинство сходилось къ корчмѣ только ради того, чтобы повидаться съ односельчанами и поговорить о наболѣвшей злобѣ дня. Къ хозяевамъ льнули и жинки, за ними тянулись къ корчмѣ и парубки съ дивчатами—«послухать, що балакають диды» у Сруля. Мелкимъ бѣсомъ извивался послѣдній передъ своими гостями, успокоивая ихъ всячески, передавая вѣсти проѣзжавшихъ жидовъ о дождяхъ, выпавшихъ будто бы въ окрестныхъ селахъ. Но плохо вѣрили жидовскимъ росказнямъ напуганные жашковцы и не тянуло ихъ къ горѣлкѣ, не смотря на то, что Сруль охотно предлагалъ ее всѣмъ въ кредитъ.

Народу прибывало къ корчмѣ все больше и больше. Пришли туда и Микола *Коваль* съ Панасомъ *Литвиненкомъ*, первые хозяева и самые «розумныя головы» въ селѣ, главные коноводы жашковцевъ во всѣ рѣшительные моменты ихъ жизни. Коваль былъ высокій, сухой старикъ, 55 лѣтъ, съ задумчивымъ и серьезнымъ лицомъ, внушавшимъ большое довѣріе. Онъ и пользовался имъ вполнѣ у своихъ односельчанъ, какъ человѣкъ бывалый, много повидавшій на своемъ вѣку. Ходили разные слухи о его прошломъ. Припоминали старики, что молодость свою Коваль провелъ не то въ Запорожьѣ, не то у гайдамакъ. Вернулся онъ въ Жашковъ

послѣ страшныхъ дней Коліивщины, поселился сначала у отца, а тамъ скоро женился и сразу зажилъ богатымъ козакомъ. Разныя были догадки о происхожденіи его богатства, но самъ Коваль видимо избѣгалъ всякихъ разговоровъ о своихъ прошлыхъ скитаніяхъ по бѣлу свѣту. Это-ли неясное прошлое, или что другое наложило на Коваля печать задумчивости. Не любилъ онъ много говорить, и тѣмъ больше вѣсу было въ его рѣчахъ, когда обстоятельства вынуждали его высказываться. Его охотно слушали и еще охотнѣе исполняли его совѣты. Въ описываемое время Коваль былъ счастливымъ семьяниномъ, имѣлъ 4 сыновей и 7 дочерей.

Панасъ Литвиненко представлялъ совершенную противоположность своему пріятелю Ковалю. Небольшаго роста, крѣпкій, плечистый старикъ, ровесникъ Ковалю, съ веселымъ, подвижнымъ лицемъ, съ веселымъ смѣхомъ и шутками на устахъ. Это былъ первый говорунъ въ селѣ и большой руки юмористъ. Въ молодости онъ верховодилъ жашковскими парубками, да и теперь Панасъ хотя былъ уже почтеннымъ семьяниномъ, въ веселыя минуты по прежнему льнулъ къ молодежи. Та охотно принимала его въ свое общество, зная, что гдѣ повернется Опанасъ, тамъ смѣхъ и шутки. Даже въ описываемое, тяжелое для Жашкова, время Литвиненко былъ бодрѣе другихъ и не забывалъ чаще другихъ навѣдываться къ Срулю и пробовать его горѣлку. Сруль чувствовалъ теперь не обычайное расположеніе къ Панасу, хотя тотъ по прежнему болѣе всего жартовалъ надъ «биднымъ жидкомъ» и его племенемъ. Самъ Опанасъ значительно обѣднѣлъ за послѣдніе неурожаи и потому не столько самъ тратился на срулевскую горѣлку, сколько понуждалъ къ тому своего друга Коваля. Послѣдній по своей степенности избѣгалъ корчмы и, если заходилъ туда, то только ради Панаса и другихъ пріятелей.

И въ описываемый день, 19 апрѣля, Коваль не думалъ идти на собраніе жашковцевъ у корчмы. Послѣ обѣда пришелъ къ нему панскій «козакъ» Грицько и позвалъ его на панскій дворъ, къ эконому *Мочульскому*. Коваль обѣщалъ ему принести для панскаго баштана «кавунное насіння», хорошо уродившееся у него въ прошломъ году. Отнеся сѣмя къ Мочульскому, Коваль шелъ домой. Но путь лежалъ мимо корчмы, а тамъ уже засѣдали Панасъ Литвиненко съ Савеліемъ *Ракомъ*, Гарасымомъ *Дехтяремъ*, Осипомъ

Корнѣйчукомъ и другими жашковцами. Они кликнули Коваля и тотъ долженъ былъ подойти къ пріятелямъ.

Въ значительной уже толпѣ, собравшейся у корчмы, шелъ оживленный разговоръ, переходившій мѣстами въ горячій споръ. Болѣе всѣхъ горячились старики Литвиненко и Ракъ. поддерживаемые молодыми хозяевами—Корнѣйчукомъ и Дехтяремъ. Они въ чемъ-то горячо убѣждали хлопцевъ и чего-то требовали отъ нихъ. Во главѣ молодежи стоялъ 20-ти лѣтній Ѳедоръ *Рачокъ* (племянникъ Савѣлія Рака), самый энергичный изъ жашковскихъ парубковъ, такой же подвижный и веселый, какимъ былъ въ молодости, да и доселѣ отчасти остался Панасъ Литвиненко. Бывшія у корчмы бабы и дивчата держали сторону стариковъ, а надъ хлопцами зло подсмѣивались. Особенно жестоко подтрунивалъ надъ ними Панасъ. Они были задѣты за живое и стали мало по-малу склоняться на убѣжденія стариковъ. Приходъ Коваля и его рѣшительный голосъ окончательно повліялъ на парубковъ. На сколько Ѳедоръ Рачокъ противился сначала старикамъ, на столько теперь онъ отдалъ себя съ товарищами въ полное ихъ распоряженіе и сталъ главнымъ орудіемъ задуманнаго ими предпріятія.

О чемъ-же шелъ споръ у срулевской корчмы? на какое предпріятіе толкнули свою молодежь Коваль и другіе жашковскіе старики?

II.

Подходя къ корчмѣ, Коваль ясно услышалъ много разъ повторяемое имя «бабы *Магдалены*»...... Онъ невольно вздрогнулъ: это имя и у него самого въ послѣднее время не выходило изъ головы, и не разъ уже заводилъ онъ о Магдалинѣ рѣчь съ своей старой бабой *Татяной* и съ пріятелемъ Опанасомъ. Ковалиха давно уже не давала мужу покоя и вѣчно тараторила про бабу Магдалину, требуя отъ Коваля принятія самыхъ энергичныхъ мѣръ противъ козней этой «*видьмы*»..... А Татяна самая опытная въ селѣ баба по части всякихъ повѣрій и обычаевъ. Ужъ если она такъ рѣшительно заговорила о Магдалинѣ, значитъ, пришла пора Ковалю встрять въ это дѣло и энергично повести его во имя блага роднаго села......

Коваль, какъ и другіе односельчане, хорошо помнилъ *покойную* Магдалину, небольшаго роста и страшной худобы старушонку.

А когда то, вспоминали жашковскія старыя бабы, это была юркая, веселая, прехорошенькая дивчина. Родители ея рано умерли и сироту взяли въ панскій домъ. Жашковъ принадлежалъ тогда ротмистру панцырной хоругви, пану Францишку-Антонію *Ледуховскому*. Бѣдную Магдалину взяли въ комнаты къ самой пани, которая очень привязалась къ ней. Но, на несчастье обѣихъ, привязанность къ Магдалинѣ почувствовалъ вскорѣ и красавецъ-мужъ некрасивой пани... Опозоренную имъ дѣвушку выгнали изъ панскаго дома и насильно выдали замужъ за немилаго человѣка. Недолго, впрочемъ, она помучилась съ нимъ: вскорѣ умерли и мужъ ея, и единственный ребенокъ. Молодая вдова ушла изъ Жашкова. Гдѣ она бродила, что дѣлала на чужой сторонѣ, никто не зналъ. Жашковцы стали уже забывать о ней, какъ вдругъ, лѣтъ черезъ 20 послѣ исчезновенія изъ села, Магдалина вновь появилась на родинѣ, но уже совершенною старухою. Это совпало какъ разъ со смертію жены Ледуховскаго... Словно нарочно ждала Магдалина, пока исчезнетъ изъ роднаго села ея соперница пани... Магдалина поселилась въ своей запустѣвшей хатѣ, поправила ее, завела корову и птицу. Ея землей давно уже пользовались родственники и она не стала требовать ее обратно. Видимо, у ней были кое-какіе достатки, заработанные на чужой сторонѣ.

Жила она одиноко въ своей хатѣ, но съ односельчанами сходилась охотно и совсѣмъ не чуждалась ихъ. Напротивъ: всякое горе и несчастіе жашковцевъ, особенно женской половины, вызывало самое теплое участіе и дѣятельную помощь доброй бабы Магдалины. Заболѣетъ-ли кто, Магдалина сейчасъ является въ хату больнаго, ухаживаетъ за нимъ, подаетъ совѣты, лечитъ разными приготовленными ею снадобьями. Не одного больнаго подняла она на ноги. А умретъ больной, она и на похоронахъ всегда первая: и за дѣтьми посмотритъ, и по хозяйству поможетъ, и все укажетъ, какъ слѣдуетъ по дѣдовскимъ обычаямъ снарядить человѣка въ дальній путь... По вопросамъ домашняго и полевого хозяйства, даже по общественнымъ дѣламъ громады ея совѣты также высоко цѣнились. Всегда и во всемъ она давала знать въ себѣ человѣка большой житейской опытности и разума. Къ ея совѣтамъ стали прибѣгать, кромѣ жашковцевъ, и жители сосѣднихъ селъ. Всѣмъ она охотно служила и всѣ смотрѣли на нее только какъ на добрую,

знающую и умную женщину, многому научившуюся въ 20 лѣтъ своей скитальческой жизни.

Въ ея лечебныхъ познаніяхъ никто не видѣлъ ничего чудеснаго: рѣдкое село обходилось безъ подобной бабы-лекарки, представительницы вѣковаго опыта народной медицины. Притомъ же Магдалина чуждалась всякихъ шарлатанскихъ пріемовъ и таинственной обстановки. Совѣты свои она давала просто, откровенно, не выдавая составляемыхъ ею лекарственныхъ снадобій за свой секретъ и изобрѣтеніе. Во всемъ ссылалась она на завѣтъ «старихъ людей», на опытъ «билого свиту», къ которому не даромъ присматривалась въ своихъ долголѣтнихъ и дальнихъ странствованіяхъ. Когда ни въ томъ, ни въ другомъ Магдалина не находила отвѣта на предлагавшіяся ей задачи, она прямо отказывала въ помощи, не прибѣгая ни къ какому надувательству. Что знала она, то и дѣлала, а за большее не бралась. Да и то внушало къ ней особое довѣріе, что за свою помощь и совѣты она не брала ничего, кромѣ спасибо и ласковаго слова.

Въ одномъ только чуждалась Магдалина своихъ односельчанъ. На ихъ горе она всегда откликалась очень живо, но въ дни веселья отходила въ сторону, пряталась отъ людей въ своей хатѣ. Ее не видали ни на свадьбахъ, ни на «бесѣдахъ», ни на «собраніяхъ» у корчмы и т. п. Не зависть къ чужому счастью и веселью заставляла ее уклоняться въ подобныя минуты отъ людскаго общества, но тутъ было другое. Ея личную жизнь такъ исковеркала судьба, такъ давно уже и навсегда она забыла о возможности для себя личнаго счастья, такъ отвыкла отъ самой мысли о немъ, что всякая встрѣча съ чужимъ счастьемъ пугала ее своею неожиданностію, она терялась передъ нимъ, не знала, какъ повести себя тутъ. Но она умѣла и издали входить въ интересы счастья другихъ. Не только дивчата, даже парубки охотно выкладывали передъ нею свои несложные романы, спрашивая совѣта и разрѣшенія разныхъ недоумѣній. Иногда, на первыхъ порахъ пребыванія Магдалины въ Жашковѣ, односельчане обращались къ ней и съ разными таинственными просьбами: то дать какое нибудь зелье, чтобы приворожить неподдающееся любви сердце, то пошептать надъ чьимъ либо именемъ для той или иной цѣли и т. п. Но въ подобныхъ случаяхъ Магдалина всегда отдѣлывалась неизмѣннымъ отвѣтомъ,

что такихъ средствъ она не знаетъ и помочь тутъ не можетъ. На первыхъ порахъ ей не вѣрили, приписывая ея отказы разнымъ побужденіямъ, но въ концѣ концовъ перестали обращаться къ ней за различными таинственными пособіями. Вообще, на нее смотрѣли только какъ на «*знахарку*», знающую, опытную женщину, но никто даже въ шутку никогда не величалъ ее вѣдьмой, кольдуньей....

Такъ тихо прожила Магдалина въ Жашковѣ около 10 лѣтъ, пользуясь всеобщею любовью. Состарѣвшійся панъ ротмистръ Ледуховскій если и не забылъ о своей прежней привязанности къ Магдалинѣ, то теперь уже не обращалъ на нее особаго вниманія. Но онъ простилъ ей побѣгъ изъ села и дозволилъ спокойно доживать вѣкъ въ своей хатѣ.

Нѣсколько разъ Магдалина уходила лѣтомъ изъ Жашкова, но куда и зачѣмъ—никому не говорила и не любила разспросовъ о томъ. Послѣ одной изъ такихъ отлучекъ, въ 1793 г., она вернулась домой необыкновенно задумчивою, еще болѣе постарѣвшею и какъ-то совсѣмъ опустившеюся. Что-то особенное мучило ее, не давало ей покоя. Такъ прожила она около двухъ недѣль. Новое-ли какое горе сломило ея и до того надломленныя силы, или вся ея безрадостная жизнь истомила ее въ конецъ, но она не выдержала этой внутренней борьбы и въ одну ночь «сама собою *обвѣсилась*» въ своей «коморѣ»..... Пришедшая по утру къ Магдалинѣ ея пріятельница Татяна Ковалиха—первая наткнулась на похолодѣвшій трупъ бѣдной женщины и дала знать о семъ своимъ односельчанамъ.

Всѣ искренно пожалѣли о доброй, полезной женщинѣ и о ея «загубленной душѣ»...... Какъ ни благоволили къ ней всѣ жашковцы, начиная съ мѣстнаго батюшки о. *Гвоздіевскаго*, считавшаго Магдалину чуть-ли не самою достойною изъ своихъ прихожанокъ, но такой ужасный конецъ не давалъ ей права ни на христіанское отпѣваніе, ни на погребеніе на кладбищѣ. Приходилось похоронить ее безъ священника и гдѣ нибудь въ полѣ, на перекресткѣ, по мѣстному обычаю. Но тутъ неожиданно вступился за Магдалину самъ панъ А. Ледуховскій, вѣроятно вспомнившій теперь свои былыя отношенія къ покойной..... Онъ настоялъ, чтобы похоронили ее «на *цвинтарѣ*, между христіанами». Тамъ родственники Магдалины и положили ее, но, понятно, безъ обряда отпѣванія.

Какъ ни любили Магдалину въ Жашковѣ, но это невольное вторженіе ея послѣ смерти въ такое мѣсто, гдѣ, по народному вѣрованію, она не должна была лежать, сильно не понравилось жашковцамъ, особенно старикамъ. Помня хорошую добрую душу Магдалины, они ничего не высказывали въ началѣ противъ распоряженія Ледуховскаго, даже какъ будто сочувствовали ему отчасти (многіе, напримѣръ, охотно помогали родичамъ Магдалины во время похоронъ ея). Но въ душѣ у многихъ стариковъ и бабъ залегло какое-то смутное неудовольствіе противъ панскаго распоряженія, нарушавшаго одинъ изъ дѣдовскихъ завѣтовъ. Быть можетъ, это смутное чувство со временемъ улеглось-бы окончательно, замерло, но тутъ подошли эти тяжелые неурожайные годы, какъ разъ вскорѣ послѣ несчастной смерти Магдалины и въ народѣ пошли бродить разные слухи и толки на тему этой смерти и этого незаконнаго погребенія удавленницы среди мирно опочившихъ христіанъ....... Народная фантазія нашла себѣ тутъ богатую пищу.

Негаданное несчастіе, свалившееся на Жашковъ въ видѣ трехлѣтняго неурожая, невольно возбуждало въ умахъ крестьянъ вопросъ о причинахъ этого бѣдствія. Откуда оно пошло? Оглядывались вотругъ, допытывались другъ у друга и у сосѣдей, раскидывали умомъ и такъ и сякъ—отвѣта нигдѣ не было! А тутъ у стариковъ давно уже готовился отвѣтъ...... Недаромъ они такъ знаменательно покачивали головами и тяжко вздыхали въ то время, какъ панъ Антоній приказалъ похоронить Магдалину на цвинтарѣ! Чуяли они и тогда, что добра отъ этого не будетъ. Такъ оно и вышло: съ самого года ея смерти (1793 г.) пошли въ Жашковѣ сильныя засухи, чѣмъ дальше—все хуже и хуже. Этого мало: за послѣдніе три года люди въ Жашковѣ стали какъ-то «слабѣть» и чаще умирать. И въ томъ и въ другомъ старики явно винили именно Магдалину: зачѣмъ она легла не тамъ, гдѣ ей положено лежать? Зачѣмъ такимъ своимъ поступкомъ она нарушила вѣковѣчный завѣтъ дѣдовъ? Развѣ не знала она, что нарушеніе его повлечетъ за собою должное возмездіе, которое всею силою своею обрушится на неповинныхъ односельчанъ?...

Да и кто тамъ ее знаетъ, что такое она была? Жила она не совсѣмъ обычно, не такъ, какъ всѣ обыкновенные, простые люди. Эта безвѣстная двадцати-лѣтняя отлучка, эти послѣднія исчезнове-

нія ея изъ Жашкова невѣдомо куда и зачѣмъ, ея одинокая жизнь въ своей хатѣ, ея отчужденіе отъ нехитрыхъ развлеченій роднаго села—все теперь казалось странным и подозрительнымъ. Даже ея хорошія стороны: огромная житейская опытность, стремленіе подѣлиться ею съ другими, всегдашняя готовность помочь, чѣмъ можетъ, каждому, спокойный нравъ—даже это теперь ставилось ей въ вину! Откуда ея знанія, опытность? особенно это ея лечебное искусство, не разъ оканчивавшееся хорошими результатами? Почему она такъ льнула къ людямъ преимущественно во дни ихъ несчастья: гдѣ горе, тамъ—глядишь и Магдалина! И то даже, за что прежде не хватало словъ у людей для благодарности, то самое теперь вдругъ показалось имъ страннымъ, необъяснимымъ!

Сначала старики, а тамъ и молодежь загудѣла, что Магдалина зналась съ «нечистымъ»... Отъ него и достатки ея, и знанія. За обладаніе тѣмъ и другимъ продала она ему свою душу, а какъ пришелъ срокъ расплаты—она и удавилась. А теперь вотъ и мститъ своимъ односельчанамъ и этими неурожаями, и преждевременными смертями стараго и молодаго поколѣнія. Не стало теперь для Магдалины другого имени, какъ «бисова колдунья» да «видьма». Всякое доброе слово о Магдалинѣ, какимъ раньше неизмѣнно сопровождались всѣ воспоминанія о ней, теперь стало немыслимымъ. Прежняя добрая Магдалина какъ-то незамѣтно стушевалась, куда-то исчезла на вѣки изъ отуманенныхъ очей жашковцевъ, а на ея мѣсто вдругъ выплыла откуда-то новая личность—злой мстительной бабы, чуть не жаждущей людской крови. Даже представленія о внѣшности Магдалины стали иныя: всѣ какъ-то словно забыли маленькую, худощавую, добродушную и незлобивую старушонку. Магдалина въ народномъ представленіи вдругъ выросла, исхудала еще болѣе, явилась съ непріятнымъ лицемъ, искаженнымъ злобою и мстительностію. Именемъ Магдалины стали пугать дѣтей...

Искали виновника засухи—и онъ былъ найденъ! Что же теперь дѣлать? неужели нѣтъ средствъ остановить козни этой новой Магдалины? Старики утверждаютъ, что такія средства есть. Что пришла пора прекратить причиняемое якобы Магдалиною зло, въ этомъ не было ни малѣйшаго сомнѣнія. Мысль эта съ прошлаго года, если не раньше, бродила въ умахъ жашковцевъ, а многими изъ нихъ и высказывалась открыто и часто обсуждалась во всеу-

слышаніе. Особенно она была распространена у женщинъ, которыя усердно пропагандировали ее среди мужскаго населенія. Уже въ прошломъ году многихъ подмывало привести эту мысль въ исполненіе, но какая-то нерѣшительность и протесты нѣкоторой еще не убѣжденной части жашковцевъ останавливали дѣло. Теперь же, когда новая весна опять разбивала надежды на возможность урожая, протестантовъ совсѣмъ не оказывалось и старики, побуждаемые женщинами, рѣшительно высказались за немедленное выполненіе созрѣвшей уже вполнѣ мысли...

III.

Когда Коваль подошелъ къ горячо спорившей у корчмы толпѣ, пренія шли именно о средствахъ и орудіяхъ борьбы съ Магдалиной. Особенно на счетъ первыхъ долго не могло придти къ соглашенію. Каждый, считавшій себя авторитетнымъ по этому вопросу, рекомендовалъ именно свое средство и всѣми силами возставалъ противъ предложеній другихъ. Большинство, однако, склонялось на сторону мнѣнія Татяны Ковалихи, когда-то первой пріятельницы Магдалины, а сейчасъ самаго яраго врага ея. Недаромъ она слыла теперь самой знающей бабой въ Жашковѣ: при благопріятныхъ къ тому обстоятельствахъ Татяна смѣло могла разсчитывать, что со временемъ жашковцы и ее сопричислятъ къ сонму вѣдьмъ.....

Эта кандидатка на мѣсто Магдалины авторитетно, чуть не ссылаясь на завѣты своей покойной пріятельницы, требовала принятія такой мѣры: выкопать изъ «гроба» (могилы) «труну» (гробъ) Магдалины, отвести ее въ поле и тамъ *сжечь*, а пепелъ развѣять. Для удобнѣйшаго сожженія своей пріятельницы Ковалиха великодушно предлагала лежавшую у ней на дворѣ безъ дѣла пустую смоляную бочку, куда можно было вложить «труну» и спалить все безъ остатка. Отъ этого пріема она пророчила самые утѣшительные результаты: Магдалина будетъ тогда истреблена въ конецъ и лишится возможности вредить людямъ. Жашковъ наконецъ дождется, что «пидуть *дожжи* и люди не будутъ слабыи»...

За это предложеніе стало большинство. Но Ковалю почему-то сначала не пришлась по душѣ мысль жены: можетъ быть, хозяйственному мужику было жаль своей дегтярной бочки, о которой

проболталась въ своемъ усердіи его жена. Онъ рѣшительно возсталъ противъ жены и предложилъ свое средство: выкопать Магдалину, «занести труну ея *въ болото* и тамъ утопить». Коваля привыкли слушаться во всѣхъ рѣшительныхъ случаяхъ, послушались и на этотъ разъ: всѣ бросили мысль Ковалихи и порѣшили сдѣлать по совѣту ея мужа. Его усердно поддержали друзья—Опанасъ Литвиненко, Гарасымъ Дехтярь и др.

Изъ другихъ предложеній выдавались и находили нѣкоторыхъ сторонниковъ еще два мнѣнія. Скромный старикъ Савелій Ракъ предложилъ самое мирное средство: перенести «труну» Магдалины съ «цвинтаря» куда нибудь на поле и вновь *закопать* тамъ, но непремѣнно *на перекресткѣ*. А молодой хозяинъ Осипъ Корнѣйчукъ, напротивъ, совѣтовалъ очень жестокую мѣру: откопать Магдалину и трупъ ея «*коньми* въ поли *ростаскать*»... Но и эти предложенія не были приняты и громада осталась при рѣшеніи Коваля.

Когда этотъ вопросъ былъ порѣшенъ, старикамъ пришлось вынести немалую борьбу съ молодыми жашковцами изъ-за того, кому быть исполнителями затѣяннаго дѣла. Хотя старики болѣе молодежи вѣровали въ несомнѣнную пользу этого предпріятія, но самимъ имъ страшно не хотѣлось браться за него и они поспѣшили цѣликомъ свалить его на плечи парубковъ. Тѣ упорно отбояривались отъ этого тяжелаго и страшнаго порученія, но должны были уступить дружному напору всей громады и голосу такихъ уважаемыхъ лицъ, какъ Коваль, Литвиненко, Ракъ и др.

Когда и съ этимъ вопросомъ покончили, осторожный Коваль вспомнилъ, что исполнить задуманное нельзя безъ разрѣшенія мѣстной панской власти; ея согласіе онъ считалъ нужнымъ и для того, чтобы обезопасить себя и товарищей отъ возможныхъ въ будущемъ придирокъ начальства. Жашковъ, по смерти (въ 1796 г.) Фр. Ледуховскаго, принадлежалъ въ описываемое время бригадиршѣ Антонинѣ *Тарновецкой*. Но самой «дѣдички» въ данную минуту не было въ мѣстечкѣ: по случаю праздниковъ она уѣхала на нѣсколько дней къ своимъ роднымъ. Въ мѣстечкѣ оставался «управляющій», панъ «ловчій» Тарновецкій, родственникъ владѣлицы. Крестьяне знали, что панъ «управляющій», встревоженный не менѣе ихъ неурожаями послѣднихъ лѣтъ и новымъ ожидаемымъ неурожаемъ 1799 г., такъ же готовъ принять, Богъ знаетъ, какія мѣ-

ры, что бы поднять падавшее съ каждымъ годомъ хозяйство. По части суевѣрій и предразсудковъ тогдашніе паны польскіе, какъ и малороссійскіе, недалеко ушли отъ своихъ «подданныхъ». Панъ ловчій скрывалъ это и только смѣялся, когда ему разсказывали о намѣреніи крестьянъ сжечь или разнести кости Магдалины; но въ минуты досады на страшную засуху онъ полушутя говорилъ, что не прочь даже приказать крестьянамъ, чтобы они произвели задуманный ими опытъ, и вообще нерѣдко заговаривалъ съ ними на эту тему и какъ бы самъ наталкивалъ ихъ на борьбу съ Магдалиной.

Коваль зналъ о такомъ настроеніи Тарновецкаго и задумалъ воспользоваться имъ. Онъ предложилъ громадѣ отправить депутацію къ пану ловчему, чтобы взять его разрѣшеніе на отрытіе «труны» Магдалины и на дальнѣйшія дѣйствія. Всѣ согласились. Депутатами были выбраны Коваль, Литвиненко и Корнѣйчукъ.

Было уже 4 часа по полудни, когда депутація направилась къ господскому дому. Пришла она къ Тарновецкому не впопадъ. Вставши отъ послѣобѣденнаго сна, Тарновецкій вмѣстѣ съ экономомъ Мочульскимъ пошелъ освѣжиться въ винный погребъ. Только что онъ тамъ расположился спокойно, какъ дворовый сторожъ Даныло Холодъ доложилъ ему о приходѣ крестьянъ. Не хотѣлось пану бросать прохладный погребъ, старые меды и вина, а звать туда крестьянъ было неудобно: пришлось вести переговоры съ ними черезъ Холода.

Разгоряченный хмѣлемъ, панъ ловчій не безъ удовольствія узналъ о цѣли прихода крестьянъ. Если въ трезвомъ состояніи его останавливала нѣсколько мысль объ отвѣтственности за участіе въ этомъ дѣлѣ, то теперь онъ смѣло махнулъ на все рукою, хорошо зная, что ему, пану, всегда явится возможность обѣлить себя и всю вину свалить на крестьянъ. Такъ онъ и повелъ дѣло: разрѣшилъ крестьянамъ вырыть Магдалину и поступить съ нею, какъ имъ желательно, но съ строгимъ наказомъ, что если дѣло дойдетъ до суда, то всю вину крестьяне берутъ на себя, а его выгораживаютъ цѣликомъ. Онъ даже строго на строго приказалъ депутатамъ никому не говорить объ этомъ разрѣшеніи, напротивъ, велѣлъ идти къ корчмѣ и объявить крестьянамъ, что панъ не дозволиетъ вскрывать могилу Магдалины, если-жъ это не понравится громадѣ, то говорить, что задуманное дѣло можно покон-

чить и безъ панскаго разрѣшенія: мѣшать-де панъ не станетъ—не до того ему теперь, чтобы смотрѣтъ за крестьянами...

Хотя такое рѣшеніе Тарновецкаго и не по душѣ было осторожному Ковалю, ожидавшему, что панъ прямо встрянетъ въ ихъ дѣло и что главная отвѣтственность будетъ на немъ, но—дѣлать нечего—приходилось или принять панское предложеніе, или отказаться отъ отъ задуманнаго плана. Коваль и его товарищи недолго колебались, особенно послѣ того, какъ Тарновецкій объявилъ, что если дойдетъ дѣло до суда, то онъ приметъ всѣ мѣры къ облегченію участи крестьянъ. А у пана сила большая—онъ съумѣетъ отстоять ихъ. Эта мысль успокоила депутатовъ и они пообѣщали Тарновецкому исполнить всѣ его приказанія.

Когда Коваль съ товарищами вернулись къ корчмѣ и объявили, что Тарновецкій запрещаетъ вырывать Магдалину, толпа возбужденно, съ негодованіемъ выслушала ихъ. Всѣ были убѣждены, что средство противъ засухи найдено, оно у нихъ подъ руками, стоитъ только протянуть и взять.... А тутъ панъ мѣшаетъ, хочетъ въ конецъ загубить обездоленныхъ людей! Коваль, Литвиненко и другіе старики усердно подливали масло въ огонь и прямо требовали «не слухать» пана. Колебавшихся было немного и скоро вся почти толпа пришла къ единодушному рѣшенію—идти сейчасъ же на «могилки», вырыть «труну» Магдалины и забросить въ болото, т. е. поступить по совѣту Коваля.

Старики, съ Ковалемъ во главѣ, сейчасъ же стали давать наставленія Ѳедору Рачку, ставшему во главѣ партіи молодыхъ парубковъ, исполнителей задуманнаго плана. Не всѣ они охотно шли за Рачкомъ, но требованіе стариковъ было непреклонно, нельзя было отказаться.... Выбрали 9 хлопцевъ—бойкихъ, не трусливаго десятка, сильныхъ. Кромѣ Ѳ. Рачка, это были: его двоюродный братъ Кирыло Рачокъ (сынъ Савелія Рака), Иванъ Дремлюга, Михайло Галянчукъ, Яковъ Литвинюкъ, Матвій Жоганъ, Кирыло Бузенчукъ, Андрій Басарабчукъ и Грицько Романюкъ. Все это были молодые люди 20—25 лѣтъ, старше всѣхъ былъ М. Жоганъ—28 лѣтъ, а Романюку было всего 18 л. Его даже не пускали старики, но онъ самъ такъ настоятельно просился подъ команду Ѳ. Рачка, что отказать ему было невозможно. Романюкъ показывалъ необыкновенное усердіе, первый побѣжалъ за заступами и метлами и

больше другихъ торопилъ товарищей идти на кладбище. Тѣ и сами торопились, «поки сонце не сило». Дѣйствительно, шелъ уже 7-й часъ дня и нужно было покончить съ этимъ страшнымъ дѣломъ засвѣтло; а то вѣдь ночью не нашлось бы и 9 человѣкъ, готовыхъ идти на кладбище и вырывать мертвеца....

Теперь же всѣ эти 9 человѣкъ довольно смѣло тронулись за мѣстечко, на поля, гдѣ находилось кладбнще. За ними посыпала большая часть бывшей у корчмы толпы. Дорогою къ ней присоединялись другіе жашковцы, не приходившіе «подъ корчму» и только теперь узнавшіе о походѣ противъ Магдалины. Изъ панской усадьбы также высыпала прислуга и потянулась за толпою. Одни только жидки (ихъ не мало уже было въ мѣстечкѣ) жадно выспрашивали о намѣреніяхъ проходившей толпы, но сами не трогались съ мѣста, а собирались въ кучки и горячо тараторили о чемъ-то на своемъ жаргонѣ. Жиденята сунулись было за массою крестьянскихъ дѣтей, бѣжавшихъ съ толпою, но матери заставили ихъ вернуться назадъ.

Коноводы предпріятія не пошли на кладбище. Всѣ они, Коваль, П. Литвиненко, Корнѣйчукъ, Савелій Ракъ, остались у корчмы, ожидая вѣстей съ кладбища. Руководительство Ѳ. Рачкомъ и его товарищами они ввѣрили старухамъ, которыя почти въ полномъ составѣ, съ Татяной Ковалихой во главѣ, сопровождали партію исполнителей. Но старикамъ и страшно не хотѣлось идти туда, и боязно было за будущее: довольно съ нихъ и того, что они сняли съ Тарновецкаго на свои плечи всякую отвѣтственность предъ судомъ.... Да и Магдалину они знали ближе своихъ хлопцевъ, больше съ нею жили. Возможно-ли имъ своими руками раскапывать ея могилу? какими глазами взглянуть на вставшій изъ гроба ея трупъ?... Набѣгало сомнѣніе: а что если бабы «брешуть»? если Магдалина неповинна въ засухѣ?... за что же тогда нарушать ея покой, ругаться надъ ея прахомъ?!...

Задумались старики, даже Опанасъ примолкъ. Всѣ чувствовали торжественность наступившей минуты, мысли ихъ были тамъ— на кладбищѣ... Магдалина стояла, какъ живая, предъ ихъ глазами... Тошно имъ показалось сидѣть у корчмы. Они отошли въ сторонку и молча усѣлись подъ вербами, надъ ручьемъ Торчемъ. Гарасымъ Дехтярь не выдержалъ и убѣжалъ домой.

IV.

Между тѣмъ, толпа уже прибыла на кладбище. Яковъ Литвинюкъ, родственникъ Магдалины, помнившій ея похороны, живо отыскалъ могилу, но память о ласкахъ къ нему покойной заставила его наотрѣзъ отказаться отъ участія въ предстоявшей работѣ, къ которой принуждали его старики. Товарищи не настаивали. Ѳедоръ Рачокъ и остальные 7 человѣкъ немедленно принялись за дѣло. Татьяна Ковалиха и другіе старухи заставили напередъ хлопцевъ помолиться на виднѣвшуюся старую церковь Жашкова. Молились и сами бабы, нашептывая какія-то не то молитвы, не то заклинанія. За ними стала креститься и вся толпа. Затѣмъ бабы перекрестили со всѣхъ сторонъ могилу Магдалины и сказали, наконецъ, хлопцамъ: «рушайте»!...

Рачокъ разставилъ товарищей вокругъ могилы. Застучали заступа, лопаты. Ѳедоръ держалъ себя бодро и ничѣмъ не выдавалъ своего внутренняго волненія. Важность порученной ему миссіи очень льстила ему и онъ всѣми силами старался оправдать оказанное ему довѣріе. Поддерживая бодрость товарищей и подгоняя ихъ, онъ самъ работалъ больше всѣхъ. Флегматичный Иванъ Дремлюга также спокойно копалъ и оказался самымъ полезнымъ помощникомъ Рачка. Но всѣ остальные были очень взволнованы... Лица поблѣднѣли, выступилъ холодный потъ, глаза испуганно смотрѣли на взрываемую землю, руки дрожали. Всѣ какъ-то неловко толпились и жались другъ къ другу, задѣваемые другъ за друга заступа звенѣли, мѣшая работѣ. У иныхъ они выпадали изъ рукъ. Выпала лопата и у Романюка, вдругъ потерявшаго теперь всю свою прежнюю бойкость и расторопность. Онъ нагнулся за ней, но отъ волненія не устоялъ на ногахъ и тутъ же, у края могилы, присѣлъ на землю, да такъ и остался въ неподвижной позѣ, безсмысленно глядя на постепенно разверзавшуюся могилу. Чтобы поддержать видимо падавшую энергію товарищей, Рачокъ громко обругалъ Романюка и отогналъ его прочь. Чтобы остальные не тѣснились безъ толку у могилы и не мѣшали другъ другу, Ѳедоръ приказалъ работать въ двѣ смѣны: пока одна рыла и выбрасывала землю, другая стояла тутъ же и отдыхала. Дѣло пошло правильнѣе и живѣе.

Нахлынувшая на кладбище толпа стояла въ нѣкоторомъ отдаленіи. Только самые малые хлопчики и дивчатка смѣло подсту-

пили поближе къ могилѣ и расположились сейчасъ же за работавшими, представляя живописно опоясывавшую могилу живую гирлянду бѣлыхъ и черныхъ головокъ, съ разгорѣвшимися отъ бѣготни и любопытства глазенками. Какъ не отгоняли ихъ подальше отъ могилы и Рачокъ съ товарищами, и осторожныя матери, но дѣти такъ и льнули туда, наивно толкуя между собою о томъ, что происходило предъ ихъ любопытными очами. Не боялись они никакой Магдалины... Видно, чуяли они, что покойница сильно любила дѣтей.

За группою дѣтей, подальше отъ могилы, толпились взрослые жашковцы, впереди бабы и диды, а за ними остальные. Всѣ были возбуждены и молчали. По временамъ лишь иная мать въ полголоса прикрикивала на разгулявшихся или заплакавшихъ дѣтей. Только это да глухой стукъ лопатъ нарушали торжественную тишину. Всѣ сосредоточенно смотрѣли на центральную группу, среди которой уже темнѣлась яма. Старики и старухи что-то шептали вздрагивавшими губами и учащенно крестились. Молодые жались къ нимъ и другъ къ другу, не сводя глазъ съ одной точки. Нѣкоторые не выдержали такого напряженія и убѣжали домой, въ село.

Солнце совсѣмъ закатывалось и послѣдними лучами золотило испуганную толпу, не вѣдавшую, что она творитъ... Рачокъ торопилъ товарищей, боясь, что быстро наступающіе сумерки отнимутъ у нихъ послѣднюю энергію. Легкій вѣтерокъ пробѣгалъ по толпѣ, освѣжая измученныя волненіемъ лица.

Работа быстро шла впередъ. Скоро чья-то лопата стукнулась объ «труну»... Въ наступившей тишинѣ этотъ звукъ услышали всѣ. Разомъ вздрогнули копавшіе, а за ними и вся толпа. Она колыхнулась и ближе подвинулась къ могилѣ. Еще усерднѣе зашептали старыя губы, еще чаще стали класть кресты дрожавшія руки. Испугомъ старшихъ стали заражаться и дѣти: они отодвинулись отъ могилы и прятались въ толпѣ. Бабы, сдерживая послѣдними силами охватившее ихъ волненіе, подвинулись къ самому краю могилы и жадно, едва переводя дыханіе, смотрѣли вглубь ея. Всѣ копавшіе тамъ быстро вылѣзли оттуда, кромѣ Ѳ. Рачка и Дремлюги. Оба они остались въ ямѣ, хотя и у нихъ поблѣднѣли лица и задрожали руки. Они быстро очистили «труну» отъ земли, затѣмъ выскочили

на верхъ и осторожно стали приподымать заступами верхнюю доску «труны»...

Послѣ шести лѣтъ покоя снова выглянула Магдалина на свѣтъ Божій... Трупъ Магдалины былъ совершенно *цѣлъ*, лицо сохранило всѣ свои очертанія, «тыльки нисъ бувъ трохи спорченъ» и вся она «якъ бы мохомъ поросла». Платье—спидныця, очипокъ, чоботы и пр.—все было цѣло. Всѣ узнали ее сразу и сразу какъ-то успокоились, убѣдившись, что Магдалина мирно дается имъ въ руки и ничего не предпринимаетъ въ защиту себя. Толпа тѣснилась къ могилѣ и, усердно крестясь и нашептывая заклинанія, заглядывала внизъ. Но не всѣ могли хорошо разсмотрѣть Магдалину и стали требовать, чтобы хлопци тащили гробъ на верхъ.

Рачокъ и Дремлюга закрыли Магдалину доскою, опустились въ могилу и, при помощи стоявшихъ на верху, стали тащить труну вверхъ. Толпа отшатнулась и расчистила площадку около могилы. Здѣсь снова открыли верхнюю доску и уже всѣ могли разсмотрѣть трупъ и убѣдиться, что это была именно Магдалина, а не другая женщина. Хорошо узналъ Магдалину и родственникъ ея Яковъ Литвинюкъ.

Вдругъ потянулъ вѣтерокъ и—Магдалины какъ не бывало во гробѣ!... Сейчасъ только что цѣлый трупъ съ вполнѣ сохранившимися очертаніями Магдалины и въ нетронутомъ платьѣ куда-то *исчезъ* и перепуганная толпа увидѣла вмѣсто него «одни *кости* и якъ бы налято въ труну *чорного болота* (грязи) зъ смолянымъ *дёхтёмъ*»! [1])...

Толпа страшно перепугалась и отшатнулась отъ «труны», нѣкоторые же просто схватились съ мѣста и дали тягу съ кладбища. Даже Рачокъ съ Дремлюгой не выдержали и отбѣжали въ сторону.

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ трупы цѣлыми вѣками лежатъ, сохраняя всѣ наружныя очертанія человѣка, всѣ цвѣта и формы его одѣяній и украшеній, но при соприкосновеніи со свѣжимъ воздухомъ эти трупы мгновенно разсыпаются въ пепелъ. Археологамъ, занимающимся раскопками древнихъ гробницъ, знакомы подобныя исчезновенія сохранившихся на первый взглядъ вполнѣ труповъ. У насъ такіе случаи нерѣдко имѣли мѣсто при раскопкахъ скиѳскихъ гробницъ черноморскаго побережья. Жашковскій случай показываетъ, что недавно схороненные трупы сохраняютъ свой внѣшній видъ до соприкосновенія съ свѣжимъ воздухомъ, который превращаетъ ихъ въ кучу жидкой какъ бы грязи.

Толпа загудѣла, что Магдалина ушла изъ рукъ, убѣжала изъ труны... Всѣ допытывались другъ у друга, не видѣлъ-ли кто выпорхнувшей изъ труны *птицы*, или выбѣжавшаго *звѣря*, во что могла превратиться Магдалина; но никто ничего подобнаго не видѣлъ, хотя инымъ «побачилось щось таке», чего они и объяснить не умѣли... Болѣе смѣлые стали подходить къ трунѣ и всматриваться вокругъ. Оказалось, что Магдалина «не вся утикла»: кромѣ «болота зъ дегтемъ», ясно разсмотрѣли въ «трунѣ» и всѣ крупныя кости Магдалины, начиная съ черепа. Это значительно успокоило толпу: Магдалина, разсуждали крестьяне, не успѣла захватить всѣхъ костей и вернется за ними, значитъ—есть надежда задержать ее и уничтожить въ конецъ. Нужно только зорко смотрѣть за оставшимися костями.

Что же дальше дѣлать?—Всѣ вдругъ возстали противъ принятаго раньше предложенія Коваля—утопить труну Магдалины въ сосѣднемъ болотѣ. Для всѣхъ было ясно, что если Магдалина на глазахъ такого множества народа съумѣла незамѣтно скрыться и только отъ поспѣшности позабыла прихватить свои кости, то ужъ въ болотѣ она нисколько не растеряется: живо собереть всѣ свои косточки, поставитъ каждую на свое мѣсто и вновь цѣлою Магдалиною заляжетъ въ старой могилѣ на еще горшую погибель Жашкова... Нѣтъ, средство Коваля теперь никуда не годится! Сама Ковалиха обругала мужа «лысымъ дурнемъ», который смѣло берется не за свое дѣло! Она опять стала развивать свое прежнее предложеніе, какъ самое дѣйствительное въ данномъ случаѣ, въ виду обнаружившихся подвоховъ Магдалины. Ничего лучше нельзя придумать, какъ взять у мужа смоляную бочку и цѣликомъ спалить въ ней «труну» Магдалины, со всѣми ея косточками безъ остатка!

Толпа единодушно одобрила Ковалиху, но все таки порѣшила еще разъ посовѣтоваться съ Ковалемъ и другими стариками. Немедленно отправили къ нимъ Ѳ. Рачка, Жогана и Бузенчука. Но только что они тронулись съ мѣста и побѣжали къ мѣстечку, какъ вдругъ сквозь разступавшуюся толпу протискался жашковскій священникъ о. Гвоздіевскій и подбѣжалъ къ раскрытой могилѣ. Всѣ встрепенулись, понявши, что явилась неожиданная помѣха ихъ планамъ...

V.

Все мѣстечко уже знало о томъ, что происходило на кладбищѣ. Соцкій Григорій Письменный, только передъ вечеромъ вернувшійся въ мѣстечко, сунулся было съ докладомъ по дѣлу Магдалины къ пану Тарновецкому и эконому Мочульскому, продолжавшимъ засѣдать въ винномъ погребѣ. Но захмѣлѣвшіе паны его не приняли. Соцкій розыскалъ Коваля и его пріятеля, сидѣвшихъ по прежнему недалеко отъ корчмы. Они остановили рвеніе соцкаго, разсказавши ему о всѣхъ предъидущихъ событіяхъ дня. Тотъ успокоился и самъ усѣлся съ ними въ ожиданіи вѣстей съ кладбища.

Одинъ о. Гвоздіевскій попробовалъ пойти противъ своихъ духовныхъ чадъ и остановить ихъ безразсудную затѣю. Узнавши, что кощунственная работа на кладбищѣ уже началась, онъ поспѣшилъ туда. Но было поздно: какъ мы знаемъ, «труну» Магдалины въ это время уже вынули изъ могилы наверхъ, гдѣ она и стояла раскрытою. Находившаяся подлѣ толпа вздрогнула отъ неожиданности, когда запыхавшійся батюшка растолкалъ народъ и подбѣжалъ къ нарушителямъ покоя Магдалины, которую онъ очень уважалъ при ея жизни. Товарищи Рачка, стоявшіе около могилы, невольно подались назадъ. Но остальная толпа колыхнулась, загудѣла и ближе придвинулась къ могилѣ, какъ бы на защиту этихъ жалкихъ остатковъ Магдалины, попавшихъ въ ея руки. Она боялась теперь, что батюшка отниметъ у нея эти остатки... Всѣ были возбуждены въ высшей степени.

Взволнованныя лица окружавшихъ невольно бросались въ глаза, но о. Гвоздіевскій былъ не робкаго десятка и смѣло сталъ громить своихъ прихожанъ, упрекая ихъ въ нарушеніи покоя мертвеца.

Однако, толпа не дала ему много говорить. Всѣ разомъ стали возражать ему, возбужденно перебивая другъ друга. Слышались только отрывочныя фразы о томъ, что гробъ Магдалины былъ «*непечатаный*», а такой гробъ не грѣхъ-де тронуть...., его даже необходимо было тронуть, чтобы прекратить козни лежавшей тамъ «видьмы», по милости которой 6-й годъ уже все нѣтъ въ Жашковѣ дождя и урожая, да и люди какъ-то «слабѣютъ и умираютъ».... Крестьяне прямо говорили батюшкѣ, что ни за что на свѣтѣ не отдадутъ теперь ни ему, ни кому либо другому трупъ Магдалины,

а сожгутъ ее и тогда пойдутъ у нихъ дожди, настанутъ урожаи и люди окрѣпнутъ и поздоровѣютъ.....

Напрасно пытался о. Гвоздіевскій разубѣдить крестьянъ и уговорить, чтобы они оставили трупъ Магдалины въ покоѣ, напрасно онъ доказывалъ, что Магдалина была настоящей христіанкой, а совсѣмъ не вѣдьмой, крестьяне не слушали его и въ одинъ голосъ заговорили о ея послѣдней продѣлкѣ, которую всѣ они «своими очами бачили»: бачили, какъ Магдалина лежала въ трунѣ, «якъ жива, а потимъ кудысь збигла, покинувъ въ труни свои кистки... а чи птахомъ вона вылетила, чи звирюкой пробигла мижъ ниґъ, того нихто не забачивъ.,....» Всѣ такъ живо и единодушно рисовали эту картину, что ошеломленный толпою батюшка не могъ вставить ни одного слова и, махнувъ рукою, ушелъ домой. Но онъ все таки успѣлъ подѣйствовать на иныхъ, такъ что слѣдомъ за нимъ двинулось нѣсколько человѣкъ.

Толпа вздохнула, довольная, что съумѣла отстоять свое дѣло. Дожидаясь депутаціи, отправленной къ Ковалю, товарищи Рачка отодвинули подальше отъ ямы «труну» Магдалины, а пустую могилу ея принялись забрасывать землею.

Между тѣмъ Рачокъ, Жоганъ и Бузенчукъ добѣжали до корчмы и неподалеку отъ нея нашли группу стариковъ: Коваля, Опанаса Литвиненка, Корнѣйчука, Савелія Рака, соцкаго Письменнаго и другихъ. Всѣ вскочили на встрѣчу бѣгущимъ и забросали ихъ разспросами. Прерывающимся голосомъ Ѳедоръ и его товарищи принялись разсказывать, какъ они открыли гробъ Магдалины и какъ она неожиданно исчезла изъ труны, забывши захватить свои кости. Старики были смущены, но вмѣстѣ съ тѣмъ и облегченно вздохнули, что Магдалина оказалась дѣйствительной вѣдьмой.... Въ заключеніе своего разсказа Рачокъ упомянулъ, что весь народъ отвергъ предложенную Ковалемъ мѣру и склоняется на предложеніе Татяны. Пріятели Коваля тотчасъ поддержали послѣднее, но самъ Коваль нѣсколько колебался сначала, а потомъ уступилъ и разрѣшилъ Рачку взять съ своего двора пустую смоляную бочку. За нею отправились Опанасъ Литвиненко съ Рачкомъ и Жоганомъ, а Бузенчукъ пошелъ на дворъ Ивана Дремлюги, чтобы взять у него воловую подводу, для отвоза бочки на кладбище.

Коваль съ пріятелями поспѣшилъ взглянуть на Магдалину. Уже темнѣло—сумерки быстро спускались на землю. Но все таки старики успѣли разсмотрѣть остатки Магдалины и теперь выслушивали массу разсказовъ о всемъ происходившемъ тамъ въ ихъ отсутствіе. Ковалиха уже клялась всѣми печерскими и другими угодниками, что она «сама бачила», какъ Магдалина пролетѣла надъ ея головой «малымъ птахомъ», чуть-чуть не задѣвши крыломъ.... Съ нею сцѣпилась другая баба, также клявшаяся на весь свѣтъ, что она, напротивъ, ясно почувствовала, какъ «промижъ нигъ у неи шмыгнуло щось таке, неначе мышъ»..... Ковалиха не вынесла такого явнаго поруганія надъ своимъ авторитетомъ и бабы схватились въ рукопашную. Мужья едва растащили ихъ. Бабы на вѣкъ остались врагами.

Между тѣмъ прибыли съ подводою Литвиненко и Рачокъ. Коваль сталъ торопить Рачка, чтобы скорѣе забиралъ «труну» Магдалицы и трогался съ нею въ поле. Уже стемнѣло порядкомъ, всѣмъ было жутко оставаться на кладбищѣ, хотѣлось вонъ оттуда, подальше отъ мертвецовъ и всякихъ мерещившихся тутъ на каждомъ шагу страховъ......

Возъ съ волами съ трудомъ пробрался среди могилокъ къ «трунѣ» Магдалины. Рачокъ, Дремлюга, Жоганъ и другіе подняли нетяжелую «труну» и вложили ее въ смоляную бочку, бокомъ лежавшую на возу. Дремлюга тронулъ своихъ воловъ. За возомъ пошли Ѳедоръ и Кирило Рачки, Яковъ Литвинюкъ и Грицько Романюкъ, уже оправившійся отъ предъидущихъ страховъ и снова суетившійся по прежнему. По приказу стариковъ онъ съ другими хлопцами приволокъ на кладбище нѣсколько вязанокъ соломы и очерету. Часть ихъ положили на подводу, а другую разобрали по рукамъ Рачокъ съ товарищами. Кромѣ того, у каждаго было въ рукѣ по метлѣ.

Когда отдѣлилась отъ толпы эта группа въ 5 лицъ, Коваль и Опанасъ Литвиненко остановили ее, замѣтивши, что не хватаетъ еще 4 хлопцевъ, взявшихся докончить все дѣло съ Магдалиной. Стали искать ихъ. Бузенчука и Бесарабчука такъ и не нашли— они сбѣжали съ кладбища; но притаившимся въ толпѣ Жогану и Галянчуку не удалось скрыться. Страшно не хотѣлось имъ идти за Рачкомъ, отговаривались они всячески, ссылаясь и на свою ус-

талость, и на то, что уже довольно поработали для общаго дѣла—пусть теперь идутъ другіе на смѣну ихъ! Но Коваль и Литвиненко не слушали никакихъ резоновъ, срамили ихъ, убѣждали, что больше некому идти: не имъ-же старикамъ съ «слипыми очми» и не бабамъ съ дивчатами отправляться на помощь Рачку?! Дѣйствительно, всѣ взрослые мущины порасходились съ кладбища, кто отъ страха, кто послѣ уговариваній батюшки, а кого кликнули домой по дѣламъ хозяйства, или на панскую усадьбу. На кладбищѣ остались только старые да малые. Какъ ни чесали свои потылицы Жоганъ съ Галянчукомъ, а таки принуждены были уступить Ковалю и общему требованію: взяли по вязанкѣ соломы и очерету, захватили метлы и присоединились къ Рачку. Онъ посмѣялся надъ ними, что, будучи старше всѣхъ остальныхъ членовъ партіи, они бросили ее въ самую трудную минуту. Тѣ молча перенесли заслуженныя насмѣшки.

Такимъ образомъ собралось здѣсь семь человѣкъ у подводы съ «труной» Магдалины. Выслушавши послѣднія наставленія Коваля, Ковалихи и другихъ, Рачокъ съ товарищами двинулись аъ путь. Они скоро выѣхали съ кладбища, повернули на проѣзжую дорогу и потянулись межъ зеленѣвшихъ полей, направляясь къ виднѣвшемуся вдали дубовому лѣсу. Рѣшено было отвезти Магдалину подальше отъ мѣстечка и сжечь ее на перекресткѣ двухъ дорогъ.

Оставшіеся на кладбищѣ слѣдили за удалявшеюся группою, пока она не скрылась съ глазъ въ быстро насунувшейся темнотѣ. Всѣ заторопились тогда уходить домой. Всѣ крестились и осторожно обходили то мѣсто, откуда сейчасъ подняли бѣдную Магдалину. Сзади всѣхъ, степенно и молча, но невольно озираясь по сторонамъ, выступалъ Коваль. Войдя въ мѣстечко, бабы съ дитворою разсѣялись по своимъ хатамъ—давно пора уже было вечерять, да и отдохнуть послѣ всѣхъ сегодняшнихъ волненій.

Но Коваль и его друзья не пошли домой. Дѣло съ Магдалиной еще не было кончено: кто знаетъ, какъ еще тамъ управятся съ нимъ хлопцы! Старикамъ необходимо было остаться на сторожѣ, чтобы въ случаѣ нужды подать Рачку совѣтъ и помощь. Они опять отправились къ срулевской корчмѣ, гдѣ поджидали ихъ вернувшіеся раньше съ кладбища старики. Хлопцы пока прятались отъ нихъ, опасаясь, чтобы ихъ насильно не выслали къ Рачку на по-

мощь, подобно Жогану и Галянчуку. Старики усѣлись у корчмы, отказываясь и теперь отъ угощеній Сруля. Изрѣдка перекидываясь отрывочными фразами другъ съ другомъ и съ собравшимися туда-же жидками, крестьяне посматривали въ ту сторону жашковскихъ полей, гдѣ виднѣлся старый дубовый лѣсъ, около котораго долженъ былъ въ скоромъ времени вспыхнуть завѣтный огонекъ. Отъ корчмы предположенное мѣсто сожженія Магдалины было на виду.

VI.

Подвода съ Магдалиной медленно подвигалась впередъ по дурной дорогѣ. Впереди, у ярма воловъ, шелъ хозяинъ ихъ, Иванъ Дремлюга, усердно подгоняя ихъ и невольно озираясь назадъ, на большую бочку, съ какимъ-то, чудилось ему, стономъ колыхавшуюся изъ стороны въ сторону на его скрипѣвшемъ возу. Отверстіе бочки было обращено къ воламъ и Дремлюгѣ все казалось, что что-то ползетъ изъ бочки, цѣпляется за его воловъ и лѣзетъ на него...... Мурашки пробѣгали по его вздрагивавшей спинѣ. Разъ онъ даже остановилъ воловъ и предложилъ товарищамъ перевернуть бочку отверстіемъ къ заднимъ колесамъ воза, но тѣ напустились на него за остановку изъ-за такого пустяка и настоятельно потребовали продолжать путь. Тяжело вздохнулъ Дремлюга, но—дѣлать нечего—усердно замахалъ кнутомъ надъ головами воловъ и двинулъ ихъ впередъ. На кладбищѣ онъ держалъ себя молодцомъ, но тамъ было свѣтло, да и народу много. А здѣсь всего 7 человѣкъ, а кругомъ такая темь. Луна уже взошла надъ горизонтомъ, но была скрыта отъ этой маленькой группы людей виднѣвшимся впереди темнымъ дубовымъ лѣсомъ. Только верхушки старыхъ большихъ дубовъ были освѣщены луною, а поля передъ лѣсомъ еще лежали въ темнотѣ. По неволѣ Дремлюгѣ мерещилась всякая чертовщина и проклятая бочка не давала ему покоя. Онъ чувствовалъ ее сейчасъ у себя за плечами и невольно ускорялъ шагъ, таща за поводъ своихъ воликовъ.

Остальные 6 человѣкъ шли полукругомъ около воза и были спокойнѣе Дремлюги. Бочка была на глазахъ у нихъ и меньше тревожила ихъ. Но окружающая темнота и ихъ смущала не мало. Всѣ невольно оглядывались кругомъ и по сторонамъ, всѣмъ каза-

лось, что что-то идетъ сзади ихъ, кто-то не то кличетъ ихъ, не то стонетъ... Звукъ переломанной чьими либо ногами сухой вѣтки на дорогѣ, или шуршанье споткнувшейся ноги заставляли всѣхъ вздрагивать и озираться кругомъ.

Спокойнѣе всѣхъ былъ опять Өедоръ Рачекъ. Удачное начало даннаго ему порученія очень радовало его и побуждало съ той же энергіей вести дѣло и дальше. Онъ надѣялся благополучно довести его до конца и вновь услышать тѣ похвалы своей распорядительности, твердости и храбрости, какія уже слышалъ сейчасъ отъ стариковъ на кладбищѣ и у корчмы. Онъ чувствовалъ себя героемъ дня, на котораго обращены взоры всего роднаго села. Всѣ доселѣ смотрѣли на него только какъ на веселаго товарища, любившаго погулять съ дивчатами и хлопцями, попѣть, поплясать. Его знали только по «улицѣ», и не считали способнымъ на что либо серьезное. А тутъ вдругъ онъ сразу выступилъ головою въ такомъ дѣлѣ громадной важности, отъ котораго зависѣло благосостояніе всего села. Доведетъ онъ дѣло до конца—не забудутъ его жашковцы!... И онъ потораплывалъ Дремлюгу, чтобы поскорѣе добраться до этого конца.

Когда партія подошла къ перекрестку, луна уже вышла изъза лѣса и облила своимъ свѣтомъ поля. Страхи хлопцевъ стали уменьшаться. Теперь ужъ нечего было бояться, что «щось таке» пробѣжитъ или пролетитъ около людей и «здорово перелякае» ихъ. Все было ясно видно на далекое пространство, даже выплыло изъ тѣни не близкое мѣстечко, окутанное бѣлесоватой дымкой тумана. Только недалеко высившіяся темныя стѣны дубоваго бора смущали крестьянъ: имъ мерещилось, что словно какія-то фигуры выглядываютъ оттуда, что-то пробѣгаетъ тамъ между деревьями, кто-то тяжко вздыхаетъ... Но и оттуда скоро понеслись полные звуки роскошныхъ соловьиныхъ трелей и темный лѣсъ переставалъ казаться страшнымъ.... Вслушиваясь невольно въ эту бодрившую всѣхъ музыку, хлопцы живо принялись за свое печальное дѣло.

Они осторожно сняли бочку съ воза и положили ее на самой рединѣ перекрестка. Дремлюга отвелъ подводу въ сторону, крѣпко прижался къ теплымъ мордамъ своихъ воловъ, да такъ и застылъ въ этой позѣ, пугливо озираясь на бочку и не рѣшаясь сдѣлать

шага къ ней, не смотря на всѣ призывы и ругню Рачка. Молодой Романюкъ также держался у воза и безтолково перебиралъ руками лежавшую тамъ солому и очеретъ. Остальные довольно бодро толпились у страшной бочки; но и ихъ пугало зіявшее темное отверстіе ея: что происходило тамъ, внутри бочки, они не видѣли, и имъ все казалось, что тамъ, Богъ знаетъ, что творится...

— «Може Магдалына зновъ вернулась до бочки, думали они, и седыть тамъ въ труни, та перебирае свои кистки... А ну якъ вона кинеця звиттыля»?!... Чтобы успокоить себя, они порѣшили перевернуть бочку «до горы дномъ», лишь бы не видѣть этого проклятаго отверстія и не дать Магдалинѣ возможности снова убѣжать отъ нихъ.

Такъ и сдѣлали: перевернули бочку и поставили ее дномъ вверхъ. Затѣмъ обложили ее соломой и очеретомъ, «добули кресаломъ огня» и стали «пидпалювать». Солома и очеретъ быстро загорѣлись и сгорѣли. но бочку огонь не бралъ..... Она всю зиму лежала на дворѣ Коваля, дерево совсѣмъ было сырое и не поддавалось огню. Однако, хлопцы сразу этого не сообразили и пугливо стали шептаться, что Магдалина не дается сжечь себя.... Совсѣмъ перетрусившій Дремлюга прямо предложилъ уходить назадъ и сталъ уже заворачивать своихъ воловъ. Насилу Рачокъ остановилъ его и предложилъ попробовать еще другой пріемъ.

Бочку снова перевернули и положили бокомъ на землю, такъ что опять глянуло на хлопцевъ темное отверстіе ея съ высунувшеюся оттуда «труною» Магдалины..... Быстро забросали они всю бочку соломою и очеретомъ, снова добыли огня и зажгли. На этотъ разъ удача была полная: внутренняя поверхность бочки обильно была смазана и пропитана смолою, которая быстро разгорѣлась, а за нею вскорѣ затрещало и дерево бочки, и «труна» Магдалины со всѣми ея остатками!.... Поднялись удушливые клубы дыма, заставившіе хлопцевъ отшатнуться отъ костра, затѣмъ высоко взвилось пламя и освѣтило все окружающее: и взволнованныя лица Рачка съ товарищами, и спокойно жевавшихъ и равнодушно смотрѣвшихъ на огонь воловъ Дремлюги, и сосѣдній лѣсъ..... Романюкъ усердно подбрасывалъ въ огонь оставшуюся солому съ очеретомъ, пламя росло больше и больше, раздуваемое легкимъ вѣтеркомъ.

Пламя увидѣли и тамъ, у корчмы, гдѣ сидѣли Коваль и его друзья. Они замѣтили и первую вспышку огня. Когда огонь потухъ, крестьяне очень встревожились, предполагая, что у хлопцевъ что-нибудь неладное случилось и что они разбѣжались отъ Магдалины...... Осипъ Корнѣйчукъ предложилъ идти сейчасъ же туда, на помощь хлопцамъ. Коваль неохотно согласился на это, но готовъ уже былъ уступить, какъ вдругъ зоркіе глаза Сруля и другихъ жидковъ замѣтили, что на перекресткѣ у дубоваго лѣса снова вспыхнулъ маленькій огонекъ. Всѣ стали всматриваться: огонекъ росъ, а затѣмъ вскорѣ перешелъ въ большое пламя. Всѣ радостно вскрикнули, крестьяне стали креститься и шептать молитвы, жиды тоже что-то всѣ сразу забормотали. Панасъ Литвиненко не выдержалъ и закричалъ: «Срулю, давай горилки!» Все заликовало у корчмы.

Между тѣмъ партія Рачка заканчивала свое дѣло. Помня наставленія стариковъ, Рачокъ разставилъ всѣхъ съ метлами въ рукахъ вокругъ жарко горѣвшаго костра и приказалъ «обметывать» края его, куда валились изъ середины перегорѣвшія головни и скатывались уголья. Въ тоже время хлопци зорко посматривали, чтобы «Магдалина часомъ не вылетила зъ огня птахомъ, або не выбигла якимсь звиромъ»... Для того и были припасены метлы, чтобы, въ случаѣ нужды, придушить на мѣстѣ то или другое, во что могла превратиться Магдалина. Все, однако, обошлось благополучно: никто не замѣтилъ никакихъ птицъ или звѣрей.

Не удалось Магдалинѣ уйти отъ нихъ: ярко сгорѣли тутъ до конца ея послѣдніе остатки! Родныя поля приняли къ себѣ прахъ новой жертвы въ прибавку къ тѣмъ, которыя лежали уже въ нѣдрахъ этихъ полей съ того дня, какъ полтора вѣка назадъ въ этомъ самомъ углу *Дрыжи-поля* шелъ кровавый бой Богдана съ ляхами. Магдалина при жизни слышала объ этомъ боѣ, но никогда не подозрѣвала она, что послѣднею могилою для нея будетъ этотъ глухой перекрестокъ у дубоваго лѣса, гдѣ буйный вѣтръ разнесетъ прахъ ея по этимъ полямъ, а чего не осилитъ онъ унести, то растопчетъ проходящій скотъ и люди. И развѣ только соловьи, видѣвшіе эту картину и напутствовавшіе это второе погребеніе Магдалины своимъ пѣніемъ, будутъ поминать ее въ своихъ страстныхъ звукахъ....

VII.

Хлопци долго еще простояли у костра съ остатками Магдалины, пока они совсѣмъ не сгорѣли и огонь окончательно не потухъ. Горячія уголья они затоптали, чтобы усиливавшійся вѣтеръ не занесъ огня въ панскій лѣсъ. Все было покончено! Ѳедоръ Рачокъ и его товарищи разомъ почувствовали полное облегченіе и быстро направились въ мѣстечко. Дремлюга съ своимъ возомъ едва поспѣвалъ за ними, по прежнему шагая впереди воловъ и не рѣшаясь усѣсться на «запоганеный визъ». Онъ порѣшилъ уже, что въ ближайшую ярмарку непремѣнно сбудетъ его съ рукъ и купитъ себѣ новый.

Вся партія направилась прямо въ корчму, гдѣ, не смотря на поздній часъ, нашла большую половину вновь собравшихся туда жашковцевъ. Всѣ обступили Рачка съ товарищами, посыпались распросы. Но тѣ сначала отдѣлывались односложными фразами, пока догадливый Панасъ не приказалъ Срулю поднести сильно утомленнымъ хлопцамъ «по добрій чарци горилки». Только тогда ихъ языки развязались. Больше всѣхъ пришлось говорить герою дня, Ѳедору Рачку. Всѣ до небесъ превозносили его отвагу и распорядительность, ему оставалось только благодарить на всѣ стороны за ласковыя рѣчи.

Далеко за полночь продолжалась бесѣда у корчмы. У всѣхъ съ плечъ гора спала, всѣ твердо надѣялись, что теперь пришелъ конецъ козням ихъ «ворога». Ни у кого уже не оставалось сомнѣній, что Магдалина подлинно была вѣдьмой: всѣ припоминали ея сегоднишнія продѣлки на кладбищѣ, а затѣмъ на кострѣ, когда она не давалась зажечь себя.... Жашковцамъ было весело, что они совладали съ Магдалиной, не смотря на всѣ ея подвохи. Они не сомнѣвались, что теперь засуха кончилась и Жашкову остается ожидать несомнѣннаго урожая. Бодрые и счастливые разошлись крестьяне по хатамъ на отдыхъ послѣ такого тревожнаго дня.

Въ слѣдующіе дни Жашкова нельзя было узнать: всѣ высыпали на улицу, толпились у корчмы, послышались пѣсни съ утра, игры, смѣхъ хлопцевъ и дивчатъ. Мѣстечко напомнило прежнюю Пасху до этихъ послѣднихъ сухихъ годовъ. Но солнце по прежнему жгло,

воздухъ былъ также удушливъ, о дождѣ и помину не было. Сначала это никого не пугало: нельзя же, чтобы все такъ сразу и далось; необходимо потерпѣть, дождь непремѣнно будетъ вотъ на этихъ дняхъ, много черезъ недѣлю,—успокоивали старики.

Но и вся Святая недѣля прошла, наступила Ѳомина, а дождя все нѣтъ. Снова стали задумываться крестьяне. Старики и старухи начали припоминать и строго обсуждать всѣ свои дѣйствія противъ Магдалины въ памятный день 19 апрѣля: все ли, что слѣдуетъ, они исполнили тогда? не было ли что упущено или недодѣлано, испорчено?—Кажется, все было сдѣлано въ порядкѣ, но ручаться нельзя: возможно, что въ попыхахъ что нибудь и напутали.... Особенно нападали жашковцы на Коваля и его друзей за то, что они не руководили Ѳ. Рачкомъ до конца, отпустили его одного, безъ надежныхъ совѣтниковъ, съ кладбища и не присутствовали при сожженіи Магдалины. Хотя Ѳедоръ и оказался разумнымъ хлопцемъ, а все таки по молодости онъ могъ многое упустить изъ виду.... Нѣсколько разъ старики призывали Ѳедора и его сподвижниковъ, вновь распрашивали ихъ о хорошо извѣстныхъ уже подробностяхъ сожженія, ходили на перекрестокъ и перерывали тамъ кострище, искали чего-то на цвинтарѣ, у старой могилы Магдалины, но—отвѣта нигдѣ не было.... Стали обращаться къ сосѣдямъ, распрашивать ихъ: такъ-ли они, жашковцы, поступили съ Магдалиной, какъ слѣдовало, или испортили чѣмъ нибудь?—Одни вполнѣ одобряли ихъ дѣйствія, другіе, напротивъ, говорили, что есть лучшіе способы борьбы съ вѣдьмами. Это очень смущало жашковцевъ, и они жалѣли, что повели дѣло такъ скрытно, не посовѣтовавшись напередъ съ знающими людьми окрестностей.

Особенно тяжело приходилось переживать все это М. Ковалю, главному руководителю дѣла 19 апрѣля. Его авторитетъ только потому окончательно не палъ въ это время, что у Коваля нашелся отличный предлогъ сложить съ себя часть отвѣтственности на голову всѣхъ жашковцевъ, послушавшихъ совѣта его жены сжечь Магдалину и отвергнувшихъ мѣру, имъ рекомендованную, т. е. бросить Магдалину въ болото. Коваль теперь настаивалъ, что именно его мѣра имѣла бы самые спасительные результаты.

Такъ волновалось село, не видя никакихъ послѣдствій отъ сожженія Магдалины. На небѣ не показывалось ни одной тучки, несущей благодатный дождь. Но на Жашковъ уже надвигалась другая, совсѣмъ не желанная, туча—судейская....

Скоро вернулась въ мѣстечко пани Антонелла Тарновецкая. Проѣздомъ она была въ городѣ и тамъ видѣлась съ земскимъ исправникомъ, членами земскаго суда и др. властями. До нихъ дошла уже вѣсть о сожженіи Магдалины и они совѣтовали Тарновецкой возбудить преслѣдованіе виновныхъ крестьянъ, не дожидаясь вмѣшательства властей. А послѣднія считали это уже необходимымъ, такъ какъ слухъ о жашковской исторіи распространился повсюду въ окрестныхъ селахъ и очень волновалъ крестьянъ. Можно было опасаться, что примѣръ жашковцевъ подѣйствуетъ и на другія села, также страдавшія отъ засухи, и что вездѣ суевѣрные крестьяне станутъ отыскивать виновниковъ неурожая и расправляться съ ними по-своему.... Слухи о подобныхъ намѣреніяхъ крестьянъ уже доходили изъ нѣкоторыхъ мѣстъ. Нужно было чѣмъ нибудь утишить разроставшееся волненіе, но ничего лучшаго не могли придумать, какъ поскорѣе наказать виновниковъ сожженія Магдалины.

Пани передала Тарновецкому эти соображенія пятигорскихъ властей. Тотъ понялъ, что медлить нельзя. Онъ тотчасъ призвалъ Коваля и Литвиненка, объяснилъ имъ, что необходимо отправить ихъ въ нижній земскій судъ и научилъ, что именно они должны тамъ показывать. Понятно, панъ снова заставилъ ихъ поклясться, что они не выдадутъ его, т. е. не скажутъ о полученіи отъ него разрѣшенія на вскрытіе могилы Магдалины. Съ своей стороны и Тарновецкій обѣщалъ всячески похлопотать за крестьянъ предъ судомъ и немедленно взять ихъ изъ города домой, на поруки.

2 мая соцкій Григорій Письменный повезъ въ Пятигоры Миколу Коваля и Панаса Литвиненка. Какъ ни вѣрили они въ заступничество пана, но неизвѣстное будущее невольно пугало ихъ. Жашковцы были очень смущены такимъ неожиданнымъ для нихъ оборотомъ дѣла. Повѣсивши головы, бродили теперь участники событія 19 апрѣля, сознавая, что не за горами и ихъ чередъ отправиться въ Пятигоры на расправу....

VIII.

3 мая соцкій представилъ Коваля и Литвиненка въ пятигорскій нижній земскій судъ (подольской губ.). Въ своемъ рапортѣ суду Гр. Письменный рисуетъ дѣло нѣсколько въ иномъ свѣтѣ, чѣмъ какъ оно происходило въ дѣйствительности, напр. увѣряетъ, будто Тарновецкій запретилъ крестьянамъ выкапывать Магдалину и совѣтовалъ обратиться за разрѣшеніемъ «къ духовному правленію», но они его не послушались и проч. Арестованные крестьяне были отосланы «подъ стражу» къ городничему.

Въ тотъ же день сняты съ нихъ первые допросы. Коваль рѣшительно отвергалъ свое дѣятельное участіе во всемъ дѣлѣ и сознался только въ томъ, что съ Литвиненкомъ и Ос. Корнѣйчукомъ ходилъ къ Тарновецкому за разрѣшеніемъ выкопать Магдалину, но что панъ «своего позволенія не давалъ», а отсылалъ къ духовному начальству, или въ нижній земскій судъ. Выгораживая всячески себя, Коваль однако не поцеремонился выдать другихъ участниковъ событія, особенно Өедора Рачка. Замѣчательно, что изъ женщинъ, участвовавшихъ въ совѣщаніяхъ о Магдалинѣ, Коваль (какъ потомъ и другіе подсудимые) не назвалъ ни одной.

Точно также и Литвиненко выгораживалъ себя очень усердно, а Ракъ и другихъ участниковъ не пощадилъ. Въ его показаніи уже проглядываетъ, что всѣмъ дѣломъ верховодилъ именно его пріятель—Коваль.

4 мая нижній земскій судъ постановилъ допросить пана Тарновецкаго: почему онъ не остановилъ «злаго намѣренія» крестьянъ? почему не задержалъ крестьянской депутаціи и не представилъ ее въ судъ? Вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшено было арестовать Корнѣйчука, Савелія Рака, Ө. Рачка и всѣхъ остальныхъ участниковъ событія 19 апрѣля.

Всѣ они были допрошены 5 и 6 мая. Старшіе (исключая Сав. Рака, говорившаго довольно откровенно) показывали очень сдержанно, также выгораживали себя и Тарновецкаго и валили всю вину на молодыхъ, преимущественно на Ө. Рачка, Дремлюгу и Бузенчука. Но парубки держали себя на допросѣ проще и правды не скрывали. Откровеннѣе и обстоятельнѣе всѣхъ показаніе Ө. Рачка, который, очевидно, нисколько не заботился о томъ, чтобы ослабить свое участіе въ дѣлѣ 19 апрѣля. Роль Коваля и его друзей обри-

сована очень ярко въ показаніяхъ Рачка и остальной молодежи, и вообще весь ходъ дѣла выступаетъ здѣсь довольно рельефно.

Сторожъ панскаго двора Данило Холодъ показалъ одинаково съ подсудимыми о переговорахъ крестьянской депутаціи съ Тарновецкимъ. Но все таки панъ хорошо видѣлъ свою вину, что не остановилъ крестьянъ, а потому въ своей «экспликаціи» (объясненіи) суду пробуетъ оправдаться, хотя и неудачно. Онъ подтверждаетъ, будто запрещалъ подсудимымъ выкапывать Магдалину, а если не остановилъ ихъ, то потому лишь, что узналъ о событіи слишкомъ поздно, когда оно уже совершилось. Не донесъ же онъ во время суду и не арестовалъ виновныхъ крестьянъ будто бы вслѣдствіе того, что 19 апрѣля и въ слѣдующіе дни былъ боленъ.... Остальныя его объясненія также натянуты и неправдоподобны.

7 мая нижній земскій судъ составилъ журналъ, въ которомъ призналъ виновными всѣхъ арестованныхъ жашковцевъ, именно: 1) Коваль, П. Литвиненко, Корнѣйчукъ, Дехтяръ и Сав. Ракъ признаны зачинщиками и виновными въ томъ, что «подавали совѣты» Рачку и др., 2) Бузенчукъ и Бесарабчукъ виновны, какъ участники въ разрытіи могилы Магдалины, 3) а остальные—Ѳедоръ и Кирило Рачки, Дремлюга, Галянчукъ, Як. Литвиненко, Жоганъ и Романюкъ виновны какъ въ разрытіи могилы, такъ и въ сожженіи трупа Магдалины.

Этотъ журналъ отосланъ нижнимъ земскимъ судомъ въ пятигорскій повѣтовый судъ «къ разсмотрѣнію и поступленію съ виновными по строгости законовъ». Всѣ же подсудимые еще 6 мая были отданы на поруки пану Тарновецкому, обязавшемуся представить ихъ по первому требованію суда.

Такимъ образомъ, Тарновецкій исполнилъ часть своего обѣщанія крестьянамъ. Нужно думать, что онъ и дальше отстоялъ ихъ, главнымъ образомъ въ видахъ сокрытія собственнаго участія въ дѣлѣ 19 апрѣля, а съ другой стороны и по хозяйственнымъ соображеніямъ: наступившее лѣто требовало немалыхъ рабочихъ рукъ для обширной жашковской экономіи. Но такъ-ли было въ дѣйствительности—не могу сказать. Съ переходомъ дѣла въ повѣтовый судъ дальнѣйшая судьба его не видна. Какому наказанію подвергъ этотъ судъ жашковскихъ крестьянъ и кого изъ нихъ именно, остает-

ся, къ сожалѣнію, неизвѣстнымъ, такъ какъ дальнѣйшихъ документовъ разсматриваемаго дѣла не сохранилось. Во всякомъ случаѣ, нужно предполагать, что скорый судъ надъ жашковцами, сдѣлавшійся извѣстнымъ въ окрестностяхъ, остановилъ попытки другихъ селъ повторить у себя что либо подобное жашковскому сожженію мнимой вѣдьмы....

Н. Оглоблинъ.

Историческія записки о войскѣ черноморскомъ.[1])

(Со времени поселенія онаго на всемилостивѣйше пожалованной землѣ по 1831 годъ).

(Продолженіе).

При открытіи войны Россіи съ Портою Отоманскою, въ 1807 году, государю императору благоугодно было повелѣть назначить на дунайскую гребную флотилію одинъ пѣшій полкъ отборпыхъ черноморскихъ козаковъ, какъ извѣстныхъ еще отъ времени существованія Запорожской Сѣчи своимъ искусствомъ и отвагою въ подобныхъ дѣйствіяхъ противу турокъ. Войсковое правительство, съ особенною ревностію приводя волю его величества въ исполненіе, избрало полкъ отличнѣйшихъ и ввѣрило оный штабъ-офицеру, опытному мореходцу, испытанному въ благоразуміи и мужествѣ, подполковнику Паливодѣ.

По распоряженію адмирала маркиза де-Траверсе полкъ сей, по прибытіи въ Херсонъ, посаженъ на 24 судна и февраля 24 показался на Дунаѣ въ виду турецкихъ крѣпостей. Подполковнику Паливодѣ поручено было, въ ночь съ 11 на 12 маія, съ величайшею осторожностію подойти къ береговымъ батареямъ турецкимъ и истребить оныя внезапнымъ, быстрымъ нападеніемъ. Не взирая на сильную бурю, поднявшуюся съ вечера, онъ безстрашно полетѣлъ исполнить долгъ свой, но сильный водоворотъ и порывистый противный вѣтеръ разстроилъ всѣ его суда и отбросилъ то, на которомъ онъ находился, подъ самыя батареи. Турецкій гарнизонъ, воспользовавшись столь несчастнымъ положеніемъ судна, кинулся на него изъ крѣпости; помощи подать было не возможно, отчаянное сопротивленіе Паливоды, есаула Лозинскаго и бывшихъ съ ними козаковъ такъ же не могло спасти ихъ и они всѣ до одного истреблены. Суд-

---

[1]) См. апрѣльск. кн. „Кіев. Стар.“ за 1887 годъ, стр. 721—746.

но съ полнымъ вооруженіемъ взято турками въ плѣнъ. Мѣсто Паливоды заступилъ войсковый полковникъ Матвѣевъ: предводительствуя отважнымъ полкомъ, онъ въ теченіи 1807, 1808, 1809, 1810 и 1811 годовъ подъ стѣнами Измаила, Браилова, Киліи, Силистріи, Рущука, Журжи и Никополя пріобрѣлъ неувядаемую славу отличными подвигами и, удостоясь высочайшаго благоволенія государя императора, награжденъ чиномъ подполковника, орденомъ св. Георгія 4 ст., св. Анны 2-й и св. Владиміра 4-й ст. По заключеніи же мира съ Турціею въ 1812-мъ году, сдавъ полкъ сыну атамана, войсковому полковнику Бурсаку, Матвѣевъ возвратился въ войско. Войсковый полковникъ Бурсакъ, поступая съ тѣмъ полкомъ въ армію адмирала Чичагова, былъ отправленъ въ предѣлы Польши и съ мужественными козаками снова пожиналъ лавры въ битвахъ съ французами и съ поляками по мартъ мѣсяцъ 1813 года, а съ сего времени высочайшей волѣ монаршей было угодно потребовать изъ Черноморіи въ дѣйствующую армію одинъ конный полкъ, о дѣйствіяхъ коего будетъ говорено въ своемъ мѣстѣ, а пѣшій послѣдовалъ на родину.

Порта Оттоманская, начиная войну съ Россіею въ 1807 г., посредствомъ агентовъ своихъ, посланныхъ изъ крѣпости Анапы къ горцамъ, успѣла возмутить ихъ противъ насъ, и едва возстановленное спокойствіе нашей границы рушилось почти невозвратно. Весьма немногіе черкескіе князья и дворяне, издавна преданные Россіи и покровительствуемые правительствомъ, остались вѣрными; прочіе-же всѣ владѣльцы, присоединясь къ сапсугамъ, натухайцамъ и абазехамъ, открыли весною свирѣпые набѣги на Черноморію. Ни усиленіе полками кордонной линіи, ни отважное сопротивленіе козаковъ при ихъ нападеніяхъ, ни разбитіе небольшихъ хищническихъ шаекъ, ни мѣры кротости и увѣщанія, предлагаемыя чрезъ лазутчиковъ, однимъ словомъ ничто не могло остановить внушеннаго имъ турками стремленія къ разбоямъ. Они толпами переправлялись на нашу сторону въ одинъ день въ разныхъ пунктахъ, нападали на разъѣзды, на команды пластуновъ, на секретные залоги, осаждали кордоны, кидались на проѣзжія дороги, врывались въ селенія и хутора и вездѣ производили убійства, раззоряли, жгли, уводили въ плѣнъ

людей и угоняли, сколько можно было, рогатаго скота. Ожесточеніе ихъ возросло до высочайшей степени звѣрства, а усиленіе въ Анапѣ гарнизона турецкаго питало въ нихъ надежду, что войска наши уже не посмѣютъ итти за Кубань для наказанія ихъ. Вредъ, нанесенный ими въ сихъ набѣгахъ Черноморіи, былъ очень значителенъ: убито козаковъ 2, ранено 3, въ плѣнъ взято оберъ офицеръ 1 и жителей обоего пола 30 душъ, угнато рогатаго скота 1,600, да лошадей 350, овецъ до 1,000 и разнаго имущества истреблено и захвачено у жителей на немаловажную сумму.

Атаманъ Бурсакъ и войсковое правительство, неутомимо заботясь объ отвращеніи сихъ бѣдствій, предпринимали всѣ возможныя мѣры къ сопротивленію набѣгамъ злодѣйскимъ. Всѣ полки безъ изъятія, оставшіеся въ войскѣ, были выставлены на кордонную линію; всѣ жители, которые могли владѣть оружіемъ, призваны охранять селенія и хутора; занятія хозяйственныя въ это время останавливались.

Бурсакъ, какъ усердный попечитель общаго благосостоянія, съ соболѣзнованіемъ видя, что такое вооруженіе всѣхъ сословій войска, только на время охраняя жителей отъ хищничества, можетъ быть гораздо гибельнѣе и разорительнѣе для козаковъ отнятіемъ рукъ отъ земледѣлія, рѣшился ходатайствовать у маркиза де-Траверсе, управлявшаго тогда Крымомъ, произвести наказаніе злодѣямъ. Маркизъ разрѣшилъ сдѣлать экспедицію противъ закубанцевъ и предписалъ генералъ-маіору Гангеблову содѣйствовать своими войсками атаману.

Сначала Бурсакъ предположилъ двинуться съ собранными 10-ю черноморскими полками къ владѣніямъ князей и дворянъ измѣнниковъ, отклонившихся отъ преданности къ Россіи, по проискамъ турецкаго правительства. Первое появленіе нашихъ войскъ у ихъ владѣній принудило князей, мурзъ и весь народъ явиться къ Бурсаку съ прежней покорностью, просить пощады, дать клятву въ вѣрности, и онъ, обязавъ ихъ присягою жить мирно, быстро двинулся наказать сапсуговъ.

Подкрѣпляемый генералъ-маіоромъ Гангебломъ, Бурсакъ съ 4-го маія по 10-е число жегъ аулы, истреблялъ всѣ заготов-

ленія, разбивалъ на голову толпы непріятельскія, и возвратился въ свои предѣлы 11-го числа.

По свѣдѣніямъ, доставленнымъ покорными владѣльцами, уронъ непріятелей былъ весьма великъ, съ нашей-же стороны убито 15 козаковъ и ранено 1 штабъ-офицеръ и 30 козаковъ.

Между тѣмъ анапскій паша не оставался празднымъ. Онъ, замѣчая, что сія экспедиція Бурсака совершенно отняла охоту у горцевъ дѣлать набѣги на наши границы, старался, то подарками, то убѣжденіями, то наконецъ угрозами гнѣва султанскаго склонить ихъ или снова производить хищничество въ Черноморіи, или по крайней мѣрѣ отомстить свои неудачи разореніемъ владѣній намъ преданныхъ князей: Ахметука, Алкаса, Ханука и Беязрука. Закубанцы всегда готовы были злодѣйствовать.

11-го іюля къ екатеринодарской карантинной заставѣ прибыли съ симъ извѣстіемъ упомянутые владѣльцы и, отдавая дѣтей своихъ заложниками вѣрности къ Россіи, просили убѣдительно дать имъ помощь защитить владѣнія ихъ отъ враждебныхъ нападеній нашими войсками. Бурсакъ, старательнѣе усиливъ кордонную стражу и принявъ дѣятельную осторожаость отъ внезапныхъ вторженій враговъ, представилъ просьбу князей благоусмотрѣнію Дюка де-Ришелье, который испрашивалъ на оную соизволенія государя императора и, получа высочайшее разрѣшеніе, предписалъ Бурсаку давать нужную помощь всѣмъ мирнымъ владѣльцамъ.

Въ началѣ октября, полковникъ Еремѣевъ съ 4 полками и нѣсколькими орудіями отправленъ атаманомъ защищать владѣнія преданныхъ князей. Они приняли козаковъ, какъ родныхъ братьевъ, покорились совершенно распоряженіямъ Еремѣева, исполняли его волю и, готовясь къ битвѣ, перевязывали правыя руки бѣлыми платками для отличія отъ непріятелей, сходныхъ съ ними въ одеждѣ и въ прочемъ вооруженіи.

19 октября отборныхъ наѣздниковъ собралось до 7 тысячъ и Еремѣевъ повелъ ихъ на встрѣчу абазехскимъ князьямъ и сапсугскимъ дворянамъ, предводительствовавшимъ 15-ти тысячнымъ скопищемъ разныхъ племенъ разбойничьихъ. Они сошлись въ 20-ти верстахъ отъ Кубани въ лѣсу. Еремѣевъ при-

казалъ мирнымъ немедленно спѣшиться и выбить противниковъ изъ занятой ими крѣпкой позиціи. Перестрѣлка закипѣла и чрезъ часъ непріятели, очистя лѣсъ, выстроились на обширной равнинѣ.

Еремѣевъ, выдвинувъ козаковъ впередъ и открывши бѣглый огонь со всѣхъ орудій, велѣлъ мирнымъ владѣльцамъ аттаковать враговъ. Тогда они понеслись съ дикимъ крикомъ на противниковъ, однимъ ударомъ смяли ихъ, опрокинули и, подкрѣпляемые козаками, гнали 5 верстъ, поражая отстававшихъ. Не только не было пощады отдававшимся въ плѣнъ, но и раненныхъ дорѣзывали; въ особенности беязруковцы производили жестокія убійства, отмщая смерть своего храбраго князя Беязрука, къ сожалѣнію общему убитаго въ первой схваткѣ. Едва чрезъ три часа свирѣпаго боя Еремѣевъ успѣлъ остановить ожесточившихся мирныхъ наѣздниковъ и, собравши ихъ, пошелъ обратно къ Кубани.

28 октября Еремѣевъ съ своими полками прибылъ въ Екатеринодаръ и съ ними вмѣстѣ пріѣхали благодарить за помощь мирные владѣльцы, а вмѣстѣ увѣрить Бурсака въ своей вѣрности и снова подтвердить присягою непоколебимую преданность свою къ Россіи. Бурсакъ благосклонно принялъ ихъ, ласкалъ, дарилъ и, отпуская на родину, возвратилъ имъ дѣтей ихъ, находившихся у насъ аманатами. Столь удачное пораженіе сапсуговъ и прочихъ племенъ, намъ непріязненныхъ, доставило Черноморіи спокойствіе на цѣлой годъ.

Беопрерывныя военныя дѣйствія, въ продолженіи 15 лѣтъ тяготившія Черноморію, весьма умалили число обитателей оной и привели ихъ въ крайнюю бѣдность. Дюкъ де-Ришелье зналъ жалкое положеніе Черноморіи и по личному удостовѣренію, и изъ донесеній атамана Бурсака, писавшаго къ нему всегда смѣло. Желая усилить истомленное войско, онъ предложилъ Бурсаку запросить всѣ сословія онаго, согласны ли будутъ принимать къ себѣ, на пополненіе убылыхъ товарищей, преступниковъ, присылаемыхъ въ довольномъ количествѣ изъ разныхъ

губерній россійскихъ для работъ въ крѣпости и приморскіе города Новороссійскаго края, такихъ, которые работая уже 5 лѣтъ, покажутъ искреннее раскаяніе въ своихъ преступленіяхъ и будутъ замѣчены въ отличномъ поведеніи. Бурсакъ, по общему мнѣнію всѣхъ черноморцевъ, отвергнулъ таковое предложеніе и, докладывая Дюку де-Ришелье, что изъ преступниковъ уголовныхъ не можетъ быть никакой пользы для службы, говорилъ, что зачисленіе ихъ въ войско только родитъ дурную славу о цѣломъ сословіи, издавна отличномъ своею честною вѣрною службою, а потому просилъ его ходатайствовать предъ престоломъ всемилостивѣйшаго монарха о перечисленіи въ Черноморію трудолюбивыхъ хозяевъ, полезныхъ сыновъ отечества, крестьянъ изъ внутреннихъ губерній государства.

Дюкъ де-Ришелье, уважая благородныя чувства черноморцевъ, представилъ о томъ государю императору, и его величество всемилостивѣйше соизволилъ утвердить пополнить убыль войска переселеніемъ 25 тысячъ душъ ревизскихъ изъ полтавской и черниговской губерній.

Атаманъ Бурсакъ, внимая общему призыву Россіи къ возстанію противу французовъ, воззвалъ (1807 г.) о помощи къ черноморцамъ и вѣрные слуги отечества съ радостію принесли изъ послѣдняго своего имущества до 20,000 руб. на вооруженіе милиціи, собравшейся внутри государства для усиленія дѣйствовавшей арміи. Государь императоръ, соображая, сколько край сей и сверхъ того отягощенъ всегдашнимъ военнымъ положеніемъ, при милостивомъ рескриптѣ, изъявляющемъ Высочайшее его величества благоволеніе къ войску, обратилъ ту сумму и повелѣлъ употребить оную на вспомоществованіе бѣднымъ семействамъ черноморцевъ, потерпѣвшимъ разореніе при набѣгахъ закубанцевъ на селенія. Воля его величества тогда же была исполнена войсковымъ правительствомъ, и сироты и вдовы Черноморіи, со слезами умиленія благословляя имя великаго и щедраго монарха, съ теплою вѣрою молились Всевышнему о его здоровьи и успѣхахъ противу враговъ отечества.

1808. Съ наступленіемъ 1808 года, атаманъ Бурсакъ къ сожалѣнію удаленъ отъ командованія кордонною линіею Черноморіи за самовольство сотника Вареника, безъ вѣдома своихъ начальниковъ перешедшаго за Кубань съ 4 козаками для рубки лѣса и тамъ убитаго черкесами. Генералъ-маіоръ Гангебловъ принялъ начальство по границѣ. Но и Бурсакъ не оставался празднымъ. Онъ, усторонясь на время отъ военныхъ дѣйствій, радовался, что будетъ имѣть болѣе возможности спокойно заняться устройствомъ внутренняго благосостоянія жителей. Первоначально онъ старался переселить отъ Кубани нѣкоторыя пограничныя куренныя селенія, болѣе прочихъ страдавшія отъ частыхъ набѣговъ черкесъ и находившіяся въ опасности рано или поздно быть совершенно истребленными злодѣями.

Онъ переселилъ селенія во внутрь Черноморіи слѣдующимъ порядкомъ:

1) Курени динскій, пластуновскій и мишастовскій отъ Кубани по рѣкѣ Кочатяхъ.

2) Поповичевскій и величковскій на рѣчкѣ Конурѣ.

3) Рогивскій и тимошевскій на рѣку Кирпили.

4) Новотитаровскій курень составилъ на рѣкѣ Конурѣ изъ жителей прежняго куреня сего названія, города Екатеринодара и разныхъ хуторовъ.

5) Нижестеблѣевскій перевелъ отъ ивановскаго къ рѣчкѣ Ангилинѣ и, составивъ новое селеніе, далъ ему прежнее названіе.

6) Ново-нижне-стебліевскій, населенный прежде изъ жителей джерелѣевскаго куреня, перенесъ на правый берегъ рѣки Кирпилей и назвалъ Новоджерелѣевскимъ.

7) Переселивъ такимъ образомъ часть жителей изъ куреня Корсунскаго на рѣчку Бейсужокъ, составилъ тамъ селеніе Новокорсунское.

Прочіе жъ курени, оставшіеся на границѣ, приказалъ тогда же старательно укрѣпить и огородить заборами; а вмѣстѣ съ тѣмъ распорядился и кордоны укрѣпить брустверами и рвами.

Въ семъ году, по высочайшему разрѣшенію, началось переселеніе въ войско малороссійскихъ козаковъ изъ полтавской

и черниговской губерній. Они слѣдовали въ Черноморію отдѣльными частями и Бурсакъ, принимая ихъ, разселялъ по здѣшнимъ куренямъ, избираемымъ ими по собственному желанію, и такимъ образомъ до 1811 года успѣлъ совершенно водворить 22,306 мужеска и 19,328 женскаго пола душъ сихъ переселенцевъ, употребивъ въ пособіе имъ 160,000 руб. изъ войсковыхъ суммъ. Кромѣ того для вооруженія вновь прибывающихъ козаковъ выписывалъ на войсковыя-же деньги оружіе изъ Тулы.

Но заботливость атамана во внутреннемъ управленіи войскомъ не ограничивалась однимъ только переводомъ пограничныхъ куреней и водвореніемъ прибывающихъ переселенцевъ. Онъ, получа извѣстіе объ открывшейся на кавказской линіи заразительной болѣзни, еще съ большимъ участіемъ занялся учрежденіемъ карантиновъ при редутскомъ посту и въ городѣ Екатеринодарѣ, дабы совершенно не допустить въ границы войска смертоносной заразы.

Сверхъ же того въ одно время старался еще умножить войско выходцами изъ турецкихъ запорожцевъ, жившихъ до уничтоженія Сѣчи на рѣкахъ Днѣпрѣ и Бугѣ, вмѣстѣ съ нынѣшними черноморцами, а по уничтоженіи оной бѣжавшихъ своевольно къ туркамъ, и успѣлъ въ семъ году вызвать ихъ изъ Турціи болѣе 500 человѣкъ, частію семейныхъ, а болѣе бездомковъ. Изъ-за Кубани такъ же, кромѣ выкупленныхъ имъ 25 нашихъ козаковъ, перешли въ Черноморію до 30 черкесъ и другихъ плѣнныхъ, отъ нихъ бѣжавшихъ. Всѣхъ сихъ пришельцовъ онъ лаская водворялъ по нашимъ селеніямъ со всѣми для нихъ выгодами, зная, что всякое приращеніе въ жителяхъ было въ то время величайшимъ благодѣяніемъ для черноморцевъ, уже изнемогавшихъ отъ трудовъ и усилій военныхъ.

1809 г. Заключенное въ истекшемъ году перемиріе съ турками кончилось и маркизъ де-Траверсе, предполагая приступить къ покоренію крѣпости Анапы, велѣлъ атаману Бурсаку, присоединивъ нѣсколько полковъ черноморскихъ къ отряду генералъ-маіора Панчулидзева, долженствовавшему переправиться чрезъ Кубань въ Бугазѣ и блокировать Анапу, съ остальными

находящимися въ сборѣ козаками сдѣлать быстрое движеніе противу черкесъ, дабы занять ихъ и разстроить планъ вредить переправѣ генерала Панчулидзева.

Когда генералъ-маіоръ Бурсакъ готовился исполнить волю маркиза де-Траверсе, черкесы, подстрекаемые къ разбоямъ анапскимъ пашею, начали дѣлать набѣги на Черноморію. Кордонная стража нѣсколько разъ отражала ихъ нападенія съ успѣхомъ, и они остановились.

Между тѣмъ генералъ-маіоръ Панчулидзевъ приступилъ къ переправѣ своего отряда чрезъ Кубань и Бурсакъ въ то же время въ разныхъ пунктахъ кордонной линіи съ нѣсколькими полками козаковъ и двумя баталіонами пѣхоты двинулся въ предѣлы черкескіе. Истребивъ шесть ауловъ, разсѣявъ толпы хищниковъ, готовыхъ вспомоществовать Анапѣ, онъ съ отрядомъ возвратился въ Черноморію. Черкесы скоро отмстили за разореніе ихъ ауловъ. 11 маія, собравшись до 4-хъ тысячъ, они двумя партіями приступили къ Новогригорьевскому посту. Пѣшая шайка со всѣхъ сторонъ обложила постъ, чтобы не выпустить изъ онаго команды, а конная быстро понеслась грабить курень Старотитаровскій, отстоявшій въ 12 верстахъ отъ поста.

Бывшая въ посту команда 80 человѣкъ козаковъ, при сотникахъ Похитоновѣ и Касьянѣ, и 40 рядовыхъ азовскаго гарнизоннаго баталіона, при штабъ-капитанѣ Фетисовѣ, желая подать помощь и защиту несчастнымъ жителямъ селенія и хуторовъ, рѣшились отчаянно ударить на толпу злодѣевъ, облегавшихъ постъ, прогнать оную и спѣшить преслѣдовать грабителей. Мужественнымъ дружнымъ ударомъ солдаты и козаки совершенно смяли было злодѣевъ и обратили въ бѣгство; но вновь переправившаясь чрезъ Кубань шайка конныхъ черкесъ, подоспѣвъ на помощь, поддержала бѣгущихъ. Они обратились назадъ, съ ожесточеніемъ кинулись на горсть храбрыхъ и многочисленностію своею подавили ихъ. Сотники Похитоновъ и Касьянъ, 18 козаковъ и 3 солдата пали на мѣстѣ; штабъ-капитанъ Фетисовъ, 35 рядовыхъ его роты и 42 козака израненныхъ, изнемożен-

ныхъ, съ однимъ орудіемъ взяты въ плѣнъ; едва только 20 козаковъ и 2 солдата, съ неимовѣрнымъ мужествомъ, пробиравшіяся сквозь густую толпу враговъ, успѣли скрыться въ камышахъ. Злодѣи бросились сейчасъ къ посту, разграбили, разорили оный до основанія и предали огню. Въ это время возвратилась къ нимъ изъ селенія обремененная добычею конная партія хищниковъ. Она привела съ собою нащихъ плѣнныхъ 25 душъ обоего пола, захватила рогатаго скота 2,740 штукъ и до 400 лошадей. Прочіе жители, оставшіеся въ живыхъ, успѣли спастись бѣгствомъ въ камыши, окружающіе селеніе[1]).

Въ отмщеніе варварамъ за столь ужасное злодѣяніе, маркизъ де-Траверсе 15 маія, покоривъ крѣпость Анапу, приказалъ генералъ-маіору Панчулидзеву идти съ отрядомъ въ горы и внести опустошеніе и страхъ въ жилища разбойниковъ. Восемь дней съ ряду Панчулидзевъ опустошалъ владѣнія закубанцевъ и успѣлъ истребить до 1,600 человѣкъ непріятелей, разорилъ и сжегъ множество ауловъ; въ то время съ нимъ дѣйствовалъ также есаулъ Борзыновъ гребною черноморскою флотиліею, опустошая всѣ прибрежные непріятельскіе аулы.

18-го іюня атаманъ Бурсакъ, получивъ разрѣшеніе, пошелъ съ отрядомъ сильнымъ за Кубань для наказанія хищниковъ. Онъ началъ опустошеніемъ владѣнія вѣроломнаго князя Батъмурзы, уже неоднократно измѣнявшаго клятвамъ быть покорнымъ Россіи и въ послѣднихъ сильныхъ набѣгахъ на Черноморію дѣятельно помогавшаго злодѣямъ. Истребивъ всѣ жилища клятвопреступнаго, Бурсакъ устремился по разнымъ направленіямъ въ средину непріятельскихъ владѣній и до 23 іюня мстилъ хищникамъ. Онъ въ это время разорилъ до 3 тысячь жилищъ, предавъ огню весь хлѣбъ и сѣно, истребилъ до 600 душъ жителей и только трехъ раненныхъ велѣлъ взять въ плѣнъ.

Но къ несчастію подобныя наказанія уже не устрашали черчесъ такъ, какъ прежде; анапскій паша, бѣжавшій изъ крѣ-

---

[1]) Въ это время я лишился всего своего достоянія, по жительству моему въ этомъ куренѣ, на 5 тысячъ рублей. *Туренко.*

пости съ гарнизономъ, внушилъ имъ быть равнодушнѣе къ такимъ наказаніямъ, терпѣть оныя и при удобномъ случаѣ стараться всѣми силами отмщать грабительствомъ предѣловъ Черноморіи, еще жесточайшимъ образомъ. Они были послушны его увѣщаніямъ, надѣясь пріобрѣсть милость султана турецкаго.

Въ это время маркизъ де-Траверсе предписалъ Бурсаку прекратить экспедиціи за Кубань, вмѣсто оныхъ употребить мѣры кротости и ласки въ сношеніяхъ съ горцами, дабы привлечь ихъ къ миролюбію и покорности Россіи. Дружественныя воззванія были отправлены съ лазутчиками къ владѣтелямъ всѣхъ племенъ; обѣщая имъ высочайшую милость и покровительство государя императора, маркизъ приглашалъ горцевъ къ мирной жизни, къ дружелюбію съ черноморцами. Наконецъ Дюкъ де-Ришелье лично прибылъ въ Екатеринодаръ, вызвалъ богатѣйшихъ владѣльцевъ закубанскихъ, самъ велъ съ ними переговоры, ласкалъ ихъ, принималъ милостиво, великолѣпно, дарилъ ихъ богатыми подарками, щедро сыпалъ деньгами и лестными обѣщаніями. Они, казалось, съ душевною увѣренностію, съ видомъ безусловной покорности внимали увѣщаніямъ знаменитаго русскаго генерала, какъ будто совершенно соглашались на его призывъ къ спокойной мирной жизни, какъ бы слѣпо вѣрили его обѣщаніямъ не касаться ихъ народныхъ правъ, оставить имъ прежнюю вольность и блюсти свято ихъ выгоды, если они покорятся Россіи и, осыпанные его благодѣяніями, разставались съ нимъ какъ истинные друзья. Но, прибывъ на свою дикую родину, они сейчасъ избрали 300 самыхъ злѣйшихъ наѣздниковъ и, алкая богатой добычи, умыслили захватить въ плѣнъ Дюка де-Ришелье на возвратномъ пути изъ Екатеринодара въ Крымъ, по кордонной нашей линіи, лежащей на протяжеіии 60 верстъ въ топяхъ и камышахъ непроходимыхъ. Къ особеннному счастію есаулъ Иваненко, начальствовавшій тогда въ Петровскомъ посту, разгадавъ варварское намѣреніе злодѣевъ и въ самый день проѣзда Дюка подкравшись съ величайшею осторожностію, съ 60-ю отборными козаками и однимъ орудіемъ, къ мѣсту, гдѣ они скрывались, мужественно ударилъ на нихъ, совер-

шенно смялъ, обратилъ въ бѣгство и, разбивъ на голову, взялъ 4-хъ наѣздниковъ съ однимъ княземъ въ плѣнъ, множество оружія и лошадей.

Дюкъ де-Ришелье встрѣтилъ на дорогѣ храбраго есаула, возвращавшагося съ побѣдою въ постъ, лично изъявилъ ему душевную признательность за свое спасеніе и, распрашивая плѣннаго князя, увѣрился въ зломъ покушеніи хищниковъ на свою свободу, столь счастливо отвращенномъ. По пріѣздѣ въ Крымъ Дюкъ представилъ государю императору славный подвигъ есаула Иваненка и его величество, всемилостивѣйше наградивъ мужественнаго офицера орденомъ св. Анны 3 степени, благоволилъ пожаловать храбрымъ 60 козакамъ по 1 руб. серебромъ на человѣка; въ ознаменованіе же столь счастливаго спасенія Дюка де-Ришелье разрѣшено на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ были черкесы разбиты, устроить батарею и назвать оную его именемъ, *Емануеловскою*.

Вскорѣ послѣ сего полковникъ Рудзевичъ изъ Анапы пошелъ въ горы съ побѣдоноснымъ 22 егерскимъ полкомъ своимъ и частію черноморцевъ и 20 числа, покоривъ Суджукъ-Кале, истребилъ всѣ аулы горцевъ, вокругъ оной разсыпанные.

Конечно тягостны, чувствительны были для горцевъ такіе частые походы къ нимъ нашихъ войскъ; однакожъ они не унывали и, подстрекаемые турецкимъ правительствомъ, готовились вновь опустошать Черноморію.

1810 г. Сначала 1810 года закубанцы открыли свои свирѣпые набѣги. 10 и 12 генваря толпами многочисленными они переправлялись вблизи Ольгинскаго поста и стремились разграбить селеніе Ивановское; но войсковый полковникъ Тиховскій и 22 егерскаго полка маіоръ Бахмановъ успѣвали счастливо отражать ихъ нападенія и отнимали всю добычу. Не сожалѣя о первоначальныхъ неудачахъ, 18 генваря они еще въ большихъ силахъ сдѣлали набѣгъ. Восемъ тысячъ пѣшихъ и конныхъ, подъ предводительствомъ знатнѣйшихъ князей и дворянъ, возлѣ того же поста перешли Кубань и раздѣлились на 4 партіи. Пѣшіе всѣ заняли сообщенія Ольгинскаго кордона съ другими, въ ко-

ихъ находились команды, чтобы не допустить ихъ соединиться съ Тиховскимъ; а конные понеслись грабить Ивановку, Полтавское и Стеблѣевку.

Войсковый полковникъ Тиховскій, собравши съ подоспѣвшимъ на подкрѣпленіе его есауломъ Гаджановымъ всего 206 козаковъ съ однимъ орудіемъ, рѣшился неустрашимо сразиться противу толпы пѣшихъ непріятелей и подать помощь несчастнымъ селеніямъ. Онъ вышелъ изъ Ольгинскаго поста и стремительно аттаковалъ черкескую пѣхоту, свернутую въ густую колонну и занявшую дорогу къ Славянскому посту. Злодѣи быстро разсыпались, со всѣхъ сторонъ окружили Тиховскаго и внезапно кинулись, чтобы подавить его. Онъ мгновенно спѣшилъ козаковъ, безстрашно принялъ ударъ непріятелей, не смѣшался, не разстроился. Черкесы оробѣли, встрѣтивъ страшное хладнокровіе козаковъ, и подались назадъ. Тиховскій пустилъ въ нихъ три заряда картечныхъ и ряды ихъ заволновались. Въ это время подоспѣла къ нимъ еще партія пѣшихъ черкесъ, стоявшая на другой дорогѣ, и завязался жаркій бой. Въ продолженіи 4-хъ часовъ Тиховскій, одушевляя собственнымъ примѣромъ храбрыхъ козаковъ, съ успѣхомъ бился протиоу 3 т. злодѣевъ, и малодушные черкесы отчаялись побѣдить неустрашимыхъ и уже готовились обратиться въ бѣгство. Но на помощь имъ прискакали тогда же конные черкесы, разстроенные, безъ всякой добычи, не достигнувшіе своей цѣли, чтобы разорить селенія Ивановское, Полтавское и Стеблѣевское, изгнанные изъ перваго Ивановскаго, которое маіоръ Бахмановъ славно отстоялъ съ баталіономъ егерей и вооруженными жителями. Ожесточенные неудачею въ грабежѣ селеній и видя долгое упорное сопротивленіе Тиховскаго съ горстью людей, они всѣми силами ударили въ шашки. Тиховскій, уже израненный, потерявшій половину людей, еще надѣялся удержать злодѣевъ до прибытія къ нему на помощь другихъ командъ нашихъ; собравъ послѣднія свои силы, онъ съ остальными козаками бросился въ средину враговъ и, стѣсненный со всѣхъ сторонъ, еще долго бился противъ нихъ съ отчаяніемъ и неимовѣрнымъ мужествомъ. Наконецъ разрубленный

на части палъ, и—съ его смертію прекратилось страшное побоище, дотолѣ никогда не виданное въ Черноморіи. Двадцать козаковъ, оставшихся въ живыхъ, поднявъ раненнаго есаула Гаджанова, пробившись сквозь толпу враговъ и, подкрѣпляемые подоспѣвшимъ къ нимъ съ 60-ю козаками есауломъ Голубомъ, успѣли спасти его. Черкесы не рѣшились преслѣдовать ихъ; ночь уже наступала и они спѣшили переправиться на свою сторону. Есаулъ Голубъ, отправя раненаго Гаджанова въ Ольгинскій постъ, возвратился на поле битвы забрать и прочихъ раненыхъ; онъ нашелъ только 4-хъ козаковъ и одного урядника, прочіе же 2 оберъ-офицера, 4 урядника и 140 козаковъ, вмѣстѣ съ достойнымъ своимъ предводителемъ, вкусили славную смерть за спокойствіе родины, окруженные кучами тѣлъ сраженныхъ ими враговъ.

На другой день 500 черкескихъ тѣлъ, найденныхъ есауломъ Голубомъ, были зарыты на мѣстѣ побоища, и два кургана, насыпанные надъ ними, до сихъ поръ свидѣтельствуютъ о славной битвѣ Тиховскаго и храбрыхъ его сподвижниковъ.

Государь императоръ, по всеподданнѣйшему донесенію о подвигѣ войсковаго полковника Тиховскаго, высочайше соизволилъ наградить знаками военнаго ордена храбрыхъ 20 козаковъ, неустрашимо вышедшихъ изъ кровавой битвы.

Послѣ такихъ враждебныхъ набѣговъ жестокихъ закубанцевъ, атаманъ Бурсакъ немедленно поспѣшилъ собрать всѣ черноморскіе полки на границу и велѣлъ вооружиться всѣмъ жителямъ; регулярныя войска, квартировавшія въ пограничныхъ селеніяхъ, также изготовились къ отраженію хищниковъ. Сія благоразумная предосторожность Бурсака оказалась весьма полезною. 27 генваря снова 5 тысячъ злодѣевъ ворвались въ наши предѣлы и покушались разграбить селеніе Мышастовское; но пограничная стража бодрствовала. Подполковникъ Бурносъ, соединя сильныя команды козаковъ съ ротою 22 егерскаго полка капитана Трубицына, мужественно противусталъ варварамъ, разбилъ ихъ на голову и гналъ до самой Кубани, поражая жесточайшимъ образомъ.

Всемилостивѣйшій государь за столь похвальные подвиги благоволилъ наградить подполковника Бурноса орденомъ св. Георгія 4 класса, капитана Трубицына св. Владиміра 4 степени, а равно и прочихъ участниковъ побѣды, удостоенныхъ представленія.

Удачи въ грабежахъ Черноморіи, служившія до сего времени черкесамъ, казалось, начали оставлять ихъ. Вездѣ, гдѣ они появлялись, были отражаемы съ чувствительнымъ урономъ, а захватываемыя ими добычи были отнимаемы. Но Бурсакъ не былъ доволенъ однимъ оборонительнымъ дѣйствіемъ кордонной стражи: онъ хотѣлъ жестоко мстить имъ, горѣлъ желаніемъ истребить огнемъ ихъ разбойничья жилища, плѣнить ихъ женъ и дѣтей.

Дюкъ де-Ришелье принялъ на себя исходатайствовать у государя императора высочайшее разрѣшеніе употреблять противу горцевъ мѣры наказанія, а не ласки, и успѣлъ въ томъ.

Атаманъ Бурсакъ, по предписанію Дюка, готовясь къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ за Кубань, сносился съ полковникомъ Рудзевичемъ, начальствовавшимъ въ покоренной Анапѣ, чтобы въ одно время съ нимъ выступить противу горцевъ. При томъ позволилъ, состоявшему при Дюкѣ де-Ришелье, свиты его императорскаго величества капитану графу Рошешуару, выбрать изъ всѣхъ полковъ черноморскихъ отборнѣйшихъ стрѣлковъ и назначилъ его для авангардныхъ дѣйствій, также поручилъ ему нѣсколько малыхъ лодокъ для безпрерывныхъ разъѣздовъ по Кубани и предоставилъ право, управляя оными, во всякое время внезапно нападать на прибрежные аулы закубанцевъ и губить ихъ.

Предварительно сдѣлавъ всѣ распоряженія, 17 февраля Бурсакъ съ отрядомъ переправился за Кубань и ночью двинулся быстро во владѣнія чичинейцовъ и абазеховъ, 18-го на разсвѣтѣ, достигши рѣки Сунъ и двумя колоннами занявъ оба берега, повелъ нападеніе на многочисленные аулы, разсыпанные по онымъ. Неожиданность нападенія, быстрота движеній войскъ нашихъ и удачное дѣйствіе артиллеріи привели въ величайшее смятеніе горцевъ. Они обратились въ бѣгство и преслѣдуемые

ожесточенными козаками были безъ пощады поражаемы. Жены и дѣти ихъ искали спасенія, бросаясь полунагіе въ рѣку и окрестныя болота, вязли въ грязи, утопали; тѣхъ же, которые не успѣвали скрываться, ожесточенные воины умерщевляли. Едва чрезъ 4 часа жестокаго убійства Бурсакъ успѣлъ остановить разсвирѣнѣвшихъ козаковъ и спасъ отъ смерти захваченныхъ ими въ пылающихъ жилищахъ 45 душъ обоего пола, которые и остались плѣнными. Все имущество и оружіе, найденныя въ аулахъ, онъ велѣлъ уложить на 206-ти черкескихъ арбахъ, чтобы удобнѣе было взять его; приказалъ гнать за отрядомъ 6,000 штукъ разнаго скота и овецъ и 100 лошадей, ходившихъ вблизи ауловъ и, предавши все строеніе огню, пошелъ обратно къ Кубани, не преслѣдуемый ни кѣмъ, безъ малѣйшаго урону.

Дюкъ де-Ришелье остался весьма доволенъ успѣхами Бурсака въ наказаніи злодѣевъ и, находя полезнымъ для спокойствія нашей границы, чаще тревожить такими внезапными нападеніями владѣнія закубанцевъ, предписалъ ему впредь при всякомъ удобномъ случаѣ производить подобныя экспедиціи.

10 марта атаманъ Бурсакъ вторично переправился за Кубань ниже Екатеринодара съ отрядомъ 12 полковъ черноморскихъ, двухъ ротъ 22 егерскаго полка, баталіономъ Дмитріевскаго гарнизона и 6 орудіями 19 артиллерійской бригады, предположивъ вторгнуться въ средину владѣній злѣйшихъ враговъ Черноморіи сапсуговъ. Но, по болѣзни, онъ не могъ лично предводительствовать войсками, а потому, раздѣливъ оныя на двѣ колонны, ввѣрилъ испытаннымъ въ мужествѣ, благоразумнымъ своимъ сподвижникамъ, войсковымъ полковникамъ Кобеняку и Дубоносу и приказалъ начать дѣйствія на аулы сапсуговъ, жившихъ на рѣчкахъ Или и Зехрѣ, окруженныхъ со всѣхъ сторонъ лѣсами и болотами.

Кобенякъ и Дубоносъ съ особеннымъ усердіемъ старались оправдать довѣріе уважаемаго начальника и дѣйствія ихъ увѣнчались полнымъ успѣхомъ; превозмогая всѣ неудобства и препятствія, на каждомъ шагу затруднявшія ихъ въ лѣсномъ и гористомъ мѣстоположеніи, коимъ черкесы умѣютъ удачно поль-

зоваться, они стремительными нападеніями въ короткое время разорили и сожгли болѣе десяти ауловъ, убили до 500 непріятелей, взяли въ плѣнъ 50 душъ обоего пола, угнали 80 штукъ рогатаго скота, захватили въ добычу множество оружія и разнаго имущества и съ маловажнымъ урономъ 11-го числа возвратились къ Кубани. 12 марта отрядъ переправился въ предѣлы Черноморіи, и Бурсакъ, разсудивъ, что сіи двѣ экспедиціи, жестоко наказавшія закубанцевъ, хотя на время отклонятъ ихъ отъ набѣговъ на наши границы, распустилъ отряды козаковъ по домамъ для наступившихъ военныхъ полевыхъ работъ, оставя въ подкрѣпленіе кордонной линіи только по 100 человѣкъ изъ каждаго полка.

Таковое предположеніе Бурсака вполнѣ оправдалось. Наказанныя племена чеченеевъ, абазеховъ и сапсуговъ 28 марта прислали въ Екатеринодаръ своихъ князей, узденей и старѣйшинъ 120 человѣкъ и просили его, чрезъ посредство издавна преданнаго Россіи князя Амаса, остановить противъ нихъ военныя дѣйствія, принять ихъ подъ свое покровительство и даровать имъ прочный миръ, обѣщая не тревожить болѣе границъ Черноморіи.

Бурсакъ, уже неоднократно испытавшій, сколь коварны подобныя ихъ клятвы и обѣщанія, неохотно ласкалъ ихъ и велъ съ ними пустые переговоры, только для выигрыша времени къ полученію разрѣшенія по своему о томъ представленію отъ Дюка де-Ришелье, которое 7 апрѣля и получилъ, но со строгимъ предписаніемъ быть осторожнымъ при заключеніи условій съ хищниками.

Бурсакъ тогда-же объявилъ имъ, что Россія готова принять ихъ подъ свое покровительство съ тѣмъ, если они дадутъ клятву жить мирно, никогда не дѣлать набѣговъ не только самимъ, но и другимъ враждебнымъ племенамъ препятствовать въ оныхъ. Они согласились сейчасъ, дали въ томъ чистосердечную присягу и обязались, въ случаѣ набѣговъ въ Черноморію какихъ либо злодѣевъ, отыскивать ихъ и представлять намъ, вмѣсто штрафа за нарушеніе договора, изъ семи виновныхъ одного плѣн-

никомъ и возвращать все то, что будетъ ими похищено у жителей, и, одаренные разными вещами. мирно разъѣхались.

Алчные къ добычамъ, очи не долго могли исполнять свои клятвы. Турецкое правительство внимательно надзирало за всѣми ихъ движеніями и поспѣшило разорвать ихъ дружбу съ нами, недавно заключенную. Въ исходѣ августа мѣсяца изъ Константинополя были доставлены имъ нѣсколько пушекъ и другія военные снаряды вмѣстѣ съ ложными увѣреніями въ покровительствѣ и помощи султана, если они по прежнему начнутъ дѣйствовать противъ Россіи. Легковѣрные хищники не медлили, согласились и положили начать злодѣйства разореніемъ владѣній преданныхъ намъ князей Алкаса и Ахметукова.

Дюкъ де-Ришелье, получивъ о томъ донесеніе Бурсака, предписалъ ему поспѣшить съ регулярными войсками и черноморскими полками защитить мирныхъ владѣльцевъ и наказать измѣнниковъ. 14 сентября Бурсакъ, присоединивъ къ своему отряду наѣздниковъ алкасовыхъ, пошелъ къ рѣкѣ Сунъ, раздѣлявшей владѣнія сапсуговъ и абазеховъ. Шесть дней почти безъ отдыха онъ губилъ злодѣевъ. Множество ауловъ, полныхъ всѣхъ жизненныхъ потребностей, разорилъ и предалъ пламени; настигъ ихъ скопища, разсѣялъ и прогналъ ихъ въ ущелье горъ; захватилъ значительную добычу и, совершенно обезопасивъ мирныя владѣнія, возвратился 20 числа въ Екатеринодаръ.

Между тѣмъ во время вышеописанныхъ военныхъ дѣйствій въ семъ году случились происшествія достойныя вниманія. Въ генварѣ мѣтяцѣ стараніемъ крымскаго жителя Сагайдетъ Гирей Мурзы-Эденчи-Оглу выбѣжали изъ-за Кубани до тысячи семействъ черкесъ и татаръ въ Черноморію, которые, по собственному ихъ желанію, отправлены атаманомъ на поселеніе—часть въ кавказскую область, а другая на Молочныя Воды.

Въ іюнѣ присланы Дюкомъ де-Ришелье въ распоряженіе Бурсака плѣнные абазехи, взятые нашею корветою *Крымъ* на турецкомъ суднѣ, плывщемъ въ Константинополь, которые тогда-же согласились поселиться въ Черноморіи таманскаго округа

въ татарскомъ аулѣ Адда, лежащемъ на сѣверо-восточной косѣ Азовскаго моря.

Во время блокады нашими войсками крѣпости Анапы бѣжали къ намъ черкескіе уздени Джани-бей и Шаганъ-Гирей, по высочайшему разрѣшенію приняты на службу въ сіе войско и съ своимъ потомствомъ поступили въ вѣчное подданство Россіи.

Въ семъ-же году совершилось важнѣйшее предположеніе Бурсака: для наблюденія за всѣми непріязненными покушеніями коварныхъ сапсуговъ устроенъ на границѣ ихъ владѣній, въ 10 верстъ отъ Кубани, на рѣкѣ Афипсѣ, Федоровскій редутъ подъ личнымъ распоряженіемъ свиты его величества капитана графа Рошешуара, который и назначенъ въ оный первымъ комендантомъ.

Въ 1811 году Дюкъ де-Ришелье прибылъ въ Черноморію и съ отеческимъ участіемъ старался доставить оной спокойствіе. Удостовѣрясь собственными опытами, что хищные закубанцы, не смотря на произведенныя надъ ними наказанія, не только не склонились къ миролюбію, но, волнуемыя анапскимъ пашею, проживавшимъ въ горахъ, еще сдѣлались предпріимчивѣе къ грабежамъ, рѣшился дѣйствовать противъ нихъ самъ.

Предводительствуя сильнымъ отрядомъ, составленнымъ изъ нѣсколькихъ полковъ черноморскихъ и всѣхъ регулярныхъ войскъ, здѣсь квартировавшихъ, Дюкъ де-Ришелье въ теченіи года безпрерывно опустошалъ владѣнія разныхъ непріязненныхъ племенъ и вездѣ наносилъ имъ вредъ. Съ другой-же стороны атаманъ Бурсакъ, находясь съ отрядомъ во вновь устроенномъ редутѣ на рѣчкѣ Афипсѣ, почти ежедневно тревожилъ жилища сапсуговъ, то цѣлымъ отрядомъ вдругъ, то малыми партіями отборныхъ пластуновъ черноморскихъ, скрытно, внезапно, и такими нападеніями удерживалъ ихъ отъ набѣговъ въ наши границы.

Между тѣмъ государю императору благоугодно было въ семъ году удостоить вѣрную полезную службу войска черноморскаго своего высочайшаго благоволенія, назначеніемъ изъ

онаго сотни козаковъ въ императорскую гвардію. Военный министръ Барклай де-Толли, по разрѣшенію его величества, опредѣлилъ начальникомъ сей сотни состоявшаго при немъ адъютантомъ сына атамана войсковаго полковника Бурсака, который, принявъ оную въ Екатеринодарѣ отъ войсковаго правительства, 15 ноября выступилъ въ Санктъ-Петербургъ. 16 марта 1812 года прибывъ въ столицу, онъ имѣлъ счастіе представлять сотню сію государю императору и за отличный порядокъ въ устройствѣ оной удостоился получить Высочайшее благоволеніе.

При открытіи отечественной войны 1812 года, сотня сія, вмѣстѣ съ прочими полками императорской гвардіи, отлично дѣйствовала во всѣхъ знаменитыхъ битвахъ противъ французовъ.

Попечительное правительство въ семъ году предписало атаману учредить въ Екатеринодарѣ, по высочайшему повелѣнію государя императора, оспенной комитетъ для предохраненія жителей войска отъ вредныхъ дѣйствій сей болѣзни. Членами онаго первоначально опредѣлены полковникъ Животовскій и есаулъ Албановичъ.

Въ то же время Дюкъ де-Ришелье, желая улучшить здѣшнія породы лошадей, исходатайствовалъ разрѣшеніе у государя императора употребить изъ войсковыхъ суммъ 40,000 рублей денегъ на учрежденіе въ войскѣ конскаго завода и назначилъ директоромъ онаго коллежскаго совѣтника фонъ-Франкена.

Въ началѣ 1812 года закубанцы снова открыли свои дѣйствія противъ нашей границы. Анапскій Назиръ-паша, собравъ значительныя шайки, устремился разорить федоровскій редутъ, служившій сильнымъ препятствіемъ въ ихъ покушеніяхъ къ набѣгамъ. Малочисленный гарнизонъ, въ ономъ находившійся подъ начальствомъ великолуцкаго пѣхотнаго полка капитана Непокойницкаго, немедленно, по распоряженію атамана Бурсака, былъ подкрѣпленъ значительнымъ отрядомъ козаковъ съ 4-мя орудіями и нѣсколькими ротами регулярныхъ нойскъ, подъ командою войсковаго полковника Лиеенка. Черкесы, окружявъ редутъ со всѣхъ сторонъ, нападали съ ожесточеніемъ, рвались вломаться въ средину и овладѣть онымъ. Лисенко и Непокой-

ницкій отразили всѣ нападенія хищниковъ, съ немаловажнымъ урономъ отбили ихъ отъ стѣнъ и, сдѣлавъ сильную вылазку, атаковали ихъ, разстроили и обратили въ бѣгство.

Вскорѣ послѣ того, по мирному трактату Россіи съ Портою Оттоманскою, высочайше повелѣно возвратить туркамъ взятыя у нихъ во время войны крѣпости Анапу и Суджукъ Кале и срыть до основанія Федоровскій редутъ при рѣкѣ Афипсѣ. Сія высочайшая воля исполнена 10 іюня и войска наши, въ редутѣ находившіяся, перешли въ Черноморію, прочіе же регулярные полки, расположенные по крѣпостямъ и на границѣ войска, исключая анапскаго гарнизона, тогда же выступили въ Крымъ.

Черкесы въ это время также уменьшили свои сильные прорывы въ наши предѣлы, занимаясь по врожденной имъ склонности одними только маловажными тайными воровствами въ пограничныхъ селеніяхъ, и Бурсакъ, не находя больше опасности, распустилъ часть козачьихъ полковъ, подкрѣплявшихъ кордонную линію, на льготу.

1813 г. Въ достопамятную отечественную войну противъ французовъ генералъ-фельдмаршалъ князь Кутузовъ-Смоленскій, по высочайшему соизволенію государя императора, требовалъ изъ черноморскаго войска въ армію одинъ конный полкъ вмѣсто 9-го пѣшаго, отправленнаго въ Черноморію. Атаманъ Бурсакъ 29 марта (1813 г.) отправилъ изъ Екатеринодара 4-й конный полкъ, съ храбрымъ есауломъ Плохимъ, который, присоединясь къ арміи 19 іюня, поступилъ въ отрядъ партизановъ.

Черноморцы во всѣхъ битвахъ съ французами служили примѣромъ самоотверженія и геройства и своими отличными подвигами пріобрѣли славу неувядаемую, снискали благоволеніе своего монарха, признательность отечества. По взятіи столицы Франціи, Парижа, и по возстановленіи спокойствія во всей Европѣ полкъ возвратился (13 октября 1814 г.) въ Черноморію.

Между тѣмъ Бурсакъ неусыпно старался оградить предѣлы войска сего отъ внесенія моровой язвы, жестоко свирѣпствовавшей во всѣхъ окрестныхъ губерніяхъ и у закубанцевъ. По распоряженію начальства, онъ учредилъ карантинъ въ Тамани, пре-

кратилъ всѣ сообщенія съ Крымомъ, устроилъ по берегу Черннаго и Азовскаго морей конные разъѣзды и поставилъ пѣшіе караулы на границѣ Черноморіи отъ екатеринославской губерніи, земли войска донскаго и кавказской области, съ строгимъ подтверждeніемъ о наблюденіи всѣхъ карантинныхъ предосторожностей при сообщеніяхъ съ тамошними жителями; принялъ предохранительныя мѣры отъ закубанцевъ, для выходцевъ черкесскихъ испросилъ разрѣшеніе установить шеетинедѣльный карантинный терминъ, для надзора же за неусыпнымъ исполненіемъ всѣхъ правилъ и учрежденій разослалъ во всѣ пограничныя мѣста дѣятельныхъ чиновниковъ, подтвердивъ строжайше всѣмъ земскимъ начальствамъ объ осторожности; и, благодаря Всевышній Промыслъ, благоразумныя сіи распоряженія произвели благодѣтельныя дѣйствія, защитили Черноморію отъ смертоносной заразы.

При сихъ общеполезныхъ занятіяхъ о сохраненіи цѣлости войска Бурсакъ получилъ Высочайшее повелѣніе искупить въ здѣшнихъ конскихъ заводахъ 600 ремонтныхъ лошадей для резервныхъ кавалерійскихъ эскадроновъ, готовившихся въ дѣйствіе противу французовъ, на сумму 111,515 руб. ассигнаціями. Онъ исполнилъ высочайшую волю съ особеннымъ рвеніемъ, употребивъ на покупку лошадей только 51,515 рублей, остальныя же 60,000 рублей сохранилъ въ пользу казны.

Не взирая на заключенный Россіею миръ съ Портою Оттоманскою, черкесы не переставали тревожить Черноморіи. Дюкъ де-Ришелье, по донесенію о томъ Бурсака, сносился съ посланникомъ россійскимъ при константинопольскомъ дворѣ и исходатайствовалъ отъ турецкаго правительства строгое предписаніе анапскому пашѣ удержать управляемыхъ имъ горцевъ отъ грабежей и все захваченное ими въ Черноморіи немедленно возвратить.

Съ симъ предписаніемъ былъ посланъ въ Анапу коммиссіонеръ де-Скасси, и послѣдствіемъ онаго было то, что по настоянію паши 31 октября закубанцы возвратили черноморцамъ весь заграбленный ими скотъ и лошадей; чего же по счету не доставало, за то заплатили они разными товарами и часть турецкими

деньгами, но покушеній къ набѣгамъ не покинули. Почему въ мартѣ 1814 года присланъ изъ Крыма въ подкрѣпленіе здѣшней кордонной линіи потійскій гарнизонный баталіонъ подъ начальствомъ подполковника Власова, который, по распоряженію Бурсака, расположился въ пограничныхъ куренныхъ селеніяхъ: Полтавскомъ, Корсунскомъ и Васюринскомъ.

Въ семъ году атаманъ Бурсакъ, желая достигнуть единообразія въ обмундированіи всѣхъ черноморскихъ полковъ и артиллеріи, представилъ рисунки мундирамъ и прочимъ вещамъ, входившимъ по формѣ въ обмундированіе козаковъ, Дюку де-Ришелье и просилъ его исходатайствовать высочайшее утвержденіе, которое вскорѣ и послѣдовало. Но дабы уменьшить расходы войсковой суммы, долженствовавшей употребиться на обмундированіе бѣднѣйшихъ козаковъ, тогда же учреждена въ войскѣ суконная фабрика, подъ управленіемъ фабриканта Тика, и положено выдѣлываемое на оной изъ шерсти черноморскихъ овецъ сукно отпускать такимъ козакамъ за весьма умѣренную цѣну.

Вскорѣ послѣ сего, по высочайшему повелѣнію, сформированы въ войскѣ полурота конной и полурота пѣшей артиллеріи. Для ученія козаковъ практическому дѣйствію при орудіяхъ и для показанія прочихъ правилъ, необходимыхъ въ артиллеріи, были назначены недавно выпущенные изъ севастопольскаго артиллерійскаго училища чиновники сего войска, есаулы Ольховый и Ляшенко, испытанные и довольно свѣдущіе; начальникомъ же всей артиллеріи черноморской опредѣленъ по волѣ Дюка де-Ришелье вторый сынъ атамана, войсковый полковникъ Бурсакъ.

Мудрый правитель новороссійскаго края и благотворительный блюститель благосостоянія Черноморіи Дюкъ де-Ришелье, къ душевному прискорбію всѣхъ черноморцевъ, 14 октября, по высочайшему соизволенію государя императора, выѣхалъ за границу и болѣе не возвращался въ Россію. Но и въ Парижѣ онъ помнилъ о черноморцахъ и оттуда часто писалъ къ нѣкоторымъ чиновникамъ сего войска лестныя письма, которые до сего времени сохраняются у нихъ, какъ рѣдкіе памятники благосклоннаго вниманія великаго человѣка.

Управленіе симъ краемъ тогда же поручено на время командовавшему 6-мъ пѣхотнымъ корпусомъ генералъ-лейтенанту Рудзевичу.

1815. Бѣгство Наполеона съ острова Эльбы снова угрожало Россіи войною. Возстановитель спокойствія въ Европѣ, великій самодержецъ всероссійскій поспѣшилъ двинуть побѣдоносныя войска свои къ Рейну и по сему случаю его величество высочайшимъ рескриптомъ отъ 9 марта (1815) соизволилъ повелѣть атаману Бурсаку выслать, сколько возможно, конныхъ черноморскихъ полковъ въ армію, дѣйствующую противъ французовъ.

Четыре отборнѣйшихъ полка, подъ начальствомъ подполковника Дубоноса, войсковыхъ полковниковъ: Бурсака, Порохни и Голуба, немедленно выступили изъ Екатеринодара и 23 іюля прибыли въ Радзиловъ, откуда были отправлены къ Рейну; но въ герцогствѣ варшавскомъ около мѣстечка Хельма [1]) получили повелѣніе обратиться въ Черноморію.

Граница Черноморіи была въ то время спокойна. Закубанцы, показывая къ намъ мирное расположеніе, просили возвратить имъ бѣжавшихъ въ бугаевскій карантинъ 11-ть черкесъ, крестьянъ, принадлежавшихъ разнымъ владѣльцамъ натухайскаго племени. Атаманъ Бурсакъ не рѣшился самъ удовлетворить ихъ просьбу, донесъ о томъ тогда же таврическому гражданскому губернатору Бороздину, который вскорѣ пріѣхалъ на Бугазъ и лично велъ переговоры съ тѣми владѣльцами. Повѣривъ ихъ клятвамъ въ преданности къ Россіи и въ миролюбіи къ черноморцамъ и уваживъ ходатайство вновь прибывшаго въ Анапу паши Сейдъ Ахмета, онъ приказалъ имъ возвратить бѣглецовъ, съ тѣмъ однакожъ условіемъ, чтобы и они возвратили черноморцамъ заграбленный разновременно скотъ и захваченныхъ въ плѣнъ людей. Они приняли это условіе и въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ возвратили до 50 штукъ рогатаго скота и трехъ плѣнныхъ козаковъ; но въ то же самое время готовились къ набѣгамъ и грабежамъ въ Черноморіи. Генералъ-маіоръ Бухальцевъ, получа о

---

[1]) Холмъ, нынѣ уѣздный городъ люблинской губерніи.

томъ достовѣрное свѣдѣніе отъ преданныхъ горцевъ, немедленно донесъ генералъ-лейтенанту Рудзевичу, который поспѣшилъ снестись съ анапскимъ пашею и напомнить ему обѣщаніе удержать хищниковъ отъ набѣговъ. И паша успѣлъ остановить предпріятія закубанцевъ. Однакожъ вмѣстѣ съ симъ Сейдъ Ахметъ задумалъ самъ другаго рода возмущеніе. Онъ изъ Анапы отправился къ сапсугамъ, составилъ изъ нихъ значительныя шайки и вознамѣрился отнять землю у натухайцевъ, желая поселить на ней вблизи Анапы 15,000 семей ногайскихъ татаръ, которыхъ хотѣлъ насильно вывести изъ кавказской линіи, гдѣ они мирно кочевали.

Атаманъ Бурсакъ скоро провѣдалъ коварное намѣреніе паши и чтобы воспрепятствовать исполненію онаго, тотчасъ далъ знать начальнику войскъ на кавказской линіи генералу Дель-Пуццо, для принятія должныхъ мѣръ осторожности, натухайцы же не замедлили вооружиться и поклялись до послѣдней крайности защищать свои владѣнія. И такъ паша, не достигши своихъ желаній, со стыдомъ и жаждой мщенія возвратился въ Анапу.

Между тѣмъ государю императору благоугодно было повелѣть лейбъ-гвардіи черноморскую сотню причислить къ гвардейскому козачьему полку и сформировать оную въ полномъ составѣ кавалерійскаго эскадрона. Бурсакъ, получивъ о томъ предписаніе управляющаго военнымъ министерствомъ князя Горчакова, поспѣшилъ оное исполнить. 90 отборныхъ черноморцевъ вскорѣ были отправлены въ Санктъ-Петербургъ подъ начальствомъ есаула Андрея Стринскаго, по прибытіи коего въ столицу черноморская сотня, по преобразованіи своемъ, поступила лейбъ-гвардіи въ козачій полкъ 4-мъ эскадрономъ.

Тогда же Бурсакъ ходатайствовалъ о присылкѣ для сформированной въ войскѣ артиллерійской роты орудій новаго калибра и въ началѣ слѣдующаго 1816 года по высочайшему повелѣнію доставлены въ Екатеринодаръ изъ брянскаго арсенала двѣнадцать легкихъ полевыхъ орудій.

Бывшій полномочнымъ россійскимъ посланникомъ при константинопольскомъ дворѣ г. тайный совѣтникъ Италійскій, ходатайствуя въ это время у турецкаго правительства подтвердительныхъ предписаній анапскому пашѣ о удержаніи закубанцевъ отъ нападеній на предѣлы россійскіе, узнавъ, что сей паша вмѣсто удержанія горцевъ старается разными происками возбуждать ихъ къ набѣгамъ и даже успѣлъ испросить въ томъ секретное позволеніе отъ султана, о такомъ положеніи дѣлъ немедленно увѣдомилъ генерала Рудзевича и вмѣстѣ прислалъ истребованные отъ Дивана предписанія Сейдъ Ахмету понудить горцевъ возвратить Черноморіи всѣхъ нашихъ плѣнныхъ и дезертировъ и грабежемъ добытое у жителей имущество.

Рудзевичъ, предписывая Бурсаку усилить войсками границу Черноморіи, настоятельно требовалъ отъ паши исполненія предписаній Дивана. Сейдъ-Ахметъ медлилъ, старался уклониться отъ исполненія подъ разными предлогами, но, видя дѣятельное усиленіе кордонной стражи, принужденъ былъ возвратить до 100 штукъ рогатаго скота и обѣщалъ скоро доставить плѣнныхъ и дезертировъ, однакожъ не исполнилъ обѣщанія.

Наконецъ, совершенно успокоивъ, обезопасивъ границу войска, атаманъ Бурсакъ, истомленный безпрерывными полезными трудами, удрученный лѣтами и тяжкими болѣзнями и самъ пожелалъ успокоиться. 18 ноября, при рапортѣ къ генералу Рудзевичу, онъ отправилъ на высочайшее имя прошеніе о увольненіи его отъ службы, а вслѣдъ за симъ государь императоръ соизволилъ назначить въ должность херсонскаго военнаго генералъ-губернатора генерала отъ инфантеріи графа Ланжерона.

Принявъ должность, графъ Ланжеронъ, первоначально заботясь о спокойствіи и благосостояніи края сего, предписалъ Бурсаку привести въ лучшее оборонительное состояніе здѣшнюю границу, исправить и починить всѣ кордоны и посты, улучшить войсковый госпиталь и учредить больницы. Бурсакъ все исполнилъ и донесъ ему.

Государь императоръ, 11 февраля (1816 г.), высочайше учредивъ форму обмундировки лейбъ-гвардіи черноморскаго эскадрона

черноморскихъ артиллеристовъ и козаковъ полковыхъ, соизволилъ повелѣть доставить въ войско образцовые мундиры. Войсковая канцелярія, по полученіи образцовъ изъ коммисіи С.-Петербургскаго коммисаріатскаго депо, тогда же приступила къ обмундированію козаковъ. Его величество приказомъ въ 23 день марта назначилъ непремѣннаго члена канцеляріи подполковника Матвѣева войсковымъ атаманомъ и 26 мая генералъ-маіоръ Бурсакъ, по предписанію графа Ланжерона, сдалъ ему должность, которую 16 лѣтъ исполнялъ съ безпримѣрною дѣятельностію для счастія сего сословія, до сихъ поръ ему благодарнаго.

Не излишнимъ будетъ сказать здѣсь нѣсколько словъ о выгодахъ, пріобрѣтенныхъ войскомъ въ его полезное управленіе онымъ. Кромѣ славы, заслуженной черноморцами, во время его управленія, въ битвахъ противу французовъ и турокъ, кромѣ блестящихъ экспедицій, произведенныхъ имъ противу горцевъ для спокойствія нашей границы, онъ доставилъ войску другія гораздо полезнѣйшія выгоды. Его ходатайствомъ усилено войско переселеніемъ изъ Малороссіи 25,000 козаковъ; онъ, при всѣхъ значительныхъ расходахъ войсковыхъ суммъ, благоразумною экономіею умножилъ оные и сдѣлалъ большое приращеніе войсковыхъ доходовъ; при немъ учреждено, улучшено войсковое училище для образованія здѣшняго юношества; онъ устроилъ конскій войсковый заводъ и суконную фабрику; подъ его непосредственнымъ вѣдѣніемъ сформированы лейбъ-гвардіи черноморскій эскадронъ и рота артиллеріи; при немъ войско получило форменное единообразное обмундированіе; возрасли всѣ отрасли промышленности; внутренное управленіе по войску приведено въ точный порядокъ и ясность; и наконецъ всѣ сословія войска благоденствовали, получая царскія милости.

(Окончаніе слѣдуетъ).

НАСЛѢДСТВЕННОЕ ПОЛКОВНИЧЕСТВО.

(Переписка по поводу борьбы двухъ полковничьихъ родовъ за полковничій рангъ).

Въ архивѣ малороссійской коллегіи, принадлежащемъ историко-филологическому обществу при харьковскомъ университетѣ, сохранилась случайно какъ нибудь попавшая въ массу дѣловыхъ бумагъ переписка, по видимому, совершенно частнаго характера. Небольшая отдѣльная тетрадка [1]), въ которой она заключена, имѣетъ, какъ и большая часть архивныхъ дѣлъ, не точное заглавіе: „Писма по разнымъ дѣламъ къ гетману Апостолу отъ ахтырскаго полковника Алексѣя Лесевицкаго, такъ отвѣтніе гетмана Апостола къ нему, писанніе 1731 году». На самомъ дѣлѣ тутъ всего менѣе писемъ Лесевицкаго или къ нему; это письма (бѣловыя и черновыя) гетмана Апостола ко многимъ лицамъ и на оборотъ, за исключеніемъ одной на высочайшее имя челобитной въ копіи. Всѣхъ писемъ пятнадцать и всѣ они, вмѣстѣ съ челобитною, относятся къ одному дѣлу—къ возведенію въ полковничій рангъ въ сумскомъ слободскомъ полку сотника этого полка Ивана Ивановича Кондратьева. Все это просьбы, ходатайства, жалобы и вызываемыя ими письма и все это открываетъ намъ борьбу одного претендента на сумское полковничество противъ другаго, особенность-же борьбы состоитъ въ томъ, что какъ самъ претендентъ, такъ и его сторонники стоятъ на почвѣ, такъ сказать, наслѣдственности права на полковничій рангъ. Этотъ любопытный и рѣдкій фактъ, а также крайняя скудость матеріаловъ слободскихъ полковъ побуждаютъ насъ привести въ извѣстность всю названную переписку, не смотря на то, что письма въ отдѣльности

---

[1]) Харьк. Истор. Архивъ. Дѣла Малорос. Коллегіи, № 12,244.

мало интересны, а получаютъ значеніе лишь въ общей совокупности, какъ выясненіе указаннаго факта.

Прежде впрочемъ, чѣмъ приводить имѣющіяся у насъ письма, необходимо начать нѣсколько *ab ovo*, дабы опредѣлить борющіяся стороны, предметъ и цѣль борьбы и положеніе какъ самихъ противниковъ, такъ и лицъ, принимавшихъ прямое или косвенное участіе въ борьбѣ.

Извѣстно, что переселеніе такъ называемыхъ «черкасъ» или «людей малороссійской породы» изъ-за Днѣпра на юго-восточную окраину московскаго государства началось еще въ царстoованіе Михаила Ѳедоровича, усилилось же и участилось въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича. Это не были впрочемъ правильно организованныя сотни или полки козачьи, но только группы людей, знакомыхъ въ большей части съ военнымъ дѣломъ и искавшихъ вольной селитьбы и жизни, ни чѣмъ не связанной, кромѣ сторожевой противъ непріятеля службы. Старшій, более другихъ опытный, умный и энергическій въ группѣ становился осадчимъ хутора, слободы, села или мѣстечка и получалъ первенство въ общемъ совѣтѣ. Когда первые пришельцы осѣдались на мѣстахъ и число ихъ было таково, что могло быть ядромъ полка, имъ давалась та полковая организація, какая была въ гетманщинѣ; вся занятая территорія дѣлилась на сотни, слободы или курени и выбирались вольными голосами, «по черкаскимъ обыклостямъ», атаманы, есаулы, сотники и наконецъ старшій надъ всѣми съ именемъ полковника. Послѣднимъ являлся тотъ изъ осадчихъ, который оказалъ переселенцамъ найбольшую услугу своею распорядительностію м заботливостію во время пути и при водвореніи на мѣстѣ. Новому правительству прищельцевъ оставалось только утвердить избраннаго и признавать его въ полковничьемъ рангѣ; все остальное, весь внутренній распорядокъ, вся жизнь поселенцевъ и ихъ служебные наряды и порядки зависѣли отъ полковника. Посредствующимъ звеномъ между нимъ и царскимъ правительствомъ были бѣлгородскіе воеводы и ихъ воеводская канцелярія, чрезъ которую шли наказы и приказы, требовались отвѣты и поставки. Если взять въ соображеніе, что полковникъ былъ главнымъ и единственнымъ безъапелляціоннымъ начальникомъ поселенной общины въ отношеніяхъ военномъ, гражданскомъ, судебномъ, административномъ и экономическомъ, что имъ утверждались въ должностахъ войсковые чины, раздавались земли [1]), возстановлялись всякія право-нарушенія, то понятна будетъ та

---

[1]) Срезневскій. Историч. Обозрѣн. гражд. устр. Слобод. Украйны. Харьковъ, 1886 г., стр. 8.

глубокая нравственная связь, какая устанавливалась между полковникомъ и его полчанами и сохранялась не только при жизни, но и послѣ его смерти. Заслуги отца давали полчанамъ поводъ желать, чтобы полкомъ правилъ его сынъ, братъ или иной изъ его рода. Характерная черта не столько можетъ быть племени, сколько людей извѣстной степени развитія, одинаково наблюдаемая въ жизни нашихъ предковъ при всякихъ другихъ выборахъ—въ должности сотниковъ, атамановъ, священниковъ, дьячковъ и учителей. Признательность къ заслугамъ рода, надежда въ новомъ избранникѣ изъ того-же рода видѣть продолженіе прежняго излюбленнаго порядка не мѣшали свободѣ избранія, доколѣ центръ власти не перешелъ отъ общины къ правительству, доколѣ выборы не стали пустою формальностію и утвержденіе не смѣнилось назначеніемъ. Тогда борьба претендентовъ и партій, ихъ поддерживавшихъ, выступала за предѣлы общины, начинались происки, интриги, подвохи, протекціи, быть можетъ даже подкупы. Такъ было нѣкогда и въ сумскомъ слободскомъ полку, и памятникомъ всего сказаннаго служитъ помѣщаемая ниже переписка.

Осадчимъ этого полка и первымъ его полковникомъ указаннымъ выше путемъ сталъ выходецъ заднѣпрянскій Герасимъ Кондратьевъ. Смѣлымъ отраженіемъ набѣговъ татарскихъ, ласковымъ и справедливымъ обращеніемъ съ своими подкомандными онъ заслужилъ столь лестную и прочную репутацію у правительства и въ своемъ полку, что не только самъ до своей кончины оставался на полковничьемъ посту, но на долго сохранилъ его за своимъ родомъ. Три сына его, Григорій, Романъ и Андрей, были, послѣ его смерти, преемственно одинъ за другимъ, полковниками въ томъ-же сумскомъ полку, а когда послѣдній палъ въ битвѣ, при усмиреніи булавинскаго бунта, его мѣсто занялъ внукъ Герасима, сынъ Андрея, Иванъ, правившій полкомъ до смерти своей, послѣдовавшей въ 1728 году. Послѣ него приходилось занять сумское полковничество сыну его, правнуку Герасима, Ивану Ивановичу Кондратьеву, но тутъ «пронырствомъ» предвосхитилъ у него полковничій рангъ нѣкто Василій Даниловичъ Перекрестовъ-Осиповъ, противъ котораго и пришлось бороться Кондратьеву и поднимать въ помощь не только полчанъ, но самаго гетмана, а при посредствѣ его много другихъ знатныхъ персонъ и вызвать всю названную переписку.

Дѣдъ этого конкуррента, Иванъ Перекрестъ, вышелъ одновременно почти съ Герасимомъ Кондратьевымъ и, какъ показываетъ его прозвище, былъ несомнѣнно крещеный еврей. Гораздо позже Кондратьева ему удалось добиться полковничества въ ахтырскомъ полку; но, какъ истый жидъ, онъ любилъ «стяжанія многа» и скопилъ громадныя зе-

мельныя имѣнія путемъ заимки, выпрашиваній у царя, покупки у сосѣдей и всего болѣе захватовъ какъ у сосѣдей, такъ и у своихъ полчанъ. Его жадность и другія несправедливости возбуждали негодованіе въ полку и уже въ 1692 г. ахтырскіе полчане просили московскій приказъ: «Ивана Перекреста выслать изъ его маетностей на житье въ иной городъ, а полковничество дать Роману Кондратьеву» [1]). Послѣдній и былъ предъ тѣмъ на ахтырскомъ нолковничествѣ, но Ивану Перекресту удалось отнять у его полковничій рангъ, пославъ, какъ жаловались полчане, «ложные челобитные» въ Москву, а быть можетъ и еще что либо въ придачу московскимъ дьякамъ. Перекрестъ былъ очень богатъ, а о Кондратьевѣ жалобщики писали, что «живетъ онъ въ Ахтырску въ сосѣдехъ, а двора своего нѣтъ».... Успѣлъ и на этотъ разъ извернуться Перекрестъ, хотя ему и данъ былъ въ помощь сынъ его Даніилъ [2]), а не имущаго Романа Кондратьева, когда тотъ поѣхалъ въ Бѣлгородъ, къ воеводѣ Борису Петровичу Шереметеву, послѣдній, по навѣтамъ Перекреста и въ его присутствіи, «билъ смертнымъ боемъ, и за волосы дралъ, и топталъ, такъ что изъ носа и изъ рта кровь шла, щеки отбилъ и ребро выбилъ» [3]). Но въ 1704 году постигла и Перекреста заслуженная кара: Петръ I-й за разныя его злоупотребленія и воровства лишилъ его полковничества и значительной части имущества, конфискованнаго въ казну и сверхъ того приказалъ ни его, ни его родственниковъ и единомышленниковъ ни къ полковничеству, ни въ ряды полковой старшины не допускать. Мѣсто Ивана Перекреста въ ахтырскомъ полку занялъ бригадиръ Осиповъ, послѣ котораго шли сынъ его Максимъ, далѣе Лесевицкій и Боярскій. Но внукъ Перекреста, Василій Даниловичъ, женившись на вдовѣ одного изъ Осиповыхъ, съ дозволенія Петра, по указу 1714 г., соединилъ въ своемъ лицѣ обѣ фамиліи и вмѣстѣ пріобрѣлъ наслѣдственныя права на огромныя имѣнія своей жены. Этотъ-то Перекрестовъ-Осиповъ и явился теперь неожиданнымъ конкуррентомъ Ивана Ивановича Кондратьева въ полученіи полковничества въ сумскомъ полку. По смерти отца послѣдняго, составивъ отъ имени полчанъ просьбу о пожалованіи его сумскимъ полковничествомъ, онъ однихъ «страстію, а другихъ обманно къ подпису руки приводилъ», а своего соперника «въ малыхъ лѣтехъ» и безграмотнымъ выставилъ и такимъ образомъ перехватилъ у него наслѣдственное отъ предковъ пол-

---

[1]) Матеріалы для исторіи колонизаціи степн. окр. моск. госуд., Багалѣя, стр. 163.

[2]) Историко-стат. опис. харьк. еп., отд. III, стр. 45.

[3]) Матеріалы.... Багалѣя, стр. 164.

ковничество, «безъ жадной сумскому полку заслуги». Кондратьевъ дѣйствительно былъ молодъ въ ту пору, не свыше 22-хъ лѣтъ, и, не имѣлъ еще и званія сотника. Одолѣть такого противника не стоило труда, но и имѣть его на мѣстѣ въ полку было не безопасно. Не могъ онъ самъ безропотно отречься отъ своихъ наслѣдственныхъ правъ, не могла и полковая старшина равнодушно снести того, что полковникъ назначенъ помимо ея избранія и просьбы. Чуть не сто лѣтъ были полковники Кондратьевы, и вдругъ Перекрестовъ...., внукъ низверженнаго на ея памяти грабителя, никакой заслуги сумскому полку не оказавшій! Одно это не давало покоя старшинѣ. Началась глухая борьба противъ полковника; онъ это замѣтилъ и сталъ тѣснить своего противника, «лѣса и дубравы его пустошилъ и всѣ усилія употреблялъ, чтобы «домъ той (Кондратьевыхъ) уничтожить и истребить». Перекрестовъ-Осиповъ не могъ забыть Кондратьеву и того, что его дядя Романъ интриговалъ противъ его отца Ивана за ахтырское полковничество. Кондратьевъ сталъ жаловаться, за него заступились старшины Марковъ и Романовъ, поднявшіе многихъ полчанъ и подавшіе на Перекрестова челобитную съ прямымъ намѣреніемъ лишить его полковничества и доставить родовой рангъ сотнику Кондратьеву. Для болѣе вѣрнаго успѣха Кондратьевъ рѣшился самъ ѣхать въ Москву; но Осиповъ удержалъ выданный ему паспортъ. Кондратьевъ уѣхалъ безъ паспорта, Осиповъ послалъ доносъ, возникло дѣло о самовольномъ оставленіи службы. Но тутъ вступился за него ахтырскій полковникъ Лесевицкій, облагодѣтельствованный раньше Кондратьевыми, и самъ гетманъ Данило Апостолъ, которому Кондратьевъ приходился племянникомъ. У гетмана были и свои счеты съ родомъ Осиповыхъ за слободу Котельву, которую бригадиръ Ѳедоръ Осиповъ оттягалъ отъ гадяцкаго полка и присоединилъ навсегда къ ахтырскому [1]), и онъ тѣмъ съ большимъ усердіемъ выступаетъ съ ходатайствомъ къ разнымъ сильнымъ и вліятельнымъ при дворѣ лицамъ, сперва о защитѣ Кондратьева отъ притѣсненій Осиповыхъ, а потомъ и о назначеніи его на мѣсто полковника въ сумскомъ полку. Всѣ перипетіи борьбы Кондратьева противъ Перекрестова-Осипова, всѣ окольные пути, къ какимъ онъ прибѣгалъ, видны изъ самой переписки, и мы не будемъ ихъ касаться; отмѣтимъ лишь вновь то обстоятельство, на которое указали въ началѣ, именно: что не только самъ Кондратьевъ, но и его сторонники и покровители стоятъ за наслѣдственность его права, быть можетъ и потому, что ничего другаго въ пользу его выставить не могли.

---

[1]] Ист. стат. опис. харьк. еп., отд. III, стр. 93.

Борьба впрочемъ не привела къ желаемой цѣли; Перекрестовъ-Осиповъ, какъ былъ, такъ и остался на своемъ полковничествѣ, и еще въ 1732 г. въ росписи, составленной «коммисіею учрежденія слободскихъ полковъ», значится сумскимъ полковникомъ онъ, вмѣстѣ съ своими сыновьями Григоріемъ и Петромъ» [1]). Судьба Кондратьева остается неизвѣстной; никакія высокія «патронства» ему не помогли: ссадить съ насиженнаго уже мѣста оказалось труднѣе, чѣмъ захватить никѣмъ не занятое мѣсто.

Приводимъ самую переписку въ ея послѣдовательномъ и хронологическомъ порядкѣ.

I.

Письмо И. И. Кондратьева къ гетману Апостолу.

Ясневелможній мосцѣ пане гетмане, ордина святого Александра кавалеръ, мой милостиво патронствующій отче и всенадежнѣйшій добродѣю.

На служебничое (письмо?) мое у ясневелможности вашей къ пану полковнику сумскому о защищеніи, а до пановъ старшини сумской въ желаніи общемъ о пособствованіи, милостиво-отческое удостоился получити предложеніе, съ коего присланніе зъ Сумъ получилемъ копіи, яковіи будучимъ зде ко мнѣ милостивимъ патронамъ объявлялемъ и на оние, подъ високоприродниимъ именемъ ясневелможности вашей, многую себѣ получилемъ ползу и за вѣдомомъ же милостивихъ и действителнихъ въ намѣреніи моемъ патроновъ составивши, вручилемъ пану Герасиму Надаржинскому, которой пожалованъ ныне въ сумской полкъ ротмистромъ, въ Суми до старшини къ заручéню челобитную, понеже онъ, панъ Герасимъ, во всемъ въ дѣлѣ моемъ имѣетъ тщателное старателство. А о персонахъ служебниче объявляю цедулою и всепокорственно прошу ясневелможности вашей до оннхъ милостиво отчей о мнѣ осиротѣлому инстанціи, чрезъ которую надѣюся въ моемъ желаніи получити дѣйствіе. При семъ же въ неотмѣнную ясневелможности вашей отческую милость навсегда себе полецивши, пребываю.

---

[1]) Истор. стат. оп. харьк. еп., отд. III, стр. 329 и 330.

Ясневелможности вашей, моего милостиво патронствующаго отца и всенадежнѣйшаго добродѣя всенижайшій слуга, Иванъ Кондратьевъ.

1731 году
априля 10 дня
Москва

При этомъ постъ-скриптумъ на особомъ клочкѣ, писанный рукою-жъ Кондратьева.

Служебниче прошу ясневелможности вашой и отческой инстанціи въ персонамъ, а именно: до сиятелного графа Бѣрона, до превосходителного генерала Семена Андреевича Салтыкова, къ сиятелному графу Гаврилу Ивановичу, къ сиятелному жъ графу Павлу Ивановичу, къ свѣтлѣйшому князю ѳелтъ-маршалу Василию Володимеровичу, къ превосходителному генералу фенъ-Вейсбаху, а болше подаю въ милостивое отческое разсмотреніе.

II.

Письмо ахтырскаго полковника Алексѣя Лесевицкаго къ гетману Апостолу.

Милостивѣйшій мой патронъ!

О дѣлѣ племянника вашего, г. Кондратьева, какой присланъ ко мнѣ отъ высокоповелителнаго генерала и кавалера, фелтмаршала, князя Василія Володимеровича, о слѣдствіи указъ, такожъ что по оному указу учинено, съ тою всего, для знанія вашей велможности, прилагаю копію, съ таковымъ моимъ доношеніемъ, да благоволите, ваша вельможность, висмотрѣть и приказать оное копіи отправить въ скорости къ ему, г. Кондратьеву, въ Москву для лутчего въ его дѣлѣ наставленія и порядку, ибо хотя отъ его, Кондратьева, такожъ и отъ дому его было требованіе, даби я сіе пріобщилъ; однакожъ, что такіе дѣла по рукамъ посилать опасно, я, содержащи мою вѣрную издавна до вашей велможности услугу, лучше чрезъ посилку отъ вашей велможности усмотрѣлъ послать, дѣло бо сіе какъ для обовязательной моей вашей велможности всегда услужности и ради осиротѣлого того, благодѣтельствующаго мнѣ издавна, Кондратьевихъ дому, елико возмоглъ, прилежалъ, и не токмо симъ слѣдствіемъ, но и въ склоннихъ приговорехъ сочинилъ весма близкій во всѣхъ и къ пользѣ Ивану Ивановичу початокъ такій, что многіе отъ нихъ въ улѣкахъ и доказательствѣ ставятъ себе быть готовыми. А самое оригинальное слѣдствіе немедленно

пошло чрезъ нарочного до его свѣтлости генерала фелтъмаршала, —вѣрно доношу. При семъ всепокорнѣйше вашу велможность утруждая, дабы о полученіи сего отъ вашей велможности отвѣтомъ не лишенъ былъ, зостаю вѣрній и покорній вашъ, моего патрона, слуга, Алексѣй Лесевецкій. Мая 6 дня 1731 г.

III.

Ордеръ князя В. В. Долгорукова ахтырскому полковнику Лесевицкому.

Благороднїй господинъ полковникъ!

Команди моей генералъ лейтенантъ, графъ Дугласъ, письменно мнѣ доносилъ: сумского де слободскаго полку сотникъ Иванъ Кондратьевъ, представляя нужди, просилъ его генералъ-лейтенанта о уволненіе въ Москву, по которой прозбе писано отъ него генералъ-лейтенанта къ полковнику Осипову, ежели до него, Кондратьева, какой очереди къ командированію и посилкамъ не имѣется, чтобы для его нуждъ до Москви отпустилъ, и для того отпуску сообщилъ пашпортъ. А оной де полковникъ, ведая за обявленнимъ Кондратьевимъ въ пограничные места команду, отпуску не учинилъ и подлинно пашпортъ, при доношеніи паки къ нему, генералъ-лейтенанту, возвратилъ; а минувшаго де февраля отъ 19 оной полковникъ доношеніемъ ему, г.-л., объявилъ: уведомился де онъ, что означенной сотникъ Кондратьевъ и безъ пашпорту, оставя команду, уехалъ собою въ Москву; а объявленной сотникъ Иванъ Кондратьевъ, приехавъ въ Москву, у меня явился и поданнимъ доношеніемъ объявилъ, что вышереченный полковникъ по злобе своей ево разорилъ и допустилъ опустошить леса и дуброви вовсе, и онъ де, видя таковую отъ него, полковника, немалую обиду и разореніе, просилъ у выше реченнаго генералъ-лейтенанта позволительнаго пашпорту ехать въ Москву; по которой прозбе пашпортъ для ототдачи ему Кондратьеву посланъ при писме ко оному полковнику, чтобъ онъ о томъ билъ известенъ. И онъ полковникъ у него, Кондратьева, означенной пашпортъ отобралъ, не допуская ево ехать въ Москву и о своей обиде на себя просить. И онъ де, Кондратьевъ, опасаясь того, чтобъ оной полковникъ ево въ конецъ не разорилъ и съ чего бъ било государственную служити службу, пое-

халъ безъ пашпорту въ Москву, а за отъездъ ево, чтобъ не поставлено било ему въ вину, писалъ о томъ для вѣдома къ вышепомянутому генералу-лейтенанту. А полковникъ Осиповъ, видя то, что онъ отъехалъ въ Москву, репортовалъ ко оному генералъ-лейтенанту, будто ведалъ за нимъ, сотникомъ, въ погряничние места команду и затемъ отпуску не учинилъ. А отъ него полковника Осипова было предложеніе, какъ къ нему, Кондратьеву, такъ и ко всемъ сумского полку старшинамъ, даби всякъ съ своею командою виехалъ сумского полку въ городъ Краснополя къ смотру, по которому предложенію съ командою своею и билъ; а оттуда де по пересмотру отправлени съ командами два сотника на форпости— г. Лебедина Тимоѳей Красовскій, да г. Межирича Алексѣй Марковъ, и его, Кондратьева, команды со оними сотниками 8 человекъ козаковъ отправлено жъ; а особливаго ему, Кондратьеву, отъ него, полковника, опричъ вишше объявленнаго, предложенія не было, а ежели би де и било, то безъ всякого укосненія по оному исполнилъ, а то де оной полковникъ по злобе затеваетъ на него напрасно. Того ради, ваше благородіе, изволте о вышше помянутомъ подлинно изслѣдовать того сумского полку полковою старшиною, кромѣ полковника Осипова, и оние бъ старшини объявили, не опасаясь того полковника, сущею правдою: оному сотнику Кондратьеву съ командою на форпости въ пограничніе места очередь била-ль, и тотъ нарядъ полковникъ Осиповъ чинилъ съ совѣту ль той старшини, или одинъ собою по злобе? А что впоследствіи явится, изволите меня уведомить письменно.

Въ подлинномъ указе подписано:

Генералъ-фелтмаршалъ и кавалеръ и лейбъ-гвардіи преображенского полку подполковникъ князь Долгоруковъ.

Вѣрно: полковникъ Лесевицкій.

Марта 26 дня
1831 г.
Москва.

IV.

Письмо старшинъ сумскаго полка Маркова и Романова къ гетману Апостолу.

Ясновельможній мосце пане, гетманъ и кавалеръ, нашъ премилостивѣйшій пане и великій добродѣю!

За непомѣрную обиду и посягательство отъ пана полковника сумского, сожалѣя ми за Ивана Ивановича Кондратьева, по свой-

ственной нашей должности, до велможности вашей писмо, милостиваго вашего отческого защищенія и обороны просячи, прошлихъ числехъ писали, а понеже отъ его, г. полковника, не токмо къ нему, Ивану Ивановичу, благопріятіе якое намералось, но вящое явнимъ образомъ производить, чимъ би домъ той уничтожить и стребить, о чомъ велможности вашей панской и отъ того дому со слезами предложенія суть; и имѣя злобу на Ивана Ивановича, южъ и насъ обоихъ весма въ урядахъ нашихъ вовсе уничтожилъ и непрестанно ищетъ, чтобы навести якое бѣдство и, по своей враждѣ, непрестанно составляють зъ своими единомышленниками нѣякіись непотребныя прошенія и посилаютъ къ Москве, чтобы Ивана Ивановича привесть въ посрамленіе и бѣдственную озлобу. О чемъ по Бозѣ на велможность вашу, нашего премилостивѣйшаго отца и патрона, надѣючись, всепокорственно лицеземно со слезами молимъ явить свое панское къ томъ дѣлѣ къ намъ милостивое призрѣніе и о томъ поважную и многомощную вашея велможности къ височайшимъ особамъ къ Москве о немъ, Ивану Ивановичу, за его дѣло предложить инстанцію. О сіе рабски со слезами велможности вашей упросивши, зостаемъ вашея велможности, нашего премилостивѣйшого пана и великаго добродѣя,

всенижайшіе слуги
Полковой асаулъ Кондратъ Марковъ.
Полковой судья Иванъ Романовъ.

1731 году
Маія въ день(?)

V.

Писмо гетмана Апостола къ ахтырскому полковнику Лесевицкому.

Мой велце зичливій пріятелю, мосцѣ пане, полковнику ахтырскій.

Листъ вашоа милости, пана, съ привѣтствіемъ монаршей милости къ намъ писанній, получили мы, съ которого будучи вдячни, велце благодарствуемъ и желаемъ то жъ взаемне, при неотъемлемой монаршей всегда пребывая милости, въ предъбудущіе лѣта съ цѣлоздравственного вашъ мости пана тѣшитись поведенія. Что же при другомъ своемъ писаніи по дѣлу Ивана Ивановича Кондратьева, сотника полкового сумского, заводному съ полковникомъ сумскимъ же, господиномъ Василіемъ Осиповимъ, копію слѣдствія прислалъ вашъ мость, панъ, къ намъ для вѣдома, теди за

такую къ домовѣ его, Ивана Ивановича, добросклонность паки вашъ мости, пану, благодарствуемъ и, тую копію вычитавши, при листѣ нашомъ отослали къ нему, пану Кондратьеву, въ Москву, и за нимъ же Иваномъ Ивановичемъ писалисмо и до ихъ сіятелствъ, пановъ минѣстровъ, и до протчихъ персонъ, представляючи наше прошеніе, даби ихъ ходатайствомъ въ обидахъ своихъ же, отъ помянутого пана полковника дѣючихся, возмоглъ получити защищеніе и оборону: объявляемъ и притомъ зичимъ вашъ мости пану отъ Господа Бога доброго здоровя.

Вашъ мости пану всегда доброжелательный.

Мая 13, 1731 г.
Глуховъ.

VI.

Черновая ходатайственнаго письма гетмана Апостола къ разнымъ лицамъ за И. И. Кондратьева.

Полку сумского полковій господинъ сотникъ Иванъ Ивановъ Кондратьевъ, поносячи отъ полковника сумского Василія Осипова незносніе обыди и разоренія, отъ которыхъ дабы моглъ по милости е. и. в. имѣти защищеніе и оборону, ему показанніе, просилъ мене въ томъ до вашего графского сіятелства за нимъ внести свою инстанцію. Какіе отъ полковника сумского усмотрѣвши я обиди и разоренія и вѣдаючи тотъ домъ за вѣрнорадителние ку престолу всероссійскому службы въ милости монаршой содержимий, ибо и дѣдъ его, Кондратьева, на службѣ і. в. за достоинство монаршое обстоючи, свое окончалъ житіе, покорное мое за нимъ до вашого графского сиятелства вношу прошеніе, дабы онъ дѣйствителнымъ вашого графского сіятельства ходатайствомъ въ обыдахъ своихъ милостивѣйшій е. і. в. моглъ получити указъ, въ чемъ мое усугубляючи прошеніе, патронской в. с. полецаю мя милости и затимъ пребываю.

Внизу помѣта: До гр. Головкина, до Василія Володимеровича Долгорукова, до Павла Ивановича Ягужинского, до Курбатова.

Мая 13 дня, 1731 г.
Глуховъ.

VII.

Письмо гетмана Апостола къ сотнику Кондратьеву.

Панъ Кондратьевъ!

При листѣ полковника ахтирского, пана Алексѣя Лесевѣцкого, по дѣлу вашей милости зъ полковникомъ сумскимъ заводному

получивши мы, копію розиску посилаемъ до вашей милости для вѣдома, а при томъ за вашъ мость и листи наши зъ инстанціею пишемъ до ихъ сіятелствъ, гг. минѣстровъ, и до прочихъ особъ, даби ихъ дѣйствителнимъ ходатайствомъ вашъ мость въ дѣлѣ своемъ милостивѣйшій и. в. возмоглъ получити указъ, которіи листи, даби отдани рукамъ належнимъ, при семъ сообщаемъ, и затимъ вашъ мости доброздравленнаго поведенія зичимъ. Зъ Глухова, мая 13 дня, 1731 года.

IX.

Письмо старшинъ сумскаго полка Маркова и Романова къ гетману Апостолу.

Ясневелможній мосцѣ пане гетманъ и кавалеръ, премилостивѣйшій нашъ пане и великій добродѣю!

Не имѣючи по Бозѣ иния надежди, токмо на вашу велможность, нашего премилостивѣйшаго пана отческое милосердное защищеніе, въ чемъ и ныне служебничо предложивши, всепокорственно рабски просимъ за Иваномъ Ивановичемъ превисокоповажной вашея велможности инстанціи до превисочайшихъ сенаторовъ къ Москве, милостивое призрѣніе въ томъ явля, даби оной своего желанія не билъ оставленъ, понеже и г. полковникъ къ Москве отъехалъ, не сдѣлалъ бы какимъ образомъ препони. А яково отъ полку за нашими старшинскими и товариства руками прошеніе сего іюня въ первыхъ числѣхъ къ показанію къ Москве же отправлено, во предложеніе вашей панской велможности при семъ объявляемъ, а болше во всемъ на превисокое велможности вашей милостивое отческое вспоможеніе надѣючися, падши до стопи ногъ вашея велможности, рабски служебничо просимъ.

Вашея велможности, нашего премилостивѣйшого пана, великого добродѣя всенижайшіе слуги

Асаулъ полковой Кондратъ Марковъ.
Полковой судья Иванъ Романовъ.

1731 году
Іюля 23 дня
Сумы.

X.

Копія челобитной старшины и товариства сумскаго полка на высочайшее имя объ удаленіи отъ полковничьяго уряда Василія Перекрестова-Осипова и назначеніи на его мѣсто сотника Ивана Кондратьева.

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая великая государыня императрица Анна Іоановна, самодержица всероссійская.

Въ прошлихъ годехъ Герасимъ Кондратьевъ пришелъ изъ заднѣпрянскихъ городовъ подъ высокодержавную руку блаженнія и вечно достойнія памяти великого государя, царя и великого князя, Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малія и Бѣлія Россіи самодержца, і отсель жилъ на пустомъ месте промежъ белгородской и путивлской черги надъ речкою Сумкою, которыми местами хажевали крымскіе и нагайскіе татари подъ украинскіе городи и великоросійскіе для разоренія. И призвалъ онъ, Герасимъ Кондратьевъ, дедовъ и отцевъ и родственниковъ нашихъ и другихъ многое число изъ за-днѣпранскихъ и изъ гетманскихъ городовъ жителей, по верности россійскому государству, и населилъ первие городъ Суми, а потомъ къ городу Сумамъ многіе городи и села и деревни, и устроилъ полкъ и монастири и церкви Божія, и за то онъ, Г. К., пожалованъ въ томъ городе Сумахъ полковникомъ, и не щадя здравія и живота своего за россійское государство и за вѣру православную християнского закона, такожъ и за сумскій полкъ, верно и непоколебимо, не имѣя жадного на себе подозренія, изъ деди и отци и родственниками нашими и всеми полчанами сумскими безпрестанно и на многихъ бояхъ и приступахъ противъ непріятелей и измѣнниковъ бивалъ, и многими тяжелими и удрученными ранами раненъ, и отъ тихъ ранъ онъ, Герасимъ, умре. Такожъ и дети ево, Герасима Кондратьева, Григорій Герасимовъ Кондратьевъ, полковникъ сумскій, во многихъ походахъ и бояхъ бивалъ и до самой смерти служилъ верно. Андрей Герасимовъ сынъ Кондратьевъ, столникъ и полковникъ сумскій, во многихъ походахъ и бояхъ съ нами, вашего императорского величества нижайшими и верными рабами, бивалъ и, будуче въ походе противъ изменника Булавина, убитъ на баталѣи надъ рекою Уразовою. Романъ Гера-

симовъ Кондратьевъ, столникъ и полковникъ ахтирскій, во многихъ походахъ и бояхъ съ нами нижайшими и верными рабами билъ же и во всякой верности и раденію по смерть свою служилъ. О чемъ явствуютъ за верную и непоколебимую оныхъ Кондратьевыхъ и насъ, рабовъ, службу милостиво жалованніе похвалніе грамоти блаженнія и вечно достойнія памяти россійскаго державенства великихъ государей, что впредъ никогда Кондратьевыхъ верная служба не будетѣ забвенна. А по смерти полковника сумского Ивана Андреева сына Кондратьева, по линіи и по заслуге Кондратьевыхъ, остался Иванъ Ивановъ сынъ Кондратьевъ, и въ прошломъ 1730 году определенъ въ сумской полкъ полковимъ сотникомъ. А на осталомъ въ сумскомъ полку, заслуженному его Ивановимъ прадедомъ и деди и отцемъ Кондратьевыми, полковничемъ месте зостаетъ полковникъ, безъ жадной сумскому полку заслуги и безъ нашого прошенія изъ слободского ахтирского полку Василій Перекрестовъ, которой нине сливетъ Осиповъ. А онъ, сотникъ Иванъ Кондратьевъ, отъ заслуженного кровію и ранами полковничего места зостаетъ отдаленъ въ такой силе: въ прошломъ 728 г., когда онъ Василей просилъ о пожалованіи въ сумской полкъ полковникомъ на место умершого полковника Ивана Андреева сина Кондратьева, а ево, Ивана Кондратьева, написано будто онъ въ малихъ летехъ и безграмотенъ. А онъ, Иванъ, якъ въ те пори билъ болше 20 летъ, такъ и ныне состоитъ болшъ 25 л. и грамотенъ, и писать умѣющій, и во всемъ постояненъ и добръ, и высокомонаршему в. и в. престолу во всякой службе вѣренъ. А понеже и въ грамотѣ блаженнія и вечно достойнія памяти вселюбезнѣйшаго отца вашево імператорского величества государя и царя и великаго князя Іоанна Алексѣевича, и любезнѣйшаго дяди вашего, первого императорского величества великого государя императора Петра Алексѣевича, всея Великия и Малия и Белия Россіи самодержцовъ, данной въ лето семъ тисячъ двусотого году іюня двадцат первого дня въ ахтирской полкъ на полковничество деду его Иванову, столнику Роману Герасимову сыну Кондратьеву, написано, чтобъ Ивана Перекреста отъ полковничества ахтирскаго отставить, и ему Перекресту, и его родственникамъ и советникамъ и единомышленникамъ нине и впредъ въ полковникахъ и въ полковой старшине не быть, а нинѣ оного Ивана родной внукъ, Василей Перекрестовъ, а сливетъ, неведомо чего ради, Оси-

повъ, въ сумскомъ полку безъ жадной заслуги зостаетъ полковникомъ, хочетъ онъ, Василей Перекрестовъ, его Ивана Кондратьева, изъ заслуженного верностію и кровію и ранами прадедовъ и деди и отцемъ ево Кондратьевыми полковнического места вовсе отбить и чинить ему Івану и намъ, в. и в. нижайшимъ рабамъ, немалия налоги и обиди. Съ которой грамоти, для всемилостивѣйшаго разсмотрѣнія, пріобщаемъ при этомъ копію.

Всемилостивѣйшая государиня императрица! просимъ вашего императорсково величества да повелитъ державство ваше сіе наше, нижайшихъ и верныхъ рабовъ, челобитіе милостиво принять, и за прежніе знатніе и верно радителніе кровію и ранами прадеда и дедовъ и отца ево, Ивана Кондратьева, служби его Ивана пожаловать въ сумской полкъ полковникомъ, а означенного Василія Перекрестова отъ полковничества сумского отставить, чтобъ онъ, Василей, не разорилъ ево, Ивана, и насъ таможъ, какъ и дедъ ево, Иванъ Перекрестовъ, въ ахтирскомъ полку починилъ много обидъ и разоренія, за что и отъ полковничества отставленъ по вышеозначенной государственной грамоте. А что нине и онъ, Василей, въ сумскомъ полку починилъ обиди, о томъ, по одставленіи ево, Василія, отъ полковничества, явственно будетъ отъ всякого обиженного норознь. А ежели о немъ, Василію Перекрестову, явится какое отъ полку сумского даби ему бить полковникомъ прошеніе, и такому би прошенію не вѣрить, всепокорственно просимъ, понеже такое прошеніе онъ, Перекрестовъ, природнимъ своимъ пронирствомъ составя, инныхъ страстію, а другихъ обманою до подпису руки приводилъ, о чемъ вяще при слѣдствіи то ясно покажется. А онъ, Иванъ Кондратьевъ, надѣется, что во всякой верности и раденію такъ, какъ предедъ и деди и отецъ его Кондратьевы, полковники сумскіе, служили верно и радително, безъ жадного пороку будетъ служить вашему императорскому величеству съ нами вместе верно и радително.

Вашего императорского величества нижайшіе раби ниженодписавшіеся сумского слободского полку выборніи козаки съ товарищи:

Асаулъ полковій Кондратъ Марковъ.

Полковій судья Иванъ Романовъ,

Белополской согникъ Федоръ Куколь-Яснопольскій съ товариствомъ.

Лебединскій сотникъ Тимоѳей Красовскій съ товарищцами.

Межирицкой сотникъ Алексѣй Марковъ съ товариствомъ.

Ворожбы бѣлополскій сотникъ Алексѣй Болдиръ съ товариствомъ.

Суджанской сотникъ Иванъ Романовъ съ товариствомъ
да наказной суджанской Иванъ Кириловъ съ товариствомъ.

X.

Письмо гетмана Апостола къ сумской старшинѣ.

Мои ласкавіи милостивіе пани асаули и судіи полковіи сумскіе!

Листъ вашъ мосци, іюня 23 дня до насъ писаній, и при немъ сообщенную копію челобитной вашей на имя ея императорского величества зъ инстанціею за Иваномъ Ивановичемъ получили мы того-же іюня 26, въ которомъ изображено ваше прошеніе, дабы мы за мененнимъ Иваномъ Ивановичемъ до ихъ сіятелствъ господъ минѣстровъ инстанціалніе одъ себе писали листи. Прето предлагаемъ, ижъ якъ и прежде сего за вишепоказаннимъ Иваномъ Ивановичемъ писано одъ насъ до ихъ сіятелствъ, господъ минѣстровъ, такъ и по сему письменному вашему прошенію писать не оставимъ, только бъ вы, якъ ныне, такъ и впредь за нимъ Иваномъ Ивановичемъ слова своего і інструкціи додержали. При семъ доброго отъ Господа Бога зичимъ вамъ здоровья. Зъ Глухова, іюня 26 дня 1731 году.

XI.

Черновка письма гетмана Апостола къ разнымъ лицамъ съ ходатайствомъ объ И. И. Кондратьевѣ.

Листи до ихъ сіятелствъ, господъ минѣстровъ.

Якъ передъ симъ минувшого мая 13 дня сего 1731 году писалъ я до вашего графского сіятелства, просячи за Иваномъ Ивановымъ синомъ Кондратьевымъ, сотникомъ полковимъ сумскимъ, такъ и теперь за нимъ же вносючи мою до вашего графского сіятелства інтерцесію, покорнѣйше прошу, благоволи, ваше графское сіятелство, явити къ нему, Ивану Кондратьеву, въ прошеніи его патронскую свою милость, которой и самого мене рекомендую навсегда.

1731 году.
Іюня 28 дня.
Глуховъ.

XII.

Письмо гетмана Апостола къ сотнику Кондратьеву.

Пане Кондратьевъ!

Якъ передъ симъ минувшаго мая 13 дня сего 1731 г. писали мы до ихъ сіятелствъ, господъ минѣстровъ, просячи за вашу милость, такъ и теперь до ихъ сіятелствъ листи наши зъ инстанціею пишемъ, дабы ихъ дѣйствителнимъ ходатайствомъ въ томъ дѣлѣ своемъ милостивѣйшій е. и в. возмоглъ получити указъ, которіи листи, для отданія рукамъ належнимъ, при семъ сообщаемъ, и затимъ вашей милости доброздравленнаго поведенія зичимъ. Зъ Глухова, іюля 3 дня 1731 году.

XIII.

Письмо графа Вейсбаха къ гетману Апостолу.

Ясне велможный и высокоповажный господинъ гетьманъ и кавалеръ!

Вашей ясневелможности письмо, отъ 22 дня сего іюля писанное, мною 29 числа получено, въ которомъ изволите упоминать по пріобщенной съ челобитной копіи Ивана Кондратьева, по объявленію отъ него изъ Москвы къ вашей велможности, якобы онъ, Кондратьевъ, получилъ себѣ ея императорскаго величества указъ о бытіи ему съ командою своею въ команде нашей, а полковнику объ немъ и подкомандныхъ ево не вѣдать; такожъ что отъ его свѣтлости, господина генерала ѳелтъ-маршала и кавалера, послана при ордере полковая челобитная за нимъ, Кондратьевымъ, о удостоинстве ево въ полковничій рангъ, яко бы велено намъ о томъ прислать въ Москву мненіе, по которому о полковничестве, где надлежитъ, представлено будетъ и на оное вашей ясневелможности объявляю, что я ордера и при томъ челобитной отъ его свѣтлости въ полученіи не имѣю. Егда получю, то по оному ордеру исполнение отъ меня имѣетъ учинено быть, и въ чемъ будетъ моя возможность, то для вашей ясневелможности къ оному Кондратьеву свою склонность показывать готовъ. Впрочемъ пребываю вашей ясневелможности охотнимъ слугою.

Іюня 30 дня
1731 году.
Полтава.
Гетману.

Фонъ де-Вейсбахъ.

XIV.

Черновое письмо гетмана Апостола къ графу Вейсбаху.

Листъ до графа генерала де Вейсбаха.

Вашего графского сіятелства листъ, подъ датою минувшого

изволите ваше графское сiятелство объявить, что ордера и притомъ челобитной отъ его свѣтлости, господина генерала фельтмаршала и кавалера, о Ивану Кондратьеву въ полученiи ваше графское сiятелство не имѣете и егда получите, то по оному ордеру исполненiе отъ вашего графского сiятелства учинено быть имѣетъ и въ чемъ будетъ в. г. с. возможно, для мене къ оному Кондратьеву свою склонность показывать изволите.

Того ради, якъ прежде сего, такъ и теперъ, въ надежду благодетелской в. г. сiятелства и мною дознанной прiязни пишучи до в. г. сiятелства, покорне прошу, если таковiй ея имп. величества указъ о битiи ему съ командою своею въ командѣ в. г. сiятелства, такожъ отъ его свѣтлости, господина генерала фелтмаршала и кавалера, ордеръ съ прошенiемъ челобитной въ удостойствiе его въ полковничiй рангъ ко представленiю в. г. сiятелства мнѣнiя за нимъ, Кондратьевымъ, получены будутъ, да благоволите в. г. сiятелство за нимъ Кондратьевымъ куда надлежитъ послать мнѣнiе, по которому бы онъ, Кондратьевъ, онiй чинъ полковничества, по знатнимъ заслугамъ предковъ своихъ и по желанiю тамошнихъ полчанъ, получити моглъ. Впрочемъ пребывая...

Августа 7 1731 году.

XV.

Черновое письмо гетмана Апостола къ разнымъ лицамъ съ ходатайствомъ о Кондратьевѣ.

Якъ передъ симъ всенижайшую мою до вашего графского сiятелства вносылъ я инстанцiю за племѣнникомъ моимъ Иваномъ Ивановимъ синомъ Кондратьевымъ, сотникомъ полковимъ сумскимъ, такъ и ныне о томъ же имѣю трудить высокую вашего графского сiятелства особу, что понеже предковъ Кондратьевихъ всеросiйскому монаршому престолу служба явственна есть, ибо дѣдъ его Кондратьевъ на службѣ монаршой, за достоинство монаршое обстоючи, и животъ свой окончилъ, за якiе ревностнiе прислуги дани предкамъ ихъ же, Кондратьевихъ, жалованнiя високомонаршiя грамоти, чтобъ въ сумскомъ полку имъ полковниками быть зъ ихъ, Кондратьевихъ, линiи безперемѣнно, того ради всепокорнѣйше прошу помянутому Ивану Кондратьеву въ прошенiи его явить патронскую вашего графского сiятелства милость, дабы за предстателствомъ вашего графского сiятелства явлена была къ нему високай-

шая ея имп. велич. милость и благопризрѣніе, чтобъ онъ по заслугамъ предковъ своихъ и пожалованнимъ имъ високомонаршимъ грамотамъ удостоенъ былъ чиномъ полковничества сумского. О якое патронское предстателство со усугубленіемъ моимъ просячи, пригомъ и самого мя патронской вашей милости навсегда ввѣряя, пребываю...

Внизу приписка: До канцлера Гаврила Ивановича Головина, до вице-канцлера Андрея Ивановича, до Ушакова, до князя Шаховскаго, до Бирона.

10 февр. 1732 году.

XVI.

Письмо гетмана Апостола къ кіевскому генералъ-губернатору.

Сіятельнѣйшій графъ и високопревосходителнѣйшій господинъ генералъ-аншефъ, генералъ-губернаторъ кіевскій и кавалеръ, мой особливій ласкавій благодѣтель!

Прибывши въ Глуховъ, племянникъ нашъ, сотникъ полковій сумскій Иванъ Кондратьевъ объявилъ намъ, яко къ нему, Кондратьеву, въ произвожденіи его въ чинъ сумского полковничества доволно показуется вашего графского сіятелства патронства, за что по премногу вашему графскому сіятелству благодарствую; и понеже предковъ его, Кондратьевихъ, къ всероссійскому монаршему престолу служба явственна есть, ибо дедъ его, Кондратьевъ, на службѣ монаршой, за достоинство монаршое обстоюючи, и животъ свой окончилъ и за оніе ревностніе прислуги дани предкамъ ихъ же, Кондратьевихъ, жалованніе високомонаршіе грамоты, чтобъ въ сумскомъ полку полковниками быть съ ихъ, Кондратьевихъ, лѣніи безпеременно; того ради за нимъ, Кондратьевимъ, вашего графского сіятелства благопріятно прошу въ томъ его безпомощна не оставить, ижъ бы предстателствомъ и патронскимъ вспомоществованіемъ в. г. с. снискана была ему высочайшая е. и. в. милость и благопризрѣніе, чтобъ онъ, по заслугамъ предковъ своихъ и по жалованнымъ имъ высокомонаршимъ грамотамъ, былъ въ тотъ полковничества чинъ удостоинъ, за что всегдашними услугами моими вашему графскому сіятелству возблагодарить одолжаюсь, навсегда пребывая

Вашего сіятелства доброжелательнѣйшій ея императорского величества войска запорожского обоихъ сторонъ Днѣпра гетманъ.

Февраля дня
1732 году
Глуховъ.

Сообщ. **А. Твердохлѣбовъ.**

Библіографія.

Андрей Степановичъ Милорадовичъ, покоритель Мачина въ 1771 г., губернаторъ черниговскаго намѣстничества († 1791 г.), съ приложеніемъ 57 писемъ къ нему. Изд. второе. Черниговъ. 1887 г.

Настоящее изданіе этой книжки отличается отъ перваго, напечатаннаго въ 1878 г., приложеніемъ къ ней 57-ми писемъ къ Милорадовичу разныхъ «высокопоставленныхъ» лицъ конца XVIII в., какъ-то: Потемкина, Суворова, Реннина, Вяземскаго и друг. Письма эти были уже частью напечатаны въ Черниг. Губ. Вѣдомостяхъ прошлаго года и въ Черниговскомъ Календарѣ на текущій годъ. Особеннаго мѣстнаго интереса письма эти не представляютъ, за исключеніемъ развѣ писемъ гр. П. В. Завадовскаго, которому принадлежитъ найбольшее количество изъ напечатанныхъ (21) и Евдокіи Михайловны Безбородко (матери кн. Александра Безбородко). И тотъ и другая преимущественно «радѣютъ» о своихъ близкихъ и «родныхъ человѣчкахъ», выпрашивая имъ разныя мѣста у губернатора обширнаго намѣстничества. Съ своей стороны Завадовскій стоялъ въ Петербургѣ на стражѣ интересовъ Милорадовича, увѣдомляя послѣдняго о своемъ «радѣніи» темными для насъ записочками, какъ напр.: «Тянется ваша судьбина еще до нѣкотораго времени. Не думайте, чтобы сіе ради васъ дѣлалось. Часто терпятъ люди не по своимъ причинамъ. Сіе преодолѣть мое дѣло. Будьте покойны, я не останусь во лже предъ вами; мѣсецъ и другой не сдѣлаетъ разницы. Сильной водѣ не ставятъ вдругъ плотины, по порѣ выигрываютъ». Письма Завадовскаго писаны собственноручно и по нимъ можно заключать, что Завадовскій недаромъ пользовался славою хорошаго стилиста, хотя и уступавшаго даровитому своему земляку-товарищу—Безбородку. Не

смотря на недавно напечатанную статью о Завадовскомъ (Русск. Арх. 1883 г., II, 81—174), послѣдній ждетъ еще своего біографа, который долженъ подробнѣе разсказать повѣсть о жизни этого сентиментальнаго (См. письма Завадовскаго въ XII-й кн. Арх. кн. Воронцова) человѣка «случая»[1]).

А. Л.

Складка. Альманахъ. Року Божого 1887. № 1. Спорудывъ Вл. Александровъ. Харькивъ.

Малорусская литература послѣдняго десятилѣтія пополняется все почти альманахами. Со временемъ этотъ періодъ ея такъ и можно будетъ назвать *альманашнымъ.* Альманахи являются и толще и тоньше, наполняются и прозой и стихами, даже преимущественно и исключительно стихами, а содержаніе ихъ всегда почти одно и тоже. Чѣмъ они вызываются, какой потребности и въ какой мѣрѣ удовлетворяютъ, есть ли тутъ поступательное движеніе мѣстной общественной жизни и духа, обработка и развитіе языка, или отраженіе современнаго состоянія народной жизни, на эти и другіе подобные вопросы отвѣчать трудно и по многому неудобно. Но отмѣтить въ мѣстной библіографіи и эти литературныя приращенія необходимо. Со временемъ получатся отъ такихъ замѣтокъ выводы, а какіе—вопросъ будущаго.

На простой взглядъ появленіе такихъ литературныхъ сборниковъ свидѣтельствуетъ о неугасшей еще въ нѣкоторой части мѣстнаго общества любви къ родной рѣчи, а самое возникновеніе ихъ представляется въ такомъ видѣ. Въ любомъ изъ нашихъ южныхъ городовъ: Одессѣ, Кіевѣ или Харьковѣ всегда найдется нѣсколько лицъ и любящихъ родную рѣчь, и знакомыхъ съ версификаціею; напишутъ они на досугѣ по нѣскольку стихотвореній, подѣлятся другъ съ другомъ, а кто нибудь и возьмется «спорудыть» изъ нихъ «збирныкъ», вотъ и явится «Складка» или съ инымъ названіемъ альманахъ. Конечно, поэтическихъ произведеній тутъ нечего искать, да и было бы странно, чтобы вдругъ въ одномъ напр. Харьковѣ объявилось разомъ 8 или 10 поэтовъ. Дарованія и умѣнье пишущихъ тутъ различны, даже просто съ признаками таланта найдется одинъ или два, но все таки явится книжка, какая-то

---

[1]) Для будущаго біографа Завадовскаго укажемъ интересныя три его письма къ Фридрикевичу, напечатанныя гр. Гр. А. Милорадовичемъ въ Черниг. Губ. Вѣд. 1883 г., № 49, а также замѣтки о Завадовскомъ въ Русск. Арх. 1887 г. № 1, 118—128.

цѣль достигнется, какая-то потребность удовлетворится—въ тѣсномъ кругу, въ узкой формѣ..., ну, да это дѣло другое.

Въ такомъ видѣ представляется намъ и настоящій харьковскій Сборникъ. Весь онъ состоитъ изъ стихотвореній, а лучшими изъ нихъ на нашъ взглядъ являются стихотворенія г. Ц. Билиловскаго. Начнемъ съ самаго главнаго: «Писни про дзвинъ», превосходнаго перевода «Пѣсни о колоколѣ» Шиллера. Сравнивая переводъ г. Билиловскаго съ нѣмецкимъ подлинникомъ и затѣмъ съ русскими переводами Д. Мина и А. Глинки, мы по долгу справедливости и по чувству художественной истины должны отдать предпочтеніе переводу г. Билиловскаго, простому, ясному и въ тоже время сильному и выразительному. «Пѣсня о колоколѣ» можетъ служить пробнымъ камнемъ для художественной силы переводчика и его знанія языка, на который переводится этотъ величественный памятникъ нѣмецкой поэзіи, и для самой литературной разработки и силы этого языка. Какъ извѣстно, Шиллеръ въ «Пѣснѣ о колоколѣ» представилъ исторію человѣческой жизни въ главныхъ ея моментахъ, рожденіи, юности, первой любви, семейныхъ радостяхъ и печаляхъ, старости и кончинѣ человѣка въ отдѣльности, и кромѣ того въ мирныхъ и революціонныхъ проявленіяхъ общественной жизни. Разнообразныя картины и положенія человѣческой жизни объединены тутъ однимъ внѣшнимъ процессомъ выливки колокола. Въ самомъ языкѣ «Пѣсни о колоколѣ» обнаруживается большое разнообразіе. Въ однихъ мѣстахъ, гдѣ рѣчь идетъ о молодости, любви, тихихъ радостяхъ семейной жизни, стихъ Шиллера льется плавно и нѣжно; въ другихъ, какъ при изображеніяхъ пожара и народнаго бунта, онъ звучитъ тяжело, грозно. Въ особенности большія трудности для перевода представляетъ художественное изображеніе выливки колокола, со всѣми относящимися къ этому дѣлу техническими особенностями. Къ чести г. Билиловскаго сказать надо, что онъ весьма удачно справился съ трудностями перевода и этимъ доказалъ не только свою личную даровитость, но и естественную пригодность для такого дѣла малорусскаго языка. Уже первыя строфы перевода: «Зъ глины выроблена форма въ землю вкопана стоитъ»... гораздо точнѣе передаютъ слова подлинника: «Fest gemauert in der Erden st ht die form, aus Lehm gebrandt», чѣмъ извѣстный переводъ Мина: „Утвердивши форму въ глинѣ, обожженную огнемъ“: по послѣднему не форма выходитъ глиняная, но только утверждается она въ глинѣ, что не составляетъ необходимости при выливкѣ колокола, такъ какъ форма можетъ быть вставлена въ черноземъ.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи перевода одно, чуть ли не самое прекрасное мѣсто «Пѣсни»: Denn mit der Freüde Feurklange begrüst sie das

geliebte Kind..., переданное у Мина словами: «Веселый звонъ святого пира встрѣчаетъ милое дитя», съ нѣкоторою безсмысленностію въ первомъ стихѣ, въ послѣдующихъ же вообще темно и напыщенно,—проще, вѣрнѣе и сильнѣе переводится у Билиловскаго словами: «Прывитно и радостно вытае въ сели дзвпнъ любое дытя»...

Подъ рукою г. Билиловскаго шиллеровская картина счастливой семейной жизни получила украинскую окраску, при вѣрности перевода, и этотъ оттѣнокъ получился здѣсь отъ языка ѣеревода:

Дитей щира мати
И хазаинуе,
И вчить, и муштруе,
Хлопьятъ и дивчатокъ,
Щобъ выйшли зъ нихъ люде.
И варить, и мые,
Одежину шые...

И далѣе:

Добромъ наповняе малёвани скрыни,
Пряде и вышивае сорочку дитыни,
Та дбае, складае у скрыню на дно
Клубки и пивмитки, сукно и полотно,
Працюе щоденно для-ради споживку,
Не знае спочивку.
А батько господарь то десь на току,
То десь на толоци, або у млинку,
Або при уликахъ пъ садку...

Въ концѣ перевода г. Билиловскаго мы замѣтили двѣ-три небольшихъ погрѣшности противъ подлинника и пропускъ нѣсколькихъ строкъ оригинала. Слабо напр. переданъ похоронный звонъ, слабѣе, чѣмъ у Мина и у Глинки, но за то ясно, просто и близко къ подлиннику переданы техническія подробности выливки колокола.

Въ «Складкѣ» помѣщено десять оригинальныхъ стихотвореній г. Билиловскаго, при чемъ въ художественномъ отношеніи выдаются «Житейска мудрость», «Климъ Ганеба», «Корчакъ», «Дайте бо жить» и «Три сестры». Послѣднее произведеніе, состоящее изъ трехъ стихотвореній или пѣсенъ, и по замыслу, и по исполненію можетъ быть названо очень хорошимъ. Три сестры прядутъ и поютъ пѣсни, каждая изъ нихъ выражаетъ въ пѣснѣ свои задушевныя желанія, радости и печали. «Дайте бо жить»—стихотвореніе, полное страсти и силы. Прочитавши это стихотвореніе разъ съ достаточной внимательностью, потомъ какъ то невольно обращаетесь къ нему, перечитываете, повторяете отдѣль-

ныя мѣста и фразы, наконецъ, выучиваете его дословно. Въ стихотвореніяхъ г. Билиловскаго, особенно въ такихъ, какъ «Житейска мудрость», «Климъ Ганеба» и «Десять даровъ на свити», обнаруживается серіозная, философская мысль, законченность и округленность содержанія, стихъ мужественный и сильный, что составляетъ значительное достоинство въ литературѣ, страдающей излишней мягкостью и женственностью стиха, расплывчатостью въ изложеніи, дидактическими изліяніями устарѣвшихъ поэтовъ и туманнымъ фразерствомъ поэтовъ юныхъ.

Г. Самойленко помѣстилъ въ «Складкѣ» шесть стикотвореній разнообразнаго содержанія, и въ томъ числѣ переводъ первой пѣсни Иліады Гомера. Переводъ сдѣланъ хорошо, близко къ подлиннику и въ тоже время просто, безъ выковки словъ, въ чемъ, впрочемъ, и надобности не было, по патріархальной простотѣ Иліады, и главное, безъ искусственныхъ эпитетовъ и сложныхъ словъ, обыкновенно отягощающихъ переводы Гомера. Г. Самойленко пробуетъ свои силы на возвышенныхъ темахъ въ стихотвореніяхъ «Рыдання души», «Зимовый діалогъ», «Гришныця» и на темахъ юмористическаго свойства, напр., въ стихотвореніи «Горе пiиты». Послѣднія два стихотворенія лучше другихъ. Авторъ хорошо владѣетъ языкомъ, удачно справляется съ версификаціею. Повидимому, онъ обладаетъ поэтическимъ талантомъ; но и теперь уже сказать можно, что если онъ подниметъ тонъ своей поэзіи выше «Рыдання души», то потонетъ въ высокопарности и ходульномъ пустословіи; если же захочетъ придать своимъ юмористическимъ стихотвореніямъ еще болѣе игривости, чѣмъ въ «Горѣ пiиты», неизбѣжно впадетъ въ фарсъ и каррикатуру.

В. С. Александровъ, составитель и издатель „Складки", помѣстилъ здѣсь нѣсколько своихъ стихотвореній, мягкихъ и задушевныхъ. Авторъ хорошо владѣетъ малорусскимъ языкомъ, что обнаруживается въ особенности въ его переводахъ. Изъ оригинальныхъ стихотвореній В. С. Александрова лучшими въ Складкѣ является «Безталанна вдова», а изъ переводныхъ «Живе озеро».

Кромѣ того, въ „Складкѣ" помѣщены стихотворенія NN., П. Ричицькаго, Л Переймы, Я. Жарко, Н. Шамраева и А. Навроцкаго, большею частью слабыя. «Улыця» г. Шамраева—настолько слабое и искусственное стихотвореніе, что у читателя возникаетъ желаніе никогда болѣе не встрѣчаться въ литературѣ съ его авторомъ. «На вичну память Костомарову» г. Навроцкаго—высокопарное пустословіе, отъ котораго по прочтеніи не остается въ памяти ни малѣйшаго слѣда. Г. Перейма повторяетъ народныя пѣсни; но мы всегда предпочитаемъ читать малорусскія народныя пѣсни въ чистомъ видѣ, а не въ субъек-

тивномъ и часто невѣжественномъ литературномъ искаженіи. Хорошо было-бы выбрать изъ сборниковъ Чубинскаго, Лопачевскаго, отчасти изъ Головацкаго найболѣе художественныя пѣсни и издать ихъ отдѣльно въ видѣ сборника, чѣмъ вполнѣ и безъ убытка устраненъ былъ-бы г. Перейма, какъ найболѣе безцеремонный сторонникъ плагіата изъ народной поэзіи. З.

Исторія кіевской духовной академіи. Выпускъ первый. Періодъ до-могилянскій. С. Голубева. Кіевъ. 1886 года.

Названное сочиненіе состоитъ изъ изслѣдованія и матеріаловъ или приложеній. Послѣднія занимаютъ цѣлую треть книги, но и самое изслѣдованіе изобилуетъ выдержками изъ разныхъ источниковъ, съ которыми автору приходится имѣть дѣло.

Изслѣдованіе подраздѣляется на четыре главы. Первая глава посвящена изслѣдованію вопроса о началѣ кіевской академіи, а также о времени учрежденія кіевскаго богоявленскаго братства и при немъ школы, изъ которой возникла впослѣдствіи академія. Авторъ излагаетъ такъ сказать исторію этого вопроса или мнѣній по нему еще съ прошлаго столѣтія и старается утвердить мнѣніе покойнаго М. А. Максимовича, что до 1615 г. не существовало ни братства, ни школы, ни монастыря братскаго, ни даже богоявленской церкви. Чего либо новаго во всей этой главѣ мы не нашли; основныя ея положенія были высказаны авторомъ въ статьѣ подъ заглавіемъ: «Древнія и новыя сказанія о началѣ кіевской академіи,» помѣщенной въ январьской книжкѣ „Кіевской Старины“ за 1886 г., какъ возраженія на «Историческія замѣтки о Кіевѣ» Н. Л—ва. Въ настоящемъ своемъ изданіи г. Голубевъ, принимая во вниманіе отвѣтъ на его «Сказанія» Н. Л—ва, помѣщенный въ февральской книжкѣ „Кіевской Старины“ за минувшій годъ, только больше развиваетъ высказанныя имъ раньше положенія и болѣе подробно разбираетъ доказательства, какія приводятся въ защиту двухъ различныхъ мнѣній по вопросу о началѣ кіевской академіи, и ихъ основанія, при чемъ трактуя объ «уписѣ» кіевскихъ братчиковъ, авторъ впервые высказываетъ свою рискованную, чтобъ не сказать больше, теорію возникновенія братствъ изъ коллективнаго патроната городовъ. Во второй главѣ авторъ, добравшись до болѣе точныхъ данныхъ въ начальной исторіи академіи, говоритъ о фундаторшѣ Гальшкѣ Гулевичевой и ея мужѣ, о ея записи на школу и братство, о самомъ учрежденіи братства, его уставѣ и утвержденіи

онаго, о построеніи братской церкви и монастыря и другихъ сопровождающихъ и послѣдующихъ того времени обстоятельствахъ. Въ томъ мѣстѣ этой главы, гдѣ авторъ изслѣдуетъ вопросъ о происхожденіи, родственныхъ связяхъ и имени фундаторши братской школы, встрѣчаются и нѣкоторыя новыя, хотя и второстепенныя данныя, уловленныя г. Голубевымъ въ актахъ кіевскаго центральнаго архива. Въ третьей главѣ авторъ старается что либо сказать о самой школѣ братства, опредѣлить наприм. кругъ предметовъ, преподававшихся въ ней, объемъ преподаванія, руководства, наконецъ, школьные порядки и экономическое положеніе учениковъ; но за недостаткомъ прямыхъ данныхъ, говоритъ обо всемъ этомъ по аналогіи съ тѣмъ, что въ точности извѣстно о другихъ братскихъ школахъ того времени. Глава заключается сообщеніемъ біографическихъ свѣдѣній о ректорахъ школы, учителяхъ и ученикахъ въ до-могилянскій періодъ ея существованія. Четвертая глава представляетъ извлеченіе (съ сокращеніями и нѣкоторыми дополненіями и поправками) изъ 5-й главы прежняго сочиненія автора: «Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники» (Кіевъ. 1883 г.) Въ приложеніяхъ, какъ и въ изслѣдованіи, кое-что уже раньше напечатано въ другихъ изданіяхъ, а иное появляется впервые; перепечатки сдѣланы для болѣе точнаго и правильнаго изданія документовъ съ устраненіемъ тѣхъ ошибокъ, иногда весьма серьезныхъ, которые были допущены въ прежнемъ изданіи. Всѣхъ актовъ 25; изъ нихъ 13 относятся къ біографіи Галшки Гулевичевны или Елисаветы Лозки и ея семьи.—Таково содержаніе книги въ общихъ чертахъ.

Прочитавъ ее, читатель знакомый съ прежними работами г. Голубева припомнитъ многое изъ того, что было имъ помѣщено въ мѣстныхъ періодическихъ изданіяхъ; это объясняется особымъ пріемомъ, который употреблялъ г. Голубевъ при разработкѣ избраннаго имъ предмета. Какъ художникъ, прежде чѣмъ нарисовать задуманную картину, долго работаетъ надъ этюдами, отдѣльными частями картины, такъ и г. Голубевъ разрабатываетъ сначала отдѣльные эпизоды или вопросы своей большой темы, читаетъ ихъ въ мѣстныхъ ученыхъ обществахъ, выслушиваетъ замѣчанія, затѣмъ печатаетъ свои небольшіе доклады и, принявъ во вниманіе критическія указанія, исправляетъ ихъ и сводитъ въ одномъ большомъ трудѣ. Такъ онъ поступилъ при изданіи монографіи о Петрѣ Могилѣ, такъ поступилъ и теперь при изданіи «Исторіи кіевской духовной академіи». Трудъ такимъ образомъ выходитъ болѣе совершеннымъ, положенія болѣе разработанными и выясненными. Но, конечно, положенія будутъ непререкаемы лишь въ такомъ случаѣ, когда выводы приходится дѣлать на болѣе положительныхъ данныхъ,

чѣмъ какія имѣются для рѣшенія двухъ существенныхъ вопросовъ въ нынѣшней монографіи г. Голубева, именно: о происхожденіи братства и времени возникновенія школы. Неопредѣленность такихъ основныхъ документовъ, какъ запись Лозки и упись братчиковъ, оставляютъ много спорныхъ пунктовъ, а потому и упомянутыя выше замѣчанія П. Л—ва на „Древнія и новыя сказанія о началѣ кіевской академіи“ г. Голубева остаются въ своей силѣ. По нашему крайнему разумѣнію, и теперь дѣло ничуть не подвинулось впередъ въ разрѣшеніи этихъ спорныхъ вопросовъ; напротивъ изслѣдованіе г. Голубева о происхожденія братства только болѣе подтверждаетъ доводы его ученаго противника. Что касается мнѣнія автора относительно происхожденія братства изъ коллективнаго патроната, то мы думаемъ, что онъ смѣшиваетъ патронатъ съ правами прихожанъ на церкви, нерѣдко сооружавшіяся ими на собственныя средства. Право королевскаго и владѣльческаго патроната выражалось въ утвержденіи духовнаго лица въ должности, на которую оно избрано обществомъ, тогда какъ право прихожанъ относилось къ хозяйству церкви, выбору священно-служителя и заботѣ о матеріальномъ обезпеченіи его и нуждающихся членовъ прихода. Церкви издавна служили центрами, около которыхъ группировалось населеніе въ своей торговой, промышленной, судебной и административной жизни. Изъ этихъ-то союзовъ прихожанъ и развились братства, но вовсе не изъ патроната; коллективный патронатъ въ городахъ перешелъ въ руки не прихожанъ, а магистратовъ, подобно тому какъ и въ селахъ, рядомъ съ владѣльческимъ патронатомъ, существовала ґромада, выбиравшая себѣ священника и завѣдывавшая благолѣпіемъ храма и богослуженія и дѣлами благотворительности. Г. Голубевъ конечно правъ, говоря, что жизнь и дѣятельность братствъ измѣнились въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка, что упадокъ нравственности въ средѣ высшаго православнаго духовенства и развитіе ересей, въ связи съ распространеніемъ католичества, вызвали братства на борьбу, указали новыя для нихъ задачи дѣятельности и образовали изъ нихъ такимъ образомъ религіозно-оборонительные и просвѣтительные союзы; но очень возможно, что для кіевскаго братства такой моментъ наступилъ около 1615 года, что изъ этого братства, заботившагося не только о братскомъ монастырѣ и школѣ, но и о другихъ кіевскихъ монастыряхъ, выдѣлилось братство Богоявленское, когда потребовали того обстоятельства мѣстной жизни. Точно также нельзя согласиться съ мнѣніемъ С. Т. Голубева, будто до начала XVII вѣка въ Кіевѣ не было школъ. Оставляя въ сторонѣ всѣ другія противъ этого доводы и соображенія, укажемъ лишь на одинъ вещественный памят-

никъ, который былъ бы не мыслимъ безъ ихъ существованія, это кіевскій почеркъ. Кіевское письмо по красотѣ своихъ закругленныхъ буквъ не имѣло себѣ подобнаго; оно раньше, чѣмъ письмо волынское и подольское, переходитъ въ скоропись изъ полууставнаго письма и, оставаясь всегда чисто русскимъ, не полонизованнымъ, всегда и вездѣ легко можетъ быть отличено. И удивительно, оно переходитъ позже на лѣвый берегъ Днѣпра, въ черниговскую и полтавскую губерніи, но не въ свои ближайшіе города: Житомиръ, Овручъ и другіе на правой сторонѣ. Можно, кажется, сказать даже, что оно идетъ рука объ руку съ религіознымъ вліяніемъ Кіева и распространеніемъ просвѣщенія, исходившаго изъ братской школы. Почеркъ этотъ мы находимъ уже развившимся въ половинѣ XVI вѣка и даже раньше. Гдѣ же онъ могъ развиться, какъ не въ кіевскихъ школахъ? Гдѣ могъ онъ такъ долго поддерживаться и сохранять свой отличный характеръ, удерживавшійся въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ (XVI, XVII и XVIII) и уступившій только сѣверно-русскому вліянію въ началѣ XIX вѣка, какъ не въ школахъ, одну изъ которыхъ жена мозырскаго маршалка Елисавета Лозка и ввела въ пожертвованный ею домъ и грунтъ?

Не касаясь другихъ менѣе важныхъ спорныхъ вопросовъ, связанныхъ съ исторіей возникновенія кіевской школы и братства, и обходя вниманіемъ тѣ мелкіе недосмотры, какіе допущены авторомъ и отчасти исправлены проф. А. И. Соболевскимъ въ его рецензіи на разбираемую нами книгу (Журналъ мин. народ. просвѣщенія, 1887 года, мартъ), замѣтимъ лишь, что почтенный авторъ ошибается, предполагая, что книги мозырскаго повѣта, которыя могутъ заключать въ себѣ матеріалъ для біографіи Лозокъ, не сохранились; напротивъ, они цѣлы и хранятся въ виленскомъ центральномъ архивѣ, начинаясь съ половины XVII в. (См. Каталогъ этого архива, стр. 429); найболѣе ранняя книга относится къ 1655 году.

Не смотря на все сказанное, монографія г. Голубева является цѣннымъ пріобрѣтеніемъ для людей науки, какъ потому, что указываетъ на необходимость болѣе подробной разработки многихъ сторонъ малоизвѣстной намъ частной и общественной жизни нашего края въ XVI вѣкѣ, такъ и потому, что благодаря своду въ ней всего, что касается затронутаго вопроса, она облегчаетъ его дальнѣйшую разработку.

Остается пожелать скорѣйшаго продолженія начатой авторомъ «Исторіи кіевской академіи», равно какъ продолженія и другаго его, болѣе ранняго, изслѣдованія о «Кіевскомъ митрополитѣ Петрѣ Могилѣ и его сподвижникахъ».

И. Каманинъ.

Дополненіе къ библіографическому указателю матеріаловъ для изученія жизни и произведеній Т. Гр. Шевченка.

Напечатанный мною въ 3 и 4 кн. «Кіевской Старины» за 1886 г. Библіографическій указатель матеріаловъ для изученія жизни и произведеній Т. Г. Шевченка, какъ и слѣдовало ожидать, оказался не безъ пропусковъ, которые произошли главнымъ образомъ вслѣдствіе невозможности просмотрѣть галицко-русскія періодическія изданія. Пробѣлъ этотъ въ настоящее время значительно пополненъ мною, и я предлагаю это дополненіе пропущенныхъ указаній, расположивъ ихъ для удобства въ хронологическомъ порядкѣ.

А. Комаровъ.

1843 г.

1) *Die Hajdamaken.* Gedicht von T. Schewchenko—Jahrbücher für slawiesche Literatur. T. I, стр. 8.

1847 г.

2) *Allgemeine Zeitung.* № 185. (Объ арестѣ Костомарова, Шевченка и др.).

1859 г.

3) *Поэзіи Т. Шевченка.* Липськъ. 1859 р. 34 стр. 16 ч. (Здѣсь помѣщены: Кавказъ, Холодный яръ, Заповитъ, Розрыта могила, За думою дума роемъ вылитае и Посланіе до землякивъ).

1860 г.

4) *Катерина,* поэма Т. Шевченка. Переводъ Н. Гербеля. Русское слово, кн. 9.

5) *Тополь,* поэма Т. Шевченка, пер. Н. Гербеля. Современникъ, кн. 3.

1861 г.

6) *Основа, кн. 4.* О народности въ религіозной жизни. По поводу смерти Т. Шевченка.

7) *Свѣточъ,* 7 ст. 38. Рецензія на брошюру А. Чужбинскаго „Воспоминаніе о Т. Г. Шевченкѣ“.

1862 г.

8) *Вечерныци,* 22. Згадка за Шевченка; ёго смерть и похоронъ. Писля Л. Жемчужникова написавъ *К. Климковичъ.*

9) *Вечерныци.* 35—43. Сливце правды Dziennik—ови Literack—ому про Т. Шевченка. Написавъ *Будеволя.*

1865 г.

10) *Мета.* 2 и 3. Шевченкови поминки. Вечерныци въ памъять Шевченка и ричъ про его—*Будеволи.*

1866 г.

11) *К. Климковичъ.* Тарасови на вичну памьять. У пъяти роковыны смерти его. Львивъ. 1866 р.

12) *Ю. Федьковичъ.* У день скону батька нашого Т. Шевченка. Львивъ. 1866 р.

13) *Русалка,* 10—12. Роковыны смерти Т. Шевченка.

1868 г.

14) *Правда,* 7 и 8. Поминки Шевченка. Сёми роковыны смерти ёго у Львови.

1869 г.

15) *Правда,* 41 и 44. Сербськи переводы творивъ Т. Шевченка.

1870 г.

16) *Правда,* 6, 8 и 9. Обхидъ восьмыхъ роковынъ смерти Шевченка.

17) *Правда,* 11 и 12. Гадка при святкованью восьмихъ роковынъ смерти Шевченка.

1871 г.

18) *Правда,* 3. Поминки Шевченка у Видни и Львови.

1873 г.

19) *Правда,* 2, 3 и 4-й.—Роковыны смерти Шевченка и вечерныци въ памьять ёго.

20) *В. Нагирный*—Святкованье XII роковынъ смерти Т. Шевченка товарыствомъ «Русскій кружокъ» въ Цюриху. Правда, 9 и 13.

1874 г.

21) *Правда,* 1. Московській перекладъ піесы «Назаръ Стодоля». 3. XIII роковыны смерти Т. Шевченка. 14. Бюстъ Т. Шевченка.

1875 г.

22) *В. Барвинскій.* Бесида въ XIV роковыны смерти Т. Шевченка. Додатокъ до № 6 жур. Правда.

23) *Правда,* 22. Памятникъ Шевченкови и школа имени его на Украини. 23. До всихъ руськихъ людей. 24. Пражське выдання «Кобзаря».

1876 г.

24) *Правда*, 5 и 6. XV роковыны смерти Шевченка у Львови, Черниվцяхъ и Петербурси.

1877 г.

25) *Правда*, 6. XVI роковыны смерти Т. Шевченка.

1878 г.

26) *Правда*, 6. XVII роковыны смерти Т. Шевченка—*К. Климковичъ.*

1879 г.

27) *В. Барвинскій.* Бесида на вечеру въ XVIII роковыны смерти Т. Шевченка. Правда, 3.

28) *Гайдамаки*, поэма Т. Шевченка. Студіумъ д-ра О. Огоновського. Львивъ 1879 р. 40 л. 8° ц. 30 кр.

29) *Правда*, 4. Вечеръ товариства «Просвита» въ XVIII роковыны смерти Т. Шевченка.

1880 г.

30) *Г. Цеглинскій.* Т. Шевченко и ёго сучасна критика. Правда, 1.

1881 г.

31) *Зоря*, 5. Музикально-декляматорській вечиръ въ XX роковыны смерти Шевченка у Львови. 21. Рисунки до «Гайдамакивъ» въ Ныви.

32) *Свитъ*, ст. 288. Лысты Т. Шевченка.

1882 г.

33) *Страна*, 102. Рецензія на книгу М. Чалого «Жизнь и произведенія Т. Шевченка».

1883 г.

34) *Зоря*, 5. Вечиръ въ память Т. Шевченка. Родына Т. Шевченка. 8. До біографіи Т Шевченка. Писля М. Чалого.

1884 г.

35). *Дѣло*, 11 и 12. Зъ галицького Подпілья. Руска Бесида и XXIII роковыны смерти Т. Шевченка въ Тернополи.

36) *М. Подолинській.* Наша литература а духъ часу. Бесида въ XXIII роковыны смерти Т. Шевченка. Дѣло, 37 и 38.

37) *Дѣло*, 92. Читальня имени Т. Шевченка въ Добростанахъ.

38) *Кіевская Старина*, 4. Изъ писемъ М. Максимовича къ Шевченку. (3 письма).

39) *Zlota Praha*, 48. Переводъ на чешскій языкъ поэмы Шевченкв «Гамалія».

40) *Русская Старина*, 5. Письмо Т. Шевченка къ Е. П. Ковалевскому.

1885 г.

41) *Дѣло*, 21, 22, 24, 29 и 34. Вечерныци въ память XXIV роковынъ смерти Т. Шевченка въ Тернополи, Львови, Пидгайцяхъ и Петербурси. 63. Загальни зборы товарыства имени Т. Шевченка.

42) *Нове зеркало*, 5. Биля Тарасовои могылы. Зъ малюнкомъ.

43) *О. Барвинській*. Т. Шевченко. Промова въ XXIV роковыны смерти Т. Шевченка. Батькивщына, 14, 16 и 17-й.

44) *З. Грушкевичъ*. Посланіе Т. Шевченка. Провидна мысль пидъ взглядомъ педагогичнымъ. Школьна часопись, 19 и 21.

45) *Ф. Свистунъ*. Чѣмъ есть для насъ Шевченко? Новый Проломъ, 254, 255, 261, 262, 264—268, 270—273, 275—277, 280 и 282 и особо Л. 1885 ст. 158 ц. 30 кр.

46) *Наймычка*, поэма Т. Шевченка, К. 1885 р. Ц. 5 к. 15,000 эк.

1886 г.

47) *И. Билыкъ*. Тревога надъ свѣжей могилой Т. Шевченка. Кіевская Старина, 4.

48) *Зоря*, 6. Памъятковый номеръ въ XXV роковыны смерти Т, Шевченка. Вирши И. Франка. Роковыны Т. Шевченка въ Петербурси—Д Мордовця. На смерть Т. Шевченка—стих. Некрасова. Концертъ въ 25 роковыны у Львови. Шевченко героемъ польскои легенды. Дрибни висти. 7. До біографіи Т. Шевченка (1845—1846). Зал—а.

49) *Батькивщына*, 13. XXV роковыны смерти Т. Шевченка.

50) *Невольныкъ*, поэма Т. Шевченка. К. 1886 р. 32 ст 16 ч. ц. 5 к. 15,000 экз.

51) *Новости*, 25 февраля. Двадцать пятая годовщина смерти Т. Шевченка.

52) *Macmillon Magasine* (англ. журналъ), I. Біографія Т. Шевченка.

53) *Кіевская Старина*. Неизданныя произведенія Т. Шевченка на великорусскомъ языкѣ. 6. Слѣпая, поэма 7. Варнакъ, разсказъ. 8. Наймичка, повѣсть и 10—12 Близнецы, повѣсть.

54) *Малороссійскія пѣсни*. Слова Т. Шевченка, музыка *В. Гордѣева*. Изд. М. Бернарди. Спб. 1886 г. (Думы мои. Не щебечи соловейко. У гаю, гаю—писня Яремы зъ Гайдамакивъ. Якъ бы мини або такъ, або сякъ—урывокъ зъ Гайдамакивъ).

55) *Коцовській.* Життя Т. Шевченка. Буковинській календарь на 1887 рикъ. Черниівци. 1886 р.

56) *О. Огоновській.* Въ XXV роковыны смерти Т. Шевченка. Илюстрованый календарь товарыства «Просвита» иа 1887 рикъ. Львовъ. 1886 р.

57) *Недѣля*, 49.
58) *Новое Время.* 3873.
59) *Новости,* 329.
} О постановккѣ піесы Шевченка: «Назаръ Стодоля» на петербургско й сценѣ

60) *Музыка до Кобзаря Т. Шевченка, М. Лисенка:* а) Не тополю высокую витеръ нагинае; б) За сонцемъ хмаронька плыве; в) Ой на гори роменъ цвите. Кіевъ. 1886 г. Изд. Б. Корейво.

Извѣстія и замѣтки

(историко-литературныя, этнографическія и историческія)

Объ имени святителя нетлѣнно почивающаго въ нѣжинскомъ благовѣщенскомъ монастырѣ.

О святителѣ, нетлѣнно почивающемъ въ нѣжинскомъ Благовѣщенскомъ монастырѣ, писано уже не мало. Въ первый разъ упоминается о немъ въ книгѣ родоначальника нѣжинскихъ и кіевскихъ купцовъ Черновыхъ, Ивана Чернова, изданной извѣстными по своимъ богатствамъ и благотворительности греками, братьями Зосимами (Жужма тожъ), подъ заглавіемъ: «Краткая исторія построенія нѣжинскаго Благовѣщенскаго монастыря, называемаго Богородичнымъ Назаретомъ». Книга эта издана въ Москвѣ въ 1815 году. Въ ней между прочимъ о нѣжинскомъ святителѣ сказано слѣдующее: «Въ сіе время (1721 г.) пріѣхалъ изъ Греціи въ Россію епископъ *Михаилъ*, который, остановясь въ семъ монастырѣ, занемогъ и чрезъ нѣсколько дней умеръ. Онъ погребенъ въ большой церкви подъ сводомъ, находящимся въ фундаментѣ, на которомъ (епископѣ Михаилѣ) и понынѣ даже и одѣяніе архіерейское цѣлое. Тутъ погребенъ архимандритъ *Епифаній*, но сей весь истлѣлъ, а тотъ находится въ совершенной цѣлости» (стр. 15).

Какими данными располагалъ составитель названной книги при опредѣленіи времени появленія и упокоенія въ Нѣжинѣ святи-

теля Михаила, на этотъ счетъ нѣтъ у него никакихъ указаній. Конечно онъ пользовался въ семъ случаѣ свѣдѣніями, добытыми въ самомъ благовѣщенскомъ монастырѣ и вообще мѣстными народными преданіями, такъ какъ и доселѣ не найдено ни одного документальнаго извѣстія о томъ, откуда именно, изъ какой страны греческой, былъ родомъ этотъ святитель и гдѣ онъ состоялъ епископомъ, а равно, по какому поводу и когда онъ прибылъ въ Россію, въ частности въ Нѣжинъ. Неизвѣстенъ въ точности и годъ его смерти, а также и то, кто его погребалъ, какое участіе въ печальномъ торжествѣ принимала сильная и вѣская въ то время въ Нѣжинѣ греческая колонія. О шаткости и неточности передаваемыхъ въ этой первопечатной замѣткѣ о нѣжинскомъ святителѣ свидѣтельствуетъ уже и то, что въ ней сказано, будто святитель умеръ въ 1721 г. и будто рядомъ съ нимъ въ томъ же году похороненъ второй архимандритъ нѣжинскаго благовѣщенскаго монастыря Епифаній Тихорскій, о которомъ документально извѣстно, что не только въ эту пору онъ находился въ живыхъ, но что съ 9-го мая 1722 года по 2 іюля 1731 г. управлялъ бѣлогородскою епархіею, будучи однимъ изъ выдающихся архипастырей Слободской Украйны, для которой основалъ въ Харьковѣ коллегіумъ.

Положительныхъ свѣдѣній о нѣжинскомъ святителѣ не даютъ и вышедшія въ началѣ 80-хъ годовъ двѣ брошюры: одна протоіерея А. Ѳ. Хойнацкаго, профессора богословія въ нѣжинскомъ историко-филологическомъ институтѣ, подъ заглавіемъ: «Святитель Михаилъ греческій, нетлѣнно почивающій въ нѣжинскомъ благовѣщенскомъ монастырѣ» и другая Г. И. Кулжинскаго: «Розыскъ о святителѣ Михаилѣ, почивающемъ нетлѣнно въ г. Нѣжинѣ черн. губ.». Обѣ онѣ собственно ничего новаго не прибавляютъ къ тому, что въ немногихъ словахъ высказалъ составитель «Краткой исторіи построенія нѣжинскаго благовѣщенскаго монастыря». Сообщенныя въ нихъ свѣдѣнія сводятся къ тому, что въ 1721 году прибылъ въ Нѣжинъ какой-то греческій архіерей, что онъ скоро здѣсь умеръ и похороненъ въ монастырѣ Назаретъ, что жизни онъ былъ благочестивой, а тѣло его по смерти оказалось нетлѣннымъ и что мѣстное преданіе издавна усвоило этому святителю имя Михаила. Чтобы восполнить столь скудныя преданія, оба автора даютъ широкое мѣсто разнымъ предположеніямъ и

даже гадательнымъ измышленіямъ о личности и судьбѣ святителя. Въ особенности изобилуетъ этими предположеніями и массою посторонних приплетеній брошюра О. Хойнацкаго. На такихъ зыбкихъ и неустойчивыхъ основаніяхъ онъ бойко разсказываетъ о томъ, чего очевидно ни самъ онъ и никто не знаетъ, легко и безъ колебаній справляется со всякими возраженіями, которые при полномъ отсутствіи какихъ либо свѣдѣній о святителѣ невольно лѣзутъ и ему въ голову. Отчего напр. нѣтъ свѣдѣній о томъ, откуда прибылъ этотъ святитель и гдѣ онъ прежде святительствовалъ? —Да просто отъ того, что это былъ какой либо изгнанникъ, пострадавшій за вѣру и пр. и что трудно было втолковать всякому нѣжинцу названіе какой либо ѳалассійской или или левкасійской епархіи.—Отъ чего не сохранилось письменнаго донесенія о его смерти мѣстнымъ властямъ?—Да тогда по настоящему и доносить было некому, такъ какъ основатель благовѣщенскаго монастыря, Стефанъ Яворскій жилъ въ 1721 г. въ Петербургѣ, а письмо о семъ, если оно и было ему послано, онъ могъ затерять, митрополитъ для Кіева посвященъ лишь въ 1722 г., архіерей для Чернигова въ тоже время и т. д. Словомъ цѣлый ворохъ свѣдѣній, пріуроченныхъ къ 1721 году, между тѣмъ какъ этотъ годъ, какъ годъ смерти святителя, ни чѣмъ не подтвержденъ и подлежитъ большому сомнѣнію.

Болѣе положительно передаетъ о. Хойнацкій исторію открытія «блаженныхъ останковъ святителя», по даннымъ якобы архива нѣжинскаго благовѣщенскаго монастыря, но опять не указываетъ даже года этого открытія, а говоритъ только, что это случилось при архимандритѣ Викторѣ Черняевѣ (1803—1823 г.), который, починяя и перестраивая благовѣщенскій соборъ послѣ пожара 1797 г., нашелъ въ подпольи, въ каменномъ склепѣ, тѣло святители совершенно цѣлымъ и невредимымъ, а равно и одежды сохранившимися въ совершенной же цѣлости. О. Хойнацкій съ подробностями передаетъ разсказы современника очевидца о томъ, какъ одинъ изъ келейниковъ архимандрята Виктора, монахъ Спиридонъ, тайно отправился ко гробу святителя и урѣзалъ часть его ризъ, въ надеждѣ «черезъ нихъ подавать помощь въ болѣзняхъ», какъ въ ту же ночь святитель явился ему во снѣ, повелѣвая возвратить урѣзанную часть на свое мѣсто и какъ потомъ возвращенное Спиридономъ было пришито къ ризѣ святителя. Намъ кажется, что вмѣсто

того, чтобы разсказывать эти и многія другія небылицы, ему бы слѣдовало чѣмъ либо удостовѣрить личность и время пребыванія и кончины здѣсь мѣстно чтимаго святаго. Но такихъ свѣдѣній, какъ мы уже сказали, нѣтъ ни у него, ни у Кулжинскаго, который съ неменьшею словоохотливостію повѣствуетъ о своихъ поискахъ за свѣдѣніями о личности и жизни святителя и безъуспѣшности этихъ поисковъ и вообще обо всемъ, только не о томъ, о чемъ слѣдуетъ говорить. Изъ его впрочемъ разсказа узнаемъ, что дату объ имени и времени смерти нетлѣннаго святителя утвердилъ тотъ же архимандритъ Викторъ, приказавъ у мѣста его могилы на церковной стѣнѣ изобразить его во весь ростъ и въ верху надписать: «святитель Христовъ Михаилъ», а внизу: «сего святителя Михаила здѣ почиваютъ нетлѣнныя мощи; скончался въ 1721 году».

Мы знаемъ лишь два случая погребенія въ Нѣжинѣ греческихъ архіереевъ. Въ XVII ст. въ Нѣжинѣ около 20 лѣтъ проживалъ ахридонскій архіепископъ *Мелетій*, который здѣсь же и умеръ 31-го января 1695 г. Объ немъ за годъ до его смерти, по поводу появленія въ Москвѣ какого-то бѣглаго попа Ѳеодора, назвавшагося его рукоположенцемъ, производилась интересная переписка между патріархомъ Адріаномъ съ одной и митрополитомъ Варлаамомъ Ясинскимъ и гетманомъ Мазепою съ другой стороны, вполнѣ удостовѣрившая его личность, при чемъ онъ названъ «архидостойнымъ» и сверхъ того замѣчено, что хотя самъ онъ именовался и писался только архіепископомъ, но «народъ обиклъ его патріархомъ нарицати» [1]).

Другой фактъ погребенія въ Нѣжинѣ греческаго архіерея открытъ нами въ одной изъ рукописей, хранящейся въ библіотекѣ нѣжинскаго историко-филологическаго института. Это сборникъ статей историко-литературнаго содержанія, писанныхъ въ разное время; но тутъ же имѣются краткія погодныя лѣтописныя замѣтки о важнѣйшихъ событіяхъ въ русскомъ государствѣ съ особеннымъ отношеніемъ къ Малороссіи и козачеству и въ частности къ Нѣжину [2]). Здѣсь подъ 1731-мъ годомъ находимъ записаннымъ слѣдующее: «1731 генваря архіерей греческій, именемъ Даміянъ,

---

[1]) Лѣтоп. Величка, т. III, стр. 154—156, 222—233.

[2]) Рукопись эта значится подъ № 3.302

положенъ во церкви свято(го) Благовѣщенія по правомъ боки, привезенъ зъ Борзни мертво». Принимая во вниманіе, что ни народная память, ни современныя записи и документы, частные и оффиціальные, не сохранили намъ никакихъ свѣдѣній о смерти какого-либо другаго греческаго архіерея въ XVIII вѣкѣ въ Нѣжинѣ, кромѣ нетлѣнно почивающаго въ нѣжинскомъ благовѣщенскомъ монастырѣ и именуемаго по народной молвѣ Михаиломъ, мы считаемъ себя въ правѣ заключить, что этотъ нетлѣнно почивающій въ Нѣжинѣ святитель греческій есть не Михаилъ, а Даміанъ и, умеръ не въ 1721 году, а въ 1731 г. Можно надѣяться, что эта современная запись объ имени и времени смерти святителя поведетъ и къ болѣе точному опредѣленію личности святителя, мѣста его первоначальнаго служенія и обстоятельствъ, вызвавшихъ его путешествіе въ Россію.

L.

Жалоба роменскаго духовенства на протопопа Мартына Самойлова [1]).

Въ числѣ причинъ возбудившихъ неудовольствіе среди населенія южной Россіи противъ гетмана Ивана Самойловича, лѣтописцы указываютъ на его крайнее корыстолюбіе, выражавшееся въ томъ, что онъ бралъ посулы за уряды и вообще бралъ у каждаго все, что ему хотѣлось. «Безъ взятки, говоритъ Н. И. Костомаровъ, не было приступа къ гетману, а кто ничего не дастъ, тотъ ничего и не добьется». Во всей гетманщинѣ не было ни суда, ни расправы безъ взятокъ; ничья собственность не была обезпечена: что ему у кого полюбится, то себѣ и береть, а коли не онъ самъ, такъ дѣти его возьмутъ. Такъ описывали гетмана и его сыновей старшины въ своемъ доносѣ.

Послѣ того какъ Ив. Самойловичъ былъ низложенъ и гетманомъ былъ избранъ Мазепа, къ послѣднему обратились съ челобитьемъ роменскіе жители, обвиняя въ подобныхъ же преступленіяхъ брата Ив. Самойловича, роменскаго протопопа Мартына Самойлова. Очевидно, алчность была присуща всему семейству Са-

---

[1]) Сибир. прик. столбецъ № 7056 (Моск. арх. мин. юст.).

мойловичей, такъ какъ обвиненія протопопа Самойлова касаются его поборовъ съ подначальнаго ему духовенства. Обвиненія изложены въ 57 пунктахъ отъ духовенства, и отъ гражданъ отдѣльно во множествѣ пунктовъ. «Пункты» духовенства интересны въ томъ отношеніи, что они довольно ярко выясняютъ тогдашнее положеніе духовенства, даютъ понятіе о принадлежавшихъ имъ правахъ и въ то же время обрисовываютъ нравственную личность о. протопопа. Въ челобитной роменцы жалуются, что «бывшій протопопъ Мартынъ Самойловъ, надѣясь на родного своего бывшаго гетмана Ив. Самойлова, нестерпимыя чинилъ обиды: добро насиліемъ отнималъ напрасно, иного морозилъ зѣло знобилъ, дубьемъ билъ, за шею ковалъ, руки и ноги ломалъ; если у кого что занималъ, того не отдавалъ». Въ заключеніе онѣ просятъ изъ животовъ протопопа удовлетворить обиженныхъ. Челобитная покрыта массою подписей.

Вотъ пункты духовенства:

1) Какъ его милость, отецъ Барановичъ, объѣзжалъ Украйну, тогда намъ священникамъ роменской епархіи всякому по 10 тарелей готовыхъ денегъ стало, а въ иныхъ протопопіяхъ по 5 золотыхъ стало, и съ насъ тридцати трехъ взялъ готовыхъ денегъ 990 золотыхъ.

2) Какъ ахридонскій патріархъ (Мелетій) въ Ромнѣ былъ, тогда по 2 тарели дали, и тѣ деньги всѣ себѣ завладѣлъ.

3) Митрополиты и архимандриты иноземскіе, игумены кіевскіе и черниговскіе и какіе ни есть законники, когда у него бывали, всегда давали по полтареля, а иногда и больше, и за лошадей ему платили по нѣсколько десять тарелей, за одного 30 тарелей дали, хотя онъ кому отдаритъ, который 6 копъ сталъ.

4) Годовую куницу его архипастырской милости бирывалъ у насъ на 50 тарелей, а изъ того въ архипастырскую казну посылалъ только 21 копу.

5) Биралъ у вкладчиковъ церковныхъ деньги на муро по вся годы по полтареля, а у насъ священниковъ опричь бралъ по шти шаговъ, а онъ за муро давалъ въ Кіевѣ и Черниговѣ въ пастырскую казну только по 10 золотыхъ, а остатокъ себѣ бралъ.

6) Антиминсы на церкви накидывалъ по 10 тарелей, а онъ бралъ у пастыря по 6 золотыхъ.

7) Трифолои черниговскіе бралъ по 8 копъ, а на насъ накиды-

8) Какъ нареченъ учинился его княжая милость господинъ архипастырь нашъ (Гедеонъ Святополкъ-Четвертинскій), онъ универсалы свои присылалъ къ намъ, будто господинъ пастырь имѣетъ быть въ Ромны, чтобы на пріѣздъ по тарелю дали, что и исполнили, и того будетъ 99 золотыхъ.

9) Какъ къ Москвѣ поѣхалъ его архипастырская милость, тогда дали по 3 копы..., а онъ тѣ всѣ деньги въ свою корысть обратилъ, всѣхъ тѣхъ денегъ будетъ 247 золотыхъ.

10) У о. Филона Рончинскаго безвинно взялъ 100 золотыхъ, рыжаго коня, цѣна 20 тарелей, лѣсъ съ дубровою и окопъ и лугъ, а въ томъ лѣсу два сада.

11) У о. Матвѣя Пустовойтовскаго взялъ 100 золотыхъ, гнѣдого коня, цѣна 30 копъ, котелъ пивной, два лѣса вырубилъ на свою потребу, сѣна полдвѣ копны взялъ и сверхъ того еще двѣ недѣли въ тюрьмѣ держалъ.

12) У попа Григорья Константиновскаго, отца своего духовнаго, взялъ съ приходу на 100 золотыхъ, да его же безъ вѣдомости пастырской изъ села Будокъ въ Константиновъ перевелъ.

13) У попа Нестера Волковскаго взялъ съ приходу 30 копъ и двѣ лошади.

14) У попа Діонисія Будянскаго взялъ 40 золотыхъ.

15) У попа Самсона Бобрицкаго взялъ 40 золотыхъ.

16) У попа Михаила Коржавскаго взялъ 21 тарелей и двѣ кадки меду-патоки.

17) У попа Полуяна за Бѣловодское мѣсто взялъ поясъ серебрянный въ 20 тарелей, два коня да свѣтлицу, да сундукъ, безъ вѣдома епископа.

18) У попа Прокофья взялъ сто золотыхъ за тотъ-же Бѣловодъ.

19) У о. Осипа за мѣсто Хоружинскаго взялъ 6 тарелей.

20) У другаго попа Осипа, намѣстника своего, взялъ коня сиваго.

21) У попа Петра Ермолинскаго взялъ 20 тарелей, мѣста не отдалъ, покамѣстъ не отнялъ двора.

22) У попа Михаила взялъ библію польскую, пищаль въ 6 тарелей, рясу въ 20 тарелей, за то ему далъ десять тарелей.

23) У попа Симеона взялъ 150 золотыхъ.

24) У попа Василья взялъ 30 тарелей да коня бѣлаго.

25) У попа Михаила взялъ, за мѣсто 10 тарелей, коня да три копы.

26) У попа Павла Перекопскаго взялъ 8 копъ да книгу польскую Зверцадло.

27) У попа Григорія Бубновскаго взялъ 40 тарелей.

28) У попа Ивана Роменскаго взялъ 40 тарелей.

29) У попа Родіона Калиновскаго взялъ 100 золотыхъ.

30) У попа Максима Бубновскаго взялъ мельницу, прудъ, пасѣку, больше 30 пчелъ выбилъ.

31) У попадьи Покровской взялъ сафьянъ въ 3 копы, табинъ въ 10 золотыхъ, избу въ 6 копъ, 10 тарелей, гривенку серебра, въ 20 тарелей, и мѣсто отъ ней и отъ дѣтей отнялъ.

32) У попадьи Бѣловодской отнялъ лѣсъ во сто золотыхъ да 10 тарелей.

33) У попадьи Волковской взялъ лѣсъ въ 40 тарелей да двѣ книги: Животы да Маргаритъ въ 10 тарелей.

34) У попа Глинскаго взялъ 100 золотыхъ, опять взялъ 100 золотыхъ за вину, что не умѣлъ грамоты московской прочитать, опять 10 тарелей.

35) У попа Андрея Андреяшевскаго взялъ за мѣсто 10 тарелей.

36) У попа Селивестра Волошиновскаго взялъ 10 тарелей за мѣсто, у него-же взялъ 50 золотыхъ, что побранился съ компанейщикомъ и цѣпь на шею посреди города положилъ.

37) Въ Глинскѣ церковь Успенія пр. Богородицы три года за собою держалъ и всякіе доходы себѣ отбиралъ.

38) Въ Гудимахъ селѣ приходъ два года на него Кондратья собирался, тотъ приходъ и до сего времени на него сбирается.

39) Церковь Покрова Богородицы въ Ромнѣ полтора года шелъ (доходъ) и намѣстника своего держалъ.

40) Село Бѣлогутъ годъ на него шелъ (доходъ) своему-жъ намѣстнику.

41) Село Пустевойтовка годъ на него шла, намѣстника своего держалъ.

42) Село Волковцы въ годъ на него шло, намѣстника своего держалъ.

43) Коржевская, Ермолинская, Левченская, Бубновская и Бобрицкая приходъ на него шли чрезъ немалое время, онъ своихъ намѣстниковъ держалъ и всякіе доходы къ себѣ сбиралъ.

44) Священниковъ въ тѣ приходы не допускалъ и дьячковъ, а когда въ тѣхъ приходахъ нѣкто умре, никакого разсмотрѣнія ни на убожество, ни на сиротство, ни на дѣтей, ни на вдовъ бѣдныхъ неимущихъ, все отъ мала и до велика забиралъ.

45) У людей многихъ лѣса, лошадей, воловъ насильно забиралъ, займища въ конецъ раззорялъ.

46) У бѣдныхъ попадей послѣ поповъ насильно, будто на сорокоустъ, выбиралъ деньги, книги, лѣса, лошади, волы бралъ-же. У попадьи Засельской лѣсъ ея вырубилъ притаманный и ее упоминатися своего добра предъ себя пустити не велѣлъ.

47) У попадьи Калиновской отца Артемія, который внезапной смертью умеръ, все отъ мала до велика, всю рухлядь позабралъ, ни на попадью, ни на дѣтей никакъ не смотря.

48) Попадьямъ, у которыхъ кой часъ попъ умретъ, ни на недѣлю доходу изъ прихода брати не допуститъ, тотчасъ своего намѣстника посылаетъ.

49) Священники у него были винокурами, пивоварами, гончарами. Кто у него на винокурнѣ вино пересидитъ? Попы. Кто пиво варитъ въ Михайловкѣ, въ Лебединѣ, въ Камышной и въ иныхъ городахъ? Попы. Кто по пиво ѣздитъ въ иные городы? Вкладчики городскіе и сельскіе за церковныя деньги подводы наймутъ. Кто горилки крѣпкіе камышинскіе варитъ? Попъ Бобрицкій, о. Симеонъ.

50) Когожъ ему еще послати въ Кодакъ, въ Почепъ, въ Стародубъ, въ Новгородокъ, въ Погаръ и въ иные городы табакъ продавати? Отца Прокопія Бѣлогуцкаго, отца Полуяна свято-покровскаго, отца Радіона Калиновскаго. А подводы гдѣ взяти? У вкладчиковъ, хотя на нѣкоторую потребу его и приказываетъ вкладчикамъ, пускай за церковныя деньги наймутъ, хотя и по три копы.

51) Какъ въ Батуринъ ѣдетъ или въ Глуховъ, или куда есть, лошади вкладчиковы въ тяжелыхъ возахъ, которые должны бѣжати такъ, какъ его двоеконная колесница, и отъ такихъ дорогъ больше 10 лошадей вкладчиковыхъ пропало въ оглобляхъ на дорогѣ.

52) Во время нѣкотораго собора или съѣзда попы у воротъ стоятъ съ калачами до половины дня, ибо господину недосужно, опочиваетъ, и отъ воротъ чтобы никуда не отходили до указу его, хотя зимою или лѣтомъ долженствуютъ то исполняти.

53) Бочку меду въ его корчму чтобъ попы купили, за что самъ велитъ хотя за десять копъ или и дешевле, а медъ хотя пей, хотя не пей, токмо заплати и вину возьми; если нѣкоторый попъ противенъ будетъ, хотя кто въ то время и не будетъ, должны платить.

54) Куда на нѣсколько недѣль поѣдетъ проѣзжаться по городамъ, и поповъ съ собою наберетъ, поклоны съ дары отдаютъ въ городѣхъ и въ селахъ, а попы у порога стоятъ безъ шапокъ и пьяного будто служки караулятъ, и только попу корысти: выбранитъ, и побьетъ, и окровавитъ, еще и за волосы подеретъ.

55) Если на дорогѣ,—хотя и въ церкви, во время пѣнія купно съ нимъ служащему кровь безвинно проливаетъ, и одному не по одинажды явственно кровопролитіе чинилъ.

56) Попы были у него вмѣсто служащихъ дворниками, воротниками, конюшими, возницами, вмѣсто гайдуковъ, подводниковъ, провожатыхъ и прочая.

57) А платежъ за то каковъ попамъ былъ: крикнетъ, лайнетъ, совкомъ въ шею, за волосы, взявъ ногами, колѣнами топчетъ и кровь проливаетъ, то ему самая утѣха была.

Обвиненія роменскихъ обывателей тоже касаются преимущественно разныхъ поборовъ, какіе производилъ о. Самойловъ съ нихъ. Остановимся на болѣе характерныхъ:

Грицка Луценка, жителя оскютенского, съ женою разлучилъ, коня взялъ, возъ соли и шубу, проса пять осмачекъ; онъ же ему полтора года работалъ.

У Ивана Опары, жителя гавриловскаго, взялъ золотыхъ 210 за то, что молодикъ, ухватя дѣвку въ своемъ селѣ, повѣнчался.

У Гараськи Соляненка отнялъ лѣсъ и мельницу полтора слолода, соболью шапку, поясъ шелковый за торгъ дѣло.

У Стецка, подданного своего, отнялъ поле за 50 золотыхъ, лѣсъ за 10 золотыхъ, того Стецка билъ и ковалъ, покамѣстъ поля ему не отдалъ.

У Грицка Чигиринскаго, жителя пустоводскаго, что жену со стороны понялъ, взялъ полкуфы деггю, кожу полпята золотого, два кафтана.

Церковныхъ денегъ 50 золотыхъ взялъ уже тому лѣтъ десять, потомъ 7 копъ, потомъ 20 тарелей церковныхъ завладѣлъ.

У Стоянки, женщины, за то, что изговоря дочь за иного отдала, лошади и платья побралъ.

Женщину Гейку съ четвертымъ мужемъ розлучилъ, зимою нагую билъ и больше 400 золотыхъ взялъ.

У Тимоша Сверилки 20 тарелей взялъ, у тогожъ Тимоша въ другорядъ 8 копъ взялъ за первую жену, за другую десять тарелей, за третью 100 золотыхъ.

Неизвѣстно, какія послѣдствія имѣла эта жалоба, такъ какъ производства по ней въ рукахъ мы не имѣемъ. Челобитная эта была отослана гетманомъ въ Москву, откуда увѣдомили его, чтобы эту жалобу онъ разобралъ по своимъ войсковымъ правамъ. Сохранились ли документы генеральнаго суда и гдѣ они хранятся?

А. Востоковъ.

Изъ народныхъ вѣрованій.

(Разсказъ, записанный въ Кіевѣ).

Приходилось мнѣ въ Кіевѣ по часту живать. Дивный городъ! Я не мѣстность его разумѣю,—ее слѣпой развѣ не видитъ,—но удивительную его выносливость, его вѣковую выдержку. Какихъ племенъ и народовъ не перебывало здѣсь, а онъ, сѣдой, все тотъ же. Какъ ни культирують его и теперь на разные лады, онъ все хранитъ свою краевую, камъ выражается одинъ профессоръ, физіогномію. Только не ищите ее въ верхнихъ слояхъ его разнокалибернаго населенія, въ серединныхъ и людныхъ частяхъ города; но опуститесь въ слои нижніе, пройдитесь по его окраинамъ, по Соломенкамъ и Юрковицамъ, Ганчарамъ и Кожемякамъ, проникните подъ Скавицю и на Плоское, побывайте въ особенности на Куреневкѣ и Пріоркѣ, откуда идутъ въ городъ ежедневно всякіе злаки, и вы услышите здѣсь то, что яснѣе Софіи и Золотыхъ воротъ скажетъ вамъ о вѣковѣчной жизни Кіева, что древнѣе подъ часъ самаго Кіева.

Вотъ въ такихъ-то низахъ и окраинахъ Кіева пришлось мнѣ побывать и услышать разсказъ, который передаю здѣсь и который, смѣю думать, отдаетъ такою же древностію, какъ и баришпольскій

обычай понедилкуванья, такъ прекрасно и основательно объясненный г. Н. Чернышевымъ въ предъидущей книгѣ «Кіевской Старины». Разсказъ этотъ я слышалъ отъ старика-крестьянина, котораго въ молодости судьба бросала съ одного конца Малороссіи въ другой; былъ онъ, по его словамъ, и на «Кубанскихъ степахъ», и въ «Адеси», и на «Бассарабіи», и въ концѣ концовъ нашелъ тихую пристань въ кіевскихъ дворникахъ. Въ основѣ разсказа лежитъ вѣрованіе, напоминающее вѣрованія древнѣйшихъ народовъ о борьбѣ двухъ началъ: добра и зла. Подобнаго разсказа въ малорусской формѣ мнѣ не приходилось встрѣчать въ существующихъ этнографическихъ сборникахъ. Откуда онъ и слѣдуетъ ли его считать варіантомъ, перешедшимъ отъ одного изъ родственныхъ племенъ, или заимствованнымъ изъ источника болѣе далекаго и общаго, объ этомъ предоставляю разсудить и покопаться нашимъ записнымъ этнографамъ. Но разсказъ такъ характеренъ, въ немъ такъ много специфичныхъ чертъ религіозныхъ воззрѣній украинскаго народа, самый языкъ его такъ чистъ и самобытенъ, что даже при заимствованіи его, откуда бы то ни было, нельзя не признать за нимъ долговременнаго обращенія въ нашемъ народѣ и проникновенія въ его духъ и плоть. Вотъ этотъ разсказъ.

«Давно це було. Тоди ни людей, ни земли, ни дерева, ни птыци и ни якои ще живои твари не було на сьвити; іи уже опися Господь Богъ Премудростію своею сотворивъ, благословивъ и повеливъ кожни свого дила берегти. Одна отъ тилько зозуля межъ птыцями, мовлявъ, якъ цыганъ межъ людьми, не вседить на одному кодли, своеи хаты, це-бъ то гнизда, не мае, а у чужи гнизда яйця несе. Такъ ій одъ Господа завитъ, кажуть, такий данъ, шо-бъ не смила своимъ власнымъ хазяйствомъ господарювати, а шо бъ тинялась по чужимъ куткамъ, та втихи не знала видъ диточокъ своихъ. Бо кожна тварь, якабъ вона проклятуща не була, отъ хочай бы и вовкъ, на що, здается, кращого розбійника, а и той тишиться дитками своими. Эге!—а зозуля то це навить и не птыця, а такъ перевертень—тьху!—отъ шо вона!

Ото-жъ тоди була скризь вода, а надъ нею перше небо, на котримъ живъ Богъ и два іого прислужники: Мишка та Гришка, отъ якъ по манастирахъ, може доводилось вамъ бачити послушныкивъ, чи служокъ, то при такому дили и ци стояли. А на самому

неби, тамъ де теперъ живе Божа Мати, живъ Сатанаилъ, и все Господови перечивъ. Що не схоче Господь зробити, то винъ, лукавый цей Сатанаилъ, визьме та и помишае, не дасть таки, проклятый, зробити. Ото и задумавъ Господь Богъ, якъ бы то іому стребити Сатанаила, та не такъ то конче стребити, якъ видняти ризу іого, у котри, мовлявъ, уся сила сатанаилова седила.

Отъ одного разу Сатанаилъ роздягся, положивъ ризу свою на камени и ставъ плавати на мори, бо дуже любивъ, проклятущий, купатись, а Господь седить на свому неби та дивиться. Отъ и заспоривъ Господь Богъ зъ Сатанаиломъ: не достанешъ, Господь каже, дна морского, а Сатанаилъ каже: ба достану. Отъ Сатанаилъ почавъ пробувати та поринати, а Господь прикликавъ Мишку, та й звеливъ іому, шобъ злетивъ на море, та якъ пирне Сатанаилъ, то шобъ почавъ дмухати на море. Такечки и зробили. Сатанаилъ пирнувъ у перве, а Мишка почавъ дмухати на воду—море такъ и знялось корою, замерзло. Сатанаилъ выпирнувъ, та головою и пробивъ ліодъ. Отъ Господь и каже: «а, ну, поринай, каже, у друге!» Бо умова у ихъ, бачите, була до тріохъ разъ шобъ поринати. Пирнувъ Сатанаилъ у друге, а Мишка дмуха, ажъ прысивъ, на воду; хочеться таки и іому выслужитись передъ Господомъ. Море зновъ ліодомъ взялося, ще товщимъ. Сатанаилъ выпирнувъ и зновъ головою пробивъ ліодъ. Господь каже: «а, ну, каже, пирнай у трете!» Сатанаилъ пирнувъ, а Мишка мало не триснe, такъ дме на море, и Господь тежъ іому ставъ помогати, почавъ и соби дмухати, що силы, на море. Море такимъ товстымъ ліодомъ взялось, шо Сатанаилъ, якъ выпирнувъ, то и не змигъ уже пробити головою ліоду, а Гришка тимъ часомъ ухопивъ іого ризу, та и ставъ утикати зъ нею на небо. Сатанаилъ же, побачивши, шо зъ нимъ не жартують, мерщій почавъ прохукуват ліодъ—прохукавъ дирку тай погнався за Гришкою и уже ставъ доганяти іого, бо у Гришки було двое крылъ, а у Сатанаила цилыхъ шестеро. Коли тутъ де не взявся Мишка, та мечемъ и одчухравъ Сатанаилови крыла. Отъ Сатанаилъ упавъ у море, а рызу іого Мишка зъ Гришкою принесли до Бога. И у ци сами рызи пислa Ісусъ-Христосъ на хрести мучився, а зъ Мишки та Гришки Господь зробивъ архангеливъ Михаила та Гавріила».

Сооб. **Юрій Олтаржевскій.**

Юбилейное изданіе въ память 300-лѣтняго основанія львовскаго ставропигіальнаго братства.

Подъ этимъ заглавіемъ ставропигіальное братство въ Львовѣ издало въ истекшемъ году первый томъ сборника, въ видѣ альбома, посвященнаго памяти празднуемой имъ 300-лѣтней годовщины своего учрежденія. Это изданіе какъ по содержанію статей, такъ въ особенности по собранію подлинныхъ документовъ и приложенныхъ рисунковъ имѣетъ немалую важность. Оно напоминаетъ намъ то отдаленное время, когда православная церковь въ юго-западномъ краѣ Россіи подвергалась постояннымъ нападкамъ и притѣсненіямъ со стороны римско-католическаго фанатизма и пропаганды иновѣрцевъ и когда для успѣшной борьбы съ врагами и утвержденія народа въ православіи учреждаемы были церковныя братства. Патріархи цареградскіе давали имъ право ставропигіи, т. е. непосредственнаго подчиненія ихъ цареградскому патріарху, съ изъятіемъ отъ духовнаго управленія кіевскаго митрополита и епископовъ, которые въ то время стали измѣнять православной вѣрѣ и наконецъ почти всѣ совратились въ унію и поддались папѣ. Такія братства въ концѣ XVI и началѣ XVII в. учреждены были въ Вильнѣ, въ Луцкѣ, въ Кіевѣ, въ Могилевѣ и другихъ городахъ; но первое мѣсто между ними занимало львовское братство, которое со времени своего учрежденія праздновало въ 1886 году свой 300 лѣтній юбилей. Оно одно уцѣлѣло въ своей древней исторической формѣ, одно сохранило и такъ много памятниковъ своего существованія, а потому вполнѣ можетъ гордиться предъ всѣми сущеслвовавшими въ юго-западной Россіи братствами.

Въ 1-мъ томѣ юбилейнаго изданія, послѣ краткаго обозрѣнія архивнаго матеріала львовскаго братства, помѣщено историческое описаніе учрежденія и развитія братства со времени его основанія и до сегодни. Затѣмъ слѣдуетъ монографія Успенской братской церкви, замѣчательной въ историческомъ и архитектурномъ отношеніяхъ. Приложенные къ изданію документы, грамоты и письма русскаго царя, патріарховъ, королей польскихъ, господарей молдавскихъ и др. высокопоставленныхъ лицъ, свидѣтельствуютъ о значеніи, силѣ и дѣятельности и многостороннихъ связяхъ львовскаго братства и представляютъ много новыхъ данныхъ для исторіи рус

ской церкви XVI и XVII столѣтій. Не менѣе важно техническое описаніе зданія ставропигійской церкви, колокольной башни и часовни, представляющихъ замѣчательный памятникъ зодчества. При томъ многочисленные рисунки, планы, снимки подписей и печатей дополняютъ и украшаютъ изданіе и значительно возвышаютъ его значеніе.

Изъ документовъ отмѣтимъ: письма съ 1592 г. для посланцевъ братства къ царю Ѳедору Ивановичу съ просьбою о пособіи братству на строющуюся церковь и при ней больницу и страннопріимный домъ, школу и типографію и другія нужды братства. Замѣчательны также посланія митрополита Тырновскаго (въ Болгаріи) Діонисія съ ходатайствомъ къ царю Ѳедору о пособіи львовскому братству. Эти документы показываютъ тѣсную связь и дружескія отношенія между собою всѣхъ православныхъ славянъ того времени и упованія ихъ на силу и могущество русскаго царя. Письмо Ѳедора Ивановича извѣщаетъ о царскомъ дарѣ братству на строеніе церкви, съ увѣщаніемъ, чтобы братія львовская молилась «о царскомъ многолѣтнемъ здравіи, о благовѣрной царицѣ в. кн. Иринѣ и царевнѣ Ѳеодосѣ и впередъ дабы Господь Богъ подалъ имъ плодъ чадородія въ наслѣдіе царскаго корене». Не менѣе заслуживаетъ вниманія посланіе цареградскаго патріарха Іереміи къ молдавскому воеводѣ Петру, его сыну Стефану и валашскому воеводѣ на греческомъ языкѣ, съ просьбою о вспомоществованіи на строеніе церкви. Въ І-мъ томѣ помѣщено 118 документовъ, снимковъ и рисунковъ 13 и печатей 23. Вообще сочиненіе издано прекрасно и дѣлаетъ честь братской типографіи. Интересны, между прочимъ, два письма виленскаго братства къ львовскому. При первомъ изъ нихъ отъ 22 іюля 1592 г. виленское братство посылаетъ львовскому на постройку храма пресв. Богородицы 100 золотыхъ чрезъ братчиковъ Григорія и Іоанна, а братчики: слуцкій войтовичъ, Омелянъ Купріяновичъ и Богданъ Мамоничъ прибавили отъ себя по сто золотыхъ; сверхъ того виленское братство посылало десять копъ грошей за 50 грамматикъ (вѣроятно экземпляровъ греческой грамматики «Аделфотесъ», изданной во Львовѣ 1591 г.). Съ вторымъ письмомъ отъ 20 іюля 1592 г. виленское братство послало чрезъ отца Игнатія опять сто золотыхъ на нужды братства,

Такъ было 300 лѣтъ тому назадъ. Православные разныхъ государствъ, племенъ и націй жили между собою въ тѣсной дружбѣ и поддерживали другъ друга. Вселенскіе патріархи, цари московскіе, господари молдавскіе и валашскіе съ истинно христіанскою любовію относились къ своей по Христѣ братіи львовской, притѣсняемой иновѣрцами и страдающей изъ-за православія. Тогда не было самолюбиваго соперничества между народностями, ни пагубной зависти и розни между греками, румынами, болгарами и русскими. Всѣ стояли за одно и единодушно стремились къ высшимъ цѣлямъ—къ укрѣпленію православной вѣры и защищенію ея отъ враждебнаго папства и изувѣрнаго мусульманства. Кто теперь у насъ знаетъ о томъ, что 300 лѣтъ тому назадъ русскіе Львова и Вильны жили въ такой братской дружбѣ? Кому на мысль придетъ, что документы виленскаго братства сохранились далеко за границей, во Львовѣ?... Обо всемъ этомъ и многомъ другомъ способно напомнить намъ настоящее изданіе львовскаго ставропигіальнаго братства, на которое мы и хотѣли обратить вниманіе настоящею замѣткою.

Я. Г.

Волынская полоненница XVI в. и ея „орменскій“ обожатель.

Есть пословица, что русскаго обманетъ жидъ, жида армянинъ, армянина грекъ, а грека никто. Она сложилась, конечно, не въ наши печальныя времена, когда захудалый армянинъ на внутреннемъ нашемъ рынкѣ продастъ развѣ «настоящій жениховскій халатъ» изъ дешевой «термаламы», но въ тѣ отдаленныя времена, когда армяне верховодили въ нашемъ благословенномъ краѣ не менѣе, какъ теперь жиды, когда въ рукахъ армянъ находилась вся почти внутренняя и внѣшняя торговля, а жиды занимались лишь отчасти продажею водки, а больше арендою панскихъ фольварковъ и православныхъ церквей, да изготовленіемъ «пасокъ» и «бабъ», что, какъ извѣстно, теперь въ Кіевѣ переходитъ уже въ руки турокъ и татаръ и составляетъ въ настоящую пору неразрѣшимую задачу для нашей богословствующей думы безъ головы. Такъ вотъ въ тѣ далекія и счастливыя времена жилъ-былъ въ Каменцѣ Подольскомъ «урменинъ» Иваннсъ Богдановичъ и занимался сколько внутреннею, столько же и заграничною торговлею. Поѣхалъ онъ какъ-то въ турецкій городъ Кафу, что нынѣ Ѳеодосія, а тамъ

былъ главный невольничій рынокъ, съ котораго продавались во всѣ концы Востока полоненники и полоненницы польско-русскихъ областей, сотнями и тысячами захватываемые при каждомъ набѣгѣ татаръ. Неволя татарская преисполнена была тягчайшихъ мукъ и лишеній и потому выкупъ изъ нея почитался первѣйшимъ дѣломъ не только родственной любви, но и христіанской благотворительности. Деньги для выкупа могли всегда найтись или быть прихвачены у добрыхъ людей. Но какъ пробраться чрезъ безлюдныя степи на рынокъ? Какъ проникнуть въ глухіе улусы татарскіе для разысканія плѣнниковъ и плѣнницъ, если ихъ не оказывалось въ центрѣ невольничей торговли? За это брались восточные человѣки, люди бывалые, знакомые съ мѣстностью, обычаями, нерѣдко съ языкомъ; торговля, деньги открывали путь имъ всюду. Имѣлъ ли Богдановичъ подобное порученіе на Кафу, не извѣстно; но, будучи здѣсь, онъ выкупилъ изъ неволи жену волынскаго земянина, жителя Острополя; Курила Вишневецкаго, именемъ Ледуху Игнатовну Пантелеевну. Плѣнница, полагать надо, была молода и красива, но не любовь подвинула черствое сердце «урменина» къ выкупу ея, такъ какъ, доставивъ ее мужу, онъ сдѣлалъ съ нимъ точный разсчетъ и получилъ съ него не только за выкупъ, но и за все, что «выложилъ, везучи до него», всего семдесятъ копъ грошей литовскихъ. Долгая совмѣстная поѣздка изъ Кафы на Волынь, чувство безмѣрной радости невольницы, получившей свободу и невольной признательности къ виновнику оной, въ добавокъ ласки и ухаживанія заможнаго и ловкаго армянина расположили къ нему сердце Ледухи и сблизили ее съ нимъ еще, кажется, въ пути. Осторожный армянинъ велъ однако дѣло чисто для виду, доставилъ жену мужу, получилъ съ него все, что слѣдовало, и лишь послѣ этого тайкомъ сманулъ ее къ себѣ. Должно быть, всѣ преимущества были на его сторонѣ, потому что Ледуха бросила мужа, къ которому только что вернулась послѣ долгой разлуки, и перешла къ армянину, поселившемуся во Владимірѣ. Прошло «колько надцетъ недѣль», пока панъ Курило напалъ на слѣдъ своей жены; но чуткій армянинъ во время провѣдалъ о розыскѣ и отправилъ Ледуху изъ дому. Противники предстали на судъ; но судъ ни одному не далъ полной вѣры и засадилъ обоихъ въ тюрьму. Тутъ только Богдановичъ сообразилъ, что ловко веденное доселѣ дѣло можетъ раскрыться и онъ можетъ подвергнуться суровому «караннію на горлѣ», а потому просилъ прощенія у Вишневецкаго, завѣривъ его, что, вернувшись домой, онъ застанетъ жену свою у себя, или у ея отца, въ противномъ же случаѣ онъ Богдановичъ обязывается возвратить Вишневецкому всю сумму выкупа за жену, т. е.

семдесятъ копъ грошей литовскихъ. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что за послѣдовавшимъ примиреніемъ сторонъ и удовлетвореніемъ обиженнаго, Богдановичъ былъ избавленъ отъ всякаго другаго наказанія, иначе его сдѣлка не была бы принята судомъ. Былъ ли счастливъ панъ Курило съ возвратившеюся къ нему Ледухой, неизвѣстно, но то очевидно, что хитрый армянинъ отдѣлался очень дешево, или ровно ничѣмъ. Правда, Ледуха, какъ онъ заявлялъ, «мешкала у него безъ никоторые потребы», такъ какъ и у него была жена и дѣти, и у нея свой мужъ и свои дѣти...

Вотъ подлинная обо всемъ этомъ запись въ гродской владимірской книгѣ 1579 года (№ книги центр. кіев. архива 941, № акта 406, л. 433—435).

1579 г. февраля 10 постановившися очевисто на вряде кгродскомъ володимерскомъ передо мною Васильемъ Павловичемъ, подстаростьимъ володимерскимъ, урмени̇нъ зъ места Каменца Подольского Иванисъ Богдановичъ, не будучи ни отъ кого ничимъ примушонъ, самъ доброволне а устне ку записанью до книгъ кгродскихъ вызналъ водлугъ листу своего записного земенину княжати его млсти Костентина Острозского, воеводы киевского, острожполскому, пану Курилу Вешневецкому на угоду даного о жену того Курила, которую тотъ урмени̇нъ, выкупивши съ турокъ и отъзыскавши свой окупъ за нее у мужа ее, менованого Курила, взявши засе да себе намовилъ, якъ же и тотъ листъ свой передо мною на вряде покладалъ, и просилъ, абы слово отъ слова до книгъ кгродскихъ уписанъ былъ. А такъ я тотъ листъ за прозбою его слово отъ слова до книгъ кгродскихъ записати казалъ, который такъ ся въ собе маетъ:

Я Иванисъ Богдановичъ, урменинъ зъ места Каменца Подолского, вызнаваю самъ на себе симъ моимъ листомъ кому того потреба ведати, або чтучи его слышати, ижъ што есми року теперъ идучого семдесятъ девятого выкупивши зъ неволи жону земенина его велможное милости княжати Констентина Острозскаго, воеводы киевскаго, маршалка земли волынское, отъ Острополя, Курила Вишневецкаго, именемъ Ледуху Игнатовну Пантелеевну зъ земли неприятельское съ турковы, места Кафы, и до дому того Курила Вишневецкого привезъ, якожъ вже мне оный Курило за онъ окупъ жоны своее и за все, штомъ выложилъ везучи до него, готовою рукоданною сумою пенезей семидесятъ копъ грошей литовскихъ заплатилъ и за все досыть учинилъ. А ижъ оная

помененая жона сго Ледуха зъ дому, безъ воли и ведомости его, за намовою моею, засе до мене удала, и не маючи у мене никоторые потребы, опустивши его, мужа своего, при мне отколько-надцеть недѣль тутъ, въ месте господарскомъ володимерскомъ, мешкала, и теперъ менечи ее быть, абы за ведомостію мела быть где подена, о штожъ онъ передъ врядомъ кгродскимъ володимерскимъ на мене былъ обжаловалъ, и врядъ, не вѣрачи ему, а ни мне, обеюхъ насъ до везенья посажати росказалъ: ино ачъ онъ тое жены своее при мъне не засталъ, бо-мъ ее, послышавши о немъ, отъ себе отослалъ, але я се въ томъ узнавши, ижъ есми ему за то не правъ, же-мъ тую жону его часъ не малый при собе, намовивши зъ нею, мешкалъ, въ чомъ есми Богу и ему, такъ и праву посполитому виненъ; а такъ я, уходечи того всего, абыхъ на собе за тотъ выступъ свой, за *инстнкгованьемъ* (жалобою) его, каранья и срокгости правное не понесъ, просилемъ его зъ людми добрыми, абы тотъ выступъ мой пробачилъ и на горло мое не стоялъ, што онъ все, для прозьбы моее и для добрыхъ людей, учинилъ подъ тымъ способомъ, ижъ я ему обецалъ и обецую, же онъ тую жону свою въ дому своемъ зъ дѣтми своими и зо всею маетностію своею, або у отца ее застати и найти маетъ, а где бы панъ Курило тое жоны своее въ дому своемъ при детяхъ, або при приятелехъ своихъ, то есть отцу ее Игнату Пантелееву не нашолъ, тогды обецую и то на себе добровольне приймую оную сумму пенязей семдесятъ копъ грошей литовскихъ, которую-мъ у него за тотъ окупъ жоны его взялъ, ему засе отдати и заплатити, о што где бы одно колвекъ потрафивши и пристигнувши мене, передъ который врядъ притегнулъ, тамъ се я маю и повиненъ буду ему, не сходечи съ того места, уистити и за то все, такъ за тую суму, яко и за шкоды, которые бы у мене, доходечи тое суммы своее быти меновалъ, нагородити и за все досыть учинити маю и повиненъ буду. А ижемъ се зосталъ зъ горломъ на ласце урядовой, теды врядъ то воленъ будетъ зо мною учинити, яко будетъ воля его; ведже абы пану Курилу истотне тая сума пенезей и по смерти была заплачона, если бымъ водлугъ вины и выступку своего срокгостю права посполитого былъ каранымъ, тогды жона и дети мои зъ маетности моее повинни ему будутъ то заплатити; а буду ль я самъ отъ того вызволенъ, ино водлугъ того обовязку моего вышей написанного противъ пана Курила во всемъ за-

ховати маю и буду повиненъ, и на томъ далъ пану Курилу Вишневецкому сесь мой листъ зъ моею печатью, до которого тежъ за прозбою моею печать свою приложилъ панъ Михайло Голубъ Сердятивскій, возный земскій повету володимерского.—Писанъ у Володимери лѣта Божого нароженя тысяча пятьсетдесятъ девятого, мѣсяца декабра осмого дня.

Сообщ. **А. А. Өедотовъ-Чеховскій.**

На пути въ Іерусалимъ.

(Листокъ изъ путевыхъ замѣтокъ 1744 года).

Въ старинной южнорусской письменности извѣстно нѣсколько описаній путешествій въ Іерусалимъ, такъ называемыхъ «Путниковъ до св. града Іерусалима». Однѣ изъ записокъ подобнаго рода напечатаны были О. М. Бодянскимъ въ «Чтеніяхъ», другой «Путникъ» начала XVIII в. находится въ нашемъ распоряженіи и помѣщенъ будетъ въ одной изъ ближайшихъ книгъ «Кіевской Старины». Самымъ совершеннымъ образцомъ произведеній этого рода должны конечно считаться знаменитыя записки Григоровича-Барскаго, съ такою роскошью изданныя теперь Палестинскимъ обществомъ. Рукопись, изъ которой заимствуется предлагаемый отрывокъ, примыкаетъ также къ этой паломнической литературѣ. Полное заглавіе ея таково: «Путникъ отъ богоспасаемаго града Кіева до святого града Іерусалима и отъ Іерусалима до Кіева, съ протчіими въ немъ примѣтами, списанній мною недостойнимъ іеромонахомъ Серапіономъ Множинскимъ Каяковимъ, гроба Господня и протчіихъ многихъ св. мѣстъ поклонникомъ». Это книжка въ 84 листа in 8°, писанная почеркомъ прошлаго вѣка. Заимствуемъ изъ нея начальныя страницы, представляющія замѣтки о путп по территоріи тогдашней Украйны, другими путниками обыкновенно опускаемыя.

«Въ лѣто отъ Рождества Христова 1744-е, мая 3 дня, восхотѣлъ я свое непреложное положити намѣреніе, дабы мнѣ святый градъ Іерусалимъ видѣти и въ немъ мѣстамъ святымъ, плотію и кровію Христовою освященнымъ, поклонитися. Тогда, получивши благополучное въ намѣреніи своемъ время, началъ творити странствіе сице, яко же о всѣмъ явствуетъ предложенная повѣсть.

Прежде всего, да мнѣ намѣренній и благополучній будетъ путь, поклонившись въ богоспасаемомъ градѣ Кіевѣ въ кіево-печер-

ской лаврѣ чудотворной иконѣ пресвятыя Богородицы и преподобнымъ отцомъ печерскимъ и возложившись на Господа и пречистую его Матерь и святыхъ его угодниковъ, яхся намиреннаго моего пути и шелъ я: отъ Кіева до Борисполя 31 верстъ, а отъ Борисполя до Переяслава 73 версти, гдѣ, поклонившися мощамъ святого священномученика Макарія, бывшаго архимандритомъ за Днѣпромъ въ Каневѣ, а нинѣ въ Переяславѣ въ Михайловѣ монастирѣ опочивающа въ чудотворномъ своемъ тѣлеси, оттуда идохъ я до мѣстечка Глемязова 31 в., а изъ Глемязова до Золотоноши 37 в., а оттудова до Крапивной 9 в., а отъ Крапивной до Ирклѣева 25 в., а оттудова въ Веремѣевку и до Чигринъ-Дуброви, на Городище, на Уласовку и на Кременчукъ, гдѣ за скоримъ путешествіемъ, а болѣе за частимъ и почти за безпреривнимъ дождемъ и верствъ не моглъ считать, индѣ и писать не моглъ. Въ Кременчуки-же, переправившисъ за Днепръ, идохъ я еще до Сѣчи, или сказать до запорожцевъ 6 дній, и пріидохъ я передъ Вознесеніемъ и тамъ побихъ не малое время, покамѣстъ корабль обрѣтохъ пловущъ въ Царьградъ. Ибо въ Сѣчи всякого лѣта много кораблей приходятъ съ Чернаго и Бѣлаго моря, съ виномъ, и тамъ, облегчившись отъ бремя корабли, отходятъ во своясы, по которіихъ числа и я на единъ пловущій въ Царьградъ вошелъ, на коемъ тѣмъ временемъ былъ тогда отъ святой афонской горы архимандритъ Анатолій Мелесъ, съ частми многихъ святихъ, да и животворящимъ древомъ и треми дарми, ливаномъ, смирною и златомъ, которіе тріе цари новорожденному цару Христу въ Вифлеемъ принесли. Прибылъ онъ въ Сѣчъ и воду святилъ въ церкви и самое оное животворящее съ помянутими дарами въ водѣ погружалъ, и вси тогда тамо сущіи лобизали и поклонялись, и я недостойный видѣти и поклонятися сподобихся. По времени-же доволномъ, изложивши корабли въ Сѣчи свое бремя, я, взявши отъ пана атамана кошового проходящую или подорожній пашпортъ, внійдохъ въ оній корабль, давъ наемъ, и пустихомсъ внизъ Днепромъ къ Лиману благополучно, гдѣ пловучи много бѣди претерпѣли въ нощехъ лугами отъ необычнаго множества комарей. Черезъ шесть дней доидохомъ Лимана, въ которой рѣка Днепръ впадаетъ; а седмого дне прійшли подъ городъ Очаковъ, идеже Лиманъ совокупляется съ Чорнимъ моремъ. Ми въ градѣ Очаковѣ одинъ день толко были, и то съ немалою опасно-

стію прохаживались, ибо тогда моровая язва вискочовала. Тамъ у мене турки взяли за гарячъ шесть талярей, хоть то било имъ не надлежало, ибо отъ своихъ порабощенніихъ, а не отъ чуждихъ и свободнихъ синовъ кинсонъ сей или дань взимать должни. Однакъ я, да не соблазню ихъ, а найпаче страха ради бусурманскаго, понеже они мене устрашали и далѣе ити уже съ кораблемъ не допущали, и принужденъ я дать имъ означеніе шесть талярей на погибель, не хотя оставить своего ко граду Іерусалиму пути. И тако искупившись, греки и я также, и ерликъ оній, зовомій гарячъ, взявше, другаго дне воставъ рано, отрясше прахъ отъ ногъ нашихъ, вшедше въ корабль и извлекши котви и вѣтрила распростерше, вѣтрецу же намъ и путь добръ дишущу, пустихомся въ Чорное море.....»

Въ дальнѣйшемъ изложеніи »Путникъ» представляетъ описаніе святынь Константинополя, Афона и Святой Земли, главнымъ образомъ, конечно, послѣдней, какъ цѣли путешествія и поклоненія. Замѣтки отличаются краткостью, но не лишены выразительности и живаго религіознаго чувства. Писались онѣ въ пути, какъ видно, изъ словъ автора: «индѣ и писать не моглъ», чѣмъ и объясняется ихъ краткость. Обратный путь изъ Іерусалима описанъ чрезвычайно коротко и въ концѣ 84-го листа разсказъ оканчивается традиціоннымъ *аминь*. На слѣдующей страницѣ красными чернилами и другой рукой сдѣлана слѣдующая приписка:

«Господь да упокоитъ душу со святыми сего путешественника, трудившагося въ пути семъ и написавша сія святыя мѣста въ книжицѣ сей, въ ползу всѣмъ чтущимъ и слишащимъ сіе. Умре онъ, іеромонахъ Серапіонъ, и погребенъ бысть въ свято-Онуфріевскомъ жаботинскомъ монастырѣ игуменомъ Ефремомъ Быковскимъ въ полской области (нынѣ кіев. губ. чигир. уѣзда) 1760 г.».

W.

Старинные проповѣдническіе амвоны кіевскихъ церквей.

Въ небольшой замѣткѣ, подъ названіемъ «Возвращеніе къ старинѣ», помѣщенной въ № 86 «Кіевлянина» за текущій годъ, сказано, будто во всѣхъ почти кіевскихъ соборныхъ, монастырскихъ и даже приходскихъ церквахъ, начиная съ XVI вѣка, устрое-

ны были проповѣдническія каѳедры *на манеръ католическій*, но что въ 1840—50 годахъ, когда «кіевскою духовною администраціею была произведена реформа всѣхъ добрыхъ и недобрыхъ обычаевъ и обрядовъ, аналогичныхъ съ церковью католическою», вынесены были изъ церквей и проповѣдническія каѳедры и проповѣди стали произносить уже съ амвоновъ.

Кіевскимъ старожиламъ 40 и 50-хъ годовъ доподлинно извѣстно, что никакой общей реформы въ указанномъ отношеніи кіевскою духовною администраціею въ тѣ годы не было производимо, но что дѣйствительно въ то и болѣе позднее время изъ нѣкоторыхъ кіевскихъ церквей разновременно были устранены проповѣдническіе амвоны и что безконтрольными дѣйствіями распоряжавшихся въ этихъ случаяхъ отдѣльныхъ лицъ, а не вообще кіевской духовной администраціи, руководилъ не новый въ нѣкоторой части русскаго общества и имѣющій свою исторію взглядъ, будто въ Кіевѣ, колыбели православія, по части православія не все обстоитъ благополучно и будто многое въ мѣстныхъ обычаяхъ, въ томъ числѣ и проповѣдническіе амвоны, есть плодъ широкаго здѣсь нѣкогда вліянія католичества. Самъ авторъ названной замѣтки высказался въ томъ смыслѣ, что проповѣдническія каѳедры здѣсь появились только въ XVI вѣкѣ и своимъ происхожденіемъ обязаны примѣру римско-католической церкви.

Такъ ли это?—Подведемъ прежде историческія справки о проповѣдническихъ каѳедрахъ христіанской церкви вообще и въ частности русской, а потомъ уже скажемъ, какъ устранены онѣ были изъ нѣкоторыхъ кіевскихъ церквей на нашихъ глазахъ.

Проповѣдническія каѳедры были у насъ издревле, и не въ однихъ кіевскихъ церквахъ, но и на сѣверо востокѣ Россіи—въ Новгородѣ и Москвѣ, а появились они далеко раньше XVI вѣка, по примѣру древней вселенской церкви. Въ древнѣйшихъ христіанскихъ церквахъ не было ни предъалтарныхъ закругленныхъ выступовъ, ни алтарнаго возвышеннаго пола, ни отдѣльныхъ діаконскихъ амвоновъ въ видѣ горокъ, съ которыхъ теперь читаются діаконами ектеніи и евангелія и произносятся проповѣди,—евангелія тогда читали и поученія произносили съ возвышеній, имѣвшихъ значительно большую высоту, чѣмъ солея или наши діаконскія горки. Возвышенія эти устроялись большею частію изъ мрамора, а иногда изъ дерева, съ украшеніями

изъ рѣзьбы и мозаики, въ средней части храма, вблизи лѣваго клироса. Съ этихъ же возвышеній читались диптихи съ именами живыхъ и умершихъ, объявлялись праздники, посты, посланія и распоряженія епископовъ, и произносились отлученія отъ церкви или анаѳемы. Обыкновенно эти возвышенія назывались, какъ и нынѣ называются, не только на православномъ Востокѣ, но и на Западѣ, *амвонами*, отъ греческаго слова *ἀναβαίνειν—восходить*, потому что на нихъ восходили по лѣстничкѣ изъ нѣсколькихъ ступеней. Амвоны имѣли круглую форму, въ видѣ куба или 6-ти сторонней призмы, а съ своимъ продолженіемъ по лѣстницѣ представляли какъ бы форму судна или корабля; сидѣній внутри ихъ не было, а потому и «каѳедрами» или сѣдалищами они не назывались. Каѳедрами стали называть ихъ кой-гдѣ уже впослѣдствіи, по сходству съ ними профессорскихъ каѳедръ, устроявшихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ устроялись и сидѣнья. Такіе амвоны, въ видѣ сосуда, придѣланнаго къ стѣнѣ или укрѣпленнаго на столбѣ, можно видѣть и теперь во всѣхъ болѣе или менѣе значительныхъ православныхъ церквахъ каѳедральныхъ, монастырскихъ и даже приходскихъ въ Константинополѣ, на Аѳонѣ, въ Іерусалимѣ, Сербіи, Молдавіи и въ другихъ мѣстахъ православнаго Востока; съ нихъ и теперь тамъ произносятся поученія и читаются евангелія. Древнѣйшая проповѣдническая каѳедра въ видѣ такого амвона, бывшая въ св. Софіи константинопольской, сохранилась понынѣ въ церкви св. Марка въ Венеціи, куда увезена была венеціанцами послѣ взятія и разграбленія Константинополя крестоносцами въ 1204 году. Она изъ красноватаго мрамора, съ греческими крестами на стѣнкахъ и состоитъ какъ бы изъ двухъ шестиугольныхъ чашъ разнаго объема, поставленныхъ одна надъ другою; большая изъ нихъ, поддерживая собою меньшую, опирается на 7-ми мраморныхъ столбахъ, подъ нее подставленныхъ, и потому амвонъ составляетъ два отдѣленія—верхнее и нижнее, болѣе широкое: съ верхняго читаются евангелія и произносятся проповѣди, а съ нижняго читаются посланія апостольскія и епископскія. Древнѣйшій изъ амвоновъ западной церкви находится въ церкви св. Лаврентія въ Римѣ. Онъ сдѣланъ изъ бѣлаго мрамора съ инструктаціей изъ мозаики; формою своею походитъ на ораторскія каѳедры въ академическихъ залахъ; состоитъ изъ 3-хъ отдѣленій или 3-хъ отдѣль-

ныхъ трибунъ: верхней съ пюпитромъ, предназначенной для чтенія евангелія и произнесенія поученій, средней, менѣе возвышенной, съ которой иподіаконъ читаетъ книгу Апостольскихъ Дѣяній и Посланій, и нижней—для чтенія прочихъ частей св. Писанія низшими клириками церкви. На базисѣ амвона—барельефы, относящіеся къ жертвоприношеніямъ языческаго культа. Близъ ступеней, ведущихъ на нижнюю площадку амвона съ алтарной стороны, утверждена витая мраморная колонна съ большимъ канделябромъ вверху, который зажигался всегда при чтеніи евангелія прежде, чѣмъ вошло въ обычай обставлять читающаго евангеліе діакона клириками, держащими въ рукахъ горящія свѣчи. Французскій ученый Тьери въ Disert. sur les jubés (стр. 168) рядомъ непрерывныхъ свидѣтельствъ отъ первыхъ вѣковъ христіанства до позднѣйшаго времени доказалъ, что евангеліе во время литургіи всегда читалось съ амвона, изъ чего слѣдуетъ, что обычай читать евангеліе въ алтарѣ, обратясь къ народу спиной, не состоитъ въ согласіи съ обычаями древней христіанской церкви [1]).

Подобные древнимъ благовѣстническимъ амвоны были, безъ сомнѣнія, и въ русской церкви, съ перваго ея начала, по крайней мѣрѣ въ главнѣйшихъ ея храмахъ, въ особенности епископскихъ или каѳедральныхъ, и только въ послѣдствіи замѣнены діаконскими горками и предъиконостасными закругленіями. Были напр. такіе амвоны въ московскомъ Успенскомъ Соборѣ, какъ видно изъ его описей первой половины XVII вѣка; украшались они не только рѣзьбой съ позолотой, но и св. изображеніями. Въ описи начала XVII вѣка значится: «Да въ той же (московской соборной) церкви Успенія Пресвятыя Богородицы, противъ царскихъ вратъ (точнѣе противъ намѣстнаго образа Божіей Матери, у лѣваго столба) анбонъ рѣзной съ праздники, а у анбону образъ пречистыя Богородицы Владимірскіе въ кіотѣ обложенъ серебромъ, да у того жъ ан-

[1]) Въ Малороссіи впрочемъ и въ Греціи и теперь священникъ, служащій литургію безъ діакона, читаетъ евангеліе на царскихъ вратахъ, обратясь лицомъ къ народу. Нельзя не удивляться, что этотъ древній обычай оказался страннымъ и неправославнымъ въ глазахъ великорусскихъ чиновъ, прибывшихъ въ юго-западный край въ 60-хъ годахъ для обрусѣнія края; они чуть не потребовали выселенія нѣкоторыхъ священниковъ изъ края за этотъ и другіе церковные обычаи, невиданные ими въ Москвѣ и Костромѣ.

бону (т. е. подлѣ него, на другой стѣнкѣ столба) образъ пречистые Богородицы Умиленіе, въ кіотѣ, обложенъ золотомъ». Подобнымъ образомъ говорится въ соборной описи 1638 года: «Противъ царскихъ дверей амбонъ рѣзной золоченъ сусальнымъ золотомъ и серебромъ, на немъ писаны праздники Владычни и святые многіе; подъ амбономъ запона-камочка нѣмецкая, травяная». Бывшая у амвона запона, прикрывавшая его нижнюю часть, показываетъ, что онъ былъ укрѣпленъ на извѣстномъ разстояніи, выше пола, опираясь, по всей вѣроятности, на столбики. По описи 1701 года амвонъ въ той же церкви, за обветшаніемъ прежняго или по другимъ причинамъ, имѣлъ уже болѣе простую форму, которая описана такъ: «Противъ царскихъ дверей амвонъ четвероугольный, по сторонамъ обитъ бархаты краснымъ и алымъ, а сверху сукномъ краснымъ; на томъ же амвонѣ чохолъ накладной суконной, красной же». Амвонъ Софіи новгородской, называвшійся въ послѣднее время «халдейскою пещью», въ которой якобы совершался извѣстный обрядъ «пещнаго дѣйствія», уцѣлѣлъ до настоящаго времени и находится теперь въ императорской академіи художествъ, въ С.-Петербургѣ. Этотъ амвонъ, или проповѣдническая каѳедра состоитъ изъ шестисторонной призмы на 7-ми столбахъ, украшенной св. изображеніями, которыя отдѣлены колонками. Семистояніе подъ этимъ амвономъ весьма напоминаетъ собою седмистояніе цареградскаго амвона, находящагося въ церкви св. Марка, и не съ него ли позаимствовалъ его форму въ новгородскую Софію Добрыня Андройковичъ, ставшій новгородскимъ архіепископомъ по возвращеніи своемъ изъ путешествія на Востокъ, которое онъ совершилъ еще до взятія Константинополя турками.

Въ Кіевѣ, до 1850 года, амвоны, въ формѣ высокихъ каѳедръ, существовали въ Печерской лаврѣ, михайловскомъ и братскомъ монастырѣ, въ петропавловской-семинарской церкви, въ церкви андреевской и въ софійскомъ соборѣ. Амвоны софійскаго собора и братскаго монастыря, помѣщавшіеся у лѣваго клироса, украшенные иконами и рѣзьбою съ рѣзными балдахинами, увѣнчанными крестомъ, отличались своею нарядностію. Кромѣ проповѣдей съ этого же амвона въ софійскомъ соборѣ протодіаконъ читалъ евангеліе при совершеніи обряда умовенія ногъ и въ недѣлю православія возглашалъ анаѳематствованія и многолѣтія. Прежде другихъ, около 1850

года, упраздненъ амвонъ въ кіево-софійскомъ соборѣ; но упраздненъ онъ не кіевской духовной администраціей и не въ слѣдствіе какой нибудь «реформы добрыхъ и не добрыхъ обрядовъ и обычаевъ», какой на самомъ дѣлѣ не было, а по случаю производившагоси тогда обновленія софійскаго собора и открытія въ немъ древней стѣнной живописи. Работами распоряжался особый строительный комитетъ, подъ ближайшимъ наблюденіемъ академика Солнцева и главнымъ вѣденіемъ кіевскаго митрополита Филарета и кіевскаго генералъ-губернатора Д. Г. Бибикова. Церковная археологія была у насъ тогда въ зачаточномъ состояніи, чтобъ не сказать больше, и къ ней натурально не обращались ни съ какими вопросами въ дѣлѣ обновленія древнихъ храмовъ; притомъ комитетъ состоялъ въ большей части изъ свѣтскихъ лицъ. Когда открыты были довольно хорошо сохранившіеся краски на столбѣ, къ которому примыкалъ проповѣднический амвонъ, возникъ вопросъ о самомъ амвонѣ, о томъ, быть или не быть ему, такъ какъ онъ закрывалъ собою часть открытыхъ фресокъ. Послѣднее обстоятельство не давало еще полнаго основанія для уничтоженія амвона, еслибъ кому либо изъ рѣшавшихъ его участь было извѣстно, что онъ имѣетъ такое же историческое значеніе, какъ и открытые фрески; для разрѣшенія возникшаго конфликта можно было лишь отодвинуть амвонъ нѣсколько отъ стѣны. Но такой справки исторической не могла дать тогдашняя церковная археологія и амвонъ рѣшено было вовсе устранить. Но противъ такого рѣшенія возникало тутъ же весьма сильное возраженіе: какъ разъ противъ амвона, у праваго столба, стояла довольно высокая и также закрывавшая отчасти фрески митрополичья каѳедра. Какъ, оставляя одно, уничтожать другое? Вотъ тутъ-то рѣшеніе объ уничтоженіи амвона подкрѣплено было ходячимъ, непровѣреннымъ наукою мнѣніемъ, будто проповѣдническіе амвоны въ кіевскихъ церквахъ введены по примѣру римско-католическихъ церквей и составляютъ остатокъ здѣсь западнаго, неправославнаго вліянія. Этого было довольно для такого искренняго ревнителя православія, какимъ былъ митрополитъ Филаретъ, и для столь же искренняго патріота, какъ Бибиковъ. Съ большею легкостію устранены были тогда же изъ софійскаго собора, ради открытія древнихъ фресокъ, и кіоты съ иконами, стоявшія въ разныхъ мѣстахъ у широкихъ столбовъ, поддерживающихъ хоры.

Вслѣдъ затѣмъ и по тѣмъ же побужденіямъ упраздненъ амвонъ и въ соборной церкви михайловскаго монастыря, обновлявшейся подъ вѣдѣніемъ того же комитета, хотя въ этой церкви никакихъ древнихъ фресокъ не открыто.

Амвонъ семинарской, бывшей до 1830 г. греческой церкви своею формою напоминалъ тѣ столбы, на которыхъ обыкновенно изображаются св. столпники: Симеонъ, Даніилъ и другіе. Это довольно узкій, въ поясную мѣру, въ основѣ круглый, но шестигранный деревянный ящикъ съ священными снаружи изображеніями и украшеніями изъ позолоченной рѣзьбы, утвержденный въ видѣ чаши на рѣзномъ же деревянномъ столбѣ необычной высоты. Подобные амвоны можно видѣть и теперь въ приходскихъ церквахъ Константинополя. Взобраться на такую высоту по узенькой и очень субтильной лѣсенкѣ было не легко, да и глядѣть оттуда нѣсколько боязно, особенно молодому, первый, иногда и единственный разъ выступавшему проповѣднику, безъ предварительнаго осмотра и пробы во внѣ богослужебное время, что и на умъ тогда никому не приходило. Тѣмъ не менѣе на этомъ, классическомъ въ своемъ родѣ, амвонѣ чуть не каждое воскресенье и праздникъ, особливо въ ректорство Антонія, впослѣдствіи казанскаго архіепископа, произносили опыты своихъ поученій молодые семинаристы, хотя иной разъ видимо смущенные высотою своего положенія; появлялись и профессора семинаріи съ своими чередными проповѣдями, особенно въ дни *пассій* въ великомъ посту. Памятна намъ въ особенности, единожды въ годъ показывавшаяся на этой высотѣ осанистая фигура даровитаго профессора и проповѣдника, хотя большаго чудака, Григорія Ивановича Бойкова. Каждое слово, произносившееся отсюда его гармонической октавой, отчетливо слышалось въ самомъ отдаленномъ углу этой обширнѣйшей въ Кіевѣ церкви и со всякаго конца оной ясно видѣлись и классическая голова его, и плавное движеніе его руки, артистически движимой имъ на манеръ Демосѳена, о которомъ онъ такъ занимательно повѣствовалъ на своихъ урокахъ. Съ этой же каѳедры произнесъ нѣсколько огненныхъ проповѣдей другой, но менѣе даровитый профессоръ, Аристархъ Герасимовичъ Мерхалевъ, своею головою много напоминавшій курчавую голову Пушкина, съ такимъ же складомъ лица, но съ золотистымъ цвѣтомъ волосъ. Проповѣди были задуманы имъ въ состояніи какой-то меланхоліи и высшаго ре-

лигіознаго возбужденія, со всѣми видѣніями и сновидѣніями, произнесены экспромптомъ и произвели потрясающее дѣйствіе на слушающихъ. Но въ 1861 г. предпринята была ремонтировка семинарской церкви и устройство въ ней печей. Вновь назначенный тогда ректоръ, столько памятный Кіеву, что нѣтъ надобности называть его по имени, держался также ходячаго мнѣнія относительно католическаго характера нѣкоторыхъ здѣшнихъ особенностей, въ томъ числѣ и проповѣдническихъ каѳедръ. Задумалъ онъ отдѣлать стѣны церкви подъ мраморъ, а на нихъ, какъ и на столбахъ, развѣшать большія иконы одинаковой величины въ золоченыхъ рамахъ. Тутъ иа первомъ планѣ симметрія и ранжиръ. Не подошелъ классическій столбикъ съ каѳедрой подъ ранжиръ, и былъ усѣченъ. Тоже самое и тѣмъ-же лицемъ, послѣ назначенія его ректоромъ академіи, спустя нѣсколько лѣтъ, именно къ юбилею кіевской академіи 1869 г., произведено было и въ церкви кіево-братскаго монастыря. И тамошняя проповѣдническая каѳедра была также уничтожена, и уничтожена не потому только, что не подошла подъ ранжиръ, но и потому, что, какъ убѣжденъ былъ о. ректоръ, являлась остаткомъ господствовавшаго здѣсь нѣкогда латино-польскаго духа. Такимъ образомъ изъ старинныхъ проповѣдническихъ амвоновъ въ Кіевѣ уцѣлѣли только два: въ великой церкви Печерской лавры и въ церкви св. Андрея Первозваннаго.

Отъ редакціи.

Журналъ „**Кіевская Старина**“ выходитъ *неизмѣнно* 1-го числа каждаго мѣсяца и въ тотъ-же день разсылается городскимъ подписчикамъ, а 2-го и не позже 3-го числа сдается въ Почтовую Контору для отправки внутри Имперіи и за границу.

Редакція отвѣчаетъ за исправное полученіе журнала лишь при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если въ *четко* написанномъ адресѣ означены: имя, отчество и фамилія подписчика, равно губернія, уѣздъ и почтовое учрежденіе, гдѣ *допущена* выдача журналовъ, 2) если жалоба на неполученіе книжки прислана непосредственно въ редакцію, хотя-бы подписка была сдѣлана въ одномъ изъ книжныхъ магазиновъ, 3) если жалоба послана, согласно объявленію Почтоваго Департамента, не позже полученія или срока выхода слѣдующей книжки, 4) если къ жалобѣ приложено будетъ удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книжка ею не была получена и 5) если о перемѣнѣ адреса было сдѣлано заявленіе редакціи и притомъ сдѣлано своевременно, т. е. съ такимъ разсчетомъ времени, чтобы редакція могла получить оное не позже выхода слѣдующей книжки.

За перемѣну адреса иногороднаго на городской и обратно уплачивается *пятьдесятъ коп.*, а при перемѣнѣ иногороднаго на иногородный-же высылается *четыре семикопѣечныя марки*.

Подписная цѣна на мѣстѣ 8 р. 50 к., съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи 10 р., за границу 11 р. По той-же цѣнѣ высылаются и оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры 1882—1886 гг.

Подписка принимается въ редакціи журнала и конторѣ оной (*Кіевъ*, *Трехсвятительская улица*, *№ 8-й*), въ книжныхъ магазинахъ Оглоблина въ Кіевѣ и Петербургѣ, «Новаго Времени» и Глазунова въ Петербургѣ и Москвѣ, Мелье, Вольфа и Мартынова въ Петербургѣ, Федорова, Розова, Динтера, Корейво, Гинтера и Малецкаго въ Кіевѣ и др.

Издателямъ и авторамъ книгъ и брошюръ по южно-русской исторіи и этнографіи, приславшимъ экземпляръ своихъ изданій въ редакцію, обѣщается рецензія.

Кіевъ. Типографія А. Давиденко, арендуемая **Л. Штамомъ**.

СОДЕРЖАНІЕ.

Іюнь и Іюль, 1887 г.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

ТОМЪ XVIII.

Іюнь и Іюль.

1887 г.

КІЕВЪ.

Тип. А. Давиденко, аренд. Л. Штамомъ, Мало-Житом. ул., д. № 4.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 31-го мая 1887 года.

СОДЕРЖАНІЕ

ТОМА XVIII. 1887 г.

Май, 1887 г.

Іюнь и Іюль, 1887 г.

Августъ, 1887 г.

Очерки исторіи южно-русскихъ апокрифическихъ сказаній и пѣсенъ.

Содержаніе.

Проникновеніе апокрифовъ въ южную Русь изъ Византіи, Болгаріи и Польши черезъ странниковъ-богомольцевъ и литературные памятники.—Свидѣтельства объ отреченныхъ книгахъ въ до-монгольской Руси и въ южной Руси XVI—XVIII ст.—Сліяніе апокрифическихъ и религіозно-миѳическихъ элементовъ въ галицко-русской царинной пѣснѣ „Війте, дѣвойки".—Хранители и распространители апокрифическихъ сказаній и пѣсенъ въ южной Россіи.—Южнорусскія апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ: 1) Сотвореніе міра. 2) Происхожденіе демоновъ. 3) Сотвореніе человѣка. 4) Адамъ и Ева. 5) Происхожденіе великановъ. 6) Потопъ. 7) Самсонъ. 8) Царь Давидъ. 9) Соломонъ. Южнорусскія апокрифическія сказанія и пѣсни о пресвятой Богородицѣ, о Спасителѣ, апостолахъ и святыхъ. 10) Сказанія о происхожденіи пр. Дѣвы Маріи. 11—12) Благовѣщеніе и звѣзда пр. Богородицы. 13) Рождество Іисуса Христа. 14) Поклоненіе волхвовъ. 15) Избіеніе младенцевъ. 16) Крещеніе Спасителя. 17) Общеніе Іисуса Христа съ народомъ. 18) О іерействѣ Іисуса Христа. 19) Сонъ пр. Богородицы. 20—21) Страданія и крестная смерть Спасителя. 22) Плачъ пр. Богородицы. 23) Происхожденіе перваго храма. 24) О Нерукотворномъ образѣ. 25—27) Обходы апостольскіе. Повѣсть о панагіи пресв. Богородицы, или сказаніе объ ап. Ѳомѣ. Сказанія объ Іудѣ. 28) Притча о богатомъ и Лазарѣ. 29) Сказаніе царя Анфилога о святой литургіи. 30) Святый Николай. 31) Святый Георгій. 32) Святая Меланія. 33) Эпистолія о Недѣлѣ. 34—35) Сказанія о пятницѣ и сказанія о 12 пятницахъ. 36—38) Стихи о грѣшной душѣ. Адъ. Рай. 39) Сказанія о Рахманахъ. 40) Исторія о женѣ Майдонѣ. 41) Сказанія объ Антихристѣ. 42) Сказанія о Страшномъ Судѣ и кончинѣ міра. 43) Евангелистая пѣсня. 44) Апокрифическія молитвы. 45) Апокрифическія сказанія о растеніяхъ и животныхъ. 46) Вопросы и отвѣты святыхъ отцевъ.—Дополнительныя замѣтки.

Подъ названіемъ апокрифовъ извѣстенъ обширный отдѣлъ литературныхъ памятниковъ, построенныхъ на каноническихъ сказа-

ніяхъ ветхозавѣтныхъ, новозавѣтныхъ и на житіяхъ святыхъ, съ примѣсью къ библейскимъ сказаніямъ народныхъ преданій и вымысловъ. Въ апокрифическую литературу входятъ сказанія и пѣсни, дополняющія и поясняющія библейскіе мотивы съ точки зрѣнія народной психологіи и частныхъ особенностей народнаго быта. Это— литература безыменная, т. е. безъ указаній на авторовъ и безъ хронологическихъ датъ. Возникнувъ въ древнѣйшія времена, преимущественно въ первые вѣка христіанской эры, апокрифы распространялись по мѣрѣ распространенія христіанства, какъ любимое чтеніе грамотныхъ людей. Они отчасти измѣнялись въ разныхъ странахъ примѣнительно къ образу жизни и нравственному характеру народа и переходили въ народную словесность и въ искусство. «Съ литературной точки зрѣнія, замѣчаетъ проф. Порфирьевъ, апокрифическія сказанія составляютъ обширную область богатаго религіознаго эпоса, въ которомъ посреди заблужденій, анахронизмовъ и противорѣчій встрѣчается много замѣчательныхъ идей, смѣлыхъ и оригинальныхъ мотивовъ, много въ высшей степени трогательныхъ и поэтическихъ картинъ. Потому эти сказанія были всегда любимы, переходили отъ одного народа къ другому, проникали въ искусство и литературу, доставляли, особенно въ древніе и средніе вѣка, сюжеты для духовной поэзіи, живописи и скульптуры и вообще имѣли огромное вліяніе на складъ тѣхъ религіозныхъ народныхъ понятій, которыя еще до сихъ поръ существуютъ въ народныхъ массахъ» [1]).

Въ южной Руси апокрифы нашли благопріятныя условія для своего развитія и распространенія. Въ до-монгольское время народная жизнь текла по широкому руслу свободы и просвѣщенія. Культурное развитіе шло быстро, что обнаружилось преимущественно въ живомъ и дѣятельномъ усвоеніи христіанства и въ блестящемъ развитіи свѣтской поэзіи. Живое чувство народности сквозитъ во всѣхъ проявленіяхъ древне-кіевскаго быта. Суровая аскетическая регламентація жизни, выходившая изъ стѣнъ кіево-печерскаго монастыря, не могла подавить движенія народной жизни, исполненной свѣжихъ, поэтическихъ началъ. Движеніе это было настолько сильно, что проникло въ притворы и на хоры хра-

мовъ во фрески и водило перомъ монаховъ-лѣтописцевъ. «Страна, благословенная дарами природы, говоритъ Аристовъ о южной Руси, необыкновенное плодородіе, роскошная растительность, умѣренность и благораствореніе климата развили живое воображеніе, теплоту и мягкость чувства въ душѣ южнаго человѣка, которыя давали силу и способъ представить разсказы въ ясныхъ картинахъ [1]).

Апокрифическія сказанія и повѣрья проникали въ Южную Русь изъ Византіи, Болгаріи, преимущественно въ XI—XV ст., и изъ Польши, преимущественно въ XVI—XVII ст., проникали во 1) путемъ устной передачи отъ грековъ и болгаръ посѣщавшихъ Русь, и такой же передачи отъ русскихъ странниковъ-богомольцевъ, ходившихъ въ Константинополь, на Аѳонъ и въ Палестину, во 2) черезъ византійскія сочиненія апологетическія, экзегетическія и историческія, преимущественно черезъ Палеи и Хроники, и черезъ польскія схоластическія проповѣди и, наконецъ, въ 3) непосредственно въ формѣ апокрифическихъ книгъ. Въ народной памяти сохранились найболѣе апокрифы византійскаго и болгарскаго источниковъ; въ рукописяхъ сохранились почти исключительно западныя апокрифическія сказанія, проникшія въ Галицію изъ Польши. Передавая апокрифы въ Великороссію, Малороссія, преимущественно лѣвобережная, получила нѣкоторые апокрифы обратно въ великорусской обработкѣ, напримѣръ, сказанія и пѣсни о 12 пятницахъ.

Въ южной Руси перебывало много грековъ. Изъ 23 митрополитовъ до-монгольскаго періода 17 были несомнѣнно греки; происхожденіе трехъ неизвѣстно и только трое русскіе [2]), На епископскихъ каѳедрахъ по временамъ сидѣли греки. Священники и иноки были отчасти также греки, особенно на первыхъ порахъ. Греки были строителями древнѣйшихъ русскихъ храмовъ. Приходили на Русь изъ Греціи иконописцы и пѣвцы. Греческіе купцы доставляли русскимъ мусію, звонкую монету, металлическую утварь, лѣкарственныя травы, мраморъ, дорогія ткани. Съ возникновеніемъ сильнаго московскаго государства греки стали ѣздить въ Москву за милостыней и по дорогѣ посѣщали Кіевъ. Въ литовской Руси греческіе пришельцы находили болѣе родственную себѣ среду, чѣмъ

---

[1]) *Аристовъ*, въ „Правосл. Собесѣд." 1860 г., I, 392.

[2]) *Терновскій*, Изученіе византійской исторіи, II, 32.

въ Руси московской. «Въ козацкой землѣ, писалъ Павелъ алепскій во второй половинѣ XVII вѣка, мы чувствовали себя какъ дома, потому что обитатели той страны любезны и радушны и относились къ намъ, какъ будто земляки» [1]). Южная Русь XVI ст. съ благодарностью признала заслуги экзарха Никифора, Кирилла Лукариса и патріарха Өеофана. При всемъ томъ греки, посѣщавшіе южную Русь, не могли внести много апокрафическихъ сказаній, въ слѣдствіе незнанія или слишкомъ плохаго знанія русскаго языка.

Совсѣмъ противное нужно сказать о приходившихъ на Русь византійскихъ духовныхъ лицахъ славянскаго происхожденія. Такіе люди, замѣчаетъ Ф. А. Терновскій, на половину славяне, на половину греки, т. е. по происхожденію славяне, а по образованію греки, стоя по срединѣ между двумя народностями и двумя міросозерцаніями, всего удобнѣе могли быть духовными руководителями русскаго народа». Такіе люди, добавимъ мы, могли внести въ Русь много апокрифическихъ сказаній; особенно въ этомъ отношеніи могли многое сдѣлать болгарскіе выходцы. Византійская апокрифическая литература получила блестящее развитіе въ Болгаріи въ X вѣкѣ, потому что попала въ руки богомиловъ. Составляя отрасль манихейства, богомилы, подобно манихеямъ, приняли близкое къ древне-персидскому религіозному дуализму ученіе о двухъ началахъ міра, добромъ Богѣ и зломъ Сатанаилѣ, причемъ Богъ создалъ невидимый, духовный міръ, а Сатанаилъ внѣшнюю природу и тѣло человѣка. Основателемъ богомильской ереси былъ болгарскій попъ Богомилъ. Приспособляя св. писаніе къ своему ученію, богумилы прибѣгли къ аллегорическимъ толкованіямъ, воспользовались византійскими апокрифами и развили ихъ далѣе въ приложеніи къ своей сектѣ. Главнымъ распространителемъ апокрифическихъ сказаній въ Болгаріи, по видимому, былъ Богомилъ. Въ одномъ славянскомъ спискѣ индекса отреченныхъ книгъ сказано, что «творци быша еретическимъ книгамъ въ болгарской землѣ попъ Еремей да попъ Богумилъ». Проф. Порфирьевъ Іеремію и Богумила считаетъ за одно лицо, основателя ереси, который носилъ имя Іереміи и прозвище Богомила. Попу Іереміи Богомилу въ индексахъ приписываются апокрифы о древѣ крестномъ, о св. Тройцѣ, о Христѣ, какъ

---

[1]) *Терновскій*, тамъ-же. II, 104.

Его въ попы ставили, какъ Христосъ плугомъ оралъ, какъ Провъ Христа другомъ назвалъ, вопросы Іереміи къ Богородицѣ, вопросы и отвѣты о томъ, отъ скольких частей созданъ былъ Адамъ, лживыя молитвы о трясовицахъ и нежитахъ [1]). Апокрифы эти не сочинены Іереміей, а передѣланы, быть можетъ, приспособлены къ богомильской ереси и пущены въ народное обращеніе въ простой формѣ. Нужно думать, что всѣ эти апокрифическія сказанія очень рано проникли въ южную Русь, по причинѣ живаго общенія русскаго народа съ болгарскимъ въ древнее время.

Богомильская литература проникла въ сербскія земли, преимущественно въ Боснію, и перешла въ сербскія рукописи [2]). Нельзя съ достовѣрностью сказать, какія апокрифическія сказанія проникли въ южную Русь прямо изъ Сербіи и въ то время, какъ вліяніе болгарской апокрифической литературы на южно-русскія религіозныя сказанія и пѣсни не подлежитъ сомнѣнію, вліяніе сербскихъ варіантовъ апокрифическихъ сказаній именно въ южной Россіи представляется довольно сомнительнымъ.

Мѣстныя апокрифическія сказанія, т. е. связанныя съ священными мѣстами Палестины, отчасти Константинополя и Аѳона, были усвоены русскими людьми прямо и непосредственно, во время паломничества въ св. Землю, и разнесены въ устныхъ и отчасти литературныхъ пересказахъ по всей землѣ русской. «Многочисленность русскихъ паломниковъ въ Грецію и Палестину, говоритъ Ф. А. Терновскій, въ теченіе всего до-монгольскаго періода находится внѣ всякаго сомнѣнія. Увлекая собою найболѣе любознательныхъ и предпріимчивыхъ людей, паломничество не только давало матеріалъ для множества устныхъ разсказовъ, но и обогатило скудную русскую письменность нѣсколькими паломническими сказаніями и отразилось въ народной поэзіи въ былинахъ о Василіѣ Буслаевѣ и о сорока каликахъ со каликою» [3]). Какого рода апокрифическія сказанія усваивались русскими паломниками, видно

---

[1]) *Порфирьевъ,* Апокрифическія сказанія о ветхозав. лицахъ и событіяхъ, стр. 131.

[2]) *Петровъ,* Историч. взглядъ на взаимныя отношенія между сербами и русскими, стр. 11.

[3]) *Терновскій,* т. II, стр. 8.

изъ «Хожденія» игумена Даніила начала XII столѣтія. Описывая св. мѣста, Даніилъ въ тоже время сообщаетъ о слышанныхъ имъ въ томъ или другомъ мѣстѣ преданіяхъ. Такъ, описывая церковь Воскресенія Христова и мѣсто распятія Спасителя, Даніилъ говоритъ о находившейся подъ крестомъ головѣ Адама, на которую «сошла вода изъ ребръ Іисуса и омыла грѣхи рода человѣческаго». Упоминая о столбѣ Давида въ Іерусалимѣ, Даніилъ замѣчаетъ, что на этомъ столбѣ Давидъ писалъ псалтырь. Упоминая о Капернаумѣ, онъ же замѣчаетъ, что здѣсь надлежитъ родиться антихристу. Даніилъ говоритъ о пещерѣ, гдѣ Спаситель научилъ учениковъ своихъ пѣть: «Отче нашъ!» и о другой пещерѣ, гдѣ жилъ Мельхисидекъ. «Подобныхъ разсказовъ, замѣчаетъ И. Я. Порфирьевъ, очень много въ путешествіи Даніила, и при чтеніи ихъ понятно становится, отчего въ древней Руси ходило много въ народѣ разныхъ апокрифическихъ сказаній» [1]). Какія апокрифическія сказанія выносили русскіе паломники изъ Константинополя, видно изъ путешествія новгородскаго архіепископа Антонія въ концѣ XII в. Антоній говоритъ, что въ церкви св. Софіи хранились скрижали Моисея, въ церкви св. Михаила крестъ изъ лозы Ноя и палица Моисея. Нельзя сомнѣваться, что подобнаго рода религіозно-церковныя преданія заходили въ южную Русь, до-татаръ и послѣ татаръ, вмѣстѣ съ другими паломническими разсказами. Дѣло это тѣмъ болѣе возможное, что южноруссы ходили въ Палестину, въ Цареградъ и на Аѳонъ въ большомъ числѣ, съ цѣлями преимущественно религіозными, изрѣдка торговыми, и нѣкоторые паломники, напримѣръ, Іоаннъ Вишенскій, проживали на Аѳонѣ въ теченіи многихъ лѣтъ.

Изъ переводныхъ византійскихъ сочиненій по обилію апокрифическихъ сказаній найболѣе выдаются Палеи и Хроники. Палея— особое сочиненіе, представляющее изложеніе ветхозавѣтной исторіи съ дополненіями и объясненіями апокрифическаго характера. Различаютъ толковую Палею и Палею историческую, или книгу бытія небеси и земли. Толковая Палея представляетъ изложеніе ветхозавѣтной исторіи, съ апокрифическими дополненіями и съ полемическими выходками противъ евреевъ. Толковая Палея состав-

---

[1]) *Порфирьевъ*, Исторія рус. словесности, т. I, стр. 320.

лена въ IX—XI вв. и очень рано проникла въ южную Россію. Слѣды вліянія Палеи замѣтны въ древнемъ лѣтописномъ сводѣ XII в., въ Словѣ о законѣ и благодати митр. Иларіона и въ Поученіи Владиміра Мономаха. Въ сохранившихся спискахъ Толковой Палеи, довольно позднихъ, XIV—XVI вв., находятся апокрифы о сотвореніи міра, паденіи ангеловъ, раѣ въ Эдемѣ, Каинѣ, Авелѣ, Сиѳѣ, Ламехѣ, Энохѣ, дочеряхъ Адама, потопѣ, Авраамѣ, Іосифѣ, Моисеѣ и Соломонѣ, всего 17 апокрифовъ, причемъ одни сказанія представляютъ цѣльные апокрифическіе памятники, а другія—отрывки апокрифическихъ сказаній, вошедшія въ Палею изъ сочиненій Ефрема Сирина, Меѳодія Патарскаго, Козьмы Индикоилова, византійскихъ хроникъ и Златоструя. Принимая во вниманіе то обстоятельство, что Толковая Палея подвергалась измѣненіямъ и дополненіямъ со стороны переписчиковъ, нельзя утверждать, что всѣ извѣстныя по позднимъ спискамъ Палеи апокрифическія сказанія находились въ Палеѣ XI—XII вѣковъ. Такъ, позднѣйшими вставками считаютъ разсказъ о смерти Адама, сказанія о Соломонѣ и нѣкоторыя другія [1]). Какъ бы то ни было, Толковой Палеѣ настолько присущи апокрифическія сказанія, что нельзя сомнѣваться въ присутствіи ихъ въ древнѣйшихъ, исчезнувшихъ спискахъ Палеи и въ переходѣ ихъ отсюда въ древне-русскіе литературные памятники и въ народные разсказы.

Историческая Палея отличается отъ Толковой Палеи отсутствіемъ полемики и сжатостью. Сохранившіеся списки исторической Палеи не древни (старѣйшій XV—XVI в.); но филологи по особенностямъ языка перевода относятъ переводъ «Книги бытія небеси и земли» по крайней мѣрѣ къ XII вѣку» [2]). Въ исторической Палеѣ такъ же много апокрифическихъ сказаній о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ, какъ и въ Толковой Палеѣ, и отсюда, т. е. изъ «Книги бытія небеси и земли» древняя, до-монгольская Русь также могла черпать апокрифическія сказанія.

Другимъ источникомъ апокрифическихъ сказаній въ древнія времена были византійскія хроники. Изъ византійскихъ хроникъ весьма рано появились въ славянской письменности хроники Іоанна

---

[1]) *Ждановъ*, Палея, стр- 12, 13, 22.

[2]) Тамъ же. стр. 25.

Малалы и Георгія Амартола. Въ хроникѣ Малалы находятся апокрифическія сказанія объ Авраамѣ, Мельхиседекѣ и Завѣты 12 патріарховъ [1]). Гораздо болѣе апокрифическихъ сказаній въ хроникѣ Георгія Амартола. «Для исторіи ветхозавѣтныхъ апокрифическихъ сказаній, говоритъ И. Я. Порфирьевъ, хроника Амартола имѣетъ особенную важность. Кромѣ множества мелкихъ апокрифическихъ подробностей о разныхъ лицахъ и событіяхъ, здѣсь помѣщены, между прочимъ, сказанія о еврейской письменности при Сиѳѣ и астрономіи при Немвродѣ, о погребеніи Адама въ Іерусалимѣ, о состязаніи Авраама съ египетскими астрологами о судьбѣ, о Мельхиседекѣ, о смерти Моисея, о Соломонѣ и царицѣ Савской» [2]). Слѣды хроники Амартола замѣчаются въ древнѣйшихъ памятникахъ русской письменности. Составитель первоначальной лѣтописи уже черпалъ изъ нея свѣдѣнія о брахманахъ и амазонкахъ.

Къ числу древнѣйшихъ источниковъ апокрифическихъ сказаній въ южной Россіи принадлежитъ еще Слово Меѳодія Патарскаго, на которое ссылается первый нашъ лѣтописецъ, когда говоритъ о нечистыхъ народахъ, заключенныхъ въ горахъ Александромъ Македонскимъ.

Профессоръ Порфирьевъ говоритъ, что апокрифическія сказанія въ Россіи «были распространены болѣе въ передѣлкахъ, чѣмъ въ подлинномъ видѣ, болѣе въ извлеченіяхъ и отрывкахъ, чѣмъ въ полныхъ сочиненіяхъ,—были распространены болѣе апокрифическія сказанія, возникшія изъ апокрифовъ, чѣмъ самые апокрифы» [3]). Были, повидимому, и цѣльныя апокрифическія сказанія, циркулировавшіе отдѣльно отъ другихъ литературныхъ памятниковъ. Такого рода апокрифы, цѣльные и обособленные, были въ южной Россіи до татарскаго нашествія и въ болѣе позднее время, въ XIV—XVIII вѣкахъ. Профессоръ Е. Голубинскій по сохранившимся до настоящаго времени рукописямъ до-монгольскаго періода и по упоминаніямъ въ тогдашнихъ памятникахъ перечисляетъ слѣдующіе апокрифы до-монгольскаго періода русской исторіи.

---

1) *Порфирьевъ,* Апокриф. сказанія по рукоп. соловец. библ., стр. 18.
2) Тамъ же, стр. 19.
3) Тамъ же, стр. 2.

1) Сказаніе Агапія, чего ради оставляютъ роды и домы своя, въ майской Четь-Минеи XII в. московскаго Успенскаго собора.

2) Сказаніе Афродитіана о бывшемъ въ Перстѣй земли чудеси, въ Толстовской рукописи XIII в.

г) Хожденіе Богородицы по мукамъ въ Троицкомъ лаврскомъ сборникѣ XII в.

4) Глубинныя книги, упоминаемыя въ Житіи Авраамія Смоленскаго (и, вѣроятно, представлявшія «Вопросы Іоанна Богослова»).

5) Видѣніе пророка Исаіи въ майской Четь-Минеи московскаго Успенскаго собора.

6) Лѣствица патріарха Іакова, переведенная изъ Палеи.

7) Паралипоменъ пророка Іереміи, въ майской Четь-Минеи московскаго Успенскаго собора.

8) Слово Меѳодія Патарскаго, упоминаемое древнимъ лѣтописцемъ.

9) Житіе Нифонта и Панкратія, въ Четьи-Минеи XII в.

10) Завѣты 12 патріарховъ, переведенные изъ Палеи.

Вѣроятно, были и другіе апокрифы, древніе списки которыхъ потеряны.

Вращаясь среди низшаго духовенства, грамотныхъ горожанъ и крестьянъ, апокрифы не обращали на себя вниманія выдающихся южнорусскихъ духовныхъ лицъ и, повидимому, не подвергались осужденію и порицанію. Къ тому же общій уровень духовнаго образованія былъ не великъ, и въ южнорусскомъ обществѣ почти навѣрно не было сознанія зловредности отреченныхъ книгъ въ смыслѣ строго богословскомъ. Въ Московской Руси болѣе обращали вниманія на апокрифическія сказанія, потому, что здѣсь возсталъ противъ апокрифовъ Максимъ Грекъ. Находившійся подъ вліяніемъ Максима Грека князь Андрей Курбскій также отрицательно относился къ апокрифамъ. Когда онъ поселился въ южной Россіи, то обратилъ вниманіе на распространенность апокрифовъ въ литовской Руси. Одинъ старецъ прислалъ князю Курбскому для прочтенія апокрифическое евангеліе Никодима. «А повѣсть ону, писалъ ему въ отвѣтъ Курбскій, прочтохъ... Довольно, мню, четы-

---

[1]) *Голубинскій*, Исторія русской церкви, т. I, стр. 757.

ремъ (евангеліямъ); не надобе пятое; во истину ложь есть сіе писаніе и неправда... А се лжеплетеніе и прежде азъ видѣхъ польскимъ языкомъ написано... Противлюся лжесловесникомъ, преобразующимся во истовые учители, и пишутъ повѣсть сопротивъ евангельскимъ словесемъ, и имена своя скрывше, да не обличени будутъ, и подписуютъ ихъ на святыхъ имена, да удобно ихъ писаніе пріймется простыми и неучеными... Али не слышалъ еси, какову бѣду отъ таковыхъ въ литовской земли церковь Божія пріемлетъ?... Апостольскія слова превращаются, развращеніе толкуютъ, на святыхъ хулу возлагаютъ... И отъ книгъ русскихъ емлючи словеса развращенныя, отъ Еремеи попа болгарскаго сложены и иныхъ таковыхъ и на Златоустаго имя подписано и на иныхъ святыхъ, яко щиты себѣ носятъ и изъ-за нихъ на законъ Христовъ поруганіи и хулами стрѣляютъ»[1]).

Апокрифическая литература долгое время жила исключительно въ рукописяхъ и въ народной памяти. Перепиской апокрифовъ занимались преимущественно духовныя лица, увлекавшіяся поэтическими и моральными мотивами апокрифическихъ сказаній. Священники пользовались ими при составленіи проповѣдей. По замѣчанію профессора Ом. Огоновскаго, одной изъ главныхъ причинъ распространенія апокрифовъ было списываніе ихъ на языкѣ, близкомъ къ простонародной разговорной рѣчи. Въ церковно-археологическомъ музеѣ при кіевской духовной академіи находятся любопытныя южно и западно-русскія рукописи съ апокрифическими сказаніями объ Адамѣ, потопѣ, двѣнадцати пятницахъ, встрѣчаются ложныя молитвы и духовные стихи[2]). Н. Бѣлозерскій указалъ на одинъ южно-русскій сборникъ конца XVII ст., или Пчелу, составленную въ с. Крупичполѣ, борзенск. у. черниг. г., Петромъ Виноградскимъ. Въ этомъ Сборникѣ, среди разныхъ статей, находится «Исторія о сотвореніи міра и первыхъ людей» [3]).

Въ послѣднее десятилѣтіе галицко-русскіе ученые, Вахнянинъ, Калужняцкій, Калитовскій, Франко, Ом. Огоновскій во Львовѣ, Перемышлѣ, Дрогобичѣ въ общественныхъ библіотекахъ и у част-

---

[1]) *Курбскій*, въ „Правосл. Собесѣд.“ 1863 г., II.

[2]) *Петровъ*, Описаніе рукописей церк.-археол музея. т. II, стр. 351, 355, 407, 409 и др.

[3]) *Бѣлозерскій*, Южно-рус. лѣтописи, стр. 145.

ныхъ лицъ нашли нѣсколько любопытныхъ апокрифовъ и издали ихъ. Такъ, Калужняцкій въ 1877 г. указалъ на своеобразное «Слово о сотвореніи неба и земли», «Сказаніе царя Анфилога» и нѣкоторые другіе любопытные, не вошедшіе въ сборники Пыпина, Тихонравова и Порфирьева апокрифы, сохранившіеся въ одномъ рукописномъ Сборникѣ свято-онуфріевскаго монастыря. Г. Калитовскій въ 1884 г. издалъ «Матеріалы до словесности апокрифичной», куда вошли весьма важныя въ историко-литературномъ отношеніи апокрифическія сказанія объ Адамѣ и Евѣ, о Благовѣщеніи, звѣздѣ пр. Богородицы, Рождествѣ Іисуса Христа, женѣ Майдонѣ и кончинѣ міра. Часть этихъ апокрифовъ, именно апокрифы о Майдонѣ, антихристѣ, трехъ юношахъ царяхъ и кончинѣ міра еще ранѣе, въ 1881 г., были изданы Макушевымъ въ сентябрьской книжкѣ Журн. минист. народ. просвѣщенія. Г. Франко въ № 9 «Зори» 1886 года указалъ на небольшой Дрогобицкій сборникъ апокрифическихъ сказаній конца XVIII ст., заключающій въ себѣ отрывокъ сказанія о томъ, какъ Давидъ писалъ псалмы, сказаніе объ Адамѣ и Евѣ, отрывокъ сказанія о Самсонѣ и такъ называемый Листъ небесный, или Епистолію о недѣлѣ. Профессоръ Ом. Огоновскій въ первомъ томѣ «Исторіи литературы русской» указываетъ еще на «Катехизисъ» 1713 года, изложенный въ формѣ вопросовъ ученика и отвѣтовъ учителя, въ родѣ извѣстнаго Луцидаріуса. Ученикъ спрашиваетъ: на чемъ земля стоитъ? Гдѣ находится рай? Почему нельзя дойти до рая?—и получаетъ соотвѣтствующіе отвѣты отъ учителя. Профессоръ Огоновскій усматриваетъ въ галицкихъ апокрифахъ много элементовъ простой разговорной рѣчи и полагаетъ потому, что апокрифы эти были читаемы не только въ панскихъ дворахъ, но и въ мужицкихъ хатахъ. «Такъ отже, замѣчаетъ по этому поводу г. Огоновскій, литература апокрифична, що своимъ засновкомъ була неначе заграничною ростыною, розрослась буйно на руській землыци; бувши попереду духовнымъ майномъ самыхъ грамотѣевъ, сталась тая литература вельми популярною мѣжь людомъ неписьменнимъ, котрій фантастични образы оріентальни змѣшавъ зо своимъ поэтичнымъ свѣтоглядомъ» [1]. Это замѣчаніе можно распространить на всю русскую народную словесность.

[1]) Зоря, 1886 г. № 21, стр. 359.

Изъ соединенія религіозно-политическаго воззрѣнія на природу, древняго, языческаго, вполнѣ народнаго, съ поэтическими мотивами апокрифическихъ сказаній возникли многія религіозно-эпическія сказанія и пѣсни. Среди пѣсенъ послѣдняго разряда встрѣчаются въ высокой степени художественныя. Ограничусь однимъ примѣромъ, именно, превосходной галицко-русской пѣсней о жалобѣ солнца, пѣсней, всецѣло сотканной изъ религіозно-миѳическихъ и христіанско-апокрифическихъ элементовъ:

Війте, дѣвойки,
Божи вѣнойки,
Зъ Божои кровци
На коруговци!
Ей скаржилося свитло сонейко,
Свитло сонейко милому Богу:
«Не буду, Боже, рано сходжати,
Рано сходжати, свитъ освичати;
Бо зли газдове понаставали:
Въ недилю рано дрова рубали,
А ми до личка триски прискали»!
Свиты, сонейко, ясь есь свитыло,
Буду я знати, якъ ихъ карати,
На тамтимъ свити, на страшномъ суди.
Війте, дѣвойки...
Ей скаржилось свитле сонейко,
Свитле сонейко милому Богу:
«Не буду, Боже, рано сходжати,
Рано сходжати, свитъ освичати,
Бо зли газдыни понаставали:
Въ пятойку рано хусты зваряли,
А ми на лице золу выливали».
«Свиты, сонейко, якъ есь свитыло;
Буду я знати, якъ ихъ карати,
На тамтимъ свити, на страшномъ суди».
Війте, дѣвойки,...
Ей скаржилося свитле сонейко,
Свитле сонейко милому Богу:
«Не буду, Боже, рано сходжати,

Рано сходжати, свитъ освичати;
Бо зли дѣвойки понаставали:
Въ недилю рано косы чесали,
А ми до личка волося метали».
«Свити, сонейко, якъ есь свитыло:
Буду я знати, якъ ихъ карати,
На тамтимъ свити, на страшномъ суди [1]).

Обожествленіе солнца и поклоненіе ему нѣкогда было повсемѣстно. Съ проникновеніемъ въ славянскіе народы христіанства, внѣшняя природа мало-по малу стала терять свои божественныя прерогативы, и послѣдовало то разложеніе религіозно-натуральныхъ понятій, слѣдствіемъ котораго нынѣ являются двоевѣрные заговоры и чары, суевѣрія и предразсудки. Солнце изъ положенія самостоятельнаго вышемірнаго и божественнаго существа перешло въ положеніе, подчиненное христіанскому Богу, Спасителю, и въ послѣднемъ положеніи еще сохранило за собою многіе народно-поэтическіе образы и мотивы. Въ царинной пѣснѣ «Війте дѣвойки» солнце представляется олицетвореннымъ и въ подчиненіи Богу. При всемъ томъ въ языкѣ, въ поэзіи, въ частности въ разсматриваемой нами пѣсни, сохранилисъ еще черты солнца, какъ божественной личности.

У индо-европейскихъ народовъ до настоящаго времени въ языкѣ сохранились своеобразные обломки древняго обоготворенія солнца. Одинъ народъ сохранилъ одни эпитеты и образы, другой удержалъ другіе эпитеты и образы древняго божественнаго дѣда, всевидящаго ока—солнца. Въ скандинавской поэзіи солнце—всемірное пламя, окно небесныхъ пировъ, воздушное пламя, небесный огонь, щитъ облаковъ, радость народамъ [1]). Въ новогреческихъ пѣсняхъ и сказкахъ встрѣчаются выраженія: солнце погрузилось (т. е. зашло), солнце воцарилось (зашло, т. е. водворилось въ своемъ дворцѣ, на далекомъ западѣ, за горами) [2]), Въ славянской народной поэзіи солнце око (=греч. Геліосъ), колесо, кольцо, ликъ Божій, вѣнецъ,

---

[1]) *Головацкій*, Гал. и Угор. нар. пѣсни, т. II, стр. 243—244.

[2]) *Буслаевъ*, Историч. очерки, т. I, стр. 191.

[1]) *Веселовскій*, Записки акад. наукъ, т. XXXII, 284.

корона, царевна, птица, яйцо [1]). Въ частности, въ малорусской поэзіи и языкѣ «сонце ся въ мори купае; сонце спочило; сонце, видчины виконце: вже мини ни видъ мисяця, ни видъ сонця; сонце праведне; шанувати сонечко святее; сонце грае» [2]). Въ малорусскихъ пѣсняхъ встрѣчаются, между прочимъ, слѣдующія характерныя выраженія о солнцѣ: солнце кружитъ (Голов. II, 768), сонце вечеріе (Чуб. V, 107), сонце праведное (Ант. и Др., I, 230, 242).

Въ пѣснѣ «Війте, дѣвойки» сохранилась глубоко-древняя религіозно-миѳическая черта, именно, въ выраженіяхъ пѣсни, что люди, работая въ воскресенье, бросаютъ въ лице солнца дрова, золу, волоса. Такое бросаніе въ лице солнца разныхъ предметовъ въ языческой древности было весьма обычно, какъ внѣшняя форма жертвоприношенія солнцу. И въ настоящее время монгольскіе шаманы, призывая въ молитвахъ солнце, плескаютъ вверхъ молокомъ, что служитъ жертвоприношеніемъ молока солнцу [3]). Съ этимъ обыкновеніемъ по значенію тождественъ славянскій обычай плескать виномъ вверхъ на свадьбахъ и обычай поднимать ребенка вверхъ на крестинахъ, причемъ въ послѣднемъ обычаѣ обнаруживается символическое посвященіе человѣка Богу и призывъ на него высшей благодати.

Въ пѣснѣ солнце не отказывается вполнѣ отъ служенія человѣчеству; оно только заявляетъ, что не будетъ рано выходить, и въ этомъ заявленіи сквозитъ глубоко-древняя черта народнаго міровоззрѣнія. Было время, когда тепло и свѣтъ считались дѣломъ личнаго желанія солнца, которое, пользуясь свойственной человѣку свободной волей, могло дѣйствовать по своему усмотрѣнію, могло капризничать и сердиться. Такого рода воззрѣніе на солнце скрывается въ глубинѣ малорусскаго языка, напримѣръ, въ обычномъ и въ настоящее время выраженіи: «сонечко рано схопилось», «сонечко довго не заходило». Подобная мысль выразилась въ «Словѣ о полку Игоревѣ» въ словахъ «дльго ночь мркнетъ, заря свѣтъ запала». Всѣ эти выраженія и словесныя формулы вышли изъ поэтическаго

---

[1]) *Аѳанасьевъ*, Поэтич. воззр. слав., т. I—III, въ разн. мѣстахъ.

[2]) *Номисъ*, Украин. приказки, 2337, 598, 2288, 3770, 8372, 13144.

[3]) *Тэйлоръ*, Первобытная культура, II, 341.

олицетворенія солца и ночи, олицетворенія настолько художественнаго, что и новѣйшіе поэты имъ пользуются для художественнаго воздѣйствія на читателей, напримѣръ, Я. П. Полонскій въ превосходномъ стихотвореніи: «Въ колыбель младенца ночью мѣсяцъ лучъ свой заронилъ.

Такова религіозно-миѳическая основа пѣсни «Війте, дѣвойки», и въ эту основу вплетено много апокрифическихъ мотивовъ изъ разныхъ апокрифическихъ сказаній. Начнемъ съ запѣва. Нѣкоторое недоразумѣніе здѣсь вызываетъ странный мотивъ витья вѣнковъ изъ Божіей крови на хоругви. Для объясненія этого мотива, внѣшнимъ образомъ приставленнаго къ пѣсни, нужно принять во вниманіе другія апокрифическія пѣсни о крови Спасителя и принять во вниманіе важное значеніе церковной хоругви въ быту малороссіянъ. Есть пѣсни о страданіяхъ и крестной смерти Спасителя; въ этихъ пѣсняхъ крови Спасителя приписывается чудо, «де кровця упала, церковь стала». Вѣроятно, мотивъ приготовленія вѣнковъ изъ Божіей крови вышелъ отсюда посредствомъ какого нибудь прозаическаго сказанія, не нашедшаго мѣста въ печати. Церковная хоругвь вошла въ пѣсню потому, что въ Малороссіи и въ Галиціи издавна этотъ церковный предметъ вошелъ въ употребленіе въ главныхъ событіяхъ семейной жизни, при свадьбахъ и похоронахъ. Такъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи проводы молодыхъ послѣ вѣнчанія изъ церкви въ домъ свадебнаго веселья совершаются или, по крайней мѣрѣ, недавно совершались съ церковной обстановкой: впереди шелъ священникъ съ крестомъ въ рукахъ; за нимъ несли церковные хоругви, за которыми уже слѣдовали молодые съ вѣнцами на головахъ. Такъ какъ галицкія царинныя пѣсни поются на Тройцынъ день при обхожденіи полевыхъ пашень, то упоминаемые въ запѣвѣ вѣнки относятся къ распространенному во всей Россіи обычаю вить вѣнки на Тройцынъ день. Такимъ образомъ, и въ этомъ небольшомъ запѣвѣ религіозно-миѳическій обрядъ слился съ церковно-обрядовыми и апокрифическими элементами.

Жалоба солнца Богу на людей—мотивъ чисто апокрифическій. Источникъ его «Слово о видѣніи апостола Павла». «Вся бо тварь, говорится въ этомъ словѣ, велѣнію Божію повинуется, токмо человѣци едини преступають заповѣди Божія. Многажды бо солнце

моляшеся Богу, глаголя: Господи Вседержителю, доколѣ неправды человѣческія терпиши, беззаконія много ихъ; повели, Господи, да ихъ пожгу, да не творятъ зло. И гласъ бысть ему, глаголя: азъ все вижду и видѣ око мое; но терплю ихъ и покаянію подаю время. аще не покаются и пріидутъ ко мнѣ, то сужду имъ» [1]). Далѣе въ апокрифѣ слѣдуютъ жалобы мѣсяца, звѣздъ, моря, рѣкъ и земли и на всѣ жалобы слѣдуетъ одинъ и тотъ-же отвѣтъ: «аще не покаются, сужду имъ». Видѣніе апостола Павла начинается жалобой солнца Богу на людей, и эта жалоба вошла въ царинную пѣсню. Не осталась безъ вліянія жалоба земли, еще болѣе поэтически изложенная въ апокрифѣ; жалоба земли на людскіе грѣхи находится, между прочимъ, въ одномъ малорусскомъ прозаическомъ разсказѣ. Плачъ земли встрѣчается также въ великорусскихъ духовнымъ стихахъ, преимущественно раскольническихъ. Профессоръ И. Я. Порфирьевъ полагаетъ, что этотъ мотивъ вошелъ въ Видѣніе ап. Павла изъ апокрифической книги Эноха, гдѣ указывается на плачъ земли, возвысившей свой голосъ даже до вратъ неба; но и въ книгѣ Эноха плачъ земли едва ли можетъ быть признанъ первоначальнымъ мотивомъ; онъ встрѣчается еще въ древне-индійскихъ и персидскихъ сказаніяхъ и составляетъ, по предположенію г. Порфирьева, слѣдъ священнаго преданія объ осужденіи и проклятіи земли Богомъ за грѣхъ перваго человѣка [1]). Какъ бы то ни было, ближайшимъ источникомъ апокрифическаго плача солнца въ пѣснѣ «Вiйте, дѣвойки» было Видѣніе ап. Павла, и самый фактъ существованія этой пѣсни предполагаетъ существованіе и популярность апокрифа. Въ сочиненіяхъ южнорусскаго писателя конца шестнадцатаго вѣка Іоанна Вишенскаго находится одна фраза, указывающая, что въ XVI вѣкѣ Плачъ земли, а, можетъ быть и все Видѣніе ап. Павла было хорошо извѣстно южнорусскому народу. Обличая оъ одномъ посланіи южноруссовъ въ упадкѣ духовной жизни и въ размноженіи грѣховъ, Іоаннъ Вишенскій зъмѣчаетъ: «ознаймую вамъ, яко земля, по которой ногами вашими ходите и въ ней же въ жизнь сію рожденіемъ произведени есте и нынѣ обитаете,

---

[1]) *Порфирьевъ*, Апокр. сказ. по рукописямъ соловец. библ., 6.

[2]) *Памятники* старин. рус. литературы, III, 132; *Тихонравовъ*, Памят. отр. литер., II, 40·

на васъ передъ Господомъ Богомъ плачетъ, стогнетъ и вопіетъ, просячи Сотворителя, яко да пошлетъ серпъ смертный, серпъ казни погибельной, яко-же древле на содомляны, и всемірного потопу, которымъ бы васъ погубити и искоренити моглъ, изволяючи лепше пуста въ чистотѣ стояти, нежели вашимъ безбожествомъ населена и беззаконными дѣлы осквернена и запустошена». Не имѣя въ печати южнорусскихъ редакцій «Видѣнія ап. Павла», трудно сказать, насколько близко къ книжному подлиннику выразился Іоаннъ Вишенскій. Нельзя даже сказать съ достовѣрностью, пользовался ли Іоаннъ Вишенскій апокрифомъ въ письменной формѣ, или онъ только припомнилъ выродившійся изъ Видѣнія ап. Павла странствующій благочестивый разсказъ или пѣсню о плачѣ земли. Какъ бы то ни было, апокрифическій мотивъ о плачѣ земли и солнца въ старинное время былъ весьма извѣстенъ, особенно на родинѣ Іоанна Вишенскаго, въ Галиціи, и вошелъ въ южнорусскую письменность и народную поэзію.

Высказанная въ пѣснѣ «Війте, дѣвойки» идея о необходимости почитанія воскреснаго дня и пятницы вытекла изъ апокрифической Епистоліи о недѣли и апокрифическаго сказанія о 12 пятницахъ.

Разложеніе религіозно-эпической пѣсни «Війте дѣвойки» на составные ея элементы отчасти показало, какъ много религіозно-миѳическихъ и церковно-апокрифическихъ мотивовъ можетъ сочетаться въ одной пѣснѣ и какъ тѣсно и органически сливаются эти разнородные элементы въ силу художественнаго творчества народнаго духа.

Апокрифы прежде всего проникли въ грамотную часть населенія, въ среду духовенства, затѣмъ перешли въ глубь народа путемъ устной передачи. Хранителями и распространителями апокрифическихъ сказаній и пѣсенъ были преимущественно лица духовныя, отчасти козаки, приходившіе въ близкое соприкосновеніе съ духовенствомъ, и затѣмъ уже народные пѣвцы, бандуристы и лирники. «Если, говоритъ Ѳ. И. Буслаевъ, просвирни, по свидѣтельству Стоглава, имѣли святотатственное притязаніе на совершеніе какихъ то церковныхъ обрядовъ и тѣмъ самымъ способствовали распространенію невѣжественныхъ суевѣрій, то, съ другой стороны, церковные сторожа и прислужники благотворно дѣйствовали

на развитіе народнаго религіознаго эпоса. Во всякомъ случаѣ и тѣ и другіе, и просвирни, и пономари заслуживаютъ почетное мѣсто въ исторіи народной поэзіи, и какъ Пушкинъ указывалъ на чистоту русской рѣчи въ устахъ московскихъ просвиренъ, такъ историкъ литературы съ неменьшимъ уваженіемъ долженъ отозваться о поэтическихъ разсказахъ древне-русскихъ пономарей» [1]). Замѣчаніе это, основательное вообще, въ особенности справедливо въ приложеніи къ украинскимъ церковно-служителямъ. Въ дѣлѣ развитія и распространенія религіозныхъ сказаній украинскіе церковно-служители достаточно потрудились, въ то время какъ священнослужители потрудились по части составленія религіозно-полемическихъ сочиненій, проповѣдей и мистерій. Апокрифическія сказанія и религіозныя легенды проникали въ народъ посредствомъ церковныхъ служителей и богомольцевъ странниковъ, въ особенности посредствомъ пономарей, стоявшихъ по своему общественному положенію между священствомъ и простолюдьемъ. Народные странствующіе пѣвцы и благочестивые странники-богомольцы, толкаясь на церковныхъ папертяхъ и странствуя по монастырямъ, воспринимали религіозныя сказанія и разносили ихъ по всей Украинѣ. Въ думѣ про Алексѣя Поповича находится замѣчаніе, что Алексѣй Поповичъ «по тричи на день письмо святее бере, та и читае, козакивъ простыхъ на все добре научае» [2]). Въ древнее время переходъ воинственнаго козака въ благочестиваго монаха и, обратно, священника или монаха въ воина совершался легко, и та рука, которая проливала кровь, при измѣнившихся обстоятельствахъ превратной ковацкой жизни, превращалась въ благословляющую десницу. «Межигорскій Дидъ» Стороженка представляетъ вѣрную въ историческомъ отношеніи картинку старика запорожца, переходящаго отъ чтенія евангелія къ пѣнію воинственной пѣсни и отъ неумѣреннаго употребленія водки въ пріятельскомъ кругу къ горячей молитвѣ. «Винъ литъ пятьдесятъ бувъ сичовикомъ, бывся съ ордою, та вже якъ ссарився, пріихавъ на байдаку зъ кошовымъ у Межигорья та зробывсь у ченцивъ пасишникомъ... Поки ще не выпье, то було и многи лита спива и... Апостола чита. Якъ же вы-

---

[1]) *Буслаевъ*, Историч. очерки, II, 198.

[2]) *Антоновичъ и Драгом.*, Истор. пѣс. малор. нар., I, 183.

пивъ чарку, другу, то вже годи зъ писанія, заразъ почне писни спивать, балясы точигъ, та таке выгадувать, хочъ зъ хаты тикай...» Такіе разносторонные богатыри и пройдысьвиты, какъ Алексѣй Поповичъ малорусской думы и Межигорскій дидъ Староженка, многое видѣли и слышали, обо многомъ могли поразсказать, начиная отъ пѣсни-думы про землю турецкую, вѣру бусурманскую, и кончая исполненной благочестія религіозною легендой про мѣстную икону или мѣстную церковь. То старина, то и дѣяніе, и Стороженко благоразумно назвалъ свой разсказъ про Межигорскаго дида оповиданнемъ бабуси. Тонкій наблюдатель и правдивый разсказчикъ Г. Ѳ. Квитка въ повѣсти «Отъ тоби и скарбъ» немногими характерными чертами обрисовалъ современнаго хранителя религіозныхъ сказаній «дяка». Въ ночь подъ Свѣтлое Христово Воскресенье народъ собрался въ церкви, «стоять зъ позасвичуваными свичками, хто слуха, а хто и окунивъ ловить слухаючи, якъ славно чита одыяніе поповичъ хвылёзопъ, що видпросывся зъ бурсы на празныки у село..... Генъ у хуточку зибралися кругъ пана Сымейона, на шого таки дяка, та слухають, якъ винъ тамъ шепчучи росказуе, яке то лыхо людямъ буде, якъ народиться Анцыхрыстъ, та буде православныхъ людей мучити, а за жыдивъ заступатись и ихъ жаловати: якъ набижать гоги та магоги, мовъ крымська татарва, та у тихъ людей, що не шановали духовного чину, та не становили часто обидивъ, та будуть усю худобу отбирати, та нею жыдивъ та цыганивъ надиляти......» Въ дополненіе къ этой замѣткѣ Квитки нужно указать на любопытный галицко-русскій варіантъ евангелистой пѣсни духовнаго стиха съ христіански-легендарными вопросами: что одинъ? (единъ Богъ), что два, что три? что четыре? (четыре евангелиста) и проч. т. п. Для насъ въ настоящемъ случаѣ въ этомъ варіантѣ интересны куплетные запѣвы:

Дячку, дячку вывченый,
На всѣ школы выбранный!
Повѣджь же намъ, що еденъ а еденъ?
Що я вѣмъ, вамъ повѣмъ:
Еденъ то самъ Сынъ Божій,
Що надъ нами кралюе
И кралёвацъ все буде.

Дячку, дячку вывченый,
На всѣ школы выбранный!
Повѣджь намъ, що два а два?
Що я вѣмъ, вамъ повѣмъ...

и т. д. до девяти включительно (Голов., т. III, стр. 146—147).

Сильное вліяніе церковно-служителей на возникновеніе, развитіе и распрзстраненіе народныхъ религіозныхъ сказаній обнаруживается даже въ ихъ языкѣ. Г. Купчанко, доставившій буковинскія сказки для извѣстнаго сборника: «Малорус. народ. преданія и разсказы», говоритъ: «сказки тѣ записаны частью малороссійскимъ, частью церковнымъ языкомъ».

Число извѣстныхъ въ печати малорусскихъ апокрифическихъ сказаній и пѣсенъ о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ не велико. Можно думать, что многіе, обращающіеся въ народѣ, разсказы и пѣсни этого рода не вошли въ сборники Чубинскаго и Драгоманова. Матеріалъ, вошедшій въ «Труды этн. ст. экспед.» и въ «Малор. народ. преданія» былъ собираемъ во время господства миѳологической теоріи и отчасти подъ прямымъ ея вліяніемъ. Теорія литературнаго заимствованія обрядовъ, сказаній и пѣсенъ получила въ русской наукѣ право гражданства въ послѣднія два десятилѣтія; вліяніе ея на этнографовъ стало обнаруживаться лишь въ послѣднее время, и то въ слабой степени. Лѣтъ тридцать, сорокъ назадъ сказанія объ Адамѣ и Евѣ, потопѣ, Самсонѣ, Давидѣ, Соломонѣ не могли привлечь къ себѣ такого вниманія этнографовъ и историковъ литературы, какое они привлекаютъ нынѣ, послѣ научныхъ изслѣдованій Бендеея, В. Гримма, А. Н. Веселовскаго, И. В. Ягича, А. И. Кирпичникова, г. Жданова.

Изъ южно-русскихъ апокрифическихъ сказаній о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ, отмѣченныхъ въ этнографическихъ сборникахъ Чубинскаго, Драгоманова, Кулиша и Новосельскаго, наибольшій научный интересъ представляютъ сказанія о сотвореніи міра и человѣка и сказанія о Самсонѣ.

I.

Сотвореніе міра.

Во всѣ времена и на всѣхъ ступеняхъ культуры человѣкъ интересовался вопросомъ о сотвореніи міра, когда, кѣмъ и какимъ образомъ созданъ внѣшній видимый міръ, изъ какого матеріала и въ силу какой причины. Исторія натуралистическихъ религій даетъ множетство разнообразныхъ отвѣтовъ на эти вопросы со стороны цивилизованныхъ народовъ древняго міра и дикихъ народовъ настоящаго времени. Заслуживаетъ вниманія слѣдующее сказаніе американскихъ индѣйцевъ Чипеваи, по весьма близкому сходству съ апокрифическими сказаніями о сотвореніи міра, обращающимися въ настоящее время среди южнорусскаго и другихъ сродныхъ съ нимъ славянскихъ народовъ. По религіозно-миѳическимъ представленіямъ Чипеваи, первоначально была только вода. Великій духъ Виска приказалъ бобру опуститься въ воду и принести со дна моря немного земли на поверхность. Бобръ опустился, но земли не досталъ. Мускусная мышь (rat musqué) обнаружила большую ловкость и принесла немного тины. Тогда Виска дохнулъ на эту тину или илъ, и послѣдній разроссся до громадныхъ размѣровъ. Такимъ образомъ отъ дыханія Виски произошла земля[1]). Въ апокрифическихъ книгахъ и современныхъ малорусскихъ народныхъ разсказахъ о сотвореніи міра обнаруживается весьма близкое сходство съ космическимъ миѳомъ Чипеваи. Мѣсто Виски занимаетъ Богъ, мѣсто бобра и мыши Сатана или голуби, а въ остальномъ почти полное сходство. Если исключить предположеніе, что апокрифическія сказанія о сотвореніи міра проникли къ Чипеваи чрезъ миссіонеровъ, предположеніе шаткое, то остается только высказать удивленіе передъ фактомъ существованія столь сходныхъ сказаній у народовъ, раздѣленныхъ громадными пространствами и никогда не входившихъ во взаимныя сношенія.

Оставляя въ сторонѣ индійскія преданія о происхожденіи міра изъ Брамы, древне-германскія преданія о происхожденіи міра изъ тѣла убитаго Имира, финскія пѣсни Калевалы о происхожденіи міра изъ яйца, снесеннаго дикой уткой на колѣнѣ матери воды

---

[1]) *Reville*, Les religions des peuples non civilisés, т. I, стр. 282.

Ильматаръ, и другія тому подобныя преданія разныхъ народовъ, какъ не имѣющія прямого отношенія къ южно-русскимъ народнымъ разсказамъ о сотвореніи міра, мы должны опредѣлить для уразумѣнія послѣднихъ, во первыхъ, древнія славянскія религіозно-миѳическія сказанія о началѣ міра, во вторыхъ пришедшія на ихъ смѣну апокрифическія сказанія о томъ же предметѣ и, наконецъ, въ третьихъ формы сочетанія и элементы тѣхъ и другихъ въ существующихъ въ настоящее время въ Малороссіи разсказахъ о началѣ міра.

Въ настоящее время нельзя опредѣлить съ достовѣрностью, каковы были разсказы у славянъ о сотвореніи міра до принятія христіанства, такъ какъ они впослѣдствіи сильно измѣнились подъ вліяніемъ апокрифовъ. Аѳанасьевъ во 2 т. «Поэтическихъ воззрѣній славянъ на природу» посвятилъ цѣлую главу преданіямъ о сотвореніи міра и человѣка, и однако онъ болѣе затемнилъ предметъ изслѣдованія, чѣмъ разъяснилъ его. Дѣло въ томъ, что здѣсь апокрифическія сказанія объясняются съ славяской религіозно-миѳической точки зрѣнія, какъ понимаетъ ее авторъ, слѣдовательно, предположительной и гадательной. Въ дуалистическомъ противоположеніи Бога и Сатаны апокрифическихъ сказаній Аѳанасьевъ усмотрѣлъ остатокъ вѣрованій въ бога-громовника Перуна и враждебнаго ему демона мрачныхъ тучъ и въ апокрифическомъ созданіи горъ Сатаной славянское представленіе о змѣѣ Горыничѣ. Вышла путаница разнородныхъ и разноплеменныхъ представленій о мірѣ. Весьма возможно, что и въ апокрифахъ находятся натуралистическіе миѳы; но миѳы эти возникли и развились вдали отъ славянства, большею частью на дуалистической основѣ древнихъ иранскихъ религій, и болгарскіе богомилы немногое могли къ нимъ добавить изъ сферы собственно болгарскаго народнаго міровоззрѣнія. Въ космогоническихъ апокрифахъ довольно явственно выразился гностико-богомильскій дуализмъ. По сирско-гностическому ученію и по весьма сходному съ нимъ ученію богомиловъ, первоначальное существо Богъ Отецъ создалъ разные чины ангеловъ и архангеловъ. Высшему существу, непостижимому Богу, противоположно злое начало Сатана. Ангелы, духи 7 планетъ, сотворили міръ и человѣка. Богъ вложилъ въ него душу. Сатана сотворилъ міръ темныхъ существъ. Богомилы, принявшіе основные элементы этого гностиче-

скаго и манихейскаго ученія, нѣсколько иначе развили ихъ. Мощный духъ Сатанаилъ за возмущеніе противъ Бога низверженъ былъ съ высоты небесной. Изъ соревнованія Богу онъ создалъ второе небо и вторую землю себѣ и соучастникамъ своего паденія. Онъ создалъ тѣло человѣка, но не могъ вложить въ него душу, и, по его просьбѣ, Богъ послалъ въ тѣло свое дыханіе. Сатана въ теченіи 5500 лѣтъ враждовалъ съ Богомъ, и наконецъ, Богъ создалъ отъ сердца своего великаго ангела Миха, явившагося во плоти въ лицѣ Іисуса Христа. Миха побѣдилъ Сатанаила, отнялъ отъ его имени священное окончаніе *илъ* и присоединилъ его къ своему первоначальному имени Миха [1]).

Изъ различныхъ апокрифовъ о сотвореніи міра на южно-русской почвѣ наиболѣе привился апокрифъ, напечатанный проф. И. Я. Порфирьевымъ по рукописи соловецкой библіотеки [2]). Апокрифъ этотъ извлеченъ г. Порфирьевымъ изъ одного сборника XVII ст.; здѣсь можно ограничиться приведеніемъ части апокрифа, усвоенной простымъ народомъ въ Малороссіи: «Іоаннъ рече: отъ чего земля сотворена бысть? Василій рече: егда сниде (Богъ) и начя ходити по водѣ и узрѣ на водѣ птицу, плаваетъ яко гоголь. И рече Богъ ты кто еси? Птица же рече: азъ есмь богъ?—А азъ кто есмь? Птица же рече: ты богомъ Богъ. Богъ же рече: ты откуду бѣ? Птица же рече: отъ вышнихъ. И рече Богъ: дай же ми отъ нижнихъ. И понре птица въ море и согна пѣну, яко илъ и принесе къ Богу, и взя Богъ илъ въ горсть и распространи сюду и овоюду, и бысть земля; и повелѣ Богъ изсякнути рѣкамъ и источникамъ, и взя Богъ птицу и нарече имя ему Сатанаилъ, и буди ты у мене воевода небеснымъ силамъ, надо всѣми старѣйшина. И сотвори Богъ потомъ небесныя силы... бѣ же старѣйшина ангеломъ нареченный Сатанаилъ, первый воевода... И помысли себѣ Сатана, яко сниду на землю и поставлю престолъ себѣ надъ звѣздами и подобенъ буду Вышнему и да мя славитъ чинъ мой, еже подо мною. Богъ же видѣвъ, яко сице помысли Сатанаилъ, и предастъ старшинство Михаилу на всѣхъ небесныхъ силахъ. И повелѣ Богъ Михаилу соврещи противника своего долу и со отступными его силами»...

---

[1]) *Правосл. Собесѣдникъ*, 1861 г., т. I, стр. 257—258.

[2]) *Порфирьевъ*, Апокр. сказ. по рук. солов. библ. С.п.б. 1877 г., стр. 87.

Въ южнорусской Пчелѣ конца XVII ст., описанной отчасти Бѣлозерскимъ, находится, между прочимъ, Исторія о сотвореніи міра и первыхъ людей, съ такой припиской: «теразъ ново съ полского на русское сполностю переложено року 1640, мѣсяца августа 28 дня въ богоспасаемомъ градѣ Погребищахъ, а въ сію книгу переведено року 1679 мѣсяца іюля 3 въ селѣ Камышахъ уѣзду Груньскаго» [1]). Къ сожалѣнію, Бѣлозерскій, имѣвшій въ рукахъ эту любопытную рукопись, не указалъ на содержаніе «исторіи», и мы можемъ только предположить, что содержаніе этой «исторіи» сходно съ вышеприведеннымъ апокрифомъ.

Повидимому, особымъ апокрифическимъ характеромъ отличается небольшое «Слово о сотвореніи неба и земли», находящееся въ рукописномъ сборникѣ львовскаго базиліанскаго монастыря. Въ этомъ Словѣ говорится о 4 углахъ земли, 20 воротахъ свѣта на востокѣ и западѣ, 12 путяхъ солнца и мѣсяца [2]).

Многочисленность и распространенность апокрифовъ о сотвореніи міра въ старинное время видна уже изъ того, что въ настоящее время въ народѣ есть много разсказовъ о сотвореніи міра, большею частью весьма близкихъ къ изданнымъ въ печати апокрифамъ. Большая часть народныхъ разсказовъ о сотвореніи міра представляетъ повтореніе апокрифическаго сказанія о томъ же предметѣ въ «Бесѣдѣ трехъ святителей». Сравнивая различные варіанты народныхъ сказаній о сотвореніи міра, можно, не дѣлая длинныхъ выписокъ, намѣтить слѣдующіе основные ихъ мотивы:

Перше не було ни неба, ни земли, була тильки тьма и вода змишана съ землею, такъ неначе кваша, а Богъ литавъ святымъ духомъ по-надъ водою, котора шумила пиною. Отъ разъ Богъ ходыть по води та дыхнувъ на ту пину и сказавъ: нехай буде янголъ» (Чуб. I, 143). Этотъ мотивъ, записанный въ радомысльскомъ уѣздѣ, чрезвычайно близко подходитъ къ апокрифу. Замѣчательная здѣсь черта—простонародное объясненіе первобытной матеріи, какъ смѣсь воды и земли, и своеобразное сравненіе ея съ квашей. Въ другомъ варіантѣ, записанномъ въ козелецкомъ у. черниговской губ., «Богъ литавъ надъ водою, та и побачивъ, що щось плава таке,

---

[1]) *Бѣлозерскій,* Южно-рус. лѣтописи, т. I, стр. 145.

[2]) *Огоновскій,* въ „Зорѣ“ 1886 г., стр. 371.

мовъ головешка, безъ рукъ и безъ ногъ; а то бувъ Сатанаилъ» (Чуб. II, 359). Въ другихъ варіантахъ разсказъ прямо начинается съ того, что Богъ и Сатанаилъ приступаютъ къ творенію міра, причемъ творитъ собственно Богъ, а Сатанаилъ помогаетъ ему и хитритъ (Драг. 88; Nowos. II, 3). Въ одномъ варіантѣ, несомнѣнно испорченномъ, Богъ и св. ап. Петръ отъ скуки рѣшили создать міръ, и Петръ приглашаетъ на помощь чорта (Чуб. I, 144). Сюда ап. Петръ вошелъ изъ апокрифическихъ сказаній о хожденіи по землѣ Христа и апостоловъ.

Способъ сотворенія земли во всѣхъ варіантахъ описанъ одинаково: Богъ посылаетъ Сатанаила на дно моря взять песку (и сйняго камня) и приказываетъ ему произнести при этомъ «не я беру, а Богъ бере»; но Сатанаилъ сказалъ «не Богъ бере, а я беру», и не могъ вынести, и только на третій разъ, исполнивъ приказаніе Бога, захватилъ песку (и камень); Богъ посѣялъ песокъ, приказалъ ему рости, и такимъ образомъ создана была земля, а изъ синяго камня—небо. Тождественный разсказъ о сотвореніи міра записанъ въ Болгаріи (Драг., 429).

Величина земли объясняется различно: Богъ приказалъ горсти песку разростись (Чуб. I, 144; Драг. 90; Nowos. II, 3; Аѳан. II, 460). Дополнительная черта: ап. Петръ и Павелъ остановили ростъ земли, а то она и до сихъ поръ росла бы (Драг. 90, Аѳан. II, 460). Земля выростала по мѣрѣ того, какъ Сатана носилъ спящаго Бога, чтобъ утопить его (Чуб. I, 144, Драг. 90), или толкалъ Его къ водѣ съ цѣлью утопить (Аѳан. II, 461).

Съ сказаніями о сотвореніи міра Богомъ при помощи Сатанаила тѣсно связанъ разсказъ о происхожденіи горъ на землѣ: Сатанаилъ скрылъ за губой немного песку, и когда, по повелѣнію Бога, песокъ сталъ рости, то обнаружился ростъ песка за губой; губу стало распирать; Сатанаилъ началъ выплевывать его, и гдѣ только онъ плевалъ, тамъ являлись горы (Чуб. I, 144, Nowos. II, 3, Аѳан. II, 459). Въ нѣкоторыхъ варіантахъ происхожденіе горъ просто объясняется тѣмъ, что песокъ, когда Богъ его сѣялъ, упалъ купкою, а гдѣ онъ падалъ ровно, тамъ стали поля (Чуб. II, 360).

Въ ряду малорусскихъ народныхъ разсказовъ о сотвореніи міра особое мѣсто занимаетъ миѳъ о первомъ вѣкѣ творенія въ Запискахъ о южной Руси П. А. Кулиша II, 31—32. Всѣ разска-

зы, напечатанные у Чубинскаго, Драгоманова, Новосельскаго, Аѳанасьева и въ «Основѣ» несомнѣнно построены на апокрифахъ гностико-богумильскаго происхожденія. Въ короткомъ и темномъ народноиъ разсказѣ о первомъ вѣкѣ творенія, записанномъ г. Кулишемъ, повидимому, сохранились обломки древне-славянскаго космогоническаго миѳа, именно два обломка: объ участіи въ созданіи міра мыши и воробья и о происхожденіи міра изъ яйца: «Колысьто, ще за первого вику, за старихъ людей, мыша та горобець та засіяли просо. Якъ пожали воны просо, то почали дилытьця, та и не помирились. Ось стали бытьця и стала збиратьця усяка птыця и всякіи звири. Якъ стали бытьця, якъ стали бытьця, то птыця и подужала звиривъ. Да хочъ подужала, а таки и сама побилася. Тилько одна птыця вынялась, що добила усихъ звиривъ. Уже и та птыця вморилася да и сила на такому высокому дереви»! Мимо дерева проходилъ мужикъ. Онъ накормилъ птицу, отдавъ ей своего быка, и отнесъ ее въ лѣсъ, гдѣ она жила. Въ благодарность за такую услугу птица «вынесла ему цáрствечко въ золотому яечку... А винъ и розчинивъ его посередъ шляху: ажъ тутъ видтиль ярмарокъ такій, що Боже храни»! Насилу мужикъ собралъ его и закрылъ яйцо. На вопросъ слушателя, откуда же потомъ взялись звѣри, разскащикъ добавилъ: «Се жъ уже на другій викъ повернуло, то Богъ тогди и людей и всячину намноживъ». Въ религіозно-миѳическихъ сказаніяхъ и повѣрьяхъ разныхъ народовъ мышь и яйцо играютъ важную роль; ранѣе мы уже замѣтили, что мышь участвуетъ въ міросозданіи въ космогоническихъ миѳахъ американскихъ индѣйцевъ, а яйцо является источникомъ міра въ финскихъ миѳахъ Калевалы. Чехи считаютъ мышь созданіемъ чорта. По другому чешскому повѣрью, полевыя мыши ниспадаютъ въ началѣ весны съ мѣсяца (съ неба) или зарождаются отъ дождя, выпадающаго на Петровъ день. Въ русскихъ сказкахъ мыши принадлежатъ къ хозяйству Яги, приносятъ дѣтямъ зубы и причиняютъ людямъ смерть.

Апокрифическіи сказанія о созданіи міра Богомъ и Сатанаиломъ настолько были популярны въ южной Россіи, особенно въ Галиціи, что проникли въ народную поэзію, и возникли народныя апокрифическія пѣсни. Такъ, въ одной галицко-русской колядкѣ говорится, что въ началѣ свѣта не было ни неба, ни земли, но

синее море. Среди моря стоитъ яворъ; на немъ три голубя; они совѣтуются, какъ міръ сотворить, и приходятъ къ такому заключенію:

Та спустымося на дно до моря,
Та достанемо дрибного писку,
Дрибный писочокъ посіемо мы.
То намъ ся стане чорна землыця;
Та достанемо золотый камень,
Золотый камень посіемо мы,
То намъ ся стане ясне небойко,
Ясне небойко, свитле сонейко,
Свитло сонейко, ясенъ мѣсячикъ,
Ясенъ мѣсячикъ, ясна зирныця,
Ясна зирныця, дрибни звиздойки.

(Голов., т. II, стр. 5; Kolberg, т. I, стр. 348).

Варіанты незначительны: два дуба вмѣсто явора, два голубя вмѣсто трехъ, причемъ цифра два ближе подходитъ къ тѣмъ апокрифическимъ сказаніямъ, въ которыхъ творцами земли являются плавающіе по морю два гоголя (Богъ и Сатанаилъ); синій камень вмѣсто золотого, причемъ изъ синяго камня создается синее небо (Аѳанас., т. II, стр. 466). Въ нѣкоторыхъ галицко-русскихъ колядкахъ говорится, что Господь и ап. Петръ купались въ криницѣ, возникшей изъ капли росы, и заспорили о томъ, что больше, земля или небо. Господь сказалъ, что земля; ап. Петръ сказалъ, что небо. Господь приказалъ ангеламъ измѣрить небо и землю; бóльшей оказалась земля:

Чимъ небо меньше? Всюды ривненьке,
Всюды ривненьке та звиздяненьке.
Чимъ земля бильше? Горы и долины,
Горы и долины, та и полонины.

(Голов., т, II, стр. 32; Чуб. т. III, стр. 307).

Введеніе ап. Петра въ апокрифическія сказанія о сотвореніи міра внесло въ послѣднія нѣкоторыя измѣненія. Еще болѣе подверглись измѣненію апокрифическія пѣсни о міросозданіи, вслѣдствіе проникновенія въ нихъ ап. Петра, какъ видно изъ слѣдующей колядки:

Якъ то було спрежде вика
Зачатье свита;
Выгравало синее море.
На синёму морю
Стояло три яворы,
На тихъ яворахъ
Три крислечки.
На першому крисли
Самъ Господь седыть,
На другимъ крисли
Святый Петро;
На третимъ крисли
Святый Павло.
Рече Господь до св. Петра:
«Пурни, Петре, на дно въ море;
Достань, Петре, жовтого писку,
Та посій по всему свиту,
Сотвори, Петре, небо и землю,
Небо зъ звиздами,
Землю съ квитами.
Петро пурнувъ и дна не доставъ,
И писку не взявъ,
И свита не сіявъ...

Затѣмъ Господь предлагаетъ ап. Павлу опуститься на дно морское и достать песку; но и ап. Павелъ не могъ достать дна. Тогда опустился Господь на дно морское, досталъ песку, посѣялъ его и сотворилъ такимъ образомъ небо и землю, небо со звѣздами, землю съ цвѣтами (Nowos., Lud., т. I, стр. 103—104). Въ этой колядкѣ Сатанаилъ совсѣмъ не участвуетъ въ сотвореніи міра, и та роль, которая принадлежитъ ему по апокрифамъ, перешла на св. ап. Петра и Павла, причемъ апостолы свободны отъ хитрости и недоброжелательства Сатаны апокрифовъ.

2.

Происхожденіе чертей.

Какъ въ апокрифахъ, такъ и въ народныхъ сказкахъ происхожденіе чертей тѣсно связывается съ преданіемъ о сотвореніи

міра Богомъ и Сатанаиломъ и непосредственно пріурочивается къ демонической личности павшаго Сатанаила. Въ апокрифахъ о сотвореніи міра Сатана, побѣжденный архангеломъ Михаиломъ, «прошибе землю и ста на безднѣ подъ землею, и ина его сила съ нимъ, иная же сила оста на земли, и претворишася въ бѣсы и прельщаютъ человѣки; иная же сила не допаде до земли и летаютъ по воздуху, и тѣ претворяются въ ангелы и прельщаютъ людей; не таци же сутъ бѣсы, яко ихъ пишутъ, черни, огнеомраченіи суть» [1])...

Южно-русскіе писатели XVII ст. хорошо знали этотъ апокрифическій разсказъ о происхожденіи подземныхъ, земныхъ и воздушныхъ демоновъ и даже вносили его въ свои сочиненія, что усиливало популярность этого апокрифическаго сказанія. Такъ, Іоанникій Галятовскій въ сочиненіи «Души людей умерлыхъ» 1687 г. замѣчаетъ: «на повѣтрѣ полно есть злыхъ духовъ, которые съ нами войну точатъ, до грѣха насъ приводятъ и души людскія задерживаютъ». По мнѣнію Галятовскаго, святые въ воздухѣ борятся съ чертями за душу умершаго.

Апокрифическія сказанія о злыхъ духахъ, проникнувъ въ простой народъ, вошли въ связь съ древне-славянскими народными повѣрьями о домовыхъ, лѣшихъ и русалкахъ. Когда Богъ низвергнулъ непокорныхъ ангеловъ, говорятъ малороссіяне, они летѣли въ пропасть ада сорокъ дней и сорокъ ночей. Непокорные ангелы падали, какъ дождь. На какомъ мѣстѣ демонъ вспомнилъ о Богѣ, тамъ онъ и остановился, и оставаться ему тамъ до страшнаго суда. Оттого произошли черти водяные, лѣсные, болотные. Если кто нибудь поставитъ хату на томъ мѣстѣ, гдѣ находитси павшій ангелъ, то послѣдній обращается въ домоваго духа. Если онъ полюбитъ хозяина, то послѣдній во всемъ будетъ находить удачу и счастье. Въ противномъ случаѣ онъ причиняетъ хозяину разныя безпокойства и непріятности [2]).

Другія простонародныя объясненія происхожденія чертей также вышли изъ апокрифическихъ сказаній. Такъ, говорятъ, черти созданы Сатаной такимъ образомъ: а) Сатана умывалъ руки и трясъ

---

[1]) *Порфирьевъ*, Апокриф. сказанія по рукоп. солов. библ., 89.

[2]) *Novosielski*, Lud ukraiński, т. I, стр. 73—74, т. II, стр. 3—4; *Чубинскій*, т. I, стр. 191; *Драгомановъ*, стр. 91.

ими позади себя; изъ каждой капли выходилъ чортъ (Чуб., т. I, стр. 191); б) Сатана въ морѣ плескалъ воду отъ себя, и изъ волны выходили черти (Драг., стр. 42); в) черти созданы Сатаной изъ камней.

Варіантъ *а* получилъ мѣстную, украинскую окраску: «Оттакъ и теперь жиды роблять. Жидъ, пся вира, нй за що не обитре рукъ по христіански, а неприминно стрепне перше на выдворотъ мокрыми руками» (Драг., стр. 91).

Разсказы о продѣлкахъ чертей вышли изъ разныхъ источниковъ: миѳическихъ, апокрифическихъ и литературно-повѣтствовательныхъ. Въ сказкахъ и повѣрьяхъ о чертяхъ преобладаетъ миѳическая основа, въ легендахъ и живописныхъ изображеніяхъ демоновъ—апокрифическая, а въ драматическихъ интермедіяхъ—западно-европейская повѣтствовательная.

3.

Сотвореніе человѣка.

Вопросъ о сотвореніи человѣка всегда представлялъ большой интересъ, и натуральныя политеистическія религіи представляютъ весьма разнообразные отвѣты. Многіе дикіе народы южной Африки и Америки, готтентоты, бушмены, патагонцы, вѣрятъ, что люди первоначально жили въ глубинѣ земли и потомъ вышли оттуда. Въ этомъ преданіи можно видѣть воспоминаніе о жизни въ пещерахъ. Весьма распространено также повѣрье о происхожденіи перваго человѣка изъ дерева [1]). Арійскія сказанія о происхожденіи человѣка разсматриваютъ человѣка, какъ микрокосмъ, малый міръ, происшедшій изъ великаго внѣшняго міра, макрокосма. Греки производили родъ человѣческій отъ камней, брошенныхъ Пирой послѣ потопа. Индійскіе миѳы производятъ глаза человѣка отъ солнца, волосы отъ растенія, кости отъ камня, кровь отъ воды [2]). Подобнаго рода представленія о созданіи перваго человѣка и составѣ человѣческаго тѣла были свойственны также древнимъ славянамъ, и до сихъ поръ сохранились въ великорусскихъ и малорусскихъ народныхъ пѣсняхъ и разсказахъ. «Космогоническое

---

[1]) *Reville*, Les religions des peuples non civilesés, т. I, стр. 144, 394.

[2]) *Буслаевъ*, Историч. очерки, т. I, стр. 143.

преданіе о сотвореніи человѣка, говоритъ Ѳ. И. Буслаевъ, не только своеземно у насъ, но и являетъ замѣчательное дополненіе къ преданіямъ прочихъ народовъ. Мало того, оно такъ вкоренилось въ народныя вѣрованія, что еще доселѣ живетъ въ русскихъ суевѣріяхъ, и именно какъ догматъ въ расколѣ духоборцевъ. Вотъ ихъ ученіе о происхожденіи человѣка: человѣкъ созданъ изъ земли, а Богъ вдунулъ въ него дыханіе жизни. Они говорятъ, что тѣло въ человѣкѣ отъ земли, кости отъ камня, жилы отъ кореня, кровь отъ воды, волосы отъ травы, мысль отъ вѣтра, благодать отъ облака. Это замѣчательное суевѣріе важно потому, что служитъ дополненіемъ къ Голубиной книгѣ и совершенно согласуется съ нѣмецкими и другими древнѣйшими преданіями» [1]. Индо-европейское преданіе о сотвореніи человѣка изъ разныхъ частей внѣшней природы проникло и въ апокрифическое сказаніе «Како сотвори Богъ Адама», напечатанное А. Н. Пынинымъ по рукописи XVII в.: Богъ.., «вземъ горсть земли отъ осьми частей: отъ земли тѣло, отъ камени кость, отъ моря кровь, отъ солнца очи, отъ облака мысли» [2]...

Обращающіеся въ малорусскомъ народѣ разсказы о сотвореніи перваго человѣка носятъ на себѣ слѣды апокрифическаго сказанія, столь же дуалистическаго по противоположенію Бога и Сатаны, какъ и сказанія о сотвореніи міра. Насколько народные разсказы о сотвореніи перваго человѣка близко подходятъ къ апокрифическому сказанію о сотвореніи Адама, можно убѣдиться изъ сравненія ихъ главныхъ мотивовъ. Такъ, въ ушицкомъ уѣздѣ говорятъ, что Сатана слѣпилъ человѣка изъ глины, а Богъ одухотворилъ его. Сатана оплевалъ человѣка; отъ этого человѣкъ теперь плюетъ и кашляетъ. Въ луцкомъ уѣздѣ добавляютъ, что Сатана оплевалъ человѣка изъ зависти къ его красотѣ, а Богъ, чтобы не пачкать рукъ о чортову слюну, вложилъ ее во внутренность человѣка, и съ тѣхъ поръ человѣкъ ее выплевываетъ и все не можетъ вполнѣ выплевать. Въ каневскомъ уѣздѣ записанъ разсказъ, что Богъ перваго мужчину сдѣлалъ изъ земли, а женщину изъ тѣста и приказалъ арх. Михаилу стеречь ихъ; но арх. Михаилъ не былъ достаточно остороженъ, и собака съѣла женщину. Богъ тогда сдѣ-

---

[1] Тамъ же, стр. 147.

[2] *Пыпинъ*, Памят. стар. рус. литер., т. III, стр. 12.

лалъ другую женщину изъ ребра Адама. Въ радомысльскомъ уѣздѣ этотъ разсказъ варьируется такимъ образомъ, что Богъ сначала сдѣлалъ Адама изъ тѣста и поставилъ на солнце сушиться; но когда пробѣгавшая собака его съѣла, то Богъ слѣпилъ перваго человѣка изъ глины, далъ ему роговое тѣло и вдунулъ въ него ангельскую душу. Богъ создалъ для Адама жену сначала изъ цвѣтовъ, но Адамъ отказался отъ нея. Тогда Богъ создалъ изъ ребра Адама Еву, и Ева понравилась Адаму. Созданную изъ цвѣтовъ женщину Богъ послалъ на небо и опредѣлилъ сдѣлаться ей впослѣдствіи Матерью Спасителя [1]). Въ апокрифическомъ сказаніи «Како сотвори Богъ Адама», говорится: «и поиде Господь Богъ очи имати отъ солнца, и остави Адама единаго лежаща на земли, пріиде-же окаянный Сатана къ Адаму и измаза его каломъ, и тиною, и возгрями. И пріиде Господь къ Адаму..... снемъ съ него пакости Сатанины, и въ томъ сотвори Господь собаку, и смѣсивъ со Адамовыми слезами и теслою (остатки глины, опилки ?), очисти его, яко зерцало отъ всѣхъ сквернъ и постави собаку, и повелѣ стрещи Адама, и самъ Господь отыде въ горній Іерусалимъ по дыханіе Адамово. И пріиде вторые Сотона и восхотѣ на Адама напустити злую скверну..... Собака начала зло лаяти на дьявола. Окаянный же Сотона somewhat взeмъ древо и истыка всего человѣка Адама, и сотвори ему въ немъ 70 недуговъ. И пріиде Іисусъ изъ горнего Іерусалима и видѣ Адама древомъ исколота и милосердова о немъ..... И отгна Господь дьявола.... и обороти вся недуги въ него» [2]).

4.

Адамъ и Ева.

Малорусскія народныя сказанія объ Адамѣ и Евѣ представляютъ, во первыхъ, тотъ интересъ, что отвѣчаютъ всѣмъ главнымъ апокрифамъ о прародителяхъ, и во вторыхъ, настолько распространены, что перешли даже въ народныя пѣсни.

---

[1]) *Чубинскій*, т. I, стр. 145—146; *Novosielski*, т. II, стр. 5, 9. По древнимъ еврейскимъ сказаніямъ первая жена Адама Лилита была создана изъ земли; она была сильна, не захотѣла повиноваться Адаму и ушла отъ него (Порф., Апокр., стр. 38).

[1]) *Пыпинъ*, Памят. стар- рус. литер., т. III, стр. 13.

Въ Малороссіи встрѣчаются разсказы о грѣхопаденіи Адама, о томъ, какъ онъ обрабатывалъ землю, о рукописаніи, данномъ Адамомъ Сатанѣ и о смерти Адама.

Народные разсказы о грѣхопаденіи прародителей заключаютъ въ себѣ весьма немногія отклоненія отъ библейскаго сказанія о томъ-же предметѣ. Сатана искусилъ Еву, потому что она была очень красива, и Сатана въ нее влюбился. Въ связи съ этимъ мотивомъ стоитъ другой: Ева не знала, какимъ образомъ она можетъ породить людей. Сатана ей показалъ, и отъ плотской связи Сатаны съ Евой родился Каинъ (Чуб., I, 146, 147). Съ грѣхопаденіемъ связывается потеря прародителями роговаго тѣла и замѣна его настоящимъ человѣческимъ тѣломъ, причемъ отъ прежняго тѣла остались только ногти (Nowos., II, 152; Чуб. I, 146). Далѣе народъ добавляетъ, что остриженные ногти не должно бросать на землю, потому что изъ нихъ дьяволъ шьетъ себѣ шапку-невидимку. Когда онъ надѣваетъ эту шапку, Богъ не можетъ попасть въ него молніей. Здѣсь уже примѣшанъ немного миѳическій элементъ. Вполнѣ миѳическій характеръ имѣетъ повѣрье, что остриженные ногти нужно сохранять, чтобы послѣ смерти вскарабкаться на высокую гору рая, повѣрье, встрѣчающееся у славянъ и литовцевъ и вошедшее аъ Талмудъ и Эдду (Now. II, 153).

О началѣ земледѣлія въ народныхъ апокрифическихъ сказаніяхъ говорится, что ангелъ во время изгнанія прародителей изъ рая Адаму далъ горсть жита и Евѣ горсть конопляннаго сѣмени (Чуб. I, 146). Адамъ вспахалъ поле, но Сатана вскопанное перевернулъ вверхъ травою, и такъ дѣлалъ до тѣхъ поръ, пока Адамъ не надумался сказать «Помогай, Боже!» (Драг. 92). Въ варіантѣ этого сказанія, указывающемъ на древній способъ земледѣлія посредствомъ корчевки лѣса, говорится, что Адамъ вырывалъ деревья съ корнями, а Сатана потомъ ихъ снова укрѣплялъ въ землѣ, пока Адамъ не сказалъ «Помогай, Боже!» (Nowos. II, 8). Засѣявъ поле, Адамъ запрегся въ борону и сталъ волочить, а чертъ сѣлъ на боронѣ, и Адаму было очень тяжело волочить борону. Замѣтивъ эту продѣлку дьявола, Богъ послалъ на землю ангела. Ангелъ накинулъ на черта оброть и обратилъ его въ коня. Тогда Адамъ запрегъ его въ борону (Драг., 93).

Однажды, дьяволъ предложилъ Адаму заключить договоръ, по которому живые люди должны принадлежать Адаму, а умершіе дьяволу. Не обдумавши предложенія дьявола, Адамъ согласился и росписался своею кровью, взятой изъ мизинца. Дьяволъ отнесъ этотъ документъ на р. Іорданъ, вложилъ его въ камень, задѣлалъ отверстіе и положилъ камень на дно рѣки. Когда Спаситель вступилъ въ воды р. Іордана, то камень этотъ всплылъ на верхъ; предполагается при этомъ, что и договоръ былъ уничтоженъ (Nowos., II, 8—9),

Адамъ передъ смертью послалъ своего сына (имя не названо) въ рай за золотымъ яблокомъ, но сынъ вмѣсто золотаго яблока принесъ изъ рая тотъ прутъ, которымъ Адамъ былъ выгнанъ изъ рая. Адамъ велѣлъ сдѣлать изъ него три вѣнка на голову, которые облегчили голову Адама отъ боли. При всемъ томъ Адамъ умеръ и былъ похороненъ вмѣстѣ съ вѣнками, изъ которыхъ выросло три дерева: кипарисъ, кедръ и треблаженное древо. Изъ послѣдняго былъ сдѣланъ крестъ для распятія Спасителя (Драг., 94).

Апокрифы объ Адамѣ и Евѣ составляютъ особый довольно обширный циклъ. Они встрѣчаются въ рукописяхъ или отдѣльно, въ разныхъ сборникахъ, или же вставлены въ Палеи. По предположенію Тишендорфа, въ первые вѣка христіанства была обширная книга объ Адамѣ и Евѣ [1]), и сохранившіеся въ рукописяхъ греческіе и славянскіе апокрифы можно считать ея крупными обломками. Славянскіе апокрифы объ Адамѣ и Евѣ напечатаны въ сборникахъ памятниковъ отреченной литературы гг. Пыпина, Порфирьева и Тихонравова, причемъ лучшія редакціи помѣщены въ сборникѣ г. Тихонравова. Малорусскія народныя апокрифическія сказанія о грѣхопаденіи прародителей, о роговомъ ихъ тѣлѣ, вообще малочисленныя и отрывочныя, не встрѣчаются въ апокрифахъ, и въ этихъ сказаніяхъ, вѣроятно, преобладаетъ мѣстное, южно-русское измышленіе. За то всѣ другія малорусскія народныя сказанія объ Адамѣ и Евѣ, именно, сказаніе о томъ, какъ Адамъ оралъ землю, сказаніе о рукописаніи Адама и сказаніе о его смерти, всецѣло построены на апокрифахъ, нынѣ извѣстныхъ уже въ печати.

---

[1]) *Порфирьевъ*, Апокр. сказ. по солов. рукоп., стр. 24, 35.

Въ апокрифахъ прародители, вскорѣ послѣ изгнанія ихъ изъ рая, стали ощущать голодъ. Они обошли всю землю и нашли только чволъ (?) и траву сельную. Адамъ и Ева стали молиться, и Богъ послалъ къ нимъ архангела Іоиля съ седьмой частью рая и архангела Михаила съ пшеницей и медомъ. Архангелъ Михаилъ научилъ Адама и Еву ручному дѣлу. Богъ выгналъ изъ рая всѣхъ звѣрей и отдалъ ихъ Адаму. Адамъ взялъ воловъ и началъ орать землю; но тутъ явился дьяволъ, и сталъ ему препятствовать, говоря, что земля принадлежитъ ему, дьяволу. Кончилось тѣмъ, что дьяволъ взялъ съ Адама рукописаніе, въ силу котораго дьяволъ получилъ право собственности на души людей [1]).

Сказаніе о рукописаніи въ апокрифическихъ спискахъ излагается различно. По однимъ спискамъ представляется, что Адамъ далъ дъяволу рукописаніе потому, что безъ него дьяволъ не позволялъ пахать землю; по другимъ сказаніямъ Адамъ, испуганный темнотою въ первую ночь, думалъ, что онъ навсегда лишился свѣта и далъ дьяволу рукописаніе за то, что онъ обѣщалъ возвратить свѣтъ, и по третьимъ—потому, что дьяволъ снялъ съ Каина 12 зміиныхъ головъ. Подробности объ Адамѣ земледѣльцѣ и его рукописаніи не встрѣчаются въ греческомъ текстѣ, а только въ славянскихъ рукописяхъ [2]).

Въ греческихъ и славянскихъ рукописяхъ сохранился разсказъ о путешествіи Сиѳа въ рай, по греческимъ рукописямъ, за елеемъ милосердія для умиравшаго Адама, а по славянскимъ рукописямъ за вѣтвью райскаго дерева, изъ которой Адамъ сдѣлалъ вѣнецъ и возложилъ себѣ на голову. Эта подробность излагается въ апокрифическомъ сказаніи о древѣ крестномъ, входящемъ въ разрядъ новозавѣтныхъ апокрифовъ о страданіи и крестной смерти Спасителя. И въ апокрифахъ находится указаніе, что Сиѳъ принесъ Адаму три прута отъ певги, кедра и кипариса [3]). Въ малорусскомъ народномъ разсказѣ упомянуты кедръ и кипарисъ, а вмѣсто певги (пихта, Abies Sibirica) явилось треблаженное дерево.

Малорусскихъ пѣсенъ объ Адамѣ и Евѣ немного; у великоруссовъ гораздо болѣе пѣсенъ этого рода. Большая часть велико-

---

[1]) *Тихонравовъ*, Памятники отреч. рус. литер., т. I, стр. 3, 12.

[2]) *Порфирьевъ*, Апокр. сказ. по солов. рукоп., стр. 40 и 41.

[3]) *Тихонравовъ*, т. I, стр. 9; *Порфирьевъ*, Апокр. сказ. по солов. рук., стр. 38.

рускихъ пѣсенъ объ Адамѣ составлена раскольниками. Мы имѣемъ подъ руками пять малорусскихъ варіантовъ плача Адама: одинъ въ старинномъ Казаньѣ на Богоявленіе Господне [1]) въ литературной обработкѣ; другой, вполнѣ простонародный и довольно содержательный, въ «Трудахъ» Чубинскаго (т. I, стр. 147); третій, также народный, но весьма слабый и безцвѣтный, въ рукописномъ Сборникѣ малорусскихъ пѣсенъ г. Манжуры, принадлежащемъ харьковскому Историко-Филологическому Обществу, и два варіанта въ 6 выпускѣ «Калѣкъ перехожихъ». Одинъ изъ послѣднихъ двухъ варіантовъ передается почти вполнѣ литературнымъ русскимъ языкомъ, и только по отдѣльнымъ фразамъ, въ родѣ «Сличная Украина», можно догадаться о малорусскомъ происхожденіи духовнаго стиха. Содержаніе этого варіанта [2]) совершенно пустое. Гораздо содержательнѣе другой варіантъ, записанный П. В. Кирѣевскимъ неизвѣстно когда и гдѣ, вѣроятно, въ сѣверныхъ частяхъ Малороссіи, гдѣ народная рѣчь представляетъ нѣкоторыя особенности бѣлорусскаго говора. Содержаніе этого духовнаго стиха въ короткихъ словахъ состоитъ въ слѣдующемъ: Адамъ, узнавъ о грѣхопаденіи Евы, расплакался передъ Богомъ и просилъ Бога позволить ему посмотрѣть рай и послушать ангельскаго гласу. Господь повелѣлъ святому Петру-Павлѣ (одно лицо) отомкнуть рай золотыми ключами и впустить туда Адама. Адамъ вошелъ въ рай со свѣчами въ рукахъ и со слезами на глазахъ. Здѣсь онъ увидѣлъ свой гробъ и просилъ его принять тѣло его, какъ мать принимаетъ дитя. Авраамъ, замѣтивъ Адама въ раю, сказалъ ему, что не его дѣло ходить по раю, а его дѣло пойти на Сіонскую гору, гдѣ ему покажутъ «чернокнижныя книги, житія и бытія». Адамъ пошелъ на Сіонскую гору. Затѣмъ слѣдуетъ окончаніе духовнаго стиха, повидимому, заимствованное изъ малорусскихъ колядокъ или точнѣе колядочныхъ пожеланій:

А споемъ мы псальмы
Святому Адаму,
Ой на честь, на хвалу,
Всему дому состояня,
А хозяину на здоровье!

[1]) *Калитовскій,* Рус. литер. апокриф., стр. 25—27.
[2]) *Калѣки перехожіе,* т. VI, 261.

Духовный стихъ объ Адамѣ и Евѣ, помѣщенный въ «Трудахъ» Чубинскаго [1]), отличается вполнѣ малорусскимъ языкомъ и близостью къ апокрифическому сказанію объ Адамѣ земледѣльцѣ:

.... Зачавъ Адамъ розмышлять,
Якъ бы намъ хлиба достать.
Укопать я не вмію,
И не знаю, що посію,
Бо не маю чого.
Янголъ къ ёму явився:
Иди, Адаме, поучися,
Визьми заступъ та нагнися,
Копай землю, потрудися...

О дѣтяхъ Адама и Евы малорусская словесность почти умалчиваетъ. Въ одной проповѣди Антонія Радивиловскаго находится краткая замѣтка о великанѣ Сиѳѣ. По народному повѣрью, на мѣсяцѣ отразилось убіеніе Авеля Каиномъ: «Каинъ Авеля на вильцахъ держе».

5.

Происхожденіе великановъ.

Разсказы о великанахъ встрѣчаются у многихъ народовъ въ разнообразныхъ варіантахъ. Подвести ихъ подъ одно объясненіе невозможно. Въ народныхъ сказкахъ и преданіяхъ встрѣчаются рядомъ великаны различнаго происхожденія. Одни разсказы о великанахъ произошли отъ олицетворенія темной массы тучъ, заволакивающихъ небо, и олицетворенія громовыхъ ударовъ, вихрей, мятелей и вьюгъ. Это—великаны миѳическіе. Въ народныхъ сказкахъ выступаютъ преимущественно миѳическіе великаны. Другіе великаны имѣютъ происхожденіе геологическое. Въ горахъ, въ обломкахъ скалъ, въ большихъ камняхъ фантазія древняго человѣка усматривала дѣло рукъ великановъ. Послѣдняго рода великаны возникали преимущественно въ гористыхъ странахъ. Нѣкоторые разсказы о великанахъ имѣютъ палеонтологическую основу. Находя въ землѣ огромныя кости вымершихъ животныхъ, люди стараго

---

[1]) *Чубинскій*, т. I, стр. 145.

времени считали ихъ остатками огромныхъ животныхъ и огромныхъ людей или великановъ, жившихъ прежде на землѣ. Кости животнаго иногда легко могли быть приняты за кости великановъ, и воображеніе работало надъ созданіемъ разсказовъ объ этихъ великанахъ и ихъ ужасныхъ дѣяніяхъ [1]). Встрѣчаются разсказы о великанахъ археологическаго происхожденія. Такіе вещественные памятники древности, какъ земляные валы, курганы и каменныя бабы, вызывали фантастическіе разсказы о необыкновенной силѣ и величинѣ древнихъ людей. Такъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи великаны извѣстны подъ названіемъ волотовъ, а курганы называются волотками и считаются могилами великановъ и богатырей [2]). Затѣмъ преданія о великанахъ иногда возникали изъ затемнившихся историческихъ воспоминаній народа о столкновеніи съ сильными сосѣдями и о временахъ подчиненія сильному врагу. Такимъ преданіемъ представляется повѣствованіе древняго лѣтописца объ аварахъ или обрахъ: «Быша бѣ обры тѣломъ велици и умомъ горди, и Богъ потреби я, и помроша вси, и не остася ни единъ обринъ; есть притча въ Руси и до сего дне: погибоша, аки обре: ихже нѣсть племени, ни наслѣдка». У поляковъ olbrzym— исполинъ, великанъ. Наконецъ, разсказы о великанахъ имѣютъ иногда источникомъ апокрифическіе и литературно-повѣствовательные памятники. Въ этомъ отношеніи важны апокрифы объ Энохѣ и Александріи.

Въ южнорусской народной словесности находятся великаны миѳическаго, археологическаго и литературнаго происхожденія. Оставляя въ сторонѣ великановъ миѳическихъ, мы остановимся здѣсь на литературныхъ великанахъ, и приведемъ только одинъ, весьма любопытный народный разсказъ, въ которомъ являются великаны апокрифическаго происхожденія; но при этомъ къ нимъ присоединены черты великановъ археологическихъ. Въ древнія времена въ Украинѣ жили великаны, или Адамовы люди. Они насыпали валы и высокіе курганы въ украинскихъ степяхъ. Это племя первобытныхъ великановъ было могущественно. Богъ разгнѣвался на нихъ за то, что они забыли его законъ и жили въ

---

[1]) *Тейлоръ*, Антропологія, стр. 385.

[2]) *Аѳанасьевъ*, Поэтич. воззр. слав. на природу, т. II, стр. 651.

порокахъ, ссорились между собою, проливали кровь какъ воду, и рѣшилъ совершенно уничтожить ихъ. Долго Богъ думалъ, какъ ихъ уничтожить; но ничего не могъ придумать. Тогда Онъ спросилъ совѣта у царя «другой земли», а царь этотъ былъ великанъ съ двумя головами. Царь посовѣтывалъ Богу послать такой потопъ, чтобы вода залила всю землю, за исключеніемъ одного высокаго кургана, который царь оставилъ себѣ для спасенія. Богъ послѣдовалъ этому совѣту, и великаны были потоплены. Погибли также двухъ-головые люди «инших земель», и остался въ живыхъ только ихъ царь, бывшій на курганѣ. Онъ спалъ во время потопа; когда онъ проснулся, то убѣдился, что остался съ одной головою. Богъ наказалъ его за то, что онъ далъ столь жестокій совѣтъ для истребленія своихъ братьевъ. Отъ этого царя пошелъ родъ людской, такой же по росту и виду, какъ и нынѣ живущіе люди [1]).

Ко второй части этого разсказа о двухъ-головыхъ людяхъ примыкаютъ многіе малорусскіе разсказы о песиголовцахъ, или великанахъ съ песьими головами и однимъ глазомъ. Песиголовцы откармливали людей и ѣли ихъ [2]).

Происхожденіе первой части приведеннаго нами выше народнаго разсказа, именно: сказаніе объ исполинскомъ родѣ первобытныхъ адамовыхъ людей, апокрифическое, а вторая часть о двухъ-головыхъ людяхъ, равно какъ народные разсказы о песиголовцахъ, заимствованы, вѣроятно, изъ старинной повѣсти объ Александрѣ Македонскомъ.

Въ первые вѣка христіанства большимъ вниманіемъ церковныхъ писателей пользовалась апокрифическая Книга Эноха. Въ полномъ видѣ она сохранилась въ Абиссиніи на эфіопскомъ языкѣ; въ краткихъ и измѣненныхъ отрывкахъ она встрѣчается въ славянскихъ рукописяхъ. Въ седмой главѣ Книги Эноха находится разсказъ о древнихъ исполинахъ, разсказъ, отъ котораго возникъ приведенный выше малорусскій разсказъ объ адамовыхъ людяхъ исполинскаго роста, причемъ были посредствующія литературныя звѣнья, нынѣ утерянныя. Послѣ того, какъ размножились сыны человѣческіе, говорится въ Книгѣ Эноха, у нихъ родились краси-

---

1) *Novosielski*, Lud ukraiński, т. II, стр. 11—12.

2) *Драгомановъ*, Малор. нар. преданія, 2, стр. 384.

выя дочери. И когда сыны неба, ангелы, увидѣли ихъ, то плѣнились ими и сказали другъ другу: выберемъ себѣ женъ изъ племени людей и родимъ дѣтей. Главнымъ начальникомъ и вождемъ этихъ ангеловъ былъ Самиаза; въ числѣ 200 они сошли на гору Ардесъ, которая составляетъ вершину горы Армонъ (Гермонъ); эта гора называется такъ потому, что они поклялись на ней и связали себя взаимными клятвами. Отъ совокупленія этихъ ангеловъ со дщерями человѣческими родились исполины. Величина ихъ была 30 локтей. Они пожирали все, что производили труды людей, такъ что скоро нечѣмъ было кормить ихъ. Тогда они обратились на людей, чтобы пожирать ихъ, бросались на птицъ, звѣрей, пресмыкающихся и рыбъ, питались ихъ мясомъ и пили ихъ кровь. Отъ падшихъ ангеловъ распространилось развращеніе по всей землѣ. Тогда Михаилъ, Гавріилъ, Раѳаилъ, Суріилъ и Уріилъ посмотрѣли на землю и увидѣли потоки крови и всякія злодѣянія. Ангелы возвѣстили Всевышнему о томъ, что сдѣлали падшіе ангелы. Вся земля, сказали они, наполнилась кровью и нечестіемъ. И вотъ души умершихъ вопіютъ, и вопль ихъ доходитъ до вратъ неба. Люди не могутъ спастись отъ нечестія, которое покрываетъ лице земли. Тогда Всевышній послалъ одного ангела къ сыну Ламеха: «Возвѣсти ему, сказалъ Онъ, отъ моего имени о предстоящемъ великомъ разрушеніи; ибо вся земля погибнетъ; воды потопа разольются по всей землѣ, и все, что на ней, погибнетъ» [1]).

По замѣчанію проф. А. А. Потебни, «во всякомъ случаѣ вѣрно, что времени презрѣнія къ животнымъ предшествовало время, когда человѣкъ ставилъ ихъ въ уровень съ собою, или выше себя. На это послѣднее указываютъ славянскія сказки, ставящія богатырей, происшедшихъ отъ животныхъ, выше другихъ» [2]). Древнія преданія производятъ знаменитыхъ людей отъ волка или пса, напримѣръ, турецкое, римское. Къ этому разряду повѣрій и разсказовъ относятся повѣрья о слѣпородахъ швабахъ и мазурахъ (Подробности въ соч. Потебни «Къ ист. звук., т. III, стр. 68—83). Галичане говорятъ о мазурѣ: «деветденникъ», и это презрительное названіе мазуровъ проистекаетъ изъ распространеннаго среди поляковъ раз-

---

[1]) *Порфирьевъ,* Апокр. сказ. о ветхоз. соб., стр. 201—202; его же, Апокр. сказ. по солов. рукоп., стр. 51, 107.

[2]) *Потебня,* Къ исторіи звуковъ рус. яз., т. III, стр. 74.

сказа, что у мазуръ дѣти до 9 дней остаются слѣпыми[1]). Изъ древней идеи о близости человѣка къ животнымъ, въ особенности къ волку и собакѣ, могли возникнуть разсказы о людяхъ съ собачей головой, песиголовцахъ, разсказы, часто встрѣчающіеся у древнихъ и въ особенности средневѣковыхъ писателей. Подъ Песьими Головами разумѣли гунновъ, въ другое время татаръ, но большею частью народъ совершенно особый, кровожадный. Насколько въ средніе вѣка въ Европѣ было сильно вѣрованіе въ существованіе Песьихъ Головъ, видно изъ того, что лонгобарды во время войны съ усипетами обманули послѣднихъ извѣстіемъ, что Песьи Головы предложили имъ, лонгобардамъ, свою помощь. О Песьихъ Головахъ въ то время разсказывали, какъ о чудовищахъ, отличавшихся неистовой жестокостью; какъ вампиры, они пили кровь враговъ, а не догнавъ, въ ярости ними и свою собственную. Трудно рѣшить, какимъ путемъ разсказы о песиголовцахъ проникли съ Запада въ Малороссію, и откуда они заимствованы,—изъ общаго ли средневѣковаго преданія, восходящаго къ эпохѣ переселенія народовъ, или изъ опредѣленнаго литературнаго источника. Можетъ быть, здѣсь нужно признать вліяніе средневѣковыхъ сказаній объ Александрѣ Македонскомъ, которыя были весьма распространены въ древнерусской письменности. Этотъ знаменитый герой, между прочимъ, побѣждаетъ кинокефаловъ или песьи головы. Гогъ и Магогъ съ ихъ грозными полчищами изображались съ собачьими головами. Изображеніе песьихъ головъ встрѣчается въ старинныхъ русскихъ миніатюрахъ, и снимокъ съ одной такой миніатюры изъ рукописнаго Апокалипсиса XVI в. можно видѣть во 2 т. Историч. очерковъ Буслаева, стр. 147.

Въ одномъ разсказѣ, записанномъ Ст. Руданскимъ въ подольской губерніи, говорится: «Теперъ велетнивъ и помину нема; тильки десь у церкви въ Кыиви, чи у Львови стоитъ тамъ нога зъ одного велытня и така, кажуть, прездорова, що ажъ до бани сягае» (Драг., стр. 383). Это любопытное замѣчаніе о ногѣ велетня напоминаетъ одно мѣсто въ путешествіи Эриха Лясоты по запорожскимъ землямъ въ 1594 г. Описывая въ своемъ Дневникѣ Кіевъ, Лясота говоритъ: «Есть также одинъ богатырь или великанъ, на-

---

[1]) *Kolberg*, Pokucie, т. I, стр. 21.

зываемый Чоботка. Говорятъ, что на него однажды напало много непріятелей въ то время, когда онъ надѣвалъ сапогъ, и такъ какъ въ торопяхъ онъ не могъ схватить никакого оружія, то началъ защищаться другимъ сапогомъ, котораго еще не надѣлъ, и имъ одолѣлъ всѣхъ, отчего и получилъ такое прозвише». Быть можетъ, разсказъ о Чоботкѣ, слышанный Лясотой, примыкалъ къ циклу сказаній о великанахъ или велетняхъ съ громадными ногами, и къ этому же циклу сказаній примыкаетъ записанный Руданскимъ современный народный разсказъ.

6.

Потопъ.

Преданія о потопѣ встрѣчаются у разныхъ народовъ древняго и новаго времени. Возникновеніе халдейскихъ разсказовъ о потопѣ относится къ столь отдаленному прошлому, что они на половину были уже забыты во времена Авраама и государей, правившихъ въ Урѣ. Сохранившееся въ клинообразныхъ надписяхъ сумерійское сказаніе о всемірномъ потопѣ и о ковчегѣ, на которомъ спасся аккадскій Ной Ксисустръ, заключаетъ въ себѣ черты различныхъ народныхъ версій [1]). У древнихъ грековъ, какъ извѣстно, были преданія о всемірномъ потопѣ, посланномъ Зевсомъ на землю, чтобы истребить буйную породу мѣдныхъ людей. По совѣту Прометея, Девкаліонъ построилъ ящикъ, вошелъ въ него вмѣстѣ съ женою Пирою и носился по волнамъ 9 дней и 9 ночей. По прекращеніи потопа, онъ присталъ къ Парнасу и принесъ жертву Зевсу. По индійскимъ преданіямъ во время всемірнаго потопа спасся король Ману на кораблѣ, въ который взялъ сѣмена всѣхъ растеній. Въ настоящее время оригинальныя преданія о всемірномъ потопѣ встрѣчаются у дикихъ народовъ Африки и Америки.

Аѳанасьевъ усматриваетъ въ древнихъ преданіяхъ о потопѣ различныя варіаціи одного и того же миѳическаго представленія о великанахъ—тучахъ, погибающихъ въ весеннихъ ливняхъ, причемъ спасается только одинъ праведникъ, антропоморфическое солнце, и оно становится родоначальникомъ человѣчества [2]). А Гумбольдтъ, а

---

[1]) *Сэйсъ*, Ассиро-вавилонская литература, стр. 20.

[2]) *Аѳанасьевъ*, Поэтич. воззр. слав., т. II, стр. 647.

за нимъ и другіе авторитетные ученые преданія о потопѣ объясняютъ воспоминаніями о громадныхъ наводненіяхъ, вызванныхъ землетрясеніями и циклонами. Ревиль замѣчаетъ, что преданія о потопѣ получали благопріятное развитіе и мѣстныя пріуроченія въ странахъ низменныхъ, подвергавшихся наводненію, или въ странахъ приморскихъ, гдѣ сильныя бури или землетрясенія настолько усиливали прибой морскнхъ волнъ, что населеніе опасалось погибнуть подъ ними [1]). Можно допустить въ нѣкоторыхъ случаяхъ переходъ преданій о всемірномъ потопѣ изъ одной страны въ другую посредствомъ устной или литературной передачи.

Славянскія народныя сказанія о всемірномъ потопѣ, великорусскія, малорусскія и болгарскія, возникли изъ ветхозавѣтнаго сказанія о потопѣ и связанныхъ съ нимъ апокрифовъ.

Апокрифы о потопѣ находятся въ сборникахъ Пыпина (Памят. стар. рус. лит., т. III), Порфирьева (Апокр. сказ. по солов. рук.) и Успенскаго (Толк. Палея). Въ этихъ апокрифахъ говорится о построеніи ковчега и о собраніи животныхъ въ ковчегъ посредствомъ била. Малорусскіе народные разсказы о потопѣ немногочисленны и однообразны, сколько можно судить по имѣющемуся въ печати матеріалу. Они несомнѣнно построены на апокрифахъ, только нѣсколько отличныхъ отъ изданныхъ Пыпинымъ, Порфирьевымъ и Успенскимъ. Въ южной Россіи навѣрно были въ ходу своеобразные рукописные апокрифы о потопѣ. Въ церковно-археологическомъ музеѣ при кіевской духовной академіи сохранились рукописные апокрифы о потопѣ, малорусскаго правописанія, по времени XVII ст. [1]).

Въ украинскихъ народныхъ разсказахъ находится два апокрифическихъ мотива: построеніе ковчега при противодѣйствіи со стороны дьявола и отказъ нѣкоторыхъ животныхъ войти въ ковчегъ Ноя.

Первый мотивъ выражается въ разсказѣ, что дьволъ ночью портилъ то, что Ной успѣвалъ сдѣлать днемъ. Ной приготовлялъ столбы и доски, чтобы все было въ мѣру, а ночью набѣжитъ чортъ, и тамъ надрубитъ, тамъ отпилитъ. Когда Богъ увѣдомилъ Ноя, что

---

[1]) *Reville*, Les religions, т. II, стр. 128.

[2]) *Петровъ*, Опис. рукоп. церк.-арх. музея, т. II, стр. 455.

на другой день наступитъ потопъ, Ной началъ складывать бревна и доски; но все выходило не въ мѣру, и Ной очень огорчился. Богъ сжалился надъ нимъ и сказалъ: «Не журися, чоловиче мій, що довге—то стули и буде коротке, а що коротке—натягни, то и буде довге». Ной послѣдовалъ этому благому совѣту (Драг., стр. 95). Апокрифъ о построеніи ковчега и разрушеніи его дьяволомъ напечатанъ въ «Памятн. стар. рус. литер.» А. Н. Пыпина по Толстовскому Сборнику 1602 г. Только здѣсь нѣтъ украинскаго мотива удлинненія и укорачиванія досокъ. Нужно сказать, что мотивъ этотъ общій, эпическій, встрѣчается у разныхъ народовъ, большею частью въ приложеніи къ баснословному великану, который, по произволу удлинняетъ людей, вытягивая у нихъ ноги, или укорачиваетъ ихъ, надрубливая ноги. Можетъ быть, и въ украинскихъ народныхъ разсказахъ мотивъ этотъ прилагался первоначально къ великанамъ-велетнямъ, вызвавшимъ своими жестокостями гнѣвъ Божій и потопъ, а впослѣдствіи оторвался отъ разсказовъ о велетняхъ и вошелъ въ измѣненномъ видѣ въ разсказъ о построеніи ковчега. Впрочемъ, я болѣе расположенъ признать здѣсь вліяніе апокрифа, чѣмъ миѳа. Въ апокрифическихъ евангеліяхъ находится слѣдующій разсказъ. Работникъ Іосифа испортилъ одну работу, слишкомъ укоротилъ кусокъ дерева. Іисусъ, взявши кусокъ за одинъ конецъ, велѣлъ тянуть за другой, и дерево вытянулось до надлежащей длины [1]).

Въ другомъ апокрифическомъ разсказѣ о потопѣ говорится, что грифъ и носорожецъ, по гордости своей, не пошли въ ковчегъ. Грифъ сказалъ, что онъ достаточно силенъ, чтобы во время потопа держаться въ воздухѣ, а носорожецъ сказалъ, что онъ во время потопа будетъ плавать. Во время потопа грифъ усталъ летать и, замѣтивъ спину носорожца, сѣлъ на нее, чтобы отдохнуть, и оба утонули (Nowos., т. II, стр. 10). Въ другихъ разсказахъ говорится объ одномъ носорожцѣ, рогъ котораго торчалъ надъ водою, какъ вѣха. Птицы садились на этотъ рогъ, и ослабленный долгимъ плаваніемъ единорожецъ пошелъ ко дну (Чуб., т. I, стр. 20; Драг., стр. 95). Въ одномъ варіантѣ говорится, что Ной не взялъ въ ков-

---

[1]) *Кирпичниковъ*, Сказанія о житіи Дѣвы Маріи, въ Журн. министъ. народ. просвѣщенія.

чегъ только сокола, который въ теченіи потопа, длившагося 12 дней и 12 ночей, леталъ и остался цѣлъ (Драг., стр. 95).

7.

Самсонъ.

Апокрифическія сказанія о Самсонѣ встрѣчаются въ Палеѣ исторической, иначе называемой по первой начальной фразѣ, «книгой бытія небеси и земли». Въ этомъ пересказѣ ветхозавѣтной исторіи особая глава посвящена изображенію жизни Самсона[1]). Главное отличіе апокрифическаго сказанія отъ библейскаго состоитъ въ объясненіи мотива, почему Самсонъ открылъ Далидѣ секретъ своей силы. Въ библіи мотивомъ выставлена сильная любовь Самсона къ Далидѣ, въ Палеѣ—пьянство Самсона. Въ главныхъ сборникахъ апокрифовъ, Пыпина, Тихонравова и Порфирьева, нѣтъ апокрифовъ о Самсонѣ; но что апокрифы о Самсонѣ въ древнее время были распространены на Руси, видно не только изъ «Книги бытія», изданной А. Н. Поповымъ, но преимущественно изъ великорусскихъ былинъ о Святогорѣ и Самсонѣ, находящихся въ очевидной связи съ апокрифомъ о Самсонѣ [2]).

Въ старинное время въ Малороссіи были извѣстны апокрифы о Самсонѣ. Въ галицкомъ Дрогобицкомъ сборникѣ апокрифовъ находится любопытный отрывокъ апокрифа о Самсонѣ, на малорусскомъ языкѣ, съ примѣсью церковно-славянскихъ словъ: «Телми (?) моими и оутрату моихъ очей и людей твоихъ израильскихъ и рече до хлопяте: отийди отъ мене, и диви, що будетъ; дитя отийшло, а Самсонъ, взявши слупи онии, единъ правою, другой лѣвою, и рекъ: нехай-же положу животъ свой зъ филистинами за людъ израильскій, и страсши оними слупами, обваливъ оний оувесъ палацъ и съ панами филистинами и позабивалъ оувесъ людъ, котории тамъ близко были оного палаца, а гди валился муръ, и Самсона оубивъ. Пишутъ о Самсонѣ историкове такъ, же такую силу мавъ, гдиби такое коло великое, же бы затримало землю, оуправленно, и Самсонъ би оузялъ би рукама за тое коло, то би оусего свѣта землю повернулъ; такимъ то билъ той Самсонъ сильный, Самсонъ, славный

---

[1]) *Поповъ*, Чтенія въ общ. ист. и древн. рос., 1881 г., т. I, стр. 122—132.
[2]) *Ждановъ*, Къ литерат. исторіи рус. былевой поэзіи, стр. 121—128.

мужъ и воинъ валечный, и оная злая жена извела н силу ему отняла, и очи ему выбрала, бо жена есть всему злому початокъ и приводца злыхъ дѣлъ, и тако преставися оний славний Самсонъ мужъ, вмѣстѣ (слова два или три не разобраны) со родными его вземше и положиша его тѣло въ гробѣ отца его. Судивъ израильскии людъ лѣтъ к҃, и отъ апостола описаний, же онъ есть между праведними праотци; но иншіи люде повѣдають, же....» [1]) Далѣе слѣдуетъ краткій пересказъ библейскаго сказанія о смерти Самсона.

Дрогобицкій отрывокъ апокрифа о Самсонѣ, нужно думать, вышелъ изъ исторической Палеи, или «книги бытія». Найболѣе сходства между этимъ отрывкомъ и Палеей обнаруживается въ обращеніи Самсона къ поводырю, «хлопцю» отрывка. Въ Палеѣ читаемъ: «рече (Самсонъ) вотцю своему юноши: веди мя близъ столпа, еже обдержитъ палату, и веде его; рече ему Самсонъ: отиди далече отъ храмины, яко да не сокрушися долѣ» [2]). Замѣчаніе о женщинѣ, какъ «початкѣ всему злому и приводцѣ злыхъ дѣлъ», также могло возникнуть на основаніи Палеи, гдѣ оттѣнено то обстоятельство, что Самсонъ испыталъ «руганіе женское».

Въ дрогобицкомъ апокрифѣ о Самсонѣ находится одна черта, весьма цѣнная для исторіи былинъ о Святогорѣ, сообщеніе какихъ-то историковъ, что Самсонъ повернулъ бы землею, если бы въ землю хорошо было укрѣплено кольцо. Въ великорусскихъ былинахъ:

> Вотъ и говоритъ Святогоръ:
> «Какъ бы я тяги нашелъ,
> Такъ я бы *всю* землю поднялъ».
> Какъ бы было *кольце* во сырой землѣ,
> Поворотилъ бы я землю-то матушку [3]).

Этотъ мотивъ не встрѣчается въ «Книгѣ бытія», и происхожденіе его темно. Фраза «пишутъ гисторикове» довольно часто встрѣчается въ сочиненіяхъ Галятовскаго и Радивиловскаго, при-

---

[1]) *Франко*, Зоря, 1886 г., № 9.

[2]) *А. Поповъ*, „Чтенія", 1881 г., т. I, стр. 132.

[3]) *Рыбниковъ*, Пѣсни, т. I, стр. 33; *Гильферд.*, Онежск. был., 654; *Ждановъ*, стр. 91—97.

чемъ подъ историками разумѣются Кромеръ, Бѣльскій или Стрыйковскій. Вѣроятно, и подъ «историками» апокрифическаго отрывка о Самсонѣ разумѣются польскіе хронисты.

Малорусскій складъ дрогобицкаго отрывка апокрифа о Самсонѣ показываетъ, что апокрифическія сказанія о Самсонѣ пользовались значительной популярностью среди грамотныхъ малороссіянъ, но въ глубину народа они мало проникли; точнѣе сказать, въ простонародную словесность вошли лишь незначительные обрывки и обломки этихъ сказаній. Въ одномъ народномъ разсказѣ, записанномъ въ подольской губ., Самсонъ является сыномъ царя Давида и роднымъ братомъ Іосифа и Соломона. «Сильный Самсонъ, говорится здѣсь, воювався по всимъ свити; на остатокъ зъ нами задумавъ воювати. Плыве Днипромъ, але тилько що зъ воды, ажъ на нёго левъ. Самсонъ до нёго, да якъ ухвативъ ёго за пащу, та якъ наступивъ ногою, то такъ разомъ зъ левомъ и закаменивъ. Такъ винъ и теперъ стоить у Кыиви» [1]. Народная фантазія пріурочила Самсона къ Кіеву, очевидно, подъ впечатлѣніемъ устроеннаго въ Кіевѣ, на Подолѣ, близъ зданія бывшаго магистрата, фонтана съ изваяніемъ Самсона, придавившаго ногою льва и раздирающаго руками его пасть, изъ которой широкой струей льется вода. Иначе она не могла объяснить себѣ этого хитроумнаго сооруженія, произведеннаго въ срединѣ XVIII ст. Иваномъ Барскимъ, братомъ извѣстнаго паломника, и самый разсказъ возникъ, конечно, не раньше этого времени. Кіевъ въ народныхъ легендахъ чаще встрѣчается, чѣмъ въ народныхъ пѣсняхъ, и здѣсь обнаружилось вліяніе духовенства и странниковъ богомольцевъ.

Можетъ быть, малорусскій народный разсказъ о Золотыхъ воротахъ и Михайликѣ, много разъ привлекавшій къ себѣ вниманіе ученыхъ, въ основной своей части представляетъ одно изъ наиболѣе своеобразныхъ проявленій мѣстной, кіевской локализаціи частнаго мотива апокрифическаго сказанія о Самсонѣ. Такъ какъ извѣстныя въ настоящее время научныя объясненія легенды о Золотыхъ воротахъ не выходятъ изъ области предположеній и гаданій, то мнѣніе наше о связи этой легенды съ сказаніями Палеи о Самсонѣ не можетъ быть признано вполнѣ лишнимъ, тѣмъ болѣе,

---

[1]) *Драгомановъ*, Малор. нар. преданія и разсказы, стр. 98.

что въ пользу послѣдняго предположенія говоритъ одна крупная черта сходства легенды о Золотыхъ воротахъ съ вошедшимъ въ «Книгу бытія небеси и земли» апокрифомъ о Самсонѣ. Въ легендѣ о Золотыхъ воротахъ говорится, что богатырь Михайликъ во время осады Кіева татарами пустилъ въ непріятелей стрѣлу, и татары потребовали отъ кіевлянъ, чтобы они выдали Михайлика. Горожане согласились. Тогда Михайликъ взялъ на копье Золотыя ворота и уѣхалъ съ ними въ Царьградъ [1]). Въ исторической Палеѣ говорится, что иноплеменники (т. е. филистимляне) напоили Самсона до опьяненія и заковали его въ цѣпи. Проспавшись, Самсонъ «вскочивъ сокруши оузы, седмь веригъ вкупѣ столче, и въставъ пріиде и обрѣте врата градоу затворена, и подлегъ сеи рамома своима и изорва врата градоу съ пиръгосомъ (башней) искоренивъ, и понесъ положи верхоу горы, и оставивъ тамо и отиде; въставше же оутро иноплеменници, и обрѣте градъ свой разсыпанъ и врата стояща на горѣ, и съоузы съкрушены, и дивишася» [2])... Можно думать, преимущественно на основаніи великорусскихъ былинъ о Василіи пьяницѣ, что въ древности у народа были пѣсни о знаменитомъ стрѣлкѣ изъ лука, пріуроченныя къ Кіеву и связанныя съ татарскимъ нашествіемъ. Къ этимъ пѣснямъ примкнулъ апокрифическій разсказъ о Самсонѣ, поднявшемъ ворота, и съ теченіемъ времени совершенно обрусѣлъ и измѣнился до неузнаваемости.

8.

Царь Давидъ.

Апокрифическія сказанія о Давидѣ малочисленны. Изъ русскихъ ученыхъ только И. Я. Порфирьевъ останавливался на апокрифахъ о Давидѣ. Въ изслѣдованіи объ апокрифахъ на стр. 93—94 г. Порфирьевъ приводитъ любопытное «сказаніе о псалтыри, како написася Давидомъ царемъ». Въ этомъ сказаніи три мотива: 1) ангелъ въ видѣ юноши шепталъ псалмы Давиду на ухо, что подмѣтилъ вельможа Віоръ; 2) жабы лежавшаго вблизи болота

---

[1]) *Кулишъ*, Зап. о южн. Руси, т. I, стр. 3; *Антон.* и *Драгом.*, Ист. пѣсни мал. нар., т. I, стр. 50.

[2]) *А. Поповъ*, „Чтенія", 1881 г., т. I, стр. 127.

своимъ крикомъ мѣшали Давиду въ созданіи псалмовъ; но когда онъ сталъ ихъ уничтожать, то одна жаба сказала ему, что они своимъ крикомъ также хвалятъ Господа, и 3) Давидъ пустилъ псалтырь въ ящикѣ на море, гдѣ онъ много лѣтъ спустя найденъ былъ Соломономъ, и тогда «наполнися міръ пѣсенъ псалтырнихъ». Въ сборникѣ апокрифовъ по соловецкимъ рукописямъ, изданномъ проф. Порфирьевымъ, находятся апокрифы о томъ, какъ Давидъ прогонялъ злаго духа Саулова своею игрою на гусляхъ (стр. 235—236) и какъ Давидъ былъ восхищенъ на небеса и видѣлъ тамъ образъ церкви, по которому сдѣлалъ модель для построенія храма и передалъ ее Соломону (стр. 238—239).

Южно-русскія редакціи рукописей апокрифовъ о Давидѣ неизвѣстны. Принимая во вниманіе, что среди малорусскихъ народныхъ разсказовъ встрѣчаются апокрифическія сказанія о Давидѣ, можно допустить, что источникомъ ихъ были мѣстные, украинскіе рукописные апокрифы о Давидѣ. Вотъ народное сказаніе о спорѣ Давида съ Богомъ. Давйдъ былъ царь добрый, но не христіанинъ. Чтобы обратить его въ христіанство, Богъ подъ видомъ купца пришелъ къ Давиду и предложилъ Давиду купить его дворецъ. Давидъ потребовалъ столько золота, чтобы всѣ его подданные могли набрать его, сколько угодно. Богъ благословилъ гору, и она разсыпалась золотомъ. Народъ набралъ золота, сколько могъ понести, и остался вполнѣ доволенъ. Давидъ сказалъ, что гора стояла на его землѣ, слѣдовательно и золото его; купецъ оспаривалъ. «А хто насъ розсуде?» спросилъ Давидъ. «Е на свити таки люде, у которыхъ обыдва мы ривни. Ходимо на цвинтарь, тамъ насъ розсудять умерліи». Мертвые встали изъ могилъ и поклонились въ ноги Богу. Давидъ тогда узналъ, кто скрылся въ лицѣ купца, и принялъ христіанство. Возникновеніе псалтыри передается такъ. Когда Давидъ составилъ цѣлую книгу изъ псалмовъ, то онъ разрѣзалъ ее по листамъ и бросилъ въ море. Грѣшные листы потонули, а святые листы плавали по морю. Ангелы собрали святые листы и отнесли ихъ къ Богу. Богъ прочиталъ ихъ и велѣлъ передать ихъ людямъ (Драг., стр. 97, 98).

Разсказъ о спорѣ Давида съ Богомъ не встрѣчается въ напечатанныхъ апокрифахъ. Повидимому, разсказъ этотъ сшитъ кзъ нѣсколькихъ повѣствовательныхъ мотивовъ. Главный мотивъ,—

явленіе Бога подъ видомъ купца, повидимому, возникъ изъ повѣсти о Варлаамѣ и Іосафѣ, весьма популярной въ старину среди грамотныхъ людей. Повѣсть эта встрѣчается во многихъ старинныхъ рукописяхъ, и отдѣльные ея эпизоды проникли въ раскольничьи духовные стихи. Въ повѣсти о Варлаамѣ и Іосафѣ, представляющей христіанскую переработку индусскаго сказанія о Буддѣ, пустынникъ Варлаамъ, одѣвшись купцомъ, явился къ царевичу Іосафу, который, подобно царю Давиду украинскаго разсказа, былъ добръ, но не зналъ христіанской вѣры. Варлаамъ поучаетъ Іосафа притчами и обращаетъ его въ христіанство.

Второй разсказъ о псалтыри вышелъ изъ апокрифа, напечатаннаго въ сочиненіи И. Я. Порфирьева объ апокрифахъ, стр. 94. Популярность апокрифа о происхожденіи псалтыри объясняется чрезвычайно важнымъ значеніемъ псалтыри въ жизни русскаго народа въ старинное время. Псалтырь читали для поученія въ церкви, для развлеченія дома; на чтеніи псалтыри держалась школьная наука; наконецъ, на псалтыри гадали.

9.

Соломонъ.

Сказанія о Соломонѣ имѣютъ богатую научную литературу. Впервые на этихъ сказаніяхъ остановился А. Н. Пыпинъ въ Извѣст. Акад. Наукъ, т. IV. Въ 1872 г. А. Н. Веселовскій издалъ спеціальную монографію о славянскихъ сказаніяхъ о Соломонѣ и Китоврасѣ и западныхъ легендахъ о Морольфѣ и Мерлинѣ. Въ 1881 году г. Веселовскій въ XL т. Записокъ академіи наукъ помѣстилъ обширную и цѣнную дополнительную статью о «новыхъ данныхъ къ исторіи соломоновскихъ сказаній».

«Основа этихъ неканоническихъ повѣстей, говоритъ г. Веселовскій, обличаетъ происхожденіе ихъ съ дальняго востока: буддійскаго и иранскаго; но въ Европу онѣ проникли уже съ именемъ Соломона, что указываетъ на посредство среды, оставившей на нихъ это библейское имя... На этой первой степени стоитъ талмудическая сага о Соломонѣ, перешедшая впослѣдствіи и къ мусульманамъ, и, можетъ быть, другое своеобразное видоизмѣненіе той же саги, которое гадательно можно отнести на счетъ дуалистическихъ сектъ, проводившихъ въ средневѣковое христіанство ре-

лигіозныя воззрѣнія и легенды арійскаго востока. Въ той и другой редакціи соломоновская легенда проникла въ христіанскую Европу, вмѣстѣ съ другими статьями такого же двоевѣрнаго характера, и заняла здѣсь мѣсто въ ряду отреченныхъ книгъ... Въ концѣ пятаго вѣка апокрифъ о Соломонѣ былъ извѣстенъ на западѣ, и противъ него тогда уже возставала римская церковь. Къ южнымъ славянамъ онъ принесенъ былъ, несомнѣнно, изъ Византіи. Западныя свидѣтельства отъ X вѣка позволяютъ заключить, что уже въ эту пору западная редакція отличалась особымъ характеромъ, напр., собственныхъ именъ, который потомъ упрочился за ней и составилъ ея отличіе отъ восточной, т. е. византійско-славянской. Съ X вѣка, или, вѣрнѣе, съ XI апокрифическая повѣсть переходитъ въ народъ и народнѣетъ; она даетъ содержаніе повѣстямъ, романамъ и фабль'о и доходитъ до анекдота и прибаутки. Такъ было на западѣ; но и въ восточной группѣ происходитъ подобное броженіе, хотя мы и не знаемъ, когда оно началось: отреченная статья разбилась на книжную повѣсть, русскую былину, на сербскія и русскія сказки. Это уже послѣдній періодъ развитія, въ которомъ мы довольно ясно продолжаемъ отличать двѣ группы: западнолатинскую и византійско-славянскую. Обѣ онѣ развиваются своеобразно, иногда далеко расходясь въ своихъ результатахъ, причемъ преимущество вымысла и поэзіи безспорно принадлежитъ западу; иной разъ онѣ смѣшиваются: западныя повѣсти о Соломонѣ, въ своихъ народныхъ переработкахъ, проникли, можетъ быть, въ XVI и XVII в. и въ Россію, такъ что позднѣйшія русскія сказанія могли отразить на себѣ слѣды двухъ разновременныхъ вліяній: надъ старой византійской легендой въ нихъ надслоились западные разсказы, юморъ которыхъ заслонилъ серьезное содержаніе ихъ далекаго отреченнаго подлинника» [1]). Въ другомъ мѣстѣ [2]). А. Н. Веселовскій говоритъ, что «Соломоновская сага не проникла глубоко въ народный стихъ; пѣсни о Василіи Окульевичѣ, пѣсня побывальщина о Соломонѣ и слѣпомъ становятся чѣмъ-то среднимъ между былиною и собственно духовнымъ стихомъ и лишены его религіозной назидательности».

---

[1]) *Веселовскій*, Слав. сказ. о Соломонѣ, т. V—VI.

[2]) Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха, т. V, стр. 73.

Апокрифическія сказанія о Соломонѣ затронули мысль и воображеніе малороссіянъ. Въ печати извѣстно нѣсколько большихъ народныхъ разсказовъ о Соломонѣ, близко стоящихъ къ апокрифамъ по содержанію и вполнѣ народныхъ по языку. Въ малорусскихъ разсказахъ находимъ слѣдующіе мотивы:

1) Мать Соломона во время беременности спрятала одну женщину, бѣжавшую отъ мужа, и когда пришелъ послѣдній, то Соломонъ изъ утробы матери сказалъ, что мать его такъ же безнравственна, какъ и спрятанная ею женщина (Драг., стр. 99). Мотивъ этотъ съ большими подробностями изложенъ въ русской побывальщинѣ у Рыбникова, т. II, № 54, стр. 305.

2) Соломонъ трехъ лѣтъ отъ роду вѣсилъ женскій разумъ, положивъ на одну чашку вѣсовъ материнъ чепецъ, на другую горсть охлопья, и смѣялся, что охлопья перетягивали чепецъ (Драг., стр. 99). Въ апокрифѣ, напечатанномъ въ «Памятникахъ» Пыпина, т. III. стр. 63, Соломонъ взвѣшиваетъ песье г....о съ женскимъ умомъ, причемъ возрастъ Соломона также трехлѣтній.

3) Мать приказала своимъ слугамъ отнести Соломона въ лѣсъ, убить его и принести ей его сердце и мизинецъ. Слуги оставили Соломона живымъ и принесли его матери сердце собаки (Драг., 100). То же въ апокрифѣ, у Пыпина, III, 64, у Веселовскаго въ «Соломонѣ и Китоврасѣ», 53.

4) Соломонъ сталъ плакать, такъ какъ зналъ, что ему назначено жить три года. Святые стали просить Господа, чтобы Онъ прибавилъ Соломону жизни. Богъ послалъ святыхъ на землю просить людей, чтобы кто-нибудь отдалъ часть своей жизни Соломону, и одна баба согласилась отдать ему 50 лѣтъ (Драг., 100). Этотъ эпизодъ составляетъ особенность малорусскаго разсказа о Соломонѣ. Глубокій знатокъ повѣстей о Соломонѣ проф. Веселовскій не встрѣчалъ этого эпизода въ другихъ пересказахъ (Разыск., V, 130). Основная мысль этого эпизода вполнѣ народная. «Щастя, переходя, живе,» говорятъ малороссіяне. По народнымъ понятіямъ, общая сумма добра и зла не измѣняется, и счастье, доля, богатство, болѣзни лишь переходятъ, по Божьему соизволенію, отъ одного лица къ другому.

5) Возмужавъ, Соломонъ подъ видомъ купца пріѣхалъ къ своей матери, женѣ царя Давида. Она влюбляется въ купца и при-

глашаетъ его переночевать съ нею. Соломонъ положилъ руку на ея груди и сказалъ: «се тіи дуды, що я въ ніи гравъ,» а потомъ положилъ руку на «природу» и сказалъ: «а се тіи брамы, що я ними выходивъ;» онъ ушелъ изъ спальни царицы, надписавъ на дверяхъ: «правда, що жиночій розумъ не вартъ и жмени клочча, коли ридная мати зъ своимъ сыномъ спала» (Драг., 101, 107). Разсказъ этотъ почти буквально сходенъ съ апокрифомъ въ «Памятникахъ» Пыпина (III, 66), въ «Лѣтописяхъ» Тихонравова (т. IV, 115) и въ «Соломонѣ и Китоврасѣ» Веселовскаго (97—98).

6) Царь Давидъ разыскивалъ Соломона такимъ образомъ: послалъ слугъ съ золотымъ плугомъ спрашивать, что стоитъ плугъ. Всѣ цѣнили его очень дорого; одинъ Соломонъ замѣтилъ, что плугъ безъ майскаго дождя не стоитъ куска хлѣба. Въ другой разъ Давидъ созвалъ гостей на обѣдъ и далъ имъ очень длинныя ложки. Соломонъ объявился тѣмъ, что посовѣтывалъ гостямъ кормить другъ друга черезъ столъ (Драг., 101, 102, 103). Апокрифическій источникъ этого разсказа находится въ «Памятникахъ» Пыпина (III, 64).

7) Ставъ царемъ, Соломонъ пытается узнать высоту неба и глубину моря. Желая избѣжать смерти, онъ отправляется къ безсмертной горѣ и находитъ здѣсь гробъ, сдѣланный чернецами; онъ легъ въ него и приказалъ засыпать себя землею (Драг., 102, 103, 108). Эти эпизоды не встрѣчаются въ апокрифахъ. Г. Веселовскій предполагаетъ, что безсмертная гора малорусской легенды стоитъ въ связи съ городомъ Lus въ странѣ Гетитовъ, городомъ безсмертія, куда Соломонъ отправляетъ двухъ юношей, обреченныхъ ангелу смерти, который настигъ ихъ у входа въ Lus (Разыск., V, 131). Въ Азбуковникахъ безсмертной горой называется Аѳонская гора (см. Журн. м. н. пр. 1884 г., I, 379).

8) Соломонъ и его жена язычница посѣщаютъ христіанскій и языческій храмы. Жена не молилась въ церкви, а когда Соломонъ не захотѣлъ кланяться, входя въ языческій храмъ, то особо приспособленныя двери ударили его по головѣ и заставили нагнуться (Драг., 103).

9) Жена Соломона уходитъ съ однимъ «невѣрнымъ царевичемъ». Соломонъ пріѣхалъ за женой, взявъ три трубы и войско. Царевичъ язычникъ и его возлюбленная рѣшили повѣсить Соломона, но Соломонъ затрубилъ и войско его прибыло. Онъ повѣсилъ

царевича, а жену свою привязалъ къ конскому хвосту и пустилъ коня въ поле (Драг., 104). Источникъ этого разсказа въ апокрифѣ, напечатанномъ въ «Лѣтописяхъ» (IV) Тихонравова и въ I т. «Памятниковъ отреченной литературы» Тихонравова (стр. 254).

10) Судъ Соломона по жалобѣ трехъ братьевъ: одинъ имѣлъ плохой аппетитъ, другой плохое хозяйство, третій злую жену. Соломонъ присудилъ первому ѣздить въ лѣсъ, и лѣсная работа вызвала аппетитъ, второму рано вставать и третьему сходить въ кузницу, гдѣ онъ могъ убѣдиться, что даже желѣзо дѣлается мягкимъ подъ ударами молота (Драг., 108—109).

11) Соломонъ вздумалъ однажды сказать проповѣдь, и только могъ сказать: «якъ маете що шити, то перше кгудзя завяжить» (т. е. узелокъ на ниткѣ). Этотъ анекдотъ, вѣроятно, зашелъ съ Запада, можетъ быть, черезъ проповѣдниковъ конца XVII ст., прибѣгавшихъ иногда подъ вліяніемъ польскихъ проповѣдниковъ къ шуткамъ и анекдотамъ.

12) Мать Соломона, желая отъ него избавиться, сажаетъ его въ бочку и пускаетъ на море,—простонародный сказочный мотивъ.

13) Соломонъ играетъ на «сопилкѣ»; кони и овцы начинаютъ при этомъ танцовать,—мотивъ также простонародный, сказочный, миѳическій.

14) Мать Соломона заперла двери; но двери растворялись по приказанію Соломона,—мотивъ сказочный (о силѣ слова), повторяется въ колядкахъ.

15) Соломонъ нанялся у кузнеца въ работники, сдѣлалъ желѣзную лѣстницу и влѣзъ по ней на небо, а затѣмъ ангелы принесли его брата кузнеца. По видимому мы здѣсь имѣемъ дѣло съ древнимъ обычаемъ побратимства. Разсказъ этотъ, въ основаніи миѳическій, сказочный, съ теченіемъ времени получилъ юмористическій характеръ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

НЕИЗДАННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ Т. Г. ШЕВЧЕНКА.

VII.

ПРОГУЛКА СЪ УДОВОЛЬСТВІЕМЪ И НЕ БЕЗЪ МОРАЛИ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Вздумалось мнѣ въ прошломъ году встрѣтить нашу прекрасную украинскую весну гдѣ нибудь подальше отъ города, хотя и въ такомъ городѣ, какъ укрытый садами нашъ златоглавый Кіевъ. Весна въ городѣ не теряетъ своей прелести, но все-же городъ, а мнѣ захотѣлось уединеннаго тихаго уголка. Эта поэтическая мысль пришла мнѣ въ голову въ началѣ или въ половинѣ апрѣля, не помню хорошенько. Помню только, что это случилось, въ самый развалъ нашей знаменитой малороссійской грязи. Можно бы и подождать немного: весною грязь быстро сохнетъ. Но ужъ если что мнѣ разъ пришло въ голову, хотя бы самое несбыточное, такъ хоть роди, а подавай. На этомъ пунктѣ я имѣю большое сходство съ моими неподатливыми земляками. Писатели наши и вообще люди приличные чувство это называютъ силою воли, а его просто можно назвать воловьимъ упрямствомъ; это живописнѣе и выразительнѣе.

Долго я перебиралъ въ памяти своей моихъ добрыхъ пріятелей, укрывшихся въ тѣни уединенія, т. е. посвятившихъ себя совершенному бездѣйствію. Послѣ тщательной переборки я остановился на одномъ отставномъ гусарѣ, называвшемъ меня своимъ родичемъ, чему я совершенно не противорѣчилъ. Лежалъ онъ, или

какъ-бы выразиться иначе, прозябалъ онъ въ самомъ живописномъ уединенномъ уголкѣ кіевской губерніи, верстахъ въ трехъ отъ мѣстечка Лысянки. На него-то и палъ мой выборъ.

На тройкѣ добрыхъ почтовыхъ лошадей я съ Трохимомъ и съ чемоданомъ по утру рано выѣхалъ изъ Кіева. До первой станціи, Веты, мы добрались безъ особыхъ приключеній, и Вету оставили благополучно. Только какъ разъ противъ самого Бѣлокняжего поля, не доѣзжая каплицы или часовни, у лѣвой пристяжной лопнули постромки. Мы думали было на парѣ кое-какъ дотащиться до Василькова. Не тутъ-то было. Грязь по ступицы и наша пара ни съ мѣста. Къ счастію нашему, мужикъ везъ лозу для изгороди, мы у него не безъ труда выпросили пару лозинъ и устроили себѣ кое-какъ постромокъ.

Въ Васильковѣ мы закусили съ Трохимомъ фаршированной жидовской щукой, крѣпко приправленной перцомъ, и потянулись дальше. Пошелъ мелкій, тихій дождикъ, потомъ крупнѣе и крупнѣе, наконецъ полилъ, какъ изъ ведра; можно-бы было заѣхать въ корчму въ Мытницѣ и переждать дождь, но я сказалъ себѣ, чтобы нигдѣ не останавливаться до Бѣлой-Церкви, такъ и сдѣлалъ. Въ Бѣлую-Церковь пріѣхали мы уже ночью. Посовѣтовавшись съ Трохимомъ, рѣшились мы ночевать на почтовой станціи и хорошо сдѣлали, что такъ придумали, иначе мнѣ, можетъ быть, никогда не пришлось-бы писать объ этой прогулкѣ, а вамъ читать ее, мои терпѣливые читатели, потому что узелъ описываемаго мною происшествія завязался именно въ эту достопамятную ночь, только не на почтовой станціи, какъ это большею частію случается, а... Но зачѣмъ забѣгать впередъ.

Рѣшившись ночевать на станціи, я спросилъ у смотрителя:

— Есть-ли у васъ комната для проѣзжающихъ?

— Есть двѣ, отвѣчалъ онъ, только обѣ заняты. Какая-то барыня, должно быть, съ дочерью заняли обѣ комнаты.

Барыня съ молодою дочерью! подумалъ я. Эхъ, какъ досадно, что я не гусаръ или хоть просто военный, я-бы зналъ, какъ тутъ распорядиться. Просто по праву проѣзжающаго по казенной надобности (военные не ѣздятъ на почтовыхъ по своей надобности), закупорилъ-бы мать съ дочерью въ одну комнату, а въ другой самъ расположился и на досугѣ занялся-бы обсерваціею въ замочную

скважину. Вотъ вамъ и начало романа, чисто въ гусарскомъ вкусѣ: я было признаться и того... да нѣтъ не хватило духу. Сказано: кому не написано на роду быть военнымъ человѣкомъ, такъ тотъ, хоть въ аршинъ запусти усы, а все останется штафиркой.

До мѣстечка оставалось еще съ добрую версту, а до жидовскаго трактира, гдѣ мы предположили провести ночь, по крайней мѣрѣ версты двѣ; но дѣлать было нечего, и мы потащились подъ проливнымъ дождемъ отыскивать жидовскій трактиръ. Трохимъ, не совсѣмъ довольный моимъ рѣшеніемъ, началъ было что-то возражать, но я махнулъ рукою, и мы пустились въ дорогу. Черезъ часъ времени мы благополучно достигли желаемой цѣли.

Пользуясь симъ удобнымъ случаемъ, я могъ-бы описать вамъ бѣлоцерковскій жидовскій трактиръ со всѣми его грязными подробностями; но фламандская живопись мнѣ не далась, а здѣсь она необходима. Замѣчу мимоходомъ, что во-первыхъ никто не вышелъ меня встрѣтить, какъ-то бываетъ въ русскихъ трактирахъ, но этому могла быть причиною темная, ненастная ночь; причина важная для самаго храбраго жидовина; во-вторыхъ, вскарабкавшись кое-какъ по скользкимъ ступенямъ въ темный корридоръ, я наткнулся въ немъ на что-то желѣзное и такъ ловко наткнулся, что чуть себѣ лба не раскроилъ. По утру я увидѣлъ, что это были дроги съ рессорами изъ подъ какого то экипажа. Таково было мое шествіе въ іудейскую гостепріимную обитель! Въ комнатѣ уже меня встрѣтилъ жидъ, довольно благовидной наружности, помогъ мнѣ стащить съ плечъ насквозь промокшую непромокаемую шинель и униженно спросилъ:

— Что пану будетъ угодно?

— Чаю и комнату, отвѣчалъ я.

— Заразъ, сказалъ жидъ и скрылся за дверью.

Въ ожиданіи жидовскаго «заразъ» я грѣлся и разминался, ходя взадъ и впередъ по комнатѣ. Комната была что-то въ родѣ лавки, съ шкафами около стѣнъ и стеклянымъ ящикомъ вдоль комнаты, въ родѣ застойки. Передъ ящикомъ я остановился и между галантерейными бездѣлушками, какъ-бы вы думали, что я увидѣлъ? Книгу въ желтой оберткѣ. Я только хотѣлъ было сказать Трохиму, чтобы досталъ книгу изъ чемодана, а тутъ она сама въ руки лѣзетъ, и Трохима тревожить не нужно. Беру со стола свѣчу и

читаю заглавіе, кажется, славянскими буквами: «Украинская поэзія N Падуры». Поди-ка, думаю, голубчикъ, сюда! я тебя давно не видалъ. Но ящикъ оказался запертъ. Я позвалъ хозяина, но вмѣсто хозяина явился какой-то жидокъ съ рыжей бородкой. Я просилъ его достать мнѣ изъ ящика книгу, но жидокъ отвѣчалъ, что онъ факторъ, а не хозяинъ лавки. Тогда я велѣлъ ему позвать хозяиина. Явился хозяинъ, тотъ самый благовидный жидъ, что помогалъ мнѣ снимать непромокаемую шинель. На просьбу мою о книгѣ онъ вынулъ ее изъ ящика и, подавая мнѣ, сказалъ:

— Десять злотыхъ.

— А если только прочитать, спросилъ я, принимая книгу, что будетъ стоить?

— Пять злотыхъ, сказалъ жидъ, побрякивая ключами.

Дѣлать нечего, я отдалъ пять злотыхъ и спросилъ ножъ, чтобы разрѣзать дорогую книгу, но это было напрасно, книга была разрѣзана и даже запачкана. Кромѣ сальныхъ пятенъ я замѣтилъ на поляхъ листовъ то прямыя черты, крѣпко проведенныя гдѣ ногтемъ, а гдѣ и карандашемъ, то знакъ восклицательный, то знакъ вопросительный, то чортъ знаетъ что.

— Ай, ай! подумалъ я, да ты побывала уже въ рукахъ у нашего брата критика.

Портить карандашемъ или ногтемъ чужую книгу непростительно; но тутъ все таки есть хоть какая нибудь мысль, что я дескать читалъ такую книгу и нашелъ въ ней это хорошо, а это дурно, хотя и это не извиняетъ подобного читателя въ порчѣ чужой собственности. Чѣмъ-же извинить тѣхъ, которые портятъ стекла на почтовыхъ станціяхъ своимъ драгоцѣннымъ алмазомъ, выводя на стеклѣ свой замысловатый вензель, какъ на какомъ нибудь важномъ документѣ, четко и выразительно? Для чего они это дѣлаютъ? Какая нибудь мысль да кроется же въ этихъ замысловатыхъ вензеляхъ и росчеркахъ? Неужели только та, что такой-то и такой проѣзжалъ здѣсь съ алмазнымъ перстнемъ? Кажется, только и ничего больше. Какое мелкое ничтожное тщеславіе! А говорятъ и даже пишутъ, будто-бы знаменитый лордъ Байронъ изобразилъ гдѣ то въ Греціи на скалѣ свою прославленную фамилію. Неужели и этотъ крупный человѣкъ не чуждъ былъ мелкаго ничтожнаго тщеславія?

Какъ ни странно, но не другое что, какъ тоже мелкое тщеславіе заставляетъ меня (да можетъ быть и не одного меня) смотрѣть, разумѣется отъ нечего дѣлать, на эти исцарапанныя стекла и прочитывать давно знакомую книгу, исчерченную карандашемъ и ногтемъ. Вотъ и теперь со мной случилось тоже. Поэзія Падуры мнѣ извѣстна и переизвѣстна, а я заплатилъ за нее пять злотыхъ, такъ изъ одной прихоти, чтобы себя потѣшить; а между тѣмъ когда увидѣлъ каракули на поляхъ, началъ читать, какъ-бы никогда не читанную книгу.

Надъ пѣсней подъ названіемъ: *Запорожская пѣсня*, было весьма четко написано: *Скальковскій вретъ*. Чтобы значила эта весьма нецеремонная замѣтка? Я прочиталъ пѣсню. Пѣсня начинается такъ: *Гей, козаче въ имя Бога*. Какое-же тутъ отношеніе къ ученому автору *Исторіи новаго коша*? Не понимаю. Ба! вспомнилъ, эту самую пѣсенку ученый изслѣдователь запорожскаго житья-бытья вкладываетъ въ уста запорожскимъ лыцарямъ. Честь и слава ученому мужу! Какъ онъ глубоко изучилъ изображаемый имъ предметъ. Удивительно! А можетъ быть, онъ хотѣлъ просто подсмѣяться надъ нашимъ братомъ хохломъ и больше ничего? Богъ его знаетъ, только эта волыно-польская пѣсня столько-же похожа на пѣсню днѣпровскихъ лыцарей, сколько похожъ я на китайскаго богдыхана.

— А что-же чай и комната? спросилъ я, закрывая книгу.

— За́разъ, сказалъ торчащій въ углу рыжебородый жидокъ и вышелъ въ другую комнату.

— Ахъ вы проклятые жиды! проговорилъ я почти вслухъ: я уже всю книгу прочиталъ, а они и не думали приготовлять чаю!

Черезъ минуту жидокъ возвратился и снова притаился въ углу.

— Что-же чай? спросилъ я.

— За́разъ закипитъ, отвѣчалъ жидокъ.

— Чего-же ты тутъ переминаешься съ ноги на ногу? спросилъ я услужливаго жидка.

— Я факторъ. Можетъ быть, панъ чего потребуетъ, то я все за́разъ для пана доставить могу, прибавилъ онъ, лукаво улыбаясь.

— Хорошо! сказалъ я. Такъ ты говоришь, что все достанешь, чего я ни пожелаю.

— Достану все, отвѣчалъ онъ, не запинаясь.

Какую-же мнѣ задать ему задачу, такъ что нибудь въ родѣ пана Твардовскаго, подумалъ я про себя и подумавши сказалъ ему.

— Ты знаешь англійскій портеръ подъ названіемъ Браунстутъ Берклей Перкенсъ и компанія?

— Знаю, отвѣчалъ жидокъ.

— Достань мнѣ одну бутылку, сказалъ я самодовольно.

— Зàразъ, сказалъ жидокъ и исчезъ за дверью.

— Ну, подумалъ я, пускай поищетъ. Теперь этого вражескаго продукта и въ самой столицѣ не достанешь, не только въ Бѣлой Церкви.

Не успѣлъ я такъ подумать, какъ является мой жидокъ съ бутылкой настоящаго Браунстута. Я посмотрѣлъ ярлыкъ на бутылкѣ и только плечами двинулъ, но виду не показалъ, что это меня чрезвычайно удивило. Жидокъ поставилъ бутылку на столъ и, какъ ни въ чемъ не бывало, сталъ себѣ по прежнему въ углу и только утираетъ съ лица потъ полою своего засаленнаго пальто. Чудотворцы-же эти проклятые фактора!

— Скажи ты мнѣ истину, сказалъ я, обращаясь къ фактору, какимъ родомъ очутился англійскій портеръ въ вашей Бѣлой Церкви?

— Чрезъ нашъ городъ, отвѣчалъ жидокъ, возятъ изъ Севастополя плѣнныхъ аглицкихъ лордовъ, такъ мы и держимъ для нихъ портеръ.

— Дѣло, сказалъ я; значитъ, ящикъ просто отпирался.

— Не прикажете-ли еще чего нибудь достать вамъ на ночь? спросилъ факторъ.

— Подожди, братецъ, подумаю, сказалъ я и сталъ думать, какой бы ему еще крючокъ загнуть, да такой, чтобы проклятый жидъ зубами не разогнулъ, а подумавши хорошенько, вотъ какой загнулъ я ему крючекъ, истинно во вкусѣ Твардовскаго.

— Вотъ что, любезный чудотворецъ, сказалъ я, обращаясь къ мизерному Меркурію, если ужъ ты досталъ мнѣ портеру... постой, у васъ есть въ городѣ книжная лавка?

— Книжной лавки нѣтъ въ городѣ, отвѣчалъ онъ.

— Хорошо, такъ достань же ты мнѣ новую не разрѣзанную книгу и тогда я повѣрю, что ты все можешь достать.

— Заразъ, сказалъ невозмутимо рыжій Меркурій, поворотился и вышелъ.

II.

Эй хозяинъ! что-же чаю? сказалъ я громче обыкновеннаго, обращаясь къ растворенной двери.

— Заразъ, откликнулся изъ третьей комнаты жидовскій женскій голосъ.

— А что-бы вамъ своего Мессіи ждать и не дождать такъ, какъ я не дождусь вашего чаю! сказалъ я про себя, и не успѣлъ я проговорить эту гнѣвную фразу, какъ въ дверяхъ показалась кудрявая черноволосая прехорошенькая жидовочка, но такая грязная, что смотрѣть было невозможно.

— Гдѣ-же чай? спросилъ я у запачканой Гебы.

— У насъ чаю нѣтъ, а не угодпо-ли...

— Какъ нѣтъ! гдѣ хозяинъ? прервалъ я запачканую Гебу.

— Хозяинъ пошли спать, отвѣчала она робко.

— Если чаю нѣтъ, такъ что-же у васъ есть? спросилъ я съ досадой.

— Фаршированная щука и...

— И больше ничего, прервалъ я ее.

А меня въ свою очередь прервалъ вошедшій въ комнату факторъ съ двумя новенькими книгами въ рукахъ. Я изумился, но сейчасъ-же пришелъ въ себя и велѣлъ подать щуку и потомъ уже обратился къ фактору и равнодушно взялъ у него книги. Смотрю, книги дѣйствительно новыя, не разрѣзанныя. Я хотя и привыкъ, какъ человѣкъ благовоспитанный, скрывать внутреннія движенія но тутъ не утерпѣлъ, ахнулъ и назвалъ жидка настоящимъ слугою пана Твардовскаго. Жидокъ улыбнулся, а я на оберткѣ прочиталъ: «Морской сборникъ» 1855 года, № 1. Я еще разъ удивился и, обратясь къ фактору, спросилъ его:

— Скажи ты мнѣ, ради самого Мойсея, какою ты силою творишь подобныя чудеса и разскажи, какъ и отъ кого досталъ ты эти книги.

— О!... эти книги дорого стоятъ, если разсказать вамъ ихъ исторію, сказалъ жидокъ и провелъ по головѣ пальцами, какъ-бы поправляя ермолку.

— Сослужи-же мнѣ послѣднюю службу, сказалъ я ласково своему рыжему Меркурію, разскажи ты мнѣ исторію этихъ дорогихъ, книгъ.

Жидокъ замялся и почесалъ за ухомъ. Я посулилъ ему злотый на пиво, это его ободрило, онъ вѣжливо попросилъ позволенія сѣсть и почесавши еще разъ за ухомъ, разсказалъ мнѣ такую драму, что если-бы не его жидовская декламація, то я непремѣнно бы расплакался. Содержаніе драмы очень просто и такъ обыкновенно, что по неволѣ дѣлается грустно. Произшествіе такого рода.

Изъ Севастополя въ смоленскую губернію ѣхалъ какой-то флотскій офицеръ, Богъ его знаетъ, раненый ли или просто больной, съ двумя малолѣтками дѣтьми и съ женой. Дѣло было зимой или въ концѣ зимы; дорога такъ его бѣднаго измучила, что онъ принужденъ былъ остановиться въ Бѣлой Церкви на нѣсколько дней отдохнуть. Болѣзнь усилилась и положила его въ постель. Что имъ оставалось дѣлать? Сидѣть въ жидовской грязной хатѣ и дожидать какого нибудь конца. Началась распутица: все вздорожало. Своихъ денегъ не было, расходовались прогоны, наконецъ и прогоны израсходовались, а больной не вставалъ. Какой-то проѣзжій медикъ навѣстилъ его и только покачалъ головой, ничего больше. Рецептъ не для чего было писать, потому что въ мѣстечкѣ какая аптека? На другой день послѣ визита медика больной умеръ, оставивъ свою вдову и дѣтей, что называется, безъ копѣйки. Что оставалось ей бѣдной дѣлать въ такомъ горькомъ положеніи? Она написала письмо родственникамъ мужа въ смоленскую губернію и въ ожиданіи отвѣта начала продавать за безцѣнокъ мужнинъ гардеробъ и иныя бѣдныя крохи, чтобы удовлетворить самую крайнюю необходимость. Услужливый за деньги жидъ, если узнаетъ что у васъ наличныхъ нѣтъ и въ виду не имѣется, то онъ вамъ и воды не дастъ напиться, а о хлѣбѣ и говорить нечего. Бѣдная вдова продавала все, даже необходимое, если оно имѣло хотя какую нибудь цѣну въ глазахъ покупателя жида. Книги, которыя мнѣ принесъ всевѣдущій факторъ, были взяты у нея, и вѣроятно за безцѣнокъ; въ хозяйствѣ вдовы они были только лишнею тяжестью, да и покойникъ, какъ видно, не высоко цѣнилъ печатную мудрость: книги были не разрѣзаны. Ну, да какъ бы то ни было, только я былъ изумленъ и обрадованъ такимъ безпримѣрнымъ явленіемъ.

— Что же ты заплатилъ за книги? спросилъ я фактора, разрѣзывая первый номеръ.

— Два карбованца, меньше не отдаетъ, отвѣчалъ онъ, запинаясь.

— Врешь, сребролюбецъ іуда, подумалъ я, а уличить его нечѣмъ.—Хорошо, говорю я ему, деньги я отошлю съ моимъ мальчикомъ завтра, ты только покажешь ему квартиру.

— Я уже деньги заплатилъ: она въ долгъ не повѣрила, сказалъ онъ, обтирая свою грязную шляпу.

— Жаль! я больше полтинника тебѣ не дамъ за книги.

— Зачѣмъ же вы испортили книгу? сказалъ онъ почти дерзко.

— Чѣмъ же я ее испортилъ? спросилъ я.

— Всю ножемъ изрѣзали, теперь она не возьметъ книгу назадъ.

— За мое жито, мене жъ и бито, проговорилъ онъ едва внятно и замолчалъ.

— Утро вечера мудренѣе, сказалъ я ему, ложись спать, а завтра разсчитаемся.—Онъ поклонился и вышелъ.

По уходѣ фактора я разбудилъ Трохима, который спалъ себѣ сномъ невинности около чемодана во всемъ своемъ промокшемъ облаченіи. Велѣлъ я ему полуразоблачиться и, войдя въ другую комнату, сказалъ довольно громко, почти крикнулъ:

— А что же щука?

— Зàразъ, послышался прежній женскій голосъ, и чрезъ минуту явилась таже самая курчавая запачканная жидовка.

— Ставь же ее на столъ скорѣе, да не забудь и водку поставить.

Жидовочка ушла и вскорѣ опять явилась съ щукою и съ осьмиугольнымъ штофомъ, наполненнымъ буро-красноватой жидкостью.

Я принялся за щуку и, не смотря на то, что она крѣпко была приправлена перцемъ и гвоздикой, съ такимъ аппетитомъ убиралъ ее, что если бы Трохимъ провозился съ своимъ разоблаченіемъ еще хоть минуту, то засталъ бы одну голову да хвостъ; но онъ поторопился и захватилъ еще порядочную долю. Послѣ щуки спросилъ я у запачканной Гебы, нѣтъ ли еще чего нибудь заглушить перецъ и гвоздику. Она отвѣчала, что ничего они больше сегодня не варили и я, велѣвъ подать графинъ воды и стаканъ, расположился на скрипучей, въ родѣ дивана, деревяной скамейкѣ, а Трохимъ, окончивши щуку, помолился Богу и тожъ расположился на какомъ то войлокѣ у печки на полу. Тишина водворилась въ

жидовской обители. Снявши со свѣчи, я началъ перелистывать Морской Сборникъ № 1-й.

III.

Перелистывая машинально книгу, я началъ было дремать и поднялъ уже руку за щипцами, чтобы погасить свѣчу и заснуть, а случилось не такъ. Я нечаянно взглянулъ на реестръ увѣчныхъ, выздоровѣвшихъ, но неспособныхъ продолжать службу нижнихъ чиновъ, сталъ читать и чтоже я прочиталъ? Прочиталъ я здѣсь то, чего не прочитывалъ ни въ одной печатной книгѣ, а я ихъ такъ не мало прочиталъ.

Дѣло вотъ въ чемъ. Въ присутствіи комитета раненыхъ были опрошены эти увѣченные бѣдняки, какую кто изъ нихъ пожелаетъ себѣ награду за вѣрную службу престолу и отечеству. Бѣдняки сначала отказались отъ всякой награды, только бы ихъ отпустили на родину. Комитетъ настаивалъ, чтобы они кромѣ этого требовали себѣ всякій, что ему нужно. Иные попросили денежной награды, другіе, чтобы освободить дѣтей ихъ изъ кантонистовъ, а послѣдній изъ нихъ, молодой матросъ, со слезами на глазахъ просилъ его родную сестру отъ крѣпостнаго званія освободить. Великодушная просьба этого простаго человѣка меня поразила, я дальше не могъ читать, закрылъ книгу и погасилъ свѣчу.

Мнѣ однако жъ не спалось. Матросъ расшевелилъ мое воображеніе и отогналъ услужливаго Морфея. Простое и самое естественное дѣло простаго человѣка рисовалось въ моей душѣ яркими лучезарными красками. Должно быть, я сильно обнищалъ сердцемъ, когда меня такъ поразило это повидимому обыкновенное явленіе. Неужели вмѣстѣ съ цивилизаціею такъ плотно прививается къ намъ эгоизмъ, что мы, т. е. я, едва вѣримъ въ подобное безкорыстіе? Должно быть, такъ. А по настоящему не должно быть такъ; образованіе должно богатить, а не окрадывать сердце человѣческое. Но къ несчастію это теорія. Подобное ни къ чему не ведущее разсужденіе не давало мнѣ заснуть, и чѣмъ глубже я входилъ въ эти разсужденія, тѣмъ возвышеннѣе, благороднѣе казался мнѣ поступокъ увѣченнаго бѣдняка матроса. Онъ отдалъ все сестрѣ, а себѣ ничего не оставилъ, кромѣ сумы и костыля. Какъ хотите, а подвигъ не совсѣмъ обыкновенный. Что если бы, подумалъ я, удалось

мнѣ этотъ простой сюжетъ облачить въ форму героической поэмы, или... Но нѣтъ, никакая другая форма поэзіи, кромѣ поэмы, не идетъ къ этому сюжету; поэма или ничего; и я началъ сочинять поэму.

Во дни минувшіе, во дни невинности моей, какъ говоритъ поэтъ, и я въ тихомолку кропалъ стишонки, да и кто изъ насъ ихъ не кропалъ? Слѣдовательно мнѣ это рукодѣлье было нѣсколько знакомо; оставалось придумать ходъ дѣйствія и обстановку, а мѣсто дѣйствія—страшный четвертый бастіонъ въ Севастополѣ, еще страшнѣе лазаретъ тамъ же и въ заключеніе укрытое цвѣтущими вишневыми садами малороссійское село, а среди улицы этого очаровательнаго села встрѣчаетъ свободная сестра своего великодушнаго калѣку брата. Канва готова, осталось подобрать тѣни и за работу. Я уже началъ было и тѣни раскладывать, не теряя изъ виду общаго эффекта. Слушаю, въ комнатѣ будто что то шепчетъ. Не бредитъ ли Трохимъ во снѣ послѣ жидовской щуки? подумалось мнѣ. Прислушиваюсь, дѣйствительно Трохимъ, только не бредитъ, а на яву про себя шепчетъ:

— А!... хочется пить, а не хочется встать.

Минуту спустя, онъ еще разъ повторилъ громко свое желаніе, а чрезъ минуту проговорилъ тоже почти вслухъ.

— Трохиме! сказалъ я громко.

Трохимъ молчитъ.

— Трохиме! повторилъ я тѣмъ же тономъ.

— Чего? отозвался онъ, какъ бы съ просонья.

— Подай мнѣ графинъ съ водою.

Трохимъ глубоко и продолжительно вздохнулъ, лѣниво поднялся съ постели, отыскалъ въ потьмахъ графинъ и подалъ мнѣ.

— Напейся самъ! сказалъ я ему, а я не хочу пить.

Трохимъ напился, поставилъ графинъ на мѣсто и проговорилъ:

— Покорно васъ благодарю.

— То-то жъ, дурню, сказалъ я ему вмѣсто наставленія, но онъ едва ли это наставленіе слышалъ, потому что спалъ.

Оригиналъ порядочный этотъ Трохимъ. Я опишу его когда нибудь въ другомъ болѣе приличномъ мѣстѣ, а теперь буду продолжать собственное похожденіе.

Я принялся было опять за прерванную нить своей поэмы, но Морфей-пріятель задернулъ занавѣсъ, и едва зримая и великолѣпная декорація скрылась отъ моихъ очей.

На другой день очень не рано мы оставили Бѣлую Церковь, это потому, что я заснулъ уже на разсвѣтѣ: сначала матросъ не давалъ мнѣ покою, а потомъ жидовскія блохи.—Дорога была по вчерашнему скверная, если не хуже: отъ продолжительнаго дождя густая грязь превратилась въ настоящую кашу, какъ выразился недовольный Трохимъ. Дорога меня впрочемъ мало безпокоила: я ее почти не замѣчалъ, меня, если можно такъ выразиться, поглотила моя поэма. Я все устанавливалъ подробности дѣйствія и такъ увлекся этими подробностями, что началъ уже стихи импровизировать. Импровизація моя была прервана не самымъ обыкновеннымъ происшествіемъ. Кони наши остановились передъ берлиномъ или дормезомъ, по самый кузовъ врѣзавшимся въ грязь. Четыре пары добрыхъ воловъ едва, едва двигали его впередъ, а почтовая четверка вся въ мылѣ отдыхала по ту сторону плотины. Не вчерашняя ли это барыня съ дочерью съ такимъ комфортомъ путешествуетъ? спросилъ я самъ себя и нечаянно взглянулъ на Трохима. У него была такая кислая недовольная рожа, что я расхохотался. Онъ какъ будто бы не замѣчалъ моего хохота и оттого дѣлался еще смѣшнѣе.

— О чемъ это вы такъ задумались, Трохимъ Сидоровичъ? наконецъ спросилъ я его шутя.

Трохимъ мой вздохнулъ, поворотился лицемъ къ дормезу и проворчалъ что-то похожее на брань.

— Правду сказалъ жидъ, у котораго мы ночевали, что вы не похожи не только на пана, не походите даже на простаго шляхтича голоп....

Послѣдняго слова онъ не договорилъ и опять отвернулся отъ меня.

Такъ вотъ гдѣ причина, почему благообразный жидъ вчера и сегодня не ухаживалъ за мною, какъ это обыкновенно дѣлаютъ они, особенно содержатели заѣзжихъ домовъ и такъ называемыхъ уѣздныхъ трактировъ! А я уже думалъ, что бы значило, что хозяинъ такъ равнодушно принялъ меня, такъ равнодушно, что не почелъ даже нужнымъ попотчивать чаемъ, а секретъ вотъ гдѣ. Интересно бы знать, за кого онъ меня принялъ.

— За кого же онъ меня принялъ? не говорилъ тебѣ жидъ? спросилъ я у Трохима.

— Такъ, говоритъ, ни то, ни се, и еще прибавилъ какое то слово по своему. Я не понялъ, а вѣрно что нибудь скверное, потому что, сказавши это слово, онъ плюнулъ.

— Ахъ, онъ проклятый жидъ! еще и плюнулъ! Ну, а ты какъ думаешь, Трохиме, похожъ ли я на пана, хотя съ боку? спросилъ я его шутя.

— Ни съ боку, ни съ переду, отвѣчалъ онъ, не задумавшись, и отворотясь отъ меня, продолжалъ въ полголоса.

— Не только панъ, порядочный мужикъ въ такую погоду собаки изъ хаты не выгонитъ, а онъ поѣхалъ въ гости—очень нужное дѣло; да еще хочетъ, чтобы его паномъ жиды величали. Небось жиды знаютъ, какъ кого назвать.

Послѣднее слово онъ проговорилъ шопотомъ. Я внутренно смѣялся досадѣ озлобленнаго Трохима. Въ это время сзади насъ послышался почтовый колокольчикъ; я оглянулся, въ полуверстѣ за нами тащилась по грязи тройка, такая же, какъ и наша.

— Слава тебѣ, Господи! вскрикнулъ протяжно Трохимъ и перекрестился.

— А что? спросилъ я его.

— Выѣхали изъ грязи, сказалъ онъ весело.

Дормезъ дѣйствительно стоялъ уже по ступицы въ грязи, а волы, совершивши свой подвигъ, по-парно вылѣзали изъ болота на болѣе сухое мѣсто. Вдали слышимый колокольчикъ запѣлъ уже у меня за плечами. Я снова оглянулся, и кромѣ тройки и ямщика увидѣлъ стоящую въ телѣгѣ фигуру въ черной буркѣ и въ какомъ то мудреномъ картузѣ. Чрезъ минуту тройка, телѣга и стоящая въ ней фигура очутились у самыхъ оконъ дормеза. Фигура на минуту наклонилась къ окну, какъ бы спрашивая о здоровьи закупоренныхъ въ подвижной свѣтлицѣ красавицъ. Потомъ фигура въ буркѣ и картузѣ приподнялась и хриплымъ голосомъ стала кричать на ямщиковъ, чтобы подавали скорѣе лошадей. Я занялся фигурой, Трохимъ не знаю чѣмъ занимался, ямщикъ накладывалъ табаку въ свою носогрѣйку, а кони, опустивъ морды въ самую лужу, о чемъ то призадумались.

— Что же ты не трогаешь? сказалъ я ямщику.

— А я думалъ, сказалъ ямщикъ, не вынимая трубки изо рта, что мы за ними и поѣдемъ до самой станціи.

— Ахъ ты хохолъ! какъ ты скверно думалъ. Трогай-ка лошадей проворнѣе! сказалъ я, и мы оставили фигуру въ буркѣ и дормезъ.

Когда мы проѣзжали возлѣ дормеза, я заглянулъ въ окно, и передо мной мелькнула необыкновенно прекрасная женская головка, повитая чѣмъ то чернымъ; у меня какъ будто бы молоткомъ ударило въ сердце, и я уже до самой станціи ничего не видѣлъ, кромѣ очаровательной головки.

— Самоваръ есть? спросилъ я у станціоннаго смотрителя, вылѣзая изъ телѣги.

— Есть, отвѣчалъ онъ.

— А коли есть, такъ прикажите его нагрѣть, сказалъ я и обращаясь къ Трохиму, прибавилъ:

— Дѣлать нечего, Трохиме, чемоданъ нужно развязать, а то мы пропадемъ безъ чаю.

— А развѣ жидовскій вамъ не понравился? проговорилъ онъ иронически, вынимая чемоданъ изъ телѣги.

Правду-сказать, такъ чай былъ только предлогомъ, а настоящимъ то дѣломъ была волшебница, закупоренная въ подвижномъ теремѣ. Мнѣ ужасно хотѣлось еще хоть мелькомъ взглянуть на эту дивную головку; казалось, что я разсчиталъ не дурно. Онѣ непремѣнно войдутъ въ комнату, пока имъ лошадей перепрягутъ, и я... все можетъ случиться, буду имѣть счастіе предложить ей стаканъ чаю. Въ дорогѣ что за церемонія? Пока я такъ предполагалъ, самоваръ кипѣлъ уже на столѣ, и Трохимъ вытиралъ чорный глиняный чайникъ и зеленоватые кабачные стаканы. Ну, какъ же я въ такомъ стаканѣ предложу ей чаю? Срамъ и... еще что то я хотѣлъ подумать, какъ растворилась дверь и въ комнатѣ явилась фигура въ буркѣ и въ мудреномъ картузѣ. Не снимая картуза, фигура хриплымъ басомъ спросила стоявшаго предъ нимъ смотрителя:

— Есть ли лошади?

— Есть, отвѣчалъ почтительно смотритель.

— Мнѣ нуженъ осьмерикъ, проговорила фигура.

— И осьмерикъ будетъ! отвѣчалъ смотритель тѣмъ же тономъ.

Фигура бросила подорожную на столъ и, замѣтя третье лицо, т. е. меня, приподняла картузъ и кивнула головой. Я отвѣчалъ

тѣмъ же, только немного скромнѣе, и предложилъ фигурѣ стаканъ чаю съ дороги. Фигура не отказалась, пожалѣла только, что даже въ Кіевѣ нельзя достать порядочнаго араку; я не противорѣчилъ, и разговоръ нашъ тѣмъ кончился. Фигура, не допивши стакана чая, скрылась за дверью. Такъ какъ этотъ субъектъ играетъ или будетъ играть не послѣднюю роль въ нашемъ певѣствованіи, то не мѣшаетъ его очертить съ нѣкоторыми подробностями.

Отставной ротмистръ гвардіи, помѣщикъ Курнатовскій, такъ гласила подорожная, которую я прочиталъ не безъ любопытства. О подробностяхъ фигуры господина отставного ротмистра не могу сказать ничего положительнаго, потому что она скрывалась подъ буркой. А лице? Лице довольно обыкновенное, особеннаго ничего не выражаетъ, такія лица можно встрѣтить на конной ярмаркѣ въ Бердичевѣ или въ Полтавѣ, между ремонтерами. Носъ большой, довольно аляповатый и довольно красный, глаза тоже красные, на выкатѣ. Губы толстыя, особенно нижняя, усы изкрасна черные, большіе, о волосахъ на головѣ тоже ничего положительнаго не могу сказать, потому что онъ не снималъ своей затѣйливой фуражки. Вотъ вамъ и вся недолга. Если всмотрѣться въ него попристальнѣе, такъ, можетъ быть, нашлись бы какія нибудь особенности, но я не успѣлъ попристальнѣе всмотрѣться и подробнѣйшее окончаніе портрета оставляю до слѣдующаго сеанса.

— Опять поѣхали волами! сказалъ Трохимъ, входя въ комнату.

— Вели долить самоваръ и прибавить угольевъ, сказалъ я ему и вышелъ изъ комнаты.

Во чтобы тамъ ни стало, а я ее дождусь, говорилъ я самъ себѣ, глядя на безконечную плотину, по которой четыре пары воловъ едва двигали знакомый мнѣ дормезъ. Часъ, если не больше, дожидался я завѣтваго дормеза, наконецъ остановился онъ передъ воротами почтовой станціи.

— Не угодно ли будетъ, не совсѣмъ смѣло сказалъ я отставному ротмистру, вашимъ дамамъ горячаго чаю съ дороги?

Ротмистръ кивнулъ головой и подошелъ къ окну экипажа. Чрезъ минуту огромный лакей разложилъ ступени, отворилъ дверцы и изъ подвижнаго терема высадилъ.... кого-бы вы думали, кого? Вмѣсто прекрасной волшебницы бабу-ягу, закутанную во что то

черное. А чтобы ты провалилась! подумалъ я; а лакей между тѣмъ сложилъ ступеньки и тихонько притворилъ дверцы.

— А что-же панна Гелена? спросилъ по-польски старуху ротмистръ.

— Спитъ, отвѣчала старуха, и поплелась въ комнату, поддерживаемая огромнымъ гайдукомъ.

Ротмистръ закурилъ колоссальный трабукосъ и пошелъ на конюшню посмотрѣть, какихъ ему лошадей заложатъ, а я посмотрѣлъ грустно на экипажъ, какъ лисица на виноградъ, и отправился, скрѣпя сердце, подчивать старуху чаемъ. Напрасно я впрочемъ безпокоился, она даже сама себя потчивала, и когда я вошелъ въ комнату, она уже и не взглянула на меня. Я сказалъ Трохиму, что бы онъ налилъ себѣ стаканъ чаю и укладывалъ чемоданъ. Старуха тогда взглянула на меня и отвернулась, а я вышелъ изъ комнаты, какъ-бы не замѣчая ея взгляда. Лошади для меня были готовы, и я, дождавшись Трохима и чемодана, посмотрѣлъ еще разъ на облѣпленный грязью дормезъ, сѣлъ въ телѣгу и уѣхалъ въ полной надеждѣ увидѣть таинственную красавицу на слѣдующей станціи, т. е. въ городѣ Таращѣ.

Тараща—городъ! не понимаю, зачѣмъ дали такое громкое названіе этой грязной жидовской слободѣ. Навѣрное можно сказать, что покойный Гоголь и мелькомъ не видалъ сего нарочито грязнаго города, иначе его родной Миргородъ показался-бы ему если не настоящимъ городомъ, то по крайней мѣрѣ прекраснымъ селомъ.

Въ Миргородѣ, хотя и не пышной Растреллевской или Тоновской византійской архитектуры, а все таки есть бѣленькая каменная церковь. Хоть небольшое бѣлое пятно на темной зелени, а оно дѣлаетъ свой пріятный эффектъ въ однообразномъ пейзажѣ. Въ Таращѣ и этого нѣтъ. Стоитъ себѣ на пригоркѣ надъ тухлымъ болотомъ старая темная деревянная церковь, такъ называемая козацкая, т. е. постройки временъ козачества. Три осьмиугольныхъ коническихъ купола съ пошатнувшимися черными желѣзными крестами, и ничего больше. И все это такъ неуклюже, такъ грубо, печально, какъ печальна исторія ея неугомонныхъ строителей. Едва, едва къ вечеру дотащились мы до сего такъ называемаго города. О дальнѣйшемъ слѣдованіи и думать было нечего, о дормезѣ и

спящей красавицѣ тоже. Слѣдовательно я могу смѣло распоряжаться одной единственной комнатой въ почтовой станціи. Такъ и сдѣлано. Трохиму предоставилъ я распорядиться на счетъ ужина; но какъ усердно не распоряжался Трохимъ, а ужинъ нашъ ограничился парою сушеныхъ карасей, ломтемъ чернаго хлѣба и рюмкой вонючей водки. Трохимъ былъ, какъ говорится, въ своей тарелкѣ и подтрунивалъ надъ *чернечею вечерею*,—такъ называлъ онъ нашъ ужинъ. Трунилъ онъ собственно не надъ ужиномъ, а надо мной, что дескать куда какъ пріятно путешествовать во время такой прекрасной погоды. Мнѣ самому было досадно, но я молчалъ и старался не думать о погодѣ, а о чемъ нибудь другомъ. Другое мнѣ однакожъ плохо давалось, я вспомнилъ о матросѣ и—вообразите мою досаду! вспомнилъ, что мы забыли Морской Сборникъ въ Бѣлой Церкви. Спрашиваю у станціоннаго смотрителя, не найдется ли изъ ямщиковъ охотникъ съѣздить верхомъ въ Бѣлую Церковь. Охотникъ нашелся, я разсказалъ ему, въ чемъ дѣло. Онъ запросилъ съ меня за поѣздку три цѣлковыхъ; я не торговался и далъ задатокъ. Ямщикъ тотчасъ-же отправился въ дорогу, а мы съ Трохимомъ, помолясь Богу, привели утомленныя тѣла свои въ горизонтальное положеніе: онъ на скамейкѣ и я тоже на скамейкѣ, обгороженной съ трехъ сторонъ чѣмъ-то въ родѣ перилъ, что дѣлало ее похожею на чухонскія сани.

IV.

Морской Сборникъ таки не дешево мнѣ обошелся, а интереснаго въ немъ, я думаю, одинъ только и есть матросъ; впрочемъ я еще и не просмотрѣлъ его хорошенько. Но дѣло не въ томъ, интересенъ сборникъ или нѣтъ, а въ томъ, что я съ собою взялъ только двѣ или три книги, и то не знаю какія. Трохимъ у меня и по этой части распорядился. А нужно вамъ сказать, что книги для меня, какъ хлѣбъ насущный, необходимы и двѣ недѣли, которыя я предполагалъ посвятить моимъ родичамъ, безъ какой нибудь книги показались бы мнѣ безконечными. Поэтому-то я и дорожилъ Морскимъ Сборникомъ, и еще потому, что родичъ мой хотя и не безъ образованія человѣкъ, но книги боялся, какъ чумы, и слѣдовательно на его библіотеку нечего было разсчитывать. Страннымъ и не натуральнымъ кажется намъ грамотный человѣкъ, существующій безъ

книги; но ежели всмотрѣться попристальнѣе въ этого страннаго человѣка, то онъ покажется намъ самымъ естественнымъ. Родичъ мой, напримѣръ, началъ свое образованіе въ какомъ то кадетскомъ корпусѣ, а окончилъ его въ какихъ то казармахъ и лагерѣ. Когда же и гдѣ ему можно было освоиться съ книгою? Штыкъ и книга самая дикая дисгармонія. И родичъ мой выходитъ самый натуральный человѣкъ, и тѣмъ еще натуральнѣе, что онъ не притворяется читающимъ, какъ дѣлаютъ это другіе, ему подобные и какъ напримѣръ дѣлаетъ его благовѣрная половина, а моя прекрасная родичка, или яснѣе кузина. У ней вся библіотека состоитъ изъ «Опытной хозяйки», переписаниой какимъ то не совсѣмъ грамотнымъ прапорщикомъ, а какъ занесется о литературѣ, такъ только слушай. Другой, пожалуй... да что тутъ говорить про другаго, я самъ сначала уши развѣсилъ, да потомъ уже спохватился. Я познакомлю васъ, мои читатели, хоть слегка съ моей кузиной, красавицей, правда, не первой молодости. Съ такими субъектами, какъ она, не мѣшаетъ иногда познакомиться. Самъ я свидѣлся съ нею, когда она была еще невѣстой моего родича и, правду свазать, чуть чуть было не втюрился по уши; извините за выражеиіе, другаго не могъ придумать. Тогда она была восхитительно хороша; а то уже извѣстно, что если женщина восхитительно хороша собой, то значитъ, она и добра, и умна, и образованна, и одарена ангельскими, а не человѣческими свойствами. Это уже такъ водится. А на самомъ-то дѣлѣ, чѣмъ женщина красивѣе, тѣмъ болѣе похожа она на движущуюся прекрасную, но бездушную куклу. Это я говорю по собственному многолѣтнему опыту; красавицы только въ романахъ олицетворенные ангелы, а на дѣлѣ онѣ автоматы, или просто гипсовыя фигурки.

И кузина моя во время оно казалась ангеломъ кротости и образцемъ воспитанія. Я не волочился за ней открыто, это не въ моей натурѣ, но втайнѣ боготворилъ ее. Это общая черта антивоеннаго характера. Вскорѣ она вышла замужъ за моего родича и съ нимъ уѣхала въ деревню. Я поохладилъ свою глубоко робкую любовь двухлѣтнимъ отсутствіемъ и потомъ уже видался съ нею довольно часто, но не какъ пламенный обожатель, а просто какъ старый знакомый и притомъ родственникъ. Тутъ-то и сталъ я наблюдать отчетливѣе за моимъ бывшимъ кумиромъ. Какъ-то разъ зашла рѣчь (это было въ деревнѣ) о германской поэзіи. Кромѣ

Гёте и Шиллера, она съ восторгомъ говорила о Кернерѣ: мнѣ это понравилось, я и выписалъ съ дуру экземпляръ Кернера да и послалъ ей въ деревню. Чрезъ годъ или больше случилось мнѣ завернуть къ нимъ мимоѣздомъ, и что-же? Мой Кернеръ валяется подъ диваномъ и даже не разрѣзанный. Это меня заставило усумниться въ любви къ нѣмецкой поэзіи моей красавицы-кузины. Для чего-же она такъ непритворно восхищалась этимъ Кернеромъ? Неужели эти, сквозь слезы, восклицанія, была ложь? Увы, да! Она, какъ я впослѣдствіи узналъ, боготворила все, что имѣло какое нибудь подобіе военнаго, начиная отъ скромнаго ученаго кантика до великолѣпнаго кавалерійскаго штандарта, а о эксельбантахъ и говорить нечего: эксельбанты были для нея выше всякаго обожанія. Такъ изволите видѣть, въ чемъ секретъ: при берлинскомъ изданіи сочиненій Кернера, которое она гдѣ-то видѣла, приложенъ портретъ поэта въ военномъ мундирѣ, а мой экземпляръ былъ другаго изданія и безъ портрета, такъ она его и швырнула подъ диванъ. Вотъ вамъ и секретъ. Книги она просто ненавидитъ и если-бы была какой нибудь маркграфиней во времена Гуттенберга, то не задумалась бы возвести знаменитаго типографа на костеръ. Это вѣрно. За то озолотила-бы изобрѣтателя тузовъ, королей, дамъ, валетовъ и т. д., словомъ изобрѣтателя картъ; она воздвигла-бы кумиръ и молилась ему, какъ Богу просвѣтителю человѣческаго рода. Изъ какого болота вытекаетъ и такъ широко разливается эта топорная, безобразная страсль въ мягкомъ нѣжномъ сердцѣ женщины?—Вопросъ не головоломный. Изъ болота бездѣйствія и изъ тины нравственной пустоты. Врожденныхъ такихъ отвратительныхъ способностей я не признаю даже въ ремонтерѣ. У насъ говорятъ про пьяницу, вора и тому подобнаго художника, что онъ бѣдненькій ужъ съ этимъ и родился. Пренаивное понятіе! И если-бы спросить и у знаменитаго череповѣда Лафатера, то и онъ, положа руку на сердце, сказалъ-бы: пренаивное понятіе! Играть самому въ ералашъ, въ носки и прочая, тутъ есть еще удовольствіе, разумѣется, удовольствіе не совсѣмъ эстетическое, но все таки удовольствіе, по крайней мѣрѣ длинныя минуты праздной жизни дѣлаются короче; но какая нравственная радость просидѣть у стола игроковъ до трехъ часовъ по полуночи и безмолвно считать выигрышъ и проигрышъ безмолвныхъ картежниковъ? Совершенно не

понимаю! А прекрасная кузина моя находитъ въ этомъ созерцаніи высокое наслажденіе; она готова недѣлю ни ѣсть, ни пить, только-бы сидѣть автоматомъ и смотрѣть, какъ играютъ въ ералашъ, или даже въ три листика, а если ей самой удастся составить партію для ералаша, то она готова, какъ Илья Муромецъ, сиднемъ просидѣть за картами мѣсяцы и годы безъ куска хлѣба и стакана воды. Неужели такъ тлетворно дѣйствуетъ на пустую красавицу отсутствіе толпы обожателей, ея единой насущной пищи? Дѣйствительно такъ, по крайней мѣрѣ я другой причины не знаю. Красавицы въ обществѣ заняты дѣломъ, т. е. кокетствомъ, а дома, да еще и въ деревнѣ, что ей прикажете дѣлать? Не румяниться-же и бѣлиться для своего медвѣдя мужа. Все это ничего, все это только отвратительно, а вотъ что горько. У моей прекрасной кузины растетъ прекраснѣйшее дитя, дѣвочка лѣтъ четырехъ или около этого, рѣзвая, милая, настоящій херувимъ, слетѣвшій съ неба; и херувимъ этотъ, это прекраснѣйшее созданіе, отдано въ руки грязной деревенской бабы. А нѣжная мамаша шнуруется себѣ да припекаетъ папильотки, даже на затылкѣ, и знать больше ничего не хочетъ. Однажды привезъ я для Наташи (такъ называется дитя) азбуку и дѣтскую естественную исторію съ картинками. Надо было видѣть, съ какимъ не дѣтскимъ восторгомъ она любовалась моимъ подаркомъ и съ какимъ любопытствомъ распрашивала она свою красавицу мамашу о значеніи каждой картинки. Но мамаша—увы! или обращалась ко мнѣ, или просто посылала ее къ нянькѣ играть въ куклы. Мнѣ стало грустно, и я не совсѣмъ издалека повелъ рѣчь объ обязанностяхъ матери. Кузина сначала слушала меня, но когда я вошелъ поглубже въ предметъ и началъ живо и рельефно рисовать передъ ней эти священныя обязанности, она въ полголоса запѣла: «Не шей ты мнѣ, матушка, красный сарафанъ»! Хоть колъ на головѣ теши, подумалъ я и чуть было не выкинулъ штуки, т. е. хотѣлъ плюнуть и уйти; однако-жъ удержался и только закурилъ сигару и вышелъ въ другую комнату.

Зачѣмъ они дѣтей родятъ, эти амфибіи, эти бездушные автоматы? Съ какой цѣлью они выходятъ замужъ, эти мертвыя красавицы? Чтобы сдѣлать карьеру, какъ выражается моя кузина, а дѣти, это уже необходимое слѣдствіе карьеры и ничего больше. Бѣдныя, бездушныя матери! Вы свой долгъ, свою священную обя-

занность передаете наемницѣ гувернанткѣ и, еще хуже, деревенской неграмотной бабѣ. И диво-ли послѣ этого, что порода хорошенькихъ куколъ у насъ не переводится! Да и будетъ-ли когда нибудь конецъ этой породѣ? Едва-ли, она страшно живуча на нашей тучной заматорѣлой почвѣ.

Но не пора-ли оставить мою темную красавицу-родственницу въ покоѣ и обратиться къ болѣе свѣтлымъ предметамъ?

На другой день по утру ямщикъ съ книгами явился передо мной, какъ листъ передъ травой; я расплатился съ нимъ окончательно и спросилъ его, не видалъ-ли онъ на дорогѣ берлина.

— Ночуе посередъ гребли въ Ковшовати, сказалъ онъ и вышелъ.

— Значитъ, я ее болѣе не увижу, подумалъ я и велѣлъ старостѣ запрягать лошадей.

Черезъ нѣсколько минутъ лошади были готовы, книги въ чемоданъ спрятаны и, помолившись Богу, мы благополучно отправились въ дорогу.

Странный однако-жъ человѣкъ этотъ сочинитель, подумаетъ благосклонный читатель. Ругаетъ, на чемъ свѣтъ стоитъ, свою родственницу, а самъ къ ней въ гости ѣдетъ, тутъ что-то да не такъ.

—Совершенно такъ, отвѣчаю я благосклонному читателю, и по моему мнѣнію такъ и слѣдуетъ: хлѣбъ-соль ѣшь, а правду-матку рѣжь, говоритъ пословица, и пословица говоритъ благородно. Если бы не только мы сочинители, но вообще люди честные не смотрѣли ни на родство, ни на покровительство, а указывали пальцемъ прямо, благородно, на шута родственника и на грабителя покровителя, то эти твари по крайней мѣрѣ днемъ-бы не грабили и не паясничали.—Да это невозможно, скажутъ честные люди вообще, а сочинители въ особенности. Какое намъ дѣло до его хозяйства, до его средствъ и источниковъ? Онъ ведетъ себя хорошо, безукоризненно хорошо и притомъ покровительствуетъ даже... даже художникамъ. Чего-жъ намъ болѣе? А родственникъ? Да Богъ съ нимъ, если онъ приличный человѣкъ; пускай себѣ паясничаетъ на здоровье, а намъ какое дѣло! Если-же онъ въ добавокъ и богатый человѣкъ, это дѣло другого рода, тутъ даже извинительно отчасти и себѣ поподличать; тутъ даже и можно и очень поподличать; это не Богъ знаетъ, какой грѣхъ. А между тѣмъ, если ужъ на большее нельзя разсчитывать, такъ по крайней мѣрѣ можно лишній

разъ хорошенько пообѣдать. То-то и есть, что всѣ мы болѣе или менѣе лисицы съ пушкомъ на рыльцѣ.

Все это такъ, все это въ порядкѣ вещей, скажетъ благосклонный читатель; да какъ же ѣхать въ гости за двѣсти верстъ къ людямъ, которые не нравятся? Ну, а если они какъ нибудь да прочитаютъ этотъ ядовитый пасквиль, эту желчную правду, тогда что?—У всякого свой вкусъ: во первыхъ, я ѣду для прекраснаго весенняго сельскаго пейзажа, а не для каррикатурныхъ фигуръ на первомъ планѣ этого прекраснаго пейзажа, а на счетъ второго замѣчанія я совершенно спокоенъ. Если-бы даже я посвятилъ сіе не хитрое твореніе моей милой кузинѣ и даже поднесъ-бы ей экземпляръ въ сафьянномъ великолѣпномъ переплетѣ, то я увѣренъ, и тогда бы она скорѣе употребила его на папильотки, чѣмъ удосужилась-бы прочесть сіе не ложное изображеніе собственной персоны. Она... да ну ее съ Богомъ! Разносился я съ своей красавицей кузиной, какъ дурень съ писаной торбой. Правда, что она весьма интересный, не говорю рѣдкій, сюжетъ для наблюдателя, но... пора знать и честь.

Только къ вечеру дотащились мы до Баранполя. Переѣздъ самъ по себѣ не большой, но, кромѣ грязи, мѣсто довольно гористое. Во время этого на удивленіе медленнаго переѣзда я занимался моимъ героемъ, т. е. матросомъ и по временамъ совершенно противъ воли старался предугадать, кто такая была обитательница подвижнаго терема, т. е. рыдвана. Жена-ли она усатаго ротмистра, или дальняя родственница, или-же просто красавица, взятая на прокатъ по кавалерійскому обычаю, рѣшить было трудно, и потому я старался ее забыть. Но она, какъ чертенокъ, вертѣлась въ моемъ воображеніи и прерывала стройный ходй моей поэмы.

Трохимъ совѣтовалъ заночевать въ Баранполѣ и хоть кусокъ хлѣба съѣсть, мы дѣйствительно въ продолженіи дня ничего не ѣли. Я и спросилъ смотрителя, нѣтъ ли чего перекусить. Оказалось, что перекуски никакой не было, потому, прибавилъ смотритель, что теперь страстная недѣля. Резонъ, подумалъ я и велѣлъ поставить самоваръ, но и самовара не оказалось. Хоть хлѣба и воды дайте намъ, сказалъ я равнодушному смотрителю. Онъ молча отворилъ висѣвшее на стѣнѣ что-то въ родѣ шкафа и вынулъ оттуда тоже что-то въ родѣ пирога. Это былъ черствый кнышъ съ постнымъ

масломъ. Трохимъ не безъ труда отломилъ кусокъ кныша, поморщился и началъ ѣсть, предлагая мнѣ остальное, но я отказался. Голодъ меня, не знаю почему, не безпокоилъ. Предоставивъ распоряженіе кнышемъ Трохиму, я велѣлъ вопреки ему, что я рѣдко позволялъ себѣ, запрягать лошадей. Не успѣлъ онъ перваго куска дожевать, какъ лошади были готовы. Не безъ негодованія посмотрѣлъ онъ на меня, спряталъ остальной кусокъ за пазуху, лѣниво вскарабкался на телѣгу, и мы пустились дальше. Вскорѣ настала ночь, тихая, теплая и темная. Удивительная ночь! Такимъ очаровательнымъ ночамъ обыкновенно предшествуетъ продолжительный весенній дождь, и это не рѣдкость въ Малороссіи. Жаль, что луны не было. А люблю я ее полную, круглую, румяную, перерѣзанную длинными золотыми тучками и въ какомъ то обаятельномъ туманѣ подымающуюся надъ едва потемнѣвшимъ горизонтомъ. Какъ не прекрасна, какъ не обаятельна лунная ночь въ природѣ, но на картинѣ художника, какъ напримѣръ Калама, она увлекательнѣе, прекраснѣе. Высокое искусство, какъ я думаю, сильнѣе дѣйствуетъ на душу человѣка, сильнѣе, нежели самая природа. Какая же непостижимая тайна сокрыта въ этомъ дѣлѣ руки человѣка, въ этомъ божественномъ искусствѣ? Творчествомъ называется эта великая божественная тайна и... завидный жребій великаго поэта, великаго художника. Они братья наши по плоти, но вдохновенные свыше, уподобляются ангеламъ Божіимъ, уподобляются Богу, и къ нимъ только относятся слова пророка: ихъ только создалъ Онъ по образу и подобію, а мы толпа безобразная и ничего больше!

Догадливый почтарь, или ямщикъ вмѣсто русской телѣги, въ которой и самый отчаянный фельдъегерь едва ли вздремнетъ, заложилъ намъ бричку, въ родѣ нетычанки, длинную и широкую, а въ добавокъ навалилъ въ нее сѣна. Трохиму это такъ понравилось, что онъ, не дожевавши своего кныша, заснулъ, съ кускомъ въ рукѣ, сномъ свѣжей юности и непорочности. Немного погодя и азъ многогрѣшный послѣдовалъ его мудрому примѣру.

V.

Какъ мы проѣхали эту станцію, кромѣ ямщика и лошадей, никто изъ насъ не знаетъ. Я проснулся на разсвѣтѣ у самой цары, или выгона мѣстечка Лысянки, а Трохима я разбудилъ уже

передъ дверями почтовой станціи. Такъ какъ конецъ моего путешествія былъ уже очень не въ далекомъ разстояніи, не принимая, разумѣется, въ разсчетъ грязь и полуверстовую *греблю*, то я и разсудилъ, что лучше немного отдохнуть въ Лысянкѣ и потомъ уже пуститься дальше. До Будищъ, т. е. до резиденціи моего родича, оставалось версты двѣ, не болѣе. Долго ли ихъ проѣхать? Часъ, а много два, такъ я разсчитывалъ. Но какъ я сомнѣваюсь во многомъ, то и въ этомъ разсчетѣ усумнился, и чтобъ опредѣлить это предположеніе точнѣе, я спросилъ Трохима, что онъ на это скажетъ. А онъ подумавши сказалъ, что если мы поѣдемъ сейчасъ же, то пріѣдемъ въ Будища не ранѣе полудня.

— Одна *гребля* чего стоитъ! прибавилъ онъ.

Я согласился съ его тонкимъ замѣчаніемъ и попросилъ смотрителя дать мнѣ лошадей въ сторону, т. е. отъ почтовой дороги. Онъ охотно согласился, разумѣется, за двойные прогоны, считая прогоны не за двѣ версты, какъ я думалъ, а за двадцать съ чѣмъ-то, т. е. до слѣдующей станціи, до Звенигородки. Онъ не только меня, но даже Трохима увѣрилъ, что ему совершенно все равно. Дѣлать нечего, я согласился. На дѣлѣ оказалось, что Трохимъ правъ, сказавши, что мы раньше полудня не будемъ въ Будищахъ; и смотритель правъ, считая полуверстную греблю за 20 верстъ.

Напившись чаю и хотя не совсѣмъ плотно закусивши, мы тронулись въ дорогу. При выѣздѣ изъ Лысянки мы со всею осторожностію въѣхали на греблю и завязли, что называется, по самыя уши въ грязи. Тутъ пришлось намъ въ первый разъ употребить въ дѣло воловъ. Это было заключеніе и безъ того монотонно длиннаго спектакля. Я выкарабкался кое какъ съ телѣги на близъ стоящую развѣсистую вербу, потомъ спустился на землю и сторонкой, выдѣлывая чрезъ лужайки антраша, перебрался черезъ греблю, а немного отдохнувши, поднялся на гору и тамъ, у памятника на жидовскомъ кладбищѣ, расположился отдохнуть. Лысянка передо мною, какъ на ладони, красовалась. Всѣ жидовскія лачуги можно было пересчитать, а христіанскія нельзя, потому что онѣ закрыты темными, еще обнаженными садами. Долго я искалъ глазами въ этомъ лѣсу грушъ и яблонь, давно и хорошо знакомый мнѣ домикъ отца діакона Ефрема, у котораго я давно когда то бралъ первые уроки не рисованія, а прямо живописи. Отецъ Ефремъ,

чтобы испытать, есть ли у меня способность къ этому хитрому дѣлу, заставилъ меня на листѣ желѣза тереть какую то чернобурую краску. Я не выдержалъ испытанія и на другой же день показалъ пяты отцу діакону. Многое переиспыталъ я послѣ этого перваго урока, но ничто такъ не врѣзалось въ моей памяти, какъ это первое наивное испытаніе. Но перейдемъ лучше къ чему нибудь другому, пока волы вытащатъ изъ грязи телѣгу съ Трохимомъ.

Мѣстечко Лысянка имѣетъ важное значеніе въ исторіи Малороссіи. Это родина отца знаменитаго Зиновія Богдана Хмельницкаго, Михайла Хмиля. И еще замѣчательна, если вѣрить туземнымъ старикамъ, своей вечерней, не хуже сицилійской вечерни, которую служилъ здѣсь ляхамъ и жидамъ Максимъ Желѣзнякъ въ 1768 г. Да если считать всѣ подобныя событія, не достойныя памяти человѣка, замѣчательными, то не только какая нибудь Лысянка, каждое село, каждый шагъ земли будетъ замѣчателенъ въ Малороссіи, особенно по правую сторону Днѣпра. Въ чемъ другомъ, а въ этомъ отношеніи мои покойные земляки ничуть не уступали любой европейской націи, а въ 1768 году Варѳоломеевскую ночь и даже первую французскую революцію перещеголяли. Одно, въ чемъ они разнились отъ европейцевъ: у нихъ всѣ эти кровавыя трагедіи были дѣломъ всей націи и никогда не разыгрывались по волѣ одного какого нибудь пройдохи, въ родѣ Екатерины Медичи, что допускали нерѣдко у себя западные либералы.

Наконецъ смѣшная и скучная процессія съ телѣгой была кончена. Я полтинникомъ поблагодарилъ угрюмаго мужика, а выпачканнаго грязью мальчугана, его усерднаго сотрудника, поощрилъ гривною мѣди и благополучно усѣвшись въ телѣгѣ, продолжалъ финальный актъ монотонної комедіи, т. е. послѣднія версты моей безтолковой поѣздки.

Трохимъ мой хотя и не знахарь, а будущее опредѣляетъ не хуже любаго знахаря. Во время самого обѣда телѣга наша остановилась передъ домомъ моего гостепріимнаго родича. Встрѣтилъ онъ меня на крыльцѣ съ салфеткою въ рукѣ, а кузина въ столовой съ озабоченнымъ лицемъ и съ выпачканнымъ въ мукѣ носомъ; это значило, что куличи въ печкѣ и еще не поднялись до опредѣленной высоты, этотъ важный процессъ еще не свершился и своей томительной неизвѣстностью тревожилъ заботливую хозяйку. Я

только такъ догадывался и, разумѣется, не безъ основанія. Страстная недѣля уже была на исходѣ, а въ эти дни, извѣстно, чѣмъ бѣлятся и румянятся усердныя ученицы професорши Авдѣевой.

Подобно Чацкому, который, какъ выразился безсмертный поэтъ, попалъ съ корабля на балъ, и я съ телѣги да прямо за столъ, и еще чуть-чуть не въ непромокаемомъ плащѣ и калошахъ.

Два раза съ извиненіями хозяйка вставала изъ-за стола и куда то на минуту выходила, и опять возвращалась, храня глубокое молчаніе. Въ третій разъ она уже и не извиняясь оставила насъ за столомъ, промедлила минутой болѣе, чѣмъ въ первыя отсутствія, и возвратилась съ сіяющимъ лицемъ и съ умытымъ носомъ. Значитъ, великій химическій процессъ совершился къ общему въ домѣ благополучію. Слава Богу! Теперь только посыпались вопросы и распросы о Кіевѣ, о роднѣ, о знакомыхъ, о пріятеляхъ и пріятельницахъ и наконецъ о монахахъ. Я отвѣчалъ, какъ попало; меня занималъ рычагъ, которымъ была двинута моя неподвижная кузина на такую необыкновенную дѣятельность. Рычагъ этотъ ничего больше, какъ крошечное тщеславіе: ей захотѣлось блеснуть, что называется, своими куличами передъ необразованными провинціалами,—такъ обыкновенно называла она своихъ сосѣдокъ. Къ концу обѣда и я немного поразмялся, передалъ, разумѣется, съ безукоризненной точностью, глубочайшіе поклоны моимъ родичамъ. Сообщивъ имъ новорожденныя свѣженькія городскія сплетни, я въ заключеніе разсказалъ про дормезъ и заключенную въ немъ красавицу, про встрѣчу мою съ ротмистромъ Курнатовскимъ и наконецъ про старую дуэнью, которая такъ невѣжливо распорядилась моимъ чаемъ.

— Такъ онъ теперь только возвращается съ контрактовъ? воскликнула хозяйка. А хозяинъ однотонно прибавилъ:

— Это нашъ хорошій сосѣдъ по имѣнію.

— И во всѣхъ отношеніяхъ прекраснѣйшій человѣкъ, жаль только что онъ рано оставилъ службу, а съ такимъ состояніемъ, какъ онъ имѣетъ, можно бы далеко уйти. Настоящій кавалеристъ! прибавила хозяйка не равнодушно.

— А кто такая эта молодая красавица, что съ нимъ путешествуетъ? спросилъ я, обращаясь къ ней.

Ее замѣтно сконфузилъ мой вопросъ: она замялась, покраснѣла, быстро встала изъ-за стола и побѣжала въ пекарню. Я посмотрѣлъ въ слѣдъ удалявшейся хозяйки и хотѣлъ обратиться съ такимъ же вопросомъ къ хозяину. Но увы! родичъ мой почти спалъ съ недопитымъ стаканомъ сливянки въ рукѣ. Постный обѣдъ возымѣлъ свое дѣйствіе. Онъ безсмысленно взглянулъ на меня, и мы молча встали изъ-за стола, пожали другъ другу руки и разстались, проговоривши: до свиданія! Что же значитъ мой вопросъ о путешествующей красавицѣ, отъ котораго моя не весьма конфузная кузина такъ сконфузилась? Тутъ что-то интересное кроется, а что именно, извѣстно одному Аллаху и навѣрное моей кузинѣ. А когда извѣстно ей, значитъ извѣстно всѣмъ и всякому, кромѣ меня; но я постараюсь открыть этотъ таинственный ларчикъ. А для чего? И на этомъ серьезномъ вопросѣ я заснулъ на уготованномъ мнѣ ложѣ, въ такъ называемомъ флигелѣ, въ квартирѣ № 1.

Квартира № 1 изъ небольшой одной комнаты съ узенькимъ, въ родѣ готическаго, окномъ. Гдѣ же я помѣщу своего Трохима?— это былъ первый вопросъ, представившійся мнѣ, когда я проснулся и осмотрѣлъ мою временную обитель. Въ этой каморкѣ невозможно: здѣсь и одному тѣсно, а онъ у меня, какъ истинный хохолъ, любитъ развернуться, ему необходимъ просторъ. Гдѣ же мнѣ его помѣстить? Оставить его на произволъ самого себя невозможно. Онъ пожалуй пріютится у лѣнивой и избалованной дворни, и чрезъ недѣлю я своего Трохима не узнаю. Нѣтъ, это непозволительно и грѣшно даже. Онъ, не знаю, что впередъ будетъ, а въ настоящее время чистъ и непороченъ, какъ новорожденное дитя, и по наивно оригинальному характеру своему нисколько не подходитъ къ категоріи лакеевъ, а тѣмъ болѣе крѣпостныхъ лакеевъ.

Хотя онъ, т. е. Трохимъ и не первокласная фигура на изображаемой мною картинѣ, но по своей оригинальности требующая нѣкоторой отдѣлки, а тѣмъ болѣе, что я далъ слово читателю очертить его съ нѣкоторыми подробностями. А у меня слово законъ, и я теперь намѣренъ сдѣлать два дѣла за однимъ присѣстомъ: исполнить законъ и пополнить пробѣлъ сегодняшняго дня, т. е. дня прибытія моего къ родичамъ.

Породою своею Трохимъ не принадлежитъ къ слоямъ высшаго круга людей. Онъ просто сынъ кіевскаго мѣщанина, и когда я взялъ

его къ себѣ въ жокеи, то онъ большею частію лежалъ на ларѣ въ передней, но не спалъ, а глубокомысленно смотрѣлъ въ потолокъ. Чтобы перемѣнить родъ его занятія и предохранить отъ скорбута, я принялся учить его русской грамотѣ. Лѣнивый мальчуганъ сверхъ ожиданія оказался прилеженъ и чрезвычайно понятливъ. Въ продолженіи мѣсяца онъ началъ читать гражданской печати книгу не хуже своего учителя, т. е. меня. Выучивши грамотѣ Трохима, я успокоился на счетъ скорбута и его умственнаго застоя. Прошло нѣсколько времени, я замѣчаю, что Трохимъ мой опять потолкомъ любуется, какъ будто онъ совершенно неграмотный.

— Что же ты не возьмешь какую нибудь книгу и не читаешь? сказалъ я ему однажды.

— Я не хочу читать ваши книги, отвѣчалъ онъ, вставая съ ларя. Они всѣ толстыя, ихъ и въ годъ не прочитаешь, да и непонятныя.

Резонъ, подумалъ я, и въ видѣ пробы его вкуса и понятія, далъ ему полтинникъ и послалъ его въ книжную лавку Должикова купить себѣ книгу по своему нраву.

Ушелъ Трохимъ мой и пропалъ; мнѣ нужно было выйти со двора, а квартиру не на кого оставить. Я сердился, но это не помогло. Онъ возвратился уже въ сумерки. Я противъ обыкновенія моего спросилъ его сердито, гдѣ онъ пропадалъ во весь день.

— Та все на Подолѣ, отвѣчалъ онъ, какъ ни въ чемъ не бывало.— Тамъ все про войну говорили, такъ я и слушалъ, прибавилъ онъ, вынимая изъ кармана книги.

Въ это время наши войска блокировали Силистрію, меня подстрекнуло любопытство спросить Трохима, что же онъ слышалъ о войнѣ.

— Я ничего не слышалъ, потому что далеко стоялъ, сказалъ онъ, и подавая мнѣ книги прибавилъ:

— Посмотрите-ка, какое я себѣ добро купилъ.

Я чуть не захохоталъ на его отвѣтъ о войнѣ. Книги на меня произвели такое же дѣйствіе. Одна изъ нихъ была какая-то физика временъ Екатерины II съ чертежами, а другая, на синей, толстой бумагѣ, переписка той-же Екатерины II-й съ Вольтеромъ. Пропали мои труды и деньги, подумалъ я и, отдавая книги, спросилъ его, для чего онъ накупилъ себѣ этой дряни. Вопросъ мой озадачилъ его, но онъ тутъ-же оправился.

— Не дрянь, сказалъ онъ, развертывая переписку фернейскаго мудреца; вы только пощупайте бумагу, просто лубокъ. Не только на мой вѣкъ, и дѣтямъ и внукамъ достанетъ такой дебелой книги.

— Хорошо, сказалъ я: ну, а другую книгу кому ты послѣ себя оставишь?

— Это ничего, что въ ней листы немного потоньше, за то она съ кунштами.

И минуту спустя, спросилъ онъ меня:

— А вы мнѣ будете разсказывать, что значатъ эти кунштьі?

— Лучше закажи ты завтра столяру липовую таблицу (доску), разведи въ чемъ нибудь мѣлу и принимайся писать, выучишься писать, тогда я и разскажу тебѣ, что значать эти картины,—сказалъ я ему и велѣлъ ставить самоваръ.

На другой день Трохимъ принялся за каллиграфію и также быстро постигъ тайну сего изобразительнаго искусства, какъ и тайну букваря. Исписавши дести двѣ бумаги, онъ сталъ записывать довольно красиво и четко мелочной расходъ и переписывать пѣсни изъ московскаго пѣсенника, который достался ему отъ отца и лежалъ до сихъ поръ въ сундукѣ безъ всякаго употребленія.

Нужно мнѣ было съѣздить въ Каменецъ-Подольскій, я и Трохима взялъ съ собой, а чтобы занять его чѣмъ нибудь въ дорогѣ, далъ ему чистую тетрадку и велѣлъ записывать все, что случится во время дороги, начиная съ названія почтовыхъ станцій, селъ, городовъ и рѣкъ. Я былъ доволенъ моей выдумкой. Но кто проникнетъ зрячимъ окомъ непроницаемую тьму грядущаго?—со вздохомъ долженъ былъ я сказать впослѣдствіи.

Возвратясь изъ путешествія, я, какъ порядочный хозяинъ, велѣлъ Трохиму показать мнѣ вещи, которыя браты были въ дорогу. Увы! чемоданъ былъ на половину опорожненъ.

— А гдѣ-же такія и такія-то вещи? спросилъ я Трохима.

— А Богъ ихъ знаетъ, отвѣчалъ онъ спокойно.

— Хорошій-же ты слуга! А я еще, какъ доброму, *словутку* купилъ. Чего-же ты смотрѣлъ въ дорогѣ? прибавилъ я съ досадой.

— Я все смотрѣлъ, что мнѣ нужно было записывать въ тетрадку. Вы-же сами приказали, сказалъ онъ съ упрекомъ.

Онъ былъ совершенно правъ, а я кругомъ виноватъ. Заставить лакея журналъ вести—глупо, оригинально глупо!

— Покажи-же мнѣ свою тетрадку, сказалъ я Трохиму; я посмотрю, что ты тамъ записывалъ.

Онъ вынулъ изъ кармана запачканую тетрадку и самодовольно подалъ мнѣ свое произведеніе. Манускриптъ начинался такъ:

До свѣта рано выѣхали мы изъ Кіева и на десятой верстѣ передъ уѣзднымъ трактиромъ остановились, спросили у горбатаго трактирщика рюмку лимоновки, кусочекъ бублика и поѣхали дальше.

Того-же дня и часа, станція Вита. Пока запрягали кони, я сидѣлъ на чемоданѣ, а они, т. е. я, сидѣли на рундуку, пили сливянку и съ курчавою жидовкою *жартовали*.

— Ты слишкомъ въ подробности вдаешься, сказалъ я ему, отдавая тетрадку; спрячь ее, въ другой разъ я дочитаю. И почесавши затылокъ, пошелъ къ портному и заказалъ новое платье вмѣсто растеряннаго въ дорогѣ. Съ тѣхъ поръ я уже не заставляю Трохима вести путевыя записки.

Оригиналъ порядочный мой Трохимъ, но что въ особенности мнѣ въ немъ нравится, такъ это отсутствіе малѣйшей лакейской способности.

VI.

Постный обѣдъ, а въ особенности постный борщъ, который едва-ли ѣдалъ и самъ великій знатокъ и сочинитель борщей гетманъ Скоропадскій, такъ на меня подѣйствовалъ, что я, проснувшись послѣ этого постнаго обѣда, часа два по крайней мѣрѣ лежалъ, что называется, пластомъ. Самъ Лукуллъ не доказалъ-бы такой удали. Лѣнь пальцемъ пошевелить; чувствую, что начинаетъ темнѣть въ комнатѣ, а лѣнь на окно взглянуть. Такого роду припадокъ можетъ случиться только въ деревнѣ, и то послѣ постнаго обѣда. Принимался я думать о моемъ матросѣ, куда тебѣ, и чепуха даже въ голову не лѣзетъ. Просто оцѣпененіе моральное и физическое. Пришелъ Трохимъ, постоялъ у дверей, посмотрѣли мы молча минутъ пять другъ на друга, и на томъ кончилось наше свиданіе. Я хотѣлъ было посовѣтоваться съ нимъ на счетъ помѣщенія, но рѣшительно не могъ. Что-бы подумалъ честный, аккуратный, или лучше сказать умѣренный нѣмецъ, если-бы прочиталъ сіе простодушное сказаніе? Варваръ, подумалъ-бы умѣренный нѣмецъ. А будь у нѣмцевъ такой постный борщъ, какъ у насъ пра-

вославныхъ, то и нѣмецъ-бы не въ силахъ былъ ничего подумать, а только сказалъ-бы, что все это въ порядкѣ вещей.

Въ комнатѣ едва можно было уже различать предметы, а я все еще находился подъ вліяніемъ великопостнаго обѣда и былъ, какъ-бы сказалъ крючкодѣй минувшихъ дней, нѣмъ, аки рыба, и недвижимъ, аки клада. Что-же вывело меня изъ этого полусуществованія? Никто, и даже самъ знахарь не отгадаетъ! За стѣной во второмъ номерѣ раздался молодой женскій голосъ. Я вздрогнулъ, какъ будто чего испугался. Оправившись, я приложилъ ухо къ стѣнѣ, или правильнѣе къ перегородкѣ и только сталъ вслушиваться въ волшебные звуки, какъ вошелъ въ комнату оборванный запачканый козачекъ и именемъ барыни просилъ меня въ покои кушать чай. Не успѣлъ я сказать ему, что приду, какъ вошелъ Трохимъ съ фонаремъ въ рукахъ, это меня окончательно уже поставило на ноги.

— А знаете, кто пріѣхалъ къ намъ въ гости? спросилъ меня Трохимъ, ставя фонарь па столъ.

— Не знаю, отвѣчалъ я, стараясь быть равнодушнымъ.

— Берлинъ, что мы оставили на дорогѣ, сказалъ онъ просто, а не таинственно, какъ-бы слѣдовало.

— Не можетъ быть! ты ошибаешься, сказалъ я, торопливо одѣваясь. Онъ молча взглянулъ на меня, какъ бы говоря: развѣ я могу ошибаться?

Я одѣлся тщательнѣе обыкновеннаго и вышелъ на дворъ. Среди двора темнѣло что-то въ родѣ экипажа; я подошелъ поближе, дѣйствительно это былъ знакомый мнѣ дормезъ. Не вѣря собственнымъ глазамъ, я пощупалъ рессору, замаралъ грязью руку и медленно, въ ожиданіи чего-то необыкновеннаго, пошелъ въ домъ.

Растворяя дверь, услышалъ я знакомый мнѣ хриплый басъ и потомъ такой-же хохотъ ротмистра Курнатовскаго. Весьма не смѣло взошелъ я въ гостиную и остановился въ изумленіи; за чайнымъ столомъ сидѣла одна хозяйка и никого больше изъ нѣжнаго пола. Поклонившись хозяйкѣ и поздоровавшись съ ротмистромъ, какъ съ старымъ знакомымъ, я противъ воли заглянулъ въ другую комнату; хозяйка это замѣтила, немного поморщилась и предложила мнѣ стулъ. Я, какъ провинившійся, но уже прощенный школьникъ, сѣлъ осторожно на стулъ и молча все время сидѣлъ. Хозяйка не-

обыкновенно была любезна съ ротмистромъ и совершенно не по свѣтски позволяла трунить надъ моею задумчивостію; мнѣ это не понравилось, и я, тоже не по свѣтски, взялъ стаканъ чаю и вышелъ въ другую комнату. Тутъ я нашелъ еще не совсѣмъ проснувшагося хозяина, глотавшаго постные сухари съ чаемъ. Не только умѣренный нѣмецъ, но и рыжій Джонъ-Буль сталъ-бы въ тупикъ, увидя, какъ уплеталъ мой едва проснувшійся родичъ сухари съ чаемъ послѣ такого гомерическаго обѣда, какой мы съ нимъ уходили. На меня однако-же это курьезное явленіе не произвело должнаго впечатлѣнія. Я былъ погруженъ въ вопросъ, куда дѣвалась непостижимая красавица. Загадка, таинственный сфинксъ для меня эта обитательница подвижнаго терема; а можетъ быть, она и теперь, какъ заколдованная, спитъ въ своемъ теремѣ? Гдѣ-же ея старая спутница? Опять сфинксъ! Но этотъ послѣдній если и останется не разгаданнымъ, то мы съ читателемъ не много потеряемъ. А первый необходимо разгадать. Я вспомнилъ женскій тоненькій голосокъ, слышанный мною изъ-за стѣны и, грѣшный человѣкъ, подумалъ, какъ-бы теперь кстати была замочная скважина. Прочь недостойная мысль! Я порядочный человѣкъ и съ препорядочной лысиной, а не гусаръ и не Донъ-Жуанъ какой нибудь. Ну, что-жъ что красавица? И моя кузина красавица, да чортъ-ли въ ней. Она вѣрно теперь кокетничаетъ передъ зеркаломъ, натѣшится досыта, одѣнется, и она-же къ намъ придетъ, а не мы къ ней.

И чай уже убрали со стола, и хозяйка вышла въ темную столовую со своимъ дорогимъ гостемъ, а красавица не являлась. Вѣрно она нашла себя не авантажной съ дороги и сказалась больной. Завтра все объяснится. Я хотѣлъ уже идти въ свою келію, но нашелъ это невѣжливымъ и остался.

Хозяйка громко хохотала съ своимъ дорогимъ кавалеристомъ въ темной столовой и говорила про какую-то мадамъ Прехтель, которая, по ея словамъ, вся позеленѣетъ отъ зависти, когда увидитъ ея геніальные куличи.

— И по дѣломъ, не скромничай, не секретничай! сказала она, укротивъ свой голосокъ, настолько однако-жъ, что я изъ третьей комнаты могъ слышать всѣ ея слова.—Сегодня я послала ей подарокъ, живаго барашка. Вѣжливость, ничего больше! И между прочимъ велѣла своей посланницѣ хоть мимоходомъ взглянуть на

ея произведенія,—я говорю о куличахъ. Она вѣдь полька, а польки, вы знаете, геніальны на эти вещи. Мнѣ хотѣлось имѣть хотя отдаленное понятіе о высотѣ ея произведеній. Вообразите-же вѣжливость мадамъ Прехтель! И на дворъ не пустила мою женщину, за воротами встрѣтила и приняла мой подарокъ; настоящая свѣтская женщина!

— Сама? За ворота? По этой грязи? спросилъ съ разстановкой изумленный ротмистръ и во все горло захохоталъ.

— А какъ-бы вы думали? взаимно спросила восторженная ораторша.

— Это ужасно! воскликнулъ вѣжливый слушатель, и довольные другъ другомъ, они возвратились въ гостиную.

— Кухарка ты, кухарка, моя милая кузина! подумалъ я, да и кухарка то еще сомнительная! За то несомнѣнная сплетница.

Въ гостиной они помѣстились на чемъ-то въ родѣ кушетки домашняго издѣлія, и помѣстились такъ близко другъ къ другу, какъ только помѣщаются кумъ съ кумою. Гость, опустя на грудь свои щетинные усы, глубокомысленно погрузился въ созерцаніе одной изъ замысловатыхъ пуговицъ на своей венгеркѣ, напоминавшей ему о недавно минувшихъ попойкахъ и о прочихъ гусарскихъ подвигахъ. А гостепріимная хозяйка, положа свою полную, до плеча обнаженную бѣлую руку на осмиугольный столикъ, тоже домашняго издѣлія, съ нѣмымъ участіемъ смотрѣла на увы! недавно бывшаго гусара.

Не только я, самъ почтеннѣйшій родичъ мой любовался этимъ живымъ изображеніемъ самой нелицемѣрной дружбы.

Глубокая тишина была нарушена глубокимъ вздохомъ хозяйки, потомъ продолжительнымъ ахъ... да... и быстро обращеннымъ вопросомъ къ бывшему гусару.

— Правда-ли... намъ привезъ эту милую новость одинъ нашъ хорошій пріятель,—она взглянула искоса на меня,—будто-бы эполеты уничтожаютъ. Это не сбыточно! Я скорѣе повѣрю пришествію жидовскаго Мессіи, чѣмъ этой нелѣпой баснѣ!

— И я тоже, сказалъ бывшій гусаръ.

— И я тоже, отозвался полуспящій хозяинъ.

— Да съ чѣмъ-же это сообразно! подхватила неистово хозяйка. Да тогда ни одна порядочная дѣвица замужъ не выйдетъ, всѣ

останутся въ дѣвкахъ; развѣ какая нибудь...

Что она еще хотѣла сказать, не знаю.

— А скажите, прервалъ ротмистръ, обращаясь къ негодующей заступницѣ эполетъ, какой тогда порядочный человѣкъ вступитъ въ военную службу? Какая перспектива для порядочнаго человѣка? Что за карьера для порядочнаго человѣка? Рѣшительный вздоръ! И кто васъ одолжилъ этой безсмыслицей? Не изъ Кириловскаго-ли монастыря (домъ умалишенныхъ въ Кіевѣ) вырвался вашъ хорошій пріятель?—скажите Бога ради, это чрезвычайно любопытно.

Кузина съ торжествующей улыбкой взглянула на своего уничтоженнаго врага, т. е. на меня, а простодушный мой родичъ, тотъ просто показалъ на меня пальцемъ и воскликнулъ: вотъ онъ!

— Хватили-же вы, батюшка, шиломъ патоки! сказалъ популярно бывшій гусаръ, обращаясь ко мнѣ, забывшись, что онъ свѣтскій человѣкъ. Такъ велико было торжество его! А я, какъ блокированная со всѣхъ сторонъ крѣпость, чтобы не раздражить напраснымъ сопротивленіемъ сильнаго непріятеля, т. е. чтобы прекратить грубую пошлость, сдался на капитуляцію и сказалъ, что я пошутилъ.

— Хороша шутка! воскликнулъ неистово ротмистръ-ораторъ. Да знаете-ли вы чѣмъ пахнетъ эта пошлая шутка? Порохомъ, милостивый государь! Да, порохомъ! А если пойдетъ дальше, да выше, такъ пожалуй и Сибирью не отдѣлаетесь!

И переведя духъ, онъ продолжалъ:

— За такую шутку, сударь, вамъ каждый порядочный, и говорить нечего, каждый, сударь, офицеръ имѣетъ полное право предложить шутку поострѣе вашей,—я говорю о шпагѣ, понимаете? (Небольшня пауза). Хотя я теперь и не ношу этого благороднаго украшенія т. е. эполетъ, но случись это не въ вашемъ домѣ,—тутъ онъ обратился къ улыбающейся хозяйкѣ,—я первый готовъ предложить эту полюбовную сдѣлку!

И заложа руки въ карманы, ярый заступникъ благороднаго украшенія, гордо прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ, потомъ остановился передъ ликующей моей кузиною и, покручивая свои темнокрасные щенистые усы, сказалъ самодовольно.

— Въ нашъ просвѣщенный девятнадцатый вѣкъ (онъ грозно взглянулъ на меня, какъ-бы говоря: каково!) турки, персіяне, китайцы даже надѣли эполеты. А мы, кажется, не азіатскіе вар-

вары, а слава Богу европейцы, если не ошибаюсь. Не такъ-ли, madame?

Madame въ знакъ согласія кивнула головой и, хлопая рукою о тюфякъ кушетки, сказала: неугодно-ли? Оратору было угодно, и онъ подъ самымъ носомъ своей пріятельницы закурилъ темную огромную сигару и развалился, какъ только могъ, на узенькой кушеткѣ.

Я растерялся и не зналъ, что съ собою дѣлать. Я всегда вѣрилъ въ непритворное обожаніе эполетъ со стороны всѣхъ вообще красавицъ, а родственницы моей въ особенности; но такое шаманское поклоненіе мишурѣ я въ первый разъ увидѣлъ. Значитъ, я до этого вечера не встрѣчалъ ни истинной красавицы, ни истиннаго гусара; однако что же мнѣ теперь съ собою дѣлать? Доказывать осламъ, что они ослы, нужно самому быть хоть на половину осломъ; это неоспоримая истина. Что-же мнѣ предпринять? Взять шапку и уйдти въ свою свѣтлицу? Это было бы черезчуръ по родственному; однако-жъ я взялъ шапку въ руки и въ ожиданіи счастливой мысли, какъ застѣнчивый школьникъ передъ бойкими экзаменаторами, остановился у дверей, поворачивая въ рукахъ свою шапку, какъ будто бы допытываясь у ней отвѣта на бойко заданный вопросъ. Не думаю, что-бы это было сдѣлано съ умысломъ (на подобную вѣжливость ея не хватитъ), однако-жъ она сама, т. е. моя кузина, вывела меня изъ затруднительнаго положенія, перемѣнивши фронтъ: она открыла снова свирѣпый огонь, сначала по взводно, а потомъ всѣмъ дивизіономъ по беззащитной madame Прехтель. Эта іезуитка, какъ называетъ ее моя кузина, должна быть порядочная женщина, потому что кузина ее ненавидитъ. Я однако-жъ былъ доволенъ, что она хоть на порядочную женщину обратила свои ядовитыя стрѣлы и вывела меня изъ осады въ чистое поле.

Ободрился я и началъ подумывать о ретирадѣ, какъ подошелъ ко мнѣ хозяинъ, глупо улыбаясь, хлопнулъ меня по плечу и сказалъ:

— Что, братъ, попался! То-то же, пріятель, впередъ будь осторожнѣе съ подобными новостями, въ особенности... и понизя голосъ, онъ прибавилъ, съ кавалеристами, это народъ безпардонный!

— Теперь я и самъ вижу, что безпардонный, да вижу то поздно, сказалъ я ему шопотомъ, поблагодаривъ его за дружескій совѣтъ,

и обратился къ хозяйкѣ съ поклономъ и съ пожеланіемъ покойной ночи.

— А ужинать? сказала она.

— Никогда не ужинаю, сказалъ я и совралъ; за неимѣніемъ волчьяго или помѣщичьяго желудка я вынужденъ былъ на такую уловку.

— А какіе пирожки съ лукомъ и грибами! Просто геніальные! сказала она и сдѣлала мину самую гостепріимную.

Но я и отъ геніальныхъ пирожковъ отказался, на что свѣтскій кавалеристъ замѣтилъ мнѣ, что я препорядочный оригиналъ.

— Рѣшительный монахъ! сказалъ хозяинъ; а хозяйка, лѣниво подымаясь съ кушетки, съ самою очаровательною улыбкой едва внятно проговорила:

— Чудакъ! (т. е. дуракъ).

Отвѣсивъ по поклону за любезные эпитеты, я оставилъ своихъ остроумныхъ собесѣдниковъ и удалился въ свою мрачную келью.

VII.

Вошелъ я въ свою комнату и остановился у двери, чтобъ полюбоваться настоящей Рембрандтовской картиной. Трохимъ мой, положивъ крестообразно руки на раскрытую огромную книгу, а на руки голову, спалъ себѣ сномъ невозмутимымъ, едва, едва освѣщенный нагорѣвшей свѣчею, а окружающіе его предметы почти исчезали въ прозрачномъ мракѣ: чудное сочетаніе свѣта и тѣни разливалось по всей картинѣ. Долго я стоялъ на одномъ мѣстѣ, очарованный невыразимой прелестью гармоніи. Я боялся пошевелиться, даже дохнуть боялся. Какъ миражъ степной исчезаетъ при легчайшемъ вѣтеркѣ, такъ, казалось мнѣ тогда, исчезнетъ вся эта прелесть отъ моего дыханія.

Насладившись до усталости этой импровизированной картиной, я тихо подошелъ къ столу, съ сожалѣніемъ снялъ со свѣчи и разбудилъ Трохима. Спросонья онъ что-то бормоталъ; я спросилъ его: что ты говоришь? и онъ внятно и медленно прочиталъ:

— Глазъ есть органъ, служащій проводникомъ впечатлѣній свѣта.

— Что ты читаешь? спросилъ я его; онъ повторилъ ту-же самую фразу и тѣмъ-же тономъ. Я посмотрѣлъ ему въ лицо: глаза были

закрыты. Онъ спалъ. Я хотѣлъ испытать, можетъ-ли двигаться спящій челэвѣкъ, взялъ его за руку съ тѣмъ, чтобъ провести по комнатѣ, но онъ проснулся.

— Что ты видѣлъ во снѣ? спросилъ я его.

— Нашу квартиру въ Кіевѣ, отвѣчалъ онъ.

— А что ты во снѣ читалъ?

— Свою физику.

— А передъ сномъ что ты читалъ? спросилъ я опять Трохима, глядя на большую раскрытую книгу.

— Житіе и страданіе священномученика Евстафія Плакиды, отвѣчалъ онъ и, протирая глаза, прибавилъ, глядя на книгу:

— А я думалъ, что мы въ Таращѣ на станціи.

— Напрасно ты такъ думалъ, сказалъ я, раздѣваясь.

— Я самъ теперь вижу, что напрасно.

— Гдѣ-же ты досталъ такую большую книгу?

— У здѣшняго священника.

— Развѣ ты знакомъ съ нимъ?

— Я былъ сегодня у вечерни, познакомился и попросилъ для чтенія какую нибудь книгу; онъ и далъ мнѣ: «Житіе святыхъ отецъ», эту самую, прибавилъ Трохимъ, указывая на книгу.

— Это хорошо, что ты познакомился съ священникомъ, и хорошо, что досталъ себѣ такую святую книгу. А не узналъ-ли ты что нибудь о гостяхъ, пріѣхавшихъ въ берлинѣ? спросилъ я его какъ-бы случайно.

— Какъ-же, я все узналъ, отвѣчалъ онъ самоувѣренно; мнѣ все до ниточки разсказалъ ихъ высокій лакей.

Наконецъ-то я раскрылъ эту курьезно-таинственную завѣсу, подумалъ я и спросилъ Трохима, какъ-бы случайно, мимоходомъ:

— Что-же тебѣ до ниточки разсказалъ высокій лакей?

— Они поѣхали въ Кіевъ на контракты,—я весь превратился въ слухъ,—да тамъ и зазимовали. На середокрестной недѣлѣ отговѣлись въ лаврѣ, а на пятой выѣхали изъ Кіева. Въ Васильковѣ поставили свой берлинъ на колеса и, дождавшись грязи, поѣхали дальше.

— Для чего же они дожидались грязи и для чего она имъ понадобилась?

— Не знаю, такъ говорилъ лакей! отвѣчалъ простодушно Трохимъ и продолжалъ свой разсказъ.

— А сюда заѣхали для того, чтобы оставить свой берлинъ, пока хоть немного грязь подсохнетъ, потому что проселочной дорогой его съ мѣста не сдвинетъ и десять паръ воловъ, а имъ завтра нужно быть дома; они гдѣ-то недалеко живутъ; забылъ, какъ онъ называлъ свое село. Здѣсь они завтра пересядутъ въ бричку и въ ней уже поѣдутъ въ свое село.

— Да! чуть-было не забылъ, сказалъ Трохимъ и остановился (теперь-то, подумалъ я, польется все эссенція разсказа).—Самъ панъ верхомъ поѣдетъ. а въ бричкѣ только онѣ.

— Кто онѣ? спросилъ я съ нетерпѣніемъ.

— Лакей съ барынями, сказалъ онъ спокойно и, отойдя въ уголъ, сталъ развертывать и разстилать свою постель.

— А что же дальше? спросилъ я его съ досадой.

— Ничего, отвѣчалъ онъ преспокойно.

— А кто же эта молодая панна и старуха, что ѣхали въ берлинѣ?

— Не знаю, я не спрашивалъ, отвѣчалъ Трохимъ тѣмъ же тономъ и, прочитавъ молитву: «Да воскреснетъ Богъ», перекрестилъ изголовье своей постели и легъ спать.

Я только посмотрѣлъ на него и ничего больше.

— Ловко же ты развѣдалъ все до ниточки, тебѣ только и служить у какого нибудь Донъ-Жуана, а не у меня, подумалъ я, раздѣваясь и слѣдуя его благоразумному примѣру.

За стѣнкою было совершенно тихо. Мнѣ не спалось. Что же я буду дѣлать? Кстати вспомнилъ я о Морскомъ Сборникѣ и, доставши изъ чемодана № 1, принялся перелистывать. На реестрѣ увѣчныхъ бѣдняковъ, какъ на чемъ то трогательно-привлекательномъ, я остановился. Долго не могъ я отвести глазъ отъ этаго завѣтнаго реестра, или лучше сказать отъ моего героя великодушнаго матроса. Я уже начиналъ чувствовать обаяніе дремоты, хотѣлъ уже положить книгу и погасить огонь, но мнѣ жаль было разстаться съ прозрачнымъ полумракомъ, образовавшимся отъ нагорѣвшей свѣчи. Я началъ ощущать удивительно пріятную середину между сномъ и бдѣніемъ. Въ гармоническомъ полумракѣ я искалъ воображеніемъ и почти съ закрытыми глазами какого нибудь хотя слабо освѣщеннаго предмета, на чемъ бы оста-

новить погасающее зрѣніе. Мракъ становился гуще и свѣтъ слобѣе. Рѣсницы мои тихо сближались между собою и наконецъ сомкнулись. Мракъ сдѣлался прозрачнѣй и свѣтлѣе, а въ глубинѣ этаго синевато-блѣднаго полусвѣта едва видимо образовался темный, широкій, ровный, какъ по линейкѣ очерченный горизонтъ, за горизонтомъ тихо, медленно началъ являться слабый розовый свѣтъ, и, усиливаясь, принималъ какой-то сѣро-мрачный тонъ. Горизонтъ потемнѣлъ и издавалъ гулъ на подобіе сосноваго бора. Я превратился въ слухъ и зрѣніе. Еще минута, гулъ сдѣлался слышнѣе, а горизонтъ темнѣе. Еще минута, и я уже слышалъ не неопредѣленный гулъ, а страшный крикъ какого-то чудовища. Свѣтъ усиливался и принималъ сѣровато-млечной колоритъ. Изъ за темнаго, необозримаго горизонта безконечною стѣною съ огромными фантастическими куполами медленно подымались тучи. Подымаясь выше и выше, онѣ теряли свои колоссальныя причудливыя формы и обращались въ темно-сѣрую массу нескончаемаго пространства. Надъ горизонтомъ становилось свѣтлѣе и тихо, едва замѣтно-тихо, какъ-бы изъ самаго горизонта подымался огромный бѣловато-серебристый шаръ, только однимъ абрисомъ похожій на солнце. Свѣтъ проникъ повсюду и окончилъ прекрасно-страшную картину моря, подъ названіемъ «Прологъ ужасной бури». Блѣдный шаръ подымался выше и выше и становился блѣднѣе и блѣднѣе, наконецъ какъ бы растопился и исчезъ въ млечно-сѣрой массѣ. Буря, какъ милліоны невидимыхъ чудовищъ, ревѣла на просторѣ. На фонѣ темныхъ тучъ блестѣли стаями бѣлые мартины, а на бѣлыхъ скалахъ длиными вереницами усѣлись, какъ любопытные зрители, черные бакланы. Ревъ бури спустился какъ будто бы тономъ ниже и сталъ ослабѣвать, какъ усердный басъ въ концѣ обѣдни. Въ густой и тихой октавѣ бури мнѣ послышалась грустно-заунывная мелодія нашей народной думы, думы объ Алексѣѣ пирятинскомъ поповичѣ. Мелодія сдѣлалась слышнѣе, слова внятнѣе и такъ наконецъ внятны, что я могъ вторить поющему и голосомъ и словами. И я вторилъ слѣдующіе стихи:

На мори синему, на камени билому
Ясный соколъ квилыть прокквиляе,
На синее море пилно поглядае,
Зъ моря добычи выжидае, выглядае.

Мелодія, которой я началъ вторить, переходитъ въ речитативъ и медленно стихаетъ, какъ безнадежные стоны одинoко умирающаго страдальца, наконецъ и речитативъ умолкъ. А изъ за огромной бѣлой скалы на прибрежный влажный песокъ выходитъ Трохимъ и ведетъ за собою высокаго, согбеннаго, съ бѣлою, какъ снѣгъ, бородою слѣпаго старца въ синемъ кафтанѣ и въ черной высокой бараньей шапкѣ. Въ правой рѣкѣ у старика длинный посохъ, лѣвой рукой придерживаетъ онъ что-то похожее на ящикъ, покрытое полою длиннаго кафтана. Это непремѣнно *лирныкъ*, либо *кабзаръ*. Да гдѣ же могъ встрѣтить Трохимъ въ такіе дни божьяго человѣка?—такъ спрашивалъ я самъ себя.—Знаетъ лукавецъ что мнѣ нужно, выкопалъ таки, не смотря и на страстную пятницу. Когда я сталъ пристальнѣе всматриваться, то и увидѣлъ, что это былъ не *лирныкъ* и не *кабзаръ*, а шотландскій королевскій нищій, такъ живо описанный Вальтеръ-Скоттомъ въ его «Антикваріѣ». Какимъ же чудомъ, опять я спрашиваю самъ себя, принесло изъ Шотландіи въ Будища королевскаго нищаго, да и за чѣмъ? Развѣ въ плѣнъ попался какъ нибудь подъ Севастополемъ? Вѣдь англичане народъ оргинальный: они на войнѣ не чуждаются домашняго комфорта. Я однако-жъ ошибался,—это былъ настоящій *лирныкъ*. Онъ сѣлъ у самаго дормеза, положилъ лиру на колѣни и началъ ее строить, а Трохимъ нагнувшись шепчетъ ему на ухо: про *Ивася Коновченка* заспивайте, дядюшка. Старикъ тихо кивнулъ головою, повернулъ колесо лиры, проигралъ прелюдію и началъ речитативомъ заунывную рапсодію про славнаго лыцаря Ивана Коновченка. Окно, т. е. стекло дверецъ дормеза опустилось, зеленая шторка поднялась и въ окнѣ показалась чудной невыразимой красоты женская головка, съ большими карими глазами, немножко заспанными.

Я вздрогнулъ и проснулся. Въ комнатѣ уже сѣрѣло и страшно воняло погасшей сальной свѣчкой, я наскоро надѣлъ сапоги, плащъ, фуражку и вышелъ на дворъ. Весеннее утро сіяло во всей своей прелести, изъ воротъ въ поле потянулась бричка съ двумя пассажирками, сопровождаемыми всадникомъ въ венгеркѣ и въ затѣйливомъ картузѣ.

— Это онѣ, непремѣнно онѣ, подумалъ я, глядя на удаляющуюся бричку. Прощай, лукавая надежда! прошепталъ я и пошелъ на встрѣчу уже бодрствующему хозяину.

После словесныхъ и ручныхъ привѣтствій онъ предложилъ мнѣ прогулку въ паркѣ,—такъ называлъ онъ небольшой ольховый и дубовый лѣсокъ, перерѣзанный узкою, аршина въ три, просѣкою, именуемой большой аллеею. Балансируя по намощеннымъ доскамъ, кое-какъ добрались мы до калитки, такъ называемой арки. Аллея была суха и даже посыпана толченымъ кирпичемъ, но по причинѣ ея убогой широты и необрѣзанныхъ вѣтвей, мы не могли идти рука объ рука, а прогуливались гуськомъ, а слѣдовательно не могли завести разговора даже о погодѣ. И такъ хозяинъ мой молчалъ, а я краснорѣчиво слушалъ и, слушая его мудрое молчаніе, думалъ; сначала думалъ я о таинствевной красавицѣ, потомъ о моемъ героѣ матросѣ, а потомъ о томъ, что я видѣлъ во снѣ прошлую ночь—море, буря, все это мимо, думы мои остановились на лирникѣ. Сонъ въ руку, какъ говорится. Я искалъ рукавицъ, а онѣ за поясомъ торчатъ; я искалъ образца для своего будущаго произведенія и искалъ чортъ знаетъ гдѣ; перебралъ въ памяти литературы всѣхъ образованныхъ и древнихъ и новыхъ народовъ, кромѣ литературы санскритской и своей возлюбленной родной. Чудаки мы, въ томъ числѣ и я!

Недавно кто-то печатно сравнивалъ наши, т. е. малороссійскія историческія думы съ рапсодіями хіосскаго слѣпца, праотца эпической поэзіи. Я смѣялся такому высокомѣрному сравненію, а теперь какъ разобралъ, да разжевалъ, такъ и чувствую, что сравниватель правъ, и съ своей стороны я готовъ даже увеличить его сравненія. Я читалъ, разумѣется, въ переводѣ Гнѣдича и вычиталъ, что у Гомера ничего нѣтъ похожаго на наши историческія думы-эпопеи, какъ напримѣръ дума *Иванъ Коновченко*, *Сава Чалый*, *Алексѣй поповичъ пирятинскій*, или *Побѣгъ трехъ братьевъ изъ Азова*, или *Самойло Кишка*, или, или,—да ихъ и не перечтешь. И всѣ онѣ такъ возвышенно просты и прекрасны, что если бы воскресъ слѣпецъ хіосскій да прослушалъ хоть одну изъ нихъ отъ такого же, какъ и самъ онъ, слѣпца кобзаря или лирника, то разбилъ бы въ дребезги свое лукошко, называемое лирой, и поступилъ бы въ *михоноши* къ самому бѣдному нашему *лирнику*, называвшему себя публично старымъ дурнемъ. Увы! теперь я себя такъ назвать долженъ, во первыхъ за то, что хотѣлъ подражать, а во вторыхъ за то, что не зналъ, кому подражать. А гдѣ причина

этой несамознательности? Извѣстно гдѣ, въ школѣ. Въ школѣ насъ всему, совершенно всему научать, кромѣ пониманія своего милаго роднаго слова. О школа, школа! какъ бы тебя скорѣе перешколить. Я знаю, какъ это сдѣлать, только не знаю, какъ бы сдѣлать это такъ, чтобы кузина моя не пронюхала о моемъ замысловатомъ проэктѣ. Она тогда проклянетъ меня, потому что по смыслу этого хитраго проэкта ее, какъ мать, первую придется отвести въ школу, да еще и въ хорошую школу, а за нею и прочихъ на нее похожихъ матерей, а объ отцахъ и говорить нечего, въ особенности о моемъ родичѣ. Не правда-ли, глубокомысленный проэктъ?

Неблагодарный, скажетъ съ негодованіемъ благородный читатель. Ежели ты попралъ священныя узы родства и дружбы, то вспомнилъ бы вчерашній обѣдъ; вспомнилъ-бы, кому ты обязанъ гостепріимствомъ; вспомнилъ-бы, противъ кого ты ухищряешься, на кого ты руку подымаешь.—Нехорошо, самъ вижу, что нехорошо дѣлаю, что проэктъ мой хотя и удобоисполнимый, но суровый, безчеловѣчный! Но, увы, онъ одинъ единственный и необходимый.

Послѣ, нельзя сказать, пріятной, но, смѣло можно сказать, оригинальной прогулки по трехъ-аршинной просѣкѣ, хозяинъ предложилъ мнѣ еще прогулку по конюшнямъ и коровникамъ, недавно имъ воздвигнутымъ по иностранному образцу, напечатанному въ какомъ то журналѣ. Не смотря на такую заманчивую рекомендацію, я отказался отъ обозрѣнія монументальныхъ зданій. Не видавши этихъ построекъ, я имѣлъ объ нихъ ясное понятіе, это должно быть собачьи конуры, а не конюшни и коровники. Ты, братъ, изъ какого хочешь образца сдѣлаешь на свой образецъ; въ моемъ бѣдномъ родичѣ совершенно все выровняно и выглажено. Не думайте однако-жъ, чтобъ тутъ свѣтское образованіе работало,—нисколько; сама всемогущая природа его такъ оболванила. Ни одной черты, ни одного малѣйшаго бугорка, ни одного пятнышка, словомъ ничего такого, за что бы можно было ухватиться и дойти хоть до пошлой самобытности характера. Отъ лакированныхъ сапоговъ до узенькаго плоскаго лба,—все гладко. Его можно бы назвать ничѣмъ, если бы онъ не былъ помѣщикомъ нѣсколькихъ сотъ душъ крещеныхъ собственниковъ, и если бы онъ не былъ помѣщиковъ, и если бы онъ строилъ свои конюшни и коровники,

какъ ихъ обыкновенно строятъ, просто, прочно и просторно, а онъ все это дѣлаетъ совершенно напротивъ: вычурно, мелко и только на одинъ годъ, въ особенности мелко. Начиная съ парка и просѣки, по которой нельзя иначе ходить, какъ гуськомъ, до домашней мебели и фальшиваго циферблята, нарисованнаго въ треугольникѣ фронтона, все у него мелко, непрочно и крайне безобразно. Вотъ одна единственная черта въ абрисѣ этого человѣка, на которой можетъ остановиться глазъ даже и не быстроглазаго наблюдателя. Сказавши другъ другу: до свиданія, мы разстались; онъ пошелъ въ свои чуланы, а я въ свой чуланъ.

Войдя въ комнату, то бишь въ чуланъ, я разбудилъ Трохима и послалъ его въ село искать для себя квартиру, а самъ, какъ былъ въ плащѣ и сапогахъ, легъ на постель и, какъ это обыкновенно бываетъ послѣ ранней прогулки, заснулъ. Спасибо вѣжливымъ хозяевамъ, что не разбудили къ чаю. Я проспалъ бы до вечера, если бы Трохимъ, возвратившись около полудня изъ села, не разбудилъ меня, сказавши, что я пòхожъ на пьянаго чумака. Сходство дѣйствительно было небольшое, но я не обратилъ на его колкое замѣчаніе никакого вниманія и напустился на него, зачѣмъ онъ такъ долго шлялся.

— Шлялся, процѣдилъ онъ сквозь зубы.—Ни до одной свѣтлицы приступу нѣтъ, а ихъ въ селѣ, что хата, то и свѣтлица.

— Что же это значитъ? спросилъ я съ удивленіемъ, принимая слово «приступу» за дороговизну.

— А то значитъ, что солдаты только вчера выступили въ походъ, такъ бабы сегодня и принялись мазать свои хаты. Просто Содомъ и Гоморъ въ селѣ, и гдѣ они столько бѣлой глины взяли? И меня одна сердитая баба чуть не вымазала бѣлой глиной,—прибавилъ онъ, оглядывая свое платье.

— Что же намъ теперь дѣлать безъ свѣтлицы? спросилъ я у Трохима.

— Я уже все сдѣлалъ! отвѣчалъ онъ.

— Что же ты сдѣлалъ?

— А вотъ что я сдѣлалъ. Изъ бурсы пріѣхалъ поповичъ на праздники. Ему и отвели квартиру въ саду, въ той клѣткѣ, гдѣ лѣтомъ матушка варенья варитъ и разныя настойки дѣлаетъ. Такъ вотъ они, т. е. матушка съ батюшкой и самъ поповичъ, просятъ меня.

чтобы я приходилъ ночевать къ ихъ поповичу, чтобы ему не такъ было страшно. Такъ вы теперь дома ночуйте одни, а я буду ходить къ поповичу. Онъ привезъ съ собою много тетрадокъ и одну большую, всю исписанную разными стихами, такъ мы ее и будемъ по вечерамъ читать, чтобы не страшно было.

— Сама судьба за тебя, Трохиме! Съ Богомъ!

Я еще что-то хотѣлъ сказать, но грязный козачекъ вошелъ въ комнату и сказалъ, что баринъ съ барыней меня ждутъ обѣдать. Я вспомнилъ вчерашній обѣдъ и призадумался. Не идти нехорошо: подумаютъ, что я сержусь за вчерашніе эполеты; а идти—тоже нехорошо: объѣшься по вчерашнему. Подумавши, я рѣшился на послѣднее зло.

Была пятница, и обѣдъ хоть не совсѣмъ умѣренный, но былъ совершенно постный, т. е. безъ рыбы; это-то и спасло меня отъ объяденія. Однако-жъ я все-таки всхрапнулъ часика два послѣ обѣда, а всхрапнувши, вышелъ на дворъ, но кромѣ парка совершенно некуда было выдти, и я пошелъ въ паркъ. Узенькая аллея показалась мнѣ просторнѣе, и я принялся ее мѣрять; утреннія мысли посѣтили меня снова и были уже гораздо розовѣе и нисколько не касались ни родственниковъ, ни вообще современнаго человѣка. Онѣ витали въ минувшей бурной жизни, въ уныло-сладкихъ пѣсняхъ задумчивыхъ земляковъ моихъ. Мнѣ было весело, пріятно; меня сладко волновали эти задушевныя унылыя думы. Я былъ околдованъ ими, былъ настроенъ на ихъ заунывный тонъ, и не смотря на то, что близился вечеръ, самый восхитительный весенній вечеръ, пошелъ въ свою комнату, досталъ чистую бумагу, перо, чернила и написалъ эпиграфъ къ первой части своей будущей поэмы:

На мори синему, на камени билому и проч.

Потомъ досталъ огня, зажегъ свѣчу, легъ на кровать, и, странное дѣло, мысли мои вдругъ перешли отъ поэмы въ мое собственное прошлое. Мнѣ представилась комната въ 9-й линіи въ домѣ булочника Донерберга,—комната со всѣми ея подробностями, не говорю съ мебелью, это была-бы неправда. Вдоль передней стѣны надъ рабочимъ столомъ висятъ двѣ полки. Верхняя уставлена статуэтками и лошадками барона Клодта, а нижняя въ безпорядкѣ завалена книгами. Стѣна, противуположная полузакрытому единственному

окну, увѣшана алебастровыми слѣпками слѣдковъ и ручекъ, а посреди ихъ красуется маска Лаокоона и знаменитой натурщицы Фортунаты. Непонятное украшеніе не для художника! Въ добавокъ мнѣ вообразился тотъ самый день, когда мы съ покойнымъ Штернбергомъ на послѣднія деньги купили себѣ простую рабочую лампу, принесли ее въ нашу келью и среди бѣлаго дня засвѣтили, поставили среди стола и, какъ маленькія дѣти, восхищались нашимъ пріобрѣтеніемъ. Послѣ первыхъ восхищеній Штернбергъ взялъ книгу и сѣлъ по одну сторону лампы, а я взялъ какую-то работу и сѣлъ по другую сторону лампы и такъ мы днемъ съ огнемъ просидѣли до пяти часовъ вечера; въ пять часовъ пошли въ академію и всему натурному классу разблаговѣстили о своемъ безцѣнномъ пріобрѣтеніи. Нѣкоторыхъ изъ товарищей пригласили полюбоваться нашимъ дивомъ и по этому случаю задали вечорку, т. е. чай съ сухарями. Мы были тогда бѣдныя, но невинныя дѣти. Боже мой, Боже мой! куда умчались эти свѣтлые, эти золотые дни? Куда дѣвалась прекрасная семья непорочныхъ вдохновенныхъ юношей?

Иныхъ ужъ нѣтъ, а тѣ далече,
Какъ Сади нѣкогда сказалъ.

Я такъ искренно, такъ чистосердечно предался моему прекрасному прошедшему, что нѣсколько разъ принимался плакать, какъ дитя, у котораго отняли красивую игрушку; и эти благодатныя слезы обновили, воскресили меня. Я внезапно почувствовалъ ту свѣжую, живую силу духа, которая одна способна чудо сотворить въ нашемъ воображеніи. Передо мною открылся чудный, дивный міръ самыхъ восхитительныхъ, самыхъ граціозныхъ видѣній. Я видѣлъ, я осязалъ эти волшебные образы, я слышалъ эту небесную гармонію, словомъ, я былъ одержимъ воскреснувшимъ духомъ живой святой поэзіи.

Грязный казачокъ приходилъ звать меня на чай, но я сказался нездоровымъ и не пошелъ.

Успокоившись немного и приведя въ порядокъ свои возмущенныя мысли, я, помолившись Богу, принялся за работу.

VIII.

Послѣдній день Страстной, вся Святая и половина Ѳоминой недѣли невидимо мелькнули надо мною, я только и помню, что

приходилъ Трохимъ, приносилъ обѣдъ и свѣжую воду, ставилъ все это осторожно на столъ и молча выходилъ въ двери. Въ среду уже на Ѳоминой недѣлѣ передъ разсвѣтомъ я написалъ послѣдній стихъ, поставилъ точку, положилъ перо, вздохнулъ, перекрестился и сказалъ: «слава тебѣ Господи!» Послѣ всего этого попытался я заснуть, но попытка мнѣ не удалась, и я напрасно только погасилъ свѣчу. Дожидать разсвѣта въ горизонтальномъ положеніи и въ потьмахъ мнѣ показалось скучнымъ, я одѣлся, какъ могъ, и вышелъ на дворъ. На дворѣ тоже было темно и тихо, какъ въ моей келіи. Свѣжій чистый воздухъ и упоительный ароматъ распускавшейся земли оживилъ меня, какъ усталаго путника въ пустынѣ оживляетъ глотокъ свѣжей воды. Подъ ногами уже было сухо, я попробовалъ сдѣлать нѣсколько шаговъ впередъ, то-же сухо, я еще отошелъ немного и изъ-за какого-то сарая или конюшни увидѣлъ вдали освѣщенныя окна церкви. Заутреня. Должно быть сегодня праздникъ, подумалъ я и хотѣлъ идти въ церковь, но опасался вмѣсто церкви попасть въ лужу, что весьма естественно въ теперешнее время. Вскорѣ птички въ воздухѣ зачали чиликать и начало свѣтать. Я ощупью пошелъ далѣе по направленію къ церкви, но тутъ случился заборъ, окружающій господскій дворъ, нужно было перемѣнить направленіе и поискать сначала выхода. Разсвѣтало быстро, и я безъ большаго труда нашелъ ворота и вышелъ на площадь или царину. Чрезъ царину я прямо пошелъ къ слабо освѣщенной церкви. Солнце вступило въ свои права, и свѣтъ огня блѣднѣлъ въ круглыхъ оболонкахъ темной старинной церкви. Заутреня кончилась, и народъ выходилъ на паперть, когда я подошелъ къ церковной оградѣ. Трохимъ, увидя меня, пробрался сквозь толпу и съ радостнымъ лицомъ бросился ко мнѣ на шею; я показался ему изъ гроба вставшимъ. Обнявшись братски, мы съ нимъ похристовались и отошли въ сторону, чтобъ не затруднять мужичковъ сниманіемъ шапокъ. За толпою изъ церкви вышелъ и священникъ, человѣкъ среднихъ лѣтъ съ едва замѣтною просѣдью, въ волнистой бородѣ и раскинутой по плечамъ косѣ. Наружность его мнѣ понравилась. Снявши шапку, я подошелъ къ священнику и послѣ троекратнаго благословенія мы съ нимъ похристовались. Я отрекомендовалъ ему себя. Онъ отвѣчалъ тѣмъ-же мнѣ, сказавши: отецъ Савва Нестеровскій—и тутъ-же просилъ меня съ Трохимомъ

Сидоровичемъ на чашку чаю послѣ обѣдни. Я далъ слово, и мы разстались.

— Эге, подумалъ я, Трохимъ мой значитъ не уронилъ себя. Молодецъ! мнѣ это понравилось.

Утро было самое прекрасное, и мнѣ не хотѣлось возвращаться въ свою мрачную обитель, я предложилъ Трохиму прогуляться немного со мною по улицамъ села, предложилъ ему, какъ человѣку уже знакомому съ мѣстностью и могущему служить мнѣ хорошимъ *чичероне*, а въ случаѣ нужды оборонить и отъ собакъ; послѣднее для меня было важнѣе перваго. Пройдя десятка два шаговъ, я остановился и нечаянно взглянулъ на церковь. Церковь была обыкновенная. Ее вы увидите въ каждомъ селѣ въ Малороссіи, деревянная, темная, о трехъ осьмиугольныхъ коническихъ куполахъ, съ почернѣвшими узорными желѣзными крестами. Самая обыкновенная церковь, но теперь она показалась мнѣ необыкновенно граціозною. Солнечные лучи трепетали розовымъ огнемъ на ея круглыхъ *оболонкахъ* и осьмиугольныхъ, бляхою крытыхъ куполахъ. Развѣсистыя старыя вербы и стройные высокіе тополи окружая полузакрывали ее, выпукло и мягко тушуясь солнечнымъ розовымъ цвѣтомъ. Виньетка, какой не увидите ни въ самомъ роскошномъ *кипсекѣ*.

Налюбовавшись досыта этой очаровательной виньеткой, пустились мы далѣе. Село хоть куда! Хаты большія, не пошатнувшіяся въ разныя стороны, какъ пьяныя бабы на базарѣ. Чистыя, бѣлыя, нерѣдко съ свѣтлицами и почти всѣ окруженныя темными фруктовыми садами, клунями и стогами разнаго хлѣба. И скотины разной также не мало выгоняютъ изъ дворовъ на выгонъ свѣжія здоровыя дѣвки, въ новенькихъ бѣлыхъ свиткахъ, въ красныхъ и желтыхъ сапогахъ на вершковыхъ подковахъ. Вездѣ все чисто и опрятно такъ, что хоть-бы и въ казенномъ имѣніи такъ въ пору. Выходитъ, что родичъ мой хотя и не книгоѣдъ, а человѣкъ хоть куда и, какъ видно, хозяинъ не изъ послѣднихъ. Исполать тебѣ, Лукьянъ Алексѣевичъ! Пойми-жъ теперь и уразумѣй этотъ неразгаданный іероглифъ, эту курицу безъ перьевъ подъ именемъ человѣка! Онъ, кажется, и думаетъ только о томъ, какъ-бы поуютнѣе, т. е. потѣснѣе или поуже конюшню или голубятню выстроить, и больше ничего. Нѣтъ, не такъ. Онъ и въ игрушки играетъ и молча

свое человѣческое дѣло дѣлаетъ. А другой такой-же, кажется, человѣкъ, да не такой. Все у него громадность отъ хлыстика, шпоръ и до голубятни. Кричитъ, распинается за новыя идеи, за цивилизацію, за человѣчество, а самъ...

Мужичковъ подъ прессъ кладетъ
Вмѣстѣ съ свекловицей.

Пойми-жъ теперь и уразумѣй этотъ не разгаданный іероглифъ, этого хитро-созданнаго человѣка!

Проэктъ мой о перевоспитаніи благовоспитанныхъ родителей, дѣйствительно проэктъ превосходный, но если-бы мнѣ привелось его приводить въ исполненіе, то не обинуясь я исключилъ-бы своего родича изъ общей категоріи. Кузина это другое дѣло. Ее тоже можно-бы исключить, но совершенно на другихъ данныхъ, по пословицѣ напримѣръ: горбатаго могила исправитъ.

Кривая, неправильная улица, обведенная плетнями и частоколами, вывела насъ на такую же криво, неправильно, но прочно устроенную плотину, съ двумя небольшими, соломой крытыми мельницами, увѣнчанными огромными гнѣздами аистовъ, уже возвратившихся съ зимовки и тщательно обновлявшихъ свои на время покинутыя жилища. Вода лилась изъ открытыхъ шлюзовъ и шумѣла, не шевеля огромныхъ мельничныхъ колесъ. Религіозные земляки мои не только своимъ воламъ и конямъ, водѣ своей не позволяютъ работать въ праздникъ. За широкимъ прудомъ, на желтовато-блѣдной возвышенности изъ молодаго березняка и олешника выглядываетъ нѣсколько бѣлыхъ хатъ, съ размалеванными ставнями и съ аистовыми гнѣздами на гребешкахъ. Хаты, какъ нарядныя сельскія красавицы, въ чистыхъ бѣлыхъ свиткахъ, подошли къ зеркалу пруда полюбоваться своей красотою. А весь этотъ незатѣйливый пейзажъ оглашался стаями плававшихъ по водѣ крикливыхъ гусей и утокъ. Я сѣлъ на инвалидномъ терновномъ камнѣ, лежавшемъ на берегу пруда, полюбоваться этой живописной картиной. А любознательный Трохимъ сообщалъ мнѣ свои топографическія свѣдѣнія относительно представляющейся передъ нами мѣстности. Онъ сообщилъ мнѣ, что это не просто прудъ, а рѣчка, называемая Гнилой Тыкичъ и что село называется не просто Будища, а Гнилые Будища, а такія, просто Будища находятся за Шестеринцями. Трохимъ совралъ: за селомъ Майдановкою просто

Будища находятся, а не за Шестеринцами. У меня эта мѣстность крѣпко засѣла въ памяти. Я изучилъ ее еще тогда, когда ходилъ искать себѣ маляра-учителя и нашелъ его въ персонѣ отца діакона Ефрема, у котораго я, какъ уже извѣстно читателямъ, не выдержалъ перваго искуса.

Заблаговѣстили къ обѣднѣ и мы отправились на квартиру. Побрившись и одѣвшись наскоро, мы пошли въ церковь. Послѣ обѣдни зашли къ отцу Саввѣ на *Отче нашъ*, или пожалуй на чашку чаю.

Домъ отца Саввы наружностію своею ничѣмъ не отличался отъ большой мужицкой хаты, развѣ только двумя дымарями: однимъ бѣлымъ, а другимъ закопченымъ, и небольшимъ навѣсомъ надъ дверями на точеныхъ столбикахъ. И внутренность дома, т. е. свѣтлицы, тоже не многимъ отличалась отъ внутренности хаты зажиточнаго мужика, развѣ только липовымъ чистымъ поломъ, посыпаннымъ бѣлымъ, какъ сахаръ, кіевскимъ пескомъ. Такой роскоши мнѣ не случалось видѣть не только у богатаго мужика, ниже у полупанка. Дубовый рѣзной сволокъ съ надписью, кѣмъ и въ которомъ году домъ сей построенъ, и такіе-же рѣзные косяки у дверей и оконъ. Въ переднемъ углу образъ Почаевской Божіей Матери, а вмѣсто лампады теплилась простаго желтаго воску свѣча; столъ обыкновенной величины и фигуры, покрытъ не важнымъ килимомъ (ковромъ) и сверху, какъ снѣгъ, бѣлой скатертью. Вмѣсто стульевъ около стѣнъ широкія, чистыя липовыя лавы (скамьи); между окнами боковой стѣны небольшой столикъ съ фигурными ножками; на столикѣ лежатъ раскрытыя гусли съ изображеніемъ на внутренней сторонѣ крышки пляшущихъ пастушекъ и играющаго на флейтѣ пастушка. Надъ гуслями въ почернѣвшей золотой рамѣ портретъ Богдана Хмельницкаго съ гетманскимъ гербомъ на фонѣ, окруженнымъ какими-то буквами. Портретъ или, какъ матушка его называетъ, запорожецъ—стариннаго, но не хитраго письма. Надъ портретомъ длинная полка, уставленная большими и маленькими книгами въ темныхъ кожаныхъ переплетахъ. Налѣво отъ двери въ углу толстая неуклюжая печка изъ разрисованныхъ кафель, очень похожая на свою хозяйку матушку Евдокію въ штофной узорчатой сподницѣ и такой-же юпкѣ съ золотыми позументами. На нѣсколькихъ кафляхъ между цвѣтами и птицами нарисованы двуглавые

орлы. Они мнѣ напомнили наивный разсказъ Конискаго о такомъ же изображеніи на кафлѣ, стоившей бѣдному хохлу пытки и жизни. Самое-же лучшее украшеніе свѣтлицы отца Саввы, это безукоризненная чистота и обаятельная свѣжесть. Не успѣлъ я, какъ говорится, оглянуться въ сей обители мира и тишины, какъ столъ уже былъ уставленъ разнокалиберными графинами съ разноцвѣтными жидкостями и тарелками съ разнородными закусками, а въ заключеніе около стола стояла свѣжая, розовая поповна съ подносомъ въ рукахъ, уставленнымъ чашками съ чаемъ. Отецъ Савва прочиталъ «Отче нашъ», благословилъ ястіе и питіе сіе, налилъ въ рюмку какой-то настойки, перекрестился и выпилъ, а другую рюмку предложилъ мнѣ. Я отъ рюмки отказался, онъ предложилъ ее Трохиму, а меня просилъ выкушать чашку чаю. Послѣ чаю сама матушка предлагала мнѣ какой-то особой наливки, подъ названіемъ «семибратняя кровь», и жареную утку съ яблоками, но я опять таки отказался. А Трохимъ Сидоровичъ не устоялъ противъ «семибратней крови» и утки съ яблоками, чѣмъ и сдѣлалъ величайшее одолженіе гостепріимной матушкѣ Евдокіи. Поблагодаривъ за угощеніе хозяина и хозяйку и сказавши: до пріятнаго свиданія, я вышелъ въ сопровожденіи хозяевъ на дворъ. На дворѣ намъ встрѣтился человѣкъ безъ лѣвой руки и съ солдатскимъ Георгіемъ въ петлицѣ; хозяева остановились съ незнакомцемъ, а я вышелъ на улицу. У воротъ на улицѣ стояла бричка, небольшая, о парѣ лошадяхъ и кучеромъ мальчикомъ. Не обращая вниманія на это весьма обыкновенное явленіе, я пошелъ далѣе. Дорогою спросилъ я у Трохима о его другѣ поповичѣ, и онъ сказалъ мнѣ, что ученый другъ его поповичъ еще во вторникъ отправился въ Кіевъ, и началъ мнѣ описывать самыми радужными красками своего ученаго бурсака, а въ заключеніе прибавилъ, что онъ къ намъ придетъ въ Кіевѣ и принесетъ тетрадку, называемую: «Слово о птицахъ небесныхъ, якъ стали жити и Бога хвалити и бѣса проклинати». Хорошее, должно быть, сочиненіе. Я просилъ Трохима сообщить мнѣ его, когда будетъ можно. У воротъ господскаго дома мы разстались съ Трохимомъ: онъ возвратился въ село, а я отправился съ визитомъ къ моей милой кузинѣ и почтенному моему родичу. Встрѣтился я съ ними въ столовой: они работали надъ какой-то бабой и холоднымъ поросенкомъ. Приличное ахъ! вылетѣло изъ жующихъ губъ кузины,

и безмолвное поднятіе руки родича съ вилкой привѣтствовало мой внезапный приходъ. Послѣ поздорованья, они нашли, что я очень похудѣлъ, и совѣтовали поправляться послѣ болѣзни. Я смиренно подсѣлъ къ нимъ и, послѣдовавъ ихъ мудрому совѣту, принялся за поросенка съ бабою, какъ за прелюдію грядущаго обѣда. Не успѣлъ я воткнуть вилку въ фаршированный желудокъ пріятеля, какъ у крыльца загремѣлъ экипажъ, кузина вскрикнула: мосье Курнатовскій! бросила ножъ, вилку и выбѣжала въ другую комнату. Размашисто и ловко вошелъ ротмистръ въ столовую и, мимо хозяина протягивая мнѣ руку, сказалъ:

— Я виноватъ передъ вами! Простите! Эполеты существуютъ только до новаго года. Изъ третьей комнаты вылетѣло: ахъ! и вслѣдъ за ахомъ тревожный вопросъ кузины:

— А эксельбанты остаются?

— Остаются! сказалъ ротмистръ и распростеръ свои объятія надъ изумленнымъ хозяиномъ.

Чрезъ минуту, много чрезъ двѣ явилась кузина, точно Аврора Гвидо Рени, свѣжая, улыбающаяся, румяная, какъ едва развившійся лепестокъ сантифоліи. Склонивъ на грудь голову, ротмистръ благоговѣйно подошелъ къ ручкѣ, и послѣ поклоненія онѣ пошли въ гостиную, а мы съ хозяиномъ принялись снова за фаршированнаго пріятеля. Я дивился волшебному превращенію кузины. Давно ли, думалъ я, видѣлъ ее, эту самую женщину самой обыкновенной женщиной, а теперь фея, нимфа и т. д. Не даромъ сказалъ вдохновенный царь Давидъ: *Господь умудряетъ слѣпцы*; онъ же умудряетъ и красавицу до гробовой доски оставаться если не красавицей, такъ по крайней мѣрѣ кокеткой. Лакеи не дали мнѣ кончить моихъ размышленій и фаршированнаго пріятеля: они стали раскрывать и накрывать столъ, а я, положа оружіе, волею не волею долженъ былъ удалиться въ гостинную. Въ гостинной увидѣлъ я совершенно не то, что ожидалъ. Вмѣсто любезной милой болтуньи, кузина моя сидѣла молча на кушеткѣ ничуть не въ живописномъ положеніи, щипала свой батистовый платокъ и едва обращала вниманіе на отборные восторги ротмистра. Что бы это значило? спросилъ я самъ себя и посмотрѣлъ на родича. Но тотъ даже бровью не мигалъ на мой вопросительный взглядъ. Въ недоумѣніи я хотѣлъ удалиться, опасаясь быть лишнимъ человѣкомъ, но

меня предупредилъ лакей въ нитяныхъ перчаткахъ и съ салфеткой, однимъ концомъ навернутой на большой палецъ лѣвой руки. Онъ доложилъ, что закуска подана; кузина молча подала руку ротмистру, а мы съ родичемъ, взглянувъ другъ на друга, тоже взялись за руки и пошли чинно въ столовую. За обѣдомъ та же самая исторія. Послѣ пирожнаго уже кузина какъ-бы не хотя сообщила, что на второй недѣлѣ праздника была у ней съ визитомъ мадамъ Прехтель и, увидѣвши ея куличи и бабы, такъ вотъ вся и позеленѣла отъ злости.

— Коварная женщина! проговорилъ ротмистръ, и мы встали изъ за стола. Сейчасъ же послѣ обѣда ротмистръ раскланялся, сѣлъ въ свою нетычанку и уѣхалъ. Я тоже взялся за шапку съ благимъ намѣреніемъ удалиться въ свой пріютъ, но кузина меня остановила, сказавши:

— А знаете-ли, зачѣмъ пріѣзжалъ къ намъ Курнатовскій?

— Буду знать, если удостоюсь вашей довѣренности! сказалъ я не безъ лукавства.

— Проситъ меня въ посаженыя матери, а его,—она показала на уже дремавшаго своего супруга,—посаженнымъ отцемъ. Я на отрѣзъ отказала, сказала она съ негодованіемъ. И въ самомъ дѣлѣ, продолжала она тѣмъ-же тономъ, что я ему за маменька такая далась? Безсовѣстный! Да и партію-то дѣлаетъ какую? Ни больше, ни меньше, какъ своя собственная крѣпостная дѣвка! Прекрасная! превосходная! самая блестящая партія! восклицала она въ изступленіи.

— А намъ-то какое дѣло? перебилъ ее разбуженный супругъ. Крѣпостная, такъ крѣпостная, намъ съ ней не дѣтей кормить, перевѣнчали да и баста! Пускай съ нею возится, какъ знаетъ. Да! сказалъ онъ обращаясь ко мнѣ. Въ слѣдующее воскресенье онъ хочетъ вѣнчаться въ нашей церкви, просилъ васъ то же быть свидѣтелемъ обряда и расписаться въ церковной книгѣ.

— Съ удовольствіемъ, сказалъ я и удалился въ свою каюту.

IX.

Въ ожиданіи воскресенья или, лучше сказать, въ ожиданіи этой архи-любопытной свадьбы, я принялся было за свою поэму; но дѣло у меня не клеилось: нужно было дать ей время выле-

жаться, какъ выражается вообще пишущее сословіе. Утвердившись въ этомъ благомъ мнѣніи, я въ одно прекрасное утро собралъ разбросанные листочки моего завѣтнаго творенія, переномеровалъ ихъ, и какъ самая нѣжная мать укладываетъ въ колыбель дитя свое, такъ я уложилъ въ портфель свою поэму, свое безцѣнное сокровище. Утро было дѣйствительно прекрасное, и я какъ Вальтеръ-Скоттъ перевѣсилъ кожаную сумку съ карандашами и бумагой черезъ плечо и, вооружась походною дубиной, отправился къ пруду и мельницамъ. Пройдя прудъ и мельницы чрезъ плотину, я уединился въ молодую березовую рощу, что по ту сторону пруда, или правильнѣе Гнилого Тикича, и въ тѣни распускающихся деревьевъ, обаянныхъ самымъ свѣжимъ ароматическимъ дыханіемъ весны, предался созерцанію оживающей божественной природы. Для одного такого утра, думалъ я, безъ сожалѣнія можно оставить въ городѣ образованныхъ друзей и поваляться недѣльку другую съ медвѣдями въ берлогѣ. Прогулки я возобновлялъ каждое утро и каждое утро съ новымъ наслажденіемъ. Бывало, выйду изъ тѣнистой березовой рощи на свѣтлую поляну и по извилистой дорожкѣ подымусь на пригорокъ, сяду себѣ подлѣ креста (такіе кресты ставятся на возвышенностяхъ для знака о близости воды) достану изъ сумы карандашъ, бумагу и рисую себѣ широкую прекрасную долину Гнилого Тикича, освѣщенную утреннимъ весеннимъ солнцемъ. Это были для меня самыя сладкія минуты, и тѣмъ болѣе сладкія, что панорама, лежавшая предо мною, живо напомнила мнѣ мастерской рисунокъ незабвеннаго моего Штернберга, сдѣланный имъ съ натуры гдѣ-то въ Башкиріи.

Когда солнце подымется надъ безконечнымъ горизонтомъ и широкія тѣни спрячутся за кусты и пригорки, тогда я бережно укладываю мою работу въ сумку и продолжаю свою прогулку въ тѣни развѣсистыхъ дубовъ и вязовъ. Въ одну изъ такихъ прогулокъ я нечаянно попалъ на совершенно Рюйздалевское болото (извѣстная картина въ Эрмитажѣ), даже первый планъ картины съ мельчайшими подробностями тотъ же самый, что и у Рюйздаля. Я просидѣлъ около болота нѣсколько часовъ сряду и сдѣлалъ довольно окончепный рисунокъ съ фламандскаго двойника. Интересно-бы было сличить его съ знаменитой картиной. На другой день я сдѣлалъ небольшой этюдъ съ суховерхой старой ивы; хотѣлъ было

сдѣлать такой этюдъ и съ полуусохшаго стараго береста, но на живой его половинѣ не развернулась еще зелень, такъ я ограничился только однимъ остовомъ. И такой рисунокъ не пролежитъ даромъ мѣста въ портфелѣ добраго художника. Много еще нарисовалъ я вербъ и берестовъ въ ожиданіи завѣтнаго воскресенья, или курьезной свадьбы.

Въ субботу вечеромъ возвращаясь въ село, встрѣтилъ я на плотинѣ своего Трохима, гуляющаго съ безрукимъ кавалеромъ, съ тѣмъ самымъ, что встрѣтился мнѣ на дворѣ у отца Саввы; и теперь, какъ и прежде, я не обратилъ на него особеннаго вниманія и прошелъ мимо. Около квартиры догналъ меня Трохимъ и безъ дальнихъ околичностей сказалъ мнѣ, что я ничего не знаю.

— А ты много знаешь? спросилъ я его также фамильярно.

— А я знаю, что завтра будетъ свадьба, да еще знаете-ли какая свадьба? прибавилъ онъ таинственно. Тотъ самый панъ, что мы видѣли на дорогѣ и что заѣзжалъ сюда, тотъ самый панъ женится на своей подданкѣ, на той самой, что видѣли тогда въ берлинѣ и что ночевала у насъ за стѣной.

Такъ вотъ гдѣ она—таинственная загадка?! подумалъ я. И какъ все это просто и натурально, а мнѣ то сдуру и, Богъ знаетъ, какимъ она неразгаданнымъ сфинксомъ показалась.

— А кто этотъ кавалеръ, съ которымъ ты гулялъ на плотинѣ? спросилъ я у Трохима.

— Онъ-то мнѣ и разсказалъ всю эту исторію, отвѣчалъ Трохимъ.

— Да самъ-то онъ кто такой?

— А я его и не спросилъ, кто онъ такой. Богъ его знаетъ, что за человѣкъ. Отецъ Савва говоритъ, что онъ отставной солдатъ.

— Не матросъ-ли? спросилъ я, прерывая длиннорѣчиваго Трохима.

— Нѣтъ не матросъ, а просто солдатъ.—на своемъ стоялъ невозмутимый Трохимъ.

— Хорошо, пускай будетъ и солдатъ, сказалъ я и, не заходя въ квартиру, какъ былъ съ сумкою и съ походною дубиной, пошелъ на встрѣчу моему амфитріону и его благовѣрной половинѣ.

— А знаете ли, что я вамъ скажу? кричала мнѣ кузина издали.

— Буду знать, когда вы скажете, отвѣчалъ я, приближаясь.

— Я завтра на свадьбѣ! сказала она торжественно: и къ вамъ, какъ къ артисту, обращаюсь съ моей просьбою. Посовѣтуйте, какъ мнѣ одѣться такъ, чтобъ было сообразно съ ролью, которую я займу въ этой комедіи.

— Одѣньтесь такъ, какъ вы всегда одѣваетесь, сказалъ я.

— Какой вы любезный артистъ, сказала она и сдѣлала самую плѣнительную гримасу.—Какъ всегда! Развѣ я каждый день играю роль посаженой матери? Растрепанный вы человѣкъ! сказала она, полушутя, полусерьезно и еще плѣнительнѣе улыбнулась.

— Вы, кажется, отказались отъ этой высокой чести? сказалъ я въ недоумѣніи.

— Никакъ не возможно! онъ пишетъ ко мнѣ такъ убѣдительно, пишетъ такъ, что я не въ силахъ отказать ему; прочитайте, какъ онъ пишетъ.

И кузина подала мнѣ розовую раздушенную записку. Я повертѣлъ ее въ рукахъ, понюхалъ и отдалъ обратно.

— Фу! какое ледяное равнодушіе, хотя бы на почеркъ посмотрѣлъ.

— А кто привезъ мнѣ это розовое посланіе, такъ ужъ этого ни за что не скажу, сказала она, бережно укладывая записку въ ридикюль.

— Лакей или кучеръ, кому же больше, сказалъ я на угадъ.

— Ошиблись, подымайте выше! Такъ и быть, не буду васъ больше мучить.—Самъ родной братъ невѣсты, какой-то отставной матросъ; я его не видала, самъ не изволилъ подать письмо, а переслалъ отъ священника. Тоже гордость! Ну, какъ же я завтра одѣнусь? Добьюсь ли я отъ васъ какого нибудь совѣта, или нѣтъ? спросила она меня въ ту самую секунду, какъ я вспомнилъ о безрукомъ кавалерѣ.

Я сказалъ ей что-то не впопадъ, и она захохотала самымъ непорочнымъ дѣвичьимъ смѣхомъ. Непорочный этотъ хохотъ толкнулъ меня на мысль самую лукавую, и я оправившись сказалъ:

— Одѣньтесь вы завтра... это для васъ ничего не значитъ. Одѣньтесь вы завтра такъ, чтобы уничтожить и его красавицу невѣсту, и его самого.

— А самого-то какъ? спросила она съ волненіемъ.

— Сдѣлайтесь похожей на его дочь, вотъ и все!...

— И прекрасно, прервала она въ восторгѣ. Я сама тоже думала, это будетъ маленькая мистификація, не правда-ли? прибавила она, обращаясь къ мужу, а тотъ въ знакъ согласія кивнулъ головой и, глядя на меня, какъ бы говорилъ: да и ты, братъ смиренникъ,— штука препорядочная!

Довольная моимъ проэктомъ, кузина позволила мнѣ, не переодѣваясь пожаловать къ ней на чай. Я повиновался и, слѣдуя по стопамъ красавицы, думалъ чуть-чуть не вслухъ:

Неужели вы красавицы такъ слѣпы, такъ удивительно слѣпы въ отношеніи собственныхъ прелестей, что, не говоря уже о морщинахъ, сѣдыхъ волосъ у себя не замѣчаете? А это дѣйствительно такъ. Я совершенно убѣжденъ въ этой горькой истинѣ. Во времена оны, бывало, пригласятъ меня нарисовать портретъ съ какой нибудь дѣйствительно почтенной матери семейства. Старушка благочестивая, богомольная, тихая, кроткая, вся въ черномъ, лучшей модели не можетъ быть для отшельницы готическихъ временъ,— садись и рисуй безъ малѣйшей фантазіи. Попробуй же нарисовать портретъ этой отшельницы безъ малѣйшей фантазіи, т. е. à la Жераръ Доу. Да тебѣ не только не заплатятъ, изъ дому выгонятъ, какъ злѣйшаго каррикатуриста. Тогда и узнаешь, кто такая благочестивая отшельница.

Я долго переносилъ подобныя, непріятныя приключенія, пока не смекнулъ, въ чемъ дѣло. Догадался и пошло, какъ по маслу! Простота-матушка!

Пишу я сію мою заповѣдь молодымъ друзьямъ моимъ, имѣющимъ несчастіе прокладывать себѣ художественную дорогу такими жалкими, такими горькими средствами.

Въ продолженіи вечера кузина моя была, что называется, въ своей тарелкѣ: острила, смѣялась и чуть-чуть не танцовала, какъ дѣвчонка, при одномъ словѣ о газовомъ платьѣ и о какомъ-то еще невиданномъ въ мірѣ тюникѣ. Она до того была весела и любезна, что сдѣлалась приторною и наконецъ несносною. Чужая радость вообще какъ то насъ мало радуетъ, а несносная радость моей кузины меня просто бѣсила. Чтобы не быть безмолвнымъ зрителемъ глупости и пошлости, я забралъ свою мизерію и вышелъ,— отъ ужина даже отказался. А послѣ такой прогулки, какую я сдѣлалъ въ этотъ день, это была большая жертва. Съ досады попробовалъ

я заснуть, проба совершенно не удалась. Попробовалъ читать, еще хуже. Какую-то отвратительную скуку навѣяла на меня кузина своей глупой радостью. Какъ безобразная каракатица, скука опутала меня своими гнусными вѣтвями и во всю ночь не давала мнѣ покою. Что бы я ни вспомнилъ, о чемъ бы ни подумалъ, все скучно, все невыносимо противно. Если англійская хандра имѣетъ хоть фамильное сходство съ нашей русской тоскою, то я вѣрю въ возможность путешествія пѣшкомъ въ Камчатку, какъ это сдѣлалъ какой-то лордъ, да еще въ добавокъ и женился на дочери петропавловскаго пономаря. Свадьба напримѣръ, кажется, веселый радужный предметъ для размышленій, попробуйте же вы размышлять о немъ во время скуки; да онъ вамъ покажется такимъ чернымъ, такимъ гадкимъ предметомъ, что вы и глаза закроете, а если вы уже съ просѣдью, съ лысиной и не женаты вдобавокъ, то лучше и не размышляйте о свадьбѣ. Тутъ вамъ полѣзетъ въ голову и старость, и одиночество, и кончится тѣмъ, что вы на первой же попавшейся вамъ дурѣ возьмете да и женитесь во избѣжаніе одиночества. Правда, участь стараго холостяка самая незавидная, но и участи стараго мужа молодой жены нельзя позавидовать. По моему лучше доживать свой вѣкъ старымъ холостякомъ, нежели окружать себя чужими розовыми крошками, а свою лысую почтенную голову украсить украшеніемъ, не внушающимъ ни малѣйшаго почтенія.

Передъ разсвѣтомъ немного освободился я отъ этой проклятой вѣдьмы-скуки и заснулъ, а проснулся уже на благовѣстъ къ обѣднѣ. Хорошо еще, что Трохимъ, Богъ его знаетъ, какимъ наитіемъ догадался съ вечера фракъ и прочее приготовить, такъ я духомъ одѣлся и вышелъ изъ квартиры въ ту самую минуту, какъ разодѣтая моя кузина садилась въ коляску, чтобы ѣхать къ обѣднѣ. Она предложила мнѣ мѣсто около своей пышной персоны, но я отказался отъ этой чести и пошелъ пѣшкомъ. Я думалъ уже около церкви увидѣть великолѣпные экипажи жениха и невѣсты. Ничего не бывало. Одна только коляска моей кузины красовалась, да какая-то маленькая бричка съ маленькимъ кучеромъ. Въ церкви, какъ обыкновенно, мужички усердно шопотомъ молились Богу. На клиросѣ дьячекъ выводилъ басомъ *Иже херувимы*, съ помощію вчерашняго безрукаго кавалера. А гдѣ же молодые? Не случилось-ли какого нибудь недоумѣнія, какъ это часто бываетъ въ подоб-

ныхъ случаяхъ? Послѣ обѣдни отецъ Савва просилъ меня и Трохима Сидоровича на чашку чаю, и мы не отказали. Едва успѣлъ отецъ Савва прочитать *Отче нашъ* и благословить ястіе и питіе сіе, какъ вошелъ въ свѣтлицу усердный помощникъ охрипшаго дьячка безрукій кавалеръ. Матушка послѣ обыкновеннаго привѣтствія назвала его Осипомъ Свиридовичемъ и просила садиться. Сначала онъ повѣсилъ свою шапку на колышекъ, нарочно для этого около дверей вбитый въ стѣнку, и потомъ уже сѣлъ почти у порога на чемъ-то въ родѣ табурета. Эта скромность понравилась мнѣ, а тѣмъ болѣе въ военномъ человѣкѣ. Я сталъ наблюдать его внимательнѣе. Это былъ молодой здоровый парень, съ чорными жесткими волосами, остриженными подъ гребенку, съ такими-же чорными густыми бровями и съ подстриженными усами. Глаза онъ постоянно опускалъ и пряталъ подъ чорными длинными рѣсницами, а потому объ нихъ положительно сказать ничего нельзя, какъ и о верхней губѣ, которой контуръ прятался подъ усами, а нижняя была прекрасно очерчена, только немного толстовата. Вообще же онъ казался физіономіи грубой, но такой кроткой и выразительной, что я новольно имъ любовался. Въ разговоръ нашъ онъ не ввязывался, какъ это дѣлаютъ обыкновенно бывалые ребята его сословія. Если отецъ Савва адресовался къ нему съ какимъ нибудь вопросомъ, то онъ отвѣчалъ коротко и основательно. Такъ напримѣръ матушка спросила его, когда намѣренъ ихъ посѣтить господинъ Курнатовскій. Онъ отвѣчалъ: передъ вечеромъ, и тѣмъ кончилось. Полюбовавшись скромнымъ незнакомцемъ, я, поблагодаривъ хозяевъ за угощеніе, ушелъ, а Трохима Сидоровича оставила матушка у себя обѣдать. Въ продолженіи дня незнакомецъ вертѣлся у меня на умѣ. И самъ не знаю, чѣмъ онъ могъ меня такъ заинтересовать. Отставной солдатъ и больше ничего. За обѣдомъ я порывался было спросить у кузины, не братъ-ли это невѣсты стоялъ на клиросѣ, но кузина была сегодня не въ ударѣ, и я спряталъ въ карманъ свой нескромный вопросъ. Думалъ послѣ обѣда спросить у родича но тотъ за обѣдомъ еще чуть не захрапѣлъ; Трохимъ не являлся до самого вечера,—и мое любопытство оставалось неудовлетвореннымъ до самаго вечера.

X.

Дни ожиданія такъ скучны и длинны, какъ этотъ нехитросплетенный разсказъ, а часы ожиданія еще длиннѣе и скучнѣе. И странно, мы постоянно надѣемся и ожидаемъ и не можемъ пріучить себя къ этому томительному чувству, не можемъ сократить безконечнаго часа ожиданія ни одной секундой. Не смотря на то, что я дурно спалъ ночью и на то, что я не весьма умѣренно пообѣдалъ, а все таки послѣ обѣда, хотя и пробовалъ, но заснуть не могъ. А все нелѣпое ожиданіе мѣшало. Чего же я жду и что меня тревожитъ? И самъ не знаю, а чувствую, что тревожитъ что то. Чтобы избавиться отъ этого чего-то, я надѣлъ свою рабочую блузу, взялъ сумку, дубину и пошелъ на свой любимый пригорокъ, осѣненный дубовымъ крестомъ. День былъ прекрасный, небо свѣтлое, голубое, глубокое и ясное, какъ мысль великаго поэта. Бѣлыя прозрачныя тучки-красавицы, какъ непорочныя сновидѣнія младенца, смѣнялись одна другою и, пролетая небесное пространство, набрасывали темныя пятна на мою ненаглядную понораму. Съ этими очаровательными пятнами понорама казалась и шире и глубже и безконечнѣе. Я глазъ не могъ отвести отъ этого импровизованнаго освѣщенія. Мнѣ казалось, что я вижу на безконечномъ горизонтѣ и Звенигородку, и Тальное, и даже самую Умань.

Я принялся за работу. Разложилъ темныя и свѣтлыя пятна на моемъ неоконченномъ рисункѣ, и рисунокъ ожилъ, заговорилъ и самъ собою окончился. Вотъ гдѣ твои чары, колдовство твое, очаровательный Каналетти!

Освѣщеніе измѣнилось. Рисунокъ я положилъ въ портфель и хотѣлъ идти въ село. Смотрю, золотое солнце повисло надъ фіолетовымъ горизонтомъ и разсыпало свои изумрудные лучи по всему необъемлемому пространству. Новая прелесть! Новое очарованіе! Пораженный чудной гармоніей, я въ безмолвіи опустилъ руки и, не переводя дыханія, смотрѣлъ на эту великолѣпную ораторію безъ звуковъ.

Солнце уже закатилось, а я все еще стоялъ около креста, и не странно-ли, мнѣ слышалась изъ березовой рощи флейта, играющая прелюдію вальса Авроры. А ничего этого не было, о флейтѣ никто и не слышалъ въ этомъ околоткѣ. Родичъ мой говоритъ, что онъ когда-то превосходно игралъ на флейтѣ, но потерялъ ключъ

отъ футляра, гдѣ хранится инструментъ и пересталъ играть. И онъ не шутитъ, по его понятіямъ это совершенно въ порядкѣ вещей. Въ эти недолгія минуты я былъ настоящимъ поэтомъ и носился мыслію, Богъ вѣдаетъ гдѣ, въ какихъ-то надзвѣздныхъ областяхъ. Но какъ житель земли, то и вспомнилъ я, правда довольно поздно, про земное, т. е. про свадьбу. Фи! какой циникъ! скажетъ влюбленная читательница. Свадьбу называетъ просто земнымъ дѣломъ! Согласенъ, пускай это будетъ дѣломъ самого Оріона, только я объ немъ вспомнилъ уже въ сумерки.

Спотыкаясь на пни и кочки, кое какъ пробрался я сквозь березовую рощу и вышелъ на плотину. Смотрю, церковь уже освѣщена. Я прибавилъ шагу и, какъ былъ съ сумой и въ блузѣ, прямо пошелъ въ церковь; хорошо еще, что догадался шляпу снять. Спрятался я за какого-то плечистаго мужика и выглядываю, какъ мышь изъ ларя. Обрядъ ужъ начался и безрукій мой кавалеръ-незнакомецъ держитъ вѣнецъ надъ головой невѣсты. Съ боку вижу, что невѣста красавица, а посмотрѣть въ лице нельзя. Досадно. Стало быть, этотъ кавалеръ ея братъ, больше быть некому. Жаль, что не познакомился я съ нимъ покороче. Тутъ непремѣнно кроется какая нибудь романическая драма. Да и какія могутъ быть отношенія между богатымъ помѣщикомъ и бѣднякомъ, изувѣченнымъ инвалидомъ? Нужно поручить Трохиму развѣдать все это дѣло хорошенько; не выкроится-ли изъ этой матеріи какая нибудь исторійка, а можетъ быть и оперетка въ родѣ *Москаль Чаривныкъ.* Да, не иначе, какъ чарами заставляетъ онъ надменнаго ротмистра жениться на своей крѣпостной крестьянкѣ. Какъ я тщательно ни пряталъ свою особу за плечистымъ мужикомъ, а все таки спрятать не могъ отъ зоркаго глаза Трохима. Онъ меня замѣтилъ и подойдя сказалъ шопотомъ:

— Молодые прошены на чай въ домъ. Если и вы пойдете, то нужно приготовить фракъ и сапоги почистить.

— Ступай, чисти, сказалъ я ему лаконически.

Трохимъ вышелъ; дождавшись «Исаія ликуй», и я вышелъ изъ церкви и бѣгомъ пустился на квартиру. Вотъ еще бѣда не малая: въ моемъ изысканномъ гардеробѣ бѣлаго галстука не оказалось, а онъ теперь необходимъ. Что дѣлать? Трохимъ догадался, сложилъ бѣлый носовой платокъ, и вышелъ препорядочный гал-

стукъ, бантъ только оказался не надлежащей величины. Приведя къ концу свое облаченіе, напялилъ я фракъ и пошелъ въ комнату. Въ дверяхъ встрѣтили меня общимъ смѣхомъ, особенно кузина такъ усердно заливалась, что я подумалъ, не надъ моимъ-ли галстукомъ они смѣются. Оказалось совсѣмъ другое. Послѣ перваго пароксизма смѣху, кузина меня взяла за руку и подвела къ зеркалу. О ужасъ! у меня все лице было выпачкано карандашемъ. Не говоря ни слова, выбѣжалъ я изъ комнаты. Во время работы я отгонялъ комаровъ запачканными карандашемъ руками, хватался за лице, да и отдѣлалъ свою физіономію à la Отелло, а зоркій глазъ Трòхима и не замѣтилъ, когда повязывалъ галстукъ.

Переобразившись, я въ другой разъ явился въ гостиную и послѣ обыкновенныхъ поклоненій и пожеланій взглянулъ на невѣсту. Господи, что это за красота совершенная! До сѣдыхъ волосъ дожилъ, а не видывалъ ничего подобнаго этой неописанной красотѣ. Знаменитая красавица графиня Коловратъ, которую я видѣлъ въ парижской литографіи, при всевозможныхъ косметическихъ средствахъ едва-ли выдержала-бы роль наперсницы при этой скромной героинѣ. Долго я не могъ глазъ отвести отъ этого типа совершенной красоты. И чѣмъ внимательнѣе и хладнокровнѣе смотрѣлъ я на нее, тѣмъ болѣе видѣлъ прелесть и гармонію въ чертахъ ея удивительнаго лица. Божественному Рафаэлю и во снѣ не снилась подобная красота и гармонія линій. А знаменитый Канова въ дребезги разбилъ-бы свою сахарную *Психею*, если-бы увидѣлъ это божество, граціозно принимающее чашку съ чаемъ. А между тѣмъ въ ея красотѣ ничего не было общаго съ очертаніями принятой красоты, это была самобытная одушевленная красота, это былъ типъ моей землячки, въ высшей степени совершенный. И какъ ты поблѣднѣла, какъ ты потемнѣла моя бѣдная кузина передъ этой лиліей, едва распустившейся. Гдѣ твой смѣхъ? Гдѣ твои хитрыя вчерашнія затѣи? Не помогли тебѣ ни притиранья, ни умыванья, ниже газовое платье! Бѣдная ты, жалкая ты красавица!

Молодые не долго гостили. Послѣ чаю они сейчасъ-же уѣхали, я тоже раскланялся и ушелъ къ себѣ на квартиру, далеко не въ нормальномъ состояніи духа. Красота на меня, въ чемъ-бы она ни проявлялась: въ существѣ-ли живущемъ или прозябающемъ, всегда имѣетъ одинаковое и благодѣтельное вліяніе. Подъ ея благимъ влі-

яніемъ я чувствую себя другимъ, обновленнымъ человѣкомъ, чѣмъ-то въ родѣ стараго младенца. Мнѣ тогда необходимъ хоть какой нибудь человѣкъ, чтобъ раздѣлить свои добрыя ощущенія или хоть наговориться досыта, а иначе я похожъ на того пьяницу, который не заснетъ, пока не отрезвится. Я тоже долго не могъ заснуть, но это была не утомительная, а успокоительная безсонница. Пріятное, невыразимо пріятное ощущеніе! Благодарю тебя, всемогущій Боже, что одарилъ ты меня чувствомъ человѣка, любящаго и видящаго прекрасное, совершенное въ Твоемъ нерукотворномъ безконечномъ твореніи. Если-бы красота во всѣхъ ея образахъ хотя на половину человѣчества имѣла свое благодѣтельное вліяніе, тогда-бы мы быстро близились къ совершенству и наконецъ олицетворили-бы собой божественную заповѣдь нашего божественнаго Учителя. Тогда-бы Шварцъ и Ривольеръ пошли по міру съ своими геніальными изобрѣтеніями, или открыли-бы лучшіе и благороднѣйшіе источники человѣческихъ усовершенствованій.

Долго я фантазировалъ на эту прекрасную тему, пока наконецъ физика пересилила мораль, и я заснулъ. Во снѣ повторилось видѣнное мною на яву, съ тою только разницею, что вмѣсто ротмистра возлѣ невѣсты сидѣлъ съ козлиными ногами и рогами Рубенсовскій сатиръ, съ лица очень похожій на ротмистра. Сатиръ жмется къ нимфѣ, шепчетъ ей что-то на ухо; нимфа улыбнулась. Я вздрогнулъ и проснулся. Солнце уже заглядывало въ готическое окно моей миніатюрной кельи. Трохимъ нечаянно, но весьма кстати явился передо мной; я объявилъ ему, что имѣю намѣреніе сегодняшній-же день послѣ обѣда выѣхать въ Лысянку, взять почтовыхъ лошадей и восвояси. Онъ противъ обыкновенія не прекословилъ моей волѣ и тутъ-же началъ складывать фракъ и прочіе доспѣхи, живо напомнившіе мнѣ о вчерашнемъ происшествіи.

Прежніе благородные обладатели крѣпостныхъ душъ только гаремы заводили изъ собственныхъ дѣвокъ, а теперь жениться начали. Выходитъ, что идея о коммунизмѣ не одна только пустая идея, не гласъ вопіющаго въ пустынѣ, а что она удобопримѣнима къ настоящей прозаической жизни. Честь и слава поборникамъ новой цивилизаціи! Трохимъ съ увлеченіемъ занялся чемоданомъ, а я, чтобъ не мѣшать ему, заблагоразсудилъ сдѣлать прощальный визитъ отцу Саввѣ. Но на порогѣ моей идилической мирной оби-

тели встрѣтилъ меня самъ отецъ Савва вмѣстѣ съ безрукимъ кавалеромъ.

— Вы къ намъ, а мы къ вамъ собрались на визитаціумъ, говорилъ весело отецъ Савва. Сей Божій человѣкъ, прибавилъ онъ указывая на кавалера, имѣетъ къ вамъ экстраординарное посланіе.

Не успѣлъ я придти въ изумленіе отъ этой неожиданности, какъ сей Божій человѣкъ досталъ изъ пустаго рукава миніатюрный разрисованный на подобіе конфетки конвертъ и, подавая его мнѣ, сказалъ:

— Зять и сестра, ваше благородіе, кланяются и просятъ васъ пожаловать къ себѣ сегодня вечеромъ.

Я не отнѣкивался, какъ пьяница отъ рюмки водки, и, не читая раздушеннаго посланія, сказалъ: буду. Тогда онъ подалъ мнѣ другой такой-же конвертъ и просилъ передать супругѣ Лукьяна Алексѣевича, т. е. моей кузинѣ. Я обѣщался. Отецъ Савва замѣтилъ, что не мѣшало-бы самому господину кавалеру отдать письмо и лично просить ихъ милость. Кавалеръ, не сказавъ ни слова на это замѣчаніе, только какъ-то чрезвычайно выразительно улыбнулся. Отказавшись отъ приглашенія отца Саввы на чашку чаю и прочее такое, я съ ними простился и пошелъ къ себѣ на квартиру сказать Трохиму, чтобы онъ фрака не укладывалъ.

— А чтобы онъ сгорѣлъ вашъ, этотъ проклятый фракъ! только и дѣла, что съ нимъ возимся: пообѣдать некогда.

И много еще кое чего было сказано въ пользу фрака, чего ужъ я не слышалъ, потому что ушелъ передать дружеское посланіе кузинѣ. Она встрѣтила меня восклицаніемъ:

— А какова невѣста!...

Я отвѣчалъ, что въ жизнь мою не видывалъ такой красавицы.

— Значитъ, вы не такъ разборчивы, какъ я полагала, сказала она холодно. Для васъ значитъ, прибавила она тѣмъ-же тономъ, образованіе въ женщинѣ вещь совершенно лишняя?

Не тебѣ-бы говорить, а не мнѣ-бы слушать, подумалъ я и вмѣсто возраженія передалъ ей раздушенное письмецо.

За обѣдомъ рѣчь опять зашла о невѣстѣ; опять замѣтила мнѣ язвительно кузина, что я въ грошъ не ставлю хорошій тонъ и образованіе въ женщинѣ. Я отмалчивался, ее это бѣсило.

— Да! сказала она, зеленѣя, вы художникъ, а художнику нужна только модель, натурщица, а не женщина.

Опять подумалъ я, не тебѣ-бы говорить, а не мнѣ-бы слушать; но въ слухъ не нашелъ приличнаго возраженія на ея весьма нетонкое замѣчаніе, и молчаніе воцарилось.

Какъ истинный Гомеридъ, родичъ мой уходилъ чуть не всего жаренаго съ капустою гуся, съ наслажденіемъ запилъ его непослѣдней величины стаканомъ сливянки и, самодовольно улыбнувшись, сказалъ:

— Вотъ теперь такъ! и обращаясь къ козачку, прибавилъ:

— Подавай, что тамъ еще есть у тебя.

Козачекъ вышелъ.

— Да, продолжалъ онъ, принявъ тонъ таинственности, это такая, я вамъ скажу, исторія, что хоть въ газетахъ публикуй.

— Какая это исторія? спросилъ я не совсѣмъ равнодушно.

— Да хоть-бы вчерашняя свадьба, сказалъ онъ, взглянувъ на жену.

— А что такое? спросилъ я и тоже посмотрѣлъ на кузину.

— Да такъ-съ, ничего-съ, сказалъ онъ тономъ человѣка, владѣющаго великой тайной. Вы замѣтили вчера невѣстинаго шафера? спросилъ онъ меня и снова взглянулъ на свою мрачную супругу.

— И даже сегодня имѣлъ честь его видѣть, отвѣчалъ я.

— Это ни больше, ни меньше, какъ отставной матросъ, родной и единственный братъ теперешней госпожи Курнатовской и помѣщицы пяти сотъ душъ крестьянъ, чистыхъ, не заложенныхъ, сказалъ онъ, наливяя еще стаканъ сливянки.

При словѣ матросъ я невольно вздрогнулъ: не герой-ли это моей поэмы? подумалъ я и, обращаясь къ родичу, просилъ его пояснить мнѣ эту загадочную исторію.

— А вотъ какая это исторія...

Кузина фыркнула, выскочила изъ-за стола и уже изъ другой комнаты проговорила:

— Невѣжа, мужикъ! отъ тебя, кромѣ пошлости, ничего не услышишь.

Мой родичъ спокойно перекрестилъ дверь, изъ которой летѣли эти слова и вновь началъ:

— Вотъ какая это исторія. Господинъ Курнатовскій или, какъ она его называетъ, мусье Курнатовскій, человѣкъ во всѣхъ отно-

шеніяхъ благородный. Мы его отъ души любимъ, какъ вы это сами могли замѣтить. Одно только, не смотря ня его святую наружность, ужаснѣйшій волокита. Послѣ первой женитьбы онъ оставилъ службу и пріѣхалъ, какъ говорится, на покой въ деревню. Жена прекраснѣйшая быля женщина, не перенесла первыхъ родовъ и умерла, оставивъ ему въ залогъ любви своей здоровенькое прекрасное дитя. Молодецъ нашъ, какъ попечительный и нѣжный отецъ, кромѣ кормилицы, для большаго соблюденія ребенка, приставилъ къ нему еще четырехъ молодыхъ красивыхъ нянекъ. Изо всей деревни выбралъ разбойникъ. Въ число этихъ нянекъ попала и теперешняя жена его. Дитя вскорѣ умерло. Кормилицу-то онъ отпустилъ, а нанюшекъ при себѣ оставилъ въ домѣ. Предполагалъ, видите-ли, завести коверную фабрику, плутъ! Вмѣсто фабрики онъ образовалъ небольшой домашній гаремикъ. Ничего, все шло хорошо. Женатые сосѣди на первыхъ порахъ отказали ему отъ дому, да послѣ раздумали. По моему самое лучшее не обращать вниманія на чужіе недостатки; всякій Еремѣй про себя разумѣй, говоритъ наша пословица. Хорошо, вотъ дошла очередь и до Оленьки, теперешней госпожи Курнатовской. Только не тутъ-то было. Оленька заартачилась, онъ около нея и такъ и сякъ, нѣтъ да и баста! Ни ласки, ни угрозы, ни усовѣщеванія—ничто не помогло. А главною причиной упрямства ея былъ братъ, теперешній отставной матросъ. Чтобы устранить эту помѣху, нашъ молодецъ не задумался, въ первый же наборъ и царапъ пріятеля въ солдаты. Однимъ ударомъ все покончилъ. Такъ по крайней мѣрѣ онъ вообразилъ себѣ. Красавица пуще прежняго заломалась и—близко не подходи! Бѣжала было въ Кіевъ къ губернатору, да слава Богу во время спохватились и поймали ее уже за Лысянкой; надѣлала-бы кутермы, если-бъ удалось ей до Кіева добраться! Пріятель нашъ таки порядочно было трухнулъ. Дѣло-то, знаете, опекою запахло, если не больше. А изъ чего? изъ сущей дряни! изъ за капризной дѣвки. Правду сказать, такъ наши помѣщики порядочно избалованы: позволяютъ иногда себѣ такія причуды, за которыя въ другомъ мѣстѣ не посмотрѣли бы, что онъ помѣщикъ... ну, да что объ этомъ толковать, наше дѣло сторона. Проходитъ годъ, проходитъ другой, пріятель нашъ изъ кожи лѣзетъ, а дѣло ни на шагъ не подвинулось впередъ. Съ лица перемѣнился, позеленѣлъ. Брось, говорю! плюнь на

нее!—Не могу, говоритъ. Что значитъ эта проклятая страстишка! Сначала онъ держалъ ее за замкомъ, какъ невольницу, но увидѣлъ, что это не помогаетъ, далъ ей полную свободу. Мало, отдалъ ей весь домъ въ ея распоряженіе, окружилъ ее всевозможною роскошью. Самъ сдѣлался ея лакеемъ, чего ей больше? Нѣтъ, батюшка, не тутъ-то было! И на глаза не пускаетъ. Вотъ оно гдѣ хохлацкое упрямство, или вообще упрямство женское. Помучился онъ съ нею еще полгода и думалъ уже бросить ее окаянную и ѣхать на воды лечиться. Какъ бацъ, отъ предводителя дворянства письмо или, лучше сказать, формальное требованіе, чтобы онъ ротмистръ такой-то, по требованію высшаго начальства, назначилъ цѣну крѣпостной своей крестьянкѣ такой-то и получилъ деньги изъ комитета раненыхъ на законномъ основаніи. Онъ съ этою бумагою прямо ко мнѣ, я прочиталъ и, признаюсь, сталъ въ тупикъ; ужъ не провѣдало ли высшее начальство, подумалъ я, о его шашняхъ. Да нѣтъ, высшему начальству теперь не до того. Думали, мы думали, да тѣмъ и кончили, что ничего не выдумали. Прошло еще мѣсяцъ. Пріятель нашъ ни гу-гу, дожидаетъ, не пройдетъ-ли гроза мимо; но гроза не прошла. Получается другая бумага отъ того же предводителя съ прибавленіемъ, что такой-то матросъ Яковъ Обеременко за свою храбрость и увѣчье, полученное имъ при зищитѣ Севастополя, проситъ у комитета раненыхъ освободить родную сестру его отъ крѣпостнаго состоянія, а въ заключеніе было сказано, чтобы Курнатовскій или лично, или чрезъ довѣренное лице получилъ въ Кіевѣ сумму, какую самъ назначитъ. Вотъ онъ, чтобы не назначать и не получать этой суммы, уѣхалъ съ нею въ Кіевъ, да тамъ и обручился. Каковъ молодецъ! Онъ и вѣнчаться тамъ же думалъ, да ей-то захотѣлось, чтобы братъ вѣнецъ надъ нею подержалъ.

— Вотъ тебѣ и героическая поэма! подумалъ я.

— Не правда-ли прекрасная исторія? спросилъ родичъ, зѣвая.

— Порядочная! отвѣчалъ я разсѣянно.

Часа за два до захода солнца кузина подвязала себѣ щеку и осталась дома, а мы съ родичемъ поѣхали къ новобрачнымъ.

Дорогой я передѣлалъ свою героическую поэму на сію скромную «Прогулку съ удовольствіемъ и не безъ морали», а что будетъ дальше, увидимъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Историческія записки о войскѣ черноморскомъ.[1])

(Со времени поселенія онаго на всемилостивѣйше пожалованной землѣ по 1831 годъ).

(Окончаніе).

При самомъ вступленіи Матвѣева въ управленіе войскомъ, по высочайшему повелѣнію, прибылъ въ Черноморію государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ надворный совѣтникъ де-Скасси, коему поручено, при содѣйствіи атамана, завести и распространить дружественныя и торговыя сношенія съ горцами, дабы симъ способомъ мало по малу отвлекать ихъ отъ страсти къ набѣгамъ и грабежамъ, постепенно сблизить съ русскими и, сколько возможно лаская, со временемъ привести ихъ въ совершенную покорность Россіи. Цѣль правительства благодѣтельная, но не такъ исполненная, какъ бы должно было, и потому, кромѣ безполезныхъ издержекъ значительныхъ казенныхъ суммъ, никакой пользы въ своемъ послѣдствіи не принесшая.

Атаманъ Матвѣевъ и войсковая канцелярія старались всѣми мѣрами способствовать де-Скасси въ его дѣйствіяхъ. Въ полное его распоряженіе отдано было немалоое количество крымской соли; всѣ мѣновые дворы въ Черноморіи приняты отъ откупщиковъ въ управленіе войсковой канцеляріи и немедленно доставлепы на оные товары, потребные черкесамъ, какъ то: полотны разныхъ сортовъ, ситцы, шелковыя матеріи, шелкъ, платки, золотыя и серебренныя нитки, сафьяны, юфти, табакъ и соль; черкесы ежедневно толпились на мѣновыхъ дворахъ и съ утра до вечера размѣнивали на сіи товары свои произведенія: воскъ, сало, масло, сыръ, кожи разныхъ животныхъ, оружіе и другія вещи, а также и лѣсъ, всегда для насъ необходимый.

---

[1]) См. майск. кн. „Кіев. Стар." за 1887 годъ, стр. 112—152.

Такія торговыя сношенія съ горцами были въ Черноморіи и прежде сего; но въ это время, казалось, оныя умножились, принимали лучшій оборотъ и подавали надежду, что сосѣди наши когда нибудь должны будутъ непремѣнно перемѣнить свой образъ жизни. Де-Скасси, питая сію пріятную надежду, вполнѣ вѣрилъ ей, велъ съ ними дружественные переговоры, ласкалъ ихъ, богато дарилъ и, обогащаясь самъ, не замѣчалъ, что онъ былъ не въ силахъ произвести счастливое перерожденіе черкесъ, не въ состояніи былъ исполнить мудрыхъ преднамѣреній правительства. Недовѣрчивые, они въ половину только вѣрили его обѣщаніямъ, его ласкамъ, но вполнѣ обманывали его своимъ искуснымъ лицемѣріемъ и оставались такими, каковы были прежде.

Между тѣмъ графъ Ланжеронъ, заботясь о усовершенствованіи важной выгоды Черноморіи, войсковой суконной фабрики, призналъ необходимымъ, для лучшаго издѣлія на оной суконъ, завести при ней войсковый овчарный заводъ шпанскихъ овецъ; онъ предложилъ сіе мнѣніе войсковому правительству и оно согласилось. 20 тысячъ руб. было тогда же отпущено изъ войсковыхъ суммъ, чиновникъ отправленъ для покупки овецъ и барановъ въ тамошнихъ лучшихъ заводахъ. Въ слѣдующемъ 1817 году овцы пригнаты въ Черноморію и въ удобномъ мѣстѣ учрежденъ заводъ, который до сего времени приноситъ войску значительные доходы.

По предложенію тайнаго совѣтника Жигулина въ семъ году открыта въ войскѣ подписка въ пользу Россійскаго Библейскаго Общества въ городѣ Симферополѣ. Атаманъ Матвѣевъ, избранный внѣшнимъ директоромъ онаго, вскорѣ отправилъ къ Жигулину до 3,000 руб. ассигнаціями, собранные съ подписчиковъ.

Въ 23 день декабря (1816) государь императоръ, по представленію графа Ланжерона, высочайше соизволилъ опредѣлить въ сіе войско преданнаго намъ владѣльца закубанскаго, *хана Магметъ-Гирея* войсковымъ старшиною и вслѣдъ за симъ всемилостивѣйше назначилъ женѣ умершаго полковника сего войска, отличнаго своими заслугами, султана Али Шеретиръ Оглу, пенсію по 600 руб. въ годъ.

Въ 1817 году закубанцы были миролюбивы и войско черноморское наслаждалось спокойствіемъ и было осчастливлено радостнѣйшимъ посѣщеніемъ высокаго путешественника, его императорскаго высочества, великаго князя Михаила Павловича.

13 сентября атаманъ Матвѣевъ встрѣтилъ его высочество на границѣ войска въ куренѣ щербиновскомъ и сопровождалъ до города Екатеринодара, куда великій князь изволилъ въѣзжать 14 числа. За нѣсколько верстъ отъ г. Екатеринодара его императорское высочество былъ встрѣченъ заступавшимъ въ отсутствіе атамана его мѣсто, подполковникомъ Дубоносомъ, непремѣнными членами войсковой канцеляріи подполковникомъ Ляшенкомъ и войсковымъ старшиною Голубомъ, ассесорами, членами присутственныхъ мѣстъ и начальникомъ артиллеріи, войсковымъ полковникомъ Бурсакомъ. При въѣздѣ въ городъ козаки съ выраженіями вѣрноподданнической преданности поднесли всеавгустейшему гостю хлѣбъ-соль, которые его высочество милостиво изволилъ принять изъ рукъ старика, заслуженнаго подполковника Животовскаго. По главной улицѣ, на которой толпились по обѣимъ сторонамъ счастливые козаки, его высочество послѣдовалъ прямо къ соборной церкви, гдѣ былъ встрѣченъ войсковымъ духовенствомъ съ крестами и хоругвями, причемъ войсковый протоіерей Кириллъ Россинскій сказалъ краткое привѣтствіе. Въ соборной церкви его императорское высочество слушалъ благодарственное молебствіе Господу Богу, во время коего, при возглашеніи многолѣтія государю императору Александру Благословенному и всей августѣйшей фамиліи, было произведено изъ крѣпостныхъ орудій 101 выстрѣлъ. По окончаніи молебствія его высочество, приложась къ намѣстнымъ иконамъ трехъ престоловъ собора, изволилъ вступить въ олтарь и разсматривалъ пожалованные великими самодержцами россійскими сему войску дары: утварь церковную, знамена, бунчуки, клейноды, перначи и прочее.

Изъ церкви его высочество послѣдовалъ на приготовленную для него квартиру въ домъ войсковаго старшины Бурноса, гдѣ изволилъ принимать представленіе чиновниковъ войска. Отдохнувъ немного, его высочество удостоилъ въ тотъ же день по-

сѣтить войсковое училище и госпитали, потомъ благоволилъ поѣхать на мѣновый екатеринодарскій дворъ и тамъ изволилъ смотрѣть военныя игры, произведенныя мирными закубанцами, нарочито для сего случая вызванными изъ жилищъ своихъ.

На другой день его императорское высочество пожелалъ отправиться изъ Екатеринодара въ Крымъ. Прощаясь съ черноморцами, всеавгустѣйшій посѣтитель благодарилъ за радушный козацкій пріемъ и въ сопровожденіи атамана и всѣхъ чиновниковъ изволилъ выѣхать изъ города, напутствуемый благословеніями народа и окруженный достаточнымъ конвоемъ для безопасности по кордонной линіи. Въ сей день его высочество имѣлъ ночлегъ въ мѣстечкѣ Темрюкѣ, 15-го же сентября, достигши въ вожделѣнномъ здравіи г. Тамани, соизволилъ отплыть изъ Черноморіи чрезъ Босфорскій (?) проливъ въ Керчь.

Государь императоръ въ семъ году высочайше повелѣть соизволилъ сформировать въ войскѣ изъ конной и пѣшей полуротъ артиллеріи одну конную роту подъ № 6-мъ, пѣшую же полуроту совершенно уничтожить, по той причинѣ, что артиллерія на сей границѣ дѣйствуетъ большею частію противу непріятельской кавалеріи съ конными козаками; разрѣшено такъ-же для заболѣвающихъ козаковъ, состоящихъ на кордонахъ, отпускать изъ ближнихъ казенныхъ аптекъ медикаментовъ на 4,000 человѣкъ ежегодно.

Вскорѣ послѣ сего графъ Ланжеронъ, содѣйствуя разведенію войсковаго овчарнаго завода и устройству въ ономъ порядка, прислалъ къ атаману ветеринарнаго врача Булахова.

Съ наступленіемъ 1818-го года закубанцы возобновили набѣги свои на Черноморію. Атаманъ Матвѣевъ дѣятельно заботился о подкрѣпленіи границы, а начальствовавшій кордонною линіею подполковникъ Дубоносъ разсылалъ строгія приказанія удерживать стремленія хищниковъ.

4-го генваря черкесы въ значительной шайкѣ сдѣлали прорывъ въ наши границы. Переправясь чрезъ Кубань по льду, они стремительно бросились на Копанскую станцію, ворвались въ оную, захватили въ плѣнъ одного козака, увели 6 воловъ, 19

лошадей, и 2-хъ человѣкъ ранили; но болѣе злодѣйствовать не успѣли, преслѣдовавшая ихъ команда козаковъ достигла и, вступивъ съ ними въ бой, принудила возвратиться къ Кубани. Тогда встрѣтилъ ихъ войсковый полковникъ Кондруцкій, шедшій на подкрѣпленіе команды; онъ мужественно ударилъ на нихъ, отбилъ 6 воловъ и 3-хъ лошадей и, преслѣдуя злодѣевъ на лѣвую сторону Кубани, нанесъ имъ ощутительное пораженіе

5-го числа ночью сія самая шайка хищниковъ произвела набѣгъ на куренныя селенія Полтавское и Ивановское, но, къ счастію жителей, злодѣи были остановлены на пути подоспѣвшими командами есауловъ: Бѣлаго, Порохни, квартермистра Завгороднаго и хорунжаго Растовскаго, которые въ перестрѣлкѣ въ сіе время положили на мѣстѣ до 3 непріятелей и захватили 7 человѣкъ въ плѣнъ, остальныхъ же обратили въ бѣгство. 6-го числа въ разныхъ пунктахъ кордонной линіи злодѣи снова старались прорваться для грабежа въ пограничныхъ селеніяхъ, но открывшаяся по всей границѣ тревога остановила ихъ покушенія.

Сіи обстоятельства вынудили атамана Матвѣева еще усилить кордонную цѣпь назначеніемъ по 50 козаковъ изъ полковъ бывшихъ на льготѣ, о чемъ онъ получилъ разрѣшеніе отъ графа Ланжерона.

14 февраля 3 тысячи закубанцевъ ворвались въ наши предѣлы съ арбами и вьючными лошадьми, положась непремѣнно разорить селеніе Ивановское и забрать все имущество. Неустрашимый войсковый полковникъ Кондруцкій поспѣшилъ соединить всѣ команды съ ближайшихъ постовъ и, собравъ до 400 козаковъ, рѣшился ими обратить злодѣевъ назадъ, или умереть, подобно войсковому полковнику Тиховскому, защищая цѣлость своей родины. Такая геройская рѣшимость дойстойнаго штабъ-офицера спасла селеніе.

Заблаговременно замѣтивъ переправу хищниковъ, онъ занялъ узкій проходъ, ведущій на дорогу къ селенію и упираясь однимъ крыломъ въ лѣсъ, а другимъ въ топкія непроходимыя болота, безстрашно ждалъ непріятеля. Черкесы, не предвидя никакой хитрости съ нашей стороны, густою толпою смѣло кину-

лись на команду Кондруцкаго, чтобы, прорвавъ ее, очистить себѣ путь къ селенію, но не добѣжавъ до нея на ружейный выстрѣлъ, были встрѣчены меткимъ удачнымъ залпомъ изъ ружей скрытою Кондруцкимъ въ удобномъ мѣстѣ залогою изъ 50-ти пѣшихъ козаковъ. Злодѣи дрогнули, смѣшались, но въ то же мгновеніе оправясь, съ стремленіемъ атаковали слабую залогу, спѣшившую отретироваться къ своей колоннѣ. Кондруцкій быстро поддержалъ отступленіе залоги и вступилъ въ жаркую перестрѣлку. Непріятель нѣсколько разъ бросался, чтобы проложить себѣ дорогу. Наконецъ, понеся значительную потерю и пользуясь захваченными въ плѣнъ съ нашей стороны 20-ю человѣками, слишкомъ далеко врѣзавшимися при послѣдней аттакѣ, началъ отступать. Кондруцкій быстро преслѣдовалъ его, желая отнять несчастныхъ плѣнниковъ; однакожъ къ сожалѣнію не могъ успѣть въ томъ. Достигши Кубани, хищники спѣшили перебѣжать на лѣвый берегъ, чтобы укрыться отъ пушечныхъ выстрѣловъ; но ледъ подъ тяжестью толпы обрушился и до 200 человѣкъ потопли.

Атаманъ Матвѣевъ скорбѣлъ душею о столь явной опасности нашей границы отъ безпрерывныхъ разбоевъ закубанскихъ хищниковъ и, желая сколько возможно отвратить оную, сносился съ анапскимъ пашею, требуя, чтобы онъ, по предоставленной ему власти турецкимъ правительствомъ, удерживалъ злодѣевъ и строго наказывалъ ихъ.

Сейдъ-Ахметъ, извѣстясь тѣмъ, что буйные возмутители самовольно подстрекаютъ къ набѣгамъ разбойниковъ, живущихъ на рѣчкахъ Абинѣ или Шепши и Афипсѣ, далъ обѣщаніе употребить самыя жесточайшія мѣры къ наказанію ихъ и тогда же разослалъ въ горскія владѣнія приказъ ловить разбойниковъ, вязать имъ камень на шею и кидать въ Кубань. Эта жестокая строгость имѣла надлежащее дѣйствіе: черкесы, зная, что мѣры турецкаго правительства всегда исполняются, оставили набѣги и не тревожили Черноморіи восемь мѣсяцевъ.

Но 24 декабря, когда Кубань опять покрылась льдомъ, хищники толпою до 2 тысячъ человѣкъ снова устремились на

разореніе пограничныхъ селеній и хуторовъ, лежащихъ ниже Екатеринодара. Къ особенному счастію войсковый старшина Стринскій успѣлъ скоро собрать сильныя команды изъ всѣхъ ему ввѣренныхъ кордоновъ съ двумя конными орудіями и, встрѣтивъ злодѣевъ надъ самою Кубанью, сразился съ ними неустрашимо и не допустилъ къ селеніямъ. Нападеніе ихъ на Стринскаго было стремительно жестоко: въ первой сшибкѣ съ козаками они успѣли было захватить одно орудіе съ ящикомъ, лошадьми и прислугою, однакожъ козаки твердо выдержали ударъ, съ усиліемъ кинулись на нихъ, отняли назадъ орудіе, разстроили ихъ и, положивъ намѣстѣ до 50-ти лучшихъ наѣздниковъ, остальныхъ обратили въ бѣгство.

Послѣ сего закубанцы еще нѣсколько разъ пытались къ грабежамъ нашихъ селеній и хотя успѣвали захватывать въ добычу скотъ и лошадей, но быстрыми дружными отраженіями командъ кордонной линіи были останавливаемы и съ урономъ въ своихъ шайкахъ лишаемы добычи своей. Такъ продолжалось до февраля мѣсяца 1819 года, съ того же времени по 1820 годъ вся наша граница была совершенно спокойна.

Кромѣ же сильныхъ набѣговъ закубанскихъ, терзавшихъ въ 1818 году Черноморію, край сей подвергся еще опаснѣйшему злу. Дѣйствіе ли какихъ либо зловредныхъ испареній, скопившихся въ атмосферѣ изъ гнилыхъ болотъ, наполняющихъ Черноморію, или другія какія причины, породили между здѣшними жителями тяжкія болѣзни и произвели повсемѣстно непомѣрную смертность, такъ что изъ десяти заболѣвшихъ умирало пять человѣкъ.

Атаманъ Матвѣевъ, совмѣстно съ главнымъ войсковымъ медикомъ, надворнымъ совѣтникомъ Прохоровичемъ, поспѣшилъ принять всѣ нужныя средства къ прекращенію сего зла. Онъ для поданія поспѣшнѣйщей помощи заболѣвающимъ въ отдаленныхъ отъ Екатеринодара селеніяхъ, учредилъ тогда же лазареты въ Щербиновкѣ и Брюховецкомъ, снабдивъ всѣми потребностями, отправилъ туда медицинскихъ чиновниковъ и аптеки, предписалъ всѣмъ земскимъ начальствамъ дѣятельно заботиться о несчастныхъ и самъ лично вездѣ поспѣшалъ на помощь страж-

дущему человѣчеству, въ Екатеринодарѣ же кромѣ госпиталей устроилъ для больныхъ престарѣлыхъ хорошую богадѣльню, которая и до сего времени служитъ вѣрнымъ спокойнымъ пристанищемъ бѣдствующимъ. Сею благодѣтельною рачительностію и столь скорыми полезными пособіями въ три мѣсяца болѣзни и смертность прекращены.

Послѣ сего Матвѣевъ занялся введеніемъ точнаго порядка во внутреннемъ управленіи войска и распространеніемъ благосостоянія для жителей, издалъ въ руководство всѣмъ начальникамъ отдѣльныхъ частей и правленій весьма полезныя правила для всѣхъ отраслей управленія. Графъ Ланжеронъ, желая улучшить войсковую суконную фабрику, тогда же прислалъ въ войско искуснаго фабриканта колониста Христіяна Шельфогеля.

Государь императоръ въ исходѣ сего года, увольнивъ по болѣзни отъ командованія 7-мъ черноморскимъ эскадрономъ лейбъ-гвардіи козачьяго полка полковника Бурсака, высочайше соизволилъ утвердить вмѣсто его командиромъ эскадрона ротмистра Заводовскаго, нынѣ генералъ-маіора и наказнаго атамана войска.

Въ 1819 году атаманъ Матвѣевъ обратилъ особенное вниманіе на просвѣщеніе юношества въ Черноморіи; дабы возбудить во всѣхъ сословіяхъ войска общее ревностное содѣйствіе въ распространеніи сего блага человѣчества, онъ принялъ на себя званіе почетнаго смотрителя главнаго войсковаго екатеринодарскаго училища и смотрителя всѣхъ приходскихъ, и стараясь о устройствѣ оныхъ, жертвовалъ собственныя суммы и приглашалъ всѣхъ черноморцевъ къ такимъ пожертвованіямъ.

Министръ народнаго просвѣщенія князь Голицынъ, получа донесеніе отъ попечителя харьковскаго учебнаго округа, тайнаго совѣтника Корнѣева, о такомъ полезномъ усердіи Матвѣева, свидѣтельствовалъ ему совершенную свою признательность и вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшилъ чрезъ графа Ланжерона, для поддержанія приходскихъ училищъ таманскаго, щербиновскаго, брюховецкаго и гривенскаго, производить отпускъ изъ войсковыхъ доходовъ на каждое по 150 рублей ежегодно. Такое поддержаніе училищъ возродило благотворное соревнованіе и въ прочихъ куре-

няхъ черноморскихъ. Въ скоромъ времени общества жителей Медведовки, Кущовки, Леушковки и нѣкоторыхъ другихъ куреней устроили приходскія училища, жертвуя добровольно для помѣщенія оныхъ домы и все нужное для удобнаго содержанія учителей. Тогда же занимавшійся въ войскѣ питейными откупами, сынъ курскаго 1-й гильдіи купца Сергѣй Антимоновъ, по приглашенію атамана, принесъ на содержаніе приходскихъ училищъ 6,500 рублей.

Кромѣ того атаманъ Матвѣевъ, желая навсегда упрочить безбѣдное содержаніе сихъ училищъ въ Черноморіи, нарочито отдѣлилъ на то часть войсковыхъ доходовъ, потомъ на сей же предметъ упросилъ занимавшихся въ войскѣ рыболовными промыслами иногороднихъ сего сословія промышленниковъ прибавить къ платимой ими пошлинѣ на рыбу еще нѣкоторую сумму, для нихъ нечувствительную, что они съ удовольствіемъ исполнили. Такимъ образомъ, щедротами монарха и добровольными приношеніями благотворителей просвѣщенія, главное екатеринодарское училище, имѣя приличное содержаніе, въ скоромъ времени умѣло составить экономической училищной суммы до 25 тысячъ и получило возможность расширить свои полезныя дѣйствія къ благу всѣхъ прочихъ юныхъ отраслей просвѣщенія въ Черноморіи. Благородная неутомимая дѣятельность Матвѣева въ развитіи просвѣщенія до сего времени памятна благодарнымъ черноморцамъ.

Тогда государю императору благоугодно было на смѣну оренбургскаго козачьяго полка высочайше повелѣть графу Ланжерону, если возможно, не ослабляя границы здѣшней, командировать одинъ черноморскій конный полкъ въ Царство Польское для содержанія карауловъ и разъѣздовъ на границѣ прусской. Графъ Ланжеронъ, сообщивъ высочайшую волю атаману, возложилъ на него составить новый 11-й конный полкъ изъ козаковъ безъсемейныхъ, бездомковъ, не имѣющихъ никакой осѣдлости въ войскѣ. Матвѣевъ не замедлилъ сформировать сей полкъ и 2 сентября, ввѣривъ оный достойному войсковому старшинѣ Стринскому, отправилъ изъ Екатеринодара. 5 генваря

1820 полкъ прибылъ въ Варшаву и удостоенный предстать на смотръ его императорскаго высочества, государя цесаревича и великаго князя Константина Павловича, имѣлъ счастіе заслужить его высокую благодарность за исправность и отличный порядокъ во всѣхъ частяхъ. По окончаніи смотра Стривскій вышелъ изъ Варшавы и 12 генваря, прибывъ въ Млаву, занялъ кордоны на границѣ Пруссіи.

Еще въ исходѣ минувшаго 1818 года графъ Ланжеронъ, желая улучшить внутреннее устройство въ войскѣ черноморскомъ, предписывалъ атаману Матвѣеву въ управленіи онымъ руководствоваться во всемъ положеніями войска донскаго. Матвѣевъ въ отвѣтѣ своемъ на предписаніе, изображая различіе сихъ двухъ козачьихъ войскъ, какъ въ самомъ составѣ ихъ службы, такъ въ образѣ ихъ жизни и наконецъ въ ихъ природныхъ характерахъ и обычаяхъ въ общежитіи, справедливо доказывалъ, что при нынѣшнемъ военномъ положеніи Черноморіи невозможно управлять симъ войскомъ правилами и положеніями войска донскаго и старался отклонить Ланжерона отъ такого мнѣнія.

Однакожъ графъ Ланжеронъ, не уваживъ причинъ, изложенныхъ Матвѣевымъ, приказалъ ему послать изъ сего войска къ донцамъ расторопнаго чиновника, который бы могъ наблюдать за всѣмъ ходомъ тамошняго внутренняго управленія, узнать всѣ правила, весь порядокъ онаго и по возвратѣ въ Черноморію могъ-бы служить руководителемъ при введеніи оныхъ въ семъ сословіи. Матвѣевъ, исполняя волю графа, посылалъ къ атаману войска донскаго, генералъ-лейтенанту Денисову, подполковника Дубоноса, и сей чиновникъ, почерпнувъ всѣ свѣдѣнія о тамошнемъ управленіи, доставилъ въ подробности Матвѣеву, который тогда же отправилъ оныя на благосмотрѣніе Ланжерону. Но войско черноморское осталось на прежнемъ положеніи. Между тѣмъ, присланный г. управлявшимъ министерствомъ полиціи, генераломъ отъ инфантеріи графомъ Вязмитиновымъ, проэктъ вновь высочайше утвержденнаго карантиннаго устава и штатовъ атаманъ началъ вводить по войсковымъ карантинамъ.

Въ семъ году графъ Ланжеронъ поручилъ атаману Матвѣеву стараться посредствомъ коммисіонера, оставленнаго здѣсь г. де-Скасси для сношеній съ горцами, коллежскаго регистратора Мудрова о выкупѣ изъ плѣна людей захваченныхъ закубанцами на двухъ россійскихъ суднахъ, разбившихся у ихъ береговъ. Первое, принадлежавшее бериславскому мѣщанину Гурѣ, въ августѣ мѣсяцѣ 1818 года отправлено было изъ Херсона въ Ениколь съ казенными матеріалами, при двухъ кондукторахъ, съ шкиперомъ и отставнымъ канцеляристомъ Авраменкомъ, а второе, казенный транспортъ Рафаель, слѣдовавшій въ Гурію съ однимъ офицеромъ, однимъ вольнымъ коммисіонеромъ и 34 человѣками нижнихъ чиновъ, которые по несчастію были пригнаты противными вѣтрами къ черкесскимъ берегамъ, разбилось у оныхъ и все досталось въ добычу хищникамъ закубанскимъ.

При всѣхъ стараніяхъ атамана Матвѣева и коммисіонера Мудрова успѣли только выкупить шкипера перваго судна, Авраменка, и бывшаго на ономъ кондуктора Сачкова; другой же кондукторъ, Маринъ, съ прочими людьми и имуществомъ и весь безъ изъятія экипажъ транспорта Рафаеля не выкуплены, и судьба сихъ несчастныхъ осталась для насъ неизвѣстною.

1820. Несчастный для Черноморіи 1820-й годъ наступилъ въ тишинѣ, и сія тишина была вѣрною предвѣстницею послѣдующихъ бѣдствій.

Неблагопріятныя извѣстія, полученныя еще 17 октября 1819 г. отъ торговавшаго у закубанцевъ армянина Миноса Косокира о злоумышленныхъ поступкахъ анапскаго паши Сейдъ Ахмета, побуждавшаго непріязненныхъ Россіи владѣльцевъ горскихъ племенъ натухайскаго, сапсугскаго, абазехскаго и чичинейскаго къ возобновленію сильнѣйшихъ набѣговъ на всѣ пункты черноморской границы, а въ особенности на г. Екатеринодаръ, грозили вѣроятнымъ бѣдствіемъ.

Армянинъ клялся, что во время нахожденія своего въ Анапѣ, посѣтивъ пашу, самъ видѣлъ тѣхъ владѣльцевъ и слышалъ, какъ Сейдъ-Ахметъ, осыпая ихъ щедро подарками и деньгами, возбуждалъ, просилъ, приказывалъ усилить набѣги значитель-

ными шайками и грабить Черноморію безпощадно, какъ давали они присягу исполнить его желаніе и наконецъ какъ паша, не довольствуясь одними ихъ обѣщаніями, при немъ отправилъ одного особаго чиновника къ горскимъ народамъ съ богатыми дарами для скорѣйшаго возмущенія ихъ. Всѣ сіи вѣсти къ несчастію были справедливы.

Атаману Матвѣеву, для отвращенія столь явной грозы, надлежало-бы, по примѣру достойныхъ своихъ предмѣстниковъ, немедленно вооружиться, ходатайствовать о разрѣшеніи и дѣйствовать противу злодѣевъ наступательно, должно было бы вооруженною рукою удержать ихъ стремленія, заставить отречься отъ своихъ предпріятій и жесточайшимъ наказаніемъ дать имъ почувствовать, что Черноморія еще не ослабѣла въ своихъ силахъ, еще имѣетъ мужественныхъ предводителей.

Но Матвѣевъ миролюбивый, связанный повелѣніями графа Ланжерона, кромѣ отраженій, не дѣйствовалъ противу черкесъ наступательно, по случаю существовавшей тогда въ горахъ заразительной болѣзни, сверхъ того, къ сожалѣнію, слѣдовалъ болѣе ошибочнымъ совѣтамъ, совершенно не знавшаго черкесъ, надворнаго совѣтника де-Скасси, сдѣлавшагося тогда попечителемъ иностранной торговли, имѣвшаго особенныя порученія графа Ланжерона и министерства иностранныхъ дѣлъ, дѣйствовалъ мѣрами кротости противъ замысловъ разбойничьихъ и, донося о томъ графу Ланжерону, просилъ его ходатайствовать у Оттоманской порты чрезъ полномочнаго нашего въ Константинополѣ барона Строгонова о удержаніи горцевъ отъ губительныхъ набѣговъ.

Переговоры начались. Анапскій паша отговаривался, что онъ не въ силахъ удерживать своевольныхъ непокорныхъ злодѣевъ; изъ этаго возникла обширная переписка, но черкесы не ожидали окончанія оной и 23 генваря смѣло открыли свои дѣйствія.

Переправясь вблизи воронежскаго поста многочисленными толпами, они устремились грабить селеніе Васюринское. Есаулы Косовичъ и Забора, соединя свои команды съ 2-мя орудіями,

отрѣзали хищникамъ путь къ селенію и вступили съ ними въ бой. Смѣло сразились козаки, но слабы были ихъ силы удержать жестокій натискъ многочисленныхъ грабителей; уже храбрые мѣшались, готовились отступать, но къ счастію въ это время войсковый старшина Гавришъ съ 150-ю козаками прискакалъ къ нимъ на помощь, поддержалъ изнемогающихъ и, соединясь съ ними, рѣшительно ударилъ въ густоту толпы непріятельской, разстроилъ оную и заставилъ обратиться на свою сторону безъ всякой добычи, съ одними только плѣнными: 1 оберъ-офицеромъ и двумя козаками, захваченными злодѣями на пути къ селенію. Въ семъ дѣлѣ съ обоихъ сторонъ потеря была незначительна.

Неудача сія не отвратила закубанцевъ отъ набѣговъ; на другой день, 24 генваря, они были счастливѣе. Собравшись въ числѣ до 7-ми тысячъ, они въ полночь прошли въ дистанціи Елисаветинскаго поста на нашу сторону и быстро кинулись къ козачьимъ хуторамъ, разселеннымъ въ 15 верстахъ отъ Кубани. Напрасно неустрашимые подполковникъ Ляшенко и войсковый полковникъ Порохня съ 300 козаками старались остановить хищниковъ. Они презрѣли ихъ малочичленность, однимъ ударомъ разорвали ихъ ряды и вольно пошли къ хуторамъ, разграбили, разорили, сожгли ихъ; увели въ плѣнъ 16 душъ мужескаго, 13 женскаго пола, 8 человѣкъ жителей убили, захватили 700 штукъ рогатаго скота, 100 лошадей и, хотя съ значительнымъ урономъ въ толпѣ своей, понесли однакожъ за Кубань взятую у насъ добычу.

26 генваря вблизи воронежскаго поста ворвалась толпа хищниковъ для грабежа Васюринскаго селенія, но бывъ встрѣчена съ одной стороны есауломъ Косовичемъ, а съ другой двумя конными полками войсковыхъ старшинъ Кривошеи и Гавриша и лишась въ первой схваткѣ съ козаками своего предводителя, убитаго пулею, у котораго тогда и знамя отнято, обратились назадъ. 31 генваря они испытали равную-же неудачу въ набѣгѣ своемъ въ дистанціи Елисаветинскаго поста.

1-го числа февраля на разсвѣтѣ значительныя шайки злодѣевъ показались на лѣвой сторонѣ Кубани, и въ продолженіи цѣлаго дня видны были ихъ движенія къ разнымъ пунктамъ нашей кордонной линіи; къ вечеру;же до 8-ми тысячъ перешли по льду Кубань въ трехъ мѣстахъ возлѣ Ольгинскаго поста и пошли грабить селеніе Полтавское. Войсковый полковникъ Стороженко и есаулъ Животовскій, соединивши свои команды, по слѣдамъ хищниковъ устремились въ помощь есаулу Сѣромахѣ и хорунжему Синьговскому, уже сражавшемуся въ улицахъ селенія. Отчаянное нападеніе Стороженка и Животовскаго принудило грабителей остановить разбои, довольствоваться захваченными ими въ крайнихъ домахъ еселенія плѣнными, 15-ю душами обоего пола жителей, 80 штукъ рогатаго скота и 100 овецъ. Съ сею добычею непріятель поспѣшилъ отретироваться къ Кубани. Потеря наша при семъ сраженіи, кромѣ взятыхъ въ плѣнъ, оказалась слѣдующая: убиты храбрый хорунжій Синьговскій и 2 козака, ранены 4 козака. Черкесы оставили на мѣстѣ 11 тѣлъ и 9 лошадей.

Подобные набѣги съ 2-го по 16-е февраля продолжались постоянно въ разныхъ пунктахъ границы, но уже не въ такихъ значительныхъ силахъ, и потому кордонною стражею были отражаемы; 17-го-же числа хищники имѣли полную удачу.

Въ полдень 4,000 отборныхъ наѣздниковъ перешли Кубань въ дистанціи Петровскаго поста и, увѣренные въ слабости нашей кордонной стражи, явно, смѣло летѣли на разореніе хуторовъ черноморскихъ. Начальникъ Петровскаго поста есаулъ Кунпанъ съ своею ничтожною командою вышелъ противъ злодѣевъ и рѣшился сразиться съ нимя, чтобы спасти несчастныхъ жителей; но былъ разсѣянъ и прогнанъ, потерявъ убитыми 3-хъ и взятыми въ плѣнъ 10 козаковъ.

Поспѣшившій въ помощь Кунпану съ другой стороны войсковый полковникъ Головинскій съ 150-ю козаками подвергся равной же участи, злодѣи совершенно разогнали его команду и, не встрѣчая болѣе препятствій, свободно, безжалостно начали свирѣпствовать въ хуторахъ: взяли въ плѣнъ до 20-ти душъ

обоего пола, захватили въ добычу 50 лошадей, 900 штукъ рогатаго скота и, предавши огню все строеніе, пошли на свою сторону безъ малѣйшей потери.

Такое бѣдствіе Черноморіи печалило графа Ланжерона. Онъ прислалъ къ атаману Матвѣеву своего адъютанта, гвардіи штабъ-капитана Выгилина, съ приказаніемъ собрать для подкрѣпленія границы всѣ совершенно черноморскіе полки, вооружить для защиты селеній всѣхъ жителей и въ то же время требовалъ отъ атамана войска донскаго, генералъ-лейтенанта Денисова, два донскихъ полка на усиленіе здѣшней кордонной линіи, которые вскорѣ прибыли подъ начальствомъ подполковниковъ Желтоножскаго и Кутейникова и разставлены по кордонамъ; сверхъ того предписалъ употребить дѣятельнѣйшія старанія къ охраненію несчастныхъ житетелей отъ разореній и за всякое злодѣяніе жестоко наказывать закубанцевъ. Но и сіе не было съ пользою исполнено.

Анапскій паша, котораго Матвѣевъ убѣждалъ удерживать горцевъ отъ набѣговъ, отвѣчалъ, что онъ уже не можетъ останавливать ихъ, что они рѣшились всегда воровать и грабить Черноморію и что намъ самимъ должно ловить ихъ и наказывать, какъ хотимъ. Только съ наступленіемъ весны Черноморія нѣкоторое время отдохнула отъ набѣговъ черкесскихъ. Ледъ на Кубани разрушился и переправа сдѣлалась для нихъ затруднительною.

Между тѣмъ 11 апрѣля государь императоръ соизволилъ высочайше повелѣть, по мѣстному положенію черноморскаго войска, отдѣлить оное отъ вѣдомства таврической губерніи и подчинить начальнику кавказскаго корпуса. А 19 апрѣля высочайше утвержденъ докладъ управлявшаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, тайнаго совѣтника, графа Кочубея, о умноженіи сего войска переселеніемъ 25-ти тысячъ семей малороссійскихъ козаковъ черниговской и полтавской губерній. Вслѣдъ за симъ, по высочайшему повелѣнію, прибылъ въ войско инженеръ подполковникъ Пароконя для строгаго осмотра и правильнаго укрѣпленія черноморской кордонной линіи.

17 мая исполнилось важнѣйшее предположеніе Матвѣева къ распространенію въ Черноморіи просвѣщенія. Въ Екатеринодарѣ, по высочайшему повелѣнію, въ присутствіи ординарнаго профессора императорскаго харьковскаго университета Пауловича, торжественно открыта гимназія и на содержаніе оной опредѣлено отпускать изъ государственнаго казначейства ежегодно по 5,800 рублей ассигнаціями.

Графъ Ланжеронъ, съ прискорбіемъ разставаясь съ черноморцами и дабы оставить память благодѣтельнаго своего попеченія о ихъ счастіи, исходатайствовалъ у государя императора высочайшія награды достойнѣйшимъ членамъ сего сословія.

Главнокомандовавшій въ Грузіи генералъ Ермоловъ, съ поступленіемъ въ начальство его сего войска, желая прекратить дерзости закубанцевъ и доставить благотворное спокойствіе сему войску, 19 ноября отправилъ изъ Грузіи въ Черноморію войска донскаго генералъ-маіора Власова; приказалъ ему внимательно осмотрѣть здѣшнюю границу, для лучшей обороны укрѣпить оную во всѣхъ пунктахъ, вникнуть въ службу козаковъ, замѣтить исправность ихъ вооруженія, способъ ихъ дѣйствія противу непріятеля, поручилъ въ точности изслѣдовать составъ полковъ, порядокъ управленія оными, исправить вездѣ недостатки и по обозрѣніи всего принять въ непосредственное свое распоряженіе кордонную линію и защищать оную отъ хищниковъ.

Генралъ-маіоръ Власовъ 6 декабря прибылъ въ Екатеринодаръ, и атаманъ Матвѣевъ немедленно исполнилъ волю генерала Ермолова, отдавъ о томъ приказъ по войску. Первоначальныя его распоряженія по кордонной линіи, его внимательное, усердное стараніе къ сохраненію оной, показали черноморцамъ, что онъ достоинъ управлять ими, и они спѣшили ревностно исполнять его приказанія, единодушно содѣйствовать ему во всѣхъ благонамѣренныхъ предпріятіяхъ.

1821 г. Заботливое огражденіе кордонной линіи, усиленіе пограничныхъ карауловъ, безпрерывные разъѣзды по границѣ нашихъ командъ, недремлемая бдительность надъ самой Кубанью неутомимыхъ пластуновъ и общее рвеніе командировъ отдѣль-

ныхъ частей къ доставленію прочнаго спокойствія своей родинѣ (въ началѣ 1821 года) удержали закубанцевъ отъ гибельныхъ набѣговъ. Генералъ-маіоръ Власовъ бодрствовалъ и посредствомъ вѣрныхъ лазутчиковъ внимательно слѣдилъ всѣ ихъ движенія.

Анапскій паша, свѣдавъ о водворенномъ порядкѣ на нашей границѣ, сдѣлался ласковѣе. По сношеніямъ съ нимъ генерала Ермолова онъ обѣщалъ удерживать по возможности черкесъ отъ хищничествъ, стараться понудить ихъ возвратить заграбленный въ послѣдніе набѣги у жителей Черноморіи скотъ и взятыхъ въ плѣнъ людей и о всѣхъ ихъ враждебныхъ покушеніяхъ на будущее время непремѣнно давать знать Власову. Сіе послѣднее обѣщаніе Сейдъ-Ахметъ тогда же исполнилъ, приславъ въ бугазскую карантинную заставу своего нарочнаго съ извѣстіемъ о многочисленномъ собраніи злодѣевъ, готовящихся вторгнуться въ предѣлы Черноморіи. Но таковое извѣстіе до самой осени ничѣмъ не подтверждалось, и Черноморія была въ совершенномъ спокойствіи.

Однакожъ, не смотря на сіе, генералъ Власовъ во все лѣто не отпускалъ полковъ съ кордонной линіи въ дома и сія мѣра хотя тягостна была для козаковъ, семействъ ихъ и разоряла ихъ хозяйство, разстраивала у многихъ домовность, но съ другой стороны приносила большую пользу всему сословію охраненіемъ онаго отъ внезапныхъ нападеній злыхъ сосѣдей, потому болѣе, что водворяла повсемѣстное спокойствіе.

Въ это время генералъ Власовъ, извѣстясь отъ начальника 3-й части пограничныхъ корауловъ, полковника Безкровнаго, что Каракубанскій островъ, занимаемый закубанцами, есть самый важнѣйшій сборный ихъ пунктъ, гдѣ они всегда свободно укрываются въ пустыхъ, нарочито для того ими устроенныхъ аулахъ и при удобномъ случаѣ производятъ изъ онаго свои вредные набѣги въ наши предѣлы, поручилъ ему переправиться въ тотъ островъ и истребить до основанія всѣ разбойничьи притоны. 3 и 9 маія полковникъ Бекровный исполнилъ волю Власова: предалъ огню множество пустыхъ ауловъ съ устроенными въ нихъ конюшнями и коновязями, не только на Каракубанскомъ островѣ,

но и на лѣвой сторонѣ Кубани, противъ урочища Прусовый кутъ, скрытыхъ въ густотѣ лѣсовъ и огражденныхъ топкими болотами.

Наконецъ въ исходѣ сентября извѣстіе анапскаго паши подтвердили приверженные намъ черкесы, давъ знать генералу Власову, что три тысячи хищниковъ, предводительствуемые князьями Бет-мерзише Детырь-Оглу и Абатомъ Дадаруномъ готовятся грабить Черноморію.

Въ вечеру 2 октября вѣрные стражи Кубани пластуны открыли въ дистанціи Петровскаго поста сію грозную шайку злодѣевъ, уже начавшую переправляться чрезъ рѣку Давидовку (вытекающую изъ Кубани въ 8-ми верстахъ отъ поста) и поспѣшили донести о своемъ открытіи.

Генералъ-маіоръ Власовъ, по первому извѣстію прискакавшій въ Петровскій постъ, принялъ самыя строжайшія мѣры осторожности, чтобы ни въ какомъ пунктѣ не допустить злодѣевъ нанести вредъ жителямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ распоряжался, чтобы за дерзское покушеніе непремѣнно ихъ наказать. Онъ немедленно разослалъ передовые патрули для наблюденія за движеніями непріятеля, а самъ съ собраннымъ отрядомъ изъ 600 конныхъ и 70 пѣшихъ козаковъ при 2-хъ орудіяхъ вышелъ изъ поста и изготовился къ дѣйствію. Караулы скоро замѣтили направленіе шайки къ черно-эрковскимъ хуторамъ, скрытно извѣстили о томъ отрядъ и Власовъ приказалъ дать имъ свободный ходъ. Злодѣи быстро понеслись чрезъ почтовую дорогу и въ надеждѣ вѣрной добычи летѣли безпрепятственно къ хуторамъ. Въ слѣдъ за ними Власовъ тотъчасъ отрядилъ есаула Залѣскаго съ 50-ю козаками, приказавъ ему догнать ихъ, завязать съ ними перестрѣлку, непремѣнно обратить ихъ противу себя и, отступая медленно, навести ихъ на главный отрядъ. Залѣскій поскакалъ, его подкрѣпила другая сильнѣйшая команда, и перестрѣлка съ черкесами завязалась. Они, полагая, что сіи ничтожныя партіи козаковъ есть единственная защита хуторовъ, съ ожесточеніемъ ударили на нихъ всею массою, чтобы подавить ихъ и совершенно истребить; но козаки искусно ретиру-

ясь, вели злодѣевъ на вѣрную погибель и, усиленные еще 3-ю командою, подоспѣвшею съ однимъ орудіемъ изъ славянскаго поста, удачно сманили ихъ съ прежняго направленія, заскакали имъ въ тылъ и поставили ихъ лицемъ прямо противу главнаго отряда. Въ это время запылали по всей границѣ маяки, загремѣли сигнальные пушечные выстрѣлы.

При освѣщеніи маяковъ злодѣи увидѣли, куда завлеклись. Власовъ стройно стоялъ предъ ними, какъ грозный мститель. Удивленные столь неожиданнымъ обманомъ ничтожныхъ нашихъ партій, они съ отчаяніемъ кинулись на главный отрядъ, желая пробиться къ своей переправѣ на Кубань. Благоразумный Власовъ, встрѣтивъ ихъ картечью изъ двухъ орудій, хитро отклонился съ отрядомъ въ глубину камышей. Злодѣи не остереглись и въ семъ случаѣ: принявъ хитрость Власова за бѣгство его и стремительно преслѣдуя, чтобы окружить его со всѣхъ сторонъ, слишкомъ отдалились въ право къ тонкому лиману и дали время присоединиться къ отряду отдѣльнымъ нашимъ партіямъ, прежде ихъ преслѣдовавшимъ. Тогда Власовъ быстро атаковалъ ихъ своею кавалеріею въ флангъ: мужественные козаки дружнымъ ударомъ мгновенно смяли многочисленную толпу, обратили ее въ бѣгство, опрокинули въ лиманъ и безъ всякой пощады мстили хищникамъ за ихъ разбои. Пораженіе сіе было жесточайшее; злодѣи искали спасенія въ глубинѣ лимана, вязли въ грязи, тонули, весьма малая часть успѣла только прорваться влѣво отъ лимана и бѣгствомъ спаслась отъ погибели, прочіе всѣ пали на мѣстѣ. Одинъ князь и 45 наѣздниковъ взяты въ плѣнъ съ оружіемъ въ рукахъ, найдено въ камышахъ убитыхъ и тогда же вытащено изъ лимана утонувшихъ 400 человѣкъ; отбито два знамени, 350-ть ружей, множество пистолетовъ и шашекъ и 516 лошадей, съ нашей же стороны убитъ 1 козакъ, утонуло при преслѣдованіи за лиманомъ 4 и ранено 14 человѣкъ.

4-го октября снова въ томъ-же мѣстѣ была замѣчена шайка хищниковъ изъ 1,000 человѣкъ, вѣроятно слѣдовавшая для отысканія погибшихъ на лиманѣ своихъ товарищей. Войсковый

старшина Журавель, по приказанію генерала Власова, немедленно выступилъ съ отрядомъ для пораженія злодѣевъ. Раздѣливъ отрядъ свой на три партіи и ввѣривъ 1-ю есаулу Кедѣ, 2-ю есаулу Залѣсскому, а 3-ю начальствуя самъ, Журавель скрытно старался обойти непріятеля съ трехъ сторонъ и къ счастію достигъ своего желанія. Онъ окружилъ неосторожныхъ, рѣшительнымъ нападеніемъ привелъ ихъ въ совершенную робость, обратилъ въ бѣгство, разсѣялъ и, преслѣдуя, успѣлъ захватить въ плѣнъ 4-хъ, убилъ 50 человѣкъ, всѣхъ-же прочихъ прогналъ за Кубань, потерявъ съ своей стороны убитыми 2-хъ и раненными 6 козаковъ.

Мужественные подвиги храбрыхъ черноморцевъ въ сихъ двухъ битвахъ одушевили ихъ, обезопасили спокойствіе мирныхъ обитателей и заслужили признательность корпуснаго командира генерала Ермолова, который тогда-же исходатайствовалъ у государя императора высочайшія награды генералу Власову и всѣмъ его сподвижникамъ.

Между тѣмъ Черноморія страдала внутри: появившаяся лѣтомъ саранча истребила весь хлѣбъ и голодъ открылся. Никакія благоразумныя мѣры, предпринимаемыя атаманомъ Матвѣевымъ, не могли отвратить сего несчастія. Повсемѣстно страдали коренные жители Черноморіи; но еще въ жалостнѣйшемъ положеніи находились вновь прибывшіе на усиленіе войска переселенцы изъ полтавской и черниговской губерній и не было средствъ подать имъ помощи. Наконецъ Матвѣевъ, по совѣщанію съ генераломъ Власовымъ, рѣшился въ таковой крайности прибѣгнуть къ послѣднему источнику, къ подаянію благотворителей. Онъ написалъ воззваніе ко всему сословію войска, откровенно изъяснялъ предъ ними несчастное положеніе бѣдныхъ переселенцевъ и просилъ человѣколюбивыхъ облегчить страданія бѣдствующихъ собратій благотворительными приношеніями. При обще народномъ бѣдствіи, казалось, трудно было ожидать атаману успѣха въ сей крайности; но человѣколюбивые черноморцы вняли призыву попечительнаго начальника и отъ послѣднихъ избытковъ подавали пособіе неимущимъ.

Вскорѣ успѣлъ атаманъ собрать 10 тыс. рублей ассигнаціями, 80 четвертей хлѣба, 16 лошадей, 317 штукъ рогатаго скота, 1050 овецъ, и участь страдавшихъ начала облегчаться.

Кромѣ того генералъ Ермоловъ, зная бѣдствіе войска, предписалъ Матвѣеву и всѣмъ полкамъ, состоящимъ на кордонной линіи, отпускать изъ войсковыхъ магазиновъ только по два фунта хлѣба въ сутки на человѣка, остающійся-же отъ такой экономіи 1 фунтъ употребить на поддержаніе переселенцевъ. Матвѣевъ исполнилъ это, съ тою разницею, что вмѣсто отнятаго у козаковъ фунта хлѣба, приказалъ отпускать имъ говядину изъ жертвуемаго благотворителями скота. Сіи благоразумныя распоряженія сохранили до новаго урожая жизнь тысячамъ людей, могшимъ погибнуть отъ голода.

Генералъ Ермоловъ, благодаря войско за человѣколюбивыя пожертвованія и желая не допустить доходовъ онаго до разстройства, при непомѣрной дороговизнѣ въ то время на хлѣбъ, предписалъ уничтожить войсковый конный заводъ, какъ мало приносившій пользы и напротивъ требовавшій большихъ расходовъ для своего содержанія. Всѣ лошади тогда-же были проданы войсковымъ правительствомъ и вырученныя за нихъ деньги послужили большою помощію въ сохраненіи цѣлости войсковой суммы.

Генералъ маіоръ Власовъ предположилъ съ наступленіемъ 1822 года очистить лѣвой берегъ рѣки Кубани отъ густыхъ лѣсовъ, которые, скрывая оный совершенно отъ наблюденій нашей кордонной стражи, служили удобнымъ пристанищемъ закубанцевъ, готовившихся къ внезапнымъ набѣгамъ на предѣлы Черноморіи. Въ генварѣ, онъ, переправивъ отряды за Кубань въ трехъ пунктахъ кордонной линіи и распорядившись защитить ихъ нарочитыми засѣками, приказалъ заниматься рубкою лѣса. Въ теченіи мѣсяца отряды сіи успѣли очистить непріятельскій берегъ на весьма значительное разстояніе, а весь лѣсъ, тамъ вырубленный, былъ отданъ жителямъ селеній для ихъ хозяйственныхъ построекъ. Но козаки, находившіеся въ засѣкахъ, состоя на собственномъ продовольствіи, очень недостаточномъ при

тогдашнемъ неурожаѣ хлѣба, терпѣли ужасный голодъ, заболѣвали; открылась непомѣрная смертность. По недостатку въ войскѣ медицинскихъ чиновниковъ были немедленно командированы лучшіе фельдшера съ медикаментами и сіе зло вскорѣ прекратилось: отряды перемѣнены другими свѣжими козаками. Полковникъ Безкровный, по приказанію Власова, принялъ начальство надъ всѣми засѣками, оградилъ оныя бдительными разъѣздами отъ нападеній безпокойныхъ непріятелей и заботился о сохраненіи здоровья козаковъ.

Между тѣмъ Власовъ, получивъ разрѣшеніе генерала Ермолова сдѣлать движеніе за Кубань, для наказанія горцевъ, занялся приготовленіемъ отряда къ экспедиціи. Выждавъ удобное время, онъ 2-го подъ 3-е февраля съ 2,200 конныхъ и 1,100 пѣшихъ черноморцевъ и двумя ротами навагинскаго пѣхотнаго полка переправился за Кубань и быстро двинулся къ ближайшимъ черкесскимъ ауламъ, разсѣяннымъ по рѣкамъ Пшецызѣ, Кунь и Богундырь. Пользуясь темнотой ночи, онъ раздѣлилъ свой отрядъ на малыя партіи и въ одно время повелъ аттаку на 8 ауловъ. Жилища злодѣевъ запылали, устрашенныя жены и дѣти спасались бѣгствомъ въ ближайшій лѣсъ, оставя намъ въ добычу все свое имущество. Предавши огню весь хлѣбъ и сѣно, заготовленное въ истребленныхъ аулахъ, отрядъ нашъ взялъ 700 штукъ рогатого скота и до 500 овецъ и благополучно возвратился къ Кубани. Генералъ Ермоловъ за успѣхъ сей экспедиціи благодарилъ всѣхъ участвовавшихъ въ оной приказомъ по корпусу.

При всѣхъ бѣдствіяхъ голода, еще жестоко тяготившихъ Черноморію, человѣколюбивые здѣшніе благотворители спѣшили подать помощь и вдали страждущимъ. Управлявшій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ графъ Кочубей извѣстилъ атамана Матвѣева о несчастіи, постигшемъ жителей города Фридланда отъ пожара, истребившаго все ихъ имущество. По первому воззванію Матвѣева къ черноморцамъ, они принесли въ жертву 1,555 руб. ассигнаціями, которые тогда же и были отправлены къ графу Кочубею.

Страдавшіе равномѣрно отъ голода закубанцы бѣжали въ семъ году толпами на жительство въ Черноморію, въ особенности женщины съ дѣтьми, и попечительное войсковое правительство съ отеческимъ участіемъ принимало и водворяло ихъ между азіатцами, обитавшими на нашей землѣ.

1823 г. атаманъ Матвѣевъ, при содѣйствіи генералъ-маіора Власова, неутомимо занимался водвореніемъ на землѣ сего войска вновь прибывающихъ переселенцевъ, съ отеческою попечительносію заботился объ улучшеніи участи козачьихъ семействъ, пострадавшихъ отъ голода въ бѣдственные минувшіе два года, трудился вмѣстѣ съ войсковымъ правительствомъ въ достиженіи возможнаго благоустройства Черноморіи и, посвятивъ себя совершенно такимъ полезнымъ занятіямъ, не мыслилъ болѣе о славѣ военной и отказывался отъ всякаго участія въ распоряженіяхъ по кордонной линіи, предоставивъ оную вполнѣ Власову.

Генералъ сей умѣлъ цѣнить столь священныя заботы атамана и съ своей стороны старался во всемъ быть ему ревностнымъ помощникомъ. Онъ собраннымъ въ зиму 1823 года на подкрѣпленіе границы отрядамъ черноморцевъ приказалъ по прежнему заняться рубкою лѣса на лѣвомъ берегу Кубани и предоставилъ полную свободу жителямъ пользоваться тѣмъ лѣсомъ для нуждъ собственныхъ и общественныхъ по куренямъ.

Симъ распоряженіемъ генералъ Власовъ сдѣлалъ важное пособіе не однимъ новымъ переселенцамъ, но и старожилымъ козакамъ порознь, и обществамъ куреннымъ въ цѣломъ составѣ, и наконецъ самому войсковому правительству. Изъ вырубаемаго лѣса переселенцы не затруднялись обзаводиться необходимою хозяйственною постройкою; старожилые козаки легко исправляли рушившіяся свои хижины и прочее; куренныя общества не имѣли нужды прибѣгать къ пожертвованіямъ жителей для строенія храмовъ Божіихъ, починки оныхъ и ограды, для сборныхъ избъ, для окружныхъ присутственныхъ мѣстъ и при оныхъ тюремъ для содержанія преступниковъ. Войсковое правительство, безъ всякихъ издержекъ войсковыхъ суммъ, или соли, на покупку и на мѣну у закубанцевъ строеваго лѣса,

устраивало почтовыя станціи, ограждало заборами изъ кольевъ пограничныя селенія для безопасности отъ хищниковъ и пріобрѣтало достаточно лѣса для прочихъ войсковыхъ потребностей; однимъ словомъ всякій нуждающійся былъ вполнѣ удовлетворяемъ, а при томъ и самая кордонная линія имѣла отъ сего занятія ощутительную пользу: по очищеніи лѣсистыхъ скрытныхъ мѣстъ лѣваго берега Кубани пограничная стража получила облегченіе въ своихъ наблюденіяхъ за всѣми непріязненными движеніями своихъ злыхъ сосѣдей и имѣла возможность исправить кордонныя строенія и посты.

Но таковое полезное пріобрѣтеніе для Черноморіи не нравилось закубанцамъ. Они не могли быть равнодушными зрителями столь сильнаго истребленія своихъ лѣсовъ, приносившихъ имъ всегда большія выгоды мѣною дерева на соль и другія наши произведенія для нихъ необходимыя. Злодѣи неоднократно въ продолженіи сихъ занятій покушались нападать на наши отряды, однакожъ были удачно отражаемы.

Генералъ-маіоръ Власовъ, видя, что произведенная противу нихъ въ прошломъ году губительная экспедиція еще не устрашила ихъ, не отвратила отъ алчности къ разбоямъ и что они уже забыли сдѣланное имъ наказаніе, рѣшился снова наказать хищниковъ.

Предметомъ сей экспедиціи онъ предположилъ истребленіе трехъ ауловъ на рѣчкѣ Тихинькой, въ коихъ обитали злѣйшіе разбойники съ своими предводителями Джамборомъ, Асланъ Мурзою и Цеенъ-Дедекомъ. Въ ночь на 4-е февраля Власовъ, собравъ отрядъ изъ 200 конныхъ, 600 пѣшихъ черноморцевъ и 250 солдатъ навагинскаго пѣхотнаго полка, съ двумя конными черноморскими орудіями, переправился за Кубань и скрытною дорогою до разсвѣта приблизился къ тѣмъ auламъ, спокойно, осторожно. Тамъ раздѣливъ отрядъ на три части, приказалъ въ одно время атаковать всѣ три аула. На разсвѣтѣ 5 февраля дружно ударили наши на враждебныя жилища, зажгли ихъ и кинулись опустошать. Устрашенные неожиданнымъ нападеніемъ враги спѣшили спасаться бѣгствомъ и гибли въ рѣкѣ и огнѣ.

Отрядъ нашъ взялъ въ плѣнъ 143 души обоего пола съ добычею 700 штукъ рогатаго скота, 1000 овецъ и до 100 лошадей, и безъ урону возвратился къ Кубани. Но на обратномъ пути 200 дерзскихъ наѣздниковъ, въ панцыряхъ, вздумали безпокоить нашъ правый флангъ и лишить насъ плодовъ побѣды. Генералъ Власовъ воспользовался удобнымъ мѣстоположеніемъ, внезапно обратилъ противъ нихъ черноморскихъ пластуновъ и въ полчаса злодѣи были разсѣяны. 20-ть человѣкъ взято въ плѣнъ съ оружіемъ въ рукахъ и 45 лошадей съ подъ убитыхъ достались намъ, съ нашей же стороны ранены только 7 козаковъ и 3 солдата, убиты оберъ-офицеръ 1 и урядникъ 1.

Горя желаніемъ отмстить за славную нашу удачу, закубанцы въ теченіи лѣта нѣсколько разъ многочисленными шайками собирались для набѣговъ въ Черноморію, но на всѣхъ пунктахъ находили неусыпныхъ стражей общаго спокойствія и, поражаемые, обращались въ бѣгство. Дабы остановить такіе разбои, генералъ Власовъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ снова открылъ военныя дѣйствія, страшныя для разбойниковъ, славныя для насъ.

4 сентября онъ переправился за Кубань съ отрядомъ черноморцевъ въ Александровскомъ посту, огнемъ истребилъ три аула, ближайшіе къ Кубани, гдѣ злодѣи имѣли вѣрное пристанище во время собраній къ набѣгамъ, взялъ въ плѣнъ 1 дворянина, 5 простыхъ черкесъ, двухъ грековъ турецко-подданныхъ, двухъ армянъ, множество предалъ смерти и двинувшись во внутрь чичинейскихъ владѣній, разогналъ многочисленныя ихъ скопища, собравшіяся для грабежей.

22-го ноября съ сильнымъ отрядомъ ходилъ истреблять аулы абазеховъ, живущихъ за 60 верстъ отъ Кубани, въ гористыхъ и лѣсистыхъ мѣстахъ и закрываемыхъ отъ насъ народомъ хамышейскимъ. Онъ произвелъ тамъ ужасное опустошеніе, выжегъ весь хлѣбъ и сѣно и, захвативши до 100 штукъ рогатаго скота, возвратился почти безъ урону; но жители предо-

стереглись отъ сего нападенія и успѣли скрыться изъ жилищъ въ лѣса.

16 декабря онъ наказывалъ жесточайшимъ образомъ самыхъ непримиримѣйшихъ враговъ Черноморіи сапсуговъ, живущихъ по рѣчкахъ Азыпсъ, Хавль и Камель-Ждукъ, предалъ огню ихъ аулы и хутора со всѣми хозяйственными запасами, взялъ 500 штукъ рогатаго скота, до 1000 овецъ, множество разнаго имущества и оружія и съ этою экспедиціею окончилъ въ семъ году дѣйствія противу закубанцевъ.

Неутомимые мужественные черноморцы вездѣ отличались примѣрнымъ безстрашіемъ и рвеніемъ въ исполненіи благоразумныхъ плановъ достойнаго предводителя. Генералъ Власовъ, довольный подвигами вѣрныхъ своихъ товарищей, ходатайствовалъ предъ корпуснымъ командиромъ о наградѣ ихъ и высочайшія милости всеавгустѣйшаго монарха щедро изливались на доблестныхъ сыновъ Черноморіи.

Между тѣмъ, во время сихъ дѣйствій Власова, атаманъ Матвѣевъ и войсковое правительство съ успѣхомъ улучшали благосостояніе Черноморіи благоразумными распоряженіями.

Государь императоръ, по представленію Ермолова, высочайше соизволилъ разрѣшить за вѣрную полезную службу черноморцевъ удостоивать козаковъ, служащихъ безпорочно 20 лѣтъ на кордонѣ, къ наградѣ орденомъ св. Анны.

Въ семъ же году, по высочайшей волѣ, II-й конный черноморскій полкъ, находившійся въ Царствѣ Польскомъ, смѣненъ 3-мъ коннымъ подъ командою полковника Безкровнаго.

1824 годъ, при совершенномъ спокойствіи нашей границы, генералъ-маіоръ Власовъ началъ дѣйствіемъ противъ непріязненнаго намъ хамышейскаго владѣтеля князя Ногай-Чирея и переселившагося къ нему единомышленника въ разбояхъ, сапсугскаго дворянина Абата Бесленея.

Въ ночь на 27 генваря Власовъ съ отрядомъ до 4 тысячъ конныхъ и пѣшихъ черноморцевъ и солдатъ, съ 8 конными черноморскими орудіями, быстро двинулся къ ауламъ. Передовые черкесскіе патрули, скрывавшіеся въ лѣсу, замѣтя нашъ

отрядъ, сдѣлали тревогу выстрѣлами изъ ружей и тѣмъ дали время собраться многочисленной толпѣ наѣздниковъ для защиты жилищъ своихъ, а жителямъ скрыться. Отрядъ нашъ, не смотря на упорное сопротивленіе горцевъ, ихъ частыя стремительныя аттаки, пробился сквозь ихъ толпы, захватилъ 2-хъ черкесъ въ плѣнъ и 300 штукъ рогатаго скота, истребилъ до основанія два аула, предалъ огню хлѣбъ и сѣно и, нанеся имъ жесточайшее пораженіе, безъ малѣйшей потери возвратился на свою сторону.

5-го маія Власовъ снова пошелъ съ отрядомъ къ рѣкѣ Тихинькой губить аулы дворянъ натухайскаго племени Джанъ Гирея, Соббая и Шеретлука, часто учавствовавшихъ въ разбояхъ и грабежахъ Черноморіи и кавказской линіи. Счастіе вездѣ служило сему достойному генералу и всякая задуманная имъ гибель хищникамъ безпрепятственно совершалась. Храбрые его сподвижники душевно были увѣрены въ томъ, что ничто не могло устоять противу ихъ безстрашныхъ нападеній. Аулы истреблены, все, что могло горѣть, предано огню, оружіе и богатое имущество было добычею козаковъ, сверхъ того взяты въ плѣнъ самъ владѣтель Соббай и 2 черкеса, угнато 50 лошадей, до 200 штукъ рогатаго скота и 1500 овецъ; мужественныхъ товарищей своего счастія привелъ Власовъ обратно въ Черноморію безъ всякаго урона и отпустилъ ихъ на отдыхъ. Въ семъ году онъ не предпринималъ уже болѣе никакихъ движеній противу горцевъ, и безъ того уже слишкомъ наказанныхъ и устрашенныхъ.

Черноморія вполнѣ наслаждалась спокойствіемъ; войсковое правительство пеклось только о водвореніи прибывающихъ переселенцевъ и о размѣнѣ нашихъ плѣнныхъ на плѣнныхъ черкесъ.

1825 г. При наступленіи 1825 года, по распоряженію герала Власова, наши отряды перешли снова за Кубань для рубки лѣса и, огражденные засѣками, спокойно производили свои работы. Отдохнувшіе отъ жестокихъ пораженій, нанесенныхъ въ прошедшемъ году Власовымъ, горцы, по врожденной склонности

къ грабежамъ и въ отмщеніе за разореніе ихъ ауловъ, начали собираться въ многочисленныя скопища, съ намѣреніемъ напасть на наши границы.

Извѣстный въ горахъ, счастливый разбойникъ, сапсугскій дворянинъ Казыбечь, принявъ начальство надъ сими скопищами, повелъ ихъ 23 генваря грабить наше пограничное селеніе Елисаветовское. Неусыпная осторожность кордонной стражи спасла отъ гибели селеніе и сильнымъ сопротивленіемъ принудила хищниковъ возвратиться съ немаловажнымъ урономъ за Кубань.

Генералъ Власовъ, получа достовѣрное свѣдѣніе отъ лазутчиковъ, что въ набѣгѣ семъ учавствовали съ сапсугами болѣе прочихъ горскихъ племенъ злые абазехи, вознамѣрился примѣрно наказать ихъ. Обезопасивъ пограничную линію усиленными караулами, онъ, собравъ до 3000 тысячъ конныхъ и пѣшихъ черноморцевъ, съ 6-ю конными орудіями, ночью на 1-е февразя выступилъ къ рѣкѣ Джебѣ, для разоренія разсѣянныхъ по берегамъ ея абазехскихъ ауловъ.

На разсвѣтѣ другого дня, достигши въ тишинѣ ауловъ и раздѣливъ отрядъ на нѣсколько частей, въ одно мгновеніе повелъ со всѣхъ сторонъ быстрое нападеніе. Отъ брандскугелей три аула запылали. Испуганные внезапностію жители, слыша повсюду воинственный крикъ козаковъ, не смѣли спасаться бѣгствомъ, боясь попасть въ плѣнъ, и гибли въ пламени. Наши войска успѣли только захватить въ домахъ, еще не объятыхъ огнемъ, 50 душъ жителей обоего пола, 500 штукъ рогатаго скота, 200 овецъ и 40 лошадей; прочіе же всѣ жители съ своимъ имуществомъ и большое количество скота, запертаго въ базахъ и конюшняхъ, сдѣлались добычею пламени. Окончa счастливо истребленіе сихъ ауловъ, отрядъ съ незначительнымъ урономъ того же дня пришелъ въ Черноморію.

Генералъ маіоръ Власовъ, и послѣ сего желая еще продолжать наказанія непріязненнымъ закубанцамъ, для узнанія мѣстоположенія ихъ жилищъ, послалъ въ средину ихъ владѣній по разнымъ направленіямъ нѣсколько черноморскихъ пластуновъ, что бы они, подкрадываясь тамъ скрытными путями, разсмо-

трѣли мѣстность и, узнавъ оную совершенно, могли бы служить проводниками нашимъ отрядамъ, ибо черкесскіе лазутчики, служившіе намъ изъ одной корысти, весьма часто насъ обманывали, открывали закубанцамъ движенія нашихъ войскъ и, предупреждая ихъ, способствовали имъ заблаговременно избѣгать нашихъ внезапныхъ нападеній. Опытные въ осторожности пластуны скоро возвратились и доставили Власову въ подробности всѣ необходимыя ему свѣдѣнія.

По симъ свѣдѣніямъ Власовъ 16 февраля выступилъ съ большимъ отрядомъ къ рѣкамъ: Уныобатъ (Вонабатъ), Иликъ и Супъ, протекающимъ у самой подошвы горъ и вознамѣрился разсѣять многочисленныя шайки абазеховъ и сапсуговъ, собравшіяся, по замѣчанію пластуновъ, для набѣговъ въ наши предѣлы. Сіе предпріятіе Власовъ окончилъ съ успѣхомъ. Послѣ упорной битвы скопища злодѣевъ поражены, разсѣяны, три аула на тѣхъ рѣкахъ сожжены; въ добычу взято значительное имущество, множество оружія, 20 лошадей и отрядъ нашъ, въ неоднократныхъ сраженіяхъ съ ними потерявъ 18 человѣкъ убитыми и до 70 ранеными, возвратился къ Кубани.

Въ началѣ марта генералъ Власовъ вторично получилъ свѣдѣніе, что сапсуги и абазехи снова собрались у рѣкъ Шебжи, Афипса и Пшекупса и двумя толпами намѣреваются напасть на отрядъ нашъ, занимающійся рубкою лѣса въ засѣкахъ на лѣвомъ берегу Кубани, з оттуда броситься грабить миролюбивое хамышейское племя, и что бы разстроить ихъ намѣренія, 11 марта внезапно, быстро напалъ на нихъ, привелъ въ замѣшательство, разогналъ совершенно и, предавши огню нѣсколько ауловъ, съ маловажною добычею и почти безъ урона съ нашей стороны пришелъ въ Черноморію.

5 и 7 маія Власовъ дѣйствовалъ противъ темиргойскаго дворянина Джамбора, (4 марта 1823) переселившагося, по разореніи нашими войсками прежняго его аула, съ рѣки Тихинькой на правой берегъ рѣки Бѣлой, въ сосѣдство приверженнаго намъ дворянина Пшешафа Ахметукова. Злой Джамборъ, населивъ новый аулъ свой подобными себѣ злодѣями, всѣми мѣрами ста-

рался вредить нашей границѣ; онъ ревностно помогалъ сапсугамъ при всякомъ набѣгѣ, возмущалъ преданныхъ намъ владѣтелей, давалъ прибѣжище враждебнымъ абазехамъ и нерѣдко служилъ главною пружиною къ непріязненнымъ противъ насъ дѣйствіямъ горцевъ. Таковые поступки требовали жестокаго ему наказанія и Власовъ исполнилъ оное. Аулъ его тогда же былъ разоренъ до основанія, большая часть жителей предана смерти, только 14 человѣкъ обоего пола взяты въ плѣнъ, въ добычу же получено, кромѣ разнаго имущества, лошадей 10, рогатаго скота 253 штуки и 300 овецъ.

При отступленіи нашего отряда отъ сего аула, Джамборъ, спасшійся бѣгствомъ отъ смерти, съ нѣсколькими наѣздниками и сильно вспомоществуемый воинами натухайскаго дворянина Ула-Оглу-Шеретлука, съ жестокостію нападалъ на нашъ арріергардъ. Генералъ Власовъ, за такую дерзость желая равнымъ образомъ наказать сего соумышленника Джамбора, быстро поворотилъ съ отрядомъ къ рѣкѣ Тихиньκой, скоро достигъ аула Шеретлука и съ жителями предалъ оный огню, причемъ захватилъ 30 лошадей, до 700 штукъ рогатаго скота и 1,000 овецъ. Наказавъ столь удачно сихъ двухъ злодѣевъ, отрядъ, обремененный добычею, возвратился въ свои границы безъ малѣйшаго урона.

21, 24 и 27 маія отрядъ нашъ ходилъ наказать злодѣйскія скопища сапсуговъ и абазеховъ, разорившія аулы приверженныхъ намъ хамышейцовъ. Успѣхъ увѣнчалъ вполнѣ сіе предпріятіе: шайки хищниковъ разбиты на голову, нѣсколько ауловъ истреблены до основанія, взято въ плѣнъ 16 душъ обоего пола, угнато 50 лошадей, 400 штукъ рогатаго скота и 200 овецъ.

Въ исходѣ іюня Власовъ получилъ извѣстіе отъ лазутчиковъ, что абазехи и сапсуги намѣреваются напасть большими силами на отрядъ дѣйствовавшаго на кавказской линіи начальника корпуснаго штаба, генералъ-маіора Вельяминова и, желая не допустить ихъ до сего, 1-го іюня выступилъ противъ нихъ съ значительнымъ отрядомъ. Раздѣля оный на нѣсколько частей, смотря по необходимости, болѣе или менѣе сильныхъ

подъ начальствомъ испытанныхъ въ мужествѣ и благоразумiи штабъ-офицеровъ, онъ опустошалъ владѣнiя враждебныхъ закубанцевъ по 19 число. Нанося имъ вездѣ величайшiй вредъ, отряды наши сожгли множество ауловъ, весь хлѣбъ и сѣно, взяли 1,000 рогатаго скота, 1000 овецъ и до 50 лошадей и къ 20 числу возвратились съ малою потерею.

Въ то время, когда отрядъ нашъ такъ славно дѣйствовалъ внутри владѣнiй горцевъ, нѣкоторые изъ прибрежныхъ ауловъ покушались вторгнуться въ Черноморiю для грабежей, но усиленная кордонная цѣпь неустрашимо отразила ихъ нападенiя. Генералъ Власовъ, желая продолжить спокойствiе на границѣ, просилъ атамана Матвѣева еще усилить кордонную стражу назначенiемъ нѣсколькихъ полковъ на границу и вооруженiемъ престарѣлыхъ козаковъ на защиту пограничныхъ куреней. Весьма тягостно было для войска всегдашнее всообщее вооруженiе, но атаманъ вынужденъ былъ выполнять всѣ просьбы Власова. Въ сiе же время сводный баталiонъ таманскаго гарнизоннаго полка прибылъ въ Екатеринодаръ и поступилъ въ отрядъ, находившiйся за Кубанью въ засѣкахъ.

Распорядившись такимъ образомъ, Власовъ уже смѣло получалъ свѣдѣнiя отъ лазутчиковъ о собранiи горцевъ, грозившихъ разоренiемъ Черноморiи за наши дѣйствiя противъ нихъ и былъ совершенно готовъ на всѣхъ пунктахъ кордонной линiи отражать нападенiя дерзскихъ злодѣевъ.

Черкесы, хотя видѣли нашу грозную готовность, однакожъ не оставляли своихъ предпрiятiй къ разбоямъ и тѣмъ вынудили Власова возобновить противъ нихъ наступательныя дѣйствiя. Онъ не долго собирался. Отрядъ, состоявшiй болѣе нежели изъ 5 тысячъ черноморцевъ и регулярной пѣхоты съ 10 конными орудiями, открылъ 5 сентября свои дѣйствiя отдѣльными частями по разнымъ направленiямъ горскихъ владѣнiй. По 19 октября сапсуги и абазехи, навлекшiе на себя справедливое наше мщенiе, гибли отъ оружiя сихъ отрядовъ. Мужественные предводители, войсковые полковники: Табанецъ, Зѣнченко, Перекрестъ, Чорный и Долинскiй жестоко карали хищниковъ. Пощады нико-

му не было. Они пронесли опустошенія въ самыя скрытныя, неприступныя ущелья горъ, истребили множество ауловъ со всѣми заготовленіями хлѣба и сѣна, угнали значительное количество разнаго скота, взяли 20 человѣкъ въ плѣнъ съ оружіемъ въ рукахъ и, оставляя устрашеннаго бѣгущаго непріятеля, безъ малѣйшей потери возвратились къ сборному пункту въ засѣки. 20 октября прекратились всѣ дѣйствія; жестокое наказаніе разсѣяло непріятелей совершенно.

Добытое оружіемъ временное спокойствіе границы радовало утружденную Черноморію и манило счастіемъ безмятежнымъ. Но вскорѣ волею судебъ вышнихъ, извѣстіе горестное, тяжкое опечалило вѣрныхъ черноморцевъ: съ нелицемѣрнымъ душевнымъ прискорбіемъ они оплакивали въ Бозѣ почившаго великаго монарха своего Александра Благословеннаго и съ любовію вѣрноподданническою присягнули нынѣ благополучно царствующему императору Николаю Павловичу.

1826 г. Въ началѣ 1826 года враждебные замыслы злыхъ племенъ закубанскихъ противъ Черноморіи стали оказываться по прежнему. Лазутчики наши безпрерывно пріѣзжали къ генералу Власову съ извѣстіями о многочисленныхъ скопищахъ сапсуговъ, абазеховъ и натухайцевъ, готовившихся грабить наши предѣлы. Строжайшія мѣры осторожности были приняты по всей кордонной линіи, цѣпь удвоена и сильные разъѣзды придвинуты къ пунктамъ удобнѣйшимъ для переправы чрезъ Кубань.

Такое сильное оборонительное положеніе кордоновъ оказалось весьма полезнымъ. Хищники не замедлили появиться густыми толпами на лѣвомъ берегу Кубани и въ нѣсколькихъ мѣстахъ пытались прорвать нашу цѣпь, что-бы разорить пограничныя селенія; однакожъ, помощію Всевышняго Промысла, вездѣ съ урономъ были отражаемы храбрыми черноморцами. Генералъ-маіоръ Власовъ не хотѣлъ болѣе остаться въ оборонительномъ положеніи и быть только хладнокровнымъ зрителемъ набѣговъ злодѣйскихъ; онъ рѣшился, не обезсиливая кордоновъ,

съ особыми, нарочито собранными отрядами дѣйствовать наступательно.

Въ половинѣ генваря Власовъ выступилъ за Кубань, быстрыми движеніями обошелъ непріятеля въ тылъ, обратилъ на себя всѣ его скопища и, въ теченіи нѣсколькихъ дней мужественно сражаясь съ ними, искусно отвелъ ихъ отъ Кубани къ горамъ. Тамъ, раздѣливъ отрядъ на три части, ночью съ трехъ сторонъ ударилъ на злодѣевъ, смялъ ихъ, разстроилъ и заставилъ разбѣжаться. На другой день послѣ сей битвы, не встрѣчая болѣе противниковъ, отрядъ благополучно возвратился къ Кубани.

Между тѣмъ въ сіе время попечитель торговли съ горцами, коллежскій совѣтникъ де-Скасси, чрезъ своихъ комиссіонеровъ старался всѣми мѣрами привлечь къ намъ хотя одно племя натухайцевъ, менѣе прочихъ воинственное, болѣе всѣхъ занятое торговлею, слѣдовательно болѣе склонное къ трудолюбію, желалъ совершенно отклонить оное отъ союза съ непримиримыми сапсугами, удержать отъ набѣговъ; но успѣхъ не увѣнчалъ его стараній. Коварные натухайцы, никогда еще не наказанные за свои злодѣянія. всегда спокойные, всѣмъ довольные, ласкательствами усыпляли де-Скасси, обѣщали покориться Россіи и въ тоже самое время, соединясь съ сапсугами и абазехами, устремились грабить наши предѣлы.

Прозорливый генералъ Власовъ давно видѣлъ коварство сего племени и легковѣріе де-Скасси,—онъ не хотѣлъ ждать окончанія безполезныхъ переговоровъ, медленно производившихся въ Бугазской карантинной заставѣ, и предположивъ ускорить наказаніе хитрыхъ злодѣевъ, 4 февраля переправилъ на лѣвый берегъ Кубани у Стар325редутскаго поста два отряда подъ начальствомъ войсковыхъ полковниковъ Табанца и Стороженка, приказавъ имъ первоначально опустошить сосѣдніе съ натухайскими владѣніями сапсугскіе аулы на рѣчкахъ Пшебепсъ и Пшепль. Отряды неустрашимо исполнили его волю: истребили огнемъ 4 аула, взяли въ плѣнъ 35 душъ обоего пола, захватили до 400 штукъ рогатаго скота и 300 овецъ. 25-го же числа, по его распоряженію, войска наши, раздѣлясь на три отряда, вторгну-

лись во владѣнія натухайскаго князя Сагатъ-Гирей Калабатъ Оглу, всегда болѣе прочихъ казавшагося намъ преданнымъ и всегда хитрѣе прочихъ коварствовавшаго предъ де-Скасси. Отряды сіи быстро, рѣшительно атаковали со всѣхъ сторонъ его аулы, разсѣяли защитниковъ оныхъ, предали всеразрушающему пламени все строеніе, весь хлѣбъ и сѣно, захватили все имущество, взяли въ плѣнъ до 50 душъ его подданныхъ, угнали 1,000 штукъ рогатаго скота, 1,000 овецъ и, соединясь всѣ вмѣстѣ, отступили безъ малѣйшей потери къ своей границѣ.

Въ сихъ счастливыхъ экспедиціяхъ черноморцы дѣйствовали съ безпримѣрнымъ самоотверженіемъ и благоразумными распоряженіями мужественныхъ предводителей полковъ, войсковыхъ полковниковъ: Табанца, Зѣнченка, Долинскаго, Кравцова, есаула Животовскаго и артиллеріи есаула Ольховаго 2-го, достигли блестящаго успѣха и заслужили особенную признательность начальства. Такъ отдавалъ имъ справедливость генералъ маіоръ Власовъ въ донесеніяхъ своихъ г-ну корпусному командиру.

Наказанные такимъ образомъ натухайцы прибѣгнули къ покровительству де-Скасси и, богатыми подарками увѣривъ его въ давней своей преданности къ Россіи, чрезъ него приносили жалобу на генерала Власова за несправедливое разореніе ихъ ауловъ. По высочайшему повелѣнію государя императора прибылъ въ Черноморію 15 іюня генералъ - адъютантъ Стрекаловъ для изслѣдованія дѣйствій Власова, и вскорѣ сей генералъ удалился отъ командованія черноморскою кордонною линіею; вмѣсто же его присланъ войска донскаго генералъ маіоръ Сысоевъ. Все имущество, плѣнныхъ и скотъ, взятые нашими войсками у натухайцевъ, повелѣно возвратить, что немедленно было исполнено.

Послѣ сихъ происшествій на границѣ возстановилось совершенное спокойствіе и войсковый атаманъ Матвѣевъ ревностно трудился надъ устройствомъ внутреннимъ, давалъ облегченіе козакамъ утружденнымъ, разорившимся отъ непомѣрной тягостной пограничной службы. Для пополненія же убыли въ полкахъ черноморскихъ, въ продолженіи 5 лѣтъ находившихся въ без-

прерывныхъ военныхъ дѣйствіяхъ противъ закубанцевъ, онъ распорядился начать наборъ козаковъ изъ малолѣтковъ вновь переселенныхъ малороссійскихъ семействъ, уже окончившихъ водвореніе свое на сей землѣ и совершенно оправившихся въ хозяйственныхъ обзаведеніяхъ.

Въ семъ году на смѣну 3 коннаго полка отправленъ изъ войска въ Царство Польское 2-й конный подъ начальствомъ войсковаго полковника Перекреста; потомъ, по предписанію корпуснаго командира генерала Ермолова, полки сего войска, 1-й конный съ войсковымъ старшиною Зѣнченкомъ и 4-й конный съ войсковымъ старшиною Вербицкимъ, пошли въ Грузію для дѣйствія противу персіянъ, гдѣ они отличными своими подвигами пріобрѣли честь и славу.

Въ септябрѣ мѣсяцѣ высочайшимъ повелѣніемъ государя императора генералъ-адъютантъ Паскевичъ назначенъ начальствовать войсками кавказскаго корпуса, вмѣсто генерала отъ инфантеріи Ермолова, послѣ чего предписано войску черноморскому состоять въ вѣдѣніи начальника войскъ на кавказской линіи генералъ-лейтенанта Эмануэля.

1816 г. По случаю разрыва съ Россіею персіянами мира, черноморское войско высочайшимъ указомъ оставлено въ военномъ положеніи. Счастливые успѣхи россіянъ въ персидскую компанію родили зависть въ турецкомъ правительствѣ и оно въ семъ году обнаружило непріязненное къ намъ расположеніе. Анапскій паша, сосѣдствующій съ Черноморіею, тотъ часъ былъ усиленъ войсками. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ генералъ-лейтенанту Емануелю сдѣлалось извѣстнымъ, что турецкія войска, прибывая во множествѣ въ Анапу, имѣютъ намѣреніе чрезъ 25 дней вторгнуться въ предѣлы россійскіе.

Черноморія, какъ представляющая первый пунктъ къ таковому непріятельскому вторженію, по предписанію Эмануеля, приняла повсемѣстную бдительную воинскую осторожность: на подкрѣпленіе передовой стражи нашей назначены резервы и къ защитѣ границъ войска, для непредвидимаго случая, собраны всѣ полки, находившіеся въ домахъ.

3-й конный полкъ, бывшій въ Царствѣ Польскомъ съ полковникомъ Безкровнымъ, обратился въ предѣлы войсковые, а 6-й пѣшій съ войскокымъ старшиною Табанцемъ отправленъ къ Владикавказу.

Движенія изъ Крыму чрезъ Керченскій проливъ регулярныхъ войскъ и переходъ ихъ чрезъ Черноморію на усиленіе кавказскаго корпуса, принятая осторожность и укрѣпленія постовъ по границѣ, устранили предпріятіе анапскаго паши отъ покушенія къ нападенію на предѣлы Черноморіи. Впрочемъ собранія на разныхъ рѣчкахъ закубанскихъ горскихъ народовъ въ большихъ толпахъ продолжались; въ дикомъ семъ народѣ носились вымышленные недоброжелательные слухи, будто бы персіяне прогнали русскихъ до Тифлиса, будто въ Крыму татары подняли бунтъ, персидское правительство приняло лезгинцевъ и другихъ народовъ въ свое подданничество, шахъ какъ побѣдитель слѣдуетъ горами къ Анапѣ и что у насъ на границѣ никакихъ войскъ нѣтъ.

Но на самомъ дѣлѣ персіяне присылали ко всѣмъ горцамъ, обитающимъ на пространствѣ отъ Гуріи до Анапы, двухъ хановъ, въ сопровожденіи 40 человѣкъ персіянъ, въ видѣ посланниковъ, съ сильнымъ убѣжденіемъ всѣхъ горцевъ возстать къ непріязненнымъ дѣйствіямъ противъ границъ нашихъ; однакоже прибрежные закубанскіе владѣльцы, преданные намъ, не послушали ихъ, напротивъ того чрезъ весь сей годъ не только сохранили къ намъ дружбу и приверженность, но и враждующихъ сапсуговъ и другихъ племенъ горскихъ народовъ удерживали отъ набѣговъ на границы наши.

Въ сіе время черноморскіе козаки съ сожалѣніемъ лишились смертію удрученнаго лѣтами и подвигами незабвеннаго для нихъ генерала Бурсака. Войсковый атаманъ Матвѣевъ такъ же вскорѣ умеръ.

Скорбь козаковъ о потерѣ вождей не долго продолжалась: государь императоръ всемилостивѣйше назначилъ его императорское высочество, наслѣдника, великаго князя Александра Николаевича атаманомъ всѣхъ козачьихъ войскъ.

Предшествовавшему слуху о семъ необычайномъ назначеніи козаки не вѣрили; но когда объявленъ высочайшій приказъ и внушена начальниками важность толико вожделѣннаго назначенія и несказанной милости все-августѣйшаго монарха, они спѣшили въ храмы принесть теплыя мольбы Всевышнему о здравіи всего августѣйшаго императорскаго дома.

По смерти войсковаго атамана Матвѣева, назначенъ наказнымъ атаманомъ полковникъ Безкровный, возвратившійся съ 3 коннымъ полкомъ съ Царства Польскаго, командовавшій же черноморскимъ войскомъ донской генералъ Сысоевъ выбылъ на Донъ.

Для улучшенія благосостоянія и введенія порядка по всѣмъ частямъ черноморскаго войска, высочайше его императорскимъ величествомъ утверждено положеніе,. которымъ постановлены на прочныхъ основаніяхъ присутственныя мѣста. Войсковая канцелярія составлена изъ двухъ экспедицій: воинской и экономической; военный судъ, при войсковой канцеляріи учрежденный, для впадающихъ въ преступленіе воинскихъ чиновъ; гражданскій судъ съ опекою для лучшаго призрѣнія вдовъ и сиротъ; градская полиція и четыре земскія сыскныя начальства по округамъ: екатеринодарской, таманской, бейсугской и ейской для благочинія и судопроизводства; куренныя управленія по куренямъ для разбирательства между жителями претензій на мѣстѣ. Всѣмъ симъ присутственнымъ мѣстамъ начертаны священныя права и преимущества, принаровленныя къ обычаямъ, нраву и жизни черноморцевъ. Войсковая канцелярія поставлена въ сношеніе съ губернскими правленіями и подчинена корпусному командиру, гражданскій судъ съ опекою областному таковому же, военный судъ наказному атаману.

Генералу Ермолову обязано войско благодарностію за составленіе и представленіе положенія сего на высочайшее его императорскаго величества утвержденіе. Онъ съ поступленія въ его подчиненность войска имѣлъ попеченіе развить въ немъ промышленность и просвѣщеніе и усовершенствовать по всѣмъ отраслямъ хо-

зяйство козаковъ, чтобы сдѣлать ихъ хорошими хозяевами и возвесть военное и гражданское ихъ состояніе въ лучшее положеніе.

Въ слѣдующемъ 1828 году возгорѣлась война съ турками и козаки не могли воспользоваться отеческою попечительностію правительства. Поставленные на границѣ съ дикими народами, безпрерывно дѣлающими набѣги по подстреканію турокъ, козаки обязаны были вновь употребить всѣ старанія и всѣ свои силы къ защитѣ себя и своей родины и изыскивать всѣ средства сохранить цѣлость своего достоянія. Они должны были теперь покинуть семейства безъ пріюта, оставить безъ вниманія хозяйства, бросить поля не обработанными, жилища не устроенными.

1828. Съ раннею весною всѣ полки черноморскіе собраны были въ подкрѣпленіе границы. 1-й пѣшій полкъ съ есауломъ (нынѣ въ отставкѣ полковникъ) Животовскимъ отправленъ за Дунай.

25 апрѣля высочайшимъ его императорскаго величества манифестомъ объявлена Турціи война. Анапскій паша, предварительно снабженный свѣжими войсками болѣе 7,000, исправнымъ вооруженнымъ флотомъ и артиллеріею, привелъ крѣпость въ лучшее оборонительное состояніе, воззвалъ къ горцамъ о возмущеніи, стараясь возбудить въ нихъ по единовѣрію ненависть и вражду къ нашему правительству. Однакожъ еще въ началѣ февраля мѣсяца являлись владѣльцы къ начальникамъ частей кордона съ вопросомъ, какъ мы поступимъ, въ случаѣ войны съ Турціею, съ тѣми изъ нихъ, кои не примутъ участія съ турками. Начальство, соображаясь съ святѣйшею волею государя императора, сообщенною начальникомъ главнаго штаба его императорскаго величества генералъ-лейтенанту Эмануелю, имѣло обращеніе съ ними самое дружелюбное; мѣрою кротости имъ было внушено, что не только въ случаѣ войны съ турками, но ежели бы по обстоятельствамъ случилось войскамъ нашимъ перейти за Кубань и тамъ дѣйствовать противу турокъ, тѣ изъ закубанцевъ, которые не будутъ дѣйствовать съ ними, всегда пощажены будутъ, ибо война противу Порты до нихъ нисколько не можетъ касаться, и личная безопасность ихъ, семействъ и имущества обез-

печены будутъ охранными листами. Сверхъ того положено было правиломъ, чтобы за вины частныхъ лицъ не наказывать цѣлыхъ обществъ и во всякомъ случаѣ оказывать имъ возможную помощь. Чтобы съ большею точностію внушить имъ высочайшую волю, начальство черноморскаго войска нарочито вызывало владѣльцевъ закубанскихъ, оказывало имъ ласки, обѣщало всякое покровительство государя императора и предлагало переселиться къ иамъ на случай нападенія непріязненныхъ горцевъ на предѣлы наши. Между тѣмъ въ Черноморіи устроены два лагеря: 1-й при куренѣ Старомишастовскомъ и 2-й между Корсунскимъ и Васюринскимъ, скрытые отъ наблюденія ихъ. Сверхъ того нарочито собирался отрядъ близъ крѣпости Фанагоріи, который, по мѣрѣ приближенія къ Анапѣ нашего флота съ десантомъ, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ перешелъ Бугазъ и 3-го мая произведены начальные удары туркамъ подъ Анапой.

Впрочемъ сколько ни представляемо было со стороны нашей закубанскимъ владѣльцамъ выгодъ и великодушія, однако же всѣ бывшіе преданными намъ и жившіе при берегу на лѣвой сторонѣ Кубани князья и дворяне, со всѣми своими семействами, людьми и имуществами, удалились на жительство въ дальніе лѣса и горы, отложились отъ своей преданноети къ Россіи и, измѣнивъ ей, дали присягу турецкому правительству; изъ нихъ главнѣйщіе темергойскаго владѣнія: Тветлустань, Гайтеновъ, Безруковъ и чеченейскаго: Пшекуй, Беберда и Пшемафъ Ахметуковъ.

Не довольствуясь сею неблагодарностію и тѣмъ, что обнаружили свою непріязнь, закубанскіе владѣльцы объявили на мѣновыхъ дворахъ, что они намѣрены сдѣлать прорывъ на нашу сторону для грабительства, полагая, что граница обезсилена выступленіемъ войскъ къ Анапѣ.

Такъ и случилось: 13 маія они выше Подмогильняго поста вторглись въ предѣлы наши и стремились на разореніе куреней: Корсунскаго и Васюринскаго. Резервъ, состоявшій подъ начальствомъ войсковаго старшины Суличича изъ трехъ полковъ: 10-го и 11-го конныхъ и 10-го пѣшаго, встрѣтилъ вѣроломныхъ, поразилъ ихъ и обратилъ въ бѣгство. Злодѣи мгновенно вплавь воз-

вратились за Кубань, оставивъ на мѣстѣ убитыми двухъ дворянъ своихъ, которыхъ по обычаю своему не успѣли захватитъ, имѣя уже у себя множество убитыхъ и раненыхъ при пораженіи семъ; съ нашей стороны убитъ храбрый сотникъ Твердовскій и 1 козакъ, а 4 ранено. Генералъ-лейтенантъ Эмануель, истребовавъ резервъ сей къ Усть-лабинской крѣпости и тамъ оставя изъ онаго 150 человѣкъ пѣхоты, съ послѣднею и присоединившеюся регулярною пѣхотою и частію линейныхъ козаковъ сдѣлалъ движеніе за Кубань пониже Лабы.

10 дней генералъ сей по развымъ направленіямъ, имѣя сообщеніе съ генералъ-маіоромъ Антроповымъ, разилъ собранныя скопища черкесъ, снабженныя отъ турокъ артиллеріею и предполагавшія сдѣлать нападеніе на предѣлы Черноморіи и кавказской линіи.

Анапскій паша, стѣсненный сухопутными войсками нашими въ крѣпости, вновь воззвалъ къ горскимъ народамъ, живущимъ по берегу Чернаго моря на рѣчкахъ: Пшадъ, Уланъ и Убикъ и снабдивъ ихъ и другихъ горцевъ одинадцатью орудіями, артиллеристами и лошадьми, жалованьемъ и другими дарами, 31 маія подвинулъ ихъ къ Анапѣ, для дѣйствія противу нашего отряда.

Но черкесы были войсками нашими разбиты подъ Анапой и 12-го іюня самая крѣпость сія покорена русскому государю. 30 знаменъ, 4 тысячи гарнизона, 84 пушки, 4 пороховыхъ погреба, арсеналы и магазины съ оружіемъ, запасами и продовольствіемъ были нашими трофеями.

Черкесы, лишенные тогда обольщеній анапскаго паши, оставили набѣги на предѣлы наши. Не получая обѣщаннаго пашею жалованья и другихъ подарковъ и тщетно ожидая подкрѣпленій со стороны турокъ, устыдились своихъ разсчетовъ, начали вновь прибѣгать подъ покровительство и подданство россійское. Чеченейцы первые, столько извѣстные прежними хищничествами, грабежами и убійствами, возчувствовали благодѣтельное его императорскаго величества правленіе, добровольно съ раскаяніемъ покорясь его скипетру, подали примѣръ прочимъ султанамъ, ханамъ, князьямъ и дворянамъ; но сапсуги, абазехи и натухайцы и другія

племена, оставаясь непріязненными, вскорѣ испытали весь ужасъ военныхъ дѣйствій въ своихъ жилищахъ.

Наказный атаманъ Безкровный, высочайше произведенный (за личную храбрость противу горцевъ) въ генералъ маіоры, преслѣдовалъ хищниковъ въ жилищахъ ихъ, оставя гарнизонъ въ Анапѣ и Джемитеи, для обезпеченія отъ набѣговъ горцевъ, съ послѣдними полками перешелъ чрезъ Бугазъ и расположился по границѣ, гдѣ всѣ полки, какъ конные, такъ и пѣшіе находились безсмѣнно.

1829 г. 1 сентября откомандированы изъ войска противу турокъ въ 1-ю дѣйствовавщую армію 5 и 6 конные полки подъ командою войсковаго старшины (нынѣ въ отставкѣ полковникъ) Залѣсскаго и есаула (нынѣ въ отставкѣ подполковникъ) Завгороднаго. Полки сіи вели себя отлично и во всѣхъ дѣлахъ обращали особенное вниманіе храбростію и неустрашимостію. Будучи предводимы достойнѣйшимъ генераломъ Красовскимъ, отличили себя подъ крѣпостію Силистріею, на поляхъ Болгаріи при разбитіи верховнаго визиря и за Балканами въ Румыніи, и учавствуя въ побѣдахъ подъ Адріанополемъ, Вызою, Чорлу и Сараемъ подъ начальствомъ знаменитыхъ вождей: графа Палена 2, князя Любомирскаго и генералъ-маіора Петрищева. Отправленіе изъ войска полковъ сихъ слѣдовало по внимательному разсмотрѣнію непремѣннаго члена войсковой канцеляріи подполковника Зѣнченка, прибывшаго съ персидской кампаніи.

Войсковая канцелярія умножила значительно доходы и могла отправить 500 т. руб. войсковой суммы въ московскій опекунскій совѣтъ для приращенія изъ процентовъ.

Послѣ взятія Анапы, занятія оной россійскими войсками, построенія редута на Джемитеи и неоднократныхъ пораженій горцевъ въ самыхъ ихъ жилищахъ, казалось, можно было имъ убѣдиться, что ни турки, ихъ обольщавшіе, ни сами они не могутъ противустоять русскому оружію.

Одно благое средство имъ предстояло—сдѣлаться покорными Россіи, предлагающей имъ во всякое время миръ и спокойствіе, но всѣ мѣры снисхожденія и ласки со стороны нашей, въ сіе

время имъ особенно оказанныя, остались безуспѣшны. Они отвергали дружелюбныя наши предложенія и какъ война съ Турціею еще продолжалась, то, будучи подстрекаемы турками и получая съ пристающихъ къ берегамъ ихъ контрабандныхъ судовъ необходимое для своего существованія, питали къ намъ недружелюбныя намѣренія и искали случая нанести намъ вредъ. Абазехи, натухайцы и сапсуги тогда-же, какъ покрылась рѣка Кубань льдомъ, нѣсколько разъ переходили на нашу сторону для грабительства и увлекали нашихъ людей въ плѣнъ. Наконецъ противу 12 числа іюля сдѣлали нападеніе на велико-лагерный мѣновой дворъ.

Чтобы наказать злодѣевъ, генералъ маіоръ Безкровный испросилъ разрѣшеніе у командовавшаго войсками на кавказской линіи генерала отъ кавалеріи Эмануэля сдѣлать экспедицію на рѣчку Иль противу сапсугскаго народа. Получивъ таковое, Безкровный собралъ отрядъ изъ 1,544 человѣкъ козаковъ съ двумя взводами артиллеріи и 21 іюля двинулся для наказанія злодѣевъ. Разогнавъ хищническія скопища, онъ взялъ у непріятеля 1000 штукъ овецъ и на другой день возвратился въ Черноморію.

Въ дѣлѣ семъ съ непріятельской стороны взято въ плѣнъ 3 души; съ нашей же убитъ козакъ 1, раненъ оберъ-офицеръ 1, урядниковъ 3 и козаковъ 9, лошадей убито 13 и ранено 26.

Сентября 2 турецкій султанъ испросилъ у всемилостивѣйшаго государя императора Николая Павловича миръ. Спокойствіе между имперіями водворилось, и черкесы оставлены въ подданствѣ Россіи.

1830 г. 29 генваря получены изъ-за Кубани извѣстія, что обитающіе въ горахъ ничтожные, но непреклонные къ намъ сапсуги, абазехи и натухайцы волнуются и не хотятъ вѣрить, что по взаимному согласію россійской и турецкой имперій они навсегда оставлены въ подданствѣ нашего государя и, чтобы показать духъ независимости, предположили непремѣнно вторгнуться въ предѣлы Черноморіи для грабежа.

Генералъ-маіоръ Безкровный, чтобы предупредить таковое вторженіе, собравъ отрядъ въ 2,500 человѣкъ конницы и пѣхоты съ конною артиллерійскою черноморскаго войска ротою, двинулся

отъ Кубани въ горы. Не смотря на то, что сапсуги были въ собраніи во всей готовности и превосходили въ числѣ нашъ отрядъ, воины наши шли впередъ и, избравъ позицію, сразились съ непріятелемъ, котораго сколь ни велика была потеря, но и съ нашей стороны убиты два офицера, 2 унтеръ-офицера и 29 козаковъ и солдатъ.

5-то апрѣля назначены изъ войска 3-й конный, 2-й и 7-й пѣшіе полки въ укрѣилекіе Псенафу, что на Бѣлой рѣчкѣ, за Кубанью, при Долгомъ лѣсѣ, а изъ числа сихъ полковъ 200 пѣхоты отдѣлилось въ Усть-лабинскую крѣпость къ коменданту графу Юри для занятія карауловъ.

Для безопасности черноморской границы правительство принуждено было истребовать отставныхъ и престарѣлыхъ офицеровъ и козаковъ, что было весьма чувствительно для нихъ, особенно же для ослабѣвшихъ на долговременной службѣ и раненыхъ на войнѣ.

Лѣтомъ сего года генералъ отъ кавалеріи Эмануель сдѣлалъ распоряженіе переправить чрезъ Кубань два сильные отряда и остановиться лагеремъ, первому на рѣчкѣ Бѣлой при Долгомъ лѣсѣ подъ командою генералъ маіора Рилля и подъ главнымъ начальствомъ командовавшаго войсками праваго фланга линіи генералъ-маіора Антропова, а второму при устьи рѣчки Шепшь, на рѣчкѣ Афипсъ, подъ начальствомъ командующаго 3-го бригадою 14-й пѣхотной дивизіи полковника Аристова и подъ главнымъ управленіемъ наказнаго атамана генералъ-маіора Безкровнаго, и сдѣлать на тѣхъ мѣстахъ укрѣпленія, для чего избрать самыя выгоднѣйшія позиціи, а для коммуникаціи на правомъ берегу Кубани возобновить старое Федоровское и у переправы, на лѣвомъ берегу рѣки Кубани, устроить такъ-же укрѣпленіе, для прикрытія переправы.

Съ величайшими усиліями и совершеннымъ изнуреніемъ для края сего въ семъ-же году окончены Безкровнымъ послѣдніи сіи укрѣпленія и сдѣланы въ оныхъ для гарнизоновъ казармы, а для больныхъ лазареты. Высшіе военные начальники, обозрѣвавшіе всѣ сіи устройства, единогласно утверждали, что онѣ свыше силъ человѣческихъ и что собственное тщеславіе при семъ наказнаго

атамана Безкровнаго заглушило въ немъ всѣ бѣдствія отряда и ропотъ воиновъ, день и ночь работавшихъ, день и ночь сражавшихся.

Полки, бывшіе въ персидскую и потомъ турецкую въ Азіи компаніи, 1-й и 4-й конные и 6 пѣшій возвратились въ войско, стяжавъ подвигами своими блестящую славу.

Дивизіонный штабъ 20-й пѣхотной дивизіи назначенъ въ городѣ Екатеринодарѣ.

Октября 9-го генералъ фельдмаршалъ графъ Паскевичъ Эриванскій изволилъ посѣтить Черноморію, а 10-го прибылъ со всѣмъ штабомъ въ городъ Екатеринодаръ.

11-го ноября наказный атаманъ Безкровный удаленъ отъ должности и на мѣсто его назначенъ генералъ-маіоръ Заводовскій. Съ сего времени улучшено благосостояніе козаковъ, умножены войсковые доходы, простирающіеся по настоящее время до 2,250,000 рублей и хранящіеся въ московскомъ опекунскомъ совѣтѣ для приращенія изъ процентовъ.

Черноморское войско, при первоначальномъ основаніи своемъ, имѣло 26 тысячъ душъ, перешедшихъ отъ Днѣстра, Буга и Днѣпра на сію землю; теперь же въ ономъ считается до 110 тысячъ душъ обоего пола. Число сіе увеличилось неоднократными переселеніями изъ малороссійскихъ губерній, безъ чего нездоровый край сей остался бы безъ людей, ибо въ ономъ ежегодно гораздо болѣе умирало, нежели раждалось, не говоря уже объ убитыхъ почти въ безпрерывныхъ сраженіяхъ съ непримиримымъ непріятелемъ и умершихъ отъ ранъ.

ЛЮДИ СТАРОЙ МАЛОРОССІИ [1]).

---

15. БОРОЗДНЫ [2]).

1. *Иванъ Борозднa.*
2. *Яковъ*—1, сынъ боярскій 1620 г.
3. *Дмитрій*—1, сынъ боярскій 1620 г.
4. *Осипъ*—1, сынъ боярскій 1620 г.
5. *Владиміръ*—1, сынъ боярскій 1620 г. Жена 1-я *Евдокія Степановна,* вдова Якутки, стрѣльца стародубскаго; 2-я *Татьяна Прохоровна.*
6. *Лаврентій*—4.
7. *Данило*—4.
8. *Евдокія*—4. Мужъ *Никита Липа,* обыватель с. Чубковичъ, 1668 г.
9. *Никита*—5.
10. *Иванъ*—5.
11. *Владиславъ-Владиміръ*—6. Жена *Федора Сергѣевна.*
12. *Иванъ*—6, бунчуковый товарищъ, 1715 г., 1727 г. Жена *Анна Зеленская.*
13. *Максимъ*—6, сотникъ мглинскій 1714—1722 г. Жена *Катерина Ивановна Карчевская*; второй мужъ ея—поручикъ Антонъ Детерденевъ.
14. *Владиміръ*—11.
15. *Лаврентій*—11, бунчуковый товарищъ 1720—1774 г. Жена *Марья Яковлевна Лизогубъ,* дочь генеральнаго обознаго.
16. *Михаилъ*—11.

---

[1]) См. „Кіев. Стар." 1886 г., іюльск. кн., стр. 443—455.

[2]) Очеркъ съ этимъ заглавіемъ былъ напечатанъ во 2-й книгѣ Записокъ Черниговскаго Губернскаго Статистическаго Комитета за 1868 годъ. Здѣсь онъ помѣщается въ исправленномъ и дополненномъ видѣ.—*А. Л.*

17. *Серафима*—11.
18. *Николай*—11, бунчуковый товарищъ, † 1757 г. Жилъ въ с. Клюсахъ; его слободки—Раковка и Полозы. Жена дочь генеральнаго есаула Дмитрія Максимовича.
19. *Григорій*—11, бунчуковый товарищъ 1735—1774 г. Жена *Евдокія Афанасьевна Есимонтовская*. Жилъ въ с. Ярцевѣ. Имѣнія: Ярцевъ, сл. Людковщина, сс. Кневичи, Ущерпье, Рожны, дд. Лѣсная и Рудня—197 крест.
20. *Евдокія*—11. Мужъ *Григорій Андреевичъ Гамалья.*
21. *Иванъ*—11, бунчучный генеральный 1729—1731 г., судья генеральный 1731—1740 г. Жилъ въ Горскѣ. Жена *Марфа Андреевна.*
22. *Иванъ*—12, бунчуковый товарищъ 1735—1762 г., бунчучный генеральный въ отставкѣ 1762 г. Жена *Настасья Андреевна Миклашевская.*
23. *Елена*, въ монашествѣ Евдокія—12.
24. *Агафья*—12. Мужъ бунч. товар. *Григорій Андреевичъ Стаховичъ.*
25. *Анна*—12. Мужъ 1-й, графъ *Гаврило Владиславовичъ Рагузинскій;* 2-й *Иванъ Андреевичъ Гамалья.*
25. Дочь—12. Мужъ *Ѳома Городисскій,* бунчуковый товарищъ 1720 г.
26. *Михаилъ*—13, бунчуковый товарищъ. Жена *Агафья Семеновна Есимонтовская.*
27. *Петръ*—13, бунчуковый товарищъ.
28. *Петръ*—14.
29. *Прасковья*—14.
30. Дочь—14. Мужъ *Иванъ Пиратинскій,* сотникъ городницкій.
31. *Иванъ*—18, бунчуковый товарищъ. Въ послужномъ спискѣ 1774 г. сказано: „имѣетъ за собою въ с. Клюсахъ и д. Раковкѣ 5 душъ мужескаго пола“. Умеръ безпотомно.
32. *Яковъ*—18.
33. *Григорій*—18, поручикъ. Жена *Анна Петровна,* «придворная дѣвица». Въ послужномъ спискѣ 1774 г. о немъ сказано: «вступилъ въ службу 1749 г., по именному указу къ высочайшему двору, въ предпочивальню лакеемъ, въ 1756 г. въ камеръ-лакеи; въ 1758 г. въ поручики пожалованъ и опредѣленъ управителемъ въ раскольническія описныя государевы слободы; а въ 1765 г. по прошенію уволенъ. Имѣетъ за собою въ с. Клюсахъ и д. Раковкѣ мужескаго пола душъ людей малороссіянъ—80».
34. *Петръ*—18.
35. *Анна*—19. Мужъ бунч. товар. Василій Родзянко.
36. *Марья*—19. Мужъ бунч. товар. Михаилъ Гамалѣя.
37. *Катерина*—19. Мужъ майоръ Никита Угрюмовъ.
38. *Василій*—21, бунчуковый товарищъ, † 1747 г. Жена *Ульяна Григорьевна Скорупа.* Владѣлъ сс. Радомкою и Лобками.

39. *Дмитрій*—21.
46. *Иванъ*—21.
41. *Иванъ*—22, бунчуковый товарищъ. Жена *Наталья Антоновна Кры-жановская*.
42. *Евфросинія*—26.
43. *Елизавета*—26.
44. *Иванъ*—27, войсковой товарищъ. Жена *Анна Даниловна Покорская*. Имѣнія—въ сс. Лопазнѣ и Ляличахъ—20 душъ крестьянъ.
45. *Петръ*—41, сержантъ преображенскаго полка 1780—86 г.; ротмистръ 1786 г., майоръ 1787 г., депутатъ новгородсѣверскаго дворянскаго собранія 1789—91 г., предводитель дворянства суражскаго уѣзда 1791—1794 г.; губернскій предводитель дворянства новгородсѣверскаго намѣстничества 1794—97 г.; подкоморій стародубскаго повѣта 1797—1802 г.; маршалъ дворянства новомѣстскаго повѣта 1802—1872 г. Жена 1-я *Ирина Антоновна Журавка*; 2-я *Катерина Григорьевна Кулябка-Корецкая*. Имѣнія: душъ мужескаго пола крестьянъ въ с. Медведовѣ 202, Киваяхъ 120, Туроснѣ 181, Душкинѣ 58, Смолевичахъ 147, Куршановичахъ 194, въ Бутовскѣ 204, Смотровой Будѣ 201, Ивановкѣ 53, Плауновкѣ 18, Стодолѣ 44, Ясеновкѣ 53, въ рудняхъ Голубовкѣ 90, Ельнѣ 49, въ слободахъ Василевкѣ 68 и Петровой 53, въ гутахъ Близнѣ 44 и Петровой Слободѣ 59. Да женины (Журавковой) въ с. Кулагахъ 220, Гудовѣ 125, Шкрябинѣ 108, Росухѣ 13, Колодезкахъ 3, Кривцѣ 121, въ д. Черноводкѣ 99, Водяникѣ 79, Коробоничахъ 127, въ х. Черноводскомъ 9, Бѣловодкѣ 33, Селищѣ 34, Кожушьѣ 49, Новой Руднѣ 7 и въ Княжой Млынкѣ 11, всего 2,896.
46. *Василій*—45. Жена *Любовь Ивановна Угрюмова*.
47. *Иванъ*—45. Жена *Любовь Степановна Стромилова*.
48. *Николай*—45. Жена *Лизавета Михайловна Миклашевская* [1]).

---

[1]) Былъ еще при Мазепѣ какой-то неизвѣстный намъ Юрій Константиновичъ Бороздна, о которомъ говоритъ универсалъ Мазепы 1689 г.: „супликовали до насъ Юрей Костантиновичъ зъ сыномъ своимъ Мартыномъ Борозни и обывателѣ медведовскіе и просили насъ о потверженье универсалу на кгрунтъ тотъ". Въ другомъ универсалѣ 1702 г. того же Мазепы читаемъ: „презентовалъ намъ панъ Іосифъ Юревичъ Борозна, товарищъ полку стародубовского, послѣдней воли небожчика, родича своего, пана Юрія Константиновича Борозны тестаментъ, въ которомъ лекговалъ и вѣчными часы записалъ ему въ маетности своей власной прародителной, въ селѣ Медвѣдовѣ лежачой, Клещово прозываемой, четвертую часть зъ людми на ней живучими и зъ ихъ осѣдлостями, зъ лѣсами, полями, кгрунтами, сѣножатми и всякими до ней приналежачими угодіями, а двомъ его братомъ Мартину, Михайлу и третему внуку своему Киріяку Борознамъ, три въ ровномъ подѣлѣ части". (*Съ подлинниковъ, сообщенныхъ намъ Д. И. Багалѣемъ*).

Первое историческое извѣстіе о родѣ Бороздн̂ъ находимъ въ актѣ 1620 г., которымъ за «сыновьями боярскими» Яковомъ, Дмитріемъ, Осипомъ и Владиміромъ Бороздинами польское правительство утвердило «дѣдичныя» ихъ вотчины м. Горскъ и разныя «селища», деревни по рѣкамъ Снови, Цатѣ, Трубешѣ, Титвѣ, Росухѣ и Воронусѣ, причемъ актъ поясняетъ, что всѣ эти имѣнія Бороздны получили отъ великихъ князей русскихъ, какъ засвидѣтельствовали «боярове тамошніе», показавшіе, что всѣми перечисленными имѣніями владѣли и предки четырехъ братьевъ Якова, Дмитрія, Осипа и Владиміра. Огромныя помѣстья, исчисленныя въ этомъ актѣ и занимавшія значительную часть теперешняго новозыбковскаго уѣзда съ частями уѣздовъ суражскаго, мглинскаго, стародубскаго и городницкаго, указываютъ, что Бороздны были едва-ли не главнѣйшими колонизаторами Сѣверской земли уже въ XVI вѣкѣ. Право Бороздн̂ъ на перечисленныя въ актѣ 1620 г. имѣнія подтверждено было королемъ Владиславомъ грамотою 1625 г., но при этомъ число имѣній является уже меньшимъ [1]). Такое уменьшеніе имѣній у Бороздн̂ъ нужно объяснять тѣмъ, что съ переходомъ Сѣверской земли въ началѣ XVII в. къ полякамъ, послѣдніе, нахлынувъ въ новыя мѣста, успѣли по праву побѣдителей захватить въ свои руки разныя селища и пустоши, въ томъ числѣ и часть Бороздninскихъ. Въ нашемъ собраніи актовъ имѣется подлинный королевскій декретъ 1648 г., показывающій, что передъ тѣмъ Осипъ Борозднa и сосѣдъ его Барановскій вели земельный споръ съ полякомъ Мартыномъ Фащомъ за Горскъ, Клюсы и Куршановичи; вызванные по жалобѣ Фаща въ ассесорскій судъ, Бороздна и Барановскій, не смотря на повторенный четыре раза позовъ, не поѣхали. За это ослушаніе Осипъ Бороздна былъ изгнанъ изъ государства и лишенъ всѣхъ имѣній [2]). Но этотъ декретъ былъ уже не страшенъ Бороздн̂ѣ: 30 марта 1648 г. подписанъ былъ декретъ объ изгнаніи, а 5 апрѣля поляки были разбиты Хмельницкимъ на Жолтыхъ Водахъ. Бороздна сталъ въ ряды

[1]) Оба акта въ Обозрѣніи Румянц. описи Малороссіи, стр. 741—745.

[2]) „.... S tych przyczyn pomienionych szlachetnich Borozninow y Baranowskiego, iako prawu pospolitemu y zwierchnosci maiestatu naszego nie posłusznych y sprzeciwnych, na wieczne ze wszystkich ziem panstw naszych wywołanie wskazuiemy, od spolku y obcowania ludzi poczarych, przez osobliwy list nasz banitiyny, z caucellary naszey wydany, wyjmuiemy y wyłączamy....“

Хмельницкаго, который въ 1656 г. далъ сыну его универсалъ, подтверждавшій за нимъ всѣ маетности, перечисленныя въ актѣ 1620 г. [1]) Универсалъ подвержденъ былъ Выговскимъ въ 1658 г. въ такихъ словахъ: «углядаючи на прислугу у войску нашомъ п. Лаврентія Борозднь, который и теперь и каждой дороги до войска становячися, не опускаетъ, заховуемъ при власныхъ маетностяхъ, очистимъ правомъ ему належачихъ, меновите при мѣстечку Горску и селами до него належачими, зо всѣми належными пожитками».

Въ 1673 г. Лаврентій Бороздна спорилъ съ новымъ сосѣдомъ своимъ за земли. Въ этомъ году гетманъ Самойловичъ отдалъ канцеляристу своему Богдану Войцеховичу с. Жоведь (или Жолведь), которое по универсалу 1656 г. утверждено было за Лаврентіемъ; послѣдній, какъ видно, не возражалъ противъ этого распоряженія; но когда Войцеховичъ сталъ къ жоведскимъ землямъ прихватыватъ и сосѣднія горскія, Лаврентій пожаловался гетману. Для разрѣшенія межевыхъ споровъ высланъ былъ Леонтій Полуботокъ. Созваны были для разслѣдованія спора мѣстные старожилы; изъ нихъ Радько Рудый, «жолвенскій старый человѣкъ въ лѣтехъ», показалъ, что старый Войцеховичъ, отецъ Богдана, поставивши на жолведскомъ грунтѣ столбъ (въ знакъ основанія *слободы*), отъѣхалъ въ Басань и болѣе въ Жоведь не возвращался. Между тѣмъ этотъ грунтъ приглянулся тогдашнему владѣльцу Горска, Криштофу Фащу, который, осмотрѣвъ жолведской грунтъ, нашелъ его очень удобнымъ мѣстомъ для поселенія слободы и тутъ-же поручилъ ему, Радьку Рудому, быть «осадчимъ» этой слободы, а по ея заселеніи и войтомъ. Посѣтивши Жолведь спустя нѣкоторое время послѣ этого и найдя, что слобода заселяется тихо, Фащъ спросилъ Рудого: а что-же слобожанъ нѣтъ?—Радько отвѣчалъ, что слобода тогда заселится, когда жолведскому грунту будутъ указаны точныя границы. Тогда Фащъ сказалъ: «отъ Новыхъ Боровичъ по Жолведь рѣчку, а отъ Горска по Тативу рѣчку». Другой свидѣтель, житель Новыхъ Боровичъ Лопатенко, показалъ, что за рѣчкою Жолведью земли считались принадлежащими Марку Фащу, владѣльцу Новыхъ Боровичъ. Третій старикъ изъ Горска, Кареба, разсказалъ, что Горскъ за его памяти принадлежалъ московскому попу никольско-

---

[1]) Акты Юго-Зап. Росс., т. III, стр. 544.

му, которому горскіе крестьяне и дань отдавали; а какъ насталъ новый попъ, такъ этотъ продалъ село Горскъ старому Бороздне (т. е. Осипу) и въ это время границею между Горскомъ и Жолведью считалась рѣчка Татива [1]).

Лаврентій Бороздна былъ живъ еще и въ 1698 г. Въ этомъ году онъ жаловался Мазепѣ, что сосѣди и войсковые чиновники обижаютъ его и выпросилъ оборонный универсалъ, въ которомъ между прочимъ гетманъ говоритъ: «тутъ-же и слободку его, прозиваемую Хриновку, якая была черезъ высланныхъ нашихъ недавними часы отобрана отъ него, заховуемъ при немъ»...

Лаврентій Бороздна оставилъ трехъ сыновей, о которыхъ вмѣстѣ съ ихъ потомками, мы и скажемъ отдѣльно.

О старшемъ изъ нихъ, носившемъ двойное имя Владислава-Владиміра, не сохранилось извѣстій. Но о дѣтяхъ его имѣются свѣдѣнія, не лишенныя интереса. У Владислава было шесть сыновей и двѣ дочери; изъ нихъ выдѣляются Лаврентій (15), Иванъ (21) и Евдокія (20).

Лаврентій Владиславичъ службу началъ бунчуковымъ товарищемъ въ 1720 г.; затѣмъ онъ женился на дочери Якова Ефимовича Лизогуба, бывшаго въ то время генеральнымъ бунчучнымъ и продолжалъ службу, какую несли всѣ его товарищи, т. е. жилъ большею частію дома, въ с. Хрѣновкѣ, и иногда ходилъ въ походы, въ которыхъ впрочемъ бунчуковые товарищи рѣдко принимали какое нибудь активное участіе, такъ какъ, числясь «подъ бунчукомъ», они большею частью пополняли собою лишь свиту начальствовавшаго въ походѣ лица. Такую службу Лаврентій несъ до 1734 г., когда съ нимъ случилось несчастіе, описанное его женою въ прошеніи, поданномъ въ 1754 г. въ генеральную канцелярію. Въ этомъ прошеніи жена Лаврентія пишетъ: «съ прошлого 1734 г. мужъ мой Лаврентій Бороздна, Божіимъ посѣщеніемъ въ безпамятствіи состоящій, по разнымъ мѣстамъ многія чинилъ затѣйки, за которыя, по сенатскому указу 1740 г., отправленъ былъ, какъ умовредный, на жительство въ Чолнскій монастырь, гдѣ ему между прочимъ не велѣно было давать бумаги и чернила. Потомъ, дѣверь мой, а мужа братъ, Григорій Бороздна, просилъ сенатъ отдать

---

[1]) Румянц. Опись, стр. 90—92.

Лаврентія ему на поручи, что сенатомъ и было разрѣшено; но при этомъ съ Григорія взято было обязательство, что онъ будетъ за братомъ надсматривать и не будетъ по прежнему давать ему ни бумаги, ни чернилъ. Но привезя брата домой, Григорій Бороздна тогда-же передалъ его мнѣ. Поселившись въ домѣ нашемъ, мужъ мой причинялъ мнѣ и дѣтямъ нашимъ великія бѣды угрозами и побоями... И терпѣла я все это до 1749 г., когда мужъ мой совсѣмъ было выгналъ меня изъ дому. Я жаловалась въ генеральную канцелярію, по распоряженію которой мужъ былъ отправленъ къ черниговскому владыкѣ Амвросію Дубневичу, распорядившемуся поселить мужа въ Новгородсѣверскомъ монастырѣ. Но изъ монастыря вывезъ его племянникъ нашъ Дмитрій Бороздна и мужъ снова поселился въ домѣ нашемъ, въ Хрѣновкѣ. И опять стала я терпѣть отъ мужа побои и утѣсненіе, спасаясь отъ которыхъ не разъ должна была уходить изъ дому... Такое поведеніе мужа моего есть простое слѣдствіе его умопомѣшательства, которое ему приключилось какъ отъ чрезмѣрнаго пьянства, такъ и *отъ многаго писанія и излишняго чтенія книгъ.* И теперь мужъ мой вмѣсто того, чтобы радѣть около хозяйства, больше всего проводитъ время, запершись въ комнатѣ, въ письмѣ и чтеніи; и при этомъ вотъ уже восемь лѣтъ, какъ не причащается Св. Тайнъ и въ церковь не ходитъ; кромѣ тото мужъ мой твердитъ, что «ежели неправеднаго человѣка убить, то никакого отвѣта предъ Богомъ не дастъ, но еще за то и особливое получитъ спасеніе», и поэтому постоянно пишетъ или на бумагѣ, или мѣломъ по дверямъ и стѣнамъ, что «неправедныхъ людей нужно звести отъ земли». А такъ какъ праведнымъ онъ никого не считаетъ, то какъ дворовые, такъ и я съ дѣтьми постоянно должны отъ него скрываться. Такъ разъ онъ прогналъ меня совсѣмъ изъ дому и я принуждена была скрываться у зятя нашего Пиратинскаго, городницкаго сотника, а мужъ мой въ это мое отсутствіе обрѣзалъ волосы у дочери нашей Прасковьи говоря ей: «ты въ волосахъ своихъ носишь ту отраву, которую присылаетъ тебѣ мать»... По всему этому для избавленія семьи моей отъ смертоносныхъ поступковъ мужа, прошу, чтобы дѣтей нашихъ четырехъ сыновей, которымъ пора учиться, а два изъ нихъ не безъ успѣха уже и латинскому діалекту обучаются, поручить, ради обученія ихъ, преосвященному черниговскому Ираклію Комаров-

скому, чтобы дѣти эти, ради нерадѣнія отцовскаго, не остались безъ науки; а чтобъ домъ нашъ не былъ совсѣмъ разоренъ, прошу, согласно сенатскому указу, мужа моего отдать въ смотрѣніе дѣверя моего Григорія Бороздны».

Въ этомъ разсказѣ о помѣшательствѣ Лаврентія Бороздны нельзя не обратить вниманія на то, что, по мнѣнію его жены, одною изъ причинъ болѣзни было чтеніе книгъ. Не имѣя въ рукахъ сенатскаго опредѣленія о помѣщеніи Лаврентія Бороздны въ Чолнскій монастырь, мы лишены возможности дополнить разсказъ жены и ничего не можемъ сказать о родѣ чтенія; тѣмъ не менѣе, судя по тѣмъ убѣжденіямъ Лаврентія Бороздны о невмѣняемости убійства «неправеднаго человѣка», о которыхъ упоминаетъ его жена, можно думать, что чтеніе это выходило изъ книжнаго обихода тогдашняго общества [1]).

Другой сынъ Владислава, Иванъ (21), первый изъ Бороздиъ попалъ въ генеральную старшину; въ 1729 г. по опредѣленію тайнаго верховнаго совѣта, онъ получилъ урядъ генеральнаго бунчучнаго [2]); а черезъ два года, по представленію гетмана Апостола, Иванъ Бороздна сдѣланъ былъ генеральнымъ судьею, на мѣсто умершаго Кандибы [3]). Умеръ онъ около 1740 г., такъ какъ въ началѣ 1741 г. генеральными судьями были уже Лысенко и Горленко. Жилъ Иванъ Бороздна въ Горскѣ. Въ своемъ завѣщаніи имѣніе свое онъ распредѣлилъ такъ: женѣ по смерть ея половина мѣстечка Горска съ мельницами на р. Тативѣ, с. Семковка и с. Лобки съ мельницами и двумя греблями; сыновьямъ, пока жена будетъ жива, Василію с. Радомка съ мельницами; Дмитрію грунтъ въ с. Мощонкѣ и «млинокъ» Лавинскій; сыну Ивану с. Бириловка съ мельницами. А какъ мать ихъ умретъ, то сыновья должны получить: Василій Лобки, Дмитрій Горскъ, а Иванъ Семковку. Прочіе грунты вольно женѣ отдать въ приданое за дочерьми [4]).

---

[1]) Кромѣ отцевъ церкви, въ половинѣ XVIII в. малороссійская интеллигенція читала „Белеевъ дикціонарій“, лексиконъ Буддея, Мильтона, Dictiomnaire royal par Pomai, Lettres de Bussi Rabutin, De atheismo, Aventures de Thelemaque....

[2]) Записки Як. Марковича, т. I, стр. 305.

[3]) Арх. ген. канц., № 5524.

[4]) Арх. генер. канц., № 12481.

Изъ дочерей Владислава мы имѣемъ нѣкоторыя свѣдѣнія о старшей Евдокіи, которая выдана была замужъ еще при жизни отца за Григорія Андреевича Гамалѣю. Замужемъ ей пришлось быть не долго; въ 1737 г. мужъ Евдокіи умеръ; дѣтей у нихъ не было и Евдокія всю любовь свою сосредоточила на братѣ Григоріѣ. Евдокія, вопреки литовскому статуту, съумѣла мужнины имѣнія удержать за собою цѣликомъ и, не смотря на всѣ старанія дѣверя своего Ивана Андреевича отобрать эти имѣнія, владѣла ими до своей смерти въ 1755 г. Передъ смертью Евдокія всю движимость своего борщовскаго дома (Евдокія жила въ с. Борщовѣ) завѣщала брату Григорію: «вѣдая, что родной мой братъ Григорій Бороздна имѣлъ ко мнѣ въ жизни моей довольную зычливость и надѣясь, что и по смерти моей будетъ онъ имѣть особливое попеченіе о душѣ моей, имѣніе свое распоряжаю слѣдующимъ образомъ: 1) душу мою грѣшную вручаю вседѣтелю моему Богу Отцу, яко отъ него мнѣ данную, а тѣло мое грѣшное да будетъ погребено съ надлежащими церковными обрядами въ с. Ярцевѣ, въ одномъ гробѣ съ покойною родителькою моею. 2) Дворъ мой материнскій въ г. Стародубѣ, съ хоромнымъ строеніемъ, отдаю брату моему Григорію; ему-же назначаю движимое мое имѣніе и «фанты»—одежду, бѣлье, серебро, цинковую посуду и весь мой скотъ. 3) Изъ этого моего имущества братъ мой долженъ отдать сто рублей сестрѣ нашей инокинѣ Серафимѣ и принять на себя какъ поминки («обычные столы учинить»), такъ и издержки на сорокоусты, а именно: въ монастыри—Каташинскій, Рябцевскій, Клюсовскій и дѣвичій Печеницкій по 10 р., на церкви—десять стародубскихъ, четыре погарскихъ, въ Горскѣ, Хрѣновкѣ, Клюсахъ, Медведовѣ и Логоватомъ, по 5 р.; въ с. Лобкахъ и Борщевѣ по 10 р. и въ Ярцевѣ, гдѣ тѣло мое будетъ погребено, 20 р. 4) Хлѣбъ весь въ зернѣ, находящійся въ ямахъ въ борщевскомъ моемъ дворѣ, роздать за душу мою по усмотрѣнію брата Григорія»... Но такъ какъ Борщовъ, по смерти Евдокіи, долженъ былъ перейти по наслѣдству къ Ивану Гамалѣѣ, то послѣдній, не признавая права за умершею распоряжаться борщовскою движимостью, сталъ оспаривать завѣщаніе Евдокіи. «Сего 1755 г. въ январѣ, когда я отлучился изъ дому своего въ Глуховъ для занятія дѣлами въ генеральномъ судѣ, въ это время умерла въ Борщовѣ, «братовая» моя Евдокія *Митро-*

фанова Бороздновна; братъ-же ея родной, бунчуковый товарищъ Григорій *Митрофановъ* Бороздна, пріѣхавши вслѣдъ за тѣмъ въ Борщовъ, не давая мнѣ знать о смерти своей сестры, забралъ всю тамошнюю движимость къ себѣ въ с. Ярцевъ»... Въ то время, когда Иванъ Гамалѣя дѣйствовалъ судомъ, жена его, бывшая графиня Рагузинская, двоюродная сестра Григорія Бороздны, писала последнему частныя письма, укоряя его за захватъ чужаго имущества. Письма эти очень интересны и одно изъ нихъ приводимъ здѣсь:

«Высокоблагородный мосцѣ пане Григорій *Митрофановичъ* Бороздна, мой благодѣтель!

Не удовольствовался ты тѣмъ, что *поворовалъ* наслѣдственное мужа моего имѣніе на многія тысячи, изъ села Борщова и хутора Чеховскаго, за что отвѣтишъ предъ судомъ, но производишъ воровство, по своему обыкновенію, въ лѣсахъ нашихъ... Промысломъ этимъ, кажется, и не приличествовало-бы вамъ промышлять. Лучше-бы промышлять вамъ тѣмъ промысломъ, которымъ занималась и мать ваша, тѣмъ болѣе, что и дворъ имѣете на то въ Стародубѣ въ приличномъ мѣстѣ... Поэтому объявляю вамъ: соизвольте себя и людей вашихъ удерживать отъ таковаго непотребства, ибо таковые ваши поступки худые васъ самихъ приведутъ къ худому концу непремѣнно; поворованное-же вами возвратите обратно, безъ дальнихъ трудностей.—Ожидая письменнаго увѣдомленія отъ васъ, есмь доброжелательная услужница Анна Гамалѣева. 1755 г.»

Оскорбительное это письмо Григорій Бороздна представилъ въ генеральную канцелярію и жаловался: «написано меня въ письмѣ этомъ постороннимъ отчествомъ, а именно Митрофановымъ сыномъ, и при томъ назвала меня Анна Гамалѣева воромъ и промыслъ мнѣ приписываетъ какой-то, будто-бы принадлежавшій матери моей, что все касается до поношенія чести моей... Но такъ какъ я не Митрофановъ, но съ природы малороссійскаго шляхтича Владислава Бороздны сынъ, и не воръ, но безъ всякаго подозрѣнія человѣкъ, и мать моя Федора Сергѣева дочь знатного роду, и промыслу никакого, который она, Гамалѣйка, къ поношенію моему наводитъ, не имѣла, а жила, какъ шляхетская жена съ шляхтичемъ, отцемъ его, а ея Гамалѣиной роднымъ дядею»... Эти темныя нареканія на семью

Владислава Борозды остаются не разъясненными. Въ одной жалобѣ на Григорія Борозду Иванъ Гамалѣя пишетъ: «моя братовая Евдокія съ роднымъ своимъ братомъ Григоріемъ суть *Митрофановы дѣти* Борозды, но иногда пишутъ и называютъ себя Владиславовыми, а иногда Владиміровыми»... Видно, что общественное мнѣніе считало Григорія и Евдокію незаконнорожденными.

Второй сынъ Лаврентія Борозды Иванъ (12) въ 1715 г. получилъ царскую грамоту, которою утверждались за нимъ «село Медвѣдово съ дворами и со всѣми угодьями и мельницами, село Куршановичи съ мельницею и гутою, половина м. Горска съ двумя мельницами, сельцо Смолевичи купленное, село Бутовское, два мужика въ с. Ущерпьи, дворъ въ с. Халѣевичахъ и дворикъ въ Стародубѣ. Частнàя жизнь и семейная обстановка Ивана Лаврентьевича Борозды разсказана имъ самимъ въ его жалобѣ на зятя своего графа Гаврила Рагузинскаго: «когда я въ прошломъ 1725 г. взятъ былъ въ Глуховъ подъ караулъ, того-жъ дня графъ Гаврило Ивановичъ пріѣхалъ изъ Топали (гдѣ онъ жилъ) въ мой медвѣдовскій домъ и забралъ всю мою «худобу»: жемчугъ, золото, драгоцѣнныя вещи (клейноты), сребро, мѣдь, платье, оружіе и прочіе «домовіе сплендори». А забравъ оную худобу, на другой годъ Рагузинскій сталъ подласкиваться къ моей женѣ и затѣмъ взялъ за себя въ замужество мою дочь, безъ моего вѣдома и благословенія. А когда Божіимъ изволеніемъ и милостью царскою я былъ освобожденъ изъ неволи [1]) и возвратился домой; то засталъ свой домъ пустымъ: не было ни жены, ни дѣтей, кромѣ двухъ малыхъ хлопцевъ, сына и внука; все было забрато и въ домѣ не оставалось и одного «кавалка» хлѣба. Нѣсколько разъ писалъ я къ графу, чтобъ возвратилъ мнѣ жену и дѣтей, но въ отвѣтъ графъ только билъ моихъ посланныхъ, заковывалъ въ желѣза и сажалъ въ колодки. Потомъ упросилъ я игумена рябцовскаго монастыря Илью Дешкевича поѣхать къ графу въ Топаль и напомнить ему духовно, чтобъ онъ «смѣху съ дома моего не чинилъ и возвратилъ-бы жену, дѣ-

---

[1]) Иванъ Лаврентьевичъ Борозда, какъ видно изъ его дальнѣйшихъ словъ, былъ сосланъ въ Сибирь; причина ссылки намъ неизвѣстна.

тей и взятую «худобу». И отпустилъ было, по этой просьбѣ, Рагузинскій мою жену; но вслѣдъ-же затѣмъ прислалъ за нею своихъ денщиковъ, которые, ухвативъ жену, снова отвезли ее въ Топаль. Тогда я обратился къ схимницѣ печеницкаго монастыря, чтобы она, вмѣстѣ съ моею дочерью монахинею Евдокіею, ѣхала въ Топаль и просила о возвращеніи жены. Но графъ приказалъ взять ту схимницу подъ караулъ. И кого только я не посылалъ къ Рагузинскому, то всѣ были биты имъ... Горько страдая въ своемъ положеніи, я отважился наконецъ самъ ѣхать въ Топаль за женою и худобою; но какъ только подъѣхалъ я къ двору графа, онъ сейчасъ выслалъ противъ меня человѣкъ двадцать денщиковъ, которые, ухвативъ меня, точно злодѣя какого, ростянули и стали бить кулаками, а потомъ повели не знаю куда—топить или вѣшать... и если-бы въ это время не выбѣжала изъ дому дочь моя монахиня и не удержала денщиковъ, то вѣроятно пришлось-бы смертью пострадать... Затѣмъ меня выгнали со двора и я отправился къ топальскому попу и, передохнувъ у него, снова отправился къ графу въ домъ и, встрѣтивъ тамъ жену, забралъ ее въ сани и отвезъ домой. Къ притѣсненіямъ Рагузинскаго присоединились новыя: въ это время напалъ на меня еще и стародубскій полковникъ Пашковъ и хотѣлъ было меня арестовать. Я поѣхалъ жаловаться въ Глуховъ. Въ мое отсутствіе зять снова наслалъ въ мой домъ своихъ денщиковъ, которые забрали остальную мою худобу, которую я бралъ съ собою, когда ссылали меня въ Сибирь; при этомъ взята была и жена моя, которую Рагузинскій отправилъ въ Нѣжинъ къ греку Бешняку, гдѣ она и скрывалась цѣлое лѣто. А въ ноябрѣ мѣсяцѣ этого 1727 г. жена моя упросила меня чрезъ братьевъ моихъ Николая и Лаврентія, чтобъ я отпустилъ ее въ Топаль доискиваться нашей худобы; я согласился и жена поѣхала вмѣстѣ съ братьями моими къ Рагузинскому за худобою. Но опять дѣло кончилось тѣмъ, что прислугу мою графъ выгналъ со двора, а жену удержалъ при себѣ, которая остается въ Топали и до сего дня [1]).

Жалобы Ивана Лаврентьевича Бороздны на зятя своего Рагузинскаго требуютъ объясненія о появленіи въ средѣ тогдашняго малороссійскаго общества графовъ Рагузинскихъ.

---

[1]) Архивъ малороссійской коллегіи, № 370.

Рагузинскіе пошли отъ извѣстнаго серба Саввы, уроженца рагузской республики (отсюда и его фамилія), торговавшаго въ въ 1700 г. въ Константинополѣ. Здѣсь онъ оказывалъ услуги нашему посольству сообщеніемъ нужныхъ ему свѣдѣній, при посредствѣ его сталъ извѣстенъ Петру I и когда въ 1703 г, въ качествѣ торговца-же, проникъ въ Россію, то, какъ человѣкъ хорошо знакомый съ торговыми дѣлами, былъ употребляемъ Петромъ по дѣламъ не только торговымъ, но и политическимъ. Чрезъ него передавались въ Константинополь разныя свѣдѣнія и бумаги, чрезъ него-же Петръ велъ сношенія съ черногорцами, возбуждая ихъ противъ турокъ, во время нашествія Карла XII. За эти услуги, кромѣ широкихъ правъ торговли внутри Россіи, Петръ далъ Саввѣ въ 1710 г. богатыя имѣнія въ Малороссіи, заключавшія въ себѣ слѣдующія села и деревни: въ новозыбковскомъ уѣздѣ Топаль, Киваи, Туросну, Смотрову Буду, Гулювку, Крутобережку, Унуковичи, Курозновъ, Плавню, Чорнооковъ, Рудню, Проску, Каменку, Хохловку и Рубежное, въ кролевецкомъ с. Вишенки, въ борзенскомъ с. Парафіевку и въ гадяцкомъ уѣздѣ с. Розбышевку. Всѣ эти имѣнія принадлежали передъ тѣмъ сообщникамъ Мазепы: Ломиковскому и Василію Чуйкевичу. Эти сами по себѣ богатыя имѣнія Савва Рагузинскій съумѣлъ еще расширить насильственными захватами сосѣднихъ земель [1]) и, составивъ такимъ образомъ огромное состояніе, успѣлъ впослѣдствіи добиться признанія за нимъ графскаго титула, яко-бы принадлежавшаго его предкамъ. Послѣ Саввы богатства эти унаслѣдовалъ одинъ изъ его племянниковъ Гаврило, который въ 1725 г. женился, какъ мы видѣли, на дочери

[1]) Какъ велики были захваты Рагузинскихъ, видно изъ слѣдующей жалобы топальскихъ козаковъ 1727 г.: „въ прошлыхъ давнихъ годахъ, когда еще с. Топаль было во владѣніи Мокріевича, тогда мы грунта свои съ мужиками тамошними подѣлили, а въ прошлыхъ годахъ на нашемъ отдѣленномъ козацкомъ грунтѣ приказчики Саввы Рагузинскаго *поселили двѣ слободы*, прозываемыя Рубежное и Хохловка“... Вслѣдствіе этой и множества другихъ жалобъ на Гаврила Рагузинскаго, генеральная канцелярія назначила двухъ чиновниковъ „для розыска“; но когда чиновники предъявили указъ канцеляріи Гаврилу, „то по прочитаніи онъ, графъ, отвѣтствовалъ, что нехай де генеральная канцелярія и сто указовъ до меня присылаетъ, я тому не вѣрю, что они пишутъ“. На этомъ „розыскъ“ и остановился.—Арх. генер. канц., № 370.—Отсюда понятны и тѣ насилія, которыя позволялъ себѣ Гаврило Рагузинскій въ отношеніи къ Ивану Бороздѣ.

своего сосѣда Ивана Лаврентьевича Борозды. Въ 1739 г. онъ написалъ свое завѣщаніе, изъ котораго приводимъ отрывки: «съ малыхъ своихъ лѣтъ отлучился я изъ своего отечества, не имѣя никакихъ пожитковъ, вслѣдствіе разоренія, произведеннаго проклятыми турками. Прибывъ въ россійскую имперію, жилъ я при своемъ дядѣ графѣ Саввѣ Владиславичѣ, занимаясь купеческими промыслами. А переѣхавъ въ Малороссію, женился на малороссійской шляхтянкѣ Аннѣ, Ивана Борозды дочери, и прижилъ съ нею двое дѣтей, но они померли. Хотя я имѣю родныхъ братьевъ, но имѣніе свое, нажитое вмѣстѣ съ женою моею, воленъ оставить, кому хочу. И нынѣ по доброй моей волѣ оставляю наслѣдникомъ всего моего имѣнія роднаго брата моего, гр. Мойсея Владиславича, которому завѣщаю подъ клятвою учинить такое исполненіе моей воли: прежде всего долженъ онъ, братъ мой, отдать женѣ моей всѣ ея «уборныя вещи», денегъ двѣ тысячи рублей, с. Киваи и с. Туросну съ Будою и вольно будетъ ей, женѣ моей Аннѣ, тѣ села продать или другимъ способомъ ими распорядиться, если даже она и замужъ пойдетъ. Старшему брату Ефиму Владиславичу оставляю три тысячи рублей и по столько-же оставляю сыну его и двоюродному брату Ивану Ивановичу Владиславичу; сестрѣ Евлогіи, которая въ Сербіи, съ дѣтьми ея тысячу рублей; прочимъ свойственникамъ, въ Сербіи живущимъ, въ раздѣлъ тысячу рублей. Свояченицамъ: Агафьѣ, женѣ Стаховича, съ дѣтьми ея триста рублей, монахинѣ Евдокіи Бороздновой триста рублей. Служителей моихъ всякаго званія, выдавъ имъ двойное жалованье, отпустить на волю, кто куда хочетъ» и проч. Наслѣдство оставилъ Гаврило Рагузинскій огромное: въ имѣніяхъ его числилось 1066 дворовъ, денегъ было въ наличности болѣе 50 тысячъ рублей и, кромѣ того, множество золота и серебра въ вещахъ. Такое наслѣдство конечно не могло не возбудить зависти у обойденныхъ наслѣдниковъ. Старшій братъ умершаго Ефимъ, получившій по завѣщанію всего три тысячи рублей, началъ съ Мойсеемъ тяжбу, которую въ 1742 г. и выигралъ, такъ какъ императрица собственноручно написала на прошеніи Ефима: раздѣлить съ Мойсеемъ пополамъ. Получивъ половину наслѣдства Гаврила, Ефимъ Рагузинскій выгналъ вдову его изъ Топали «съ великою обидою и безчестіемъ». Вдова жаловалась, но ничего не добилась изъ завѣщаннаго имѣнія и вышла вторично замужъ за Ивана Гамалѣю.

Другая, старшая дочь Ивана Лаврентьевича Бороздны, Елена, была замужемъ за полякомъ Прушановскимъ, но принуждена была почему-то бросить мужа и постричься въ монахини; въ 1728 г. черниговскій епископъ Иродіонъ писалъ: «жаловался мнѣ польскій шляхтичъ рѣчицкаго повѣта Михаилъ Прушановскій, что женился онъ въ 1713 г. на дочери Ивана Бороздны Еленѣ и жилъ съ нею три года, проживъ за это время двухъ сыновей; но въ 1718 г. жена его, поѣхавъ къ отцу въ гости, болѣе къ нему не возвращалась; что онъ, Прушановскій, жаловался генеральному судьѣ Чернышу, который было и вызвалъ Елену, но когда та явилась къ нему въ монашескомъ платьѣ, то Чернышъ оставилъ ее въ покоѣ, а Прушановскому дозволилъ жениться на другой женѣ».

Единственный сынъ Ивана Лаврентьевича, Иванъ (22), служить началъ въ 1735 г. бунчуковымъ товарищемъ и служилъ до 1762 г,, когда былъ уволенъ въ отставку бунчучнымъ генеральнымъ (Зап. Марк., т. II, стр. 379); онъ значительно увеличилъ свои богатства, вѣроятно процессами, такъ какъ въ числѣ имѣній его встрѣчаемъ два села (Киваи и Туросну), которыя передъ тѣмъ принадлежали зятю его Гаврилу Рагузинскому. Всего Иванъ Ивановичъ имѣлъ 1,663 крестьянъ мужескаго пола, а именно: въ Медведовѣ 224, Киваяхъ 155, Туроснѣ 207, Душкинѣ 67, Смотровой Будѣ 227, Бутовкѣ 196, Ивановкѣ 58, Плауновкѣ 17, Стодолѣ 43, Близнѣ 57, Руднѣ Голубовской 119, Ельнѣ 61, Василевкѣ 71, Руднѣ Петровой 30, Куршановичахъ 205, Еленовкѣ 84, д. Петровой 54, м. Горскѣ 127 и въ сл. Гасичевскѣ 61.

У Ивана Ивановича былъ тоже одинъ сынъ и тоже Иванъ (41), котораго онъ женилъ на богатой Крыжановской, дочери выкрещеннаго еврея. Сынъ этого Ивана Ивановича, Петръ (45), служилъ уже въ гвардіи.

Наконецъ третій сынъ Лаврентія Бороздны былъ Максимъ (13). Онъ служилъ мглинскимъ сотникомъ при Скоропадскомъ. Интересныя свѣдѣнія о Максимѣ сохранились въ слѣдующей жалобѣ козаковъ мглинской сотни, поданной ими въ 1714 г. гетману: «какъ скоро сталъ Максимъ Борозднa сотникомъ, сейчасъ-же сталъ козаковъ муштру учити, что продолжаетъ и доселѣ; да приказалъ

всѣмъ куренямъ, чтобы козацкіе мушкеты были передѣланы «на флинты, шведскимъ строемъ». И принуждены мы были въ прошлый голодный годъ послѣдніе «злыдни» сбывать на эту передѣлку. Часто разъѣзжаетъ по «волости», «якобы колядовать, а большъ для того, щобъ кого удрать»; такъ въ с. Драковѣ многихъ, «позавишовавши въ тинъ» [1]), своими руками билъ; тоже самое чинилъ и въ с. Овсинцѣ, «за тую-же колядку и дьяку церковному Грицку кіями добре досталось» [2]). Жалоба эта требуетъ объясненія; нужно знать, что въ это время Меншиковъ, получивъ въ подарокъ отъ Скоропадскаго почепскую сотню, самовольно присоединилъ къ ней еще двѣ: бакланскую и мглинскую, которыя, какъ видно, изъ сотенъ переименовалъ въ волости. Вѣроятно, желая заслужить расположеніе сильнаго Меншикова, усердный сотникъ хотѣлъ ввести у козаковъ солдатскій строй, «муштру».

На урядъ сотничества Максиму Бороздиѣ было дано с. Лопазна; но такъ какъ «урядовая маетность» была не крѣпка, то Максимъ, чтобы утвердиться въ Лопазни, сталъ употреблять общій для того времени пріемъ: онъ сталъ скупать земли у лопазненскихъ козаковъ, именно при помощи сотничьяго своего вліянія. Вдова его сына Михаила, при составленіи, по распоряженію Румянцева, описи мглинской сотни, представила всѣ купчія крѣпости, по которымъ пріобрѣтены были свекромъ ея земли въ Лопазнѣ; изъ копій этихъ актовъ, сохранившихся въ румянцевской описи [3]), видно, въ какихъ широкихъ размѣрахъ производилъ Максимъ Бороздна «скуплю козачьихъ грунтовъ», которою такъ сильно злоупотребляла малороссійская старшина и къ преграждѣнію которой тщетны были всѣ усилія русской администраціи, старавшейся предупредить слѣ-

[1]) Старинный видъ наказанія, состоявшій въ томъ, что ноги виновнаго закладывали въ средину плетня; неподвижное положеніе наказываемаго давало возможность безпрепятственно наносить ему удары. Въ с. Дыбинцахъ (кіев. губ.) братство подвергало этому наказанію за разные проступки еще въ 50-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія, но безъ сѣченія или битья.

[2]) Архивъ генеральной канцеляріи, № 4,195. Подъ именемъ „колядокъ" должно, кажется, разумѣть одинъ изъ видовъ тѣхъ поборовъ старшины, которые извѣстны были подъ общимъ именемъ „ральца". Колядованье имѣло видъ поздравленія съ праздникомъ, за которое поздравляемые должны были благодарить разными подарками.

[3]) Томъ CII, въ б—кѣ черниговскаго статистическаго комитета.

довавшее за такою «скуплею» объдненіе козачьяго сословія. Сохранилось 23 купчихъ записей, по которымъ Максимъ Бороздна пріобрѣлъ себѣ въ с. Лопазнѣ, не мало «пахатныхъ нивъ съ ложками, пашенныхъ концовъ, рѣзокъ обложныхъ и бортныхъ деревьевъ», то за деньги, очень впрочемъ не великія и для тогдашняго времени, то за долги, тоже незначительные (напр. за «полторы осмачки жита»), то наконецъ и совсѣмъ даромъ. Примѣръ пріобрѣтенія послѣднимъ способомъ представляетъ купчая 1717 г., по которой «всѣ селяне лопазенскіе, какъ товариство войсковое, стрѣльцы и посполитые мужеве, учинили вѣдомо, что по доброй волѣ своей, имѣя тяглой пашни шнуровые (измѣренные) концы, отдали ихъ сотнику своему Максиму Бороздпѣ, «певными угомонищами положивши обрубецъ», т. е. ограничивъ отведенный участокъ извѣстными урочищами.

Женатъ былъ Максимъ Борздна на какой-то Катеринѣ Карчевской, которая «въ Россію выѣхала изъ чужихъ краевъ и восприяла православную вѣру». По смерти Максима, вдова его вышла замужъ за поручика Антона Детерденева и выхлопотала въ 1727 г. царскую грамоту, по которой Лопазна была укрѣплена за вдовою Максима и его дѣтьми, не смотря на то, что это была, какъ мы сказали, «урядовая маетность».

Изъ дѣтей Максима извѣстенъ Михаилъ, который служилъ бунчуковымъ товарищемъ; въ уступной записи 1762 г. онъ передалъ имѣнія своивъ сс. Лопазнѣ и Ляличахъ женѣ и младшей дочери, Елизаветѣ, лишая при этомъ старшую дочь вовсе наслѣдства: «старшую же дочь мою Ефросинію, которая безъ воли и благословенія родителей своихъ, вышла замужъ, и чрезъ то намъ, родителямъ своимъ, нанесла печаль (отъ которой и въ здоровьи своемъ почувствовалъ великое повреждепіе), отдаляю и «выдѣдичаю» отъ всего моего имѣнія на вѣчные часы».

Ал. Лазаревскій.

Мемуары К. А. Рощаховскаго времени освобожденія крестьянъ.

Помѣщаемые ниже мемуары К. А. Рощаховскаго относятся къ эпохѣ, отдѣляющей дореформенную Россію отъ Россіи «освобожденной», какъ выражаются нѣкоторые иностранные писатели. Это было время, когда всѣ издававшіеся тогда журналы и газеты толковали объ одномъ и томъ-же вопросѣ, поставленномъ правительствомъ на очередь, вопросѣ, по широтѣ своей далеко превосходящемъ тѣ мелкія заботы, какія выпадаютъ въ удѣлъ другимъ временамъ. Это было время, когда извѣстія, публикуемыя правительствомъ о ходѣ освободительной реформы, и въ столицѣ, и въ заброшенныхъ деревенькахъ вызывали длинныя пренія и бесѣды объ отношеніяхъ рабовъ къ властелинамъ, о причинахъ, создавшихъ эти отношенія, о послѣдствіяхъ, какія можетъ оказать реформа на судьбу тѣхъ и другихъ.... Общій подъемъ духа въ сферѣ политико-общественной мысли дѣлаетъ то время интересною эпохою нашей исторической жизни XIX вѣка.

Если насъ отдѣляетъ уже четверть вѣка отъ той счастливой эпохи, если уже явилась возможность появленія въ нашей исторической литературѣ такихъ трудовъ, какъ напр. трудъ г. Иванюкова «Паденіе крѣпостного права въ Россіи», то тѣмъ болѣе умѣстно опубликованіе матеріаловъ, характеризующихъ дѣятельность и направленіе мысли въ тѣхъ или другихъ закоулкахъ нашей родины. Рукописи бывшаго предводителя дворянства бобринецкаго уѣзда, херсонской губерніи, Константина Александровича Рощаховскаго, которыми мы располагаемъ, съ разрѣшенія его наслѣдника, представляютъ именно такой матеріалъ, и мы считаемъ своею обязанностью подѣлиться имъ съ читателемъ.

К. А. Рощаховскій былъ одинъ изъ выдающихся мѣстныхъ дѣятелей того времени, и память о немъ еще до сихъ поръ сохранилась въ херсонской губерніи и въ елисаветградскомъ уѣздѣ. Онъ былъ извѣстенъ въ свое время и въ публицистикѣ, выступивши въ издававшемся тогда «Журналѣ землевладѣльцевъ» сторонникомъ консервативной партіи. Нѣкоторыя изъ его статей въ этомъ журналѣ возбуждали рьяную полемику; за нѣкоторые его взгляды, напр. за защиту тѣлесныхъ наказаній, ему посылались не лестные эпитеты; онъ отвѣчалъ съ жаромъ на упреки и, какъ видно изъ его бумагъ, велъ списокъ своихъ положеній, которыя защищалъ, стараясь быть послѣдовательнымъ и вѣрнымъ своимъ основнымъ мыслямъ.

Давая мѣсто нѣкоторымъ изъ ненапечатанныхъ его мемуаровъ, въ настоящее время имѣющихъ уже значеніе историческаго лишь матеріала, мы считаемъ нелишнимъ привести нѣкоторыя біографическія данныя о личности Константина Александровича, какія намъ удалось добыть отъ лицъ, его знавшихъ.

Отецъ Рощаховскаго былъ помѣщикомъ въ гадячскомъ уѣздѣ, полтавской губерніи, гдѣ его предокъ когда-то получилъ имѣніе отъ Мазепы, а дѣдъ и отецъ, Захарій и Петръ Рощаховскіе, были бунчуковыми товарищами. Женился онъ противъ воли родныхъ на полькѣ, которая въ 1815 году гостила у своихъ въ Литвѣ и тамъ родила сына. Подъ вліяніемъ уговоровъ родственниковъ она окрестила его въ католическую вѣру, назвавъ Никлесомъ. Отецъ его въ это время былъ озабоченъ устройствомъ новаго «дворянскаго гнѣзда» въ херсонскихъ степяхъ, что было очень хлопотливо и трудно. Получивъ землю въ южной части нынѣшняго елисаветградскаго уѣзда, онъ копалъ тамъ колодязь и строилъ домъ. Лѣсъ для постройки въ эту пустыню нужно было возить изъ полтавской губерніи, что по разсказамъ стариковъ-крестьянъ было очень трудно въ то время заселенія херсонскихъ степей. Такимъ образомъ отецъ увидѣлъ своего сына только черезъ два года; узнавъ, что тотъ католикъ, Рощаховскій объявилъ войну своей женѣ, нашелъ на мѣстѣ двухъ нищихъ православныхъ, ссылаясь на какой-то обычай, и при помощи этихъ воспріемниковъ перекрестилъ сына въ православную вѣру, назвавъ его Константиномъ. Послѣ этого вся семья переѣхала изъ Литвы и Полтавщины въ свою новую деревню, назван-

ную по имени основателя Александровкою. Въ этой деревнѣ провелъ свои дѣтскіе годы авторъ предлагаемыхъ мемуаровъ подъ вліяніемъ молодой матери, чувствовавшей себя крайне одинокою среди чуждаго ей общества помѣщиковъ, съ разныхъ сторонъ наѣхавшихъ въ новозаселяемыя степи. На 10-мъ году отдали К. А. Рощаховскаго въ частный пансіонъ въ сосѣдней деревнѣ Седневкѣ; затѣмъ онъ еще учился въ Харьковѣ въ подобномъ-же пансіонѣ Робуша, подготовлявшемъ воспитанниковъ въ университетъ; съ 1834 г. по 1839 онъ былъ студентомъ харьковскаго университета, который окончилъ со званіемъ дѣйствительнаго студента по юридическому факультету. Прослуживши послѣ этого около года въ Петербургѣ по министерству государственныхъ имуществъ, Константинъ Александровичъ въ 1840 т. вышелъ въ отставку и возвратился въ Александровку, гдѣ женился въ 1843 на бывшей своей соученицѣ по Седневскому пансіону. Кромѣ занятій по сельскому хозяйству, котораго онъ впрочемъ не любилъ, Рощаховскій исполнялъ и общественныя обязаности по выбору: 15 лѣтъ сряду онъ былъ почетнымъ смотрителемъ бобринецкаго уѣзднаго училища, а въ 1859 г. былъ избранъ бобринецкимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства. Умеръ онъ въ мартѣ 1862 года отъ скоротечной или галлопирующей чахотки, проявленіями которой были его вспыльчивость, развившаяся въ послѣдніе годы жизни, и горячность при отстаиваніи своихъ мнѣній. Однажды разгоряченный въ спорѣ по занимавшему тогда всѣхъ вопросу о выкупѣ крестьянскихъ надѣловъ онъ сильно спорилъ, причемъ ударилъ рукой по столу, что было принято за крайнюю невѣжливость; это усилило его болѣзнь, къ тому-же онъ еще и простудился. Другіе говорятъ, что вообще усиленныя кабинетныя занятія послѣднихъ двухъ лѣтъ его жизни свели его преждевременно въ могилу, на 47 году жизни.

Такова несложная біографія человѣка, который по всѣмъ отзывамъ былъ кроткимъ, смирнымъ семьяниномъ и «добрымъ бариномъ» по отношенію къ своимъ крѣпостнымъ. Дѣтей своихъ онъ очень любилъ, самъ занимался ихъ воспитаніемъ и составлялъ для нихъ учебники[1]). Дворовой челяди онъ держалъ мало и не смотря

[1]) Этихъ учебниковъ мы не могли найти въ огромной пачкѣ рукописей, переданныхъ въ наше распоряженіе. Чтобы читатель могъ видѣть, насколько разносторонны были кабинетныя занятія К. А. Рощаховскаго, приводимъ спи-

на обязательныя отношенія ихъ къ своему пану, платилъ имъ постоянно небольшое мѣсячное жалованье, а дѣтей ихъ училъ грамотѣ въ своей домашней школѣ, что тогда было исключеніемъ. Въ одномъ разсказѣ, написанномъ имъ подъ заглавіемъ «Три креста», онъ разсказываетъ объ ужасной смерти своего бывшаго лакея, котораго исковеркала конная молотилка, оторвавши обѣ ноги. Умирая, тотъ просилъ у барина опіуму, чтобы прекратить страданія. Описавши борьбу чувствъ съ разсудкомъ, въ результатѣ которой пришлось отказать умирающему въ ядѣ, Рощаховскій продолжаетъ:

сокъ (можетъ быть неполный) тѣхъ рукописей, которыя остались послѣ него, отмѣчая годомъ тѣ изъ нихъ, на которыхъ есть такая или иная дата.

1846 г. Всеобщая экономія народовъ. Стройновскаго (переводъ съ польскаго).

? О статьяхъ Тимашева и Пашкова относительно компаніи на акціяхъ для торговли хлѣбомъ.

1857 г. Мысли объ улучшеніи уѣздныхъ училищъ (Разсужденіе, основанное на 14 лѣтнемъ наблюденіи за бобринецкимъ училищемъ. Состоитъ изъ 4 частей: 1) цѣль уѣздныхъ училищъ; 2) объемъ преподаванія; 3) система преподаванія; 4) нравственно-религіозное направленіе преподаванія).

На 1858 годъ (Передовица по поводу „подвига“ дворянъ виленской, гродненской и ковенской губерній, ходатайствовавшихъ объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ).

1857 г. Замѣтки по поводу критики „Современника“ и статьи г. Петрово-Соловово.

1858 г. *Апрѣль.* „Возвышенности“ (полемика съ Герценомъ и Чернышевскимъ).

— *Май.* Мысли о примѣненіи основныхъ началъ реформы къ улучшенію быта новороссійскихъ крестьянъ (было помѣщено въ „Журналѣ землевладѣльцевъ“).

— *Іюль.* Общинная поземельная собственность.

— *Ноябрь.* Произволъ и новый порядокъ (полемическая статья къ критикамъ его вышепомянутыхъ „Мыслей“).

1859 г. *Январь.* Приглашеніе къ смотрителямъ училищъ описывать мѣстности елисаветградскаго уѣзда для помѣщенія въ газетѣ „Одесскій Вѣстникъ“.

— *Февраль.* „Три креста“ (разсказъ о слугѣ Григоріѣ).

— *Февраль.* Недоразумѣнія по крестьянскому вопросу (длинный рядъ статей для „Журнала землевладѣльцевъ“).

— Замѣчанія на „Положеніе объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ“, составленное херсонскимъ губернскимъ комитетомъ.

— Замѣчанія на „Приложеніе къ Положенію“ и на „Мнѣніе меньшинства херсонскаго губернскаго комитета“.

— Отзывъ по поводу особаго мнѣнія членовъ херсонскаго комитета Касинова и Соколовъ-Бородкина.

1860 г. *Августъ.* Объ орудіяхъ и машинахъ, необходимыхъ въ сельскомъ хозяйствѣ (докладъ елисаветградскому хозяйственному съѣзду, рѣчь при открытіи котораго имѣется также въ бумагахъ, безъ означенія года).

— *Декабрь.* Краткія замѣтки на проэктъ устава тверскаго земскаго банка.

«Мнѣ тяжело было вымолвить, а страдальцу еще тяжелѣе было выслушать мой отказъ. Отвернувши голову и испустивъ тяжелые стоны, онъ сказалъ:

— За что-же я умираю преждевременно и такъ мучительно? Въ сраженіи жертвуютъ за вѣру и отечество.... А я, бѣдный, за что 18 лѣтъ несъ службу, за что трудился, за что умираю!...»

Да, онъ это сказалъ!.... Я ничего не выдумалъ. Вижу и въ эту минуту страдальца, и слышу его справедливый, законный упрекъ.... Не думайте, чтобы всѣ крестьяне наши имѣли раболѣпныя души, не чувствовали своего стѣснительнаго положенія. Многіе изъ нихъ живо понимаютъ свое ничтожество и съ душами, достойными лучшей участи, жаждутъ независимости. На смертномъ одрѣ человѣка, преданнато мнѣ всѣмъ сердцемъ, я услышалъ укоръ себѣ и стонъ о свободѣ. Видитъ Богъ, что я не оскорбился, но только глубже почувствовалъ несправедливость взаимныхъ людскихъ отно-

---

1861 г. Мартъ. Проэктъ программы занятій елисаветградскаго хозяйственнаго съѣзда.

— *10 ноября.* Херсонъ (мысли по поводу тысячелѣтія Россіи).

— *15 ноября.* Введеніе уставной грамоты (разсказъ изъ личной жизни).

— *28 ноября.* Разверстка угодій и выкупнаго платежа (рѣчь къ крестьянамъ).

Безъ означечія года:

Стихотвореніе „Поэту".

Краткая записка о бобринецкомъ уѣздѣ.

Рѣчь (передъ собраніемъ?) о крестьянскомъ вопросѣ.

Извлеченіе основныхъ мыслей изъ статей по крестьянскому вопросу.

Записка объ учрежденіи компаніи застрахованія скота.

Еще нѣсколько мыслей по предмету измѣненія отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ.

Земскія повинности.

„Русскій заграничный Сборникъ" 1858 г. (мысли о положеніи сельскаго духовенства и іезуитизмѣ въ воспитаніи).

Отзывъ на записку Палимпсестова объ учрежденіи образцовой фермы.

„Дѣтскій міръ" (талантливое возраженіе на статью Пирогова „Быть и казаться", помѣщенную въ „Одесскомъ Вѣстникѣ" 1856 г.. № 34).

Замѣтка на статью Чернышевскаго въ „Современникѣ": „Труденъ-ли выкупъ земли"?

О распространеніи грамотности въ сельскомъ сословіи (Рѣчь на елисаветградскомъ съѣздѣ хозяевъ).

Многія изъ этихъ статей Рощаховскій писалъ, какъ признается въ своихъ письмахъ, только потому, что, по изреченію Котляревскаго, „всякая мае свій умъ голова". Нѣкоторыя изъ нихъ были печатаны; что-же касается написанныхъ передъ самою смертью въ концѣ 1861 года, то очевидно они вовсе не предназначались для печати.

шеній, по которымъ я самъ пользовался стѣснительною и неестественною властью надъ другими подобными мнѣ людьми. Не забудьте, что это было въ 1850 году, когда еще нельзя было предвидѣть скораго исхода изъ укоренившагося у насъ крѣпостнаго права».

Писалъ же это авторъ, какъ видно изъ помѣтки, въ февралѣ 1859 года, т. е. когда уже былъ открытъ въ Херсонѣ и работалъ губернскій комитетъ по крестьянскому дѣлу и уже было объявлено объ учрежденіи двухъ центральныхъ редакціонныхъ комиссій для составленія общаго и мѣстныхъ «Положеній». Время съ 1858-го года до смерти Рощаховскаго, какъ кажется, принадлежитъ къ періоду, когда онъ больше всего писалъ, оставивъ чтеніе книгъ своей богатой библіотеки. По разсказамъ жены, ночью въ кабинетѣ онъ часто ходилъ и читалъ въ слухъ написанное, чтобы продолжать писать. Писалъ онъ, какъ мы упомянули, и для «Журнала землевладѣльцевъ», и для «Одесскаго Вѣстника», и просто для того только, чтобы вылить на бумагѣ тѣ мысли, которыя являлись у него въ видѣ объясненія и отвѣта на текущія явленія жизни и ихъ обсужденіе въ литературѣ. «Мы живемъ въ дивное время, говоритъ онъ, когда идеи добра и человѣчности согрѣваютъ сердце каждаго и когда можно безъ стыда назвать бѣднаго крестьянина своимъ другомъ. Никогда столько добра не было въ Россіи! Никогда не происходило такой славной борьбы великодушія со свойственнымъ человѣку желаніемъ оградить собственность отъ ущерба! Грядущія поколѣнія будутъ намъ завидовать!... Они должны завидовать, потому что до новаго великаго событія всеобщее увлеченіе къ добру стихнетъ; можетъ быть и слово утратитъ свою силу, а эгоизмъ начнетъ опять работать и привлекать слабыя сердца на свою сторону... Таковъ законъ для всего человѣчества! Куда око Божіе взглянетъ, тамъ души всѣхъ добрыхъ воспламеняются ко благу; а когда окончательно устроится это благо по изволенію Божію, тогда опять робкія души переходятъ отъ заблужденія къ заблужденію и ждутъ новаго толчка, новой зари благодатной... Иногда цѣлые вѣка проходятъ въ такомъ ожиданіи».

Разсуждая такъ о судьбахъ всего человѣчества, къ себѣ К. А. Рощаховскій былъ строгъ, при чемъ постоянно вспоминалъ о своемъ привиллегированномъ положеніи по сравненію съ положе-

ніемъ крестьянъ. «Мало я дѣлалъ добра для своихъ крестьянъ, пишетъ онъ, и совѣсть укоряетъ меня въ этомъ. Указывая мнѣ иногда прекрасные и достойные подражанія примѣры, она мнѣ шепчетъ, что если бы я постоянно употреблялъ малую часть доходовъ на пользу подвластныхъ мнѣ братьевъ, то легко удвоилъ бы ихъ благосостояніе. Когда же я сдѣлаюсь истиннымъ христіаниномъ и много ли мнѣ остается идти по скользкому пути жизни»?

Мы съ намѣреніемъ привели эти выписки изъ рукописей Рощаховскаго, чтобы легче и скорѣе характеризовать степень его развитія и внутренній міръ его души. Разсказы о немъ знавшихъ его служатъ только дополненіемъ къ его собственнымъ признаніямъ. По всѣмъ отзывамъ, это былъ человѣкъ въ обхожденіи вѣжливый и любезный; онъ старался выдержать ровный характеръ въ дѣловыхъ отношеніяхъ и быть мягкимъ въ обращеніи съ людьми, съ которыми приходилось сталкиваться; но честность въ веденіи дѣлъ общественныхъ и устойчивость убѣжденій, которые онъ проповѣдывалъ не безъ горячности, заставляли его иногда забывать принятыя формы приличія. Разсказываютъ такой случай. Одинъ изъ богатѣйшихъ помѣщиковъ тогдашняго бобринецкаго уѣзда, отличавшійся скряжничествомъ и наклонностью нечистыми путями пріумножать свои достатки, явился однажды въ Бобринецъ къ предводителю съ просьбою завѣрить подпись, доставлявшую ему еще приличный участокъ земельнаго имущества. Хотя дѣло полученія этой подписи было обставлено довольно ловко и хотя помѣщикъ софистически представлялъ его совершенно законнымъ и чистымъ; но предводитель замѣтилъ, что, завѣривъ подпись, онъ совершитъ ничто иное, какъ подлогъ.

— Милостивый государь! сказалъ онъ просителю въ присутствіи нѣсколькихъ дворянъ, бывшихъ при этомъ: вы очень ошиблись. Меня удивляетъ одно. Вы могли ошибиться въ Константинѣ Александровичѣ Рощаховскомъ; но какъ смѣли вы такъ неловко ошибиться въ честности предводителя дворянства нашего уѣзда. Вонъ отсюда! Здѣсь не мѣсто мошенникамъ!

Богачъ Плюшкинъ стушевался и удалился.

— Извините меня, господа, что я въ качествѣ представителя вашего сословія позволилъ себѣ такую дерзость по отношенію къ этому негодяю,—обратился Рощаховскій къ бывшимъ у него дво-

рянамъ: вы всѣ свидѣтели этого факта и вѣроятно будете на судѣ безпристрастны.

Думали, что изъ этого возникнетъ дѣло объ оскорбленіи одного изъ магнатовъ уѣзда. Но кто-то изъ знавшихъ хорошо нравственныя качества мѣстнаго Креза успокоилъ всѣхъ и просилъ не разглашать о происшедшемъ скандалѣ.

— Повѣрьте, что дня черезъ два онъ явится, какъ ни въ чемъ не бывало, къ Константину Александровичу на обѣдъ.

Такъ и случилось. Бобринецкій Плюшкинъ сообразилъ, что харчиться на свой счетъ въ городѣ вовсе невыгодно и неблагоразумно въ виду того, что у предводителя всегда былъ открытъ роскошный столъ для всѣхъ дворянъ уѣзда на все время ихъ съѣздовъ и собраній. На другой день онъ уже обѣдалъ у Рощаховскаго, оговорившись передъ знакомыми, что онъ не умѣетъ такъ горячиться, какъ ихъ предводитель.

Безпощадность въ преслѣдованіи крѣпостниковъ, злоупотреблявшихъ своимъ правомъ, также отличала Рощаховскаго, какъ предводителя дворянства. Злоупотребленія крѣпостнымъ правомъ по отношенію къ дѣвицамъ-крѣпачкамъ одного помѣщика александрійскаго уѣзда навлекли на него преслѣдованія со стороны закона. Но такъ какъ этотъ помѣщикъ былъ въ родствѣ со своимъ предводителемъ дворянства и другими сильными міра сего, то глумленія его надъ человѣческимъ достоинствомъ рабынь продолжались очень долго, а жалобы на вопіющія преступленія оставались безъ всякаго результата. Рощаховскій съ негодованіемъ говорилъ обо всей этой исторіи и когда разслѣдованіе дѣла было поручено ему, онъ, не смотря на всѣ противодѣйствія, довелъ дѣло до того, что истязателя отдали подъ судъ.

За то при другихъ обстоятельствахъ, когда знакомому его было поручено выселеніе одного замотавшагося помѣщика доброй души изъ своей усадьбы и тотъ произвелъ это по всѣмъ правиламъ военной власти,—Рощаховскій долго упрекалъ въ жестокости исполнителя порученія сохранной казны.

Насколько горячъ былъ Рощаховскій въ дѣлахъ, касавшихся примѣненія на дѣлѣ выработанныхъ убѣжденій, на столько онъ былъ мягокъ въ сферѣ личныхъ отношеній. Тутъ онъ былъ сдержанъ, деликатенъ и былъ истиннымъ джентльменомъ или дворяни-

номъ, хотя въ запискахъ своихъ и отказывался отъ этого титула въ пользу названія «человѣкъ». Слѣдующій случай, когда поссорившіеся дворяне обращались къ нему, какъ къ третейскому судьѣ, и ждали отъ него удовлетворяющаго обѣ стороны рѣшенія, показываетъ, какъ знакомые Рощаховскаго цѣнили его мнѣніе о себѣ.

Дѣло было такъ. Въ Елисаветградѣ, тогда еще «военномъ городѣ», т. е. центрѣ управленія южными военными поселеніями, тонъ всему задавали служители Марса и исполнители предначертаній Аракчеева. Былъ, разумѣется, въ городѣ и клубъ—«офицерскій», куда дворяне со своими женами и дѣвицами допускались лишь какъ «гости», подчиняясь соблюденію правилъ клуба. А правила эти при нѣкоторыхъ начальникахъ были довольно стѣснительны: иногда требовалось напримѣръ, чтобы кавалеры въ кадрили не смѣли садиться рядомъ со своими дамами; иногда они должны были послѣ исполненія каждаго танца облекаться во всеоружіе своихъ оффиціальныхъ костюмовъ и пристегивать къ поясу сабли. «Эти собранія, говоритъ Рощаховскій, были самой грустной каррикатурой на человѣческія увеселенія»; даже сами офицеры убѣгали отъ нихъ въ Новую Прагу и Александрію, какъ отъ сущаго наказанія и предпочитали имъ гауптвахту. Дворяне сначала терпѣли свою пассивную роль «гостей» у воиновъ, но наконецъ пожелали эмансипироваться отъ прихотей военной диктатуры и задумали устроить свой собственный клубъ, или если хотя и не вполнѣ собственный, то такой, гдѣ они пользовались бы равными правами голоса съ офицерами. Предложили кое-кому написать проектъ устава «Елисаветградскаго мужескаго собранія»; проэктъ былъ написанъ; собрались его обсуждать и—перессорились. Ссора возникла изъ за стилистики и грамматики. Если вспомнимъ, что одесское «Общество сельскихъ хозяевъ южной Россіи» даже въ 1885 году посвятило нѣсколько своихъ засѣданій на рѣшеніе вопроса о томъ, умѣетъ ли грамотно писать адресы его предсѣдатель, то насъ нисколько не должно изумлять, что четверть столѣтія тому назадъ дворяне бобринецкіе также интересовались законами относительно буквы *ѣ*. Нѣкій Аристархъ Александровичъ, одинъ изъ членовъ-основателей «благороднаго собранія», нашелъ въ представленномъ проэктѣ устава неуваженіе къ этой буквѣ, указалъ и на промахи противъ языка и на слогъ «дурного тона». Составитель проэкта

обидѣлся, съ запальчивостью накинулся на Аристарха Александровича; другой «членъ-директоръ объединеннаго собранія офицеровъ съ дворянами на правахъ равенства» наговорилъ дерзостей смѣлому критику. Собраніе стало на сторону директоровъ. Аристархъ Александровичъ написалъ директорамъ короткое и рѣзкое письмо, въ которомъ гордо отказался отъ званія члена. Были ли директора этого «объединеннаго собранія» пока одни только военные, или уже они были избраны отъ двухъ возсоединившихся элементовъ, между которыми дворянамъ выпала роль присоединяющихся къ существующему учрежденію на правахъ равныхъ съ равными,— ясно не видно изъ письма Рощаховскаго, которымъ мы пользуемся; видно только, что спустя десять дней послѣ помянутой катастрофы, происшедшей кажется на новый годъ (1860), было собрано опять соединенное собраніе членовъ, которое въ отсутствіи Аристарха Александровича, прочитавши его замѣчанія на уставъ и письмо директорамъ, формально подвергло его остракизму. На сторонѣ исключеннаго и обиженнаго члена осталось меньшинство изъ 9-ти голосовъ, и онъ въ горѣ обратился къ Рощаховскому съ письмомъ, приложивъ всѣ документы по дѣлу о его изгнаніи и прося его высказать свое мнѣніе о его поступкѣ и о поведеніи директоровъ и всего собранія.

Отвѣтное письмо Рощаховскаго къ Аристарху Александровичу исполнено тонкой вѣжливости, остроумныхъ сопоставленій, здравыхъ сужденій о житейскихъ отношеніяхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ заключаетъ рядъ поученій, высказанныхъ совершенно безобиднымъ для самаго щекотливаго самолюбія тономъ. Онъ находитъ, что и директора, и собраніе, и самъ Аристархъ Александровичъ—всѣ были неправы, но что все-таки онъ, Аристархъ Александровичъ, исключенъ напрасно и несправедливо. «Высказывая откровенно мои мысли о происшествіи, которое въ тѣсномъ смыслѣ имѣетъ важность только для васъ и для немногихъ лицъ елисаветградскаго общества,—такъ заканчиваетъ свое письмо Рощаховскій,—я съ прискорбіемъ думаю, что нельзя исправить прошедшаго. Но, кто знаетъ, можетъ быть, эти мысли пригодятся на будущее время не только нашему вновь учрежденному мужскому собранію, но и другимъ клубамъ, которые, забывая единственную цѣль мирнаго и полезнаго препровожденія времени, по временамъ принимаютъ на

себя роль инквизиціонныхъ судилищъ. Елисаветградское происшествіе было повтореніемъ екатеринославскаго, хотя если спросите членовъ, то почти каждый изъ нихъ будетъ осуждать мелочную раздражительность и нетерпимость екатеринославскаго общества. Для избѣжанія повторенія такихъ же случаевъ, вредныхъ для общественнаго развитія, необходимо приняться за коренныя измѣненія въ клубныхъ уставахъ. Честь тому обществу, которое, забывъ несвоевременное благоговѣніе къ стариннымъ правиламъ клубовъ, скорѣе другихъ приступятъ къ этому дѣлу».

Склонность къ обобщеніямъ по поводу самаго ничтожнаго случая текущей жизни отмѣчаетъ всѣ рукописи К. А. Рощаховскаго и обнаруживаетъ въ немъ недюжинную способность анализа фактовъ съ точки зрѣнія общественныхъ, а не частныхъ интересовъ. Это во всякомъ случаѣ дѣлаетъ его записки достойными напечатанія. Печатаемыя нами ниже отдѣльныя четыре его статьи имѣютъ и общій интересъ, характеризуя и время, отошедшее въ область исторіи, и отношеніе къ своему времени одного изъ выдававшихся критическими способностями его сыновъ.

Въ заключеніе можемъ привести о Рощаховскомъ мнѣніе, на которое съ гордостью указываютъ знавшіе его елисаветградцы. Императоръ Александръ II, посѣщавшій часто Елисаветградъ для смотровъ и маневровъ, однажды удостоилъ Рощаховскаго своею аудіенціею и долго бесѣдовалъ съ нимъ по поводу крестьянской реформы. Въ одинъ изъ болѣе позднихъ своихъ пріѣздовъ онъ освѣдомился о Рощаховскомъ и когда узналъ, что тотъ померъ, замѣтилъ: «Очень жаль! Умный былъ человѣкъ!»

А. Р.

I.

Херсонъ. 10 ноября 1861 г.

Сегодня балъ: Все здѣшнее общество, считающее себя лучшимъ, будетъ веселиться, или показывать видъ, что веселится. Я могъ бы встрѣтить знакомыхъ и отъ скуки сѣлъ бы играть въ ералашъ. Но что мнѣ въ этомъ праздномъ препровожденіи времени, въ этой тратѣ жизни безъ всякихъ душевныхъ стремленій?

У большей части господъ, которые теперь собираются на балъ, душа спитъ и никогда не просыпается къ разумной дѣятельности. Какъ ей дѣйствовать, когда она связана тупыми органами и когда надъ ней взяли верхъ матеріальныя побужденія? Для тѣхъ людей думы—мука, и они, достаточно утомя свои головы дѣловыми бумагами, ищутъ случая успокоить ихъ немышленнымъ препровожденіемъ времени. Счастье, если пробѣгая чужія идеи въ печатной книгѣ или журналѣ, умъ ихъ въ состояніи сосредоточиться до той степени, чтобы сколько-нибудь понять эти идеи и ими заинтересоваться.

Даю волю мыслямъ, которыя вѣроятнѣе всего никогда не будутъ напечатаны. Кашляю и чувствую удушье; грудь болитъ; пусть болитъ: хочу думать и жить, думаю, пока существую на свѣтѣ.

Будущее Россіи.

Приходитъ предполагаемое тысячелѣтіе Россіи, и она хочетъ чистымъ лебедемъ начать новую жизнь. Долго еще прійдется этому славному лебедю очищать грязь, накопившуюся вѣками. Теперь Россія сбрасываетъ съ себя только позоръ крѣпостнаго права, этого мелкаго тиранства.

Такіе важные перевороты скорѣе всего могутъ совершаться при твердомъ самодержавномъ правительствѣ. Наше правительство, тугое и упорное во всѣхъ другихъ случаяхъ, дѣйствовало въ этомъ важномъ дѣлѣ слабѣе всякаго конституціоннаго. Начали собирать голоса по всей Россіи, какъ будто воли государя было не достаточно для рѣшенія настоящей эманципаціи, которая только въ нашемъ пустынномъ и дикомъ отечествѣ считалась вопросомъ, потому что до русскихъ никогда не доходили или скорѣе до нихъ не пропускались общечеловѣческія идеи. Сначала заговорила литература и, правду сказать, разрабатывала предметъ хорошо, подала много полезныхъ совѣтовъ. Но это слѣдовало допустить до манифеста, чтобы, приступая къ реформѣ, обобщить главныя начала человѣчности и парализировать варварскіе предразсудки душевладѣнія. Тогда была бы дѣйствительно честь тѣмъ просвѣщен-

нымъ людямъ, которые ратовали на аренѣ для освобожденія 10-ти милліоновъ страдальцевъ. Въ настоящемъ случаѣ они только варьировали свои мысли по заданной темѣ. Допуская продолжительныя сужденія послѣ манифеста, правительство какъ будто показывало этимъ, что у него нѣтъ людей способныхъ осуществить самыя благія намѣренія и что оно, объявивъ принципъ, не сдѣлало никакого плана дѣйствій; или же оно только хитрило съ дворянствомъ, притворяясь, что нѣтъ въ Россіи тираніи и что будетъ такъ, какъ умные люди присовѣтуютъ. Затѣмъ, не довольствуясь литературными преніями, предоставлено было въ каждой губерніи самимъ помѣщикамъ составить проэкты освобожденія безгласныхъ крестьянъ по своему усмотрѣнію. Эти проэкты съ узкимъ одностороннимъ направленіемъ и часто съ намѣреніемъ обмануть правительство не принесли никакой пользы и служили только замедленіемъ дѣла. Отъ нихъ ничего добраго и не ожидали въ Петербургѣ, а вѣроятно думали этой мѣрой еще разъ польстить дворянству за тѣ жертвы, на которыя оно было осуждено заблаговременно.

Наконецъ разыграли третью хитрость и созвали какъ будто за дѣломъ депутатовъ въ столицу. Между ними нашлись люди рѣшительные. Начались укоры, требованія эманципаціи другого рода и стремленіе вознаградить дворянство другими правами. Имя Унковскаго пріобрѣло большую извѣстность и съ восторгомъ повторялось помѣщиками, особенно тѣми, которые рады были всякому препятствію къ осуществленію уже рѣшенной и всенародно объявленной эманципаціи крѣпостныхъ людей. Унковскій вовсе не заслуживаетъ признательности потомства, и его мнѣніе, которое въ безчисленныхъ спискахъ ходило по рукамъ, есть отсталое мнѣніе закоренѣлаго русскаго дворянина, который развивалъ не общечеловѣческія идеи, а идеи сословныя, съ желчью и ненавистью къ закабаленному народу, котораго онъ всегда готовъ быть гонителемъ. Позорно и стыдно передъ человѣчествомъ воспалять страсти притѣснителей и, не окончивши одного дѣла, затѣвать другое именно за тѣмъ, чтобы задержать въ Россіи ненавистное крѣпостное право. Если когда-нибудь прійдетъ пора конституціи—она бу-

детъ; только для блага народа инициатива и въ этомъ дѣлѣ должна принадлежать правительству. Сначала нужно рѣшительно укрѣпить собственность, ввести въ благоразумной степени самоуправленіе, сравнять права всѣхъ сословій и избавить Россію отъ несправедливыхъ привиллегій и преимуществъ, которыя, принося пользу однимъ гражданамъ, стѣсняютъ другихъ и задерживаютъ все государство на пути прогресса.

Но вотъ умеръ человѣкъ, стоявшій въ главѣ преобразованія— Ростовцевъ. Каковъ ни былъ Яковъ Ивановичъ въ началѣ своего поприща,—при немъ редакціонныя коммиссіи не обращали вниманія на совершенно пустые и негодные проэкты губернскихъ комитетовъ, и дѣло шло прекрасно по одному принятому плану. Много потеряли крестьяне по смерти Ростовцева. Новый предсѣдатель былъ совершенно другихъ убѣжденій. Всѣ труды редакціонныхъ комиссій, въ которыхъ участвовали лучшіе люди Россіи, потеряли своё значеніе. Съ этими трудами поставлены были въ параллель незрѣлые проэкты своекорыстныхъ депутатовъ втораго призыва и по этой причинѣ положеніе, представленное на утвержденіе государя, составило амальгаму различныхъ мнѣній, другъ другу противорѣчащихъ.

Не говорю о сужденіяхъ въ государственномъ совѣтѣ, при которыхъ разоблачилась личность графа Панина. Потомство этого никакъ не забудетъ.

Наконецъ дѣло рѣшилось. Помѣщики и дворяне выслушали въ церквахъ манифестъ въ дни поста и покаянія. Этотъ манифестъ, который сначала почти всѣхъ привелъ въ недоумѣніе, написанъ превосходно. При началѣ такого дѣла опасно было подавать крестьянамъ большія надежды и не должно было сразу приводить въ ужасъ помѣщиковъ. Газеты безбожно лгутъ, говоря бутдо крестьяне были въ восторгѣ: они разошлись изъ церквей съ поникшими головами. Помѣщики ободрились и охотно распространяли манифестъ, сами его читали крестьянамъ и разъясняли съ самодовольствіемъ. Онъ быстро облетѣлъ не только села, но всѣ деревни и хутора. Цѣль была достигнута безъ малѣйшаго сопротивленія. Умная хитрость, заключающаяся въ словахъ ма-

нифеста, вполнѣ извинительна. При томъ планѣ дѣйствій, какое избрало для себя правительство, нельзя было дѣйствовать иначе: начавши компромиссами, нужно было такъ и кончить. Положенія ожидались съ большимъ нетерпѣніемъ. У меня собралось нѣсколько помѣщиковъ въ тотъ день, когда они должны были быть присланы изъ Херсона. Я получилъ пакетъ ровно въ 12 часовъ ночи. Мы многое пробѣжали, но самое главное на первыхъ порахъ—правила приведенія въ дѣйствіе положеній—были случайно пропущены. Помѣщики были совершено спокойны, воображая, что полные два года будутъ пользоваться трудомъ крестьянъ безъ всякаго смягченія по прежнему. Впослѣдствіи, когда 1-я глава этихъ правилъ была имъ пояснена и когда отъ нихъ потребовали облегченій, они призадумались. Теперь, при началѣ введенія уставныхъ грамотъ, оба сословія недовольны, крестьяне въ особенности. Постараюсь объяснить это неудовольствіе.

Въ положеніи предоставляется освобожденіе крестьянъ и такъ, и сякъ, и иначе, т. е. на разные способы. Нѣкоторые писатели съ восторгомъ провозглашали добровольное соглашеніе—вотъ его и ввели въ положеніе, но только въ урѣзанномъ видѣ, потому что *добровольнаго* осталось очень мало. Другіе писатели стояли за выкупъ; допустили и выкупъ, однакожъ въ долгъ съ огромной разсрочкой, а не на наличныя деньги. Въ одномъ пустомъ, безграмотномъ и рабски уродливомъ мнѣніи предложили даръ, допустили и даръ такой, что крестьяне останутся нищими съ этимъ даромъ. Наслѣдственное пользованіе нашло мѣсто наравнѣ съ общиннымъ, круговая порука наравнѣ съ личною отвѣтственностью. Съ издѣльной повинности предоставляется переходить на оброкъ, съ оброчной опять возвращаться къ издѣльной. Землю предоставлено крестьянамъ требовать отъ помѣщиковъ и полностью, и до половины, и до трети, и до четверти надѣла; наконецъ позволяется отъ нея совсѣмъ отказаться на основаніи 8 ст. мѣстнаго Положенія. Крестьянамъ въ мелкопомѣстныхъ имѣніяхъ предлагаютъ особыя разнообразныя льготы, которыхъ крестьяне другихъ имѣній лишены. Наконецъ если крестьяне не рѣшатся на что нибудь по *добровольному* согласію

съ помѣщикомъ, то уставная грамота должна быть составлена самимъ помѣщикомъ или мировымъ посредникомъ по закону; а по этому закону слѣдуетъ при написаніи грамоты опять спросить почти обо всемъ крестьянъ. Слѣдовательно и законъ не имѣетъ въ себѣ ничего опредѣлительнаго.

Ошеломленные крестьяне не знаютъ, на что рѣшиться. Они привыкли повиноваться волѣ своего царя и не видятъ въ положеніяхъ этой воли. Они желаютъ, чтобы царь, котораго они считаютъ земнымъ божествомъ, распорядился ихъ участію, какъ самъ знаетъ, и избавилъ-бы ихъ, людей темныхъ, внятнымъ царскимъ словомъ отъ ошибокъ по ихъ простотѣ и отъ обмановъ со стороны помѣщиковъ. Крестьяне знаютъ, что при всякаго рода соглашеніяхъ простой человѣкъ почти всегда теряетъ, и потому, какъ небесной милости, ожидаютъ рѣшительнаго и внятнаго простымъ умамъ царскаго слова. Чѣмъ кончится упорное ожиданіе другаго рѣшенія, предузнать трудно. Не достаетъ искры, чтобы возгорѣлось по всѣмъ селамъ лютое пламя. На комъ тогда будетъ лежать отвѣтъ передъ потомствомъ? Разумѣется, изъ очищенной горниломъ руды заблеститъ цѣнный металлъ, но чего онъ будетъ стоить человѣчеству? При такой неопредѣлительности узаконеній помѣщики подвергаются большой опасности, и на многія невинныя семейства можетъ пасть ярость раздраженной толпы. Не утѣшительно!

При исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей я ободряю помѣщиковъ, вразумляю крестьянъ, а для большаго успѣха дѣла печатаю статьи успокоительныя. Но наединѣ, самъ съ собою, не могу не видѣть опасности, которая угрожаетъ общественному порядку.

Однакожъ положимъ, что эта опасность благополучно миновала и что реформа кончилась мирно. Въ такомъ случаѣ другъ человѣчества не долженъ сожалѣть о судьбѣ нынѣшнихъ помѣщиковъ. Что значительная ихъ часть совершенно разорится и что дворянство, какъ рабо-владѣльцы, какъ притѣснители другаго сословія, вмѣстѣ съ тѣмъ потеряетъ такое свое значеніе, тѣмъ лучше. Мѣсто ихъ

займутъ землевладѣльцы разныхъ сословій, которые просвѣщеннымъ трудомъ найдутъ для себя новые источники доходовъ. Скорѣе должно подумать объ участи крестьянъ, отъ которыхъ слѣдуетъ ожидать свѣжихъ нравственныхъ силъ для пользы государства и человѣчества. Вырвавшись изъ крѣпостного ига, силы эти должны проявляться, если не будутъ подавлены новыми стѣснительными обстоятельствами. Самый лучшій исходъ для крестьянъ есть разумѣется выкупъ. Но какъ устраивается этотъ выкупъ? Грустно видѣть, что въ такомъ дѣлѣ думаютъ о банковыхъ оборотахъ, о барышахъ и о поправленіи запутанныхъ государственныхъ обстоятельствъ. Лишь-бы государство не было въ убыткѣ, если оно не въ состояніи принять на себя нѣкоторыя жертвы—вотъ и все. Разсчетъ на барыши отъ эманципаціи не только не вѣренъ, но до крайности неблагоразуменъ и предосудителенъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ крестьяне-собственники совершенно обнищаютъ. Тогда прійдется прибѣгнуть къ послѣдней мѣрѣ—насильственной, но совершенно необходимой. Удовлетвореніе правительства должно быть разложено на всѣ сословія государства, а не на однихъ крестьянъ, которымъ дорого и горько обходится свобода. Эра благополучія для крестьянъ начнется только съ того времени, когда они, будучи собственниками, совершенно освободятся отъ выкупныхъ платежей. Имѣется-ли это въ виду правительствомъ и ждетъ-ли оно только повсемѣстнаго совершенія выкупа, не разгадаешь, потому что внутренняя политика у насъ весьма мудреная. Прежде мы имѣли дѣло съ грозной и открытой правительственной силой, а теперь не тѣ времена: иногда кажется, что съ нами играютъ, какъ кошка съ мышкой. Пусть и такъ; однакожъ эта игра отдаляетъ желаемыя событія и угрожаетъ продолжительнымъ бѣдствіемъ десятку милліоновъ новыхъ гражданъ. Можетъ быть, придворныя интриги?... Нельзя винить царя, если онъ дѣлаетъ только то, что позволяютъ обстоятельства... Охъ, эти придворные интриганы, охъ эти старцы, выжившіе изъ ума, охъ, эти бездарные совѣтники, правители! Бѣда, если забираютъ верхъ они, а не честные дѣятели съ свѣтлымъ умомъ! Челядь

эта можетъ дѣйствительно остановить найлучшія намѣренія государя. Вспоминая Унковскаго и его адептовъ, скажу, что не отъ самодержавія намъ надо желать освободиться, а отъ этихъ спѣсивыхъ выродковъ человѣчества, по большей части глупцовъ и злодѣевъ. Что такое совершающаяся эманципація? Послѣдняя-ли это борьба за права человѣчества? или за ней послѣдуетъ другой переворотъ, желаемый всѣми и всѣми ожидаемый? Пока никто не мѣшаетъ, загляну далѣе въ будущее, въ которомъ быть можетъ мнѣ не суждено принимать участія. Какая-бы участь не суждена была моимъ дѣтямъ, желаю имъ послужить человѣчеству. Напутствую ихъ заранѣе моимъ благословеніемъ на путь добра и чести, но только не на тотъ путь, по которому идетъ Герценъ и не на тотъ, на которомъ безполезно погибъ Беккеръ. Уваженіе къ труду и собственности, любовь къ человѣчеству, стремленіе къ полному равенству правъ всѣхъ людей—вотъ тѣ начала, которыми честный гражданинъ долженъ всегда руководствоваться. Я никогда не внушалъ сыновьямъ спѣсивыхъ идей *благородства. Благородство!* Это пошлое слово для меня отвратительно. Уже прошли тѣ времена, когда говорилось: *noblesse, oblige* и когда дворяне, принимая на себя личину какого-то особеннаго прирожденнаго достоинства, питали въ своихъ душахъ основные предразсудки и, если случалось дѣлать добро низшимъ, то дѣлали его съ пренебреженіемъ, а зло отъ чистаго сердца. Сережа и Володя, друзья мои! Прошу васъ, будьте людьми и забудьте, что вы благородные. Много въ мірѣ мерзавцевъ—благородныхъ и едва-ли не большая ихъ часть. Сколько и изъ этого сословія видимъ въ исторіи, на ряду съ достойнѣйшими дѣятелями, людей зловредныхъ, самыхъ низкопоклонныхъ, самыхъ презрѣнныхъ! Довольно вспомнить обстоятельства вступленія на престолъ Анны Іоанновны, тираніи Бирона и другіе аналогическіе эпизоды нашей исторіи. Не они-ли поддерживали и усиливали то крайнее неравенство, тотъ гнетъ, отъ котораго стремится теперь освободиться Россія! Не они-ли для своей корысти распространяли рабство на свободныя земли, присоединенныя къ имперіи, за-

хватывали въ свои руки земли, благословляли и до сихъ поръ благословляютъ режимъ прошлаго царствованія и всѣми силами задерживали отечество на пути развитія? Варвары въ своихъ имѣніяхъ, въ минуты самыя критическія для государства они дѣлаютъ зло, не сознавая даже, что это зло, и внушаютъ его своимъ дѣтямъ. Сколько разъ мнѣ случалось съ отвращеніемъ слышать, какъ они выхваляли подвиги казнокрадовъ и безсовѣстно поставляли ихъ въ примѣръ сыновьямъ своимъ! А какіе при томъ гордые! какъ презрительно обращались съ своими подданными, съ прислугой, которой даже не называли по имени, а просто *человѣкомъ*. «Эй, *человѣкъ, скотина,* иди сюда»! Эти слова, вошедшіе въ привычку благороднаго сословія дворянъ, многозначительны и обнаруживаютъ, какое они имѣютъ понятіе о *человѣкѣ* и *человѣчествѣ*. Стоитъ-ли послѣ этого называть пошлымъ именемъ благородства чистыя и прекрасныя стремленія души? Но съ начала нынѣшняго царствованія идеи добра и чести начинаютъ понемногу развиваться и въ высшемъ сословіи. Постараемся изъ дворянъ сдѣлать человѣковъ и простыхъ, честныхъ, а не благородныхъ гражданъ. Въ самой этимологіи слова дворянинъ не сохранилось для настоящаго времени никакого почтеннаго значенія. У насъ нѣтъ ни нобиловъ, ни эдельмановъ, ни рыцарей. Зачѣмъ намъ оставаться съ этой унизительной кличкой и постоянно быть предметомъ ненависти другихъ сословій? Лучше отдадимъ преимущество уму и вѣчно движущемуся, измѣняющемуся состоянію передъ родомъ и будемъ всѣ равными гражданами.

К. Р.

II.

Введеніе Уставной Грамоты.

По окончаніи въ семъ году уборки хлѣба, я немедленно отправился въ деревню для соглашенія съ срочно-обязанными крестьянами относительно составленія уставной грамоты. Въ имѣніи моемъ учреждена волость; крестьянамъ моей деревни слѣдовало подать примѣръ для окрестныхъ деревень въ этомъ важномъ дѣлѣ, и я надѣялся, что оно пойдетъ легко и безпрепятственно. Предполагалось ввести уставную грамоту съ 1-го октября, а первая сходка была 27 августа.

Сначала я подробно разъяснилъ крестьянамъ два вида пользованія: *общиннаго* и *подворнаго или наслѣдственнаго*. Видя дѣйствительную невозможность въ нашей мѣстности дробленія общаго надѣла, единожды навсегда, на отдѣльные наслѣдственные участки, которые должны заключать въ себѣ все хозяйство отдѣльныхъ семействъ, такъ-же видя величайшее затрудненіе внезапнаго перехода къ четырехпольной системѣ, которая одна дѣлаетъ возможнымъ наслѣдственное пользованіе, по примѣру черезполосной собственности, заведенной у малороссійскихъ козаковъ, крестьяне единогласно избрали для себя общинное пользованіе съ правомъ разверстки земель по собственному усмотрѣнію между домохозяевами и съ правомъ передѣла этихъ земель, когда обстоятельства потребуютъ.

Послѣ того я разсказалъ крестьянамъ съ должною подробностью обязанности и послѣдствія *круговаго ручательства* при общинномъ пользованіи, а также *личной отвѣтственности* при наслѣдственномъ. Когда крестьяне разобрали, что круговое ручательство не состоитъ въ томъ, чтобы Иванъ работалъ за Петра и чтобы нерадивые ничего не дѣлали, а трудолюбивые за нихъ отвѣтствовали; когда они взяли въ толкъ, что каждый будетъ

отвѣчать за себя передъ обществомъ, которое имѣетъ всегда возможность не допустить неисполнительности не только нравственнымъ наблюденіемъ за поведеніемъ своихъ членовъ, весьма важнымъ въ этомъ случаѣ, но и законными мѣрами побужденій; наконецъ, когда они узнали, что при личной отвѣтственности грозитъ бѣда съ одной стороны отъ неограниченнаго самовластія, расточительности и разгула нѣкоторыхъ крестьянъ, отъ чего общество немедленно распадется на хозяевъ и батраковъ, а съ другой еще большая бѣда отъ того, что помѣщикъ, имѣя единственнымъ обезпеченіемъ временное, потомъ окончательное присвоеніе себѣ участка нерадиваго хозяина, не упуститъ воспользоваться этимъ, причемъ произойдетъ самая опасная черезполосность помѣщика съ крестьянами, неразлучная съ борьбой, при которой сильный міра почти всегда имѣетъ перевѣсъ передъ слабымъ; тогда крестьяне, еще съ большей твердостью, рѣшились на *общинное пользованіе за круговымъ ручательствомъ.* Хотя я принадлежу къ противникамъ, а не къ поборникамъ *общиннаго поземельнаго пользованія,* о чемъ довольно рѣзко заявлено мною въ послѣдней книжкѣ «Журнала землевладѣльцевъ»; но какъ прежде, такъ и теперь я нахожу, что общинное пользованіе для бывшихъ нашихъ крестьянъ, на первыхъ порахъ, при переходѣ ихъ къ новому порядку, необходимо. Они освободились отъ крѣпостной зависимости съ двумя важными пороками не малаго числа своихъ членовъ—лѣностью и пьянствомъ, такими пороками, при которыхъ наслѣдственное пользованіе было-бы окончательною гибелью для многихъ семействъ. Надобно, чтобы крестьяне исправились прежде нравственно, и единственное къ этому средство есть община. Мы имѣемъ этому примѣръ на военныхъ поселянахъ, которыхъ нравы видимо улучшаются. Вотъ почему мнѣ было очень пріятно разумное рѣшеніе крестьянъ моей деревни, и тѣмъ болѣе пріятно, что во многихъ другихъ имѣніяхъ крестьяне приходятъ въ ужасъ при одномъ предложеніи круговаго ручательства, богатые отъ боязни отвѣтствовать за бѣднаго и оказать иногда помощь ближнему, а бѣдные еще отъ большей боязни стѣсненія въ своей безпорядочной нерадивой жизни, по-

тому что до сего времени они имѣли заботу только о днѣ насущномъ безъ всякаго помышленія о будущемъ.

Достигнувъ этого, я спросилъ каждаго изъ домохозяевъ отдѣльно, а потомъ все общество о томъ, сколько они желаютъ получить земли; при чемъ объяснено было, до какой степени допускается уменьшенный надѣлъ и въ какомъ размѣрѣ, по правиламъ Мѣстнаго Положенія, сбавляется вознагражденіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ крестьяне были предварены, что надѣлъ опредѣляется разъ навсегда и что впослѣдствіи они не должны ожидать для себя никакой прибавки, какое-бы ни послѣдовало увеличеніе ихъ общества. Ни одинъ изъ крестьянъ, даже изъ тѣхъ, которые на основаніи 8 статьи Мѣстнаго положенія имѣли право отказаться отъ земли, не пожелалъ уменьшеннаго надѣла и все общество единогласно просило отрѣзки участка полностію по числу ревизскихъ душъ, т. е. въ указномъ размѣрѣ. Даже всѣ дворовые люди, не имѣвшіе никакого на то права, просили земли; но этимъ я рѣшительно отказалъ, обѣщавши впрочемъ дать нѣкоторымъ изъ нихъ землю по окончаніи ихъ обязательной службы, если они и тогда признаютъ для себя выгоднѣе отказаться отъ правъ и льготъ, которыя имъ предоставлены. Я не хотѣлъ вслѣдствіе необдуманнаго увлеченія дворовыхъ людей навлечь на себя впослѣдствіи ихъ упрекъ, и радъ этому, потому что при окончательномъ составленіи уставной грамоты нѣкоторые изъ крестьянъ, имѣвшихъ право на надѣлъ, отъ него отказались.

Оставалось указать крестьянамъ участокъ для нихъ предназначенный, пріуроченный къ ихъ усадебнымъ осѣдлостямъ и снабженный достчточными водопоями, какъ въ деревнѣ, такъ и въ степи для удобства хлѣбопашества. Мѣстность предназначеннаго участка согласовалась съ желаніями крестьянъ; вся моя земля была размежована на правильныя десяти десятинныя клѣтки; въ отрѣзкѣ по числу душъ полевыхъ угодій не могло встрѣтиться ни малѣйшаго затрудненія, даже для простыхъ людей, совершенно незнакомыхъ съ правилами межеванья. Межевщикъ мироваго съѣзда былъ на лицо, и ему поручено было сдѣлать

немедленно измѣреніе усадебныхъ осѣдлостей и отрѣзку участка при волостномъ старшинѣ, сельскомъ старостѣ и другихъ крестьянахъ.

Этимъ наши предварительные сужденія были кончены. Желая воспользоваться добрымъ настроеніемъ крестьянъ, я приступилъ къ разъясненію имъ сущности уставныхъ грамотъ, то есть двоякаго способа возпагражденія: посредствомъ *издѣльной повинности или отработки*, и посредствомъ *платежа оброка*. Я толковалъ имъ: какой-бы родъ вознагражденія крестьяне ни избрали, предполагается, что они должны выполнять его добросовѣстно. Помѣщикъ будетъ строго слѣдить за этимъ; мѣстныя власти будутъ ему содѣйствовать. Издѣльная новинность имѣетъ то преимущество, что крестьяне къ ней привыкли и что въ неурожайные годы легче отдѣлаться работой, чѣмъ добывать наличныя деньги на оброкъ, когда семейство страдаетъ отъ голоду; а оброка помѣщикъ ни подарить, ни отстрочить не можетъ, потому что и онъ, какъ человѣкъ, имѣетъ насущныя потребности, безъ которыхъ не можетъ существовать его семейство. За то цѣна работы при издѣльной повинности дешева и не выгодна для крестьянъ, если принимать въ соображеніе трудъ добросовѣстный и одни урожайные годы; трудиться въ чужомъ двору, на чужой нивѣ и быть всегдашнимъ чужимъ работникомъ— очень невесело; наконецъ издѣльная повинность соединена съ стѣсненіями, не дозволяющими отлучиться изъ дому и располагать временемъ, а такъ же съ недоразумѣніями обѣихъ сторонъ, навлекающими безконечныя разбирательства и паче всего съ тягостнымъ неотступнымъ надзоромъ надъ душею человѣка. Крестьянинъ. который знаетъ себѣ цѣну, лучше будетъ самъ для себя трудиться, а помѣщику оброкъ заплатитъ. Судя по существующимъ у насъ цѣнамъ на работниковъ, это не трудно для самыхъ бѣдныхъ семействъ; наймутъ одного, и за всѣхъ разсчитаются. Даже при мѣстныхъ неурожаяхъ, крестьянинъ, не стѣсняемый господской работой, можетъ что нибудь пріобрѣсть промысломъ или отправиться на заработокъ въ мѣста, не постигнутыя бѣдствіемъ. Только при выборѣ оброчной повинности слѣ-

дуетъ трудиться бодро и неусыпно, больше, чѣмъ прежде, трудиться и строго беречь каждую денежку про черный день. Оброкъ, трудный съ непривычки, имѣетъ еще то преимущество, что черезъ него можно перейти на *выкупъ*; а выкупъ, эта честная раздѣлка между помѣщикомъ и крестьянами, долженъ быть главною цѣлью обѣихъ сторонъ. Особенно онъ выгоденъ для крестьянъ. Крестьянинъ трудится при издѣльной повинности, собираетъ деньгу къ деньгѣ для платежа оброка, и его трудъ, его деньги тратятся имъ только за пользованіе усадебной осѣдлостью съ отведеннымъ надѣломъ. При выкупѣ-же съ благодѣтельнымъ содѣйствіемъ правительства онъ платитъ меньше и съ каждымъ годомъ пріобрѣтаетъ для своихъ дѣтей и внуковъ частицу собственности. Такъ добрый отецъ семейства сажаетъ на старости лѣтъ деревцо, думая не о себѣ, а о своемъ потомствѣ. Къ выкупу всѣ должны прійти непремѣнно, и если крестьяне отдаляютъ отъ себя выкупъ, то они дѣлаютъ величайшее зло семейству. Ихъ дѣти и внуки когда нибудь скажутъ: за что наши дѣды и отцы тратили свои силы даромъ, платили деньги даромъ и неблагоразумно прибавили на насъ горы излишняго платежа?

Мой послѣдній доводъ очень подѣйствовалъ на крестьянъ и они всѣ объявили желаніе приступить къ выкупу. Я имъ сказалъ, что это дѣло чрезвычайной важности, которымъ рѣшается вся будущая судьба ихъ семействъ, а потому его не слѣдуетъ кончать такъ опрометчиво, что они должны внимательно сообразить свои силы и можетъ быть имъ лучше избрать на первыхъ порахъ издѣльную повинность, пока соберутся съ средствами на оброкъ и выкупъ, что для этого я имъ передамъ уставныя грамоты въ разныхъ видахъ съ выкупнымъ договоромъ и предоставляю имъ полную свободу обдумать это дѣло самимъ безъ всякаго съ моей стороны участія, наконецъ, что всѣ ихъ справедливыя замѣчанія и просьбы я пріиму охотно для соображенія при окончательномъ составленіи уставной грамоты. При семъ, подъ вліяніемъ искренняго желанія оказать по возможности и, можетъ быть, въ послѣдній разъ крестьянамъ отъ себя

добро за ихъ службу мнѣ и моимъ родителямъ, я предложилъ слѣдующія уступки: при общинномъ пользованіи за круговою порукою десятую часть издѣльной повинности, опредѣленной положеніемъ, или пятую часть оброка; при подворномъ пользованіи, вмѣсто этихъ облегченій, подарокъ усадебныхъ осѣдлостей *по окончаніи девяти лѣтъ для исправныхъ домохозяевъ, за которыми не будетъ оставаться никакой недоимки; наконецъ, при выкупѣ цѣлымъ обществомъ усадебныхъ осѣдлостей съ полевыми угодьями*, скидку дополнительнаго платежа. Мнѣ казалось, что крестьяне должны быть мнѣ благодарны, и я отпустилъ ихъ съ сердцемъ, полнымъ радости, какъ послѣ добраго дѣла, уже совсѣмъ оконченнаго.

Совѣщанія крестьянъ открылись при полной свободѣ, и дѣло приняло неожиданный оборотъ. Къ нимъ присоединились крестьяне другихъ деревень и начали принимать участіе въ сужденіяхъ. Одни говорили, что если я дѣлаю уступки, то слѣдуетъ держаться дружно и ожидать еще большихъ, потому что никто себѣ зла не желаетъ и за уступками вѣроятно скрываются другія льготы, которыхъ я для себя и ради пользы другихъ помѣщиковъ не желаю объявить; другіе толковали, что не слѣдуетъ соглашаться на всякую уставную грамоту, потому что это есть новое закрѣпленіе; третьи настаивали, что нигдѣ въ положеніи не сказано. чтобы надѣлъ цѣнился въ 150 рублей, а въ Положеніи сказано (66 и 67 ст. о выкупѣ), что плотится только шесть процентовъ съ оброка и слѣдовательно не 7 руб. 20 к., а гораздо менѣе; четвертые добавлили, что если посчитать годовой платежъ въ 49 лѣтъ, то имъ пріидется заплатить казнѣ болѣе 350 рублей отъ надѣла и что невозможно, чтобы это отъ нихъ требовалось. Благоразумные люди изъ крестьянъ боялись противорѣчить, потому что большинство грозило смѣнить старшину. Наконецъ въ первый случившійся на недѣлѣ праздникъ собрался сельскій сходъ или скорѣе *общая рада*, на которой рѣшено было не соглашаться ни на издѣльную повинность, ни на оброкъ, а просить *выкупа на царское слово, на царскую милость*. Съ этимъ почтительно и смиренно явилось ко

мнѣ общество крестьянъ. Я объявилъ имъ, что царское слово. царская милость заключается для нихъ въ Положеніяхъ, которымъ и помѣщики и крестьяне обязаны равно повиноваться, что выкупъ возможенъ только для крестьянъ, состоящихъ на оброкѣ, а потому прежде составленія договора о выкупѣ необходимо введеніе уставной грамоты на оброкъ; наконецъ, что выкупная плата оттого такъ велика въ сложности за 49 лѣтъ, что здѣсь полагаются проценты на капиталъ, который правительство занимаетъ. Но какъ я имъ ни толковалъ *таинство капитализаціи*, они меня не поняли. Отпуская ихъ, я совѣтовалъ одуматься и предлагалъ на это мѣсяцъ, два и больше времени, потому что, пользуясь все время ихъ промедленія работой въ настоящемъ размѣрѣ, я ничего не теряю. Крестьяне съ своей стороны просили меня повременить только до воскресенья, потому что они желали бы поскорѣй покончить съ барщиной, которая имъ надоѣла. Я согласился и на это и совѣтовалъ благоразумнымъ людямъ отдѣлить отъ себя тѣхъ, которые, не понимая своей пользы, будутъ упорствовать въ своемъ сумасбродствѣ.

Въ воскресенье въ толпѣ явившихся ко мнѣ крестьянъ я замѣтилъ незнакомыя лица постороннихъ. Мнѣ объявили напрямикъ, что общество по прежнему ничего больше не желаетъ, какъ выкупа на царское слово, на царскую милость и проситъ меня въ этомъ скорѣе посодѣйствовать. Тогда я объявилъ крестьянамъ, чтобы они отложили помышленіе о моемъ содѣйствіи въ беззаконіи; что считаю ихъ недостойными тѣхъ уступокъ, которыя имъ обѣщалъ и которыхъ ихъ теперь лишаю; что болѣе виновные будутъ открыты и подвергнуты наказанію за сумасбродныя требованія, ими объявленныя; что на основаніи 36 ст. Прав. о порядкѣ приведенія въ дѣйствіе положеній я не имѣю надобности въ ихъ согласіи на уставную грамоту; что эта грамота, когда прійдетъ пора, будетъ составлена мною на издѣльную повинность, какъ болѣе для меня выгодную; что мировой посредникъ введетъ ее, если нужно, при содѣйствіи земской полиціи, и что ихъ дѣтямъ останутся только въ воспоминаніе

тѣ уступки, отъ которыхъ неблагоразумные отцы отказались. Затѣмъ я приказалъ разойтись толпѣ и до пріѣзда посредника больше не собираться.

Ничто не налагаетъ такой печали и тоски на душу, какъ неудавшееся доброе дѣло. Я зналъ, что крестьяне мои одумаются, но зналъ также, что ужъ не долженъ дѣлать имъ никакихъ облегченій, потому болѣе, что сосѣдніе крестьяне, принимая мое добро за долгъ, могли незаконным требованіями покушаться на интересы другихъ помѣщиковъ.

Выѣхавши изъ деревни для исполненія своихъ служебныхъ обязанностей, я просилъ мироваго посредника вразумить крестьянъ и послалъ въ его распоряженіе становаго пристава для открытія болѣе виновныхъ. Добрые совѣты мироваго посредника не принесли пользы, пока становой приставъ не открылъ трехъ главныхъ подстрекателей изъ моихъ крестьянъ и двухъ изъ постороннихъ и пока они не были наказаны, съ удаленіемъ отъ участія въ сужденіяхъ на сельскихъ сходахъ.

Многіе удивляются уваженію къ закону въ Англіи, гдѣ одинъ *полисменъ* водворяетъ въ цѣлыхъ толпахъ порядокъ. Нашъ полисменъ—становой приставъ—одинъ одинешенекъ, на пространствѣ нѣсколькихъ тысячъ квадратныхъ верстъ, управляется смирно и тихо съ десятками тысячъ разсѣяннаго народонаселенія, еще въ такое важное время, какъ теперь, еще безъ всякихъ средствъ, не только къ возстановленію порядка, но къ собственной защитѣ,—и это никому не удивительно. Правда, въ иныхъ случаяхъ онъ крестится и божится передъ народомъ въ доказательство того, что объявляетъ царскую волю, что требуетъ законнаго; но что же ему остается дѣлать, когда у него нѣтъ даже ни одного козака въ своемъ распоряженіи? Хвала нашему доброму народу!

Черезъ двѣ недѣли я получилъ приговоръ общества, въ которомъ крестьяне, винясь во всемъ, просили у меня прощенія и изъявляли готовность на введеніе уставной грамоты.

Занятый дѣлами, я не торопился и только въ октябрѣ поѣхалъ въ деревню. Призвавъ старшину, старосту и лучшихъ

хозяевъ, я заявилъ имъ уставную грамоту, составленную на издѣльную повинность безъ всякихъ облегченій, и приказалъ, разсмотрѣвъ ее на сходкѣ, объяснить мнѣ желанія общества письменнымъ приговоромъ. Меня увѣдомили, что 6 душъ крестьянъ, на основаніи 8 статьи Мѣстнаго Положенія, отказываются отъ надѣла, что за исключеніемъ ихъ общество желаетъ получить указный надѣлъ полностью и что оно проситъ уставной грамоты на оброчную повинность. На это я имъ отвѣчалъ, что первые два желанія совершенно законны, что же касается до оброчной повинности, то она не можетъ быть безъ платежа за полгода впередъ; но чтобы не отказать имъ и въ этомъ, я отсрочиваю введеніе уставной грамоты до 1-го ноября, съ тѣмъ, что если менѣе третьей части будетъ несостоятельныхъ къ платежу оброка, то я согласенъ принять за нихъ работу по добровольно условленной таксѣ, на основаніи 259 ст. Мѣстнаго Положенія.

1-го ноября, послѣ обычнаго молебствія, мировой посредникъ выполнилъ всѣ формальности введенія уставной грамоты на оброкъ, и общество внесло мнѣ полностію, за исключеніемъ пяти надѣловъ, оброчную сумму. Крестьяне тутъ же просили меня о составленіи договора на выкупъ. Въ три схода онъ былъ составленъ, разсмотрѣнъ и подписанъ. Срочно-обязанные крестьяне моей деревни Александровки находятся теперь на такомъ положеніи:

Оброкъ они обязались вносить по полугодіямъ впередъ полностью за круговымъ ручательствомъ общества. По утвержденіи выкупнаго договора я обязался возвратить крестьянамъ ту часть оброка, какая будетъ слѣдовать по разсчету со времени ассигновки къ выдачѣ мнѣ причитающейся выкупной суммы. Слѣдующій мнѣ дополнительный платежъ я разсрочилъ безъ процентовъ на такое число лѣтъ, чтобы ежегодный взносъ правительству вмѣстѣ съ погашеніемъ этого платежа не превышалъ обыкновеннаго девятирублеваго отъ надѣла оброка. По такому разсчету крестьянамъ приходится 16 лѣтъ платить мнѣ по

241 руб. 20 к., а 17-й годъ плату эту предоставлено замѣнить крестьянамъ нѣкоторыми повинностями.

Хотя между мною и крестьянами вышло въ началѣ недоразумѣніе, но оно кончилось миромъ и полнымъ согласіемъ. Чтобы не имѣть ни одного врага въ деревнѣ, я просилъ мироваго посредника допустить къ сельскимъ сходкамъ наказанныхъ. Надобно было видѣть ихъ радость. Крестьяне эти узнали свою ошибку, узнали, что я имъ желалъ добра и въ послѣднее время, особенно при нашихъ сужденіяхъ, вели себя вполнѣ благоразумно. Они конечно потеряли нѣсколько, но и я не удержался, чтобъ не сдѣлать имъ снисхожденія. Я оставилъ ихъ довольными и сосѣди изъ другихъ деревень пріѣзжаютъ узнать о совершившемся. По утвержденіи выкупнаго договора новые собственники намѣрены отслужить благодарственный молебенъ, и я обѣщалъ быть у нихъ на пиру.

Ноября 15. 1861 года.

III.

Разверстка угодій и выкупнаго платежа.

Нерѣшительность, съ которою крестьяне приступаютъ къ уставнымъ грамотамъ, зависитъ много отъ неизвѣстности будущаго экономическаго устройства обществъ, имъ самимъ предоставленнаго. Они не знаютъ, какъ распорядиться землею, поступающею въ ихъ пользованіе, какъ приступить къ распредѣленію повинностей, которыя должны лежать на нихъ, и пугаются этой неизвѣстности. Въ тѣхъ не многихъ мѣстахъ, гдѣ введены уставныя грамоты, крестьяне такъ же не успѣли еще установить должнаго порядка и устройства. Имъ нуженъ руководитель, который далъ бы добрый совѣтъ. Не довольно того, что мы подписали уставныя грамоты, отмежевали землю, сдѣлали разсчетъ слѣдующаго намъ оброка или размѣра издѣльной повинности; надобно еще не покидать крестьянъ на произволъ судьбы въ пору для нихъ трудную и научить, какъ имъ распорядиться землею, изъ какихъ источниковъ добывать оброкъ, какъ имъ

довести свое общество до такого состоянія, чтобы денежные взносы на удовлетвореніе повинностей поступали въ немъ правильно, безъ замѣшательства и недоимокъ, а такъ же съ соблюденіемъ справедливости ко всѣмъ и милосердія къ бѣднымъ. Хозяйственное устройство обществъ съ этой цѣлью теперь, на первыхъ порахъ и безъ примѣра, не легко; а между тѣмъ уже настала пора потолковать объ этомъ важномъ предметѣ, отъ котораго зависитъ будущее благосостояніе крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости и не умѣющихъ воспользоваться этимъ благомъ.

Предлагаю на общее обсужденіе совѣты, которыя я далъ обществу крестьянъ моей деревни. На что они рѣшатся, не знаю. Примѣнить ихъ ко всякой мѣстности во всѣхъ подробностяхъ— нельзя; но главныя основанія, на которыхъ должна совершаться разверстка, должны быть, по моему мнѣнію, вездѣ одинаковы. Считая это предметомъ большой важности, ожидаю отъ друзей добра замѣчаній на ошибки, которыя я сдѣлалъ и, нисколько не упорствуя въ своихъ мнѣніяхъ, пріиму эти замѣчанія съ благодарностью. Пойдемъ дружно на дѣло добра—чистое и совершенно безкорыстное, чтобы заблаговременно предохранить нашихъ меньшихъ братій отъ многихъ бѣдъ и напастей.

Обществу срочно-обязанныхъ крестьянъ деревни Александровки.

Уже проходитъ мѣсяцъ послѣ введенія уставной грамоты и послѣ написанія выкупнаго договора, а вы еще не приступили къ раздѣлу земли и къ разверсткѣ (раскидкѣ) съ каждаго семейства выкупнаго платежа. Откладывать *день за день* важное дѣло, до васъ касающееся, неблагоразумно, а *мѣсяцъ* есть уже большая потеря времени. Не можетъ быть, чтобы вы допустили своевольный *захватъ* земли, сколько кто захочетъ; такъ же точно не можетъ быть, чтобы весь выкупной платежъ вы рѣшились, во избѣжаніе хлопотъ, оставить *подушнымъ*.

Такъ какъ между нами дѣло пошло на выкупъ, то до моихъ выгодъ вовсе не касается распоряженіе, которое вы сдѣ-

лаете. На основаніи 160 ст. Положенія о выкупѣ вы имѣете полное право раздѣлить землю по общественному приговору, какъ вамъ заблагоразсудится; а на основаніи 118 ст. того же Положенія разверстка выкупнаго платежа между членами общества зависитъ отъ самаго общества. Если сдѣлаете хорошо, вамъ же будетъ легко расплачиваться съ казною; если сдѣлаете дурно или ничего не сдѣлаете, вы же сами, а не кто другой, будете подвергнуты тягости взысканія. Я сосѣдъ вашъ—не болѣе и, какъ всѣ ваши сосѣди, человѣкъ совершенно посторонній въ этомъ дѣлѣ, но не могу быть равнодушнымъ. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы общество ваше послужило еще разъ для другихъ примѣромъ заведенія внутренняго порядка и благоустройства. Я обо всемъ распрашивалъ вашего старшину; знаю, что вы медлите по неумѣнію приняться за дѣло; знаю во многомъ ваши мысли и, принаравливаясь къ нимъ, подаю вамъ доброжелательные совѣты.

I.

Разверстку земли вы рѣшились сдѣлать на каждое семейство по числу ревизскихъ душъ. Я этого не одобряю, но считаю совершенно напраснымъ вамъ противорѣчить. Опытъ покажетъ, должна ли оставаться такая разверстка, и во всякое время вы можете ее исправить предоставленнымъ вамъ правомъ передѣла земель.

Вы намѣрены отдѣлить подъ выпасъ третюю часть земли, т. е. по полторы десятины отъ надѣла, что составитъ со включеніемъ усадебной 201 десятину. По соображенію съ планомъ, вашъ выпасъ долженъ заключаться по бобринецкую дорогу съ узкимъ прогономъ вдоль балки къ верхнимъ ставамъ. Этого недостаточно, и стѣснять скотоводство, которое всегда будетъ составлять главное богатство крестьянина, неблагоразумно. Слѣдуетъ еще отдѣлить по полъ-десятины отъ надѣла подъ выпасъ и тогда онъ будетъ состоять изъ 268 десятинъ. Въ этомъ вашъ старшина со мной согласенъ.

Между сѣнокосною и пахатною землями вы не полагаете никакого различія и не хотите ихъ раздѣлять на отдѣльные участки. Каждое семейство, получивъ въ одномъ мѣстѣ по числу душъ надѣлъ, будетъ по прежнему вести перемѣнное хлѣбопашество и отдѣлять по своему усмотрѣнію часть земли подъ сѣнокосъ. Ничего не могу сказать противъ этого. Вы будете имѣть для хлѣбопашества и сѣнокоса 335 десятинъ.

Вся земля раздѣлена на полосы въ 160 сажень ширины, а потому вамъ не трудно будетъ отрѣзать надѣлы, не требуя межевщика. Но къ сожалѣнію въ этомъ году время упущено, снѣгъ на дворѣ, и приходится ожидать открытія весны. Размежевка отниметъ у васъ не менѣе недѣли самаго драгоцѣннаго для хлѣбопашца времени. Постарайтесь по крайней мѣрѣ, чтобы ваши сужденія по этому предмету были окончены до начала весны, потому что не тогда заводить бесѣды и толки на сельскихъ сходахъ, когда нужно спѣшить бросать зерно въ влажную землю. Главное дѣло въ соглашеніи, а привести его въ исполненіе легко.

У васъ 45 отдѣльныхъ самостоятельныхъ хозяевъ. Сдѣлайте такое же число билетовъ съ нумерами и пусть каждый изъ васъ выйметъ для себя билетъ. Число, которое написано на этомъ билетѣ, будетъ означать нумеръ надѣла, который сейчай же долженъ быть отмѣченъ въ спискѣ противъ имени домохозяина. По окончаніи вынутія жребіевъ, составьте приговоръ, съ тѣмъ, чтобы до окончательнаго отмежеванія посемейныхъ участковъ не было никакихъ перемѣнъ.

II.

Прежде чѣмъ приступимъ къ разверсткѣ выкупнаго платежа, надобно посчитать всѣ платежи, которые лежатъ на васъ ежегодно, всѣ расходы, которые необходимы обществу. Они состоятъ въ слѣдующемъ: 1) выкупной платежъ въ казну по 7 р. 20 коп. отъ душеваго надѣла, а за 154 надѣла 964 р. 80 коп.; 2) дополнительный платежъ помѣщику по 1 р. 80 коп. отъ того-же надѣла, а за всѣ надѣлы 241 р. 20 коп.; 3) подушная

подать и земскіе сборы по 2 р. съ ревизской души, а со всего общества 268 руб.; 4) на необходимѣйшія общественныя нужды, не терпящія ни малѣйшаго отлагательства, по крайней мѣрѣ по 80 коп. съ души, что составитъ 107 р. 20 коп. Итого выйдетъ ежегоднаго платежа по 11 р. 80 коп. съ ревизской души, а со всего общества 1,581 р. 20 коп. Отвѣтствовать за этотъ значительный платежъ никакъ не могутъ ревизскія души младенцевъ, родившихся за нѣсколько лѣтъ предъ симъ; не могутъ и тѣ ревизскія души, которыя изъ общества вашего отошли къ предкамъ и не принимаютъ никакого участія въ житейскихъ дѣлахъ; не могутъ наконецъ и ревизскія души страдальцевъ міра—слѣпцовъ и калѣкъ разныхъ, которые требуютъ еще къ себѣ призрѣнія, если не имѣютъ ближайшихъ родныхъ, способныхъ безъ посторонней помощи доставлять имъ содержаніе. Слава Богу, что у васъ мало такихъ ревизскихъ душъ; однакожъ есть понемножку, а слѣдовательно и объ нихъ слѣдуетъ подумать. Если, покоряясь голосу добра и христіанскаго долга, вы сдѣлаете на этотъ предметъ раскладку, то на каждую душу вашего общества прійдется болѣе чѣмъ по 12 руб. всего ежегоднаго платежа. Повторяю, что ревизскія души не могутъ, при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, долго вынести такого налога. Однакожъ не пугайтесь. Вы имѣете для этого источниками: во 1-хъ *землю*, нашу общую кормилицу, во 2-хъ *свободный трудъ*, которымъ вы вполнѣ пользуетесь и въ 3-хъ *запасъ* (капиталъ), который въ крайнихъ случаяхъ призывается на помощь обществу при круговомъ ручательствѣ, Самый сильный изъ этихъ источниковъ есть *трудъ*, который при крѣпостномъ правѣ обогащалъ помѣщиковъ и который на свободѣ долженъ сдѣлаться въ нѣсколько разъ прибыльнѣе. На него слѣдовало-бы больше всего налечь, т. е. на *рабочія души*, мужскія и женскія, взрослыя и начинающія снискивать пользу трудомъ. Но что мнѣ дѣлать съ вами, когда вамъ все мерещатся *ревизскія души*, невинныя и передъ людьми и передъ Богомъ?

Однакожъ я вамъ объявляю, что вы сами невѣдомо приближаетесь къ закону правды. Разсмотримъ отдѣльно тѣ пла-

тежи, которые лежатъ на васъ сверхъ выкупнаго платежа въ казну. 1) *Дополнительный выкупной платежъ*, составляющій по сдѣланной мною разсрочкѣ 1 р. 80 коп. отъ душеваго надѣла, т. е. просто съ души, вы замѣнили принятіемъ на себя обязательныхъ повинностей, которыя въ общей сложности составляютъ менѣе полутора дня отъ надѣла для работниковъ и работницъ и два дня съ небольшимъ отъ того-же надѣла для полурабочихъ. Вы на 3 года значительно уменьшили себѣ денежный платежъ. Но что вы этимъ сдѣлали? Переложили подушную плату на рабочія силы, и она станетъ для вашего общества почти непримѣтною. 2) Съ *подушнымъ окладомъ и земскими сборами* слѣдовало-бы тоже сдѣлать: поработать дня три всѣми рабочими силами у кого нибудь изъ помѣщиковъ по существующимъ цѣнамъ во время косовицы или жатвы, и этимъ вы-бы очистили весь платежъ съ лихвою, освободившись отъ страха на счетъ отвѣтственности круговымъ ручательствомъ и избавили бы отъ хлопотъ неграмотнаго сборщика. Припомните, что въ недавнее время вы полъ-жизни теряли на господской работѣ. Но я никакъ не надѣюсь, чтобы вы приняли мой совѣтъ, потому что лукавый съ другой стороны вамъ шепчетъ, что нѣкоторымъ изъ васъ прійдется поработать нѣсколько часовъ лишнихъ, да, только нѣсколько часовъ, за невинную ревизскую душу младенца, за умершаго старика, вашего-же собрата, за несчастнаго слѣпца, которому бѣдное многодушное семейство едва можетъ доставлять пропитаніе. Правительство обѣщаетъ въ скоромъ времени перевесть подушный окладъ на землю, причемъ вѣроятно будетъ для васъ облегченіе; но пока вы этого дождетесь, казенныя подати и земскіе сборы много прибавятъ вамъ тягости къ платежамъ. Сверхъ того, при раскладкѣ ихъ на землю, они по прежнему останутся для васъ подушными. 3) *Сборъ для общественныхъ нуждъ* раскладывается уже во многихъ мѣстахъ на работниковъ, работницъ и полурабочихъ. Мнѣ стыдно и за васъ, и за себя, что при учрежденіи волости вы сдѣлали раскладку, въ противность моего совѣта, на ревизскія души. Пускай теперь вамъ старшина посчитаетъ неплательщи-

ковъ и вѣдается съ ними. Въ тѣхъ волостяхъ, гдѣ раскладка сдѣлана была на рабочія силы, нѣтъ недоимокъ.

Въ настоящее время, по новости обстоятельствъ, вы имѣете много общественныхъ нуждъ, а впослѣдствіи откроются новыя, и общественный сборъ должно продолжать безпрестанно, пока не составится достаточный капиталъ, который на случай общаго бѣдствія будетъ служить наилучшимъ обезпеченіемъ и изъ котораго каждый благонадежный хозяинъ могъ-бы во всякое время, за умѣренные проценты, занять себѣ денегъ для улучшенія хозяйства.

III.

Теперь начну о самомъ важномъ предметѣ—разверсткѣ выкупнаго платежа. Знаю, что, по привычкѣ къ старинѣ, вы не рѣшитесь на такую разверстку, какъ я-бы желалъ и какъ-бы слѣдовало для общества, которое, боясь понужденій, хочетъ быть всегда исполнительнымъ въ отношеніи своихъ обязанностей и старается, чтобы эта исполнительность была равно удобна и легка для каждаго изъ членовъ его общей семьи. Будемъ итти къ лучшему по возможности и согласно теперешнимъ вашимъ понятіямъ о справедливости. Время и опытъ вѣрнѣе подвинутъ васъ къ тому, что я желалъ-бы вамъ теперь-же присовѣтовать.

Крестьяне получаютъ въ пользованіе отъ помѣщиковъ или пріобрѣтаютъ отъ нихъ въ собственность *усадебныя осѣдлости* и *полевыя угодья.* Въ 155 и 244 ст. Мѣстнаго Положенія, а также въ 14 и 15 ст. Положенія о выкупѣ опредѣляется доля оброка и выкупнаго платежа за усадебныя осѣдлости отдѣльно отъ полевыхъ угодій. Землю мы распредѣлили на два участка: для пастбища и для хлѣбопашества вмѣстѣ съ сѣнокосомъ. Пастбищная земля не подлежитъ раздѣлу и составляетъ общій участокъ, который никакъ не можетъ оплачиваться равномѣрнымъ налогомъ съ души; а для этого должно постановить таксу со скота, лошадей и овецъ, пользующихся подножнымъ кормомъ. За пахатную землю, которая принимается за одно съ сѣнокосною, слѣдуетъ опредѣлить плату отъ десятины, примѣняясь къ 1-му

примѣчанію 169 ст. Мѣстнаго Положенія. Принявъ это за основаніе, надобно сдѣлать разверстку выкупнаго платежа отдѣльно: 1) съ усадебныхъ осѣдлостей, 2) съ пастбищной земли и 3) съ полевыхъ надѣловъ.

1. *Усадебныя осѣдлости.* Нѣтъ никакого сомнѣнія и вы согласны съ этимъ, что всѣ домохозяева, пользуясь выгодами усадебныхъ осѣдлостей, должны нести за то общественныя повинности отъ своихъ семействъ. У васъ 45 усадьбъ, причисленныхъ по уставной грамотѣ къ первому, т. е. самому дешевому разряду. На основаніи приведенныхъ выше статей Положеній, за всѣ усадьбы слѣдуетъ ежегоднаго взноса 202 р. 50 коп., а слѣдовательно отъ каждаго домохозяина по 4 р. 50 коп.

Выкупная плата за всѣ усадебныя осѣдлости полагается равномѣрная, въ чемъ по словамъ старшины и вы согласны. Между самою лучшею усадьбою и самою худшею—большая разница; но опредѣлить постепенность этой разницы отъ первой до послѣдней усадьбы нѣтъ никакой возможности. При томъ рачительный хозяинъ не долженъ отвѣчать за то, что постояннымъ трудомъ придалъ своей усадьбѣ большую цѣнность. Само правительство полагаетъ различіе только по пространству занимаемому усадьбами, а въ этомъ отношеніи всѣ ваши дворы почти одинаковы. Однакожъ я думаю, что общество могло-бы сдѣлать *временное*, на нѣсколько лѣтъ, облегченіе для нѣкоторыхъ плохихъ усадьбъ, требующихъ исправленія и принадлежащихъ трудолюбивымъ хозяевамъ.

2. *Пастбище.* Повторяю, что для выпаса вамъ необходимо отдѣлить по 2 дес. отъ надѣла, а всего 268 дес. Въ этомъ числѣ я считаю и небольшое количество усадебной земли. Пастбище и при такомъ размѣрѣ не будетъ роскошно; а потому за выпасъ слѣдуетъ положить цѣну умѣренную, которая-бы не превышала обыкновенной цѣны на сторонѣ, потому что въ противномъ случаѣ всѣ лучшіе домохозяева угонятъ свой гулевой скотъ на дачи болѣе обильныя кормомъ по своей обширности, и этого запретить нельзя. Общество должно съ большимъ вниманіемъ и осторожностью обращаться съ собственностью и не

налагать несправедливыхъ тягостей на такъ называемое богатство, которое есть, по большей части, плодъ честнаго труда и умной распорядительности.

Вообще полагаютъ, что десятина пастбищной земли можетъ принести въ нашихъ мѣстахъ одинъ рубль дохода. Примѣняясь къ этому, предлагаю вамъ слѣдующую таксу:

а) Отъ рабочаго вола, коровы съ теленкомъ и ѣзжалой лошади по . . . . 1 р.

б) Отъ гулевой скотины и лошади по . . . . 75 к.

в) Отъ овцы по . . . . 50 к.

г) Отъ свиньи по . . . . 25 к.

Я не знаю состоянія вашего, потому что никогда не вмѣшивался въ ваше хозяйство; но полагаю, что по этой таксѣ, въ которой показана высшая цѣна за выпасъ, вы легко соберете 268 рублей? Совѣтую прежде составить разсчетъ, и если сумма выйдетъ больше предполагаемой, то сдѣлать въ таксѣ скидку. Желательно, чтобы выпасъ обходился какъ можно дешевле.

3. *Надѣлъ*. Для хлѣбопашества и сѣнокоса остается 335 десятинъ. По общему разсчету всей земли пахатной и пастбищной, слѣдовало-бы, для пополненія выкупнаго платежа въ казну, за каждую десятину по 1 руб. 25 коп.; но такъ какъ земли пахатныя и сѣнокосныя приносятъ больше пользы противъ пастбищной, то за каждую десятину земли изъ надѣла полагается по 1 р. 50 коп., а за 335 дес. должно поступить 502 р. 50 коп. Хорошо-бы уменьшить плату и за эти земли, потому что общество, съ цѣлью заохотить своихъ членовъ къ труду, должно всѣми силами стараться доставлять имъ удобства и облегченія; но при сбавкѣ выйдетъ недочетъ въ требующейся для взноса въ казначейство суммѣ выкупнаго платежа.

IV.

Сдѣлаемъ теперь общій выводъ, который будетъ служить повѣркой предположенной мною разверстки.

Выкупнаго платежа слѣдуетъ 964 р. 80 к.

Въ пополненіе этого платежа должно поступать:

За усадьбы	202 р. 50 к.
» выпасъ	268 р.
» надѣлы	502 р 50 к.
Итого . .	973 р.

Надѣюсь, что теперь каждый изъ васъ, внимательно разсмотрѣвъ эту разверстку, найдетъ ее справедливѣе и легче противъ обыкновенной раскидки выкупнаго платежа на ревизскія души. Обдумайте это важное дѣло съ осторожностію и съ должнымъ вниманіемъ и рѣшайтесь, чтобы каждый изъ васъ заблаговременно могъ приготовиться и распорядиться къ сроку, когда отъ него потребуются деньги.

V.

Въ заключеніе долженъ сказать вамъ, что, примѣняясь при составленіи разверстки къ теперешнимъ вашимъ понятіямъ о справедливости, я вынужденъ былъ принять за основаніе ваше заблужденіе, а не истину. Если не для настоящаго времени, то хотя для будущаго слѣдуетъ дать вамъ понятіе объ этой истинѣ.

Какая бы ни была раскладка, она почти цѣликомъ падаетъ на трудъ человѣка, т. е. на рабочія силы. Земля, скотъ и другое достояніе только помогаютъ человѣку въ его трудѣ и дѣлаютъ его самостоятельнымъ хозяиномъ, а не батракомъ. Поэтому надобно, чтобы налогъ, который падаетъ на трудъ, былъ разложенъ какъ можно равномѣрно. Когда раскладка дѣлается на ревизскія души, то какъ ее не облегчайте, все таки одинъ работникъ будетъ платить совсѣмъ мало, а другой въ четверо больше. Отъ этого тѣ изъ васъ, которымъ по всей справедливости слѣдовало бы сдѣлать снисхожденіе, будетъ болѣе другихъ обременены платежемъ. Развѣ это справедливо? Единственнымъ оправданіемъ служитъ то, что тотъ, кто больше платитъ, больше земли занимаетъ. Такъ лучше дайте больше земли настоящему работнику, который можетъ извлечь изъ нея пользу, чѣмъ навязывать надѣлы малолѣтнимъ, умершимъ и калѣкамъ. Однимъ словомъ, надобно сдѣлать разверстку земли на семейства по числу работниковъ, и тогда все пойдетъ ладно. На каждаго ра-

ботника прійдется по 6 дес. пахатной земли вмѣстѣ съ сѣнокосной. Излишекъ будетъ оставаться для прибыли работниковъ и наниматься тѣмъ домохозяевамъ, которые этого пожелаютъ. Сверхъ того каждый вновь поступающій работникъ будетъ имѣть право на участокъ, оставшійся отъ убылаго.

Сдѣлавши это, надобно думать объ облегченіяхъ, которыя заключаются въ слѣдующемъ:

1) Разложить платежъ на работницъ—вполовину противъ работниковъ, а также на полурабочихъ—по мѣрѣ ихъ возраста. Женщины всегда облегчали мужчинъ въ трудѣ, но только по предразсудкамъ, вышедшимъ изъ ревизскихъ сказокъ, на нихъ не обращалось никакого вниманія, и онѣ считались имуществомъ въ хозяйствѣ, не подлежащимъ никакой пошлинѣ. Чѣмъ больше хозяинъ имѣетъ въ семьѣ своей здоровыхъ и способныхъ рабочихъ рукъ, тѣмъ больше долженъ принимать участія въ платежахъ общественныхъ. Это совершенно справедливо.

2) Затѣмъ слѣдуетъ сдѣлать скидку со всѣхъ упомянутыхъ въ разверсткѣ платежей: *за усадьбу* довольно платить по *3* рубля, что составитъ 135 руб. со всего общества; *за выпасъ* надобно уменьшить плату на одну треть, и тогда будетъ получаться въ годъ 160 рублей: *за надѣлъ* довольно одного рубля отъ десятины, и слѣдовательно будетъ получаться 335 руб. Весь общественный взносъ изъ этихъ источниковъ составитъ 630 руб., но за то этотъ взносъ будетъ производиться легко и бездоимочно, безъ истощенія богатства хозяевъ и безъ малѣйшаго опасенія круговаго ручательства. Недостающія къ выкупному платежу 434 р. 80 к. съ легкостью пополнятся рабочими силами общества. На работника прійдется 5 руб , на работницу 2 р. 50 к., на полурабочихъ отъ 30 к. до 1 руб. Кто-же скажетъ, что это тяжело? Напротивъ того, всякій будетъ дорожить тѣмъ, что принадлежитъ къ обществу, которое старается, поощрить его къ труду, доставить всѣ удобства къ существованію и не отягощать несправедливыми налогами.

Надобно быть закоренѣлымъ въ предразсудкахъ и въ любви къ старинѣ, чтобы не видѣть пользы отъ такой раскладки.

Желаю, добрые люди, чтобы Богъ помогъ вамъ поскорѣе скинуть съ себя эту опасную закоренѣлость.

К. Рощаховскій.

28 Ноября
1861 года.

IV.

Дѣтскій міръ.

Посвящаю моей доброй матери.

Пишу такъ, чтобъ меня отцы и матери понимали.

Знаменитый русскій хирургъ и писатель Н. И. Пироговъ, ставши во главѣ просвѣтителей юношества въ Новороссійскомъ краѣ, помѣщаетъ по временамъ въ Одесскомъ Вѣстникѣ свѣтлые взгляды по предмету воспитанія дѣтей. Въ № 34 этой газеты напечатана статья подъ заглавіемъ: *Быть и казаться.*

Главныя положенія этой статьи состоятъ въ слѣдующемъ. Прежде чѣмъ человѣкъ вступитъ въ борьбу съ самимъ собою, въ немъ обнаруживается душевная двойственность, которая выражается словами *быть и казаться,* или человѣкъ хочетъ *казаться* не тѣмъ, чѣмъ онъ *есть.* Эта двойственность нашей духовной стороны обнаруживается съ первымъ лепетомъ ребенка. Первое ея проявленіе есть *притворство и ложь.* Но въ этой лжи и несообразности дѣйствій ребенокъ не перестаетъ еще *казаться* именно тѣмъ, чѣмъ онъ *есть.* Мы сами нарушаемъ гармонію дѣтскаго міра, спѣшимъ ему внушить наши взгляды, наши понятія, наши свѣденія, пріобрѣтенныя вѣковыми усиліями уже зрѣлаго человѣка, и съ этихъ поръ ребенокъ начинаетъ намъ *казаться* не тѣмъ, что онъ *есть;* а что-бы лучше убѣдиться въ этомъ, мы изобрѣли и срочныя испытанія. Такимъ образомъ при нашей обыкновенной методѣ воспитанія мы способствуемъ, хотя безсознательно, развитію въ ребенкѣ *лжи и притворства*, а езуиты уже сознательно доводятъ двойственность души до степени коварства и клеветы съ ябедою и доносомъ. Если все это

заключаетъ въ себѣ хотя тѣнь истины, то не лучше ли предъ Богомъ и человѣчествомъ замѣнить всѣ искуственныя попытки нашего собственнаго воображенія воспитаніемъ, основаннымъ на законахъ дѣвственно фантастическаго міра дитяти? Намъ только нужно не переносить его изъ его сферы въ нашу, а самимъ переселяться въ его духовный міръ. Тогда, но только тогда, мы поймемъ глубокій смыслъ словъ Спасителя»: *аминь глаголю вамъ, аще не обратитеся и буоете, яко дѣти, не внидите въ царство небесное.*

Давши рѣшительный совѣтъ матерямъ семействъ не посылать дѣтей своихъ на театральную и бальную сцены, почтенный авторъ снисходительно показываетъ себя колеблющимся въ высказанныхъ имъ идеяхъ и обращается за совѣтомъ къ отцамъ и педагогамъ. «Пусть будетъ вашъ совѣтъ и чисто теоретическій, говоритъ онъ, все равно; я прійму его съ благодарностью».

Какъ отецъ семейства благодарю съ своей стороны почтеннаго автора за его вызовъ въ святомъ дѣлѣ воспитанія и вполнѣ увѣренъ, что онъ предлагаетъ свой вопросъ искренно *и дѣйствительно*, а не въ смыслѣ *кажущагося* снисхожденія къ мнѣніямъ отцовъ и педагоговъ. Не съ тѣмъ пишу, чтобы критиковать статью, въ которой есть глубоко подмѣченныя истины, а просто предлагаю собственное воззрѣніе на слова *быть и казаться,* потомъ на воспитаніе вообще.

Какъ скоро первыя душевныя способности развиваются въ ребенкѣ, онъ дѣйствительно начинаетъ дѣйствовать въ особенномъ фантастическомъ мірѣ, устроенномъ для него подъ вліяніемъ родителей. Мать сдѣлаетъ куклу дочери—и малютка воображаетъ сама себя матерью, кормитъ куклу грудью, убаюкиваетъ и поетъ ей колыбельныя пѣсни. Сыну дадутъ прутикъ—и онъ прыгаетъ по комнатамъ, представляя изъ себя наѣздника, или связавъ веревочкой нѣсколько стульевъ, которыя замѣняютъ ему экипажъ и лошадей, садится на воображаемыя козлы и помахиваетъ тѣмъ же самымъ прутикомъ. Дѣти всегда и во всемъ подражаютъ взрослымъ и хотятъ *казаться* ими. Кому прійдетъ въ голову деспотически нарушать этотъ прекрасный дѣтскій міръ и оста-

навливать невинныя игры и забавы, въ которыхъ всякій любящій отецъ охотно принимаетъ участіе? Такъ водится съ незапамятныхъ временъ, еще прежде покойнаго Агезилая. Но если дитяти родится фантазія мучить котенка или воробья привязаннаго ниткой за ножку, то разумѣется обязанность родителей остановить эту раждающуюся въ сердцѣ дитяти безсознательную жестокость. Его заставляютъ бросить котенка, выпустить птичку на волю и награждаютъ конфектой съ приличнымъ правоученіемъ. Въ послѣдствіи это *казаться* добрымъ входитъ ему въ привычку. Грѣшатъ ли тогда родители, вторгаясь самовластно въ фантастическій міръ ребенка? Грѣшитъ-ли мать, когда каждое утро и вечеръ заставляетъ его складывать ручонки на молитву и лепетать за нею слова обращенныя къ Богу? Воленъ каждый сказать, что дитя учатъ притворству и принуждаютъ *казаться* набожнымъ; но это *казаться* переходитъ въ необходимое сознаніе святости религіи и служитъ ему въ юности найлучшею охраною отъ порочныхъ житейскихъ искушеній. Такъ-же точно заставляютъ его *казаться*, а впослѣдствіи онъ пріобрѣтаетъ, чрезъ это принужденіе его воли, дѣйствительную любовь къ семейству. Сверхъ того каждый умный отецъ долженъ сдѣлаться сѣятелемъ добра въ сердцахъ дѣтей своихъ и мало по малу внушать имъ благородныя идеи, благія чувства и даже вѣрнѣйшіе, но немногіе законы приличія. Внимая ему, дѣти такъ-же безсознательно стараются *казаться* добрыми, справедливыми, хотя въ нихъ еще нѣтъ ничего этого. А какъ радуется отецъ такому началу, предвидя въ будущемъ хорошій плодъ! Съ другой стороны совѣстливый отецъ долженъ самъ *казаться* при дѣтяхъ лучшимъ и скрывать отъ нихъ свои слабости и недостатки. Сколько разъ такая прекрасная рѣшимость, изъ одного уваженія къ чистой невинности дѣтей, уничтожала въ старикахъ дурныя наклонности! Вотъ въ этомъ смыслѣ можно привести слова Спасителя, а не въ томъ, въ какомъ приводитъ ихъ Н. И. Пироговъ. Тому принадлежитъ царство небесное, кто *обратится*, то есть вытѣснитъ порокъ изъ своего сердца *и уподобится* по чистотѣ дѣтямъ.

Начинается отроческій возрастъ и приходитъ пора ученья. Если предоставить ребенку, какъ думалъ Руссо, полную свободу, то всякій совѣтъ и напоминаніе будетъ раздражать его характеръ; онъ породнится съ отвратительной лѣнью и привыкнетъ къ вредному безпорядку. Строгое внушеніе дѣтямъ, что они въ извѣстный часъ должны непремѣнво поучиться, хоть немного, но съ вниманіемъ, всего полезнѣе, легче и слѣдовательно человѣколюбивѣе. Пусть они сначала только *кажутся* прилежными и скоро послѣ того *будутъ* такими на самомъ дѣлѣ. Если при этомъ, по совѣту царя Соломона, и жезлъ понадобится раза два или три въ жизни ребенка, то и это не бѣда. Въ учебныхъ заведеніяхъ только малая часть учениковъ бываетъ внимательна, а всѣ прочіе должны *казаться*, и это необходимо потому, что еслибъ они вздумали, изъ любви къ правдѣ, слѣдовать своимъ влеченіямъ, то изъ того произошлабъ въ классѣ величайшая суматоха, *казаться* переходитъ мало по малу въ полезную привычку, а вмѣстѣ съ тѣмъ дѣти научаются необходимому въ свѣтѣ повиновенію и уваженію къ старшимъ. Награды и поощренія необходимы дя дѣтскаго возраста и возбуждаютъ полезное соревнованіе, а законнымъ основаніемъ для этого могутъ служить только справедливые *срочные экзамены*. Допустимъ, что при экзаменахъ открывается поприще слабости *казаться*, но зачѣмъ мы покушаемся искоренить въ дѣтяхъ благородное честолюбіе, когда оно во всѣхъ возрастахъ служитъ великимъ моральнымъ двигателемъ къ усовершенствованію? Вспомните по себѣ, что отрочество есть самая безцвѣтня и тяжелая пора жизни и имѣйте къ нему сожалѣніе.

Настаетъ прелестная юность, въ продолженіе которой искра за искрой, какъ звѣзды на небѣ, начинаютъ загараться въ душѣ юноши благородные помыслы, а вмѣстѣ съ тѣмъ опасныя страсти. Съ этихъ поръ юноша испытываетъ незнакомыя влеченія, пылкое воображеніе представляетъ ему въ привлекательномъ видѣ разныя удовольствія, а совѣсть и стыдъ удерживаютъ, и онъ болѣе, чѣмъ когда нибудь, старается *казаться* невиннымъ, то есть не тѣмъ, чѣмъ *есть* на самомъ дѣлѣ. Несчастіе, если

добрый ангелъ внушаетъ ему этотъ спасительный стыдъ и, при рѣдкихъ и тайныхъ отступленіяхъ, даетъ еще силу *казаться* добрымъ, благороднымъ, набожнымъ, *а не нагло* отвергать добродѣтель, честь и Бога. Въ юношѣ, который желаетъ скрыть свою порочность, потому что ее стыдится, я вижу сѣмя исправленія. Такъ первые люди по грѣхопаденіи устыдились.... и старались *казаться* лучшими.

Молодой человѣкъ, не ознакомившись еще съ опытами жизни и не познавъ самого себя, вступаетъ въ свѣтъ съ богатыми надеждами и съ преувеличеннымъ о себѣ мнѣніемъ. Въ умѣ его начинаютъ роиться мысли... Онъ имъ цѣны не приложитъ въ мечтахъ своихъ, спѣшитъ высказать великолѣпнымъ языкомъ... и надѣется съ перваго раза *казаться* для всѣхъ отличнымъ писателемъ или вдохновеннымъ поэтомъ. Можетъ быть, онъ и *будетъ имъ*!... Такъ началъ Байронъ.

Наконецъ человѣкъ переходитъ въ *зрѣлый возрастъ*. Многія правила добра утратились въ немъ въ теченіи жизни; однакожъ все таки суетность и желаніе *казаться* передъ другими непогрѣшительнымъ въ немъ остаются, и даже передъ своею совѣстью онъ старается себя оправдывать. Но вотъ нисходитъ на него благодать Божія, онъ познаетъ свои страсти, слабости, пороки и начинаетъ *сознательную борьбу* съ ними... Вѣрю *вторичному возрожденію* въ этомъ мірѣ, когда душа получаетъ рѣшительный перевѣсъ надъ матеріальными побужденіями и становится разумнымъ и строгимъ судьею нашего бытія. Тогда только человѣкъ положительно дѣлается такимъ, какъ *есть*: добра не преувеличиваетъ, зло самъ въ себѣ преслѣдуетъ и не хочетъ ни передъ кѣмъ *казаться*. Какъ глубоко это чувствовалъ Гоголь! Но многіе и до гробовой доски боятся борьбы и не достигаютъ возрожденія. Святое таинство исповѣди много помогаетъ христіанину начать такую славную борьбу и сдѣлаться новымъ человѣкомъ, болѣе духовнымъ, болѣе достойнымъ.

Изъ сказаннаго мною до сихъ поръ вывожу слѣдующее положеніе: *должно всегда учить дѣтей быть добрыми безъ малѣйшей лжи и притворства; но не худо и то, если они кажутся добрыми.*

Будемъ продолжать далѣе.

Единая вѣчная идея *добра* и истины дробится на множество проистекающихъ изъ нея идей, которыя называются *добродѣтелями.* Одинъ только Богочеловѣкъ, нисшедшій въ міръ для нашего спасенія, могъ вмѣстить въ себѣ совершеннѣйшее развитіе всѣхъ добродѣтелей, а для насъ это не возможно. Наблюдательный отецъ всегда замѣтитъ, что при воспитаніи дитяти нѣкоторыя правила добра быстро принимаются въ его душѣ, въ другихъ напротивъ онъ долго колеблется, а иныя вовсе не находятъ соотвѣтствующаго имъ мѣста, потому что онѣ предупреждены противуположными имъ дурными наклонностями. Вотъ въ чемъ заключается двойственность души, совмѣщающей въ себѣ и добро и зло. Мы часто встрѣчаемъ поразительные примѣры такой двойственности. Иной человѣкъ могъ бы служить украшеніемъ міра по возвышенности идей, по непоколебимой честности, по сердечной добротѣ; но въ душѣ его вкоренилась какая нибудь гадкая слабость или мерзкій порокъ,—и маленькая частица зла налагаетъ тѣнь на его прекрасныя качества. *Двойственность* по несовершенству природы человѣка, не смотря на его *возрожденіе* и *благородную борьбу,* продолжается до самой его кончины. Благочестивый христіанинъ желая скорѣе и вѣрнѣй побѣдить въ себѣ зло, надѣваетъ рясу отшельника и удаляется въ монастырь; но и тамъ—въ кельѣ, въ затворѣ—зло его преслѣдуетъ. Изъ множества прекрасныхъ, истинныхъ и назидательныхъ легендъ, представляемыхъ для поученія людей нашею церковью, прочтите житіе Моисея Угрина.

Основываясь на двойсгвенности души, очень часто не хотятъ прививать хорошимъ качествъ въ человѣкѣ и говорятъ, что онъ только *кажется* такимъ, въ дѣйствіяхъ же его похвальныхъ и заслуживающихъ подражанія находятъ небывалыя своекорыстныя побужденія. Это большой порокъ общества, и онъ-то служитъ источникомъ *клеветы, ябеды, наушничества* и другихъ низостей. Если нельзя исправить взрослыхъ людей, то покрайней мѣрѣ должно внушать дѣтямъ, что-бы они любили ближняго и уважали въ немъ человѣка, чтобы, не сомнѣваясь въ добрѣ, умѣли цѣнить полезныя дѣла и благородные поступки; наконецъ что-

бы, слѣдуя евангельскому ученію, были снисходительными къ слабостямъ, которыя очень часто могутъ *казаться* злымъ людямъ и тогда, когда онѣ вовсе не существуютъ. Если человѣкъ поступаетъ право и дѣлаетъ добро, то никому нѣтъ дѣла до его побужденій и онъ безспорно заслуживаетъ почтеніе. Тайна *быть* или *казаться* въ его поступкахъ принадлежитъ его совѣсти, а надъ совѣстью единый непогрѣшительный судья—Богъ.

Законы общества основаны на этой великой истинѣ.

Одни только дѣйствія награждаются, одни только дѣйствія наказываются, и законы не хотятъ знать, что могутъ быть воры и разбойники въ душѣ, которыхъ одинъ страхъ удерживаетъ. И справедливо... потому что для совѣсти долженъ быть другой судъ. Общественному мнѣнію предоставляется большое право; но добрыя дѣла никогда не должны быть предметомъ осужденія, и *смѣлая защита ближняго* передъ мнѣніемъ общества останется навсегда благороднѣйшею чертою характера.

Вотъ мое второе положеніе: *Добро слѣдуетъ понимать съ хорошей стороны, какъ оно должно быть, а отнюдь не съ худой, какъ оно можетъ казаться. Добрыя дѣла никогда не должны быть поводомъ къ осужденію.*

Теперь перехожу къ воспитанію.

Природа сама научила человѣка любить дѣтей и дѣтство. Можно забыть Бога, можно сдѣлаться равнодушнымъ къ отцу и къ матери, можно весь міръ возненавидѣть скорѣе, чѣмъ не любить своихъ дѣтей. Это величайшая рѣдкость! Уже больше 20 лѣтъ прошло съ того времени, какъ я читалъ Confessions Ж. Ж. Руссо. Прощаю всѣ его слабости, которыя онъ безъ всякой нужды міру съ цинизмомъ разсказываетъ, но не могу до сихъ поръ забыть, что этотъ человѣкъ безжалостно бросалъ дѣтей своихъ въ пріютъ и забывалъ о ихъ существованіи.

Душа дитяти находится сначала въ тѣсномъ соединеніи съ его организмомъ и такъ сказать въ безразличіи. Природа, какъ она не прекрасна, ничего не сказываетъ этой душѣ и ничему не научаетъ, потому что она сама отвѣтствуетъ только на вопросы разума. Если-бы тотчасъ по рожденіи ребенка устранить

его отъ влiянiя людей, то можетъ быть онъ остался-бы навсегда безсмысленнымъ, покрайней мѣрѣ достовѣрно, что былъ-бы ниже тѣхъ людей, которыхъ мы по отношенiю къ себѣ называемъ дикими. Чтобы пробить матерiальныя узы для души вступающей въ свѣтъ, нужна помощь другой души—зрѣлой. Если не покажете дитяти солнца, оно его долго не примѣтитъ; если сами не вздумаете поѣздить предъ нимъ на палочкѣ, то едва-ли прiйдетъ ему въ голову эта забава. Родители и близкiе создаютъ для дитяти маленькiй мiръ, сами стараются сдѣлать этотъ мiръ прекраснымъ и разнообразнымъ, а воображенiе дитяти, принимая готовое, не скоро еще прiобрѣтаетъ способность творчества. Человѣчество также дитя у груди матери—природы. Если-бы было легко душамъ зрѣлымъ проникать въ законы естества, то мы-бы не бились цѣлыя тысячелѣтiя за немногими истинами, которыя Господь позволилъ намъ открыть и усвоить.

Отъ различныхъ плановъ, по которымъ устраивается для дѣтей мiръ въ крошечномъ объемѣ, происходятъ различные способы воспитанiя, и всѣ они имѣютъ уважительное основанiе, а вмѣстѣ съ тѣмъ свои недостатки.

Родители желаютъ, чтобы драгоцѣнное время жизни не пропадало для ребенка въ опасной праздности и пустыхъ играхъ, чтобы онъ даже въ забавахъ учился быть человѣкомъ по всѣмъ условiямъ общества и не устыдилъ-бы ихъ со временемъ ложнымъ шагомъ, чтобы онъ былъ умнымъ, добрымъ, общежительнымъ. Полагая не безъ причины. что всего этого нельзя прiобрѣсть въ школахъ, а необходимо внушить дома ребенку, родители иногда слишкомъ стѣсняютъ его свободу. Душа его, какъ голубица, просится попорхать, порѣзвиться, а ей обрѣзываютъ крылья. При такомъ воспитанiи впадаютъ въ слѣдующiя крайности: 1) дѣтей очень рано начинаютъ учить самымъ мелочнымъ свѣтскимъ приличiямъ, безъ которыхъ они могли-бы еще долго обойтись, и изгоняютъ чувство наивности. 2) Безполезными игрушками останавливаютъ развитiе воображенiя, а роскошными нарядами поселяютъ страсть къ мотовству и зароняютъ сѣмя разочарованiя. 3) Слишкомъ рано и многому начинаютъ

учить и притупляютъ умственныя способности. 4) Не довольствуясь этимъ, ввѣряютъ дѣтей наемникамъ, которые варварски поступаютъ съ ихъ волею и лишаютъ душевной энергіи. Такія дѣти выростаютъ по большой части съ слѣдуюшими недостатками: важнѣйшая часть ихъ духовной природы навсегда парализована, другая часть раздѣлена между добромъ и зломъ и находится въ дурномъ состояніи *двойственности*; наконецъ добро, какое есть, не упрочено въ душѣ, а всю жизнь осается *кажущимся*. Это живыя ничтожества.

Но вотъ другая система воспитанія и другія крайности. Отецъ уважаетъ свободу дитяти и рѣшился не нарушать ея. Устраивая для него волшебный, привлекательный міръ, онъ такъ себя умаляетъ, что ребенокъ не только считаетъ его своимъ товарищемъ и зазываетъ къ забавамъ, но даже беретъ надъ нимъ верхъ и рѣшительпо имъ распоряжается; не желая коснуться свободы дитяти и развивать въ немъ унизительный порокъ *притворства*, отецъ не внушаетъ ему никакихъ докучныхъ правилъ добра и полагаетъ, что они прійдутъ сами собою, или что всемогущій Богъ откроетъ юной душѣ все, что нужно для ея совершенства и блага. О приличіяхъ и говорить нечего: какія можно указывать приличія душѣ ангельской? Пусть она остается сколь возможно долѣе въ первобытной непорочности безъ *лжи и коварства*. Для себя онъ не требуетъ никакого особеннаго уваженія, а проситъ одной откровенности и любви, основанной на совершенномъ равенствѣ. Всѣ прихоти ребенка мгновенно исполняются для того, чтобы не раздражать его характеръ; а чтобы не притупить способностей, то до 10 лѣтъ его ничему не учатъ. Наконецъ начинается ученіе съ естественныхъ наукъ. Въ присутствіи растроганнаго отца, сынъ впервые научается понятію о бытіи Божіемъ отъ искуснѣйшаго натуралиста по цвѣтку камеліи и по жемчужной раковинѣ. Отъ разсматриванія камешковъ, травокъ и жучковъ способности мальчика такъ быстро развиваются, что за годъ до срока, то есть на 13-мъ году, начинаютъ съ нимъ науку о дробяхъ. Безполезную исторію всеобщую и отечественную присудили бросить, какъ науку, которая болѣе

всего можетъ развить ужаснѣйшій порокъ *казаться* (бѣдная исторія!), а еще потому, что историческія сказки можно прочитать со временемъ во всей ихъ полнотѣ, а не въ томъ ничтожномъ видѣ, какъ онѣ расказываются дѣтямъ. Что же сдѣлалось изъ милаго мальчика? Увы! онъ сдѣлался *негодяемъ*, притомъ не только *кажущимся, а несомнѣннымъ:* безъ вѣры, безъ чести, безъ любви къ отцу, безъ уваженія къ законамъ. Мнѣ скажутъ: это быть не можетъ—покажите примѣръ. Къ несчастію есть примѣры, но высчитывать ихъ не хочу. Впрочемъ можно указать образчикъ такого свободнаго воспитанія въ Мартынѣ Найденышѣ —романѣ почтеннаго соціалиста Евгенія Сю. Вспомните также Митрофанушку Фонъ-Визина—другой примѣръ.

Много есть и другихъ способовъ воспитанія съ своего рода крайностями. Иной отецъ, хилый и болѣзненный, употребляетъ все свое стараніе, чтобы сыновья его были не таковы. Основываясь на истинѣ, что только въ здоровомъ тѣлѣ могутъ правильно развиваться душевныя способности, а притомъ узнавши, что Сократъ и Платонъ упражнялись съ честію въ борьбѣ и кулачномъ бою, онъ объ ученіи почти не думаетъ, а обращаетъ все вниманіе на развитіе въ дѣтяхъ физическихъ силъ и ловкости. Другой дородный папаша, думая справедливо, что сынъ его долженъ быть надѣленъ достаточнымъ количествомъ физическихъ силъ при рожденіи, принимается до того развивать въ немъ мышленіе и воображеніе, что утомляетъ его душу излишнимъ напряженіемъ и дѣлаетъ не только тупоумнымъ, но и болѣзненнымъ. Иной старается, чтобы сынъ его былъ сколько возможно мягче сердцемъ, добрѣе душою и съ пеленокъ готовитъ его въ небожители; другой напротивъ хочетъ внушить ему твердость духа, благородную отвагу, боится какъ огня сентиментальныхъ проявленій и стыдитъ его за каждый признакъ чувствительности, называя это бабьимъ малодушіемъ. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ послѣдствія могутъ быть худы.

Мудрецъ Конфуцій сказалъ великую правду, что истина всегда во всемъ пребываетъ въ серединѣ. Однакожъ весьма трудно отыскать эту точку; а удержаться въ ней невозможно,

и человѣкъ всегда колеблется между крайностями. Поэтому при всякомъ способѣ воспитанія бываетъ большее или меньшее отступленіе отъ истины. Думаю, что самъ Песталоцци во многомъ дѣлалъ погрѣшности.

Какъ-же опредѣлить общія правила воспитанія, когда намъ истина во всѣхъ своихъ подробностяхъ неизвѣстна? Говорятъ, что у насъ нѣтъ людей въ настоящемъ значеніи этого слова и что прежде всего намъ должно имѣть въ виду, чтобы дитя сдѣлалось *человѣкомъ*, съ сердцемъ преисполненнымъ добра и безъ нравственной порчи. Говорятъ такъ-же, что при истинномъ *общечеловѣческомъ образованіи* всѣ люди, безъ различія народностей, дружно и быстрымъ ходомъ пойдутъ къ совершенству. Да возможно-ли такое образованіе? Зачѣмъ великіе умы бросаютъ намъ идею, а не научатъ, какъ ее привести вь исполненіе? Это заставляетъ насъ усумниться въ ихъ мудрости и обратиться къ мудрости небесной.

До пришествія Спасителя не было идеи человѣчества, а была идея народности. Онъ явился въ міръ свѣтлою зарею перерожденія, и общечеловѣческая идея обняла всѣ тѣ народы, которые начали поклоняться кресту и дала новое направленіе образованію. Довѣримся-же Слову Божію, которое составляетъ крѣпчайшія нравственныя узы соединенія всего человѣчества. Оно имѣетъ цѣлью образовать *христіанина*, а въ идеѣ христіанина заключается идея *человѣка* въ возможномъ совершенствѣ. Послѣ Спасителя ни одинъ мудрецъ не внесъ въ міръ новой замѣчательной нравственной идеи, и Сенъ-Симонъ напрасно предлагалъ другое обновленіе. Перестанемъ-же отыскивать человѣка ощупью съ фонаремъ философа древней Греціи, а озаримъ нашу душу евангельскимъ свѣтомъ и посмотримъ вокругъ себя: вѣрно найдемъ людей, какихъ нужно! Чтобы ихъ было еще больше, то попросту будемъ совѣтывать отцамъ и матерямъ воспитывать дѣтей своихъ въ правилахъ св. евангелія.

Признавъ безъ дальнихъ разсужденій единственнымъ разумнымъ основаніемъ образованія правила чисто религіозныя, я не оправдываю жестокаго деспотизма родителей, которые почти

съ пеленокъ предназначаютъ дѣтей къ особому роду службы или занятію; но вмѣстѣ съ тѣмъ считаю несправедливымъ стѣснять ихъ въ выборѣ системы воспитанія—по темпераменту ли дѣтей, или по собственному вкусу и выбору. Притомъ разнообразіе воспитанія необходимо. Въ мірѣ нужны люди съ разными душевными качествами, съ разными стремленіями воли, напримѣръ: нужны люди съ чистымъ незлобнымъ сердцемъ, чтобы служить хранителями священнаго огня добродѣтели и быть пастырями душъ; нужны люди твердые волей и отважные, чтобы быть защитниками противъ непріятеля и неправды; нужны люди съ возвышеннымъ умомъ и пылкой рѣшимостью, чтобы двигать впередъ общество; нужны люди съ преобладающимъ здравымъ смысломъ, чтобы сдерживать ложное стремленіе и т. д. Взглядъ, брошенный на міръ дѣтей съ этой точки зрѣнія, открываетъ, что въ этомъ пестромъ кругу малютокъ заключается полезное для общаго блага разнообразіе характеровъ. Одна система, какъ бы она ни была хорошо придумана, не можетъ замѣнить всѣхъ существуюшихъ нынѣ системъ воспитанія. Если исправлять, то должно исправлять каждую отдѣльно. Вообще: всякое воспитаніе хорошо, когда оно заключается въ кругу благоразумія, т. е. въ томъ кругу, котораго центромъ служитъ истина; всякое воспитаніе дурно, когда оно доходитъ до крайнихъ предѣловъ односторонности.

Изъ природы дѣтей и изъ здраваго смысла я вывожу слѣдующія неизмѣнныя по моему мнѣнію правила воспитанія: 1) *Особаго такъ называемаго общечеловѣческаго воспитанія въ христіанскихъ обществахъ не нужно и быть не должно.* 2) *Ни дома, ни въ школахъ не предоставлять полной свободы дѣтямъ и не лишать ихъ необходимаго попеченія.*

Мы говоримъ объ одномъ *человѣчествѣ* и ни слова объ *отчизнѣ*, какъ будто ея у насъ нѣтъ!... И что-то уже давно я не слышу ничего въ дѣлѣ воспитанія о Россіи!... Если желаемъ, чтобы дѣти насъ любили, уважали и заботились о нашей старости, то какъ же намъ не помышлять, не радѣть всею душою о Россіи—нашей доброй старушкѣ матери? Она скоро уже

вступитъ во второе тысячелѣтіе; такъ будемъ же стараться, чтобы она всегда имѣла доблестныхъ и вѣрныхъ защитниковъ въ сынахъ своихъ. Скажи намъ, милая отчизна! что нужно для твоего спокойствія и чести при образованіи новаго поколѣнія? И мнѣ чудится, что Россія отвѣчаетъ: „*Хочу*, чтобы вѣра православная, которую я приняла при св. Владимірѣ, ясно и ощутительно согрѣвала ученіе. *Хочу*, чтобы дѣти любили меня больше, чѣмъ отдаленную идею человѣчества, чтобы они гордились моимъ именемъ и чтобы имъ чаще обо мнѣ напоминали... *Хочу*, чтобы юныя души научились быть вѣрными подданными государя съ серденною къ нему преданностію, чтобы повиновались законамъ, были несовратимыми друзьями порядка и полезными гражданами... Короче, *хочу* того, что царь Николай сказалъ тремя словами: „*православіе, самодержавіе, народность*".

Оканчивая статью, не могу утаить общаго голоса, что слѣдуетъ внимательно пересмотрѣть програмы и измѣнить, соображаясь съ потребностями вѣка, преподаваніе въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Желаніе законное и заслуживаетъ вниманія; но каждый, кто вознамѣрится предложить свои мысли объ этомъ, долженъ быть очень остороженъ. По моему мнѣнію, идея, не взвѣшенная практическимъ умомъ и не примѣнимая въ дѣйствительности, есть праздное мечтаніе о томъ, какъ бы въ генварѣ мѣсяцѣ наслаждаться зефирами и прохладой подъ тѣнью дерева.

Когда вздумаю о зимней порѣ и неизбѣжной стужѣ, то желаю только имѣть порядочный запасъ дровъ, чтобы сидѣть въ теплой комнатѣ и играть въ преферансъ съ пріятелями. Если часиковъ пять поиграешь, то въ это время мысли успѣваютъ отдохнуть, а потомъ, въ тишинѣ ночи, правильнѣе группируются и въ большемъ порядкѣ, въ болѣе понятныхъ формахъ ложатся на бумагу. До сихъ поръ я все читалъ, учился у другихъ; а теперь, на пятомъ десяткѣ лѣтъ, родилось желаніе, чтобы другіе читали мои мысли. Но стоятъ ли онѣ того, чтобы ихъ печатать?...

Когда я съ трудомъ пробирался къ Н. И. Пирогову сквозь сотни людей и богатыхъ и бѣдныхъ, которые съ полною надеждою ежедневно прибѣгаютъ къ нему за совѣтами въ тѣлесныхъ недугахъ, я думалъ: «какъ счастливъ этотъ человѣкъ, какъ много ему дано Провидѣніемъ и какъ онъ долженъ благодарить Господа, когда внезапно новая свѣтлая идея озаритъ его разумъ и святымъ откровеніемъ подастъ ему неожиданную увѣренность исцѣлить или исправить скудельный сосудъ немощной природы человѣка!

Не каждому человѣку св. Промыслъ даритъ талантъ; но есть счастливцы, которымъ дается не одинъ только: овому два, овому три, овому еще больше..... Будемъ же ожидать другой пользы отъ Н. И. Пирогова для Россіи и человѣчества на поприщѣ болѣе важномъ, на сколько душа важнѣе тѣла, на поприщѣ воспитанія и пріуготовленія къ общественной дѣятельности новаго поколѣнія новороссійскаго края. На этомъ основано много упованій отчизны и много надеждъ благомыслящихъ отцовъ семействъ, православныхъ христіанъ и спокойныхъ гражданъ! Велика можетъ быть его заслуга... но велика и отвѣтственность предъ Богомъ, Россіей и человѣчествомъ.

К. Р.

Прибавленіе.

Приготовивши эту статью къ отправленію, я замѣтилъ, что читатели могутъ еще усумниться въ томъ, что именно я разумѣю подъ словомъ *казаться.* Это послужило поводомъ къ прилагаемому прибавленію.

Нѣтъ ни одного порока, который бы назывался *казаться.* Никто не станетъ хвалить коварства, обмана, лжи, ханжества, ябеды, наушничества, даже слабостей кокетства, притворства, лести и хвастовства; но каждый порокъ и каждую слабость должно называть своимъ именемъ. *Казаться добрымъ или казаться не злымъ*—совсѣмъ не худо и значитъ признавать добро или стыдиться зла. Н. И. Пироговъ возстаетъ именно противъ

этого, желая совершенства и забывая, что никакая добродѣтель, никакая истина не могутъ разомъ внѣдриться въ душѣ нашей.

Съ добродѣтелью тоже, что съ знаніемъ.

Ребенокъ слушаетъ объясненіе урока и съ перваго разу ему *кажется*, что понялъ, достигъ... но много еще разъ онъ долженъ протвердить этотъ урокъ, чтобы остался прочнымъ достояніемъ его памяти. Такъ и съ первыми внушеніями добра....

Юноша прошелъ науку и полагаетъ, что пріобрѣлъ совершенное въ ней познаніе; но многаго онъ не знаетъ въ этой наукѣ... Такъ точно и съ добродѣтелью, которая имѣетъ степени своего развитія.

Ни одинъ любознательный человѣкъ не можетъ усвоить себѣ всѣхъ знаній, тѣмъ болѣе ни одно сердце не можетъ совмѣстить всѣхъ добродѣтелей. Вы тверды въ добрѣ—и съ досадой отыскиваете *человѣка*... я слабъ въ добрѣ—и вижу *людей*... Нѣкоторыхъ уважаю именно за тѣ добродѣтели, которыхъ не могу вполнѣ достигнуть. Вы можетъ быть истинны во всемъ; а я передъ своею совѣстью еще *кажусь* во многомъ!...

И я думаю, что между людьми не можетъ быть нравственнаго совершенства, какъ нѣтъ совершенства красоты физической. Иной всѣмъ красавецъ да носъ на бокъ, и переставить его на другое мѣсто никакъ не возможно. У другаго все прекрасно, но въ глазахъ непріятная *двойственность:* правый голубой, а лѣвый карій, и никакой мастеръ перекрасить ихъ подъ одинъ цвѣтъ не возьмется. По неволѣ надобно мириться съ едиственно-возможнымъ на землѣ—относительнымъ, то есть *кажущимся* совершенствомъ.

Вы полагаете вѣроятно, что въ мірѣ было бы лучше, когда бы всѣ перестали *казаться?* Не думайте такъ по своему сердцу. Въ полкахъ солдаты побросали-бъ знамена; на лекціяхъ танцовали-бъ кадриль; въ церкви какой нибудь молодчикъ затянулъ бы италіанскую арію; на улицахъ женщинамъ не было-бъ прохода; на балахъ дѣвицы кидались бы молодымъ людямъ на шею; жены побросали-бъ мужей и дѣтей, а мужья женъ. Можно дополнить эту картину всеобщими ругательствами, всеобщей

дракой, пьянствомъ, нагимъ развратомъ давно минувшихъ сатурналій... Скажите же по совѣсти, хорошъ ли такой міръ и какое въ немъ можетъ открыться поприще для совершенной истины? *Казаться* много дѣлаетъ добра!... Обратитесь къ севастопольскимъ героямъ, и нѣкоторые изъ нихъ вамъ скажутъ, что желая *казаться* равнодушными, они чувствовали въ своей душѣ ужасъ, когда въ рѣшительную минуту находились на бастіонахъ, громимыхъ непріятелемъ.

Хочу еще найти опору для слова *казаться* въ нашей литературѣ и ничего не нахожу лучшаго, какъ стихотвореніе В. А. Жуковскаго: *Капитанъ Боппъ.* Здѣсь, на смертномъ одрѣ капитана, происходитъ быстрый переходъ отъ невѣрія въ такъ называемое *казаться*, а потомъ въ *дѣйствительную вѣру.* Я сто разъ читалъ это прекраснѣйшее стихотвореніе и готовъ читать съизнова. Передъ смертію, передъ успокоительными молитвами на отходъ души, я желалъ бы еще его слышать и желалъ бы, чтобы оно было прочитано любящей меня душою... Оставьте меня, милыя грустныя воспоминанья и мысли скорби,—вамъ здѣсь не мѣсто!...

Предоставляю себѣ впослѣдствіи подробно поговорить съ родителями о воспитаніи—дома и въ учебныхъ заведеніяхъ и о направленіи воспитанія.

К. Р.

МАЛОРУССКІЯ НАРОДНЫЯ ИГРЫ ОКРЕСТНОСТЕЙ ПЕРЕЯСЛАВА.

Область народной жизни, которой посвященъ печатаемый ниже этнографическій опытъ, останавливала только мимоходомъ вниманіе изслѣдователей и никогда не была предметомъ отдѣльнаго сборника. Правда, первый выпускъ „Быта подолянъ" весь состоитъ изъ описанія игръ, но причиною этому не намѣреніе издателя, а способъ появленія труда маленькими выпусками. Впрочемъ г. Шейковскій описалъ только *гаивки*—подольскія весеннія игры. Игры съ оттѣнкомъ обрядовымъ, съ отдаленными слѣдами стародавняго культа, обращали на себя вообще предпочтительное вниманіе этнографовъ. Развлеченія, игры забавы, которыми молодежь скрашиваетъ однообразіе деревенскаго житья, почти ускользнули отъ наблюденія. Мысль отмѣтить ихъ въ возможно большемъ числѣ и представить въ одной совмѣстной картинѣ нельзя поэтому не признать удачной. Въ замѣткахъ г. Исаевича описано до семидесяти игръ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сборничекъ этотъ сходится съ своими предшественниками, въ другихъ представляетъ данныя новыя. Для сравненія, вотъ бѣглый очеркъ того, что собрано уже въ южно-русскихъ этнографическихъ трудахъ на эту тему.

Было упомянуто о г. Шейковскомъ. Съ него и начнемъ, какъ съ одного изъ найболѣе раннихъ, чисто мѣстныхъ изслѣдователей. Описаннымъ имъ гаивкамъ онъ предпослалъ небольщой анализъ, въ которомъ по поводу этихъ остатковъ старины пытался, вслѣдъ за Сахаровымъ, установить стадіи въ исторіи развитія народовъ. На первой ступени, аморфизмѣ, ничто не обособилось еще въ міросозерцаніи человѣка, все въ зачаткѣ. Въ дальнѣйшемъ періодѣ, некромонтизмѣ, міровоззрѣніе народа формулируется въ извѣстные обряды. Каждое міровоззрѣніе формулируется особою, ему одному свойственною обрядностью, которая составляетъ внѣшнее выраженіе міросозерцанія. Въ періодъ обоготворенія силъ природы (натурализмѣ, по номенклатурѣ старой школы) и возникли *гаивки*, носящія явные слѣды временъ стихійнаго культа. Періодъ, съ

которымъ онѣ совпадали и совпадаютъ и теперь, есть пробужденіе природы весной; мѣста, гдѣ они создались, это лѣса, *гаи* и глаголъ *гаятись* въ своемъ прежнемъ употребленіи означалъ совершать требы въ рощѣ, молиться. Кромѣ этихъ стародавнихъ обломковъ, г. Шейковскій описалъ нѣсколько гаивокъ бытовыхъ, имѣющихъ иное происхожденіе. Книжка его вызвала появленіе въ литературѣ работы талантливаго, рано умершаго, Свидницкаго, Въ замѣчательномъ этюдѣ «Великдень у подолянъ» онъ во многомъ дополнилъ трудъ своего земляка, обнаруживъ способность къ увлекательному изложенію, что, какъ извѣстно, дѣла никогда не портитъ.

Въ «Бытѣ русскаго народа» Терещенка, вышедшемъ еще въ 1848 г., играмъ и забавамъ посвященъ весь четвертый томъ. Не говоря о невозможности для этнографіи, какъ науки, такого взгляда, гдѣ за этнографическую единицу принято цѣлое государство, записи Терещенка возбуждаютъ мало довѣ рія произвольностью редакціи и тою массою сентенцій и курьезовъ, которыми пересыпанъ весь трудъ этого трудолюбиваго, но болтливаго ученаго. Подъ фирмою игръ, у него описываются такія занятія, какъ *теребить носъ*, съ комментаріями значеніи носа; игра въ жмурки, по его толкованію, есть «олицетвореніе скрытой, но пламенной страсти» и т. п. Введено множество игръ не народнаго происхожденія, существованіе которыхъ въ народѣ едва-ли кто возьмется подтвердить, напр. шахматы. Тѣмъ не менѣе десятка два малорусскихъ игръ, имъ описанныхъ, нельзя оставлять безъ вниманія, хотя-бы потому, что записаны онѣ сравнительно очень давно.

Въ видѣ журнальной статьи появился превосходный очеркъ Максимовича «Дни и мѣсяцы украинскаго селянина», гдѣ играмъ удѣлено также нѣкоторое мѣсто. Въ этихъ замѣткахъ, остановившихся, какъ это часто бывало у покойнаго историка, на одномъ началѣ, непосредственныя наблюденія пересыпаны сближеніями изъ исторіи и миѳа, все съ глубокимъ и точнѣйшимъ знаніемъ, но съ пріемами и чувствомъ мѣры художника. Описаны круговые и ключевые дѣвическіе танки днѣпровскаго Побережья. Въ этомъ маленькомъ опытѣ кіевскій ученый, славѣ котораго суждено рости съ годами, даетъ описательные образцы, столь же изобразительные, сколько и точные.

Н. Маркевичъ въ книгѣ, худшую страницу которой составляетъ ея названіе (Обычаи, повѣрья, кухня и напитки малороссіянъ), отмѣтилъ девять весеннихъ игръ. Его описаніе сельскаго быта расположено по временамъ года, но грѣшитъ чрезвычайной неравномѣрностью. Значительную часть занимаетъ текстъ «Вертепа», пріуроченнаго къ описанію празднованія Рождества. Игры занимаютъ мѣсто самое скромное.

Какъ и слѣдовало ожидать, въ общирнѣйшемъ сборникѣ Чубинскаго нашли себѣ мѣсто и обрядныя и бытовыя забавы. Записи доставлены составителю изъ разныхъ мѣстностей; нѣкоторыя, болѣе распространенныя игры, въ многочисленныхъ варіантахъ. Сюда-же вошелъ отчасти и матеріалъ старыхъ сборниковъ. Въ общемъ получилось все таки преобладаніе обрядовыхъ. Нѣкоторыя изъ нихъ, что очень цѣнно, переданы въ народномъ пересказѣ, т. е. съ сохраненіемъ всего своего бытоваго облика.

Сборникъ г. Лисенка «Молодощи» (Кіевъ, 1875 г.), кромѣ веснянокъ, заключаетъ въ себѣ и мелодіи пѣсень, поющихся при играхъ и описанія самыхъ игръ. Нѣкоторые изъ этихъ мотивовъ находимъ у Чубинскаго, конечно для одного лишь голоса. Въ «Молодощахъ» они снабжены фортепьяннымъ сопровожденіемъ. Около десятка этихъ игръ у Чубинскаго не помѣщено.

Въ книгѣ Оскара Кольберга «Pokucie» (Kraków. 1882), занявшей видное мѣсто въ южнорусской этнографической литературѣ, отдѣлъ *Zabawy na Wełykdeń* посвященъ играмъ. Нѣкоторыя изъ весеннихъ игръ сопровождаются нотами напѣвовъ. Также, какъ у Чубинскаго, здѣсь не мало варіантовъ. Въ первый разъ выдѣлены игры хлопцевъ и парубковъ: Деркачъ, Дзвинъ, Огонь, Лозы, Зграя, Крамарь, Монастырь, Дидъ и проч. Большинство ихъ нѣсколько отлично отъ игръ, извѣстныхъ въ лѣвобережной Украйнѣ.

Этими отмѣтками и исчерпывается, кажется, все, что есть по части малорусскихъ игръ въ печати. Въ собраніи г. Исаевича большинство описанныхъ игръ бытовыя и цѣлый отдѣлъ, представляющій значительную новинку (игры въ карты). Описанія ребяческихъ упражненій и забавъ далеко не лишни для представленія цѣлой картины деревенскаго быта. Послѣдній отдѣлъ занимаютъ найболѣе уже извѣстныя игры «сборная дружина».

Объ этихъ послѣднихъ играхъ слѣдуетъ сказать, что въ южной Россіи онѣ запечатлѣны характерными особенностями. Въ великорусскихъ хороводахъ принимаютъ участіе оба пола и всѣ возрасты. Ихъ «водятъ» все теплое время. Южно-русскіе танки можно видѣть только въ короткій промежутокъ между Пасхой и Зелеными святками, танцуютъ ихъ однѣ дивчата, кромѣ двухъ-трехъ, гдѣ принимаютъ участіе и хлопцы (Щетка, Горошекъ, Тѣло). Великорусскими хороводами заправляетъ обыкновенно одна хороводница, большею частью пожилая женщина; украинскій танокъ водятъ сами дивчата и передовою становится болѣе смѣлая и расторопная изъ нихъ. Во всѣхъ извѣстныхъ до сихъ

поръ танкахъ не встрѣчалось ничего похожаго на грубыя и циничныя игры, въ родѣ извѣстныхъ игръ: *Женина любовь*, *Гуляй, гуляй* и т. п. Большинство южно-русскихъ игръ отличается эстетическимъ тактомъ.

Въ записанныхъ г. Исаевичемъ народныхъ карточныхъ играхъ любопытна своеобразная терминологія. Карточныя игры въ народѣ никогда не имѣли значенія азартной забавы, а служили всегда только безобиднымъ развлеченіемъ зимнихъ вечеровъ. Только въ послѣднее время, съ проникновеніемъ различныхъ новшествъ въ деревню, карты стали принимать вредный характеръ, основанный на низшихъ инстинктахъ страсти, какой принадлежитъ имъ въ такъ называемомъ образованномъ кругѣ, чуть не съ проникновенія ихъ въ нашу страну въ XVII вѣкѣ.

Развитіе духовныхъ интересовъ конечно парализовало-бы значеніе этой безсмысленной и тупой забавы въ свѣжей народной средѣ. Въ средѣ «культурной», провинціальной въ особенности, этотъ стимулъ повидимому безсиленъ. Культурному обществу извѣстно, что пріобрѣтеніе картъ предшествовало изобрѣтенію книгопечатанія. Надо думать, что этою причиною объясняется то предпочтеніе, которое это общество отдаетъ первому изобрѣтенію передъ вторымъ.

Небольшой запасъ печатнаго этнографическаго матеріала по данному предмету позволилъ сдѣлать въ текстѣ игръ только нѣсколько сравнительныхъ ссылокъ. Сборники указаны въ настоящемъ предисловіи, а затѣмъ слово принадлежитъ самому почтенному собирателю.

В. Горленко.

Прочитывая «Труды» Чубинскаго, мнѣ бросилось въ глаза то, что среди прочаго громаднаго этнографическаго матеріала какъ то теряется незначительное число игръ, помѣщенныхъ тамъ. Я обратилъ на это невольно вниманіе потому, что живу въ мѣстности, гдѣ игры дѣтей и взрослыхъ распространены особенно, гдѣ постоянно наталкиваешься на нихъ, въ особенности весной.

Мнѣ приходилось жить въ разныхъ мѣстахъ Малой Россіи: на лѣвомъ и правомъ берегу Днѣпра, на Волыни и въ Подоліи; но нигдѣ я не встрѣчалъ такого изобилія игръ и такого любовнаго къ нимъ отношенія. Чѣмъ можно объяснить, что окрестности Переяслава служатъ мѣстомъ ихъ средоточія? Мнѣ кажется, что причиной этому то, что Переяславъ издавна имѣлъ учебныя заведенія и между ними славившуюся въ концѣ прошлаго и первой половинѣ нынѣшняго вѣка семинарію, привлекавшую массу учащейся молодежи.

Семинаристы и сами выдумывали игры и приносили ихъ изъ мѣстъ своей родины. Они учили своихъ товарищей, отъ нихъ перенимали игры и переяславскіе мѣщане, у которыхъ жили на квартирахъ семинаристы. Изъ города игры распространялись по окрестностямъ.

Игры, какъ узоры, рисуются на прекрасномъ фонѣ весны. Послѣ долгой зимы и сидѣнья на печкѣ или прогулокъ въ тяжелыхъ отцевскихъ облаченіяхъ, дѣти, да и молодежь вообще, весной съ особеннымъ азартомъ набрасываются на игры.

Весенній день. Солнце льетъ съ темно голубаго неба сверкающіе лучи, радость и теплая свѣжесть стоятъ въ воздухѣ. Слышится пѣніе жаворонка и курликанье журавлей. На деревьяхъ нѣтъ еще листьевъ; только тамъ вдали, за селомъ, бѣлѣютъ бруньки лозы и покрытый кой-гдѣ блѣдно зеленой травой, уже высохшій майданъ тянется, чуть склоняясь къ рѣкѣ. Она, голубая, теперь многоводно рябитъ и блещетъ противъ солнца милліонами искръ и, съ сознаніемъ молодости и силы, бурно устремляется подъ колеса мельницы. Старикъ мельникъ, съ подстриженной сѣдой бородой и длинными усами, стоитъ и смотритъ на пѣнящуюся воду. Онъ смотритъ на воду, на майданъ, и улыбается какому-то, пришедшему съ весной, отголоску своей прошедшей молодости,...

На майданѣ играютъ *въ маткову*. Вотъ ударилъ парубокъ палкой по мячу, мячъ взвился черной точкой въ воздухѣ. Парубокъ бросаетъ «гилку» и мчится *къ ступкѣ*. Сивая шапка сбита на затылокъ, пышными складками ложатся сзади широчайшіе штаны, китыци червоного пояса развѣваются по вѣтру, онъ мощно разбрасываетъ ногами.

Но предательскіе штаны губятъ хлопца; пущенный въ него мячъ запутывается въ нихъ, и звучавшая дотолѣ отдѣльными криками равнина оглашается кликами радости и побѣды. Партія *поля* мчится *въ городъ*, злополучный парубокъ сбитъ съ ногъ ловко подставленной подножкой; на него наваливается его партія, бѣгущая въ поле, ему *загинаютъ сухою вовка* и валятъ на него, при крикахъ и смѣхѣ, *малу кучу*.

Кромѣ гигіеническаго значенія игръ, какъ универсальной гимнастики, много въ нихъ и воспитательнаго, нравственнаго элемента. Въ нихъ незамѣтно развиваются чувства долга, взаимной помощи

дружбы, въ нихъ вырабатывается громадянинъ; необходимость взаимной поддержки тѣснѣе сближаетъ дѣтей; какъ результатъ постоянной помощи одного другому здѣсь развивается дружба; въ играхъ обозначаются характеры, сила ума и воли, выявляются люди, которымъ пріучаются вѣрить съ дѣтства и за которыми будетъ идти громада.

Игры раздѣлены мною на четыре группы. Въ каждой группѣ, когда это было возможно, я помѣщалъ игры въ послѣдовательномъ порядкѣ, если имѣлись болѣе простыя и болѣе сложныя однородныя съ ними.

I. Игры въ мячъ.

Мячъ дѣлаютъ обыкновенно изъ бычачьей шерсти, которую въ изобиліи даютъ линяющіе въ весеннее время волы и коровы. Такой мячъ называется «повстянымъ» и приготовляется такимъ образомъ: надергаютъ изъ вола или коровы мягкой и чистой шерсти и, смачивая ее водой или слюной, катаютъ между ладонями, сперва маленькимъ комкомъ, а потомъ все большимъ, придавая ей круглую форму. Чѣмъ долѣе, усерднѣе и равномѣрнѣе производится выкачиваніе, тѣмъ мячъ становится болѣе тугимъ и упругимъ и даетъ большіе прыжки. Иногда его обшиваютъ кожей, сшивая чехолъ изъ четырехъ ромбовидныхъ кусочковъ кожи, или-же набиваютъ такой чехолъ «куницею», то есть бородками метелокъ камыша, или конопли. Обшитый кожей мячъ называется «ременнымъ» въ отличіе отъ «повстяного»; первымъ играютъ подростки и парубки, второй употребляютъ дѣти. Случается, что передъ игрою мячъ, для большей тяжеловѣсности, намачиваютъ водой; тогда ударъ отъ него сильнѣе и чувствительнѣе, если игра состоитъ напр. въ томъ, что мячемъ бьютъ по ладонямъ.

Игра въ мячъ очень разнообразна и имѣетъ слѣдующія подраздѣленія:

а) *Высокій дубъ, горе дубъ* [1]).

Играющіе выкапываютъ продолговатую ямку, поперекъ которой кладутъ короткую палочку; на эту палочку кладутъ вдоль ямки другую болѣе длинную такимъ образомъ, чтобы одинъ конецъ опу-

---

[1]) Чубинскій, т. IV, стр. 44; Труды этн. стат. экспед., изд. 1877 г.

стился въ ямку, а другой торчалъ въ воздухѣ. Изъ этой продолговатой палочки получается такимъ образомъ родъ рычага, на короткое плечо котораго, опущенное въ ямку, кладутъ мячъ. Собравшіяся для игры дѣти «вымѣряются» на палкѣ, кому первому начинать игру, для чего старшій между ними, подбрасывая вертикально въ воздухѣ предназначенную для игры палку (гилку), схватываетъ ее рукою у нижняго конца, предоставляя тоже дѣлать другимъ, и кому придется взяться рукой за край палки, тому и начинать игру. Онъ беретъ тогда «гилку» и, присаживаясь около ямки, ударяетъ ею съ размаха по длинному плечу рычага—мячъ вылетаетъ изъ ямки вверхъ. Чѣмъ выше и прямѣе идетъ вверхъ мячъ, тѣмъ искуснѣе значитъ игрокъ и тѣмъ больше ему чести. Кто поймаетъ, тотъ продолжаетъ игру и т. д.

б) *Гилка простая.*

«Гилкою» называется собственно палка, которой бьютъ мячъ вверхъ, отсюда самая игра носитъ тоже названіе. Видоизмѣненіе этой игры происходитъ отъ числа играющихъ. Простая «гилка» или «у мяча», «опуки», ведется между двумя или тремя играющими. Мѣсто, съ котораго бьютъ мячъ, называютъ «городомъ», а пунктъ, гдѣ его ловятъ, «полемъ».

Играющіе вымѣряются на «гилкѣ» и кому выпало начинать игру, тотъ становится въ «городѣ», а товарищъ его, иногда и нѣсколько, идутъ въ «поле».

Кто поймаетъ мячъ на лету, тотъ идетъ бить вмѣсто игравшаго. Искусство игры не только въ томъ, чтобы мячъ летѣлъ, какъ можно выше и горизонтальнѣе, но и въ томъ, чтобы стоящіе въ «полѣ» не съ разу могли поймать его, для чего ударъ направляется въ сторону отъ играющихъ или инымъ неудобнымъ дла нихъ путемъ. Не умѣющій дать направленіе мячу по своему желанію не считается игрокомъ. Въ простой «гилкѣ» бьютъ, какъ попало; эту игру ведутъ начинающіе. Положеніе бьющаго, какъ активное, считается болѣе привлекательнымъ и такъ сказать почетнымъ, пассивнѣе положеніе тѣхъ, которые ловятъ мячъ, отъ того и менѣе интересно; но играющіе въ простую гилку постоянно мѣняются ролями.

в) *Гилка сложная.*

Осложняется она и большимъ числомъ играющихъ, и тѣмъ, что играющіе выдѣляютъ изъ своей среды, кромѣ начинающаго

игру. который бьетъ мячъ, еще другаго, который поддаетъ ему, или «пидгилюе». Когда есть кому подбросить мячъ, то бьющій по нему беретъ «гилку» обѣими руками, а отъ этого ударъ гораздо сильнѣе и мячъ летитъ выше и быстрѣе. Бьющій и поддающій располагаются въ «городѣ». остальные въ разныхъ разстояніяхъ и концахъ «поля», чтобы на каждый ударъ, короткій и длинный, высокій и низкій, прямой вверхъ и въ бокъ, былъ готовъ ловецъ. Кто поймалъ мячъ на лету, тотъ идетъ бить; кто задержалъ на скаку, тотъ бросаетъ его «пидгильному»; если тотъ поймаетъ, то становится вмѣсто бьющаго, а бросившій вмѣсто «пидгильного», бьющій же «старый» уходитъ въ «поле».

г) *Гилка маткова, или матка* [1]).

«Маткова» или «матка» есть дальнѣйшее развитіе игры «въ мяча» и «гилки». Тутъ привходитъ уже полное раздѣленіе играющихъ. Являются игроки, могущіе бить съ разсчетомъ, вводятся сложныя правила, опредѣляющія надлежащій ходъ выигрыша и проигрыша. Такая игра на двѣ партіи развиваетъ соревнованіе. Бѣготня къ такъ называемой «ступкѣ», иногда цѣлой гурьбой, со смѣхомъ и толкотней, придаетъ особенный увлекающій интересъ этой сложной и занимательной игрѣ. Ее любятъ не только дѣти, но и взрослые; нерѣдко можно видѣть «сивоусого дядька», мчащагося среди веселой толпы молодежи къ «ступкѣ» и обратно... Общая картина игры не лишена комизма и напоминаетъ стаю юркихъ чирятъ, среди которой, торопливо маша крыльями, летитъ «довгошеій крижнякъ....»

Играющіе въ «маткову» выбираютъ двухъ «матокъ», самыхъ лучшихъ и искусныхъ игроковъ.

«Матки» отходятъ въ сторону и становятся обнявшись. Остальные играющіе раздѣляются попарно. Пары составляются изъ равносильныхъ игроковъ. Въ каждой парѣ условливаются о названіи каждаго. Потомъ играющіе подходятъ къ маткамъ и спрашиваютъ: «соломы чи зерна?» «дерева чи졸лиза?» и т. п. Матки выбираютъ по очереди, говоря: «соломы!» «зализа!» и «солома» и

---

[1]) У Чубинскаго эта игра названа „гилкой", т. IV, стр. 44; Тр. этн. стат. эксп. въ с. з. край, 1877 г.

«зализо» становятся около выбравшихъ ихъ матокъ и т. д,, пока не составятся двѣ совершенно равносильныя партіи.

Когда партіи составились, матки подходятъ «мирятись». Одна изъ матокъ беретъ гилку и бросаетъ ее другой маткѣ, та ловитъ гилку одной рукой; бросившая матка обхватываетъ рукой гилку выше ловившей, та въ свою очередь переноситъ руку выше и такъ до конца гилки. Чьей матки рука окажется на концѣ гилки, та съ своей партіей остается въ «городи», а противная уходитъ въ «поле». оставляя въ городѣ одного изъ самыхъ проворныхъ «подгильнымъ». На него возлагается обязанность «пидгилювать», т, е. подбрасывать мячъ для удобнаго удара по немъ гилкой. Шагахъ въ 25—40 отъ города назначаютъ мѣсто («ступку»), до котораго и обратно каждый изъ стоящихъ въ городѣ долженъ добѣжать въ промежуткѣ произведеннаго имъ самимъ или кѣмъ либо другимъ удара и передачей мяча изъ поля въ городъ, если только мячъ не пойманъ на лету и не рѣшаетъ перехода партій цѣлымъ составомъ одной на мѣсто другой.

Каждый изъ стоящихъ въ городѣ имѣетъ право одинъ разъ ударить гилкой по мячу, матка-же три. Промахъ считается за ударъ. Когда все уже установилось, городяне подходятъ по очереди къ «пидгильному», тотъ подбрасываетъ мячь вверхъ, подошедшій-же бьетъ съ такой силой гилкой по мячу, чтобы тотъ полетѣлъ въ поле.

Израсходовавшій то количество ударовъ, какое онъ имѣлъ право сдѣлать, можетъ возобновить его, сбѣгавши къ ступкѣ. Сбѣгать къ ступкѣ, не подвергаясь удару мяча, можно только тогда, когда мячъ или летитъ въ воздухѣ, или-же далеко упалъ въ поле, когда-же мячъ находится въ рукахъ «пидгильного» или близко въ полѣ, къ ступкѣ проскользнуть трудно, такъ какъ противная партія постарается попасть въ перебѣгающихъ; а если это случится, то партія города проигрываетъ и уходитъ въ поле, а партія поля въ городъ. Партія города такъ-же проигрываетъ, если кто нибудь изъ партіи поля поймаетъ мячъ на лету [1]). Обѣ партіи обращаютъ все свое искусство—партія города, чтобы удержать, какъ можно долѣе свою активную позицію, партія поля, чтобы выйти изъ сво-

---

[1]) Въ этой игрѣ мнѣ часто приходилось слышать возгласы: „не шатырь", „шатырникъ". По смыслу „шатырить" значитъ отчаянно рисковать.

ей пассивной роли. Матка первой и своимъ подкомандныимъ внушаетъ «не продавать», т. е. бить такъ, чтобы поляне не могли поймать, а равно перебѣгать къ ступкѣ и обратно какъ можно проворнѣе и своевременнѣе, и сама поступаетъ также. Малыши, начинающіе, большею частью даютъ промахи, подростки, умѣющіе, не посягаютъ на «горяка» или ударъ вверхъ, но бьютъ «скачка», по прямой и въ бокъ, на что претендуютъ противники, а матка или перебиваетъ за черту поля, или такъ подбиваетъ вверхъ, чтобы мячъ падалъ вертикально, при чемъ ловящему достается по пальцамъ, по носу и лицу, иногда-же онъ и поймавши опрокидывается назадъ и роняетъ мячъ. Только пресытившись игрой, или-же увлекаясь желаніемъ показать свою ловкость, матка дастъ чистый, мягкій и ровный ударъ по параболѣ; тогда поймать уже не трудно. Матка противной стороны въ свою очередь разставляетъ своихъ подкомандныхъ въ томъ или иномъ направленіи, на большемъ или меньшемъ разстояніи, по степени ихъ умѣнья ловить мячъ, а также бросать мячемъ въ бѣгущихъ или просто перебрасывать мячъ, и пользуется всякою оплошностію противника, какъ въ ударѣ, такъ и въ пробѣганіи установленной дистанціи. Тутъ съ той и другой стороны всеобщее напряженіе, всеобщее рвеніе, строгая подчиненность распредѣленіе ролей, товарищество, соперничество, чувство общей чести, общей неудачи. Трудно придумать что либо, болѣе удачно и болѣе непримѣтно подготовляющее мальчика и юношу къ общежитію.

д) *Чортючка.*

Это также матковая ирра въ мячь, разнится отъ нея только тѣмъ, что партія поля состоитъ собственно изъ одного, а другимъ считается «пидгильный», стоящій въ полѣ. Разница еще въ томъ, что бьющій, послѣ удара или промаха, тотчасъ же долженъ бѣжать къ ступкѣ, не выжидая для этого благопріятнаго времени. Если находящійся въ полѣ ударитъ перебѣгавшаго, то этотъ послѣдній идетъ въ поле, а тотъ въ городъ «пидгильнымъ», прежній же «пидгильный» заступаетъ мѣсто выбывшаго изъ города. Если же перебѣгавшаго ударитъ «пидгильный», то онъ остается въ городѣ, находившійся въ поле идетъ на его мѣсто «пидгильнымъ», а перебѣгавшій отправляется въ поле. Названіе «чортючки» эта игра получила вѣроятно отъ того, что, пока находящійся въ полѣ по-

падетъ въ городъ, пассивное положеніе ему «осточортіе» и онъ успѣетъ вспомнить всѣхъ чертей.

Въ эту игру играютъ обыкновенно тогда, когда за недостаткомъ играющихъ большой матковой составить нельзя.

е) *Каша* [1]).

Играющіе собираются въ кружокъ и одинъ изъ нихъ, бросая мячъ о земь, кричитъ: «тутъ каша, тутъ!» Всѣ бросаются къ мячу, желая поймать его на лету; кто поймалъ, тотъ садится верхомъ на того, который потянулся за мячемъ и не поймалъ. Комонникъ уже со спины товарища бросаетъ мячъ. Кто поймаетъ, тотъ садится на того-же коня. Если-же всадникъ потянется за мячемъ, а поймаетъ конь, то, при смѣхѣ играющихъ, происходитъ перемѣна ролей: конь становится всадникомъ, а всадникъ конемъ. Если мяча никто не поймаетъ, то каша «розсыпалась» и игра начинается снова. Ведется игра и такъ, что не поймавшій мяча, вмѣсто спины, подставляетъ поймавшему сложенныя челнокомъ руки; тотъ бьетъ въ руки мячемъ изо всей силы и если подставляющій ихъ удержитъ въ рукахъ мячъ или подхватитъ съ земли, то въ свою очередь бьетъ сосѣда, причемъ всѣ играющіе становятся въ кружокъ.

ж) *Яйця, пички* [2]).

Сколько играющихъ, столько-же вырываютъ въ одну линію «пичокъ» или ямокъ. Ямки окружаются чертой—«городомъ». Каждая ямка имѣетъ владѣльца. Во время игры каждый стоитъ около своей ямки. Владѣльцы крайнихъ ямокъ катятъ мячъ по ямкамъ. Въ чью ямку попадетъ мячъ, тотъ хватаетъ его и старается попасть въ кого нибудь изъ играющихъ, которые обязаны выбѣжать изъ города въ поле. Если онъ промахнется, то получаетъ въ свою ямку «яйце»—камушокъ; если-же попадетъ въ кого нибудь, то этотъ послѣдній долженъ быстро подхватить мячъ, вбѣжать въ городъ и попасть въ кого нибудь изъ играющихъ, которые тоже, послѣ удачнаго удара, должны побывать въ городѣ и снова оттуда выбѣжать. Послѣ промаха вся партія собирается въ городъ и игра про-

---

[1]) У Чубинскаго, т. IV, стр. 43, изд. 1878 г.

[2]) Великорусская игра *ямки*.

должается по старому, а промахнувшійся получаетъ «яйце» (камушокъ). Кто получитъ первымъ пять яицъ, тотъ проигралъ и его разстрѣливаютъ мячемъ. Каждый играющій имѣетъ право ударить его столько разъ, сколькихъ яицъ недостаетъ до пяти.

Подвергаемый разстрѣлу становится лицемъ къ стѣнѣ и, опершись о нее лбомъ, прикрываетъ затылокъ руками. Разстрѣлъ сопровождается ѣдкими насмѣшками и криками «ого-го!», одобряющими удачный ударъ тяжелаго кожанаго мяча. Вообще-же эта веселая игра очень часто оканчивается плачемъ и проклятіями, иногда-же и потасовкой.

з) *Баранъ.*

Играютъ вдвоемъ или втроемъ, рѣдко больше. Бросаютъ возлѣ стѣны мячъ о земь съ такой силой, чтобы онъ, отскочивши отъ нея, ударился о стѣну и тогда его ловятъ. Ловятъ одной или двумя руками. Первый изъ играющихъ ловитъ до тѣхъ поръ, пока не промахнется; тогда передаетъ мячъ другому. Когда мячъ обошелъ всѣхъ играющихъ, первый снова бросаетъ мячъ и ведетъ счетъ пойманнымъ мячамъ съ того числа, на какомъ ему въ первый разъ не вывезло и т. д. Кто первымъ досчитаетъ до условленнаго передъ игрой числа, тотъ выигралъ.

и) *Стинка № 1-й.*

Эта игра подобна предъидущей; въ ней только не дѣлаютъ «барана», а бросаютъ мячъ о стѣну или на крышу и на обратномъ пути его ловятъ. Счетъ ведутъ, какъ и въ «баранѣ».

і) *Стинка № 2-й.*

Въ этой игрѣ двѣнадцать фигуръ. Въ началѣ «вымиряются», кому бросать первому. Если осѣкся первый, то передаетъ мячъ второму и т. д. Когда снова очередь дойдетъ до перваго, онъ продолжаетъ съ той фигуры, на какой остановился. Кто окончилъ первымъ, тотъ отъ игры устраняется, выжидая окончанія оной. Игра продолжается остальными участниками, уменьшающимися по мѣрѣ того, какъ болѣе счастливые игроки выполняютъ всѣ 12 фигуръ. Проигравшимъ всегда оказывается одинъ, который и подвергается разстрѣлу. Число ударовъ опредѣляютъ заранѣе. Фигуры: 1) бро-

саютъ мячъ о стѣну «зъ пидъ нызу» (изъ-подъ опущеной руки) и ловятъ двумя руками. 2) Тоже, но ловятъ одной рукой. 3) Бросаютъ мячъ о стѣну «зъ верху» и ловятъ двумя руками. 4) Тоже, но ловятъ одной рукой. 5) «Каша»—бросаютъ мячъ о земь и ловятъ двумя руками. 6) Тоже, но ловятъ одной рукой. 7) «Баранъ»—бросаютъ мячъ о земь подъ угломъ къ стѣнѣ и ловятъ двумя руками. 8) Тоже, но ловятъ одной. 9) «Головки»—становятся спиною къ стѣнѣ, облокачиваются о нее затылкомъ, въ такомъ положеніи бросаютъ мячъ о стѣну и ловятъ двумя руками. 10) Тоже, но ловятъ одной. 11) Кладутъ мячъ на ладонь, подбрасываютъ его вверхъ и когда мячъ летитъ внизъ подбиваютъ его снова вверхъ обратной стороной кисти и тогда ловятъ двумя руками. 12) Тоже, но ловятъ одной рукой.—Каждая фигура повторяется три раза.

II. Игры въ карты («листы»).

Масти носятъ слѣдующія названія: «жиръ» (трефи), «вино» (пики), «чирва» (черви) и «дзвинка» (бубни). Карты каждой масти называются такъ: тузъ, король, «краля» или «вышникъ», «хвалька» (валетъ), «хлапъ», онъ-же «нижникъ», «десятка», «девятка», «висимка», «симка» и «шистка». Играютъ всегда тридцатью шестью картами, безъ двоекъ. Сдаютъ, какъ и вездѣ, снимаютъ-же нѣсколько навыворотъ: даютъ снимать игроку, сидящему не съ правой, а съ лѣвой стороны, по ходу часовой стрѣлки. Сдающій кладетъ передъ нимъ колоду на столъ; если-же приподнесетъ на ладони лѣвой руки, то снимающій почти всегда, снявъ съ ладони всю колоду, плюетъ ему въ руку и если это случится въ началѣ игры, то принимается довольно добродушно, если-же во время разгара игры, то очень часто физіономія плюнувшаго вымазывается его-же слюной. Картами играютъ до тѣхъ поръ, пока они не разлѣзутся. Такъ какъ карты скоро грязнятся, то у игроковъ выработался особый способъ ихъ чистки: карты намазываютъ слегка свѣчнымъ саломъ или «лоемъ» и затѣмъ вытираютъ чистой тряпицей, отъ чего карты хотя нѣсколько выигрываютъ въ вѣсѣ, за то блестятъ, какъ свѣже вымазаный сапогъ. Карты, очищенныя подобнымъ образомъ, особенно удобны для «ляпання» ими по столу, что, какъ извѣстно, является признакомъ азарта въ игрѣ, когда колесо фортуны начинаетъ быстро клониться то въ ту, то въ другую сторону.

Игры въ карты также разнообразны и имѣютъ свои туземныя названія. Таковы:

а) *Пъяниця.*

Играютъ вдвоемъ. Раздѣляютъ колоду картъ поровну и, каждый, взявши въ руки свои карты, переворачиваетъ ихъ вверхъ корой. Игра состоитъ въ слѣдующемъ: оба игрока открываютъ одновременно по картѣ, чья карта окажется старше (масти въ разсчетъ не принимаются), тотъ беретъ свою карту и карту противника и подкладываетъ подъ низъ своихъ картъ. Игра продолжается до тѣхъ поръ, пока у одного изъ игроковъ не выйдутъ всѣ карты; такой какъ-бы пропилъ свое добро и ему за то присвояется названіе «пъяниця».

б) *Свиня.*

Сдающій тасуетъ колоду и, перевернувши вверхъ крапомъ, разбрасываетъ карты по столу. Потомъ беретъ одну карту и, расчистивши мѣсто на столѣ, переворачиваетъ ее.

Слѣдующій игрокъ беретъ изъ кучи карту на угадъ; если она не той масти, какой открытая карта, онъ беретъ слѣдующую и т. д., пока не найдетъ карту искомой масти; когда карта найдена, онъ кладетъ ее на открытую первымъ игрокомъ карту и еще отъ себя сверху кладетъ другую, «навалюе».

Слѣдующій игрокъ (если играютъ втроемъ) ищетъ такимъ-же способомъ карту масти положенной вторымъ игрокомъ и т. д., пока есть перевернутыя карты на столѣ; когда-же они разобраны, то не имѣющій той масти на рукахъ, какой карта лежитъ поверхъ кучи, снимаетъ эту карту, слѣдующій-же за нимъ кладетъ карты, какъ сказано выше, или снова снимаетъ карту, если этой масти карты у него нѣтъ: у кого на рукахъ нѣтъ уже картъ, тотъ вышелъ. Проигрываетъ тотъ, у кого въ концѣ игры оказались карты и онъ по этому «свиня».

в) *Видьма.*

Общеизвѣстный, такъ называемый «фофанъ» (l'homme noir). Предварительно выбрасываютъ изъ картъ даму трефъ, бубенъ и червей и оставляютъ даму пикъ, которая и называется вѣдьмой.

Играютъ вдвоемъ, втроемъ и больше. Такъ какъ игра состоитъ въ сбрасываніи картъ по парамъ, то проигрываетъ тотъ, у кого останется дама пикъ, какъ безпарная.

г) *Визъ.*

Такъ называемые «свои козыри». Очень распространенная въ народѣ игра. Процессъ ея общеизвѣстный, а названіе получила она очевидно отъ того, что проигравшимъ здѣсь считается тотъ, кому достается въ заключеніе вся куча картъ, напоминающая собою нагруженный возъ.

д) *Дурень.*

Общеизвѣстный «дурачекъ».

е) *Невирный дурень.*

Отличается отъ простого тѣмъ, что кроютъ картами, перевернутыми вверхъ крапомъ и ходившій долженъ отгадать, убиты карты или нѣтъ, говоря: «вирю» или «не вирю». Если карты оказались битыми и ходившій сказалъ: «вирю», то карты отбрасываются; если-же онъ въ этомъ случаѣ сказалъ: «не вирю», то и тѣ карты, которыя онъ ходилъ и тѣ, которыми они бились, вручаются ему. На оборотъ: если карты не убиты и ходившій сказалъ: «не вирю», то бившій забираетъ себѣ и тѣ и другія карты. У кого въ концѣ игры останутся карты, тотъ и есть «дурень невирный».

ж) *Хвалька.*

Называется такъ отъ слова хвалиться мастью, или назначать козыри. По старшинству козыри идутъ въ такомъ порядкѣ: козырная шестерка—«змійка», валетъ трефъ—«стара», валетъ пикъ—«винова», валетъ червей—«чирвова», валетъ бубенъ—«янковскій» или «водовозъ», тузъ козырей, король козырей и т. д.

Играютъ вчетверемъ. Партнеры сидятъ другъ противъ друга, сдаютъ каждому по девяти картъ, сразу по три карты. Козыри назначаетъ игрокъ сидящій съ лѣвой стороны сдающаго.

Въ этой игрѣ стараются взять возможно больше взятокъ, но только не всѣ. Хвалившійся ходитъ первымъ, а остальные сбрасываютъ по картѣ. Четыре карты образуютъ взятку. Взявшій взятку

снова ходитъ. Игра считается съигранною ни въ чью, если хвалившійся и его партнеръ возьмутъ пять взятокъ, а ихъ противники четыре, и выигранною, если случается наоборотъ. Взятыя три взятки называются «тринчикъ», двѣ—«саквы»; взятіе одной только взятки хвалившимся и его партнеромъ равносильно большому шлему; а если они не возьмутъ ни одной взятки, то игра ихъ «суха»; противники считаются въ семъ случаѣ совершенно посрамленными.

«Хвалька» самая любимая и распространенная игра между крестьянскою молодежью.

з) *Цыганъ.*

Это сатира на крестьянское начальство, въ связи съ злобой дня деревенской жизни—конокрадствомъ. Нѣкоторыя карты въ этой игрѣ имѣютъ свои особыя названія; такъ тузъ трефъ называется «голова», король трефъ—«старшина», трефъ дама (вышникъ жировый)—«писарь», трефъ валетъ (нижникъ жировый)—«цыганъ», десятка трефъ—«десятникъ», а шестерка трефъ—«кобыла».

Играютъ впятеремъ; каждый получаетъ по 7-ми картъ, а последняя означаетъ козырь. Послѣ сдачи тѣ изъ играющихъ, у которыхъ окажутся карты съ исчисленными сейчасъ названіями, выкладываютъ ихъ на столъ, за исключеніемъ «кобылы». У кого на рукахъ «цыганъ», тотъ взявши въ руки джгутъ и идя съ какой либо карты къ тому, у кого въ картахъ «десятникъ», приговариваетъ: «десятникъ, кобыла вкрадена!» Тотъ отвѣчаетъ ему: «я твоій кобыли не пастухъ, иди до старшины». Имѣющій въ рукахъ карту съ названіемъ «старшины» на подобное же заявленіе «цыгана», ударивъ его джгутомъ, говоритъ: «я твоій кобыли не пастухъ, иди до головы». «Голова» отсылаетъ его къ «писарю», а «писарь» опять направляетъ его къ «десятнику», приговаривая:

Пишу билетъ.
На симъ лѣтъ,
На очерета,
На болота.
Бижы до десятника у повитку.
Тамъ вона привъязана,

Бери старосту, понятихъ,
И иди кобылу забери.

Тогда «цыганъ», ударяя джгутомъ «десятника» по плечу, говоритъ: «у тебе кобыла!» Если у десятника «кобылы» нѣтъ, то онъ, открывая всѣ свои карты, говоритъ: «дивиться, люде добри!

„Я чоловикъ не опороченъ
У своему обществи".

Тогда всѣ четверо играющихъ, вырвавъ у «цыгана» изъ рукъ джгутъ, всѣ поочередно бьютъ его по плечамъ за взведенную на «десятника» напраслину, т. е. за то, что «цыганъ» не отгадалъ, у кого въ картахъ «десятникъ». Если-жъ онъ отгадаетъ, то въ свою очередь бьетъ три раза того, у кого окажется карта «кобыла», а прочіе бьютъ этого послѣдняго по два раза.

и) *Сыжъ.*

Напоминаетъ игру въ носки и почти тождественъ съ нею. Карты сдаются всѣмъ играющимъ поровну. Ходитъ игрокъ, сидящій съ лѣвой стороны сдающаго. Слѣдующій кладетъ старшую карту той-же масти, а сверху кладетъ другую, которую слѣдующій долженъ крыть, или принять, если нечѣмъ покрыть. Такъ играютъ до тѣхъ поръ, пока у кого нибудь изъ играющихъ не останутся карты на рукахъ. Проигравшій такимъ образомъ кладетъ одну изъ оставшихся у него картъ на столъ вверхъ крапомъ и, обращаясь по очереди къ остальнымъ играющимъ, предлагаетъ отгадать, какая положена имъ карта. Спрошенный старается отгадать, но выражаетъ отвѣтъ не словами, а числомъ ударовъ, какое присвоено той картѣ, которую онъ хочетъ назвать, и какъ тузъ каждой масти выражается 30-ю ударами, король 20-ю, «вышникъ» (дама) 15-ю, «нижникъ» (валетъ) 10-ю, а остальныя карты сообразно числу очекъ, то, намѣтивъ въ отгадъ ту или другую карту, онъ бьетъ спрашивающаго столько разъ, сколько слѣдуетъ по той картѣ. Бьютъ обыкновенно по носу или рукѣ тремя или болѣе вмѣстѣ сложенными картами. Спросившій считаетъ число ударовъ каждаго и запоминаетъ оное; а когда всѣ играющіе отвѣтятъ на его вопросъ, онъ переворачиваетъ карту и тѣмъ, которые ошиблись,

даетъ сдачи такимъ числомъ ударовъ, на какое они ошиблись. Кто отгадалъ, того не бьетъ.

При видимой грубости игра не лишена внутренняго смысла: пріучаетъ къ внимательности, запоминанію того, что слѣдуетъ помнить, точности въ разсчетѣ и пр.

і) *Хвылъ.*

Играютъ впятеремъ. Сдаютъ каждому по семи картъ. Послѣ сдачи по пяти картъ открываютъ козырь. Дама козырная называется «хвыль».

Играютъ такъ: у кого на рукахъ «хвыль», тотъ беретъ «хлюстъ» и бьетъ по разу трехъ изъ участниковъ игры, а четвертаго не бьетъ. Четвертаго онъ оставляетъ подручнымъ.

Послѣ того какъ «хвыль» ударилъ, онъ беретъ карты подручнаго, выбираетъ изъ его картъ козыри и, присоединивши къ своимъ, оставляетъ на рукахъ четыре старшихъ козыря (хвыль старше туза), если же четырехъ козырей нѣтъ, то дополняетъ до четырехъ простой мастью; тоже дѣлаютъ и остальные три игрока. т. е. соединивши свои карты, выбираютъ козыри до четырехъ; остальныя карты отбрасываютъ. Когда карты выбраны, имѣющій «хвыля» ходитъ съ него, говоря: «Дай до хвыля!» «Дай до туза!» «Дай до масти»! вообще до той карты, съ которой ходитъ. Если «хвыль» взялъ три взятки, а противники одну, то «хвыль» еще бьетъ своихъ противниковъ по три раза; если же «хвыль» взялъ одну, а противники три взятки, то они бьютъ каждый по два раза «хвыля» и «подручного».

к) *Шистъ.*

Играютъ вдвоемъ, троемъ или четыремъ. Каждому изъ играющихъ даютъ по три карты, послѣ чего каждый мысленно назначаетъ себѣ масть, которой ему слѣдуетъ держаться въ игрѣ. Забота всякаго играющаго—скопить въ рукѣ одномастныя карты: по этому карты другихъ мастей онъ старается спустить другимъ участникамъ игры. Тотъ, кому слѣдуетъ ходить послѣ сдачи, передаетъ сидящему съ лѣвой стороны карту лишней для него масти, произнося при этомъ «шистъ», а тотъ въ свою очередь даетъ ему карту ненужной для него масти, и т. д. Взаимный обмѣнъ картъ идетъ до

тѣхъ поръ, пока у кого нибудь не окажутся всѣ три карты одной масти и не останется одинъ, у котораго на рукахъ карты разныхъ мастей.

Вышедшій первымъ преподноситъ тогда проигравшему колоду и со словами: «а ну хлопче!» начинаетъ ею фыркать, т. е. взявши колоду въ лѣвую руку, приподымаетъ одинъ ея край правой рукой и, выпуская осторожно карты, заставляетъ ихъ падать одна за другой. Проигравшій старается попасть пальцемъ между падающими картами такъ, чтобы поверхъ пальца было возможно меньше картъ. Когда это сдѣлано, фыркавшій беретъ часть колоды, отдѣленную проигравшимъ и, подымая по очереди карты, торжественно произноситъ: *Тузъ!—Въ лобъ угрузъ*! при чемъ ударяетъ проигравшаго рукой по лбу.

Начатая экзекуція продолжается. Выигравшій восклицаетъ: *Круль*! запускаетъ руку въ шевелюру проигравшаго и, приговаривая:

Иде круль, панъ сгрогій,
Звертай зъ дороги,
Бо иде панъ безногій,

вертитъ его головой то въ ту, то въ другую сторону.

Произнося затѣмъ речитативомъ слѣдующія присказки:

Краля! По щоци вдрала!
Нижникъ! Нижче!
Десятка! У лобь пъятка!
Девятка! Тожъ пъятка!
Висьмака! По потылыци типака!
Симка! Симереньке, голузеньке, гала, гала, дуцъ!

выигравшій то ударяетъ проигравшаго по лицу, то даетъ пинка въ бокъ, то щелкнетъ пальцемъ въ лобъ, то шлепнетъ по затылку, то, дернувъ за чубъ, щелкнетъ снова всей пятерней по головѣ.

При словѣ: *Шистка!* держа за волосы проигравшаго, выигравшій съ развалкой говоритъ:

Ихавъ шистъ
Черезъ мистъ,
Кобыла загрузла,
Винъ за хвистъ:
Тяги, тяги,
Нема дуги.
Де дуга?
У лиси.
А хамутъ?
У стриси.
Ску—угу
Пи—пи!

И во все это время то качаетъ его голову съ боку на бокъ, то опускаетъ внизъ или подымаетъ вверхъ, сообразно пониженію или повышенію тона, а при словахъ: *ску—угу*, *пи—пи!* изо всей мочи протягиваетъ рукой по волосамъ отъ шеи до макушки.

Вообще эта игра, весь интересъ которой зиждется на волосной расправѣ, рѣдко кончается мирно и въ концѣ концовъ игроки расходятся «съ украшеніями въ видѣ риторическаго тропа: или одинъ глазъ уходитъ подъ самый лобъ, или, вмѣсто губы, цѣлый пузырь, или какая-нибудь другая примѣта...», что и не удивительно, когда терпѣніе подвергается такому искусу, а въ этомъ повидимому и весь смыслъ игры.

л) *Хлюстъ* [1]).

Играютъ вчетверемъ, два противъ двухъ. Сдаютъ по пяти картъ и открываютъ козыря. Сидящій съ лѣвой стороны сдающаго ходитъ. Каждый бросаетъ по картѣ той же масти; если той масти нѣтъ, то кроетъ козыремъ. Четыре карты составляютъ взятку. Кто взялъ взятку, тотъ ходитъ. Какая пара взяла больше взятокъ, та выиграла и отсчитываетъ проигравшей *хлюстомъ* количество ударовъ, равное разности между взятками обѣихъ паръ.

м) *Нисъ*.

Число играющихъ не ограничено. Сдаютъ по три карты. Слѣдующій за сдающимъ игрокъ слѣва, обращаясь къ третьему, говоритъ: «иду пидъ тебе носа». Если у того игрока карта хорошая, то онъ говоритъ: «мырю», и идетъ подъ слѣдующаго то количество «носовъ», какое ему заблагоразсудится; если же карты у него плохія, то онъ бросаетъ карты и говоритъ: «не мырю». Такъ идетъ въ круговую до тѣхъ поръ, пока кто нибудь изъ играющихъ не спроситъ у своего сосѣда слѣва (если была его очередь идти «носа»): «у тебе хлюстъ»?. Если тотъ скажетъ: *ни*, то играетъ спросившій; если же у кого нибудь изъ остальныхъ игроковъ на рукахъ хлюстъ, то онъ открываетъ карты и говоритъ: «хлюстъ у

---

[1]) Хлюстомъ называется, если у кого нибудь изъ играющихъ окажется три карты одной масти или три козыря, или три хвальки, или три туза, или двѣ карты одной масти хвалька. Старшинство хлюста опредѣляютъ тѣ фигуры, изъ которыхъ онъ образовался.

мене». Если ни у кого старшаго хлюста нѣтъ, то открывшій первымъ хлюстъ выигралъ и бьетъ всѣхъ по носу столько разъ, сколько кто носовъ «замиривъ». Послѣ десяти ударовъ колодой картъ по носу позволяется дать *понюхать*, т. е. сложенными желобкомъ картами тычутъ подъ носъ. Послѣ нѣсколькихъ пулекъ этого преферанса, носы игроковъ замѣтно разрумяниваются и пылаютъ.

н) *Скубки.*

Таже игра, что и «носъ»; но проигравшихъ «скубутъ», т. е. дергаютъ за волосы.

о) *Джгутъ.*

Таже игра, что и предъидущая; но проигравшихъ бьютъ джгутомъ по ладонямъ.

п) *Манахвейка.*

Играютъ на деньги. Ставятъ по ровну. Сдаютъ по три карты и «свитять» козыря.

Одинъ изъ игроковъ ходитъ, слѣдующій слѣва бьетъ и наваливаетъ. Кто убилъ послѣднимъ, тотъ забираетъ ставку. Если убилъ предпослѣдній и навалилъ большимъ козыремъ, а козырь послѣдняго млаже, то и выигрываетъ предпослѣдній, какъ убившій послѣднимъ.

р) *Лава.*

Играютъ въ шестеремъ, «лава» противъ «лавы» (партія). Сдаютъ по шести картъ каждому. Передъ каждымъ играющимъ переворачиваютъ по картѣ; у кого старшая фигура, тотъ будетъ сдавать. Кому сдавать, тотъ снимаетъ колоду и открывшаяся карта—козырь. Играютъ три противъ трехъ. Каждый играетъ отдѣльно со своимъ vis-â-vis. Ходятъ и бьютъ. Чья «лава» взяла больше взятокъ, та и выиграла.

Существуетъ еще денежная игра «три листа», извѣстный трилистикъ, и «зъ пидходомъ», видоизмѣненіе игры въ «носа».

III. Палки и кости.

а) *Даровище.*

Игра чисто дѣтская. Играютъ вдвоемъ. Играющіе садятся съ палками по «жабъячи» (какъ лягушки) одинъ противъ другого и стараются каждый своей палкой попасть по палкѣ противника. Кто попалъ, тотъ кричитъ: «дарую коня! дарую вола» и т. д.

б) *Швайка.*

Играютъ или каждый за себя, или партія на партію. За невозможностію играть желѣзной свайкой, берутъ деревянную въ аршинъ длиной, палку, одинъ конецъ которой заостренъ.

Игра состоитъ въ томъ, чтобы брошенная изъ рукъ «швайка» воткнулась въ землю. Кому удастся разъ воткнуть свайку въ землю, тотъ бросаетъ ее другой и третій разъ—до тѣхъ поръ, пока свайка не упадетъ бокомъ на землю; тогда она передается слѣдующему и т. д. Каждый игрокъ ведетъ счетъ удачнымъ ударамъ и кто первый дойдетъ до условленнаго заранѣе числа, тотъ выигрываетъ, оставшійся же послѣднимъ съ недобитымъ числомъ, проигрываетъ и возитъ перваго на спинѣ.

в) *Швайка съ цуркою.*

Кладется плашмя на землю «цурка», т. е. круглая палочка длиной вершка въ два, съ тупыми концами. Играющіе по очереди бросаютъ свайку съ такимъ разсчетомъ, чтобы она воткнулась въ землю рядомъ съ «цуркой», которая замѣняетъ собою кольцо; число обязательныхъ удачныхъ ударовъ условливается заранѣе. Интересъ игры въ вѣрности прицѣла и ловкости удара. Это тоже, что стрѣльба въ цѣль. Разстояніе точки, гдѣ воткнулась свайка, отъ «цурки» не должно превышать длины свайки, что каждый разъ и повѣряется на дѣлѣ. Когда свайка не воткнулась въ землю рядомъ съ «цуркой», или упала на бокъ, тогда бросаетъ ее тѣмъ же порядкомъ другой, третій и т. д. до тѣхъ поръ, пока кто-либо изъ играющихъ раньше всѣхъ не достигнетъ условленнаго количества удачныхъ ударовъ. Такой считается выигравшимъ, а кто этого не выполнитъ, тотъ возитъ его и другихъ на спинѣ.

г) *Цурка* [1]).

Приступающіе къ игрѣ раздѣляются на двѣ партіи: партію города и поля, что опредѣляется обычнымъ вымѣриваніемъ на палкѣ. Каждый изъ играющихъ держитъ въ рукахъ палку аршина въ полтора. Въ городѣ выкапываютъ маленькую (въ четверть), узкую ямку и на ея конецъ, обращенный къ полю, въ поперекъ кладутъ «цурку». или палочку, заостренную съ обоихъ концовъ.

Игра состоитъ въ слѣдующемъ: одинъ изъ играющихъ подходитъ къ ямкѣ и, оборотившись лицомъ въ поле, становится такимъ образомъ, чтобы ямка пришлась между его разставленными ногами. Ставши такимъ образомъ, онъ подкладываетъ одинъ конецъ имѣющейся у него въ рукахъ палки подъ цурку и выбрасываетъ ее въ поле. Если поляне поймаютъ цурку руками, то партія города проигрываетъ и уходитъ въ поле; если же поляне только «заидятъ цурку», т. е. одинъ изъ нихъ во время полета ударитъ ее палкой, то выбрасывавшій цурку лишается права на продолженіе игры въ эту очередь и ждетъ, пока снова прійдетъ его очередь. Если же цурка благополучно пролетѣла въ поле и тамъ упала, то одинъ изъ полянъ беретъ ее и бросаетъ въ городъ, стараясь попасть въ большую палку, которую выбрасывавшій кладетъ поперекъ ямки. Если полянинъ попадетъ въ палку, то выбрасывавшій тоже лишается права на игру въ эту очередь; если же цурка пролетѣла мимо, не задѣвъ палку, то выбрасывавшій беретъ цурку и кладетъ въ ямку города такъ, чтобы одинъ конецъ ея торчалъ въ воздухѣ и, ставши съ лѣвой стороны ямки, бьетъ палкой по торчащему ея концу. Когда цурка вылетитъ изъ ямки, стоящій у ямки старается попасть по ней палкой и если попадетъ, то идетъ на то мѣсто, гдѣ она упала и снова бьетъ по ней, до трехъ разъ, считая при этомъ, на сколько шаговъ отбилъ цурку отъ города.

Промахъ считается за ударъ. Если кто промахнется всѣ три раза, то лишается права на игру въ эту очередь; если жъ попадетъ, то снова выбрасываетъ, потомъ бьетъ и т. д. Одного смѣняетъ другой и такъ до тѣхъ поръ, пока партія не уйдетъ въ поле.

Чья партія раньше добьетъ до условленнаго заранѣе числа шаговъ, та выиграла. Побѣжденная партія должна провозить на

---

[1]) Терещенко, Бытъ рус. нар., т. 4, стр. 66.

своихъ спинахъ партію побѣдившую, отъ города до выброшенной цурки.

д) *Булка или Бурда.*

Таже игра, что и одноименная съ ней игра въ мячъ; играютъ только «булкой»—деревяннымъ шаромъ.

е) *Школубъ или генъ-генъ.*

Каждый играетъ за себя. Играютъ ножемъ—«колодачемъ». Игра состоитъ въ бросаніи ножа такъ, чтобы онъ воткнулся въ землю. Ножъ при бросаніи берутъ не за ручку, а за лезвіе; бросаютъ съ кулака, съ ладони и головы. Играющіе должны пройдти всѣ условія. Если ножъ не воткнется въ землю, то бросавшій передаетъ его слѣдующему, а когда прійдетъ его очередь, продолжаетъ игру съ того условія, на какомъ остановился. Игра продолжается до тѣхъ поръ, пока останется только одинъ не выполнившій условій; тогда окончившій первымъ беретъ одной рукой *колодачъ*, а другой не окончившаго игрока за волосы и, разставивъ ноги и нагибаясь къ землѣ, говоритъ:

Гена, гена не боюся,
Скильки хочу й наскубуся.
Генъ, генъ!

и съ послѣдними словами бросаетъ колодачъ между ногъ назадъ. Проигравшій долженъ бѣжать за колодачемъ и повторять безъ перерыва: «школубъ, школубъ»... Если онъ этого не выполнитъ, то снова повторяется таже исторія; если же принесетъ колодачъ, говоря безъ перерыва «школубъ», то игра возобновляется снова.

ж) *Тыкало.*

Игра ведется компаніей хлопцевъ и дивчатъ и разсчитана на застѣнчивость послѣднихъ. Играющіе садятся по турецки въ кружокъ. Двое изъ хлопцевъ садятся внутри кружка; одинъ изъ нихъ называется «тыкало», другой «сирай». «Тыкало» беретъ маленькую палочку въ вершокъ длины и, спрятавъ ее въ руку, тычетъ всѣмъ играющимъ подъ сидѣнье. Подъ однимъ изъ нихъ онъ непримѣтно оставляетъ наконецъ палочку—«тыкало».

Когда тыканье окончилось, «сирай» говоритъ:

Сираю, сираю,
По полю ганяю.
Дай, Боже, вгадати,
У Ѳеклы (напр.) узяти.

и съ послѣдними словами ищетъ «тыкало» начиная съ Ѳеклы.

У кого онъ найдетъ тыкало, тотъ садится *сирать*, а онъ *тыкать* и игра возобновляется по старому. Если же «сирай» до трехъ разъ «тыкала» не найдетъ, то одинъ изъ играющихъ отводитъ его въ сторону и шопотомъ спрашиваетъ: «кого ты любишъ»? Онъ говоритъ напр.: «Олену». Тогда его подводитъ «тыкало» къ кругу и всѣ въ кружкѣ отгадываютъ, кого онъ любитъ; кто отгадалъ, садится вмѣсто него *сирать* и т. д.

з) *Голый у голого.*

Каждый играющій имѣетъ «кіёкъ»—палку. Всѣ бросаютъ свои «кійки» по одному направленію. Чья палка останется позади другихъ, тотъ «голый» и долженъ подбрасывать свою палку вверхъ, а всѣ остальные попадаютъ въ нее.

Если попадутъ, «голый» снова долженъ бросать и такъ до тѣхъ поръ, пока, бросая въ его палку, не промахнутся; тогда игра начинается снова.

і) *Шапучка.*

Всѣ играющіе становятся врядъ и взявши свои палки за одинъ конецъ, бросаютъ ихъ о землю другимъ, такъ, чтобы палка «пошкопыртала», т. е. пошла колесомъ. Чья палка окажется сзади, тотъ съ сокрушеннымъ сердцемъ снимаетъ свою шапку и бросаетъ ее вверхъ, а остальные попадаютъ въ шапку «кійками»; если попали, шапка бросается снова и такъ до полнаго уничтоженія шапки. Если не попали, что случается рѣдко, то игра возобновляется. Эта веселая игра очень часто кончается слезами, такъ какъ большею частью лицемъ страдательнымъ является какой нибудь подростокъ въ батьковской шапкѣ, для котораго финалъ игры наступитъ дома, когда разгнѣванный родитель увидитъ уныло возвращающееся съ пастовня чадо въ какомъ то подобіи сорочьяго гнѣзда и когда властная рука отца прямо черезъ шапку опустится на чубъ любителя сильныхъ ощущеній.

и) *Шалахва.*

Играющіе сначала «вишкопыртуються», т. е. бросаютъ такъ свои палки, чтобы они пошли колесомъ. Чья «шкопыртка» впереди, тотъ беретъ у всѣхъ шапки и, отнеся ихъ на нѣкоторое разстояніе, кладетъ на землю, положивши предварительно подъ нихъ камни, кизяки и проч.

Положивши шапки, онъ кричитъ: «шалахва!»

Остальные играющіе бросаются съ крикомъ «шалахва» и топчутъ шапки колѣнями.

Это собственно игра—шутка и поигравшій разъ въ «шалахву» другой разъ уже не хочетъ.

к) *Шкареберть.*

Играющіе берутъ палки за одинъ конецъ и, бросивши другимъ въ землю, смотрятъ, сколько разъ палка, идя колесомъ, ударилась о землю концами. Чья больше, тотъ выигралъ.

л) *Шкандыбки.*

Играющіе становятся на колѣни врядъ и «вышкандыбуются», т. е. взявъ палку за одинъ конецъ между пальцевъ, какъ перо, бросаютъ ее нижнимъ концемъ о землю такъ, чтобы палка пошла колесомъ, или «зашкандыбала». Чья палка осталась сзади, тотъ выходитъ какъ бы въ поле «пасты» и стеречь скотину, что производитъ такимъ образомъ: беретъ свою палку и, отмѣривши отъ колѣнъ сидящихъ двѣ ея длины, проводитъ параллельно ихъ черту по землѣ, что называется «плазъ». На «плазъ» онъ кладетъ свою палку. Сидящіе должны, «шкандыбая» своими палками, попасть по палкѣ, лежащей на «плазу». Кто не попалъ или попалъ послѣднимъ, тотъ идетъ за пастуха, а прежній пастухъ идетъ на его мѣсто и садится врядъ съ остальными игроками.

Если всѣ играющіе попали затѣмъ въ палку «на плазу», то палка переносится дальше въ поле и кладется у конца найболѣе перескочившей палки и игра продолжается до тѣхъ поръ, пока не загонятъ палку «плаза» такъ далеко, что уже никто попасть не можетъ. Тогда пасущій беретъ палки и, садясь на первый «плазъ», попадаетъ «шкандыбая» въ палку послѣдняго плаза. Чьей палкой попадетъ, тотъ будетъ пасть и игра начинается снова.

м) *Шуль.*

Играющіе становятся врядъ, вымѣрявшись предварительно на палкѣ. Чья рука оказалась сверху на концѣ палки, тотъ бросаетъ свою палку впередъ шаговъ на пять, а остальные «шулятъ» подъ нее, т. е. бросаютъ свои палки такъ, чтобы одинъ ихъ конецъ подсовывался подъ брошенную палку. Бросая свои палки, кричатъ: «цуръ на товщій!» или «цуръ на тоньшій кинець»! Кто отгадалъ, тотъ имѣетъ право «шулить» столько разъ, сколько рукъ въ томъ концѣ, который онъ цуралъ. Кто не «зашулить», тотъ идетъ въ поле вмѣсто бросавшаго свою палку для подшуливанья, а не подшулившій идетъ вмѣсто него въ поле.

н) *Скракли* [1]).

Игра въ скракли сходна съ игрой въ кегли. Играющихъ можетъ быть двѣ, три и больше паръ. Раздѣляясь на двѣ равныя партіи, устраиваютъ въ разстояніи шаговъ двадцати другъ отъ друга два города отъ $1^1/_2$ до 2-хъ аршинъ въ квадратѣ, очерчивая палкой мѣсто на землѣ. Тогда каждая партія въ чертѣ своего города укладываетъ на землѣ скракли, или круглыя продолговатыя (не свыше $^1/_2$ аршина) палочки такимъ образомъ: одна кладется по фронту города, двѣ другія на край первой, четвертая ставится внутрь стоймя, пятая кладется на концы 2-й и 3-й и поддерживается четвертой.

Играющіе, стоя у своего города, по очереди бросаютъ палки въ городъ противника, стараясь выбить оттуда его скракли. Иногда одинъ ловкій и сильный ударъ выбиваетъ изъ города всѣ пять скраклей, но это случается очень рѣдко; когда же скракли только разбиты и лежатъ плашмя, выбивать ихъ трудно и игра затягивается. Случается, что выбитый скраколь ляжетъ на чертѣ города; тогда его ставятъ тамъ же на чертѣ стоймя и онъ, по одиночеству своему, называется «чернець». Такого чернеца своевать уже не трудно. Вѣрность прицѣла, твердость руки рѣшаютъ побѣду. Партія

---

[1]) Терещенко, Бытъ русск. нар. т. 4 стр. 64. Чубинскій, т. III. стр. 97.

раньше выбившая скракли изъ противнаго города считается выигравшею; проигравшіе должны везти побѣдителей на собственныхъ спинахъ три раза отъ города до города.

Это очень интересная и любимая взрослыми игра. Въ «Віѣ» Гоголь упоминаетъ объ ней: «За часъ до ужина вся почти дворня собиралась играть въ кашу или (с)краг(к)ли, родъ кеглей, гдѣ, вмѣсто шаровъ, употребляются длинныя палки, и выигравшій имѣетъ право проѣзжаться на другомъ верхомъ» и т. д.

о) *Палочки, короли.*

Это малорусскія бирюльки. Нарѣзываютъ изъ лозы 36 палочекъ одинаковой длины (2—3 вершка), но не одинаковой толщины; изъ нихъ на 4 болѣе толстыхъ срѣзывается кожа по краямъ и въ серединѣ, а на 8-ми средней толщины лишь по краямъ, остальныя 24 вовсе не нарѣзываются и считаются рядовыми, тогда какъ первые называются королями, а вторые валетами или десятниками. Играютъ вдвоемъ. Начинающій беретъ въ руку всѣ палочки и сжавъ ихъ крѣпко, быстро выпускаетъ на столъ, отъ чего они, падая, ложатся одна на другую, образуя кучку. Задача игры въ томъ, чтобы вытаскивать палочки изъ кучи заостреннымъ и загнутымъ перомъ, но такъ, чтобы ни одна изъ сосѣднихъ не шевельнулась, въ противномъ случаѣ перо передается въ руки другаго. У кого въ концѣ игры оказалось больше очокъ, тотъ выигралъ. Нѣкоторые игроки пріобрѣтаютъ удивительную ловкость въ этой игрѣ.

п) *Пацы.*

«Пацы»—тѣ же великорусскія бабки. Игра ведется на косточкахъ свиныхъ ногъ и процессъ игры весь тотъ же, только названіе косточекъ мѣстное, отъ слова *паця*, употребляемаго для названія маленькихъ поросятъ.

IV. Игры «Зборная дружина».

а) *Коромысло.*

Двое дѣтей, ставши одинъ къ другому спиной, переплетаются руками и начинаютъ нагибаться, отчего ноги то одного, то другого болтаются въ воздухѣ.

б) *Рипка.*

Двое дѣтей, оборотившись лицомъ одинъ къ другому и поставивши ноги вмѣстѣ, берутся за руки, и, отклонившись корпусомъ на длину вытянутыхъ рукъ, начинаютъ быстро кружиться.

в) *Таранъ.*

Одинъ играющій становится «ракомъ», а два другіе, взявъ третьяго за руки и ноги и раскачавъ, бьютъ имъ стоящаго ракомъ; тотъ летитъ кубаремъ и т. д.

г) *Шуба.*

Нѣсколько мальчиковъ ловятъ по выбору одного и, растянувши его въ воздухѣ за руки и ноги, начинаютъ качать его и при этомъ пѣть:

Шубо жъ моя, шубо!
Треба тоби рукавчата пришить,
Треба тоби латку налатать... и т. д.

д) *Перевозить бабу.*

Играютъ у берега рѣки или пруда. Бросаютъ камешки такъ, чтобы они пошли по водѣ рикошетомъ. Сколько камень или черепокъ сдѣлалъ скачковъ, столько бросавшій «перевизъ бабъ».

е) *Пукалка.*

Изъ гусинаго пера отрѣзывается трубочка, трубочку эту втыкаютъ въ ломоть картофеля, отчего трубочка закупоривается.

Заостренной палочкой проталкиваютъ одну картофелину къ другому концу, воздухъ въ трубочкѣ сжимается и выталкиваетъ другую картофельную пробочку съ характернымъ звукомъ, отъ котораго и трубочка получила свое названіе.

Пукалки дѣлаютъ и изъ толстой бузины, но тогда стрѣляютъ изъ нихъ мокрыми пробками изъ клочковъ.

Мальчики, вооруженные пукалками, раздѣлившись на двѣ партіи, ведутъ войны.

ж) *Сикавка.*

Сикавки вырѣзываются также изъ бузины или изъ георгинъ

къ такой незамысловатой трубкѣ придѣлывается поршень и съ помощію его выбрасывается наружу налитая внутрь вода.

Партія дѣтей, вооруженная такими инструментами, обрызгиваетъ противную партію водой.

з) *Плести лозу.*

Дѣти становятся въ два ряда, лицомъ къ лицу. Всѣ пары vis-à-vis берутся за руки. Крайняя пара проходитъ подъ руками всѣхъ и становится съ противоположнаго конца, за ней идетъ слѣдующая, за ней слѣдующая и т. д. Это подражаніе выплетанію изъ лозы какой нибудь вещи.

и) *Довга лоза.*

Собравшіеся для игры мальчики, ставъ другъ отъ друга на разстояніи 2—3 шаговъ, ложатся вдоль улицы параллельно одинъ другому. Крайній подымается и бѣжитъ, перепрыгивая черезъ каждаго, и за крайнимъ ложится. За нимъ бѣжитъ другой, затѣмъ слѣдующій и т. д. Иные, играя въ «довгу лозу», не ложатся, а становятся, согнувшись въ пояснйцѣ. Такая игра называется еще «Скраколь»; но само собою разумѣется, что перепрыгивать чрезъ стоящаго, хотя и согнутаго, гораздо труднѣе.

і) *Сухій вовкъ.*

Нѣсколько мальчиковъ набрасываются на одного и, поваливши его на землю, пригибаютъ ему ноги къ головѣ; это называется «загинать сухого вовка».

к) *Мала куча.*

Когда соберется толпа молодежи, кто нибудь одинъ, крикнувши: «мала куча!» валитъ своего сосѣда на землю. Остальные подхватываютъ крикъ: «мала куча!» и со смѣхомъ валятъ одинъ другаго на перваго, пока не навалятъ кучи. Тогда самый здоровый наваливается поверхъ всѣхъ и своею тяжестію не даетъ кучѣ разползтись.

л) *Тисна баба, или давить олію.*

Это болѣе школьная забава и стостоитъ въ томъ, что сидящіе по краямъ скамьи школяры, перемигнувшись между собою, вдругъ съ обоихъ концовъ начинаютъ тѣснить товарищей къ срединѣ

скамьи, при чемъ каждый старается ногами упереться во что нибудь ноподвижное, какъ стѣна или сосѣдняя скамья. Застигнутые въ расплохъ товарищи сдавливаются до того, что невозможно ни встать, ни пошевельнутся, а иногда и дышать даже трудно.

м) *Куца баба, Ци-ци баба* [1]).

Это тоже, что жмурки. Одному изъ играющихъ завязываютъ глаза и онъ «куца баба». Куца баба должна поймать кого нибудь изъ играющихъ. Кого поймаетъ, тому завязываютъ глаза. Играютъ въ хатѣ.

н) *Квачъ.*

Играющіе становятся въ кружокъ и по очереди плюютъ въ сложенные кольцомъ пальцы. Кто плюнетъ удачно, тотъ показываетъ руки и говоритъ: «чисте, якъ золото», Кто плюнетъ себѣ на палецъ, тому всѣ кричатъ: «квачъ»! Онъ гоняется за всѣми играющими и кого ударить, тотъ «квачъ». «Квачъ» бываетъ «простый». «деревяный» и «зализный». Это значитъ, что убѣгающему отъ квача можно ухватится за желѣзо или дерево, и тогда «квачъ» не имѣетъ права ударить.

о) *Горилки.*

Общеизвѣстная игра въ горѣлки. Играетъ нечетное число дѣвочекъ. Одна становится впереди—«горитъ», а остальныя, взявшись за руки парами, располагаются за ней.

Стоящая впереди говоритъ:

Горю, горю ясно, щобъ не погасло!

Задняя пара, при послѣднихъ словахъ, разнимаетъ руки и бѣжитъ, стараясь соединиться впереди горящей. Горящая ловитъ; которую поймаетъ, та будетъ пара. Не имѣющая пары будетъ горѣть.

п) *Кони.*

Въ «кони» играютъ всевозможнымъ образомъ. Коней изображаютъ и палочки, и сами играющіе. Тутъ дѣти продѣлываютъ все, что дѣлаютъ взрослые съ настоящими лошадьми.

---

[1]) Терещенко, т. 4, стр. 30.

р) *Ковзалка, Репалка.*

Оба эти названія обозначаютъ въ сущности одну и туже игру. Ковзалка и репалка состоятъ одинаково въ катаньѣ по льду, не на конькахъ, конечно, а на собственныхъ сапогахъ, подбитыхъ гвоздями съ острыми головками и замѣняющихъ съ большимъ удобствомъ коньки. «Ковзаются» обыкновенно мальчики цѣлыми компаніями. Дѣлается это совершенно просто: на пруду или рѣчкѣ расчищаютъ на льду дорожку и скользятъ по ней съ разбѣгу ногами. На «репалку» собираются парубки и дивчата, берутся за руки и бѣгаютъ или скользятъ пáрами по свѣже-замерзшей рѣкѣ. Подъ тяжестью катающихся ледъ трескается или «репается», отсюда и названіе игры.

с) *Спускалка.*

Дѣтская забава, какъ и «ковзалка». Ребятишки катаются или спускаются съ горы на саночкахъ, дощечкахъ, лубкахъ и такъ называемыхъ «ковганкахъ», устраиваемыхъ изъ коровьяго «кизяка», облитаго съ одной стороны водой и замороженнаго.

т) *Крутилка.*

Въ прорубь опускаютъ колъ и, когда онъ обмерзнетъ, на него надѣваютъ старое колесо. Къ спицамъ колеса привязываютъ длинный шестъ, а къ концу онаго саночки. Отважные садятся въ саночки, а другіе вертятъ колесо, отчего саночки летаютъ вокругъ кола съ большой быстротой. Игра небезопасная; катающіеся опрокидываются и набиваютъ носы и лбы.

у) *Гуси* [1]).

Всѣ играющіе «гуси», а одинъ «вовкъ». Гуси изъ своей среды выбираютъ матку.

У гусей два города и они перебѣгаютъ изъ одного въ другой къ маткѣ.

---

[1]) Терещенко, „Бытъ русск. народа“, т. 4, стр. 15—18.

«Вовкъ» располагается между городами и ловитъ перебѣгающихъ гусей.

Матка и гуси стоятъ въ разныхъ городахъ. Матка переговаривается съ гусями:

— Гуси до дому! кричитъ она.

— Чого? спрашиваютъ гуси.

— Вовкъ за горою.

— Якій?

— Сирый, билый та волохатый, та тикайте швидче до хаты.

Гуси бѣгутъ, а волкъ ихъ ловитъ.

Когда всѣ гуси переловлены, матка идетъ къ волку и спрашиваетъ:

— Чи ты не бачивъ моихъ гусей?

— Ни, мычитъ волкъ.

Гуси окликаются, гергочуть.

— А то щожъ гергоче? спрашиваетъ матка.

— То дивчата ложки мыють, отвѣчаетъ волкъ.

Матка отходитъ и, возвратившись, снова спрашиваетъ волка: чи ты не бачивъ моихъ гусей? и т д., до тѣхъ поръ, пока матка услышитъ герготанье гусей. Тогда она окликаетъ вновь.

— Гуси, гуси, чи вы тутъ?

— Ге, ге, ге.... отвѣчаютъ гуси и бѣгутъ за маткой. Игра возобновляется по старому.

ф) *Воронъ* [1]).

Играющіе выбираютъ матку—ворона.

Дѣти, обыкновенно дѣвочки, берутся за талію одна другой, образуя сзади матки «ключъ».

«Ключъ» съ маткой во главѣ подходитъ къ ворону, который копаетъ ямку. Матка спрашиваетъ его.

— Вороне, вороне, що ты робишъ?

— Яму копаю.

— Для чого?

— Грошей шукаю.

---

[1]) Маркевичъ, Обычаи и пр., стр. 71; Чубинскій, т. III, стр. 73; Терещенко, т. IV, стр. 96.

— На що тоби гроши?
— Голку купить.
— На що тоби голка?
— Мишокъ пошить.
— На що тоби мишокъ?
— Соли купить.
— На що теби силь?
— Солить та золить.
— Що солить и золить?
— Очи.
— Кому очи?
— Дитямъ, щобъ вони морквы (капусты, гороху) не рвали, не топтали..

Съ послѣдними словам воронъ бросается на «ключъ», стараясь поймать послѣднюю, которая вмѣстѣ съ «ключемъ» прячется за матку. Когда весь «ключъ» переловленъ, игра начинается снова.

х) *Котики.*

Играющіе дѣлаютъ городъ и вырѣзываютъ по числу играющихъ, безъ одного, такое же количество кусочковъ дерну съ землей. Оставшемуся безъ «котика», кусочка дерна, всѣ котики складываютъ «у припилъ», его самаго ведутъ съ завязанными глазами въ кусты, гдѣ онъ складываетъ котики. Когда котики спрятаны, его подводятъ къ городу и рязвязываютъ глаза. Относившій котиковъ ищетъ ихъ и когда найдетъ, то забираетъ въ руки и, гоняясь за остальными играющими, бросаетъ въ нихъ котиками. Въ кого попадетъ, тотъ будетъ искать котика и игра возобновляется.

ц) *Сучка* [1]).

Къ вбитому въ землю колу привязываютъ поясъ. Одинъ играющій «сучка». Онъ беретъ одной рукой конецъ привязаннаго къ колу пояса, а въ другую руку джгутъ, сплетенный изъ полотенца. Всѣ играющіе кладутъ свои шапки по окружности около кола. Игра состоитъ въ томъ, чтобъ выхватить свою шапку, не подвергаясь удару джгута. Кого «сучка» ударить, тотъ становится на

[1]) Терещенко, т. 4, стр. 20.

мѣсто ея, а сучка идетъ въ поле. Игра продолжается до безконечности.

ч) *Кулачки.*

Объ этой дикой, несомнѣнно заимствованной, забавѣ взрослыхъ сохранились лишь воспоминанія. Героическія времена кулачекъ, когда десятками выносили избитыхъ до полусмерти, давно миновали и если еще гдѣ удержались кулачки, то это только тѣнь прежнихъ. По издавна установившейся традиціи, кулачки въ городахъ и мѣстечкахъ происходили всегда на Рождество Христово и между одними и тѣми-же кутками или частями города. Въ Переяславѣ кулачки происходили на рѣкѣ Альтѣ между «Заильтицею» и «Спасчиною», лежащими на двухъ противоположныхъ берегахъ прославленной гетманомъ Тарасомъ Трясиломъ рѣки. Къ «спасчанамъ» присоединялись «козы» (семинаристы), а «заальтяне» сплошь состояли изъ «чинбарей», или кожевниковъ, въ насмѣшку называемыхъ «котолупами».

Мнѣ разсказывали объ одномъ героѣ кулачекъ, козакѣ м. Песчаного, Балабанѣ. Кулачки происходили между «мистомъ» и «замистямъ» на «Чернечій гребли», такъ какъ ледъ на Супоѣ былъ тонокъ и ломался подъ ногами. Уже не знаю, къ какому кутку принадлежалъ Балабанъ, но только въ то время участія въ кулачкахъ не принималъ, а сидя подъ гостепріимнымъ кровомъ Берка, «кружлявъ горилочку», какъ то и подобаетъ солидному домохозяину. Въ это время противники однокутчанъ Балабана, располагая большими силами, налегли на нихъ и Ѳермопилы готовы были пасть. Бросились за Балабаномъ. Въ немъ проснулса герой. Онъ выскочилъ стремительно, надѣвая на ходу рукавицы.

Когда онъ приблизился, его однокутчанъ уже погнали.... Съ нечеловѣческимъ, дикимъ воплемъ ринулся Балабанъ на встрѣчу своимъ и чрезъ разступившуюся толпу обрушился, съ нѣсколькими повернувшими вслѣдъ за нимъ смѣльчаками, на противника; противникъ дрогнулъ и побѣжалъ. Но силы были не равны, не всѣ поддержали и Балабанъ съ горстью храбрецовъ долженъ былъ отступить. Не смотря на то, что сдерживалъ на себѣ всю тяжесть насѣдавшаго врага, онъ отступалъ медленно, шагъ за шагомъ, да-

вая сдачи насѣдавшимъ.... Была груда. Балабанъ оступился и упалъ, и хотя лежачаго не бьютъ,—ему порядочно помяли бока.

Но время кулачекъ миновало.....

Мнѣ едва-ли удалось записать и четвертую часть игръ, обращающихся въ названной мною мѣстности; но и записанное прибавитъ нѣсколько новыхъ штриховъ къ общей картинѣ малорусской деревенской жизни.

Изслѣдователи стараго строя народной жизни должны торопиться собираніемъ замѣтокъ и о такихъ ея бытовыхъ сторонахъ, какъ описанныя забавы и игры. Въ селахъ уже начинаетъ замѣчаться такое же отношеніе къ играмъ, какъ и къ обычаямъ, пѣснямъ и проч.

С. Н. Исаевичъ.

СЛѢДЫ ЧАСТНОЙ ПЕРЕПИСКИ ИМП. ПЕТРА I. СЪ САВВОЮ РАГУЗИНСКИМЪ.

Въ описи бумагъ графовъ Владиславичей-Рагузинскихъ, составленной въ 1750 г. подполковникомъ Зиновьевымъ и бунчуковымъ товарищемъ Иваномъ Туровскимъ, вслѣдствіе возникшей тяжбы между Ефимомъ и Моисеемъ графами Владиславичами о наслѣдованіи имѣнія, оставшагося послѣ смерти брата ихъ Гавріила, сохранились слѣды переписки, которую велъ императоръ Петръ I съ Саввою Владиславичемъ Рагузинскимъ. Переписка эта характеризуетъ отчасти дѣятельность обоихъ и ихъ взаимныя отношенія. Приводимъ свѣдѣнія о ней въ томъ видѣ, какъ передаетъ ихъ опись.

1. *1716 года сентября 8 дня.* Письмо изъ Копенгагена отъ государя блаженныя памяти Петра перваго съ подтвержденіемъ, чтобы достать въ Венеціи такого майстера, которой умѣетъ дѣлать якори, какіе употребляются на полугалерахъ и на протчихъ греческихъ судахъ, при которомъ письмѣ копія письма его величества приложена: о покупке мраморныхъ штатуевъ лучшаго майстерства 12-ти, въ ростъ цѣлого человѣка.

2. *1716 года, 24 сентября.* Письмо изъ Копенгагена до Сави Рагузинскаго съ подтвержденіемъ, дабы подрядъ сдѣлалъ зъ Италіи въ городъ Санкт-Пететбургъ тридцати штатуовъ, въ томъ числѣ поясныхъ десять, на которомъ подпись царицы Екатерины.

3. *1716 года, ноября 17 дня.* Письмо изъ Гавеляръ отъ государя блаженныя памяти Петра перваго до Сави Рагузинскаго, дабы на нѣкоторыя покупки денегъ сотъ шесть или семь ефимковъ агенту Беклемишеву, который живетъ въ Венеціи, видалъ, на которомъ подпись государева.

4. *1716 года, декабря 12 дня.* Письмо отъ государя блаженной памяти Петра перваго изъ Амстердама съ требованіемъ, дабы для украшенія церкви разныхъ цвѣтовъ въ какую цѣну бѣлаго и чернаго простова мрамору проведалъ цены и якъ поскорея отрепортовалъ.

Къ 1716 году относятся еще и письма къ Саввѣ Владиславичу Рагузинскому, писанныя извѣстнымъ секретаремъ Петра I Макаровымъ, какъ-то.

5. *1716 года, 17 іюля.* Письмо къ Саввѣ Рагузинскому отъ А. Макарова съ объявленіемъ, дабы по указу его величества въ Италіи купилъ раковинъ, которыми убираютъ гроти.

6. *29 іюля.* Въ вышеписанной силѣ, при которомъ (т. е. письмѣ) и обрисъ приложенъ.

7. *8 сентября.* Съ объявленіемъ, что войска россійскіе сюда перевезлись и что непрестанныя имѣетъ коммиссіи.

8. *18 сентября.* Съ объявленіемъ, что дѣла здѣшнія отмѣняются съ поздаго ради осенняго времени; десантъ въ Шони отлагаютъ до будущей весни, причиною въ томъ нихто другіе, токмо самъ государь датченъ, для того замешкали транспортные суда, и о протчемъ.

9. *14 декабря.* Съ объявленіемъ, что его царское величество изволилъ сюда въ Амстердамъ прійти сего мѣсяца въ 7 день благополучно. Къ празднику Рождества Христова ожидаетъ сюда и царицу государыню, и о прочихъ оказіяхъ.

10. *21 декабря.* Съ объявленіемъ, что, кто у его будетъ опредѣленъ для пріему у городи и отправленія въ Италію смоли и воску и какъ его увѣдомить о отпускѣ товаровъ, указы посланы.

11. *1717 года, февраля 1-го дня.* Отъ государя блаженной памяти Петра I изъ Амстердама до Сави Владиславича съ требованіемъ, дабы наготовили доволное число марморовыхъ, бѣлихъ и черныхъ, плитъ разныхъ мѣръ, фута по два и по полтора въ квадратѣ, которые употребляются въ домахъ на поли, и прислать въ Петербургъ, и съ объявленіемъ, что издержанные имъ на разныя потребности деньги 2,363 руб. велѣно кореспондентамъ ему Савѣ возвратно отдать, и о прочемъ.

12. *1717 года, февраля 6 дня.* Изъ Амстердама съ надписаніемъ «Мейн-геръ», съ объявленіемъ, что о дачѣ смоли на корабли

князю Меньшикову указъ посланъ, и съ предложеніемъ, дабы поискалъ деревъ 100 или болѣе лавровъ да крона, два фута высоты, или четверти двѣ было, какіе прислалъ бы въ Петербурхъ, и о протчемъ.

13. *1717 г., 15 февраля.* Изъ Амстердама съ надписаніемъ именнымъ, съ требованіемъ, дабы пропскавъ майстера, который идулы (идолы) дѣлаетъ, прислалъ бы, также и книгу бакачаялинову (Бокаччіо), ежели возможно, чтобы перевесть на словѣнскій языкъ, и о прочемъ.

14. *1717 г. февраля 15.* Изъ Амстердама съ надписомъ «меморія», съ требованіемъ, дабы при отправленіи корабля на томъ же караблѣ прислалъ дерева лавровые сто или больше, да крона, два фута высоти.

15. *1717 г., марта 19.* Отъ государыни къ надворному совѣтнику Савѣ Рагузинскому, съ требованіемъ, жебы какіе дамскіе уборы и протчее провѣдавъ что новое, хотя по одной штучкѣ для пробы прислалъ бы.

16. *1717 г., марта 24.* Изъ Ротердама отъ государя, на которомъ написано тѣмъ государемъ: «Какъ скорѣе возможно пріѣзди въ Парижъ для свиданія».

17. *1717 г., мая 28.* Изъ Парижа отъ государя, въ которомъ написано съ подтвержденіемъ, дабы переводъ сдѣлалъ въ Венецію къ агенту Беклемишеву на оплату долга его, и что онъ занялъ тамъ на пропитаніе гардемариновъ 2050 червоныхъ, точно будетъ заплочено кореспонденту.

18. *1717 г., іюня 9.* Изъ Парижа, въ которомъ государь пишетъ: Monsieur, съ объявленіемъ, дабы для оставленныхъ ради обученія языка Авраму Дочереву, при которомъ оставить кредиту кореспондента, который бы ему давалъ на ихъ содержаніе по 4 ефимка, какіе будутъ заплочены обратно въ Москвѣ или въ Петербурге.

19. *1717 г., августа 21.* Изъ Амстердама, въ которомъ написано: Monsieur, съ подтвержденіемъ, дабы къ отправленному въ Италію Юрію Кологриву для найму нѣсколько человѣковъ художниковъ и покупки нѣкоторыхъ вещей и когда онъ на тѣ покупки или наемъ людей будетъ требовать денегъ, то ему давать по его письмамъ, которые будутъ уплачены на Москвѣ.

20. *1717 г., сентября 13 дня.* Изъ Берлина отъ государя съ надписью: Monsieur, съ предложеніемъ, дабы отправленные товары на кораблѣ, ежели онѣ въ скорости не продадутся, о тѣхъ, учиня по совѣту съ агентомъ Беклемишевымъ, репортовать.

Въ дополненіе къ этимъ письмамъ Петра I, въ описи находятся слѣдующія письма Макарова, относящіяся къ 1717 году:

21. *1717 г., января 7.* Письмо къ Савѣ Владиславичу отъ Александра Макарова, съ прошеніемъ, дабы посланному въ Италію ради обученія иностраннаго языка Ивану Алексѣеву сто или двѣсти червоныхъ онъ, Сава Владиславичъ, выдалъ ради его необходимыхъ нуждъ, которые онъ, Макаровъ, имѣетъ уплатить его Владиславича кореспондентамъ.

22. *1717 г., февраля 11.* Съ прошеніемъ, дабы того листоподателя Самарина въ своей милости содержалъ бы и въ протчемъ его прошеніи спомоществованіе чинилъ, и при томъ письмѣ приложены два листа съ разныхъ его Макарова представленій.

23. *1717 г., марта 5.* Съ объявленіемъ, что якорныхъ дѣлъ майстеръ уже пріѣхалъ, и по его Савы Владиславича рекомендаціи помянутаго *(пробѣлъ)* на откупъ и сплѣку его фамиліи царское величество пожаловалъ четыре тысячи рублей.

24. *1717 г,, февраля 18.* Съ объявленіемъ, что о фрегате Армонте, что отсюда для нагрузки вашихъ товаровъ зайдетъ въ Ливорно, указъ посланъ къ г. послу князю Куракину, съ того для извѣстія при томъ письмѣ копію сообщаетъ.

25. *1717 г., марта 10.* Съ объявленіемъ, что юхта нынѣ уважена по случаю, но развѣ что нѣкоторая часть ей взята будетъ на его царское величество, и какъ то состоитца, и впредь увѣдомлять не оставитъ.

26. *1717 г., апрѣля 11.* Съ объявленіемъ, что о юхте е. в. извѣстенъ, однакожъ извѣстить о томъ обстоятельствѣ и отписать, коликое число будетъ со всей той юхти всѣхъ денегъ выручки и по чемъ за пудъ на харчи очистится, и о протчемъ.

27. *1717 г., мая 1.* Съ объявленіемъ, что писанное отъ него Владиславича къ Юрію Кологривому прошеніе не оставитъ, и о протчемъ.

28. *1717 г., мая 5.* Съ объявленіемъ, что его величество указалъ отправить изъ Венеціи въ Ливорно катеръ для забратія тамъ всѣхъ вещей, которые покупилъ онъ, Владиславичъ, и о протчемъ.

29. *1717 г., мая 9.* Съ объявленіемъ, что взятіе Юріемъ Кологривымъ на нѣкоторыя покупки 6,000 ефимковъ будутъ въ скорости кореспондентамъ Савы Владиславича отданы.

30. *1717 г., іюля 20.* Объ отдачѣ племяннику Савы Владиславича въ счетъ долга 4,000 рублей.

31. *1717 г. сентября 12*—съ объявленіемъ, что о юфтовыхъ деньгахъ указы будутъ присланы къ нему, Савѣ Владиславичу и Беклемишеву, и о расходахъ на разные государственныя потребности изъ оныхъ денегъ.

32. *1717 г. сентября 15.* Съ объявленіемъ, что о расходѣ денегъ юфтовыхъ уже указы посланы, за которые покупить посуды серебрянной гишпанской, которую покупя прислать въ Голандію къ послу князю Куракину, и о протчемъ.

23. *1717 г., окт. 3.* О ценѣ веревокъ, которые состоятъ въ адмиралтействѣ, со всею работою по 1$^1/_2$ рубля за пудъ, а берковецъ 15 р.

34. *1717 г., октября 13.* Изъ Петербурха съ объявленіемъ, что посланы имѣютъ быть къ Юрію Кологривому деньги, числомъ до 30,000 ефимковъ, ради нѣкоторыхъ потребностей, и о протчемъ.

35. *1718 г., января 26 дня.* Треплѣкатъ (указа именного) съ подтвержденіемъ, дабы въ Римѣ съ будучими двомя каменщиками, кои главные майстеры по письмахъ его милости приговорены въ службу, одинъ за 500 руб., другой за (пробѣлъ) руб. на годъ, контракты учинили, потомъ рапортовали бы.

36. *1718 г., апрѣля 18 дня.* Письмо отъ государя изъ Берлина, въ которомъ написано: Monsieur, -съ объявленіемъ, что по письму Юрія Кологривого, что въ Римѣ штатуй гораздо дешевою ценою которыхъ мочно купить, для того, по первымъ переводнымъ деньгамъ на вексель 5,000 ефимковъ, послано нынѣ къ нему через капитана командира Кнаевича 7,000 руб. по предъявленію, и о протч. (при которомъ и дупликатъ).

37. *1718 г., 7 апр.* Треплѣкатъ въ вышеписанной силѣ.

38. *1718 г., іюня 7.* Письмо отъ государя изъ Петербурха, въ которомъ въ горѣ (въ верху) написано: Monsieur, по письму его, за проданную юфту деньги перевести на ефимки, и при томъ дупликатъ.

29. *1718 г., августа 13.* Письмо отъ государя къ Савѣ Владиславичу съ требованіемъ, дабы постарался, какъ возможно, прислать чертежа и деревяную модель генуэзскимъ галерамъ и ежели можно, то и мастера нанять.

30. *1718 г., августъ.* Письмо отъ государя изъ Петербурха съ надписаніемъ: Monsieur, съ требованіемъ, дабы майстера галернаго дѣла отправить въ Венецію моремъ, а зъ Венеціи до Петербурха сухимъ путемъ.

31. *1719 г., августа.* Письмо изъ СПБ. отъ государя съ предложеніемъ Савѣ Владиславичу, дабы, заключа контрактъ зъ каменщиками, которые майстера годные на два года въ службу, такихъ найскорѣе присылать по сухому пути въ Петербурхъ, при чемъ и дупликатъ въ той-же ролѣ.

32. *1719 года, 6 февраля.* Письмо къ Савѣ Владиславичу отъ Александра Макарова съ объявленіемъ, что его царское величество, также и ея величество государыня царица при олонецкихъ минеральныхъ водахъ, за помощью Божіею, обрѣтаются здрави и какъ можно видѣть, что оные воды его царскому величеству гораздо дѣйствительнѣе будутъ, и о протчемъ.

33. *1719 г., 12 февраля.* Съ объявленіемъ, что Алексѣю Юрьеву и Авраму Аѳанасьеву его величество указалъ, дабы онъ, Владиславичъ, до ихъ тамошняго житья по 400 рублей русскою монетою выдавалъ, да что и на прошедшіе 1717 и 1718 годы въ помянутое число 400 не достало, то оные имъ отдать ради ихъ необходимости.

34. *1719 г., 31 іюля.* Съ объявленіемъ, что генералъ маіоръ Лесли имѣлъ баталію съ шведами и оныхъ побилъ у Желѣзныхъ Заводовъ.

35. *1719 г., 4 сентября.* Съ объявленіемъ, дабы онъ, Владиславичъ, прислалъ щетъ о всѣхъ расходахъ, которые были изъ денегъ, полученныхъ за юфтъ.

36. *1719 г., 1 декабря.* Съ объявленіемъ, что пущенное отъ Владиславича писъмо, съ присылкою щета за юфтъ, получено и доложено царю.

37. *1719 г., 22 декабря.* О наймѣ для его величества въ Венеціи живописца и о скорѣйшей его высылкѣ.

38. *1720 г. февраля 22 дня.* Письмо за его царскою рукою, писанное съ Санкт-Петербурха, въ которомъ написано: Monsieur,

съ предложеніемъ, даби зъ Риму статую Венуса висвободили, а какъ освобожень будетъ, то о томъ какъ найскорѣе репортовалъ (при томъ дупликатъ).

39. *1720 г.. февраля 27.* Трепликатъ съ Санкт-Петербурха до надворнаго совѣтника Рагузинскаго съ объявленіемъ, дабы въ пріемѣ статуй стараніе свое приложилъ, а объ отправленіи отъ Ливорно до Амстердама на то резолюція въ указѣ.

40. *1720 г., 8 августа.* Письмо государя съ Петербурха, съ надписью: Monsieur, съ объявленіемъ, что генералъ князь Голицынъ непріятелей самихъ, такъ и ихъ кораблѣ засталъ въ Лотеланскихъ гаваняхъ и тамо съ ними учинилъ драку, съ коего четыре фрегата отъ ихъ взялъ, и о томъ дабы въ народѣ всюда публиковалъ.

41. *1720 г., 15 августа.* Письмо отъ государя съ Петербурха съ предложеніемъ, дабы статуя Венуса съ Ливорны при Іосифу Франки, который разные языки доволно вѣдаетъ, такъ и другіе вещи марморовые можетъ отправить въ Голландію, и при томъ приложенъ дубликатъ и трипликатъ такой же и копія изъ грамоты кардиналу Доболи.

42. *1720 г., 11 сентября.* Письмо отъ государя изъ С.-Петербурха: Monsieur, съ подтвержденіемъ, дабы взятія шведскія фрегати Вестъ-Сюндъ вести и какъ оние ишли, также предводители...

43. *1720 г., февраля 5.* Письмо отъ государя, а именно Monsieur, съ предложеніемъ, дабы посланнымъ мастерамъ, именно: Петру Салуци и Матвѣю Ларети, въ той силѣ, для покупки статуй у князя Массовскаго и для подряду на марморовые ступенѣ дано было-бъ тысячь двѣ или три ефимковъ за подпискою.

44. *1720 г., сентября 8.* Письмо отъ государя къ Савѣ Владиславичу съ поздравленіемъ, что августа въ 30 день съ шведами вѣчный миръ заключенъ.

Годовъ и чиселъ не имѣющія письма государя:

45. *Письмо, а къ кому не означено.* Съ предложеніемъ, дабы къ Савѣ Владиславичу, по требованію его, послано было смолы числомъ 1,000 бочекъ.

46. *Письмо государя,* на которое написанъ трипликатъ къ Савѣ Владиславичу, съ подтвержденіемъ, дабы прежде чертежа деревянныя части генуезскихъ галеръ прислалъ, а между тѣмъ майстера пріискалъ.

Болѣе въ описи бумагъ, относящихся до личныхъ сношеній въ эти годы императора Петра I и его кабинетъ-секретаря Макарова съ Саввою Рагузинскимъ, мы не нашли, но опись за это время (1716—1720 г.) даетъ богатый матеріалъ относительно торговой дѣятельности Рагузинскаго за границею по поставкѣ не только ко двору, по порученію государя, статуй, мрамора, раковинъ, мастеровъ, образцевъ кораблестроенія и пр., а государынѣ дамскихъ уборовъ, но и на армію, на флотъ, на монетный дворъ и окружавшимъ государя вельможамъ массы всевозможныхъ товаровъ, причемъ, по поводу послѣднихъ, впослѣдствіи было много переписки съ таможнями русскими, вслѣдствіе неуплаты Рагузинскимъ пошлинъ.

(Извлечено изъ описи, находящейся въ домашнемъ архивѣ княгини М. П. Долгоруковой въ с. Великой Топалѣ, новозыбковскаго уѣзда, черниговской губеріи).

А. Лашкевичъ.

ПАНЕГИРИКЪ КОЧУБЕЯМЪ.

(I-й половины XVIII в.)

Южно-русская литература XVIII в. необычайно богата всякого рода піитическими произведеніями, въ громадномъ большинствѣ неизданными и обреченными на безслѣдную гибель. Если-бы собрать все то, что по этой части хранится въ общественныхъ и особливо частныхъ библіотекахъ и архивахъ, то составились-бы, кажется, не только десятки, но и сотни томовъ. Виршеписаніе—болѣзнь нашихъ предковъ XVIII в. На него убивалась масса времени въ школахъ, оно примѣнялось ко всякому пустѣйшему случаю въ жизни и не было, можетъ быть, грамотнаго и мало-мальски досужаго человѣка, который не предавался бы этому занятію. Въ особенности въ ходу были панегирики при жизни и по смерти. Поэзіи во всѣхъ такихъ произведеніяхъ не найдете никакой: пустота содержанія, искусственность построенія, тяжелая форма, убійственный силлабъ—таковы отличительныя ихъ черты. Съ непріятнымъ чувствомъ берешься за подобную рукопись и съ досадой бросаешь ее послѣ нѣсколькихъ минутъ чтенія. И однако все это характерная черта времени, школы и жизни, и если мы хотимъ изучить ихъ, должны знакомиться и съ такими произведеніями, имѣть ихъ по крайней мѣрѣ нѣсколько образцевъ.

Къ такимъ произведеніямъ принадлежитъ и по такимъ побужденіямъ помѣщается и то, сообщенное намъ А. М. Лазаревскимъ изъ собранія его рукописей, стихотворное произведеніе, которому мы дали вышепоставленное заглавіе.

Разсѣянные въ разныхъ мѣстахъ этого «Панегирика» намеки даютъ намъ возможность приблизительно опредѣлить время и цѣль его созданія, а также и общественое положеніе его автора.

Въ присоединенномъ къ Панегирику «подносителномъ словѣ» авторъ, обращаясь къ восхваляемому имъ Василію Васильевичу Кочубею, говоритъ: «мнѣ въ полку вашего высокородія жизнь свою влекущу не надлежало спокриватися, безвѣстну и без-

данну быти, но, яко худому рабу, годствовало господина своего себе новрещи стопамъ и достодолжное отдать поклоненіе»; въ концѣ-же онъ прибавляетъ, что, «славя и величая» Василія Леонтьевича и «свѣтлую и знаменитую фамилію» Кочубеевъ, прославляетъ «собственнѣе честное и доброе имя его высокородія», Василія Васильевича.

Такимъ образомъ годы полковничества Василія Васильевича Кочубея (1727—1743) опредѣляютъ приблизительно время написанія этого памятника.

Въ высшей степени наивно и характерно говоритъ самъ авторъ о томъ, что его побудило взяться за перо. Это 1) желаніе славы, 2) желаніе польстить начальству, «его высокородію» и 3) желаніе получить соотвѣтствующій силѣ поэтическаго паренія даръ.

Если принять во вниманіе всю ничтожность личностей Василія Леонтьевича и Василія Васильевича Кочубеевъ (см. Костомаровъ, Мазепа; А. М. Лазаревскій, Кочубей, въ «Русскомъ Архивѣ» и т. д.) и крайнюю нравственную несостоятельность Федора Васильевича и его матери, то безпочвенность, фальшь и искусственность «Панегирика» выступятъ во всей своей непривлекательной наготѣ.

Это произведеніе весьма типично для той литературы, которую можно назвать чисто схоластической.

Тутъ въ особенно яркой формѣ выступаютъ характерные пріемы схоластическаго творчества, къ началу XVIII в. совершенно уже изжившіеся, вывѣтрившіеся, сдѣлавшіеся шаблонными. Нѣтъ ни одного образа, ни одного выраженія мало-мальски искренняго, естественнаго.

На этомъ примѣрѣ особенно ярко видно, до чего дошло разложеніе схоластической литературы того времени, какъ форма и обязательные пріемы творчества выѣли почти все содержаніе.

«Панегирикъ» отличается ужасною растянутостью; одинъ и тотъ-же мотивъ проходитъ черезъ все произведеніе, повторяясь на разные лады на протяженіи 16 страницъ.

Раздѣляется онъ на нѣсколько частей: на «ляментъ вѣры, надежды, любви, милости, истины, правды, мира», «епиграмму апострофичну» и «слово подносителное».

Авторъ пользуется всѣми пріемами и формами, какіе ему только могла представить схоластическая поэзія, пользуется всѣмъ зависящимъ отъ него, чтобы только доказать свое усердіе.

Судя по помаркамъ, поправкамъ и дополненіямъ, которыми испещрена рукопись, въ нашихъ рукахъ былъ оригиналъ.

Написана рукопись крайне витіеватымъ и прихотливымъ почеркомъ, съ росчерками, титлами и т. д. Нѣкоторыя буквы (напр. р, у, ж) изображаются нѣсколькими способами. Надъ гласными, которыми начинается слово, а иногда и въ срединѣ и концѣ слова ставятся ударенія, придыханія, точки. Вообще правописаніе крайне своеобразно и не выдержано; одно и тоже слово въ разныхъ мѣстахъ пишется различно. Разстановка знаковъ произвольная.

Почти весь «Панегирикъ» написанъ тяжелымъ 13-сложнымъ стихомъ, не вездѣ впрочемъ выдержаннымъ. Авторъ гоняется часто за риѳмой въ ущербъ смыслу. Пишетъ авторъ тѣмъ смѣшаннымъ языкомъ, какимъ тогда писали почти всѣ въ лѣвобережной Украйнѣ. Тутъ и русскіе, и малорусскіе, и церковно-славянскіе, и польскіе элементы. Болѣе всего элементовъ русскихъ.

И по характеру письма, и по характеру произведенія, и по нѣкоторымъ намекамъ можно думать, что это произведеніе принадлежитъ перу полковаго писаря. Какъ извѣстно, въ XVII и XVIII вв. изъ среды писарей вышло много малорусскихъ писателей: малорусскіе писаря всегда отличались значительною образованностью, начитанностью и страстью къ литературѣ.

В. Каллашъ.

Ляментъ или тіренъ[1] *вѣры, въ котромъ изясняется добрій подвигъ любомудра и героична мужа.*

Ахъ жалю превеликій! жалю нестерпимій!
Умре мужъ въ мужехъ честенъ и въ Бога блажимій,
Василій по імени, Кочубей по роду.
Отиде благій, мирній, на мирну свободу,
Отиде къ Царю слави, подвигъ добръ скончивши,
Петру вѣрно первому въ жизни послуживши,
Імператору росску великому въ славѣ,
Страшну врагомъ въ побѣдахъ, крѣпкому въ державѣ,
Егоже імя толко ощутивъ кто слухомъ,
Громъ гремящъ быти слишитъ, внутръ мятется духомъ.
Въ вѣрѣ тверду каменю, церкви святой щиту,

[1]) Отъ греч. θρῆνος,—плачевная пѣснь, жалобная элегія.

Сему-то онъ послужилъ, соблюлъ знамениту
Вѣрность, въ службахъ, походахъ, ревнивій по Бозѣ
Поборникъ показался, ратуя на мнозѣ
Съ врагами креста, правди, на лжу лютъ, суровій
И такъ правѣ подражателъ явился Христовій.
Не вбоялсъ яробурна Мазепина духа,
Сталъ противъ въ лице ему и аспида глуха,
Отъ правди слухъ заткнувша, обличалъ жестоко,
Сказуя: не годствуетъ имѣть яро око
На отца отечества и царя своего,
Питатель-бо и жизнь есть живота твоего,
Петръ естъ камень твердій, скрушишъ своя зубы,
Которими угризнути хощешъ, уме грубій.
Престани, звѣровидне, не пожри Россіи
Малой своимъ затѣвомъ,—мисли твои зліи.
Будетъ на тя плакати до смертной годины
И ты-жъ будешъ зватися змѣнникъ,—студъ единій.
Буди, песъ, благодаренъ, къ любвѣ памятливій,
О чести тебѣ данной не будь забитливій.
Спомни то, что и оселъ ясли познаваетъ
Своего господина, знаетъ, кто питаетъ.
Удержи твой золъ замислъ, не сектуй [1]) со Свѣемъ,
Не губи насъ, бо и ми чтось ино затѣемъ.
Тимъ совѣтомъ уранилсъ, сталъ ожесточенній,
Ввесь жестокъ, ввесь желѣзенъ и окамененній.
Пустилъ гнѣвомъ на правди любителя права,
Отсѣченна за правду Кочубея глава,
И его друга искренна Искру обезглави,
Оугасилъ, блиснулъ-бо былъ полковникъ въ Полтави.
Оутѣшился Мазепа, врагъ Россіи главній,
Что своихъ соперниковъ отнялъ животъ славній.
Сталъ въ отрадѣ лисъ хитрій, веселилсь надъ мѣру,
Что царъ ихъ ему предалъ, правдѣ не ялъ вѣру.
О мужи изрядніи! мужи героични!
Страдалци всесвѣтліи, въ жизни красолични,
Оружници Христови, ратници бодрственни,

---

[1]) Съ боку приписка: *не согласуй.*

До крове противъ врага стоясте бодрственни.
Пренебрегли за правду жизнь временну оба,
Оулучили жизнь вѣчну, отшедши до гроба.
За мене единую, да живу, умросте,
Да я буду свѣтлая, себе погребосте,
Да я буду славная, ви на смертъ поносну
Предастеся волею, въ славѣ плодоносну.
Добръ вашъ подвигъ: убо ви и вѣнца достойни,
И вѣчноя памяти вамъ пѣсни пристойни,
Да поются согласно, яко право слово,
И вся дѣла ваша въ вѣрѣ, сердце-жъ неистово
Вашего гонителя Мазепи Івана
Да мучитъ неисцѣлна совѣстная рана.
Соблюли есте слово терпѣній Христовихъ,
Да сподобитъ опъ вже васъ и честей Еговихъ!

Ляментъ или тгренъ надежди, где показуетъ лютость Мазепину и суетну надежду его, надежду чести наслѣдниковъ и извѣстіе спасенія правдолюбителя, благороднаго мужа, Василія Кочубея.

Поострилъ врагъ лестивій мечъ свой обоюдній
На віяхъ правдолюбцевъ, Мазепа всестудній.
Не наситился крове невиннѣ пролитой,
Не усрамился жизни, тирански забитой.
Еще духомъ демонскимъ дишетъ на Россію,
Мисля ее, коварній, предать горду свѣю.
Нажденъ на волшебни матки своея сили,
Разорить хощетъ зъ Свѣемъ россійски предѣли.
Но Богъ что предувидѣлъ, то и предуставилъ,
Шкареди на чистотномъ мѣстѣ не поставилъ,
Далъ его тщу надежду ему въ погибель,
А роду россійскому зготованна гибель
На главу обратилась гонителю Свѣю:
Кую яму ископалъ, то самъ впаде въ сію.
Побѣже бо, устрѣленъ во ногу безчестно,
Замелъ слѣдъ за собою левъ хоботомъ лестно.
А змѣнникъ, видѣвъ бѣду, убилъ себе ядомъ,
Злій злѣ погибе марно, инъ-же виноградомъ

Возобладалъ россійскимъ, о мерзскій Мазепо!
За ядь едну, какъ Ісавъ, враждебна заклепо,
Продалъ еси первенство и славу високу,
За что и во пропастъ взятъ съ душею глубоку.
О Россіе Малая! лотра воскормила,
Почто его маленка еще не вдавила?
Раздеръ тебѣ утробу, кая согрѣвала,
Кая его матерски она пѣстовала.
Восплатилъ за благое, коварній, злобою,
За хлѣбъ твой поносною попралъ тя пятою.
Егда-бо вже подсилѣлъ славою и тѣломъ,
Тогда самимъ поставилъ звѣрство свое дѣломъ.
Однако-жъ, да не веста, звѣръ будетъ видимій,
Надъ мѣру кротокъ и добръ временемъ билъ зримій.
Не познанъ волкъ, овчею кожею одѣтій,
И змій лютій подъ злакомъ тайно лестно скритій,
И тимъ самимъ отведе въ слѣдъ себе доволны
Люди, кой згиблъ, какъ ѳеѵ𝔤а (лжецъ) оній своеволній,
Съ протчіими, толко мужъ правъ словомъ и дѣломъ
Не присталъ совѣту ихъ, судилъ бо мѣриломъ
Оумнымъ быть то пагубно; какъ судия умній,
Разсуждая на долзѣ, тотъ многоꙋумній
Закрѣпилъ во памяти не дѣлати кова,
Цѣлому государству къ мятежу готова.
Оумрѣтъ паче изволилъ, мене придержася,
Вѣдалъ то, хочъ и умре, надежда-жъ остася.
Не погибнетъ праведникъ, но будетъ въ покою,
Еще-жъ памятъ здѣлаетъ и чадомъ собою.
Самъ царство надѣялся горне улучити,
Чистъ отъ крове, и своимъ славу умножити.
И кто-жъ вже не вѣдаетъ Кочубеевъ рода,
Развѣ зоилъ или нощна вранная порода,
Василія въ Полтавѣ полковника славна,
Богата, честна, силна, господина главна,
Отцу соименнаго и въ вещи согласна,
Въ подвизехъ неразпственна, въ санѣ доброкрасна?
Такъ-то умре со мною мужъ онъ красній, дивній!
О мужу похвалная и вѣнецъ ти гривній:
Тебѣ памятъ вѣчная и вѣчностъ блаженна,
Яко кончина жизни твоей естъ почтенна,

Яко со извѣстіемъ отходъ твой спасенній.
Буди въ Христѣ надеждѣ горѣ помяненій,
Тиранину-жъ твоему, измѣннику злому,
Худа часть во езерѣ огненномъ худому.

Ляментъ или тгренъ любви, которая тоскуя являетъ подражателство по Христѣ и любовъ болшую, котрой для еденъ за многихъ умре, за церковъ страданіе, за истинну смертъ, за отчество терпѣніе, наконецъ одолжается и въ блаженствѣ вѣчномъ вѣчно, дружно, служить любомудру мужу.

За толикій крестъ, онимъ понесенній,
Подвиже кровопивца, Мазепа завзятій,
Брань въ Россіи, воведши свѣйскіе внутръ рати.
Забилъ любве отческой Іюда лестивій,
Впустилъ шведа въ предѣли, враждою палимій.
Шведъ-же, якъ левъ, вторгнувшись, хотѣлъ слякать рикомъ,
Но изійде зъ Россіи срамно Амаликомъ,
Петръ бо первій государъ, покой всежеланній,
Ратни побилъ полчища, побѣдилъ погани,
Укрилъ поле полтавске сопротивнпхъ трупомъ.
О поле щасливое! трупъ-же далъ въ снѣдь супомъ
Птицамъ воздушнимъ, звѣремъ, лютимъ, сироядннмъ,
Прочіихъ-же у плѣнъ взялъ снарядомъ изряднимъ.
Видѣ вже онъ измѣнникъ побѣду такову,
Побѣже, Василій-же свишше неистову
Посмѣялся, что бѣжитъ, никимъ-же гонимій.
Надсадившись во пути, изгиблъ злѣ зломнимій.
Веселится-жъ Кочубей, со Христомъ кочуя,
О побѣдѣ такъ славной, отъ триумфовъ чуя.
Радостенъ, что посупленъ и скорбенъ врагъ зрится,
Церковъ-же правовѣрнихъ въ радости красится.
Веселъ, что змій великій, змій лютъ посрамленій,
Змій древній и лестивій сталъ вже низложеній,
А отчество россійско въ отрадѣ витаетъ,
Чего мужъ правдолюбецъ желалъ и желаетъ,
За котрое и умреть билъ не отреченній.
Единъ умре за многихъ, единъ погребенній.
Подражатель Христовій явно показался,
За други своя умеръ, любвѣ ввесъ отдался.

Отъ мене ничто его здѣ не розлучило,
Ни мечъ, ни огнь, ниже гладъ, ни зло отвратило
Настоящое уже, ни смерть зла поносна,
За которую даласъ жизнъ вѣчна, доброносна.
Такъ насъ троихъ возлюбилъ, что и титулуетъ
Всю свою фамилію, съ крестовъ показуетъ,
Что крѣпко вѣрѣ святой оній прилѣпился,
На мечъ-же, якъ на котву [1]) надежди, склонился,
А сердцемъ изявляетъ мене любовъ силну,
Въ сердцу бо я извикла жизнь мѣть небездѣлну.
О мужу любителній! живій любве виде!
Боголюбче истинній! новій Христовъ слѣде!
Кую тебѣ соплету пѣснь надгробну нову?
Кую ти отдамъ почесть за любовь Христову?
Кіимъ вѣнцемъ вѣнчаю тя искренна сына?
Ахъ болѣзнъ мнѣ сердечна! нещасна година!
Что тя вижду во гробѣ тѣломъ положенна,
Хочъ душею, и знаю, въ небо преселенна.
Желала-бъ я истинно еще въ тя пожити,
Вѣтви моя мирнія въ свѣтѣ распространити.
Но когда вже любитель Богъ приказалъ бить тако,
Пошли-жъ Христосъ во ономъ вѣцѣ намъ жить всяко,
Гдѣ вѣра и надежда уже упразднятся,
Со мною-жъ вси святіи въ дружбу сообщатся.
Теперъ-же и считай вже вѣнци чести горѣ,
Воспомииай сладкіе труда, при упорѣ
Показанни за правду, и подвигъ твой добрій
Стави въ позоръ, якъ воинъ прехрабрій и добрій.
Похваляйся смертію, обнажай и рани,
Кія подялъ за Христа и за християни.
Я-жъ тебѣ, Василіе, сладости желаю
И радости райскія; въ конецъ припѣваю:
Радуйся мучениче, новій и недавній!
Вѣчна ти память буди, а мучителъ главній,
Твой Мазепа, враждебній, да смутится вѣчно,
Скрежетомъ мучимъ зубнимъ, болитъ неизлѣчно.

Милостъ и істинна
Срѣтостася,
Правда и миръ
Облобизастася (*Псаломъ 84*).

---

[1]) Старо-слав. *котва*—якорь.

Ляментъ или тгренъ милости, въ коемъ показуетъ безвременное вдовство, и неначаянное сиротство чадъ, и височайшую милость імператорскую, на домъ благороднаго мужа, за истину его свѣдительствованную.

I.

Ревнивій плачъ мя, и вдовство безгодно,
И сиротство чадъ, и время злоплодно,
Снѣдаютъ велми и сроднихъ воплъ-горе
Разятъ мнѣ сердце, душу пробиваютъ,
Что еденъ вверженъ, якъ Іона въ море,
За многихъ, такъ бо его поминаютъ:
Жена утробу свою раздирая,
Чада-же власи на себѣ терзая,
Ко гробу тѣло, душу-жъ шлютъ ко небу,
Естеству нуждну исполняютъ требу.

II.

Самъ воздухъ воплемъ, слезми наполняютъ,
Воздиханіемъ небо проражаютъ,
Къ сожалѣнію сердца влекутъ людій,
Мене, милости, ищутъ на позорѣ,
Просятъ помощи въ предстоящихъ судій,
Суще въ бѣдѣ, вже и главномъ подзорѣ,
Ко Богу жъ кричатъ: милость твоя буди!
Теперъ насъ утѣшъ въ послѣднемъ горѣ!
Таковъ воплъ жени любве мужа свята,
Мужа бо глава была уже снята.

III.

Азъ милость, всегда на стогнахъ поема,
Учувши воплъ тотъ, ревностнимъ вземлема
Духомъ, и прійшла тому присмотрѣтся,
Ажъ мужъ во кровѣ безъ глави плаваетъ.
Стала жъ я тому велми и дивиться,
Какъ то мужъ красенъ себе въ той валяетъ;
Когда жъ пришло мнѣ въ другихъ испросится,
Ажъ онъ за правду такъ злѣ умираетъ.
Тогда во мнѣ духъ мой внутрній возмутился,
Тогда и оумъ мой зъ сердцемъ засмутился.

IV.

По смутку жъ радость завсегда биваетъ,
Се вже Петръ мене въ домъ ихъ посилаетъ.
Вшедше я, свѣтла, съ правдою сійшлася,
Где, якъ со другомъ другъ, и веселилась.
Тамъ и истина ко мнѣ вже призналась
И съ миромъ златимъ доволно красилась.
Тамъ и квартеру себѣ записала
По вѣкъ жить, хранить домъ тотъ уже стала.

V.

Не опровергнутъ вѣтри своеволъни,
Ни яростніе разбиютъ вже волни.
Основанъ бо естъ на камени силномъ,
Петрѣ Великомъ, добрѣ неомилномъ.
Помиловалъ тотъ домъ твой и вся чада,
Закрѣпилъ силно своею рукою
Грамоти, жизни печалной отрада,
Многу явилъ есть Петръ милость собою,
О! Василіе, въ милости тамъ Бога
Ликуй, а здесъ я чадомъ буду многа.

Ляментъ или тгренъ истини, въ котромъ объявляется истинное его благородія по Бозѣ и вѣрное по отечеству въ жизни ревнителство.

В весь мужъ истиненъ, по Христѣ поборни . . К ъ,
истиннолюбецъ, на вражду, лжу борникъ.
А зъ всегда ему служила до сл . . . . О ва,
азъ въ сердце ему *Ей и Ни* вселила.
С ердечно его . . . . . и . . . . Ч адамъ готова
И гербъ бо свѣтелъ сими . . . . У красила,
Л юбовно сердце враждебно . . . . Б езъ слова,
крестами двома, *ей, ни* заключила
І сту единимъ; въ отрадѣ явля . . . . Е тъ,
другимъ въ напасти себе защищаетъ.
И стинною ввесь и домъ его . . . . . . д . И шетъ
Истинну вездѣ судія сей пишетъ.
Писалъ первѣе перомъ скорописнимъ,

Облегчалъ людемъ трудъ судній утиснимъ.
Генералній бо писаръ прежде бивши,
Потомъ судейство тожде улучивши,
Такъ крѣпко въ себѣ вписалъ мя собою,
Что ни топоромъ мощно, ни рукою
Било вже згладитъ, кровію бо красно
Запечатлѣлъ жизнь и честь доброщасно.
О мужу правій, права твоя вѣра!
Мученикъ палма (финикъ) буди ти секѣра.

Ляментъ или тгренъ правди, котрая ламентуетъ по святомъ мужѣ, яко оставилъ ея. Где и воспоминаетъ, что вездѣ ея такъ на устѣхъ, какъ и на сердцѣ носилъ охочно, такъ словомъ предъ императоромъ Петромъ Первимъ дерзновенно исповѣдовалъ, какъ и дѣломъ самимъ до смерти показалъ во своей жизни.

Изгнанецъ бѣдній въ свѣтѣ, никимже любима
Правда, якая была когдась всеблажима.
Ехо. Нынѣжъ ли презрима?
Презрѣнна, оставленна, по людехъ блукаю,
Мирнаго себѣ мѣста вездѣ вже шукаю.
Ехо. Знайшла уже, чаю?
Нѣстъ мѣста, ни въ сосѣди никто не пріймаетъ;
Слишно жъ мнѣ, что философъ зъ свѣщою шукаетъ.
Ехо. Но не обрѣтаетъ?
Не обрящетъ, хочъ во дни, въ полдни онъ ищетъ,
На мене бо и въ нощи народъ золъ злѣ рищетъ.
Ехо. Что-жъ онъ поищетъ?
Не поищетъ ничего, я бо дерзновенна,
Предъ цари не стиждуся и не посрамленна.
Ехо. Чтожъ такъ болѣзненна?
За то толко едино очень мнѣ естъ болно,
Что мя племя, небно племя гонитъ долно [1]).
Ехо. Зло бо своеволно.
Озлобляетъ надъ мѣру, не даетъ покою,
Доволствоваться кажетъ въ мирѣ всякъ собою.
Ехо. Гордитъ же тобою?
Гордитъ, лжу возлюбивши, якъ Мазепа лживій,

---

[1]) Dolny—низменный.

Тотъ бо лжи внукъ и авторъ билъ новъ, неправдивій.
Ехо. Кто жъ есть незлобивій?
Незлобивъ билъ мужъ еденъ, Василиемъ званній,
Правъ сердцемъ, не коваренъ, Богомъ мнѣ билъ данній.
Ехо. За что жъ мордованній?
За мене едну, хотѣлъ бо образомъ явити,
Самъ умре, мене хотя мертву оживити.
Ехо. Какъ могло то бити?
Такъ: что кто мене словомъ, сей исповѣлъ дѣломъ,
За мене поносную смерть понесе тѣломъ.
Ехо. Лютъ позоръ тотъ зѣло.
И по смерти язикомъ истину Христову
Сказовалъ, Мазепину жъ обличалъ сурову.
Ехо. Ярость неистову?
Теперъ же о нещасной и много плачевной!
Лишилася жилища и красоти дневной.
Ехо. Такъ ли есть запевно?
Весма во подземніе пойшолъ мѣста темна,
Приняла его мати въ нѣдра свое земна.
Ехо. На смерть приемна?
Смертъ тѣло положила въ кіевской столици,
Въ Печерскомъ, душу давши Маріи царици.
Ехо. Гдѣ святихъ суть лици?
Тамъ лежитъ со Искрою, другомъ своимъ прѣснимъ,
Свѣтли оба предъ царемъ связомъ дружби тѣснимъ.
Ехо. Смѣются жъ безмѣстнымъ?
Смѣются Мазепинымъ змѣнническимъ ратемъ,
Что въ жизни церкви ставилъ да погребенъ татемъ.
Ехо. Церковна жъ лишился?
Лишилсъ християнскаго погреба сквернавній,
Сколко славенъ, столко сталъ безчестенъ лукавій.
Ехо. Годенъ такой слави.
Достоинъ есть дѣлатель таковъ мзди своея,
Ти же, мой любителю, до смерти твоея
За мя до крове ставши, озми честь и славу,
Богатство неси въ домъ твой, за мене бо главу,
Якъ Іоаннъ ангелъ онъ, отъ Ирода стятій,
Положилъ еси, святе, студъ жизни проклятій
Обличивъ Мазепинъ, кой прелюбодѣй стался,
Живу еще Петровѣ отнять престолъ тщался,

Живу сущу мужевѣ правилну, законну,
Поять жену Россію хотѣлъ безъ закону.
Праведній судія ти мздою Господь буди,
Что спаслъ еси смертію въ жизни многи люди.
Мене жъ прощай нещасну, другиню ти вѣрну,
Съ тобою здѣ поживпу жизнь доволну, мирну!

Ляментъ или тгренъ мира, въ котромъ воспоминаетъ, яко мирствовалъ всегда въ себѣ и со протчіими любомудрій онъ мужъ и яко его смертію жизнь, его правдою миръ, собственнѣйшимъ же щастіемъ его имиераторскаго величества, блаженной и вѣчной памяти достойнаго Петра Перваго, паче же величайшаго Бога милостію, и побѣда надъ свѣемъ россамъ даровася.

О мужу изрядній, въ истинну нарядній, мужу героичній!
Жизнь тебѣ ведренна, тишайша, бодрственна и покой онъ вѣчній,
Павловъ собесѣдникъ, ти Христовъ сосѣдникъ истиненъ явился.
Миренъ со врагами, съ внутрними силами вѣчно примирился.
Смерть твоя поносна, а жизнь плодоносна жизнь многимъ здарили,
Сонмъ же врагъ лукавихъ уста твои прави, якъ мечемъ, побили.
Вовели въ Россію миръ, а горду свѣю студъ навели зѣлній
И его замисли лукавіе явили бездѣлни.
Измѣну сказали Мазепи, чтобъ мали дозоръ вже опасній,
Звѣрско бо онъ дишетъ, ко свѣю вже пишетъ секти зли, ужасни.
Жребіемъ горнимъ, а щастіемъ долнимъ Петра есть побѣда,
Гордаго жъ свѣя стрѣла бѣда сія, что не знать и слѣда.
Тогда лобизался, съ правдою витался, и миръ вожделѣнній
Во церквахъ и домѣхъ, въ братіяхъ свѣдомихъ сталъ бо непремѣнній.
На стогнахъ во градѣ пѣлъ пѣснь во отрадѣ, пѣснь нову побѣдну,
Къ радости високу, къ сладости шероку, вѣчности сосѣдну.
Тогда всякъ вже, борби позабивъ и скорби, весело въ покою
Поигралъ зъ сосѣди, поизбивши бѣди, вдругъ скачя со мною.
А слава рѣчива, веселясь до дива, понесла то въ страни,
Что я вже владѣю и радость имѣю; прочъ вступили жъ брани,
Вчувши и дубрави толикій гласъ слави, и земни предѣли,
Что Росси ликують, въ мирѣ торжествують, и воински сили
Задивясь играли, шумно ликовали, рѣки жъ пошли въ скоки
И небо самое, ощутивши жъ тое, ликъ мало жестокій.

Ликуй же и ти, Василіе, тамо, съ ангели твоя радостъ буди прямо.
Назирай горни мирнія тѣ двори,
Где святихъ хори.
Вѣкъ же да идетъ и години злати
Да текутъ синомъ и внукомъ безъ втрати,
Здравія, чести, богатства и слави
Щастія прави!
Ти вже со мною, Кочубею мирній,
Христу до смерти и Петру бывъ вѣрній,
Кочуй все мирно, во радости вѣчной,
Забивай жизни уже героичной
Въ бранехъ различной.

Епиграмма апострофична къ его високоблагородію, високодостойно-почтенному господину, господину Василію Кочубею, государственними грамотами крѣпко учрежденному полку полтавского полковнику.

Вѣмъ добрѣ сердце твое, мужу всеизряднiй,
Мужу въ злати утвори пригожства нарядній,
Что оно тужитъ, егда отца поминаетъ,
Каковъ былъ мужъ предобрій, извѣстно бо знаетъ,
Но егда и считаетъ отческія труди,
Подвигъ добръ ажъ до смерти, веселится всюди.
Долѣ бо себѣ славу видитъ превисоку,
Горѣ же вѣнецъ отцу и почесть шероку,
Себѣ здесь зритъ отраду, отцу жъ радость вѣчну
Тамо слишитъ съ аггели и сладостъ масличну.
Отцу въ небѣ миръ сладокъ, съ мученики данній,
Себѣ жъ покой на землѣ маетъ всежеланній.
Пущай же живетъ всегда въ сихъ до смерти тое,
Отческо жъ во онихъ вѣчно имя всеблагое.

Слово подносителное предъ многоповажнимъ лицемъ его високородія, господина, господина Василія Кочубея, знаменитаго полковника, при поднесеніи лямента сего отъ подносщика, напредъ означеннаго, сказованное и вмѣсто епилога или окончені панегиричнаго здѣ оуключено.

Со многимъ дерзновеніемъ, смѣлою ногою, но въ смиренномъ сердцу войшолъ въ домъ твой теперъ, мужу геройчій, мужу всякородноя похвали достойній. Кую же основателную причину дамъ такъ многаго моего дерзновенія и смѣлаго входа, и не входа толко, но яко, надъ надежду

и достоинство мое, многоповажное ваше лице видѣть и словомъ моимъ слухъ утруждать всяко сподобился. Многіи суть причини, сияжъ естъ изъ нихъ первѣйшая. Яко самое вещи требуеть того достоинство, даби мнѣ такъ многожелаемій даръ вамъ, ибо блаженнѣйшую жизнь и смерть вѣчной памяти достойнаго отца високородія вашего, за вѣру, вѣрность, истину и отечество россійское мученически умершаго, отъ трехъ богословскихъ добродѣтелей: вѣри, надежди и любви и протчіихъ, яко то: милости и истини, правди и отъ мира болѣзненно опѣваемаго, подносить дерзающему весма не посупленну быть, ни дряхлу оказоватися, праведная бо жизнь, какъ гласитъ мудрецъ, вездѣ дерзновеніе водитъ, и въ похвалахъ своихъ требуетъ дерзновенія, а что же подношу, не почудися, любомудрій, героичній мужу, той моей дерзости, но хотящаго свѣтлому твоему имени служити усердно не отдали, милостивно жъ пріяти благоволи, ибо весма не подлежало мнѣ, въ полку вашего високородія жизнь свою влекущу, спокриватися безвѣстну, праздну и безданну бити, но, яко худому рабу, годствовало господина своего себе поврещи стопамъ и достодолжное отдать поклоненіе.

Того для, вмѣсто дани, даръ тотъ, во знаменіе усерднѣйшаго моего къ вамъ, високодостойнопочтеннѣйшій мужу, почтенія, подносся, всепокорнѣйше приять прошу милостиволюбно. Будетъ то не безъ удивленія и похвали свѣтлой фамиліи високородія вашего, тебе же, героичній мужу, не безъ внутренной радости, всякъ бо приникнуть имѣяй въ трудъ мой сей, въ народъ дерзновенно пущаемій, первѣе всего прочтетъ любомудраго отца високородія вашего титлу и задивится истиннимъ несравнительнимъ добродѣтелемъ, дерзости, правдѣ, новому мученичеству и за вѣру, Христову церковь и отечество терпеливому страданію, вашему же такъ рѣдко кому случаемому доброщастію. Хочай же я, лютій оній воспоминая случай, и огорчеваю душу вашего високородія болѣзнію и усопшій уже паки воздвизаю плачъ, но всегда у врачеви стихъ живетъ то (?) дѣтей: что всякая въ нихъ врачба, сперва усти приемлема, гортани прикрая видится, потомъ же силу и дѣйство ея добрѣ увидѣвшимъ сладка естъ и благоприятна. Пріими уже, героичній високій мужу, и мой тотъ даръ, зовемій ляментъ, отъ самаго имени печалній и прикрій, отъ вещи жъ искуса, чаю, будетъ вашему високородію, яко сотъ медовній. Пріими же малое приношеніе, яко по малихъ водахъ плаваніе; на сихъ же изучившися, къ болшимъ похваламъ предуготовлюся и поступлю въ глубину на ловитву истиннѣйшаго описанія жизни и блаженной смерти любомудраго отца високородія вашего, всегда идя отъ сили въ силу, славя и величая свѣтлую и знаменитую фамилію, собственнѣе же честное и доброе имя вашего високородія во вѣчніе роди.

МАЛОРУССКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ САТИРА XIX ВѢКА.

Ожесточенная вѣковая борьба малорусскаго и польскаго племенъ, сопровождавшаяся страшными насиліями одной стороны надъ другою, цѣлымъ рядомъ войнъ и широкими потоками крови, выражалась не рѣдко ѣдкими политическими памфлетами и сатирами съ той и другой стороны. По мѣрѣ того, какъ противники разводимы были въ разныя стороны и борьба съ чисто поличической почвы переходила на экономическо-общественную, съ сохраненіемъ неизмѣннаго религіознаго оттѣнка, памфлеты и сатиры учащались и борьба изъ кровавой становилась между прочимъ чернильной.

На страницахъ «Кіевской Старины» не разъ были воспроизводимы неизвѣстные доселѣ литературные памятники такой борьбы; но найболѣе позднимъ изъ нихъ по времени намъ кажется помѣщаемое теперь стихотвореніе. Оно написано, какъ значится на сообщенномъ намъ спискѣ, въ 1832 году, на Волыни, нѣкіимъ Василіемъ Растовецкимъ, а слѣд. является непосредственнымъ отраженіемъ народнаго возбужденія, вызваннаго польскимъ возстаніемъ 1831 года. Авторъ, становясь на точку историческую, длиннымъ рядомъ примѣровъ старается убѣдить поляковъ, что политическая ихъ судьба безповоротно рѣшена всѣмъ ходомъ исгорической и строемъ государственной ихъ жизни, что королевство ихъ въ принципѣ было аномаліею и абсурдомъ, что воскресить его невозможно и что потому имъ не остается ничего болѣе, какъ подчиниться гигантской силѣ, ихъ покорившей, и жить въ мирѣ съ русскими.

Кто такой былъ Василій Растовецкій, написавшій эту сатиру, неизвѣстно. По воспоминаніямъ дѣтства намъ извѣстна съ этимъ именемъ и фамиліею личность полковаго священника, умершаго до 1840 г. Не онъ-ли и былъ авторомъ настоящаго стихотворенія? Автору, кто-бы онъ ни былъ, нельзя отказать въ знаніи исторіи, пониманіи ея хода, поли-

тическомъ чутьѣ и тактѣ. Фамилія Растовецкихъ извѣстна на Волыни, встрѣчалась и въ духовенствѣ; а волынскіе семинаристы и священники тогдашняго времени были единственно близкими къ народу людьми, понимавшими и всѣми силами отстаивавшими его интересы противъ гнетущей польской стороны. Авторъ патріотъ не только въ мѣстномъ, но и общерусскомъ смыслѣ. Языкъ и складъ стихотворенія носитъ всѣ слѣды наступившаго сліянія мѣстной поэзіи съ обще-русскою, но вмѣстѣ и самобытныя черты въ видѣ картинъ и уподобленій, духа рѣчи, внѣшней ея формы и присущихъ ей юмора и ироніи.

Что стихотвореніе въ свое время было въ ходу, видно изъ того, что оно проникло въ Галицію и намъ сообщено въ тамошнемъ спискѣ 1843 г., съ очевидными слѣдами тамошней транскрипціи и фонетики. На спискѣ означены даже мѣсто списыванія и названіе списывателя въ слѣдующихъ словахъ: «Іосифа Любомира Семеновича. Въ Сухоставѣ, 26 януарія 1843 г.». Вотъ его заглавіе и текстъ.

КРИТИКА ПОЛЬСКАГО ЦАРСТВА.

СОЧИНЕНІЕ

Василія Растовецкаго,

на Волынѣ, 1832 г.

1.

Ляхи! на що вамъ тое лихо,
Котрого шукали вы?
Чемубъ то не седѣти тихо?
Чи вамъ бурчати противъ Москвы?
Чи вы забули, якъ голандцѣ,
Нѣмцѣ и всѣ гишпанцѣ
Зъ французомъ на нью ишли?
Шѣсть сотъ ихъ тысячъ, щожъ дознали?
Бѣду велику напитали.

2.

Кто свѣтъ создалъ и правитъ свѣтомъ,
Такый порядокъ завѣлъ,

Щобъ снѣгъ не падавъ зъ неба лѣтомъ
И садъ середъ зимы не цвѣлъ,
Баранъ съ медведемъ не бранился
И съ пѣвнемъ воробець не бился.
Не пара зайцеви коза,
Огонь палитъ воскъ, палитъ салитру,
Пухъ не лѣтаетъ противъ вѣтру
И дубъ моцнѣйшый, нижъ лоза.

3.

То правда, що Давидъ маленкый
Да Голіаѳа уклалъ;
Самсонъ, тоже жидовинъ дуженкый,
Самъ руками льва розтерзалъ:
Чи можнажъ по сему гадати,
Щобъ карлики посмѣли звати
Гигантовъ на смертный бой?
Кто въ дѣлѣ важномъ такъ гадае,
Въ силце, якъ птичка, впадае
И въ клѣточцѣ живетъ вѣкъ свой.

4.

Кто въ дѣлѣ хоче бути меткый,
Нехай припадки всѣ сбере
И ни оденъ, або два рѣдкѣ,
То правду добре розбере.
Кто Карла быстрого всмиряе,
Свою столицю закладае
На собственной его землѣ?
Лѣщынського кто зводилъ зъ трону,
Сасконцу давалъ корону?
Все то робили москалѣ.

5.

Чи намъ не говорити небылицѣ
Про мудрый брандибурскый домъ,

Коли могущыхъ двѣ царицѣ
Съ другими царствовали гуртомъ,
Побрались рука за руку,
Щобъ добре дати ему науку,
Но все съ нимъ ладу не дойшли;
Однѣ лишь москалѣ тягучѣ,
Въ бояхъ умѣлыи и ручѣ,
Весь край его съ мечемъ пройшли.

6.

Де дѣлись крымскіи ногайцѣ,
Що вамъ страшнѣ були не разъ?
Богемцѣ также и моравцѣ
Ховались одъ нихъ подъ часъ;
Червонцѣ зъ васъ и кожушки драли,
Дѣвчатъ по двадцять тысячь брали,
Кромѣ мущинъ и молодицъ.
Дежъ тое кожушковое войско,
Що грабило васъ, угровъ и Шлоньско?
Предъ Москвою пало ницъ.

7.

Де сѣчева чудесная зграя,
Що множилась и безъ жѣнокъ,
Що туркамъ и вамъ була страшная,
Давала добренкый толчокъ?
Велика русская цариця
Сказала имъ пожениться,
Домами на Кубанѣ жить,
Черкесовъ тамъ собою страшити,
А не жидовъ и васъ лупити.
Москаль, що скаже, такъ и быть.

8.

Послухалъ Мустафа француза,
Съ Москвою воёвать началъ,

Поймалъ же добренкого туза,
Сто пудъ лиха напиталъ.
Кагульскый день—стыдъ бісурманцо́въ,
Съ малою силою Румянцовъ
Гналъ ихъ, калѣчилъ по поляхъ,
А на морѣ Орловъ безстрашный
Турецкѣ кораблѣ ужаснѣ
Въ кутокъ загналъ, спалилъ на прахъ.

9.

Смирился, збулъ бѣды такои,
Постыдный миръ въ Кайнарджи принялъ,
Однакъ не долго булъ въ покоѣ.
А другомить войну началъ:
Якойже дознаъ потери?
Очаковъ, Измаиловъ, Бендери
Хотяй московскій чули духъ,
Якъ во́нъ задумался о Насанѣ,
Що лопнувъ съ флотомъ на Лиманѣ,
Хоть другихъ билъ въ Египтѣ въ пухъ.
Отъ що чрезъ столѣтное время
Народъ московскій поробилъ!
Во́нъ тузалъ разное людское племя,
А въ томъ гурти и васъ побилъ,
Его́ звать стали великаномъ,
Во́нъ зновъ бился съ шведомъ и султаномъ,
Земли, людей багато взялъ,
А Николай часть усугубилъ,
Во́нъ шаха и Магмуда чубилъ,
Народъ возами грозне билъ.

10.

Такъ любо москалямъ дивиться
На тѣ далекѣ краи,
Де ихъ теперъ лежитъ границя.
О, якъ зчислить столпы сіи!
Тутъ треба книжки предъ очи,
Щобъ не заблудити, якъ середъ ночи.

Скажу вамъ, хоть не все ошибусь:
Шведы, по кавказськіи горы,
Прусъ, Чорное, Ліодовитое море,
Китай, Дунай, Червоная Русь.

12.

Якабъ сему була причина,
Що москалѣ мудрують всѣхъ?
Не другая, а та едина:
Великій край, багацько ихъ,
Царь, якъ отець, они якъ дѣти,
Велитъ имъ дѣлъ своихъ глядѣти,
Они и слухають ёго.
Вôнъ добрыхъ милуе, доволить,
Упрямыхъ, злыхъ по праву школить,
Порядокъ требуетъ сёго.

13.

Такъ царства, якъ и человѣкъ,
Родятся и такъ ростутъ;
Но имъ не можна жить во вѣки;
Коли часъ прійде, то и упадуть.
Розумныи люди насъ не дурять,
А сущу правду балагурять:
Тому народу конець,
Де меншѣ старшыхъ не уважають,
Правдъ царскихъ не выполняють,
То и въ судахъ правдѣ томець.

14.

Одкинувши всѣ баналюки,
О ляхи! що маете для насъ,
Вы казку слухайте безъ скуки,
Да и долгенкую о васъ:
Що царства вашого начало
Одъ Зимовита лишъ настало,

Вы лѣтъ до тысячи были.
Той Зимовитъ, Рурикъ-славнѣ
Царѣ, оба то дуже давнѣ,
Почти и лѣтъ однихъ жили.

15.

Щасливѣ вы тогда бували,
Когда наслѣдственныи царѣ
По воли вашой управляли.
Они знали ваши надзоры,
Побѣдами найболшими гремѣли,
Столпы желѣзныи быть умѣли
На земли своей; на краю
Набралась лиха и нѣмота,
Два разы кіевскіи ворота
Умѣли брать подъ власть свою.

16.

А послѣ пѣстовали Ягеллоны,
До силы, счастія ихъ вели,
Богемскіе и венгерскіе троны
У воли ихъ тогда были,
И вся Литва до васъ пристала.
Тогда то Польща процвѣтала,
Тогда добре вамъ було,
Мѣста и села населялись,
Торговля, ремѣсла взмагались,
Булъ лады, ученіе цвѣло.

17.

При короляхъ сихъ добрыхъ, любихъ
Вы дуже начали гулять,
Ошибокъ наробили грубыхъ,
Власть стали дуже ихъ стиснять.
Алъберта добре окресали,
При Александрѣ доказали,

Що самовласный вы народъ.
Тогда вы дерева садили,
Що послѣ вамъ зродили
«Не позвалямъ» смертный плодъ.

18.

Що добрыхъ сто головъ изробить
Для краю цѣлого въ дѣлахъ,
Подкупленъ пьяниця все згубить
И цѣлый сеймъ розсиплетъ въ прахъ.
Такъ шляхта вольная брикала,
Всьо домъ на верхъ перевертала,
Жде сейму нового опять.
Въ два роки онъ знова собирался
И знову также розрывался,
Дѣла народнѣ знову сплять.

19.

Хоть часомъ сеймъ и продолжался
По праву черезъ недѣль шесть,
Чогожъ народъ бѣдный дождался?
Якую онъ получилъ тамъ честь?
Що воеводамъ, каштелянамъ,
Маршалкамъ, канцлерамъ, гетманамъ
Староства добрыи дали,
Тіи Бѣлого Орла поняли,
А тѣ чиновъ подоставали,
Да все лишъ для себе пани.

20.

А дробна шляхта чиншовая
На сеймики бѣгомъ бѣжитъ,
Одни другихъ переганяя:
Тамъ то попоѣсти и попить!
Воли лопали стадами,
Горѣлка, пиво, медъ бочками

Було для ней одъ пановъ.
За що? Щобъ выбрать разомъ съ нею
Приятеля въ ихъ судѣ судѣю,
Такихъ-же и на сеймъ пословъ.

21.

Пышили ся Ягеллоны,
А ляхъ болшей воли пожелалъ,
Задумалъ роздавать короны
Такимъ, которыхъ самъ и собиралъ.
Выборы першѣ лишъ настали,
Валуя королемъ обрали,
Щобъ онъ якъ полицмайстеръ булъ.
Побачивши такое мытарство,
Бурливое покинувъ царство,
И до французовъ знать драпнулъ.

22.

У кажди такіи выборы
Якого можна ждать добра?
Споръ, сваръ, крикъ и розговори:
Той хоче Павла, той Петра
На польскомъ тронѣ посадити,
Щобъ послѣ могли его за носъ водити
И королевщину схватити,
Другихъ царовъ тѣмъ раздражати,
Щобъ принцовъ ихъ не выбирати—
Такъ вороговъ прійшлось нажити.

23.

А тіи безкоролевья страшнѣ
Одинъ розбой лишъ були.
Кто панъ богатый, той ужасный,
А прочіи якъ заяци жили.
Пани войска свои держали,
У шляхты добра закладали

Кто пять, шисть селъ имѣлъ, той не панъ,
Лишъ шляхтичомъ онъ назывался,
У пана ласки домагался,
Щобъ цѣлый булъ чубъ, то й уланъ.

24.

Не толко шляхтою робили
Такій калабаликъ пани,
И королевское войско били
За надворныхъ жовняровъ они.
Кто Любимирского не зналъ,
Якъ королевское войско трепалъ,
И съ ними мирился, мовъ чужый.
Що выроблялъ и Радзіевскій,
Князь Радзивилъ и Зебрадовскій,
Да и бискупъ тамъ носъ вставилъ свой.

25.

А три Зборовски забіяки,
Самило, Криштофъ и Андрей,
Такой наробили драки,
Що лишъ дивись, да потѣй.
Вапоньского Самило згладилъ,
Съ Замойскимъ канцлеромъ не зладилъ,
На короля въ трехъ принялись—
Або ёго зъ престола зсадити,
Або его совсѣмъ убити;
Но се дѣло не удалось.

26.

Да и сами про между собою...
За добро и за що небудь
Не разъ доходило до бою,
Щобъ между ними старшый булъ,

Робили сварку да и тлусту,
Сапѣгу зсѣкли на капусту,
Огиньскій, Вишневецкій тожъ
И знов Сапьеги, Радзивилы
Тожъ колотъ завести вмѣли,
Такой що на войну похожъ.

27.

Таку бездѣлицу велику
Король Янъ Казимиръ узналъ,
Безъ сварки всякой и безъ крику
Корону тяжку вамъ оддалъ,
Подяковалъ за ласку вашу,
Торбу грошей взялъ на кашу.
Въ манастырѣ до вѣку жилъ,
А вашѣ безпорядки знавши
И проповѣдь о нихъ сказавши,
Вôнъ за сто лѣтъ и смерть вамъ открилъ.

28.

При Зимовитѣ права вѣра
Въ сей край до русияновъ прійшла:
Чи сказать-же для примѣра,
Що тутъ она собѣ знайшла?
Завсѣды вы ее давили,
А русиновъ товкли, били
И мали ледве не за псôвъ.
Они вамъ тоже не давались,
Такъ якъ могли оборонялись,
Щобъ езуитъ ихъ не поѣвъ.

29.

Коли староста чегриньскій
Обиду тяжку зробилъ,

То писарь войсковый Хмельницкій
О судъ короля о тѣмъ просилъ.
Они старостѣ поблажили,
Такого-жъ пива наварили,
Що кровью милися, якъ водою.
За жѣнку, за село, за сына
Намнята вамъ добре чуприна.
Онъ тягъ ажъ подъ Люблинъ изъ ордою.

30.

А ще найперше Жовтѣ Воды
Онъ съ кровію вашею смѣшалъ,
Дождался и Корсунь такой роботы,
Що двохъ гетмановъ тамъ поймалъ.
А потомъ руси больше набравши
И іоломъ свой на бакеръ взявши,
До Львова зъ нею доходилъ,
Тамъ лоба цупко настороширъ:
Все грабилъ, все палилъ, все пустошилъ
И короля булъ окружилъ.

31.

У русиновъ частенько изъ вами
Розвязка добрая була.
Не ладили вы съ козаками,
Такъ часть ихъ до Москвы пойшла,
Поддался туркамъ Дорошенко,
Зъявились Гонта и Тимченко—
И симъ вы рады не дали,
Вонибъ васъ мордовали долше,
Да въ край москаль прійшолъ же,
Ихъ до нещастья довели.

32.

У васъ було не чистое царство,
А ни республика була.

Якесь чудное государство.
Бо только шляхта у васъ була,
Що ей хотѣлось, то робила,
Крестьянъ, мѣщанъ пригомотила—
У васъ булъ только сущій гамъ.
Дежъ такъ було, якъ се сказати?
При королѣ аристократы—
Се смерть другая вамъ!

Библіографія.

Poczet rodów w wilkiém księstwie Litewskiém w XY i XYI wieku. Ułożył i wydał Adam Boniecki. Warszawa, 1887. (Знатные роды въ великомъ княжествѣ Литовскомъ въ XV и XVI в. Составилъ и издалъ Адамъ Бонѣцкій. Варшава. 1887 г.)

Не смотря на то, что настоящая книга составлена польскимъ ученымъ и издана на польскомъ языкѣ, она по всей справедливости должна составлять столько же, если не болѣе, пріятную новинку для русскихъ ученыхъ, интересующихся исторіею южной и западной окраинъ Россіи, какъ и для самихъ поляковъ. Въ ней собраны документальныя свѣдѣнія по исторіи литовско-русскихъ дворянскихъ родовъ за XV и первую половину XVI в. Если родословныя изслѣдованія представляютъ несомнѣнный научный интересъ въ исторической литературѣ каждаго народа, какъ вспомогательное средство въ дѣлѣ выясненія и разработки общей его исторіи, то въ примѣненіи къ исторіи Литвы и соединенныхъ съ нею русскихъ земель это положеніе имѣетъ сугубое значеніе. Чтобы понять это, стоитъ лишь вспомнить о той вліятельной политической роли, какую играли въ литовскомъ государствѣ, при его феодальномъ строѣ, многочисленные княжескіе и вообще знатные роды. Правда, въ польской литературѣ еще съ XVI ст. никогда не было недостатка въ сочиненіяхъ, посвященныхъ шляхетской генеалогіи и геральдикѣ; но всѣ эти «herbarze» Папроцкаго, Окольскаго, Нѣсецкаго et tutti quanti не внушаютъ большаго къ себѣ довѣрія, такъ какъ ихъ составители, льстя шляхетсткому тщеславію соотечественниковъ, не стѣснялись возмещать отсутствіе точныхъ генеалогическихъ свѣдѣній самыми забавными небылицами. По этому г. Бонѣцкій поступилъ какъ нельзя болѣе благоразумно, совершенно игнорируя въ настоящемъ своемъ трудѣ всѣ гене-

алогическіе труды предшественниковъ, за исключеніемъ развѣ такихъ серьезныхъ изслѣдователей, какъ гг. Стадницкій, Вольфъ и Бартошевичъ, мнѣнія которыхъ онъ иногда принимаетъ къ свѣдѣнію, и въ основу своего труда положивъ исключительно документальные источники. Первое мѣсто въ ряду этихъ источниковъ у него занимаетъ Summaryusz, т. е. краткая опись или перечень документовъ нѣсколькихъ десятковъ книгъ Литовской Метрики, отъ самыхъ древнихъ временъ до половины XVI ст., замѣняющая для него подлинную Метрику. Зная, съ какими огромными затрудненіями сопряженъ доступъ къ подлинной Метрикѣ Литовской, хранящейся въ Петербургѣ, не рѣшаемся сдѣлать упрекъ г. Бонѣцкому за эту замѣну, тѣмъ болѣе. что книги Метрики за XV в. не сохранились; но не можемъ не пожалѣть, что онъ не счелъ нужнымъ болѣе подробно познакомить насъ съ своимъ первоисгочниковвъ и не собщилъ даже того, когда и кѣмъ сдѣланъ этотъ Summaryusz и насколько подробно передаетъ онъ содержаніе актовъ подлинной Метрики. Кромѣ того, въ расноряженіи г. Бонѣцкаго находились и нѣкоторые другіе необнародованные еще источники, какъ напр. акты и декреты Люблинскаго трибунала, архивъ Войниловичовъ, инвентарь короннаго архива, составленный королевскими комиссарами въ 1682 г., метрика коронная и т. под. Наконецъ онъ воспользовался цѣлымъ рядомъ (болѣе 40 названій) относящихся къ его предмету печатныхъ сочиненій, какъ польскихъ, такъ и русскихъ, преимущественно изданій древнихъ памятниковъ, наприм. Акты гродсскіе и земскіе, изданные во Львовѣ, изданія Виленск. Археограф. Коммисіи, Археографическій Сбовникъ документовъ относящихся къ исторіи сѣверозападной Руси, Грамоты великихъ князей литовскихъ и т. под. Въ выборѣ послѣднихъ у г. Бонѣцкаго, впрочемъ, замѣчается нѣкоторая неполнота и недостаточно строгая разборчивость: почему-то въ спискѣ его матеріаловъ отсутствуютъ, наприм., Акты Западной Россіи, хотя Акты Южной и Западной Россіи отмѣчены, отсутствуютъ также всѣ рѣшительно изданія Кіевской Археографической Комиссіи, тогда какъ такое сомнительное въ научномъ отношеніи изданіе, какъ «Витебская Старина», удостоено его вниманіемъ.

Изъ всѣхъ перечисленныхъ источниковъ г. Бонѣцкій выбралъ свѣдѣнія рѣшительно о всѣхъ дворянскихъ родахъ Литовскаго Княжества, какія только встрѣчались ему, расположивъ ихъ въ алфавитномъ порядкѣ фамилій. Свѣдѣнія эти не отличаются ни разнообразіемъ, ни бытовыми подробностями. Общая ихъ формула приблизительно такая: кто изъ представителей даннаго рода и когда именно въ-первые упоминается въ источникахъ и по какому случаю, кто были его дѣти, внуки и т. д., какіе и когда получили они уряды, какими владѣли помѣстьями и т. под.

Но высокое научное достоинство этихъ свѣдѣній заключается именно въ ихъ исторической точности и документальной вѣрности, лишенной какихъ-бы то ни было прикрасъ, что и дѣлаетъ книгу г. Бонѣцкаго незамѣнимымъ пособіемъ въ рукахъ каждаго изслѣдователя литовско-русской старины.

Вездѣ, гдѣ была возможность, составитель приложилъ особыя родословныя таблицы съ хронологическими датами при каждомъ имени. Это чрезвычайно облегчаетъ пользованіе книгою въ случаххъ спѣшныхъ справокъ. Всѣ фамильныя имена и прозвища, а также названія географическія приведены въ книгѣ въ ихъ первоначальной литовской или русской формѣ, какъ они писались въ XV—XVI вв., а не въ позднѣйшей ополяченной ихъ формѣ: точно также составитель поступаетъ и въ отношеніи личныхъ или крестныхъ именъ, что еще болѣе важно, такъ какъ правильная передача крестнаго имени весьма часто можетъ заключать указаніе на то, къ какому вѣроисповѣданію—восточному. или западному—принадлежало извѣстное лице.

По вопросу о происхожденіи волынскихъ и другихъ южнорусскихъ княжескихъ родовъ, составлявшему, какъ извѣстно, камень преткновенія для всѣхъ древнихъ и большинства новыхъ польскихъ генеалоговъ, г. Бонѣцкій обнаруживаетъ въ своей книгѣ достаточное безпристрастіе и независимость своихъ сужденій: онъ не придаетъ никакого значенія старымъ, вѣками утвердившимся въ польской литературѣ мнѣніямъ относительно якобы происхожденія этихъ родовъ изъ дома Гедиминовичей и болѣе склоняется въ пользу признанія князей: Чорторыйскихъ, Сангушковъ, Вишневецкихъ, Ружинскихъ, Воронецкихъ, Збаражскихъ, Порыцкихъ и др. потомками южнорусскихъ удѣльныхъ княжескихъ родовъ. По большой же части онъ благоразумно уклоняется отъ такого или иного рѣшенія вопросовъ о первоначальномъ происхожденіи того или другаго рода, въ виду того. что документальныя данныя, бывшія у него подъ руками и относящіяся лишь къ XV и въ рѣдкихъ случаяхъ къ концу XIV вв., не представляютъ для этого достаточныхъ основаній.

Единственный упрекъ, какой можно бы сдѣлать г. Бонѣцкому, или же, можетъ быть, вѣрнѣе его издателю—это по поводу крайней дороговизны книги: въ кіевскихъ магазинахъ она продается по 10 р. за экземпляръ. Правда, книга представляетъ довольно объемистый томъ in quarto, въ 500 съ лишнимъ страницъ, издана въ типографскомъ отношеніи вполнѣ безупречно, на веленевой бумагѣ, съ прекрасной виньеткой на заглавномъ листѣ; но всѣ эти внѣшнія достоинства книги не могутъ примирить покупателя съ ея непомѣрной дороговизной. Лучше въ такомъ случаѣ издать хорошую книгу болѣе скромно, на обыкновенной

бумагѣ, но назначить цѣну ей подешевле; иначе большинство тѣхъ лицъ, для которыхъ она предназначается, могутъ очутиться въ непріятномъ положеніи, такъ мѣтко выраженномъ народной пословицей: «добрый крамъ, та не по нашихъ грошахъ».

О. Л.

Кавказская война въ отдѣльныхъ очеркахъ, эпизодахъ, легендахъ и біографіяхъ, сост. В. А. Потто. С.-Петербургъ, 1887 г. т I, *вып. 1—4. Изд. 2-е.*

Первое изданіе вышло въ 1885 г., а теперь передъ нами второе изданіе «Кавказской войны» Потто, что уже доказываетъ отчасти достоинства этого труда. Цѣль автора—популяризированіе исторіи кавказской войны, и съ этой цѣлью онъ предлагаетъ вниманію читателя рядъ живыхъ и бойкихъ разсказовъ и біографій, причемъ обращаетъ вниманіе и на внутреннюю исторію вѣковой кавказской борьбы русскихъ съ горцами, воспоминанія отдѣльныхъ лицъ—участниковъ войны, пѣсни, черты нравовъ и быта. Изданіе предпринято въ трехъ томахъ: 1) До Ермолова, 2) Ермоловское время и 3) Персидская война 1826—1828 г. Авторъ не преслѣдуетъ строго историческія цѣли и потому въ его книгѣ нѣтъ критики событій и дѣятельности отдѣльныхъ лицъ и почти нѣтъ ссылокъ на научныя пособія. Это популярно - историческій трудъ, изложенный простымъ, яснымъ языкомъ, иногда въ художественныхъ очеркахъ, на отличной бумагѣ, четкимъ отличнымъ шрифтомъ, съ немногими, весьма хорошо исполненными, небольшими рисунками въ началѣ и концѣ статей, въ формѣ виньетокъ при иниціалахъ. Для русскихъ юношей, преимущественно учащихся въ военныхъ учебныхъ заведеніяхъ, «Кавказская война» г. Потто—пріятное и полезное чтеніе, изъ котораго они вынесутъ убѣжденіе, что самые гробы служатъ для насъ краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ, что слава въ потомствѣ слѣдуетъ за тѣми, кто живетъ не во имя самолюбивой гордости, а во имя блага своей отчизны и своего народа (IV. 568).

Въ 4 выпускѣ перваго тома помѣщено нѣсколько статей по исторіи черноморскаго войска, именно: 1) Чепига и Головатый, 2) Бзіюкская битва, 3) Атаманъ Бурсакъ, 4) Гибель Новогригорьевскаго поста и 5) Смерть Тиховскаго. Въ этихъ статьяхъ очерчена дѣятельность храбрыхъ потомковъ запорожскихъ сѣчевиковъ, силою обстоятельствъ заброшенныхъ далеко отъ родного Днѣпра на берега бурливой Кубани, лицемъ къ лицу съ дикими головорѣзами черкесами.

Въ статьѣ о Чепигѣ и Головатомъ излагается въ короткихъ словахъ горемычное блуканіе запорожцевъ послѣ разоренія Сѣчи, въ связи съ запорожской политикой Потемкина. Въ послѣдніе годы своего бурнаго существованія запорожская Сѣчь выдвинула двухъ замѣчательныхъ людей: атамана Харька Чепигу и войскового судью Антона Головатаго. Это были истые сыны Запорожья, посильно отстаивавшіе его вѣковыя вольности и, при полной невозможности сохранить ихъ, содѣйствовавшіе мирному переселенію козаковъ въ прикубанскія степи. Въ статьѣ г. Потто ясно выступаетъ умная и дальновидная политика Головатаго, пріискивавшаго такую комбинацію, которая, ограничивая въ угоду Потемкина запорожскія права въ извѣстной мѣрѣ, въ то же время не нарушала бы основныхъ традицій Сѣчи; но Потемкинъ съ свойственнымъ ему высокомѣріемъ рѣшилъ, что Сѣчь должна быть уничтожена. Балагуря съ притворной любезностью со своимъ «побратимомъ» Головатымъ въ Петербургѣ, Потемкинъ посылаетъ приказаніе генералу Текели занять Сѣчь и обезоружить козаковъ. Въ лицѣ Головатаго выразился русскій демократизмъ, какимъ онъ проявился въ народоправствѣ сѣверно-русскихъ вѣчевыхъ Новгорода и Пчкова и въ южнорусской Сѣчи; въ лицѣ Потемкина боярское и слившееся потомъ съ нимъ бюрократическое начало русской жизни, развившееся въ Московскомъ государствѣ до петровскаго времени и расцвѣтшее во время Петра Великаго и въ особенноси во время Екатерины Второй. И тамъ, и здѣсь было много ума и настойчивости; но на сторонѣ послѣдней была еще сильная власть и знакомство съ западно-европейскими средствами вліянія и борьбы. Главное, самый ходъ историческихъ событій былъ за Потемкина, и потому имя его покрылось славой, хотя дѣятельность его не имѣла ничего общаго съ тѣмъ, что дорого всякому человѣческому сердцу, съ идеями просвѣщенія, гуманизма и свободы.

Сознавая важное значеніе мѣстнаго и этнографическаго элементовъ, въ статьѣ о черноморскихъ козакахъ г. Потто приводитъ малорусскія пѣсни, сложенныя черноморцами, и передаетъ безъ перевода оригинальныя, полныя ироніи и силы, малорусскія рѣчи Головатаго. Напрасно только г. Потто вездѣ пишетъ Чепѣга, вмѣсто малорусскаго слова Чепига. Если бы слово «чепѣга» находилось и въ русскомъ языкѣ, тогда можно было бы и черезъ *ѣ* его передать, а то оно принадлежитъ только малорусскому языку въ значеніи деревянныхъ ручекъ у плуга, а отсюда уже въ значеніи одного созвѣздія. Въ старину оно писалось чрезъ *ѣ*, но произносилось чрезъ *и*

Въ статьѣ о бзіюкской битвѣ говорится о первомъ походѣ черноморцевъ за Кубань и участіи ихъ въ междоусобной битвѣ двухъ черкесскихъ племенъ шапсуговъ и пшедуховъ. Козаки помогали пшеду-

хамъ, и со времени этой битвы начались вторженія шапсуговъ въ Черноморію.

Атаманъ Бурсакъ, третій послѣ Чепиги (второй—Котляревскій), былъ одинъ изъ послѣднихъ характерныхъ представителей Сѣчи запорожской. Выбранный въ концѣ 1799 г., онъ пробылъ атаманомъ до 1816 г., когда вышелъ въ отставку. Онъ многократно врывался въ Шапсугію, разорялъ аулы и отбилъ охоту у горцевъ тревожить черноморскую линію. При немъ, въ 1803 г., прекратился сѣчевой урядъ, и черноморцы были раздѣлены на полки на общемъ основаніи съ другими казачьими войсками.

Статьи о гибели Новогеоргіевскаго поста въ 1809 г. и о геройской кончинѣ полковника Тиховскаго въ 1810 г. въ битвѣ съ черкесами дополняютъ общую картину тревожной боевой жизни черноморцевъ въ началѣ настоящаго столѣтія.

О.

Историческія разысканія въ южнорусскихъ архивахъ. Амфіана С. Лебедева. Выпускъ 1. Москва 1886 г.

Профессоръ харьковскаго университета А. С. Лебедевъ въ послѣдніе пять-шесть лѣтъ обратился къ изученію южнорусскихъ церковныхъ и монастырскихъ архивовъ и издалъ нѣсколько небольшихъ работъ, обратившихъ уже на себя вниманіе лицъ, занимающихся южнорусской бытовой исторіей. Историческія статьи и замѣтки А. С. Лебедева, почти всѣ очень небольшія, разбросаны въ разныхъ журналахъ, между прочимъ, въ мало извѣстномъ харьковскомъ журналѣ «Миръ», вышедшемъ всего въ шести книгахъ. Г. Лебедевъ возъимѣлъ прекрасную мысль собрать свои прежнія изслѣдованія по южнорусской церковной исторіи и, дополнивъ ихъ новыми, издать въ нѣсколькихъ выпускахъ подъ общимъ, какъ видно по первому выпуску, заглавіемъ: «Историческія разысканія въ южнорусскихъ архивахъ. Первый выпускъ заключаетъ въ себѣ изслѣдованіе: «Харьковскій коллегіумъ, какъ просвѣтительный центръ Слободской Украйны до учрежденія въ Харьковѣ университета». Исторія харьковскаго коллегіума была уже изслѣдована свящ. Д. Федоровскимъ въ «Дух. Бесѣдѣ» 1863 г. и П. С—ымъ въ «Харьк. Епарх. Вѣдомостяхъ» 1880 г. Оба писали исторію коллегіума по архивнымъ документамъ, дѣламъ коллегіума, хранящимся въ архивѣ харьковской духовной семинаріи; но архивный матеріалъ не былъ ими исчерпанъ. А. С. Лебедевъ нашелъ въ семинарскомъ архивѣ нѣсколько важныхъ документовъ, относящихся къ просвѣтительному значенію коллегіума для Украйны, которыми на-

званные изслѣдователи не располагали. Кромѣ того, А. С. Лебедевъ нашелъ нѣсколько интересныхъ для исторіи коллегіума документовъ въ архивахъ курской и харьковской духовныхъ консисторій и курскаго знаменскаго монастыря. Вся статья г. Лебедева состоитъ во 1) изъ краткаго изслѣдованія о постановкѣ преподаванія наукъ и о просвѣтительномъ значеніи харьковскаго коллегіума (стр. 1—31) и во 2) изъ архивныхъ документовъ, относящихся къ коллегіуму (стр. 32—103).

Въ началѣ изслѣдованія о коллегіумѣ изглагается исторія его возникновенія, источники его доходовъ и положеніе учебнаго дѣла. Какъ общеобразовательная школа, доступная для людей всѣхъ сословій, харьковскій коллегіумъ пользовался сочувствіемъ общества, и это сочувствіе тѣмъ болѣе возрастало, что коллегіумъ всегда съ особеннымъ вниманіемъ относился къ практически примѣнненымъ знаніямъ, языкамъ русскому, французскому и нѣмецкому. Въ коллегіумѣ предподавались, кромѣ того, богословіе, философія, естественная исторія, физика, риторика, піитика, математика, иѳика, исторія, географія, музыка, рисованіе, языки латинскій и греческій. Замѣчательно, что въ коллегіумѣ важное значеніе имѣло преподаваніе греческаго языка, согласно съ его общеобразовательнымъ значеніемъ, между тѣмъ какъ въ другихъ школахъ духовнаго вѣдомства почти безраздѣльно господствовалъ латинскій языкъ. Число учениковъ въ коллегіумѣ всегда было значительно; въ самомъ началѣ существованія коллегіума, въ 1727 г., было уже 420 чел.; въ послѣдующія времена число учащихся возрастало до 700, 800 и выше. Главный контингентъ давали дѣти духовенства; но и свѣтскихъ было не мало, притомъ не только дворянскихъ дѣтей, но и дѣтей купцовъ, мѣщанъ, козаковъ, крестьянъ. Коллегіумъ выпускалъ много подготовленныхъ людей не только въ духовную, но и статскую службу: медиковъ, дипломатовъ, учителей гимназій. Со всей Украйны духовенство, дворяне, мѣщане и купцы обращались въ коллегіумъ съ просьбами объ отпускѣ въ ихъ домы изъ воспитанниковъ коллегіума учителей, и начальство давало отпуски воспитанникамъ философскаго и богословскаго классовъ. Вообще, въ XVIII ст., скудномъ просвѣтительными средствами, харьковскій коллегіумъ имѣлъ важное общеобразовательное значеніе для всей южной Россіи.

Изъ приложенныхъ къ изслѣдованію архивныхъ документовъ одинъ имѣетъ историко-литературный интересъ; это похвальное слово архіерею Епифанію, составленное въ 1727 г. Ильей Филипповичемъ по случаю учрежденія коллегіума,—слово крайне витіеватое, риторическое, съ рисунками, иллюстрирующими текстъ. Гораздо любопытнѣе инктрукціи коллегіума учителямъ о томъ, какъ и чему учить. Здѣсь опредѣляется общій характеръ и направленіе коллегіумскихъ наукъ. Еще любопытнѣе,

но уже въ смыслѣ преимущественно бытовомъ, инструкціи инспекторамъ, или старшимъ изъ воспитаниковъ коллегіума относительно того, какъ они должны руководить младшими воспитанниками. Наряду съ наставленіями, чтобы младшимъ воспитанникамъ внушался страхъ Божій и добронравіе, наклонность къ молитвѣ и хожденію въ церковь, идутъ наставленія, чтобы ученики «не ходили по базару безъ нужды, по льду не кользались , чтобы сами инпекторы по улицамъ не бродили, не шатались по чужимъ квартирамъ, особенно по безчестнымъ домамъ, не били учениковъ по щекамъ, за волосы не рвали, не штрикали ничѣмъ въ глаза, въ зубы и въ грудь, не бранились неблагопристойно и не давали ученнкамъ насмѣшливыхъ прозваній». Приложенныя далѣе выписки изъ приходо-расходныхъ книгъ коллегіума 60-хъ годовъ прошлаго вѣка представляютъ любопытныя данныя для исторіи цѣнъ въ б. Слободской Украйнѣ.

Вообще первый выпускъ «Историческихъ разысканій» А. С. Лебедева представляется цѣннымъ вкладомъ въ исторію просвѣщенія въ южной Россіи, и остается только пожелать, чтобы дальнѣйшіе выпуски „Историч. разысканій“ не заставляли читателей долго ждать себя,—желаніе тѣмъ болѣе основательное, что труды А. С. Лебедева захватываютъ мало-разработанную область культурной исторіи южно-русскаго края, преимущественно бывшей слободско-украинской, нынѣ харьковской губерніи.

Н. С.

Histoire de la littérature russe dépuis les origines jusgu'a nos jours par Léon Sichler. Paris. 1886 г. IX+340. (Исторія русской литературы отъ начала ея до настоящихъ дней. Льва Зихлера.).

Съ каждымъ годомъ русская литература все болѣе и болѣе привлекаетъ на себя вниманіе французскаго общества. Почти всѣ значительные русскіе писатели переведены на французскій языкъ; появился цѣлый рядъ монографій объ отдѣльныхъ писателяхъ; появляются, наконецъ, и полные обзоры русской литературы. Во Франціи есть теперь цѣлый рядъ писателей, увлекающихся всѣмъ русскимъ, много пишущихъ о Россіи, напр. Рамбо (La Russie êpique, Histoire de Russie), графъ де-Вогюе (Le Roman russe), Леже (Etudes slaves), Дюпюи (Les grands maîtres de la littérature russe au XIX-e Siècle) и т. д. Къ нимъ можно причислить и Льва Зихлера. «Исторія русской литературы» не первая его работа. Недавно онъ издалъ «Conets russes, traduits et illustrés»; кромѣ того о Россіи онъ писалъ въ Revue des Traditions populairs (octobre, 1886 г.), въ Revue des religions (1886 г.) и т. д. На страницахъ его послѣдней книги разсѣяны

указанія на будущія работы: такъ онъ обѣщаетъ издать: Légendes chrétiennes russes et oukrainiennes (стр. 36), La Poèsie Russe, Rècits russes d'auteurs contemporains, Les beaux arts en Russie, Le peuple russe, Légendes russes et Légendes de la Petite Russie.

Книга Зихлера имѣетъ чисто компилятивный характеръ; составлена, главнымъ образомъ, по французскимъ трудамъ о Россіи. Изъ русскихъ попадаются ссылки на гг. Безсонова, Пыпина, почемуто называемаго Sypine (стр. 116), Драгоманова. По всей вѣроятности, эти ссылки—изъ вторыхъ рукъ. Нѣкоторыя мѣста какъ будто бы прямо переведены изъ «Исторіи русской литературы» Полеваго (о Посошковѣ, духовной драмѣ и т. д.).

Зихлеръ даетъ краткія біографіи писателей, переводъ нѣкоторыхъ ихъ произведеній, краткія замѣтки о значеніи писателей въ исторіи русской литературы. Это очень сжатый очеркъ, могущій имѣть нѣкоторое значеніе для французскаго читателя, но никакъ для русскаго. Это не то, что «Geschichte der russischen Litteratur» Рейнгольда, которая можетъ имѣть значеніе и для русскаго читателя, ибо она написана глубокимъ знатокомъ русскаго языка и литературы, на основаніи новѣйшихъ изслѣдованій. Любопытно, что Зихлеръ въ свою «Исторію русской литературы» ввелъ нѣкоторыя данныя литературы южно-русской, какъ старинной, такъ и позднѣйшей. На стр. 97—101 онъ говоритъ о «Russie méridionale et occidentale au XVI Siècle»; здѣсь перечислены главнѣйшіе южно-русскіе литературные дѣятели XVI в. и вкратцѣ указано ихъ значеніе. Болѣе всего авторъ останавливается на Петрѣ Могилѣ, Гизелѣ, Копинскомъ, Галятовскомъ, Радивиловскомъ, Симеонѣ Полоцкомъ; остальныхъ только перечисляетъ. Объ южно-русскихъ ученыхъ, перешедшихъ въ Москву и объ ихъ значеніи, Зихлеръ также кратко упоминаетъ на стр. 101—104 и 110—112: болѣе всего говоритъ онъ о Симеонѣ Полоцкомъ и Епифаніи Славинецкомъ; о Димитріи Ростовскомъ очень мало (стр. 112).

На стр. 131—132 авторъ говоритъ объ южнорусскихъ думахъ, даетъ переводъ думы о Марусѣ Богуславкѣ и извѣстной пѣсни: «Ой пишли казаченьки зъ Украины»; переводъ довольно близокъ къ подлиннику, но свѣдѣнія о думахъ у Зихлера столько же скудны, какъ и о перечисленныхъ раньше южно-русскихъ писателяхъ. Вотъ какъ авторъ опредѣляетъ думы: «думы—это размышленія народа, это элегіи, пѣсни, поэмы историческія, которыя всегда имѣютъ своимъ предметомъ жизнь украинцевъ или козаковъ и славу такихъ ихъ героевъ, какъ Наливайко, Хмельницкій, Дорошенко. Смуты «руины» (les troubles de l'interrègne) и

подвиги претендентовъ на корону (булаву?) находятъ также себѣ тамъ откликъ» (стр. 131).

На стр. 280—281 помѣщена поверхностная біографія Шевченка; въ концѣ перечислены его главнѣйшія произведенія: Гайдамаки, Катерина, Иванъ Подкова, Тарасова ничъ, Гамалія, Наймичка. Кромѣ того есть нѣсколько словъ о Маркѣ Вовчкѣ (стр. 332), довольно много о Гоголѣ (стр. 261—271).

В. К—шъ.

---

1) Шебелинскій бунтъ, Л. Илляшевича, 2) П. П. Сокальскій. Къ исторіи русской музыки, И. П. Сокальскаго. (Харьковскія Губернскія Вѣдомости. 1887 г. №№ 62—63, и 100).

На страницахъ «Кіевской Старины» отъ времени до времени появляются библіографическія сообщенія о статьяхъ другихъ журналовъ, касающихся южноруской исторіи и этнографіи. Особенное значеніе имѣютъ такія сообщенія о статьяхъ, встрѣчающихся въ «Губ. Вѣдомостяхъ», въ которыя рѣзко заглядываетъ большинство читающей публики.

Статьи мѣстнаго историко-литературнаго и этнографическаго характера всего чаще можно встрѣчать въ «Харьковскихъ Губ. Вѣдомостяхъ». На сей разъ я хочу ознакомить читателей съ двумя названными статьями, въ нихъ помѣщенными.

Первая изъ нихъ передаетъ, на основаніи архивныхъ матеріаловъ, разсказъ объ одномъ характерномъ эпизодѣ изъ исторіи украинскихъ военныхъ поселеній, мало или почти совсѣмъ у насъ неизвѣстной. Вотъ сущность этого разказа.

10 ноября 1828 г. состоялось распоряженіе объ образованіи серпуховскаго полка изъ 15 казенныхъ селеній и двухъ хуторовъ въ зміевскомъ и изюмскомъ уѣздахъ харьковской губерніи. Жители всѣхъ селеній вновь образуемаго округа серпуховскаго уланскаго полка, со дня поступленія ихъ изъ гражданскаго вѣдомства въ военное, до конца мая 1829 года оставались въ образѣ жизни по прежнему безъ всякаго измѣненія, были тихи, смирны и не оказывали открытаго непослушанія новому управленію. Новость управленія заключалась въ томъ, что прежнія волостныя и сельскія правленія были переименованы въ сельскіе комитеты; въ нихъ постоянно находилось по одному вахмистру съ двумя ефрейторами, почти всѣ неграмотные, а къ нимъ придано было по нѣсколько членовъ изъ коренныхъ жителей. Эскадронные командиры и ихъ помощники пріѣзжали въ селенія своего эскадрона временно,

а командиръ поселенныхъ эскадроновъ, ротмистръ Молчановъ, занимаясь составленіемъ описи имуществу жителей и семейныхъ ихъ списковъ, по мѣрѣ успѣха переѣзжалъ изъ селенія въ селеніе.

23 мая, черезъ вахмистровъ, ефрейторовъ и членовъ сельскихъ комитетовъ, жителямъ всѣхъ селеній объявленъ вышеупомянутый приказъ, чтобы назначенные въ дѣйствующіе эскадроны, служащіе инвалиды и кантонисты, запаслись хлѣбомъ на трое сутокъ и были бы готовы идти 25 числа въ слободу Меловую, на инспекторскій смотръ. Приказано было одѣться почище, быть въ новыхъ кафтанахъ, шляпахъ, кушакахъ и сапогахъ.

Этотъ приказъ вызвалъ повсюду большое смущеніе и ропотъ. „Для чего идти въ Меловую на смотръ, когда у насъ нѣтъ никакой казенной амуниціи?—говорили они на сходахъ; пусть сперва одѣнутъ, а потомъ смотрятъ, а въ теперешнемъ одѣяніи, зипунѣ и лаптяхъ, смотрѣть нечего, а ежели кто хочетъ смотрѣть насъ, то можетъ видѣть, пріѣхавъ къ намъ въ селеніе“. Населеніе, вообще очень несочувственно относившееся къ военному поселенію, теперь заволновалось. Среди доселѣ мирнаго населенія распространился слухъ, что на смотръ требуютъ не всѣхъ жителей, а только назначенныхъ въ дѣйствующіе эскадроны и что какъ скоро они соберутся въ слободу Меловую, тамъ забрѣютъ имъ лбы и отошлютъ въ дальніе полки. Этому слуху тамъ повѣрили, что въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ первоначально не было замѣтно сопротивленія, матери, жены и дѣти злосчастныхъ избранниковъ. провожая ихъ въ Меловую, оглашали воздухъ рыданіями и причитаніями.

Населеніе села Шебелинки рѣшилось не идти на смотръ; вскорѣ къ шебелинцамъ присоединились жители слободы Михайловки. Противъ волновавшихся крестьянъ, собравшихся въ Шебелинкѣ въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ, былъ двинутъ отрядъ уланъ въ 336 чел. Уланы, встрѣтившіе пиками крестьянъ, вооруженныхъ кольями и косами, были отбиты и отступили, потерявъ раненными 24 человѣка. Губернаторъ Муратовъ и сенаторъ Горголи напрасно старались увѣщаніями склонить крестьянъ къ покорности. «Уважаемъ твою сѣдину, говорили крестьяне сенатору Горголи, но служить не будемъ». Въ Шебелинкѣ появилась своего рода орлеанская дѣва, воодушевлявшая народъ къ сопротивленію. Воинствующей героиней оказалась старуха Аксинья Токарева, болѣе извѣстная подъ уличнымъ прозвищемъ «бабки Гарбузихи» и слывшая среди шебелинскихъ крестьянъ за колдунью. Въ теченіи двухъ дней, 28 и 29 мая, бабка Гарбузиха но нѣсколько разъ обходила толпу съ пасхою, вербою и горохомъ. Пасху всѣ должны были цѣловать, вербою колдунья махала кругомъ, а гороху по три зерна

она сама клала въ ротъ каждому изъ поселянъ. Въ тоже время она раскидывала кругомъ «городка» листья орѣховыхъ деревьевъ, увѣряя всѣхъ, что теперь стрѣлять въ нихъ никто не посмѣетъ.

Между тѣмъ къ Шабелинкѣ стягивались войска: вторая уланская дивизія въ полномъ составѣ и баттарея конной артиллеріи. «Едва взошло солнце 31 мая, говоритъ г. Илляшевичъ, какъ бунтовавшей толпѣ еще разъ предложено было покориться. Отвѣтъ былъ отрицательный. Избѣгая кровопролитія и все еще надѣясь на возможность мирнаго окончанія, генералъ Горголи приказалъ дать одинъ пушечный выстрѣлъ черезъ головы. Это еще болѣе ободрило непокорныхъ. Отъ выстрѣла, на противуположномъ концѣ деревни, загорѣлся стогъ сѣна. Толпа разразилась громкимъ ура, увѣровавъ, что чары бабки Гарбузихи предохранили ихъ даже отъ пушечныхъ выстрѣловъ. Не долго однако они ликовали. Отданъ былъ приказъ стрѣлять картечью, которая, врѣзываясь въ самую толпу, повалила сотни. Всего было сдѣлано 24 выстрѣла, послѣ которыхъ уланы пошли въ атаку. Все, что могло еще бѣжать изъ городка, бѣжало передъ уланами; но тѣ подступали со всѣхъ сторонъ, стрѣляя изъ карабиновъ въ упоръ и послѣ выстрѣла отступая въ заднюю шеренгу, пропускали впередъ пикинеровъ. Такимъ образомъ, уже не встрѣчая сопротивленія, уланы сошлись со всѣхъ сторонъ въ серединѣ деревни, гдѣ отъ оставшейся толпы, павшей на колѣни, приняли просьбу о помилованіи и увѣреніе въ покорности.

Во всеподданнѣйшемъ рапортѣ сенатора Горголи показано, что во время усмиренія убито поселянъ на мѣстѣ 46, тяжело ранено, которые тамъ-же и умерли 28, а всего 74 человѣка, и въ томъ числѣ одна женщина. Отправлено въ госпиталь раненыхъ 100 человѣкъ, изъ нихъ 29 умерло, 39 выздоровѣло, а 32 оставались въ госпиталѣ къ 14 августа, когда былъ подписанъ этотъ рапортъ. Несомнѣнно, показанныя здѣсь цифры далеко ниже дѣйствительныхъ. По показанію современника этого событія, только въ андреевскій госпиталь (борисоглѣбскаго полка) было доставлено около 400 раненыхъ, а въ рапортѣ сенатора Горголи, согласно донесеній поселеннаго начальства, въ андреевскомъ госпиталѣ показано лишь 60 раненыхъ. Современникъ этотъ, житель слободы Андреевки говоритъ, что всѣхъ раненыхъ, доставленныхъ въ Андреевку и требующихъ большею частію ампутаціи и другихъ хирургическихъ операцій, нельзя было помѣстить въ госпиталь и ихъ разложили въ манежѣ и въ школѣ, на землѣ на соломѣ; въ манежѣ въ четыре ряда. Три госпитальныхъ медика И. И. Бирнбаумъ, докторъ Пауль и Егоръ Фаддѣевичъ Ѳедзіевскій работали усерднѣйшимъ обра-

зомъ; но при всемъ искусствѣ врачей не многіе калѣки вернулись домой, большинство-же умерли.

Послѣ усмиренія наступилъ часъ возмездія. Къ счастію, дѣло попало въ руки такого справедливаго и гуманнаго человѣка, какимъ былъ сенаторъ Горголи. Почти три мѣсяца ѣздилъ онъ изъ селенія въ селеніе, отбирая показанія, распрашивая о причинахъ недовольства, стараясь успокоить взволнованное населеніе».

Представляя государю императору свое заключеніе о причинахъ бунта, сенаторъ Горголи прямо обвинялъ военное начальство, которое, зная о нерасположеніи крестьянъ къ переходу въ военные поселяне, не соблюло достаточной осторожности при введеніи новыхъ порядковъ и впослѣдствіи не приняло своевременно мѣръ предосторожности для сохраненія порядка.

Группируя виновныхъ, Горголи къ зачинщикамъ и подстрекателямъ отнесъ 50 чел., а къ участникамъ 163 чел., причемъ великодушный сенаторъ ходатайствовалъ передъ государемъ о прощеніи виновниковъ второй категоріи, уже испытавшихъ тяжесть тюремнаго заключенія. Ходатайство это было уважено; всѣ 163 чел. были отпущены по домамъ. Изъ 50 главныхъ виновниковъ 2 были сосланы въ бобруйскую крѣпость въ каторжныя работы, а остальные 48 отправлены въ Елисаветградъ на службу въ поселенные эскадроны 3-й уланской дивизіи. Бабка Гарбузиха, или Аксинья Токарева, содержавшаяся во все время слѣдствія и суда на полковой гауптвахтѣ, по старости, была отпущена домой безъ всякаго наказанія, лишь съ отобраніемъ подписки, чтобы «она впредь отнюдь не осмѣливалась обманывать суевѣрный народъ мнимымъ своимъ знаніемъ въ ворожбѣ, въ противномъ случаѣ поступлено будетъ съ нею по всей строгости законовъ»; мѣстному-же начальству поставлено было въ обязанность «имѣть за поведеніемъ ея и поступками строгій секретный надзоръ».

Вторая статья, принадлежащая перу роднаго брата покойнаго П. П. Сокальскаго, сообщаетъ обстоятельныя и точныя біографическія свѣдѣнія о покойномъ и его музыкальной дѣятельности.

П. П. Сокальскій родился въ Харьковѣ 14 сент. 1832 г. Здѣсь онъ получилъ высшее образованіе въ мѣстномъ университетѣ по естественному разряду наукъ и защитилъ, по окончаніи въ немъ курса въ 1855 г., диссертацію на степень магистра химіи. Въ Харьковѣ-же написаны были имъ первыя музыкальныя произведенія, счетомъ 16, изъ которыхъ въ бумагахъ покойнаго сохранилось только четыре.

«Съ 1855 года началась для П. П. Сокальскаго безпокойная, кочевая жизнь, полная заботъ и труда, изъ-за устройства соціальнаго положенія, при которомъ внѣшняя обстановка не шла-бы въ разрѣзъ съ свободою душевныхъ стремленій. Онъ ищетъ устроиться прежде всего въ Москвѣ, въ редакціи какой-либо газеты или журнала, попадаетъ случайно въ какую-то деревню въ тверской губерніи, откуда шлетъ въ «Отечественныя Записки» разсказъ: «Наблюденія уѣзднаго старожила надъ коньками своихъ сосѣдей» (январь, 1857 г.), перекочевываетъ затѣмъ на короткое время въ С.-Петербургъ и участвуетъ цѣлымъ рядомъ статей (сельско-хозяйственнаго и техническаго содержанія) въ изданіи Журнала министерства государственныхъ имуществъ. Наконецъ судьба несетъ его за Океанъ и въ послѣдней (№ 12) книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» за тотъ-же 1857 годъ помѣщено уже его «Письмо изъ Америки». Около трехъ лѣтъ провелъ онъ здѣсь въ должности секретаря русскаго генеральнаго консула Нотбека въ Нью-Іоркѣ. Три года, проведенные П. П. Сокальскимъ въ Америкѣ, имѣли рѣшающее значеніе въ его жизни. Здѣсь именно отдался онъ любимому искусству всею душею, безраздѣльно, здѣсь изучилъ теорію и исторію музыки, здѣсь-же задумалъ и капитальныя свои произведенія: оперу «Мазепа» (на тему А. Пушкина), оперу «Майская ночь» (на тему Гоголя) и оперу «Осада Дубно» (на тему Гоголя) «Тарасъ Бульба». Среди шума и грохота громаднаго города, на смѣну разнообразныхъ новыхъ впечатлѣній отъ Новаго Свѣта, сами собою, во всей своей красѣ, вставали предъ добровольнымъ изгнанникомъ дорогія воспоминанія о цвѣтущихъ садахъ, зеленыхъ лугахъ и просторныхъ, тогда еще цвѣтными коврами покрытыхъ весною степяхъ Украйны. Въ Нью-Іоркѣ написана и первая малорусская фантазія (безъ словъ) на тему: «Вѣютъ вѣтры буйные по степи широкой».

Послѣ возвращенія въ Россію, П. П. Сокальскій въ 1860 г. поселился въ Одессѣ, по приглашенію брата своего И. П. Сокальскаго для совмѣстнаго редактированія «Одесскаго Вѣстника», и съ тѣхъ поръ проживалъ въ Одессѣ, посвящая свои труды литературѣ и преимущественно музыкѣ.

Принадлежа къ числу плодовитыхъ музыкальныхъ композиторовъ, П. П. Сокальскій создалъ много музыкальныхъ пьесъ и фантазій и нѣсколько оперъ, изъ которыхъ, по спеціально мѣстно историческимъ рамкамъ «Кіев. Старины», здѣсь упомянемъ: «На лугахъ. Отголоски Украйны. Спб. 1861 г.» (не издано) и «Тарасъ Бульба», изд. въ Петербургѣ въ 1864 г. подъ названіемъ «Осада Дубно». Либретто оперы

на русскомъ и малорусскомъ языкахъ написано самимъ композиторомъ, причемъ было исходатайствовано имъ право пользоваться обоими либретто при постановкѣ оперы на сцену. Кромѣ того П. П. Сокальскій составилъ на украинскіе мотивы 4 пьесы, положилъ на музыку три думы Шевченка, романсъ на слова Глѣбова «Не такъ мене правда» (Основа, 1861 г., іюль), сдѣлалъ нѣсколько переложеній малорусскихъ пѣсенъ на фортепьяно и составилъ рецензію по поводу постановки въ Одессѣ «Риздвяной Ночи» Н. В. Лисенка, помѣщенную въ Одесскомъ Листкѣ 1884 г., №№ 257—258.

Въ 60-хъ и 70-хъ годахъ П. П. Сокальскій ревностно изучалъ народную музыку. Онъ съ большимъ усердіемъ сталъ записывать музыку мѣстныхъ малорусскихъ пѣсенъ и принялся за изученіе сборниковъ народныхъ пѣсенъ, изданныхъ въ Россіи и въ Европѣ. Одна коллекція этихъ сборниковъ составляетъ довольно значительную часть его музыкальной библіотеки. Этимъ-то матеріаломъ и воспользовался П. П. Сокальскій при составленіи своего капитальнаго труда «О русской народной музыкѣ».

Съ 1862 г. начинаются теоретическіи его работы по музыкѣ. Въ журналѣ «Время» помѣщена его статья: «О музыкѣ въ Россіи» (мартъ, 1862 г.).

Повидимому, итоги своихъ теоретическихъ работъ по музыкѣ подвелъ П. П. Сокальскій въ сочиненіи своемъ: «Русская народная музыка», *вполнѣ оконченномъ и приготовленномъ къ печати* (какъ значится на рукописи) *28 февраля 1886 года*.

Сочиненіе состоитъ изъ 2 частей. Авторъ далъ ему слѣдующее заглавіе:

«Русская народная музыка» (великорусская и малорусская) въ ея строеніи, *мелодическомъ* и *ритмическомъ*, и отличія ея отъ основъ современной *гармонической* музыки. Часть 1) мелодическое строеніе. Часть 2) ритмическое строеніе. Изслѣдованіе *П. П. Сокальскаго*. Одесса, 1886 г.

На разсмотрѣніи извѣстнаго музыкальнаго критика *М. М. Иванова* была (въ рукописи) только первая часть этого сочиненія, и онъ высказалъ о ней самое лестное сужденіе въ двухъ статьяхъ «Новаго Времени» отъ 23 марта с. г. (№ 3974) и отъ 30 марта (№ 3981).

Въ концѣ статьи И. П. Сокальскій сообщаетъ, что одесскій литераторъ-публицистъ, Павелъ Степановичъ Леонардъ, узнавши, что печа-

таніе изслѣдованія «О русской музыкѣ» задерживается въ настоящее время за неимѣніемъ готовыхъ для того средствъ, сочувственно отнесся къ этому дѣлу и заявилъ готовность поддержать матеріальными средствами изданіе этого изслѣдованія, которое, въ виду того, что текстъ изобилуетъ нотными строками, предположено печатать въ С.-Петербургѣ, подъ наблюденіемъ *Н. Н. Бороздина*, друга покойнаго изслѣдователя, и подъ редакціею музыкальнаго критика *М. М. Иванова.*

С.

Извѣстія и замѣтки

(историко-литературныя, этнографическія и историческія).

А.-Г. К. Киркоръ,

ученый изслѣдователь Литвы и Бѣлоруссіи [1]).

(некрологъ).

Почти незамѣтно проскользнуло для нашихъ ученыхъ извѣстіе о кончинѣ Адама-Гонорія Карловича Киркора, одного изъ самыхъ неутомимыхъ дѣятелей, какихъ выставила для науки наша западная окраина. Не будетъ излишнимъ поэтому посвятить нѣсколько словъ воспоминанію этой трудовой, недавно еще окончившейся жизни.

Смерть постигла Киркора на 69-мъ году жизни, въ ноябрѣ прошлаго года, въ Краковѣ, гдѣ онъ жилъ въ послѣдніе годы, удрученный старостью и измученный продолжительною болѣзнью. Покойный былъ уроженецъ Бѣлоруссіи и почти всю свою жизнь посвятилъ изученію этого края и близко соприкасающейся съ нимъ Литвы. Онъ какъ бы замыкаетъ собою тотъ длинный рядъ безкорыстныхъ и самоотверженныхъ дѣятелей на поприщѣ науки, который такъ достойно былъ начатъ извѣстнымъ польско-русскимъ археологомъ и этнографомъ-собирателемъ Зоріаномъ Доленгою-Ходаковскимъ (Ад. Чарноцкимъ) и продолженъ братьями Е. и К. Тышкевичами, Ѳ. Нарбуттомъ, Игн. Ходзько, Чечотомъ и другими. Имъ прежде всего обязана наша наука многими изысканіями по

---

1) Читано въ засѣданіи московскаго археологическаго общества.

части исторіи, археологіи и этнографіи западныхъ областей нашего отечества, и къ ихъ трудамъ будетъ обращаться всякій, кто пожелаетъ ближе познакомиться съ исторіей нашей западной окраины и съ духовною жизнью литовскаго и бѣлорусскаго народовъ. Были, конечно, у этой плеяды и свои увлеченія, не свободныя подъ часъ отъ нѣкоторой тенденціи, но гдѣ-же ихъ нѣтъ? Серьезный и безпристрастный человѣкъ съумѣетъ отличить правду, выберетъ изъ трудовъ этихъ ученыхъ здоровыя зерна, которыхъ онъ, безъ сомнѣнія, найдетъ тамъ не мало, и съ благодарностью помянетъ людей, посвятившихъ жизнь, трудъ и средства для пользы своей родины и поддерживавшихъ такъ или иначе священное пламя на очагѣ родной науки.

А. К. Киркоръ родился въ 1818 году, т. е. именно въ тотъ самый годъ, когда появился трудъ помянутаго Ходаковскаго: «О славянствѣ въ до-христіанскій періодъ». Родиною Киркора была могилевская губернія, гдѣ отецъ его былъ, кажется, сельскимъ уніатскимъ священникомъ гдѣ-то около города Мстиславля. Учился онъ сначала въ могилевской гимназіи, а потомъ въ дворянскомъ институтѣ въ Вильнѣ. По окончаніи образованія онъ остался жить въ этомъ городѣ, получивъ должность секретаря при губернскомъ правленіи. На эту чиновничью службу онъ смотрѣлъ, какъ на горькую необходимость, и всегда искалъ знакомства и дружбы въ средѣ людей болѣе просвѣщенныхъ, желая посвящать свободныя минуты для болѣе возвышенныхъ цѣлей. Въ числѣ его друзей былъ между прочимъ профессоръ бывшаго виленскаго университета, археологъ Михаилъ Гомолицкій. Подъ его-то вліяніемъ развилась въ Киркорѣ страстная любовь къ занятіямъ древностями и, благодаря этому, онъ оказалъ большую услугу разработкѣ мѣстной исторіи и особенно археологіи. Онъ раскопалъ систематически болѣе 1,000 кургановъ въ Литвѣ и Бѣлоруссіи, изслѣдовалъ и описалъ множество городищъ и замковищъ. Рядомъ съ археологіею шли также занятія по этнографіи, которой онъ отдавался съ неменьшимъ увлеченіемъ и уже въ 1839 году написалъ статью «О языческихъ обрядахъ въ Бѣлоруссіи». Болѣе 30 лѣтъ прожилъ онъ въ Вильнѣ и въ теченіе этого времени работалъ для Вильны и виленской губерніи по преимуществу.

Лучшею иллюстраціею безкорыстной и неутомимой дѣятельностью Киркора будутъ служить многочисленные труды, принадлежащіе ему самому цѣликомъ, или-же изданные имъ въ сообществѣ съ другими на русскомъ и на польскомъ языкахъ. Въ 1843 году, при участіи извѣстнаго Крашевскаго, издававшаго уже съ 1841 г. свой Atheneum, а также М. Грабовскаго, М. Верещинскаго и др., Киркоръ приступилъ къ періодическому изданію «Радегастъ», названному такъ по имени одного изъ древне-языческихъ полабско-славянскихъ божествъ, представителя вещей и воинственной силы божества солнца, по объясненію нѣкоторыхъ миѳологовъ. Журналъ долженъ былъ выходить на польскомъ языкѣ и служить главнымъ образомъ интересамъ западнаго края; но по выходѣ въ свѣтъ перваго тома изданіе пришлось прекратить по независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ. Тогда Киркоръ подъ псевдонимомъ Яна изъ Сливина (Jan ze Sliwina) задумалъ издавать «Памятники умственной жизни» (Pamiętniki umysłowe); въ теченіе 1845—46 гг. ихъ вышло три книги, и на этомъ изданіе прекратилось.

Вскорѣ послѣ этого Киркоръ былъ избранъ членомъ виленскаго губернскаго статистическаго комитета, а также членомъ имп. археологическаго общества. Благодаря этому для него открылся болѣе широкій кругъ дѣятельности. Онъ сталъ производить научныя изслѣдованія въ западныхъ губерніяхъ, совершая отъ времени до времени поѣздки, издавалъ и редактировалъ рядъ трудовъ и отдѣльныхъ статей по исторіи, археологіи, этнографіи, статистикѣ и отчасти даже лингвистикѣ. Съ 1850 по 1854 г. онъ редактировалъ «Памятныя книжки виленской губерніи», издававшіяся при губернскомъ статистич. комитетѣ. Это изданіе, какъ и всѣ ему подобныя, предназначалось собственно для справочныхъ цѣлей, но кромѣ того тамъ былъ отдѣлъ неоффиціальный, и Киркоръ, какъ знатокъ края, съумѣлъ придать живой интересъ этому дѣлу и сообщить ему серьезный характеръ. Самъ онъ велъ тамъ постоянную рубрику «Виленскія воспоминанія» и кромѣ того помѣстилъ еще слѣдующія свои статьи: «Хронологическое показаніе достопримѣчательныхъ событій отечественной исторіи въ виленской губерніи до 1852 г.» (Пам. кн., 1852 г.), «Очерки городовъ виленской губерніи» (ibid.), «Статистическій взглядъ на виленскую губернію» (1853 г.). Къ этому-же времени относятся его «Историко статистическіе очерки

виленской губерніи» (1852 г., 2 т., съ таблицами) и «Черты изъ исторіи и жизни литовскаго народа» (1854 г.), изданныя виленскимъ губернскимъ статистическимъ комитетомъ. Какъ дѣйствительный членъ имп. рус. географическаго общества, Киркоръ печаталъ свои труды и въ изданіахъ этого общества. Такъ, въ 1854 г. въ «Вѣстникѣ имп. рус. геогр. общ.» помѣщена его статья: «Населеніе г. Вильны и его статистика за послѣдніе 22 года». Позднѣе, въ 1857—58 г. въ томъ-же изданіи появился его большой очеркъ подъ заглавіемъ: «Этнографическій взглядъ на виленскую губернію», составленный согласно программѣ, выработанной обществомъ. Для большаго распространенія этого интереснаго труда общество перепечатало его цѣликомъ и въ другомъ своемъ изданіи, «Этнографическомъ Сборникѣ» (вып. 3), гдѣ онъ занялъ болѣе одинадцати печатныхъ листовъ [1]). Тутъ, послѣ общаго введенія, трактуется о наружности жителей виленской губерніи, о языкѣ, о домашнемъ и общественномъ бытѣ, объ обычаяхъ и обрядахъ, о народномъ лѣченіи и лѣкарствахъ, объ увеселеніяхъ и музыкѣ, о нравственности, объ умственныхъ способностяхъ и образованіи, о народныхъ преданіяхъ и о памятникахъ, наконецъ, приведено болѣе сотни бѣлорусскихъ и отчасти литовскихъ пѣсенъ и около 200 пословицъ, и приложено объясненіе словъ. Большая часть наблюденій, сдѣланныхъ авторомъ надъ жизнью населенія виленской губерніи, можетъ быть отнесена ко всѣмъ бѣлоруссамъ и литовцамъ вообще, такъ что, не смотря на свои повидимому узкія рамки, этотъ трудъ имѣетъ общее значеніе для изученія Бѣлоруссіи и Литвы. Въ 1856 г. Киркоромъ изданы въ Вильнѣ на польскомъ языкѣ «Прогулки по Вильнѣ и его окрестностямъ», основательно знакомящія читателя съ историческими достопримѣчательностями этого древняго города, бывшаго нѣкогда столицею литовскаго княжества; это изданіе было въ 1859 г. повторено съ дополненіями. Въ томъже 1856 году, при участіи М. Гусева, М. Балинскаго и Л. Кондратовича онъ издалъ на русскомъ и на польскомъ языкахъ «Записки виленской археологической коммисіи», гдѣ между прочимъ помѣстилъ свою статью: «О значеніи и успѣхахъ археологіи».

---

[1]) См. также „Extraits des publications de la Société Jmpér. Géographique de Russie en 1856—57, Спб. 1859 г.

Продолженіе этого изданія явилось отдѣльнымъ выпускомъ въ 1858 г. и было обработано Киркоромъ при содѣйствіи И. Малиновскаго. Въ промежуткѣ между этими изданіами появились въ «Извѣстіяхъ имп. рус. археологич. общества» (1857 г.) еще слѣдующія статьи Киркора: «Археологическія разысканія въ виленской губерніи» и «Изображеніе литовской богини Мильды» (съ рис.). Другія его статьи разбросаны по разнымъ періодическимъ изданіямъ и журналамъ, не только русскихъ, но и польскимъ (напр. въ журналѣ «Biblioteka Warszawska», 1855 г.); разыскать и точно обозначить всѣ эти труды будетъ задачею библіографа, имѣющаго возможность наводить всѣ необходимыя для этого справки.

Однимъ изъ выдающихся событій въ умственной жизни Вильны этого времени было между прочимъ основаніе въ Вильнѣ, по иниціативѣ гр. Евст. Тышкевича, музея древностей, предназначеннаго для храненія памятниковъ старины западнаго края и существующаго до настоящаго времени. Киркоръ, какъ страстный археологъ и другъ Тышкевича, сразу принялъ весьма дѣятельное участіе въ этомъ учрежденіи, какъ въ его устройствѣ, такъ особенно въ обогащеніи коллекціями, добываемыми во время своихъ раскопокъ и получаемыми отъ разныхъ лицъ и любителей древностей и рѣдкостей. Назначенный затѣмъ вполнѣ заслуженно «консерваторомъ» археологическаго отдѣленія музея, онъ составилъ въ 1858 г. первый опытъ систематическаго описанія музея подъ заглавіемъ «Перечневый каталогъ предметовъ въ виленскомъ музеѣ древностей». Изъ этого перечня видно, что въ самомъ началѣ своего существованія музей имѣлъ болѣе 3,000 отдѣльныхъ предметовъ, касающихся духовнаго и внѣшняго быта древнихъ литовцевъ и бѣлоруссовъ, не считая въ томъ числѣ нумизматическихъ, естественно-историческихъ и библіографическихъ коллекцій, которымъ также было положено прочное начало.

Поѣздки съ научною цѣлью, раскопки, составленіе отчетовъ и статей съ изложеніемъ результатовъ этого изученія, наконецъ редактированіе историко-статистическихъ трудовъ и занятія по музею—все это не оставляло для него почти ни минуты свободнаго времени, и не смотря на это, онъ мечталъ еще о періодическомъ изданіи, посвященномъ мѣстнымъ интересамъ. Объ изданіи на русскомъ языкѣ въ тогдашнее время въ Вильнѣ нечего было и думать,

потому что слишкомъ мало было мѣстныхъ русскихъ силъ, которыя могли-бы поддерживать изданіе. И вотъ въ 1857 г. Киркоръ, навербовавъ себѣ надежныхъ сотрудниковъ, приступилъ къ изданію извѣстнаго «Виленскаго Портфѣля» (Teka wileńska)[1]; но ему не суждено было долго существовать. До 1863 г. его вышло всего восемь книгъ, въ которыя однако вошелъ весьма богатый и разнообразный матеріалъ, имѣющій большое значеніе для исторіи умственнаго движенія на нашей западной окраинѣ въ великую эпоху 60-хъ годовъ. Съ воцареніемъ Александра II почувствовалось приближеніе «новыхъ дней», началось обсужденіе разныхъ вопросовъ и настоятельныхъ реформъ, выдвинутыхъ наукою и еще болѣе жизнью, съ необыкновеннымъ жаромъ и серьезностью; все встрепенулось, и провинція не только не отставала въ этомъ отношеніи отъ столичныхъ центровъ, но иногда и опережала ихъ, потому что провинціальные дѣятели ближе стояли къ народной массѣ и отчетливѣе понимали необходимость той или другой реформы, практическое значеніе того или другого вопроса. Вильна была однимъ изъ главныхъ провинціальныхъ центровъ, гдѣ кипѣла духовная жизнь. Въ сентябрѣ 1858 года этотъ городъ удостоился посѣщенія государя императора, пробывшаго тамъ два дня. Государь былъ восторженно привѣтствуемъ всѣми безъ различія національностей и сословій. Ученикъ Сырокомли Викентій Коротынскій посвятилъ Александру II отъ имени народа стихотвореніе на бѣлорусскомъ языкѣ: «его милости, государу императору Александру Миколаевичу пѣсня зъ поклономъ одъ литовско-русинскои мужицкои громады»; а кружокъ литераторовъ и мѣстныхъ ученыхъ съ Киркоромъ во главѣ удостоился поднесть государю «альбомъ», или вѣрнѣе историко-литературный сборникъ, составленный въ память этого радостнаго событія и изданный виленскою археографическою коммиссіею. Составители сборника въ предисловіи или посвященіи высказали самыя вѣрноподданническія чувства отъ лица всѣхъ народностей западнаго края и предрекали милость, свободу, равноправность. Извѣстный польскій поэтъ Антоній Эдвардъ Одынецъ помѣстилъ въ этомъ сборникѣ необыкновенно вдохновенное стихотвореніе или оду въ

---

[1]) Передъ этимъ было выхлопотано разрѣшеніе на изданіе журнала „Pogoń Litewska", но изданіе не осуществилось.

честь Александра II, подъ заглавіемъ: «Przyjdz Królewstwo Boze!» Киркоръ напечаталъ тамъ-же по русски «Историко-статистическіе очерки г. Вильны съ его достопримѣчательностями»; наконецъ Николай Малиновскій помѣстилъ статью на французскомъ языкѣ: «Литва со времени воцаренія Александра II». Эта горячая преданность русскому царю представителей польской интеллигенціи вызвала въ заграничной польской прессѣ цѣлую бурю. Ярые, непримиримые поляки-патріоты закидали ихъ грязью, публично обозвали измѣнниками. Польскій критикъ и публицистъ Юл. Клячко, изъ виленскихъ евреевъ, выпустилъ въ 1860 г. въ Парижѣ политическій памфлетъ, подъ заглавіемъ: «Отступники» (odstępcy), направленный прямо противъ лицъ, учавствовавшихъ въ названномъ сборникѣ; его поддержалъ другой публицистъ Уѣйскій въ своихъ «Письмахъ изъ подъ Львова». Но все это не охладило Киркора, потому что онъ гораздо шире понималъ задачи истиннаго патріотизма, и интересы своего народа и своей родины были для него выше безсмысленныхъ фанатическихъ нападокъ.

Въ слѣдующемъ-же 1859 г. Киркоръ открылъ въ Вильнѣ собственную типографію, и съ этихъ поръ начался самый оживленный и самый блестящій періодъ его дѣятельности. Впослѣдствіи, уже въ глубокой старости, онъ всегда вспоминалъ объ этомъ времени, какъ о самой свѣтлой полосѣ. Эти воспоминанія онъ печаталъ въ 1884—85 гг. въ петербургскомъ «Краѣ» и въ «Дневникѣ Познанскомъ». Домъ Киркора былъ для всѣхъ открытъ и служилъ центромъ умственной жизни Вильны. По субботамъ бывали у него собранія, служившія не столько для увеселенія, сколько для обмѣна мыслей, споровъ, обсужденія разнаго рода вопросовъ. Постоянными гостями Киркора были: Сырокомля, Одынецъ, музыкантъ-композиторъ Монюшко, писатель Игн. Ходзько, археологи и историки: Ѳ. Нарбуттъ, М. Балинскій, Н. Малиновскій, бр. Тышкевичи, гр. Тизенгаузъ и многіе другіе. Иногда эти субботніе вечера принимали литературный характеръ, особенно когда Вильну посѣщала какая-нибудь знаменитость. Тутъ устраивали свои концерты извѣстные братья Венявскіе, Контскіе Антонъ и Аполинарій; о послѣднемъ Киркоръ еще въ 1852 г. издалъ даже брошюрку въ память его пребыванія въ Вильнѣ. Съ открытіемъ собственной типографіи, Киркоръ снова принялся за періодическія изданія. Въ 1859—62 гг. онъ издалъ подъ

извѣстнымъ уже псевдонимомъ два тома «Виленскаго Сборника» (Pismo zbiorowe wileńskie), а въ 1860 г., кромѣ того, принялъ на себя изданіе и редакцію газеты «Виленскій Вѣстникъ» («Krujer Wilenski), причемъ главнымъ помощникомъ его былъ Н. Малиновскій. Это былъ оффиціальный литературно-политическій органъ, предназначенный для Литвы и Бѣлоруссіи и печатавшійся на двухъ языкахъ: русскомъ и польскомъ. Существованіе мѣстнаго органа было чрезвычайно важно для края, особенно въ такое время, когда съ жаромъ обсуждались вопросы, касающіеся крестьянской реформы; нужно было только умѣніе вести. Успѣхъ газеты подъ его руководствомъ былъ таковъ, что вмѣсто прежнихъ 400 подписчиковъ явилось 3,000 съ лишнимъ. Но тутъ начались разныя дрязги и непріятности, была растрачена значительная сумма подписныхъ денегъ, издатель потерпѣлъ до 10,000 р. убытку и наконецъ долженъ былъ отказаться отъ изданія, чему не мало способствовали и политическія волненія, охватившія въ то время нашу западную окраину.

Это были послѣдніе годы жизни и дѣятельности Киркора въ Вильнѣ. Къ этому періоду относятся еще слѣдующіе его труды на польскомъ языкѣ: «Литва въ историческомъ, научномъ и статистическомъ отношеніяхъ» (1862 г.), «Путеводитель по Вильнѣ» съ весьма обильными историческими свѣдѣніями (1862 г., второе изданіе вышло въ 1880 г.) и «Вильна и желѣзныя дороги», путеводитедь съ планами и видами г. Вильны и съ картою желѣзныхъ дорогъ. Кромѣ того, въ «Сборникѣ историко-статистическихъ матеріаловъ по виленской губерніи», изданномъ губернскимъ статистическимъ комитетомъ, онъ помѣстилъ статью на русскомъ языкѣ: «Краткое обозрѣніе ученой дѣятельности по части статистики въ литовскомъ краѣ и въ особенности въ виленской губерніи» (I ч., 1863 г.).

Въ концѣ слѣдующаго 1864 года, московское археологическое общество избрало Киркора своимъ дѣйствительнымъ членомъ, и какъ-бы въ благодарность за оказанную ему честь онъ помѣстилъ впослѣдствіи въ «Трудахъ» этого общества, имѣющихъ спеціальное названіе «Древности», свое изслѣдованіе: «Монетное дѣло въ Литвѣ» (т, II, 1869 г.), вышедшее также отдѣльнымъ оттискомъ въ 1870 г. Впрочемъ и раньше еще онъ доставилъ этому обществу цѣлый рядъ статеекъ и замѣтокъ, которыя вошли въ число матеріаловъ

для археологическаго словаря, печатаемыхъ въ «Древностяхъ». Замѣтимъ кстати, что Киркоръ первый началъ составлять бѣлорусскій словарь, и если у него, можетъ быть, недоставало необходимаго для этого основательной филологической подготовки, то за то у него было основательное знаніе народа и близкое знакомство съ живою народною рѣчью. Объясненія бѣлорусскихъ словъ встрѣчались въ печати уже и раньше или одновременно у этнографовъ-собирателей, напр. въ сборникѣ пѣсенъ И. Чечота (Piosnki wieśniacze z nad Niemna i Dzwiny, Wilno. 1846), а также у разныхъ мелкихъ мѣстныхъ писателей, обрабатывавшихъ въ стихотворной и прозаической формѣ народно-бѣлорусскія темы, напр. у Дунинъ-Марцинкевича (Ciekawyś—przeczytaj! Минскъ, 1856 г. Dudarz białoruski, ib. 1857 г.) и другихъ. Но всѣ эти словарики ограничивались, конечно, нѣсколькими десятками словъ, требовавшихъ объясненія для точнаго пониманія текста. Между тѣмъ Киркоръ, при составленіи своего списка бѣлорусскихъ словъ, руководствовался уже именно мыслью составить опытъ словаря вообще, независимо отъ того или другаго текста. Подобную попытку сдѣлалъ еще въ 1851 г. протоіерей Григоровичъ, но смерть не позволила ему привести въ исполненіе свое намѣреніе, такъ что словарикъ Киркора остается все таки первымъ печатнымъ опытомъ въ этомъ родѣ. Онъ помѣщенъ въ видѣ приложенія въ упомянутомъ выше этнографическомъ описаніи виленской губерніи (Этногр. Сб., в. з, Вѣстн. рус. геогр. общ., ч. XXI). Къ сожалѣнію, послѣдующіе составители бѣлорусскаго словаря, какъ г. Микуцкій, такъ и г. Носовичъ, не сочли даже нужнымъ упомянуть имя Киркора, какъ своего предшественника въ этой области научнаго изслѣдованія.

Послѣ передачи въ другія руки «Виленскаго Вѣстника» Киркоръ оставилъ Вильну и переѣхалъ въ Петербургъ. Съ 1867 г. онъ началъ издавать тамъ большую ежедневную газету на русскомъ языкѣ «Новое Время». Сначала онъ велъ это дѣло вмѣстѣ съ Юматовымъ, а съ апрѣля 1869 г. изданіе перешло въ его полную собственность и печаталось въ его же типографіи. Кромѣ общихъ вопросовъ внѣшней и внутренней политики, въ газетѣ обращалось особенное вниманіе на вопросы касающіеся западнаго края. Они обсуждались и въ передовыхъ статьяхъ и въ мѣстныхъ корреспонденціяхъ, которыя помѣщались въ газетѣ въ большомъ количествѣ.

Мы не будемъ останавливаться на томъ, какъ именно освѣщались въ газетѣ тѣ или другіе факты изъ общественно-политической жизни нашего запада, не будемъ однимъ словомъ говорить о направленіи газеты, но не можемъ не упомянуть о томъ, что уже въ то время изданіе это возбудило въ нѣкоторыхъ подозрѣніе въ какихъ-то польско-шляхтетскихъ тенденціяхъ, въ желаніи идеализировать панское землевладѣніе въ западныхъ губерніяхъ и т. д. Намъ кажется, что если газета и говорила иногда за пановъ, то развѣ только въ томъ смыслѣ, чтобы ихъ не ставили въ какое-то исключительное положеніе среди другихъ землевладѣльцевъ-помѣщиковъ этого края и чтобы на нихъ смотрѣли, какъ и на другихъ, безъ предвзятыхъ мыслей и подозрѣній; а требованіе болѣе справедливаго отношенія къ человѣку еще нельзя назвать идеализаціею, прославленіемъ его достоинствъ въ ущербъ другимъ. Какъ бы тамъ не было, Киркоръ очень дорожилъ успѣхомъ своего изданія, убилъ на него все свое состояніе, и не смотря на это, могъ протянуть его существованіе только до 1871 года включительно.

Надломленный трудомъ, огорченный неудачами 50-лѣтній старикъ, онъ принужденъ былъ наконецъ совсѣмъ покинуть не только свою родину, но и отечество. Поселившись въ Краковѣ, онъ опять попробовалъ въ слѣдующемъ же 1872 г. издавать большой, общедоступный журналъ на польскомъ языкѣ «На сегодня» (Na Dziś), посвященный литературѣ, наукѣ, искусству, сельскому хозяйству, торговлѣ и промышленности. Вышло три книжки, но дальше изданіе не могло продолжаться по недостатку средствъ. Положеніе Киркора въ это время было далеко не завидное. Ради заработка онъ писалъ статьи въ разные журналы, пробовалъ даже читать публичныя лекціи и пробивался кое-какъ. Изъ его литературныхъ трудовъ, относящихся къ этому времени, упомянемъ слѣдующее: «Очерки современной русской литературы» (Tygodnik Wielkopol., Познань, 1873 г.), «О литературѣ родственныхъ славянскихъ народовъ» (Краковъ, 1874 г.), «II отдѣлъ краковской академіи наукъ, историко-библіогр. очеркъ» (Славянскій сборникъ, изданіе славян. благотворит. комитета, СПБ. 1876 г., т. III), «О древнихъ славянахъ (1875 г.), «Славяне въ Венгріи» (1875 г.), «Прибалтійскіе славяне» (Przegl. archeol., Львовъ, 1876 г,), «Славянская этнологія» (?), «Картины литовской жизни» (Познань 1875 г.), «Ризница ви-

ленскаго каѳедральнаго собора и его богатство» (Kwartalnik, изд. при Kłosach, 1877 г., II), «Литва и Бѣлоруссія въ историческомъ, географич., статистич. и археологическомъ отношеніяхъ» (Opiekun Domowy, 1875 г., Варшава). За исключеніемъ статьи объ академіи, все это было написано на польскомъ языкѣ и только послѣдній изъ названныхъ трудовъ былъ обработанъ самимъ-же Киркоромъ по русски и въ видѣ монографіи о Литвѣ о Бѣлоруссіи помѣщенъ въ изданной Вольфомъ «Живописной Россіи». Эта монографія заняла почти весь 3-й томъ названнаго изданія, вышедшій въ свѣтъ въ 1882 году (тамъ-же помѣщены еще двѣ статьи П. П. Семенова о современномъ экономическомъ состояніи Литвы и Бѣлоруссіи и статья С. В. Максимова «Бѣлорусская Смоленщина») и о важности ея можно судить уже по тѣмъ разнообразнымъ вопросамъ, какіе въ ней затронуты. Первая часть труда трактуетъ о литовскомъ Полѣсьѣ и заключаетъ въ себѣ слѣдующія главы: 1) Первобытныя времена литовскаго Полѣсья, 2)) Народности литовскаго Полѣсья и ихъ жизнь, 3) Литовскій языкъ и литовская миѳологія, 4) Природа древней Литвы, 5) Современная природа Литвы, 6) Историческія судьбы литовскаго Полѣсья, 7) Просвѣщеніе и народное творчество Литвы, 8) Городъ Вильно, 9) Городскія поселенія въ Литвѣ и народный трудъ въ Литвѣ. Вторая часть содержитъ въ себѣ всестороннее изслѣдованіе бѣлорусскаго Полѣсья, изложенное по слѣдующимъ отдѣламъ: 1) Памятники временъ первобытныхъ, 2) Слѣды язычества въ народныхъ празднествахъ, обрядахъ и пѣсняхъ, 3) Народная жизнь, 4) Историческія судьбы бѣлорусскаго Полѣсья, 5) Умственныя силы и средства образованія, 6) Природа Бѣлоруссіи, 7) Долина Припети, 8) Поселенія въ бѣлорусскомъ Полѣсьѣ. Появленіе этого труда на русскомъ языкѣ возбудило сильныя подозрѣнія и вызвало нѣсколько журнальныхъ статей, направленныхъ противъ его автора и издателей, хотя въ сущности эти нападки не имѣли достаточныхъ основаній [1]). Если были вѣрно

[1]) Помѣстивъ въ свое время въ нашемъ изданіи одну изъ такихъ статей, въ виду загадочной брошюры Либеровича (см. „Кіев. Старину“ 1884 г., август. кн., стр. 681—701), мы, въ видахъ безпристрастія, тѣмъ охотнѣе даемъ теперь мѣсто отзыву другаго рода, не отрицающему въ трудѣ Киркорв нѣкоторыхъ историческихъ погрѣшностей, но не видящему въ немъ предвзятой антирусской

указаны нѣкоторые фактическіе промахи, почти неизбѣжные во всякомъ единоличномъ трудѣ, то на основаніи этого нельзя еще съ увѣренностью сердцевѣда строить обвиненіе въ сепаратизмѣ, какъ это дѣлали нѣкоторые ярые обрусители, считающіе только себя носителями истинно-патріотическихъ идей. Особенно возсталъ противъ Киркора «Виленскій Вѣстникъ», а потомъ «Русь» (1884 г). Нѣкто Либеровичъ издалъ въ Краковѣ, а за тѣмъ и въ Петербургѣ брошюрку: «Stara Polska w malowniczym opisie» (1883 г.), гдѣ авторъ хотѣлъ во чтобы то ни стало навязать изданію Вольфа какую-то политическую тенденцію. И вотъ эти-то взгляды какого-то фанатичнаго поляка были приняты противниками за самый неопровержимый аргументъ, между тѣмъ какъ, по нашему мнѣнію, это была только неумѣстная и смѣшная выходка одного изъ лагеря непримиримыхъ, готовыхъ придраться ко всему. Профессоръ Кояловичъ, не чуждый, кажется, мысли представлять собою всю Бѣлоруссію и Литву заразъ, напалъ съ нѣкоторою какъ бы завистью на издателей «Живописной Россіи» за то, что они пригласили участвовать въ этомъ изданіи не надежныхъ и безпристрастныхъ русскихъ историковъ и писателей, къ которымъ онъ, конечно, причисляетъ и себя, а какихъ-то, по его выраженію, «носителей чисто окраинныхъ идей». Объ упомянутомъ 3-мъ томѣ этого изданія г. Кояловичъ писалъ въ своей «Исторіи русскаго самосознанія» слѣдующее: «Онъ (т. е. 3 томъ) почти весь представляетъ воспроизведеніе польскихъ воззрѣній и польскихъ притязаній на Литву и Бѣлоруссію. Главнымъ авторомъ этого тома, главнымъ такъ сказать строителемъ путемъ науки польскаго зданія въ Литвѣ и Бѣлоруссіи былъ г. Киркоръ, обладающій, какъ и г. Спасовичъ, и русскимъ и польскимъ образованіемъ, и у котораго, подъ видомъ гуманности и научности, тоже вездѣ видны великая неправда и фанатизмъ по отношенію ко всему русскому, какъ это русское сложилось во времена московскія и сохраняется во всѣ времена послѣ-петровскія» (стр. 448, 1884 г.). Такихъ голословныхъ обвиненій можно наговорить, сколько угодно; но врядъ-ли безпристрастный читатель «Живописной Россіи» и въ частности труда Киркора согласится съ ними. При-

---

мысли, проглядѣть которую было бы страннымъ для редакціи, составленной изъ авторитетовъ русской науки (какъ г. Семеновъ), стоящихъ выше всякихъ подозрѣній въ сочувствіи польскимъ тенденціямъ.—*Ред.*

держиваясь образнаго языка г. Кояловича, можно сказать, что Киркоръ вовсе не имѣлъ поползновенія сдѣлаться «строителемъ польскаго зданія въ Литвѣ и Бѣлоруссіи»,—подобное стремленіе было бы крайне смѣшно въ 80-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія; напротивъ онъ показалъ, хотя только слегка, какъ это зданіе дѣйствительно строилось нѣкогда и какъ оно рухнуло, не имѣя подъ собою прочныхъ основаній. Неужели можно ставить въ вину историку то, что онъ показываетъ степень вліянія одного государства на другое, одной націи и ея быта, религіи и культуры на другую? Неужели справедливо требовать отъ него, чтобы онъ умалчивалъ о томъ, о чемъ намъ непріятно вспоминать? Говорить о Литвѣ и Бѣлоруссіи и умолчать о вліяніи Польши было бы все равно, что писать исторію Россіи и не упомянуть о монгольскомъ игѣ. Горько было выслушивать всѣ эти обвиненія почти 70-лѣтнему старику, который большую половину своей жизни отдалъ безкорыстному служенію родинѣ. Онъ не въ силахъ былъ отвѣчать на всѣ эти памфлеты, а его обвинителямъ это было на руку. Только въ прошедшемъ году въ одномъ изъ галицкихъ журналовъ нѣкто А. Щепанскій написалъ обвинителямъ Киркора отвѣтъ, котораго намъ, къ сожалѣнію, не пришлось доселѣ прочитать; знаемъ только, что авторъ опровергаетъ упреки, дѣлаемые Киркору и старается доказать всю добросовѣстность его труда.

Сдѣланный нами перечень работъ Киркора, относящихся къ періоду его заграничной жизни, былъ бы недостаточенъ для полной характеристики его тамошней дѣятельности и могъ бы повести къ невѣрному заключенію, что съ переѣздомъ за границу Кикоръ сдѣлался исключительно кабинетнымъ ученымъ и только повторялъ въ разныхъ передѣлкахъ свои прежнія работы и изслѣдованія. Но этого нельзя допустить, зная уже его прежнюю вѣчно подвижную жизнь и его натуру, постоянно ищущую дѣла, новыхъ занятій, новаго труда. Привыкнувъ еще на родинѣ къ непосредственнымъ наблюденіямъ надъ народною жизнью, пристрастившись къ научнымъ поѣздкамъ, къ раскопкамъ и другимъ подобнымъ изслѣдованіямъ, онъ и подъ старость не могъ навсегда замкнуться въ стѣнахъ города; его тянуло въ деревню, къ народу, къ курганамъ, къ городищамъ, а новая, еще мало для него знакомая страна представляла такой богатый матеріалъ для наблюденій и изслѣдованій, ко-

торыя были его призваніемъ. Кромѣ того, онъ имѣлъ въ этомъ отношеніи поддержку со стороны краковской академіи наукъ. Она избрала его своимъ членомъ, а потомъ назначила его хранителемъ коллекцій археологическаго отдѣленія. Небольшая субсидія, отпускаемая этимъ отдѣленіемъ академіи, дала ему возможность совершить цѣлый рядъ поѣздокъ въ разныя мѣста Галиціи съ научною, главнымъ образомъ археологическою цѣлью. Результаты своихъ изслѣдованій онъ излагалъ въ видѣ рефератовъ въ засѣданіяхъ коммисій, учрежденныхъ при академіи по отдѣламъ археологіи, антропологіи съ этнографіею, филологіи и пр., а потомъ эти отчеты печатались въ трудахъ названныхъ коммисій. Упомянемъ слѣдующія статьи и изслѣдованія: «Археологическія разысканія въ окрестностяхъ Бабице и Квачалы», «Разысканія въ Квачалѣ» (оба 1873 г.), «Покутье въ археологическомъ отношеніи», «Разысканія памятниковъ старины въ ближайшихъ окрестностяхъ Кракова» (оба 1876 г.), «Археологическія изслѣдованія въ 1876 г.: 1) отчетъ о поѣздкѣ и перечень памятниковъ, 2) о каменныхъ гробницахъ на Подолѣ въ Галиціи, 3) отчетъ о поѣздкѣ въ Макшишовъ» (1877 г.), «Отчетъ объ археологическихъ памятникахъ, доставленныхъ въ академію изъ археологическо-антропологической поѣздки въ 1877 г.», «О важности и значеніи археологическихъ памятниковъ и о научномъ ихъ изслѣдованіи» (оба 1878 г.) и «Археологическія разысканія въ 1878 г.» (1879). Наконецъ, намъ извѣстна одна статья его, написанная по чешски, и помѣщенная въ любопытномъ изданіи Эдуарда Елинка: «Slovansky Sbornik», къ сожалѣнію, мало извѣстномъ нашимъ этнографамъ. Она о заглавлена: «Доисторическія могилы и гробницы въ Польшѣ, Литвѣ и на Руси» (1881 г.).

Но мало-по-малу эти хлопотливыя занятія становились слишкомъ утомительными для старика, а кромѣ того и здоровье стало ему измѣнять. Надо же было, однако, жить на что-нибудь; между тѣмъ пособіе, выдаваемое отъ академіи, было слишкомъ недостаточно, а другого постояннаго дохода не было никакого. При такомъ критическомъ положеніи въ послѣдній разъ Киркоръ рѣшился издавать журналъ. Онъ вспомнилъ, что изъ прежнихъ его періодическихъ изданій иныя имѣли успѣхъ, кромѣ того его мысль о новомъ журналѣ встрѣтила сочувствіе среди старыхъ его друзей и сотрудниковъ, а также среди молодыхъ ученыхъ и литераторовъ, и въ

его распоряженіе поступило много безплатныхъ статей по части археологіи, этнографіи, филологіи и педагогики. Наконецъ въ 1884 году онъ публиковалъ объ изданіи «Краковскаго Портфеля» (Teka Krakowska). Какъ по названію, такъ и по своимъ задачамъ и содержанію это изданіе было какъ бы продолженіемъ «Виленскаго портфеля», его далекимъ отголоскомъ, раздавшимся почти 30 лѣтъ спустя. Доживая свои послѣдніе годы въ одиночествѣ на чужбинѣ, Киркоръ съ какимъ-то трогательнымъ чувствомъ переносился мысленно въ мирные, тихіе уголки родной Литвы и Бѣлоруссіи. Это было для него единственнымъ средствомъ успокоенія среди треволненій неприглядной жизни, единственною отрадою и поддержкою его нравственнаго существованія. По этому многія страницы своего изданія онъ посвящалъ описанію историческихъ мѣстностей и другихъ памятниковъ западнаго края. Но и это утѣшеніе было непродолжительно. Вышло два тома «Краковскаго Портфеля», а затѣмъ оказалось, что даже при даровыхъ статьяхъ нечѣмъ заплатить за печать и бумагу.

Такъ и заглохло это изданіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ стала быстро замирать и горемычная жизнь этого труженика. Въ одномъ частномъ письмѣ, писанномъ къ своему другу на родину въ іюлѣ 1884 года, онъ жалуется на свое бѣдственное положеніе. «Плохо живется подъ старость, говоритъ онъ: заработокъ труденъ, надежнаго ничего нѣтъ, пособія отъ академіи не хватаетъ и на поѣздки. Съ 1839 года работая безпрестанно для Литвы, я всѣмъ для нея пожертвовалъ». Здоровье все ухудшалось; къ болѣзни сердца прибавилось рожистое воспаленіе, которое перешло въ послѣднее время въ гангрену, такъ что ему нельзя было ни дома работать, ни выходить изъ дому. Въ январѣ 1886 г. пишетъ онъ тому же пріятелю: «Поймите, что за положеніе человѣка, у котораго нѣтъ никакихъ средствъ, никакого постояннаго дохода, а жить все таки нужно. Доктора рѣшили, что у меня неизлѣчимая болѣзнь сердца и что каждую минуту я могу умереть. Однако смерть меня не пугаетъ: я достаточно жилъ. Что было въ моихъ силахъ и средствахъ, я сдѣлалъ и могу съ чистою совѣстью сказать, что для Литвы моя жизнь не прошла даромъ». Такимъ образомъ и въ послѣдніе дни жизни всѣ свои мысли, всѣ стремленія онъ обращалъ къ родному краю, и уже почти на смертномъ одрѣ корректировалъ свой послѣдній трудъ по археологіи города Вильна: «Bazylika Litews-

ka», который вышелъ отдѣльнымъ оттискомъ за нѣсколько дней до его смерти. Продолжительная болѣзнь исчерпала въ конецъ всѣ средства. Были закладываемы вещи и рукописи, но вскорѣ и къ этому послѣднему средству нельзя было прибѣгать, потому что закладывать было нечего, и пришлось жить буквально на чужой счетъ и пользоваться безплатнымъ лѣченіемъ знакомаго доктора. Наконецъ 12/24 ноября 1886 года Киркоръ скончался на рукахъ сестры, которой не на что было даже вернуться изъ-за границы по смерти брата. Похороны совершились скромно въ присутствіи нѣсколькихъ членовъ академіи, профессоровъ и литераторовъ, безъ стеченія публики, безъ рѣчей. Не лишнимъ будетъ замѣтить, что всѣ свои бумаги, коллекціи, картины, скульптурныя произведенія, гравюры, миніатюры и много другихъ вещей, имѣющихъ историческое значеніе для Литвы, а также свой портретъ, писанный масляными красками, покойный завѣщалъ краковскому народному музею.

Такъ отошелъ въ вѣчность неутомимый и энергичный работникъ на полѣ науки. Жизнь его еще разъ доказала намъ, какой тернистый путь и какая печальная кончина ожидаетъ нерѣдко людей, самоотверженно бросающихся на это неблагодарное поприще. И если при этихъ ежедневныхъ примѣрахъ, наводящихъ глубокую печаль и уныніе, все таки не изсякаетъ въ людяхъ стремленіе къ свѣту науки, то какъ сильна должна быть въ человѣкѣ та божественная искра, которая не даетъ ему погрязнуть въ мелочахъ обыденной, повседневной жизни и постоянно побуждаетъ его къ чему-то высшему! Чрезвычайно поучительна жизнь людей, подобныхъ Киркору. Они ищутъ не собственной славы, не личной выгоды, а общественной пользы, при томъ пользы духовной, а не матеріальной. Они, правда, не прокладаютъ въ наукѣ новыхъ путей, не оставляютъ послѣ себя капитальныхъ произведеній, которыя бы служили свѣточами для потомковъ; но вся ихъ жизнь сама по себѣ представляетъ капитальный трудъ,—трудъ черный, но въ высшей степени полезный и необходимый, потому что на немъ зиждется послѣдующая наука. Дальнѣйшіе научные дѣятели большею частью забываютъ этихъ чернорабочихъ тружениковъ, или же, что еще печальнѣе, попрекаютъ ихъ, пользуясь плодами ихъ трудовъ, и не хотятъ простить имъ даже невольныхъ ошибокъ, отъ которыхъ никто не свободенъ. Киркору еще при жизни, какъ мы видѣли,

пришлось претерпѣть не мало упрековъ, злостныхъ нападокъ и обвиненій съ разныхъ сторонъ, и изъ его жизни мы наглядно убѣждаемся, до какой степени трагично бываетъ положеніе безпристрастныхъ служителей науки и вобще людей мирнаго и серьезнаго труда въ тѣ бурные историческіе моменты, когда подъ вліяніемъ разныхъ политическихъ тенденцій разыграются общественныя страсти и когда не быть ярымъ приверженцемъ той или другой партіи значитъ, по мнѣнію большинства, быть преступникомъ, предателемъ. Такимъ людямъ остается одно утѣшеніе, одна слабая надежда, что когда-нибудь, хоть не скоро, хоть послѣ смерти, ихъ поймутъ и оцѣнятъ безпристрастно. Но могутъ-ли они быть въ томъ увѣрены? И какова будетъ эта оцѣнка: будутъ-ли ихъ благословлять, или проклинать?... Киркоръ допускалъ и послѣднее, и заранѣе прощалъ всѣмъ. Свои воспоминанія о Вильнѣ онъ заканчиваетъ такимъ трогательнымъ размышленіемъ: «Ктоже остался въ Вильнѣ и вообще въ Литвѣ»? спрашиваетъ онъ себя послѣ перечисленія болѣе выдающихся дѣятелей, съ которыми онъ нѣкогда вмѣстѣ работалъ и которые умерли раньше его, и отвѣчаетъ: «Изъ давнишнихъ дѣятелей не осталось тамъ ни одного... Подростаетъ молодое поколѣніе, учится коечему; въ людяхъ способныхъ никогда не было недостатка въ Литвѣ, а слѣдовательно найдутся такіе, которые будутъ пробовать свои силы. Это будутъ люди новые, возродившіеся; начнутъ, навѣрно, осужденіемъ и уничтоженіемъ насъ стариковъ, пойдутъ по новымъ направленіямъ, но все таки будутъ работать. Пошли имъ Богъ счастья!» [1])

Н. Янчукъ.

Картины малорусскаго содержанія на первой передвижной выставкѣ академіи художествъ.

Академія художествъ возымѣла хорошую мысль устраивать передвижныя выставки картинъ, по примѣру извѣстнаго товарищества художниковъ, сдѣлавшаго уже 15 передвижныхъ выставокъ картинъ, несомнѣнно усилившихъ въ обществѣ интересъ къ успѣ-

---

[1]) Kraj, 1884 г., № 3.

хамъ русскаго искусства, Вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ въ Харьковѣ гоститъ первая передвижная выставка картинъ академіи художествъ, заключающая въ себѣ 160 картинъ, акварелей и скульптурныхъ произведеній. Число крупное; но хорошихъ картинъ мало, десятка два не болѣе. Лучшія картины составляютъ произведенія профессоровъ академіи: покойнаго В. Г. Перова, Н. А. Кошелева, Л. Ф. Лагоріо, И. П. Келера, А. И. Мещерскаго, И. К. Айвазовскаго и покойнаго академика Р. Г. Судковскаго. Въ массѣ выставленныхъ картинъ 9 съ малорусскимъ содержаніемъ, одна жанровая и восемь пейзажей. Къ этому числу нужно добавить еще двѣ частныхъ картины г. Васильковскаго, выставленныя на продажу. Лучшія картины: 1) «Степь въ Малороссіи весною», С. И. Васильковскаго, 2) «Вечеръ», І. Е. Крачковскаго и 3) «Подъ горой», Ю. И. Федерса.

Сергѣй Ивановичъ Васильковскій, класный художникъ 1 степени, родомъ изъ харьковской губерніи и, по заявленнымъ имъ въ живописи художественнымъ склонностямъ, украинскій пейзажистъ. Это еще очень молодой художникъ, лишь въ прошломъ году выдвинувшійся, благодаря своей академической картинѣ, удостоенной награды большой золотой медалью. Картина эта, передающая въ художественномъ выполненіи одно живописное мѣстечко харьковской губерніи, на берегу Сѣвернаго Донца, въ лѣтній жаркій и безоблачный день, извѣстна отчасти харьковскимъ любителямъ искусства по фотографическимъ снимкамъ. Д. И. Эварницкій сдѣлалъ замѣтку объ этой картинѣ въ январьской книжкѣ «Кіевской Старины» 1886 года. Находящаяся на академической выставкѣ «Степь»—довольно большая картина, съ хорошимъ освѣщеніемъ, съ простымъ и тѣмъ болѣе выдающимся содержаніемъ. Это не екатеринославская и не херсонская степь, необъятная, ровная, безъ всякихъ признаковъ древесной растительности, съ водными источниками въ балкахъ и ярахъ; нѣтъ, это степь харьковская, точнѣе, харьковское поле, какое путникъ проѣзжаетъ, напримѣръ, въ богодуховскомъ уѣздѣ, ровное, съ небольшими лѣсочками, разбросанными тамъ и сямъ, на разстояніи версты или двухъ верстъ одинъ отъ другаго и небольшими углубленіями въ землѣ, гдѣ долго задерживается дождевая вода. Въ такой «степи» есть что-то мягкое, нѣжное, успокаивающее. У г. Васильковскаго въ «степи» па-

сется стадо овецъ, а въ небольшомъ разстояніи отъ нихъ, почти въ центрѣ картины, два пастуха, старикъ и пàрубокъ, типичные украинцы по обличью и одеждѣ, спокойно и лѣниво разводятъ огонь. Легкій, бѣлый дымокъ утопаетъ въ мягкой синевѣ лѣтняго украинскаго воздуха. «Степь» передана академіей художествъ харькому городскому музею, вмѣстѣ съ другими пожертвованными 35 картинами, и остается только пожелать, чтобы число картинъ, подобныхъ по содержанію «Степи» С. И. Васильковскаго, картинъ мѣстнаго харьковскаго содержанія, въ городскомъ музеѣ постоянно возрастало, въ интересахъ краеваго развитія русскаго искусства и, шире того, въ интересахъ разносторонняго изученія и воспроизведенія краевой жизни.

Двѣ небольшія картины С. И. Васильковскаго, «Зима» и «Лѣто», выставленныя въ отдѣльной комнатѣ, даютъ поводъ лишь упрекнуть художника въ поспѣшности и небрежности работы. Право, дѣлается досадно, когда художникъ, заявивъ себя на первыхъ двухъ шагахъ съ наилучшей стороны, затѣмъ проникается самомнѣніемъ, полагая, что ему достаточно мазнуть два-три раза кистью, набросать на полотно рѣченку и нѣсколько деревьевъ на берегу ея, какъ уже публика будетъ любоваться, удивляться и покупать картины, не справляясь особенно объ ихъ цѣнѣ. Теперь и провинціальная публика стала кое-что смыслить въ искусствѣ и отдѣлять плохое отъ хорошаго. «Зима» еще можетъ привлечь къ себѣ вниманіе зрителя, хотя и тутъ облака на горизонтѣ, пусть даже зимнія, снѣговыя, грязноваты; хата приподнята выше средней ея высоты, и всѣ черты мелки и не типичны. «Лѣто» совсѣмъ плохо: гора надъ рѣчкой слишкомъ темна, по времени дня; деревья набросаны небрежно; цвѣта и тоны неопредѣленны или слишкомъ темны. Отъ такого талантливаго художника, какъ С. И Васильковскій, мы, избалованные его первыми картинами, въ правѣ ожидать много хорошаго, свѣжаго и оригинальнаго,

«Вечеръ» І. Е. Крачковскаго—вечеръ въ концѣ іюля или въ началѣ августа, послѣ вѣтрянаго и можетъ быть холоднаго дня, какіе бываютъ послѣ сильнаго дождя. Повисшія на горизонтѣ облака съ однимъ только въ отдаленіи яркимъ привѣтомъ отъ красныхъ лучей заходящаго солнца, однообразнаго сѣраго цвѣта, непривѣтливыя, сумрачныя. Центральная часть картины представляетъ

стерню на недавно сжатой полосѣ жита, съ тремя фигурами крестьянъ, двумя женщинами и однимъ мужчиной. Направо—пологая возвышенность съ вытянувшимися въ рядъ «витряками»; за ними идетъ село, съ тщательно огороженными дворами, въ которыхъ красуются бѣлыя хаты. На лѣво отъ стерни и крестьянъ разстилается рожь, совсѣмъ уже созрѣвшая и склонившая свои колосики. Она уходитъ далеко въ поле, въ синеватую даль горизонта. Хорошо задумана и старательно отдѣлана правая сторона картины, въ особенности витряки, въ частности дальній витрякъ, рельефно выдѣляющійся на горизонтѣ, ярко освѣщенномъ пучкомъ прорвавшихся изъ-за тучъ солнечныхъ лучей. Крестьяне не типичны и болѣе походятъ на великоруссовъ, чѣмъ на малоруссовъ.

Картина академика Ю. И. Федерса «Подъ горой» сравнительно съ предыдущей картиной, веселѣе по тону и колориту. Здѣсь болѣе свѣта, болѣе воздуха; краски ярче. Художникъ изобразилъ уютный украинскій поселокъ у подошвы довольно большой покатой горы въ ясный лѣтній полдень. Правую сторону картины занимаютъ хаты, вытянувшіяся въ линію, лѣвую гора; въ отдаленіи возвышенности и синѣющій лѣсъ на нихъ. Въ особенности хорошъ передній планъ картины, гдѣ находится крестьянскій дворъ и окружающій его плетень.

Почти также хороша въ художественномъ отношеніи другая картина Ю. И. Федерса «Мѣловыя горы». На правой сторонѣ картины поднимается надъ рѣкой мѣловая гора; на склонѣ ея село; лѣвую сторону картины и передній ея планъ занимаетъ рѣка и мостикъ. Здѣсь выдается спускающаяся въ рѣку мѣловая сторона горы, по бѣлизнѣ и чистотѣ мѣла. Но эта бѣлизна мѣла даетъ всей картинѣ какой-то вялый и блѣдный колоритъ, непріятно дѣйствующій на глазъ зрителя однообразіемъ общаго свѣтоваго тона.

«Туманное утро» К. Я. Крыжицкаго представляетъ рѣчку, растянутую черезъ весь холстъ, и на ея лѣсистыхъ берегахъ раскинуты хатки; все это затянуто сѣрой дымкой тумана. Туманъ такъ силенъ, что контуры и очертанія предметовъ скрываются отъ глазъ зрителя.

«Заглохшая мельница» В. М. Галимскаго изображаетъ разлившійся въ болото прудъ, или, можетъ быть, рѣчку, и надъ ней ветхая постройка съ соломенной крышей; кое-гдѣ разбросаны деревья. Все блѣдно-зелено, монотонно и скучно.

Художникъ-любитель Н. А. Сергѣевъ выставилъ двѣ картины малорусскаго содержанія «У заливнаго луга» и «Хутора». Эти картины напоминаютъ то мѣсто въ «Солдатскомъ портретѣ» Г. Ѳ. Квитки, гдѣ говорится про одного маляра, который «було якъ намалюе що небудь та пидпише, що се не кавунъ, а слива, такъ таки точнисинька слива». Можетъ быть, въ Петербургѣ и находятся люди, которые, смотря на картины г. Сергѣева, воображаютъ, что здѣсь воспроизведены малорусская природа и малорусскія крестьянскія хаты; но въ самой Малороссіи картины г. Сергѣева могутъ вызывать только недоумѣніе и подрывать въ довѣрчивомъ провинціалѣ уваженіе къ академическому искусству. Обѣ картины очень сходны по предметамъ и расположенію ихъ на холстѣ. Въ центрѣ картины непремѣнно хата, а затѣмъ во всѣ стороны идутъ поля, или лѣса, или огороды, и все это уходитъ съ холста куда-то къ потолку и стѣнамъ залы, безъ неба, безъ горизонта, безъ дали и перспективы; все зелено-презелено и грязновато.

«Въ лѣсу» А. Г. Сластіова—плохая жанровая картинка. Въ лѣсу сидитъ дѣвушка малороссіянка съ громаднымъ цвѣтнымъ вѣнкомъ на головѣ. Лѣсъ черный-пречерный, безъ деревьевъ и вѣтвей, болѣе похожій на занавѣску изъ черняго коленкора. Дивчина—вѣшалка разнаго цвѣтнаго платья и украшеній. Странное дѣло, лучшія стороны народной жизни, простыя, безъискусственныя, не привлекаютъ вниманія художниковъ-малороссовъ, проживающихъ въ Петербургѣ, и они прибѣгаютъ къ перцу и разнымъ пряностямъ, чтобы поддержать свой интересъ къ далекой Украйнѣ. Оттого на полотнѣ является одно тенденціозное, вздутое, вымученное. Имя г. Сластіона болѣе извѣстно по малорусскимъ иллюстраціямъ въ «Нивѣ» и по нѣсколькимъ удачнымъ иллюстраціямъ къ «Гайдамакамъ» Шевченка.

С.

Три »черкасскія« слободы XVIII в. по современному ихъ описанію.

Въ валуйскомъ уѣздѣ воронежской губерніи, въ послѣдней четверти XVIII в., въ царствованіе императрицы Екатерины II, су-

ществовали въ не близкомъ другъ отъ друга разстояніи три слободы, заселенныя такъ называвшимися еще тогда «черкасами», т. е. малороссіянами. Въ документѣ, изъ котораго мы заимствуемъ любопытныя объ нихъ свѣдѣнія, они называются: Александровка, Бѣло-куракина и Танюшевка. Это было время, когда народныя названія селъ изгонялись и когда имъ давались клички по фантазіи колонизаторовъ и владѣльцевъ, всего чаще по ихъ именамъ и прозваніямъ, иногда по имени какого либо заморскаго города, въ родѣ Ливорно и Генуи, оставшемуся въ памяти владѣльца отъ заграничнаго путешествія, нерѣдко по особому измышленію въ память какого либо случайнаго обстоятельства и впечатлѣнія владѣльца, въ родѣ Кинь-грусти, Нескучнаго и т. п. [1]). И дѣйствительно первая изъ этихъ слободъ называлась по имени владѣльца, другая по его фамиліи съ присоединеніемъ къ ней названія рѣчки Бѣлой, при которой поселилась слобода; получила-ли третья слобода названіе отъ какой либо Тани, или отъ чего либо другаго, отгадать трудно. Не можемъ также сказать, заселены-ли были эти слободы тогдашнимъ ихъ владѣльцемъ, или существовали раньше и попали уже къ нему по наслѣдству, либо пожалованію, такъ частому въ царствованіе щедродательной императрицы. Послѣднее болѣе вѣроятно, какъ потому, что черкасская колонизація воронежскихъ пустошей прекратилась значительно раньше, такъ и потому, что документъ, изъ котораго мы черпаемъ наши свѣдѣнія, въ самомъ началѣ упоминаетъ, правда глухо, о какомъ-то земельномъ спорѣ, бывшемъ въ этихъ слободахъ и кончившемся въ пользу владѣльца, чего не могло быть, если-бы слободы были вновь заселены. Споръ этотъ даетъ понять, что у поселившихся здѣсь черкасъ, какъ и во всѣхъ мѣстахъ Слободской Украйны, земли были старозаимочныя и что часть ихъ была занята владѣльцемъ.

Кто-же былъ этотъ владѣлецъ?

Документъ именуетъ его «превосходительнымъ ея императорскаго величества дѣйствительнымъ камергеромъ, орденовъ королевско-дацкихъ совершеннаго союза и святыя Анны кавалеромъ, княземъ Александромъ Борисовичемъ Куракинымъ». Вслѣдствіе-ли воз-

---

[1]) См. статью „Малорусская географическая номенклатура“ въ ноябрьской книжкѣ „Кіев. Старины“ 1886 г.

никшаго земельнаго между владѣльцемъ и жителями спора, или явившагося у владѣльца желанія пожить нѣкоторое время въ одной изъ названныхъ слободъ, для предварительнаго осмотра ихъ туда послано было довѣренное отъ князя лице, титулярный совѣтникъ Димитрій Малимоновъ. Побывавъ на мѣстѣ и всесторонне обслѣдовавъ положеніе слободъ и ихъ жителей, Малимоновъ представилъ своему патрону слѣдующее, въ высшей степени любопытное, «всепокорнѣйшее свѣдѣніе».

О валуйскихъ черкаскихъ слободахъ.

Первая слобода Бѣлокуракина стоитъ разстояніемъ отъ Валуекъ верстахъ во стѣ, менѣе или болѣе немѣрныхъ; отъ оной въ тридцати пяти Танюшевка, а въ сорока пяти верстахъ слобода Александровка; каждая изъ тѣхъ слободъ имѣетъ приписные къ себѣ хутора, какъ о томъ ваше сіятельство обстоятельно усмотрѣть изволите изъ приложенной при семъ особой описи онымъ.

Слобода Бѣлокуракина, посееленная при рѣчкѣ Бѣлой, хотя по обширности своей и почитается первою изъ всѣхъ слободъ, но по весьма безпорядочному селенію своему, никакого виду въ себѣ не имѣетъ; слобода Танюшевка, будучи поселена на возвышенномъ мѣстѣ и при большой рѣкѣ, Гайдарѣ называемой, при томъ и нѣсколько лутчимъ порядкомъ въ расположеніи строенія, превосходнѣйшій видъ имѣетъ, а слобода Александровка, сколько мнѣ кажется, и того еще лутче населена; близь оной протекаетъ рѣчка Лазная.

Всѣ избы черкаскія, по ихъ *хаты* называемыя, имѣютъ видъ малыхъ каменныхъ, потому что сверхъ деревянныхъ стѣнъ обмазываются глиною и выбѣливаются мѣломъ, коего во всѣхъ тамошнихъ мѣстахъ имѣются преогромныя горы, а крыши имѣютъ соломенныя или тростниковыя.

Въ разсужденіи внутренней чистоты хатъ не можно ни малѣйшаго сравненія сдѣлать съ русскими черными крестьянскими избами, ибо онѣ столь чистоплотны и опрятны во внутреннемъ своемъ порядкѣ, что лутче на нихъ и требовать того не нужно-бы было: печи имѣютъ на подобіе голландскихъ, по ихъ называемыя *грубы*; стѣны и потолки внутри бѣлятъ мѣломъ, а иные моютъ оные столь часто, что всегда онѣ остаются бѣлыми и хорошей видъ въ хатѣ составляющими.

Жители слободъ почти всѣ состоятъ не весьма имущественные, или, сказать, и бѣдные, а по хуторамъ живущіе напротиву того

всѣ богатые черкасы, которые и правило свое въ томъ имѣютъ, чтобы имъ, не мѣшаяся съ бѣдными, жить особенно, на выгоднѣйшихъ по своему выбору мѣстахъ. О имуществѣ ихъ усердно желалъ-бы я подробныя каждому семейству порознь представить вашему сіятельству вѣдомости, но, по дикости тамошняго края и по необыкновенію ихъ къ столь подробному осматриванію, поопасся я къ тому приступить, однако-же оставилъ форму и наставленія прикащику Попову, чтобъ онъ исподоволь старался тѣ описи имъ сдѣлать и прислалъ-бы по времени оныя на усмотрѣніе вашего сіятельства. А теперь вообще о имуществѣ ихъ донесу, что все оное состоитъ, во первыхъ, изъ хлѣба разныхъ родовъ, какъ-то: пшеница, рожь, овесъ, греча и ячмень, котораго имѣютъ изъ нихъ первостатейные—ржи четвертей до 100, пшеницы до 100, овса до 300, гречи до 50, ячменю до 150; по сему судя, посредственной имѣетъ въ половину, а бѣдной въ одну третъ менѣе противу первостатейнаго, да къ тому-жъ и не всѣхъ родовъ того хлѣба; во вторыхъ, имѣютъ они хорошее скотоводство, полагая по равнымъ-же степенямъ, что 1-й имѣетъ отъ 15-ти до 25-ти воловъ, до 10 коровъ, до 10 лошадей и 200 овецъ, 2-й въ половину, а 3-й еще менѣе; разной птицы, како-то: гусей, утокъ, индѣекъ, куръ, имѣютъ также довольное число. Изъ таковаго показанія ихъ имущества казалось-бы, что ни въ чемъ имъ недостатка быть не можетъ, но по отдаленности отъ городовъ, а къ тому и по сущей дешевизнѣ въ тамошнихъ мѣстахъ всѣхъ прописанныхъ продуктовъ имѣютъ они со всѣмъ тѣмъ несравненные недостатки противу низовыхъ вашего сіятельства крестьянъ; ибо хлѣбъ не дороже онъ продаетъ, какъ въ 50 и 60 коп. четверть ржи, развѣ уже въ дорогую пору что въ 80 к., пшеницу въ 2 руб. и въ 1 р. 50 к. четв., овса мѣшокъ мѣрою въ два четверика, кой въ другихъ мѣстахъ продаютъ по крайней мѣрѣ въ 40 коп., онъ продаетъ не болѣе 5 или 8-ми коп., сѣна возъ, стоющій 6 рублей, не болѣе 50 коп., вола, стоющаго въ другихъ мѣстахъ 8 и 10 рублей, не дороже продаютъ 4-хъ рублей, и такъ далѣе; слѣдовательно, при всемъ своемъ богатствѣ, несравненно менѣе имѣютъ, нежели иной имѣетъ неимущій, но при торговомъ мѣстѣ живущій.

Главный промыселъ ихъ состоитъ отъ того, что тѣ, кои имѣютъ у себя рабочіе волы, нагрузя телѣги двѣ, а иной и три хлѣбомъ, отвозятъ оной для продажи въ Черкаскъ, Ростовскую крѣпость и прочія мѣста, гдѣ выгоднѣе хлѣбъ продать могутъ, оттуда нанимаются уже подъ разныя купеческія клади и отвозятъ оныя въ разныя мѣста, какъ-то: Ярославль, Нижній Новгородъ, Казань, Саратовъ и Царицынъ, смотря по выгодамъ цѣны и дальности мѣста; а оттуда обратно

подряжаются опять подъ клади въ тѣ мѣста, кои по близости уже къ дому его прилежатъ. Отъ сего только превосходнѣйшій промыселъ имѣютъ тѣ, кои достаточнѣе, да къ тому-же и семью имѣющіе, на кого-бы домъ свой оставлять надежно было; маломощные-же большей частью промышляютъ торгомъ и продажею скота на бываемыхъ въ слободѣ Бѣлокуракиной въ году четырехъ ярмонкахъ, кои бываютъ 1-я къ Вербному воскресенію, 2-я къ Тройцыну дню, 3-я къ Рождеству, а 4-я—какъ случится. На оныя ярмонки пріѣзжаютъ съ разныхъ сторонъ и зъ разною рухлядью, какъ-то: съ одеждою, обувью, холстами, платками и проч. Симъ случаемъ черкасы пользуются покупать себѣ нужное и сами продаютъ купцамъ скотину и хлѣбъ.

Пашни хотя имѣютъ отдѣленныя, слобода отъ слободы и хуторъ отъ хутора, но между собою никакъ не соразмѣрны и не расположены, а пашетъ всякъ столько, сколько можетъ или заблагоразсудитъ. Не имѣя порядка въ раздѣленіи даже озимаго и яроваго хлѣба особымъ полемъ, сѣютъ оной одинъ подлѣ другаго. Иной имѣетъ четыре поля, другой три, а иной и пять, разумѣя оныя пахатными полями и то занимая посѣвомъ одинъ годъ поле, остальныя три или четыре года отдыхаютъ. Сѣнныя полосы, лутчія полянки, между ими подѣлены по чиншу, на каждой рубль по десяти сажень въ длину, а ширина, какъ гдѣ придетъ, то есть лутчими полянами почитаютъ они тѣ, кои къ ихъ жилищамъ ближе; впротчемъ по обширной степи сѣнокосъ изобильнѣйшій и почти во всякомъ мѣстѣ добротою равной и сверхъ дѣловыхъ полянокъ всякой коситъ сѣна на пустомъ полѣ, сколько пожелаетъ и успѣетъ. Словомъ сказать, полемъ столь изобилуютъ, что ни скосить, ни скотинѣ потравить въ лѣто всѣхъ мѣстъ во внутренности дачи невозможно, чаютъ, да и возможности имъ (нѣтъ) занимать всю землю, пространствомъ столь обширную, что въ окружности всей границы трехъ слободъ едва ли не болѣе 500 верстъ будетъ.

Прилагая при семъ опись всѣмъ лѣснымъ буеракамъ, въ трехъ слободахъ находящимся, имѣю честь вашему сіятельству донести, что всѣ оные издавна еще заповѣданы, и по моему обозрѣнію оныхъ, кажется, что исправно сохраняемы; въ оныя никто не имѣетъ въѣзда, полѣсовщики объѣзжаютъ оныя каждой день, кои выбраны по одному изъ близь лежащихъ къ каждому буераку хуторовъ и сверхъ ихъ еще есть главный, который надъ всѣми смотрѣніе имѣетъ и по всѣмъ буеракамъ самъ наѣзжаетъ. Впротчемъ нѣтъ и опасности отъ похищенія заповѣдныхъ лѣсовъ, ибо всѣ черкасы имѣютъ у себя дѣловые пайки по малымъ буеракамъ изъ мелкаго лѣсу, на каждую хату по 40 квадратныхъ саженъ, и таковыхъ имѣется мѣстами столько, что всѣмъ имъ

на подѣлъ поровну доводится, а рѣдкость и драгоцѣнноость въ тамошнемъ краѣ лѣса пріобучила ихъ къ соразмѣрному на необходимое домашнее продовольствіе употребленію онаго столь умѣренно и бережно, что иные, соблюдая лутчіе деревцы, имѣютъ въ своихъ пайкахъ и такія, кои, хотя по нуждѣ, но и на починку строенія домашняго пригодны.

О нравахъ ихъ сказать можно, что имѣютъ весьма добрый, чистосердечный и справедливы; изъ нихъ искусснымъ обращеніемъ все почти сдѣлать можно, что ни заблагоразсудится.

Къ святой церквѣ весьма прилѣплены: ни отдаленность, ни погода не препятствуетъ ему въ праздничный день отдать долгъ по закону. Усердіе ихъ къ храму и тѣмъ свидѣтельствуется, что всѣ три церкви въ слободахъ снабжены всѣмъ нужнымъ и притомъ достаточно; въ слободѣ Александровкѣ церковь по приходу довольно вмѣстительна и въ Танюшевкѣ также и еще новая, а въ Бѣлокуракиной хотя и не ветхая, но весьма малая и по приходу конечно требующая новаго созиданія оной. Священники и причетъ церковный во всемъ исправные и добраго поведенія, а особливо старшій іерей Бѣлокуракинской слободы Іяковъ, мужъ почтенный, въ званіи своемъ свѣдущій и одаренный отъ природы разумомъ и просвѣщеніемъ. Не преминулъ я имъ, въ всходственность повелѣнія вашего сіятельства, внушить привѣтливымъ образомъ о томъ, чтобы старались приводить духовныхъ дѣтей своихъ къ наблюденію всѣхъ ихъ должностей и взаимствъ, кое они со стороны вашего сіятельства во всякомъ случаѣ чрезъ то себѣ пріобрѣсти могутъ, на что они мнѣ и отозвались весьма съ признательными чувствіями.

Объяснивъ всѣмъ черкасамъ, сколь милостиво и попечительно къ доставленію въ ихъ странахъ просвѣщенія и блага въ жизни ихъ на будущія времена ваше сіятельство снисходить изволите, къ порадованію ихъ объявилъ имъ волю вашу о заведеніи въ слободѣ Бѣлокуракинской школы и, сдѣлавъ къ оной всѣ нужныя распоряженіи, открылъ оную еще при себѣ, добровольнымъ собраніемъ 17-ти учениковъ, отъ 7-ми до 12-ти лѣтъ. На первый случай нашелъ имъ со стороны вольнаго учителя и всѣхъ ихъ въ главное надзираніе препоручилъ священнику Іякову, который охотно сіе порученіе на себя принялъ, а по времени, когда полной комплектъ 30-ти учениковъ соберутся, то не угодно-ли будетъ вашему сіятельству повелѣть другаго учителя выписать изъ Харькова, гдѣ изъ гимназіи можно способнѣе и за дешевую цѣну пригласить знающаго совершенно россійскую грамоту и ариѳметику, между тѣмъ прилагать честь имѣю на апробацію вашего сіятельства и штатъ всему годовому содержанію школы.

Домъ, пріуготовляемой къ прибытію вашего сіятельства въ Бѣлокуракину, нашелъ я не совсѣмъ въ желаемомъ успѣхѣ; однѣ только стѣны по окошки выведены, а двѣ далѣ, а въ мою бытность строенія произведено не было, за оплошностью архитектора Борсукова или, такъ сказать, за сущимъ его пьянствомъ. Съ моей стороны не упустилъ я сдѣлать ему увѣщаніе, а чрезъ то протрезвилъ его на все время моего пребыванія въ слободахъ и чрезъ то подалъ опять ему способъ лучшее о строеніи попеченіе имѣть. Надѣяться можно, что домъ въ готовности къ исходу мая мѣсяца будетъ.

Теперь, хотя къ сожалѣнію, но по долгу истины, довести имѣю вашему сіятельству и о прикащикѣ Половѣ, что онъ равномѣрно же пристрастенъ къ пьянству, да къ тому еще и столь невоздержанному, что труденъ для него тотъ донь, которой онъ ие посвятитъ на удовольствіе своей страсти. По пріѣздѣ моемъ въ Бѣлокуракину три дня ожидалъ я его, пока онъ изъ Полатовскаго заводу, за 120 верстъ только отстоящаго, пріѣхать ко мнѣ могъ, да и то въ такомъ видѣ, какого-бъ я, по важности возложенной на него должности, никакъ ожидать не думалъ. Сіе предисловіе само по себѣ подаетъ уже непріятное ожиданіе и послѣдствій онаго; онъ, живучи всегда въ Полатовскомъ заводѣ, столь рѣдко посѣщаетъ слободы и Березовской заводъ, что въ слободахъ отъ того жалкое неустройство, а въ заводѣ сущая запутанность находится: никикого порядка въ письменномъ нроизводствѣ нѣтъ; не по чему вывесть никакихъ справокъ, ни узнать точныхъ концовъ по заводу, по питейнымъ домамъ и выставочнымъ поставкамъ. Натурально, что когда главный подверженъ хотя малому, подчиненный и большему. Всѣ черкасы въ большомъ негодованіи, что, будучи обязаны покупать вино въ однихъ только обитающихъ ими слободахъ, не могутъ оного за чистыя деньги имѣть чистаго-же пробнаго, но больщею половиною водой налитое покупаютъ. Сею жалобою меня они всѣ встрѣчали и ожидаемая изъ продажи вина прибыль вашему сіятельству уповательно несравненно лучше была бы, если-бы настоящее пробное вино и водка въ продажу пущаемы были, ибо, вмѣсто того, чтобы по добротѣ своей привлекая болѣе покупщиковъ, болѣе бы оного и въ продажу исходило, по нуждѣ уже и по одной привычкѣ черкасы оное покупаютъ, а отъ того гораздо менѣе оного исходитъ и черкасы генерально говорятъ, что охотно бы по 3 руб., вмѣсто 1 р. 50 коп., за ведро вина платили, лишь бы только цѣльное имѣли, а изъ сего заключается все плутовство какъ по заводу, такъ и по питейнымъ домамъ, невѣрный расходъ хлѣбу, усушкѣ, утечкѣ, а равно непомѣрнымъ расходамъ по заводу и по поставкамъ, въ города бываемымъ.

Приложенная при семъ смѣта по Березовскому винокуренному заводу покажетъ вашему сіятельству всю ожидаемую отъ него прибыль; впротчемъ построенъ въ разсужденіи воды хотя и на выгодномъ мѣстѣ и изряднымъ во внутренности расположеніемъ, только по степной странѣ весьма кажется къ выгодѣ и пользѣ неспособнымъ; единая и надежда отъ него теперь можетъ ожидаема быть отъ продажи вина по питейнымъ домамъ и выставочнымъ поставкамъ.

Въ разсужденіи умноженія платимаго черкасами малаго чиншу, говорилъ я о семъ съ Поповымъ и по довѣренности съ іереемъ Іаковомъ, но прибавку оного весьма трудно кажется сдѣлать, налагая по хатамъ; но, что удобно да и полезно сдѣлать можно, то разложить окладъ на всѣхъ черкасъ по душамъ по 1 р. по 50 к. на каждую. Настоящій платежъ по 3 р. по 80 к. съ хаты сколь инымъ нечувствителенъ, столь напротивъ того другимъ отяготителенъ, потому что въ одной хатѣ живетъ достаточной и семьянистой, платя по 3 руб. 80 к., а въ другой бѣдной и одинокой платитъ равное же противу богатаго число, потому единственно, что съ хаты; а таковою раскладкою по душамъ семьянистой соразмѣрной съ своими помощниками чиншъ платить будетъ, а одинокій по своему одиночеству не отяготительной, также ему заплатить; чрезъ то между собою справедливо платежъ разравняется, да и вмѣсто платимыхъ вашему сіятельству въ годъ 4,000 р. будутъ платить слишкомъ 6000 р. А они, надѣяться можно, что охотно на сіе согласятся, если на первый случай окуражить ихъ тѣмъ, чтобъ поступнаго хлѣба избавить. Между тѣмъ позвольте ваше сіятельство присовокупить и о крестьянахъ тарабановскихъ и алексѣевскихъ, что лучше бы было, если ихъ по имуществу каждаго обложить денежнымъ оброкомъ, ибо они всѣ, сколько я слышалъ, согласятся дать по 4 р., а имущіе и по 5 р. съ души въ годъ оброку; то на число находящихся тамъ по ревизіи 161 душу обойдется годоваго оброку болѣе 700 р., слѣдовательно выгоднѣе. нежели получать пашнею до 700 четв. хлѣбомъ, который въ тамошнихъ мѣстахъ и въ дорогую пору не свыше 70 коп. четв. обходится, а въ дешевое время 60 и 50 к. четв. Къ тому жъ случиться можетъ неурожай, то тогда нечего съ нихъ и получить, а оброкъ должны они будтъ и въ такомъ случаѣ платить, имѣя къ тому другіе свои способы.

Сообщилъ **Д. И. Багалѣй**.

По поводу тридцатилѣтія служебной дѣятельности профессора А. А. Потебни.

Въ первыхъ числахъ марта исполнилось тридцатилѣтіе служебной дѣятельности отрдинарнаго профеесора харьковскаго университета *Александра Аѳанасьевича Потебни.*

Имя А. А. Потебни давно уже пріобрѣло почетную извѣстность въ Россіи и за границей, въ славянскихъ земляхъ, какъ имя одного изъ самыхъ авторитетныхъ ученыхъ въ области филологическихъ наукъ. Болѣе 25 лѣтъ назадъ (въ 1860 году) появились первые труды А. А. Потебни, и съ тѣхъ поръ почти не проходило года, чтобы имъ не былъ изданъ по крайней мѣрѣ одинъ трудъ. Начавъ свою научную дѣятельность изслѣдованіями о строѣ русскаго языка, Александръ Аѳанасьевичъ въ послѣдніе годы работалъ преимущественно въ области народной поэзіи. Главнѣйшими его трудами являются въ области языка «Записки по русской грамматикѣ». а въ области народной поэзіи «Поэтическіе мотивы колядокъ». Покойный академикъ И. И. Срезневскій въ «Отчетѣ о присужденіи Ломоносовской преміи» А. А. Потебнѣ говоритъ: «читая произведенія пр. Потебни, нельзя не удивляться начитанности изслѣдователя и его умѣнью пользоваться знаніемъ языковъ и произведеній народной поэзіи и миѳологіи многихъ народовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его широкой сообразительности въ прісканіи соотношеній между представленіями и въ сравненіи годныхъ для него данныхъ, замѣченныхъ имъ въ самыхъ разнообразныхъ источникахъ». Другой академикъ, нынѣ профессоръ вѣнскаго университета, И. В. Ягичъ также съ большой похвалой отзывается о научныхъ работахъ А. А. Потебни, причемъ въ особенности отмѣчаетъ то обстоятельство, что Александръ Аѳанасьевичъ обнаружилъ въ научной дѣятельности обширныя знанія, необыкновенное умѣнье пользоваться запасами своей памяти, независимость мышленія, основательность и осторожность въ выводахъ. Въ 1877 г. Александръ Аѳанасьевичъ былъ избранъ предсѣдателемъ состоящаго при харьковскомъ университетѣ историко-филологичскаго общества, въ 1878 г. членомъ-корреспондентомъ академіи наукъ, а спустя нѣсколько лѣтъ членомъ чешскаго королевскаго общества наукъ въ Прагѣ. Въ исторіи научнаго изученія малорусскаго языка и народной словесности А. А. Потебня давно уже за-

нялъ весьма почетное, чуть ли не первое мѣсто,—первое по глубинѣ научнаго анализа словъ и пѣсенъ. Проф. А. А. Потебня впервые обстоятельно изучилъ драгоцѣнные сборники народныхъ пѣсень Чубинскаго, Головацкаго и Кольберга и подвергнулъ многія малорусскія пѣсни научному изслѣдованію, съ примѣненіемъ къ нимъ въ самой широкой степени сравнительно-критическаго метода. Для объясненія историко-литературной важности южнорусскихъ народно-поэтическихъ мотивовъ и въ сравненіе съ ними были привлечены народныя сказанія и пѣсни южныхъ и западныхъ славянъ и даже литовцевъ. Фонетика малорусскаго языка изслѣдована А. А. Потебней въ статьѣ о звукахъ малорусскаго языка въ «Филол. Запискахъ» и въ обширной рецензіи на сочиненіе г. П. Житецкаго о звуковой исторіи малорусскаго языка. Лексической стороны А. А. Потебня болѣе или менѣе касается почти въ каждомъ своемъ трудѣ, и если по научному изученію фонетики малорусскаго языка мы еще можемъ на ряду съ г. Потебней поставить Миклошича, П. Лавровскаго, П. Житецкаго и проф. Ом. Огоновскаго, то въ отношеніи научнаго изученія лексическаго состава малорусскаго языка проф. Потебня занимаетъ почти исключительное, если не считать Миклошича, мѣсто въ русской наукѣ, безъ предшественниковъ и почти безъ продолжателей, что объясняется трудностью такого рода работы и, главное, личной отчужденностью ученыхъ отъ южнорусскаго народа. Впервые А. А. Потебня открылъ тайники художественной дѣятельности народа въ отдѣльныхъ словахъ, не говоря уже о пѣсенномъ сочетаніи ихъ. Мало того, со многихъ темныхъ словъ приподнято имъ таинственное покрывало, скрывавшее ихъ важное историко-бытовое значеніе. Укажемъ, напримѣръ, на объясненіе словъ «тума», «рожа спажа», «на чудъ», «бованити», «потороча», «щавидубъ», «гостець», «полелю», «рано-раненько» и «рай». Для будущихъ составителей толковаго словаря живаго малорусскаго языка филологическіе труды А. А. Потебни несомнѣнно будутъ необходимой настольной книгой. Правда, при этой трудной лексической работѣ А. А. Потебня иногда ошибался, напр., при объясненіи слова «міусы» въ думѣ про Алексѣя Поповича, но непрерывно работая, при полной научной добросовѣстности, онъ самъ же впослѣдствіи замѣчалъ свою ошибку и исправлялъ ее, на основаніи болѣе точныхъ филологическихъ соображеній. Оставляя въ дѣлѣ опредѣленія иностранныхъ

словъ въ славяскихъ языкахъ пальму первенства и главной заслуги безспорно Миклошичу, нужно признать, что въ приложеніи къ малорусскому языку А. А. Потебня шелъ по слѣдамъ Миклошича и опредѣлилъ цѣлый рядъ характерныхъ малорусскихъ словъ, заимствованныхъ изъ иностранныхъ языковъ: напр. гарный, гиля, нигичъ, аркгатъ, бигме, море, паланка, душманъ, вурда, брынза, струнка, гринджолы и мн. др.

Изучая формы языка въ мельчайшихъ ихъ подробностяхъ, А. А. Потебня всегда опирается на широкій философскій взглядъ на сущность языка вообще, его значеніе въ общемъ строѣ духовнаго развитія индивидуума и народа, его основныя составныя части и взаимное ихъ отношеніе. Въ сочиненіяхъ проф. Потебни мы находимъ обширныя главы о томъ, что такое слово, о созданіи и разрушеніи грамматическихъ формъ, объ отношеніи граматики къ логикѣ. Въ частности, весьма цѣнныя замѣчанія объ отношеніи областныхъ нарѣчій къ литературному языку и о значеніи литературной разработки найболѣе крѣпкаго и сильнаго изъ нихъ, южнорусскаго, находятся въ обширной рецензіи А. А. Потебни на сборникъ галицкихъ и угорскихъ пѣсенъ г. Головацкаго.

Отъ изученія лексическаго состава языка остается одинъ шагъ до изученія народной поэзіи, преимущественно пѣсенъ, гдѣ слово сохраняетъ всю свою художественную силу и выразительность, и А. А. Потебня самымъ естественнымъ путемъ перешелъ отъ узкой работы филологической къ гораздо болѣе широкой и живой работѣ историко-литературной, точнѣе сказать, къ изученію народныхъ поэтическихъ мотивовъ. Съ усвоенной при филологическихъ работахъ привычкой къ точному анализу словъ, съ привычкой останавливаться на мельчайшихъ явленіяхъ языка, А. А. Потебня приступилъ къ изученію народныхъ пѣсенъ и вошелъ въ самую глубь ихъ содержанія путемъ обстоятельнаго изученія почти каждаго слова ихъ въ отдѣльности, каждой фразы и мелкихъ варіантовъ. Уже въ 1877 г. въ статьѣ о сборникѣ пѣсенъ г. Головацкаго А. А. Потебня высказалъ и развилъ свое мнѣніе о необходимости формальнаго основанія дѣленія пѣсенъ и въ послѣдующихъ своихъ сочиненіяхъ вездѣ выдвигаетъ на первый планъ размѣръ изучаемыхъ пѣсенъ и по размѣру распредѣляетъ ихъ на разряды и отдѣлы. При частномъ изученіи отдѣльныхъ разрядовъ пѣсенъ, напримѣръ, колядокъ, вес-

нянокъ, коломыекъ, размѣръ имѣетъ важное значеніе, и лучшимъ тому подтвержденіемъ можетъ служить послѣдняя обширная работа проф. Потебни о поэтическихъ мотивахъ колядокъ. Можно однако сомнѣваться въ удобствѣ и приложимости формальнаго дѣленія пѣсенъ по размѣру при изданіи большихъ сборниковъ пѣсенъ, особенно пѣсенъ свадебныхъ.

Съ легкой руки М. А. Максимовича, начавшаго при изученіи «Слова о Полку Игоревѣ» сливать оба полы сего времени, т. е. опредѣлять историко-поэтическую связь южной Руси настоящаго времени съ до-монгольскою южною Русью въ отдѣльныхъ поэтическихъ образахъ, выраженіяхъ и эпитетахъ, эта интересная работа въ большихъ размѣрахъ произведена А. А. Потебней въ примѣчаніяхъ къ «Слову о Полку Игоревѣ», вышедшихъ въ 1877 г. Признавая, подобно многимъ ученымъ, въ «Словѣ» произведеніе личное и письменное, проф. Потебня находитъ невѣроятнымъ, чтобы оно было сочинено по готовому византійско-болгарскому или иному шаблону, и указываетъ на обиліе въ немъ народно-поэтическихъ ситхій. Опредѣляя черты сходства «Слова» съ произведеніями устной словесности, проф. Потебня съ одной стороны объясняетъ нѣкоторыя темныя мѣста «Слова», съ другой возводитъ нѣкоторые народно-поэтическіе мотивы ко времени не позже конца двѣнадцатаго вѣка и такимъ образомъ вноситъ извѣстную долю хронологіи въ изученіе такихъ сторонъ народной поэзіи, какъ символика и параллелизмъ.

Въ послѣдніе четыре года А. А. Потебня издалъ два весьма крупныя изслѣдованія: 1) «Объясненіе малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсенъ». 1883 г. и 2) «Поэтическіе мотивы колядокъ» въ «Рус. Филол. Вѣстникѣ» 1884—1887 годовъ. Для всякаго, серьёзно занимающагося изученіемъ народной поэзіи, эти труды проф. Потебни имѣютъ чрезвычайно важное значеніе, по методу научнаго изслѣдованія, по собранному и обслѣдованному матеріалу и сдѣланнымъ на основаніи этого матеріала научнымъ выводамъ. Въ первомъ изслѣдованіи говорится о распредѣленіи пѣсенъ по размѣрамъ, поэтическихъ образахъ и разныхъ темныхъ словахъ, встрѣчающихся въ пѣсняхъ. Во второмъ изслѣдованіи колядки и щедривки разложены на составные элементы, разобраны по мотивамъ, число которыхъ перевалило уже за 70, судя по послѣднему «продолженію» сочиненія въ только что вышедшей 1 кн. «Р. Фил. Вѣст.» за 1887 г.

О значеніи послѣдняго труда А. А. Потебни въ исторіи научной разработки колядокъ было уже говорено въ ст. Н. Ѳ. Сумцова «О научномъ изученіи колядокъ» («Кіев. Старина» 1886 г., II) и здѣсь остается только повторить высказанное въ этой статьѣ замѣчаніе, что предпринятый А. А. Потебней обстоятельный обзоръ содержанія колядокъ и щедривокъ, при полномъ вниманіи автора ко всѣмъ подробностямъ и мелочамъ ихъ относительно отдѣльныхъ поэтическихъ образовъ, а также въ высшей степени тщательный и подробный научный анализъ колядокъ, даютъ возможность опредѣлить ихъ внутреннее родство (стр. 25) и придаютъ большую научную цѣнность всему изслѣдованію (стр. 18).

Мимоходомъ здѣсь можно замѣтить, что А. А. Потебня, по просьбѣ харьковскй уѣздной земской управы, безвозмездно принялъ на себя редактированіе предпринятаго земствомъ полнаго собранія сочиненій Г. Ѳ. Квитки и давно уже выполнилъ эту трудную и копотливую работу. А. А. Потебня сличилъ изданія сочиненій Квитки, вездѣ поставилъ надъ словами ударенія, обозначилъ въ выноскахъ допущенныя П. А. Кулишемъ разночтенія и передѣлки и принялъ на себя послѣднюю корректуру этого общеполезнаго изданія.

Какъ предсѣдатель состоящаго при харьковскомъ университетѣ историко-филологическаго общества, А. А. Потебня содѣйствовалъ собиранію архивныхъ документовъ и старыхъ дѣлъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ и изданію главнѣйшихъ архивныхъ дѣлъ, первый томъ котораго уже вышелъ въ 1886 г. подъ редакціей члена историко-филологическаго общества Д. И. Багалѣя. Въ настоящее время приготовляется къ печати второй томъ мѣстныхъ архивныхъ матеріаловъ.

На учащуюся молодежь историко-филологическаго факультета Александръ Аѳанасьевичъ всегда оказывалъ большое нравственное вліяніе. Студенты, и старые и новые, уважаютъ въ лицѣ Александра Аѳанасьевича человѣка, глубоко преданнаго наукѣ, постоянно работающаго, полнаго хозяина въ избранной имъ области филологическихъ знаній, независимаго, самостоятельнаго, строгаго и требовательнаго къ себѣ и къ другимъ. Александръ Аѳанасьевичъ профессоръ въ лучшемъ значеніи этого слова: онъ не только сообщаетъ свѣдѣнія, но и опредѣляетъ пути для ихъ пріобрѣтенія, и возбуждаетъ охоту къ усвоенію и разработкѣ ихъ путемъ само-

стоятельной работы и исключительно въ силу духовной пытливости. Студенты-филологи въ научной дѣятельности и въ нравственномъ характерѣ Александра Аѳанасьевича находятъ поддержку и опору для своихъ научныхъ представленій о значеніи профессора и университета.

Н. С.

Вниманію археологовъ.

Многіе курганы и вообще земляныя насыпи на югѣ Россіи уже изслѣдованы археологами, но очень многіе никому изъ интересующихся людей совершенно неизвѣстны, потому что находятся въ глуши, вдали отъ большихъ дорогъ, въ горахъ, лѣсахъ и т. п. На одинъ такой историческій памятникъ я намѣренъ указать.

Въ подольской губерніи, въ проскуровскомъ уѣздѣ, въ двухъ верстахъ отъ села Остапковецъ, въ имѣніи г. Залѣсскаго находится громадный валъ, образующій правильный кругъ, діаметръ котораго составитъ около трети версты или болѣе. Валъ этотъ находится на вершинѣ холма, по склонамъ котораго теперь еще уцѣлѣли два очень глубокихъ рва: первый глубиною почти въ десять саженей, а второй, находящійся у самаго подножія холма, почти вдвое глубже перваго, такъ что поражаетъ своею грандіозностію. Въ цѣломъ холмъ этотъ похожъ на тѣ остатки крѣпости, какія находятся преимущественно въ Литвѣ. Особенно онъ сходенъ съ крѣпостію новогрудской въ минской губерніи, воспѣтой Мицкевичемъ въ повѣсти «Гражина». По бокамъ холма уцѣлѣла еще дорога, которая вела на верхъ. Найти это укрѣпленіе безъ проводника теперь нельзя, потому что оно все совершенно покрыто очень густымъ лѣсомъ. Народъ зоветъ это мѣсто *Замчискомъ* и страшно боится его. Среди разныхъ легендъ, пріуроченныхъ къ Замчиску, болѣе распространена слѣдующая. «На горѣ этой когда-то жилъ панъ. У него былъ очень большой дворецъ и много прислуги. За грѣхи Богъ наказалъ пана и онъ провалился подъ землю со всѣмъ своимъ имуществомъ. Въ день Пасхи теперь еще слышно чрезъ трубу, какъ подъ землею звонятъ въ колокола». Пріурочивается также къ «Замчиску» и миѳъ о подземномъ богѣ золота и серебра, которое онъ иногда выбрасываетъ черезъ трубу счастливцамъ. Ходятъ также

толки на счетъ «Замчиска» и такіе, что тамъ скрыто очень много бочекъ съ золотомъ, медомъ, или что тамъ зарыты военныя орудія. До послѣдняго времени говорили даже, что въ одномъ мѣстѣ виднѣлась еще дверь, которая вела въ подземелье.

С.

Актъ избранія Варлаама Ясинскаго архимандритомъ кіево-печерскаго монастыря.

Избраніе на высшія и низшія іерархическія должности, равно на уряды войсковые, гражданскіе и общественные было общераспространеннымъ во всей южной Руси и лежало, такъ сказать, въ самой основѣ жизни южно-русскаго народа. Выбирали всѣхъ отъ гетмана и митрополита до послѣдняго сельскаго атамана и дьячка. О выборахъ составлялись пространныя и краткія записи, въ которыхъ нерѣдко изображался и самый процессъ избранія съ результатами онаго и подписями выборщиковъ; но цѣльныхъ актовъ избранія нѣтъ, или почти нѣтъ въ печати.

Въ архивѣ министерства юстиціи, въ числѣ дѣлъ Сибирскаго приказа, подъ № 6815, мы нашли подлинный актъ избранія въ архимандриты кіево-печерской лавры Варлаама Ясинскаго, впослѣдствіи избраннаго на кіевскую митрополичью каѳедру. Къ сожалѣнію этотъ важный актъ не сохранился въ полномъ видѣ; уцѣлѣло лишь 8 листовъ, нынѣ крайне ветхихъ. Начало акта утрачено и мы не видимъ процедуры выборовъ. Кіево-печерская лавра считалась первѣйшею святынею въ странѣ и выборъ въ печерскіе архимандриты производился съ особою торжественностію. Въ числѣ участвовавшихъ въ выборѣ Варлаама Ясинскаго мы видимъ делегатовъ отъ гетмана, уполномоченныхъ блюстителя кіевской митрополіи Лазаря Барановича, архіепископа черниговскаго, представителей кіевскаго магистрата, множество монаховъ разнаго сана и чина и нѣсколько нечиновныхъ мірянъ, по малому числу которыхъ (всего три) думаемъ, не утратился-ли и еще какой либо листъ съ конца акта.

Приводимъ этотъ рѣдкій актъ въ томъ объемѣ, въ какомъ онъ сохранился.

. . . . Варлаама Ясинскаго, игумена никольскаго кіевскаго, пречестнаго, его милости, господина, отца Ѳеодосія Углицкаго, игумена михайловскаго выдубецкаго, пречестнаго, его милости, господина, отца Антонія Радивиловскаго, намѣстника печерскаго на обраніе отъ ясне въ Бозѣ преосвященнаро, его милости, господина, отца архіепископа черниговскаго посланныхъ, вольными гласы и единогласными устами и сердцы обрали архимандритомъ печерскимъ честнаго въ Бозѣ, его милость, господина, отца Ясинскаго, игумена монастыря святаго Николая пустыннаго кіёвскаго, святостію, мудростію церкви Божіей прислуженнаго, къ тому чину высокому годнаго и достойнаго, при присланныхъ на то избраніе отъ ясневельможнаго, его милости, господина гетмана Ивана Самойловича, при ихъ милостяхъ, господахъ полковникахъ: при Васильѣ Бурковскомъ, полковникѣ черниговскомъ, при кіевскомъ Григоріѣ Карповичѣ, который пречестный, его милость, отецъ архимандритъ новообранный, при совоблюденной въ належащей чести и въ любви ихъ милостей пречестныхъ отцевъ избраннныхъ печерскихъ, также всѣхъ отцевъ и братіи, при совоблюденіи всякихъ чиновъ древнихъ, при опасномъ намѣреніи, около благаго мѣста святаго отнынѣ будетъ имѣть полное строеніе и владѣніе монастыремъ и его принадлежностьми, церковію и украшеніемъ, братіею и всякими приходами и росходами тако, яко и прежніе архимандриты, даже недавно къ Богу отшедшаго, его милости, господина, отца Иннокентія Гизеля, архимандрита кіево-печерскаго, владѣли и строили. Для того при печати соборной печерской имена наши властными руками подписуемъ. Чинилось во святой, великой, чудотворной лаврѣ кіево-печерской, лѣта Господня 1682 г., мѣсяца генваря, 20 дня.

Ѳеодосій Углицкій, игуменъ монастыря св. архистратига Михаила выдубецкаго кіевскаго, рукою властною.

Силиверстъ Головчичъ, игуменъ монастыря св. архистратига Михаила золотоверхого, ректоръ братской кіевской.

Ѳеодосій Вансовскій, игуменъ межигорскій.

Иннокентій Монастырскій, игуменъ монастыря кирилловскаго кіевскаго.

Антоній Радивиловскій, намѣстникъ печерскій.

Василій Борковскій, полковникъ войска ихъ царскаго пресвѣтлаго величества запорожскаго черниговскій, рукою властною.

Григорій Карповичъ, полковникъ войска ихъ царскаго пресвѣтлаго величества запорожскаго кіевской, рукою властною.

Іеромонахъ Іоасафатъ, старшій печатарный кіево-печерскій, рукою своею.

Іеромонахъ Лукіанъ Моисеевичъ, счасный уставщикъ печерскій.

Іеромонахъ Паисій Клепецъ, старецъ соборный.

Іеромонахъ Пантелеимонъ Кохановскій, экономъ монастыря печерскаго.

Іеромонахъ Аѳанасій Одынецъ, старецъ соборный монастыря кіево-печерскаго.

Іеромонахъ Аѳанасій Миславскій, намѣстникъ монастыря чолскаго Трубчевскаго, маршалокъ на избраніе архимандрита съ братіею множественною.

Іеромонахъ Митрофанъ Басковичъ, еклесіархъ великія церкви печерской.

Іеромонахъ Иннокентій, блюститель пещеры преп. Ѳеодосія и духовникъ всея братіи монастыря печерскаго.

Іеромонахъ Софоній, на время блюститель пещеры преп. отца Антонія.

Варламъ Куликъ.

Іеромонахъ Мардарій Конарскій.

Іеромонахъ Калистръ, намѣстникъ . . . .

Іеромонахъ Иларіонъ.

Іеромонахъ Геннадій.

Іером. . . . . .

Іеромонахъ Селиверстъ Маковскій.

Іеромонахъ Самоилъ.

Іеромонахъ Іоанникій.

Іеромонахъ Ѳеофилактъ.

Жданъ Ѳедоровичъ Тадрына, войтъ кіевскій.

Янъ Быковичъ, бурмистръ кіевскій.

Демидъ Мамоновичъ, бурмистръ кіевскій.

Иванъ Софоновичъ, бурмистръ кіевскій.

Захаръ Тадрына, райца старшій кіевскій.

Іеромонахъ Куартъ.

Іеромонахъ Германъ Кураевскій.

Іеромонахъ-іеродіаконъ Меѳодій.

Іеродіаконъ Пафнутій Притицкій.
Іеродіаконъ Іона дзигарнистъ.
Іеродіаконъ Зиновій.
Іеродіаконъ Іосафъ паламарь.
Іеродіаконъ Іосифъ.
— Пахомій.
— Іеронимъ.
— Іосафъ.
— Іоакимъ.
Схимникъ монахъ Григорій.
Елисей Милкѣевичъ, старецъ печерскій.
Арсеній Уруглецкій.
Монахъ Филаретъ Лесневичъ.
Монахъ Ипполитъ келарь.
Монахъ Паисій Акруйговичъ.
Монахъ Іосифъ Оснѣцкій.
Монахъ Кассіанъ полатный.
Монахъ, паламарь, Дуницкій.
Веніаминъ Братковскій.
Монахъ Герасимъ Величко.
Монахъ Герасимъ Климашевскій.
Монахъ Савостьянъ.
Монахъ Ипатій.
Монахъ Власій городничій.
. . . .
. . . .
Монахъ Варновъ.
— Вонифатій.
— Мартіанъ.
— Викторъ, паламарь печерскій.
— Дамаскинъ.
И прочая братія вся.
Исакій, экономъ больницы троицкой печерской, съ братіею.
Ѳедоръ Предримировскій, староста печерскій.
Максимъ Васильковскій.
Антоній Гавриловичъ.

Сообщ. **А. Востоковъ.**

Загадочный портретъ Шевченка.

Прошлой осенью мнѣ довелось быть у моей матери, Александры Степановны Бабичь, живущей почти безвыѣздно въ Кіевѣ, на Гончарахъ, въ собственномъ домѣ. Однажды вечеромъ она увидала на моемъ столѣ *«Кобзарь»* (изд. 1883 г.), при чемъ обратила особенное вниманіе на приложенный къ изданію портретъ Шевченка. Портретъ этотъ, какъ она мнѣ тогда-же заявила, напомнилъ ей отчасти другой, находившійся у ней на храненіи слишкомъ 20 лѣтъ тому назадъ и изчезнувшій неизвѣстно куда. Вотъ исторія этого портрета.

У моей матери отдавались въ наймы квартиры. Одному жильцу (фамилію его она не помнитъ) нужно было внезапно выѣхать изъ города; такъ какъ у него находилось много мелкихъ вещей, то онъ и оставилъ ихъ на время въ своей квартирѣ. Въ числѣ оставленныхъ вещей былъ и портретъ Тараса Григорьевича. Портретъ этотъ величиною въ четверть листа, писанъ красками. Шевченко изображенъ на немъ въ красномъ кунтушѣ (по поясъ), въ шапкѣ и съ «оселедцемъ». Не придавая въ то время цѣны портрету, мать моя вынесла его вмѣстѣ съ другими мелочами на чердакъ. Жилецъ больше не являлся, портретъ безслѣдно пропалъ.

Существованіе такого портрета Шевченка крайне загадочно. Въ красныхъ жупанахъ ходили и «оселедцы» носили, какъ извѣстно, запорожцы. Но не возможно допустить, чтобы многодумному нашему поэту даже въ *веселыя* минуты жизни пришла фантазія изобразиться запорожскимъ рыцаремъ. Въ дѣтствѣ Шевченко могъ носить и вѣроятно носилъ чуприну, такъ какъ это было общимъ обычаемъ у подростковъ той мѣстности, которой онъ принадлежалъ по рожденію; и красную куртку съ соотвѣтственною шапкою онъ могъ носить, какъ дворовый козачекъ тамошней мѣстности, хотя самъ объ этомъ нигдѣ не упоминаетъ. Но отсюда до изображенія себя въ зрѣломъ возрастѣ въ костюмѣ и съ куафюрою отрочества или юности далеко. Не есть-ли скорѣе портретъ, о которомъ я говорю, фантазія кого либо изъ пламенныхъ почитателей поэта, которому пришло въ голову изобразить такимъ пѣвца козацкихъ подвиговъ?

Настоящею замѣткою желательно было бы вызвать разъясненіе этого загадочнаго портрета, и именно: извѣстно-ли еще кому либо существованіе такого портрета и каково его происхожденіе и значеніе.

А. Бабич[illegible]

Изъ сферы кіевскаго городскаго хозяйства 2-й половины XVIII ст.

Исторія кіевскаго магистрата, если-бы она когда-либо была составлена, могла-бы представить поучительный примѣръ глубокаго паденія самоуправленія, построеннаго на самыхъ широкихъ началахъ равноправности и свободы. Съ половины прошлаго столѣтія этотъ, никому когда-то «неподлеглый», «упривиліованный» магистратъ сталъ видимо и быстро клониться къ упадку, ведя борьбу и съ русскими властями, и съ гетманскимъ региментомъ, съ софійскою катедрою и кіевскими монастырями, запутываясь въ хозяйственныхъ дѣлахъ, увеличивая недоимки въ городскихъ доходахъ и растраты городскихъ суммъ, и кончилъ полнымъ почти банкротствомъ ко времени упраздненія его въ 1834 году, оставивъ городъ въ такомъ печальномъ положеніи со стороны внѣшняго благоустройства, что жалобы на него слышались ото всѣхъ русскихъ и иностранныхъ посѣтителей Кіева конца прошлаго и начала нынѣшняго стлоѣтія. Произошло все это въ періодъ постепеннаго подчиненія Кіева общеимперскимъ порядкамъ и, помимо многихъ частныхъ причинъ, зависѣло главнымъ образомъ отъ смѣшенія въ городскомъ управленіи двухъ принциповъ и порядковъ—автономнаго и бюрократическаго, естественнымъ послѣдствіемъ котораго было то, что контроль общества самъ собою слабѣлъ и контроль правительственный не могъ получить надлежащій силы.

Съ 1766 года, на высокомъ и трудномъ посту кіевскаго войта является надворный совѣтникъ Григорій Пивоваровъ, состоявшій передъ тѣмъ въ должности кіевскаго губернскаго прокурора [1]). Его кандидатура, предъявленная сперва не гласно кіевскимъ генералъ-губернаторомъ, была рѣшительно отвергнута сходомъ кіевскихъ мѣщанъ, подтвержденная-же затѣмъ высочайшимъ повелѣніемъ императрицы Екатерины II, хотя и принята, но сопровождалась отчаянными протестами мѣщанъ и едва не окончилась открытымъ бунтомъ и кровопролитіемъ. Вотъ эта-то темная личность, обманувшая довѣріе къ ней правительства, послѣ своего утвержденія въ должности войта, съумѣла обратить въ свою пользу выгоды службы коронной

[1]) А. А. Андреевскій Историч. матеріалы в. VIII стр. 81

съ порядками выборнаго общественнаго управленія, и о ней-то я хочу сказать нѣсколько словъ, какъ она хозяйничала въ «прародительской отчинѣ россійскихъ государей» и вводила въ участіе своимъ хозяйничаньемъ другихъ выборныхъ общественныхъ дѣятелей, въ качествѣ бургомистровъ и райцевъ.

Пивоваровъ занималъ должность войта свыше десяти лѣтъ и несмотря на то, что прочіе члены магистрата, бургомистры и райцы, по принятому издревле порядку переизбирались и отчасти мѣнялись каждый годъ, общій характеръ хозяйничанья оставался неизмѣннымъ во все время его управленія.

Бывшій при Пивоваровѣ райцею Василій Балабуха, по выходѣ изъ магистрата, составилъ въ 1780 году въ высшей степени любопытную записку о состояніи кіевскаго городскаго хозяйства и о магистратскихъ порядкахъ въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія, подъ заглавіемъ: «Свѣдѣніе 1780 года о бываемыхъ доходахъ кіевскаго магистрата». Въ запискѣ говорится впрочемъ не объ однихъ доходахъ, но и злоупотребленіяхъ магистрата, а также объ улучшеніяхъ въ городскомъ хозяйствѣ, произведенныхъ имъ, Василіемъ Балабухою, въ бытность его бурмистромъ.

По этимъ «свѣдѣніямъ» главный доходъ кіевскаго магистрата получался тогда отъ продажи водки въ магистратскихъ шинкахъ на Подолѣ. Такъ какъ продажа водки на Подолѣ составляла монополію магистрата, а пили тогда въ гомерическихъ размѣрахъ; то ежегодно продавалось въ магистратскихъ шинкахъ отъ 25 т. до 30 т. ведеръ, что доставляло магистрату доходу отъ 9 т. до 10 т. рублей. Доходъ отъ продажи меду и пива не показанъ въ запискѣ Балабухи и только замѣчено, что по этой статьѣ «особливо долженъ быть доходъ». Налоги на разныя торговыя предпріятія въ городѣ и предмѣстьяхъ давали городу до 3 т. и болѣе рублей и сверхъ того изъ кіевской губернской канцеляріи отпускалось ежегодно на разныя потребности тысяча двѣсти девять рублей, двѣнадцать копѣекъ и болѣе. Словомъ, всѣхъ городскихъ доходовъ составлялось отъ 13 т. до 15 т. рублей.

Этими денежными, по тому времени весьма значительными, доходами войтъ Пивоваровъ и городскіе урядники 1775 года распорядились, по свидѣтельству Балабухи такъ, что къ началу 1776 г. въ городской кассѣ наличныхъ суммъ изъ текущихъ доходовъ осталось лишь *два рубля*.

Не лучше распоряжались они и натуральными статьями дохода. Торговавшіе водкою изъ своихъ винокурень или имѣвшіе только шинки должны были за право торговли вносить налогъ натурою, называвшійся «помѣрное», отъ ста ведеръ по пяти ведеръ; и такъ какъ въ частныхъ шинкахъ продавалось ежегодно около 30 т. ведеръ, то магистрату приходилось 1,500 ведеръ «помѣрнаго». Изъ этого количества войтъ Пивоваровъ и райцы: Давидовскій и Дмитровичъ взяли въ свою пользу по 200 ведеръ, писарь Леонтовичъ 50 ведеръ, да «низшіе чиновники по меньшему числу», такъ что въ пользу города осталось лишь *250 ведеръ*.

Но городскіе урядники не довольствовались «виномъ» мѣстнаго производства, а услаждали себя и заморскими винами, на покупку которыхъ расходовались значительныя суммы. «Когда только войтъ, говоритъ Балабуха, собрать вздумаетъ компаніи, или балы здѣлать, либо когда для увеселенія и проѣздиться съ компаніею, то всѣ на то ѣстные и питейные припасы и особливо вина: венгерское, шампанское, французское, пиво аглицкое, да и до малѣйшей вещи все покупается изъ магистратской суммы, а чтобы укрыть сіе, убавляють по книгамъ покупку и продажу вина».

Чтобы усилить свой питейный доходъ, Пивоваровъ выстроилъ, по словамъ Балабухи, «на городской землѣ и магистратскимъ всѣмъ коштомъ винокуренный заводъ, который магистратскимъ-же коштомъ всегда и починяется, съ котораго завода войтъ все свое вино отпускаетъ въ магистратскіе шинки цѣною такою, какою ему угодно. И хотя оной войтъ съ бурмистромъ и райцею рочными и при другихъ бурмистрахъ и райцахъ о цѣнѣ и договариваются; но и тѣ бурмистры и райцы, яко имѣють такъ-же свои заводы и чтобъ и свое вино тако-жъ дорогою цѣною туда-жъ вольно было отпускать, соглашаются охотно съ войтомъ. У сторонныхъ-же и кіевскихъ обывателей таково горячее вино гораздо дешевлее можно купить. А отъ сего какая гибель магистратской денежной прибыли, удобно видѣть можно».

Изыскалъ Пивоваровъ и другую статью дохода для себя и своихъ служителей. Куплено было лѣсу за магистратскія деньги до трехъ тысячъ бревенъ сосновыхъ и кромѣ того дровъ немалое число, «и съ того, говоритъ, отпускается войту, бурмистру и райцѣ по 100 бревенъ, да по 40 возовъ и болѣе, сколько имъ заугодно, дровъ,

писарю-же 50 бревенъ и 20 возовъ дровъ, а другимъ чинамъ по ихъ, «рочныхъ», распоряженію, развозя всѣмъ по домамъ наемными подводами или магистратскими; весь же тотъ расходъ записывается въ книги единственно якобы для одного магистрата».

«Продавцы вина горячего, заканчиваетъ эту картину Балабуха, въ шинкахъ магистратскихъ, просто называемые шинкари, перемѣняются по волѣ войта, бурмистра и райцы рочныхъ, для того только, кто изъ шинкарей больше имъ денегъ дастъ, и взымаютъ отъ нихъ отъ пятидесяти до ста рублей, а кромѣ того отъ всякой бочки взымаютъ же отъ нихъ себѣ по одному рублю и о праздникахъ Рождества и Воскресенія Христова дары праздничные. Чрезъ тоже имѣютъ волю шинкари продавать то горячее вино на такову мѣру, на какую они хотятъ».

Принявъ въ 1776 году въ свое завѣдываніе разоренное городское хозяйство, Василій Балабуха сдѣлалъ въ немъ нѣкоторыя улучшенія, которыя еще болѣе раскрываютъ злоупотребленія Пивоварова и его сообщниковъ.

Магистрату принадлежали подгородья Преорка и Куреніовщина съ прилежащими землями. Въ этихъ двухъ предмѣстьяхъ числилось до 300 крестьянскихъ дворовъ, хозяеза которыхъ платили въ магистратъ 250 рублей окладу въ годъ. Въ 1776 году, по докладу Балабухи, денежный окладъ былъ замѣненъ натуральной повинностью: магистратскіе крестьяне должны были работать по одному дню въ недѣлю; они свозили съ берега Днѣпра купленный магистратомъ лѣсъ, косили сѣно, очищали мосты, вывозили навозъ, набивали ледники льдомъ и «протчие гродские надобности исправляли». «На все это было отъ магистрата на заплату большая сумма исходить, а нынѣ, за исправленіемъ всѣхъ выше изображенныхъ надобностей, съ тѣхъ мужиковъ, кои не отработаютъ всѣхъ дней, взымаютъ за всякій день по пяти копѣекъ». Эти штрафы образовали за годъ сумму въ сто двадцать четыре рубля, да столько же осталось недоимки за крестьянами. Конечно, что отъ этого измѣненія «найдена магистрату большая польза».

Главнымъ расходомъ кіевскаго магистрата было содержаніе конной почты; приходилось издерживать на уплату подрядчикамъ отъ трехъ до четырехъ тысячъ рублей и болѣе, кромѣ даровыхъ пастьбищъ на городскихъ лугахъ и прогонныхъ денегъ. Оказалось,

что и эту услугу городу оказывали достославный войтъ Пивоваровъ и писарь Леонтовичъ, участвовавшіе секретно въ подрядѣ. Когда въ 1776 году явились подрядчики на торги и запросили 3,600 р.; то Балабуха рѣшился взять содержаніе почты на свой отвѣтъ. Онъ купилъ сорокъ лошадей, закупилъ на цѣлый годъ сѣна и овса, исправилъ повозки, упряжь, нанялъ ямщиковъ и на все это издержалъ въ годъ лишь 1,800 рублей. При сдачѣ должности бурмистра въ концѣ 1776 года, онъ передалъ тридцать шесть лошадей «самыхъ годныхъ и въ лучшемъ состояніи и все остальное почтовое имущество и сверхъ того пятсотъ рублей прогонныхъ денегъ».

Къ концу 1776 года, благодаря стараніямъ Балабухи, въ городской кассѣ, помимо всѣхъ расходовъ, образовалась сумма въ 5,711 рублей, такъ что, по возвратѣ истраченныхъ прежними урядниками 1,662 рублей, для текущихъ расходовъ въ 1777 году оставалось болѣе 4,000 рублей.

Чтобы предупредить на будущее время возможность хищенія, Балабуха предложилъ сдѣлать нѣкоторыя измѣненія въ магистратскихъ порядкахъ. Главнымъ недостаткомъ магистратскаго управленія Балабуха считалъ соединеніе распорядительной и исполнительной власти въ рукахъ «рочныхъ» бургомистра и райцы, вслѣдствіе чего, «чѣмъ бы зависѣть рочнымъ отъ предписаній магистрату, тѣмъ самимъ они-жъ управляя, получаютъ резолюціи почти отъ самихъ себе и по своему желанію, да и о дѣйствительномъ исполненіи никакой ексекуціи не имѣютъ, а потому сами они для себе законъ и все состоитъ въ полной ихъ волѣ». Чтобы устранить это самоуправство и, какъ слѣдствіе его, хищенія, Балабуха предложилъ, чтобы въ противность прежнему обыкновенію, когда выбывавшіе бургомистры и райцы передавали городскія суммы вновь выбраннымъ, учредить особую коммисію изъ пяти членовъ, именно вновь выбранныхъ «правящихъ» бургомистра и райцы, двухъ «присутствующихъ» бургомистровъ и одного медоваго шафаря, съ тѣмъ, чтобы магистратскія суммы передавались ей подъ роспиcку въ книгахъ, а она содержала-бъ ихъ въ магистратской скарбовой избѣ, за печатьми и ключами, и безъ ея разрѣшенія «рочные» не имѣли-бы права производить какой либо расходъ. При существованіи такой коммиссіи «ежегодно можно было-бы видѣть прибыль и знать мож-

но-жъ, сколько суммы будетъ имѣть магистратъ. Если же въ который годъ чіего либо правленія окажется расходъ болѣе прихода, то бы тѣ рочные докладали, почему то сдѣлалось, и ежели усмотрится правильной расходъ, въ то время магистратъ приступилъ-бы къ выдачѣ наличной означенной суммы, сколько надобно». Но магистратъ, или, лучше сказать, войтъ Пивоваровъ отвергъ такое благое предложеніе Балабухи и продолжалъ хозяйничать по прежнему, радѣя лишь о своей пользѣ, а не о пользѣ города.

С. Н—й.

Двѣ поправки къ статьѣ: „Свадьба Тимоша Хмельницкаго".

Въ названной статьѣ, помѣщенной въ мартовской и майской книжкахъ «Кіевской Старины» за нынѣшній годъ, въ самомъ концѣ допущены нѣкоторыя неточности, которыя считаю нужнымъ исправить.

Разсказывая о смерти и погребеніи Тимоша Хмельницкаго, авторъ утвердительно говоритъ (майск. кн., стр. 49), что Тимошъ похороненъ «въ Субботовѣ, въ церкви, построенной Богданомъ».

Въ Субботовѣ дѣйствительно построена была Богданомъ Хмельницкимъ въ послѣдніе годы его жизни каменная церковь, которая, не смотря на всѣ превратности, сохранилась и доселѣ и въ послѣднее время была не разъ возобновляема. Но не въ этой церкви предано землѣ тѣло Тимоша. Онъ умеръ и погребенъ въ концѣ 1653 г., а каменную церковь во имя св. пророка Иліи Богданъ Хмельницкій началъ строить въ своемъ родовомъ имѣніи лишь въ слѣдующемъ 1654 году. Между тѣмъ въ Субботовѣ была въ это время другая, деревянная церковь во имя св. архистратига Михаила и въ ней-то и похоронены остатки гетманскаго первенца. Здѣсь надъ его могилой совершалъ въ 1654 году заупокойную службу антіохійскій патріархъ Макарій, слѣдовавшій чрезъ Украйну въ Москву, какъ объ этомъ замѣчаетъ въ любопытныхъ своихъ запискахъ сопутствовавшій ему алеппскій діаконъ Павелъ [1]).

---

[1]) Свидѣтельство его о семъ см. въ отрывкахъ его Записокъ въ „Кіев. Еп. Вѣдомостяхъ" за 1872 г.

Другая неточность допущена авторомъ названной статьи на стр. 51 той-же майской книжки, въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ говоритъ объ ожерельѣ Домны Хмельницкой, снимокъ съ котораго приложенъ къ его статьѣ. По словамъ автора, ожерелье это принесъ въ даръ Семенъ Палій церкви Спаса, построенной имъ въ Бѣлой Церкви, о чемъ сохранилось будто-бы доселѣ мѣстное преданіе.

Церковь Спаса, или во имя Преображенія Господня, построена въ Бѣлой Церкви въ 30-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія графинею Александровною Браницкою, племянницею кн. Гр. Потемкина, по образцу одесскаго каѳедральнаго собора, и здѣсь погребено тѣло строительницы. Она построена на разстояніи лишь нѣскольких шаговъ отъ того мѣста, гдѣ стояла построенная Паліемъ около 1700 г. трехъ-престольная церковь, не оконченная за ссылкою его въ Сибирь. Въ этой-то церкви, доконченной кѣмъ то впослѣдствіи и затѣмъ перешедшей въ руки уніатовъ, сохранилось ожерелье Домны и запись о немъ и о принадлежности его женѣ гетманича найдена мною въ уніатской описи этой церкви, составленной около 1740 года, о чемъ заявлено мною въ описаніи Бѣлой Церкви и ея церквей, помѣщенномъ въ Кіевскихъ Губ. Вѣдомостяхъ за 1855—1856 гг. Сооруженіе Палія, памятникъ его великой любви къ родинѣ и церкви святой, во время обладанія имъ уніатовъ, дошло до совершеннаго разрушенія и въ 50-е годы нынѣшняго столѣтія представляло громадную кучу развалинъ, среди которыхъ сохранились массивныя стѣны одного изъ придѣловъ. Этотъ-то придѣлъ во имя св. Николая, возобновленный въ 1852 г. и находящійся и понынѣ въ сѣверо-восточномъ углу обширной ограды бѣло-церковской спасо-преображенской церкви, хранитъ въ себѣ ожерелье Домны Хмельницкой. Преданія о томъ, что бы это ожерелье принесено было въ эту церковь самимъ Паліемъ, въ Бѣлой Церкви не было и нѣтъ, и отъ кого поступило ожерелье, остается неизвѣстнымъ.

П. Л—въ.

Варіантъ пѣсни о Томиленкахъ.

Въ іюньской книжкѣ «Кіевской Старины» за 1883 г., въ статьѣ о «Самійлѣ Кошкѣ» В. П. Науменкомъ была помѣщена, какъ образчикъ новослагаемыхъ пѣсенъ, пѣсня объ убійствѣ Томиленками Ярмилки. Она представляетъ намъ самый, такъ сказать, процессъ созданія новѣйшихъ народныхъ пѣсенъ по образцамъ старыхъ. Тутъ поразившій народное воображеніе случай хотя выливается въ пѣснѣ, но не создаетъ уже новыхъ образовъ, новыхъ красокъ; какъ мозаика, новая пѣсня создается изъ обломковъ старыхъ пѣсенъ, созданныхъ подъ впечатлѣніемъ другихъ, болѣе сильныхъ и душу трогающихъ происшествій. Новыя, оригинальныя черты въ высшей степени рѣдки.

Намъ удалось записать въ с. Сушкахъ (полт. губ., золот. уѣзда) варіантъ этой пѣсни, отступающій отъ уже напечатаннаго; при пѣснѣ мы записали и разсказъ самой пѣвицы о Томиленкахъ и Ярмилкѣ. Пѣсня сложена въ тюрьмѣ двумя братьями убійцами и выражаетъ то позднее ихъ сокрушеніе о своей злой участи, то просьбу къ матери объ освобожденіи ихъ отъ бѣды цѣною послѣдняго ея достоянія.

«Я сама, говорила намъ разсказчица, оцихъ Томиленкивъ бачила; було ѝздять до насъ у Сушки. Ихъ було чотыри брата, гарни вони були, якъ малюнки. Двое пишло у Сибиръ за Ярмилку, двое й теперъ дома живуть. Кажуть, що вони непросыпно пьянствували. Ярмилку, казали мени (не знаю, чи правда), одъ царя прислано дивитись, якъ у полтавськiй губерніи люде живуть. Ярмилка водився зъ Томиленками, бувъ у ихъ кумпаніи. Хтось пидкупивъ Томиленкивъ, вони зъ пьяну й убили ёго. Якъ седили вони у тюрми, у Золотоноши, то й прислали листъ, у котрому оцю писню зписали. Вони іи тамъ и зкомпонували у двохъ; зъ того часу вона й ходить помижъ нами».

Вотъ самая пѣсня:

Не хилися ты, яворку, ще-жъ ты зелененькій,
Не журися, козаченьку, ще ты молоденькій.
Не радъ явиръ хилитися, вода коринь мые,
Не радъ козакъ журитися, та серденько мліе.
Ой по морю, морю синенькому, два лебеди вьютьця,

А на тихъ, на Томиленкивъ, кайданы куються.
Ой забили й закували, повезли селомъ.
Селомъ везуть, селомъ везуть, селомъ выряжають,
А за ними та ихъ стара мати плаче та рыдае.
—Не плачъ, мати, не плачъ, стара, не плачъ, не журися,
Сама провинила, що хорошихъ сынивъ породила, чомъ не оженила?
—Було-бъ вамъ, мои сыночки, въ корчму не ходити,
Було-бъ-же вамъ, тай сыночки, Ярмилки не бити.
—Продай, мати, продай, стара, волы круторогі,
Та выкупай насъ, ридна мати, зъ темнои неволи.
Продай, мати, продай, стара, бычки и телички,
Та выкупай насъ, ридна мати, зъ темнои темнички.
Лучче-бъ було, моя мати, у поли орати,
Нижъ теперъ намъ, моя мати, зъ тюрмы выглядати.
Лучче-бъ було, моя мати, у лузи зъ косою,
А нижъ теперъ, моя мати, у тюрми зъ красою!

В. К—шъ.

Свѣдѣніе объ Иванѣ Головатомъ, бывшемъ судьѣ запорожскомъ.

«Иванъ Головатый въ царствованіе Екатерины II-й былъ сосланъ въ Сибирь и жилъ въ тобольскомъ Знаменскомъ монастырѣ подъ строжайшимъ надзоромъ военнымъ и монастырскимъ. Въ инструкціи, данной архимандриту Иліѣ, сказано между прочимъ, что Головатому запрещается не только посѣщать и принимать постороннихъ людей, но и ходить въ церковь. Въ послѣдствіи времени, по его желанію, разрѣшено было ему посѣщать церковь въ сопровожденіи часоваго солдата, неотлучно при немъ находившагося, но съ тѣмъ, чтобы Головатый стоялъ въ церкви на особомъ отъ народа мѣстѣ, не оглядывался назадъ и по сторонамъ и при входѣ ни съ кѣмъ не разговаривалъ. На содержаніе его назначено было изъ казны въ годъ по сто руб. ассигн., которые выдавались ему помѣсячно, въ полученіи-жъ ихъ, по его безграмотству, расписывались другіе. Такимъ образомъ Головатый, въ совершенномъ уединеніи, про-

жилъ въ монастырѣ 20 лѣтъ, не подавая никакого повода къ жалобамъ или доносамъ на себя начальству. По прибытіи въ Сибирь ему показывали 60 лѣтъ; значитъ, онъ умеръ 80 лѣтъ отъ роду. О смерти его немедлѐнно было донесено военному начальству.

Сообщено архимандритомъ новгородъ-сѣверскаго Спасо-Преображенскаго монастыря Венедиктомъ, бывшимъ ректоромъ тобольской семинаріи. 5 декабря 1856 года».

Приведенная справка, 50 лѣтъ назадъ сему сдѣланная, найдена мною въ старыхъ бумагахъ отца моего. Она написана на маленькой отдѣльной четвертушкѣ бѣлой почтовой бумаги, кѣмъ же и по какому случаю испрошена, мнѣ неизвѣстно. Какъ справку, сдѣланную несомнѣнно по мѣстнымъ архивнымъ документамъ, я счелъ нужнымъ привести ее въ общую извѣстность путемъ печати.

А. С. Лашкевичъ.

Запорожская пѣсня.

Ой не знавъ козакъ,
Ой да не знавъ Супрунъ,
Та й де славоньки зажити,
Ой да зибравъ військо,
Славне запорижське,
Ой да пишовъ орды бити.
Ой що въ субботу проти недиленьки
Супрунъ зъ ордою истявся,
Ой а въ недилю до сходу сонця
Та въ неволеньку попався.
Ой почали превражи бусурманци
Та Супруна вьязати,
Охъ и ставъ Супрунъ превражимъ бусурманцямъ
Та всю правдоньку казати.
Ой не вьяжите, превражи бусурманци,
Та й назадъ рученьками,
Охъ и ведить же мене въ чистее поле
А зъ моими козаками.
Ой и въ чистимъ поли, въ широкимъ роздоли
Сизый орелъ пролитае,
Охъ и стоитъ військо славне запорозьске,

Охъ такъ, якъ макъ процвитае.
—Ой, вы, хлопци, вы добри молодци,
Накажите ажъ до кошового,
Ажъ до товариша мого:
Ой нехай-же винъ Супрунове добро
За безцинокъ збувае,
Ой нехай-же мене козака Супруна
Изъ неволи выкупае.
—Ой то не слава, то и не козацькая,
За безцинокъ избувати.
Охъ и лучче бъ тебе, козака Супруна,
Намъ та й у вичи не видати!
—Ой, що вы, хлопци, преудали молодци,
На що намъ битьця, на що воюватьця,
Будемъ примирятьця [1]).
—Ой, пидождите, премилее братьтя,
Дайте до сестры знати!
Уже-жъ писали, вже й переписали,
Мабуть мои листы до неи не доходять,
Ой, вже-жъ мои дрибни слезы
Та все марно переходять!
Эй, а не вспила, а ридная сестра
Супрунови листы получити,
Якъ почала своимъ добрымъ конемъ,
Якъ огнемъ, летити.
—Ой, и здоровъ, здоровъ, а ты, милый брате,
Чомъ не давъ до сестры знати?
Почавъ битись, воювати,
Не давъ сестри знати.
Ой не вспила тая сестра
Зъ коника упасти,
Почала бусурманцивъ въ полонъ гнати.
—Охъ и зоставайся здоровъ, милый брате,
Та и давай-же ты сестри завчасу вже знати.
—Сестро-жъ моя дорогая,
Яка-жъ ты слуга силная!

Зап. **Иванъ Пономаревъ.**

Записано въ 1886 г. въ херсонской губерніи, александрійскомъ уѣздѣ, отъ крестьянина кіевской губерніи, васильковскаго уѣзда 30-ти лѣтъ, живущаго тамъ около 3 лѣтъ.

---

1) Тутъ очевиденъ пропускъ.

Отъ редакціи.

Журналъ „**Кіевская Старина**“ выходитъ *неизмѣнно* 1-го числа каждаго мѣсяца и въ тотъ-же день разсылается городскимъ подписчикамъ, а 2-го и не позже 3-го числа сдается въ Почтовую Контору для отправки внутри Имперіи и за границу.

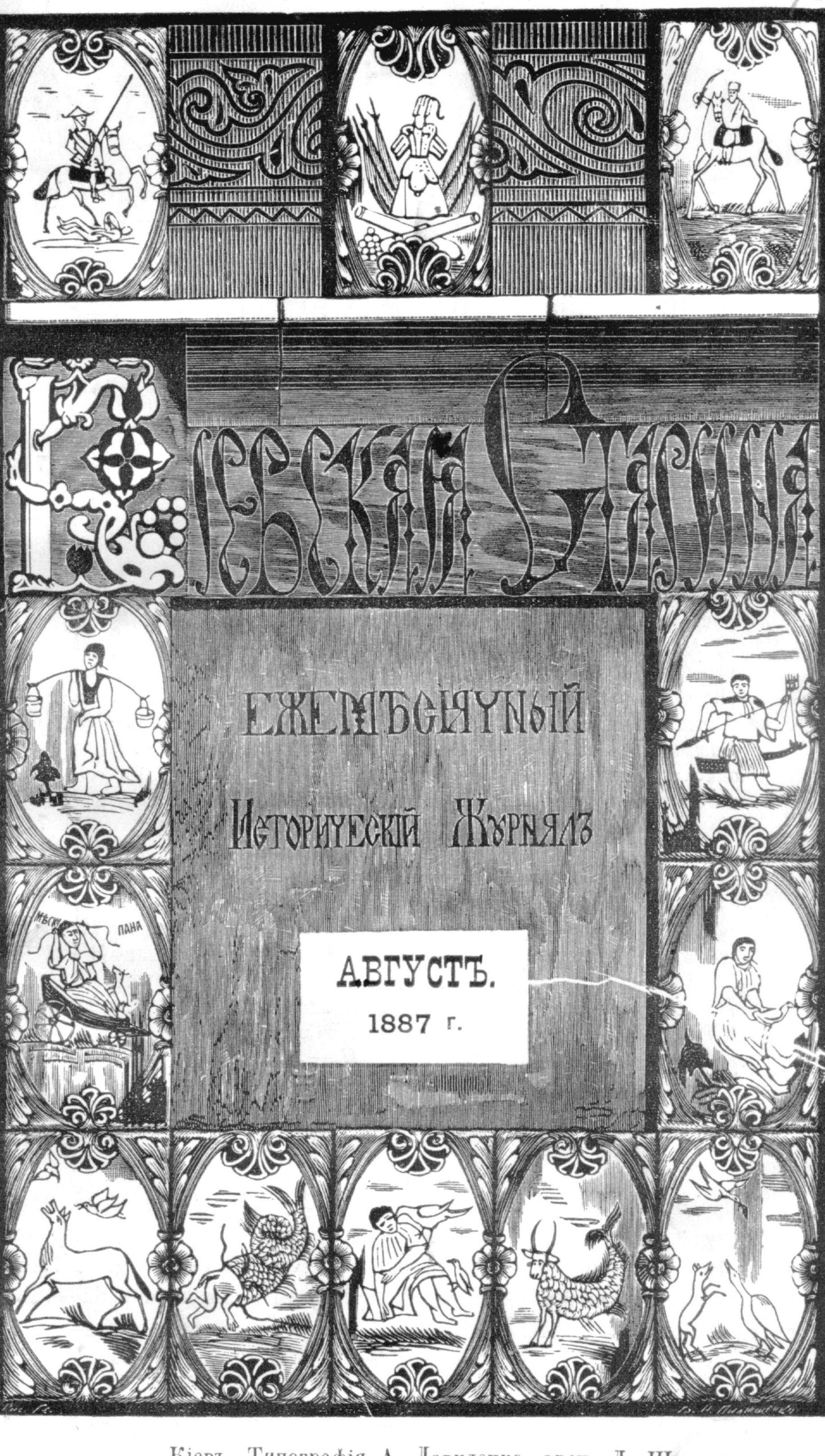
Редакція отвѣчаетъ за исправное полученіе журнала лишь при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если въ *четко* написанномъ адресѣ означены: имя, отчество и фамилія подписчика, равно губернія, уѣздъ и почтовое учрежденіе, гдѣ *допущена* выдача журналовъ, 2) если жалоба на неполученіе книжки прислана непосредственно въ редакцію, хотя-бы подписка была сдѣлана въ одномъ изъ книжныхъ магазиновъ, 3) если жалоба послана. согласно объявленію Почтоваго Департамента, не позже полученія или срока выхода слѣдующей книжки, 4) если къ жалобѣ приложено будетъ удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книжка ею не была получена и 5) если о перемѣнѣ адреса было сдѣлано заявленіе редакціи и притомъ сдѣлано своевременно, т. е. съ такимъ разсчетомъ времени, чтобы редакція могла получить оное не позже выхода слѣдующей книжки.

За перемѣну адреса иногороднаго на городской и обратно уплачивается *пятьдесятъ коп.*, а при перемѣнѣ иногороднаго на иногородный-же высылается *четыре семикопѣечныя марки.*

Подписная цѣна на мѣстѣ 8 р. 50 к., съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи 10 р., за границу 11 р. По той-же цѣнѣ высылаются и оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры 1882—1886 гг.

Подписка принимается въ редакціи журнала и конторѣ оной (*Кіевъ*, *Трехсвятительская улица*, *№ 8-й*), въ книжныхъ магазинахъ Оглоблина въ Кіевѣ и Петербургѣ, «Новаго Времени» и Глазунова въ Петербургѣ и Москвѣ, Мелье, Вольфа и Мартынова въ Петербургѣ, Федорова, Розова, Динтера, Корейво, Гинтера и Малецкаго въ Кіевѣ и др.

Издателямъ и авторамъ книгъ и брошюръ по южно-русской исторіи и этнографіи, приславшимъ экземпляръ своихъ изданій въ редакцію, обѣщается рецензія.



Кіевъ. Типографія А. Давиденко, арен. Л. Штаммомъ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

ТОМЪ XVIII.

Августъ.

1887 г.

КІЕВЪ.

Тип А. Давиденко, аренд. Л. Штамомъ, Мало-Житом. ул., д. № 4.

СОДЕРЖАНІЕ.

Августъ, 1887 г.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 29-го іюля 1887 года.

НЕИЗДАННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ Т. Г. ШЕВЧЕНКА.

ПРОГУЛКА СЪ УДОВОЛЬСТВІЕМЪ И НЕ БЕЗЪ МОРАЛИ.

(*Продолженіе*) [1].

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Итакъ, мы вдвоемъ съ пріятелемъ, то бишь съ родичемъ, поѣхали въ гости къ новобрачнымъ, оставивъ мнимо больную кузину дома обдумывать на досугѣ, какъ ей вести себя съ выскочкой, очаровательной сосѣдкой. Выѣхавъ изъ села и потомъ изъ липовой темной рощи, мы очутились на извилистомъ живописномъ проселкѣ, вьющемся по открытому полю, изрѣдка уставленному огромными суховерхими дубами. Проѣхавъ легкой рысью версты двѣ, родичъ мой велѣлъ кучеру остановиться у колоссальнаго сухаго дуба, положившаго свои обнаженные сухіе корни, какъ длинныя безобразныя ноги, поперегъ дороги.

— Хотите, сказалъ родичъ, обращаясь ко мнѣ, я вамъ покажу темную историческую букву? Вы человѣкъ ученый, не намъ чета, можетъ быть, вы ее и прочитаете.

Я просилъ родича показать мнѣ эту историческую темную букву. Онъ указалъ мнѣ на круглую не большую дыру въ стволѣ дуба, изъ которой въ это мгновеніе вылетѣла сова.

— Вишь ты куда спряталась, сказалъ кучеръ, глядя на улетающую сову.—А родичъ спросилъ меня, знаю-ли я это дупло. Я отвѣчалъ, что не знаю.

— Такъ отгадайте, если вы мудрецъ, продолжалъ онъ таинственно.

— Дятелъ, думаю, выдолбилъ на досугѣ, сказалъ я, ни о чемъ не думая.

— Дятелъ, только не простой, а чугунный; посмотрите хорошенько, да пощупайте, такъ и узнаете, какой тамъ сидитъ дятелъ, проговорилъ онъ самодовольно.

---

[1]) См. „Кіев. Стар." 1887 г. за іюнь и іюль, стр. 260—334.

Я вышелъ изъ экипажа, посмотрѣлъ въ загадочное дупло, и какъ-бы вы думали, что я тамъ увидѣлъ? Величины съ добрый кулакъ чугунное ядро.

— Каковъ дятелъ, а? спросилъ родичъ, смѣясь.

— Хорошъ, отвѣчалъ я, подходя къ экипажу.

— Какимъ-же родомъ и когда онъ сюда залетѣлъ? спросилъ я своего спутника.

— А это уже ваше дѣло. Мы люди темные, какъ и эта историческая буква.—Стало быть, и вы не прочитаете? продолжалъ онъ иронически.

— Не прочитаю, сказалъ я, садясь въ коляску.

— Полагать надо, что здѣсь происходило когда-то, въ старину большое сраженіе, проговорилъ онъ значительно и подумавши прибавилъ: а можетъ быть и артиллерійская мишень гдѣ нибудь близко стояла.

— И то быть можетъ, сказалъ я, и мы пустились далѣе.

Его пустая догадка разомъ разрушила мои мрачныя историческія предположенія на счетъ засѣвшаго въ дуплѣ ядра, и я взглянулъ веселѣе на едва позеленѣвшее поле, уставленное изрѣдка суховерхими дубами. И какое могло быть сраженіе на этой райской мѣстности? спросилъ я самъ себя простосердечно, забывъ, что и въ самомъ даже раю зарѣзалъ братъ брата. Едва успѣлъ я вспомнить это первое братоубійство, какъ на горизонтѣ райскаго поля вырисовались два кургана, и на одномъ изъ нихъ торчалъ какой-то пирамидальный маякъ. За двумя большими курганами открылось еще нѣсколько могилъ меньшаго размѣра, а у самой опушки темнаго лѣса, въ которомъ прятался нашъ извилистый проселокъ, показалось небольшое земляное четыреугольное укрѣпленіе. Точно такой формы и величины, какъ на полѣ около Листвена, близъ Чернигова, гдѣ Мстиславъ Удалой рѣзался съ единоутробнымъ братомъ своимъ Ярославомъ, съ тою разницею, что лиственское укрѣпленіе засѣвается хлѣбомъ, а въ этомъ забытомъ исторіей бастіонѣ, догадливый хозяинъ сложилъ въ скирды собранный съ поля хлѣбъ. Прежде боевая ограда теперь служитъ оградою плодовъ трудолюбиваго земледѣльца. Отрадное превращеніе!

— А мой дуракъ экономъ, небось, не догадается устроить и у себя такой же фольварокъ, проговорилъ мой спутникъ, глядя на укрѣпленіе, украшенное скирдами прошлолѣтняго хлѣба.

— У васъ развѣ есть такое-же гнѣздо? спросилъ я его.

— Есть, только поросшее лѣсомъ, отвѣчалъ онъ.—А знатная выдумка! Непремѣнно велю вырубить лѣсъ и устроить у себя такую-

Я не сказалъ ему ни слова на эту геніальную агрономическую затѣю, и мы безмолвно въѣхали въ темный безмолвный лѣсъ.

Отъ береговъ тихаго Дона до кремнистыхъ береговъ быстро текущаго Днѣстра—одна почва земли, одна рѣчь, одинъ бытъ, одна физіономія народа, даже и пѣсни однѣ и тѣ же, какъ одной матери дѣти. А минувшая жизнь этой кучки задумчивыхъ дѣтей великой славянской семьи не одинакова. На поляхъ Волыни и Подоліи вы часто любуетесь живописными развалинами древнихъ массивныхъ замковъ и палатъ, нѣкогда великолѣпныхъ, какъ напримѣръ въ Острогѣ или Корцѣ. Въ Корцѣ даже церковь, хранилище бальзамированныхъ труповъ фамиліи графовъ Корецкихъ, сама собою въ развалину превратилась. Что-же говорятъ, о чемъ свидѣтельствуютъ эти угрюмые свидѣтели прошедшаго? О деспотизмѣ и рабствѣ! О хлопахъ и магнатахъ! Могила или курганъ на Волыни и Подоліи—большая рѣдкость. По берегамъ-же Днѣпра, въ губерніяхъ кіевской, полтавской, вы не пройдете версты поля, не украшеннаго высокой могилой, а иногда и десяткомъ могилъ, и не увидите ни одной развалины на пространствѣ трехъ губерній, кромѣ развѣ у богатаго затѣйника помѣщика нарочно развалившійся въ саду, деревянный, размалеванный храмъ Весты, à la ротонда Тиволи. Что-же говорятъ пытливому потомку эти частыя темныя могилы на берегахъ Днѣпра и грандіозныя руины дворцовъ и замковъ на берегахъ Днѣстра? Онѣ говорятъ о рабствѣ и свободѣ. Бѣдныя, малосильныя Волынь и Подолія, онѣ охраняли своихъ распинателей въ неприступныхъ замкахъ и роскошныхъ палатахъ. А моя прекрасная, могучая, вольнолюбивая Украйна туго начиняла своимъ вольнымъ и вражимъ трупомъ неисчислимые огромные курганы. Она своей славы на *«поталу»* не давала, ворога деспота подъ ноги топтала и свободная, нерастлѣнная умирала. Вотъ что значатъ могилы и руины. Не напрасно грустны и унылы ваши пѣсни, задумчивые земляки мои! Ихъ сложила свобода, а пѣла тяжкая одинокая неволя.

Пока я разоблачалъ эту мрачную археологическую задачу, темный лѣсъ, которымъ мы ѣхали, сталъ еще темнѣе. Верхушки высокихъ старыхъ кленовъ и ясеней, недавно блестѣвшихъ на свѣтло-фіолетовомъ фонѣ неба, потемнѣли, значитъ, солнце закатилось. Не мѣшало-бы и шагу прибавить, подумалъ я. Да прибавить то его трудно: на каждомъ шагу или выбоина, наполненная жидкой грязью,

или древесный корень, какъ бревно, растянулся поперекъ дороги и ждетъ, какъ-бы доброму человѣку колесо сломать, или иначе какъ-нибудь напакостить.

Случится иногда шаговъ десятка два и хорошей дороги; за то какъ нарочно сухой пень выйдетъ изъ лѣсу, какъ разбойникъ Гаркуша, и станетъ по серединѣ бархатной дороги. Что хочешь, то и дѣлай. Нѣсколько поколѣній чубатыхъ земляковъ моихъ ломаютъ оси о подобнаго разбойника, а онъ стоитъ себѣ, какъ ни въ чемъ не бывало, только бѣлые бока его немного выпачканы смолою, и ничего больше. Хоть-бы зарубка, хоть-бы тѣнь намѣренія уничтожить этого сокрушителя осей. Ничего, ни малѣйшаго знака. Пускай стоитъ себѣ, гдѣ его Богъ поставилъ, говорятъ наивные земляки, и преспокойно продолжаютъ ломать свои крѣпкія грабовыя оси. Это еще ничего. Въ лѣсу не штука сломать одну другую ось: сказано—лѣсъ. А попробуйте-ка вы доказать эту удаль среди бѣла дня и среди гладкой шумной степи. Вотъ это такъ штука, и нѣмцу, пожалуй, не ухитриться. А землякъ мой ухитрился. Онъ, изволите видѣть, ѣхалъ столбовой дорогой, везъ сѣно продавать москалямъ уланамъ. Это было утромъ рано. Волы двигались тихо впередъ, а землякъ мой, лежа на сѣнѣ, тоже тихо пѣлъ пѣсню, вѣроятно панегирикъ своимъ круторогимъ товарищамъ. Пѣлъ, пѣлъ да, не кончивши пѣсни, и уснулъ. А круторогіе товарищи шли, шли себѣ потихоньку, да и остановились, задѣвъ осью за размалеванную версту, какъ нарочно поставленную край дороги. Подъ вліяніемъ ароматическаго сѣна и плотнаго «снидання», т. е. завтрака, землякъ мой таки порядочно всхрапнулъ. Проснулся онъ въ самый полдень, благодаря палящимъ лучамъ солнца. Проснулся и видитъ, что его круторогіе братья лукавятъ, остановились. Онъ взмахнулъ на нихъ длиннымъ батогомъ своимъ; братья тронулись, и передней оси какъ не бывало, а изумленный землякъ мой, съ мягкой душистой постели, скатился на жесткую сухую землю, лѣниво поднялся, осмотрѣлся вокругъ себя и, увидя размалеванную причину катастрофы, съ разстановкою проговорилъ:

— Проклятая нимота що наробила, доброму чоловикови и въ степу тисно стало!

О мои милые, непорочные земляки мои! Если-бы и матеріальнымъ добромъ вы были такъ богаты, какъ нравственной сердечной

прелестью, вы были-бы счастливѣйшій народъ въ мірѣ! Но увы! Земля ваша, какъ рай, какъ садъ, насажденный рукою Бога человѣколюбца, а вы только безмездные работники въ этомъ плодоносномъ, роскошномъ саду. Вы Лазари убогіе, питающіеся падающими крупицами отъ роскошной трапезы вашихъ прожорливыхъ ненасытныхъ братій.

— Напрасно, сказалъ я, обращаясь къ родичу, вы взяли коляску, въ бричкѣ мы-бы скорѣй пріѣхали.

— Думали, что и барыня поѣдетъ съ нами, отвѣтилъ кучеръ за безмятежно храпѣвшаго своего барина.

— А далеко еще до Курнатовки? спросилъ я у кучера.

— А Богъ его знаетъ, отвѣчалъ онъ. Если-бы вырубить этотъ проклятый лѣсъ, да поставить версты, то можно-бы ихъ сосчитать и тогда сказать. А такъ, какъ его скажешь, не долго до грѣха, пожалуй и соврешь. А если не вырубить лѣсъ да наставить версты, такъ я вамъ скажу и версты ничего не помогутъ: сказано—лѣсъ, прибавилъ онъ, обращая ко мнѣ лице. Пустыня непроходимая! Того и смотри, экипажъ сломаешь, да и простоишь сутки, другія. Вотъ тебѣ и версты! Онѣ только помѣха въ лѣсу, ничего больше.

— Какая-же помѣха? спросилъ я его.

— А такая помѣха. Заглядишься на его Ирода размалеваннаго, а пень или ухабина какъ тутъ. Будто самъ сатана, не при насъ будь сказано,—и онъ перекрестился,—подсунетъ подъ экипажъ. Вотъ вамъ и версты! Вамъ-то, разумѣется, ничего. Вы любуетесь ею, сколько хотите, читаете себѣ цыфру и ничего больше, а нашему брату такъ не подъ стать этимъ дѣломъ заниматься. Слава Богу, что я неграмотный, а то-бы часто доставалось мнѣ за эти иродовыя версты. И кто ихъ повыдумывалъ? Вѣрно москали, чтобы въ походъ идти было веселѣе. Больше некому выдумать такую штуку.

Проговоривши остроумное заключеніе, кучеръ досталъ изъ-за пазухи трубку и огниво и сталъ высѣкать огонь.

Густыя, темныя пустыни мало по малу начинали рѣдѣть. проясняться и наконецъ совсѣмъ разступились. Остались только черные великаны дубы по сторонамъ дороги, какъ заколдованные пастухи вокругъ заколдованнаго чернаго стада.

Дорога была ровная, гладкая. Коляска однако-жъ двигалась также медленно, какъ и въ лѣсу. Осторожный философъ кучеръ

покуривалъ трубочку и не давалъ воли своему кнуту, а разумные кони и подавно не давали воли своимъ быстрымъ ногамъ. Мы двигались, что называется, ощупью. Черезъ нѣсколько минутъ лошади укоротили свой и безъ того короткій шагъ и я почувствовалъ, что мы спускаемся съ горы.

— Не нужно-ли затормозить? спросилъ я кучера.

— Не нужно. Гора не крутая и дорога хорошая, отвѣчалъ онъ, не вынимая изо рта трубки. И мы продолжали спускаться по тихонько. Спустившись съ горы, мы опять очутились въ лѣсу. Только тутъ дорога уже была замѣтно шире и ровнѣе. Въ право показались коническія, черныя верхушки тополей. Подъѣхавъ къ тополямъ, кучеръ взялъ круто на право, и мы очутились въ широкой тополевой аллеѣ. Ва горизонтальной линіи показались огоньки, не въ ровномъ одинъ отъ другаго разстоянія.

— Вотъ вамъ и Курнатовка, проговорилъ кучеръ, по прежнему не винимая трубки изо рта.

— А гдѣ это огни видно? на фабрикѣ какой? спросилъ я его, глядя на разной зеличины свѣтящіяся пятна.

— Какое на фабрикѣ! Это въ господскомъ домѣ, отвѣчалъ онъ насмѣшливо. Тамъ такія палаты, что вы только ахнете. У нашего пана кошары лучше будутъ, прибавилъ онъ тѣмъ же тономъ и медленно махнулъ кнутомъ.

Лошади фыркнули отъ этой нечаянности и пошли едва замѣтной рысцей. Изъ широкой тополевой аллеи мы выѣхали на широчайшій дворъ, окруженный съ трехъ сторонъ одноэтажнымъ приземистымъ зданіемъ. Въ углу на лѣво горѣли два фонаря надъ растворенной небольшой дверью. Не ужели это парадный подъѣздъ? Не успѣлъ я задать себѣ этотъ вопросъ, какъ коляска остановилась именно у этой двери, освѣщенной двумя фонарями.

II.

Не безъ труда разбудилъ я своего любезнаго спутника, и мы выгрузились изъ экипажа. Въ дверяхъ насъ встрѣтилъ колоссальный великолѣпный швейцаръ съ булавою и чистѣйшимъ моимъ нарѣчіемъ спросилъ, какъ мы прикажемъ о себѣ доложить *панови*. Доложеніе оказалось лишнимъ, потому что самъ панъ выбѣжалъ въ корридоръ и принялъ насъ въ свои широкія объятія. Послѣ неодно-

кратныхъ лобзаній, хозяинъ вывелъ насъ изъ узенькаго корридора въ большую, но низкую и грязную комнату, освѣщенную одной зеркальной солнцеобразной лампой. Въ комнатѣ пахло подваломъ. Мы отдали верхнее платье заспанному и тоже колоссальному лакею и послѣдовали за хозяиномъ. Вошли въ длинную, узкую и тоже низкую, въ родѣ корридора, комнату, обитую красными подъ штофъ обоями, освѣщенную великолѣпной лампой съ бумажнымъ разноцвѣтнымъ колпакомъ. Кромѣ овальнаго стола и краснаго атамана, мебели никакой не было въ этой уродливой комнатѣ и также въ слѣдъ за хозяиномъ проникнули мы въ потайную, иначе назвать нельзя, узенькую и низенькую дверь, покрытую такими же обоями, какъ и стѣны комнаты, въ безконечно длинный узкій корридоръ, освѣщенный двумя солнцеобразными лампами. Не пройдя и половины корридора, хозяинъ открылъ такую же потайную дверцу, и впустилъ нисъ въ большую четыреугольную комнату, уставленную разноманерными, не домашней, а чуть ли не Замбковой работы кушетками, и также освѣщенную столовой лампой съ какимъ-то бородатымъ оруженосцемъ, поднявшимъ на копье разноцвѣтный бумажный колпакъ.

— А что же ваша милѣйшая Агата къ намъ не пожаловала? спросилъ хозяинъ у моего родича, пожимая ему руки.

— Она что-то не совсѣмъ здорова, отвѣчалъ мой спутникъ, запинаясь.

— Жаль, очень жаль! проговорилъ хозяинъ трогательно и тоже запинаясь. А мы бы составили преферансикъ; жаль, очень жаль!

— Прошу садиться, господа, сказалъ онъ развязно, указывая на разноманерныя кушетки и, лукаво улыбаясь, прибавилъ: «на какомъ угодно инструментѣ».

Въ слѣдъ за симъ онъ хлопнулъ въ ладоши, и на этотъ султанскій зовъ явился мальчикъ въ красной гусарской курткѣ.

— Чай и трубки! сказалъ хозяинъ, и гусарикъ исчезъ.

Изъ этой самой двери, въ которой скрылся миніатюрный гусаръ, вылѣзла высокая, тощая, лысая, съ огромными усами, довольно грязная фигура въ военномъ сюртукѣ безъ эполетъ.

— Рекомендую, сказалъ хозяинъ, указывая на представшую фигуру, однополчанинъ, однокашникъ, Иванъ Ивановичъ поручикъ Бергофъ.

Незнакомецъ молча поклонился и протянулъ намъ свои длинныя, костлявыя руки. Мы отвѣтили тѣмъ же, и тощая длинная фигура молча отошла въ уголъ и расположилась на одномъ изъ инструментовъ. Тишина была нарушена миніатюрнымъ гусарикомъ, явившимся съ безконечными чубуками и безконечнымъ, какъ чубуки, лакеемъ, принесшимъ на огромномъ серебряномъ подносѣ чай въ стаканахъ и ромъ въ рѣповидномъ зеленомъ графинѣ, не миніатюрнаго размѣра. Хозяинъ безцеремонно долилъ ромомъ нарочито неполный стаканъ моего родича и передалъ графинъ мнѣ.

— Гелена моя... сказалъ хозяинъ и остановился; Гелена моя, продолжалъ онъ, усаживаясь на кушетку съ ногами, сегодня тоже не совсѣмъ здорова.

— Что съ нею? спросилъ я съ участіемъ.

— Такъ, ничего... я на эти вещи совершенный философъ: пускай ихъ, что хотятъ, то и говорятъ. Собаки полаютъ да и перестанутъ.

Я совершенно ничего не понялъ изъ сказаннаго хозяиномъ-философомъ. Родичъ мой значительно кивалъ головой и улыбался, изъ чего я заключилъ, что и онъ понялъ не больше моего.

Послѣ трехъ стакановъ чая съ прибавкою рѣчь зашла о лошадяхъ, о собакахъ и наконецъ о сосѣдяхъ и сосѣдкахъ; въ числѣ послѣднихъ нѣсколько разъ произносилась фамилія мадамъ Прехтель, и всякій разъ съ какимъ нибудь додаточнымъ, напримѣръ «каракатица» или «кубическая».

Вѣрно, эта мадамъ Прехтель порядочная женщина, а иначе они съ уваженіемъ-бы о ней говорили. Разговоръ становился оживленнѣе, безтолковѣе и грязнѣе и кончился тѣмъ, что хозяинъ велѣлъ подать столъ, карты и просить панну Дороту. Въ одну минуту все было исполнено, а въ довершеніе явилась и панна Дорота. Она молча, кокетливо присѣла и подошла къ столу. Не безъ удивленія узналъ я въ паннѣ Доротѣ ту самую старую дуэнью, у которой я такъ нецеремонно отнялъ свой чай на почтовой станціи. Игроки усѣлись по мѣстамъ, и я остался ни при чемъ.

Въ обществѣ картежниковъ, занятыхъ своей профессіей, самая жалкая и пошлая фигура—это зритель. А кузина моя, не тѣмъ будь помянута, не знаетъ въ своей жизни ничего пріятнѣе и сладостнѣе, какъ безмолвно созерцать чужія двойки и тройки. Это

для нея выше всякой картинной галлереи, все равно, что для скотины свинарникъ, если не сладостнѣе. Но увы! она не предвидѣла блаженства, случайно выпавшаго на мою долю, и съ дуру повязала щеку и осталась дома. Простофиля! а я дурень не отесанный! Чтобы не играть роли автомата, любимой роли моей красавицы кузины, я оставилъ равнодушно сонмище картежниковъ и вышелъ изъ кабинета или гостиной,—чортъ его знаетъ, что оно такое,—въ эту самую дверь, изъ которой выползла безмолвная панна Дорота, и пройдя узенькій не длинный корридорчикъ, очутился въ большой круглой комнатѣ, раскрашенной синими и красными полосами, на манеръ турецкой палатки. Круглый большой по серединѣ столъ и красный турецкій диванъ около стѣнъ составляли украшеніе и мебель комнаты, да еще о четырехъ рожкахъ висячая лампа ярко освѣщала затѣйливую залу и длинновязаго лакея, убиравшаго со стола чайные аттрибуты. Простакъ, не видя меня, приложилъ горлышко зеленаго рѣпообразнаго графина къ своимъ огромнымъ губамъ, но увы! вотще, хозяинъ и гости ничего не оставили.

Изъ мнимой турецкой палатки было четыре выхода, и я выбралъ противуположный тому, изъ котораго я вошелъ въ мнимую палатку. Новое и совершенно новое явленіе! Длинная галлерея, освѣщенная нѣсколькими, тоже солнцеобразными, лампами, раздѣлялась съ одной стороны деревянными перегородками на небольшіе чуланы, заномерованные римскими золотыми цыфрами. Чулановъ было десять, и каждый изъ нихъ украшался горбатой кушеткой и топорной работы картиной отвратительнаго содержанія. Это ничего больше, какъ домашній гаремъ господина Курнатовскаго,—открытый и лампами освѣщенный вертепъ разврата! Гнусно! Отвратительно гнусно! Не это-ли та самая всевозможная роскошь, которою окружилъ онъ теперешнюю жену свою и о которой мнѣ говорилъ мой простодушный родичъ? Еще гнуснѣе и отвратительнѣе! Посмотримъ, что дальше откроется. Изъ возмутительной галллереи, вошелъ я въ осьмиугольную большую комнату, размалеванную въ китайскомъ вкусѣ и освѣщенную китайскими фонарями. Комната имѣла тоже четыре выхода, украшенные надписями красными буквами. Надъ дверью, изъ которой я вышелъ, было написано: *Наслажденіе*, надъ противуположной дверью *Движеніе*, на право *Отрада*, а на лѣво *Награда*. Со стороны *Отрады* и *Награды* несло конюшней и псар-

ней; я выбралъ фирму *Движеніе,* и очутился въ темномъ ароматическомъ саду.

III.

Не успѣлъ я сдѣлать нѣсколько шаговъ по узенькой дорожкѣ, какъ услышалъ звуки шарманки, наигрывавшей какой-то вальсъ. Звуки неслись съ лѣвой стороны и казались недалеко отъ меня. Я сдѣлалъ еще нѣсколько шаговъ впередъ и остановился. Влѣво тянулась длинная и узкая тополевая аллея, а въ концѣ ея свѣтился красный фонарь. Я направился къ красному фонарю. Пройдя аллею, я остановился въ изумленіи: передо мной нарисовался яркоосвѣщенный павильонъ или что-то въ родѣ сарая, и въ немъ-то визжала неугомонная шарманка и двигались какія-то бѣлыя фигуры. Шарманка играла вальсъ, а фигуры не крутились, какъ-бы этого слѣдовало ожидать, а двигались взадъ и впередъ, звучно притопывая ногами. Странная дисгармонія, подумалъ я, подходя тихонько къ павильону. Осторожно, какъ кошка, подкрался я къ одному окну и увидѣлъ... Какъ-бы вы думали, что я увидѣлъ? Толпу прехорошенькихъ деревенскихъ дѣвушекъ въ бѣлыхъ свиткахъ, преусердно танцующихъ «метелицю». А мой великодушный однорукій герой еще усерднѣе играетъ на шарманкѣ вальсъ.

Изъ толпы прекрасныхъ наивныхъ танцовщицъ бросилась мнѣ въ глаза одна, прекраснѣе и граціознѣе своихъ подругъ, съ барвинковымъ вѣнкомъ на головѣ. Это была сестра моего героя, мадамъ Гелена Курнатовская. Я прильнулъ къ окну такъ плотно, что чуть стекла не выдавилъ своимъ лысымъ портретомъ. Танцовщицы такъ искренно, чистосердечно дѣлали свое дѣло, что я не опасался за свою нескромность. Онѣ не только меня, и пожару не замѣтили-бы въ эти блаженныя минуты.

Это впрочемъ меня нисколько не извиняетъ. Я все таки немного смахивалъ на волокиту Актіона. Не доставало только быстроглазой Діаны, чтобы увѣнчать меня вѣнцомъ, недовѣрчивымъ мужьямъ приличнымъ.

Вчера пышная прекрасная невѣста богатаго пана, а сегодня крестьянка, подруга своихъ бѣдныхъ подругъ. Сегодня она прекраснѣе и великолѣпнѣе вчерашней пышной невѣсты. И какъ она искренно обнимаетъ и цѣлуетъ своихъ подругъ...... Я замиралъ отъ

умиленія, глядя на этотъ просторъ непорочнаго и высокоблагороднаго сердца.

Панъ Курнатовскій значитъ совралъ. Его Геленочка здорова и совершенно счастлива. Она и не думала приглашать къ себѣ своихъ высокомѣрныхъ и пустыхъ сосѣдокъ. Она, какъ вѣрная любящая подруга своихъ такихъ-же вѣрныхъ и любящихъ подругъ, простосердечно и весело празднуетъ съ ними свое необыкновенное *весилля* (свадьба).

Неутомимый виртуозъ усталъ наконецъ вертѣть шарманку, отнялъ свою единственную руку отъ блестящаго завитка и медленно опустился на стулъ. Танецъ кончился. Первая изъ танцовщицъ подошла къ нему его сестра, поклонилась ему чуть не до земли, заплакала, зарыдала, судорожно обвила его широкія плечи своими бѣлыми руками и прильнула къ его суровому лицу своимъ нѣжнымъ прекраснымъ лицемъ. Суровый оборонитель Севастополя не устоялъ. Какъ жемчугъ свѣтлый, заблестѣли крупныя слезы на его смуглыхъ щекахъ и покатились на расплетенныя черныя косы счастливѣйшей сестры.

Если это не полное счастье, такъ полнаго счастья нѣтъ между людьми. Я прильнулъ еще плотнѣе къ стеклу, а она, измѣнница, отскочила отъ своего всхлыпивавшаго брата и скрылась въ толпѣ тоже всхлыпивающихъ подругъ. Подруги одна за другою чинно подходили къ своему обязательному музыканту, кланялись въ поясъ и благодарили за труды. А между тѣмъ явилась и она, зардѣвшаяся, съ огромнымъ подносомъ въ рукахъ, заваленнымъ разнородными сластями и съ припрашиваньемъ потчивала своихъ во истину дорогихъ гостей.

Неутомимый виртуозъ, принявшій должную дань трудолюбію и искусству, спокойно всталъ со стула, пощупалъ шарманку съ другой стороны и принялся вертѣть. Шарманка вмѣсто вальса запищала полонезъ Огинскаго, а танцорки, завернувъ торопливо въ платочки не оконченныя лакомства, стали одна противъ другой въ прежнемъ порядкѣ и дружно пріударили прежнюю «метелыцю».

Послѣ продолжительнаго танца была отдана таже честь трудолюбивому музыканту и тоже угощеніе неутомимымъ танцоркамъ. Окончивъ потчиванье, хозяйка поставила тяжелый подносъ на шарманку, сказала что-то шопотомъ брату и, обратившись къ подругамъ, проговорила въ слухъ:

— Ну-мо, сестры, вечерять.

— Ну-мо, отозвались подруги въ одинъ голосъ.

Я разсудилъ за благо оставить свой обсерваціонный постъ и убраться во свояси съ миромъ, дивяся бывшему. Да и что интереснаго въ жующихъ людяхъ, а тѣмъ болѣе въ дѣвушкахъ? Плотоядныя, травоядныя животныя и только. Даже въ зоологическомъ отношеніи не интересно.

Какъ ловкій воръ, невидимкою нырнулъ я въ какой-то колючій кустарникъ, пробрался къ красному фонарю и выползъ на знакомую тополевую алею.

Только что почувствовалъ я себя внѣ опасности быть открытымъ, какъ передо мной показались два мужика, съ большими корзинами на головахъ. Нечаянная встрѣча эта меня такъ ошеломила, что я совершенно растерялся, остановился среди аллеи и не зналъ, что съ собою дѣлать. Мужики проходили мимо меня, и одинъ изъ нихъ, забывъ о своей ношѣ, вздумалъ поклониться. Корзина потеряла равновѣсіе и звонкія тарелки съ громомъ посыпались на землю и окончатально меня уничтожили. На этотъ предательскій громъ выбѣжала изъ павильона сама хозяйка и за нею нѣсколько дѣвушекъ, а я сдѣлалъ три шага имъ на встрѣчу,—глупѣе я ничего не могъ сдѣлать,—и остановился. А вѣжливый виновникъ всей этой суматохи, на вопросъ хозяйки, что сдѣлалось, подбирая битыя тарелки и бережно ихъ складывая въ корзину, проговорилъ едва слышно: паничь (такъ звали они Курнатовскаго). Хозяйка взглянула вокругъ и, увидя меня, бросилась ко мнѣ, обхватила руками мою преступную голову и принялася цѣловать, восторженно приговаривая: Сердце мое! дружино моя!—и я почувствовалъ ея теплую слезу у себя на лицѣ.—Ты приходилъ посмотрѣть на мою свадьбу, на мою радость?

Тутъ я догадался, въ чемъ дѣло. Она приняла меня за своего мужа.

Съ сожалѣніемъ, правда, я отвелъ ея лице отъ моего лица и мы взглянули другъ на друга.

— Боже мой, что я сдѣлала! воскликнула она, закрывъ лице руками.

Черезъ минуту она открыла лице и, обращаясь ко мнѣ, сказала:

— Простите мнѣ, я приняла васъ за своего мужа, я думала, онъ пришелъ посмотрѣть мою деревенскую свадьбу.

— Вы меня простите-ли за мою нескромность? сказалъ я и тутъ же открылъ ей все свое похожденіе.

— Такъ вы гость нашихъ добрыхъ сосѣдей? сказала она съ разстановкой и, взявъ меня за руки, прибавила: такъ будьте-же и моимъ дорогимъ гостемъ. Зайдите хоть на минуточку, хоть только взгляните на мою свадьбу и на моего единаго друга, на моего милаго брата!

Едва она кончила фразу, какъ братъ ея стоялъ уже передъ нами и неловко кланялся. Какъ старому знакомому, я протянулъ ему руку, хозяйка взяла меня за другую, и мы пошли къ павильону. У самаго входа у меня зародилась оригинальная мысль. Я остановился, просилъ сестру и брата оставить меня за дверью, и выслать ко мнѣ мужика—виновника суматохи. Мужикъ тотчасъ вышелъ. Я не безъ труда уговорилъ его надѣть мой фракъ, а самъ нарядился въ его праздничную бѣлую свитку. Преобразившись такимъ образомъ и взявшись за руки, вошли мы въ павильонъ. Братъ и сестра послѣ мгновеннаго недоразумѣнія съ восторгомъ обняли меня и, взявши подъ руки меня и моего товарища, подвели къ тѣсно скучившимся дѣвушкамъ въ другомъ концѣ залы. Дѣвушки сначала молчали, но взглянувъ на своего Гарасыма во фракѣ и безпредѣльно широкихъ шароварахъ, фыркнули и звонко захохотали во весь дѣвичій молодой хохотъ.

— Майстеръ! майстеръ! Гарасымъ майстеръ! повторяли онѣ сквозь хохотъ. А Герасимъ, майстеръ тарелки бить, не въ шутку разсердился и началъ было снимать съ себя смѣхотворный фракъ, чего ему однако-жъ не позволили, а когда угомонились и меня осмотрѣли дѣвушки, то въ одинъ голосъ назвали настоящимъ «гречкосіемъ», чѣмъ я былъ сердечно доволенъ. Простодушныя, онѣ не знали, что сказали мнѣ любезнѣйшій комплиментъ, какъ актеру. Послѣ этого сердечнаго комплимента я такъ вошелъ въ свою роль, что, не говоря о гостяхъ, сама хозяйка и ея братъ, оставивъ принужденное великороссійское нарѣчіе, заговорили со мной по своему, т. е. по малороссійски.

Сколько я былъ веселъ, развязенъ и счастливъ, столько бѣдный Герасимъ-майстеръ угрюмъ, связанъ и несчастливъ. Насмѣш-

ницы не давали ему покоя и довели его бѣднаго до того, что онъ снялъ съ себя фракъ и если-бъ не хозяйка удержала его мощныя руки, то не рисоваться-бы мнѣ больше на свадьбахъ и крестинахъ въ моемъ долговѣчномъ, неизносимомъ фракѣ. Онъ разорвалъ-бы его и бросилъ, какъ тряпку, негодную даже на онучи, чѣмъ, между нами будь сказано, Трохимъ былъ-бы очень доволенъ, а мнѣ пришлось-бы продолжать роль «гречкосія» до возвращенія къ родичамъ. Кончилось однако-жъ тѣмъ, что по настоянію хозяйки майстеръ Герасимъ натянулъ на себя снова фракъ и до того повеселѣлъ и развернулся, что когда послѣ ужина вынесли столъ изъ павильона, и шарманка загудѣла снова какой-то вальсъ, майстеръ Герасимъ, взавшись въ боки, такъ ударилъ козачка, что только окна зазвенѣли. Хозяйка, гостьи, я и даже молчаливый защитникъ Севастополя залились самымъ чистосердечнымъ смѣхомъ.

И, правду сказать, было чему смѣяться. Если бы мертвый всталъ изъ гроба да взглянулъ на земляка моего, какъ одѣтъ былъ теперь Герасимъ, въ добавокъ отплясывая казачка, то увѣряю васъ, если-бы онъ не захохоталъ, то по крайней мѣрѣ улыбнулся-бы. Такое смѣшное превращеніе и самому Овидію въ голову не приходило.

Хозяйка и гости уже устали хохотать и только усмѣхались, поглядывая другъ на друга, а неутомимый майстеръ Герасимъ, казалось, только что началъ входить въ душу своихъ безконечно выразительныхъ *па*. Рѣзвыя насмѣшницы наконецъ и улыбаться перестали, и только нѣкоторыя изъ нихъ отъ избытка удивленія восклицали: «Оце то такъ!»—«Настоящій панъ въ кургузому жупани!» прибавляли другія. Но Герасимъ, ничего не видя и не слыша, продолжалъ съ усмѣхомъ начатое дѣло.

— Та цуръ тоби, Гарасымъ! сказали дѣвушки въ одинъ голосъ.

— Якій ты тамъ у чорта панъ! ты нашъ настоящій майстеръ Гарасымъ! замѣтила одна изъ нихъ.

Танцоръ, услыхавъ, что съ него снято позорное названіе пана, остановился, выдернулъ изъ-подъ рукава фрака широкій рукавъ своей бѣлой рубашки, вытеръ имъ мокрое лице свое и, начиная съ хозяйки, перецѣловалъ всѣхъ насмѣшницъ, приговаривая: «отъ вамъ и панъ! отъ вамъ и панъ»! Потомъ снялъ съ себя фракъ и, подавая мнѣ, поклонился и сказалъ: спасыби за позычки.

— И вамъ спасыби, пане майстре Герасиме! сказалъ я, передавая ему свитку.

Онъ надѣлъ свою свитку, поклонился хозяйкѣ и вышелъ изъ павильона. Тогда я обратился къ одной изъ дѣвушекъ и спросилъ:

— Какой Гарасымъ майстеръ?

— Всякій, отвѣчала она; що схоче, то те й зробить.

Немного-же узналъ я о настоящей профессіи Герасима.

Гостьи, почувствовавъ, что лучшаго финала имъ не придумать, поблагодарили звонкими поцѣлуями свою счастливую подругу за угощеніе и вышли въ слѣдъ за Герасимомъ.

Хозийка велѣла другому мужику, товарищу Герасима, погасить огни и ложиться спать, гдѣ ему заблагоразсудится; потомъ взявъ меня и брата за руки, вывела насъ въ садъ. Въ саду сказала она брату:

— Иди ты, Осипе, приготовь квартиру нашему дорогому гостю въ новомъ домѣ и приставь къ ней стараго Прохора для услуги.

— А вы, мой дорогой гость, прибавила она, дружески пожимая мою руку, проводите меня въ покои.

Разставшись съ моимъ героемъ, мы тихо молча пошли вдоль аллеи.

IV.

Проходя молча знакомую тополевую аллею, мы нѣсколько разъ останавливались и слушали, какъ рѣзвыя подруги моей прекрасной грустной спутницы пѣли свадебныя пѣсни, удаляясь отъ павильона. Въ послѣдній разъ мы остановились у самой двери, ведущей въ домъ подъ фирмою «Движеніе», и долго слушали исчезающіе звуки; наконецъ они затихли, а спутница моя все еще стояла молча, какъбы прислушиваясь къ роднымъ сердцу милымъ звукамъ.

— По хатамъ разошлись мои подруги, едва слышно проговорила она и, какъ ребенокъ, зарыдала.

Малѣйшимъ движеніемъ я не смѣлъ нарушить ея глубокаго тихаго стенанія. Она искренно, чистосердечно прощалась со своими подругами, со своей бѣдной дѣвичьей волею. Она теперь только сознавала свое тѣсное рабство, теперь только она почувствовала надъ собою волю немилаго и чуждаго ей человѣка во всѣхъ

отношеніяхъ. Бѣдная, что ждетъ тебя впереди? Что встрѣтишь ты на избранной тобой дорогѣ?

— Неправда ли я совершенно счастлива? сказала она, утирая слезы и судорожно пожимая мнѣ руку.

Я недовѣрчиво взглянулъ на нее, а она продолжала:

— Вы не вѣрите? Скажите-же, друже мой добрый, имѣла-ли хоть одна на всемъ свѣтѣ сестра такого брата, какъ я имѣю? И какъ я виновата передъ нимъ, прибавила она въ полголоса. Мнѣ-бы надо идти въ черницы и молиться за него Богу, а я что сдѣлала?

И она снова заплакала.

Минуты счастія минули, настали годы испытаній! говоритъ какой-то поэтъ, а я, глядя на мою героиню, сказалъ: если останешься навсегда такою чистою и непорочною, какъ теперь, то минута твоей свѣтлой радости продолжится до гроба. Она, какъ будто подслушала мою мысль, вдругъ оставила слезы, перекрестилесь, кротко взглянула на меня, улыбнулась, и мы молча вошли въ китайскую комнату.

— Видите, какое у насъ сегодня праздничное освѣщеніе въ домѣ, сказала она, снимая съ головы своей барвинковый вѣнокъ. Онъ, мужъ мой, ждалъ къ себѣ гостей, а гости, кромѣ васъ, и не пріѣхали. Значитъ, я на половину угадала. Да и кто теперь поѣдетъ къ нему? Никто, кромѣ Прехтелей, а онъ ихъ чуждается.

— Скажите мнѣ, Бога ради, что за люди эти Прехтели? прервалъ я ее.

— Наши близкіе сосѣди, добрые люди. Онъ искусный докторъ, а она лучшая женщина во всемъ околодкѣ.

Значитъ, я не ошибся, выводя заключеніе изъ словъ моей милой кузины и ея благороднаго друга.

Молча и быстро прошли мы галлерею о десяти незагадочныхъ чуланахъ и очутились въ круглой комнатѣ, разукрашенной подъ палатку, передъ лицемъ самой панны Дороты.

Панна Дорота стояла у круглаго стола, покрытаго бѣлой чистой скатерью, засучивъ рукава и повязавъ салфетку вмѣсто фартуха; она глубокомысленно приготовляла къ ужину кресъ-салатъ съ душистымъ огурешникомъ.

— Моя кохана панна Дорота, витай моего дорогаго гостя, пока я

переодѣнусь, сказала по-польски моя спутница и сама мгновенно скрылась.

Панна Дорота медленно подняла голову, неопредѣленно взглянула на меня и едва замѣтно кивнула головой. Я сдѣлалъ тоже. Она прошептала: прошу садиться. Я сѣлъ, чувствуя, что мое положеніе самое незавидное, если не самое глупое. Въ критическихъ обстоятельствахъ, въ такихъ, напримѣръ, какъ теперь, я тупо не находчивъ, да и панна Дорота, кажется, не острѣе меня. Долго молча сидѣлъ я и смотрѣлъ на старую идіотку и наконецъ подумалъ:

— Такъ это твоя мать, наставница и гувернантка? Хороша, нечего сказать! Отъ кого-же ты, моя милая героиня, выучилась русскому и польскому языку? А главное, отъ кого ты приняла и такъ глубоко усвоила этотъ нѣжный тактъ и эти милыя сердечныя манеры? Отъ Бога, отъ природы! Такъ; но и помощь людская тутъ необходима.

Такіе и подобные вопросы и задачи вертѣлись въ головѣ моей до тѣхъ поръ, пока тихо, какъ ласковая кошечка, вошла въ комнату моя прекрасная спутница, одѣтая изящно и просто. Между тѣмъ, какъ я удивлялся ея превращенію, она, приложивъ пальчикъ къ губамъ, на цыпочкахъ зашла въ тылъ паннѣ Доротѣ и быстро закрыла ея опущенные глаза своими дѣтски маленькими ручками. Пока панна Дорота вытирала салфеткой свои мокрыя руки, шалунья отняла свои руки и быстро, какъ кошечка же, отпрыгнула ко мнѣ и, падая на диванъ, звонко засмѣялась.

— Сваволишъ, Гелено! ворчала недовольная панна Дорота, поправляя свой измятый чепецъ.

— Не буду, не буду, моя добрая, моя любая мамочка! говорила Гелена и, подойдя къ старой ворчуньѣ, нѣжно поцѣловала ее въ лобъ. Старуха улыбнулась и, возвративъ шалуньѣ поцѣлуй, спросила ее о чемъ-то шопотомъ. Та отвѣчала тѣмъ-же тономъ. Вѣроятно рѣчь шла обо мнѣ. Пока все это происходило, я продолжалъ удивляться превращенію рѣзвушки; ни тѣни бывшей крестьянки. Отъ волоска до ноготка барышня, да еще и барышня какая! самая элегантная. Въ какой школѣ, въ какомъ институтѣ она выучилась такъ къ лицу, такъ изящно-просто одѣваться? Удивительная вещь чувство изящнаго! На ней было темно-сѣрое шелковое

платье съ такими широкими прекрасными складками, какими щеголяютъ только однѣ Рафаэлевы музы. Въ темной роскошной косѣ, съ нѣсколькими листочками зелени, какъ яхонтъ блестѣлъ яркій синій барвинковый цвѣтокъ. Узенькій воротничекъ и такіе-же рукавчики довершали ея изящный нарядъ. Кому-бы въ голову пришло, глядя на эту четвертую грацію, спросить у нея, читаетъ-ли она русскую грамоту. Вотъ-же мнѣ пришелъ въ голову такой, и скажу, основательный вопросъ.

— О чемъ вы такъ тяжко задумалися, мой драгоцѣнный гость? проговорила она, подходя ко мнѣ.

— О томъ... о томъ, говорилъ я, глядя въ ея прекрасные умные глаза, и чуть не проговорился.

— О чемъ-же, скажите? спросила она вкрадчиво.

— Завтра скажу, а сегодня не могу; или вотъ что, прибавилъ я нерѣшительно, надѣньте опять барвинковый вѣнокъ, тогда скажу.

— Скажете?

Не успѣлъ я произнести: *да*, какъ она выпорхнула въ галлерею съ отвратительными чуланами и, пока я поднимался съ мягкаго отомана, она впорхнула опять въ круглую комнату съ барвинковымъ вѣнкомъ на головѣ.

— Муза Терпсихора! воскликнулъ я отъ изумленія.

— Гдѣ музыка? спросила она наивно.

— Вы муза гармоніи! Вы самая вдохновенная, самая возвышенная музыка! отвѣчалъ я восторженно.

Я восхищался ея замѣшательствомъ, ея восхитительно живописной юной головкой въ барвинковомъ вѣнкѣ съ яркими синими цвѣтами. Иной хватъ тутъ-же-бы упалъ на колѣни, какъ передъ богиней, и въ любви объяснился. Я сдѣлалъ иначе. Налюбовавшись досыта моей музою, я усадилъ ее на отоманѣ и, полюбовавшись еще немножко, сказалъ:

— Вы прекрасно объясняетесь по русски и по польски, читаете-ли вы хоть на одномъ какомъ языкѣ?

— Читаю, отвѣчала она безъ малѣйшаго смущенія, и даже писать начинаю. По польски меня учитъ панна Дорота, а по русски старый Прохоръ, тотъ самый, что будетъ вамъ прислуживать.

— Простите-же мнѣ мой грубый, но дружескій вопросъ, мадамъ Гелена, прибавилъ я почтительно.

— Какъ хотите, такъ и называйте, только полюбите меня и моего единственнаго брата, прибавила она, сквозь слезы улыбаясь.—А за вопросъ вашъ я вамъ сердечно благодарна...

Она хотѣла еще что-то сказать, какъ вошелъ въ комнату длинный лакей и, подойдя къ безмолвной слушательницѣ нашего разговора, спросилъ:

— Не пора-ли на столъ накрывать?

Панна Дорота отвѣчала тихимъ наклоненіемъ головы и, обращаясь къ намъ, проговорила по русски:

— Не угодно-ли будетъ пожаловать въ кабинетъ?

— Не угодно-ли вамъ самимъ пожаловать въ кабинетъ? сказала ей Гелена. Я буду за порядкомъ смотрѣть, я теперь хозяйка.

— И прекрасно, сказалъ я дружески и послѣдовалъ за непрекословною панною Доротою въ кабинетъ.

Молча, какъ безобразныя привидѣнія въ облакахъ табачнаго дыма, сидѣли пріятели и рѣзались въ штосъ, или, какъ выражается мой немногоглаголивый родичъ, недоимку собирали.

Такъ какъ талія была въ ходу, а она лилась изъ искусныхъ костлявыхъ рукъ Ивана Ивановича Бергофа, то наше присутствіе въ кабинетѣ и не было никѣмъ замѣчено. Пользуясь неизвѣстностію, я отошелъ въ темный уголъ и кое-какъ усѣлся на горбатой кушеткѣ. Панна Дорота тоже воспользовалась неизвѣстностію и поморщившись отошла въ сторону отъ немилосердно курящихъ рыцарей зеленаго стола и тоже кое-какъ опустилась на горбатую кушетку и призадумалась. Полно, такъ-ли? Она, кажется, просто безсмысленно смотрѣла на густой табачный дымъ и совершенно ничего не думала. Глядя на ея жалкую фигуру, я въ первый разъ спросилъ себя, кто она и что она у господина Курнатовскаго. Дальняя-ли родственница шляхтянка безпріютная? Нянька-ли его и тоже шляхтянка безпріютная? Можетъ быть и то и другое, кромѣ порядочной женщины. Порядочная женщина не совмѣстна въ домѣ у человѣка, даже ближайшаго родственника, который заводитъ гаремъ изъ собственныхъ крѣпостныхъ крестьянокъ и, женившись на одной изъ одалисокъ своихъ, не думаетъ сдѣлаться ея другомъ, ея заступникомъ. Онъ попрежнему ея владыка, онъ настоящій султанъ, гусаръ: на второй день свадьбы понтируетъ себѣ молодецки и знать ничего не хочетъ. Онъ сдѣлалъ свое дѣло, да и въ

сторону. Она, простодушная, съ восторгомъ встрѣчаетъ его въ саду, думаетъ, что онъ, добрый, идетъ раздѣлить съ нею ея непорочную радость, хотя въ окно взглянуть на ея счастье, на ея задушевный праздникъ! А онъ... животное! Самое отвратительное животное! А что-же панна Дорота? Тоже грязное животное! Порядочная женщина скорѣе протянетъ руку во имя Христа за гнилымъ огрызкомъ хлѣба, чѣмъ станетъ приготовлять салатъ для роскошнаго стола сластолюбца и развратителя.

Не слишкомъ-ли я прогулялся на счетъ панны Дороты? Она, если не любитъ, по крайней мѣрѣ не презираетъ бывшей невольницы, а это много; развращенная женщина этого не сдѣлаетъ.— Кузина моя? Но это дѣло другаго рода. Что-же наконецъ такое эта безмолвная панна Дорота? Гіероглифъ пока, таинственный гіероглифъ, надъ которымъ самъ Шамполіонъ призадумался-бы. Но время открываетъ истину. Время и прилежное изслѣдованіе открываетъ возмутительныя дѣла сильныхъ міра сего, давно уже забытыхъ великодушнымъ потомствомъ. Время, надѣюсь, и мнѣ объяснитъ эту, пока загадочную, жалкую панну Дороту.

А пока не войдетъ лакей и не возвѣститъ объ уготованной трапезѣ, нарисую вамъ, благосклонные слушатели, картину самаго задорнаго штоса, а въ особенности штосмейстера, т. е. банкомета. Нѣтъ, не могу!... Я не живописецъ пошлыхъ, отвратительныхъ сценъ и блѣдныхъ, деревянныхъ физіономій. Да и что новаго, оригинальнаго въ этой безнравственной, гнусной картинѣ? Содержаніе ея одно и въ Санъ-Франциско, и въ кабинетѣ Курнатовскаго, и на любой ярмаркѣ. Декорація только не одна. Въ Санъ-Франциско, напримѣръ, тамъ содержатель игорнаго вертепа нанимаетъ женщину, т. е. подобіе женщины, чтобы она, какъ адская царица Прозерпина, на тронѣ присутствовала при состязающихся шулерахъ.

Нѣтъ худа безъ добра. Хорошо, что моя милая кузина ничего не читаетъ, иначе она прочитала-бы записки Ротчева о Калифорніи и заставила-бы своего тетерю ограбить крестьянъ и ѣхать прямо въ Санъ-Франциско для того только, чтобы самой покрасоваться въ интересной роли Прозерпины. Шепнуть ей развѣ когда нибудь объ этой назидательной роли? Да она меня расцѣлуетъ за эту новость, забудетъ всѣ нанесенныя мною ей оскорбленія, забудетъ даже, что

я первый сообщилъ ей извѣстіе объ уничтоженіи ея идола—эполетъ, забудетъ все; но все таки усумнится о такомъ неслыханномъ блаженствѣ на землѣ.

Впрочемъ не о ней и рѣчь,—она нечаянно подъ перо подвернулась, а рѣчь о томъ, гдѣ у насъ въ Россіи та великая академія, которая образовываетъ такихъ бездушныхъ автоматовъ, штосъ и банкмейстеровъ, какъ напримѣръ Иванъ Ивановичъ Бергофъ? Нигдѣ больше, я думаю, какъ въ кавалеріи. Хотя и пѣхотинецъ иной при случаѣ лицемъ въ грязь не ударитъ, но все таки далеко не то, что кавалеристъ, далеко не то. Не даромъ моя милая кузина благоговѣетъ передъ кавалеристами, въ особенности передъ гусарами.

Наконецъ длинный лакей явился и смѣлымъ басомъ возгласилъ объ уготованной трапезѣ. Картежники не шевельнулись; они какъ будто ничего не слыхали, а мы съ панной Доротой молча вышли въ круглую залу, она-же и столовая.

V.

По рединѣ залы стоялъ круглый, великолѣпно сервированный столъ, а по рединѣ стола возвышалась поставленная въ серебрянную вазу античной формы сосновая вѣтка, увѣшанная конфетами, пучками колосьевъ овса и повитая гирляндой изъ барвинковыхъ цвѣтовъ. Это была не нѣмецкая елка, а такъ называемое *гильце*, непремѣнное украшеніе свадебнаго стола у малороссіянъ.

Безмолвная панна Дорота взглянула на милую затѣю своей Гелены, улыбнулась и прошла къ дивану. Я тоже, безмолвный, остановился передъ наивнымъ украшеніемъ, возведеннымъ до изящества. Самъ Богъ тебя умудряетъ, моя прекрасная Елена. Самой прекрасной Елены не было въ залѣ, когда я такъ думалъ, любуясь ея милымъ произведеніемъ и, чтобы хоть съ кѣмъ нибудь раздѣлить свой тихій восторгъ, я обратился къ безмолвно улыбающейся паннѣ Доротѣ и сказалъ ей по польски какой-то современный ея юности комплиментъ за воспитаніе ея милой Гелены. Она вмѣсто улыбки сдѣлала гримасу и любезность ея тѣмъ кончилась.

Одинъ за другимъ вошли въ залу картежники и, ничего не замѣчая, молча, торопливо сѣли за столъ, не рядомъ и не одинъ противъ другого, а такъ, какъ попало.

— Подавай! сказалъ хозяинъ длинному лакею.

Лакей скрылся въ одну дверь, а изъ другой двери тихо, плавно, какъ лучезарная Аврора, вышла хозяйка въ бѣломъ шелковомъ платьѣ такого-же самаго покроя, какъ и прежнее. Я замеръ отъ восторга и едва могъ подняться съ отомана, чтобы благоговѣйно привѣтствовать восходящее свѣтило. Картежники не замѣтили ея торжественнаго появленія. Они мрачно погрузились въ свои серебряные приборы. Она, какъ испуганная бѣлая голубка, на мгновеніе остановилась, робко взглянула на гостей, тихо, едва слышно подошла къ мужу, поцѣловала его въ зардѣвшійся лобъ и молча сѣла возлѣ него, давая мнѣ знакъ, чтобы я садился рядомъ съ нею. Я повиновался. Панна Дорота сѣла съ другой стороны около своего фаворита. Тишина царила въ нашей разнообразной компаніи. Наконецъ хозяинъ возмутилъ ея мрачное владычество, сказавши, обращаясь къ женѣ.

— Я думалъ, ты сегодня не совсѣмъ здорова.

— Совершенно здорова, сказала она, принужденно улыбаясь, и совершенно счастлива, прибавила она, глядя ему въ очи.

— А я не совсѣмъ счастливъ, проворчалъ онъ.

— Что случилось? спросила она быстро.

— Ничего, другъ мой, продулся малую толику, отвѣчалъ онъ принужденно.

Она не поняла, въ чемъ дѣло и, минуту помолчавъ, сказала:

— А у меня сегодня были гости, мои подруги, и какъ мы танцовали! Какъ было весело! Особенно когда пришелъ къ намъ нашъ дорогой гость,—и улыбаясь она взглянула на меня.

— Кто-же это такой нашъ дорогой гость? спросилъ онъ ее, набивая свой широкій ротъ ароматическимъ патефруа.

— Мой сосѣдъ, сказала она, показывая на меня.

— Я думаю, вамъ было очень пріятно въ такомъ миломъ обществѣ? сказалъ хозяинъ иронически.

— Больше, нежели пріятно,—весело! сказалъ я.

— Правда, вы художникъ, это въ вашемъ вкусѣ, проговорилъ онъ, гложа кость.

Я не нашелъ нужнымъ подтверждать его справедливое замѣчаніе, и тишина снова воцарилась.

Прекрасная хозяйка растерялась и не находила словъ для своихъ мрачныхъ гостей. Какъ голодныя собаки, они молча грызли

кости и запивали какимъ-то виномъ. Гости торопились и давились костями: имъ былъ недосугъ. Изумленная и оскорбленная хозяйка, какъ овечка, кроткая, робко поглядывала на своихъ волковъ-гостей и не знала, чему приписать эту мрачную торопливость. Послѣ жаркаго картежники выпили по стакану шампанскаго, налили по другому, переглянулись межъ собой, встали изъ-за стола, молча поклонились хозяйкѣ и вышли въ кабинетъ вмѣстѣ съ хозяиномъ и со стаканами въ рукахъ.

— А пирожное? а яблоки? сказала смущенная хозяйка.

— Пришли намъ въ кабинетъ, говорилъ ротмистръ, возвращаясь и, оскаляя свои бѣлые большіе зубы, прибавилъ, протягивая женѣ руку:

— Подай мнѣ на счастье свою руку.

Она молча подала ему свою руку и вскрикнула отъ нелицемѣрнаго пожатія, а онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, повернулся и вышелъ изъ залы.

Какъ бѣломраморная надгробная статуя, опустила она свою прекрасную голову на высокую грудь и неподвижно молча сидѣла оскорбленная, моя прекрасная Елена. Я смотрѣлъ на нее, прекрасную, поруганную и съ замираніемъ сердца чего-то ожидалъ. Она тяжело вздохнула, грустно улыбнулась, взглянула мнѣ въ глаза и едва слышно прошептала: весилля! и, какъ жемчугъ, крупныя блестящія слезы полились изъ подъ ея длинныхъ опущенныхъ рѣсницъ.

Панна Дорота смотрѣла на нее и молчала. Я тоже не могъ выговорить ни слова, а она плакала, тихо и горько плакала. Я дыханіемъ не смѣлъ нарушить тишины, во время которой на олтарь семейнаго счастія приносилась великая таинственная жертва. Она, простая, бѣдная крестьянка, она пламенная, непорочная, любящая и такъ грубо оскорбленная, она глубоко и въ первый разъ въ жизни почувствовала эту ядовитую горечь оскорбленія и заплакала, не какъ обыкновенная женщина, но какъ женщина возвышенная, глубоко сознающяя собственное и вообще женское достоинство. Горе тебѣ, едва распустившаяся лилія Эдема! Тебя сорвала буря жизни и бросила подъ ногу человѣку грубому, сластолюбцу холодному. Теперь только ты узнала настоящее горе и, какъ надъ дорогимъ сердцу покойникомъ, ты заплакала надъ своимъ умершимъ счастіемъ.

— Отъ вамъ и весилля! сказала она, улыбаясь и вытирая слезы. Я думала, что не буду сегодня плакать, да и заплакала... А вы, моя милая панно Дорото, продолжала она дрожащимъ голосомъ, что-же вы не плачете? Вы моя мать, вы меня замужъ снаряжали, —и она снова зарыдала.

Панна Дорота посмотрѣла на нее пристально и принялась чистить яблоко. Я понималъ настоящую причину ея слезъ и, какъ могъ, растолковалъ ей, что значитъ картежникъ. Она поняла меня и непритворно успокоилась, а вскорѣ до того развеселилась, что налила себѣ, мнѣ и паннѣ Доротѣ въ бокалы шампанскаго.

— За здоровье вашего брата! сказалъ я, поднимая бокалъ.

Она медленно, сердечно, нѣжно посмотрѣла мнѣ въ глаза, молча подала мнѣ руку, мы чокнулись и дружно выпили вино.

— Гелена, сваволишъ! проворчала панна Дорота. А Гелена вмѣсто отвѣта въ полголоса запѣла:

Упилася я,
Не за ваши я,
Въ мене курка неслася,
Я за яйця впилася.

И кончивши куплетъ наклонилась къ своей старой ворчуньѣ и крѣпко поцѣловала ее въ нахмуренный лобъ.

— Сваволишъ, Гелена! повторила панна Дорота,—и мы встали изъ-за стола.

— Что-же намъ теперь дѣлать? сказала хозяйка, опускаясь на отоманъ.

— Спать, сказалъ я добросовѣстно.

— Я спать не хочу, я теперь-бы танцовала, до самого утра танцовала-бы, говорила она, смѣясь и лукаво поглядывая на панну Дороту.

— За чѣмъ-же дѣло стало? скзззалъ я; пойдемъ опять въ павильонъ, я буду вертѣть шарманку, а вы танцуйте съ панной Доротой.

— Нѣтъ, не такъ! мы панну Дороту заставимъ играть, а съ вами будемъ танцовать.

— Мамуню моя! прибавила она, нѣжно цѣлуя свою дуэнью. Пойдемъ въ павильонъ.

— Сваволишъ, Гелена! проворчала невозмутимая старуха и отрицательно кивнула головой.

— А я вамъ не буду читать «Остапа и Ульяну», когда вы ляжете спать.—Я ей каждую ночь читаю, продолжала она, обращаясь ко мнѣ, а она одинъ часъ не хочетъ для меня повертѣть шарманку. Ей Богу, читать не буду! а завтра и цвѣты не полью до восхода солнца. Пускай вянутъ! Вамъ-же хуже будетъ: придется другіе садить; а я и другіе не полью.—Пойдемъ-же, моя мамусенько, хоть на одинъ часочекъ, сказала наконецъ Гелена и нѣжно прижалась къ паннѣ Доротѣ.

— Сваволишъ, Гелена! проговорила снова своимъ деревяннымъ голосомъ панна Дорота.

Гелена задумалась на минуту и потомъ сказала, обращаясь къ своей дуэньѣ:

— Пойдемъ лучше спать. Я васъ раздѣну, моя мамочко, накрою васъ и буду вамъ читать, до самого утра буду вамъ читать.

— Желаю вамъ короткой ночи, сказалъ я кланяясь.

— Подождите, я васъ проведу до швейцара, а то вы заблудитесь въ нашемъ Вавилонѣ, и передамъ васъ на руки старому Прохору, говорила она вставая и охорашиваясь.

Я не отнѣкивался отъ этой милой услуги и въ слѣдъ за хозяйкой вышелъ въ одну изъ четырехъ дверей. Пройдя узкій корридоръ и извѣстную уже читателю красную комнату, мы вышли опять въ корридоръ и очутились у выхода на дворъ. Она постучала въ дверь, и вмѣсто колоссальнаго швейцара явился маленькій жиденькій старикъ съ фонаремъ въ рукѣ.

— Отъ вамъ и Прохоръ, сказала она мнѣ и, обращаясь къ старику, продолжала: а ты, Прохоре, будь ласкавъ, якъ очей своихъ стережи сего пана.

— Прощайте! сказала она, подавая мнѣ руку.

Едва успѣлъ я выговорить: прощайте! какъ она уже исчезла въ глубинѣ корридора и только шумъ шелковаго платья долеталъ до меня.

Я стоялъ неподвижно и слушалъ этотъ гармоническій шумъ. Прохоръ, казалось, тоже былъ педъ вліяніемъ этой безгласной гармоніи. Такъ прошло нѣсколько минутъ. Прохоръ первый очнулся и выпустилъ меня на дворъ.

Пройдя небольшое пространство за Прохоромъ, или вѣрнѣе за фонаремъ, мы очутились на лѣстницѣ и, взойдя во второй этажъ, вошли въ чистую, небольшую комнату, а потомъ въ большую, освѣщенную восковой свѣчкой. Я поблагодарилъ и отпустилъ Прохора, раздѣлся, погасилъ свѣчу и утонулъ въ чистой свѣжей постели.

VI.

Противъ обыкновенія я скоро заснулъ. Спалъ крѣпко, но не долго. Едва началъ проникать слабый свѣтъ сквозь бѣлыя прозрачныя сторы, какъ я проснулся. Отвернувшись къ стѣнѣ, попробовалъ было я заснуть снова, но напрасно и пробовалъ. Происшествія минувшей ночи разомъ завертѣлись въ моемъ воображеніи и не давали мнѣ покоя. Не припомню, которой ногой я всталъ съ постели и подошелъ къ окну, чтобы взглянуть на фасадъ этого безобразнаго лабиринта, въ которомъ я встрѣтилъ такую прекрасную волшебницу.

Приподнялъ стору, и первое, что мнѣ попалось на глаза, это старый Прохоръ. Онъ шелъ черезъ дворъ съ умывальной посудой въ рукахъ и съ полотенцемъ черезъ плечо. Ничего не могло быть для меня больше кстати. Стало быть Прохоръ не промахъ въ лакейской профессіи, а съ виду то онъ не похожъ на члена этого многочисленнаго, празднаго, растлѣннаго сословія. Онъ болѣе смахивалъ на скотника, дворника или огородника, но никакъ не на лакея. И что ей вздумалось назначить мнѣ такую не цеховую прислугу? Не сказалъ-ли ей кто нибудь, что я терпѣть не могу цеховыхъ мастеровъ лакейскаго дѣла. Сочувствіе, ничего больше! А между тѣмъ въ переднюю комнату тихо вошелъ мой личарда. Минуту спустя, онъ едва слышно кашлянулъ и, отворивъ тихонько дверь, показалъ мнѣ свою кроткую, тощую физіономію.

— Добрыдень вамъ! сказалъ онъ хриплымъ дискантомъ и, растворяя дверь, прибавилъ: чомъ-же вы не спите?

— Не спиться, Прохоре! отвѣчалъ я ему его же нарѣчіемъ.

— Не спиться? повторилъ онъ едва слышно. Диво, и въ карты не граете, и не спите; такъ будемъ умыватись, коли такъ, говорилъ онъ, ставя умывальный приборъ на стулъ.

— А развѣ паны все еще играютъ въ карты? спросилъ я его.

— Грають, отвѣчалъ онъ лаконически.

— Молодцы! подумалъ я тоже лаконически и, любуясь кроткой, грустно улыбающейся миной Прохора, спросилъ его, не былъ-ли онъ когда нибудь садовникомъ или пастухомъ чужаго стада.

— И садовникомъ, и пастухомъ бувъ, отвѣчалъ онъ, глядя на меня пытливо.

— А еще чѣмъ былъ? спросилъ я его.

— И паламаремъ, и бродягою, и кобзаря слипого водивъ колись ще малымъ; отъ и въ лакеяхъ Богъ веливъ побувать.

Послѣднія слова проговорилъ онъ едва слышно.

Послѣ омовенія, я наскоро, безъ помощи Прохора, одѣлся, взялъ шапку, палку и вышелъ въ переднюю.

— Вы мабуть такій самый панъ, якъ я вашъ лакей, сказалъ Прохоръ, оглядывая меня. Я еще и сапоги не вычистилъ, а вы вже и одяглись.

— Завтра вычистишь, Прохоре, сказалъ я и вышелъ за двери.

— Не заблудить въ нашихъ вертепахъ, сказалъ догадливый Прохоръ, притворяя дверь.

Вышелъ я на середину широкаго, покрытаго зеленой муравой двора и посмотрѣлъ вокругъ себя. И во снѣ не видѣлъ я безобразно оригинальнѣе зданія, какое увидѣлъ теперь на яву: ни тѣни стройности, ни малѣйшей симметріи. Двухъ оконъ во всемъ зданіи нѣтъ одной величины. Во всемъ зданіи какое-то умышленное безобразное разнообразіе. Окна, двери, крыша, труба—все ссорилось между собою, какъ пьяныя бабы на базарѣ. Изъ-за какого-то сарая, съ круглымъ окномъ и шестиугольной дверью выглядывали три старые вяза, точно три мужика подошли полюбоваться на свое пьяное неугомонное подружіе. Все, что я видѣлъ вокругъ себя, было дѣйствительно похоже на базаръ въ самомъ разгарѣ. Съ какой мыслью, съ какой цѣлью нагромождено это безтолковое безобразіе?

Необходимо войти въ ближайшія отношенія съ Прохоромъ: онъ долженъ знать хоть по преданію этого сумасшедшаго строителя. А интересно узнать такого чудака. Мнѣ кажется, тутъ есть что-то общее между панной Доротой и этимъ зданіемъ. Да нѣтъ-ли еще въ народѣ легенды или пѣсни про этотъ Вавилонъ? Ежели

есть, то Прохоръ ее навѣрно знаетъ. Рѣшено, во чтобы то ни стало, а я добьюсь толку въ этомъ безтолковомъ дѣлѣ.

А пока со двора вышелъ я на широкую тополевую аллею, по которой мы вчера въѣзжали въ этотъ лабиринтъ. Пройдя аллею, вышелъ я на пригорокъ. Посмотрѣлъ, вокругъ лѣсъ непроходимый, изъ лѣсу кой-гдѣ рядами въ разныхъ направленіяхъ торчали верхушки тополей и вился яркій голубой дымокъ по направленію къ дому. Не бывшій-ли это разбойничій притонъ? спросилъ я самъ себя и возвратился вспять, дивяся видѣнному.

Мнѣ хотѣлось пробраться какъ нибудь въ садъ; но какъ, этого я не зналъ и благоразумно предоставилъ это дѣло случаю. Случай не замедлилъ представиться. Изъ аллеи, по которой я выходилъ и теперь возвращался въ домъ, показалась мнѣ въ правой рукѣ узенькая дорожка или, какъ говорятъ земляки мои, волчья стежка. Я воспользовался волчьей стезей и вошелъ въ темный липовый лѣсъ. Пройдя шаговъ сотню, въ лѣсу показался фруктовый садъ безъ всякой ограды. Пройдя фруктовый садъ, я, какъ околдованный богатырь, остановился передъ тремя вѣтвями расходившейся дорожки. Подумалъ съ минуту и выбралъ крайнюю слѣва, ведущую, какъ мнѣ казалось, къ дому. Избранная мною дорожка вилась между старой лещиной (орѣшникъ), между которой торчали тоже старыя, толстыя, развѣсистыя липы и такіе-же суховерхіе грабы и клены. Все это было освѣщено теплымъ утреннимъ солнцемъ и, какъ пишется, само просилось подъ кисть живописца. Но мнѣ въ это время было не до живописи, меня занималъ вопросъ, куда приведетъ меня волчья дорожка. А чтобы разрѣшить эту задачу, я удвоилъ шаги, и только что я удвоилъ шаги, какъ наткнулся на толстый бѣлый корень, лежащій поперекъ дорожки. Я остановился, поднялъ голову. Смотрю и вижу, старый сухой огромный кленъ распустилъ свои обнаженныя вѣтви, какъ патріархъ сѣдой воздѣлъ дряхлѣющія руки надъ главами чадъ своихъ, моля о благословеніи Вездѣсущаго.

Какъ не былъ я занятъ результатомъ таинственной дорожки, но передъ дряхлымъ праотцемъ орѣшника остановился и чуть-чуть было не снялъ шапку. Такъ иногда случается встрѣтить на улицѣ благообразнаго старца, и рука невольно подымается къ шапкѣ. Это прекрасное чувство, я думаю, врожденное уже въ человѣкѣ,

а не воспитаніемъ усвоенное. Какъ-бы тамъ ни было, только я какъ передъ живымъ существомъ съ благоговѣніемъ остановился передъ усохшимъ величественнымъ кленомъ. Солнечные лучи, проскользнувши сквозь густыя вѣтви орѣшника, упали на его древнія, обнаженныя стопы, т. е. на корни и такъ эффектно, такъ ярко прекрасно освѣтили ихъ, что я сколько можно дальше отодвинулся назадъ, усѣлся въ тѣни орѣшника и, какъ настоящій живописецъ, любовался свѣтлымъ, прекраснымъ пятномъ на темномъ сѣрозеленомъ фонѣ.

Какъ долго я наслаждался этой картинкой, не помню. Помню только, какъ крупная капля росы упала съ листьевъ орѣшника на лице и разбудила меня.

Проснувшись, я разсудилъ, что тутъ мнѣ дѣлать нечего, потому что свѣтлое пятно исчезло. Остался только сухой кленъ и его самые обыкновенные корни. Лѣниво приподнялся я, стряхнулъ съ себя сухіе листья и, какъ ни въ чемъ не бывало, пустился дальше по волчьей дорожкѣ. Дорожка привела меня къ какому-то сараю безъ оконъ и дверей, примкнутому къ главному корпусу зданія съ разнокалиберными окнами. Сарай, вѣроятно, заключалъ въ себѣ какую нибудь фирму «Отраду» или «Наслажденіе», т. е. конюшню или псарню. Дорожка, коснувшись помянутаго сарая, повернула вправо. Я пошелъ далѣе. Кустарники орѣшника смѣнились кустарниками бузины, крыжовника и смородины. Значитъ, я добрался уже до настоящаго господскаго сада. Ладно, думаю себѣ, и продолжаю свой загадочный путь. Вскорѣ вошелъ я въ тополевую аллею. Смотрю, въ концѣ аллеи бѣлѣетъ какое-то зданіе. Не вчерашній-ли это павильонъ? Онъ-же и есть. Я прибавилъ шагу и черезъ минуту очутился у знакомаго павильона. Двери были растворены; вхожу и вижу безмолвную панну Дороту, сидящую за круглымъ столомъ передъ блестящимъ огромнымъ серебрянымъ кофейникомъ.

— Добраго рана, сказалъ я ей, кланяясь.

— Добраго полудня, отвѣтила она, кивнувъ головой, и почтительно улыбнулась.

Едва успѣлъ я нецеремонно сѣсть противъ панны Дороты, какъ вбѣжала или, лучше сказать, впорхнула въ павильонъ ранней птичкой моя прекрасная Елена и повисла у меня на шеѣ.

— Сваволишъ, Гелена! проворчала дуэнья и принялася разливать кофе.

— Гдѣ вы пропадали? быстро спросила у меня рѣзвушка Гелена и, не давъ мнѣ выговорить отвѣта, продолжала:

— А братъ хотѣлъ уже ѣхать за вами въ Будище. А бѣдный Прохоръ плачетъ отъ горя. Я тоже чуть-чуть не заплакала, прибавила она, улыбаясь.

— Да! сказала она, какъ-бы вспоминая что-то. Мнѣ нужно вамъ пріятную новость сказать по секрету.

И, наклонясь ко мнѣ, она прошептала:

— Вы понравились паннѣ Доротѣ!

— Радъ стараться, сказалъ я смѣясь и про себя подумалъ: убилъ бобра!

— Не смѣйтесь, сказала она серьезно; это большая рѣдкость. Ей даже братъ мой не нравится. Я не знаю, чтобы ей кто нравился, кромѣ меня и Прохора. А вы третій, вотъ что! прибавила она, взглянувъ на безмолвную панну Дороту.

— А когда такъ, сказалъ я шутя, такъ нечего напрасно время тратить, честнымъ пиркомъ да и за свадебку.

— Она не пойдетъ замужъ, пресерьезно сказала прекрасная Елена. Она давно уже черница, сестра кармелитка, и для меня только остается здѣсь и не ѣдетъ въ свой кляшторъ.

— Гелено! кофе стынетъ! сказала громко панна Дорота.

— Заразъ, моя мамочко, сказала нѣжно моя прекрасная собесѣдница и протянула руку къ чашкѣ.

После минутнаго молчанія она снова обратилась ко мнѣ и сказала:

— Я слышала, что вы умѣете рисовать портреты. Нарисуйте мнѣ мою мамочку, мою милую панну Дороту.

— Сваволишъ, Гелено! проворчала панна Дорота и едва замѣтно улыбнулась.

— Не сваволю, моя милая мамуню, не сваволю. Когда вы уѣдете въ свой кляшторъ, я буду смотрѣть на портретъ вашъ и буду ему книгу читать, какъ вамъ теперь читаю.—Нарисуете? прибавила она, быстро обращаясь ко мнѣ.

Я далъ слово исполнить ея желаніе.

— И брата нарисуете? спросила она наивно.

— И васъ, и брата, и всѣхъ нарисую.

— Ка́къ я рада! какъ я рада! сказала она, хлопая въ ладоши.

— А есть-ли у васъ краски? спросила она послѣ минутнаго молчанія.

— Есть въ Будищахъ, сказалъ я.

— Такъ что все равно, что и здѣсь? сказала она и выбѣжала изъ павильона.

Черезъ полъ-часа она возвратилась назадъ и сказала:

— Братъ самъ ѣдетъ въ Будища и привезетъ вамъ все и даже вашего Трохима. Братъ мой его очень любитъ, а я его еще и не видала, прибавила она. Долженъ быть хорошій человѣкъ, когда братъ полюбилъ.

— Родной внукъ вашему Прохору, сказалъ я.

— Ну, такъ вѣрно хорошій. И грамотный?

— Грамотный, отвѣчалъ я.

— Какъ бы я была рада и счастлива, если бы мой братъ выучился грамоты, сказала она какъ-бы про себя и призадумалась, склонивъ свою прекрасную головку на плечи траурной и неподвижной панны Дороты.

— Я сама его выучу читать, сказала она, какъ бы отъ сна пробуждаясь. А кто же писать выучитъ? Прохоръ тоже писать не умѣетъ. Онъ читаетъ только одну псалтирь. Посовѣтуйте, что мнѣ дѣлать? прибавила она, обращаясь ко мнѣ.

— Не только посовѣтую, даже помогу вамъ въ этомъ добромъ дѣлѣ, сказалъ я, и тутъ же предложилъ своего Трохима въ наставники моему однорукому герою.

Теперь уже не по привычкѣ и не напрасно проворчала панна Дорота: «сваволишъ, Гелено!» потому что ея шалунья Гелена не дослушала моего предложенія, бросилась ко мнѣ на шею и принялась цѣловать меня со всею нѣжностью пламенно любящей сестры.

— Чѣмъ же мы съ братомъ заплотимъ вамъ за любовь вашу? сказала она, успокоившись.

— Любовью, отвѣчалъ я спокойно. Выслушайте меня, продолжалъ я. Вотъ мой планъ. Я вамъ оставлю моего Трохима на весь годъ, если только Прохоръ согласится оставить васъ.

При первыхъ словахъ панна Дорота взглянула на меня и какъ бы испугалась, а потомъ по прежнему опустила голову.

— О, навѣрно согласится. Я уговорю его.

Панна Дорота поморщилась и взглянула на свою Гелену. А та, понявъ ея взглядъ, со слезами на глазахъ бросилась передъ нею на колѣни и, цѣлуя ея руки, проговорила:

— Мамуню моя! сердце мое! Я сама возьму заступъ и буду копать твои гряды еще лучше Прохора. Только отпусти его, моя мамочко, мое серденько!

Панна Дорота, съ минуту помолчавъ, наклонилась къ ней, поцѣловала ее въ голову и едва слышно проговорила:

— Згода.

Въ это время робко вошелъ въ павильонъ Прохоръ и, увидя меня, перекрестился и сказалъ:

— Слава тебѣ Господи, Царю небесный! найшли таки! А я думавъ, що вы вже одъ насъ на Басарабію помандрували, прибавилъ онъ, улыбаясь и утирая потъ съ лица.

Подойдя къ Прохору, я объяснилъ ему, въ чемъ дѣло, не подозрѣвая его несогласія; но вышло иначе. Онъ выслушалъ меня внимательно, призадумался, а черезъ нѣсколько минутъ раздумья посмотрѣлъ на панну Дороту и лаконически сказалъ:

— Не пойду.

— Почему? спросилъ я тоже лаконически.

— А на чіи руки я ихъ покину? сказалъ онъ, указывая на панну Дороту.

— На ихъ руки, сказалъ я, указывая на хозяйку.

— Молоде! сказалъ онъ и вышелъ изъ павильона.

Рѣшительный отказъ этого полуубитаго бѣдняка мнѣ чрезвычайно понравился. Это задѣло за живое мою хохлацкую натуру. Вотъ человѣкъ, а не безотвѣтный рабъ, который умѣетъ только сказать: какъ прикажите! Я тутъ же далъ себѣ слово склонить его на свою сторину. Съ этимъ упрямымъ намѣреніемъ я обратился къ своимъ собесѣдницамъ, сказалъ имъ про отказъ Прохора и просилъ ихъ уговорить его ѣхать со мною въ Кіевъ, хоть-бы для того только, чтобы поклониться печерскимъ чудотворцамъ.

— Отъ васъ теперь зависитъ, прибавилъ я, привести мой проэктъ въ исполненіе.

Панна Дорота обѣщала свое содѣйствіе, я поцѣловалъ ее костлявую руку и предложилъ прекрасной Еленѣ прогуляться со

мной, но прекрасная Елена мнѣ, своему Парису, отказала. Я раскланялся и вышелъ въ садъ.

VII.

— А куда васъ теперь Богъ понесе? спросилъ меня стоявшій за дверями Прохоръ.

— Куда глаза глядять, отвѣчалъ я.

— Куда глаза глядять, повторилъ онъ шепотомъ. А де васъ тоди шукать, якъ заблудите въ нашому Вавилони?

На разумный его вопросъ я не зналъ, что сказать ему; а онъ глядя на меня, улыбался, поворачивая въ рукахъ свою шапку чабанку.

Я никогда не любилъ прогулки съ кѣмъ-бы то ни было, ни даже съ прекрасной и не сантиментальной женщиной. Прогулка самъ на самъ имѣетъ для меня какую-то особенную прелесть и потому я былъ въ душѣ доволенъ даже отказомъ прекрасной Гелены; но, сознавая истину словъ предусмотрительнаго Прокопа, я готовъ былъ просить его сопутствовать мнѣ по загадочному лабиринту или, какъ онъ сказалъ, по Вавилону. И оно было бы весьма кстати: во время прогулки я могъ бы завести рѣчь о паннѣ Доротѣ и узнать всю подноготную, а ея подноготная меня сильно интересовала.

— Не пойдешь ли ты, Прохоре, спросилъ я его, со мною погулять по вашему Вавилону?

— Ходимо, сказалъ онъ, улыбаясь и покрывая свою лысину чабанкой.

Въ это самое время выглянула изъ дверей очаровательная Гелена и позвала Прохора къ паннѣ Доротѣ. Я понялъ причину этой внезапной аудіенціи и, отложа розыскъ о паннѣ Доротѣ до другаго разу, пустился на удачу, куда глаза глядятъ.

Между заглохшими колючими кустарниками смородины и крыжовника выбрался я къ обветшалому жиденькому мостику, перекинутому черезъ буро-зеленую лужу безъ всякой надобности, потому что лужу скорѣе и безопаснѣе можно обойти. Я благоразумно обошелъ болото и по уступамъ между такими же колючими кустарниками поднялся на гору. На горѣ торчали въ безпорядкѣ старые полуусохшіе тополи и одна широкая, развѣсистая липа, какъ доб-

рая купчиха между тощими ассесоршами. Я прилегъ отдохнуть на горѣ, разумѣется около купчихи. Передо мною открылась панорама, на удивленіе не живописная въ этомъ живописномъ уголкѣ моей прекрасной родины. Прямо передъ глазами широкій сплошной черный лѣсъ, изъ-за котораго торчали кое-гдѣ коническія верхушки тополей и выглядывали широко и неправильно раскинутыя черепичныя крыши господскаго дома, уставленныя безобразными трубами, изъ которыхъ вился голубоватый дымъ. Въ правой сторонѣ лѣса блестѣлъ широкій прудъ, за прудомъ по косогору раскинулось сѣренькое село, а въ центрѣ села торчала тоже сѣренькая деревянная церковь, безъименной архитектуры. За селомъ, на отлогой возвышенности махали крыльями, какъ будто жаркій споръ вели между собою, двѣ вѣтряныя мельницы, а между ними по зеленому полю вилася темная дорожка и исчезала въ узкомъ однообразномъ горизонтѣ, украшенномъ двумя небольшими могилами.

Не отдаленный горизонтъ для меня имѣетъ, не скажу прелесть, но своего рода очарованіе. Меня всегда подмываетъ взойти на него и посмотрѣть, что за нимъ скрывается. Это неугомонное чувство мнѣ еще въ дѣтствѣ покою не давало. Такъ однажды, будучи лѣтъ шести или семи, смотрѣлъ я на подобный же горизонтъ, и мнѣ вообразилось, что за нимъ небо склонилось къ землѣ и непремѣнно уперлось на желѣзные столбы, а иначе какъ же бы оно держалось? Я не могъ отказать себѣ въ удовольствіи взглянуть на эту интересную колоннаду. Пошелъ и, къ невыразимой досадѣ, увидѣлъ на медленно открывшемся такомъ же горизонтѣ точно такое же село, какъ и наше. Такъ и теперь лежу подъ липою, а самого такъ и подергиваетъ посмотрѣть, что за картина откроется за этими неугомонными мельницами. Но философъ Бэконъ учитъ сначала удовлетворять необходимое, а потомъ уже и любопытное. И я послѣдовалъ его мудрому совѣту, тѣмъ болѣе, что желудокъ мой начиналъ уже хлопотать о необходимомъ.

Любопытное я отложилъ до другаго раза и тѣмъ-же путемъ возвратился къ павильону. Тамъ уже никого не было. Не измѣняя прежняго маршрута, я черезъ часъ времени благополучно прибылъ въ штабъ-квартиру. На дворѣ, какъ надо полагать, предъ окнами кабинета стояла коляска моего родича, а черезъ дворъ его-же кучеръ велъ лошадей къ экипажу.

— Поѣдемъ домой? спросилъ я кучера.

— Поидемо назадъ пятами, отвѣчалъ онъ съ неудовольствіемъ, закручивая поводья около дышла.

Чтобы значилъ его замысловатый отвѣтъ? Неужели мой плоскій безстрастный родичъ не совсѣмъ плоскій и безкровный? Неужели онъ не устоялъ противъ искушенія и храбро загнулъ уголъ на свою капитальную движимость? Но прежде заключенія необходимо убѣжденіе, учитъ не Бэконъ, а какой-то другой философъ-юристъ.

Войдя въ свою комнату, я полураздѣлся, привелъ свою особу въ горизонтальное положеніе и задумался о видѣнномъ вчера и сегодня. Дума эта поселила во мнѣ непріятное оскорбляющее чувство. Одна она, моя прекрасная, непорочная Елена, она, какъ свѣтлая звѣздочка, горитъ въ этомъ густомъ, тлетворномъ мракѣ, и для контраста ей, точно Магелланово облако, эта темная, неразгаданная старая идіотка панна Дорота! Интересно-бы узнать, на чемъ она покончила съ Прохоромъ: ѣдетъ-ли онъ со мною въ Кіевъ или поставилъ на своемъ? Эта-ли мысль, или что другое заставило меня встать и подойти къ окну. Прохоръ медленно шелъ черезъ дворъ къ моей квартирѣ, а кучеръ моего родича тоже медленно шелъ на встрѣчу. Они встрѣтились, взялись за шапки, на минуту остановились и разошлись.

— Что проигралъ? спросилъ я входящаго Прохора.

— И кони, и коляску, и Корнія нашому Ивану Ивановичу. А до вечера, прибавилъ онъ, може Богъ поможе, и себе програе. Нашъ Иванъ Ивановичъ молодецъ!

— Да и родичъ мой, какъ видно, не промахъ, подумалъ я и спросилъ Прохора, чѣмъ онъ кончилъ съ панной Доротой.

— Повезу васъ въ Кіевъ, сказалъ онъ нехотя.

— И давно-бы такъ, сказалъ я, сердечно радуясь, что переупрямилъ стараго хохла. Полюбовавшись его кроткой физіономіей, я самодовольно возвратился въ комнату съ намѣреніемъ привести свою особу въ горизонтальное положеніе и достойно отпраздновать одержанную викторію. Въ слѣдъ за мною вошелъ въ комнату Прохоръ и своимъ присутствіемъ разрушилъ мое гордое намѣреніе. Онъ остановился у дверей и молчалъ, а я ходилъ по комнатѣ и тоже молчалъ. Онъ, кажется, ждалъ, пока я заговорю, а я ждалъ, что онъ мнѣ скажетъ. Наше нѣмое тетъ-а-тетъ могло быть очень

продолжительнымъ (это въ хохлацкой натурѣ), еслибы не нарушилъ его стукъ колесъ, раздавшійся подъ окнами моей квартиры. Этотъ неожиданный стукъ заставилъ Прохора открыть уста съ намѣреніемъ произнести: ахъ! но этотъ глубокомысленный проэктъ ему не удался. Стукъ колесъ еще отдавался въ ушахъ моихъ, какъ въ комнату вошелъ однорукій герой мой и послѣ привѣтствія отрапортовалъ мнѣ, что приказанія мои въ точности исполнены.

— А гдѣ-же Трохимъ? спросилъ я моего героя, усердно пожимая его руку.

— Они ѣдуть въ каретѣ, отвѣчалъ онъ.

— Трохимъ! въ каретѣ! восклицалъ я отъ удивленія.

— Разскажите мнѣ ради Бога, какъ это Трохимъ попалъ въ карету? спросилъ я улыбающагося моего героя.

— Весьма просто. Здѣшняя дорожная карета съ поста еще оставалась въ Будищахъ, а чтобы она тамъ не гнила на дворѣ, я разсудилъ привезти ее въ свое мѣсто.

— Прекрасно, прервалъ я его; значитъ, вы лошадей взяли у моего родича?

Вопросъ этотъ я сдѣлалъ для того, чтобы лошади сейчасъ-же воротились назадъ, а то какъ-бы мы не очутились на какой-нибудь шестеркѣ или четверкѣ.

— За чѣмъ напрасно гонять кони, отвѣчалъ онъ. Я позычилъ двѣ пары воловъ у отца Саввы, ее на волахъ и привезутъ сюда вмѣстѣ съ вашими вещами и съ Трохимомъ Сидор...

Послѣднее слово онъ почему-то не договорилъ.

Я внутренно смѣялся, воображая себѣ моего Трохима, величаво выглядывающаго изъ великолѣпнаго дормеза, влекомаго четырмя волами, поблагодарилъ моего героя за хлопоты и думалъ уже идти на встрѣчу Трохиму.

— Богъ знаетъ, кто о немъ хлопочетъ, сказалъ онъ кротко и выразительно хватая меня за руку. Я отдернулъ свою руку, тогда онъ схватилъ мою шею своей единственной рукой и каріе глаза его сверкнули слезою. Онъ принялся цѣловать мою голову. Безмолвно краснорѣчивая эта сцена была прервана входомъ стараго Прохора: онъ спрашивалъ меня, гдѣ я хочу обѣдать, съ панами-ли въ кабинетѣ, или съ панями въ саду.

— Ни тамъ, ни тамъ, сказалъ я, а ты принеси намъ сюда, мы будемъ обѣдать вмѣстѣ съ Осипомъ Ѳедоровичемъ.

— И такъ добре! сказалъ Прохоръ и скрылся за дверью.

Герой мой началъ было отнѣкиваться отъ моей импровизированной вѣжливости; но я увѣрилъ его, что его компанія интереснѣе для меня генеральской и даже адмиральской компаніи. Послѣднее выраженіе смутило простяка, и онъ скрылъ его въ пёстромъ бумажномъ носовомъ платкѣ.

А Прохоръ-то, старый, немощный Прохоръ, словно козачекъ покоёвый, тскъ и бѣгаетъ взадъ и впередъ. Не прошло и десяти минутъ, какъ уже все было готово—водка и закуска и серебрянная ваза съ супомъ дымилась на столѣ. А Прохоръ, какъ ни въ чемъ не бывало, стоялъ себѣ у дверей съ салфеткою въ рукѣ и только улыбался.

Едва успѣли мы сѣсть за столъ, какъ дверь растворилась и впорхнула къ намъ легкокрылой бабочкой сама очаровательная хозяйка.

— И я съ вами обѣдаю, сказала она, садясь между мной и братомъ; а панна Дорота, продолжала она, поцеремонилась, пускай одна обѣдаетъ.

— Ей, я думаю, совершенно все равно, сказалъ я.

— А нѣтъ! панна Дорота любитъ веселую компанію.

Едва успѣла она проговорить послѣднее слово, какъ вошелъ длинный лакей съ высокою серебрянною вазою и съ торчащею въ ней бутылкой шампанскаго. Ставя на столъ сію интересную посудину, лакей проговорилъ:

— Панна Дорота приказала...

— Поблагодари панну Дороту, а ты, Прохоре, принеси бокалы, прибавила она.

Въ продолженіе обѣда Прохоръ работалъ быстрѣе и ловчѣе французской камеристки. Я восхищался моимъ будущимъ слугою. Но когда дѣло дошло до шампанской бутылки, тутъ не только Прохоръ и мой благородный герой, я самъ призадумался: таинства сего гусарскаго искусства для меня закрыты. Но замѣтить меня было некѣмъ, и я принялся за дѣло. Послѣ долгихъ усилій пробка наконецъ вылетѣла и ударилась въ потолокъ. Я однако-же не ра-

стерялся, а, какъ слѣдуетъ, направилъ бѣшеную струю въ законное русло. Хитрая моя операція привела стараго Прохора въ восторгъ. А чтобы продлить это наивное восхищеніе, я предложилъ ему выпить бокалъ скаженой воды. Онъ рѣшительно отказался. Съ помощію милой хозяйки наконецъ я его увѣрилъ, что не такъ чертъ страшенъ, якъ ёго малюють. Противъ такого сильнаго аргумента сказать было нечего, и мы всѣ четверо чокнулись и дружно выпили сердитое вино. Прохоръ легонько крякнулъ и едва слышно проговорилъ:

— Ничого сказать, смашна собака!

(Окончаніе слѣдуетъ)

ЛЮДИ СТАРОЙ МАЛОРОССІИ [1]).

16. РАКОВИЧИ.

1. *Семенъ Раковичъ*, прилуцкій полковой писарь, 1671 г. Жена *Агафья Лазаревна Горленко.*
2. *Настасья*, родная сестра Семена. Мужъ 1) *Иванъ Бѣлецкій*; 2) *Иванъ Яремовичъ Носъ*, прилуцкій полковникъ.
3. *Павелъ*, бунчуковый товарищъ, 1696—1735 г. Жена *Настасья Григорьевна Пашковская*, дочь компанейскаго полковника. . 1.
4. *Андрей*, бунчуковый товарищъ, 1727—35 г. Жена *Ульяна Васильевна Оболонская* . . . . 3.
5. *Федоръ*, бунчуковый товарищъ, 1727 г. . . . . 3.
6. *Димитрій* . . . . 3.
7. *Дочь*. Мужъ *Иванъ Ивановичъ фонъ-деръ-Шнакъ*, капитанъ олонецкаго полка . . . . 3.
8. *Степанъ*, бунчуковый товарищъ, 1744 г. . . . . 4.
9. *Иванъ*, бунчуковый товарищъ, 1748 г. Жена *Федосья Григорьевна Бринцова* (Дневн. Ханенка, стр. 348). . . . . 4.
10. *Захаръ*, бунчуковый товарищъ, 1767 г. Жена *Татьяна Ивановна Романовичъ.* Имѣніе: Галица съ 82-мя и Ромашковъ съ 16 крестьянскими дворами. . . . . 4.
11. *Лаврентій*, бунчуковый товарищъ, 1767 г. Жена *Пелагея Степановна Леонтовичъ.* Имѣніе: Галица съ 100 и Ромашковъ съ 50 крест. дворами . . . . 4.
12. *Петръ* . . . . 4.
13. *Павелъ* . . . . 4.
14. *Евдокія*. Мужъ *Иванъ Стаховичъ*, бунчуковый товарищъ, 1768 г. . . . . 4.

---

[1]) См. „Кіев. Стар.“ 1887 г., кн. іюнь и іюль, стр. 379—395.

15. *Федоръ*, род. 1752 г.; бунчуковый товарищъ 1776 г., потомъ коллежскій ассесоръ. Жена *Настасья Федоровна Свирская* . 8.
16. *Варвара*. Мужъ *Степанъ Кобеляцкій*, оберъ-провіантмейстеръ 9.
17. *Марья*. Мужъ *Бринкенъ*, майоръ . . . . 9.
18—27. *Антонъ*, *Павелъ*, *Василій*, *Федоръ*, *Степанъ*; *Елизавета*, *Настасья*, *Анна*, *Марья и Варвара* . . . . 10.
28—32. *Николай*, *Андрей*, *Варвара*, *Марья*, *Татьяна* . . . . . 11.

Южная часть нѣжинскаго уѣзда въ началѣ XVII в. представляла почти сплошную степь, которую стали заселять польскіе паны, получивъ здѣсь отъ королей Сигизмунда и Владислава пустопорожнія земли. Поселенія возникли по берегамъ рѣчекъ и озеръ, изъ которыхъ теперь многихъ и слѣдовъ не осталось. Одно изъ старѣйшихъ поселеній въ южной части нѣжинскаго уѣзда— м. Лосиновка основано было только въ 1627 г. полякомъ Николаемъ Малаховскимъ на урочищѣ Лосева Голова, посреди озеръ, дававшихъ истокъ рѣчкѣ Дѣвицѣ, на которой, около того-же времени, другой полякъ—Володкевичъ поселилъ теперешнее мѣстечко Володькову Дѣвицу. Южнѣе лосиновскихъ озеръ находилась рѣчка Галица, одинъ изъ притоковъ Удая; берега этой рѣчки тоже привлекали къ себѣ населеніе и здѣсь возникло мѣстечко Галица, о которомъ въ прошломъ вѣкѣ старожилы разсказывали, что «оно было давнихъ временъ сотеннымъ лядскимъ городкомъ и въ немъ было многолюдственно». Войны Хмельницкаго на время прервали дальнѣйшій ростъ здѣшнихъ поселеній; возникшія поселенія стали грабить татарскія орды, которыя по зову и безъ зова стали чуть не ежегодно посѣщать Малороссію лѣваго берега Днѣпра, съ тѣхъ поръ, какъ Хмельницкій въ первый разъ призвалъ ихъ на помощь противъ поляковъ.

Объ этихъ татарскихъ разореніяхъ въ 1727 году передавали нѣкоторыя извѣстія старожилы тѣхъ мѣстностей, когда производившіе перепись населенія чиновники спрашивали ихъ о томъ, кто изъ старшинъ и по какому праву владѣетъ тѣмъ или другимъ селомъ. По этимъ разсказамъ, многія села около Прилукъ, наприм., были въ это время совершенно разорены татарами: село Перевозъ послѣ разоренія татарами вновь заселилось; село Рудовка—«когда орды на Украйну выходили, того часу тѣми ордами спустошено»,

а потомъ вновь заселено [1]). Тогда-же была разорена татарами и Галица: «а когда изъ Галицы орда людей въ полонъ забрала—и около той Галицы-степа и поля рабочіи спустѣли». Разоренныя села заселены были вновь во второй половинѣ XVII в., преимущественно выходцами съ праваго берега Днѣпра, которыхъ гнали оттуда преимущественно тѣ-же татарскія орды, приходившія на помощь къ Дорошенку. Возобновленными селами поспѣшила завладѣть войсковая старшина, при помощи полковниковъ, которые въ XVII в. самовластно распоряжались войсковыми маетностями. Такъ завладѣлъ и опустѣвшею Галицею тогдашній прилуцкій полковникъ Лазарь Горленко. У Горленка-жъ полковымъ писаремъ былъ Семенъ Раковичъ, котораго полковникъ настолько цѣнилъ, что выдалъ за него замужъ свою дочь Агафью. Въ приданое дочери была отдана Галица. Въ число галицкихъ полей входила огромная степь, простиравшаяся на десятки верстъ, въ предѣлахъ теперешняго нѣжинскаго уѣзда. Хотя эта степь и не представляла достаточныхъ удобствъ для заведенія новыхъ поселковъ, по недостатку воды, но когда галицкое хозяйство приняла въ свои руки овдовѣвшая Агафья Лазаревна, то галицкія степи стали быстро заселяться. Пользуясь вліяніемъ брата своего Дмитрія Горленка, получившаго при Мазепѣ прилуцкій полковничій урядъ, Агафья Раковичъ стала заселять галицкія степи слободами и къ началу XVIII в. здѣсь возникли Сальное, Ровчакъ, Татаровка и небольшіе хутора. Къ этимъ маетностямъ Мазепа прибавилъ Агафьѣ Лазаревнѣ «на вдовиное сиротство» с. Петровку и слоб. Поповку, «при хуторѣ ея осѣлую». Всѣ эти богатства Агафья Лазаревна оставила единственному своему сыну Павлу. Павелъ Раковичъ былъ женатъ на единственной дочери полковника Пашковскаго и разсчитывалъ присоединить къ своимъ маетностямъ и тестевскія; но послѣ измѣны Мазепы родичи Димитрія Горленка, ушедшаго за Мазепою, потеряли прежнее значеніе и разсчеты Павла Раковича не сбылись. Въ 1735 г. онъ писалъ: «въ прошлыхъ годахъ бывшаго полковника охотницкого комонного Григорія Пашковскаго на дочкѣ его, Анастасіи, женился я и сплодилъ съ нею дѣтей, а его внуковъ—Андрея, который нынѣ

---

[1]) Слѣдственная книга о маетностяхъ прилуцкаго полка, 1727 г. въ Московск. Румянц. музеѣ. Изъ библіотеки Н. А. Маркевича.

бунчуковымъ товарищемъ, да Дмитра, который нынѣ боленъ лежитъ. А кромѣ той его дочери, а моей жены, у его, тестя моего, дѣтей не осталось, а въ прошломъ 1698 г. измѣнникъ Мазепа далъ тестю с. Ромашковъ (новгородсѣверскаго уѣзда). А по смерти тестя моего, женѣ его, а моей тещѣ Гликеріи, оное село гетманъ Скоропадскій въ 1709 г. подтвердилъ, а потомъ, какъ теща въ 1723 г. умерла, с. Ромашковомъ завладѣлъ Иванъ Мануйловичъ». Неизвѣстно, на какихъ основаніяхъ Мануйловичъ завладѣлъ было Ромашковымъ, но впослѣдствіи это село отдано было снова Раковичамъ и находилось во владѣніи внуковъ Павла Семеновича Раковича.

Изъ общественной дѣятельности Павла Раковича извѣстно только, что въ 1727 г. онъ ходилъ въ гилянскій походъ съ двумя своими сыновьями, Андреемъ и Федоромъ [1]). Послѣдній умеръ раньше отца. Унаслѣдовалъ богатства отца одинъ сынъ, Андрей. Впрочемъ часть галицкихъ земель Павелъ Раковичъ отдалъ дочери, которую выдалъ за фонъ-деръ Шнака, служившаго капитаномъ въ одномъ изъ армейскихъ полковъ, квартировавшихъ около Прилуки. На этихъ земляхъ зять Раковича поселилъ слободу, теперешнюю деревню Шнаковку.

У Андрея Раковича было шесть сыновей и одна дочь, по мужу Стаховичъ. По случаю спора послѣдней съ братьями за невыдѣлъ слѣдовавшей ей части въ приданое, въ 1767 г. составлена была опись имѣній, полученныхъ сыновьями Андрея Раковича, изъ которой видно, что въ это время бывшія имѣнія Андрея Раковича составляли: 1) деревня Лапинцы, подъ Прилуками; 2) земли въ с. Сорочинцахъ; 3) хуторъ Радьковскій около с. Радьковки; 4) слободка Обичевская; 5) с. Петровка (136 двор.), принадлежавшая Петру Андреевичу Раковичу; 6) с. Галица (168 двор.)—Захарія Андреевича Раковича; 7) д. Татаровка (62 двора)—Федора Степановича Раковича; 8) слободка Степановка (35 двор.)—того-же Ф. Ст. Раковича; 9) слободка Шнаковка (42 двора)—вдовы Ивана Андр. Раковича. Кромѣ этихъ имѣній, сыновья Андрея Раковича пріобрѣли и сами не мало земель въ этой мѣстности; такъ по купчей 1748 г. Иванъ Андреевичъ купилъ «грунта» въ м. Монасты-

---

[1]) Зап. Марк., т. I, стр. 193, 209 и 210.

рищѣ и его окрестностяхъ, у извѣстнаго бандуриста императрицы Елисаветы Григорія Любистка, за 1,700 рублей [1]).

Интересно, что родъ Раковичей, владѣвшій такими громадными земельными богатствами, впродолженіи почти полутора вѣка, не далъ изъ себя ни одного сколько нибудь замѣтнаго общественнаго дѣятеля.

Кромѣ Раковичей нѣжинскихъ, существуетъ еще другой родъ Раковичей въ хорольскомъ уѣздѣ, полтавской губерніи, ведущій свое начало отъ миргородскаго полковника Григорія Гладкаго (1670—1675 г.), котораго сынъ Максимъ, уйдя на Запорожье, прозванъ былъ въ Сѣчи Ракомъ.

---

17. ОБОЛОНСКІЕ.

1. *Иванъ.*
2. *Василій*, сотникъ сосницкій 1715 г. Жена *Настасья Мануиловна Мануйловичъ* . . . . 1.
3. *Демьянъ*, писарь генеральнаго суда до 1741 г., генеральный есаулъ 1750 г., генеральный судья † 1758 г. Жена *Татьяна Степановна* . . . . 2.
4. *Яковъ*, бунчуковый товарищъ 1746 г. . . . . 2.
5. *Михаилъ*, сотникъ ямпольскій 1729 г . . . . 2.
5а *Андрей*. Имѣлъ небольшія имѣнія въ с. Фастовцахъ и въ с. Крискахъ . . . . 2.
6. *Демьянъ*, бунчуковый товарищъ 1767 г., майоръ 1780 г., коллежскій совѣтникъ 1798 г. Жилъ въ м. Горошинѣ. Жена *Надежда Александровна Якубовичъ* . . . . 3.
7. *Надежда*. Мужъ *Родіонъ Степановичъ Пламенацъ*, бригадиръ, гадяцкій полковникъ, ок. 1780 г. . . . . 3.
8. *Федоръ*, отставной полков. есаулъ, 1784 г. Жена *Дарья Алексѣевна Печерская* 5а
9. *Иванъ*, прапорщикъ, 1774 г. Жена *Софья Антоновна Стрешенецъ* 5а

---

[1]) „Двора ея имп. вел. спѣвальной музыки тенористъ и россійскій дворянинъ Григорій Михайловичъ Любистокъ“.

10. *Михаилъ*, прапорщикъ 1774 г. Жена *Марья Ивановна Бѣлоусъ.* Крестьянъ у него 191 . . . . 5а
11. *Александръ* . . . . 6.

Василій Ивановичъ Оболонскій былъ сосницкимъ сотникомъ въ началѣ гетманства Скоропадскаго, который далъ ему на урядъ село Купчичи. По смерти Василія Оболонскаго, Скоропадскій отдалъ вдовѣ его, по универсалу 1713 г., половину села Купчичъ; а въ 1728 г. Апостолъ отдалъ ей-же вдовѣ и все село. Старшій сынъ Василія Демьянъ большую часть жизни своей прослужилъ писаремъ генеральнаго суда и считался дѣльцемъ своего времени. Интересенъ процессъ, который велъ Демьянъ Оболонскій съ своимъ дядею Иваномъ Мануйловичемъ, генеральнымъ есауломъ. Въ концѣ XVII в. въ глуховской сотнѣ жилъ зажиточный панъ Василій Ялоцкій, который женился на какой-то вдовѣ Марьѣ Зеленской, имѣвшей отъ перваго брака сына Ивана и дочь Настасью, звавшихся по отцу Мануйловичами. Умирая, Ялоцкій имѣнія свои с. Бачевскъ, слоб. Семеновку и другіе грунта завѣщалъ женѣ и пасынку Ивану Мануйловичу. Скоропадскій утвердилъ эти имѣнія за Мануйловичемъ, универсаломъ 1713 г.; тѣмъ не менѣе лѣтъ черезъ двадцать послѣ этого Демьянъ Оболонскій началъ противъ Мануйловича процессъ за это имѣніе, потребовавъ отъ него половины имѣній Ялоцкаго на свою мать—сестру Мануйловича. Оболонскій, взявъ довѣренность отъ матери, требовалъ явки въ судъ Мануйловича, а послѣдній, считая дѣло, начатое племянникомъ несправедливымъ, просилъ судъ дать ему возможность вести дѣло непосредственно съ сестрою.

Просьба Мануйловича не была удовлетворена и процессъ продолжался и по смерти Мануйловича съ его наслѣдниками Пироцкими.

Въ 1741 г. Демьянъ Оболонскій получилъ урядъ генеральнаго бунчучнаго, на мѣсто Ивана Бороздны, но еще большія блага получилъ Оболонскій во время проѣзда императрицы лѣтомъ въ 1744 г. чрезъ Малороссію. Въ началѣ августа императрица проѣхала чрезъ Глуховъ въ Кіевъ, пробывъ въ Глуховѣ два дня. Въ это время императрица между прочимъ «изволила веселиться тан-

цами старшинскихъ женъ, польскими и козацкими». Сохранилось преданіе, что при этомъ императрица обратила особенное вниманіе на жену Оболонскаго, найдя въ ней сходство съ Екатериною I, своею матерью [1]). По этому случаю Оболонскій получилъ отъ императрицы великія милости. Прежде всего, на возвратномъ пути изъ Кіева въ Глуховъ, императрица пожаловала (именнымъ указомъ сенату) Оболонскому два села: Вишняки на р. Хоролѣ и Горошинъ на р. Сулѣ «въ вѣчное и потомственное владѣніе». Указъ былъ данъ 13 сентября, а 20-го императрица прибыла въ Глуховъ; пробывъ и на этотъ разъ въ Глуховѣ два дня, императрица въ день выѣзда «изволила быть воспріемницею дочери бунчучнаго генеральнаго Демьяна Оболонскаго и пожаловала женѣ его 400 червонныхъ, крестъ и полштуки штофу». Кромѣ того, жена Оболонскаго была приглашена императрицею въ Петербургъ, куда Оболонскіе, мужъ съ женою, и отправились въ началѣ 1745 г. и прожили тамъ цѣлый годъ [2]). Въ Петербургѣ жена Оболонскаго жила во дворцѣ.

Возвратившись въ Глуховъ, Оболонскій кончилъ два свои процесса. Первый онъ велъ съ Пироцкими, наслѣдниками Ивана Мануйловича. Объ этомъ процессѣ Марковичъ иронически замѣчаетъ въ своемъ дневникѣ: «Оболонскій надъ Пироцкимъ въ судѣ выигралъ, *по честной своей претензіи*»; претензія была не честна, но Оболонскій получилъ глуховскія села: Бачевскъ, Семеновку и Степановку. Другой процессъ былъ не менѣе интересенъ: получивъ грамоту на Горошинъ, Оболонскій узналъ, что на земляхъ этого мѣстечка устроено было, въ первой половинѣ XVIII в., нѣсколько хуторовъ—Ивана Кодинца, Якова Марковича и другихъ. Опираясь на грамоту, что Горошинъ отданъ ему со всѣми принадлежностями, Оболонскій завелъ въ генеральномъ судѣ дѣло о включеніи всѣхъ горошинскихъ хуторовъ въ пожалованіе и, найдя сильную поддержку въ «великороссійскихъ» членахъ суда, выигралъ это дѣло [3]).

Когда Разумовскій избранъ былъ въ гетманы, Малороссія отправила депутатовъ благодарить императрицу; депутатами выбраны

---

[1]) Записки Як. Марковича, т. II, стр. 210, 213 и 218.

[2]) Марк., т. II, стр. 217 и 230.

[3]) Зап. Марк., т. II, стр. 233—235 и рукописный декретъ 1747 г о рѣшеніи дѣла съ Кодинцемъ.

были: Оболонскій, Кочубей и Пиковецъ, которые и отправились въ Петербургъ въ мартѣ 1750 г. При представленіяхъ депутатовъ императрицѣ рѣчи говорилъ обыкновенно Оболонскій.

При Разумовскомъ Оболонскій продолжалъ свою службу, то въ генеральной канцеляріи, то въ генеральномъ судѣ. Въ это время онъ повышенъ былъ въ генеральные судьи. Умеръ Оболонскій въ шестидесятыхъ годахъ, оставивъ единственному сыну Демьяну огромное богатство. Въ концѣ XVIII в. Демьянъ Демьяновичъ Оболонскій имѣлъ въ своемъ владѣніи 7,330 крест. обоего пола; въ Хорольщинѣ—въ м. Горошинѣ 1,509, с. Оболоньѣ 1,395, с. Демьяновкѣ 595, д. Липнякахъ 645, х. Новоселицѣ 453, с. Степановкѣ 517; въ золотоношскомъ уѣздѣ—м. Еремѣевкѣ 1,109; въ лубенскомъ с. Калайденцахъ 44 и наконецъ въ Глуховѣ 55 и около Глухова: въ с. Уздицѣ 20, с. Семеновкѣ 127, с. Бачевскѣ 295 и въ д. Степановкѣ 209. Изъ этихъ поселеній хорольскія, именно: Демьяновка, Липняки, Новоселица и Степановка, поселены были самимъ Демьяномъ Вас. Оболонскимъ, который слѣдовательно поселилъ до тысячи семействъ, закрѣпленныхъ за сыномъ его указомъ 1783 г. Глуховскія имѣнія получены были Оболонскимъ, какъ выше замѣчено, «по честной претензіи» его съ Пироцкими.

Въ числѣ перечисленныхъ имѣній мы не видимъ Вишняковъ, полученныхъ по грамотѣ 1744 г., потому что село это отдано было Демьяномъ Демьяновичемъ въ 1780 г. сестрѣ его Надеждѣ, выданной замужъ за серба Родіона Степановича Пламенаца, который въ чинѣ бригадира былъ послѣднимъ гадяцкимъ полковникомъ. Пламенацъ, какъ видно, взялъ большое приданое за женою: въ 1780 г. онъ купилъ а) у полковника Шевича два села, Розбышевку и Лучки, за 40 тысячъ и б) у полковаго хоружаго Кущевскаго земли въ с. Сваткахъ, за 5,500 р. Имѣнія эти по купчимъ значились проданными Пламенацу и женѣ его Надеждѣ Демьяновнѣ, вслѣдствіе чего можно догадываться, что покупка сдѣлана была на деньги жены. За Пламенацомъ числилось 2,640 крестьянъ: въ Гадячѣ 53, въ Розбышовкѣ гадяцкой 271, въ Розбышевкѣ глинской 603, въ Лучкахъ 403, въ Сваткахъ 21, въ Венславовкѣ 154 и въ х. Оксаковщинѣ 154, да въ Вишнякахъ 952. Всѣ эти имѣ-

нія впослѣдствіи куплены были Демьяномъ Демьяновичемъ Оболонскимъ.

---

18. МАНУЙЛОВИЧИ.

1. *Мануилъ* N. Жена *Марья Зеленская*; 2-й мужъ—*Василій Федоровичъ Ялоцкій*, владѣлецъ с. Бачевска.
2. *Иванъ*, сотникъ глуховскій 1714 г., одинъ изъ правителей генеральной канцеляріи 1725—27 г., генеральный есаулъ 1729—40 г. Жена *Васса Алексѣевна Туранская* . . . . . 1.
3. *Настасья*. Мужъ *Василій Ивановичъ Оболонскій*, сотникъ сосницкій 1715 г. . . . . 1.
4. *Марья*. Мужъ *Иванъ Пироцкій*, бунчуковый товарищъ 1736 г. 2.

Иванъ Мануйловичъ—человѣкъ неизвѣстнаго происхожденія, занималъ въ первой половинѣ XVIII в. одно изъ видныхъ мѣстъ въ ряду войсковой старшины. Вывелъ въ люди Мануйловича первоначально его вотчимъ Василій Ялоцкій, который въ концѣ XVII в. былъ глуховскимъ сотникомъ и выслужилъ на этомъ урядѣ с. Бачевскъ. Женившись на вдовѣ какого-то Мануила, у которой отъ перваго мужа было двое дѣтей: сынъ Иванъ и дочь Настасья, Ялоцкій, умирая, имѣнія свои (Бачевскъ, Семеновку и Степановку) передалъ вдовѣ и пасынку Ивану Мануйловичу. Достатки, полученные отъ вотчима дали возможность Мануйловичу жениться на дочери Алексѣя Туранскаго, бывшаго въ то время глуховскимъ сотникомъ. Послѣ измѣны Мазепы, урядъ генеральнаго судейства остался свободнымъ, такъ какъ поставленный на мѣсто казненнаго Кочубея Василій Чуйкевичъ ушелъ за Мазепою. На этотъ урядъ Скоропадскій выбралъ Алексѣя Туранскаго. По тестю сталъ извѣстенъ и зять его Мануйловичъ. Сначала, въ 1711 г., тесть выпросилъ у гетмана Мануйловичу с. Гудимы (глинской сотни), а потомъ, когда Андрей Марковичъ изъ глуховскихъ сотниковъ сталъ лубенскимъ полковникомъ, на его мѣсто поставленъ былъ Мануйловичъ. На этомъ урядѣ Мануйловичъ оставался, какъ кажется, во все продолженіе гетманства Скоропадскаго. Затѣмъ, когда въ концѣ 1724 г. вмѣстѣ съ Полуботкомъ арестована была и вся генеральная старшина и когда, по распоряженію Петра Великаго, генеральная

канцелярія должна была поступить въ вѣдѣніе «трехъ правителей», выбрать которыхъ поручено было Александру Румянцеву, въ число этихъ правителей попалъ и Мануйловичъ. Въ правители Румянцевъ старался выбрать людей смирныхъ, неспособныхъ ни на какой протестъ противъ задуманнаго Петромъ В. уничтоженія малороссійскаго гетманства. Значитъ и Мануйловичъ былъ человѣкъ смирный, на безотвѣтность котораго правительство могло вполнѣ разсчитывать. Два года съ половиною Мануйловичъ, вмѣстѣ съ двумя своими товарищами, былъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ Вельяминова, который былъ правителемъ надъ «правителями» [1]).

Съ поставленіемъ Апостола въ гетманы, правители были уволены, какъ ненужные болѣе люди. Товарищи Мануйловича, Левенецъ и Гречаный, остались затѣмъ безъ всякихъ урядовъ; но Мануйловича цѣнили больше: когда въ 1729 г. верховный совѣтъ набиралъ Апостолу генеральную старшину, въ число послѣдней попалъ и Мануйловичъ, которому дали генеральное есаульство. Десять лѣтъ пробылъ безслѣдно на этомъ урядѣ Мануйловичъ и умеръ въ 1740 г., оставивъ одну дочь, которая была за Пироцкимъ. Въ своемъ «тестаментѣ», написанномъ за шесть лѣтъ до смерти, Мануйловичъ имѣнія свои распредѣляетъ такъ: «женѣ моей Вассѣ Алексѣевнѣ Турансковнѣ слободку въ селѣ Ромашковѣ, на купленной мною землѣ моей поселенную, съ людьми, съ дворомъ и съ млинами въ доживотное (пожизненное) ея владѣніе отказую и посполитыхъ людей, въ томъ-же селѣ Ромашковѣ живущихъ, за службы войсковые мнѣ данныхъ, ей же, женѣ моей, по кончину ея вручаю. А по смерти жены моей всѣ вышепомянутыя добра и маетность Ромашковъ должны возвратиться въ вѣчное владѣніе дочери моей Марьи Пироцкой. А въ вѣчность моей женѣ Вассѣ лекгую (завѣщаю) хуторъ, въ миргородскомъ полку на Голтвахъ стоящій... Ей женѣ моей—карету и четверню коней съ шорами, канторами, лѣнцами и еще подъ палубы (крытыя повозки) коней паръ двѣ; ей-же записую и подъ возы паръ двѣ совсѣмъ съ ха-

[1]) Въ Запискахъ Марковича (въ рукописи) встрѣчаемъ слѣдующую замѣтку: „1725 г., февраля 20. Заехали до бригадира (Вельяминова), гдѣ застали *нашихъ правителей пушенниихъ* (=пушить) *отъ бригадира*". Вельяминовъ относился, значитъ, къ „правителямъ", какъ къ подначальнымъ чиновникамъ, которыхъ могъ *пушить* по своему усмотрѣнію

мутами, и дворецъ на Верегинѣ (въ Глуховѣ) ей-же записую въ вѣчность. Дочери моей Маріи Пироцкой, мужу ея и потомству ихъ завѣщаю всѣ имѣнія движимыя и недвижимыя: слободку Семеновку, пасѣку уздицкую съ лѣсомъ, хутора уздицкій, тулиголовскій и въ с. Хижкахъ, село Ромашковъ, да тамъ-же въ Ромашковѣ слободку, село Бачевскъ со всѣмъ подданствомъ, село Гудимы съ дворцемъ и подданствомъ... Тутъ-же одежду мою всю рыцерскую, збрую, т. е. кульбаки, шабли, ронды, сагайдаки, ладовницы, пистолеты, фузеи, рогъ и прочую апперенцію Степановѣ Пироцкому, внуку моему, и другому потомству ихъ записую и отдаю»...

Какъ видно, богатства немалыя оставилъ Мануйловичъ своей дочери; но только не всѣми ими довелось Пироцкимъ владѣть. Еще при жизни Мануйловича, племянникъ его Д. Оболонскій началъ противъ дяди процессъ, доказывая, что половина имѣній Ялоцкаго должна принадлежать ему, Оболонскому, какъ внуку Ялоцкаго. Процессъ этотъ окончился уже послѣ смерти Мануйловича и окончился тѣмъ, что отъ Пироцкаго Оболонскій отобралъ большую и лучшую часть имѣній.

А. Лазаревскій.

НА ДНѢСТРОВСКОМЪ „ПОБЕРЕЖЬИ".

I.

Именемъ «Побережья» въ Подоліи народъ съ давнихъ поръ, съ XVII столѣтія, если не раньше, называетъ ту полосу этого края, которая лежитъ вдоль по теченію Днѣстра, примѣрно отъ Могилева до устья рѣчки Ягорлыка. Въ составъ Побережья входятъ нынѣшніе уѣзды подольской губерніи: ямпольскій, ольгопольскій, балтскій и часть могилевскаго.

Первоначальная исторія этой мѣстности не можетъ быть возстановлена даже въ самыхъ общихъ чертахъ за отсутствіемъ какихъ-бы то ни было документальныхъ свѣдѣній; наши лѣтописи, сохранившія кое-какія извѣстія о западной половинѣ Подоліи, почти не упоминаютъ о той ея полосѣ, которая тянется по Днѣстру ниже города Ушицы. Извѣстно только, что во время походовъ князя Олега территорію нынѣшняго Побережья населяло русско-славянское племя *уличей*, обитавшее и вверхъ по Днѣстру. Затѣмъ всѣ свѣдѣнія объ уличахъ прекращаются, они какъ будто исчезаютъ съ лица земли подольской и только по нѣкоторымъ строкамъ лѣтописей можно догадываться, что въ періодъ найбольшаго могущества галицкаго княжества край этотъ тянулъ къ Галичу.

Послѣ татарскаго нашествія, т. е. въ XIII и XIV столѣтіяхъ, эта южная часть улицкой территоріи, правдоподобно, занята была кочевьями самихъ западныхъ татарскихъ ордъ. Но вслѣдъ за изгнаніемъ татаръ великимъ княземъ Ольгердомъ, Побережье, вмѣстѣ со всеюПодоліею, перешло во владѣніе князей Коріатовичей и раздѣляло дальнѣйшую судьбу западной Подоліи до половины XV вѣка. Еще въ первой четверти этого столѣтія намъ извѣстенъ литовскій ка-

менецкій староста Гедыголдъ, управлявшій цѣлымъ Поднѣстровьемъ отъ Каменца до самаго Лимана и строившій крѣпость противъ Мункастра (Аккерманъ) [1]).

Въ половинѣ XV вѣка, вслѣдствіе упорной борьбы между поляками и литовцами за обладаніе Подоліей, эта спорная область раздѣлена была на двѣ половины: западную Подолію, которая осталась во власти поляковъ, и юго-восточную, вошедшую подъ именемъ Брацлавщины въ составъ Великаго Княжества Литовскаго. Въ Брацлавщину вошло и Побережье, границу котораго отъ польской части Подоліи составляла рѣчка Мурахва [2]). Тяжелая участь пришлась на долю всей Брацлавщины въ теченіи почти двухъ слѣдующихъ столѣтій: это былъ тотъ путь, которымъ почти ежегодно врывались татары для грабежа русскихъ земель. Между тѣмъ какъ на закраинахъ бассейна Буга татарскіе загоны слѣдовали по такъ называемому Чорному шляху, Побережье представляло другую татарскую дорогу—шляхъ Кучманскій, получившій названіе отъ Кучманскаго поля, по которому онъ пролегалъ; этимъ именемъ опредѣлялась вся территорія между Днѣстромъ и Бугомъ, въ теперешнихъ уѣздахъ ольгопольскомъ и ямпольскомъ.

Не легко было земянамъ, поселившимся на земляхъ Побережья, отстаивать свой край и свое хозяйство отъ незванныхъ гостей. Лѣтописи того времени не сохранили намъ именъ этихъ первыхъ защитниковъ южной Брацлавщины, обильно проливавшихъ кровь на защиту своей земли. Только изъ случайно уцѣлѣвшихъ фамильныхъ документовъ мы узнаемъ имена древнѣйшихъ брацлавскихъ земянскихъ родовъ, которые постепенно гибли и исчезали въ борьбѣ съ татарами. Таковы были Шашкевичи, основавшіе около половины XV вѣка замокъ Комаргородъ и получившіе грамоту на земли еще въ 1459 году отъ князя Симеона Олельковича. Затѣмъ въ Джуринѣ встрѣчаемъ родъ Чуриловъ, фамильное названіе которыхъ напоминаетъ имя одного изъ богатырей былиннаго цикла [3]). Еще великій

---

[1]) Guilbert de Lannoie—Voyages et pélérinages.

[2]) Акты зап. Рос., т. II, стр. 362.

[3]) Объ одномъ изъ лицъ этого рода случайно уцѣлѣлъ отрывокъ пѣсни, еще не такъ давно обращавшейся среди народонаселенія Джурина, отрывокъ, по странному совпаденію напоминающій характеръ былиннаго Чурила. „Иде Чурило зъ миста, а за нимъ дивокъ триста".—Baliński i Lipiński, Starożytna Polska, str. 1375.

князь Витовтъ далъ грамоту земянамъ Слупичамъ на право владѣнія замкомъ Бершадою и многочисленными тянувшими къ нему селами. Членовъ этого рода мы встрѣчаемъ до начала XVII столѣтія. На самой восточной окраинѣ Побережья, въ Саврани, находимъ старый, но раньше другихъ исчезнувшій родъ князей Козаровъ. Наконецъ волостью красненскою и шпиковскою владѣли Кошки; одинъ изъ послѣднихъ представителей этого древняго рода въ началѣ XVII вѣка есть извѣстный козацкій гетманъ Самойло Кошка, котораго пребываніе въ турецкомъ плѣну послужило сюжетомъ для лучшей козацкой думы [1]).

Съ концемъ XVI вѣка, послѣ люблинской уніи, старое русское земянство на Побережьи постепенно уступаетъ мѣсто польскимъ пришельцамъ. Немногочисленные потомки мѣстныхъ земянъ, уцѣлѣвшіе еще въ борьбѣ съ татарами, не въ состояніи были выдержать конкурренціи съ наплывомъ новаго польскаго, или ополяченнаго дворянства. Путемъ брачныхъ связей, купли или королевскихъ пожалованій, имѣніями Чуриловъ, Кошекъ и другихъ овладѣваютъ Конецпольскіе, Збаражскіе и т. п. Новые владѣльцы стоятъ въ нѣсколько иныхъ отношеніяхъ къ народонаселенію, чѣмъ прежніе. Не будучи связаны съ туземцами ни происхожденіемъ, ни долгимъ сожительствомъ въ одной странѣ, ни общностью интересовъ, они всегда готовы пожертвовать этимъ населеніемъ во имя выгоды того государства, которое надѣлило ихъ знатностью и привилегіями. Яркою иллюстраціею этого положенія можетъ служить фактъ, на всѣ лады прославленный историками Рѣчи Посполитой и касающійся одного изъ побережскихъ городовъ. Въ 1617 году польская армія, подъ начальствомъ гетмана Жолкевскаго, расположилась на берегу Днѣстра въ виду значительно сильнѣйшей турецкой арміи, стоявшей на противуположномъ берегу. Не полагаясь на свои силы, Жолкевскій попытался начать съ турками переговоры о мирѣ, но визирь заявилъ, что не приступитъ ни къ какому трактату до тѣхъ поръ, пока не будутъ разоружены жители побережскихъ городовъ, составившіе по собственной иниціативѣ весьма предпріимчивое и храброе козацкое ополченіе; особенно жаловался онъ на неукротимый нравъ жителей города Бершады. Услышавъ

[1]) Rulikowski—Przed kilkuset laty.

объ этомъ, владѣлецъ названнаго города, замѣнившій собою Слупичей, князь Юрій Збаражскій, ни мало не колеблясь, послалъ собственный отрядъ войска, который въ ту-же ночь сжегъ до тла Бершаду и разогналъ ея населеніе. Въ этомъ фактѣ поборники интересовъ польскаго государства признавали высшую степень патріотизма и самопожертвованія со стороны владѣльца; не знаемъ, такъ-ли смотрѣли на него лишенные крова и имущества жители города.

Среди давнихъ поселеній днѣстровскаго Побережья, какъ важнѣйшій въ немъ городъ и замокъ еще XV столѣтія выдѣляется городъ Ямполь. Этотъ ничтожный нынѣ городокъ игралъ нѣкогда, особливо въ XVII и первой половинѣ XVIII ст., немаловажную роль въ судьбахъ всего днѣстровскаго Побережья и былъ центральнымъ пунктомъ онаго. Позже съ его именемъ соединены воспоминанія о той роли, какая всегда выпадала на его долю въ вопросѣ о сплавномъ судоходствѣ по Днѣстру и объ уничтоженіи пороговъ, или расчисткѣ фарватера этой рѣки.

Года два-три тому назадъ пришлось мнѣ побывать въ лѣтнее время въ Поднѣстровьи, случилось между прочимъ побывать и въ Ямполѣ и даже провести тамъ нѣсколько дней. Вознамѣрившись подѣлиться моими воспоминаніями о тамошней мѣстности и ея минувшихъ судьбахъ, я сосредоточу мое вниманіе на Ямполѣ, историческая судьба котораго характеризуетъ въ главныхъ чертахъ исторію всего Побережья.

Ямполь лежитъ на лѣвомъ берегу Днѣстра, почти въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ эта рѣка прорываетъ наконецъ ту гранитную гряду, которая, отдѣлившись отъ Карпатскихъ горъ, направляется къ востоку и сперва составляетъ подпочву для различныхъ горныхъ породъ—песчанниковъ, глинистыхъ и известковыхъ сланцевъ и третичнаго силурійскаго известняка, среди которыхъ Днѣстръ съ притоками прорылъ свое русло, затѣмъ мало по малу обнажается сначала по берегамъ рѣкъ, а дальше къ востоку и просто на поверхности почвы и наконецъ образуетъ пороги на трехъ главнѣйшихъ рѣкахъ южно-русскаго края—на Днѣстрѣ, Бугѣ и Днѣпрѣ. Этотъ гранитный пластъ появляется надъ уровнемъ рѣкъ верстахъ въ

двадцати къ сѣверу отъ Ямполя, но тамъ обнаженія его еще весьма незначительны, между тѣмъ какъ вблизи Ямполя толщина ихъ достигаетъ такихъ размѣровъ, что нѣсколько ниже города онъ образуетъ цѣлый рядъ пороговъ черезъ рѣку.

Окрестности Ямполя весьма живописны и разнообразны и совершенно аналогичны съ окрестностями большинства приднѣстровскихъ городовъ и мѣстечекъ, лежащихъ вверхъ по рѣкѣ, напримѣръ Могилева, Старой Ушицы, Жванца и другихъ. Съ какой-бы стороны мы ни приближались къ городу, будетъ-ли это большимъ почтовымъ трактомъ изъ Могилева, или другими дорогами, ведущими изъ Ямполя въ Сороки или къ ближайшимъ станціямъ желѣзной дороги, которая изъ конца въ конецъ прорѣзываетъ подольскую губернію, вездѣ, на сколько глазомъ окинуть, разстилается одна возвышенная равнина, изрѣзанная глубокими балками. Вотъ по обѣ стороны дороги на цѣлыя сотни десятинъ тянутся поля, лучше другихъ обработанныя и сплошь засѣянныя одною пшеницею. Жатва уже началась и нерѣдко можно видѣть, что на одномъ и томъ-же участкѣ въ разныхъ концахъ, гдѣ нибудь у колодца или на берегу ручья, работаютъ двѣ или три паровыя молотилки, вѣялки и т. д., вокругъ которыхъ копошится толпа людей и пасутся цѣлыя стада рогатаго скота. Дальше на такія-же огромныя пространства тянутся плантаціи кукурузы, табаку и свекловицы, доставляющей матеріалъ для многочисленныхъ сахарныхъ заводовъ, разсѣянныхъ въ уѣздѣ, вдоль линіи желѣзной дороги. На первый взглядъ дворянское сердце могло-бы порадоваться тому, что хоть въ этомъ уголкѣ сохранилось еще крупное землевладѣніе; но здѣсь нерѣдко работами на земледѣльческихъ машинахъ завѣдываютъ евреи, изъ чего можно заключить, что нѣкоторыя изъ этихъ богатыхъ помѣстій поступили уже или въ арендное пользованіе, или даже въ собственность еврейскаго населенія.

По мѣрѣ приближенія къ городу картина нѣсколько измѣняется—огромныя плантаціи смѣняются небольшими нивами, вспаханными кое-какъ и засѣянными по большей части кукурузою и житомъ. Это начинаются участки ямпольскихъ крестьянъ, живущихъ на закраинахъ города.

Мало по малу равнина понижается и чѣмъ ближе къ Днѣстру, тѣмъ склонъ становится быстрѣе; сперва показывается впереди

возвышенный и обрывистый бессарабскій берегъ, очень живописный, какъ вообще всѣ днѣстровскіе берега, затѣмъ начинаетъ опредѣляться и болѣе пологій подольскій берегъ, а между ними сверкаютъ и переливаются на солнцѣ сѣрыя волны Днѣстра и мы въѣзжаемъ въ глубокую долину по мосту, перекинутому черезъ небольшую горную рѣчку Русаву. Отсюда видѣнъ уже, какъ на ладони, небольшой городокъ Ямполь, раскинувшійся въ глубинѣ долины, въ углу при впаденіи р. Русавы въ Днѣстръ.

Я не буду вдаваться въ описанія природы, красотъ днѣстровскихъ береговъ, общаго характера города и т. д., читатели встрѣчали уже такого рода описаніе на страницахъ этого изданія. Ко всему, что было говорено раньше, прибавлю только, что какъ по своему мѣстоположенію, такъ и по характеру окружающей природы Ямполь во многомъ напоминаетъ Могилевъ на Днѣстрѣ. Городъ точно также протянулся вдоль рѣчной долины съ тою только разницею, что здѣсь бессарабскій берегъ болѣе возвышенный и крутой. нерѣдко почти совсѣмъ отвѣсный, между тѣмъ какъ подольскій берегъ менѣе возвышенъ, горы дальше отходятъ отъ Днѣстра и представляютъ хотя крутой, но довольно правильный склонъ. Таковъ характеръ мѣстности вблизи города, но по мѣрѣ приближенія къ порогамъ подольскій берегъ становится выше, обрывистѣе и совершенно уподобляется бесарабскому. Съ такимъ характеромъ берега остаются на всемъ своемъ протяженіи въ предѣлахъ ямпольскаго уѣзда, но по мѣрѣ удаленія отъ Днѣстра мѣстность принимаетъ характеръ степныхъ подольскихъ уѣздовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняется и самый этнографическій типъ населенія. Между тѣмъ какъ по Днѣстру и его ближайшимъ притокамъ мы встрѣчаемъ тѣхъ-же самихъ подолянъ, какіе населяютъ все это побережье вверхъ по рѣкѣ до самой границы и съ небольшими измѣненіями продолжаются и въ галицкомъ Подоліи,—по мѣрѣ удаленія отъ Днѣстра мы встрѣчаемъ другую разновидность этого племени, выразившуюся опредѣленнѣе въ территоріи надъ Бугомъ.

Итакъ, миновавъ мостъ черезъ Русаву, мы въѣзжаемъ на главную улицу Ямполя, которая изъ конца въ конецъ прорѣзываетъ городъ и его предмѣстья. Не смотря на то, что Ямполь все таки уѣздный городъ, онъ очень невеликъ и скорѣе напоминаетъ хорошее мѣстечко юго-западнаго края. Сперва потянулись по обѣ стороны

улицы опрятныя крестьянскія хаты, окруженныя тѣнистыми садами и огородами и составляющія предмѣстья, затѣмъ идутъ разноцвѣтные домики ямпольскихъ мѣщанъ, желтые, зеленые, голубые, по большей части въ три окна, съ ярко раскрашенными дверями и ставнями; за ними слѣдуютъ помѣщенія уѣздныхъ правительственныхъ учрежденій, жилища мѣстныхъ чиновниковъ, болѣе обширныя, но за то отличающіяся болѣе казенною наружностью. Посреди города расположенъ рынокъ, слишкомъ обширный для такого городка и едва-ли не большій, чѣмъ напримѣръ въ Каменцѣ; на немъ огромный корпусъ каменныхъ лавокъ, расположенныхъ въ видѣ двойнаго квадрата; большая половина лавокъ заперты наглухо, они постоянно въ теченіи цѣлаго года остаются пустыми и бываютъ заняты развѣ во время ярмарки. Въ промежуткахъ между лавками расположился базаръ, также состоящій изъ двухъ частей,— одна почти исключительно занята фруктами и площадь, можно сказать, буквально запружена продуктами мѣстнаго садоводства и огородничества, въ другой производится торговля всевозможными припасами. По обычаю провинціальныхъ городковъ на базарѣ торгуютъ до самаго вечера, но особенное оживленіе бываетъ здѣсь въ базарные дни. Рынокъ окруженъ въ нѣскодько рядовъ еврейскими домами, изъ которыхъ каждый есть въ то же время и «заѣздъ», и лавка или винный погребъ, потому что въ каждомъ чѣмъ нибудь торгуютъ. Эта часть города ничѣмъ не отличается отъ того, что мы привыкли видѣть во всѣхъ подольскихъ городахъ и мѣстечкахъ; дома стоятъ безъ дворовъ, безъ ограды, безъ какихъ-бы то ни было хозяйственныхъ построекъ, просто въ рядъ, въ разстояніи одного-двухъ аршинъ другъ отъ друга, лишь-бы можно было пройти; затѣмъ идетъ узкій, грязный переулокъ, представляющій непроходимые пески или также непроходимое болото, смотря по времени года и состоянію погоды; за нимъ параллельно первому тянется другой и третій рядъ такихъ-же заѣздовъ, съ тою только разницею, что тѣ, которыя выходятъ на площадь и главную улицу, опрятнѣе на видъ, обширнѣе и вообще составляютъ аристократическій еврейскій кварталъ; но чѣмъ дальше въ переулки, тѣмъ наружность ихъ становится менѣе привлекательною, уменьшаются размѣры домовъ, сокращается и разстояніе между ними и вообще дома, выстроенные безъ всякаго опредѣленнаго плана, какъ попало,

гдѣ кому понравилось, принимаютъ все болѣе жалкій, непривлекательный видъ.

Слѣдуя дальше по главной улицѣ, мы замѣчаемъ городское двухклассное училище и домикъ для смотрителя и учителей, обсаженный деревьями; напротивъ—мѣстное полицейское или волостное правленіе, маленькій бѣлый домикъ, кокетливо выглядывающій среди зелени деревьевъ и въ которомъ, какъ бы вы думали, можно слышать игру на фортепіано. Дальше, если не ошибаюсь, идетъ острогъ, затѣмъ начинается предмѣстье и городъ оканчивается, а главная улица превращается въ почтовую дорогу, которая подымается на гору, откуда открывается видъ на цѣлый Ямполь, и тянется дальше по равнинѣ. Дорога эта, кажется, когда-то была вымощена камнемъ, но ее покрываетъ такой толстый слой наноснаго песку, что подъ нимъ трудно и заподозрить мостовую; расчисткою ея время отъ времени занимаются арестанты изъ мѣстной тюрьмы.

Все пространство между закраинами города и берегомъ Днѣстра занято фруктовыми садами, густыми и тѣнистыми. Здѣсь вѣетъ прохладою, пахнетъ дозрѣвающими фруктами; вокругъ такъ тихо, спокойно, не слышно ни человѣческаго, ни звѣринаго голоса; только чириканье воробьевъ, естественныхъ враговъ садовода, одно нарушаетъ тишину, да разнообразное жужжаніе и трескъ всевозможныхъ насѣкомыхъ сливается въ какой-то особенный своеобразный говоръ, словно каждый листъ въ саду заговорилъ. Сады плотно примыкаютъ плетень къ плетню, нѣтъ между ними разстоянія даже для малѣйшей тропиночки, такъ что выйдя въ одномъ концѣ города, нужно пройти нѣсколько верстъ вдоль узкой песчаной береговой полосы и обогнуть всѣ загородные сады, чтобы попасть обратно въ городъ. Больше всего здѣсь разводятся различные сорта сливъ, по преимуществу венгерскихъ и лучшіе сорта грушъ и яблокъ.

Какъ уѣздный городъ, Ямполь очень невеликъ. По статистикѣ 1881 года въ немъ числилось жителей 4,905 душъ, изъ коихъ самое большее число православныхъ, главнымъ образомъ малороссіянъ; затѣмъ слѣдуютъ евреи (1338 ч.) и наконецъ поляки (357 ч.). Въ общемъ числѣ жителей г. Ямполя считается 107 душъ ремесленниковъ, остальное населеніе занимается или земледѣліемъ, или торговлею. Городъ состоитъ изъ 597 деревянныхъ домовъ и 68 каменныхъ; въ немъ существуютъ двѣ православныя церкви, католическій костелъ, часовня на кладбищѣ и три

синагоги; сверхъ того двѣ больницы,—городская на 20 кроватей и тюремная на 12. Если прибавить къ этому разныя правительственныя учрежденія: полицейское управленіе, острогъ, мировой съѣздъ и т. д., то получится настоящій городъ со всѣми аттрибутами. Лишь относительно просвѣщенія Ямполь значительно отсталъ отъ большинства другихъ уѣздныхъ городовъ; здѣсь существуетъ только двухклассное училище и, ужь не говоря о какой нибудь гимназіи, нѣтъ даже книжныхъ магазиновъ, или библіотеки, какъ напримѣръ въ Могилевѣ. Не говоримъ о еврейскихъ школахъ: ихъ здѣсь, какъ и вездѣ, достаточное число, и большинство мѣстныхъ евреевъ умѣютъ читать и писать не только по еврейски, но и по русски. Изъ разговоровъ съ ними не трудно убѣдиться, что средній уровень развитія еврейскаго населенія стоитъ несравненно выше, чѣмъ въ остальной массѣ населенія. Повседневныя ихъ торговыя занятія, частыя передвиженія съ мѣста на мѣсто, иногда на значительное разстояніе, сношенія съ людьми различныхъ классовъ, положенія и образованія развиваютъ въ нихъ наблюдательность и сообразительность, даютъ имъ практическое знаніе жизни и людей, будятъ въ нихъ энергію и предпріимчивость. Благодаря всему этому и особенно своей условной морали, евреи здѣсь, какъ и во всемъ краѣ берутъ рѣшительный перевѣсъ надъ остальнымъ населеніемъ и являются среди его эксплуататорскимъ элементомъ. Вся, напримѣръ, торговля въ Ямполѣ съ его округомъ и почти вся промышленная дѣятельность прямо или косвенно находится въ рукахъ евреевъ. Кромѣ обычной въ городахъ торговли всѣми необходимыми предметами, мануфактурами и т. д., Ямполь ведетъ довольно значительную торговлю лѣсомъ и деревянными издѣліями, главнымъ образомъ изъ ели; все это сплавляется по Днѣстру изъ Галиціи. До недавняго времени сюда же доставлялся весь зерновый хлѣбъ изъ ямпольскаго и ближайшихъ къ нему уѣздовъ, перегружался на галяры и отсюда уже сплавлялся по Днѣстру въ Бендеры, Акерманъ и Маяки къ лиману; такимъ путемъ шла хлѣбнал торговля отъ XVII ст. до недавняго времени, но съ проведеніемъ юго-западной линіи желѣзной дороги она измѣняетъ направленіе. Движеніе по Днѣстру въ значительной степени ослабѣваетъ и Ямполь теряетъ значеніе хлѣбной пристани; теперь хлѣбъ доставляется на ближайшія станціи желѣзной дороги, оттуда уже прямо идетъ въ одесскій

портъ. Впрочемъ доставка сухимъ путемъ обходится слишкомъ дорого и время отъ времени снова всплываютъ проэкты объ улучшеніи воднаго пути.

Мы уже говорили выше, что окрестности Ямполя доставляютъ огромную массу зерноваго хлѣба, главнымъ образомъ пшеницы и кукурузы. Не говоря уже о томъ, что большинство крупныхъ помѣстій такъ или иначе находится въ зависимости отъ евреевъ—одно заложено, другое отдано въ аренду, третье даже продано или досталось еврею за долгъ, ту же участь раздѣляютъ и мелкіе собственники. Крестьяне больше всего разводятъ кукурузу, но вообще извлекаютъ очень мало дохода изъ своихъ надѣловъ; они обыкновенно сѣютъ, а не садятъ кукурузу и во первыхъ расходуютъ на это гораздо больше зерна, чѣмъ нужно, а во вторыхъ непроизводительно затрачиваютъ извѣстную долю труда, потому, что, когда посѣвъ взойдетъ, то нужно пропалывать такъ, чтобы кукуруза росла рядами и чтобы между стеблями было извѣстное разстояніе, примѣрно около четверти аршина; только при этихъ условіяхъ можно разсчитывать на урожай.

Едва окончится первое полотье, какъ подходитъ время платить подушное, различные налоги и недоимки; платить разумѣется нечѣмъ, денегъ нѣтъ и достать ихъ можно только у еврея, и вотъ крестьянинъ продаетъ хлѣбъ на корнѣ за баснословно дешевую цѣну, лишь бы получить деньги впередъ. Но этимъ дѣло не оканчивается: онъ обязанъ еще раза два за лѣто прополоть свой участокъ, собрать, свезти и вымолотить кукурузу и тогда только оканчиваются всѣ его обязательства передъ евреемъ. Случается, что крестьянинъ запродаетъ весь свой посѣвъ, ничего не оставляя для продовольствія своего семейства, и тогда принужденъ покупать обратно у еврея втрое и вчетверо дороже своей цѣны. Такимъ образомъ часть сбора потребляется на мѣстѣ, остальное идетъ по большей части на винокуренные заводы. Намъ говорили, что десятина кукурузы продается обыкновенно около 10—12 рублей, а приноситъ еврею чистой выручки не менѣе 40 руб. Процентъ не дурной за одно лѣто; впрочемъ мнѣ не удалось провѣрить этихъ цифръ.

Послѣ земледѣлія едва-ли не самымъ главнымъ промысломъ является садоводство; фруктовые сады тянутся непрерывною поло-

сою вдоль берега Днѣстра и занимаютъ пространство значительно больше самаго города; разводятся фруктовыя деревья лучшихъ сортовъ и обиліе плодовъ изумительно; деревья буквально гнутся подъ тяжестью огромныхъ грушъ и яблокъ, сливъ, абрикосовъ и вѣтки не могутъ безъ подпорокъ выдержать ихъ тяжести. Садоводствомъ занимается христіанское населеніе города, но мы не знаемъ, вполнѣ-ли свободенъ этотъ промыселъ и не находится-ли онъ въ какой-нибудь зависимости отъ мѣстныхъ евреевъ. По крайней мѣрѣ на базарѣ торгуютъ большею частью еврейки, хотя нужно замѣтить, что дешевизна этого продукта равняется его обилію и превосходному качеству. Кромѣ потребленія на мѣстѣ, въ Ямполѣ, также какъ и въ другихъ городахъ и мѣстечкахъ Поднѣстровья, заготовляются въ большомъ количествѣ сухіе фрукты и въ такомъ видѣ составляютъ предметъ вывозной торговли. Близость города Сорокъ, одного изъ главнѣйшихъ центровъ винодѣлія на бессарабскомъ берегу, отразилась до нѣкоторой степени и на промышленности Ямполя. Горы, со всѣхъ сторонъ окружающія Ямполь, особенно южные ихъ склоны, покрыты обширными виноградниками, ежегодно доставляющими среднимъ числомъ около 5,000 ведеръ очень порядочнаго бессарабскаго вина трехъ или четырехъ сортовъ, которое выдѣлывается на мѣстѣ и расходится по уѣзду. Наконецъ, въ городѣ существуетъ еще пивной заводъ съ среднимъ оборотомъ около 1,500 р. въ годъ.

Говоря о Ямполѣ, нельзя не упомянуть о необыкновенной его патріархальности и необыкновенной дешевизнѣ въ немъ жизни. Здѣшніе евреи почти всю свою жизнь проводятъ на улицѣ и имъ извѣстна вся подноготная всѣхъ остальныхъ обывателей; такое-же вниманіе распространяется ими и на пріѣзжаго человѣка, случайно остановившагося въ городѣ. Что касается дешевизны жизни, бросающейся въ глаза въ подольскихъ вообще, а въ особенности въ приднѣстровскихъ городахъ, то Ямполь въ этомъ отношеніи превосходитъ, кажется, всѣ прочіе города. За лучшій номеръ въ лучшемъ заѣздѣ спрашиваютъ 30 коп. въ сутки, а кто умѣетъ торговаться, вѣроятно, можетъ получить вполовину дешевле. Такія-же минимальныя цѣны стоятъ и на все; предметы первой необходимости, состоящіе изъ мѣстныхъ продуктовъ и произведеній, достаются здѣсь чуть не даромъ; просто недоумѣваешь, какую выгоду

могутъ извлечь изъ своихъ промысловъ мѣстные жители при такой продажѣ за безцѣнокъ.

Ямполь принадлежитъ къ числу старыхъ подольскихъ городовъ, но этого нельзя подумать, глядя на него теперь. Другіе города и мѣстечки, даже возникшіе позже Ямполя, носятъ на себѣ извѣстный отпечатокъ старины въ архитектурѣ и распланировкѣ домовъ, извѣстныя характерныя особенности въ этнографическомъ типѣ населенія и т. д., между тѣмъ какъ Ямполь самый обыкновенный современный уѣздный городокъ, только выстроенный по особому своеобразному плану прошлаго столѣтія.

Когда и кѣмъ именно основанъ Ямполь, объ этомъ мы не находимъ точныхъ свѣдѣній ни въ литовско-русскихъ, ни въ польскихъ источникахъ; извѣстно только, что въ XV столѣтіи это былъ одинъ изъ важнѣйшихъ укрѣпленныхъ центровъ края, а въ началѣ XVI ст. это было мѣстечко, производившее значительные торговые обороты. Въ силу установленныхъ въ то время экономическихъ распорядковъ въ владѣніяхъ Рѣчи-Посполитой мѣстечки и города или основывались кѣмъ либо изъ магнатовъ на пожалованной имъ территоріи, или получались въ даръ отъ короля, или же пріобрѣтались путемъ купли, наслѣдства и т. п. Въ качествѣ собственности мѣстечко приносило опредѣленный доходъ своему владѣльцу въ видѣ сбора пошлинъ со всѣхъ отраслей торговли, за что пользолось отъ него извѣстными правами и привилегіями относительно самоуправленія. Ямполю пришлось испытать почти всѣ переходы частнаго владѣнія. Сперва мѣстечко принадлежало роду Замойскихъ, затѣмъ въ качествѣ вѣна одной изъ Замойскихъ, Варвары, дочери короннаго канцлера, перешло въ родъ Конецпольскихъ; а съ половины XVII вѣка Ямполь то освобождался на время отъ своего владѣльца и становился козацкимъ городомъ, если козакамъ удавалось взять верхъ надъ поляками, то, при упадкѣ козачества, снова поступалъ въ собственность того или другаго польскаго пана [1]).

Въ возстаніи 1648 года, подольскіе города одни изъ первыхъ, какъ извѣстно, откликнулись на призывъ Хмельницкаго и примкнули къ народному движенію; Ямполь не отсталъ тогда отъ другихъ, если только самъ не подалъ примѣръ всѣмъ остальнымъ,

---

[1]) Słownik geograficzny Krolestwa Polskiego. Warszawa, t. III, str. 394.

освободившись отъ власти своего владѣльца и доставивши посильный контингентъ для козацкаго войска. Въ первые годы возстанія онъ былъ для Подоліи однимъ изъ главныхъ центровъ, куда стекались всѣ желавшіе принять участіе въ борьбѣ съ враждебнымъ польско-шляхетскимъ элементомъ; здѣсь желающіе свободно могли вписываться въ реестры козацкаго войска; здѣсь каждый могъ съ полною безопасностью укрывать свои семьи и имущества [1]). Когда состоялась окончательно организація козацкихъ полковъ, Ямполь послѣ Зборовскаго договора былъ назначенъ сотеннымъ городомъ брацлавскаго полка, и такимъ образомъ былъ причисленъ къ Украинѣ, составляя самый крайній по Днѣстру пунктъ своего полка [2]).

Съ первыхъ же лѣтъ козаччины начинается для этого города цѣлый рядъ несчастій; прежде всего пришлось ему пострадать во время извѣстнаго сватовства Тимофея Хмельницкаго, иначе говоря во время молдавскихъ походовъ его отца. Въ продолженіи этого сватовства, длившагося почти три года и равно несчастнаго для Молдавіи, какъ и для Украйны, Ямполь не разъ видѣлъ у себя попеременно то козацкія, то польскія войска и не разъ испытывалъ всю тяжесть подобныхъ посѣщеній. Этими посѣщеніями онъ больше всего обязанъ былъ, кажется, весьма удобной переправѣ на Днѣстрѣ, которая и по нынѣ считается одною изъ лучшихъ въ Побережьи.

17 сентября 1650 года, Богданъ Хмельницкій, возвращаясь изъ перваго молдавскаго похода, вмѣстѣ съ своимъ сыномъ и въ сопровожденіи большаго войска, состоявшаго изъ 20,000 татаръ и 16,000 козаковъ, переправился противъ Ямполя черезъ Днѣстръ и расположился лагеремъ вокругъ города въ ожиданіи исхода переговоровъ о сватовствѣ сына. Если принять во вниманіе, что во время военнаго постоя войска всѣхъ временъ и народовъ не имѣютъ обыкновенія стѣсняться съ туземцами, хотя-бы даже и своими соотечественниками, а орда меньше, чѣмъ кто-бы то ни было, то можно

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Акты южн. и зап. Россіи, т. III, стр. 445; Максимовичъ, Собр. сочин. т. I, стр. 693.

[3]) Акты южн. и зап. Россіи, т. III, стр. 453.

съ нѣкоторымъ основаніемъ догадываться, что подобные гости не много удовольствія доставили ямпольскимъ обывателямъ.

Особенно тяжкая участь постигла ямпольцевъ въ слѣдующемъ 1651 году, роковомъ и для всего козачества. Въ февралѣ этого года готовился новый походъ въ Молдавію: Василій Лупулъ, разсчитывая на защиту и содѣйствіе со стороны поляковъ, по прежнему медлилъ съ выдачею дочери и подъ различными предлогами отклонялъ сватовство Хмельницкаго, пока гетманъ наконецъ рѣшился самъ, съ довольно значительною вооруженною силою, вести жениха къ невѣстѣ.

Между тѣмъ, пока тянулось это несчастное сватовство, поляки успѣли снова водвориться на Украйнѣ, такъ какъ въ силу Зборовскаго договора польскимъ войскамъ разрѣшено было квартировать въ воеводствѣ подольскомъ. Всѣ города подчинились безпрекословно гетманскому универсалу, но польскіе жолнеры «на квартирахъ не людско и немилосердо поступая, утѣсняли зѣло убогихъ людей податми и мордерствомъ разнымъ тайно и явно, отъ чего было слышно въ народѣ воздиханіе и горе, а ропотаніе на Хмелницкого, по изгнаніи ляховъ изъ Украины паки имъ Украину въ неволю попустившаго» [1]). Поэтому, при первомъ извѣстіи о предполагавшейся войнѣ, вся Украйна снова поднялась противъ польскихъ пановъ, не разузнавши даже, какъ слѣдуетъ, противъ кого именно предпринимается походъ. Возстаніе началось съ подольской земли и прежде другихъ пришлось расплатиться за него брацлавскому полку. Сперва польскія войска заняли нѣсколько сѣверныхъ городовъ и мѣстечекъ: Красное, Шаргородъ, Мурахву и др., но вскорѣ дошла очередь и до Ямполя. Въ это самое время въ мѣстечкѣ случилась ярмарка, на которую съѣхалось изъ разныхъ мѣстъ множество народа—купцовъ съ богатыми товарами и покупателей съ болѣе или менѣе значительными капиталами. Въ ночь съ 5 на 6 марта 1651 года брацлавскій воевода Лянцкоронскій съ двумя полками, по порученію польнаго гетмана Калиновскаго, неожиданно ворвались въ Ямполь, захвативъ жителей въ расплохъ и принялись грабить, жечь и убивать все, что попадалось подъ руку. Жители въ страхѣ и не думали о защитѣ или со-

---

[1]) Лѣтоп. Самовидца, стр. 233—234.

противленіи, бросали все и бѣжали къ рѣкѣ, въ надеждѣ перебраться на противуположный берегъ и тамъ искать спасенія. На Днѣстрѣ столпилось такое множество людей, что ледъ не выдержалъ, обломился подъ ихъ тяжестью и всѣ бывшіе на немъ погибли въ водѣ. Поляки окружили мѣстечко и принялись грабить все, что могли, а когда нечего уже было брать, сожгли мѣстечко и вырѣзали всѣхъ жителей поголовно, такъ что, по словамъ лѣтописца, не осталось въ немъ ни одной живой души[1]). По свидѣтельству Коховскаго въ эту ночь погибло въ Ямполѣ до 10,000 человѣкъ[2]), какъ мѣстныхъ жителей, такъ и пріѣзжихъ.

Городъ однако отъ этого не опустѣлъ, но быстро заселился вновь и уже въ слѣдующемъ 1652 году, когда Богданъ Хмельницкій въ третій разъ отправлялся съ сыномъ въ Молдавію и поляки заступили имъ дорогу, то разбившій ихъ на голову Тимошъ Хмельницкій, послѣ битвы на Батогѣ, съ отрядомъ своихъ козаковъ направился къ Днѣстру и расположился въ Ямполѣ, въ ожиданіи переправы на румынскій берегъ, а прежде всего заложниковъ отъ нареченнаго тестя Лупула. На этотъ разъ сватовство состоялось и молодой Хмельницкій наконецъ женился. Ямпольцамъ довелось быть свидѣтелями необычнаго выступленія жениха въ Молдавію, а вскорѣ увидѣть и обратное шествіе новобрачнаго. Когда затѣмъ злополучный Лупулъ былъ свергнутъ съ престола и вмѣстѣ съ пришедшимъ на выручку его зятемъ разбитъ соединенными войсками трансильванцевъ и волоховъ, оба они укрылись въ Ямполѣ, гдѣ ожидалъ ихъ полковникъ Носачъ съ отрядомъ изъ 16,000 козаковъ и 1,500 татаръ, высланный старымъ гетманомъ на помощь сыну. Изъ случайной замѣтки одного мемуариста мы узнаемъ, что Ямполь въ это время имѣлъ замокъ на горѣ, неизвѣстно когда и кѣмъ построенный, и вообще считался хорошо укрѣпленнымъ мѣстечкомъ[3]).

Но погромомъ 1651 года и послѣдовавшими за нимъ военными постоями не исчерпывается еще рядъ бѣдствій, какія выпали на

---

[1]) Дневникъ Освѣцима, „Кіевск. Стар." 1882 г. февраль; Богд. Хмельницкій, т. II, стр. 294—295.

[2]) Baliń. i Lipińsk., Starożyt. Polska, str. 1348.

[3]) Staroż. Polsk., st. 1349 г. (на основаніи записокъ Альбрехта Радзивилла).

долю Ямполя съ прилегавшимъ къ нему округомъ. Къ концу гетманства Хмельницкаго замѣчается рѣшительный поворотъ въ направленіи внѣшней его политики: прежніе враги становятся союзниками, союзники врагами и хотя перемѣна эта продолжалась не долго, но все-же она отразилась до извѣстной степени на судьбѣ не только цѣлаго края, но даже отдѣльныхъ областей. Въ 1654 году произошло подчиненіе Украйны обоихъ береговъ московскому государю и, какъ результатъ сего, послѣдовали извѣстныя польско-московскія войны, въ которыхъ приняли участіе и нѣкоторыя сосѣднія государства. Въ то время, какъ козацкія войска вмѣстѣ съ венгерскими опустошали коренныя польскія земли, крымская орда отправилась на помощь полякамъ сперва черезъ Молдавію, затѣмъ, когда венгры и шведы были отражены и козаки отступили съ большою добычею въ предѣлы Украйны, татары бросились вслѣдъ за ними и распустили свои загоны во всѣ стороны. Одинъ изъ этихъ загоновъ, опустошавшій Поднѣстровье, въ началѣ 1657 года разграбилъ Ямполь и вырѣзалъ все населеніе города [1]).

Затѣмъ въ продолженіе десяти лѣтъ мы не встрѣчаемъ въ источникахъ прямыхъ извѣстій о судьбѣ этого города, хотя можно съ достовѣрностью предположить, что, заселяясь, онъ долженъ былъ мало по-малу раздѣлять общую судьбу всѣхъ приднѣстровскихъ поселеній, т. е. участвовать во всѣхъ народныхъ движеніяхъ и доставлять для нихъ посильный военный контингентъ. За это время территорія брацлавскаго полка нѣсколько сократилась: отъ него отдѣлились всѣ поднѣстрянскія поселенія, въ томъ числѣ и ямпольская сотня, которыя и составили новый полкъ могилевскій, носившій также названіе подольскаго и поднѣстрянскаго.

Послѣ упорной десятилѣтней войны между польскимъ и московскимъ государствами за обладаніе Украйною, кончившейся андрусовскимъ договоромъ 1667 г. и раздѣленіемъ по нему Украйны на двѣ части подъ верховною властью двухъ разныхъ правительствъ, начались дорого стоившія странѣ усилія гетмана Дорошенка объединить обѣ половины Украйны подъ верховною властью Россіи, которыя въ концѣ концовъ заставили его подчинить правобереж-

[1]) Акты южн. и зап. Рос., IV, 50 и XI, 712.

ную Украйну протекторату турокъ и втянуть ихъ въ войну съ Польшею. Предполагалось начать походъ съ изгнанія поляковъ изъ подольскихъ городовъ, а затѣмъ и изъ цѣлаго края, и уже въ концѣ 1672 года или въ началѣ слѣдующаго турки для переправы на подольскій берегъ своихъ войскъ строили у Ямполя мостъ на Днѣстрѣ [1]), чему могли способствовать находящіяся вблизи города гранитныя скалы, преграждающія русло рѣки на самомъ незначительномъ разстояніи между собою.

Первый походъ турокъ, въ которомъ участвовалъ и Дорошенко со своими полками, окончился, какъ извѣстно, взятіемъ Каменца, осадою Львова и унизительнымъ для Рѣчи-Посполитой бучачскимъ договоромъ. Овладѣвши Подоліей, турки осѣлись въ лучшей ея части, въ Приднѣстровьи, и на томъ успокоились, не пытаясь даже распространить своего господства на Волынь или Кіевщину, а предоставили Дорошенку устраиваться въ краѣ, какъ самъ знаетъ. Около двадцати семи лѣтъ продолжалось господство турокъ въ Подоліи; главнымъ центромъ ихъ была столица области Каменецъ, но сверхъ того въ ихъ-же рукахъ находились и семь днѣстровскихъ бродовъ, т. е. главнѣйшія переправы черезъ Днѣстръ, въ томъ числѣ разумѣется и Ямполь, и всѣ сколько нибудь значительные города и мѣстечки въ бассейнѣ Днѣстра.

Теперь наступаетъ самый тяжелый въ жизни южной Руси періодъ, сохранившій въ народной памяти названіе *руины*. Въ теченіе этого періода мы имѣемъ очень мало указаній, прямо относящихся къ Ямполю, но несомнѣнно, что городъ этотъ подвергался всѣмъ превратностямъ судьбы и раздѣлялъ общую участь всѣхъ приднѣстровскихъ, брацлавскихъ и вообще подольскихъ поселеній. Время турецкаго господства характеризуется непрерывною борьбою за обладаніе Украйною; борьба велась въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ, но всегда съ одинаковымъ упорствомъ съ обѣихъ сторонъ. Почти каждый годъ турки предпринимаютъ набѣгъ на ту или другую область, въ которой еще удержались поляки, и тутъ истребляютъ все, что только попадется подъ руки: грабятъ и выжигаютъ города и села, уводятъ въ плѣнъ населеніе

---

[1]) Акты южн. и зап. Рос., XI, 250.

цѣлыхъ областей и наполняютъ ими свои неволничьи рынки, съ другихъ собираютъ дань дѣтьми и т. д.[1]).

Въ свою очередь поляки напрягали всѣ усилія, чтобы отвоевать обратно прежнія владѣнія, въ особенности когда-то славившіеся богатствомъ торговые приднѣстровскіе города. Въ большинствѣ случаевъ перевѣсъ бывалъ на сторонѣ турокъ и, хотя польскіе отряды появлялись по временамъ на территоріи брацлавскаго и подольскаго полковъ, но набѣги ихъ ограничивались по большей части сѣверными окраинами этихъ полковъ; имъ очень рѣдко удавалось проникнуть въ лежащіе по Днѣстру города, которые особенно тщательно охранялись турками. Только въ 1675 г. Собѣскій проникъ дальше въ Брацлавщину, причемъ подольскій полковникъ Евстафій Гоголь сдалъ безъ сопротивленія всѣ города, остававшіеся еще въ его власти, за что былъ назначенъ гетманомъ съ польской стороны. Впрочемъ поляки въ слѣдующемъ году были изгнаны изъ Подоліи и занятые ими города снова отошли во власть турокъ. При каждомъ вторженіи какъ турецкихъ, такъ и польскихъ отрядовъ жители огромными массами бѣгутъ за Днѣпръ. Опустѣли не только села, но и города и мѣстечки, въ цѣлыхъ округахъ нельзя было найти ни одного населеннаго пункта. Особенно крупное переселеніе случилось въ 1674 году, когда многіе жители брацлавскаго и другихъ полковъ со всѣмъ своимъ имуществомъ выселились за Днѣпръ въ степи по р. Орели; многія села переносили даже свои церкви и на новомъ мѣстѣ удерживали свои прежнія названія. Если прибавить ко всѣмъ невзгодамъ постоянной войны безграничный произволъ и всевозможныя насилія борющихся противниковъ надъ личностью и имуществомъ туземцевъ, въ видѣ-ли разоренія церквей и монастырей, обращенія ихъ въ костелы, оскорбленія духовенства и насильственнаго введенія уніи со стороны поляковъ, или-же въ видѣ тяжело ложившихся на мѣстное населеніе различныхъ налоговъ, военныхъ поборовъ и контрибуцій со стороны турокъ, то получится довольно полная картина внутренняго состоянія цѣлаго края и отчасти занимающаго насъ города.

Правда, при турецкомъ господствѣ личная и имущественная безопасность обезпечены были нѣсколько болѣе, чѣмъ во время

---

[1]) В. Б. Антоновичъ, Послѣднія времена козачества, стр. 11—12.

господства поляковъ, по крайней мѣрѣ случаи произвола или насилія надъ мѣстнымъ населеніемъ со стороны турецкихъ правителей не вытекали изъ общей системы и не санкціонировались законодательными кодексами или сеймовыми конституціями, какъ это дѣлалось въ Рѣчи Посполитой; къ тому-же, турки, какъ можно судить по нѣкоторымъ остаткамъ ихъ владычества здѣсь, въ видѣ напр. крѣпостей, шоссейныхъ дорогъ, мостовыхъ, очень прочно отдѣланныхъ колодцевъ и прекрасныхъ фруктовыхъ садовъ, прилагали нѣсколько большее попеченіе о благосостояніи края, чѣмъ современное польское общество, умѣвшее въ русскихъ земляхъ только разрушать, и если-бы имъ удалось на долго осѣсться въ Подоліи и вытѣснить изъ него шляхту, то несомнѣнно, что турецкое господство было-бы изъ двухъ золъ меньшее. Но турки не умѣли или не хотѣли этого сдѣлать, а поляки въ свою очередь не хотѣли отказаться отъ своихъ притязаній, стоившихъ имъ такъ дорого, и всѣ усилія противниковъ сводились лишь къ тому, чтобы по возможности истребить и разорить все то, что могло-бы еще пригодиться сопернику, а это усугубляло бѣдствія страны.

Что касается собственно Ямполя, то во все продолженіе того бурнаго періода, который начинается 1648 годомъ и оканчивается карловицкимъ трактатомъ, этому городу пришлось испытать столько погромовъ, разореній, пожаровъ и т. д. со стороны всевозможныхъ друзей и враговъ, какъ весьма немногимъ подольскимъ городамъ. Этимъ и объясняется то обстоятельство, что Ямполь можетъ быть единственный городъ юго-западнаго края, въ которомъ повидимому не сохранилось никакихъ остатковъ старины; самый планъ его, совершенно своеобразный, мало напоминаетъ общій типъ городовъ этого края и ни въ архитектурномъ типѣ, ни въ этнографическихъ особенностяхъ современнаго населенія нельзя уловить никакихъ признаковъ польскаго или турецкаго вліянія, или болѣе или менѣе продолжительнаго пребыванія иностранныхъ торговыхъ колоній— грековъ, армянъ, румынъ, караимовъ и др., какъ это мы видимъ повсюду въ другихъ подольскихъ городахъ и мѣстечкахъ. Если и можно въ чемъ нибудь подозрѣвать здѣсь остатокъ старины, то развѣ только въ прекрасныхъ тѣнистыхъ садахъ и виноградникахъ, раскинувшихся на протяженіи многихъ верстъ по берегу Днѣстра.

Послѣ паденія Дорошенка турецкое правительство въ 1681 году отдаетъ молдавскому господарю Александру въ управленіе всю область между Днѣстромъ и Днѣпромъ съ обязательствомъ доставлять, сколько окажется возможнымъ, вспомогательнаго войска. Но страна оказалась до такой степени опустѣвшей и разоренной, что нечего было и думать о какомъ-бы то ни было наборѣ военныхъ контингентовъ, и господарь былъ первымъ гетманомъ, который занялся колонизаціею ввѣренной ему области. Онъ перезываетъ обратно на слободы прежнихъ жителей, пытается возстановить старые козацкіе полки, совершенно исчезнувшіе къ этому времени, но организаторская дѣятельность его была прервана въ самомъ началѣ вмѣстѣ съ прекращеніемъ его кратковременнаго гетманства [1]).

Хотя вскорѣ турки, въ силу карловицкаго трактата 1699 г., очистили Подолію и мѣсто ихъ заняли прежніе польскіе паны; но положеніе края отъ такой перемѣны не измѣнилось къ лучшему. Поляки немедленно возстановили въ немъ всѣ прежнія формы общественнаго устройства, примѣнили къ нему прежніе пріемы внутренней политики, основанные на крѣпостничествѣ и эксплуатаціи крестьянской массы, а возвратившееся къ своимъ парафіямъ католическое и уніатское духовенство никакъ не могло мириться съ понятіемъ о свободѣ совѣсти для православнаго населенія, которою послѣднее пользовалось во время турецкаго господства.

Вслѣдъ за удаленіемъ турокъ изъ Подоліи издается цѣлый рядъ сеймовыхъ конституцій, направленныхъ къ уничтоженію религіозныхъ и общественныхъ правъ кореннаго православнаго населенія: 1) православнымъ, наравнѣ съ евреями, запрещалось жить въ столицѣ Подоліи Каменцѣ; 2) только уніаты (разумѣется и католики) допускались къ занятію выборныхъ магистратскихъ должностей въ городахъ; 3) по прежнему, нынѣ возстановленному закону, одни уніатскія церкви и духовенство были свободны отъ постоя и всевозможныхъ воинскихъ повинностей; 4) наконецъ вся Подолія была изъята изъ вѣдомства кіевской православной митрополіи и подчинена львовскому уніатскому епископу [2]).

---

[1]) Послѣднія врем. козач., стр. 31.—„Кіевск. Стар.“ 1887 г., кн. II, стр, 369—370.

[2]) Послѣд. врем. козач., стр, 117.

Въ тоже время помѣщики, возвращаясь въ свои имѣнія и находя ихъ опустошенными и обезлюдѣвшими, хотя и давали для привлеченія поселенцевъ льготы, но никогда не думали выполнять ихъ на дѣлѣ даже до истеченія льготнаго срока, а между тѣмъ крѣпостное право, фактически прерванное турецкимъ господствомъ, не могло, по крайней мѣрѣ въ короткое время, привиться вновь послѣ довольно продолжительнаго перерыва въ цѣлое поколѣніе; въ народѣ сохранились еще въ значительной степени старые инстинкты свободы и независимости; поэтому крестьяне постоянно переходятъ отъ одного пана къ другому, отыскивая лучшія и болѣе льготныя мѣста или уходятъ обратно за Днѣпръ и въ Молдавію. Особенно сильную поддержку оказало имъ въ этомъ по особому обстоятельству возрождавшееся вновь украинское козачество.

Еще раньше оставленія края турками, король Янъ Собѣскій, нуждавшійся въ козацкомъ войскѣ для болѣе успѣшной войны съ турками, сталъ раздавать съ 1685 года «приповѣдные листы» [1]), уполномочивавшіе опытныхъ въ военномъ дѣлѣ людей формировать козацкіе полки на Украйнѣ. Такими были между прочими новоназначенные полковники: Самусь, Искра, Палій и Абазинъ, вѣроятно выходецъ изъ Молдавіи. Для насъ интересенъ послѣдній, появившійся около 1690 г. и занявшійся возстановленіемъ подольскаго полка, который на этотъ разъ занялъ сперва всю территорію бывшаго брацлавскаго полка, а вскорѣ охватилъ и все побережье Днѣстра, гдѣ нѣсколько раньше, еще до удаленія турокъ изъ Подоліи, началась такая же колонизація. Въ то время, какъ жители Подоліи ищутъ свободы и безопасности по ту сторону Днѣстра, мѣсто ихъ занимаютъ выходцы изъ Молдавіи, спасавшіеся отъ закрѣпощенія на своей родинѣ; они селятся въ ближайшихъ мѣстностяхъ къ Днѣстру и образуютъ козацкіе отряды подъ названіями ротъ, сотень и т. д. [2]). Послѣ 1690 года всѣ эти новыя козацкія поселенія подчиняются Абазину и Побережье снова входитъ въ составъ подольскаго полка на всемъ протяженіи, примѣрно отъ Могилева до впаденія Ягорлыка въ Днѣстръ, признавая надъ собою власть нозо-

---

[1]) Грамота, выданная королемъ избранному имъ офицеру и поручавшая ему навербовать извѣстный отрядъ войска.

[2]) В. Б. Антоновичъ. Послѣд. врем. козач., стр. 61.

поставленнаго гетмана Самуся. Съ этого времени Ямполь также входитъ въ составъ этого новаго полка и раздѣляетъ его судьбу; жители его участвуютъ въ общихъ козацкихъ походахъ и возстаніяхъ, и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ не встрѣтится прямыхъ указаній на нихъ, мы будемъ просто слѣдить за судьбою ближайшихъ центровъ Побережья.

При указанныхъ нами условіяхъ внутренняго состоянія края не удивительно, что въ самомъ непродолжительномъ времени послѣ карловицкаго договора, именно въ 1702 году, вспыхнула въ народѣ реакція противъ возстановленія прежнихъ польскихъ порядковъ. Въ различныхъ мѣстностяхъ начинаются среди крестьянской массы волненія, постепенно захватывающія все большій и большій районъ, мало по малу они привлекаютъ къ себѣ и другіе классы народонаселенія и наконецъ принимаютъ характеръ открытыхъ возстаній, возникающихъ одновременно и въ южной полосѣ подольской земли, на территоріи бывшихъ полковъ могилевскаго и подольскаго, и въ Брацлавщинѣ и Кіевщинѣ.

Разладъ между правительствомъ и козацкимъ сословіемъ начинается тотчасъ по удаленіи турокъ. 20 августа 1699 г. данъ былъ наказному гетману Самусю и всѣмъ полковникамъ универсалъ, которымъ предписывалось очистить занятыя ими квартиры, распустить и совершенно упразднить козацкіе полки. Всѣ предводители козацкіе, въ томъ числѣ и подольскій Абазинъ, съѣхались на совѣщаніе къ Палію въ Фастовъ, объявили крестьянамъ вѣчныя «слободы» и освобожденіе отъ крѣпостной зависимости [1]) и занялись немедленно организаціею правильнаго отпора полякамъ. Возстаніе началось съ мѣстностей, подвластныхъ Палію, но уже въ 1702 г., воспользовавшись тѣмъ, что вниманіе правительства было отвлечено войною съ шведами, а дворяне также послали въ походъ свои ополченія, народъ поднялся по всей Украйнѣ, какъ одинъ человѣкъ. Особенно сильное возстаніе обнаружилось среди крестьянъ на территоріи подольскаго полка и вскорѣ достигло такихъ размѣровъ, что не на шутку встревожило мѣстную шляхту. Въ іюнѣ этого года сеймикъ подольскаго воеводства предписываетъ помѣщикамъ и ихъ управляющимъ, экономамъ, аренда-

---

[1]) В. Б. Антоновичъ. Послѣдн. врем. козачества, стр. 112—121.

торамъ слѣдить за броженіемъ умовъ среди подвластныхъ имъ крестьянъ, ловить и задерживать всѣхъ, на кого можетъ пасть подозрѣніе въ бунтѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ сеймикъ доводитъ до свѣдѣнія короннаго гетмана, что на Подоліи начинаютъ появляться отряды «левенцевъ» (гайдамакъ), и проситъ защиты отъ нихъ. Волненіе между тѣмъ усиливается со дня на день, все чаще и чаще происходятъ случаи нападенія гайдамакъ на панскіе дворы и раздаются требованія, чтобы шляхта подчинилась громадскому суду, т. е. отказалась отъ своихъ сословныхъ привилегій и т. д.

Мѣсяцъ спустя дворяне уже вторично собираются на новый сеймикъ и на этотъ разъ, убѣдившись, что на содѣйствіе правительства нечего разсчитывать, рѣшаются съ своей стороны принять болѣе энергичныя мѣры, а именно: составить посполитое рушеніе, уничтожить всѣ льготныя условія слободъ, уцѣлѣвшія еще кое-гдѣ, и ввести повсемѣстно одинаково стѣснительныя для народа условія, чтобы такимъ путемъ устранить возможность выбора и тѣмъ самымъ успокоить крестьянскіе умы [1]). Разумѣется, мѣра эта привела къ совершенно противоположнымъ результатамъ. Въ самомъ непродолжительномъ времени, именно въ началѣ сентября 1702 г. Самусь призываетъ къ оружію крестьянъ наравнѣ съ козацкими отрядами, разсѣянными по цѣлому Подолью и Поднѣстровью, и сборнымъ пунктомъ для нихъ назначаетъ свой лагерь подъ Бѣлою-Церковью. Изъ частнаго письма гетмана мы узнаемъ, что къ этому времени въ приднѣстровскихъ городахъ находилось нѣсколько старшинъ козацкихъ, которымъ онъ и поручаетъ руководить возстаніемъ. Въ Ямполѣ такимъ довѣреннымъ лицемъ былъ Стефанъ Рынгашъ, вѣроятно румынъ по происхожденію [2]).

Народная масса ждала только призыва со стороны гетмана и тотчасъ-же отозвалась на него: «огромныя толпы хлоповъ покидали города, села, свои домы, собирались съ дѣтьми, женами, имуществомъ и скотиною, иногда зажигали свои жилища и безчисленными таборами стремились въ козацкій лагерь». Здѣсь начальники отбирали людей, способныхъ къ оружію, и формировали полки [3]). Въ лагерь Самуся стекались не только козаки

---

[1]) В. Б. Антоновичъ. Послѣдн. врем. козачества, стр. 131—132.

[2]) Арх. юго зап. Рос., III, т. II, стр. 561.

[3]) Посл. врем. коз., стр. 121.

и крестьяне изъ цѣлаго Поднѣстровья, но даже въ значительномъ количествѣ молдаване изъ-за Днѣстра. Жители Ямполя не отставали отъ общаго движенія и приняли въ немъ посильное участіе. Во многихъ городахъ и мѣстечкахъ инициативу возстанія брали на себя мѣстные осадчіе. Одинъ изъ нихъ, Бѣлецкій, поднялъ крестьянъ въ Побережьи на всемъ пространствѣ отъ Ягорлыка до самаго Китай-города и принялъ надъ ними начальство подъ именемъ полковника Шпака. Его власть надъ собою признавалъ Ямполь, прочіе поднѣстрянскіе города пристали къ другимъ вождямъ; подольскій полкъ дробится все больше и больше и къ концу года число такихъ мелкихъ полковниковъ сильно возрастаетъ.

Остальная часть народонаселенія—мѣщане и тѣ изъ крестьянъ, которые по чему либо не могли оставить своего мѣста жительства, обратились къ гетману съ просьбою о присылкѣ къ нимъ козацкихъ отрядовъ для изгнанія польскихъ властей и о принятіи ихъ подъ свое покровительство. Съ такою просьбою явились къ гетману депутаціи изъ Побережья и Брацлавщины; по ихъ приглашенію туда отправился со своимъ отрядомъ пасынокъ Палія Семашко, и пока Абазинъ съ подольскими козаками принималъ участіе въ осадѣ Бѣлой-Церкви, взятіи Бердичева и Немирова, поднѣстрянскія поселенія отъ Студеницы до Ямполя включительно успѣли съ помощью избранныхъ ими самими полковниковъ, Шпака, Скорича, Дубины и др. освободиться изъ-подъ власти своихъ пановъ и примкнуть къ козачеству. Въ самомъ непродолжительномъ времени около двадцати волостей въ Побережьи подчинились Семашку, который тотчасъ-же перебилъ арендаторовъ евреевъ, изгналъ пановъ изъ края, а имѣнія ихъ приписалъ къ территоріи бѣлоцерковскаго полка [1]).

Чѣмъ дальше впередъ, тѣмъ возстаніе принимало все болѣе и болѣе грозный характеръ, а между тѣмъ администрація подольскаго воеводства не въ состояніи была оказать ни малѣйшаго сопротивленія расходившейся народной массѣ: не было наличнаго войска, не было и средствъ для его найма, а помѣщики, оставшись почти безъ крестьянъ, тѣмъ самымъ лишены были возможности со-

[1]) Посл. врем. коз., стр. 123, 134.

ставить сколько нибудь значительное ополченіе. Дѣйствительно, посполитое рушеніе подольскаго воеводства въ 1702 году едва превышало 400 человѣкъ. Поэтому полякамъ и евреямъ, лишеннымъ всѣхъ средствъ для обороны, оставалось только бѣжать изъ края; одни въ огромномъ количествѣ оставляютъ свои жилища и выселяются въ хорошо защищенное волынское воеводство и еще дальше, въ предѣлы нынѣшней Галиціи; другіе искали спасенія въ хорошо укрѣпленныхъ городахъ, какъ, напримѣръ, Каменцѣ, Немировѣ и пр., такъ что послѣ избіенія шляхты въ Могилевѣ, въ прочихъ поднѣстрянскихъ городахъ и мѣстечкахъ, въ томъ числѣ и въ Ямполѣ, не осталось ни одной польской или еврейской души. Изрѣдка только, кое-гдѣ въ глухихъ селахъ, удержались еще нѣсколько шляхтичей, но за то села эти остались почти безъ крестьянъ; множество документовъ, относящихся къ 1702 году, носятъ замѣтку: данъ въ опустѣвшемъ или безлюдномъ селѣ такомъ-то.

Какъ однако ни велико было количество возставшихъ крестьянъ, но, группируясь мелкими отрядами и дѣйствуя въ раздробь, они хотя и могли изгнать одного за другимъ всѣхъ пановъ и евреевъ, но сами по своему составу далеко не представляли правильно организованной военной силы. Правда, кромѣ крестьянъ въ краѣ находилось еще до 12,000 козаковъ, но всѣ они разбрелись мелкими отрядами по цѣлой Подоліи и Брацлавщинѣ; образовалось множество мелкихъ полковъ, едва достигавшихъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, и между предводителями ихъ и отдѣльныхъ крестьянскихъ отрядовъ было очень мало солидарности; каждый дѣйствовалъ на свою руку, какъ зналъ и гдѣ хотѣлъ. Наступила зима, крестьяне и козаки расположились по селамъ небольшими кучками на квартиры, разсчитывая отдохнуть до весны и собраться съ силами для новыхъ военныхъ дѣйствій. Это именно время избрано было поляками, какъ самый удобный моментъ для подавленія *бунта*. Имъ удалось, хотя съ большимъ трудомъ, собрать нѣсколько частныхъ ополченій отъ волынскихъ магнатовъ. Принявшій начальство надъ ними польный гетманъ Сенявскій въ началѣ 1703 года явился въ подольскую землю и съ чрезвычайною энергіею занялся истребленіемъ разсѣянныхъ по селамъ козаковъ и крестьянъ, которые не въ состояніи были оказать серьезнаго сопротивленія польскому войску. Пока происхо-

дило взятіе городовъ и поголовное истребленіе жителей въ сѣверной Подоліи и Брацлавщинѣ, южные поднѣстрянскіе полки, не дожидаясь приближенія врага, которому не могли противопоставить надлежащаго отпора, начинаютъ помышлять о своей безопасности и, не теряя времени, цѣлыми массами уходятъ за Днѣстръ. Всѣ полковники уводятъ въ Молдавію своихъ козаковъ, за ними слѣдуетъ осѣдлое населеніе селъ, мѣстечекъ и городовъ; каждый перевозитъ на молдавскій берегъ все свое имущество, а также и то, что удастся захватить изъ панскаго имущества и скота. Въ такихъ размѣрахъ переселеніе могло происходить, разумѣется, не иначе, какъ съ разрѣшенія или, по крайней мѣрѣ, съ молчаливаго согласія молдавскихъ властей. И дѣйствительно, мы встрѣчаемъ въ актахъ неоднократныя жалобы подольскихъ дворянъ на то, что ближайшіе пограничные начальники, перкалабы [1]) сорокскій и хотинскій, сами оказываютъ крестьянамъ содѣйствіе при переходѣ за Днѣстръ. Такъ напримѣръ перкалабъ города Сорокъ, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Ямполемъ (Сороки находятся въ разстояніи около десяти верстъ къ югу отъ Ямполя, на правомъ берегу Днѣстра), захватившии подольскій паромъ, отрѣзалъ полякамъ возможность сообщенія съ Молдавіею, а по ночамъ перевозилъ подолянъ на свой берегъ на этомъ самомъ паромѣ. Не удивительно, что при такомъ содѣйствіи въ самое непродолжительное время все побережье Днѣстра отъ Жванца до Ягорлыка совершенно опустѣло, какъ послѣ татарскаго набѣга [2]).

Сенявскій, ни мало не смущаясь такимъ исчезновеніемъ половины враговъ, задумалъ достойнымъ образомъ отпраздновать легкую побѣду надъ оставшимся безоружнымъ народомъ, и вотъ во всѣхъ сѣверныхъ подольскихъ полкахъ начинается судъ и расправа надъ возставшими. Первымъ казненъ былъ Абазинъ, взятый въ плѣнъ въ Ладыжинѣ, затѣмъ казнили смертью не только всѣхъ захваченныхъ въ плѣнъ козаковъ, но и крестьянъ; вырѣзывали поголовно все населеніе тѣхъ селъ, которыя въ какой-бы то ни было формѣ выказали сочувствіе и содѣйствіе возстав-

---

[1]) Перкалабъ—окружной начальникъ, равняющійся примѣрно нашему губернатору.

[2]) Архивъ юго-зап. Рос., ч. III, т. II, стр. 561.

шимъ. Паны сгоряча усердно помогали гетману и сами приводили къ нему на судъ и расправу своихъ крестьянъ, даже тѣхъ изъ нихъ, которые только подозрѣвались въ сочувствіи козакамъ, но не выказали на дѣлѣ этого сочувствія. Среди множества судебныхъ процессовъ, относящихся къ тому времени, мы встрѣчаемъ случаи обвиненій, направленныхъ не только противъ крестьянъ, но даже противъ лицъ дворянскаго сословія, вѣроятно представителей мелкой шляхты, въ томъ, будто они подстрекали народъ къ возстанію въ Ямполѣ и другихъ городахъ [1]). Но когда расправа на сѣверѣ была окончена и дѣло дошло до Побережья, то оказалось, что здѣсь не осталось ни души, надъ которою бы можно было нарядить судъ и слѣдствіе. Мѣстные паны посылаютъ къ молдавскому господарю депутацію, которая должна была просить о выдачѣ ихъ подданныхъ и возвращеніи захваченнаго ими имущества, а равно, пользуясь удобнымъ случаемъ, принести жалобу на молдавскія власти, открывшія крестьянамъ свободный доступъ на свой берегъ, даже облегчавшія имъ передвиженіе, и наконецъ на всѣхъ молдаванъ, принявшихъ участіе въ возстаніи. Къ инструкціи, данной посламъ, приложенъ подробный указатель тѣхъ мѣстъ, гдѣ укрылся каждый полковникъ козацкій со своимъ отрядомъ, или населеніе того или другаго поднѣстрянскаго города или мѣстечка. Изъ этого документа узнаемъ, что ямпольцы вмѣстѣ со своимъ осадчимъ, румыномъ Георгицею и начальникомъ козацкаго отряда Рынгашемъ, воспользовались гостепріимствомъ сорокскаго перкалаба и проживали въ ближайшемъ городѣ Сорокахъ [2]). Впрочемъ депутація не имѣла успѣха: господарь, подъ разными благовидными предлогами, отказался выдать бѣглецовъ, и они продолжали спокойно проживать въ Молдавіи въ ожиданіи лучшихъ временъ.

Лишь послѣ того, какъ удовлетворена была первая жажда мести, паны подольскіе замѣтили, что подавленіе возстанія имѣло для нихъ такія-же невыгодныя послѣдствія, какъ и самое возстаніе, лишая панскія помѣстья послѣднихъ рабочихъ рукъ. Приходилось снова думать о томъ, какъ спасти край отъ полнаго запустѣнія, а главное возвратить даровыя рабочія силы въ обезлюдѣвшія имѣнія. И

---

[1]) Арх. юго-зап. Рос., ч. III, т. II, стр. 573.

[2]) Тамъ-же, стр. 561.

вотъ паны начинаютъ сами защищать и отстаивать передъ судомъ своихъ крестьянъ, даже силою освобождаютъ ихъ изъ-подъ ареста; вторично обращаются къ господарю съ просьбою о возвращеніи бѣглыхъ крестьянъ, но на этотъ разъ уже не для судебнаго преслѣдованія, а для водворенія ихъ въ прежнихъ поселеніяхъ, и наконецъ послѣ новаго отказа со стороны господаря, вопреки самымъ категорическимъ запрещеніямъ своего собственнаго сеймика, объявляютъ снова значительные сроки *слободъ* и тѣмъ самымъ привлекаютъ на свои земли лицъ, скомпрометированныхъ участіемъ въ возстаніи [1]).

Наконецъ въ февралѣ 1703 г. Сенявскій объявилъ всеобщую амнистію крестьянамъ, какъ уцѣлѣвшимъ еще кое-гдѣ на Подоліи, такъ и тѣмъ, которые проживали въ Молдавіи, и удалился, оставивши въ городахъ небольшіе гарнизоны, которымъ запретилъ дальнѣйшія преслѣдованія жителей. По удаленіи польскихъ войскъ, населеніе начинаетъ понемногу возвращаться и снова подчиняется Палію, изгнавши прежде всего немногочисленныя оставшіяся польскія хоругви. Такимъ образомъ все Побережье на первыхъ-же порахъ снова признаетъ надъ собою власть Палія и продолжаетъ сношенія съ нимъ. Однако, не смотря на это, общественное спокойствіе не было нарушено до того времени, пока не потребовалось участіе козаковъ въ новой шведской войнѣ; но едва Мазепа со своими полками перешелъ за Днѣпръ, явился въ Кіевъ и призвалъ къ участію въ походѣ правобережныхъ полковниковъ, какъ весь народъ поднялся снова, принимая появленіе гетмана, какъ сигналъ къ возстанію. Въ Подолію возвращаются полковники 1702 г. и начинаютъ формировать полки; сверхъ того повсемѣстно составляются самопроизвольно небольшіе отряды крестьянъ, которые возобновляютъ враждебныя дѣйствія противъ шляхты; но движеніе это не имѣло возможности развиться. Извѣстны аристократическія тенденціи Мазепы и его несочувствіе народнымъ интересамъ; онъ поспѣшилъ отозвать изъ Подоліи Шпака съ его полкомъ, и народъ, лишенный поддержки, волею-неволею принужденъ былъ успокоиться.

Вскорѣ однако вниманіе Мазепы было отвлечено отъ заботы

---

[1]) Послѣд. врем. козач., стр. 149—152.

о внутреннемъ благоустройствѣ; онъ долженъ былъ заняться походами въ разныя стороны, а между тѣмъ вся правобережная Украйна, въ томъ числѣ и Побережье, считалась подчиненною его власти. Народъ отказывается признавать шляхту и пытается вызвать къ жизни прежнее козацкое устройство: крестьяне платятъ извѣстную подать въ войсковую казну и свободно пользуются землею, безъ всякихъ другихъ обязательствъ или повинностей. Возвращаются изъ Молдавіи всѣ прежніе жители, вслѣдъ за ними идутъ новые переселенцы изъ-за Днѣстра и Днѣпра, изъ Полѣсья и еще болѣе отдаленныхъ мѣстностей, и уже въ 1709 году были возстановлены на Украйнѣ семь старыхъ козацкихъ полковъ въ прежнихъ предѣлахъ, въ числѣ ихъ и бывшій могилевскій [1]), обнимавшій всю южную половину подольской земли. Полковникомъ въ этомъ послѣднемъ былъ Савва Волошинъ (судя по фамиліи, выходецъ съ молдавскаго берега), который принадлежалъ къ числу крестьянскихъ предводителей 1702 года, затѣмъ вмѣстѣ съ прочими удалился въ Молдавію и теперь, выждавъ удобное время, снова явился въ Подолію.

Итакъ прежніе козацкіе полки были возстановлены, но одной этой мѣры было еще недостаточно для того, чтобы упрочить порядокъ внутри края, благосостояніе всей массы населенія и доброе согласіе между всѣми существующими въ то время общественными группами. Для этого нужно было-бы пересоздать отъ самаго основанія весь гражданскій и экономическій строй, и если тѣ, въ чьихъ рукахъ находились судьбы и интересы цѣлаго края, не могли еще придти къ мысли о необходимости коренной реформы, то новая полковая старшина и подавно не въ состояніи была изобрѣсти новыя, болѣе справедливыя и раціональныя формы междусословныхъ отношеній, не могла придумать никакихъ компромиссовъ, чтобы вывести жителей изъ того невозможнаго положенія двухъ котовъ въ одномъ мѣшкѣ, въ какомъ находились по отношенію другъ къ другу обѣ враждебныя народности, олицетворявшія собою и двѣ враждебныя общественныя группы. И на этотъ разъ опять повторяется старая исторія: паны не могутъ и не хотятъ существовать безъ крѣпостнаго труда, народъ въ свою очередь не можетъ ужиться

[1]) Послѣд. врем. козач., стр. 169—179.

съ панами. Поэтому новые полковники только повторяютъ старую программу, начинаютъ по прежнему изгонять пановъ изъ ихъ помѣстій, истреблять ихъ агентовъ евреевъ и всѣми мѣрами очищать отъ нихъ край. Въ этомъ отношеніи Савва Волошинъ не отстаетъ отъ всѣхъ прочихъ; онъ также преслѣдуетъ и истребляетъ евреевъ и изгоняетъ пановъ изъ предѣловъ своего полка, убиваетъ тѣхъ, которые оказываютъ сопротивленіе, и пріобщаетъ ихъ села и города къ войсковымъ землямъ [1]). Не смотря на вмѣшательство русскихъ властей, подобныя попытки къ автономіи продолжались до послѣдняго момента существованія козачества въ этой мѣстности. Еще подъ 1709 годомъ мы находимъ документальное извѣстіе о томъ, что русское правительство вмѣняетъ гетману Скоропадскому въ обязанность удерживать Волошина, наравнѣ съ прочими полковниками, отъ враждебныхъ столкновеній съ поляками [2]).

Впрочемъ, торжество козачества и на этотъ разъ было непродолжительно. Въ 1710 году начинается война между Россіею и Турціею изъ за Карла XII. Сторонники Карла считали удобнымъ овладѣть Украйною и рѣшились сдѣлать это по возможности скорѣе, не ожидая приближенія русскихъ войскъ. Дѣйствительно, въ началѣ 1711 года сбродная толпа, состоявшая изъ татаръ буджацкихъ и бѣлгородскихъ, изъ поляковъ и запорожцевъ, переправилась черезъ Днѣстръ подъ начальствомъ Филиппа Орлика и разсѣялась по цѣлому Подолью. Народонаселеніе, измученное до крайности непрерывными войнами, равно застигнутые въ расплохъ козаки не оказали никакого сопротивленія; многіе города и мѣстечки сдавались добровольно, лишь-бы только избѣжать разоренія, но все это мало облегчало участь туземцевъ. Какъ извѣстно, появленіе татаръ никогда не проходило безслѣдно для края; такъ и на этотъ разъ они, по обыкновенію, грабили церковное имущество и забирали у жителей все, что могли. Въ короткое время Орликъ прошелъ все Поднѣстровье и направился къ сѣверу, но вскорѣ его сбродная дружина разсѣялась, самъ онъ ушелъ обратно за Днѣстръ въ Молдавію, а на мѣсто его вступили русскія войска и по пути въ Турцію начали въ свою очередь приводить край въ подчиненіе Россіи.

---

[1]) Послѣд. врем. козач., стр. 179.
[2]) Тамъ-же, стр. 184.

Послѣ извѣстнаго прутскаго похода изданъ былъ въ сентябрѣ 1711 года царскій указъ, въ силу котораго вся правобережная Украйна должна была отойти къ Польшѣ, подъ условіемъ навсегда оставаться не заселенною, а все ея народонаселеніе должно было перейти на лѣвый берегъ Днѣпра [1]). Самъ гетманъ Скоропадскій съ полковниками и русскими генералами руководили переселеніемъ. Сперва переводили одинъ за другимъ всѣ поднѣстрянскіе города и мѣстечки, начиная съ самыхъ западныхъ, причемъ жители забирали все свое имущество и все, что только можно было увозить, даже церкви разбирали, а жилища свои и все, что должно было остаться, зажигали, чтобы не досталось полякамъ; затѣмъ, мало по малу подвигаясь къ востоку, къ исходу 1714 года закончилось и переселеніе ближайшихъ къ Днѣпру полковъ. Изъ частной переписки Петра I съ Меншиковымъ узнаемъ, что послѣднему подарены были въ собственность многіе жители Поднѣстровья, послѣ перевода ихъ въ Гетманщину [2]).

Когда выселеніе пришло къ концу, поляки снова возвратились въ Украйну и въ Побережье, но застали здѣсь такое запустѣніе, что напримѣръ на территоріи цѣлаго могилевскаго полка едва можно было насчитать 76 душъ всего народонаселенія съ женщинами и дѣтьми. Вѣроятно, это были тѣ немногіе, которымъ удалось скрыться въ пору и тѣмъ самымъ избѣгнуть насильственнаго перевода за Днѣпръ.

Итакъ панамъ приходилось съизнова начинать колонизацію опустѣвшей области, но и на этотъ разъ нѣтъ и помина о какихъ-бы то ни было реформахъ, а повторяются все тѣ-же стереотипные пріемы, какіе мы отмѣчали въ подобныхъ случаяхъ въ теченіе почти столѣтія. Не смотря на всѣ вѣковые тяжелые уроки, паны не съумѣли еще выработать новаго взгляда на жизнь и инаго, болѣе справедливаго отношенія къ крестьянскому сословію. И на этотъ разъ они объявляютъ тѣ-же «слободы» или льготы, а по истеченіи льготнаго срока наступаетъ новое закрѣпощеніе, которое неизбѣжно должно было вызвать новую реакцію со стороны народной

---

[1]) Послѣд. врем. козач., стр. 192.

[2]) Арх. юго-зап. Рос., ч. III, т. II, стр. 756.

массы. Дѣйствительно, въ скоромъ времени начинается новое, довольно продолжительное движеніе, извѣстное подъ именемъ гайдамачины. Въ противуположность всѣмъ, случившимся раньше возстаніямъ, которые вспыхивали по временамъ съ страшною силою, но никогда не отличались продолжительностію, гайдамачество носитъ характеръ постояннаго явленія въ теченіи около столѣтія. По временамъ народное движеніе усиливалось въ одномъ воеводствѣ и прислабѣло въ другомъ; иногда, вслѣдствіе какихъ либо общихъ причинъ, оно падало, или подымалось съ новой силой на всемъ пространствѣ правобережной Украйны. Три раза можно отмѣтить такое усиленіе народнаго возстанія: въ 1734, 1750 и 1768 годахъ, но для насъ найбольшій интересъ представляетъ движеніе 1734 г., сильнѣе другихъ проявившееся на Побережьи. Южная степная полоса брацлавскаго воеводства, дальше другихъ отстоявшая отъ всѣхъ административныхъ центровъ и колонизованная сравнительно очень недавно, тѣмъ самымъ представляла найбольше удобствъ къ возстанію [1]).

Въ исходѣ 1733 года начались въ Польшѣ извѣстныя политическія междоусобія, поводомъ къ которымъ послужила неудачная кандидатура Станислава Лещинскаго въ короли. Мелкіе шляхтичи на Украйнѣ, сторонники Лещинскаго, составили противъ его соперника и его приверженцевъ конфедерацію и привлекли къ участію въ ней своихъ крестьянъ [2]). Когда въ слѣдующемъ году вошли въ Украйну русскія войска, направлявшіеся дальше въ предѣлы самой Польши, то при первомъ столкновеніи ихъ съ шляхтою народъ поднялся на всемъ пространствѣ отъ Днѣстра до предѣловъ кіевскаго воеводства. Опять изъ среды народной выдѣляются болѣе энергичныя личности съ именемъ полковниковъ, призываютъ народъ къ оружію и пытаются организовать подобіе козацкихъ полковъ. На Побережьи роль такого полковника принялъ на себя Верланъ, начальникъ надворной милиціи въ Шаргородѣ, имѣніи сандомирскаго воеводы, князя Любомирскаго. На призывъ его откликнулись и ямпольцы и наравнѣ съ прочимъ населеніемъ приняли участіе въ возстаніи. Въ слѣдующемъ 1734 году движеніе

---

[1]) Антоновичъ, Изслѣд. о Гайдамачинѣ, стр. 19—107.

[2]) Тамъ же, стр. 102.

это приняло уже такіе размѣры, что на Побережьи, въ окрестностяхъ Ямполя, образовался отдѣльный, довольно многочисленный отрядъ изъ крестьянъ подъ начальствомъ нѣкоего Стефана Кифы, ротмистра надворной милиціи князя Четвертинскаго, который называлъ себя ротмистромъ ея императорскаго величества, но признавалъ надъ собою старшимъ начальникомъ полковника Верлана.

Можно видѣть въ этомъ указаніе на тотъ интересный фактъ, повторявшійся неоднократно въ теченіи XVII и XVIII вв. и выразившійся съ особенною яркостью во время послѣдняго возстанія, Колiивщины, что надворныя панскія милиціи, вмѣсто того, чтобы преслѣдовать возставшихъ крестьянъ, нерѣдко принимаютъ ихъ сторону и переходятъ въ ихъ ряды, сильно помогая имъ своимъ знаніемъ военнаго дѣла. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, если мы вспомнимъ, что надворныя милиціи крупныхъ магнатовъ составлялись по преимуществу изъ ихъ собственныхъ крестьянъ и изъ лицъ свободныхъ—молдавскихъ колонистовъ и представителей самой мелкой шляхты, которая въ экономическомъ и матеріальномъ отношеніяхъ находилась въ полнѣйшей зависимости отъ того магната, на земляхъ котораго проживала, и по своимъ интересамъ стояла несравненно ближе къ сословію крестьянскому, нежели къ дворянскому; ротмистрами, полковниками, вообще начальниками надъ милиціею назначались по большей части такіе-же шляхтичи.

Среди судебныхъ актовъ изъ процессовъ гайдамацкихъ находимъ нѣсколько интересныхъ подробностей, характеризующихъ внутреннее устройство гайдамацкихъ отрядовъ. Такъ напримѣръ при одномъ изъ процессовъ сохранился фрагментъ списковъ отряда Кифы, или, какъ значится въ документѣ, «реестръ его милости пана Стефана Кифы и цѣлой компаніи его великой» [1]). Къ сожалѣнію, количество этой «великой компаніи» не обозначено точно въ документѣ, такъ какъ, по словамъ писаря, составлявшаго реестръ, онъ бросилъ составлять списки, когда число примыкавшихъ къ отряду крестьянъ начало сильно возрастать. Но можно все таки отмѣтить, что она складывалась изъ двухъ главныхъ составныхъ элементовъ: изъ козацкихъ сотень, стоявшихъ отдѣльно, и возставшихъ крестьянъ, которые вмѣстѣ съ молдаванами изъ-за

---

[1]) Арх. юго-зап. Росс., ч. III, стр. 75.

Днѣстра образовали особый корпусъ, болѣе 1,000 человѣкъ, носившій общее названіе *волоховъ* и не смѣшивавшійся съ козаками. Волохи дѣлились на десятки, а не на сотни, какъ козацкіе полки; каждый десятокъ носилъ названіе того поселенія, котораго жители преобладали въ немъ, при чемъ случалось иногда по нѣсколько десятковъ съ однимъ названіемъ, но съ разными предводителями. Всѣхъ десятковъ четырнадцать; но ихъ было больше, какъ видно изъ самаго документа; численность ихъ не обозначена, указанъ только порядокъ, въ которомъ они слѣдовали одинъ за другимъ по важности и значенію; въ дошедшемъ до насъ спискѣ ямпольскій десятокъ обозначенъ пятымъ по порядку. Начальство надъ нимъ опять принялъ Рынгашъ, хотя и не тотъ, который предводительствовалъ ямпольцами въ предыдущемъ возстаніи, а можетъ быть его родственникъ, по имени Моисей.

Тотъ-же документъ (показанія трехъ гайдамакъ на судебномъ слѣдствіи) сохранилъ намъ еще одну интересную подробность для характеристики военной дисциплины въ отрядѣ Кифы. Приводимъ въ переводѣ этотъ интересный отрывокъ. «Его милости, пану Стефану, ротмистру войска его императорскаго пресвѣтлаго величества и командѣ его, десятникамъ и войску его, непослушнымъ назначается кара войсковая: въ случаѣ бы кто безъ вѣдома десятника отлучился изъ войска, тому кара пятьдесятъ кіевъ и сверхъ того въ продолженіи трехъ дней ходить ему пѣшкомъ впереди знамени и выпивать гарнецъ воды. На то подписывается полковникъ Верланъ. Которая кара назначается всѣмъ офицерамъ и десятникамъ, и черни». Затѣмъ слѣдуютъ подписи четырнадцати десятниковъ [1]).

Весь полкъ Верлана, довольно многочисленный, сложился въ самомъ Побережьи, здѣсь же сосредоточилась и главная его дѣятельность. Получивъ на равнѣ съ другими циркуляръ русскихъ властей, приглашавшій его дѣйствовать за одно съ русскими войсками противъ сторонниковъ Лещинскаго, Верланъ понялъ по своему этотъ циркуляръ, тотчасъ же обьявилъ себя полковникомъ, созвалъ къ себѣ надворныя милиціи сосѣднихъ магнатовъ, навербовалъ крестьянъ и составилъ цѣлый козацкій полкъ [2]). По сло-

---

[1]) Арх. юго-зап. Росс., ч. III, т. III, стр. 74—75.

[2]) Антоновичъ, Изслѣд. о Гайдамачинѣ, стр. 106.

вамъ указаннаго нами документа Верланъ началъ съ того, что привелъ къ присягѣ на вѣрность русской императрицѣ своихъ козаковъ, волоховъ и всѣхъ начальниковъ, примкнувшихъ къ нему добровольно; другихъ привлекаетъ онъ насильно, какъ напримѣръ Стефана Скорича изъ села Сербовъ, имѣнія того-же князя Любомирскаго. Послѣ присяги Верланъ отпускаетъ ихъ обратно, а команды ихъ оставляетъ у себя. Если кто изъ крестьянъ уклонялся отъ участія въ возстаніи, его принуждали къ этому, отнимая скотъ и имущество, и возвращали только послѣ того, какъ онъ поступалъ въ полкъ. Сформированное такимъ путемъ войско не получало жалованья, а должно было живиться на счетъ панскихъ имѣній. Въ короткое время Верланъ прошелъ изъ конца въ конецъ все брацлавское и подольское воеводство, повсюду истребляя поляковъ и евреевъ и поднимая народъ на своемъ пути; затѣмъ перенесъ свою дѣятельность на Волынь и дальше, оставивши на мѣстѣ нѣсколько отрядовъ, въ томъ числѣ и отрядъ Кифы, которые продолжаютъ расхаживать и хозяйничать въ Побережьи, доканчивая то, чего не успѣлъ сдѣлать полковникъ. Вообще дѣятельность этихъ гайдамацкихъ отрядовъ характеризуется главнымъ образомъ нападеніемъ на панскія имѣнія, изгнаніемъ пановъ или избіеніемъ ихъ въ случаѣ сопротивленія, грабежемъ панскаго имущества и захватомъ скота и лошадей, въ которыхъ особенно нуждались возставшіе крестьяне, почти поголовнымъ истребленіемъ евреевъ, даже женщинъ; особенно часто повторяются нападенія на еврейскихъ купцовъ, возвращавшихся съ ярмарки съ деньгами и дорогими товарами. Впрочемъ нужно замѣтить, что не всѣ нападенія оканчивались смертью для евреевъ, случалось, что гайдамаки брали съ нихъ выкупъ и даже отпускали ихъ подъ поручительство мѣстной громады за деньгами за Днѣстръ, гдѣ находился главный кагалъ [1]).

Не ограничиваясь привлеченіемъ крестьянъ къ возстанію, иногда насильственнымъ, по большей же части добровольнымъ, Верланъ также точно приглашаетъ къ участію въ немъ и дворянъ помѣщиковъ, грозя въ противномъ случаѣ разграбить имѣніе. Нѣкоторые дворяне въ Побережьи, руководимые инстинктомъ самосохраненія, принимаютъ приглашеніе Верлана, являются въ его ла-

---

[1]) Арх. юго-зап. Рос., ч. III, стр. 73.

геръ, получаютъ охранную грамоту на свои имѣнія (libertacya) и сверхъ того начальство надъ отрядомъ гайдамакъ[2]).

Тридцать лѣтъ спустя въ южной Кіевщинѣ и восточной Брацлавщинѣ разыгралось самое крупное гайдамацкое движеніе, такъ называемая Коліивщина, но Побережья оно коснулось только слегка и не охватило цѣлаго населенія. Жители Побережья не приняли участія въ этомъ движеніи вѣроятно потому, что ихъ область была въ то время занята польскимъ войскомъ, стянутымъ изъ всѣхъ русскихъ воеводствъ Рѣчи-Посполитой на берега Днѣстра для защиты его отъ вторженія барскихъ конфедератовъ, оттиснутыхъ въ Молдавію соединенными усиліями русскихъ и польскихъ войскъ. Въ главной квартирѣ начальника послѣднихъ Кс. Браницкаго, у села Сербовъ (нынѣшняго могилевскаго уѣзда, между Ямполемъ, Могилевомъ и Шаргородомъ), разыгрался послѣдній актъ этого кратковременнаго, но въ то же время самаго грознаго изъ гайдамацкихъ движеній. Сюда доставлялись взятые русскими войсками въ плѣнъ предводители и участники Коліивщины, а организованный здѣсь военный судъ постановлялъ надъ ними самые суровые приговоры и нѣкоторые изъ нихъ тутъ-же на мѣстѣ приводилъ въ исполненіе, въ томъ числѣ приговоръ надъ однимъ изъ извѣстныхъ вождей Коліивщины, Иваномъ Гонтою, поразившій даже современниковъ своею варварскою жестокостью. Цѣлое Побережье послужило ареною для самыхъ кровавыхъ зрѣлищъ; гайдамакъ развозили для казни въ различные города и мѣстечки цѣлаго края, разсчитывая этою мѣрою сильнѣе устрашить непокорное населеніе, или же отсѣкали имъ на крестъ по одной рукѣ и ногѣ и пускали на волю искалѣченныхъ и ни къ чему не способныхъ людей. Такія мѣры дѣйствительно навели на всѣхъ панику, но вмѣстѣ съ тѣмъ народное озлобленіе росло и новое возстаніе готово было разразиться не здѣсь, то въ другомъ пунктѣ, и вѣроятно послѣдовало-бы въ первомъ же поколѣніи послѣ Коліивщины, если бы въ помощь панамъ не послужило крупное событіе внѣшней политики, раздѣлъ Польши. Правда, государство польское перестало существовать, за то крестьяне были закрѣпощены очень прочно и тѣмъ самымъ удовлетворены самые завѣтные

---

[1]) Тамъ-же, стр. 70.

идеалы и стремленія помѣщичьей власти. Этимъ однимъ окупалась для многихъ потеря отечества. Введеніемъ новой, болѣе прочной, правильно организованной, хотя и болѣе сложной администраціи, опиравшейся на довольно значительныя военныя силы, новое правительство сразу пресѣкло для народа всякую возможность проявленія тѣхъ автономическихъ и демократическихъ принциповъ, которые составляли его плоть и кровь, отняло возможность какого бы то ни было протеста противъ новаго законодательства, подобно прежнему санкціонировавшаго крѣпостное право и вводившаго его въ основу государственнаго строя.

Восемнадцатое столѣтіе едва ли не было самымъ тяжелымъ временемъ для Побережья и во всякомъ случаѣ не уступаетъ предыдущему въ этомъ отношеніи. Съ одной стороны гайдамацкое движеніе и его исходъ, съ другой конфедераціи барская и тарговицкая и, какъ результатъ ихъ, грабежи, внутренніе безпорядки, постоянные военные постои и переходы русскихъ и польскихъ войскъ—все это естественно должно было отразиться самымъ печальнымъ образомъ на народномъ благосостояніи и развитіи промышленности въ краѣ. Если ко всему сказанному прибавить наводненія (въ 1780 и 1785 гг. и др.), пожары, повальныя болѣзни, въ родѣ напримѣръ чумы, опустошавшей цѣлое Подоліе въ 1770, 1786 и 1812 гг., и прочія общественныя бѣдствія, постигавшія по временамъ ту или другую мѣстность на Побережьи, то получится довольно полная картина для характеристики внутренняго состоянія этого несчастнаго края въ исходѣ XVIII ст. Дѣйствительно города и мѣстечки приходятъ въ совершенный упадокъ, падаетъ торговля и всѣ мѣстные промыслы, колоніи иностранныхъ купцовъ навсегда покидаютъ Поднѣстровье; остаются одни только закрѣпощенныя села, частью помѣщичьи, частью конфискованныя въ казну. Что касается Ямполя, то онъ такъ упалъ за это время, что около 1751 года въ немъ едва насчитывалось до 118 домовъ и нѣкогда довольно цвѣтущее мѣстечко было лишено всѣхъ своихъ правъ и отчислено въ разрядъ селъ. Въ такомъ состояніи онъ нѣкоторое время составлялъ собственность дворянскаго рода Орловскихъ. За время ихъ владѣнія мы знаемъ только одинъ фактъ заботливости ихъ объ украшеніи этого имѣнія; одна изъ Орловскихъ, Катерина, жена Доминика Орловскаго, построила здѣсь

католическій костелъ; можетъ быть Ямполь былъ ея резиденціею.

Въ 1794 году Подолія была присоединена къ Россіи; тотчасъ послѣдовало дѣленіе края на губерніи и уѣзды и въ 1795 году Ямполь является уже въ качествѣ уѣзднаго города брацлавской губерніи. Указомъ 8 августа здѣсь была учреждена таможня и карантинъ; затѣмъ въ слѣдующемъ году ямпольскій уѣздъ былъ отчисленъ къ подольской губерніи, а уѣздныя власти переведены отсюда въ мѣстечко Цекиновку. Вскорѣ однако, вслѣдствіе наводненія въ этомъ мѣстечкѣ, они переведены обратно въ Ямполь, который указомъ 1804 г. окончательно утвержденъ въ значеніи уѣзднаго города подольской губерніи, оставшись по прежнему владѣльческимъ городомъ и лишь перемѣнивъ владѣльца[1]).

Нѣсколько раньше, около 1790 года, его пріобрѣлъ у Орловскихъ извѣстный богачъ своего времени Протъ Потоцкій. Онъ первый обратилъ серьезное вниманіе на развитіе и улучшеніе сплавнаго судоходства по Днѣстру и, разсчитывая сдѣлать Ямполь главною пристанью въ краѣ, устроилъ здѣсь торговую контору, различныя фабрики, складъ и т. д.; городъ ожилъ и совершенно переродился; но его благополучіе окончилось съ послѣдовавшими вскорѣ банкротствомъ и смертью Потоцкаго. Слѣдующій владѣлецъ Добжанскій еще въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія пытался поддерживать нѣкоторыя учрежденія Прота Потоцкаго, самъ устраивалъ новыя фабрики и всячески заботился о развитіи мѣстнаго производства; но всѣ его усилія парализовались полнымъ отсутствіемъ сбыта для производимыхъ здѣсь продуктовъ.

Годъ за годомъ Ямполь приходилъ въ упадокъ и въ такомъ положеніи находится и теперь, оставаясь по прежнему въ частномъ владѣніи; всѣ дома его выстроены на помѣщичьей землѣ и арендуются на чиншевомъ правѣ мѣстными евреями и мѣщанами. Нѣкоторыя свѣдѣнія о современномъ торговомъ и промышленномъ значеніи Ямполя мы привели раньше; о его минувшей кратковременной славѣ скажемъ въ дальнѣйшемъ изложеніи.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) Słownik geograph. Król. Polsk., т. III, Jampol.

ШОЛУДИВЫЙ БУНЯКА

ВЪ УКРАИНСКИХЪ НАРОДНЫХЪ СКАЗАНІЯХЪ.

Половецкіе набѣги, какъ говорится, «дались въ знаки» нашимъ предкамъ. Въ числѣ переходовъ половцевъ черезъ нашу землю однимъ изъ найболѣе тяжкихъ былъ набѣгъ 1096 г. на Кіевъ и походъ 1097 г. въ Галичину, гдѣ они бились съ уграми. По крайней мѣрѣ лѣтопись говоритъ объ этихъ событіяхъ съ сравнительно большими подробностями и даже прибавочными размышленіями, вѣроятно еще и потому, что въ набѣгъ 1096 г. половцы напали на кіевскую лавру.

«Въ лѣто 6604 (1096)..... иуля..... въ 20 день пятокъ, въ часъ 1 дня, прииде второе Бонякъ безбожный, шолудивый, отай, хыщникъ, Кыеву внезапу и мало въ городъ не вогнаша половци, и зажгоша по пѣску около города, и увратишася на монастырь, і пожгоша монастырь Печерьскый, намъ сущимъ по кѣльямъ, почивающимъ по заутрени, и кликоша около монастыря, и поставиша 2 стяга предъ вороты монастырскими, намъ же бѣжащимъ за домъ монастыря, а другимъ убѣгшимъ на полотѣ; безбожніи же сынове Измаилеви высѣкоша врата монастырю и устремишася по кѣльямъ, высѣкающе двери, изношаху, еже аще обрѣтаху у кѣльи, и посемъ вожгоша домъ святыя Владычицѣ Богородицѣ и придоша къ церкви, и зажгоша двери, яже ко угу устроеннѣ, а въ вторыя, иже к сѣверу; і влѣзше у притворъ у гроба Федосьева, и вземьше иконы, зажигаху двери и укаряху Бога и законъ нашъ». Тутъ лѣтописецъ предается размышленіямъ о терпѣніи и попущеніи Божіемъ, наказанія ради христіянъ, и потомъ продолжаетъ описывать опустошеніе половецкое: «Тогде же зажгоша и дворъ красный, его же поста-

вилъ благовѣрный князь Всеволодъ на холму, иже есть надъ Выдобычь: то все окояннѣи половцѣ запалиша огнемъ». Затѣмъ, послѣ нѣскольких благочестивыхъ восклицаній, лѣтописецъ задается вопросамъ о происхожденіи половцевъ и изъ нѣсколькихъ мнѣній соглашается съ тѣмъ, что они происходятъ отъ Измаила: «а Измаило роди 12 сына, отъ нихъ же суть торъкмены, печенѣги, и торци, и половци, иже исходятъ отъ пустынѣ (*выше:* отъ пустынѣ Етривьскыя, межи вьстокомъ и сѣверемъ) и по сихъ 8 колѣнъ къ кончинѣ вѣка изидутъ, заклепаны в горѣ Олександромъ Макидонскомъ, нечистыя человѣки». Тутъ лѣтописецъ по Ипатскому списку ставитъ непосредственно сообщеніе, сдѣланное ему Гурятою Роговичемъ новгородцемъ о томъ, что отроку его передавали полунощные угры о людяхъ, которые сидятъ въ сѣверныхъ приморскихъ горахъ и стараются оттуда высѣчься и просятъ у подходящихъ желѣза, за которое тотчасъ же и отплачиваютъ. «Мнѣ же», говоритъ лѣтописецъ, рѣкшю къ Гурятѣ: «се суть людіе заклепленѣ Олексаньдромъ Макидоньскомъ царемъ. Якоже сказа о нихъ Мефодый Патарийскъ, глаголя: Олександръ, царь Макидонскій, възыде на восточныя страны до моря, нарѣцаемое Солнче мѣсто, и відѣ человѣки нечистые, отъ племени Афетова; ихъ же нечистоту видѣвъ: ядяху скверну всяку, комары, мухи, котки, змѣя, мертвеца не погребати, но ядяху и женскиѣ изъвраты, ядяху и скоты вся нечистыя. То видѣвъ Олександръ, убояся, еда какъ умножаться, осквернять землю, загна ихъ на полунощныя страны и горы высокия; и Богу повелѣвшю, заступишася о нихъ горы полуношьныя, токмо не ступишася о нихъ горы 12 локътю; и створиша врата мѣденая..... у послѣдняя же дни по сихъ осми колѣнъ, иже изидутъ отъ пустыня Етривьския, изидутъ си скверныи языци, яже суть въ горахъ полунощныхъ, по повелѣнію Божью».

Такимъ образомъ половцы казались нашему лѣтописцу родичами и предтечами нечистыхъ народовъ, заключенныхъ Александромъ Македонскимъ. Вождь же ихъ, носившій и отмѣтки нечистоты на головѣ своей, являлся колдуномъ, какъ это видно особенно изъ далнѣйшаго мѣста, гдѣ лѣтописецъ расказываетъ о столкновеніи половцевъ, пришедшихъ въ слѣдующемъ году на помощь Давыду Волынскому и галицкимъ князьямъ противъ угровъ, которые вызваны были Святополкомъ кіевскимъ противъ галицкихъ

князей. «Давыдъ же иде в Половцѣ и усрѣте и Бонякъ, и воротися Давыдъ и поидоста на Угры (подъ Перемышль). Идущімя же имя, и сташа ночьлѣгу, и яко бысть полунощи, и воставъ Бонякъ отъѣха отъ рати, и поча выти вольчьски и отвыся ему волкъ, и начаша мнози волци выти; Бонякъ же пріѣха повѣда Давыдови, яко «побѣда ны есть на Угры»[1]).

При такомъ сильномъ впечатлѣніи, сдѣланномъ Бонякомъ на современныхъ ему предковъ нашихъ, не удивительно, если память о немъ осталась и въ устныхъ преданіяхъ. И до сихъ поръ въ народѣ нашемъ ходятъ нѣсколько разсказовъ, въ которыхъ героемъ является *шолудивый Буняка*. Герой этотъ изображается въ этихъ разсказахъ чудовищемъ, въ формахъ очень фантастическихъ. То обстоятельство, что имя героя этихъ расказовъ одно и тоже съ лѣтописнымъ, а также, что уже въ лѣтописи Бонякъ изображается обладающимъ чудесною способностью, соблазняетъ думать, что эти разсказы возникли посредствомъ самостоятельнаго народнаго творчества, которое, отправившись отъ непосредственныхъ впечатлѣній исторической личности, потомъ разработало своимъ внутреннимъ процессомъ первоначальные образы въ болѣе сложные и болѣе фантастическіе. Мы увидимъ, что нѣкоторые наши ученые, обратившіе вниманіе на ходящіе теперь въ нашемъ краѣ разсказы о Шолудивомъ Бунякѣ, именно такимъ образомъ и объясняли ихъ происхожденіе.

Но попробуемъ нѣсколько пристальнѣе всмотрѣться въ эти разсказы, подвергнувъ ихъ критикѣ, какъ сравнительно съ историческими обстоятельствами, сопровождавшими столкновеніе нашихъ предковъ съ Бонякомъ Половецкимъ, такъ и съ сходными сказаніями другихъ народовъ.

Мы думаемъ, что только послѣ такого изслѣдованія можно будетъ поставить вопросъ о процессѣ образованія въ нашемъ народѣ этихъ сказаній. Рядъ же отвѣтовъ на подобные вопросы будетъ поучителенъ для разрѣшенія въ высшей степени интереснаго для этнографіи общаго вопроса о томъ, что такое т. наз. «народное» устное творчество и «національныя» преданія?

---

[1]) Лѣтопись по Ипатьевскому списку 1871 г., стр. 162—164, 177—178; тоже по списку Лаврентія, 1872 г., стр. 223—228, 261.

I.

Сообщеніе священника Гарасевича о сказаніяхъ о Бунякѣ у Завалова и пѣсенкѣ о немъ; варіанты у Галятовскаго и въ Krajowej Galicyjskiej Tabulie. Оцѣнка этого матеріала гг. Халанскимъ и Голубовскимъ. Сомнительный характеръ пѣсенки и полное несоотвѣтствіе сказанія и пѣсенки съ исторіей. Книжно-монастырскій характеръ сказанія и позднѣйшее его образованіе. Аналогія съ легендой св. Меркурія Смоленскаго.

Въ сборникѣ Кольберга *Pokucie* (Kraków, 1882, т. I, стр. 344—346) перепечатано изъ альманаха *Lwowianin* (1837, т. II, стр. 69 и слѣд.) слѣдующее сообщеніе священника Гарасевича: «Заваловъ..... предмѣстье Галича, названное вслѣдствіе своего положенія за валами..... надъ рѣкою Золотая Липа, въ округѣ бережанскомъ..... передало нашимъ часамъ такую повѣсть: Бунякъ, въ поруганіе называемый въ громадѣ «шелудивый разбойникъ», нападалъ на ближайшія околицы и безпокоилъ все живущее тамъ. Наиболѣе старался награбить имущества погубленныхъ имъ жителей, на каковое содержалъ и войско, которое кочевало между выдающимися холмами на полночь отъ Завалова, покрытыми чернымъ лѣсомъ. Князь русскій, владѣтель этого края, поставилъ въ отпоръ Буняку свое войско за рѣкой Липа Золотая, на востокъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ позже былъ построенъ замокъ князьями Маковецкими, обитаемый и до сихъ поръ, окруженный стѣной и башнями, изъ которыхъ уцѣлѣли только одна. Однакожъ, сознавая свою слабость, онъ не отваживался ударить на противника своего и долго стоялъ не безъ страху и сомнѣнія, пока сѣдой старикъ, явившись во снѣ, не побудилъ его къ аттакѣ и не научилъ его о способѣ, какъ и съ какой стороны сдѣлать вылазку, которую онъ на утро и исполнилъ съ невыразимой оттагой. Бой былъ съ обоихъ сторонъ упорный, наконецъ Буняка былъ побѣжденъ, а войско его частію было разсѣяно, частію потопилось въ Липѣ Золотой. У самаго Буняка была отсѣчена голова, которая катясь уходила съ мѣста битвы и едва догнана была на полѣ, что за мѣстечкомъ Тисменицею; по этому поводу это мѣсто названо было Погоней. Вотъ только это я слышалъ изъ устъ здѣшняго простонародія».

«Священникъ Іоанникій Галятовскій, архимандритъ черниговскій, въ книгѣ подъ названіемъ «Новое Небо», написанной около 1660 г. русскимъ нарѣчіемъ, говоритъ въ Чудѣ 17-мъ, что нѣкогда,

во время нападенія Буняка, иначе Батыя, царя татарскаго, воевода земли русской, Романъ, вышедши противъ него и окопавшись тремя валами подъ Галичемъ, побужденный во снѣ св. Николаемъ архіепископомъ, вышелъ изъ окоповъ, ударилъ на орду татарскую и отогналъ ее и на мѣстѣ битвы поставилъ церковь Богородицы надъ рѣкой Тисменицей, а между валами церковь св. Николая [1]).

Кромѣ того въ *Krajowéj galyiciskiej Tabulie*, ex libro fond. 109, pag. 109 находимъ, что когда то князь Романъ изъ удѣльныхъ князей русскихъ, роду Островскихъ и братъ родной найяснѣйшаго короля, его милости, Данила Галицкаго, благочестивый, жившій въ обрядѣ единовѣрномъ съ церковью римскою, побѣдившій поганыхъ непріятелей родной церкви, имѣя при себѣ, съ войсками ихъ, князей Острогскихъ Димитрія, брата, и Василія, племянника,—непріятелей, т. е. *солодиваго Буняка*, иначе Солодиво, или дива селъ, князя и богатыра половцевъ, т. е. подолянъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ монастырь, окружившись окопами, по причинѣ неравенства силъ, а съ другой стороны, гдѣ теперь видно замокъ, также явно показываютъ (слѣдъ) валы, (врагъ) добивался къ нему три дня;

---

1) У насъ нѣтъ подъ рукою ни одного изъ изданій „Неба Новаго", а потому мы можемъ сравнить изложеніе Гарасевича только съ выдержками изъ книги Галятовскаго, сдѣланными г. А. Петрушевичемъ въ книгѣ „Сводная галицко-русская лѣтопись съ 1600 по 1700 годъ". „Въ Малой Россіи, въ повѣтѣ галицкомъ есть мѣсто Заваловъ, названное отъ валовъ, давно насыпанныхъ, которыхъ есть три надъ мѣстомъ на горѣ; межи тыми тромя валами знайдуется монастырь при церквѣ св. архіерея Николая; повѣдаютъ люди старыи духовныи и свѣцкіи, которыи отъ дѣдовъ и прадѣдовъ то чували, же Бунякъ (яко они мовятъ), але рачей Батый, царь татарскій, гды завоевалъ землю Рускую, на той часъ единъ воевода, на имя Романъ, зъ землѣ Рускои вышолъ зъ войсками своими противъ ордамъ татарскимъ, а видячи великую потугу поганскую, а свое малое войско—христіянское, окопался трома валами... Потомъ чудеснымъ сномъ о побѣдѣ ему предстоящей ободренъ, выступилъ съ своими полками и на поляхъ, „не далеко за мѣстомъ Тысменицею", надъ татарами „славное одержалъ звытяжество... и на тымъ полю збудовалъ церковь Успенія прес. Богородицы... При той церквѣ знайдуется монастырь, который называется погоня, для того, же тамъ Романъ воевода погналъ и догналъ и разогналъ татаровъ"... „Межи трома валами зась Романъ воевода збудовалъ церковь святаго архіерея Николая, который ему тамъ во снѣ показался, а казалъ ему церковь на имя пресв. Богородицы, другую на имя свое збудовати" (Литературный сборникъ, изд. галицко-русскою Матицею 1872 и 1873 г., Львовъ, 1874 г., стр. 572—573).

(тогда) св. Николай явился въ ясномъ блескѣ князю Роману, стоящему на молитвѣ и лежащему крестомъ, и сказалъ: «встань, выйди изъ окоповъ, начни битву и побѣдишь; молитва твоя услышана». По тому приказу тотчасъ же войско Романа вышло въ ту сторону, гдѣ стоитъ старая каплица на горѣ монастырской, и начало громить непріятеля на голову, какъ то показываютъ и слѣды могилъ, расположенныхъ по склону, гоня его къ Днѣстру, т. е. Тирасу. Тамъ (Романъ), полонивши не мало непріятеля, переправился черезъ Днѣстръ, поймалъ самаго вождя и приказалъ снять ему голову, а тѣло сжечь и прахъ выкинуть въ Днѣстръ, на томъ мѣстѣ, что въ память его называется «Погоня» надъ Тисменицею. Еще далѣе за Днѣстръ загналъ остатки непріятеля въ горы, въ давнее прапрадѣда моего владѣніе, гдѣ побѣдивши его *ad internectionem*, означилось другое мѣсто Перкиньско, давнее владѣніе пресвѣтлаго дому Яблоновскихъ (за этимъ слѣдуетъ запись монастырю св. Василія В.).

«Въ устахъ народа околицъ наднѣстрянскихъ иногда можно встрѣтить (krążу czasem) такую пѣсеньку:

Щожъ то за дивы,
Може Бунякъ салодивы?
Кажуть его череда
Пришла насъ выгнати.
Лише дадуть ему знати,
Куда буде утикати,
  Гей, на, на,
  Буняка!
Эй, берутъся до него
Князь Романъ, бояры,
А щожъ буде зъ него?
Гды пиде въ прегоны?
Отъ втикаетъ голова,
За нимъ бижытъ череда.
  Голова Буняка
  Здрастъ вамъ Боже
  Вже наша.....

«Тотъ же самый Бунякъ, или Баты, ханъ татарскій, нападалъ въ 1180 году также на Плесниско, гдѣ былъ замокъ княжны Елены.

Большія бѣды, принесенныя имъ Руси Червоной, и варварское обращеніе съ народомъ дали ему имя шелудиваго (solodywego) Буняка».

Три выше приведенные разсказа: народный, Галятовскаго и «Krajowéj Tabuli», очевидно варіянты одной и той же темы, при чемъ въ сущности два книжные проще и потому и старѣе устнаго. Пѣсенка приближается къ устному расказу, повѣствуя, какъ и онъ, о побѣгѣ головы Буняка. Эти разсказы и пѣсенка обратили на себя вниманіе г. Халанскаго, автора книги «Великорусскія былины кіевскаго цикла». Г. Халанскій признаетъ за этими преданіями и пѣсенкой серіозное историческое значеніе (op. cit., 35). Г. П. Голубовскій въ рецензіи на книгу г. Халанскаго (Кіевск. Старина 1886 г., іюль, стр. 340) видитъ въ князѣ Романѣ пѣсенки знаменитаго Романа Мстиславича Волынскаго и Галицкаго, который ходилъ на половцевъ 1201 и 1204 гг. (по счисленію г. Голубовскаго).

Что до пѣсенки, то намъ прежде всего кажется весьма подозрительной ея народность. Уже самая манера сообщенія ея: *krąży czasem taka spiewka* очень напоминаетъ выраженія, съ какими сообщали въ 30-е—40-е годы усердные патріоты фальшивыя пѣсни (Изопольскій, Срезневскій, Максимовичъ и др.). Далѣе такіе литературные пріемы, какъ «*кажуть, его череда*» и др., неупотребительны въ устной пѣснѣ; наконецъ финалы куплетовъ пѣсенки совсѣмъ странны. По этимъ признакамъ пѣсенка Гарасевича кажется намъ издѣліемъ грамотѣя, если не самаго Гарасевича, на тему прозаическаго преданія, сообщеннаго выше. Это же преданіе есть отголосокъ разсказовъ Галятовскаго и Krajowej Tabuli, хотя можетъ быть, сами эти книжные разсказы составляютъ редакцію болѣе старыхъ разсказовъ. Во всякомъ случаѣ эти редакціи со всѣми ихъ подробностями, а особенно съ ихъ собственными именами, въ томъ числѣ и съ Бунякомъ и Романомъ, не имѣютъ въ себѣ ничего историческаго: во первыхъ шелудивый Бунякъ и Романъ Мстиславичъ вовсе не современники, а во вторыхъ шелудивый Бунякъ вовсе не былъ ни убитъ, ни даже побѣжденъ въ Галичинѣ [1]), а въ третьихъ

[1]) Въ Ипатской лѣтописи подъ 1185 г. находимъ слова Кончака: „пойдемъ на кіевскую сторону, гдѣ суть избига братья наша и великій князь нашъ Бонякъ*; но эти слова относятся очевидно къ другому Боняку, о которомъ сказано подъ 1167 г. „томъ же лѣтѣ бися Олегъ Святославичъ съ Бонякомъ и побѣди Олегъ Половци“.

Романъ Мстиславовичъ самъ дѣлалъ набѣги на половцевъ въ ихъ землю, а не выдерживалъ ихъ осады въ Галичинѣ [1]).

Повѣсть, передаваемая Галятовскимъ, и въ записи тисменицкаго монастыря есть общее мѣсто церковной легенды, которая столько разъ повторялась, начиная съ разсказовъ Лактанція и Евсевія о ночномъ явленіи Христа Константину Великому передъ битвою его съ Максентіемъ [2]).

Имя св. Николая (буквально—побѣдитель людей) давало поводъ перенесенію этого сказанія и на ликійскаго епископа, о которомъ въ древне-русскомъ сказаніи, очевидно передѣланномъ съ болгарскаго, какъ это съ греческаго [3]), читаемъ въ описаніи странствій св. Николая по Азіи слѣдующій эпизодъ:» и дошедъ Кесаріи Филипповы, жилъ три лѣта... Въ тыя лѣта прилучися брань, пришла рать поганыхъ до Кесаріи, и всѣ христіяне грекове побѣгли въ подгорія тѣсныя, а св. Николай, видѣвъ поганыхъ рать велику, иже не мощи противитися людемъ христіянскимъ противу поганыхъ, въ тій часъ св. Николае прослезися и падъ на земли моляся Богу за христіаны... И воставъ отъ земли и простеръ руцѣ на небо и молитву исполнивъ, и прилете къ нему съ небесси голубь, глаголя: дерзай, Николае, избранниче Божій! услышена бысть молитва твоя и сокрушатся языцы поганстіи. Тогда Николае пріиде въ рать христіанскую, не могъ его видѣти никтоже, зане облакъ свѣтелъ покры его, и начать глголати христіяномъ: учините знаменіе Христово, на лицѣхъ вашихъ крестъ и не возможетъ прикоснутися вамъ мечъ поганыхъ. Они же вопросиша: ты кто сей? Азъ есмь Николае, грѣшный рабъ Божій. И христіяне вси какъ единѣми усты воскричали гласомъ ве-

---

[1]) Лѣтопись по Воскресенскому списку, 6710 г.: „тое же зимы ходи Романъ на Половци; и вся вѣжи половечьскіе и приведи полона много и душь христіянскихъ отполони много“. 6711: „тое же зимы ходиша Рустіи князи на Половци, Рюрикъ Кіевскій, Ярославъ Всеволодовичъ Переясловскій. Романъ Галичьскый Мстиславичъ, и иніи князи, и бысть же тогда зима люта, и бысть Половцемъ тягота велика, и взяша князи Рустіи полонъ многъ, и стада ихъ заяша, восвратишася во свояси съ полономъ многимъ“.—Ср. Лаврент. спис. г. 6713. Тутъ нѣтъ ничего и издали похожаго на вышеприведенные разсказы.

[2]) Lactantii, De mortibus persecutorum, XLIV, Eusebii, Vita Constantini, XXVIII—XXXII.

[3]) Ключевскаго, Древне-русскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ, стр. 219—220.

ликимъ: Боже святаго Николы! помози намъ. И знаменоваша лица своя знаменіемъ честнаго и животворящаго креста и удариша на рать поганыхъ силою Божіею и молитвою св. Николы побиша гражане поганскія пришедшія языки.... И въ тотъ день царіе христіянсстіи и князи гречестіи и вельможи и вси людіе того града мужи, жена и чада ихъ почали искати св. Николы»[1]).....

Это сказаніе, въ которомъ исторія явленія Христа Константину повторена уже съ явнымъ отрѣшеніемъ отъ всякихъ реальныхъ историческихъ условій (войны поганыхъ съ царями христіанскими и князьями греческими среди римской имперіи!) имѣетъ всѣ признаки образца, по которому сдѣлана занимающая насъ галицкая легенда. Подобныя легенды тѣмъ легче могли возникать, что въ житіяхъ этого святаго находимъ такія слова его прдсмертной молитвы: «коли кто поставитъ церковь во имя мое, подай ему, Господи, помощь надъ враги видимыми и невидимыми»[2]).

Такого рода легендарное общее мѣсто взято было сочинителями повѣсти въ Tabula, каковая повѣсть, замѣтимъ, есть вступленіе въ актъ, долженствовавшій легализировать монастырское поземельное владѣніе и составленный уже послѣ введенія уніи, и обставлено совершенно произвольно надерганными именами князей и такого же рода хронологій. По актамъ напечатаннымъ г. А.

---

[1]) Тамъ же, стр. 454.

[2]) Тамъ же, стр. 458.

Не очень удаляясь отъ нашей народной словесности, мы укажемъ еще примѣръ, какъ имя св. Николая послужило поводомъ къ совершенно противному историческимъ фактамъ окончанію великорусской пѣсни о козацкомъ сидѣніи въ Азовѣ въ 1637—1643 г. Какъ извѣстно, оно кончилось оставленіемъ Азова, между тѣмъ какъ пѣсня разсказываетъ, что когда козаки помолились Миколѣ чудотворцу, то

> Напустилъ тутъ Микола чудотворецъ,
> Напустилъ тутъ на турчанъ онъ темну темень,
> Они дружка дружку прирубили,
> Какъ густымъ ту рѣку загустили.'

Кстати, существованіе этой великорусской пѣсни (Гильфердингъ, Онежскія Былины, стр. 174—176) можетъ вполнѣ закончить споръ, который велся на страницахъ „Кіевской Старины" 1882 г. и подтвердитъ мнѣніе о томъ, что украинская пѣсня о взятіи города спрятавшимися въ чумацкіе возы воинами относится именно къ Азову 1637 г., а не къ Торческу 1093 г., и при томъ великорусскаго происхожденія.

Петрушевичемъ, Плѣсниско-Подгорецкій монастырь основанъ въ 1663 г. на мѣстѣ, гдѣ, конечно по преданію или по показанію монаховъ, стоялъ прежде старый монастырь. Жить тамъ стали монахи передъ этимъ формальнымъ открытіемъ, съ 1659 г., а одинъ монахъ Зосима еще въ 1563 (Сводная лѣтопись, 130, 135—136). Вотъ въ это-то время потемнѣнія памяти о дѣйствительной исторіи перваго, русскаго, періода жизни Галичины должны были образоваться, на основѣ схематической церковной легенды, зачатки сказанія о столкновеніи мѣстнаго князя съ татарами, зачатки, которые потомъ обработали монастырскіе книжники и юристы болѣе усердно, чѣмъ умѣло.

Устный же разсказъ, сообщенный Гарасевичемъ, если онъ и дѣйствительно распространенъ въ народѣ, есть только повтореніе этой монастырской повѣсти, съ прибавкою только подробности о бѣжавшей головѣ Буняка, но и эта подробность въ свою очередь напоминаетъ довольно общее мѣсто въ церковныхъ легендахъ о мученикахъ. Соотвѣтственно этимъ легендамъ извѣстныя церкви построены были на тѣхъ мѣстахъ, куда чудеснымъ образомъ перенеслась голова святого, а въ галицкой повѣсти, какъ не было мѣста для головы святого, то заставили катиться до мѣста церкви голову невѣрнаго, пораженнаго по наставленію святого, патрона церкви.

Изъ числа болѣе распространенныхъ въ католическомъ мірѣ монастырскихъ легендъ аналогическаго характера мы считаемъ нужнымъ напомнить здѣсь повѣсть о св. Діонисіи, легендарномъ первомъ епископѣ парижскомъ, гробъ котораго показываютъ въ знаменитомъ аббатствѣ St. Denys подъ Парижемъ; эта повѣсть можетъ служить типомъ образованія топографическихъ легендъ, въ родѣ занимающей насъ галицкой. Сообразно французской легендѣ, изложенной впервые Гельдуиномъ, аббатомъ въ St. Denys въ IX в., св. Діонисій (котораго благочестивый настоятель смѣетъ отождествлять съ Діонисіемъ Ареопагитомъ, не смотря на то, что другіе, болѣе ранніе писатели ставятъ его въ разные годы III вѣка) потерпѣлъ казнь обезглавленіемъ въ Парижѣ, на холмѣ, который называется отъ языческихъ храмовъ, тамъ стоявшихъ, *Mons Mercurii* и который потомъ стали звать *Mons Martyrum* (Monmartre). Вмѣстѣ съ Діонисіемъ епископомъ казнены были по

этой легендѣ и пресвитеръ *Rusticus* и діаконъ Eleutherius, тѣла которыхъ были брошены въ Сену. Тѣло Діонисія само встало, взяло свою голову и пошло, сопровождаемое ангеломъ и пѣніемъ небесныхъ хоровъ, до самаго мѣста, гдѣ теперь стоитъ аббатство и гдѣ была собственность благочестивой женщины Катулы, которая и погребла тѣло мученика[1]). Легенда эта сильно популяризировалась, благодаря множеству изложеній въ прозѣ и стихахъ, а также художественныхъ подражаніяхъ, которыя продолжаются и до сихъ поръ. Но историческая критика этой легенды показываетъ ея не только не народное, но и сравнительно позднее образованіе. Сравненіе текстовъ показываетъ, что еще во время Григорія Турскаго и даже въ старѣйшемъ житіи Діонисія, писанномъ въ VII в. нѣтъ этой легенды и нѣтъ помѣщенія мученія на Монмартрѣ [2]). Эта гора еще во время Фредегорія (VII в.) называется только Mons' Mercore [3]). Мало того, останавливаясь на именахъ святыхъ легенды, находимъ, что двое изъ нихъ *Dionysius* (Διονήσος) и *Eleutherius* (Ἐλευθερεύς) суть имена—эпитеты Вакха (Eleuthereus соотвѣтствуетъ латинскому liber—освободитель отъ заботъ); *Rusticus* по всей вѣроятности тоже эпитетъ Вакха соотвѣтственно его деревенскимъ праздникамъ, которые по гречески назывались κατ' ἀγρούς и имени Діонисія Αγροῖκος [4]). Такимъ образомъ слѣдуетъ думать, что покло-

[1]) Acta Sanctorum, ed. Bolland., IX Octobr. 272; Jacobus et Varagine, Legenda Aurea, CXLVIII; And. du Saussay, Martyrolog. Gallicanum (1537), II, 715; B. Casp. Sagittarii, De Martyrum Cruciatibus (1696), 132 (тутъ св. Діонисій самъ отдаетъ свою голову Катулѣ). Подобное и о многихъ другихъ святыхъ во Франціи и Швейцаріи у Сагиттарія, 131—133; у A. Maury, Essai sur les legendes pieuses du moyen âge, 208; Eusèbe Salverte, Des Sciences occultes, I, 67—69.—Изъ числа этихъ легендъ мы упоминаемъ особенно повѣсть объ Уреѣ и Викторѣ и 64 другихъ мучениковъ изъ Ѳиванскаго легіона въ Золотуркѣ, которыхъ головы были отрублены на мосту и брошены въ р. Ару и которые взяли свои головы въ руки и пронесли ихъ надъ водою до мѣста, гдѣ теперь соборъ, тамъ стояли на молитвѣ часъ и потомъ легли (Acta Sanctorum, Bolland, XXX Septemb., 291). Раньше передъ тѣмъ, когда весь легіонъ былъ избитъ у города, что теперь S. Maurice на Ронѣ, голова св. Маврикія приплыла отдѣльно отъ тѣла по водѣ до Віенны во Франціи (ibid., XXII Sept., 351). Ср. ниже.

[2]) У Болландистовъ IX octobr., а также Felibien, Histoire de l'abbaye de S. Denis (1706 г.), II, 163—165.

[3]) Giusot, Greg. de tours de Fridigaine, II, 463—4.

[4]) Gail., Recherches sur la nature du culte de Bacchus en Grece; 165, 262. См. въ статьѣ Ленормана Bacchus въ Dictionnaire des antiquités grecques et romaines, red. p. Daremberg et Sagleo, рисунокъ сельской гермы Вакха.

неніе католическимъ святымъ возникло постепенно на мѣстѣ загороднаго, подлѣ Лютеціи Паризіевъ, храма или алтаря классическаго бога,—примѣръ, которому подобныхъ можно указать сотни. Въ данномъ случаѣ интересно особенно то обстоятельство, что изъ трехъ именъ бога, которому первоначально было посвященно мѣсто (вѣроятно надписью: Dionysio Rustico Eleutherio), сдѣлано были три лица, да еще съ тремя чинами католической іерархіи. Для этихъ лицъ книжники искали хронологическихъ рамокъ и начали ставить ихъ въ разныя эпохи извѣстныхъ или предполагаемыхъ религіозныхъ преслѣдованій II и III вв., но при томъ такъ, что и до сихъ поръ невозможно разобраться въ противурѣчіяхъ, какъ было бы, напр., еслибъ мы стали приводить въ историческій порядокъ показанія и умствованія галицкихъ книжниковъ о княгинѣ Еленѣ и ея врагѣ Бонякѣ-Батыѣ. Спустя еще нѣсколько времени, когда культъ новыхъ святыхъ возникъ въ разныхъ мѣстахъ Парижа и окрестностей и среди всѣхъ ихъ возвысилось знаменитое аббатство S. Denys и церковь на холмѣ Mercore, явилась идея связать ихъ между собою; имя холма Mons Mercurii, Mons Mercore, Monmarcre было измѣнено въ Monmartre, Mons Martyrum и сюда поставлено было мѣсто мученія святаго и его товарищей, а затѣмъ обѣ святыя мѣстности были связаны повѣстью о чудесномъ переходѣ головы Діонисія съ одной горы на другую [1]).

Этотъ процессъ образованія парижской легенды можетъ намъ объяснить и образованіе легенды заваловско-погонской. Въ послѣдней имя св. Николая, которое могло быть дано церкви сначала безъ всякой тенденціи, повело за собой легенду о побѣдѣ надъ врагомъ, имя котораго связано уже было болѣе старыми (какъ увидимъ далѣе) представленіями съ горами и валами, а потомъ имя урочища «Погоня», которое могло быть дано отъ какой нибудь случайной причины или же могло быть также похоже на Погоню, какъ Mons Mercore на Montmartre, послужило поводомъ для легенды о побѣгѣ пораженнаго вражьяго воинства, въ которую въ добавокъ вплелась готовая въ церковныхъ легендахъ подробность о чудесномъ

[1]) Самое образованіе легенды о несеніи головы объясняется позднѣйшимъ принятіемъ въ буквальномъ смыслѣ первоначальнаго символическаго изображенія мучениковъ съ головами въ рукахъ. Ср. у *A. Maury* и др.

переносѣ головы, какъ вплелась въ эпизодъ о побѣдѣ готовая-же подробность о ночномъ явленіи святаго предвѣщателя побѣды.

Любопытно, что западнорусская церковно-легендарная литература заключаетъ въ себѣ сказаніе, которое съ одной стороны представляетъ близкія аналогіи съ западно-европейскими легендами, въ родѣ исторіи St. Denys, а съ другой имѣетъ новыя точти соприкосновенія съ галицкими сказаніями о смерти Буняка-Батыя. Это смоленская легенда о св. Меркуріи-воинѣ, потомъ перенесенная съ извѣстнымъ усложненіемъ и въ Кіевъ. Различныя редакціи этой легенды разобраны были уже въ ученой русской литературѣ г. Буслаевымъ [1]), а потому мы ограничимся лишь краткимъ ея изложеніемъ, съ небольшимъ предварительнымъ замѣчаніемъ о ея редакціяхъ.

Г. Буслаевъ передаетъ болѣе или менѣе полно три редакціи легенды: 1) По синодальному Цвѣтнику Жюлева 1665 г., которую онъ называетъ «народною» и признаетъ болѣе древнею, потому что она проще другихъ по стилю и нѣсколько фантастичнѣе по подробностямъ, 2) по канону св. Меркурію и по похвальнымъ ему молитвословіямъ и 3) по Макарьевскимъ Четьимъ Минеямъ, каковую редакцію г. Буслаевъ называетъ литературною, ради цвѣтистости ея изложенія. Мы позволяемъ себѣ думать, что болѣе древнею надо считать 2-ю редакцію г-на Буслаева, которую почтенный профессоръ только потому поставилъ за 1-ою, признанною имъ «народною», что во время написанія имъ его изслѣдованій господствовало еще мнѣніе, по которому въ случаѣ сходства въ чемъ нибудь письменной словесности съ устною (какъ наприм. въ данномъ случаѣ подробности введенія въ дѣло чудеснаго коня св. Меркурія, отчасти напоминающаго устныя сказки) предполагалось непремѣнно заимствованіе письменной словесности изъ устной, а не наоборотъ, что, какъ теперь доказано, бываетъ по крайней мѣрѣ очень часто.

По славословіямъ св. Меркурію, это былъ воинъ римлянинъ (по др. ред. туземецъ въ Смоленскѣ). Во время нападенія на Смоленскъ «нечестивыхъ агарянъ», варваровъ, которыхъ славословія называютъ и татарами, но чаще печенѣгами, съ ихъ «злымъ бого-

---

[1]) Смоленская легенда о св. Меркуріи и ростовская о Петрѣ царевичѣ ордынскомъ (Историч. очерки р. нар. слов. и искусства, т. II, стр. 155 и слѣд.).

борцемъ царемъ Батыемъ», Меркурій получилъ отъ образа Богородицы приказъ: «рабе мой Меркуріе! иди, убій сильнаго исполина, а злочестиваго царя Батыя и поганыхъ агарянъ прожени». Меркурій исполнилъ приказъ: поразилъ исполина и сына его, а варвары отбѣжали отъ города, тѣмъ болѣе, что видѣли противъ себя «жену превелику и пресвѣтлу, солнцеобразну, съ множествомъ вой небесныхъ», въ которой «провидѣли госпожю Богородицу». Но все таки варвары убили и самаго Меркурія, послѣ чего случилось такое чудо: «егда зліи агаряне отсѣкоша главу святому Меркурію, и въспріятъ ю самъ святый и принесе въ градъ, предъ всѣми людьми глаголюще и поюще глава, како бысть побѣда и каково отъ Госпожи Богородици заступленіе и святому отъ нея поможенія». Батый-же, удалясь отъ Смоленска, самъ скоро погибъ: «восточную страну плѣнилъ и на запади изратова, и тамо пріялъ, яко Каинъ, месть отъ Бога, мечное сѣченіе отъ угорскаго самодержца Владислава, и той злый кровопійца животъ свой злѣ преда̀лъ со всѣми вои своими» [1]). Вѣроятно уже болѣе поздняя прибавка къ смоленской легендѣ переноситъ тѣло святаго въ Кіевъ, куда оно «приплыло во гробѣ» Днѣпромъ [2]). Время окончательной редакціи смоленскихъ славословій св. Меркурія г. Буслаевъ опредѣляетъ не позже первой половины XVI в., когда Смоленскъ уже принадлежалъ московскому государству. Но по всей вѣроятности основа ихъ сложилась нѣсколько раньше, когда Смоленскъ входилъ еще въ составъ литовскаго княжества и когда въ немъ затемнилась память о дѣйствительныхъ условіяхъ татарскаго погрома и о личности Батыя и самихъ татарахъ, отъ которыхъ Бѣлая Русь, за литовскими князьями, рано освободилась. Во всей изложенной легендѣ можно видѣть не только отголосокъ западныхъ церковныхъ легендъ, которыя должны были проникать въ смоленскую область въ литовскую эпоху [1]), но еще явную, такъ сказать, западническую

[1]) Въ 1-й редакціи г. Буслаева, тоже, очевидно смоленской, угорскій князь названъ Стефаномъ; въ третьей, которую составлялъ очевидно болѣе поздній и, болѣе знакомый съ русскими лѣтописями человѣкъ, въ Новгородѣ или Москвѣ, объ этой погибели Батыя не говорится.

[2]) По рукописи гр. Уварова „Книги глаголемой о россійскѣхъ святыхъ", редакціи XVII в., „святой великомученикъ Меркурій воинъ, смоленскій чудотворецъ, въ 6747 (1239) ноемврія въ 14 день въ гробѣ въ Кіевъ приплы".

[3]) Г. Буславъ самъ говоритъ: „принесеніе своей собственной головы могло напоминать общеизвѣстное сказаніе о Діонисіи Ареопагитѣ" (sic!). Но-

тенденцію, по которой герой смоленскій сдѣланъ римляниномъ, а врагъ—Батый находитъ себѣ смерть на западѣ же Венгріи. Можно по этому думать, что толчекъ къ образованію легенды дали не только западническія, но и *уніатскія* стремленія, которыя проявились въ западнорусскихъ областяхъ, начиная съ самаго Данила Галицкаго, который искалъ въ союзѣ съ католическими сосѣдями,—венграми и др., даже въ религіозной уніи съ Римомъ поддержки для борьбы съ татарами. Вотъ такого же рода тенденціи, конечно, нѣсколько смутныя, облегчали, особенно при помраченіи памяти о дѣйствительныхъ историческихъ событіяхъ временъ борьбы русскихъ областей съ погаными половцами и батыевыми татарами, возможность образованія въ западнорусскихъ областяхъ, поднѣпровскихъ, какъ и прикарпатскихъ, сказаній о древнихъ чудесныхъ побѣдахъ христіанскихъ героевъ надъ «безбожными агарянами» и ихъ исполинами, новыми Голіаѳами. Изъ такого матеріала, при явной помощи книжныхъ церковныхъ легендъ, сложилась и смоленская легенда и элементы тѣхъ галицкихъ, которыя мы изложили выше [1].

дробность плаванія св. Меркурія напоминаетъ въ тоже время С. Морисскую и Золотуркскую легенду. Не имѣя подъ рукою никакого свода житій греческой церкви, мы не можемъ провести подробнаго сравненія первой половины смоленской легенды съ житіемъ Меркурія Кесарійскаго, котораго, по словамъ самихъ смоленскихъ стиховъ, Богородица „посыла..., да убіетъ злаго мучителя, законопреступнаго царя Ульяна".

[1]) Коснувшись смоленской легенды, мы не можемъ пропустить повода указать на сходство той ея части, въ которой Богородица отгоняетъ Батыя отъ города, съ извѣстной почаевской легендой, которая излагается и въ лирницкой пѣснѣ (Мордовцевъ, Малор. Сборникъ, стр. 188—9; Stecki, Wołyń, т, I, стр. 109—111; Безсоновъ, Калѣки перехожіе, т. I, стр. 680—690; Лысенко, Збирныкъ украин. писень, т. I, № 1). Была проба пріурочить эту легенду къ 1675 г. (Костомаровъ, въ Малор. Сборникѣ Мордовцева), ко времени походовъ турокъ на правобочную Украйну въ эпоху Дорошенка. Такое пріуроченіе было бы всего вѣроятнѣе, но на бѣду ни изъ какихъ документовъ не видно, чтобы турки доходили тогда до Почаева. Притомъ же игуменъ почаевскій Іовъ Желѣзо („отецъ Зализо" пѣсни) умеръ уже въ 1651 г. (Описаніе почаевскія Успенскія лавры, Почаевъ, 1870 г., стр. 39). Очевидно, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ церковнымъ схематическимъ сказаніемъ, а не съ народнымъ поэтизированіемъ историческаго факта. Въ одной львовской церковной надписи это сказаніе пріурочивается къ замку теребовльскому и къ 1673 г. Въ этой надписи Богородица обращаетъ на турокъ ихъ пули и является на стѣнахъ замка въ образѣ, дословно почти напоминающемъ смоленскія славословія „Скорая помощница пре-

Заключимъ разсужденіе объ этихъ послѣднихъ пожеланіемъ, чтобы кто нибудь на мѣстѣ собралъ ихъ изъ устъ народа, если они тамъ дѣйствительно существуютъ, въ болѣе полномъ видѣ, чѣмъ ихъ сообщилъ Гарасевичъ. Тогда возможно будетъ приступить и къ болѣе обстоятельному ихъ изслѣдованію.

II.

Легенда у г. Садока Барончa и Сѣмѣнскаго о царицѣ Еленѣ, Букякѣ и королевичѣ, заключенномъ въ подземельи. Сходство конца ея съ нѣмецкой легендой объ императорѣ Фридрихѣ. Вопросъ объ этой послѣдней легендѣ. Ея иранскіе первообразы. Отголоски этихъ послѣднихъ въ Азіи и Европѣ: у буддистовъ, мусульманъ, евреевъ и христіанъ. Отношеніе славянскихъ отголосковъ (сербскихъ, болгарскихъ, чехо-моравскихъ) къ восточнымъ и западнымъ. Отношеніе украинскихъ сказаній о Бунякѣ къ иранскимъ о Джемшидѣ и Дагакѣ. Иранскій элементъ въ украинскихъ сказаніяхъ о сотвореніи міра. Отголоски мессіанистическихъ сказаній въ представленіяхъ о позднѣйшихъ историческихъ личностяхъ на Малой Руси: Добошѣ, Шевченкѣ. Параллель съ великорусскими сказаніями о Стенькѣ Разинѣ и др.

Краткое упоминаніе въ концѣ сообщенія Гарасевича о встрѣчѣ Буняка съ княжной Еленой показываетъ, что ему былъ хоть отчасти извѣстенъ разсказъ, подобный которому помѣщенъ въ книжкѣ Садока Барончa: Bajki, fraszki, podania, przysłowia i pieśni na Rusi (2 wyd., Lwow, 1886, стр. 76—80).

Этотъ разсказъ интересенъ во многихъ отношеніяхъ, а потому мы начнемъ съ того, что приведемъ его здѣсь вполнѣ:

«Царица Елена какими то тайными средствами выкормила вошь до величины кабана и держала ее въ большой стекляной банкѣ. При этомъ она объявила, что кто отгадаетъ, какой это звѣрь, тому она отдастъ руку вмѣстѣ съ своимъ царствомъ; но кто возьмется, да не отгадаетъ, будетъ казненъ смертью. Много молодыхъ людей, прельщенныхъ красотою царицы и жаждою власти, пробовали счастья, но ни одинъ не могъ отгадать и всѣ казнились на смерть. Наконецъ появился шолудивый Букякъ, дивное созданіе, котораго глаза имѣли такія вѣки, что двое человѣкъ поднимали ихъ

святая Дѣва по мурахъ замковыхъ въ образѣ дѣвическомъ и солнечно-зрачномъ одѣяніи ходящая не точію отъ вѣрныхъ, но и отъ непріятелей, акибы съ воинственными полками, видѣна была" (Петрушевичъ. Сводная галицко-русская лѣтопись, стр. 175—176).

вилами, если онъ хотѣлъ что нибудь видѣть, и тогда онъ все и всюду видѣлъ на сто миль. Пришедши къ царицѣ Еленѣ и приказавъ поднять себѣ вѣки вилами, взглянулъ онъ на звѣря въ стеклянной банкѣ и сказалъ: «вотъ такъ диво! да это жъ вошь!»

Царица огорченная, что она должна взять себѣ мужемъ такого гадкаго человѣка, ушла съ людьми, оставивши ему царство свое во владѣніе. Но Бунякъ, приказавъ поднять себѣ вѣки, увидѣлъ, гдѣ она скрывается и погнался за нею съ быстротою вѣтра, такъ какъ желалъ больше царицы, чѣмъ царства. Но царица, уходя, приказывала сыпать позади себя горы, которыя Бунякъ, хотя съ трудомъ, переходилъ. Всѣ тѣ горы, которыя тянутся отъ Львова до Кіева, насыпала царица Елена противъ Буняка. Наконецъ ставши въ Подгорцахъ, окопалась она не далеко города Плесниска. Въ это время шелъ польскій королевичъ съ большимъ войскомъ, чтобы завоевать какую нибудь землю и найти себѣ жену, и, узнавъ о затрудненіи царицы Елены, пришелъ съ войскомъ до Подгорецъ, чтобъ стать ей на защиту. Царица скоро полюбила королевича и обѣщала отдать ему руку, какъ только онъ побѣдитъ злого напастника. Но Бунякъ, стремительно пробѣжавъ подъ горы Подгорецкія и узнавши, что тамъ для обороны стоитъ королевичъ, такъ крикнулъ, что даже земля затряслась: «Ты, королевичъ, хочешь войскомъ боронить вѣроломную и отнять у меня жену! Отецъ твой, высылая тебя въ свѣтъ съ войскомъ, наказалъ тебѣ держаться праваго пути, если ты не хочешь погубить себя и войско». Перепуганная царица хотѣла съ царевичемъ и войскомъ его уходить далѣе, но Бунякъ такъ окружилъ ихъ чарами, что они не могли двинуться съ мѣста, видя передъ собою горы, далеко высшія, чѣмъ прежде. И такъ какъ царица, держась за королевича, ни за что не хотѣла идти къ Буняку, то разгнѣванный Бунякъ заклялъ ихъ обоихъ такими словами: «Ты, царица, со своимъ дворцемъ, казною и людьми провалишься; разъ только въ годъ, въ ночь передъ Пасхой, и то на минутку только, ты будешь выходить на верхъ земли съ твоей пышностію и богатствами. Ты жъ, королевичъ, провалишься со всѣмъ твоимъ войскомъ и будешь терпѣть кару. Когда же Польша погибнетъ, тогда каждый годъ будетъ въ пасхальную ночь открываться ходъ до твоего жилища, и кто будетъ такъ счасливъ, что въ эту минуту войдетъ и на твой вопросъ: пора ли уже? отвѣтитъ: «уже

пора для тебя». тотъ станетъ твоимъ избавителемъ. Тогда ты выйдешь съ твоимъ войскомъ и отобьешь отъ враговъ твое королевство». Сказавши это, Бунякъ крикнулъ такъ страшно, что земля и горы затряслись и дворецъ съ царицей, людьми, казною, королевичемъ и войскомъ его провалился [1]).

И дѣйствительно каждый годъ на великую ночь этотъ великолѣпный дворецъ выступаетъ изъ земли, но только праведный у Бога можетъ это видѣтъ. Разъ двое мальчиковъ пастуховъ увидѣли, какъ онъ выступилъ изъ земли. Движимые любопытствомъ, они глянули въ оверстіе, а тамъ было много денегъ, на которыхъ сидѣлъ паничъ, одѣтый. какъ нѣмецъ. Сынъ богатаго бросилъ туда для шутки шапку сына бѣднаго сосѣда. Бѣдный мальчикъ сталъ плакать: «да меня же убъетъ отецъ, если прійду безъ шапки». Отчаяніе преодолѣло страхъ; мальчикъ вскочилъ въ яму, чтобъ достать шапку; тотъ паничъ насыпалъ ему полную шапку червонцевъ и помогъ выбраться изъ ямы, послѣ чего дворецъ тотчасъ же изчезъ. Мальчикъ, сынъ богатаго, разсказалъ объ этомъ случаѣ отцу, который научилъ его на будущій годъ, когда замѣтитъ это видѣніе, бросить нарочно свою шапку въ яму, полѣзть за нею и возвратиться съ такимъ же количествомъ червонцевъ, какъ сосѣдскій сынъ. На другой годъ мальчики опять имѣли то же видѣніе. Сынъ богача дѣлалъ, какъ приказалъ ему отецъ, но паничъ его удушилъ и выкинулъ въ окно, а шапку съ дукатами далъ бѣдному мальчику, чтобы тотъ отдалъ своей матери, которой въ прошломъ году отецъ его не далъ ничего на упорядкованіе дома. Такъ тогда богачъ, потерявши единое дитя, умеръ отъ горя, а бѣднякъ сталъ большимъ богачемъ и всегда нанимаетъ обѣдни и акаѳисты за царицу Елену, раздаетъ нищимъ милостыню за нее,—и скоро окончится ея покаяніе.

---

[1]) Lucian Siemieński, Podania a Legendy polskie, ruskie i litowskie. Poznań, 1854 г., на стр. 39 разсказываетъ: „въ окрестностяхъ Зборова на Подоліи народъ показываетъ валъ, который тянется съ перерывами, называемый валомъ Ольги. Та княгиня, уходя отъ Батыя, вождя татаръ, обратилась въ мышь и шла подъ землею; вездѣ, гдѣ она рылась, насыпался такой валъ. Безопасное убѣжище она нашла только въ городищѣ, называемомъ Плесниско, вблизи Подгорецъ, гдѣ, запершись въ замкѣ, дала отпоръ ордамъ татарскимъ. На томъ мѣстѣ теперь видно нѣсколько могилъ, а вблизи стоитъ монастырь базиліанъ. *Примѣч. С. Б.* Подобное въ другой статьѣ Сѣмѣнскій вставляетъ въ уста крестьянина на Волыни (см. выдержку въ Вѣстникѣ Европы, 1866 г. ноябрь, стр. 330).

»Разъ на великую ночь старикъ-монахъ (базиліанинъ) послѣ святыхъ разговѣнъ вышелъ изъ монастыря подгорецкаго на прогулку. Но едва онъ ступилъ нѣсколько шаговъ, видитъ: проявился какой то ходъ въ горѣ, котораго прежде тамъ не было. Вошелъ онъ въ эту пещеру, и тамъ нашелъ рыцарей въ желѣзной збруѣ; сидятъ на коняхъ. Впереди стоявшій въ свѣтлой золотой збруѣ схватилъ бубенъ и спросилъ базиліанина, можно ли ударить, пора-ли? Базиліанинъ, перепуганный, убѣгая крикнулъ: «не пора!» Сейчасъ же за нимъ замкнулась пещера, и королевичъ съ войскомъ тамъ будетъ сидѣть до тѣхъ поръ, пока какой счастливый у Бога человѣкъ не попадетъ на него въ минуту открытія пещеры и, не перепугавшись, отвѣтитъ на его вопросъ: »уже пора!» Тогда королевичъ выйдетъ съ войскомъ, освободитъ Польшу, а того, кто его избавитъ, поставитъ королемъ, либо королевой, смотря по тому, будетъ ли это мущина, или женщина. Но весь успѣхъ этого дѣла зависитъ отъ того, чтобъ не испугаться, какъ базиліанинъ, который зналъ о томъ хорошо и хотѣлъ сказать: «уже пора», но отъ страха сказалъ: «еще не пора!» Но кто знаетъ, какъ еще долго будетъ тамъ сидѣть этотъ королевичъ [1]).

---

[1]) *Примѣчаніе С. Бaронча.*—„О княжнѣ Еленѣ мало знаемъ изъ исторіи. Говорятъ, что она была дочка Всеволода, князя кіевскаго, что во время Батыя, вождя татаръ, ушла изъ Кіева до Плесниска, выступала противъ ордъ невѣрныхъ и заложила въ 1180 г. монастырь базиліанъ въ Подгорцахъ, гдѣ можно видѣть образъ, масляными красками писанный, представляющій княжну Елену громящею татарское ополченіе. По однимъ она одержала знаменитую побѣду, по другимъ легла на полѣ битвы по взятіи Плесниска. Что до Буняка, то о немъ также мы не имѣемъ вѣрныхъ свѣдѣній. Говорятъ, что это былъ вождь и князь половцевъ въ первой половинѣ XII вѣка, между 1118 и 1140 годами. Онъ вмѣшивался въ домашнія войны князей русскихъ, помогалъ князю Владимірку галицкому и перемышльскому въ его освобожденіи изъ подъ власти великаго князя кіевскаго, Изяслава II, котораго разомъ съ королемъ венгерскимъ, вѣроятно, Гейзой, побилъ на голову подъ Перемышлемъ. Въ Черницѣ подъ Бродами есть остатокъ рва, тянущагося отъ россійской границы черезъ Поникву; народъ зоветъ его „Буняко́въ шляхъ“. Вагилевичъ (Berda w uryczu; помѣщено въ Biliotekа naukoweqo zakladu Ossolińskich, t. II, 1843, стр. 163) говоритъ: „когда татаре заняли княжество галицко-владимірское...., во главѣ ихъ стоялъ тотъ страшный шелудивый Бунякъ, полудемонъ, съ паршами, шелудями на головѣ, съ вѣками длинными до земли, которыя слуги его поднимали, по его приказу, золотыми вилами, и съ открытымъ брюхомъ“... Стр. 166: „татаре въ первомъ грозномъ нападеніи на Русь подъ предводительствомъ шелудиваго Буняка, полудемона! Это одно лице съ Батыемъ Iosefowicz, (Kronika miasta Lwòwa, 1854, стр. 268)

Для удобства изслѣдованія, мы на время оставимъ въ сторонѣ начало выше приведенной легенды о сватовствѣ Буняка, а обратимся къ второй его половинѣ, о заключеніи королевича подъ землею. Эта часть сразу бросается въ глаза своей близкой родственностію съ знаменитой нѣмецкой легендой о спящемъ въ горѣ императорѣ, извѣстной теперь всему литературно-образованному міру по патріотической обработкѣ ея поэтомъ Рюккертомъ (1813). Прежніе ученые, встрѣчая варіанты этой легенды въ разсказахъ разныхъ народовъ, почти исключительно впрочемъ у германскихъ и славянскихъ, усматривали въ ней позднѣйшую антропоморфическую редакцію древняго космическаго миѳа о солнечномъ богѣ (Одинѣ, Сванетовичѣ) спящемъ ночью или замершемъ на зиму въ подземномъ мірѣ [1]).

Въ настоящее время, если по поводу подбныхъ легендъ можно говорить о первобытныхъ натуралистическихъ миѳахъ, то развѣ только объ элементахъ, какіе вошли изъ такихъ миѳовъ (солнечнаго круга) въ древне-зендскія мессіанистическія представленія, которыя повліяли на представленія болѣе западныхъ народовъ, начиная отъ евреевъ. Затѣмъ элементы этихъ, уже сравнительно позднихъ, по своему философски-космогоническихъ идей, а не древнихъ, наивно-натуралистичессихъ образовъ, осложнившись въ еврейской средѣ мессіанизмомъ національнымъ, перешли въ восточно-христіанскій міръ и прошли здѣсь въ двухъ теченіяхъ: во 1-хъ) въ идеѣ о мессіи враждебномъ, антихристѣ, который, разъ появившись, скрылся на время, чтбъ потомъ опять явиться наружу (такъ думали о Неронѣ, первомъ антихристѣ) и въ 2-хъ въ идеѣ о мессіи національномъ, который тоже замираетъ, или удаляется отъ міра, какъ Енохъ или Илія у евреевъ, но потомъ пробудится или возвратится, побѣдитъ враговъ невѣрныхъ передъ послѣднимъ приходомъ Мессіи

говоритъ: „нѣкоторые подъ именемъ шелудиваго Буняка разумѣютъ Болеслава храбраго, найхрабрѣйшаго короля польскаго въ тѣхъ сторонахъ". *Прим. С. Б.* Примѣчаніе это интересно, какъ смѣсь обрывковъ мѣстныхъ преданій съ довольно невѣжественными мудрованіями современныхъ даже галицкихъ книжниковъ.

[1]) Jak. Grimm, Deutsche Mythologie, 3-te Aufl. 1854 г., стр. 903 и дальше, гдѣ впрочемъ сведенъ матеріалъ, который теперь можно объяснить и въ другомъ смыслѣ,—и Grohmann, Sagenbuch von Böhmen und Mähren, I, Prag. 1863 г., стр. 8—9.

божественнаго, Христа [1]). Въ такого рода канву вплелись еще детальные образы изъ легенды объ Александрѣ Македонскомъ (который отчасти самъ принялъ мессіанистическую окраску въ народныхъ преданіяхъ), заключившемъ-де въ подземелье или среди горъ чудовищные и нечистые народы, которыхъ еврейско-византійская ученость отождествляла съ библейскими Гогомъ и Магогомъ. Эти народы, говорилось, появятся наружу передъ концемъ міра. Всѣ эти легендарные элементы, разнообразно переплетенные между собою и развившіеся, находимъ уже въ византійскихъ, такъ называемыхъ «Откровеніяхъ Меѳодія Патарскаго», которыхъ основа должна была накопиться въ византійскомъ мірѣ еще подъ впечатлѣніемъ побѣдъ надъ христіанами новоперсовъ въ VI в. и потомъ развиться во время побѣдъ арабовъ-мусульманъ въ VII—VIII вв. [2]). Особенно эти послѣдніе заставили восточныхъ христіанъ вспомнить о запертыхъ Гогѣ и Магогѣ, ожидать пришествія антихриста и конца міра и видѣть въ побѣдоносныхъ императорахъ (Ираклій, Михаилъ III) проснувшихся посланниковъ Божіихъ. Такого рода восточно христіанскія, разработанныя въ византійской писменности, представленія считаются главнымъ источникомъ легендъ у ново-европейскихъ народовъ о скрывающихся въ подземельяхъ герояхъ.

Изъ этихъ легендъ найбольшую извѣстность пріобрѣли нѣмецкія. Они же удостоились найболѣе тщательной научной обработки. Въ послѣдніе годы этимъ легендамъ посвящены были очень обстоятельные труды Георга Фойгта (G. Foigt. Die deutsche Kaisersage, въ Hiztorische Zeitschrift, v. 4. z., Sybel XXVI, 1871, стр. 131—187) и Зильмунда Рицлера (S. Riezler—Zur Deutschen Kaisersage, ibid. XXXII, 1874 г., стр. 63—75), послѣ которыхъ русскій ученый г. А. Веселовскій съ большою полнотою разработалъ источники

---

[1]) Мы представляемъ такую схему этихъ идей въ мірѣ западномъ; но и въ самомъ Иранѣ македонское завоеваніе и потомъ борьба съ Римомъ и Византіей создали и національно-мессіонистическую струю, которая, какъ увидимъ дальше, должна была въ свою очередь оказать вліяніе на западъ.

[2]) Авторитетные ученые относятъ время окончательной редакціи этихъ откровеній къ VIII (Гутшмидъ около 718) или къ XI в. (Деллингеръ, котораго статья „Der Weissagungslaube und das prophetentum in der chritlichen Zeit въ Histor. Taschenbuch Раумера, продолж. Рилемъ, V, очень важна для даннаго вопроса.

нѣмецкой легенды въ цѣломъ и частяхъ въ «Откровеніяхъ Меѳодія» и аналогическихъ имъ византійскихъ писаніяхъ и западныхъ ихъ подражаніяхъ,—въ статьяхъ «Опыты по исторіи развитія христіанской легенды»: I) Откровеніе Меѳодія и византійско-германская императорская сага; II) Легенда о возвращающемся императорѣ; III) Легенда о скрывающемся императорѣ (Журналъ Минст. Нар. Просвѣщ. 1875, IV и дальше). Къ сожалѣнію малорусскіе отголоски данныхъ легендъ ускользнули отъ вниманія русскаго академика [1]). На основаніи названныхъ трудовъ, исторія развитія нѣмецкой легенды представляется въ такомъ видѣ: идея о неумершемъ, а скрывающемся антихристѣ была примѣнена въ Италіи къ врагу папы, Фридирху II Гогенштауфену, который кстати же имѣлъ и своихъ самозванцевъ, какъ и Неронъ—антихристъ. Со временемъ въ Германіи враги папской церкви стали ждать появленія этого императора, уже какъ національнаго мессіи, который между прочимъ освободитъ міръ отъ поповъ, какъ гробъ Господень отъ турокъ. Въ эпоху реформаціи и послѣдующую, во время конфликта германскихъ императоровъ австрійскаго дома съ турками, которые успѣли занять и Константинополь, послѣдній мотивъ легенды развился болѣе, между тѣмъ какъ первый, противупоповскій, атрофировался. Вмѣстѣ съ тѣмъ постепенно измѣнялась и матеріальная обстановка сюжета: императоръ сначала считался скрытымъ неизвѣстно гдѣ, потомъ бродящимъ и скрывающимся въ развалинахъ разныхъ замковъ, наконецъ во внутренностяхъ горъ, при чемъ легенда стала локализироваться: въ Унгербергѣ (около Зальцбурга) или Киффгейзерѣ (въ Тюрингіи, гдѣ въ XV в. былъ уже въ развалинахъ старый замокъ саксонскихъ императоровъ, въ которомъ бывалъ и Фридрихъ I Гогенштауфенъ) и т. п. Затѣмъ легенда стала привязываться къ разнымъ другимъ именамъ, какъ болѣе древнимъ (Фридриху Барбароссѣ, имя котораго повело за собою разработку образовъ о бородѣ спящаго императора, къ Карлу Великому, Дитриху-Теодо-

---

[1]) Мы не имѣемъ подъ рукою еще новаго небольшаго нѣмецкаго труда J. Häussner, Die deutsche Kaiersage (Bruchsal, Druck von D. Weber 1882 г., стр. 49 §. Programm). Судя по рецензіи Либрехта (Götting. gel. Anzeigen, 1882 г., стр. 1466—1472), этотъ трудъ похожъ на работу г. Веселовскаго, какъ по своимъ идеямъ, такъ и по объясненію подробностей легенды, въ родѣ сухаго дерева, на которое послѣдній императоръ повѣситъ свой щитъ, и т. п.

риху, или даже болѣе позднимъ, какъ принцъ Карлъ. Гоферъ и т. п). Та форма нѣмецкой легенды, которая теперь извѣстна образованному міру и къ которой близокъ и нашъ варіантъ, т. е. та, въ которой слился образъ спящаго императора съ образомъ заключеннаго въ подземельи войска, въ добавокъ окруженнаго драгоцѣнностями, можетъ быть уловлена только въ памятникахъ столь поздняго времени, какъ XVI—XVII вѣка [1]). Изъ этихъ варіантовъ мы остановимся на собранныхъ писателемъ конца XVII в. Преторіусомъ; они интересны, какъ ближайшіе къ тѣмъ, какіе легли въ основу стихотворенія Рюккерта, а равно и по своему сходству съ нашимъ сказаніемъ и въ тоже время по своимъ отличіямъ отъ него. По этимъ разсказамъ, въ горѣ Кифгейзерской сидитъ императоръ Фридрихъ въ глубокомъ снѣ; борода его спускается далеко на землю со стола, у котораго онъ сидитъ на скамьѣ. Такъ нашелъ его однажды пастухъ, которато привелъ къ нему карликъ. Императоръ поднялся и спросилъ: «летаютъ ли еще вороны около горы?» Когда пастухъ отвѣтилъ утвердительно. императоръ сказалъ, что онъ долженъ спать еще сто лѣтъ,—и отпустилъ пастуха съ большими подарками. Другой разъ въ пещеру проникъ крестьянинъ, который продалъ императору свою пшеницу [1]).

Устные разсказы, записанные въ окресностяхъ Киффгейзера (A. Kuhn und Schwartz—Norddeutzche. Sagen, Märchen und Gebräuche etc Leip. 1848 г., стр. 217—223) представляютъ императора (просто Фридриха, или Рыжебородаго, или Оттона или Маркграфа Ганса) въ пещерѣ, окруженнымъ сокровищами: «золотомъ, виномъ, лошадьми» Около него нѣкоторые разсказы помѣщаютъ дочь его, или экономку, иногда Frau Hülle (Hölle). Если кто проникнетъ въ пещеру (пастухъ, музыканты и т. п), то получаетъ вино или золото, которое иногда имѣетъ видъ костей, или пакли и оказывается золотомъ уже на дому получившаго. Иногда проникновеніе въ секретную пещеру имѣетъ печальныя послѣдствія (Ср. тамъ-же, 215—217, Frau Hulle mit den Goldknotten) [2]).

---

[1]) У Фойгта, стр. 175—182. Br. Grimm, Deutsche Sagen, 2-te Ausg, т. I, №№ 22, 23, 26, 27, 28; т. II, №№ 296, 237.

[1]) Вспомнимъ впрочемъ, что и Меѳодьевымъ откровеніемъ при царѣ мессіи „объявлятся вси кладове въ царствіи его, иже отъ Адама сокровенны суть. Царь же Михаилъ начнетъ давати людямъ богатство всякое...“.

Изслѣдованіе нѣмецкой легенды нельзя впрочемъ считать окончательнымъ. По нашему мнѣнію, остается еще опредѣлить точнѣе ея первоначальные источники, которые должны лежать еще дальше на Востокѣ, чѣмъ Византійская имперія, а также точнѣе опредѣлить ея отношеніе къ родственнымъ легендамъ другихъ европейскихъ народовъ, какъ болѣе западнымъ, въ родѣ легенды объ Артурѣ, такъ и славянскимъ. Мы не возьмемъ на себя спеціально этой задачи, но позволимъ себѣ высказать нѣсколько соображеній, по возможности не очень удаляясь отъ нашего частнаго иредмета.

Еще въ 1849 г. извѣстный зендистъ Фр. Шпигель въ статьѣ Die Sage von Säm und das Sämnahme (въ Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, III. B. 245—261) мимоходомъ обратилъ вниманіе на сходство нѣмецкой киффгейзерской легенды съ иранскими преданіями о божественной сначала, а потомъ героической личности Сама, и потомъ повторилъ свое сближеніе въ новомъ трудѣ Eränische Alterthumskunde (1871, т. I, стр. 257—264). Уже въ древне-иранскихъ памятникахъ, частяхъ Зендавесты, Самъ является однимъ изъ видовъ Кересары, иранскаго Геракла, воюющимъ со зміями и другими порожденіями бога зла. Онъ пораженъ въ борьбѣ, но живъ, и тѣло его стерегутъ 99,999 духовъ, фраваши.

Болѣе поздніе памятники, редижированные въ эпоху Сассанидовъ (III—VII в. по Р. Хр.) и тотчасъ по ней, но изъ древнихъ матеріаловъ, рисуютъ намъ Сама и его обстановку въ образахъ, во многомъ напоминающихъ императоровъ, посланниковъ «Откровенія Меѳодія» и ихъ западныхъ подражаній. Такъ *Минокиредъ* (книга о небесномъ разумѣ=Sophia) полагаетъ сонъ Сама, оберегаемаго 99,999 фраваши у подножія горы Дамавенда, въ которой заключенъ змій Дагака, главнѣйшее порожденіе злаго бога, своего рода антихриста. *Бундегешъ* (книга о началѣ, твореніи, бытіи) предсказываетъ, что когда передъ концемъ текущаго періода змій Дагака опять вырвется наружу, Самъ, котораго поразилъ нечистый туранецъ, встанетъ и убьетъ его. Двѣ другія книги, *Bahma-yasht и Jmaspanâma*, представляющія въ видѣ разговоровъ (въ первой самъ Заратунтра съ Оромуздомъ, во второй Ямаспа, его современникъ, съ царемъ Гудаспой) судьбу міра, преимущественно персовъ, составляютъ спеціальныя «откровенія», въ которыхъ видное

мѣсто занимаетъ появленіе посланниковъ для спасенія персовъ отъ враговъ и злаго бога: «Передъ концемъ текущаго періода міра наступятъ великія бѣды. Враги невѣрные нападутъ на персовъ; произойдетъ великая битва, такъ что кровь будетъ вертѣть мельницы. Тогда явится спасительный царь и временно поправитъ дѣло. Но зло опять возьметъ верхъ, послѣ чего Оромуздъ опять воззоветъ спасителя, который родится далеко (въ Китаѣ или Индіи) и котораго рожденіе возвѣститъ звѣзда, а также новаго пророка. Затѣмъ наступитъ страшный холодъ и переморитъ людей. *Тогда откроется Варъ* (сокровенный садъ, нѣкогда рай) *Джемшида, оттуда выйдетъ народъ его и населитъ землю.* Но зло опять пойдетъ по землѣ, пока не появится самъ *Созіохъ* (міровой мессія), но при немъ тогда вырвется на волю Дагака. Противъ этого своего рода антихриста встанетъ, по приказанію высшаго бога, Самъ, который обратитъ самаго Дагака къ вѣрѣ Созіоха; настанетъ всеобщее воскресеніе мертвыхъ, очищеніе людей въ огнѣ и полученіе ими новаго тѣла и блаженства [1]).

Мы подчеркнули выше въ изложеніи откровеній *Jamaspa-nâme* эпизодъ о выходѣ изъ Вара (сада) населенія его съ Іемомъ. Этотъ эпизодъ почему то не сближается Шпигелемъ съ киффгейзерской легендой, а между тѣмъ онъ указываетъ на такія иранскія представленія, которыя во многомъ имѣютъ еще болѣе сходства съ этой легендой, чѣмъ самыя представленія о Самѣ, и при томъ, по крайней мѣрѣ часть ихъ, изложены въ книгѣ столь древней и столь великаго авторитета въ извѣстномъ кругѣ, какъ Авеста. Во второй главѣ части ея, называемой Вендидатъ, расказывается судьба Іимы (потомъ Іемъ, дальше Джемъ, Іима Кшеста, Іима царь, Джемшадъ новоперсидской книги царей Фирдуси). Лицо это, Іама въ Ведахъ, принадлежитъ еще къ общимъ преданіямъ восточно-арійскихъ народовъ, и въ индійскихъ Ведахъ сохранило еще ясно условимыя черты солнечнаго божества, которое впрочемъ уже стало и первымъ человѣкомъ (вмѣстѣ съ сестрой своей Іами), и въ тоже время, но какъ «первымъ переправившимся въ страну мрака смерти», и царемъ подземнаго міра и вмѣстѣ предковъ. Въ специально иранскомъ памятникѣ, въ Авестѣ, Іима уже отдѣлился отъ космическихъ обра-

---

[1]) Spiegel, op. cit, а также Die traditionelle Literatur der Parsen, 128—134, 181—182; Avesta, I, 32—34; Der Bundehesh übers, von Justi, cap. XXX, стр. 39—42.

зовъ и является только первымъ изъ человѣковъ, съ которыми вступаетъ въ прямыя сношенія Агурамузда (Ормуздъ). Іима, повинуясь богу, сталъ покровителемъ, кормильцемъ и провидцемъ міровъ, въ которыхъ не было ни холоднаго вѣтра, ни жару, ни разложенія, ни смерти, и которые наполнились скотомъ, людьми, собаками, птицами и краснымъ горящимъ огнемъ. Царство это все расширялось, по молитвѣ Іимы, при помощи золотаго копья, даннаго ему Агурамуздой; но наконецъ богъ предупредилъ его, что настанетъ зима съ ея бѣдствіями, и велѣлъ ему очертить на землѣ четвероугольникъ, обвести его стѣнами и собрать туда найбольшія, найлучшія, найкрасивѣйшія каждаго рода твари и запереться съ ними. Іима такъ и сдѣлалъ, и живетъ въ этомъ саду (вара), гдѣ свѣтитъ свой свѣтъ, гдѣ нѣтъ ни споровъ, ни непріязни, обмана, бѣдности, болѣзни, длинныхъ зубовъ, ни другой несоразмѣрности, никакихъ признаковъ того, что сдѣлалъ людямъ Агромайніусъ (Ариманъ). Тамъ *свѣтитъ свой свѣтъ, годъ считается за день, а птица Каршипта научаетъ населеніе священному закону* [1]). Вышеприведенный отрывокъ Авесты не опредѣляетъ мѣстонахожденія, гдѣ скрывается Іима; но Минокеридъ помѣщаетъ его *варъ* подъ землей, а Бундегешъ *подъ горой Демканъ* [2]). Другая часть Авесты Іаштъ даетъ нѣсколько другую варіацію легендѣ о Іимѣ, упоминая о томъ, какъ отъ него *отлетѣло, въ видѣ птицы, царское величіе*, потому что онъ началъ любить «лживыя рѣчи». Здѣсь говорится и о томъ, какъ демонъ Спитіура послѣ этого разсѣкаетъ Іиму. Но и здѣсь отлетаніе царскаго величія совершается три раза, а потому и здѣсь сохраняется слѣдъ идеи о томъ, что Іима продолжаетъ жить въ своемъ раю, котораго образъ рисуетъ и Zamyad-yast словами одинаковыми съ Вендидабъ. Когда во второй разъ величіе отлетѣло отъ Іимы, тогда его перехватилъ Трастаона (Феридунъ въ Шахъ-Наме) который и побѣдилъ змія Дагаку, созданнаго злымъ богомъ, врага Іимы и людей [3]).

---

[1]) Avesta, übers, v. Spiegel, т. I, стр. 70—77.

[2]) Ibid., стр. 69. Einleitung in die traditionelle Litteratur der Parsen, т. I, стр. 140, 171. Eran. Alterthumskunde, т. I, стр. 528, Avesta, т. III, LIX. Der Bundehest, üb. v. Justi, c. XXX.

[3]) Avesta, üb. v. Spisegel, т. III, стр. 175 и слѣд. (Zamyad—yast).

Такъ какъ Авеста дошла до насъ уже въ отрывкахъ, то мы и не можемъ гадать о томъ, какъ примирялось у древнихъ иранцевъ противурѣчіе между двумя вышеупомянутыми варіантами сказанія о Іимѣ и его раѣ. Но мы видимъ, что въ болѣе позднихъ иранскихъ религіозныхъ книгахъ воспреобладало такое представленіе, по которому Іима живетъ подъ землею, и къ нему прибавилось еще и то, что онъ въ свое время выйдегъ наружу, такъ точно, какъ въ свое же время вырвется на волю и его врагъ,—змій Дагака, побѣжденный, но, согласно этимъ позднѣйшимъ книгамъ, не убитый Трастаоной.

Такимъ образомъ *уже въ легендѣ о Іимѣ мы имѣемъ всѣ элементы европейскихъ сказаній, насъ занимающихъ.* Эти элементы, привязываясь въ послѣднемъ счетѣ къ первобытнымъ натуралистическимъ миѳамъ, могли конечно сложиться и во всякой другой странѣ [1]), но они разработались спеціально въ иранскихъ вѣрованіяхъ, въ согласіи съ идеями дуалистическими, которыя, хотя находятся во всѣхъ почти религіяхъ, но съ наибольшей логичностью и мелочностью разработаны именно въ иранской религіи. Вслѣдствіе этого именно иранскія легенды этого круга и распространились среди сосѣднихъ съ иранцами, а потомъ и дальнѣйшихъ народовъ. Это распространеніе сдѣлалось тѣмъ болѣе возможнымъ, что Иранъ въ эпоху Сассанидовъ явился первенствующимъ государствомъ западной Азіи, которое поддерживало живой культурный обмѣнъ въ одну сторону—съ Индіей, которой буддизмъ распространялся тогда въ Афганистанѣ и изъ которой иранцы вынесли тогда переводъ басенъ, потомъ переданный черезъ арабовъ (Kalila ve Dimna) всему западу, а съ другой съ евреями и христіанами, которые (особенно еретики, гонимые въ византійской имперіи) имѣли свои школы въ Вавилоніи, принадлежавшей Сассанидамъ [2]).

---

[1]) Подобныя сказанія видитъ Піо (Sagnet om Holger Danske, стр. 76—77) даже у мексиканцевъ въ вѣрованіяхъ о Квецалькоатлѣ. Впрочемъ детали образовъ, въ какихъ тольтеки, а за ними и ацтеки, представляли себѣ удаленіе, сонъ и будущее возвращеніе этого бога (жреца), довольно далеки отъ извѣстныхъ образовъ народовъ стараго свѣта (См. Réville, Histoire des réligions, т. II. La Réligion du Mexique, de l'Amérique centrale et du Perou, стр. 71—84).

[2]) См. объ этомъ между прочимъ у Шпигеля, Avesta, т. I, стр. 23—26. Въ ту эпоху были христіане, которые ставили Зароастра въ число предшественниковъ Христа. Впрочемъ еще раньше извѣстная симпатія христіанъ къ Ирану запечатлѣлась въ сказаніи о магахъ, которые поклонялись ребенку—Іисусу.

Даже у индійскихъ буддистовъ, которыхъ вѣрованія и сказанія сами такъ далеко распространились на западъ, можно усмотрѣть отголосокъ занимающей насъ иранской легенды въ сказаніи о первомъ ученикѣ Будды—Сакіамуни, Касіапѣ, который удалился въ гору Куккута-Пада и останется тамъ, пока не явится новый Будда, Майтрея [1]).

Въ передней Азіи отголосокъ подобныхъ вѣрованій пережили даже воинственный натискъ идей исламизма. Разныя магометанскія секты, преимущественно шіитскія, сохраняютъ у себя вѣрованія о святыхъ имамахъ, которые де не умерли, а живутъ въ чудесныхъ пещерахъ, откуда выйдутъ въ свое время, чтобъ уничтожить нечестіе и доставить торжество по всему міру истинной вѣрѣ пророка [2]). Изъ числа такихъ вѣрованій для насъ особенно интересно то, которое относится къ имаму Али, который, будучи преслѣдуемъ врагами, обратился къ богу, былъ подхваченъ небесной силой, перенесенъ за Іорданъ и скрытъ отъ людей до рѣшительнаго времени [3]).

Также точно пережили эпоху процвѣтанія старо-иранской религіи и сказанія о злыхъ существахъ, заключенныхъ въ подземельяхъ. Таковы особенно образы, которые находимъ въ книгѣ 1001 день, въ разсказѣ о демонахъ, заключенныхъ въ серединѣ земли Соломономъ, на котораго у теперешнихъ мусульманъ вообще перенесено много вѣрованій о старѣйшихъ герояхъ [4]). Мы будемъ еще имѣть случай возвратиться къ этимъ образамъ. Теперь замѣтимъ, что они должны были оказать вліяніе и на сложеніе образовъ о заключеніи Александромъ Македонскимъ нечистыхъ народовъ.

Что касается евреевъ, то даже, оставляя ихъ болѣе древнія идеи, сложившіяся въ эпоху плѣненія вавилонскаго и староперсидскаго царства,—изъ эпохи ихъ болѣе позднихъ мессіанистическихъ

---

1) Spiegel, Avesta, т. I, стр. 37—38.

2) D'Herbelot. Bibliothèque orientale, слово Mahadi (желанный, мессія) Freitag, Chrestomatie Arabe, стр. 162.

3) Pio, Sagnet om Kolder Danske; стр. 75.

4) P. Langlois, Les Mille et un jorus, день 185—186 и др. Болѣе западные отголоски подобныхъ сказаній см. напр. въ статьѣ г. Вс. Миллера: Кавказскія преданія о великанахъ, прикованныхъ къ горамъ, въ журналѣ Мин. нар. Просвѣщенія, 1883 г., январь.

ожиданій, мы имѣемъ книгу Abgat-Rocel, которую можно принять за прямую передѣлку упомянутыхъ выше иранскихъ откровеній. Въ ней между прочимъ предсказывается пришествіе мессіи, сына Іосифа, который побѣдитъ христіанъ и возвратитъ въ Іерусалимъ сосуды храма, потомъ появленіе Армита (своего рода антихриста), борьбу съ нимъ Михаила архангела и пророка Иліи; при появленіи Иліи, взятаго на небо, *оживутъ мертвые, погребенные въ Іерусалимѣ*, и Илія и мессія, сынъ Давидовъ, станутъ жить въ этомъ городѣ тысячу лѣтъ, послѣ чего наступитъ второе воскресеніе мертвыхъ и страшный судъ [1]). Сильно напоминаютъ иранскія пророческія книги и многія мѣста книгъ еврейской Сивеллы, усвоенныхъ потомъ и христіанами [2]).

Сравнивая *Откровенія Меѳодія* съ упомянутыми выше иранскими книгами, нельзя не сдѣлать предположенія, что и этотъ памятникъ византійской письменности *вдохновлялся непосредственно, или посредственно иранскими откровеніями* и потому передалъ иранскія представленія и новоевропейскимъ народамъ. Это предположеніе найдетъ за себя аналогію въ распространеніи именно черезъ иранцевъ индійскихъ басень Камлы и Димны, а также повѣсти о Варлаамѣ и Іосафатѣ, которой древнѣйшія христіанскія редакціи непремѣнно предполагаютъ иранское посредничество между ними и житіемъ Будды. Но кромѣ этого *иранскіе образы* о замершемъ или заключенномъ подъ землею религіозно-національномъ героѣ, а равно и ихъ переднеазіатскіе отголоски, *должны были двигаться на западъ и сами собою устнымъ путемъ*. Такое движеніе должно было между прочимъ способствовать превращенію въ устныхъ европейскихъ сказаніяхъ заимствованныхъ ими изъ византійской письменности антипатичныхъ образовъ заключенныхъ Александромъ Македонскимъ нечистыхъ народовъ въ симпатичный образъ товарищей спящаго національнаго мессіи, которыхъ прототипомъ слѣдуетъ считать тѣхъ 99,999 духовъ, которые стерегутъ тѣло Сама.

Нѣкоторые южнославянскія редакціи темы, родственной съ киффгейзерской легендой, носятъ на себѣ явные слѣды такого уст-

---

[1]) Avesta, Spiegel, т. I, стр. 36—37.

[2]) См. особенно III книгу F. Delaunay, Moines et Silyles dans l'antiquité Judeo-Grecque, стр. 360 и слѣд.

наго перехода съ востока. Такова напр. сербская легенда о томъ, что когда Марко королевичъ въ послѣдней своей битвѣ, увидѣвъ, что товарищей его погибло столько, что люди и кони плавали въ крови, поднялъ руки къ небу и воскликнулъ: «Боже, что мнѣ теперь дѣлать?!» то богъ перенесъ его въ невѣдомую пещеру, гдѣ онъ и заснулъ, засунувъ свою саблю въ камни; около него спитъ его конь; сабля постепенно высовывается наружу, а конь поѣдаетъ кормъ; когда сабля совсѣмъ высунется, а конь поѣстъ весь кормъ, Марко выйдетъ вновь на свѣтъ [1]). Эта легенда есть очевидный отголосокъ легенды объ Али. Въ тоже время болгарскія представленія о Маркѣ носятъ на себѣ слѣды иранскихъ легендъ: Марко сидитъ въ пещерѣ, конь его въ другой, а собака его въ третьей; будетъ время, когда онъ выйдетъ и освободитъ болгаръ отъ турокъ, а пока онъ окруженъ *самодивами*, *халями* (существа въ родѣ самовилъ=самодивъ=вилъ, только болѣе злыя и страшныя) и змѣями, которыя всѣ приносятъ ему вѣсти отовсюду и служатъ ему, исполняютъ его волю [2]). Этотъ образецъ напоминаетъ Джемшида въ представленіи Шахъ-наме, по которому иранскій царь съумѣлъ подчинить себѣ демоновъ, которые служили ему до его грѣхопаденія, гордости [3]). Быть можетъ, и тѣ горныя птицы, которыя летаютъ около убѣжища нѣмецкаго императора, есть ничто иное, какъ отголоски этихъ слугъ Джемшида и Марка.

Сказанія западно-славянскія, изъ которыхъ болѣе извѣстные чехо-моравскія, такъ близки къ нѣмецкимъ, что теперь трудно сказать, которыя изъ нихъ старѣе и оригинальнѣе. Таковы напр. чешскія сказанія о королѣ Венцелѣ, живущемъ въ горѣ Бланикѣ [4]).

---

[1]) Въ Карадчичъ, Српски Ріечник, стр. 346. Другая легенда (тамже, а также у Болгаръ, Grohmann Sagen Buch von Böhmen und Mähren, т. I, стр. 10) о томъ, что Марко ушелъ въ пещеру, когда увидѣлъ въ первый разъ ружье, которымъ и „послѣдняя мелочь можетъ убить юнака", есть уже позднѣйшая поблѣднѣвшая варьяція старой темы.

[2]) Периодическо описание на Българското книжовно дружество. Май и юний, 1885 г., стр. 445—446.

[3]) Livre des rois, trad. par J. Mohl, 1876 г., т. I, стр. 33.

[4]) Изъ нѣсколькихъ разсказовъ, которые приводитъ Grohmann о горѣ Бланикѣ, мы изложимъ здѣсь только два. Разъ пришелъ къ кузнецу, жившему неподалеку горы, незнакомецъ, который повелъ его за собою и ввелъ въ гору. Тамъ кузнецъ увидѣлъ рыцарей, сидящихъ на коняхъ, положивъ во снѣ го-

Но моравскія сказанія сохранили явное указаніе на то, что они образовались прямо подъ вліяніемъ книжныхъ представленій объ Александрѣ Македонскомъ, передѣланныхъ устнымъ вліяніемъ; въ горѣ Бухлавъ или Радгость скрывается-де войско *Гой-Магой*, но только оно дружественно Моравіи, такъ какъ возвеличитъ ее [1]).

Сравнивая теперь съ изложенными выше наше малорусское сказаніе, мы видимъ, что оно во многомъ близко къ народнымъ чешскимъ и позднѣйшимъ народнымъ нѣмецкимъ. Значитъ ли это, что оно, если не составляетъ совсѣмъ отголоска этихъ западныхъ формъ данной легенды, то подверглось ихъ вліянію, или-же что наше сказаніе составляетъ промежуточную форму между самыми древними азіятскими и византійскими варіантами и этими западными? Мы не беремъ на себя смѣлости отвѣчать рѣшительно на эти вопросы, уже потому, что мы имѣемъ подъ рукою пока одинъ варіантъ С. Барончa съ обрывками другихъ, но считаемъ возможнымъ представить читателямъ и будущимъ изслѣдователямъ нѣсколько соображеній въ пользу древности малорусскаго варіанта.

Главное отличіе этого варіанта отъ западныхъ состоитъ въ выведеніи на сцену не только національнаго героя, заключеннаго въ горѣ царевича, но и врага—Буняка. Интересно, что уже въ нашей лѣтописи появленіе половцевъ съ Бунякомъ было первымъ поводомъ къ перенесенію къ намъ византійской редакціи легенды о заключенныхъ Александромъ Македонскимъ нечистыхъ народахъ (см. выше). Можно предположить, что подобное сказаніе проникло

ловы на шеи животныхъ. Незнакомецъ приказалъ кузнецу подковать коней, но такъ, чтобъ не разбудить спящихъ. Оканчивая работу, кузнецъ толкнулъ одного рыцаря. Этотъ проснулся и спросилъ: „уже пора?"—Еще нѣтъ, сказалъ незнакомецъ и погрозилъ кузнецу пальцемъ. За работу кузнецъ получилъ старыя подковы, которыя оказались золотомъ, когда онъ вышелъ на свѣтъ, но за то оказалось, что кузнецъ пробылъ въ горѣ цѣлый годъ и что его считали уже умершимъ.—Въ другомъ разсказѣ крестьянинъ, отправившись на Тройцу искать свою пропавшую лошадь, попадаетъ на моментъ, когда гора раскрылась и слышитъ, какъ рыцари пробуждаются и спрашиваютъ вождя: пора ли уже?—Онъ также пробылъ годъ. Въ третьемъ смѣльчакъ, пошедшій въ гору, пробылъ тамъ 100 лѣтъ.

[1]) Чешскія и моравскія легенды см. у Grohmann, Sagen Buch von Böhmen und. Mähren, стр. 13—61. Hennam Rhyn, Die Deutche Volksage, стр. 517, 528 (изъ Vernalecken, Mythen und Bräuche des Volkes in Oesterreich), а также Піо и Веселовскаго.

еще въ половецкую эпоху и въ народную среду, при чемъ эти запертые до времени и потомъ выходящіе люди представлялись сначала войскомъ врага, Буняка, и только послѣ уже сказаніе это передѣлалось въ варіантъ Барончa, можетъ быть, слившись съ проникшими къ намъ инымъ путемъ легендами о пребываніи подъ землею національнаго мессіи [1]). Въ пользу такого предположенія говоритъ и существованіе напечатаннаго у Чубинскаго (Труды Экспедиціи въ юго-западный край, т. I., стр. 3) когда-то «воинство Букякъ», которому принадлежитъ образованіе валовъ и горъ.

Но и въ теперешнемъ своемъ видѣ легенда Барончa заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя подробности, которыя даютъ основаніе предполагать значительную древность ея. Это прежде всего то обстоятельство, что Буняка обрекаетъ королевича на заключеніе за то, что онъ *не по правдѣ поступаетъ*, принимая сторону царицы, нарушившей свое слово. Подробность эта можетъ быть сближена съ мотивомъ втораго варіанта легенды о Іимѣ въ Зендъ-Авестѣ, по которому Іима потерялъ свое царственное величіе, когда «*сталъ любить лживыя рѣчи*». По этому варіанту (см. выше) величіе Іимы отлетѣло отъ него, и онъ подвергся нападенію демона. Мы видѣли, что это мѣсто въ Авестѣ не примирено съ другимъ, по которому Іима не разсѣченъ, а только царство его сокращено и удалено отъ остальнаго міра. Но въ устныхъ редакціяхъ оба эти варіанта должны были соглашаться, такъ какъ позднѣйшія иранскія откровенія говорятъ о продолженіи Іимой жизни подъ землею. По этому очень возможно, что уже въ древнемъ Иранѣ былъ варіантъ, по которому Іима скрылся въ землю отъ преслѣдованій демона, скорѣе всего Аци—Дагака, который въ Бундегешѣ называется убійцею Іимы. Этотъ Аци—Дагака (въ основѣ котораго лежитъ *аги*, змій, похищающій воду, олицетвореніе облака, съ которымъ борется громовникъ Индра) въ Авестѣ изображается какъ самое страшное порожденіе

---

[1]) Считаемъ не лишнимъ сдѣлать оговорку по поводу того, что въ легендѣ Барончa герой называется польскимъ королевичемъ. Во первыхъ сборникъ Барончa не производитъ впечатлѣнія точности записыванія, а во вторыхъ въ Галичинѣ часто народъ называетъ свою землю Польша, вовсе не считая себя поляками. Такъ и въ херсонской губерніи украинцы часто зовутъ украинскую кіевскую губернію Польша, при чемъ прекрасно отличаютъ ея жителей отъ поляковъ.

злаго бога, змій съ тремя головами, тремя носами, шестью глазами,— въ позднѣйшихъ преданіяхъ нѣсколько антроморфизировался. У Фирдуси, который сводилъ книжныя и устныя преданія въ XI в., принаравливая ихъ къ мусульманскимъ вѣрованіямъ, Дагака является уже арабскимъ царемъ въ Вавилонѣ Зогакомъ, но съ зміями на плечахъ и во всякомъ случаѣ главнымъ врагомъ Джемшида, потерявшаго право на райское царство за свою гордость и пренебреженіе богопочитанія [1]). У мусульманина Фирдуси, Джемшидъ бѣжитъ передъ Зогакомъ и потомъ погибаетъ, но очевидно, что это уже совсѣмъ поздняя передѣлка легенды Іима, а въ промежуточныхъ между старо-иранскими и фирдусіевою редакціяхъ этой легенды должна была существовать такая, по которой Джемшидъ скрылся подъ землею передъ Зогакомъ. Отъ подобной редакціи, конечно устной, должна была пойти и та, которую записалъ Барончъ и въ которой такимъ образомъ королевичъ является отголоскомъ Джемшида, а Буняка—Зогака, Дагака.

Интересно, что Буняка въ нашихъ народныхъ преданіяхъ носитъ на себѣ еще и другой слѣдъ иранскго вліянія: въ упомянутомъ выше сообщеніи Чубинскаго говорится, что въ луцкомъ уѣздѣ существуетъ повѣрье, по которому «происхожденіе кургановъ приписывается какому-то воинству, подъ названіемъ Бунякъ», которое прошло всю вселенную и на мѣстахъ своего отдыха дѣлало курганы, насыпая при этомъ землю своими башмаками». Это, очень антропоморфизированное уже и не весьма полное, сообщеніе напоминаетъ подробности въ изложенныхъ у Баронча легендахъ о Бунякѣ, по которымъ насыпала горы царица Елена, уходя отъ Буняка, а въ разсказѣ Сѣмѣнскаго валы появились отъ того, что княгиня Ольга, обратившись въ мышь, рылась подъ землею. Совокупность этихъ повѣрій обращаетъ нашу мысль къ описанію происхожденія горъ въ Бундегешъ, гдѣ весь міръ происходитъ черезъ борьбу между добрымъ богомъ и злымъ, при чемъ въ частности горы произошли послѣ того, какъ Ариманъ, разозленный успѣхомъ творенія Оримузда, прорылся подъ землей [2]).

---

[1]) Livre des rois, trad. p. J. Mohl, т. I, стр. 37, 41 и слѣд. Отмѣтимъ, что у Фирдуси Джемшидъ до грѣхопаденія является собирателемъ сокровищъ: ср. царя Михаила у Меѳодія, нѣмецкихъ императоровъ и нашего королевича.

[2]) Der Bundehesh, übers v. Justi, VIII гл. Срав. другое украинское повѣрье о томъ, что горы образовались на мѣстѣ борьбы чорта съ архангеломъ

Повѣрье о сотвореніи горъ и кургановъ Бунякомъ должно быть такимъ образомъ частью тѣхъ украинскихъ дуалистическихъ представленій о сотвореніи міра, которыя такъ извѣстны изъ этнографическихъ сборниковъ (см. послѣднюю выноску), и изъ трудовъ Буслаева (Истор. очерки, I, 438 и слѣд.), Аѳанасьева (Поэтич. воззрѣнія славянъ на природу, II, 459 и слѣд), Пыпина (Истор. слав. литературъ, I, 81 и др.). Эти вѣрованія, въ которыхъ ученые старой, почвенной (націоналистической и народнической) школы видѣли остатокъ исконныхъ славянскихъ вѣрованій, на самомъ дѣлѣ (какъ мы это надѣемся показать въ особомъ изслѣдованіи) иранскаго происхожденія и проникли къ намъ не только черезъ болгарскихъ богумиловъ, которые сами были ничто иное, какъ побѣги иранскаго манихейства, но и черезъ посредство турецкихъ племенъ, у которыхъ они тоже существуютъ [1]). Буняка въ этомъ повѣрьи первоначально просто замѣнилъ сатану и чорта другихъ болѣе полныхъ разсказовъ [2]). Этотъ чортъ-Буняка, а не Елена, долженъ былъ первоначально прорывать землю, превращаясь въ мышь. Вслѣдъ за именемъ Буняка образы этого повѣрья перешли и въ сказку о преслѣдованіи имъ царицы Елены и тутъ передѣлались такъ, что уже сама царица рыла валы.

Такимъ образомъ разобранныя сейчасъ легенды о Бунякѣ кажутся намъ ничѣмъ инымъ, какъ побѣгами иранскихъ легендъ о Джемшидѣ, Ариманѣ и его порожденіи Дагакѣ. отголосками довольно темными и спутанными, какъ вслѣдствіе долговременнаго проживанія ихъ въ нашей народной средѣ, такъ и потому, что они дошли сюда не прямо, а чрезъ посредство племенъ, населявшихъ наши степи. Самъ по себѣ фактъ проникновенія въ нашъ народъ иранскихъ преданій и черезъ такое посредство не можетъ удивлять никого теперь, когда изслѣдователи открываютъ все большее участіе

Михаиломъ (Чубинскій, Труды, т. I, стр. 39—40), или что горы сдѣланы изъ частей земли, украденной сатаною, когда Богъ послалъ его достать изъ воды сѣмена земли (у Драгоманова, Малор. нар. преданія и разсказы, стр. 15, 89—91 Чубинскій, op. cit. стр. 141—144; Основа, 1862 г., іюнь, стр. 59—60).

[1]) Radloff, Proben der Volkslitteratur der Türkischen Stämme Süd—Sibiriens, т. I, стр. 175—184 (сотвореніе міра), стр. 285 (сотвореніе человѣка, собака и чортъ); ср. Драгоманова, Малор. нар. пред, стр. 91.

[2]) Дальше мы увидимъ другіе примѣры отождествленія чорта съ Бунякой;

иранскаго элемента въ т. наз. скиѳскомъ населеніи, кагда оказывается, что иранское племя осетинцевъ имѣло когда то гораздо большее распространеніе на сѣверѣ, чѣмъ теперь [1]). Наконецъ въ настоящее время извѣстно, что политическое и торговое вліяніе иранскаго царства Сассанидовъ простиралось довольно далеко на сѣверъ по обѣ стороны Каспійскаго моря и даже по Волгѣ, на берегахъ которой находятъ иранскія монеты, а теперешній Туркестанъ, Теджентъ, Мервъ и др. было послѣднимъ убѣжищемъ староиранской культуры, даже и тогда, когда главныя иранскія земли были захвачены мусульманскимъ завоеваніемъ. Вотъ въ эту то сассанидскую эпоху и въ послѣдующее за нею время передвигались черезъ туранскія и каспійскія степи разныя племена, обладавшія поочередно нашими степями, захватывали иранской культуры и традицій и передавали затѣмъ элементы ихъ и нашимъ предкамъ. Занимавшія насъ легенды о Бунякѣ составляютъ часть этого пріобрѣтенія.

Образы этихъ преданій настолько врѣзались въ память нашего народа, что онъ ихъ прикладываетъ къ личностямъ почти современнымъ. Такъ, говорятъ, въ Галичинѣ разсказываютъ о знаменитомъ опрышкѣ (гайдамакѣ) XVIII ст. Добошѣ, будто онъ не умеръ, а живетъ въ Чорногорѣ (въ Карпатахъ) въ пещерѣ, заколдованный своей ревнивой любовницей. Тамъ сидитъ онъ, считая деньги, которыя онъ скрылъ. Въ извѣстные дни онъ выходитъ оттуда съ своими товарищами, и его часто тамъ видѣли горцы. Къ самому же жилищу Добоша нужно идти чрезъ трое желѣзныхъ дверей; но пещера эта такъ глубока, что многіе изъ тѣхъ, которые изъ жадности хотѣли добыть сокровища Добоша, погибли въ ней. Кромѣ того Добошъ самъ затягиваетъ къ себѣ всякаго, кто приближается къ его жилищу, и не выпускаетъ назадъ. Такими плѣнниками онъ усили-

---

[1]) Въ кіевской губерніи чигиринскаго уѣзда есть село Осота, въ которомъ между прочимъ найдены разные металлическія вещи и въ томъ числѣ статуетка пріапическаго характера (Похилевичъ, Сказанія о насел. мѣстн. кіев. губ., стр. 691). Мы слышали, что какъ разъ такія вещи и статуетки находятся часто въ курганахъ на сѣверѣ Кавказа и въ частности въ Осетіи. О распространеніи осетиновъ въ бассейнѣ Дона и даже въ окрестностяхъ Ольбіи въ скиѳскую эпоху см. у г. Вс. Миллера. Эпиграфическіе слѣды иранства на югѣ Россіи, въ Журн. Мин. Нар. Просв., 1885 г., октябрь.

ваетъ свое войско, съ которымъ, когда пройдетъ время силы чаръ его любовницы, онъ выйдетъ на свѣтъ и отомститъ тѣмъ, которые обманули его. Иногда Добошъ посѣщаетъ свою жену, которая живетъ въ пещерномъ домѣ около Полянскаго, заколдованная ревнивицей. Тогда въ этомъ домѣ (скалѣ) слышно музыку и пѣсни, видѣнъ свѣтъ и люди и между ними Добошъ [1]).

Недавно одинъ галичанинъ, посѣтившій кіевскую губернію, сообщилъ, что тамъ существуетъ легенда о безсмертіи Тараса Шевченка, что будто онъ находится въ Сибири, прикованный къ столбу, что столбъ этотъ уже подгнилъ, а когда сгніетъ совсѣмъ, то Шевченко воротится къ своимъ.

Интересно сравнить эти два украинскія преданія съ великорусскимъ о Ст. Разинѣ, переданнымъ въ извѣстной монографіи Костомарова. [3]) Преданіе это рисуетъ знаменитаго разбойника чертами героя не симпатичнаго (какъ тѣ славянскія преданія, которыя мы до сихъ поръ разбирали, исключая развѣ Добоша), но антипатичнаго,—антимессіи. По этому преданію русскіе люди, возвращаясь изъ плѣна, проходили Персію и увидѣли разъ старика, который спросилъ ихъ: не зажигаютъ ли на Руси въ церквяхъ сальныхъ свѣчей, вмѣсто восковой?—Старикъ сказалъ имъ, что онъ Ст. Разинъ и что его земля не приняла за его грѣхи, и живетъ онъ въ горахъ, гдѣ змѣи сосутъ его серце. Двое змѣевъ уже отлетѣли отъ него черезъ 200 лѣтъ; остался еще одинъ, а какъ пройдетъ еще сто лѣтъ, на Руси грѣхи умножатся, люди станутъ Бога забывать и сальныя свѣчи зажгутъ вмѣсто восковыхъ передъ образами, тогда Стенька опять пойдетъ по свѣту и будетъ бушевать пуще прежняго.

Это великорусское вѣрованіе чрезвычайно близко подходитъ къ персидскому сказанію о Дегіалѣ. Въ 186 днѣ сборника 1001

---

[1]) Grohmann, Sagenbuch von Böhmen und Mähren, т. I, стр. 11—13. Не знаемъ, легло ли народное преданіе и если да, то насколько, въ основаніе стихотворенія Іос. Федьковича „Король Гуцулъ", о томъ какъ король Гуцулъ наказанъ за вмѣшательство въ борьбу боговъ (бѣлаго и чернаго) заключеніемъ въ Сокальскую гору, гдѣ онъ сидитъ со своимъ войскомъ, а вокругъ летаютъ сокола (Дѣло, 1886 г., № 38). Вообще желательна новая перевѣрка народныхъ преданій о Добошѣ.

[2]) Дѣло, 1886 г., № 38.

[3]) Костомаровъ, Историч. монографіи, т. I (изд. 1863 г.), стр. 319—380.

день Абулфацарисъ разсказываетъ, какъ онъ, возвращаясь на родину изъ плѣна, куда его увлекли разные злодѣи и чудовища, видѣлъ въ подземельи чудовища Дегіала, родъ змія дракона, прикованнаго къ скалѣ.—«Молодой человѣкъ, спросило чудовище, откуда ты и какому пророку вѣруешь?» и когда узнало, что Магомету, то спросило между прочимъ: «совершаютъ ли магометане правильно моленія, чисты ли они и невинны нравами?»—«Они совершаютъ моленія, отвѣчалъ тотъ, но увы! много имъ недостаетъ, чтобъ исполнить предписанія пророка Магомета».—«Прекрасно, тѣмъ лучше! воскликнуло чудовище.... развращеніе должно сдѣлаться общимъ.... прелюбодѣяніе будетъ царствовать повсюду, ежедневно люди будутъ творить клятвопреступленія. ѣсть свинину, пить публично вино, женщины будутъ ѣздить на лошади!»—«О это время не очень далеко, отвѣтилъ путникъ, подобное уже замѣчается». Слова эти доставили удовольствіе чудовищу: «о сынъ Адама, воскликнуло оно съ восторгомъ, воможно ли, чтобы люди были такъ преступны? Какую счастливую вѣсть приносишь ты мнѣ! Значитъ, наступило время мнѣ выйти изъ заключенія и показаться людямъ. Узнай, молодой человѣкъ, что я Дегіалъ; я пойду въ міръ распространить ужасы!» При этихъ словахъ онъ разбилъ свои цѣпи, но былъ удержанъ двумя геніями, изъ которыхъ одинъ возстановилъ ему цѣпи, а другой ударилъ его стальнымъ молотомъ и сказалъ: сиди, сиди проклятый... твой часъ еще не пришелъ! [1]) Прибавимъ еще, что образъ Стеньки, котораго сосутъ змѣи, имѣетъ аналогію съ образомъ Зогака въ Шахъ-наме, гдѣ онъ уже представленъ человѣкомъ, у котораго отъ поцѣлуя Аримана выросли на плечахъ два змѣя, вѣчно возобновляющіеся, если ихъ отрѣзать, и питающіеся человѣческими мозгами [2]).

Надѣемся, что эта новая параллель между иранскимъ и великорусскимъ преданіемъ еще разъ подтвердитъ и прежнія наши

---

[1]) Lacroix, op. cit. стр. 412—413.

[2]) Livres des rois, trad. p. Mohl, т. I, стр. 45.

предположенія о перехожденіи другихъ славянскихъ преданій, болѣе прямо подходящихъ къ нашему предмету [1]).

(Окончаніе слѣдуетъ.)

[1]) Для полноты напомнимъ здѣсь и великорусское вѣрованіе о сокрытіи отъ Батыя города Б. Китежа, который останется невидимымъ до страшнаго суда (Сказаніе см. при книгѣ Кирѣевскаго-Безсонова, Пѣсни, т. IV, 2 отд. CXVIII и слѣд. и Гацисскаго „У невидимаго города Китежа", Древн. и Нов. Россія, 1877 г., № XI). Въ основѣ этого сказанія лежитъ, вѣроятно, древній культъ озера Свѣтлояра и преданіе о свайныхъ постройкахъ (см. Майнова, На нантскомъ конгрессѣ и въ Бретани. Знаніе, 1876 г., Мартъ, стр. 16), но оно потомъ измѣнено было раскольницкими книжниками, приложено къ нашествію Батыя и къ мессіанистическимъ идеямъ, почему мы тутъ его и упоминаемъ. Многія сказанія такого рода въ Европѣ получили окраску библейской повѣсти о Содомѣ и Гоморрѣ.

Все настоящее изслѣдованіе было уже написано, когда мы нашли въ „Кіевской Старинѣ", 1887 г., кн. IV, на стр. 661—672 въ статьѣ „Крестьянскія движенія въ грайворонскомъ уѣздѣ курской губерніи въ 1861—62 гг." сообщеніе о странникѣ, который внушалъ крестьянамъ: „Не слушайте дворянъ. Идетъ царь Михаилъ; онъ былъ заключенъ до сего времени за 2 желѣзными дверями и 6 замками, а теперь вышелъ на свободу. Идетъ онъ не одинъ, а съ нимъ большое воинство, и хочетъ онъ извести всѣхъ баръ на русской землѣ"... Не смотря на новѣйшія черты, въ этомъ „внушеніи" даже и имя царя Михаила взято изъ среднѣвѣковыхъ византійско-славянскихъ книжныхъ пророчествъ. Ср. у г. Веселовскаго.

Первыя сношенія Богдана Хмельницкаго съ Москвой.

Обдумывая планъ мести полякамъ за свои и всенародныя обиды и притѣсненія Богданъ Хмельницкій и его приверженцы-совѣтники естественно остановились на мысли, какими они обладаютъ средствами, чтобы затѣваемое ими казацкое возстаніе имѣло успѣхъ, а не было бы подавлено въ самомъ началѣ, какъ было при прежнихъ возстаніяхъ. Оказывалось, что у нихъ нѣтъ ни вооруженныхъ людей, ни пушекъ; что на общее возстаніе можно было разсчитывать лишь въ томъ случаѣ, если бы первыя стычки козаковъ съ поляками были удачны. Нужно было искать союзниковъ; къ кому-же обратиться?

— Я думаю, говорилъ Хмельницкій, ни у кого намъ нельзя просить помощи, кромѣ москалей и татаръ; всѣ другіе сосѣди слабы. Сказалъ бы я: просить москалей; они православные и ради одной съ нами вѣры могли бы за насъ вступиться, но ихъ въ недавнее время побѣдили поляки, они сами еще въ силу не пришли и едвали ихъ можно будетъ упросить [1]).

Рѣшились обратиться къ татарамъ.

Готовность татаръ помочь козакамъ въ ихъ расправѣ съ поляками не могла подлежать сомнѣнію; народъ этотъ, привыкшій жить грабежемъ сосѣдей, ежегодно нападалъ или на московскія или на польскія окраины, если только не былъ отвлеченъ войною съ цезаремъ и другими южными владѣтелями. Татары и безъ просьбы козаковъ готовились напасть на польскія окраины, когда къ нимъ явился Хмельницкій съ просьбой о помощи. Нѣкоторое колебаніе, выказанное ханомъ—помочь или не помочь козакамъ вѣрнѣе всего

---

[1]) Н. Костомаровъ, Богданъ Хмельницкій, т. I, стр. 72 (изд. 3-е).

можно объяснить желаніемъ какъ можно дороже продать свои услуги, и когда Хмельницкій предложилъ татарамъ взять себѣ весь полонъ польскій, который козаки будутъ имѣть, колебанія хана исчезли [1]). Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не пріятно таскать каштаны изъ огня чужими руками? Послѣдствія показали, что татары лишь тогда вступали въ бой съ поляками, когда это могло имъ стоить очень дешево и напротивъ всегда являлись тамъ, гдѣ шла рѣчь о дѣлежѣ добычи. Они никогда не думали о томъ, съ кѣмъ и для чего воюютъ, было бы выгодно, добычливо.

Иное дѣло Москва. Правда, одной изъ существенныхъ задачъ московскихъ государей была защита православной вѣры и эта черта проходитъ во всей политикѣ московскаго государства; но еще большее значеніе имѣло стремленіе вездѣ и во всемъ соблюсти выгоды для укрѣплявшагося государства. Охота ли Москвѣ втянуться въ новую войну съ Польшей, разсчитывая на помощь небольшой горсти козаковъ, безоружныхъ, беззапасныхъ, отдѣленныхъ большимъ пространствомъ? Нѣтъ, религія-религіей, а политика-политикой: Москва не могла понимать стремленія козаковъ освободиться отъ пановъ, потому что у ней самой процвѣтало крѣпостное право; если бы козаки жаловались на притѣсненія въ исправленіи религіозныхъ обязанностей, поляки могли бы показать документы, обезпечивающіе свободу вѣроисповѣданія для подданныхъ греческаго вѣроисповѣданія. Москва, конечно, очень была рада возникшей смутѣ, такъ какъ всякое ослабленіе стариннаго врага служило къ усиленію ея; а потому, наружно сочувствуя польскому правительству въ его желаніи подавить возстаніе, тайнымъ образомъ поддерживала козаковъ, дозволяя имъ селиться въ своихъ владѣніяхъ и покупать хлѣбъ въ Россіи, каковую помощь впослѣдствіи призналъ самъ Хмельницкій [2]). Въ то время, какъ въ письмахъ къ брацлавскому воеводѣ Адаму Киселю московскіе бояре давали совѣтъ не допускать черкасъ поступить въ холопство къ крымскому царю, а хотмышскій воевода писалъ ему-же, что онъ готовъ идти съ ратными людьми на помощь полякамъ противъ черкасъ, Хмельницкому тотъ же воевода писалъ: «не имѣйте отъ насъ никакого опасенія: мы съ вами одной православной христіанской вѣры». Такимъ образомъ

---

[1]) Столб. сибир. прик., № 7608.

[2]) Ibid.

московское правительство играло роль друга и поляковъ и козаковъ, во всякомъ случаѣ разсчитывая имѣть свою выгоду: побѣдятъ поляки, Москва являлась искреннимъ другомъ, всегда находившимся въ готовности помочь своимъ союзникамъ; побѣдятъ козаки, они должны быть благодарны Москвѣ за дружественный нейтралитетъ.

Но Хмельницкій требовалъ отъ Москвы болѣе прямой политики: «хотите воевать съ нами, писалъ онъ въ Москву, или хотите быть нашими пріятелями? Если послѣднее, такъ прибывайте къ намъ на помощь, а мы, какъ случится, обязаны будемъ отслуживать вамъ во всякое время» [1]).

Во время этой переписки скончался польскій король Владиславъ. Сообщая объ этомъ въ Москву, Хмельницкій писалъ: «далъ-бы Богъ, чтобъ онъ (государь) и ляхамъ и намъ былъ одинъ православный государь: чтобъ ляхи не помышляли больше наступать на вѣру нашу и биться съ нами», давая этимъ понять, что при помощи козаковъ на польскій престолъ могъ бы быть избранъ русскій государь. Однако переписка эта ни къ чему не повела. Москва упорно молчала, а Хмельницкій едва ли серьезно думалъ о присоединеніи къ Россіи и только старался обезпечить себѣ нейтралитетъ со стороны ея, пока не управится съ поляками и не заключитъ съ ними выгоднаго мира, а потому ему тоже не было особой нужды заводить такія сношенія, которыя могли бы къ чему нибудь обязывать.

Но вскорѣ отношенія эти случайнымъ образомъ измѣнились. Въ концѣ 1648 г., проѣздомъ въ Россію, прибылъ къ молдавскому господарю іерусалимскій патріархъ Паисій. Узнавши изъ разсказовъ господаря, что населеніе южной Россіи подъ предводительствомъ Богдана Хмельницкаго возстало противъ поляковъ и что не только весь лѣвый, но и правый берегъ Днѣпра, по которому предстояло ему ѣхать, находится во власти Хмельницкаго, Паисій просилъ господаря послать къ Хмельницкому письмо о присылкѣ охранной грамоты. Въ отвѣтъ на такое письмо Хмельницкій, вмѣсто охранной грамоты, прислалъ къ границѣ княжества полковника Мужиловскаго съ отрядомъ козаковъ для провожанья патріарха въ Кіевъ. Подъ охраной Мужиловскаго патріархъ прибылъ благополучно въ Кіевъ и здѣсь остановился на нѣкоторое время; здѣсь же онъ видѣлся и съ самимъ Хмельницкимъ, который раз-

сказалъ ему о своихъ успѣхахъ въ борьбѣ съ поляками за святую православную вѣру. Патріархъ очень хвалилъ храбраго козака за защиту религіи, убѣждалъ его продолжать столь блистательно начатое дѣло, но въ тоже время высказалъ свое удивленіе, почему онъ обратился за помощью не къ православному царю московскому, а къ врагу креста Христова, хану крымскому. Хмельницкій отвѣчалъ ему на это, что русскій царь, недавно передъ тѣмъ заключившій договоръ вѣчнаго мира съ Польшей, едвали согласился бы помогать козакамъ въ войнѣ противъ союзника; да и когда началась война у козаковъ съ поляками, русскіе готовили свои войска на помощь союзнику противъ ихъ козаковъ, а татары, напротивъ, оказали ему быструю и сильную помощь. Патріархъ на это возразилъ, что татары не могутъ быть постоянными союзниками христіанскаго народа и что православная вѣра тогда только восторжествуетъ окончательно, если она будетъ находиться подъ охраной великаго русскаго царя, подъ могучую руку котораго и совѣтовалъ отдаться козакамъ. Однако Хмельницкій не очень то охотно склонялся па это предложеніе; положеніе его въ это время было лучшее, чѣмъ когда либо прежде или послѣ. Онъ совершенно разсѣялъ польское войско, на голову поразивши его подъ Корсунемъ и Пилявцами, побѣдоносно прошелъ по всей правой сторонѣ Днѣпра, взялъ огромный (1.000.000 ефимковъ) выкупъ со Львова и теперь ожидалъ отъ новоизбраннаго польскаго короля Яна Казиміра признанія независимости козацкаго населенія отъ Польши подъ протекторатомъ польскаго короля. Польскіе послы, какіе-то два іезуита, которые стали было склонять его покориться королю безъ всякихъ условій, были спроважены внизъ на Запорожье; не такихъ предложеній ждалъ онъ отъ короля. Но тутъ онъ получилъ извѣстіе отъ своихъ пословъ, присутствовавшихъ на избирательномъ сеймѣ, что поляки вовсе не намѣрены уступить ему его завоеванія, что переговорами о мирѣ они имѣютъ въ виду лишь протянуть время, чтобы собраться съ новыми силами и потомъ подавить козацкое возстаніе. Тогда Хмельницкій сдѣлался болѣе доступнымъ убѣжденіямъ патріарха, согласился на его предложеніе быть посредникомъ въ этихъ переговорахъ и послалъ въ Москву для веденія переговоровъ того же Мужиловскаго, который провожалъ патріарха. Ему не было дано какихъ либо точныхъ инструк-

цій, онъ не долженъ былъ дѣлать никакихъ предложеній, а только просить царя о помощи ратными людьми. Вѣрнѣе, цѣль миссіи Мужиловскаго состояла въ томъ, чтобы на мѣстѣ развѣдать, какъ московское правительство смотритъ на козацкое движеніе и какое придаетъ ему значеніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ долженъ былъ попытаться попросить помощи. Кажется, посольство Мужиловскаго было тайною не только для народа, но и для старшины; въ глазахъ козаковъ онъ поѣхалъ въ Москву въ качествѣ проводника при патріархѣ. Подъ видомъ проводника онъ явился и въ Москву; но здѣсь немедленно заявилъ въ посольскомъ приказѣ, что явился не въ качествѣ лишь провожатаго при патріархѣ Паисіи, но и какъ посланникъ отъ гетмана войска запорожскаго.

30 января думному дьяку Михаилу Волошенинову, да дьяку Алмазу Иванову велѣно было допросить въ посольскомъ приказѣ, «для какихъ дѣлъ пріѣздъ его къ царскому величеству». Посланъ былъ за нимъ на подворье посольскаго приказа переводчикъ Иванъ Максимовъ. Когда Мужиловскій вошелъ въ посольскую палату, дьяки «съ нимъ виталиісь и спрашивали его о здоровьѣ», а потомъ, конечно, спросили и о цѣли его пріѣзда въ Москву. На это Мужиловскій отвѣчалъ, что де послалъ его запорожскій гетманъ съ патріархомъ Паисіемъ для провожанья, «для того, что нынѣ у поляковъ учинилась съ ними черкасы ссора и война и ему бы отъ поляковъ какого дурна не учинилось». Дьяки не удовольствовались этимъ отвѣтомъ и стали приставать, чтобъ онъ открылся, имѣетъ ли онъ какой словесный или письменный наказъ отъ гетмана. На это Мужиловскій отвѣчалъ, что дѣйствительно имѣетъ словесный наказъ отъ гетмана, но о какихъ дѣлахъ, о томъ гетманъ наказалъ ему говорить только царю лично и непремѣнно при патріархѣ Паисіи, который будетъ ему въ его рѣчахъ свидѣтелемъ, а опричь де царскаго величества самого иному никому тѣхъ рѣчей объявить ему не можно». Дьяки возражали ему, что посланники всѣхъ государей обыкновенно объявляютъ о цѣли ихъ пріѣзда тѣмъ приказнымъ людямъ, которыхъ къ тому назначаетъ самъ государь, «а того николи не бываетъ, чтобъ самимъ имъ царскому величеству какія дѣла объявлять и тѣ его рѣчи къ дѣлу не пристойны»; однако Мужиловскій рѣшительно отказался объяснить имъ цѣль своего пріѣзда и лишь просилъ дьяковъ, чтобы они всѣ его рѣчи довели до государя. Тогда дьяки начали распрашивать посланца, что у нихъ дѣлается съ поляками.

Мужиловскій разсказалъ, что, когда онъ поѣхалъ въ Москву, гетманъ распустилъ по домамъ все войско, а татаръ отпустилъ въ Крымъ, а на масляное заговѣнье велѣлъ черкасамъ снова собираться къ нему въ обозъ и тогда у нихъ будетъ «соймъ», и что будетъ поставлено на томъ сеймѣ, о томъ съ сойма разошлютъ имъ черкасамъ листы и пошлютъ къ королю на коронацію пословъ для мирнаго договора; а тѣхъ пословъ, которые явились къ гетману изъ Польши, гетманъ сослалъ на низъ. Во время минувшей войны черкасы взяли у поляковъ воеводства: Кіевское, Бряцлавское, Подольское и Черниговское со всѣми уѣздами; поляки въ этихъ воеводствахъ всѣ побиты, «а смирилъ де ихъ Богъ за ихъ гордость и побито ихъ столько, что не поспѣли трупу ихъ звѣри поѣдать». Въ Литву Хмельницкій посылалъ объявленіе, чтобы литовцы были въ миру съ черкасами, а они черкасы Литву тѣснить ничѣмъ не станутъ, а если Литва начнетъ ихъ чѣмъ задирать, и имъ въ домахъ своихъ не усидѣть; однако нѣкоторые черкасы самовольно начали были грабить Литву и литовцы вступили съ ними въ бой подъ начальствомъ Воловича и Паца, но были всѣ побиты. Адамъ Кисель, по словамъ Мужиловскаго, уніатъ, а не истинный христіанинъ, и хотѣлъ было онъ въ Кіевѣ учинить патріаршество также, что и въ московскомъ государствѣ, однако не рѣшился на это, опасаясь, что вселенскіе патріархи и всѣ православные христіане не позволятъ ему сдѣлать этого, тѣмъ болѣе, что патріарха онъ хотѣлъ получить изъ рукъ папы.—Такими разговорами и окончилось это первое свиданіе Мужиловскаго съ приказными людьми московскаго государя.

Слѣдующее свиданіе Мужиловскаго съ дьяками въ посольскомъ приказѣ состоялось 1-го февраля. Дьяки объявили Мужиловскому, что они его слова донесли государю и онъ указалъ тѣ рѣчи, которыя наказаны ему отъ гетмана, сказать имъ, а они опять передадутъ его слова государю; однако полковникъ «въ томъ отказалъ впрямъ, что ему мимо гетманова приказу учинити и тѣхъ дѣлъ мимо царскаго величества объявити никому нельзѣ» и билъ челомъ, чтобъ государь дозволилъ ему видѣть свои очи вмѣстѣ съ патріархомъ іерусалимскимъ какъ можно скорѣе, потому что на патріархѣ и на немъ полковникѣ «въ томъ дѣлѣ много належитъ». На вопросъ дьяковъ: «какъ же онъ будетъ править посольство?» Мужиловскій

отвѣчалъ, что когда ему дозволено будетъ видѣть государевы очи вмѣстѣ съ патріархомъ Паисіемъ, то онъ, войдя къ государю, прежде всего будетъ править челобитье отъ гетмана Хмельницкаго, потомъ поздравитъ государя «на его царскомъ превысочайшемъ престолѣ» (со вступленіемъ на престолъ), а затѣмъ объявитъ государю, что посланъ онъ отъ войска запорожскаго для береженья съ іерусалимскимъ патріархомъ Паисіемъ и до московскаго государства довезъ его въ добромъ здоровьѣ, а нынѣ вручаетъ его великому государю, потому что онъ «великій христіанскій государь какъ солнце на всемъ свѣтѣ благочестіемъ сіяетъ и они всѣ православные христіане имѣютъ себѣ христіанскимъ царемъ одного его великаго государя и къ его государской милости всѣ прибѣгаютъ»; послѣ того онъ скажетъ, что съ нимъ есть отъ гетмана и всего войска запорожскаго словесный наказъ о большихъ дѣлахъ и спроситъ, изволитъ ли государь самъ выслушать его рѣчи, или своимъ боярамъ и думнымъ людямъ укажетъ его выслушать и кому государь укажетъ выслушать его рѣчи, тогда онъ тѣмъ лицамъ разскажетъ или на письмѣ подастъ тѣ дѣла при патріархѣ, а предварительно, написавъ тѣ дѣла на бумагѣ, положитъ подъ ноги царскаго величества.

Много еще приставали дьяки къ Мужиловскому, чтобъ онъ объявилъ имъ о своихъ дѣлахъ, но онъ «въ томъ отказалъ впрямъ» еще разъ. Мужиловскій былъ отпущенъ на подворье.

Читая эти переговоры, невольно задаешься вопросомъ: для чего Мужиловскій такъ таинственно велъ переговоры, что никому, кромѣ самаго царя, не хотѣлъ объявить истинную причину своего пріѣзда? Конечно, въ данномъ случаѣ онъ дѣйствовалъ, точно соображаясь съ приказомъ гетмана; гетманъ же вѣроятно желалъ наименьшей огласки этого посольства, имѣвшаго цѣлью предложеніе русскому царю принять Малороссію подъ свое покровительство, такъ какъ въ это же самое время онъ послалъ къ королю польскому посольство съ извиненіями за возстаніе и самыми сильными увѣреніями въ своей преданности польскому престолу. Само собою понятно, что разъ въ Польшѣ сдѣлалось бы извѣстнымъ, что гетманъ сдѣлалъ предложеніе московскому царю принять Малороссію въ свое подданство, его посламъ не было бы никакой вѣры и Польша всѣми силами обрушилась бы на него, что впослѣдствіи и случилось. Но

этому Хмельницкій какъ можно осторожнѣе долженъ былъ вести свои сношенія съ Москвой, не зная еще, какую выгоду онъ можетъ получить отъ этихъ сношеній. Съ своей стороны московское правительство, хорошо освѣдомленное о положеніи дѣлъ въ Малороссіи чрезъ своихъ пограничныхъ воеводъ, а еще лучше черезъ греческихъ монаховъ, проѣзжавшихъ съ Востока въ Россію черезъ Малороссію, видѣло крайнюю необходимость вступить въ сношенія съ Хмельницкимъ, чтобы узнать о его дальнѣйшихъ намѣреніяхъ и соотвѣтственно тому установить свои отношенія къ нему; поэтому оно чрезвычайно интересовалось узнать, съ какимъ дѣломъ прибылъ въ Москву Мужиловскій, а отсюда и крайняя уступчивость требованіямъ послѣдняго — объяснить свое дѣло лично государю, что дѣйствительно противорѣчило обычаямъ московскаго двора, свято ихъ соблюдавшаго.

4-го февраля Мужиловскій вмѣстѣ съ патріархомъ Паисіемъ былъ принятъ государемъ. За нимъ были присланы на подворье сани съ государева двора. Будучи у государя у руки, онъ дѣйствительно, какъ заявлялъ дьякамъ, положилъ письма своей руки, въ которыхъ было изложено посольское дѣло, къ государевымъ ногамъ, а государь ему сказалъ, съ кѣмъ онъ будетъ толковать о дѣлахъ. Въ этотъ день онъ получилъ обѣдъ съ государева стола. Въ письмѣ, которое подалъ Мужиловскій государю, послѣ государева титула было написано: «Война тая, которая всчалася между козаками войска запорожскаго съ ляхами, не откуда инуды, одно не могучи козаки войска запорожскаго бѣдъ, утрапеня и утинковъ отъ ляховъ козакомъ выраженныхъ терпѣти. На Запорожье его милость панъ Богданъ Хмельницкій съ нѣкоторымъ товариствомъ своимъ вшелъ было, и тамъ ляхи, чинячи на здоровье его милости пана Богдана Хмельницкаго разныя ему пакости, и товариству его выражали—въ домахъ ихъ маетность всю побрати, женъ и дѣтей мучити, а на остатокъ вѣру православную христіанскую мечомъ выкореняти—ту себѣ предъ ся взятую мысль. Николай Потоцкій, гетманъ великій коронный, собравши войско квартяное, мимо воли святыя памяти его милости короля Владислава до Черкасъ прибѣгнулъ и въ Черкасахъ, собравши козаковъ реестровыхъ войска запорожскаго, присягать передъ собою, что ему не измѣнятъ, велѣлъ, и ихъ, когда присягнули, челнами на Запорожье, чтобъ нынѣшнаго пана Богдана

Хмельницкаго, давъ имъ за старшаго Шемберека (Шемберга) коммиссара [1]), поймали, выправилъ. Господь всемогущій смиловался надъ народомъ, яко неколи надъ людьми своими израильскими, въ Египтѣ въ неволѣ будучими, чтобъ имя Бога живаго хвалено оставалось; ровнымъ способомъ и нынѣ Господь всемогущій, въ Троицѣ святой единый, чтобъ вѣра православная христіанская не упадала и о всемъ въ преднихъ своихъ расширялась, между тѣми, которые присягали Потоцкому, козаками Богъ всемогущій замыслъ ихъ помѣшалъ: коммиссара и иныхъ полковниковъ между собою сами измѣнниковъ и доброхотныхъ ляхомъ козаковъ побили. Гетманъ самъ Потоцкій сына своего полемъ съ выборнымъ людомъ нѣсколько тысячъ на раззоренье его милости пана Богдана Хмельницкаго и войска его послалъ. То войско, которое было съ комиссаромъ, до его милости пана Богдана Хмельницкаго предався, противъ сына Потоцкаго пошли, котораго въ дикихъ поляхъ осадили. Татаровя, услышавъ о той войнѣ, съ стороны смотрѣли: больная нога *послизняется;* и когда добывали сына Потоцкаго въ полѣ дикомъ черезъ три недѣли за помощью Божіей, яко воинъ воинови помогъ, сына Потоцкаго раненаго поймали, на Запорожье послали, гдѣ и умеръ, а сами, съ ордою снявшися, всякій по себѣ—своимъ кошемъ, до табора Николая Потоцкаго, гетмана короннаго, съ которымъ были: гетманъ польный, каштелянъ черниговскій, обозный коронный Казановскій, панъ Синявскій и иныхъ пановъ не мало тягнули. Довѣдавшись о раззореніи сына своего и о томъ, что панъ Богданъ Хмельницкій съ войскомъ не малымъ, Потоцкій горшее *укривженье* народу христіанскому чинить велѣлъ: жены и дѣти козацкія посѣчены, маетности ихъ въ грабленье отданы, на остатокъ мѣсто Корсунь украинное съ церквами сожгли, церковные аппараты и сосуды поимали, пограбили, а агнцы Божіи, тѣло Христово, на землю роскидали, священниковъ посѣкли, побили, ту причину даючи, что отъ нашей Руси измѣна всчинается, за которые недобрые поступки Потоцкаго Богъ скаралъ и его самого и воеводу черниговскаго Калиновскаго и каштеляна черниговскаго Одрывонскаго и иныхъ пановъ въ неволю татарскую подалъ, а иныхъ подъ мечь его милости пана

---

[1]) Н. И. Костомаровъ (ibid.. стр. 96) говоритъ, что челны были подъ начальствомъ Ильяша и Барабаша, а сухопутный отрядъ подъ начальствомъ Потоцкаго и что Шембергъ находился въ этомъ же отрядѣ. Кому вѣрить?

Богдана Хмельницкаго и его войска пустилъ. Когда та война началась на той сторонѣ Днѣпра, князь Вишневецкій на сей сторонѣ Днѣпра не только въ маетностяхъ своихъ, но и по чужимъ неисчетныя кривды христіаномъ чинилъ. Обавляючися войска запорожскаго людей, черезъ Нѣжинъ съ войскомъ къ Чернигову шелъ, черезъ Десну въ Черниговѣ перевезся, въ Лоевѣ черезъ Днѣпръ до Брачина, съ Брачина подъ Чернобыль черезъ Припеть и подъ Котельну пришелъ и таборомъ сталъ, и куда ни шелъ, вездѣ кривду чинилъ. Его милость, панъ Богданъ Хмельницкій, гетманъ войска запорожскаго, орду на страхъ ляхамъ и жидамъ за Бѣлую Церковь и за Паволочь пустилъ, однако расписалъ до православныхъ христіанъ листы, чтобъ, вѣдаючи объ ордѣ, всѣ до мѣстъ сбѣгали. Вишневецкій какъ кривды чинилъ, горшія чинити христіанамъ не перестаетъ, съ шляхтою воеводства кіевскаго сносячися, противъ козаковъ армуется, жидовъ съ собою беретъ, а христіанъ въ мѣстахъ *стинаетъ*, до Немирова съ войскомъ своимъ пошелъ и тамъ священниковъ поймавши на колье посажалъ, людямъ многія кривды починилъ, побилъ, маетности ихъ поималъ, и тотъ плачъ христіанъ убогихъ и невинное разлитіе крови небеса проникали и до войска запорожскаго донеслись: Кривоноса послалъ полковника съ полкомъ его и Гиру бѣлоцерковскаго полковника, чтобъ его догнавши осадили, а самъ съ войскомъ съ арматою, не хотячи крови христіанской проливанья, по малу тягнулъ подъ Паволочь. Тутъ о смерти королевской довѣдалося войско запорожское, а въ безкоролевствіе Вишневецкій, что хотѣлъ, то и дѣлалъ. А поспольство довѣдався, что короля въ землѣ нѣтъ, въ козачество все поворотилось и какъ на сей сторонѣ, такъ и на той Днѣпра пановъ своихъ, которые не убѣжали, ляховъ, жидовъ, ксендзовъ побили, костелы попустошили, города, въ которыхъ ляхи и жиды позапиралися, поимали, а именно: по Заднѣпру, по всей Вишневетчинѣ и города королевскіе—первый гомельскій городъ, другой стародубскій, третій новгородскій, четвертый черниговскій, лоевскій, любецкій, брачинскій, острецкій, по части и литовскимъ досталось, а во всѣхъ тѣхъ ляховъ и жидовъ побили, казну и достатки поимали. Войска собралось по за-Днѣпру больше 80,000. Полковникъ борзненскій, полковникъ иченскій, полковникъ прилуцкій, полковникъ миргородскій со всѣмъ войскомъ своимъ пошли съ его милостью паномъ

гетманомъ подъ Паволочь, а полку нѣжинскому велѣлъ его милость панъ гетманъ идти подъ Кодакъ, городъ ляцкій, въ которомъ было большое собраніе служилаго люда и 500 нѣмцевъ; тѣ люди ляцкіе выступили за приступомъ полка нѣжинскаго. А его милость панъ гетманъ, собрався съ войскомъ, за Кривоносомъ и за Гирею, которые тѣ два полка, городы емлючи, шли подъ Константиновъ за Вишневецкимъ. Кривоносъ и Гира, сойдясь подъ Константиновымъ съ Вишневецкимъ, дали вѣсть его милости пану гетману, чтобъ поспѣшилъ и имъ на помочь послалъ чигиринскій полкъ, а самъ на скаржиновскомъ полѣ за боромъ сталъ, съ скаржинскаго поля къ Поплинцу подвинулся, а съ Поплинца меня, Силуяна Андреевича Мужиловскаго, на хотѣнье господаря волошскаго, листовне послалъ до святѣйшаго отца патріарха іерусалимскаго, придавши мнѣ товарища Михаила Крису, а самъ хотѣлъ до Пилявецъ подвинуться. Вишневецкій, сойдясь подъ Константиновымъ съ тѣми полками, выправивши передъ собою свои возы, утекъ подъ Глиняны, недалеко отъ Львова, гдѣ сбиралось ляцкое войско, котораго было 120,000 и съ тѣмъ войскомъ сойдясь, пришли подъ Пилявцы къ козацкому табору съ снарядомъ, имѣя 100 пушекъ. Нечаемая орда бѣлогородская пришла и Господь всемогущій помогъ козакамъ погромить ляховъ: однихъ подъ Пилявцами въ рѣкѣ потопили, а иныхъ въ Константиновѣ побили и потопили, а за иными гнались. Тутъ Тугай-бей съ царемъ крымскимъ и съ братомъ его пришли, а съ ними людей было больше 100,000. И ту орду бѣлогородскую съ добычею войско запорожское отправило до домовъ ихъ, а съ царемъ крымскимъ шли подъ Львовъ, изъ подъ котораго татары распустили свои загоны подъ Краковъ, подъ Люблинъ и ажъ за Вислою были. Львовъ мѣсто поддалось, жиды и ляхи откупилися и тотъ скарбъ татарамъ отдали, а самъ его милость панъ гетманъ пошелъ къ Замостью. (гдѣ) ляховъ было не мало замкнулось, но видя свой упадокъ, также откупились. Ляхи сгодне или не сгодне обрали себѣ короля Казиміра, который некоронованный писалъ листъ до его милости пана гетмана и до всего войска запорожскаго, прося Богомъ живымъ, чтобъ уже больше не воевали, обѣщаясь быть русскимъ королемъ, и что саблею взяли, и то бы себѣ держали, крѣпко обѣщаясь, что одноконечно хотятъ подтвердить. И такъ до масляннаго заговейна помирились, а по масляномъ заговейнѣ снова вое-

вать, если не будетъ Казиміръ королемъ русскимъ, хочетъ войско запорожское. Любо татаръ съ потребу свою имѣетъ на помочь себѣ войско запорожское и самихъ съ 300,000 есть, понеже воеводство кіевское все, воеводство черниговское, воеводство бряцлавское, воеводство подольское, воеводство волынское и въ княжествѣ литовскомъ, въ повѣтѣ мозырскомъ козаковъ много, однако вашего царскаго величества, яко православнаго царя и христолюбиваго, о помощи какъ черезъ войско донское, такъ и черезъ иные служивые люди усердно черезъ пресвятѣйшаго отца патріарха іерусалимскаго и черезъ меня усердно молятъ. Не повѣрилъ той тайны листу его милость панъ гетманъ, но повѣрилъ святителю и мнѣ вашему царскому величеству о томъ дѣлѣ челомъ бити, певнымъ будучи и имѣючи въ Бозѣ надежду, что ваше царское величество, яко царь православный всея русіи, благодаря Бога, въ Тройцѣ святой единаго, что вѣра христіанская православная множится, съ расширенія оной и звитежства, которымъ войско запорожское Богъ одарилъ, тишитись рачишь, и чтобъ тажъ вѣра христіанская множилась и хвала Божія квитнула и церкви христіанскія обновлялись, здоровою думою сносясь съ войскомъ запорожскимъ черезъ послы свои, помочью ратными людьми ваше царское величество восхочешь быти, за что отъ Господа, въ Тройцѣ святой единаго, гойную и стократную заплату на небеси одержати рачишь, а на семъ свѣтѣ отъ войска запорожскаго вѣрное услуженіе въ дѣлѣ рыцарскомъ, за повелѣніемъ вашего царскаго величества, и расширенье царства вашего царскаго величества христіанскаго за вѣку своего доглядѣтися рачишь, чего мы всѣ христіане усердно желаемъ, чтобъ еретики и непріятели вѣры православной христіанской были покорены подъ ноги вашего царскаго величества и гробъ Божій за самодержавство вашего царскаго величества изъ руки турецкой съ патріархами освобожденный былъ, Христа Бога молимъ». Затѣмъ Мужиловскій проситъ о скорѣйшемъ отвѣтѣ по этому дѣлу и объ отпускѣ.

Приведенный документъ представляетъ большой интересъ въ томъ отношеніи, что онъ устами современника, человѣка хорошо освѣдомленнаго, принимавшаго непосредственное участіе въ событіяхъ, даетъ ясное понятіе какъ о причинахъ возстанія козаковъ, такъ и о современномъ состояніи Малороссіи и о цѣляхъ козацкаго движенія, это—защита религіи отъ поруганія ея ляхами. Къ

сожалѣнію дурной переводъ дѣлаетъ очень труднымъ чтеніе его, подлинный же текстъ совсѣмъ почти недоступенъ для пониманія его.

Долго московское правительство не давало отвѣта Мужиловскому. Предложеніе было слишкомъ важно, чтобы отвѣчать немедленно; вмѣстѣ съ тѣмъ предложеніе было слишкомъ неопредѣленно. Помогать... но на какихъ условіяхъ? какія выгоды въ свою очередь можетъ извлечь Москва изъ этой помощи? Да нельзя ли и такъ какъ нибудь устроить, чтобы и безъ войны козаки очутились подъ властью русскаго царя? При томъ и въ словахъ посланниковъ какое-то разногласіе: Паисій говоритъ, что Хмельницкій желаетъ поступить подъ высокую руку государя, а Мужиловскій о томъ ни слова! Нѣтъ, надо имѣть точныя свѣдѣнія, чего козаки желаютъ и что можетъ Москва отъ нихъ получить. Съ такимъ запросомъ былъ посланъ къ Хмельницкому гонецъ Василій Михайловъ. Въ отвѣтъ Хмельницкій писалъ: «писали мы дважды до твоего царскаго величества черезъ посланца воеводы путивльскаго и черезъ посланца воеводы сѣвскаго, чтобы благословилъ на ляцкую землю войскамъ своимъ отъ Смоленска наступить, чтобы больше надъ нами христіаны власти не имѣли и крови не проливали, а мы отсюда на оныхъ наступили и сбили, чтобъ ваше царское величество былъ надъ нами государемъ и царемъ православнымъ, но мы на тѣ два листа вѣдомости никакія не имѣли». Далѣе онъ пишетъ, что въ грамотѣ, привезенной Михайловымъ, выражено желаніе. чтобы козаки прекратили войну, и они козаки готовы жить въ покоѣ, но не могутъ вѣрить ляхамъ, которые, присылая пословъ для мирныхъ переговоровъ, не перестаютъ собирать войска, а потому и козаки въ свою очередь готовятся къ войнѣ. «А мы, какъ первѣе, такъ и нынѣ желаемъ того, чтобъ намъ найнижайшимъ слугамъ и подданнымъ своимъ учинился государемъ и царемъ и самодержцею и велѣлъ своимъ ратнымъ людямъ наступити... А когда не будетъ милости твоей и не восхощешь выручки и помощи давать, тогда мы, освидѣтельствуючись Богомъ и всѣми святыми, взявши Бога на помочь, потуду станемъ съ ними биться, докуду насъ православныхъ станетъ». А Мужиловскій тѣмъ временемъ съѣздилъ въ Троицко-Сергіевскій монастырь, не разъ побывалъ и у патріарха. Любопытна его жалоба на пріѣхавшихъ съ нимъ козаковъ, которые однажды ночью (24 февраля) взбунтова-

лись и хотѣли за что-то избить его, такъ что онъ спасся отъ побоевъ лишь побѣгомъ къ грекамъ, стоявшимъ на одномъ съ нимъ подворьѣ. Жалуясь на такое неуваженіе козаковъ къ себѣ, Мужиловскій говоритъ въ челобитной, что хотя ему и предоставлено по ихъ козацкимъ правамъ наказывать подданыхъ своихъ чѣмъ угодно, однако онъ не хочетъ ихъ наказывать, такъ какъ буйство козаковъ произошло лишь отъ пьянства, а потому просилъ уменьшить отпускъ имъ хмельныхъ напитковъ на половину. Желаніе его было исполнено. Нѣсколько разъ послѣ того Мужиловскій писалъ письма къ дьяку Волошенинову съ просьбой поскорѣе отпустить его въ Украйну, такъ какъ тамъ скоро должны начаться военныя дѣйствія, а онъ къ тому времени долженъ привезть къ гетману отвѣтъ изъ Москвы.

Когда возвратился отъ Хмельницкаго гонецъ, Мужиловскому приказано было явиться на казенный дворъ, чтобы поговорить по поводу своего доклада съ бояриномъ Григоріемъ Гавриловичемъ Пушкинымъ и думнымъ дьякомъ Михаиломъ Волошениновымъ. Послѣ обычныхъ привѣтствій пошелъ ратговоръ такой:

— Въ письмѣ своемъ, говорилъ Пушкинъ Мужиловскому, ты просилъ только о томъ, чтобы государь помогъ войску запорожскому въ войнѣ съ поляками, а между тѣмъ прибывшій теперь отъ гетмана нашъ гонецъ Василій Михаиловъ привезъ отъ гетмана грамоту, въ которой онъ проситъ принять его и все запорожское войско подъ высокую руку государя и послать своихъ ратныхъ людей подъ Смоленскъ; но государь, похваляя гетмана и войско запорожское за ихъ доброе хотѣнье, велѣлъ объявить тебѣ, что ему ратныхъ людей подъ Смоленскъ послать не доведется, потому что у него заключенъ вѣчный миръ съ Польшей и благочестивому и великому христіанскому государю такого великаго мира нарушать непозволительно и на корону польскую съ войскомъ запорожскимъ наступить невозможно, потому что это будетъ грѣхъ передъ Богомъ и позоръ передъ всѣми христіанскими государями.

— Если государь хотѣлъ бы помочь войску запорожскому, возразилъ на это Мужиловскій, то онъ можетъ это сдѣлать, не нарушая мира съ Польшей, такимъ образомъ: у государя есть вольные люди—донскіе козаки; запорожскіе козаки пошлютъ ихъ звать къ себѣ на помочь, а государь бы имъ позволилъ придти на помочь. Да кромѣ того они, запорожскіе козаки, теперь отъ польской неволи освободились и

взяли у нихъ нѣсколько городовъ, которые сдѣлались собственностью козаковъ, а поляки и литовцы до тѣхъ городовъ уже не касаются, и если государь приметъ запорожское войско въ подданство, то и тѣ города будутъ государевы и онъ можетъ послать въ нихъ свое войско, «какъ есть на свою прямую отчинную землю», которое оберегало бы тѣ города, а они козаки пойдутъ дальше отбивать у поляковъ и другіе города, въ которыхъ живутъ православные христіане, чтобы въ нихъ жили одни православные христіане, а полякамъ до тѣхъ городовъ не было бы дѣла.

Этотъ практичный совѣтъ Мужиловскаго не былъ однако принятъ бояриномъ; бояринъ отвѣчалъ.

— Если государь тайно пошлетъ приказъ донскимъ козакамъ помогать вамъ, то это дѣло, скрытое отъ людей, не скроется отъ очесъ всевышняго Бога, предъ которымъ такой поступокъ будетъ также грѣшенъ, какъ и явное нарушеніе мира. А пусть лучше козаки пошлютъ своихъ пословъ въ Польшу и Литву къ панамъ-радѣ уговорить ихъ, чтобы они вмѣстѣ съ вами козаками избрали своимъ королемъ русскаго государя и послали бы о томъ къ великому государю своихъ великихъ пословъ; а если у нихъ король уже избранъ, то они помирились бы съ вами на томъ, чтобы вамъ, запорожскому войску, быть въ подданствѣ великаго государя безъ нарушенія вѣчнаго мира между Польшей и Россіей, и если они на это согласятся, тогда государь приметъ васъ подъ свою высокую руку.

Такой отвѣтъ, разумѣется, отнималъ всякую возможность вести дальнѣйшіе переговоры съ Москвою, потому что никто, и самъ говорившій это, конечно не сомнѣвались, что Польша никогда не пойдетъ на подобныя предложенія. Мужиловскій предвидѣлъ подобный совѣтъ и отвѣчалъ:

— Да и гетманъ тоже думалъ, что царскому величеству, вслѣдствіе вѣчнаго мира съ Польшей, нельзя оказать помощи запорожскому войску въ борьбѣ съ ляхами, а потому онъ просилъ іерусалимскаго патріарха Паисія потолковать съ московскимъ патріархомъ и съ иными духовными людьми о томъ, можно ли государю за вѣчнымъ докончаньемъ вступиться за войско запорожское для православной христіанской вѣры. Во всякомъ случаѣ, продолжалъ онъ, какъ бы государь о томъ учинить не изволилъ, войско запорожское его милости къ себѣ желаетъ и хочетъ служить ему всѣмъ сердцемъ, потому что онъ, великій государь, одинъ на свѣтѣ благочестивый

христіанскій государь. Однако хорошо было бы, еслибы государь послалъ отъ себя къ панамъ-радѣ, чтобъ они поляки не наступали на козаковъ и въ православной христіанской вѣрѣ имъ насилованія не чинили, а если поляки по прежнему будутъ тѣснить вѣру православную, то ему, государю, за единовѣрныхъ не вступиться нельзя.

Бояринъ отвѣчалъ, что съ подобнымъ порученіемъ уже посланъ отъ государя гонецъ къ панамъ-радѣ, только доселѣ еще не возвращался. Къ этому онъ прябавилъ, что о всемъ, что они говорятъ съ нимъ Мужиловскимъ, написано самому гетману, что грамота эта будетъ послана съ дворяниномъ и что съ нимъ можетъ отправиться и онъ посланникъ. Мужиловскій благодарилъ за посылку къ гетману дворянина, иначе «гетману въ томъ дѣлѣ было бы сумнительно и того бы невѣдомо было, изволитъ ли ихъ царское величество подъ свою государеву руку принять или нѣтъ». Въ заключеніе полковникъ просилъ позволенія видѣть на отпускѣ царскія очи, что ему и было обѣщано.

Мужиловскій былъ принятъ государемъ на другой же день, 14 марта. Лошадь съ санями подъ него была послана съ государевой конюшни. Въ полатѣ являлъ его государю думный дьякъ Михаилъ Волошениновъ. Послѣ челобитья полковника ему была сказана рѣчь: «пріѣзжалъ еси къ нашему царскому величеству по присылкѣ гетмана Богдана Хмельницкаго съ іерусалимскимъ патріархомъ Паисіемъ, поздравляючи насъ, великаго государя, на нашихъ великихъ и преславныхъ государствахъ Россійскаго царствія. И мы великій государь, наше царское величество, гетмана войска запорожскаго Богдана Хмельницкаго и васъ жалуемъ, милостиво похваляемъ и нынѣ отпускаемъ тебя къ гетману къ Богдану Хмельницкому; да мы жъ, великій государь, наше царское величество, посылаемъ отъ нашего царскаго величества къ гетману, къ Богдану Хмельницкому о нашихъ государскихъ дѣлахъ дворянина нашего съ тобою вмѣстѣ». Послѣ рѣчи было сказано полковнику государево жалованье; службы ему было дано: атласъ гладкій, сукно багрецъ, сорокъ соболей въ 50 р. и денегъ 30 руб. козакамъ, бывшимъ съ нимъ; 5 человѣкамъ по сукну доброму и по 10 р. денегъ, людямъ его, пяти же человѣкамъ, по 5 руб. человѣку; изъ нихъ оказались одинъ пасынокъ полковника, а другой племянникъ и имъ было дано по 10 р., по сукну доброму да по парѣ соболей, въ 3 р, пара [1]).

---

[1]) Сибирскаго прик. столбцы разбитые №№ 273—275, 288—284.

Мужиловскій выѣхалъ изъ Мосавы 16 марта вмѣстѣ съ московскимъ посланцомъ Григоріемъ Унковскимъ и подъячимъ Семеномъ Домашневымъ. Ѣхали они очень быстро: 18 марта были въ Калугѣ, 25-го въ Сѣвскѣ, 31-го въ Путивлѣ. Отсюда путивльскій воевода, напередъ увѣдомивши конотопскихъ властей о прибытіи царскаго посланца, проводилъ ихъ до самаго Конотопа, куда они прибыли 21-го апрѣля. Не доѣзжая до Конотопа 5 верстъ, ихъ встрѣтили конотопскій сотникъ Иванъ Рыбаченко, атаманъ и писарь, съ сотней конныхъ козаковъ, и при встрѣчѣ высказывали большую радость по поводу прибытія царскаго посланца. При въѣздѣ въ городъ стрѣляли изъ пушекъ. Здѣсь Унковскій отъ сотника узналъ, что Хмельницкій заключилъ перемиріе съ поляками до Гройцына дня, но отказалъ послать своихъ пословъ на коронацію короля, а также отказалъ полякамъ мириться, не желая быть подъ державою короля и пановъ-рады, «для того, что унихъ не одинъ король и паны рада всѣ называются королями». Изъ Конотопа Унковскій пошелъ на Красный, Прилуки, Басань, Переяславль. Въ Переяславлѣ его догнали путивльцы Михаилъ Кольцовъ и Н. Драковцовъ съ государевой грамотой. Унковскому поручалось сдѣлать выговоръ полковнику Мужиловскому за то, что тотъ, уѣзжая изъ Москвы, говорилъ про московское государство непригожія слова, «что въ московскомъ государствѣ правды ни въ чемъ нѣтъ». Унковскій немедленно исполнилъ приказъ. Мужиловскій отговаривался: «государеву милость къ себѣ и жалованье я помню, и гетману, и полковникамъ, и всему войску запорожскому хвалить буду, а про московское государство ни съ кѣмъ никакихъ непригожихъ словъ не говаривалъ, развѣ въ пьянствѣ что молвилъ, и то не хитростью, по иноземскому обычаю, что государевою милостью и жалованьемъ съ Москвы поѣхалъ пьянъ».

12-го апрѣля посолъ прибылъ въ Алмазовъ (Глемязовъ), 14-го перевозились черезъ Днѣпръ въ Долматовѣ», а перевозу было внизъ по р. Днѣпру 10 верстъ». 15-го пришли въ Черкаскъ. Здѣсь Унковскій узналъ, что черкасскій сотникъ, Янъ Кровченокъ, только что вернулся изъ Крыма, куда былъ посланъ Хмельницкимъ. Унковскій сталъ допрашивать, для чего онъ былъ въ Крыму и какія тамъ вѣсти. Кровченокъ отвѣчалъ: «посланъ я былъ въ Крымъ гетманомъ къ крымскому царю, царевичамъ и мурзамъ, чтобы они шли

со всею ордою помогать по прежнему договору гетману и всему войску запорожскому на ляховъ, и они отписали къ гетману, что прибудутъ со всею ордою къ Тройцыну дню. Да крымской же царь говорилъ мнѣ: какъ намъ Богъ поможетъ повоевать ляховъ, и гетманъ и вы все войско подите съ нами воевать московскаго за ихъ неправды, что они нынѣ во всемъ передъ прежними крымскими царями чинятъ намъ кривды большія, казну даютъ не сполна и пословъ нашихъ безчестятъ, и по городамъ разсылаютъ, и голодомъ морятъ». Унковскій не повѣрилъ было, чтобы ханъ могъ говорить такія рѣчи, но Кравченокъ съ клятвою подтвердилъ свои рѣчи.

За десять верстъ отъ Чигирина Мужиловскій уѣхалъ впередъ, чтобы предупредить гетмана, а за пять верстъ Унковскаго встрѣтили тотъ же Мужиловскій да гетманской хорунжій и привѣтствовали его отъ имени гетмана. За полверсты отъ Чигирина встрѣтили его сынъ Хмельницкаго Тимоѳей, два писаря, есаулъ войсковой, войтъ изъ Паволочи, сотникъ и атаманы, человѣкъ 20, всѣ пѣшкомъ. Унковскій тоже сошелъ съ лошади; поздоровавшись, молодой Хмельницкій извинялся, что встрѣтили его въ такомъ близкомъ разстояніи и притомъ пѣшкомъ, «потому что подъ городомъ въ рѣкѣ вода велика, мосты и плотины снесла, а судовъ такихъ не изготовлено, лошадей перевозить не на чѣмъ». По приглашенію Унковскаго, Тимоѳей сѣлъ на лошадь Мужиловскаго, а всѣ остальные пошли пѣшкомъ; черезъ Тясмень перевезлись въ лодкахъ, а на берегу дожидались лошади. Посланникъ былъ поставленъ у городничаго Яна [1]). Въ тотъ же день къ нему явился есаулъ Михайло съ извиненіями отъ гетмана, что онъ самъ не присутствовалъ при встрѣчѣ, по болѣзни; вмѣстѣ съ тѣмъ Унковскому были доставлены кормы: 10 хлѣбцовъ пшеничныхъ малыхъ; 10 хлѣбцовъ ржаныхъ людскихъ, гуся, утю, двухъ поросятъ, четырехъ куръ, 50 яицъ, 2 сыра, баранъ, ногу говядины, 50 черенковъ соли; питья: скляницу вина двойного, скляницу вина венгерскаго, скляницу мальвазеи, ведро вина простаго, три ведра меду, пять ведеръ пива, десять свѣчъ сальныхъ, четь овса и острамокъ сѣна. Въ случаѣ недостатка кор-

---

[1]) Останавливаюсь на подробностяхъ пріема Унковскаго, потому что онъ былъ *первый* посолъ отъ московскаго государя и церемоніалъ встрѣчи устанавливался *впервые*; послѣдующіе послы требовали тѣхъ же церемоній при встрѣчѣ, которыя были описаны въ статейномъ спискѣ Унковскаго.

мовъ есаулъ предложилъ обращаться за ними на гетманскій дворъ, гдѣ уже сдалано объ этомъ распоряженіе.

Унковскій благодарилъ за присылку кормовъ и просилъ доложить гетману, чтобы онъ принялъ его какъ можно скорѣе и чтобы на его пріемѣ не было пословъ и посланниковъ другихъ государствъ.

На другой же день, 17 апрѣля, къ Унковскому пришли два писаря, войсковой есаулъ, паволочскій войтъ и чигиринскій атаманъ съ приглашеніемъ повидаться съ гетманомъ. Мужиловскій поѣхалъ на присланной отъ гетмана лошади; впереди его подъячій везъ государеву грамоту, а по сторонамъ шли писаря, есаулъ, войтъ и атаманъ. На гетманскомъ дворѣ у крыльца его встрѣтили гетмановы ближніе люди, а въ свѣтлицѣ у самой двери встрѣтилъ самъ гетманъ. Унковскій подалъ ему грамоту; гетманъ приложился къ печати и поцѣловалъ; тоже велѣлъ сдѣлать и обозному своему Чернятѣ. Затѣмъ Унковскій спросилъ отъ имени государя гетмана и все войско о здоровьѣ, на что въ отвѣтъ всѣ присутствовавшіе низко поклонились. Въ свою очередь гетманъ спросилъ о здоровьи государя и царевича Дмитрія Алексѣевича. Послѣ того посланникъ объявилъ государево жалованье: гетману три сорока соболей, дѣтямъ его Юрью и Тимоѳею, обозному Ивану Чернятѣ, писарямъ: Ивану Крычевскому да Ивану Выговскому, войсковому есаулу Михайлѣ, гетману Костырскому Яну, полковникамъ: черниговскому Ѳедору Вешняку, корсунскому Мазуренкѣ, нѣжинскому Шумейкѣ, миргородскому Матвѣю Гладкому—по парѣ соболей. Всѣ одаренные били челомъ. Послѣ того гетманъ прочиталъ государеву грамоту про себя одинъ и, снова поцѣловавши печать, отдалъ ее Ивану Выговскому, благодарилъ за милостивое слово и предложилъ Унковскому сѣсть около себя; полковники разсѣлись по скамьямъ и тутъ же гетманъ предложилъ посланнику у него отобѣдать. День закончился обѣдомъ у гетмана.

19 апрѣля Унковскій послалъ къ гетману Мужиловскаго, чтобы онъ назначилъ день. Прибывши въ его домъ съ тою же церемоніей, какъ и въ первый разъ, Унковскій нашелъ у Хмельницкаго всю старшину, которая въ то время была въ городѣ. Поздоровавшись, гетманъ взялъ его подъячаго и писаря Выговскаго въ отдѣльную комнату и только теперь началась рѣчь о дѣлахъ.

— Въ государевой грамотѣ, началъ Хмельнцкій, писано ко мнѣ, чтобы я послалъ своихъ пословъ въ Польшу и Литву къ панамъ-

родѣ ходатайствовать объ избраніи на польскій престолъ русскаго царя, но то дѣло миновалось: въ Польшѣ король выбранъ; пусть теперь государь съ своими войсками самъ наступитъ на Литву, и она навѣрное предложитъ ему свою корону, а на Польшу я и войско запорожское помочи не просимъ: Польшѣ противъ насъ и крымскаго царя неустоять и такимъ образоомъ государь станетъ государемъ Литвы и Польши. Да писалъ я государю, чтобы онъ меня съ войскомъ принялъ подъ свою высокую руку, но въ царской грамотѣ отвѣта на это предложеніе нѣтъ; не наказано ли тебѣ чего-нибудь объ этомъ?

— Если, Богъ дастъ, вы освободитесь отъ Польши и Литвы безъ нарушенія мира, тогда государь васъ пожалуетъ, велитъ быть подъ своею высокою рукою.

— Да мы и теперь свободны; цѣловали мы крестъ служить вѣрой и правдой королю Владиславу, а теперь въ Польшѣ и Литвѣ выбранъ королемъ Янъ Казиміръ и коронованъ, однако насъ Господь отъ нихъ избавилъ: короля мы не выбирали, не короновали и креста ему не цѣловали, а они къ намъ о томъ не писали и не присылали, а потому мы стали свободны. Почему же бы теперь государю не помочь намъ? Если онъ опасается Польши и Литвы, что въ прошлые годы причинили московскому государству многія бѣды и разореніе, то теперь этого опасаться нечего: безъ нашего запорожскаго войска вездѣ они будутъ худы, а и въ тѣхъ-то войнахъ были сильны лишь нашимъ войскомъ. Теперь счастье само дается въ руки государю: безъ всякаго ущерба онъ можетъ получить большое государство и множество ратныхъ людей. А мы желаемъ поступить подъ государеву руку, потому что наша благочестивая вѣра явилась отъ общаго корня, отъ Св. Владиміра, только ляхи своими неправдами и насиліемъ отлучили насъ отъ московскаго государства, а я такъ думаю: на чьей сторонѣ войско запорожское и вся Бѣлая Русь будетъ, та сторона будетъ страшна всѣмъ непріятелямъ, потому что войско запорожское имѣетъ огромныя сылы, что извѣстно и государю, и если насъ государь не принимаетъ и отъ своей милости отгоняетъ, то намъ кажется, что мы православные христіане ему не годны и милостивымъ къ намъ быть не хочетъ.

— Такія рѣчи говоришь ты, гетманъ, не помня къ себѣ царской милости: отъ вѣка прежніе гетманы и войско запорожское не ви-

дали такихъ милостей, какъ милость къ тебѣ. Въ прошломъ 156 (1648) году присылали къ государю извѣстіе паны-рада польскіе и литовскіе, что войско запорожское отъ нихъ отложилось и войну противъ ихъ начало, а потому просили на васъ помочи ратными людьми, согласно договора; но госурарь и не подумалъ посылать на васъ войско, а напротивъ отвѣчалъ, чтобы они войны и кровопролитіе прекратили. Затѣмъ, когда государь узналъ, что у васъ хлѣбъ не родился, саранча поѣла, а соли вслѣдствіе войны добыть негдѣ, то позволилъ вамъ покупать хлѣбъ, соль и всякіе товары въ своихъ городахъ и пріѣзжать для покупки торговымъ людямъ. Что если бы государь запретилъ вамъ вывозить изъ своего государства хлѣбъ, соль и всякіе товары? Вѣдь вы тогда всѣ умерли бы съ голода, не только что смогли бы воевать съ ляхами! Когда я ѣхалъ сюда черкасскими городами, то народъ говорилъ мнѣ, что они всѣ молятъ Бога за эту милость государеву! Да вотъ и сейчасъ государь жалуетъ васъ новою милостью, дозволяетъ вашимъ людямъ привозить всякіе товары въ свои порубежные города *безпошлинно*.

Гетманъ благодарилъ за эту милость и объявилъ, что и онъ сейчасъ же прикажетъ пропускать изъ московскаго государства торговыхъ людей со всякими товарами безпошлинно же.

— А долго ли быть войнѣ у васъ съ поляками и на чемъ вы хотите помириться?

— Ну, нашей войнѣ съ ляхами и Литвою конецъ одинъ Богъ вѣдаетъ. Много они намъ бѣдъ и разореній причинили: святыя Божіи церкви сквернили, насъ хотѣли поневолить въ свою проклятую вѣру, но милосердный Богъ призрѣлъ на наши слезы и терпѣніе, не допустилъ ихъ въ конецъ насъ раззорить, подавши намъ побѣду на нихъ за ихъ злодѣйство, а мнѣ, послѣднему въ человѣцѣхъ, повелѣлъ надъ войскомъ запорожскимъ въ войнѣ сей начальникомъ быть и надъ ляхами побѣды имѣть. Послѣ этихъ побѣдъ ляхи и литва присылали къ намъ пословъ и много разъ писали, чтобъ намъ по прежнему быть подъ ихъ властью на томъ условіи, что они будутъ почитать святыя Божія церкви и православую христіанскую вѣру, не будутъ держать ляцкихъ духовныхъ и вообще дадутъ намъ во всемъ повольность, а мнѣ гетману, даютъ городъ Чигиринъ да еще четыре города, гдѣ я хочу, и кромѣ того кіевское воеводство,—въ этомъ они готовы присягнуть. Однако мы знаемъ, какова ихъ

присяга! И прежде они не разъ присягали, да присяга не удерживала ихъ отъ притѣсненій и кровопролитья. А теперь, какъ слышно, за нынѣшнюю войну грозятъ не оставить въ живыхъ ни одного козацкаго младенца! Я съ своей стороны предлагалъ имъ помириться на томъ, чтобы имъ, ляхамъ и литвѣ, до насъ, войска запорожскаго, и до Бѣлой Руси дѣла не было, а границы наши и Бѣлой Руси были бы тѣже, какъ владѣли благочестивые великіе князья. «Если они не пойдутъ на предложенныя мною условія, то война затянется Богъ знаетъ до коихъ поръ, а если согласятся помириться, то послѣ мира къ кому намъ обратиться, какъ не къ великому московскому государю? Не турского царя и не нѣмецкихъ королей призывать!

Рѣчь, достойная великаго патріота, какимъ былъ Хмельницкій! Онъ какъ будто вовсе забылъ о причинахъ, побудившихъ его поднять казацкое возстаніе; онъ вовсе не думаетъ о своихъ личныхъ интересахъ, даже благополучіе всего войска запорожскаго не составляетъ цѣли его дѣйствій,—цѣль эта выше шире! Онъ мечтаетъ возстановленія Руси въ тѣхъ границахъ, какъ она была *при великихъ князьяхъ*, онъ смотритъ на войско запорожское, какъ на неразрывную часть цѣлаго—Великой Руси, къ которой онъ поэтому всѣми силами души стремится. Велика козацкая душа! Страннымъ даже представляется, что у простаго козака могла явиться такая идея,—идея, о которой Москва, преслѣдуя свои узкіе интересы, не имѣла никакого представленія. Не могло не казаться обиднымъ Хмельницкому, что Москва не хочетъ понять его великой идеи, не имѣетъ мужества рискнуть побороться за свои старинныя земли, тогда какъ онъ, отказываясь отъ лично выгодныхъ условій мира, стремится осуществить эту идею. Но онъ все таки не теряетъ вѣры въ успѣхъ своихъ плановъ, не теряетъ надежды когда-нибудь привлечь Москву къ задуманному предпріятію, а потому продолжаетъ развивать свои планы передъ Унковскимъ въ полной увѣренности, что каждое его слово будетъ вѣдомо государю. Высказавши свои планы, онъ сталъ говорить о дѣйствительномъ полженіи дѣлъ:

— 15-го мая [1]) прислалъ ко мнѣ Янъ Казиміръ пословъ, черни-

[1]) Очевидно ошибка писца, писавшаго статейный списокъ. Польскіе послы не могли быть у гетмана 15-го марта, потому что королевская грамота, привезенная ими, помѣчена *семнадцатымъ* числомъ марта. Безъ сомнѣнія нужно читать: *15 апрѣля,* когда Унковскій былъ еще въ Черкасахъ, а ужъ никакъ не *15 мая,* такъ какъ Унковскому грамота эта передана гетманомъ на свиданіи 19 апрѣля.

говскаго подстолія Бартоломея Вирженскаго [1]) съ 40 чел., которые привезли мнѣ королевской листъ, да хоругвь и булаву. Въ грамотѣ написано, что король не сомнѣвается въ вѣрности войска запорожскаго, а потому не велѣлъ польскимъ войскамъ переходить дальше рѣки Горыни, а гетману княжества литовскаго приказалъ не безпокоить козаковъ подъ страхомъ жестокаго наказанія; затѣмъ слѣдуютъ упреки, что я не отпустилъ съ комиссарами польскихъ плѣнникомъ, взятыхъ въ Кодакѣ, и просьба объ отпускѣ ихъ. Послѣ того король проситъ о скорѣйшемъ составленіи списковъ войсковыхъ, а самъ обѣщается по первой статьѣ моихъ условій ни чѣмъ не стѣснять греческой вѣры, имѣть всегда кіевскимъ каштеляномъ пана греческаго вѣроисповѣданія; относительно моего требованія, чтобы кіевскій митрополитъ считался первымъ послѣ примаса польскаго, король пишетъ, что онъ внесетъ это предложеніе на сеймъ, потому что безъ согласія сейма не имѣетъ права увеличивать число сенаторовъ; относительно Чаплинскаго король писалъ, что онъ его уже выключилъ изъ войсковаго списка, а затѣмъ приказалъ требовать его на сеймъ для суда и наказанія. Въ заключеніе пишетъ, чтобы всѣ свои желанія я передалъ его послу Варѳоломею Смаровскому и король исполнитъ ихъ. А нѣсколько дней спустя присланъ другой листъ, въ которомъ писано: вѣдомо королю и панамъ радѣ учинилось, что ты, гетманъ, и войско запорожское ищете себѣ новаго государя, а искони вы были подъ властью польскихъ королей, и вамъ бы то надо памятовать и держаться прежнихъ своихъ государей. На это посланіе я имъ отвѣчалъ, что какъ мы были подъ властью королей вашихъ, и тогда вы святымъ Божіимъ церквамъ и нашей христіанской вѣрѣ безпрестанно поругались и насъ имѣли собакъ хуже, и мы отнынѣ и до скончанія вѣка подъ властію королей вашихъ и у васъ въ подданствѣ быти не хотимъ, а дастъ намъ Господь Богъ государя благочестиваго христіанскія вѣры». Присылалъ ко мнѣ пословъ и король венгерскій, а въ листу писалъ, что онъ хочетъ намъ помогать на ляховъ ратными людьми за то, что

---

[1]) Въ королевской грамотѣ онъ дважды называется Варѳоломеемъ *Смаровскимъ*, въ статейномъ спискѣ Унковскаго тоже дважды *Вирженскимъ*. У Н. И. Костомарова (Моногр. Богданъ Хмельницкій, т. II, стр. 94, изд. III) тоже упоминается фамилія *Смяровскій*; по его мнѣнію, это былъ шпіонъ, котораго А. Кисель держалъ около Хмельницкаго.

ляхи учинили ему великія обиды и завладѣли его землями. Присылали пословъ съ грамотами Мултьянской, Волошскій да Дьянскій (господари), что хотятъ они намъ помогать ратными людьми и казной и радуются нашему освобожденію изъ ляшской неволи. Но мнѣ помощниковъ не нужно, есть у меня созникъ могучій и вѣрный,—то ханъ крымскій со всей своей ордой.

— Чѣмъ же у васъ укрѣплено съ ханомъ крымскимъ и надежны ли вы на его правду?

— Съ ханомъ крымскимъ укрѣплено душами и письменнымъ договоромъ, что ему отъ меня и войска запорожскаго не отступить и намъ отъ нихъ не отстать. А правда его явилась въ прошлой войнѣ, когда татары за насъ сражались, не щадя своихъ головъ; да и сейчасъ его передовые ратные люди съ перекопскимъ воеводою къ намъ пришли, а бѣлогородскіе татары пошли по Днѣстру на польскую границу, наконецъ и самого хана со всею ордою со дня на день ожидаю; а свое запорожское войско и нарядъ я уже послалъ на польскую границу на указныя мѣста. Если, Богъ дастъ, эту войну кончимъ благополучно, тогда и царь со всѣмъ Крымомъ хочетъ освобождаться изъ неволи отъ турскаго султана и меня съ войскомъ запорожскимъ позоветъ на помочь, а за помощь уступаетъ намъ весь турецкій полонъ и животы, какъ мы поступились ему польскимъ полономъ и животами. Крымскій ханъ надѣется освободиться отъ турскаго султана, потому что у турокъ теперь большіе упадки: много ихъ нѣмцами побито и на Бѣломъ морѣ [1]) путь къ Египту отняли. Да ханъ-же говорилъ мнѣ, что у нихъ мудрые люди въ книгахъ своихъ нашли, что пришло время православнымъ христіанамъ освободиться отъ всѣхъ вѣръ. Въ то время, какъ наши послы были у хана, пришли къ нему послы и отъ польскаго короля и пановъ рады и предлагали ему получить большую казну съ условіемъ отступиться отъ войска запорожскаго; ханъ прислалъ королевскій листъ ко мнѣ и спрашивалъ, какъ ему поступить. Я посовѣтовалъ ему взять ту казну, которую ему даютъ и потомъ идти съ нами воевать; онъ такъ и сдѣлалъ. Да въ прошломъ году, послѣ польской войны, ханъ предложилъ мнѣ идти съ

---

[1]) Въ документахъ XVII ст. Средиземное море всегда называется Бѣлымъ моремъ.

нимъ воевать московское государство, но я его унялъ, пригрозивши тѣмъ, что если онъ пошлетъ свое войско подъ государевы украинные города, то мы, войско запорожское, отступимся отъ него и пойдемъ воевать Крымъ, потому что у насъ съ московскимъ государствомъ единственно православная христіанская вѣра.

— Такая недобрая мысль крымскаго царя, отвѣчалъ Унковскій, не страшна и не опасна, потому что нашъ мудрый и храбрый государь постоянно усиливаетъ свои войска, строитъ новые города на границахъ и укрѣпляетъ ихъ, а въ тѣхъ городахъ и зиму и лѣто стоятъ большое число ратныхъ людей, постоянно готовыхъ отразить непріятелей. Однако, если онъ опять почнетъ звать тебя на московское государство, или самъ будетъ собираться, то тебѣ его отъ того-бы отклонять и самому такое недоброе дѣло не мыслить и войску запорожскому воли не давать.

— Да, мы слышали отъ Силуяна Мужиловскаго, что у васъ большое войско и построено много новыхъ городовъ; это хорошо, потому что Крымъ бусурманской вѣры и въ нихъ живетъ большое непостоянство. Но я и войско запорожское, поставляю на душу свою свидѣтеля Бога, на такое дѣло не помыслимъ и ихъ отъ такого дѣла унимать будемъ и во всякомъ случаѣ немедленно-же извѣстимъ порубежныхъ воеводъ, если татары задумаютъ идти въ московское государство.

— А правда-ли, будто крымскій ханъ за большой выкупъ отпускаетъ въ Польшу гетмановъ Потоцкаго и Калиновскаго?

— Не вѣрь ты тому! пока я живъ, ихъ изъ плѣна не выпустятъ, а сдѣлаютъ съ ними все, чего мы захотимъ.

— Вотъ ты говоришь, что желаешь всякаго добра великому государю; а извѣстно-ли тебѣ, что черкасы нападаютъ на порубежныхъ людей, чинятъ имъ великія обиды, грабятъ и убиваютъ, въ угодья въѣзжаютъ, пчелъ выдираютъ, рыбу ловятъ, хлѣбъ и сѣно увозятъ насильно и что ваши порубежные начальные люди такихъ воровъ не наказываютъ и не сыскиваютъ? Когда эти порубежныя земли были за поляками, такихъ обидъ не было.

Въ отвѣтъ на эту жалобу гетманъ приказалъ Выговскому немедленно послать грамоты къ порубежнымъ начальникамъ, чтобы строго наказывали такихъ своевольниковъ, безъ всякой пощады.

Въ заключеніе бесѣды Унковскій просилъ гетмана отписать на государеву грамоту и поскорѣе отпустить, что гетманъ и обѣщалъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ его опять отобѣдать у него. Унковскій согласился.

Отпускъ Унковскаго происходилъ 22 апрѣля, послѣ обѣда у гетмана, который вручилъ ему грамоту къ государю и предложилъ ѣхать вмѣстѣ съ его посломъ, *чигиринскимъ* [1]) полковникомъ Ѳедоромъ Вешнякомъ [2]). На отпускѣ гетманъ подарилъ Унковскому лошадь, да лукъ съ саадашнымъ лубьемъ, тоже и подъячему, а при отъѣздѣ ихъ изъ Чигирина прислалъ съ Выговскимъ Унковскому 100 ефимковъ (30 рублей), подъячему 50 да людямъ 30 ефимковъ. Изъ Чигирина до перевоза черезъ Тясьминъ московского посла провожали Тимоѳей Хмельницкій, всѣ полковники, есаулы, писаря, сотники и атаманы, бывшіе въ Чигиринѣ, съ гетманскимъ знаменемъ, съ литаврами и трубами. Обратный путь Унковскій имѣлъ по другой дорогѣ: на Черкасскъ, Мошны, Михайловку, Кіевъ, Бровары, Свѣтильново, Гоголево, Басань, Нѣжинъ, Борзну, Батуринъ, Конотопъ, Путивль, Сѣвскъ, Калугу, откуда вышелъ въ Москву 22 мая.

Помимо свѣдѣній о положеніи дѣлъ въ Малороссіи, сообщенныхъ ему съ такою откровенностью гетманомъ, Унковскій собиралъ подобныя свѣдѣнія и отъ другихъ лицъ, съ которыми ему приходилось сталкиваться. Въ росписи расхода отпущенныхъ ему соболей значится: «да отъ государевыхъ дѣлъ отъ провѣдыванья вѣстей роздалъ сорокъ соболей въ сорокъ рублей, а кому именемъ и отъ какого дѣла что дано, и то писано въ сей-же росписи». Лица, отъ которыхъ онъ собиралъ вѣсти, были слѣдующія: конотопскіе: сотникъ Ив. Рыбаченко, атаманъ Семенъ Пивоваровъ да писарь Семенъ, переяславскій полковникъ Ѳедоръ Лобода, елмязовскій сотникъ Ив. Щуренко (дана пара соболей для того, что сказывалъ,

---

[1]) Вѣроятно описка. Выше Унковскій самъ называетъ Вешняка полковникомъ *черниговскимъ*. Но С. М. Соловьевъ (Ист. Рос., т. X, стр. **224**, изд. **2**) и Н. И. Костомаровъ (Моногр. „Богданъ Хмельницкій", т. II, стр. **238**) тоже называютъ его *чигиринскимъ*.

[2]) Въ грамотѣ Хмельницкій, не распространяясь о дѣлахъ, проситъ о немедленной посылкѣ ратныхъ людей на Литву и о принятіи его съ войскомъ запорожскимъ въ подданство.

какъ онъ былъ въ посольствѣ въ Литвѣ у Радзивила и о какихъ дѣлахъ, и для того, что онъ гетману *свой*), черкасскіе: полковникъ Манка да сотникъ Ив. Кравченко (бывшій въ послахъ у хана крымскаго), войсковой есаулъ Лесовецъ, войсковой судья Матьяшъ и писаря: Кричевскій и Выговскій, приходившіе къ нему на подворье и сообщавшіе разныя вѣсти. Отъ этихъ лицъ Унковскій узналъ, что гетманъ отпустилъ польскаго посла, брацлавскаго воеводу Адама Киселя въ великій постъ съ тѣмъ, что гетманъ и все войско запорожское и вся Русь кіевская подъ властью польскаго короля и пановъ рады быть не хотятъ и паны-бъ рада на войско запорожское и всю Русь не наступали и крови не проливали, но Адамъ Кисель съ такими условіями въ Польшу идти не рѣшился, потому что, отправляясь посломъ, хвалился войско запорожское на миръ привести по прежнему и теперь живетъ въ своей маетности городѣ Гощѣ, а городъ этотъ принадлежитъ войску запорожскому. Въ Польшѣ король и паны рада объявили посполитое рушенье и польскаго войска собралось такъ много, сколько прежде никогда не бывало; сборнымъ пунктомъ этого войска назначенъ островъ за р. Горыней, а польнымъ гетманомъ назначенъ Андрей Фирлей, товарищемъ ему хорунжій Красовскій. Король самъ съ войскомъ своимъ будетъ въ Львовъ вскорѣ послѣ Тройцына дни, а при немъ 6,000 цесарскихъ людей да польское остальное войско; мѣшкаетъ онъ выступить въ походъ потому, «что благословилъ его папа жениться на королевѣ брата его Владислава короля», а женясь наскоро въ войскѣ будетъ. У Вишневецкаго гетманство и булава отняты въ наказаніе за то, что нынѣшняя война началась отъ него, и теперь найвысшаго гетмана не будетъ, потому что самъ король взялъ на себя этотъ чинъ. Для увеличенія своего войска король посылалъ въ Швецію просить помощи, обѣщаясь отказаться отъ шведскихъ титуловъ, да въ прусскую землю, въ Гданскъ. Пруссаки сначала было отказали ему въ помощи, но когда король пригрозилъ, что онъ, помирясь съ войскомъ запорожскимъ, всѣми силами нападетъ на нихъ, тогда пруссаки дали ему на ратныхъ людей 20 бочекъ ефимковъ, вслѣдствіе чего король щедро платитъ своему войску: вдвое и втрое противъ прежняго. А запорожское войско стоитъ подъ Баромъ, въ Константиновѣ и въ Гощѣ, подъ начальствомъ Нечая полковника брацлавскаго, Штепы попа да

винницкаго Гавтеренка, отъ польскаго войска верстахъ въ пяти; войска съ ними до тридцати тысячъ. Стычекъ между непріятелями не бываетъ, потому что поляки ожидаютъ возвращенія своихъ пословъ отъ гетмана; но отпускъ ихъ гетманъ затянетъ настолько, пока не получитъ вѣсти о прибытіи крымскаго хана. Впрочемъ, когда Унковскій выѣхалъ изъ Чигирина, гетманъ оставался тамъ не больше недѣли, потому что получилъ извѣстіе о прибытіи хана съ крымскими и ногайскими татарами и темрюцкими черкасами и пошелъ ему на встрѣчу, чтобы провести татаръ *полемъ*, не захватывая козацкихъ городовъ. Кромѣ хана обѣщалъ помощь гетману князь Корецкій, потому что родители его были православной христіанской вѣры. За то увеличилось и число враговъ; то было литовское войско въ количествѣ 16,000, расположившееся въ Рѣчицахъ. Во время военныхъ дѣйствій 1648 г. Литва оставалась спокойной, вслѣдствіе договора гетмана съ Литвой, но теперь она тоже поднялась противъ козаковъ. Войско литовское было подъ начальствомъ Радзивила, Сапѣги, Кишки, Служки и Воловича. Изъ нихъ отрядъ, состоявшій подъ начальствомъ Служки, пошелъ было подъ сѣверскіе города войска запорожскаго, но былъ совершенно разбитъ полковникомъ Өедоромъ Солдатомъ, имѣвшимъ 4,000 козаковъ. Гетманъ опять посылалъ къ литовскимъ сенаторамъ съ предложеніемъ, чтобы они не посылали войска противъ козаковъ, угрожая нашествіемъ татаръ, но сенаторы отвѣчали посламъ, что въ прошломъ году у нихъ не было короля и они могли заключать миръ, но теперь должны повиноваться королевской волѣ, хотя сами они весьма были-бы рады прекратить войну. Впрочемъ войско запорожское имѣетъ еще хорошихъ союзниковъ, это—донскіе козаки. Гетманъ посылалъ къ нимъ Михаила Войтова съ просьбой идти на помощь, и козаки донскіе обѣщались выступить немедленно и многіе изъ нихъ, которые прежде принадлежали къ войску запорожскому и къ населенію Бѣлой Руси, уже пришли. Прибывшіе донскіе козаки очень хвалятъ милостивое отношеніе къ нимъ московскаго государя, который ежегодно посылаетъ имъ денежное жалованье, сукна, хлѣбные и пушечные запасы и струги; въ отвѣтъ на ихъ похвалы запорожскіе полковники говорятъ: «а мы польскому королю и панамъ радѣ служили и польскому государству

прибыль чинили, а ни отъ кого ничего не видали, кромѣ разоренья и кровопролитія; и если бы великій государь велѣлъ намъ быть подъ своею высокою рукою и такая-бъ его милость къ намъ была, что и къ донскому войску, и мы пошли-бы на какое угодно государство, только бы было царское повелѣнье. А если Господь за грѣхи наши отдасть насъ подъ мечь супостатамъ, то не всѣхъ же насъ побьютъ! остальные уйдутъ до времени въ старожитное свое мѣсто въ Запороги, а съ кѣмъ Богъ и не велѣлъ намъ братства и совѣта имѣть—съ крымскою землей будемъ жить посполу и надъ ляхами промышлять, а въ подданствѣ у нихъ быть не хотимъ».

Будучи въ Кіевѣ, Унковскій узналъ, что кіевляне посылали поздравлять польскаго короля со вступленіемъ на престолъ Юрья Крамнина съ товарищами, и король, принимая ихъ поздравленіе, говорилъ имъ, чтобы они оставались подъ его властью по прежнему, а онъ ихъ пожалуетъ, дастъ имъ льготу—не велитъ брать съ нихъ никакихъ налоговъ и пошлинъ, православную вѣру тѣснить ничѣмъ не велитъ, римскіе костелы въ Кіевѣ уничтожитъ и польскихъ начальниковъ и жидовъ туда пускать запретитъ. Но кіевляне вовсе не вѣрятъ этимъ обѣщаніямъ, и кіевскій митрополитъ Сильвестръ Коссовъ, печерскій архимандритъ Іосифъ Трызна, слуцкій архіепископъ и весь духовный чинъ и торговые посадскіе люди послали къ гетману слуцкаго архимандрита Мелетія съ просьбой защитить ихъ отъ польскихъ насилій, такъ какъ, по ихъ словамъ, польскій король съ сенаторами приговорили монастыри и церкви сжечь, всѣхъ православныхъ предать смерти, а прежде другихъ духовный чинъ, а потому они въ Кіевѣ и во всей Бѣлой Руси находятся въ большомъ страхѣ.

Наконецъ Унковскій старательно провѣдывалъ о настроеніи населенія малорусскихъ городовъ, объ ихъ желаніи находиться въ подданствѣ русскаго царя. Изъ многочисленныхъ распросовъ онъ убѣдился, что дѣйствительно этого хочетъ весь малорусскій народъ, однако рѣшеніе этого вопроса оставляли на волю гетмана: «Господь Богъ далъ намъ нынѣ христіанской вѣрѣ оборонителя и отъ проклятой вѣры освободителя гетмана Богдана Хмельницкаго; какъ

его воля на такое дѣло будетъ, мы отъ него отставать не будемъ» [1]).

Ни посольство Мужиловскаго, ни посольство Вешняка не принесли Хмельницкому какихъ либо выгодъ. Правда, Москва все время войны козаковъ съ поляками держала дружественный нейтралитетъ по отношенію къ нему, предоставивъ даже свободу донскимъ козакамъ помогать ему, но активнаго участія въ событіяхъ не принимала, если не считать слабыхъ представленій польскому правительству о козакахъ. Гораздо больше Москва извлекла пользы для себя изъ сношеній Хмельницкаго: увѣренная словами гетмана, что крымскій ханъ, пока онъ будетъ въ союзѣ съ козаками, не тронется противъ нея, она тѣмъ съ большей смѣлостью и настойчивостью стала хлопотать въ Польшѣ о своихъ интересахъ. Почему же московское правительство не рискнуло принять Малороссію въ подданство въ 1649 г., не смотря на просьбы козаковъ? Вѣрнѣе всего на этотъ вопросъ можно отвѣтить словами Хмельницкаго; что въ Москвѣ опасались Польши и Литвы, потому что они причинили московскому государству въ прошлые годы большое разореніе. Съ конца еще XVI ст. и до самаго царствованія Алексѣя Михайловича поляки во всѣхъ столкновеніяхъ съ Москвой одерживали верхъ и въ Москвѣ не могла не утвердиться мысль о сильномъ могуществѣ польскаго государства, а отсюда страхъ вы-

---

[1]) Переговоры Унковскаго съ Хмельницкимъ и собранныя имъ вѣсти извлечены изъ документовъ московскаго архива министерства юстиціи (Сибирскій приказъ, столбецъ № 7608). Относительно свѣдѣній, сообщенныхъ статейнымъ спискомъ Унковскаго, слѣдуетъ замѣтить, что вообще статейные списки московскихъ пословъ отличаются крайней точностью и правдивостью. Шагъ за шагомъ, слово за словомъ заноситъ посолъ въ свой списокъ ясно, точно и опредѣленно. Мы имѣемъ свѣдѣнія, что въ тѣхъ случаяхъ, когда переговоры были очень длинны, послы просили того, у кого были, перечитать ихъ статейный списокъ, чтобы подтвердить точность его. Но нельзя ручаться за точность передаваемыхъ статейнымъ спискомъ вѣстей. Посолъ записалъ точно то, что ему передано, но насколько вѣрны сообщенныя ему вѣсти, онъ не ручается; онъ только указываетъ лицо, которое ему передало вѣсти; не его дѣло судить объ ихъ основательности. Эта оговорка необходима въ виду того, что вѣсти, сообщенныя Унковскимъ, не всегда совпадаютъ съ фактами, которые установились въ исторической литературѣ. Дѣло критика указать, кому слѣдуетъ вѣрить.

звать ея силы противъ себя. Правда, теперь Польша, кажется, побита козаками, но вѣдь побита въ союзѣ съ татарами, которые приходили на Польшу въ огромномъ количествѣ. А кто могъ поручиться, что если козаки будутъ приняты въ подданство Россіи, то Крымъ останется спокойнымъ? Не слѣдовало ли въ такомъ случаѣ ожидать союза татаръ съ поляками, а слѣдовательно выдерживать войну съ двумя сильнѣйшими государствами, изъ коихъ каждое въ отдѣльности побѣждало русскихъ?

Нѣтъ сомнѣнія, что очень вѣсскія соображенія удержали на сей разъ государя отъ присоединенія Малороссіи.

А. Востоковъ.

Библіографія.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Томъ 54-й, Спб. 1886 г.

Въ дѣлѣ изданія документовъ, преимущественно дипломатическихъ, по русской исторіи XVIII и XIX столѣтій Русское Историческое Общество перевалило уже во вторую полусотню объемистыхъ томовъ. Въ недавно вышедшемъ томѣ, помѣченномъ прошлымъ годомъ, дошла очередь до матеріаловъ, относящихся къ жизни и дѣятельности извѣстнаго херсонскаго генералъ-губернатора герцога Ришелье, ставшаго потомъ, по оставленіи имъ Россіи, министромъ иностранныхъ дѣлъ при королѣ Людовикѣ XVIII, отчасти благодаря именно своимъ симпатіямъ къ русскому императору, съ которымъ, такъ же, какъ и съ его министрами, онъ велъ дѣятельную переписку до самой смерти своей въ 1822 году

Само собою разумѣется, что для насъ въ данномъ случаѣ важнѣе всего въ разбираемой книгѣ матеріалы, выясняющіе личность Ришелье, его взгляды, имѣющіе отношеніе къ управленію новороссійскимъ краемъ, и наконецъ самую административную дѣятельность его.

Герцогъ Армандъ Эммануилъ Ришелье происходилъ изъ стариннаго рода знаменитаго кардинала Ришелье. По своимъ политическимъ убѣжденіямъ онъ былъ легитимистомъ и во многихъ отношеніяхъ поклонникомъ стараго порядка во Франціи. Онъ идеализировалъ средневѣковое рыцарство, въ порчѣ нравовъ и въ упадкѣ рыцарскаго духа усматривалъ главную причину бѣдствій революціи и считалъ большимъ несчастіемъ для Франціи, что «торговля и доходныя мѣста такъ обогатили народъ (т. е. буржуазію), тогда какъ опытъ показалъ, что дерзость его возрастала соотвѣтсвенно возрастанію его зажиточности» (№102, стр. 377—387). Будущій новороссійскій генералъ-губернаторъ

началъ свою служебную карьеру во Франціи въ должности перваго придворнаго кавалера и въ день бѣгства короля Людовика XVI изъ Парижа былъ дежурнымъ. Послѣ ареста короля, Ришелье выѣхалъ изъ Парижа съ разрѣшенія народнаго собранія, подъ условіемъ возвращенія во Францію, въ виду желанія его, «чтобы пріобрѣтенныя имъ военныя познанія предоставили ему со временемъ возможность содѣйствовать славѣ отечества»; въ дѣйствительности Ришелье возвратился въ свое отечество только по окончаніи революціонныхъ бурь и по возстановленіи Бурбоновъ въ Франціи, въ 1814 году.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, Ришелье былъ обласканъ императрицею Екатериною, зачисленъ въ русскую службу и отправленъ въ армію Конде, для участія въ походѣ 1792 г. По неудачномъ исходѣ кампаніи, онъ возвратился въ Петербургъ и подалъ императрицѣ замѣчательный по смѣлости мысли, удостоившійся одобренія, проэктъ о поселеніи французскихъ эмигрантовъ на югѣ Россіи и о сформированіи изъ нихъ военныхъ колоній. Предполагалось отвести эмигрантамъ 630 тысячъ десятинъ земли, въ предѣлахъ таврической и екатеринославской губерній, по берегамъ Азовскаго моря и р. Берды. Каждый мушкатеръ простого происхожденія имѣлъ получить 30 десятинъ, каждый дворянинъ 60, каждый офицеръ 300, священникъ такое же число на содержаніе церкви, каждый изъ 6 высшихъ офицеровъ 600 и т. д. Военные колонисты какъ офицеры, такъ и простые мушкатеры, освобождались отъ поземельной подати во время службы и въ отставкѣ. По дѣламъ гражданскимъ, колоніями завѣдуетъ губернаторъ, а по военнымъ дается отчетъ главному командиру. Каждой колоніи предоставлялось имѣть свой судъ въ главномъ поселеніи, который рѣшаетъ тяжебныя дѣла по законамъ и обычаямъ колонистовъ; въ дѣлахъ уголовныхъ военные колонисты судятся по русскимъ военнымъ законамъ и приговоръ утверждается военной коллегіей, а простые колонисты судятся въ губернскомъ городѣ. Русское правительство обязывалось построить для каждаго колониста, который явится въ теченіи 5 лѣтъ, удобный домъ, сверхъ того двѣ церкви въ двухъ главныхъ поселеніяхъ и по часовнѣ въ каждомъ «дистриктѣ». Каждый военный поселенецъ получитъ на обзаведеніе по рублю на десятину, т. е. простой мушкатеръ 30 р., офицеръ 300 и т. д.; сверхъ того, каждый мушкатеръ получитъ по двѣ лошади, по двѣ коровы и по шести овецъ; офицеры—по пропорціи. Колонистамъ предоставлялось заводить всякаго рода фабрики и заводы, продавать продукты, получаемые на нихъ, внутри имперіи безданно и беспошлинно (№№ 8 и 9, стр. 201—208). Съ такимъ то проэктомъ Ришелье отправился въ Кобленцъ, везя съ собою 60,000 червонцевъ, полученныхъ отъ русскаго двора, но

чисто внѣшняя причина, именно военныя дѣйствія на Рейнѣ помѣшали вывозу французскихъ эмигрантовъ и водворенію ихъ на югѣ Россіи.

Мысль о колонизаціи новороссійскихъ степей не оставляла герцога Ришелье и послѣ, когда онъ сталъ херсонскимъ генералъ-губернаторомъ. 10 мая 1810 г. онъ писалъ императору Александру: «слѣдуетъ припомнить, какъ трудно было въ прежнее время переводить русскія арміи степями для нападенія на турецкія провинціи; мало того, сколько разъ, послѣ блестящихъ успѣховъ, онѣ вынуждаемы были ретироваться на зимнія квартиры въ Малороссію; никакого пособія въ этихъ пустыняхъ, никакого убѣжища для солдатъ, 700 верстъ степей отдѣляли ихъ отъ непріятеля. Но когда ихъ мужество и настойчивость присоединили эти степи къ имперіи, когда здѣсь основались города и села, —для перенесенія военныхъ дѣйствій на Дунай не стало болѣе тѣхъ препятствій, которыя столько разъ задерживали арміи: онѣ находятъ въ Новороссіи все необходимое; наконецъ, въ послѣднее время Новороссія не только выслала большое количество провіанта для войскъ въ Корфу и для молдавской арміи, но и средства для перевоза получены въ новороссійскихъ портахъ. Въ Херсонѣ, Таганрогѣ и Одессѣ нашлось достаточно барокъ и кораблей для доставки всего необходимаго для дунайской арміи» (68, стр. 307).

Читатель видѣлъ, что и въ проэктѣ выселенія на югъ Россіи французскихъ эмигрантовъ дѣло не обошлось безъ «мужика»; но то былъ мужикъ французскій. Къ русскому мужику герцогъ Ришелье не обнаруживалъ такой снисходительности. О запорожцахъ онъ вспоминаетъ съ ужасомъ и говоритъ о новороссійскихъ степяхъ, при Екатеринѣ и ранѣе, какъ о пустынѣ необитаемой: «не прошло еще 30 лѣтъ, пишетъ онъ въ цитированномъ выше письмѣ къ государю, какъ страны, образующія теперь Новороссію, были необитаемы, по крайней мѣрѣ русскими; только Крымъ имѣлъ довольно многочисленное населеніе, сосѣднія же мѣста были или пустынны, или обитаемы татарскими ордами и запорожцами, у которыхъ цивилизація не сдѣлала никакого прогресса и которые сами старались уничтожить ее у сосѣдей своими вторженіями и разбоями» (стр. 306—307. О запорожцахъ ср. № 103, стр. 387). Столь же неблагосклонно смотрѣлъ Ришелье и на колонизацію Новороссіи бѣглыми. Припоминая съ похвалой льготы, дарованныя новороссійской губерніи при первоначальномъ ея заселеніи, онъ говоритъ: «можно даже сказать, что зашли въ этомъ направленіи слишкомъ далеко, закрывъ глаза на побѣги крестьянъ изъ сосѣднихъ провинцій, на дезертирство рекрутовъ, что было полной несправедливостью по отношенію къ помѣщикамъ тѣхъ губерній, откуда они бѣжали»

(стр. 388). Между тѣмъ помѣщичья колонизація привлекала вниманіе герцога и находила въ немъ поддержку. Извѣстно, что вновь присоединенныя земли въ Новороссіи раздавались огромными участками желающимъ, съ обязательствомъ населить имѣніе въ опредѣленный срокъ, и несоблюденіе этого послѣдняго условія влекло за собою отобраніе имѣнія въ казну. Ришелье признавалъ возможнымъ ходатайствовать передъ министромъ внутренихъ дѣлъ о снисхожденіи къ такимъ помѣщикамъ въ мѣстностяхъ между Бугомъ и Днѣстромъ и находилъ разныя обстоятельства въ оправданіе ихъ (№ 69, стр. 314). Такимъ образомъ видно, что помѣщичья колонизація представляла большія трудности: побѣги крестьянъ изъ сосѣднихъ губерній признавались непозволительною несправедливостью, а иначе неоткуда было ихъ взять. Понятно, поэтому, сочувственное отношеніе Ришелье къ колонизаціи иностранной. Изъ писемъ къ нему графа Кочубея видно, что герцогъ привлекалъ къ поселенію въ русскихъ владѣніяхъ ногайскихъ татаръ, болгаръ, сербовъ и даже евреевъ; 15 октября 1807 г. гр. Кочубей увѣдомляетъ его о высылкѣ на этихъ колонистовъ суммы въ 300 тысячъ рублей (№№ 37 и 44, стр. 251 и 266). Къ сожалѣнію, писемъ самого Ришелье объ этомъ предметѣ въ сборникѣ нѣтъ.

Колонизацію новороссійскаго края герцогъ Ришелье ставилъ въ неразрывную связь съ увеличеніемъ національнаго богатства и съ этой именно точки зрѣнія оцѣнивалъ результаты колонизаціи Новороссіи въ промежутокъ времени отъ Екатерины II по царствованіе Александра. Для молодого края онъ считалъ неизбѣжными всякія льготы и поощренія и только этимъ покровительственнымъ путемъ находилъ возможнымъ двинуть промышленность его. Само собою понятно, что льготы эти собственно предназначались для представителей верхнихъ слоевъ колонистовъ, между которыми выдавались по своей численности и значенію иностранные комерсанты и фабриканты, не касаясь совсѣмъ крѣпостного класса. Для новороссійскаго края у Ришелье не было причинъ бояться поддерживать и буржуазію, и капитализмъ, которые такъ страшили его во Франціи; съ его точки зрѣнія, понятія національнаго и народнаго богатства сливались воедино, и развитіе послѣдняго у него обусловливалось и ставилось въ связь съ развитіемъ капитализма. Настаивая на необходимости продленія льготъ по части выкуриванія и продажи водки, онъ говоритъ: «замѣчу, что только эта льгота способна была заставить богатыхъ собственниковъ переводить въ наши степи избытокъ населенія, стѣсненный въ земельномъ отношеніи внутри Россіи». Въ другомъ мѣстѣ онъ пишетъ: «Люди стекались со всѣхъ сторонъ, правительство цѣной незначительныхъ жертвъ создало неизмѣримые капиталы, увеличило

источники доходовъ и національныя богатства и приготовило огромную массу продуктовъ, которые, возрастая постоянно, содѣйствуютъ могуществу всего государства, котораго ранѣе невозможно было достигнуть». (№ 103, стр. 388—389). Конечно, съ своей точки зрѣнія Ришелье очень высоко ставилъ развитіе морской торговли. «Новороссія, писалъ онъ, ограничиваемая на протяженіи около 2 тысячъ верстъ берегами морей Чернаго и Азовскаго, всецѣло должна ждать своего благосостоянія отъ морской торговли, оживленіе которой создастъ капиталы, привлечетъ населеніе, населитъ города, разовьетъ земледѣліе, однимъ словомъ, измѣнитъ всю физіономію страны» (№ 118, стр. 413). По этому онъ хлопоталъ объ учрежденіи портофранко въ новороссійскихъ городахъ, о развитіи транзита, судостроенія и т. д. и въ этомъ направленіи видимо сдѣлалъ многое.

Рядомъ съ этимъ шли заботы герцога о насажденіи и развитіи просвѣщенія въ Новороссіи. Онъ порекомендовалъ императору Александру іезуита аббата Николя, впослѣдствіи ставшаго начальникомъ аристократическаго лицея въ Одессѣ, названнаго ришельевскимъ.

Такое страшное несчастіе, какъ чума, посѣтившая Новороссію въ 1812 и 1813 г., вызывало герцога на самую энергическую и самоотверженную борьбу, въ которой и протекли послѣдніе мѣсяцы дѣятельности Ришелье въ новороссійскомъ краѣ и въ Россіи. Восшествіе на французскій престолъ Людовика XVIII вызвало его въ отечество къ подножію законнаго государя. Вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтно, что положеніемъ своимъ въ Россіи онъ становился недоволенъ, чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе и, кажется, тому были какія-то важныя причины въ Петербургѣ, ускользающія однако отъ пониманія при чтеніи его полуоффиціальной переписки въ «Сборникѣ». Льготы новороссійскому краю, о которыхъ герцогъ такъ хлопоталъ, ограничивались, вопреки его настойчивой оборонѣ въ представленіяхъ и докладныхъ запискахъ, подаваемыхъ министрамъ и государю. Во время самаго разгара борьбы съ чумою, въ которой дѣятельнѣйшая роль взята была самимъ Ришелье, посланъ былъ изъ Петербурга съ большими полномочіями кн. Куракинъ, который, по прибытіи въ мѣста, недалекія отъ зачумленныхъ, позволилъ себѣ отмѣнять распоряженія генералъ-губернатора; такъ, въ «Сборникѣ» помѣщена переписка объ удаленіи отъ руководства въ борьбѣ съ чумою въ александрійскомъ уѣздѣ Пишчевича и о назначеніи на его мѣсто губернскаго предводителя дворянства Чорбы и пр.

Замѣтно однако, что отношенія Ришелье къ императору Александру не измѣнились и по оставленіи первымъ Россіи. Даже постъ министра иностранныхъ дѣлъ во Франціи занялъ онъ, благодаря только расположенію къ

русскому императору, смѣнивъ Талейрана, возбудившаго негодованіе Александра Павловича враждебнымъ образомъ дѣйствій относительно Россіи во время вѣнскаго конгресса.

О внѣшней сторонѣ изданія приходится сказать немного, а именно, что она вполнѣ удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ, предъявляемымъ подобнымъ собраніямъ матеріаловъ. Всѣ, безъ исключенія, документы напечатаны съ подлинниковъ на французскомъ языкѣ; имъ предпослана обстоятельная вводная статья редактора издаваемыхъ матеріаловъ, А. А. Половцова; въ концѣ тома помѣщенъ алфавитный указатель.

В. Н.

Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія сѣверо-западнаго края. Собранные и приведенные въ порядокъ П. В. Шейномъ. Т. I, часть I. Бытовая и семейная жизнь бѣлорусса въ обрядахъ и пѣсняхъ. СПБ. 1887 г. III—XXVI+585+4.

Историческая жизнь бѣлорусскаго племени сложилась въ высшей степени печально. Расположившись среди топей и болотъ, въ крайне нездоровомъ климатѣ, на мало плодородной почвѣ, оно съ трудомъ могло поддерживать свое существованіе: природа для него была скорѣе мачихою, чѣмъ матерью. Окруженное со всѣхъ сторонъ сильными сосѣдами, оно подпадало то той, то другой власти, переходило изъ однихъ рукъ въ другія... Не оно само рѣшало свою судьбу: за него рѣшали другіе. Часто Бѣлоруссія была ареной борьбы соперниковъ, но сама въ борьбѣ принимала мало участія. Въ разное время борьба кончалась различно, но для бѣлорусса она всегда имѣла одно и то же значеніе: всегда побѣдитель несъ съ собою дальнѣйшее закрѣпощеніе, а очень часто и религіозныя преслѣдованія.

Все это тяжело ложилось на народномъ характерѣ: оно создало ту забитость и пришибленность, которая является характернымъ признакомъ бѣлорусса и въ ученыхъ изслѣдованіяхъ, и въ разсказахъ непосредственныхъ сосѣдей (напр. въ разсказахъ малороссовъ о «дзѣгунахъ», «лопацонахъ» и т. д.).

Благодаря этому и бѣлорусская народная поэзія отличается недостаткомъ самобытности и оригинальности, какою-то безличностью: если внимательно пересмотрѣть существующіе «бѣлорусскіе сборники», то придется сознаться, что бóльшую часть бѣлорусскихъ пѣсенъ нужно отнести на долю общерусскаго пѣсеннаго наслѣдства,—остальныя пѣсни

заимствованы у малороссовъ, великороссовъ, поляковъ и очень немногія созданы бѣлоруссами въ позднѣйшее время.

Не смотря на интересъ ученыхъ къ дѣлу русской этнографіи вообще и бѣлорусской въ частности, съ *этой* точки зрѣнія бѣлорусскія пѣсни совсѣмъ почти не изучены. Даже такіе серьезные знатоки бѣлорусской народности и собиратели, какъ П. В. Шейнъ, почти упускаютъ ее изъ виду [1]); быть можетъ, этотъ вопросъ найдетъ себѣ талантливаго изслѣдователя въ А. Н. Пынинѣ, которой началъ печатать свои статьи о «бѣлорусской этнографіи» въ апрѣльскомъ номерѣ «Вѣстника Европы» за нынѣшній годъ.

Изданіемъ новаго «бѣлорусскаго сборника» г. Шейна Академія даетъ богатый матеріалъ для постановки и рѣшенія этого вопроса.

Въ нашу непосредственную задачу не входитъ детальный разборъ сборника г. Шейна; мы только коснемся не безъинтереснаго и для малорусской этнографіи общаго вопроса о классификаціи и систематизаціи народныхъ пѣсенъ, при чемъ постараемся, насколько это возможно, отмѣтить бѣлорусскія пѣсни, сходныя съ малорусскими. Классификація г. Шейна отличается такой же искусственностью, такимъ же отсутствіемъ одного логическаго «principium divisionis» въ подраздѣленіяхъ, какъ и классификація почти всѣхъ изданій по малорусской этнографіи. Почему напр. пѣсня шуточная не можетъ быть въ той же самое время и пѣсней бытовой, семейной и т. д.? Почему семейныя пѣсни не бытовыя? Почему пьяницкія пѣсни выдѣляются изъ бытовыхъ, шуточныхъ? Народная пѣсня отличается часто такимъ разнообразіемъ содержанія, что ее трудно подвести подъ какую-нибудь опредѣленную рубрику.

Не особенно давно г. Потебня предложилъ иной способъ группировки—по строю куплета. Но этотъ методъ не настолько еще разработанъ, чтобы можно было имъ руководствоваться при систематизаціи пѣсенъ.

По нашему мнѣнію, самая простая и естественная группировка—это по мѣстностямъ записыванія съ дѣленіемъ на основныя рубрики: пѣсни обрядовыя (съ частными подраздѣленіями), бытовыя и баллады. Первое дало бы возможность опредѣлить характеръ творчества всякой данной мѣстности, второе помогало бы разбираться въ пѣсняхъ.

Самаго поверхностнаго знакомства съ малорусскими народными пѣснями достаточно, чтобы найти въ сборникѣ г. Шейна пѣсни, заим-

---

[1]) При немногихъ только пѣсняхъ указаны соотвѣтствующія малорусскія.

ствованныя бѣлоруссами отъ малороссовъ. Такъ въ отд. I («пѣсни крестинныя») № 17 «И камышъ тращиць» (стр. 27) есть ничто иное, какъ малорусская пѣсня «И ледъ трищить». Большинство «колыбельныхъ и дѣтскихъ пѣсенъ» (отд. I) сходны съ таковыми же пѣснями сборниковъ Чубинскаго, Гулака-Артемовскаго и другихъ (№№ 21, 24, 25, 28, 34). Изъ колядокъ поражаютъ своимъ сходствомъ съ малорусскими №№ 38, 39, 48, 49, 53, 61, 69, 75, 76, 77, 80, 83, 84 и т. д.

Изъ веснянокъ укажемъ на №№ 124, 125, 133, 157, 165, 166; изъ петровскихъ № 204; изъ толочанскихъ №№ 218, 221, 222; изъ купальскихъ №№ 246, 247; изъ жнивныхъ №№ 264, 273, 283, 290; изъ дожиночныхъ № 298.

Перейдемъ теперь ко II отдѣлу. Изъ любовныхъ и семейныхъ укажемъ на №№ 337, 338, 343, 345, 347, 349, 353, 354, 356, 357, 363, 366, 383, 406, 410, 414, 416, 423, 425, 433, 446, 452, 456, 468, 479, 480, 524, 529, 531, 532; изъ бытовыхъ №№ 551, 554, 561, 566, 591; изъ шуточныхъ №№ 611, 620, 535, 636, 637; изъ разгульныхъ № 650; изъ пьяницкихъ и плясовыхъ №№ 651, 652, 654, 655, 659, 666, 667, 701, 704, 716, 789.

При самомъ бѣгломъ просмотрѣ, какъ видно, мы наткнулись на массу сходныхъ пѣсенъ; болѣе тщательное сравненіе увеличило бы въ нѣсколько разъ нашъ реестръ.

В. К—шъ.

Архивъ юго-западной Россіи, издаваемый коммисіею для разбора древнихъ актовъ, состоящей при кіевскомъ, подольскомъ и волынскомъ генералъ-губернаторѣ. Ч. VII, т. 1. Акты о заселеніи юго-западной Россіи. Кіевъ. 1886 г.

Настоящее собраніе актовъ въ ряду многочисленныхъ изданій кіевской коммисіи принадлежитъ къ числу найболѣе выдающихся какъ по важности вопроса, которому оно посвящено, такъ и по искусному подбору актовъ и тщательной ихъ обработкѣ. По особымъ обстоятельствамъ трудъ этотъ принадлежитъ двумъ лицамъ: подборъ актовъ сдѣланъ проф. В. Б. Антоновичемъ, изслѣдованіе же по нимъ проф. М. Ф. Владимірскимъ-Будановымъ.

Въ составъ настоящаго тома вошли акты, обнимающіе время 1386—1700 г. и касающіеся исторіи заселенія югозападнаго края Россіи. Всѣхъ актовъ 85; они извлечены изъ книгъ кіевскаго центральнаго архива, изъ Литовской Метрики, изъ собранія рукописей самой коммис-

сіи и изъ нѣкоторыхъ другихъ архивовъ. Это жалованныя грамоты литовскихъ князей и польскихъ королей разнымъ лицамъ и учрежденіямъ на земли въ нынѣшнемъ югозападномъ краѣ, описанія укрѣпленныхъ украинскихъ замковъ, люстрація староствъ, земельныя сдѣлки частныхъ лицъ и пр. Всѣ эти документы обстоятельно указываютъ движеніе колонизаціи въ названномъ краѣ, съ мельчайшими подробностями изображаютъ экономическій бытъ населенія, административное и юридическое положеніе селъ и городовъ, состояніе укрѣпленныхъ замковъ и ихъ боевую готовность, этнографическій составъ замковой стражи и тянувшихъ къ замкамъ поселеній. Въ актахъ не мало данныхъ для географіи и топографіи края, для исторіи Кіева, положенія въ заселяемомъ краѣ православія, а также данныхъ по вопросу о соціальномъ строѣ государства и отношеніи къ нему колонизуемой окраины. Вообще все собраніе актовъ отличается богатѣйшимъ и разнообразнымъ содержаніемъ и обличаетъ опытную и умѣлую руку, какую мы привыкли видѣть въ трудахъ проф. В. Б. Антоновича.

Въ предпосланной актамъ статьѣ проф. Владимірскій-Будановъ кратко указываетъ цѣль изданія и значеніе помѣщенныхъ въ нихъ актовъ, равно и самаго вопроса о колонизаціи югозападной Россіи, а также излагаетъ предварительныя замѣчанія и дѣлаетъ нѣкоторые выводы по этому вопросу, за время однако съ половины XIII лишь до половины XV вѣка, и это потому, что со времени изготовленія настоящаго тома найдено много другихъ однородныхъ документовъ о заселеніи края въ XV, XVI и XVII вв., которые находятся уже въ печати и составятъ второй томъ изданной теперь VII ч. Съ выходомъ ихъ авторъ обѣщаетъ сдѣлать дальнѣйшіе замѣтки и выводы о колонизаціи югозападной Руси съ половины XV по конецъ XVII в. Отлагая до этого времени подробный обзоръ всѣхъ актовъ, касающихся столь важнаго вопроса, мы ограничимся здѣсь разсмотрѣніемъ предварительныхъ замѣчаній автора, касающихся заселенія юго-западной Россіи.

Указанному вопросу профессоръ Будановъ придаетъ большое значеніе и въ документальномъ разрѣшеніи его видитъ ключь къ уясненію судебъ не только этого края русской земли, но и цѣлой Россіи въ ея отношеніяхъ къ восточному и западному міру. Въ своихъ замѣткахъ онъ выдвигаетъ двѣ давно уже господствующія теоріи заселенія южной Руси: 1) такъ называемую туранскую, по которой туземный славянскій этнографическій элементъ воспринялъ будто бы въ себя большую дозу тюркско-татарскаго и 2) польскую, какъ называетъ ее авторъ, по которой колонисты съ запада, именно изъ Польши, смѣшавшись съ остатками кореннаго населенія, положили будто-бы въ юж-

ной Руси основаніе новому племени, болѣе близкому къ лехитской расѣ, чѣмъ къ русской. На основаніи впервые публикуемыхъ теперь актовъ, авторъ наноситъ рѣшительное пораженіе послѣдователямъ и творцамъ обѣихъ теорій, приводя рядъ неопровержимыхъ доказательствъ въ пользу преобладанія въ указанное время въ населеніи южной Руси чисто русскаго элемента. Полагая, согласно съ польскими историками, начало колоназаціи въ слѣдъ за разореніемъ, причиненнымъ нашествіемъ Батыя, г-нъ Будановъ начинаетъ свое изслѣдованіе перечисленіемъ разоренныхъ татарами городовъ и опредѣленіемъ размѣровъ опустошенія, произведеннаго ими въ 1240 г., послѣ чего приходитъ въ заключенію, что какъ ни велико быво это опустошеніе, все же оно не превратило края въ пустыню; нѣкоторые города и мѣста совершенно уцѣлѣли, какъ Кременецъ и Даниловъ, Холмъ и Болоховская земля; въ другихъ, взятыхъ татарами, городахъ далеко не все населеніе перебито, какъ въ Галичѣ, Бакотѣ, Перемышлѣ и Пинскѣ. Если Кіевъ казался болѣе пострадавшимъ и менѣе былъ возстановленъ, то причину этого явленія г. Будановъ видитъ въ упадкѣ этого города, начавшемся еще до нашествія Батыя, вслѣдствіе передвиженія центра политической жизни на западъ: въ Галичъ и Волынь, и на востокъ — въ Суздаль. Найболѣе уцѣлѣвшими частями Кіевщины авторъ считаетъ заднѣпровскую ея половину: остерскую и любечскую волости и вообще за-десенскую лѣсистую страну Черниговщины, полагая, что большинство жителей этихъ странъ бѣжало передъ татарами не только въ лѣсистыя и малодоступныя Карпаты, какъ думаютъ другіе, но гораздо ближе—въ Полѣсье припетское (по правую сторону Днѣпра), и за-десенское (по лѣвую). По замѣчанію автора, во время нашествія Батыя, найбольшему истребленію и гибели подверглось населеніе городское, въ слѣдствіе чего съ возвращеніемъ разбѣжавшихся жителей на прежнія мѣста произошла перестановка въ отношеніяхъ классовъ населенія, явился перевѣсъ пѣхоты надъ конницей, смердовъ надъ дружиннаками, сельчанъ надъ горожанами, и это обстоятельство имѣетъ, по мнѣнію автора, чрезвычайную важность для новыхъ явленій послѣдующей русской исторіи. Но что особенно важно, этнографическій составъ населенія послѣ татарскаго погрома остался тотъ-же, какой былъ и прежде. Измѣненіе состава наблюдается лишь въ городскомъ населеніи Галиціи и Волыни, гдѣ, кромѣ русскихъ, можно встрѣтить нѣмцевъ, поляковъ и евреевъ. Примѣсь татарскаго племеннаго начала была ничтожна; смѣшенію препятствовали вражда національная, культурная, религіозная и историческая; только на югъ отъ Роси и Сулы авторъ признаетъ постоянные осадки татарскихъ поселеній. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ находитъ возможнымъ предполагать, что во время бѣгства населенія изъ

Черноговщины въ Карпаты и обратнаго его возвращенія въ найболѣе безопасныя мѣста должно было произойти смѣшеніе этнографическихъ элементовъ—сѣверянъ, полянъ, волынянъ и червоноруссовъ. Что касается до участія Польши въ дѣлѣ колонизаціи южной Руси въ XIII в., то авторъ, указавъ на существованіе въ это время на югѣ королевства Даніила, а потомъ Гедимина и Ольгерда и на раздробленность Польши на многія враждовавшія между собою княженія, совершенно отрицаетъ ея колонизаторскую дѣятельность. Въ XIV в. южная Русь вошла въ составъ литовскаго государства; но авторъ не допускаетъ и мысли, чтобы въ составъ осѣдлаго земледѣльческаго класса входила литовская примѣсь не только въ XIV, но и въ начала XV в. Напротивъ разсмотрѣніемъ документовъ начала XV в. онъ старается подтвердить фактъ постепеннаго обрусѣнія литовцевъ. Въ періодъ литовскихъ набѣговъ, по мнѣнію г. Буданова, могло произойти лишь передвиженіе русскихъ этнографическихъ группъ, т. е. сближеніе сѣверо-западнаго бѣлорусскаго племени съ юго-западнымъ, малорусскимъ. Обрусѣвшіе и принявшіе православіе, литовскіе князья въ землѣ кіевской (Владиміръ, Свидригайло и Олельковичи) и подольской (Коріатовичи) содѣйствовали возстановленію русской народности и процвѣтанію православной вѣры въ южной Руси; Кіевъ снова сдѣлался резиденціею митрополитовъ и соперникомъ Москвы; Русское государство на югѣ успѣло не только возстановить населеніе въ своихъ древнихъ предѣлахъ, но и подвинуть границы далеко на югъ. Уже Ольгердъ довелъ предѣлы кіевской земли до Синихъ водъ и Бѣлобережья (Синюхи и Запорожья), а при Витовтѣ они доходили до Чернаго моря. Огромная часть этого пространства въ XV в. входила въ составъ княжества кіевскаго, простиравщагося отъ Мозыря до Чернаго моря и отъ бассейна Днѣпра до Донца. Границы опоясаны были укрѣпленными пунктами, городами-замками, изъ чего слѣдуетъ, что первымъ пріемомъ колонизаціи была колонизація военная. Вокругъ замковъ селилась полувоенное промышленное населеніе мѣщанъ. Такимъ образомъ военная колонизація ведетъ за собою городскую, промышленную. Вблизи замковъ и подъ защитою ихъ садятся села. Всѣ вмѣстѣ они составляютъ повѣты. Села населены преимущественно служилыми людьми; частнаго землевладѣнія почти не видно. Такъ шла впередъ земледѣльческая (крестьянская) колонизація, полуслужилая, полувоенная, самая прочная. Съ XV в. начинается землевладѣльческая колонизація кіевскихъ украинныхъ мѣстъ. Раздача земель здѣсь начинается къ югу отъ Роси и въ Заднѣпровьи при Владимірѣ Ольгердо

вичѣ. Витовтъ раздаетъ земли въ прибужской украинѣ; Александръ Владиміровичъ раздаетъ земли внутри и на сѣверѣ кіевщины; Семенъ Александровичъ подвинулъ колонизацію въ южныя степныя пространства и по Днѣстру, при чемъ въ пустынныхъ мѣстахъ владѣлецъ самъ долженъ былъ созвать населеніе. Здѣсь находимъ уже и частное землевладѣніе и древній способъ временнаго пользованія волостями бояръ мѣстнаго замка. Другой способъ землевладѣнія представляютъ хмѣльницкіе бояре, защищающіе свой общій грунтъ. Одинаковое значеніе съ землевладѣльческой колонизаціей имѣетъ колонизація монастырская, которую вели по преимуществу кіевскіе монастыри: Пустынно-Николаевскій на югъ въ Запорожье, Печерскій на сѣверѣ Кіевщины и въ Черниговщинѣ. Въ кіевскомъ княжествѣ всѣми этими способами распространялось исключительно русское населеніе.

Въ Подоліи ростъ русской націи идетъ медленнѣе вслѣдствіе завоеванія Галиціи и западной Волыни Казимиромъ В. въ 1340 г., но въ 1370 г. Волынь снова возвращается литовскимъ князьямъ. Унія 1386 г. не отразилась на національномъ складѣ, такъ какъ Витовтъ ни въ чемъ не уступалъ Ягеллу, защищая русскіе интерессы. Если въ 1340 г. Казимиръ В. занялъ западное Подолье (т. е. Днѣстровское Низовье), то оно не только не было имъ колонизуемо, но даже не было освобождено отъ татаръ; его защитали отъ татаръ 4 брата Коріятовичи и настроили городовъ (Смотричъ, Бакота, Каменецъ), которые и заселили исключительно русскимъ элементомъ, а упавшіе города отдавали частнымъ лицамъ для заселенія. Въ 1393 г. Витовтъ занялъ Подолію и западную часть ея отдалъ за 20,000 какъ литовскихъ грошей Ягеллу, а король перепродалъ свои права п. Спитку, который сталъ раздавать населенныя мѣста польской шляхтѣ. Но эта раздача не есть колонизація; послѣдняя всецѣло принадлежитъ Витовту, строившему и населявшему города. Послѣ смерти Витовта Польша хитростью захватила западное Подолье у Свидригайла, но кн. Өеодоръ Несвижскій отнялъ ее у поляковъ; не вознагражденный Свидригайломъ, онъ призналъ права Польши на Подолье и остался до смерти правителемъ этой страны, и только тогда она перешла къ Польшѣ. Восточная часть Подоліи, т. е. Побужье, всегда и юридически и фактически оставалась за Литвой и въ обѣихъ частяхъ русское вліяніе до половины XV в. не прерывалось.

Таково обильное выводами содержаніе первой части изслѣдованія профессора Буданова по изданнымъ актамъ. Въ слѣдующей части онъ предполагаетъ разсмотрѣть вліяніе Польши на колонизацію южной Руси послѣ 1569 г. и обусловленное этимъ вліяніемъ появленіе козачества и борьбу его противъ польской цивилизаціи. Въ свое время мы позна-

комимъ читателей съ дальнѣйшими выводами проф. Буданова, которые обѣщаютъ быть не менѣе настоящихъ интересными и поучительными.

И. Каманинъ.

Труды комитета для историко-статистическаго описанія подольской епархіи. Вып. III (приложеніе къ Подольскимъ Епархіальнымъ Вѣдомостямъ). 1886 г. Каменецъ-Подольскъ. 1887 года.

Въ провинціальной исторической литературѣ настоящее изданіе представляетъ весьма отрадное явленіе какъ по богатству вошедшихъ въ составъ сборника матеріаловъ, такъ и по тщательной и вполнѣ добросовѣстной, хотя и не вполнѣ совершенной, ихъ обработкѣ. Изданные теперь комитетомъ матеріалы составляютъ разнаго рода акты: административные, судебные, нотаріальные, заимствованы они изъ актовой книги, хранящейся въ архивѣ подольской духовной консисторіи.

Послужившая основою изданія подлинная актовая книга принадлежитъ бывшей въ предѣлахъ Подоліи уніатской епархіи и заключаетъ въ себѣ дѣла бывшаго уніатскаго духовенства, писанныя преимущественно на польскомъ и отчасти на латинскомъ языкѣ. Дѣлятся они на «acta litigiosa», куда относятся рѣшенія консисторскаго оффиціала или судьи по обвиненіямъ священниковъ въ разнаго рода преступленіяхъ, дѣла бракоразводныя, духовныя завѣщанія, записи на викаріатство или коадьюторство и т. п. и 2) на «acta gratiarum», куда относятся разрѣшенія на постройку церквей и часовень, на освященіе тѣхъ и другихъ, устройство кладбищъ и проч., разрѣшенія на вступленіе въ бракъ и запрещеніе таковаго, на присоединеніе и отлученіе отступниковъ отъ уніи, на присоединеніе и отдѣленіе части приходовъ, разрѣшеніе отъ запрещеній, отлученій и клятвъ, налагаемыхъ церковными судами; сюда-же вписывались: распредѣленіе деканатовъ, назначенія на мѣста администраторовъ, коадъюторовъ и комендаріевъ приходовъ, предоставленіе права на граціальные (льготные) годы вдовамъ и сиротамъ священниковъ, разрѣшеніе разнымъ лицамъ на употребленіе во время поста скоромной пищи и т. п.

Акты напечатаны, правда, не въ первоначальномъ ихъ видѣ и не представляютъ собою точной копіи документовъ, съ соблюденіемъ всѣхъ ихъ особенностей въ формѣ, языкѣ, терминахъ и правописаніи, какъ привыкли мы видѣть въ изданіяхъ ученыхъ коммисій; но, какъ говорятъ издатели, «содержаніе актовъ передано здѣсь въ самомъ короткомъ

пересказѣ, съ сохраненіемъ, *по возможности*, ихъ характерныхъ особенностей, и только два документа сохранены во всей своей цѣлости». Итакъ, это скорѣе опись актовъ, а не самые акты, и какъ опись мы и будемъ разсматривать настоящій сборникъ.

Ознакомленіе съ актами посредствомъ описи и передачи ихъ содержанія имѣетъ свои выгоды; оно устраняетъ многія лишнія мелочи, составляющія общую формулу каждаго изъ документовъ; но судить о достоинствѣ ея, не имѣя подъ руками самыхъ документовъ, мы не имѣемъ физической возможности; скажемъ только, что достоинство описи стоитъ въ прямой зависимости отъ объема знаній и опытности составителя и что людямъ, впервые принимающимся за такое дѣло, лучше печатать акты цѣликомъ.

Объ описи избранной издателями актовой книги вообще надо сказать, что она довольно подробна и даже въ такихъ частностяхъ, которыя могли-бы быть сокращены, или опущены безъ вреда для дѣла, каковы напр. подробности обычныхъ формъ судопроизводства и разныя мелочи въ изложеніи дѣлъ. Вообще акты, рисующіе бытъ духовенства, описаны болѣе обстоятельно, чѣмъ это оказывается необходимымъ для характеристики самаго быта. Къ числу недостатковъ описи надо отнести также пестроту языка и излишнее употребленіе терминовъ и даже обычныхъ актовыхъ выраженій, которыя безъ всякаго ущерба для характеристики времени, лицъ или событій могли-бы быть замѣнены обыкновенными литературными выраженіями. Странными кажутся напр. фразы: «заливаться напитками до потери силъ» (№ 417), «дать бракъ» (№ 530 и друг.); «въ храмовой день ругалъ значительныхъ особъ, стоящихъ на высшихъ ступеняхъ и уже умершихъ»... «отвѣтчикъ аппелировалъ на рѣшенія судьи и когда судья аппеляцію рефутовалъ (отсрочилъ), сталъ на судѣ», т. е. приступилъ къ рѣшенію дѣла» (№ 533). Юридическіе термины: рѣшеніе, истецъ, отвѣтчикъ, въ гражданскихъ дѣлахъ, постоянно смѣшиваются съ приговоромъ, жалобщикомъ и обвиняемымъ въ уголовныхъ и т. п.

Описи актовъ предпослано предисловіе, заключающее въ себѣ двѣ главы: 1) историческій очеркъ уніи въ Брацлавщинѣ и вліяніе школъ іезуитско-базиліанскихъ на распространеніе уніи и 2) административныя и судебныя власти и учрежденія въ церкви уніатской. Въ первой главѣ излагается вообще дѣятельность уніатскихъ епископовъ и митрополитовъ: Іосифа Шумлянскаго (1668—1708 г.), Варлаама (1709—1715 г.), Аѳанасія (1715—1745 г.) и Льва (1748—1779 г.) Шептицкихъ и наконецъ Ясона Юноши-Смогоржевскаго (1779—1788 г.), притомъ дѣятельность ихъ не въ одной только Брацлавщинѣ, но и во всемъ западномъ краѣ. Школамъ удѣлено очень немного мѣста и вліяніе ихъ остается

недостаточно выясненнымъ. Статья эта представляетъ впрочемъ простую компиляцію по найболѣе важнымъ въ исторической литературѣ сочиненіямъ. Во второй главѣ четыре первые параграфа 1) о митрополичьей и епископской власти, 2) о должностныхъ лицахъ при епископѣ и оффиціальскомъ урядѣ, 4) о деканатскомъ и парохіальномъ урядѣ и 4) о судопроизводствѣ въ уніатской церкви также представляютъ компилятивный очеркъ, хотя судопроизводство авторъ старается излагать на основаніи напечатаннаго матеріала; но болѣе всего этотъ послѣдній послужилъ для пятаго параграфа, въ которомъ изображаются нравственные недостатки уніатскаго духовенства. Такими недостатками были: непрерывное пьянство, приводившее къ самоуправству и грубости, брани и дракамъ, кощунству и святотатству; грубыя суевѣрія, заботы о матеріальномъ обезпеченіи въ ущербъ духовно религіознымъ обязанностямъ, проступки противъ семейной нравственности. Характеристику эту можно было-бы иллюстрировать многочисленными примѣрами изъ отдѣла «актовъ»; но авторъ очерка упустилъ это изъ виду, предоставляя читателю самому искать подтвержденія указанныхъ положеній. И безъ того впрочемъ характеристика нравственности уніатскаго духовенства выходитъ самая мрачная, и можно пожалѣть, что она разсматривается здѣсь обособленно, безъ всякаго сравненія съ нравственнымъ состояніемъ католическаго и православнаго духовенства того-же времени. Сравненіе привело-бы, можетъ быть, автора къ иному выводу и правильно опредѣлило-бы значеніе и роль нравственности духовенства въ распространеніи уніи.

Намъ кажется упущеніемъ со стороны издателей и то, что значительная часть актовъ, именно: о назначеніи священниковъ, о постройкѣ новыхъ церквей, освященіи ихъ, каплицъ, престоловъ, кладбищъ и проч., не удостоилась ихъ вниманія, а между тѣмъ она могла привести къ указанію на постепенное территоріальное распространеніе уніи въ Брацлавщинѣ, которая послѣ подавленія гайдамачины, уничтоженія Запорожской Сѣчи и присоединеніи Крыма стала быстро и густо заселяться; такимъ образомъ обнаружилась-бы связь уніи съ колонизаціей и съ экономическимъ положеніемъ крестьянъ.

Къ изданію приложены указатели: личный, географическій и юридическихъ терминовъ. Это какъ-бы роскошь въ скромномъ провинціальномъ изданіи и дѣлаетъ большую честь издателямъ. Къ сожалѣнію, и тутъ не безъ недосмотровъ. Въ личномъ указателѣ не всегда указывается званіе или сословіе лица, за весьма немногими исключеніями; въ географическомъ не опредѣлено административное положеніе мѣста, повѣтъ или воеводство. Въ указателѣ юридическихъ терминовъ, состав-

ленномъ вообще довольно тщательно, встрѣчается не рѣдко не точная передача и опредѣленіе нѣкоторыхъ словъ и названій. Такъ наприм. ссова *generosus*, *urodzony* авторъ считаетъ эпитетомъ потомственнаго дворянина, а *szlachetny* эпитетомъ личнаго, тогда какъ въ Польшѣ не было, какъ извѣстно, дѣленія дворянства на личное и потомственное, а существовало лишь послѣднее, которое носило общее названіе шляхты и шляхетнымъ величался всякій дворянинъ. Впослѣдствіи, когда *индигенатъ* въ Польшѣ получилъ нѣкоторое распространеніе, когда въ ряды потомственнаго дворянства стали входить лица другихъ сословій и иноземцы, тогда-то и входитъ въ употребленіе эпитетъ «урожоного», т. е. туземнаго, кореннаго, родовитаго дворянина въ отличіе отъ дворянина вообще, шляхтича. Эпитетъ «урожоного» прилагается также часто къ служилымъ и состоятельнымъ людямъ, а шляхетный къ неслужилымъ и захудалымъ представителямъ этого сословія; отсюда ошибка у авторовъ въ переводѣ эпитета nobilis, nobilitas, означающаго дворянство вообще. Изъ числа выраженій относящихся къ крестьянскому быту, слова: *roboczy*, *pracowity*, *laboriosus* собственно значатъ работящій, трудолюбивый, но вовсе не рабочій въ современномъ значеніи этого слова; *monachus sacerdos* правильнѣе было-бы перевести словомъ *іеромонахъ*, а не радовой монахъ, *pocillator* почему-то переводится польскимъ терминомъ *чесникъ*, а не русскимъ *чашникъ*; *репротестація*, т. е. встрѣчная жалоба, смѣшивается съ терминомъ *gravamen*, означающимъ всякаго рода притѣснительныя дѣйствія суда, и т. д.

Безъ нѣкоторыхъ ошибокъ не обошлось и въ предисловіи. Такъ напр. звенигородскій повѣтъ авторъ относитъ къ брацлавскому воеводству (стр. 3), тогда какъ брацлавское воеводство вело только споръ съ кіевскимъ объ этомъ пограничномъ повѣтѣ. О программѣ Шумлянскаго замѣчается, будто она легла въ основаніе всей внутренней политики Рѣчи Посполитой, тогда какъ на самомъ дѣлѣ эта программа не заключаетъ въ себѣ ничего оригинальнаго и практиковалась въ дѣлѣ распространенія уніи до и послѣ Шумлянскаго (стр. 17). Наконецъ упоминается какой-то «народный» королевскій судъ, дающій поводъ думать, не смѣшалъ-ли авторъ этотъ терминъ съ «задворнымъ» или «надворнымъ» королевскимъ судомъ (стр. 15) и т. п.

Впрочемъ все сказанное сейчасъ нисколько не умаляетъ достоинства настоящаго выпуска «Трудовъ комитета», ихъ важности и полезности для занимающихся исторіей: ошибки свойственны каждой работѣ; не ошибается только тотъ, кто ничего не дѣлаетъ. Помимо указанныхъ недостатковъ разобранная нами книга даетъ драгоцѣнный, совершенно новый и необходимый матеріалъ, а приложенные къ ней указатели, особливо указатель юридическихъ терминовъ, много облегчатъ пользованіе изданными, точнѣе описанными теперь актами.

И. Каманинъ.

Извѣстія и замѣтки

(историко-литературныя, этнографическія и историческія)

Изъ археологической экскурсіи.

Село Кальникъ и его памятники старины.

Село Кальникъ лежитъ въ центрѣ почти липовецкаго уѣзда (кіев. губ.) на берегу рѣки Соба. Въ настоящее время это небольшое село обращаетъ на себя вниманіе развѣ только тѣмъ, что въ немъ существуетъ громадный сахарный заводъ, принадлежащій кальницкому товариществу и по цыфрѣ своего производства и благоустройству относящійся къ разряду самыхъ солидныхъ заводовъ юго-западнаго края.

Въ прошедшемъ было, правда недолгое, время, когда Кальникъ игралъ довольно важную историческую роль въ судьбѣ края. Въ 1648 году, во время возстанія Хмельницкаго, все Пособье, недавно энергически заселенное и обращенное въ панщину Вишневецкими и Калиновскими, возстало весьма дружно противъ польско-шляхетского строя. Во главѣ возставшихъ жителей отличались рѣшимостью и энергіею жители Кальника и потому поселеніе это было признано административнымъ центромъ всей полосы края, тянувшейся вдоль по теченію Соба и Десны (западной). Кальникъ сталъ козацкимъ полковымъ городомъ и сосѣдніе города и мѣстечки: Погребище, Зозовъ, Липовецъ, Илинцы, Дашевъ и т. д. были подчинены ему въ качествѣ сотенныхъ мѣстечекъ. Кальницкій полкъ, по географическому своему положенію, занималъ передовое мѣсто: онъ, со-

гласно статьямъ зборовскаго договора, прилегалъ длинною тесьмою къ границамъ области, остававшейся еще во власти Польши. При каждомъ новомъ разрывѣ польскія арміи ударяли прежде всего на порубежную полосу и разоряли въ ней непокорныя села, мѣстечка и города. На долю кальницкаго полка пришлось такимъ образомъ самая тяжелая доля въ борьбѣ, которую онъ выдержалъ, конечно съ большими жертвами, благодаря стойкости своего народонаселенія. Вслѣдствіе положенія кальницкаго полка Богданъ Хмельницкій и его преемники назначали обыкновенно въ кальницкіе полковники самыхъ даровитыхъ и храбрыхъ изъ своихъ сподвижниковъ. Въ числѣ ихъ мы встрѣчаемъ Остафія Гоголя, Ивана Богуна, Ивана Сирка и Григорія Дорошенка. Въ смутное время, называемое «руиною», Кальникъ, вмѣстѣ со всѣмъ Пособьемъ, продолжалъ вести до послѣдней возможности борьбу съ Польшею, постоянно придерживаясь «рейменту» Дорошенка, вслѣдствіе чего онъ многократно подвергался нападеніямъ поляковъ. Разъ, въ 1671 г., онъ выдержалъ двухнедѣльную осаду цѣлой польской арміи, состоявшей подъ личнымъ начальствомъ будущаго короля Яна Собѣскаго, который успѣлъ взять и разрушить городъ, но не могъ добыть замка, въ которомъ заперлись кальницкіе козаки. Только въ восьмидесятыхъ годахъ XVII столѣтія, подъ натискомъ поочередно разорявшихъ край поляковъ и турокъ, должны были отступить и жители Пособья; они частью погибли въ защитѣ родного края, частью выселились на лѣвый берегъ Днѣпра.

Отъ сорокалѣтней тревожной исторической жизни Кальника остались понынѣ нѣмые ея свидѣтели—возведенныя козаками земляныя укрѣпленія. На углу возвышенности, окаймленной долиною Соба съ одной стороны и рѣчкою Кальничкою съ другой, виднѣются валы кальницкой цитадели, «замка», отразившаго нѣкогда приступы лучшаго полководца своего времени, короля Собѣсскаго. Цитадель эта расположена на горѣ, отдѣленной отъ сосѣднихъ возвышенностей частью естественными оврагами, частью искусственнымъ «перекопомъ»; за нею тянутся въ два ряда валы, оберегавшіе нѣкогда кальницкій посадъ; валы эти обнимаютъ пространство гораздо большее, чѣмъ то, которое занято нынѣшнимъ селомъ; за ними, далѣе къ западу, видѣнъ невысокій окопъ, возведенный вѣроятно временно одною изъ армій, осаждавшихъ Кальникъ.

Внутри бывшихъ городскихъ фортифкацій нерѣдко образуются обвалы. Одинъ изъ нихъ случился въ началѣ нынѣшней весны въ части села, называемой «Замчисько». Поводомъ къ образованію провала послужилъ длинный подземный ходъ, часть свода котораго упала послѣ одного изъ проливныхъ дождей, выпавшихъ въ началѣ весны. Спустившись въ образовавшееся углубленіе и нѣсколько расчистивъ одну изъ его сторонъ, мы увидѣли ходъ въ подземный извилистый корридоръ, вышиною отъ $^3/_4$ до 2 аршинъ; корридоръ этотъ, уцѣлѣвшій на пространствѣ около 10 сажень, проложенъ въ желтой глинѣ, на глубинѣ 4—5 аршинъ отъ поверхности земли и направляется изъ внутренней ограды посада къ рѣкѣ Кальничкѣ. Это несомнѣнно крѣпостной потайникъ; такіе потайники въ фортификаціонныхъ работахъ XVII столѣтія сооружались обыкновенно съ цѣлью обеспечить сообщеніе укрѣпленной мѣстности съ ближайшимъ водоемомъ. Подобные ходы замѣчены были въ Кальникѣ разновременно жителями въ разныхъ другихъ частяхъ старыхъ укрѣпленій.

Кромѣ памятниковъ старины, оставшихся отъ исторически извѣстной эпохи процвѣтанія Кальника въ XVII столѣтіи, въ Кальникѣ и ближайшей его окрестности расположена другая группа памятниковъ, гораздо болѣе грандіозныхъ, относящихся къ весьма отдаленной, доисторической старинѣ, къ тому времени, которое обыкновенно называютъ общимъ именемъ «скиѳскихъ древностей». Памятники эти, при тщательномъ изслѣдованіи, откроютъ вѣроятно со временемъ весьма интересныя черты быта пока совершенно невѣдомой намъ, весьма отдаленной эпохи исторіи нашего края. Въ настоящее время они представляютъ слѣдующую группу сооруженій: возвышенность, на концѣ которой расположено село Кальникъ, представляетъ длинный нагорный полуостровъ, отъ 3 до 4 верстъ длиною и около 2 верстъ шириною, окаймленный съ сѣверо-воскока р. Собомъ и широкими лугами, расположенными на его берегу,—съ сѣверо-запада рѣкою Кальничкою и съ юго-востока глубокимъ оврагомъ, въ которомъ протекаетъ безъименный ручей. Пространство это съ югозапада отрѣзано отъ прилегающей мѣстности высокимъ валомъ, тянущимся отъ Кальнички до безъименнаго ручья. На изолированной такимъ образомъ возвышенности расположено до 25 кургановъ, по большей части весьма обширныхъ размѣровъ и, судя

по наружному ихъ виду, аналогическихъ съ тѣми курганами, которые обыкновенно называютъ «скиѳскими». Среди кургановъ, на самомъ высокомъ мѣстѣ возвышенности, расположены два городища крайне своеобразной и оргинальной формы. Все очертаніе городища представляетъ довольно правильный кругъ насыпи съ 2—3 входами; но насыпь не состоитъ изъ сплошнаго вала, а какъ-бы изъ ряда отдѣльныхъ кургановъ, сливающихся основаніями и постепенно возвышающихся къ сѣверной сторонѣ городища, гдѣ курганы эти достигаютъ высоты 4—5 сажень. Другое кольце, состоящее изъ такихъ-же курганообразныхъ насыпей, только меньшихъ размѣровъ, помѣщается внутри перваго кольца; наконецъ у каждаго входа помѣщены какъ-бы обширные форверки, точно также состоящіе изъ слившихся основаніями отдѣльныхъ коническихъ насыпей.

Въ общей сложности длинный валъ, городища и курганы представляютъ группу памятниковъ, въ высокой степени интересныхъ и указывающихъ на кальницкую возвышенность, какъ на мѣстность, имѣвшую важное значеніе центральнаго поселенія какого-то народа, владѣвшаго берегами Соба въ доисторическую эпоху. Случайныя находки указываютъ на II или III столѣтіе, какъ на время существованія народонаселенія въ данной мѣстности; такъ недавно на кальницкой возвышенности найденъ былъ кладъ римскихъ монетъ эпохи Антониновъ (Марка Аврелія, Элія и Коммода), а въ недалекомъ отъ нея разстояніи, на поляхъ мѣстечка Дашева, обрѣтена была прекрасная бронзовая діадема, хранящаяся въ музеѣ церковно-археологическаго общества при кіев. дух. академіи.

Въ четырехъ верстахъ отъ Кальника, на землѣ села Сороки, мы встрѣчаемъ городище совершенно тождественное съ кальницкими, обыкновенно называемое «могилою Сорокою» и окруженное также группою кургановъ скиѳскаго типа. Самая большая, сѣверная насыпь, входящая въ составъ городища, представляется теперь полуразрушенною. Южная часть этой насыпи вертикально срѣзана. По разсказамъ старожиловъ, раскопка эта была произведена еще въ концѣ прошлаго столѣтія четырьмя французскими эмигрантами, гостившими у тогдашняго владѣльца Кальника гр. Потоцкаго. Результаты раскопки, насколько намъ извѣстно, остались не опубликованными, да врядъ-ли и могли они дать матеріалъ для положительныхъ выводовъ. Намъ кажется, что объясненія значенія горо-

дищъ кальницкихъ и сорокскаго слѣдуетъ искать не путемъ раскопки самыхъ городищъ, которые въ качествѣ укрѣпленій вѣроятно и не заключаютъ въ нѣдрахъ своихъ никакихъ предметовъ, а путемъ изслѣдованія окружающихъ ихъ кургановъ, опредѣленія ихъ погребальнаго обряда и оцѣнкою вещей, которыя безъ сомнѣнія сопровождаютъ зарытыхъ въ нихъ покойниковъ.

В. Антоновичъ.

„Парубоцтво", какъ особая группа въ малорусскомъ сельскомъ обществѣ.

Малорусская этнографія, такъ много уже сдѣлавшая для изслѣдованія народнаго быта, доселѣ, сколько мнѣ извѣстно, не касалась еще семейнаго и общественнаго положенія «парубковъ»; между тѣмъ какъ то и другое представляетъ много интересныхъ и заслуживающихъ вниманія сторонъ. Тѣ немногія свѣдѣнія, которыя удалось мнѣ собрать по этому предмету въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Подоліи, въ винницкомъ и литинскомъ уѣздахъ, даютъ возможность сказать нѣсколько словъ о малорусскомъ «парубоцтвѣ» вообще, такъ какъ коренныя явленія надодной жизни, видоизмѣняясь по мѣстамъ, сохраняютъ свои основныя общія черты на всемъ пространствѣ разселенія народа.

«Парубки» представляютъ собою отдѣльную группу въ малорусскомъ сельскомъ обществѣ, живущую своими интересами, имѣющую свои заботы и удовольствія, свои права и обязанности, свое особое значеніе въ жизни села. По сравненію съ «хлопцами», подростками они пользуются уже нѣкоторымъ (относительнымъ конечно) уваженіемъ общества. Народное сознаніе отмѣтило лестными эпитетами группы молодежи обоихъ половъ и соединило ихъ въ одномъ любимомъ присловьѣ: «честне дивоцтво и славне парубоцтво». «То вже парубокъ»—говорятъ о чьемъ либо сынѣ и съ этимъ именемъ соединяютъ черты, достойныя вниманія. Полнота жизни, отвага, удальство, свѣжесть и сила чувства поднимаютъ сами собою подростающаго человѣка въ мнѣніи общества и влекутъ къ нему его симпатіи, участіе въ дѣлахъ семьи и общества еще болѣе возвышаютъ его, а положеніе жениха окончательно за-

крѣпляетъ его связь съ обществомъ и дѣлаетъ его предметомъ заискиваній и горячихъ пожеланій. Но были особыя историческія причины, которыя выдѣлили малорусскихъ «молодиковъ» въ особую общественную группу, привлекли ихъ къ общественной дѣятельности и создали имъ почетное, по ихъ возрасту, положеніе. Наблюдая «парубоцтво» въ современномъ его состояніи, нельзя не видѣть, что многое изъ того, чѣмъ оно живетъ и обставлено теперь, съ мелочною даже обрядностью, есть остатокъ давно минувшей жизни, гдѣ не рѣдко духъ и смыслъ давно испарились и осталась одна только форма. И дѣйствительно, «парубоцтво» вошло въ кругъ общественный и заняло въ немъ свою, хотя и низшую, ступепь еще въ тѣ давно прошедшія времена, когда общественная жизнь въ южной Руси текла широкимъ русломъ, когда, при слабомъ развитіи правительственной власти, общество пользовалось широкими правами самоуправленія и суда, когда на обязанности его, кромѣ обороны внѣшней и охраны имущественыхъ и личныхъ правъ, лежало удовлетвореніе всѣхъ другихъ его потребностей: постройка и содержаніе храмовъ, содержаніе и обезпеченіе причтовъ, устройство школъ, призрѣніе старыхъ, вдовъ и сиротъ, заботы о больныхъ, калѣкахъ, нищихъ и пр. Въ виду столь сложной общественной дѣятельности, предки наши съ самой ранней поры организовались въ различныя ассоціаціи и кружки, сперва въ формѣ цеховъ, а потомъ братствъ. Сюда привлекались всѣ силы общественныя, всѣ слои населенія, полы и возрасты, особливо въ виду наступленія врага, грозившаго свободѣ ихъ совѣсти и правамъ гражданскимъ. Преобладавшій тогда духъ набожности и благочестія, проходившій по всѣмъ сторонамъ жизни, только облегчалъ юношеству вступленіе въ сферу общественной дѣятельности и дѣлалъ оное необходимымъ и какъ бы неизбѣжнымъ, ибо всѣ тогда призывались на служеніе Богу и ближнему: мужіе и жены, старцы, юноши и дѣвы [1]). Вотъ въ это то время «парубоцтво» и получило значеніе общественной группы, подъ названіемъ *молодиковъ*, *молодшого* или *младенческаго* (отъ польскаго młodzieniec, юноша) братства, какъ оно называлось въ уставахъ братскихъ и въ кругу общественномъ. Этими уставами, какъ

---

[1]) См. грамоту кіевскаго митрополита Гедеона Святополка Четвертинскаго на учрежденіе братства въ м. Срибномъ (полтавской губ.), „Кіев. Стар." 1886 г., август. кн.

и записями цеховыми опредѣлялось вступленіе *млоденцевъ* (юношей) въ цехъ или братство и выступленіе изъ нихъ, ихъ права, обязанности, особливо нравственныя качества. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, особливо въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, нынѣшнее «парубоцтво» представляется намъ ничѣмъ инымъ, какъ осколкомъ молодшихъ братствъ, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ намъ приходилось его наблюдать.

«Парубоцтво», какъ отдѣльная общественная группа, строго отличается отъ женатыхъ и «хлопцивъ». Вступленіе въ него послѣднихъ обусловливается ихъ лѣтами и семейнымъ положеніемъ. «Хлопець» можетъ быть «парубкомъ» съ разрѣшенія отца, достигши 16—17 лѣтъ, но только тогда, когда у него нѣтъ старшаго брата, въ противномъ случаѣ онъ долженъ ждать его женитьбы. Если бы онъ самовольно пожелалъ «парубковать», то за это его преслѣдовали бы отецъ и старшій братъ-«парубокъ». Впрочемъ бываетъ, что отецъ позволяетъ младшему сыну «парубковать», но очень рѣдко. Такой случай имѣлъ мѣсто въ с. Лукашевкѣ, литинскаго уѣзда. Произошло это отъ того, что отецъ разгнѣвался на старшаго сына за неуваженіе, которое тотъ ему оказывалъ; потомъ младшаго онъ женилъ, а старшій остался холостякомъ. Въ м. Мизяковѣ парубковало два брата: у нихъ не было отца, который не допустилъ бы до этого. Младшій сынъ (случай въ с. Дашковцахъ, литинскаго уѣзда) дѣлается «парубкомъ» послѣ поступленія старшаго брата въ солдаты, но съ возвращеніемъ его опять стушевывается.

Кромѣ зависимости отъ лѣтъ и семейнаго положенія, «хлопець» для вступленія въ «парубоцтво» долженъ обладать извѣстными нравственными и физическими качествами, которыя дѣлали бы желательнымъ для другихъ вступленіе его въ кругъ «молодиковъ», точнѣе говоря: не долженъ имѣть «худой славы», дурнаго нрава, которые и по принятіи его въ «парубоцтво» могутъ сдѣлать пребываніе его въ немъ невыносимымъ вслѣдствіе попрековъ и насмѣшекъ.

Принятіе въ «парубоцтво» сопровождается нѣкоторыми обрядами и носитъ названіе «коронування». Совершается оно такимъ образомъ: послѣ предварительнаго заявленія подростка о желаніи его «парубковать», парубки собираются въ опредѣленномъ мѣстѣ для вечерняго ли увеселенія, или по поводу какой либо общей

кружковой работы и когда «хлопець» явившись въ ихъ собраніе, отвѣсигъ имъ поклонъ, его поднимаютъ на рукахъ вверхъ и при этомъ поютъ ему пѣсню съ повтореніемъ 2-й половины каждаго стиха:

Посіяли дивки ленъ,
Що за диво, дивки, ленъ!
Посіявши, спололи,
Що за диво, дивки, ленъ!
А споловши вырвали,
Що за диво, дивки, ленъ!
Въ Дунай ричку кидали.
Що за диво, дивки, ленъ!
Дунай ричка не величка,
Перевозець неболшой.
Що за диво неболшой!
Ишли дивки дорогою,
Що за диво дорогою!
Дорогою бижить конь,
Що зо диво бижить конь!
На конику удалець,
Що за диво удалець!
Що за диво удалець,
Нашъ Иванъ молодець!

«Коронованный» садится въ кругу товарищей и угощаетъ ихъ водкой; этимъ и заканчивается принятіе его въ ихъ среду.

Обрядъ этотъ существуетъ въ Винницѣ на старомъ городѣ и въ селахъ винницкаго уѣзда: Шкурипцахъ, Тютькахъ, Сабаровѣ, Черлипковѣ, Бухоникахъ, Селищахъ, Хижинцахъ, Парпуровцахъ, Лукѣ Мелешковской и въ Гущинцахъ; въ другихъ же селахъ винницкаго уѣзда (Пятничанахъ, Мизяковѣ, Мизяковской Слободкѣ, Супруновѣ, Павловкѣ и въ селахъ литинскаго уѣзда: Воронинцахъ, Дашковцахъ, Лукашевкѣ и въ Пеньковкѣ) для пріема «хлопця» въ «парубоцтво», избирается время, когда парубки собираются идти колядовать, т. е. пѣть колядки въ Рождество Христово, или вырубать крестъ на рѣкѣ на канунѣ Богоявленія, какъ въ с. Шкуринцахъ, либо косить сообща, напримѣръ, на «толоку». Случай, по которому происходитъ пріемъ молодика, не дѣлаетъ никакой разницы; пріемъ

означается допущеніемъ вступающаго къ общей работѣ и затѣмъ угощеніемъ на его счетъ. Стародавній «могоричъ» считается столь существенною принадлежностію, что отказывающаго въ немъ при косьбѣ кладутъ на первый покосъ и бьютъ жгутами изъ травы, или же погружаютъ его въ воду, либо отдаютъ въ залогъ его косу въ шинкѣ и пьютъ на его счетъ, а въ случаѣ согласія опоясываютъ его накрестъ веревками изъ травы и съ пѣснями ведутъ въ корчму.

Въ другихъ мѣстахъ молодой косарь только тогда покупаетъ водку, когда не умѣетъ хорошо косить, въ противномъ случаѣ отговаривается тѣмъ, что коситъ не хуже другихъ.

Не смотря на нѣкоторыя препятствія и затрудненія, завѣтною мечтою хлопцевъ бываетъ вступленіе въ «парубоцтво»; тутъ дѣйствуетъ не одно, присущее человѣку во всѣхъ возрастахъ и на всѣхъ ступеняхъ его развитія стремленіе подняться къ старшимъ, стать выше своего положенія, но прямое сознаніе, что отъ этого ихъ семейное и общественное положеніе измѣнится къ лучшему. И дѣйствительно, хлопецъ въ семьѣ не располагаетъ собою, но подчиняется во всемъ волѣ старшихъ. Отецъ обыкновенно заставляетъ его исполнять мелкія домашнія работы, пасти скотъ и проч., по своему желанію отдаетъ его въ службу и заработанными имъ деньгами пользуется по своему усмотрѣнію; «нарубку» же въ этомъ отношеніи предоставляется болѣе самостоятельности. Если экономическое положеніе семьи требуетъ, чтобы онъ шелъ «въ службу», то выборъ ея предоставляется ему, а заработанныя деньги онъ или употребляетъ для себя на одежу, или сберегаетъ себѣ же на свадьбу, или же помогаетъ ими отцу. Хлопцу воспрещается хожденіе на «музыки», «улыцю» и «вечерныци», «парубку» все это разрѣшается и не ставится въ укоръ. Хлопецъ, особливо въ наймахъ, служитъ «попыхачемъ», получаетъ подзатыльники; парубокъ и самъ можетъ дать сдачи. Достойна замѣчанія та самостоятельность, которая предоставляется «парубку» въ самомъ важномъ случаѣ его жизни—женитьбѣ; по большей части ему принадлежитъ полная свобода выбора невѣсты и когда о своемъ намѣреніи жениться на извѣстной дѣвушкѣ онъ заявляетъ отцу, то всегда почти получаетъ отъ него согласіе и благословеніе. Иногда отецъ самъ объявляетъ сыну, что пора жениться; но и тутъ выборъ невѣсты предоставляется ему, если же отецъ и указываетъ на какую-ни-

будь, то лишь въ видѣ совѣта. Полная свобода въ этомъ отношеніи парубковъ можетъ быть объяснена только упомянутымъ нами выше, исторически развившимся, поднятіемъ ихъ до участія въ общественной дѣятельности прежде, чѣмъ они придутъ въ брачное состояніе. Вся роль отца въ этихъ дѣлахъ ограничивается совѣтомъ, наставленіемъ, разъясненіемъ, но никогда не переходитъ въ приказъ или гнетъ. Возникаютъ иногда разногласія, споръ, но переговорами они всегда и оканчиваются. Въ с. Лукашевкѣ былъ случай, что отецъ предложилъ сыну въ невѣсты одну дѣвушку, но послѣдній не соглашался, такъ какъ далъ слово другой. Отецъ въ свою очередь не былъ согласенъ съ его выборомъ. Борьба между ними длилась три года и кончилась въ пользу сына. Другой случай, года три тому назадъ, имѣлъ мѣсто въ с. Пятничанахъ. «Парубокъ» полюбилъ бѣдную дѣвушку изъ с. Михайловки. Поля у нея не было, былъ только огородъ и хата. Отецъ воспротивился выбору сына, но тотъ настоялъ на своемъ и женился безъ его согласія. Вся свадьба происходила у невѣсты. Случай этотъ въ высшей степени рѣдкій. Въ с. Дашковцахъ въ этомъ году одинъ зажиточный крестьянинъ посваталъ своего сына тоже у зажиточнаго хозяина въ Мизяковскихъ Хуторахъ. Свадьба отложена была на весну. Сватанье происходило противъ воли сына, у котораго на примѣтѣ была другая невѣста. Послѣдній не хотѣлъ жениться на своей невѣстѣ и просилъ отца слать сватовъ къ избранной имъ. Отецъ находился въ недоумѣніи, какъ ему поступить: съ одной стороны онъ боялся стыда, если разойдется со своимъ сватомъ, съ другой—его пугала неизвѣстность будущей жизни сына. Вся вина, еслибы этою женитьбою была испорчена сыновняя жизнь, падала бы на него. По его словамъ, онъ могъ «примусити» сына, но крестьяне отговаривали его отъ этого. Кончилось тѣмъ, что отецъ послушался общественнаго мнѣнія и уступилъ желанію своего сына.

Случаи женитьбы по принужденію родителей очень рѣдки. Бываютъ они по большей части между богатыми. Зажиточный отецъ хочетъ, чтобы и сынъ его былъ женатъ на зажиточной. Принужденіе сопровождается иной разъ и побоями. Про женитьбу по неволѣ говорится въ двухъ пѣсняхъ, записанныхъ мною въ м. Мизяковѣ:

1.

Ой, я въ батька да въ роскоши живъ,
А мене батько по неволи одруживъ;
Узявъ жинку нелюбляну и несудяную,
До роботы непрыкидливую.

. . . .

2.

. . . .

Ой, я въ батька иденъ сынъ, (2)
А мене батько по неволи одруживъ.
По неволи одруживъ, (2)
Не до мысли жинку взявъ.
Не до мысли жинку взявъ, (2)
Такъ я зъ нею жить не ставъ.
Пиду въ висько служити, (2)
Абы зъ нею не жити.
Ой, якъ зъ виська повернусь, (2)
То зъ иншою одружусь.

Вообще въ семьѣ взрослый неженатый сынъ есть ближайшій совѣтникъ и помощникъ отца. При полномъ совершеннолѣтіи онъ можетъ бывать на сходахъ и пользоваться правомъ голоса, заступая отца, или же являясь самостоятельнымъ представителемъ осиротѣлой семьи и хозяйства. Въ случаѣ какой либо провинности, «парубокъ» наказывается по приговору схода, а не отдается, какъ «хлопецъ», на исправленіе отцу.

Въ своей средѣ «парубки» пользуются независимостью и полнымъ равенствомъ; всѣ они называютъ себя, какъ въ прощальной при концѣ свадьбы пѣснѣ, «товаришами». Если и бываютъ между ними старшіе, то только по выбору и при томъ на то только время, когда они цѣлымъ кружкомъ отбываютъ общественную службу. Главнымъ видомъ такой службы является «коляда», т. е. поздравленіе всѣхъ домохозяевъ съ праздникомъ Рождества Христова при пѣніи особыхъ для этого случая пѣсенъ, или колядокъ. Исполняя этимъ, по предковскому обычаю, долгъ почтенія къ старшимъ, «молодики» получаютъ за это отъ поздравляемыхъ благодарность частію деньгами, а больше продуктами домашняго хозяйства въ готовомъ и сыромъ видѣ. Лишь самую незначительную част-

собраннаго (въ видѣ хлѣба, сала и колбасъ) парубки употребляютъ на угощеніе и подкрѣпленіе себя по трудахъ, все остальное переводится на деньги и, вмѣстѣ съ собранными въ наличности деньгами, употребляется на украшеніе церкви (сооруженіе хорувей, крестовъ и т. п.), которое по извѣчному обычаю народному считалось и считается обязанностію «парубковъ». Избираемый на время колядованья старшій носитъ названіе *березы*. Онъ обязанъ руководить пѣніемъ, при чемъ онъ же и запѣвало, собирать пожертвованія на церковь и наблюдать за поведеніемъ колядниковъ, которые въ свою очередь обязаны повиноваться ему.

Когда всѣ счеты съ колядой покончены, «береза» теряетъ свою власть.

Старшій не выбирается, но онъ самъ собою выдѣляется изъ среды найболѣе расторопныхъ, смѣтливыхъ и энергическихъ парубковъ во всѣхъ другихъ случаяхъ, когда имъ предстоитъ послужить чѣмъ либо общему дѣлу, какъ напр. во время вырубки креста на льду наканунѣ Крещенія, при очисткѣ пути для процессіи въ этотъ и въ другіе по полямъ крестные ходы, при устройствѣ общественныхъ обѣдовъ, погребеніи бѣдныхъ на общественный счетъ и т. п.

Въ кружокъ близкихъ другъ другу «товаришей» парубки соединяются во время общественныхъ увеселеній на такъ называемыхъ «музыкахъ», на «улыцяхъ» и «вечерныцяхъ», въ которыхъ «хлопци» и женатые не участвуютъ.

«Музыки»—это праздничное времяпрепровожденіе, состоящее въ танцахъ подъ музыку. Танцы устраиваются либо въ самой корчмѣ—въ зимнюю пору и ненастную погоду, или подлѣ корчмы, какъ мѣста общественнаго собранія. Нанимаютъ музыкантовъ парубки. За «танецъ» плотится 1—2 к. Плотитъ тотъ, кто заказалъ играть. Танцуютъ только «парубки» и «дивчата»; прочіе лишь смотрятъ на танецъ.

Весной, послѣ Пасхи, начинаются «улыци», или «грыщи». На извѣстную улицу собирается молодежь обоего пола; здѣсь происходятъ игры и нерѣдко танцы. Иной разъ сюда сходятся смотрѣть на забавы молодежи люди пожилые и дѣти, но участія въ нихъ не принимаютъ.

Послѣ «улыци» многія дѣвушки отправляются спать въ «клуни» или гумна; къ нимъ для совмѣстнаго спанья приходятъ «парубки», но объ этомъ ниже.

«Вечерныци» [1]), вечернія собранія молодежи обоего пола, начинаются осенью и продолжаются до великаго поста. Происходятъ они по большей части у вдовъ, или солдатокъ, которыхъ мужья отсутстввуютъ, и рѣдко у молодыхъ бездѣтныхъ супруговъ. Договорить гдѣ либо хату для отбыванія «вечерныцъ» лежитъ на обязанности «дивчатъ»; они же принимаютъ на себя освѣщеніе и приготовленіе ужиновъ; «парубки» приносятъ водку и разныя лакомства.

«Вечерныци»—это самое любимое препровожденіе времени у малорусской молодежи: пойдутъ шутки, пѣсни, веселые разсказы и нерѣдко танцы, если на сцену явится музыка.

Кромѣ веселаго препровожденія времени тянетъ сюда молодежь еще чувство любви, играющее весьма важную роль въ ея жизни. Здѣсь не одинъ «парубокъ» узналъ чары любви и, какъ поется:

Такъ нацилувався,
Такъ намилувався,
Якъ у садку соловей
Тай нащебетався (м Мизяковъ, с. Дашковцы).

Въ пѣсняхъ очень много поется про любовь; нерѣдко она идеализируется. Любовь иной разъ бываетъ сильная и продолжительная; слѣдующее четверостишіе одной пѣсни говоритъ объ этомъ:

Любивъ тебе я дивкою,
Любитиму молодицею,
Ище буду симъ литъ ждати,
Чя не будешъ удовицею (м. Мизяковъ).

Не всегда однако любовь ведетъ къ браку:

Не вси тіи сады цвитуть,
Що весною розвиваються;

---

[1]) Въ Дашковцахъ, Лукашевкѣ и въ м. Мизяковѣ (а можетъ быть и въ другихъ селахъ) существуютъ, на подобіе „вечерныцъ" взрослой молодежи, дѣтскія „вечерныци". Устраиваются они дѣвочками и мальчиками 10—13 лѣтъ. Родители преслѣдуютъ за это дѣтей не энергично. „Парубки", поймавъ на своихъ „вечерныцяхъ" хлопцевъ, сильно наказываютъ ихъ, не обращая вниманія на ихъ лѣта („хлопець" въ силу семейнаго положенія, можетъ быть и 20 лѣтъ); бьютъ ихъ, смазываютъ имъ лице сажей и даютъ пить ее, разведя водой. Въ м. Мизяковѣ смазываютъ виновному лице сажей и щепкой, будто бы бритвой, брѣютъ. Наказаніе посредствомъ сажи существуетъ вездѣ.

Не вси тіи винчаються,
Що любляться та кохаються.
Половина садивъ цвите,
Друга обсыпаеться;
Половина людей винчаеться,
А другая розлучаеться (Въ той же пѣснѣ, гдѣ и приведенное четверостишіе).

«Вечерныци» заканчиваются совмѣстнымъ спаньемъ парубковъ съ дивчатами. Спятъ по-парно. Великое это испытаніе для разгоряченной предварительнымъ увеселеніемъ молодежи. Но такова сила чистой любви, такова твердость вѣры и нравственности въ людяхъ простыхъ, таково наконецъ значеніе вѣковѣчнаго обычая или завѣта предковъ, что такое сближеніе двухъ половъ въ юномъ возрастѣ отнюдь не ведетъ къ разврату и, за рѣдкими исключеніями, остается всегда вполнѣ безупречнымъ. Разгадка этого поистинѣ рѣдкаго явленія заключается въ томъ, что совмѣстное спанье дозволяютъ себѣ тѣ, которые слюбились уже другъ съ другомъ и если не на словахъ, но въ душѣ рѣшили жить другъ для друга, какъ законъ велитъ.

Ой у лузи калинонька,
На ню витеръ віе,
Любить козакъ дивчиноньку,
Заняти не сміе.
Ой, винъ іи не займае,
Бо сватати мае,
Винъ до неи не горнеться,
Неславы боиться... (Мизяковъ, Дашковцы).

Боится «неславы», т. е. худой славы, дурнаго общественнаго мнѣнія, а такое мнѣніе въ сельскомъ обществѣ гораздо сильнѣе, чѣмъ гдѣ либо, и сказывается мѣрами болѣе чувствительными, чѣмъ перешептыванія сосѣдей. Высказанный въ пѣснѣ взглядъ на отношеніе козака въ любимой дѣвушкѣ глубоко проникъ въ народную жизнь и строго примѣняется и въ настоящее не козачее время. Одинъ старый «парубокъ» въ м. Мизяковѣ давалъ такое наставленіе молодымъ «парубкамъ» на счетъ ихъ отношеній къ женскому полу: «зачипайте, коли охота, дивчатъ, котрихъ не думаете сватати; а не зачипайте тыхъ, съ котрыми хочете шлюбъ брати».

Наставленіе это имѣетъ тѣсную связь съ приведенной пѣсней, такъ какъ слова: «зачипати», «займати»—синонимы и на мѣстномъ языкѣ означаютъ: *трогать*, а въ переносномъ смыслѣ *соблазнять*. Изъ этой связи можно заключить, что разсматриваемое явленіе распространено и имѣетъ начало въ болѣе или менѣе отдаленномъ прошедшемъ.

Честь охраненія чистоты отношеній любящихся пѣсня усвояетъ парубку; но дѣвушки еще крѣпче стоятъ за собственную честь, по чувству стыда и изъ боязни не только «неславы», но и грѣха предъ Богомъ. Парубокъ, увѣренный въ своей твердости и чистотѣ своихъ намѣреній, требуетъ отъ своей избранной совмѣстнаго спанья, какъ должнаго, и отказъ въ этомъ считаетъ большимъ оскорбленіемъ для себя.

Достойно замѣчанія, что парубки являются охранителями дѣвичьей чести и чистоты супружескихъ отношеній; заподозрѣнной въ блудной жизни дѣвушкѣ они вымазываютъ окна или ворота дегтемъ, уличенныхъ въ прелюбодѣйствѣ мужей подвергаютъ публичному осмѣянію и жестокимъ наказаніямъ.

Само собою разумѣется, что никакія убѣжденія и страхи не въ силахъ предотвратить пылкую и слабую молодежь отъ паденія, хотя случаи паденія рѣдко возникаютъ на вечерницахъ. Въ своемъ селѣ «парубки» съ замужними женщинами не заводятъ интригъ, интригуютъ же они большею частію со вдовами и «московками». На увеличившееся, по видимому, въ послѣднее время число случаевъ незаконнорожденности вліяютъ многія другія причины, крестьяне-же отнюдь не ставятъ ихъ въ зависимость отъ вечерницъ. На мой вопросъ по этому предмету одинъ пожилой крестьянинм отвѣтилъ: «и давно те було, якъ и теперъ; заводы и вечерныци якъ бы й ни при чому: одна «дивчина» сдержиться до сивого волосся, а друга бигае вже въ 15 рокивъ—то вже така природа». Въ силу этого взгляда и считая «вечерныци» и «улыци» единственными средствами къ развлеченію молодежи, крестьяне не имѣютъ противъ нихъ ничего; иногда отецъ даетъ сыну для «вечерныцъ» деньги, а мать дочкѣ для того же сыръ, яйца, муку и проч... Что касается молодежи, особенно парубковъ, то они очень дорожатъ своими увеселеніями и къ уничтоженію ихъ относятся

недоброжелательно [1]). Любовь парубковъ къ «вечерныцямъ» ярко высказывается въ слѣдующемъ четверостишіи пѣсни, записанной мною въ Дашковцахъ:

А ни ѝвъ бы, а ни пивъ бы,
А на тіи вечерныци тай ходивъ бы. (2)
Ой то тіи вечерныци:
То то вони, то то вони чаривныци! (2)

Выступленіе изъ «парубоцтва» наступаетъ со вступленіемъ парубка въ бракъ и, какъ и вступленіе, сопровождается также нѣкоторыми обрядами, входящими въ составъ свадебнаго ритуала. «Парубоцтво» съ именемъ «бояръ» играетъ, какъ извѣстно, на свадьбѣ выдающуюся роль, распоряжается всѣмъ, что касается жениха и въ заключеніе прощается съ нимъ. Въ противоположность «дѣвичнику», предшествующему свадьбѣ, «боярство», во время котораго молодой прощается съ своими товарищами, заканчиваетъ свадьбу и совершается или въ самый день свадьбы, воскресный, или-же утромъ въ понедѣльникъ. Уже въ обычаѣ «парубковъ» останавливать «молодого» въ то время, котда онъ идетъ къ «молодой» и требовать отъ него на водку, нельзя не видѣть нѣкотораго какъ бы выкупа или того, что они отпускаютъ его изъ своей среды. Но собственно выступленіе молодого изъ «парубоцтва» имѣетъ видъ особой церемоніи, заключающей свадьбу. Прощаясь съ нимъ, «парубки» поютъ:

Бувай же здоровъ, товаришу; вже мы йдемо,
Вже такого товариша, якъ ты, не найдемо;
Хоць найдемо, не найдемо, та не такого,
Що не прыйдеться до серденька мого.

Съ этими словами, заканчивающимми ужинъ, парубки» расходятся и новобрачный выходитъ изъ «парубоцтва» и никогда уже не появляется въ средѣ его.

Валеріанъ Боржковскій.

---

[1]) Уничтоженіемъ „вечерныць" занимаются нѣкоторые священники и полицейскіе урядники.

Псальма XVIII столѣтія.

Въ нашихъ рукахъ недавно находился рукописный сборникъ разнаго рода актовъ и замѣтокъ, принадлежавшій сначала наказному гетману Полуботку, а впослѣдствіи Якову Марковичу, автору «Дневныхъ записокъ». Въ упомянутомъ сборникѣ, между прочимъ, помѣщена псальма, по содержанію своему весьма похожая на одну изъ тѣхъ, которыя до сихъ поръ распѣваются кобзарями въ харьковской губерніи; отъ послѣднихъ она отличается лишь присутствіемъ нѣсколькихъ церковно-славянскихъ оборотовъ. Надо думать, что современная народная псальма есть только одемократизированное искусственное произведеніе, древнѣйшая редакція котораго относится къ прошлому столѣтію. Судя по расположенію статей сборника и по почерку его, можно полагать, что псальма внесена въ сборникъ между 1710 и 1720 годами.

Бидна моя головонька, я на свити сиротонька:
Ни матуси, ни татуси, до кого-жъ я прихилюся?
Прихилюся до Ісуса, тожъ мни отець и матуся.
Тожъ мни радость и утиха, тимъ позбуду всего лиха.
Але лихо, бида всюди, ненавидять зліе люди.
Ни радости, ни впокою, тилько смутокъ изъ бидою.
Единъ другаго витаеть, а не слави забиваеть;
Еднакъ сего я не дбаю, на Ісуса уповаю:
Тотъ врагъ моихъ вси совѣти вскори можетъ разорити,
Не дасть мини погибати, въ печалехъ унивати.
Теперъ правда лежить въ доли, а неправда въ доброй воли;
Теперъ любви нисть и мало, бо на свити все зле стало.
Боже! дай намъ любовъ мити, а имя Твое хвалити,
Донели на суди страшнимъ узримъ свитъ Твой преясный...
Тамъ намъ, Боже, даруй быти, лицемъ къ лицу Тебе зрити!

Сообщ. **П. Е.**

Указъ Петра I-го о ссылкѣ Забѣлы и Загоровскаго.

Въ исторіяхъ Малороссіи Маркевича и Бантыша-Каменскаго, а также въ статьѣ Костомарова о Мазеповцахъ можно найти кое-какія свѣдѣнія о Данилѣ Забѣлѣ, типичномъ малорусскомъ доносителѣ прош-

лаго столѣтія. Въ упомянутыхъ источникахъ сообщаются подробности о пыткахъ, испытанныхъ Забѣлой въ московскихъ застѣнкахъ за ложный доносъ на гетмана Скоропадскаго, но нѣтъ указаній на то, что собственно онъ доносилъ на Скоропадскаго и на чемъ основывались его обвиненія. Послѣднее обстоятельство выясняется въ приводимомъ при семъ указѣ Петра I о ссылкѣ Забѣлы съ другимъ лживымъ доносителемъ, Загоровскимъ, въ г. Архангельскъ. О томъ, какъ велъ себя Забѣла въ Архангельскѣ, было сообщено въ «Кіевской Старинѣ» за 1882 годъ, въ статьѣ нашей «Малороссіяне, сосланные въ прошломъ столѣтіи въ Архангельскую губернію».

Настоящій указъ заимствованъ нами изъ рукописнаго сборника актовъ Якова Марковича.

П. Е.

Указали мы великій государь, по именному нашого царского величества указу, изъ Малой России двохъ козаковъ Данила Забѣлу и Ивана Загоровского за ихъ неправія доношенія на тебя, подданного нашого, жалуя тебя, подданного нашего, сослать въ силку къ городу Архангельскому для того: Данило Забѣла въ доношеніи своемъ писалъ и доносилъ словесно о бившемъ гетмане измѣннике Мазепѣ, что онъ лукавствомъ своимъ едва государства не погубилъ, и примѣняя къ его невѣрности тебе, подданного нашого, для того, что были де ти подданной и генералной писарь Семенъ Савичъ и инніи зъ Мазепою всегда въ совѣте и конфѣренціи, а ниие нѣчего не знаетъ. А Иванъ Загоровскій на тебя, подданного нашого, доносилъ, что какъ онъ въ 1716 году ѣздилъ въ Санктпѣтербурхъ доносить на чернѣговского полковника Павла Полуботка и, не заставъ минѣстровъ нашихъ, возвратился, и за то взятъ былъ по приказу твоему въ Глуховъ, скованъ и воженъ зъ двома разбойниками къ питке, что смертно устрашился и чаялъ, что надъ нимъ будетъ такъ учинено, какъ надъ Кочубеемъ, причитая все то тебѣ, подданному нашому, будто къ невѣрности. А стольникъ нашъ Ѳеодоръ Протасіевъ доносилъ, что посилалъ ти, подданной нашъ, по него Загоровского и бралъ въ Глуховъ въ томъ, что онъ, пріѣхавъ зъ Санктпѣтербурха, разглашалъ о тебѣ ругателнія слова. И понеже въ тѣхъ своихъ доношеніяхъ оба доносители, Забѣла и Загоровскій, приличали тебя, подданного нашого, къ невѣрности, а ничего противнаго на васъ не обявили и не доказали, и за такъ лживія ихъ доношенія и за безчестіе твое, подданного нашого, указали мы, великій государь, быть имъ

у города (Архангельского) на вѣчномъ житіи, чтобъ, на то смотря, и инніе съ неправдивими доношеніями къ двору нашого царского величества не приходили. Ежели-жъ кто зъ малороссійскихъ жителей признаетъ подленно за кимъ какое подозрѣніе, или претерпитъ отъ генералной старшини или полковниковъ какіе обыди и разореніе, таковъ би, не опасаясь ничего, доносилъ самую истинну по совѣсти своей и по вѣрности къ нашему царскому величеству, понеже мы, великій государь, по милости нашей къ народу малороссійскому, изволяемъ оній содержать по силѣ даннихъ имъ привилѣевъ, при ихъ правахъ и волностехъ ненарушимо, и явились би зъ доношеніемъ въ Глухове столнику нашому Ѳедору Протасіеву или ѣхали въ Петербурхъ безъ опасенія, и никто-бъ имъ того не возбранялъ, и тебѣ-бъ, нашего царскаго величества подданному, войска запорозскаго обоихъ сторонъ Днепра гетману Ивану Илличу сію нашу царскаго величества милость вѣдать и быть по прежнему къ намъ, великому государу, въ непоколѣбимой вѣрности, и о семъ нашомъ царского величества соизволеніи объявить во всѣхъ полкахъ рейменту твоего. А женамъ тѣхъ козаковъ Забѣли и Загоровского и дѣтемъ дается на волю или къ нимъ туда ѣхать, или въ домѣхъ своихъ жить.

Писанъ въ нашомъ царствующомъ граде Санктпѣтербурхе лѣта отъ Рождества Христова 1718 ноября 30 дня, государствованія нашего 37 году.

Канцлеръ графъ Гаврило Головкинъ.

Къ исторіи пословицъ.

Занимающіеся старинною южно-русскою литературою могли бы оказать услугу наукѣ, если бы дѣлали вымѣтки изъ старинныхъ рукописей и книгъ встрѣчающихся въ нихъ пословицъ и поговорокъ и приводили послѣдиія въ общую извѣстность. По такимъ замѣткамъ можно было бы слѣдить исторію пословицъ, кругъ ихъ распространенія, иногда утраченный смыслъ и первоначальную или старѣйшую ихъ форму.

Для начала этого дѣла привожу 18 пословицъ, вымѣченныхъ мною изъ старинныхъ книгъ, въ надеждѣ, что мой починъ не останется безъ продолженія.

---

1) Якъ песъ сукно стережетъ, а самъ въ немъ не ходитъ (встрѣчается въ Перестрогѣ 1609—1605 гг.).

2) Не все то золото, что блеститъ (въ соч. Кассіана Саковича «Okulary», 2 изд. 1644 г., стр. 5).

3) Что городъ, то норовъ (въ Лиѳосѣ Петра Могилы, 1644 г., стр. 20).

4) Правишь ни къ селу, ни къ городу (тамъ же, стр. 359).

5) Когда-то колбасы и жареные голуби по свѣту летали (тамъ же, стр. 353).

6) Радъ бы ихъ въ ложкѣ воды утопить (въ Lutnie Лазаря Барановича, 1671 г., стр. 423).

7) Что въ печи, то на столъ мечи (Письма Лазаря Барановича, стр. 22, 103).

8) Свое, какъ свое, мило, хотя и гнило (тамъ же, стр. 32).

9) Съ чужаго коня и въ грязи слѣзаютъ (тамъ же, стр. 32).

10) О времена, о нравы (съ латинскаго языка; тамъ же, стр. 51).

11) Для козака воевода—великая невзгода (тамъ же, стр. 53).

12) Тише ѣдешь, дальше станешь (тамъ же, стр. 74).

13) Капля долбитъ и камень (съ латинскаго яз.; тамъ же, стр. 88).

14) Дѣлу время, а потѣхѣ часъ (тамъ же, стр. 146).

15) Совѣтъ падетъ, какъ горохъ къ стѣнѣ (тамъ же, стр. 179).

16) Не будй бѣды, когда она спитъ (тамъ же, стр. 198).

17) Противъ рожна идешь (тамъ же, стр. 202).

18) Кто людей не слушаетъ, тотъ Бога не боится (тамъ же, стр. 202).

Н. С.

Гадяцкая полковая канцелярія 40-хъ годовъ XVIII ст., ея составъ и содержаніе.

Въ архивѣ полтавской казенной палаты хранится переплетенная въ кожу тетрядь in folio, имѣющая слѣдующее заглавіе: «Книга шнуровая о произвожденіи въ полку гадяцкомъ полковымъ старшинамъ и протчимъ служителямъ годового жалованья и на канцелярскіе расходы, по состоявшому въ минувшомъ 1732 году генералному опредѣленію, за тисяча семьсотъ четире десятъ седмій, осмій и девятій годы».

Книга эта даетъ любопытныя указанія относительно состава войсковаго уряда и полковыхъ служителей въ гадяцкомъ, а слѣдовательно и во всякомъ другомъ полку подъ конецъ автономнаго существованія лѣвобережной Украйны. Тутъ означены почти всѣ полковыя должности и службы, какія существовали въ то время, оклады жалованья, присвоенные каждой изъ нихъ, имена и фамиліи занимавшихъ уряды и даже косвенное указаніе на то, сколько въ личномъ сосвавѣ служащихъ было неграмотныхъ. Приводимъ эти данныя, въ надеждѣ, что они пригодятся кому нибудь при историческихъ изысканіяхъ, помимо простаго любопытства, возбуждаемаго ими.

Годъ 1747-й.

Полковой писарь Яковъ Ситенскій . . . . 80 рублей.
Полковой асаулъ Іосифъ Ситенскій . . . . 50 »
Два полковыхъ хоружихъ—Василій Ковалевскій и Петръ Клецуновъ } по 40 »
Четыре полковыхъ канцеляриста: Стефанъ Данивскій, Іосифъ Пріельскій, Сергій Яновскій и Өедоръ Ситенскій по 20 руб.
Полковаго суда писарь Яковъ Колодяжинскій . . . . 30 руб.
Судовой канцеляристъ Григорій Карповъ . . . . 10 »
Два канцеляриста въ Счетной коммисіи—
Кириллъ Щинскій и Яковъ Ковтуновскій } по 10 р.
«Полковой музике»: довбышъ Матвѣй Петровъ . . . . 15 руб.
Три трубача—Михаилъ Красовскій . . . . 20 »
Антонъ Свирскій . . . . и Андрей Бѣлевскій . . . . } по 15 р.
Сурмачъ Максимъ Яковлевъ (неграмотный) . . . . . . 15 руб.
Целюрикъ полковой Иванъ Яковлевъ (неграмотный) . . 15 »
Городничій гадяцкій Леонтій Лисянскій (неграмотный) . 10 »
Два полевыхъ сторожа—Стефанъ Малеваный и Иванъ Конопцевъ (оба неграмотные) } . . по 30 »
Десять писарей сотенныхъ: первой полковой сотни Василій Кузьменко, второй полковой Давидъ Крамаренко, рашевской Іакимъ Зеленскій, лютеньской Яковъ Данилевскій, второй зеньковской Андрей Григоровскій, ковалевской Іосифъ Андреевъ, опошнянской

Ѳедоръ Покотило, кузьминской Давидъ Оксакъ, груиской Павелъ Донецъ, веприцкой Стефанъ Третяковскій, всѣ по 15 руб.

Два артиллерійскихъ служителя: асаулъ Семенъ Тищенко 10 руб. и хоружій Василь Калинъ (неграмотный) . . . . . . 6 »

Десять пушкарей и армашей: Василій Исаевъ, Михаилъ Бѣланъ, Семенъ Левоха, Демко Шатравенко, Михаилъ Римаръ, Петръ Мѣняйленко. Ѳедоръ Манотенко, Стефанъ Яковенко, Антонъ Середа и Максимъ Спичаченко, всѣ неграмотные, всѣ по 5 руб.

Коновалъ Кононъ Стеценко, коваль Иванъ Приль, стелмахъ Иванъ Бондаренко, римаръ Павелъ Кондратьевъ, всѣ неграмотные, всѣ по 2 руб.

Въ шнуровой книжкѣ подъ именемъ каждаго изъ урядниковъ и служителей полковыхъ значится собственноручная подпись: «оніе (или которіе) денги получилъ и росписался» такой-то; полковые трубачи Михаилъ Красовскій и Антонъ Свирскій росписались польскимъ письмомъ; за неграмотныхъ росписывался какой нибудь изъ канцеляристовъ.

На канцелярскіе полковые и судовые канцелярскіе расходы въ 1747 году въ гадяцкомъ полку выдано канцеляристу Стефану Данилевскому 77 р. 20 к.; вмѣстѣ съ тѣмъ на канцелярскіе расходы всѣхъ сотенныхъ канцелярій въ полку выдано писарямъ каждой сотни по 5 рублей.

Заслуживаетъ вниманія, что оклады жалованья полковыхъ урядниковъ, канцеляристовъ и войсковыхъ служителей не были устойчивыми даже послѣ генеральнаго опредѣленія относительно этого предмета въ 1732 г. Въ 1748 г., напримѣръ, оклады жалованья служащимъ сравнительно съ 1747 годомъ были значительно уменьшены. Уменьшеніе коснулось главнымъ образомъ тѣхъ, которые получали меньшіе оклады: такъ трубачъ Красовскій получаетъ въ 1748 г. 15 рублей вмѣсто 20; остальные два трубача, сурмачъ, довбишъ и полковой цилюрикъ получили теперь по 10 руб.; городничій гадяцкій въ 1748 г. получилъ 7 рублей годоваго жалованья; жалованье полевыхъ сторожей въ 1748 г. съ 30 руб. пере-

---

[1]) На 47 человѣкъ полковаго штата приходится 20 человѣкъ неграмотныхъ, т. е. всѣ артиллерійскіе служителя, начиная съ хорунжаго; неожиданно неграмотенъ и городничій гадяцкій.

шло на 21 рубль. Изъ артиллерійскихъ служителей асаулъ получилъ 8 вмѣсто 10, а хоружій 4 рубля вмѣсто 6; пушкарямъ и армашамъ пришлось по $3^1/_2$ р., а коновалу, ковалю, римару и стельмаху по $1^1/_2$ р. годоваго жалованья (первымъ вмѣсто 5, а вторымъ вмѣсто 2). Сокращено было въ 1748 г. также жалованье сотенныхъ писарей: они получили по 10 рублей вмѣсто прежнихъ 15. Значительно уменьшились въ этомъ году и расходы на канцеляріи: на полковую и судовую канцеляріи отпущено 42 руб. 20 коп. вмѣсто прежнихъ 77 р. 20 к.; на канцелярскіе расходы по сотнямъ полка выдано было по 4 р. вмѣсто 5. Такими же неустойчивыми являются полковые оклады жалованья и въ 1749 г. Нѣкоторые изъ войсковыхъ служителей получили жалованье въ этомъ году въ размѣрѣ 1747 г.; другіе получили меньше даже противъ 1748 г. Въ спискѣ 1749 г. коваль и римарь не значатся, за то явились службы канцелярскаго сторожа, колодничаго сторожа, получавшихъ по 4 р. въ годъ, и ката (Терентій Ракъ), которому давалось 8 р. въ годъ.

Л. П.

Изъ временъ упадка Запорожья.

Выдвинутое особыми историческими обстоятельствами на арену политической жизни и военной славы Запорожье, съ измѣненіемъ этихъ обстоятельствъ, постепенно теряло свой престижъ, свою политическую роль, свою даже внутреннюю силу и значеніе.

Было время, когда Запорожье успѣшно боролось даже съ тѣмъ государствомъ, въ предѣлахъ котораго находилось, громило татаръ и турокъ, возводило на престолъ и низлагало сосѣднихъ господарей, участвовало въ походахъ на Москву: въ немъ искали поддержки гетманы, на него опиралась вся страна въ самыя тяжкія минуты, въ немъ заискивали или на него оглядывались сосѣди во взаимныхъ столкновеніяхъ, его голосъ былъ рѣшающимъ въ эпоху козацкихъ войнъ и возникавшихъ въ странѣ междоусобій и раздѣленія. Но уже съ присоединеніемъ Малороссіи къ московскому государству ея военныя силы, дѣйствуя сьобща, отошли на второй планъ, неудачныя затѣи Мазепы довели и самую Сѣчь до разоренія, а непримиримыхъ сѣчевиковъ до удаленія въ предѣлы турецкіе на цѣлыхъ почти 25 лѣтъ. Возстановленная потомъ во всѣхъ своихъ

правахъ Сѣчь застала страну раздѣленною между двумя государствами, лишенною военныхъ силъ въ одной своей части, сохранявшею едва тѣнь автономіи въ другой, и не имѣя опоры въ исчезнувшемъ политическомъ ея значеніи и внутреннемъ строѣ, утрачивала и сама свою прежнюю роль и значеніе. Самостоятельное нѣкогда сѣчевое товариство, военная въ нѣкоторомъ родѣ республика, самой силой вещей нисходило оно теперь на степень едва примѣтной и едва терпимой части войска, во всемъ, кромѣ внутренняго управленія, огриничиваемое и стѣсненное, жившее мечтою о прежней своей славѣ и не находившее для себя въ дѣйствительности никакой пищи и поддержки, кромѣ мелкихъ ссоръ съ сосѣдями и вооруженныхъ столкновеній, получавшихъ характеръ скорѣе грабежей и разбоевъ, чѣмъ рыцарскихъ подвиговъ. Этотъ естественный упадокъ значенія Запорожья сказывался всегда и во всемъ: его территорія, торжественно за нимъ признанная во время возстановленія Сѣчи, урѣзывалась теперь часть за частью, вдоль ея, по краямъ и въ самомъ центрѣ строились шанцы и ретрантаменты съ военными командами; запорожцы подчинены двойному контролю гетманской власти и кіево-губернской канцеляріи, за ихъ дѣйствіями и сношеніями наблюдали особо командируемые офицеры; ихъ личному составу дѣлался самый строгій учетъ; ихъ движенія ограничены были паспортами; то, что считали они военнымъ ремесломъ, трактовалось уже, какъ разбой. Запорожье слилось съ гайдамачествомъ, а отъ него требовали искорененія гайдамакъ и самихъ запорожцевъ ловили и судили, какъ гайдамакъ. Не удивительно, что къ половинѣ прошлаго столѣтія Запорожье въ глазахъ всѣхъ утратило свое прежнее обаяніе и всякій армейскій поручикъ, или же сотникъ гетманскаго регимента трактовалъ запорожскую старшину почти какъ простыхъ мужиковъ и относительно ея позволялъ самое оскорбительное обращеніе, примѣровъ котораго находимъ огромное число за время послѣдняго существованія Запорожья. Если съ нимъ еще церемонились, то только высшія власти и то на бумагѣ; престижъ его упалъ раньше, чѣмъ оно само о томъ догадалось и почувствовало это, кажется, прежде общество, чѣмъ само правительство.

Случаи оскорбительнаго обращенія съ запорожскою старшиною воинскихъ чиновъ или гетманскихъ урядниковъ возникали по

самымъ пустымъ поводамъ, иногда при торжественной обстановкѣ и кончались ничѣмъ, или же новымъ приниженіемъ оскорбленныхъ. Одинъ изъ такихъ случаевъ мы нашли въ жалобѣ Коша на высочайшее имп. Елисаветы имя, которую и приводимъ здѣсь. Но прежде нѣсколько словъ о самой жалобѣ и поводахъ къ ней.

Сотникъ Василій Зарудный командированъ былъ въ 1752 г. въ Запорожье, по распоряженію войсковой генеральной канцеляріи, для понужденія сѣчевой старшины къ дѣятельному преслѣдованію гайдамакъ, жилъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ и, какъ можно догадываться, порядкомъ надоѣлъ гордымъ сѣчевикамъ своими напоминаніями о дѣлѣ, крайне имъ непріятномъ. Въ половинѣ того же года обострившіяся ихъ отношенія разыгрались крупнымъ скандаломъ при самой торжественной обстановкѣ. 29 іюня сѣчевое товариство праздновало день тезоименитства наслѣдника престола. Послѣ литургіи кошевой Павелъ Ивановъ принималъ у себя всѣхъ бывшихъ на молебнѣ духовныхъ и свѣтскихъ, великороссійскихъ и малороссійскихъ чиновъ, а потомъ запросилъ ихъ къ себѣ б. кошевой Якимъ Игнатовичь. Въ Запорожьѣ пили, какъ нигдѣ. На этотъ разъ, хозяева и гости были несомнѣнно въ высокой степени подпитія. За тостами произошли крупные переговоры и ссора, при которой сотникъ всѣ чарки перебилъ, всю сѣчевую старшину и все запорожское войско жестоко избранилъ, называлъ ихъ «ворами и не вѣрно-присяжными», гостепріимнаго хозяина билъ по щекамъ, рвалъ за волосы и пр., а потомъ обжаловалъ ихъ же предъ гетманомъ, который потребовалъ присылки въ Глуховъ за конвоемъ б. кошеваго Якима Игнатовича, писаря Дмитрія Романовскаго и асаула Семена Лебединца. Защищая своихъ, Кошъ выступилъ съ жалобою на высочайшее имя о неслыханномъ оскорбленіи, нанесенномъ всему запорожскому войску и его старшинѣ сотникомъ Зарудным. Жалоба передана была тому же гетману и конца оной не находимъ. Для насъ важенъ случай, послужившій къ ней поводомъ и показывающій, какъ сильно упало къ этому времени Запорожье въ мнѣніи общественномъ, если простой сотникъ позволилъ себѣ, хотя бы и въ пьяномъ видѣ, нанести такое безчестіе запорожской старшинѣ. Донесенія Зарудняго мы не нашли; но для оцѣнки факта и опредѣленія по нему положенія, до котораго снизошло въ то время «славное

рыцарство», достаточно и жалобы Коша, которую приводимъ цѣликомъ.

«Всепресвѣтлѣйшей, державнѣйшей, великой государынѣ, імператрицѣ Елисаветъ Петровнѣ, самодержицѣ всеросійской, государынѣ всемилостивѣйшей войска запорожскаго низового отъ кошевого атамана, войсковой старшины, куренних атамановъ и всего войска всеподданнѣйшее доношеніе.

Сего 1752 году прошедшого іюня 29 дня въ тезоименітой его імператорского высочества день, по литургіи божественной и по отправленіи молебного пѣнія, я нижеименованній кошевій атаманъ обикновенно просилъ къ себѣ въ мой курень какъ духовнихъ, такъ и свѣцкихъ, великороссийскихъ и малороссийскихъ разнаго чина людей, такожъ и войска запорожского низового старшинъ и атамановъ для тезоименитства его імператорского высочества выпить по чаркѣ горѣлки, которие въ моемъ куренѣ со всякою учтівостію, по здѣшнему обичаю, и приняти били; по отходѣ-же ихъ ис того моего куреня, бившій здѣсь кошевий Якимъ Игнатовичъ тѣхъ-же разнаго чина людей въ свой домъ для тезоименитства-жъ его імператорскаго высочества запросилъ, и когда подносима била чарками горѣлка, тогда миргородского малороссійского полку сотникъ миргородскій полковій, Василей Зарудній, тѣ чарки всѣ перебилъ, а потомъ и меня, атамана кошевого, старшіну войсковую, куреннихъ атамановъ и все запорожское нізовое войско матерно бранилъ, ворами и невѣрно присяжными вашего імператорскаго величества рабами называлъ и другими непристойными и скверными словами поносилъ; а потомъ здѣшнего писара войскового Димитрія Романовскаго по щекамъ билъ, слѣдователно-же и више писанного бывшого кошевого Якима Ігнатовича въ его домѣ и на его учтѣ за волоса рвалъ, о чемъ и новосѣченской крепости комендантъ, капитанъ полку бѣлевского, Трофимъ Усачевъ и порутчикъ оного полку Андрей Цуриковъ могутъ засвидѣтельствовать, а послѣ того и къ его ясневельможности господину гетману и разнихъ ординовъ кавалеру, Кирилу Григориевичу, его графскому сиятелству, Разумовскому ябедничимъ своимъ доношеніемъ представилъ, яко-би отъ насъ, войска, ему сотнику Зарудному обида приключена, і по тому сотничему доношенію его ясневельможность, господинъ гетманъ, вышеписанного Якима Ігнатовича и войсковихъ писара Димитрія Романовскаго и асаула Семена Лебединца въ Глуховъ подъ конвоемъ ордеромъ велитъ прислать; хотя-же отъ насъ и писано за такіе обиди

его ясневелможности господину гетману, токмо донесенно ль было, или нѣтъ, неизвѣстни; въ чемъ намъ запорожскому низовому войску чрезъ такое бездѣлное и ябедничее реченнаго сотника Зарудняго доношеніе знатная обѣда и крайнее безчестіе слѣдуетъ; какой обѣди ми, запорожское войско, не то отъ штапъ и оберъ-офицеровъ, но и отъ високого генералѣтета, въ походное и мирное времена, нѣкогда не узнавали, а нынѣ отъ сотніковъ поносимъ обѣду.

Того ради вашего імператорскаго величества всеподданнѣйше рабски просимъ отъ такихъ обѣдъ насъ войско запорожское защитить и, кому надлежитъ, повелѣть, даби приѣзжающіе сюда въ Сѣчь по разнимъ дѣламъ сотніки и протчие чины намъ войску никакихъ обѣдъ не приключали, но новѣренное дѣло съ учтивостію исправляли-бъ.

О семъ донося, всеподданнѣйше просимъ вашего імператорского величества, всемилостивѣйшей государынѣ, всеподданнѣйшіе и вѣрно присяжніе раби и слуги: войска запорожского низового атаманъ кошевой Павелъ Івановъ съ старшіною войсковою, куренними атаманами и со всѣмъ запорожскимъ низовимъ войскомъ. Кошъ, 5 октября 1752 года».

Варіантъ пѣсни о Нечаѣ.

Въ приложеніяхъ къ монографіи Костомарова «Богданъ Хмельницкій» напечатано *одиннадцать* варіантовъ пѣсни о Нечаѣ, записанныхъ въ губерніяхъ екатеринославской, кіевской, харьковской и въ Галичинѣ. Въ варіантѣ, который не давно мнѣ удалось записать, есть существенная прибавка, ради которой я и считаю нужнымъ привести его въ извѣстность. Онъ записанъ мною въ Кіевѣ отъ г-жи Ф. Сама она полька; но у нея въ началѣ шестидесятыхъ годовъ была старушка няня малороссіянка, которая пѣвала своей питомицѣ старинныя пѣсни, въ томъ числѣ и про Нечая. Къ сожалѣнію, г-жа Ф. не помнитъ мѣста рожденія своей няни и потому невозможно опредѣлить, какой мѣстности принадлежитъ записанный отъ нея варіантъ пѣсни о Нечаѣ. Вотъ этотъ варіантъ.

Ище не день, ище не день, ище не свитае,
А вже козакъ, а вже Нечай коника сидлае.
Осидлавши кониченька, пишовъ въ корчму пити;
Зибралося ляшкивъ много, хотять іого вбити.
А вашъ Нечай ма свій звычай, на те не вважае,
Та зъ кумою Мелничкою медъ-вино кружае.

Оглянеться козакъ Нечай, а вже ляшкивъ много,
—Сидлай, хлопче, якъ найшвыдче коня вороного?
Ще не поспивъ козакъ Нечай на коника впаст',
А вже-жъ зачавъ вражихъ ляшкивъ у дви лавы класти.
Оглянеться козакъ Нечай у правую руку,
Не выскоче кинь вороный зъ шляхетьского трупу.
Оглянеться козакъ Нечай на правее плече,
За нимъ, за нимъ кровъ ричками шляхетьская тече.
А якъ зъихавъ козакъ Нечай зъ горы у долину,
Зловивъ его панъ Потоцькій зъ заду за чуприну.
—Чи не той-то хмиль, що на тычци вьеться,
Чи не той-то козакъ Нечай, що зъ ляшками бьеться?
—Не по правди панъ Потоцькій я зъ ляшками бився,
Якъ ударивъ кинь ногою, той мистъ завалився.
. . . .
—Скажи, хлопче, скажи малый, чимъ Нечая вбити?
—Срибнымъ гудзіомъ посвяченымъ рушныцю набити.
Не задовгій часъ, не задовго, за малую хвилину
Качаеться Нечаева головка по рынку.
Качаеться и говорить: «и ще буду жити;
Якъ ся била изъ ляшками, такь и буду бити».

Какъ могъ замѣтить читатель, въ предложеномъ варіантѣ нѣкоторые стихи опущены, иные даже испорчены; но въ немъ, какъ и въ варіантѣ, записанномъ въ Коломійскомъ Подгорьи, Нечай—«характерникъ»: его не беретъ простая пуля и чтобъ погубить его, надо зарядить ружье освященной серебряной пуговицей, или стрѣлять въ него серебрянной же освященной пулей. Другая особенность нашего варіанта—послѣдніе два стиха, произносимые отрубленной качающейся головой:

Качается и говорыть: „и ще буду жити;
Якъ ся била изъ ляшками, такъ ся буду бити".

Что отрубленная голова качается и говоритъ, это пріемъ старинныхъ народныхъ сказаній и означаетъ высшую степень живучести героя и его желанія мстить врагамъ.

Сообщ. **А. Залѣсскій.**

Русская Старина

Ежемѣсячный

Историческій Журналъ

Сентябрь,
Октябрь, Ноябрь,
Декабрь,

1887 г.

СОДЕРЖАНІЕ

ТОМА XI. 1887 г.

За Сентябрь, 1887 г.

Октябрь.

Ноябрь.

Декабрь.

Отъ редакціи.

Журналъ „**Кіевская Старина**" выходитъ *неизмѣнно* 1-го числа каждаго мѣсяца и въ тотъ-же день разсылается городскимъ подписчикамъ, а 2-го и не позже 3-го числа сдается въ Почтовую Контору для отправки внутри Имперіи и за границу.

Редакція отвѣчаетъ за исправное полученіе журнала лишь при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если въ *четко* написанномъ адресѣ означены: имя, отчество и фамилія подписчика, равно губернія, уѣздъ и почтовое учреждение, гдѣ *допущена* выдача журналовъ, 2) если жалоба на неполученіе книжки прислана непосредственно въ редакцію, хотя-бы подписка была сдѣлана въ одномъ изъ книжныхъ магазиновъ, 3) если жалоба послана. согласно объявленію Почтоваго Департамента, не позже полученія или срока выхода слѣдующей книжки, 4) если къ жалобѣ приложено будетъ удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книжка ею не была получена и 5) если о перемѣнѣ адреса было сдѣлано заявленіе редакціи и притомъ сдѣлано своевременно, т. е. съ такимъ разсчетомъ времени, чтобы редакція могла получить оное не позже выхода слѣдующей книжки.

За перемѣну адреса иногороднаго на городской и обратно уплачивается *пятьдесятъ коп.*, а при перемѣнѣ иногороднаго на иногородный-же высылается *четыре семикопѣечныя марки.*

Подписная цѣна на мѣстѣ 8 р. 50 к., съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи 10 р., за границу 11 р. По той-же цѣнѣ высылаются и оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры 1882—1886 гг.

Подписка принимается въ редакціи журнала и конторѣ оной (*Кіевъ*, *Трехсвятительская улица*, *№ 8-й*), въ книжныхъ магазинахъ Оглоблина въ Кіевѣ и Петербургѣ, «Новаго Времени» и Глазунова въ Петербургѣ и Москвѣ, Мелье, Вольфа и Мартынова въ Петербургѣ, Федорова, Розова, Динтера, Корейво, Гинтера и Малецкаго въ Кіевѣ и др.

Издателямъ и авторамъ книгъ и брошюръ по южно-русской исторіи и этнографіи, приславшимъ экземпляръ своихъ изданій въ редакцію, обѣщается рецензія.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

ТОМЪ XIX.

Сентябрь.

1887 г.

КІЕВЪ.

Тип. А. Давиденко, аренд. Л. Штаммомъ, Мало-Житом. ул., д. № 4.

СОДЕРЖАНІЕ.

Сентябрь, 1887 г.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 31-го августа 1887 года.

Очерки исторіи южно-русскихъ апокрифическихъ сказаній и пѣсенъ.

(Продолженіе) [1].

Апокрифическія сказанія о Божіей Матери, Спасителѣ и апостолахъ проникли глубоко въ украинскую народную словесность и, сочетавшись съ основными и коренными народно-поэтическими образами, мотивами и эпитетами, составили особый, своеобразный отдѣлъ народныхъ разсказовъ, повѣрій и пѣсенъ новозавѣтнаго апокрифическаго содержанія. Въ этотъ отдѣлъ входятъ разсказы и пѣсни чисто народные и церковно-схоластическіе, напримѣръ, многія колядки и почти всѣ псальмы. Историко-литературное и художественное значенія этого отдѣла народной словесности должны опредѣлиться изъ предстоящаго детальнаго разсмотрѣнія составныхъ его частей.

10.

Пресвятая Дѣва Марія.

Извѣстно, что чествованіе Богородицы развивалось въ христіанскомъ мірѣ постепенно. Въ первыя два, три столѣтія больше занимались моральной стороной христіанства; четвертый и пятый вѣка—были періодомъ догматическихъ опредѣленій христіанства. Первоначально «догма имѣла въ виду исключительно личность божественнаго Основателя христіанства, и Богоматерь занимаетъ вниманіе первыхъ отцовъ церкви только по своему отношенію ко Христу. Съ половины V столѣтія Богоматерь съ Младенцемъ становится популярнымъ изображеніемъ; только тогда чествованіе Мадонны, до тѣхъ поръ проявлявшееся спорадически, освящается авторитетомъ властей предержащихъ, получаетъ широкое, всехристіанское распростране-

---

[1]) См. „Кіевск. Стар.“ 1887 г. іюньско-іюльск. кн., стр. 215—268.

ніе»[1]). Мало-по-малу о личности Дѣвы Маріи слагаются многочисленныя апокрифическія сказанія, большею частью задушевныя и поэтическія. Гностицизмъ оказалъ вліяніе на развитіе апокрифическихъ сказаній о Богородицѣ[2]). Возникли апокрифическія евангелія, протоевангеліе Іакова, евангеліе Ѳомы, евангеліе Матѳея о рожденіи Маріи и др.[3]). Въ апокрифическихъ евангеліяхъ съ большими или меньшими подробностями говорится о Дѣвѣ Маріи, ея родителяхъ, воспитаніи, благовѣщеніи, рождествѣ Спасителя, бѣгствѣ въ Египетъ. Въ IV и V вв. въ римской имперіи уже обнаружилось два потока поэтическаго творчества: ученый, согласный съ евангельскимъ текстомъ, и народный, опиравшійся главнымъ образомъ на апокрифическія сказанія. Эти потоки сливаются въ различныхъ пропорціяхъ въ духовной поэзіи и въ церковномъ искусствѣ народовъ новой Европы[4]). Римско-католическій культъ Мадонны въ средніе вѣка получилъ блестящее развитіе, литературное и художественное. «Міръ управляется своими идеалами, говоритъ Лекки, и рѣдко, или никогда не было идеала, который имѣлъ бы болѣе глубокое и въ цѣломъ болѣе благотворное вліяніе, чѣмъ средневѣковое представленіе Мадонны. Женщина въ первый разъ поднята была до своего полноправнаго положенія, и святость слабости была признана такъ же, какъ святость печали... Въ первый разъ была почувствована нравственная прелесть и красота женскаго достоинства. Новый характеръ былъ призванъ къ жизни; воспитывался новый родъ удивленія. Въ суровое, невѣжественное и помраченное время этотъ идеальный типъ внесъ представленіе нѣжности и чистоты, неизвѣстное самымъ гордымъ цивилизаціямъ прошедшаго. Въ страницахъ живой нѣжности, которыя монахъ-писатель составлялъ въ честь своей небесной покровительницы, въ тѣхъ милліонахъ людей, которые во многихъ странахъ и въ теченіи многихъ вѣковъ стремились образовать свои характеры по ея образцу, въ новомъ чувствѣ чести, въ рыцарскомъ уваженіи (къ женщинѣ), въ мягкости нравовъ и утонченности вкусовъ, которыя обнаружились

---

[1]) *Кирпичниковъ*, Сказанія о Дѣвѣ Маріи, стр. 17.

[2]) *Гартполь Лекки*, Исторія раціонализма въ Европѣ, т. I, стр. 168.

[3]) Подробное изслѣдованіе объ апокрифическихъ евангеліяхъ *Альбова* см. въ Христ. Чтеніи 1871 г.

[4]) *Кирпичниковъ*, стр. 25.

во всѣхъ слояхъ общества,—въ этомъ и во многомъ другомъ обнаруживается вліяніе религіозно-поэтическаго образа Мадонны. Все что было лучшаго въ Европѣ, жило и дѣйствовало подъ этимъ вліяніемъ, и оно было источникомъ многихъ чистѣйшихъ элементовъ нашей цивилизаціи» [1]).

Между восточными-византійскими, и западными-католическими представленіями Дѣвы Маріи обнаруживается значительное различіе. Чествованіе Богоматери на христіанскомъ Востокѣ не было окружено такою пышностью и обрядностью, какъ чествованіе Мадонны на Западѣ; въ литературномъ и художественномъ отношеніяхъ оно было значительно бѣднѣе и блѣднѣе послѣдняго; но за то оно всегда сохраняло характеръ высокой простоты, искренности, величія и святости, не было игрой личнаго произвола или каприза художниковъ, а по этому и не впадало въ приторный сентиментализмъ или пошлый реализмъ,—эти, всѣмъ извѣстные, недостатки западнаго, католическаго чествованія Мадонны.

Малорусскія сказанія о Богородицѣ сложились подъ вліяніями восточно-византійскимъ и западно-католическо-польскимъ. Апокрифы о Дѣвѣ Маріи проникли въ народную жизнь и словесность не въ видѣ чего-либо цѣльнаго и систематическаго, не въ формѣ стройныхъ сказаній, а въ видѣ краткихъ апокрифическихъ разсказовъ и преданій, отдѣльныхъ повѣрій, мелкихъ мотивовъ. Одни мотивы, упавъ на почву южнорусской схоластической литературы, не дали народно-поэтическихъ ростковъ; другіе, частью при посредствѣ этой литературы, большею частью независимо отъ нея, проникли въ самую глубь народа, вошли въ общій строй народнаго міросозерцанія и получили развитіе въ пѣсняхъ подъ вліяніемъ мѣстной, краевой жизни и мѣстной крестьянской психологіи. Повидимому, въ южнорусскій народъ проникли апокрифическія сказанія о Богородицѣ, встрѣчающіяся у отцовъ церкви и въ апокрифическихъ евангеліяхъ. Можно положительно утверждать, что крупными проводниками апокрифовъ о Богородицѣ въ простой нашъ народъ были сочиненія южнорусскихъ писателей второй половины XVII ст., Галятовскаго и Радивиловскаго и въ особенности Чети-Минеи св. Димитрія Ростовскаго.

---

1) *Лекки*, Ист. раціонализма, т. I, стр. 172.

Галятовскій составилъ нѣсколько проповѣдей на праздники Богородичные и нѣсколько сборниковъ чудесъ отъ иконъ Богородицы, преимущественно отъ иконъ купятицкой, печерской и елецкой. Наибольшей извѣстностью пользовалось «Небо новое», сборникъ 445 чудесъ Богородицы, расположенныхъ по 28 отдѣламъ: чудеса при рождествѣ св. Богородицы, во время ея пребыванія въ храмѣ, во время рождества Іисуса Христа, отъ Ея имени, отъ Ея перстня, надъ монахами, надъ больными и т. д. Въ началѣ «Неба» на л. л. 1—4 приведены пророчества Сивиллъ о 12 чудесахъ Богородицы [1]). Радивиловскій составилъ нѣсколько проповѣдей на богородичные праздники въ «Огородкѣ Божіей Матери», причемъ обѣими руками черпалъ изъ католическихъ книгъ. Въ составленіи Малыхъ Четьихъ-Миней участвовали многіе южнорусскіе писатели второй половины XVII ст. Еще Петръ Могила сталъ собирать матеріалы для составленія сборника житій святыхъ на славянскомъ языкѣ; въ томъ же направленіи дѣйствовали немного позднѣе Иннокентій Гизель, Варлаамъ Ясинскій и въ особенности Димитрій Ростовскій, положившій на этотъ трудъ двадцать лѣтъ. Чети-Минеи выходили трехмѣсячіями, по мѣрѣ изготовленія, въ 1689—1695 и 1700—1705 годахъ. 28 августа 1689 г. архимандритъ кіево-печерской лавры Варлаамъ Ясинскій послалъ въ Москву трехъ-мѣсячную книгу житій святыхъ, и черезъ полъ-года, 14 марта 1690 г., онъ испрашивалъ у патріарха разрѣшенія продолжать печатать Чети-Минеи [2]). Апокрифическія черты о жизни и успеніи пресв. Дѣвы Маріи разсѣяны въ Малыхъ Чети-Минеяхъ въ разныхъ мѣстахъ, подъ 8 числомъ сентября, 21 ноября, 25 марта, 25 декабря, 2 февраля и 15 августа. Чети-Минеи Димитрія Ростовскаго, написанныя прекраснымъ, чистымъ языкомъ, проникнутыя глубокой вѣрой и благочестіемъ, сдѣлались любимымъ чтеніемъ благочестивыхъ русскихъ людей, и вошедшія въ Чети-Минеи апокрифическія сказанія о Богородицѣ получили широкій доступъ въ духовенство и народъ.

Извѣстно, что въ старинное время духовные писатели обнаруживали большую наклонность къ сопоставленіямъ и сравненіямъ новозавѣтныхъ лицъ и событій съ ветхозавѣтными лицами и собы-

---

[1]) Подробности см. въ моемъ соч. о Галятовскомъ, стр. 43—46.

[2]) *Архивъ* министъ. иностр. дѣлъ. Малорос. дѣла, связки 80 и 82.

тіями. Эта наклонность въ теченіи длиннаго ряда вѣковъ поддерживалась и воспитывалась въ духовенствѣ сочиненіями отцовъ церкви и преимущественно Палеей. Разсказы древнихъ и священныхъ еврейскихъ книгъ объяснялись, какъ тѣнь и прообразъ христіанскихъ событій. Такого рода объясненія мы постоянно находимъ у южно-русскихъ писателей, начиная отъ митроп. Иларіона и Кирилла Туровскаго и кончая Галятовскимъ и Радивиловскимъ. Пр. Дѣва Марія издавна вошла въ кругъ этого литературнаго параллелизма лицъ ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ. Еще отцы церкви, опровергая еретиковъ эбіонитовъ, не признававшихъ дѣвства Маріи, доказывали необходимость его тѣмъ соображеніемъ, что дѣва (Ева до грѣхопаданія) погубила міръ; дѣва потому должна была послужить и орудіемъ спасенія [1]). Уже Ириней (II вѣка) сопоставляетъ пр. Дѣву Марію, какъ спасительницу человѣчества, съ Евой, бывшей причиною его гибели, и это сопоставленіе съ теченіемъ времени получаетъ широкое развитіе. Въ апокрифическомъ евангеліи Іакова, извѣстномъ и въ древней Россіи въ отрывкахъ, архангелъ Гавріилъ обращается къ пр. Дѣвѣ Маріи съ такими словами: «Не бойся, Марія, не поткнеши бо ся ты, яко Евва. Отъ Еввы бо смерь бысть, а отъ тебе воскресеніе мертвыхъ; отъ Еввы плодъ смертоносный, а отъ тебе крестъ животворящій; отъ Еввы лесть, а отъ тебе любовь; отъ Еввы разлученіе человѣкомъ отъ Бога, а отъ тебе совокупленіе несказанно; отъ Еввы мрачный сонъ адовъ, а изъ тебя свѣтлый свѣтильникъ всему міру; отъ Еввы клятва, а отъ тебя благословеніе; отъ Еввы осужденіе, а отъ тебя отданіе; отъ Еввы скорбъ, а отъ тебя радость и вѣра; отъ Еввы слезы, а отъ тебя рѣка воды живы, отъ Еввы трудъ, а отъ тебя покой; отъ Еввы тернородная земля, а отъ тебя троичная жизнь; отъ Еввы братоненавидѣніе, а отъ тебя человѣколюбіе; отъ Еввы потопъ, а отъ тебя баня безсмертія; отъ Еввы убійство, а отъ тебя мертвыхъ воскресеніе» [2]). Вообще, въ сочиненіяхъ многихъ старинныхъ церковныхъ писателей о Богородицѣ говорится, какъ о второй Евѣ, прародительницѣ освобожденнаго человѣчества.

Рядомъ съ сопоставленіемъ Богородицы съ Евой и независимо отъ него шло прославленіе пр. Дѣвы въ литературныхъ сказаніяхъ,

---

[1]) *Кирпичниковъ*, Сказанія о житіи дѣвы Маріи, стр. 19.

[2]) *Пыпинъ*, Памят. стар. рус. литер., т. III, стр. 76.

въ пѣснопѣніяхъ и въ живописи. Благочестиво настроенная фантазія и глубоко проникнутое религіозностью чувство искали во всемъ мірѣ, физическомъ и моральномъ, образовъ и красокъ для прославленія пр. Дѣвы. Естественно напрашивалось сравненіе пр. Дѣвы съ цвѣтами, какъ найболѣе изящными произведеніями земли, а изъ цвѣтовъ, разумѣется, съ самыми красивыми и благоухающими, съ розой и лиліей. Символическое толкованіе Библіи усмотрѣло указаніе на пр. Дѣву въ словахъ Ездры V, 24—25: «О владыко Господи, отъ всѣхъ дубравъ земли и отъ всѣхъ древесъ ея избралъ еси виноградъ единъ... И отъ всѣхъ цвѣтовъ вселенныя избралъ еси себѣ кринъ единъ». Въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ пр. Дѣва называется «криномъ благоуханнымъ».

Южнорусская схоластическая проповѣдь, какъ извѣстно, чрезвычайно любила всякаго рода параллелизмы, символы и аллегоріи, и въ ней нашло мѣсто сопоставленіе пр. Дѣвы Маріи съ цвѣтами, преимущественно съ лиліей.

Сравненіе Богородицы съ Евой встрѣчается, между прочимъ, въ «Огородкѣ» Радивиловскаго въ первомъ словѣ о непорочномъ рожденіи пр. Дѣвы Маріи отъ Іоакима и Анны: «Яко правѣ Евва, не послушною будучи, сталася и себѣ и всему рожаю людскому причиною смерти, такъ и преблагословенная Дѣва Марія, послушная, и себѣ и всему рожаю людскому сталася причиною спасенія.»

Въ особенности по вкусу схоластическихъ проповѣдниковъ семнадцатаго вѣка пришлось сравненіе пр. Дѣвы съ цвѣтами. Это было еще самое естественное и простое изъ сравненій Богоматери съ предметами физическаго міра, къ какимъ прибѣгали южнорусскіе проповѣдники схоластическаго направленія. Радивиловскій посвятилъ цѣлую проповѣдь на сравненіе пр. Дѣвы съ лиліей, именно въ «Огородкѣ» третье слово на Введеніе пр. Богородицы во храмъ. «Первое подобенство пр. Дѣвы Маріи до лѣлѣи, же лелѣя жадныхъ на себѣ не маетъ макулъ, которыи бы піенкность еи нарушали... Второе—лѣлѣи суть бѣлыи и червоныи... Пр. Дѣва Марія бѣлая, иле до невинности первороднои, есть тежъ и червона, иле до встыду дѣвическаго... Потрете, маетъ и тое до себе лѣлѣя, же межи зеліями не маетъ плодовитшаго надъ лелѣю, албо вѣмъ зъ едного корня пятьдесятъ пущаетъ головокъ, яко пишетъ Плиніушъ... Въ Маріи... насине (добра и благодати) принесло плодъ тридесятый, шестиде-

сятый и сторакій... Опустивши иншія многія власности, которыми есть лѣлѣя оздобленая, тое мовлю, ижъ жадного цвѣту большаго и высшаго немашъ надъ лѣлѣю, бо ведлугъ Плиніуша въ три локтя растетъ выше надъ иншіи цвѣты, и для того старожитныи лѣлѣю назвали цвѣтомъ царскимъ».

Религіозно-поэтическія сравненія пр. Дѣвы Маріи съ Евой и со цвѣтами, въ частности съ лиліей, проникли въ южнорусскій народъ, были имъ своеобразно истолкованы и выразились въ словесности южнорусскаго народа въ формѣ любопытныхъ сказаній о томъ, что Богъ создалъ пр. Дѣву Марію въ началѣ свѣта изъ цвѣтовъ, и въ формѣ темныхъ пѣсенъ о близости пр. Богородицы къ лиліи и маку. Въ народѣ распространенъ своеобразный апокрифъ, что Богъ создалъ перваго человѣка съ кожей роговой, а первую женщину изъ цвѣтовъ. Но Адаму женщина эта не понравилась, и онъ просилъ Бога дать ему другую подругу жизни, не столь нѣжную. Тогда Богъ цвѣтную дѣвушку взялъ къ себѣ, а для Адама создалъ Еву, изъ его ребра, также съ роговымъ тѣлеснымъ покровомъ. Послѣ грѣхопаденія прародителей они потеряли роговой покровъ, остаткомъ котораго служатъ только ногти. Дѣвѣ изъ цвѣтовъ суждено было стать впослѣдствіи пресв. Дѣвой Маріей и Богоматерью. Ева была причиной грѣхопаденія; и дѣвѣ изъ цвѣтовъ предопредѣлено было въ лицѣ Богородицы сдѣлаться источникомъ спасенія человѣчества [1]). Существованіемъ въ народѣ разсказа о тождествѣ Богородицы съ первой цвѣтной дѣвой объясняются нѣкоторыя на первый взглядъ странныя сравненія пр. Дѣвы Маріи съ розой, мальвой и лиліей въ колядкахъ и щедривкахъ, напримѣръ, въ малор. колядкѣ у Чубинскаго т. III, стр. 374. Повидимому, апокрифическая дѣва изъ цвѣтовъ скрывается въ слѣдующей темной колядкѣ:

Рожденная мати, небесьска царыця,
Радуйся, пречиста, прекрасна царыця!
Дива обрадованная Христа породила
И за Евою, за Адамомъ слидкома ходила,
Выплакала за насъ гришныхъ, якъ мати едина...
Ты красна панна зъ высокого маку,
Не дай же намъ загинуть зъ великого страху.

(Чуб., т. III, стр. 333).

[1]) *Nowosielski*, т. II, стр. 5—6, *Чубинскій*, т. I, стр. 145—146.

А. Н. Веселовскій въ резенціи на «Труды Этн. Стат. Экспедиціи» П. П. Чубинскаго въ отчетѣ о XX присужденіи наградъ графа Уварова обратилъ вниманіе на своеобразное преданіе о сотвореніи «жинки зъ цвиту». Онъ предполагаетъ, что источникъ этого преданія «скрывается въ какомъ нибудь христіанскомъ апокрифѣ». Я уже замѣтилъ, что преданіе это могло возникнуть изъ краткихъ сравненій и украшающихъ эпитетовъ пр. Дѣвы въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ. Г. Веселовскій сопоставляетъ малорусскій разсказъ о цвѣтной дѣвѣ съ французскимъ стихотвореніемъ XII вѣка о Фануилѣ; но содержаніе послѣдняго слишкомъ своеобразно, и вовсе не объясняетъ малорусской сказки о цвѣтной дѣвѣ. Ближе къ малорусскому сказанію другая французская легенда, приводимая г. Веселовскимъ. Эта краткая легенда упоминается, какъ отреченная, въ одной поэмѣ «Sur la Conception» (о зачатіи) [1]).

11—12.

Благовѣщеніе и звѣзда пр. Богородицы.

Въ древнѣйшемъ новозавѣтномъ апокрифѣ, протоевангеліи Іакова (начала II вѣка) первое благовѣстіе происходитъ у колодца, когда пр. Дѣва Марія вышла почерпнуть воды. Пр. Марія услышала гласъ ангельскій: «Радуйся, возрадованная! Господь съ тобою; благословенна ты въ женахъ», но самаго ангела не было видно, и затѣмъ вскорѣ слѣдуетъ другое благовѣщеніе, по евангельскому тексту [2]). Этотъ мотивъ повторяется въ одномъ старинномъ галицко-русскомъ казаньѣ на Рождество Христово: «Гды

---

[1])
Anne de Bethleem fu nee,
De flour ne fu pas engenree,
Ce saiehiez nous certainement,
Mais d'omme conseue charnellement.
Celles et cil soient confondu
Qui croient un roman qui fu,
Qui dist que flour fust venue
Sainte Anne et engeneue (*Записки* Акад. Н. т. 37, с. 183).

Догматическая основа этого стиха—латинское ученіе о дѣвственности св. Анны, матери Богородицы.

[2]) *Кирпичниковъ*, Сказанія о житіи Дѣвы Маріи, стр. 36.

Христосъ Сынъ Божій оутѣлилъ ся и оуишолъ Духомъ святымъ у пречистую Панну, тогда пресв. Богородица стояла у колодязя, хотѣла почерпать воды оу сосудъ. И ту пришелъ ангелъ Господень къ неи и рече: Радуйся, обрадованная, Господь съ тобою, днесь пополнишися Духа святаго. А Она обозритъ ся на ангела и увидѣла звѣзду великую» [1])... Этотъ мотивъ изрѣдка встрѣчается въ народныхъ духовныхъ стихахъ, напр. у Чуб., т. III, стр. 11.

Съ апокрифическимъ сказаніемъ о первомъ благовѣщеніи у колодца тѣсно связано апокрифическое сказаніе «о звѣздѣ, которую маетъ пр. Богородица на себѣ». Во время перваго благовѣщенія «звѣзда, пришедши къ неи, сѣла на головѣ еи, а потомъ зъ голови сѣла на правомъ плечи, а потомъ зъ праваго плеча изступила на лѣвое плече, а зъ лѣваго зышла снову на голову, а зъ головы уступила во уста и ту ся Пречистая наполнила радости великои и тогда во утробѣ своей зачала Сына Божія, и то та звѣзда пребывала въ Ней при отрочати, дондеже породила Христа». Далѣе говорится, что надъ колодцемъ, гдѣ произошло первое благовѣщеніе, построена «церковь великая, каменная, пречудная», и надъ ней дважды въ годъ всходитъ свѣтлая звѣзда, въ ночь Рождества Христова и на Благовѣщеніе пр. Богородицы. Звѣзда входитъ черезъ южное окно въ церковь, погружается въ колодезь и затѣмъ удаляется изъ церкви. Когда Спаситель родился, то звѣзда стала на головѣ пр. Богородицы и бросила свои лучи на Ея плечи. Послѣ воскресенія Спасителя пр. Богородица съ звѣздой на головѣ пришла къ Пилату. Пилатъ хотѣлъ взять звѣзду рукой; но рука его при этомъ оцѣпенѣла. Тогда Пилатъ увѣровалъ во Христа, вмѣстѣ съ своею женою и двумя сыновьями, и впослѣдствіи пострадалъ мученической смертью. При этомъ въ апокрифѣ находится любопытная фраза, что Пилатъ о своемъ обращеніи «пише широце въ житіи своемъ» [2]). Эпизодъ о Пилатѣ, заключающійся въ галицко-русскомъ апокрифѣ о звѣздѣ, представляетъ любопытное дополненіе къ апокрифическому «Посланію Пилата къ Тиверію», изданному А. Н. Пыпинымъ по рукописямъ XV—XVI в. [3]).

---

[1]) *Калитовскій*, Матер. до литер. апокр., стр. 14.

[2]) Тамъ-же, стр. 16.

[3]) *Пыпинъ*. Памят. стар. рус. лит., т. III, стр. 107—108, 103—104.

Апокрифическое сказаніе о звѣздѣ выросло, вѣроятно, изъ топографическихъ или живописныхъ традицій и комментаріевъ. Г. Елисѣевъ въ сочиненіи «Съ русскими паломниками на св. землѣ весною 1884 г.» говоритъ, что и въ настоящее время проводники сообщаютъ странникамъ много мѣстныхъ преданій и разсказовъ о палестинскихъ святыняхъ, и нѣтъ ничего удивительнаго, что въ эти разсказы вошелъ также колодезь, около котораго произошло первое благовѣщеніе, вошелъ, можетъ быть, еще въ старое время.

Изображеніе звѣзды надъ головой пр. Богородицы встрѣчается въ древнихъ памятникахъ христіанской живописи въ катакомбахъ [1]).

Въ апокрифѣ о звѣздѣ находится одинъ частный эпизодъ, составленный несомнѣнно подъ вліяніемъ иконописи: «Слыши пильно о тихъ звѣздахъ, которыя теперь видимо пишутся на шатѣ пр. Матки Божой. На Пречистой три звѣзды, яко на небѣ... Христосъ... лишилъ пресвятой матери своей таковые знаки предивные три, абы то знали, ижъ то Она есть Матка Божа и царица небесная и земная всего свѣта» [2]).

Южно-русскіе схоластическіе проповѣдники воспользовались апокрифомъ о звѣздѣ пр. Богородицы, такъ какъ апокрифъ этотъ какъ нельзя болѣе подходитъ подъ схоластическія «циркумстанціи» или «околичности» для расширенія проповѣди и какъ нельзя болѣе удовлетворялъ наклонности проповѣдниковъ XVII вѣка къ искусственнымъ сопоставленіямъ священныхъ лицъ съ предметами физическаго міра. Такъ Галятовскій цѣлую проповѣдь построилъ на перечисленіи тѣхъ звѣздъ, изъ которыхъ пр. Дѣва Марія сдѣлала себѣ корону [3]).

13.

Рождество Іисуса Христа.

А. Н. Пыпинъ въ III т. Памятн. стар. рус. литер. издалъ апокрифъ о Рождествѣ Іисуса Христа, по Румянцевскому Торжественнику конца XV ст. Въ началѣ апокрифа находится длинное разгла-

---

1) *Seemann*, Kunsthist. Bilderbogen, № 331.

2) *Калитовскій*, стр. 16.

3) *Галятовскій*, Ключъ Разумѣнія. Второе казане на Успеніе пр. Богородицы.

гольствованіе на тему: «Возсія, намъ днесь праведное солнце», затѣмъ слѣдуетъ пространное сравненіе пр. Богородицы съ Евой, краткое замѣчаніе о звѣздѣ и волхвахъ и многорѣчивое разсужденіе по поводу Рождества Христова, наконецъ, съ половины апокрифа говорится о Рождествѣ Христовѣ, путешествіи Іосифа съ Маріей въ Виѳлеемъ, вертепѣ, бабѣ Саломіи, волхвахъ и избіеніи младенцевъ.

Вторая часть апокрифа о Рождествѣ Іисуса Христа вошла въ старинное малорусское «Казаня на Рождество Христово», сохранившееся въ рукописномъ сборникѣ во Львовѣ въ библіотекѣ Оссолинскихъ и изданное въ 1884 г. г. Ом. Калитовскимъ. Сравнивая эго «Казаня» съ апокрифомъ, изд. Пыпинымъ, мы видимъ, что неизвѣстный проповѣдникъ приспособилъ апокрифъ къ понятіямъ своихъ слушателей, темное устранилъ, недостаточно ясное снабдилъ небольшими комментаріями, и все Казаня изложилъ довольно простымъ языкомъ. На этомъ Казаньѣ можно видѣть, какъ приспособлялось книжными людьми инородное и иноземное къ быту и понятіямъ роднаго народа, какъ націонализировались захожія повѣсти. Апокрифическія пѣсни могли возникнуть только изъ такого предварительнаго приспособленія книжныхъ сказаній къ южно-русской почвѣ.

«За панованя и за королевства Августа, кесаря благочестиваго и побожнаго, былъ розказъ по всей вселенной, абы было переписано царство его»—такъ начинается малорусская редакція апокрифа о Рождествѣ Спасителя, и затѣмъ слѣдуетъ сходный съ евангельскимъ текстомъ разсказъ о путешествіи Іосифа и пр. Маріи въ Виѳлеемъ. Въ этотъ разсказъ вставленъ слѣдующій эпизодъ: «А коли ишолъ дорогою, видѣлъ Іосифъ Марію: ово ся смѣе, ово плаче. И рече Іосифъ: «Маріе, что се чинишь... Рече ему Пречистая: о, Іосифе, вижу на свѣтѣ двое людеи; еднии ся смѣють, а другіе горко плачутъ; то и я, которые ся смѣютъ, и съ тыми ся смѣю и радую, а которые плачутъ, и я съ ними плачу и смучу ся» (Калит., стр. 12). Этотъ эпизодъ почти дословно повторяется въ апокрифѣ у Пыпина, т. III, стр. 78. Въ Казаньѣ только расширено немного объясненіе пр. Дѣвы, что она участвуетъ въ радостяхъ и горестяхъ людей.

Въ апокрифѣ говорится: «егда быша посреди пути идуща, и рече Марія Іосифу: «ссади мя съ осляти сего, яко сущее во мнѣ нудитъ мя, изыти хотя. И ссади ю Іосифъ». Въ Казаньѣ эго мѣсто

повторяется почти дословно, и затѣмъ слѣдуетъ любопытное добавленіе: Іосифъ помогъ пр. Дѣвѣ Маріи сойти на большой и плоскій камень, лежавшій на дорогѣ. Ноги пр. Богородицы погрузились въ камень, «яко у тѣсто; познालъ бо и камень безумный на себѣ Творца своего... И ту до днесь лежитъ той камень, а въ немъ стопи ногъ пр. Богородицы, и тамъ теперь опочивокъ страннымъ и изъ подъ того камня истекла керныця, пречудная, и вода ея есть бѣла, яко млеко, и сладка, яко медъ... и тутъ стоитъ церковь во имя ея святое» (Калит., стр. 12).

Въ апокрифѣ говорится только, что Іосифъ нашелъ вертепъ и ввелъ въ него пр. Богородицу (Пыпинъ, 78). Въ Казаньѣ это выраженіе снабжено комментаріемъ: «Ту увидѣла Пречистая вертепъ, погребъ или шопу, старое становиско нѣякоесь, гдѣ пастухи скотъ или овцы запирали. А въ томъ вертепѣ тогди не было ничего: только нѣкоторые пастухи виѳлеемскіе лишили при яслехъ вола и осла, а сами пошли за овечками въ поле». Когда родился Іисусъ, тогда «оубогая стайня внетъ ся наполнила предивнаго» (Калит., стр. 13).

Далѣе и въ апокрифѣ, и въ Казаньѣ слѣдуетъ разсказъ о бабкѣ Саломіи, явившейся въ вертепъ по зову ангела. Эпизодъ о томъ, почему отсохла у Саломіи рука и какимъ образомъ Саломія получила исцѣленіе, находящійся въ апокрифѣ, въ Казаньѣ не встрѣчается. Составитель Казанья, лице духовное, должно быть, счелъ этотъ эпизодъ неумѣстнымъ.

Извѣстно, что народъ обнаруживаетъ большую наклонность къ олицетворенію отвлеченныхъ понятій, силъ и явленій природы, болѣзней и даже большихъ праздниковъ. Олицетвореніе возникало не только въ связи съ обожествленіемъ предмета, какъ было въ древности, но и самостоятельно, изъ цѣлей лучшаго пониманія предмета, найболѣе полнаго и отчетливаго его представленія, для развлеченія и удовольствія, такъ какъ человѣкъ сочувственно можетъ отнестись къ внѣшнему міру, лишь приблизивъ его къ своей духовной личности. Въ кругъ малорусскихъ и бѣлорусскихъ народныхъ олицетвореній вошелъ праздникъ Рождества Христова, въ интересахъ найболѣе отчетливаго прославленія его въ ряду другихъ большихъ праздниковъ зимняго времени. Такъ, въ одной колядкѣ:

Да выросло дерево тонке да высоке,
А на тому древу да намалеваnó,

А намалевано а три святители:
Шо первый святитель—святе Рожество,
Другій святитель—то жъ святый Василій,
А третій святитель—то жъ Иванъ Христытель.
(Чуб., т. III, стр. 338).

Въ этихъ трехъ святителяхъ съ одной стороны выразились желаніе народа прославить сразу три крупныхъ зимнихъ праздника, а съ другой стороны выразился излюбленный народно-поэтическій пріемъ троенія мысли или предмета.

Весьма своеобразное олицетвореніе Рождества обнаруживается въ слѣдующей колядкѣ:

А вси святыи ослономъ сили;
Тилько нема святого Риздва.
Рече Господь святому Петру:
«Петре, Петре, послуго моя,
Пиди, принеси святее Риздво!»
Не выйшовъ Петро якъ пивъ дороги,
Здыбало Петра чудо чудное,
Чудо чудное, вогнемъ страшное!
Петро жахнувся, назадъ вернувся,
Рече Господь до святого Петра:
«Ой Петре, Петре, послуго моя,
Чомъ ты не принисъ святее Риздво?»
«Ой здыбало мене чудо чудное»...
«Ой, не есть то, Петре, нияке чудо,
А то есть святе Риздво;
Було его взяти, Петре, на руки,
Сюды принести, на стилъ покласти;
Зрадовались бы вси святыи,
Що передъ ними Риздво сило».
(Чуб., т. III, стр. 351).

Можетъ быть подъ «чудомъ чуднымъ» колядки скрывается древнее языческое божество, въ другихъ случаяхъ скрывающееся подъ словомъ Крачунъ, Керечунъ, Карачунъ, причемъ самое слово Крачунъ или Керечунъ, вѣроятно, румынскаго происхожденія [1]).

[1]) См. ст. *Шухардта*, въ „Archiv'ѣ Ягича" 1886 г., т. III, стр. 526.

Евангельское повѣствованіе о Рождествѣ Спасителя (отъ Луки гл. 2) отличается краткостью. Апокрифическіи сказанія даютъ дополнительныя черты, почти всецѣло вошедшія въ народную поэзію, преимущественно колядки и щедривки. Уже на древне-христіанскихъ саркофагахъ являются оселъ и быкъ при Рождествѣ Христовѣ. Къ IX вѣку на востокѣ и западѣ пользуется огромною популярностью форма изображенія Р. Х., гдѣ главныя дѣйствующія лица изображены такимъ образомъ: въ горѣ пещера, въ пещерѣ ясли, въ которыхъ лежитъ Христосъ: надъ Нимъ головы осла и быка. Богоматерь лежитъ на одрѣ, лицемъ къ зрителю. Іосифъ сидитъ внизу въ раздумьѣ, либо грусти, или же въ дремотѣ [1]). Извѣстно, какъ традиціонные оселъ и быкъ послужили великимъ италіанскимъ художникамъ, напр., Корреджіо. Въ Чети-Минеяхъ Димитрія Ростовскаго говорится, что къ яслямъ привязаны были волъ и оселъ. Ихъ привелъ Іосифъ изъ Назарета. На ослѣ ѣхала пресвятая Дѣва, а вола Іосифъ привелъ на продажу, чтобы было чѣмъ уплатить царскую подать и содержать себя въ Виѳлеемѣ и въ дорогѣ. Сіи то безсловесныя животныя, стоя при ясляхъ, дыханіемъ своимъ согрѣвали Младенца отъ зимней стужи и такимъ образомъ служили Владыкѣ и Творцу своему. Этотъ разсказъ изъ Чети-Миней проникъ въ народъ и произвелъ сильное впечатлѣніе на народную мысль, такъ что въ духовныхъ стихахъ и легендахъ малорусскаго народа онъ передается почти съ дословною вѣрностью. Такъ, въ одномъ разсказѣ, записанномъ въ подольской губерніи говорится: «Ото якъ находився Господь та лежавъ у ясляхъ, то вилъ не нарушавъ зъ яселъ жадного стебла, а ще дыхавъ и загривавъ Бога... Ото жъ то Божа Мати и сказала: «будешь же ты, добрый воле, завсегда въ Бога сытый» (Драг., стр. 109). Въ литинскомъ уѣздѣ записано повѣрье, что волы и ослы благословенны Богомъ за то, что укрывали Спасителя въ ясляхъ соломой и согрѣвали Его (Чуб. т. I, втр. 48). Отсюда произошло повѣрье, что рогатый скотъ наканунѣ Р. Х. получаетъ способность говорить человѣческимъ голосомъ (Ibid., стр. 48). Колядка, записанная въ бердичевскомъ уѣздѣ и вошедшая въ III т. «Трудовъ» Чубинскаго, стр.

---

[1]) *Кирпичниковъ*, Миніатюры часослововъ, въ „Худож. Новост.“, 1883 г., № 16.

340—341, представляетъ любопытный образчикъ стихотворной передѣлки чети-минейнаго сказанія:

Скинія вся златая—
Ковчегъ завита,
Выдить днесь Марія
Сына повита.
Радуйся Марія!
Волъ и оселъ, дышуще,
Хвалы воздаютъ,
Озябшого въ ясляхъ
Парою гріють...

Сравненіе Богоматери съ кивотомъ завѣта также взято изъ Чети-Миней. Здѣсь говорится о Кивотѣ въ святая святыхъ іерусалимскаго храма, какъ о прообразѣ Маріи Дѣвы. Такимъ образомъ первыя четыре строки составлены на основаніи одного чети-минейнаго сравненія подъ 21 ноября; слѣдующія затѣмъ пять строкъ изъ чети-минейнаго сказанія о Р. Х. подъ 25 декабря, а остальная часть колядки о поклоненіи волхвовъ, нами опущенная, составлена также на основяніи чети-минейнаго сказанія о Рождествѣ Спасителя. Изъ этого примѣра достаточно ясно видно, какое важное значеніе имѣли Чети-Минеи на возникновеніе и развитіе малорусскихъ колядокъ духовнаго содержанія.

Чети-Минейное сказаніе о присутствіи вола и осла при Р. Х. въ малорусскихъ колядкахъ встрѣчается въ разныхъ пересказахъ, иногда довольно курьезныхъ, напримѣръ:

Да зъихалось да три волы,
Да три волы, три буйвалы,
Ой стали вони да чмохати, гадати,
Чимъ сее дзецько даровати:
Одинъ даруе мvромъ, кадиломъ,
Другій даруе золоту квиточку.
(Чуб. т. III, стр. 355).

Отъ апокрифнаго вола при Р. Хр. произошелъ часто встрѣчающійся въ колядкахъ мотивъ:

Озьму вола за ригъ,
Та выведу на муригъ,
Та выкручу ему ригъ.

Такъ какъ рождественскіе праздники—время веселья и самыя колядки служитъ нынѣ для увеселенія, то въ нѣкоторыя духовныя колядки проникъ праздничный разгулъ и вольность въ выраженіи религіозныхъ чувствъ, напр., въ колядки, находящіяся въ «Трудахъ» Чубинскаго, т. III, стр. 376, 377, «коло яселъ старый Осипъ оберемкомъ сино носыть». Нужно впрочемъ сказать, что духовныхъ пѣсенъ съ ироническимъ отношеніемъ къ священнымъ лицамъ и событіямъ весьма мало. Въ нѣкоторыхъ колядкахъ волы при ясляхъ считаются ангельскими превращеніями или прямо замѣняются ангелами, напр.: «надъ яслами волы стояли; то жъ не волы, то два янголы» (Чуб., т. III, стр. 323). Огромное большинство колядокъ создано съ цѣлью:

Навчить диты малии
Книги читати, въ церковь ходити,
Святе Рожество праздникомъ чтити,
Батька, матинку вирне любити.
(Чуб., т. III, стр. 385).

Въ связи съ апокрифическими сказаніями о Р. Х. находится одинъ небольшой эпизодъ въ повѣсти Г. Ѳ. Квитки «Панна Сотниковна». Въ святъ-вечеръ панъ сотникъ любовно объясняетъ своему сыну, что кутью и узваръ въ это время ѣдятъ на сѣнѣ, т. е. положивъ на столъ сѣно, въ воспоминаніе того, что Іисусъ родился въ ясляхъ на сѣнѣ.

На западѣ подъ вліяніемъ религіознаго сантиментализма уже въ средніе вѣка развились литературныя и художественныя формы обожанія Христа Маріей Дѣвой и Іосифомъ. Марія стоитъ передъ Христомъ на колѣняхъ—таково обычное изображеніе на старинныхъ картинахъ и на миніатюрахъ [1]). Этотъ элементъ обожанія Христа Матерью проникъ въ Чети-Минеи, а отсюда въ малорусскіе духовные стихи, напр.:

А пресвятая Дѣва Марія едына,
А просила ласки у свого сына.
(Чуб., т. III, стр. 348).

Въ евангеліи отъ Луки гл. 2 кратко говорится, что пресвятая Дѣва Марія «*роди сына своего первенца и повитъ его и положи*

---

[1]) *Кирпичниковъ*, въ „Худож. Листкѣ“ 1883 г., № 16.

его въ яслехъ». Въ Чети-Минеяхъ говорится, что пр. Дѣва обвила сладчайшаго своего Сына бѣлыми, чистыми, тонкими пеленами, еще прежде приготовленными ею въ Назаретѣ. Въ малорусскихъ колядкахъ это перифразируется слѣд. словами:

А биленькіи пелюшечки сповивала,
А зъ девятого шовку сповивачикъ сукала,
А зъ сребла-злата приголовочокъ прикладала.
(Чуб., т. III, стр. 324).

Мале дитя на престоли положила,
Надъ тымъ дитямъ три свички засвитыла (Ibid., стр. 325).

Тамъ Пречиста у крижмове сповила,
А сповивши въ василечки вложила (Ibid., стр. 327).

Поэтическимъ распространеніемъ этого мотива являются колядки, въ которыхъ Богородица бѣлитъ ризы на Дунаѣ; вѣтеръ уноситъ ихъ подъ небеса, а тамъ принялъ ихъ самъ Господь (Чуб., т. III, стр. 329; Голов., т. II, стр. 90).

14

Поклоненіе волхвовъ.

Въ галицко-русскомъ рукописномъ сборникѣ апокрифическихъ статей, въ Казаньѣ на Рождество Христово, находится пространное сказаніе о поклоненіи волхвовъ. Пророкъ Валаамъ оставилъ свои пророческія книги тремъ персидскимъ царевичамъ, которые учились у него звѣздочетству, и просилъ ихъ слѣдить за появленіемъ на небѣ «звѣзды отъ Іакова», упоминаемой въ Библіи. Царевичи, по именамъ Кашперъ, Еліамъ и Еликуръ, потомъ счастливо управляли Персіей.... «Единои нощи, гди онии три цари, читаючи книги..... издремали ся и, не угашаючи свѣчи, приснули мало, и видѣли во снѣ, якобы стоятъ усѣ три у божници своеи передъ своею богинею Уріею, и здалося имъ, яко бы пришла звѣзда барзо великая, и чудная, и пресвѣтлая вельми и уишла у божницу ихъ окномъ полунощнымъ и освѣтила всю божницу, яко слонце, и походила довго по божници и по всѣхъ богиняхъ, и пришла до старшеи ихъ богини Уріи и сѣла на головѣ», потомъ перешла на правое плечо, затѣмъ на лѣвое, снова поднялась

на голову и вошла во уста, побывши не долгое время въ Уріи, звѣзда вышла изъ капища южнымъ окномъ. Всѣ идолы при этомъ упали и разсыпались въ прахъ, и осталась одна Урія. Посовѣтовавшись другъ съ другомъ и съ главнымъ жрецомъ, они отправились на поклоненіе божественному Младенцу въ Виѳлеемъ[1]).

Все это сказаніе объ Уріи и персидскихъ царяхъ построено на апокрифическомъ сказаніи Афродитіана, которое издано Н. С. Тихонравовымъ и А. Н. Пыпинымъ по рукописямъ XIII вѣка. Въ древней Россіи сказаніе Афродитіана пользовалось значительной популярностью, и Максимъ Грекъ написалъ противъ него обличительное слово. Въ сказаніи Афродитіана говорится объ Ирѣ=Ураніи=Маріи и паденіи идоловъ во время Рождества Христова. Разница между этимъ апокрифомъ и сходнымъ съ нимъ Казаньемъ состоитъ въ собственныхъ именахъ. Въ Казаньѣ нѣтъ ни Афродитіана, ни имени жреца Прупа, но за то поименовываются цари, чего нѣтъ въ апокрифѣ. Въ апокрифѣ является одинъ царь; онъ посылаетъ волхвовъ. Въ Казаньѣ видвинута подробность о явленіи звѣзды. Вообще, Казанье опирается на редакцію Сказанія Афродитіана, отличную отъ извѣстной по изданіямъ Пыпина и Тихонравова.

О поклоненіи волхвовъ говорится во многихъ колядкахъ, причемъ обнаруживаются черты сходства колядокъ этого рода съ апокрифическимъ Казаньемъ львовскаго рукописнаго сборника. Въ колядкахъ обычно выраженіе «три цари прийшло» (Чуб., т. III., стр. 324 и др.); иногда встрѣчаются вмѣсто царей три ангела и даже три вола. Цари дарятъ Іисусу «мvро, кадило и цвѣтокъ» (ib., стр. 324) или «ливанъ, смирамъ и злато» (стр.327).

15.

Избіеніе младенцевъ.

Въ галицко-русскомъ рукописномъ сборникѣ апокрифическихъ сказаній встрѣчается любопытное Казанье на Соборъ пр. Богородицы. Здѣсь говорится объ избіеніи младенцевъ, притомъ въ формѣ почти пѣсенной, съ ясными чертами стихотворнаго склада. Въ дѣйствительности здѣсь мы имѣемъ духовную пѣсню, напоми-

---

[1]) *Калитовскій*, стр. 9—22.

нающую въ отдѣльныхъ выраженіяхъ народныя эпическія пѣсни. «Скоро жолнѣре Иродови увойшли у Виѳлеемскій повѣтъ, заразъ почали чинити по малыхъ диточкахъ невинныхъ отвѣтъ. Отъ персій матернихъ отрывали да погубляли и розмаитыи имъ смерти завдавали. Иныхъ коньми топтали по улицахъ, иныхъ за волосы брали, о каменя разбивали, иныхъ за ножки брали и на двое раздирали, иныхъ острыми сулицами скрузъ пробивали, иныхъ на огенъ метали, иныхъ дымомъ заперши душили, иныхъ на дворахъ ихъ на коли истыкали, иныхъ у воду метали, иныхъ на поли псеисами разтесовали, иныхъ у хвостовъ конскихъ увязавши волочили, иныхъ истинали мечомъ, не маючи милости, а дѣточки, яко немовлятка будучи, того не знаютъ, они донѣмаютъ, ижъ то зъ ними жарты маютъ, за мечъ ручками сягаютъ, подъ мечъ головки свои хилятъ, а они окаянные головки имъ истинаютъ. Инымъ ручки и ножки отнявши передъ отци и матки розметаютъ; иныхъ истыкали на копія. На конецъ не еденъ тамъ по сыну заплакалъ отецъ и мати по своему милому дитяти. Отци бѣдные и матери смутнія до ногъ жолнѣромъ упадаютъ, слезами своими ноги ихъ обливаютъ, дорогіе имъ подарунки даютъ, скарби своя имъ отворяютъ, о змилованю дѣточекъ своихъ просятъ. Иніе же сами голови свои надъ диточками своими подъ мечи остріи подкладаютъ, абы то не видѣли такои окрутнои смерти дѣточекъ своихъ милыхъ. Але они окрутники на то ничего не дбаютъ, але еще горшими ся ставаютъ, немилостиве дѣточокъ малихъ погубляють, яко чистую пшеницу пожинають. Тамъ кровь по всѣхъ улицахъ, яко потеки, текла, быстрыми струмени плынула, гды жъ бо тамъ жадного двора бѣда не минула..... Отцы бѣдніи и матки до Бога волаютъ, въ небо руки поднимаютъ, о землю персями ударяютъ, голосомъ жалоснымъ горько волаютъ: о небо и земле, чому насъ не покрыешъ и чому насъ бѣдныхъ не ратуешь съ нашими дѣточками, чомъ насъ не укрыешь, абисмо не были мордованы тыми то окрутными Иродовыми слугами. Въ смутку и горести кождого дѣтятка говорила матка: о дѣточки наши милые, волѣли бы смо васъ на свѣтъ не родити, нижли на васъ теперь такую окрутную смерть видѣти..... О безбожный кролю Ироде, за тіи то маліи дѣточки запевне будешь у пеклѣ сидѣти. И такъ на него отъ Бога помста испала, ижъ его живого на маестатѣ кралевскомъ черви росточали, только що хробори (хворобы) зостали,

а дьяволи душу его до пекла позвали, а дѣточки царства небеснаго себѣ достали. Богу же нашему слава во вѣки вѣковъ. Аминь» [1]).

Въ этомъ сказаніи-пѣснѣ прежде всего обращаетъ вниманіе задушевность, мягкость и нѣжность чувства, мѣстами переходящая даже въ сентиментальность; эти черты сказанія выражаютъ мягкость и нѣжность чувствъ малорусскаго народа, такъ какъ подтверждаются другими памятниками народной поэзіи и новой малорусской литературой. Далѣе заслуживаютъ вниманія эпическія черты сказанія, доказывающія сильное вліяніе народнаго эпоса на приспособлявшіеся къ народному пониманію апокрифы. Нѣкоторыя преступленія слугъ Ирода напоминаютъ преступленія Алексѣя Поповича въ думѣ про бурю на Черномъ морѣ, напримѣръ, топтаніе конемъ дѣтей. Горе родителей обрисовано чертами, сходными съ тѣми, которыя находятся въ невольницкихъ думахъ. Наконецъ, въ этомъ сказаніи отразились, повидимому, кое-какія бытовыя черты, напримѣръ, извѣстныя въ XV—XVII ст. способы пытки и казни и воспоминанія о случаяхъ избіенія дѣтей татарами и поляками.

Въ колядкахъ избіеніе младенцевъ упоминается какъ бы мимоходомъ, коротко и безцвѣтно. Иродъ приказалъ своимъ «жовнирамъ землю сплендрувати» (Чуб., т. III, стр. 328). Здѣсь нужно еще отмѣтить встрѣчающееся въ колядкахъ и народныхъ разсказахъ сказаніе о томъ, что посланные въ погоню за св. семействомъ воины Ирода возвратились въ Іерусалимъ, послѣ того какъ узнали, что пр. Богородица прошла, когда мужикъ сѣялъ, причемъ видѣли хлѣбъ уже созрѣвшій. Они не знали, что пшеница выросла и созрѣла быстро, по повелѣнію Бога. Въ древнихъ апокрифахъ о пр. Богородицѣ нѣтъ этого разсказа. Настоящее его мѣсто въ апокрифахъ о хожденіи Іисуса Христа съ апостолами по землѣ.

Къ апокрифамъ объ избіеніи младенцевъ и бѣгствѣ пр. Богородицы въ Египетъ примыкаютъ большія колядки о томъ, какъ жиды Христа искали. Жиды спрашиваютъ пр. Богородицу, гдѣ она скрыла Христа. Пр. Богородица отвѣчаетъ, что спрятала Спасителя въ лѣсу, а потомъ, на новые о томъ же вопросы говоритъ, что спрятала въ травѣ, высокихъ горахъ, глубокихъ

---

[1]) *Калитовскій*, стр. 22—25.

рѣкахъ, и наконецъ, что Спаситель взошелъ на небеса (Голов., т. II, стр. 25, 26; Чуб., т. III, стр. 343).

16.

Крещеніе Спасителя.

Въ Казаньѣ на Богоявленіе Господне, находящемся во львовскомъ рукописномъ сборникѣ, крещеніе Іисуса Христа находится въ связи съ апокрифомъ о рукописаніи Адама и семи змѣиныхъ головахъ на лицѣ Каина. Взявъ отъ Адама обязательство принадлежать царству дьявола, дьяволъ снялъ змѣй съ лица Каина и спряталъ рукописаніе и змѣиныя головы на днѣ Іордана въ камнѣ. Во время крещенія Спаситель уничтожилъ змѣиныя головы. Слѣды этого сказанія отразились уже въ греческихъ церковныхъ пѣснопѣніяхъ восьмаго вѣка и въ греческой церковной живописи. Такъ у св. Козьмы Маюмскаго Іисусъ Христосъ, во время крещенія, «зміевъ главы гнѣздящихся сокрушаетъ»; у Іоанна Дамаскина: «Опали струею зміевы главы». Дидронъ въ сочиненіи о христіанской иконографіи говоритъ, что видѣлъ изображеніе этого апокрифическаго мотива до 20 разъ на греческихъ мозаикахъ и фрескахъ [1]).

Въ колядкахъ и щедривкахъ крещеніе Спасителя понято, какъ совершенное надъ младецемъ Іисусомъ. Пр. Богородица купаетъ и креститъ Іисуса, пеленаетъ его въ шелковыя пеленки, моетъ ихъ на тихомъ Дунаѣ и даетъ новорожденному имя. Въ галицко-русскихъ и малорусскихъ колядкахъ (у Головацкаго, т. II, стр. 12, 27; Чуб., т. III, стр. 333—335) къ пр. Дѣвѣ Маріи приходятъ 40 ангеловъ и 12 священниковъ. Они отнесли Младенца на Іорданъ, окрестили его и стали:

> Книги читати, имья глядати
> Сына Божого, а найвысшого.
> «Именуймо го та святымъ Петромъ»;
> Божа Мати то не злюбила.
> «Именуймо го та святымъ Павломъ»;
> Божа Мати то не злюбила,
> То не злюбила, не довволила.
> «Именуймо го Паномъ небеснымъ»;

---

[1]) *Порфирьевъ*, Апокр. сказ. по рукоп. Солов. библ., стр. 42.

Божа Мати то излюбила,
То излюбила и дозволила,
То дозволила и благословила.

17.

Сонъ пресв. Богородицы.

Апокрифъ этотъ, какъ извѣстно, вошелъ глубоко въ народную словесность. Издано много народныхъ сказаній и пѣсенъ о томъ, что пр. Богородица изъ пророческаго сна узнала о страданіяхъ и крестной смерти Спасителя. Въ V выпускѣ «Калѣкъ перехожихъ» находимъ 27 прозаическихъ и стихотворныхъ пересказовъ сна. Сонъ состоитъ изъ двухъ частей: 1) описаніе самаго сна и объясненіе къ нему Спасителя и 2) заговорное значеніе сна, или объясненіе того, какая польза носить его на шеѣ въ ладонкѣ или хранить дома. Вторая часть входитъ въ разрядъ ложныхъ молитвъ. Величина составныхъ частей сна въ разныхъ пѣсняхъ различна.

Въ лѣтописцѣ Ерлича подъ 1660 г. записано два любопытныхъ апокрифическихъ памятника: Сонъ Богородицы и Листъ Іисуса, съ разными нравственными наставленіями, посланный будто бы съ неба папѣ Льву и найденный въ британской землѣ, на Оливной горѣ [1]). Оба памятника встрѣчаются и въ настоящее время иногда вмѣстѣ, но большею частью отдѣльно, какъ два разныя апокрифа, сонъ Богородицы и эпистолія о недѣлѣ. У Ерлича говорится: «Zasnęła była przenajświętsza Panna Bogarodzica w Brytanii na górze Oliwnéj i przyszedł do nej Pan Crystus Jezus syn onéj najmiliszy i mówi: Matka moja najmilsza, spisz li albo li słyszysz? I mówi: spałam, alem się ocznęła i snił mi się dziwny sen o Tobie: widzjałam cię w ogrojcu pojmanego i związanego przed Annasza, Kaifasza, Piłata, Heroda przywedzionego, u słupa prziwązanego, z twej świętej głowy krew strumieniami płynęła, a twoje przenajświętsze ciało, jak skorupa się padało». Далѣе, Спаситель въ короткихъ словахъ объясняетъ, что кто будетъ носить этотъ листъ (подразумѣвается списокъ сна) съ собою, тотъ получитъ вѣчное спасеніе. Въ концѣ апокрифа находится помѣтка пе-

---

[1]) *Пыпинъ*, Памятн. стар. рус. лит., т. III, стр. 128.

реписчика апокрифа: **Pisano ten sen albo list pod rokiem 1546, miesiąca Augusta 25 dnia.** Весьма близкій, мѣстами тождественный пересказъ этого сна напечатанъ въ «Малор. народ. преданіяхъ» Драгоманова стр. 167—168. Обѣ части апокрифа одинаково кратки. Въ сборникѣ малорусскихъ пѣсенъ И. И. Манжуры, принадлежащемъ харьковскому историко-филологическому обществу, находится пространная пѣсня о снѣ пр. Богородицы. Мы приводимъ ее здѣсь цѣликомъ, какъ любопытную относительно содержанія и внѣшней формы.

Ой сонъ Богородыци явився!
Сила мати, Марія пресвятая,
Та вечеряти—мало припочивала.
Ой много мени во сни сновъ явилося:
Ой якъ я тебе, чадо мое, родила,
А во гради Вихліеми,
На святій гори, у вертепи,
Пеленами я тебе спеленала,
И въ поясъ твій ликъ завивала.
А во гради Іерусалыми—
На святій на ричци, на Ордани,
Выростало тамъ древо кипариснене,
На томъ древи на кипарыси
Пречуденъ той хрестъ самъ явився.
Прорикся Христосъ, царъ небесный.
Сьвитъ Мати, Марія пресвятая!
Я и самъ той сонъ знаю,
Шо буть мени на хрести роспьяту,
А вбитому, скровавленному,
Винець на главу возложенному,
Тростію по глави біенному,
А въ ребра копіемъ пробитому,
А мою святу кровъ пролитую.
И рече Марія ко Иісусу:
Сьвитъ мій, чадо возлюбленнее!
На кого ты мене, Диву, покидаешъ,
Кому пресвятую іручаешъ?
И рече Иісусъ Христосъ ко Маріи:

Сьвитъ Мати, Марія пресвятая!
Я одинъ въ тебе, Диво,
Споручаю на святого Ивана Богослова,
А на друга на Христова,
Нарикаю ёго, Мати, сыномъ.
Сожди-жъ, Мати, малое времья,
Якъ съ хреста мое тило здіймуть,
Я во плащаныцю облечуся,
И въ гробныцю положуся,
И погребенъ за всихъ буду,
Въ той часъ, моя Мати, животъ вічный
Дамъ я вирнымъ для спасения,
А безвирнымъ вичнюю муку.
А во третій день воскресну,
И на небеса вознесуся,
И на земли зновъ явлюся,
Живыхъ мертвыхъ судити.
А якъ прійде на Тебе смертна година,
Погребу твои мощи со святыми,
Во славному гради въ Іерусалыми,
Въ святій Божій церкви за престоломъ.
А погребши къ мощамъ преклонюся,
Преклонившись роспрощуся.
Скоро зъ мертвыхъ тебе воскрешаю,
Самъ же твою душу пріймаю,
Посажу тебе для вичного покою
Въ небесному царстви съ собою,
Де анголивъ лики ликують,
Трепещуть небесныя силы,
Съ трепетомъ стоять предъ престоломъ.
Сьвитъ Мати, Марія пресвятая!
Напишу я ликъ твій на икони,
Поставлю ёго на Божому престоли,
Тебе Мати будуть величати,
Во Христи Бога прославляти.
Хто сей сонъ, Мати, перейме,
Избавленъ буде отъ вичнои муки.

Хто сей стихъ Божій перепомне,
Достоинъ небеснаго царствія.
На стихи поюще: Аллилуя,
Слава тоби Христе Боже нашъ! [1]).

18.

Общеніе Іисуса Христа съ народомъ.

Въ романѣ Ѳ. М. Достоевскаго «Братья Карамазовы», въ превосходной главѣ «Великій инквизиторъ», Спаситель является среди бѣдствующаго народа въ Испаніи, въ самое страшное время инквизиціи, и народъ стремится къ Нему, слѣдуетъ за Нимъ. Спаситель молча проходитъ среди народной толпы съ тихою улыбкою безконечнаго состраданія. Солнце любви горитъ въ Его сердцѣ; лучи свѣта, знанія и силы текутъ изъ очей Его и, изливаясь на людей, сотрясаютъ ихъ сердца отвѣтною любовью. Онъ простираетъ къ людямъ руки, благословляетъ ихъ, исцѣляетъ отъ недуговъ. Эта прекрасная страница въ романѣ Достоевскаго не стоитъ одиноко въ исторіи литературы. Сходные разсказы встрѣчаются у разныхъ народовъ: великоруссовъ, малоруссовъ, поляковъ, въ деревенской глуши, среди крестьянъ. Поэтическіе разсказы о томъ, какъ Христосъ ходилъ по землѣ, входилъ въ общеніе съ простымъ народомъ, облегчалъ его физическія и духовныя боли, варьируются у разныхъ народовъ согласно съ степенью ихъ нравственнаго развитія, повсемѣстно удовлетворяя идеальнымъ стремленіямъ народа къ добру и правдѣ.

Разсказы о хожденіи Спасителя по землѣ и общеніи съ народомъ тѣсно связаны съ апокрифическими обходами апостольскими. Почти всегда спутникомъ Спасителя является ап. Петръ, иногда Богородица, иногда св. Николай. Въ настоящее время мы будемъ говорить лишь о хожденіи Іисуса Христа, отдѣльно отъ ап. Петра и св. Николая.

Христосъ большею частью принимаетъ на себя видъ нищаго старика, ходитъ по деревнямъ и испытываетъ людей. Онъ терпѣливо сноситъ ошибки и грубыя выходки людей и своими чудесами направляетъ ихъ на путь истинный. Въ одной великорусской легендѣ Христосъ обратилъ богатаго и немилостиваго мужика въ коня

---

[1]) Этотъ духовный стихъ записанъ въ Люботинѣ, валковскаго уѣзда.

и отдалъ доброму бѣдняку. «Отношенія бѣдныхъ и богатыхъ составляютъ очень обыкновенный мотивъ подобныхъ легендъ; это обстоятельство прежде всего бываетъ на виду у простолюдина и легенда утѣшаетъ его тѣмъ, что добрый бѣднякъ въ заключеніе всегда бываетъ вознагражденъ» [1]). Спаситель иногда будто ошибается въ раздачѣ земныхъ благъ, посылаетъ сокровища богачу, прибавляетъ новыя нужды неимущему, но въ концѣ концовъ открываетъ сомнѣвающимся въ Его правосудіи, насколько кратковременны и призрачны были земныя блага злаго сравнительно съ той наградой, которую добрый бѣднякъ получаетъ впослѣдствіи на землѣ, при жизни, и на небѣ, послѣ смерти. Г. Пыпинъ указалъ на преобладающую въ легендахъ мысль, что выступающія въ нихъ со стороны Бога или ангела несправедливости оказываются потомъ необходимыми по разсчетамъ высшей справедливости. Такой мотивъ встрѣчается въ легендахъ великорусскихъ (Сборн. Аѳанасьева 1860 г.), малорусскихъ (у Драг., стр. 110—119), польскихъ (особенно выдается легенда въ «Lud-ѣ» Кольберга, т. VIII, стр. 92), Римскихъ Дѣяніяхъ.

Насколько близко Спаситель стоитъ къ народу въ легендахъ, можно видѣть въ слѣдующемъ эпизодѣ одного малорусскаго разсказа объ адскихъ мукахъ и райскомъ блаженствѣ. Одинъ добрый мужикъ ежедневно давалъ бѣднымъ милостыню. Въ Свѣтлый праздникъ онъ вышелъ на большую дорогу, чтобы пригласить какого-нибудь прохожаго бѣдняка разговѣться. «Тилько що вийшовъ винъ на шляхъ, ажъ иде чоловикъ въ биленькій свитци, въ чоботяхъ, въ шапочци и зъ палычкою. А це бувъ самъ Спасытель, Христосъ воскресшій. «Куды ты йдешь, Божій чоловиче?»—«Та йду, чи не покличе хто мене розгивляться», каже Спасытель.—«А я того и шукаю», сказавъ Васыль... Отъ вони пришли до дому, да и сили за стилъ розгивляться... Розговившись, Спасытель и каже Василеви: «отъ я у тебе, брате, розговився, такъ пріиди жъ и ты до мене въ гости; я тоби оддякую за хлибъ, за силь» [2]).

Съ апокрифомъ о хожденіи Спасителя по землѣ связано много народныхъ разсказовъ разнообразнаго содержанія, напр., разсказъ о происхожденіи свиньи изъ жидовки (Чуб. т. I, стр. 49; Драг. 4),

---

[1]) *Пыпинъ,* Рус. народ. легенды, стр. 84.

[2]) *Филологич. Записки* 1870 г., т. IV, стр. 2.

разсказъ о происхожденіи медвѣдя изъ мельника, надѣвшаго кожухъ мѣхомъ наверхъ, съ цѣлью испугать проходившаго черезъ гать Спасителя (Чуб. I, 50; Драг. 5), разсказъ о хлѣбномъ колосѣ, который при Спасителѣ шелъ отъ самой земли (Драг. 14), разсказъ о томъ, какъ Богъ научилъ жену мужика прясть (Драг. 125), разсказъ о птицѣ кони (milvus), о происхожденіе скоекъ (рѣчныя молюски) (Драг. 386) и мн. др. Въ разсказѣ «Спасъ и оводы» (Др. 129) выступаетъ олицетвореніе праздника Преображенія Господня, по народной пословицѣ, «прійде Спасъ,—держи рукавички про запасъ».

Въ древнихъ рукописныхъ индексахъ апокрифическихъ книгъ встрѣчается уже указаніе на апокрифическое сказаніе о томъ, «что Христосъ плугомъ оралъ». Сказаніе это, повидимому, возникло въ древнее время въ Болгаріи и принадлежитъ къ числу «болгарскихъ басенъ». Оно извѣстно было не только русскимъ, но также сербамъ и хорватамъ. Ягичъ нашелъ этотъ апокрифъ въ сербо-хорватской письменности и напечаталъ его въ Archiv za pov. jugosl. 1868 г. по кирилловской рукописи 1520 г. Въ южную Русь сказаніе это, нужно думать, проникло въ глубокой древности; оно вошло въ народную поэзію, въ пѣсни найболѣе древнія, именно, колядки и щедривки и выразилось здѣсь въ формѣ вполнѣ народной. Такъ, въ галицко-русской колядкѣ:

Эй въ полѣ, въ полѣ, въ чистейкомъ полѣ,
Тамъ же мій золотый плужокъ,
А за тымъ плужкомъ ходитъ самъ Господь,
Ему поганяетъ та святый Петро,
Матинка Божа насѣнѣчко носитъ,
Насѣнья носитъ, Пана Бога проситъ:
«Зароди, Божейку, яру пшеничейку,
Яру пшеничейку и ярейке житце!»

Этотъ мотивъ повторяется въ нѣкоторыхъ заклинаніяхъ (Чуб. т. I, стр. 85) и во многихъ колядкахъ (Голов. т. II, стр. 8, 14, 15, 16, 17) съ незначительными измѣненіями. Нѣтъ надобности предполагать въ основаніи этого пѣсеннаго мотива первоначальный образъ языческаго божества, покровителя земледѣлія. Колядки такого содержанія могли возникнуть исключительно на почвѣ апокрифа о

хожденіи Спасителя по землѣ и Его участіи въ земледѣльческихъ работахъ.

Тотъ же самый мотивъ повторяется въ одной галицкой царинной пѣснѣ. Парубки и дѣвушки, поднимаясь во время праздничной игры на гору, поютъ:

Эй, горе, горе, самъ тя Богъ оре;
Божа Матинка насиння носыть (Гол. т. II, стр. 245).

Божія Матерь при этомъ проситъ Іисуса Христа, чтобы уродились пшеница, виноградъ и ладанъ; пшеница на просфоры, вино для причащенія, ладонъ для кажденія.

Спаситель освящаетъ поле своимъ трудомъ, а жилище крестьянина своимъ личнымъ посѣщеніемъ, причемъ домохозяинъ угощаетъ Іисуса и святыхъ его спутниковъ, чѣмъ Богъ послалъ. Такъ, въ одной колядкѣ домохозяинъ

Посадивъ Бога посередъ стола,
Святу Пречисту при другимъ столи,
Усихъ святыхъ навколо неи;
Прыймае Бога зеленымъ виномъ,
Святу Пречисту солодкимъ медомъ,
Усихъ святыхъ шумновъ горѣлковъ.
(Голов. т. II, стр. 31).

19.

Объ іерействѣ Іисуса Христа.

Въ древней болгарской, сербо-хорватской и русской письменности были распространены апокрифы объ іерействѣ Іисуса Христа, или, какъ выражаются индексы отреченныхъ книгъ, о томъ, какъ Христа въ попы ставили. Во II т. «Памятниковъ отреченной литературы» Тихонравова приведено двѣ редакціи этого апокрифа, одна полная изъ сербской рукописи XV в., другая краткая изъ «Іерусалимскаго Путника», написаннаго въ 1590 г. Даніиломъ, архимандритомъ Корсунскаго монастыря въ Бѣлой Россіи, по списку 1747 г., принадлежащему Троицко-Сергіевской лаврѣ. Содержаніе апокрифовъ объ іерействѣ Іисуса Христа въ короткихъ словахъ состоитъ въ слѣдующемъ. У евреевъ въ большіе праздники должны были служить въ храмѣ сорокъ священниковъ, и священная служба

не могла состояться, если не хватало одного священника. Случилось такъ, что одинъ священникъ умеръ, и остальные 39 были въ большомъ затрудненіи, кого выбрать на его мѣсто. Нѣкоторые священники предложили Іисуса. Старшій изъ нихъ призвалъ пр. Дѣву Марію и сталъ Ее распрашивать, откуда Іисусъ родомъ и кто его отецъ. Божія Матерь сказала о благой вѣсти арх. Гавріила и послѣдовавшихъ затѣмъ событіяхъ евангельской исторіи. Іисусъ былъ поставленъ священникомъ. Когда Онъ шелъ во Святыя Святыхъ, на пути Его растилали ковры и дорогія ткани. Іисусъ отслужилъ 40 службъ въ Святая Святыхъ. Священники возненавидѣли Спасителя за Его добродѣтель и святость и отпустили Его.

Въ малорусской народной словесности находятся ясныя свидѣтельства, что апокрифы объ іерействѣ Іисуса Христа въ старину были извѣстны въ Малороссіи; но свидѣтельства эти такого рода, что не уясняютъ южнорусской литературной исторіи апокрифовъ объ іерействѣ Спасителя, другими словами, не уясняютъ, когда и какимъ образомъ, черезъ какія литературныя ступени апокрифъ перешелъ въ народные разсказы и стихи. Сравненіе народныхъ пѣсенъ объ іерействѣ Христа съ славянскимъ апокрифомъ представляетъ тотъ интересъ, что выясняетъ пріемы народнаго пѣсеннаго творчества, и опредѣляется при этомъ матеріалъ, изъ котораго составлены пѣсни данной категоріи. Точное опредѣленіе мотивовъ народныхъ и иноземныхъ, оригинальныхъ и заимствованныхъ представляется однако весьма затруднительнымъ, по причинѣ тѣснаго соединенія разнородныхъ поэтическихъ элементовъ, и то, что намъ представляется пріемомъ народно-поэтической переработки, можетъ быть результатомъ внѣшняго перенесенія сходнаго эпизода изъ одной пѣсни въ другую, и, наоборотъ, кажущееся намъ чуждымъ, инороднымъ, можетъ представлять своеобразную народную переработку мотива, хотя и литературнаго, но вполнѣ отрѣшившагося и далекаго отъ своего первоисточника. Какъ бы то ни было, не подлежитъ спору, что апокрифы объ іерействѣ Христа усвоены народной мыслью и переработаны самостоятельно въ пѣсняхъ.

Прозаическимъ осколкомъ древняго апокрифа объ іерействѣ Христа представляется одинъ эпизодъ въ разсказѣ о хожденіи Христа и св. Петра по землѣ. Одинъ добрый и честный парубокъ шелъ на вечерницы и увидѣлъ въ недостроенной хатѣ свѣтъ отъ

свѣчки. «Дай, каже, заляжу. Полизъ та и лигъ на пичъ. Ажъ приходе два священники въ золотыхъ ризахъ, запалили свичечку, достали проскурку, закусують... А то були Господь та святый Петро.» (Драг. 123).

Болѣе крупные остатки апокрифа объ іерействѣ Іисуса сохранились въ пѣсняхъ, преимущественно галицкихъ колядкахъ. Такъ, въ одной колядкѣ Богоматерь спрашиваетъ колядовщиковъ, не видали ли они Христа; колядовщики отвѣчаютъ:

Ой мы жь бачили та въ манастыри,
Та въ манастыри, коло престола;
Служитъ службоньку все соборную,
Все соборную, заздоровную,
Та за здоровье усего міру.
На немъ ризочки все гатласовіи;
На немъ патрафиль срибный, шовковый,
А нарукавники гаптованіи;
На немъ поясокъ жовтая свѣча,
На немъ шапочка соболевая;
На немъ корона щирозлатая.

(Голов., т. II, стр. 24).

Въ другой галицкой колядкѣ:

Ой Римъ—Собота, гора высока,
А на той горѣ церковця стоитъ,
А въ той церковци золотый престолъ,
За тымъ престоломъ самъ милый Господь,
Самъ милый Господь книжейку читавъ,
Книжейку читавъ, постойку глядавъ.
Эй а якого?.. та Петрового;
Кто жъ ми го спостыть та й по щирости,
А буде тому рай отвореный,
Рай отвореный, пекло замкнено.

(Гол., т. III, стр. 242).

Трудно было ожидать, чтобы въ народныхъ разсказахъ и пѣсняхъ объ іерействѣ Спасителя удержались мелкія подробности апокрифа, когда Спаситель поступилъ въ число священниковъ,

сколько службъ отслужилъ и т. п. Для народа достаточно было одного апокрифическаго факта, что Спаситель былъ одно время іереемъ, и на основаніи этого факта возникаютъ подробности о священнической одеждѣ Спасителя, о золотомъ престолѣ, о соборномъ служеніи «за здоровье усёго міру».

20—21.

О страданіяхъ Господнихъ и крестномъ древѣ.

Евангельское повѣствованіе о страданіи и крестной смерти Спасителя всегда производило глубокое впечатлѣніе какъ на отдѣльныхъ лицъ, такъ и на массы народныя; по силѣ вліянія на мысль и воображеніе христіанскихъ народовъ съ этимъ повѣствованіемъ можно сравнить только евангельское сказаніе о страшномъ судѣ. Извѣстно, напримѣръ, какое сильное впечатлѣніе произвелъ на франкскаго короля Хлодвика разсказъ проповѣдника о страстяхъ Господнихъ. Малороссіяне выразили въ духовныхъ стихахъ сожалѣніе, что Христосъ «съедналъ себѣ слугу невѣрнаго, Юду проклятаго» (Гол., т. II, стр. 735). Галицко-русскій духовный стихъ вѣрно передаетъ главныя событія послѣднихъ дней земной жизни Іисуса Христа. Выраженіе горя Божіей Матери въ стихѣ отличается поэтической силой, выразительностью, задушевностью (Гол., т. II, стр. 736). Заслуживаетъ вниманія та черта въ галицко-русскихъ духовныхъ стихахъ о страданіяхъ Господнихъ, что Спаситель поручаетъ свою Мать заботливости св. ап. Петра и говоритъ ему: «Будешь пребывати въ небѣ вразъ со мною!» Къ всеобщему въ христіанскомъ мірѣ почитанію ап. Петра здѣсь, повидимому, присоединилось римско-католическое ученіе о главенствѣ св. ап. Петра надъ другими апостолами. Въ галицко-русскихъ и малорусскихъ колядкахъ:

Жидове Христа мучили,
На распятію гей роспинали,
Клюковъ за ребра гей розбивали.
Терновый вѣнецъ на голову клали,
Глагови шпильки за ногти били.

(Гол., т. II, стр. 23).

Эти подробности пытки Спасителя встрѣчаются не только въ пѣсняхъ, но и заговорахъ; напр., въ шептаніи отъ сглазу: «стали жиды Христа роспинати, въ руки и ноги гвозди забивати. Изъ Нёго текла кровь, якъ быстра рѣка» («Кіев. Стар.», 1885 г., т. XII, стр. 736). Въ другомъ заговорѣ находимъ очень любопытную мѣстную черту: «Христа до ратуши приведено; стали Его вязати и въ стовпа мордовати» (Ефим., Малорос. заклин., т. II).

Нѣкоторыя подробности въ описаніи мученій Спасителя, напримѣръ, забиваніе деревянныхъ спицъ подъ ногти и захватываніе ребра крюкомъ, могли возникнутъ въ древнее время подъ вліяніемъ часто наблюдавшихся пытокъ въ мѣстныхъ судахъ, а также разсказовъ о пыткахъ и казняхъ въ сосѣднихъ съ Малоросіей странахъ, Турціи и Московскомъ государствѣ. Извѣстно, что въ Константинополѣ сбрасывали преступниковъ съ башни на крюки, вдѣланные въ стѣны, у морскаго залива. Такимъ образомъ былъ казненъ Димитрій Вишневецкій во второй половинѣ XVI ст., и этотъ случай выразился въ народныхъ пѣсняхъ о Байдѣ («за ливе ребро гакомъ возьмите»; «на гакъ ребромъ зачепите»). Что касается до забиванія деревянныхъ гвоздей подъ ногти, то эта форма пытки была въ ходу въ Московскомъ государствѣ, отъ чего произошло названіе «подногогная» истина, т. е. выбитая посредствомъ такой пытки.

Апокрифы о крестномъ древѣ примыкаютъ къ апокрифамъ объ Адамѣ, какъ въ рукописяхъ, такъ и въ народныхъ разсказахъ. Апокрифы эти изданы г. Тихонравовымъ въ 1 т. «Памятниковъ отреч. литер». по двумъ спискамъ XV—XVI в. в., г. Порфирьевымъ въ Апокр. сказ. по Солов. рукописямъ и г. Пыпинымъ въ 3 т. «Памят. стар. рус. литер. Академикъ А. Н. Веселовскій въ 32 т. «Сборника отд. рус. яз. и слов. Академіи Наукъ» помѣстилъ обширное спеціальное изслѣдованіе апокрифовъ о крестномъ древѣ, въ связи съ западными легендами о древѣ креста. Славянскія крестныя сказанія распадаются на двѣ группы; исторія трехъ крестныхъ древъ, являющаяся въ рукописяхъ съ именемъ Григорія Богослова или Григорія Двоеслова, и разсказъ объ одномъ крестномъ деревѣ, отмѣченный именемъ Северіана Габальскаго, причемъ имена Григорія Богослова и Северіана Габальскаго подставныя, такъ какъ между сочиненіями указанныхъ отцовъ церкви не находится ничего соотвѣтственнаго (Весел. XXXII, 369; 48—49). Сказанія эти передаютъ

исторію деревъ, на которыхъ распяты были Спаситель и разбойники. Нѣкоторыя редакціи Сказанія о крестномъ древѣ подверглись вліянію богумильства и приписываются пресвитеру Іереміи (Порф. 48). Въ ряду другихъ «болгарскихъ басенъ», и сказаніе о крестныхъ деревьяхъ проникло въ южную Россію и вошло въ народную словесность. Въ народномъ разсказѣ о смерти Адама и треблаженномъ древѣ говорится, что Адамъ во время болѣзни послалъ своего сына въ рай за золотымъ яблокомъ; но сынъ принесъ вмѣсто яблока тотъ прутъ, которымъ гнали Адама изъ рая. Адамъ сдѣлалъ изъ этого прута три вѣнка на голову; онъ былъ похороненъ съ этими вѣнками, и изъ нихъ выросло три дерева, кипарисъ, кедръ и треблаженное древо. Божія Матерь однажды споткнулась о треблаженное дерево и сказала: «О, треблаженное дерево, на тебѣ будетъ распятъ мой Сынъ», а Спаситель сказалъ при этомъ: «правда». «И справди, добавляетъ разсказъ, скилько посли хрестивъ не пидбирали, на жаднимъ не могли Его розипьяти, а тилько на еднимъ треблаженнимъ древи, котре ще тогди, якъ росло, мало выглядъ хреста» (Драг. 94). Тутъ все апокрифично; апокрифично даже выраженіе «треблаженное древо». Въ апокрифическомъ сказаніи о крестномъ древѣ, напечатанномъ г. Порфирьевымъ по соловецкой рукописи XVII в. и повидимому возникшемъ первоначально среди балгарскихъ богомиловъ, говорится, что треблаженное дерево было сначала взято Соломономъ на построеніе іерусалимскаго храма. «Слышавъ же царица Сивилла о древѣ, пріиде видѣти его, сѣде на древѣ, попали же ея огнь; тогда Сивилла рече: о, древо проклятое! и вси людие воспѣста: о треблаженное древо, на немъ же распятця Господь» (Порф. 98).

Апокрифическое сказаніе о трехъ крестныхъ древахъ какъ нельзя болѣе пришлось по вкусу народа, такъ какъ отвѣчало исконному народному пріему троенія мысли и предметовъ въ поэзіи. Въ силу этой наклонности народа въ пѣсняхъ появляется не только три креста, но и три гроба. Исходнымъ пунктомъ для послѣдняго мотива, повидимому, послужило сближеніе крестныхъ деревьевъ съ надмогильными крестами и основанное на бытовой жизни соображеніе, что надъ каждой могилой или гробомъ долженъ быть крестъ. Народная мысль работала самостоятельно и сильно на скудной почвѣ немногихъ апокрифическихъ фактовъ, и потому нѣтъ ничего

удивительнаго въ своеобразной народно-поэтической обрисовкѣ трехъ крестовъ и трехъ гробовъ. Такъ, въ одной галицко-русской пѣснѣ, въ сборникѣ г. Головацкаго какими-то судьбами очутившейся въ отдѣлѣ «думъ господарскихъ и скотарскихъ» (т. I, стр. 233), вдова встрѣчаетъ трехъ жиденковъ и упрекаетъ ихъ въ томъ, что они Христа мучили. Потомъ она находитъ дерево (т. е. крестное), подъ которымъ три креста, а подъ тѣми крестами три гроба. Таковъ основной мотивъ колядки. Далѣе слѣдуетъ народное поэтическое толкованіе и расширеніе его, въ силу этого толкованія. Въ одномъ гробѣ лежитъ Сынъ Божій, въ другомъ Богоматерь, въ третьемъ св. Іоаннъ. Передъ св. Іоанномъ играютъ органы, передъ Богоматерью цвѣтетъ рожа, а передъ Христомъ пылаютъ свѣчи. Въ малорусскихъ колядкахъ органовъ нѣтъ, а въ галицкія они попали какъ обычный предметъ въ католическомъ богослуженіи, рожа вошла въ духовные стихи, какъ такой цвѣтокъ, съ которымъ обыкновенно сравнивается Богоматерь, а свѣчи—какъ обычная жертва Богу. Въ другой галицко-русской колядкѣ (Голов., т. II, стр. 6), вмѣсто трехъ жиденковъ является одно «дѣвча жидовчя» и говорится объ одномъ «золотомъ» крестѣ, подъ которымъ стоитъ Христосъ въ кровавой сорочкѣ. Это развитіе пѣсни на тему, какъ жиды Христа мучили, безъ эпическаго троенія лицъ и предметовъ. Мотивъ о трехъ гробахъ встрѣчается въ западно-славянской поэзіи. Такъ, въ одной моравской пѣснѣ на бѣломъ камнѣ стоитъ монастырь, а въ монастырѣ находится три гроба; въ одномъ гробу лежитъ Богъ (Sam pan Buh leži), въ другомъ Богородица, въ третьемъ св. Іоаннъ. Надъ Богомъ поютъ ангелы, надъ Богородицей горятъ свѣчи, а надъ св. Іоанномъ цвѣтутъ розы. Изъ этихъ розъ вылетѣла птичка; то не птичка — то Сынъ Божій, Творецъ міра и людей [1]). Здѣсь можно подозрѣвать заимствованіе, и скорѣе заимствовали моравяне отъ галичанъ, чѣмъ галичане отъ западныхъ славянъ, такъ какъ въ галицко-русскихъ и малорусскихъ [2]) колядкахъ мотивъ этотъ сохранился въ лучшемъ видѣ. Здѣсь нѣтъ затемняющаго смыслъ пѣсни бѣлаго камня, и розы цвѣтутъ надъ Богоматерью, какъ и должно быть въ малорусской поэзіи при народно-поэтическомъ представленіи пр. Дѣвы Маріи

---

[1]) *Веселовскій*, Разыск., т. III, стр. 41.

[2]) Напримѣръ, у Чубинскаго, т. III, стр. 343—353.

вышемірнымъ и первозданнымъ существомъ изъ цвѣтовъ. Мотивъ о птицѣ-Спасителѣ также встрѣчается въ малорусскихъ колядкахъ. Лучшимъ, образцовымъ варіантомъ представляется варіантъ, записанный въ козелецк. у., у Чубинскаго т. III, стр. 353.

Ишла Марія на крутую гору;
Стрила Марія да три жидовины:
«Вы, жидове, Христа замучили?»
«Не мы, Маріе, то наши предки».

Эти строки встрѣчаются въ приложеніи къ другимъ духовнымъ колядкамъ; первыя двѣ — преимущественно въ началѣ колядокъ о томъ, какъ жиды Христа искали.

Ишла Марія на крутую *гору* [1]),
А на тій гори *церковка* стоить [2]),
А въ тій церковци три гроба стоить;
Въ первому гроби Сынъ Божій лежить,
Въ другомъ гроби Иванъ Хреститель,
Въ третьему гроби Дива Марія.
Надъ Исусомъ Христомъ ангели поють,
Надъ Иваномъ Хрестителемъ свичи палають,
Надъ Дивою Маріею рожа зацвила.
Изъ тыеи рожи та вылетивъ птахъ,
Да полетивъ птахъ да по пидъ небесами;
Вси небеса растворилися;
Вси святыи уклонилися.
Не есть то птахъ, а есть то Сынъ Божій,
Есть то Сынъ Божій—Исусъ Христосъ.

Весьма сходныя по содержанію щедривки (у Чуб., т. III, стр. 447) записаны въ литинскомъ, острожскомъ и заславскомъ уѣздахъ.

Къ апокрифамъ о крестныхъ деревьяхъ тѣсно примыкаютъ малорусскіе народные разсказы о покаяніи разбойника (Драг., стр. 131—132 и у Кулиша въ Зап. о южн. Руси, т. I, стр. 309—311). А. Н. Веселовскій уже обратилъ вниманіе на этотъ отдѣлъ народныхъ сказаній (въ X ч. Розыск. въ области русск. духовнаго стиха) и

---

[1]) Въ моравской пѣсни *бѣлый камень*.

[2]) *Монастырь* по моравской пѣсни.

указалъ многочисленные сходные западно-европейскіе разсказы (32 т. Сборн. Акад. Наукъ, 379, примѣч.). Въ малорусскомъ разсказѣ разбойникъ убилъ 12 поповъ и сталъ раскаеваться въ своихъ грѣхахъ. Священникъ велѣлъ ему положить на огонь руки до локтей и ноги до колѣнъ, притомъ огонь былъ разведенъ изъ мелко порубленной яблони, росшей въ саду священника. Потомъ священникъ принесъ мѣдное ведро и приказалъ разбойнику 12 лѣтъ носить воду и поливать спаленную яблоню до тѣхъ поръ, пока она снова выростетъ и дастъ плоды. Разбойникъ 12 лѣтъ исполнялъ это приказаніе, и черезъ 12 лѣтъ у него снова выросли руки и ноги: тогда же выросла и дала плоды яблоня. Далѣе слѣдуютъ подробности, не идущія къ дѣлу, о томъ, какъ разбойникъ покаяніемъ покрылъ грѣхи отца и матери. Въ апокрифѣ о крестныхъ древахъ (въ 1 т. Памят. Тихонравова стр. 305) находится слѣдующее мѣсто, послужившее источникомъ для малорусскихъ сказаній о покаяніи разбойника и сходныхъ съ ними сказаній русскихъ и западно-европейскихъ: «Древо разбойниче, на немже распятся разбойникъ вѣрный. Тоже древо израсте изъ главень пречюдно и красно зѣло, еже принесе три главнѣ. Лотъ, егда согрѣши, пріиде ко Аврааму на покаяніе. Авраамъ же посла его взяти огонь въ Нилой рѣцѣ, того же огонь звѣріе стрѣгоуть; егда же пріиде Лотъ, обрѣте звѣріе спящи и взя три главнѣ и принесе ко Аврааму. Авраамъ же повелѣ ему посадити главнѣ, да процвѣтуть и плодъ створятъ, рече ему: тогда будеши прощенъ. Лотъ же посади ихъ на горницѣ мѣстѣ, поливаше ихъ трижды на день и проростоша главня и взыде древо пречюдно и прекрасно зѣло».

22.

Плачъ пресвятой Богородицы.

Въ евангеліи отъ Іоанна (гл. XIX, ст. 25—27) говорится о стояніи пр. Богородицы при крестѣ Спасителя. Эта трогательная сцена вызвала апокрифическіе плачи пр. Богородицы, причемъ наибольшей извѣстностью пользовался канонъ Симеона Логоѳета, изображающій плачъ пр. Богородицы. Извѣстно, какъ широко и разносторонне разработанъ этотъ апокрифическій мотивъ въ западно-европейской религіозной живописи. Въ южнорусской иконописи подъ западными вліяніями возникли изображенія скорбящей Богоматери,

Mater dolorosa. Апокрифическіе мотивы плача пр. Богородицы проникли и въ малорусскіе духовные стихи, напримѣръ, въ пѣсню Остапа Вересая о мукахъ Христа [1]). Пѣсня эта довольно сухая, искусственная, схоластическая, и тѣмъ отчетливѣе выдѣляется по задушевности вставленный въ нее плачъ пр. Богородицы.

Матка Его жалослива
Стоитъ пидъ крестомъ смутлива,
И на Сына узирае,
Слезами лице умывае:
«Ой, сыну мій, прелюбезный,
Моему серцю есть болесный,
Терпишъ муки невынніи
Отъ жидовы невирнои;
Терпишъ муки, терпишъ раны
За вси вирни христіяне...

Этотъ мотивъ повторяется во многихъ пѣсняхъ, напримѣръ, у Чубинскаго т. III, стр. 16. Здѣсь горе пр. Богородицы выражено сильнѣе: «видъ жалю великого умливала».... Въ Плачѣ пр. Богородицы встрѣчаются отвлеченныя сравненія, проникшія въ народъ изъ богословскихъ трактатовъ и церковныхъ проповѣдей [2]), каковы напр. сравненіе Спасителя съ хлѣбнымъ зерномъ и названіе Его всемірнымъ храмомъ.

23.

Происхожденіе храма.

Встрѣчающіяся въ малорусскихъ духовныхъ стихахъ объясненія происхожденія перваго храма или церкви настолько различны, что трудно свести ихъ къ одному источнику. Они могли возникнуть изъ мотивовъ апокрифическихъ,, религіозно-пѣсенныхъ и древне-христіанскихъ преданій объ апостольской Сіонской церкви. Опираясь исключительно на южнорусскіе духовные стихи, можно намѣтить три своеобразныхъ разряда пѣсенъ о происхожденіи перваго храма.

Первый разрядъ пѣсенъ о происхожденіи храма стоитъ въ связи съ апокрифами о крестномъ древѣ. Такъ въ колядкахъ поется, что Богородица

---

[1]) *Записки* юго-зап. отд. геогр. общ., т. I, стр. 28.

[2]) Для примѣра см. у Чуб., т. III, стр. 18.

Знайшла деревце,
Зъ того деревця стала церковця.

Въ другихъ пѣсняхъ:

На крутий гори
Кедрове древо,
А съ того древа
Хресты рубають,
Церкву будують (Весел., Розыск. т. IV, стр. 69).

Этотъ основной мотивъ осложнился разными бытовыми подробностями, напримѣръ указаніями, какіе плотники строятъ церковь, изъ какого матеріала:

Волоси церковь мурують,
Ой коло споду каминейчикомъ,
А въ серединѣ деревейчикомъ,
А къ виршечкови сриблом, золотомъ.
(Гол. т. II, стр. 12).

Далѣе осложненіе пѣсни происходитъ вслѣдствіе приложенія къ ней формальнаго пріема троенія:

Костелъ муровавъ на восимь угольцивъ,
На восимь угольцивъ, на четверо дверци,
На четверо дверци, на три оконци,
На три оконци, на три вершечки:
Въ едно оконце зъ истока сонце,
Въ друге оконце зъ полудне сонце,
Въ трете оконце зъ захода сонце.
Въ едномъ вершечку органы грають;
Въ другимъ вершечку ладанъ ся курить;
Въ третьемъ вершечку службы ся служатъ.
(Гол. т. II, стр. 67).

Въ галицко-русской колядкѣ:

Топоры дзвенятъ, каминья тешутъ,
Каминья тешутъ, церковь мурують,
Церковь мурують во три двери,
Во три двери, во три облаки;
У едныхъ дверехъ иде самъ Господь,

У другихъ дверехъ Матинка Божа,
У третихъ дверехъ ей святый Петро...
(Гол. т. II, стр. 7).

Въ варіантѣ этой колядки церковь имѣетъ три верха, два окна и райскія двери (Гол. т. II, стр. 22).

На обрисовку церкви повліяли древнѣйшія религіозно-миѳическія представленія народа о небѣ. Въ церкви два окна:

Еднымъ оконцемъ сонечко сходыть,
Другимъ виконцемъ мѣсяцъ заходитъ.
(Гол. т. II, стр. 34).

Второй разрядъ пѣсенъ о происхожденіи храма имѣетъ теологическое основаніе. Церковь Христова, какъ общество вѣрующихъ, построена на крови и тѣлѣ Спасителя, на живомъ общеніи съ Нимъ въ таинствѣ Евхаристіи. Народная фантазія поняла церковь Христову какъ вещественный храмъ и примѣнила къ нему религіозно-пѣсенныя и отеческія замѣчанія о церкви, какъ обществѣ вѣрующихъ. Отсюда произошла встрѣчающаяся въ галицко-русскихъ и малорусскихъ колядкахъ идея происхожденія храма отъ крови и разныхъ частей тѣла Спасителя. Такъ въ одной галицко-русской колядкѣ говорится, что послѣ крестной смерти Спасителя

Де кровця цяне—церковця стане,
Де плечи впали—престолы стали,
Де руки впали—тамъ свѣчи стали,
Де очи впали—тамъ книги стали,
Де личка впали—образы стали,
Де зубы впали—дзвононька стали,
Сами ся престолы позастилали;
Сами ся свѣчи позажигали,
Сами ся книги перечитали,
Сами ся образы помалевали,
Сами ся дзвоны передзвонили,
Сами ся службы переслужили (Гол. т. II, стр. 23).

Въ малорусскомъ варіантѣ, сравнительно съ галицкимъ короткимъ и слабымъ, «де слизки пали—престолы стали» (Чуб. т. III, стр. 358).

Третій разрядъ духовныхъ колядокъ о храмѣ могъ возникнуть подъ вліяніемъ апокрифовъ объ іерействѣ Христа, какъ дополнительная къ нимъ подробность. Храмъ, въ которомъ Христосъ былъ іереемъ, понятно, рисовался передъ воображеніемъ народа въ необыкеовенныхъ формахъ, свѣтлымъ и просторнымъ. Въ этомъ храмѣ

Сами двери одчиняются,
Сами дзвоны радзвонилися,
Сами свичи запалилися,
Царскіи врата отворилися.

(Чуб. т. III, стр. 442).

Всѣ эти три разряда пѣсенъ о храмѣ смѣшиваются и раздѣлить ихъ довольно трудно. Иныя пѣсни начинаются съ описанія чудеснаго дерева, затѣмъ говорятъ о томъ, что на немъ распяли Христа и наконецъ повѣствуютъ о чудесной церкви, возникшей изъ пролившейся на землю крови Спасителя.

А. Н. Веселовскій, принимая во вниманіе великорусскіе духовные стихи о чудесномъ храмѣ на Сіонской горѣ [1]), высказываетъ

---

[1]) Наприм.: На горѣ, горѣ, на Сіонской горѣ
Стояла церковь апостольская:
Въ той во церкви три гроба стоятъ,
Три гроба стоятъ кипарисные:
Въ первомъ гробѣ Святая Дѣва.
Въ другомъ гробѣ Іоаннъ Богословъ,
Въ третьемъ гробѣ самъ Іисусъ Христосъ.
Надъ Святою Дѣвою цвѣты разцвѣли,
На цвѣтахъ сидятъ птицы райскія,
Поютъ пѣсни архангельскія:
Надъ Іоанномъ Богословомъ ангелы,
Надъ Іисусомъ Христомъ свѣчи теплятся.

Во святомъ во градѣ Іерусалимѣ
Стоитъ церковь соборная,
Соборная, богомольная;
Во святой церкви во соборныя
А стоитъ гробница бѣлокаменная,
Почиваютъ ризы самаго Христа.

Церковь эта—всѣмъ церквамъ. Въ другомъ стихѣ:

Отъ той церкви отъ соборныя,
Отъ соборныя, богомольныя,
Отъ ее службы всѣ служатся,
По усей землѣ, по всей вселенныя.

мнѣніе, что здѣсь обнаружилось вліяніе мѣстныхъ сіонскихъ преданій объ апостольской церкви на Сіонѣ, съ пріуроченными къ ней воспоминаніями о Тайной вечери, Успеніи Богородицы и объ ап. Іоаннѣ, причемъ подробность о трехъ гробахъ вошла въ духовные стихи подъ вліяніемъ фантастическихъ разсказовъ о церкви Гроба Господня въ Іерусалимѣ (Розыск. т. III, стр. 36). Великорусскіе духовные стихи объ апостольской церкви подходятъ въ подробностяхъ подъ это объясненіе, но малорусскіе не совсѣмъ. Нѣтъ въ нихъ намековъ на Сіонъ и апостоловъ. Мы уже говорили о возможной связи мотива о трехъ гробахъ съ апокрифическими сказаніями о трехъ крестныхъ древахъ. Имя Іоанна въ эти пѣсни, можетъ быть, попало изъ тѣхъ колядокъ, гдѣ говорится о главныхъ зимнихъ праздникахъ: Рождествѣ Христовѣ, св. Василія Великаго и Іоанна Крестителя.

24.

О нерукотворенномъ образѣ.

Къ числу изслѣдованій, которыми гордится нѣмецкая наука, принадлежитъ «Die Sage vom Ursprung der Christusbilder» (1842 г.) Вильгельма Гримма. Здѣсь подробно разсмотрѣно апокрифическое посланіе Авгаря ко Христу, заключающее въ себѣ сказаніе о нерукотворенномъ образѣ. Уже у Евсевія († 340) находится письмо Авгаря ко Іисусу Христу и отвѣтъ на него Спасителя въ переводѣ съ сирскаго языка. Царь Эдессы Авгарь, заболѣвъ, послалъ письмо къ Іисусу съ просьбой прійти въ Эдессу и исцѣлить его. Спаситель послалъ ап. Ѳаддея, который возложилъ руку на больнаго и исцѣлилъ его. У Евагрія († 593) находится посланіе Авгаря съ присоединеніемъ сказанія, что Іисусъ Христосъ послалъ Авгарю не рукотворенный, но богосозданный образъ. Болѣе подробныя свѣдѣнія о происхожденіи образа находятся у Іоанна Дамаскина († около 760). Ни о болѣзни Авгаря, ни о письмѣ его ко Христу здѣсь не говорится. Авгарь, пылая любовью къ Господу, отправляетъ живописца, который долженъ былъ срисовать Его лице. Но живописецъ не могъ этого сдѣлать, по причинѣ сіянія, исходившаго отъ лица Христова. Тогда Господь приложилъ свой плащъ къ божественному, животворящему лицу и отображаетъ на немъ Свой образъ, который посылаетъ потомъ Авгарю. Константинъ Порфиро-

генетъ († 959) написалъ спеціальное сочиненіе объ образѣ въ Эдессѣ и торжественномъ перенесеніи его и письма Іисуса Христа въ Константинополь въ 944 г.

Оставляя въ сторонѣ многочисленная западно-европейскія сказанія о нерукотворенномъ образѣ, разсмотрѣнныя В. Гриммомъ, мы можемъ ограничиться сказаніемъ Іоанна Дамаскина, такъ какъ славянскіе апокрифы о посланіи Авгаря, повидимому, связаны съ сказаніемъ Іоанна Дамаскина о нерукотворенномъ образѣ. Посланіе Авгаря издано Н. С. Тихонравовымъ во II т. «Памятн. отреч. литер.» по рукописи XVI в. Здѣсь говорится, что эдесскій царь Авгарь послалъ живописца Луку въ Іерусалимъ снять портретъ съ Іисуса; но Лука не могъ этого сдѣлать. Тогда Спаситель возложилъ полотно Себѣ на лицо, и Его лицо напечатлѣлось на полотнѣ. Спаситель отправилъ въ Эдессу ап. Ѳаддея. Достигнувъ города Іерополиса, Ѳаддей и Лука побоялись войти въ него и остановились внѣ города. Огненный столбъ надъ нерукотворнымъ образомъ открылъ горожанамъ ихъ мѣстопребываніе. Горожане не застали на мѣстѣ Ѳаддея и Луку, которые передъ ихъ приходомъ отправились дальше въ дорогу, но нашли камень, на которомъ отъ лежавшаго убруса напечатлѣлся образъ Спасителя. Они внесли камень въ городъ. Въ Іерополисѣ отъ этого камня, а въ Эдессѣ отъ убруса съ нерукотвореннымъ образомъ Іисуса Христа произошло много чудесъ.

Въ Галиціи записана любопытная пѣсня о нерукотворномъ образѣ, принявшая въ себя между прочимъ пѣсню о чудесномъ (нерукотворномъ) храмѣ:

А тамъ доловъ при Выравѣ
Святый образъ малевали.
Лукачъ почалъ малевати;
Пришла къ нему Божа Мати:
Ляжъ, Лукачу, лягни спати,
Буду образъ малевати!»
Лемъ тваричку притулила
Доразъ образъ утворила.
«Встань, Лукачу, встань заспанный,
Ужъ ти образъ смалеваный!»
Четыре волы запрягали,
Святый образъ на визъ клали.

Якъ съ образомъ въ лѣсѣ были,
Тамъ ихъ сбойницы встрѣтили.
«Стій, фурмане, не ходь дали!
Мы твой образъ порубаме».
Фурманъ кричитъ: «не рубайте,
Стовпами ту поставайте!
Внетъ стовпами поставали,
Святый образъ не рубали,
А такъ они дали шли,
Ажъ и къ святой церкви пришли.
Дзвоны сами зазвонили,
Свѣчки сами ся зажжали.
Якъ до церкви образъ клали,
То ангели заспивали.
Богъ кличе: «Фурманъ, гори,
Понагляйся, подъ гевъ скори».
«Якъ я маю гори ити,
Маю жену, маю диты».
Ци ли хочешь корецъ ґрошей,
Ци хочешь райски роскоши?»
«Не хочу я корецъ грошей;
Волю я райски роскоши!»

(Гол., т. II, стр. 714, 95).

Характерная особенность галицкихъ пѣсенъ—мѣстное пріуроченіе. Въ данномъ случаѣ находится въ началѣ пѣсни прямое указаніе, гдѣ рисовали святый образъ. Выравой въ Галиціи называется одна горная вершина. Самое слово Вырава—румынское, отъ латинскаго verum, veruina—копье.

Сравнивая галицко-русскую пѣсню о нерукотворномъ образѣ съ Посланіемъ Авгаря, мы находимъ, что народная пѣсня воспользовалась только двумя мотивами апокрифа: сказаніемъ о живописцѣ Лукѣ и сказаніемъ о томъ, что Лука побоялся войти въ Іерополисъ; но затѣмъ сильно измѣнила эти сказанія, въ особенности второе. Вмѣсто жителей Іерополиса, которые не обнаружили враждебнаго отношенія къ ап. Ѳаддею, но которыхъ ап. Ѳаддей лишь остерегся, являются лѣсные разбойники.—Въ апокрифѣ огненный столбъ стоитъ

надъ камнемъ съ ликомъ Спасителя; въ пѣснѣ фурманъ грозитъ разбойникамъ, что они обратятся въ столбы, и они дѣйствительно обращаются въ столбы.

Пѣсня остановилась на Богоматери и поставила Ее въ положеніе главнаго дѣйствующаго лица. Богородица «лемъ тваричку (т. е. лице) притулила, доразъ образъ утворила»; но не поясняется при этомъ, свое ли лице или лице своего Сына. Народная фантазія самостоятельно обработала апокрифическіе мотивы посланія Авгаря. Воспользовавшись немногими чуждыми апокрифыми элементами, она снабдила ихъ чертами народнаго добродушія и юмора (Лукачъ заспаный) и чертами домашнаго быта (фурманъ, четыре вола, запряженные въ одинъ возъ).

25—27.

Обходы апостольскіе. Повѣсть о панагіи пресв. Богородицы. Сказанія объ Іудѣ предателѣ.

Въ одномъ изъ самыхъ древнихъ памятниковъ русской письменности, «Святославовомъ сборникѣ», уже упоминаются «Обиходи и ученія апостольская», апокрифъ, встрѣчающійся и въ греческомъ индексѣ отреченныхъ книгъ, приписываемомъ Анастасію Синаиту. Въ большей части русскихъ индексовъ находится объяснительная глосса къ заглавію «Обходи апостольскіе», служащая, между прочимъ, отдѣльнымъ заглавіемъ для одной редакціи апокрифа, по которой «пришедше (апостолы) ко граду, обрѣтоша человѣка, орюща волы и просиша хлѣба; онъ же иде въ градъ хлѣба ради, апостоли же безъ него взораша ниву и насѣяша, и пріиде съ хлѣбы и обрѣте пшеницу зрѣлу.» Въ этихъ немногихъ словахъ выражается содержаніе апокрифическаго «Хожденія апостоловъ Петра, Андрея, Матѳея, Руѳа и Александра», напечатаннаго Н. С. Тихонравовымъ во II т. «Памятн. отреч. литературы по рукописи XVII вѣка».

Въ этомъ апокрифѣ есть превосходное сказаніе о томъ, какъ апостолы засѣяли крестьянскую ниву. Апостолы шли полемъ и почувствовали голодъ. Они увидѣли старика крестьянина, выѣхавшаго пахать ниву. «Приближишася ко старцу и рече Петръ къ нему: радуйся, дѣлателю добрый! И рече имъ старецъ: радуйтеся и вы, добріи странницы! И рече ему Петръ: имаши ли хлѣбъ, да даси намъ, яко алчни есмы? И глагола имъ старецъ: поблюдите вола моего и

нивы; азъ шедъ принесу вамъ хлѣбы изъ града. И рече Петръ: поиди, а мы поблюдемъ, да ходи скоро. И рече Петръ: а волы твои ли есть? И рече старецъ: нанялъ есмь. Пошедъ же старецъ во градъ, и рече Андрѣй: нѣсть намъ лѣпо сѣдѣти; но потрудимся за старца. Петръ же воставъ и взятъ за рало, Андрѣй же за волы, и рече къ Петру: брате, что трудъ возлагаеши (на себя)? ты бо еси пастырь и отецъ всѣмъ намъ; то ли ты трудитися хощеши? И пріимъ Петръ пшеницу и благослови ю и сѣяше на селѣ старче. Руѳъ же и Александръ и Матѳѣй бѣша одесную валовъ хожаху, и благословиша и рѣша: приди роса небесная благая и вѣй вѣтръ добрый, и облакъ да обросить, и да придутъ и почіютъ на нивѣ сей. И абіе по словесѣхъ сихъ скоро сѣянная нива прозябе, и бысть исполнена классъ. И пришедъ старецъ съ хлѣбы, и видѣ ниву возрастшу, и положи хлѣбы скоро, паде къ ногамъ ихъ, и рече: владыки, бози вы есте! И рече ему Петръ: востани, человѣче, мы нѣсмь бози, но посланники есмы Божіи».

Это величественное и поэтическое сказаніе произвело сильное впечатлѣніе на мысль и воображеніе земледѣльческаго народа русскаго и отразилось во многихъ народныхъ разсказахъ и пѣсняхъ, Въ малорусской щедривкѣ:

Въ чистимъ поли плужокъ оре,
А въ тимъ плужку чотыри волы половіи,
А въ нихъ роги золотіи.
Святый Петро за плугомъ ходить;
Святый Павло волы гонить.
Пресвятая Дива ӣсти носить,
Исти носить, Бога просить:
«Уроди, Боже, жито, пшеныцю,
Усяку пашницю».

(Чуб., т. III, стр. 450).

Въ галицко-русской колядкѣ:

По загуменью плуженько оре,
За плужкомъ ходить самъ Богъ небесный,
А святый Павло волоньки гонитъ,
А святый Петро волоньки водитъ.
А вышла и къ нимъ Божая Мати:

«Орить, сыночки, зъ дрибна нибочки.
Будемъ сіяти жито, пшеницю,
Жито, пшеницю, всяку сѣвбицю». (Гол. т. II, стр. 16).

Въ народныхъ разсказахъ и пѣсняхъ о хожденіяхъ апостоловъ говорится большею частью, что апостолы сопутствуютъ Іисусу Христу. Господь ходитъ съ апостолами по землѣ, испытываетъ людей, награждаетъ людей добродѣтельныхъ и наказываетъ порочныхъ, иногда вступаетъ въ споръ съ ап. Петромъ о величинѣ неба и земли или о законахъ высшей справедливости, причемъ апостолы подвергаются на пути разнымъ житейскимъ непріятностямъ, голоду и жаждѣ.

Въ нѣкоторыхъ разсказахъ и пѣсняхъ выступаютъ только два верховныхъ апостола Петръ и Павелъ (напр. у Чубин. т. I, стр. 167). Изрѣдка встрѣчается выраженіе Петро-павло. Нельзя однако обосновать на немъ мнѣнія, что простой народъ отождествляетъ Петра и Павла и принимаетъ ихъ иногда за одно лице. Это формальное появленіе сокращенія или даже соединенія словъ, часто встрѣчающихся рядомъ, напримѣръ грунтъ-худоба (Ант. и Драг., Истор. пѣс. т. I, стр. 119), хлибъ-силь (118), звирь-птиця (117), часъ-година (139), степъ-долина (139).

На первыхъ страницахъ древней лѣтописи находится сказаніе о хожденіи ап. Андрея по русской землѣ, съ остановками на мѣстахъ, гдѣ возникли впослѣдствіи Кіевъ и Новгородъ. Сказаніе это настолько хорошо всѣмъ извѣстно, что здѣсь нѣтъ надобности его повторять. Достаточно сдѣлать ссылку на 1 т. «Исторіи русской церкви» проф. Е. Голубинскаго, гдѣ это сказаніе разсмотрѣно подробно, по кіевской редакціи въ древнѣйшей лѣтописи и по новгородской— въ Степенной книгѣ и въ житіи Михаила Саллоса, въ связи съ греческими сказаніями объ ап. Андреѣ. «Какъ въ вопросѣ о народныхъ преданіяхъ вообще, говоритъ г. Голубинскій, такъ и въ вопросѣ о нашей повѣсти нельзя рѣшить, есть ли она произведеніе творчества общенароднаго или частнаго, въ послѣднемъ случаѣ принадлежащее какому-нибуть досужему грамотнику. Вѣроятнѣе и желательнѣе думать, конечно, первое; но нисколько не невозможно и второе» [1]). Колебаніе въ сужденіи о народности легенды о св.

[1]) *Голубинскій*, Ист. рус. церкви, т. I, стр. 1.

Андреѣ излишне. Проф. Дашкевичъ категорически и, мы думаемъ, вполнѣ основательно замѣчаетъ, что легенда о путешествіи св. Андрея по Россіи «христіанская, книжнаго происхожденія» [1]). Существуетъ цѣлый циклъ славянскихъ народныхъ сказаній о хожденіи апостоловъ, сказаній великорусскихъ, малорусскихъ, польскихъ, сербскихъ; основной характеръ всѣхъ этихъ сказаній, главные ихъ мотивы и даже подробности повѣствовательныхъ мотивовъ сходны. Обходы апостольскіе большею частью относятся ко времени земной жизни Спасителя и совершаются подъ Его высшимъ руководствомъ. Правда, встрѣчаются сказанія о хожденіяхъ апостоловъ безъ участія Іисуса Христа; но при этомъ почти всегда апостолы ходятъ группой. Въ малорусскихъ народныхъ разсказахъ встрѣчаются обходы двухъ верховныхъ апостоловъ Петра и Павла; но эти разсказы очень малочисленны и анекдотическаго свойства. Затѣмъ апостолы входятъ въ самое тѣсное общеніе съ крестьянами, посѣщаютъ села, а не города, причемъ названія селъ не встрѣчаются, такъ какъ вся сила народнаго разсказа о хожденіяхъ апостоловъ коренится въ фактѣ ихъ гуманнаго сближенія съ міромъ— народомъ Божіимъ, въ ихъ заботливости о матеріальномъ и нравственномъ благосостояніи сѣрой крестьянской массы. Въ народныхъ сказаніяхъ о хожденіяхъ апостоловъ постоянно встрѣчаются противоположенія гордаго человѣка смиренному, богатаго бѣдному, скупаго и хищнаго доброму и благожелательному, тѣ же противоположенія дидактическаго свойства, которыя находятся въ сказкахъ о богатомъ и бѣдномъ и въ сказкахъ о трехъ братьяхъ; но нѣтъ въ нихъ противоположенія народа по мѣстнымъ этнографическимъ различіямъ, противоположенія, вышедшаго не изъ дидактизма или морализаціи, свойственной народной поэзіи, а изъ ироніи и насмѣшки, которыя, правда, встрѣчаются и въ народной поэзіи, но какъ нѣчто низменное, второстепенное, съ ограниченнымъ кругомъ дѣйствія и вліянія.

Въ житіяхъ ап. Андрея Епифанія (VIII в.) и Симеона Метафраста говорится о путешествіи ап. Андрея на сѣверномъ берегу Чернаго моря, о его пребываніи въ Херсонесѣ таврическомъ и проповѣдываніи евангелія среди скиѳовъ. Помимо всякаго тщесла-

---

[2]) *Дашкевичъ*, въ „Кіевск. Универс. Извѣстіяхъ“ 1886 г., т. XI, стр. 222.

вія, на которое неоднократно указываетъ проф. Голубинскій, древній русскій книжникъ, скромный и благочестивый монахъ, составляя по греческимъ источникамъ повѣсть о св. Андреѣ, простодушно принялъ сѣверный берегъ Чернаго моря и Скиѳію за русскія земли искони, тѣмъ болѣе, что имѣлъ достаточный поводъ думать такимъ образомъ въ существованіи въ его время на черноморскому берегу въ Тмуторакани русскихъ поселеній. Достаточно было, что въ русскую письменность проникло извѣстіе о личномъ пребыванія ап. Андрея въ Россіи. Къ легендѣ объ ап. Андреѣ, первоначально, можетъ быть, очень простой и краткой, приросли разныя этнографическія и географическія подробности, вполнѣ или отчасти вошедшія въ древнѣйшую лѣтопись. Подробности эти могли выработаться среди дружинниковъ, людей бывалыхъ, много видѣвшихъ и много слышавшихъ, хорошо знакомыхъ съ мѣстными этнографическими различіями русскихъ славянъ. Можетъ быть, легенда о путешествіи ап. Андрея по Днѣпру и Волхову была совсѣмъ неизвѣстна простому народу за предѣлами Кіева, гдѣ популярности этой легенды содѣйствовала церковь крестовоздвиженская, нынѣ не существующая, а позднѣе столь живописно красующаяся на холмѣ церковь ап. Андрея Первозваннаго.

Особнякомъ стоитъ весьма мало извѣстный апокрифъ о панагіи святыя Богородицы, найденный Калужняцкимъ въ одномъ сборникѣ свято-онуфріевскаго монастыря во Львовѣ. Въ этой повѣсти говорится о враждѣ апостоловъ къ Ѳомѣ и о благодати, оказанной ему пресв. Богородицей и состоявшей въ томъ, что пресв. Богородица подарила ему свою зѣнницу въ знакъ своего съ нимъ на небѣ срѣтѣнія [1]).

Въ различныхъ памятникахъ малорусской народной словесности находятся краткія замѣтки объ Іудѣ предателѣ, замѣтки апокрифическаго свойства, дающія поводъ предполагать, что въ старинной южнорусской письменности было что-либо цѣльное въ этомъ отношеніи. Въ мартовской книжкѣ «Кіев. Старины» текущаго года находится указаніе, что въ одной находящейся въ Смоленскѣ рукописной книгѣ конца прошлаго столѣтія есть апокрифъ о жизни Іуды предателя, начиная съ его дѣтства (стр. 537). Желательно

---

[1]) *Калужняцкій*, Обзоръ слав.-рус. памят., стр. 2

было бы этотъ апокрифъ въ печати, тѣмъ болѣе, что въ этомъ указаніи находится заманчивая подробность: «съ дѣтства». Въ малорусскихъ заговорахъ отъ закрутки: «якъ берестъ отъ огню корчится, такъ беззаконного Юду (або Юдиху), мѣсячного видьмача, щобъ корчило и ломало» (Ефим. 42, 43). Благодаря любезности П. В. Иванова, я получилъ изъ купянскаго уѣзда харьк. губ. слѣдующій любопытный народный разсказъ объ Іудѣ, связанный въ апокрифическимъ, подробно развитымъ въ евангеліи Никодима, сказаніемъ о сошествіи Христа во адъ.

«Сусъ Христосъ всихъ вывивъ изъ пекла, тилько Юда-ябеда остався; винъ и тому ажъ трычи казавъ, щобъ выйшовъ изъ пекла, а Юда побоявся, щобъ святи отци его не вкоряли. Якъ за третимъ разомъ Юда не послухавъ Христа, такъ Господь сказавъ: «проклятый же ты, Юда-ябеда, отъ ныни и до вику! Тутъ же ты оставайся и перелогами питайся». Ото-жъ якъ личать одъ перелогивъ, то кажуть: Сусъ Христосъ за столомъ сыдыть, проскурку ўда и виномъ запива, а лукавый Юда-ябеда пидъ столомъ лежить та перелоги зажира». (Слобода Преображенная).

П. В. Ивановъ записалъ также другой народный разсказъ о томъ, что Іуда отъ угрызенія совѣсти повѣсился на осинѣ. Указаніе на этотъ разсказъ находится въ одной фразѣ заговора «на вырване завытте», записаннаго Шишацкимъ Иличемъ въ черниг. губ.: «якъ на осицѣ Юда вѣшався» (Ефим., 42).

Въ малорусскихъ народныхъ разсказахъ объ Іудѣ обнаруживается стремленіе сблизить Іуду съ діаволомъ. Это стремленіе обнаруживается въ румынской народной поэзіи. Такъ въ румынской повѣсти о табакѣ главный демонъ Искаріотъ посылаетъ изъ ада на землю трехъ демоновъ, чтобы они всюду сѣяли тютюнъ (Веселовскій, въ XXXII т. Сборн. Ак. Н., стр. 88); въ румынской колядкѣ Іудой называется водяной царь (ib., 263); въ другой румынской колядкѣ Іуда пробирается въ рай и, пользуясь сномъ ап. Петра, крадетъ райскіе ключи, престолъ Господа, солнце, мѣсяцъ, утреннюю зарю, купель Сына, траву босилька и райскіе цвѣты, крестъ, муро, и все это приноситъ въ адъ. Илія взялъ молнію, разгромилъ Іуду, отнялъ у него добычу и привязалъ его цѣпями къ столбу (ib., 264). Названіе Іуды въ малорусскомъ заговорѣ «мисячнымъ видьмачомъ» показываетъ, что малоруссамъ извѣстно сказаніе о томъ, что Іуда

похитилъ было съ неба солнце и мѣсяцъ; нельзя однако опредѣлить, въ какомъ отношеніи находились румынское и малорусское сказанія, и если было заимствованіе, то кто у кого заимствовалъ.

28.

Притча о богатомъ и Лазарѣ.

Евангельская притча о богатомъ и Лазарѣ (отъ Луки, 16), вошла въ народныя пѣсни. Въ римско-католической церкви Лазарь получилъ значеніе покровителя нищихъ, въ особенности больныхъ нищихъ. Отсюда произошло названіе больницы лазаретомъ. У славянъ православнаго вѣроисповѣданія есть много духовныхъ стиховъ о богатомъ и Лазарѣ, причемъ самое слово Лазарь иногда теряетъ значеніе собственнаго имени и обращается въ нарицательное названіе бѣднаго человѣка. Великорусскія пѣсни о богатомъ и Лазарѣ представляются болѣе уклонившимися отъ евангельскаго текста, болѣе своеобразными, чѣмъ малорусскія пѣсни этого рода. Во многихъ великорусскихъ духовныхъ стихахъ о богатомъ и Лазарѣ говорится, какъ о родныхъ братьяхъ, причемъ оба они называются Лазарями (напр. въ «Калѣкахъ перехожихъ» т. I, стр. 43, 44, 48, 49).

Было два братца, два Лазаря:
Одинъ братецъ—богатый Лазарь,
Другой братецъ—убогій Лазарь.

Малорусскіе духовные стихи о богатомъ и Лазарѣ очень близко стоятъ къ евангельскому тексту, настолько близко, что ихъ нельзя назвать стихами апокрифическими. Они представляютъ лишь осложненіе евангельскаго сказанія разными, не столько бытовыми, сколько моральными мотивами, и весьма сходны. Въ сочиненіи Н. И. Костомарова «Объ историческомъ значеніи русск. народ. поэзіи», изданномъ въ 1843 г. въ Харьковѣ, находится стихъ о богатомъ и Лазарѣ. Въ сборникѣ малорусскихъ пѣсенъ г. Манжуры, принадлежащемъ харьковскому историко-филологическому обществу, находится духовный стихъ о богатомъ и Лазарѣ, записанный И. И. Манжурой въ семидесятыхъ годахъ въ с. Люботинѣ валковскаго уѣзда. Сравнивая эти стихи, мы усматриваемъ большое сходство между

ними, доходящее мѣстами до тождества выраженій. Сравнивая далѣе эти малорусскіе стихи съ галицко-русскими духовными пѣснями о богатомъ и Лазарѣ, находящимися въ сборникахъ г. Головацкаго и г. Кольберга, мы видимъ столь же большое сходство мотивовъ и выраженій. Въ варіантѣ, записанномъ г. Кольбергомъ въ Покутьѣ (т. II, стр. 280), находятся лишь незначительныя дополненія при описаніи грѣховъ богатаго. Къ общимъ во всѣхъ варіантахъ чертамъ (богатый не ходилъ въ церковь, одѣвался въ дорогія одежды, не соблюдалъ постовъ) добавляются такія мелочи:

Пре мисця та Божимъ главы не скланявъ,
Молитвы божественны нигды не змавлявъ.

Евангельская притча о богатомъ и Лазарѣ получила большую популярность въ народѣ, между прочимъ потому, что вполнѣ удовлетворяла народнымъ понятіямъ о неправедномъ значеніи богатства, понятіямъ выразившимся въ сказкахъ о богатомъ и бѣдномъ и въ многихъ пословицахъ, въ родѣ: изъ трудовъ праведныхъ не наживешь палатъ каменныхъ; срибло-золото тягне чоловика въ болото; богатый дрибно крае; богатый о биднимъ не гадае.

29.

Сказаніе царя Анфилога о святой литургіи.

Г. Калужняцній въ сборникѣ свято-онуфріевскаго монастыря въ Львовѣ нашелъ любопытное апокрифическое «Сказаніе Анфилога, царя сарацинскаго, о святой литургіи и обращеніе его къ христіанской вѣрѣ, вмѣстѣ съ братомъ его, царемъ Кликанцомъ». Г. Калужняцкій напечаталъ этотъ апокрифъ въ «Обзорѣ славяно-русскихъ памятниковъ языка и письма, находящихся въ библіотекахъ и архивахъ львовскихъ» (стр. 26—28). Приводимъ въ подлинникѣ его начало.

«Бысть Анфилогъ отъ царскаго рода, дръжаще въ тѣ лѣта поганымъ срациномъ. И поихавшу же Анфилогу къ брату своему въ Іерусалимъ градъ и видѣ церковь. И вниде же Анфилогъ въ святилище Божіе не тъкмо самъ, но и велблуды веляше увести, велблуды же падше изъмроша вьси. Анфилогъ же рече: хощу видѣти поганскую вѣру и службу ихъ. И въшедъ на полату, нача

смотрити опасно, идеже съвръшается святая служба. И видѣ попа приступающа къ святѣй трапезѣ. И просвѣтися лице его (т. е. попа), яко слънце, а ризы его яко огнь, когда приступи къ святому жрътовнику. И не показа Богъ поганому просфуры, но показа ему дѣтишь образъ свой. И множество ангелъ стояще окрестъ съ оружіемъ. И нача попъ заклати дѣтище, и абіе истече кровь и вода. По исконченіи же того, егда рече попъ: *благослови, владыко!* въ той часъ ста церковь ледяна, а алтарь огненъ. А егда рече попъ: *пресвятую, чистую*, въ той часъ приступиша множество ангелъ, подемше руцѣ за весь міръ христіанскій, моляшеся Богу. Егда же іерей начнеть глаголати: Богъ святый на святыхъ почивая, тогда множество ангелъ поднимутъ апостолъ, и речеть Михаилъ: вонмѣмъ! а Гавріилъ речеть: миръ вамъ! И начнетъ чести попъ евангеліе и въ то время триста ангелъ взимаютъ съ похвалою слова та, несутъ на небо. Когда глаголетъ попъ: яко милостивъ человѣколюбецъ Богъ еси, тогда вышедъ изъ олтаря ангелъ, нося стекляницу полну мvра, знаменаеть предстоящая люди. Егда попъ начнетъ глаголати: оглашенніи изыидете, тогда ангелы, собравше грѣшники, ведутъ вонъ изъ церкве, а праведники оставляютъ...». Участіе ангеловъ продолжается далѣе въ теченіи всей литургіи, и наконецъ въ богослуженіи принимаютъ участіе Іисусъ Христосъ и Св. Духъ въ видѣ голубя. Въ храмъ врываются демоны и облекаютъ іерея сѣтями, чтобы его прельстить; но ангелы прогоняютъ ихъ огненнымъ оружіемъ. Св. Духъ въ видѣ голубя спускается на св. Дары; далѣе приходитъ Христосъ съ 12 апостолами и цѣлуетъ Дары и священнослужителя. Св. Духъ спускается на іерея и покрываетъ его. По произнесеніи словъ: *пріимите, ядите*, хлѣбъ претворяется до половины, а послѣ словъ священника: *піите отъ нея* совершается полное пресуществленіе св. Даровъ. Тогда ангелы снимаютъ съ людей грѣхи и сожигаютъ ихъ. Послѣ словъ діакона: главы ваша преклоните и слѣдующихъ затѣмъ словъ священника: Боже святый живый въ вышнихъ, ангелъ выходитъ изъ алтаря и кладетъ вѣнецъ на людей, стоящихъ со страхомъ на молитвѣ. По окончаніи литургіи священникъ поднесъ Анфилогу просфору; но Анфилогъ отказался ее взять и съ негодованіемъ сказалъ, что онъ видѣлъ, какъ священникъ убилъ ребенка. Священникъ сказалъ, что такого чуда еще никто не видѣлъ. Пораженный этимъ чуднымъ видѣніемъ, царь

Анфилогъ крестился и принялъ даже схиму. По совѣту патріарха Анфилогъ отправился въ сарацинскую землю и обратилъ въ христіанство брата своего Кликанца. Анфилогъ и Кликанцъ стали проповѣдывать христіанскую вѣру и были казнены сарацинами. Люди стали чтить ихъ память и поклоняться ихъ мощамъ [1]).

Происхожденіе этого апокрифа мнѣ неизвѣстно. Можетъ быть, апокрифическое сказаніе о царѣ Анфилогѣ возникло подъ вліяніемъ сборника патріарха Фотія «Амфилохіи», заключающаго въ себѣ разсужденія о разныхъ предметахъ вѣры и получившаго названіе отъ имени лица, къ которому разсужденія были адресованы [2]).

Въ южнорусскихъ литературныхъ памятникахъ семнадцатаго вѣка находятся отрывки изъ сказанія Анфилога, напримѣръ въ «Небѣ Новомъ» Галятовскаго 1662 г. Въ Чети-Минеяхъ Димитрія Ростовскаго говорится объ участіи ангеловъ при совершеніи литургіи.

Г. Калужняцкій усматриваетъ слѣды сказанія Анфилога въ посланіи ростовскаго архіепископа Вассіана II († 1515) къ Николаю Шембергу. «Поэтическіе образы Анфилогической легенды могли понравиться преосвященному Вассіану именно какъ средство риторическаго искусства, и онъ не усомнился въ числѣ приведенныхъ имъ историко-богословскихъ выводовъ высказать мнѣніе, что въ извѣстныя мгновенія православной литургіи слетаютъ ангелы съ небесъ въ церковь, являются цѣлыя толпы святыхъ ликовъ, чтобы участвовать въ безкровномъ жертвоприношеніи и такимъ образомъ увеличивать его божественную святость и значеніе. Прекрасные образы Анфилоговой легенды выходили затѣмъ постепенно за границы своей собственной сферы и получили въ устахъ Вассіана (а мы добавимъ отъ себя: и въ устахъ южнорусскихъ проповѣдниковъ), по предварительномъ устраненіи апокрифическихъ прибавленій, значеніе поэтическихъ мотивовъ, при содѣйствіи которыхъ должно было укрѣпляться въ глазахъ народа убѣжденіе, что православная литургія лучше другихъ литургій, что она есть соединенное служеніе ангеловъ и людей вмѣстѣ (28).

---

1) *Калужняцкій*, стр. 26—28.

2) Объ Амфилохіяхъ см. *Филарета*, Историч. ученіе объ отцахъ церкви, т. III, стр. 336.

Кромѣ «Сказанія Анфилога» въ южной Руси, повидимому, было въ старину извѣстно еще другое апокрифическое сказаніе о литургіи, упоминаемое въ индексѣ отреченныхъ книгъ въ рукописномъ сборникѣ львовскаго свято-онуфріевскаго монастыря, именно въ «Статьѣ о службѣ тайнъ Христовыхъ», гдѣ говорится, что «если опоздаютъ священници съ жертвоприношеніемъ, то ангели попа клянутъ, рекше: врата небесныя затворяются» (Калужн., 24).

(Окончаніе слѣдуетъ).

НЕИЗДАННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ Т. Г. ШЕВЧЕНКА.

ПРОГУЛКА СЪ УДОВОЛЬСТВІЕМЪ И НЕ БЕЗЪ МОРАЛИ.

(Окончаніе) [1].

VIII.

Очаровательная хозяйка послѣ обѣда сейчасъ-же удалилась вмѣстѣ съ братомъ. За ними послѣдовалъ и догадливый Прохоръ, а я, подумавши немного, сладко, мягко, бархатно-мягко сомкнулъ мои очарованныя вѣжды, уложивъ свою особу на мягкой постели. Но увы! не успѣлъ я перестуиить границу дѣйствительности, какъ до полуслуха моего коснулись какіе-то странные неясные звуки, похожіе на чтеніе псалтыря надъ покойникомъ. Вслушиваюсь, дѣйствительно чтеніе, и чтеніе церковное. И голосъ какъ будто знакомый, но гдѣ этотъ знакомый голосъ: за стѣной, или подъ поломъ, не пойму. Я раскрылъ глаза; но зрѣніе слуху не помогло. Я всталъ, подошелъ тихонько къ двери, растворилъ ее, смотрю— въ передней никого нѣтъ, а звуки сдѣлались явственнѣе, и все таки похожи на чтеніе псалтыря. Нѣтъ-ли и въ самомъ дѣлѣ у меня сосѣда преставльшагося? Отворяю другую дверь, выхожу на лѣстницу и, ларчикъ просто отворялся, псалмо-любивый сторожъ мой Прохоръ, чтобы не безпокоить меня своимъ псалмолюбіемъ, расположился на самой послѣдней ступенькѣ лѣстницы и по всѣмъ правиламъ дьячковской декламаціи борзо читаегъ; «*не ревнуй лукавнующимъ, ниже завиди творящимъ беззаконіе*». Съ удовольствіемъ прослушалъ я псаломъ до конца и возвратился во своя си, дивяся бывшему.

Благоговѣйное чтеніе Прохора теперь на меня дѣйствовяло иначе. Черезъ нѣсколько минутъ неясные звуки совсѣмъ исчезли, и мнѣ уже начало представляться какое-то очаровательное видѣніе

[1]) См. „Кіев. Стар.“ за августъ 1887 г., стр. 589—626.

въ родѣ прекрасной Елены, какъ вдругъ раздалось прозаическое громкое: цабе! цабе... собъ! тпрру!...

Не могу сказать, что именно, но мнѣ представилось что-то страшное. Я вскочилъ, подбѣжалъ къ окну, и о зрѣлище, достойное кисти Вувермана!—Великолѣпный дормезъ, запряженный четырьмя огромными, сѣрыми волами остановился противъ моей квартиры. Прохоръ отворилъ дверцу и, какъ какого-нибудь кардинала, высаживалъ изъ дормеза моего не пышнаго Трофима. Эта оригинальная сцена уничтожила во мнѣ мысль не только о снѣ, но и о самомъ полежаньи.

Земляки мои, въ томъ, числѣ и я, самую серьезную матерію не могутъ не проткать хоть слегка, хоть едва замѣтною шуточкой. Землякъ мой (разумѣется невольно) въ потрясающій финалъ «Гамлета» всучитъ такое словцо, что сквозь слезы улыбнешься. Въ доказательство я приведу примѣръ историческій.

Сообщники Искры и Кочубея, попъ №№ и писарь Подобайло, послѣ доброй пытки кнутомъ, лежали окровавленные на полу подъ рогожею и разсуждали о томъ, что не мѣшало бы позычить у москаля кропила (кнута) для своихъ непослушныхъ женъ. Не правда-ли, на своемъ мѣстѣ шуточка?

Вотъ и я теперь готовлю своего Трохима въ педагоги, къ дѣлу высокой степени благородному и серьезному. Такъ бы и начать слѣдовало это доброе дѣло. Нѣтъ, я вздумалъ его начать шуточкой, а отъ шуточки чуть было въ прахъ не разсыпалось мое доброе и серьезное намѣреніе.

Безъ малѣйшей причины пришла мнѣ въ голову нелѣпая фантазія притвориться сердитымъ на Трохима и посмотрѣть, что изъ этого выйдетъ. Когда онъ съ помощію Прохора внесъ чемоданъ въ комнату, я даже не взглянулъ на него, т. е. на Трохима. Онъ это замѣтилъ и взглянулъ на меня недовѣрчиво. Я продолжаю свою роль. Не обращаю вниманія на сконфуженнаго Трофима; приказываю Прохору принять по счету бѣлье, книги и прочія вещи, а самъ наскоро одѣваюсь и ухожу. Глупо, удивительно глупо! Но я, какъ школьникъ, былъ доволенъ этой импровизированной глупостью.

Извѣстной уже читателю волчьей тропинкой прошелъ я мимо патріарха клена въ также извѣстную аллею и потомъ въ завѣтный павильонъ. Тутъ встрѣтила меня съ братомъ прекрасная Елена и

панна Дорота съ чашкой чая въ рукѣ. Послѣ чая и веселаго живаго разговора герой мой взялся за шарманку: она завизжала какой то вальсъ, а я съ прекрасною Еленою, какъ неистовый нѣмецъ, закружился подъ это визжаніе. Панна Дорота выглядывала изъ-за самовара и замѣтно улыбалась.

Между тѣмъ начало уже замѣтно темнѣть въ павильонѣ. Мы вышли въ садъ, и тутъ-то я вспомнилъ о Трохимѣ и сообщилъ о его прибытіи моему герою. Герой мой, какъ умѣлъ, раскланялся и пошелъ привѣтствовать своего профессора и друга. Я предложилъ моимъ спутницамъ прогулку по волчьей тропинкѣ; онѣ охотно согласились, и мы безъ особенныхъ приключеній засвѣтло еще добрались до большой тополевой аллеи, ведущей къ дому. Въ аллеѣ встрѣтился намъ Иванъ Иванычъ Бергофъ, ѣдущій четверней въ коляскѣ моего возлюбленнаго родича. Гордый успѣхомъ, Иванъ Иванычъ показалъ видъ, что насъ не видитъ, а мы даже отвернулись, когда онъ проѣхалъ мимо насъ. И по дѣламъ тебѣ, нѣмецкій шулеръ!

При входѣ на широчайшій дворъ насъ встрѣтилъ герой мой и съ ужасомъ объявилъ намъ, что Трохимъ пропалъ.

Вотъ тебѣ и шуточка! подумалъ я, раскланиваясь со своими спутницами, и побѣжалъ на квартиру.

— Гдѣ Трохимъ? спросилъ я торопливо Прохора.

— А Богъ ёго святый знае, отвѣтилъ онъ равнодушно.

— Онъ тебѣ ничего не сказалъ, когда уходилъ? спросилъ я нетерпѣливо.

— Сказалъ... и Прохоръ остановился.

— Что же онъ тебѣ сказалъ? говори скорѣе.

— Онъ сказалъ... та цуръ ёму! онъ нехорошее слово сказалъ...

— Говори скорѣе, я все хочу знать!

— Онъ сказалъ, что на васъ не только добрый человѣкъ, самъ чертъ не угодитъ и что когда онъ вамъ понадобится, такъ чтобы вы его и въ Кіевѣ не шукали.

— Попроси ко мнѣ Осипа Федоровича, сказалъ я Прохору.

Онъ поспѣшно скрылся, и черезъ минуту явился ко мнѣ опечаленный герой мой. Я объявилъ ему, въ чемъ дѣло, и просилъ его не медля отправиться въ погоню за Трохимомъ.

— Онъ вѣрно теперь въ Будищахъ, у отца Саввы, прибавилъ я.

Герой мой вышелъ. Я остался и отъ нечего дѣлать началъ углубляться въ смыслъ моей глупой шуточки.

Значитъ, я плохо зналъ моего Трофима, когда позволилъ себѣ подобную выходку. Глупо и еще разъ глупо! И даже неоригинально глупо! Прохоръ первый думаетъ теперь, что я тиранъ, что я бѣшеная собака, что со мною не только добрый человѣкъ, самъ чертъ не уживется. Еще разъ глупо!

— Пожалуйте, васъ просятъ въ покои, проговорилъ Прохоръ, отворяя дверь.

— А въ покояхъ ничего не говорятъ о Трохимѣ? спросилъ я его экспромптомъ.

— А Богъ ихъ святый знае. Назаръ лакей говорить, что...

— Что Назаръ лакей говоритъ? перебилъ я его.

— Что, говоритъ, Трохимъ отъ васъ убѣжалъ.

— Вретъ онъ! Трохимъ забылъ въ Будищахъ очень нужную мнѣ книгу и пошелъ за нею. Кто же виноватъ?—Не забывай! прибавилъ я экспромптомъ весьма неудачно и даже непростительно глупо. Ну, къ чему мнѣ было врать передъ Прохоромъ? Чтобы утвердить его мнѣніе, что я дѣйствительно бѣшеная собака, да еще и хитрая собака. Одна ошибка ведетъ за собою другую,—это въ порядкѣ вещей. Какъ бы однакожъ вывернуться изъ этого глупаго порядка вещей?

Прохоръ лукаво посмотрѣлъ на меня, а я, какъ будто ничего не замѣчая, безпечно просвисталъ качучу, взялъ шапку и вышелъ.

— Вретъ да еще присвистываетъ, навѣрное такъ подумалъ Прохоръ,—сказалъ я про себя, и, скрѣпя сердце, вошелъ въ извѣстную круглую залу á la турецкая палатка. Въ залѣ никого не было; я расположился на отоманѣ въ ожиданіи кого нибудь. Наскучивъ ожиданіемъ, вошелъ я въ кабинетъ хозяина и наткнулся на происшествіе такого свойства: хозяинъ и мой возлюбленный родичъ сидѣли молча за испачканнымъ ломбернымъ столомъ, вперивъ багровые глаза и такіе же носы въ стаканы съ дымящимся пуншемъ. По временамъ произносилось слово *моя*, и за словомъ передвигался цѣлковый съ одного конца стола на другой. Я долго не могъ понять, что между ними происходитъ. Они играютъ, это вѣрно, но въ какую игру? Наконецъ я догадался. Они забавляются въ муху, т. е. въ чей стаканъ прежде упадетъ муха, того и призъ. Хороши мальчики, подумалъ я, глядя на пріятелей и, гнушаясь ихъ отвратительной забавой, вышелъ изъ кабинета, не замѣченный ими.

Я оставилъ пріятелей ругающихся за сомнительное плюэ. Въ палаткѣ-залѣ по прежнему никого не было; мимо десяти незагадочныхъ чулановъ прошелъ я въ китайскую залу съ загадочными фирмами. И тамъ никого не было. Я вышелъ въ садъ—никого, въ павильонѣ—тоже. Куда же скрылася моя прекрасная Елена со своею дуэньею? Задавши себѣ такой вопросъ, я прежнимя переходами возвратился въ свою квартиру, легъ и занялся внимательнымъ созерцаніемъ потолка.

Въ непродолжителтномъ времени Прохоръ отворилъ дверь и сказалъ, что меня просятъ иа вечерю. Я отказался отъ вечери и снова принялся за потолокъ. Не помню, на чемъ я остановился въ своихъ тонкихъ наблюденіяхъ. помню только, что я проснулся, погасилъ свѣчу, поворотился къ стѣнѣ и опять заснулъ.

Проснулся я рано, и мнѣ живо представился заманчивый горизонтъ съ двумя вѣтряными мельницами. Семъ-ка провѣдаю, что тамъ дѣлается за мельницами! Всталъ, надѣлъ шапку, взялъ палку и вышелъ. Златовласая, румяноланитая Аврора уже умылася алмазною росою и радостно улыбалась сладко дремавшей землѣ. Вздохнувъ свѣжимъ, влажнымъ воздухомъ, я вздрогнулъ легонько и, помолившись Богу, направился къ широкой тополевой аллеѣ. Пройдя аллею, остановился я на распутьи двухъ дорогъ. Одна мнѣ знакома, она ведетъ въ село Будища, а другая, Богъ знаетъ, куда приведетъ. Я выбралъ ту, которая Богъ знаетъ, куда приведетъ. Иду. Направо лѣсъ, налѣво поле, а впереди сѣрѣетъ село, подернутое облакомъ прозрачнаго дыма. Вхожу въ село. Извилистая улица спускается внизъ и соединяется съ греблей. Ниже гребли мельница и винокурня, а по другую сторону, почти въ уровень съ греблей, блестящій широкій прудъ. За прудомъ такое же сѣроватое село и вьющаяся улица по красноватому пригорку. На пригоркѣ шинокъ, за шинкомъ царина, поле и двѣ вѣтряныя мельницы. Васъ-то мнѣ и нужно, голубушки.

— Добрый день, батьку! сказалъ я сѣдобородому старику, прилаживавшему лубочныя двери къ своему куреню.—Нехай Богъ поможе, прибавилъ я, приподымая шапку.

— Добрый день, сыну! Нехай и вамъ Богъ поможе, проговорилъ онъ, снимая шапку.

— А куда Богъ несе? спросилъ онъ почтительно.

— Гуляю, батьку! отвѣтилъ я, проходя мимо его.

— Гуляй соби съ Богомъ, сыну! проговорилъ онъ, надѣлъ шапку и снова принялся за лубковую дверь. А я вышелъ въ поле и пошелъ себѣ шляхомъ-дорогою, насвистывая какую то украинскую пѣсню.

Прошелъ я мимо вѣтряныхъ мельницъ и шагъ за шагомъ незамѣтно поднялся на заманчивую возвышенность и вдругъ остановился. Передо мною открылась неоригинальная и не новая для меня, но очаровательная картина. Обрамленная темнымъ лѣсомъ, широкая и безконечно длинная поляна раскинулась на отлогой покатости, уставленная въ безпорядкѣ старыми суховерхими дубами. Налюбовавшись до отвалу, мнѣ вдругъ пришла охота пощупать ногами эту старую, неоригинальную картину. Крѣпко захотѣлъ—въ половину сдѣлалъ... Проговоривши эту святую истину, пустился я ощупывать старую картину и, переходя отъ дуба къ дубу, нечаянно наткнулся на широкій и глубокій ровъ. Смотрю, за рвомъ на большомъ пространствѣ, приблизительно двухъ квадратныхъ верстъ, зеленѣетъ на бархатномъ мѣстѣ молодая пажить. А между этой тучной роскошной зеленью, какъ темныя ленты, протянулись два обнижка (межа) и на одномъ изъ нихъ гуляетъ высокій человѣкъ, весь въ бѣломъ. Я далекъ отъ вѣры въ заколдованные клады, которые счастливцамъ являются тоже въ бѣломъ. Но тутъ чуть чуть не приблизился я къ этой нелѣпой вѣрѣ. Хорошо, что этотъ мнимый кладъ, увидя меня, сталъ ко мнѣ приближаться. Когда онъ подошелъ на нѣсколько шаговъ ко рву, то я приподнялъ шапку, пожелалъ ему добраго утра и спросилъ:

— Чья это такая прекрасная пшеница?

— Доктора Прехтеля, т. е. моя, отвѣчалъ незнакомецъ и, приподнявъ бѣлую фуражку, прибавилъ: имѣю честь рекомендоваться.

Я посмотрѣлъ на него внимательнѣе. Это былъ бѣлый, свѣжій, худощавый, высокаго роста старикъ, въ кавалерійскомъ бѣломъ кителѣ и въ такихъ же широкихъ шароварахъ. Съ минуту стояли мы молча другъ противъ друга. Я уже намѣренъ былъ сказать что то, какъ онъ внезапно уничтожилъ мой проэктъ вопросомъ.

— Вы не здѣшній? и вѣроятно заблудились?

— Ваша правда, я не здѣшній! Я художникъ Дармограй, отвѣчалъ я, какъ будто растерявшись, что со мною дѣлается всегда при первой встрѣчѣ.

— Вашу руку! Я люблю художниковъ, истинныхъ Божіихъ дѣтей, проговорилъ онъ быстро и протянулъ мнѣ руку. Я сдѣлалъ тоже и очутился въ канавѣ. Онъ сдѣлалъ мнѣ сначала выговоръ за неосторожное движеніе, потомъ подалъ мнѣ руку и вытащилъ, аки пророка Даніила изъ рва львинаго, немного выпачканнаго грязью.

— Теперь здравствуйте, какъ слѣдуетъ, сказалъ онъ, улыбаясь и пожимая мои руки.

— Ваше имя? спросилъ я его.

— Степанъ Осиповичъ Прехтель.—А ваше? прибавилъ онъ быстро.

Я сказалъ ему свое имя.

— Очень хорошо. Теперь пойдемъ къ моей старухѣ; она, какъ и я самъ, тоже любитъ художниковъ. И, говоря это, онъ вывелъ меня на обнижокъ. Но какъ эта дорога оказалась тѣсною для двоихъ пѣшеходовъ, то онъ пустилъ меня впередъ, а самъ пошелъ за мною. Молча прошли мы зеленую ниву и вступили въ молодую, аккуратно подчищенную рощу. Тутъ насъ встрѣтилъ красивый, здоровый парень въ бѣлой чистой рубахѣ и такихъ же широкихъ шароварахъ. Парень снялъ смушевую черную шапку и кланяясь проговорилъ:

— Добрый день, дядюшка!

— Добрый день, Сидоръ! отвѣчалъ ему новый мой знакомый.

— Что хорошее скажешь, Сидоръ? спросилъ онъ его.

— Тетушка Софія Самойловна послали васъ шукать, отвѣчалъ парень, кланяясь.

— Добре, скажи: прійдемо, сказалъ докторъ Прехтель моимъ роднымъ нарѣчіемъ, что меня не мало удивило, принявъ въ соображеніе его ученую степень и нѣмецкую фамилію.

Пройдя дубовую рощу, мы очутились передъ бѣлою большою хатою съ ганкомъ (крылечко) и четырьмя, одной величины, окнами. Изъ-за хаты выглядывали еще какія-то строенія, но я не успѣлъ ихъ разсмотрѣть, потому что въ дверяхъ показалась кубическая, свѣжая, живая старушка въ ширококрыломъ бѣломъ чепцѣ и въ бѣлѣйшей широкой блузѣ.

— Рекомендую вамъ мою Софью Самойловну, сказалъ Прехтель, показывая на приближающуюся къ намъ старушку.

Я поклонился и проговорилъ свое имя и званіе.

— Ахъ! произнесла моя новая знакомка и, обратясь къ мужу, спросила:

— Гдѣ это ты взялъ такого дорогаго гостя?

— Богъ намъ послалъ, другъ мой, сказалъ онъ, нѣжно цѣлуя свою Софью Самойловну.

— Я вамъ пришлю кофе сюда въ рощу: въ комнатахъ еще безпорядокъ, сказала она скороговоркой и скрылась въ хату.

Телемонъ и Бавкида, подумалъ я, возвращаясь съ хозяиномъ въ рощу.

IX.

— Теперь отдохнемъ, сказалъ мой вожатый, садясь на дерновую, полукруглую скамейку.

— Отдохнемъ, повторилъ я, опускаясь на ту же скамейку.

Черезъ минуту къ намъ подошла бѣлолицая, свѣжая дѣвушка, въ малороссійскомъ костюмѣ и кланяясь сказала едва слышно:

— Де, дядюшка, прикажете столъ поставить?

— Хоть за воротами, мнѣ совершенно все равно, давай намъ только кофе, сказалъ мой Амфитріонъ, улыбаясь.

Дѣвушка вспыхнула и закрыла лице бѣлымъ широкимъ рукавомъ рубахи.

— Ты слова путнаго никогда не скажешь, сказала тутъ же очутившаяся Софія Самойловна.—Принеси скорѣе, Параско, круглый столикъ, прибавила она, обращаясь къ своей сконфуженной сотрудницѣ. А старикъ взглянулъ на меня и лукаво мигнулъ глазомъ, какъ бы говоря: каковъ я!

Въ одну минуту бѣлолицая Геба-Параска уготовала для насъ пиръ съ самомалѣйшими подробностями. На небольшомъ кругломъ столѣ она помѣстила все: и кофейникъ и кофейничекъ, и кипяченыя сливки въ миніатюрныхъ горшечкахъ, и булки и булочки, и сухари и сухарики, и наконецъ двѣ большія чорныя сигары, и зажигательныя спички. Недоставало одной Софьи Самойловны. Не замедлила и она явиться, но уже не въ блузѣ, а въ чорномъ шелковомъ платьѣ и въ щеголеватомъ свѣжемъ чепчикѣ. Она присосѣдилась къ намъ, и послѣ первой чашки кофе бесѣда завязалась. Я разсказалъ имъ подробно, кто я и что я. А они, или лучше сказать она, не вдаваясь въ мелочи, какъ это обыкновенно бываетъ у женщинъ ея лѣтъ, разсказала мнѣ все про свое житье бытье, не касаясь ни однимъ словомъ своихъ сосѣдокъ. Большая рѣдкость у женщинъ даже и не ея лѣтъ. Въ заключеніе она сказала мнѣ, что

у нихъ есть дочь, красавица, въ кіевскомъ институтѣ и что черезъ мѣсяцъ она оставитъ институтъ, и какъ она ее будетъ дома учить хозяйничать, и какъ замужъ думаетъ выдать. Тутъ только она вдалась въ подробности, но матери это простительно.

Есть на свѣтѣ такіе счастливые люди, которымъ не нужна ни какая рекомендація, съ которыми не успѣешь осмотрѣться хорошенько, какъ уже, самъ того не замѣчая, дѣлаешься своимъ, роднымъ, безъ малѣйшаго съ твоей стороны усилія. А есть и такіе несчастнѣйшіе люди, съ которыми и изъ семи печей хлѣба поѣшь, а все таки не узнаешь, что оно такое, человѣкъ или амфибія.

Не вставая съ дерновой скамьи и до половины не докуривъ сигары, я узналъ, что Степанъ Осиповичъ Прехтель былъ когда-то штабъ-лекаремъ въ курляндскомъ драгунскомъ, теперь уланскомъ полку, и что учился въ Дорпатѣ и что Софія Самойловна воспитанница графини Гудовичъ, жены командира того самаго курляндскаго драгунскаго полка, въ которомъ онъ служилъ когда-то медикомъ и что въ мѣстечкѣ Ольшанѣ (кіевской губерніи) они спозналися съ Софьей Самойловной, тамъ же и побралися и что сначала было не безъ нужды, пока Степанъ Осиповичъ не окрылился, т. е. пока не выслужилъ пансіонъ и не оставилъ службу. Потомъ купили себѣ тотъ хуторокъ, обзавелись хозяйствомъ да и живутъ, какъ у Бога за дверью.

Въ свою очередь и я разговорился и нарисовалъ имъ самими радужными красками мою прекрасную Елену и ея благороднаго, великодушнаго рыцаря-брата. Я такъ увлекъ стариковъ своимъ рисункомъ, что они со слезами на глазахъ стали меня просить познакомить ихъ съ братомъ и съ сестрою, о которыхъ они уже слышали, хотя еще не имѣли счастья видѣть эту благородную чету. Я обѣщалъ. Я предвидѣлъ отъ этого знакомства много прекраснаго и полезнаго для моей героини и еще болѣе для образованной красавицы, дочери Софьи Самойловны.

Онѣ раздѣлятъ свое правственное добро, какъ родныя сестры, и обѣ будутъ богаты.

Старики прдложили мнѣ остаться у нихъ обѣдать. Я не отказался, а въ ожиданіи обѣда Степанъ Осиповичъ предложилъ мнѣ прогуляться по его палестинѣ. Я тоже не отказался, и мы пустились

соглядать не широкое, но милое, чистое, аккуратное хозяйство медико-агронома.

О подробностяхъ видѣннаго мною я распространюсь въ другомъ мѣстѣ, а теперь и не мѣсто и не время, потому что Софья Самойловна послала уже своего Сидора-Меркурія просить насъ къ обѣду. Я однакожъ ошибся. Сидоръ дѣйствительно шелъ искать къ обѣду, только не насъ, а карасей въ пруду. И когда мы проходили греблю, то я увидѣлъ сквозь тростникъ, какъ онъ вытащилъ вершу и изъ нея посыпалися въ човенъ крупные, золотистые караси. Я посмотрѣлъ и только облизался. Каковы же эти пріятели будутъ поджаренные со сметаной, подумалъ я и еще разъ облизался. Пріятели оказались дѣйствительно такими, какъ я думалъ. А вообще обѣдъ превзошелъ мое воображеніе своею простотою и чистотою до педантизма. Послѣ обѣда Степанъ Осиповичъ пригласилъ меня въ свою лабораторію—библіотеку прочитать, какъ онъ выразился, знаменитое твореніе особаго и перваго мудреца Морфея. Перейдя темныя сѣни, вступили мы въ половину Степана Осиповича. Это была большая комната съ четырьмя небольшими окнами, украшенными разной величины бутылями съ разноцвѣтными жидкостями. Въ премежуткахъ оконъ помѣщалися шкафы—одни съ аптекарскими банками, а другіе съ книгами; на столахъ сушилися первовесеннія ароматическія травы, а вѣнцемъ украшенія комнаты были двѣ койки съ свѣжими постелями, на которыя мы возлегли и заснули, да не какъ нибудь по воровски, а заснули по хозяйски, т. е. до заката солнца.

Чтеніе знаменитаго творенія мудреца Морфея продлилось бы и долѣе, еслибы не послышался изъ-за дверей знакомый звонкій голосъ Софьи Самойловны, спрашивавшей, не желаемъ ли мы чаю, на что Степанъ Осиповичъ лаконически отвѣтилъ: желаемъ!

— А когда желаете, такъ выходите въ садъ, сказала Софья Самойловна, стукнувши чѣмъ то металлическимъ въ дверь, вѣроятно ключемъ.

Мы встряхнулись, умылись и, какъ ни въ чемъ не бывало, вышли уже не въ дубовую рощу, а въ настоящій фруктовой садъ, расположенный по другую сторону хаты. Усѣлись мы на дерновой скамьѣ подъ старою огромною липою, раскинувшейся по серединѣ сада.

— А какъ бы намъ кто нибудь приподнесъ воды и сахару или варенья, сказалъ Степанъ Осиповичъ идущей къ намъ Софьѣ Самойловнѣ.

— Ты настоящій нѣмецъ! сказала она, улыбнувшись однимъ угломъ рта, что дѣлало ее необыкновенно милою старушкою.—Все бы ему воду да сахаръ. А чай куда дѣнешь? Настоящій нѣмецъ, повторила она.

— И не сидѣлъ около нѣмца! сказалъ, безъ улыбки, Степанъ Осиповичъ, закуривая сигару.

Софья Самойловна возвратилась въ хату. И въ скоромъ времени бѣлолицая чернобровая Геба-Параска вынесла на подносѣ требуемый продуктъ, поставила на скамейку и проговорила краснѣя:

— Дяденька!.. тётенька велѣла спросить у васъ, не подать ли вамъ еще чего нибудь.

— Перцу съ лукомъ и горчицы немного попроси у своей тетеньки, а потомъ уже чаю, прибавилъ онъ не улыбаясь.

Какъ спѣлое яблоко зардѣлася бѣлолицая Геба и, закрывъ лице рукавомъ, убѣжала въ хату.

Зачавъ рѣчь, вертѣлись сначала на шуточкахъ Степана Осиповича, потомъ рѣчь перешла на прекрасную сестру и великодушнаго брата и наконецъ на панну Дороту.

— Что за субъектъ эта безмолвная панна Дорота? спросилъ я у Степана Осиповича.

— Мрачный психическій феноменъ, отвѣчалъ онъ.

Она идіотка вслѣдствіе обмана и оскорбленія; ея печальная исторія тѣсно и даже родственно связана съ гнусной исторіей стараго Курнатовскаго, отца теперешняго владѣльца. Я вамъ разскажу ея исторію, мнѣ она болѣе, нежели кому-нибудь другому, извѣстна. И по моему такія исторіи не только разсказывать—печатать слѣдуетъ. Эти растлители, беззаконники, закономъ ограждены отъ кнута, то ихъ слѣдуетъ и должно печатно казнить и позорить, какъ гнусное нравственное безобразіе.

Только что Степанъ Осиповичъ вошелъ въ сущность рѣчи, а я превратился въ слухъ, какъ подошла ко мнѣ бѣлолицая Геба и краснѣя вполголоса сказала, что меня какой то однорукій панъ спрашиваетъ. Я теперь только хватился, что я сдѣлалъ непрости-

тельную глупость: ушелъ изъ дому, не сказавъ даже Прохору, куда я ушелъ. А впрочемъ я и самъ тогда не зналъ, куда я ушелъ.

— Что случилось? спросили меня вдругъ оба мои Амфитріона.

— Ничего особеннаго, отвѣчалъ я, смутившись.—Меня, какъ бѣглеца, разыскиваютъ въ околодкѣ.

— Кто васъ ищетъ?

— Человѣкъ, великодушіемъ котораго мы недавно восхищались.

— Неужели онъ самъ? Гдѣ онъ?

— Оттутъ стоитъ за хатою, отвѣчала простодушная Геба.

— Что же ты остановилась? Проси ихъ сюда къ намъ, сказала Софья Самойловна, обращаясь къ Гебѣ.

— Вы намъ сегодня гору золота подарили, говорилъ Степанъ Осиповичъ, пожимая мнѣ руку.

Бѣлолицая Параска пошла просить гостя до компаніи, а мы всѣ трое, вслѣдъ за Параскою, пошли тріумфально встрѣтить моего героя.

— Вы меня знаете, а я васъ еще лучше знаю, и кончено;—такъ встрѣтилъ Степанъ Осиповичъ своего гостя и, пожимая ему руку, прибавилъ, показывая на Софью Самойловну: а вотъ и моя старая нѣмка; прошу полюбить.

Софья Самойловна сдѣлала книксенъ и благоговѣйно посмотрѣла на моего героя. А онъ, простодушный, покраснѣлъ, какъ дѣвушка, при встрѣчѣ съ незнакомымъ юношею и, подойдя ко мнѣ, шепнулъ на ухо: за воротами Трохимъ васъ дожидаетъ.

Я исчезъ, какъ кошка.

За воротами стояля бричка, а въ бричкѣ сидѣлъ, понуря голову, мой оскорбленный Трохимъ. Увидя меня, онъ отвернулся. Подходя къ бричкѣ, я слегка кашлянулъ; онъ еще больше отвернулся. Я вижу, что дѣло плохо; зашелъ съ другой стороны, онъ отвернулся въ противуположную сторону. Плохо, нужно перемѣнить маневръ.

— Здравствуйте, Трохимъ Сидоровичъ! сказалъ я, едва удерживаясь отъ смѣха.

— Здравствуйте и вамъ, сказалъ онъ и еще повернулся отъ меня.

— Не хотите ли чего покушать?

— Не хочу, сказалъ онъ протяжно и оборотился ко мнѣ спиною.

Не безъ труда умаслилъ я моего Трохима и ввелъ его въ освѣщенный геникей Софья Самойловны. На дворѣ уже было темно. Я отрекомендовалъ его, какъ моего вѣрнаго слугу и сподвижника и какъ будущаго учителя моего героя.

— Браво, молодой профессоръ! Будемъ учиться и все пойдетъ хорошо, проговорилъ Степанъ Осиповичъ, пожимая ему руку. Софья Самойловна приласкала его какъ сына, попотчивала вотрушкой и посадила около себя на диванъ. Трохимъ не безъ церемоніи исполнилъ ея желаніе, сначала поцѣловавъ ея руку, изъ чего я замѣтилъ, что онъ парень бывалый.

Послѣ весьма нелегкаго ужина, къ немалому изумленію Софьи Самойловны, мы собрались въ путь. А она уже велѣла въ клунѣ на соломѣ и постели намъ приготовить. Услыхавъ о такой роскоши, я уже было и нюни распустилъ, но герой мой, какъ истиный спартанецъ, рѣшительно отказался отъ этого невиннаго плотоугодія, и тѣмъ болѣе, что панна Дорота вчера вечеромъ крѣпко захворала и сестры некѣмъ перемѣнить у ея постели.

Такъ вотъ гдѣ причина вчерашняго безмолвія, подумалъ я. И, пожелавъ хозяевамъ покойной ночи, мы вышли на дворъ, давъ слово навѣщать ихъ чаще и чаще.

— А все таки лучше было-бъ, если-бы вы переночевали, говорила ярко освѣщенная свѣчей Софья Самойловна.

Степанъ Осиповичъ, проводивъ насъ до воротъ и прощаясь, просилъ учителя и ученика безъ церемоніи обращаться къ нему за учебными книгами и удостоивать его свѣдѣніями о ходѣ своихъ занятій по педагогической части. Я молча пожалъ ему руку и мы разстались.

X.

Западный небосклонъ еще рдѣлся, какъ потухающее зарево отдаленнаго пожара. На мягкомъ, красноватомъ фонѣ рисовалась темная прозрачная дубовая роща; изъ-за рощи фіолетовой игривой струйкою подымался вверхъ дымъ, вѣроятно изъ кухни Софьи Самойловны. Глядя на этотъ невозмутимый миръ природы, сладкія успокоительныя грезы посѣтили мою тревожную душу.

...Не для волненій, не для битвъ—
Мы рождены для вдохновеній,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ!

Стихи Пушкина не сходили у меня съ языка, пока мы не подъѣхали къ селу. При въѣздѣ въ село вмѣсто цариннаго дѣда намъ отворилъ ворота Прохоръ, и вмѣсто обыкновеннаго привѣтствія произнесъ онъ клятвенное обѣщаніе въ томъ, что не будь онъ Прохоръ Хиврычъ, а будь онъ собачій сынъ, если онъ съ этого часу отпустить меня отъ себя хотя на двѣ пяди. Возьму, говорить, на веревку, тай буду водыть, якъ того ведмедя, и что другой рады онъ не можетъ дать съ такимъ божевильнымъ паномъ, какъ я. При этихъ словахъ Трохимъ посмотрѣлъ на меня значительно, какъ-бы говоря: что? небось, неправда?

— Посунься къ тому боку, сказалъ Прохоръ Трохиму, влѣзая въ бричку.—Съ самаго ранку на ногахъ, якъ той хортъ на ловлѣ!— Рушай! сказалъ онъ кучеру, усаживаясь.

Мимо едва освѣщеннаго шинка спустились мы тихо съ пригорка и очутилися на греблѣ. На гладкомъ зеркалѣ пруда всплескивала рыбка, оставляя по себѣ тихо расширявшійся на водѣ кругъ. Проѣхавъ село и тополевую аллею, мы остановились на широкомъ дворѣ. Изъ темнаго фона выдвигалась черная женская фигура. Я узналъ въ ней мою прекрасную Елену.

— Чи вси дома? спросила она, встрѣчая насъ.

— Вси! сказалъ я, выскакивая изъ брички.

— Гдѣ вы пропадали до сихъ поръ? спросила она, взявъ меня за руку.

Я сказалъ ей о моей находкѣ.

— А что, развѣ я не говорила тебѣ, что они непремѣнно тамъ, сказала она, обращаясь къ брату.

— Да почему вы узнали, что я именно тамъ? спросилъ я ночную красавицу.

— Потому, что вы рано поутру прошли за царину и не возвращались, а до хутора Прехтеля недалеко, я и догадалась.

Умница, подумалъ я, подалъ ей руку, и мы молча отошли отъ брички.

— Какъ здоровье вашей панны Дороты? спросилъ я мою молчаливую спутницу.

— Очень нехорошо; завтра необходимо попросить Степана Осиповича, и я не знаю, какъ это сдѣлать. Мужъ уѣхалъ, а я...

— Куда вашъ мужъ уѣхалъ? прервалъ я ее, какъ будто меня тяготило его присутствіе.

— Не знию, куда онъ уѣхалъ съ вашимъ родичемъ, вѣрно въ Будища, отвѣчала она, не измѣняя тона.

Разговоръ нашъ какъ-то не вязался. Елена сегодня не была похожа на себя. Я ей это замѣтилъ, и она сказала, что ей сегодня скучно. Я нарисовалъ ей привлекательную Софью Самойловну и въ заключеніе объявилъ ея искреннее желаніе познакомиться съ нею. Она и эту любезность приняла замѣтно сухо, изъ чего я могъ догадаться, что мнѣ осталось пожелать ей пріятныхъ сновидѣній и ретироваться во свояси, что я благоразумно и исполнилъ.

Что ее такъ сильно безпокоитъ? Неужели болѣзнь панны Дороты, этого живаго автомата, или отсутствіе безпутнаго мужа? Или и то и другое? И то и другое по одиночкѣ дрянь, а вмѣстѣ безпривѣтственная гадость. А она скучаетъ безъ нихъ. Странно!

Долго я еще шлялся въ темнотѣ по двору и повторялъ зады, пока наконецъ усталъ и пошелъ къ себѣ на квартиру.

Въ ожиданіи меня, Трохимъ читалъ вступительную лекцію своему ученику. Когда я входилъ въ комнату, онъ заставлялъ его узнавать буквы на оберткѣ Морскаго Сборника и прехитро толковалъ ему, что означаютъ двѣ палочки съ перекладиной наверху и что значатъ такія же двѣ палочки съ перекладиной по серединѣ. Прохоръ же, не обращая ни малѣйшаго вниманія на любознательную молодежь, читалъ вслухъ псалмы Давидовы, осторожно переворачивая пожелтѣвшіе листы псалтиря. Эта новая сцена освободила меня отъ томительнаго впечатлѣнія предшествовавшихъ ощущеній. Похваливъ моего героя за понятливость и прилежаніе, Трохима за точное исполненіе своей обязанности, а Прохора за борзое чтеніе и писаніе, я хотѣлъ поклониться имъ и лечь спать, какъ Прохоръ выступилъ впередъ и взялъ смѣлость спросить у меня, что значитъ «Коль возлюбленна селенія Твоя, Господи силъ?»—Я, признаюсь, былъ озадаченъ такимъ нечаяннымъ вопросомъ; но сейчасъ же оправившись, отвѣчалъ ему на-удалую. «Селеніе возлюбленное Господне», сказалъ я ему, означаетъ ни что иное, какъ монастырь. Прохоръ посмотрѣлъ на меня съ благоговѣніемъ, а на предстоящихъ съ удивленіемъ, и больше ничего.

— Я и самъ такъ думалъ, говорилъ Прохоръ, придя въ себя: а можетъ быть и не такъ думаю себѣ, а спросить некого. Панна Дорота—они хотя и читаютъ книгу, такъ не по нашему, а по польски,

такъ ее и спрашивать нечего. Слава Богу, что васъ Господь послалъ къ намъ, а то бы я и до гробовой доски не выразумѣлъ сего святаго слова.—Чи вы вечеряли? спросилъ онъ меня внезапно.

— Вечерялъ, отвѣчалъ я.

— Кладитеся жъ зъ Богомъ та спить. Ходимо хлопци! прибавилъ онъ, обращаясь къ своимъ собесѣдникамъ.

Въ продолженіи рѣчи Прохора я какъ бы отъ нечего дѣлать перелистывалъ Морской Сборникъ и, найдя то мѣсто, гдѣ было сказано о подвигѣ моего героя, заставилъ Трохима прочитать въ слухъ. Героя моего этотъ напечатанный секретъ на минуту озадачилъ, но онъ вскорѣ оправился и сказалъ:

— Да если бы не самъ графъ Велегорскій, царство ему небесное, насъ тогда допрашивалъ, то я другому бы и слова не высказалъ.

Миръ праху твоему, достойный представитель человѣколюбія! почти въ слухъ проговорилъ я и, пожелавъ покойной ночи честной компаніи, ушелъ въ свою комнату.

Разставшись съ моими protégé друзьями, я нелицемѣрно принялся мѣрить вдоль и поперегъ свою комнату. Но какъ я тщательно не работалъ надъ ея измѣреніемъ, а кончилъ тѣмъ, что, не узнавши ея точной величины, потушилъ огонь и легъ спать. Я разсчитывалъ на богатырскій сонъ, а вышло совсѣмъ не такъ. Меня что то безпокоило; этого я, какъ ни старался, опредѣлить не могъ. Въ эти жестокія и безконечно длинныя минуты я немного смахивалъ на влюбленнаго, слѣдовательно и на помѣшаннаго. Но этого сходства быть не можетъ, во первыхъ, потому, что я не прапорщикъ, а во вторыхъ, что я уже хотя и не въ чинахъ, то по крайней мѣрѣ въ лѣтахъ и въ добавокъ совершенно не эротической комплексіи. А между тѣмъ, о чемъ бы я ни задумалъ: о старыхъ красавцахъ дубахъ, о бѣломъ ли Прехтелѣ, о Софьѣ ли Самойловнѣ, о ея милой оригинальной улыбкѣ,—вездѣ и во всемъ проглядываетъ она, она, прекрасная и непорочная моя простушка героиня. Боже мой! Боже мой! восклицалъ я мысленно. Сохранитъ ли она свѣжесть, эту дѣвственную чистоту, какъ сохранила ея Софья Самойловна? Едва ли. Она полна самой нѣжной, самой возвышенной любви. Ей необходима по крайней мѣрѣ привязанность, ей необходима опора, на которой бы она могла сосредоточиваться; ей необходимъ разумный и вѣрный другъ, а не пьяный сластолюбецъ ремонтеръ

или жалкая идіотка панна Дорота, къ которой она привязана изъ необходимости къ кому нибудь привязаться. А если эта жалкая руина совсѣмъ рушится—тогда что? Тогда... тогда все можетъ случиться. Хорошо еще, если она послѣ томительной холодной пустоты сдѣлается только похожею на мою бездушную кузину; а если, что также естественно, утративъ святое женское достоинство, она прямо перейдетъ въ подносчицы своего растлителя? И наконецъ, истощивъ слабые остатки нравственной силы, она разомъ увидитъ всю отвратительную мерзость собственнаго уничтоженія? Тогда... Да, она второй экземпляръ жалкой юродивой панны Дороты! Какъ же отвести эту темную густую тучу отъ ея блистательно прекрасной головки? И я, какъ великій Франклинъ, задумался надъ этимъ нравственнымъ отводомъ.

Послѣ долгихъ соображеній я остановился на Софьѣ Самойловнѣ и ея институткѣ дочери и не откладывая въ длинный ящикъ, рѣшилъ завра же познакомить между собою моихъ пріятельницъ. Эта неоригинальная мысль такъ мнѣ понравилась, что я развилъ ее до самой дикой несбыточности, и убаюканный республиканцами внучатами моей прекрасной Елены и прочими тому подобными мечтами, заснулъ сномъ блаженнаго.

Проснулся я довольно поздно, и первое, что представилось моему уже бодрствующему воображенію, это вчерашній проэктъ съ самомалѣйшими подробностями, Не смотря на то, что это было чадо моей собственной фантазіи, я не узналъ его. Оно было слишкомъ вычурно. Я его уничтожилъ и на тѣхъ же данныхъ принялся строить другое зданіе солиднѣе, положительнѣе, принаравливая его болѣе къ климату и обычаямъ.

— А не пора ли вамъ вставать? сказалъ Прохоръ, тихонько отворяя дверь.

— Не знаю, какъ ты думаешь? спросилъ я его, вставая съ постели.

— Я такъ думаю, что пора. Уже два раза приходили просить васъ на чай туда въ садъ, говорилъ онъ, развертывая полотенце.

Черезъ нѣсколько минутъ я уже подходилъ къ дверямъ завѣтнаго певильона и, какъ дверь была растворена, то я издали внутри его увидѣлъ бѣлую блестящую голову Степана Осиповича.

— Какими судьбами вы здѣсь очутились? сказалъ я. подходя къ нему и кланяясь его собесѣдницѣ, прекрасной Еленѣ.

— Очень просто: я медикъ, отвѣчалъ онъ, протягивая руку.

— А какова ваша больная? спросилъ я его.

— Какъ вообще больные, сказалъ онъ, улыбаясь.

Хозяйка ушла провѣдать свою больную, я принялся за чай, а Степанъ Осиповичъ закурилъ сигару и принялся за панегирикъ моей прекрасной Еленѣ. И только что дошелъ онъ до самаго паѳоса, какъ вошла въ павильонъ сама героиня и объявила своему новому поклоннику, что больная заснула.

— И слава Богу, сказалъ улыбаясь Степанъ Осиповичъ и предложилъ прогулку сначала въ саду, а потомъ къ себѣ на хуторъ. Сонъ въ руку, подумалъ я и, разумѣется, охотно согласился на его милое предложеніе. Прекрасную Елену затрудняла больная, но Степанъ Осиповичъ, какъ медикъ, увѣрилъ ее, что больная проспитъ до вечера и проснется здоровою. Она согласилась, приказала приготовить экипажъ и догонять себя за цариною.

По дорогѣ я забѣжалъ на квартиру, взялъ портфель, карандашъ и палку и пустился по слѣдамъ моихъ спутниковъ. Едва успѣли мы выйти за село, какъ нагнала насъ коляска и приняла въ свои мягкія нѣдра. Проѣзжая мимо одного стараго дуба, я велѣлъ кучеру остановиться и къ изумленію моихъ спутниковъ вышелъ изъ коляски. На вопросъ, что я намѣренъ дѣлать, я показалъ на дерево и сказалъ, что намѣренъ нарисовать этого суховерхаго патріарха. Степанъ Осиповичъ молча махнулъ рукой и велѣлъ кучеру трогать, а я на нѣкоторомъ разстояніи обошелъ вокругъ широковѣтвистаго Мафусаила и, не найдя желаемаго пункта по причинѣ полдневнаго освѣщенія, прилегъ въ тѣни того же Мафусаила, полюбовался издали на его могучихъ сверстниковъ да и задремалъ.

Когда проснулся я, то увидѣлъ, что густая тѣнь лѣса измѣнила мнѣ: она отскочила отъ меня сажени на три. Хорошо еще, что я догадался лице закрыть платкомъ отъ мухъ, а иначе изъ меня сдѣлался бы препорядочный англичанинъ. А гдѣ же мой портфель? Странническая дубина здѣсь, а портфеля нѣтъ. Обошелъ я нѣсколько разъ вокругъ патріарха, заглянулъ въ его широкое дупло, нѣтъ моего портфеля, а освѣщеніе самое настоящее, и лысый Мафусаилъ какъ бы смѣется надо мною, показывая свои соблазнительно широко освѣщенные сучья и вѣтви. Съ досады я подошелъ къ другому патріарху, тотъ еще лучше, къ третьему, еще

лучше, а четвертый какъ будто бы убѣжалъ изъ портфеля Калама и опять напрашивается подъ карандашъ. Я чуть не плакалъ съ досады. Пославъ дюжину проклятій безсовѣстному вору, вышелъ я на дорогу и направилъ стопы свои къ хутору Прехтеля. Кромѣ Софьи Самойловны и бѣлолицой Параски я на хуторѣ не нашелъ никого больше. На вопросъ, обѣдалъ-ли я, я отвѣчалъ отрицательно, и тотчасъ былъ введенъ на половину Софьи Самойловны и начиненъ всѣми съѣдобными благодатями и между прочимъ узналъ, что героиня моя просто очаровала Софью Самойловну и что она гостила не долго потому, что боялась за свою больную панну Дороту и что Степанъ Осиповичъ поѣхалъ вмѣстѣ съ нею, а что она Софья Самойловна ѣдетъ къ ней на вечерній чай и проситъ меня быть ея кавалеромъ. Отъ этой части я не отказался, и мы, полчаса спустя, отправились въ дорогу.

XI.

Въ тополевой аллеѣ, противъ самой волчьей тропинки, я велѣлъ остановиться и просилъ свою спутницу выйти изъ брички, намѣреваясь провести ее этой волчьей дорогой прямо въ павильонъ, гдѣ предполагалъ я найти хозяйку и ея сѣдого гостя. Предположеніе мое не сбылось, потому что не успѣли мы ступить на тропинку, какъ въ концѣ аллеи къ сторонѣ дома показалась сама хозяйка, сопровождаемая Степаномъ Осиповичемъ и своимъ благовѣрнымъ ротмистромъ. Мы пошли имъ на встрѣчу. Съ непритворной радостью обнялись и поцѣловались новыя знакомки, а самъ хозяинъ съ ловкостью истиннаго гусара отрекомендовался Софьѣ Самойловнѣ и просилъ ее жаловать въ комнаты.

— Удался-ли вамъ сегодня рисунокъ? спросилъ меня лукаво Степанъ Осиповичъ.

— Очень, отвѣчалъ я, стараясь быть серьезнымъ.

— Правду-ли вы говорите? спросилъ онъ, глядя на меня пристально.

— Правду, отвѣчалъ я тѣмъ же тономъ!

— Нельзя ли намъ полюбоваться вашей работой? сказала хозяйка, смѣясь.

— И вы противъ меня, сказалъ я ей, тоже смѣясь.

Довольный Степанъ Осиповичъ пожалъ ей дружески руку и тутъ-же разсказалъ, какъ было дѣло: какъ я измѣнилъ ихъ трой-

ственному союзу во имя прекраснаго искустсва и какъ они на обратномъ пути замѣтили меня глубоко преданнаго этому божественному искусству, до того глубоко, что онъ не замѣтилъ, какъ мы у него изъ рукъ портфель украли. Такъ заключилъ свой разсказъ Степанъ Осиповичъ. Разсказъ его возбудилъ всеобщій смѣхъ, въ томъ числѣ и мой.

Мнѣ необходимо было зайти на квартиру, и я не надолго разстался со своими веселыми друзьями. Прохоръ встрѣтилъ меня на лѣстницѣ покачиваніемъ главы, какъ бы говоря: горбатаго могила исправитъ. Я показалъ видъ, что не замѣчаю его тонкаго и справедливаго упрека. Тутъ же встрѣтилъ меня герой мой съ заявленіемъ, сколько имъ книгъ привезъ Степанъ Осиповичъ. Комната, въ которую онъ меня ввелъ, была его и Трохима квартира и классъ. Корзина съ книгами разной величины и формы стояла на полу, надъ нею, какъ хищный беркутъ, сидѣлъ Трохимъ, погрузившись въ изображеніе историческихъ героевъ, въ систематическомъ порядкѣ выведенныхъ на хитрую таблицу по методѣ Язвинскаго.

Я освидѣтельствовалъ дорогой подарокъ и сдѣлалъ приличное случаю наставленіе моимъ пріятелямъ, какъ они должны быть внимательны и благодарны Степану Осиповачу за этотъ истинно драгоцѣнный подарокъ. Окончивши рѣчь съ достоинствомъ оратора, я оставилъ моихъ пріятелей думать о случившемся, а самъ вышелъ на дворъ. На дворѣ уже никого не было. Я пошелъ въ домъ. Пройдя корридоръ и красную комнату и еще корридоръ, я вошелъ въ другой корридоръ и потомъ въ другую залу и палатку, и тутъ только нашелъ нашу компанію за чайнымъ столомъ, потѣшаемую любезнымъ хозяиномъ какимъ-то тривіально-гусарскимъ анекдотомъ. Дверь, ведущая въ корридоръ съ недвусмысленными десятью чуланами, была заставлена столомъ, украшеннымъ разными сладостями и бутылкою какого-то вина, Кто это такъ мило догадался заслонить корридоръ беззаконія? Во всякомъ случаѣ не хозяинъ. Онъ въ этой гнусной декораціи не видитъ ничего предосудительнаго, иначе онъ бы ее давно уничтожилъ.

Между разнаго содержанія небылицами хозяинъ разсказалъ одну былицу о томъ, съ какимъ тріумфомъ былъ встрѣченъ мой проигравшійся родичъ свою неистовою половиной. И когда торжественныя проклятія дошли до самаго бѣшенаго пиччикато, внезап-

но явился въ комнату Иванъ Иванычъ Бергофъ, точно съ креста снятый: истощенный, измятый, въ какомъ то лакейскомъ чекменѣ выпачканномъ грязью и кровью. Онъ, извольте видѣть, заключилъ хозяинъ поучительную былицу, затесался куда-то въ доброе мѣсто, въ Звенигородку, кажется, къ уральскимъ козакамъ; тѣ его, добра молодца въ одинъ денекъ облупили, какъ липочку, да въ добавокъ поколотили. И по дѣламъ! въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не суйся. Трагическій разсказъ былъ ловко замкнутъ поговоркой. Чайное угощеніе смѣнилося конфектнымъ, конфетное ужиномъ, за которымъ любезный хозяинъ чуть-чуть не по гусарски нализался. Кончилось все однакожъ, какъ слѣдуетъ, разставаньемъ, поцѣлуями и приличнымъ числомъ: до свиданія.

Проводивъ моихъ старыхъ друзей до брички, пожелавъ имъ счастливой дороги и покойной ночи, я посмотрѣлъ, какъ они утопаютъ во тьмѣ ночной, да и самъ отправился на боковую.

Слѣдующій и нѣсколько послѣдующихъ дней я, какъ порядочный артистъ, провелъ за работой. Результатомъ моего трудолюбія вышелъ акварельный рисунокъ, представляющій мою героиню въ томъ видѣ, какъ я ее подсмотрѣлъ въ павильонѣ, въ кругу своихъ нелицемѣрныхъ подругъ. Рисунокъ вышелъ эффектный и въ отношеніи сходства очень удачный.

Въ особенности хорошъ вышелъ герой мой, невозмутимо вертящій шарманку. Когда я окончилъ и показалъ рисунокъ свой во всеузрѣніе, то Курнатовскій десять разъ сряду побожился, что онъ въ жизни свою не видалъ ничего прекраснѣе, художественнѣе, чему я совершенно вѣрю, потому что онъ въ жизнь свою ничего не видѣлъ, кромѣ бутылки и картъ. Но чтобы довершить свое торжество, я прибавилъ и его портретъ въ полутонѣ. Прибавка эта произвела желаемое впечатлѣніе. Курнатовскій пришелъ въ неописанный восторгъ: называлъ меня и другомъ и братомъ, товарищемъ по чуствамъ и въ заключеніе предложилъ мнѣ тысячу рублей, отъ которыхъ я долженъ былъ отказаться, потому что я дѣлалъ рисунокъ для жены его и безъ всякаго возмездія. Мое безкорыстіе его озадачило: онъ посмотрѣлъ на меня не какъ на товарища по чувствамъ, а какъ на заморскаго звѣря и, посовѣтовавшись съ своимъ экономомъ, предложилъ мнѣ бричку-неточанку, пару добрыхъ коней и кучера. Отъ по-

слѣдняго я отказался, а прочее съ благодарностью принялъ. У меня давно была мысль обзавестись этою, въ моемъ кочующемъ быту необходимой, мебелью, но все какъ-то не удавалось; а тутъ разомъ удалось и удалось недорого. Прохору удивительно какъ по нутру пришлось мое внезапное пріобрѣтеніе, изъ чего я замѣтилъ, что у него органъ скотолюбія преимущественно развитъ.

— А не пора ли намъ собираться въ походъ? спросилъ я его, обревизовавши въ десятый разъ свое новое добро.

— Если вы въ карты не играете, то не пора, а если играете, то пора, сказалъ онъ, лукаво улыбнувшись.

Я похвалилъ его за остроумное слово, и мы рѣшили завтра же отправиться во свояси, о чемъ было объявлено и гостепріимной хозяйкѣ и хозяину. И такъ какъ это дѣло было къ вечеру и погода благопріятствовала, то мы рѣшили съобща сдѣлать визитъ Прехтелямъ, а завтра по пути и моимъ милымъ родичамъ, Я велѣлъ Прохору вооружить свою бричку и самому вооружиться. Вооруженіе быстро совершилось, и я поѣхалъ къ Прехтелямъ въ своей собственности.

Когда я объявилъ моимъ старымъ друзьямъ о моемъ крѣпкомъ намѣреніи завтра оставить ихъ, то они приняли это за шутку и даже неумѣстную. Они думали, что я непремѣнно дождуся ихъ милой Маши изъ института, нарисую ея портретъ, да тогда и поѣду себѣ, куда угодно, а если захочу, то и у нихъ могу остаться хоть на всю жизнь.

— А какого бы я изъ васъ сдѣлалъ превосходнаго нѣмца, сказалъ Степанъ Осиповичъ, пожимая мнѣ руку.

— У тебя только нѣмцы на умѣ, прервала его Софья Самойловна: тутъ нужно говорить дѣло, прибавила она и задумалась.

— О какомъ же это дѣлѣ ты такъ глубоко призадумалась, моя старая нѣмка? спросилъ ее Степанъ Осиповичъ ласково.

— А вотъ о какомъ, отвѣчала она, улыбнувшись: теперь въ исходѣ май, въ іюнѣ будетъ выпускъ, возьмите и меня съ собою въ Кіевъ, прибавила она, быстро обращаясь ко мнѣ.

— Съ удовольствіемъ, сказалъ я, принимая ея слова въ прямомъ смыслѣ. А Степанъ Осиповичъ перекрестилъ ее большимъ крестомъ. На это она улыбнулась и посовѣтовала ему самому перекреститься, что онъ и исполнилъ.

— А теперь что прикажете? спросилъ онъ, вытягивая руки по швамъ.

— Теперь ничего, а завтра готовить бричку и лошади, а послѣ завтра я поѣду въ Кіевъ. Вотъ вамъ и вся недолгая, прибавила она, прищелкнувъ пальцемъ.

Итакъ по желанію Софьи Самойловны я рѣшился отложить до послѣ завтра мою поѣздку, послѣ чего Курнатовскіе и я пожелали старикамъ покойной ночи и поѣхали въ домъ свой.

Слѣдующій день прошелъ въ сборахъ и наставленіяхъ Трохиму, какъ должно вести себя съ чужими людьми. Вечеромъ побывалъ я у моихъ старыхъ друзей, узналъ, какъ и когда именно мы пустимся въ дорогу. Рѣшено было выѣхать изъ дому рано, чтобы обѣдать въ Богуславѣ и на ночь поспѣть въ Потокъ. Порѣшивши эту важную статью, я разстался со стариками.

За ужиномъ у Курнатовскихъ объявилъ я о нашемъ непреложномъ рѣшеніи, при чемъ героиня моя медленно, сердечно мягко посмотрѣла на меня, а хозяинъ велѣлъ подать бутылку шампанскаго на прощанье.

Солнце еще покоилось за горизонтомъ, а мы уже были на ногахъ. Прохоръ возился около брички и лошадей; герой мой съ Трохимомъ около чемодана и корзины съ пирожками и прочимъ добромъ, а я ничего не дѣлалъ. Когда все пришло къ концу и Прохоръ торжественно возсѣлъ на козлахъ, тогда я вышелъ на дворъ, перекрестился, и процесія двинулась. За бричкой пошелъ Трохимъ съ моею палкою и съ портфелемъ въ рукахъ, за Трохимомъ послѣдовали мы съ моимъ героемъ, взявшись за руки. Въ такомъ порядкѣ мы прошли дворъ и часть тополевой аллеи; тутъ порядокъ шествія былъ нарушенъ внезапнымъ появленіемъ моей прекрасной Елены. Она, какъ лучезарная денница, явилася предъ нами и освѣтила наше мрачное шествіе. Но этотъ лучезарный свѣтъ исчезъ въ одно мгновеніе: грустно опустя на грудь свою прекрасную головку, она молча пошла между мною и братомъ и, когда бричка выѣхала изъ аллеи, взявъ круто вправо и скрылась за деревьями, тогда она остановилась и, быстро схвативъ мою руку, поднесла ее къ своимъ губамъ. Не успѣлъ я ахнуть, какъ она уже легче газели неслася по аллеѣ къ дому. Я посмотрѣлъ на улыбающагося моего спутника и не зналъ, что сказать на это.

— Она пріѣдетъ съ вами проститься къ Софьѣ Самойловнѣ, проговорилъ онъ простодушно, и мы молча пошли за бричкой.

За селомъ къ нашей процессіи присоединился съ тощей собакой мой старый знакомый царинный дѣдъ. А когда мы усѣлись въ бричку, то Прохоръ, прощаясь съ своимъ ровесникомъ, сказалъ ему:

— Зроби-жъ!

— Добре! отвѣчалъ тотъ, и наша бричка покатилась по дорогѣ. Молчаніе царило надъ нами до самаго хутора.

На хуторѣ Телемонъ и Бавкида хлопотали уже около своего ковчега, т. е. около дорожней брички или правильнѣе крытаго фургона. Бѣлолицая Параска выносила изъ хаты ворочки, узелки, корзинки, ящички и все это передавала Степану Осиповичу, а онъ, тщательно осмотрѣвши предлагаемую вещь, передавалъ ее бережно Софьѣ Самойловнѣ, а та, осмотрѣвши вещь также тщательно, укладывала на свое мѣсто.

— Богъ помочь! сказалъ я, подходя къ бричкѣ.

— Гутъ моргенъ! отвѣчалъ мнѣ Степанъ Осиповичъ, улыбаясь.

Въ это время были вынесены подушки и огромныя перины, а когда и это добро было всунуто въ ковчегъ, Степанъ Осиповичъ снялъ свою бѣлую фуражку, перекрестился и сказалъ: слава Тебѣ Господи!

— А коверъ, душко, и забыли, сказала Софья Самойловна, выглядывая изъ фургона.

Вынесенъ былъ и коверъ.

— Теперь все, душко? сказалъ Степанъ Осиповичъ.

— Все! отвѣчала Софья Самойловна.

— Еще разъ слава Тебѣ Господи! и... старикъ еще что-то хотѣлъ сказать, но не успѣлъ: въ это время къ намъ подходили Курнатовскіе, оставивъ свой экипажъ за воротами.

Послѣ взаимныхъ привѣтствій и любызаній былъ осмотрѣнъ всѣмъ комитетомъ ковчегъ. Послѣ удовлетворительнаго осмотра, хозяйка предложила кофе и легенькій фриштикъ, состоящій изъ жареной индѣйки, дюжины цыплятъ и тому подобной овощи. Во время завтрака Степанъ Осиповичъ просилъ моего героя и его профессора быть его постоянными гостями до пріѣзда молодой хозяйки. Тогда Софья Самойловна обращалась къ нимъ съ просьбою, чтобы поберегли ея стараго нѣмца, а бѣлолицой Параскѣ крѣпко на крѣпко

наказала, чтобы гости безъ нея не голодали, а иначе она обѣщалася привезти ей изъ Кіева дулю, а не гостинецъ.

— Ты знаешь, какой онъ у насъ? прибавила она, показывая на Степана Осиповича.—По немъ хоть волкъ траву ѣшь, ему все равно, ему былъ бы только флейшъ, а другіе хоть съ голоду умри, онъ и не подумаетъ о другихъ. Я уже, продолжала она, обращаясь къ гостямъ, немного пріучила его къ рыбному, а прежде ни середы, ни пятницы не зналъ: настоящій *тата*..., да на этомъ *тата* и остановилась, ласково посмотрѣвъ на своего улыбающагося Телемона, какъ бы прося прощенія за такое не христіанское сравненіе.

Послѣ кофе и такъ называемаго легкаго завтрака, мы помолились Богу, на минутку присѣли по принятому обычаю и, помолясь еще разъ, пошли по своимъ мѣстамъ. Курнатовскіе вызвались насъ провожать до Шендеривки, чему я былъ очень радъ. Курнатовскій, какъ истинный кавалеристъ, поѣхалъ верхомъ, а я занялъ его мѣсто въ коляскѣ возлѣ моей прекрасной Елены.

До самаго мѣста разставанья прекрасная Елена ничего не говорила. Я тоже молчалъ. Мы были очень похожи на жениха и невѣсту, ѣдущихъ къ вѣнцу по волѣ родителей.

Сцена разставанья наконецъ настала. Героиня моя молча пожала мнѣ руку и едва внятно проговорила: благодарю васъ за брата. Ротмистръ, не слѣзая съ лошади, тоже пожалъ мнѣ руку и благодарилъ за какое-то одолженіе, а Степанъ Осиповичъ, пожимая мнѣ руку, просилъ поберечь его добрую старую нѣмку. На томъ и разстались.

XII.

Герой мой не такъ простъ, какъ я его воображалъ себѣ. Онъ смекнулъ дѣломъ, что предполагаемый нами ночлегъ въ Потокѣ состояться не можетъ по причинѣ такъ называемаго легкаго завтрака и вообще разставанья. Основываясь на этихъ данныхъ, онъ незамѣтнымъ образомъ обогналъ насъ и, не останавливаясь въ Шиндеривкѣ, пустился далѣе въ Богуславъ съ мыслью, которая сдѣлала бы честь любому леопарду, съ мыслью приготовить квартиру для Софьи Самойловны. Каковъ матросъ! Солнце уже опускалось за горизонтъ, когда онъ съ профессоромъ своимъ встрѣтилъ насъ по сю сторону Роси и проводилъ на приготовленную квартиру. Софью

Самойловну до слезъ тронула эта неожиданная любезность. Герой мой въ глазахъ Софья Самойловны всегда былъ необыкновеннымъ человѣкомъ, а теперь сдѣлался и человѣкомъ свѣтскимъ: въ глазахъ женщины это вѣнецъ всѣмъ добродѣтелямъ. Все бы хорошо, только вотъ что случилось: едва успѣла Софья Самойловна показаться на улицѣ передъ своей квартирой, какъ ее окружила густая грязная толпа самыхъ отчаянныхъ факторовъ и почти на рукахъ внесли ее въ комнату. Бѣдная до того растерялась отъ этой новой нечаянности, что не могла выговорить слова и только отмахивалась носовымъ платкомъ, какъ отъ мухъ, отъ услужливыхъ христопродавцевъ. Но эта кроткая мѣра ни къ чему не повела: они и не думали отступать. Тогда она схватила въ обѣ руки свой огромный ридикюль и начала прокладывать себѣ дорогу обратно къ своему мирному ковчегу. Я вступилъ въ дѣло и съ помощью севастопольскаго защитника разсѣялъ толпу израильтянъ и уговорилъ Софью Самойловну возвратиться въ комнату, а на случай внезапнаго нападенія поставилъ на часахъ у дверей неусыпнаго Трохима.

На другой день рано по утру, напившись вмѣстѣ чаю, я окончательно простился съ моимъ доблестнымъ героемъ и съ моимъ бывшимъ сподвижникомъ и вѣрнымъ слугою.

Изъ Богуслава черезъ Расаву и Потокъ мы на другой день благополучно пріѣхали въ Триполье, а изъ Триполья по надъ Днѣпромъ дремучимъ боромъ на другой день пріѣхали въ Кіевъ, тоже благополучно. Можно было бы въ три дня совершить этотъ путь, но мы, какъ добрые хозяева, щадили скотину и, какъ люди неравнодушные къ прелестямъ природы, останавливались попасать у ручейка или на широкомъ лугѣ у Днѣпра, нечаянно врѣзавшемся въ дремучій лѣсъ. И пока Софья Самойловна съ Прохоромъ хлопотала около кофейника, я рисовалъ сосну или березу, а лошади задумчиво траву щипали да хвостами помахивали. Словомъ, мы путешествовали, какъ слѣдуетъ путешествовать и всѣмъ порядочнымъ людямъ. На послѣднемъ попасѣ или привалѣ я рисовалъ группу сосенъ и для масштаба пасующуюся лошадь. Софья Самойловна варила кофе и какъ-то нечаянно заговорила съ Прохоромъ о паннѣ Доротѣ и о старомъ Курнатовскомъ. Я приготовилъ уши, а карандашъ только этакъ для плезиру держалъ въ рукѣ и въ продолженіи получаса узналъ всю отвратительную подноготную сѣдаго

сластолюбца и трогательно жалкую исторію бѣдной панны Дороты, исторію къ несчастію обыкновенную даже въ наше время.

Въ своемъ мѣстѣ я сообщу моимъ терпѣливымъ читателямъ эту глубоко грустную и поучительную исторію и, если умудрюсь, словами самого Прохора, а теперь поведу рѣчь о пребываніи Софьи Самойловны въ Кіевѣ.

Квартира у меня въ Кіевѣ была какъ разъ противъ института, не на Крещатикѣ, а на горѣ. Я предложилъ ее Софьѣ Самойловнѣ, а самъ поселился на время въ трактирѣ, не на водахъ, а на Крещатикѣ, въ домѣ архитектора Беретти. Въ тотъ же день съ помощію добрыхъ людей представилъ я моей спутницѣ опрятную скромную и расторопную хохлачку Марину, которая вполнѣ ей замѣнила бѣлолицую Параску. Устроивши все, какъ слѣдуетъ, мы держали совѣтъ, посѣщать-ли Машу въ институтѣ, или переждать экзамены и явиться прямо на актъ. Какъ благоразумная и нѣжная мать, она отказала себѣ въ радости поцѣловать единое дитя свое прежде экзамена, чтобы не развлечь и не повредить ему въ день испытанія. Въ ожиданіи этого блаженнаго дня, я развлекалъ мою гостью, какъ могъ и какъ умѣлъ: потчивалъ ее прогулками по церквамъ и монастырямъ, возилъ раза два въ Кинь-грусть; уже было началъ посвящатъ ее въ таинства кіевскихъ древностей, какъ слухъ пронесся о выпускномъ актѣ и балѣ въ институтѣ, на которомъ покажутъ себя публично будущіе пантеры и львицы.

Не помню, почему я не могъ сопровождать мою гостью на это высокое торжество и видѣть ея красавицу Машу въ критическія минуты испытанія.

На другой день уже увидѣлъ я ее въ объятіяхъ счастливой рыдающей матери. Это была юная и стройная, какъ лѣторосль тополи, гибкая, прекрасная брюнетка, съ блѣднымъ матовымъ лицемъ и съ большими умными черными глазами. Черезъ полчаса мы уже были свои люди и къ неописанному восторгу матери пѣли въ два голоса малороссійскую пѣсню:

Зійшла зоря зъ вечера,
не назорилася,
Прийшовъ милый зъ походу,
Я не надивилася.

Она превосходно владѣла своимъ баритономъ, который сначала показался мнѣ грубымъ для ея возраста. Я тутъ же окрестилъ ее знаменитымъ именемъ Альбони. Прошло еще полчаса, и мы уже другъ друга обожали. Она мнѣ, какъ обожаемому и обожателю, разсказала, разумѣется по секрету, кого изъ учителей всѣ дѣвицы обожали, а кого только нѣкоторыя, и котораго какъ онѣ называли, напримѣръ Ф., учителя минералогіи, онѣ называли купчикомъ, за то, что онъ на лекцію приходилъ всегда съ ящичкомъ, а инспектора И.,—такъ заключила она свою дѣтскую исповѣдь,—ни одна дѣвица не обожала, потому что у него глаза кошачьи.

Наговорившись по секрету о предметахъ первой важности, я разсказалъ ей, тоже по секрету, исторію про моего героя и про его очаровательную сестру.

Внимательно она выслушала мою повѣсть и, чего я не чаялъ отъ ея возраста, глубоко задумалась. Я тоже призадумался и, глядя на нее, самъ себя спрашивалъ, не сочиняетъ-ли она теперь поэму на эту возвышенную тему, какъ я сочинялъ. А почему же и не такъ? Ея непорочной душѣ это доступнѣе, нежели записному поэту.

— Какой прекрасный! какой благородный братъ! проговорила она, едва удерживая слезы.—Мамо! сказала она, обращаясь къ матери, а когда мы домой поѣдемъ?

— А какъ отговѣемся, мое сердце, такъ тогда и поѣдемъ, отвѣчала Софья Самойловна, цѣлуя свое задумчивое дитя.—Что ты такая невеселая, пташечко моя, рыбко моя красноперая? За папою скучаешь? Не скучай, мое серденько, скоро, скоро увидишь.

На ласки матери она задумчиво вздохнула.

— Что вы съ нею сдѣлали? спросила меня Софья Самойловна.

— Они разсказали мнѣ исторію про матроса.

— Про нашего сосѣда? Про Осипа Федоровича? прервала ее догадливая Софья Самойловна, и вдохновленная свыше она повторила мой разсказъ съ такимъ задушевнымъ краснорѣчіемъ, что я слушалъ ее, какъ бы никогда не зналъ о случившемся происшествіи. Она открыла въ моемъ героѣ такія романическія прелести, какихъ я и не подозрѣвалъ. Напримѣръ мнѣ и въ голову не приходило, что мой герой владѣетъ даромъ слова, а по словамъ Софья Самойловна онъ настоящій Златоустъ.

Разсказъ про обожаемаго матроса и его прекрасную сестру повторялся каждый день съ новыми варіаціями. Я начиналъ бояться, чтобы герой мой отъ частыхъ повтореній не опошлѣлъ въ воображеніи его пламенной обожательницы. Опасенія мои были напрасны. Въ послѣднюю ночь передъ выѣздомъ изъ Кіева она уже его видѣла во снѣ прекраснымъ, очаровательнымъ.

Благочестивыя мои пріятельницы отслужили молебенъ Варварѣ великомученицѣ и въ одно прекрасное утро закупорилися въ свой ковчегъ и пустилися во свояси. Я проводилъ ихъ до самаго того мѣста, гдѣ я рисовалъ группу старыхъ сосенъ и слушалъ трогательный разсказъ Прохора про панну Дороту и про стараго грѣшника Курнатовскаго. На прощанье просила меня Софья Самойловна пріискать для Машеньки фортепіано и до зимы прислать имъ на хуторъ, что я не замедлилъ исполнить, какъ нельзя удачнѣе.

Въ Кіевѣ мнѣ не сидѣлось, и я, посовѣтовавшись съ Прохоромъ, въ одно прекрасное утро оставилъ его вмѣстѣ съ Прохоромъ.

Завидное, очаровательное положеніе въ свѣтѣ человѣка ни отъ кого независимаго: ѣдешь себѣ, куда вздумается, въ собственной бричкѣ и на собственныхъ лошадяхъ; остановишься, гдѣ захочется, нарисуешь, что тебѣ понравится и ѣдешь далѣе. Волшебное состояніе! И сколько есть этихъ независимыхъ счастливцевъ въ свѣтѣ, которые и не подозрѣваютъ своей независимости. Бѣдніе жалкіе рабы ничтожно узенькихъ страстишекъ и тонко обдуманныхъ необходимостей!

Измѣривши вдоль и поперекъ Волынь и Подолію и дождавшись въ Житомирѣ осенней грязи, мы возвратились благополучно вь Кіевъ.

Изъ Житомира послалъ я пачку огородныхъ и садовыхъ сѣменъ Степану Осиповичу, собранныхъ мною у волынскихъ и подольскихъ агрономовъ, а юнымъ прекраснымъ друзьямъ моимъ тетрадку малороссійскихъ пѣсенъ, записанныхъ мною отъ подолянъ и волынянъ. И по возвращеніи въ Кіевъ, недѣли двѣ спустя, я получилъ отъ Степана Осиповича письмо такого содержанія:

Любезный и незабвенный земляче!

Съ самаго начала не удивляйтесь, что я васъ называю землякомъ своимъ. Я самъ до сихъ поръ былъ увѣренъ, что я настоящій

дейчъ, а вышло, что я такой же нѣмецъ, какъ и вы, т. е. настоящій хохолъ. И знаете, кому я объязанъ этимъ открытіемъ? Съ самаго начала вамъ, т. е. вашему фортепіано и тетрадкѣ хохлацкихъ пѣсенъ; потомъ моей Машѣ и вашей пріятельницѣ Курнатовской; да и старуха моя туда же. Но минуту терпѣнія, я вамъ разскажу все по порядку. Съ перваго свиданія Маша моя влюбилась въ вашу пріятетьницу до обожанія, какъ она сама выразилась. Мы съ Соничкой чрезвычайно обрадовались ихъ сближенію. Проходитъ недѣля, другая, новые друзья неразлучны, какъ Касторъ и Поллуксъ. Только замѣчаетъ сначала Соничка, а потомъ и я, что неразлучные друзья украдкою отъ насъ какую то книгу читаютъ. Намъ это не понравилось. Я сталъ внимательнѣе слѣдить за поведеніемъ неразлучныхъ друзей, да въ одно прекрасное утро и накрылъ пріятелей подъ липою въ саду.—Какую эту ты книгу въ карманъ спрятала? спрашиваю я свою.—Не покажу, говоритъ она. Настоящая хохлачка! А пріятельница ваша такъ и вспыхнула. Я сдѣлалъ около своей искусный вольтъ да и выхватилъ изъ кармана книгу. Вообразите же себѣ мое изумленіе, вмѣсто пошлаго романа у меня въ рукахъ была нѣмецкая грамматика. Дурочки! говорю я имъ, зачѣмъ же вы прячитесь съ этимъ добромъ?—Гелена, говоритъ моя хохлачка, хотѣла вамъ сюрпризъ сдѣлать, нечаянно заговоривъ съ вами по-нѣмецки. Каковы проказницы! Потомъ моя повисла мнѣ на шею да и проситъ, чтобы я училъ ее по французски. Я, разумѣется, охотно взялся за это святое дѣло, и тѣмъ болѣе охотно, что я, старый дуракъ, вообразилъ себя окруженнаго нѣмками съ Шиллеромъ въ рукахъ. А какія удивительныя способности у вашей пріятельницы? Фортепіано все дѣло испортило, т. е. не все, нѣмецкій и французскій языкъ идетъ своимъ порядкомъ, да я то сильно одураченъ. Вмѣсто чтенія Шиллера и Гете пою подъ фортепіано хохлацкія пѣсни, да еще и ногою притоптываю. Вотъ что сдѣлали изъ меня ваши хохлачки! Я попробовалъ ключъ прятать отъ инструмента и задать большіе уроки,—ничего не помогло. Черезъ полчаса урокъ готовъ и по уговору инструментъ долженъ быть открытъ. Такъ вотъ какого рода обстоятельства! А ротмистра Курнатовскаго вы теперь не узнаете. Настоящій барашекъ. Выписываетъ изъ Петербурга рояль для своей обожаемой Гелены. А вы пришлите для меня еще тетрадку хохлацкихъ пѣсенъ да, если можно, и съ нотами. На

праздники пріѣдутъ къ намъ погостить герой вашъ и его ученый профессоръ. Пріѣзжайте-ка и вы съ Прохоромъ, а пока цѣлуютъ васъ ваши хохлачки, а мои будущія нѣмки и я. Прощайте! Благодарю за житомирскую присылку.

P. S. Панна Дорота увы! не выдержала, бѣдная, окончательно помѣшалась. И, Боже, какая она жалкая! Я въ жизнь мою не видалъ такого жалкаго субъекта. Помѣшательство ея тихое, спокойное и тѣмъ грустнѣе и безнадежнѣе. Ядъ этотъ медленно съ самой ранней юности проникъ въ ея нѣжную организацію, въ ея кроткую непорочную душу. И Богу извѣстно, когда кончится это горькое существованіе. Она можетъ прожить еще нѣсколько лѣтъ: въ исторіи душевныхъ болѣзней эти примѣры не рѣдки. Каковъ долженъ быть человѣкъ, рѣшившійся очумить душу въ то самое время, когда она только что начинала сознавать прелесть и очарованіе жизни! Ужасное и безнаказанное преступленіе!

Но я заболтался съ вами. Дѣти кончили уроки и требуютъ ключъ отъ инструмента,—пойду! Не забывайте вашего стараго земляка и моихъ будущихъ нѣмокъ. Еще разъ прощайте!

И такъ далѣе...

Я имѣю благодарную привычку отвѣчать сейчасъ же на полученное письмо. Подъ вліяніемъ прочитанныхъ извѣстій, какія бы они не были, какъ то легче пишется: не чувствуешь работы, не замѣчаешь того томительнаго труда, который сопряженъ съ отвѣтомъ запоздалымъ, гдѣ необходимо извиняться, а нерѣдко и врать, а это мнѣ пуще ножа стараго. Самая невинная ложь въ моихъ глазахъ уголовное преступленіе. Я началъ письмо мое такъ.

Многоуважаемый мой друже и новый мой землякъ!

Не успѣлъ я поставить знакъ восклицанія, какъ вошелъ въ комнату Прохоръ и сказалъ, что сегодня погода такая прекрасная, что грѣшно было бы сидѣть дома и смотрѣть въ окно на улицу, и тѣмъ болѣе, что у насъ, слава Богу, все есть свое для ѣзды.

— Ты дѣло говоришь, Прохоре, сказалъ я ему и началъ придумывать, куда бы этакъ махнуть подальше. А въ ожиданіи доброй мысли я прочиталъ ему письмо Степана Осиповича, на что онъ весьма основательно замѣтилъ, что все хорошо написано, а одно такъ и совсѣмъ не написано.

— А чего же, по твоему, тутъ недостаетъ? спросилъ я его.

— А по моему недостаетъ тутъ Осипа Федоровича да Трохима Сидоровича.

— Правда твоя! Я напишу ему объ этомъ, а пока иди да приготовляйся въ дорогу.

Прохоръ вышелъ, а я занялся вопросомъ, почему мнѣ старый нѣмецъ ничего не пишетъ о моемъ героѣ и его учителѣ. Сказалъ только, что они пріѣдутъ къ нимъ на праздники въ гости, а откуда они пріѣдутъ, ничего неизвѣстно. Странно! предположеніямъ моимъ и конца бы не было, если бы Прохоръ не постучалъ въ окно и не сказалъ, что онъ готовъ хоть на край свѣта.

XIII.

Я по природѣ моей принадлежу къ категоріи людей разсѣянныхъ и отчасти нерѣшительныхъ. Эти, можно сказать, невинные недостатки нерѣдко ставили меня въ смѣшное, а иногда и въ непріятное положеніе. Теперь, напримѣръ, совершенно невинно я постригъ себя въ такіе дурни, что хоть на выставку, такъ въ пору. Поѣхали мы съ Прохоромъ въ Бровары: ну, и довольно, воротиться бы назадъ, написать письмо Прехтелю, и дѣло въ шляпѣ. Нѣтъ, нужно было проѣхать въ Оглавъ да завернуть въ Барышевку навѣстить стараго прокурора бориспольца. Очень нужно. А между тѣмъ прошелъ мѣсяцъ, а письмо не написано. Хорошо еще, что я догадался послать ноты, книги и еще тетрадку малороссійскихъ пѣсенъ. А то бы мои добрые хуторяне могли подумать, что я уже на лонѣ Авраамлѣ. Мало того, что не хорошо,—безсовѣстно. Прекрасная мысль! и какъ разъ пришлась по моей комплекціи: не писать до весны, а весной вдругъ какъ съ облаковъ свалиться. А каковъ будетъ эффектъ? А послѣ эффекта все таки прійдется извиняться, врать и краснѣть. Лучше теперь же напишу, пускай, что хотятъ, думаютъ, а я покрайней мѣрѣ очищу совѣсть; нужно только написать такъ, чтобы видна была правда, но правда опоэтизированная.

Для этого я началъ письмо слѣдующимъ эпиграфомъ:

Какъ въ наши лучшіе годы,
Мы пролетаемъ безъ участья,
Помимо истиннаго счастья,

Мы молоды; душа горда,
Какъ въ насъ запосчивости много!
Предъ нами свѣтлая дорога;
Проходятъ лучшіе года.

Да вмѣсто одного куплета выписалъ все стихотвореніе, да въ этомъ же тонѣ и письмо нахваталъ. Эффектъ былъ необыкновенный. Подъ стихами забылъ я написать: *Б. Курочкинъ* и пріятельницы мои не задумались влѣпить меня въ пантеонъ міровыхъ поэтовъ. Вотъ какіе могутъ быть послѣдствія такъ называемой невинной разсѣянности! Безъ всякаго намѣренія можно попасть въ самозванцы; я отдѣлался только тѣмъ, что послалъ моимъ хуторянамъ декабрьскую книжку Библіотеки для чтенія за 1856 годъ, и послѣ такого аргумента они разочаровались во мнѣ только въ половину. Въ ихъ понятіяхъ я все таки остался великимъ поэтомъ за то только, что сообщилъ имъ это геніальное стихотвореніе.

Зима съ контрактами и прочими радостями не видимо мелькнула передо мною. Передъ лицемъ мартовскаго солнца сконфузился и почернѣлъ бѣлый снѣгъ. Ручьи весело зашевелились въ горахъ и побѣжали къ своему пращуру Днѣпру Бѣлогруду сказать о приближеніи праздника богини Яры. Съ любовью принялъ лепечущихъ крошекъ старый Бѣлогрудъ и распахнулъ свою синеполую ризу чуть чуть не по самые Бровары.

Рязанова трактиръ, какъ голова утопленника, показывается изъ воды, а гигантъ мостъ, какъ морское чудовище, растянулся поперегъ Днѣпра и показываетъ изумленному человѣку свой темный хребетъ изъ блестящей пучины Прекрасная, величественная картина! Не говорю, весна! Одинъ запахъ весны меня способенъ вывести въ поле не только изъ Кіева, изъ самаго Парижа, что я и доказалъ въ прошломъ году моей черепашьео прогулкой по неисходимой грязи.

Но я годомъ постарѣлъ, сдѣлался хладнокровнѣе къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ, а все таки трудно было мнѣ выговорить роковое слово: не поѣду!—т. е. пока грязь не угомонится. Я однакожъ сказалъ это роковое слово, а ужъ если я что однажды сказалъ, такъ это все равно, что напечаталъ: никакая земная сила не заставитъ меня перемѣнить однажды принятое намѣреніе. Этимъ я безъ хвастовства могу похвалиться.

Сижу я, скрѣпя сердце, въ Кіевѣ, а седьмое апрѣля, день Пасхи, такъ сказать, на носу виситъ, а грязь, какъ нарочно, жиже и жиже растворяется. Дождь за дождемъ такъ и льется. Все противъ меня—и небо и земля! Посмотримъ, кто кого пересилитъ? И я навѣрное переупрямилъ бы и небо и землю, да случилося вотъ что. Въ самое Лазарево воскресенье получаю я письмо отъ новаго земляка моего Прехтеля, письмо самаго курьезнаго содержанія. Оно то и покелебало мою энергическую или, лучше сказать, хохлацкую натуру. А чтобы недовѣрчивые читатели не сказали, что я хвостомъ верчу, то, какъ доказательство моей непорочности, прилагаю при семъ письмо много-уважаемаго мною Степана Осиповича Прехтеля, чтобы они сами могли разсудить, основательно ли я поступилъ въ этомъ необыкновенномъ случаѣ.

Вселюбезнѣйшій земляче!

Начать съ того, что вы эгоистъ, и самый закоренѣлый, холодный эгоистъ. Хотя простодушныя нѣмки мои и увѣряютъ меня, что вы только лѣнтяй и, слѣдовательно, одинъ изъ величайшихъ поэтовъ-художниковъ (неправда ли, наивное понятіе!), но меня стараго воробья на мякинѣ не проведешь. Видалъ я вашу братью великихъ чудотворцевъ! Но дѣло не въ томъ, а вотъ въ чемъ дѣло. Всѣ мы, начиная съ вашей пріятельницы Гелены, глаза проглядѣли, дожидаючи васъ къ себѣ на праздникахъ, а вы!.. Ну, не эгоистъ ли вы послѣ всего этого? А какъ у насъ было весело—чудо! Героя вашего и его достойнаго профессора вы бы не узнали: элеганты, перваго сорта элеганты! Маша моя... ну, да Богъ съ нею! Мнѣ нуженъ человѣкъ, а не мишурная тряпка. А герой вашъ... но объ этомъ послѣ. Жаль, что вы не пріѣхали. Васъ только и не доставало для полной хохлацкой асамблеи. Пріѣзжайте же къ Пасхѣ, непрѣменно пріѣзжайте. Вы у насъ увидите большія перемѣны. Соничка моя помолодѣла и похорошѣла, я тоже. Маша и ея другъ Гелена сдѣлались настоящими нѣмками, и я думаю къ пріѣзду вашему открыть нѣмецкіе литературные вечера, если только вы не привезете новыхъ хохлацкихъ пѣсень. Ротмистра Курнатовскаго вы совсѣмъ не узнаете—прелесть мужикъ! Кузину вашу называетъ бездушной куклой, а ея благовѣрнаго сожителя осломъ въ гусарскомъ вицмундирѣ. Панну Дороту вы совсѣмъ не увидите, и ска-

жите, слава Богу: она недавно умерла. Пріѣзжайте, я вамъ сообщу интересныя данныя для ея печально поучительной біографіи. А теперь, чтобы болѣе заинтересовать васъ, скажу, что она была родною матерью ротмистра Курнатовскаго. Прощайте. Цѣлуютъ васъ мои нѣмки и я.

P. S. Болталъ болталъ, а главнаго не сказалъ; не сказалъ, что Курнатовскій изъ гусара дѣлается человѣкомъ. Вотъ вамъ доказательство: онъ ломаетъ отцовское жилище, не играетъ въ карты, не пьетъ и вашего бывшаго слугу Трохима воспитываетъ на свой счетъ въ Бѣлоцерковской гимназіи. Какъ обстановка измѣняетъ человѣка! Съ прошлой осени герой вашъ и его гимназистъ-профессоръ живутъ въ Бѣлой Церкви и учатся. Статью эту, правду сказать, я обдѣлалъ съ помощью вашей прекрасной Елены. Да это все равно, кто-бы не дѣлалъ, лишь бы хорошо. И вамъ будетъ большой грѣхъ, если вы не пріѣдете къ намъ на праздникъ, хотя бы для того только, чтобы взглянуть на своего Трохима-гимназиста и на храбраго защитника Севастополя, на моего будущаго... да что тутъ за секретъ, на моего будущаго зятя.

Прохоре! Прохоре! закричалъ я, выбѣгая въ переднюю.

Съ псалтыремъ въ рукахъ явился Прохоръ.

— Ѣдемъ, собирайся! сегодня ѣдемъ! сказалъ я ему скороговоркой. На это онъ равнодушно произнесъ: добре! и пошелъ собираться въ дорогу.

К. Дармограй.

1858 г., февраля.

Правительственныя печати въ Малороссіи отъ временъ Стефана Баторія до Екатерины II.

(Историческая справка по документамъ архива департамента герольдіи).

Въ 1576 году, польскій король Стефанъ Баторій, одновременно съ раздѣленіемъ Малороссіи на полки, даровалъ гетману запорожскому, вмѣстѣ съ другими знаками гетманскаго достоинства, и печать «съ гербомъ, означающимъ на оной стоящаго козака, держащаго на плечѣ ружье, на головѣ скривленная высокая шапка, а у бока висящій пороховой рогъ». (См. прилож. № 1-й).

Печать эта оставалась въ употребленіи и по возсоединеніи Малороссіи съ Московскимъ государствомъ, въ 1654 году, до самаго упраздненія гетманства въ 1764 году.

16 мая 1722 года, Петръ Великій повелѣлъ учредить въ Глуховѣ. при гетманѣ Скоропадскомъ, малороссійскую коллегію; а 1-го іюня того же года, правительствующій сенатъ опредѣлилъ, для сего новаго учрежденія, «учинить особливую печать противъ другихъ коллегій, съ надписаніемъ такимъ: *печать коллегіи Малой Россіи*». (Прилож. № 2-й).

Маллороссійская коллегія была открыта бригадиромъ Степаномъ Лукичемъ Вельяминовымъ (ея первымъ президентомъ) 20 іюля 1722 года, уже послѣ кончины гетмана Скоропадскаго, послѣдовавшей 3 числа того же іюля.

Лишь въ царствованіе императора Петра II-го, 9 го сентября 1728 года, Малороссія опять получила гетмана, въ лицѣ Данила Апостола. При немъ, кромѣ малороссійской коллегіи, состояли еще «великороссійскія знатныя особы» съ такъ называемою министерскою канцеляріею, которая также имѣла свою особую печать. (Прилож. № 3-й).

Послѣ кончины Данила Апостола (17 января 1734 г.), гетманскій постъ оставался незамѣщеннымъ до 5-го іюня 1750 года, т. е. до высочайшаго утвержденія въ санѣ гетмана Малороссіи графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго. Въ томъ же году печати малороссійской коллегіи и министерской канцеляріи, вмѣстѣ съ дѣлами послѣдней, сданы были въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, а оттуда, по перенесеніи малороссійскихъ дѣлъ въ правительствующій сенатъ, переданы для храненія въ сенатскій архивъ. Гетманъ Разумовскій все время употреблялъ вышеизображенную старую запорожскую печать.

Въ 1764 г. императрица Екатерина II окончательно упразднила гетманство и въ Малороссію назначила генералъ-губернаторомъ извѣстнаго въ лѣтописяхъ военной исторіи графа Петра Александровича Румянцева.

Въ 1765 году графъ Румянцевъ вошелъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ, въ которомъ изъяснилъ слѣдующее:

«Въ малороссійской коллегіи иногда нужда бываетъ подъ титуломъ вашего императорскаго величества давать универсалы и другія повелѣнія, а печать употребляется и по нынѣ запорожская».

«По высочайшемъ вашего императорскаго величества учрежденіи правительства, въ сей землѣ главнаго, въ коллегіи печать бывшая козацкая вовсе не приличествуетъ; а какъ здѣсь въ Малой Россіи пять княженіевъ считаются, а именно: кіевское, переясловское, стародубовское, сѣверское и черниговское, то я, по худому однако искусству въ геральдикѣ, осмѣливаюсь вашему императорскому величеству представить два абриса на апробацію: одинъ съ держателями малороссійцами съ бунчукомъ, а другой просто подъ короною императорскою и епанчею, щиты-жъ подъ великокняжеской (короной)». (Прилож. №№ 4 и 5).

«Подъ нумеромъ первымъ [1]) по всей Малой Россіи двоеглавной черный орелъ въ золотомъ полѣ, въ грудяхъ вензелевое имя вашего императорскаго величества имѣющій; подъ нумеромъ вторымъ, по княженію кіевскому, серебряной ангелъ въ голубомъ полѣ; подъ нумеромъ третьимъ, по переясловскому, серебряная башня въ красномъ полѣ; подъ нумеромъ четвертымъ, по стародубовскому,

[1]) См. второй абрисъ.

зеленый дубъ въ красномъ полѣ; подъ нумеромъ пятымъ, по сѣверскому, золотая стѣна въ красномъ полѣ; подъ нумеромъ шестымъ, по черниговскому, единоглавый орелъ въ голубомъ полѣ».

Императрица Екатерина, именнымъ указомъ, отъ 9-го іюля 1765 года, повелѣла правительствующему сенату: «представленіе генералъ-аншефа, малороссійскаго генералъ-губернатора, графа Румянцева о перемѣненіи прежней запорожской печати разсмотрѣть и представить съ мнѣніемъ». Въ тотъ же день сенатъ опредѣлилъ: «какъ оное есть герольдическое дѣло, для того отдать къ производству въ герольдмейстерскую контору».

Герольдмейстерская контора нашла, что, хотя при донесеніи ея императорскому величеству отъ генералъ - аншефа, малороссійскаго генералъ-губернатора, графа Румянцева о перемѣненіи прежней запорожской печати и приложены два примѣрные рисунка, на которыхъ означены гербы пяти княженій, Малую Россію составляющихъ, а въ срединѣ оныхъ россійскій государственный гербъ, но какъ оному въ той малороссійскоѣ печати по правиламъ герольдическимъ приличнѣе быть главнымъ изображеніемъ, нежели поставленнымъ въ срединѣ княжескихъ гербовъ и составлять будтобы нѣкоторую часть или княженіе Малыя Россіи, то по сей причинѣ въ герольдмейстерской конторѣ сочиненъ рисунокъ, въ коемъ оное расположеніе герба перемѣнено и государственный гербъ поставленъ главнымъ изображеніемъ малороссійской печати. Прочихъ же пяти княженій гербы расположены надлежащимъ порядкомъ и въ приличныхъ имъ поляхъ». (Прилож. № 6).

Рисунокъ этотъ представленъ былъ императрицѣ Екатеринѣ при всеподданнѣйшемъ докладѣ сената, въ коемъ изложено было прописанное заключеніе герольдмейстерской конторы, и въ 24-й день февраля 1766 года послѣдовало высочайшее повелѣніе: «малороссійской коллегіи печать употреблять по изображенному рисунку».

А. Барсуковъ.

Къ вопросу о колонизаціонномъ значеніи монастырей въ слободской Украинѣ.

Въ XV и XVI столѣтіяхъ все пространство южнѣе Оки и Тихой Сосны представляло обширную дѣвственную равнину, почти никѣмъ не заселенную. Днѣпровскія, донскія и волжскія степи сливались въ сплошное «дикое поле», «татарское приволье». Русскіе князья еще въ XII вѣки пытались имѣть на окраинахъ «дикаго поля» постоянныя сторожи, чтобы слѣдить за движеніемъ кочевыхъ хищниковъ, но послѣ татарскаго погрома, когда границы пустынныхъ степей расширились далеко на всѣ стороны, всякая постоянная сторожа въ нихъ на долго прекращается. Только въ концѣ XV или въ началѣ XVI вѣка сторожевой вопросъ вновь всплываетъ въ средѣ московскихъ правителей. Къ этому времени относятся первыя извѣстія о поселеніяхъ въ «дикомъ полѣ» и въ числѣ ихъ, правда, очень немногихъ, упоминается Бѣлгородъ. Былъ ли этотъ послѣдній возобновленъ или вновь построенъ—это вопросъ темный, но во всякомъ случаѣ въ началѣ XVI вѣка онъ одиноко стоитъ въ пустынномъ, почти необитаемомъ краѣ. Первые поселенцы «дикаго поля» знали, разумѣется, что каждую минуту они могутъ подвергнуться риску нападенія то со стороны татаръ, то со стороны различной вольницы, что ихъ жизнь и жизнь семьи въ страшной опасности, что изъ зажиточныхъ людей они, если уцѣлѣютъ, легко могутъ сдѣлаться нищими. Поэтому нельзя не видѣть въ нихъ тѣхъ именно типичныхъ піонеровъ края, крѣпкихъ духомъ и мужествомъ, которые создали новую область государству и тѣмъ способствовали его величію. Приливъ этихъ переселенцевъ увеличивается съ половины XVI вѣка, когда усилившееся московское княжество начинаетъ заботиться о своихъ окраинахъ. Съ 1571 г. сторожи въ «дикомъ

полѣ» образуютъ уже цѣлую линію постовъ на протяженіи всей московской окраины. Назначенный въ этомъ году Іоанномъ IV начальникъ сторожевой службы князь Воротынскій началъ съ того, что изслѣдовалъ состояніе сторожи до 1571 г. Оказалось, что уже лѣтъ пятнадцать, какъ передовыя сторожи образовали рядъ городовъ, начиная съ Алатыря, нынѣ казанской губ. и Темникова, нынѣ тамбовской и до Рыльска и Путивля, нынѣ курской губерніи. Но еще впереди этихъ городовъ въ «дикомъ поле» лежали полевыя сторожи, укрѣпленныя рвами н засѣками. Всѣ онѣ находились между собою въ постоянныхъ сношеніяхъ, поддерживавшихся разъѣздами стражниковъ. Весьма вѣроятно, что многія изъ этихъ полевыхъ сторожъ послужили потомъ къ образованію городовъ. Бѣлгородъ, тоже возникъ, какъ предполагаютъ, изъ такого полеваго укрѣпленія, какъ и многія другія поселенія. Кн. Ворогынскій расширилъ сторожу и увеличилъ число сторожевыхъ пунктовъ. Преемникъ его бояринъ Никита Юрьевъ выдвинулъ ихъ еще дальше въ «дикое поле» такъ, что въ 1586 г. онѣ дошли до р. Сосны и устья Воронежа. При Ѳедорѣ Іоановичѣ Бѣлгородъ далеко выдвигается впередъ изъ линіи пограничныхъ городовъ и скоро дѣлается средоточіемъ сторожевой службы. Наблюденія за движеніями татаръ въ «дикомъ полѣ» велись неусыпно и безпрерывно. Жители, предупрежденные о появленіи орды, скрывались въ города, вся сторожевая линія становилась на ноги и ратные люди сосредоточивались на пути татаръ. Съ 1588 г. переселенія по Бѣлгородской сторожевой чертѣ значительно увеличиваются, вслѣдствіе движенія сюда малороссовъ изъ правобережной Украины. Первыхъ выходцевъ далъ черкаскій уѣздъ, нынѣ кіевской губерніи, и за малороссійскими переселенцами надолго сохраняется названіе черкасъ. Скоро послѣдніе дѣлаются преобладающими и среди ихъ сосредоточиваются главнѣйшія сторожевыя силы бѣлгородской черты. Въ 1641 г. новопоселенія малороссіянъ были саниціонированы особой грамотой царя Михаила Ѳедоровича, вслѣдствіе чего черкасамъ предоставляется право дѣлать земельныя доимки, безпошленно торговать, а въ нѣкоторыха случаяхъ и получать государево жалованье. Царскими указами московскимъ воеводамъ и всякимъ начальникамъ строго наказывается оберегать интересы черкасъ, оказывать имъ всяческое вниманіе и ласку. Такія распоряженія дѣлаются вполнѣ понятными, если вспомнить, что

до воцаренія Петра Великаго вся мѣстность по бѣлгородской чертѣ была въ постоянной опасности отъ татарскихъ набѣговъ и разореній, слѣдовательно правительству были особенно дороги малороссы, привычные къ войнѣ и воинской организаціи, которую они переносили въ новыя поселенія. Однако, кромѣ защиты, московское правительство ставило имъ въ непремѣнную обязанность занятіе земледѣліемъ и осѣдлую жизнь. Это обстоятельство требовало извѣстныхъ условій, напримѣръ, возможности удовлетворять религіознымъ потребностямъ переселенцевъ, а потому мы видимъ, что на ряду съ воинственнымъ козачествомъ будущая слободская Украина заселяется чернымъ и бѣлымъ духовенствомъ; особенно монашество охотно шло въ «дикое поле», гдѣ, если и не было постоянной безопасности, за то была возможность свободно исповѣдывать свою религію. Въ XVI и XVII столѣтіяхъ берега тогда степныхъ рѣкъ Псла, Сейма, Десны, Донца и многихъ другихъ были усѣяны пустынниками, пришедшими сюда въ большинствѣ случаевъ изъ польской Малороссіи. Московскіе цари Михаилъ Федоровичъ, Алексѣй Михайловичъ и даже Петръ Великій охотно покровительствовали этимъ монахамъ піонерамъ. По ихъ челобитнымъ московское правительство назначало скитамъ и монастырямъ то государево жалованье, то земельныя угодья, каковы: сѣнные покосы, лѣса, рыбныя ловли, бобровые гоны и бортныя ухожья. Въ иныхъ случаяхъ, когда поселенія пустынниковъ были самыми первыми въ краѣ, онѣ служили центрами, вокругъ которыхъ групировались новые пришельцы. Какъ только ихъ набиралось значительное количество, немедленно строился городъ, съ острогомъ, рвами и засѣками. Съ этихъ поръ окрестные поселенцы, равно какъ и монашествующіе могли найдти уже убѣжище отъ небольшихъ татарскихъ отрядовъ, за стѣнами крѣпостей. Въ другихъ случаяхъ монастыри возникали почти одновременно съ новыми городами и поселеніями, но и тогда они играли немалую колонизаторскую роль: они оживляли край, придавали ему болѣе благоустроенный и заселенный видъ, заводили сады, мельницы, бортныя ухожья, воздѣлывали землю, строили поселенія, привлекали въ свои стѣны богомольцевъ, а на свои угодья новыхъ поселенцевъ работниковъ. Наконецъ, были и такіе случаи, когда иноческія обители возникали уже тогда, когда край былъ безопасенъ отъ татарскихъ набѣговъ и бѣлгородская старожевая линія потеряла значеніе ох-

ранителя украинъ русскаго государства. Эти монастыри почти не имѣютъ уже колонизаціоннаго значенія, а потому мы остановимся на первыхъ двухъ, т. е. возникшихъ до заселенія края и въ самомъ началѣ переселенческаго движенія, а также на устроившихся во время разгара заселенія края. Само собою разумѣется, что при выясненіи коланизаціоннаго значенія монастырей необходимо коснуться нѣсколько ихъ возникновенія и исторіи.

Въ самомъ началѣ XVIII вѣка въ бѣлгородской епархіи насчитывалось до 1000 церквей и свыше 50 монастырей; большинство послѣднихъ возникли гораздо раньше и играли немалую роль въ колонизаціи края.

Еще задолго до движенія главныхъ массъ переселенцевъ въ путивльскія и бѣлгородскія дикія поля, близь Путивля, разореннаго татарскими набѣгами, существовала Молченская иноческая пустынь. Время основанія ея точно неизвѣстно, но въ описаніи пустыни, составленномъ въ 1845 г., говорится, что она возникла еще въ концѣ XIII столѣтія, и слѣдовательно, не смотря на разореніе и запустѣніе края, служила на значительномъ пространствѣ единственнымъ обитаемымъ убѣжищемъ «дикаго поля». Но если даже допустить неосновательность такого предположенія о слишкомъ раннемъ возникновеніи обители и основываться исключительно на сохранившихся документахъ, то и тогда приходится допустить, что Молченская пустынь существовала еще до 1557 г., къ которому относятся документальныя данныя, и слѣдовательно предшествовала появленію не только главной массы колонизаторовъ края, но даже первымъ изъ нихъ. Эта пустынь располагала значительными земельными угодьями и въ 1591 г. состояла уже изъ игумена и 15-ти братій. Въ томъ же году она пріобрѣтаетъ «осадный дворъ» въ Путивлѣ «для приходу крымскихъ людей», на которомъ и основывается храмъ во имя святыхъ Флора и Лавра. Постройка осаднаго двора сдѣлалась необходимой въ виду того, что постоянные набѣги татаръ привели въ запустѣніе монастырскія вотчины. Въ 1592 г. однимъ изъ подобныхъ набѣговъ разорена вся путивльская окрестность вмѣстѣ съ молченской пустынью. Такія событія дѣлаютъ наконецъ невозможнымъ пребываніе братіи въ монастырѣ и побуждаютъ монашествующихъ искать болѣе безопаснаго уголка. Осадный

дворъ въ Путивлѣ съ новою церковью являются такимъ пріютомъ, и сюда переселяется братія молченской пустыни во главѣ съ игуменомъ Ильею. Но разъ заселенныя мѣста покидаются монашествующими не такъ-то легко. Въ разоренномъ монастырѣ остался его прежній игуменъ—старецъ Пафнутій; онъ не рѣшился покинуть священное для него мѣсто, на которомъ подвизались въ пещерахъ первые основатели обители, къ тому же и не желалъ переносить въ свою новую колонію чудотворный образъ Пресвятыя Богородицы Молченской. Только новыя безпрерывныя разоренія, причиняемыя метрополіи монастыря и путивльскимъ землямъ полчищами самозванца, побудили его наконецъ перенести эту святыню и вмѣстѣ самому переселиться на новое мѣсто. Но въ то время, какъ устроился окончательно новый монастырь, старый все таки не запустѣлъ окончательно. При первой возможности онъ былъ возобновленъ вновь и монашествующая братія энергично продолжала свой колонизаторскій подвигъ. Если она и была вынуждаема уступать разъ уже облюбованныя мѣста подъ гнетомъ постоянныхъ разореній, то только для того, чтобы скоро вновь занять ихъ и продолжать заселеніе «дикаго поля». Къ этому была полная возможность, такъ какъ выпись монастырскихъ угодій отъ 1621 г. показываетъ, что земельныя владѣнія обители были довольно значительны [1]).

Но примѣръ молченской пустыни не единственный. Святогорская успенская пустынь едва-ли моложе молченской. Мѣстоположеніе ея на высокихъ горахъ по берегу р. Донца, длинные подземные ходы и церкви и другіе признаки указываютъ, что она играла иногда роль не только св. обители, но и сторожеваго пункта, съ котораго слѣдили за ордами кочевниковъ, и крѣпости, въ пещерахъ и ходахъ которыхъ скрывались немногочисленные піонеры-колонизаторы во время опустошительныхъ татарскихъ набѣговъ. Архіепископъ Филаретъ [2]) относитъ возникновеніе святогорской пустыни къ XIV вѣку; въ лѣтописяхъ же она упоминается впервые въ 1547 г. Эта обитель переживала всѣ невзгоды Слободской

[1]) Матеріалы для исторіи курской епархіи: „Глинская Рождество-Богородицкая пустынь“. Прилож. къ „Курск. Епарх. Вѣд.“, архимандрита Анатолія.

[2]) Историко-статистическое описаніе харьковской епархіи. Отд. 1-е.

Украины и много разъ была разоряема татарскими кочевниками, отъ чего извѣстій о древней жизни ея сохранилось очень мало. Земельныя владѣнія и пустоши ея были значительны, а потому и въ заселеніи края она играла не малую роль.

Послѣ святогорской вторая по древности иноческая обитель въ предѣлахъ нынѣшней харьковской епархіи носила названіе Аркадіевской по имени основателя ея. Время основанія этого монастыря неизвѣстно, но уже въ 1660 г. «Аркадіеву пустынь приписали къ новому Чугуевскому Успенскому монастырю для богатыхъ ея угодьевъ» [1]). Послѣ этого времени она не одинъ еще разъ была разоряема татарами, но снова возобновлялась, получая новые дары, какъ мельницы, земли, лѣса, хутора и пр. Нынѣ этотъ монастырь упраздненъ.

Менѣе древнимъ, но болѣе извѣстнымъ является Обоянскій монастырь, возникшій, по вполнѣ вѣроятному предположенію, раньше города Обояни и ближайшихъ къ нему поселеній. Рыльскій архимандритъ Анатолій, собиратель матеріаловъ по исторіи курской епархіи, разбирая мнѣнія о происхожденіи г. Обояни и доказавъ несостоятельность ихъ въ большинствѣ случаевъ, останавливается на слѣдующемъ, найболѣе вѣроятномъ, мѣстномъ преданіи, слышанномъ имъ въ сороковыхъ годахъ текущаго столѣтія.

«Когда-то, въ незапамятныя времена, по ту и другую сторону рѣчки, соименной теперь монастырю и городу, жили въ непроходимомъ лѣсу два старца-отшельника, которые по имени своему были *оба Яны*, очевидно, выходцы изъ-за Днѣпра—польской стороны, бѣжавшіе, подобно многимъ другимъ, отъ свирѣпствовавшей тамъ уніи. Здѣсь на новомъ пустынномъ, безлюдномъ и совершенно дикомъ мѣстѣ, крайная скудость и тяжесть отшельнической, разобщенной жизни—съ одной стороны, и совершенная безпомощность при нуждахъ тѣлесныхъ и душевныхъ съ другой—заставили ихъ искать сближенія между собою; и вотъ они начали сперва другъ друга перезывать къ себѣ на житье, а потомъ, мало-по-малу, стали принимать въ сожители къ себѣ и другихъ христолюбцевъ, изъ которыхъ постепенно образовалось цѣлая обитель—общежитіе иноковъ,

---

[1]) Ibid., стр. 295.

кои въ послѣдующее время, по уваженію къ памяти первыхъ основателей и своихъ духовныхъ руководителей, извѣстный ручей, служившій имъ въ нуждахъ тѣлесныхъ, окрестили именемъ *Обояни*, а обитель свою *Обоянскою*. Черезъ нѣсколько времени явился около сей обители сторожевой городокъ (около половины XVII вѣка), которому имя приготовлено уже было первыми насельниками этой мѣстности; а затѣмъ явился и посадъ пригородній—населеніе мірское, торговое, которое, по показанію разныхъ повѣствованій, въ теченіи долгаго времени извѣстно было подъ именемъ Обоянщины» [1]). Это преданіе весьма вѣроятно, между прочимъ и потому, что указанный въ немъ путь возникновенія монастыря, а затѣмъ поселенія подтверждается и другими случаями. Нужно однако замѣтить, что первое время обоянская обитель не была вполнѣ организованнымъ и юридически признаннымъ монастыремъ, а считалась простымъ монашескимъ общежитіемъ. Построеніе же собственно обоянскаго Богородицко-знаменскаго монастыря относится къ 1663 и 1664 гг., когда и городъ Обоянь былъ переименованъ изъ сторожеваго въ уѣздный. Но и до этого времени монастырь существовалъ, хотя и неофиціально, и владѣлъ множествомъ различныхъ земельныхъ и лѣсныхъ угодій въ «дикомъ полѣ».

Такимъ образомъ всѣ четыре монастыря, краткія историческія свѣдѣнія о которыхъ мы привели выше, должны быть причислены къ первымъ колонизаторамъ края. Основатели ихъ искали уединенія въ привольныхъ мѣстахъ «дикаго поля», терпѣли всѣ неудобства одиночества и отдаленности положенія отъ населенныхъ пунктовъ, переносили разоренія татаръ и шаекъ различной вольницы, но все таки, сознательно или безсознательно, съ настойчивостью и упорствомъ продолжали колонизаторское дѣло. «Дикое поле» распахивалось и разработывалось, лѣса вырубались, заводились пасѣки, сады, мельницы, хутора, скиты, пріобрѣтались монастырскіе крестьяне (по своей волѣ или по куплѣ) и заселеніе шло, если и не быстро, то твердо и настойчиво. Въ совершенно глухихъ, дикихъ мѣстахъ начиналась жизнь, сначала бѣдная и однообразная, лишенная всѣхъ культурныхъ удобствъ,—жизнь отшельниковъ и иноковъ. Но она

[1]) „Курск. Епарх. Вѣдом.“, 1882 г., № 4. „Историко-статист. опис. Обоянскаго богород.-знам. монастыря“.

вызывала и привлекала другую жизнь, мірскую, которая несла съ собой новый строй, создавшій изъ дикой пустыни осѣдлыя мѣстности. Разумѣется, далеко не вездѣ такимъ путемъ началось заселеніе Слободской Украины; но указанные нами факты подтверждаютъ, что оно совершалось и такимъ путемъ и что монастыри играли не послѣднюю роль въ колонизаціи края. Не даромъ московское правительство всячески старалось поддерживать новостроющіеся монастыри, жалуя имъ и государево жалованье, какъ все равно «людямъ разныхъ сторожевыхъ службъ», и продукты (напр. соль) и земельныя угодья.

Но и тѣ монастыри, возникновеніе которыхъ не предшествовало заселенію края, а совпадало съ нимъ, имѣли также колонизаторское значеніе: они оживляли край, привлекали новыхъ поселенцевъ и новыхъ работниковъ на свои угодья, вмѣстѣ съ другими они несли разоренія отъ татаръ и, какъ часть массы населенія, противустояли ихъ хищническимъ набѣгамъ. Такіе монастыри лежали въ предѣлахъ нынѣшней курской епархіи. Изъ нихъ, если не ошибаемся, наиболѣе древнимъ будетъ бѣлгородскій николаевскій монастырь, нынѣ упраздненный. Онъ основанъ при царѣ Борисѣ въ 1599 г., т. е. черезъ 90 лѣтъ послѣ того, какъ можно найдти первыя указанія на существованіе самаго Бѣлгорода. Но нужно помнить, что и въ годъ основанія монастыря Бѣлгородъ былъ небольшимъ городкомъ, далеко выдвинувшимся изъ линіи сторожевыхъ городовъ въ «дикое поле», а потому пребываніе въ немъ сопряжено было съ большими опасностями и лишеніями. При монастырѣ имѣлась, недалеко отъ города, Пятницкая пустынь и загородній дворъ, на которомъ въ концѣ XVII вѣка построена церковь. Другія, въ общемъ довольно обширныя, но бездоходныя владѣнія монастыря постоянно оспаривались сосѣдними владѣльцами и ново-поселенцами, каковы: нежегольцы, волчанцы, салтовцы и др. Настоятели николаевскаго монастыря, отстаивая свои старыя вотчины, старались и о пріобрѣтеніи новыхъ; не смотря на это, монастырь былъ очень бѣденъ, какъ бѣдна была и пятницкая пустынь. Въ разгарѣ переселенія понятія о собственности плохо прививались и монастырь истощалъ свои матеріальныя средства, отстаивая свои вотчины. «Все богатство сей обители», по ироническому замѣчанію архимандрита Анатолія, «заключалась по описи въ томъ, что въ монастырской казнѣ были

великаго государя жалованныя грамоты и всякія монастырскія крѣпости»[1]). Въ 1674 г., по просьбѣ нижегольца полковаго козака М. П. Старочуднаго, дано позволеніе отъ бѣлгородскаго намѣстника, кн. Ромодановскаго строить городъ Волчанскъ на монастырской вотчинѣ. Это было извѣстно и просителю и намѣстнику. Первый писалъ: «есть отъ Бѣлгорода, отъ рѣчки Сѣверскаго Донца, въ лѣвой сторонѣ, рѣка Волчьи Воды, а на той-де рѣчки Волчьихъ Водахъ есть три брода: бродъ каменный, да бродъ Захарьевъ, да бродъ царевской, да сѣнная поляна, а черезъ тѣ-де броды и сѣнную поляну лежатъ татарскія сакмы въ руские городы и тѣми сакмамы ходятъ воинскіе люди татаровя. Сѣверскимъ Донцомъ владѣетъ Бѣлгорода николаевскаго монастыря архимандритъ Кириллъ,... и великій государь, его царское величество пожаловалъ бы ево, велѣлъ на той рѣчкѣ *Волчьихъ водахъ*, на татарскихъ сакмахъ... *построить городъ*, изъ разныхъ городовъ призвать его братью черкасъ..., иселить слободы, села и деревни, и отъ прихода воинскихъ людей около города учинить крѣпости... и по причиннымъ мѣстамъ учинить сторожи, чтобъ воинскіе люди татаровя въ украинные городы бѣзвѣстно не пришли»[2])... Новопостроенный такимъ образомъ на монастырскихъ земляхъ городъ Волчанскъ причинилъ не мало хлопотъ монастырю, который, не смотря на опасное положеніе на татарской сакмѣ своей вотчины на Волчьихъ водахъ, не хотѣлъ поступиться ею, такъ какъ умѣлъ, вѣроятно, извлекать изъ нея доходы, хотя бы и незначительные. Въ 1697—99 г., при архимандритѣ Іонѣ, монастырь сдѣлалъ новыя значительныя земельныя пріобрѣтенія. У него были и свои «подданные», жившіе на его земляхъ и занимавшіеся ихъ обработкой. Право владѣнія ими, по челобитью архимандрита Филарета, въ 1707 г. подтверждено было монастырю грамотой Петра І-го. По книгамъ 1678 года крестьянскихъ дворовъ за николаевскимъ моныстыремъ было 65, а въ наличности число ихъ возросло уже до 80.

Почти въ тоже время, какъ развивалъ свою дѣятельность николаевскій монастырь, вновь построенная въ «осадномъ дворѣ» молченская путивльская пустынь, во главѣ съ игуменомъ Ильею, про-

---

1) „Курскія Епарх. Вѣдом.", № 1, 1882 г.

2) „Курскія Епарх. Вѣд.", 1883 г., № 3, стр. 164.

должала выполнять свою колонизаторскую роль. Въ 1627 г. во время литовскаго разоренія были утеряны нѣкоторыя грамоты на вотчины новаго монастыря; но, съ переселеніемъ настоятеля Пафнутія изъ стараго монастыря, грамоты были возобновлены по его челобитной. По нимъ монастырю принадлежали значительныя владѣнія въ «дикомъ полѣ» и хотя позже они отданы были козакамъ, но затѣмъ вновь возвращены обители. Козаки, принося жалобу на отобраніе земли, упоминаютъ, что на тѣхъ земляхъ монастыремъ уже поселены деревни. Колонизаторская дѣятельность его признавалась и высшими властями. Патріархъ Іовъ освобождаетъ новый молченскій монастырь и его вотчины отъ церковныхъ даней и казенныхъ пошлинъ, по тому уваженію, что обитель, не получая государева жалованья и потерпѣвъ запустѣніе вотчинъ, должна была устроить послѣднія, т. е. изъ дикаго поля превратить въ жилыя и культурныя мѣста. Вмѣстѣ съ земледѣльческой культурой шло рядомъ и развитіе обработывающей промышленности. Такъ еще первымъ игуменомъ новаго молченскаго монастыря испрошено было у царя Бориса Ѳедоровича разрѣшеніе построить на ручьѣ Катанскомъ, впадающемъ въ р. Сеймъ, мельницу и толчею для монастырскаго обиходу. «Тотъ ручеекъ и прилегающее къ нему болотце съ лозами, пишется въ грамотѣ, «лежитъ пусто и не владѣетъ имъ никто и оброку де въ государеву казну съ того катанскаго ручейка и болотца съ лозами не идетъ ничево. И игуменъ Илья съ братею государю царю и великому князю Борису Ѳедоровичу всея Руссіи били челомъ, чтобъ ево пожаловалъ, тотъ катанскій ручеекъ и съ болотцемъ и съ лозами на оброкъ къ своему государеву богомолью Пречистые Богородицы къ Молченскому монастырю сдѣлати на томъ ручейку мѣленку и толчею для монастырскаго обиходу, а оброку де онъ даетъ государю царю и великому князю въ казну съ съ того пуставо катанскаго ручейка, съ меленки и съ толчеи и съ болотца съ лозами на годъ полъ-полтины денегъ да пошлины» [1]). Какъ только явилась хоть какая нибудь возможность жить въ старой молченской обители, въ ней была возобновлена деревянная церковь во имя Рождества Пресвятыя Богородицы и построено (1627 г.)

---

[1]) Матер. для ист. курск. епархіи. Глинская Рожд.-Богор. пуст., архимандр. Анатолія. Прибавл. къ „Курск. Еп. Вѣд.“ за 1886 г., стр. 19.

три келіи для старцевъ монастырскихъ и бортниковъ. Такъ какъ эта обитель чтилась далеко вокругъ и къ ней стекались въ значительномъ числѣ богомольцы, то возобновленіе ея еще болѣе способствовало заселенію окрестностей. Цѣня колонизаціонное значеніе иноческихъ обителей и имѣя въ виду постоянныя разоренія то отъ татаръ, то отъ литовцевъ и поляковъ, то наконецъ отъ самозванцевъ, московское правительство часто освобождало ихъ отъ государевыхъ и патріаршихъ платежей и защищало ихъ угодья отъ захватовъ. Указанія на такое отношеніе московскаго правительства часто встрѣчаются во многихъ грамотахъ того времени. Изъ вышеприведенной описи угодій и вотчинъ молченскаго монастыря видно, что онѣ были постоянно разоряемы и снова принимали жилой видъ. Монастырь способствовалъ поселенію новыми поселками, давая пріютъ и бобылямъ и дворовымъ людямъ въ своихъ владѣніяхъ. Въ 1653 г. деревянная церковь, построенная на мѣстѣ стараго монастыря, передѣлана въ каменную и въ ней назначенъ постоянный штатъ монашествующихъ для повседневнаго служенія. Такимъ образомъ возобновленный старый монастырь дѣлается центромъ, возлѣ котораго вновь группируются поселенія. По имени перваго строителя этого монастыря, онъ именуется Софроніевской пустынью. Съ организаціей послѣдней прекращается главный приливъ переселенцевъ въ слободскую Украйну, и монастыри мало по малу теряютъ свое колонизаціонное значеніе.

Въ это время заселеніе шло на болѣе южныхъ окраинахъ, въ теперешнемъ суджанскомъ уѣздѣ. Въ 1665 г. стольникъ Рагозинъ, описывая въ то время очень немногія поселенія нынѣ суджанскаго уѣзда, упоминаетъ о строющемся починкѣ Вдова при впаденіи ручья того же имени въ р. Псёлъ. Въ теченіи пяти лѣтъ починокъ разростается въ большую слободу, а затѣмъ и городъ, названный Мирапольемъ, потому что главная масса переселенцевъ прибыла сюда изъ мѣстечка Мирополья нынѣ каменецъ-подольской губерніи[1]). Около этого же времени «въ 171 году (1663) въ острогожскомъ уѣздѣ, въ дивногорской пустынѣ (нынѣ упраздненной), за границею, на устьѣ рѣкъ Дона и Сосны, съ крымской стороны,

---

[1]) См. нашу брошюру „Суджанскій уѣздъ въ геогр., стат.-экон. и истор. отнош.“

имѣли жительство іеромонахи Ѳеодосій, Лаврентій, Кесарій Памва, да старецъ Никодимъ. А понеже въ то время къ тому монастырю стали быть частые приходы татарскіе, и монастырю разореніе непрестанное, то затѣмъ они іеромонахи Ѳеодосій съ прочими и старецъ Никодимъ, въ 179 году (1671) изъ того монастыря вышли, и пришли въ миропольскій уѣздъ, разстояніемъ отъ города Мирополья въ шести верстахъ, на то мѣсто, гдѣ оный монастырь стоитъ, называемое тогда *дѣвичье городище*, и начали отъ доброхотныхъ христолюбивыхъ подателей монастырь строить, и построили они тогда одни только себѣ кельи, а церкви и около монастыря ограды еще не строили»[1]). Построенный на мѣловыхъ горахъ, онъ получилъ названіе бѣлогорскаго николаевскаго монастыря отчасти по мѣстоположенію, а отчасти по воспоминаніямъ о дивногорской пустынѣ. Въ 1672 г. монастырь получилъ отъ царя Алексѣя Михайловича земли и сѣнные покосы; но главные дары принесли частные люди. «Въ 1688 г. стольникъ Кондратьевъ съ старшиною отдали монастырю изъ имѣній, оставшихся послѣ сотника Гавришева, мельницу на р. Пслѣ подъ селомъ Великія-Рыбицы, съ поселенными при той мельницѣ подданными черкасами, разнаго лѣса рощею, сѣнными покосами и другими угодьями»[2]). Но монастырь и самъ заботился о заселеніи своихъ вотчинъ. Такъ въ 1770 г. онъ имѣлъ уже два хутора: Прикольскій да Ивашковскій и двѣ мельницы. При этихъ владѣніяхъ считалось 80 крестьянскихъ дворовъ, подданныхъ же изъ малороссіянъ мужескаго полу 315. Положеніе крестьянъ монастырскихъ было необременительно: денежныхъ, хлѣбныхъ и никакихъ другихъ доходовъ монастырь не бралъ съ нихъ, а пользовался только ихъ работою по два дня въ недѣлю. Изъ 300 чел. работать на монастырскія поля выходили среднимъ числомъ до 80 человѣкъ. Хлѣбъ съ обработанныхъ ими полей шелъ на монастырскія потребы и на содержаніе самихъ крестьянъ во время работы; оставшійся затѣмъ поступалъ въ продажу и составлялъ сравнительно одну изъ значительнѣйшихъ статей монастырскихъ доходовъ, вмѣстѣ съ доходами отъ мельницы и продажи сѣна. Другой, еще болѣе значительный, доходъ монастырь

---

[1]) Упраздн. николаевскій бѣлогорскій монастырь, Спб. 1862 г., стр. 6.

[2]) Ibidem, стр. 8.

получалъ отъ продажи извести, которая въ изобиліи находилась въ монастырскихъ горахъ, также отъ кирпичнаго завода; кромѣ того по горамъ были разбиты фруктовые сады, яблонные, грушовые и бергамотовые; отъ продажи плодовъ, дынь и «кавуновъ» съ монастырской бакши также получался доходъ, хотя незначительный, равно какъ и отъ продажи меда и воска съ монастырской пасѣки. Монастырь имѣлъ наконецъ рыбныя ловли и скотоводство, хотя въ небольшихъ размѣрахъ: лошадей и рогатаго скота, особенно воловъ, содержалось сколько было нужно для работы и монастырскихъ потребностей» [1]). Изъ этого описанія, нарочно приводимаго нами изъ брошюры, посвященной бѣлогорскому монастырю, видно, что даже такіе небольшіе и бѣдные монастыри, какъ вышеупомянутый, имѣли несомнѣнное значеніе въ культурномъ прогрессѣ края. Болѣе богатые монастыри, о которыхъ скажемъ ниже, имѣли разумѣется и больше вліяніе на туже сторону жизни окраинъ русскаго государства.

Интереснымъ явленіемъ въ исторіи колонизаціи Слободской Украины является и такой фактъ, какъ устройство женскихъ монастырей въ мѣстностяхъ, которые не были, какъ извѣстно, безопастны отъ татарскихъ разореній. Въ 1622 г. старицѣ Апполинаріи Прытковой, съ сестрами, вслѣдствіе ея челобитной, разрѣшено царемъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ строить церковь и келіи на землѣ отведенной въ Бѣлгородѣ у посаду, и они на томъ мѣстѣ церковь воздвигнули Рождество Пресвятой Богородицы и келіи поставили. Но такъ какъ построеніемъ церкви обыкновенно заканчивалась организація монастыря, то весьма вѣроятно предположеніе, что самое общежитіе монахинь возникло еще въ концѣ XVI столѣтія. Вслѣдъ за постройкой церкви, за монастыремъ укрѣплена земля, хотя въ очень ограниченномъ размѣрѣ. Около средины XVII ст. на этой землѣ числятся уже нѣсколько семействъ крестьянъ, бобылей и дворовыхъ людей, которыхъ раньше монастырь не имѣлъ. Дальнѣйшіе экономическое развитіе монастыря находится въ связи съ пріобрѣтеніемъ имъ чудотворной иконы Пресвятой Богородицы Корсунскія [2]).

---

[1]) Ibid., стр. 10—11.

[2]) „Курск. Епарх. Вѣд." 1883 г., № 18.

Въ нынѣшней харьковской епархіи тоже возникло не мало монастырей въ періодъ еязаселенія въ рединѣ XVII вѣка. много способствовавшихъ колонизаціи этой части Слободской Украины.

Въ первые годы поселенія ахтырскаго полка прибылъ туда изъ заднѣпрскаго лебединскаго монастыря игуменъ Іоанникій и съ нимъ 40 человѣкъ братіи и нѣсколько *подданныхъ* черкасъ и основали ахтырскій монастырь, которому еще царь Алексѣй Михайловичъ отдалъ гору Ахтырь съ полями, лугами и рыбными ловлями, «яко впустѣ стоящую» [1]). На самой границѣ ахтырскаго полка, на правомъ берегу р. Ворскла, бѣжавшіе позже монахи корсунскаго монастыря основали монастырь скельскій, владѣвшій обширными угодьями и славившійся своими фруктовыми и виноградными садами [2]). Хорошевскій дѣвичій монастырь устроенъ въ 1654 г. на старомъ городищѣ, гдѣ еще въ XII в. была ярославовская церковь [3]). Въ концѣ XVII в. ему дана была грамота на пріемъ въ монастырскіе крѣпостные вольныхъ людей, изъявившихъ на такую зависимость свое желаніе [4]). Куряжскій Преображенскій монастырь въ срединѣ XVII в. на всемъ протяженіи рѣчки Куряжъ былъ единственнымъ заселеннымъ уголкомъ, окруженнымъ со всѣхъ сторонъ непроходимыми лѣсами. Михайловская пустынь была намѣчена еще пустынникомъ, жившимъ здѣсь въ 1671 г., самый же монастырь основанъ нѣсколькими годами позже племянникомъ гетмана Самойловича Михаиломъ). Краснокутскій Петропавловскій монастырь основанъ полковникомъ Иваномъ Шпекомъ одновременно съ занятіемъ имъ земель по р. Мерлу. Вольновскій монастырь основанъ энергичнымъ монахомъ Антоніемъ, который усердно созывалъ иноковъ въ опасный край, гдѣ и основалъ названную обитель. Въ народѣ этотъ монастырь и до сихъ поръ называется «накликаннымъ». Зміевскій Николаевскій монастырь уже въ 1673 г. былъ настолько богатъ, что могъ на собственныя средства пріобрѣтать различныя угодья [5]). Въ 1702 г. владѣнія его были очень обширны. Чтобы

---

[1]) „Харьк. Сборн.“ 1887 г., стр. 81.

[2]) „Кіев. Стар.“ 1886 г., октябрь, стр. 392—398.

[3]) Истор.-стат. опис. харьков. епархіи, отд. I, стр. 104.

[4]) Д. И. Багалѣй. Матер. для ист. колон. и быта степн. окр. моск. гос., № 45.

[5]) Истор.-статист. описаніе харьк. епар. Отд. I, стр. 74, 253, 268, 275 и 289

судить о его культурной роли въ новозаселенномъ краѣ достаточно упомянуть, что онъ владѣлъ и кирпичнымъ заводомъ, и рыбнымъ дворомъ, и каменными погребами и домами, пивоварней, и мельницами, и сукновальнями, и просорушками, и сотнями пчелиныхъ ульевъ, и многими избами и домами [1]).

Приведенныхъ нами данныхъ изъ исторіи 15-ти монастырей вполнѣ достаточно, чтобы намѣтить нѣкоторыя стороны въ колонизаціонной роли монастырей Слободской Украйны. Дальнѣйшія изслѣдованія должны освѣтить еще не мало темныхъ сторонъ, но и сказанное выше можетъ послужить къ слѣдующимъ не безъинтереснымъ выводамъ.

1) Совершенно дикія и нежилыя мѣста, иногда далеко выдвигавшіяся за сторожевые пункты, давали нерѣдко пріютъ пустынникамъ, которые, сгруппировавъ около себя монашескія общины, строили монастыри, служившіе въ нѣкоторыхъ случаяхъ центрами для первыхъ поселеній края.

2) Монастыри возникали и въ то время, когда новыя мѣста уже были облюбованы переселенцами.

3) Разъ избравъ мѣсто, монашествующая братія почти уже не разстается съ нимъ, крѣпко держась его даже въ тяжкія годины погромовъ и разореній.

4) Монастыри, независимо отъ времени основанія ихъ, постоянно старались пріобрѣтать земли и различныя угодья въ заселенныхъ уже мѣстахъ. Такія пріобрѣтенія служили, какъ убѣжища, на время татарскихъ набѣговъ, и какъ источники доходовъ.

5) Но еще больше имѣли монастыри угодій въ «дикомъ полѣ», гдѣ имъ предстояло насаждать земледѣльческую культуру. Такія угодья эксплуатировались разными способами: сѣнные покосы косились, степи распахивались, лѣсъ рубился на постройки и другія надобности; во многихъ мѣстахъ монашествующая братія пользовалась рыбными ловлями и бортными ухожьями. Монастыри заводили пасѣки, сады, огороды, хмѣльники, бахчи и т. п., содержали крупный и мелкій скотъ и нерѣдко вели хозяйство въ довольно обширныхъ размѣрахъ.

6) Въ такихъ незаселенныхъ мѣстахъ монастыри, какъ это видно изъ ихъ описей и грамотъ, строили сторожки, скиты, ча-

---

[1]) Багалѣй, Матеріалы и т. д., № 48.

совни и церкви, оживлявшія мѣстность и групировавшія вокругъ себя новыя поселенія.

7) Для промышленныхъ цѣлей служили устраиваемые монастырями пивоварни, винницы, известковые и кирпичные заводы, мельницы, сукновальни, просорушки, кузни и помѣщенія, отдаваемыя въ наемъ.

8) Монастыри привлекали на свои вотчины работниковъ, трудящихся для иноковъ изъ благочестивыхъ побужденій, принимали и устраивали бобылей и пріобрѣтали крѣпостныхъ крестьянъ. Не отягощая ихъ работой и поборами, монастыри увеличивали число новыхъ починковъ, хуторовъ и другихъ жилыхъ мѣстъ.

Разумѣется, относительно небольшое число самыхъ монастырей, не могло способствовать развитію ихъ колонизаціонной дѣятельности до очень большихъ размѣровъ. Но эта дѣятельность была все таки настолько замѣтна, что и московское правительство считало нужнымъ поощрять ее, и оно, какъ мы уже говорили, часто жаловало монастырямъ земли и государево жалованье, а также освобождало ихъ угодья отъ всякихъ платежей. Въ виду этого желательно было бы, чтобы колонизаціонная роль монастырей обратила на себя вниманіе людей науки и была разработана ими съ строго научной послѣдовательностью и полнотой.

Евгеній Максимовъ.

ЗАПИСКИ В. И. ЯРОСЛАВСКАГО [1].

Родился я ахтырскаго уѣзда въ селѣ Тростянцѣ отъ дьячка Вознесенской церкви Ивана Антоновича Ярославскаго. Въ дѣтствѣ сказывали мнѣ, что отецъ мой умеръ прежде моего рожденія. Помню, что я жилъ съ матерью своею Маріею Васильевною, рожденною въ городѣ Краснокутскѣ, въ нашемъ деревянномъ домѣ, стоявшемъ чрезъ улицу прямо противъ Вознесенской

---

1) Записки эти сообщены намъ дѣйств. членомъ и секретаремъ харьковскаго статистическаго комитета, П. С. Ефименкомъ, а имъ получены отъ харьковскаго протоіерея, члена того же комитета, о. Н. Лащенкова. Приносимъ имъ обоимъ нашу искреннюю благодарность за доставленіе намъ возможности помѣстить на страницахъ нашего изданія столь интересный историко-бытовый матеріалъ.

Авторъ помѣщаемыхъ записокъ В. И. Ярославскій родился, учился и первоначально служилъ въ харьковской губерніи, отъ того и первыя воспоминанія его посвящены этой мѣстности. Эта часть его записокъ была помѣщена въ „Литературно-научномъ приложеніи къ харьковскому календарю на 1887 г.“; другая, относящаяся къ новороссійскому краю и другимъ мѣстамъ, является здѣсь впервые. Обѣ части имѣютъ одинаковый исключительно историко-бытовый характеръ, что зависѣло отъ общественнаго и служебнаго положенія автора. Сынъ сельскаго дьячка, круглый притомъ сирота, онъ едва могъ получить кое-какое образованіе въ бывшемъ въ концѣ прошлаго столѣтія въ Харьковѣ казенномъ училищѣ, одномъ изъ тѣхъ, которыя явились у насъ подъ разными наименованіями вслѣдъ за учрежденіемъ намѣстничествъ и представляли странную амальгаму самыхъ разнородныхъ познаній. Окончивъ здѣсь курсъ въ 1797 г., В. И. Ярославскій поступилъ на службу въ харьковское губернское правленіе канцеляристомъ; затѣмъ, считаясь на службѣ при полиціи въ городѣ Сумахъ, жилъ у разныхъ помѣщиковъ харьковской губерніи въ качествѣ учителя, землемѣра и архитектора; въ 1806 г. онъ попалъ на службу въ Петербургъ, гдѣ прослужилъ два года; въ 1808 г. былъ уже въ Херсонѣ губернскимъ архитекторомъ, въ 1817 г. тамъ же совѣтникомъ казенной палаты, въ 1821 г. совѣтникомъ таврическаго губернскаго правленія, откуда перешелъ на такую же должность въ Тулу. Дослужившись здѣсь пансіона и выйдя въ отставку въ 1833 г., Ярославскій поселился въ Сумахъ, гдѣ и жилъ до самой смерти, послѣдовавшей, если не ошибаемся въ 60-хъ годахъ.

церкви. Отъ случившагося пожара церковь эта сгорѣла, а съ нею сгорѣлъ и домъ нашъ вмѣстѣ съ сосѣдними домами. Пожаръ былъ такъ силенъ, что мать моя едва успѣла спасти сундукъ на колесахъ съ ея платьемъ.

Послѣ пожара мать моя перешла на житье въ господскій домъ, въ которомъ жилъ какой-то ея родственникъ, престарѣлый человѣкъ

Записки писаны Ярославскимъ по выходѣ изъ службы и являются воспоминаніями изъ его долгой и разнообразной жизни. Въ подлинникѣ они имѣютъ слѣдующее заглавіе: „Тайная исповѣдь о моей жизни и дѣлахъ и о лицахъ, съ которыми я имѣлъ связи и сношенія". Сама по себѣ жизнь В. И. Ярославскаго не представляетъ особаго интереса, кромѣ развѣ частыхъ переходовъ его отъ одного мѣста и дѣла къ другому и того, какъ бѣднякъ, сирота прокладываетъ себѣ дорогу къ образованію и „счастью", т. е. къ положенію лучшему того, какимъ судьба надѣлила его при рожденіи. Иное дѣло его „связи и сношенія". Тутъ въ воспоминаніяхъ Ярославскаго, какъ въ калейдоскопѣ, выступаютъ и смѣняются одни другими лица самыхъ разнообразныхъ званій и положеній отъ дьячка и двороваго человѣка, до министра и вообще государственнаго сановника. И всѣ они являются не въ предвзятыхъ очертаніяхъ и характеристикахъ, но въ естественномъ теченіи жизни, въ служебныхъ и частныхъ ихъ дѣйствіяхъ, въ мельчайшихъ чертахъ ихъ будничной обстановки и быта. Въ этомъ отношеніи записки Ярославскаго имѣютъ большое сходсво съ помѣщенными у насъ раньше записками новогрудскаго подсудка XVI ст. Ѳеодора Евлашевскаго („Кіев. Стар." 1886 г., январь) и записками новооскольскаго дворянина И. Ѳ. Острожскаго-Лохвицкаго (тамъ же, №№ 2—5 и 10—12). Скудное первоначальное свое образованіе авторъ записокъ въ значительной степени восполнилъ чтеніемъ книгъ, которыя въ изобиліи находилъ въ домахъ богатыхъ помѣщиковъ, и продолжительнымъ пребываніемъ въ кругу образованныхъ людей. Встрѣча его здѣсь съ нѣкоторыми литераторами заохотила его съ юныхъ лѣтъ къ переводамъ съ иностранныхъ языковъ. Въ сороковыхъ годахъ В. И. Ярославскій занимался составленіемъ „Историческаго лексикона замѣчательныхъ мужей" и готовился составить руководство по сельской архитектурѣ. Благодаря наблюдательности автора и его разнообразнымъ знакомствамъ и сношеніямъ, мы находимъ въ его запискахъ массу любопытныхъ свѣдѣній о такихъ лицахъ, которыя играли немаловажную роль во внутренней жизни различныхъ мѣстностей, преимущественно харьковскаго и новороссійскаго края, а его спеціальныя занятія архитектурою вводятъ насъ въ малоизвѣстную сферу сельскихъ помѣщичьихъ построекъ и отчасти самаго быта помѣщиковъ. Записки Ярославскаго не блещутъ изяществомъ изложенія, увлекательностію разсказа, живостію и полнотою картинъ, языкъ ихъ даже тяжелый и часто неправильный; но они преимуществуютъ предъ другими подобными памятниками въ точности и разнообразіи передаваемыхъ свѣдѣній. Въ частности то мѣсто ихъ, гдѣ авторъ говоритъ обстоятельно о знакомствѣ своемъ съ извѣстнымъ дѣятелемъ югозападнаго края М. И. Комбурлеемъ, въ значительной степени пополняетъ и исправляетъ тѣ отчасти пристрастныя свѣдѣнія о немъ, которыя содержатся въ запискахъ неизвѣстнаго о т. наз. „волынской революціи", напечатанныхъ въ „Кіев. Старинѣ" за 1884 годъ.

Ред.

съ женою старухою, по фамиліи, помнится, Лозинскій, бывшій прежде управителемъ всего имѣнія Надаржинскихъ и пользовавшійся ихъ уваженіемъ. Но вскорѣ этотъ родственникъ, котораго называли моимъ дѣдушкой, умеръ.

По смерти этого дѣдушки женѣ его вскорѣ отвели другой господскій домъ, въ который и мать моя перешла жить.

Зимой мать моя поѣхала въ Ахтырку на ярмарку, къ родной своей меньшей сестрѣ Аннѣ Васильевнѣ, бывшей за мужемъ за дьячкомъ соборной церкви, гдѣ находится чудотворный образъ Богоматери. Этого моего дядю звали Діомидъ Петровичъ; онъ хорошо игралъ на гусляхъ и училъ церковныхъ пѣвчихъ. Тамъ мать моя услышала отъ пріѣзжихъ изъ Краснаго Кута на ярмарку, что мать ея, Дарья Осиповна, опасно больна горячкою; почему поѣхала къ ней, но такъ старательно и неусыпно смотрѣла за больною, что сама заболѣла еще сильнѣйшею горячкою и вскорѣ умерла. Помню, что когда весною получено было въ Тростянцѣ извѣстіе о ея смерти, то я, сидя надъ рѣчкою, горько плакалъ цѣлый день, хотѣлъ самъ умереть, а возвратясь въ домъ, не ѣвши цѣлый день съ горя, легъ спать. Такъ въ печали и частыхъ слезахъ прожилъ я съ бабушкой лѣто; а зимой ее обворовали, послѣ чего вскорѣ и она умерла. И такъ я, бывши пяти или шести лѣтъ, безъ всякой помощи, остался круглымъ сиротою; по этой причинѣ не помню ни дня моего рожденія, ни сколько мнѣ тогда настояще было лѣтъ. Родной братъ моего дѣдушки пріѣхалъ изъ Боромли, забралъ оставшееся движимое имущество и меня взялъ съ собою. Помню, что проѣзжая чрезъ село Радомль, я обѣдалъ за столомъ помѣщика, который былъ какой-то родственникъ этому дѣдушкѣ.

Въ Боромлѣ я жилъ въ самомъ горестномъ положеніи, спалъ всегда подъ коморою: отъ простуды или отъ горя все лѣто былъ боленъ лихорадкою. Бабушка была ко мнѣ не ласкова и какъ будто тяготилась мною, хотя не имѣла собственныхъ дѣтей; она требовала отъ своего мужа, чтообы онъ отвезъ меня обратно въ Тростянецъ и отдалъ какому нибудь родственнику. Этотъ дѣдушка привезъ меня туда въ Спасовку. Проѣзжая по улицамъ

Тростянца, съ горестію смотрѣлъ я на знакомыхъ моего дѣтства. Дѣдушка отдалъ меня какому-то дальнему родственнику, котораго меньшой братъ Мойсей вскорѣ, по его приказанію, отвезъ меня въ Ахтырку къ теткѣ моей Аннѣ Васильевнѣ. Домъ ея мужа былъ въ соборномъ приходѣ, прямо чрезъ улицу противъ большаго двора и длиннаго одноэтажнаго деревяннаго дома графа Подгоричани. Ниже этого дома былъ обширный садъ съ канавами, и я съ своими сверстниками нерѣдко ходилъ туда рвать яблоки. Помню, что я съ толпою народа ходилъ также смотрѣть, какъ отвозили на многихъ экипажахъ умершаго престарѣлаго этого графа, и что люди указывали и говорили: «смотрите, какъ эта молодая жена его горько плачетъ». Она отвезла его съ большою церемонію на погребеніе въ большое его село Пархомовку, которое, какъ послѣ я узналъ, было подарено ему за службу императрицею Елисаветою Петровною.

Мужъ моей тетки Діомидъ Петровичъ, по небреженію и нетрезвой жизни, лишился своего мѣста при соборной церкви и, имѣя одного сына и двухъ дочерей, по бѣдности своей затруднялся въ пропитаніи своего семейства. Хотя въ Ахтыркѣ, кажется, въ Покровской церкви былъ родной старшій братъ моего отца, протопопъ отецъ Иванъ Ярославскій, но, зная его гордость и суровый нравъ, дядя и тетка не смѣли просить его о принятіи меня, а предложили родственнику ихъ дьячку Николаевской церкви, котораго имени не припомню. У него не было дѣтей, и жена его была ко мнѣ весьма милостива. Я прожилъ у нихъ зиму. Помню, что выучивши какую-то виршу, на Рождество я ходилъ съ нимъ Христа славить, вывиршовалъ до 20 копѣекъ и считалъ себя богачемъ.

Передъ масляницей пріѣхалъ на ярмарку второй мужъ моей бабушки, Косма Снѣсаревскій, взялъ меня и привезъ въ Красный Кутъ. Бабушка меня очень любила; она отдала меня учиться дьячку Покровской церкви и какъ онъ далеко жилъ отъ дома бабушки Николаевскаго прихода, то она каждый день покупала для меня вязку бубликовъ, и я, не ходивши домой обѣдать, учился до вечера. Въ ученіи я былъ тупъ, безпонятенъ и мало внимате-

ленъ; помню, что однажды онъ больно меня высѣкъ. Лѣтомъ я хаживалъ по длинной плотинѣ купаться въ рѣкѣ Мерло, гдѣ было много гадинъ, жившихъ между хворостомъ. За рѣкой былъ весьма обширный сосновый лѣсъ, который принадлежалъ прежде къ большой казенной слободѣ Мурафѣ, а потомъ, какъ послѣ я узналъ, былъ подаренъ императрицею графу Подгоричани.

Въ Красномъ Кутѣ я прожилъ лѣто и зиму. Мужъ моей тетки Анны Васильевны, продавши или обмѣнявши свой домъ въ Ахтыркѣ, переѣхалъ на житье богодуховскаго уѣзда въ большое село Писаревку, гдѣ были двѣ деревянныя церкви и при одной онъ заводилъ пѣвчихъ. Зная, что я имѣлъ голосъ дисканта, онъ требовалъ отъ бабушки, чтобъ прислала меня въ Писаревку; по пріѣздѣ туда я и пѣлъ въ одной церкви. Тетушка, царство ей небесное, видя, что житье мое въ Писаревкѣ не послужитъ къ моему счастью, совѣтовала своему мужу лучше отвезть меня въ Харьковъ, гдѣ родной мой дядя, Петръ Антоновичъ Ярославскій, былъ губернскимъ архитекторомъ: онъ, говорила тетушка, можетъ вѣрнѣе устроить его счастіе.

По утру рано, въ самый Покровъ Пресвятыя Богородицы, я былъ имъ привезенъ въ Харьковъ и приведенъ въ домъ Петра Антоновича за Лопанью. Распрося обо мнѣ подробно, онъ велѣлъ оставить меня въ передней комнатѣ, а самъ поѣхалъ съ поздравленіемъ къ губернатору и въ церковь. Сидя долго одинъ въ комнатѣ, я соскучилъ; когда вышла горничная дѣвушка, то я обрадовался и просилъ ее провести меня отъ собакъ. Выйдя со двора, я старался дойти до каменнаго моста и отыскать на ярмаркѣ близъ Лопани возъ, гдѣ дядя мой остановился съ прочими людьми, пріѣхавшими изъ Писаревки. И какъ онъ тогожъ дня располагалъ выѣхать изъ Харькова, то, выругавши меня за то, что я не остался, отвелъ меня въ бывшее казенное училище, въ родѣ кадетскаго корпуса, и отдалъ меня родному старшему моему брату Ивану Ивановичу. Братъ мой, хотя и негдѣ было помѣстить меня, принялъ меня съ радостью и кормилъ меня приносимою имъ отъ общаго стола пищею; спалъ я съ нимъ на одной кровати до воскресенья. А въ воскресенье

онъ отвелъ меня къ дядѣ Петру Антоновичу, которому при разговорѣ объяснилъ, что объ опредѣленіи меня теперь въ классы нельзя сдѣлать представленія губернатору, но какъ регентъ поѣхалъ по губерніи набирать пѣвчихъ, то по привозѣ оныхъ и я могу быть вмѣстѣ съ ними опредѣленъ. Дядя велѣлъ мнѣ остаться въ его домѣ, но по тѣснотѣ онаго я жилъ въ кухнѣ. Почти каждый день ходилъ я въ классы учиться нотному пѣнію, а въ Рождественскій мясоѣдъ 1789 года совсѣмъ перешелъ въ классы, когда были привезены другіе пѣвчіе. И такъ, переходя отъ многихъ моихъ родственниковъ, которые тяготились содержать меня, наконецъ достигши надежнаго жилища, могущаго образовать меня и открыть мнѣ вѣрную дорогу къ счастію, я совершенно испыталъ на себѣ пословицу: «за сиротою Богъ съ калитою». Теперь вспоминая, сколько въ дѣтствѣ я нуждъ и горестей претерпѣлъ, ясно вижу, что безъ всеблагаго Божія Промысла я не могъ бы перенесть всего и остаться живымъ.

Помню, что передъ масляной 1789 года, въ ужасную мятель, пріѣхалъ въ Харьковъ свѣтлѣйшій князь Потемкинъ-Таврическій, проѣздомъ въ Петербургъ, и остановился у губернатора Ѳеодора Ивановича Кишинскаго, который жилъ во дворцѣ, построенномъ еще до 1787 года, ко времени путешествія императрицы Екатерины II на обратномъ пути изъ Крыма; тамъ наши пѣвчіе и музыканты встрѣчали его хоромъ. Теперь въ этомъ дворцѣ помѣщается университетъ. Къ этому дворцу тогда пристроена была обширная деревянная зала въ два этажа; потолокъ ея поддерживался вокругъ внутри всей залы столбами, между которыми находились хоры, а самая зала соединялась съ дворцомъ галлереею. Помню, разсказывали много, что, во время пребыванія въ Харьковѣ императрицы, она угощала въ этой залѣ харьковскихъ дворянъ обѣденнымъ столомъ, сама же находилась на хорахъ и смотрѣла на нихъ. Вѣроятно, въ этой же залѣ она слушала рѣчь, сказанную ей отъ лица всего дворянства бывшимъ тогда губернскимъ предводителемъ дворянства Григоріемъ Романовичемъ Шидловскимъ, награжденнымъ при этомъ орденомъ св. Владиміра 3-й степени. Всѣ губернскіе чиновники

получили награды, и мой дядя получилъ отъ нея въ подарокъ перстень. Первыя дамы города Харькова подносили ей свои рукодѣлія, и эта милостивая государыня также удостоила ихъ наградъ. Въ 1791 году губернаторъ Кишинскій велѣлъ моему дядѣ устроить въ этой деревянной залѣ театръ, по устроеніи котораго два раза въ недѣлю бывали представленія для увеселенія харьковской публики; а въ 1797 году эта зала при губернаторѣ Тепловѣ разобрана, и съ тѣхъ поръ театральныя представленія въ Харьковѣ вовсе уже не бывали.

Теперь обращаюсь къ разсказу о моемъ пребываніи въ казенномъ училищѣ. По утру я занимался пѣніемъ и только послѣ обѣда могъ заниматься изученіемъ наукъ. Отъ природной наклонности моей къ задумчивости и размышленію я былъ невнимателенъ и непонятливъ, а отъ этого каждая наука стоила мнѣ не малаго труда и времени. Понятіе во мнѣ и разсудокъ поздно открылись; но я всегда твердо помнилъ, что въ моемъ сиротскомъ и бѣдномъ состояніи не на кого мнѣ надѣяться, и отъ того былъ всегда прилеженъ къ наукамъ. Напротивъ того братъ мой Иванъ Ивановичъ имѣлъ отъ природы счастливую память: бывало, прочитаетъ нѣсколько разъ въ вечеру и какъ-бы ни длиненъ былъ урокъ, изъ французскаго языка или какой науки, онъ и поутру твердо помнилъ его; но за то, не въ осужденіе, а по правдѣ говоря, онъ былъ лѣнивъ къ наукамъ и не кончилъ полнаго ихъ курса; болѣе занимался пѣніемъ, а послѣ игрою на флейтраверсѣ, въ театрѣ, гдѣ каждый разъ платили музыкантамъ; этимъ самымъ и отвлекли его отъ наукъ. Въ 1793 году онъ вышелъ изъ училища, чтобъ быть учителемъ народнаго училища въ Лебединѣ; тамъ онъ вовсе оставилъ французскій языкъ и забылъ его. А я могъ начать учиться этому языку только по потерѣ голоса, въ 1794 году. Помню, что учитель Дмитріевъ, у котораго я учился исторія и географіи, сказалъ мнѣ: «учись прилежнѣе этому языку; хотя и поздно началъ учиться ему, онъ будетъ тебѣ полезенъ».

Желая отблагодарить теткѣ Аннѣ Васильевнѣ за ея попеченіе о моемъ сиротствѣ, я писалъ, чтобы она прислала въ Харьковъ

своего сына для опредѣленія въ училище. Она сама его привезла, и по просьбѣ моей директоръ Густавъ Борисовичъ Буксгевденъ опредѣлилъ его. Но этому баловню не понравились ни пища, ни строгость содержанія, и онъ вскорѣ тайно ушелъ въ Писаревку. Итакъ, я ничѣмъ не отблагодарилъ теткѣ и доселѣ остаюсь ея и ея матери Дарьи Петровны должникомъ.

Въ 1795 году, по желанію директора училища и по указанію нашего учителя фортификаціи и артиллеріи, Ивана Николаевича Николаева, всѣ казенные воспитанники строили подъ Холодною Горою крѣпость, рыли шанцы для подступленія къ ней. И какъ мы носили мундиры, имѣли тесаки и ружья, и насъ учили военной экзерциціи, а лучшіе изъ учениковъ каждый день ходили къ губернатору на ординарцы, то мы маршировали правильно чрезъ городъ къ Холодной Горѣ для взятія той крѣпости. Многочисленныя толпы гражданъ слѣдовали за нами и присутствовали при взятіи крѣпости до самыхъ сумерокъ. При этомъ случилось однажды такое несчастіе: изъ числа моихъ соучениковъ Степанъ Чернышевъ стоялъ съ банникомъ, а братъ его Борисъ, не сказавъ ему, чтобъ посторонился, выстрѣлилъ изъ пушки, отъ чего Степану опалило лице порохомъ, такъ, что едва чрезъ нѣсколько недѣль уничтожились на лицѣ порошины посредствомъ примазыванія сметаною. Я, стоя во все время близъ пушки и подавая снаряды, оглохъ было также на нѣсколько недѣль.

Не помню, въ этомъ ли годѣ или прежде случилось, что опредѣленный прежде въ училище по повелѣнію губернатора, единственно изъ сожалѣнія, изъ числа взятыхъ въ Липцахъ духоборцевъ мальчикъ, по прозванію Логвинъ, былъ отпущенъ экономомъ на вакаціонное время въ домъ его родственниковъ, въ надеждѣ, что, какъ онъ выучилъ уже катехизисъ, то оставилъ ересь своихъ родителей и непремѣнно возвратится въ училище. Но эта надежда не сбылась: Логвинъ не явился на срокъ; а гораздо послѣ, услыша, что онъ въ острогѣ, нѣкоторые ученики ходили къ нему и упрекали его въ сдѣланной глупости, послѣ того, какъ онъ самъ въ разговорахъ неоднократно издѣвался надъ

своими земляками въ слѣпомъ ихъ заблужденіи. «Что жъ», отвѣчалъ онъ, «я притворствовалъ съ вами; отецъ мой и братъ сосланы за вѣру, и я хочу жить вмѣстѣ съ ними». Вотъ какъ сильно вкоренилось въ невѣжественныхъ умахъ черни суевѣріе и какъ трудно его истребить! И теперь въ таврической губерніи при Молочныхъ Водахъ находятся обширныя селенія духоборцевъ, гдѣ нѣтъ ни церквей, ни священниковъ, а хитрѣйшіе между ними и грамотные сами отпрявляютъ духовныя должности и поддерживаютъ ихъ ересь.

Лѣтомъ 1796 года пріѣхалъ въ Харьковъ вновь назначенный на эту и воронежскую губерніи генералъ-губернаторъ, генералъ-поручикъ, Андрей Яковлевичъ Леванидовъ; съ нимъ пріѣхалъ регентъ Ведель, славный композиторъ, капельмейстеръ Цихе и нѣсколько пѣвчихъ, въ числѣ которыхъ былъ Петръ Турчениновъ (бывшій потомъ въ С.-Петербургѣ протоіереемъ при больницѣ бѣдныхъ на Литейной, сочинитель трехголоснаго пѣнія каноновъ). Господинъ генералъ-губернаторъ захотѣлъ вымостить улицы Харькова, по неимѣнію вблизи дикаго камня, хотя фашинникомъ и какъ на этотъ предметъ не было въ думѣ денегъ, то велѣлъ обложить жителей соразмѣрно числу квадратныхъ саженей занимаемыхъ ими дворовъ [1]). При этомъ я и прочіе старшіе ученики были посылаемы для измѣренія дворовъ. Губернскій землемѣръ и директоръ классовъ Г. Б. Буксгевденъ объявилъ, что онъ не можетъ заплатить за свой обширный дворъ и садъ за Лопанью въ Дмитріевскомъ приходѣ, основываясь на указѣ, что безъ высочайшей власти никто не въ правѣ налагать налоги. Генералъ-губернаторъ сначала велѣлъ подать ему въ отставку отъ должности губернскаго землемѣра, причемъ на мѣсто его былъ опредѣленъ харьковскій уѣздный землемѣръ Николай Даниловичъ Драгомиръ; но не довольствуясь и тѣмъ, сталъ взыскивать съ Буксгевдена и по училищу. Буксгевденъ отъ печали заболѣлъ и

---

[1]) Болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ находятся въ статьѣ И. А. Устинова: „Харьковъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія“. Харьк. Календ. на 1886 г. стр. 85.—П. Е.

вскорѣ умеръ, а на его мѣсто опредѣленъ былъ директоромъ Өеодоръ Ивановичъ Кудрицкій, бывшій его коадьюторомъ. Въ нижнемъ этажѣ дворца учреждена была чертежная, куда собирались каждый день всѣ уѣздные землемѣры и губернскій архитекторъ; я и еще четыре старшихъ ученика были прикомандированы для помощи въ эту чертежную. Помню, что въ это-то время пріѣхалъ изъ Сумъ купецъ Бочаровъ и просилъ у дяди моего Петра Антоновича планъ на николаевскую церковь; по назначенію дяди я сдѣлалъ на-бѣло планъ, по которому и теперь осталась въ натурѣ та же колокольня, какая была назначена по сдѣланному мною плану.

Г. Леванидовъ надѣялся надолго остаться въ своей должности; но 6 ноября того жъ 96 года скончалась императрица Екатерина, и счастіе его совсѣмъ измѣнилось: сначала былъ уничтоженъ пятитысячный корпусъ стрѣлковъ въ кіевской губерніи, командуемый имъ, а потомъ и его генералъ-губернаторство. Но всему своему несчастію, какъ и по большей части съ людьми случается, онъ самъ былъ причиною. Императоръ Павелъ, бывши наслѣдникомъ престола, любилъ его и считалъ преданнымъ себѣ; но Леванидовъ, оставя его, приласкался къ фавориту Зубову и чрезъ него получилъ знатное имѣніе, принадлежавшее волынскому бискупу и генералъ-губернаторство; а еще большую онъ сдѣлалъ ошибку, что при отъѣздѣ изъ Петербурга не поѣхалъ въ Гатчино проститься съ наслѣдникомъ престола, которому лично могъ бы о всемъ объясниться и просить у него прощенія. Но онъ наплевалъ въ колодезь, изъ котораго самому потомъ приходилось, да не пришлось уже пить воду. Въ то же время на мѣсто губернатора Кишинскаго, бывшаго подъ покровительствомъ князя Потемкина, опредѣленъ въ Харьковъ дѣйств. статскій совѣтникъ Алексѣй Григорьевичъ Тепловъ, нѣкогда путешествовавшій съ наслѣдникомъ престола по Европѣ.

Въ 1797 году генералъ прокуроръ князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ прислалъ этому губернатору высочайшее повелѣніе о составленіи атласа слободско-украинской губерніи съ подробными камеральными, экономическими и статистическими

описаніями всѣхъ городовъ, селъ и деревень съ ихъ заведеніями [1]). Въ отдѣлкѣ этого атласа вмѣстѣ съ землемѣрами участвовалъ и я съ четырьмя моими старшими соучениками.

14-го декабря этого 1797 года я былъ вовсе изъ училища уволенъ и того жъ числа причисленъ въ губернское правленіе съ произведеніемъ канцеляристомъ. По докладу князя Куракина землемѣры пожалованы были двойными чинами, потому что слѣдующіе они заслужили, а я съ своими сотоварищами за участіе въ дѣланіи атласа произведенъ по именному указу 1798 года апрѣля 28-го коллежскимъ регистраторомъ.

Лѣтомъ этого года пріѣзжалъ я въ городъ Сумы съ землемѣромъ Алексѣемъ Михайловичемъ Резановымъ, гдѣ дѣлалъ планъ для построенія зданія полиціи, на мѣстѣ котораго впослѣдствіи, въ 1835 г., увидѣлъ каменный двухъ-этажный домъ уѣзднаго училища. Здѣсь я часто бывалъ у городничаго Ивана Ѳедоровича Богдановича, который меня полюбилъ и давалъ для прочтенія мнѣ книги. По возвращеніи я былъ прикомандированъ въ канцелярію губернатора Ал. Гр. Теплова. Этотъ губернаторъ за что-то не поладилъ съ вице-губернаторомъ Григоріемъ Романовичемъ Шидловскимъ и, по донесенію послѣдняго о злоупотребленіяхъ казенной палаты, онъ и всѣ члены были удалены отъ должностей. При переводѣ Теплова губернаторомъ въ кіевскую губернію, я получилъ отъ него хорошій аттестатъ, весьма послужившій мнѣ въ пользу при опредѣленіи меня въ 1806 году въ государственный адмиралтейскій департаментъ.

Ив. Ѳед. Богдановичъ [2]) приглашалъ меня письмомъ для обученія его сына Ѳеодора, воспитывавшагося у генеральши Парасковьи Михайловны Штеричевой въ Басахъ, предлагая мнѣ

---

[1]) Объ этомъ атласѣ см. замѣтку въ научномъ отдѣлѣ харьк. календаря на 1886 г., стр. 147.—П. Е.

[2]) Иванъ Ѳедоровичъ Богдановичъ, городничій города Сумъ, былъ родной братъ извѣстнаго стихотворца Ипполита Богдановича. Самъ Иванъ Ѳедоровичъ написалъ и издалъ слѣд. книги: „О воспитаніи юношества", М. 1807 г., „Слово, похвальное царю Іоанну Васильевичу IV". М. 1809 г. и „Россійская грамматика въ пользу поляковъ". Вильно. 1809 г.—П. Е.

жалованья въ годъ по 200 рублей ассигнаціями; на что я весьма охотно согласился, тѣмъ болѣе, что до того времени изъ губернскаго правленія я вовсе его не получалъ. При докладѣ о семъ Н. Д. Драгомира губернатору Петру Өедоровичу Сабурову, онъ сказалъ: «зачѣмъ молодому человѣку терять службу?» и далъ предложеніе о переводѣ меня въ сумскую градскую полицію, 1799 года апрѣля 6. Помню, что ѣхалъ я въ Сумы во время половодья съ почталіономъ, которому губернскій почтмейстеръ, по просьбѣ моего дяди Петра Антоновича, велѣлъ привезть меня туда. Въ то время было получено строжайшее именное повелѣніе отнюдь не брать сѣдоковъ почталіонамъ, везущимъ почту, данное по случаю потери почты во владимірской губерніи почталіономъ, который взялъ сѣдока; но у меня тогда и на хлѣбъ не доставало денегъ, а потому безъ сего случая я не могъ бы и пріѣхать въ Сумы. По пріѣздѣ въ Ахтырку, пока почтмейстеръ разбиралъ почту, я пошелъ къ дядѣ отцу протоіерею Ивану Антоновичу Ярославскому; но онъ весьма сухо меня принялъ, между тѣмъ сынъ его Петръ, бывши учителемъ въ Сумахъ, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, взялъ у меня астролябію и не возвратилъ ее. Также по счастію случилось, что я, пріѣхавши въ Басы на святой недѣлѣ, засталъ еще тамъ Александра Александровича Палицына [1]) съ женою его Авдотьею Александровною. Онъ, узнавши, что я родной племянникъ губернскаго архитектора и занимаюсь архитектурою, просилъ Прасковью Михайловну непремѣнно отпускать меня къ нему въ Поповку каждый мѣсяцъ, на что она и дала ему обѣщаніе. Въ первый мой пріѣздъ я засталъ его сильно страдающаго болью головы отъ гемороидовъ. Слыша тяжкіе и мучитель-

---

[1]) А. А. Палицынъ, съ которымъ авторъ воспоминаній былъ хорошо знакомъ и о которомъ много сообщаетъ, по словамъ В. Н. Каразина, „имѣлъ вкусъ въ архитектурѣ, украсилъ нѣсколько нашихъ городовъ и множество селъ зданіями. Дѣйствуя на богатыхъ помѣщиковъ, въ числѣ которыхъ Шидловскіе и Надаржинскіе были его друзьями, онъ заохотилъ ихъ къ строеніямъ, къ лучшему расположенію домовъ, украшенію ихъ приличными мебелями, къ заведенію библіотекъ. Ему обязаны мы большею частію началами европейскаго быта на Украйнѣ“. Украин. Стар. Г. П. Данилевскаго, стр. 129.—П. Е.

ные стоны его, я прослезился. Послѣ, спустя долгое время, жена его Авдотья Александровна припомнила мнѣ, что слезное мое участіе въ болѣзни ея мужа заставило его съ того времени полюбить меня.

Въ то время разсказывали про ужасный случай, происшедшій въ 99 году въ Харьковѣ. Пономарь вознесенской церкви, рано по утру подойдя къ ней для звона къ заутрени, увидѣлъ на дверяхъ приклеенную исписанную бумагу; онъ тотчасъ далъ знать протоіерею отцу Василію Фотіеву, который прежде былъ моимъ учителемъ риторики. Отецъ Василій, прочтя эту бумагу, увидѣлъ, что это пасквиль почти на всѣхъ губернскихъ чиновниковъ (предъ каждымъ присутственнымъ мѣстомъ сказано было: пиши Г., что значило висѣлицу, а тогда, по повелѣнію Государя, вездѣ разставлены были висѣлицы для бѣжавшаго съ ротою за границу какого-то капитана, чтобы въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ будетъ пойманъ, и новѣсить его и солдатъ), и какъ въ немъ былъ расхваленъ Костюшка, предводитель польскаго возмущенія, а управленія государя Павла съ невыгодной стороны описаны, то отецъ Василій и побоялся изорвать эту бранную бумагу, чтобы въ случаѣ отъ кого-либо доноса не имѣть непріятностей, а представилъ ее губернатору Сабурову. Еслибъ губернаторъ исполнилъ именной указъ императрицы Екатерины, повелѣвавшій палачу всѣ подметныя безъименныя письма и пасквили сжечь подъ висѣлицею, то тѣмъ бы это дѣло и кончилось, и другаго пасквиля, достовѣрно, не было бы. Но онъ, отославъ эту бранную бумагу при рапортѣ государю, думалъ показать государю тѣмъ свою подданническую преданность. Она была худо принята, и Сабуровъ въ то же время былъ удаленъ отъ должности. Но этимъ непріятность въ городѣ по предмету пасквиля не кончилась: государь прислалъ генерала Бердяева для строжайшаго изслѣдованія. Разныя лица, на которыхъ падало хоть малѣйшее подозрѣніе, были допрашиваемы; особенно, какъ говорили, пострадалъ при допросахъ невинно отецъ Василій Фотіевъ; Лохвицкій же, изъ семинаристовъ, былъ посланъ въ Сибирь. По замѣчанію многихъ, онъ былъ составителемъ этого пасквиля,

вмѣстѣ съ горбатымъ графомъ Михайломъ Подгоричани, любившимъ надъ всѣми издѣваться; но Лохвицкій, видно, умолчалъ о немъ; самъ же возвращенъ оттуда уже въ царствованіе императора Александра. Говорятъ, что тогда въ Харьковѣ одинъ другого боялись: даже родные опасались посѣщать другъ друга. Въ то же время еще большій на всѣхъ навело ужасъ, когда поручикъ чугуевскаго полка Артюховъ былъ высѣченъ кнутомъ: подумали, что такимъ тѣлеснымъ наказаніемъ дворянская грамота вовсе государемъ уничтожена; но это случилось отъ его ошибки въ подписи конфирмаціи: «быть по сему» противъ того мѣста, гдѣ тѣлесное наказаніе полагается простолюдинамъ, а не тамъ, гдѣ былъ подведенъ законъ, что дворяне освобождаются отъ тѣлеснаго наказанія. Такъ его боялись, что генералъ-аудиторъ не смѣлъ доложить, какъ слѣдовало исполнить его конфирмацію[1]).

Живя въ Басахъ, въ тѣ годы пріятно было прохаживаться въ городъ Сумы: плотины съ обѣихъ сторонъ осѣнены были вербами, по лугамъ росли цвѣты: ландышъ, незабудка и другіе; рѣка Пселъ текла гораздо шире теперешняго подлѣ города; за нею вовсе не было жилищъ и огорожъ, обратившихъ главное ея теченіе подлѣ пришиба, ни бань надъ Сумкою. Тогда простолюдины были учтивѣе и почтительнѣе нынѣшняго: предъ старшими и сколько-нибудь лучше одѣтыми снимали шапки и кланялись, а молодые люди не ходили такъ, какъ теперь, взявшись за руки и идя сами по сухому пути, а другихъ принуждая идти по грязи или позади себя.

Прасковья Михайловна Штеричева была весьма набожная, основательнаго ума дама и примѣрная хозяйка. По смерти своего мужа генералъ-маіора Штерича, она, уступивъ пасынку своему слѣдуемую ей седмую часть недвижимаго имѣнія въ екатеринославской губерніи за 40,000 рублей ассигнаціями, пріѣхала въ Басы, доставшіеся ей по раздѣлу съ братьями Донецъ-Захаржевскими. Здѣсь, по плану Палицына, построила каменный домъ, существующій и теперь, но только въ запустѣніи.

---

1) Объ этихъ событіяхъ см. также „Рус. Старину“ 1876 г., кн. 5.—П. Е.

Въ верхнемъ этажѣ, вмѣсто назначенныхъ по плану комнатъ, съ разрѣшенія святѣйшаго синода она устроила домовую церковь, чтобы крестьяне ея не затруднялись ходить въ городъ для выполненія духовныхъ требъ. Также были построены два каменныхъ флигеля, оранжерея; дворъ огражденъ рѣшеткою и всѣ деревянныя службы на заднемъ дворѣ; заведены близъ дома обширный цвѣтникъ и фруктовый садъ, мѣсто котораго теперь занимаютъ дикія деревья. Во время житья моего въ Басахъ; тамъ жили: наемный священникъ, почтеннѣйшій старикъ, котораго нерѣдко заставалъ я читающаго правило или духовныя бесѣды, изданныя при синодѣ, также регентъ, учившій домашнихъ пѣвчихъ. Парасковья Михайловна непремѣнно каждый день бывала у заутрени, потомъ молилась Богу, выслушивала обѣдню, послѣ которой пила уже чай, а въ вечеру бывала у вечерни, толковала съ священникомъ о разныхъ текстахъ евангелія и посланій апостольскихъ. Нерѣдко заставляла она меня читать Бюффонову натуральную исторію и созерцаніе природы Боннета вооообще она любила читать основательныя книги. Послѣ вечерняго чая выходила въ садъ, выслушивала донесенія прикащика и атамана о сдѣланныхъ работахъ и давала имъ приказанія о хозяйственныхъ подѣлкахъ на слѣдующій день. Такимъ строгимъ порядкомъ имѣніе ея было благоустроено; мельницы ея были тогда лучшія въ окрестности; было обширное пчеловодство въ Басахъ и въ Штеповкѣ; въ послѣднюю она ѣздила каждый годъ, и меня съ собою брала, для личнаго ея присутствія при битьѣ пчелъ и осмотра собраннаго хлѣба. Имѣя большія по тогдашнему времени деньги, она давала ихъ въ заемъ Марку Медвѣдеву и другимъ надежнымъ купцамъ, а первому уступила въ городѣ фруктовый садъ, гдѣ теперь находится домъ Псарева. Я строилъ, по плану А. А. Палицына, въ саду, въ видѣ бесѣдки, колоколенку на каменныхъ столбахъ (которая, къ удивленію моему, и теперь еще въ цѣлости существуетъ: вѣроятно отъ того, что въ столбы вставлены были желѣзные штыри, связанные вверху и внизу, а притомъ и кирпичъ для нихъ былъ дѣланъ по кружалу жженный, а не наливной), а также чертилъ на

бѣло планъ, по прожекту А. А., для построенія въ Штеповкѣ пяти-купольной круглой церкви, въ которой каменный главный сводъ между стѣнами сведенъ на 6 саженяхъ. Построеніе этой церкви стоитъ Прасковьѣ Михайловнѣ, вѣроятно, болѣе 40 тысячъ ассигнаціями.

Я училъ въ Басахъ русской грамотѣ и писанію, священной исторіи и ариѳметикѣ не только сына Ивана Ѳедоровича Богдановича, но еще Надежду Андреевну, дочь Андрея Михайловича Донецъ-Захаржевскаго, также сына лѣкаря Грудницкаго, имѣвшаго домъ, аптеку и обширный садъ, гдѣ теперь живетъ уѣздный лѣкарь Бѣлицкій. Лѣтомъ 1801 года Прасковья М. ѣздила въ Константиновку, лежащую близь Хорошевскаго монастыря, къ брату своему Андрею М., и я туда ѣздилъ съ нею. Мы ѣхали чрезъ с. Старое и останавливались у вдовы Кондратьевой, имѣвшей 4 сыновъ и троихъ въ зрѣлыхъ лѣтахъ дочерей. Потомъ были въ Никитовкѣ у вдовы Коновницыной, которой мужъ въ царствованіе Екатерины былъ губернаторомъ въ С.-Петербургѣ. Онъ построилъ въ своемъ селѣ Каплуновкѣ (гдѣ находится чудотворный образъ Матери Божіей) огромную пяти-купольную церковь, точно такой величины, какая была построена, по плану придворнаго архитектора англичанина Камерона, въ гор. Софіи близь Царскаго Села; въ этой-то церкви служилъ извѣстный протоіерей отецъ Андрей Самборскій. Сынъ Коновницына Петръ Петровичъ былъ генералъ-маіоръ и жилъ тогда въ отставкѣ; онъ имѣлъ обширную библіотеку, въ которой я спалъ и имѣлъ честь долго съ нимъ бесѣдовать. Онъ отплатилъ визитъ Прасковьѣ Михайловнѣ, пріѣзжалъ въ Басы, и я имѣлъ случай долго бесѣдовать, какъ съ человѣкомъ высшаго образованія. Потомъ онъ опять вступилъ въ службу: въ знаменитую компанію 1812 года при фельдмаршалѣ Кутузовѣ былъ начальникомъ штаба, а послѣ военнымъ министромъ.—При насъ въ Тростянцѣ Настасія Николаевна Надаржинская носила монашеское платье. Помню, что при служеніи большой панихиды надъ гробомъ ея мужа Алексѣя Филиппыча, старшаго Надаржинскаго, гдѣ поставленъ ею былъ въ церковной оградѣ мра-

морный монументъ, она горько плакала. Я, глядя на ея прекрасное и кроткое лицо, подумалъ: «вотъ какъ она горячо любитъ покойнаго своего мужа» и самъ заплакалъ, вспомнивъ, что въ дѣтствѣ моемъ я видывалъ его въ церкви. Но чрезъ нѣсколько лѣтъ,—безъ осужденія, а по правдѣ сказать,—къ немалому удивленію моему, я видѣлъ ее въ объятіяхъ даже родственника и въ обыкновенномъ платьѣ.—Далѣе ѣхали мы мимо Каменки, владѣнія Надаржинскихъ, гдѣ на высокой горѣ построена по плану А. А. Палицына каменная превосходная церковь, которая видна, ѣдучи даже по дорогѣ изъ Ахтырки въ Богодуховъ; потомъ ѣхали чрезъ Янковъ Рогъ, взятый Настасьею Николаевною въ выдѣлъ ей седьмой части изъ имѣнія Надаржинскихъ; здѣсь построены на Ворсклѣ превосходныя механическія мельницы, поднимаемыя во время полноводья. Ночевали мы въ селѣ Старыя Рябины Варлама Ильича Гаршева, женатаго на дочери бѣловодскаго Савича (ученицѣ учителя Любима Ивановича, жившаго со мною въ Басахъ, а потомъ въ Рябинахъ и тамъ умершаго). Прожили нѣсколько дней въ Старыхъ Водолагахъ, имѣніи генерала Дунина: жена его была родная сестра жены Ан. М. Захаржевской, дочери Норова, бывшаго давно въ Харьковѣ губернаторомъ и владѣвшаго сельцомъ Григоровкою на Холодной горѣ близъ Харькова. Помню, что дочь Дуниной была именинница, подносили за обѣдомъ шампанское для питья за ея здоровье, а я не взялъ бокала, потому что еще вовсе не пилъ ни вина, ни водки. Г. Дунина сказала: какъ можно не пить за здоровье? Вѣрно она почла меня сущимъ невѣжею. Г. Дунина достигла глубокой старости; при похоронахъ ея говорилъ надъ гробомъ слово арх. Филаретъ, какъ видно изъ его сочиненій.— Въ Константиновкѣ мы прожили съ мѣсяцъ и возвратились въ Басы почти по той же дорогѣ, на которой намъ уже не случалось ничего особеннаго, кромѣ того, что были въ Никитовкѣ у вдовы Коновницыной.

Вскорѣ по возвращеніи, мнѣ, признаться, какъ молодому человѣку, ищущему большей свободы и извѣстности, наскучило жить по монастырски, и притомъ, чувствуя себѣ цѣну, я все

стремился къ чему-то высшему; поэтому я просилъ уволить меня и Иванъ ѲедоровичъБогдановичъ согласился, такъ какъ оставался еще учитель французскаго языка Любимъ Ивановичъ. Онъ былъ большой мастеръ въ разведеніи хорошихъ дынь и арбузовъ, цвѣты которыхъ иногда толковалъ, указывая мнѣ мужскіе и женскіе роды.

Ѣдучи въ Харьковъ, по внушенію благаго Промысла, я разсудилъ заѣхать въ Поповку, чтобы проститься съ А. А. Палицынымъ. Онъ удержалъ меня на нѣсколько дней, пока жена, предобрая старушка, дошила записную книжку мнѣ на память. Она была бóльшая мастерица вышивать шелками не только цвѣты, но цѣлые ландшафты и картины. Одну изъ нихъ выпросилъ у нея извѣстный Василій Назарьевичъ Каразинъ для поднесенія императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, какъ любительницѣ такихъ картинъ (вѣроятно, въ то время, какъ онъ, Каразинъ, затѣялъ ходатайствовать о признаніи дѣвицы законною дочерью Надаржи́нскихъ). А. А. Палицынъ спросилъ меня, къ какой должности имѣю я надежду опредѣлиться. Я отвѣчалъ, что не имѣю никакой вѣрной надежды, а какая мнѣ встрѣтится. Онъ совѣтовалъ мнѣ искать мѣста у стараго его друга Григорія Романовича Шидловскаго [1]) и написалъ къ нему рекомендательное о мнѣ письмо. Шидловскій жилъ въ Мерчикѣ и рѣдко пріѣзжалъ въ Харьковъ. По пріѣздѣ туда я вручилъ ему письмо и объявилъ, что хотѣлъ бы заниматься въ его имѣніи по части архитектуры и землемѣрства, какъ занимался прежде бывшій уѣздный землемѣръ Максимъ Драгомиръ, меньшой братъ губернскаго землемѣра Драгомира. Шидловскій отвѣчалъ, что ему не нуженъ архитекторъ, а нуженъ для меньшаго его сына учитель. Соглашаясь принять и эту должность, я запросилъ въ годъ жалованья 400 руб. ассигнаціями, а онъ давалъ мнѣ 300. Въ другой разъ, пришедши къ нему, я засталъ у него моего дядюшку Петра Антоновича съ планами; видя ласковое его со мною обхожденіе, Шидловскій согласился на запрошенную мною цѣну.

---

[1]) Первый губернскій предводитель дворянства слободско-украинской губерніи.—П. Е.

И такъ, 4 декабря 1801 года, въ день великомученицы Варвары, увидѣлъ я въ Мерчикѣ Варвару Романовну Подгоричани, которую видѣлъ еще въ дѣтствѣ въ Ахтыркѣ рыдающею надъ мертвымъ мужемъ. Она всегда была ко мнѣ ласкова, любила со мною бесѣдовать и распрашивать о жизни Штеричевой и Палицына и о другихъ лицахъ и дѣлахъ. Тамъ засталъ я еще учителя французскаго языка Ивана Филиппыча Вернета, того самаго, который вызванъ былъ въ Россію нашимъ знаменитымъ героемъ Александромъ Васильевичемъ Суворовымъ для иностранной корреспонденціи и чтенія ему исторій о славнѣйшихъ герояхъ, древнихъ и новыхъ. Вернетъ имѣлъ необыкновенную память и умѣлъ ее сохранять: бывало, понравится что-либо прочитанное имъ, сейчасъ пойдетъ по нѣсколько разъ разсказывать тѣми же словами встрѣчному и поперечному. Это тотъ самый Вернетъ, о которомъ упоминаетъ архіепископъ Филаретъ въ описаніи харьковской губерніи, что онъ прохаживалъ за нѣсколько верстъ въ городъ Валки для бесѣдъ съ славнымъ протоіереемъ Снѣсаревымъ. Письма Вернета, писанныя къ разнымъ лицамъ, были печатаемы въ харьковскомъ журналѣ, помнится, подъ названіемъ «Молодикъ». Онъ вскорѣ выѣхалъ изъ Мерчика, собравши значительную сумму денегъ, что и мнѣ совѣтовалъ, какъ необходимое средство для спокойнаго житья въ мірѣ [1])... Я написалъ контрактъ съ подрядчикомъ Добрынинымъ, который брался строить каменную церковь въ Пархомовкѣ для графини В. Р. Подгоричани. Сынъ Гр. Р. Шидловскаго Ѳеодоръ почти не умѣлъ по русски читать и писать, не зналъ ни одной молитвы, и мнѣ надобно было пріучать его Богу молиться, что однакожъ онъ безпрекословно всегда исполнялъ; а послѣ того я училъ его священной исторіи, ариѳметикѣ и рисованію.

Вскорѣ поѣхали мы къ Хрущову въ Рясное, куда прежде былъ выписанъ изъ Москвы извѣстный сочинитель и при томъ стихотворецъ маіоръ Сергѣй Николаевичъ Глинка. Онъ не имѣлъ

---

[1]) И. Ф. Вернетъ участвовалъ въ харьковскомъ журналѣ „Украинскій Вѣстникъ“, издававшемся съ 1816—1818 г. Біографія Вернета помѣщена въ „Современникѣ“ за 1847 г., кн. 1-я.—П. Е.

никакой основательной системы обученія. Все ученіе его состояло для старшихъ двухъ сыновей Александра и Петра только въ чтеніи французскихъ книгъ, любимыхъ имъ, и въ объясненіи ихъ красотъ, а меньшаго сына Константина въ декламированіи рѣчей Гостомысла и Марѳы Посадницы новгородцамъ, чему началъ учить и сына Шидловскаго. Наконецъ, все это ему прискучило; онъ захотѣлъ ѣхать въ Москву, какъ и прежде каждый годъ ѣзжалъ, и требовалъ денегъ. Хрущовъ отказалъ, и между ними произошла ссора. Глинка грозилъ донести правительству объ утѣсненіи Хрущовымъ своихъ крестьянъ работами денно и нощно на винокуренномъ заводѣ, и уѣхалъ къ Палицыну, чтобы отъ него ѣхать чрезъ Сумы въ Москву. Хрущовъ въ смятеніи уговорилъ меня поѣхать вмѣстѣ съ старшими его сыновьями къ А. А. Палицыну и просить его уговорить Глинку къ возврату въ Рясное, въ чемъ мы и успѣли. Такъ какъ Гр. Р. Шидловскій приказывалъ мнѣ увѣдомлять его обо всемъ, что случится, касательно его сына, то я и увѣдомилъ его не только о способѣ ученія Глинки, но и объ этомъ происшествіи. Григорій Романовичъ по пріѣздѣ въ Славгородокъ велѣлъ намъ туда пріѣхать и пригласилъ А. А. Палицына на назначенное число, который лично подтвердилъ ему справедливость моего донесенія. Тутъ они условились, чтобы для обученія его сына въ Поповкѣ пригласить другаго сочинителя и стихотворца, Евстафія Ивановича Станевича, пріѣхавшаго изъ Петербурга и жившаго тогда въ Низахъ. Послѣ того Григорій Романовичъ прислалъ за нами экипажъ, чтобъ мы ѣхали въ Пархомовку, гдѣ строилась церковь по прожекту моего дяди. Признаться, мнѣ не нравилась фигура купола и его освѣщеніе, и я отважился составить для него особенный планъ и назначилъ внутри церкви хоры. Мысль моя одобрена была Григоріемъ Романовичемъ, а подрядчикъ находилъ мой проэктъ выгоднымъ. Отсюда мы поѣхали въ Мерчикъ, гдѣ я получилъ письмо отъ И. Ѳ. Богдановича, съ извѣстіемъ, что онъ представилъ меня въ губернское правленіе къ награжденію слѣдующимъ чиномъ. По личной просьбѣ моей, Н. Д. Драгомиръ, занимавшійся не только при прежнихъ губернаторахъ, но и при тогдашнемъ, важ-

нѣйшими по губерніи дѣлами, настоялъ на представленіи въ герольдію и меня вмѣстѣ съ прочими. Я былъ произведенъ губернскимъ секретаремъ 31 декабря того-жъ 1802 года. Иванъ Ѳедоровичъ, вызвавъ меня въ Сумы для объявленія мнѣ объ этомъ, сказалъ: «подавай въ отставку, ибо я уже увольняюсь отъ городнической должности». Вотъ какъ въ тѣ годы добрые люди мнѣ благодѣтельствовали, и во всемъ ихъ благодѣяніи я вижу Божескій о мнѣ промыслъ.

Лѣтомъ 1802 года графиня В. Р. Подгоричани поѣхала съ нами въ Поповку къ А. А. Палицыну, заѣхавъ прежде къ П. М. Штеричевой въ Басы. Е. И. Станевичъ, узнавъ, что я учился французскому языку, совѣтовалъ мнѣ заниматься имъ; выписалъ для меня Томаса сочиненія, изъ которыхъ я перевелъ во время житья въ Поповкѣ рѣчь французскому дофину, герцогу Бурбонскому, а потомъ рѣчь Ж. Ж. Руссо о томъ, какая добродѣтель нужнѣе героямъ и какимъ героямъ не доставало этой добродѣтели. Евстафій Ив. каждый разъ поправлялъ мои переводы и указывалъ мои ошибки; я же слова французскія, которыхъ не зналъ, бывало, ходя по лѣсу, стараюсь затвердить, что стоило мнѣ не малого труда, такъ какъ тогда уже мнѣ было около 25 лѣтъ. Чертилъ я также на бѣло прожекты А. А. Палицыну для разныхъ построекъ помѣщикамъ, которые о томъ просили его, и переписалъ на бѣло первый томъ переведеннаго имъ романа «Новой Элоизы» для отсылки книгопродавцу Сопикову, печатавшему этотъ романъ. Евстафій Ив. во время житья въ Поповкѣ успѣлъ перевесть двѣ поэмы стихами: «Сельскій житель» Делиля и «Ландшафты или опытъ о сельской природѣ» Незай-Марнозія. Послѣднюю онъ посвятилъ Г. Р. Шидловскому, хорошо наградившему его при отъѣздѣ въ Петербургъ. А. А. Палицынъ въ это время переводилъ двѣ поэмы, также стихами: «О садахъ» Делиля и «Времена года» Сенъ-Ламберта.

Осенью этого 1802 года пріѣзжалъ въ Харьковъ министръ просвѣщенія графъ П. В. Завадовскій для обозрѣнія основаннаго тамъ университета. Оттуда онъ ѣхалъ въ свои имѣнія черниговской губерніи; его сопровождалъ Г. Р. Шидловскій, видно,

давно знакомый ему. Въ дорогѣ Шидловскій сказалъ министру, что въ Поповкѣ живетъ старый его сослуживецъ, А. А. Палицынъ, бывшій при фельдмаршалѣ графѣ Румянцевѣ адъютантомъ. Завадовскій, посѣтивъ его въ пустынномъ жилищѣ, обходился съ нимъ совершенно по дружески. Я также удостоился видѣть сего маститаго вельможу временъ Великой Екатерины. Видны были еще на лицѣ его румянецъ и пріятность взоровъ, кротость и ласковость въ обхожденіи.

Каждый годъ ѣзжалъ я съ сыномъ Григорія Романовича къ празднику Свѣтлаго Воскресенія въ Мерчикъ, гдѣ и говѣлъ на страстной недѣлѣ, постничая, не такъ какъ въ Поповкѣ, гдѣ во весь великій и другіе посты мы ѣли скоромную пищу. Е. И. Станевичь неоднократно мнѣ признавался, что хотѣлъ бы оставить скучную для него должность учителя и ѣхать въ Петербургъ, куда зовутъ его пріятели. Зимою пріѣхалъ въ Поповку Григорій Романовичъ проѣздомъ въ Вязьму, гдѣ жила его единственная дочь въ замужествѣ за полковникомъ Ѳ. К. барономъ Корфомъ, предобрымъ человѣкомъ, съ которымъ она часто ссорилась, не умѣя цѣнить благородства его чувствъ. Е. И Станевичь ѣздилъ тогда въ Нѣжинъ къ своей матери. Мнѣ непріятно было, что, будучи здѣсь, Григорій Романовичь вовсе не интересовался знать, хорошо-ли учится его сынъ, а только спросилъ у него, цѣлы-ли золотые часы и цѣпочка, для чего онъ не носитъ ихъ и достаточно-ли у него платья? Когда онъ поѣхалъ отсюда къ П. М. Штеричевой въ Басы, я рѣшился написать ему откровенное письмо, сообщая, что Евстафій Осиповичъ намѣренъ ѣхать въ Петербургъ, что только въ отсутствіи его, по просьбѣ моей, А. А. Палицынъ поправляетъ переводы его сына, самъ-же не учитъ его ничему, что выходитъ не такъ, какъ предполагалъ Григорій Романовичь, говоря, что если хочетъ этотъ юноша что-либо знать, то пусть внимательно слушаетъ наши ученые разговоры и старается ихъ помнить, и что наконецъ я самъ, видя, что лѣта мои уходятъ, также хотѣлъ бы перейти на коронную службу. Григорій Романовичъ съ неудовольствіемъ увѣдомилъ А. А. Палицына о содержаніи моего письма, а этотъ

послѣдній строго выговаривалъ мнѣ за то, что я, не сказавши ему и не показавъ моего письма, отважился послать его. Я оправдывался только тѣмъ, что самъ Григорій Романовичь приказывалъ мнѣ откровенно ему обо всемъ писать, что будетъ касаться къ его сыну. Такое весьма непріятное для меня происшествіе кончилось однако же благополучно. Возвратясь изъ Вязьмы, Григорій Романовичь, въ февралѣ мѣсяцѣ 1804 года, прислалъ за нами экипажи, чтобы перевезти насъ къ себѣ въ Мерчикъ, и тутъ-то я, къ удивленію моему, увидѣлъ совсѣмъ противное тому, чего ожидалъ: Евстафій Ивановичь, цѣлуя меня, радовался, что теперь безъ препятствія можетъ онъ ѣхать въ Петербургъ; Александръ Александровичъ доволенъ былъ счастливою развязкою почти двухлѣтняго у него нашего житья, тѣмъ болѣе, что раньше сего онъ вовсе не зналъ, что Шидловскій будетъ платить ему за наше содержаніе; даже Авдотья А. Палицына обрадовалась, что она не будетъ больше безпокоиться, въ нелегкомъ и дальнемъ житьи отъ города, о пріисканіи для стола съѣстныхъ припасовъ. Я объявилъ Александру Александровичу, что намѣренъ поѣхать въ Полтаву и тамъ искать землемѣрскаго мѣста. Во время пребыванія моего въ Мерчикѣ, случилось, что Н. Н. Надаржинская пріѣхала туда въ то время, когда Шидловскаго цѣлый день не было, а я одинъ только въ домѣ могъ сидѣть съ нею и разговаривать. При разговорѣ она безпрестанно меня спрашивала о нравѣ и поведеніи сына Григорія Романовича и охотно-ли онъ учится. Я, по всегдашней моей откровенности и безхитростной простотѣ, все разказалъ ей по правдѣ. Бывало, я начну разговоръ о ея дѣлахъ и положеніи, а она, не отвѣчая на мои слова, все о томъ же меня спрашиваетъ, или какъ живетъ А. А. Палицынъ и занимался ли онъ ученіемъ сына Григорія Романовича. На другой день, увидя нѣкоторую холодность ко мнѣ Григорія Романовича, я самъ себѣ сказалъ: вотъ какъ хитрыя женщины все вывѣдываютъ, а откровенные люди себя губятъ!

Гр. Р. Шидловскій былъ статный и красивый мужчина средняго роста, подходящаго болѣе къ высокому, ума тонкаго,

изобрѣтательнаго, опытнаго, находчиваго во всѣхъ случавшихся препятствіяхъ и непріятностяхъ; ласковый, обходительный, онъ умѣлъ всякаго привязать къ себѣ. Удивительно, что, бывши самъ богатъ, изъ числа первѣйшихъ помѣщиковъ въ губерніи, онъ женился на Момоновой. Хотя взялъ за нею приданое 800 душъ и имѣніе близъ Терновъ сумскаго уѣзда, но она была простая, вовсе необразованная, невзрачная, необходительная, подслѣповатая, капризная, ворчливая, вовсе не занималась гостьми, всегда одна или съ прислугою сидѣла въ своей спальнѣ, и, нечего грѣха таить, любила пить и умерла отъ водяной болѣзни. Но и дѣти ея во многомъ сходствовали съ ея душевными и тѣлесными недостатками. Старшій сынъ былъ посыланъ въ Ригу на воспитаніе къ какому-то профессору; но возвратился оттуда ни съ чѣмъ. По видимому юноша имѣлъ дарованіе и острую память, но познанія его были очень скудны: онъ могъ въ мысляхъ своихъ помножить нѣсколько чиселъ на три множителя и скажетъ, бывало, ихъ произведеніе; тоже самое и въ дѣленіи могъ сказать, какое изъ нихъ вышло частное число. Учился онъ играть на фортепіанѣ; но когда, бывало, попросимъ его что-либо сыграть, то онъ проиграетъ только тѣ пьесы, которыя выучилъ въ пансіонѣ, а новыхъ никогда и не разыгрывалъ. Видно, не имѣлъ склонности къ музыкѣ, да и ни къ какой наукѣ, ни къ чтенію книгъ и ни къ какому занятію. Любилъ сидѣть одинъ, какъ нелюдимъ, походилъ на идіота и подверженъ былъ падучей болѣзни, можетъ быть, и отъ невоздержанія отъ хмельныхъ напитковъ, также какъ мать его. Не порадовалъ онъ ничѣмъ отца своего, не вступилъ ни въ какую службу и умеръ, едва достигши совершенныхъ лѣтъ. Дочь Катерина—красивая и похожая на отца, но гордая и своенравная: никто бывало не угодитъ ей, всегда недовольная и бранчивая съ прислугой. Въ жизни она много причинила горя отцу, и даже при смерти.

Гр. Р. Шидловскій былъ въ свое время самый блистательный помѣщикъ губерніи. Въ Старомъ Мерчикѣ онъ выстроилъ каменный огромный двухъ-этажный домъ на высокомъ цоколѣ; внизу помѣщались печи и отъ нихъ нагрѣвались стѣны залы и

гостиной въ два свѣта съ хорами для музыкантовъ. Напротивъ былъ каменный двухъ-этажный флигель для помѣщенія кухни и прислуги. Еще два каменныхъ флигеля, одинъ для пріѣзда гостей, а другой для дворецкаго; на заднемъ дворѣ каменные конюшни и сараи. Въ саду каменный манежъ, бесѣдка, резервуаръ и ротонда въ видѣ круглаго храма въ два этажа со сводами; на верху, бывало, играетъ музыка, а внизу въ прохладѣ отдыхаютъ посѣтители. Всѣ домашнія и садовыя постройки обнесены были каменною оградою. Сверхъ того и на селѣ построены были два каменныхъ двухъ-этажныхъ дома, одинъ для житья священнику, а другой арендатору. Всѣ эти зданія строены были по планамъ А. А. Палицына. Имѣніе Григорія Романовича было благоустроено; крестьянскіе дома всѣ были чисты и обгорожены. Изъ его науки и опытности вышли два замѣчательныхъ человѣка: Хлустинъ и Виталій Сурдина. Первый былъ сначала у брата его Михайла Романовича деньщикомъ, потомъ у него надсмотрщикомъ при постройкахъ въ пріемѣ матеріала. Видя его удивительную разсчетливость, онъ отдалъ ему свои имѣнія на аренду. Условія этой аренды были весьма благодѣтельны для его крестьянъ: арендаторъ вовсе не имѣлъ права касаться къ собственнымъ ихъ землямъ и заставлялъ ихъ работать вмѣсто трехъ дней въ недѣлю, положенныхъ закономъ, только два дня. Онъ долженъ былъ пользоваться собственно принадлежащими помѣщику землями, полями, сѣнокосами, лѣсами, доставляя изъ нихъ условленное количество для дома хлѣба, сѣна и дровъ и платя положенную сумму денегъ. Не было случая, чтобы крестьяне жаловались на арендатора; онъ самъ сдѣлался такъ богатъ, что купилъ себѣ болѣе ста душъ, купивши прежде въ Военной Коллегіи патентъ на чинъ поручика. Другой, Виталій Сурдина, былъ скрипачъ и игралъ тихо, какъ будто подъ сурдиной. Григорій Романовичъ, ѣздя по должностямъ своимъ нерѣдко въ Петербургъ, бралъ съ собою и его. Въ послѣдній разъ Сурдина воспользовался поѣздкою: заплатилъ въ Военной Коллегіи, съ кѣмъ уковорился, 500 рублей. По возвращеніи въ Харьковъ получается на почтѣ патентъ съ надписью на

конвертѣ: капитану Виталію Сурдинѣ. Искали по цѣлому городу другаго Сурдину и не могли найти. По разспросамъ почтмейстеръ узналъ, что у Григорія Романовича есть музыкантъ этой фамиліи, его крестьянинъ, приноситъ патентъ къ Григорію Романовичу и отдаетъ ему. На мѣстѣ Шидловскаго другой могъ бы разорвать этотъ патентъ, тѣмъ бы дѣло и кончилось, и данныя въ Военную Коллегію деньги пропали бы; Григорій Романовичъ поступилъ иначе. Прежде, чѣмъ вручить скрипачу патентъ на капитанскій чинъ, онъ говоритъ ему однажды: «Виталій! пойдемъ въ конюшню, посмотримъ лошадей». Виталій, догадываясь, видно, для чего баринъ зоветъ его въ конюшню, отговаривался тѣмъ, что онъ не знатокъ въ лошадяхъ; тѣмъ не менѣе итти было надо. Шидловскій, по приходѣ въ конюшню, велѣлъ раздѣть его и высѣчь розгами, за то, что, намѣреваясь купить себѣ чинъ, прежде не просилъ у него на то позволенія. Потомъ онъ вручилъ ему патентъ на капитанскій чинъ, а впослѣдствіи времени сдѣлалъ его арендаторомъ имѣнія сестры своей, В. Р. графини Подгоричани, отъ чего Сурдина обогатился и купилъ себѣ деревню. Вотъ каковы въ прежнія времена, по милости Военной Коллегіи, были военные чиновники!

Поживя нѣкоторое время въ Мерчикѣ, Григорій Романовичъ отдалъ своего сына въ Харьковъ въ пансіонъ. Посылая къ А. А. Палицыну деньги, онъ позвалъ меня и сказалъ: «вотъ я посылаю ему тысячу рублей; можетъ, это и много?» Я отвѣчалъ ему: «вамъ извѣстно, что онъ не богатый человѣкъ, а для васъ эти деньги мало стоятъ». Обо мнѣ Григорій Романовичъ писалъ рекомендательное письмо къ малороссійскому генералъ-губернатору, князю Алексѣю Борисовичу Куракину и губернскому предводителю дворянства Василію Кочубею. А. А. Палицынъ также писалъ обо мнѣ къ извѣстному сочинителю Василію Васильевичу Капнисту, котораго я не засталъ въ Полтавѣ, и къ бывшему своему ученику Антону Ивановичу Кардашевскому, полагая, что онъ тамъ служитъ губернскимъ архитекторомъ, между тѣмъ какъ онъ служилъ тогда въ Черниговѣ. Генералъ-губернаторъ весьма ласково меня принялъ, что показывало мнѣ хорошее его располо-

женіе къ Григорію Романовичу; тоже и губернскій предводитель. Князь спросилъ меня, въ какой должности хочу я служить. Я отвѣчалъ, что въ архитекторской или землемѣрской. Онъ сказалъ мнѣ, что архитекторъ есть (дѣйствительно архитекторомъ былъ Абросимовъ, у котораго жена англичанка хорошо рисовала и обдѣлывала планы); а въ отношеніи землемѣрской должности велѣлъ губернскому землемѣру проэкзаменовать меня. Я однакожъ въ воскресные дни хаживалъ къ генералъ-губернатору и всегда заставалъ у него много чиновниковъ и просителей. Его страстью была обсадка почтовыхъ дорогъ деревьями. Помню, однажды онъ разсказывалъ: «здѣшніе помѣщики тяготятся обсадкою деревьями почтовыхъ дорогъ на своихъ участкахъ земли. А я помню слова фельдмаршала графа Румянцева Задунайскаго, который говорилъ, что во время турецкой войны въ обширныхъ степяхъ какъ увидишь, бывало, дерево и можешь отдохнуть подъ тѣнью его, то обрадуешься такъ, будто-бы увидѣлъ лучшаго своего друга». Дѣлая въ чертежной данные мнѣ землемѣрскіе планы, я слышалъ жалобы уѣздныхъ землемѣровъ на тягостную ихъ службу, что безпрестанно занимаются проводкою почтовыхъ дорогъ и обсадкою ихъ деревьями, не имѣя ни спокойнаго ночлега, ни достаточной пищи, и что на послѣдокъ придется имъ подать въ отставку. Я подумалъ, что здѣшнее служеніе въ землемѣрской не кладъ для меня. Губернскій землемѣръ, проэкзаменовавъ меня въ знаніи межеванія по астролябіи, донесъ о томъ князю. Но когда я послѣ сего явился къ нему, то онъ сказалъ мнѣ, что въ полтавской губерніи нѣтъ теперь землемѣрской вакансіи, а есть въ Нѣжинѣ, черниговской губерніи. «Если хотите служить тамъ, прибавилъ князь, то я напишу тамошнему губернатору; онъ объ опредѣленіи васъ землемѣромъ представитъ отъ себя сенату». Я отвѣчалъ: «мнѣ лестно было-бы служить въ виду вашего сіятельства, а какъ это невозможно, то позвольте мнѣ возвратиться въ Харьковъ». Князь спросилъ меня: «А если откроется въ полтавской губерніи вакансія, то гдѣ васъ отыскать?» Я отвѣчалъ, что если Григорій Романовичъ получитъ о томъ извѣстіе, то я тотчасъ пріѣду въ Полтаву. Я полагалъ, что этимъ усерд-

ная князя забота о моемъ опредѣленіи землемѣромъ и кончится

Какъ Григорій Романовичъ помѣстилъ уже своего сына въ пансіонъ, то, полагая, что я ему вовсе не нуженъ, при возвратномъ пути я не заѣхалъ къ нему въ Мерчикъ, а поѣхалъ прямо въ Харьковъ. Губернскій предводитель В. М. Донецъ-Захаржевскій, увидѣвъ меня здѣсь, обрадовался и пригласилъ меня ѣхать съ нимъ въ село его, изюмскаго уѣзда, Бугаевку, гдѣ строился каменный двухъ-этажный домъ по моему плану и куда я прежде съ нимъ ѣздилъ. Тамъ склонили меня онъ и братъ его Петръ М. остаться у послѣдняго жить; я согласился, но такъ неосторожно, что вовсе не договаривался съ ними, на какомъ основаніи я буду жить у нихъ. Въ іюнѣ мѣсяцѣ, къ немалому удивленію моему, получаю письмо отъ Г. Р. Шидловскаго съ приложеніемъ копіи съ письма къ нему кн. Куракина; извѣщая его объ открывшейся въ Полтавѣ вакансіи землемѣра, князь просилъ его объявить о томъ мнѣ, съ тѣмъ, чтобы я явился къ нему для опредѣленія на это мѣсто. Я былъ въ нерѣшимости, ѣхать-ли мнѣ въ Полтаву, или нѣтъ. Петръ Михайловичъ сталъ уговаривать меня, чтобы я отказался, а занялся воспитаніемъ его сына, котораго онъ имѣлъ отъ любовницы молдаванки, бывшей нѣкогда красавицею. При семъ онъ давалъ мнѣ лестныя обѣщанія, говорилъ, что у него 500 душъ и 6000 дес. земли, а наслѣдниковъ нѣтъ и что со временемъ онъ можетъ меня наградить. Петръ Михайловичъ самъ поѣхалъ со мною въ успенскую ярмарку. Василій Михайловичъ также, уговаривая меня, изъявлялъ подобныя лестныя обѣщанія, то есть, какъ говоритъ пословица: сулили журавля въ небѣ, а не дали и синицы въ руки. Я рѣшился не ѣхать въ Полтаву по причинѣ трудности тамошняго служенія и потому еще, что какъ тамъ земли формально не размежеваны, то для землемѣровъ не можетъ быть занятій частными межеваніями, слѣдственно и никакихъ доходовъ; къ тому же у меня было весьма мало денегъ, а не раньше полугода я могъ быть опредѣленъ сенатомъ и получить жалованье по землемѣрской

должности. Итакъ, я отказался отъ нея, что было Григорію Романовичу весьма непріятно.

Возвратясь въ Бугаевку, я жилъ почти безъ всякаго занятія, кромѣ того, что иногда ходилъ смотрѣть за постройкою дома Василій Михайловича; днемъ игралъ съ хозяиномъ на билліардѣ, а вечеромъ непремѣнно съ нимъ-же въ дураки. Отъ всегдашней праздности я самъ почувствовалъ расположеніе къ ней, чрезъ что со временемъ сдѣлался бы лѣнтяемъ и неспособнымъ къ дѣлу. По счастію случились со мною непріятности, которыхъ я не могъ перенесть. Пользуясь поѣздкой музыканта хозяина въ Харьковъ на покровскую ярмарку, я отправился съ нимъ туда же, а оттуда направился въ Поповку къ Палицыну, не сказавъ при свиданіи здѣсь съ Василіемъ Михайловичемъ, что совсѣмъ оставилъ Бугаевку, что, какъ послѣ я узналъ, была ему крайне непріятно. Нанявши извощика, я разсудилъ заѣхать въ Мерчикъ къ Г. Р. Шидловскому; но какъ у него гостили тогда дамы, то я не смѣлъ явится къ нему въ дорожномъ платьѣ и безпокоить его разсказомъ о своихъ обстоятельствахъ, а переночевавъ у дворецкаго, по настоянію извощика, скорѣе выѣхалъ.

А. А. Палицынъ весьма обрадовался моему пріѣзду; въ это время у него не было помощника для черченія на бѣло его прожектовъ на строенія разнымъ знакомымъ ему помѣщикамъ, а прежде, бывало, живали у него по два и по три, и всѣ они обязаны ему были своимъ образованіемъ. Жилось мнѣ здѣсь хорошо. По обыкновенію мы гуляли по лѣсу, подчищали молодыя деревья, увеселялись прыжками бѣлокъ и разными птичками, пріученными имъ для корму къ окнамъ, бесѣдовали объ архитектурѣ, живописи и литературѣ; онъ разсказывалъ мнѣ разные анекдоты о знаменитыхъ писателяхъ и ихъ сочиненіяхъ. Память у него была преобширная, грудь крѣпкая, голосъ громкій, краснорѣчіе необыкновенное, къ тому же большое искусство разнообразить предметы разговоровъ, чтобы не утомить слушателя. Бывало, пріѣдетъ къ нему сосѣдъ помѣщикъ, занимающійся винокуреніемъ или земледѣліемъ, то онъ не станетъ съ нимъ вести ученыхъ бесѣдъ, а только объ его занятіяхъ. Жаль только,

что онъ былъ холоденъ къ обрядамъ христіанской религіи; впрочемъ я никогда отъ него не слыхалъ, чтобы онъ невыгодно отзывался о ней или издѣвался надъ ея приверженцами. Проживая у Александра Александровича, я сдѣлалъ въ это время, по его прожекту, чертежи для увеличенія каменной церкви и устройства въ ней новаго иконостаса въ селѣ Мерчикѣ. Посылая эти планы Шидловскому, Александръ А. объяснилъ въ письмѣ, что я ихъ дѣлалъ, и Шидловскій прислалъ мнѣ 150 руб., вѣроятно, вспомнивъ, что при отъѣздѣ въ Полтаву онъ далъ мнѣ только 50 р., тогда какъ Станевичу далъ 1000 рублей; впрочемъ Станевичъ въ признательность за такую награду посвятилъ ему переведенную имъ въ Поповкѣ стихами поэму «О садахъ», какъ выше сказано.

Послѣ смерти въ 1802 году знаменитаго нашего стихотворца Ипполита Өедоровича Богдановича, творца «Душеньки», Станевичъ писалъ къ А. А. Палицыну, что благодѣтель его, вице-адмиралъ Шишковъ, желалъ бы напечатать его (т. е. Богдановича) стихотворенія, если остались такія, которыя не были прежде напечатаны. По сему случаю я былъ нѣсколько разъ у брата покойнаго, Ив. Ө. Богдановича, бывшаго городничимъ въ въ Сумахъ, разбиралъ всѣ его бумаги, нѣкоторыя мелкія его стихотворенія, списанныя мною, но всѣ они оказались напечатанными въ разныхъ журналахъ.

Безпокоясь безпрестанно, чтобы имѣть постоянное и надежное мѣсто, я просилъ А. А. рекомендовать меня къ богатому помѣщику, тайному совѣтнику, Михаилу Ивановичу Комбурлею для занятій по части архитектуры и землемѣрства. Онъ далъ мнѣ рекомендательное письмо и лошадей. М. И. Комбурлей уважалъ А. А., по планамъ котораго построены въ селѣ Хотѣни большая каменная оранжерея, конюшня и цѣлая улица деревянныхъ сельскихъ домовъ для музыкантовъ, пѣвчихъ и домашней прислуги. По пріѣздѣ въ Хотѣнь, Комбурлей ласково меня принялъ, только нѣсколько времени не соглашался дать мнѣ жалованья 500 р. ас. Наконецъ согласился и сказалъ мнѣ, что онъ по первой санной дорогѣ поѣдетъ въ Москву и меня съ собою

возьметъ, а потому требовалъ, чтобъ я поспѣшилъ взять свои вещи и пріѣхалъ въ Хотѣнь къ тому времени. Послѣ Николаева дня я поѣхалъ съ его человѣкомъ впередъ для заготовленія ему до Москвы лошадей. Въ Курскѣ мы остановились въ домѣ надворной совѣтницѣ Страмилихи, бабушки его жены Анны Андреевны. Тамъ взялъ я у губернатора подорожную для Михайла Ивавовича и написавъ отъ имени его письма къ орловскому вице-губернатору и тульскому губернатору съ просьбою заготовить для него 15 лошадей, поѣхалъ съ этими письмами впередъ. Вице-губернаторъ, видно, прежде служившій съ нимъ, обѣщалъ исполнить его желаніе; но тульскій губернаторъ Ивановъ сказалъ мнѣ: проѣздъ въ Москву и обратно каждый день бываетъ великъ, почтовыхъ лошадей на станціяхъ мало, всѣ проѣзжающіе нанимаютъ вольныхъ извощиковъ, можете и вы тоже сдѣлать. На постоялыхъ дворахъ я пыталса нанимать вольныхъ, но очи запросили, по ихъ обыкновенію, почти двойную цѣну противъ почтовыхъ и я ие осмѣлился дать. Между тѣмъ, ѣдучи день и ночь въ большіе морозы и мятель, я изнурился и озябъ и по пріѣздѣ въ Тулу, пообѣдавши на постояломъ дворѣ, заснулъ крѣпко и спалъ такъ долго, что М. И. нагналъ меня здѣсь, самъ нанялъ вольныхъ лошадей и выѣхалъ прежде, чѣмъ человѣкъ, разбудивши меня, сказалъ, что и для насъ лошади запряжены. Помню, что остановясь въ Серпуховѣ ночевать, Михаилъ Ивановичъ строго выговаривалъ мнѣ, что я не заготовилъ ему лошадей, и не принялъ моего оправданія. Въ особенности онъ оскорбился и сталъ шумѣть, когда я сказалъ ему: «если я не угоденъ вамъ, то прошу уволить меня». Но добрая Анна Андреевна спѣшила успокоить его, говоря: «полно, полно, душенька!» Здѣсь-то, въ Серпуховѣ, въ первый разъ въ жизни моей я ѣлъ стерляжью уху, сваренную съ примѣсью вина.

Въ Москвѣ Михаилъ Ивановичъ остановился на Пречистенкѣ въ собственномъ старомъ каменномъ домѣ, принадлежавшемъ прежде тещѣ его, генеральшѣ Елизаветѣ Петровнѣ Рахмановой. Я бѣгалъ по разнымъ улицамъ, съ большимъ любопытствомъ останавливался противъ великолѣпныхъ домовъ и церквей, раз-

сматривалъ ихъ съ разныхъ сторонъ. Въ воскресные и праздничные дни хотѣлъ быть въ нѣкоторыхъ церквахъ у обѣдни; но, приходя къ нимъ, вездѣ видѣлъ церкви запертыя, потому что въ нихъ служились раннія обѣдни, и только въ успенскомъ соборѣ, въ нѣкоторыхъ церквахъ и въ монастыряхъ звонили къ поздней обѣднѣ въ 10 часу. Я нѣсколько разъ слушалъ ее въ томъ соборѣ, прикладывался къ чудотворному образу Владимірской Богоматери и къ мощамъ митрополитовъ Петра, Іоны и Филиппа, а въ теплой церкви—митрополита Алексѣя. Узнавши, что въ Голицынской больницѣ за рѣкою Москвою поютъ въ церкви превосходные пѣвчіе (подъ дирекціею, кажется, извѣстнаго Аникіева или Дегтярева), я часто туда хаживалъ, хотя и далеко. Хоры для нихъ тамъ сдѣланы подъ самымъ куполомъ, и на нихъ пѣвчихъ не видно, только слышно пѣніе, пріятно раздающееся внизу по церкви. Тутъ на высокомъ пьедесталѣ стоитъ прекрасный бѣлаго мрамора бюстъ покойнаго кн. Голицына, который былъ посланникомъ въ Вѣнѣ и пожертвовалъ большой капиталъ для устроенія и содержанія этой больницы. Родной братъ его, дряхлый старичокъ, всегда бывалъ у обѣдни. Больница построена въ два этажа на высокомъ цоколѣ; въ рединѣ ея находится церковь, расположенная такъ, что тяжко больные могутъ слушать богослуженіе изъ корридоровъ; съ другой стороны во всю длину усадьбы расположенъ до самой Москвы обширный садъ съ огородомъ. Въ первое воскресенье великаго поста, по данному мнѣ М. И. билету, я былъ на концертѣ въ обширной круглой залѣ, гдѣ всѣ московскіе лучшіе музыканты, въ томъ числѣ и нашъ Блюмъ, играли превосходную ораторію Гайдена «Сотвореніе міра». Былъ я и въ Большомъ театрѣ, гдѣ играли любимую тогда публикою оперу «Русалку»; актриса Сандунова, представлявшая ея роль, славившаяся при императрицѣ Екатеринѣ на придворномъ театрѣ своимъ пѣніемъ, и подъ сорокъ лѣтъ имѣла еще голосъ пріятный, звонкій и игривый. Я обозрѣвалъ университетъ, но въ церкви его и на лекціяхъ не удалось быть. Любовался строгимъ соблюденіемъ правилъ орденовъ архитектуры зданія сената, постройки славнаго архи-

тектора Баженова, также дворцами Головинскимъ и Слободскимъ. О послѣднемъ разсказываютъ, что онъ принадлежалъ графу Безбородко; императоръ Павелъ, бывши въ немъ и увидѣвъ, что садъ расположенъ на обширной равнинѣ, гдѣ росли большія деревья, сказалъ: «какой прекрасный былъ бы плацъ для ученія войскъ»! Въ ту же ночь деревья были срублены. Вотъ какъ тонкіе придворные умѣютъ льстить прихотямъ государей! Домъ Пашкова, архитектуры Козакова, ученика Баженова (теперь въ немъ помѣщается публичная библіотека), расположенъ на возвышенномъ мѣстѣ, которое придаетъ ему немалую красоту; а садъ, расположенный по скату, сказываютъ, въ прежнее время былъ звѣринцемъ.

Михаилъ Ивановичъ пригласилъ къ себѣ на масляницѣ главнокомандующаго Беклешова, знаменитую княгиню К. Д. Дашкову и многихъ сенаторовъ на блины, а потомъ на катанье. Нарядныхъ экипажей было довольно; на одномъ изъ нихъ помѣщался и я съ виртуозомъ Блюмомъ и докторомъ Ив. Ег., жившими въ домѣ Михаила Ивановича. Помню, что когда за рѣкой Москвою экипажи поровнялись противъ стараго деревяннаго дома извѣстнаго графа Орлова-Чесменскаго. то онъ выѣхалъ со двора на сѣромъ въ яблокахъ рысакѣ, самъ правилъ имъ и кланялся катающимся. Тогда уже таялъ снѣгъ по улицамъ.

На второй недѣлѣ повѣялъ холодный сѣверный вѣтеръ съ метелью, и мы возвратились въ Украину по санной дорогѣ.

Въ маѣ мѣсяцѣ пріѣхалъ изъ Петербурга Николай Ѳедоровичъ Алферовъ, лучшій изъ учениковъ А. А. Палицына, которому по смерти своей онъ и оставилъ въ наслѣдство свою деревню Поповку. Отсюда пріѣхалъ онъ въ Хотѣнь, гдѣ занялся черченіемъ плана для построенія каменной церкви въ Большомъ Бобрикѣ, имѣніи генеральши Елисаветы Петровны Рахмановой. Въ составленіи этого плана онъ уже не слѣдовалъ вкусу архитектуры А. А., но городскому. Однакожъ въ пятидесятыхъ годахъ бывши въ Бобрикѣ, я видѣлъ въ натурѣ построенную церковь совсѣмъ по иному плану, говорятъ, какого-то итальянца.

Н. Ѳ. Алферовъ предполагалъ ѣхать за границу, ему необходимо нужны были деньги, а ихъ у него было весьма мало, и отецъ его не въ состояніи былъ пособить ему. При малыхъ деньгахъ, какія могъ собрать, онъ достигъ Константинополя. Когда приготовлялась война съ Россіею, то, спасая свою жизнь, онъ ушелъ въ Грецію; оттуда поѣхалъ въ Италію, долго жилъ въ Римѣ и возвратился чрезъ Францію, Германію и Пруссію въ Россію уже въ 1811 году. Онъ правду мнѣ сказалъ, что производимыя подъ моимъ надзоромъ въ Хотѣни постройки не сдѣлаютъ мнѣ чести; собственные крестьяне каменьщики, плотники и штукатуры, нигдѣ не учившіеся, что могутъ сдѣлать отличнаго? Да и постройки были только каменная теплица и деревянный флигель для житья въ одной половинѣ виртуозу Блюму, а въ другой мнѣ съ механикомъ Шмидтомъ. Вновь перекрыта была желѣзомъ церковь, на фонарѣ которой вмѣсто осьмерика я сдѣлалъ куполъ. По указанію механика сдѣлалъ я планъ для построенія каменной и вѣтряной мельницы, да подъ осень ѣздилъ въ курскую губернію для измѣренія чрезполосныхъ участковъ земли, принадлежащей Михаилу Ивановичу, и сдѣлалъ имъ планъ. Вотъ и всѣ мои работы; въ досужее время я по большой части читалъ свои книги и переводилъ изъ нихъ.

Но жить въ Хотѣни было весело: часто играли музыки скрипичная, духовая. а иногда роговая, доставшіяся М. И. отъ Василія Степановича Попова, правителя канцеляріи свѣтлѣйшаго князя Потемкина-Таврическаго; была сверхъ того пѣвческая, въ которой были двѣ дѣвицы, пѣвавшія аріи; кромѣ Блюма былъ капельмейстеръ музыки, а другой пѣнія. Французъ поваръ готовилъ вкусныя и роскошныя блюда, а при томъ Михаилъ Иваиовичъ любилъ пить и хорошое вино. Служа нѣсколько курсовъ губернскимъ предводителемъ дворянства, а потомъ вице-губернаторомъ въ царствованіе имп. Екатерины, онъ привыкъ дѣлать великолѣпные и пышные обѣды, балы и вечеринки. Столовый сервизъ для нихъ былъ подаваемъ все серебряный; суповыя великолѣпныя чаши, соусники, блюда, ножи и вилки; хрустальныя доски, обыкновенно на столахъ употребляемыя для поста-

новленія фарфоровыхъ стопокъ, иногда были усыпаемы разноцвѣтными песками въ видѣ прелестныхъ ландшафтовъ. Онъ былъ вице-губернаторомъ при губернаторѣ Кишинскомъ. Кишинскій жилъ только жалованьемъ, а можетъ быть нѣкоторыми посторонними доходами. Разсказывали, что когда онъ былъ отставленъ отъ должности, то въ мясной лавкѣ остался долженъ болѣе тысячи рублей: сколько же онъ былъ долженъ въ бакалейныя и другія лавки? И вотъ иной день соберется, бывало, къ нему много губернскихъ чиновниковъ и дворянъ; тогда онъ, подойдя къ М. И., скажетъ ему на ухо: «гостей довольно, а кормить ихъ нечѣмъ: у меня обѣдъ готовленъ по домашнему только для своего семейства». Михаилъ Ивановичъ или пригласитъ всѣхъ гостей къ себѣ, когда еще время не сблизилось къ обѣду, и предоставитъ гостямъ заняться играми въ карты, пока приготовятъ кушанье; или-же, если настало время обѣда, велитъ принесть кушанье изъ своей кухни, какъ онъ жилъ въ казенномъ домѣ чрезъ улицу, гдѣ теперь находится университетская обсерваторія и прочія его помѣщенія.

Часто къ М. И. ѣзжали полковые сумскаго гусарскаго полка, квартировавшіе тогда въ Сумахъ. Въ сентябрѣ родилась ему дочь, названная Елизаветою; она была тогда только одна, потому что сынъ Иванъ, рожденный прежде, въ младенчествѣ умеръ. Тутъ-то было веселья и празднества при крестинахъ! Эта дочь по возрастѣ выдана была за генерала Бутурлина, извѣстнаго описателя войны 1812 года. За нею въ приданое даны ему были Хотѣнь со всѣми близь лежащими деревнями. При подаркахъ всѣмъ, живущимъ у М. И., и мнѣ достались серебряные часы, бывшіе у меня даже и въ Сумахъ.

Жившій со мной въ Хотѣни въ одной комнатѣ отставной маіоръ N разсказывалъ происшествіе о великихъ и необыкновенныхъ хитростяхъ М. И., употребленныхъ имъ для успѣха въ женитьбѣ на Аннѣ Андреевнѣ. Она родилась по смерти своего отца Андрея Кондратьева въ Курскѣ, въ домѣ бабушки своей Страмилихи, бывшей опекуншей всего ея имѣнія и гдѣ всегда жила ея мать Е. П. Рахманова [1]). При достиженіи совершеннолѣтія, за нею про-

[1]) Елисавета Петровна безвыѣздно здѣсь жила съ двумя дочерьми дѣвицами. Г. Н., ея сынъ, часто пріѣзжалъ съ дядею своимъ генераломъ Гавріи-

сватывались молодые женихи, сыновья графовъ и князей; но М. И., бывши уже подъ сорокъ лѣтъ, отбилъ у нихъ эту богатую невѣсту. Въ царствованіе императора Павла онъ былъ губернаторомъ въ Курскѣ; вознамѣрясь жениться на ней, онъ дѣлывалъ частыя роскошныя угощенія обѣдами, вечеринками и балами; музыка была всегда съ нимъ и въ Курскѣ, и онъ былъ любитель ея. О своемъ замыслѣ жениться на этой невѣстѣ онъ увѣдомилъ графа Ал. Ан. Безбородко, съ которымъ былъ въ великой дружбѣ по волокитству. Въ зимнее время завелъ послѣобѣденное катанье и почти всегда преимущественно приглашалъ Анну Андреевну кататься съ нимъ на превосходномъ козыркѣ и превосходныхъ лошадяхъ. Поѣхавши по губерніи для обревизованія присутственныхъ мѣстъ, онъ имѣлъ неосторожность взять съ собою и нѣсколькихъ музыкантовъ для увеселенія дворянъ. Кто-то изъ его недоброхотовъ донесъ государю, что губернаторъ, объѣзжая губернію, поручалъ своему секретарю ревизовать дѣла по присутственнымъ мѣстамъ, а самъ увеселялъ дворянъ музыкою. Государь, при докладѣ о семъ, велѣлъ приготовить указъ объ удаленіи курскаго губернатора. Безбородко прислалъ ему фельдъегеря съ увѣдомленіемъ объ этомъ роковомъ повелѣніи и совѣтовалъ поспѣшить своею женитьбою на богатой невѣстѣ, заявляя, что онъ можетъ продержать указъ день, другой, но не болѣе. М. И., не упуская времени, приглашаетъ гостей къ себѣ на катанье, сажаетъ съ собою Анну Андреевну, объясняется ей въ своей любви и получаетъ отъ нея согласіе выйти за него замужъ. На другой день по утру М. И. пріѣзжаетъ къ ея бабушкѣ, проситъ ее въ кабинетъ для личнаго съ нею объясненія и открывается ей въ любви къ ея внукѣ и въ желаніи жениться на ней. Чтобы избѣгнуть затрудненія въ рѣшительномъ отвѣтѣ, бабушка говоритъ, что это зависитъ отъ матери невѣсты. Тогда М. И. проситъ матушку въ кабинетъ; та отвѣчаетъ ему, что дочь ея со-

---

ломъ Михайловичемъ Рахмановымъ. Также долго здѣсь жила съ малолѣтнимъ сыномъ меньшая сестра Ел. Петр. княгиня Горчакова, которой мужъ былъ сосланъ въ Сибирь; онъ находился при продовольствіи французскаго корпуса принца Кондэ и дѣлалъ для расплаты фальшивыя ассигнаціи.

вершеннолѣтняя и что отъ нея собствено зависитъ избрать себѣ жениха. Михаилу Ивановичу такой-то отвѣтъ и нуженъ былъ. Войдя въ гостиную, онъ подходитъ къ Аннѣ Андреевнѣ и, цѣлуя у ней руку, объсняется ей въ страстной своей любви и говоритъ, что онъ почелъ бы себѣ счастіемъ, если бъ она согласилась выйти за него замужъ. Это простодушная и добрая малороссіянка отвѣчала: «я согласна»! Тогда бабушка ахнула, мать ахнула. Михаилъ Ивановичъ первую попросилъ въ кабинетъ для объясненія и спросилъ, что ей нужно. Она отвѣчала:

— Я опекунша имѣнія моей внуки съ самаго малолѣтства, женщина малограмотная; не ѣздила осматривать имѣніе; всегдашній Любченко по своему желанію показывалъ мнѣ доходы въ вѣдомостяхъ, и я принимала ихъ за вѣрные. Вы, сдѣлавшись мужемъ моей внуки, можетъ быть потребуете отъ меня за всѣ годы строгихъ отчетовъ?

Михаилъ Ивановичъ клятвенно увѣрилъ ее, что ни онъ, ни будущая жена его вовсе не будутъ требовать отчетовъ въ доходахъ и за тѣмъ спросилъ:

— Теперь согласны-ли вы?

— Да вотъ, М. И., деревенька подъ Курскомъ съ водяною мельницею, гдѣ для дома всегда кормились скотъ и птицы, она и впередъ для моего дома будетъ необходима.

— Эта деревня ваша; ну, теперь согласны ли?

Получа отвѣтъ о ея согласіи, Михаилъ Ивановичъ попросилъ въ кабинетъ также матушку и спросилъ ее, что ей нужно.

Та отвѣчала:

— На седмую часть имѣнія давно выдѣаено мнѣ въ селѣ Бобрикѣ 1000 душъ, а теперь на седмую долю по числу крестьянскаго имѣнія слѣдуетъ 1200 душъ съ землею.

Михаилъ Ивановичь также клятвенно увѣрилъ ее, что эти 200 душъ будутъ ей прибавлены и спросилъ: согласны ли? Она отвѣчала:

— Отъ другаго покойнаго мужа моего остался въ Москвѣ каменный домъ; въ немъ никто не живетъ, онъ совсѣмъ мнѣ не нуженъ, кромѣ городскихъ повинностей не приноситъ мнѣ никакого дохода.

— А этотъ домъ чего стоитъ? спросилъ Михаилъ Ивановичь.

— Сорокъ тысячъ ассигнаціями.

— Хорошо; я заплачу ихъ вамъ. Теперь согласны ли?

Получивъ и отъ матери согласіе, по настоянію его, онъ на другой же день обвѣнчался; и тогда же или на слѣдующій день полученъ изъ сената указъ объ удаленіи его отъ должности губернатора. Любовницу свою, у которой отъ него было два сына, онъ утѣшилъ тѣмъ, что выдалъ ее за маіора Ковалинскаго и отдѣлилъ ей изъ его отцовскаго имѣнія херсонской губерніи, александрійскаго уѣзда, села Онуфріевки, лежащаго за Кременчугомъ, 200 душъ.

Съ торжествомъ Комбурлей весною 1800 года пріѣхалъ съ женою своею въ имѣніе ея въ 8000 душъ и нѣсколько десятковъ тысячъ земли, зажилъ здѣсь припѣваючи и началъ обстроивать свое жилище въ Хотѣни и хозяйственныя заведенія, на зиму ѣздя въ Москву веселиться. Анна Андреевна ни въ какія его распоряженія по управленію имѣніемъ не входила. Въ 1805 году онъ получилъ дохода 120 тысячъ, какъ по отчету значилось; но, живя въ Хотѣни, онъ и половины этого дохода не могъ проживать. За то и онъ доставлялъ ей полное удовольствіе, условясь съ содержателями столичныхъ иностранныхъ магазиновъ, чтобъ они присылали женѣ его каждый разъ новыхъ модъ платья. шляпки, обувь и вновь вышедшіе французскіе романы. Но Михаилъ Ивановичь не умѣлъ цѣнить нѣжности и привязанности къ нему своей супруги; нерѣдко ей измѣнялъ, между тѣмъ какъ она оставалась ему всегда вѣрною Кажется, что Комбурлей поступилъ гораздо умнѣе Каразина въ сватовствѣ и женитьбѣ, получивъ напередъ согласіе отъ невѣсты; все тоже, что узнавъ напередъ бродъ, тогда сунулся въ воду. Между тѣмъ вообще полагаютъ, что греки не такъ хитры, какъ армяне и что на двухъ грековъ полагаютъ довольно одного армянина.

Другой примѣръ тонкой хитрости ума и разсчетливости М. И., которому я былъ самовидцемъ. При мнѣ пріѣзжали къ нему въ разное

время два чиновника, славившіеся хорошимъ управленіемъ больших имѣній; не знаю, сами ли они искали мѣста или были вызваны. Первый требовалъ жалованья 7,000 рублей, а другой 10,000 руб. асс. М. И. просилъ каждаго изъ нихъ, съ Любченкомъ, давнишнимъ управителемъ и его крестьяниномъ, обозрѣть всѣ хозяйственныя по имѣніямъ заведенія и сдѣлать свои замѣчанія, что они найдутъ нужнымъ исправить или вновь сдѣлать. Эти замѣчанія онъ давалъ Любченку для руководства, а ихъ обнадежилъ, что когда онъ признаетъ нужнымъ имѣть ихъ управителями своего имѣнія, то дастъ имъ знать. При этихъ случаяхъ какъ будто принималось въ разсчетъ, что Любченку онъ платитъ жалованья только 60 рублей; а если тотъ вздумаетъ воровать у него, то онъ всегда имѣетъ возможность отобрать у него, не такъ какъ у наемныхъ управителей. Въ такомъ намѣреніи онъ до самой смерти не отпустилъ, какъ говорятъ, на волю самого Любченка, а только его сына.

Михаилъ Ивановичъ по обыкновенію готовился ѣхать въ Москву по первому санному пути и назначилъ маіору ѣхать впередъ для заготовленія лошадей; а я долженъ былъ остаться въ Хотѣни безъ всякаго дѣла. Явясь къ нему, я просилъ вовсе уволить меня, заявляя, что у него нѣтъ для меня никакой работы и что я совѣщусь даромъ получать отъ него жалованье. На это онъ съ ласковымъ видомъ отвѣчалъ мнѣ:

— Я хочу, В. И., чтобы ты жилъ у меня, хотя и никакой не будетъ для тебя работы. Платить тебѣ положенное жалованье я охотно буду; это для меня не составляетъ важности.

Не знаю, въ такомъ добромъ расположеніи ко мнѣ не имѣлъ ли онъ намѣренія выдать за меня свою племянницу Катерину Зуевну Афинжееву, дѣвушку безъ всякаго образованія, пріѣхавшую изъ Нѣжина гречанку. Онъ самъ замѣтилъ сердечное ея ко мнѣ расположеніе, и какъ онъ любилъ пошутить и посмѣяться при всякомъ случаѣ надъ кѣмъ бы то ни было, то однажды за столомъ при всѣхъ сказалъ:

— Что ты, Катенька, такъ часто и умильно смотришь на В. И.? Не влюблена ли ты въ него?

По отъѣздѣ М. И. въ Москву, поѣхалъ и я въ Поповку къ А. А. Палицыну. Тамъ по обыкновенію началъ заниматься архитектурою; ходить по лѣсу нельзя уже было, и мы бесѣдовали, ходя по комнатѣ. Передъ праздникомъ Рождества Христова съ присланнымъ изъ Хотѣни пчеловодчикомъ неожиданно получаю отъ М. И. письмо слѣдующаго содержанiи: „Я вознамѣрился перестроить свой домъ въ Москвѣ; для этого вы нужны будете мнѣ здѣсь для надзора за матеріалами и мастеровыми. Поспѣшите своимъ пріѣздомъ". Я сталъ раздумывать; но тутъ А. А. сказалъ мнѣ: «въ Москвѣ въ департаментѣ сената служитъ прокуроромъ Боборыкинъ, племянникъ моей жены; если хочешь, я напишу ему письмо и буду просить его доставить тебѣ мѣсто въ коронной службѣ, когда ты не захочешь жить въ партикулярной должности». Я согласился на это, и онъ дѣйствительно писалъ ему обо мнѣ.

Итакъ, забравши всѣ свои вещи (даже и астролябію, которая была у меня и въ послѣдующей службѣ моей была мнѣ необходима), я поѣхалъ и благополучно достигъ Москвы. По заказу М. И. планъ для перестройки его дома съ великолѣпною галлереею коринѳскаго ордена былъ уже готовъ; а мнѣ онъ велѣлъ осмотрѣть въ окрестности Москвы кирпичные заводы и узнать цѣну кирпича, что я и выполнилъ. Однажды прихожу къ М. И. и застаю у него оберъ-прокурора, который по указанію М. И. обратился ко мнѣ съ такимъ объясненіемъ: „пишетъ мнѣ родственникъ мой А. А. Палицынъ и проситъ дать вамъ коронное мѣсто; но я не могу инаго вамъ доставить, какъ мѣсто писца въ сенатѣ съ жалованьемъ 120 или 150 руб." Я увѣдомилъ объ этомъ А. А., и онъ письмомъ отъ 10 февраля 1806 года предлагалъ мнѣ то же жалованье въ его пустынѣ, гдѣ я нашелъ бы непремѣнно искренность, непритворную простоту и безкорыстную ко мнѣ любовь; но это письмо доставлено мнѣ было въ Петербургѣ гораздо послѣ, по пріѣздѣ уже туда Анны Андреевны.

Зимою 1805 г. пріѣзжалъ въ Москву по своимъ дѣламъ Г. Р. Шидловскій и былъ у М. И., съ которымъ прежде вовсе не былъ знакомъ. Увидѣвъ меня здѣсь, онъ кинулся обнимать и цѣловать. М. И. удивился его привязанности ко мнѣ; а онъ пригласилъ

меня къ себѣ на квартиру, и я ѣздилъ съ нимъ по городу и бесѣдовалъ. Послѣ я узналъ, что они другъ другу не понравились. У нихъ были притомъ и денежные счеты. Хрущовъ долженъ былъ 50 или 60 тысячъ Григорію Романовичу съ залогомъ Степановки, сумскаго уѣзда; М. И., по убѣдительной Хрущова просьбѣ, далъ ему эту сумму и перевелъ залогъ на себя. М. И. и другое благодѣяніе Хрущову сдѣлалъ. Министръ внутрен. дѣлъ Кочубей жаловался ему, что у него въ полтавской губерніи винокуренный заводъ въ худомъ положеніи. М. И рекомендовалъ ему Хрущова, какъ лучшаго во всей Украинѣ винокура. Въ вознагражденіе за его труды, Кочубей постарался опредѣлить двухъ стороннихъ его сыновъ въ училище законовѣдѣнія при сенатѣ, гдѣ они вскорѣ были пожалованы титулярными совѣтниками, а потомъ прямо губернскими стряпчими въ волынской губерніи. Вотъ какъ безкорыстные вельможи благодѣтельствуютъ! М. И. захотѣлъ перестроить свой домъ по той причинѣ, что главнокомандующій Москвы Беклешовъ представилъ его въ губернаторы. Но при докладѣ о немъ графомъ Кочубеемъ, государь изволилъ сказать: „Комбурлей—это не русская фамилія; Москва не уважитъ его, ей нуженъ губернаторъ столбовой дворянинъ русской фамиліи“. Покровители М. И. совѣтовали ему изъ Петербурга пріѣхать туда и пожить тамъ нѣкоторое время, пока откроется вакансія въ такой губерніи, гдѣ онъ захочетъ быть губернаторомъ. Рѣшась послѣдовать этому совѣту и поѣхать туда на легкѣ, онъ взялъ и меня съ собою, сказавъ: „В. И.! тебѣ надобно видѣть Петербургъ: тамъ лучшая архитектура домовъ, нежели здѣсь“.

Въ дорогѣ я сидѣлъ съ нимъ въ одной кибиткѣ, а въ другой французъ поваръ съ кухонной посудой. Мы ѣхали день и ночь, морозы большіе, и я, имѣя только на себѣ бекешь подъ калмыцкими смушками, иногда дрожалъ отъ холоду. М. И., замѣтивши это, однажды сказалъ: „что, В. И., и философія тебя не грѣетъ“? Я подумалъ: „хорошо тебѣ, богачъ, сидѣть въ медвѣжьей шубѣ“! но не смѣлъ это сказать ему.

Въ Петербургѣ М. И. остановился въ домѣ Василія Степановича Попова на Неву, гдѣ никто не жилъ. Отыскавъ въ верхнемъ

этажѣ небольшую компату, я заперся тамъ; самъ приносилъ себѣ дрова и топилъ грубку, потому что съ М. И. пріѣхалъ только его камердинеръ, а съ поваромъ его помощникъ. М. И. ни одного дня не обѣдалъ дома; а поваръ всегда мнѣ отказывалъ въ пищѣ, говоря, будто бы онъ и для себя ничего не готовилъ. Искать обѣдовъ въ трактирахъ я тогда еще не привыкъ, да и боялся, а потому всегда довольствовался сухояденіемъ. Помню, что однажды въ вечеру М. И. мнѣ сказалъ: «насъ мало уважаютъ въ Украинѣ, хоть я теперь ѣду къ министру внутр. дѣлъ играть въ карты и безъ меня бостонъ не составится». По счастію, или, правильнѣе сказать, по божескому обо мнѣ промыслу, въ этомъ же обширномъ дворѣ на Милліонную улицу былъ другой домъ, и въ верхнемъ его этажѣ помѣщался государственный адмиралтейскій департаментъ, гдѣ при его музеумѣ служилъ помощникомъ директора мой лучшій въ жизни другъ Ев. И. Станевичъ. Онъ видѣлъ меня проходящаго въ вороты (только и были одни) этого дома на Милліонную улицу и тотчасъ составилъ себѣ планъ, какъ бы и меня помѣстить въ этотъ департаментъ. Помня, что правитель департамента, статскій совѣтникъ Никольскій, прежде высказывалъ ему свое сожалѣніе, что его два малолѣтніе сына прежде ходили учиться въ Нѣмецкое училище, но, подмочивъ ноги, заболѣли и теперь, оставаясь безъ ученія, теряютъ безполезно молодые свои лѣта, онъ предположилъ себѣ, что я охотно буду учить этихъ дѣтей, если буду опредѣленъ въ департаментъ. Получивъ отъ него согласіе, Станевичъ прибѣгаетъ ко мнѣ и зоветъ меня въ музеумъ. Тамъ я увидѣлъ и зятя Никольскаго, жившаго нѣкогда въ Поповкѣ, Моисея Григорьевича Ушинскаго. Попробовавъ меня, умѣю ли извлекать изъ бумагъ содержаніе ихъ для доклада присутствію, Никольскій велѣлъ подать мнѣ просьбу объ опредѣленіи меня въ департаментъ. Чтобы вѣрнѣе успѣть въ томъ, Станевичъ пригласилъ меня поѣхать съ нимъ къ первому члену департамента, вице-адмиралу Александру Семеновичу Шишкову. Я отказывался, говоря, что не смѣю показаться ему въ старомъ фракѣ.

— Ничего, сказалъ онъ: ты увидишь, какъ онъ меня любитъ.

Пріѣзжаемъ къ Шишкову. Станевичъ рекомендуетъ меня, что я хорошій его пріятель, лучше роднаго брата, и проситъ его опредѣлить меня въ департаментъ.

— А есть ли вакансія? спросилъ Шишковъ.

— Есть помощника столоначальника по ученой части, отвѣчаетъ Станевичъ.

— Хорошо! сказалъ онъ: я согласенъ его опредѣлить.

— Не будете ли вы сегодня въ департаментѣ? спросилъ опять его Станевичъ.

— Нѣтъ! я не совсѣмъ здоровъ, отвѣчалъ Шишковъ.

Но Евстафій Ивановичъ убѣдительно просилъ его сдѣлать мнѣ благодѣяніе—поѣхать и предложить объ опредѣленіи меня. И этотъ добродушный, престарѣлый, почтеннѣйшій вельможа согласился, въ тотъ же день поѣхалъ и предложилъ присутствію объ опредѣленіи меня.

Третій членъ, дѣйств. ст. сов. Александръ Ѳедоровичъ Лабзинъ (извѣстный изданіемъ «*Сіонскаго Вѣстника*») не соглашался было на опредѣленіе меня и не хотѣлъ подписать журнала, потому что прежде предлагаемыхъ имъ двухъ человѣкъ на эту должность правитель канцеляріи Никольскій не одобрилъ. Благодѣтель Евстафія Ивановича, А. С. Шишковъ спросилъ его, почему онъ не подписываетъ журнала. Лабзинъ, вмѣсто отвѣта, спросилъ его самого:

— Развѣ вы его знаете?

— Знаю, отвѣчалъ онъ: онъ хорошій человѣкъ.

Лабзинъ хотѣлъ меня лично увидѣть. Евстафій Ивановичь прибѣжалъ за мною. Лабзинъ, распросивъ меня, почему я оставилъ службу въ губернскомъ правленіи, а перешелъ служить въ полицію, гдѣ мало могъ пріобрѣсть познанія, и оставшись доволенъ моимъ отвѣтомъ, сказалъ:

— Я согласенъ на принятіе васъ въ департаментъ.

Представили объ утвержденіи меня въ должности товарищу министра морскихъ силъ г-ну Чичагову. Въ это время возвратился изъ Англіи садовникъ Слезакъ. М. И., призвавши меня, велѣлъ ѣхать вмѣстѣ съ нимъ въ Украину, сказавши, что я уже до-

вольно насмотрѣлся въ Петербургѣ; но я просилъ его позволить мнѣ остаться въ Петербургѣ.

— Зачѣмъ? спросилъ онъ.

— Я ищу здѣсь опредѣлиться къ коронной должности.

— Куда? спросилъ онъ.

— Въ Государственный Адмиралтейскій Департаментъ.

— Кто тамъ первый членъ?

— Вице-адмиралъ Шишковъ, сказалъ я.

— Гм...онъ худо играетъ въ бостонъ; но я буду ему васъ рекомендовать, сказалъ М. И.

Тогда я, поблагодаря, сказалъ, что именно по его одобренію я уже представленъ г-ну Чичагову.

Такъ-то я чудеснымъ образомъ неожиданно былъ опредѣленъ въ Государственный Адмиралтейскій Департаментъ помощникомъ столоначальника по ученой части съ жалованьемъ 750 руб. асс. 16 февраля 1806 года и въ семъ опредѣленіи видѣлъ явный промыслъ Божій о мнѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПЯТЬ ДОКУМЕНТОВЪ РОДА САВИЧЕЙ.

Широко развѣтвившійся нынѣ дворянскій родъ Савичей принадлежитъ къ числу найболѣе старыхъ, при томъ чисто малороссійскихъ козачихъ родовъ. Многочисленнымъ потомкамъ сего рода и вошедшимъ съ нимъ въ родство другимъ родамъ интересно будетъ установить документально своихъ старѣйшихъ предковъ и ихъ первыя владѣнія. Въ основу сего и для начала помѣщаемъ здѣсь сообщенные намъ А. А. Савичемъ, въ числѣ другихъ, слѣдующіе пять документовъ.

I.

Запродажная запись на лѣсокъ козака Тумченка, проданный имъ панѣ Федковой и козаку Самохвалу, съ подписью писаря Саввы Тишевича. 1657 г.

Я Дмитро Тумченко, козакъ войска его королевской милости запорозского, чиню вѣдомо симъ моимъ листомъ, іжъ есмь продалъ сѣчь, а меновите ни Чумчицѣ, панѣ Федковой и пану Івану Самохвалу за осмь золотыхъ грошей монеты литовской, которой то сѣчи вѣчными часы нѣхто не маетъ упоминатся, а нѣ жона моя, а нѣ потомки мои, ни повинные мои не маютъ дѣла до тоей то сѣчи вышъ написаннои, и на що я даю сей мой листъ для лѣпшой вѣры и памяти тимъ выше написаннымъ людемъ, панѣ Федковой и пану Івану Самохвалу, козаку войска его королевской милости запорозского, и даю сей листъ съ подписомъ руки писаря, на то прошоного, Савы Тишевича, изъ витисненнемъ печати, и были при томъ люде добрые и вѣры годныи, а меновите Грицко Волошчакъ, атаманъ яблоновский, на тотъ часъ будучий, и Яцько Юшченко и Захария Мѣцний, козаки войска его королевской милости запорозского.—Писано на Росавѣ, року ҂АХПЗ (1657).

Сава Тишевичь, писарь на то прошоный, рукою власною своею.

Запись на четвертушкѣ бѣлой бумаги, писана рукой Савы.

II.

Купчая на мельницу въ Батуринѣ, проданную Семену Савичу батуринскимъ жителемъ Бутченкомъ, вмѣстѣ съ хатою при ней, усадьбой и сѣножатью, въ выпискѣ изъ книгъ батуринскаго магистрата. 1692 г.

Выпись зъ книгъ меских ратуша батуринского.

Року тисеча шестсотъ девятьдесять второго, месеца декамврія тринадцятого дня.

Передъ нами Дмитріемъ Нестеренкомъ, сотникомъ, Гордѣемъ Хрисановичемъ, атаманомъ городовимъ, Лукяномъ Филоновичемъ войтомъ, Самуйломъ Григориевичомъ, бурмистромъ батуринскимъ, ставшио очевисто Ярмола Бутченко, мелникъ и житель батуринскый зъ жоною своею Агафиею, изъ поради тестя своего Опанаса Поддубного, ясне, явне и доброволне, безъ жадного примушеня, сознаѣъ и до записаня въ книгы актъ нинешнихъ подалъ, ижъ продалъ власный свой камень робочий у млинѣ учасницкомъ, на рецѣ Сеймѣ стоячій, и на той-же скрипѣ ставидло порожное, сеножатъ, межею сеножати Грицихи Васюрихи, пляцъ изъ хатою там-же, ведле млина, стоячою, добра свои властніе, отчистие, никому нѣ въ чомъ не пенніе и въ жадной суммѣ не заведенніе, за певную сумму и готовіе гроши, южъ мовитъ, до рукъ моихъ отобранніе, то естъ за тысечу и шестсотъ золотыхъ лѣчбою полскою доброе монети, урожоному его мылости, пану Симеону Савичу, ему самому, жонѣ и потомкомъ ихъ на вѣчніе и непорушоніе часы: волно будетъ, вже и естъ, тимъ каминемъ и иншими добрами, вишей описанными, речоному посессоровѣ владѣти и приходи мелницкіе одбирати, и спокойне оние добра уживати, и оними шафовати, и кому хотячи продати, дати, даровати, записати и въ наемъ пустити, нѣкого зъ кревнихъ и повиноватихъ Ярмолинихъ и общихъ людей не варуючися, кгдижъ противъ кождого таковаго одзовци речоный продавца у кождого суду и права и на кождомъ мѣстцу, где тилко того потреба укажетъ, своимъ коштомъ и накладомъ боронити и евинковатъ симъ записомъ росписался, подъ закладомъ выни на таковаго турбатора тисечи золотихъ на тотъ урядъ, где-бы се справа тоя приточити мѣла, заплаченя и всѣхъ накладовъ и утратъ правнихъ нагороженя, а по отправѣ тыхъ

вынъ и накладовъ предце тотъ турбаторъ до тихъ проданихъ добръ жаднимъ правомъ и ниякою близкостю припущенъ бути не маетъ и мѣти не будетъ, еще и полрочному сидѣню у вязеню подпадати маетъ.

Притомніе тоей продажи будучіе: Стецко Чоусъ, Стефанъ Мѣзь, Демко Загорулченко.

Которое сознане при тихъ правнихъ варункахъ, за потребованемъ стороны, про память до книгъ нинешныхъ естъ записано, зъ которихъ и сей виписъ, подъ печатю мѣскою и зъ подписомъ руки писарское, естъ виданъ.

Леонтий Клищенко, писаръ мѣский батуринский.

(На оборотѣ выставлено такое заглавіе документа: «Право на млынъ батуринский бучковский»).

III.

Купчая на дворъ съ домомъ и огородомъ, проданной батуринскимъ жителемъ Тертичникомъ генеральному войсковому судьѣ Савѣ, въ выпискѣ изъ книгъ батуринскаго магистрата 1697 г.

Выпись зъ книгъ мѣскихъ батуринскихъ.

Року Божого тисяча шестсотъ девятдесятъ семого, мѣсяця іануарпя двадцетъ осмого дня.

Предъ нами Димитриемъ Нестеренкомъ, сотникомъ батуринскимъ, Гордѣемъ Хрисановичемъ, атаманомъ городовимъ, Лукяномъ Филоновичемъ, войтомъ, Самуйломъ Григориевичемъ, бурмистромъ и при многихъ зацнихъ и вѣри годнихъ людехъ ставши очевисте Каленикъ Тертичникъ, житель нашъ батуринскій, явне, ясне и доброволне и непримушоне созналъ, ижъ продалъ дворъ свой власный зъ пляцомъ, зъ будинкомъ и зъ огородцемъ, никому нѣ въ чомъ не заведеный и не пенный, заразъ за баштою Мигченскою на пробытой улицѣ, одъ межи двора зъ едной стороны Петра Безуглого, а зъ другой сторони Ивана Игнатенка, а въ тилу пана Михайловского, его милости пану Савѣ Прокоповичу, судіи войска его царского пресвѣтлого величества запорозкого енералному, за певную сумму золотихъ сто и двадцетъ монети доброй лѣчбы литовской, которую сумму руками своими одлѣчивши, отобралемъ сполна отъ его милости пана судии енерального и у вѣчную посесию подалемъ тотъ дворъ. Волно его милости будетъ дать, даровать и, якъ хотѣти, на свой пожитокъ обер-

нути. А я самъ и жона моя и кревние, близкие и далекие, въ потомние часи интересоватися не повинны до пречоного двора, варую въ кождого суда и права, подъ виною золотихъ ста до шкатули войсковой на кождого турбатора. Теды мы урядъ вшименованый, чуючи доброволное сознане Каленика, велелисмо писаревѣ мѣскому батуринскому до книгъ мѣскихъ батуринскихъ записати и виписъ зъ книгъ мѣскихъ потребуючой сторонѣ зъ притисненемъ печати ратуша мѣского батуринского и съ подписомъ руки писарское видати. Дѣялося року и дня вишменованихъ.

Григорій Александровичъ, писаръ мѣскій батуринскій, рукою.

(На оборотѣ слѣдующая надпись: «Выпись зъ книгъ мѣскихъ батуринскихъ о продажѣ двора зъ пляцомъ, будинкомъ и огородомъ отъ Каленика Тертичника, жителя батуринского за Мѣтченскою брамою, недалеко отъ замку»).

IV.

Универсалъ гетмана Мазепы, подтверждающій вдовѣ генеральнаго войсковаго судьи Савы Иринѣ право владѣнія селами Кудровкою и Загоровкою. 1701 г.

Пресвѣтлѣйшого и державнѣйшого великого государя нашого, его царского пресвѣтлого величества войска запорозкого гетманъ и славнаго чина святого Апостола Андрея кавалеръ, Іоанъ Мазепа.

Ознаймуемъ симъ нашимъ унѣверсаломъ всѣмъ обще и каждому зособна, кому о томъ вѣдати належитъ, а меновите всей старшинѣ и чернѣ войска его царского пресвѣтлого величества запорозкого и всѣмъ малороссыйскимъ обывателемъ, ижъ просила насъ, гетмана, овдовѣлая пани Ірина Савина, жона небощика пана Савы, судіѣ нашого войскового енералного, недавно змерлого, абысмо двѣ селѣ, именно Кудровку и Заговорку зъ млинами, при нихъ будучими и инными належитостями, которіе небощикъ мужъ ее имѣлъ въ своемъ владѣнію, ненарушно при ней захововавши, зтвердили нашимъ гетманскимъ универсаломъ.

Мы пре то, гетманъ, склонившися на ее панее Савинои прозбу, выдаемъ сей нашъ потвержательный унѣверсалъ, позволяючи и даючи ей моцъ тыми помененными селами, зъ млинами при

нихъ будучими и инными належитостями, непорушно владѣти и такъ отъ подданыхъ обыклые роковые повинности и роботизни, яко зъ млиновъ и всѣхъ кгрунтовъ припадаючіе пожитки отбирати. А такъ, абы нихто зъ старшины и чернѣ жадной въ томъ ей панеи Савиной не чинилъ перешкоды, симъ-же нашимъ унѣверсаломъ пилно мѣти хочемъ и рейментарско варуемъ, тако-жъ приказуемъ, абы всѣ помененныхъ селъ тяглые жители, кромѣ козаковъ, належитое подданское ей панеи Савиной во всемъ отдавали послушенство.—Данъ въ Батуринѣ 4-го февруарія дня 1701 року.

Звышъ менованный гетманъ, рука власная.

На оборотной сторонѣ документа такая помѣта: унѣверсалъ Мазепы гетмана на Кудровку и Загоровку панеи Іринѣ Савиновой Прокоповичовой, судіиной енеральной.

V.

Универсалъ гетмана Скоропадскаго съ подтвержденіемъ генеральному войсковому писарю Семену Савичу права владѣнія купленною имъ частью озера Самци и уступкою ему другой его части, принадлежавшей самому гетману. 1711 г.

Пресвѣтлѣйшаго и державнѣйшаго великаго государя, его царскаго священнѣйшаго величества войска запорожского обоихъ сторонъ Днѣпра гетманъ, Іоаннъ Скоропадскій.

Его царского пресвѣтлаго величества войска запорожскаго пану полковникови нѣжинскому зъ старшиною его полковою, а особливе сотниковѣ новомлинскому, атамановѣ зъ товариствомъ, войтовѣ зъ урядомъ тамошнимъ и зо всѣми посполитими людми, такъ же села Устечка атамановѣ зъ товариствомъ и войтовѣ зъ посполитствомъ и кому колвекъ о томъ вѣдати належитъ, симъ нашимъ унѣверсаломъ ознаймуемъ, ижъ презентовалъ намъ гетманови панъ Семенъ Савичъ, писаръ войсковскій енеральний, купчий записъ, на урядѣ мѣскомъ новомлинскомъ справзенный на озеро, прозываемо Самцѣ, подъ селомъ Устечкомъ, въ сотнѣ новомлинской будучое, а одъ рѣки Сейму въ реку Десну свой протокъ и уступъ мѣючое, и просилъ такъ на тое купленное озеро нашего потверженя, яко

и о надане вновь тонѣ, въ томъ-же одномъ протоцѣ сполнѣ будучой, на насъ належной, Самцѣ жъ прозиваемой, рейментарского унѣверсалу. Мы теды, гетманъ слушному тому пана Семена Савича, писара войскового енералного, не отмовивши прошенію, а респектуючи на его уставичніе войсковые праци и труды на той писарской функціи роняч іеся, видаемъ сей нашъ унѣверсалъ, которого крѣпостію и повагою такъ тое купленное озеро Самцѣ ему стверж аемъ, яко и помянутую, на оное належную тоню, тамъ-же сполне будучую, въ зуполное его владѣніе надаемъ и конферуемъ. Вѣдаючи пре то всякъ о таковой волѣ нашой, абы нихто зъ старшины и чернѣ войсковыхъ и посполитихъ людей, а особливе дозорца и становничний озеръ нашихъ жадной въ ловленю зъ того озера Самцювъ, купленного и наданного, риби и въ волномъ и спокойномъ оного заживаню ему пану писару войсковому енералному не чинилъ перешкоди, препятія и трудности, а особливо бы новомлинскіе, тамошніе устечскіе и иншие околичніе жителѣ въ пререченомъ озерѣ жаднимъ способомъ, нѣ тайно, нѣ явно, ку шкодѣ его пана писара войскового енералного, риби ловити не важилися, мѣти хочемъ, сурово грозимъ и пилно подъ строкгимъ каранемъ приказуемъ.

Данъ въ Переяславлю, апріля 27, року (҂аѱа҃) 1711.

Звышъ менованный гетманъ, рукою власною.

Такимъ образомъ родоначальниками Савичей были писарь, конечно, козачій, а первоначально вѣроятно простой козакъ, впослѣдствіи генеральный войсковой судья Сава, его жена Ирина и ихъ сынъ Семенъ, генеральный войсковой писарь, а первыя земельныя ихъ владѣнія были млинокъ въ Батуринѣ, съ хатою при немъ, потомъ дворъ съ будинкомъ тамъ же и дальше села Кудровка и Загоровка, въ частности у сына озеро Самци. Въ слѣдующей книжкѣ мы помѣстимъ реестръ движимаго имущества, которымъ подѣлились внуки Саввы и который покажетъ, какъ широко разрослись въ сто лѣтъ его козачіе пожитки.

Библіографія.

Michael von Zmygrodzki. Die Mutter bei den Völkern des arischen Stammes. München. 1886 (Михаилъ фонъ Змигродскій. Мать у народовъ арійскаго племени).

Область исторіи брачныхъ отношеній подверглась строгой научной разработкѣ, собственно говоря, въ очень недавнее время. Еще въ 30-хъ годахъ текущаго столѣтія *Фридрихъ фонъ Раумеръ*, издатель извѣстной карманной исторической книжки, обнародовавъ статью подъ заглавіемъ «Ueber Ehe und Familie» [1]), ограничился въ ней простымъ изложеніемъ фактовъ изъ области брачной жизни некультурныхъ и отчасти культурныхъ народовъ, посвятивъ всю остальную теоретическую часть статьи аналогіи единоженства и сдѣлавъ мимоходомъ лишь одно, слабое впрочемъ, обобщеніе о существованіи трехъ формъ брака: моногаміи, полигаміи и поліандріи. Но и гораздо позже, въ концѣ 50-хъ годовъ, д-ръ *Унгеръ*, предпринявъ изслѣдованіе всемірно-историческаго развитія брака [2]), счелъ достаточнымъ свести это изслѣдованіе на приложеніе историко-философской концепціи Гегеля о всемірномъ духѣ къ сферѣ брачныхъ отношеній народовъ, бывшихъ носителями этого духа въ процессѣ его самопознанія. Только съ 60-хъ годовъ, со времени появленія блестящихъ обобщеній *Баховена* (1861) и *Макъ-Леннана* (1856), можно считать, что изученіе исторіи брачныхъ отношеній выступило на вполнѣ научную реально-соціологическую почву. Съ тѣхъ поръ научная разработка этого вопроса идетъ непрерывно въ трудахъ такихъ ученыхъ, какъ

---

[1]) Histor. Taschenbuch. Leipz. 1883.

[2]) Русскій переводъ появился въ 1885 г. подъ наименованіемъ: „Бракъ въ его всемірно-историческомъ развитіи“. Кіевъ.

Дж. *Леббокъ* [1]), Лев. *Морганъ* [2]), Гер. *Спенсеръ* [3]), Альб. *Постъ* [4]), *Жиро-Тёлонъ* [5]) и др. Правда, до сихъ поръ въ этой области установлены пока однѣ лишь гипотезы (хотя, впрочемъ, выражаясь словами проф. Ковалевскаго, гипотезы въ высшей степени правдоподобныя), однако съ каждымъ новымъ изслѣдованіемъ все болѣе и болѣе накопляется индуктивныхъ подтвержденій этихъ гипотезъ и вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ все болѣе и болѣе приближаются къ строго научнымъ теоріямъ. Сверхъ некультурныхъ народовъ, дающихъ обильный матеріалъ для утвержденія сихъ гипотезъ, къ изслѣдованію были привлекаемы и народы культурные. Самъ Баховенъ свое знаменитое сообщеніе объ эпохѣ материнскаго права основалъ главнымъ образомъ на фактахъ, почерпнутыхъ изъ жизни народовъ древняго міра, какъ греко-романскихъ, такъ и восточныхъ. Послѣ него были сдѣланы попытки приложенія его обобщенія и къ новымъ народамъ индо-германской вѣтви. Къ сожалѣнію менѣе всего привлекались къ этому сравнительно-этнографическому изслѣдованію народы славянскіе. Мы говоримъ къ сожалѣнію потому, что изъ всѣхъ почти европейскихъ народовъ арійскаго корня народы славянскіе хранятъ въ своей жизни наибольшее количество остатковъ глубокой старины. Тѣмъ съ большимъ интересомъ останавливаемся мы на трудахъ, стремящихся восполнить этотъ пробѣлъ, а къ числу таковыхъ трудовъ и принадлежитъ трудъ г. Змигродскаго, полное заглавіе котораго мы выписали выше.

Впрочемъ, это не давало-бы еще права замѣткѣ о трудѣ г. Змигродскаго претендовать на мѣсто въ журналѣ, посвященномъ исторіи южной Руси, если-бы фактамъ изъ жизни малорусскаго народа не было отведено въ немъ первенствующее мѣсто въ ряду фактовъ изъ жизни другихъ славянскихъ народовъ. Подобное предпочтительное вниманіе, оказываемое авторомъ малорусскому народу, помимо частныхъ причинъ, каковы личныя симпатіи автора и большее, по собственному его

---

[1]) Начало цивилизаціи. Спб. 1876.

[2]) Systems of consanguinity of the human family (пом. въ 17-мъ томѣ Smithsonian Contributions of knowledge, 1871) и др. Сочиненіе Моргана о древнемъ обществѣ переведено въ текущемъ году на польскій языкъ подъ заглавіемъ: „Spoleczeństwo perwotne etc." Варш. 1887.

[3]) Основанія соціологіи. Спб. 1877.

[4]) Die Geschechtsgenossenschaft der Urzeit. Oldenb. 1875.

[5]) Les origines du mariage et de la famil. Gen. 1884 г. и др. болѣе раннія произведенія. Одно изъ сихъ послѣднихъ, а именно: „О происхожденіи семьи", переведено на русскій языкъ и издано ред. журн. „Знаніе" въ 70-хъ годахъ.

сознанію, знакомство съ жизнью Украины, обусловливается еще и всѣмъ планомъ его работы.

Сочиненіе г. Змигродскаго состоитъ, собственно говоря, изъ трехъ главнѣйшихъ частей. Первая часть, составляющая введеніе и обнимающая собою 32 §§ (93 стр.), посвящена разсмотрѣнію арійскаго и скиѳскаго вопросовъ въ ихъ отношеніи къ славянамъ; вторая, обнимающая 210 §§ (257 стр,), составляетъ ядро всего сочиненія, въ ней и заключается основное изслѣдованіе автора о матери у народовъ индо-германскаго корня, и наконецъ третья часть, обнимающая 31 §§ (52 стр.) и составляющая собственно заключеніе, содержитъ въ себѣ опытъ разрѣшенія авторомъ материнскаго вопроса. Главное наше вниманіе мы обратимъ на вторую наиболѣе важную часть сочиненія. Изложеніемъ содержанія послѣдней части, носящей скорѣе публицистическій, чѣмъ научный характеръ и въ которой авторъ занимается между прочимъ такими вопросами, какъ вопросъ о «генералахъ въ юбкѣ» (собственное выраженіе его), мы не считаемъ себя въ правѣ занимать вниманіе читателей. Что же касается первой части, то въ виду ея самаго общаго значенія для вопросовъ, связанныхъ съ исторіею малорусскаго народа, мы считаемъ достаточнымъ ограничиться лишь краткимъ изложеніемъ тѣхъ результатовъ, къ которымъ приходитъ авторъ. Съ разсмотрѣнія этой части мы и начнемъ нашъ обзоръ.

По мнѣнію г. Змигродскаго, основанному на изслѣдованіи характера и нравовъ украинскаго народа, а равнымъ образомъ на филологическихъ розысканіяхъ и изслѣдованіи славянскихъ, по преимуществу опять таки малорусскихъ, сказокъ, славяне покинули азіатскую прародину и заняли теперешнія свои мѣстообиталища въ Европѣ, будучи уже народомъ земледѣльческимъ (38, 87). Выселились они съ восточной родины своей противъ воли, по принужденію (38), гонимые соціальной борьбой (44), подобно тому, какъ и нынѣ эта борьба гонитъ европейскихъ эмигрантовъ на материкъ Америки. Авторъ старается даже опредѣлить по возможности точно время этого переселенія. Съ этою цѣлью онъ предпринимаетъ съ одной стороны изслѣдованіе того отношенія, въ которое могутъ быть поставлены предки нынѣшнихъ славянъ къ скиѳамъ (45), а съ другой опредѣленіе давности пребыванія въ Европѣ литовцевъ.

По послѣднему вопросу онъ думаетъ, что литовцы пребывали въ теперешней ихъ области еще до Геродота и до скиѳскаго переселенія (85). Что-же касается перваго вопроса, то по мнѣнію г. Змигродскаго собственно скиѳами было кочующее племя ихъ, тѣ-же рабы, которыхъ они употребляли для обработки полей и продавали въ Грецію, было пле-

мя осѣдлое и земледѣльческое, это были дѣйствительные арійцы, остатки киммеріанъ и треровъ (67). Въ послѣдствіи времени оба эти племени смѣшались, кочующіе скиѳы аріизировались, разница между земледѣльцами рабами (киммеріане) и кочующими владыками (скиѳами) совершенно стушевалась и изъ нихъ образовался одинъ народъ (70). Этому сплоченію въ особенности содѣйствовало господство готовъ, гунновъ, аваровъ, монголовъ и наконецъ татаръ (71).

Такимъ образомъ, принявъ во вниманіе, „что литовцы еще до Геродота занимали свое теперешнее мѣстообиталище и что скиѳы-*земледѣльцы* были арійцы и именно остатки изгнанныхъ киммеріанъ", авторъ считаетъ себя въ правѣ прійти къ заключенію, что „все арійское племя, изъ котораго въ теченіи времени возникли отдѣльные славянскіе народы, переселилось въ Европу приблизительно въ одно и тоже время (86), и даже болѣе, что „одновременно-же совершилось переселеніе арійцевъ какъ сѣверо-восточной, такъ и южной Европы" (89).

Путь, которымъ этотъ первобытный арійскій народъ прибылъ въ Европу, лежалъ, по мнѣнію г. Змигродскаго, вблизи нынѣшняго Константинополя, откуда часть арійцевъ направилась къ сѣверу отъ балканскаго хребта, а другая часть спустилась въ Грецію (90).

Такъ г. Змигродскій разрѣшаетъ вопросы скиѳскій и арійскій. Покончивъ съ ними, онъ переходитъ къ возсозданію той культурной ступени, на которой стояли первобытные арійцы Европы (97), что даетъ ему возможность перейти уже непосредственно къ намѣченной имъ цѣли, т. е. къ изслѣдованію материнскаго вопроса у народовъ индо-германскаго корня. Для возсозданія культурнаго состоянія первобытныхъ арійцевъ Европы г. Змигродскій считаетъ необходимымъ сравнить сказки и нравы, совмѣстно съ различными суевѣріями, по крайней мѣрѣ двухъ племенъ и останавливается для этого на германцахъ и славянахъ (97), присовокупивъ сюда и бретонцевъ. Дабы произвести это сравненіе съ возможно большей пользой, онъ избираетъ четыре этнологическія станціи: французскую Бретань, Баварію, краковскій округъ и *Украйну* (собственно правый берегъ Днѣпра), пункты, въ которыхъ, по мнѣнію его, изслѣдователь въ правѣ разсчитывать встрѣтиться съ наименѣе помутившимися и наименѣе испорченными рукою всесокрушающаго времени арійскими преданіями, такъ какъ «во всѣхъ этихъ пунктахъ живетъ населеніе, основными чертами характера котораго является сила, упрямство, доходящее до упорства и своенравія, а все это ведетъ къ замкнутости по отношенію всѣхъ другихъ націй, хотя-бы и родственныхъ по крови» (98), и несомнѣнно благопріятствуетъ найболѣе долгому выживанію стародавнихъ преданій.

Мы не станемъ разбирать, насколько цѣлесообразно поступаетъ авторъ, выбирая въ качествѣ этнографическихъ станцій именно указанные имъ четыре пункта; замѣтимъ только, что дѣйствительно существующая въ извѣстной степени замкнутость малорусскаго народа, по сравненію напримѣръ съ великорусскимъ, значительно преувеличена имъ, когда онъ говоритъ наприм., что украинскій поселянинъ лишь себя одного считаетъ человѣкомъ, лишая этого почетнаго званія представителей всѣхъ другихъ національностей и сословій (44, 102), и за симъ перейдемъ, вслѣдъ за авторомъ, къ главной части его труда, собственно къ изслѣдованію материнскаго вопроса у арійцевъ.

„Вся сумма нашихъ народныхъ преданій,—такъ начинаетъ г. Змигродскій эту часть своего изслѣдованія,—вращается главнымъ образомъ около двухъ пунктовъ: 1) противоположности добра и зла и 2) семьи. «Для всѣхъ другихъ жизненныхъ явленій мы не въ состояніи указать, продолжаетъ онъ, на такое количество и съ такого заботливостью очерченныхъ преданій, какъ въ отношеніи семьи. Брачное состояніе, чистое отношеніе двухъ половъ—не съ цѣлью чувственнаго наслажденія, а ради продолженія рода человѣческаго,—вотъ тотъ базисъ, на которомъ покоится важнѣйшая часть нашего первобытнаго міросозерцанія. Самый свѣтлый пунктъ въ послѣднемъ принадлежитъ матери, и вотъ причина, заключаетъ г. Змигродскій, почему я избралъ этотъ пунктъ исходнымъ при моихъ детальныхъ изслѣдованіяхъ въ области народныхъ преданій“ (109, 110).

Выяснивъ затѣмъ свой взглядъ на исторію развитія брачныхъ отношеній и принявъ схему д-ра Баховена, согласно которой въ исторіи семьи и брака должно различать три эпохи: 1) эпоху гэтеризма (Hetärismus), 2) эпоху материнскаго права (Mutterrecht) и 3) эпоху права отцовскаго (Vaterrecht) (239), г. Змигродскій обращается къ разысканію въ существующихъ народныхъ нравахъ и преданіяхъ остатковъ сихъ эпохъ или, вѣрнѣе, первыхъ двухъ. Съ этого момента мы постараемся по возможности подробнѣе входить въ разсмотрѣніе изслѣдованія автора.

Характерной чертой первой эпохи г. Змигродскій считаетъ полное подчиненіе женщины мужчинѣ и вытекающую отсюда верховную власть послѣдняго надъ первой (245), переходящую въ простое насиліе, почему эпоху гэтеризма онъ именуетъ иногда эпохой насилія (die Gewaltepoche) (250). Этой эпохѣ насилія онъ считаетъ присущимъ какъ похищеніе дѣвицъ (ib.), такъ и покупку женъ (ib.). Исходя изъ этого, онъ признаетъ свидѣтельствами въ пользу существованія у славянъ эпохи гэтеризма: 1) какъ отголосокъ черты *насилія*—польское выраженіе „pojąć zonę“, соотвѣтствующее малорусскому „поняти“ (245), 2) ясные слѣды

покупки женъ, сохранившіеся въ малорусской свадебной обрядности и особенно ярко выступающіе въ извѣстной пѣснѣ:

Татаринъ братъ, татаринъ
Продавъ сестру за талярь и пр.

и 3) *умычку* у древлянъ и др. племенъ русскихъ славянъ, а равно остатки похищенія въ нынѣшнихъ свадебныхъ обрядахъ южныхъ славянъ.

Обращаясь къ разсмотрѣнію сихъ примѣровъ, мы принуждены сказать, что г. Змигродскій, отмѣтивъ *насиліе* мужчинъ надъ женщинами какъ черту, характеризующую стадію гэтеризма, не достаточно, вѣроятно, уяснилъ себѣ основной характеръ эпохъ въ схемѣ Баховена, по крайней мѣрѣ мы можемъ это сказать объ эпохѣ гэтеризма. Намъ думается, что въ этомъ случаѣ онъ принялъ несущественное за главное и частное за общее. Насиліе мужщины надъ женщиной, обусловленное физическимъ преимуществомъ перваго, составляетъ слишкомъ общее явленіе, чтобы его возможно было принять за характерную черту той или другой эпохи: несомнѣнно существовавшее въ первобытную эпоху брачныхъ отношеній, носившихъ на себѣ живые слѣды близости человѣка къ міру животныхъ, оно продолжаетъ существовать и въ эпоху отцовскаго права, являясь какъ яркое явленіе и понынѣ у многихъ африканскихъ, американскихъ и полинезійскихъ народовъ, давно пережившихъ первоначальныя ступени брака.

Точно также едва-ли правильно будетъ считать присущими, а въ особенности исключительно, эпохѣ гэтеризма и два остальныя указываемыя авторомъ явленія. О *покупкѣ женъ* мы уже не говоримъ. Что подобная покупка принадлежитъ эпохѣ позднѣйшей и предполагаетъ значительное, по сравненію съ первобытнымъ состояніемъ, развитіе человѣчества и осуществленіе въ общественно-экономической жизни цѣлаго ряда весьма сложныхъ измѣненій, лишь при наличности которыхъ возможно возникновеніе и существованіе столь сложнаго сравнительно экономическаго явленія, какъ купля-продажа, это едва-ли нуждается въ какихъ-либо особыхъ доказательствахъ. Но и относительно *похищенія женъ* мы должны сказать, что хотя по времени этотъ способъ пріобрѣтенія женъ и предшествуетъ способу пріобрѣтенія ихъ при посредствѣ купли, однако-же умычка, какъ показываютъ факты, можетъ сосуществовать не только съ эпохой гэтеризма, но и съ эпохой отцовскаго права, что мы и видимъ у многихъ народовъ Новаго и Стараго свѣта, въ томъ числѣ и у славянъ (южныхъ).

Такимъ образомъ приведенные выше три примѣра, по нашему мнѣнію, никоимъ образомъ не могутъ считаться *несомнѣнными* свидѣтельствами существованія нѣкогда у славянъ эпохи гэтеризма.

Послѣдующіе два примѣра, приводимые авторомъ, также относятся имъ къ числу памятниковъ этой эпохи, какъ пережитой славянами и въ частности малоруссами. Но, къ сожалѣнію, и въ этомъ случаѣ мы не можемъ согласиться съ нимъ. Помимо спеціальныхъ соображеній, о которыхъ будетъ говорено ниже при разсмотрѣніи самихъ примѣровъ, есть соображенія характера болѣе общаго, препятствующія видѣть въ нихъ примѣры остатковъ первоначальнаго гэтеризма.

Первобытное состояніе человѣчества было состояніемъ господства во всѣхъ областяхъ жизни грубаго *факта*, а слѣдовательно и въ сферѣ брака господствовалъ тотъ-же голый фактъ, ничѣмъ не регулируемыя, никакой нормой не опредѣляемыя половыя сношенія. Лишь послѣ смѣны многихъ поколѣній, при условіи существованія болѣе или менѣе продолжительной *традиціи*, возможна была выработка какихъ-либо нормъ, какого-либо *обычая*. Весь періодъ, прожитый человѣчествомъ до выработки обычая, именно въ силу того обстоятельства, что онъ былъ періодомъ господства не обычая, а простаго факта, естественно не могъ оставить по себѣ въ послѣдующихъ культурныхъ пластахъ никакихъ этнографическихъ слѣдовъ. Единственно, что могло остаться отъ этой эпохи,—это смутное о ней вспоминаніе, продолжающее жить въ послѣдующихъ поколѣніяхъ, какъ далекое преданіе о глубокой сѣдой старинѣ. Вотъ почему и отъ первобытной эпохи брачныхъ отношеній, какъ эпохи *безпорядочнаго, не регулируемаго никакими обычаями половаго смѣшенія,* не могло, по нашему мнѣнію, остаться ни символовъ, ни обычаевъ, а потому и безполезно искать подобныхъ остатковъ въ существующей народной жизни. Единственный остатокъ этой эпохи, но и то какъ смутное о ней воспоминаніе, мы согласны, пожалуй, видѣть въ такихъ преданіяхъ народовъ, какъ преданія о времени установленія института брака (Кекропсъ, Менесъ, Фуги и др.), хотя впрочемъ не можемъ не замѣтить, что подъ временемъ, «когда брака еще не было», въ упомянутыхъ преданіяхъ можно подразумѣвать и время господства коммунальной формы брака, подобно тому какъ и въ нашемъ лѣтописномъ преданіи бракъ радимичей, вятичей и другихъ племенъ, носившій на себѣ свѣжіе слѣды брачнаго коммунизма, не считается бракомъ.

Такимъ образомъ, если подъ эпохой гэтеризма понимать, какъ это справедливо дѣлаетъ г. Змигродскій, состояніе совершенно *неурегулированныхъ* отношеній между полами, т. е. эпоху господства не обычая, а простаго факта, то мы должны признать, что эта эпоха не могла оставить по себѣ слѣдовъ ни въ видѣ обычая (какъ явленіе „покрытки“ въ первомъ изъ разсматриваемыхъ авторомъ примѣровъ), ни въ

видѣ символовъ (какъ обрядовое расплетеніе косы въ малорусской свадьбѣ во второмъ примѣрѣ его).

Но обратимся къ самымъ примѣрамъ.

«На Украйнѣ, говоритъ авторъ, собственно говоря, не можетъ быть рѣчи о соблазнѣ дѣвушки въ средѣ поселянъ, такъ какъ соблазнитель прекрасно знаетъ, что въ концѣ концовъ онъ долженъ жениться на соблазненной» (246, 247). Это даетъ начало „соціальному учрежденію" *покрытки*. Лишь только станетъ извѣстнымъ паденіе дѣвушки, старыя женщины „въ полномъ молчаніи" снимаютъ съ нея дѣвическія украшенія, обрѣзаютъ косу и покрываютъ ее женскимъ платкомъ. Затѣмъ совѣтъ «старыхъ людей» призываетъ соблазненную и всѣми мѣрами, не исключая и побоевъ, старается узнать отъ нея имя соблазнителя. Разъ послѣдній обнаруженъ, онъ долженъ жениться на соблазненной имъ дѣвушкѣ. «Главная мысль этого обычая, говоритъ г. Змигродскій, слѣдующая: *дитя не должно оставаться безъ законнаго отца*, коль скоро онъ можетъ быть отысканъ. Вспомнимъ тотъ ливійскій и скиѳскій обычай, продолжаетъ онъ далѣе, согласно которому также каждое дитя должно было имѣть отца и согласно которому этотъ послѣдній опредѣлялся по сходству лица. Главная мысль одна и та же, только форма иная. У скиѳовъ форма соотвѣтствуетъ гэтеризму первой эпохи, въ Украйнѣ-же она образовалась на почвѣ материнскаго права» (248, 249). При свадьбѣ «покрытки», по свидѣтельству г. Змигродскаго, свадебный ритуалъ сокращенъ почти на половину, приближаясь въ этомъ отношеніи къ свадебному ритуалу вдовы и «чѣмъ дальше, говоритъ онъ, мы будемъ уходить въ глубь прошедшаго, чѣмъ больше будемъ подходить къ той эпохѣ, когда бракъ заключался при помощи простаго *захвата* и принужденія, тѣмъ больше и больше мы будемъ встрѣчать въ немъ сокращеній». «Покрытка есть явленіе, сохранившееся въ материнской эпохѣ отъ эпохи насилія» (249).

Такъ авторъ смотритъ на явленіе «покрытки». Перейдемъ къ другому его примѣру—*обрядовому расплетенію косы*. «Во время дѣвичника въ Польшѣ и во многихъ мѣстахъ Германіи, говоритъ онъ, совершаютъ обрядовое расплетеніе косы невѣсты. На Украйнѣ существуютъ даже предписанныя пѣсни, которыя должно при этомъ пѣть». По мнѣнію его, «это обрядовая проституція первой ночи вступленія въ бракъ, которая при переходѣ отъ первой ко второй эпохѣ семьи замѣнилась символомъ... Волосы, коса повсюду издавна являются символами женственности (der Weiblichkeit. Вѣроятно авторъ хотѣлъ сказать «der Jungfräulichkeit—дѣвства)... Жертва волосъ имѣетъ значеніе возмѣщенія жертвы собственною личностью» (252).

Только что приведенныя объясненія г. Змигродскимъ двухъ указанныхъ обычаевъ заставляютъ насъ еще болѣе укрѣпиться въ высказанномъ уже нами мнѣніи о нѣкоторой неясности въ представленіяхъ автора объ эпохѣ гэтеризма.

Д-ръ Бахов̌енъ, предложившій упомянутую выше схему генезиса брачныхъ отношеній, понималъ подъ гэтеризмомъ состояніе совершенно неурегулированныхъ отношеній между полами, то, что англійскіе соціологи удачнѣе называютъ состояніемъ «безпорядочнаго половаго смѣшенія» (promiscuity). Однако большинство примѣровъ, приведенныхъ Баховеномъ для доказательства существованія нѣкогда подобной эпохи, свидѣтельствуетъ въ сущности не въ пользу гэтеризма, состоянія отсутствія какихъ-либо *нормъ* въ сферѣ брачныхъ отношеній, а въ пользу брачнаго состоянія, уже подчиненнаго извѣстнымъ обычаямъ и нормамъ. Ближайшее изученіе сихъ нормъ склонило многихъ изслѣдователей брака признать ихъ за нормы брачнаго коммунизма, такого состоянія брачныхъ отношемій, когда всѣ мущины даннаго племени считались состоящими въ супружествѣ со всѣми женщинами того-же племени и когда можно было говорить о правѣ всѣхъ мущинъ племени на всѣхъ женщинъ его и vice versa. Такъ появилась гипотеза брачнаго коммунизма въ сферѣ отношеній между полами, иногда именуемая (Лёббокъ) гипотезой «коммунальнаго брака». Г. Змигродскій не различаетъ этихъ двухъ ступеней въ исторіи развитія брака (эпохи безпорядочнаго половаго смѣшенія и эпохи брачнаго коммунизма), а между тѣмъ при толкованіи двухъ приведенныхъ обычаевъ онъ незамѣтно самъ становится на почву гипотезы брачнаго коммунизма.

Одно изъ положеній этой гипотезы состоитъ, между прочимъ, въ томъ, что эпоха перехода отъ брачнаго коммунизма къ типу индивидуальнаго брака дала начало многимъ явленіямъ, составляющимъ какъ-бы переходныя звѣнья между этими двумя формами брачныхъ отношеній. Къ числу такихъ явленій относится и явленіе брачнаго коммунизма, ограничиваемаго постепенно какъ во времени, такъ и въ пространствѣ, однимъ изъ видовъ котораго является такъ называемый гэтеризмъ первой брачной ночи. Съ точки зрѣнія этого-то гэтеризма г. Змигродскій и пытается объяснить обычай обрядоваго расплетенія косы, видя въ немъ, какъ указано выше, обрядовую проституцію первой ночи вступленія въ бракъ. Ошибка, въ которую онъ впадаетъ въ данномъ случаѣ, до странности изумительна. Тотъ видъ проституціи первой ночи, который онъ имѣетъ въ виду, состоитъ да и можетъ только состоять въ томъ, что новобрачная даритъ свои ласки всѣмъ или нѣкоторымъ (при послѣдующихъ формахъ упадка обычая) свадебнымъ гостямъ, но, само

собою разумѣется, гостямъ-*мущинамъ*. Этотъ существенный признакъ долженъ непремѣнно удерживаться и при замѣнѣ реальнаго дѣйствія символомъ, напр. поцѣлуемъ или танцами. Между тѣмъ обрядовое расплетеніе косы въ малорусской свадьбѣ совершается *женщинами*. Этого одного обстоятельства совершенно достаточно, чтобы отвергнуть всякую связь этого обычая съ помянутымъ гэтеризмомъ первой брачной ночи. Смыслъ обычая, какъ намъ кажется, крайне простъ и ясенъ: коса есть символъ дѣвичества, подобно вѣнку, и естественно, что какъ снятіе вѣнка, такъ и расплетеніе косы знаменуетъ собою выходъ новобрачной изъ состоянія дѣвичества въ брачную жизнь. Но если въ данномъ случаѣ расплетеніе косы не стоитъ ни въ какой связи съ гэтеризмомъ первой брачной ночи, то, говоря вообще, по существу оно не заключаетъ въ себѣ никакихъ препятствій къ превращенію въ символъ подобнаго гэтеризма. Интересный примѣръ такого превращенія мы можемъ наблюдать съ другимъ символомъ дѣвичества—*вѣнкомъ*.

Какъ извѣстно, явленія гэтеризма, связаннаго съ первой брачной ночью, не ограничиваются лишь тою формою, въ которой мы наблюдаемъ обязательное сообщеніе новобрачной со свадебными гостями предварительно сожительства ея съ женихомъ. Въ числѣ другихъ формъ интересная форма наблюдается у негритянскаго племени Como. У этого племени, по свидѣтельству Эндемана, послѣ свадьбы женихъ и невѣста вмѣстѣ съ кхопіана (дружки и дружбы, парни и дѣвушки) отправляются въ темную хижину, гдѣ и предаются всѣ вмѣстѣ безпорядочному половому сожитію [1]). Видоизмѣненіе этого обычая въ простой символъ мы видимъ въ слѣдующемъ обрядовомъ дѣйствіи, имѣющемъ мѣсто на русинской свадьбѣ, при плетеніи вѣнковъ. Послѣ того, какъ попотчуютъ всѣхъ, дружка беретъ вѣнокъ и кладетъ на голову «княгинѣ», а дружба немного танцуетъ съ ней. Затѣмъ дружба сплетаетъ другой вѣнокъ и *всѣ дѣвушки по очереди кладутъ его на мгновеніе себѣ на голову* [2]). Здѣсь снятіе вѣнка=coitus'у. Среднее промежуточное звѣно мы встрѣчаемъ въ одномъ обыкновеніи, сохранившемся въ ставропольской губерніи, гдѣ въ день дѣвичника послѣ пирушки, на которую приглашаютъ молодыхъ дѣвушекъ и парубковъ, всѣ ложатся спать, женихъ съ невѣстой, а парубки съ прочими дѣвицами [3]).

Итакъ, примѣръ обрядоваго расплетенія косы, по нашему мнѣнію, не имѣетъ ничего общаго съ гэтеризмомъ первой брачной ночи и ни-

---

[1]) Post. Die Geschlachtsgenossenschaft der Urzeit, s. 32.

[2]) Основа, 1862, IV, Русиньске весилля надъ Збручемъ, стр. 6.

[3]) Якушкинъ. Обычное право.

коимъ образомъ не можетъ почитаться остаткомъ не только эпохи гэтеризма, т. е. состоянія безпорядочнаго половаго смѣшенія, но и эпохи коммунальнаго брака.

Перейдемъ къ слѣдующему примѣру, приводимому г. Змигродскимъ, а именно къ явленію «покрытки». Какъ было уже сказано выше, «покрытку» г. Змигродскій считаетъ явленіемъ, сохранившимся въ материнской эпохѣ отъ эпохи гэтеризма или, по его терминологіи, эпохи насилія. Принадлежащимъ этой эпохѣ въ явленіи «покрытки» онъ считаетъ сокращеніе свадебнаго ритуала, при выходѣ покрытки замужъ, почти на половину, какъ это бываетъ при свадьбѣ вдовы (249). Это сокращеніе свадебнаго ритуала, по мнѣнію автора (см. выще), есть остатокъ отъ того времени (эпохи гэтеризма), когда свадебный обрядъ еще отсутствовалъ и замѣнялся простымъ захватомъ и принужденіемъ. Намъ кажется, что въ этомъ случаѣ г. Змигродскій прибѣгнулъ къ слишкомъ искусственному объясненію. Не говоримъ уже о томъ, что даваемое имъ толкованіе, достаточное для объясненія явленія сокращенія свадебнаго ритуала при вѣнчаніи покрытки, совершенно непригодно для объясненія однороднаго явленія при вѣнчаніи вдовы,—сокращеніе свадебной обрядности при вѣнчаніи покрытки, на нашъ взглядъ, находитъ себѣ болѣе простое и естественное объясненіе въ томъ обстоятельствѣ, что какъ вдова, такъ и покрытка *завѣдомо* лишены необходимаго аттрибута первобрачной, т. е. дѣвства, а около него-то именно и вращается большая часть свадебныхъ дѣйствій. Къ сожалѣнію мы не можемъ съ увѣренностью настаивать на предложенномъ нами объясненіи, такъ какъ авторъ не указываетъ, въ какихъ именно частяхъ наблюдается сокращеніе свадебнаго ритуала при вѣнчаніи «покрытки», намъ-же лично не случалось ознакомиться съ этимъ ритуаломъ ни въ жизни, ни въ литературѣ. Съ бóльшей опредѣлительностью можно высказаться относительно неудовлетворительности толкованія авторомъ другой отличаемой имъ стороны въ томъ-же явленіи «покрытки». Мы имѣемъ въ виду указываемую авторомъ обязательную женитьбу соблазнителя на соблазненной, въ основѣ которой, по мнѣнію его, лежитъ та мысль, что дитя не должно оставаться безъ законнаго отца. Читатель помнитъ, что этотъ обычай г. Змигродскій сближаетъ съ ливійскимъ и скиѳскимъ обычаями распредѣленія дѣтей. Здѣсь опять выступаетъ то смѣшеніе авторомъ эпохъ гэторизма и брачнаго коммунизма, о которомъ мы говорили выше. По видимому авторъ имѣетъ въ виду слѣд. свидѣтельство Nicolaus'а о либурнахъ: «либурны владѣютъ своими женами сообща и сообща-же воспитываютъ всѣхъ дѣтей до пятилѣтняго возраста. На шестой годъ они собираютъ ихъ, опредѣляютъ ихъ сходство съ мущи-

нами и по нему надѣляютъ каждаго отцомъ. Кто такимъ образомъ получаетъ отъ матери мальчика, тотъ смотритъ на него, какъ на своего сына» (cit. у Баховена, 20). Тоже относительно агафирсовъ у Геродота, 4, 104,

Здѣсь мы видимъ съ одной стороны ясный примѣръ брачнаго коммунизма, сопровождаемаго общиннымъ воспитаніемъ дѣтей, съ другой-же разложеніе этого строя общественной жизни идеей отцовства: подъ вліяніемъ этой идеи, вырабатывающей убѣжденіе, что дитя не должно оставаться безъ законнаго отца, исходитъ *индивидуализація* дѣтей, наблюдаемая у скиѳовъ и либурновъ. Поэтому, допуская, что въ основѣ обычая обязательной женитьбы соблазнителя на соблазненной лежитъ признаваемая г. Змигродскимъ мысль, мы совершенно не понимаемъ, какимъ образомъ эта мысль, вытекающая изъ чистой идеи отцовства, можетъ дать начало обычаю, въ которомъ-бы отражалось метеринское право.

Но намъ кажется, что для объясненія «бытующаго», по словамъ автора, на Украйнѣ упомянутаго обычая нѣтъ нужды отыскивать какихъ-либо соціологическихъ основаній: наблюдаемое въ этомъ обычаѣ обязательное, такъ сказать, покрытіе грѣха можетъ, да вѣроятно и въ дѣйствительности обусловливается простыми этическими понятіями народа, совершенно исключающими явленіе соблазна. Во всякомъ случаѣ въ фактѣ обязательнаго покрытія грѣха законнымъ бракомъ нельзя не видѣть высокаго уваженія малорусскаго народа къ цѣломудрію, едва-ли имѣющаго что-либо общее съ эпохой гэтеризма, совершенно равнодушной къ этому, столь высоко цѣнимому нами въ женщинѣ, качеству.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію указываемыхъ г. Змигродскимъ въ существующихъ обычаяхъ и преданіяхъ малорусскаго народа слѣдовъ материнской эпохи.

Эпоха материнскаго права, вторая указанная д-ромъ Баховеномъ генеральная стадія въ исторіи развитія семьи и брака, характеризуется высокимъ соціальнымъ положеніемъ женщины и тѣмъ преимущественнымъ въ системѣ семейно-родственныхъ отношеній значеніемъ ея, которое даетъ начало съ одной стороны своеобразной системѣ наслѣдованія по женской линіи, а съ другой своеобразному складу семьи (противоположному типу патерфамиліальному), при которомъ отецъ играетъ совершенно пассивную и второстепенную роль, а юридическое, въ отношеніи дѣтей, мѣсто его занимаетъ братъ матери, т. е. дядя съ материнской стороны. Исходя изъ этихъ характерныхъ чертъ общественнаго

состоянія, отмѣченнаго господствомъ материнскаго права, г. Змигродскій указываетъ слѣдующіе четыре остатка этой эпохи въ быту современныхъ малоруссовъ:

1) неупоминаніе отца въ свадебныхъ обрядовыхъ пѣсняхъ и второстепенное значеніе отцовскаго благословенія [1]) (263),

2) почетное привѣтствіе взрослыхъ мужчинъ наименованіемъ «дядько» и женщинъ именемъ «титка» (265),

3) ограниченіе соціальныхъ правъ холостыхъ, выражающееся напр. въ лишеніи ихъ права голоса въ совѣтѣ стариковъ (264), и

4) обычай перевоза бабки-повитухи изъ дома, гдѣ она воспринимала ребенка, въ шинокъ на другой день послѣ рожденія.

Еще Кавелинъ въ своемъ разборѣ сочиненія г. Терещенка: «Бытъ русскаго народа» отмѣтилъ, какъ примѣчательный фактъ, второстепенную роль отца во всемъ свадебномъ процессѣ, отказавшись, впрочемъ, дать этому факту какое-либо объясненіе. «Почему, говоритъ онъ, братъ, даже посторонній мальчикъ или родственникъ продаетъ мѣсто подлѣ невѣсты и косу ея, а не отецъ, почему они, а не онъ защищаетъ невѣсту, почему отецъ, по нѣкоторымъ свадебнымъ обрядамъ, даже не былъ въ избѣ, когда за невѣстой пріѣзжалъ женихъ, и входилъ въ нее послѣ самыхъ усиленныхъ просьбъ,—вотъ загадки, надъ которыми напрасно ломали мы себѣ голову». Намъ кажется, что указываемое г. Змигродскимъ отношеніе этого факта къ эпохѣ материнства можетъ быть признано вполнѣ правдоподобнымъ. Отецъ, какъ было упомянуто нами выше, игралъ въ общемъ строѣ материнской семьи совершенно пассивную и второстепенную роль: естественно, что такой характеръ его роли долженъ былъ особенно выступать при найболѣе важныхъ событіяхъ семейной жизни, а къ числу таковыхъ безспорно надлежитъ отнести бракъ одного изъ членовъ наростающаго въ семьѣ молодаго поколѣнія.

Если второстепенность мѣста, занимаемаго отцемъ въ материнской семьѣ, можетъ удовлетворительно объяснить пассивную роль его въ свадебномъ процессѣ, то наоборотъ высокое положеніе, занимаемое въ этой семьѣ братомъ матери, по мнѣнію автора, столь-же удовлетворительно объясняетъ второй указанный имъ обычай почетнаго наименованія «дядько» и «титка». Правдоподобное на первый взглядъ объясненіе г. Змигродскаго въ дѣйствительности наталкивается на многія немало-

---

[1]) Матеріалъ, относящійся къ свадебнымъ обычаямъ, г. Змигродскій черпаетъ главнымъ образомъ изъ соч. г-жи Мошинской: „Свадебные обычаи на Украинѣ". Zbiór wiadomości do Antrop. krajowej. Antrop. Comission der Krak. Akad. d. Wiss. Lemberg. 1878.

важныя затрудненія. Безспорно, характеръ почетности, придаваемый наименованію «дядько», *можетъ* брать свое начало въ эпохѣ материнства, но для этого необходимо, чтобы подъ симъ наименованіемъ подразумѣвался дядя съ материей стороны. Древность славянская въ точности различала родство по женской линіи отъ родства по линіи мужской: для обозначенія понятія дяди она создала два термина: *стрый*-дядя по отцу и *уй*-дядя по матери. Нынѣ термины эти, удержанные въ Польшѣ и у чеховъ, у русскихъ славянъ слились въ безразличный терминъ «дядя, дядько». Возможно, конечно, что въ случаѣ, указываемомъ г. Змигродскимъ, прежде употреблялся терминъ *уй*, растворившійся потомъ въ нейтральномъ терминѣ «дядько». Но для поддержанія такой гипотезы у насъ нѣтъ рѣшительно никакихъ данныхъ, по крайней мѣрѣ г. Змигродскій ихъ не даетъ [1]).

Но если источникъ почетнаго наименованія «дядько», хотя бы при посредствѣ трудно допустимой гипотезы, можетъ быть возведенъ къ эпохѣ материнства, то для возникновенія почетнаго наименованія «титка» эта эпоха не представляетъ никакихъ основаній: выдвигая на первенствующее послѣ матери мѣсто дядю съ материнской стороны, принципъ материнскаго права не придаетъ какого-либо особаго значенія категоріи родства «титка» предъ другими категоріями. Такимъ образомъ, если-бы мы пожелали связать превращеніе родственнаго термина «титка» въ почетное наименованіе съ эпохой материнства, то должны были бы сдѣлать это при посредствѣ вторичнаго отношенія, а именно: предположить подобное превращеніе для термина «дядько», а затѣмъ уже допустить распространеніе по аналогіи этого превращенія и на терминъ «титка». Но искусственность подобнаго построенія очевидна, а потому впредь до пріобрѣтенія положительныхъ данныхъ для рѣшенія этого вопроса мы и послѣ попытки объясненія, сдѣланной г. Змигродскимъ, должны считать его совершенно открытымъ.

Третій обычай—ограниченіе соціальныхъ правъ холостыхъ—г. Змигродскій связываетъ съ высокимъ положеніемъ женщины, свойственнымъ материнской эпохѣ. Въ основѣ его толкованія лежитъ мысль, что лишь союзъ съ женщиной можетъ предоставить мужчинѣ пользованіе соціальными правами въ полномъ объемѣ, что лишь черезъ женщину пріобрѣтается гражданская полноправность, а безъ отношенія къ ней объемъ правъ сокращается для индивидуума-мужчины. Намъ кажется, что обычай, о которомъ идетъ рѣчь, не столько вытекаетъ изъ соціологическихъ условій прошедшаго, сколько изъ простыхъ бытовыхъ условій настоящаго.

---

[1]) Онъ просто переводитъ: „Діадко", т. е. Onkel—Brüder der Mutter, но почему, этого не объясняетъ.

Въ крестьянскомъ мірѣ полноправной гражданской личностью является лишь личность экономически правоспособная, представитель извѣстнаго хозяйственнаго организма, однимъ словомъ «хозяинъ». А какъ строй этого хозяйственнаго организма зиждется не только на мужскомъ, но и на женскомъ трудѣ, являясь при отсутствіи того или другаго или въ состояніи еще неразвитомъ, или-же въ состояніи упадка, то естественно, что лишь *женатый* индивидуумъ въ среднемъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и граждански полноправный.

Послѣдній примѣръ, въ которомъ авторъ старается усмотрѣть слѣды эпохи материнства, есть обычай, по которому на Украйнѣ утромъ слѣдующаго послѣ родовъ дня двѣнадцать женщинъ везутъ бабку въ деревянномъ лоткѣ въ шинокъ, при чемъ мальчишки бѣгутъ около и пытаются столкнуть лотокъ въ грязь, такъ что бабка достигаетъ шинка вся забрызганная грязью. Лотокъ носитъ въ этомъ случаѣ характерное названіе «серебрянной колесницы», а поѣздка въ немъ бабки до шинка считается для послѣдней особой почестью (120).

Для объясненія этого оригинальнаго обычая г. Змигродскій прежде всего напоминаетъ тотъ общеизвѣстный фактъ, что въ старинныхъ народныхъ преданіяхъ солнечный свѣтъ сравнивается съ блескомъ золота, а лунный съ блескомъ серебра, почему оба эти металла очень часто имѣютъ значеніе символовъ божествъ солнца и луны. Затѣмъ г. Змигродскій сопоставляетъ преданія, въ которыхъ луна, родильница и колыска находятся между собою въ связи. Изъ такихъ преданій онъ указываетъ на слѣдующія: 1) широко распространенное вѣрованіе, что въ полнолуніе женщины рожають легче всего, 2) богиня Bhavani (именуемая также Saki и Parwati) есть богиня родовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ богиня луны; она ѣздитъ на кошкахъ, 3) у грековъ была богиня луны Эйлейтія, которая была также спеціально и олимпской акушеркой, 4) у римлянъ мы встрѣчаемъ богиню Діану; Діана и Артемиза одни и тѣ же персонажи и Артемиза есть богиня родовъ, 5) въ германскомъ мірѣ мы встрѣчаемъ богиню луны, Фрею, которая ѣздитъ ночью на горизонтѣ въ колесницѣ, запряженой кошками и 6) до сихъ поръ въ Schildthurm'ѣ почитаются трое святыхъ: Einbett, Barbett и Willbett и въ связи съ ними стоитъ находящаяся тамъ серебряная колыска. Беременная женщина, прикоснувшаяся къ ней, по народнымъ вѣрованіямъ, легко рожаетъ (265, 266). Изъ сопоставленія этихъ преданій и вѣрованій съ упомянутымъ выше украинскимъ обычаемъ г. Змигродскій выводитъ заключеніе, что бабка, которую 12 женщинъ везутъ въ «серебряной колесницѣ», есть ничто иное, какъ представительница всѣхъ богинь луны (267). Въ дальнѣйшемъ толкованіи авторъ имѣетъ въ виду предложенную Баховеномъ

гипотезу о связи указанныхъ имъ трехъ ступеней семьи и брака съ почитаніемъ земли и небесныхъ свѣтилъ. По мнѣнію Баховена первой эпохѣ брака (гэтеризму), эпохѣ господства «чистаго внѣбрачнаго естественнаго права», соотвѣтствуетъ культъ земли, принципъ теллурическій (чествованіе темныхъ силъ, *ночи*, по мнѣнію г. Змигродскаго); эпоха господства отцовскаго права есть эпоха солнечнаго культа; средняя между ними эпоха материнства находитъ свое выраженіе въ культѣ луны. Исходя изъ этого, г. Змигродскій считаетъ бабку въ упомянутомъ обычаѣ, какъ представительницу богини луны, персонажемъ, принадлежащимъ эпохѣ материнства. То обстоятельство, что мальчишки закидываютъ ее грязью, можетъ имѣть, по мнѣнію г. Змигродскаго, двоякое значеніе: или это остатокъ отъ первой эпохи (теллурической), въ которую вода и грязь служили символами плодородія, или-же (и это нашему автору кажется болѣе вѣроятнымъ) упомянутое обстоятельство можетъ быть объяснимо съ точки зрѣнія переходной эпохи между эпохами материнскаго и отцовскаго права, когда многое, возникшее изъ материнской эпохи, подвергалось осмѣянію.

На этомъ мы и закончимъ нашъ обзоръ сочиненія г. Змигродскаго.

Подводя итогъ всему изложенному выше, мы должны, къ сожалѣнію, признать сдѣланную г. Змигродскимъ попытку приложенія общесоціологической гипотезы къ истолкованію фактовъ малорусской этнографіи не вполнѣ удачною; тѣмъ не менѣе эта попытка заслуживаетъ полнаго вниманія, какъ первая серьезная и широко задуманная попытка истолкованія славянской старины въ области брачныхъ отношеній съ точки зрѣнія выводовъ и построеній реально-научной соціологіи и за это мы, безъ сомнѣнія, должны принести благодарность автору. Считаемъ также долгомъ оговориться, что нами оставлено въ сторонѣ изслѣдованіе автора по нѣкоторымъ другимъ вопросамъ, связаннымъ съ славянской и въ частности съ малорусской этнографіей и доисторическимъ славянскимъ бытомъ; не считая себя достаточно подготовленными къ вполнѣ серьезному научно-критическому разбору сихъ изслѣдованій автора, мы предоставляемъ судить о нихъ другимъ. Feci, quod potui; feciant meliora potentes.

Н. Н. Чернышевъ.

Г. Кременчугъ, 1887 г.

Извѣстія и замѣтки

(историко-литературныя, этнографическія и историческія)

Когда и гдѣ совершилось крещеніе кіевлянъ при св. Владимірѣ.

Вопросъ этотъ близко касается Кіева, а въ виду предстоящаго 900-лѣтняго юбилея крещенія кіевлянъ и всей Руси, разрѣшеніе его даже необходимо, такъ какъ существуютъ разногласія относительно года, въ которомъ совершилось это крещеніе, и мѣста, на которомъ оно совершено, о чемъ уже и заявлено въ одной изъ мѣстныхъ газетъ.

Первоисточникъ свѣдѣній о крещеніи кіевлянъ и предшествовавшемъ тому крещеніи князя Владиміра заключается въ сочиненіяхъ мниха Іакова: «Похвала князю Русскому Владиміру» и «Житіе блаженнаго Владиміра», которыми преподобный Несторъ лѣтописецъ въ иныхъ мѣстахъ пользовался почти дословно, повѣствуя о томъ же предметѣ [1]). Когда именно жилъ мнихъ Іаковъ, съ точностію неизвѣстно, но самъ онъ считаетъ себя близкимъ ко времени св. Владиміра, иначе онъ, говоря о крещеніи кіевлянъ, не сказалъ бы: «сице бысть малымъ преже сихъ лѣтъ, сущю самодержцю всея русскія земли Володимеру».

---

[1]) „Житіе св. Владиміра“ и „Похвала“ ему открыты и напечатаны преосв. митроп. Макаріемъ въ „Христ. Чтеніи“ 1849 г. Но изъ Чети-Минеи видно, что Житіе св. Владиміра мниха Іакова было извѣстно св. Димитрію Ростовскому и что онъ пользовался этимъ источникомъ при составленіи жизнеописанія св. Владиміра для Чети-Минеи.

Въ житіи же блаженнаго князя Владиміра обстоятельства, предшествовавшія его крещенію и крещенію кіевлянъ, излагаются такъ: «Ходиша слузи его (Владиміра) въ болгары и въ нѣмцы и видѣша скверныя дѣла ихъ, и оттолѣ идоша въ Царьградъ и видѣша украшенія церковная и проч... Они же пріидоша въ Русь. Володимеръ же созва бояры своя и старцы... И рекоша слуги ходившая: яко смотрихомъ, како покланяются болгары и проч... Бояре же рекоша: аще не бы былъ добръ законъ греческій, то не бы пріяла Олга баба твоя. Володимеръ же рече: воля Господня да будетъ! И умысли бъ себѣ: сице сотворю.—*Минувшу же лѣту*, иде съ вои на Корсунь. Корсуняне боряхуся крѣпко со града. Володимеръ же рече: аще ми ся не предасте, стояти имамъ за три лѣта. Они же не послушаша, и стояше *шесть мѣсяцъ*». Сказавши за тѣмъ о взятіи Корсуня, прибытіи греческой царевны и крещеніи Владиміра въ Корсуни, мнихъ Іаковъ продолжаетъ: «и поимь царицю и Анастаса и попы Корсунскія съ мощами Климента и Ѳивы, ученика его, самъ вшедъ въ Кіевъ, повелѣ испроврещи и избити кумиры, и Волоса идола, его же именоваху скотья бога, велѣ въ Почайну рѣку въврещи; Перуна же повелѣ привязати коневи къ хвосту и влещи съ горы по Боричеву на ручай, и слуги пристави бити идолы жезліемъ, плакаху ся же его невѣрніи людіе, еще бо бяху не пріяли святаго крещенія. И привлекше кумира Перуна, въвергоша и въ Днѣпръ рѣку, и проплы пороги, изверже и вѣтръ на берегъ, и оттолѣ прослы Перуня гора. И положи заповѣдь по всему граду, да утрѣ вси обрящутся на рѣци, богатъ же или убогъ или нищь или работенъ. Да се же людіе слышавше, радостно течаху, глаголюще: аще бы се не добро было, не бы сего князь и бояре пріяли. На утрія же изыде Володимеръ съ попы царицыны и съ Корсунски, и снидеся бещисла народа: влѣзше въ воду до шіи, а иніи до персій, младіи же по брегу: а жены младенцы держаще, а попы на брезѣ молитвоваху. И бысть радость велика крестившимся людемъ и идоша кождо въ домы своя». Изъ этого разсказа видно, что мнихъ Іаковъ не отдѣляетъ года крещенія св. Владиміра отъ года крещенія кіевлянъ, а полагаетъ ихъ въ одномъ и томъ же году, *минувшу лѣту*, по совѣщаніи съ боярами; къ тому же году относитъ онъ и походъ въ Корсунь.

То же передаетъ намъ и лѣтопись преподобнаго Нестора. Раз-

ность только въ томъ, что Несторъ, говоря о взятіи Корсуня, не упоминаетъ о 6-мѣсячной при семъ осадѣ, не говоритъ и о вверженіи идола Волоса въ Почайну, а походъ въ Корсунь, съ послѣдовавшимъ затѣмъ крещеніемъ Владиміра и кіевлянъ, полагаетъ точно въ 988 году, при чемъ слѣдующіе 989 и 990 годъ оставляетъ въ лѣтописи съ пробѣлами, не означая противъ нихъ никакихъ событій. Іаковъ же хотя въ житіи св. Владиміра не означаетъ года его крещенія, но въ концѣ своего сочиненія «Похвала блаженному князю Владиміру» говоритъ: «по святомъ крещеніи поживе блаженный князь Володимеръ 28 лѣтъ»; «успе съ миромъ мѣсяца іюля день въ 15, въ лѣто 6523» (1015 отъ Р. Хр.); слѣдовательно мнихъ Іаковъ крещеніе св. Владиміра и кіевлянъ полагаетъ въ томъ же 988 году, подъ которымъ оно стоитъ въ лѣтописи преподобнаго Нестора.

Нѣкоторыя затрудненія къ принятію этого года годомъ крещенія кіевлянъ представляются въ вопросѣ о томъ, могли ли въ одинъ годъ совершиться шести-мѣсячная осада Корсуня, прибытіе царевны изъ Царьграда въ Корсунь, возвращеніе Владиміра въ Кіевъ и крещеніе кіевлянъ. Событія эти происходили не на близкомъ разстояніи другъ отъ друга и требовали значительнаго времени, а крещеніе кіевлянъ въ рѣкѣ могло совершиться не позже 2-й половины августа, иначе, въ слѣдствіе пониженія температуры воды, оно было бы неудобно для многихъ, въ частности для дѣтей. Совмѣстить эти событія въ одномъ году дѣйствительно трудно, если начало года считать съ 1-го января; но нужно принять во вниманіе, что, во 1-хъ, въ X-мъ и послѣдующихъ вѣкахъ до 1700 года, у насъ, какъ и въ Греціи, годъ считался съ 1-го сентября, въ чемъ можно убѣдиться изъ приложенныхъ къ древнимъ богослужебнымъ книгамъ мѣсяцеслововъ или календарей, сохранившихся у насъ съ XI и XII вѣковъ; во 2-хъ, что походъ Владиміра въ Корсунь состоялся *минувшу лѣту*, а въ славянскомъ языкѣ, на которомъ писали мнихъ Іаковъ и преподобный Несторъ, подъ словомъ «лѣто» разумѣется не только годъ, но и лѣтніе мѣсяцы года, оканчивающіеся мѣсяцемъ августомъ. При совмѣстномъ окончаніи лѣта и года смыслъ словъ сказанія XI-го вѣка о походѣ св. Владиміра въ Корсунь будетъ таковъ: *минувшу лѣтнему времени* и съ окончаніемъ 987 года, въ которомъ происходило совѣщаніе Владиміра съ боярами о вѣрѣ, осенью слѣдующаго 988

года (а не спустя годъ), «иде Владиміръ съ вои на Корсунь». Походъ Владиміра въ Корсунь могъ быть предпринятъ въ сентябрѣ даже съ большимъ удобствомъ, чѣмъ въ другое холодное или жаркое время. Извѣстно, что и караваны малороссійскихъ чумаковъ совершали свои, прекратившіеся недавно, походы въ Крымъ за солью и на Донъ за рыбой преимущественно также въ осеннее время, возвращаясь оттуда домой, въ кіевскую напр. губернію, въ концѣ ноября того-же года. Мѣсяцы октябрь, ноябрь, декабрь, генварь, февраль и мартъ могли пройти въ осадѣ Владиміромъ Херсонеса, чему особенно препятствовать не могла короткая и слабая зима крымская, которой въ иные годы и вовсе не бываетъ въ окрестностяхъ Ялты и Херсонеса. По взятіи Херсонеса, апрѣль и май могли быть употреблены на посольство въ Константинополь и прибытіе оттуда царевны, а мѣсяцевъ іюня и іюля достаточно было для крещенія Владиміра и на возвращеніе въ Кіевъ по бракосочетаніи съ царевною Анной. Крещеніе за тѣмъ кіевлянъ могло совершиться въ концѣ іюля или въ началѣ августа. Не напрасно по этому въ одномъ синодальномъ сборникѣ старинныхъ рукописей сказано, что крещеніе кіевлянъ происходило 1-августа [1]). Могло быть оно въ этотъ день и потому еще, что тогда существовалъ уже въ Константинополѣ извѣстный еще съ VIII вѣка обычай совершать 1-го августа освященіе воды чрезъ погруженіе въ нее креста животворящаго древа, который переносился въ храмъ св. Софіи 31-іюля изъ царской сокровищницы [2]). Обычай этотъ вѣроятно не безъизвѣстенъ былъ Кіеву, въ которомъ существовала еще при дѣдѣ св. Владиміря, князѣ Игорѣ, на Подолѣ, надъ впадавшимъ въ Днѣпръ ручаемъ, соборная церковь св. Иліи. Время, установленное церковью 1-го августа для освященія воды, могло быть потому избрано и для приготовленія св. купѣли населенію Кіева; только на этотъ разъ освященіе воды должно было совершиться не въ сосудѣ и не въ храмѣ, а въ рѣкѣ, подъ открытымъ небомъ храма природы. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно послужило и къ освященію рѣки, оскверненной низверженіемъ идола.

---

[1]) Канонъ на сей праздникъ написалъ Георгій Амастридскій, жившій въ VIII вѣкѣ (Migne, Curs. patrolog. T. 112, стр. 1006).

[2]) Описан. синод. рук. Гор. и Нев., № 323.

Гдѣ совершилось крещеніе кіевлянъ: въ Почайнѣ или въ Днѣпрѣ?

Что такое Днѣпръ, извѣстно всѣмъ. Разъяснимъ, что такое была и есть Почайна.

Почайна не рѣка, а большой ручей, образующійся изъ сліянія двухъ малыхъ ручьевъ—Сырца и Глубочицкаго и нѣсколькихъ меньшихъ, которые пробиваются ключами изъ кряжа кіевскихъ горъ. Имѣя протяженія не болѣе 1½ версты, Почайна направляется сначала чрезъ Оболонье на востокъ или отъ горъ къ Днѣпру, потомъ поворачиваетъ на югъ по восточной сторонѣ Кіево-Подола, паралельно Днѣпру, и въ южномъ концѣ Подола, не доходя крещатицкаго источника, сливается съ Днѣпромъ противъ Христо-рождественской церкви. Въ весеннее время и въ первую половину лѣта русло Почайны противъ Подола заливается Днѣпромъ и только во вторую половину лѣта показывается раздѣляющая ихъ песчаная коса; но въ древности эта коса была выше и шире, и эту форму она удерживала еще въ XVII вѣкѣ. Противъ средины Подола на берегу Почайны, въ концѣ Пасиньчей и Козарской улицъ, стояла церковь св. пророка Иліи, въ которую при Игорѣ водили крещенную Русь къ «ротѣ» или присягѣ по случаю заключенія договора съ греками въ 944 году. Широкое устье Почайны противъ Боричева взвоза составляло вмѣстѣ заливъ Днѣпра и служило удобною гаванью для судовъ, приходящихъ къ Кіеву. Почайну въ древнемъ ея видѣ можно видѣть на хранящейся въ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ картѣ Кіева 1693 года. При всей близости къ городу, загроможденная судами и лѣсными плотами и служа стокомъ городскихъ нечистотъ, небольшая рѣчка Почайна не могла быть мѣстомъ приличнымъ и удобнымъ для крещенія въ ней всего населенія Кіева. Гораздо удобнѣе было совершить крещеніе всей массы кіевлянъ въ чистыхъ водахъ Днѣпра, отдѣленнаго отъ Почайны песчаной косой. Здѣсь и полагаютъ его совершившимся древнѣйшіе повѣствователи мнихъ Іаковъ и Несторъ лѣтописецъ. Преподобный Несторъ въ своей лѣтописи ясно и опредѣленно говоритъ: «на утрѣя изыде Володиміръ съ попы царицины и Корсунскими на Днѣпръ и снидеся бещисла людии». Іаковъ въ житіи Владиміра, сказавши о вверженіи Перуна въ Днѣпръ, непосредственно за тѣмъ говоритъ: «и положи (Владиміръ) заповѣдь по всему граду, да утрѣ вси обрящутся на рѣци». Ясно, что онъ

разумѣлъ здѣсь не Почайну, а Днѣпръ. О крещеніи кіевлянъ въ Почайнѣ говорится только въ проложномъ житіи св. Владиміра 1400 года и въ Синопсисѣ Гизеля. Въ Чети-минеѣ подъ 15 іюля св. Димитрій Ростовскій, слѣдуя мниху Іакову, сказалъ: «посла (Владиміръ) проповѣдники по граду, повелѣвая, да наутріе соберутся вси на рѣку», но затѣмъ въ скобяхъ добавилъ: «Почайну, изъ Днѣпра текущую и паки въ Днѣпръ впадающую». Этимъ добавленіемъ онъ какъ бы хотѣлъ согласить мнѣнія о крещенія кіевлянъ то въ Почайнѣ, то въ Днѣпрѣ, хотя извѣстно, что Почайна не вытекаетъ изъ Днѣпра. Само собою разумѣется, что нужно признать болѣе вѣрнымъ то извѣстіе, которое находится у писателей, ближайшихъ къ времени событія, именно, что «Днѣпръ былъ Руси чистая купѣль».

Преданіе, записанное въ Прологѣ 1400 г., указываетъ и то мѣсто берега Днѣпра, на которомъ совершилось крещеніе кіевлянъ; оно указывается тамъ, «идѣже стоитъ (въ XIV вѣкѣ) церковь св. Петра». А такъ какъ единственная церковь св. Петра въ древности была только на Михайловской горѣ, въ Изяславовомъ Дмитріевскомъ монастырѣ, то крещеніе кіевлянъ приходилось бы ниже церкви Рождества Христова. Но въ томъ же Прологѣ сдѣлана поправка, въ которой сказано, что крещеніе это было противъ мѣста, «идѣже стоитъ церковь Бориса и Глѣба». Здѣсь же, противъ церкви Бориса и Глѣба, крещеніе кіевлянъ означается Иннокентіемъ Гизелемъ въ Синопсисѣ и св. Димитріемъ Ростовскимъ въ четьи-минейномъ житіи св. Владиміра. Св. Димитрій говоритъ объ этомъ такъ: «бывшу утру, пріиде самъ князь съ бояры на рѣку, и архіерей съ нимъ и вси священницы, и собрася весь градъ къ рѣцѣ, всякаго чина и возраста, обоего пола безчисленное множество на томъ мѣстѣ, *идѣже нынѣ церковъ св. страстотерпцевъ Бориса и Глѣба.* И повелѣно бысть имъ, одежды совлекше, внити въ воду, особъ мужескому полу, особъ женскому, старѣйшимъ въ глубочайшое мѣсто, малымъ же близъ брега: и стояху въ водѣ овіи до выи, овіи же до пояса, раздѣлшеся на полки. Священницы же во іерейскихъ облаченіяхъ, стояще при берегѣ на доскахъ, нарочно того ради устроенныхъ, чтяху надъ народомъ молитвы, крещенію подобающыя, и имена имъ нарицаху, и трижды погрузитися имъ въ водѣ веляху; сами же взываху надъ ними, имя святыя Тройцы по чину крещенія призывающе». Борисоглѣбская церковь извѣстна въ Кіевѣ, на По-

долѣ, по описи кіевскаго замка 1552 года. Въ вѣдомости кіево-подольскихъ церквей 1784 года значится, что существовавшая тогда церковь сего имени построена въ 1602 году на мѣстѣ польского костела коштомъ кіевскаго мѣщанина Онисима Ходковича, и въ одной оградѣ съ нею была каменная церковь во имя Рождества Іоанна Предтечи, построенная въ 1691 году коштомъ кіевскаго полковника Григорія Карповича. Эта каменная Рождество-Предтечевская существуетъ и нынѣ съ особымъ придѣломъ во имя св. мучениковъ Бориса и Глѣба, пристроеннымъ въ прошломъ вѣкѣ, вѣроятно, по случаю обветшанія стоявшей отдѣльно отъ нея церкви Борисоглѣбской. Народъ впрочемъ не знаетъ Рождество-Предтеченской церкви, а продолжаетъ называть ее Борисоглѣбскою. Противъ этой то церкви, гдѣ еще въ XVII вѣкѣ былъ мостъ для переѣзда чрезъ Днѣпръ, совершилось въ Днѣпрѣ крещеніе кіевлянъ при св. Владимірѣ.

Сказавши о времени и мѣстѣ крещенія кіевлянъ при св. Владимірѣ, нельзя не дать въ заключеніе хотя краткаго отвѣта автору недавно появившагося въ двухъ толстыхъ книгахъ I-го тома Исторіи русской церкви. Многоученый ея авторъ весь разсказъ лѣтописи о крещеніи Владиміра и кіевлянъ называетъ не болѣе, какъ сказкой, интересной только для тѣхъ, кто, не заботясь ни о чемъ другомъ, любитъ занимательныя и замысловатыя повѣсти. По его словамъ, «не много критики и отъ повѣсти останется лишь голый остовъ, да и тотъ не весь, а лишь его половина» (1-я полов. тома, стр. 96). И вотъ по этой критикѣ у него выходитъ, что не только Игоря и Ольгу, но и самого просвѣтителя Россіи, св. Владиміра расположили къ христіанской вѣрѣ не греческіе проповѣдники, а христіане варяжской дружины (ibid, стр. 110); что Владиміръ принялъ крещеніе не отъ грековъ и безъ всякихъ съ ними сношеній, которыхъ онъ и не завязывалъ съ ними въ продолженіе цѣлыхъ двухъ лѣтъ послѣ крещенія (ibid. стр. 111), что, обращенный въ христіанство кіевскими варягами-христіанами, онъ былъ крещенъ просто руками священниковъ этихъ послѣднихъ (т. е. руками латинскихъ священниковъ) (ibid. стр. 112); что самое крещеніе Владиміра происходило не въ Корсуни, а въ Василевѣ, въ 36 верстахъ отъ Кіева, и притомъ

тайно, скрытно отъ народа (ibid. 11), а крещеніе кіевлянъ было спустя два года послѣ крещенія Владиміра, которое совершилось въ 987 году (ibid. стр. 115). Вотъ то немногое, по словамъ Голубинскаго, что получаемъ мы относительно обращенія Владиміра въ христіанство и относительно его крещенія, отстранивъ баснословіе (ibid. стр. 113). Доказательствъ историческихъ на всѣ эти свои измышленія онъ однако не приводитъ, кромѣ ссылки на Исландскую сагу, въ которой будто говорится, что Олавъ, конунгъ норвежскій, крестившись въ *Греціи*, убѣдилъ потомъ и Владиміра къ принятію христіанства (ibid, стр. 111). Русскіе лѣтописцы у него меньше значатъ, чѣмъ заморская сага. Но при всемъ пристрастіи къ мало говорящему свидѣтельству, записанному въ сагѣ гдѣ-то за моремъ, отстоящимъ отъ Кіева болѣе, чѣмъ за 1.000 верстъ, г. Голубинскому надлежало бы не забывать, что лѣтописцы наши, передавшіе намъ свѣдѣнія о крещеніи Владиміра и кіевлянъ, были почти современниками описываемыхъ событій и жили не гдѣ то за моремъ, а на мѣстѣ происшествія въ Кіевѣ и, какъ свидѣтели ближайшіе и мѣстные, лучше могли знать описываемое и заслуживаютъ болѣе вѣроятія, чѣмъ свидѣтели дальніе и не бывшіе на мѣстѣ, которыхъ у него впрочемъ, кромѣ саги, и не оказывается. Извѣстія о крещеніи Владиміра и крещеніи кіевлянъ, стоящемъ въ близкой по времени и тѣсной связи съ первымъ, передаетъ намъ прежде всего въ своихъ писаніяхъ *Иларіонъ*, бывшій пресвитеромъ церкви св. апостолъ на Берестовѣ въ Кіевѣ, при загородномъ дворцѣ св. Владиміра, и поставленный послѣ того митрополитомъ кіевскимъ и всея Руси при великомъ князѣ кіевскомъ Ярославѣ Владиміровичѣ. Обстоятельства крещенія кіевлянъ, кромѣ другихъ лицъ, онъ могъ знать отъ самаго князя, который имѣлъ не менѣе 10 лѣтъ отъ роду въ годъ крещенія кіевлянъ и, кромѣ своихъ дѣтскихъ воспоминаній, могъ все подробно знать отъ самаго Владиміра, своего отца, и своей матери Рогнѣды. И вотъ что передаетъ Иларіонъ въ превосходномъ своемъ словѣ о законѣ и благодати, произнесенномъ въ Десятинной церкви въ присутствіи Ярослава и его супруги Ирины: «онъ (т. е. св. Владиміръ) всегда слышалъ о православной, христолюбивой и сильной вѣрою греческой землѣ, какъ чтутъ тамъ единаго Бога въ Тройцѣ и покланяются Ему, какъ творятся тамъ силы, чудеса и знаменія, какъ церкви тамъ полны

людей, какъ въ селеніяхъ и городахъ благовѣрныхъ всѣ прилежатъ къ молитвѣ, всѣ предстоятъ Богу. Слыша все сіе, возгорѣлся онъ духомъ и возжелалъ сердцемъ быть христіаниномъ и обратить всю землю въ христіанство... Во Христа крестившись, на этомъ еще не остановился онъ въ подвигѣ благовѣрія, но простерся далѣе и повелѣлъ всему народу креститься во Отца и Сына и Святого Духа, чтобы открыто и громогласно славилось во всѣхъ городахъ имя св. Тройцы и всѣ были христіанами. И ни одинъ человѣкъ не противился его благочестивому повелѣнію: крестились, если кто не по любви, то по страху къ повелѣвшему[1]). Такимъ образомъ вся земля наша *въ одно время* стала славить Христа съ Отцемъ и св. Духомъ». Въ концѣ этого слова митр. Иларіонъ, обращая рѣчь свою къ св. Владиміру, какъ бы внимавшему его рѣчи изъ своего гроба, говорилъ между прочимъ: «ты утвердилъ вѣру съ бабкой твоей Ольгою, принесъ крестъ изъ новаго Іерусалима, града Константинова и поставилъ его на землѣ своей». Спрашивается: при чемъ тутъ варяги и варяжскіе священники, вызываемые Голубинскимъ въ Кіевъ? Упоминая о времени, слѣдовавшемъ за крещеніемъ кіевлянъ, блаженный митрополитъ говоритъ къ лицу св. Владиміра: «ты, часто собираясь съ новыми отцами, нашими епископами, съ великимъ смиреніемъ совѣтовался съ ними, какъ установить законъ сей (христіанскій) среди людей, недавно познавшихъ Господа». Это свидѣтельство о св. Владимірѣ служитъ сильнымъ основаніемъ нисколько не сомнѣваться и въ томъ, что св. Владиміръ рѣшился перемѣнить вѣру не иначе, какъ по совѣщаніи съ боярами и старцами и принять христіанство не для одного себя, а и для всего народа почти одновременно. Нельзя сомнѣваться и въ предшествовавшемъ сему посольствѣ Владиміра въ разныя страны для испытанія вѣры. Посольство это нужно было собственно не для Владиміра, ознакомленнаго съ христіанствомъ отъ своей бабки, а для народа, для его бояръ и старцевъ: они должны были на мѣстѣ господства разныхъ

---

[1]) Эти слова, повторяемъ, сказаны предъ сыномъ св. Владиміра, очевидцемъ крещенія кіевлянъ, а Голубинскій отвергаетъ все сказанное, недоумѣвая, какъ это Владиміръ „въ одинъ прекрасный вечеръ отдалъ приказъ явиться всѣмъ по утру на рѣку для купанья, и исполнено“ (стр. 142).

вѣръ убѣдиться въ превосходствѣ вѣры греческой и своими разсказами предрасположить кіевлянъ къ принятію этой вѣры. Другія подробности о крещеніи св. Владиміра и кіевлянъ сообщаютъ мнихъ *Іаковъ*, который называетъ эти событія, совершившимися немного раньше своего времени, и преподобный *Несторъ* лѣтописецъ. Тотъ и другой, по признанію самого Голубинскаго, писали не позже 1070 года, слѣдовательно жили при Ярославѣ, сынѣ св. Владиміра († 1054 г.) и его внукахъ: Изяславѣ, Святославѣ и Всеволодѣ Ярославичахъ, когда еще живо было преданіе о св. Владимірѣ, когда еще живы были старцы, помнившіе крещеніе кіевлянъ, какъ преподобный Іеремія прозорливый и 96-лѣтній бояринъ Янъ Вышатичъ, другъ преподобнаго Ѳеодосія печерскаго, когда наконецъ еще цѣлы были книги, положенныя Ярославомъ въ библіотеку св. Софіи.

Крещеніе Владиміра Голубинскій полагаетъ въ 987 году (стр. 113), а крещеніе кіевлянъ послѣ того чрезъ два года въ третій, а собственно чрезъ три года, въ 990 году, находя къ сему основаніе въ краткой хронологіи жизни Владиміра, помѣщенной въ концѣ «Похвалы» этому князю мниха Іакова, гдѣ сказано: «на другое лѣто по крещеніи (Владиміръ) къ порогамъ ходи, на третье лѣто Корсунь городъ взя». Но во *1-хъ* походъ къ порогамъ Днѣпра не означаетъ еще похода въ Корсунь, а кромѣ взятія Корсуня предъ крещеніемъ Владиміръ могло быть взятіе его и въ другой разъ, по крещеніи. Вспомнимъ, сколько разъ русскія войска брали г. Карсъ, Азовъ, Измаилъ и другіе пограничные турецкіе города. Во 2-хъ хотя изъ греческихъ лѣтописцевъ, приводимыхъ у самаго Голубинскаго, извѣстно, что Владиміромъ была оказана вооруженная помощь императору Василію противъ бунтовщика Варды Фоки, по вступленіи Владиміра въ родство съ императоромъ чрезъ бракъ съ царевной, и что этой помощи императоръ просилъ у Владиміра еще до брака его съ царевной и Владиміръ обѣщалъ подъ условіемъ вступленія въ родство, но не говорится, чтобы эта помощь состояла во взятіи Владиміромъ Корсуня, напротивъ ясно говорится, что она состояла въ отраженіи бунтовщика Варды Фоки отъ Хризополя или Скутари, составляющаго предмѣстье Константинополя. Весьма возможно, что первоначально до 987 года Владиміру отказано было въ рукѣ царевны,

какъ отказано было нѣмецкому императору Оттону въ 968 году въ рукѣ старшей сестры нашей Анны для его сына, котораго считали язычникомъ; посему Владиміръ рѣшился завоевать себѣ невѣсту взятіемъ Корсуня, подобно тому, какъ завоевалъ Рогнѣду взятіемъ Полотска; по взятіи Корсуня, когда императоръ въ виду подступа Варды къ Константинополю, поспѣшилъ отправить сестру въ Корсунь для выдачи въ замужество за Владиміра, Владиміръ изъ того же Корсуня послалъ отрядъ войска для подкрѣпленія войскъ императорскихъ. Возвративши Корсунь императору по вступленіи въ бракъ съ царевной, Владиміръ могъ брать Корсунь другой разъ по какимъ либо причинамъ, вызваннымъ обстоятельствами Русской Тмуторокани или по обстоятельствамъ греческой имперіи, отъ которой Херсонъ пытался не разъ отложиться. Во всякомъ случаѣ ради сбивчивой хронологіи двухъ темныхъ событій, добавленной кѣмъ-то къ «Похвалѣ» мниха Іакова Владиміру, нельзя переставлять фактовъ, послѣдовательно изложенныхъ въ житіи Владиміра того же Іакова и въ лѣтописи Нестора, имѣющей хронологію, провѣренную рядомъ событій, предшествовавшихъ крещенію Владиміра и послѣдовавшихъ за нимъ.

П. Л.

Потемкинъ и черноморцы.

Въ оконченныхъ недавно печатаніемъ на страницахъ «Кіев. Старины» весьма интересныхъ «Историческихъ запискахъ о войскѣ черноморскомъ» А. Туренка сообщается любопытный фактъ (извѣстный, впрочемъ, и изъ другихъ источниковъ), что еще во время существованія запорожской Сѣчи князь Григорій Александровичъ Потемкинъ, «любя запорожцевъ и желая поощрить ихъ къ службѣ», добровольно записался въ ихъ войско простымъ козакомъ подъ именемъ *Грицька Нечосы* и тѣмъ подалъ примѣръ и другимъ болѣе или менѣе знатнымъ россійскимъ чиновникамъ сдѣлать то же самое. Столь лестное покровительственное вниманіе со стороны могущественнаго временщика къ войску запорожскому не спасло, однакожъ, послѣднее отъ катастрофы, постигшей его въ 1775 г. и подготовленной главнымъ

образомъ самимъ же Потемкинымъ. Извѣстно за тѣмъ, какъ онъ послѣ того относился къ своимъ сѣчевымъ «товарищамъ», какъ легко отвергъ ихъ историческія права, положилъ конецъ самому существованію вѣковаго рыцарскаго братства и устроилъ грандіозный раздѣлъ запорожскихъ земель, съ щедрою безплатною раздачею ихъ всякому, кто принималъ лишь на себя трудъ вводить рабство въ край, никогда не знавшій его и искони служившій отъ него убѣжищемъ.

И кто бы могъ подумать тогда, что этому баловню судьбы прійдется унести съ собой въ могилу искреннія слезы и благословеніе со стороны тѣхъ, кто имѣлъ, повидимому, достаточныя основанія питать къ нему при жизни и по смерти совсѣмъ иныя чувства!

Когда, по разореніи Сѣчи, запорожцы, подобно овцамъ разогнаннаго стада, расходились въ разныя стороны, то къ чувствамъ тяжкой скорби объ утратѣ вѣковаго гнѣзда и о безславномъ концѣ «славнаго» запорожскаго войска въ умѣ у нихъ примѣшивалась и такая мысль, что настанетъ время, когда ихъ военныя услуги понадобятся правительству, и тогда сами виновники ихъ несчастія вспомнятъ о нихъ съ сожалѣніемъ. Въ одной изъ пѣсенъ на разореніе Сѣчи есть такой куплетъ:

Наступае чорна хмара,
Иде дощикъ зъ неба:
Зруйновали Запорожжя—
Колись буде треба!.

Такъ и случилось на дѣлѣ. Когда сдѣлалось очевиднымъ, что заселеніе края, не смотря на всѣ старанія помѣщиковъ-колонизаторовъ, не смотря даже на льготы для поселенцевъ, шло крайне медленно, то при видѣ обширнаго, ничѣмъ не обезпеченнаго края, особливо въ виду предпринятой тогда второй турецкой войны, Потемкинъ вспомнилъ запорожцевъ, почувствовалъ въ нихъ нужду и чрезъ посредство ихъ старшинъ сталъ вновь приглашать ихъ въ казацкую службу подъ его личнымъ предводительствомъ. Результатомъ всего этого былъ указъ Екатерины (3-го іюля 1887 г.) о возстановленіи бывшаго запорожскаго войска, при чемъ первоначально назначены были для его поселенія земли между Днѣстромъ и Бугомъ, и только впослѣдствіи оно окончательно было поселено на р.

Кубани, въ Черноморіи, отъ чего и получило оффиціальное названіе войска *Черноморскаго*. Такимъ образомъ сила обстоятельствъ заставила всемогущаго временщика потрудиться надъ возсозданіемъ того, что имъ же самимъ было уничтожено.

Съ этихъ поръ начинаетъ возрастать популярность Потемкина среди бывшихъ запорожцевъ, въ особенности послѣ того, когда въ генварѣ 1790 г. онъ былъ возведенъ императрицею въ званіе «*великаго гетмана*» новообразованныхъ козачьихъ войскъ. Вѣсть объ этомъ назначеніи была радостно принята не въ одной Черноморіи: въ Малороссіи какой-то неизвѣстный поэтъ сочинилъ по этому поводу стихотворный «дифирамбъ», въ которомъ новое черноморское войско величается «низовымъ обоихъ сторонъ Днѣпра воинствомъ», т. е. прежнимъ титуломъ, искони принадлежавшимъ войску Запорожскому. Современный событію списокъ этого диѳирамба найденъ нами между фамильными бумагами одного, нынѣ угасшаго, шляхетно-малороссійскаго рода, процвѣтавшаго еще въ началѣ нынѣшняго вѣка въ гадячскомъ уѣздѣ полтав. губ. Передаемъ его здѣсь съ буквальною точностью:

Дифирамбъ

Низовому обоихъ сторонъ Днѣпра воинству, получившему себѣ великимъ гетманомъ высокоповелителнаго всѣхъ силъ Россійскихъ военачалника князя Григорія Александровича Потемкина-Таврическаго, сочиненний свойственнымъ симъ новымъ аргонавтамъ нарѣчіемъ, примѣняясь къ содержанію прилагаемаго при семъ отъ ихъ предковъ писанія [1]). 1790 года, февраля 15 дня:

Воскресши, южнихъ странъ возрадуйтеся вои,
Что въ свѣтѣ чести вы сподобились такои,
Что на невѣрного идущимъ бусурмана
Давъ Богъ вамъ знатнаго великаго гетмана,
Который будетъ васъ за храбрость награждати.
Старайтесь толко вы подъ нимъ такъ воювати,
Какъ воювали тамъ преславни предки ваши
На Черномъ морѣ и на утренномъ (sic!) Сивашѣ,

---

[1]) Въ нашемъ спискѣ никакого приложенія не имѣется. Трудно сказать, была ли это старинная запорожская *вирша*, или что другое.

Отколь съ моноксиловъ чрезъ огненній свой градъ
Восточни жгли страни и самій Цариградъ.
Примѣрамъ таковимъ вы, вои, подражайте
И съ пламенемъ къ мѣстамъ симъ поспѣшайте,
Чтобъ вашимъ мужествомъ тамъ гордій Понта врагъ
Склонивъ предъ вашимъ симъ вождемъ на вѣкъ свой флагъ.

(Внизу стиховъ подпись): «Свидѣтелствовалъ полковий старшина Іванъ Радкевичъ».

Повторяемъ, имя автора этого дифирамба ни откуда не извѣстно, и только судя по очевидному знакомству его съ исторіею Запорожья, по его нескрываемымъ симпатіямъ къ «преславному» запорожскому воинству и наконецъ по нѣкоторымъ малороссійскимъ формамъ рѣчи, мы полагаемъ, что это былъ малороссіянинъ, достаточно вкусившій однако отъ плодовъ россійскаго просвѣщенія. Страннымъ лишь представляется намъ его заявленіе, будто дифирамбъ его «сочиненъ *свойственнимъ* симъ новымъ аргонавтамъ *нарѣчіемъ*», тогда какъ на самомъ дѣлѣ, за исключеніемъ лишь нѣкоторыхъ грамматическихъ формъ, въ языкѣ стихотворенія нѣтъ ничего «свойственнаго» нарѣчію его героевъ.

Не знаемъ, доходило-ли до свѣдѣнія черноморцевъ піитическое воззваніе къ нимъ ученаго ихъ земляка, или нѣтъ; только то вѣрно, что они во время тогдашней войны вполнѣ оправдали его лестныя ожиданія и въ штурмахъ Очакова и Измаила, въ овладѣніи при помощи ничтожной своей флотиліи островомъ Березанью, покрыли себя славою, достойною ихъ «преславныхъ предковъ». Въ одномъ лишь не исполнились надежды поэта: одновременно съ окончаніемъ войны неожиданно скончался и самъ «великій гетманъ вѣрнаго черноморскаго войска», не успѣвъ достойно наградить своихъ доблестныхъ сподвижниковъ и, что всего важнѣе, не успѣвъ обезпечить за ними раньше обѣщанныхъ имъ земель между Бугомъ и Днѣстромъ, гдѣ по его указаніямъ начали уже селиться ихъ семейства. Тогда-то восплакали козаки о своемъ гетманѣ, а еще болѣе, конечно, о своей несчастной долѣ, такъ какъ съ окончаніемъ войны, когда ихъ услуги были не нужны болѣе, имъ угрожала опасность быть обращенными въ крѣпостное состояніе:

Ой Боже нашъ, Боже, Боже милостывій,
Що родылись мы въ свити нещасливи!
Служили мы вирно въ поли и на мори,
А теперъ остались вбоги, боси й голи.
Старались мы землю соби заслужити,
Щобъ въ волности вику було де дожити...
Устань батьку, велыкій гетмане!
Будь милостывій, вельможный нашъ пане!
Устань Грыцьку, промовъ до насъ слово,
Попроси царыцю—буде все готово!
Дасть грамоту на вичность намъ жити,
А мы ій вирнише будемо служити.

Не всталъ изъ могилы самъ гетманъ, такъ за него нашлись добрые люди, все его бывшіе помощники и приближенные (Коховскій, Поповъ и др.), которые помогли козацкимъ ходатаямъ добиться того, что императрица обратила наконецъ милостивое вниманіе на тѣхъ, кого при жизни такъ протежировалъ ея любимецъ. 30 іюня 1792 г. Екатерина подписала грамоту, въ которой, свидѣтельствуя объ усердіи, вѣрности и ревностной службѣ черноморцевъ и желая наградить ихъ за оказанные ими въ минувшую войну «храбрые и мужественные на сушѣ и водахъ подвиги», пожаловала имъ въ вѣчное владѣніе земли на Кубани и опредѣлила ихъ войсковыя права и вольности. Независимо отъ сего, императрица удовлетворила и другое, столь-же пламенное желаніе черноморцевъ, касавшееся печальной судьбы ихъ братьевъ, бывшихъ запорожцевъ, попавшихъ въ крѣпостное состояніе: она повелѣла таврическому губернатору «истребовать для причисленія къ войску тѣхъ старшинъ и козаковъ съ ихъ имуществомъ, которые дѣйствительно прежде служили въ военномъ званіи и Запорожьѣ и, по разрушеніи Сѣчи, поселясь въ разныхъ мѣстахъ, удерживаются тамъ противу воли ихъ». Изъ всеподданнѣйшей просьбы черноморцевъ объ этомъ предметѣ узнаемъ, что такихъ закрѣпощенныхъ козаковъ имѣлось въ виду болѣе 25,000 душъ, не считая ихъ семействъ.

Вотъ тогда-то черноморцы «отъ полноты сердечныхъ чувствъ» воспѣли извѣстную радостную пѣсню:

Ой годи намъ журитися, пора перестати:
Диждалися видъ царыци за службу заплаты!...

А въ ней вспомнили добрымъ словомъ и своего бывшаго гетмана, великодушно простивъ ему всѣ его прежнія великія противъ нихъ же прегрѣшенія:

Слава Богу и царыци и *покій гетману:*
Заличили въ сердцяхъ нашихъ велыкую рану!

Ор. Л—й.

Жертва купальскаго огня.

Не смотря на вѣковыя преслѣдованія, многіе обряды языческой старины до сихъ поръ еще сохраняются въ Малороссіи. Къ числу такихъ обрядовъ принадлежитъ также празднованіе Купала. Разведеніе огней, прыганье чрезъ зажженные костры и другіе купальскіе обряды удержались у насъ не только въ глухихъ деревняхъ, но даже въ большихъ интеллегентныхъ центрахъ, наприм. въ предмѣстьяхъ г. Харькова, гдѣ до настоящаго времени можно наблюдать упомянутыя обыкновенія. По всей вѣроятности, обряды, подобные купальскому, удерживаются народомъ доселѣ потому, что народъ не видитъ въ нихъ ничего языческаго, ничего противорѣчащаго религіи, а смотритъ на нихъ лишь какъ на простое развлеченіе въ своей однообразной, трудовой жизни.

Въ прошломъ столѣтіи искорененіемъ остатковъ языческихъ обычаевъ и празднествъ занимались архіереи, которые нерѣдко обращались къ священникамъ съ посланіями объ удержаніи прихожанъ отъ совершенія этихъ обрядовъ. Но въ болѣе важныхъ случаяхъ, именно когда исполненіе какого-либо обряда влекло за собой вредныя послѣдствія, наприм. чью-либо смерть, искалѣченіе и т. под., и гражданская власть принимала мѣры къ уничтоженію вреднаго обычая.

Приводимъ распоряженіе, сдѣланное генеральнымъ войсковымъ судомъ въ 1769 году о воспрещеніи празднованія Купала въ Малороссіи. Поводомъ къ изданію приводимаго распоряженія былъ одинъ несчастный случай, имѣвшій мѣсто въ Ичнѣ, мѣстечкѣ нынѣшняго борзенскаго уѣзда черниг. губ.

Указъ ея императорскаго величества, самодержицы всероссійской, изъ генеральнаго суда въ полковую черниговскую канцелярію.

Введенное между невѣжество и вездѣ безъ всякаго помѣшательства и воспященій распространяючоесь застарѣлое игрище, называемое Купалынъ огонь, которое законами давно пресѣчь и истребить велѣно, вмѣсто того, по потворству и упущеніямъ правительствъ, на коихъ должности сіе искорененіе сложено и залежить, открываетъ нынѣ неизбѣжные уже убійства случаи, о чемъ самымъ дѣломъ въ судѣ генеральномъ доказательство есть: что въ полку Прилуцкомъ, въ мѣстечку Ичнѣ, при разведенномъ собравшимися на такое игрище невѣжами огнѣ, когда оной при ночномъ времени, съ обоихъ сторонъ, одними противъ другихъ перескакиванъ, то одни противъ другихъ съ немалымъ по всей силѣ стремленіемъ на самомъ томъ огнѣ сбѣгшись, толь жестоко ударились, что одна изъ того числа дѣвка на смерть убита въ самомъ томъ огнѣ, и хотя убійца въ разсужденіи неумыслу отъ смертной казни уволняется, однакъ какъ жестокимъ въ страхъ другимъ публичнымъ безъ пощадѣнія наказаніемъ и платежемъ головщизны, такъ и не маловременнымъ тюремнымъ содержаніемъ (карается).

А какъ по сему дѣлу и отъ малороссійской коллегіи велѣно отъ таковыхъ противозаконныхъ игрищъ не токмо воздерживать и до оныхъ невѣжествъ не допущать, но и вовся искоренять, дабы оныхъ нигдѣ не было, того ради, по указу ея императорскаго величества и по опредѣленію генеральнаго суда, какъ въ прочіе малороссійскихъ полковъ полковыя канцеляріи указы посланы, такъ и въ полковую черниговскую канцелярію велѣно послать сей указъ и предложить, дабы отнынѣ во всемъ томъ полку навсегда и вездѣ во всякомъ мѣстѣ, деревнѣ и селѣ, до послѣдняго поселенія, генеральное запрещеніе учинено—впередъ таковыхъ законами запрещенныхъ игрищъ, отъ коихъ часто худіе случаи слѣдовать могутъ, отнюдь не дѣлать, съ притвержденіемъ не упустительного всѣхъ въ томъ оказавшихся жестокого безъ пощады наказанія.—1769 году марта 12 [1]).

Сообщ. **П. Е.**

Ходатайство Потемкина о замѣнѣ запорожской старшинѣ смертной казни заточеніемъ въ монастырь.

Исторія послѣднихъ дней Запорожской Сѣчи такъ мало извѣстна у насъ, что, кромѣ только факта разоренія ея генераломъ

---

[1]) Изъ архива малороссійской коллегіи, хранящагося при харьковскомъ университетѣ.

Текеліемъ и ухода части сѣчевиковъ за Дунай, мы не имѣемъ никакихъ другихъ свѣдѣній объ этомъ такъ не далекомъ отъ насъ событіи, а о послѣднихъ представителяхъ Запорожья, кошевомъ Калнишѣ, судьѣ Головатомъ и писарѣ Глобѣ извѣстно лишь то. что они были сосланы въ Соловки за какую-то тяжкую вину и тамъ кончили жизнь.

Помѣщаемое ниже письмо кн. Потемкина къ имп. Екатеринѣ уясняетъ нѣсколько таинственную судьбу этихъ представителей. Изъ него можно догадываться, что Калнишевскій, Головатый и Глоба, послѣ разоренія Сѣчи, находясь гдѣ-то вблизи бывшихъ запорожскихъ мѣстъ, на свободѣ или въ заключеніи, затѣвали что-то очень преступное, быть можетъ самовольное возобновленіе Сѣчи гдѣ-либо на новомъ недоступномъ мѣстѣ, и съ этою цѣлію разсылали «ордеры къ старшинамъ» (вѣроятно укрывавшимся гдѣ либо куреннымъ атаманамъ), попавшіе въ руки Потемкина. За это они были подвергнуты суду и, по мнѣнію Потемкина, не видѣвшаго даже надобности въ какомъ либо разслѣдованіи, подлежали смертной казни. Вину ихъ усугубляло и то, что въ послѣдніе годы существованія Сѣчи они вооруженною рукою защищали свои хутора и слободы со стороны Новосербіи и бывшей Слободской Украйны, захватываемые и разоряемыя сосѣдями, и въ свою очередь разоряли заводимыя ими поселенія, причинивъ имъ, по исчисленію Потемкина, убытковъ болѣе, чѣмъ на 200 т. руб. Потемкинъ, заправлявшій самъ всѣмъ этимъ дѣломъ, ходатайствовалъ предъ Екатериною о замѣнѣ Калнишевскому, Головатому и Глобѣ смертной казни вѣчнымъ заточеніемъ въ монастырь, и его ходатайство было уважено. Мѣстомъ заключенія, какъ извѣстно, назначенъ былъ Соловецкій монастырь. Какъ видно изъ даты приводимаго письма, судьба послѣднихъ представителей Запорожья находилась въ нерѣшительности около году, считая отъ времени разоренія Сѣчи, и только спустя годъ они посланы были въ ссылку.

Самое письмо найдено нами въ копіи конца прошлаго столѣтія въ огромномъ, въ нѣсколько сотъ листовъ, сборникѣ всякаго рода документовъ, рѣчей, писемъ, стиховъ, выписокъ и пр., начатомъ еще въ 30-хъ годахъ XVIII ст. и переплетенномъ въ одну толстую книгу въ листъ, раздѣленную на 4-ре части съ оглавле-

ніемъ для каждой. Сборникъ этотъ принадлежитъ священнику с. Троицкаго, екатеринославской губерніи ананьевскаго уѣзда, о. Павлу Чеховичу и обязательно сообщенъ намъ С. Гр. Ярославскимъ. Мы будемъ пользоватся этимъ богатымъ источникомъ не разъ, а пока извлекаемъ изъ него любопытное ходатайственное письмо князя Потемкина за свое «товариство», къ которому онъ по кущевскому куреню принадлежалъ съ 1772 года.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Вашему императорскому величеству извѣстны всѣ дерзкіе поступки бывшаго Сѣчи Запорожской кошеваго Петра Калнишевскаго и его сообщниковъ судьи Павла Головатого и писаря Ивана Глобы, коихъ вѣроломное буйство столь велико, что не дерзаю уже я, всемилостивѣйшая государыня, исчисленіемъ онаго терзать нѣжное и человѣческое ваше сердце и при томъ не нахожу никакой надобности приступать къ каковымъ либо изслѣдованіямъ, имѣя явственнымъ доводомъ оригинальные къ старшинамъ ордера, изъявляющіе великое преступленіе ихъ предъ священнымъ вашего императорскаго величества престоломъ, которое по всѣмъ гражданскимъ и политическимъ законамъ заслуживаетъ по всей справедливости смертную казнь.

Но какъ всегдашняя блистательной души вашей спутница—добродѣтель побѣждаетъ суровость злобы кроткимъ и матернымъ исправленіемъ, то и осмѣливалось я всеподданнѣйше представить, не соизволите ли указать помянутымъ, преданнымъ праведному суду вашему, узникамъ, почувствовавшимъ тягость своего преступленія, объявить милосердное избавленіе ихъ отъ заслуживаемаго ими наказанія, а вмѣсто того, по изведанной уже опасности отъ ближняго пребыванія ихъ къ бывшимъ запорожскимъ мѣстамъ, повелѣть отправить ихъ на вѣчное содержаніе въ монастырѣ, съ произведеніемъ изъ поступившаго въ секвестръ бывшаго Запорожскаго войска имѣнія кошовому по рублю, а прочимъ по полуполтинѣ на день, остающееся же за тѣмъ обратить по всей справедливости на удовлетвореніе разоренныхъ ими вѣрноподданныхъ вашихъ рабовъ, кои, повинуясь божественному вашему предписанію, сносили буйство бывшихъ запорожцевъ безъ наймалѣйшаго сопротивленія, ожидая избавленія своего отъ десницы вашей и претерпѣвъ убытковъ болѣе, нежели на 200,000 рублѣвъ, коимъ и не оставлю я соразмѣрное дѣлать удовлетвореніе.

Всемилостивѣйшая государиня! Вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій рабъ князь Потемкинъ.

На подлинномъ подписано собственною ея императорскаго величества рукою тако: „Быть по сему“. 14 мая 1776 года.—Сарское Село.

Народное преданіе о Саввѣ Чаломъ.

Извѣстная пѣсня «Ой бувъ соби козакъ старый, по прозвищу Чалый» не забыта стариками въ херсонской губерніи. Одинъ изъ нихъ, крестьянинъ с. Лозоватки елисаветградскаго уѣзда, Яковъ Моисеевичъ Билашенко, знающій пѣсню въ варіантѣ не полномъ, въ поясненіе и дополненіе къ ней разсказываетъ преданіе, въ которомъ главнымъ дѣйствующимъ лицемъ, въ качествѣ пособницы Савы, выступаетъ жена его, являющаяся здѣсь въ роли ворожеи. Сообщаемъ преданіе это по записи сына разскащика, Т. Я. Билашенка, съ незначительными поправками въ стилѣ.

У Чалаго была жена—ворожея на картахъ и на квасоли. Какъ только гайдамаки подступали ближе къ его дому, она, ранѣе узнавъ о томъ по ворожбѣ, объявляла ему, и гайдамаки никогда не могли подойти къ нему ближе, «якъ на пьять гинъ». Чалый, узнавая о приближеніи ихъ отъ жены, или скрывался въ степь («подався въ стены», по словамъ пѣсни), или оборонялся «ляхивскою силою». Наконецъ гайдамаки пронюхали, что жена Савы «одгадуе по земли», откуда ждать ихъ, и придумали хитрость: передніе несли лозы терну, бросали подъ ноги и по немъ шли, слѣдующіе несли въ мѣшкахъ землю и кучами насыпали ее передъ собою, а задніе стлали солому. Но ворожея какъ-то почуяла приближеніе враговъ мужа и сказала ему: «одинъ загинъ гайдамакивъ стоить за тернами, другый стоить за горами, третій десь далеко за скиртами». Въ этомъ случаѣ, какъ видно, предвидѣніе ея было не вполнѣ точное, т. е. по признакамъ обманчивымъ, вслѣдствіе хитрости гайдамакъ, настоящее ихъ мѣстонахожденіе не было опредѣлено. Сава, думая, что враги далеко, «за тернами, за горами и за скиртами», сѣлъ писать «листы до ляхивъ», «ажь ось—и гайдамаки...»

Рифмованная форма ворожбы о приближеніи гайдамакъ какъ будто указываетъ на возможность существованія болѣе полныхъ варіантовъ пѣсни; очень можетъ быть, что и все приведенное преданіе представляетъ не иное что, какъ пересказъ прозою забытой части пѣсни.

В. Я.

Панская «пыха».

Въ малорусской средѣ, недалекой отъ народа, и въ самомъ народѣ обращается масса анекдотовъ сатирическаго, иногда злобно-саркастическаго характера, въ которыхъ осмѣиваются пороки польскихъ пановъ, ихъ жестокосердіе, лакомство, расточительность и скупость, обжорство и пьянство, не рѣдко глупота, а всего чаще тщеславіе и спѣсь. Народились они въ эпоху кровавой борьбы между двумя вмѣстѣ жившими племенами, изъ которыхъ одно было властвующимъ, а другая подвластнымъ, но всегда стремилось выбиться изъ подъ власти пановъ. Нѣтъ сомнѣнія, что основою многихъ изъ нихъ служили дѣйствительные случаи, а другіе были вымышлены по образцу ихъ. Съ теченіемъ времени разсказы обращались въ бродячіе анекдоты, удерживающіеся и доселѣ; но случалось нерѣдко, что разсказывающіе, для большей достовѣрности, пріурочивали ихъ къ данному мѣсту и времени.

Одинъ изъ такихъ анекдотовъ пришлось мнѣ слышать въ бытность мою на Волыни. Передававшіе мнѣ этотъ анекдотъ старались увѣрить меня, что это случай дѣйствительный и даже не очень давній, хотя сочиненность разсказа очевидна уже изъ самой такъ сказать его соли, основанной на постоянномъ употребленіи въ польской рѣчи слова *панъ* и примѣненіи этого слова, въ его соціальномъ значеніи, къ самому Богу. Для малорусскаго простолюдья, привыкшаго къ церковно-славянскому термину *Господь* въ примѣненіи къ Богу, названіе Бога паномъ кажется просто кощунственнымъ и во всякомъ случаѣ смѣшнымъ. Но вотъ какъ это выражено въ переданномъ мнѣ разсказѣ.

Лѣтъ 40 назадъ, говорили мнѣ, гдѣ-то въ окрестностяхъ Луцка проживалъ помѣщикъ полякъ, по имени Зенонъ N. По состоянію онъ былъ изъ мелкопомѣстныхъ, но по надменности и чванству далеко превосходилъ любого магната. Это былъ типичнѣйшій представитель «кичливаго ляха», въ родѣ тѣхъ старинныхъ польскихъ шляхтичей, которые не признавали никого выше себя и съ самими королями обращались за панибрата.

Однажды съ этимъ паномъ случилось такое приключеніе. Ѣхалъ онъ въ Луцкъ и вздумалъ переправиться черезъ рѣку Стырь по льду. Дѣло происходило на исходѣ зимы; ледъ оказался ненадеж-

нымъ, лошади провалились, и неосторожному пану навѣрное пришлось бы утонуть, если-бъ на его крикъ не подоспѣли люди изъ ближайшей деревни, которые и подали ему помощь. Видя въ этомъ случаѣ перстъ Божій, гордый панъ рѣшился достойно отблагодарить «*Pana Boga*» за свое спасеніе, такъ какъ не привыкъ оставаться въ долгу предъ кѣмъ-либо. На томъ мѣстѣ, гдѣ его вытащили изъ рѣки, онъ велѣлъ поставить высочайшую *фигуру* (крестъ) съ такою надписью:

Pan pana od śmierci wybawił;
Pan Panu figurę postawił.

Впослѣдствіи школьники изъ луцкаго уѣзднаго училища къ этому двустишію присоединили другое:

Nie bój się, durniu Zenonie:
Co ma wisic, nigdy nie utonie.

Разсказъ этотъ, будь въ основѣ его фактъ дѣйствительный, или вымышленный, во всякомъ случаѣ характеренъ какъ для среды, въ которой онъ возникъ, такъ и для той, къ которой примѣняется.

О. Л.

Малорусская „паленица".

Въ любопытной пѣснѣ, помѣщенной г. Пономаревымъ въ августовской книжкѣ «Кіевской Старины» за текущій годъ, мы натолкнулись, кажется, на исключительное въ малорусской народной поэзіи явленіе женщины-богатыря, малорусской «палéницы». Пѣсня записана въ довольно искаженномъ и запутанномъ видѣ. Въ общихъ чертахъ ея содержаніе слѣдующее: козакъ Супрунъ попадаетъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ своимъ войскомъ къ бусурманамъ, пишетъ письмо къ сестрѣ, которая «почала своимъ добрымъ конемъ, якъ огнемъ, летити»; она гонитъ бусурмановъ «въ полонъ», освобождаетъ брата и упрекаетъ его за то, что онъ не предупредилъ ея о походѣ.

Не знаемъ, какъ кому, а намъ въ этомъ эпизодѣ слышится отзвукъ кіевскихъ былинъ о женщинахъ-воительницахъ,—типѣ очень обыкновенномъ въ русскомъ былевомъ эпосѣ (жена Ильи Муромца, Ставра, Дуная, Добрыни и т. д.).

Насколько былевыя «палéницы» отвѣчаютъ дѣйствительнымъ фактамъ жизни древне-русскаго общества, это вопросъ другой, къ сожалѣнію, очень мало у насъ разработанный. По современному его положенію въ наукѣ, трудно допустить, чтобы въ былевыхъ «палéницахъ» отражалась дѣйствительная древне-русская жизнь, а скорѣе можно видѣть въ созданіи этихъ типовъ вліяніе постороннее. Женщины-воительницы встрѣчаются въ средневѣковомъ византійскомъ эпосѣ (Максимо въ «Дигенисѣ», въ «Александріи» амазонки): констатированное вообще ихъ вліяніе на русскую народную поэзію могло имѣть мѣсто и въ данномъ случаѣ. Помимо того до созданія такихъ типовъ могло дойти наше народное міровоззрѣніе и путемъ общимъ, создавая для своего героя-богатыря чудесную житейскую обстановку: у богатыря необыкновенный конь, необыкновенное оружіе; и родится онъ, и живетъ, и умираетъ не такъ, какъ простые смертные. Естественно, что народное воображеніе надѣляетъ его и необыкновенной женой, сестрой, матерью...

Первоначально «палéницами» назывались богатыри-мужчины: грамматическій родъ названія, его женское окончаніе могло также производить давленіе на созданіе сказаній о женщинахъ-воинахъ, когда это слово начало выходить изъ употребленія, забываться. Кстати замѣтимъ, что любовная связь богатырей съ «палéницами», встрѣчающаяся какъ въ византійскомъ, такъ и въ русскомъ эпосѣ, есть, по всему вѣроятію, отзвукъ одной изъ древнихъ формъ умыканія жены изъ другаго рода путемъ насилія, борьбы, захвата.

При всей своей незначительности и неясности заинтересовавшій насъ фактъ даетъ новый поводъ къ постановкѣ очень любопытнаго вопроса объ «отзвукахъ старо-кіевскаго эпоса въ позднѣйшей малорусской поэзіи».

В. К—шъ.

Любечъ, 27 іюля 1887 г.

Спасибо тебѣ, старый Любечъ! Усталый
Отъ столичныхъ невзгодъ, я въ тебѣ отдыхалъ.
Какъ любилъ я бродить по аллеѣ тѣнистой,

По часамъ любовался на Днѣпръ серебристый,
Полной грудью я воздухъ Украйны вдыхалъ.

—

Часто въ ночи безсонныя роемъ нестройнымъ
Позабытыя тѣни неслись предо мной,
То съ дружиною своей Святополкъ окаянный
Изъ за озера мчится, то гимнъ покаянный
Изъ пещеры Антонія слышенъ порой.

—

То мелькнетъ предо мной этотъ образъ неясный
Старика честолюбца Мазепы. Вотъ онъ
Изнываетъ подъ лаской козачки прекрасной,
Вотъ готовитъ Россіи свой замыселъ ужасный,
То несется какъ вихрь на конѣ боевомъ.

—

О, сѣдыя преданья, преданья Украйны!
Все въ васъ дышетъ величьемъ прошедшихъ вѣковъ,
Сколько кроется въ васъ неразгаданной тайны,
Сколько славы зарыто въ могилахъ случайныхъ
Этихъ рыцарей Руси родной—козаковъ!

—

Такъ спасибо тебѣ, старый Любечъ! Быть можетъ,
Никогда не увижу я больше тебя;
Если-жъ сердце мое вновь кручина загложетъ,
Если злая судьба свои цѣпи наложитъ,
На усталую грудь, мои грезы сгубя,

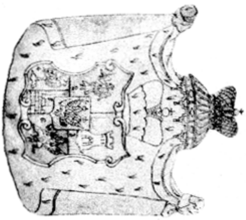
—

Помяну я тебя, помяну твои ласки,
Теплымъ словомъ, а можетъ горячей слезой!
Твое солнце горячее мнѣ улыбалось,
Подъ лучемъ серебристымъ луны засыпалось,
Какъ подъ ласками мамы родимой моей.

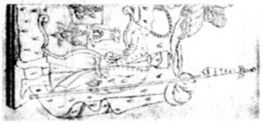
И. Плотниковъ.

Малороссійскія печати.

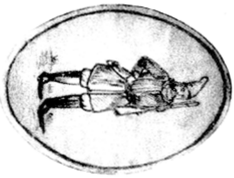
2.



5.

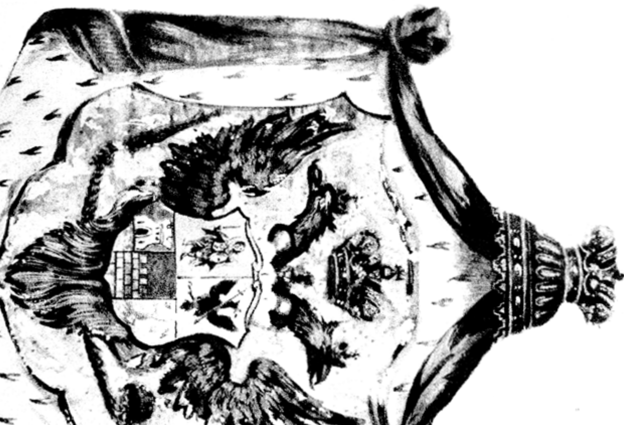


4.



1.

3.



6.

Приложеніе къ сентябрьской книжкѣ „Кіевск. Стар." 1887 г.

Отъ редакціи.

Журналъ „**Кіевская Старина**" выходитъ *неизмѣнно* 1-го числа каждаго мѣсяца и въ тотъ-же день разсылается городскимъ подписчикамъ, а 2-го и не позже 3-го числа сдается въ Почтовую Контору для отправки внутри Имперіи и за границу.

Редакція отвѣчаетъ за исправное полученіе журнала лишь при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если въ *четко* написанномъ адресѣ означены: имя, отчество и фамилія подписчика, равно губернія, уѣздъ и почтовое учрежденіе, гдѣ *допущена* выдача журналовъ, 2) если жалоба на неполученіе книжки прислана непосредственно въ редакцію, хотя-бы подписка была сдѣлана въ одномъ изъ книжныхъ магазиновъ, 3) если жалоба послана, согласно объявленію Почтоваго Департамента, не позже полученія или срока выхода слѣдующей книжки, 4) если къ жалобѣ приложено будетъ удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книжка ею не была получена и 5) если о перемѣнѣ адреса было сдѣлано заявленіе редакціи и притомъ сдѣлано своевременно, т. е. съ такимъ разсчетомъ времени, чтобы редакція могла получить оное не позже выхода слѣдующей книжки

За перемѣну адреса иногороднаго на городской и обратно уплачивается *пятьдесятъ коп.*, а при перемѣнѣ иногороднаго на иногородный-же высылается *четыре семикопѣечныя марки.*

Подписная цѣна на мѣстѣ 8 р. 50 к., съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи 10 р., за границу 11 р. По той-же цѣнѣ высылаются и оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры 1882—1886 гг.

Подписка принимается въ редакціи журнала и конторѣ оной (*Кіевъ*, *Михайловская улица*, *домъ № 12-й*), въ книжныхъ магазинахъ Оглоблина въ Кіевѣ и Петербургѣ, «Новаго Времени» и Глазунова въ Петербургѣ и Москвѣ, Мелье, Вольфа и Мартынова въ Петербургѣ, Федорова, Розова, Динтера, Корейво, Гинтера и Малецкаго въ Кіевѣ и др.

Издателямъ и авторамъ книгъ и брошюръ по южно-русской исторіи и этнографіи, приславшимъ экземпляръ своихъ изданій въ редакцію, обѣщается рецензія.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

ТОМЪ XIX.

Октябрь.

1887 г.

КІЕВЪ.

Тип А. Давиденко, аренд. Л. Штаммомъ, Мало-Житом. ул., д. № 4.

СОДЕРЖАНІЕ.

Октябрь, 1887 г.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 30-го сентября 1887 года.

Спиридонъ Яковлевичъ

ШИРАЙ,

стародубскій войтъ 1681—1708 г.

ГОРЛЕНКИ.

(Очерки прилуцкой старины).

(*Продолженіе*) [1].

VII.

Событія наступившаго 1667 года несчастливо сложились для Москвы и неминуемо должны были подготовить то, что вскорѣ произошло въ Гетманщинѣ.

Утрата Москвой первенствующаго значенія и ея вынужденное примиреніе съ Польшей, цѣною уступки исконнымъ врагамъ украинскаго народа завѣтной его святыни—древняго Кіева, уступки, уничтожавшей политическое единство Украйны, произвелъ въ послѣдней удручающее впечатлѣніе. Поколебалась вѣра малороссіянъ въ мощную защиту и покровительство православнаго царя. Тревожныя вѣсти изъ столицы еще болѣе волновали умы, и безъ того уже возбужденные самоуправствомъ присланныхъ на Украйну воеводъ, произвольнымъ веденіемъ переписи и насиліями ратныхъ людей да нѣмецкихъ наемниковъ. Ходили недобрые слухи о «великой мѣшанинѣ, наставшей въ Москвѣ», о низложеніи святѣйшаго патріарха Никона «простыми чернецами» по проискамъ бояръ [2], о появленіи на Дону вольнаго козака-атамана Стеньки, предлагавшаго украинцамъ братство и помощь противъ бояръ и московскихъ людей, а разгоравшіяся страсти еще болѣе раздува-

---

[1]) См. „Кіев. Стар.“ за февраль 1887 г., стр. 237—268.

[2]) Лѣтопись Самовидца, стр. 97.

лись запорожцами, массами прибывавшими изъ Сѣчи, гдѣ разсвирѣпѣвшіе «братчики» не побоялись поднять руку на царскаго посла, стольника Лодыженскаго.

Гроза надвигалась и глухо рокотала, словно ожидая перваго удара, чтобы разразиться съ полной силой.

Къ 1-му января 1668 года Горленко былъ вызванъ изъ Прилукъ въ гетманскую резиденцію, Гадячь, куда уже съѣхались, по приглашенію гетмана, шесть другихъ полковниковъ [1]). Брюховецкій, надежды котораго рушились передъ безсиліемъ московскаго правительства, чувствуя уже, что почва ускользала изъ-подъ его ногъ, на секретной радѣ у себя въ домѣ предложилъ старшинамъ отказаться отъ всякой солидарности съ Москвой и, вмѣстѣ съ Дорошенкомъ, самимъ отстаивать самобытность и независимость Украйны. Накипѣвшая противъ великороссіянъ непріязнь выразилась на этомъ совѣтѣ крайнимъ рѣшеніемъ, принятымъ сьобща: предложить воеводамъ оставить край, а въ случаѣ сопротивленія дѣйствовать силой. Послѣднее положено было до поры до времени хранить въ строгой тайнѣ.

Какъ разъ въ эту пору въ Прилукахъ произошли крупныя недоразумѣнія между мѣстнымъ воеводой Загряжскимъ и полковой старшиной. «Для козака воевода—великая невзгода», замѣтилъ еще Лазарь Барановичъ [2]). Въ глазахъ прилучанъ резидентъ, не располагавшій средствами, достаточными для поддержанія своего престижа, не имѣлъ большаго значенія. Къ тому же онъ пріѣхалъ какъ-то на легкѣ, съ незначительной свитой и даже безъ семьи, что заставляло многихъ придавать его пребыванію въ Прилукахъ временный характеръ; наконецъ малочисленность бывшаго при немъ гарнизона не давала ему возможности занять въ городѣ прочное положеніе.

Столкновенія возникли при первой же попыткѣ Загряжскаго выйти изъ своей пассивной роли для выполненія царскихъ указовъ.

---

[1]) Кіевскій, черниговскій, миргородскій, нѣжинскій, переяславскій и полтавскій.

[2]) Письма Л. Барановича, стр. 53.

Уже въ началѣ зимы почва къ общему неудовольствію была подготовлена переписью; начавшійся же вслѣдъ затѣмъ, на основаніи переписныхъ книгъ, сборъ податей, взимавшихся на содержаніе военныхъ постоевъ деньгами, хлѣбомъ и медомъ, возбудилъ громкій ропотъ въ прилуцкомъ полку.

По отъѣздѣ Горленка въ Гадячъ отношенія эти еще болѣе обострились. 3 января, полковой есаулъ[1]) Иванъ Маценко, довѣренное лицо Горленка, безъ вѣдома воеводы распорядился вывезти съ площади большаго города одну изъ вѣстовыхъ пушекъ и приказалъ установить ее въ проѣзжихъ воротахъ пирятинской башни. Встревоженный Загряжскій немедленно потребовалъ пушку обратно, ссылаясь на то, что въ пирятинской башнѣ стояло другое орудіе, на случай появленія непріятеля. Посланные за пушкой съ поручикомъ Арндтомъ солдаты вернулись избитыми съ отвѣтомъ, что козаки вывезутъ всѣ пушки и изъ верхняго города.

На другой день явился въ съѣзжую избу прилуцкій войтъ[2]) съ бурмистрами[3]), съ денежными и хлѣбными цѣловальниками и заявилъ воеводѣ, что подстрекаемые Маценкомъ прилуцкіе обыватели отказываются платить по окладнымъ книгамъ, что кругомъ все населеніе волнуется и записывается въ козаки и что въ уѣздѣ сборщиковъ податей и сопровождавшихъ ихъ солдатъ народъ хотѣлъ было перебить. Откупщиковъ и мѣщанъ козаки принимались грабить, рѣзали имъ бороды и съ угрозами: «будьте съ нами, а не будете, то вамъ, воеводѣ и русскимъ людямъ, жить всего до масляницы!»[4]). Подобныя извѣстія, одно другаго тревожнѣе, приходили изъ всѣхъ сотенъ: Краснаго, Карабутова, Срибнаго, Переволочной, Варвы, Журавки, Иваницы,

---

[1]) Должность равнозначившая полковому адъютанту и инспектору по военной части.

[2]) Нѣмецкій *Voigt*=градоначальникъ, первенствующее въ магистратѣ лице, назначаемое гетманомъ.

[3]) *Bürgermeister*, помощники войта, безсмѣнно избираемые въ числѣ четырехъ человѣкъ мѣщанами.

[4]) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XII, стр. 26.

Монастырища и Ични. Въ послѣдней, гдѣ населеніе издавна отличалось темпераментомъ буйнымъ и безпокойнымъ, сотенный атаманъ отнялъ у войта ключи кружечнаго двора и велѣлъ козакамъ самимъ продавать вино. Запрошенные о причинахъ безпорядковъ войты этихъ мѣстечекъ отказались пріѣхать дать отвѣтъ воеводѣ. Тогда Загряжскій, видя угрожающіе размѣры движенія, все болѣе разроставшагося, и опасаясь со стороны Маценка насилія, заперся въ верхнемъ городѣ, т. е. цитадели и, во избѣжаніе столкновенія съ козаками, пересталъ пускать въ большой городъ своихъ людей.

12-го января возвратился съ гадячской рады нетерпѣливо ожидаемый враждующими сторонами полковникъ. На жалобы воеводы онъ подтвердилъ прежде всего, что гетманъ дѣйствительно разрѣшилъ записывать въ козаки желающихъ, изъ среды мѣщанъ и поселянъ, и приказалъ затѣмъ обнародовать по сотнямъ гетманскіе указы въ этомъ смыслѣ. Все поднялось кругомъ. Тщетно чрезъ подъячаго съѣзжей избы Авдѣева Загряжскій просилъ Горленка выдать ему «сказку» о томъ, что все это дѣлается по распоряженію Брюховецкаго; полковникъ велѣлъ передать ему, что никакого письменнаго удостовѣренія «за рукой» не дастъ и что приказъ былъ отданъ гетманомъ на словахъ.

Такимъ образомъ прилуцкій воевода раньше, чѣмъ успѣлъ предпринять что-либо, очутился въ осадномъ положеніи, связанный по рукамъ и ногамъ малолюдствомъ своего отряда, въ добавокъ на половину разбѣжавшагося. Да и что могъ онъ сдѣлать съ горстью драгунъ и двумя пушками противъ густаго и озлобленнаго населенія Прилукъ, когда уже отстаивать одинъ „верхній городъ, къ тому же не малый", представлялось непосильной задачей [1]).

Загряжскій продержался не долго.

Изгнаніе воеводы Огарева изъ гетманской резиденціи послужило сигналомъ къ повсемѣстнымъ открытымъ враждебнымъ

---

[1]) Акты Ю. и З. Р. Т. VII, стр. 13, 14, 16, 19, 20, 21.

дѣйствіямъ противъ московскихъ резидентовъ. Первымъ изъ нихъ сдался прилуцкій; на масляницѣ нѣжинскій епископъ Меѳодій узналъ, что воевода съ ратными людьми достались въ руки прилуцкимъ козакамъ [1]). Ратныхъ людей перебили. Загряжскій въ оковахъ былъ отведенъ вмѣстѣ съ другими плѣнниками въ Гадячь, а оттуда въ темницы лубенскаго мгарскаго монастыря [2]).

Изъ царскихъ воеводъ удержались лишь двое: Толстой въ Черниговѣ и Ржевскій въ Нѣжинѣ. Послѣдній, съумѣвшій снискать расположеніе нѣжинцевъ, спасся благодаря своей популярности и пріятельскимъ отношеніямъ съ нѣжинскимъ протопопомъ Адамовичемъ, какимъ-то образомъ вывѣдавшимъ отъ Горленка о тайныхъ постановленіяхъ гадячской рады и успѣвшемъ заблаговременно предупредить Ржевскаго [3]).

VIII.

Но ничто уже не могло выручить честолюбца, не знавшаго пощады для достиженія своихъ личныхъ цѣлей; 30 мая 1668 г. Брюховецкій палъ жертвою разразившейся надъ нимъ народной ненависти. Покинутый войскомъ, вѣроломный бояринъ и гетманъ трагической кончиной у Сербиновой могилы заплатилъ за свои историческіе грѣхи и ошибки.

Гетманщина снова была повергнута въ полную анархію; войско раздѣлилось: одни полки объявили себя за Москву, другіе, въ томъ числѣ и прилуцкій, примкнули къ Дорошенку.

Въ самихъ Прилукахъ произошла смута. Ее поддерживали и эксплуатировали новые, зашедшіе въ край элементы. Въ числѣ

---

[1]) Ригельманъ, т. II, стр. 105.

[2]) Самовидецъ, 98. О дальнѣйшей судьбѣ прилуцкаго и другихъ воеводъ извѣстно, что по взятіи Лубенъ Дорошенко держалъ ихъ при себѣ, съ цѣлью обмѣнять ихъ на сосланнаго когда-то въ Москву прилуцкаго полковника Черняховскаго. Загряжскій томился въ заключеніи до 5-го мая, когда ему, при помощи игумена трехтеміровскаго монастыря удалось бѣжать изъ Чигирина чрезъ Днѣпръ въ московскіе предѣлы (Акты, т. VIII, стр. 12).

[3]) Акты, т. VIII, стр. 89.

ихъ не послѣднюю роль игралъ нѣкій Ивашко, бывшій на Запорожьи кошевымъ атаманомъ [1]). Онъ былъ у Брюховецкаго своимъ человѣкомъ и явился однимъ изъ самыхъ рьяныхъ сторонниковъ изгнанія воеводъ, но послѣ его смерти нашелъ удобнѣе пристать къ сильнѣйшему, т. е. Дорошенку. Ловко воспользовавшись наступившей неурядицей, Ивашко *кошевый*, какъ его называли, съумѣлъ перетянуть на свою сторону вѣчно-безпокойныхъ козаковъ и вліятельныхъ прилуцкихъ старшинъ, перессоривъ ихъ предварительно между собой и «учинивъ разнствіе» между полковымъ есауломъ Маценкомъ и Лазаремъ Горленкомъ, не хотѣвшимъ передаться дорошенковцамъ [2]).

Горленко не принадлежалъ къ партіи Дорошенка, какъ полагали нѣкоторые [3]). Неся въ концѣ пятидесятыхъ годовъ бранную службу подъ его непосредственнымъ начальствомъ, онъ конечно болѣе многихъ иныхъ могъ оцѣнить личность бывшаго своего полковника. Факты указываютъ однако, что это не привлекло Лазаря въ ряды его приверженцевъ.

Результатъ интригъ Ивашки кошеваго сказался очень быстро. «Великое шалоумство» его принудило Горленка оставить полкъ, домъ и семью и выѣхать изъ родныхъ Прилукъ «по нуждѣ, не для чего инаго, только отъ налогу Иващки и злаго къ нему, Лазарю, намѣренія, такъ какъ онъ на достойность его и заслугу войску запорожскому наступати хотѣлъ» [4]). Въ Прилукахъ *на полковничьемъ урядѣ* появился *Иванъ Кошовый* и былъ *утвержденъ* въ этомъ званіи *Дорошенкомъ* [5]).

Новый полковникъ сталъ круто хозяйничать на новосельи и, безцеремонно пользуясь своей властью, прижиматъ прилучанъ чисто по запорожски [6]).

---

[1]) Акты, т. VII, стр. 150. Не одно-ли это лице съ *Иваномъ Бѣлковскимъ*, кошевымъ Запорожской Сѣчи 7-го января и 8 марта 1668 г.?

[2]) Ibid, т. VIII, стр. 182.

[3]) Де Пуле: Малороссійскіе эмигранты (Вѣстн. Европы 1872).

[4]) Акты, т. VIII, стр. 182. Письмо Л. Горленка къ Маценку.

[5]) Ibid, т. VII, стр. 153.

[6]) Къ характеристикѣ невыясненной доселѣ личности новаго прилуцкаго полковника можетъ служить жалоба извѣстнаго протопопа Адамовича, бившаго челомъ государю на Ивана Кошоваго, что онъ держалъ его, протопопа, жену

Болѣе полугода держался въ Прилукахъ Дорошенковъ ставленникъ. Наконецъ прилучане, потерявъ терпѣніе и не вида отъ Дорошенка ни помощи, ни пользы, «скинули» Кошоваго съ полковничества и, избравъ на его мѣсто знакомаго намъ Маценка, въ январѣ 1669 г. били челомъ царскому величеству «въ винахъ своихъ» [1]).

27-го числа того-же мѣсяца новый гетманъ лѣвой стороны Днѣпра, Многогрѣшный, извѣстилъ царя, что прилуцкій полковникъ со старшиной изъявилъ ему покорность [2]).

IX.

Гдѣ-же былъ въ это время Лазарь Горленко, «стародавній» полковникъ прилуцкій?

А Лазаревъ слѣдъ скоро отыскался въ пріютѣ всѣхъ недовольныхъ существовавшимъ порядкомъ вещей—Сѣчи запорожской. Пробравшись туда изъ Прилукъ, Горленко нашелъ земляка, молодаго кошеваго писаря Суховія, который, не смотря на свои 23 года, противупоставленъ былъ Дорошенку. Осенью 1668 г. талантливый и предпріимчивый юноша былъ избранъ въ гетманы запорожцами, которые, съ одной стороны, не могли простить Дорошенку смерти Брюховецкаго, а съ другой, не желая ни польскаго, ни московскаго протектората, стремились къ созданію независимой Украйны, опиравшейся на союзъ съ Крымомъ.

Своимъ умомъ, образованностью и плѣнительнымъ обхожденіемъ юный гетманъ съумѣлъ такъ понравиться въ Бахчисараѣ,

---

семьнадцать недѣль въ кандалахъ и колодкахъ, *вымогая животы.* Изъ этой прилуцкой „неволи“ освободилъ ее нѣжинскій воевода Ржевскій (Акты, т. VIII стр. 12). Еще фактъ: въ декабрѣ того-же 1668 года къ Прилукамъ подступилъ трехтысячный татарскій отрядъ и, предъявивъ письмо отъ Дорошенка, просилъ полковника впустить въ городъ, за присягой, около сотни всадниковъ. Очутившись въ городскихъ стѣнахъ, степняки, какъ ни крѣпились, но искушенія не выдержали и, бросившись на жителей съ арканами, стали ловить да вязать себѣ „ясcырь“. Тогда Кошовый приказалъ запереть всѣ выходы и перебить татаръ (Акты, т. VII, стр. 15).

1) Акты, т. VIII, стр. 61.

2) Моск. архивъ мин. ин. дѣлъ, № 222.

что ханъ поспѣшилъ признать его въ новомъ достоинствѣ и охотно обѣщалъ свою поддержку. Однако понесенная на первыхъ-же порахъ въ борьбѣ съ Дорошенкомъ неудача принудила его скрыться въ Крыму, откуда впрочемъ весною слѣдующаго года «запорожское рыцарство» снова вызвало его къ себѣ и вторично вручило ему знаки гетманской власти.

Горленко, близко сошедшійся съ Суховіемъ, дѣятельно агитировалъ въ пользу своего пріятеля и разсылалъ вмѣстѣ съ ханомъ Адиль-Гиреемъ «прелестные» листы въ лѣвобережные полки, убѣждая и своего замѣстителя въ Прилукахъ и бывшихъ своихъ полчанъ признать новаго гетмана.

Въ письмѣ «съ Коша, изъ Чертомлыка» [1]), отъ 26 апрѣля 1669 г., Лазарь, поздравляя своего «кума и пріятеля» Маценка съ полковничествомъ, увѣдомлялъ его о совершившемся наканунѣ избраніи «прямымъ гетманомъ и оберегателемъ Петра Суховія», прибавляя, что новоизбранный, «Богомъ вооружась и на своемъ урядѣ гетманскомъ будучи, въ скоромъ времени съ войскомъ запорожскимъ и ордами великими подъ Чигиринъ пойдетъ». «Прямое же дѣло тебѣ похваляю», продолжаетъ Горленко, «что оставивъ весь обманъ Дорошенковъ, къ Многогрѣшному нынѣ подлегаешь... И здѣсь войско запорожское на Многогрѣшнаго ласкавы»... «То и ты, пріятель мой», заключаетъ онъ, «будто *двоеличною китайкою* сего времени будь ко всякому, и то тебѣ лучше будетъ» [2]).

Закончивъ этимъ маккіавелевскимъ совѣтомъ дипломатическую часть своего посланія, Лазарь переходитъ къ своимъ домашнимъ дѣламъ, какъ видно не ладившимся въ его продолжительное отсутствіе. «Ивашку (кошеваго), пишетъ онъ съ радостію, Богъ въ невѣдоміи наказалъ и вручилъ урядъ полковничій тебѣ, пріятелю моему», и затѣмъ выражаетъ „жалость сердечную“, что, по дошедшимъ до него свѣдѣніямъ, какой-то «Тишка

---

[1]) Екатеринославской губерніи и уѣзда, рѣка Чертомлыкъ, притокъ Бузулука, впадающій въ Днѣпровскій лиманъ „Великія Воды“.

[2]) Акты, т. VIII, № 53, § 12.

Косой, съ Денисомъ сговорясь, лошадь его со двора безвинно взяли» и проситъ его приказать отдать женѣ его коня, «за что, прибавляетъ, Косому конечно воздати обѣщеваю» [1]).

«Прелестные» листы эти имѣли однако мало успѣха: изъ Прилукъ они препровождались въ Батуринъ въ доказательство вѣрности прилуцкихъ полчанъ, а затѣмъ были пересылаемы Многогрѣшнымъ къ царю. Надеждамъ Горленка и Суховія, горѣвшаго нетерпѣніемъ отомстить Дорошенку за свое недавнее пораженіе, не суждено было осуществиться и въ концѣ концевъ выставленный запорожцами гетманъ, отчаявшись въ успѣхѣ, спустя два съ половиною мѣсяца послѣ своего избранія, отказался отъ гетманства въ пользу уманскаго полковника Ханенка.

Утомленный безплодными интригами на Запорожьѣ и въ Крыму, Горленко оставилъ Ханенка; постоянныя неудачи разочаровали его, а примѣръ товарищей, Суховія [2]) и Думитрашка Раича, побудилъ его вернуться на родину и наружно примириться съ господствовавшими тамъ порядками.

Преемникъ Брюховецкаго, Многогрѣшный, заставившій провозгласить себя гетманомъ съ помощью иноземныхъ наемныхъ «компаній» [3]), не могъ естественно разсчитывать на доброжелательство родовитой старшины, на глазахъ которой онъ вышелъ изъ простой крестьянской семьи; ей трудно было примириться съ мыслью, что всѣми станетъ верховодить «Демьянъ-мужичій сынъ»; сверхъ того, многіе вліятельные войсковые чины были смѣщены со своихъ прежнихъ должностей и въ ходъ пошли гетманскіе сродники и друзья. Въ 1671 г. Маценко въ свою очередъ принужденъ былъ уступить свое мѣсто въ Прилукахъ нѣкоему *Семену Третьяку* [4]), одному изъ тѣхъ близкихъ

---

[1]) Ibid.

[2]) Акты, т. IX, стр. 818.

[3]) Самовидецъ, стр. 102. Къ акту избранія Многогрѣшнаго приложили руки лишь весьма не многіе полковники: представителемъ же *прилуцкаго полка* явился одинъ только есаулъ Яковъ Трофимовъ, онъ же и наказной полковникъ (Ригельманъ, т. II, стр. 112, 113).

[4]) До сихъ поръ *не встрѣчалось* еще этого имени въ спискахъ прилуцкихъ полковниковъ; но въ архивѣ густынскаго монастыря есть письмо Многогрѣш-

или родственныхъ Многогрѣшному лицъ, въ пользу которыхъ новый гетманъ произвольно распоряжался полковыми урядами.

Возвращаясь на службу къ этому послѣднему, Лазарь имѣлъ свои разсчеты, зная чрезъ друзей о накоплявшемся среди старшинъ нерасположеніи къ гетману и вмѣстѣ съ пріятелемъ своимъ Маценкомъ силою вещей становился центромъ, около котораго группировались недовольные. Какъ бы то ни было, но въ Прилукахъ онъ удовольствовался званіемъ полковаго судьи [1]) и, смирившись до поры до времени, сталъ выжидать готовившихся событій.

X.

Они не заставили долго себя ждать.

Глухіе толки, ходившіе въ прилуцкомъ полку, о сближеніи Многогрѣшнаго съ врагомъ Москвы, Дорошенкомъ, становились все громче, настойчивѣе, упорнѣе. Говорили о близкомъ свиданіи обоихъ гетмановъ въ Прилукахъ, съ цѣлью заключенія оборонительнаго и наступательнаго союза противъ Москвы, имѣющаго быть утвержденнымъ обоюдной клятвой, послѣ чего новые союзники, совмѣстно съ ордой, должны двинуться «на московскіе города войной». Этимъ объясняли и спѣшное выступленіе изъ Батурина къ Ичнѣ «надворной пѣхоты», всюду предшествовавшей гетману [2])...

Вдругъ ночью съ 12 на 13 марта 1672 г. гетманъ былъ схваченъ полковниками Раичемъ, Рославцемъ и генеральнымъ писаремъ Мокріевичемъ и въ оковахъ отвезенъ въ Москву. Картина измѣниласъ разомъ: друзья, родственники и сторонники низложеннаго гетмана были арестуемы, выселяемы и изгоняемы изъ предѣловъ Малороссіи, а прежніе изгнанники съ торжествомъ возвращались къ утраченной власти [3]). Отъ 3-го апрѣля ставшіе

няго, изъ Батурина, отъ 30 іюля 1671 г., съ такою надписью: „моему вельце ласкавому пріятелевѣ, пану С. Третьяку, полковникові В. Е. Ц. П. В. З. прилуцкому".

[1]) Архивъ Густынск. монастыря; крѣпости отъ 19 сентября 1671.

[2]) Акты, т. IX, стр. 815.

[3]) Ibid, т. IX, стр. 740.

во главѣ временнаго управленія генеральный судья Забѣло съ товарищами извѣстили государя, что сродники бывшаго гетмана находятся подъ карауломъ и вмѣсто нихъ на начальническія мѣста избраны другія лица.

Лишь только вѣсть о паденіи Многогрѣшнаго достигла Прилукъ, прилучане прогнали Третьяка и снова «обрали полковникомъ Лазаря Горленка», а открывшаяся должность судьи досталась Маценку [1]). Водворившійся полковникъ немедля собралъ старшинъ и со всѣмъ товариствомъ отправился въ Батуринъ, куда были приглашены вся генеральная старшина и полковники, съ полковой старшиной, сотниками, атаманами и «значными» войсковыми товарищами. Здѣсь общимъ совѣтомъ постановили просить царя Алексѣя Михайловича, чтобы избирательная рада происходила безъ участія простыхъ козаковъ, какъ единственной гарантіи избранія намѣченнаго заранѣе кандидата. Получивъ на это царское соизволеніе, представители войска запорожскаго, въ томъ числѣ и Горленко, послали въ Москву благодарственную грамоту за своими подписями [2]) и затѣмъ въ полномъ сборѣ двинулись къ Конотопу на встрѣчу государеву посольству, вступившему въ предѣлы Украйны.

По пути малороссійскіе старшины, опасаясь обычныхъ при выборахъ безпорядковъ и буйства, могущихъ разстроить всѣ ихъ комбинаціи, рѣшили еще просить царскаго уполномоченнаго подъ благовиднымъ предлогомъ не созывать рады въ шумномъ и многолюдномъ Конотопѣ.

Командированный съ этою цѣлью кіевскій полковникъ Солонина потерпѣлъ полнѣйшее фіаско и вернулся ни съ чѣмъ, если не считать письма, въ которомъ русскій бояринъ, основы-

---

[1]) Акты, т. IX, стр. 725.

[2]) Ibid, т. IX, стр. 850; 164. Изъ девяти полковниковъ, скрѣпившихъ своими именами грамоту, всего двое „рукою своею подписались". Остальные „повелѣли" росписаться за себя своимъ писарямъ, придерживаясь средневѣковаго рыцарскаго воззрѣнія на грамоту, какъ идущую совсѣмъ въ разрѣзъ съ воинскимъ дѣломъ. Замѣчательно, что высшій *гражданскій* чинъ Малороссіи, генеральный судья Забѣло, былъ повидимому также не грамотенъ.

ваясь на своихъ инструкціяхъ, опредѣлявшихъ мѣстомъ выборовъ Конотопъ, просилъ правителей Малороссіи прислать къ нему изъ своей среды „какую умную особу, съ кѣмъ о томъ разговорить“ [1]).

Общій выборъ палъ на прилуцкаго полковника, который лично зналъ московскаго посла и уже имѣлъ за собой дипломатическое прошлое. Словесно уполномоченный отъ лица всѣхъ старшинъ «для постановленія и утвержденія всякаго», онъ отправился 14 іюля въ московскій станъ, переговорить съ царскимъ воеводой и постараться подѣйствовать на него силою убѣжденій [2]).

Горленко настигъ царское посольство близъ пограничнаго мѣстечка Козачьей Дубровы [3]) и тотъ-часъ же приказалъ увѣдомить о своемъ пріѣздѣ князя Ромодановскаго, воеводу и намѣстника бѣлгородскаго, находившагося во главѣ посольства, въ качествѣ представителя высокой особы царскаго величества. Свиданіе произошло въ шатрѣ боярина, въ присутствіи его товарищей, думнаго дворянина Ивана Ржевскаго и дьяка Ташлыкова. Сообщивъ князю, что онъ прибылъ посовѣтоваться съ нимъ о дѣлѣ чрезвычайной важности, Горленко передалъ ему о настоятельномъ желаніи всей генеральной старшины и всѣхъ полковниковъ устроить раду *тутъ же*, въ Козачьей Дубровѣ, куда они всѣ прибудутъ «въ сходѣ». Не безъ труда удалось Горленку уговорить Ромодановскаго: воевода, буквально придерживаясь царскаго указа, долго колебался, ссылаясь на то, что ему государь велѣлъ раду чинить и гетмана выбрать въ Конотопѣ; сдавшись наконецъ на краснорѣчивые доводы Горленка, вызвавшаго, быть можетъ, еще не изгладившіяся въ памяти боярина воспоминанія о страшныхъ іюньскихъ событіяхъ 1661 года, свидѣтелями и участниками которыхъ они были

---

[1]) Акты, т. IX, стр. 928.

[2]) Ibid, т. IX, 931, № 178.

[3]) Путивльскаго уѣзда, въ 15 верст. отъ Конотопа, населеннаго бѣглецами изъ Гетманщины.

оба, онъ посовѣтовался съ товарищами и вручилъ прилуцкому полковнику благопріятный отвѣтъ [1]).

Такимъ-то образомъ, благодаря успѣху миссіи Горленка, трепетавшіе за исходъ ея старшины, не только избавились отъ пугавшаго ихъ грознаго призрака „черной рады", но устроивъ ее вдали отъ народной громады, на московской землѣ, тѣмъ самимъ обезпечили успѣхъ своихъ выборовъ.

На рѣкѣ Красенѣ, близъ валовъ Козачьей Дубровы, открылась 15 іюля рада, въ виду московскихъ и козацкихъ войскъ, ставшихъ лагеремъ на противоположныхъ берегахъ.

Въ то время, какъ собравшіеся въ «государевомъ шатрѣ» предводители войска запорожскаго, обмѣнявшись привѣтствіями съ царскими послами, приступали къ подписанію громогласно прочитанныхъ и утвержденныхъ статей [2]), подтверждавшихъ старинныя козацкія права и вольности, стремительно прискакалъ московскій гонецъ Сенявинъ и, спѣшившись у шатра, подалъ боярину царскую грамоту. Тутъ, среди всеобщихъ благопожеланій и поздравленій, впервые было произнесено имя того, чьему державному гнѣву суждено было тяготѣть надъ двумя поколѣніями—дѣтей и внуковъ присутствовавшаго прилуцкаго полковника. Царь извѣщалъ о рожденіи «великаго государя царевича и великаго князя Петра Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи».

На слѣдующій день по избраніи въ гетманы генеральнаго судьи Самойловича, во время пышнаго банкета у кн. Ромодановскаго, на которомъ пировали гетманъ, блюститель патріаршаго престола, архіепископъ черниговскій Лазарь Барановичъ и

---

[1]) Акты. т. IX, стр. 932, 933.

[2]) Къ выборнымъ статьямъ отъ прилуцкаго полка приложили руки: полковникъ *Лазаръ Горленко* и полковая старшина: писарь Семенъ *Раковичъ*, обозный Вас. *Севастьяновъ*, судья Ив. *Маценко*, есаулъ Гр. *Черняевскій*, хорунжій Андр. *Семеновъ*, сотникъ Мих. *Раковичъ*, да сотники: варвинскій, иченскій, сребрянскій, краснянскій, иваницкій, журавскій, монастырищенскій и карабутовскій (Акты, т. IX, стр. 907).

всѣ старшины, прибывшимъ изъ столицы стряпчимъ Хомутовымъ еще въ болѣе торжественной и оффиціальной формѣ было возвѣщено о рожденіи царевича Петра, будущаго преобразователя Россіи. Козацкіе военачальники были щедро одѣлены царскими подарками и «соболиной казной»: Горленку и прочимъ полковникамъ государь жаловалъ «по сороку соболей, въ шестьдесятъ рублей сорокъ, да по парѣ въ десять рублей пара, да по атласу гладкому въ десять аршинъ» [1]).

Долго еще, до поздней ночи, пылали праздничные огни, гремѣли выстрѣлы самопаловъ и пищалей, длилось шумное ликованіе москвичей и козаковъ, соединенныхъ двойнымъ торжествомъ.

XI.

Съ переходомъ власти въ руки Самойловича [2]), еще въ 1665 году въ званіи сотника краснянскаго, служившаго подъ начальствомъ Горленка, послѣдній болѣе чѣмъ когда-либо могъ считать свое положеніе упроченнымъ. Гетманъ, давнишній собратъ его по оружію, былъ связанъ съ нимъ долголѣтней совмѣстной службой, общностью мѣстныхъ и родственныхъ интересовъ и наконецъ долгомъ признательности, какъ къ главнѣйшему, быть можетъ, виновнику своего избранія.

Въ Прилукахъ, съ другой стороны, на своемъ урядѣ полковникъ имѣлъ поддержку въ окружавшей его старшинѣ, среди которой главными дѣятелями были его свойственники Раковичи и пріятель Маценко. Этихъ связей было болѣе чѣмъ достаточно для утвержденія его значенія и благосостоянія; благодаря имъ, Горленко значительно увеличилъ свои маетности. Кромѣ пожалованной въ 1666 г. царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ *с. Ольшаны*, ему принадлежали въ прилуцкой сотнѣ села *Дубовый Гай*, въ иваницкой *Ковтуновщина*, въ монастырищенской

---

[1]) Акты, т. IX, стр. 864.

[2]) Самойловичъ былъ родомъ изъ прилуцкаго мѣстечка Краснаго Колядина, гдѣ отецъ его былъ священникомъ.

Галица, да сверхъ того онъ владѣлъ еще селомъ *Ряшками*, на р. Удаѣ, принадлежавшимъ къ полковничьемъ уряду [1]).

Не долго однако пришлось наслаждаться Горленку спокойствіемъ и тихой семейной жизнью среди занятій по хозяйству и внутреннему управленію прилуцкимъ полкомъ.

Появленіе на гетманскомъ урядѣ новаго лица неизбѣжно должно было привести его къ столкновенію съ Дорошенкомъ. Отчаянное дѣло затѣялъ поборникъ независимости Украйны! Чтобы оградить ея единство и сохранить ускользавшую отъ него власть, онъ не побоялся предать родную страну въ руки лютыхъ враговъ христіанства и теперь съ горечью безсилія принужденъ былъ видѣть, какъ покровители его, турки, терзали родную землю. Лѣвобережные полки были наполнены бѣглецами изъ за Днѣпра и прилучане, съ содроганіемъ внимая повѣствованіямъ о звѣрствахъ басурманъ надъ единокровными братьями и поруганіи вѣры православной, проклинали бывшаго своего полковника, поддавшагося султану.

Самойловичъ ясно понималъ всю опасность, грозившую ему съ этой стороны, и все свое искуство и усилія направилъ къ тому, чтобы преодолѣть обычную косность московскаго правительства и убѣдить его, что одной только силой и можно привести Дорошенка къ покорности. Дѣйствитильно, во второй половинѣ января мѣсяца 1674 г., послѣ праздниковъ Рождества Христова, Горленко получилъ приказъ выступить со своимъ полкомъ въ чигиринскій походъ.

Соединенныя велико и малороссійскія войска, съ Самойловичемъ и Ромодановскимъ во главѣ, двинулись по льду, внизъ по замерзшему Днѣпру, къ одному изъ оплотовъ непріятеля, Черкасамъ, господствовавшимъ надъ высотами праваго берега. Послѣ трехдневнаго упорнаго сопротивленія крѣпость сдалась. Охрана этого важнаго стратегическаго пункта была поручена

---

[1]) Лазаревскій, Русск. Архивъ, 1875 г., стр. 2, 250. Ряшки впослѣдствіи достались фельдмаршалу графу Миниху и затѣмъ перешли къ князьямъ Юсуповымъ.

Горленку, который со своими козаками и полчанами сумскаго полковника Корибута занялъ крѣпостной замокъ [1]). Дальнѣйшія военныя дѣйствія не имѣли впрочемъ особенно важныхъ послѣдствій и главныя силы, за ранней весенней распутицей и недостаткомъ продовольствія, отступили къ Переяславлю. Дорошенко былъ, казалось, неуязвимъ, но за то правобережные полковники явились къ Самойловичу съ повинной. Здѣсь Горленко былъ свидѣтелемъ торжественной присяги ихъ на подданство царю, а въ день государевыхъ имянинъ, 17 марта, на пиру у московскаго главнокомандующаго, судьба столкнула его съ лицемъ, игравшимъ впослѣдствіи столь роковую и знаменательную роль какъ въ собственной его жизни, такъ и въ исторіи его потомства. Это былъ прибывшій съ якобы мирными предложеніями генеральный писарь Дорошенка Мазепа [2]).

Чигиринскій гетманъ, протягивая руку примиренія своему сопернику, другою звалъ къ себѣ на помощь турокъ и татаръ, что заставило Самойловича и Ромодановскаго общими силами ударить на врага въ его же убѣжищѣ.

Въ іюлѣ изъ-подъ Черкасъ была выслана для рекогносцировки впередъ къ Чигирину «сторожею» часть кавалеріи подъ начальствомъ Горленка.

Этотъ летучій авангардъ молодецкимъ наѣздомъ захватилъ въ расплохъ непріятельскую «сторожу» и такимъ образомъ очистилъ путь для наступающаго войска [3]). 21 іюля, подвигаясь къ Чигирину и продолжая свою аванпостную службу, Горленко налетѣлъ съ отборными козаками своего и ахтырскаго полка на Дорошенковъ «подъѣздъ», вышедшій изъ города для развѣдки и, послѣ жаркой сѣчи, разбилъ его на голову. Преслѣдуя бѣгущихъ козаковъ и татаръ, прилуцкій полковникъ рубилъ и гналъ ихъ до самыхъ стѣнъ осажденнаго города и вернулся въ лагерь съ большимъ числомъ плѣнныхъ «языковъ» [4]).

---

[1]) Арх. мин. юстиціи, стр. 24, 596.

[2]) Соловьевъ. Истор. Россіи, т. XI, стр. 159.

[3]) Акты, т. IX, стр. 545.

[4]) Ibid., стр. 594.

23-го іюля подошли къ Чигирину гетманъ и бояринъ съ воеводами и начали осаду, но, отбитые вскорѣ подоспѣвшей ордой, должны были, сжегши Черкасы, поспѣшно отступать передъ надвигающимися массами мусульманъ, распространявшихъ паническій страхъ по всей западной Украйнѣ.

Турки, расправившись съ Польшей и потопивъ въ крови Ладыжинъ и Умань, обѣщали Дорошенку раздѣлаться и съ Россіей, а татары грозились къ веснѣ снова вернуться обратно.

Зима 1674—1675 гг. прошла въ приготовленіяхъ къ встрѣчѣ страшныхъ гостей. Лазарь дѣятельно укрѣплялъ Прилуки и принималъ мѣры къ ихъ оборонѣ, заготовлялъ продовольствіе и боевые запасы. Окрестные жители были согнаны съ города съ ихъ припасами; по стѣнамъ и башнямъ разставлены пушки и усилены караулы. Коннымъ и пѣшимъ козакамъ прилуцкаго полка на всякій случай приказывалось быть готовыми къ бою. Проживавшій въ уѣздѣ запорожецъ Лукьянъ съ товарищами приглашенъ состоять при особѣ полковника. Всюду по дорогамъ, ведущимъ къ городу и на разбросанныхъ въ окрестностяхъ курганахъ стояли форпосты, по утрамъ въ степь наряжались разъѣзды, а вѣстовщики и развѣдчики разсылались въ разныя стороны и главнымъ образомъ по направленію къ Пирятину. Не ограничиваясь этимъ, самъ полковникъ дѣлалъ постоянные объѣзды поселеній прилуцкаго полка, нѣсколько разъ видѣлъ показывавшагося вдали непріятеля, не рѣшавшагося впрочемъ открыто атаковать хорошо защищенныя мѣстечка, куда при первомъ извѣстіи о приближеніи враговъ заблаговременно укрылось, по распоряженію Горленка, со всѣмъ имуществомъ и скарбомъ, населеніе пригородовъ и слабыхъ мѣстечекъ Иваницы и Журавки [1]).

На масляницѣ наконецъ показались враги: это были передовыя шайки султана Нуреддина, перешедшаго Днѣпръ и надвигавшагося съ 13,000 татаръ на Лубны и Прилуки, полоня и разоряя [2]). Но краю уже опасаться было нечего: въ немъ

---

[1]) Акты, т. XII, стр. 24. Донесеніе Горленка Самойловичу.

[2]) Ibid. т. XII, стр. 85.

были сосредоточены значительныя силы, шедшія на помощь польскому королю. Московское правительство совмѣстно съ Польшей собиралось положить конецъ своевольству Дорошенка и его лютыхъ союзниковъ и только нежеланіе Самойловича дѣйствовать за одно съ ненавистными ему ляхами спасло на этотъ разъ его соперника.

Не мало заботъ было Горленку съ переполнявшими его полкъ войсками, главный сборъ которымъ былъ подъ Прилуками. Съ ранней весны и до самой осени стояла въ прилуцкомъ полку московская рать и происходили передвиженія военныхъ силъ и обозовъ Ромодановскаго и Самойловича, 7-го сентября соединившихся на Обѣчевской греблѣ, подъ с. Галицею, имѣніемъ Горленка, въ пяти верстахъ отъ Монастырища. Здѣсь бояринъ и гетманъ простояли цѣлую недѣлю и дождались царскаго указа, которымъ пріостанавливалось ихъ дальнѣйшее движеніе на Яготинъ, къ Днѣпру, и разрѣшалось распустить людей по случаю осенняго ненастья [1]).

Въ началѣ зимы узнали въ Прилукахъ о смерти «тишайшаго царя». Вступленіе на престолъ его преемника временно обнадежило Дорошенка, котораго уже въ мартѣ мѣсяцѣ тѣснилъ высланный противъ него со своими козаками Горленко, не взирая на его неоднократныя письменныя укоризны и завѣренія въ преданности государю: [2]) по приказанію царя Θеодора, дѣйствовавшій огрядъ былъ отозванъ и только въ іюлѣ, на основаніи энергичныхъ представленій Самойловича, торопившаго развязку, велико и малороссійскія силы двинуты были къ Чигирину.

Походъ, какъ извѣстно, окончился полнымъ торжествомъ Самойловича, побѣдоносно возвратившагося въ свой Батуринъ гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра. Но внутренніе враги его не дремали и въ то время, какъ онъ распускалъ войска по домамъ и ѣздилъ въ Кіевъ поклониться святымъ угод-

---

1) Акты, т. XII, стр. 244.
2) Ibid. т. XII, стр. 598.

никамъ за счастливый исходъ дѣла, среди приближенныхъ къ нему старшинъ былъ обнаруженъ смѣлый заговоръ.

XII.

Стародубскій полковникъ Петръ Рославецъ, одинъ изъ вліятельнѣйшихъ въ Малороссіи, личный недругъ гетмана, задумавъ выдѣлить свой полкъ изъ вѣдѣнія послѣдняго, чтобы причислить его къ привиллегированному разряду слободскихъ полковъ, отправился въ концѣ лѣта въ Москву съ доносами на Самойловича и обвиненіями его въ различныхъ злоупотребленіяхъ. Не найдя въ столицѣ ожидаемой поддержки. Рославецъ былъ выданъ гетману «головой» и доставленъ скованнымъ въ его резиденцію.

Наряжено было самое строгое слѣдствіе.

Самойловичъ, едва успѣвшій сладить съ Дорошенкомъ и помнившій хорошо еще свѣжій случай со своимъ предшественникомъ, основательно опасался потрясенія своего авторитета и принялъ это дѣло особенно къ сердцу. Тутъ подслужился ему бывшій генеральный писарь сдавшагося Дорошенка и открылъ обстоятельства, проливавшія новый свѣтъ на дѣло Рославца и придававшія ему особую важность.

Заговоръ будто-бы имѣлъ цѣлью низверженіе Самойловича въ пользу злѣйшаго его врага, Дорошенка, и причастныя къ нему «значныя особы» хотѣли убить гетмана или учинить съ нимъ то, что и Многогрѣшному, а соперника его избрать гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра [1]). Главнымъ соумышленникомъ Рославца былъ, по сообщенію Вуеховича, протопопъ Симеонъ Адамовичъ, тайно извѣщавшій Дорошенка, что съ нимъ за одно нѣсколько «знатныхъ особъ», а именно полковникъ прилуцкій Лазарь Горленко и переяславскій Думитрашко Раичъ, бывшій генеральный писарь Мокріевичъ и другіе, т. е. почти всѣ участники низложенія Многогрѣшнаго. Перечисленныя лица поручали Адамовичу передать Дорошенку, что они желаютъ имѣть его

---

[1]) Акты, т. XII, стр. 726.

гетманомъ, и это не только съ вѣдома войска и черни, но и съ соизволенія самаго царя, причемъ заранѣе просили его не мстить имъ за прежніе противъ него проступки. Дорошенко отвѣчалъ согласіемъ на все, лишь бы дѣло произошло безъ пролитія крови [1]).

Войсковый судъ надъ обвиняемыми состоялся въ Батуринѣ, 6-го января 1677 года, послѣ Богоявленія.

Горленку и Раичу, участіе которыхъ осталось не доказаннымъ, велѣли присягнуть въ ихъ невинности. Мокріевичъ былъ осужденъ на изгнаніе. Рославцу и Адамовичу, упорно отказывавшимся отъ сношеній съ Дорошенкомъ, но уличеннымъ свидѣтельскими показаніями, смертная казнь была замѣнена: первому тюремнымъ заключеніемъ и вѣчнымъ безчестьемъ, второму—постриженіемъ [2]). Когда же протопопъ отказался исполнить постановленіе духовнаго суда, его отдали мірскому, лишивъ сана. Истязанія и жестокое заключеніе вынудили у Адамовича невольное сознаніе и онъ, не выдержавъ пытокъ, оговорилъ въ Черниговѣ Горленка, Раича и иныхъ въ замыслѣ на жизнь гетмана.

Самойловичъ не пощадилъ заговорщиковъ; по царскому указу отъ 31-го іюля. Рославецъ съ Адамовичемъ были сосланы въ Москву и затѣмъ въ Сибирь; Горленку и Раичу дарована жизнь, но, лишенные урядовъ и должностей, они заключены въ тюрьму, имѣнія ихъ конфискованы въ пользу войска [3]).

Впечатлѣніе, произведенное этимъ событіемъ въ Гетманщинѣ, было подавляющее. Современники объясняли его какъ прямое слѣдствіе общаго упадка древняго благочестія, нравственности и порядка. Въ необычайныхъ вьюгахъ и морозахъ наступившей зимы, загубившихъ не мало народу, а вслѣдъ затѣмъ въ ужасномъ пожарѣ, истребившемъ 18-го мая почти весь Стародубъ,

---

[1]) Акты, т. XII, стр. 854, 865.

[2]) Ригельманъ, т. II, стр. 155; Костомаровъ, т. XV, стр. 531.

[3]) Самовидецъ, стр. 134; Краткое описаніе Малороссіи, стр. 276; Ригельманъ, т. II, стр. 156; Маркевичъ, т. II, стр. 243; Костомаровъ, т. XV, III и VIII.

съ церквами, крѣпостью и артиллеріей, видѣли ничто иное, какъ небесную кару за людскія неправды и нечестіе. «Въ Стародубѣ», говоритъ лѣтописецъ, «началась ненависть першая», породившая раздоры между поспольствомъ, козачествомъ и духовенствомъ и приведшая наконецъ къ столкновенію полковниковъ съ гетманомъ» [1]).

Что прикосновенность Горленка къ этому дѣлу, сильно раздутому, была преувеличена [2]), говоритъ уже то, что онъ очень скоро былъ принятъ обратно на службу Самойловичемъ. Не прошло и года послѣ постигшей его опалы, какъ ему было возвращено, гетманскимъ универсаломъ отъ 12 апрѣля 1687 г., село Ольшаны, а два года спустя и полковничество. Излагая побудившія его къ этому причины, Самойловичъ всенародно объявилъ, что «ижъ любо Лазарь Горленко за незбожныхъ людей, полковникуючи, нарушилъ былъ своей повинной и належитой намъ, рейментарови, вѣрности; еднакъ мы, памятуючи его давніи праци...., увесь тотъ проступокъ ему зъ милости нашой христіанской отпускаемъ» и проч. [3]).

Быть можетъ, этому не чужда была присланная царю изъ глубины Сибири челобитная Адамовича, въ которой ссыльный протопопъ оправдывалъ себя, твердя, что оговорилъ невинныхъ подъ страхомъ мученій.

XIII.

Такимъ образомъ Горленко, въ противоположность другимъ своимъ товарищамъ по несчастью, не только наружно примирился съ Самойловичемъ, но и на дѣлѣ до самой своей смерти оставался вѣрнымъ его сторонникомъ, а женитьба сына его, Димитрія, на родной племянницѣ гетманши еще болѣе сблизила недавнихъ враговъ.

---

[1]) Самовидецъ, стр. 134, 135.

[2]) Въ доносѣ на Самойловича сказано, что „отъ нихъ же Самойловичевъ съ согласниками обвинены были полковники Лазарь Горленко и другіе, которые *безвинно* страдали, а за что именно, не объявлено“ (Ригельманъ, т. II, стр. 201).

[3]) Архивъ Н. А. Маркевича, № 6323.

По арестованіи Горленка, его полкомъ управлялъ Маценко [1]), до назначенія туда полковникомъ Ѳ. Мовчана. При немъ старый Лазарь со своими дѣтьми принималъ дѣятельное участіе въ чигиринскихъ войнахъ, въ рядахъ «знатныхъ войсковыхъ товарищей» прилуцкаго полка, сильно потерпѣвшаго въ тяжелыхъ походахъ и вернувшагося осенью на родину «изнужавшимъ» и «изнищавшимъ» [2]). За подвиги противъ турокъ царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ почтилъ полкъ похвальной грамотою, а убитыхъ прилучанъ повелѣлъ «написать въ вѣчное помяновеніе въ сѵнодикѣ, въ святѣй велицѣй соборнѣй церкви Успенія Пресвятыя Богородицы» [3]). Вмѣстѣ съ преемникомъ Мовчана, Димитріемъ Чернявскимъ, Горленки, отецъ и сыновья, ходили противъ турецкаго клеврета Юраски Хмельницкаго, въ послѣдній разъ промелькнувшаго на страницахъ малорусской исторіи съ небывалымъ титуломъ «князя Сарматскаго», чтобы темнымъ и позорнымъ концемъ завершить свое безславное существованіе.

По смерти Чернявскаго, Горленко, занимавшій при немъ урядъ полковаго судьи, 25-го генваря 1680 г. является уже въ званіи, «на тотъ часъ вакансіи полковой, полковника наказнаго войска его царскаго величества запорозскаго прилуцкаго» и приказываетъ «руку свою при печати подписать» [4]), а чрезъ полъгода, осенью, уступивъ должность судьи Маценку, именуется «полковникомъ В. Е Ц. П. В. З. прилуцкимъ» и рядомъ съ древнею печатью города Прилукъ, изображающей пронзенную кривою саблею голову золоторогаго зубра, велитъ притиснуть собственную свою гербовую печать съ полнымъ своимъ титуломъ [5]).

---

[1]) Густынскій архивъ, Универсалъ И. Маценка отъ 31 декабря 1677 г.

[2]) Костомаровъ, Монографіи, т. XV.

[3]) Максимовичъ, Сочиненія, т. II.

[4]) Густынскій архивъ, Листы Л. Горленка отъ 25 января и 10 марта за печатью прилуцкаго полковаго судьи.

[5]) Архивъ Н. А. Маркевича, Листъ Л. Горленка отъ 8 октября 1680 г.

На оттискахъ печатей Лазаря Горленка, дошедшихъ до насъ въ трехъ типахъ, въ осьмиугольномъ щитѣ помѣщено символическое изображеніе водруженнаго на полумѣсяцѣ и окруженнаго сіяніемъ креста; надъ нимъ, справа и слѣва, двѣ звѣзды и пукъ страусовыхъ перьевъ—знакъ благороднаго достоин-

Занявшись дѣлами внутренняго управленія, на которыхъ не могли не отразиться перевороты и безурядица послѣднихъ лѣтъ, Горленко обратилъ особое вниманіе на отношеніе своихъ полчанъ къ духовнымъ властямъ густынской обители.

Въ описываемое время монастырь былъ въ полномъ расцвѣтѣ своего значенія и извѣстности. Духовно-литературное движеніе, первый толчекъ которому былъ данъ Петромъ Могилой и представителями коего на Украйнѣ были Лазарь Барановичъ, Іоанникій Галятовскій и Антоній Радивиловскій, не осталось чуждымъ Густыни. Въ 1670 г. въ ней былъ написанъ преподобнымъ Николою, игуменомъ Черной Горы, трудъ духовнаго содержанія[1]), а пять лѣтъ спустя живое и вдохновенное слово молодаго, только что постриженнаго въ іеромонахи, проповѣдника стало привлекать въ лѣсную прилуцкую пустынь десятки тысячъ богомольцевъ, жаждавшихъ слышать его краснорѣчивыя поученія. Юноша, своими дарованіями прославившій пріютившую его обитель, былъ будущій святитель и знаменитый митрополитъ ростовскій, Димитрій Туптало.

Самойловичъ, особенно благоволившій къ молодому подвижнику, какъ вышедшій самъ изъ духовнаго званія и какъ мѣстный уроженецъ, сдѣлавшись всесильнымъ гетманомъ, не забылъ родной прилуцкой святыни. Собственнымъ иждивеніемъ возвелъ онъ въ 1671 году, на мѣстѣ сгорѣвшей старой деревянной церкви, каменный, двухпрестольный, пятиглавый, коринѳскаго ордена соборный храмъ, во имя Св. Живоносной Тройцы, весь внутри расписанный аллегорическими изображеніями и те-

---

ства. Вокругъ расположены заглавныя буквы имени и титула: Л. Г. П. В. Е Ц. В. З. П., а на печати судьи: Л. Г. С. П. Весьма схожія съ этими печати употреблялись и полковниками Маценкомъ и Стороженкомъ: это—прототипъ современнаго Горленковскаго герба, видоизмѣненный уже при сынѣ Лазаря извѣстномъ Димитріѣ Горленкѣ.

[1]) Отпечатанный въ 1795 г. въ Почаевѣ, подъ заглавіемъ: „Книга препод. Николы, игумена Черной Горы“ (Главн. церковн. и ризничн. опись Густынскаго монастыря 1859 г.).

кстами изъ св. писанія [1]). Щедро одаривъ новую церковь, набожный гетманъ позаботился и о ея матеріальномъ обезпеченіи: онъ подтвердилъ права монастыря на данное ему еще прежде село Деймановку, въ сребрянской сотнѣ, приписанное къ обители въ 1668 г. Многогрѣшнымъ «для вшелякаго послушенства, со всѣми выгодами».

Приводя въ исполненіе гетманское распоряженіе и увѣдомляя о немъ «все товариство и посполитыхъ людей, у селѣ Деймановцѣ мешкаючихъ», Горленко зорко слѣдилъ за тѣмъ, чтобы повинности эти въ чемъ-либо не нанесли ущерба козацкимъ привиллегіямъ. Взглядъ его на значеніе и права реестроваго козака рельефно выразился въ упомянутомъ листѣ къ жителямъ Деймановки. Напоминая имъ о долгѣ послушанія «мѣсту святому и властному, превелебному въ Богу господину, отцу игумену густынскому», прилуцкій полковникъ въ то же время въ такихъ выраженіяхъ предупреждалъ своихъ полчанъ: «еднакъ мы запобегаючи того, сколько у томъ же селу знайдуется товариства козаковъ, въ войску служачихъ, и абы онымъ якая не дѣялась кривда, о томъ со о. игуменомъ разговорювали, и которые зъ доброй волѣ своей, *за Третьякова полковництва*, [2]) откинувшися зъ реестру нашего, сами добровольне монастыреви обовязалися служити, тѣхъ теды и мы, отставивши отъ своего послушенства, изъ реестру витерти казали и подъ монастырское начало поддали: нехъ же теперь жаденъ таковый, больше не чинячи себе козакомъ, належного пилнуе послушанія, знайдуючіеся же въ реестрахъ зъ тамошнего товариства абы заживали своей давной и неотступной козацкой вольности, пильно того мѣти хочемъ и жадаемъ» [3]).

---

[1]) Испорченными, къ сожалѣнію, въ 40-хъ годахъ, при реставраціи храма грубой мазней невѣжественныхъ маляровъ, отъ безжалостной кисти которыхъ уцѣлѣлъ лишь портретъ гетмана-основателя, да характерное изображеніе пораженія ангелами бѣсовъ, въ маломъ куполѣ, надъ хорами. Сохранились еще замѣчательной старинной рѣзьбы, посеребренный и вызолоченный, липоваго дерева, иконостасъ и два деревянныхъ рѣзныхъ, искусно разрисованныхъ клироса.

[2]) Семенъ Третьякъ, полковникъ прилуцкій (1671—1672 г.).

[3]) Архивъ Густынск. монастыря, Листъ Л. Горленка отъ 30 іюля 1681 г.

Помимо установленія въ полку внутренней дисциплины и порядка, Горленку не пришлось сидѣть сложа руки. Весь 1680 г. Малороссія была въ тревогѣ; ожидали новаго нашествія турокъ, поспѣшно укрѣпляли города и держали войска въ сборѣ до самаго 1681 года, начавшагося подъ дурными примѣтами: «23-го марта, противъ Лазаревой Субботы» разразилась невиданная въ столь раннюю пору гроза, съ такими ударами и страшной молніей, что небо казалось объятымъ огнемъ, а «на св. Матѳея земля тряслась» [1]).

Въ Малороссіи тѣмъ не менѣе враждебно отнеслись къ предполагаемому союзу Россіи съ Польшей противъ невѣрныхъ и, съ неудовольствіемъ замѣчая возраотаніе при русскомъ дворѣ польскаго вліянія, успѣвшаго даже отразиться на московскихъ обычаяхъ и одеждѣ [2]), настаивали на примиреніи съ Турціей и Крымомъ. Съ этой цѣлью посланъ былъ въ Бахчисарай, со стольникомъ Тяпкинымъ и учителемъ Петра Великаго, Н. М. Зотовымъ, племянникъ Горленка по женѣ, войсковой товарищъ Павелъ Раковичъ, «значный человѣкъ, бусурманскихъ языковъ и латинскаго языка свѣдущій». Посредникомъ-же между московскимъ правительствомъ и блистательной портой взялся быть князь Молдавіи и Валахіи, Іоаннъ Дука, въ 1670 г. поставленный султаномъ, со званіемъ «господаря украинскаго», великимъ гетманомъ надъ землями между Днѣпромъ и Днѣстромъ и извѣстный въ лѣтописяхъ правобережной Украйны, какъ первый колонизаторъ обезлюдѣвшаго края [3]).

---

[1]) Черниговская лѣтопись, изд. Бѣлозерскимъ, Кіевъ. 1856 г., т. I, стр. 36 и 37.

Въ одномъ изъ писемъ Лазаря Горленка упоминается о подобномъ же явленіи въ сребрянской сотнѣ прилуцкаго полка „подъ селомъ Деймановкой, гдѣ волею Божіей, на ужасное подивленіе людское, *гора съ деревомъ не малымъ внизъ пересунулась*“ (Архивъ Густынск. монастыря, листъ Л. Горленка отъ 8 ноября 1680 года).

[1]) Костомаровъ, Монографіи, т. XV, стр. 465.

[2]) Своимъ возвышеніемъ Іоаннъ Дука былъ обязанъ браку своему съ дочерью господаря Молдавіи, князя Евстратія I. Дабижи (1662 † 1666), потомокъ котораго два вѣка спустя женился на праправнучкѣ въ седьмомъ поколѣніи Лазаря Горленка.

Миръ, хотя и невыгодный, но, по пословицѣ, «все же лучше доброй ссоры», далъ Украйнѣ возможность отдохнуть отъ продолжительнаго напряженія силъ, подрывавшаго правильное развитіе ея внутренней жизни.

XIV.

27-го апрѣля 1682 скоропостижно скончался молодой царь Ѳеодоръ. Выборными людьми земскаго собора былъ избранъ въ Москвѣ на царство малолѣтній царевичъ Петръ, и во всѣ концы земли русской полетѣли гонцы оповѣстить народъ и привести его къ присягѣ.

Въ Прилуки пришла царская грамота на имя Лазаря Горленка. Юный государь, сообщая объ «отшествіи» своего старшаго брата «изъ сего свѣта во вѣчное блаженство небеснаго царствія», указывалъ полковнику привести всѣ чины къ присягѣ *ему*, царю Петру, и брату его, Іоанну, съ нимъ совмѣстно [1]).

Но, не успѣли прилучане присягнуть на подданство новому царю, какъ извѣстія, одно другою невѣроятнѣе, стали распространяться въ народѣ. Въ полку передавалась страшная молва о вспыхнувшемъ на Москвѣ бунтѣ, объ убійствахъ царскихъ родичей и двухдневной дикой рѣзнѣ, въ которой погибъ, растерзанный чернью, припомнившей ему сдачу Чигирина, давній боевой товарищъ Горленка, старикъ князь Ромодановскій..... Всѣмъ заправляли въ столицѣ опьяненные кровью и успѣхомъ стрѣльцы, о царѣ же не было и помину.

Тяжелая неизвѣстность и сбивчивые, противорѣчивые слухи прекратились лишь въ началѣ іюня, съ прибытіемъ «съ царскимъ милостивымъ словомъ» изъ Москвы дворянина его царскаго величества, Ѳедора Анцбукова. Вся козацкая «громада» жадно внимала, какъ въ новой, пространной грамотѣ къ ея полковнику цари Іоаннъ и Петръ Алексѣевичи, объявляя о своемъ

---

[1]) Архивъ Н. А. Маркевича, грамота царя Петра Алексѣевича Лазарю Горленку отъ 30 апрѣля 1790 г., № 6331.

вступленіи «на прародительскій великаго и преславнаго россійскаго царствія престолъ», указывали: „а тебѣ бъ, нашего царскаго величества подданному, прилуцкому полковнику Лазарю Горленку о семъ вѣдать... и учинить... и быть во всемъ нанашу царскаго величества милость надежну и полку своего во всѣ городы и мѣстечка къ старшинѣ и къ сотникамъ и къ всякимъ градскимъ и уѣзднымъ урядникамъ отъ себе писать, чтобы они съѣхались къ тебѣ, полковнику, и по тому учинили». Оба государя обѣщали его, Горленка, и все войско запорожское „держать въ своемъ милостивомъ призрѣніи и, при помощи Божіей, отъ всѣхъ наступающихъ непріятелей въ оборонѣ“, какъ это было при блаженныя памяти отцѣ ихъ и братѣ. «А права ваши и вольности», заканчивала грамота, «ни въ чемъ нарушены не будутъ, въ томъ бы тебѣ, полковнику, и полку твоего всему поспольству на нашу царскаго величества премногую милость быти надежными» [1],

Такимъ образомъ узнали въ Прилукахъ о совершившемся въ пользу царевны Софіи переворотѣ.

Въ присутствіи царскаго уполномоченнаго Анцбукова, Горленко вторично произнесъ торжественную присягу на вѣрность воцарившимся государямъ, а затѣмъ были «приведены къ вѣрѣ при немъ будучіе поспольство и полку его во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ жилецкіе люди» [2].

XV.

Наступилъ 1687 годъ.

Вызывающее положеніе, принятое Крымомъ и усилившаяся дерзость набѣговъ хищныхъ его ордъ вынудили московское правительство объявить всеобщее ополченіе на невѣрныхъ.

Получивъ «о св. Георгіѣ» гетманскій универсалъ, призывавшій козаковъ послѣ пятилѣтняго мира къ борьбѣ съ тата-

---

[1]) Главн. моск. архивъ министерства иностран. дѣлъ, по каталогу Бантыша-Каменскаго, № 24. Грамота царей Іоанна и Петра къ Лазарю Горленку отъ 1 іюня 1790 г.

[2]) Ibidem.

рами, старый Горленко снарядилъ свой полкъ, отслужилъ съ только что отстроенномъ имъ въ Прилукахъ соборѣ [1]) напутственный молебенъ и, простившись съ семьей и домашними, выступилъ, на зарѣ яснаго майскаго дня, въ роковой крымскій походъ, изъ котораго не суждено было ему болѣе вернуться.

Стояла дивная весенняя пора. Въ прозрачномъ утреннемъ воздухѣ гдѣ-то высоко звенѣла трель жаворонка; въ зеленыхъ волнахъ молодыхъ хлѣбовъ, усѣянныхъ алымъ макомъ и васильками, задорно перекликались неугомонные перепела. Яркая свѣжая листва радостно трепетала въ золотыхъ, живительныхь лучахъ ранняго утренняго солнца, весело игравшаго на дорогомъ оружіи и расшитыхъ одеждахъ шедшаго съ музыкой и пѣснями отряда. Мѣрный топотъ слегка пофыркивавшихъ въ утренней прохладѣ коней едва пылилъ мягкую дорогу. Сверкающей стѣной двигались, сотня за сотней, ряды конныхъ и пѣшихъ козаковъ прилуцкаго полка, блестя цѣлымъ лѣсомъ мушкетовъ и копій, надъ которымъ рѣяли въ легкомъ дыханіи вѣтерка пестрые сотенные значки—короговы. Окруженный старшинами, знатными войсковыми товарищами, среди блестящей свиты гарцующей молодежи, нетерпѣливо сдерживавшей и горячившей коней, подъ сѣнью большаго полковаго знамени, ѣхалъ на кровномъ турецкомъ жеребцѣ престарѣлый полковникъ, задумчиво опустивъ свою посѣдѣвшую въ бояхъ голову. Сильная еще рука привычнымъ, повелительнымъ движеніемъ сжимала драгоцѣнный перначъ, символъ полковничьей власти; бѣлое перо на высокой златоверхой шапкѣ плавно колыхалось и дамасскій въ богатой оправѣ клинокъ мѣрно позвякивалъ о серебрянное стремя, при размашистой иноходи лошади.

Думалось-ли старому козацкому вождю, когда онъ въ послѣдній разъ оглянулся на скрывшіеся за поворотомъ гадяцкаго шляха свои подгородные прилуцкіе хутора, что онъ прощается съ ними на всегда?

---

[1]) Въ 1687 г. Горленкомъ была возобновлена деревянная соборная церковь Рождества пресв. Богородицы, основанная въ 1618 году и сгорѣвшая въ 1781 году.

Въ Гадячѣ полкъ Горленка примкнулъ къ шедшему изъ своей столицы, Батурина, гетману и двинулся съ нимъ, чрезъ Полтаву, на соединеніе съ княземъ В. В. Голыцинымъ. На лице была вся генеральная старшина, всѣ полковники и все козачество, всего до 50,000 человѣкъ. Внушительная по тому времени армія очутилась вскорѣ за предѣлами Малороссіи „въ полѣ незнаемѣ, среди земли половецкыи". Начались тяжкія испытанія.

Углубившись въ безконечныя степи и нигдѣ не встрѣчая врага, войска стали изнемогать отъ нестерпимаго зноя. За Сѣчью Запорожской, въ Великомъ Лугѣ, они наткнулись на степной пожаръ. Черныя облака копоти и пепла носились въ удушливомъ, смрадномъ воздухѣ, сквозь который свѣтило тусклое, безъ лучей, солнце, а ночью въ свинцово-фіолетовой мглѣ зловѣще вырѣзывался багровый дискъ луны. Чрезъ силу тащившіеся по раскаленной и обугленной почвѣ, люди и лошади стали заболѣвать и падать, изнуренные безцѣльными переходами и лишеніями, войска и военачальники сдѣлали привалъ у степной рѣчки Карачокрака и стали обсуждать свое положеніе.

Послѣ долгихъ преній, въ военномъ совѣтѣ принято было мнѣніе идти, въ виду начавшагося голода и конской безкормицы, обратно къ привольнымъ кормовымъ мѣстамъ и тамъ ожидать дальнѣйшихъ распоряженій изъ Москвы, а чтобы обезпечить свой тылъ отъ внезапнаго нападенія невидимаго врага, отправить къ Сѣчи, на подкрѣпленіе стоявшаго у Каменнаго Затона храбраго воеводы Касогова, сильный отрядъ для отвлеченія татаръ къ Кизикермену [1]).

Въ составъ его вошли, кромѣ 20,000 ратныхъ людей подъ начальствомъ Неплюева, еще столько же козаковъ, надъ которыми Самойловичъ поставилъ наказнымъ гетманомъ сына своего Григорія. Съ послѣднимъ, сверхъ его черниговцевъ, находились полки извѣстныхъ и опытныхъ предводителей: прилуцкій—Гор-

---

[1]) Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ. Донесеніе Самойловича; General Patrick Gordons Diary, т. II, стр. 175, 176.

ленка, переяславскій—генеральнаго бунчучнаго Полуботка, миргородскій—Апостола, четверо охотныхъ полковъ да кошевой Сагайдачный съ своими запорожцами, тотъ самый Сагайдачный,

Що проминявъ жинку
На тютюнъ да люльку,
Необачный!

какъ говорится въ старой народной пѣснѣ [1]).

Этотъ сорокатысячный корпусъ, отдѣлившись отъ главнаго обоза, повернулъ на югъ къ Днѣпру и спустившись къ Каменному Затону, переправился на другой берегъ у Никитинской Заставы [2]).

Выборомъ всѣхъ перечисленныхъ лицъ достигалась такимъ образомъ двойная цѣль: наступательныя дѣйствія поручались вождямъ съ установившейся боевой репутаціей и отборнѣйшимъ малороссійскимъ полкамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ изъ главнаго лагеря удалялись родственники, друзья и сторонники гетмана, составлявшіе его надежнѣйшую опору и имѣвшіе значительное вліяніе въ войскѣ.

Готовился эпилогъ драмы, завершившей печальной памяти первый крымскій походъ.

21-го іюня, на разсвѣтѣ, гетманъ былъ тайно, безъ шуму арестованъ и взятъ подъ стражу по обвиненію въ измѣнѣ. Тотчасъ-же былъ отряженъ на Запорожье, къ Неплюеву, гонецъ, съ секретнымъ увѣдомленіемъ о случившемся и предписаніемъ немедленно арестовать сына низложеннаго гетмана и его совѣтниковъ, полковниковъ прилуцкаго, переяславскаго и др., въ виду возможнаго съ ихъ стороны противодѣйствія и какихъ-либо безпорядковъ [3]). Но, несмотря на принятыя Голицынымъ и

---

[1]) Сборникъ малороссійскихъ пѣсенъ, изд. Г. П. Галагана, Кіевъ, 1856 г.

[2]) Въ 15-ти верстахъ отъ Старой Сѣчи, въ устьѣ рѣки Чертомлыка.—Величко, т. III, стр. 12.

[3]) Самовидецъ, стр. 172.

Мазепой предосторожности, вѣсть объ этомъ съ быстротой молніи облетѣла войско и проникла въ передовой отрядъ. Два козака опередили боярскаго гонца и извѣстили о происшедшемъ: первый стоявшихъ въ Кодакѣ козаковъ прилуцкаго и нѣжинскаго полковъ, второй—Григорія Самойловича, въ Сѣчи [1]).

Около мѣсяца прошло съ тѣхъ поръ, какъ посланные на югъ прилучане разбили свои ставки въ кодацкомъ укрѣпленіи на правой сторонѣ Днѣпра, въ трехъ верстахъ ниже устьевъ Самары и нынѣшняго Екатеринослава. Вблизи ихъ лагеря глухо ревѣлъ грозный водоворотъ Старо-Кодацкаго порога. Здѣсь Днѣпръ бѣшено клокоталъ, кипѣлъ и пѣнился о преграждавшія его гряды громадныхъ скалъ, острыя ребра которыхъ причудливо чернѣли среди буруновъ, водяной пыли и бѣлыхъ всплесковъ волнъ, сердито низвергавшихся съ «лавы» на «лаву». Дикіе, поросшіе лѣсомъ, утесы нависли надъ противоположнымъ берегомъ, а далѣе, по теченію рѣки, зеленой смѣной подымались днѣпровскіе острова, гдѣ стояли «на травѣ» козачьи лошади и откуда долеталъ ослабленный громъ водопадовъ Сурскаго и Лоханскаго пороговъ.

Праздность и томительное бездѣйствіе, затѣмъ недостатокъ продовольствія сильно отразились на дисциплинѣ козацкаго лагеря. Давно уже недовольные деспотическимъ управленіемъ гетмана, козаки громко роптали на Самойловича и своихъ начальниковъ, обвиняя ихъ въ произвольномъ и безполезномъ затягиваніи и безъ того непопулярнаго похода. Раздраженіе усилилось, когда узнали, что татары стороной проникли подъ самый Кіевъ и даже *«по сю сторону* Днѣпра по селамъ людей въ полонъ брали и рубили» [2]). Тутъ ужъ и силой нельзя было удержать людей, рвавшихся къ своимъ семьямъ: козаки стали самовольно бросать службу и уходить домой. Ежедневно дезертировали они изъ прилуцкаго, миргородскаго и переяславскаго полковъ [3]). Ос-

---

[1]) Gordon. т. II, стр. 188.

[2]) Ригельманъ, т. V, стр. 3.

тавшіеся, окончательно деморализованные, подстрекаемые гетманскими недоброжелателями и безшабашной запорожской голытьбой, были страшно возбуждены вѣстями съ Украйны, гдѣ, по слухамъ, поднявшійся народъ безпощадно билъ, жегъ и разорялъ пановъ.

Извѣстіе объ отрѣшеніи Самойловича было искрой, попавшей въ порохъ и страшнымъ толчкомъ отдалось на Кодакѣ.

Повторились безобразныя сцены кроваваго разгула, сопровождавшія паденіе Якима Сомка. Пьяные, разнузданные козаки бросились къ шатрамъ начальныхъ лицъ, за которыми не было болѣе гетманской поддержки, чтобы свести съ ними старые счеты. Засверкали обнаженныя сабли, раздались яростныя проклятія, свирѣпыя угрозы, еще мгновеніе—и обезумѣвшая отъ вина и крови толпа неистово кинулась рубить своихъ старшинъ и грабить ихъ ставки. Особеннымъ ожесточеніемъ отличалась звѣрская расправа прилуцкихъ козаковъ. Одной изъ первыхъ жертвъ ея палъ престарѣлый ихъ полковникъ, тщетно старавшійся обуздать своихъ полчанъ. Обезображеннаго сабельными ударами, но еще живаго, Горленка поволокли къ раскаленной печи и бросили въ пылающій огонь [1]).

Такъ кончилъ тревожную жизнь свою «безвременнѣ отъ безчеловѣчныхъ збойцевъ» [2]) «панъ Лазарь Горленко, полковникъ стародавній прилуцкій, пострадавъ невинное убійство отъ своихъ полчанъ, на рѣцѣ Сурѣ» [3]). 2-го августа 1687 г. останки его, съ воинскими почестями, были преданы землѣ, въ полю, межи Кодакомъ и Самарою, гдѣ и могилу значную высыпано надъ нимъ» [4]). Одиноко высился могильный холмъ стараго козацкаго вождя, чернѣя въ дикой, безлюдной степи, да ведя нѣмую бесѣду съ буйными вѣтрами

---

[1]) Gordon, т. II, стр. 194; Самовидецъ, стр. 172; Величко, т. III, стр. 22; Ригельманъ, т. III, стр. 3; Костомаровъ VX. 691.

[2]) Суплика Я. Горленка 1712 г. Архивъ Маркевича, № 272.

[3]) Лѣтопись монастыря густынскаго, стр. 68; Помянникъ кіевской ближней пещеры (Максимовичъ, т. II).

[4]) Ibidem, стр. 64.

да непогодами». Лишь десять лѣтъ спустя кости запорожскаго «лицаря» упокоились въ родной землѣ, подъ сѣнью развѣсистыхъ липъ и кленовъ Густынской обители.

Извѣстіе о кодацкой катастрофѣ и страшной смерти прилуцкаго полковника, ознаменовавшей первые дни гетманства Мазепы, привезъ на Коломакъ изъ Сѣчи, 9-го августа, сынъ переяславскаго полковника, извѣстный впослѣдствіи Павелъ Полуботокъ[1]. Объ ужасной участи Горленка узнала въ Прилукахъ его осиротѣвшая семья въ то время, какъ въ Сѣвскѣ голова другой жертвы переворота, молодаго Самойловича, скатывалась на плаху....

«Дѣла давно минувшихъ дней, преданья старины глубокой.....»

Изъ ея сѣдаго, загадочнаго тумана, изъ фантастическаго мрака временъ, выплываютъ предъ нами забытыя тѣни прошлаго. Въ клубящемся вихрѣ событій, въ дыму и пламени пожаровъ, войнъ и междоусобій мелькаютъ суровыя лица борцевъ за свободу и независимость Украйны; встаютъ страдальческія тѣни Павлюка, Гуни, Остряницы, подымается величавый призракъ Хмельницкаго; изъ кроваваго хаоса «руины» выростаютъ трагическіе силуэты Пушкаря и Выговскаго, Сомка и Брюховацкаго, забрызганный кровью каменецкой рѣзни сумрачный обликъ Дорошенка и надменныя фигуры Трубецкаго и Ромодановскаго. Чудится громъ оружія на поляхъ эпическихъ битвъ за вѣру и народность; пылаютъ Яссы, Черкасы и Чигиринъ; проносятся блестящія «хоругви» панцырныхъ бояръ короля Яна Казиміра и свирѣпыхъ рейтаровъ князя Іереміи Вишневецкаго, Чарнецкаго и Собѣсскаго; съ гикомъ стремятся нестройныя орды Исламъ-Гирея, Адиль-хана и Калги-Султана, рыщутъ безобразныя, дикія толпы калмыцкихъ тайшей; проходятъ грозныя когорты янычаръ Магомета IV и пестрыя, разноплеменныя дружины сербовъ, волоховъ, венгровъ и молдованъ; движутся красные ряды бородатыхъ московскихъ стрѣльцовъ, полки ратныхъ лю-

[1]) Gordon, т. II, стр. 194.

дей, компаніи иноземныхъ наемниковъ и несутся, вслѣдъ за Сѣркомъ и Сагайдачнымъ, въ бѣшеномъ, неудержимомъ порывѣ вольные сыны Сѣчи и Великаго Луга. А тамъ, на рдѣющемъ горизонтѣ, гдѣ въ свистѣ и воѣ бушующаго огненнаго моря слышатся стоны забытыхъ въ дальнихъ снѣгахъ сибирскихъ тайгъ Самойловича и Многогрѣшнаго и гдѣ въ багровыхъ дымныхъ облакахъ горящихъ крымскихъ степей уже восходитъ роковая звѣзда гетмана Мазепы, изъ непроглядной тьмы мрачной исторической ночи ярко выступаетъ, въ зловѣщемъ отблескѣ костра, «порубанный, постреляный» образъ Лазаря прилуцкаго...

Стоящій на рубежѣ стараго, отживающаго міра легендарнаго козачества и занимающейся новой его эры, онъ олицетворяетъ въ себѣ типичныя черты той переходной эпохи. Близкій къ вершителямъ судебъ Украйны, непосредственный участникъ и свидѣтель ея роста, сближенія ея съ Великороссіей и затѣмъ внутренняго ея разложенія, прожившій одинъ изъ самыхъ гибельныхъ періодовъ малорусской исторіи, на своемъ долгомъ вѣку видѣвшій четыре царствованія, столько же королевствованій и длинный рядъ гетманствъ, одинаково извѣстный въ Москвѣ и Крыму, въ Польшѣ и на Запорожьѣ, воинъ, правитель, дипломатъ,—онъ является одной изъ тѣхъ величинъ, которыхъ не можетъ обойти вниманіе изслѣдователя. Къ сожалѣнію, сбивчивость и отрывочность имѣющихся свѣдѣній и неразработанность документальныхъ данныхъ препятствуетъ пока еще правильной и безпристрастной оцѣнкѣ болѣе чѣмъ полувѣковой политической дѣятельности Горленка. Ближайшій анализъ ея и болѣе строгая, опредѣленная обрисовка и характеристика его личности станутъ возможны лишь тогда, когда вполнѣ разсѣется историческая мгла, на половину застилающая фигуру стараго прилуцкаго полковника.

Князь **А. Дабижа.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

ШОЛУДИВЫЙ БУНЯКА

ВЪ УКРАИНСКИХЪ НАРОДНЫХЪ СКАЗАНІЯХЪ.

(Окончаніе) [1].

III.

Начало легенды С. Барончa: чудовищный паразитъ. Подобное начало въ галицкой сказкѣ г. Франка объ униженной царевнѣ. Оно же въ сказкахъ южноевропейскихъ, особенно въ сказкѣ о претенціозной невѣстѣ и людяхъ съ чудесными свойствами. Индійскій первообразъ послѣдней сказки. Переплетеніе ея побѣговъ съ побѣгами персидской сказки объ упорной или фатальной царевнѣ-невѣстѣ. Отдѣленіе отъ этихъ побѣговъ сказки объ униженной царевнѣ. Ея европейскія разновидности: южноевропейская, средняя и сѣверовосточная. Происхожденіе сказки г. Франка отъ среднеевропейской разновидности. Происхожденіе мотива о чудовищномъ паразитѣ въ сказкахъ восточной части средиземноморскаго бассейна. Случайность спайки этого мотива съ преданіемъ о Бунякѣ и приставки его къ легендѣ о королевичѣ въ подземельи. Сказочно-эпическій характеръ имени царицы Елены.

Обращаемся теперь къ оставленному началу легенды С. Барончa. Если, какъ мы видѣли, вся эта легенда не имѣетъ никакой связи съ историческомъ Бунякомъ, то и это начало не имѣетъ никакой внутренней связи съ самой легендой. Какъ разъ такое вступленіе мы находимъ во главѣ сказки, записанной г. Франкомъ въ Галиціи (въ с. Нагуевичахъ около Дрогобича) и напечатанной имъ въ статьѣ «Старинна романьско-германьска новеля въ устахъ русскаго народа» въ «Зорѣ» 1883 г., №№ 2—3. Здѣсь царевна, не желая выходить замужъ, такъ какъ женихи казались ей глупыми, выкормила въ маслѣ блоху, сдѣлала изъ ея кожи перчатки и обѣщала свою руку только тому, кто угадаетъ, изъ чего онѣ сдѣланы. На вызовъ отправился одинъ царевичъ, который былъ въ нее особенно влюбленъ. Онъ переодѣлся шолудивымъ нищимъ и по дорогѣ

[1]) См. „Кіев. Стар.“ 1887 г., август. кн., стр. 676—713.

зашелъ къ кожевнику, вычинившему кожу на перчатки, и отгадалъ такимъ образомъ тайну царевны. Волей-неволей царевна должна была выйти за шолудиваго нищаго, который отказался отъ всякаго богатства и повелъ молодую жену на свою родину, гдѣ продолжалъ играть избранную роль, поселившись въ бѣдной хаткѣ на краю столицы. Тутъ онъ заставляетъ жену зарабатывать хлѣбъ сначала шинкарствомъ, а когда солдаты выпили водку, побили посуду и не заплатили, то велѣлъ ей продавать горшки на базарѣ. Но и эти горшки побили солдаты. Тогда мужъ посылаетъ жену служить на царской кухнѣ, откуда совѣтуетъ ей приносить домой остатки кушаньевъ. Вечеромъ она набрала этихъ кушаньевъ въ маленькіе горшки и, чтобъ не видно было, подвязала ихъ на поясъ. Но царевичъ велѣлъ ей нести воду въ горницы. Только что вошла она, какъ заиграла музыка, а царевичъ потащилъ ее танцовать. Кушанья облили бѣдняжку съ головы до ногъ, и когда она со стыда упала на колѣни, царевичъ поднялъ ее съ вопросомъ: «а что ты меня не узнаешь?» Оказывается, что это и былъ ея шолудивый нищій [1]).

Въ иностранной народной словесности намъ извѣстны слѣдующія сказки съ началомъ въ родѣ предъидущей: 1) *албанская* (Dozon, Contes albanais, стр. 27—33, Le pou), гдѣ царевна находитъ вошь въ бородѣ отца, который видитъ въ этомъ обстоятельствѣ чудо и велитъ хранитъ животное, выростающее наконецъ до величины козла, а затѣмъ обѣщаетъ дочь свою тому, кто узнаетъ, что это такое (другой варіантъ въ Albanische Märchen, übers. v. Meyer

---

[1]) Г. Франко сближаетъ эту сказку съ основой Шекспировой комедіи „Укрощеніе своенравной“ (The taming of the shrew), и распространеніе этой основы слѣдитъ, руководствуясь сочиненіемъ Зимрока: „Die quellen des Shakspeare“, по новелламъ разныхъ народовъ, отдавая предпочтеніе сравнительной гуманности украинской новеллы. На самомъ дѣлѣ вышеизложенная сказка вовсе не принадлежитъ къ одной темѣ съ новеллой, легшей въ основу комедіи Шекспира. Къ этой темѣ принадлежатъ у насъ другія, ускользнувшія отъ вниманія г. Франка, напечатанныя въ книгѣ Рудченка „Народныя южноруськія сказки“ и у Чубинскаго („Труды“ и проч., т. II, отд. 2, №№ 33, 34).

Къ побѣгамъ той же темы принадлежатъ у насъ кобзарскія пѣсни объ укрощеніи жены и тещи (напр. въ Зап. югозап. отд. и. р. геогр. Общ., I, Матеріал., стр. 35—41 и въ „Кіевской Старинѣ“ 1884 г., т. XI, Савродимка), которыя привязываются къ нѣмецкимъ редакціямъ этой темы. Весьма нелюбезное обращеніе съ женщинами во всѣхъ указанныхъ варіантахъ, кромѣ Чубинскаго, № 33, отнимаетъ почти всякую силу отъ патріотическихъ выводовъ г. Франка.

mit Anmerkungen von R. Koehler въ Archiv f. Litterat. Geschichte, XII, 118); 2) *греческая* (J. Pio, Νεοελληνικὰ Παραμύθια, 104), близкая къ албанскимъ варіантамъ; 3) *итальянская* (Schneller, Märchen und Sagen aus Wälsch-Tyrol, № 31, Die Frau des Teufels; варіантъ, помѣщенный еще въ XVII в. въ неаполитанскомъ сборникѣ Джіамбатиста Базила, Pentamerone, g. II, n. 5, Lo Polece, вмѣсто вши ставитъ блоху) и 4) *гасконская* (Cénac Moncant, Contes pop. de la Gascogne, 184, Le coffret de la princesse), гдѣ царевна дѣлаетъ изъ кожи блохи оболочку шкатулки (вар. у Bladé, Contes pop. de la Gascogne, III, 36, вмѣсто блохи—клопъ).

Всѣ эти сказки родственны между собою не только своимъ началомъ, но и послѣдующимъ содержаніемъ; въ первыхъ трехъ секретъ царя и царевны узнаетъ чудовище: чортъ, или у Базиле—великанъ (Uorco), который и уноситъ царевну къ себѣ въ подземелье, откуда потомъ ее освобождаютъ люди съ чудесными свойствами зрѣнія, слуха и т. п. Только въ гасконскихъ варіантахъ чудовищный отгадчикъ атрофировался и невѣсту добываетъ простой женихъ, узнавъ ея секретъ и преодолѣвъ, съ помощью чудесныхъ людей, хитрости ея отца.

Подобное начало встрѣчаемъ и въ сказкахъ параллельныхъ или отчасти родственныхъ предъидущимъ. Въ сказкѣ напр. *сицилійской* разбойникъ, владѣвшій головой вѣдьмы (родъ Синей-бороды и Кощея Безсмертнаго), узнавъ секретъ громадной вши, овладѣваетъ царской дочерью, потомъ заманиваетъ и двухъ сестеръ ея, но погибаетъ отъ третьей (Gonzenbach, Sicilianische Märchen, № 22). Въ *румынской* сказкѣ о царской дочери и жеребенкѣ (Schott, Walachische Märchen, 171) царь велитъ сдѣлать барабанъ изъ кожъ двухъ вшей и возвѣстить при звукахъ этого барабана, что онъ отдастъ дочь тому, кто узнаетъ, что это за барабанъ. Секретъ узнаетъ драконъ волшебникъ, но впрочемъ не для себя, а для сына, а царевну спасаетъ родившійся въ одинъ день съ нею конекъ, который и уноситъ ее, переодѣтую мальчикомъ, отъ преслѣдованія дракона. Дальше царевна эта сама похищаетъ для другаго царя красавицу изъ стекляннаго дворца и потомъ, открывъ свой полъ, выходитъ за его сына. Наконецъ въ *хорватской* сказкѣ (графъ и пастухъ у Krauss, Sagen und Märchen der Südslaven, т. I, № 63) мотивъ о громадной

вши составляетъ вступленіе въ варіантъ исторіи о пріобрѣтеніи знатной невѣсты бѣднымъ пастухомъ, который угадываетъ секретъ и потомъ еще преодолѣваетъ разныя затрудненія, поставленныя ему отцемъ невѣсты.

Сопоставивъ всѣ эти сказки, видимъ, что большинство ихъ (1—4) прямо принадлежитъ къ одной темѣ, а именно *о людяхъ съ чудесными свойствами.* Разработку и распространеніе этой темы по Азіи и Европѣ прослѣдилъ Т. Бенфей въ статьѣ *Das Märchen von den Menschen mit den wunderbaren Eigenschaften, seine Quelle und seine Verbreitung* (въ Ausland 1858, №№ 41—45), ясно показавъ, что всѣ сказки этой темы пошли отъ индійской, которая вошла въ сводъ, извѣстный подъ именемъ «*Двадцать пять исторій упыря*» (о объ немъ мы будемъ говорить въ слѣдующей главѣ). Въ этой индійской сказкѣ Магадева, дочь перваго министра, проситъ отца отдать ее только за такого жениха, который будетъ обладать какимъ либо непревосходимымъ даромъ. Отецъ встрѣчается съ браминомъ, который построилъ повозку, способную летать по воздуху, и обѣщалъ ему дочь. Между тѣмъ старшій братъ дѣвушки обѣщалъ ее другому брамину, который имѣетъ даръ все узнавать, а мать обѣщала третьему, который способенъ далеко стрѣлять и попадать по одному звуку предмета. Всѣ три жениха сошлись въ недоумѣніи. Ночью злой духъ (ракшаза) унесъ дѣвушку на горы Виндія. Всевѣдущій узналъ, гдѣ она скрыта, стрѣлецъ вызвался убить ракшазу, а владѣлецъ летучей повозки далъ свой экипажъ, на которомъ была привезена дѣвушка. Отецъ недоумѣваетъ, кому изъ трехъ отдать дѣвушку. Упырь, разсказавъ эту басню царю Викрамадтію, спрашиваетъ его рѣшенія; царь присуждаетъ красавицу всевѣдущему: «ибо вѣдѣніе стоитъ выше другихъ свойствъ: усердія, мужества, терпѣнія, силы, мудрости и храбрости».

Въ этомъ рѣшеніи смыслъ *басни*, сложенной индійскими философами. Смыслъ этотъ затемнился въ побѣгахъ басни у другихъ народовъ, у которыхъ она превратилась въ *сказку*, разработавшую фантастическія подробности [1]). Кромѣ того въ дальнѣйшемъ своемъ

---

[1]) Обзоръ новыхъ, опубликованныхъ послѣ статьи Бенфея варіантовъ см. въ примѣчаніяхъ R. Koehler къ сербскимъ сказкамъ въ Archiv d. Slav. Philologie, т. V, стр. 37—38.

движеніи на сѣверъ (къ монголамъ, у которыхъ есть она въ передѣлкѣ исторіи Упыря, извѣстной подъ именемъ Шидди Куръ) и на западъ (отъ Ирана до западной Европы включительно) побѣги сказки этой переплелись съ побѣгами другихъ индійскихъ же сказокъ, особенно *сказки о томъ, какъ простой человѣкъ*, ткачъ, *сталъ мужемъ царевны, проникнувъ въ ея спальню* въ видѣ бога Вишну на деревянной птицѣ, въ родѣ Гаруды, птицы Вишну (Th. Benfey, Pantschatantra, II, 48—56; I, 159—162; изъ прямыхъ побѣговъ этой сказки, изданныхъ послѣ, укажемъ особенно у Садовникова «Сказки и преданія самарскаго края, № 62), а также съ *сказкой о царевнѣ, загадывающей женихамъ загадки, или дающей имъ задачи*, сказкой, которой найболѣе обстоятельные восточные варіанты представляютъ, по нашему мнѣнію, разсказы иранскіе, напр. у Низами, персидскаго поэта XI стол. (изложеніе см. у Hagen, Gesammtabenteuer, № LXIII, примѣч.) и въ «1001 день» повѣсть о китайской царевнѣ Турандоктъ и ногайскомъ царевичѣ Калафѣ (Les mille et un jours. Contes persans, trad. par Pétis de la Croix, 1845, 118 и слѣд., день 45 и слѣд.; повѣсть эту, какъ извѣстно, передѣлалъ въ XIII в. итальянецъ Гоцци въ драму, которую Шиллеръ перевелъ на нѣмецкій языкъ) [1]). Совокупность этихъ побѣговъ образуетъ обширную группу, весьма распространенную у разныхъ народовъ [2]). За опу-

---

[1]) Кромѣ этого въ 1001 днѣ есть нѣсколько разсказовъ на тему о царевнѣ, избѣгающей замужества и страшной для жениховъ, наприм. основной разсказъ. повѣсти о царѣ Гормозѣ. который проникаетъ къ помрачающей умы царевнѣ въ видѣ полудиваго садовника (день 121 и слѣд.). Къ этой же, или во всякомъ случаѣ родственной темѣ, должна относиться и повѣсть о Джемшидѣ въ поэмѣ XI вѣка Кересаспъ-Наме, въ которой Джемшидъ, изгнанный Зогакой, женится на дочери кабульскаго царя, которая согласна выйти только за того, кто ее побѣдитъ (Spiegel, Eranische Alterthumkunde, I, 534—555; Mohl, Livre des Rois, I, Préface LXIII). Но поэма эта, напечатанная въ калькутскомъ изданіи Шахъ-Наме (Macam) недоступна намъ, такъ какъ она не переведена на европейскіе языки. Она должна быть очень интересна для сравненія и съ извѣстной исторіей сватовства Зигфрида и Брунегильды, боя Дуная съ Настасіей Королевишной и тѣхъ европейскихъ сказокъ, гдѣ соревнованіе въ загадкахъ замѣнено соперничествомъ въ силѣ жениха (или свѣта) и невѣсты, какъ напр. и въ великорусскихъ сказкахъ у Аѳанасьева, № 116, 150, въ украинской, у Чубинскаго, т. II, стр. 227—229, у Кулиша, Зап. о ю. Руси, т. II, стр. 61 и слѣд.

[2]) Изъ богатой литературы этой группы, кромѣ названныхъ выше, мы укажемъ здѣсь только важнѣйшіе варіанты или такіе, при которыхъ можно найти другія указанія: Oesterley, Gesta Romanorum, c. 70 (въ русскомъ переводѣ Рим

щеніемъ вступленія о чудесной блохѣ, сказка, записанная г. Франкомъ, принадлежитъ къ тѣмъ побѣгамъ указанной группы, въ которыхъ изображено *униженіе гордой царевны осмѣянным ею женихомъ*. Наиболѣе родственные со сказкой г. Франка побѣги этого рода укладываются, по нашему мнѣнію, въ двѣ разновидности: а) *южноевропейскую*, въ которой особенно развитъ мотивъ, какъ отверженный, переодѣтый женихъ ухитряется (соблазномъ разныхъ чудесныхъ товаровъ) заставить гордую царевну провести съ нимъ ночь, послѣдствіемъ чего и было удаленіе ея изъ родительскаго дома; образцы этой разновидности даетъ неаполитанская сказка (у Базиле день IV, новелла 10, La soperbia castecata) и сицилійскія

кихъ Дѣяній, № 27), Hagen, Gesammtabenteuer №№ 10, 63, 64, Grimm, D. Kinder- und Hausmärchen, № 114, R. Koehler,—примѣчанія къ итальянскимъ сказкамъ въ Jahrbuch f. die Romanische und Englische Litteratur, 1866, 30—36 (тутъ же и еврейскій варіантъ о чудесныхъ братьяхъ) и Gotting-Gelehrte Anzeigen, 1868, 1383—4 (объ итальянско-тирольской сказкѣ, въ которой даже загадки одинаковы съ загадками Туркандоктъ), Gonzenbach, Sicilianische Märchen, №№ 18, 31, 74, Imbriani, La Novellaja Fiorentina, № 26 (Il figliolo del pecorajo), Pitrè, Archivio per lo studio delle trad. popolari, I, 57—64, 183 -190, Pitrè Novelle popolari toscane № 16 (Soldatino), Legrand, Recueil de contes pop. grecs, 39—46 (La princesse et le berger), Bladé, Contes p. de la Gascogne, III, 12—22 (Le navire marchand sur terre). Нѣкоторыя великорусскія сказки изъ темы о хитрой и разборчивой невѣстѣ (напр. Аѳанасьева, №№ 116, 131, 132) разсмотрѣны сравнительно съ похожими западными, г. Веселовскимъ въ статьѣ „Повѣсть о Василіи королевичѣ златовласомъ чешскія земли и народныя сказки“ (Замѣтки по литературѣ и народной словесности, т. I, стр. 62—80). Съ разсмотрѣнными г. Веселовскимъ сказками родственны также у Аѳанасьева варіанты № 130 (Елена Премудрая), а ко всей нашей группѣ принадлежитъ и великорусская сказка о Семи Семіонахъ (Аѳанасьевъ, № 84). Изъ украинскихъ къ занимающей насъ группѣ относятся, кромѣ разобранныхъ здѣсь, у Рудченка, т. II, стр. 78 (Летючій корабель; подобная же въ великорусскомъ переводѣ у Аѳанасьева, № 83), у Аѳанасьева вар. № 106 (какъ меньшій братъ добылъ царевну въ башнѣ), у Чубинскаго, т. II, стр. 327—229 (Про сильну царевну ср. въ Запискахъ о Ю. Руси Кулиша т., II, стр. 61 и слѣд. въ сказкѣ объ Иванѣ Голикѣ), стр. 265—269 (конецъ сказки Про Сучченка, похожій на Летючій корабель) и 269—278 (Про трехъ бративъ, що ходили до батька на могилу ночувать, про царивну, що седила на шклянній гори, про дурня Терешка, Елена царивна). Изъ этихъ украинскихъ сказокъ „Летючій корабель“ относится къ кругу сказокъ о чудесныхъ людяхъ; другія же интересно сравнить въ одну сторону съ аварской (Schiefner, Avarische Texte, № IV), а въ другую съ № XLIII Contes populaires de Loraine, Cosquin (ср. тамъ же №№ XI, XI, XII). Отмѣтимъ особо варіанты, въ которыхъ тема загадывающей загадки царивны слилась съ темой о дѣвушкѣ, подчиненной злому

(Ganzonbach, № 18, Pitrè, Fiabe, novelle i racconti siciliani, № 105) [1]) и b) *среднеевропейскую*, въ которой болѣе, и притомъ своеобразно, развитъ мотивъ наказанія царевны неудачными и унизительными работами; примѣры этой разновидности даютъ бр. Гриммы (№ 52, Der König Drosselbart или Brösselbart) и Ад. Кунъ (Westfalische Sagen, Gebräuche und Märchen, II, № 17, 251—255, Die drei Bälle, ср. тамъ-же № 13, стр. 239—243, Die drei Bünde [2]).

духу, составляющей между прочимъ основу нашего Вія, пошедшую тоже изъ Индіи: армянскій вар. изъ Гекстгаузена, Transcaucasia, у Benfey, Pantschatantre, I, 445—448; Hahn, Griechische und Albanische Märchen, № 114; Schott, Walach. Märchen, № 21; Чубинскій, т. II, стр. 113—132. Интересное во многихъ отношеніяхъ переплетеніе поэмы о невѣстѣ съ загадками съ темой о кровосмѣшеніи, которая пошла въ новоевропейскихъ сказаніяхъ отъ исторіи Эдипа (тоже съ загадками) отвлекло бы насъ далеко въ сторону, а потому мы ограничимся только его указаніемъ въ сказкѣ ментонской (Romania 1881 г., 244—245) и тосканской (Archivio per lo studio delle tradizioni popolari, I, 183—190). Въ обоихъ герой, плодъ кровосмѣшенія, надѣваетъ перчатки изъ кожи своей умершей матери.

[1]) Другіе итальянскіе варіанты, которыхъ мы не имѣемъ подъ рукою, указаны и отчасти срезюмированы у Гонзенбаха и Питре. Къ итальянскимъ варіантамъ подходитъ и португальскій (Cochlo, Contos pop. portuguezes, 100—102). Изъ итальянскихнхъ ливорнскій (Knust. Ital. Märchen, № 9, царскій сынъ въ видѣ пекаря, въ Iahrbuch f. Roman. und Engl. Literatur., 1866, 349) сильно отклонился отъ своихъ родственниковъ: въ немъ атрофировались детали соблазна царевны, осталось только испытаніе ее бѣдностью, причемъ устранились опыты ея воровства. Это самый цѣломудренный и самый гуманный варіантъ.

[2]) Къ этимъ нѣмецкимъ сказкамъ, особенно къ гримовскимъ, примыкаютъ французскія (Sebillot, Contes pop. de la Haute Bretagne, I, № 23; La de daignaise punie и Cosquin, Contes pop. de Lauraine, № 44, La princesse d'Angleterre) и ирландская (Kennedy, Fireside stories of Ireland, II, 114). Первая половина № 17 у Kuhn, а также старонѣмецкое стихотвореніе (довольно скабрезное) Die halbe Birne (Hagen, Gesammtabenteuer, № X) вяжутъ названные нѣмецкіе варіанты съ скандинавскими (Norvegische Volksmärchen, des. v. Asbjörnsen und Moe, deutsch v. Bresemann, II, № 15 и Grundtarig, Gamle dans na Minder, III, 1, у г. Веселовскаго). Другая норвежская сказка (Bresemann, II, № 8) вмѣстѣ съ словацкой (Божены Нѣльцовой, Sebrany spisy, VII, 213 и др. у г. Веселовскаго) и № 14 Simrock, Deutsche Märchen, вводящія въ дѣло чудесные предметы, въ родѣ скатерти самобранки, которыми герой приманиваетъ царевну, составляютъ третюю разновидность, *сѣверовосточную*, которая родственна въ одну сторону съ великорусскими сказками (у Аѳанасьева, № 136 и 133, у Рыбникова, Пѣсни, т. III, № 57) и съ старорусскою повѣстью о Василіи королевичѣ, а въ другую съ исландской сагой XIV ст. Clarus Saga, которая, по признанію автора, епископа Йона Гельдерсона, сдѣлана по латинскому стихо-

Мы думаемъ, что среднеевропейская разновидность пошла отъ южной, какъ это видно наглядно на болонскомъ варіантѣ Brisla in barba (Propugnatore, VII, № 15). Сама же южная разновидность, а также отчасти и третяя можетъ быть возведена къ персидской сказкѣ о царѣ Гормозѣ, переодѣтомъ въ *шолудиваго садовника* (пузырь на головѣ) у царевны Резіи, которая помрачаетъ умы мужчинъ своею красотою, но потомъ сама прельщена пѣніемъ и пляскою Гормоза, хотя теперь въ 1001 днѣ конецъ этой сказки измѣненъ, прилаживаясь къ другимъ похожденіямъ этого царя [1]). Переходная форма между сказкой о царевнѣ, загадующей загадки или задачи и сказкой объ униженной царевнѣ сохранилась, какъ намъ кажется, въ сербской сказкѣ у Караджича (Српске нар. приповиjстке, № 23; она же у Krausz, Sagen und Märchen der Südslaven, I, № 101, ср. тамже, II, № 131), въ которой кромѣ того подробность обращенія неудачливыхъ жениховъ въ овецъ сближается съ эпизодомъ въ заключеніи основной исторіи 1001 дня. Такъ какъ въ тоже время другая подробность сербской сказки, подсматри-

---

творенію, найденному во Франціи (Clarus Saga, 1879 г. Lund; резюме въ Romania, 1879 г., 479 480 и у г. Веселовскаго). Начало саги сходно съ началомъ старонѣмецкаго стихотворенія о царевнѣ съ загадками (Gesammtabenteuer, № XLIII). Отмѣтимъ кромѣ того, что № 116 (вар. см. у Аѳанасьева), какъ и украинскія сказки объ Иванѣ Голикѣ, имѣютъ черты родственныя съ сагой, а варіантъ *а* № 116 сходенъ съ началомъ № 13 у Куна, гдѣ царевну похищаютъ чудесные люди, въ родѣ героевъ нашего „Летючаго корабля". Наконецъ въ старонѣмецкомъ стихотвореніи Der Jung-herr un der treue Heinriech, въ которомъ рыцарь ѣдетъ съ слугою, какъ въ названныхъ великорусскихъ и украинскихъ сказкахъ и исландской сагѣ, добывать (на турнирахъ) невѣсту, дочь кипрскаго короля, рыцарь, получивъ отъ птицы чудесный камень, летаетъ по ночамъ въ башню къ царевнѣ, какъ ткачъ въ Панчатантрѣ. Такимъ образомъ и этотъ сортъ сказаній все таки вращается въ кругѣ названныхъ выше основныхъ темъ всей нашей группы.

[1]) Сказка эта отчасти родственна съ темой, распространенной по Азіи, отъ Камбоджи и Индустана, и по всей Европѣ, о юношѣ съ чудесными волосами, которые онъ во многихъ варіантахъ прячетъ подъ пузыремъ, представляя изъ себя шолудивца; подъ конецъ онъ женится на царевнѣ, хотя приключенія его совсѣмъ другія (см. сводъ въ примѣчаніяхъ къ № XII у Cosquin, Le prince et son cheval). Изъ украинскихъ сказокъ къ этой темѣ принадлежатъ: у Чубинскаго, т. II, I отд., №№ 58 и 59, у Рудченка, т. I, № 48. Впрочемъ старорусскій разсказъ о златовласомъ царевичѣ Василіи соединяетъ тему объ униженной царевнѣ съ темой о златовласомъ юношѣ, а румынскія сказки о чудесномъ конѣ, которымъ мы займемся далѣе, прямо сближаются съ занимающей насъ группой.

ваніе счастливымъ женихомъ значка на тѣлѣ царевны, встрѣчается въ великорусской сказкѣ (у Аѳанасьева, № 131; довольно спутано и блѣдно), то слѣдуетъ тѣмъ болѣе думать, что занимающіе насъ побѣги сказки объ униженной царевнѣ отдѣлились отъ побѣговъ сказки о царевнѣ съ загадками еще на Востокѣ [1]).

Что касается до сказки г. Франка, то она, особенно во второй своей половинѣ, гдѣ описывается неудачная торговля царевны, ея служба на кухнѣ и роковой танецъ, близко подходитъ къ нѣмецкимъ варіантамъ. А такъ какъ эти послѣднія пошли отъ итальянскихъ и такъ какъ танецъ царевны мотивируется старымъ нѣмецкимъ обычаемъ танца на знатной свадьбѣ жениха съ кухаркой и невѣсты съ поваромъ (Kuhn, op. cit.), то слѣдуетъ признать, что галицкая сказка есть побѣгъ нѣмецкой [2]). Этотъ побѣгъ, подвинувшись въ Галицію съ Запада, притянулъ къ себѣ начало одного изъ побѣговъ родственной сказки о людяхъ съ чудесными свойствами и о невѣстѣ съ загадочнымъ насѣкомымъ, зашедшее въ Галичину съ юга.

Подобнымъ же образомъ прицѣпилось это начало и къ легендѣ С. Барончa о Бунякѣ. Мы видѣли, что сказки съ этой странной подробностію (греческая, албанская, итальянская, гасконская, румынская, хорватская) записаны въ мѣстностяхъ, расположенныхъ съ извѣстною правильностію у береговъ Средиземнаго и Чернаго моря, а потому слѣдуетъ предполагать, что эта подробность образовалась и прицѣпилась къ варіантамъ группы сказокъ о претенціозной невѣстѣ гдѣ нибудь въ бассейнѣ восточной половины Средиземнаго моря. Намъ кажется, что ключъ къ вопросу о томъ процессѣ фантазіи, по которому образовалась эта странная подробность, даютъ двѣ извѣстныя намъ румынскія сказки о трудной невѣстѣ.

Первая изъ нихъ (Schott, Walachische Märchen, 153—160, № 13, Die Princessin und der Schweinhirt) даетъ намъ основу уже

---

[1]) Тирольскій варіантъ (у Zingerle, Sagen, Märchen und Gebräuche aus Tirol, 436—441. Die drei Raben), слилъ оба мотива, пришедшіе въ эту нѣмецкую область, очевидно, изъ Италіи.

[2]) Замѣтимъ также, что редакція сказки г. Франка пропускаетъ общій итальянскимъ и нѣмецкимъ варіантамъ мотивъ предварительнаго осмѣянія царевной героя и черезъ то плохо мотивируетъ его переодѣванье.

извѣстныхъ намъ сказокъ о претенціозной царевнѣ, но только съ своеобразной переработкой подробностей. Здѣсь царевна, имѣя волшебное зеркало, соглашается выйти только за того, кто спрячется отъ нея такъ, что она не найдетъ его. Свинопасъ, при помощи благодарныхъ животныхъ, прячется разъ въ облакахъ, въ другой разъ въ морѣ. но царевна находитъ его. Наконецъ онъ идетъ въ лѣсъ, гдѣ и встрѣчаетъ великана; этотъ помогаетъ ему, превративъ его въ розу, которую продалъ царевнѣ и воткнулъ ей въ волоса. Зеркало не могло открыть секрета, и царевна должна была выйти за свинопаса[1]). Въ другой сказкѣ (тамже, 184—193, № 17, Iuliana Kosseschana) пріобрѣсти трудную невѣсту помогаетъ царевичу чудный конь. Тутъ самъ отецъ дѣвушки царь и волшебникъ и предлагаетъ жениху прятаться, при чемъ *поднимаетъ себѣ глаза* (очевидно вѣки) *костылями*, напоминая этимъ нашего Вія-Буняку. За третьимъ разомъ конь прячетъ царевича въ голову самому волшебнику, но уже не въ видѣ цвѣтка, а въ видѣ вши[2]). Мы думаемъ, что такого рода подробность въ дальнѣйшемъ своемъ

---

[1]) Интересно, какъ здѣсь прежній похититель невѣсты, ракшаза индійской сказки, дикій великанъ (Uorco) неаполитанской, обратился въ помощника жениху. Такъ точно въ датской сказкѣ „лѣсной великанъ" помогаетъ принцу, переодѣтому садовникомъ, выиграть царевну побѣдами на турнирахъ (Grundtwig, Dänische Volksmärchen über v. Leo, 228—252, Der Waldmensch). Въ сербской сказкѣ (Караджичъ, № 27) великанъ появляется неизвѣстно зачѣмъ; въ лотарингской сказкѣ (у Cosquin № 43) выведено уже три великана, которыхъ убиваетъ герой-пастухъ и которыхъ оружіе онъ пускаетъ въ ходъ на турнирѣ. Любопытно видѣть, какъ фантазія сказочниковъ, при всѣхъ своихъ произвольныхъ полетахъ, все таки держится разъ пущенныхъ въ оборотъ образовъ.

[2]) Передъ этимъ эпизодомъ царевичъ долженъ прятаться отъ сестры царя волшебника, и конь, превративъ его въ вошь, прячетъ его межъ своихъ зубовъ. Очевидно, что это удвоеніе мотива, не совсѣмъ ловкое, которое часто встрѣчается въ сказкахъ, особенно черезъ слитіе двухъ варіантовъ. Интересно видѣть, какъ *измѣняется образъ прятанія по мѣрѣ удаленія варіантовъ отъ Чернаго моря:* у трансильванскихъ нѣмцевъ женихъ прячется еще въ волосахъ царевны въ видѣ морскаго зайчика (Halbrich, D. Vorksmärchen aus den Sachsenlande in Siebenbürgen, 3 Ausg, № 39), въ хорутанской сказкѣ (Valjavec, Narodne pripoviesti, 77—78) онъ прячется въ волосахъ у кобылы, въ великорусскихъ—въ одномъ въ книгу въ видѣ булавки, въ другомъ просто за зеркаломъ (Аѳанасьевъ, № 130), а въ третьемъ подъ кровать (Рыбниковъ, Пѣсни, т. I, стр. 452). Въ тоже время въ греческомъ варіантѣ проявляется юмористическое настроеніе, и женихъ прорывается подъ землю до стула царевны и колетъ ее булавкой въ задъ, пока

развитіи дала поводъ къ образованію мотива о чудовищномъ насѣкомомъ, которое царь или дочка его выставили на загадку женихамъ, и этотъ мотивъ сдѣланъ началомъ нѣкоторыхъ побѣговъ сказки о претенціозной царевнѣ [1]). Начало легенды С. Барончa о Бунякѣ есть, очевидно, отрывокъ подобнаго побѣга, который, по нашему мнѣнію, связался съ легендой о сокрытомъ въ землю царевичѣ совершенно случайно. Поводомъ къ этой спайкѣ могла послужить какая нибудь черта въ первоначальномъ украинскомъ варіантѣ, въ родѣ подробности греческаго и албанскаго варіанта, въ которомъ чудовищный женихъ названъ дьяволомъ и уноситъ царевну подъ землю. Образъ же діавола привелъ за собою имя Буикка, который, какъ мы видѣли уже и какъ увидимъ еще, отождествляется въ нашихъ народныхъ преданіяхъ съ чортомъ.

Такимъ образомъ спайка всего вступленія легенды С. Барончa съ самой легендой кажется намъ совершенно случайною, механическою и ужъ конечно не имѣющею никакого отношенія къ историческому Боняку. Замѣтимъ въ заключеніе, что и имя героини Елены не должно имѣть тоже никакого реальнаго, историческаго значенія, а представляется намъ просто сказочно-эпическимъ именемъ Елены (отголоскомъ Елены гомерической), которое и сохранилось въ со-

---

она разыскиваетъ его въ волшебное зеркало (Hahn, I, № 61). Тутъ еще разъ видимъ, *что сходство сказочныхъ образовъ совпадаетъ вовсе не съ племеннымъ родствомъ народовъ* (какъ было бы, если бы сказки были общимъ достояніемъ племенъ въ древности), *а съ ихъ географическимъ сосѣдствомъ.*

[1]) Въ подтвержденіе нашего предположенія о подобномъ образованіи занимающаго насъ теперь побѣга исторіи о невѣстѣ съ загадками, мы укажемъ еще на одну курьезную редакцію ея, какую находимъ въ гасконской сказкѣ у Bladé, Contes pop. de la Gascogne, II, 116—124. Le pou. Здѣсь дѣвушка, дочь мельника, думаетъ о женихѣ; въ эту минуту является нищій, получаетъ милостыню и говоритъ ей, что она останется довольной. Но вслѣдъ затѣмъ показывается изъ дупла дерева злой духъ Cagoloni dors и говоритъ ей, что онъ позаботится найти дѣвушкѣ жениха. Вечеромъ онъ приноситъ вошь и говоритъ дѣвушкѣ, что это ея женихъ, который останется таковымъ всю жизнь, если она черезъ три дня не угадаетъ, гдѣ онъ, духъ, спрячетъ три волосинки, которыя онъ возьметъ у ея головы. Вошь влазитъ дѣвушкѣ въ ухо и совѣтуетъ подчиниться, потомъ прячется въ голову злаго духа, высматриваетъ его спряты и, влѣзши затѣмъ въ ротъ дѣвушки, отвѣчаетъ на всѣ вопросы демона. При всей странности обработки и группировки подробностей этой сказки, все таки очевидно, что всѣ онѣ взяты изъ тѣхъ средиземноморскихъ сказокъ, которыми мы сейчасъ занимались.

отвѣтственныхъ сказкахъ великорусскихъ и украинскихъ (см. выше указаніе на Аѳанасьева и Чубинскаго) и которое слѣдуетъ видѣть и въ румынской Юліанѣ.

IV.

Сказаніе о людоѣдѣ Бунякѣ и его секретѣ. Извращеніе его у польскаго хрониста Юзефовича и за нимъ у Энгеля и Костомарова. Древнія черты въ варіантѣ Юзефовича. Объясненіе сказанія у гг. Голубовскаго и Халанскаго. Его сходство съ монгольскимъ разсказомъ въ Шиддѣ Куръ и классической сказкой о Мидасѣ. Побѣги послѣдней въ Греціи, Сербіи, странахъ кельтическихъ и въ Азіи. Вопросъ о происхожденіи и распространеніи сказокъ о Мидасѣ. Новоазіатскій источникъ нашего преданія о секретѣ Буняка. Его спеціальныя особенности. Отношеніе къ сказкамъ о Костіѣ. Заключеніе: объ интернаціональномъ характерѣ нашихъ народныхъ преданій о Бунякѣ.

Въ сводѣ «малорусскихъ народныхъ преданій и расказовъ» г-на Драгоманова (стр. 224—226) напечатаны еще двѣ легенды о Бунякѣ, записанныя на Волыни. Вотъ онѣ:

А) *Буняково замчище и Настина могила.* Про це замчище багато де чого розсказують. Найлучче, якъ бы вы спиталися у нашого добродія; у його тамъ у церковнихъ записахъ, кажуть, е переписано про все: и коли ти валы повысыпувани и хто тіи мури муровавъ, що теперъ одъ ихъ тильки цегла та каминячки валяються,—про все тамъ е. То, бачите, инши говорять, що тамъ колись мисто було, нибы на тому городищеви; говорять, що и церква була и що тую-бъ то церкву перенесено въ Деревичи. Ще росказують (хто його зна, чи воно казка, чи що, такъ стари люди росказують, то й я за ними), що нибы колись давно, давно сидивъ у тому городищеви якійсь лицарь, звався винъ Шолудивый Буняка. И бувъ той лицарь не абы який, навить и тиломъ не такій, якъ повинно бути людыни; мало того, що страшенно велыкій, ще, выбачайте, у його печинки й легке то були на верси, отакъ отъ и стремили за плечима, такій то неподобный бувъ той Буняка! Ну, живъ винъ соби у городищеви, и дуже його вси боялись; найстрашнійшій же винъ бувъ ось черезъ що: ѝвъ людей. Отакъ таки справди ѝвъ; оце кажуть, звелить було, щобъ йому привели що найкращого хлопця, та визьме та и ззисть. И такъ кожного: що приведуть, то й зитне, то й зитне. Багацько позбавлявъ Буняка такимъ способомъ людей,

але жъ таки и ёму добра причина сталася! Пришла, бачите, черга ити въ замчище, тобъ то на убий, якомусь то тамъ хлопцеви (бо то хлопцивъ тихъ по черзи брали и постачали Буняци). А въ того хлопця була тилько мати, батько не давно вмеръ. Отъ та бидна мати плаче вже, плаче, та побиваеться, що никому порятувати хлопця. А якъ ёго вырятувати? Плакала та жинка, плакала, а дали щось то ій пришло на думку, перестала побиватися, розважилась и просить тильки людей, тихъ, що мали вести хлопця до Буняки, щобъ зачекали годиночку, поки вона щось зготуе сынови на остатню дорогу. Ти кажуть: добре. Отъ чекають; а вона взяла, пишла, нациркала у себе зъ грудей покорму, замисила зъ того покорму тиста, спекла перижкивъ, та даючи ихъ своему хлопцеви й каже: «на жъ, сыну, оци тоби перижки, та ось що зъ ними зроби: якъ прыйдешъ до Буняки, то конешне пидведи его, щобъ винъ хоть едного перижка ззивъ; отцимъ ты маешъ вызволитися, бо якъ Буняка наиститься моихъ перижкивъ, то вже тебе не займе, для того, що вважатиме тебе за брата (то бъ то черезъ іи покормъ).

Ну, той хлопець такъ и зробивъ: якъ прыйшовъ у замчище, то умисне и ставъ такъ ѣсти материни перижки, щобъ Буняка побачивъ. Той побачивъ, тай питаеться: «що се ты ѣси?»—«Це каже, мини мати дала, выряжаючи въ остатню дорогу».—«А дай лишъ, каже Буняка, покоштувати, що тамъ воно таке»! Хлопець отдавъ ему перижки, а той и поивъ ихъ. Якъ же наився Буняка тихъ перижкивъ, заразъ и почувъ, яка въ ихъ заправа була. «Ну, каже, хлопче, дякуй своій матери, що такъ мудро вхитрувалася: теперъ ты еси вызволенный видъ смерти, не можу бо я тоби того лиха заподіяти, черезъ те, що ты стався мени братомъ».

Отъ той хлопець уже такій радый, такій радый, неначе справди въ друге на свитъ народився! Ото жъ хотивъ бувъ по тій розмови мерщій до дому бигти, а потимъ роздумався и не побигъ заразъ: «останусь лишъ я, каже самъ соби, на якій часъ тутъ ще; я, мовлявъ, теперъ безпечный, Буняка мене не ззисть, а тымъ часомъ зроблю ось що: заподію нашому ворогови таке, щобъ винъ не тильки мене, але и никого бильше не мигъ безвременне на той свигъ заганяти»! Ото и зоставcя при Буняци; у ночи Буняка заснувъ, а той хлопець мерщій до ёго въ хату, пидступився нищечкомъ до лижка, та черкъ ножемъ и видтявъ Буняци печинки

(вони жъ, бачите, на верси були). Якъ видтявъ, Буняка заразъ и пропавъ! [1]).

Б) Въ сёму миропильскому займищи, отъ що зовуть *Буняковымъ*, въ гору по Случи, за мистечкомъ у лиси, живъ колись то давно поганый Буняка, ворожбитъ татаринъ. Коло того займища давно колись бувъ перевизъ черезъ Случь и йшовъ шляхъ на Бердичевъ; того лиса, що навкруги ёго теперечки росте, зовсимъ не було. Отъ той Буняка дуже любивъ Настю, тутешню таки дивку, чи молодыцю, и взявъ іи до себе за жинку. А вона ёго не любила. Та ще якъ стала зъ нимъ жити, то й доглядилася, що у его печинки на верси, такъ просто за плечима, и побачила вона, що то винъ не абы зъ кимъ знаеться.

Отъ та Настя якось одкралася, тай утекла отъ Буняки; а винъ доганяти! Наздогнавъ іи у степу, що теперъ за Миропильямъ, туда до Гордіевки, вговорюе вернутися, а вона каже, що черезъ те и те не хочу. Тоди Буняка бачить, що вона про ёго усе знае, та й убивъ іи. Ота жъ сама Настя сказала була, щобъ на іи коштъ поставили у степу корчму. То отъ, де іи вбито, высыпали могилу, такъ вона и зветься Настина могила, а на степу за Миропильемъ постановили корчму, вона и теперь стоить и тежъ зветься Настиною [2]).

Вторая изъ этихъ легендъ, очевидно, передана неполно и потому не совсѣмъ ясна. Кажется, она относится къ одному кругу съ тѣми частями разработанныхъ въ предъидущей главѣ преданій, которыя ставятъ Буняка въ конфликтъ съ женщиной [3]). Мы отказываемся отъ дальнѣйшаго обсужденія этого разсказа впредь до нахожденія другой, болѣе полной его редакціи, отмѣтивъ изъ него только подробность о «печинкахъ на верси», которая сближаетъ его съ первой изъ приведенныхъ сейчасъ легендъ, интересной во многихъ отношеніяхъ.

---

[1]) Слышала Ольга Косачева отъ крестьянина села *Деревичи*, новоградволынскаго уѣзда.

[2]) Слышано отъ крестьянина въ мѣстечкѣ *Миропилья* и передано Ольгой Косачевой.

[3]) Подобно царицѣ Еленѣ въ вар. Баронча, и имя Насти въ этомъ варіантѣ должно быть тоже эпическимъ. *Настасья Прекрасная* въ нашихъ, какъ и въ великорусскихъ, сказкахъ замѣняетъ собою Елену Прекрасную (см. Драгоманова, Малор. нар. преданія и пр., 286, 299, Чубинскаго, II, 308, Аѳанасьева, №№ 178, 179 и др.).

Эта легенда еще раньше была изложена Костомаровымъ въ расказѣ о возстаніи волынской черни во время Богдана Хмельницкаго въ 1648 г. «Злодѣянія волынскихъ возстанцевъ, говоритъ нашъ знаменитый историкъ, остались въ народной памяти и теперь въ дико-фантастическомъ образѣ Шолудиваго Буняка: это имя древняго хана половецкаго преданіе помѣстило въ эпохѣ Хмельницкаго. Говорятъ, что такъ назывался начальникъ одного загона: онъ, по преданію, былъ мертвецъ, вставшій изъ гроба, имѣлъ человѣческое лице, снаружи казался живымъ существомъ, но внутренность его была наполнена гнилыми костями и это было видно, когда онъ раздѣвался. Онъ каждый мѣсяцъ ходилъ въ баню и бралъ съ собою козака, котораго потомъ убивалъ, чтобъ тотъ не разсказалъ, кто онъ такой.... Пришла очередь пойти одному козаку, котораго мать была колдунья: она дала сыну пирогъ, испеченный на молокѣ груди своей. Сынъ предложилъ чудовищу въ банѣ этотъ пирогъ и тотъ догадался, когда съѣлъ его. «Ты ушелъ отъ смерти: я теперь братъ твой, потому что мы питались отъ груди одной матери, но я погибъ». Названный братъ перебѣжалъ къ полякамъ, открылъ имъ, что слышалъ, и Шолудивый Бунякъ погибъ въ первой стычкѣ. Память о немъ до сихъ поръ сохраняется у волынскихъ поселянъ. Между Кременцемъ и Дубномъ, близь мѣстечка Вербы, показываютъ курганъ, гдѣ будто бы погребенъ Бунякъ. Злые духи гнѣздятся тамъ, гдѣ только чудовище обитало въ жизни. Въ такихъ то фантастическихъ образахъ перешла къ потомству страшная эпоха возстанія козаковъ» [1]).

У Костомарова послѣ этихъ словъ стоитъ ссылка: «Gesch. der Ukraine von Engel, 156». Но обращаясь къ тексту Энгеля (Geschichte der Ukraine und der Ukrainischen Kosaken wie auch des Königreich Halitsch und Wladimir, Halle, 1796, 155—157), мы не находимъ никакого указанія на курганъ Буняка; очевидно, это указаніе взялъ Костомаровъ изъ другаго источника, быть можетъ, изъ собственныхъ воспоминаній о поѣздкахъ по Волыни. Въ самомъ текстѣ Энгеля исторія Буняка разсказана нѣсколько подробнѣе и сопровождается интересными для характеристики современныхъ автору историко-критическихъ пріемовъ соображеніями. «Съ большимъ основаніемъ,

[1]) Богданъ Хмельницкій, изд. 1884 г., т. I, стр. 342.

говоритъ нѣмецкій историкъ, обвиняютъ Хмельницкаго польскіе писатели въ томъ, что онъ поддавался недостаткамъ козацкой толпы, пьянству и гаданіямъ. На сколько послѣднее, вмѣстѣ съ всяческими другими суевѣріями, было въ ходу у грубыхъ козацкихъ воиновъ, показываетъ случай при осадѣ Замосця» (здѣсь Энгель расказываетъ случай съ неудачнымъ пусканіемъ ракеты. который козаки поняли такъ, что «теперь не ихъ доля»). «Но характернѣе и страшнѣе, продолжаетъ онъ, преданіе, которое идетъ отъ времени Хмельницкаго и его военныхъ товарищей Кривоноса, Небабы, Нечая, Гладкаго и т. д. и которое сохранилъ Юзефовичъ (внизу Энгель цитируетъ Annales revolutionum Regni Poloniae et rerum notabilium civitatis Leoburgicae ab an. 1614—1700, a Joh. Thoma Josefowicz, canonico Leopol. et caet.): жилъ де нѣкогда, расказываютъ старые козаки передъ теплою печкою въ долгіе зимніе вечера своимъ дѣтямъ, въ главное время войнъ ихъ отцовъ съ польскою шляхтою, герой, по имени Шолудивый (Solodiwi) Бонякъ, человѣкъ неизвѣстнаго происхожденія, съ паршивою головою, отъ которой онъ носилъ и имя, но знаменитый по своей ненависти противъ поляковъ и по тѣмъ могиламъ, которыя онъ имъ приготовилъ на Украйнѣ, которые и въ позднѣйшее время назывались холмами (могилами) Шолудиваго Буняка и которыя быстро доставили ему званіе атамана. Этотъ человѣкъ, котораго не брала никакая пуля, былъ никто другой, какъ воплощенный сатана въ человѣческомъ видѣ. Ничего у него не было подобнаго съ обыкновенными сынами земли, кромѣ лица, рукъ и ногъ, но вмѣсто туловища онъ имѣлъ только страшные потроха внутри голаго скелета». Дальше идетъ разсказъ, который передалъ Костомаровъ; наконецъ поляки, «при помощи религіозныхъ заклинаній», убили Буняка. Но духи до сихъ норъ гнѣздятся въ домахъ и замкахъ, въ которыхъ онъ живалъ. «Изъ этого видно, заключаетъ Энгель, что нѣкоторые удальцы поджигали козаковъ противъ поляковъ, даже распуская слухъ о своей неуязвимости, а когда они все таки умирали, то люди умѣли поддерживать вѣру въ эту неуязвимость разными баснями».

Какъ видимъ, сынъ «философскаго вѣка» усиливался раціонализировать басни, которымъ вѣрила «толпа». Но вмѣсто того историку слѣдовало бы обратить раціонализмъ на критику самого

текста польскаго писателя, у котораго онъ нашелъ басню о Бунякѣ, что мы сами сейчасъ и сдѣлаемъ.

Манускриптъ Юзефовича мы имѣемъ въ польскомъ переводѣ [1]), а въ немъ на стр. 266—268, подъ 1648, а не 1663 годомъ, въ описаніи похода короля Яна Казиміра на Украйну, во время смутъ при Юріѣ Хмелницкомъ (а не Богданѣ), находимъ исторію Буняка въ такомъ видѣ: «Во время этого похода, или, можетъ быть, во время другихъ, немного давнѣйшихъ (!!) палъ, какъ говорятъ, въ борьбѣ съ нашими и предводитель козаковъ, Шолудивый Буняка, величайшій непріятель поляковъ и поджигатель ненависти къ нимъ, страшилище, по всему дьяволъ въ человѣческомъ видѣ. А такъ какъ имя его очень извѣстно на Украинѣ, и много могилъ насыпано на Полѣсьи, къ Кіеву, покрытыхъ лѣсами сосновыми и дубовыми, которыя носятъ его имя, то думаю не будетъ некстати, если я раскажу о немъ слѣдующую повѣсть, которая и до сихъ поръ держится у козаковъ, какъ найправдивѣйшая исторія... Нѣкоторые козаки разсказываютъ, что Шолудивый Бонякъ, названный такъ ради паршивой головы, прибылъ неизвѣстно откуда, къ непріязненнымъ Польшѣ козакамъ и тѣмъ самымъ приставши къ войску, такъ отличился жестокостями не только противъ поляковъ, но и противъ козаковъ (!!), что въ скоромъ времени выбранъ былъ начальникомъ послѣднихъ. Этотъ злодѣй ходилъ разъ въ мѣсяцъ купаться и всегда бралъ съ собою одного изъ ряда реестровыхъ воиновъ, котораго самъ же послѣ купанья убивалъ, для того, чтобы этотъ не разсказалъ, что онъ, кромѣ лица, рукъ и ногъ и смрадныхъ внутренностей, не имѣлъ на себѣ ни мяса, ни тѣла живущихъ людей, а только кожу и кости, какъ видимъ на трупахъ, или на картинахъ представляющихъ смерть». Разсказавъ дальше извѣстную намъ уже исторію съ коржикомъ и про смерть Буняки, прежде неуязвимаго, каноникъ заключаетъ: если это не можетъ быть принято за правду, хотя козаки вѣрятъ въ подобныя чары, то пусть оно послужитъ читающимъ хоть для развлеченія. Достойно однако вниманія, что, какъ говорятъ, всѣ тѣ

---

[1]) Kronika miasta Lwowa 1634—1690 napisana spółcześnie w języku Lacińskim przez X. J. Tomasza Józefowicza, teraz przełożona przez M. Piwackiego, Lwów, 1854.

мѣста, въ которыхъ этотъ Бунякъ проживалъ, страшны и не безопасны для людей и потому до сихъ поръ должны оставаться необитаемы. Пусть вѣритъ, кто хочетъ, разсказщикамъ. Нѣкоторые думаютъ, что подъ именемъ Шолудиваго Буняка разумѣется Болеславъ храбрый, найболѣе отличавшійся въ тѣхъ сторонахъ польскій король».

Сравнивая тексты Юзефовича, Энгеля и Костомарова, мы наглядно видимъ, какъ новые историки поддались вліянію польскаго хрониста, первый, желая представить типическія суевѣрія «грубыхъ людей», а другой—усмотрѣть поэтическое отраженіе исторической дѣйствительности въ народной фантазіи. Изъ разсказа Юзефовича вовсе не видно, что «народное преданіе помѣстило имя древняго половецкаго хана въ эпохѣ Хмельницкаго», а видно, что *имя это* и *прицѣпившіяся къ нему сказанія привязывались къ разнымъ урочищамъ (въ томъ числѣ и старымъ могиламъ) и временамъ*, и что разные люди, конечно грамотѣи, а вовсе не народъ, усматривали подъ этимъ именемъ разныя личности, отъ Болеслава Храбраго до начальника козацкихъ загоновъ, при чемъ первые были вѣроятно русины, а вторые поляки. Полякъ Юзефовичъ охотно помѣстилъ Буняку въ козаки, не замѣтивъ даже противурѣчія въ томъ, что его преданіе дѣлаетъ Буняку мучителемъ и козаковъ; при этомъ онъ все таки не рѣшается окончательно опредѣлить эпоху дѣятельности и смерти своего героя и, ставя смерть его подъ 1663 г., прибавляетъ: «а можетъ быть и ранѣе». Сравнивъ же расказы Юзефовича съ легендою, слышанною г-жею Косачевою «изъ устъ народа» и переданною безъ всякой тенденціи, мы видимъ, что преданіе о Бунякѣ не имѣетъ ничего общаго съ козацкой эпохой, и потому уже, конечно, существовало у него раньше ея, въ томъ почти видѣ, въ какомъ оно существуетъ и теперь и въ какомъ расказывалось и во время Юзефовича, разсказъ котораго, если отбросить отъ него наивную, хотя и тенденціозную историзацію польскаго хрониста, въ основѣ почти одинаковъ съ варіантомъ г-жи Косачевой.

Впрочемъ между обѣими редакціями есть и отличія, довольно интересныя для естественной исторіи развитія этой и подобныхъ тэмъ. Такъ редакція Юзефовича ничего не говоритъ о людоѣдствѣ и въ тоже время не дѣлаетъ сына вдовы прямымъ убійцей Буняка,

а дѣлаетъ смерть послѣдняго фатальнымъ послѣдствіемъ открытія его тайны. Редакція Юзефовича, по времени записи, болѣе старая, и уже по этому можно предположить, что она прочнѣе сохранила типическія черты сказанія. Но это предположеніе подтверждается, какъ увидимъ дальше, и сравненіемъ нашего сказанія съ родственными ему иностранными.

Вышеприведенное сказаніе обратило на себя вниманіе и другихъ нашихъ ученыхъ, кромѣ Костомарова. Одинъ изъ нихъ, г. Голубовскій въ сочиненіи «Печенѣги, Торки и Половцы до нашествія татаръ» (III, Дополненіе) строитъ по поводу его слѣдующую теорію роста подобныхъ сказаній.

«Въ 20 того же мѣсяца день пятокъ, въ часъ 1 дне, пріиде *Бонякъ* безбожный *шолудивый*, отай, хищникъ, Кыеву...», такъ разсказываетъ лѣтопись объ одномъ смѣломъ нападеніи этого хана на Кіевъ. Народная фантазія разукрасила его образъ и придала ему чудовищныя черты. Онъ жилъ въ этомъ городищѣ и ѣлъ людей, которыхъ ему доставляли по очереди... Ханъ половецкій, Бонякъ Шолудивый, никогда не жилъ тамъ, куда пріурочено его имя народнымъ преданіемъ. Но это сказаніе интересно еще въ томъ отношеніи, что показываетъ, какъ съ теченіемъ времени наслаиваются новыя и новыя подробности на первоначальную основу преданія и какъ самый образъ дѣйствующаго лица постепенно измѣняется въ народной памяти, теряя свои оригинальныя черты, обобщаясь, получая чудодѣйственную окраску. Народъ помнилъ о существованіи страшнаго врага своихъ предковъ, уводившаго при своихъ нападеніяхъ плѣнныхъ, которые по большей части навсегда были потеряны для родной земли,—онъ ихъ съѣдалъ. Съ поколѣніями все болѣе и болѣе стушевываются дѣйствительныя черты бывшей жизни и событій давно минувшихъ, исчезаетъ память о томъ, что нѣкогда велась борьба съ врагами, о томъ, какъ она велась. Остается только ясное воспоминаніе, что существовалъ нѣкогда врагъ, уничтожавшій населеніе, поѣдавшій его; населеніе не могло съ нимъ справиться, стало быть, этотъ врагъ обладалъ какой то чудодѣйственной силой. На такой стадіи развитія народное преданіе не останавливается. Разработка его идетъ у народа далѣе; наслоенія и обобщенія все далѣе растутъ. Теряется самое имя врага; стушевываются послѣднія оригинальныя

черты лица (все равно, будетъ ли это цѣлый народъ или отдѣльный человѣкъ) и событій; память о борьбѣ съ врагомъ сливается все болѣе и болѣе съ памятью о доисторической борьбѣ съ силами природы, которыя олицетворены уже у народа въ образъ великановъ и змѣевъ. Подъ этими общими образами являются потомъ и всѣ враги, по большей части, цѣлыя племена, съ которыми приходилось долго и кроваво бороться осѣдлому населенію. Въ такомъ видѣ преданіе переходитъ въ былину».

Всѣ эти соображенія, которыя характеризуютъ цѣлое, болѣе или менѣе господствующее теперь, направленіе въ средѣ изслѣдователей нашего народнаго быта и исторіи, были бы гораздо ближе къ истинѣ, если бы изслѣдователь допустилъ, въ числѣ наслоекъ на остатки первоначальнаго воспоминанія объ извѣстномъ историческомъ событіи или лицѣ, и *наслойки образовъ, возникшихъ совсѣмъ не въ той странѣ, гдѣ имѣло мѣсто это событіе, гдѣ дѣйствовало это лице, т. е. наслойки сказаній чуженародныхъ.* Но, очевидно, г. Голубовскій, стоя на точкѣ зрѣнія объ исключительно почвенномъ, національномъ происхожденіи народныхъ сказаній, вовсе не имѣлъ въ виду даже возможности наслоекъ такого рода [1]). Эту возможность предположилъ въ данномъ случаѣ Халанскій въ книгѣ «Великорусскія былины кіевскаго цикла» (Варшава, 1885, 34—37), только ему не удалось попасть на настоящую дорогу въ поискахъ за оригиналами нашей легенды о Бунякѣ. Г. Халанскій сравнилъ эту легенду съ сказаніями пятигорскихъ татаръ и другихъ сосѣднихъ съ ними кавказскихъ племенъ о бо-

---

[1]) Вслѣдъ за выше приведеннымъ построеніемъ эволюціи сказки о Бунякѣ, г. Голубовскій подобнымъ же образомъ конструируетъ образованіе на національно-исторической почвѣ сказокъ о Кожемякѣ, не смотря на то, что интернаціональный характеръ этихъ сказокъ былъ указанъ въ русской литературѣ въ статьѣ г. Буслаева „Клинообразныя надписи Ахеменидовъ", въ „Русскомъ Вѣстникѣ", 1873 г., декабрь, стр. 722—725 и въ примѣчаніи къ украинскому сказанію Илья Швець и змій, въ Малорос. народн. преданіяхъ и разсказахъ М. Драгоманова, стр. 249. Количество параллелей можно увеличить гораздо болѣе. На основаніи всѣхъ ихъ намъ кажется, что родину сказанія слѣдуетъ признать и въ этомъ случаѣ въ Иранѣ, а не въ Вавилонѣ, какъ думаетъ г. Буслаевъ. На Вавилонъ только перенесли иранцы мѣсто жительства своего змія въ послѣдствіи, а отъ нихъ приняли эту локализацію евреи (апокрифъ о Даніилѣ).

гатыряхъ-*нартахъ* и чудовищныхъ женщинахъ великанахъ, *эмегенахъ*, особенно съ сказаніемъ о женитьбѣ нарта Алаугана на дочери Эмегены. Богатырь спасъ себя отъ Эмегены тѣмъ, что, подкравшись сзади, пососалъ закинутыя на спину груди великанши и такимъ образомъ сталъ ея молочнымъ сыномъ [1]). Г. Халанскій приводитъ также подобную же подробность въ аварской сказкѣ, а также кавказскіе обычаи усыновленія и заключаетъ: «по этому намъ кажется, что малорусское преданіе о Шелудивомъ Бунякѣ сложилось подъ непосредственнымъ вліяніемъ кавказскихъ и, можетъ быть, черкесскихъ сказаній и обычаевъ».

Между тѣмъ гораздо большее сходство съ нашимъ преданіемъ о Бунякѣ представляетъ одно изъ сказаній, вошедшее въ монгольскую книгу Шидди-Куръ [2]). Книга та есть передѣлка индійской *Vetala pantcha vincati* (26 разсказовъ упыря), составленная по всей вѣроятности при посредствѣ тибетской редакціи первоначальнаго индо-буддійскаго оригинала, до сихъ поръ еще ученымъ неизвѣстной [3]).

---

[1]) Матеріалы для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, Тифлисъ 1881 г., т. I, II, стр. 8—10. У насъ, къ сожалѣнію, нѣтъ подъ рукою этого изданія.

[2]) Оставляя параллель г. Халанскаго для другой, какъ увидитъ читатель, болѣе близкой, мы замѣтимъ, что изображенный въ приводимыхъ г. Халанскимъ кавказскихъ сказаніяхъ способъ обезоруженія чудовищной женщины не составляетъ исключительной принадлежности кавказскихъ преданій. Мы встрѣтили, напримѣръ, въ сѣверо-африканской сказкѣ кабиловъ, чрезвычайно подходящей и къ европейскимъ сказкамъ о трехъ братьяхъ и о добываніи младшимъ жаръ-птицы, коня и чудесной дѣвушки, такое-же самое обезоруженіе (Riviere, Recueil de contes populaires de la Kabylie du Djurdjura, 239). Въ тоже время мы встрѣчаемъ въ великорусской сказкѣ того же круга образъ бабы-яги, которая лежитъ въ избушкѣ, „изъ угла въ уголъ ноги уперла, титьки черезъ грядки висятъ“ (Садовниковъ, Сказки и преданія самарскаго края, стр. 32). Очевидно, что родины остановившихъ на себѣ вниманіе г. Халанскаго кавказскихъ обрядовъ, какъ, добавимъ, и всей русской бабы-яги, въ которой многіе наши ученые видятъ существо древнеславянскаго Олимпа, надо искать даже не на Кавказѣ, а дальше на Востокѣ.

[3]) Основой индійской книги служитъ исторія о томъ, какъ царь Викрамадитія, по просьбѣ коварнаго *йоги*, колдуна, отправляется принести трупъ, висящій на деревѣ, на мѣсто волхвованій, имѣющихъ цѣлью пріобрѣтеніе *siddhi*, т. е. высшихъ совершенствъ (въ томъ числѣ пріобрѣтенія способности дѣлать золото). По дорогѣ царь долженъ молчать, но трупъ разсказываетъ ему исторію и предлагаетъ замысловатые вопросы, на которые царь, не утерпѣвъ, отвѣчаетъ, послѣ чего трупъ всякій разъ уходитъ на старое мѣсто. Подъ конецъ трупъ,

Въ 22-ой главѣ монгольской редакціи трупъ разсказываетъ герою (здѣсь царевичу Сайнъ Амулучану) слѣдующую исторію: «Нѣкогда давнымъ давно жилъ въ странѣ чернокитайской, на востокѣ Индіи, царь, по имени Дангбонгъ, у котораго былъ сынъ. Этотъ сынъ не показался народу ни разу съ тѣхъ поръ, какъ вступилъ на престолъ. Каждый день онъ бралъ изъ народа красиваго мальчика и послѣ того, какъ этотъ причесывалъ ему волосы, убивалъ его. Въ теченіе многихъ лѣтъ такъ перебилъ онъ много молодыхъ людей, когда наконецъ дѣло дошло до сына одной старухи. Когда очередь расчесывать волосы царю пала на этого юношу, мать его опечалилась мыслью о его смерти. Она надѣла сыну новое платье, замѣсила въ тѣсто муку молокомъ изъ своей груди и сдѣлала хлѣбцы, которые спрятала ему за пазуху съ такимъ наставленіемъ: «когда будешь причесывать волосы царю, постарайся ѣсть эти хлѣбцы, то онъ тебя не убьетъ». Мальчикъ пошелъ къ царю и когда сталъ расчесывать ему волосы золотымъ гребнемъ, оказалось, что у царя ослиныя уши. Тутъ была причина, почему царь убивалъ мальчиковъ, такъ какъ онъ боялся, что они разскажутъ объ этомъ народу. Пока мальчикъ чесалъ волосы царю, онъ ѣлъ свои хлѣбцы. Царь спросилъ: «это что такое?»—«Рисовые хлѣбцы!» отвѣтилъ мальчикъ.—«А дай мнѣ», попросилъ царь; тотъ подалъ царю хлѣбецъ. Съѣвши, царь сказалъ: «запахъ и вкусъ мнѣ нравятся, что тутъ за примѣсь?» Мальчикъ отвѣчалъ: «моя мать замѣсила это молокомъ своей груди и дала мнѣ».—Тогда царь по-

---

прельщенный мудростію и доблестію Викрамадити, открываетъ ему опасность, угрожающую ему отъ йоги; царь убиваетъ послѣдняго и самъ овладѣваетъ совершенствами. Книга переведена, или, лучше сказать, передѣлана на разные языки Индіи, и изъ этихъ передѣлокъ нѣсколько переведены на новые европейскіе языки. Изъ санскритской редакціи Сивидасы части переведены по нѣмецки Бракгаузомъ (Berichte der K. Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaft, 1853, 281—306) и Лубертомъ (Der Vetâlapančavinçati, Göez, 1875). Полный переводъ другой санскритской редакціи, внесенный въ огромный сборникъ сказокъ Сомадевы, сдѣланъ въ англійскомъ переводѣ этого сборника: Kathasaritsagara, transl. by Tawney (Calcutta, 1880—1884). Изъ переводовъ новѣйшихъ индійскихъ редакцій важнѣе другихъ Osterley, Baital-Pachisi, Leipzig, 1873 (hindi), по обстоятельности сраннительныхъ примѣчаній. Монгольская передѣлка переведена на русскій языкъ въ Этнографич. Сборникѣ, т. VI, а потомъ точнѣе на нѣмецкій (Jülg, Kalmükische Märchen, Leipz., 1866 и Mongolische Märchen, Insbruck, 1868).

думалъ: «нельзя мнѣ его убить; гдѣ во всемъ свѣтѣ возможно такое? послѣ того какъ мы оба пили молоко одной матери, противуестественно убивать человѣка собственнаго рода». А мальчику сказалъ: «я тебя не убью, но ты не долженъ говорить никому, что у меня ослиныя уши!»—«Никому не скажу, царь!» проговорилъ мальчикъ.—«Даже твоей матери не говори; если же ты кому нибудь проговоришься, я тебя убью». Такъ и сказалъ ему».

«Никто объ этомъ не узналъ. Мальчикъ вернулся домой. Другіе же, которые послѣ него ходили чесать волосы царю, по прежнему убивались. Всѣ были удивлены, какъ счастливъ оказался сынъ старухи. Всякій спрашивалъ его, что такое съ нимъ было; но онъ не говорилъ ничего ни матери, ни кому другому. Между тѣмъ, никому не сказавъ, что у царя уши длиннѣе, чѣмъ у другихъ людей, мальчикъ впалъ въ сильную, тяжкую болѣзнь, ибо онъ постоянно объ этомъ думалъ, внутри себя. Ни лѣкарства, ни жертвоприношенія, ничто другое, что дѣлается въ этихъ случаяхъ, не помогали ничего. Будучи уже близокъ къ смерти, позвалъ онъ врача, и когда тотъ пришелъ, далъ ему пощупать свой пульсъ. Врачъ сказалъ: «ты ничѣмъ не боленъ, кромѣ духа; въ такой болѣзни лѣкарства не помогутъ. Еслибъ ты могъ перенести на губы то, что у тебя на сердцѣ, и довѣрить какому нибудь человѣку, тогда бы ты выздоровѣлъ». Всѣ присутствующіе приставали къ нему: «если у тебя на сердцѣ есть малѣйшая тайна, то выскажи ее: когда же ты успѣешь открыть ее, если не сообщишь ее никому даже при смерти?» Но мальчикъ увѣрялъ, что у него нѣтъ никакой тайны, и не говорилъ ничего. Нѣсколько позже мать стала при одномъ случаѣ приставать къ нему и выспрашивать; онъ сказалъ ей: «я таки имѣю тайну; но если я выдамъ ее, то буду наказанъ царемъ». «Если это такъ, наставила мать, то иди въ безлюдную пустыню и выскажи ее въ яму въ землѣ, или въ щель въ скалѣ или деревѣ, и будешь здоровъ».—Сынъ пошелъ и нашелъ нору бурундака (родъ горностая) и крикнулъ туда: «у нашего хана ослиныя уши!» Выкрикнувши такъ четыре раза, мальчикъ выздоровѣлъ. Но бурундакъ, бывшій въ норѣ, услышалъ эти слова, понесъ ихъ далѣе и они, подхваченныя вѣтромъ, донеслись до ушей царя. Царь подумалъ, что это мальчикъ сказалъ эти слова и послалъ за нимъ. Когда мальчика привели къ царю, тотъ ска-

залъ: «я тебѣ приказывалъ не говорить никому, а какъ только къ тебѣ приблизилась бѣда, такъ ты сейчасъ и выдалъ тайну?!» На этотъ вопросъ молодой человѣкъ отвѣтилъ: «я самъ никому дома не сказалъ ничего».—«Ты, очевидно, сказалъ какому нибудь человѣку, говорилъ царь, такъ какъ слова эти донеслись до меня; еслибъ ты ничего не говорилъ, какъ бы я могъ ихъ слышать?» Тогда мальчикъ отвѣчалъ: «возвратившись домой, я впалъ въ тяжкую болѣзнь» и т. д. (тутъ слѣдуетъ сжатое повтореніе прежде сказаннаго эпизода о болѣзни и врачѣ). «Если это не вѣтеръ выдалъ эти несчастныя слова, то кто бы иначе могъ принести ихъ?» На это царь сказалъ: «пусть будетъ по прежнему; я въ самомъ дѣлѣ услышалъ слова, перенесенныя вѣтромъ; за чѣмъ я буду его убивать?»—и обратясь къ молодому человѣку, продолжалъ: «ну, можетъ быть, ты знаешь какое нибудь средство скрыть мои ослиныя уши?» Юноша отвѣчалъ: «если ты, могучій царь, хочешь послушаться моего совѣта, то у меня есть средство помочь».—«Назови мнѣ, молодой человѣкъ, сказалъ царь, твое средство. Я послушаюсь!» И юноша началъ: «могучій царь, вели приготовить для твоей головы шапку и вели сдѣлать клапаны съ обѣихъ сторонъ головы, чтобъ скрывать уши, и надѣнь ее. Всѣ, кто къ тебѣ будутъ приходить, найдутъ приличнымъ являться къ тебѣ также одѣтыми». Царь одобрилъ предложеніе. Всѣ удивлялись и расхваливали такую шапку. И такъ какъ никто не зналъ, что у царя уши ослиныя, то онъ ввелъ въ моду эту шапку, которая стала извѣстна подъ именемъ шапки съ клапанами. Съ тѣхъ поръ старѣйшины стали носить такія шапки въ присутствіи Дайбангъ-хана. Молодой человѣкъ сдѣланъ былъ министромъ и убіеніе мальчиковъ королемъ прекратилось. Весь народъ чрезвычайно обрадовался и сталъ богатѣть и умножаться» [1]).

Сходство первой половины этого разсказа съ нашей легендой о Бунякѣ такъ очевидно, что не нуждается ни въ какихъ дальнѣйшихъ указаніяхъ. Главное отличіе между двумя версіями заключается въ томъ, что въ монгольской чудовищный человѣкъ имѣетъ ослиныя уши, тогда какъ въ украинской онъ имѣетъ не прикрытыя внутренности. Этимъ своимъ отличіемъ, равно какъ и своей второй

---

[1]) B. Jülg, Mongolische Märchen, 46—51.

половиной монгольскій разсказъ сходится съ классическою повѣстью о Мидасѣ, царѣ фригійскомъ, которая дошла до насъ въ наиболѣе полномъ видѣ въ XI книгѣ метаморфозъ Овидія, вслѣдъ за другой, также очень распространенной въ классическомъ мірѣ, исторіей о томъ-же лицѣ. Такъ какъ эта исторія будетъ намъ нужна для соображеній о странствованіяхъ занимающей насъ повѣсти, то мы напомнимъ здѣсь вкрацѣ содержаніе ихъ обѣихъ.

Когда Вакхъ подошелъ къ горѣ Тмолу, надъ рѣкой Пактоломъ, Силенъ отсталъ отъ его кортежа; утомленный годами и пьяный, онъ попалъ въ руки фригійскихъ пастуховъ, которые отвели его къ Мидасу. Этотъ, будучи уже посвященъ въ вакхическія мистеріи, узналъ Силена, угощалъ его 11 дней и послѣ отвелъ его къ Вакху, за что получилъ отъ бога обѣщаніе исполненія его желаній. Мидасъ пожелалъ, чтобъ все, къ чему онъ коснется, обращалось въ золото. Глупое желаніе, такъ какъ несчастный долженъ былъ умереть съ голоду. По его новой просьбѣ богъ избавилъ его отъ своего дара, приказавъ ему выкупаться въ Пактолѣ, который съ тѣхъ поръ сталъ золотоноснымъ. Но Мидасъ не поумнѣлъ (pingue sed ingenium mansit) и опять попалъ въ бѣду. Панъ вступилъ съ Аполлономъ въ состязаніе въ музыкѣ, и Мидасъ, въ противность Тмолу и всѣмъ свидѣтелямъ, отдалъ предпочтеніе дудкамъ Пана передъ цитрой Аполлона. Делоскій богъ не потерпѣлъ, чтобъ столь грубыя уши сохраняли человѣческую форму, а удлиннилъ ихъ, покрылъ пухомъ, далъ имъ способность двигаться, словомъ—сдѣлалъ ослиными. Мидасъ прячетъ ихъ подъ пурпурной тіарой, но слуга, который стрижетъ ему волосы, узнаетъ его секретъ и, не будучи въ состояніи молчать, прошептываетъ его въ ямку въ землю. На томъ мѣстѣ выростаетъ густой тростникъ и, колеблемый вѣтромъ, разноситъ вѣсть объ ушахъ царя (Ovidii, Metamorph. XI, 85—193).

Послѣдняя половина разсказа о Мидасѣ: повѣсть о его ушахъ, по всей вѣроятности, сложилась не сразу, такъ какъ она состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ эпизодовъ: о наказаніи Мидаса богомъ и болтливомъ юношѣ, какъ это можно думать и потому, что у древняго миѳолога Гигина разсказанъ о Мидасѣ только первый эпизодъ [1]).

---

[1]) Hygini Fabulae, ed. M. Schmidt Jeanae, 1872, CXCI Rex Midas, CLXV Marsyas. Здѣсь только Мидасъ самъ судитъ музыкальный конкурсъ Аполлона съ

Эта повѣсть о царѣ съ звѣриными (козьими, ослиными или конскими) ушами получила довольно широкое распространеніе въ старинной письменности и даже въ устной словесности европейскихъ народовъ. Въ послѣдней намъ извѣстны варіанты:

1) *Новогреческій*, напечатанный у Bernhard Schmidt, Griechische Märchen, Sagen und Volkslieder (Leipzig, 1877) № 4; варіантъ этотъ передаетъ исторію довольно спутанно, начиная ее почти съ конца. Осиротѣлый юноша срываетъ по дорогѣ тростникъ и дѣлаетъ изъ него дудку, которая проигрываетъ ему слова: «у царя, закрытаго пятью покрывалами, козлиныя уши». Идя дальше, юноша приходитъ въ царство такого царя, котораго цирульникъ признался, что выдалъ секретъ его землѣ. Еще раньше вѣщія дѣвы (Мойры) предсказали, что царь умретъ, если народъ узнаетъ его тайну. Теперь царь отдаетъ за юношу свою дочь и умираетъ.

2) *Сербскій*, напечатанный у В. Караджича, Српске народне приповиjестке (у Беру, 1870 г., 2-е изданіе; библіографич. рукопись, стр. 150—152). Здѣсь исторія прямо начинается съ того, что царь Троянъ имѣлъ козьи уши. Чтобъ цырульники не выдали его тайны, царь убивалъ каждаго цырульника. Когда дошла очередь до одного цырульника, тотъ сказался больнымъ и послалъ своего ученика. Этотъ замѣтилъ уши царя, но на вопросъ его, что онъ увидѣлъ особеннаго, отвѣтилъ, что ничего. Царь далъ ему двѣнадцать золотыхъ и приказалъ всегда приходить брить его. Только мальчикъ началъ чахнуть и наконецъ признался хозяину, что у него есть нѣчто на сердцѣ и что еслибъ онъ съ кѣмъ подѣлился, то ему бы полегчало. Хозяинъ совѣтуетъ разсказать тайну или ему, или духовнику, или же землѣ.—Дальнѣйшаго разсказывать нечего, кромѣ окончанія, которое въ сербскомъ варіантѣ тоже очень благодушно, но на другой ладъ; царь убѣдившись, что земля ничего не можетъ скрыть, простилъ цырульника и сталъ пускать всякаго брить его.

3) *Ирландскій*, помѣщенный у Kennedy Patrick, Legendary Fictions of the Irish Celts, 1866, 248 и слѣд. Это довольно длинная

Марсіасомъ. Схоліастъ къ Аристофану говоритъ, что Мидасу далъ ослиныя уши Вакхъ за то, что тотъ подсмотрѣлъ его ословъ (Scholiae Graeciae in Äristophanem, ed. Dindorph. v. Plutus, v. 287).

повѣсть, съ излишнимъ даже развитіемъ второстепенныхъ подробностей. Сущность ея заключается въ слѣдующемъ: въ старину былъ въ Ирландіи царь *Lora Lanschaeh* (или Labhradh Loingseach), который стригъ волосы только разъ въ годъ, послѣ чего цырульникъ исчезалъ куда-то. Когда такая участь постигла семь человѣкъ подъ рядъ, ни одинъ цырульникъ больше и не подходилъ къ замку. Король выдалъ приказъ приводить ему цырульниковъ по жребію. Первый жребій выпалъ на сына бѣдной вдовы; та успѣла выпросить сыну помилованіе, которое король ему и далъ, съ тѣмъ, чтобъ онъ поклялся никому не разсказывать, что видѣлъ у него. Молодой человѣкъ увидѣлъ у царя конскія уши, длинныя какъ у осла. Вслѣдъ за тѣмъ цырульникъ заболѣлъ. Докторъ посовѣтовалъ ему сказать свой секретъ въ щель дерева въ лѣсу. Черезъ нѣсколько времени былъ нааначенъ конкурсъ арфистовъ въ присутствіи всѣхъ королей и знати Ирландіи, на которой вызывались охотники состязаться съ Крафтиномъ, арфистомъ фатальнаго короля. Крафтинъ нашелъ порчу въ своемъ инструментѣ, пошелъ въ лѣсъ и срѣзалъ какъ разъ то дерево, въ которое цырульникъ проговорилъ свою тайну и сдѣлалъ изъ него себѣ новую арфу. Въ день конкурса арфа производила чудесные эффекты, которыхъ не въ состояніи были превзойти арфисты другихъ королей. Подъ конецъ Крафтина заставили опять играть, и арфа его пропѣла: «конскія уши имѣетъ Labhradh Loingseach»! Смущенный король поднимаетъ руки къ головѣ, сбиваетъ повязки, обнажаетъ свои уши и падаетъ безъ чувствъ. Когда онъ пришелъ въ себя, то раскаялся въ убіеніи бѣдныхъ цырульниковъ, назначилъ пенсіи ихъ женамъ и матерямъ и потомъ уже стригся, какъ обыкновенный человѣкъ.—Разсказчикъ, сообщившій собирателю эту повѣсть, ссылался на то, что, по словамъ знакомаго ему начетчика, она находится и въ писанныхъ исторіяхъ Ирландіи. И дѣйствительно, сказка эта найдена въ нѣсколькихъ кельтскихъ рукописяхъ, по которымъ она и напечатана въ болѣе короткомъ видѣ (въ оригиналѣ и въ англійскомъ переводѣ) въ Revue Celtique, II, 197—198 (Labraid Lore and his ears) и въ болѣе распространенномъ въ Keating, General History of Ireland, 1723, 161—167, откуда переведена по нѣмецки въ Maryenblatt, 1810, № 237 и помѣщена потомъ у Kletke (Marchensaal, 1845, II, 131—132). Здѣсь

король называется *Macin* по прозванію *Labhradh Loingseach*, а арфистъ его, какъ и въ двухъ предъидущихъ редакціяхъ, *Craftine*.

4) Подобный разсказъ былъ очень распространенъ въ концѣ прошлаго вѣка въ *Бретани*; о томъ говоритъ Cambray (Voyage dans le Finistere, Paris, (an VII de la Republique, II, 287), «король Порцмаршъ (Portzmarch) убиваетъ всѣхъ своихъ цырульниковъ изъ страха, чтобъ они не разсказали, что у него конскія уши. Разъ пришлось брить его интимному другу; этотъ поклялся не разсказывать того, что зналъ. Но не могши устоять противъ горячаго желанія разсказать объ этомъ явленіи, онъ, по совѣту одного мудреца, разсказалъ объ этомъ береговымъ пескамъ. На томъ мѣстѣ выросли три тростника, барды сдѣлали изъ нихъ части (des hanehes) гобоя, которыя повторяли: «Порцмаршъ, король Порцмаршъ имѣетъ конскія уши [1]).

Какимъ образомъ объяснить это распространеніе сказки о Мидасѣ отъ Монголіи до Ирландіи? Вопросъ этотъ связанъ съ вопросомъ о происхожденіи и первоначальномъ значеніи исторіи Мидаса; а этотъ послѣдній вопросъ изъ числа запутанныхъ, главнымъ образомъ потому, что сказанія о Мидасѣ дошли до насъ не изъ первыхъ источниковъ. Всѣ классическія указанія ведутъ насъ въ Малую Азію, Фригію или Ѳракію, какъ въ страны, гдѣ дѣйствовалъ Мидасъ и гдѣ должны были существовать разныя сказанія о немъ [3]). Но эти сказанія дошли до насъ уже въ греческихъ отголоскахъ и даже сколько нибудь полныя редакціи ихъ, какъ Овидія, такъ и Гигина, мы имѣемъ уже въ латинскихъ копіяхъ этихъ отголосковъ. По этимъ копіямъ, равно какъ и по отрывочнымъ указаніямъ болѣе старыхъ, греческихъ писателей, весьма трудно возстановить спеціально-фригійскій образъ Мидаса и раз-

---

[1]) Revue Celtique, II, 507—508. Надо напомнить, что *Mark* по кельтски— лошадь. Эпизодъ о королѣ Маркесъ съ конскими ушами находится и въ одной изъ старо-французскихъ поэмъ о Тристанѣ (W. Grimm, Götting. Gel. Anzeigen 1824, I, 118, De la Villemarque, contes populaires des aneuns Bretons, I, 99). По словамъ Вилле'марке, сходный разсказъ существуетъ и у кельтовъ Уэльса.

[2]) Геродотъ (VIII, 138) помѣщаетъ сады Мидаса, гдѣ плѣненъ былъ Силенъ, въ Македоніи. Ксенофонтъ (Anabasis, I, 2, 13) вспоминаетъ ключъ Мидаса, царя фригійскаго, у города Ѳимбріи, гдѣ пойманъ былъ Силенъ, упившійся подлитымъ въ ключъ виномъ. Павзаній (Descriptio Graeciae, ed. Dindorf, I, cap. IV, 5) говоритъ о ключѣ называемомъ Мидасовымъ въ Анкирѣ (въ Малой Азіи).

сказовъ о немъ. Нѣкоторыя данныя, какъ напр. изображенія Мидаса сходно съ греческимъ луннымъ богомъ (Μήν) [1]), котораго рога могли дать поводъ къ эпизоду объ ушахъ, или замѣчаніе Филострата, что Мидасъ былъ изъ рода сатировъ [2]), указываютъ на то, что первоначально имя Мидаса принадлежало въ Малой Азіи божеству. *Но изъ этого еще отнюдь не слѣдуетъ, чтобъ всѣ подробности сказокъ, которыя мы теперь имѣемъ о Мидасѣ, имѣли значеніе религіозное и принадлежали къ исконнымъ миѳамъ*, какъ это усиливаются доказать ученые школы Гриммовъ и М. Миллера, видящіе въ сказкахъ произведенія исконной старины и извѣстную оболочку древнѣйшихъ религіозныхъ вѣрованій. Такое религіозное значеніе придаетъ разсказу объ ушахъ Мидаса, напр., Баховенъ (Versuch über die Gräbersymbolik der Alten, 375 и слѣд.) и г. Де Губернатисъ (Mythologie Zoologique, I, 387—388, 403 и слѣд.). Первый усматриваетъ въ ослиныхъ ушахъ Мидаса указаніе на теллурическое значеніе этого бога, такъ какъ оселъ-де символъ половой силы плодородія. Такое-же значеніе имѣетъ, по Баховену, и проростаніе тростника изъ ямки, куда слуга Мидаса проговорилъ его тайну [3]). Г. Де Губернатисъ усматриваетъ въ Мидасѣ-ослѣ бога солнечнаго, основываясь главнымъ образомъ на экивокѣ въ санскритскомъ языкѣ gardarbha—оселъ и gandharva существо солнечнаго цикла, небесный музыкантъ), да на томъ, что у Овидія уши Мидаса бѣлесоваты и подвижны, т. е. будто-бы напоминаютъ зарю! Существованіе сказки о царѣ съ ослиными ушами въ монгольской книгѣ, составленной на индійской основѣ, даетъ итальянскому ученому тѣмъ болѣе основаній зачислять сказку о Мидасѣ въ ряды древнихъ общеарійскихъ миѳовъ. При такомъ взглядѣ существованіе этой сказки и въ народной словесности балканскаго полуострова и кельтовъ, объяснилось-бы, какъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ, сохраненіемъ устной словесностью древнѣйшаго обще-племеннаго достоянія.

---

[1]) Pauli, Real encyclopaedie der Klassischen Alterthumskunde, Midas.

[2]) Philostrati Tyanensi Apollonie vita, VI, 27.

[3]) По истинѣ трудно понять, какъ въ такомъ толкованіи одна подробность вяжется съ другой, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ рождаетъ тростникъ не Мадасъ, а слуга, который ослиныхъ аттрибутовъ не имѣетъ. Но миѳологисты извѣстной школы не смущаются такими подробностями.

Сказку объ ушахъ Мидаса затронули и ученые болѣе положительнаго метода, занимавшіеся вопросомъ объ обмѣнѣ басень между Индіей и Греціей. Какъ извѣстно, ученые этой школы не расположены объяснять сходство извѣстнаго рода басень у разныхъ отдаленныхъ другъ отъ друга народовъ общностью басеннаго капитала у предковъ этихъ народовъ въ древнѣйшую эпоху ихъ единства, а стараются объяснить это сходство преслѣдованіемъ осязательныхъ международныхъ отношеній политическихъ и культурныхъ. Но тѣмъ не менѣе и до сихъ поръ еще въ каждомъ частномъ случаѣ не всѣ изъ этихъ ученыхъ освободились отъ идей, по которымъ то или другое сказаніе имѣетъ за собою непремѣнно исконную древность и миѳологическое значеніе. Такъ когда белгійскій ученый Веженe (Wagener, Essai sur les rapports qui existent entre les apologues de l'Inde et les apologues de la Grèce), сторонникъ теоріи индійскаго происхожденія греческихъ басень (Эзопа), притянулъ (по нашему мнѣнію, неосновательно) сказку объ ушахъ Мидаса къ баснѣ объ ослѣ въ львиной (въ Индіи—тигровой) шкурѣ, то знаменитый индіанистъ Веберъ, защитникъ теоріи движенія эзопическихъ басенъ въ Индію изъ Греціи, вовсе не усомнился въ этомъ отношеніи сказки объ ушахъ Мидаса къ баснѣ объ ослѣ въ львиной шкурѣ, а только увидѣлъ въ этомъ отношеніи поддержку своей теоріи. «Такъ какъ подъ сказкой этой, говоритъ Веберъ, согласно съ Баховеномъ, скрывается извѣстное миѳологическое отношеніе, то греческая басня получаетъ черезъ то полную значенія подкладку», т. е. является очень древнею [1]). Либрехтъ, сторонникъ теоріи индійскаго происхожденія апологовъ и сказокъ европейскихъ, тоже не оспариваетъ взгляда Баховена на сказку о Мидасѣ, только замѣчаетъ, что и въ Индіи оселъ имѣетъ значеніе символа производительной силы [2]).

Между тѣмъ, прежде всего, *въ Индіи до сихъ поръ не открыто сказки объ ушахъ Мидаса*; ни въ одной изъ собственно индійскихъ редакцій разсказовъ Упыря нѣтъ ничего подобнаго [3]).

---

[1]) Weber, Indische Studien, III, 338.

[2]) Liebrecht, Zum Pantschatantra, въ Jahrb. f. Roman. und Engl. Literatur, III, 86—87.

[3]) Мы не знаемъ, на какомъ основаніи г. Веселовскій говоритъ, что сказка эта есть и въ Индіи (изъ Исторіи литературнаго общенія востока и запада, стр. 3, примѣч. 4).

Самъ Т. Бенфей считаетъ, что сказка объ ушахъ Мидаса единственная, которая пошла противъ общаго теченія своихъ собратовъ, а именно съ Запада на Востокъ и предполагаетъ, что монгольская редакція разсказовъ упыря приняла въ себя, кромѣ индійскихъ, еще и иноземные матеріалы [1]. И дѣйствительно греческая литература, въ которой исторія Мидаса была разрабатываема особенно охотно въ драматической формѣ, была такъ распространена въ Азіи въ эпоху послѣ-македонскую, когда греко-азіатскія государства существовали даже въ Бактріи и въ сѣверной Индіи, что проникновеніе исторіи Мидаса до Тибета, гдѣ вѣроятно сложена была редакція разсказовъ трупа, съ которой сдѣлана была монгольская, не представляетъ ничего невозможнаго.

Гораздо съ большею основательностію можно допустить индійское происхожденіе за другими сказками о Мидасѣ, наприм. за исторіей поимки имъ Силена и полученія дара отъ Вакха, котораго, замѣтимъ, и классическое преданіе связываетъ съ Индіей. Поимка опьяненнаго Силена дѣйствительно напоминаетъ опьяненіе демона (Ветала) Викрамадитіей въ другой сказочной исторіи этого царя «Тридцать двѣ повѣсти трона» [2]. Въ золототворномъ дарѣ Вакха Мидасу можно видѣть подобіе *сидды* Викрамадитіи [3]. Можно также усмотрѣть отголосокъ буддизма въ пессимистической теоріи жизни Силена, изложенной въ его словахъ Мидасу, въ отрывкѣ Аристотеля, сохраненномъ у Цицерона (Tusculan. I, 48) и у Плутарха (Consol. ad Apollinem, 27), что лучше не родиться, а родившись скорѣе умереть. Но изъ этого все таки не слѣдуетъ, чтобъ и сказка объ ушахъ Мидаса пошла тоже изъ Индіи.

---

[1]) Pantschatantra, I, Vorrede, XXII, примѣч.

[2]) Feer, Contes indiens, Les frente-deux Recits du trône, Introduction 15. Переходъ этого Ветала въ Асмодея, пойманнаго по приказу Соломона, потомъ въ Сатира-Китовраса-Мермана указанъ въ русской наукѣ въ извѣстномъ сочиненіи г. Веселовскаго о Соломонѣ и Китоврасѣ.

[3]) Въ книгѣ Eug., Lévêque, Les mythes et les legendes de l'Inde et de la Perse dans Aristophane, Platon, Aristote, Virgile, Ovide etc. (Paris, 1880, 289—294), полной впрочемъ натяжекъ, исторія дара Мидаса сближается съ одной исторіей въ Магабаратѣ (о желаніи царя, чтобъ отдѣленія его сына были золотыя) и съ находящейся тамъ же басней о птицахъ, которыя и поютъ золотомъ.

Такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ впредь, пока не найдены будутъ въ В. Азіи другіе варіанты исторіи объ ушахъ Мидаса, кромѣ монгольскаго, приходится въ поискахъ за отечествомъ этой исторіи возвратиться на берега Средиземнаго моря и въ частности въ Элладу. Здѣсь же эта сказка всегда имѣла юмористическій характеръ [1]). *И сколько бы ни было указаній на то, что у фригійцевъ Мидасъ былъ богомъ, изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы извѣстная греческая сказка о его ушахъ имѣла какое нибудь символическое значеніе во всѣхъ ея деталяхъ, съ которыми она только и имѣетъ смыслъ.* Если, какъ это очень вѣроятно, въ Малой Азіи Мидасъ считался сатиромъ, или силеномъ, т. е. однимъ изъ боговъ зооморфическаго типа, въ родѣ Марсіаса или Пана, въ пользу которыхъ Мидасъ, по варіантамъ сказки, подалъ голосъ въ музыкальномъ состязаніи ихъ съ Аполлономъ, то греческая сказка объ ушахъ его скорѣе всего будетъ сосѣдскою насмѣшкой береговыхъ эллиновъ, съ ихъ антропоморфическимъ богомъ-музыкантомъ, Аполлономъ, надъ фригійцами, ихъ богомъ и музыкой [2]).

Сказка эта такимъ образомъ окажется сравнительно позднею, не имѣющею никакого дѣла съ доисторическою древностью индоевропейскихъ народовъ, а распространеніе ея отъ Ирландіи до Монголіи должно быть объяснено культурнымъ общеніемъ между народами въ эпоху уже совсѣмъ позднюю, послѣ Александра Македонскаго. О пути распространенія этой сказки въ Азіи говорено было выше. Сохраненіе ея у новогрековъ и переходъ къ сосѣднимъ имъ сербамъ не представляетъ ничего удивительнаго. Интересно отмѣтить при этомъ то обстоятельство, что въ ново-греческой и сербской народной сказкѣ царскія уши являются не ослиными, какъ у Овидія и Гигина, а козьими, что ближе къ Филостратовымъ словамъ о Мидасѣ, принадлежащемъ къ роду сатировъ, и что, вѣроятно, сходно съ древне-греческими устными варіантами сказки.

---

[1]) Такою она является уже въ намекѣ у Аристофана (Plutus, V, 286—287).

[2]) Почти такъ объясняетъ сказку объ ушахъ Мидаса Decharmes въ его Mythologie de la Grèce antique, 447—449. По Павзанію, фригійцы сами говорили, что Марсіалъ—рѣка ихъ, которая такимъ образомъ стала богомъ музыкантомъ. Силены, друзья нимфъ, собственно водяные боги, какъ сатиры (панъ) лѣсные, которые впрочемъ впослѣдствіи перемѣшались между собою.

Распространеніе классической сказки среди кельтовъ, и притомъ съ чертами близкими къ латинскимъ редакціямъ, не покажется удивительнымъ, если вспомнимъ, что, послѣ великаго переселенія народовъ, Ирландія и Бретань были одно время убѣжищемъ классической культуры.

Сопоставляя всѣ не классическіе побѣги этой исторіи, мы усматриваемъ въ ней подробности, которыхъ не находимъ въ латинскихъ варіантахъ. Таково во всѣхъ новѣйшихъ варіантахъ убіеніе цырульниковъ (у насъ баньщика), а въ ирландскомъ, монгольскомъ и украинскомъ спасеніе молодаго цырульника матерью, которая въ сербскомъ варіантѣ замѣнена старикомъ. Это сходство подробностей въ разсказахъ народовъ столь отдаленныхъ даетъ основаніе предположить, что нѣчто подобное имъ должно было существовать уже въ греческихъ оригиналахъ ихъ, не полно, значитъ, резюмированныхъ Овидіемъ и Гигиномъ. Сравнивая въ частности украинскій варіантъ со всѣми другими, мы получаемъ тотъ интересный выводъ, что онъ *ближе къ варіанту монгольскому, чѣмъ къ европейскимъ, не исключая и варіанта не очень далекихъ къ намъ и единоплеменныхъ намъ сербовъ*. Очевидно, это обстоятельство можетъ быть объяснено только тѣмъ, что *сказка эта зашла не прямо изъ Европы, а уже изъ Азіи*, черезъ посредство той смѣси племенъ, которая двигалась въ средніе вѣка по нашимъ степямъ [1]).

Намъ остается теперь дополнить уже сдѣланное выше сравненіе самихъ украинскихъ редакцій занимающаго насъ сказанія. Мы указали, что редакція записанная въ XVII в., не знаетъ людоѣдства Буняки, ни убіенія его сыномъ вдовы, подробностей, которыя находятся въ современной редакціи, записанной г-жею Косачевой. Теперь читателю очевиднѣе, что редакція Юзефовича ближе къ

---

[1]) Впрочемъ съ новогреческимъ варіантомъ нашъ имѣетъ то сходство, что въ обоихъ фатальный герой умираетъ, когда его тайна открывается. По этому поводу возможно сдѣлать два предположенія: или что еще въ классическую эпоху существовалъ варіантъ повѣсти о Мидасѣ съ такою развязкою,— противъ чего впрочемъ говоритъ то обстоятельство, что во всѣхъ другихъ варіантахъ развязка болѣе благополучная,—или что трагическая развязка существовала въ тѣхъ азіатскихъ побѣгахъ классической сказки, отъ которыхъ пошелъ нашъ варіантъ и которые повліяли и на новогреческую версію. Жаль впрочемъ, что послѣдняя извѣстна теперь только въ очень спутанной редакціи.

сказкѣ о Мидасѣ и ко всѣмъ вышеизложеннымъ ея побѣгамъ, чѣмъ современная. При этомъ уже и старѣйшая изъ украинскихъ редакцій носитъ на себѣ слѣды потемнѣнія первоначальной основы въ томъ, что подмѣнила чудовищныя уши Мидаса его страннымъ (скелетообразнымъ) туловищемъ, а потому, вѣроятно, и цырульникъ сдѣлался баньщикомъ. А такъ какъ, собственно говоря, этотъ баньщикъ совсѣмъ не нуженъ для обычнаго у насъ обмыванія, то въ позднѣйшемъ варіантѣ г-жи Косачевой онъ и атрофировался, а черезъ то ничѣмъ теперь не мотивированное очередное человѣкоубійство Буняки, такъ сказать, гипертрофировалось и перешло въ людоѣдство, на которое по очереди поставлялись молодые люди. Такимъ образомъ *это людоѣдство является самою позднею чертою* въ эмбріогеніи нашего разсказа, въ противность приведенному выше построенію г. Голубовскаго.

Является вопросъ о степени самостоятельности нашего народнаго творчества въ изобрѣтеніи этихъ отличій образа Буняки отъ Мидаса и его азіатской копіи. На этотъ вопросъ, во всякомъ случаѣ второстепенный въ данномъ случаѣ, мы теперь не можемъ предложить рѣшительнаго отвѣта и ограничимся пока только сведеніемъ всего имѣющагося у насъ матеріала.

Во первыхъ еще разъ напомнимъ, что между изображеніемъ Буняки у Юзефовича и легендой г-жи Косачевой есть разница: у перваго нѣтъ яснаго образа великана съ открытыми сзади «легкими и печинками», а Буняка изображается такъ: «онъ, кромѣ лица, рукъ и ногъ и смрадныхъ внутренностей не имѣлъ на себѣ ни мяса, ни тѣла живущихъ людей, а только кожу и кости, какъ видимъ на трупахъ или *на картинахъ представляющихъ смерть*». Можно думать, что этотъ послѣдній образъ скелета, обтянутаго кожей, безъ открытыхъ сзади внутренностей, но съ открытыми развѣ отчасти спереди, и составляетъ болѣе старую принадлежность представленія о Бунякѣ. Этотъ же образъ есть общеевропейское средневѣковое изображеніе демона смерти [1]). Наша «народная»

---

[1]) Pompeijo Gener., La mort et le diable, 145, note 1. „Въ XIV в. христіанскій міръ былъ убѣжденъ, что смерть есть дѣйствительная и реальная личность. Ее изображали въ формѣ скелета, съ косою въ одной рукѣ и песочными часами въ другой. Нашелся мистическій писатель, который увѣрялъ очень серіозно,

фантазія сначала просто взяла этотъ образъ и для своего упыря-черта Буняки, а потомь уже должна была, параллельно развитію этого образа въ церковномъ искусствѣ и подъ вліяніемъ другихъ подобныхъ образовъ, передѣлать его въ фигуру человѣка съ открытыми сзади внутренностями.

Что касается до этого образа, то мы встрѣтили его въ повѣрьяхъ у западно-сибирскихъ козаковъ, великоруссовъ, но не безъ примѣси и не безъ вліянія козаковъ-украинцевъ, отъ которыхъ они несомнѣнно усвоили нѣкоторыя пѣсни. Г. Потанинъ, въ статьѣ «Югозападная часть томской губерніи» (Этнограф. сборникъ, т. VI, стр. 143), сообщая вѣрованія о смѣшеніи женщинъ съ чертями, говоритъ: «чертъ принимаетъ видъ какого нибудь извѣстнаго человѣка и начинаетъ посѣщать женщину; чтобъ отличить его, нужно заглянуть ему за спину; спины у него нѣтъ и внутренности лежатъ наружу въ грудномъ ящикѣ, какъ въ корытѣ», и дальше разсказываетъ преданіе, какъ чортъ такимъ образомъ является одной козачкѣ въ видѣ ея умершаго мужа, изъ чего можно заключить, что по томскимъ повѣрьямъ чортъ беретъ въ такихъ случаяхъ образъ именно умершаго человѣка. Таковыя повѣрья вполнѣ подходятъ къ общеевропейскимъ христіанскимъ представленіямъ о діаволахъ *incubus*

что онъ видѣлъ ее въ этомъ образѣ рядомъ съ ангеломъ-истребителемъ надъ зачумленнымъ городомъ. Около XIII в. и въ началѣ XIV смерть представляли въ видѣ муміи, въ формѣ скелета, покрытаго кожей; тогда еще недостаточно изучили анатомію человѣческаго тѣла, чтобъ знать точную форму костей. Надо пересмотрѣть съ этой стороны виньетки религіозныхъ книгъ XIII и XIV ст. Въ XV ст. скелетъ уже рисуется превосходно, какъ можно убѣдиться по гравюрамъ этого времени". Въ сочиненіи E. H. Langlois, Essai historique, philosophique et pittoresque sur les Danses des Morts, II, находимъ изображенія смерти въ видѣ сухоребраго мертвеца съ легко намѣченнымъ отверстіемъ на животѣ (pl. VIII, IX, X, XV, XXIII, XLVI); на одномъ же рисункѣ, нюренбергскомъ (pl. XXVII, стр. 141—142), отверстія велики и изъ нихъ висятъ кишки; на рис. XVI, представляющемъ борьбу смерти съ воиномъ, первая изображена въ видѣ вооруженнаго трупа съ открытыми сзади ребрами. Польскія и западно-русскія изображенія должны были отставать вѣка на два отъ западно-европейскихъ. Въ велико-русскомъ синодикѣ Буслаева XVII—XVIII в. смерть еще рисуется сухореброю фигурою безъ всякаго знака отверстія на животѣ (Буслаевъ, Истор. очерки, т. I, стр. 624, рис. 56, 7); въ позднѣйшей интермедіи объ Аникѣ воинѣ смерть уже называется „мякинное брюхо",—намекъ на гнилость его (Ровинскій, Русскія народныя картинки, текстъ V, 178; къ сожалѣнію, атласа г. Ровинскаго мы не имѣемъ подъ рукою).

et *succubus*, которые входили въ трупы мужчинъ или женщинъ [1]. Представленіе объ отсутствіи наружныхъ покрововъ на извѣстной части тѣла должно было вырости въ разсказахъ въ родѣ сибирскаго и нашего, на основѣ вышеупомянутаго общеевропейскаго вѣрованія, которое разработали религіозные книжники гораздо болѣе, чѣмъ собственно народъ, массы.

Образъ Буняки скелета, да еще умирающаго только тогда, когда разоблачается его секретъ, призываетъ намъ на мысль еще одинъ образъ сказочнаго существа, на которомъ мы тѣмъ болѣе должны остановить вниманіе читателя, что одно изъ именъ его въ русской области имѣетъ нѣкоторое отношеніе и къ половцамъ. Это *Костій безсмертный* нашихъ сказокъ, Kościej польскихъ, Кощей, Кошъ и даже Котъ великорусскихъ. Надо впрочемъ сказать, что образъ этотъ и имя чаще встрѣчается въ сказкахъ великорусскихъ [2], чѣмъ въ украинскихъ, изъ которыхъ пока напечатаны только одна съ именемъ Костія (у Чубинскаго, т. II, отд. I, № 64). Въ великорусскихъ сказкахъ Кощей является по большей части похитителемъ красавицъ, а безсмертнымъ онъ называется потому, что смерть его запрятана далеко и въ очень сложномъ аппаратѣ: въ яйцѣ, которое спрятано въ уткѣ, а утка въ зайцѣ, а заяцъ въ сундукѣ, сундукъ на деревѣ и т. п. Красавица успѣваетъ выпытать секретъ Кощея, герой добываетъ фатальное яйцо и Кощей погибаетъ [3]. Украинская сказка съ именемъ Костія принадлежитъ

---

[1]) Gener, op. cit. 524.

[2]) Аѳанасьева, № 93 (3 вар.); ср. № 150, вар. *е*, конецъ; Садовникова, № 63.

[3]) Имя Кощей встрѣчается въ великорусскихъ сказкахъ и другой фабулы въ видѣ обычнаго змія безъ фатальнаго яйца (напр. у Аѳанасьева № 94 и Эрвенлейна, 2-е изд., 1882, 8—91). Изъ польскихъ намъ извѣстны только двѣ сказки съ именемъ *Kościej niesmiertelny*: одна той-же фабулы, что великорусская Аѳанасьева № 93, другая—особой (о запроданномъ черту сынѣ, o Królewiczu Niespodzianku), въ которой Костій является просто подземнымъ царемъ безъ фатальнаго яйца (Ralston, The song of Russian people, 166; Glinski, Bajarz polski, 2 wyd., I, 109—128). Безъ имени Кощея, но также образъ существа съ спрятанной далеко смертью встрѣчается и въ другихъ русскихъ сказкахъ, напр. въ бѣлорусской у Аѳанасьева, № 95 (змѣй) и въ великорусской, тамъ же, 97. Въ одной великорусской сказкѣ у Аѳанасьева (т. II, стр. 393) любовь царь-дѣвицы скрыта въ яйцѣ, а яйце въ уткѣ, а утка въ зайцѣ, заяцъ въ сундукѣ, сундукъ на дубу, на той сторонѣ моря-океана. Еще въ одной великорусской сказкѣ у Аѳанасьева (т. I, стр. 499), Иванъ царевичъ только тогда можетъ взлѣзть на сте-

къ другой фабулѣ (Иванъ Богодавецъ, похожденія чудесно рожденнаго сына долго бездѣтныхъ родителей, который здѣсь между прочимъ самъ съ товарищами захватываетъ дочекъ Костія). Костій здѣсь называется *бездушнымъ*, такъ какъ душа его спрятана въ яйцѣ, яйцо въ уткѣ, утка въ гнѣздѣ на дубѣ.

Ученые, ищущіе въ сказкахъ миѳологіи, сдѣлали изъ того Кощея личность національно-русскаго или темно-славянскаго Олимпа, родъ Плутона, или бога зимы[1]). При болѣе точномъ изслѣдованіи сказокъ разныхъ народовъ оказывается, что мы имѣемъ дѣло съ бродячимъ, чисто сказочнымъ образомъ, распространеннымъ подъ разными именами и формами у разноплеменныхъ народовъ стараго свѣта, отъ Сіама и Индустана до Шотландіи, и отъ арабовъ и кабиловъ до сибирскихъ турокъ и лопарей, особенно же любимымъ въ сказкахъ Индіи, откуда онъ скорѣе всего и пошелъ[2]).

клянўю гору и овладѣть царевной, когда убьетъ змія, который живетъ на озерѣ у отца царевны: „въ томъ зміѣ сундукъ таится, въ сундукѣ заяцъ, въ зайцѣ утка, въ уткѣ яичко, въ яичкѣ сѣмячко". „Коли ты убьешь змія, говоритъ царевна, да достанешь то сѣмячко, въ тѣ поры можно хрустальную гору извести и меня избавить". Изъ этихъ примѣровъ видно, *до какой степени калейдоскопически переставляются образы въ сказкахъ даже одного племени* и какъ мало сказки имѣютъ органической связи въ своихъ частяхъ, въ противность мнѣнію ихъ толкователей миѳологической школы!

[1]) Tkany, Mythologie der Alten Deutschen und Slaven, I, 158—159; Hanusch, Die Wissenschaft des Slavischen Mythus, 334; Аѳанасьевъ, Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу, т. II, стр. 594—604. Этому взгляду поддались и болѣе новые изслѣдователи: Ralston, The songs of the Russian people, 164—16, Russian Tales, 109—115, и даже L. Leger въ его трезвой работѣ Essai sommaire de la mythologie slave, 18. Для миѳологовъ этого направленія имя Кощей-Костѣй является производнымъ отъ *костенѣть* въ смыслѣ дѣйствительномъ: наводящій окостененіе, т. е. холодъ, зима; но это этимологія совершенно неправильная, извращающая смыслъ окончанія *ѣй, ій*, которое при существительномъ корнѣ означаетъ обиліе; кост—ій=кост—истый; ср. украинскіе клички: губій, чубій и т. п. Аналогія съ словомъ Палій совсѣмъ не идетъ здѣсь къ дѣлу. Интересно, что другіе толкователи сказокъ, тоже миѳологическаго направленія, говоря о сказкахъ о Кощеѣ и подобныхъ имъ у другихъ народовъ, видятъ въ этой личности существо солнечнаго цикла, напр. L. Brueyre, Contes populaires de la Grande Bretagne, 81.

[2]) См. Stokes, Indian Faiy Tales, №№ XI и XXIV; Минаева, Индійскія сказки и легенды, № 10 (Унесенная царица); M. Frere, Märchen aus der Indischen Vergangenheit, № I,—всѣ четыре одной фабулы съ № 93 Аѳанасьева: другія подобныя индійскія, которыхъ мы теперь не имѣемъ подъ рукою, указаны у Cosquin, Contes papulaires de Lorraine, № 15, вмѣстѣ съ множествомъ варіантовъ другихъ

Конечно, идея о заключеніи души, извѣстнаго существа, или простаго человѣка, далеко отъ его тѣла принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ вѣрованій, которыя принято теперь называть *анимистическими* [1]). Весьма можетъ быть, что и первообразъ исторіи, отъ котораго пошли азіатскія, а потомъ и европейскія сказки, въ родѣ русскихъ о Костіѣ—Кощеѣ, сложился въ очень сѣдой древности, но изъ того еще не слѣдуетъ, чтобъ сами эти послѣднія сказки существовали въ Европѣ и въ частности на Руси очень давно, а тѣмъ болѣе, чтобъ они были здѣсь исконны. Теперь выбирая изъ всего, что можно сказать объ этихъ сказкахъ, преимущественно только то, что имѣетъ найболѣе близкое отношеніе къ гредмету настоящаго изслѣдованія, мы замѣтимъ, что герой этихъ сказокъ рисуется если не дракономъ, то великимъ или же просто сильнымъ человѣкомъ безъ спеціальныхъ наружныхъ отличій. Но въ нѣкоторыхъ индійскихъ сказкахъ, которыя есть основаніе считать болѣе оригинальными, прототипы нашего Костія являются *ракшазами*, т. е. демонами, людоѣдами. которые въ индійскихъ представленіяхъ сливаются и съ *веталами*, т. е. упырями или демонами, засѣдающими въ трупахъ [2]). Эти образы, значитъ, нѣсколько напоминаютъ черты, какими рисуется Буняка въ

народовъ; въ собраніи пенджабскихъ и кашемирскихъ сказокъ Steel и Temple (Wide-Awake stories, 47—68) находимъ сказки той фабулы, къ которой принадлежитъ наша сказка объ Иванѣ Богодавцѣ. См. также Cosquin № 50, L. Brueyre, Contes p. de la Grande Bretagne, №№ XI—XII, Orient und Occident, II, 100—103, Tolk-Lore Journal, 1884 X, Philosophie of Punchkine. Въ французскихъ сказкахъ существо, соотвѣтствующее нашему Костію, зовется также бездушнымъ (corps sans âme),—въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ нѣмецкихъ: безъ сердца (ohne Herz).

[1]) Множество примѣровъ см. Tylor, Primitive Culture и Spencer, Principe of Sociology, I. Старѣйшая записанная сказка, которая построена на этомъ анимизмѣ, это египетская сказка о двухъ братьяхъ, въ которой жизнь одного изъ братьевъ, по смерти его, сохраняется въ его сердцѣ-фаллосѣ на деревѣ, пока другой братъ не возвращаетъ ее въ тѣло умершаго (Maspero, Les contes populaires de l'Egypte Ancienne, 5—28, по папирусу XIX династіи). У насъ этому представленію соотвѣтствуетъ сказка про царевну, которой душа была въ яйцѣ (Чубинск., op. cit. № 6). Со второй половиной египетской сказки (о коварствѣ женщины) прямо связаны наши сказки, въ родѣ Невичній Царенко (Рудченко, I, № 49; ср. Драгоманова, Малорос. Народ. Преданія, стр. 297—299), какъ черезъ устные варіанты, такъ и черезъ древне-русскую писанную повѣсть объ Иванѣ Пономаревичѣ (Костомаровъ, Памятн. стар. русской литер., т. II, стр. 319—322).

[2]) M. Frere, op. cit., 384.

легендахъ Юзефовича и г-жи Косачевой, и могли оказать вліяніе на сложеніе этихъ чертъ. Вѣроятно съ подобными чертами рисовался чудовищный герой въ тѣхъ ближайшихъ къ индійскимъ варіантахъ, отъ которыхъ пошли и первообразы славянскихъ сказокъ о Костіѣ—Kośćieju, если и теперь, когда эти черты стерлись въ этихъ сказкахъ, все таки герой ихъ носитъ имя Костій, т. е. скелетъ. Повторяемъ, такихъ сказокъ теперь не должно быть много на Украйнѣ и въ Польшѣ; но въ Великороссіи они очень распространены, и конечно великороссійское слово Кощей есть ничто иное, какъ передѣлка Костія—Kośćieja, которая внѣ этого своего первообраза настолько не имѣетъ смысла, что нѣкоторые великорусскіе варіанты измѣняютъ это непонятное имъ имя на Кошъ и даже Котъ [1]); очевидно, что это имя должно было зайти въ Великороссію съ юго-запада, гдѣ оно произносилось въ формѣ, этимологическій смыслъ которой былъ еще ясенъ.

Интересно, что слово *Кощій*, *Кощѣй*, *Кощей* встрѣчается въ древнерусскихъ памятникахъ въ особомъ смыслѣ и въ связи съ половцами. Такъ въ Словѣ о полку Игоревѣ это имя попадается три раза.—Послѣ описанія плѣна сѣвернаго героя:

1) Ту Игорь князь высѣдѣ изъ сѣдла злата а въ *сѣдло кощіево.*

2) Великый княже Всеволоде! Аже бы ты былъ, то была бы чага по ногатѣ, а *кощей по резанѣ*.

3) Стрѣляй, господине, Кончака, поганаго *кощея* за землю русскую! Слово *чага* во 2-ой выдержкѣ объясняется, согласно употребленію его и въ лѣтописи, какъ невольница [2]), соотвѣтственно чему и *кощей* выходитъ тоже въ родѣ невольника, слуги, и вся фраза переводится: если бы ты былъ тамъ, то (побѣдилъ бы половцевъ, такъ что) плѣнница была бы по ногатѣ (монета около 50 коп.), а плѣн-

---

[1]) Теперь въ обычномъ языкѣ слово *кащей* употребляется какъ будто производное отъ романскаго *касса*, т. е. оно означаетъ скупца. Такое значеніе имѣетъ *Кащей* и въ великорусскихъ лубочныхъ картинкахъ (Ровинскій, Русскія народныя картинки, I, 248; Mèlusine, t. III, № 8, 173).

[2]) Лѣтопись по Ипатск. списку (изд. 1871 г., стр. 369), 1170 г.: „князи русьтіи... увѣдавше, оже половцы побѣгли... гониша по нихъ... и толико взяша полона множьство, якоже всимъ русскимъ воемъ наполнитися до изобилья и колодники, и чагами, и дѣтьми ихъ, и челядью, и скоты и конми; хрестьяны же отполонивше пустили на свободу вси“.

никъ по рѣзанѣ (ок. 20 коп.)[1]). Сообразно смыслу этого мѣста объясняются и два другія. Но слово *кощей* встрѣчается и въ лѣтописяхъ. Важнѣйшія изъ лѣтописныхъ мѣстъ съ этимъ словомъ— это двѣ фразы въ ипатской лѣтописи, сосѣднія съ выписаннымъ нами уже въ выноскѣ мѣстомъ изъ описанія похода русскихъ князей на половцевъ въ 1170 г.

«Идоша князи 9 днев исъ Киева, и бысть вѣсть Половцемъ отъ кощѣя отъ Гаврилкова отъ Иславича, оже идутъ на нѣ князи Рустии...... Братья же вси пожаловаша на Мьстислава, оже утаивься ихъ, пусти на воронъ сѣдельники своѣ и кощѣѣ».... Изъ послѣдней фразы выходитъ, что кощіи были родъ слугъ, помѣщавшіеся въ обозѣ вмѣстѣ съ сѣдельниками, а изъ первой выходитъ, что между кощіями были симпатизурующіе половцамъ, какъ была, по другому мѣсту лѣтописи, извѣстная близость и между половцами и сѣдѣльниками[2]). Можно думать, что и *сѣдѣльники*, и кощіи были группы населенія, столько же отличныя занятіемъ, сколько и происхожденіемъ, смѣшанной національности, половецко-русской, отъ плѣнниковъ и кліентовъ русскихъ у половцевъ и, наоборотъ, половцевъ у русскихъ,—родъ низшихъ націй-кастъ, какія встрѣчаемъ въ разныхъ политическихъ конгломератахъ, подобныхъ тѣмъ, какими были тогдашнія націи и княжества русскія и половецкія. Мы смѣемъ думать, что имя *кощѣй* врядъ ли можно вывести отъ славянскаго корня, такъ какъ принимаемое переводчиками и толкователями Слова о полку Игоревѣ производство отъ *кость*, костѣй, кощѣй не объяснитъ намъ смысла слова: рабъ, плѣнникъ,

---

[1]) Максимовичъ переводитъ по украински:

По ногатѣ бъ полонявикъ,
По рѣзанѣ бувъ бы рабъ.

Украинецъ, 1859 г., стр. 66, ср. Максимовичъ, сочиненія, т. III, стр. 383, Аристова, Христом. по русской исторіи, 1271—1274, Огоновскаго, Слово о полку Игоревѣ, 92—93.

[2]) Ипатск. лѣтопись подъ 1172 г. (стр. 376): „Тогда же Глѣбъ пусти половци въ вежѣ, и шедше сташа за Васильевымъ (Юрьевымъ) *у сѣдѣльниковъ*, съжидаюче дружины своея; Василько же Ярополчичъ (сынъ Ярополка Изяславича) увѣдавъ ѣ изъ Михайлова и ѣха на нѣ ночь... за утро, солнцу всходящу, удариша на нихъ. Половцы же, съвъкупившеся съ сѣдѣльникы, бишася съ ними"...

потому что съ какой стати называть раба скелетомъ? Не слѣдуетъ ли поискать корня этого слова въ языкахъ азіатскихъ, подобно тому, какъ объясняется слово *чага* изъ языка арабскаго: купленная? Слово же *костѣй* могло сблизиться съ *кощѣй*, уже готовымъ, черезъ тотъ процессъ наивной этимологизаціи, по какой и теперь называютъ кощеемъ скупца, дрожащаго надъ кассой, по какому старинные книжники сближали имя *россѣане* съ причастіемъ разсѣянные. Очень можетъ быть, что такая этимологизація началась давно, еще во времена столкновеній нашихъ предковъ съ половцами и ихъ вассалами, чему поводомъ могла послужить какая нибудь физическая особенность племени, въ родѣ выдающихся скулъ, или худобы стана, постоянной, или послѣ зимняго голоданія, довольно обычнаго у кочевниковъ [1]). Именемъ такихъ сосѣдей, да еще враговъ своихъ, наши предки могли играть, дѣлая изъ него жестокій каламбуръ, кощѣй—костѣй, тѣмъ болѣе, что и само это имя могло произноситься сначала коштѣй (щ—шт.). Въ пользу такого предположенія говоритъ и 3-я изъ приведенныхъ фразъ Слова о полку Игоревѣ, въ которой не плѣнникъ, но побѣдитель, ханъ половецкій Кончакъ названъ *поганымъ кощѣемъ*,—фраза характера общаго и явно браннаго. Возможно, что кличка *костѣй* привязывалась и къ Боняку, о которомъ жила память въ нашемъ народѣ и что имя «Костій—Буняка» послужило своего рода литературнымъ скелетомъ, на который со временемъ нацѣпился варіантъ сказки о Мидасѣ, когда онъ дошелъ до нашей области, и который измѣнилъ эту сказку, замѣнивъ секретъ ушей героя секретомъ его туловища. Считаемъ впрочемъ нужнымъ оговориться, что мы всего менѣе думаемъ выдавать наши послѣднія соображенія за рѣшительныя. Мы только не могли оставить безъ вниманія всѣ затронутыя здѣсь точки соприкосновенія занимающей насъ легенды съ сказками о Костіѣ—Кощеѣ и имени Кощѣй съ половцами, и передаемъ поставленные нами вопросы на дальнѣйшее обсужденіе литературной публики.

Мы окончили сравнительное обозрѣніе всѣхъ опубликованныхъ до сихъ поръ украинскихъ разсказовъ и преданій, связан-

[1]) Ср. въ Ипатск. лѣтоп. подъ 1060 г. „Торци... помроша бѣгающе... одни отъ зимы, другіе же гладомъ, инии же моромъ, судомъ Божіимъ".

ныхъ съ именемъ Буняки. Мы сами очень хорошо видимъ не полноту нашего изслѣдованія и слабость нашей аргументаціи въ нѣкоторыхъ ея пунктахъ. Та и другая происходитъ, конечно, отъ недостатка нужныхъ для полноты изслѣдованія средствъ, между прочимъ и знаній оріенталиста. Но и помимо нашей вины наша работа должна была натолкнуться и на скудость матеріала, какъ въ области собственно украинской этнографіи, такъ и въ сосѣднихъ областяхъ. Очень было бы желательно, чтобы лица, имѣющія къ тому возможность, поискали въ «устахъ народа» еще варіантовъ преданій о Бунякѣ, особенно о его отношеніяхъ къ героинѣ Еленѣ, Ольгѣ, Настѣ, которыя выступаютъ очень не ясно въ опубликованныхъ до сихъ поръ разсказахъ [1]). Кромѣ того пожелаемъ, чтобъ народная словесность племенъ лежащихъ на юго-востокъ отъ насъ: разныхъ степняковъ, кавказцевъ, иранцевъ и др., была собрана хоть бы такъ, какъ собрана теперь словесность сибирскихъ турокъ г. Радловымъ; до тѣхъ поръ, пока это не будетъ сдѣлано, многіе вопросы по эмбріологіи европейскихъ народныхъ сказаній, а особенно нашего племени, останутся темными.

Во всякомъ случаѣ, мы позволяемъ себѣ думать, что представленные нами матеріалы и соображенія достаточны хотя бы для того, чтобъ опредѣлить характеръ занявшихъ насъ въ этой статьѣ народныхъ сказаній и путь, по которому должно идти для ихъ объясненія.

Сказанія эти вовсе не представляютъ собою продукта мѣстнаго національнаго творчества, которое бы отражало, хотя бы и въ фантастическихъ формахъ, мѣстную историческую дѣйствительность; мы видимъ, что во всѣхъ занимавшихъ насъ сказаніяхъ *нѣтъ ничего не только историческаго, но даже мѣстнаго, кромѣ имени Буняка да эпитета шолудивый, который даетъ половецкому хану наша лѣтопись.* Всѣ же подробности этихъ сказаній принадлежатъ къ матеріаламъ сказочнымъ и иностраннымъ, которые стали давно уже международными и нацѣпились на имя Шолудиваго Буняки, какъ на вѣшалку.

---

[1]) Эта Елена напомнила намъ „преданіе, связанное съ окрестностями Никополя о воинственной дѣвицѣ Суркѣ, воевавшей съ Мамаемъ". О преданіи этомъ говоритъ г. Сумцовъ въ „Кіев. Стар.", 1886, іюль, стр. 489. Къ сожалѣнію, мы не припомнимъ, гдѣ было разсказано въ печати это преданіе.

Обстоятельство это тѣмъ интереснѣе, что въ занимающихъ насъ сказаніяхъ шло дѣло не о личности типической, или абстрактной идеѣ (какъ въ сказкахъ собственно или басняхъ, апологахъ), а о лицѣ историческомъ, затронувшемъ нашу мѣстную національную жизнь. И оказывается, что въ народныхъ сказаніяхъ даже о такомъ лицѣ вовсе нѣтъ ничего мѣстно-національнаго. Въ другихъ изслѣдованіяхъ мы надѣемся показать, что подобный же элементъ, между-національный, сильно участвуетъ въ сказаніяхъ нашего народа даже о личностяхъ гораздо болѣе ему близкихъ и болѣе позднихъ, чѣмъ старый половецкій ханъ.

Собственно говоря въ этомъ обстоятельствѣ нѣтъ ничего удивительнаго. Поэтическое творчество, какъ и всѣ другія проявленія жизни народовъ, давно уже въ нашей части свѣта вышли изъ національной изолированности. Даже если не говорить о древнѣйшихъ движеніяхъ народовъ и о распространеніи государствъ египетскаго и вавилоно-ассирійскаго, о колонизаціи финикійской, то во всякомъ случаѣ два такія историческія явленія, какъ движеніе буддизма изъ Индіи на пропаганду международную и сложеніе медународнаго государства персидскаго, представляютъ собою рѣшительные переходы исторіи культуры изъ періода національнаго въ періодъ космополитическій, уже за 500 лѣтъ до Рождества Христова. Съ тѣхъ поръ всѣ проявленія культуры, наука, искусство, религія, общественныя теоріи и учрежденія становятся въ значительной степени интернаціональными. Взаимодѣйствіе народовъ сдѣлало съ тѣхъ поръ количество сходныхъ явленій въ ихъ жизни и культурѣ еще болѣе значительнымъ даже противъ того количества, каковое обусловливается общностью человѣческой природы и подобіемъ условій жизни разныхъ отдѣльныхъ народовъ. Этого, отъ разныхъ причинъ происходящаго, сходства никогда не долженъ упускать изъ виду историкъ цивилизаціи и этнологъ, а особенно тотъ, который занятъ вопросомъ объ опредѣленіи особенностей національностей. Безъ идеи объ аналогіяхъ въ явленіяхъ жизни и цивилизаціи разныхъ народовъ, а также безъ идеи о прямомъ взаимодѣйствіи народовъ и ихъ культурныхъ заимствованіяхъ даже серіознѣйшія научныя работы по исторіи цивилизаціи и этнологіи не могутъ имѣть другаго значенія, кромѣ сбора и сшивки матеріаловъ. Всякія же попытки теоретическаго ихъ освѣщенія и

обобщенія, съ чисто ли научною, или съ практически общественною цѣлью, внѣ названныхъ выше идей и соотвѣтственнаго имъ метода, могутъ быть только упражненіемъ въ логическихъ построеніяхъ или даже въ изліяніяхъ чувствъ и фантазій, совершенно субъективныхъ, а потому и не прочныхъ.

П. Кузьмичевскій.

Отрывокъ изъ драмы Т. Гр. Шевченка „Никита Гайдай“[1]).

ДѢЙСТВІЕ III.

Вечеръ. Внутренность хаты мрачно освѣщена нагорѣвшею свѣчкой, на столѣ стоящею.

Марьяна одна. Смотритъ пристально въ окно.

Марьяна.

Правду матушка сказала, что козаки всѣ такіе недобрые: имъ все равно, смѣемся мы или плачемъ. Уѣхалъ, ему и горя мало, а еще женихъ! А что же будетъ послѣ?... Цѣлый день что онъ тамъ дѣлаетъ? Несносный этотъ гетманъ, вѣрно угощаетъ его за то, что онъ оборонилъ его отъ смерти. Очень нужно угощать! Такъ Богу было угодно. (*Прислушивается*) Чу! Кажется, ѣдетъ. (*помолчавъ*) Нѣтъ, не ѣдетъ. Хоть бы дорогу было видно, все бы легче. Должно быть будетъ дождь: ни одной звѣздочки на небѣ. Что это мнѣ гетманъ не идетъ изъ головы? Какой онъ нехорошій, должно быть, злой: онъ такъ на меня смотрѣлъ сердито. Что это? (*При-*

---

1) Окончивъ начатое съ половины прошлаго года печатаніе неизданныхъ и бывшихъ доселѣ совершенно неизвѣстными произведеній Т. Гр. Шевченка на русскомъ языкѣ, вслѣдъ за ними мы помѣстимъ еще два самыя раннія произведенія его въ семъ родѣ, именно отрывокъ изъ драмы „Никита Гайдай“ и поэму „Безталанный“, напечатанныя свыше сорока лѣтъ назадъ въ давно забытомъ журналѣ „Маякъ“ (1842 г., № 5 и 1844 г., т. XIV), уцѣлѣвшемъ, какъ рѣдкость, въ весьма немногихъ библіотекахъ, а также повѣсть „Музыкантъ“, напечатанную недавно, но въ изданіи мало извѣстномъ и нынѣ не существующемъ, въ кіевской газетѣ „Трудъ“.—*Ред.*

слушивается) Онъ! Онъ! Пріѣхалъ! Разговариваетъ съ Дорошемъ... Матушка! Матушка! Никита пріѣхалъ!

(*Никита* входитъ мрачный, на встрѣчу ему бѣжитъ *Марьяна*. *Катерина* выходитъ изъ боковыхъ дверей)

Марьяна.

Что ты тамъ такъ долго дѣлалъ?

Катерина.

Слава Богу! Я думала, что ты опять на Запорожье уѣхалъ.

Никита.

Оно бы было лучше.

Марьяна.

Что съ тобой? Ты такой сердитый, невеселый!

Никита.

Такъ, ничего,—мало спалъ.

Катерина.

Такъ и есть, я говорила, еще рано, успѣешь наговориться съ своимъ гетманомъ.

Никита (подавая Катеринѣ шапку и грамоты).

Зашейте въ шапку эти грамоты поскорѣе и покрѣпче.

Катерина (принимая грамоты и шапку).

Какія это грамоты? Зачѣмъ?...

Никита.

Послѣ разскажу, зашейте поскорѣе.

Катерина.

Не посланецъ ли ты гетманскій? а?

Никита.

Послѣ узнаете.

Катерина.

Что это? Слова нельзя добиться. *(Уходитъ).*

Марьяна.

Какія это грамоты, Никита? Зачѣмъ ты ихъ въ шапку велѣлъ зашить?

Никита.

Чтобы не растерялись въ дорогѣ.

Марьяна.

Развѣ ты куда ѣдешь?

Никита.

Ѣду и далеко.

Марьяна.

Какой ты, право, все бы ему шутить.

Никита.

Я не шучу.

Марьяна.

Нѣтъ, я не вѣрю, шутишь, шутишь. Ну, развеселись же. Какой ты сердитый! На кого ты разсердился? Или ты нездоровъ? Скажи мнѣ: я все знать хочу.

Хочу тебя развеселять,
Хочу узнать твои желанья,
Твои сердечныя страданья
Хочу съ тобою раздѣлять;
Скажи же мнѣ.

Никита.

Тебѣ сказать!
Къ чему тебѣ мои страданья,
Моя сердечная тоска?

Марьяна.

Чтобъ раздѣлить ее, какъ съ другомъ,
Какъ съ братомъ милымъ и отцемъ;
Предупреждать твои желанья,
Прекрасный взглядъ твой понимать,
И пѣть съ тобою, и рыдать,
И лаской дѣвичьей моею
Твои недуги врачевать;
Чтобы любить тебя!...

Пикита.

Любить!
Какъ много, много ты сказала!

Любить!... Любить!... Прекрасный звукъ,
Прекрасно тайное значенье
Простого слова. Но, дитя!
Ты поняла-ль душой невинной,
Что ты сказала мнѣ?

Марьяна.

Кто? Я?
Ахъ, я любить, любить умѣю,
Да не умѣю разсказать,
Какъ я люблю тебя? Съ тобою
Я все готова раздѣлять;
Ты для меня отецъ и братъ;
Ты для меня все, все на свѣтѣ!
И даже матушку любить
Я не могу, какъ я любила,
Когда не видѣла тебя.

Никита.

Ты Божій ангелъ-утѣшитель;
Какъ мнѣ отрадно понимать
Невинныя, простыя рѣчи!
Любить одно! не раздѣлять
Любовь прекрасную на двое—
Это по моему. И тотъ,
Кто говоритъ, что все онъ любитъ,
Холодный камень онъ: онъ вретъ,
Онъ ничего тогда не любитъ,
Онъ богохульствуетъ. Любовь
Какъ солнце ясное, высоко
Одно на небѣ голубомъ.
Какъ Богъ одинъ, одна любовь!...
Затаена въ душѣ глубоко,
Въ душѣ прекрасной, какъ твоя.
Меня ты любишь, знаю я,
Но ты соперницу имѣешь,
Какъ ты прекрасную.

Марьяна.

Кто? Я?
Гдѣ жъ она, и кто такая?

Никита.

Украйна милая моя!
Моя Украйна родная!
Ея широкія поля,
Ея высокіе курганы,
Святая прадѣдовъ земля!
Люблю тебя, моя Украйна:
Твои зеленыя дубровы,
Твои шелковые луга,
Днѣпра крутые берега,
Люблю я васъ любовью новой,
Любовью крѣпкою. И ты,
Украйны образъ несравненный,
Люблю тебя, въ тебѣ одной
Я всю Украйну обожаю.

Марьяна.

И я люблю ее, какъ ты;
Я пѣсни родины пѣвала,
И я всегда воображала
Прекрасно-гордыя черты
И брови черныя и станъ,
Какъ у тебя, живой, высокій;
И я въ тебѣ, мой кароокій,
Славу Украйны люблю;
Вождей безсмертныхъ обожаю,
Что въ пѣсняхъ кобзари поютъ.

Никита.

Какъ ты прекрасна! ты козачка,
И я люблю тебя. Люблю,
Какъ мою родину святую...
Какъ счастливъ я! Люби меня,

Воображай во мнѣ героя
Минувшихъ дней,—только люби!...

Марьяна.

Ты мой на вѣки, ты мой милый,
Я неразлучная твоя:
И на край свѣта, и въ могилу
Съ тобою я, съ тобою я!...
Съ тобой повсюду, и какъ любо
Намъ будетъ горе горевать
И пиръ веселый пировать!
Я боевыя пѣсни буду
Пѣть для тебя; пойду плясать;
Ты мнѣ разскажешь про походы:
Какъ вы ходили воевать
Татаръ, турецкаго султана,
Какъ Сагайдачный съ козаками
Москву и Польшу воевалъ,
Какъ Наливайко собиралъ
Передъ родными бунчуками
Народъ козацкій защищать
Святую церковь. Все, какъ было,
Будешь разсказывать, а я
Ивана сына пеленаю
И, пеленая, припѣваю:
«Выростай козакамъ на славу,
Врагамъ на расправу»!...
И выростетъ сынъ Иванъ,
Запорожскій атаманъ,
Какъ ты, смѣлый, кароокій,
Какъ ты, стройный и высокій.
Какъ мнѣ весело, какъ любо,
Какъ я рада, рада буду...

(*Поетъ и пляшетъ*).

Съ золотыми подковами
Башмаки, башмаки!

Не смѣйтеся на улицѣ
Козаки, козаки.
Я золото не молотомъ
Накую, накую,
Вдоль улицы протанцую,
Пропою, пропою.

Что, хорошо?

Никита.

Настоящій ребенокъ! Теперь ты пляшешь, а черезъ минуту готова плакать.

Марьяна.

А ты настоящій дѣдъ старый, никогда не пляшешь, и кажется, не плачешь, а вѣчно хмуришься, какъ будто сердитъ на меня за то, что я люблю тебя. Или ты боленъ? Скажи, что у тебя болитъ?

Никита (показывая на сердце).

Вотъ что!

Марьяна.

Что-же мнѣ дѣлать? Я не знаю,
Чѣмъ пособить тебѣ могу...

Никита.

Молися Богу.

Марьяна.

Я молюся,

А ты по прежнему грустишь.

Никита.

Утѣшься, скоро перестану;
Заплачу радостно, какъ ты,
Съ тобою вмѣстѣ протанцую.

Марьяна.

Когда же, скоро ли?

Никита.

Очень скоро; только возвращусь изъ Варшавы, и пиръ горой.

Марьяна.

Развѣ ты въ Варшаву ѣдешь? Зачѣмъ?

Никита.

Да, ѣду. А ты, смотри; все къ свадьбѣ приготовь.

Марьяна.

Все приготовлю. Зачѣмъ ты ѣдешь?

Никита.

Я гетманскій посланникъ, ѣду съ грамотами къ королю и сейму.

Марьяна.

Что-жъ въ этихъ грамотахъ написано? Ты читалъ?

Никита.

Нѣтъ, не читалъ, да и зачѣмъ мнѣ знать пустое маранье придворныхъ хитростей. Они не искренни со мною, хитрятъ, секретничаютъ, но правды имъ не перехитрить: она возьметъ свое. Я полагаю, они трактуютъ о вольностяхъ козацкихъ, чтобъ отстранить Хмельницкаго. Немного поздно спохватились, но, можетъ быть, еще успѣютъ безъ крови дѣло погасить. Дай то, Господи! пора имъ опомниться; но зачѣмъ они секретничаютъ со мною? Будто я не знаю дѣлъ Хмельницкаго и сейма? Да мнѣ все равно: пускай они пишутъ, что хотятъ, а я скажу, что чувствую и знаю. Владиславъ добрый король, другъ благороднаго Хмельницкаго: онъ меня выслушаетъ.

Я смѣло стану передъ трономъ,
Какъ важный сынъ родныхъ полей:
И сейму правдою моею
Святость народнаго закона
Я докажу. Они поймутъ,
Поймутъ, надменные магнаты,
Что ихъ огромныя палаты

Травою дикой поростутъ
За поруганіе закона,
Что наша правда, наши стоны
На нихъ судъ Божій призовутъ.
Что Наливайка духъ великій
Воскреснетъ снова средь мечей,
И тьмы страдальческихъ тѣней
Наши неистовые клики
Въ степяхъ разбудятъ. Божій судъ
Страдальцы грозно принесутъ
На тѣ широкіе базары,
Гдѣ Остраницы кровь текла,
Гдѣ вы разыгрывали кары,
Гдѣ реву мѣдного вола
Въ восторгѣ зломъ рукоплескали;
Гдѣ вы младенцовъ роспинали
Въ глазахъ отцовъ и матерей,
На тѣ базары тьмы тѣней,
Въ молчаньи грозномъ, какъ страдали,
Расправу злую принесутъ
И вашей кровію польютъ
Ваши широкіе базары. *(Со вздохомъ).*
О, Боже сильный! Боже славы!
Пошли мнѣ мудрость отвратить
Эту кровавую расправу,
Пошли мнѣ мудрость вразумить
Алчныхъ грабителей лукавыхъ,
Что братья мы, что не любовью,
Раздоромъ грѣшная земля
Утучнена, родною кровью! *(Помолчавъ)*
Я знаю сердце короля;
Онъ добръ, сговорчивъ, но магнаты...
Несчастной черни палачи!...
Они коварны: ихъ словамъ
Не должно вѣрить простодушно...
Они обманутъ, и тогда
Бѣда Украйнѣ, бѣда!

И вамъ, кровавые деспоты,
Не сдобровать!

Они думаютъ передать страшную расправу сынамъ и внукамъ. Нѣтъ! Теперь должно кончить и кончить навсегда. Мы знаемъ васъ, вѣроломные! Мученическая смерть Богуна, Остряницы и Наливайка намъ показала, какъ исполняются клятвы. Столѣтняя война—между кѣмъ? Между родными братьями. Страшно! *(Немного помолчавъ)*. Что, ежели опредѣлено судьбою мнѣ, простому человѣку, окончить словами, чего мильоны не могли кончить саблями?..

Съ какою радостью сердечной
Я возвращуся въ Чигиринъ!
Съ какимъ торжественнымъ восторгомъ
Взгляну на славныя поля,
Гдѣ кровь козацкая текла,
Гдѣ улеглися милліоны
Несчастныхъ жертвъ. Всему конецъ!
Всему кровавому конецъ!
Сынамъ и внукамъ миръ и слава!
О дняхъ минувшихъ, дняхъ кровавыхъ
Кобзарь имъ пѣсню пропоетъ,
Въ концѣ той пѣсни знаменитой
Онъ имя сотника Никиты
Съ благоговѣньемъ помянетъ. (*Въ восторгѣ*)
Я славу словомъ завоюю
И славный подвигъ торжествую
Съ тобой одной! Въ тебѣ одной
Я всю Украйну поцѣлую (*въ восторгѣ цѣлуетъ Марьяну*).

Марьяна.

Какъ это весело!

Никита.

Какъ мнѣ весело, когда бъ ты знала! Ты, какъ дитя неразумное, веселишься, плачешь, а я?... Но послѣ о радостяхъ поговоримъ. Иди къ матушкѣ и поторопи ее съ шапкой.

Марьяна.

Да зачѣмъ тебѣ такъ скоро шапка нужна?

Никита.

Послѣ скажу, иди скорѣе. Невѣста еще только, а уже не слушается.

Марьяна (усмѣхаясь).

Иду, иду. *(Уходить).*

(Никита ходитъ зазумавшись по комнатѣ. Немного погодя, останавливаясь говоритъ, какъ бы съ самимъ собою, сначала тихо, потомъ громче и останавливается на авансценѣ).

Никита.

Святая родина! Святая!
Иначе какъ ее назвать?
Ту землю милую, родную,
Гдѣ мы родилися, росли
И въ колыбели полюбили
Родныя пѣсни удалой старины. *(Громче).*
То пѣсни славы! Звуки рая!
Сынамъ на диво, на любовь
Сложили ихъ, не умудряя
Дѣла великія отцовъ;
И эти звуки, эти горы,
Эти широкія поля,
Немолчный говоръ синя моря,
Небо высокое, земля,
Съ ея богатствомъ, нищетою,
Все это наше, намъ родное,
Родные дѣти мы всему,
Мы часть ея, земли той милой,
Гдѣ наши дѣды родились,
Гдѣ ихъ высокія могилы
Въ степяхъ такъ гордо поднялися
И наши очи приковали
Своею мрачною красой,
И безъ рѣчей намъ разсказали
Судьбу Украины родной.

(Немного помолчавъ).

Въ комъ нѣтъ любви къ странѣ родной,
Тѣ седрцемъ нищія калѣки,
Ничтожныя въ своихъ дѣлахъ
И суетны въ ничтожной славѣ.

(Немного помолчавъ).

И чѣмъ несчастный, тѣмъ милѣй

Всегда намъ родина бываетъ,
Тѣмъ краше видъ ея полей... *(Со вздохомъ).*
А наша родина страдаетъ, *(Печально).*
А прежде счастлива была.
Тогда враги ее боялись,
Тогда сыны ея мужали
И славныя отцовъ, дѣла
Своею славой обновляли,
И все минуло! все прошло!
Козакъ въ неволѣ изныватъ,
И поле славы поросло
Травой негодной... умираетъ
И звукъ и память о быломъ!

(Торжественно).

Нѣтъ, запоемъ мы пѣсню славы
На пепелищѣ роковомъ,
Мы цѣпь неволи разорвемъ,
Огонь и кровь мы на расправу
Въ жилища вражьи принесемъ!
И наши вопли, наши стоны
Съ ихъ алчной яростью умрутъ.
И наши вольные законы
Въ степяхъ широкихъ оживутъ!

(Взволнованный долго ходитъ молча по хатѣ, останавливается и говоритъ какъ бы самъ съ собою).

Славяне, несчастные славяне! Такъ нещадно и такъ много пролито храброй вашей крови междоусобными ножами. Ужели вамъ вѣчно суждено быть игралищемъ иноплеменниковъ? Настанетъ ли часъ искупленія? Придетъ ли мудрый вождь изъ среды вашей погасить пламенникъ раздора и слить воедино любовію и братствомъ могущественное племя?

(Задумывается. Входятъ Катерина съ шапкой и Марьяна).

Катерина.

Слава Богу на силу то угромоздили ихъ: такія большія!

Никита (очнувшись).

Что вы такъ долго съ ними дѣлали?

ЗАПИСКИ В. И. ЯРОСЛАВСКАГО.

(продолженіе)[1]).

Послѣ привольной сельской жизни въ помѣщичьихъ домахъ на всемъ готовомъ, жизнь въ Петербургѣ на первый разъ была для меня очень трудна. На первое обзаведеніе требовалось много денегъ, а ихъ у меня было весьма недостаточно. Помѣститься гдѣ либо въ трактирѣ я никакъ не рѣшался. И такъ сыскалъ себѣ на Литейной улицѣ во дворѣ, въ верхнемъ этажѣ флигеля, квартиру въ двѣ комнаты съ кухнею, въ домѣ нѣмца хлѣбника. Прислуги не было никакой, и я самъ долженъ былъ все для себя дѣлать: купилъ сажень рубленныхъ дровъ, сложилъ ихъ въ указанный мнѣ сарайчикъ; бывало, встану поутру рано, натаскаю дровъ, затоплю въ грубкѣ, вскипячу въ чайникѣ воды, напьюсь чаю и иду въ департаментъ, а хозяйку попрошу купить мнѣ чвертку телятины и сжарить. Съ такимъ трудомъ прожилъ я цѣлый мѣсяцъ, а на другой я уже сыскалъ въ переулкѣ, за подворьемъ Тройце-сергіевской лавры, квартиру со столомъ и прислугою, и мнѣ было жить гораздо легче; а вскорѣ одинъ чиновникъ, имѣвшій двухъ человѣкъ у себя, пригласилъ меня жить съ нимъ, раздѣляя по-поламъ издержки.

Узналъ я какъ-то о пріѣздѣ изъ Москвы Анны Андреевны Комбурлеевой и, зная ея доброе ко мнѣ расположеніе, пошелъ поздравить ее съ пріѣздомъ. Тутъ Михаилъ Ивановичъ съ насмѣшкою сталъ говорить: «знаешь-ли ты, душенька, Василій

---

[1]) См. „Кіев. Стар.“ 1887 г., сентябрь, стр. 109—152.

Ивановичъ служитъ теперь въ ученомъ департаментѣ; онъ и самъ человѣкъ ученый»! Григорій Николаевичъ Рахмановъ, пріѣхавшій съ нимъ изъ Москвы, выслушавъ эту насмѣшку, пригласилъ меня потомъ въ свою комнату и сказалъ мнѣ: «Михаилъ Ивановичъ оскорбляется тѣмъ, что вы не захотѣли у него служить».—«Что же дѣлать? отвѣчалъ я; коронная служба всегда предпочитается частной, и пословица говоритъ: рыба ищетъ, гдѣ глубже, а человѣкъ, гдѣ лучше». Съ того времени я уже не былъ у Михайла Ивановича ни разу. Можетъ быть, я и худо сдѣлалъ для себя, ибо не получилъ отъ него за 4 мѣсяца жалованья; но какъ я ничего для него не дѣлалъ, то и совѣстно было бы мнѣ просить у него, а безъ просьбы врядъ-ли онъ догадался объ этомъ. Проживъ въ Петербургѣ большую часть лѣта, онъ получилъ должность губернатора въ волынской губерніи; но тамъ, за потачку евреямъ ввозить изъ-за границы контрабанду, въ 1815 году былъ отрѣшенъ отъ должности, преданъ суду и умеръ подъ судомъ. Такъ часто люди стремятся туда, гдѣ надѣются найти свое счастіе, но вмѣсто того находятъ тамъ свою погибель! А притомъ ни одинъ человѣкъ не можетъ похвалиться, что онъ всю жизнь былъ счастливъ; особенно большіе въ жизни счастливцы рѣдко оканчиваютъ жизнь благополучно.

Уладивши по возможности свои квартирныя заботы, я началъ ходить каждый день послѣ обѣда въ домъ правителя канцеляріи и учить его дѣтей: двухъ сыновей, Аполлона и Петра и маленькую дочь Надежду русской грамотѣ, французскому языку, ариѳметикѣ и рисованью. Бабушка ихъ Анна Ивановна всегда находилась при ученіи, потому что въ ея комнатѣ я и училъ ихъ. Дѣти охотно и успѣшно учились; а отецъ и мать, Марья Ивановна, были мною весьма довольны и приглашали меня обѣдать въ большіе праздники или въ дни ихъ именинъ, когда бывали у нихъ всѣ ихъ родственники.

Е. И. Станевичъ, по привозѣ сына Григорія Романовича въ Петербургъ, еще въ 1805 году, перешелъ жить на квартиру къ вдовѣ старшей сестрѣ Н. И. Надаржинской, гдѣ я его и заста-

валъ. Но сынъ этой вдовы, однихъ почти лѣтъ съ Ѳедоромъ Шидловскимъ, былъ великій баловень, прежде времени развратившійся, а потому я не ожидалъ ничего хорошаго отъ такого товарищества для сына Григорія Романовича, и время подтвердило мою догадку. Зимою 1805 года Григорій Романовичъ пріѣзжалъ съ Н. Н. Надаржинской въ Петербургъ и я былъ у него и однвъ разъ обѣдалъ. Надежда И., казалось, обрадовалась, увидѣвши меня и ласково разговаривала со мною; но я обошелся съ нею уже осторожнѣе прежняго, даже не поцѣловалъ у нея руки. Въ то время она была въ обыкновенномъ свѣтскомъ платьѣ, оставила монашеское и свой куколь. Григорій Романовичъ при отъѣздѣ взялъ съ собой своего и ея сына и опредѣлилъ обоихъ въ полкъ къ зятю своему барону Ѳ. К. Корфу.

Той же зимы пришлось мнѣ встрѣтиться съ В. Н. Каразинымъ. Однажды послѣ уроковъ съ дѣтьми правителя канцеляріи прихожу ввечеру къ Мойсею Григорьевичу Ушинскому, который, какъ зять его, жилъ въ томъ же домѣ, и застаю тамъ Александра Степановича Бирюкова; а вскорѣ пришелъ туда и В. Н. Каразинъ, пріѣхавшій недавно изъ Украйны. Пошли разговоры. Каразинъ сталъ говорить, что онъ пріѣхалъ съ важнымъ и весьма полезнымъ для винокуренія проэктомъ объ извлеченіи изъ пива водочнаго спирта и что въ хозяйственномъ департаментѣ министерства внутреннихъ дѣлъ онъ дѣлаетъ химическую печь для этого опыта. Такъ какъ чиновникъ, съ которымъ я жилъ, служилъ въ томъ же департаментѣ, то я и просилъ его дать мнѣ знать, какой успѣхъ будетъ имѣть Каразинъ въ его проэктѣ. Послѣ нѣкотораго времени чиновникъ сообщилъ мнѣ, что директоръ канцеляріи министра внутреннихъ дѣлъ, М. М. Сперанскій, какъ давнишній другъ Каразина, дѣйствительно велѣлъ отвести комнату для устройства, по указанію Каразина, химической печи и печь была устроена, но что ее нѣсколько разъ уже передѣлывали и стопло это не дешево, а между тѣмъ сколько разъ ни извлекалъ Каразинъ изъ пива водочный спиртъ, все выходило его такъ мало, что спиртъ, обыкновенно на винокуренныхъ заводахъ изъ затора простымъ

образомъ извлекаемый, выходитъ лучшій и несравненно дешевле стоитъ. Такъ и не рѣшились, добавилъ онъ, доложить государю, не находя его способъ выгоднымъ.

Разскажу еще другой случай, который едва не окончился для меня непріятностью.

Правитель канцеляріи А. С. Никольскій вздумалъ составить книгу «Основанія россійской словесности», помѣстивъ въ ней грамматику, риторику и поэзію, для преподаванія въ морскихъ училищахъ. Почти всю ее писалъ Ив. Мих. Фовицкій, другой помощникъ столоначальника, преподававшій прежде въ петербургской семинаріи риторику, Никольскій же сдѣлалъ въ ней лишь нѣкоторыя поправки. Имѣя какое-то неудовольствіе на Е. И. Станевича, онъ въ риторикѣ въ примѣръ безсмыслицы привелъ отрывокъ изъ его сочиненій, изданныхъ въ 1805 г., назвавъ его «*галиматьею*». Узналъ я объ этомъ по тому случаю, что Никольскій далъ мнѣ отпечатанные листы для разсмотрѣнія, нѣтъ ли въ нихъ типографскихъ ошибокъ. Читаю я этотъ примѣръ галиматьи и чувствую, что это что-то знакомое мнѣ. Беру сочиненія Евстафія Ивановича и дѣйствительно нахожу приведенный отрывокъ въ статьѣ «О счастіи». Тогда я показалъ приведенное мѣсто старшему сыну Никольскаго, предполагая, что онъ скажетъ о томъ своему батюшкѣ; но онъ не догадался этого сдѣлать. Между тѣмъ дружба моя съ Евстафіемъ Ивановичемъ обязывала меня предупредить его о томъ, такъ какъ это относилось къ хулѣ его слога, которымъ онъ подражалъ благодѣтелю своему Ал. Сем Шишкову, и я рѣшился сказать ему. Въ справедливости моего заявленія Станевичъ удостовѣрился въ морской типографіи, гдѣ печатался этотъ курсъ литературы, и тотъ-часъ обратился къ директору департамента графу де-Местру, а тотъ, какъ ближайшій другъ министра Чичагова, каждый день бывавшій въ его домѣ, разсказалъ ему. Чичаговъ сдѣлалъ за это Никольскому строгій выговоръ, замѣтивъ, что, приводя примѣры худаго слога изъ сочиненій своихъ сослуживцевъ, единственно по нерасположенію къ нимъ, самъ соста-

витель учебной книги подаетъ худой примѣръ ученикамъ, и добавилъ, чтобы онъ непремѣнно выбросилъ этотъ примѣръ. Тогда Никольскій набросился на меня, называлъ меня неблагодарнымъ, предателемъ, измѣнникомъ, *мазепою* и другими оскорбительными словами, едва только удерживаясь бить меня. Не знаю, что было бъ дальше; но тутъ вмѣшалась жена его Анна Ивановна; она мало-по-малу успокоила его и уговорила не сердиться на меня. Никольскій однако былъ въ затрудненіи, чѣмъ замѣнить примѣръ худаго слога, такъ неудачно выбранный, и въ первое присутствіе въ департаментѣ обратился за этимъ къ А. С. Шишкову. Тотъ, не задумавшись, отвѣчалъ: «всего лучше помѣстите изъ сочиненій Сумарокова эпиграмму: «Танцмейстеръ! ты богатъ; профессоръ! ты убогъ; конечно, голова въ почтеніи меньше ногъ»? Съ этимъ примѣромъ и напечатаны «Основанія россійской словесности» на казенный коштъ, а составителю этой книги А. С. Никольскому пожалованъ орденъ св. Анны 2 класса, вскорѣ же послѣ того онъ былъ произведенъ въ д. ст. совѣтники. Такъ, нерѣдко Божіе провидѣніе жестокія бури обращаетъ въ благотворную тишину!

За все время службы моей въ Петербургѣ я продолжалъ вести письменныя сношенія съ благодѣтелемъ моимъ А. А. Палицынымъ и получать отъ него отвѣты, иногда и по два раза въ годъ. Зимою 1807 года умерла предобрая жена его Авдотья Александровна, по смерти которой онъ сдѣлался весьма скучнымъ.

Послѣ описаннаго случая съ книгой «Россійской Словесности», никакихъ уже непріятностей не возникало у насъ съ правителемъ канцеляріи Никольскимъ; напротивъ онъ сталъ показывать какое-то особое ко мнѣ расположеніе. Однажды начинаетъ онъ самымъ чувствительнымъ образомъ благодарить меня за усердное ученіе его дѣтей и говоритъ, что онъ ничѣмъ инымъ не можетъ меня отблагодарить, какъ только предложивъ мнѣ переѣхать къ нему и пользоваться отъ него квартирой, столомъ и прислугою. Опасаясь быть совершенно занятымъ единственно обученіемъ его дѣтей, я учтиво отказался отъ его милостиваго предложенія. Никольскій переждалъ нѣкоторое время

и то же предложеніе сдѣлалъ мнѣ чрезъ Ев. И. Станевича; я опять отказался, заявивъ, что хочу быть свободнымъ. Наконецъ съ тѣмъ же предложеніемъ подступаетъ ко мнѣ старшій сынъ Никольскаго, Павелъ Александровичъ, съ которымъ часто я прохаживался въ Лѣтнемъ саду, и увѣряетъ меня, что если я исполню моимъ согласіемъ волю его отца и матери, то много ихъ обрадую. Опасаясь, чтобъ они не подумали, что я веду развратную жизнь, я согласился напослѣдокъ перейти къ нимъ и перешелъ. Что же? Въ тотъ же день жена Никольскаго, Марья Ивановна, говоритъ мнѣ:

— В. И.! что вы любите по утру пить: чай или кофе? Мы всѣ пьемъ чай; а Сашенька (старшая дочь Никольскихъ, уже невѣста) одна пьетъ кофе. Хотите, и вамъ будутъ его приносить.

— Я не разборчивъ и прихотей не имѣю, отвѣчалъ я; что угодно будетъ вамъ велѣть мнѣ приносить, то и буду пить.

И вотъ мнѣ стали подавать кофе, мнѣ и Сашенькѣ. Это бы ничего; но я замѣтилъ, что ласки Никольскихъ ко мнѣ все увеличиваются, особенно увеличивается расположеніе Сашеньки.

Осенью 1807 г. у зятя ихъ Моисея Гр. Ушинскаго были крестины старшаго его сына; при этомъ былъ по обыкновенію, какъ короткій его пріятель, и Ал. Ст. Бирюковъ. Выпивши шампанскаго за новорожденнаго, послѣдній хотѣлъ поцѣловать Сашеньку; но она прибѣгаетъ ко мнѣ и говоритъ:

— Этотъ старый, лысый хочетъ меня поцѣловать; лучше я васъ, В. И., поцѣлую.

Я остолбенѣлъ, а Бирюковъ слѣдомъ за нею, слышитъ ея слова, хлопаетъ въ ладоши и кричитъ: «браво, браво!»

Наканунѣ крещенія 1808 года мать Сашеньки, по обыкновенію, вздумала гадать, выливая оловомъ.

— Хотите, говоритъ она мнѣ: я и вамъ загадаю. Посмотримъ, что выйдетъ.

— Хорошо, говорю я

Она вылила и говоритъ:

— Что это все выходитъ вамъ дорога?

— Не знаю, отвѣчалъ я.

Тѣмъ разговоръ на этотъ разъ и кончился.

18-го марта былъ день ангела Сашеньки; за столомъ подносятъ и мнѣ вино пить за ея здоровье, я отказываюсь. Матушка не вытерпѣла и при всѣхъ родныхъ и при А. С. Бирюковѣ выпалила мнѣ въ упоръ:

— Какъ вамъ не стыдно, В. И.? Сашенька васъ болѣе всѣхъ любитъ, а вы не хотите пить за ея здоровье?

Бирюковъ заоралъ во всю глотку: «браво, браво!» Я сгорѣлъ отъ стыда.

Однакожъ я всегда имѣлъ въ мысляхъ, что я съ маленькимъ моимъ жалованьемъ не могу прилично содержать жены; вотъ старшій зять ихъ столоначальникъ и 1200 руб. получаетъ, а все же съ трудомъ содержитъ свою жену; ему не разъ уже давали чувствовать, что въ домѣ имъ тяготятся и чтобы онъ искалъ себѣ квартиры, но онъ какъ будто не понимаетъ. Думаю себѣ, что та же участь и мнѣ будетъ, если женюсь на Сашѣ. Иное дѣло Ал. Ст. Бирюковъ, бывшій мой учитель: онъ, хотя и старикъ, но уже начальникъ отдѣленія, получаетъ хорошее жалованье, имѣетъ казенную квартиру и дрова, влюбленъ въ нее, и она можетъ быть за нимъ гораздо болѣе счастлива, нежели за мною.

Положеніе мое было щекотливо и затруднительно. Какъ избѣжать его? Искать перемѣщенія по другому министерству въ Петербургѣ? Но Никольскіе почли бы это съ моей стороны неблагодарностью; а можетъ быть потребовали бы отъ меня еще большихъ и тягостнѣйшихъ жертвъ. Всего лучше, думалъ я, искать мнѣ мѣста въ губерніяхъ. И вотъ, помня, какъ дядюшка мой хорошо живетъ въ Харьковѣ губернскимъ архитекторомъ и зная, что онъ выслужилъ уже срокъ службы, я рѣшился напомнить объ немъ сенатору Ал. Теплову, бывши у него на новый годъ. Тепловъ хорошо отозвался о немъ и сказалъ: «если вашъ дядя подастъ въ отставку, пусть напишетъ ко мнѣ, куда поступитъ его прошеніе, и я постараюсь испросить ему пенсіонъ». Объ этомъ благодѣтельномъ отзывѣ я увѣдомилъ дядюшку; но вмѣсто письма къ Теплову, онъ написалъ мнѣ, что служитъ

съ 1765 года, что подалъ въ отставку и желалъ-бы получить хоть малый пенсіонъ и хотя губернаторъ сказалъ ему, что представитъ въ сенатъ, но затѣмъ онъ не знаетъ, куда поступитъ его прошеніе, ибо въ такихъ дѣлахъ не свѣдущъ». Послѣ этого мнѣ нечего было дѣлать и я уже ничѣмъ не могъ возблагодарить моего дядю, принявшаго меня, безпріютнаго сироту, въ свой домъ. Сталъ я послѣ сего высматривать подобное мѣсто въ другихъ губерніяхъ и узнавъ изъ адресъ-календаря, что въ Херсонѣ есть вакансія губернскаго архитектора, а изъ газетъ освѣдомясь о пріѣздѣ въ Петербургъ управлявшаго тремя губерніями новороссійскаго края Дюка-де-Ришелье, подалъ ему просьбу о назначеніи меня на упомянутую должность, представивъ притомъ и нѣкоторые планы, сдѣланные мною въ Петербургѣ по правиламъ городской архитектуры. Навѣдывался я къ нему нѣсколько разъ и, по счастію, засталъ однажды у него франиуза Томона, строившаго въ Петербургѣ зданіе биржи. Тотъ, разсмотрѣвъ мои планы сказалъ, что всѣ желающіе быть губернскими архитекторами не иначе опредѣляются, какъ по аттестатамъ академіи художествъ за подписью профессора архитектуры Захарова и что Дюкъ велѣлъ мнѣ доставить отъ него аттестатъ. По счастію профессоръ Захаровъ былъ также и главнымъ архитекторомъ по адмиралтействамъ и по его прожекту обстраивалось въ Петербургѣ адмиралтейство, а переписка объ этомъ происходила по моему столу. И такъ представилъ я ему планы, а онъ, испытавъ мои познанія въ архитектурѣ и задавъ мнѣ программу для составленія плана городскихъ воротъ съ башнею при въѣздѣ, дѣланный мною вчернѣ планъ одобрилъ и подписалъ приготовленный мною аттестатъ. Просьба моя и аттестатъ отъ Дюка-де-Ришелье, при отъѣздѣ его, переданы были вновь опредѣленному въ Херсонъ гражданскому губернатору князю Петру Сергѣевичу Мещерскому. На представленіе его министерству внутреннихъ дѣлъ князь Ал. Б Куракинъ, два раза прежде благодѣтельствовавшій мнѣ, изъявилъ свое согласіе на опредѣленіе меня въ Херсонъ губернскимъ архитекторомъ. Будучи уже удостовѣренъ въ полученіи новой должности, я подалъ прошеніе въ главный адмиралтейскій

департаментъ объ увольненіи меня отъ должности помощника стольначальника. Представившіяся затрудненія были преодолѣны, и я получилъ увольненіе 4 мая 1808 года.

Настало прощанье съ А. С. Никольскимъ и его семьею. Чувствительны для меня были слезы Марьи Ивановны, ея дочери Сашеньки и прочихъ дѣтей; первая не утерпѣла открыться, что она не думала такъ скоро со мною разстаться.

По отношеніямъ князя Мещерскаго выданы мнѣ были прогоны и подорожная по казенной надобности; сыскался также и хорошій попутчикъ, помощникъ одесскаго почтмейстера, колл. ас. Артемій Макарычъ Худобашевъ. Его мать и братъ, жившіе въ Петербургѣ во дворѣ армянской церкви, надѣлили насъ всѣмъ, нужнымъ намъ въ дорогѣ и мы, купя повозку, поѣхали по бѣлорусской дорогѣ, какъ ближайшей; къ тому же моему товарищу нужно было заѣхать въ Нѣжинъ къ роднымъ.

Выѣхали мы изъ Петербурга еще по зимней дорогѣ; но скоро она начала портиться, и чѣмъ далѣе мы ѣхали, тѣмъ болѣе дорога дѣлалась для насъ затруднительной. За Витебскомъ мы принуждены были переправляться чрезъ распустившіяся уже рѣчки и рѣки, однакожъ благополучно доѣхали до Николаева гдѣ и разстался я съ добрымъ моимъ спутникомъ. Приставъ почтовой станціи не совѣтовалъ мнѣ одному ночью ѣхать на перекладной повозкѣ въ Херсонъ; по дорогѣ, говоритъ онъ, встрѣчаются иногда грабежи, и въ самомъ Херсонѣ жена губернскаго землемѣра Сиврачи убила своего мужа. «Ну, въ хорошую же сторону я ѣду служить», невольно подумалъ я и все таки поѣхалъ.

По пріѣздѣ моемъ въ Херсонъ прежде всего я поставилъ себѣ обязанностію письменно благодарить Ал. Сер. Никольскаго и жену его Марью Ивановну за тѣ милости, какими я пользовался въ ихъ домѣ; писалъ и къ сыну ихъ Павлу Ал. и зятю Моисею Гр., а также къ почтенному моему наставнику Ал. Ал. Палицыну, извиняясь предъ нимъ, что не могъ ѣхать черезъ Украину и заѣхать къ нему. Въ разное время я велъ отсюда переписку не только съ нимъ, но съ Е. И. Станевичемъ и Ив. Ѳед. Богдановичемъ. Послѣдній давалъ мнѣ замѣтить, что въ

Петербургѣ я могъ бы болѣе выиграть по службѣ, нежели въ Херсонѣ. Можетъ быть, его мысли и справедливы; но я чувствовалъ свои недостатки: простоту, излишнюю откровенность, неискательность и неумѣнье льстить; а съ этими, для большаго свѣта, пороками далеко тамъ не уѣдешь.

Впродолженіи многолѣтняго моего здѣсь служенія со мною случались обстоятельства, сколько припомню, пріятныя и непріятныя.

Первое. Былъ здѣсь строительный комитетъ, въ которомъ князь назначилъ меня быть архитекторомъ съ жалованьемъ по 500 руб. Ему не нравилась фигура купола на зданіи съѣстнаго рынка, именуемаго „*шопою*", по плану адмиралтейскаго архитектора Ѳ. Ив. Вунша. Я сдѣлалъ фасадъ съ бельведеромъ, уменьшавшимъ величину купола; онъ былъ одобренъ княземъ и въ натурѣ произведенъ.

Второе. Комитетъ призналъ нужнымъ построить близь пристани рѣки Днѣпра лавки для торговцевъ и складки разныхъ припасовъ; для построенія ихъ я сдѣлалъ планъ. По вырытіи рвовъ для фундамента оказалось вода; я разсудилъ сдѣлать изъ деревянныхъ плещиковъ роствергъ и на немъ уже основать каменный фундаментъ. Этотъ способъ оказался хорошимъ, а строеніе столь прочнымъ, что во все время моего въ Херсонѣ житья не было ни малѣйшей трещины на строеніи.

Третье. Составилъ я планы и смѣты для квартиръ военнымъ офицерамъ, въ облегченіе жителей города. Построеніе отдано было подрядчику. При рытьи канавъ для фундаментовъ оказалось во многихъ мѣстахъ, что здѣсь прежде были погреба француза Антоана и завалены навозомъ; градской голова Албрандтъ, бывшій у него прикащикомъ, объ этомъ не сказалъ, и надобно было дѣлать дополнительныя смѣты.

Четвертое. Благодѣтельный для меня князь Мещерскій не долго былъ въ Херсонѣ губернаторомъ. Дюкъ передалъ ему свою обязанность, возложенную на него государемъ: заготовить на сотни тысячъ провіанта и овса для молдавской арміи, пригласивъ дворянъ для поставки его. Дворяне потребовали высокія

цѣны. Въ это время явились Фундуклей и повѣренный Перетца. всеобщаго подрядчика и его товарища по подрядамъ, и просили дать имъ на коммисію эту поставку, съ платежемъ имъ по 5 процентовъ съ рубля, съ тѣмъ, что они берутся поставить провіантъ ниже справочныхъ цѣнъ. На представленіе князя объ утвержденіи этого иодряда, Дюкъ въ отвѣтъ ему сказалъ, что это остается на собственной его отвѣтственности. Коммисіонеры, получа деньги, разослали по разнымъ мѣстамъ своихъ коммиссіонеровъ для покупки провіанта, возовъ, воловъ и фурщиковъ, для доставки его въ Молдавію. Между тѣмъ князь Багратіонъ, командовавшій тогда молдавскою арміею, донесъ государю, что солдаты умираютъ съ голоду. И такъ князь Мещерскій для оправданія, почему онъ не исполнилъ повелѣнія государя о заготовленіи провіанта посредствомъ дворянъ-помѣщиковъ, долженъ былъ ѣхать въ Петербургъ, и оттуда уже не возвратился, а вице-губернаторъ Есиповъ и секретарь его, совѣтовавшіе ему отдать заготовленіе провіанта на коммисію Фундуклею и Перетцу, воспользовались отъ нихъ важными подарками.

Пятое. По молодости и невоздержности моей я заразился скверною болѣзнію и не умѣлъ при началѣ совершенно излѣчиться отъ нея, отъ чего мое здоровье много пострадало: всегдашпій на лицѣ моемъ румянецъ и ясность взора исчезли, я сталъ худѣть и сдѣлался непохожъ самъ на себя.

Шестое. Поручено было мнѣ надсматриваніе за починками дома почтовой конторы, а починки эти производилъ почтмейстеръ Пятницкій и дѣлалъ все по своему произволу, а не по смѣтѣ; отъ сего возникла между нами непримиримая вражда, а вскорѣ нашлась другая, еще большая, для того причина. Мой харьковскій соученикъ Николай Подколзинъ былъ женатъ на дочери сего почтмейстера, но не жилъ съ нею, а говорилъ мнѣ, что сама она живетъ съ другими. Однажды ввечеру соборный протоіерей Григорій Саржановичъ приходитъ къ вице-губернатору Ивану Христофоровичу Калагеоргію, который всегда любилъ меня и въ домѣ котораго я всегда былъ принятъ, какъ бы ближайшій его родственникъ. Протоіерей говоритъ ему, что Подколзинъ, оставя

жену, дочь почтмейстера, живетъ съ любовницею и проситъ, чтобъ ему воспрещено было такое беззаконное житье. Выслушавъ протоіерея, я имѣлъ неосторожность сказать: «Батюшка! вы говорили о развратной жизни Подколзина; вамъ бы слѣдовало прежде выслушать его самого; онъ бы вамъ сказалъ, что и жена его не совсѣмъ хорошо ведетъ себя. Какъ отецъ духовный, вы должны ссоры между мужемъ и женою примирять кротостью. Къ тому жъ Подколзинъ служитъ по адмиралтейству полицмейстеромъ; такъ что можетъ гражданская власть надъ нимъ сдѣлать? У него есть свое начальство». Вице-губернаторъ и самъ сказалъ протоіерею, что не можетъ вмѣшиваться въ это дѣло; но я чрезъ свою неосторожность нажилъ себѣ и еше двухъ недоброхотовъ, протоіерея и губернаторскаго секретаря Похитонова, неразлучнаго друга Пятницкаго.

Седмое. Весною 1809 года пріѣхалъ въ Херсонъ полковникъ артиллеріи Ив. Ив. Львовъ для исправленія въ крѣпости арсенала, построеннаго еще во время князя Потемкина, и по рекомендаціи инженернаго генерала обратился ко мнѣ съ приглашеніемъ принять на себя завѣдываніе работами, сказавъ притомъ, что адмиралтейскій департаментъ полагаетъ архитектору жалованье 2,500 рублей. Кусочекъ былъ лакомый; но я, зная раньше о желаніи состоявшаго при херсонскомъ адмиралтействѣ архитектора Вунша воспользоваться столь выгоднымъ случаемъ, притомъ не имѣя у себя помощника, ниже ученика и будучи одинокъ и слабаго здоровья, отказался отъ сдѣланнаго мнѣ Львовымъ предложенія и указалъ на Вунша, человѣка женатаго и имѣющаго много дѣтей, давно въ этомъ краю живущаго, болѣе меня свѣдущаго въ прочности здѣшнихъ матеріаловъ и мастеровыхъ людей. Львовъ предложилъ ему и Вуншъ охотно согласился. Стали свидѣтельствовать поврежденія въ арсеналѣ. Вуншъ хвалился мнѣ выгодною коммисіею, а я передалъ ему подробно мой разговоръ со Львовымъ. Вуншъ цѣлуетъ меня, благодаритъ и говоритъ, что я поступилъ съ нимъ, какъ лучшій его другъ. Но вдругъ дѣло получаетъ неожиданный оборотъ. Предположеніе артиллерійскаго департамента о суммѣ жалованья

архитектору тогда еще не было утверждено, а на представленіи о семъ военный министръ графъ Аракчеевъ написалъ: «съ перваго взгляда усматриваю я нехозяйственное распоряженіе артиллерійскаго департамента. Какъ можно положить архитектору 2,500 рублей? Довольно 500 руб.» Вуншъ письменно отказался тогда отъ предложенныхъ занятій, а Львовъ опять обратился ко мнѣ; когда же я снова отказался, онъ просилъ губернское правленіе предписать мнѣ составить планъ и смѣты на исправленіе арсенала, а мнѣ грозилъ, въ случаѣ моего отказа, донести генералъ-губернатору Дюку-де-Ришелье, который и самъ находился въ зависимости отъ военнаго министра. Отказываться болѣе было невозможно. Но лишь только Вуншъ узналъ о моемъ согласіи, тотчасъ написалъ представленіе своему портовому начальнику фонъ-Миллеру, заявляя, что готовъ заняться смотрѣніемъ арсенала и безъ жалованья. Заявленіе его однакожъ не было принято департаментомъ, Львовъ получилъ даже выговоръ за медленность. Но мнѣ отъ того было не легче. Градская полиція показала цѣны матеріаламъ и мастеровымъ весьма низкія, а Львовъ такъ торопилъ меня составленіемъ смѣтъ, что не доставало мнѣ времени внимательно и подробно вникнуть во всѣ мелочи подробныхъ матеріаловъ и подѣлокъ и положить имъ настоящія цѣны. На всѣ работы было исчислено мною 225,033 р. 95 коп. и сверхъ того я имѣлъ осторожность положить на всю сумму десять процентовъ въ случаѣ возвышенія цѣнъ на матеріалы и рабочихъ. Такихъ-то хлопотъ и непріятностей набрался я, желая сдѣлать добро другому!

Восьмое. Военный губернаторъ Дюкъ-де-Ришелье, видя хорошее управленіе губерніею вице-губернатора Калалеоргія, представилъ его въ губернаторы; но на докладѣ о семъ министра внутр. дѣлъ государь изволилъ написать: «молодъ!» Причина однакожъ была другая: за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ Калагеоргій, бывши совѣтникомъ въ херсонской казенной палатѣ, за растрату казначеями денегъ, отрѣшенъ былъ вмѣстѣ съ прочими членами отъ должности, и мѣсто вице-губернатора получилъ единственно по ходатайству великаго князя Константина

Павловича, котораго онъ и Курута учили греческому языку. Губернаторомъ къ намъ, по представленію Дюка, былъ назначенъ служившій при немъ чиновникомъ особыхъ порученій, давнишній мой знакомый, камеръ-юнкеръ Гр. Н. Рахмановъ. Это дало поводъ Калагеоргію сказать: «мнѣ около 40 лѣтъ и меня назвали молодымъ; а вмѣсто меня поставили губернаторомъ старика 25 лѣтъ»!

Девятое. Григорій Николаевичъ Рахмановъ былъ женатъ на Катеринѣ Аполлоновнѣ Волковой, дочери члена государственнаго совѣта. Это была красавица въ собственномъ смыслѣ и такъ превосходно и быстро играла на фортепьяно, что во всю мою жизнь я не видѣлъ подобной искусной игры; при томъ она и пѣла очень хорошо и имѣла прекрасный голосъ. По вступленіи Г. Н. Рахманова въ должность 1809 года, однажды онъ спрашивалъ секретаря своего Похитонова о познаніяхъ и способностяхъ и о поведеніи многихъ губернскихъ чиновниковъ. Похитоновъ о каждомъ изъ нихъ отзывался по своему расположенію, напослѣдокъ сказалъ: «есть у насъ губернскій архитекторъ Ярославскій, человѣкъ молодой, гордый, не повинуется предписаніямъ начальства». Григорій Николаевичъ на эту аттестацію о мнѣ сказалъ: «О Василіѣ Ивановичѣ не говорите мнѣ ни слова; я его прежде васъ всѣхъ и лучше васъ всѣхъ знаю». Пересказывалъ мнѣ это полиціймейстеръ Константиновъ, бывшій при томъ разговорѣ.

Десятое. Похитоновъ продолжалъ и далѣе мстить мнѣ; но я нашелъ себѣ защиту въ Рахмановѣ. Строительный комитетъ предположилъ для осушки городскихъ низменныхъ мѣстъ, лежащихъ при рѣкѣ Днѣпрѣ, раздать землю желающимъ по участкамъ, назначеннымъ по плану, для огородовъ и разведенія садовъ. Я выбралъ себѣ участокъ, гдѣ было посуше, и подалъ въ комитетъ просьбу объ отводѣ его мнѣ; а въ тоже время совѣтовалъ хорошему пріятелю своему кол. асс. Василію Иван. Ксіонзенку, помощнику почтмейстера, просить участокъ подлѣ моего, что тотъ и сдѣлалъ. Похитоновъ, завѣдывавшій дѣлами и въ комитетѣ, захотѣлъ взять себѣ участокъ земли, просимый

Ксіонзенкомъ, и написалъ опредѣленіе о раздачѣ участковъ земли всѣмъ просителямъ, кромѣ Ксензенка, о просьбѣ котораго вовсе было умолчано. Увидавъ это опредѣленіе у члена комитета, купца Андрея Козорѣзова, я въ досадѣ разорвалъ оное. О такой дерзости моей Похитоновъ не преминулъ донести губернатору, требуя предать меня уголовному суду; но какъ опредѣленіе не было еще подписано никѣмъ, кромѣ Похитонова, то губернаторъ, узнавъ изъ словеснаго моего оправданія всю несправедливость своего секретаря, оставилъ это дѣло, сказавши только мнѣ, что «не слѣдовало рвать опредѣленія, хотя оно было и несправедливо составлено, и что Ксензенко самъ, если онъ почувствовалъ обиду, могъ жаловаться». Это обстоятельство послужило поводомъ къ тому, что всѣ участки остались безъ раздачи: по распоряженію губернатора, на тѣхъ низменныхъ мѣстахъ сдѣланъ былъ по моему плану бульваръ, обсаженный деревьями и обнесенный деревянною рѣшеткою.

Одинадцатое. Осенью 1809 года губернаторъ, отправляясь въ Елисаветградъ и Александрію, для обревизованія губерніи, взялъ и меня съ собою. Въ первомъ городѣ мы остановились въ домѣ богатаго откупщика Фундуклея, и тутъ было намъ дѣлано великолѣпное угощеніе. Получивъ здѣсь отъ военнаго губернатора Дюка-де-Ришелье предписаніе о заготовленіи для молдавской арміи провіанта и овса посредствомъ дворянъ помѣщиковъ, Гр. Н. Рахмановъ отвѣчалъ, что онъ приметъ всѣ мѣры для удачнаго выполненія и съ пользою для казны этого порученія, но съ тѣмъ, если Дюкъ испроситъ у государя производство его въ дѣйств. стат. совѣтники. Дюкъ поспѣшилъ дать ему въ томъ удостовѣреніе, и мы поѣхали въ александрійскій уѣздъ и остановились въ селѣ Онофріевкѣ, имѣніи Мих. Ив. Комбурлея. Сюда собраны были помѣщики нѣсколькихъ уѣздовъ; недѣли двѣ угощали ихъ хорошими винами, столомъ, ѣздили на охоту. Такимъ способомъ Рахмановъ успѣлъ склонить ихъ сдѣлать приговоръ о доставкѣ въ Херсонъ, соразмѣрно владѣемаго каждымъ помѣщикомъ числа душъ крестьянъ, положенное количество четвертей ржи, пшена, крупъ и овса. Тутъ были помѣщики елисаветградскаго,

ольвіопольскаго, александрійскаго и херсонскаго уѣздовъ и всѣмъ имъ Григорій Николаевичъ назначилъ цѣну ржи по 7 руб. ассигнаціями. Въ Херсонѣ, куда я въ самомъ началѣ этого дѣла былъ отправляемъ для возвышенія и вымощенія затопляемыхъ водою низменныхъ мѣстъ, закипѣло построеніе вновь и оснащеніе прежнихъ судовъ; началась доставка провіанта и фуража въ Молдавію и Валахію въ назначенные порты. Всю эту операцію Григорій Николаевичъ возложилъ на полиціймейстера Константинова и, считая его преданнымъ себѣ, самъ расписывался въ принятіи изъ уѣзднаго казначейства суммъ, а ему выдалъ книгу для записки въ нее, сколько кому будетъ выдано, за доставку провіанта денегъ, придавъ ему въ помощь и для веденія всѣхъ разсчетовъ довѣреннаго своего секретаря Требухова. Но Константиновъ увѣрилъ этого послѣдяго, что теперь некогда каждую выдачу денегъ заносить въ книгу, довольно брать отъ судовщиковъ росписки въ полученіи ими денегъ, а послѣ на свободѣ можно будетъ записать всѣ расходы въ книгу. Григорій Николаевичъ, слишкомъ довѣряя имъ, не позаботился тогда же взглянуть въ книгу и такое упущеніе было для него впослѣдствіи времени крайне непріятно; но объ этомъ скажу послѣ.

Двѣнадцатое. Дюкъ выполнилъ свое обѣщаніе и Григорій Николаевичь въ 1810 г. изъ камеръ-юнкеровъ пожалованъ былъ прямо въ дѣйствительные статскіе совѣтники, хотя не задолго предъ тѣмъ издано было именное повелѣніе, что тѣ только камеръ-юнкеры считаются въ 5 классѣ, которые находятся при дворѣ въ должности. Со всѣми губернскими чиновниками и я пришелъ поздравить Григорія Николаевича съ полученіемъ этого вожделѣннаго чина. Помню, что. послѣ поздравленія я стоялъ у окна; Григорій Николаевичъ, подойдя ко мнѣ, сказалъ: «мнѣ только 25 лѣтъ, и я уже дѣйств. ст. совѣтникъ, а тамъ буду тайный, а тамъ, а тамъ»...... Я отъ души пожелалъ ему все получить. Удачная доставка провіанта послужила ему въ 1811 году и къ другой важной наградѣ: имѣя только св. Владиміра 4 степени, онъ прямо получилъ 1 степени св. Анны. Въ другое время, идучи со мною по улицѣ, Григорій Николаевичъ говорилъ

мнѣ: «я выполняю теперь важную коммисію,—поставку провіанта для арміи 150 тысячъ четвертей: показавъ за доставку по 1 руб. выше настоящей цѣны, можно бы получить 150 тысячъ рублей, а по 2 р.—и вдвое больше; но я помню, что мы всѣ смертные и по смерти ничего съ собою не возьмемъ». Я похвалилъ его безкорыстіе; однако послѣ я видѣлъ на лицѣ его пушекъ, какъ говоритъ баснописецъ Крыловъ.

Тринадцатое. Составленные мною и посланные въ Петербургъ планы и смѣты на перестройку арсенала разсматривались тамъ весьма долго и возвращены лишь въ ноябрѣ 1809 г. притомъ съ значительными перемѣнами. Велѣно было первоначально заняться сломкою арсенала, а потомъ раздѣлить работы такъ, чтобы каждая часть, кромѣ матеріаловъ, не превышала 10,000 рублей. Подрядчикъ Грудницкій брался произвести всѣ работы за исчисленныя по смѣтамъ суммы, съ прибавкою противъ нихъ десяти процентонъ и съ тѣмъ чтобы казначейство каждый мѣсяцъ выдавало ему на 500 рублей мѣдными деньгами, въ которыхъ былъ тогда большой недостатокъ. Представленіе объ этомъ долго лежало сперва въ артиллерійскомъ департаментѣ, потомъ у военнаго министра, наконецъ въ сенатѣ; такъ какъ подрядъ былъ на большую сумму, то вѣрно ждали, что подрядчикъ самъ явится къ нимъ съ поклономъ. Сенатъ наконецъ утвердилъ контрактъ; департаментъ предписалъ Львову заключить съ Грудницкимъ контрактъ съ наддачею противъ смѣтъ десяти процентовъ, но въ размѣнѣ денегъ на мѣдь министерство финансовъ отказало. Прошло между тѣмъ больше года отъ составленія смѣтъ; цѣны на матеріалы и рабочихъ значительно поднялись и перестроить арсеналъ по прежнимъ смѣтамъ не представлялось уже возможности: подрядчикъ, вмѣсто обогащенія, могъ разориться самъ и подвергнуть тяжкой отвѣтственности меня вмѣстѣ съ Львовымъ. Я счелъ нужнымъ объяснить это подрядчику; тотъ сначала не повѣрилъ, а когда призванные имъ каменщики удостовѣрили его, что цѣны стали вдвое дороже противъ смѣты, то онъ рѣшительно на бумагѣ отказался отъ подряда. Припоминаю себѣ все неудовольствіе на меня и выговоръ со слезами добраго И. И.

Львова: «я считалъ тебя, говорилъ онъ мнѣ, лучшимъ моимъ другомъ, а теперь вижу, что ты первый мой врагъ! Что мнѣ теперь дѣлать? Вся служба моя этимъ опорочена!» Для успокоенія его, я сказалъ: «представляя объ отказѣ подрядчика Грудницкаго, вы напишите, что какъ здѣсь нѣтъ другихъ подрядчиковъ, то въ такой крайности не остается вамъ иного средства, какъ взять на себя обязанность перестройки арсенала хозяйственнымъ образомъ, стараясь по возможности не выходить изъ смѣтнаго положенія». Въ такомъ смыслѣ было отъ него написано представленіе арт. департаменту, которое, по докладу военнаго министра, государь изволилъ утвердить, съ тѣмъ лишь, чтобы перестройка арсенала производилась подъ главнымъ надзоромъ военнаго губернатора, Дюка-де-Ришелье.

Четырнадцатое. Учрежденный для перестройки арсенала комитетъ повелъ быстро работы. Между тѣмъ Григорію Николаевичу прискучилось жить въ крѣпости, отстоящей отъ города версты на полторы, и особенно въ осеннее и зимнее время, въ городѣ же для его помѣщенія удобнаго дома не было. Онъ захотѣлъ строенный комитетомъ домъ для квартиръ офицерамъ обратить для помѣщенія гимназіи, съ тѣмъ, чтобы устроить при этомъ и для себя квартиру. Помѣщеніе для гимназіи тѣмъ болѣе было необходимо, что уже и директоръ ея въ Херсонъ прибылъ. За отказомъ подрядчика Вармера отъ этой перестройки, комитетъ самъ началъ производить работы; но для этого новаго предположенія надлежало изъ маленькихъ комнатъ дѣлать большія, кухни обратить въ залу для экзаменовъ, а погреба въ кухни; также сдѣлать конюшни и сараи. Все это требовало большихъ расходовъ, тѣмъ болѣе, что при рытьѣ рвовъ для фундамента оказались такія же, какъ и въ другихъ мѣстахъ, глубокія ямы, закиданныя навозомъ. Случилось еще, что сосѣдній весьма ветхій домъ, который я надѣялся поддержать постройкою новой стѣны, почти обвалился. Это вмѣнено было мнѣ въ упущеніе, и надзоръ за работами порученъ былъ сперва инженерному подполковнику Банову, а послѣ отказа его морскому архитектору Вуншу. Всѣмъ этимъ распоряжался Григорій Николаевичъ и

той же осени перешелъ въ этотъ домъ жить. Въ двухъ комнатахъ близь большой его залы учители гимназіи преподавали науки. Въ 1811 году онъ принималъ въ этомъ домѣ Марью Антоновну Недышкину, путешествовавшую по южнымъ губерніямъ Россіи. Въ томъ же домѣ въ большой залѣ угодно было ему назначить лѣтомъ произвесть дворянскіе выборы. Женское любопытство побудило Катерину Аполлоновну одинъ или два раза войти въ залъ во время выборовъ сказать нѣсколько словъ александрійскимъ помѣщикамъ. Губернскій прокуроръ Мержіевскій, съ котораго полиціймейстеръ Константиновъ взыскивалъ должные имъ кому-то тысячу рублей и которому Григорій Николаевичъ на его жалобу о семъ сказалъ, что Константиновъ исполняетъ свою должность, воспользовался этимъ случаемъ и послалъ доносъ министру юстиціи, что губернаторъ назначилъ выборы въ томъ домѣ, въ которомъ самъ живетъ, склонялъ дворянъ выбирать въ разныя должности такихъ, какіе ему были угодны и что жена его выходила во время выборовъ въ залъ и о томъ же дворянъ уговаривала. При докладѣ о семъ министромъ, государь изволилъ велѣть сенату потребовать отвѣтъ отъ губернатора. Григорій Никол. просилъ Дюка писать государю въ защиту его; но Дюкъ отказался. И такъ надобно было Григорію Никол. ѣхать самому въ Петербургъ для отвѣта. Тутъ только спохватились члены строительнаго комитета, видя, что весьма большая сумма употреблена на домъ гимназіи, что по этому предмету не сдѣлано никакого постановленія въ комитетѣ и что вся отвѣтственность обратится на нихъ однихъ. Послѣ долгихъ переговоровъ съ Бановымъ и его отказа, пришлось мнѣ, по просьбѣ Григорія Николаевича, составлять фальшивую смѣту, со многимъ грѣхомъ и ложью, чтобы вывесть издержанную сумму. Секретарь Похитоновъ написалъ опредѣленіе и всѣ члены комитета подписали. Само собою разумѣется, что при этомъ не обошлось безъ нѣкоторыхъ непріятныхъ съ Григоріемъ Николаевичемъ объясненій.

Пятнадцатое. Видя его неудовольствіе на меня, котораго я отнюдь не заслуживалъ, я вовсе перересталъ къ нему ходить;

но въ началѣ іюля захотѣлось мнѣ поѣхать въ Одессу, гдѣ хорошій мой пріятель В. И. Ксіонзенко исправлялъ должность почтмейстера, и я поневолѣ долженъ былъ идти къ Григорію Николаевичу и просить его уволить меня на 29 дней и выдать подорожную. Онъ былъ однако столько милостивъ ко мнѣ, что не только далъ мнѣ отпускъ и подорожную, но даже спросилъ, отъ чего я пересталъ къ нему ходить, и потомъ сказалъ, что онъ не можетъ на меня сердиться. Поѣздка моя въ Одессу была для меня весьма полезною. Кромѣ свиданія съ моимъ пріятелемъ Ксіонзенкомъ, я познакомился у него и коротко подружился съ учителемъ россійской словесности въ ришельевскомъ лицеѣ Ив. Ив. Гуржеевымъ, который, занявъ вскорѣ мѣсто правителя канцеляріи при военномъ губернаторѣ, графѣ Александрѣ Өедоровичѣ Ланжеронѣ, много благодѣтельствовалъ мнѣ по службѣ.

Шестнадцатое. Губернскій землемѣръ Анатольскій, мой кумъ и землякъ, умеръ. Григорій Николаевичъ предложилъ мнѣ его мѣсто. Зная, что губернскому землемѣру на сто рублей больше жалованья, нежели губернскому архитектору, что должность эта въ 8-мъ классѣ, а архитектору не назначено класса, и что сверхъ того ему дается казенная квартира для чертежной и прислуги, а для письмоводства писецъ, я охотно согласился. Григорій Николаевичъ сдѣлалъ представленіе межевому департаменту сената, а я написалъ къ благодѣтельному князю Петру Сергѣевичу Мещерскому, и по его ходатайству вскорѣ опредѣленъ въ губернскіе землемѣры.

Григорій Николаевичъ совѣтовалъ мнѣ взять къ себѣ сына несчастнаго губернскаго землемѣра Сиврачева, котораго мать за убіеніе мужа сослана въ Сибирь, въ каторжныя работы, образовать его и дать ходъ по службѣ, что я охотно и исполнилъ. Выучилъ его ариөметикѣ, геометріи и въ практикѣ межеванію. Видя удивительную въ немъ способность къ рисованію, я давалъ ему хорошія картины для рисованія—сначала тушью кистію, а послѣ и красками; онъ снималъ даже съ портретовъ въ уменьшенномъ видѣ. По представленіямъ моимъ онъ получилъ чинъ коллежскаго регистратора, а потомъ и мѣсто херсонскаго уѣзднаго землемѣра. Но въ 1841

году онъ нарисовалъ 25 руб. ассигнацію... По счастію тогда вызывались желающіе гражданскіе чиновники въ военную службу, и какъ онъ изъявилъ согласіе, то по просьбѣ моей вице-губернаторъ Калагеоргій отправилъ его въ Варшаву. Спустя много лѣтъ, служа въ московскомъ гренадерскомъ полку, онъ былъ уже произведенъ въ подполковники.

Семьнадцатое. Родной братъ мой, учитель изюмскаго училища, Иванъ Ивановичъ 1812 г. прислалъ мнѣ меньшаго своего сына Василія, котораго назвалъ моимъ именемъ изъ любви ко мнѣ, и просилъ принять его вмѣсто сына. Я обучилъ его и опредѣлилъ въ губернское правленіе, которое прикомандировало его ко мнѣ писцомъ. Будучи опредѣленъ совѣтникомъ въ херсонскую казенную палату 24 мая 1817 года, я и его туда перевелъ. Этотъ племянникъ имѣлъ послѣ чинъ надворнаго совѣтника, былъ совѣтникомъ при бессарабскихъ озерахъ; вышедши въ отставку, пріѣхалъ въ Екатеринославъ, но здѣсь заболѣлъ и умеръ въ 1842 году.

Восемнадцатое. Швейцарцу Ревильдеру, за его благоразумныя распоряженія въ Одессѣ во время чумы 1812 г., Дюкъ, по просьбѣ его, захотѣлъ дать земли подъ разведеніе шпанскихъ овецъ. Избранный для сего пустопорожній казенный участокъ 12,000 дес. земли я въ натурѣ отводилъ; Ревильдеръ построилъ на немъ каменныя овчарни и завелъ нѣсколько тысячъ овецъ; но по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, при учрежденіи въ херсонской губерніи военныхъ поселеній, этотъ участокъ, не смотря на защиту военнаго губернатора графа Ланжерона, былъ обращенъ на сѣнокосъ для поселеній и Ревильдеру заплачены были только издержки, употребленныя на постройку овчарень.

Девятнадцатое. Варвара Алексѣевна, жена моего пріятеля В. Ив. Ксіонзенка, получивъ отъ отца своего нѣсколько душъ крестьянъ въ селѣ Санджарахъ, полтавской губерніи, захотѣла перевести ихъ въ херсонскую губернію. Я пріискалъ казенный пустопорожній участокъ въ 1500 дес. въ елисаветградскомъ уѣздѣ, сдѣлалъ планъ и послалъ его Василію Ивановичу. Дюкъ-де-Ришелье, по просьбѣ его, отдалъ ему этотъ участокъ подъ поселе-

ніе. Въ 1816 году я былъ у нихъ въ этой деревенькѣ и видѣлъ его маленькое хозяйственное заведеніе.

Двадцатое. Послучаю постройки бобруйской крѣпости велѣно было 500 душъ бобылецкихъ крестьянъ, занимавшихъ эту мѣстность, перевести въ херсонскую губернію и поселить на пустопорожнихъ казенныхъ земляхъ. По недостатку лѣса, избы для нихъ оплетены были камышемъ и имъ покрыты, а внутри и снаружи вымазаны глиною. Крестьяне, надѣясь, что будутъ переведены на прежнее ихъ жительство, не хотѣли перейти въ такое жилье и избы отъ времени обветшали и разорены. По жалобѣ крестьянъ министру внутреннихъ дѣлъ на худое устройство избъ, министръ прислалъ для обозрѣнія на мѣстѣ своего чиновника, который подтвердилъ справедливость жалобы. Наряжена была слѣдственная коммисія, состоявшая изъ предсѣдателя уголовной палаты Бор. Бор. Лопатинскаго, министерскаго чиновника и меня. Мы объѣхали всѣ бобылецкія селенія; я сдѣлалъ смѣту на поправленіе и постройку новыхъ избъ, а также планъ для надѣленія участками земли каждаго селенія. Всѣ эти предположенія были утверждены правительствомъ и потомъ присланы для исполненія къ военному губернатору графу Ланжерону. Построеніе избъ онъ поручилъ служащему при немъ чиновнику Николаю Дмитріевичу Кулаковскому, а мнѣ предписалъ имѣть надзоръ надъ постройкою избъ и отдѣлить земли, назначенныя по плану для каждаго бабылецкаго селенія. Я старался выполнить данное мнѣ порученіе; но въ одномъ селеніи бобылецкіе крестьяне не допустили меня провесть межу подъ тѣмъ предлогомъ, что я отвожу имъ худшіе участки, а лучшіе, хотя и въ отдаленіи, останутся помѣщикамъ. Въ маѣ мѣсяцѣ 1818 года, въ проѣздъ государя, они подали ему на меня жалобу, что я не ту землю имъ отвелъ, а крестьяне прочихъ селеній жаловались на Кулаковскаго, что непрочныя избы имъ построены. Государь поручилъ генералъ-маіору Сталю разсмотрѣть и удовлетворить на мѣстѣ просьбу крестьянъ. Я вовсе не зналъ о поданной на меня жалобѣ; но, за отсутствіемъ губернскаго землемѣра, получивъ предписаніе губернатора Сенъ-При доста-

витъ фонъ-Сталю планъ землямъ бобылецкихъ крестьянъ и поѣхать съ нимъ, я имѣлъ случай на мѣстѣ, при этихъ крестьянахъ, показать ложность ихъ жалобы и прочность постройки избъ. Генералъ Сталь оправдалъ Куликовскаго и меня предъ государемъ.

Двадцать первое. Гр. Н. Рахмановъ жилъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Петербургѣ и не былъ принятъ государемъ. По счастію для него, генералъ Эртель заключилъ контрактъ по слишкомъ высокимъ цѣнамъ на поставку провіанта для молдавской арміи. Тогда государь принялъ Раханова и возложилъ на него должность генералъ-интенданта. Принявъ эту должность, Рахмановъ вызвалъ къ себѣ Константинова и Требухова. Въ концѣ 1812 года, по соединеніи молдавской арміи съ главною, онъ выполнялъ эту должность и за границею, и за службу тамъ получилъ чинъ тайнаго совѣтника и орденъ Владиміра 2-й степени. Послѣ лейпцигскаго сраженія Рахмановъ былъ назначенъ въ герцогство для продовольствія войскъ: но сказался больнымъ и отпущенъ въ Россію для излѣченія. Въ 1814 году онъ пріѣхалъ въ Херсонъ для составленія отчетовъ по поставкѣ провіанта въ молдавскую армію въ 1810 и 1811 годахъ; съ нимъ пріѣхалъ и Константиновъ, уже надворный совѣтникъ и имѣя орденъ св. Анны 2 класса. Вмѣсто всякаго отчета Константиновъ представилъ книгу, въ которую мало было записано статей, а вмѣсто ихъ привезъ полный мѣшокъ росписокъ отъ судовщиковъ въ полученіи ими денегъ за доставленный въ молдавію провіантъ. Тогда только Григорій Николаевичъ увидѣлъ, какъ худо Константиновъ оправдалъ его довѣріе. Чтобы составить изъ этихъ росписокъ отчетъ, для этого требовалось много времени и труда, словомъ: это слишкомъ долгая была пѣсня. Григорій Николаевичъ повезъ Константинова въ свое село Бобрикъ; но сколько не трудились тамъ въ составленіи отчета, все таки не досчитались около двухъ сотъ тысячь рублей. Видя свою вину, Константиновъ скрытно уѣхалъ въ Петербургъ и узнавъ тамъ, что Комбурлей отданъ подъ судъ за допущеніе контрабандъ въ волынской губерніи, сдѣлалъ доносъ, что и Елизавета Петровна, мать Григорія Николаевича, пользовалась от-

туда контробандными товарами. Для разслѣдованія по этому доносу присланы были изъ Петербурга чиновники, но товаровъ конечно не нашли. А Григорій Николаевичъ ничего не могъ сдѣлать съ отчетомъ и вынужденъ былъ заплатить недостающую сумму. Это подтверждали многіе свѣдующіе люди.

Двадцать второе. Графъ Аракчеевъ просилъ военнаго губернатора графа Ланжерона приказать сдѣлать для него карту херсонской губерніи, на которой всѣ земли казенныхъ селеній означены были бы особою краскою, чтобы можно было ихъ отличить отъ земель помѣщичьихъ селеній. Составленная мною такая карта была представлена графу Аракчееву, и онъ руководствовался ею въ причисленіи казенныхъ селеній къ военнымъ, отъ меня же болѣе по сему предмету свѣдѣній не было требуемо.

Двадцать третье. Въ 1817 году мой благодѣтель Иванъ Хр. Калагеоргій, въ домѣ котораго не только онъ, но его жена Елисавета Григорьевна и всѣ ихъ дѣти меня любили, былъ назначенъ въ Екатеринославъ губернаторомъ; на мѣсто его вице-губернаторомъ прибылъ къ намъ Антонъ Ивановичъ Тимановичъ, бывшій правитель канцеляріи Дюка-де-Ришелье.

Двадцать четвертое. Памятенъ для меня этотъ годъ и по другой причинѣ: занимаясь надзоромъ надъ постройкою избъ и измѣреніемъ земель, назначенныхъ бобылецкимъ крестьянамъ, въ такихъ степяхъ, гдѣ еще водились дикія лошади, я подмочилъ ноги и сильно простудился. Приходилось проживать тамъ иногда по цѣлому мѣсяцу, не имѣя для ночлега какой либо избы; спалъ я въ бричкѣ, переносилъ всякую перемѣну погоды и получилъ сильный воспалительный ревматизмъ и ломъ въ ногахъ. Всѣ употребленныя мною средства къ излеченію долго были безполезны, я не могъ распрямить спины и стоять твердо на ногахъ; три мѣсяца не выходилъ изъ комнаты. Въ такомъ болѣзненномъ состояніи я сдѣлался набожнымъ; прочелъ ветхій и новый завѣтъ, подаренные мнѣ помѣщикомъ Якимовичемъ, членомъ бывшаго Библейскаго общества. Въ это-то время, когда Богъ за грѣхи мои и неумѣренность въ сладострастныхъ наслажденіяхъ

наказалъ меня, я прибѣгнулъ къ нему съ сердечною молитвою и излилъ предъ нимъ мысли свои въ трехъ бесѣдахъ 1) о зависти и вмѣстѣ съ тѣмъ о страданіи, смерти и погребеніи Господа Іисуса Христа, 2) о раскаяніи въ грѣхахъ въ день блуднаго сына и 3) о безсмертіи души. Только время и питье декокта въ самые жаркіе лѣтніе мѣсяцы облегчили мое болѣзненное состояніе; но уничтожить его не могли, какъ и о кавказскихъ водахъ сказано, что онѣ отъ другихъ болѣзней навсегда излечиваютъ, но ревматизмъ и другія мѣстныя, въ тѣлѣ происходящія отъ него, болѣзни при малѣйшей неосторожности возобновляются.

Двадцать пятое. Вмѣсто ордена св. Владиміра 4 степени, къ которому графъ Ланжеронъ представлялъ меня, объявлено мнѣ монаршее благоволеніе. Чувствуя свою обиду въ замѣнѣ для меня одной награды другою, я по сему случаю выступалъ съ рапортомъ къ графу Ланжерону, и онъ былъ такъ милостивъ, что не только чрезъ правителя его канцеляріи обѣщалъ при первомъ случаѣ доставить мнѣ желаемую награду. но, будучи въ Херсонѣ проѣздомъ въ Крымъ, сказалъ при всѣхъ представлявшихся ему чиновникахъ, «не буду я графъ Ланжеронъ, если не доставлю вамъ владимірскаго креста».

Двадцать шестое. Въ 1816 году на мѣсто Гр. Н. Рахманова былъ переведенъ къ намъ изъ каменецъ-подольской губерніи губернаторъ графъ Сен-При и занялъ квартиру въ домѣ гимназіи. Осенью этого года ожидали пріѣзда въ Херсонъ великаго князя Николая Павловича. Губернаторъ велѣлъ мнѣ сдѣлать рисунокъ для иллюминаціи; я сказалъ ему, что вовсе не занимался этимъ и не знаю, въ какомъ видѣ произвесть.—Ну, въ видѣ какихъ-либо тріумфальныхъ воротъ, сказалъ онъ; но и этому желанію его удовлетворить я не могъ и обѣщалъ лишь рисунокъ воротъ. Упросили полковника Львова сдѣлать ихъ по моему рисунку. Колонны и карнизы онъ означалъ круглыми дырочками, заклеенными разноцвѣтными тафтами. Иллюминація вышла весьма неудачна. Въ этомъ же году я опять страдалъ нѣсколько мѣсяцевъ ревматизмомъ, не могъ расправить спины и ходилъ съ трудомъ, согнувшись. Губерна-

торъ велѣлъ мнѣ сдѣлать планъ и смѣту на перестройку находившагося въ развалинахъ дома бывшаго молдавскаго господаря Ипсиланти, для помѣщенія въ немъ городской больницы. Я отказывался отъ этой трудной работы по причинѣ болѣзненнаго моего состоянія. Онъ наговорилъ мнѣ много непріятныхъ словъ и угрозъ. Опасаясь, чтобы онъ не сдѣлалъ со мною чего-либо худшаго, я подалъ ему прошеніе объ увольненіи меня отъ должности землемѣра по болѣзни. Графъ Ланжеронъ, которому представлено было мое прошеніе, зная меня за хорошаго по службѣ чиновника, хотя представилъ въ сенатъ объ увольненіи меня отъ землемѣрской должности, но въ тоже время вошелъ съ представленіемъ къ министру финансовъ объ опредѣленіи меня совѣтникомъ въ херсонскую казенную палату, въ которую я и былъ опредѣленъ 1817 года, мая 24-го. И на этой должности губернаторъ Сен-При не далъ мнѣ покоя: онъ просилъ меня удѣлить свободное время для составленія плана и смѣты для починки и перестройки каменнаго двухъ-этажнаго дома, въ которомъ нѣкогда жилъ Суворовъ, для помѣщенія въ немъ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ, и я долженъ былъ выполнить его желаніе.

Двадцать седьмое. Во время служенія моего въ казенной палатѣ также случались со мною непріятности.

1) При производствѣ торговъ на отдачу питей въ одесскихъ нѣмецкихъ и болгарскихъ колоніяхъ, когда торги остались за одесскимъ откупщикомъ, короткимъ пріятелемъ вице-губернатора Тимановича, казенная палата въ угожденіе ему постановила было тогда же заключить съ подрядчикомъ и контрактъ, какого права сенатъ ей не предоставилъ. Я спорилъ и не подписывалъ опредѣленія потуда, пока не прибавили въ немъ словъ: «если объявленныя на торгахъ цѣны будутъ утверждены сенатомъ». Этотъ случай подалъ поводъ вице-губернатору быть ко мнѣ не расположеннымъ.

2) Министръ финансовъ нѣсколько разъ требовалъ отъ палаты присылки сравнительной вѣдомости прежней ревизіи съ новою, съ объясненіемъ, куда дѣвалась каждая душа,

показанная по прежней ревизіи. Недоброхотъ мой Похитоновъ большею частію былъ увольняемъ вице-губернаторомъ въ деревню, оттого замедлилось по моему отдѣленію это дѣло. Онъ винилъ меня въ медленности и я принужденъ былъ сказать ему всю правду.

3) Министръ финансовъ велѣлъ обложить владѣльческія незаселенныя за Бугомъ земли податьми. Надобно было собрать чрезъ земскіе суды имена всѣхъ забугскихъ владѣльцевъ, сколько числится за каждымъ земли, а отъ екатеринославской межевой конторы свѣдѣніе, сколько въ каждомъ владѣльческомъ участкѣ удобной земли оказалось въ натурѣ по формальному межеванію, ибо неудобную землю не слѣдовало облагать податью. Этою продолжительною работою я занялся самъ и не мало мнѣ стоило труда составить подробную вѣдомость для всѣхъ владѣльческихъ забугскихъ земель трехъ уѣздовъ; въ то же время всѣ тѣ земли, которыя по числу поселенныхъ душъ остались излишними, были обложены податью.

Двадцать восьмое. Графъ Ланжеронъ повторилъ свое представленіе министру внутреннихъ дѣлъ о наградѣ меня орденомъ св. Владиміра, указавъ ему, что я занимался обмежеваніемъ бобылецкимъ крестьянамъ земли; но и на сей разъ мнѣ, вмѣсто креста, былъ назначенъ подарокъ изъ кабинета, бриліантовый перстень въ 500 рублей.

Двадцать девятое. Когда въ 1818 году государь находился въ Одессѣ, то графъ Ланжеронъ, не надѣясь, чтобъ уважено было министромъ внутреннихъ дѣлъ его о мнѣ представленіе и помня данное имъ мнѣ обѣщаніе, въ составленной имъ самимъ запискѣ о наградѣ разныхъ чиновниковъ помѣстилъ и меня къ наградѣ Владиміромъ 4 степени; но при этомъ ошибочно назвалъ меня, вмѣсто титулярнаго совѣтника, коллежскимъ ассесоромъ. Эту записку онъ подалъ лично государю. И такъ 3 мая былъ я награжденъ этимъ вожделѣннымъ для меня орденомъ и получилъ оный при письмѣ графа. Въ газетахъ обѣихъ столицъ я былъ названъ коллежскимъ ассесоромъ; но когда полученная изъ капитула

грамота на этотъ орденъ была прислана графомъ губернатору для выдачи мнѣ, то губернаторъ отослалъ ее обратно съ тѣмъ, чтобы вытребовать отъ капитула другую грамоту, въ которой былъ бы написанъ настоящій мой чинъ. Зная милостивое ко мнѣ расположеніе графа Ланжерона, я осмѣлился особымъ письмомъ просить его всеподданнѣйшаго ходатайства объ утвержденіи меня въ чинѣ коллежескаго ассесора, такъ какъ многократные бывали случаи, что при разныхъ чиновникамъ наградахъ, хотя по ошибкѣ названы были они высшими чинами, но всещедрые монархи повелѣвали оставить оные безъ перемѣны. Графъ Ланжеронъ былъ столько милостивъ ко мнѣ, что удостоилъ меня 31 іюля отвѣтомъ, что о наименованіи меня въ грамотѣ на орденъ св. Владиміра коллежскимъ ассесоромъ онъ спрашиваетъ у министра финансовъ разъясненія, а грамоту мою на этотъ орденъ прислалъ мнѣ обратно для храненія.

Тридцатое. Для пріѣзда государя въ Херсонъ назначена была квартира въ адмиралтействѣ, въ томъ самомъ дворцѣ, въ которомъ останавливалась Екатерина II въ 1787 году. Управляющій портомъ велѣлъ покрасить полъ; этимъ воспользовался губернаторъ графъ Сенъ-При, объявя присланному впередъ чиновнику, что во дворцѣ непріятный масленный духъ отъ покраски пола, что лучше будетъ государю квартировать у него, гдѣ и искусный поваръ французъ, и что если бы государь остановился во дворцѣ, тогда и приготовленная иллюминація, недешево городу стоющая, осталась бы безъ употребленія. Сверхъ того, Сенъ-При, какъ хитрый французъ, полагалъ, что государь, квартируя у него, увидитъ библіотеку и портретъ роднаго его брата, генерала, убитаго въ 1814 году въ сраженіи противъ Наполеона подъ Реймсомъ, и явитъ къ нему особенное благоволеніе. Его хитрость удалась, государь дѣйствительно остановился въ его квартирѣ. Велѣно было собраться предсѣдателямъ палатъ и совѣтникамъ въ большой залѣ, гдѣ предварительно повѣрялъ флигель-адъютантъ Данилевскій списокъ этимъ чиновникамъ. Потомъ велѣно было намъ перейти нѣсколько комнатъ и остановиться предъ угольною, гдѣ сидѣлъ государь на диванѣ

съ германскимъ принцемъ. По выходѣ государя въ эту комнату, губернаторъ началъ читать списокъ. Когда произнесена была фамилія вице-губернатора Тимановича, государь спросилъ: «вы при Дюкѣ Ришельѣ служили»?—Такъ, ваше величество, отвѣчалъ Тимановичъ.—«Давно-ли оставили его»!—По выѣздѣ за границу. Болѣе никого государь не спрашивалъ; но предъ каждымъ нѣсколько склонялъ голову въ знакъ поклона. Всѣ думали, въ томъ числѣ и я, что вопросы, сдѣланные государемъ вице-губернатору, означаютъ особенную милость къ нему; но на дѣлѣ оказалось иначе. На него въ Одессѣ подана была отъ его племянниковъ жалоба, что, бывши правителемъ канцеляріи при Дюкѣ де-Ришелье, онъ нажилъ большія деньги, купилъ имѣніе за 70 тысячъ и хочетъ его отдать кому-то другому. По отъѣздѣ государя вице-губеранторъ Тимановичъ вскорѣ подалъ просьбу въ отставку, а на его мѣсто былъ опредѣленъ мой соученикъ и пріятель Вас. Вас. Петрулинъ.

Тридцать первое. Постройка арсенала въ Херсонѣ, начатая въ 1811 году, продолжалась нѣсколько лѣтъ. По окончаніи каждаго мѣсяца я составлялъ вѣдомость о томъ, что было построено, для отсылки въ артилерійскій департаментъ, а полковникъ Львовъ вѣдомость издержанной суммѣ. Въ 1813 г., подъ осень, Дюкъ де-Ришелье, бывши въ Херсонѣ, осматривалъ арсеналъ и остался доволенъ постройкою. Въ 1816 году государь императоръ изволилъ возложить подобную обязанность на вновь опредѣленнаго военнаго губернатора графа Ланжерона. Въ 1818 году, въ маѣ мѣсяцѣ, государь изволилъ лично осматривать постройку арсенала съ графомъ Аракчеевымъ. Пройдя по всему арсеналу, онъ сказалъ какому-то германскому принцу: «C'est batimant superbe» (это зданіе величественное). Тогда еще одинъ павильонъ не былъ совсѣмъ достроенъ. Графъ Аракчеевъ спросилъ полковника Львова: «почему этого павильона не достроилъ,—вѣрно не достало денегъ»! Львовъ отвѣчалъ, что еще остается произвесть работъ по смѣтѣ слишкомъ на 17 тыс. рублей. Графъ сказалъ ему: «пріѣду въ Петербургъ, велю отпустить». Я ходилъ назади съ планомъ по арсеналу, видѣлъ и

слышалъ все это. Въ 1819 году всѣ постройки по арсеналу были кончены; по донесеніи о томъ графу Ланжерону, онъ прибылъ въ Херсонъ для освидѣтельствованія произведенныхъ построекъ и къ сему назначилъ коменданта, инженернаго генерала Хотяева и артилерійскаго подполковника Заварковскаго. Всѣ они, живя въ крѣпости, могли видѣть часто, какъ производятся работы, и о прочности ихъ дали графу письменное свидѣтельство. Что касается меня, то во все продолженіе постройки арсенала я рѣдко при немъ бывалъ, особенно, когда былъ губернскимъ землемѣромъ и долженъ былъ отлучаться на долгое время въ уѣзды. Могу по совѣсти сказать, что почти даромъ получалъ каждый годъ положенное мнѣ жалованье. Полковникъ Львовъ, отправившись въ семъ же 1819 году въ Петербургъ съ отчетомъ, писалъ мнѣ оттуда, а потомъ 12 августа изъ Рязани, что онъ произведенъ генералъ-маіоромъ, вышелъ въ отставку съ пенсіономъ и получилъ въ награду землю, а о награжденіи меня просилъ лично графа Ланжерона, бывшаго тогда въ Петербургѣ, на что тотъ обѣщалъ подать обо мнѣ записку кн. Волконскому. Вѣроятно, по этой-то запискѣ государь велѣлъ въ 1820 г. выдать мнѣ единовременно 1000 рублей ассигнаціями, которые и были мнѣ высланы изъ херсонской казенной палаты. Во второмъ письмѣ И. И. Львовъ, между прочимъ, писалъ, что «имѣетъ ко мнѣ чувствительную и истинную безъ лести благодарность за мои настоящіе совѣты и исполненія и во вѣкъ ихъ не забудетъ; что онъ сыну своему говорилъ о мнѣ, если случится мнѣ какая нужда, то выполнилъ бы просьбы мои съ усердіемъ». Не такова бы была насъ обоихъ участь, когда бы подрядчикъ Грудницкій строилъ арсеналъ. Легко могло статься, что вмѣсто наградъ мы подверглись бы суду. Теперь, вспоминая о томъ, явно вижу всеблагій промыслъ Божій, вразумившій меня такъ говорить и дѣйствовать въ то критическое время.

Тридцать второе. Сдѣланные мною планъ и смѣта на поправленіе суворовскаго дома для помѣщенія присутственныхъ мѣстъ графъ Ланжеронъ лично представлялъ государю въ Одессѣ. По одобреніи ихъ и ассигнованіи потребной суммы, работы,

за неявкою желаюшихъ взять на себя эту постройку, производились хозяйственнымъ способомъ подъ моимъ наблюденіемъ и при участіи губернскаго землемѣра Гречины и полиціймейстера Богдановича. Въ этомъ дѣлѣ я дѣйствовалъ со всею осторожностію, велъ подробныя записи, вызывалъ черезъ полицію подрядчиковъ особо на поставку порознь каждаго матеріала и также особо на каждую работу мастеровыхъ. Благодаря этому, когда послѣдовало повелѣніе объ увольненіи меня отъ должности совѣтника и опредѣленіи чиновникомъ по особымъ порученіямъ къ попечителю колонистовъ южнаго края генералъ-адъютанту Инзову, я и изъ этого дѣла вышелъ чистъ и, составивъ подробный отчетъ, что уже сдѣлано и сколько соблюдено противъ смѣты экономіи, съ оставшеюся у меня суммою представилъ въ комитетъ.

Тридцать третье. На службу къ генералъ-лейтенанту Инзову я былъ лично имъ приглашенъ, въ проѣздъ его черезъ Херсонъ, а побудило меня къ этой перемѣнѣ то, что я не видѣлъ конца дѣлу объ утвержденіи меня въ чинѣ коллежскаго ассесора.

Тридцать четвертое. Живя долгое время въ Херсонѣ, я имѣлъ незаконныхъ дѣтей—сына Петра и дочь Анастасію; но они умерли въ младенчествѣ. Благость Божія чрезъ преждевременную ихъ смерть избавила ихъ отъ несчастной жизни, которой по возрастѣ они могли-бы быть подвержены, а меня отъ стыда выставлять ихъ на показъ свѣту, какъ явные знаки беззаконнаго моего сожительства.

Тридцать пятое. Я имѣлъ въ Хорсонѣ небольшой домъ, который при отъѣздѣ удачно продалъ адмиралтейскому чиновнику за 1900 рублей; но въ этомъ городѣ пропала у меня на невѣрныхъ должникахъ такая же сумма, и если бы я болѣе тамъ прожилъ, то, по снисхожденію моему къ должникамъ, могъ бы потерять всѣ деньги, которыя отдалъ бы имъ въ займы.

Сдавъ отчетъ о постройкѣ присутственныхъ мѣстъ строительному комитету, я отправился въ Екатеринославъ и, прибывъ туда въ концѣ ноября мѣсяца 1819 года, остановился въ

квартирѣ экзекутора Гридякина, въ домѣ, нанимаемомъ комитетомъ. Каждый день мы обѣдали у генерала Ивана Никитича Инзова. Онъ обходился со мною весьма ласково, какъ и со всѣми чиновниками; но долгое время не давалъ мнѣ никакихъ порученій. Наконецъ велѣно было мнѣ сдѣлать планъ и смѣту на постройку въ казенномъ саду (котораго Инзовъ былъ также попечителемъ) хворостяной избы для помѣщенія учениковъ садовника. Хотя этотъ трудъ, послѣ херсонскихъ строеній, произведенныхъ мною, былъ для меня камъ бы низкимъ; но надобно было исполнять повелѣніе. Потомъ Инзовъ велѣлъ мнѣ сдѣлать планъ для построенія въ нѣмецкой колоніи Гейдебергѣ католической каменной церкви. Сдѣланныя мною на планѣ двѣ башенки въ видѣ колоколенъ, которыя, ио мнѣнію моему, составляли красоту фасада, не понравились члену комитета Контеніусу, и мнѣ велѣно сдѣлать другой планъ съ одною башнею; но я уже не дѣлалъ его,—надобно было отдѣлять земли для каждой менонитской колоніи. По сдѣланному менонитскимъ старшиною вчернѣ проэкту я сдѣлалъ на бѣло планъ и нарѣзку, въ какомъ видѣ слѣдуетъ надѣлить землею каждую колонію по числу семействъ. Эту нарѣзку одобрилъ тотъ старшина и генералъ.

Пользуясь благосклонностью Ивана Никитича, я разсказалъ ему при случаѣ о сдѣланной графомъ Ланжерономъ ошибкѣ при представленіи меня лично государю къ наградѣ орденомъ св. Владиміра 4 степени и просилъ его войти съ представленіемъ по начальству объ утвержденіи меня въ чинѣ коллежскаго ассесора. Инзовъ дѣйствительно ходатайствовалъ объ удовлетвореніи моей просьбы, но и его ходатайство осталось безъ успѣха.

Въ началѣ 1820 года присланъ былъ изъ Петербурга къ генералу извѣстный стихотворецъ Александръ Пушкинъ. За какіе-то сочиненные имъ противъ правительства стихи его хотѣли было сослать; но россійскій исторіографъ Ник. Мих. Карамзинъ и другіе упросили государя пощадить его по молодости лѣтъ, видя въ немъ отличный даръ къ стихотворству. Зная хорошую нравственность и аккуратность въ жизни генерала

И. Н. Инзова, прислали Пушкина къ нему какъ бы для исправленія его поведенія. При этомъ случаѣ генералъ сказалъ: «что я буду няньчиться съ нимъ? онъ уже слишкомъ великъ выросъ». Пушкинъ, остановясь въ трактирѣ еврея, велъ тамъ развратную и разгульную жизнь, которая могла бы быть для него весьма пагубна; онъ даже рѣдко являлся къ столу генерала. Къ счастію для него, пріѣхалъ въ Екатеринославъ прославленный въ 1812 г. въ войнѣ противъ французовъ генералъ Раевскій, ѣдучи на кавказскія воды. Сынъ его, увидѣвъ Пушкина, сталъ просить отца уговорить Ивана Никитича, чтобъ отпустилъ Пушкина съ ними на Кавказъ. Иванъ Никитичъ согласился съ тѣмъ, чтобы Раевскій написалъ къ вице-канцлеру Нисельроде, что беретъ его на свою отвѣтственность. Тамъ-то или послѣ того Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ написалъ извѣстную поэму «Кавказскій плѣнникъ».

13-го апрѣля 1820 года генералъ далъ мнѣ на бумагѣ въ четырехъ пунктахъ инструкцію, что я долженъ дѣлать по пріѣздѣ моемъ въ колоніи съ старшимъ членомъ екатеринославской конторы Фадѣевымъ, а 2-го іюля, извѣщая меня, что по высочайшей волѣ онъ назначенъ къ отправленію должности бессарабскаго намѣстника, предписалъ мнѣ отправиться съ тѣмъ же Фадѣевымъ въ Крымъ для содѣйствія ему по предметамъ, до избранія земель относящимся, по окончаніи же сего имѣть надзоръ за построеніемъ молочанской церкви, равно за дѣйствіемъ землемѣровъ по обмежеванію земель и надѣленію землею виртембергскихъ выходцевъ. Когда постройка молочанской церкви была совершенно окончена, Инзовъ предложилъ комитету отправить меня въ Бессарабію. Усмотрѣвъ изъ этого предписанія, что я долженъ оставаться въ молочанскихъ колоніяхъ на долгое время и вынужденъ буду вести жизнь.... и незавидную, что подобными затѣями я не только не сооставлю себѣ впредь чести и славы, но еще могу потерять въ общемъ другихъ людей и собственномъ своемъ мнѣніи и тѣ, что доселѣ пріобрѣлъ, я, по возвращеніи въ Екатеринославъ, подалъ генералу просьбу объ отставкѣ по болѣзни. Генералъ не только не разсердился на

меня за это, но былъ такъ добръ, что, получивъ на представленіе свое отъ управленія министерства внутреннихъ дѣлъ согласіе, прислалъ изъ Кишинева мнѣ хорошій аттестатъ отъ 11 октября 1820 года и предложилъ комитету выдать мнѣ формулярный списокъ и удовлетворить меня по день увольненія жалованьемъ.

Генералъ-лейтенантъ Ив. Ник. Инзовъ былъ рѣдкой доброты сердца, опытности, кротости, снисхожденія, ласковости, безкорыстія и здраваго сужденія; но въ обхожденіи онъ изъявлялъ сомнѣніе и недовѣрчивость, что происходило отъ природныхъ свойствъ его ума или отъ великой опытности. Его адъютанты, маіоры, два брата..... (по словамъ нѣкоторыхъ они были незаконныя дѣти знаменитаго генерала Ермолова) говорили мнѣ, что онъ испытывалъ меня и что со временемъ я могъ бы войти къ нему въ довѣренность. Но признательно сказать, что мои свойства и правила были таковы, что вмѣсто искательства я самъ удаляюсь отъ тѣхъ людей, которые сомнѣваются въ честныхъ и добрыхъ моихъ намѣреніяхъ и расположеніяхъ. Изъ откровеннаго со мною обращенія и третьяго адъютанта, Егора Егорыча Гильдежинецъ, я видѣлъ, что они меня любили; послѣдній былъ у меня два раза, когда я служилъ въ Тулѣ. Принятая или данная Ивану Никитичу фамилія есть неразрѣшимая загадка: меня увѣряли, что когда самозванецъ Пугачевъ истреблялъ по волжскимъ губерніямъ дворянскія семейства, то его нашли младенцемъ въ колыбели, висящей въ лѣсу на суку; не зная подлиннаго его прозванія, назвали его *Инъ-зовъ*. Меня также увѣряли, что онъ *массонъ;* это весьма вѣроятно. Онъ любилъ читать этого рода книги, но никогда не говорилъ объ этой сектѣ. У него въ спальной надъ постелью висѣлъ портретъ знаменитаго генерала Николая Васильевича князя Репнина, который, какъ извѣстно, былъ высокой степени массонъ, уважаемый всѣми массонами временъ Екатерины и Павла. Инзовъ служилъ при немъ адъютантомъ и отзывался о немъ съ величайшимъ уваженіемъ. Говорятъ, что Инзовъ имѣлъ крестьянъ, но отпустилъ ихъ на волю. Во время мое были у него четыре деньщика, которые исправляли въ его

домѣ всѣ должности: одинъ былъ дворецкій, другой комнатный, третій поваръ и четвертый кучеръ. Я никогда не слыхалъ, чтобъ онъ выбранилъ кого-либо или сказалъ обидное слово; даже простому колонисту въ разговорахъ говорилъ: *душа моя*. Бывшіе въ то время въ Екатеринославѣ извѣстные массоны вице-губернаторъ..... и директоръ гимназіи Мизко весьма уважали его и онъ съ ними былъ въ дружбѣ. Нельзя не упомянуть и о добротѣ души члена комитета иностранныхъ поселенцевъ, коллежскаго совѣтника Ивана Николаевича Ланова, который въ обхожденіи со мною всегда былъ весьма ласковъ.

Нерѣдко въ праздничные и воскресные дни я ходилъ обѣдать къ Елизаветѣ Григорьевнѣ, женѣ добраго Ивана Христофоровича Калагеоргія. Она была почти всегда задумчива и печальна, и было о чемъ ей задумываться. По пріѣздѣ Ивана Христофоровича въ Екатеринославъ, будучи посланъ по высочайшему повелѣнію въ Таганрогъ для произведенія слѣдствія надъ тамошнимъ градоначальникомъ, онъ, прогуливаясь однажды по городу въ заморозье, неосторожно ступилъ на кочку и вывихнулъ ногу въ косточкѣ; но не излѣчившись еще совершенно отъ болѣзни, попросился въ отпускъ въ Петербургъ, а на пути разсудилъ побывать у великаго князя Константина Павловича и поѣхалъ въ Варшаву, гдѣ пришлось ему проводить и праздникъ Рождества Христова. Наканунѣ новаго года Константинъ Павловичъ сказалъ ему: «Калагеоргій! завтра будетъ большой парадъ войска, тебѣ надобно видѣть моихъ молодцевъ». Иванъ Христофоровичъ рано выѣхалъ смотрѣть ихъ, долго ждалъ и сильно озябъ отъ большаго мороза. Когда возвратился во дворецъ, то въ жарко натопленной комнатѣ вдругъ сдѣлался ему такой сильный ударъ, что языкъ отнялся. Тамошніе медики, употребя всѣ средства къ пособію ему, въ консиліумѣ рѣшили, что только кавказскія воды могутъ его излѣчить. По письму великаго князя государь уволилъ его для пользованія тамъ. По возвращеніи его оттуда я былъ у него и обѣдалъ въ день Александра Невскаго; онъ могъ говорить, хотя весьма тихо; но память его уже не возвратилась; бывши прежде всегда веселъ, сдѣлался печаленъ и за-

думчивъ. Разсказывая преосвященному Іову (который былъ родственникъ жены Ивана Христофоровича и родной племянникъ свѣтлѣйшаго князя Потемкина), онъ самъ удивлялся, что послѣ удара боль ноги у него прекратилась и онъ сталъ свободно ходить. Послѣ обѣда я увидѣлъ чудо, никогда невиданное мною въ Херсонѣ: всѣ обѣдавшіе чиновники, видя хозяйку и хозяина, не кланяясь, выходили изъ комнаты, какъ бы давая ему знать, что, получая отъ государя столовыя деньги, онъ обязанъ дѣлать для нихъ въ высокоторжественные дни обѣды. Иванъ Христофоровичъ напрасно вступилъ въ должность; увидѣвши самъ, что уже не можетъ ее исполнять, онъ вскорѣ подалъ въ отставку и, кажется, уволенъ съ пенсіономъ. Такъ въ жизни со многими людьми случается, что гдѣ они надѣются найти свое благополучіе, тамъ находятъ свое несчастіе!

Въ Екатеринославѣ я нашелъ своего соученика Николая Петровича Насѣдкина, нѣкогда занимавшагося архитектурою у моего дяди; онъ служилъ здѣсь губернскимъ архитекторомъ; построилъ себѣ деревянный домъ, засадилъ обширное мѣсто тутовыми деревьями и занимался шелководствомъ.

Еще въ Херсонѣ я получилъ отъ профессора архитектуры въ харьковскомъ университетѣ Евгенія Алексѣевича Васильева въ 1819 году письмо съ завѣреніемъ, что я могу надѣяться выдержать экзаменъ, и какъ отъ Екатеринослава до Харькова только 217 верстъ, то по увольненіи я рѣшился поѣхать туда попытаться счастія, ибо надобно было достигнуть этого толико вожделѣннаго чина *коллежскаго ассесора*.

По пріѣздѣ въ Харьковъ, я остановился въ домѣ у секретаря думы, у котораго и прежде нѣсколько разъ квартировалъ. Евг. Вас. Васильевъ принялъ меня съ объятіями; я часто бывалъ у него въ домѣ и съ удовольствіемъ проводилъ у него время. Между тѣмъ подалъ я прошеніе въ университетъ о допущеніи меня къ экзамену на чинъ коллежскаго ассесора, приложивъ аттестатъ изъ училища и формулярный о службѣ списокъ. Ректоромъ тогда

былъ профессоръ математики Осиповскій; но онъ вскорѣ потомъ былъ уволенъ за неосторожно высказанное имъ мнѣніе противъ массонской секты въ рѣчи, произнесенной имъ при публичномъ испытаніи, и мѣсто его заступилъ профессоръ греческаго языка..... Такъ какъ сыновья ректора учились въ пансіонѣ у Сергѣя Николаевича Коваленка, моего соученика, съ которымъ я долго жилъ въ одной комнатѣ и пѣлъ, то его рекомендація обо мнѣ ректору много мнѣ помогла. Замолвили также о мнѣ доброе слово и Елисавета Михайловна, жена прокурора Павла Хрисанфовича Лабутина, служившаго въ мое время въ Херсонѣ, и жившая въ дружбѣ съ женою ректора. Хотя вопросы по разнымъ наукамъ даны были мнѣ заранѣе; но я, не надѣясь на свою слабую память, составлялъ письменные отвѣты по каждой наукѣ и исписалъ около трехъ десятей бумаги; по нѣсколько разъ ихъ прочитывалъ и можно сказать почти выучивалъ. Особенно всемірная и россійская исторія, всеобщая и россійская географія, также физика много труда мнѣ стоили. Экзаменовался я уже въ началѣ 1820 года: всѣ экзаменаторы были ко мнѣ весьма снисходительны, а профессоръ россійской словесности Борзенко былъ даже ко мнѣ благосклоненъ; онъ назначилъ мнѣ написать сочиненіе о томъ, какъ первоначально и постепенно открывались художества, полагая, что это должно быть мнѣ извѣстнѣе другихъ предметовъ. Преподавателю въ университетѣ богословія отцу Афанасію Могилевскому, еще прежде экзамена, я давалъ читать мои три бесѣды, сочиненныя въ Херсонѣ, и онъ хвалилъ изъ нихъ бесѣду о безсмертіи души. Только профессоръ физики Комлышинскій, знакомый мнѣ изъ дѣтства, зная, что тогда не учили въ классахъ физики, конфузилъ меня и видимо хотѣлъ смѣшать; но на счастье мое какъ по этому, такъ и по другимъ предметамъ попадались мнѣ все легкіе вопросы. Болѣе другихъ страшилъ меня экзаменъ по французскому языку, въ которомъ я былъ мало свѣдущъ, такъ какъ началъ учиться ему въ позднія лѣта и разговорами не занимался. Но приглашенный для испытанія меня въ разговорной рѣчи французъ находился въ другой комнатѣ и его забыли позвать, а чтеніе мое изъ Телемака, словесный и письменный переводы изъ него одобрили. И такъ, съ

помощію Божіею, я счастливо окончилъ свой экзаменъ и въ февралѣ мѣсяцѣ получилъ изъ университета хорошій аттестатъ.

Во время пребыванія моего въ Харьковѣ Евгеній Алекс. Васильевъ показывалъ мнѣ планы прожектированной имъ соборной колокольни и читалъ мнѣ мнѣніе о нихъ архитектора Стасова. Послѣдній славился въ Петербургѣ многими зданіями, съ большимъ вкусомъ имъ построенными; императоръ Александръ Павловичъ преимущественно предъ другими архитекторами употреблялъ его для казенныхъ зданій, и онъ дѣйствительно имѣлъ изящный вкусъ въ архитектурѣ. На замѣчанія его относительно проэкта колокольни Евгеній Алексѣевичъ не придумалъ ничего сказать, какъ только, что столичный архитекторъ не могъ одобрить провинціальнаго архитектора. Разсматривая этотъ проэктъ, я отважился замѣтить ему, что стѣны толстотою въ двѣ сажени не могутъ хорошо просохнуть, что для постройки такой высокой колокольни нужно имѣть весьма хорошій кирпичъ, котораго нѣтъ въ Харьковѣ, что такіе большіе свѣсы у карнизовъ невозможно изъ кирпича сдѣлать. На эти замѣчанія онъ отвѣтилъ мнѣ: «что же? мы сдѣлаемъ въ разныхъ мѣстахъ стѣнъ дыры, чтобы стѣны могли просыхать, кирпичъ будемъ дѣлать сами, а карнизы будемъ выливать изъ чугуна; мнѣ хочется, чтобы эта колокольня была выше кіевской». Ничто однако не помогло: при постройкѣ этой колокольни оказались такія трещины, что для подпорки ея принуждены были построить на сѣверной и южной сторонахъ двѣ каменныя высокія стѣны съ контрфорсами, гдѣ помѣщаются лавки, и кромѣ того уменьшить ее на одинъ этажъ. Безъ этой предосторожности огромное и слишкомъ широкое зданіе колокольни могло подвергнуться паденію. И дѣйствительно, долговременный опытъ во всѣхъ государствахъ и въ разные вѣка показалъ, что изъ всѣхъ башенныхъ строеній тѣ только и долговременны, которыя были построены въ видѣ конуса, постепенно въ широтѣ уменьшаясь. Въ такомъ видѣ построена и кіево-печерская колокольня въ половинѣ прошедшаго столѣтія архит. Шейденомъ, и притомъ изъ превосходнаго тамошняго кирпича, какого нигдѣ нѣтъ въ Россіи.

Показывалъ мнѣ Евгеній Алексѣевичъ и другой свой прожектъ, предназначаемый для библіотеки и обсерваторіи университетской. Фасадъ сходенъ съ фасадомъ библіотеки въ Касселѣ. Евгеній Алексѣевичъ затруднялся, чѣмъ лучше укрѣпить углы этого весьма широкаго зданія, чтобы они не разошлись; но видно, что строивши его, онъ не придумалъ для этого вѣрнаго способа. Разрушеніе этого зданія составило его несчастіе: государь Николай Павловичъ, бывши въ Харьковѣ послѣ 1835 года, велѣлъ удалить его отъ должности. И такъ, начавши свою службу весьма счастливо, онъ кончилъ ее бѣдственно.

Разсказывалъ мнѣ Евгеній Алексѣевичъ, какъ профессоръ физики Аѳанасій Ивановичъ Стойковичъ, бывши ректоромъ университета, возгордился было этимъ достоинствомъ и хотѣлъ показать надъ иимъ свою власть. Было, говоритъ, вакаціонное время; я поѣхалъ къ помѣщику Вукотичу. Возвращаюсь въ Харьковъ, а ректоръ присылаетъ ко мнѣ письмоводителя спросить, у кого я спрашивалъ отпускъ. Я отказался дать ему отвѣтъ. Тогда онъ потребовалъ отъ меня отвѣта на бумагѣ; я сказалъ посланному: «пусть ректоръ возметъ назадъ свою бумагу, а въ противномъ случаѣ будетъ сожалѣть о своемъ неумѣстномъ поступкѣ». Стойковичъ потребовалъ отъ меня отвѣта другою бумагою. Я написалъ ему, что стыжусь отвѣчать такому ректору, который во зло употребляетъ законы: вмѣсто книгъ для университета выписываетъ венгерское вино и разсылаетъ смотрителямъ уѣздныхъ училищъ продавать его по назначенной имъ цѣнѣ. По донесеніи объ этомъ министру просвѣщенія, послѣдній велѣлъ ему подать въ отставку, грозя въ противномъ случаѣ отдать его подъ судъ.

Еще о другомъ низкомъ поступкѣ Стойковича разсказывалъ мнѣ Евгеній Алексѣевичъ. Женился онъ на помѣщицѣ изюмскаго уѣзда, женщинѣ некрасивой, но у которой было полтораста душъ крестьянъ; выпросилъ себѣ землю въ херсонской губерніи для поселенія крестьянъ, склонилъ жену продать ея землю, а крестьянъ перевести въ ту губернію; деньги за проданную землю отчасти употребилъ на переселеніе, а отчасти на свои нужды; потомъ переселенныхъ крестьянъ продалъ тамъ и, взявъ деньги,

уѣхалъ въ Петербургъ, а жену бросилъ оплакивать ея бѣдственную участь. Выслушавъ это, я сказалъ Евгенію Алексѣевичу, что землю Стойковичу, въ числѣ 12,000 десятинъ, пришлось отводить мнѣ и когда я собралъ для этого понятыхъ и рабочихъ изъ разныхъ селеній, то онъ отказался кормить ихъ и заплатить имъ за ихъ труды. За мое же усердіе и безкорыстіе онъ также отплатилъ мнѣ неблагодарностію.

Въ бытность мою въ этотъ разъ въ Харьковѣ пришлось мнѣ встрѣтиться съ моимъ соученикомъ, Степаномъ Григорьевичемъ Чернышевымъ, который, изъ уѣзднаго землемѣра сдѣлавшись губернскимъ архитекторомъ, нажилъ себѣ порядочный домикъ. На вопросы мои объ умершемъ дядѣ моемъ Петрѣ Антоновичѣ онъ разсказалъ мнѣ, что по отставкѣ онъ жилъ въ скудости и когда умеръ, некому было его хоронить. Сынъ его Николай, служившій тогда при новгородской гимназіи, пріѣхалъ въ Харьковъ, продалъ отцовскій домъ и поѣхалъ въ Петербургъ искать мѣста. Я ходилъ на кладбище подъ Холодную Гору, пересмотрѣлъ всѣ на крестахъ и памятникахъ надписи; но могилы почтеннѣйшаго этого моего благодѣтеля и добрѣйшаго человѣка не нашелъ и принужденъ былъ возвратиться съ горестію.

Степанъ Григорьевичъ также мнѣ разсказалъ съ сердечнымъ прискорбіемъ, какія непріятности перенесъ Григорій Романовичъ Шидловскій отъ своего сына Ѳедора (моего ученика). Послѣдній, выйдя въ отставку поручикомъ, жилъ безолаберно и пьянствовалъ вмѣстѣ съ племянникомъ Н. Н. Надаржинской. Во время дворянскихъ выборовъ Григорій Романовичъ хотѣлъ, чтобъ его избрали въ какую-то должность; сынокъ явился пьяный въ собраніе, завелъ съ кѣмъ-то споръ и брань; его вывели изъ собранія и хотѣли сдѣлать опредѣленіе о выключкѣ его изъ дворянства. Престарѣлый отецъ, услыша о такомъ для своего рода посрамленіи, явился въ собраніе и со слезами просилъ пощадить его сѣдины за тѣ услуги дворянству, которыя въ жизнь свою онъ имѣлъ случай оказать ему. Послѣ этого безславія, безпутный Ѳедя слюбился съ дочерью родного своего дяди Ром. Ром. Шидловскаго, тайно женился на ней или хотѣлъ жениться, уѣхалъ съ ней за границу и жилъ въ Вѣнѣ. Безутѣшный отецъ, въ тяжкой горести

своей, сдѣлалъ духовную, которою утвердилъ свое недвижимое и движимое имущество за Н. Н. Надаржинскою, отдавъ прежде ей въ залогъ Мерчикъ, будто бы за занятыя у нея двѣсти тысячъ рублей. И такъ кончилъ жизнь свою въ прискорбной и безотрадной горести. Передъ смертію послѣднюю онъ имѣлъ отраду отъ своихъ слугъ и крестьянъ, отпустивъ изъ нихъ сто человѣкъ на волю, какъ видно изъ описанія слободско-украинской губерніи епископа Филарета.—Родная сестра Гр. Р. Шидловскаго, графиня Варвара Романовна Подгоричани, при старости своей, испытала подобную горькую участь: старшій сынъ ея Михайло (горбатый) въ молодости не женился; жилъ всегда въ разслабленномъ состояніи, въ какомъ и умеръ. А меньшой, любимецъ ея, Ѳеодоръ, уѣхавшій въ Петербургъ (противъ ея воли), хотѣлъ опредѣлиться или былъ уже опять опредѣленъ въ военную службу, съ кѣмъ-то вышелъ на дуэль и имъ убитъ. Племянники ея мужа, гр. Подгоричани, Вунчи или Вукотичи, по суду овладѣли ея Пархомовкою, изъ которой досталась ей седмая часть. Я былъ у нея въ томъ домѣ, который въ Харьковѣ построенъ по моему плану, и ласково ею былъ принятъ; примѣтилъ на лицѣ какую-то печаль, но не смѣлъ распрашивать о ея семейныхъ дѣлахъ. Къ немалому удивленію моему, увидѣлъ я чрезъ улицу прямо противъ ея дома построенный еще Григоріемъ Романовичемъ, на купленномъ имъ мѣстѣ, каменный домъ, совершенно сходный съ домомъ Пар. Мих. Штеричевой въ Басахъ. 6-го декабря видѣлъ въ николаевской церкви Н. Н. Надаржинскую старухою, уже потерявшею всю пріятность лица своего и совсѣмъ не узналъ ее, но Борисъ Бор. Лопатинскій подвелъ меня къ ней, какъ стараго знакомца Григорія Романовича. Я учтиво поклонился ей, тѣмъ дѣло и кончилось; въ домѣ ея я не хотѣлъ быть отъ того, что она связью своею съ Григоріемъ Романовичемъ, желая воспользоваться его имѣніемъ, вооружила противъ него сына и дочь и сдѣлала ихъ къ отцу неуважительными и неблагодарными.

Наставникъ мой Ал. Ал. Палицынъ давно уже умеръ; и такъ ничто уже не привязывало меня къ родинѣ моей, и я сталъ искать мѣста службы. Видя, что экзаменъ мой идетъ удачно, я еще прежде послалъ просьбу къ благодѣтелю моему

графу Ланжерону, прося его дать мнѣ приличное мѣсто въ трехъ управляемыхъ имъ губерніяхъ новороссійскаго края; но для большаго успѣха моей просьбы рѣшился лично явиться ему. Изъ Харькова въ Одессу я выѣхалъ на первой недѣлѣ великаго поста; черезъ Днѣпръ и Бугъ переѣзжалъ еще по льду, а въ Одессѣ нашелъ по улицамъ глубокую грязь.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Рѣчь М. А. Максимовича надъ гробомъ генералъ-фельдмаршала князя Сакена [1]).

Еще гробъ доблести и славы!... Еще маститая жертва смерти!...

За шесть недѣль, въ субботній день веселія мірскаго, Кіевъ предавалъ землѣ первосвященника церкви своей, служителя престолу Божію. Нынѣ, въ субботній день празднованія христіанскаго, передъ нами гробъ другаго старца—героя отечества нашего, служителя престолу царскому. Древняя *матерь русскихъ градовъ* въ

---

1) Князь Фабіанъ Вильгельмовичъ фонъ-деръ-*Остенъ-Сакенъ*, русскій генералъ-фельдмаршалъ, родился 1752 г. въ Ревелѣ; 1769 года вступилъ въ военную службу; 1771—1772 г. сражался подъ начальствомъ Суворова противъ польскихъ конфедератовъ, а въ 1789 г. противъ Турціи; въ 1806—7 г. участвовалъ въ битвахъ подъ Пултускомъ и Прейсишъ-Эйлау; 1812 года былъ назначенъ въ армію Тормасова, а потомъ въ армію Чичагова; въ 1813 г. участвовалъ въ покореніи Варшавы и въ дѣйствіяхъ противъ Австріи; поступилъ въ силезскую армію Блюхера, отличился въ лейпцигской битвѣ и первый перешелъ чрезъ Рейнъ; въ 1814 г. содѣйствовалъ побѣдѣ при Ларотьерѣ, выдержавъ раньше нападеніе Наполеона при Бріеннѣ, а послѣ при Монмиралѣ, далѣе участвовалъ въ битвахъ при Краонѣ и Лаонѣ. Въ томъ же 1814 г. былъ губернаторомъ Парижа; въ 1818 г. назначенъ главнокомандующимъ первою арміею; въ 1826 г. генералъ-фельдмаршаломъ; въ 1831 г. дѣйствовалъ противъ польскихъ мятежниковъ. Квартира его, по званію главнокомандующаго первой арміей, была сначала въ Могилевѣ на Днѣпрѣ, а съ 1831 г. въ Кіевѣ, гдѣ онъ и скончался 7 апрѣля 1837 г. въ Липкахъ, въ домѣ, занимаемомъ нынѣ кіевскимъ губернаторомъ, спустя полмѣсяца по смерти митрополита кіевскаго Евгенія. Сакенъ погребенъ въ лаврѣ на площадкѣ подлѣ крѣпостнаго вала и церкви дальнихъ пещеръ, гдѣ въ послѣдствіи погребены также извѣстные генералы: Аѳ. Ив. Красовскій и Паисій Серг. Кайсаровъ. Выносъ тѣла фельдмаршала Сакена изъ квартиры совершалъ и до могилы провожалъ преосвященный викарій кіевской епархіи и ректоръ кіевской духовной академіи, епископъ чигиринскій, Иннокентій (Борисовъ), съ городскимъ духовенствомъ. Рѣчь надъ гробомъ фельдмаршала произнесена М. А. Максимовичемъ въ его квартирѣ, предъ выносомъ гроба. Она тогда же была напечатана въ университетской типографіи, но въ собраніе его сочиненій не вошла.—*Ред.*

этихъ двухъ заслуженныхъ сынахъ отечества лишилась первостепенныхъ сановниковъ своихъ, а нашъ новый храмъ наукъ—своихъ первыхъ *почетныхъ членовъ*.

Внезапно похищена смертію маститая жизнь іерарха, которая до послѣднихъ дней посвящена была мирному, ученому труду, вызывавшему изъ забвенія давнюю жизнь и славу русской земли.

Но медленно и робко приступала смерть къ герою, который быстро и смѣло распоряжался ею на пагубу врагамъ нашего отечества и всеобщаго мира. Почившій герой нынѣ преходитъ въ *тотъ* міръ, какъ бы для того, чтобы смертію своею живѣе напомнить *сему* міру недавнія великія времена русской жизни и славы: при видѣ гроба сего, оживляются въ памяти нашей эти безсмертныя дѣла Россіи, эти великія времена, въ которыя блеснула побѣдоносно жизнь и сего мужа брани.

Рѣдкому человѣку сужденъ бываетъ столь полный кругъ жизни, какой прошелъ нашъ славный фельдмаршалъ. Тотъ срокъ, за который переступаетъ цѣлая жизнь только немногихъ людей, былъ временемъ его служенія престолу и отечеству, и 70-лѣтняя его служба представляетъ рядъ подвиговъ, проходя кои, можно бы разсказать полувѣковую исторію побѣдоносной жизни Россіи.

Еще въ началѣ славнаго вѣка Екатерины Великой, въ 1766 году, юный Сакенъ вступилъ подпрапорщикомъ на поприще военной службы, которая постепенно возвышала его и проводя чрезъ многочисленныя брани, учила его битвѣ и храбрости. Будущій фельдмаршалъ былъ въ сраженіяхъ почти вездѣ, куда летали тогда русскіе орлы—на славу своимъ вождямъ и повелителямъ; для нихъ не были не приступны высокія крѣпости Измаила, не были непроходимы высоты и твердыни альпійскія: русскимъ вождемъ былъ *князь богатырь-Суворовъ*, который, предводя въ 63-хъ сраженіяхъ, самъ былъ весь избитъ, но ни разу не былъ разбитъ, всегда побѣждая:

«Былъ вездѣ первымъ, въ мужествѣ строгомъ;
Шутками зависть, злобу штыкомъ,
Рокъ—низлагалъ молитвой и Богомъ»!

(Державинъ, 1800 г.).

При Измаилѣ, на стѣны коего первый взошелъ со крестомъ полковой священникъ, по взятіи коего сами русскіе солдаты диви-

лись храбрости своей, подполковникъ Сакенъ былъ замѣченъ Суворовымъ и представленъ отъ него въ числѣ «отличившихся мужественными подвигами на штурмѣ».

Въ 1797 году Сакенъ былъ уже русскимъ генераломъ. Война водила его на Альпійскія горы, снѣгами ихъ закалила его въ мужествѣ и потомъ поставила на чреду значительныхъ дѣйствій, въ началѣ царствованія Александра Благословеннаго.

Насталъ годъ великій для русскаго царя и народа—*двѣнадцатый годъ!* Сожженіемъ Москвы Россія принесла величественную жертву христіанскому человѣчеству. Очистивъ нѣдро свое отъ полупросвѣщенныхъ враговъ. вполнѣ сознавъ свою моготу и самобытность, святая Русь устремилась въ путь, самимъ Богомъ ей указанный—расторгнуть плѣнъ, наложенный на царства самозваннымъ властелиномъ запада, даровать миръ европейскому міру и воздвигнуть крестъ вѣры Христовой въ просвѣщеніе разума человѣческаго. Великое, всемірное дѣло совершили русскіе, по манію царя, самимъ Богомъ на сіе дѣло воззваннаго и *благословеннаго:*

«... въ бездну повалили
Мы тяготѣющій надъ царствами кумиръ,
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и миръ».

(Пушкинъ, 1831 г.).

Въ сіи-то роковыя, великія минуты русской жизни и славы, и жизнь фельдмаршала просвѣтлѣла подвигами блистательными, и его имя записала уже исторія на тѣхъ страницахъ, гдѣ представляетъ она Россію въ ея высокомъ величіи, на верху могущества и славы всемірной.

Глядя на эти знаки отличія и блестящія звѣзды, коими усыпана была грудь почившаго героя, кто живо не вспомнитъ поприща его славы и тѣхъ путей, которыми Россія достигла наконецъ обѣтованной цѣли?...

Этотъ орденъ Чернаго Орла: имъ украшенъ былъ новый генералъ отъ инфантеріи за славную побѣду при Кацбахѣ.

Этотъ орденъ Георгія Побѣдоносца: онъ напоминаетъ участіе Сакена въ битвѣ подъ Лейпцигомъ, гдѣ совершилось кровавое междоусобіе всѣхъ народовъ Европы.

А сей важный орденъ Андрея первозваннаго: это награда за славнѣйшее дѣло Сакена подъ Бріенномъ, въ которомъ была первая военная школа юнаго Наполеона и подъ которымъ теперь западный исполинъ брани проигралъ роковую битву, первую во Франціи съ русскимъ воинствомъ. Главнымъ виновникомъ сего дѣла былъ Сакенъ и въ самомъ Бріеннѣ (17 генваря) и подъ Ларотьéромъ (20 генваря). И съ какимъ радостнымъ предвѣстіемъ воскликнулъ онъ въ своемъ донесеніи о побѣдѣ: «въ сей достопамятный и великолѣпный день Александръ можетъ сказать: *«я даю вселенной миръ»!*

А бриліантовая шпага, хранящаяся въ московской оружейной палатѣ на память отъ Сакена: она напомнила бы и бывшей столицѣ Запада то время, когда она съ восторгомъ преклонилась передъ русскимъ царемъ, плѣнившимъ ее и силою войны и благостію великодушнаго мира. Читая свою надпись на шпагѣ: «*Миръ 1814 года. Городъ Парижъ, генералу Сакену*», шумный Парижъ съ благодарностію къ Россіи помянулъ бы нашего воина, своего генералъ-губернатора, котораго встрѣчалъ онъ и сопровождалъ повсюду съ рукоплесканіями и восклицаніями: «да здравствуетъ Сакенъ»! Онъ вспомнилъ бы его и по другой *золотой шпагѣ* отъ національной гвардіи, и по *портрету Людовика*, которымъ дарованный Франціи король подарилъ русскаго генерала за благотворное управленіе столицею Франціи.

Вотъ блистательнѣйшія минуты жизни нашего славнаго фельдмаршала!

По возстановленіи общаго мира, послѣ знаменитыхъ подвиговъ своихъ, маститый герой поставленъ былъ отъ царя главнокомандующимъ 1-ой арміи (1818 г.) и возведенъ въ графское достоинство (1821 г.).

Подъ державою Николая I-го, заблестѣли новые герои—*на страхъ врагамъ*, прогремѣли новыя побѣды—*на славу намъ*... Заслуженный воинъ оставался ревностнымъ стражемъ престола и отечества, и нашъ возлюбленный монархъ почтилъ его высокимъ вниманіемъ своимъ: возвелъ его въ санъ генералъ-фельдмаршала (1826 г.), возвысилъ въ княжеское достоинство Россійской Имперіи (1832 г.) и драгоцѣннымъ своимъ изображеніемъ украсилъ (1831 г.) *твер-*

докаменную грудь, подъ которою билось сердце, исполненное вѣрности и любви къ царю и царству русскому — чувства, которыми бьется сердце всѣхъ истинныхъ сыновъ Россіи!

Тихо и мирно докончилъ дни свои престарѣлый герой. Ближніе оплачутъ его кончину; русское воинство, съ грустнымъ маршемъ и прощальнымъ громомъ, проводитъ гробъ своего фельдмаршала; отечество не забудетъ его подвиговъ и заслугъ; и сама православная церковь, уважая кровь, которую проливалъ онъ за святую Русь, воздастъ ему *вѣчную память!...*

Бытовая малорусская обстановка въ документахъ XVII—XVIII ст.

Говорить о недостаточной разработкѣ нашей краевой, малорусской исторіи значитъ повторять старую, всѣмъ извѣстную истину. Кое-какъ разработана внѣшняя политическая жизнь или судьба Малороссіи; нѣсколько болѣе сдѣлано для уясненія судебъ, равно духа и строя южнорусской церкви. Но и тамъ, какъ и здѣсь, можно сказать, *темна* подъ часъ *вода во облацѣхъ воздушныхъ*... Наиболѣе богатый матеріалъ собранъ для исторіи духовной жизни малорусскаго народа въ памятникахъ его устнаго творчества. Исторія письменной южнорусской литературы едва тронута; исторія законовъ, дѣйствовавшихъ въ Малороссіи, а также „обычнаго" права—точно также. Если бы мы захотѣли получить представленіе о будничной жизни нашихъ предковъ и ея обстановкѣ, объ ихъ жилищахъ, одеждѣ и обуви, пищѣ и питьѣ, занятіяхъ и забавахъ, привычкахъ и вкусахъ, степени достатка и культуры, заботахъ повседневной жизни и ихъ цѣляхъ, то въ этомъ отношеніи точныхъ фактическихъ данныхъ нашлось бы весьма и весьма немного, а изъ цѣльныхъ памятниковъ такого рода, кромѣ частички Дневныхъ записокъ Я. Марковича и Дневника Н. Ханенка, ничего больше и указать нельзя.

Настоитъ надобность въ подборѣ и приведеніи въ извѣстность такихъ документовъ, которые уясняли бы эту наименѣе извѣстную сторону минувшей нашей жизни. Они важны могутъ быть для историковъ, филологовъ, юристовъ, но особенно для романистовъ и драматурговъ, порывающихся нерѣдко въ своихъ произведеніяхъ въ область прошлаго, но не дающихъ себѣ труда изучать наиболѣе живую и любопытную часть нашей исторіи—бытовую. Намъ кажется, что ни въ однихъ изъ письменныхъ памятниковъ этого рода не отражается такъ полно и наглядно будничная жизнь нашихъ предковъ, какъ въ ихъ наприм. „тестаментахъ" или „духовныцяхъ" со списками распредѣляемаго имущества, въ „вѣно-

выхъ" предбрачныхъ записяхъ, въ реестрахъ наслѣдствъ, въ спискахъ вещей конфискованныхъ, арестованныхъ, погорѣвшихъ, пограбленныхъ или украденныхъ, гдѣ на лицо все, что наживалъ и чѣмъ жилъ человѣкъ, что любилъ онъ, чѣмъ утѣшался и наполнялъ свою жизнь, что наконецъ составляло результатъ его цѣло-жизненныхъ заботъ, его достатокъ, удобство и такъ сказать матеріальное счастье. Есть списки и счеты, которые трудно подвести даже подъ какую либо категорію, но которые обнимаютъ все ту же будничную жизнь человѣка съ малоизвѣстной какой либо стороны, и тѣмъ они важнѣе, если принадлежатъ людямъ различныхъ классовъ и положенія общественнаго.

Такихъ списковъ можно найти массы въ архивахъ общественныхъ и частныхъ. Для примѣра, мы имѣемъ свѣдѣніе о хранящейся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи рядной записи гетмана Самойловича при выдачѣ имъ дочери за боярина Ѳ. П. Шереметева; въ нашихъ рукахъ подобная же запись жены лѣтописца Гребянки, и т. д., и т. д.

Начиная печатаніемъ рядъ такихъ документовъ, мы избираемъ на первый разъ *восемь*, изъ которыхъ одинъ принадлежитъ, судя по почерку, концу XVII, а остальные первымъ десятилѣтіямъ XVIII ст. Въ печатаніи такихъ документовъ мы не будемъ держаться строгого хронологическаго порядка, но будемъ только отдавать преимущество болѣе древнимъ предъ позднѣйшими. Помѣщаемые теперь списки и реестры составлялись по самымъ разнообразнымъ случаямъ и принадлежатъ лицамъ различныхъ классовъ, хотя одной и той же мѣстности—Черниговщины, частнѣе Стародубовщины.

Документъ первый представляетъ совершенно случайную замѣтку о вещахъ одной простой женщины, жительницы, кажется, мѣстечка Новгородка, Татьяны Орѣшковны. Мѣстная старшина заарестовала у нея по какому-то случаю домашній скарбъ. Часть онаго была возвращена женою сотника и войтомъ, у которыхъ вещи хранились. Какой-то Ѳедоровичъ, быть можетъ изъ числа старшины, или близкій Орѣшковой человѣкъ, дѣлаетъ объ нихъ замѣтку. Скарбъ не большой, вещи все простыя и не непрасно обозначены названіемъ *худобы*. Заглавіе и содержаніе замѣтки слѣдующее.

Реестръ мнѣ для памяти Якиму Федоровичу, сколко якой худобы Татяни Орѣшковни, старшиною новгородскою забратои, возвращено.

Панѣ сотниковая Галецкая отдала: скатерть одну, серпанокъ одинъ, сорочекъ женскихъ чотири, кунтушъ тонкаго сукна женскій,

простѣри до постелѣ двѣ, наволока до подушки одна, ручникъ одинъ, подушка одна, скриня одна, мѣдникъ одинъ, кораловъ шнуровъ два, фляшечка цѣнованая, клубочковъ іляныхъ шесть, путо зелѣзное, на двое розломанное, кожушини чорной шматъ, подушка одна.

Отъ войта новгородского: скатерть одна, серпанки два, сорочокъ женскихъ чотири, двѣ наволоки до подушокъ, ручникъ одинъ, шапка мужицкая, кунтушъ женскій гранатовий, чорнимъ футромъ подшитий, скринка, подушка одна, шипъ желѣзний, кожушини бѣлои шматъ, мѣдникъ.

Отъ пана Мануйла, бывшого атамана: скатерть одна, сорочка женская одна, наволочокъ до подушокъ двѣ, серпанокъ одинъ, пилка желѣзная, запаска штаметовая, шапка мужицкая, шнуровка полтабинковая зеленая, килимець старий зшитий по половинѣ.

Отъ городничаго: сорочокъ женскихъ двѣ, плахта старая.

Дальше замѣтка ведена на отдѣльныхъ клочкахъ бумаги и подъ заглавіемъ *отбори* представляетъ слѣдующій текстъ:

Феско отобралъ киндякъ, сверделъ великій, мушкетъ, пистолетъ, рурку, крестъ зъ вентабками, стругъ, сокиру, путо залѣзное.

Тимофѣевъ зять отобралъ казанокъ, сало, чоботи пришви, рушницю, горѣлку зъ бариломъ, лубку, горщокъ съ черницями, стрименъ пару, матеріи пасистой шматъ.

П. Помаранскому, писару сотенному, грошей чтири золотихъ безъ алтина, габело 1, сиромятникъ, поясъ рябій старый, подушокъ двѣ, наволочокъ двѣ, кошуль женскихъ двѣ, ручникъ 1, матокъ полотна московского. А всѣ тие рѣчи звѣтшаліе. Отъ Помаранского писаря сотенного толко що килимець.

Любопытно въ этомъ документѣ то, что заарестованныя вещи хранились не въ помѣщеніи мѣстнаго управленія, а на рукахъ старшинъ и даже ихъ женъ.

Второй документъ—это очевидно запись для суда по иску нѣкоего Полубинскаго къ неизвѣстнымъ лицамъ, разорившимъ его дворъ и имущество. Содержаніе его слѣдующее:

Реестръ хоромнаго строенія въ дворѣ Полубинскаго, отъ владѣлцовъ отъ 1712 году спустошенного, безъ поправи въ немъ мешкаючого.

Свѣтлицъ три, ковната, сенцѣ, пркганки, на версѣ свѣтелка, а округъ—кганки новие, брусование подъ одну кровлю, кгонтами побивани.

Дверей снѣцарское роботи семеро, зъ замками и завѣсами великой руки, билого зелѣза.

Воконъ большихъ, у волово оправнихъ, и обикончинъ, на завѣсахъ бѣлого зелѣза, чотирнадцять.

Печей покошчанихъ жилихъ три, а на горѣ похованихъ покошчанихъ печей болшихъ зъ цеглою на комени було на три.

Лазня и кухня рубленніе болшие зъ прикомарками чотирма.

Погребъ походній большій дубовій брусованій новій, а при немъ було лёховъ два, сажень по тридцятъ.

Стайня була рубленная болшая, а на версѣ сѣнникъ.

Ледовня брусованная дубовая болшая, а на версѣ инбаръ сосновій брусовий болший, на инбарѣ въ шпаръ построени були чулани.

Шафа возовая болшая.

И оное все строеніе погноено, попалено, до основания спустошенно.

За пожилие года за оний дворъ, належачій минѣ, на владѣлцяхъ доправити, хочъ мало на годъ противъ людскихъ наймовъ, рублей по шистъ.

Волокити, харчи, проторовъ моихъ годъ за вусѣмнадцять, якъ право учитъ, а самой утрати, доходячи того двора, чинитъ минѣ за тие года рублей пятдесятъ.

Третій документъ вводитъ насъ въ жизнь торговаго человѣка или „крамара“ начала XVIII в. и знакомитъ насъ съ предметами торговли и потребленія. Это приложеніе къ жалобѣ купца Черниговца, посредствомъ которой онъ отыскивалъ свои долги на разныхъ лицахъ, перенеся почему-то свой искъ въ Петербургъ, въ посольскую канцелярію. Вотъ его текстъ.

Копия съ росписи товаромъ и денгамъ долговымъ стародубовскаго мещанина Семена Черниговца, какову онъ подалъ въ Санктпетерсбурге въ посолской канцеляріи, при челобитье своемъ, октября въ 24 д. 1716 г.

На полковнике Миклашевскомъ, на женѣ и на дѣтехъ ево за бѣлугу полтора рубли, за четыре осетра два рубли двадцать шесть алтынъ четыре денги, за две бѣлые рыбицы три рубли, за три свяски вязиги четыре рубли съ полтиною, осетровой икры

пудъ десять фунтовъ два рубли двадцать три алтина две денги, две семги рубль шесть алтынъ четыре денги, икры сиговой полпуда рубль двадцать алтынъ, цытрыну (лимоны) въ патоке пятнадцать фунтовъ три рубли, инбирю въ патоке двадцать фунтовъ четыре рубли, шефрану фунтъ семь рублевъ, золотомъ шитыхъ рукавицъ три пары четыре денги, романеи боченокъ восмь рублевъ, боченокъ мушкатного ренского семь рублевъ, боченокъ секту восмь рублевъ, коричной водки на полъанкерка десять рублевъ, мунгалской водки въ двадцати скляночкахъ три рубли, за пару соболей двадцать четыре рубли, двѣ пары серегъ четыре рубли, черевики бархатные, шитые золотомъ, четыре рубли, шапка бархатная три рубли, за мѣхъ горностаевъ шеснатцать рублевъ, извощику три рубли съ полтиною, лекарства и водокъ пять рублевъ, за пару ножей аспидовыхъ пятнадцать рублевъ, десять спинокъ осетровыхъ шесть рублевъ, за два аршина сукна четыре рубли, еще полъ аршина сукна рубль, полуобяри два локтя сорокъ четыре алтына, за дважъ локтя полуобяри сорокъ четыре алтына, за два-жъ локтя обяри сорокъ четыре алтина, рудожелтой полуобяри тридцать четыре локтя двадцать два рубли четырнадцать алтынъ четыре денги, восмь цевокъ круживъ сребреныхъ и золотыхъ одинадцать рублевъ шесть алтынъ четыре денги, сребреныхъ пуговокъ четыре золотника тридцать алтынъ, мѣхъ бѣлей четыре рубли, четыре цевки круживъ золотныхъ и сребреныхъ пять рублевъ двадцать алтынъ, двѣ пары платковъ персицкихъ сорокъ алтынъ, мѣхъ лисій черевей двенадцать рублевъ, сѣрая овчина два рубли, шеснадцать локотъ выбойки рубль двадцать алтынъ, пара платковъ персицкихъ дватцать алтынъ, сукна два локтя съ четвертью алого четыре рубли съ полтиною, кушакъ персицкой шолковый два рубли, полпята аршина полуобяри четыре рубли, штофу шелкового алого десять аршинъ по рублю аршинъ, четыре аршина съ четвертью сукна восмь рублевъ съ полтиною, того-жъ сукна пять локотъ десять рублевъ, золотного и серебреного снурку полъ-трети цевки три рубли десять алтынъ, пять цевокъ серебреныхъ круживъ и два золотника шесть рублевъ тридцать алтынъ, четыре цевки и два золотника золотныхъ и серебреныхъ круживъ шесть рублевъ два алтына четыре денги, золотного и сребреного снурка восмь цевокъ и одинъ золотникъ одинадцать рублевъ восмь денгъ, тесма къ саблѣ шелковая двадцать алтынъ,

олетры шитые золотомъ и серебромъ десять рублевъ, четыре аршина сукна восмь рублевъ, еше сукна четыре аршина восмь рублевъ, аршинъ бархату венецкого три рубли, черная овчина два рубли, кушакъ персицкой два рубли, девять цевокъ золотныхъ и сребреныхъ круживъ двенадцать рублевъ дватцать алтынъ, двѣ штуки персицкой матеріи четыре рубли, сукна четыре аршина восмь рублевъ, еше четыре аршина сукна восмь рублевъ, два мѣха бѣлые восмъ рублевъ, шоръ пара тридцать рублевъ, серги алмазные дватцать рублевъ, карманные часы золотые сорокъ рублевъ, бархату полъ-локтя рубль, два рострухана сребренные сорокъ восмь рублевъ, шесть цевокъ золотного и сребреного кружива семь рублевъ съ полтиною, семь цевокъ позументу и снурку золотного и сребреного девять рублевъ двадцать шесть алтынъ четыре денги, шесть цевокъ круживъ золотныхъ восмь рублевъ тринадцать алтынъ две денги, штофу шолкового пять локотъ четыре рубли, кружива четыре цевки и два золотника золотного и сребреного шесть рублевъ три алтына две денги, пара платковъ шолковыхъ двадцать шесть алтынъ четыре денги, сѣрая овчина два рубли, пять локотъ штофу четыре рубли, того жъ штофу три локтя два рубля тринадцать алтынъ две денги, пять локотъ коричневаго сукна восмь рублевъ десять алтынъ, полъ-локтя сукна дватцать шесть алтынъ четыре денги, семь цевокъ золотного и сребреного позументу девять рублевъ двадцать шесть алтынъ четыре денги, полъшеста локтя сукна одинадцать рублевъ, полъ-шеста локтя штофу четыре рубли тринадцать алтынъ две денги, черного сукна двадцать пять локтей и полъ локтя сорокъ рублевъ, того-жъ сукна дватцать локотъ тридцать два рубли, двѣ штуки тузинку двадцать четыре рубли, шесть цевокъ круживъ сребреныхъ восмь рублевъ, тринадцать алтынъ двѣ денги, сукна три локтя четыре рубли двадцать шесть алтынъ четыре денги, цевка снурку золотного рубль тринадцать алтынъ две денги, пять локотъ сукна десять рублевъ, алмазные серги тридцать рублевъ, запонокъ шесть сребреныхъ съ камешками шесть рублевъ, триста зеренъ жемчугу девять рублевъ, инбирю въ патокѣ полъпуда четыре рубли, готовыхъ денегъ три рубли, анису десять фунтовъ осмнадцать алтынъ две денги, за рыбу двадцать алтынъ. Старосте Миклашевского денегъ двадцать алтынъ, два мѣха лисьи черевьи дватцать четыре рубли, два локтя съ чет-

вертью сукна четыре рубли съ полтиною, обяри четыре аршина съ полъ-аршиномъ четыре рубли, пять локотъ съ четвертью сукна десять рублевъ съ полтиною, того-жъ сукна полъ-пята локтя девять рублевъ, сукна полъ-шеста локтя семь рублевъ двадцать три алтына две денги, того-жъ сукна локоть съ четвертью шестьдесятъ алтынъ съ полъ-гривною, водки боченокъ мастихвиной девять рублевъ, полъ-анкерка коричной водки десять рублевъ, восмь осетровъ шесть рублевъ, десять локотъ сукна дватцать рублевъ, штофа три локтя два рубли тринадцать алтынъ две денги, того-жъ штофа четыре локтя три рубли две гривны, сукна четыре локтя шесть рублевъ тринадцать алтынъ две денги, полуобяри два локтя рубль двадцать алтынъ, четверть аршина сукна полтина.

На бурмистре Михайлѣ Фомичѣ и на сынѣ его Иванѣ двѣсти рублевъ, которые далъ въ займы въ 1705-мъ году.

На Гамалѣевой женѣ Андреихе недоплатныхъ денгъ за евангеліе шестьдесятъ рублевъ, да на ней-же за перстень сорокъ рублевъ.

На Петре Корецкомъ сто ефимковъ, которые даны взаймы на ярмонке въ Королевце въ 1706 году, онъ-же взялъ смуши сорокъ восмь на девяносто на шесть рублевъ.

На Станиславе Полубинскомъ за золотые парчи сто восмьдесять шесть рублевъ.

На стародубовскомъ мещанинѣ Яковѣ Андреевѣ тридцать четыре рубли.

На мещанинѣ-жъ стародубовскомъ Осипѣ Самуйленку двѣсти рублевъ.

На бурмистрѣ стародубовскомъ на Демьянѣ Григорьевѣ сто шестьдесятъ рублевъ.

На бурмистрѣ Никитѣ Потаповѣ за жемчугъ, что взялъ у брата его Степана въ 1706-мъ году на шестьсотъ рублевъ.

Въ 1706-мъ году занялъ у него прикащикъ Демьяна Григорьева Спиридонъ Демешковъ на Москвѣ на его хозяйскіе промыслѣ двѣсти рублевъ.

Четвертый документъ—это урядовая запись, составленная въ стародубскомъ магистратѣ по смерти лица одинокого или же оставившаго малолѣтнихъ сиротъ. Озаглавлена она такъ:

Реестръ вещей, по небожчику Никитѣ Потаповичу позосталыхъ, списанныхъ року 1719 декабря 15 дня.

Кто былъ небожчикъ Потаповичъ, неизвѣстно. Судя по отсутствію въ спискѣ его вещей оружія, онъ не принадлежалъ къ козачему званію, но былъ вѣроятно стародубскій мѣщанинъ, быть можетъ членъ магистрата, человѣкъ съ большимъ достаткомъ. Тутъ все его господарство и пожитки. Опись составлялась въ порядкѣ осмотра вещей и нисколько не систематизирована. Найдено и записано:

Въ склепу, въ скринѣ великой, шкатула, въ той шкатулѣ вынайшлося сребра штукъ толко *(число монетъ не означено)*.

Штофа на пукляхъ, ашпурской работы, болѣе цеховой кварты, зъ накривкою, зъ середины вызлоченая, сребреная.

Кубокъ вибияный зъ середины, злоцѣстий, яко бы въ полкварты.

Кубокъ выбиваный, на пукляхъ, сребряный.

Кубковъ паристыхъ, ашпурской роботы, въ серединѣ вызлочованыхъ, 4.

Стаканчиковъ зъ середины вызлочованыхъ, на пукляхъ, зъ накришечками, 2.

Роструханчикъ сребреный, высоченкий, московского дѣланя, подъ смалчемъ, 1.

Роструханчикъ меншенкий, тоже ашпурской работы, вызлочованый, 1.

Кубковъ столовыхъ не заживаныхъ, ашпурской роботы, вызлогованихъ, 12.

Ложокъ сребреныхъ, просто робленыхъ, 12.

Ложокъ сребреныхъ болшихъ, доброго робленя, 5.

Чарка вызлочованая, малая, 1.

Меншая чарка, вызлочованая, 1.

Болшенкая, простой работы, 1.

Чарка болшая, чистѣйшаго сребра, въ квѣтъ выбиваная, зъ двома ручками, 1.

Накришечка вызлooваная зъ середины и берега позолочованиѣ, зъ пуклемъ, 1.

Майстерной роботы ашпурской вызлочованыхъ ложекъ 12.

Ложокъ бѣлыхъ сребрныхъ не заживаныхъ 12.

Пуколъ злоцѣстый зъ кубка 1.

Въ мѣшечку одномъ маленкомъ чирвоныхъ золотыхъ подвойныхъ 7.

А поединковыхъ въ томъ-же мѣшечку 74.

Въ другомъ мѣшечку подвойныхъ червоныхъ 39.

А поединковыхъ тутже 3.

Въ мѣшечку болшомъ самомъ, где два меншихъ зъ подвойными червоными вложены суть, поединковыхъ червоныхъ найшлося числомъ 399.

Талярей битыхъ въ мѣшку 150.

Кгузѣкъ сребрный и уломочокъ отъ кубка срѣбрного въ прискринку.

Скриня великая една, въ которой и шкатула зъ грошми вложена естъ; въ той скринѣ полотна ткацкого бѣлого штукъ 8.

Въ той-же скринѣ кунтушъ фѣялковый, бѣлками подшытій, женскій, 1.

Кунтушъ тонкій суконный чорный женскій 1.

Кунтушъ кгранатовый женскій, бѣлками подшитій, 1.

Кунтушъ музский ношеный, шарый 1.

Жупанъ суконный родзинковый 1.

Жупанъ суконный, шарый, ношеный и кгузѣковъ сребныхъ 13.

Кунтушъ попелястый, лисами подшытій, 1.

Въ той-же шкатулѣ, где и червонцѣ, зъ копѣйками мѣшковъ два, за печатми; тыхъ не лѣчили, но утвердили печатію майстратовою.

Кунтушъ ношеный темнозеленый музскій, лисами подшитій, 1.

Кунтушъ порпуровый, ношеный, женскій, мѣючій кгузѣковъ сребныхъ 15.

Кунтушъ суконный, ношеный, лисами подшытій, фиялковый, 1.

ТАМЪ-ЖЕ ВЪ СКЛЕПУ ВЪ СКРИНѢ МЕНШОЙ:

Килимъ простый украинскій 1.

Кошуль женскихъ зъ подставками 10.

Ручникъ простый 1.

Въ другомъ звязку кошуль женскихъ-же зъ подставками 9.

Въ третемъ звязку кошуль музскихъ паръ 6.

Пологъ 1, обрусъ тонкій полскій 1, обрусъ простый 1.

Зъ тоеи-жъ скринѣ до столовъ взяли обрусовъ 5.

ВЪ ТОМЪ-ЖЕ СКЛЕПУ:

Мѣдень ужываный 1.

Штопка зъ накривкою ценованою, глиняная, кролевецкая 1.

Фляша циновая кгарцовая зъ светою водою.

Збаночокъ глиняный безъухый.

Фляша шкляная полкгарцовая зъ шрубкомъ.

Казанъ горѣлчаный безъ трубъ.

Панва мѣдяная една, великая.

Куманъ мѣдяный великій, въ томъ куманѣ цѣну зъ фунтъ ламаного.

Братына мѣдяная.

Горщикъ мѣдяный зъ ушкомъ.

Штофа цѣновая зъ накривкою.

Другая штофа цѣновая меншая зъ накривкою.

Фляшъ двѣ цѣновыхъ зъ шрубками.

Кандѣйка мѣдяная.

Лѣхтаръ мосенжный, плоскій, зъ ручкою великою.

Мѣдяный лѣхтаръ, малый, зъ ручкою.

Лѣхтарикъ спѣжовый, маленкій, высоченкій.

Соляночка цѣновая.

Лѣхтарикъ кругленкій, зъ ручечкою.

Сіе всѣ въ бочцѣ были речи и тамъ-же складены:

Полумисковъ два погнутыхъ, цѣновыхъ.

Мозджерокъ спѣжовый безъ тлунка.

Воску болѣе пуда, горщокъ масла.

Куманъ цѣновый зъ накривкою цѣновою.

Штофа зъ накривкою цѣновая.

Штофъ двѣ, безъ накрывокъ, цѣновыхъ.

Мозджери съ зъ тлучкомъ спѣжовый.

Полумисковъ малыхъ и великихъ 33.

Талѣрокъ тузѣновъ 3 и 2 талѣрки.

Девять полумисковъ, талѣрокъ 2.

Мѣдень зъ двома ручками, великій.

Казанчикъ мѣдяный.

Корецъ мѣдяный.

Полумисокъ мѣдяный, великій.

Два казаны мосенжныхъ.

Ящикъ мѣдяный.

Лѣйка мѣдяная, великая.

Панва малая мѣдяная и другая такая-же.

Въ пѣчце въ лїоху чопъ желѣзный до колеса млынового.

Ухъ желѣзныхъ отъ казана двѣ; скосковъ шесть; сковорода спаленая желѣзная; путъ желѣзныхъ три, сошниковъ три; шины полтори желѣза; бляхи желѣзныхъ двѣ.

У ИМБАРИ ОТЪ ВОРОТЪ:

Медвежина великая.

Саквы шкурятяніе новіе.

Въ скринцѣ круглой наволочокъ простыхъ.

Плахта простая, хустокъ три полотнянихъ.

Кунтушъ пітаметовый ношеный, зайцами подшытій.

Шатковница.

Паръ сѣмъ чоботъ новыхъ, пара старая.

Свѣтокъ сѣмъ, кожушки два ношеніе.

Опанча повстяная.

Контушъ гарусовый, баранками подшитый и кгузѣковъ 3.

Кгранатовый суконный жупанъ старій, кгузѣковъ 4.

Килимъ суконный бѣлый.

Лу́бокъ три меду, лу́бка зъ саломъ.

У КОМНАТѢ ВЪ ШКАТУЛКѢ:

Кгузѣковъ большихъ 51.

На низцѣ кгузѣковъ 15.

Гафтокъ паръ 2.

Кгузѣковъ поламаныхъ 2.

Крестовъ сребрныхъ 2.

Коралей зъ пугвицами шестма низка една.

Шнурочокъ коралей пилованыхъ.

СКРИНЯ ВЪ КОМНАТѢ:

Шапка лисяя, зимняя, новая.

Коруночковъ сребрныхъ локотъ зо два въ папѣрку.

Лудану шматокъ.

Полотна трубка простого.

Хустка, чорнымъ шовкомъ шытая.

Хустокъ двѣ рябыхъ турецкихъ.

Хустка полотняная рябая.

Ручникъ простый.

Поясъ старенкій шовковый.

Поясъ другій шовковый зъ паристыми ножами.

Обрусъ полскій, намѣтка простая.

Баволницъ чотыри, рубокъ еденъ.

Ручниковъ три, заполочю перетиканіе.

Запояски три штаметовіи.

Капотъ полутабѣнковый.

Шапка старая куняя.

Чепецъ на атласѣ, гаптованый злотомъ.

Чепецъ на киндяку московскій.

Чепецъ на чорномъ атласѣ, гаптованый злотомъ.

Чепцовъ три, на полотнѣ вышиваніе злотомъ.

Грошей копѣекъ зол. 50 безъ шести шаговъ и полтіна битая.

Копѣекъ мѣдныхъ копъ три.

Наволочка цвѣлиховая, при которой и шматковъ сколько привязано.

Полотна шматъ швабского и просцѣрадло.

Другое просцѣрадло, шитое заполочю.

Кошуль двѣ женскихъ тонкого полотна.

Папѣрокъ имберу, серпанковъ два, намѣтокъ двѣ простыхъ, цукру голова цѣлая, еще намѣтокъ чотыри, фунтъ перцу, намѣтка полотна простого, хустокъ двѣ, вѣделки одны, убране суконное.

У ПУЗДРѢ:

Въ шуфлядѣ талярей 3, простыхъ талярей 2, полталяровъ 4, пятая чвертка гривениковъ 6.

Кензаръ шведскій алтинииковъ, 8 шаг., целковыхъ 4, копѣекъ шаг. 6, полкгузѣка сребрного.

Перстень сребрный, на днѣ найшлося шаговъ полскихъ 5.

Фляшокъ шкляныхъ зъ шрубками 4.

Пуздерко; фляшъ 4 полкгарцовыхъ.

Пуздерко, въ томъ фляшечокъ 5, стаканчиковъ и кубочковъ кришталевыхъ штучечокъ 8.

Въ пуздерку фляшечокъ двѣ зъ шрубками и кубковъ два кришталевыхъ.

Въ третемъ пуздерку фляшечокъ пять, венецкого шкла.

Шкатулка зъ рожнымъ корѣніемъ и цукру голова.

Килимовъ 2, свердловъ два, пилокъ двѣ и стругъ.

Безмѣнъ 1; полумисковъ 6; талѣрокъ 3; у клетѣ салъ семъ; въ їмбари на горѣ два мушкети, пѣстолетовъ пара простыхъ; одѣвало, вовками подшытое; перина, подушка, шытая чорнымъ шовкомъ; подушокъ простихъ три; шкуръ яловичихъ выправныхъ три.

ВИННИЦЯ:

На два казаны горѣлку гонятъ при березѣ озера.

Борошна на полшости браги.

Імбаръ единъ зъ горѣлкою, а въ немъ горѣлки куфъ 16.

Свиней подлѣ винници великихъ 20, подсвинковъ 20.

Дворъ на горѣ, отъ винници не оподаль, зъ едной стороны Іванъ Резникъ, зъ другой Нѣжинчихинъ (дворъ); въ томъ дворѣ ямокъ двѣ, една зъ жытомъ, другая овсомъ насыпаная.

Дворъ на Красной улицѣ зъ огородомъ и зъ садомъ, а смежніе двори—Сава Зайковскій, а зъ другой Шакга.

Подписи: Емеліанъ Василіевичъ, хоружій значковый; Григорій Самойловичъ, войтъ майстрату стародубского; Іерофей Середа, бурмистръ майстрату стародубского; Григорій Отвѣновскій писаръ майстратовый стародубскій и Аникій Сидура, лавникъ майстратовый стародубскій.

Пятый документъ—это три списка вещей, отобранныхъ у одного и того же вора, по прозвищу Логвина, по имени Димитрія, изъ которыхъ одни раньше сданы были на храненіе мѣстнымъ властямъ въ городѣ Новгородкѣ, а другія потомъ доставлены разными лицами въ мѣстную ратушу. Вещи до покражи принадлежали людямъ разныхъ классовъ и представляютъ разнокалиберную смѣсь, которую разберетъ однако изслѣдователь стараго быта. Списки имѣютъ слѣд. заглавія и содержанія:

Реестръ, что хто зъ урядниковъ взялъ зъ рухлядей воровскихъ Логвиновыхъ.

Напродъ до двору его милости пана сотника: кунтушъ тонкого сукна женский новий, масти коричневой, простирадловъ 2;

едно заполочю шитое, другое ляховчаное, скатерть 1, бавелниця 1, серпанокъ 1, сорочокъ женскихъ чтири, наволочокъ 2, ручникъ 1, шапка женская куняя 1, чепець злотомъ и шовкомъ чорнимъ шитий 1, подушокъ крашениною поволѣканихъ 2, скриня замчистая 1, мѣдникъ 1, кожушокъ старий 1, коралювъ низокъ 3, желѣза все, що знаходилось, фляшечка маленькая цѣновая 1, бѣлѣ клубокъ 1, иляних клубковъ 8, девятий малий вовняний, ящикъ съ тарѣлками. Року 1723, іюля 9.

Пану атаману: скатертъ одна, сорочокъ женскихъ чтири, наволокъ 2, ручникъ 1, шапка мужицкая 1, кунтушъ женскій зелений на сѣромъ футру, скринка 1, подушка 1, мѣдникъ маленкий 1, пилка 1, бѣлѣ клубокъ 1, шматъ чорной кожушини. А тие всѣ рѣчи старие и зветшалие. Року 1723, юля 9.

Ілия Аѳанасовичъ, войтъ новгородскій.

Пану войту: скатерть одна, серпанки два, сорочокъ женскихъ чтири, наволочокъ 2, ручникъ 1, шапка мужицкая 1, кунтушъ женский гранатовий на чорномъ футру 1, скринка 1, подушка 1, заслонка желѣзная 1, шипъ 1, бѣлѣ клубокъ 1, шматъ бѣлой кожужини. Року 1723 г. юля 9.

Манойло Зѣневичъ, атаманъ городской новгородскій.

А тие всѣ рѣчи старие и зветшалие; отъ пана вуйта принятие всѣ рѣчи, якъ вишшей сего означено, кромѣ заслонки.

Свѣдение, сколко зъ рухлядей вора Логвина досталось писару ратушному.

Скатерть 1, намѣтокъ двѣ малихъ, сорочокъ 2 женскихъ, третяя безъ рукавовъ, наволочка 1, ручникъ 1, запаска штаметовая 1, шапка мужицкая 1, кунтушъ мужицкий чорний 1, подлий, скринка 1, килимецъ старий 1, прачъ 1, круцѣфѣксъ (распятіе) 1, удила 1, капотъ полутабинковий зелений 1, пляшка 1. А тие всѣ рѣчи старие и зветшалие. Року 1723, юля 9.

Манойло Зѣневичъ, атаманъ городской новгородскій.

Пану асавулѣ сотенному: капотъ штаметовий старий 1, ручникъ 1, наволочокъ 2, сорочокъ женскихъ 3, кафтанъ китаевий старий 1, серпанокъ 1, серпи 2, уздечка 1. А тие всѣ рѣчи старие и зветшалие. Року 1723, юля 10.

Манойло Зѣневичъ, атаманъ город. новгородскій.

Свидение, что зъ рухлядей вора Логвина досталось городничому:

Ручникъ 1, сорочекъ женскихъ 3, наволочка 1, серпанокъ 1, плахта, шовкомъ перетиканая 1. А тие всѣ рѣчи старие и зветшалие. 1723, юля 9.

Манойло Зѣневичъ, атаманъ город. новгородский.

Б) Реестръ, что принесено на ратушѣ зъ рухлядей вора Логвина.

Подушокъ крашениновихъ 4, полотняная пятая, шостая малесенкая, кожушинъ двѣ старихъ, коцъ старій одинъ, килимца старого половинокъ двѣ, вишневая жупанина дитячая, которую отдали злодѣйской дитинѣ; шкурка сыромятная малая, копиль бортній, заступъ 1, рурка ручничная, кожушина чорная драная, ящикъ зъ ложками и тарѣлками, мѣденъ оденъ, тертка 1, чарка мосенжная 1, ковадло малое, пилка 1 старая, уздечка 1, прасъ кравецкій, клубковъ ляпихъ 5, путо конское ламаное, коса одпа, подосковъ пара, ости рибние, колиски двѣ, каѳанъ китаевій старій, шнуровка полтабинковая, серповъ 2, подшевка крашениновая, шматокъ зеленого штамету, фляшка зъ светою водою, кунтушъ каперовій женскій суконній, кунтушъ зеленій суконній, сѣрими баранками подбитій, бѣлѣ клубочковъ 2, вершокъ аксамитній зеленій горской, чоботи пришви одни, ножици, чарка кришталевая, опанча худая и повсть бездѣльная, полъ-ложника, которое отдали злодѣйской дитинѣ, штани сермяжніе старіе одни, заслонка желѣзная, сокиръ двѣ, сверделъ и долото, до которого приискался шваґеръ его, шворень одинъ, до которого приискался Андрѣй Лака, триногъ оденъ, камень жлуктяній 1, куля 1, трубокъ свѣчнихъ 3, тертушка 1, фляшечка малая циновая 1, порохъ съ пушкою, лихтаръ желѣзній 1, циркелъ 1, конскихъ подковъ 3, долотъ пара, баніокъ коснихъ пара, форчка кулная, замки два, ящики зъ обрѣзками, штамету зеленого шматовъ три, до которихъ сознался Гойскій, маниста три шнурки; грошей готовихъ копъ шесть и шаговъ 17 и еще зол. 7, которие отобрала шкодуючая Маря; шапка жоночая куняя, кунтушъ чорній мужскій старій, поясъ старій рябій, шматъ сукна чорного, до которого признался Орѣщенко, поясъ одинъ шовковій Гойского, околица простая Гойского, перстнѣ два сребніе, фашея 1, удила 1.

Скриня першая; въ ней рѣчей напродъ: кошуль женскихъ 15, плахта, шовкомъ перетиканая 1, чепецъ, шовкомъ шитій со злотомъ 1, баволница 1, серпанокъ 1, скатертей 2, ручниковъ 4, запаска жовтогарячая, штаметовая, старая 1, чарки двѣ сребния.

Скриня другая: наволочокъ 5, клубочковъ ляныхъ три, воску шматковъ 4, ручникъ 1, наволочка 1 малая, три шматки полотна попсованого, куманъ мѣдній зъ медомъ, до которого сознался Орѣщенокъ и отобралъ, ланцугъ до армати, Орѣщенковъ-же впять, кресъ ручничній, ручница Благовѣщенского попа (отобралъ), пороховница зопсованая Орѣщенкова, шапка суконная съ черною околицею, ленчикъ старий зо всѣмъ приборомъ, корова одна, скатерть 1, шматъ полотна старого, сорочка драная и старая мужская, серпанковъ нарѣзанихъ 2, ширинка 1, казанецъ, которій отобрала Маря Тимофѣевна, шипъ долгій зъ черепами, пѣшня 1, списъ, киндяку зеленого штучка, до которого приискался Глухій и отобралъ, кандѣйка мѣдная Орѣщенкова, круцѣфиксъ 1, мѣдникъ маленкій, горѣлки въ барилцѣ куфловъ на 2, которую отобрала Маря.

В) Реестръ, что на ратушѣ принесенно зъ рухлядей Дмитровыхъ.

Скриня, а въ ней: простирадло, заполоччу шитое 1, простирадло ляховчаное 1, капотъ штаметовій 1, наволочокъ холстинныхъ 3, ручниковъ 3, полотна шматокъ 1, байбаракъ синѣй, чорнимъ хутромъ подбитій; сорочокъ женскихъ и мужскихъ 10, духовница на пляцъ, скатертей 3, серпанковъ 5, кунтушъ мужескій каруновый, взятъ въ дворъ полкового сотника, шабля простая кулечина, которая отобрана, корова гнѣдая съ телямъ.

Шестой документъ даетъ понятіе объ имуществѣ священника и гардеробѣ его и его дочери по тѣмъ пожиткамъ, какіе захвачены были разбойниками изъ его загороднаго двора. Документъ относится къ 1729 г. Имущество значительной цѣнности, хотя это только часть его. Владѣлецъ его, протопопъ стародубскій Θеодоръ Подгурскій, вѣроятно желалъ разыскать пограбленное и представилъ реестръ въ магистратъ:

Реестръ, сколько и якіе пожитки зъ двора моего загородного стародубовскаго напавши разбойники побрали, о чемъ ниже сего явствуетъ со цѣною.

Ряса новая перцового сеетового сукна, мѣри полшеста локтя, завойками лисѣми подшитая и съ срѣбнимъ шнуркомъ, подъ фут-

ромъ, лиштви крашениніе, коштуетъ мене совсѣмъ 14 р. 55 к.

Кафтанъ новый блакитного лудану середной руки, мѣри аршинъ тринадцять изъ срѣбнимъ шнуркомъ и срѣбнихъ ґузѣковъ 24, на бавовнѣ, подшитій крашаниною блакитною . . . . 15 » 60 »

Кунтушъ дочери моеи рецетовый, жовтый, новый, зъ золотимъ ґалономъ въ кругъ по разу, а по шлямахъ по два рази и шнуркомъ золотимъ обложеній, лисѣми шлямами добрими подшитій и ґарлами добре опушенъ . . . . 50 » — »

Кунтушъ дочерѣ моеи зъ локтевого полуґранату, новый, золотими корунками й шнуркомъ золотимъ округъ обложенъ, сѣбѣрковимъ футромъ подшитій . 24 » — »

Кунтушъ оливкового полуґранату, мѣри локотъ пять, срѣбнимъ шнуркомъ уси золотимъ ґаліономъ обложени, лиштви полутабинковіе . . . . . 16 » 40 »

Кунтушъ сееги кропивной, нови, золотимъ пузументомъ уси обложени, лиштви аксамитніе . . . . 15 » — »

Кунтушъ лудану вишневого дванадцять аршинъ, срѣбнимъ шнуркомъ, лиштви додолніи лудану кропивного, подшитіи крешеніною . . . . . . 12 » — »

Кунтушъ буракового лудану великои руки, аршинъ десятъ, срѣбнимъ шнуркомъ, лиштви зеленіи полутабинковіе, крашеніною подшитій . . . . . 14 » 40 »

Сподниця новая, бѣлокосу доброго, у пять бритъ, локотъ десятъ вкругъ, золотимъ ґалономъ обложена въ три ряди, шнуровка другого бѣлокосу, якъ водится, ґалономъ золотимъ обложена и вся сподница крашеніною подбитая . . . . 16 » 50 »

Сподница новая блакитного лудану великой руки, у чтири брити, локотъ восѣмъ въ долѣ, кругомъ въ три ряди борщевими басаманами обложена, шнуровка червоного лудану корунками золотими, якъ ведется, обложена; сподниця крашеніною вся подшита . . 12 » — »

Сподниця темнозеленои венецкои дуклѣ, новая, локотъ сѣмъ, басаманами червоними кругомъ въ три ряди обложена, которіи басамани купуются локоть по осмъ

копіекъ, шнуровка рецети ģранатовой, такими-жъ басаманами обложена, крашеніною подшитая . .	10 р.	— к.
Плахотъ двѣ новыхъ	10 »	— »
Запаска бѣлокосу пасѣстого, локотъ чтири . . .	8 »	— »
Запасокъ три полутабенковихъ новихъ . . .	6 »	— »
Поясовъ три, единъ полушаліовый, другій дуклѣ венецкой пять локотъ, третѣй атласковій великой руки . .	6 »	40 »
Чепцовъ пять, еденъ на аксамѣтѣ венецкомъ, золотомъ гаптованій, другій на табинѣ золотомъ гаптованій, а три шовкомъ на луданахъ шитіе . .	17 »	— »
Шапка аксамиту венецкого червоного, соболяя, широкими корунками золотими обложена . . .	14 »	— »
Шапка куняя суконная, карунками золотими широкими обложена	6 »	— »
Звензокъ чтири, одна дуклѣ венецкой, зъ ģаліономъ золотимъ, шириною въ полъ чвертки, а три зъ бейберейки по чтири локтѣ, да еще одна стафтовая, всѣ чтири не шитіи	13 »	20 »
Золота и срѣбра цѣвокъ три	4 »	20 »
Конецъ золотій зъ френзлями золотими . . .	8 »	— »
Баволницъ новихъ три, а мало заживанихъ баволницъ пять, рубковъ добрихъ пять штукъ, серпанковъ сѣмъ, подвичокъ пять	29 »	— »
Караліовъ червонихъ, въ низцѣ одной двадцять шестъ, большиною въ орѣхъ лѣсковій зерно . . .	25 »	— »
Ланцужокъ у восѣмъ червонихъ, тамже и срибра ламаного съ фунтъ	22 »	— »
Зливокъ золота червонихъ двадцять сѣмъ . . .	59 »	40 »
Перснювъ два злоцѣстихъ, у пять червонихъ, единъ зъ яхонтомъ, а другій съ кривавцемъ. . . .	14 »	— »
Два кубки шрубованіе, срѣбніи позлоцаніи. . .	5 »	— »
Ложокъ чтири, срѣбнихъ двѣ, позлоцанихъ, а двѣ нѣтъ.	10 »	— »
Келѣшокъ срѣбній позлоцаній	2 »	— »
Запона новая, полуколоменковая, зъ лиштвами коломейковими	5 »	— »
Цѣнѣ тарѣлокъ осѣмъ, полумисокъ великій одинъ и фляша болшая	9 »	60 »

Мѣдній ковшъ великій, фунтовъ сѣмъ, кандѣйка, фунтовъ два, можщиръ зъ кручкомъ спижовимъ, фунтовъ 8.	5 р. 10 к.
Куницъ робленихъ чиненихъ пять	9 » — »
Рисіовъ добрихъ чиненихъ пятъ	25 » — »
Бобровъ три добрихъ, видиръ добрихъ двѣ . . .	8 » — »
Бейберейки вишневой косякъ цѣлій	8 » — »
Бейберейки кропивной двадцять локотъ . . .	10 » — »
Лудану блакитного полкосяка	5 » — »
Червоного лудану локотъ чтири	4 » — »
Зъ платя бѣлого: сорочокъ новихъ женскихъ, полотна швабского 10, рубкового 10, московского 15, да ношенихъ сорочекъ 15, да музкихъ новихъ швабского и рубкового полотна пять паръ . . .	— » — »
Постѣль новая швабского полотна, срѣбромъ и чорнимъ шолкомъ шитая, наволочокъ 4, да простира у пятъ полъ, такъ-же золотомъ и шолкомъ шитая .	15 » — »
Наволочокъ новихъ цвѣлѣховихъ сѣмъ . . .	3 » 50 »
Постѣль московского полотна съ карунками, наволочокъ сѣмъ и простира	5 » — »
Постѣль заполочю шитая и простира, наволочокъ великихъ 7, а малихъ шестьнадцятъ. . . .	8 » — »
Скатертей ǥданскихъ три и ручниковъ ǥданскихъ пять.	18 » — »
Скатертей наскихъ добрихъ, заполочю перетиканихъ 11 и ручниковъ наскихъ, заполочу-жъ перетиканихъ, да шитихъ двадцать, да хустокъ серпанковыхъ заполочнихъ тридцять	24 » — »
Хустокъ золотомъ и сребромъ шитихъ 30 . . .	45 » — »
Хустокъ злотомъ и срѣбромъ шитихъ 40, а матеріальныхъ пятдесятъ . . . . . , . .	55 » — »
Рукавицѣ палчатіе ǥданскіе и рукавицѣ зъ лапъ волчіе.	1 » — »
Кубокъ резаній чистого кришталю, на днѣ визолоченъ, и окуляръ двое	1 » — »
Папѣру лѣберъ пять и панчохи ǥданскіе . . .	1 » — »
А о прочіихъ вещахъ не могу упомнить. Итого .	810 » 35 »

Седьмой документъ особаго рода. Это счетъ портного, поданный сотнику (фамилія неизвѣстна) въ мѣстечкѣ Воронежѣ объ уплатѣ за

разныя портняжныя, исполненныя для него и его семьи, работы. Заглавіе и счетъ слѣд.:

Реестръ мнѣ Карпу, кравцю для ради памъяти на сотника воронижского много одежи пошивъ.

Пошивъ вилчуру, а за вилчурою попелястий каптанъ,
еще тежъ сотницѣ пошивъ киндяковий на баволнѣ,
еще тежъ Павлу пошили киндяковий каптанъ,
еще тежъ сотниковнѣ пошивъ папужий кунтишъ,
еще тежъ сотниковнѣ пошивъ лудановий соломъястий,
еще тежъ пошивъ сотниковнѣ тузинъ новихъ кунтишъ на чорному футрѣ,
еще тежъ сотницѣ пошивъ гусарку лудановую на бѣлкахъ,
еще тежъ сотницѣ пошивъ фиялковую гусарку на баволнѣ,
еще тежъ пошивъ сотницѣ табиновий кунтишъ,
еще тежъ коломийковий каптанъ Павлу,
еще тежъ лудановий попелястий переправлявъ и подшивавъ сѣбѣрками,
еще тежъ пошивъ Павлу дукловий чирвоний чеканений каптанъ,
еще тежъ пошивъ сотнику темнозелений косолбаский каптанъ,
еще тежъ пошивъ сотнику кунтишъ полушкарлатовий,
еще тежъ пошивъ сотницѣ гвоздѣковий на зайцахъ,
еще тежъ пошивъ Семенку каптанъ киндяковий на баволнѣ,
еще тежъ пошивъ сотнику бѣлий каптанъ,
еще тежъ пошивъ Павълу французский кунтишъ,
еще тежъ пошивъ Павлу бѣлий каптанъ,
еще тежъ пошивъ мамсовий каптанъ Павлу,
еще тежъ пошивъ Ивасю каптанъ и кунтушикъ,
еще тежъ пошили сотницѣ киндяковую гусарку,
еще тежъ пошивъ Ганнусѣ киндяковую гусарку,
еще тежъ пошивъ Грицю каптанокъ и кунтушикъ,
еще тежъ сотнику кармазиновий кунтушъ лицовали и подшивали,
еще тежъ и другий кунтишъ переправляли,
еще тежъ пошивъ Семенку киндяковий каптанъ безъ баволны,
еще тежъ Парасѣ лицовали блакитний кунтушъ; темнозелений кунтушъ тонкий лядский пану сотнику перешивавъ, а потимъ, якъ износилъ, и сыну его тотже кунтушъ перешилъ. За все сее не платилъ.

Мѣетъ панъ сотникъ сему суплѣкуючому заплатити за всю работу сюю тридцать золотихъ его милости, а вже узялъ сей кравецъ Карпъ Яременко полпята золотого.

Наконецъ восьмой документъ—списокъ вещей неизвѣстнаго, переданныхъ на удовлетвореніе кого-то по рѣшенію судебному, отличается особою обстоятельностію въ описаніи матеріи вещей и ихъ украшеній. Документъ относится къ 1734 г.

Реестръ, сколько по указу суда енералного имѣнія зъ Фантъ матки моей и моихъ бунчуковимъ товарищемъ Федоромъ Чуйкевичемъ сотнику новомълинскому Івану Шишкевичу отдано:

Кунтишъ матки моей матеріалній лудановій фиялковій зъ сребнимъ шнуркомъ; цена въ ному десятъ рублей.

Кунтишъ мужескій тонкого сукна папужого, лисѣмъ футромъ добримъ подшитій, съ тясмою сребною и подпашниками сребнимъ-же пузиментомъ; цена въ ному тридцятъ одинъ рубль сорокъ коп.

Кунтишъ мужескій тонкого сукна капарового, футромъ попелицями подшитій, съ шнуркомъ сребнимъ и подпашники пузументу сребного, цена въ ному пятнадцятъ рублей.

Кафтанъ мужескій матеріялній ѕзигренетовій зеленій зъ сребнимъ пузументомъ; цена оному дванадцятъ рублей.

Кунтишъ мужескій тонкого сукна кармазинового, кругомъ оного сребній пузиментъ зъ тясмою кругомъ же сребною и подпашники сребного-же пузументу, зъ лиштвами аксамитними зеленими: цена оному двадцять рублей тридцатъ копеекъ.

Кафтанъ мужескій матеріялній штофовій зъ сребнимъ шнуркомъ, цена въ ному двадцять руб. двѣ копѣйки.

Кунтушъ мужескій тонкого сукна злоткового, футромъ попелицями добрими подшитій, около оного сребній шнурокъ 1, подпашники пузументу сребного, цена въ ному двадцятъ рублей сѣмдесятъ коп.

Кунтишъ мужескій другій тонкого сукна злоткового-жъ, футромъ попелицями добрими подшитій, около оного сребній шнурокъ зъ подпашники сребного-жъ пузументу: цена въ ному двадцат рублей сѣмдесятъ копѣекъ.

Килимъ добрій новій, цена въ ному чтиру рубли. Скриню болшую, зелѣзомъ окованую; цена оной пять рублей.

Итого за означенніе пожитки денегъ 159 руб. 12 коп.

Сонъ пресв. Богородицы по списку генеральнаго войсковаго судьи Савы.

Въ числѣ фамильныхъ бумагъ Савичей сохранилась небольшая, въ нѣсколько осьмушечныхъ листиковъ, рукописная книжечка, бумаги, утратившей свой первоначальный цвѣтъ, въ бумажной клееной обложкѣ, до крайности засаленной и истертой, что все свидѣтельствуетъ о древности книжечки и ея частомъ употребленіи. Въ этой-то книжечкѣ, принадлежавшей, судя по почерку XVII ст., родоначальнику Савичей, войсковому генеральному судьѣ Савѣ, записанъ когда-то сильно распространенный въ южнорусскомъ обществѣ апокрифъ, въ составъ котораго входилъ такъ называемый „Сонъ пресв. Богородицы“ и „Листъ“ (письмо, сказаніе) *о недѣлѣ*, т. е. о празднованіи дня воскреснаго, съ присовокупленіемъ и вообще морали христіанской.

Списковъ этого апокрифа существуетъ уже въ печати такъ много (въ „Калѣкахъ Перехожихъ“ 27, въ „Руководствѣ для сельскихъ пастырей“ 1861 г. два, въ „Собраніи поученій“ протоіерея Малова одинъ), что надобности въ новомъ спискѣ по видимому не представлялось бы вовсе. Но списокъ, о которомъ мы говоримъ, во первыхъ принадлежитъ извѣстному историческому лицу и его роду, во вторыхъ онъ одинъ изъ числа наиболѣе древнихъ и въ третьихъ въ немъ замѣтна сильная малорусская окраска не только въ языкѣ, но едва ли и не въ самомъ текстѣ, по крайней мѣрѣ, послѣдней его части. Ради этихъ-то особенностей сего списка мы и даемъ ему мѣсто на страницахъ нашего журнала.

Происхожденіе обоихъ апокрифовъ „Сна“ и „Листа о недѣлѣ“ несомнѣнно западное, хотя мы и не знаемъ ихъ прототиповъ. Въ основѣ перваго лежитъ измышленное преданіе о томъ, что пресв. Матерь Божія видѣла въ пророческомъ снѣ возлюбленнаго Сына своего. Преданію придана форма бесѣды Іисуса Христа съ пречистою Его матерью о видѣнномъ ею снѣ, а къ нему присочинены слова Спасителя о благодатныхъ послѣд-

ствіяхъ содержанія при себѣ записи о такомъ снѣ. Въ основу втораго сказанія положено небесное его происхожденіе и чудодѣйственная сила храненія христіаниномъ при себѣ списка этого сказанія. Дальнѣйшія христіанскія сентенціи и заключеніе, съ проклятіемъ не почитающихъ сказанія и широкими обѣщаніями для хранящихъ и распространяющихъ оное, составляютъ по всей вѣроятности позднѣйшую приставку и амплификацію на готовую тему. Отсюда повторенія въ сказаніи, отсутствіе единства мысли и нѣкоторая абсурдность, которой не могло не примѣчать только суевѣріе стараго, невѣжественнаго времени.

Какъ рано проникли къ намъ эти апокрифы, рѣшить трудно. Въ Лѣтописцѣ Ерлича подъ 1660 г., послѣ приведенія двухъ списковъ названнаго апокрифа замѣчено, что листъ этотъ писанъ 1546 года. Сличая нашъ списокъ съ спискомъ Ерлича, усматриваемъ между ними буквальное сходство. Не можетъ быть однако сомнѣнія, что здѣсь не польскій текстъ переложенъ съ южно-русскаго, а наоборотъ южно-русскій представляетъ переводъ съ польскаго. Одинъ изъ списковъ этого перевода попалъ и къ войсковому генеральному судьѣ Савѣ, сохранившему его для своего рода и нашего времени. Вотъ этотъ списокъ, воспроизведенный съ точностію съ оригинала.

Сонъ пресвятой Богородицы, спящей на горѣ Оливной.

Гди единого часу заснула пресвятая Богородица на горѣ Оливной, и пришолъ до ней Іисусъ Христосъ Сынъ Божій и рекъ до ней: «наймилшая матко моя! Спишъ или чуешъ»? Очнулася пресвятая Богородица и рекла до Него: «Сыну мой наймилшій! алемъ ся очнула и снился мнѣ сонъ дивній о Тебѣ: видѣлемъ Тебѣ поиманого и звязанного предъ Яниша и Каіафу приведенного и у столпа бичованнаго, и съ Твоей святой головы кровь струменми плинула, и Твое пребожественное тѣло, якъ кора отъ древа отпала». Іисусъ Христосъ рекъ до ней: «матко моя милая! правдивый сей сонъ снился о мнѣ, такъ маетъ быти; ꙅди кто колвекъ будетъ тотъ листъ при собѣ мѣти, то будетъ ласку мою мѣти, и при смерти его я самъ буду и пресвятая Богородица, матка моя будетъ, и аггели озмутъ душу его до царства небесного на вѣчнія вѣки. Аминь».

Сей листъ былъ у гроба Божого, и писанъ сей листъ у Іерусалимѣ.

Листъ Іисуса назарейскаго, царя іудейскаго.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь. Тие слова святие на сей свѣтъ зосланніе отъ самаго Господа нашего Іисуса Христа Львовѣ папѣжевѣ; а Левъ тежъ, освятивши его, послалъ брату своему королю противъ непріятеля. А тотъ листъ такую моцъ маетъ, же хто его хотѣлъ бы читати, албо съ пилностю слухати, то таковий чловѣкъ на сорокъ дний отпущенія грѣховъ своихъ маетъ и жадная речъ злая шкодити не можетъ; а въ которому дому тотъ листъ будетъ, тому дому ни огнь, ни громъ, ни чари, ни иншая речъ злая шкодити можетъ; а которая жена бѣлоȣлова, беременна будучи, и тотъ листъ при собѣ мѣти будетъ въ тотъ часъ, легко отроча породитъ, мовячи тие слова: «Іисусъ надо мною и со мною обронцемъ моимъ есть, Іисусъ мене стережетъ отъ усякаго зла во дни и въ нощи и на каждую годину отъ діявола шкаредного. Прошу Тебе Господа Бога моего презъ муку Твою святую, которую еси терпѣлъ за насъ грѣшнихъ и кровъ Твою святую виляти рачилъ. Святий великий Іоанне, пророче, предотече и крестителю Христовъ, которого еси Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа во Іорданьстѣй рѣцѣ крестилъ, стережи и насъ грѣшнихъ отъ огня, и меча, и стрелби, и отъ всякаго зла, аби мнѣ нѣчого злого шкодити не могло. А сей листъ знайденъ въ землѣ британской, на горѣ Оливной, предъ образомъ архистратига Христова Михаила», и хто его хотѣлъ читати, албо переписати, то самъ ся ему оттворувалъ. А тотъ листъ написанъ билъ златими лѣтерами, ижъ мовитъ: «Я Іисусъ Христосъ, Сынъ Бога живаго, приказую вамъ и объявляю моцъ Божества Своего, абисте денъ неделний чтили и жаднихъ роботъ не робили, и корѣня въ городахъ не копали, и на пожитокъ душамъ своимъ не оборочали, и жеби вѣрили и молилися, ижъ правдивий Сынъ Божий моцю Божества Своего тотъ листъ написалъ и училъ, абисте добре ся справовали на семъ подолѣ земномъ, бо Я вамъ далъ шесть днѝй роботы, а семіи денъ, неделю, святити его, на добрая дѣла и учинки, ку помноженю хвали Своея; а если не будете добре чинити, то буду васъ карати голодомъ нестерпимимъ, повѣтрямъ злимъ, войною сроȣою, побужу царя на царя, короля на короля, пана на пана, мѣсто на мѣсто (и востанетъ) отецъ на сына, сынъ на отца, сестра на сестру, братъ на брата, сусѣдъ на сусѣда, и будетъ между вами великое кровопролитіе,

всѣхъ васъ ускромлю и пиху у васъ отиму. И еще васъ буду карати громомъ и блистаніемъ, абисте познали гнѣвъ Божій и справедливость Мою; а то для грѣховъ вашихъ. Еще васъ упоминаю, которій естъ день неделя, абисте до церкви ходили, а злихъ учинковъ не чинили, и если не будете приказаня Моего слухати, то перепущу на васъ птахи чорние, которіе, лѣтаючи, на васъ будутъ кричати и нещадно кусати, отъ которихъ злое повѣтрие походити будетъ. И еще вамъ приказую, абисте въ суботу по вечерни не робили, для пречистой Матки Моей, бо ꙃди-би Матка Моя за васъ не молилася, давно бисте погинули и горкою смертію померли. А въ неделю повиненъ кождій человѣкъ старий и молодий зъ женами своими и зъ дѣтками до церкви Божой ходити и розмишляти о грѣсехъ своихъ, что есте согрѣшили. Еще вамъ упоминаю презъ муку Мою святую, абисте криво не присягали, свѣдоцтва фалшивого вистерѣгалися, и ни небомъ, ни землею, ни инною коею клятвою не клялися, буди-же вамъ ей-ей, ни-ни: бо Я васъ сотворилъ по образу Своему, а ви, людие, гнѣву Моего не пожадайте, отца и матку шануйте, старихъ поважайте, нищими убогими не гордѣте. Если будете ведлугъ словесъ Моихъ справоватся, то дамъ вамъ царство небесное и отпущеніе грѣховъ вашихъ. А въ востатку приказую вамъ, абисте вѣрили тому листу; а которий человѣкъ не вѣритъ, проклятъ будетъ и наглою смертію помретъ; а которій человѣкъ тому листъ вѣрити будетъ и тотъ листъ у себе мѣти будетъ, аби его роздзвалъ отъ дому до дому читати и переписовати: то если-би мѣлъ человѣкъ грѣховъ якъ пѣску въ морѣ, якъ листу на древѣ, якъ звѣздъ на небѣ, то всѣ ему отпущенн будутъ и царства небесного доступитъ. Ему-же честь и слава нынѣ и присно и вовѣки вѣковъ. Аминь.

Библіографія.

Гр. Алексѣевичъ Бобринскій. Курганы и случайныя археологическія находки близъ мѣстечка Смѣлы. Дневники пятилѣтнихъ раскопокъ. Спб. 1887 г.

Въ свое время, давая отзывъ о первомъ томѣ «Трудовъ» одесскаго археологическаго съѣзда, мы говорили и о помѣщенномъ тамъ солидномъ трудѣ названнаго выше ученаго, представлявшемъ плодъ раскопки 16 кургановъ въ окрестностяхъ мѣстечка Смѣлы, произведенныхъ имъ въ 1881—1884 г. Тогда мы высказывали сожалѣніе, что рефератъ гр. Бобринскаго не былъ иллюстрированъ ни однимъ рисункомъ. Лежащій нынѣ передъ нами новый его трудъ, снабженный множествомъ великолѣпно выполненныхъ рисунковъ, способенъ удовлетворить самымъ строгимъ требованіямъ со стороны полноты, точности и изящества изданія. Графъ Бобринскій ученый въ высшей степени добросовѣстный, аккуратный и осторожный; онъ не гонится за окончательными выводами тамъ, гдѣ они могутъ быть преждевременными: у него всегда впереди фактъ, точнѣйшимъ образомъ записанный, потомъ слѣдуетъ объективное и разностороннее изслѣдованіе его, на основаніи аналогій съ опубликованными ранѣе данными по археологіи Россіи, Азіи и западной Европы, и наконецъ антропологическія измѣренія. Строго соблюдая такую объективность въ своемъ трудѣ, гр. Бобринскій по этому самому избѣгаетъ искуственности въ изложеніи и печатаетъ нынѣ «дневники» своихъ пятилѣтнихъ раскопокъ, удѣляя особо мѣсто своимъ «соображеніямъ».

Вновь изданный теперь трудъ гр. Бобринскаго даетъ вчетверо больше археологическаго матеріала, чѣмъ рефератъ его на одесскомъ съѣздѣ, заключая дневники раскопокъ свыше пятидесяти кургановъ и кромѣ того описаніе случайныхъ находокъ близъ мѣстечка Смѣлы, которыя случилось ему пріобрѣсти у крестьянъ, или только видѣть у другихъ

владѣльцевъ. Но самъ онъ отнюдь не принадлежитъ къ типу антикваровъ коллекціонистовъ, напротивъ наука у него всегда на первомъ мѣстѣ, строгое изслѣдованіе выше золота и серебра; онъ говоритъ: «... послѣдователь, желающій принести свою долю пользы....., долженъ заранѣе отрѣшиться отъ погони за цѣнными предметами, даже вообще отъ исключительнаго розыска предметовъ древняго быта. Изслѣдованіе кургана, въ которомъ не найдено никакихъ вещей, можетъ, при тщательномъ описаніи встрѣтившихся въ немъ костей животныхъ и подробностей положенія человѣческаго остова, принести наукѣ несомнѣнно большую пользу, нежели находка золотыхъ или серебряныхъ предметовъ».

Полученный раскопками матеріалъ гр. Бобринскій дѣлитъ на нѣсколько культурно-историческихъ группъ.

Къ первой хронологической группѣ относится стоянка и мастерская каменнаго вѣка у подножья Юрьевой горы, къ сѣверу отъ мѣстечка Смѣлы. Здѣсь найдено много кремневыхъ ножей, скребковъ, стрѣлъ, ядрищъ, глиняныхъ черепковъ отъ посуды первобытнаго производства, пряслицъ, а въ верхнемъ слоѣ почвы—мѣдная проволока. Наиболѣе тщательной отдѣлкой отличались, по замѣчанію автора, скребки и ножи, напротивъ наконечники стрѣлъ отличались крайнею грубостью, какъ будто «болѣе изящныхъ стрѣлокъ не требовалось». Любопытно, что кремневыя орудія попадались изрѣдка и въ могилахъ, содержавшихъ металлы. Вмѣстѣ съ названными предметами найдены кости лошади, коровы, барана, свиньи, оленя, лисицы и дикой козы. Интересно было бы знать, всѣ ли найденныя кости принадлежали породамъ животныхъ дикихъ; но на это мы не нашли указаній въ трудѣ гр. Бобринскаго.

Раскопки могилъ неподалеку отъ указанной стоянки каменнаго вѣка, равно и въ нѣкоторыхъ другихъ пунктахъ изслѣдованной мѣстности, открыли слѣды погребенія въ неглубокой грунтовой ямѣ, въ деревянномъ склепѣ; скелетъ находился всегда на боку, въ согнутомъ положеніи, часто скелетъ и кости извлекались покрытыми красной краской, и обыкновенно въ сильно разрушенномъ состояніи; чаще всего скелетъ лежалъ головою къ западу; вещей обыкновенно не находимо было никакихъ, изрѣдка только попадались куски краски, осколки кремня и черепки грубой выдѣлки посуды. Окраска череповъ и костей вызвала автора на соображенія, при чемъ, основательно затрудняясь высказать рѣшительное заключеніе по этому предмету, онъ съ большимъ довѣріемъ остановился на томъ, что окраска эта могла перейти на кости отъ обрушившейся кровли склепа, внутреннія части котораго могли быть выкрашены, хотя какъ самому автору, такъ и намъ вмѣстѣ съ нимъ, объясненіе это кажется не вполнѣ удовлетворительнымъ. Могилы описан-

наго типа находимы были раньше въ екатеринославской губерніи, а въ послѣднее время и въ херсонской. Изъ кургановъ этой категоріи замѣчателенъ майданъ на Юрьевой горѣ; собственно, это не курганъ въ обыкновенномъ смыслѣ слова, а круглый валъ, съ углубленіемъ по серединѣ; тѣмъ не менѣе раскопка его дала доказательства, что часть его служила для цѣлей погребенія и при томъ очень своеобразнаго: покойники были положены въ толстые выдолбленные стволы и прикрыты сверху деревьями; вещественныхъ находокъ сдѣлано мало, но найденное указываетъ на чрезвычайную древность могилы. Однако вопросъ о томъ, дана ли кургану настоящая его форма при первоначальной насыпкѣ, или же погребальный курганъ иного вида былъ утилизированъ послѣ для другихъ цѣлей, остается открытымъ.

Въ особую группу выдѣляются авторомъ два кургана на берегу р. Серебрянки, содержавшіе мелкія кремневыя орудія, глиняные черепки и такіе-же цѣлые горшки, мѣдную урну и удила. Одинъ изъ этихъ кургановъ отличался своеобразною особенностью, а именно въ насыпи открыты двѣ большія деревянныя крыши загадочнаго назначенія, покрывавшія ее и построенныя одна сверху другой. Второй экземпляръ такой же могилы съ крышами констатированъ въ другомъ пунктѣ побережья р. Серебрянки, но эта могила заключала желѣзныя вещи (принадлежности удилъ и ножи).

Рѣзко характерными чертами отличаются одинадцать кургановъ въ группѣ надъ Холоднымъ Яромъ. Достойно вниманія, что группа эта состоитъ изъ небольшихъ могилъ, совершенно одинаковыхъ по наружному виду, но по условіямъ погребенія и по своему содержимому распадающихся на два различныхъ типа: одинъ, древнѣйшій, примыкаетъ къ первому изъ указанныхъ выше типовъ (согнутое положеніе остова, крашеные черепа, отсутствіе предметовъ быта), другой напротивъ того принадлежитъ народности высоко-культурной и богатъ предметами ремесла и искусства. Могильныя ямы этого типа могилъ, вырытыя въ грунтѣ, отличаются большими размѣрами и расширяются внизу; иногда онѣ обстраиваются деревянными склепами, подобно могиламъ древнѣйшаго типа; человѣческіе остовы находятся въ лучшей сохранности; объ окраскѣ костей нѣтъ и помину; покойники обыкновенно положены на спинѣ, большею частію головами на западъ; въ головахъ ихъ постоянно встрѣчаются кости животныхъ, а именно лошади, коровы и барана и при нихъ желѣзные ножи; находимы были также: глиняная посуда, остатки деревянныхъ вещей, слѣды тканей и одѣяній, предметы изъ камня, кости, стекла, желѣза, бронзы, серебра, золота, янтаря и халцедона, относящіяся къ оружію и къ предметамъ украшенія. Посуда—болѣе совер-

шенной отдѣлки; въ нѣкоторыхъ экземплярахъ замѣтно подражаніе греческимъ образцамъ, а одна небольшая изящная вазочка несомнѣнно греческой работы. Одѣяніе было цвѣтное и украшалось изящнымъ, разноцвѣтнымъ галуномъ. Любопытно, что изрѣдка и въ этихъ могилахъ попадались отдѣльными экземплярами кремневыя орудія. Часто попадались игральныя кости (астрагалы козъ). Замѣчателемъ костяной набалдашникъ палки или орудія, искуссно выдѣланный въ видѣ львиной головки. По замѣчанію гр. Бобринскаго, «набалдашникъ этотъ носитъ отпечатокъ древняго востока: такія львиныя головки встрѣчаются на ассирійскихъ предметахъ разнаго рода". Находимы были бусы—стеклянныя, костяныя и янтарныя. При одномъ женскомъ остовѣ найдены были двѣ стеклянныя круглыя пластинки, и на одной изъ нихъ видѣнъ былъ изящный рисунокъ, изображавшій женщину птицу, быть можетъ, Леду и лебедя. Изъ желѣзныхъ вещей найдены копья, ножи, браслеты, кольца, иглы, изъ бронзовыхъ и мѣдныхъ стрѣлы, зеркала, браслеты и кольца, изъ серебряныхъ серьги и другія украшенія, изъ золотыхъ нѣсколько маленькихъ четыреугольныхъ пластинокъ съ изображеніемъ грифоновъ. Но особенно важною находкою былъ цилиндръ изъ халцедона, на которомъ выгравированъ конь, съ крылатымъ шаромъ—ассирійской эмблемой верховнаго существа. Ассирійскіе цилиндры, служившіе печатями, ранѣе не были находимы въ мѣстности столь сѣверной. Предметъ этотъ свидѣтельствуетъ о большой роскоши древнихъ обитателей изслѣдованной мѣстности и объ ихъ отдаленныхъ торговыхъ сношеніяхъ. «На обширныя торговыя сношенія указаваютъ: янтарь (съ сѣверомъ), греческіе предметы (съ югомъ) и ассирійскія украшенія (съ востокомъ)". Но при этомъ бытъ этихъ давнихъ обитателей Смѣлы отличался и воинственностью: въ могилахъ ихъ постоянно встрѣчается оружіе, даже при женскихъ остовахъ; на костяхъ замѣчаются иногда слѣды ранъ, зажившихъ еще при жизни, а въ черепѣ одного покойника сохранилась вонзившаяся въ него бронзовая стрѣла, бывшая вѣроятно причиною его смерти. На основаніи разнообразныхъ указаній, почерпнутыхъ изъ изслѣдованія могилъ этой категоріи, авторъ останавливается на предположеніи, что могилы эти могутъ принадлежать эллинамъ, покинувшимъ побережья Чорнаго моря, поселившимся среди варваровъ и отчасти смѣшавшимся съ ними.

Два особыхъ типа погребенія представляютъ курганы обширнаго могильника близъ Гуляй-города, состоящаго болѣе чѣмъ изъ 400 могилъ. Одинъ типъ, обнаруженный въ одномъ только курганѣ, отличается слѣдующими чертами: въ грунтѣ выкопана была очень большая яма, на днѣ ея положено четыре покойника головами къ западу, въ особо вырытыхъ канавкахъ, въ головахъ ихъ, въ особыхъ нишахъ, поставлены

глиняные сосуды; по бокамъ ямы возведены деревянныя стѣны, надъ которыми устлана толстая деревянная же крыша и на ней положены еще покойники головами къ сѣверу, также съ горшками у изголовьевъ; наконецъ и надъ этимъ вторымъ этажемъ воздвигнута деревянная крыша. Изъ вещей, кромѣ довольно грубой посуды, найдена въ этой могилѣ бронзовая, спиралевидная бляшка. Второй типъ могилъ у Гуляй-города имѣетъ слѣдующія особенности: квадратная большая грунтовая яма обдѣлана склепомъ; скелеты лежатъ вдоль стѣнокъ ямы, въ разныхъ направленіяхъ, на спинѣ, съ вытянутыми конечностями; изъ предметовъ быта золотыхъ и серебряныхъ вещей не оказалось, но въ изобиліи попадались бронза, желѣзо, предметы изъ кости, стекла, дерева, кожи и глины. Изъ бронзовыхъ предметовъ замѣчательно одно зеркало, ручка котораго украшена бараньей головкой. Бронзовыя иглы для прикрѣпленія одежды похожи на гвозди и свидѣтельствуютъ о грубости тканей. Наконечники стрѣлъ—особаго типа и довольно большіе. Встрѣчались бронзовыя украшенія въ видѣ головы барана, волка, лошади; желѣзный панцырь изъ пластинокъ, нашивавшихся на одежду въ видѣ чешуи; куски красокъ красной, желтой и бѣлой. По замѣчанію гр. Бобринскаго, бронзовые предметы этаго могильника напоминаютъ кавказскія бронзы. Здѣсь мы не находимъ слѣдовъ греческаго вліянія, столь явственныхъ въ могилахъ надъ Холоднымъ Яромъ. Но съ другой стороны есть нѣкоторые факты, служащіе соединительнымъ звеномъ между этими двумя группами могилъ. Такимъ образомъ, хотя осторожный авторъ самъ и уклоняется отъ положительнаго отвѣта на вопросъ о народности покойниковъ послѣдняго могильника, но по всѣмъ полученнымъ имъ даннымъ самъ собою напрашивается отвѣтъ, что это были скиѳы.

Случайныя находки близъ м. Смѣлы состояли изъ каменныхъ и бронзовыхъ орудій, изъ желѣзныхъ мечей, изъ издѣлій костяныхъ и глиняныхъ предметовъ и т. п.; кромѣ того, найдено было два древнихъ клада, состоявшихъ изъ золотыхъ и серебряныхъ украшеній. На всемъ этомъ останавливаться мы не будемъ, потому что случайныя находки всегда имѣютъ интересъ больше для любителей, чѣмъ для науки.

Въ приложеніи помѣщена записка безъ подписи, на французскомъ языкѣ, прошлаго вѣка, о древностяхъ окрестностей Смѣлы.

Трудъ снабженъ двумя картами, украшенъ многими рисунками въ текстѣ и 24 особыми таблицами роскошныхъ рисунковъ, изображающими какъ предметы, найденные авторомъ, такъ и положеніе скелетовъ и вещей въ могилахъ и планы послѣднихъ.

Пожелаемъ почтенному труду гр. Бобринскаго вполнѣ заслуженнаго имъ успѣха.

В. Ястребовъ.

Квитка (Основяненко), Малороссійскія повѣсти. Харьковъ. 1887 г.

На дняхъ вышла въ Харьковѣ новая книга „Малороссійскія повѣсти, разсказанныя Грыцькомъ Основьяненкомъ". Изданіе харьковскаго уѣзднаго земства въ пользу народнаго училища, учрежденнаго на Основѣ въ память Григорія Ѳедоровича Квитки (Основьяненка), подъ редакціей профессора А. А. Потебни. Цѣна за 2 тома 2 рубля.

Мысль объ изданіи сочиненій Григорія Ѳедоровича Квитки (Грыцька Основьяненка), читаемъ въ предисловіи, возникла еще въ то время, когда харьковское общество готовилось праздновать столѣтіе (исполнившееся 18 ноября 1878 г.) со дня рожденія этого замѣчательнаго украинскаго писателя и выдающагося общественнаго дѣятеля своего времени. Починъ принадлежалъ земскому собранію харьковскаго уѣзда. Прочитанная въ его засѣданіи записка Ф. А. Павловскаго (бывшаго члена управы и училищнаго совѣта) и словесное заявленіе покойнаго гласнаго о. Александра Подольскаго (настоятеля церкви въ селѣ Основѣ) вызвали общее сочувствіе, сказавшееся въ слѣдующемъ постановленіи 16-го іюня 1878 г.: учредить въ с. Основѣ, на родинѣ писателя, школу съ преподаваніемъ садоводства и огородничества, и ходатайствовать о присвоеніи этой школѣ имени Г. Ѳ. Квитки. Содержаніе школы принято на средства земства съ небольшимъ пособіемъ, какое по приговору обязалось ежегодно вносить мѣстное сельское общество. Четыре десятины земли подъ школу подарены земству Андреемъ и Валеріаномъ Валеріановичами и Елисаветою Карловною Квитками. На постройку употребленъ матеріалъ отъ большаго амбара, пожертвованнаго крестьянскимъ обществомъ, и отъ старой церкви (по предложенію протоіерея Подольскаго и съ разрѣшенія епархіальнаго начальства), а также особый капиталъ (около 2,000 р.), составившійся въ управѣ ранѣе изъ пожертвованій, и всѣ остатки отъ земскихъ ассигновокъ по школѣ въ Основѣ. Заботы по учрежденію школы, выработкѣ программы и проч., а также по устройству юбилейнаго торжества возложены были земствомъ на особый комитетъ, подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства, какъ преемника той обязанности, которую много лѣтъ несъ покойный писатель. Въ составъ комитета первоначально вошли: Ф. А. Павловскій (секретарь комитета), о. Александръ Подольскій и А. Е. Зайкевичъ (профессоръ агрономіи въ харьковскомъ университетѣ).

Утвержденная г. министромъ внутреннихъ дѣлъ программа празднованія юбилея включила въ обязанность комитета заботы объ изданіи сочиненій Г. Ѳ. Квитки. Право изданія уступлено внуками писателя А. В. и В. В. Квитками въ собственность земства харьковскаго уѣзда,

подъ условіемъ, чтобы чистый доходъ поступалъ въ пользу школы, построенной въ Основѣ въ память Г. Ѳ. Квитки. Фондомъ изданія послужили спеціальныя пожертвованія отъ многихъ лицъ, поступившія въ комитетъ, начавшій дѣло изданія, продолженіе котораго, по постановленію земскаго собранія, поручено уѣздной управѣ.

Комитетъ, начавшій дѣло изданія сочиненій Квитки, вскорѣ распался, и самое дѣло остановилось на долгое время. Предсѣдатель харьковской уѣздной земской управы П. П. Флота въ прошломъ году взялся привести въ исполненіе давно задуманное намѣреніе объ изданіи сочиненій Г. Ѳ. Квитки и настойчиво довелъ это дѣло до вполнѣ благополучнаго исхода. Въ выборѣ и редактированіи сочиненій Квитки П. П. Флотѣ оказалъ содѣйствіе профессоръ А. А. Потебня. Малорусскія повѣсти Квитки изданы въ видѣ сборника въ 2 томахъ и въ видѣ отдѣльныхъ оттисковъ, причемъ сборникъ стоитъ 2 руб. съ пересылкою, а отдѣльныя брошюры тѣхъ повѣстей по цѣнамъ безъ пересылки: Маруся 20 коп., Мертвецькый велыкъ день 6 к., Добре робы, добре буде—10 к., Конотопьска видьма 20 к., Отъ тоби и скарбъ 6 к., Козырь дивка 12 к., Сердешна Оксана 12 коп., Пархимово сниданьня 5 к., Перекоты поле 10 к., Божи диты 10 к., Щира любовь 15 к. и Лысты до любезныхъ земляковъ 6 к. За пересылку этихъ брошюръ прилагаются почтовыя марки въ 2 к. за 4 лота, или по расчету марокъ въ 2 коп. за брошюры цѣною въ 5, 6 и 10 к. и по 2 к. за брошюры цѣною 12 и 20 к.

Пріобрѣсти книги эти можно въ помѣщеніи харьковской уѣздной земской управы на Клочковской улицѣ въ домѣ Пащенкова Тряпкина.

Книгопродавцамъ при требованіи не менѣе 25 экземпляровъ малороссійскихъ повѣстей въ двухъ томахъ и полнаго комплекта брошюръ дѣлается уступка въ 10% съ пересылкою за счетъ управы.

Г. Флота имѣетъ въ виду въ непродолжительномъ времени издать всѣ сочиненія Квитки на русскомъ литературномъ языкѣ, также въ пользу основянской школы имени Квитки. Хотя русскія повѣсти Квитки и не могутъ сравниться съ его малорусскими повѣстями по художественности, но и въ нихъ разбросано много цѣнныхъ историко-бытовыхъ подробностей и чертъ, ярко обрисовывающихъ житье-бытье слободско-украинскаго дворянства въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Изданіе русскихъ повѣстей Квитки тѣмъ болѣе желательно, что онѣ давно уже стали библіографической рѣдкостью.

С.

Историческіе очерки селъ конотопскаго уѣзда, А. Лазаревскаго. Юго-восточная часть уѣзда. Черниговъ. 1886 г.

Это небольшая брошюра, заключающая всего 33 страницы убористаго шрифта и тѣмъ не менѣе имѣющая неоспоримое право на примѣненіе къ ней пословицы: «малъ золотникъ, да дорогъ». Если не ошибаемся, она представляетъ оттиски изъ „Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ 1886 г., издана, очевидно, въ небольшомъ количествѣ и потому весьма легко можетъ остаться не замѣченною для тѣхъ, кто не слѣдитъ за провинціальными листками. Цѣль настоящей замѣтки обратить вниманіе любителей мѣстной старины на этотъ новый цѣнный трудъ неутомимаго ученаго, имя котораго издавна и совершенно заслуженно пользуется почетною извѣстностью въ нашей исторической литературѣ.

Настоящій выпускъ обнимаетъ историческіе очерки слѣдующихъ 11-ти поселеній юго-восточной части конотопскаго уѣзда: с.с. Великаго и Малаго Самборовъ, Дептовки, Кошаръ, Поноръ и Коренецкой, дер. Фесевки, Юровки, Савинецъ и Базиловки и мѣст. Краснаго Колядина, и—какъ объясняетъ почтенный авторъ—служитъ продолженіемъ такихъ же очерковъ, напечатанныхъ во II т. Записокъ черн. губ. статистическаго комитета 1868 г. и посвященныхъ описанію другихъ селъ того же уѣзда. Главное достоинство настоящаго очерка, какъ и всѣхъ предыдущихъ ученыхъ трудовъ А. М. Лазаревскаго, составляютъ: а) обиліе новаго всторическаго матеріала и б) особое искусство или умѣнье автора пользоваться имъ. Подобно другимъ южнорусскимъ историкамъ (Максимовичу, Костомарову, В. Б. Антоновичу), г. Лазаревскому приходится одновременно быть и собирателемъ историческихъ матеріаловъ, и заниматься научною ихъ обработкою. Людямъ, имѣющимъ удовольствіе лично знать почтеннаго ученаго, хорошо извѣстно, какъ велики и драгоцѣнны имѣющіяся въ его библіотекѣ коллекціи историческихъ матеріаловъ, надъ собираніемъ которыхъ онъ трудился всю жизнь. Поэтому все, что ни выходитъ изъ-подъ его пера, независимо уже отъ общепризнанной эрудиціи автора, имѣетъ прежде всего высокую научную цѣнность со стороны новизны, свѣжести и богатства фактическаго содержанія. Такъ и въ настоящихъ „очеркахъ“ исторія каждаго поселенія, со времени его возникновенія и до нашихъ почти дней, передается преимущественно на основаніи неизданныхъ, новыхъ матеріаловъ и нерѣдко богата весьма интересными бытовыми и экономическими подробностями, очень цѣнными и для общей исторіи края. Другой, менѣе опытный изслѣдователь, располагая столь богатымъ и еще, такъ сказать,

нетронутымъ матеріаломъ, легко могъ бы загромоздить свой трудъ массою мелочныхъ подробностей и малозначительныхъ, хотя бы и новыхъ, фактовъ. Г. Лазаревскій всегда счастливо умѣетъ избѣжать подобной крайности, и это чувство мѣры придаетъ еще большую цѣну его ученымъ трудамъ.

Въ провинціи всегда найдется не мало образованныхъ людей, которые, руководясь чувствомъ естественной привязанности къ мѣсту ихъ родины или жительства, живо интересуются всѣмъ, что относится къ прошлому данной мѣстности, и нерѣдко озадачиваются составленіемъ исторіи роднаго села, города или даже цѣлаго уѣзда. Для такихъ лицъ нельзя указать въ нашей литературѣ лучшаго образца, какъ разбираемый нами трудъ почтеннаго историка. Историческіе очерки отдѣльныхъ мѣстностей крайне желательны: они вносили бы въ общую исторію страны все новые факты и успѣшно распространяли бы въ обществѣ результаты спеціальныхъ научныхъ изысканій и тѣмъ способствовали бы развитію и укрѣпленію въ немъ историческаго знанія и самосознанія. Пожелаемъ, чтобы ученая дѣятельность А. М. Лазаревскаго, съ такою любовью посвящающаго свои труды, между прочимъ, и изученію исторіи своей ближайшей родины, нашла какъ можно болѣе подражателей не только въ средѣ присяжныхъ ученыхъ, но и среди обыкновенныхъ образованныхъ людей. Э—ь.

О скальныхъ пещерахъ на берегу Днѣстра въ подольской губерніи. Вл. Б. Антоновича. Одесса. 1886 г.

Слѣды мегалитическихъ построекъ въ Украйнѣ. Львовъ. 1886 г.

Брошюры, заглавіе которыхъ мы выписали, представляютъ оттиски знакомыхъ уже постояннымъ читателямъ «Кіев. Старины» двухъ рефератовъ, читанныхъ въ свое время на VI археологическомъ съѣздѣ, бывшемъ въ Одессѣ. Первый изъ нихъ принадлежитъ профессору Вл. Б. Антоновичу и напечатанъ въ «Трудахъ» названнаго съѣзда, второй составленъ г. К. Мельникъ и помѣщенъ въ «Литературномъ Сборникѣ», издаваемомъ галицко-русскою матицею во Львовѣ. Настоящею замѣткою мы только хотимъ поставить въ извѣстность читателей, не располагающихъ названными изданіями, о выпускѣ этихъ рефератовъ отдѣльными брошюрами, слегка приведя на память ихъ содержаніе.

Брошюра Вл. Б. Антоновича трактуетъ объ изслѣдованныхъ имъ пещерахъ, находящихся въ скалахъ на берегу Днѣстра въ подольской губерніи. Пещеры эти, какъ говоритъ онъ, обратили, еще раньше на

себя вниманіе писателей и ученыхъ, а въ 1883 г. были изслѣдованы имъ, по порученію распорядительнаго комитета VI археологическаго съѣзда. Всѣ онѣ расположены въ скалистыхъ берегахъ р. Днѣстра и его притоковъ: Збруча, Жванчика, Смотрича, Студеницы, Теремка, Ушицы, Лядавы и др. и служили жилищемъ первобытнаго человѣка въ неолитическій періодъ, что доказывается обиліемъ въ нихъ и близъ нихъ каменныхъ орудій различныхъ видовъ: самой грубой первобытной выдѣлки посредствомъ одного удара, болѣе совершенной выдѣлки посредствомъ мелкихъ ударовъ и орудій шлифованныхъ. Въ иныхъ пещерахъ попадаются предметы и болѣе высокой культуры. Такова особенно пещера, лежащая въ селѣ Бушѣ ямпольскаго уѣзда, гдѣ на площадкѣ, окруженной съ трехъ сторонъ скалами, на одной изъ скальныхъ стѣнъ найденъ слѣдующій горельефъ. На камнѣ высѣчено дерево безъ листьевъ, раздѣляющееся на 4 вѣтви; на одной изъ вѣтвей этого дерева сидитъ пѣтухъ; подъ деревомъ въ профилѣ изображеніе человѣческой фигуры на колѣняхъ съ чашей въ рукахъ, напоминающей каменныя бабы; передъ этой фигурой изображеніе оленя съ вѣтвистыми рогами. Всѣ признаки указываютъ на древность этого изображенія. По справедливому предположенію Вл. Б. Антоновича группа эта представляетъ сцену изъ славянскаго религіознаго культа, предшествовавшаго христіанству. Важно было бы потвердить эту догадку краніологическими данными; но въ массѣ найденныхъ въ пещерахъ костей человѣческихъ скелетовъ не оказалось вовсе череповъ, что объясняется благочестивымъ обычаемъ жителей погребать черепа.

Таково главное содержаніе брошюры проф. Антоновича. Издана она очень изящно и сопровождается прекрасно исполненными рисунками вида пещеры у с. Нагорянъ, пещерной церкви у с. Лядавы и горельефа на скалѣ у с. Буши.

Брошюра г-жи Мельникъ передаетъ содержаніе реферата о мегалитическихъ постройкахъ въ Украйнѣ лишь съ незначительными измѣненіями противъ того, какъ этотъ рефератъ былъ напечатанъ въ „Трудахъ“ съѣзда. Доселѣ признано было, что длинный путь мегалитическихъ сооруженій, идущихъ отъ Индіи и сѣверной Африки чрезъ всю почти Европу, прерывается въ Россіи. Заслуга открытія такихъ сооруженій въ южной Россіи принадлежитъ Е. Н. Мельникъ. Они найдены ею въ александрійскомъ уѣздѣ херсонской губерніи, въ системѣ р. Ингульца и частію на побережьи р. Днѣстра.

Брошюра даетъ подробное описаніе этихъ интересныхъ памятниковъ, а въ концѣ оной приложены и чертежи мѣстностей, гдѣ они находятся, съ рисунками самыхъ сооруженій.

П. Голубовскій.

Извѣстія и замѣтки

(историко-литературныя, этнографическія и историческія).

Памятники древностей въ окрестности Корсуня.

Въ приложеніяхъ къ прекрасному труду графа А. А. Бобринскаго «Курганы и случайныя археологическія находки близъ мѣстечка Смѣлы» помѣщена записка о памятникахъ древности, находящихся въ окрестности Корсуня. Записка эта составлена на французскомъ языкѣ лицемъ не подписавшимъ на ней своего имени. Неизвѣстный авторъ ея, одинъ изъ землевладѣльцевъ юго-западнаго края, прибылъ въ южную Украйну въ началѣ 1787 года и повидимому поселился въ ней, пріобрѣвъ поземельную собственность. Его записка, хранившаяся въ корсунскомъ архивѣ кн. Лопухина, была написана очевидно въ качествѣ отвѣта на предложенные вопросы, касавшіеся мѣстныхъ древностей; авторъ отвѣчаетъ по пунктамъ на предложенные вопросы и потому сообщаемыя имъ свѣдѣнія слѣдуютъ другъ за другомъ какъ-бы безъ связи, представляя рядъ отдѣльныхъ данныхъ, не соединенныхъ между собою систематически. Не смотря на этотъ недостатокъ, записка сообщаетъ очень много интересныхъ данныхъ о древнихъ памятникахъ въ окрестности Корсуня и о мнѣніяхъ, высказанныхъ о нихъ учеными конца прошлаго и начала текущаго столѣтій, а потому полагаемъ, что содержаніе ея будетъ не безъинтересно для читателей «Кіевской Старины». Вотъ точный переводъ этой записки.

Я прибылъ въ этотъ край первый разъ за нѣсколько недѣль до пріѣзда покойнаго польскаго короля Станислава-Августа, явившагося въ Каневъ для свиданія съ ея величествомъ, императрицею Екатериною II и въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ ожидавшаго въ Каневѣ ея пріѣзда [1]). Такъ какъ свита, сопровождавшая короля, состояла исключительно изъ сановниковъ, никогда не бывавшихъ въ этомъ краѣ, то свѣдѣнія о немъ передавали королю дворяне, съѣхавшіеся для встрѣчи короля изъ воеводствъ: кіевскаго, подольскаго и волынскаго. Они расказывали подробно событія, случившіяся при взятіи Умани запорожцами, или такъ называемыми гайдамаками, а также передавали много народныхъ преданій.

О Корсунѣ разсказывали королю, что нѣкогда это былъ большой городъ, что въ немъ прежде существовала крѣпостца, защищенная рвомъ и дубовымъ палисадомъ; внутри укрѣпленія находилась небольшая православная церковь, которую считали самою древнею во всей странѣ. Утверждали притомъ, что имена Корсунь и Херсонъ тождественны. Управляющій князя Станислава Понятовскаго [2]) сталъ было раскапывать эту крѣпость, и изъ земли, добытой въ ней, пытался извлекать селитру; но послѣ того, какъ нѣкоторые депутаты на варшавскомъ сеймѣ стали упрекать старостъ въ томъ, что они разоряютъ крѣпости, устроенныя для защиты государства, князь Станиславъ Понятовскій приказалъ возстановить корсунскія укрѣпленія; онѣ существуютъ и понынѣ, только палисадъ не былъ на нихъ возобновленъ. Что-же касается подземныхъ выходовъ изъ крѣпости, то мнѣ о нихъ ничего не довелось слышать, и я полагаю, что за такіе выходы приняты были рытвины, вымытыя теченіемъ воды.

---

[1]) Изъ дневника королевскаго путешествія, составленнаго епископомъ Нарушевичемъ, извѣстно, что король пріѣхалъ въ Каневъ 24 марта 1787 г. Слѣдовательно авторъ записки прибылъ въ Украйну въ январѣ или февралѣ того-же года (Diariusz podróży Stanisława Augusta na Ukrainę w roku 1787, przez Adama Naruszewicza. Варшава. 1805 г., стр. 219).—*Ред.*

[2]) Корсунское староство было подарено сеймовымъ постановленіемъ королю Станиславу-Августу, который въ свою очередь подарилъ оное въ 1777 году своему племяннику, кн. Станиславу Понятовскому, бывшему, такимъ образомъ, владѣльцемъ Корсуня въ 1787 году.—*Ред.*

Въ странѣ есть много валовъ, изъ нихъ нѣкоторые тянутся на протяженіи нѣсколькихъ миль; ихъ называли *Трояновыми валами*, у народа-же они слывутъ подъ именемъ *Зміевыхъ валовъ*.

Не подлежитъ сомнѣнію, что Корсунь поселеніе весьма древнее; здѣсь часто находили древнія римскія монеты, я самъ собралъ ихъ болѣе 200 экземпляровъ; генералъ Фанъ-Сухтеленъ (Van Suchtelen), долго занимавшійся нумизматикою, нашелъ въ моей коллекціи весьма рѣдкіе экземпляры; особенно онъ дорожилъ одною монетою Юлія Цезаря, которую я ему и подарилъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими; остальныя я отдалъ покойному князю Лопухину, такъ какъ онѣ были найдены на принадлежащей ему землѣ.

При рытьи фундаментовъ для постройки ледника, противъ зданія суконной фабрики (въ Корсунѣ), нашли огромный человѣческій черепъ, вдвое больше обыкновенной человѣческой головы; около него находилось сабля, изогнутая такимъ образомъ, что она окружала черепъ, сабля эта была изъѣдена ржавчиною; случайно при раскопкѣ разбили сосудъ, бывшій у головы, самую-же голову, по суевѣрію, бросили обратно въ яму.

То мѣсто, на которомъ стоитъ нынѣшній дворецъ, долго оставалось не занятымъ. Мельники, селившіеся надъ рѣкою, выбирали для постройки мельницъ другія мѣста, гдѣ теченіе рѣки ўже или гдѣ паденіе ея быстрѣе. Наконецъ одинъ изъ нихъ обратился около 1750 года къ корсунскому управляющему г. Суходольскому съ просьбою разрѣшить ему постройку мельницы на томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ нынѣшній дворецъ; но тогда извѣстный въ краѣ прорицатель Верни-гора сказалъ ему: «зачѣмъ хочешь ты строить мельницу на томъ мѣстѣ, гдѣ будутъ возвышаться чертоги, которые будутъ посѣщать цари и короли для того, чтобы любоваться нашею мѣстностью». Подробность эту разсказывалъ мнѣ самъ г. Суходольскій.

Самый большой курганъ на Украйнѣ находится у села Сахновки. Нѣкоторыя лица утверждали, будто это гробница Тамерлана; но епископъ Нарушевичъ, авторъ извѣстной исторіи Польши, отрицалъ это мнѣніе на томъ основаніи, что Тамерланъ умеръ не въ нашей странѣ; онъ осматривалъ вмѣстѣ съ королемъ этотъ курганъ и говорилъ мнѣ, что, по его мнѣнію, онъ гораздо древнѣе Тамерлана и правдоподобно былъ воздвигнутъ въ память какого либо ца-

ря или предводителя скиѳовъ. Въ народѣ разсказываютъ слѣдующее преданіе: Сахновка была нѣкогда большимъ городомъ; весь городской скотъ находился на попеченіи одного пастуха, который исполнялъ свою обязанность столь рачительно въ теченіи 150 или 200 лѣтъ, что ни разу ни одна скотина не была похищена волками. Въ награду за свою вѣрную службу онъ потребовалъ, чтобы всякая дѣвушка, приходившая за коровою, приносила-бы въ передникѣ землю и высыпала ее на могилѣ его единственной очень любимой дочери, которой онъ такимъ образомъ соорудилъ несокрушимый памятникъ [1]). Графъ Ѳаддей Чацкій полагалъ также, что курганъ этотъ насыпанъ на могилѣ какого-то скиѳскаго предводителя. Мы составили было компанію съ цѣлію произвести роскопку, но подрядчикъ, къ которому мы обратились, взялъ у него 4,000 злотыхъ для покупки тачекъ и другихъ инструментовъ и затѣмъ скрылся.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ р. Расава впадаетъ въ Рось, на самыхъ возвышенныхъ пунктахъ мѣстности расположено, въ разстояніи 3—5 верстъ другъ отъ друга, нѣсколько четыреугольныхъ укрѣпленій, окруженныхъ двойными рвами. Епископъ Нарушевичъ, осмотрѣвшій одинъ изъ этихъ четыреугольниковъ, высказалъ предположеніе, что жители, поселившіеся въ этой мѣстности, замѣтивъ, что Расава представляетъ весьма большія неудобства для переправы вслѣдствіе окружающихъ ее болотъ, насыпали эти небольшія укрѣпленія для того, чтобы защищать отъ варваровъ тѣ мѣста, въ которыхъ они могли-бы переправиться, и такимъ образомъ они обезопасили уголъ между Росью и Расавою. Эти четыреугольныя укрѣпленія заключаютъ не больше 200 квадратныхъ шаговъ.

Вообще весь край усѣянъ курганами. Епископъ Нарушевичъ утверждаетъ, что они возникли въ то время, когда страна была занята кочевниками; варвары эти останавливались кочевьями въ мѣстахъ удобныхъ, изобиловавшихъ хорошею водою и пребывали довольно долго въ такихъ мѣстахъ. Всѣхъ умершихъ они хоронили

---

[1]) Упомянутая могила существуетъ понынѣ у села Сахновки; она величиною въ гору и носитъ названіе „*Пастушки*“; рядомъ съ нею находится другой, такой-же почти величины, курганъ, называемый „Дѣвица“ (Похилевичъ, Сказанія о населенныхъ мѣстностяхъ кіевской губерніи, стр. 579).—*Ред.*

на мѣстѣ стоянки и на могилахъ ихъ насыпали высокіе курганы, какъ для того, чтобы почтить память покойниковъ, такъ и съ тою цѣлью, чтобы отмѣтить, на случай возврата на тоже кочевье, мѣста удобныя для стоянокъ, лежавшія по сосѣдству съ водою, а также тѣ части рѣкъ, которыя можно было переходить въ бродъ. Разсматривая многочисленные небольшіе курганы, разсѣянные по всей странѣ, можно убѣдиться въ томъ, что кочевыя орды обозначали этими насыпями направленіе путей, по которымъ проходили.

Г. Дюбуа былъ отправленъ берлинскимъ университетомъ съ порученіемъ составить историческое изслѣдованіе о курганахъ; онъ прожилъ болѣе года въ Таганчѣ и предпринималъ оттуда поѣздки на Волынь и въ Подолію; онъ составилъ весьма подробное изслѣдованіе о курганахъ и поднесъ оное его величеству императору Николаю I, который соблаговолилъ наградить его и поощрить къ продолженію его труда [1]).

Сверхъ сказаннаго, въ нашей мѣстности есть еще особый родъ насыпей, называемый «*Бурты*», которые, какъ полагаютъ, представляютъ остатки фабрикъ поташа или селитры. Г. Дюбуа, которому я ихъ показывалъ, утверждалъ, что насыпи эти остались какъ слѣды землянокъ, служившихъ жилищами для тѣхъ татарскихъ семействъ, которыя должны были отказаться отъ кочевой жизни по причинѣ болѣзни или по какому либо другому поводу. Землянки эти могли вмѣщать каждая по нѣсколько лицъ [2]). Впрочемъ я пола

---

[1]) Frédèric Dubois de Montpereux помѣстилъ свѣдѣнія о курганахъ въ двухъ сочиненіяхъ: „Voyage au Caucase", Paris-Neuchâtel, 1840—1843 и въ статьѣ „Des tumulus, des ports et des remparts de la Russie Occidentale" (О курганахъ, городищахъ и валахъ въ западной Россіи), помѣщенной въ изданіи „Annuaire des voyages et de geografie" p. Lacroix-Paris, 1845—1847. Здѣсь между прочимъ говорится (1845 г., стр. 192): „Эти курганы-трофеи гораздо больше обыкновенныхъ кургановъ; громадная масса ихъ насыпи указываетъ важность событія, въ память котораго они насыпаны. Я укажу одинъ курганъ, который по объему не уступаетъ Перепету; онъ находится у села Сахновки, близъ устья Роси и извѣстенъ подъ именемъ *Пастушки;* высота его 150 футовъ, а длина діаметра у основанія въ 1000 футовъ—онъ представляетъ правильный конусъ". Далѣе слѣдуетъ разсказъ о неудачной попыткѣ раскопать этотъ курганъ и приводится преданіе о пастухѣ, схожее съ вышеизложеннымъ. Говорится также о томъ, что нѣкоторые польскіе помѣщики называли этотъ курганъ могилою Тамерлана.—*Примѣч. графа А. А. Бобринскаго.*

[2]) Такъ называемые бурты—это дѣйствительно насыпи, оставшіяся отъ производства селитры. Изъ многочисленныхъ указаній документовъ XII и XIII

гаю, что татаре основали даже нѣсколько селъ на правомъ берегу Днѣпра, которыя существуютъ понынѣ и носятъ названія тюркскія; они насадили здѣсь виноградныя лозы, отъ которыхъ происходятъ виноградники, существующіе до настоящаго времени.

О городѣ Трахтемировѣ сохранилось народное преданіе, по словамъ котораго имя города произошло по слѣдующему поводу. Былъ нѣкогда (татарскій) эміръ, состоявшій въ дружелюбныхъ сношеніяхъ съ жителями правой стороны Днѣпра и производившій съ ними торговлю; потому и селеніе, основанное на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ обыкновенно переправлялся черезъ Днѣпръ, было названо Трахтъ-эмировъ (т. е. путь эмира).

Архимандритъ (каневскаго базиліанскаго монастыря) Физикевичъ увѣрялъ меня, что онъ читалъ въ «Русскихъ Древностяхъ», будто каменьщики, приходившіе изъ Цареграда для постройки церкви св. Софіи въ Кіевѣ, оставили дневникъ своего путешествія, въ которомъ помѣстили извѣстіе, будто они видѣли въ Каневѣ церковь византійской архитектуры. Онъ даже читалъ мнѣ этотъ отрывокъ, но теперь я его точно не припомню.

Я вспомнилъ еще слѣдующее: въ одномъ изъ моихъ имѣній, которое называется Агендерувка [1]), въ лѣсу есть четыреугольное укрѣпленіе, въ которомъ образовалось нѣсколько проваловъ; въ нихъ можно замѣтить кирпичные фундаменты, хотя кирпичь отъ времени превратился въ глину, но можно еще выбрать не вполнѣ разложившіеся куски. Одинъ изъ моихъ сосѣдей увѣрялъ меня, что въ его имѣніи с. Копыловѣ, лежащемъ въ кіевскомъ уѣздѣ, при раскопкѣ Троянова вала, въ основаніи его найденъ былъ также кирпичный фундаментъ.

столѣтія мы знаемъ, что этимъ именемъ обозначались селитряные заводы. Селитру производили такимъ образомъ, что собирали кучи навозу, смѣшивали ихъ съ золою и прикрывъ толстымъ слоемъ земли, оставляли бродить въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ; затѣмъ добывали содержимое насыпи и изъ него выщелачивали селитру; въ мѣстахъ, гдѣ происходило это производство, и остались насыпи, похожіе на раскопанные курганы или на обрушившіяся землянки, которыя и по нынѣ сохранили прежнее названіе „*Бурты*".—*Ред.*

[1]) „*Ahenderouwka*"... Поселенія, носящаго такое названіе, нѣтъ вовсе въ кіевской губерніи. Здѣсь, очевидно, описка или ошибка въ чтеніи рукописи. Въ каневскомъ уѣздѣ, о которомъ говоритъ авторъ записки, есть село *Шендеровка* и по всей вѣроятности это названіе и было въ рукописи, но или переписчикъ написалъ, или читавшій прочелъ невѣрно первую букву, каковою должно быть *С*, а не А.—*Ред.*

Южно-русскій списокъ „Александріи" конца XVIII ст.

Въ послѣднее время «Александрія», т. е. легендарное жизнеописаніе Александра Македонскаго, все болѣе и болѣе обращаетъ на себя вниманіе европейскихъ ученыхъ. Надъ выясненіемъ отдѣльныхъ сторонъ ея литературной исторіи трудились: Каннъ, Цингерле, Гастеръ, Поль Мейеръ, Кинцель, Ягичъ, Новаковичъ, Донатъ. Изъ русскихъ ученыхъ о ней писали: г. Пыпинъ («Очеркъ лит. ист. старин. скав. рус.»), А. Н. Веселовскій («Изъ исторіи романа и повѣсти», статьи въ Жур. М. Н. Пр.) и т. д. Обнародованы и болѣе или менѣе разработаны ея греческіе, нѣмецкіе, французскіе, румынскіе, сербскіе, русскіе списки; выяснено болѣе или менѣе ея вліяніе на искусственную и народную поэзію европейскихъ народовъ; приблизительно отмѣчены отличія въ различныхъ редакціяхъ ея и т. д.

Но, какъ почти во всѣхъ случаяхъ, эта разработка не коснулась южно-русскаго матеріала: южно-русскіе списки «Александріи» не только не изучены, но даже и не приведены въ извѣстность.

Кромѣ принадлежащаго намъ списка (XVIII в.) мы знаемъ о существованіи еще двухъ: на одинъ есть указаніе въ «Опис. рук. церк. арх. музея» г. Петрова (вып. I, стр. 106), а другой принадлежитъ, кажется, Румянцевскому музею (копію съ него мы видѣли у одного изъ кіевскихъ учителей): оба относятся къ XVI и XVII в. Насколько мы знаемъ, о другихъ спискахъ въ литературѣ не было указаній.

Наша «исторія великаго царя Александра Македонскаго» «списанна (вѣроятно, съ болѣе ранняго экземпляра) 1780 года мѣсяца генвара», какъ гласитъ приписка въ концѣ. Написана она на 109 листахъ, дефектовъ нѣтъ.

Въ подробный разборъ рукописи мы входить не будемъ: для этого нужно было бы имѣть подъ руками всѣ другіе южно-русскіе списки, сличить ихъ между собою, а также съ русскими, сербскими и другими списками. Но это пока невозможно, какъ ни желательна была бы подобная работа въ виду весьма возможнаго вліянія «Александріи» на малорусскую народную поэзію: вспомнимъ распространенные въ южной Руси разсказы о песиголовцяхъ, рахманахъ, сходство нѣкоторыхъ эпизодовъ «Александріи» съ мало-

русскими сказками и т. д. «Исторія» [1]) начинаетъ прямо съ характеристики египетскаго царя Анектонава, разсказываетъ о нападеніи враговъ на Египетъ, его бѣгствѣ, пребываніи въ Македоніи, продѣлкѣ съ Олимпіей, женой Филиппа, рожденіи и воспитаніи Александра, битвѣ съ царемъ Алтемѣшемъ Куманскимъ, нападеніи пелагинскаго царя Анаскарханоса, смерти Филиппа, о посольствѣ Дарія въ Македонію и Александра въ Персію, о союзѣ Александра съ селунскимъ царемъ Пахидономъ, его походѣ на Дарія, осадѣ «великого мѣста» Рима, битвѣ съ «дивными людьми» въ «полуденныхъ странахъ» (звѣрообразные «хитивари», «крилатие жени дивніи»), о походѣ къ «морю океану» и приморскихъ царяхъ, основаніи Александріи, походѣ къ Троѣ, посланіи Дарія къ Александру и его отвѣтѣ, походѣ въ Іерусалимъ, Египетъ (болѣзнь Александра), битвѣ Александра съ воеводой Дарія Минандромъ и самимъ Даріемъ, походѣ въ Вавилонъ, о покушеніи на жизнь Александра (слуги Дарія Аввита), Александрѣ—послѣ къ Дарію, посольствѣ Дарія къ индійскому царю Пору, битвѣ съ Даріемъ и «индиянами», походѣ на «Лыдонское царство», «о горахъ сѣверскихъ, о краяхъ озерскихъ и мѣшканцахъ въ нихъ», о дивныхъ людяхъ, окованныхъ желѣзомъ, луговыхъ,—походѣ на Пора, о «герцѣ» Александра и Пора и смерти послѣдняго, о «мастридонскомъ» царствѣ (царица Конмедра), убіеніи мерсилонскаго царя Евремистра, о «Гогахъ и Магогахъ», одноруких и одноногихъ людяхъ, о Кандавлусѣ мастридонскомъ, о томъ, какъ «Александеръ самъ себе посломъ учинилъ до царици мастридонской», о царяхъ, «которие назывались еллинскими боги», царицѣ Кандакіи, явленіи Александру пророка Іереміи, посольствѣ отъ Олимпіи, пріѣздѣ ея, отравленіи Александра Ревноушемъ, его прощальной рѣчи и смерти.

Мы нарочно привели краткое изложеніе содержанія, чтобы показать, что и въ именахъ, и въ распорядкѣ эпизодовъ нашъ списокъ болѣе или менѣе отличается отъ извѣстныхъ списковъ.

Языкъ рукописи—малорусскій съ сильнымъ и замѣтнымъ вліяніемъ языка великорусскаго.

Для образчика языка приведемъ одинъ отрывокъ: «когда царъ Дарій съ персяни и индияни противъ Александра до битви въ поле

---

[1]) Имя „списателя" ея и мѣсто „списанія" опредѣлить нельзя.

ишолъ: тогда Дарій зъ великою потугою сталъ противъ Александра и послалъ напередъ вибравши сколко рицеровъ, дабы разсмотрѣли войско Александрово. Тогда Александрова сторожа поймала дариевихъ сторожовъ и привели до Александра, и повелѣлъ ихъ на високия мѣста возвести, дабы оглядѣли македонское войско, а въ той часъ всѣмъ велѣлъ стати военнимъ обычаемъ, и казалъ у трубы трубити и въ бубни бити и на всѣхъ шаломаяхъ играти» и т. д.

Интересно, что повѣстію «Александріи», какъ усладительнымъ чтеніемъ, кто-то заинтересовался еще наканунѣ XIX в. и не остановился передъ громадностью работы!

На листахъ «Исторіи»[1]) надпись: «Сія книга раба Божія Григориа Григориева сина Михайловскаго; куплена за цѣну двадъцать копѣекь». Такъ дешево былъ оцѣненъ трудъ переписчика!

В. Каллашъ.

Добрый починъ.

Мнѣ случилось видѣть минувшимъ лѣтомъ въ Полтавѣ начало археологическаго собранія, о которомъ необходимо сказать нѣсколько словъ.

По иниціативѣ управляющаго полтавскою епархіею, викарнаго епископа, преосв. Илларіона, въ мѣстную духовную семинарію стали поступать изъ архивовъ и библіотекъ церквей губерніи имѣющіяся тамъ рукописи и старопечатныя книги. Кому извѣстно, какъ безповоротно и въ какомъ количествѣ погибаетъ въ глуши рукописная и книжная старина, тотъ оцѣнитъ благія послѣдствія этого почина. Изъ южнорусскихъ губерній ни для одной эта мѣра настолько не умѣстна, какъ для полтавской, церковная старина которой до сихъ поръ не имѣла своего изслѣдователя. Форма, какая будетъ дана возникающему собранію, еще не опредѣлилась окончательно. Покуда присылки поступаютъ въ

---

[1]) Кстати отмѣтимъ сходство двухъ эпизодовъ: бѣгство Анектонава изъ Египта и сходный мотивъ въ легендѣ о Паліѣ („Кіев. Стар., 1882 г., сент., стр. 579—580); неплодіе Олимпіи, угроза и удаленіе Филиппа и т. д. и соотвѣтствующій эпизодъ въ малорусской сказкѣ о Сучичѣ (Zbiór wiadomości do antropologii krajowej. T. III. Kraków. 1879. Dzial etnologiczny. E. Rulikowski. Zapiski etnograficzne z Ukrainy, стр. 69).

семинарію, образуя при ея библіотекѣ какъ бы археологическое отдѣленіе. Но сущности дѣла, возможности спасенія и сбереженія важныхъ для науки остатковъ старины, самымъ фактомъ открытія пріема книгъ и рукописей уже положено начало.

За первые мѣсяцы текущаго года поступило нѣсколько книгъ и рукописей, не лишенныхъ значенія. Изъ церковныхъ и богослужебныхъ книгъ присланы два евангелія львовской печати, которыя такъ распространены были въ южнорусскихъ церквяхъ, одно 1644 года, съ виньетками и заставками, другое тоже XVII вѣка (на рисункахъ послѣдняго видна подпись гравера: Георгій Ердіакъ), учительное евангеліе Транквилліона, первопечатный Духовный Регламентъ, поученія еписк. Иліи Кефалонитянина (1765 г.) и пр. Изъ рукописей доставлены славянское евангеліе in 4° 1625 г., съ иллюминованными рисунками евангелистовъ (въ византійскомъ стилѣ), заставками и виньетками, синодикъ 1720 г. церкви села Грабаровки, пирятинскаго уѣзда, гдѣ въ скромномъ козацкомъ родѣ Паськовъ надо, кажется, видѣть предковъ фельдмаршала Паскевича, «Метріка, которая що значитъ, для чого и якъ давно есть въ церквѣ Божой, тутъ вкратцѣ описуется», Шумлянскаго, копія 1720—30 г., съ обстоятельной научной замѣткой объ Іосифѣ Шумлянскомъ, написанной свящ. с. Вечорокъ, пирятинскаго уѣзда, о. Григоріемъ Каневскимъ, доставившимъ эту рукопись; любопытная бытовыми данными приходо-расходная книга воскресенской церкви города Глинска (нынѣ мѣст. роменскаго уѣзда) съ 1736 по 1752 г., собранія печатныхъ и рукописныхъ указовъ правительственныхъ, синодальныхъ, митрополичьихъ и епископскихъ, изъ церквей с.с. Гавронцевъ, Ковалей и друг.

Здѣсь особенное значеніе имѣютъ распоряженія мѣстной духовной власти, не бывшія въ печати, не собранныя и не изслѣдованныя, по которымъ будущій историкъ южнорусской церкви отмѣтитъ и изслѣдуетъ ея дѣятельность и характерныя черты. Въ этихъ же [illegible] встрѣчаются исповѣдныя книги разныхъ временъ, съ статистическими свѣдѣніями, [illegible] могутъ пополнить пробѣлы и утраты уже извѣстныхъ описей.

Надо желать, чтобъ прекрасный починъ преосвящ. Иларіона получилъ найбольшую огласку въ епархіи и вызвалъ возможно дѣя-

тельное содѣйствіе настоятелей церквей. Тѣмъ же путемъ собраны въ настоящее время въ Полтаву и хранятся пока при архіерейскомъ домѣ древніе антиминсы, которые, помимо указаній на время открытія церквей въ разныхъ пунктахъ края, представляютъ интересъ печатавшимися на нихъ гравированными изображеніями, работы нерѣдко лучшихъ южнорусскихъ граверовъ: Тарасевича, Щирскаго и др.

Скажемъ еще, что тоже маленькое полтавское археологическое хранилище обладаетъ драгоцѣнностью, которой позавидовали бы и болѣе богатыя собранія, знаменитое пересопницкое евангеліе, которое, въ противность распространившимся слухамъ, осталось по счастію въ Полтавѣ и достойно послужило началомъ собранію. Пожелаемъ ему рости и множиться.

В. Г.

Археологическая находка.

Въ г. Слуцкѣ, минской губерніи, въ маѣ мѣсяцѣ настоящаго года найденъ кладъ. Мѣстность, гдѣ найденъ кладъ, была густо застроена деревянными постройками, которыя всѣ были уничтожены пожаромъ. Для постройки новаго каменнаго дома, вмѣсто сгорѣвшаго деревяннаго, понадобилось положить фундаментъ. Во время этой работы на глубинѣ $1^{1}/_{2}$ арш. найденъ кладъ. Этотъ послѣдній былъ помѣщенъ въ каменномъ небольшомъ склепѣ, въ двухъ сѣтчатыхъ, проволочныхъ мѣшкахъ. Кладъ состоялъ болѣе, чѣмъ изъ 2,000 одинаковой цѣнности монетъ, такъ называемыхъ талеровъ. Изъ этихъ монетъ я имѣлъ 33 слѣдующія: 28 талеровъ нидерландскихъ, между которыми 15 чеканены для испанскихъ Нидерландовъ, а именно: 2 при Альбрехтѣ и Елисаветѣ, 6 при Филиппѣ IV (1631—1660 г.) и семь при Карлѣ II (1673—1695 г.). Далѣе восемь талеровъ чеканены въ Соединенныхъ Штатахъ Нидерландовъ: 2 для штата Голландіи (1672—1676 г.), два для штата Зеландіи (1694 г.), два для штата Утрехта (1694—1695 г.) и два для штата Оберъ-Исселя (1695—1698 г.). Затѣмъ два талера чеканены были въ городѣ Девентерѣ (1698—1699 г.) и три представляютъ монеты самостоятельныхъ епископовъ люттихскихъ (1653—1676 г.).

Остальные 5 талеровъ, бывшіе въ моемъ распоряженіи, принадлежатъ: три швейцарскому кантону Сенъ-Галлену (1620—1623 г.), одинъ талеръ имперскій, чеканенный при Фердинандѣ II (1624 г.) и одинъ талеръ гергоца савойскаго Виктора-Амадея 1690 года.

Сколько я слышалъ, всѣ монеты въ кладѣ были подобны тѣмъ, которыя я имѣлъ. Въ кладѣ не было ни одной русской, польской, шведской монеты. Самая старая монета 1620 года, а самая новая 1699 года.

Можно допустить, что кладъ зарытъ въ началѣ XVII в. передъ началомъ сѣверной войны. Что кладъ состоялъ изъ иностранныхъ монетъ, въ томъ нѣтъ ничего удивительнаго. Въ Польшѣ не было собственной крупной серебряной монеты; а такъ какъ уплачивать большія суммы польской мелкой серебряной монетой (ортами, шестигрошками, трехгрошками, полториками и грошами) было крайне неудобно, то иностранные талеры были во всеобщемъ ходу въ Рѣчи Посполитой. Конечно болѣе значительные денежные обороты, а слѣдовательно и большія суммы иноземныхъ талеровъ сосредоточивались въ тѣхъ немногихъ городахъ, которые, благодаря исключительнымъ обстоятельствамъ, сохранили болѣе интенсивную промышленную и торговую дѣятельность. Къ числу такихъ городовъ принадлежалъ несомнѣнно Слуцкъ, городская община котораго охранялась покровительствомъ его могущественныхъ владѣльцевъ: князей Олельковичей Слуцкихъ, а потомъ Радзивилловъ. Слуцкъ получилъ грамоту на магдебургское право еще въ 1441 г. и не только сохранилъ магдебургское право, но и постоянно усиливалъ свою промышленную дѣятельность. Время самаго большаго процвѣтанія города представляетъ XVII столѣтіе, когда въ надеждѣ на заступничество Радзивилловъ, исповѣдывавшихъ кальвинизмъ, въ Слуцкъ стекались, подъ ихъ защиту, гонимые во всей Рѣчи Посполитой купцы и ремесленники протестанты. Особенно же оживилась торговля города около 1640 года, когда въ немъ поселилась, по призыву Богуслава Радзивилла, колонія шотландцевъ пресвитеріанъ, изгнанныхъ якобитами изъ отечества. Шотландцы эти отличались большою торговою предпріимчивостью, не только раскинули торговыя связи по всей Рѣчи Посполитой, но вошли въ торговыя сношенія съ городами прусскими, голландскими, германскими, съ великимъ княжествомъ московскимъ и прославились своимъ богатствомъ.

Вѣроятно въ эту эпоху процвѣтанія города и собраны были талеры, найденные въ разсматриваемомъ кладѣ. Можетъ быть открытый случайно склепъ и былъ казнохранилищемъ одного изъ богатыхъ слуцкихъ купцевъ туземнаго или шотландскаго происхожденія.

Н. Ч.

Актъ „побратимства" въ церковной метрикѣ.

Въ с. Протопоповкѣ, александрійскаго уѣзда херсонской губерніи, при церкви хранится метрическая книга, относящаяся первыми записями еще ко времени существованія въ нынѣшней Новороссіи запорожскаго козачества (записи съ 1761 г.). Въ этой книгѣ обращаетъ на себя вниманіе подъ 1801 годомъ запись съ такимъ заглавіемъ; «Сіе слово завѣщательное между двума братами Федоромъ и Федоромъ». Дальнѣйшій текстъ слова слѣдующій:

«1081 года октября 28 мы нижеподписавшіеся даемъ отъ себе сіе завѣщаніе передъ Богомъ о томъ, что мы—братія, и съ тѣмъ, кто нарушитъ братства нашего соузъ, тотъ передъ Богомъ отвѣтъ да воздастъ передъ нелицемѣрнымъ судею нашимъ Спасителемъ. Вышеписанное наше обѣщаніе вышеписанныхъ Федоровъ есть: дабы другъ друга любить, не взирая на напасти зъ стороны нашихъ либо прыятелей, либо непрыятелей, но взырая на миродателя Бога; къ сему заключили хмельного не пить, братъ брата любить. Въ семъ братія росписуемось».

Дальше вмѣсто подписи слѣдуютъ значки, собственноручно проставленные побратимами.

Въ этомъ своего рода актѣ любопытно особенно то, что «завѣщательное слово» побратимовъ попало въ церковную метрическую книгу, именно въ 2-ю ея часть, гдѣ обыкновенно записываются брачные акты. По цѣлости переплета книги видно, что запись эта попала сюда не случайно, а внесена по тому вѣроятно соображенію, что документу о союзѣ братскомъ прилично быть внесеннымъ въ туже книгу, въ какую записывались и брачные союзы.

Побратимство существовало издавна у всѣхъ южныхъ славянъ, было въ ходу и на Запорожьѣ и вообще въ малорусскомъ народѣ. Самое существованіе въ малорусскомъ языкѣ словъ «побрататься» и «посестрыться» указываетъ на распространенность этого обычая

у насъ въ прежнее время. Тяжелыя условія жизни, подверженной ежедневнымъ опасностямъ, располагали людей искать поддержки и защиты въ человѣкѣ одинаковаго положенія и профессіи, съ которымъ установились сердечныя близкія отношенія. Обычаемъ побратимства такія отношенія скрѣплялись на всю жизнь и становились нравственно-обязательными и столь же священными, какъ и связи родственныя. Побратимы давали клятву жертвовать жизнью другъ за друга, обмѣнивались въ знакъ братства крестами и иконами. Это извѣстно всѣмъ и давно; но съ «завѣщательнымъ словомъ» побратимовъ и внесеніемъ таковаго въ метрическія книги мы встрѣчаемся въ первый разъ.

Село Протопоповка, въ церковной метрикѣ котораго находится вышеприведенная запись 1801 года, не задолго до этого времени была шанцемъ одной изъ ротъ новосербскаго желтаго гусарскаго полка, поселеннаго, какъ и другіе три сербскихъ полка, въ сосѣдствѣ съ Запорожьемъ и на его земляхъ. Мѣстность эта нѣкоторое время носила названіе Новой Сербіи, хотя на самомъ дѣлѣ выходцевъ изъ австрійской Сербіи здѣсь была лишь незначительная часть, а большинство насельниковъ этого края были выходцы изъ правобережной и лѣвобережной Украйны, и приливъ ихъ сюда усилился особенно послѣ разгрома Запорожской Сѣчи. Нѣтъ по этому надобности предполагать, что обычай побратимства занесенъ сюда австрійскими сербами; скорѣе могли распространить его здѣсь выходцы изъ Запорожья.

«Завѣщательное слово» не называетъ, къ сожалѣнію, побратимовъ по фамиліямъ и тѣмъ лишаетъ возможности сдѣлать какое либо предположеніе объ этнографической группѣ, къ которой принадлежали заключавшіе союзъ братства.

Л. П.

Волынская бывальщина.

Дѣйствительному случаю, о которомъ хочу разсказать, предшествовала небылица, циркулирующая и теперь въ православномъ и католическомъ населеніи Волыни подъ именемъ сказки о Кирикѣ, или о попѣ и хлопѣ. Сущность этой сказки въ томъ, что какой-то священникъ, православный или католическій, узнавъ на испо-

вѣди отъ одного бѣдняка о найденномъ имъ кладѣ, задумалъ отнять у него кладъ и явился къ нему ночью подъ видомъ чорта, а для того надѣлъ на себя воловью шкуру съ рогами. Хитрость удалась, но корыстолюбивый священникъ былъ наказанъ отъ Бога тѣмъ, что шкура приросла къ его тѣлу и отстала лишь послѣ долгаго и мучительнаго раскаянія. Подъ вліяніемъ борьбы между православными и католиками сказка эта примѣнялась одной стороной къ другой и случай наказаннаго такъ позорно корыстолюбія приписывался то католическому, то православному священнику.

Въ исходѣ первой четверти настоящаго столѣтія сказочный случай примѣненъ былъ къ живому ксензу въ окрестностяхъ Дубна. Разсказывали точь въ точь, какъ въ сказкѣ. Жилъ де въ Дубнѣ какой-то бѣдный шляхтичъ и нашелъ онъ богатый кладъ. Находка сильно подѣйствовала на счастливца: онъ потерялъ аппетитъ, сталъ мало спать и наконецъ дошелъ до галлюцинацій. Шляхтичъ сталъ молиться Богу и затѣмъ пошелъ къ ксендзу на исповѣдь. Ксендзъ разъяснилъ смущенному шляхтичу, что найденный кладъ принадлежитъ злому духу, что для взятія его, видно, не насталъ еще часъ и что потому можно ждать, что злой духъ скоро явится къ нему, шляхтичу. Послѣ такого разъясненія шляхтичъ окончательно растерялся; ксендзъ замѣтилъ это и рѣшился воспользоваться оплошностью бѣдняка. Скоро въ полночь, надѣвъ на себя воловью шкуру съ рогами, онъ отправился къ хатѣ шляхтича, постучался къ нему въ окно рогами, назвалъ себя злымъ духомъ и потребовалъ отъ шляхтича кладъ. Перепуганный шляхтичъ поспѣшно высунулъ въ окно мучившій его кладъ, и ксендзъ возвратился домой съ богатой добычей. Но когда онъ захотѣлъ снять съ себя шкуру, оказалось, что шкура приросла къ его тѣлу и всѣ усилія отодрать ее были тщетны. На утро шляхтичъ сталъ разсказывать людямъ, что къ нему ночью приходилъ чортъ въ воловьей шкурѣ съ рогами и взялъ кладъ. Пошли слухи по городу о такомъ чрезвычайномъ случаѣ. Въ тоже время прислуга ксендза, не мало обезпокоенная тѣмъ, что ксендзъ долго не показывался изъ своей комнаты, стала стучаться и ломиться къ нему. Скоро все объяснилось, и пошло дальше, какъ въ сказкѣ.

Ловко пущенный кѣмъ-то слухъ взволновалъ все населеніе Дубна и его окрестностей; сметливые ксендзы сразу догадались,

чѣмъ и какъ отразить столь обидную для нихъ молву: тотъ часъ они пустили слухъ, что вся исторія эта случилась не съ ксендзомъ, а съ попомъ, что попа этого показывали въ Львовѣ, Злочевѣ, Почаевѣ и Кременцѣ и что на дняхъ будутъ показывать его и въ Дубнѣ. Новая молва осилила старую; населеніе Дубна съ нетерпѣніемъ ждало, когда приведутъ къ нему диво-дивное, попа съ рогами.

Было это лѣтомъ 1825 года.

10-го іюля того-же года пріѣхалъ въ Дубно и остановился близь мѣстнаго духовнаго правленія священникъ ближайшаго къ Дубну села Збитина, о. Яковъ Остальскій. Повозка, на которой онъ пріѣхалъ, была «старинная, простая, съ высокою и узкою кибиткою». Когда эта оригинальная и привлекшая къ себѣ всеобщее вниманіе повозка остановилась близь зданія духовнаго правленія, то по городу съ необыкновенной быстротой распространился слухъ, что въ ней привезли попа съ рогами. Хотя повозка вскорѣ уѣхала, но народъ во множествѣ тѣснился близъ духовнаго правленія, ожидая увидѣть попа съ рогами; мѣщане и жиды заглядывали въ окна, «а высшаго сословія люди входили внутрь». Вдругъ кто-то сказалъ въ толпѣ, что попа отвезли въ церковь, и толпа отхлынула.

Было 5 часовъ дня; въ соборной церкви послышался благовѣстъ ко всенощной. Народъ всей массой двинулся къ церкви; по пути кто-то шепнулъ толпѣ, что будутъ служить молебенъ съ водосвятіемъ, чтобы Богъ освободилъ несчастнаго попа отъ воловьей шкуры.

Когда подходилъ къ собору мѣстный священникъ Владимірскій, то вся церковная ограда была набита жидами, въ церкви толпились католики и уніаты, въ самомъ олтарѣ расхаживали прибывшіе изъ замка князей Любомірскихъ какой-то фратеръ Базилій и не извѣстный по имени нѣмецъ. Народъ во всѣхъ углахъ церковныхъ разыскивалъ попа съ рогами; фратеръ Базилій перерылъ все въ ризницѣ, разыскивая чудовище попа, а нѣмецъ, важно расхаживая взадъ и впередъ вокругъ престола, усердно просилъ церковнаго старосту Соколовскаго не скрывать дивнаго попа и показать его по крайней мѣрѣ ему, нѣмцу, за что онъ и сулилъ старостѣ три рубля. Не смотря на просьбу священника Владимірскаго, народъ не расходился, а продолжалъ безчинствовать не только внѣ церкви, но и въ самой церкви. Священникъ просилъ бывшаго тамъ

пристава образумить толпу, но приставъ полякъ только посмѣялся надъ просьбой священника. Чрезъ минуту въ толпѣ пронесся говоръ, что надо зажечь церковь и тогда по неволѣ явится предъ народомъ попъ съ рогами. Приставъ спохватился и сталъ уговаривать народъ разойтись; но не скоро и его послушались.

Особенно сильно, по заявленію протоіерея, безчинствовали въ церкви и вокругъ церкви уніаты и латиняне. Два дня сряду въ православной церкви совершалось богослуженіе съ цѣлодневнымъ звономъ: 10-го іюля въ день рожденія великой княжны Александры Николаевны и 11-го въ день тезоименитства великой княжны Ольги Николаевны. Католики и уніаты распространили слухъ, что такое усиленное богомоленіе въ православной церкви производится для того, чтобы превратить гнѣвъ Божій на милость къ несчатному попу съ рогами. Протоіерей дубенскаго собора, Ѳома Кирчинскій, донося о прописанномъ происшествіи епископу Стефану, просилъ его защитить православную церковь и ея духовенства отъ такихъ открыто враждебныхъ и явно нахальныхъ поступковъ со стороны латинянъ и уніатовъ. По сношенію архіерея съ губернаторомъ, назначено было по этому дѣлу слѣдствіе при депутатѣ со стороны духовенства; но чѣмъ кончилось и что дало разслѣдованіе, намъ неизвѣстно. Офиціальный источникъ, которымъ мы пользовались для нашего разсказа, на этомъ обрывается.

Разсказанный случай служитъ отголоскомъ той кровавой борьбы, какая цѣлыя вѣка велась православнымъ населеніемъ Украйны, Волыни и Подоліи съ нахлынувшимъ на него польско-католическимъ шляхетствомъ, и показываетъ, какія напряженныя отношенія существовали между ними въ весьма недавнее еще время. Интереснѣе всего, что въ этой борьбѣ обѣ стороны пользовались ходившею въ народѣ легендою, неизвѣстно кѣмъ и когда сложенною, но дышащею злой насмѣшкой паствы надъ недостойнымъ пастыремъ.

О. И.

Кобелякское повѣтовое училище.

(1808—1833).

Прилагаемыя замѣтки о кобелякскомъ повѣтовомъ училищѣ составлены по уцѣлѣвшимъ отрывочнымъ бумагамъ архива этого училища; въ нихъ нѣтъ поэтому ни строго обдуманнаго плана, ни

полнаго очерка жизни этого училища за все время его существованія. Не руководила насъ при этой работѣ и какая либо предвзятая мысль въ выборѣ матеріала; бралось напротивъ все, что могло представлять хоть какой нибудь интересъ для исторіи народнаго у насъ образованія.

Городъ Кобыляки одинъ изъ старѣйшихъ городовъ Полтавщины. Въ началѣ XVII ст. за Ворсклой ходили, говорятъ, цѣлые табуны кобылъ; отсюда будто бы и названіе городу. Начало его относятъ къ первой половинѣ XVII ст., а основаніе приписываютъ одному изъ Немиричей. Собственно уѣзднымъ городомъ онъ сталъ съ 1803 г.; до того же времени тянулъ то къ Голтвѣ, то къ Кременчугу.

Въ началѣ XIX ст. городъ Кобыляки ютился на горѣ надъ Ворсклой. Жителей въ немъ было 3,577 муж. пола и 3,640 женск. пола. Главную массу населенія составляли козаки (3059 м. п. и 3100 ж. п); остальныя сословія распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: дворянъ м. 87, ж. 91, священно и церковно-служителей 63—68; купцовъ 25—20; мѣщанъ: христіанъ 22—20, евреевъ 55—65; разночинцевъ 9—11; помѣщичьихъ крестьянъ 350—249. Вокругъ города существовали два завода селитряныхъ, два кирпичныхъ, два пивоваренныхъ и одинъ винокуренный. На Ворсклѣ стояло 16 водяныхъ мельницъ. Церквей было 11, обывательскихъ домовъ 854. Дѣлами города правилъ городничій; надъ нимъ возвышались маршалъ и подскарбій. До 1804 г. существовало здѣсь «малое народное училище», открытое на средства бригадира Адабаша; но съ его смертью умерло и училище и только въ 1808 году, мая 24-го, «попечительностію императорскаго харьковскаго университета и стараніемъ директора училищъ полтавской губерніи Огнева, открыто кобелякское повѣтовое училище, съ приличными при семъ случаѣ обрядами и церемоніями, въ присутствіи повѣтоваго маршала Чорбы, почетнѣйшаго дворянства, духовенства и прочихъ посѣтителей». Училище помѣщалось въ двухъ деревяныхъ домахъ, принадлежавшихъ полтавскому приказу общественнаго призрѣнія, за городомъ, на кладбищѣ; зданія обветшалыя; книгъ и необходимой классной мебели не было.

Повѣтовое училище состояло изъ 2-хъ классовъ; кромѣ того было еще «нижнее отдѣленіе» съ 3-мя разрядами, которое служило

подготовительной ступенью къ собственно повѣтовому училищу. Окончившіе 2-й классъ могли безъ экзамена поступать въ гимназію, но большинство поступало «къ письменнымъ дѣламъ», т. е. расходилось по всевозможнѣйшимъ канцеляріямъ. Возрастъ учащихся колеблется между 5 и 15 годами. По сословіямъ учащіеся распредѣлялись такъ: дѣтей штабъ-офицерскихъ 3%, оберъ-офицерскихъ 70%, дворянъ въ подушномъ окладѣ 7%, духовнаго званія 2% и остальныхъ сословій 18%; причемъ на долю козаковъ и крестьянъ приходилось только 2%, слѣдовательно училище было народнымъ только по названію, на самомъ же дѣлѣ оно было дворянскимъ.

Въ низшее отдѣленіе поступали неграмотные; начинали съ азовъ, переходили къ складамъ, потомъ къ цѣлымъ рѣченіямъ и т. д. Этотъ процессъ длился долго; учитель низшаго отдѣленія въ отчетѣ за 1809 годъ рапортуетъ: «съ оными (8 чел.) букварь прошелъ весь, которые оной теперь и репетуютъ; оные (11 чел.) учатъ букварь и прошли до 14 стр., которые уже складывать начинаютъ; оные (30 чел.) находятся въ позналіи начальныхъ буквъ до сего времени». Если принять во вниманіе, что этотъ рапортъ писался въ маѣ, то слѣдовательно это и есть результатъ годичныхъ занятій. Впрочемъ эту медленность учитель объясняетъ тупостью учениковъ; въ вѣдомости о способностяхъ ихъ 15 учениковъ онъ относитъ къ числу слабыхъ, 15 къ тупымъ и только 19 къ способнымъ. 1-й и 2-й классы поражаютъ своею многопредметностью; тутъ цѣлая энциклопедія наукъ. При 2-хъ учителяхъ проходились слѣдующія науки: законъ Божій, россійская граматика, ариѳметика, геометрія, алгебра, всеобщая и россійская исторія и географія, естественная исторія, технологія, физика, чтеніе и письмо латинскаго и нѣмецкаго языка, рисованіе и о должностяхъ человѣка и гражданина (отдѣльный предметъ). Руководителямъ народнаго просвѣщенія приходила иногда мысль распространять какое либо знаніе, имѣющее ближайшее примѣненіе въ жизни, чрезъ учащихся. Такъ въ 1811 г. признано было путемъ школъ распространять привитіе оспы, вслѣдствіе чего предписываемо было и кобелякскому повѣтому училищу учить старшихъ учениковъ прививать телячью оспу. Научить этому дѣлу должны были учителя; но такъ какъ они и сами не знали этого искусства, то рекомендовалось имъ ознакомиться съ нимъ по особо разосланной въ училище брошюрѣ.

Преподаваніе «наукъ» было, можно сказать болѣе умозрительное; учителя не имѣли ни одного пособія, географіи учили безъ глобуса и картъ, физикѣ безъ приборовъ, технологіи и естественной исторіи безъ коллекцій и рисунковъ. Все обученіе заключалось въ томъ, что учителя спрашивали уроки, задавали новые, а ученики зубрили. Въ помощь учителямъ для спрашиванія уроковъ въ 1811 г. было предписано изъ лучшихъ учениковъ 2-го класса выбрать репетиторовъ, на обязанности которыхъ лежало бы выспрашиваніе уроковъ у учениковъ до прихода учителя. Такимъ образомъ дѣятельность учителей упростилась еще болѣе, имъ только оставалось, по выслушаніи отчета репетитора, воздать коемуждо по дѣломъ его... Только этими педагогическими пріемами и можно объяснить ужасающій % неуспѣвающихъ, именно 60%.

Въ тогдашней, даже благородной, школѣ царила розга. «Розга, говорилось тогда, острить умъ и память возбуждаетъ». А такъ какъ большая половина учащихся, по мнѣнію учителей, были тупы и слабы, то ясно, что необходимость въ розгѣ сознавалась постоянно и примѣненіе ея было очень частое и обильное. Были попытки со стороны начальства обуздывать рьяныхъ педагоговъ; но одно изъ такихъ распоряженій (отъ 17-го іюня 1809 г.), рекомендуя относительно учениковъ «болѣе снисхожденія и уваженія, нежели жестокости», предоставляетъ наказаніе розгами благоразумію смотрителя. Энергичнѣе и съ указаніемъ мотивовъ было распоряженіе 1811 г., которымъ тогдашній министръ народнаго просвѣщенія, графъ А. К. Разумовскій, по поводу производившихся двухъ дѣлъ о жестокомъ наказаніи въ слободско-украинской гимназіи, предписалъ, чтобы «всѣ чины училищъ тѣлесныхъ наказаній, запрещенныхъ училищными постановленіями, не употребляли, подъ опасеніемъ отрѣшенія отъ должности». Но такія предписанія оставались чаще всего втунѣ, какъ несогласныя съ традиціею школы, твердившей своимъ питомцамъ:

Цѣлуйте розгу, бичъ и жезлъ лобзайте,
Та суть безвинна, тѣхъ не проклинайте.

Протеста противъ тѣлесныхъ наказаній со стороны общества, воспитаннаго въ такихъ же понятіяхъ, конечно, не могло быть и если прапорщикъ Войновъ въ 1812 г. жаловался полтавскому губернатору на учителя «кобеляцкаго» повѣтоваго училища Леонова,

то не за наказаніе розгами, а за то, что онъ «причинилъ его сыну, ученику 1-го класса, *побои*». По поводу сего случая и директоръ училищъ предписывалъ только смотрителю «какъ можно стараться о примиреніи просителя, дабы не вышли непріятности для начальства по учебной части»; а учитель Леоновъ, не добившись примиренія, оправдывался тѣмъ, что «наказалъ сына Войнова за разные проступки, а особливо за лѣность и ослушаніе къ *родителямъ*—не какъ классный учитель, а какъ особливаго рода опекунъ». Дѣло кончилось перемѣщеніемъ Леонова въ купянское училище, харьковской губерніи.

Экзамены въ повѣтовыхъ училищахъ были двухъ родовъ: 1) *частные*, на которыхъ учителя, производя испытанія для переводовъ учениковъ въ высшіе классы, оставленія въ тѣхъ же классахъ и исключенія, не стѣснялись тѣмъ, что въ экзаменскихъ вѣдомостяхъ половина всѣхъ учениковъ попадала въ рубрику тупыхъ и слабыхъ, и *публичные*, составлявшіе пустую формальность и прямой какъ бы обманъ публики. Къ послѣднимъ экзаменамъ начинали готовиться мѣсяца за два, за три. Выбирались лучшіе ученики; одинъ готовилъ отвѣтъ по физикѣ, другой по технологіи и т. д., словомъ по каждому предмету долженъ былъ отвѣтить одинъ изъ учениковъ. Въ одномъ изъ донесеній смотрителя кобелякскаго училища директору училищъ такъ описывается публичное испытаніе: «оно открылось привѣтственною рѣчью, произнесенною ученикомъ перваго класса Ольховскимъ, послѣ чего ученики испытываемы были въ знаніи закона Божія и другихъ предметовъ. Испытаніе сіе окончено было благодарственною рѣчью, произнесенною ученикомъ 2-го класса Потоцкимъ. Посѣтители, будучи довольны успѣхами учениковъ, изъявили лично признательную благодарность какъ учащимъ, такъ и учащимся и, кромѣ того, видя на самомъ опытѣ отличные успѣхи учениковъ, сдѣлали пожертвованіе на сумму 83 рубля. Благородное собраніе, участвовавшее въ семъ испытаніи, было приглашено маршаломъ въ собственный домъ и угощено обѣденнымъ столомъ».

Господствовавшее до начала отечественной войны пренебреженіе къ религіозной сторонѣ въ школьномъ образованіи отразилось и въ кобелякскомъ повѣтовомъ училищѣ. Съ 1808 по 1811 годъ законъ Божій занималъ въ немъ послѣднее мѣсто въ ряду другихъ предметовъ; не было даже законоучителя и предметъ этотъ препо-

валъ одинъ изъ учителей. Но въ слѣдъ за тѣмъ издается цѣлый рядъ приказовъ, направленныхъ къ тому, чтобы поднять религіозное воспитаніе въ учебныхъ заведеніяхъ, и самое министерство съ этого времени называется уже министерствомъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Предписывалось, чтобы «во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ всѣ науки имѣли основаніемъ священное писаніе и вообще христіанское ученіе; чтобы уроки естествовѣдѣнія и технологіи замѣнены были уроками закона Божія и грамматики; чтобы предъ началомъ уроковъ читалось евангеліе; чтобы по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ ученики вмѣстѣ съ учителемъ ходили въ церковь; чтобы книга «о должностяхъ и обязанностяхъ гражданина» замѣнена была евангеліемъ, какъ заключающимъ въ себѣ все то, что должно знать гражданину» и пр. Въ это же время дьячки, пономари и священнослужители получили разрѣшеніе обучать грамотѣ безъ установленныхъ аттестатовъ, а также были освобождены и отъ взиманія въ казну 5% сбора съ доходовъ за обученіе.

Учителя въ кобелякскомъ училищѣ были въ то время по большей части съ высшимъ образованіемъ,—воспитанники харьковскаго университета и кіевской академіи, но не окончившіе полнаго курса, или же плохо «аттестованные начальствомъ въ познаніяхъ наукъ». Образованіе въ то время цѣнилось гораздо менѣе, чѣмъ теперь, а матеріальное содержаніе учителей было крайне скудное. Учителю полагалось жалованья въ годъ 340 руб. асс., что по курсу 1812 года составляло $113^1/_3$ руб. сер., а по курсу 1817 г. всего 85 руб. сер. Посторонніе заработки были также крайне незначительны: за годовой урокъ платили 15—30 руб. асс. Между тѣмъ жизнь была дорога: по цѣнамъ 1819 г. квартира изъ двухъ комнатъ стоила 150 руб. асс. въ годъ, сажень дровъ 30 р., пудъ сальныхъ свѣчей 20 руб., четверть ржаной муки 14 р. 50 к., четверть пшена 18 р. И все остальное, необходимое въ жизни, было также дорого: оконная рама стоила 5 р., оконное стекло 50 к., тысяча кирпича 25 руб., возъ глины 1 р. и т. д. Учитель Горгопа просилъ вспомоществованія потому, что не имѣлъ приличнаго платья, чтобы ходить въ училище. Учителя того времени были жалки, загнаны, жили обособленною жизнью и третировались власть имѣющими, какъ лакеи. Почетный смотритель, напр., дѣлаетъ грубый выговоръ всему педагогическому

составу за то, что одинъ изъ учителей осмѣлился написать свой рапортъ къ нему на полулистѣ сѣрой бумаги. Не удивительно поэтому, если многіе изъ этихъ обездоленныхъ бѣдняковъ находили утѣшеніе въ «горѣлкѣ». Указаній на это въ училищномъ архивѣ не мало. Въ 1814 г. директоръ училищъ писалъ смотрителю: «такъ какъ нѣкоторые учителя обращаются въ пьянствѣ и через то дѣлаются неспособными къ отправленію должности, то рекомендую вамъ, чтобы вы объявили содержаніе сего нынѣ на лицо состоящимъ въ вѣдомствѣ вашемъ чиновникамъ съ подписомъ, что оное ими слушано. А въ противномъ случаѣ они будутъ увольняться и пропечатываться въ вѣдомостяхъ».

И въ то же время эти люди, по волѣ начальства, должны были «двигать» науку впередъ. Уставомъ учебныхъ заведеній, § 52, имъ вмѣнялось въ обязанность «вести историческія, метеорологическія, топографическія и статистическія записки о губерніяхъ, включая въ нихъ свѣдѣнія о земледѣліи, времени посѣва и жатвы, о свойствахъ земли, употребляемыхъ при землепашествѣ орудіяхъ» и проч. и проч. «Записки, гласилъ параграфъ, должны быть писаны простымъ и чистымъ слогомъ, такъ называемымъ историческимъ. Впрочемъ не только не возбраняется дѣлать описанія произведеній природы и искусствъ слогомъ украшеннымъ, но еще весьма желательно, чтобы занимались онымъ, только безъ нарушенія истины. Сіе лучше дѣлать при описаніи особенныхъ какихъ либо предметовъ, какъ-то: живописныхъ видовъ, величественныхъ зданій и пр.».

Неизвѣстно, какъ отнеслись учителя кобылякскаго училища къ этому призыву; въ архивѣ остался только одинъ образчикъ описанія явленія, писанный, повидимому, слогомъ украшеннымъ. «Сентября 4-го, 1813 г., пишетъ смотритель, бывши по надобности верстъ за 10 отъ города съ женою, мальчикомъ и дѣвкою, при самомъ отъѣздѣ, часовъ въ 8 вечера, наступала черная туча и начинала блистать молнія. Часу въ 9-мъ вся атмосфера покрылась непроницаемою тьмою и началъ иттить сильнѣйшій проливной дождь. Молнія и громъ съ превеличайшимъ трескомъ раздавался надъ нами. Въ семъ ужасномъ состояніи мною, женою, мальчикомъ и дѣвкою усмотрѣна была электрическая сила слѣдующимъ образомъ: 1) края шинели моей у воротника и шубка на женѣ какъ бы опушены были бѣлымъ свѣтомъ; 2) на возжахъ, краю кнута и мѣ-

стами на хомутѣ видимъ былъ тотъ же свѣтъ; 3) на самыхъ остріяхъ лошадиныхъ ушей сила сія блистала величиною съ гороховину».

Кобылякское училище не располагало самыми необходимыми для него предметами. Въ одной изъ архивныхъ бумагъ директоръ рекомендуетъ смотрителю «имѣть стройшее наблюденіе, чтобы учителя одновременно приходили въ училище и занимались по часамъ», а смотритель отвѣчаетъ, что въ училищѣ и учителей часовъ нѣтъ, а изъ обывателей «развѣ только у лицъ высшихъ». Послѣ долгой переписки рѣшено было испросить разрѣшеніе у городничаго—звонить въ колоколъ кладбищенской церкви, гдѣ помѣщалось училище, дабы оповѣщать о началѣ занятій учителямъ и учащимся.

Всею жизнью училищъ тогдашнихъ руководилъ училищный комитетъ при харьковскомъ университетѣ, состоящій изъ профессоровъ. Назначеніе и увольненіе учителей, разрѣшеніе къ расходованію различныхъ суммъ, провѣрка кассовыхъ книгъ и пр.—все это вѣдалъ университетъ. Такъ называемые визитаторы, профессора харьковскаго университета, осматривали училище, производили учащимся испытанія, свидѣтельствовали училищную сумму и, если все находили исправнымъ, объявляли свое благоволеніе. Повидимому университетъ, гимназія и повѣтовое училище составляли одно, ступени одного зданія или, храма просвѣщенія, тѣсно были связаны другъ съ другомъ. Предполагалось, что повѣтовое училище даетъ учениковъ для гимназій, гимназія [1]) даетъ студентовъ для университета, а университетъ, въ свою очередь, даетъ имъ учителей, руководитъ ихъ жизнью. Но повѣтовое училище давало въ гимназію только 3—4%, остальные не нуждались въ высшемъ образованіи: жизненныя условія были таковы, что и питомцы повѣтовыхъ училищъ могли прямо, минуя гимназію и университетъ, обращаться «къ письменнымъ дѣламъ». Единеніе университета съ повѣтовымъ училищемъ доходило до того, что о всякомъ событіи въ университетѣ, какъ-то: назначеніи новаго ректора, профессора, смерти кого либо изъ нихъ, сообщалось и въ повѣтовое училище; рѣчи профессоровъ, сочиненія студентовъ присылались обязательно въ библіотеку училища.

---

[1]) Директоръ гимназіи былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и директоромъ народныхъ училищъ.

Повидимому между училищнымъ начальствомъ и подчиненными учителями существовали чисто отеческія отношенія. Начальство входило во всѣ мелочи обыденной жизни учителей, заботилось объ ихъ нравственности, внѣшности и пр. Оно также заботилось, чтобы гражданскіе и иные чины не учиняли какихъ либо притѣсненій учителямъ. Въ этомъ случаѣ обида учителя какимъ нибудь постороннимъ вѣдомствомъ считалась обидою всего министерства народнаго просвѣщенія. Въ архивѣ очень часто встрѣчаются такія защиты: въ одномъ случаѣ директоръ и смотритель чрезъ полтавскаго губернатора добились того, что учитель Николаевъ могъ, вопреки протесту городничаго, огородить свой дворъ плетнемъ; въ другомъ училищный совѣтъ, по жалобѣ учителя Леонова на своего родственника, захватившаго его землю, дѣйствуя черезъ военнаго губернатора, добился полнаго удовлетворенія означеннаго учителя.

При училищѣ существовалъ почетный смотритель, выборное лицо изъ среды дворянъ. Судя по даннымъ архива, онъ имѣлъ большое вліяніе и значеніе для училища, представлялъ собою око общества, посредствомъ котораго оно контролировало жизнь училища. Для характеристики отношеній между почетнымъ смотрителемъ и училищемъ приведу нѣсколько фактовъ, взятыхъ изъ архива.

Въ 1813 г. почетный смотритель Марковъ писалъ штатному смотрителю:

«М. г. препровождаю шкафъ для училищной библіотеки, который прошу васъ поставить въ лучшемъ видѣ; велѣлъ я своимъ столярамъ всячески стараться, чтобы его съ балюстрадомъ поставили ибо безъ онаго много виду потеряетъ. Долгомъ считаю объявить, что многіе дворяне, имѣющіе своихъ дѣтей въ училищѣ, жалуются, что дѣти ихъ ничего не успѣваютъ по причинѣ, что учителя мало объ нихъ пекутся, сами поздно въ училище ходятъ, сидятъ дома или у гостяхъ, а при томъ употребляютъ дѣтей для посылокъ даже и за горѣлкой; прошу васъ имъ сіе воспретить и подтвердить, чтобы они свою должность лучше выполняли, а иначе я принужденъ буду отнестись къ высшему начальству, ибо по неуспѣху дѣтей и моя честь будетъ страдать, а я привыкъ всегда службу свою продолжать съ похвалою».

Въ 1816 г. тотъ-же Марковъ писалъ тому же смотрителю слѣд.: «въ бытность мою въ училищѣ, нашелъ я совершенную въ библіотекѣ

неисправность, въ классахъ нечистоту и холодъ; посему предписываю вашему благородію, дабы все сіе исправлено было въ библіотекѣ, а въ классахъ было бы чисто и ученики не сидѣли бы въ шубахъ, и замѣчено мною, что всему сему причиною сторожъ, а потому и *предписываю* вамъ *отрѣшить* его отъ должности».

Почетному смотрителю учителя обязаны были ежемѣсячно представлять свѣдѣнія о числѣ учениковъ, ихъ успѣхахъ, о пройденныхъ предметахъ. Но за то почетный смотритель былъ благодѣтелемъ училища: кромѣ ежегоднаго взноса въ 250 руб., онъ снабжалъ училище всѣмъ необходимымъ для него; онъ жертвуетъ, напримѣръ, шкафъ для библіотеки, столъ, 15 зимнихъ рамъ, книгъ на 300 руб., ежегодно также отдавалъ на пользу училища старыя газеты и т. п.

Въ первое время своего существованія кобылякское повѣтовое училище по видимому интересовало высшія власти. Въ лѣтописи училища до 1819 г. записано нѣсколько посѣщеній такихъ лицъ. Въ 1808 г. іюня 24 училище удостоено было посѣщеніемъ малоросійскаго генералъ-губернатора князя Лобанова-Ростовскаго съ полтавскимъ губернаторомъ Козачковскимъ, «при чемъ, какъ сказано въ лѣтописи, его сіятельство былъ привѣтствованъ рѣчью, произнесенною учителемъ, и съ удовольствіемъ слушалъ преподаваемую послѣ сего ариѳметику и россійскую грамматику». Упоминается о посѣщеніи военныхъ губернаторовъ Тутолмина и Репнина; но привѣтсвенныя имъ рѣчи говорились уже учениками. Послѣ 1819 г. столь высокія лица не встрѣчаются уже въ записяхъ о посѣщеніяхъ; мѣсто ихъ заняли маршалъ, городничій и директоръ; послѣ 30-хъ годовъ училище посѣщаетъ только директоръ, какъ непосредственное начальство. Особою патріархальностію, чтобъ не сказать болѣе, отдаетъ слѣдующее предписаніе директора 1811 г. «Намѣреваюсь я въ скорости отправиться въ разные города полтавской губерніи для обозрѣнія подвѣдомыхъ мнѣ повѣтовыхъ училищъ и посему рекомендую вашему благородію къ пріѣзду моему привесть все то, что подлежать будетъ къ усмотрѣнію моему, въ совершенную исправность».

Кобылякское повѣтовое училище служило учебнымъ заведеніемъ для дѣтей лицъ привилегированныхъ, которыя составляли 90% всѣхъ учащихся. Мѣщане и козаки, за рѣдкимъ исключеніемъ, не отдавали туда своихъ дѣтей, хотя обученіе въ училищѣ было без-

платное. По видимому, они считали правительственное учебное заведеніе со многими науками не подходящимъ для себя и потому имѣли свои школы, въ которыхъ учили тому, чему они хотѣли, и гдѣ они чувствовали себя полными хозяевами. Школы эти были двухъ родовъ: низшія, въ которыхъ изучали граматку, часословъ и псалтырь, и высшія, гдѣ обучались писать и «цыфири». Смотритель кобылякскаго училища въ 1811 г. доноситъ, что въ городѣ находятся слѣдующія школы:

1) У священника покровской церкви Базилевича 2 уч.; 2) у *крестьянина* протоіерея соборной церкви—Тешнова 19 уч.; 3) у пономаря той-же церкви Хорунженка 4 уч.; 4) у дьячка троицкой церкви Кучера 4 уч; 5) у пономаря рождество-богородичной церкви Умаха 6 уч.; 6) у прапорщика Крихоцкаго 10 уч., 7) у дьячка рождество-богородичной церкви Катранова 5 уч. Всѣ они обучались письму и цыфири; «сверхъ того, писалъ смотритель, въ присутственныхъ мѣстахъ до 50 учениковъ, коихъ учатъ повытчики». Въ селахъ казенныхъ училищъ не было; вездѣ при церквахъ учили дьячки и пономари, а въ волостныхъ правленіяхъ писаря.

Плата за выучку была вездѣ равномѣрная: за граматку 1 р. за часословъ 1½ руб., за псалтырь 2 руб. За выучку письму и цыфири брали 5 р. за каждаго ученика. Присяжные педагоги, въ лицѣ смотрителя, относились ко всѣмъ таковымъ неузаконеннымъ училищамъ крайне враждебно; во всѣхъ своихъ донесеніяхъ они старались доказывать, что таковыя школы «дѣлаютъ разстройку повѣтовому училищу, въ которомъ учащихся очень мало (50 чел. въ 1811 г.), по той причинѣ, что дьячки, пономари и повытчики учатъ дѣтей». Само министерство старалось искоренить такія контрабандныя школы. Въ цѣломъ рядѣ указовъ предписывалось уничтожить ихъ измором. Въ 1810 г. директоръ сообщаетъ о распоряженіи министра, коимъ воспрещалоь учить дѣтей не аттестованнымъ учителямъ. Въ томъ же году директоръ писалъ смотрителю: «такъ какъ платежу 5% денегъ подлежатъ содержатели частныхъ училищъ, то предписываю вамъ имѣть строжайшее наблюденіе, чтобы никакое частное учебное заведеніе безъ дозволенія университета не существовало, а въ противномъ случаѣ каждый учитель будетъ оштрафованъ по 100 р., въ силу указа 1757 г.»

Подъ именемъ частныхъ учебныхъ заведеній разумѣлось въ законѣ «мѣсто, гдѣ кто-либо учитъ чужихъ дѣтей и беретъ плату»; слѣдовательно всѣ эти дьячки, пономари и повытчики, въ силу приведеннаго распоряженія, должны были брать разрѣшеніе отъ университета. Конечно, никто изъ нихъ этого не дѣлалъ и всѣ они продолжали себѣ учить по прежнему; скоро впрочемъ, само правительство пришло къ нимъ на помощь, разрѣшивъ имъ свободу обученія и избавивъ ихъ отъ 5% сбора.

Въ заключеніе отмѣтимъ еще одинъ фактъ, относящійся къ жизни кобылякскаго повѣтоваго училища. Въ послѣдовавшую за окончаніемъ отечественной войны эпидемію циркулярно предписывалось, между прочимъ, «залы училищные провѣтривать и курить порошкомъ, составленнымъ по слѣдующему рецепту: межжевельныя елки, межжевельное дерево, дягель, корня ирнаго, ладону, селитры, сѣры—смѣшать все въ видѣ порошка и курить». Такое окуриваніе способствовало, можно думать, не столько просвѣтленію, сколько потемненію ученическихъ въ кобылякскомъ училищѣ головъ, большинство которыхъ со стороны учителей аттестовались тупыми.

Этимъ мы заканчиваемъ свои замѣтки о кобылякскомъ повѣтовомъ училищѣ въ промежутокъ времени съ 1804 по 1833-й годъ, когда оно было преобразовано въ уѣздное 3-хъ классное училище, по уставу 1828 г.

г. Кобеляки.

А. Фисенко.

Къ потрету С. Я. Ширая.

Родъ Шираевъ принадлежитъ къ числу болѣе богатыхъ, нежели знатныхъ малороссійскихъ родовъ. Глава этого рода, Спиридонъ Яковлевичъ Ширай, котораго портрѣтъ прилагается къ настоящей книжкѣ, былъ стародубскій мѣщанинъ и занималъ по выборамъ почетную и вліятельную должность войта стародубскаго съ 1681 по 1708 г. Уже одно продолжительное, слишкомъ 27-лѣтнее пребываніе его на этомъ отвѣтственномъ и шаткомъ посту свидѣтельствуетъ о его умѣ, равно довѣріи и почетѣ, какими онъ пользовался въ мѣстномъ обществѣ. Благодаря привиллегированному положенію Стародуба, издавна пользовавшагося магдебургскимъ правомъ, и его особому торговому значенію, по которому онъ былъ главнымъ пунк-

томъ отпускной для всей Малороссіи торговли, преимущественно пенькою, въ рижскій и архангельскій порты, а также склада и сбыта получаемыхъ оттуда колоніальныхъ товаровъ, Ширай скопилъ огромныя богатства, завелъ обширныя связи. пользовался большимъ вліяніемъ не только въ своей общинѣ, но и въ средѣ полковой и генеральной старшины; женилъ сына своего Степана на дочери стародубскаго полковника Миклашевскаго, вошелъ въ дружбу съ самимъ гетманомъ Мазепою и пожалованъ отъ него имѣніемъ, не состоявъ никогда въ войсковомъ урядѣ. Сынъ его Степанъ, по окончаніи курса въ кіевской академіи, скоро сталъ бунчуковымъ товарищемъ. а внукъ Ѳедора воспитывался уже за границею. Родъ Сп. Шнрая пріумножилъ его богатства, вошелъ въ родство съ знатнѣйшими малороссійскими и русскими родами и къ концу XVIII ст. занялъ выдающееся положеніе между богатѣйшими родами того времени. Тѣмъ не менѣе глава этого рода былъ и остался стародубскимъ мѣщаниномъ, стародубскимъ привилегированнымъ войтомъ, мирнымъ гражданиномъ, обывателемъ средней руки, типомъ малорусскаго мѣщанства конца XVII и начала XVIII ст.

Чтобы дать наглядное представленіе о томъ, каковъ былъ богатый мѣщанинъ того времени, мы и избрали для приложенія портретъ Спиридона Яковлевича Ширая. Голова его имѣетъ совершенно простой видъ натуральной растительности, въ порядкѣ однако содержимой; волосы лишь на лбу слегка подстрижены и лежатъ ровными прядями. Одѣтъ онъ въ богатый парчевый *кунтушъ*, съ золотыми цвѣтами по зеленому полю. Кунтушъ сверху искошенъ и застегнутъ золотыми или позолоченными мелкими пуговицами, идущими густымъ рядомъ до малиноваго, незначительной ширины, атласнаго пояса, по всей вѣроятности слуцкой работы. Рукава кунтуша съуживаются къ кистямъ рукъ и заканчиваются бархатными закарвашами алаго цвѣта. Поверхъ кунтуша длинный *жупанъ*, скроенный по таліи и надѣтый на рукава, въ отличіе отъ широкой безрукавной *опанчи*, составлявшей верхнее платье войсковой старшины. Кунтушъ на лисьемъ мѣху, покрытъ сукномъ или бархатомъ пунцоваго цвѣта. На ногахъ обыкновенные кожаные сапоги *черпаго* цвѣта, принадлежность людей солиднаго возраста; въ рукахъ *ципокъ*, общеупотребительная въ то время палка съ золотымъ набалдашникомъ, ставшая впослѣдствіи принадлежностію только лицъ

священнаго сана. Выраженіе лица Ширая серьезное, сосредоточенное, какъ во время молитвы. При немъ изображенія двухъ малолѣтнихъ его сыновей въ длинныхъ кунтушикахъ или кафтанкахъ, на одномъ желтаго, на другомъ зеленаго цвѣта, при чемъ у перваго голубой поясокъ и желтые сафьянные сапожки, а у другаго поясокъ малиновый и сапожки краснаго сафьяна. У обоихъ мальчиковъ, какъ и у отца ихъ, волосы подстрижены спереди въ скобки, а ручки въ молитвенномъ положеніи сложены и подняты вверхъ—характерная черта того времени давать молитвенную позу лицамъ въ женскихъ и дѣтскихъ портретахъ.

Настоящій портретъ С. Я. Ширая обязательно сообщенъ намъ А. М. Лазаревскимъ. Это современный оригиналъ въ высоту трехъ аршинъ, писанъ на холстѣ масляными красками. Такого же размѣра и письма портретъ жены Ширая съ двумя маленькими дочерьми и портрета старшаго сына Степана, снятый, какъ видно, по окончаніи имъ курса въ академіи и прежде поступленія на войсковой урядъ. Всѣ три портрета сохранились очень хорошо; до минувшаго года они хранились въ церкви села Спиридовой Буды, новозыбковскаго уѣзда, черниговской губерніи, бывшемъ имѣніи Ширая, а нынѣ составляютъ собственность А. М. Лазаревскаго. Со временемъ мы надѣемся ознакомить читателей «Кіевской Старины» съ этими замѣчательными портретами малорусской средняго класса дамы XVII ст. и такого же кавалера и щеголя того времени.

Поправка. Въ предъидущей сентябрьской книжкѣ „Кіев. Стар.", въ отдѣлѣ Библіографіи, въ рецензіи на книгу Змигродскаго, на стр. 160, строка 3 снизу, напечатано Leipzig, 1883 г., слѣд. 1833 г., тамъ же, строка 7, напеч. 1856 г. слѣд. 1865 г. и на стр. 168, строка 20 снизу, вмѣсто С о т о напеч. С о m о.

Отъ редакціи.

Журналъ **„Кіевская Старина“** выходитъ *неизмѣнно* 1-го числа каждаго мѣсяца и въ тотъ-же день разсылается городскимъ подписчикамъ, а 2-го и не позже 3-го числа сдается въ Почтовую Контору для отправки внутри Имперіи и за границу.

Редакція отвѣчаетъ за исправное полученіе журнала лишь при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если въ *четко* написанномъ адресѣ означены: имя, отчество и фамилія подписчика, равно губернія, уѣздъ и почтовое учрежденіе, гдѣ *допущена* выдача журналовъ, 2) если жалоба на неполученіе книжки прислана непосредственно въ редакцію, хотя-бы подписка была сдѣлана въ одномъ изъ книжныхъ магазиновъ, 3) если жалоба послана, согласно объявленію Почтоваго Департамента, не позже полученія или срока выхода слѣдующей книжки, 4) если къ жалобѣ приложено будетъ удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книжка ею не была получена и 5) если о перемѣнѣ адреса было сдѣлано заявленіе редакціи и притомъ сдѣлано своевременно, т. е. съ такимъ разсчетомъ времени, чтобы редакція могла получить оное не позже выхода слѣдующей книжки

За перемѣну адреса иногороднаго на городской и обратно уплачивается *пятьдесятъ коп.*, а при перемѣнѣ иногороднаго на иногородный-же высылается *четыре семикопѣечныя марки.*

Подписная цѣна на мѣстѣ 8 р. 50 к., съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи 10 р., за границу 11 р. По той-же цѣнѣ высылаются и оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры 1882—1886 гг.

Подписка принимается въ редакціи журнала и конторѣ оной (*Кіевъ*, *Михайловская улица*, *домъ № 12-й*), въ книжныхъ магазинахъ Оглоблина въ Кіевѣ и Петербургѣ, «Новаго Времени» и Глазунова въ Петербургѣ и Москвѣ, Мелье, Вольфа и Мартынова въ Петербургѣ, Федорова, Розова, Динтера, Корейго, Гинтера и Малецкаго въ Кіевѣ и др.

Издателямъ и авторамъ книгъ и брошюръ по южно-русской исторіи и этнографіи, приславшимъ экземпляръ своихъ изданій въ редакцію, обѣщается рецензія.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

ТОМЪ XIX.

НОЯБРЬ.

1887 г.

КІЕВЪ.

Тип. А. Давиденко, аренд. Л. Штаммомъ, Мало-Житом. ул., д. № 4.

СОДЕРЖАНІЕ.

Ноябрь, 1887 г.

Дозволено ценвурою. Кіевъ, 31-го октября 1887 года.

Отъ редакціи.

Съ выпускомъ 12-й (декабрьской) книжки, которая выйдетъ 1-го декабря, изданіе «Кіевской Старины», за болѣзнью редактора-издателя, *пріостанавливается*. Подписка вновь не принимается ни въ редакціи, ни у книгопродавцевъ; не можетъ производиться и взаимный обмѣнъ изданіями и объявленіями.

О возобновленіи или совершенномъ прекращеніи журнала будетъ объявлено особо.

Желающіе пріобрѣсти экземпляры «Кіевской Старины» за прежніе годы (1882—1887) могутъ обращаться по прежнему: *Въ Редакцію «Кіевской Старины», Кіевъ, Михайловская улица, № 12.* Изданіе перваго года, оставшееся въ числѣ не свыше 10-ти экземпл., высылается по прежней цѣнѣ 10 руб. съ перес. Выписывающіе затѣмъ одновременно за слѣдующія *пять* лѣтъ пользуются уступкою 25%, за *четыре* года 20%, за *три* 15% и за *два* 10% съ общей подписной суммы. Книжнымъ магазинамъ уступается сверхъ того 5% коммисіонныхъ. Цѣна годовому изданію въ одномъ экземплярѣ 10 р. съ пересылкой. Отдѣльныя книжки выдаются на мѣстѣ и высылаются по 1 р. с.

Гг. подписчиковъ не доплатившихъ или вовсе не уплатившихъ подписной суммы редакція покорнѣйше проситъ поспѣшить высылкою слѣдуемыхъ денегъ.

Раина Могилянка, княгиня Вишневецкая.

(† 1619 г.).

Раина Могилянка, княгиня Вишневецкая.

...........Теченіе скончахъ, вѣру соблюдохъ;
Прочее соблюдается мнѣ вѣнецъ правды.
(2-е посл. къ Тимоѳ., IV, 6—7).

Раина Могилянка, дочь Іереміи Могилы, господаря молдавскаго, двоюродная сестра знаменитаго кіевскаго митрополита Петра Могилы, жена богатѣйшаго изъ русскихъ князей Михаила Вишневецкаго, мать отступника Іереміи, бабка польскаго короля Михаила, по мужу старостянка овручская, каштелянша кіевская, какъ значится на ея старинномъ портретѣ, представляетъ собою замѣчательную женщину въ южно-русскомъ обществѣ начала XVII ст. Время пощадило ея портретъ и съ помощію его мы ясно можемъ представить себѣ ея внѣшнія черты; но исторія слишкомъ мало сохранила свѣдѣній о ея жизни, и при посредствѣ ихъ мы не можемъ возсоздать въ полномъ очертаніи ея нравственнаго облика. Есть впрочемъ одна яркая черта, которая свѣтлой полосой проходитъ чрезъ всю ея недолгую жизнь, и по ней-то мы причисляемъ Раину Вишневецкую къ числу замѣчательныхъ женщинъ своего времени: это глубокая ея набожность, твердость въ отеческой вѣрѣ и непоколебимая преданность ей до конца жизни. Въ наше время маловѣрія и невѣрія такое качество не сочтется, быть можетъ, ни добродѣтелью, ни достоинствомъ; но въ тѣ бурныя времена религіозной борьбы и кровавыхъ войнъ за вѣру, когда княжескіе и дворянскіе русскіе роды, подъ неотразимымъ напоромъ цѣлаго строя и духа государственной и общественной жизни, десятками и сотнями

*

переходили то въ католичество, то въ протестантство, устоять въ православной вѣрѣ стоило величайшихъ усилій, а для слабой женской натуры это составляло прямой, при томъ тягчайшій подвигъ. Клеймя позоромъ отступниковъ нашей вѣры, подрывавшихъ въ корнѣ благополучіе и славу родной страны, мы должны хранить въ нашей памяти имена лицъ, выдержавшихъ въ свое время этотъ тягчайшій искусъ жизни, и они яркими свѣточами станутъ для насъ на темномъ жизненномъ пути нашемъ и всего народа...

Но возвратимся къ Раинѣ Могилянкѣ.

Отецъ Раины Іеремія Могила былъ однимъ изъ лучшихъ правителей Молдавіи и отличался набожностью и глубокою преданностью православной церкви. Будучи обязанъ своимъ господарствомъ польскому королю Сигизмунду III, но зная его, какъ фанатическаго виновника и распространителя въ своихъ русскихъ земляхъ уніи, онъ предъ самымъ вступленіемъ на престолъ, обѣщая всякую покорность своему патрону, выговорилъ для своего государства полную свободу греческаго вѣроисповѣданія. Въ недолгое время своего управленія 1595—1606 г., расходуясь много на дани и подарки, чтобы удержаться на шаткомъ престолѣ, набожный Іеремія дѣлалъ частыя и щедрыя пожертвованія на церковныя нужды и дѣла благотворенія. «Отъ нашея юности, писалъ онъ въ одной изъ дарственныхъ грамотъ Скульскому монастырю, боголюбивымъ желаніемъ и сердечнымъ распаленіемъ утвержденіе и честь и украшеніе св. церкви непремѣнно въ душу вкорененны имамы». Не ограничиваясь предѣлами собственной земли, Іеремія до самой смерти своей былъ найболѣе усерднымъ благотворителемъ и покровителемъ православнаго львовскаго братства. Великолѣпная, донынѣ существующая въ Львовѣ церковь Успенія Богородицы, заложенная братствомъ въ 1591 г., создана почти исключительно на средства Іереміи и брата его Симеона. Независимо отъ денежныхъ пособій, пользуясь хорошими отношеніями къ королю Сигизмунду и къ вліятельнымъ польскимъ сановникамъ, онъ весьма часто оказывалъ львовскому братству и другія важныя услуги, ограж-

дая его своимъ ходатайствомъ отъ латинскихъ притѣсненій и выпрашивая ему нужныя привилегіи. Въ домѣ его и братнемъ являлись учителя, которыхъ высылало имъ львовское братство. Мать Раины Елисавета, дочь сенатора изъ Трансильваніи, была также набожная женщина и по смерти мужа не переставала благотворить тому же львовскому братству. Такимъ образомъ та твердая преданность вѣрѣ, которую потомъ Раина обнаружила въ своей жизни внѣ родительскаго дома, вынесена была ею отсюда и составляла, какъ мы знаемъ по другимъ примѣрамъ, отличительную черту рода Могилъ.

Раина была старшею дочерью Іереміи Могилы; кромѣ нея было у него три сына и еще три дочери: Марія, Катерина и Анна, и всѣ онѣ, по примѣру сестры, были выданы замужъ въ Русь и Польшу: Марія за брацлавскаго воеводу Стефана Потоцкаго, усерднаго кальвиниста, Катерина за православнаго волынскаго князя Самуила Корецкаго, Анна за ленчицкаго воеводу Максимиліана Пржерембскаго. Послѣдняя была потомъ за ленчицкимъ каштеляномъ Яномъ Чарнковскимъ, далѣе за краковскимъ воеводою Владиславомъ Мышковскимъ и наконецъ за коронным гетманомъ Станиславомъ Потоцкимъ, роднымъ племянникомъ Стефана, мужа сестры Маріи. Выходъ двухъ сестеръ Раины въ замужество за поляковъ-иновѣрцевъ не помѣшалъ имъ оставаться въ той же вѣрѣ, въ какой онѣ были воспитаны набожнымъ отцемъ: Марія и умерла православною, а Анна вписалась даже (въ 1630 г.) въ реестръ братчиковъ львовскихъ [1]). Примѣры подобной религіозной стойкости въ то время были необыкновенно рѣдки въ бракахъ иновѣрцевъ съ православными.

Раньше всѣхъ вышла замужъ старшая изъ сестеръ, Раина. Можно полагать, что это было въ 1605 г., еще при жизни ея отца: подъ этимъ именно годомъ князь Михаилъ Вишневецкій внесъ въ книги люблинскаго трибунала вѣновую и дарственную записи свей молодой женѣ. По этимъ записямъ можно заключать, какъ велико было приданое молдавской господаровны, если женихъ, въ обезпеченіе его, записалъ невѣстѣ 50,000 червонцевъ

---

1) Памятники кіев. ком., т. III, отд. 1, стр. 19.

на половинѣ всѣхъ родовыхъ своихъ имѣній и сверхъ того другимъ актомъ записалъ ей въ даръ еще 100,000 червонцевъ.

Мужъ Раины, князь Михаилъ Михайловичъ Вишневецкій, староста овручскій, ничѣмъ не ознаменовалъ себя въ исторіи; но, помимо древности и знатности рода, онъ славился богатствомъ и необъятностью своихъ территоріальныхъ владѣній. Кромѣ мѣстечка Вишневца и многихъ другихъ имѣній на Волыни и въ Кіевщинѣ, ему принадлежали еще обширныя земельныя пространства на лѣвой сторонѣ Днѣпра, тянувшіяся широкой полосой черезъ всю нынѣшнюю полтавскую и часть черниговской губерніи, отъ устьевъ р. Сулы почти до Конотопа. Эти громадныя владѣнія, такъ и называвшіяся въ XVII ст. «Вишневеччиной», какъ кажется, были пріобрѣтены отцемъ мужа Раины, княземъ Михаиломъ Александровичемъ Вишневецкимъ, который задолго еще до соединенія Литвы съ Польшею былъ старостою черкасскимъ и каневскимъ, а послѣ люблинской уніи былъ въ теченіе 15-ти лѣтъ каштеляномъ кіевскимъ, неоднократно громилъ татаръ и похороненъ въ 1584 году въ кіево-печерскомъ монастырѣ. Въ то время это были пустыя, незаселенныя степи, съ многочисленными городищами и другими слѣдами нѣкогда бывшихъ здѣсь поселеній; но съ началомъ XVII ст. онѣ стали быстро заселяться, такъ что во 2-й четверти того же вѣка въ Вишневеччинѣ насчитывалось уже болѣе 50-ти городовъ и селеній.

За такимъ богатымъ мужемъ молодой и къ тому же необыкновенно красивой господаровнѣ жизнь, казалось, сулила въ будущемъ однѣ радости. Такъ бы оно, вѣроятно, и было на самомъ дѣлѣ, еслибы личное счастье Раины не было омрачаемо безпрестанными огорченіями по поводу раздоровъ, возникшихъ между ея родными изъ-за наслѣдства престола по смерти отца ея, послѣдовавшей въ 1606 году, годъ спустя послѣ ея брака. Изгнанная изъ родной страны племянникомъ своимъ Симеономъ, мать Раины проживала у нея съ дѣтьми, пока три зятя ея ходили добывать престолъ Молдавіи для старшаго ея сына Константина. Походъ оказался удачнымъ и Константинъ безъ особаго труда овладѣлъ престоломъ отца; но за ослушность свою падишаху скоро смѣщенъ былъ съ него

турецкимъ кандидатомъ Стефаномъ Томжею. Новый походъ имѣлъ послѣдствія роковыя: Константинъ былъ разбитъ на голову и попалъ въ плѣнъ, таже горькая судьба постигла и двухъ его зятьевъ: Стефана Потоцкаго и отважнаго рыцаря князя Самуила Корецкаго. Не трудно себѣ представить, какимъ горькимъ воплемъ отозвалась эта вѣсть въ Вишневцѣ и еще болѣе, конечно, въ Корцѣ и въ Золотомъ-Потокѣ, въ груди несчастныхъ Катерины и Маріи Могилянокъ! Но что еще печальнѣе: князь Корецкій, какимъ-то чудомъ бѣжавшій изъ тюрьмы, проплывъ на купеческомъ суднѣ въ Италію и побывавъ въ Римѣ и въ Лоретѣ, вернулся оттуда на родину рьянымъ католикомъ, а за тѣмъ, попавъ въ плѣнъ въ злосчастной цецорской битвѣ, былъ задушенъ въ цареградской тюрьмѣ. Бѣжалъ и Стефанъ Потоцкій и возвратился на родину добрымъ католикомъ, а освободившійся позже всѣхъ братъ Раины, Константинъ, долженъ былъ отказаться отъ всякой мечты о престолѣ и прожилъ до самой смерти своей въ Подоліи, въ отцовскомъ имѣніи Устьѣ, не подалеку отъ резиденціи его старшей сестры.

Среди такихъ-то безпокойствъ, хлопотъ и огорченій прошли молодые годы Раины Вишневецкой. А далѣе наближалась для нея еще болѣе печальная пора преждевременнаго вдовства. Князь Михаилъ, хотя и избѣжалъ горестной судьбы своихъ шурьевъ, но возвратился домой изъ несчастнаго молдавскаго похода больнымъ, съ надломленными силами и черезъ три года умеръ, оставивъ Раину съ малолѣтними дѣтьми, изъ коихъ старшему сыну Іереміи было не болѣе четырехъ лѣтъ, а его сестрѣ Аннѣ и того меньше. Тогда для вдовы настали новыя хлопоты и огорченія, столь обычныя въ то время при переходѣ большихъ имѣній въ руки наслѣдниковъ. Деверь Раины и опекунъ ея дѣтей, князь Юрій Михайловичъ Вишневецкій вздумалъ воспользоваться смертію брата для увеличенія своего состоянія и не допустилъ невѣстку вступить во владѣніе заднѣпровскими имѣніями. Надо было вести съ нимъ тяжбу, хлопотать по судамъ и трибуналамъ, пока смерть Юрія (въ 1618 году) не положила конца этимъ непріятностямъ. Въ тоже время нашлись и другіе претенденты на Вишневеччину: какой то п. Лавринъ Черкасъ, неизвѣстно

по какому праву, занялъ тамъ замки: Михайловъ или Пирятинъ и Журавку, и когда былъ изгнанъ оттуда, то затѣялъ съ княгинею Раиною процессъ, окончившійся лишь послѣ ея смерти. А черезъ годъ княгини не было уже въ живыхъ.

Не долго жила Раина, но оставила по себѣ свѣтлую память на Украйнѣ, какъ основательница трехъ православныхъ монастырей: густынскаго-прилуцкаго, ладинскаго-подгорскаго и мгарскаго-лубенскаго. Эти вѣковѣчные памятники ея благочестія имѣли немаловажное значеніе въ исторіи обширной страны, тогда только-что начавшей выходить изъ состоянія необитаемости, а черезъ нѣсколько десятилѣтій представлявшей уже цвѣтущую провинцію, въ которой народная жизнь била живымъ ключемъ. Основателями перваго изъ этихъ монастырей были иноки межигорской обители, въ числѣ нѣсколькихъ направившіеся изъ Кіева «въ страны восточные заднѣпрскіе, до державы благороднаго князя Михайла Корыбута-Вишневецкаго», а устроителемъ его былъ инокъ кіево-печерскаго монастыря, въ теченіе 16-ти лѣтъ «въ пещерѣ работавшій Господеви въ постѣхъ и молитвахъ»,—Исаія Копинскій, впослѣдствіи митрополитъ кіевскій. Онъ-то лично испросилъ у князя Михаила и его благочестивой жены первыя земельныя пожалованія обители и былъ принятъ ими съ особымъ почетомъ, «понеже, какъ говоритъ лѣтопись, князь добродѣтеленъ бяше, княгиня же его, Раина Могилянка, зѣло благонарочита и благочестива бяше: велми бо любяше слуги Христовы, калугери»[1]). Это происходило въ мартѣ 1614 г. А полгода спустя густынскіе чернцы вторично побывали въ Вишневцѣ и выпросили тамъ другой такой-же фундушъ для устроеннаго ими скита подгорскаго (или ладинскаго) на той же рѣкѣ Удаѣ, въ 10-ти верстахъ отъ Густыни.

Когда Исаія задумалъ основать третій монастырь подъ Лубнами, въ мгарскомъ лѣсу, къ тому времени князя Михаила уже не было въ живыхъ; но его набожная жена, по просьбѣ Копинскаго, выдала ему (въ январѣ 1719 г.) новыя фундушевыя записи

---

[1]) Лѣтопись монастыря Густынскаго, стр. 9

въ пользу заднѣпровскихъ монастырей, съ подтвержденіемъ прежнихъ «наданій» и съ придачею новыхъ. Надѣливъ щедро густынскій монастырь, княгиня Раина позволила подгорскій скитъ преобразовать въ женскій ладинскій монастырь и настоятельство въ немъ предоставила пожизненно родной сестрѣ Исаіи, инокинѣ Александрѣ. Особымъ фундушемъ (18 янв. 1619 г.) она дала Копинскому полномочіе на устройство въ ея владѣніяхъ мгарскаго монастыря, отпустила для него строительный матеріалъ, оставшійся послѣ перестройки замка въ Лубнахъ, щедро надѣлила новую обитель землями, рыбными ловлями и разными угодьями и отдала ее, наравнѣ съ густынскимъ и ладинскимъ монастырями, въ пожизненное завѣдываніе, на правахъ игумена, тому же Исаіи Копинскому. Сверхъ того она поручила благочестивому игумену завѣдывать всѣми приходскими церквами въ ея украинскихъ мѣстностяхъ, съ подчиненіемъ ему священниковъ и остальнаго духовенства и съ правомъ «подаванья» приходовъ, по соглашенію съ ея старостами. А чтобы вѣрнѣе обезпечить на будущія времена неотмѣняемость своихъ распоряженій, набожная княгиня, по обычаю того времени, наложила клятву на нарушителей ея воли: «А хто бы мѣлъ тую фундацію нашу нарушати и касовати въ потомные часы и одыймовати то, що есми надали разъ тымъ святымъ мѣстамъ, або на старожитную благочестивую восточную православную вѣру нашу наступовати и отмѣняти хотѣлъ, теды нехай на немъ будетъ клятва св. отецъ, 318, иже въ Никеи, и разудится тотъ со мною передъ маестатомъ Божіимъ»!

Бѣдная княгиня! Могла ли она думать, что не далѣе, какъ черезъ 10—20 лѣтъ, первымъ нарушителемъ ея благочестивой воли и самымъ лютымъ врагомъ и «наступателемъ» на ея праотеческую вѣру явится не кто иной, какъ ея любимый сынъ, «пожаданная ея утѣха», князь Іеремія, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она приложила столько заботъ «на уфундоване и размноженя хвалы Божои и житія законного иноческого старожитнои реліи греческои, восточнаго православія», онъ будетъ «фундовать» бернардиновъ (въ Лубнахъ) и доминиканъ (въ Прилукѣ), на-

строитъ латинскихъ костеловъ (въ Ромнахъ, Лохвицѣ, Мошнахъ, и явится злѣйшимъ гонителемъ и мучителемъ [1]) тѣхъ самыхъ смиренныхъ «калугеровъ», которыхъ она «велми любяше, яко слуги Христовы и богомолцы»! Не рѣшившись упразднить православные украинскіе монастыри, которымъ благотворила его мать, и подтвердивъ даже ея фундуши, онъ вырвалъ однако ихъ (1636 г.) изъ рукъ престарѣлаго Исаіи Копинскаго, изгнаннаго изъ Кіева и съ титуломъ архіепископа заднѣпрскаго и сѣверскаго проживавшаго по большей части въ Лубнахъ или въ Ладинѣ.

Но до всѣхъ этихъ печальныхъ перемѣнъ не дожила набожная Раина Могилянка. Она скончалась въ 1619 г,, оставивъ семилѣтняго Іеремію на попеченіе его троюроднаго дяди, князя Константина Константиновича Вишневецкаго, тогда старосты черкасскаго, одного изъ первыхъ вѣроотступниковъ (1595 г.) въ родѣ Вишневецкихъ.

Умерла Раина въ возрастѣ лѣтъ 30-ти. Всего 14 лѣтъ прожила она въ русской землѣ, но связала себя съ нею неразрывными узами, какъ и двоюродный братъ ея знаменитый Петръ Могила, оставила по себѣ вѣковѣчные памятники своей глубокой набожности и благочестія, напечатлѣла свое имя на страницахъ нашей исторіи, сохранила въ чистотѣ вѣру среди иновѣрной родни, въ такую притомъ пору, когда вѣра эта повсюду подвергалась жесточайшимъ преслѣдованіямъ и осмѣянію и считалась вѣрой хлопской, унизительной для лица высшаго званія. Подлинно, умирая, она могла повторить слова св. ап. Павла: *теченіе скончахъ, вѣру соблюдохъ, прочее соблюдается мнѣ вѣнецъ правды, его же воздастъ ми Господь въ день онъ, судія праведный.*

На прилагаемомъ портретѣ Раины Могилянки мы видимъ женщину умную и энергическую, въ цвѣтѣ молодости, силъ и здоровья. Портретъ заимствованъ нами изъ портретной гал-

---

[1]) Впослѣдствіи, въ 1648 г., козаки, жалуясь на безчеловѣчную расправу Іереміи съ мирными малороссіянами, между прочимъ упоминали; „а священникамъ нашимъ онъ глаза буравомъ просверливалъ“. См. письмо полковника Максима Кривоноса—Памятн. кіев. коммисіи, т. I, отд. 3, стр. 157.

лереи князей Вишневецкихъ, хранившейся въ деревнѣ Новомъ-Малинѣ, острожскаго уѣзда, волынской губерніи, откуда получены, между прочимъ, и портреты князя Константина Острожскаго и его жены, помѣщенные въ «Кіев. Старинѣ» за 1883 г. Кромѣ историческаго значенія, онъ представляетъ немаловажный археологическій интересъ, какъ живое изображеніе *костюма* знатной южно-русской женщины начала XVII ст. Въ нашей литератуpѣ пока нельзя указать ни одного сочиненія по исторіи старинныхъ южнорусскихъ одеждъ и украшеній, и потому нарядъ Раины, какъ онъ изображенъ на портретѣ, нуждается въ нѣкоторыхъ объясненіяхъ.

Изъ подъ черной бархатной «сукни» или платья, съ большимъ вырѣзомъ на груди, видна «*кошулька*»—родъ шемизетки изъ батиста, съ голубыми шелковыми прошвами, вся расшитая жемчугомъ и золотомъ. Поверхъ нея монисто изъ крупныхъ жемчужинъ («перелъ уріанскихъ») и золотой крестикъ на такой же цѣпочкѣ; а ниже на груди, поверхъ платья, спускается длинная золотая цѣпь («ланцугъ»), украшенная крупными рубинами. Верхнее платье—это что-то въ родѣ кунтуша, очень своеобразнаго кроя, съ короткими рукавами и золотымъ шитьемъ въ видѣ каймы.

На головѣ княгини бѣлый кружевной «*чепецъ*», перевитый красными лентами. Онъ составлялъ необходимую принадлежность костюма замужней женщины со дня брака, когда онъ возлагался на ея голову съ извѣстными обрядами (обрѣзаніе косы). Въ XVI ст. «чепецъ» обыкновенно имѣлъ форму сѣтки, сплетенной изъ шелка и украшенной золотомъ, серебромъ и жемчугомъ, какъ то можно видѣть, наприм., на портретѣ княгини Софіи Острожской; но въ XVII ст. его форма, матеріалъ, цвѣтъ, способъ украшенія и проч. не были постоянными, а мѣнялись безпрестанно, по прихоти моды, законодателями которой въ то время для всей Европы служили Парижъ и Лондонъ. Поверхъ чепца надѣтъ бархатный, фіолетоваго цвѣта «*беретъ*» съ страусовыми перьями и золотою «запоною», украшенною драгоцѣнными кам-

нями. Такой же «беретъ» мы видимъ и на портретѣ княгини Острожской.

Наконецъ, еще одна подробность, уже не относящаяся къ костюму. Въ правой рукѣ Раина держитъ книжку, на лицевой сторонѣ которой надпись: «молитвословъ славянорусскій».

Очерки исторіи южно-русскихъ апокрифическихъ сказаній и пѣсенъ.

(Окончаніе) [1]).

30.

Св. Николай.

Имя св. Николая весьма популярно въ малорусскихъ народныхъ разсказахъ и пѣсняхъ; въ честь этого святаго сложено нѣсколько духовныхъ стиховъ, весьма распространенныхъ въ народѣ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ имя св. Николая по видимому пріурочивается къ Кіеву. Такъ въ духовномъ стихѣ, записанномъ въ мѣстечкѣ Млѣевѣ, черкасскаго уѣзда, говорится:

Будь похвальны, святителю,
Мирнокіевскій учителю, св. Николай!
(Чуб., т. I, стр. 170).

Въ великорусской переработкѣ найболѣе распространеннаго стиха «О хто, хто Миколая любить», записанной въ орловской губерніи, встрѣчаемъ тѣ же слова, но измѣненныя до потемненія смысла:

Будь похваленъ, святителю,
Между кіевскихъ въ пещеры,
Мирно во вѣки. (Безсон., Калѣки перехожіе, т. III, стр. 761).

Не трудно однако догадаться, что въ первомъ стихѣ слово: ***мирнокіевскій*** есть прямое искаженіе слова: ***мирликійскій***, котораго не

---

[1]) См. „Кіев. Стар.“ 1887 г., сентябр. кн., стр. 1—64.

могъ могъ осилить народный пѣвецъ, не знакомый съ географіею, а во второмъ искаженное слово разбито на два и поставлено въ двухъ отдѣльныхъ стихахъ.

Пріуроченіе св. Николая къ Кіеву могло находить основаніе въ его житіи, гдѣ, въ числѣ совершенныхъ имъ чудесъ, описываются два чуда, бывшія въ Кіевѣ.

Чудо первое. Двое кіевлянъ, мужъ и жена съ маленькимъ ребенкомъ, отправились однажды изъ Кіева въ Вышгородъ поклониться мощамъ свв. Бориса и Глѣба, въ день ихъ памяти. Возвращаясь домой по Днѣпру, жена уронила ребенка въ рѣку. Отецъ и мать обратились съ молитвой къ св. Николаю. Св. Николай взялъ дитя изъ воды и принесъ его въ палату, находившуюся при кіевскомъ софійскомъ соборѣ. Церковный сторожъ нашелъ ребенка передъ образомъ св. Николая и передалъ его родителямъ [1]). Старинное изображеніе этого чуда, писанное масляными красками на холстѣ, находится и нынѣ въ колокольнѣ кіево-софійскаго собора и съ любопытствомъ разсматривается богомольцами.

Другое чудо. Одинъ кіевлянинъ отпустилъ на волю плѣннаго половчанина, послѣ того какъ послѣдній поклялся именемъ св. Николая, что привезетъ выкупъ. Половчанинъ думалъ, что икона св. Николая, передъ которой онъ далъ обѣщаніе кіевлянину, ничего ему не сдѣлаетъ, если онъ и не выполнитъ обѣщанія. Св. Николай три раза напоминалъ половчанину о его обязательствѣ, а въ третій разъ сбросилъ половчанина съ коня, металъ, корчилъ и билъ его о землю. Половчанинъ отвезъ выкупъ кіевлянину.

Эти сказанія о чудесахъ св. Николая въ Кіевѣ возникли въ древности, до монгольскаго нашествія, и, можетъ быть, существованіе этихъ и другихъ подобныхъ мѣстныхъ кіевскихъ сказаній о святителѣ Николаѣ побудило кіевскаго митрополита Ефрема (1096—1098 г.) установить празднованіе перенесенія мощей св. Николая изъ Мура въ Баръ 9-го мая, празднованіе, существовавшее въ западной церкви и неизвѣстное на греческомъ востокѣ.

Народные разсказы и пѣсни упоминаютъ о св. Николаѣ, какъ сотрудникѣ апостоловъ и спутникѣ Іисуса Христа во время Его

---

[1]) Сказаніе объ этомъ чудѣ издано Калужняцкимъ въ „Обзорѣ слав.-рус. памятн.", стр. 16—18, по рукописи львовскаго университета.

земныхъ странствованій по землѣ. Св. Николай участвуетъ въ обходахъ апостольскихъ (Драг., стр. 112). Существующее въ ушицкомъ уѣздѣ, подольской губерніи, повѣрье, что волки находятся подъ покровительствомъ св. Николая (Чуб., т. I, стр. 167), вышло, повидимому, изъ превратно понятаго другаго, также народнаго разсказа. Св. Николай, сопутствуя Іисусу Христу и апостоламъ въ хожденіи по землѣ, старался, чтобы волкъ не съѣлъ коровы одной бѣдной вдовы. Богъ отдалъ волку рябую корову этой вдовы; но св. Николай, жалѣя вдову, опередилъ волка и вымазалъ вдовину корову болотомъ, чтобы она казалась чорной и волкъ не могъ бы съѣсть ее (Драг., стр. 112). На основаніи этого разсказа могъ возникнуть другой, противоположный. Св. Николай отдаетъ корову вдовы волкамъ за то, что вдова дѣлала убытки людямъ (Чуб., т. I, стр. 167). Въ большинствѣ случаевъ покровителемъ и повелителемъ волковъ считается св. Георгій, и св. Николай случайно замѣнилъ его въ немногихъ народныхъ разсказахъ, тѣмъ болѣе случайно, что въ самомъ житіи святителя нѣтъ рѣчи о волкахъ.

На основаніи житейнаго сказанія о св. Николаѣ и отпущенномъ на откупъ половчанинѣ сложился одинъ народный разсказъ, записанный И. И. Манжурой въ селѣ Благовѣщенкѣ, александровскаго уѣзда, екатеринославской губерніи. Одинъ бѣдный мужикъ не могъ заплатить подушнаго. Призвали его въ «сборню», стали наказывать, бить, наконецъ привязали къ столбу. Еврей далъ ему денегъ, взявши съ него въ церкви передъ иконой св. Николая обѣщаніе, что онъ заплатитъ. Но мужикъ, разбогатѣвъ, не выполнилъ своего обѣщанія. Однажды въ полѣ, на дорогѣ, его настигъ фургонъ. Мужикъ свернулъ съ дороги, фургонъ за нимъ, такъ въ другой, въ третій разъ и дальше, наконецъ фургонъ наѣхалъ на мужика и переломалъ ему ту руку, которою онъ бралъ у еврея деньги. Мужикъ отдалъ деньги еврею, и еврей принялъ христіанство (изъ рукоп. Сборника малоруск. пѣсенъ).

Житейное сказаніе о св. Николаѣ и Аріѣ получило среди малоруссовъ своеобразную переработку, съ пріуроченіемъ св. Николая и Арія къ Кіеву, въ слѣдующемъ разсказѣ, записанномъ И. И. Манжурой въ селѣ Алексѣевкѣ, александровскаго уѣзда, екатеринославской губерніи: «Вызывала печерська Божа Мати Миколая угодника та Арія свого собору у Кыиви святити. Хто, каже, швидче

прибуде, той и посвятить. Отъ Миколай угодникъ зибравсь та й поихавъ; въ дорози ставъ кони годувать, ажъ ось и Арій бижить и соби ставъ на тому постояльному. Миколай вже своихъ выгодувавъ и каже запрягать, а Арій баче, що Миколай рушати збирается, та веливъ своимъ слугамъ позрубувати у Миколаевыхъ коней головы. Ти пошли, та такъ и зробили. Отъ Миколаеви слуги вертаются, та й кажуть, що щось поодрубовало головы конямъ. Пидить, каже, поприставляйте. Коли приставили, ажъ такъ и е, тильки билому коневи зъ вороного приставили, а вороному зъ билого, запрягли та и поихали. Арій и байдуже, все кормивъ, а дали й соби подавсь. Прибига, ажъ Миколай уже и святе церкву. Арій до слугъ: та мы, кажуть, позрубували. Подививсь той на кони, бачить, у вороного коня била голова, а у билого ворона. Тоди Арій и ставъ вже Миколая за старшого почитать» (изъ рукоп. Сборника г. Манжуры).

Кромѣ Кіева, есть на югѣ Россіи еще одно мѣсто, съ которымъ связываются народные разсказы о св. Николаѣ,—это святогорскій монастырь (изюмскаго уѣзда, харьковской губерніи), съ чудотворнымъ образомъ святителя, найденнымъ въ древности на столбѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ храмъ во имя св. Іоанна Предтечи, называвшійся раньше по имени св. Николая. Объ этомъ то храмѣ ходитъ въ народѣ любопытный разсказъ, что онъ вышелъ изъ воды, что три раза показывался подъ селомъ Богородичнымъ (въ 3-хъ верстахъ отъ Святыхъ Горъ) и все переходилъ съ мѣста на мѣсто, пока не сталъ въ Святыхъ Горахъ, что передъ страшнымъ судомъ онъ снова войдетъ въ воду вмѣстѣ съ людьми, которые на ту пору будутъ въ немъ и что тогда, какъ земля и все на ней сгоритъ, не сгоритъ одинъ этотъ храмъ съ оставшимися въ немъ людьми (изъ рукописн. Сборника И. И. Манжуры). По другому разсказу (Основа, 1862 г., т. VI, стр. 44) чудотворецъ Николай, что въ Святыхъ Горахъ, нерѣдко беретъ дитя у женщины, пришедшей на богомолье и носитъ его по-надъ Донцемъ и по-надъ лугомъ, а потомъ снова положитъ на руки той женщины.

Малорусскіе духовные стихи о св. Николаѣ большею частію сухи, съ явнымъ отпечаткомъ школы и схоластики. Въ нихъ въ общихъ чертахъ передаются главныя событія жизни св. Николая, преимущественно его чудеса. Попадаются слова книжныя, церковно-

славянскія и польскія, плохо понятыя народными пѣвцами. Наибольшей популярностію пользуется стихъ «Хто, хто Миколая любить», сравнительно съ другими стихами о св. Николаѣ простой и легкій. Стихъ этотъ встрѣчается въ старинныхъ сборникахъ стихотвореній духовно-нравственнаго содержанія, напр. въ Кантичкѣ XVIII—XIX ст. [1]). Изъ южной Руси этотъ стихъ проникъ въ Великороссію и даже въ Сербію [2]).

Въ колядкахъ встрѣчается любопытный поэтическій мотивъ, какъ сѣлъ, придя къ крестьянину,

Святый Микола
На конець стола,
Пидперся мечемъ
Пидъ правымъ плечемъ,
Склонивъ головку,
Вронивъ слизоньку.
Де слеза кане,
Тамъ Дунай стане (Чуб., т. III, стр. 344).

По другой колядкѣ

Конецъ престола сидить Микола,
Ризами вкрывся, слизами умывся.
(Чуб., т. III, стр. 307).

Въ галицкой пѣснѣ поется: «зъ той слизоньки ясна керничка» (Гол., т. II, стр. 40). Въ рѣкѣ Дунаѣ, возникшемъ изъ слезы св. Николая, купается Іисусъ; въ криницѣ пресв. Богородица бѣлитъ ризы.

Къ св. Николаю часто обращаются въ заговорахъ, напримѣръ: «святителю Миколаю, угодниче Божій, помошнику скорый! допоможи мени ласкою своею небесною вымовити и выговорити и соячныци, и веретильныци, и заспани, и наслани, и ранніи, и пизніи (Чуб., т. I, стр. 114).

31.

Св. Георгій.

Литературная исторія христіанской легенды о св. Георгіи изслѣдована проф. А. И. Кирпичниковымъ въ диссертаціи: «Св.

---

[1]) *Петровъ*, Опис. рукоп. церк.-арх. музея, т. II, стр, 420.

[2]) *Безсоновъ*, Калѣки перехожіе, т. III, стр. 762.

Георгій и Егорій храбрый» 1879 г. и акад. А. Н. Веселовскимъ въ обширной статьѣ «Св. Георгій въ легендѣ, пѣснѣ и обрядѣ», напечатанной въ 1 кн. 37 тома Записокъ Академіи Наукъ 1880 г. Можно сказать, что эти два изслѣдованія исчерпали содержаніе сказаній и пѣсенъ о св. Георгіи, какъ русскихъ, такъ и западно-европейскихъ, и другимъ ученымъ остается только ограничиваться отдѣльными замѣчаніями при нахожденіи вновь открываемыхъ рукописныхъ списковъ житія св. Георгія. Такъ И. В. Ягичъ, напечатавшій въ одной изъ послѣднихъ книжекъ Архива слав. филологіи сербскій изводъ житія св. Георгія, ограничивается краткими комментаріями и отсылаетъ при этомъ читателя къ изслѣдованіямъ А. И. Кирпичникова и А. Н. Веселовскаго.

Сказанія, пѣсни и повѣрья о св. Георгіи распространены во всѣхъ христіанскихъ странахъ, въ особенности на Кавказѣ и въ Великороссіи. Въ Малороссіи св. Георгій входитъ изрѣдка въ народные разсказы и пѣсни, и только въ народныхъ повѣрьяхъ, преимущественно въ дневникѣ, св. Георгій занимаетъ видное мѣсто.

Образъ св. Георгія воина, поражающаго змѣя, отразился въ народной поэзіи въ представленіи св. Юрка въ видѣ козака, съ копьемъ и саблей, расправляющагося съ пьянымъ бѣсомъ (Весел., стр. 150). Въ галицко-русской колядкѣ:

Самъ святый Юрій коникомъ игравъ,
Коникомъ игравъ, шабельковъ звивавъ.
(Голов., т. III, стр. 20).

Другое обычное представленіе св. Георгія въ малорусскихъ народныхъ разсказахъ въ видѣ старика. Въ винницкомъ уѣздѣ, подольской губерніи, разсказываютъ, что одинъ путникъ, ѣхавшій наканунѣ Юрьева дня ночью подъ лѣсомъ, замѣтилъ въ лѣсу огонекъ. Онъ поѣхалъ на огонь и вскорѣ увидѣлъ человѣка, убѣленнаго сѣдинами; передъ нимъ горитъ свѣча, а вокругъ него волковъ видимо невидимо» (Чуб., т. I, стр. 171).

Во всей Россіи, въ частности въ Малороссіи, Юрій—покровитель животныхъ, въ особенности рогатаго скота (Чуб., т. I, стр. 51—52). Въ харьковской губ. народъ поститъ 23 апрѣля, «щобъ Егорій скотину спасъ отъ звиря» (Харьковск. Сборникъ, вып. I, 1887 г., стр. 76). Въ особенную близость къ Юрію поставляются

волки: «Святый Юрій звиря пасе»; волкъ—«Юрова собака» (Номисъ, стр. 10). Юрій назначаетъ, какую крестьянскую корову съѣсть волку (Чуб., т. II, стр. 7). На Юрьевъ день впервые выгоняютъ въ поле скотъ, совершивъ моленія, иногда гонятъ его освященной вербой (Терещ., бытъ рус. нар., т. VI, стр. 29). Подобнаго рода обычаи и повѣрья встрѣчаются у болгаръ, грековъ и кавказскихъ горцевъ (Веселов., Зап. Акад. н., т. 37. стр. 6 и др.).

Юрьевъ день не только пастушескій, но и земледѣльческій праздникъ, что объясняется сельско-хозяйственными условіями: около Юрьева дня, во второй половинѣ апрѣля, крестьяне сѣютъ овесъ и гречку, и вообще это время есть начало, а осенній Юрій конецъ всѣмъ полевымъ работамъ. Праздникъ св. Георгія бываетъ весною, въ которой языческое міросозерцаніе издавна установило цѣлый рядъ обрядовъ и повѣрій; кое-что изъ языческой обрядности сохранилось до настоящаго времени, впрочемъ весьма немного, большая же часть связанныхъ съ весеннимъ Юріемъ повѣрій и обрядовъ имѣетъ чисто бытовой сельско-хозяйственный характеръ. Св. Георгій вошелъ въ разнообразные религіозно-миѳическіе обряды. Такъ у галицкихъ гуцуловъ и подгорянъ весной «палятъ Юрка», что соотвѣтствуетъ малорусскому обычаю сожигать весной символизирующее зиму чучело Марену или Мару (Весел., стр. 99); у малоросціянъ Юрій, какъ весенное божество—громовникъ, отмыкаетъ небо и посылаетъ росу, а у чеховъ отмыкаетъ землю, чтобы трава росла (ib. стр. 97); въ великорусскихъ и малорусскихъ суевѣріяхъ св. Георгій поставляется иногда въ связь съ явленіемъ грозы и сближается съ св. Ильей (ib. стр. 86). Въ малорусскомъ народномъ повѣрьѣ, записанномъ въ ушицкомъ уѣздѣ, подольской губерніи, фазы луны происходятъ отъ того, что тамъ заслонка, которую Юрій постоянно то опускаетъ, то поднимаетъ (Чуб., т. I, стр. 9). А. Н. Веселовскій указалъ на сходныя болгарское и польское повѣрья (стр. 931—133). Св. Георгій часто встрѣчается въ заклинаніяхъ, напримѣръ въ заговорѣ отъ волковъ: «Молюся Богу, Матери Божій, св. Георгію, хортивъ припынающему» (Ефим., стр. 48). Въ другомъ заговорѣ отъ волковъ: «засикаю отъ юрьевыхъ собакъ» (Ефим., стр. 50). Въ заговорѣ отъ бѣльма: «Ѣхавъ св. Юрій на вороныхъ коняхъ, на четырехъ колесахъ; кони разбѣглись; колесы роскотились по синёму морю, по чистому полю» (Ефим., стр.

9). Въ заговорѣ отъ червей: «Ѣхавъ св. Юрій на бѣлому конѣ черезъ лѣсъ, а за нимъ бѣгло три псы» (Ефим., стр. 20).

32.

Св. Меланія.

Канунъ новаго года у малороссовъ называется «Меланкой», по имени преп. Меланіи римлянки. Тоже и въ Галиціи; но у галицкихъ поляковъ день этотъ носитъ названіе Сильвестръ, по имени чествуемаго въ этотъ день латинской церковью папы Сильвестра (Kolberg, Porucie, т. I, стр. 121). У русиновъ «Меланка» день обрядный и пѣсенный. Въ этотъ день одинъ какой либо парень, молодой, безъ растительности на лицѣ, одѣвается въ женскій костюмъ и называется Меланкой, другой называется Василькомъ, а третій Дѣдомъ. Послѣдній подвѣшиваетъ искусственную бороду, усы, горбъ, опоясывается соломеннымъ поясомъ и къ боку привѣшиваетъ деревянную саблю. Эта веселая компанія въ сопровожденіи скрипача ходитъ по селу и щедруетъ подъ окнами. Домохозяева даютъ хлѣбъ мѣхоношѣ и бросаютъ мѣдныя деньги (крейцеры) въ передникъ Меланки. Если колядовщики ничего не получаютъ, то Дѣдъ вскакиваетъ въ хату, разливаетъ воду, опрокидываетъ горшки, корпаетъ печь и затѣмъ быстро убѣгаетъ подъ защиту товарищей. Любопытны мѣстныя галицкія особенности празднованія Меланки. Подъ Коломыей парубокъ дѣлаетъ изъ дерева фигурки разныхъ животныхъ, преимущественно бычковъ, иногда солнце и мѣсяцъ, носитъ ихъ по домамъ, показываетъ дѣтямъ и получаетъ за то подарки отъ ихъ родителей; затѣмъ уже слѣдуетъ хожденіе Меланки, причемъ являются добавочныя маски, цыганъ, коза, жандармъ и жолнѣръ. Меланка входитъ иногда въ хату, выметаетъ ее, моетъ полы и шутки ради исполняетъ другія женскія домашнія обязанности. Обычай «Меланки» огрубѣлъ и сталъ падать. Меланка и ея спутники, въ особенности Дѣдъ, стали красть, и потому полиція стала преслѣдовать этотъ выродившійся обычай (Kolberg, т. I, стр. 121—129). Съ хожденіемъ Меланки иногда связывается глубоко древній обычай таскать плугъ по хатамъ, образное паханіе и разбрасываніе хлѣбныхъ зеренъ (Голов., т. III, стр. 145). Обрядъ Меланки живетъ еще на Поднѣстровьѣ; въ остальной Малороссіи обрядъ этотъ,

повидимому, не встрѣчается, но пекутся блины, поются щедривки, сходныя съ тѣми, которыя поются въ Галиціи. Великорусскія повѣрья и пѣсни не знаютъ Меланки. А. Н. Веселовскій, высказывая предположеніе, что галицкія пѣсни о Меланкѣ и самый обрядъ захожія, сближаетъ Меланку съ западно-европейской Бертой. «Берта, олицетвореніе рождественскаго цикла, обходитъ людей въ дни, посвященные ея чествованію и требуетъ ихъ соблюденія; не то она наказываетъ непослушныхъ, оскверняя пряжу работницъ, грозя работнику, у котораго пахатный снарядъ не въ порядкѣ, какъ въ галицкомъ обрядѣ Меланка производитъ безпорядокъ въ хозяйствѣ, мотивированный ея неумѣлостью. Что хозяйки (въ Галиціи) прячутъ отъ нея посуду, вѣники и т. д., это отвѣчаетъ требованію Берты въ нѣмецкихъ преданіяхъ о ней, чтобы все было прибрано. Плугъ также является въ окруженіи Берты, какъ въ обрядѣ на Меланку. Первая представляется то милующей, то карающей, то свѣтлой, то черной; иногда ее замѣняетъ въ разсказахъ Богородица, и нѣмецкіе изслѣдователи указывали на параллелизмъ между представленіями Schwarze Bertha и черными византійскими изображеніями св. Дѣвы. Меланія является новымъ и болѣе вѣскимъ мотивомъ такого сближенія: Меланія означаетъ черная; она—Schwarze Bertha; обѣ привязаны къ одному и тому же праздничному циклу» (Зап. Акад. Наукъ, т. 37, кн. 2, стр. 196). Всѣ эти сопоставленія мало убѣдительны, и я не нахожу достаточнаго повода для сближенія Меланки съ Бертой ни въ обрядности, ни въ названіи Меланки. Я думаю, что Меланка явилась, какъ дополненіе къ св. Василію, чествуемому перваго января, подобно тому, какъ въ Великороссіи Аграфена Купальница является при Иванѣ Купалѣ, причемъ ближайшимъ поводомъ было самое имя Меланіи, но только не въ греческомъ его значеніи, котораго простой малорусскій народъ не знаетъ, а въ народномъ украинскомъ, отъ слова милая, въ значеніи хорошая, красивая. Въ галицкихъ пѣсняхъ мы постоянно встрѣчаемъ Меланку, при томъ въ такихъ характерныхъ сочетаніяхъ съ именемъ Василія и съ такими характерными эпитетами:

Красная Меланка,
Еще крашшій Васильчикъ

—

Красная Меланка
Качури пасла,
Докъ не стало вечерѣти,
Зоря не згасла;
Качурича загубила,
Шукаючи зблудыла,
Выблудыла въ чисте поле,
Тамъ іи Васильчикъ оре.

—

Чесна, красна Меланка,
А ще кращшій Василько.
Ой, Васильку, Васильку,
Чи любишъ ты Маланку?
(Голов., т. III, стр. 144—140).

—

Ой, черчику Васильчику,
Чи любишъ ты нашу Маланочку?
Люде идуть на жниву,
А Маланка зъ Васылемъ до корчмы на пиво;
Люде нажали по сто кипъ,
А Маланка зъ Васылемъ лишъ одинъ снипъ
(Kolberg, т. I, стр. 123).

Такимъ образомъ, мы имѣемъ здѣсь олицетвореніе двухъ дней, по сопредѣльности ихъ, съ именами святого и святой, и перенесеніе этихъ олицетвореній въ разрядъ любовныхъ пѣсенъ праздничнаго рождественскаго цикла.

33.

Листъ небесный, или Эпистолія о недѣлѣ.

Въ Журналѣ министер. народ. просвѣщенія 1876 г. А. Н. Веселовскій подробно изложилъ внѣшнюю исторію воскреснаго культа, привелъ цѣлый рядъ легендъ, вызванныхъ этимъ культомъ и подробно разсмотрѣлъ редакціи апокрифическаго «Письма съ неба» или «Эпистоліи о недѣлѣ», преимущественно западно-европейскія. Отсылая читателя къ этому цѣнному изслѣдованію, я остановлюсь только на южнорусскихъ сказаніяхъ о недѣлѣ сравни-

тельно съ извѣстными въ печати сѣвернорусскими и польскимъ текстомъ въ «Лѣтописцѣ» Ерлича.

Древнѣйшее положительное свидѣтельство объ эпистоліи относится къ концу VI вѣка. Около 584 г. карѳагенскій епископъ Лициніанъ упрекалъ въ письмѣ другаго епископа въ излишней довѣрчивости къ отреченному письму. Затѣмъ упоминанія объ эпистоліи встрѣчаются VIII вѣкѣ, въ XII, XIII уже часто.

«Листъ небесный» одинъ изъ самыхъ популярныхъ апокрифовъ въ Россіи, встрѣчается во многихъ народныхъ разсказахъ и въ старинныхъ рукописныхъ сборникахъ. Апокрифъ этотъ изданъ во 2 т. «Памятн. рус. литер.» А. Н. Пыпина по новымъ спискамъ и во 2 т. «Памят. рус. отреч. литер.» Тихонравова по рукописи XVI ст. Г. Франко въ № 9 «Зари» 1886 г. издалъ въ значительной степени отличную южнорусскую редакцію апокрифа, взявъ ее изъ Дрогобицкаго рукописнаго сборника половины XVIII ст. Апокрифъ о недѣлѣ множество разъ переписывался, и между отдѣльными списками обнаруживается различіе по величинѣ и по содержанію. Южнорусская редакція отличается краткостью и сжатостью, сравнительно съ напечатанными у Пыпина и Тихонравова. Содержаніе ея состоитъ въ слѣдующемъ. Листъ небесный—посланіе Іисуса Христа съ неба, которое іерусалимскій патріархъ нашелъ въ церкви на престолѣ. Патріархъ отправилъ это посланіе въ Римъ къ папѣ, а папа къ польскому королю Сигизмунду, чтобы послѣдній сдѣлалъ это посланіе извѣстнымъ въ разныхъ странахъ. Посланіе, написанное золотыми литерами, гласитъ: «Я правдивый Іисусъ Христосъ, Сынъ Божій, той листъ написалъ, а тотъ листъ такую моцъ маетъ, гди его кто читаетъ албо съ пильностью слухаетъ, тому человѣку сто дній отпущеніе грѣховъ будетъ, и которая невѣста беременная, а тотъ листъ при собѣ носити будетъ, то легко отроча породитъ, а въ которомъ дому той листъ будетъ, въ томъ дому нѣчо злого шкодити не будетъ, а ни огнь, ани чары, ани иншіи речи шкодити не можутъ»; затѣмъ слѣдуетъ еще нѣсколько обѣщаній благъ за храненіе и чтеніе листа небеснаго, обѣщаній, повторяющихся и въ другихъ апокрифахъ заклинательнаго свойства, напр. во «Снѣ пресв. Богородицы». Суть разсматриваемаго апокрифа заключается въ слѣдующихъ словахъ: «Глаголетъ Іисусъ Христосъ: приказую вамъ и объявляю, моцію Боства своего, абысте

день недѣльный святили и жадныхъ работъ не робили, ани корѣня въ городахъ своихъ не копали и на пожитокъ свой не обертали; тое вамъ приказую, же бысте съ жидами добровольне не ѣли и не пили, ижъ я правдивый Сынъ Божій той листъ написалъ, а бысте ся добре справовали на томъ свѣтѣ и тому листу вѣрили... Приказую вамъ во вечеръ суботній поперестати отъ всякихъ роботъ, для поцтивости Матки моеи; бо гды бы Матка моя до Бога Отца моего не молила ся, давно бысте погинули. Про то въ недѣлю каждый человѣкъ маетъ ити до церкви на молитву, старіи и молодіи, зъ офѣрами, розмышляючи о грѣсехъ своихъ, а если то для поцтивости Матки моей чинити не будете, буду васъ карати толодомъ и войною строгою, напущу на васъ прузи поганые, которые працю вашу поядятъ... А не хотѣли бысте ся покаяти, то большимъ караніемъ буду васъ карати: побужу короля на короля, мѣсто на мѣсто, пана на пана, одинъ на другого, отца на сына, брата на брата, дщерь на матерь свою, невѣстку на свекруху свою и кровопролитіе будетъ и ненависть межи вами будетъ, а если и по томъ караню не покаетеся..., то перепущу на васъ птахи черные, сромливые, которые прилетаючи будутъ васъ кусати, же и единъ отъ васъ скрыется, и отъ тихъ птаховъ злое повѣтріе начнется, а гды не покаетесь, еще буду васъ карати голодомъ, и нестерпливымъ моромъ, и блискавицею, и градомъ огненнымъ и иншими карностями»...

Сравнивая дрогобицкую редакцію апокрифа съ редакціями, изданными Пыпинымъ и Тихонравовымъ, мы находимъ, что въ южнорусскомъ изводѣ угрозы значительно сокращены и упрощены и совсѣмъ выпущено перечисленіе событій ветхозавѣтной исторіи, совершившихся будто бы въ воскресный день. Затѣмъ южнорусская редакція «Сказанія о недѣли» заключаетъ въ себѣ требованіе почитанія только воскреснаго дня, а великорусскія, кромѣ воскресенья, еще среды и пятницы, что съ особенной отчетливостью сказывается у г. Тихонравова въ слѣдующемъ мѣстѣ апокрифа: «Чтите святую недѣлю, среду и пятокъ; тѣми бо треми дньми земля стоитъ» (т. II, стр. 316). Кромѣ того, въ галицко-русской редакціи нѣтъ проклятія по адресу тѣхъ, кто усумнится въ небесномъ происхожденіи эпистоліи о недѣлѣ.

Дрогобицкая редакція апокрифа проникла въ южную Русь, должно быть, изъ Польши. Она обнаруживаетъ большое сходство съ польскимъ текстомъ «Листа небеснаго», находящимся въ хроникѣ Іоахима Ерлича половины XVII ст. (перепечат. въ 184 т. Журн. мин. народ. просв. 1876 г., стр. 102—103). Сходство настолько значительно, почти буквально, что дрогобицкій «Листъ небесный» можно считать повтореніемъ листа Ерлича, съ небольшими измѣненіями въ отдѣльныхъ фразахъ и словахъ. По замѣчанію же А. Н. Веселовскаго, «подробности польскаго пересказа не только указываютъ на его западный оригиналъ, но и открываютъ въ этомъ оригиналѣ особую разновидность древней эпистоліи, въ которой дѣйствующими лицами являлись папа Левъ III и Карлъ Великій» (т. 184, стр. 103). Западно-европейское, а не византійское происхожденіе дрогобицкаго текста видно далѣе изъ того, что здѣсь не упоминается среда, почитаніе которой отмѣнено было для западной церкви около 300 года на Элиберійскомъ соборѣ и замѣнено почитаніемъ субботы. Въ западныхъ редакціяхъ эпистоліи соблюденіе среды не внушается вѣрующимъ, въ русскихъ это постоянная черта, отличающая вѣроятно и византійскіе пересказы» (Журн. мин. нар. просв. 1877 г., т. 191, стр. 122).

Эпистолія о недѣлѣ оказала вліяніе на народную словесность. Въ малорусскихъ народныхъ разсказахъ «Богъ Недили подарувавъ цей день и сказавъ: «гляди, щобъ люде не робили». Съ початку, кажуть, люде робили и въ недилю, але дуже давно, а теперъ вже не роблять и въ суботу въ вечери, якъ сонце зайде; бо свята недиленька накаже такъ, що Господи»! (Чуб., т. II, стр. 432). Въ разныхъ мѣстахъ Малороссіи встрѣчается народный разсказъ, что одна молодица пряла въ воскресенье. Въ хату вошла неизвѣстная женщина, «така хороша, якъ сонечко святее, червона, та ясна», пообрѣзывала на рукахъ пряхи кожу и повѣсила ее на прялку (Чуб., т. II, стр. 433). Нѣсколько лѣтъ назадъ въ «Современныхъ Извѣстіяхъ» въ фельетонѣ «Изъ Волыни» напечатанъ волынскій разсказъ о Недѣлѣ, въ вольной литературной передачѣ корреспондента. Суть его въ томъ, что одному крестьянину, ѣхавшему въ воскресный день изъ города въ село, встрѣтилась какая-то женщина, предлагавшая ему покормить лошадей сѣномъ, которое она указала подъ кустомъ, называя это сѣно Божіимъ, а себя посредницею

между Богомъ и людьми, дающею послѣднимъ все необходимое. Подъ конецъ разговора женщина на вопросъ крестьянина объ ней назвала себя святою «Недилею» и, показавъ скрытое подъ вуалью лице, изрытое глубокими язвами, пояснила, что это раны, нанесенныя ей людьми, не почитающими ее, работающими, пьянствующими и безчинствующими въ день, ей посвященный, и т. д.

Воскресный культъ выразился также въ народныхъ пѣсняхъ, напримѣръ, въ исторической пѣснѣ о плѣнѣ и ослѣпленіи Коваленка татарами:

Ой въ недилю рано—пораненько
Тай избиравъ женцивъ Коваленко...
Ой повивъ женцивъ доломъ-долиною
А на тую пшеныченьку на озимую.

Пошелъ Коваленко обѣдать; въ это время ворвались татары, схватили Коваленка, связали и ослѣпили его. Коваленко говоритъ:

Десь же мене та Господь покаравъ,
Що я въ недилю женци позбиравъ,
У недилю до схидъ сонця поснидати давъ.
Ой десь мене Господь Богъ не простивъ,
Що я у недилю серпы позубивъ.

Въ варіантахъ Коваленко проситъ Бога:

Дай же ми, Боже, недили диждати,—
Буду я знати, якъ святковати.
(Ант. и Драг., Ист. пѣс. т. I, стр. 79—93).

Воскресный культъ выразился также въ приведенной уже нами однажды галицко-русской царинной пѣснѣ «Війте, дѣвойки». Здѣсь свѣтлое солнце жалуется Богу, что люди въ воскресный день работаютъ: мужики дрова рубятъ, дѣвушки косу чешутъ (Голов., т. II, стр. 243).

Такъ какъ малорусскія сказанія записаны большею частью въ Галиціи и на Волыни, въ областяхъ, гдѣ нѣмецкая колонизація издавна свила себѣ гнѣздо и послѣднее время сильно развилась, и такъ какъ въ малорусскихъ сказаніяхъ Недѣля обнаруживаетъ сходство съ западно-европейской сказочной Бертой, то можно было бы

предположить вліяніе западныхъ сказаній о Бертѣ, которая, подобно малорусской Недѣлѣ, обходитъ дома въ дни, посвященные ея чествованію, и наказываетъ тѣхъ, кто работаетъ, особенно пряхъ. Предположеніе это однако представляется ненужнымъ, такъ какъ малорусскія народныя сказанія о Недѣлѣ находятъ достаточное объясненіе въ Эпистоліи о недѣлѣ или Листѣ небесномъ и затѣмъ въ значительной степени опираются на этимологическое значеніе самого слова Недѣля отъ слова не дѣлать, какъ олицетвореніе праздничнаго досуга.

34—35.

Сказанія о пятницѣ и сказанія о двѣнадцати пятницахъ.

Почитаніе пятницы идетъ изстари. Въ «Жизни Константина», сочиненіи епископа кесаріискаго Евсевія Памфила († 340), уже внушается соблюденіе пятницы (Журн. минист. нар. просв. 1876 г., т. 185, стр. 326). Христіанское уваженіе къ пятницѣ, какъ дню, освященному воспоминаніемъ о смерти Спасителя, осложнилось и развилось подъ вліяніемъ неугасшихъ языческихъ представленій о пятницѣ, какъ о днѣ, посвященномъ богинѣ весны и плодородія. Въ Россіи почитаніе пятницы отразилось въ обрядахъ, сказаніяхъ, пѣсняхъ и повѣрьяхъ. Во многихъ мѣстностяхъ русскаго царства, говоритъ Аѳанасьевъ, по пятницамъ бабы не прядутъ, не варятъ щелока, не стираютъ бѣлья, не выносятъ изъ печи золы, а мужики не пашутъ и не боронятъ, почитая эти работы въ означенный день за большой грѣхъ». (Поэт. воззр. слав., т. I, стр. 231). Почитаніе пятницы не ограничилось общимъ характеромъ воздержанія отъ работы въ этотъ день, но развилось подъ вліяніемъ зашедшихъ изъ чужихъ странъ литературныхъ сказаній о 12 пятницахъ въ почитаніе временныхъ или именныхъ пятницъ, приходящихся передъ большими годовыми праздниками, а въ Великороссіи, по бытовому развитію обычая, выразилось въ формѣ обѣтныхъ пятницъ, когда по случаю какихъ-либо несчастій даютъ обѣтъ постить и праздновать пятницы. Важнымъ значеніемъ народныхъ сказаній и повѣрій о пятницѣ обусловлено появленіе цѣлаго ряда научныхъ изслѣдованій по этому предмету, изъ коихъ мы здѣсь сошлемся на статью гг. Порфирьева въ «Правосл. Собесѣд.» 1859 г., Некрасова въ «Филол. Зап.» 1870 г. и А. Веселовскаго въ Журн. минист. народ.

просв. 1876 г., причемъ особенно цѣннымъ является обширное изслѣдованіе г. Веселовскаго. Не имѣя желанія отклоняться въ сторону отъ предмета изслѣдованія—южно-русскихъ сказаній и пѣсенъ, я остановлюсь только на украинскихъ сказаніяхъ и пѣсняхъ о пятницѣ.

Въ XI ст. преп. Θеодосій печерскій писалъ къ великому князю Изяславу: «аще кто отречеся въ среду или въ пятницу мясъ не ясти, добро, вельми полезно не ясти. Не я сего завѣщаю; но святіи апостоли; тако бо законъ положиша, да всякъ крестьянинъ постится въ середу и въ пятницу... въ середу бо жидове совѣтъ сотвориша на Іисуса и въ пятокъ распяша Господа». Это древнѣйшее въ южной Руси внушеніе о соблюденіи пятницы пало на добрую почву. Уваженіе къ пятницѣ въ народѣ съ теченіемъ времени росло; въ частности укрѣплялась идея о необходимости поста въ пятницу, особенно развившаяся въ сѣверной Руси. Въ Духовномъ Регламентѣ, составленномъ Θеофаномъ Прокоповичемъ, родившимся и проведшимъ молодость въ Малороссіи, говорится: «Слышится, что въ Малой Россіи, въ полку стародубскомъ, въ день уреченный праздничный водятъ жонку простовласую подъ именемъ пятницы, а водятъ въ ходѣ церковномъ (если то по истинѣ сказуютъ) и при церкви честь оной отдаетъ народъ съ дары и съ упованіемъ нѣкоей пользы». Обыкновеніе водить торжественно женщину или дѣвушку подъ тѣмъ или другимъ названіемъ несомнѣнно языческое. Оно въ разныхъ видоизмѣненіяхъ встрѣчалось и теперь еще встрѣчается у славянскихъ народовъ, великоруссовъ, болгаръ, сербовъ. Подобнаго рода обыкновеніе, по свидѣтельству Стоглава, встрѣчалось въ Великороссіи въ XVI ст. У сербовъ и болгаръ водятъ Додолу или Дюдюлъ. Появленіе въ роли странствующей женщины Пятницы доказываетъ ея важную роль въ народномъ міровоззрѣніи.

Свидѣтельство Θеофана Прокоповича о культѣ пятницы въ Малороссіи находитъ фактическое подтвержденіе въ одномъ оффиціальномъ дѣлѣ тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, извлеченномъ изъ архива полтавскаго губернскаго правленія г. Бакаемъ и напечатанномъ имъ въ «Кіевской Старинѣ» 1885 г., т. XII, стр. 845—747, подъ заглавіемъ «Городничій и св. Пятница». Такъ какъ въ этомъ «дѣлѣ» обнаруживаются весьма характерныя вѣрованія о пятницѣ, то мы здѣсь повторимъ въ короткихъ словахъ любо-

пытную замѣтку г. Бакая». Во время первой холеры въ 1831 г. среди жителей Золотоноши распространился слухъ, что на полѣ во ржи въ образѣ женщины явилась св. Пятница въ бѣлой намиткѣ, съ распущенными волосами (у Ѳеофана Прокоповича пятница—простовласая). Повалилъ народъ смотрѣть св. Пятницу; пошелъ по своей охотѣ и человѣкъ городничаго. Пятница велѣла ему передать городничему, чтобы тотъ немедленно явился къ ней. Разростаясь, молва добавляла, что городничій поѣхалъ, и Пятница сказала ему: «смотри городничій, вотъ жито прекрасное, да некому будетъ его жатъ! Не чтутъ меня, св. Пятницы, и за то Богъ послалъ на людей моръ. Не допускай и ты работать, а то и тебѣ не избѣжать смерти». Городничій увѣщевалъ жителей не вѣрить этому нелѣпому слуху: но слухъ разростался, и въ ближайшую пятницу явилось опасное къ нему дополненіе, что десятскіе по приказу городничаго бьютъ и гонятъ всѣхъ вышедшихъ на работу. Опасаясь народнаго волненія, городничій доноситъ полтавскому губернатору о всемъ случившемся и проситъ у него надлежащихъ распоряженій. Губернаторъ рекомендовалъ городничему, во первыхъ, просить помѣщиковъ дать при полиціи по 20 розокъ крестьянамъ, выновнымъ въ распусканіи слуховъ о появленіи Пятницы и, во вторыхъ, просить золотоношскаго протоіерея распорядиться, чтобы священники выяснили народу, «сколь грѣшно передъ Богомъ предаваться подобному суевѣрію и вредно для себя». Крестьянъ не сѣкли, частью по случаю горячей рабочей поры, частью, должно быть, потому, что сами помѣщики вѣрили этому слуху. Священники сказали надлежащія проповѣди; но слухъ о явленіи св. Пятницы прекратился лишь постепенно, съ прекращеніемъ холеры. Такъ про глянуло, говоритъ г. Бакай, въ этомъ случаѣ древнее народное представленіе о пятницѣ, какъ о богинѣ плодородія; она помѣщается въ растущемъ хлѣбѣ и оттуда заявляетъ, что хлѣба некому будетъ жать, такъ какъ за непочтеніе ея, св. Пятницы, Богъ послалъ на людей моръ».

Народныя сказанія о Пятницѣ сходны, а иногда тождественны съ сказаніями о Недѣлѣ. Св. Пятница, какъ и Недѣля, ходитъ по хатамъ и наказываетъ работниковъ и особенно пряхъ. Она бросила однажды въ окно цѣлый пучекъ веретенъ и приказала прядущей дѣвушкѣ запрясть ихъ въ одну ночь. Дѣвушка схитрила; она на-

мотала на одно веретено нитку, на другое нитку, намотала такъ на всѣ, выбросила ихъ за окно и затворила двери и окно плотно («Кіев. Стар.» 1885 г., т. IX, стр. 187). Въ другомъ мѣстѣ Пятница обрѣзала кожу на пальцахъ пряхи и повѣсила эту кожу на прялку. Иногда она корчитъ пальцы пряхамъ (Чуб., т. I, стр. 217). Подобнаго рода отношеніе къ пряхамъ обнаруживаетъ въ западноевропейскихъ сказаніяхъ Берта. Запретъ пряжи вездѣ является существенной чертой сказанія или повѣрья, запретъ, обусловленный тѣмъ, что пряжа въ народной словесности служитъ символомъ домашняго женскаго труда. Пятницѣ народное суевѣріе приписываетъ вліяніе на смерть. Такъ, въ одной малорусской сказкѣ говорится о томъ, какъ пятница предоставила одному крестьянину возможность жить въ теченіи 200 лѣтъ, а затѣмъ отобрала жизнь и отослала душу умершаго въ адъ (Чуб., т. II, стр. 428). Здѣсь мы должны указать на одинъ духовный стихъ въ рукописномъ сборникѣ И. И. Манжуры, «Стихъ Пятныци», повторяющій духовный стихъ Остапа Вересая про «Пустельника и Пятныцю» (стр. 32) и представляющій простой пересказъ на малорусскомъ языкѣ великорусскаго духовнаго стиха, напечатаннаго въ 13 варіантахъ въ «Калѣкахъ перехожихъ» Безсонова, т. XI, стр. 160—174. Очень сходные варіанты этого стиха записаны въ новгородской, пермской, тверской, олонецкой, симбирской, псковской, орловской и рязанской губерніяхъ. Малорусское переложеніе гласитъ:

А въ пустыни трудовникъ трудився,
Не влада ни руками, ни ногами,
А ёму во сни Пьятинка явилась.
Хрестомъ ёго оградила,
Свичею освѣтила,
Словесами ёго огласила,
И во сни ёго испросила:
А вставай, рабе божій, чоловиче,
Пиды, рабе божій, по всимъ свиту,
Закажи, рабе, всимъ женамъ,
Щобъ у пятницю пыломъ не пылили,
А въ суботу платя не золили,
Въ воскресный день въ церковь ходили,
Богу свичу становили,

И на святи церкви покладали,
Нищую братію награждали.
Молитеся Богу со слезами,
Низкіи поклоны склоняйте,
Божіи молитвы сотворяйте,
А братъ брата почитайте,
Сестра сестры не понижайте,
Отець-мати дитей не кляните,
А жидами-врагами не зовите.
Бо жиды не вирныи...

Далѣе слѣдуетъ еще нѣсколько стиховъ, вырванныхъ изъ духовнаго стиха, какъ жиды Христа мучили. Начало стиха, гдѣ говорится о безногомъ «трудовникѣ», возникло подъ вліяніемъ былинъ объ Ильѣ Муромцѣ въ Великороссіи, и уже отсюда проникло въ малорусское населеніе. Гораздо полнѣе и точнѣе былевой эпизодъ о дѣтствѣ Ильи и полученіи имъ силы отъ калѣкъ перехожихъ переданъ въ малорусскомъ народномъ разсказѣ объ Ильѣ пророкѣ, записанномъ И. И. Манжурой въ селѣ Алексѣевкѣ, александровскаго уѣзда, екатеринославской губерніи. Разсказъ этотъ состоитъ изъ двухъ разнородныхъ частей сказанія объ Ильѣ и сказанія о разбойникѣ-кровосмѣсителѣ. Послѣднее сказаніе имѣетъ довольно обширную научную литературу (см. Драгом., Малор. народ. преданія, стр. 131). Мы приводимъ здѣсь этотъ любопытный разсказъ объ Ильѣ пророкѣ, во первыхъ, по новизнѣ его первой части, и во вторыхъ по историко-литературному интересу второй его части, какъ варіантъ широко распространеннаго сказанія о кровосмѣсителѣ:

«Илья пророкъ тридцать симъ годъ живъ у батька и въ матери; та такъ ёму було, що руки та ноги позростались и не можна ёму було встати, або питы куды. Отъ якъ выйшло ёму тридцать симъ годъ, приходять до ёго Богъ та св. Петро, а батько та мати десь на ныви жали, та й кажуть ёму: устань! Та я 'бъ и уставъ, такъ не можу.—Пидводься.—Ставъ винъ пидводыться—ноги окриплы. Пидiйми руки.—Пиднявъ винъ руки у гору, вони и розигнулись. Ну, теперъ принеси намъ напиться.—Винъ пишовъ принисъ.—Пый, кажуть.—Винъ напився.—А що, теперъ чуешь силу?—Чую, каже.—Яку?—Та увесь свитъ бы повернувъ.—Ну, буде съ тебе и третины, иди, батькови помагай.—Отъ Богъ та св. Петро пишли соби дали,

а Илья пророкъ пишовъ до батька на ниву. Та йде писками, а дубы таки страшенни стоятъ, то винъ ихъ и валя, а батько та мати якъ побачили—то, кажуть, нашъ Илья пророка иде, та зъ ляку и повмирали, а Илья пишовъ у розбойники и стильки винъ народу перебивъ, що и счету нема; а разъ убивъ чоловика за пьять копіёкъ, та такъ ёму стало, що пишовъ каятись.—Приходе до попа.—Наложи покуту.—Бий, каже, поклоны, а шо людей ризавъ, то ничого, бо и на війни рижуть ще бильшъ.—Винъ взявъ та того попа й убивъ. Пишовъ до другого, и другий такій-жъ; винъ и того вбивъ. Пишовъ до третёго, такъ той взявъ его та у лёхъ и заперъ. Пидешъ ты, каже, тутъ водою ажъ у Русалимъ. Якъ заперъ тай ключики у море закинувъ. Отъ разъ невидныки ловили рыбу, та й піймали щуку, роспустили кишки, ажъ тамъ ключи, понесли до попа—той изгадавъ, шо у ёго десь сидить на покути Илія пророкъ. Отбили ляду, а винъ вже вмеръ та сидить, якъ живый и письмо въ рукахъ держе. Теперъ ёго мощи у Кыеви—кажутъ и порода друга, не така, якъ теперъ, лежить—тильки не забалака».

Духовный стихъ «А въ пустыни трудовникъ трудився» заимствованъ недавно, что обнаруживается въ слабости стиха. Вполнѣ мѣстной и своеобразной является галицко-русская пѣсня:

Эй скаржилось свитле сонейко,
Свитле сонейко милому Богу:
Не буду, Боже, рано сходжати,
Рано сходжати, свитъ освичати,
Бо зли газдыни понаставали,
Въ пятонку рано хусты зваряли,
А ми на лице золу выливали...

(Голов., т. II, стр. 243).

Здѣсь Пятница, согласно съ общимъ складомъ народныхъ суевѣрій, жалуется на женщинъ, на домохозяекъ; какъ извѣстно, женщины въ особенности внимательно соблюдаютъ пятницкіе праздники и посты, и потому всякое уклоненіе ихъ въ сторону отъ освященнаго вѣками обычая уже вызываетъ неудовольствіе, жалобы и мщеніе со стороны Пятницы.

Сказаніе о двѣнадцати пятницахъ принадлежитъ къ числу тѣхъ апокрифическихъ сказаній, которыя составились на Востокѣ еще въ первые вѣка христіанства и получили широкое распространеніе на католическомъ западѣ и среди православныхъ славянъ, причемъ древнѣйшіе списки сказанія о 12 пятницахъ, французскій и сербскій, относятся къ XIV ст. А. Н. Веселовскій въ IV ч. Опытовъ по исторіи развитія христіанской легенды, въ 185 т. Журн. мин. народ. просв. 1876 г., раздѣляетъ сказанія о 12 пятницахъ на двѣ редакціи: Элевѳерьевскую, извѣстную только по славянскимъ рукописямъ, и Климентовскую, извѣстную по европейскимъ и русскимъ рукописямъ и по русскимъ духовнымъ стихамъ. Разница между этими редакціями обусловливается различнымъ распредѣленіемъ чтимыхъ пятницъ по большимъ праздникамъ, причемъ въ элевѳерьевской группѣ сказаній преобладаютъ воспоминанія ветхозавѣтныя, а въ климентовской группѣ новозавѣтныя. «Русскія редакціи Климентовскаго сказанія, говоритъ А. Н. Веселовскій, представляютъ ту особенность, что соблюденіе пятницъ, распредѣленныхъ по главнымъ годовымъ праздникамъ, связано для каждой изъ нихъ съ обѣщаніемъ вѣрующему особыхъ преимуществъ. Эти преимущества либо обобщены изъ содержанія праздника, которому предшествуетъ та или другая пятница, либо заимствованы изъ области народныхъ примѣтъ и суевѣрій, привязавшихся къ тому или другому дню или времени года». Такъ, первая мартовская пятница соединялась съ памятью объ убійствѣ Авеля, и вотъ соблюдающимъ ее обѣщано сохраненіе отъ напраснаго убійства; ильинская пятница (6, иногда 7, либо 8) сопровождается обѣщаніемъ охранить человѣка, соблюдающаго ее, отъ огня, пламени и грома, и пр. Частнѣе эти особенности означаются въ сказаніяхъ о каждой изъ 12 пятницъ, а такихъ сказаній извѣстно въ печати три: одно напечатано въ «Общерусскомъ Дневникѣ» Петрушевича (Львовъ, 1865 года), другое, записанное въ подольской губерніи Степ. Руданскимъ, напечатано въ «Малороссійскихъ народ. преданіяхъ» Драгоманова, стр. 144—145, третье записанное въ черниговской губерніи отъ кобзаря Павла Братыци, издано во 2 т. Записокъ Юго-Зап. отд. геогр. общ., стр. 116—118. Распредѣленіе и значеніе пятницъ въ этихъ редакціяхъ сказанія различно, а именно:

Первая пятница на первой недѣлѣ великаго поста (Петруш., Руд. и Брат.). Награда: человѣкъ не будетъ убогимъ (Руд.); будетъ сохраненъ отъ «скверности и болизности» (Бр.). Тоже въ великорусскихъ духовныхъ стихахъ въ «Калѣкахъ, т. VI, стр. 132 и др.

Вторая пятница передъ Благовѣщеніемъ (Брат. и Петруш.); Свѣтлымъ Воскресеніемъ (Руд.). Награда—огражденіе отъ скоропостижной смерти. Тоже въ великорусскихъ духовныхъ стихахъ, въ «Калѣкахъ», т. VI, стр. 134 и др.

Третья страстная (Петруш. и Брат.); вознесенская (Руд.). Награда: «не буде смутку мати» (Руд.); избѣгнетъ неправаго суда (Брат.). Въ великорусскихъ стихахъ: сохраненъ будетъ отъ непріятеля и кровопролитія.

Четвертая георгіевская, святодуховская или вознесенская (Петруш.), вознесенская (Брат.), троицкая (Руд.). Награда: не утонетъ (Руд.), сохраненъ будетъ отъ «сумертвленія» (Брат.). Въ великорусскихъ стихахъ: отъ потопленія.

Пятая святодуховская (Петруш. и Брат.), петро-павловская (Руд.). Награда: избавленіе отъ напасти (Руд.), потопа (Брат.) Въ великорусскихъ стихахъ—отъ меча, лѣснаго заблужденія, скорпійнаго змія, зубной боли, лихорадки, смерти непокаянной, потопа, плѣна (Безсон., т. VI, стр. 129—160)

Шестая передъ Петровымъ днемъ или передъ Рождествомъ Іоанна Предтечи (Петруш.), ильинская (Брат.), спасовская (Руд.). Награда: сохраненіе отъ грома (Брат.); «въ грихахъ смертельныхъ не умре» (Руд.). Въ великорусскихъ стихахъ: отъ огня, пожара и грома.

Седьмая успенская или ильинская (Петруш.); успенская (Брат. и Руд.). Награда: охраненіе отъ лихорадки (Брат.); увидитъ передъ смертью пресв. Богородицу (Руд.). Въ великорусскихъ стихахъ: отъ бѣдности, разбойниковъ, потопа, лихорадки, всѣхъ грѣховъ.

Восьмая передъ Усѣкновеніемъ Главы Іоанна Крестителя (Петруш. и Брат.), успенская (Петруш.), или передъ Рождествомъ пресв. Богородицы (Руд.). Награда: охрана отъ враговъ и меча. Въ великорусскихъ стихахъ: лихорадки, нужды, печали, бѣдности.

Девятая воздвиженская или козьмо-демьянская (Петруш. Руд. и Брат.). Награда: не будетъ муки (Руд.), охрана въ дорогѣ (Брат.). Въ великорусскихъ стихахъ: отъ боли головной и зубной.

Десятая по Воздвиженіи или предъ архангеломъ Михаиломъ (Петруш., Руд. и Брат.). Награда: охрана отъ звѣря (Брат.), избавленіе отъ грѣховъ (Руд.). Въ великорусскихъ стихахъ: передъ смертью узритъ Богородицу, избѣгнетъ отъ скоропостижной смерти звѣря.

Одиннадцатая передъ Андреевымъ днемъ или передъ Рождествомъ Христовымъ (Петруш. и Брат.), покровская (Руд.). Награда: въ книгу небесную запишутъ (Руд.), избавленіе отъ напасти (Брат.). Въ великорусскихъ стихахъ: охраненъ будетъ отъ зноблёнои смерти отъ морозу, узритъ Богородицу.

Двѣнадцатая по Рождествѣ Христовѣ или передъ Богоявленіемъ Господнимъ (Петруш., Брат. и Руд.). Награда: охрана отъ вѣтра и лютыхъ морозовъ (Брат.); Господь возьметъ душу на небо (Руд.). Тоже и въ великорусскихъ стихахъ.

Сравнительный обзоръ великорусскихъ и малорусскихъ духовныхъ стиховъ о 12 пятницахъ обнаруживаетъ большое между ними сходство, почти тождественность, и съ значительной долей вѣроятности можно сказать, что въ Малороссіи повторяются великорусскіе духовные стихи о 12 пятницахъ, при отсутствіи мѣстныхъ и своеобразныхъ. По крайней мѣрѣ, можно положительно утверждать, что псальма про 12 пятницъ Павла Братыци зашла на югъ изъ сѣверной Россіи, такъ какъ самый языкъ псальмы мѣстами, особенно въ концѣ, сохраняетъ вполнѣ великорусскій складъ, напримѣръ:

Встаньте вы, братья, да и послушайте,
Приходить вы, братья, ко святой церкви,
Создавайте вы милостыню неосужденную, незговоренную;
Зговорена милостыня не польза души.

Въ великорусскомъ варіантѣ стиха, записанномъ въ орловской губерніи, читаемъ:

Друзья-братія, подавайте милостыню незаговоренную,
Незаговорную и незаклеветенную

(«Калѣки перехожіе» т. VI, стр. 143).

Псальма Братыци оканчивается словами, что изъ ребенка, зачатаго въ одну изъ перечисленныхъ пятницъ, выйдетъ воръ и разбойникъ. Слова эти повторяются въ десяти варіантахъ великорус-

скаго духовнаго стиха о 12 пятницахъ, изъ общаго числа 12 варіантовъ, напечатанныхъ въ VI вып. «Калѣкъ перехожихъ».

36—38.

Стихи о грѣшной душѣ. Адъ. Рай.

Въ числѣ древнихъ апокрифовъ встрѣчается «Хожденіе ап. Павла по мукамъ», иначе называемое «Откровеніе апост. Павла», «Слово о видѣніи апост. Павла» или просто «Видѣніе апост. Павла». Апокрифъ этотъ былъ уже сильно распространенъ въ IV вѣкѣ. Въ средніе вѣка онъ пользовался большой популярностью. Ближайшее сходство съ «Павловымъ видѣніемъ» имѣетъ «Видѣніе Филиберта» X в. Данте говоритъ о сошествіи апост. Павла въ адъ во второй пѣснѣ «Божественной Комедіи». Въ Россію «Видѣніе апост. Павла» проникло изъ Византіи черезъ южно-славянскія земли, привилось на русской почвѣ и пустило глубокіе корни въ народную словесность. «Видѣніе апост. Павла» распадается на три части, и каждая изъ нихъ имѣетъ важное и самостоятельное значеніе въ исторіи русской, въ частности въ исторіи южно-русской народной словесности.

Въ первой части, превосходной по мысли и изложенію, солнце, мѣсяцъ и земля жалуются Богу на беззаконія человѣка. Богъ говоритъ, что за дѣлами людей слѣдятъ ангелы. Богъ не караетъ людей, потому что они могутъ еще покаяться. Этотъ апокрифическій мотивъ нашелъ мѣсто въ народной поэзіи, въ великорусскихъ, преимущественно раскольничьихъ духовныхъ стихахъ о плачѣ земли и въ разсмотрѣнной уже нами галицко-русской царинной пѣснѣ «Війте дѣвойки». Кромѣ того, я ранѣе уже указалъ, что этотъ мотивъ выразился въ одномъ изъ посланій Іоанна Вишенскаго.

Во второй части «Видѣнія апостола Павла» ангелъ показываетъ апостолу Павлу души праведныхъ и грѣшныхъ послѣ смерти. Ангелъ осторожно беретъ душу праведнаго и говоритъ ей: «душе, познай свое тѣло, отнюду же изыде, достоить ти паки обратитися», затѣмъ онъ оберегаетъ ее въ небесныхъ мытарствахъ. Грѣшная душа, вышедши изъ тѣла, встрѣчаетъ демоновъ; добрые ангелы сторонятся отъ нея, проклинаютъ ее, потому что душа эта заботилась на землѣ только о ѣдѣ и питьѣ и грѣшила (Тихонравов., т. II,

стр. 42—45). Выдающійся мотивъ второй части апокрифа—разставаніе души съ тѣломъ—развитъ въ византійскомъ житіи Василія Новаго. Этотъ мотивъ повторяется во многихъ письменныхъ устныхъ памятникахъ русской словесности, чаще всего въ синодикахъ, или поминальныхъ книжкахъ. и въ духовныхъ стихахъ о Лазарѣ и о грѣшной душѣ. Небольшой духовный малорусскій стихъ о разставаніи души съ тѣломъ находится въ сборникѣ пѣсенъ Вересая (стр. 22), стихъ безцвѣтный.

Въ одномъ варіантѣ стиха о Лазарѣ душу праведнаго ангелы берутъ изъ тѣла осторожно, «изъ тиха тихенько», а душу грѣшнаго демоны берутъ «ливымъ бокомъ зализнымъ крюкомъ» (рукоп. сборн. Манжуры). Эти подробности представляютъ общее мѣсто въ духовной письменности и въ миніатюрахъ, напримѣръ, въ миніатюрахъ праведныхъ во 2 т. «Историч. очерковъ» Ѳ. И. Буслаева (Рис. къ л. л. 121, 151, 153). Въ великорусскихъ духовныхъ стихахъ праведную душу вынимаютъ ангелы «честно и хвально въ сахарны уста», а грѣшную берутъ демоны «нечестно и нехвально скрозь реберъ его». Малорусскій стихъ о Лазарѣ повидимому подвергся вліянію великорусскихъ пѣсенъ этого рода, а варіантъ г. Манжуры представляетъ близкое по содержанію переложеніе великорусскихъ духовныхъ стиховъ о богатомъ и Лазарѣ. Лучшія малорусскія пѣсни о грѣшной душѣ записаны въ Галиціи. Такъ въ одной галицкой щедровкѣ Господь съ ключами въ рукахъ:

> Рай видмыкае,
> Души впускае.
> Ено едной не допускае,
> Що отця, матерь
> Не за що мае,
> Старшого брата
> Позневажала,
> Старшу сестройку
> Споличковала... (Гол., т. II, стр. 158).

Въ другой галицко-русской пѣснѣ, попавшей въ сборникъ г. Головацкаго въ отдѣлъ думъ господарскихъ и скотарскихъ, поется: «попидъ небомъ е стежейка». По этой дорожкѣ пришли къ раю двѣ праведныхъ души и одна грѣшная. Св. апостолъ Петръ отперъ

райскія двери и пропустилъ праведныя души, а грѣшную завернулъ назадъ. Божія Матерь проситъ Спасителя пустить грѣшную душу въ рай: «най тамъ буде хочъ изъ краю». Но Спаситель отказалъ Богоматери въ просьбѣ, потому что душа очень грѣшная:

Вона до церкви не ходила,
Поклонъ нигды не вдарила,
А ни посту не постила,
А на брата чары брала,
А на сестру мечь зрывала (стр. 235).

—

...въ пятницу танцёвала,
Въ субботу ся не вмывала,
А въ недѣлю поснѣдала,
Тай до церкви не ходила (стр. 236).

Въ галицко-русской колядкѣ:

Ой въ раю, въ раю Ангели грають.
Лемъ святый Петро тако й не грае,
Бо его мати ажъ на днѣ въ пеклѣ.
«Позвѣдуй же ся та й святый Петре,
Та й святый Петре своей маточки!
Ци сила дала во имья Боже»?
«Эй я не дала, лемъ пивъ-повисма,
Лемъ пивъ-повисма, пивъ-плосконного».
Складуй же ты ихъ до волокенця,
Подай же ты ихъ на дно до пекла,
Ой стане она ся того хапати».
Подавъ же Петро на дно до пекла.
Стала она ся того хапати,
Стали ся на ню душки вѣшати,
Стала ся она отриповати:
«Эй гетьте, гетьте: бо вы не дали,
Бо вы не дали во имья Боже»!
Святый Петро ставъ, тяжко заплакавъ:
Эй, мати жъ моя та й проклятая!
Не творила-сь добре, то южъ и не будешь;
Не вышла-сь съ пекла, та южъ не выйдешь».

Голов., т. II, стр. 45).

Очень сходные прозаическіе разсказы находятся въ первомъ томѣ Записокъ о южн. Руси П. А. Кулиша, стр. 307—308 и въ Филол. зап. 1878 г. т. IV, стр. 101. Здѣсь старый титарь Онисимъ хочетъ вытащить изъ ада свою мать, взявши за луковицу, которую она однажды дала нищему. Мать держалась за «стрѣлочку» луку; но грѣшныя души прицѣпились къ ея плахтѣ и намиткѣ, «стрѣлка» перервалась, и мать снова упала въ горячую смолу. По другому разсказу, души на томъ свѣтѣ сидятъ за столами. «Хто старцямъ подававъ милостыню, то все попередъ имъ и лежить: чи кильце ковбаски, чи шматокъ хлиба».

Эти и подобныя имъ сказанія о грѣшной душѣ вводятъ насъ уже въ отдѣлъ многочисленныхъ сказаній объ адѣ и адскихъ мученіяхъ. Сказанія объ адскихъ мученіяхъ опираются преимущественно на третью часть «Видѣнія апостола Павла». Здѣсь апостолъ Павелъ осматриваетъ рай и адъ, причемъ подробно описываются мученія грѣшниковъ. Грѣшники мучатся въ огненной рѣкѣ, одни до колѣнъ, другіе до пояса, третіи до устъ, четвертые погружены еще глубже. Кромѣ того, грѣшники находятся въ зловонномъ колодцѣ, иные безъ рукъ и безъ ногъ; ихъ бьютъ демоны, ѣдятъ черви, причемъ степень и свойство муки опредѣляется характеромъ грѣха (см. Тихонравова, Памят. отреч. литер., т. II, стр. 48—58). Подъ вліяніемъ «Видѣнія апостола Павла» и нѣкоторыхъ другихъ апокрифовъ, напримѣръ, евангелія Никодима, гдѣ говорится о сошествіи Іисуса Христа въ адъ, возникла обширная, особенно въ западной Европѣ, литература сказаній о загробныхъ странствованіяхъ праведныхъ и грѣшныхъ. А. Н. Веселовскій въ статьѣ «Данте и символическая поэзія католичества» (IV т. Вѣстника Европы 1866 г., стр. 167—190) приводитъ много западныхъ легендъ о схожденіяхъ въ адъ. Кромѣ того, обширную литературу предмета мы находимъ въ «Dictionnaire des legendes du christianisme» Миня и въ «Croyances et legendes de l'antiquite» Альфреда Мари. Въ южной Руси христіанскія легенды о схожденіи Спасителя, апостола Павла, святыхъ угодниковъ Божіихъ и даже простыхъ смертныхъ въ адъ, о возвращеніи ихъ и разсказахъ объ адскихъ мученіяхъ получили большое распространеніе, быть можетъ, не только подъ византійскими и юго-славянскими вліяніями, но и подъ вліяніемъ католическаго запада. Въ Малороссіи сильно распростра-

нено повѣрье объ «обмираніи» людей, или временномъ прекращеніи жизни и посѣщеніи рая и ада. Иногда старики и старухи совершенно серьёзно передаютъ о томъ, что они «обмирали», были въ раю и въ аду и видѣли награды за добрыя дѣла и наказанія за дѣла злыя. П. А. Кулишъ, отмѣтившій это любопытное явленіе народной жизни въ «Зап. о южн. Руси» (т. I, стр. 303), замѣчаетъ при этомъ, что разсказчики и разказчицы не сознаютъ свой обманъ. «Образы мукъ и радостей загробныхъ, говоритъ г. Кулишъ, напечатлѣны у нихъ въ воображеніи съ дѣтства... Можно представить себѣ, какъ сильно дѣйствуетъ на простые умы свидѣтельство старика или старухи, только что возвратившейся съ того свѣта. Ужасъ и удивленіе не даютъ мѣста недовѣрчивости. Слушатели на всю жизнь сохраняютъ убѣжденіе въ справедливости фантастическаго разсказа и, если съ кѣмъ нибудь изъ нихъ случится обмиранье, онъ въ болѣзненномъ состояніи мозга легко можетъ выдавать то, что рисовало ему нѣкогда воображеніе, за видѣнное на томъ свѣтѣ». Повѣрья этого рода любопытны въ особенности потому, что доказываютъ, какъ сильно вліяетъ письменность, въ частности апокрифическая литература, на народную мысль. При этомъ встрѣчаются черты древняго славянскаго язычества, религіозно-миѳическаго міровоззрѣнія, черты, вплетенныя въ христіанско-апокрифическія рамки, напримѣръ, представленіе души умершаго птицей (Зап. о южн. Руси, т. I, стр. 905). Малорусскіе народные разсказы о мукахъ грѣшниковъ довольно своеобразны; напримѣръ:

«Браты побились, йдучи степомъ... То Богъ и сказавъ: «нехай же станутъ вони собаками и грызутьця, поки не буде ûхати Мартиримянъ» (?) (Кулишъ, т. I, стр. 306).

Въ степи глубокая яма. Пролѣзть черезъ нее, и будетъ другой свѣтъ (т. I, стр. 306). Дантовская подробность, соотвѣтствующая глубокому колодцу Павлова Видѣнія.

Богатые, не помогавшіе бѣднымъ, обращены въ воловъ. Они стоятъ въ большой травѣ, но не могутъ ею питаться, и потому тощи, бѣдные обращены въ воловъ жирныхъ на безплодной нивѣ (т. I, стр. 306). Можетъ быть въ связи съ этимъ разсказомъ находится замѣчаніе Котляревскаго въ «Энеидѣ», что Цирцея обернула малороссовъ въ воловъ.

Человѣкъ, не принявшій зимой въ хату прохожаго, который замерзнулъ подъ плетнемъ, горитъ между двумя дубами и еще жалуется, что ему холодно, что онъ замерзаетъ (т. I, 307).

Человѣкъ, не давшій въ спасовскую жару прохожему напиться, лежитъ послѣ смерти въ аду около колодца; вода течетъ ему черезъ ротъ, и онъ испытываетъ страшную жажду (т. I, стр. 307).

Человѣкъ, не захотѣвшій жениться на той дѣвушкѣ, которая назначена была ему Богомъ («Богъ пары паруе», какъ языческій Родъ), стоитъ въ аду по поясъ въ горячихъ угольяхъ (т. I, 309).

Разбойникъ наказанъ такимъ образомъ, что онъ носитъ змѣй и его подгоняютъ демоны (т. I, стр. 309).

Дивчина, которая во время обѣдни наряжалась, а въ будни ходила не умывшись и не расчесавъ косы, обращена въ лихорадку (Филол. зап. 1870 г., т. IV, стр. 5).

Мужикъ, кравшій въ праздникъ во время обѣдни куръ и гусей, обращенъ въ змѣя съ курами и гусями на спинѣ, хвостомъ и крыльями (Филол. Зап. 1870 г., т. IV, стр. 3, 5). Этотъ разсказъ напоминаетъ общее средневѣковое представленіе сатаны въ видѣ громаднаго змѣя.

Не трудно замѣтить, что наказаніе опредѣляется грѣхомъ, причемъ человѣкъ, обидѣвшій своего ближняго, терпитъ ту же обиду въ аду, только въ гораздо большей степени: не пріютившій зимой прохожаго мерзнетъ въ аду, не напоившій лѣтомъ странника въ аду испытываетъ жажду и т. д.

Въ обрисовкѣ рая и райскихъ блаженствъ народная фантазія, равно какъ фантазія отдѣльныхъ поэтовъ, не обнаружила той силы и изобрѣтательности, что въ обрисовкѣ ада и адскихъ мученій. Извѣстно, что даже у Данте въ виду неизреченныхъ откровеній неба подломились крылья фантатіи, и Рай Данте вышелъ въ художественномъ отношеніи слабѣе Ада. Въ «Видѣніи Альберика» первой половины XII вѣка подробно описываются адъ и чистилище, но затѣмъ Альберикъ говоритъ, что не можетъ разсказать того, что видѣлъ въ раю (Веселов., Вѣстн. Евр. 1866 г. т. IV, стр. 188). Такая же оговорка находится въ посланіи новгородскаго архіеп. Василія († 1352 г.) о земномъ раѣ. Въ «Видѣніи апостола Павла» объ адѣ и адскихъ мученіяхъ говорится втрое болѣе, чѣмъ о раѣ и райскихъ блажснствахъ. При всемъ томъ, описаніе рая въ Павло-

вомъ Видѣніи представляется весьма важнымъ въ исторіи литературы и искусства, такъ какъ это древнее и содержательное описаніе оказало большое вліяніе на литературныя и художественныя изображенія рая на католическомъ западѣ и православномъ востокѣ. У воротъ рая стоятъ два золотыхъ столба; на нихъ скрижали, гдѣ записаны праведные. Градъ Христовъ стоитъ на островѣ посреди озера. Онъ окруженъ съ четырехъ сторонъ рѣками; одна рѣка медовая, другая молочная, третья масленная, четвертая изъ вина. На берегахъ рѣкъ растутъ финиковыя пальмы. Въ раю на высокомъ престолѣ Давидъ славитъ на гусляхъ Бога, и лицо Давида подобно солнцу (Тихонравовъ, т. II, стр. 47—48). Малорусскія простонародныя представленія о раѣ не представляютъ чего-либо своеобразнаго. Обычно представленіе рая въ видѣ прекраснаго сада (Чуб., т. I, стр. 195). Встрѣчается представленіе рая въ видѣ веселаго и свѣтлаго лѣса. Въ этомъ лѣсу стоитъ хорошая хата, гдѣ живетъ Спаситель. Потолокъ и стѣны хаты украшены иконами; по рединѣ столъ. Ангелы летаютъ около хаты и поютъ пѣсни. Вблизи большой столъ, за которымъ сидятъ праведники и вкушаютъ просфиры и паляницы, и райское дерево съ цвѣтами. Маленькія дѣти летаютъ вокругъ дерева, срываютъ цвѣты и кладутъ ихъ себѣ за пазуху. «Якихъ мати пидперезала, такъ у тихъ вони и держатьця, а якихъ ни, такъ у тихъ падають, а Мати Божа втишается ими, и отъ яке тамъ товкне друге, такъ вона и пригрозыть пальчикомъ (Филол. зип. 1860 г., т. IV, стр. 4). Эта любопытная черта народнаго сентиментализма; точнѣе сказать, черта искренняго семейнаго чувства, придающая Пресвятой Дѣвѣ Маріи нѣжный характеръ женственности, повторяется съ небольшимъ измѣненіемъ въ другомъ народномъ разсказѣ. Обмиравшая старуха говоритъ одной опечаленной женщинѣ, потерявшей двухъ дочерей, что она была въ раю и «бачила и Ганнусю, бачила й Катрусю». Пани ажъ зъ лижка скочила: «Що жъ вони тамъ роблять»?—«Мати Божа панчишку плете, а вони передъ нею золоти клубочки держать». Такъ таки и каже: «Мати, каже, Божа панчишку плете (т. е. чулки вяжетъ), „а вони передъ нею золоти клубочки держять» (Кулишъ, Зап., т. I, стр. 305).

39.

Сказаніе о Рахманахъ.

Въ ряду малорусскихъ народныхъ сказаній о раѣ и блаженныхъ людяхъ видное мѣсто занимаетъ сказаніе о рахманахъ и о рахманскомъ Великоднѣ. Съ этимъ сказаніемъ мы встрѣчаемся уже на первыхъ страницахъ древней, приписываемой Нестору лѣтописи, причемъ указанъ и византійскій источникъ сказанія, или точнѣе, одинъ изъ его византійскихъ источниковъ, хроника Георгія Амартола: «Глаголетъ Георгій въ лѣтописаньи... законъ же Вактріянъ, глаголеми Врахмане и островници, еже отъ прадѣдъ наказаньемъ благочестіемъ, мясъ не ядуще, ни вина пьюще, ни блуда творяще, никакоя же злобы творяще, страха ради многа Божія (Лѣтоп. по Лавр. сп , стр. 14). Фантастическое сказаніе о блаженной жизни брахмановъ, или индійскихъ браминовъ, обращенныхъ въ христіанскихъ легендахъ въ образцовыхъ христіанъ, подробно передается въ «Хожденіи Зосимы къ Рахманомъ», изданномъ г. Тихонравовымъ по двумъ спискамъ, по рукописи XIV в. и по рукописи XVII в., буквально сходныхъ (Памят. отреч. литер. т. II, стр. 78—92). Преп. Зосима 40 дней не вкушалъ пищи и просилъ Бога показать ему страну блаженныхъ. Желаніе его было исполнено. Сначала верблюдъ перенесъ его черезъ пустыню; затѣмъ вѣтеръ принесъ его къ рѣкѣ, за которой жили блаженные. Перебравшись черезъ рѣку съ помощью громадныхъ деревьевъ, наклонившихъ съ одного берега на другой свои верхушки, пр. Зосима вступилъ въ землю рахмановъ и пробылъ среди нихъ семь дней. Рахманы днемъ и ночью пребываютъ въ молитвѣ. Они питаются плодами земли и пьютъ сладкую воду, вытекающую изъ подъ корня одного дерева. Нѣтъ у нихъ ни винограда, ни желѣзныхъ сосудовъ, ни ножей желѣзныхъ, ни домовъ, ни огня, ни золота и серебра, нѣтъ и одежды. Приживъ съ женой двухъ дѣтей, рахманы разводятся и живутъ далѣе цѣломудренно. Они спятъ въ пещерахъ на землѣ, устланной древесными листьями. Ангелы сообщаютъ рахманамъ о праведныхъ и грѣшныхъ людяхъ на земли, сколько кому назначено лѣтъ жизни, и рахмане молятся за людей, потому что, какъ сказали они Зосимѣ, «мы отъ вашего рода есмы». Въ посту рахмане вмѣсто древесныхъ плодовъ питаются манной, спадающей съ неба, и толь-

ко поэтому судятъ о перемѣнѣ времени. «Егда жъ приближится день Воскресенія Господня, тогда пустятъ древа плоды доброволнны и тако разумѣемъ, яко начало лѣта бываетъ; а въ службы мѣсто воскресенія Господня бдѣнія бываютъ у насъ: пребываемъ бдяща три дни и три нощи». Рахмане живутъ отъ 100 до 360 и даже до 1800 лѣтъ. Они знаютъ время своей кончины и умираютъ безъ болѣзни и безъ страха. Ангелы возносятъ души умершихъ рахмановъ къ Господу Богу. Душа кланяется Богу и затѣмъ идетъ «на мѣсто покойно». Рахмане составили описаніе своего блаженнаго житія, передали его Зосимѣ и дружелюбно проводили его до рѣки.

Сказанія о рахманахъ въ южной Россіи проникли въ глубь народа, причемъ особенно привилась къ южно-русской почвѣ частность о рахманскомъ свѣтломъ праздникѣ. Въ литинскомъ уѣздѣ говорятъ, что рахманы—христіане. Они не имѣютъ собственнаго счисленія времени и потому празднуютъ Пасху тогда, когда доплыветъ къ нимъ скорлупа яйца. Вслѣдствіе этого существуетъ въ народѣ обыкновеніе выбрасывать въ великую субботу въ рѣку скорлупы яицъ, которыя доплываютъ къ рахманамъ черезъ три съ половиною или четыре недѣли, и рахмане тогда празднуютъ Пасху (Чуб., т. I, стр. 220). Искаженіемъ повѣрья представляется дополнительная черта, что рахманы живутъ подъ землей (ib. т. I, стр. 220). Въ Галаціи существуетъ повѣрье, что скорлупы, доплывъ въ рахманскую страну, обращаются въ яйца, и каждое яйцо идетъ на 12 рахмановъ, питающихся отъ него въ теченіи года. Пуская скорлупу на воду, сохраняютъ молчаніе или приговариваютъ: «плыньте въ рахманьски краи». На рахманскій велыкдень, бывающій въ среду на четвертой недѣли послѣ Пасхи, не работаютъ. Говорятъ, что въ галицкомъ селеніи Гарасимовѣ однажды въ этотъ день мужикъ выѣхалъ поле орать. Онъ провалился подъ землю вмѣстѣ съ погоничемъ, плугомъ и волами, и если въ день рахманскаго свѣтлаго праздника приложить ухо къ землѣ, то можно слышать крики погонича о помощи. Въ селѣ Чортовцѣ говорятъ, что въ этотъ день слышенъ колокольный звонъ отъ провалившейся подъ землю церкви. Баба, мывшая бѣлье на рахманскій велыкдень, умерла на другой день (Kolberg, Pokicie т. I, стр. 199). На Украйнѣ на рахманскій велыкдень ломаютъ березовыя вѣтки, приписывая имъ цѣлебное

значеніе («правятъ кость») рахманскій велыкдень называется въ иныхъ мѣстахъ Малороссіи «правой середой».

Разные домыслы ученыхъ о значеніи словъ «рахмане, рахманскій», доводы большею частью неосновательные, приведены въ «Pokucie» Кольберга, т. I, стр. 199, 351—353. Слово рахманы, очевидно, представляетъ небольшое искаженіе слова брахманы, браманы или брамины. Сказаніе о блаженныхъ и мудрыхъ рахманахъ есть дань уваженія европейцевъ, въ частности русскаго народа, къ мудрости индійскихъ жрецовъ, дань, вполнѣ заслуженная послѣдними, если принять во вниманіе, какъ много индійскихъ повѣстей и сказаній перешло въ Европу, въ частности въ Россію, и занимало мысль и фантазію народа въ теченіи многихъ вѣковъ, вплоть до настоящаго времени.

40.

Исторія о женѣ Майдонѣ

Издана Макушевымъ въ Журн. мин. нар. просв. 1881 г., т. IX, стр. 96—97 и Калитовскимъ въ «Рус. апокриф. литер.» 1884 г., стр. 35—38. Исторія эта занимаетъ среднее мѣсто между повѣстью и апокрифомъ. Въ цѣломъ она имѣетъ повѣствовательный характеръ, но отдѣльныя ея части напоминаютъ съ одной стороны апокрифическія сказанія объ Антихристѣ, съ другой—одно мѣсто въ «Хожденіи апостоловъ».

Содержаніе «Исторіи о женѣ Майдонѣ, царицѣ безбожной и бестіальной». состоитъ въ слѣдующемъ: злая и распутная Майдона будетъ царствовать при кончинѣ міра. Она будетъ преслѣдовать христіанскую вѣру и кощунствовать надъ крестомъ Христовымъ и св. иконами. Сама развратная, она будетъ насильственно распространять развратъ между людьми. Въ царствованіе ея умножатся убійства, наступитъ голодъ, моръ и иныя бѣдствія. Майдона будетъ царствовать четыре года. Она будетъ называться не только царицей, но и богиней и станетъ кощунствовать надъ самимъ Богомъ. Тогда Богъ пошлетъ архангела Михаила, который схватитъ ее за волосы, подниметъ высоко, подрѣжетъ серпомъ волосы, ударитъ скипетромъ по головѣ и съ большимъ шумомъ погрузитъ ее въ море, до самаго ада, куда она пойдетъ на вѣчныя муки. Видя это, люди начнутъ молиться и каяться въ своихъ грѣхахъ.

Макушевъ, судя по имени царицы и многимъ полонизмамъ, высказалъ мнѣніе, что «Исторія о Майдонѣ» западнаго (италіанскаго) происхожденія и перешла въ южную Русь, вѣроятно, черезъ Польшу въ концѣ XVI ст. или нѣсколько позже, когда между Короною и Литвою установилась тѣсная связь, усилилось на южной Руси польское вліяніе и порча нравовъ.

Сказаніе о Майдонѣ сохранилось только въ небольшомъ рукописномъ сборникѣ библіотеки Оссолинскихъ во Львовѣ, откуда и было извлечено для печати Макушевымъ и потомъ Калитовскимъ, причемъ въ изданіи г. Калитовскаго есть пропуски словъ и фразъ. Повидимому, исторія о Майдонѣ не пользовалась большимъ распространеніемъ и не оказала вліянія на народную словесность. Нельзя сказать, чтобы самая «Исторія о Майдонѣ» была совсѣмъ свободна отъ вліянія народной поэзіи. Въ изложеніи беззаконій обнаруживаются слѣды стихотворнаго склада, происшедшіе, можетъ быть, отъ того, что русскій переписчикъ или читатель изложилъ это мѣсто рукописи въ духѣ и складомъ извѣстнаго ему духовнаго стиха. Въ «Исторіи о Майдонѣ», послѣ указанія на усиленіе ссоръ, ненависти, грабежей, говорится: «Увы мнѣ, міре мѣзерный! хто бы мѣлъ по достатку описати твои злости; прочее жъ помолчу и слезами затру, узявши отъ стараго пророка ажъ до самаго малого отрока, не знайдешь въ томъ злосливомъ мірѣ, абы хто билъ безъ порока. Днесь бо не токмо короли и цари, князи и пани и простіи люде у блотѣ ся валяютъ и въ лукавствѣ кохаютъ».

Относительно способа наказанія Майдоны сходную черту находимъ, какъ мы замѣтили выше, въ «Хожденіи апостоловъ». Жители одного города, не желая принять апостоловъ, поставили въ воротахъ нагую блудницу. Св. ап. Андрей обратился къ Богу съ молитвой: «Господи Іисусе Христе, пусти Михаила архистратига, да обиситъ (т. е. повѣситъ) жену сію за власы на аере» (Тихонравовъ, т. II, стр. 9).

Отъ личнаго имени развратицы Майдоны, повидимому, произошло одно бранное, неприличное въ печати, слово, прилагаемое въ Малороссіи къ распутнымъ женщинамъ.

41.

Сказанія объ антихристѣ.

Сказанія объ антихристѣ опираются на откровеніе св. Іоанна. Извѣстно, что содержаніе Апокалипсиса св. Іоанна не отличается ясностью и что нѣкоторые отцы и учители церкви, напримѣръ, св. Епифаній и св. Григорій Нисскій, относили эту книгу въ разрядъ апокрифовъ (Христ. чтеніе 1871 г., т. I, стр. 55). Толкованія на Апокалипсисъ содѣйствовали отчастію развитію образа антихриста. Еще болѣе этому развитію содѣйствовали историко-бытовыя обстоятельства, религіозныя гоненія и борьба сторонниковъ разныхъ вѣроисповѣданій. Въ XVI и въ особенности въ XVII ст. въ Руси, какъ литовской, такъ и московской, идея о наступившемъ или близкомъ пришествіи антихриста сильно развилась, въ Малороссіи подъ вліяніемъ уніи и религіозныхъ гоненій со стороны католиковъ, въ Великороссіи подъ вліяніемъ раскола и открытаго патр. Никономъ гоненія на защитниковъ старопечатныхъ книгъ и обряднаго старовѣрства. Южно-русскія, составленныя православными, сочиненія объ антихристѣ проникли въ Великороссію и углубили раскольническія представленія объ антихристѣ. Въ южной Руси подъ вліяніемъ борьбы съ папствомъ выработался мистико-апокалипсическій взглядъ на Римъ, какъ на царство антихриста. Съ особенной силой взглядъ этотъ выразился въ толкованіи XV слова св. Кирилла іерусалимскаго объ антихристѣ Стефана Зизанія 1596 г. и въ Словѣ объ антихристѣ въ концѣ «Книги о вѣрѣ». Въ доказательсво того, что римскій папа есть антихристъ, Стефанъ Зизаній указываетъ на стремленія папъ подчинить себѣ царей и царства, измѣнить календарь и искоренить православіе. Авторъ «Книги о вѣрѣ» повторяетъ эти доводы, причемъ называетъ папъ предтечами антихриста и говоритъ, что появленіе самого антихриста должно состояться въ 1666 году. Южно-русскіе писатели сошлись съ протестантскими писателями въ томъ отношеніи, что подъ именемъ антихриста разумѣли нѣкое боговраждебное царство или рядъ многихъ лицъ, преемственно занимающихъ одно и то же мѣсто и совершающихъ одно и то же богоборное дѣло. Эта точка зрѣнія усвоена отчасти и раскольниками. Православная церковь, какъ извѣстно, учитъ, что антихристъ будетъ одно опредѣленное лице, имѣющее явиться передъ

вторымъ пришествіемъ Христовымъ (Правосл. Собесѣд. 1858 г., т. II, стр. 268). Рядомъ съ протестантскимъ представленіемъ антихриста въ южной Руси уживалось вполнѣ православное, что видно изъ апокрифическаго сказанія «О царствѣ антихристовѣ и днѣхъ послѣднихъ» въ львовскомъ рукописномъ сборникѣ XVIII ст., сказанія, изданнаго г. Калитовскимъ въ «Рус. литер. апокр.», стр. 45—46. Здѣсь говорится о томъ, что антихристъ воцарится при кончинѣ міра и наречетъ себя Богомъ. Онъ начнетъ собирать себѣ слугъ, ложныхъ ангеловъ, апостоловъ, пророковъ, «крылатыхъ шатановъ во плоти», будетъ творить чудеса, низводить съ неба огонь, переставлять горы, воскрешать умершихъ; все это будетъ ложное, совершаться «мечтами и приведеньми дьявольскими». Кто поклонится ему, получитъ на челѣ или на рукѣ знакъ и будетъ пользоваться временными благами, а которые не поклонятся, претерпятъ мученія отъ антихриста и въ послѣдствіи удостоятся вѣчнаго блаженства. Антихристъ возсядетъ въ Іерусалимѣ въ церкви на престолѣ и побываетъ въ Капернаумѣ, Хоразинѣ и Виѳсаидѣ, гдѣ всѣ ему поклонятся, особенно «Жидове, которые чекаютъ его приходу отъ многихъ лѣтъ, тіи ся ему перше поклонятъ и дари богатые отъ него пріймутъ». Антихристъ воцарится на три года; но Богъ сократитъ это время на три дня. Наконецъ, антихристъ прійдетъ въ Римъ и «замордуетъ папежа римскаго, намѣстника святаго апост. Петра и самъ сядетъ на престолѣ». Ему поклонятся турки, татары, жиды, нѣмцы и прочіе народы. Кто не будетъ имѣть на лбу или рукѣ знака антихристова, не будетъ имѣть права ни купить, ни продать что-либо. Пустынниковъ и монаховъ будутъ отыскивать въ пещерахъ и приводить къ антихристу на поклоненіе. Внѣшній видъ антихриста измѣнится; сначала онъ будетъ очень красивый, на другой годъ «огрубѣетъ», а на третій волоса на головѣ и бородѣ уподобятся стрѣламъ, правый глазъ будетъ блестѣть, какъ «зорница», а лѣвый, какъ уголь: палецъ на правой ногѣ будетъ имѣть видъ сломанный, и сдѣлается антихристъ звѣрообразенъ, свирѣпъ и лютъ». Наименованіе папы намѣстникомъ св. ап. Петра даетъ поводъ подозрѣвать въ авторѣ или переписчикѣ сказанія уніата. Въ сказаніи замѣтно стремленіе автора поставить жидовъ въ ближайшія отношенія къ антихристу, стремленіе, достаточно понятное для южно-русса, приходившаго въ постоянныя столкновенія съ евреями, не только

въ экономическомъ отношеніи, какъ нынѣ, но и въ религіозномъ, какъ было, напримѣръ, въ XVII ст., особенно во второй его половинѣ, во время волненія еврейства по случаю появленія въ Смирнѣ лже-мессіи Сабефы.

Подробность о волосахъ антихриста заимствована изъ «Вопросовъ Іоанна Богослова Господу на горѣ Ѳаворской». Здѣсь такъ описывается наружность антихриста: «власи главы его остры, яко стрѣлы; око ему десное, аки звѣзда заутри восходящая («зорница» львовскаго сборника), а другое аки лвоу; уста ёму локти; зубы ёму пядь; персти ёму, аки серпи; стопа ногу его пядию двою» (Тихонравовъ, т. II, стр. 176). Другая подробность, о сокращеніи времени господства антихриста съ трехъ лѣтъ на три дня, также заимствована изъ «Вопросовъ Іоанна Богослова», гдѣ сокращеніе времени проведено далѣе: три дня сокращены на три часа, а три часа на три стопы (Тихонравовъ, т. II, стр. 184).

Мрачный образъ антихриста почти не коснулся малорусской народной словесности. Встрѣчаются кое-какія повѣрья объ антихристѣ, но нѣтъ ничего цѣльнаго, яснаго, опредѣленнаго, что отвѣчало бы ярко очерченному образу антихриста раскольнической словесности. Въ простомъ украинскомъ народѣ этнографами найдены общія повѣрья о томъ, что антихристъ воцарится при кончинѣ міра и будетъ мучить людей, заставляя ихъ прыгать черезъ копье и будетъ жарить ихъ на сковородѣ (Чубинскій, т. I, стр. 195).

42.

Сказанія о страшномъ судѣ и кончинѣ міра

наравнѣ съ сказаніемъ объ антихристѣ львовскаго сборника подтверждаютъ тотъ фактъ, что апокрифическіе «Вопросы Іоанна Богослова Господу на горѣ Ѳаворской» нѣкогда обращались въ южной Руси и пользовались большой извѣстностью. Апокрифъ этотъ изданъ Тихонравовымъ въ двухъ сходныхъ спискахъ, одинъ XV, другой XVI ст. Нужно при этомъ замѣтить, что это одинъ изъ самыхъ крупныхъ апокрифовъ по художественности, ясности и простотѣ, и потому неудивительно, что онъ былъ очень любимъ грамотными людьми, хотя въ Малороссіи и не сохранилось или точнѣе не найдено рукописныхъ его обработокъ и списковъ.

Въ народномъ разсказѣ о страшномъ судѣ говоротся: «якъ буде страшный судъ, то тоди уся земля горитиме и вода кипитиме, а небо скотыться у клубочекъ и впаде до долу, на землю» (Чубинскій, т. I, стр. 221).

Въ пѣснѣ о страшномъ судѣ поется:

Якъ зъийде Христосъ,
Огненніи рики будутъ клекотати
И скверную землю очищати,
Пиднесутся (что ?) подъ небеса...
Ой на штыри части анголи затрублять,
Въ той часъ всихъ умерлихъ въ гробахъ збудять...
На Сафатовой долыни зъийдутся люде.
(Чуб., т. I, стр. 220).

Въ «Вопросахъ Іоанна Богослова» Господь говоритъ: «и тогда пошлю ангела моя святыя и да зажгутъ землю и погоритъ земля лакоть н҃ тысяцъ и ф҃ сотъ въ глубину, и изгорятъ горы великія, и низпадутъ и сокрушатся, изгоритъ все древо, изгоритъ всякъ скотъ и всякъ гадъ ползаяй по земли, и всякая птица, парящая по аеру... И тогда отпечатлѣю четыре части восточныя, изыдутъ 4 вѣтры велиціи и возвѣютъ на лицо всея земли.... и убѣлится земля, яко снѣгъ и яко хартія изравнится, не имуще ни коея же скверны... И пошлетъ Господь четырехъ сильныхъ ангелъ съ небеси и возопіютъ веліимъ гласомъ, трубою глаголюще». (Тихонравовъ, т. II, стр. 178—179).

Въ исторіи литературы пріятно останавливаться на такихъ явленіяхъ, въ которыхъ обнаружилась народная фантазія или въ которыхъ раскрылась самостоятельная мысль народа. Къ сожалѣнію, такихъ явленій не много и въ опредѣленіи ихъ требуется большая осторожность. Въ приложеніи къ народнымъ разсказамъ о страшномъ судѣ мы отмѣтимъ только одну, довольно мелкую, но вполнѣ мѣстную и своеобразную подробность. Въ народѣ существуетъ такое повѣрье: «вже мученикъ Иванъ у Кыеви въ печеряхъ по шію въ земли стоить, а якъ увійде зовсимъ у землю, тоди николи буде каятись» (Кулишъ, зап. т. I, стр. 311).

Нельзя, однако, отрицать и того, что опредѣленіе литературныхъ заимствованій представляетъ большой научный и даже бы-

товой интересъ, особенно, когда является возможность точно опредѣлить самый источникъ заимствованія и нѣтъ надобности нагромаживать сравненія и теряться въ гипотезахъ, откуда что пошло. При достаточно точномъ опредѣленіи источника обнаруживается степень устойчивости преданія и основные психологическіе мотивы его измѣненія и принаровленія къ даннымъ, исторически сложившимся условіямъ народнаго быта и міровоззрѣнія.

43

Евангелистая пѣсня.

Въ сборникѣ галицкихъ и угорскихъ народныхъ пѣсенъ г. Головацкаго (т. II, стр. 146—147) находится пѣсня «Дячку, дячку вывченый», съ вопросами, что значитъ одинъ, что два и т. д. до 9 включительно и съ отвѣтами религіознаго характера: одинъ Богъ, два «божихъ святца», три патріарха, четыре евангелиста, пять божихъ ранъ, шесть «грають лелію панянковъ Маріовъ», семь радостей у Бога, восемь свѣчей передъ Богомъ и девять коронъ ангельскихъ. Эта пѣсня встрѣчается въ разныхъ мѣстахъ Великороссіи подъ названіемъ евангелистой пѣсни. Въ 2 ч. «Калѣкъ перехожихъ» помѣщено четыре великорусскихъ и одинъ болгарскій варіантъ этой пѣсни. Академикъ А. Н. Веселовскій и румынскій ученый Хиждеу указали на очень сходныя пѣсни—румынскую, провансальскія, португальскія, нѣмецкія, польскія, чешскія, кавказскую, латинскую и еврейскую[1]). Къ евангелистой пѣснѣ близко подходятъ сказки съ преніемъ-загадками на такіе же числовые вопросы, причемъ найболѣе типичной сказкой А. Н. Веселовскій считаетъ малорусскую сказку въ Сборникѣ Драгоманова, стр. 56—57, въ которой чортъ даетъ бѣдному человѣку шесть кабановъ на три года, съ условіемъ, что по истеченіи этого времени чортъ предложитъ рядъ вопросовъ, на которые бѣднякъ обязанъ отвѣтить. По мнѣнію г. Веселовскаго, сказка эта существовала изъ-стари и независимо отъ нея издавна былъ въ ходу родъ катехизическаго перечня, въ вопросахъ и отвѣтахъ, на темы христіанскаго, еврейскаго и, можетъ быть, мусульманскаго вѣроученій: что одинъ?

---

[1]) *Веселовскій*, Сборникъ отд. рус. яз. акад. н., т. 32, стр. 78—82. 432—433 и 92—95.

одинъ Богъ и т. д. Такіе пѣсенные вопросы и отвѣты иногда включались въ сказку о преніи числовыми загадками, и получалась смѣшанная форма, въ родѣ одной кавказской и одной сицилійской сказокъ (94—95). Общій характеръ отвѣтовъ евангелистой пѣсни религіозно-догматическій, обличающій школьное происхожденіе и цѣли христіанской катехизаціи. Нормальное число вопросовъ и отвѣтовъ 12; меньшее ихъ число представляется позднѣйшимъ оступленіемъ. У евреевъ въ Германіи и въ славянскихъ земляхъ эта статья становится извѣстной съ конца XVI ст. и поется въ числѣ другихъ въ первые два дни Пасхи (стр. 79).

А. Н. Веселовскій предполагаетъ, что «русскіе тексты евангелистой пѣсни пришли изъ юго-западной школы» (стр. 79). Трудно сказать что-нибудь положительное и опредѣленное, судя по одному галицко-русскому варіанту пѣсни, темному и схоластическому. Великорусскіе варіанты «евангелистой пѣсни» сравнительно съ галицко-русскимъ просты и ясны. Такъ на вопросъ, что одинъ? слѣдуетъ отвѣтъ: «Единъ Сынъ Маріинъ королюетъ надъ нами», что два?—2 тавлеи Моисея, что три?—св. Троица или три патріарха; что четыре?—4 евангелиста; что пять?—5 главъ соборныхъ или пять ранъ Спасителя; что шесть?—6 херувимскихъ крылъ или 6 сосудовъ въ Канѣ Галилейской; что семь?—7 соборовъ или 7 чиновъ ангельскихъ; что восемь?—8 круговъ солнечныхъ или 8 гласовъ Божіихъ: что девять?—9 въ году радостей или 9 чиновъ ангельскихъ; что десять?—10 заповѣдей или 10 прокаженныхъ, исцѣленныхъ Богомъ или 10 «панскихъ сакраментовъ», т. е. таинствъ Господнихъ; что одинадцать?—11 апостоловъ или 11 малыхъ звѣздъ; что двѣнадцать?—12 апостоловъ или 12 мѣсяцевъ. Въ словахъ «королюетъ», «панскій», «сакраментъ» обнаружилось польское вліяніе, а, можетъ быть, южнорусское схоластическое.

Въ галицко-русскомъ варіантѣ любопытенъ только запѣвъ евангелистой пѣсни съ указаніемъ на дьяка, какъ наставника, на что мы уже указали въ началѣ настоящаго изслѣдованія, когда говорили о хранителяхъ и распространителяхъ апокрифическихъ сказаній и пѣсенъ въ южной Руси.

Въ Малороссіи, повидимому, не знаютъ евангелистой пѣсни. Къ простому народу не привилось ея сухое догматическое содержаніе.

44.

Апокрифическія молитвы.

Въ индексѣ отреченныхъ книгъ упоминаются «лживыя молитвы». Проф. И. Я. Порьфирьевъ въ статьѣ объ апокрифическихъ молитвахъ, напечатанной въ Трудахъ IV археологическаго съѣзда, говоритъ: «Какъ апокрифы составились въ подражаніе сказаніямъ священной библейской исторіи, такъ и апокрифическія молитвы составлены по образцу церковныхъ молитвъ; въ нихъ тѣ же пріемы и тѣ же выраженія, съ воззваніемъ къ Богу и святымъ въ началѣ и славословіемъ въ концѣ, какіе издавна усвоены церковными молитвами. Но какъ въ апокрифахъ къ истиннымъ представленіямъ и сказаніямъ священной исторіи постоянно примѣшиваются вымыслы народной фантазіи и древнія миѳическія преданія еще языческой старины, такъ и въ апокрифическихъ молитвахъ посреди воззваній къ Спасителю, Богоматери, ангеламъ и святымъ постоянно встрѣчаются представленія изъ народныхъ повѣрій и суевѣрій. Начинаясь по образцу церковной молитвы, апокрифическая молитва скоро теряетъ церковный тонъ и переходитъ въ народный заговоръ или заклятія»...

Сохранившіяся въ старинныхъ рукописяхъ апокрифическія молитвы отличаются болѣе церковнымъ характеромъ, чѣмъ апокрифическія молитвы, записанныя изъ устъ народа въ послѣднія два-три десятилѣтія. Такъ, апокрифическія молитвы, изданныя г. Порфирьевымъ въ Трудахъ IV археологическаго съѣзда по рукописяхъ соловецкой библіотеки, заключаютъ въ себѣ мало языческихъ суевѣрій.

Въ южнорусскихъ и западнорусскихъ рукописяхъ встрѣчаются лживыя молитвы, напримѣръ, въ двухъ-трехъ рукописяхъ церковно-археологическаго музея кіевской духовной академіи (Петровъ, Опис. рукоп., т. II, стр. 350) находятся молитва женѣ родити, молитва егда боль не спитъ, молитвы отъ трясавицъ и нѣкоторыя другія; но молитвы эти не изданы. Малорусскія лживыя молитвы записаны почти исключительно изъ устъ простаго народа, и почти всѣ онѣ насквозь пропитаны языческимъ міровоззрѣніемъ, такъ что съ большей основательностью могутъ быть названы заговорами со вставкой изрѣдка церковно-молитвенныхъ выраженій. Малорусскія лживыя

молитвы изданы въ III т. «Памятн. стар. рус. литер,» А. Н. Пыпина, въ I т. «Трудовъ этн. ст. экспед.» Чубинскаго, въ «Кіевск. Старинѣ» 1885 г., кн. 12, въ Сборникѣ шептаній, составленномъ П. В. Ивановымъ и въ сборникѣ малорусскихъ заклинаній П. С. Ефименка. Найболѣе любопытныя малорусскія лживыя молитвы находятся въ сборникахъ Чубинскаго и П. В. Иванова.

Въ ряду апокрифическихъ молитвъ выдаются молитвы-заговоры противъ лихорадки: у г. Пыпина т. III, стр. 167, Чуб., т. I, стр. 119—120, г. Иванова стр. 739—741, Ефим., т. II. Одни варіанты, напр. у Пыпина, т. III, стр. 167, имѣютъ вполнѣ языческій характеръ, причемъ отсутствуютъ даже христіанскія имена, другія, напр. у г. Иванова, стр. 740, вертятся на имени Авраама, св. Исаакія, поминаютъ пресв. Богородицу. Основа молитвъ и заговоръ противъ лихорадки лежитъ въ суевѣріяхъ древняго Востока. Г. Мансветовъ возводитъ источники заговоровъ отъ трясавицъ къ халдейскому ученію о 12 астральныхъ духахъ, вліяющихъ на человѣческую судьбу, ученію усвоенному гностическими и манихейскими сектами, воспринятому въ извѣстномъ примѣненіи и христіанствомъ. Сложившись гдѣ-то на Востокѣ, на границахъ Персіи и Сиріи, молитва о трясавицахъ вошла въ іудейско-каббалистяческую литературу, напримѣръ въ Alphabetum Siracidis VIII в. и въ богомильскую литературу. Индексы приписываютъ одну такую молитву болгарскому попу Іереміи Богомилу и указываютъ на ея содержаніе: въ ней упоминался св. Сисиній на горѣ Синаѣ, архангелъ Михаилъ и семь трясавицъ, дочери Ирода. А. Н. Веселовскій высказалъ мнѣніе, что подъ Сисиніемъ богомильскаго заговора разумѣется послѣдователь Манеса, ставшій во главѣ секты по смерти ея основателя. У богомиловъ могла существовать легенда о немъ и молитва съ его именемъ, планъ которой указанъ церковнославянскимъ текстомъ (Сборн. ак. наукъ, т. 32, стр. 41). Къ замѣчаніямъ г. Веселовскаго о молитвахъ противъ трясавицъ, разбросаннымъ въ 32 т. Сборн. акад. наукъ на стр. 40—50, 220—223, 427—430, добавимъ, что въ глаголитскомъ памятникѣ X-го в., Синайскомъ Требникѣ, помѣщена «Молитва надъ трясомомъ заоутра», начинающаяся словами: «Изгонить тя трясовице ютрънѣѣ» (Кочубинскій, Итоги слав. филологіи, 38). Эта мелкая подробность представляется интересной при сравнительно-литературномъ изу-

ченіи малорусскихъ заговоровъ отъ поганки, гдѣ упоминаются трясовицы утреннія, полдневныя и вечернія (Пып., Чуб., Ив.).

Въ малорусскихъ заговорахъ отъ лихорадки вмѣсто Сисинія являются св. Авраамій, Пафнутій или Исаакій. Шелъ св. Авраамій дорогою и встрѣтилъ 77 иродовыхъ или зміиныхъ дочекъ (Иван.), трясовицъ (Еф., Чуб.), 12 дѣвицъ красавицъ (Еф.), 77 женъ (Ив.). Св. Авраамій спрашиваетъ трясовицъ, куда онѣ идутъ. Послѣднія отвѣчаютъ: «на Бѣлу Русь людей мордувати, тиломъ труждати и кости ломати» (Еф. и Чуб.), «въ Рассею ласо наидатися, сладко напиватися» (Ив.). Указаніе на Бѣлую Русь, Рассею, должно свидѣтельствовать, что нѣкоторые вращающіеся въ Малороссіи варіанты заговора отъ лихорадки сложились въ Бѣлоруссіи. Въ другихъ малорусскихъ варіантахъ нѣтъ этого указанія. Св. Авраамій приказываетъ своему сыну Самсону (Еф. и Чуб.) или Исакію (Ив.) сдѣлать и накалить желѣзную шину (Еф.) или тросхь (Ив.), чтобы побить или нанести раны трясовицамъ; послѣднія обѣщаютъ впредь не мучить людей, разбѣгаются. Въ одномъ варіантѣ св. Пафнутій собственноручно жезломъ наноситъ каждый иродовой дочкѣ трясовицѣ по 70 ранъ. Названіе лихорадокъ иродовыми дочками получило общее бранное значеніе, въ приложеніи къ женщинамъ. Названія лихорадокъ измѣняются по заговорамъ, причемъ обнаруживаются домыслы и вставки старинныхъ книжниковъ и грамотѣевъ, напримѣръ, во вставкахъ въ число трясавицъ Дида и Лады (Ив.). Глубоко-древняя черта—упоминаніе Сіонской горы сохранилась въ одномъ только варіантѣ, у г. Иванова, стр. 740: «на Осиянской гори, на святий земли ихавъ Михайло; у его сынъ Авраамій». Въ одномъ изъ заговоровъ противъ лихорадки (Еф., 11) начальная фраза вырвана изъ апокрифическаго сказанія о томъ, какъ жиды Христа мучили. Вообще, этотъ варіантъ любопытенъ, какъ образецъ заговора, въ которомъ свалено въ одну кучу много разнородныхъ элементовъ, апокрифическихъ и повѣствовательныхъ. «У недѣлю рано, якъ сонце сходило, Христа до ратуши приведено. Стали его вязати и въ стовпа мордовати. Стоить жидъ, трясеться». «Чого ты, жиде, боишься? Я не боюсь, тильки въ мене руки, ноги трясуться. Царь Давыдъ позаганявъ иродовы дочки въ каминни горы, ставъ ихъ каменовати и печатати. Хто те можетъ знати, отъ нынѣ и до вику у него не можетъ вона бувати». Здѣсь почти каждое

слово нуждается въ историко-литературномъ объясненіи. «У недилю рано»—обычный пѣсенный запѣвъ, «якъ сонце зъиходило»—расширеніе его; слова о мученіи Христа основаны на извѣстныхъ уже намъ апокрифическихъ пѣсняхъ; Давидъ, заключающій трясавицъ въ каменныя горы, замѣна извѣстнаго повѣствовательнаго мотива объ Александрѣ Македонскомъ, Гогѣ и Магогѣ.

Въ народныхъ повѣрьяхъ обнаруживаются особые спеціальные цѣлители отъ лихорадки, независимо отъ заговорныхъ Авраамія и Исаакія, именно арх. Рафаилъ и преп. Зосима Соловецкій (Ив., стр. 739).

Отдѣльные мотивы, эпизоды, фразы и слова апокрифовъ вошли въ разныя малорусскія заговоры и шептанія. Такъ въ заговорѣ на собираніе травъ: «Святый Адамъ оравъ. Іисусъ Христосъ насиня дававъ, а Господь сіявъ, а Мати Божа поливала, та всимъ православнимъ на помичъ давала» (Пыпинъ, т. III, стр. 167).

Въ началѣ заговора отъ сглазу: «Мати Марія, бабушка Соломонія, на пути-дорози стояла»..; а въ серединѣ того же заговора: «Стали жиды Христа роспинати» и проч. согласно съ евангельскимъ текстомъ (Ивановъ, стр. 736).

Въ заговорахъ отъ зубной боли: «Первый княжичъ мѣсяцъ на небѣ Адамьевичъ», «Ты, мисяцю Адаме»! (Еф., стр. 4, 5; Чуб., т. I, стр. 125).

Въ заговорѣ отъ водобоязни:

Шло собѣ трехъ бративъ,
Балакали, встеклаго собаки пытали.
Иди правою дорогою
Черезъ Орданьску рѣку,
На высолянску гору.
Тамъ ходитъ баранъ
Зъ великими рогами
И выстрижи ему вовну
Межи рогами.
И вернись назадъ,
Орданьскои воды набери,
Билого камня зъ скалы влупи.

(Еф., стр. 16).

Подъ темными символами здѣсь скрываются священные христіанскіе предметы и лица, Іисусъ Христосъ, Сіонская гора, причемъ самая символика восходитъ къ первымъ христіанскимъ вѣкамъ, къ живописнымъ изображеніямъ въ катакомбахъ.

45.

Апокрифическія сказанія о растеніяхъ и животныхъ.

Народная поэтическая ботаника и зоологія заслуживаютъ спеціальнаго изслѣдованія. При изученіи массы сказаній и повѣрій о растеніяхъ и животныхъ необходимо опредѣлить различные ихъ источники, художественное воззрѣніе на природу, воззрѣніе религіозно-миѳическое, этимологическое толкованіе, повѣсти и апокрифы. Мы остановимся только на тѣхъ сказаніяхъ о растеніяхъ и животныхъ, которыя основаны на апокрифической литературѣ. Въ названіи многихъ растеній скрывается уже намекъ на то, что съ ними связаны религіозныя или апокрифическія сказанія, но какія именно— нельзя сказать, такъ какъ этнографы не дали надлежащихъ свѣдѣній, какъ объясняютъ крестьяне причину возникновенія того или другаго названія. Такъ въ «Опытѣ словаря народныхъ названій растеній юго-западной Россіи» А. С. Роговича (Зап. ю. з. отд. геогр. общ., т. I, стр. 109—178), мы находимъ названія: Божье дерево, Божа ручка, Божа благодать, Богородычна коса, черевычки Божои Матери, ручка Божои Матери, Петрова закуска, Петровъ батигъ, Петривъ хрестъ, Миколайчики, Адамове ребро, чортивъ хлибъ, чортова веселка, чортове ребро, чортови орихи. Можно думать, что съ нѣкоторыми изъ этихъ растеній связаны народно-поэтическія сказанія, коментирующія ихъ названія.

Сосна—всегда зелена, по благословенію Божію, потому что древесина ея оказалась негодною на гвозди при крестномъ страданіи Христа Спасителя (Чуб., т. I, стр. 75).

Осина—проклята Богомъ за то, что не поклонилась пресв. Богородицѣ во время бѣгства св. Семейства въ Египетъ (Костомаровъ, въ «Бесѣдѣ» 1872 г., т. VIII, стр. 71), потому что шелестѣла листьями, когда воины искали Спасителя во время бѣгства св. Семейства въ Египетъ (Чуб., т. I, стр. 76), потому что она не соблюла тишину, когда Спаситель скрылся подъ нею отъ жидовъ передъ своей крестной смертью (Nowos. т. I, стр. 143), потому что

на ней повѣсился Іуда (Чуб., т. I, стр. 76; Еф., стр. 11, Рогов., стр. 132)[1].

Ива проклята Богомъ за то, что изъ нея дѣлаемы были гвозди, которыми сколачивали крестъ Спасителя (Чуб., т. I, стр. 76) или за то, что ивовыя иголки забивали Спасителю подъ ногти. Господь сказалъ, что черви будутъ ее точить отъ молодости до старости, отъ корня до верхушки (Голов., т. III, стр. 719).

Береза побѣлѣла отъ испуга, потому что Іуда хотѣлъ на ней повѣситься (Чуб., т. I, стр. 76).

Бузина—проклятое дерево, потому что на ней повѣсился Іуда, по другому варіанту повѣсили св. Варвару, по третьему—потому что подъ нею постоянно сидитъ чортъ (Чуб., т. I, стр. 77).

Камышъ принадлежитъ чертямъ. Черти завладѣли имъ во время земной жизни Спасителя. Однажды чортъ, встрѣтивъ Спасителя, началъ просить Его отдать ему въ распоряженіе гречиху и овесъ на томъ основаніи, что онъ пособлялъ Богу творить міръ. Господь исполнилъ его просьбу. Чортъ, не поблагодаривши Бога, побѣжалъ. Онъ неожиданно встрѣтилъ волка, испугался, и на вопросъ волка, чего такъ скачетъ? позабылъ о полученномъ подаркѣ и сказалъ: «Богъ мени давъ очеретъ и осетъ», и потому черти владѣютъ только очеретомъ и осетомъ (Чуб., т. I, стр. 79).

Осетъ, *Осотъ*. Подъ этимъ названіемъ извѣстны Circaea lutitiana—Видьмино зилье, Cirsium arvense Scop.—наголоватки, жербій и Sonhus arvensis—молочакъ (Рогов., §§ 186, 187, 653). Въ народныхъ разсказахъ осотъ принадлежитъ чорту, по извѣстной уже намъ причинѣ (Чуб., т. I, стр. 79). Варіантъ: ап. Павелъ испугалъ чорта (Чуб., т. I, стр. 81).

Куколь (Ägrastema githago L.)—чортово зелье, полученное чертомъ вмѣсто овса. Разсказъ о куколѣ сходенъ съ разсказомъ объ осотѣ. Дьявола испугалъ человѣкъ (Драг., стр., 15).

Хлѣбный колосъ во время земной жизни Спасителя шелъ отъ земли (стоколосъ). Ап. Петръ «обшморгалъ» его въ гнѣвѣ за то, что одна женщина дала Спасителю въ дорогѣ грязный блинъ (Драг., стр. 14).

---

[1]) Тождественныя сказанія о проклятой осикѣ у нѣмцевъ и сербовъ.—См. у Веселовскаго въ Сборн. акад. наукъ, т. 32, стр. 245—246, примѣч., и потомъ стр. 455—456.

Табакъ заимствованъ отъ чертей. Разсказъ объ этомъ у Драг., стр. 13.

Волы и ослы сотворены Богомъ. Это благословенныя животныя, потому что укрывали Спасителя въ яслахъ соломой и согрѣвали его (Чуб., т. I, стр. 49; разн. духов. стихи).

Лошадь—превращенный дьяволъ, проклята Богомъ, потому что разбрасывала сѣно въ тѣхъ ясляхъ, гдѣ лежалъ Спаситель (Чуб., т. I, стр. 49).

Свинья—отъ жидовки. Спаситель, странствуя по землѣ, обернулъ въ свинью жидовку, спрятавшуюся подъ корытомъ (Чуб., т. I. стр. 49, Драг., стр. 4).

Собака служила Богу при сотвореніи перваго человѣка изъ глины, оберегала его отъ дьявола и такъ какъ однажды, не имѣя шерсти, почувствовала холодъ и заснула, чѣмъ воспользовался дьяволъ и оплевалъ человѣка, то Богъ далъ ей шерсть (Драг., стр. 1). Собака—изъ ребенка, который бѣгалъ за Спасителемъ и лаялъ, подобно собакѣ (Чуб., т. I, стр. 53).

Медвѣдь. Мужикъ хотѣлъ испугать Спасителя; надѣвши шубу мѣхомъ вверхъ, онъ крикнулъ на Іисуса, и былъ за то обращенъ въ медвѣдя (Чуб., т. I, стр. 50, Драг., стр. 5).

Волкъ. Спаситель во время странствованія по землѣ отдалъ однажды корову бѣдной вдовы волку (Драг., стр. 119). Такъ какъ люди въ старину не берегли своего скота, то Богъ приказалъ чорту слѣпить изъ глины волка. Чортъ быстро сдѣлалъ живаго волка и привелъ его къ Богу. Волкъ былъ величиной съ коня, и Богъ велѣлъ чорту уменьшить его. «Чортъ взявся стругати вовка и съ остружкивъ зробилися *шершни*, а зъ меньшихъ *оводы*, а ще зъ меньшихъ *мухи*, а зъ самыхъ меньшихъ *комари*». Волкъ такъ разозлился отъ боли, что сказалъ Богу, что будетъ нападать не только на скотину, но и на людей (Чуб., т. I, стр. 52). А. Н. Веселовскій указалъ на южно-славянское, греческое, албанское и эстонское преданія о созданіи волка дьяволомъ (Сборн. ак. н., т. 32, стр. 328, 332, 458—459).

Кошка создана Богомъ. Она охраняетъ человѣка отъ всего злаго. Когда Ной вошелъ въ ковчегъ, то дьяволъ впустилъ *мышь*, предполагая, что она прогрызетъ въ ковчегѣ дыру, и ковчегъ потонетъ. Кошка задавила эту мышь (Чуб., т. I, стр. 54, разск. изъ

литинскаго уѣзда). По другому разсказу, чортъ, обратившись въ мышь, плылъ черезъ море соблазнить Еву; но пресв. Дѣва, увидя это, бросила свою рукавицу; изъ этой рукавицы сдѣлалась кошка и пожрала мышь (Чуб., т. I, стр. 54, разск. изъ ушицк. уѣзда).

Многія растенія и животныя связаны въ народныхъ разсказахъ съ чортомъ, напримѣръ, терлычъ, тоя, чортополохъ (прогоняютъ чорта), сорока, павлинъ (оборотьни чорта), воробьи (вышли изъ чертей); но присутствія чорта еще недостаточно, чтобы повѣрья подобнаго рода относить исключительно къ апокрифическимъ источникамъ; нѣкоторыя повѣрья этого рода основываются на древнихъ религіозно-миѳическихъ воззрѣніяхъ народа на природу.

Вороны нѣкогда были бѣлые. Почернѣли же они вотъ отчего: Ной послѣ потопа послалъ ворона отыскать землю, «але овôнъ нашовъ мерлаго человѣка, изъ нёго ѣвъ и за то почернѣвъ» (Головац., въ «Чтеніяхъ» 1872 г., т. IV, стр. 417).

Ласточка. «Якъ жиды Христа роспинали, то ластовки крали у ихъ цвяшки» (Чуб., т. I, стр. 59).

Воробьи прокляты потому, что кричали «живъ, живъ», когда жиды мучили Христа (Чуб., т. I, стр. 59).

Кукущка и чайка произошли отъ дѣвушекъ, которыя вздумали испугать Спасителя (Чуб., т. I, стр. 60).

Аистъ произошелъ изъ служанки пресв. Дѣвы Маріи, которая не исполнила приказанія своей госпожи (Чуб., т. I, стр. 62).

Жабы мѣшали своимъ крикомъ царю Давиду писать псалтырь. Царь Давидъ приказалъ истребить ихъ, но жабы заявили ему, что «всякое дыханіе да хвалитъ Господа». Давидъ призналъ основательность этихъ словъ, закончилъ ими псалтырь и благословилъ жабъ (Чуб., т. I, стр. 65).

Однобока рыба. Во время благовѣстія пресв. Дѣва кушала рыбу, и одинъ бокъ ея былъ уже съѣденъ; остались одни ребра. Выслушавъ благовѣстіе, пресв. Дѣва сказала: «Тоди мій сынъ воскресне, якъ оця рыбка оживе», а рыбка: плюсь .. и ожила (Чуб., т. I, стр., 67).

Камбала упала на землю съ тарелки, когда пресв. Дѣва ее кушала. Камбала проклята Богородицей (Чуб., т. I, стр. 67).

Приведенныя сказанія о растеніяхъ и животныхъ даютъ ясныя указанія, какіе апокрифы оказали вліяніе на народно-поэтическую

батанику и зоологію, апокрифы о сотвореніи міра (разсказы о происхожденіи камыша и собаки), апокрифы о построеніи ковчега (кошка, мышь, воронъ), апокрифы о Давидѣ (жабы), апокрифы о Рождествѣ Спасителя (волъ и оселъ) и о бѣгствѣ св. семейства въ Египетъ (осина), въ особенности апокрифы о хожденіи Спасителя съ апостолами по землѣ и о страданіяхъ и крестной смерти Спасителя. Сказанія объ однобокой рыбѣ и о камбалѣ, вѣроятно, сложились подъ вліяніемъ римско-католическихъ изображеній пресв. Богородицы съ рыбой, образцомъ которыхъ можетъ служить извѣстная картина Рафаэля въ мадридскомъ Прадо. Многія сказанія о растеніяхъ и животныхъ весьма близко повторяютъ апокрифы, точнѣе отдѣльные ихъ мотивы, извѣстные по древнимъ рукописямъ, напримѣръ:

Въ народномъ разсказѣ литинскаго уѣзда: „Когда Ной, по приказанію Бога, забралъ въ ковчегъ по парѣ всѣхъ животныхъ, то чортъ впустилъ секретно мышь, предполагая, что она прогрызетъ въ ковчегѣ дыру, и ковчегъ потонетъ; но кошка, замѣтивъ мышь, схватила ее и задавила и такимъ образомъ разрушила козни дьявола“ (Чуб., т. I, стр. 54).

Въ сказаніи Меѳодія Патарскаго о Ноѣ, издан. А. Н. Пыпинымъ по рукописи 1602 г. „Тогда окаянный дьяволъ хотяше потопить весь родъ человѣчь и превратився мышью и нача грысти дно ковчегу. Ной же помолися Богу, и прысни лютый звѣрь (левъ) и выскочиста изъ ноздрій его котъ и кошка, и скочиша, и задавиша мышь, и не избысть діяволе злохитроство“ (Памят., т. III, стр. 18).

Народное сказаніе о царѣ Давидѣ и жабахъ (Чуб., т. I, стр. 65) почти буквально повторяетъ апокрифъ (Порф., стр. 93—94), о которомъ я сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній въ 8 главѣ настоящаго изслѣдованія.

Народное сказаніе о сотвореніи волка дьяволомъ (Чуб., т. I, стр. 52) сходно съ тѣмъ, что говорится въ «Чтеніи отъ Адама»: дьяволу приписывается сотвореніе медвѣдя и волкодлаковъ (Веселовскій, въ 32 т. «Сборн. акад. наукъ», стр. 459).

46.

Вопросы и отвѣты св. Отцовъ.

Подъ такимъ названіемъ въ одной галицко-русской перемышльской рукописи помѣщенъ апокрифъ, болѣе извѣстный подъ названіемъ «Бесѣда трехъ святителей». «Бесѣда» издана Пыпинымъ по рукописи XVII—XVIII ст. (Памят. стар. рус.-лит., т. III, стр. 169—178) и Тихонравовымъ по рукописи XV в. и рукописи XVII в.

(Памят. отреч. литер. т. II, стр. 429—438). Василій Великій, Григорій Богословъ и Іоаннъ Златоустъ задаютъ другъ другу вопросы: гдѣ Богъ жилъ до сотворенія свѣта? изъ чего созданы ангелы, громъ, мѣсяцъ? сколько вѣтровъ, большихъ горъ, рѣкъ? на какомъ деревѣ повѣсился Іуда? и сами же отвѣчаютъ на эти и многіе другіе вопросы. «Бесѣда» одинъ изъ самыхъ популярныхъ и важныхъ въ историко-литературномъ отношеніи апокрифовъ. Мы имѣли случай, говоритъ г. Калужняцкій, присутствовать не разъ и не два при свободныхъ разговорахъ нашихъ галицко-русскихъ горянъ и узнали къ нашему удивленію, что и теперь еще занимаютъ ихъ вопросы такого рода, какъ, напримѣръ, отъ коликихъ частей Богъ сотворилъ Адама? Гдѣ обрѣтается Адамъ въ настоящее время? Кто Бога первѣе назвалъ Богомъ на землѣ? Гдѣ, на которомъ мѣстѣ было крещеніе Христово? Какую пользу имѣетъ человѣкъ, почитая дни святыхъ? Въ чемъ завидуютъ ангелы человѣку? Какимъ языкомъ будетъ Богъ судить всему міру въ день кончины міра? Что такое громъ и молнія? Какъ и откуда взялся огонь? Отъ чего сотворилъ Богъ солнце и мѣсяцъ? Какое мастерство древнѣе другихъ и пр. и пр. А если захотите узнать, каково мнѣніе нашихъ горянъ о предложенныхъ здѣсь предметахъ народной пытливости, то услышите подробности, которыя находятся почти дословно въ такъ называемыхъ вопросахъ и отвѣтахъ св. отцовъ, услышите, что Богъ сотворилъ Адама отъ седьми частей (тѣло отъ земли, кости отъ камня и пр.), что Адамъ въ настоящее время находится на четвертомъ небѣ, что Бога Богомъ впервые назвалъ сатана, что Христосъ крестился въ Іорданѣ, гдѣ смывалъ свои грѣхи и Адамъ (а Ева въ р. Тигрѣ); что святые отмаливаютъ передъ Богомъ грѣхи наши; ангелы завидуютъ людямъ въ томъ, что Христосъ Богъ принялъ тѣло человѣка; что Богъ будетъ судить языкомъ сирійскимъ; что громъ—оружіе, которымъ ангелы прогоняютъ дьявола, а молніи—очи ангела Атанаила; что огонь принесенъ на землю архангеломъ Михаиломъ, который вжегъ его отъ зѣницы самого Бога; что солнце произошло отъ слезъ, которыя пролилъ Богъ на землю, когда помыслилъ о будущей смерти Сына своего Іисуса Христа и о смерти человѣка; что мѣсяцъ произошелъ отъ епитрахиля Господня, отъ котораго произошли и ангелы; что самое древнѣйшее мастерство есть шитье и пр. и пр.» (Обзоръ

слав.-рус. памят., стр. 22—23). Одно сказаніе о душѣ умершаго, записанное въ кіевской губерніи, начинается словами: «Три святителя, Василій Великій, Григорій Богословъ и Іоаннъ Златоустъ во время своей земной жизни ходили вмѣстѣ и учили народъ» (Чуб., т. I, стр. 148). Имена святителей взяты изъ «Бесѣды».

Въ народныхъ разсказахъ о Страшномъ Судѣ: „Уси мертви повстають изъ ямъ своихъ, и вси воны стануть тридцатилитками, и старе и мале, хтобъ якимъ не вмеръ, уси стануть одинаковыхъ литъ, тридцатилитками" (Чубин., т. I, стр. 221; Драг., стр. 109).	Въ Вопросахъ Іоанна Богослова на горѣ Ѳаворской: „Яко бо пчела нѣсть лучши друга други, но суть вся купно единымъ образомъ, тако есть воскресеніе; то убо нѣсть правости, ни черьмности, или различна лица, но вси единымъ образомъ возстанутъ и вси единымъ возрастомъ" (Тих., т. II, стр. 177).	Въ Бесѣдѣ трехъ святителей: Вопросъ: Како стати человѣкомъ на воскресеніе и которыя дѣтища умроша, дѣтски ли имъ возстати? Отвѣтъ: Вси измѣнимся, и на воскресеніе стати всѣмъ человѣкомъ тридцати лѣтъ, въ единъ возрастъ, и во единой одежды облекутся (Пыпинъ, т. III, стр. 172).

Такимъ образомъ, малорусскій народный разсказъ о воскресеніи мертвыхъ стоитъ ближе къ «Бесѣдѣ трехъ святителей», чѣмъ къ «Вопросамъ Іоанна Богослова» и заимствованъ очевидно изъ «Бесѣды».

Кромѣ разсмотрѣнныхъ уже нами апокрифическихъ сказаній и пѣсенъ, есть еще другія, судя по краткимъ указаніямъ старинныхъ южнорусскихъ письменныхъ памятниковъ и народной словесности. Такъ въ сборникѣ свято-онуфріевскаго монастыря во Львовѣ находятся отвѣты на вопросы, почему Богъ попустилъ дьяволу бороться съ человѣческимъ родомъ, «какъ бѣ по плоти Богородица сродница Елизаветы», «како Предтеча сърodникъ бысть первой женѣ Іосифа обручника», «како Марія Клеопова бысть сестра святѣй Богородицѣ». Эти вопросы и отвѣты извѣстны подъ именемъ Родословія Богородицы и приписываются св. Евсевію іерусалимскому. Въ томъ же сборникѣ находятся «Видѣніе Нифонта о роусаліяхъ», «Повѣсть св. Аѳанасія о чародеѣ Меситѣ» и «Преніе ап. Петра съ Симономъ волхвомъ». Въ рукописяхъ перемышльской соборной библіотеки встрѣчаются «Слово святыхъ апостолъ о постѣ и молитвѣ», «Слово о Страшномъ Судѣ», приписанное пророку Даніилу, «Живота вѣчнаго зерцало», гдѣ говорится

о судьбахъ человѣка по смерти и «Пекельная вѣчность»—сказаніе о мученіяхъ грѣшниковъ въ аду (Калужн., стр. 25). Въ духовныхъ стихахъ находятся апокрифическія черты о жизни святыхъ, напримѣръ, въ стихахъ объ Алексѣѣ человѣкѣ Божіемъ.

Къ апокрифическимъ сказаніямъ примыкаютъ многія повѣсти, напримѣръ, «Повѣсть о преніи живота со смертью», источникъ которой находится въ старинной нѣмецкой литературѣ (см. спеціальное изслѣд. г. Жданова «Къ литерат. исторіи рус. былевой поэзіи 1881 и рецензію А. Н. Веселовскаго въ Журн. м. н. пр.». 1881 г. янв.).

Можно навѣрно сказать, что апокрифическая литература вліяла и на южнорусскую иконопись. Извѣстно, напримѣръ, что на фрескахъ кіево-софійскаго собора изображена Анна передъ птичьимъ гнѣздомъ, скорбящая о своемъ неплодствѣ и получающая благовѣстіе отъ ангела о томъ, что она родитъ пресв. Богородицу (Барсовъ, О воздѣйствіи апокрифовъ на иконопись, въ Журн. м. н. пр., 1885 г., т. XII, стр. 105), черта апокрифическая, взятая изъ «Апокрифической исторіи о Рождествѣ Богоматери».

Дополнительныя замѣтки.

Народныя сказанія о св. Николаѣ связаны, кромѣ Кіева и Святыхъ горъ, также съ нѣкоторыми другими мѣстностями Малороссіи. Такъ, Галятовскій сообщаетъ въ «Небѣ Новомъ» (1665 г. гл. 28) слѣдующія преданія о г. Заваловѣ и монастырѣ Погоня: городъ Заваловъ получилъ названіе отъ валовъ, давно насыпанныхъ; три вала на горѣ и между ними монастырь съ церковью св. Николая. «Повѣдаютъ старые духовные и свѣтскіе люди, которые отъ своихъ дѣдовъ и прадѣдовъ слышали, же Бунякъ, яко они мовятъ, але рачей Батый, царь татарскій, разоряя русскую землю, встрѣтилъ воеводу Романа, который окопался тремя валами. Романъ видѣлъ во снѣ св. Николая, который велѣлъ ему биться и на мѣстѣ побѣды построить въ честь пресв. Богородицы церковь, что Романъ потомъ и исполнилъ: онъ построилъ церковь во имя Успенія пресв. Богородицы и монастырь подъ названіемъ Погоня».

Довольно много апокрифическихъ сказаній о пресв. Богородицѣ вошло въ «Небо Новое» Галятовскаго, вышедшее первона-

чально во Львовѣ въ 1665 г. (2 изд. въ Черниговѣ въ 1677 г., 3 изд. въ Могилевѣ въ 1699 г.). Во 2 главѣ мы находимъ сказанія о томъ, что пресв. Дѣва жила въ Соломоновомъ храмѣ, слышала здѣсь гласъ Бога, видѣла ангеловъ и являлась въ чудесномъ видѣніи Елисаветѣ. Первосвященникъ приказалъ всѣмъ людямъ рода Давида принести въ храмъ палки. Палка Іосифа зацвѣла и на нее сѣлъ Духъ Божій въ видѣ голубя; по этому знаку послѣдовало обрученіе пресв. Дѣвы съ Іосифомъ. Въ 4 главѣ говорится о томъ, что смоковница раздвоилась, чтобы доставить Іисусу Христу и пресв. Дѣвѣ жилище; пальмовое дерево, по приказанію Іисуса, нагнулось, и пресв. Дѣва взяла его плоды. Когда пресв. Дѣва вошла въ языческій храмъ, 365 идоловъ пали передъ ней, и царь Ефродозій (Афродитіанъ апокрифовъ) вмѣстѣ съ своимъ войскомъ крестился. Въ этой же главѣ говорится о нападеніи разбойниковъ на св. Семейство во время его бѣгства въ Египетъ и о томъ, что львы и тигры указывали ему дорогу. У Гермополя св. семейству поклонилось дерево; въ одномъ храмѣ двери отворились передъ пр. Дѣвой. Пресв. Дѣва мыла пеленки передъ уходомъ въ Египетъ, и этой водой одна женщина вылѣчила своего сына отъ проказы. Въ 5 главѣ говорится, что пресв. Дѣва знала будущее, что на горѣ Елеонской Ей однажды деревья кланялись и что Она вмѣстѣ съ апостолами получила даръ знанія языковъ. Въ 6 главѣ говорится, что передъ кончиной пр. Богородицы ангелъ принесъ Ей съ неба пальмовую вѣтвь, которую потомъ несли впереди Ея гроба и что апостолы на облакахъ были принесены въ Іерусалимъ на погребеніе пресв. Богородицы. Іисусъ самъ взялъ Ея душу и отнесъ Ее на небо; жиды хотѣли опрокинуть гробъ, но ослѣпли; ангелы пѣли на похоронахъ пресв. Богородицы.

Въ дополненіе къ тому, что ранѣе было сказано о сближеніи пресв. Богородицы съ лиліей, укажемъ на слѣдующее замѣчаніе Галятовскаго въ «Небѣ», глава 3. Для устраненія всякаго сомнѣнія въ дѣвственности пресв. Дѣвы Егидій три раза ударялъ въ землю своимъ жезломъ, говоря: до рождества Дѣва, въ рожденіи Дѣва и по рождествѣ Дѣва, и каждый разъ выростала лилія. Въ главѣ 7 сообщается, что когда умеръ одинъ человѣкъ, постоянно говорившій: «радуйся, Марія!», то изъ устъ его выросла лилія съ надписью: «радуйся, Марія»!

Въ 7 главѣ «Неба» говорится, что въ Голландіи одинъ монахъ постоянно читалъ псалмы, начинающіеся съ буквъ м, а, р, і, я. Когда онъ умеръ, то изъ его ушей, глазъ и устъ выросли розы; роза, вышедшая изъ устъ, не увяла и была вставлена въ оправу.

Въ 8 главѣ «Неба» говорится, что пр. Дѣва соткала Іисусу одежду, одежда эта потомъ росла съ возрастомъ Іисуса. Передъ своей кончиной пр. Дѣва свою ризу и поясъ передала ап. Ѳомѣ.

Сказанія объ обмираніяхъ и о томъ, что разсказывала грѣшная душа, побывавшая въ аду, проникали въ Малороссію, между прочимъ, литературнымъ путемъ. Такъ Галятовскій въ 10 главѣ «Неба» 1665 г. говоритъ, что въ Англіи умеръ одинъ развратный молодой человѣкъ, но вскорѣ онъ воскресъ и разсказалъ священнику, что злые духи тянули его въ адъ за то, что онъ не давалъ десятины отъ своихъ доходовъ священникамъ, тайкомъ ловилъ рыбу въ монашескомъ прудѣ и на охотѣ топталъ крестьянскій хлѣбъ.

Въ 18 главѣ «Неба» говорится, что арабскій царь Анфилогъ видѣлъ въ церкви, какъ священникъ въ таинствѣ евхаристіи закололъ Іусуса въ видѣ младенца. Разсказъ этотъ повторяется и въ «Мессіи Правдивомъ».

Поэтическій мотивъ русско-галицкой пѣсни «Війте дѣвойки»— жалоба Богу на женщинъ, что онѣ по воскресеньямъ расчесываютъ свои волосы, не представляетъ повидимому одиночнаго явленія въ исторіи литературы. Нѣчто подобное находится въ италійской народной поэзіи, въ приложеніи къ пятницѣ. Въ Сициліи говорятъ, что Спаситель, странствуя съ своими апостолами по землѣ, сѣлъ однажды въ пятницу отдохнуть и попросилъ воды у одной женщины. Женщина въ то время расчесывала себѣ волосы и грубо отказала. Тогда Спаситель сказалъ: «да будутъ прокляты тѣ косы, которыя расчесываютъ по пятницамъ»! (Питре, въ Журн. мин. народ. просв., 1876 г., т. CLXXXIII, стр. 922).

Гогъ упоминается у пр. Іезекіиля (гл. 38 и 39), какъ завоеватель, поселившійся въ землѣ Магога. Тайновидецъ Іоаннъ, говоря о временахъ антихриста, упоминаетъ Гога и Магога (Апок., стр. 20, 8). По свидѣтельству Плинія (кн. V, стр. 25) подъ именами Гога и Магога разумѣлись иногда цари Ассиріи и окрестныхъ странъ. Но въ пророчествѣ видно иносказаніе, и учители церкви

прилагаютъ его то къ туркамъ, ведущимъ брань съ христіанами, то къ скиѳамъ (Плюшаръ, Энцикл. словарь, т. XIV, стр. 325). Въ «Мессіи Правдивомъ» Галятовскаго Гогъ и Магогъ упоминаются въ изъясненіи 6 и 18 пророчествъ, въ первомъ случаѣ въ значеніи народовъ, заключенныхъ въ горы Александромъ Македонскимъ, во второмъ Гогъ въ значеніи антихриста, а Магогъ его воинства. Въ концѣ міра Іисусъ поразитъ Гога и Магога на Елеонской горѣ, причемъ на полѣ битвы будетъ столько копій и луковъ, что евреи могли бы отопиться ими вмѣсто дровъ въ теченіи семи лѣтъ. Въ «Вѣнцѣ вѣры» Симеона Полоцкаго излагаются различныя мнѣнія церковныхъ писателей о Гогѣ и Магогѣ: по однимъ Гогъ и Магогъ заклятые народы, запертые въ горахъ, другіе подъ именемъ Гога разумѣли подданныхъ антихриста, дѣйствующихъ противъ христіанъ тайно, а подъ именемъ Магога слугъ антихриста, дѣйствующихъ открыто противъ христіанъ.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

БЕЗТАЛАННЫЙ.

(Поэма Т. Гр. Шевченка [1]).

На память 9-го ноября 1843 года княжнѣ Варварѣ Николаевнѣ Репниной.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Душѣ съ прекраснымъ назначеньемъ
Должно любить, терпѣть, страдать,
И даръ Господній вдохновенье
Должно слезами поливать.
Для васъ понятно это слово!...
Для васъ я радостно сложилъ
Свои житейскія оковы,
. . . .
И слезы въ звуки перелилъ.
Вашъ добрый ангелъ осѣнилъ
Меня безсмертными крылами
И тихостройными рѣчами
Мечты о раѣ пробудилъ.

Яготинъ, 11 ноября,
1843 г.

Души ваши очистивше въ послушаніи истины духомъ, въ братолюбіи нелицемѣрно, отъ чиста сердца другъ друга любите прилежно: порождени не отъ сѣмени истлѣнна, но не истлѣнна, словомъ живаго Бога пребывающаго во вѣки. Зане всяка плоть, яко трава, и всяка

---

[1]) Изъ журнала „Маякъ“ за 1844 г., т. XIV.

слава человѣча, яко цвѣтъ травный: изсше трава, и цвѣтъ ея отпаде, глаголъ же Господень пребываетъ во вѣки. Се же есть глаголъ благовѣтствованный въ васъ.

(Первое соборное посланіе св. апостола Петра, 1, 22—25).

Двѣнадцать приборовъ на кругломъ столѣ,
Двѣнадцать бокаловъ высокихъ стоятъ;
И часъ ужъ проходитъ,
Никто не приходитъ;
Должно быть друзьями
Забыты они.

Они не забыты,—въ урочную пору,
Обѣтъ исполняя, друзья собрались
И вѣчную память пропѣли соборомъ.
Отправили тризну—и всѣ разошлись.
Двѣнадцать ихъ было; всѣ молоды были,
Прекрасны и сильны. Въ прошедшемъ году
Найлучшаго друга они схоронили
И другу поминки въ тотъ день учредили,
Пока на свиданье къ нему не сойдутъ.
Счастливое братство! единство любви
Почтите вы свято на грѣшной земли:
Сходитеся, други, какъ нынѣ сошлись,
Сходитеся долго и пѣснею новой
Воспойте побѣду безъ злобы и крови!
Благословенъ твой малый путь,
Пришлецъ убогій, неизвѣстный!
Ты силой Господа чудесной
Возмогъ въ сердца людей вдохнуть
Огонь любви, огонь небесный.
Благословенъ! ты Божью волю
Короткой жизнью освятилъ
И долю рая въ сей юдоли
Безмолвно ты провозгласилъ.
Когда братъ брата алчетъ крови—
Ты сочеталъ любовь въ чужихъ;

Свободу людямъ въ братствѣ ихъ
Ты проявилъ; великимъ словомъ
Ты міру миръ благовѣстилъ;
И отходя благословилъ
Свободу блага,—духъ любви!
Душа избранная, зачѣмъ
Ты мало такъ у насъ гостила?
Тебѣ здѣсь тѣсно, трудно было!
Но ты терпѣла здѣшній плѣнъ;
Ты, непорочная, взирала
Скорбя на суетныхъ людей
. . . .
. . . .
. . . .
. . . . и теперь
На міръ нашъ темный и лукавый
Съ тоской безстрастною глядишь.
Благоговѣю предъ тобою,
Въ безмолвномъ трепетѣ дивлюсь;
Молюсь, тоскующій душою,
Какъ передъ ангеломъ молюсь!
Сниди, пошли мнѣ исцѣленье!
Внуши, навѣй на хладный умъ
Хоть мало свѣтлыхъ, чистыхъ думъ;
Хоть на единое мгновенье
Темницу сердца озари
И мракъ строптивыхъ помышленій
И разгони и усмири.
Правдиво тихими рѣчами
Ты разскажи мнѣ все свое
Земное благо-житіе
И научи владѣть сердцами
Людей кичливыхъ и своимъ,
Уже растлѣннымъ, уже злымъ...
Скажи мнѣ тайное ученье—
Любить гордящихся людей

И рѣчью кроткой и смиреньемъ
Добро лишь сѣять въ жизни сей.
Да просвѣщаю гимнъ пророчій
И долу правду низведу
И погасающія очи
Безъ страха къ небу возведу.
И въ этотъ часъ послѣдней муки
Пошли мнѣ истинныхъ друзей
Сложить хладѣющія руки
И безкорыстія елей
Пролить изъ дружескихъ очей.
Благословлю мои страданья,
Отрадно смерти улыбнусь
И къ вѣчной жизни съ упованьемъ
Къ тебѣ на небо вознесусь.
Благословенъ твой малый путь,
Пришлецъ неславленный, чудесный!
Въ семьѣ убогой, неизвѣстной
Онъ выросталъ; и жизни трудъ,
Какъ сирота, онъ встрѣтилъ рано;
Упреки злые встрѣтилъ онъ
За хлѣбъ насущный... Дѣтскій сонъ
Исчезъ, какъ голубь боязливый;
Тоска, какъ воръ, нетерпѣливо
Въ разбитомъ сердцѣ притаясь,
Губами родными впилась
И кровь невинную сосала...
Душа рвалась, душа рыдала,
Просила воли... умъ горѣлъ,
Въ крови гордыня клокотала...
Онъ трепеталъ... онъ цѣпенѣлъ...
Рука сжимаяся дрожала...
О, если бъ могъ онъ шаръ земной
Схватить озлобленной рукой,
Со всѣми гадами земными,
Схватить, измять и бросить въ адъ!...
Онъ былъ бы счастливъ, былъ бы радъ.

Онъ хохоталъ, какъ демонъ лютый,
И длилась страшная минута,
И міръ пылалъ со всѣхъ сторонъ;
Рыдалъ, нѣмѣлъ онъ въ изступленьи,
Душа терзалась страшнымъ сномъ;
Душа мертвѣла, а кругомъ
Земля, Господнее творенье,
Въ зеленой ризѣ и цвѣтахъ,
Весну встрѣчая, ликовала.
Душа отрадно пробуждалась
И пробудилась... Онъ въ слезахъ
Упалъ и землю лобызаетъ,
Какъ перси матери родной!...
Онъ снова чистый ангелъ рая
И на землѣ онъ всѣмъ чужой.
Взглянулъ на небо: «о какъ ясно,
Какъ упоительно прекрасно!
О, какъ тамъ вольно будетъ мнѣ»!
И очи въ чудномъ полуснѣ
На сводъ небесный устремляетъ
И въ безпредѣльной глубинѣ
Душой невинной утопаетъ.
По высотѣ святой широкой
Платочкомъ бѣлымъ одинока
Прозрачна тучка въ даль плыветъ.
«Ахъ тучка, тучка! кто несетъ
Тебя такъ плавно, такъ высоко?
Ты что такое? и зачѣмъ
Такъ пышно, мило нарядилась?
Куда ты послана и кѣмъ?»..
И тучка тихо растопилась
На небѣ свѣтломъ; взоръ унылый
Онъ опустилъ на темный лѣсъ...
«А гдѣ край свѣта, край небесъ,
Концы земли?».. И вздохъ глубокій,
Не дѣтскій вздохъ онъ испустилъ,

Какъ будто въ сердцѣ одинокомъ
Надежду онъ похоронилъ.
Въ комъ вѣры нѣтъ,—надежды нѣтъ!
Надежда—Богъ, а вѣра—свѣтъ.
«Не погасай, мое свѣтило!
Туманъ душевный разгоняй,
Живи меня твоею силой
И путь тернистый, путь унылый
Небеснымъ свѣтомъ озаряй.
Пошли на умъ твою святыню,
Святымъ наитіемъ напой,
Да провѣщаю благостыню,
Что заповѣдана тобой!»..
Надежды онъ не схоронилъ;
Воспрянулъ духъ, какъ голубь горній,
И мракъ сердечный, мракъ юдольный
Небеснымъ свѣтомъ озарилъ;
Пошелъ искать онъ жизни, доли,
Уже прошелъ родное поле,
Уже скрывалося село.....
Чего то жаль внезапно стало;
Слеза рѣсницы пробивала,
Сжималось сердце и рвалось.
Чего то жаль намъ въ прошломъ нашемъ,
И что то есть въ землѣ родной....
Но онъ, бѣднякъ, онъ всѣмъ не свой
И тутъ и тамъ. Планета наша,
Прекрасный міръ нашъ, рай земной
Во всѣхъ концахъ ему чужой;
Припалъ онъ къ персти милой
И, какъ родную, лобызалъ
Рыдая тихо и уныло,
На путь молитву прочиталъ...
И твердой вольною стопой
Пошелъ.... и скрылся за горой.

За рубежомъ родной земли
Скитался нищимъ сиротою.
Какія слезы не лились!
Какой ужасною цѣною
Уму познанія купилъ
И дѣтство сердца сохранилъ!
Безъ малодушной укоризны
Пройти мытарства трудной жизни,
Измѣрить пропасти страстей,
Понять на дѣлѣ жизнь людей,
Прочесть всѣ черныя страницы,
Всѣ беззаконныя дѣла...
И сохранить полетъ орла
И сердце чистой голубицы!
Се человѣкъ.... безъ крова жить,
Людей извѣдать—и любить!
Незлобнымъ сердцемъ сожалѣя
О недостойныхъ ихъ дѣлахъ
И не кощунствуя въ потьмахъ,
Какъ царь ума. Убогимъ, нищимъ
Изъ за куска насущной пищи
Глупцу кичливому годить
И мыслить, чувствовать и жить!...
Вотъ драма страшная, святая!..
И онъ прошелъ ее, рыдая,
Ее онъ строго разыгралъ
Безъ слова; онъ не толковалъ
Своихъ вседневныхъ приключеній,
Какъ назидательный романъ;
И тьму различныхъ сновидѣній
И Байроническій туманъ
Онъ не пускалъ; «толпой ничтожной»
Своихъ друзей не поносилъ;
Чиновъ и власти не казнилъ,
Какъ N, глашатай осторожный.
И тотъ, кто мыслитъ безъ конца
О мысляхъ Канта, Галилея,

Космополита-мудреца,
И судитъ люди, не жалѣя
Роднаго брата и отца.
Тотъ лжепророкъ! Его сужденья—
Полу-идеи, полу-вздоръ!,..
Провидя жизни назначенье,
Великій Божій приговоръ,
Въ самопытливомъ размышленьи
Онъ подымалъ слезящій взоръ
На красоты своей природы.
«Какъ все согласно!» онъ шепталъ
И край родной воспоминалъ;
У Бога правды и свободы
Всему живущему молилъ,
И кроткой мыслію слѣдилъ
Дѣла минувшія народовъ,
Дѣла страны своей родной
И горько плакалъ . . . . . .
. . . .
. . . .
. . . .

«Великимъ словомъ Божью волю
Сказать строптивымъ—не поймутъ!
И на родномъ прекрасномъ полѣ
Пророка каменемъ побьютъ!»
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Какъ тучи, мысли расходились,
И слезы капали, какъ дождь!...
Блаженъ тотъ на свѣтѣ, кто малую долю,
Кроху отъ трапезы воленъ удѣлить
Голодному брату и злобнаго волю
Закономъ Господнимъ возмогъ укротить!

Блаженъ и свободенъ!... но тотъ, кто не окомъ,
А смотритъ душою на козни людей
И можетъ лишь плакать въ тоскѣ одинокой,
О Боже правдивый, лиши ты очей!
Твои горы, твое море,
Всѣ красы природы
Не искупятъ его горя,
Не дадутъ свободы.
И онъ, страдалецъ жизни краткой,
Все видѣлъ, чувствовалъ и жилъ,
Людей извѣдавши любилъ
И тосковалъ о нихъ украдкой.
Его и люди полюбили[1]),
И онъ ихъ братіями звалъ;
Нашелъ друзей и тайной силой
Къ себѣ друзей причаровалъ;
Между друзьями молодыми
Порой задумчивый.... порой,
Какъ волхвъ-вѣщатель молодой,
Рѣчами звучными, живыми
Друзей внезапно изумлялъ
И силу дружбы между ними
Благословляя укрѣплялъ.
Онъ говорилъ, что обще благо
Должно любовію купить
И съ благородною отвагой
Стать за добро и зло казнить.
Онъ говорилъ, что праздникъ жизни,
Великій праздникъ, Божій даръ,
Должно пожертвовать отчизнѣ,
Должно поставить подъ ударъ.
Онъ говорилъ о страсти нѣжной;
Онъ тихо грустно говорилъ
И умолкалъ!... Въ тоскѣ мятежной
Изъ за стола онъ выходилъ

[1]) Какъ цвѣтокъ, процвѣвшій на ихъ болотѣ.

И горько плакалъ. Грусти тайной,
Тоски глубокой, не случайной
Ни съ кѣмъ, страдалецъ, не дѣлилъ.
Друзья любили всей душою
Его, какъ кровнаго; но онъ
Непостижимою тоскою
Былъ постоянно удручонъ,
И между ними свѣтлой рѣчью
Онъ пламенѣлъ. Но межъ гостей,
Когда при тысячѣ огней
Мелькали мраморныя плечи,
О чемъ то тяжко онъ вздыхалъ
И думой мрачною леталъ
Въ странѣ родной, въ странѣ прекрасной,
Тамъ, гдѣ никто его не ждалъ,
Никто о немъ не вспоминалъ,
Ни о судьбѣ его неясной.
И думалъ онъ: «за чѣмъ я тутъ?
И что мнѣ дѣлать между ними?
Они всѣ пляшутъ и поютъ,
Они родня между родными,
Они равны всѣ межъ собой:
А я!»... И тихо онъ выходитъ
Идетъ задумавшись домой;
Никто изъ дому не выходитъ
Его встрѣчать; никто не ждетъ.
Вездѣ одинъ.... тоска, томленье!..
И свѣтлый праздникъ Воскресенья
Тоску сторичную несетъ.
И вянетъ онъ, вянетъ, какъ въ полѣ былина,
Тоскою томимый въ чужой сторонѣ,
И вянетъ онъ молча.... Какая кручина
Запала въ сердечной его глубинѣ?
«О горе мнѣ, горе! зачѣмъ я покинулъ
Невинности счастіе, родную страну?
За чѣмъ я скитался, чего я достигнулъ?
Утѣхи познаній?... Кляну ихъ, кляну!

Они то мнѣ годы, мой умъ истощили,
Съ моимъ тихимъ счастьемъ они разлучили!
Кому я тоску и любовь разскажу?
Кому сердца раны въ слезахъ покажу?
Здѣсь нѣту мнѣ пары, я нищій межъ ними,
Я бѣдный поденщикъ, работникъ простой!
Что дамъ я подругѣ моими мечтами?
Любовь.... Ахъ любови, любови одной
Съ нея на три вѣка, на вѣчность бы стало!
Въ своемъ бы я сердцѣ ее схоронилъ.
О какъ бы я нѣжно, какъ нѣжно любилъ!»
И крупныя слезы, какъ искры, казались,
И блѣдныя щеки и слабую грудь
Росили—и сохли. «О дайте вздохнуть,
Разбейте мнѣ черепъ и грудь разорвите:
Тамъ гады, тамъ змѣи,—на волю пустите!
О дайте мнѣ тихо на вѣки заснуть!»
Страдалъ несчастный сирота
Вдали отъ родины счастливой
И ждалъ конца нетерпѣливо.
Его любимая мечта—
Полезнымъ быть родному краю,
Какъ цвѣтъ, съ нимъ вмѣстѣ увядаетъ!
Страдалъ онъ. Жизни пустота
Предъ нимъ могилой раскрывалась:
Пріязни братской было мало,
Не грѣла теплота друзей,
Небесныхъ солнечныхъ лучей
Душа парящая алкала,—
Огня любви, что Богъ зажегъ
Въ стыдливомъ сердцѣ голубиномъ
Невинной женщины, гдѣ бъ могъ
Полетъ превыспренній, орлиный
Остановить и съединить
Пожаръ любви, любви невинной;
Кого бы могъ онъ пріютить
Въ свѣтлицѣ сердца и разсудка,

Какъ беззащитную голубку,
Отъ жизни горестей укрыть
И къ персямъ юнымъ изнывая
Главой усталою прильнуть,
И цѣпенѣя, и рыдая
На лонѣ жизни, лонѣ рая
Хотя минуту отдохнуть.

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Но было некого любить,
Сочетаваться не съ кѣмъ было;
А сердце плакало и ныло
И замирало въ пустотѣ.
Его тоскующей мечтѣ
Въ грядущемъ что то открывалось,
И въ безпредѣльной высотѣ
Святое небо улыбалось.
Какъ воску яраго свѣча
Онъ таялъ тихо, молчаливо,
И на задумчивыхъ очахъ
Туманъ ложился. Взоръ стыдливый
На немъ красавица порой
Покоя, тайно волновалась
И симпатической красой
Украдкой долго любовалась.

. . . .

И можетъ многія грустили
Сердца дѣвичія о немъ.
Но тайной волей, высшей силой
Путь одинокій до могилы
На камняхъ острыхъ проведенъ.
Изнемогалъ онъ, грудь болѣла,
Темнѣли очи, за крестомъ
Граница вѣчности чернѣла
Въ пространствѣ мрачномъ и пустомъ.

Уже въ постелѣ предмогильной
Лежитъ онъ тихъ, и гаснетъ свѣтъ.
Друзей тоскующій совѣтъ
. . . .
Тревожитъ духъ его безсильный.
Поочередно ночевали
У друга вѣрные друзья,
И всякій вечеръ собиралась
Его прекрасная семья.
Въ послѣдній вечеръ собралися
Вокругъ предсмертнаго одра
И просидѣли до утра,
Уже разсвѣтъ смыкалъ рѣсницы,
Друзей унылыхъ сонъ клонилъ,
И онъ внезапно оживилъ
Ихъ грустный сонъ огнемъ бывалымъ
Послѣднихъ пламенныхъ рѣчей;
И други друга утѣшали
Что черезъ семь иль восемь дней
Онъ будетъ пѣть между друзей.
«Не пропою вамъ пѣсни новой
О славѣ родины моей.
Сложите вы псаломъ суровый
Про злобу и грѣхи людей
И свѣтлымъ гимномъ помяните
Предтечу друга своего.
И за грѣхи.... грѣхи его
Усердно Богу помолитесь....
И со святыми упокой
Пропойте, други, надо мной»!
Друзья вокругъ его стояли,
Онъ отходилъ, они рыдали,
Какъ дѣти.... Тихо онъ вздыхалъ,
Вдохнулъ, вдохнулъ... Его не стало!
И міръ поэта потерялъ,
И слава сына потеряла.

Печально други понесли
На утро въ церковь гробъ дубовый,
Рыдая предали земли
Остатки друга, и лавровый
Вѣнокъ, зеленый, молодой,
Слезами дружбы оросили
И на могилѣ положили
И со святыми упокой
Запѣли тихо и уныло.
Въ трапезѣ за круглымъ, за братскимъ столомъ
Ужъ подъ вечеръ други сидѣли кругомъ,
Печально и тихо двѣнадцать сидѣло;
Ихъ сердце одною тоскою болѣло.
Печальная тризна, печальны друзья!...
Ахъ, тризну такую отправилъ и я.
Согласьемъ общимъ положили,
Чтобъ каждый годъ былъ столъ накрытъ
Въ день смерти друга, чтобъ забытъ
Не могъ быть другъ ихъ за могилой,
И всякій годъ они сходились
Въ день смерти друга поминать.
Ужъ многихъ стало не видать,
Приборы каждый годъ пустѣли,
Друзья все больше сиротѣли,—
И вотъ одинъ ужъ сколько лѣтъ
Къ пустымъ приборамъ на обѣдь
Старикъ печальный пріѣзжаетъ;
Печаль и радость юныхъ лѣтъ
Одинъ грустя воспоминаетъ.
Сидитъ онъ долго, мраченъ, тихъ
И поджидаетъ: «нѣтъ ли брата
Хоть одного еще въ живыхъ»?
И одинокій въ путь обратный
Идетъ онъ молча.... И теперь,
Гдѣ круглый столъ стоитъ накрытый,
Тихонько отворилась дверь,
И братъ, что временемъ забытый,

Вошелъ согбенный... Грустно онъ
Окинулъ столъ потухшимъ взоромъ
И молвилъ съ дружескимъ укоромъ:
«Лѣнтяи! видишь, какъ законъ
Священный братскій исполняютъ!
Вотъ и сегодня не пришли,
Какъ будто за море ушли»!
И слезы молча утираетъ,
Садясь за братскій круглый столъ.
«Хоть бы одинъ тебѣ пришелъ»!
Старикъ сидитъ и дожидаетъ.
Проходитъ часъ, прошелъ другой,
Ужъ старику пора домой;
Старикъ встаетъ. «Да, измѣнили!
Послушай, выпей, братъ, вино»,
Сказалъ слугѣ онъ: «все равно,
Я не могу; прошло, что было,
Да поминай за упокой,
А мнѣ пора уже домой»!
И слезы снова покатились.
Слуга вино дивяся выпилъ.
«Дай шляпу мнѣ... какая лѣнь
Идти домой»!.. и тихо вышелъ.
И черезъ годъ въ урочный день
Двѣнадцать приборовъ на кругломъ столѣ
Двѣнадцать бокаловъ высокихъ стоятъ,
И день ужъ проходитъ,
Никто не приходитъ.
На вѣки, на вѣки забыты они!

САВВА ЧАЛЕНКО.

(изъ исторіи гайдамачины прошлаго вѣка) [1].

Украинскій народъ до сихъ поръ поетъ думы о Чаленкѣ, а историки, описывающіе исторію пограничныхъ разбоевъ въ эпоху, предшествовавшую «Коліивщинѣ», извѣстной у насъ повсемѣстно подъ названіемъ уманской рѣзни, посвящаютъ названному ватажку больше или меньше словъ, одни идя вслѣдъ пѣсни, другіе—въ слѣдъ легенды, кто какъ хочетъ, соотвѣтственно съ подробностями, мѣняющимися въ народныхъ разсказахъ. Писали о Саввѣ и Скальковскій, и Мордовцевъ, и Антоновичъ, послѣдній наиболѣе близко къ правдѣ, безпристрастно, однако сдѣлалъ нѣсколько мелкихъ ошибокъ, такъ какъ ему не доставало источниковъ, которые намъ случайно попались. Это—большой фоліантъ, содержащій въ себѣ распоряженія рашковскаго губернатора Михаила Рогускаго, который, именемъ воеводы сандомирскаго и фельдмаршала королевскихъ войскъ, князя Юрія Любомирскаго, управлялъ цѣлымъ Побережьемъ. Фоліантъ обнимаетъ нѣсколько лѣтъ отъ 1728 до 1740 г. и для соціальной исторіи Поднѣстровья составляетъ неоцѣненный матеріалъ.

Исторію впрочемъ хозяйства нашихъ предковъ въ этой землѣ оставляемъ въ сторонѣ; теперь мы намѣрены разсказать приключенія одного человѣка, непродолжительныя, правда, но не лишенныя яркихъ красокъ, и разсказать потому, что ему принадлежитъ скромное мѣсто и въ нашей исторіи.

---

[1]) Переводъ съ польскаго. Изъ кн. D-ra Antoni J. Szkice i opowiadania. Serya piąta. Krakow-Warszawa. 1887.

Извѣстно, что князь Юрій Любомирскій пріобрѣлъ отъ Конецпольскихъ обширныя пустоши, лежавшія между Бугомъ и Днѣстромъ и занимавшія бо́льшую часть Подоліи и Брацлавщины. Это былъ такъ называемый трактъ бугскій и днѣстровскій; начинался онъ подъ Винницей и кончался подъ Ягорликомъ и Конецполемъ, выдвинутымъ далеко за савранскія равнины. Колонизацію, бойко начатую здѣсь въ началѣ XVII вѣка великимъ коронным гетманомъ и дѣдичемъ этихъ окраинъ, подорвала козацкая мятелица, поднятая Хмельницкимъ, уничтожила окончательно двадцатисемилѣтняя турецкая неволя, а затѣмъ новые ея зачатки погубила Палѣивщина, безумствовавшая на этомъ пространствѣ до 1719 г. Тогда-то найболѣе энергичные наши земяне опустили руки, спуская за что попало окраинныя владѣнія, не приносящія доходовъ. Этимъ обстоятельствомъ воспользовался Любомирскій, совершилъ скоро и выгодно торгъ съ наслѣдниками Конецпольскаго и, сдѣлавшись владѣльцемъ пустопорожнихъ мѣстъ, рѣшился извлечь изъ нихъ пользу. Это не малая заслуга: онъ первый изъ крупныхъ владѣльцевъ прошлаго столѣтія далъ новый толчекъ къ заселеніямъ здѣсь, «у мультанской и татарской стѣны». На шаргородскія владѣнія вызвалъ мазуровъ, на Побережье по сосѣдству пригласилъ волоховъ, и эти послѣдніе, привлеченные привилегіями, толпами начали селиться на урочищахъ, разсыпанныхъ вдоль лѣваго берега Днѣстра.

Но стягивать поселенцевъ — это еще не все: нужно было создать энергическую администрацію, и вотъ эти обширныя земли были подѣлены на нѣсколько ключей; два мѣстечка—Шаргородъ и Рашковъ были какъ-бы двѣ столицы этого побережскаго государства, тянувшагося на какихъ нибудь тридцать миль и считавшаго слишкомъ 2,500,000 морговъ земли. Цѣлыя толпы офиціалистовъ роились въ панскихъ фольваркахъ. Не знаю почему, мы съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ проходимъ мимо ихъ заслугъ; но какъ въ XVI и XVII вѣкахъ пограничные ротмистры оберегали землю отъ нашествія варваровъ, такъ въ прошломъ вѣкѣ эти «губернаторы и генеральные писари» отбивались отъ гайдамакъ, запорожцевъ и татаръ; тѣ, рыцарскіе

ихъ предшественники, за труды, подъятые здѣсь, добыли себѣ кресла въ сенатѣ, эти же воспитали будущихъ земянъ: потомки ихъ до сего времени сидятъ на земляхъ, переданныхъ имъ прадѣдами, этими скромными ключевыми администраторами въ побережскомъ государствѣ. Одна изъ столицъ этого государства—Шаргородъ имѣлъ зáмокъ, построенный Замойскими еще ante hosticum и не совсѣмъ разрушенный турками, имѣлъ каменный «караванъ сарай», построенный этими послѣдними; было, значитъ, гдѣ расположиться и захозяйничать. И въ Рашковѣ было кой-какое удобство: новый владѣлецъ нашелъ здѣсь значительныя руины, родъ «кастеля», давнюю резиденцію несчастной Роксанды Хмельницкой, вдовы Тимофея и дочери господаря Лупула; послѣ трагической ея смерти, нѣкоторое время въ этомъ зàмкѣ пребывалъ Дука, фантастическій владѣтель фантастическаго княжества немировскаго. Кой какъ исправленные «муры» дали безопасное мѣсто для храненія архива и экономической кассы. Рашковъ и потому еще представлялъ не малыя удобства, что, положенный при Днѣстрѣ, облегчалъ сношенія съ сосѣдней Волощиной. Но однихъ стѣнъ было недостаточно; нужно было охранять ихъ соотвѣтствующей милиціей. Князь-дѣдичъ создалъ и ее подъ названіемъ надворной милиціи, издалъ для нея даже уставъ, по которому составлялись козацкіе отряды, устраиваемые потомъ другими крупными землевладѣльцами. Извѣстное число дворовъ давало крестьянина на замковую службу; этотъ послѣдній, вольный отъ панщины, получалъ одежду, оружіе, коня и даже скромное жалованье, увеличиваемое обыкновенно добытыми отъ гайдамакъ вещами или живымъ инвентаремъ, а иногда даже деньгами. Такой козакъ за заслуги съ рядоваго могъ сдѣлаться поручикомъ (начальникомъ полъсотни), ротмистромъ (сотникомъ) и даже при счастьѣ полковникомъ. Милиціи явились во владѣніяхъ Любомирскаго между 1724 и 1730 годомъ; были они подчинены губернаторамъ, т. е. ключевымъ управляющимъ, и имѣли во главѣ молодцовъ, выбранныхъ изъ своей среды.

Не спрашивали о прошломъ такого предводителя, былъ бы только ловкій, зналъ бы «фигли» и хитрости гультяевъ, умѣлъ бы ихъ выслѣдить, а спокойныхъ людей оборонить отъ нападенія разбойниковъ—вотъ и все. Такъ какъ Любомирскій владѣлъ огромными имѣніями, то и надворныхъ козаковъ у него было много въ такъ называемыхъ экономіяхъ; замѣстить всѣ пограничные посты на пространствѣ нѣсколькихъ десятковъ миль, оборонять двѣ крѣпости, одиннадцать ключевыхъ резиденцій—не такъ легко, какъ это кажется. Потому-то на Побережьи считалось козаковъ до 3,000; кромѣ того, въ Шаргородѣ «кантоновала» польская хоругвь на подобіе украинскихъ, состоявшая изъ сотни людей и находившаяся подъ начальствомъ поручика Лубковскаго; ея назначеніемъ было слѣдить за дѣйствіями дворскихъ козаковъ, наблюдать, чтобы они не допускали насилій, не связывались съ гайдамаками и, что найважнѣе, не волновали крестьянъ, которые легко вѣрили всякимъ розказнямъ о свободѣ. Штабъ хоругви, употребимъ теперешнее выраженіе, находился въ Шаргородѣ; во главѣ его стоялъ полковникъ Верланъ, старый козакъ, помнившій давнія времена, нравившійся князю; за свою службу онъ получилъ отъ князя село Качковку; доходы съ этого имѣнія составляли постоянную его пенсію. Пользовался онъ довѣріемъ не только самого дѣдича, но и многихъ губернаторовъ; ему подчинены были и замковая стража и волошскія хоругви, разбросанныя вдоль Днѣстра. Такое названіе онѣ получили потому, что состояли главнымъ образомъ изъ волоховъ, недавно поселившихся на Побережьи. И Верланъ, какъ можно заключить изъ названія, навѣрно происходилъ изъ Валахіи; при немъ былъ сынъ, который въ этомъ войскѣ исполнялъ обязанность ротмистра, такую же должность занимали Стефанъ Скорычъ, Михалко Флоринскій, Иванъ Рынгачъ и много другихъ. Къ этой же категоріи принадлежалъ и Савва Чалый, или собственно Чаленко, поручикъ рашковской милиціи, малороссъ, родомъ изъ Молокишъ, небольшаго села, расположеннаго надъ Днѣстромъ и въ описи княжескихъ имѣній отнесеннаго къ крутянскому ключу. Въ то время губернаторомъ Побережья былъ Михаилъ Рогускій,

также много лѣтъ служившій у Любомирскихъ; за ревностное исполненіе своихъ обязанностей имѣлъ онъ подаренное ему село Берчовку, на краю шаргородскихъ пущъ, по дорогѣ, ведущей въ Могилевъ. Названный начальникъ имѣлъ пребываніе въ Рашковѣ и для безопасности держалъ при себѣ милиціантовъ съ Чаленкомъ во главѣ. Молодой козакъ подавалъ надежды въ будущемъ, подчиненные его выглядывали лучше другихъ, были всѣ какъ на выборъ, особенно ловко владѣли «списами», научились отъ волоховъ искусно ловить «арканомъ» не только дикихъ коней изъ табуна, но и гайдамакъ, часто болѣе дикихъ, чѣмъ звѣри. Савка владѣлъ особымъ даромъ выслѣживать гультяевъ, никто ловче его не умѣлъ захватывать «батовню» (коней, навьюченныхъ награбленными вещами), а также подсмотрѣть минуту «паеванья» (раздѣла грабежа). Собралъ онъ и денегъ достаточно, и былъ предметомъ удивленія и обожанія не только крестьянокъ, но и мѣщанокъ рашковскихъ, во всѣ времена извѣстныхъ своей красотой такъ далеко, что татары не разъ совершали нападенія на мѣстечко съ тою только цѣлью, чтобы поймать хоть нѣсколько дѣвушекъ, весьма дорого цѣнимыхъ въ цареградскихъ гаремахъ.

Въ такомъ положеніи были дѣла въ памятномъ для пограничныхъ жителей 1734 г. Въ то время союзныя войска вступили въ Украйну, будучи приглашены поддерживать элекцію Августа III; русскій полковникъ Поляновскій сталъ квартирой въ Умани; имъ-то данъ былъ толчекъ къ возникшему вскорѣ народному движенію: онъ позволилъ надворнымъ козакамъ формировать полки съ цѣлью тѣснить многочисленныхъ въ той странѣ сторонниковъ Станислава Лещинскаго... Получившіе полномочіе къ вербовкѣ не вполнѣ хорошо поняли свою задачу, объяснили ее по-своему и пригласили крестьянство къ соучастію. Крестьяне, жадные къ свободѣ, поднялись во мгновеніе ока, неслыханный жаръ обнялъ толпу... Брались они за ножъ четыре раза въ прошломъ вѣкѣ: 1702, 1734, 1750 и 1768 гг... однако годъ, событія котораго мы намѣрены описывать, если въ отношеніи ужасовъ не равнялся позднѣйшей Коліивщинѣ, то превзошелъ ее въ отношеніи про-

странства, какое обняло возстаніе; пламя бунта бушевало въ границахъ цѣлыхъ трехъ воеводствъ, а по прекращеніи его одно только брацлавское воеводство не досчиталось девяноста гербовныхъ землевладѣльцевъ, убитыхъ необузданнымъ народомъ.

Изъ Умани, повторяемъ, былъ данъ сигналъ; тамошній сотникъ Писаренко, первымъ посвященный въ тайну, сейчасъ снесся съ Верланомъ, а этотъ поспѣшилъ надъ Днѣстръ и поднялъ цѣлую Волощину, такъ что чрезъ нѣсколько дней его полкъ считалъ уже 1207 людей. Въ составъ этого полка вошли вышеупомянутые ротмистры, кромѣ того Савва комаргородскій и Кифа крутянскій; Савва Чаленко также сталъ подъ знамя появившагося «наказнаго» атамана... Традиція давней организаціи сохранилась неизмѣнной; Верланъ въ одну почти минуту сталъ на Поднѣстровьи грознымъ предводителемъ; обѣщалъ онъ народу полную свободу — обѣщаніе слишкомъ понятное, чтобы его могъ отвергнуть крестьянинъ, а какія милости и благодѣянія должны политься на козаковъ, которые для пріобрѣтенія этой свободы готовились лить кровь и въ крайности положить свою голову!...

Рогускій еще предъ началомъ возстанія, замѣтивъ, что дѣлается около него, сталъ представлять милиціантамъ печальныя послѣдствія бунта и убѣждать ихъ къ послушанію, тѣмъ болѣе, что панъ ихъ, князь воевода сандомірскій принадлежалъ къ сторонникамъ Августа III. Мѣра эта возъимѣла свое дѣйствіе: надворные любили губернатора, не стѣснялъ онъ ихъ ни въ чемъ, давалъ имъ больше свободы, чѣмъ гдѣ-либо это было. Но какъ-то въ это время самъ губернаторъ попалъ въ тюрьму, а заключилъ его туда начальникъ союзнаго отряда, имѣвшій временное пребываніе въ Бершадѣ: послалъ онъ рашковскому комисару «ордеръ», чтобы тотъ немедленно явился съ милиціей въ его обозъ; Рогускій отвѣчалъ, что безъ дозволенія князя онъ не можетъ этого сдѣлать; это и было причиною ареста, непродолжительнаго, впрочемъ, въ началѣ іюня 1734 года. Но возвратясь на мѣсто, губернаторъ не засталъ уже ни одного козака: всѣ оставили пограничную свою службу и вышли въ поле подъ команду

Верлана. Отрядъ же этого послѣдняго росъ съ каждымъ днемъ; ватажекъ, упоенный тріумфомъ, распустилъ загоны вездѣ по краю. Шаргородъ и окрестныя села были разграблены, евреи вырублены, надъ латинскимъ духовенствомъ издѣвались ужасно, «жонкамъ и дѣвкамъ дѣлали гвалты». Наконецъ Верлану не достаточно было крестьянъ, сталъ онъ заманивать въ товарищи чиншевую шляхту, упорнымъ грозилъ муками, и одинъ изъ Радзѣевскихъ въ Мервинцахъ, сидѣвшій на плохой землѣ, купилъ жизнь только тѣмъ, что «прииялъ указъ на ватамана», т. е. обязался собрать разбойничью шайку. По порядку досталось и другимъ мѣстечкамъ, сосѣднимъ съ Шаргородомъ: Лучинецъ Ржевускихъ преданъ огню, Замѣховъ воеводы Стефана Гумѣцкаго разрушенъ; здѣсь козаки крестили евреевъ, «будучи сами имъ кумовьями». Подверглись грабежу Рашковъ, Могилевъ, Мурафа; въ Винницѣ, Меджибожѣ и Барѣ козаки расположили гарнизонъ. Не прошло и мѣсяца, какъ цѣлое нагорное Подолье перешло въ руки экс-предводителя надворной милиціи кн. Юрія Любомирскаго; по порядку онъ взялъ Жванецъ, дошелъ даже до Бродъ и занялъ ихъ въ свое владѣніе. Стефанъ Гумѣцкій поспѣшилъ на помощь находящимся въ опасности окраинамъ и своимъ имѣніямъ, неустанно гонялся за Барлумомъ (такъ въ корреспонденціяхъ называли Верлана), однако нигдѣ не могъ настичь ловкаго козака.

И Савва принималъ участіе въ походахъ ватажка—исполнялъ при немъ какъ бы должность начальника штаба, наблюдалъ за порядкомъ въ рядахъ, добывалъ провіантъ, взималъ контрибуцію... Однако сердце тянуло его въ Рашковъ; онъ любилъ, хотя съ своей любовью долженъ былъ укрываться, потому что избранница его была женой другаго, какого-то скромнаго сапожника, который, подъ вліяніемъ обѣщаній вербовщиковъ, бросилъ свое ремесло и записался въ сотню Чаленка рядовымъ. Савва долженъ былъ оставаться при предводителѣ даже изъ-за страха позорной кары, какая ожидала непослушнаго, потому что уставъ этого новаго легіона былъ краткій и состоялъ въ слѣдующемъ: «въ случаѣ бы кто безъ вѣдома войско-

вой старшины отлучился изъ войска, тому кара—пятьдесять кіевъ и въ продолженіе трехъ дней ходить ему пѣшкомъ впереди знамени и выпить гарнецъ воды». Но все таки Савва, воспользовавшись первымъ случаемъ, когда Верланъ двинулся на сѣверъ, поспѣшилъ къ своей любовницѣ. На дорогѣ встрѣтилъ онъ караванъ, состоящій изъ грековъ; это были кіевскіе купцы, везшіе стамбульскіе товары; увѣренные въ опекѣ «ея императорскаго величества», они вовсе не слушались предостереженій добрыхъ людей и послѣ непродолжительнаго отдыха въ Могилевѣ двинулись далѣе. Вдругъ ихъ окружила толпа козаковъ; защищая себя, купцы дали нѣсколько выстрѣловъ и этимъ проиграли дѣло: напавшіе ограбили ихъ совершенно, торговцы едва живыми ушли... Чаленко пошелъ далѣе съ тріумфомъ, повезъ красавицѣ „молодыци“ богатые подарки, но вмѣстѣ повезъ и трауръ: сапожникъ, смертельно раненный, по дорогѣ испустилъ духъ.

Слезы вдовы смѣнились слезами радости при видѣ «атамана», пылающаго такой неподдѣльной страстью. Правда, Чаленку не совсѣмъ безопасно было показываться людямъ, потому что союзники уже вошли въ сношенія съ гербовыми и приказывали надворнымъ козакамъ повиноваться давнимъ панамъ, но здѣсь, въ Рашковѣ, еще господствовала попрежнему «козацкая воля». Рогускій по давнему губернаторствовалъ, однако сидѣлъ такъ тихо, что о немъ никто не слыхалъ... На случай тревоги недалеко была Волощина, а тревога уже давала о себѣ знать, посому что Верланъ явился поспѣшно въ Рашковѣ во главѣ своей уменьшившейся шайки, съ пѣснями переплылъ рѣку, а за нимъ потянулись тысячи мультанскихъ колонистовъ, скомпрометированныхъ въ послѣднемъ возстаніи; подговаривалъ онъ и Савву искать у господари защиты, но Саввѣ хотѣлось въ Умань; желалъ онъ тамъ поразвѣдать и вмѣстѣ продатъ вещи, награбленныя у грековъ. И вотъ, забравъ вдову-любовницу и ея тестя, пробрался Савва къ Писаренку. Однако здѣсь уже знали о грабежѣ. Чаленко попалъ въ кандалы и былъ отправленъ въ Бѣлую-Церковь, по приказанію бывшаго тамъ россійскаго полковника Фрейдента, который пожелалъ самъ снять съ него допросъ.

Товары грековъ расплылись куда-то въ Умани, добрые люди разобрали ихъ для собственнаго употребленія. Но случилось нѣчто необычайное: заключеннаго въ тюрьму козака спасло собственно то, что должно было его погубить. Греки также въ Бѣлой-Церкви ожидали окончанія слѣдствія, хлопотали они не столько о гультяѣ, сколько о товарѣ. Полковникъ призвалъ купцовъ: вотъ, говоритъ, смотрите, тотъ ли самый.—Я не запираюсь, протестовалъ козакъ, что на Дзыговскихъ поляхъ ограбилъ этихъ людей: не показывали мнѣ «указу», стрѣляли, убили козака, другихъ удержать было трудно. На этомъ и кончился первый допросъ. Но и слѣдующій не многимъ отличался отъ этого перваго. Греки долго думали и выдумали весьма забавный планъ: случай произошелъ на землѣ пана воеводы сандомирскаго, хорошо зналъ объ этомъ генеральный комиссаръ этого воеводы, Михаилъ Рогускій, поэтому и требовали, чтобы онъ возвратилъ убытки. Это было немного дико, и губернаторъ запротестовалъ противъ такихъ несправедливыхъ претензій, но явились новые извѣты: кто-то видѣлъ Рогускаго на ярмаркѣ въ Сорокахъ, какъ онъ продавалъ коней, принадлежащихъ грекамъ,—основательная причина къ заключенію въ тюрьму, и бѣдняка доставили въ Бѣлую-Церковь во время Пасхи 1735 года и посадили въ тюрьму. Посѣтили его греки-торговцы: откупись, говорили ему, мы устроимъ твое освобожденіе. Пораженный комиссаръ потерялъ голову, его прямо обвиняли въ кражѣ, не хотѣлъ онъ ни о чемъ слышать; но на счастье имѣлъ друга въ лицѣ Володковича, «генеральнаго писаря подольскихъ имѣній сіятельнаго князя»; тотъ поспѣшилъ въ слѣдъ за заключеннымъ, разузналъ въ чемъ дѣло и, увѣренный въ невинности товарища, обратился къ принципалу, тяжело заболѣвшему въ то время въ Лабуни, и тотъ приказалъ удовлетворить претензіи грековъ... Уже въ декабрѣ довольные купцы возвращались въ Кіевъ, рашковскій губернаторъ, изнуренный, измученный, отправился на прежнее свое мѣсто, а Савва Чаленко немного раньше успѣлъ освободиться изъ заключенія, въ чемъ помогли ему сами купцы изъ опасенія, чтобы онъ при видѣ Рогускаго

не принялъ па себя всей вины... освободился и исчезъ изъ глазъ людскихъ, пропалъ гдѣ-то въ степяхъ, найдя у запорожцевъ убѣжище и гостепріимство.

Прошолъ почти годъ послѣ вышеописанныхъ событій; обстоятельства перемѣнились на столько, что крестьянскія возстанія совсѣмъ потухли, цѣлый край покрыла сѣть висѣлицъ и коловъ; суды boni ordinis, пограничные causarum exorbitantiarum, наконецъ гродскіе и даже замковые, которые точнѣе можно назвать помѣщичьими, имѣли слишкомъ много работы..., а что уже говорить о тѣхъ экстренныхъ судахъ, на краю дубровы, гдѣ первая крѣпкая вѣтвь заступала мѣсто машины, употребляемой для вѣшанія... О разстрѣляніи не было рѣчи, обыкновенный зарядъ пороху въ пороховницѣ цѣнился выше, чѣмъ одна личность гайдамака, да и веревка иногда стоила больше, чѣмъ степовой гультяй, поэтому его оставляли съ поломанными ребрами въ полѣ, чтобы самъ мало по малу догаралъ... Мстили мы съ извѣстной опредѣленностью за тѣ девяносто головъ, что сняты съ туловищъ, украшенныхъ гербами, но противники гибли безъ протеста, съ равнодушіемъ проникнутыхъ фатализмомъ обитателей недалекаго Востока... Итакъ, бунты подавлены до времени—при благосклонномъ посредничествѣ союзныхъ войскъ, но справиться съ гайдамаками не были мы въ силахъ, и годы, наступившіе послѣ этого страшнаго 1734 года, были самые тяжкіе. Рѣчь Посполитая не могла выставить много войскъ на пограничной линіи, надворнымъ милиціямъ не довѣряли, да и тѣхъ было слишкомъ мало, ибо волошская колонизація вдоль Днѣстра, начатая такъ удачно воеводой сандомирскимъ, но теперь разогнанная, пропала въ нѣсколько мѣсяцевъ; окраины стали пустыми; народъ, осѣвшій даже въ глубинѣ Украйны, желая избѣгнуть жестокихъ экзекуцій, выселился за Днѣпръ и пріютился въ голой степи, примыкающей къ польскимъ окраинамъ, къ Малороссіи, Запорожью и Татарщинѣ.

Въ этой степи и помину не могло быть о земледѣліи, даже о кровлѣ, которая бы защитила отъ зноя и дождя... Чорный лѣсъ, бурьяны и камыши бугскіе были единственной защитой; приходилось умирать съ голоду, поэтому болѣе смѣлые пробовали дѣлать набѣги: удастся—хорошо, а не удалось, что могло ожидать пойманнаго? Смерть... а смерть на колу или отъ голода—все равно. Такова была логика гайдамакъ, и, нужно сознаться, довольно основательная.

Все южное Пограничье и часть юго-восточнаго сдѣлалось тогда окномъ, чрезъ которое проникали разбойничьи банды въ глубь края, кое-какъ упорядоченнаго. Такъ какъ отъ Днѣпра была наиболѣе слабая сторона этой границы, то здѣсь постоянно пребывалъ региментарь украинской партіи, а резиденціей его была назначена Лысянка. Обязанностью его было наблюдать за приходомъ непрошенныхъ гостей, и онъ наблюдалъ, день и ночь бодрствовалъ, но досмотрѣть не могъ. Эту тяжелую должность занималъ въ то время Малинскій, староста новогродскій. Въ его региментарство осенью 1736 года гайдамаки ограбили Паволочъ и Смѣлу; они устроили здѣсь настоящую баталію, губернатора Зозулинскаго, захвативъ въ плѣнъ, убили, тридцать слишкомъ евреевъ пало подъ топоромъ разбойниковъ, угнали стадо кн. Любомірскихъ, воеводичей сандомирскихъ, забрали экономическую кассу, сверхъ того цѣнныя вещи мѣщанъ, «школьныя сагентеріи»; цифра потерь простиралась до 124,750 злотыхъ. Сосѣдъ убитаго губернатора, комиссаръ кн. Рожинскаго, въ жалобѣ, занесенной въ гродскій судъ, въ число предводителей разбоя—а были между ними Галаганъ, Медвѣдь, Грива, Харко, Рудь и Жила—помѣстилъ и Савву Чаленка. Но этотъ послѣдній въ письмѣ, написанномъ Малинскому, протестовалъ противъ взводимаго на него обвиненія, такъ какъ въ грабежѣ не принималъ никакого участія, и при этомъ прибавилъ, что въ степи находится много людей, готовыхъ возвратиться на родину и служить ей честно, если только имъ простятъ прежнія ихъ вины и проступки. Регименттарь отослалъ письмо къ великому коронному гетману вмѣстѣ съ запросомъ, какъ ему поступить.—Присоединить къ милиціи,

отвѣчалъ Потоцкій, а такъ какъ Рѣчь Посполитая не назначила на содержаніе ихъ суммы, то «его милость de droprio motu придумалъ имъ консервацію», говоря яснѣе, гетманъ, въ то время воевода кіевскій, обѣщалъ возвратившимся выплатить жалованье изъ собственныхъ средствъ. Одними изъ первыхъ, явившихся на призывъ, были полковникъ Касьянъ и Савва Чаленко; послѣдній и теперь представился не какъ нибудь: привелъ съ собой триста всадниковъ съ самопалами, только олова и пороху у нихъ недоставало. Это было въ концѣ 1736 года. Скальковскій говоритъ, что богатырь нашъ эти нѣсколько мѣсяцевъ провелъ у Пхайка, полковника запорожскаго, въ его «богогардовомъ» форпостѣ... И однако ни разу онъ не пробовалъ счастья, не вторгался въ границы Польши—фактъ, достойный примѣчанія.

Малинскій принадлежалъ къ числу ревностныхъ стражей окраинъ и если бы не удостовѣрился въ полномъ исправленіи недавнихъ бунтовщиковъ, то не предпринялъ бы небезопаснаго похода въ окрестности Чигирина... Но онъ бросился туда, имѣя при себѣ Савву, а противъ себя Медвѣдя, одного изъ отважнѣйшихъ гайдамакъ, стоявшаго во главѣ значительнаго отряда. Столкновеніе послѣдовало подъ Боровицей, богатыремъ боя былъ Савва: онъ бросился съ ножемъ на противника, нанесъ ему нѣсколько ранъ, положилъ нѣсколькихъ на мѣстѣ, пятнадцать взялъ живыми, остальные же пошли въ разсыпную. Потомъ въ февралѣ 1737 года «съ своими козаками давними и вновь принятыми для нуждъ Рѣчи Посполитой» онъ былъ посланъ на жительство въ Бѣлозерье; ему было поручено охраненіе пограничныхъ постовъ вдоль Тясмина. Но Савва этимъ не ограничился: не достаточно отгонять непріятеля, думалъ онъ, болѣе важное дѣло—давить его въ его же логовищѣ; отсюда частые его походы въ эту анархическую степь и засады; однажды онъ загнался даже подъ Кодакъ, дошелъ до пасѣки Сироты, которая была гнѣздомъ гайдамачины, разорилъ ее въ конецъ, обитателей ея перебилъ, сто слишкомъ головъ скота угналъ и ушелъ прежде, чѣмъ сосѣдніе гультяи узнали о его пребываніи тамъ. Уже

тогда пріобрѣлъ онъ себѣ славу грознаго преслѣдователя гайдамакъ: Медвѣдь не могъ поправиться отъ ранъ, нанесенныхъ ему, Бродавка, помощникъ Медвѣдя, пойманный также Чаленкомъ, пошелъ на висѣлицу, захваченные «были застрѣлены» тутъ же, на побоищѣ, безъ суда и слѣдствія... Мстить—это дѣло ляховъ, а козаку не годится подносить руку даже на гультяевъ—то вѣдь одной вѣры люди... Такъ роптадъ народъ и клялся отомстить Саввѣ; болѣе энергичные пробовали, не удастся ли подкупить кого-нибудь изъ подчиненныхъ его. Напрасно, атаманъ умѣлъ подбирать людей.

Ненависть росла; но полковникъ не обращалъ вниманія, непоколебимо стоялъ подъ знаменемъ. Новыя доказательства этой вѣрности онъ показалъ въ началѣ іюня 1738 г. Въ то время многочисленные загоны степныхъ «левенцовъ» разсыпались по краю; они представляли собой значительное число: 200, а иные говорятъ, и 330 ихъ оставило свои логовища. Употребляли они обычную тактику: близко границъ не дѣлали никакихъ пакостей, а только въ глубинѣ провинціи; тутъ, разбившись на небольшіе отряды въ нѣсколько человѣкъ, они незамѣтно достигали до перваго мѣстечка, предводитель ватаги заручался симпатіей мѣстныхъ разбойниковъ и, увѣренный въ ихъ помощи, совершалъ нападеніе, хорошо зная, гдѣ можно поживиться. Въ этото время одновременно почти подверглись грабежу Рашковъ и Грановъ, два многолюдныя мѣстечка, отстоявшія одно отъ другаго не менѣе какъ на двадцать миль. Въ первомъ напавшіе воспользовались не многимъ: экономическая касса по счастливому случаю, вслѣдствіе приказанія короннаго подстолія, кн. Станислава Любомірскаго, послѣ недавней смерти отца, генеральнаго администратора имѣній, была переведена въ Шаргородъ, а Рогуській, раньше увѣдомленный о предстоявшемъ нападеніи, спасся бѣгствомъ; погибло лишь нѣсколько евреевъ и забрано нѣсколько штукъ скота. Но въ Грановѣ послѣдствія нападенія были далеко печальнѣе: евреевъ убито безъ числа, губернаторъ и ксендзъ поплатились головой, денегъ взято не мало. Одновременно испытали ту же судьбу Тальное, Субботовъ, Животовъ и даже Могилевъ на Днѣстрѣ.

О печальномъ событіи дано знать въ Лысянку; въ резиденціи региментаря было немного драгуновъ регимента его милости пана Міера; былъ здѣсь и Савва съ горстью козаковъ. Онъ тотчасъ же пустился въ погоню за разбойниками, догналъ ихъ уже въ степи подъ Чорнымъ лѣсомъ и, по обыкновенію, разбилъ на голову: пойманные пошли на висѣлицу, «батовня» досталась въ руки побѣдителей.

Это доставило Чаленку великую славу, и вотъ, когда земяне, убѣдившись, что охрана границы не вполнѣ ихъ обезпечиваетъ отъ нападеній, рѣшили отбиваться на мѣстѣ мелкими отрядами, тогда великій коронный гетманъ вызвалъ Савву въ Немировъ, въ свое брацлавское имѣніе, поручилъ ему команду надъ милиціей, обязанностью которой было наблюденіе за безопасностью обширнаго ключа, состоявшаго изъ 50 селъ и, къ пущей бѣдѣ, заселеннаго людьми неспокойными и обнаруживающими неподдѣльное влеченіе къ гайдамачеству. Полковникъ принялъ почетное мѣсто съ охотой, тѣмъ болѣе, что оно давало ему независимое положеніе; но не столько это занимало козака, денегъ онъ успѣлъ себѣ собрать, ему хотѣлось больше покоя, мечталъ онъ о семейномъ счастіи, о домашнемъ очагѣ, о любви... Тамъ на рубежѣ, вѣчно на конѣ, вѣчно на сторожѣ, а здѣсь подъ кровлей покой и отдыхъ.

Командиру надворной милиціи гетманъ назначилъ за службу два села—Рубань и Степашки; первое изъ нихъ многолюдное, шумное, другое—едва состоящее изъ нѣсколькихъ хатъ, скорѣе похожее на хуторъ. Здѣсь однако онъ основалъ свою резиденцію, а въ мѣстечкѣ, отстоявшемъ на три мили, расположены были его сотни; тамъ онъ былъ полковникомъ, здѣсь земяниномъ. Скоро въ Степашкахъ появился опрятный домъ, возлѣ него вишневый садъ и хозяйственныя постройки; такъ какъ Савва любилъ лошадей и держалъ даже порядочное стадо, то и для лошадей было приличное помѣщеніе, и все это, окруженное дубовымъ частоколомъ, производило впечатлѣніе оборонительнаго поста.

Уже въ слѣдующемъ году Савва ввелъ подъ эту крышу жену; вѣнчалъ ихъ священникъ Рубанской церкви. Молодица

была прекрасивая; это вдова того сапожника, который умеръ отъ ранъ, полученныхъ въ стычкѣ съ греческими купцами. Что она жила въ Рашковѣ, объ этомъ упоминаетъ Рогускій въ письмѣ къ шаргородскому губернатору; козакъ видимо произвелъ на комисара впечатлѣніе: «изъ гультяя вышелъ порядочный обыватель, пишетъ далѣе Рогускій, показалъ себя honeste, тихо, съ покорностью служилъ въ за́мкѣ, да и вкусъ имѣетъ не хлопскій, и жену взялъ славную, любитъ его удивительно». Съ той поры солнце засвѣтило имъ обоимъ, послѣ тревогъ и волненій — сельское затишье, почетъ отъ людей, а въ будущемъ несомнѣнное повышеніе.

Однако и изъ Немирова не оставилъ Чаленко походовъ въ пустыни, положенныя за окраинами. Гайдамаки не переставали безпокоить, особенно въ 1740 г. полюбили они савранскія окрестности, и вотъ полковникъ обращается съ просьбой къ великому коронному гетману, чтобы онъ позволилъ ему попробовать счастья — выдушить на мѣстѣ гнѣздо «шершней». Потоцкій позволилъ. Медовые мѣсяцы уже прошли, отдыху было много; Савва жаждалъ войны, которая до того времени наполняла его жизнь, и нѣтъ ничего въ томъ удивительнаго: былъ молодъ, кровь играла въ немъ. И вотъ осторожно и проворно двинулся онъ къ югу надъ Бугъ, снесъ «гарду», разогналъ запорожскій пикетъ, исполнявшій тамъ службу, сжегъ церковь, здѣсь построенную, разграбилъ нѣсколько сосѣднихъ зимовниковъ, а сколько гультяевъ убилъ и повѣшалъ, это только Богу и ему было извѣстно.

Счастливо возвратился Чаленко къ любящей и тоскующей женѣ, а какъ она готовилась скоро быть матерью, то привезъ «гостинцы» для этого ожидаемаго потомка. И дѣйствительно въ концѣ года полковница спеленала сына. — Назовемъ его Саввой, сказала она мужу, пусть будетъ похожъ на тебя по отвагѣ, осанкѣ и даже по имени.

И счастливые не замѣтили грозныхъ тучъ, собирающихся надъ ихъ головами... Цѣлая степь, недавно опустошенная Чаленкомъ, воспылала къ нему новой ненавистью; гайдамаки думали, что по перемѣщеніи полковника изъ подъ Тясмина навсегда избавились отъ страшнаго, никому не прощающаго про-

тивника, а тутъ изъ глубины края онъ опять показался, хотя ему никто, какъ говорится, не сталъ на ногу, разогналъ гультяевъ, но что важнѣе, не щадилъ спокойныхъ запорожцевъ, даже церковь ихъ сжегъ... Поклялись они отомстить дерзкому; нашелся даже такой, который рѣшился исполнить клятву. Это былъ большой смѣльчакъ, пользовавшійся извѣстностью среди гайдамакъ; называли его Игнатомъ Голымъ, потому что онъ при «паеваньи» награбленнаго бралъ себѣ незначительную частичку, остальное же раздавалъ подначальнымъ; не любилъ вообще излишества, довольствовался чѣмъ нибудь: куртка изъ телячьей кожи, баранья шапка, простые, козловые сапоги; одна рубашка, вымазанная жиромъ и дегтемъ, служила ему цѣлый годъ; конь подъ нимъ неказистый, съ большой головой, но выносливый, проворный, крѣпкій въ ногахъ, настоящій подольскій конь; самопалъ, немного свинца въ торбѣ, въ карманѣ табакъ и люлька, безъ которой не могъ обойтись, больше, чѣмъ безъ хлѣба и водки... вотъ и все богатство. Игнатъ былъ родомъ изъ Сѣчи, изъ медведовскаго «куреня». Еще въ 1737 году подобралъ онъ себѣ нѣсколько товарищей и «засѣлся» въ Чорномъ лѣсу и потомъ столько охотниковъ успѣлъ созвать, что скоро засѣку въ «кошъ» превратилъ. Пограничныя команды хотя и наслѣдили птичку, но подобраться къ ней не могли, кругомъ пуща непроходимая, а пикеты гультяевъ на деревьяхъ, скрытые въ вѣтвяхъ, стрѣляли по смѣльчакамъ, какъ по уткамъ, сами не подвергаясь никакой опасности. И Савва во время послѣдняго похода много слыхалъ о Голомъ и, кажется, даже зналъ его раньше, но обходилъ предусмотрительно гайдамацкій постъ. Голый имѣлъ во всемъ успѣхъ, самъ съ мѣста не двигался, строилъ только планы, велъ переговоры съ шпіонами и высылалъ загоны, а тѣ сносили награбленныя вещи въ кошъ... Начиналась тогда дикая гульба: около костра на полянѣ «степовички», приглашенныя съ «зимовниковъ» или насильно захваченныя изъ брацлавскихъ селъ, скромныя и почтенныя женщины, должны были играть роль восточныхъ баядерокъ, плясать и пѣть, пока дружина, обезпамятѣвшая отъ водки, не засыпала глубокимъ сномъ, кромѣ предводи-

теля засѣки, который бодрствовалъ тогда за всѣхъ. Народъ разсказывалъ чудеса объ Игнатѣ, о его жестокости и издѣвательствѣ надъ плѣнниками; Савва этому вѣрилъ и не вѣрилъ, всячески чувствовалъ себя въ безопасности въ своей усадьбѣ, отдаленной по меньшей мѣрѣ на пятьдесятъ миль отъ резиденціи знаменитаго разбойника, да и о новыхъ разбойничьихъ набѣгахъ въ то время не было слуху кругомъ.

Время текло спокойно. Зима 1741 года была умѣренная, снѣга выпало въ мѣру, лишь столько, чтобы покрыть землю бѣлымъ саваномъ. Въ Степашкахъ скромно праздновали канунъ Рождества Христова, нѣсколько подчиненныхъ сѣли съ полковникомъ за *вечерю* „святаго вечера“ и послѣ долгой бесѣды разъѣхались по сосѣднимъ селамъ. Но вотъ на разсвѣтѣ необыкновенное движеніе обнаружилось на усадьбѣ Чаленка: какіе-то неизвѣстные люди шарили по дворскимъ строеніямъ, прежде всего въ конюшняхъ, въ людской... только глухой шумъ обнаруживалъ ихъ присутствіе; тихо, съ ловкостью тигра переходили эти пришельцы отъ одного спящаго «парубка» къ другому, по порядку лишая ихъ жизни... Потомъ окружили домъ полковника и безъ большаго шума высадили двери; Савва, разбуженный, выскочилъ въ гостинную избу и... встрѣтился лицемъ къ лицу съ непрошеннымъ гостемъ; горящая лампадка, повѣшенная у иконы въ углу комнаты, освѣщала лице выступившаго впередъ незнакомца, это былъ Игнатъ Голый.

„По кровь твою пришелъ“, закричалъ онъ и сталъ осыпать хозяина бранью.

Испуганная жена полковника съ сыномъ у груди ушла незамѣтно боковыми дверьми чрезъ садъ и поля, добралась до Рубани, подняла на ноги все село. Подчиненные Чаленка въ мгновеніе ока явились въ Степашки, но никого уже не застали... Среди комнаты лежалъ трупъ любимаго предводителя, еще теплый; кругомъ господствовалъ страшный безпорядокъ, полъ вездѣ политъ былъ кровью, только лампадка по-прежнему освѣщала эту ужасную сцену, а изъ за нея спокойно глядѣлъ на все это ликъ святаго холоднымъ, неподвижнымъ взоромъ: не тронули даже

его серебрянной ризы. Но всѣ наличныя деньги и цѣнности исчезли; кромѣ того, грабители увели все стадо коней.

Полковница осталась вмѣстѣ вдовой и нищей; возный, составлявшій реестръ потери, опредѣлилъ ее въ 80,000 злотыхъ. Нужда—это еще бездѣлица въ сравненіи съ сиротствомъ. Великій коронный гетманъ, дѣдичъ Немирова, узнавши о несчастной смерти козака, повелѣлъ мѣстному губернатору имѣть особое попеченіе о женѣ его, чтобы она ни въ чемъ не нуждалась.

Доселѣ источники россійскіе; здѣсь они прекращаются, переходимъ поэтому къ польскимъ... И тамъ легенда, и здѣсь легенда; ту во всякомъ случаѣ освѣтили и исправили новыя архивныя изысканія, а эта еще ждетъ поправокъ.

Въ козацкій полкъ Саввы случайно попалъ, какъ поручикъ милиціи, нѣкто Мощинскій, родомъ изъ Короны; онъ оказывалъ особое вниманіе оставшейся послѣ полковника вдовѣ, полюбилъ ея мальчика, какъ бы своего сына, и въ концѣ концовъ предложилъ Чаленковой выйти за него замужъ. Она согласилась, но съ условіемъ, чтобы онъ вывезъ ее изъ Украйны, полной тяжелыхъ для нея воспоминаній. Обвѣнчавшись, новобрачные отправились въ село Мощаны, въ плоцкомъ воеводствѣ, гдѣ поручикъ имѣлъ скромную усадьбу; дѣтей они не имѣли, отчимъ, умирая, оставилъ убогое имѣніе пасынку. Подростокъ воспитывался среди мазуровъ, и Чаленка они измѣнили на Цаленка, а потомъ, какъ того требовалъ мѣстный обычай, на Цалинскаго, добавили ему даже имя, прежнее же пріобрѣло значеніе родоваго прозвища. Вотъ этотъ-то сирота по убитомъ козакѣ написалъ свое славное имя въ книгѣ нашей исторіи. Онъ есть извѣстный во времена барской конфедераціи маршалъ вышегродской земли, котораго Бартошевичъ, не знаю—почему, называетъ Калинскимъ. О его происхожденіи знали наши историки. Качковскій называетъ его родителя «славнымъ полковникомъ надворныхъ козаковъ»; Войцицкій для этого отца выискалъ имя Ивана, но весьма попуталъ съ датами... Какъ бы

то ни было, молодой Іосифъ Савва Цалинскій въ 1770 году выступаетъ на болѣе широкое поле дѣятельности: начавъ походъ во главѣ 300 людей, онъ скоро увеличилъ свой отрядъ до 2,000, одержалъ побѣду подъ Дробиномъ, заходилъ иногда подъ самую даже Варшаву. Его желаніемъ было поддержать Коссаковскаго; въ концѣ того же года забрался онъ наконецъ въ предѣлы брестъ-литовскаго воеводства, но настигнутый Браницкимъ, коронnымъ ловчимъ, долженъ былъ податься назадъ. Въ мартѣ 1771 года побѣжденный подъ Красникомъ, а въ апрѣлѣ раненый подъ Шренскомъ, онъ заплатилъ жизнью за пораженіе. Объ этой-то смерти его существуетъ много разнорѣчивыхъ разсказовъ; Войцицкій говоритъ, что Цалинскій, унесенный съ поля битвы и укрытый въ млавскихъ лѣсахъ, на «грондѣ», или возвышенномъ и сухомъ мѣстѣ, которое до сего времени называется могилой Саввы, вслѣдствіе измѣны попалъ въ заключеніе въ Праснышѣ, гдѣ его, по разсказу г. Петрова, союзные солдаты убили за то, что онъ воевалъ противъ своихъ братьевъ. Очень можетъ быть, что Цалинскій всегда считалъ себя козакомъ; козакомъ называли его и товарищи по оружію... Вѣроятно мать разсказала сиротѣ печальную жизнь родителя, а она, должно быть, жила еще во время неволи сына... Печаль этой матери, полагать надо, была ужасная, и мы понимаемъ, что нѣтъ красокъ для изображенія оея... Вдова по трехъ мужьяхъ, изъ которыхъ два первые погибли отъ пули, и единственнаго сына положила въ холодной могилѣ... Дѣйствительно, можно потерять разсудокъ съ отчаянія.

О Цалинскомъ прекрасный разсказъ—настоящую поэму—оставилъ Ржевускій, пробовали и другіе свои силы на этомъ сюжетѣ. Объ отцѣ писали русскіе писатели, о сынѣ—польскіе. Пѣснь о рыцарскихъ дѣлахъ Чаленка доселѣ носится по Украйнѣ, къ рапсодіи подобрана музыка и малорусскія барышни унылымъ тономъ воспѣваютъ его подвиги. Народъ также чтитъ въ разсказахъ своего богатыря: въ ночныя стражи, на пастбищѣ, когда вокругъ огня усядется молодежь, передаются самыя разнообразныя легенды о Саввѣ богатырѣ, козакѣ запорожскомъ, который въ бою положилъ свою голову за крестьянскую волю и недолю,

чорную, закованную, кровью обагренную, потомъ орошенную, слезами облитую. Легенда превращается въ пѣсню и эта пѣсня, разсѣкая туманъ, покрывающій поляну, исчезаетъ гдѣ-то далеко въ пространствѣ. Нужды нѣтъ, что пѣсня расходится съ исторической правдой,—во всякомъ случаѣ она производитъ благотворное вліяніе, возвышаетъ и облагороживаетъ...

Такъ на Украйнѣ; а въ млавскихъ лѣсахъ около «Гронды», мазуръ, тамошній крестьянинъ, посматривая на могилу Саввы, не разъ задаетъ себѣ вопросъ, откуда здѣсь этотъ курганъ среди пущъ и болотъ съ чуждымъ названіемъ?... И шевелится въ его памяти также легенда, слышанная, можетъ быть, отъ дѣда и на половину забытая, на половину утерянная въ долголѣтнемъ скитаніи по свѣту...

И удивительно вяжутся между собой эти народныя преданья, обнимаются, какъ братья, въ объятьяхъ; но это только въ разсказѣ, ибо въ жизни... ахъ, тутъ самая ужасная ненависть та, которая запала въ сердца родственниковъ!

ИСТОЧНИКИ.

Скальковскій, Исторія Новой Сѣчи, стр. 11, 131—135.

Мордовцевъ, Гайдамаки, историческая монографія, Спб. 1870 г.

Антоновичъ, Архивъ юго-зап. Россіи, Кіевъ, т. III, часть III. Предисловіе, особ. стр. 353.

Петровъ, Война Россіи съ Турціей и съ польскими конфедератами, т. III, стр. 205.

Kaczkowski, Wiadomość o konfederacyi barskiey, s. 185, 201, 202.

Soplica (Rzewuski), Pamiętniki starego szlachcica litewskiego.

Wójcicki, Encyklopedya powszechna Orgelbranda, XXIII, s. 27.

Sadok Barącz, Pamiętniki dziejów polskich, s. 262.

Kuryer polski r. 1737, № 1, 10, 1 , 12, 21, 131; r. 1738, № 75, 78.

Tygodnik illustrowany, IV, 1861, № 115.

Большая связка инвентарей изъ первой половины прошлаго столѣтія, касающихся имѣній кн. Любомирскаго, письма Рогускаго, бывшаго губернатора рашковскаго, владѣльца Берчовки, находящейся на границѣ нынѣшняго могилевскаго уѣзда, даны мнѣ г-жей Тржецѣской, позднѣйшей послѣ Рогусскаго владѣлицей имѣнія.

Къ вопросу о „парубоцтвѣ", какъ особой общественной группѣ.

Сэръ Генри Мэнъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій [1]) между прочимъ писалъ: «многое, что я лично наблюдалъ въ Индіи, утверждаетъ меня въ мысли, что лишь съ весьма большою осторожностью надлежитъ принимать всѣ соображенія, дѣлаемыя обыкновенно о древности какихъ либо обычаевъ. Мнѣ приводили нѣкоторые обычаи, происхожденіе которыхъ относили къ весьма отдаленной древности и которые считали характерными для дѣтства человѣчества; а между тѣмъ оказывается, что они возникли въ нѣкоторыхъ племенахъ въ наше время подъ давленіемъ извѣстныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ или новѣйшихъ соблазновъ».

Но если это такъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, если нѣкоторые обычаи, пользующіеся репутаціей стародавнихъ, при болѣе тщательномъ изслѣдованіи, должны быть лишены этого значенія, то не слѣдуетъ упускать изъ виду и случаевъ обратнаго характера. Нерѣдко обычай или учрежденіе, имѣющіе повидимому сравнительно недавнее, такъ сказать, историческое происхожденіе, ведутъ въ дѣйствительности свое начало съ отдаленныхъ временъ до-историческаго прошлаго; подвергнутые сравнительному этнографическому изслѣдованію, они пріобрѣтаютъ обще-соціологическій характеръ и подъ историческими наслоеніями обнаруживаютъ ядро, возникшее на первоначальныхъ ступеняхъ культуры. Мы имѣли уже случай на страницахъ этого изданія указать на одинъ изъ подобныхъ обычаевъ, бытующій и по сіе время въ жизни малорусскаго народа (мы имѣемъ въ виду обычай «понедилкування», опытъ истолкованія котораго былъ пред-

---

[1]) Деревенскія общины.

ложенъ нами въ апрѣльской книжкѣ «Кіевской Старины» за текущій годъ). Въ настоящей замѣткѣ мы хотѣли бы обратить вниманіе читателя на другой, не менѣе интересный и столь же древній по своему происхожденію, малорусскій обычай, а именно на явленіе «парубоцтва» или «парубоцкой громады», многоцѣнное сообщеніе о которомъ г. Боржковскаго помѣщено въ сентябрьской книжкѣ «Кіев. Стар.» за настоящій годъ.

«Наблюдая «парубоцтво» въ современномъ его состояніи, говоритъ г. Боржковскій, нельзя не видѣть, что многое изъ того, чѣмъ оно живетъ и обставлено теперь, съ мелочною даже обрядностью, есть остатокъ давно минувшей жизни, гдѣ нерѣдко духъ и смыслъ давно испарились и осталась одна только форма» [1]). Хотя здѣсь и говорится о давно минувшихъ временахъ, но, конечно, это говорится лишь въ относительномъ смыслѣ, и начало «парубоцтва», какъ общественной группы, не выводится г. Боржковскимъ за предѣлы историческаго прошлаго. Если имѣть въ виду нѣкоторыя права и обязанности, принадлежащія нынѣ парубоцкой громадѣ, то возможно согласиться, что эти обязанности и эти права она получила во времена историческія и притомъ не особенно давнія,— въ періодъ возникновенія въ малорусской жизни братствъ, и что съ этой точки зрѣнія весьма возможно, что «въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ нынѣшнее парубоцтво, какъ думаетъ г. Боржковскій, представляется ничѣмъ инымъ, какъ осколкомъ молодшихъ братствъ». Но если мы примемъ во вниманіе не нѣкоторыя, а всю сумму присущихъ парубоцтву правъ и практикуемыхъ имъ обыкновеній, если мы примемъ на видъ, что такія обыкновенія какъ «улыця» и «вечерныци» присущи, какъ правило, исключительно парубоцтву, то мы принуждены будемъ отодвинуть возникновеніе «парубоцтва», какъ общественной группы, въ несравненно болѣе отдаленное, выходящее за предѣлы историческаго, прошлое. Сравнительно-этнографическое изслѣдованіе этого вопроса даетъ удовлетворительное подтвержденіе высказанному мнѣнію. Намъ думается, что данныя, представляемыя этимъ изслѣдованіемъ, даютъ достаточныя основанія къ утвержденію, что *наблюдаемое нынѣ въ малорусской жизни группированіе молодежи, достигшей зрѣлаго возраста, въ болѣе или менѣе ор-*

---

[1]) „Кіевская Старина", 1887 г., т. IX, стр. 766.

ганизованныя группы, выдѣляющіяся изъ остальныхъ группъ, возникло на первоначальныхъ ступеняхъ культуры и что впослѣдствіи жизнь, подъ давленіемъ извѣстныхъ условій и требованій, лишь воспользовалась уже готовою формою и принаровила ее къ своимъ цѣлямъ, обставивъ ее и соотвѣтствующею симъ цѣлямъ обрядностью.

Періодъ отъ дѣтства къ состоянію совершеннолѣтія и половой зрѣлости отмѣчается у громаднаго большинства, если не у всѣхъ народовъ, стоящихъ на низшихъ ступеняхъ культуры, особыми обрядовыми дѣйствіями надъ подлежащимъ индивидуумомъ. Оставляя въ сторонѣ тѣ относящіяся сюда дѣйствія, объектомъ которыхъ является дѣвушка, впервые подвергшаяся мѣсячному очищенію, мы обратимъ наше исключительное вниманіе на дѣйствія, относящіяся къ достигшему половой зрѣлости respect. совершеннолѣтія юношѣ. У горныхъ альфуровъ на Церамѣ, по свидѣтельству Іеста (Joest) [1]), каждый молодой человѣкъ, достигшій пятнадцатилѣтняго возраста, торжественно опоясывается *твидако* (особый родъ пояса) и отъ него ожидаютъ теперь пріобрѣтенія головы (непріятельской). Съ этихъ поръ онъ спитъ въ *баилео* (большія общественныя зданія) и причисляется къ воинамъ, въ совѣтахъ и празденствахъ которыхъ отнынѣ онъ можетъ принимать участіе. У минкоповъ, обитателей андаманскихъ острововъ, по свидѣтельству Франсиса Дея [2]), молодыя дѣвушки, достигшія брачнаго возраста, носятъ извѣстные цвѣты, которые отличаютъ ихъ отъ ихъ сотоварокъ, болѣе молодыхъ или уже вышедшихъ замужъ. Молодые-же люди, покушавъ одинъ видъ ската, именуемаго *goom-dah*, получаютъ титулъ *goom-mo*, что означаетъ «молодой человѣкъ, желающій жениться [3]). Съ этого мо-

---

[1]) Verhandlungen der Berlines Ges. für Antropologie, Ethnologie u. Urgerschichte. 1882, s. 68.

[2]) Revue d'antropologie, 1872, p. 203.

[3]) Интересно сопоставленіе этого наименованія съ малорусскимъ наименованіемъ „парубокъ". Въ основѣ того и другаго лежитъ мысль о приближеніи даннаго индивидуума къ брачному состоянію. Но въ то время какъ у андаманезцевъ, сохранившихъ живые слѣды первобытныхъ отношеній половъ, упомянутое наименованіе выражаетъ общую мысль о намѣреніи юноши *вообще* сочетаться бракомъ, у малорусскаго народа, давно вступившаго въ строго моно-

мента въ теченіе цѣлаго года онъ подчиняется специальному режиму. Юноша совершенно воздерживается отъ вкушенія меда. Если онъ охотникъ на кабановъ, то продолжаетъ свои экскурсіи для нуждъ населенія, самъ же долженъ отказаться отъ употребленія этой дичи и жить продуктами рыбной ловли. Наоборотъ, если онъ рыболовъ, долженъ питаться мясомъ. Когда каффрскій юноша, говоритъ миссіонеръ Наугаусъ [1]), достигаетъ 15—18-тилѣтняго возраста, онъ подвергается обрѣзанію (обычный на этотъ случай обрядъ у большинства африканскихъ народовъ) и при посредствѣ этого акта входитъ въ кругъ мущинъ. Съ этою церемоніею связаны многочисленные танцы и празднества, въ которыхъ особенно живое участіе принимаютъ женщины и дѣвушки. Въ продолженіи всего этого времени молодые люди натираютъ тѣло бѣлой глиной до неузнаваемости, имѣя видъ дьяволовъ. Они образуютъ въ это время тѣсно замкнутую общину и живутъ въ сторонѣ отъ деревень въ особомъ, спеціально выстроенномъ для нихъ домѣ, такъ какъ они почитаются нечистыми. У индійцевъ сѣверо-запада Соединенныхъ Штатовъ, по словамъ Каррингтона [2]), молодой человѣкъ, желающій быть принятымъ въ число воиновъ, подвергается жестокимъ испытаніямъ. Въ Австраліи и Полинезіи встрѣчаемъ тѣ же истязанія и мученія при достиженіи возмужалости. Въ большинствѣ случаевъ и здѣсь практикуется обрѣзаніе, но вмѣстѣ съ обрѣзаніемъ или вмѣсто него встрѣчается изувѣченіе другихъ частей тѣла, какъ напр. выбиваніе зуба или отсѣченіе пальцевыхъ суставовъ [3]).

Мы не станемъ утруждать далѣе читателя цитированіемъ многочисленныхъ свидѣтельствъ по сему предмету различныхъ путешественниковъ. Богатое собраніе однородныхъ съ приведенными фактовъ любопытный читатель найдетъ въ сочиненіяхъ Мантегацца [4]) и Плосса [5]), а равно и въ цитированной только что статьѣ г. Ку-

---

гамическую форму брака, это наименованіе выражается въ терминѣ, соотвѣтствующемъ моногамической формѣ: goom-mo—просто желающій сочетаться бракомъ, парубокъ же, имѣющій въ виду спаруваться, найти себѣ *пару*.—*Прим. авт.*

[1]) Verhandl. der Berl. Gesch. cit. p. 205.

[2]) Cit. y St. Wake. Revue d'antropologie, 1876, V, 149.

[3]) M. Kulischer. Zeitschrift für Ethnologie, 1883, 15, s. 200.

[4]) L'amour dans l'humanité.

[5]) Das Kind in Brauch und Sitte der Völker. Stuttg. 1876.

липера. Приведенные нами примѣры, взятые на выдержку изъ этнографіи азіатскихъ, африканскихъ, американскихъ и океанійскихъ народовъ, достаточно, какъ намъ кажется, выясняютъ общій характеръ обрядовъ, практикуемыхъ надъ пришедшими въ возмужалость юношами. Изъ нихъ читатель усмотритъ, что у народовъ какъ стараго, такъ и новаго свѣта проводится грань между юношами, достигшими и не достигшими зрѣлости. Такая-же грань лежитъ и между сими послѣдними и мущинами женатыми. Обособленное сими гранями молодое поколѣніе, достигшее брачнаго возраста, образуетъ особую группу, въ высшей степени интересную въ соціологическомъ отношеніи. Чтобы дать понятіе о характерѣ подобныхъ группъ, приведемъ относящіяся сюда свидѣтельства путешественниковъ.

«Всѣ неженатые молодые люди (у горныхъ альфуровъ), говоритъ Іестъ, другое свидѣтельство коего относительно тѣхъ-же альфуровъ мы уже цитировали выше, спятъ вмѣстѣ въ большомъ общественномъ зданіи, баилео, обязательно существующемъ во всякой деревнѣ. Это—платформа, покоющаяся на древесныхъ стволахъ на высотѣ 6—8 дюймовъ подъ поверхностью земли, безъ стѣнъ, но съ пальмовой крышей, поддерживаемой бамбуковыми столбами, вполнѣ достаточная для сотни постелей» [1]). Въ каждой гаросской деревнѣ, по извѣстію Годвина Аустена [2]), имѣется домъ подъ названіемъ *бомьбангъ*, предназначенный для молодыхъ людей; домъ этотъ по величинѣ самый большой; онъ построенъ на высокихъ сваяхъ и имѣетъ фасадъ разукрашенный различной рѣзьбой. Не женатые мущины, достигшіе зрѣлости, спятъ исключительно здѣсь, и ни одинъ путешественникъ не можетъ туда проникнуть. Этотъ обычай, по свидѣтельству того же лица, распространенъ также между микирами и нагасами, другими племенами, обитающими по Брамапутрѣ. Подобные же дома, носящіе названіе «доомкореа» (домъ холостыхъ), имѣются по свидѣтельству Дальтона [3]), и въ каждой ораонской деревнѣ. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ, по словамъ того же изслѣдова-

---

[1]) Jost. loc. cit.

[2]) Revue d'antropologie, 1873, 2, p. 727.

[3]) Cit. у Н. Зибера. Очерки первобытной экономич. культуры. Москва, 1883 г., стр. 314.

теля, имѣются особые дома и для незамужнихъ дѣвушекъ; надъ ними въ видѣ дуэньи назначается старая женщина; она всегда вооружена палкою для удержанія вдали мальчишекъ. Круговое пространство передъ фронтомъ доомкореи поддерживается въ чистотѣ, какъ мѣсто для деревенскихъ танцевъ; оно обыкновенно прикрывается тѣнью прекрасныхъ старыхъ деревьевъ, а вокругъ располагаются мѣста для зритетей или для уставшихъ танцоровъ..... Благодаря этому обычаю, взрослые юноши и дѣвушки представляютъ изъ себя совершенно особое общество; сходиться имъ между собою почти не ставится препятствій; они образуютъ изъ самихъ себя пріятную компанію, отъ которой старики замѣтно держатся вдали. Если ухаживанье оказалось зашедшимъ слишкомъ далеко, то дѣло вообще устраивается такъ, что юноша вноситъ за дѣвушку плату и беретъ ее себѣ въ жены. Тотъ же обычай, по словамъ г. Зибера, встрѣчается въ Абиссиніи и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ восточной Африки. У туземцевъ маріанскихъ острововъ, по свидѣтельству Ле-Гобіена [1]), неженатая молодежь живетъ въ общественныхъ домахъ, куда они помѣщаютъ также для брачнаго сожительства нанятыхъ или купленныхъ для сей цѣли дѣвушекъ. Наконецъ, однородное явленіе мы встрѣчаемъ и у обитателей Новаго Свѣта, какъ напр. у чикитовъ, одного изъ южно-американскихъ племенъ, у которыхъ, по словамъ д'Орбиньи [2]), въ каждой деревнѣ, кромѣ частныхъ жилищъ, существуетъ обширный общинный домъ, предназначенный для пріема иностранныхъ посѣтителей, а также и для молодыхъ людей обоего пола, которые удаляются изъ своихъ семействъ, чтобы жить вмѣстѣ до брака.

На сколько намъ извѣстно, впервые обратилъ вниманіе на подобные факты и указалъ ихъ важное соціологическое значеніе г. Зиберъ въ статьѣ своей «Еще о братствахъ», помѣщенной въ январьской книжкѣ журнала «Слово» за 1881 годъ, а затѣмъ и въ позднѣйшемъ уже цитированномъ нами сочиненіи своемъ по первобытной экономической культурѣ. Обобщая эти факты, г. Зиберъ подводитъ ихъ подъ общую формулу обычая, согласно которому молодежь обоего пола удаляется отъ своихъ родныхъ и живетъ вмѣс-

---

[1]) Ibid., стр. 314.

[2]) Ibid., стр. 311.

тѣ до брака [1]), и не безъ основанія видитъ въ этомъ «родъ переживанія въ молодомъ поколѣніи первобытныхъ формъ общиннаго брачнаго союза, уже покинутыхъ старыми» [2]). Изложенные нами выше факты, правдоподобно. подтверждаютъ такой взглядъ. Въ самомъ дѣлѣ, если мы примемъ во вниманіе, что хотя въ нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ свидѣтельствъ, а именно въ свидѣтельствахъ Іеста и Годвина Аустена объ альфурахъ и гаросахъ и не говорится прямо о половомъ сожительствѣ молодежи, но что тѣ-же изслѣдователи свидѣтельствуютъ дальше, что «дѣвству они (альфуры) не придаютъ никакой цѣны [3])», обстоятельство, предполагающее существованіе добрачной свободы въ отношеніяхъ половъ, и что у гаросцевъ, микировъ и нагасовъ въ равной степени существуетъ эта свобода [4]), то мы въ правѣ будемъ заключить, что во *всѣхъ* приведеныхъ примѣрахъ *группированія* молодежи мужескаго пола въ особыя группы имѣетъ мѣсто и свободное *сожительство* ея съ женскою молодежью. На подобное *сосуществованіе* сихъ двухъ явленій едвали было бы правильно смотрѣть, какъ на случайное. Мы позволяемъ себѣ высказать мнѣніе, что оно является *типичнымъ* для общаго строя жизни народовъ, въ періодъ, когда семейно-общественныя отношенія зиждились на началѣ коммунизма, найболѣе законченный образецъ чему являютъ индійцы Новаго Свѣта. Путешествующій по индійскимъ территоріямъ центра или юга Соединенныхъ Штатовъ часто встрѣчаетъ деревни, состоящія изъ одного или двухъ домовъ, имѣющихъ отъ 100 до 150 фут. длины, гдѣ скучены 40 или 50 родственныхъ семей. Минитаріи и манданы живутъ въ многоугольныхъ хижинахъ, въ которыхъ помѣщаются нѣсколько хозяйствъ, а длинныя хижины индійцевъ Колумбійской рѣки (Columbia River) вмѣщаютъ въ себѣ сотни обитателей. Нѣкоторыя индійскія деревни, какъ напр. Тумасчемутуль, въ долинѣ Колумбіи, или Таисъ (въ Новой Мексикѣ) состоятъ исключительно изъ одного, или двухъ колоссальныхъ домовъ, поднимающихся на 5 или на 6 этажей посредствомъ ряда террасъ, нагроможденныхъ одна на другую, и содержать въ себѣ отъ 3 до 400 людей. Въ кантонѣ Ріочано на сѣверо-западъ отъ Санта Фе

---

1) Очерки etc., стр. 311.

2) „Еще о братствахъ" Слово. 1881 г., т. I, ст. 199.

3) Loc. cit. p. 70.

4) Loc. cit. p. 729.

сохранилась до сихъ поръ группа изъ семи *pueblos*, развалины общественныхъ зданій, изъ которыхъ каждое могло вмѣщать въ себѣ отъ 700 до 800 человѣкъ[1]). «Подобныя зданія, замѣчаетъ по поводу этого извѣстія Жиро-Тёлонъ[2]), принимавшіяся первыми испанцами за дворцы, суть массивныя постройки, наполненныя индѣйцами, живущими въ половомъ смѣшеніи[3]). Мексика, Юкатанъ и Гватемала до появленія европейцевъ имѣли множество подобныхъ деревень». Можно сказать, что обычай общинныхъ домовъ (общежитій) былъ господствующимъ у всѣхъ индійцевъ Америки (Gir. Teul. les origines etc. p. 183). Въ виду сихъ фактовъ, мы думаемъ, что и *сосуществованіе у достигшаго половой зрѣлости молодаго поколѣнія группированія въ особыя отъ взрослыхъ организаціи съ свободнымъ половымъ сожительствомъ вполнѣ правдоподобно можетъ почитаться переживаніемъ указанной формы семейно-общественныхъ отношеній первобытнаго времени или, точнѣе, той культурной ступени, на которой наблюдается господство коммунизма въ сферѣ брачныхъ отношеній.*

Вотъ къ такимъ-то явленіямъ первобытной организаціи молодаго поколѣнія относится, по нашему мнѣнію, и явленіе «парубоцтва».

Впервые на это соотношеніе, сколько намъ извѣстно, указалъ также г. Зиберъ въ упомянутой уже статьѣ «Еще о братствахъ». Къ сожалѣнію, однако, дѣлая сопоставленіе института парубоцкой громады съ первобытными организаціями молодежи, г. Зиберъ не счелъ необходимымъ опереться при этомъ сопоставленіи на одной изъ характерныхъ принадлежностей этого института, а именно на явленіи вечерницъ, а безъ этого сдѣланное имъ сопоставленіе является проблемматичнымъ и совершенно произвольнымъ, ибо собственно организація молодежи въ особенную группу, наблюдаемая

---

[1]) Lew. Morgan. Smiths. Contributions of knowledge, v. 17, p. 254, 258, 261, 262 и 488.

[2]) Жиръ-Тѣлонъ. Происхожденіе семьи. Спб. 1876 г., стр. 22.

[3]) Когда Колумбъ прибылъ въ Кубу, его эмиссары нашли здѣсь деревни, состоящія изъ большихъ домовъ, занятыхъ каждый многочисленными семьями, живущими въ полномъ безпорядочномъ половомъ смѣшеніи. См. Girand-Teulon. Les origines du mariage et de la famille, Gen. 1884, p. 181. Здѣсь подробности относительно подобныхъ индійскихъ общежитій, стр. 181—184.

въ институтѣ парубоцкой громады, можетъ принадлежать самымъ различнымъ культурнымъ эпохамъ. Если-же что и даетъ право на отнесеніе сего института къ категоріи очерченныхъ выше первобытныхъ организацій молодежи, то именно *сопутствованіе его явленіемъ вечерницъ.*

Соціальное явленіе «вечерницъ» не такъ давно обратило на себя вниманіе между прочимъ и на страницахъ настоящаго изданія. Въ мартовской книжкѣ «Кіевской Старины» за 1886 г. г. Сумцовъ подробно остановился на этомъ явленіи. Соглашаясь съ общимъ взглядомъ автора на вечерницы, какъ на явленіе, принадлежащее глубокой древности, мы, къ сожалѣнію, не можемъ вслѣдъ за нимъ придавать имъ *первоначальное* значеніе пробнаго брака. Остановимся прежде всего на самомъ явленіи пробнаго брака и постараемся выяснить, по возможности, его соціологическій характеръ.

По мнѣнію г. Сумцова пробный бракъ представляетъ собою «переходную ступень отъ коммунизма и полигаміи (?) къ моногаміи» [1]). Съ этимъ положеніемъ (отбросивъ, конечно, полигамію) можно согласиться, но лишь подъ нѣкоторымъ условіемъ. Какъ извѣстно, характерную черту переходныхъ явленій, обусловливающую ихъ высокій соціологическій интересъ, составляетъ оригинальное, лишь имъ однимъ свойственное, сочетаніе формы и содержанія. Форма — элементъ наиболѣе консервативный. «Народъ, говоритъ г. Ефименко, выработываетъ формы своего быта страшно медленнымъ стихійнымъ процессомъ и когда жизнь представляетъ ему новыя требованія, онъ не имѣетъ сначала возможности удовлетворить ихъ иначе, какъ въ старыхъ формахъ, которыя съ нимъ такъ сказать срослись» [2]). Нѣсколько меньшій консерватизмъ наблюдается въ процессѣ измѣненія *содержанія* соціальныхъ явленій. Хотя и въ этомъ отношеніи смѣна одной системы идей другой не происходитъ мгновенно, а совершается лишь постепенно, однако этотъ послѣдній процессъ несомнѣнно идетъ быстрѣе перваго. Если-бы мы пожелали выразить соотвѣтствіе между ходомъ сихъ двухъ процессовъ въ математическихъ терминахъ, то мы подошли бы ближе всего къ истинѣ, сказавъ, что въ то время какъ смѣна идей совершается

---

[1]) „Кіевск. Стар." 1886 г., т. III, стр. 431.

[2]) Слово, 1880 г., сентябрь.

въ геометрической прогрессіи, смѣна формъ, облекающихъ эти идеи въ соціальныхъ явленіяхъ, происходитъ въ прогрессіи ариѳметической. Этимъ-то обстоятельствомъ, обнаруживающимъ наличность загадочнаго для насъ закона экономіи въ соціальномъ строительствѣ, и обусловливается присутствіе старыхъ формъ быта не только въ явленіяхъ переходныхъ отъ прежней системы общественныхъ отношеній къ новой, но даже и въ сферѣ явленій, уже всецѣло подчиненныхъ новому строю идей. Такимъ образомъ, въ области переходной отъ одного строя жизни къ другому всегда можно ожидать встрѣтиться съ такимъ явленіемъ, идеальное содержаніе коего принадлежитъ новой системѣ міровоззрѣнія, въ то время какъ форма носитъ на себѣ еще ясные слѣды уже отжившей эпохи.

Въ такомъ видѣ, по нашему мнѣнію, представляется и явленіе пробнаго брака. По своему содержанію это явленіе отнюдь не принадлежитъ эпохѣ коммунальнаго брака. По крайней мѣрѣ въ этой эпохѣ мы не видимъ элементовъ, которые могли бы послужить къ возникновенію положенной въ основу пробнаго брака идеи предварительнаго испытанія невѣсты со стороны ея годности къ брачной жизни и дѣторожденію [1]). Если же мы примемъ во вниманіе, что и прочность моногамическаго союза не могла оказать вліянія на возникновеніе этого обычая, ибо обыкновенно неспособность къ брачной жизни и дѣторожденію служитъ вездѣ одною изъ главныхъ причинъ расторженія брака, то мы должны будемъ придти къ заключенію, что идея пробнаго брака возникла независимо какъ отъ моногамическихъ идей, такъ равно и отъ строя идей, соотвѣтствующихъ системѣ коммунальнаго брака. Намъ думается, что при изысканіи причинъ возникновенія института пробнаго брака нѣтъ

---

[1]) Не указываетъ ихъ и г. Сумцовъ, а равно напрасно стали бы мы искать такого указанія и у Поста, ставящаго пробный бракъ также въ связь съ эпохой коммунальныхъ брачныхъ отношеній. „Съ первоначальной общностью женъ, говоритъ онъ въ сочиненіи своемъ „Die Geschlechtsgenossenschaft der Urzeit“ s. 38, въ самой тѣсной связи стоитъ древнѣйшее состояніе брачныхъ отношеній. Даже тамъ, гдѣ одинъ мущина вступаетъ въ брачную связь съ одною женщиной, эта связь первоначально чрезвычайно рыхла. Съ одной стороны мы встрѣчаемъ здѣсь часто браки на пробу и на время, съ другой стороны большую легкость въ расторженіи брачнаго союза“. Вотъ и все, что г. Постъ считаетъ необходимымъ сказать въ разъясненіе такого явленія, какъ пробный бракъ. Недостаточность этого очевидна сама собою.

нужды становиться на почву общихъ соціологическихъ причинъ. Подобно тому, какъ въ *нѣкоторыхъ* случаяхъ обычай похищенія невѣстъ можетъ быть вполнѣ правдоподобно объясненъ частными экономическими мотивами (желаніемъ избѣгнуть уплаты выкупа за невѣсту), такъ и въ данномъ случаѣ такіе же экономическіе мотивы, желаніе избѣжать вторичныхъ свадебныхъ издержекъ (мы имѣемъ въ виду не выкупъ, а другіе расходы, не возвращаемые при расторженіи брака по винѣ жены), могли послужить поводомъ къ возникновенію обычая отдавать предпочтеніе дѣвушкѣ, доказавшей способность къ брачной жизни и дѣторожденію.

Но если такимъ образомъ *идея* обычая пробнаго брака никоимъ образомъ не можетъ быть выведена изъ обычаевъ и понятій, присущихъ эпохѣ коммунальныхъ брачныхъ отношеній, то *форма*, въ которую облекается эта идея, можетъ, наоборотъ, находиться подъ сильнымъ вліяніемъ сихъ понятій и обычаевъ. Со стороны формы мы различаемъ въ пробномъ бракѣ двѣ стадіи: первая стадія, когда отъ женщины требуются только явныя доказательства ея способности къ дѣторожденію, а слѣд. и къ брачной жизни (состояніе беременности или имѣніе дѣтей), причемъ не обращается вниманія на контрагента ея прелимирнаго сожительства, и вторая, когда этимъ контрагентомъ является обязательно лице заинтересованное. Примѣры первой стадіи мы можемъ наблюдать у вотяковъ, у которыхъ парни только въ такомъ случаѣ женятся на дѣвушкѣ, когда она обѣщаетъ въ скоромъ времени сдѣлаться матерью [1]), и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ Россіи, какъ напримѣръ въ мезенскомъ уѣздѣ, гдѣ невинность дѣвушки вовсе не цѣнится, а напротивъ родившая дѣвушка скорѣе находитъ себѣ мужа, чѣмъ сохранившая дѣвственность [2]). Примѣры второй стадіи являютъ намъ нѣкоторые американскіе и азіатскіе народы. У мускогіевъ, одного изъ индѣйскихъ племенъ, бракъ длится одинъ годъ, но вовобновляется, если плодомъ его являются дѣти [3]) (знакъ способности къ дѣторожденію). У отоміевъ, тоже одного изъ индѣйскихъ племенъ, молодой человѣкъ спитъ съ дѣвушкой, на которую палъ его выборъ, одну ночь; если

---

[1]) Сумцовъ, „Кіев. Стар." 1886 г., т. 3, стр. 431.
[2]) Ibid. стр. 432.
[3]) Post. Die Geschlechtsgenoss. der Urzeit, s. 39.

она не понравится ему, онъ расходится съ ней; если же понравится, то онъ остается съ ней весь слѣдующій день и тогда уже не имѣетъ права кинуть ее[1]) (способность къ брачной жизни). На Цейлонѣ впродолженіи первыхъ 14 дней бракъ имѣлъ временный характеръ; по истеченіи же сего срока онъ или объявлялся недѣйствительнымъ или же утверждался[2]) (способ. къ брачной жизни).

Очевидно, что первая стадія обусловлена понятіями *сохранившимися* еще отъ эпохи коммунальнаго брака, когда дѣвству невѣсты не придавалось никакого значенія и когда допускалась свобода половыхъ отношеній дѣвушки, вторая же—понятіями, *возникшими* уже въ эпоху установленія моногамическаго брака, когда со стороны невесты требовалось соблюденіе цѣломудрія и когда добрачное лишеніе невѣсты дѣвства, предполагаемое институтомъ пробнаго брака, осуществлялось самимъ лицемъ заинтересованнымъ (женихомъ). Эта-то послѣдняя форма (собственно видоизмѣненіе ея) и наблюдается въ современныхъ малорусскихъ вечерницахъ.

Такимъ образомъ малорусскія вечерницы ни по идеѣ, ни по формѣ воплотившагося въ нихъ обычая пробнаго брака не могутъ почитаться явленіемъ, возникшимъ подъ вліяніемъ коммунальнаго брака, а потому взглядъ на нихъ съ одной стороны, какъ на пробный бракъ, съ другой же, какъ на явленіе, вытекшее изъ коммунальнаго брака является, по нашему мнѣнію, противорѣчіемъ. Это противорѣчіе, однако, легко устраняется, если мы обратимъ вниманіе на другую сторону вечерницъ, а именно на присущій имъ характеръ *коллективности*. Исходя изъ этого элемента коллективности, мы различаемъ въ процессѣ развитія соціальнаго явленія вечерницъ три момента.

Въ первый моментъ вечерницы являются ничѣмъ инымъ, какъ фактическимъ сожительствомъ молодежи обоего пола, сожительствомъ, не преслѣдующимъ какихъ либо постороннихъ, внѣ его лежащихъ, цѣлей, а *существующимъ само для себя*.

Въ такомъ видѣ они являются въ нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ нами выше примѣровъ организаціи молодежи (на маріанскихъ островахъ и у чикитовъ). Типическимъ представителемъ подобнаго

---

[1]) Ibid., s. 39.

[2]) Ibid., s. 40.

рода сожительства можетъ почитаться относящійся сюда обычай домарровъ, одного изъ горныхъ племенъ Белуджистана. По свидѣтельству Беллева (Bellew) «въ извѣстныя эпохи весною и лѣтомъ молодые люди и дѣвушки (домарровъ) сходятся вечеромъ при крикахъ «Pîr marr, nadaî, jivandaî daî» (старикъ не умеръ, онъ живъ еще!) и предаются всякаго рода играмъ и танцамъ. Когда же наступитъ темнота, они собираются, избираютъ другъ друга и каждая пара отдѣльно исчезаетъ за скалами и кустами и остается тамъ до тѣхъ поръ, пока родители сильными криками не подадутъ сигнала къ возвращенію. Эти временныя связи, прибавляетъ Беллевъ, *обыкновенно не имѣютъ своимъ слѣдствіемъ бракъ* (курсивъ нашъ), но этому странному обыкновенію приписываютъ значительное увеличеніе племени, а равно замѣчательное физическое развитіе, отличающее домарровъ» [1]). Точно также, по свидѣтельству Эйра, у многихъ австралійскихъ племенъ сожительство молодежи обоего пола допускается, какъ обычай, безъ всякаго ограниченія. Молодой человѣкъ во время собранія уводитъ съ собою молодую дѣвушку и по утру возвращаетъ ее обратно. Дѣвушки на 11 году, а мальчики на 13 или 14 году входятъ во взаимныя половыя сношенія [2]).

---

[1]) Revue d'anthropologie, 1874, 3, p. 169.

[2]) Cit. у Зибера. Очерки и проч., стр. 315. Быть можетъ, къ категоріи тѣхъ же фактовъ надлежитъ отнести и слѣдующее частное сообщеніе ученаго лѣсовода Добровлянскаго (отъ 29 іюня сего 1887 года), обязательно сообщенное намъ М. К. Васильевымъ. „Для иллюстраціи значенія мѣстныхъ промысловъ, пишетъ г. Добровлянскій, приведу одинъ фактъ, сильно меня заинтересовавшій. Въ нѣкоторыхъ лѣсныхъ деревняхъ муромскаго уѣзда (владимірской губ.) существуетъ фактъ свободнаго сожительства молодежи и существуетъ съ незапамятныхъ временъ; съ нимъ свыклись, и когда парню приходилось отдѣляться и заводить свое хозяйство, то онъ женился, не особенно смущаясь тѣмъ, что у его супруги есть уже нѣсколько ребятъ отъ него или отъ кого другаго. Крестьяне занимались смолокуреніемъ, которое въ послѣднее время упало и заставило ихъ обратиться къ механической разработкѣ лѣса, дающей меньше заработковъ; въ результатѣ оказалось, что народъ „шибко обѣднялъ“ и брать супругу съ ребятами оказалось уже накладнымъ; такъ какъ отказаться отъ гульбы было не легко, а спросъ явился на бездѣтныхъ, то мигомъ явились и мастерицы, начавшіе фабриковать бездѣтность..... Кромѣ того раздѣлы стали болѣе часты, браки стали поэтому заключаться чаще и слѣд. раньше, и для гульбы (здѣсь называютъ это „*стояніемъ*“) остался 12—15 лѣтній возрастъ“. По отсутствію необходимыхъ данныхъ, мы не можемъ опредѣлить, что здѣсь надлежитъ отнести къ общимъ законамъ развитія брака и что къ частному паденію нравственности.

Во второй моментъ, наступающій *при встрѣчѣ* очерченнаго только что обыкновенія съ возникшею подъ вліяніемъ *специальныхъ* причинъ идеей пробнаго брака, фактическое сожительство молодежи *само для себя* обращается въ *прелиминарное* сожительство, имѣющее въ виду бракъ, а подъ вліяніемъ моногамическихъ идей кромѣ того и въ сожительство заинтересованнаго лица. Примѣръ такой фазы мы видѣли выше у ораонцевъ, у которыхъ «если ухаживанье оказалось зашедшимъ слишкомъ далеко, то дѣло вообще устраивается такъ, что юноша взноситъ за дѣвушку плату и беретъ ее себѣ въ жены». Примѣръ состоянія переходнаго отъ перваго по второму моменту могутъ представить вечерницы, наблюдаемыя въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи. Такъ напр. въ новгородской и псковской губерніяхъ дѣвицы вмѣняютъ себѣ въ честь имѣть на посидѣлкахъ любовника, или, какъ тамъ говорятъ, дружиня, что вовсе не мѣшаетъ имъ потомъ выйти замужъ *за кого бы то ни было. Обыкновенно* дружень впослѣдствіи становится мужемъ (курсивъ нашъ) [1].

Наконецъ, подъ вліяніемъ дальнѣйшаго развитія моногамическихъ идей наблюдаемое во 2-й моментъ *фактическое* прелиминарное сожительство обращается въ *номинальное*, и вечерницы вступаютъ въ третій и послѣдній періодъ своего развитія, въ которомъ они существуютъ и по настоящее время. Въ этотъ періодъ они превращаются въ простое нравственное увеселеніе молодежи, доставляющее ей удобный случай для сближенія и служа такимъ образомъ первой ступенью къ браку.

Такимъ образомъ вечерницы въ третьей фазѣ своего развитія, т. е. въ той именно фазѣ, въ какой онѣ въ настоящее время связаны съ институтомъ «парубоцкой громады», представляютъ комбинацію двухъ элементовъ, принадлежащихъ двумъ различнымъ эпохамъ брачныхъ отношеній,—элемента пробнаго брака, принадлежащаго эпохѣ индивидуализаціи сихъ отношеній, и элемента коллективизма, принадлежащаго эпохѣ коммунальнаго брака. Восходя же отъ этой фазы къ первоначальному моменту въ развитіи вечерницъ, мы все болѣе и болѣе выходимъ изъ сферы моногамическихъ отношеній и все болѣе и болѣе приближаемся къ сферѣ общин-

---

[1]) Путевыя писвма Якушкина cit. у Сумцова op. cit. p. 433.

ныхъ брачныхъ связей, пока наконецъ не достигаемъ чистыхъ формъ коммунальнаго брака безъ всякихъ постороннихъ примѣсей. Въ такомъ видѣ и представляется *прототипъ* современныхъ вечерницъ, обязательно связанныхъ съ институтомъ «парубоцкой громады». Принявъ же это во вниманіе и припомнивъ сказанное нами о первобытныхъ организаціяхъ молодежи, мы, думается намъ, будемъ въ правѣ придти къ высказанному нами выше заключенію, а именно, что *наблюдаемое нынѣ въ малорусской жизни группированіе молодежи, достигшей зрѣлаго возраста, въ болѣе или менѣе организованныя группы, отъ остальныхъ общественныхъ группъ, возникло на первоначальныхъ ступеняхъ культуры и должно быть причислено къ категоріи явленій первобытной организаціи молодаго поколѣнія съ свободнымъ половымъ сожительствомъ внутри сихъ организацій.* А такъ какъ эти первобытныя организаціи, какъ было указано раньше, представляютъ собою ничто иное, какъ переживаніе эпохи коммунальнаго брака, то *существующее нынѣ въ жизни малорусскаго народа явленіе «парубоцтва» или «парубоцкой громады» должно почитаться свидѣтельствомъ и памятникомъ того, что эта эпоха нѣкогда была пережита симъ народомъ.*

Н. Н. Чернышевъ.

ЗАПИСКИ В. И. ЯРОСЛАВСКАГО.

(ОКОНЧАНІЕ) [1].

Когда, прибывъ въ Одессу, явился я къ графу Ланжерону, онъ съ восклицаніемъ спросилъ меня:

— А мосье Ярославскій! чѣмъ васъ поздравить, коллежскимъ ассесоромъ? Получили отъ университета аттестатъ?

Я представилъ ему аттестатъ.

— Вы хотѣли быть коллежскимъ ассесоромъ по моей ошибкѣ. теперь будете имъ по закону, сказалъ тогда графъ и за тѣмъ спросилъ:

— Отъ чего вы не хотите служить при Инзовѣ?

— Если вамъ не угодно будетъ дать мнѣ мѣсто подъ вашимъ начальствомъ, отвѣчалъ я, то поѣду къ нему.

Тогда графъ сказалъ:

— Есть вакансія совѣтника таврическаго губернскаго правленія. По полученіи вашей просьбы, я никого на нее не представлялъ. Но вы опять меня оставите?

Я отвѣчалъ, что намѣренъ жениться.

— Это другое дѣло, сказалъ онъ.—Такъ добръ и такъ снисходителенъ и ласковъ былъ графъ Ланжеронъ!

Отдавая мой аттестатъ правителю канцеляріи Гуржееву, онъ велѣлъ написать обо мнѣ представленіе. Откланявшись ему и простясь съъ Ив. Ив. Гуржеевымъ, я выѣхалъ изъ Одессы съ тѣми же извощиками, съ которыми пріѣхалъ изъ Харькова.

---

[1]) См. „Кіев. Стар." 1887 г., октябр. кн., стр. 289—330.

Въ Херсонѣ былъ въ казенной палатѣ и видѣлъ, что всѣ совѣтники получили Владимірскіе кресты, даже оба бывшіе мои столоначальники имѣли Аннинскіе 4-й степени, а вице-губернаторъ Петрулинъ Владиміра 3 класса. Вотъ какъ щедро награждаетъ графъ Ланжеронъ, подумалъ я—не такъ, какъ Инзовъ! Они оба добры, но разныхъ правилъ и свойствъ.

Пообѣдавъ у вице-губернатора, на другой день я выѣхалъ въ заштатный городъ Бериславъ, при рѣкѣ Днѣпрѣ, надѣясь оттуда часто ѣздить къ другу своему Ник. Дм. Куликовскому, который, равно и жена его Варвара Ивановна, дочь добраго Ив. Христ. и Елиз. Гр. Калагеоргіевыхъ, всегда любили меня. Въ первое же воскресенье поѣхалъ я къ нему въ село Каховку. Обое они непритворно обрадовались мнѣ и настояли, чтобы я къ нимъ переѣхалъ жить, и я въ тотъ же день выполнилъ ихъ волю. Въ Каховкѣ я жилъ во всемъ удовольствіи и изобиліи, по пословицѣ—купаясь, какъ сыръ въ маслѣ, до того времени, какъ 6 іюня 1821 года опредѣленъ былъ совѣтникомъ въ таврическое губернское правленіе.

Хотя и увѣрялъ меня Ник. Дм. Куликовскій и другіе, будто бы въ Крыму лучше мнѣ будетъ жить, нежели было въ Херсонѣ; но, кромѣ повышенія моего чинами (коллежскаго ассесора 1822 г. іюля 28 и надворнаго совѣтника 1825 г. сентября 14), на самомъ дѣлѣ я испыталъ по службѣ моей всѣ непріятности, какихъ прежде не зналъ, такъ что могъ сказать о себѣ, какъ Наполеонъ: «звѣзда моя померкла».

Первое. Графъ Витгенштейнъ, бывши въ Евпаторіи для купанья въ морѣ, обѣщалъ Болданіевой, хозяйкѣ, у которой стоялъ на квартирѣ, стараться, чтобъ ея другой домъ, еще не достроенный, былъ взятъ въ казну для помѣщенія уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ. Въ томъ же 1821 году графъ Ланжеронъ, по его просьбѣ, командировалъ меня въ Евпаторію сдѣлать тому дому планъ и смѣту, что онъ будетъ стоить, чтобъ сдѣлать его удобнымъ къ помѣщенію уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ. Я нашелъ наружныя стѣны этого дома, хотя каменныя, но на глинѣ складенныя, перегородки и потолки хворостяныя, не оштукату-

ренныя, а только обмазанныя глиною; не было въ немъ ни половъ, ни дверей, ни оконныхъ рамъ, ни другихъ мелочей, ни огорожи двора. На все это я сдѣлалъ смѣту по цѣнамъ полиціи, приложивъ и планъ дома; но въ донесеніи своемъ я не могъ утвердительно сказать, проченъ ли и удобенъ ли онъ будетъ къ помѣщенію уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ. Кончилось тѣмъ, что домъ не былъ взятъ въ казну.

Второе. Въ Севастополѣ случилось по женскимъ интригамъ такое дѣло. Отставной маіоръ Новиковъ ударилъ на улицѣ инженернаго подполковника Шаумбурга, бывшаго въ мундирѣ и орденахъ, два раза въ щеку за то, что тотъ, въ угожденіе дочери артиллерійскаго генерала Сиверса, въ виду многочисленнаго народа, бывшаго на качеляхъ, остановилъ на улицѣ экипажъ его жены. Во всемъ этомъ самъ Новиковъ признался въ глупомъ прошеніи своемъ, которое сочинялъ Чернявскій, домашній секретарь... морскаго начальника въ Севастополѣ. По этому дѣлу, по высочайшему повелѣнію, какъ обезчещенъ инженерный мундиръ, наряжена была коммиссія военнаго суда. Депутатомъ въ эту коммиссію со стороны гражданской, для защиты маіора Новикова, губернское правленіе командировало меня, за отказомъ, подъ видомъ болѣзни, ассесора Луговскаго. Каждый день я являлся въ коммисію и подписывалъ ея опредѣленія. Она назначила меня съ маіоромъ Ивановымъ по даннымъ отъ нея пунктамъ спросить подъ присягою дочерей генерала Сиверса; при приводѣ къ присягѣ были Новиковъ и Шаумбургъ. Но эти свидѣтельницы показали, что все, написанное Новиковымъ въ прошеніи, имъ выдумано, что маіорша Новикова сама велѣла кучеру остановиться, что Шаумбургъ, подойдя къ ней, снялъ шляпу, учтиво разговаривалъ, потомъ, поклонясь, отошелъ къ нимъ. Тогда Чернявскій написалъ Новикову другое прошеніе, выставивъ новыхъ свидѣтелей, какихъ то матросовъ, которые будто видѣли и слышали все дѣйствіе. Коммиссія приняла прошеніе и дала ему ходъ. Зная, что законъ запрещаетъ допущать новыхъ свидѣтелей, сверхъ принятыхъ обѣими сторонами, и что за нарушеніе этого закона можно подвергаться суду, я подалъ рапортъ г. ко-

менданту, генералъ-маіору Юрковскому о своей болѣзни и просилъ его истребовать на мѣсто мое другого депутата. Надобно сказать, что къ этому присоединилось еще другое происшествіе, которое произвело ужаснѣйшее послѣдствіе. Сторону Шаумбурга принялъ инженерный полковникъ Мишо; онъ послалъ графу Ланжерону донесеніе, писанное по французски, въ которомъ, изложивъ, что маіоръ Новиковъ судился за покраденный въ казнѣ свинецъ, прибавилъ, что контръ-адміралъ Быченскій есть первый упорствующій покровитель сего злодѣя, содѣлывающаго таякі преступленія. и показалъ къ нему даже особенное покровительство по учиненіи имъ послѣдней соблазнительной обиды, вмѣшавшись, противно законамъ, въ дѣла коммиссіи и запутывая ея дѣйствія бумагами, коихъ не должно бы вовсе принимать. Посланное подлинникомъ отъ графа Ланжерона генералъ-адъютанту князю Волконскому, это донесеніе было возвращено въ коммисію съ замѣчаніями великаго князя Николая Павловича, которому оно было представлено Волконскимъ. По выпискѣ изъ него объ участіи Новикова въ покражѣ свинца и о покровительствѣ ему, коммисія требовала отъ Быченскаго объясненій, а Быченскій въ свою очередь требовалъ доказательствъ отъ полковника Мишо. Вмѣсто отвѣта отъ Мишо, разнеслась по городу вѣсть о его смерти. Утверждали, будто онъ дня четыре былъ нездоровъ; но еще наканунѣ, 16 ноября, были у него въ вечеру его пріятели: генералъ Сиверсъ, полковникъ Бибиковъ, подполковникъ Шаумбургъ, и карантинный докторъ Экъ; послѣдній разстался съ хозяиномъ въ первомъ часу ночи, ни малѣйше не подозрѣвая объ опасности. Мишо всталъ, говорятъ, очень рано (а по словамъ нѣкоторыхъ, вовсе не ложился), велѣлъ затопить въ грубкѣ или каминѣ, сѣлъ подлѣ, рвалъ секретныя бумаги и бросалъ въ огонь; потомъ сказалъ позвать къ себѣ барона Шаумбурга, но тотъ засталъ его уже безъ языка; Мишо облокотился на него и часу въ 5 утра, 17 числа, скончался. Всѣ единогласно полагали, что онъ окончилъ жизнь свою насильственною смертію, и эта догадка подтверждалась отчасти синевою его губъ. Могъ ли я оставаться въ коммясіи для занятія такимъ казуснымъ дѣломъ? Я написалъ Ив.

Ив. Гуржееву обо всемъ и, получивъ отъ него извѣстіе, что онъ читалъ мое письмо графу, я снова просилъ объ отчисленіи меня отъ коммисіи. Генералъ Юрковскій уважилъ наконецъ мою просьбу, и по требованію его присланъ былъ вмѣсто меня ассесоръ Максимовичъ. А какъ онъ согласился допустить къ свидѣтельству поименованныхъ Новиковымъ матросовъ, то, вѣроятно, по просьбѣ Шаумбурга, это дѣло вскорѣ велѣно производить въ Херсонѣ военно-судной коммисіи.

Комендантъ Юрковскій отличался въ 1812 и 1813 годахъ въ войнѣ противъ Наполеона. Въ воскресные и праздничные дни я часто обѣдывалъ у него; онъ любилъ откровенно разговаривать со мною о многихъ предметахъ. Хотя Быченскій былъ зять его, онъ не хвалилъ его, что вмѣшался въ дѣло Новикова съ Шаумбургомъ, оказывая защиту первому.

Третье. Въ 1822 году графъ Ланжеронъ, давая знать вице-губернатору объ ассигнованіи до полу-милліона рублей для построенія въ Симферополѣ зданія присутственныхъ мѣстъ и соборной церкви св. Александра Невскаго, а также починки бакчисарайскаго ханскаго дворца, предписалъ составить строительную коммиссію, въ которую назначилъ первымъ членомъ меня, вторымъ ассесора Максимовича и третьимъ петербургскаго архитектора Колодина. Планъ и смѣта на эти работы составлены были раньше; но я нашелъ въ нихъ значительныя упущенія и недостатки. По моимъ замѣчаніямъ, которыя я представилъ ихъ вновь опредѣленному гражданскому губернатору Николаю Ивановичу Перовскому, планъ и смѣта были исправлены пріѣхавшимъ изъ Петербурга архитекторомъ Колодинымъ: вмѣсто пристроекъ къ одно-этажному каменному дому, построенному еще въ 1787 году для пріѣзда императрицы Екатерины, проэктирована постройка на немъ втораго этажа, назначена огорожа двора, которой на прежнемъ планѣ не было, постройка архива, типографіи и сараевъ для дровъ; вмѣсто хворостяныхъ потолковъ, черепичной крыши, назначено покрыть желѣзомъ и сдѣланы другія перемѣны. Министръ внутреннихъ дѣлъ утвердилъ этотъ планъ и прислалъ для построенія по немъ въ натурѣ; но

строительный при немъ комитетъ изложилъ свое мнѣніе, что «какъ отъ него посылается архитекторъ Колодинъ для производства въ натурѣ строеній, то неприлично уже кому-либо вмѣшиваться при томъ производствѣ». Это замѣчаніе относилось собственно ко мнѣ. Я однако занимался дѣлами комитета, а работы велъ Колодинъ, какъ самъ зналъ, или какъ указывалъ губернаторъ. Всѣ древнія напр. зданія въ Крыму были строены изъ дикаго камня, изъ него же строятся и новыя и нѣтъ ни одного, которое бы построено изъ кирпича; но архитекторъ Колодинъ въ смѣтѣ положилъ строить пяти-купольную церковь св. Александра Невскаго изъ кирпича, который дѣлается только въ Карасу-Базарѣ изъ глины и имѣя въ себѣ известковыя частицы, такъ плохъ что если полить его водою, то начнетъ кипѣть, какъ негашенная известь, а нерѣдко и совсѣмъ разрушается. Другое дѣло. Дворецъ въ Бакчисараѣ велѣно возобновить въ томъ видѣ, какъ онъ былъ при ханахъ; но губернаторъ Перовскій поѣхалъ туда съ архитекторомъ и велѣлъ строить конюшни и сараи не на прежнихъ мѣстахъ, а на другихъ. Было нѣчто и худшее. Лѣтомъ 1823 года поѣхалъ я съ семействомъ старшаго совѣтника Никифорова смотрѣть большой роднинъ рѣки Салгира, бьющій изъ нависшаго огромнаго камня. Возвращаясь оттуда уже въ сумерки, мы встрѣтили нѣсколько воловыхъ подводъ, на которыхъ везли тесанный камень и известь. Я спросилъ извощиковъ: куда везете? — «Губернатору на дачу, отвѣчали они.—Гдѣ брали?—«У присутственныхъ мѣстъ».—Кто вамъ отпускалъ?—«Ассесоръ Максимовичъ». Вскорѣ послѣ этого я подалъ рапортъ губернатору объ увольненіи меня отъ строительнаго комитета и сдалъ расходную книгу и сумму ассесору Максимовичу.

Четвертое. Лѣтомъ 1822 года графъ Ланжеронъ пріѣзжалъ въ Крымъ, и съ нимъ былъ правитель канцеляріи Иванъ Ив. Гуржеевъ. Онъ остановился квартирою въ домѣ татарскаго генерала Кая-бея. Этотъ хитрый татаринъ прежде уговорилъ его купить у татаръ участокъ земли въ ѳеодосійскомъ уѣздѣ, гдѣ есть хорошія соляныя озера, изъ которыхъ добываемую соль

можно выгодно отпускать въ Черноморію и за-границу. А въ этотъ пріѣздъ онъ вмѣстѣ съ прочими тамошними владѣльцами подали графу просьбу, прося его ходатайствовать у государя о позволеніи имъ вновь выволакивать изъ озеръ соль и продавать ее, что воспретилъ имъ министръ финансовъ съ высочайшаго утвержденія. Жалѣя объ участи добраго графа, я отважился сказать И. И. Гуржееву:

— Что вы не остережете графа, чтобъ онъ не вмѣшивался въ это дѣло? Пусть татары мимо его подаютъ просьбу, кому слѣдуетъ. Онъ долженъ стараться о казенномъ интересѣ и не подавать ни малѣйшаго вида, что вступается за частныя выгоды.

— Что жъ мнѣ дѣлать? отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ, я говорилъ ему: онъ не хочетъ меня и слушать.

— Ну, сказалъ я, увидите, какъ это покровительство причинитъ ему непріятность!

Предсказаніе мое сбылось. Министръ финансовъ графъ Гурьевъ, докладывая государю это представленіе графа Ланжерона, сказалъ: «я стараюсь о увеличеніи доходовъ вашего императорскаго величества, а генералъ-губернаторъ, который долженъ бы во всемъ мнѣ содѣйствовать, препятствуетъ тому». Это произвело въ государѣ невыгодное мнѣніе о графѣ Ланжеронѣ. Къ этой тягостной для него непріятности въ тоже время случилась другая. Екатеринославскій губернаторъ *(пробѣлъ)* представилъ ему, что въ губерніи неурожай, угрожающій голодомъ и что для предупрежденія его необходимо полъ-милліона денегъ. Графъ, повѣривъ его донесенію, представилъ объ этомъ министру внутр. дѣлъ. Посланъ былъ въ эту губернію чиновникъ, который нашелъ, что жители ея безъ нужды могутъ прокормиться и что у нихъ останется еще хлѣба для заграничной продажи. За ложное донесеніе губернаторъ удаленъ былъ отъ должности, но и для графа Ланжерона это была большая непріятность. Случилось съ нимъ и другое несчастье. Праздниками Свѣтлаго Воскресенія, какъ была въ Одессѣ большая грязь, то для отданія визитовъ онъ поѣхалъ на дрожкахъ, которыя опрокинулись; отъ подмочки сильно ногъ возобновилась у него подагра. Для совершеннаго ея

излѣченія медики совѣтовали ему ѣхать во Францію пользоваться минеральными водами. По просьбѣ его, государь, быть можетъ, охотно его уволилъ, поручивъ исправленіе его должности генералу Инзову; чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ на мѣсто его былъ опредѣленъ генералъ - губернаторомъ графъ Воронцевъ, а ему велѣно присутствовать въ государственномъ совѣтѣ. Этотъ новый генералъ-губернаторъ, перемѣнивъ правителя своей канцеляріи, старался и въ губерніяхъ замѣщать должности своими чиновниками.

Пятое. Командированіе меня въ 1822 году губернскимъ правленіемъ въ Евпаторію для совмѣстнаго съ инженернымъ чиновникомъ составленія смѣты на постройку офицерскаго флигеля дало мнѣ случай излечиться отъ глухоты, которая приключилась мнѣ отъ простуды, по выходѣ изъ бани безъ картуза. Ложась три раза въ сакскую грязь и купаясь въ морѣ, я опять сталъ слышать. Но порученіе мнѣ присмотра за окончательною сего флигеля постройкою, производимою тамошнимъ городничимъ Бабенкомъ, было для меня очень тягостно. Флигель находился разстояніемъ отъ города верстахъ въ двухъ и я принужденъ былъ часто ходить туда пѣшкомъ. Бабенко потомъ началъ пить такъ неумѣренно, что даже въ умѣ помѣшался. Хотя я просилъ исполнительную экспедицію уволить меня отъ присмотра за работами; но мнѣ въ томъ отказали, и я долженъ былъ вести съ нимъ и съ другими непріятную переписку, да и завсѣмъ тѣмъ занимался этимъ затруднительнымъ присмотромъ и въ послѣдующіе 1824 и 1825 годы.

Шестое. Купецъ 1-й гильдіи Зеленьковъ (шившій мундиры для государя императора) взялъ въ таврической губерніи откупъ, по которому распоряжать дѣлами поручилъ коллежскому ассесору Алексѣю Григорьевичу Высоцкому. Высоцкій такъ повелъ дѣло, что въ теченіе года откупъ пришелъ въ упадокъ. Пріятели Заленькова, а болѣе, кажется, Высоцкаго, присовѣтовали ему, оставивъ по прежнему управленіе откупомъ за Высоцкимъ, принять его къ себѣ въ третью часть. Высоцкій согласился. Написанъ былъ обширный контрактъ; но всѣ пункты онаго слу-

жили въ его лишь пользу. Въ контрактѣ напр. сказано было, что «Зеленьковъ принимаетъ Высоцкаго въ третью часть *въ барышахъ*», а слѣдовательно не въ убыткахъ. Правда, Высоцкій обязанъ былъ присылать Зеленькову мѣсячныя вѣдомости о приходѣ и расходѣ всего имущества по откупу и давать по требованію его отчеты; кромѣ того Зеленьковъ во всякое время имѣлъ право вступить въ управленіе откупа самъ или черезъ своихъ повѣренныхъ, и тогда Высоцкій могъ самъ или черезъ своихъ повѣренныхъ управлять только своею третьею частью. Но на бѣду свою Зеленьковъ допустилъ въ контрактъ самую вредную для себя статью, по которой «въ случаѣ споровъ, несогласій, недоразумѣній, оба они обязывались, не обременяя присутственныхъ мѣстъ бумагами, вѣдаться совѣстнымъ или третейскимъ судомъ». При отъѣздѣ Высоцкаго въ Крымъ, Зеленьковъ вручилъ ему сто тысячъ рублей для покупки вина и прочихъ нужныхъ по откупу предметовъ. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, а Высоцкій не присылалъ вѣдомостей и не давалъ никакого свѣдѣнія объ откупѣ. Зеленьковъ усумнился въ честности Высоцкаго и захотѣлъ самъ видѣть Крымъ, который называли ему второю Италіею. Зеленьковъ былъ богачъ, имѣвшій единственную дочь и три съ половиною милліона руб. въ ломбардѣ. Первымъ дѣломъ его было, ѣдучи черезъ Перекопъ, забрать въ тамошней питейной конторѣ всю наличную сумму. Хотя онъ сдѣлалъ это съ тою цѣлью, чтобы не платить за пересылку вѣсовыхъ, и взятыя деньги, по пріѣздѣ въ Симферополь осенью 1823 г., отдалъ въ главную контору; но это подало Высоцкому предлогъ дать секретное предписаніе всѣмъ повѣреннымъ, чтобъ не исполняли никакихъ требованій Зеленькова. Поживши нѣкоторое время здѣсь и видя, что Высоцкій ничего не говоритъ и не даетъ отчета ни по откупу, ни о полученныхъ имъ ста тысячахъ рублей, Зеленьковъ напомнилъ ему разъ, другой; но все напрасно. Тогда дождавшись новаго 1824 г., онъ подалъ въ губернское правленіе прошеніе о допущеніи его повѣреннаго Петриченка къ управленію двумя частями откупа на основаніи контракта; но Высоцкій ловко воспользовался другою статьею контракта, по которой они обязались не обременять присут-

ственныхъ мѣстъ бумагами, а разбираться совѣстнымъ или третейскимъ судами, и просилъ губернское правленіе не входить въ разбирательство ихъ несогласій; а чтобы добиться чего либо отъ тѣхъ судовъ, то скорѣе откупъ могъ бы прекратиться. Старшій совѣтникъ Никифоровъ и я держали въ этомъ дѣлѣ сторону Зеленькова; но ассесоръ Луговскій, задобренный Высоцкимъ, отчасти вице-губернаторъ Курута и вновь опредѣленный третій совѣтникъ Фабръ, а также поступившій на мѣсто Перовскаго губернаторъ Нарышкинъ, стояли за Высоцкаго. Нарышкинъ купилъ тогда дачу и надобно было ее обстроить. Зеленьковъ не догадался предложить губернатору денегъ, а Высоцкій черезъ Фабра предложилъ ихъ. Придумана новая хитрость: друзья Высоцкаго затѣяли увезти дочь Зеленькова и обвѣнчать ее съ адъютантомъ дивизіоннаго генерала, квартировавшаго въ Симферополѣ, и только жандармскій полковникъ, разставивъ караулъ вокругъ питейнаго дома, воспрепятствовалъ выполненію губительной затѣи. Высоцкій навѣрное зналъ, что это произведетъ параличъ престарѣлому Зеленькову, и тогда всѣ счеты между ними кончатся. Узнавъ объ этомъ, Зеленьковъ черезъ нѣсколько дней уѣхалъ въ Петербургъ и подалъ въ Царскомъ Селѣ государю просьбу; законное удовлетвореніе по ней, черезъ графа Аракчеева, передано въ особое наблюденіе министра юстиціи. По требованію его, губернаторъ предписалъ губернскому правленію 21 октября 1824 г. объ оставленіи крымскаго питейнаго откупа въ единственномъ управленіи купца Зеленькова и о принужденіи коллежскаго ассесора Высоцкаго дать Зеленькову за все время управленія своего откупомъ немедленно вѣрный отчетъ, а также чтобы всѣ дѣла, счеты, документы, откупное имущество, питья и капиталы сданы были Зеленькову или его повѣренному со всею вѣрностью. Кромѣ того министръ юстиціи предписалъ еще губернскому прокурору «имѣть неослабное наблюденіе въ исполненіи сего указа сената, и о малѣйшемъ послабленіи губернскихъ властей доносить ему, подъ собственною своею строгою отвѣтственностію». Что жъ вышло?—Высоцкій подъ предлогомъ болѣзни отказался отъ сдачи. Поручено было мнѣ съ совѣтникомъ уголовной палаты Гнутовымъ заняться сдачею; но мы ничего не могли сдѣлать и только скрѣпляли

всѣ мѣсячныя вѣдомости и книги всѣхъ конторъ по листамъ, какъ простые писцы. Въ 1825 году, въ прiѣздъ государя на южный берегъ Крыма, совѣтникъ Фабръ и ассесоръ Луговскій, по представленію губернатора, получили св. Анны 2-й степени, и губернаторъ въ присутствіи всѣхъ насъ, поздравляя ихъ, не устыдился сказать, что они награждены за защиту Высоцкаго; «а васъ, прибавилъ онъ, обращаясь къ Никифорову и мнѣ, пусть награждаетъ Зеленьковъ». Губернскій прокуроръ Василій Ивановичъ Михно, по предписанію министра юстиціи, доносившій ему о послабленіяхъ губернатора Высоцкому, по высочайшему повелѣнію былъ удаленъ, а на мѣсто его былъ назначенъ Фабръ. Никифоровъ, видя все униженіе и притѣсненіе, самъ подалъ въ отставку; а меня командировали въ разныя непріятныя дѣла. Высоцкій, не смотря на неоднократныя повторенія указовъ сената, все таки не далъ отчетовъ объ употребленныхъ имъ суммахъ, да и не могъ ихъ дать, иначе пришлось бы показать, кому и сколько онъ далъ изъ полученныхъ ста тысячъ рублей и изъ собранныхъ имъ за время его управленія денегъ. Напослѣдокъ, уже въ царствованіе императора Николая, онъ отправился въ Петербургъ. Но какъ скоро онъ пріѣхалъ туда, Зеленьковъ объявилъ о томъ министру юстиціи, а тотъ отнесся къ главнокомандующему С.-Петербурга о высылкѣ его въ Крымъ. Высоцкій сказался больнымъ; но главнокомандующій велѣлъ отправить его въ больницу и о здоровьѣ его доносить ему каждый день, а коль скоро сдѣлается ему легче, въ то же время отправить его въ Крымъ. Въ такомъ бѣдственномъ положеніи, не видя себѣ ни откуда помощи, Высоцкій принялъ ядъ и тѣмъ свой откупной процессъ и жизнь кончилъ. А тѣ чиновники, которымъ давалъ онъ деньги, спокойно зажили, бывъ увѣрены, что некому уже ихъ требовать отъ нихъ. Такъ почти бываетъ всегда на свѣтѣ, что худыя дѣла имѣютъ и худой конецъ.

Седьмое. Евпаторійскій исправникъ Каза-бей донесъ губернатору Перовскому, что градской голова Сима Бобовичъ обманнымъ и притѣснительнымъ образомъ покупаетъ у татаръ земли. Для изслѣдованія этого дѣла губернаторъ послалъ своего чинов-

ника Семена Мейера, который со всею натяжкою произвелъ слѣдствіе. Дѣло поступило въ евпаторійскій уѣздный судъ; судья Волковскій всячески старался перепросами татаръ обвинить Симу Бобовича; по убѣдительной его просьбѣ губернаторъ велѣлъ составить изъ членовъ земскаго суда подъ моимъ предсѣдательствомъ особый судъ. Переспросили мы всѣхъ прикосновенныхъ къ дѣлу татаръ, ни одинъ изъ нихъ не обвинилъ Симу Бобовича, всѣ напротивъ говорили, что и въ глаза его не видали, но другихъ караимовъ. Случилось, что въ это время губернаторъ Перовскій по какому-то дѣлу пріѣхалъ въ Евпаторію; неожиданно пріѣхалъ сюда же и вновь опредѣленный генералъ-губернаторъ графъ Воронцовъ, не заставъ Перовскаго въ Симферополѣ. Ѣхавшій съ нимъ адъютантъ Александръ Мейеръ, старшій братъ Семена, въ дорогѣ разсказалъ графу, что губернаторъ нарочито послалъ меня для оправданія Симы Бобовича. Къ этому сдѣлался такой непріятный случай, что графъ Воронцовъ, заѣхавъ прямо въ домъ Симы Бобовича, засталъ у него за обѣденнымъ столомъ губернатора и меня съ другими чиновниками. Графъ сѣлъ съ нами за столъ, порядочно кушалъ, былъ веселъ и разсказывалъ о военныхъ дѣйствіяхъ. Но послѣ обѣда позвалъ губернатора въ кабинетъ и сдѣлалъ выговоръ, что онъ вмѣшался въ судное дѣло, перемѣнилъ судей и послалъ меня для оправданія Симы Бобовича. Узнавъ объ этомъ и опасаясь, что бы чрезъ это дѣло новый генералъ-губернаторъ не возымѣлъ о мнѣ худаго мнѣнія, я съ натяжкою написалъ самъ приговоръ, которымъ оставлялъ Симу Бобовича въ подозрѣніи. Другіе члены и секретарь не хотѣли было подписывать этого приговора, но я упросилъ ихъ подписать. Уголовная палата уничтожила этотъ несправедливый приговоръ.

Восьмое. Добрый мой бывшій начальникъ Иванъ Ник. Инзовъ лѣтомъ 1824 года пріѣзжалъ въ Крымъ для осмотра нѣмецкихъ колоній, поселенныхъ тамъ. Какъ онъ отправлялъ должность генералъ-губернатора, то всѣ губернскіе начальники явились къ нему отдать почтеніе. Увидѣвъ меня, онъ подошелъ ко мнѣ, обнялъ и поцѣловалъ меня, сказавъ: «А, бѣглецъ! не хотѣлъ при

мнѣ служить». Всѣ удивились его ласковому со мною обхожденію. Съ нимъ былъ Фадѣевъ и Гильдешанецъ.

Девятое. Графъ Воронцовъ по многимъ дѣламъ требовалъ отъ губернатора Перовскаго объясненія. Чтобъ избавиться отъ непріятныхъ отвѣтовъ, онъ просилъ уволить его отъ этой должности, надѣясь, что другая должность—Θеодосійскаго градоначальника, гораздо выгоднѣе и спокойнѣе первой, останется за нимъ неприкосновенною; но и на ней не долго удержался. На мѣсто его вскорѣ былъ опредѣленъ губернаторомъ дѣйств. стат. сов. Дмитрій Вас. Нарышкинъ. О пристрастномъ дѣйствіи его по откупу было изложено выше, въ 1-й статьѣ, а о прочихъ его ко мнѣ придиркахъ и притѣсненіяхъ будетъ разсказано дальше.

Десятое. Въ началѣ 1824 года исправники разныхъ уѣздовъ донесли губернатору, что по причинѣ неурожая прошлаго года татары терпятъ большой недостатокъ въ хлѣбѣ и предвидится между ними голодъ. Губернаторъ Нарышкинъ послалъ меня въ татарскія селенія. Составя подробную вѣдомость, сколько въ каждомъ изъ нихъ душъ и сколько въ наличности хлѣба, я представилъ ее губернатору; но пособія татарамъ отъ правительства, для ихъ прокормленія, графъ Воронцовъ не рѣшился требовать.

Одинадцатое. Засѣдатель днѣпровскаго земскаго суда Бабенко 2-й писалъ письмо къ брату своему Бабенку 3-му, служившему въ канцеляріи генералъ-губернатора, о разныхъ злоупотребленіяхъ исправника Мизельскаго и засѣдателя Толстолѣса. Графъ Воронцовъ для изслѣдованія послалъ своего старшаго адъютанта, гвардіи полковника Селехова; а губернаторъ предписалъ командировать меня для совмѣстнаго изслѣдованія. Мы объѣхали всѣ казенныя селенія, въ которыхъ взятъ былъ изъ запасныхъ магазиновъ казенныхъ обывателей хлѣбъ и сняли показанія со всѣхъ возившихъ этотъ хлѣбъ въ Симферополь на дачу бывшаго губернатора Перовскаго. Нѣкоторые извощики показали, что губернаторша сама была при пріемѣ хлѣба и велѣла насыпать его хорошо въ мѣрки, говоря, что за него деньги заплочены. Другое слѣдствіе произведено нами по наряду вощиковъ для отвезенія вѣтряной мельницы предсѣдателю уголов-

ной палаты Ивану Дмитріевичу Тодорову, не знаю, купленной имъ или подаренной. По пріѣздѣ въ Симферополь, я увидѣлъ, что не только пріемъ бывшимъ губернаторомъ Перовскимъ казеннаго хлѣба былъ считаемъ за ничтожное дѣло, но нашлись покровители исправника Мизельскаго и засѣдателя Толстолѣса, именно прокуроръ Фабръ, а за нимъ и самъ губернаторъ. Вскорѣ Селеховъ пожалованъ былъ генералъ-маіоромъ и бригаднымъ начальникомъ и я одинъ, по отъѣздѣ его, производилъ слѣдствіе по дѣламъ засѣдателя Толстолѣса; а потомъ по любовнымъ связямъ въ разныхъ селеніяхъ съ дѣвками и самаго доносчика засѣдателя Бабенка, на котораго прежде доносилъ исправникъ Мизельскій. Послѣ сего губернаторъ поручилъ мнѣ обревизовать уголовныя дѣла въ днѣпровскомъ уѣздномъ судѣ и въ перекопскомъ магистратѣ, что я и исполнилъ. На возвратномъ пути я былъ представленъ имъ въ Армянскѣ генералъ-губернатору Воронцову; а въ вечеру, бывши у него, засталъ Н. Дм. Куликовскаго, съ которымъ началъ заводить шпанскихъ овецъ. Между прочими разговорами Нарышкинъ похвалился, что купилъ дачу и началъ уже строить на ней каменный домъ. Я былъ такъ неостороженъ и не разсудителенъ, что спросилъ его:

— Уже начали и домъ строить?

— Чтожъ тутъ удивительнаго? спросилъ онъ.

— Можетъ статься, отвѣчалъ я, что лѣтъ чрезъ пять вамъ прискучитъ жить въ Крыму, тогда вы оставите вновь построенный домъ и все въ саду заведеніе, какъ бы они дорого вамъ ни стоили.

Это было какъ бы предсказаніе и оно скоро сбылось: послѣ насильственной смерти Высоцкаго, Нарышкинъ, взявшій отъ него деньги Зеленькова на покупку этой дачи, сталъ задумываться, мѣшаться въ умѣ, досадовать, скучать; наконецъ отказался отъ должности губернатора, которою тяготился, и уѣхалъ изъ Крыму.

Двѣнадцатое. Въ концѣ 1824 г. я едва не перешелъ съ казенной службы на частную. Лѣтомъ того же года, бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ Викторъ Павловичъ Кочубей, для поправленія здоровья чахоточной своей дочери, по совѣту вра-

чей, пріѣхалъ на житье въ Ѳеодосію. Въ то время пріятель мой, Ник. Дм. Куликовскій, видя, что сближается срокъ взятыхъ имъ въ Кіевѣ на контрактахъ 50 или 60 тысячъ рублей подъ залогъ Каховки, искалъ такую сумму, чтобы выкупить это имѣніе. Познакомившись съ Кочубеемъ, онъ объяснилъ ему крайнее свое положеніе и просилъ дать ему эту сумму и принять Каховку въ залогъ. Кочубей притворился, что у него нѣтъ столько наличныхъ денегъ, занялъ ихъ у карантиннаго начальника и у другихъ, живущихъ тамъ, сдѣлалъ съ Куликовскимъ условіе и далъ ему деньги, а послѣ взялъ отъ него закладную на Каховку. Во время этой сдѣлки онъ какъ-то сказалъ Куликовскому, что ему нуженъ архитекторъ для основанія поселеній на землѣ, купленной у бывшей губернаторши Гейкиной, въ херсонской губерніи, близь Берислава, при рѣкѣ Днѣпрѣ. Куликовскій рекомендовалъ меня. Кочубей письмомъ изъ Одессы 10 декабря 1824 г. предлагалъ мнѣ тысячу рублей жалованья, экипажъ и все содержаніе. Я совсѣмъ было рѣшился подать въ отставку; но добрый пріятель мой Илья Осиповичъ Барышовъ уговорилъ меня не дѣлать этой глупости, говоря: можно-ли частное мѣсто равнять съ короннымъ, притомъ въ такое время, когда есть вѣрныя свѣдѣнія, что вскорѣ будетъ прибавка губернскимъ чиновникамъ жалованья? Я послушалъ его, и дѣйствитально, въ началѣ слѣдующаго года вмѣсто 600 сталъ получать 1000 руб. жалованья. Другое письмо графъ Викторъ Павловичъ писалъ мнѣ 17 января 1825 года о пріисканіи каменьщиковъ для построенія въ Загрядовкѣ церкви. Я отвѣчалъ ему, что въ Херсонѣ удобнѣе отыскать каменьщиковъ, и гораздо искуснѣйшихъ. Послѣ того управитель его, по его приказанію, два раза писалъ ко мнѣ о доставленіи разныхъ свѣдѣній, и я выполнялъ его требованія.

Тринадцатое. Императоръ Александръ I пріѣхавшему въ Таганрогъ графу Воронцову разсказалъ о всѣхъ неудобствахъ для житья тамъ больной его супруги. Воронцовъ указалъ ему другія удобныя для житья мѣста: на южномъ берегу Крыма, въ Бакчисараѣ и въ Евпаторіи, чѣмъ самымъ склонилъ государя обозрѣть лично эти мѣста. Въ октябрѣ мѣсяцѣ государь пріѣ-

халъ въ Симферополь и остановился въ квартирѣ дивизіоннаго генерала, заранѣе уважаемаго имъ, у котораго и въ 1818 году останавливался. Разсказывали, что при отъѣздѣ государя этотъ генералъ, зная, что государь по обыкновенію раздавалъ подарки тѣмъ хозяйкамъ, гдѣ была его квартира, подвелъ къ нему трехъ дѣвицъ, какъ бы своихъ дочерей. Государь, имѣя счастливую память, сказалъ ему:

— Помнится мнѣ, что у васъ была одна дочь?

— Это двѣ воспитанницы мои, отвѣчалъ сконфуженный генералъ.

Губернскимъ чиновникамъ приказано было явиться на другой день всѣмъ въ 8-мъ часу утра къ обѣднѣ, которую будетъ слушать государь. Онъ остановился на лѣвой сторонѣ, стоялъ какъ вкопаный, не поворачиваясь ни въ одну сторону и не говоря съ окружающими, только иногда крестился. Послѣ обѣдни государь тотчасъ поѣхалъ: тогда по южному берегу нельзя было ѣхать въ экипажѣ, а верхомъ; день былъ теплый, государь иногда скидалъ картузъ. Разсказывали, что Дабичъ ему говорилъ: «государь! надѣньте картузъ». Онъ отвѣчалъ: «и такъ жарко. Это настоящая весна». Вѣроятно, лобъ его былъ въ поту, и онъ получилъ простудную крымскую лихорадку, весьма опасную. О полуднѣ государь прибылъ въ казенный садъ, называемый Никитскій, и потребовалъ чего нибудь закусить; у садовника ничего готоваго не было, и онъ съѣлъ кусокъ ржанаго хлѣба. Къ вечеру государь пріѣхалъ въ Урзуфъ, имѣніе графа Воронцова (первоначально принадлежало дюку-де-Ришелье, который при жизни своей подарилъ адъютанту Сенковскому); тамъ начертилъ онъ карандашемъ расположеніе дома, для построенія въ Аріаднѣ, купленномъ имъ помѣстьѣ близъ Урзуфа, и далъ графскому архитектору для начертанія фасада (этотъ домъ по тому расположенію послѣ построенъ императоромъ Николаемъ). Тогда разсказывали, что государь сказалъ Воронцову: «графъ! со временемъ вы выйдете въ отставку, и я также оставлю свой престолъ, и тогда мы будемъ запросто одинъ другаго посѣщать». По пріѣздѣ въ Севастополь курьеръ привезъ ему первое извѣстіе о возмущеніи квартировавшаго въ Малороссіи полка подъ коман-

дою Муравьева-Апостола. Опечаленный государь сказалъ: «неблагодарный русскій народъ! онъ вотъ чѣмъ платитъ за всѣ мои для него труды». Здѣсь случилась другая ему непріятность: дочери (а ихъ было десять, по большей части малолѣтнія) карантиннаго лѣкаря надворнаго совѣтника Эка, лѣчившаго полковника Мишо, котораго жена доказывала, что онъ отравилъ ея мужа, будучи подкупленъ маіоромъ Новиковымъ (объ этомъ дѣлѣ было описано подъ *вторымъ*), подали ему просьбу, что отецъ ихъ невинно содержится подъ карауломъ, и они остаются вовсе безъ пропитанія. Государь поручилъ Дибичу уговорить мадамъ Мишо, чтобъ она оставила это дѣло, что онъ дастъ ей пенсіонъ и всѣ удобства для жизни, хочетъ ли она остаться въ Россіи, или выѣхать въ Италію. Но она, какъ мстительная итальянка, не уважила милостиваго предложенія государя, что должно было быть ему прискорбно. Переночевавъ, онъ поѣхалъ въ Бакчисарай. Здѣсь татарскіе мурзы подали ему прошеніе о дозволеніи имъ на свой счетъ составить татарскій эскадронъ съ обмундированіемъ, аммуниціею и лошадьми. Государь милостиво принялъ ихъ къ просьбу, а они приготовили ему въ ханскомъ дворцѣ великолѣпный обѣдъ. Извѣстно, что татарскія кушанья весьма жирныя и тяжелыя для варенія желудка. Если государь и весьма мало кушалъ, то все же этотъ обѣдъ могъ усилить приступы лихорадки. Къ вечеру онъ пріѣхалъ въ Евпаторію, остановился въ лучшемъ двухъ-этажномъ каменномъ домѣ купца Калыги, стоящемъ близь морскаго берега, гдѣ пристаютъ судна. Ночь была мѣсячная, луна чудно разливала игривый свой свѣтъ по морскимъ волнамъ. Государь, сидя на балконѣ, въ благоговѣйномъ удивленіи о величіи природы пѣлъ гимны, вѣроятно: Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ, и другіе подобные. Выѣхавъ изъ Евпаторіи, онъ почувствовалъ уже дѣйствіе лихорадки; но, нигдѣ не останавливаясь на пути, спѣшилъ въ Таганрогъ, куда и прибылъ 3 ноября. Разсказывали, что государь не хотѣлъ принимать лѣкарства. Никто не могъ уговорить его, ни Волконскій, ни Дибичъ, ни государыня, но только духовникъ, исповѣдывая его. Но лѣкарство было принято уже поздно и не могло произвесть свое дѣйствіе.

Такъ Россія лишилась своего благодѣтельнаго государя! По вскрытіи черепа, нашли много воды.

Четырнадцатое. Ассесоръ Луговскій настаивалъ, чтобы перемѣнить расходчика губернскаго правленія, который былъ медлителенъ, и поручить эту должность вновь опредѣленному его племяннику. Мнѣ поручено было повѣрить книгу прежняго расходчика; я занялся съ ними этою повѣркою дома. У меня была маленькая собачка, которая безпрестанно кидалась подъ ноги новому расходчику. Я удивлялся, что она не кидается къ прежнему расходчику. Чрезъ два года оказалось, что это былъ мой тайный злодѣй. Однажды я, принявъ отъ совѣтника Никифорова вырученныя имъ отъ продажи одного имѣнія деньги 250 рублей, передалъ ихъ этому расходчику и велѣлъ росписаться въ полученіи ихъ на особомъ мѣстѣ, на которомъ записывались всѣ получаемыя деньги. Разсудивъ потомъ сдѣлать тетрадь и внесть въ нее всю наличную сумму, я разорвалъ тотъ листъ при этомъ же расходчикѣ. Деньги не отсылались, кому слѣдуетъ, болѣе двухъ лѣтъ; а потомъ этотъ мошенникъ сказалъ, что онъ отъ меня ихъ не получалъ. Ассесоръ Луговскій присланъ былъ въ Евпаторію для истребованія отъ меня этихъ денегъ, съ угрозою отъ губернатора, что въ случаѣ не платежа мною онъ велитъ произвесть слѣдствіе. Чтобъ избавиться отъ непріятности, я далъ эту сумму ассесору Луговскому. Но, будучи уже въ Тулѣ, я получилъ свѣдѣніе, что этотъ расходчикъ промоталъ тамъ казенныхъ денегъ тысячу рублей, и члены присутствія должны были ихъ пополнить.

Пятнадцатое. Сверхъ вышеразсказанныхъ непріятныхъ для меня слѣдствій, губернаторъ Нарышкинъ еще возложилъ на меня произвесть слѣдствіе по жалобѣ караимовъ на городничаго Эссена. Вотъ въ чемъ она состояла. Въ пятницу, въ вечеру, пріѣхалъ нарочный съ указомъ о приведеніи къ присягѣ на вѣрность подданства императору Николаю I-му. Городничій требовалъ, чтобъ караимы тотчасъ присягнули, а они отказывались наступленіемъ уже шабаса, заявляя, что по прошествіи его они немедленно присягнутъ. Можетъ статься, что Эссенъ и выполнилъ

бы ихъ желаніе, еслибъ они поднесли ему денежный подарокъ; но они, не любя его, поскупились дать ему. Эссенъ задержалъ въ полиціи раввина и нѣкоторыхъ изъ ихъ старшинъ, когда уже всѣ прочіе собрались въ синагогу для молитвы. Караимы были правы, но губернаторъ держалъ сторону Эссена. Разсказывали, что Нарышкинъ просилъ у Симы Бобовича въ займы десять тысячъ рублей, и тотъ отказалъ, подъ предлогомъ, что нѣтъ у него наличныхъ, а жена городничаго Эссена дала ему пять тысячъ изъ своего приданнаго. Встрѣчая препятствія отъ губернатора и терпя отъ него разныя непріятности, я не могъ кончить этого кляузнаго дѣла, а городничій Эссенъ, пользуясь пріѣздомъ губернатора въ Евпаторію, собралъ татаръ, грековъ и армянъ, живущихъ въ городѣ, и послалъ ихъ съ жалобою, что караимы овладѣли всею торговлею города, забывая, что караимы, какъ были богаче прочихъ націй, то болѣе имѣли и способовъ лучше торговать. Сима Бобовичъ и другіе изъ нихъ богатые вели и заграничную торговлю.

Шестнадцатое. Прежде пріѣзда государя въ томъ же 1825 году я былъ боленъ также лихорадкою. Ѣздивши по татарскимъ селеніямъ для повѣрки ревизіи, нельзя было перебирать пищею, но ѣсть только ту, которую можно было у нихъ сыскать. Лихорадка нѣсколько разъ начиналась и покидала: бывало время, когда по видимому она совсѣмъ уже броситъ; но выпью кофе съ молокомъ или съѣмъ яицъ, или небольшой морской жареной рыбки, и она вновь начиналась. Въ общей сложности она продолжалась около четырехъ мѣсяцевъ и совершенно разстроила мое здоровье.

Семнадцатое. Въ такихъ тягостныхъ обстоятельствахъ обратился я съ прошеніемъ къ графу Воронцову 22 апрѣля 1826 года и, описавши въ немъ давнишнюю свою болѣзнь и четырехъ-мѣсячное страданіе лихорадкой, просилъ его войти въ сношеніе съ министромъ внутреннихъ дѣлъ о перемѣщеніи меня въ должность совѣтника губернскаго правленія, гдѣ откроется вакансія въ поименнованныхъ мною губерніяхъ. Просьба моя была принята при содѣйствіи Андреева, помощника правителя канцеляріи

графа Воронцова, бывшаго секретаря Комбурлея и вмѣстѣ съ нимъ попавшаго подъ судъ, а его просилъ за меня мой землякъ, товарищъ герольдмейстера В. Н. Романовъ, помогшій ему выпутаться изъ дѣла Комбурлея. И такъ, указомъ сената по герольдіи 1826 года іюля 15-го я перемѣщенъ въ тульское губернское правленіе совѣтникомъ.

Восемнадцатое. И въ Крыму я имѣлъ также хорошихъ для себя пріятелей. Первый былъ совѣтникъ казенной палаты Илья Осиповичъ Барышовъ, съ которымъ я почти каждый день видѣлся или у него въ домѣ, или у себя на квартирѣ. Онъ нѣсколько лѣтъ продолжалъ со мною переписку и по переводѣ меня въ Тулу, извѣщая меня каждый разъ о происшествіяхъ въ Крыму. Второй пріятель совѣтникъ казенной палаты Николай Васильевичъ Сушковъ, извѣстный по сочиненіямъ въ стихахъ и прозѣ; у него въ Крыму жилъ Грибоѣдовъ, сочинитель извѣстной въ стихахъ комедіи «Горе отъ ума». Они съ общаго совѣта изобрѣтали для нея дѣйствующія лица. Отъ него я заимствовался французскими книгами, а послѣ часто бывалъ у него на квартирѣ въ Петербургѣ. Въ 1832 году онъ приглашалъ меня служить въ виленскомъ губернскомъ правленіи, гдѣ онъ былъ чиновникомъ особыхъ порученій при генералъ-губернаторѣ князѣ Долгоруковѣ. Но тогда тамъ происходили возмущенія, и я побоялся, что меня будутъ посылать на слѣдствія надъ поляками, и я, дѣйствуя снисходительно, невинно могу самъ пострадать. Третій пріятель былъ грекъ Ангелій, который по пріѣздѣ въ Крымъ принялъ меня къ себѣ на квартиру, а потомъ по продажѣ дома сыскалъ мнѣ удобную квартиру. Во время отлучекъ моихъ онъ присматривалъ за наемною работницею, давалъ ей деньги на харчи, а по отъѣздѣ изъ Крыма иногда писалъ мнѣ.

Девятнадцатое. Я не могъ выполнить даннаго мною графу Ланжерону обѣщанія жениться въ Крыму. Были тамъ разныя невѣсты: старшій совѣтникъ Никифоровъ имѣлъ двухъ дочерей отъ умершей жены польки; но, не видя моего къ нимъ особаго расположенія, онъ по благоразумію своему не предлагалъ мнѣ ихъ. У предсѣдателя гражданской палаты Мейера также были двѣ не-

вѣсты, старшая уже въ лѣтахъ. Жена пріятеля моего, знакомая мнѣ еще въ Херсонѣ, предлагала мнѣ ее. Въ домѣ его меня первоначально и ласкали; но увидѣвши, что у средняго брата ея Семена отъ проказы волосы на всей головѣ совершенно вылѣзли, я побоялся имѣть жену еврейскаго племени, которая могла быть той же болѣзни подвержена. Удаленіе мое отъ этого дома произвело въ ея братьяхъ недоброхотство ко мнѣ. Хитрый плутъ ассесоръ Луговскій самъ набивался мнѣ своею дочерью, сказавши однажды: «возьми мою Любку за себя; она тебя любитъ». На это откровенное предложеніе я отвѣчалъ смѣхомъ. Исправникъ Поповченко ласкался ко мнѣ; дошла до ушей моихъ вѣсть, что жена его передъ смертію сказала своей дочери: «вотъ твой женихъ; какъ умру, ни за кого другого не выходи». По моему рисунку сдѣланъ надъ ея могилой каменный надгробокъ, тогда еще первый въ Симферополѣ. Отъ матери остался порядочный домъ и дача. Эта невѣста мнѣ нравилась болѣе потому, что она была единственная дочь. Но во время откупнаго дѣла жена вице-губернатора Куруты стала приглашать ее къ себѣ въ домъ, чего прежде не бывало, и уговорила ее выйти замужъ за француза, контролера казенной палаты. Разсуждая теперь спокойно и безпристрастно, я вижу и въ неудачахъ моей женитьбы благодѣтельный для меня промыслъ Божій, располагающій событія въ жизни людей на пользу имъ. Женясь въ Крыму, я долженъ былъ бы всегда переносить всѣ непріятности и униженія отъ несправедливыхъ и корыстолюбивыхъ начальниковъ; а можетъ статься принужденъ былъ бы выйти въ отставку и тамъ погребсти себя въ неизвѣстности, не видѣвъ въ женѣ привязанности, имѣя уже за сорокъ лѣтъ.

На этомъ мы прерываемъ печатаніе Записокъ В. И. Ярославскаго, въ дальнѣйшемъ изложеніи своемъ теряющихъ и тотъ не большой мѣстный интересъ, какой они сохраняли доселѣ. Листахъ на 6-ти еще самаго мелкаго письма, съ приписками на поляхъ, авторъ съ утомительною подробностію разсказываетъ о дальнѣй-

шихъ годахъ своей службы сперва въ Тулѣ въ должности совѣтника губернскаго правленія, а потомъ въ Калугѣ въ должности контролера казенной палаты. Служебныя дѣла и столкновенія, интриги и подвохи, казнокрадство и взяточничество чиновнаго люда, не исключая вице-губернаторовъ и губернаторовъ—таково главное содержаніе разсказа, въ которомъ личность автора по прежнему является средоточнымъ пунктомъ. Среди этихъ мелочей провинціальной жизни проскальзываютъ по временамъ болѣе крупные и болѣе общаго характера факты: холерная паника, грозная ревизія сенатора Огарева, пріѣздъ министра внутреннихъ дѣлъ Закревскаго, встрѣчающаго чиновъ губернскаго правленія словами: «всѣ вы взяточники, пьяницы, мерзавцы, лѣнивцы»! докладъ графа Бенкендорфа императору Николаю въ пріѣздъ его въ Калугу о грандіозномъ взяточничествѣ вице-губернатора Гессе, вопросъ государя губернатору Бибикову: «твой вице-губернаторъ воръ»? и отвѣтъ губернатора: «такъ, ваше императорское величество, воръ»! и наконецъ позорное хожденіе дворянства на торги по откупамъ, азартная на нихъ игра съ повышеніями и отступными и подзадориваніе къ этой игрѣ министромъ финансовъ Канкринымъ. Большимъ траги-комизмомъ отдаетъ длинная повѣсть автора о скитаніяхъ его по петербургскимъ переднимъ, послѣ того, какъ онъ случайно лишился мѣста подъ часъ грознаго нашествія Закревскаго, и выслушиваніе стереотипныхъ отвѣтовъ и обѣщаній петербургскихъ чиновниковъ, пока наконецъ Ярославскій не добился кое-какъ мѣста въ Калугѣ съ помощію Княжевича, тогда директора канцеляріи, а впослѣдствіи министра финансовъ. Ему же онъ обязанъ и «честнымъ» выходомъ своимъ въ отставку въ 1834 г. съ пенсіономъ въ размѣрѣ $^2/_3$ жалованья. Переѣхавъ по настоятельному совѣту своей племянницы въ г. Сумы, онъ жилъ тамъ до самой смерти, занимаясь на досугѣ составленіемъ своихъ не хитрыхъ записокъ. Заканчивая эти записки, онъ восклицаетъ: «Благодарю несказанную милость Творца моего ко мнѣ недостойному! Уже слишкомъ 30 лѣтъ живу я здѣсь въ спокойствіи и благополучіи, среди добрыхъ людей, которые любятъ меня болѣе моихъ родныхъ». А подводя итоги своей жизни, даетъ самъ себѣ такую характеристику: «Вспоминая своихъ соучениковъ и разныхъ знакомыхъ, ясно вижу, что я счастливѣе ихъ кончилъ свою службу, не бывъ ни подъ слѣдствіемъ, ни подъ судомъ, ни исклю-

ченъ изъ службы, а для безбѣднаго и спокойнаго прожитія получаю отъ милости монарха пенсію. Иные изъ нихъ превосходили меня душевными талантами, крѣпостію и способностію своихъ силъ: но я, не имѣя ни быстраго воображенія, ни изобрѣтательнаго ума, при всей великой ограниченности этихъ талантовъ, имѣлъ правильное о вещахъ и дѣлахъ понятіе и здравое о нихъ сужденіе. Любя справедливость и правосудіе, я старался по возможности располагать по нимъ и свои дѣйствія».

Лѣтопись Яна Юзефовича, какъ источникъ для исторіи Южной Руси.

Лѣтопись львовскаго каноника Яна Юзефовича представляетъ одинъ изъ самыхъ цѣнныхъ источниковъ для исторіи юго-западной Руси во второй половинѣ XVII столѣтія. Она написана на латинскомъ языкѣ въ началѣ XVIII столѣтія; оригинальная рукопись Юзефовича не дошла до насъ, но сохранилось нѣсколько рукописныхъ списковъ съ нея. Одинъ изъ такихъ списковъ хранится въ рукописномъ отдѣленіи института Оссолинскихъ въ Львовѣ подъ № 124. Рукопись эта представляетъ собою большой томъ in folio въ 1219 нумерованныхъ страницъ и списана современнымъ намъ, очень четкимъ и красивымъ почеркомъ съ копіи, составленной въ 1769 году для кармелитскаго львовскаго монастыря, какъ это видно изъ пространнаго заглавія, занимающаго всю первую страницу въ названномъ спискѣ. По этому списку мы и намѣрены ознакомить читателей съ содержаніемъ столь важнаго памятника вообще и въ частности для южно-русской исторіи.

Изъ замѣтокъ, разсѣянныхъ въ самой лѣтописи, можно собрать свѣдѣнія какъ о поводахъ составленія лѣтописи, такъ и о генеалогіи и біографіи ея составителя. Янъ-Ѳома Юзефовичъ родился въ 1663 году во Львовѣ въ богатомъ мѣщанскомъ семействѣ. Предки его, судя по фамильному названію, принадлежали вѣроятно къ числу армянскихъ выходцевъ, издавна поселившихся во Львовѣ. Дѣдъ Яна, Николай, былъ хранителемъ городскаго арсенала (apotecarius in re armamentaria); во время осады Львова Хмельницкимъ въ 1648 году онъ отличился храбростію и энергіею при защитѣ города, за что, послѣ его смерти, послѣдовавшей въ 1651 году, магистратъ освободилъ его вдову, Катерину Фейербаховну, отъ всѣхъ городскихъ податей, даней и повинностей и приказалъ занести ея имя въ списокъ 12 почетныхъ городскихъ вдовъ. Отецъ лѣтописца, Станиславъ, велъ обширную торговлю и въ частности промышлялъ подрядами на доставку провіанта въ польскія арміи; благо-

даря этой дѣятельности, онъ сблизился съ извѣстнымъ польскимъ военачальникомъ Стефаномъ Чарнецкимъ, который считалъ его своимъ другомъ и, бывая въ Львовѣ, всегда жилъ въ его домѣ. Въ 1664 г. Юзефовичъ доставилъ большой транспортъ провіанта въ польскую армію, осаждавшую козаковъ въ Ставищахъ; прибывъ въ лагерь, онъ не ограничился ролью поставщика, а отправился осматривать осадныя работы и какъ человѣкъ, обладавшій значительными свѣдѣніями въ артиллерійскомъ и осадномъ дѣлѣ. помогалъ полякамъ въ устройствѣ батарей и столь искусно направлялъ пушки, что обратилъ на себя вниманіе осажденныхъ. Козаки замѣтили опаснаго врага, отличавшагося отъ жолнеровъ богатымъ мѣщанскимъ костюмомъ и, увидѣвъ его на слѣдующій день вновь на батареѣ, направили на него выстрѣлы; однимъ изъ нихъ сраженъ былъ Юзефовичъ. Смерть его повлекла за собою разстройство его торговыхъ дѣлъ и разореніе его семейства, тѣмъ болѣе, что польскіе военачльники сочли излишнимъ расплатиться съ его семействомъ за доставленный въ армію провіантъ. Янъ Юзефовичъ остался послѣ смерти отца груднымъ младенцемъ; въ виду разстройства семейныхъ дѣлъ, мать предназначила его къ духовному званію и отдала на воспитаніе монахамъ. Въ 1696 году молодой Янъ былъ уже священникомъ, носилъ титулъ королевскаго секретаря и, не смотря на относительную молодость свою, получилъ званіе каноника львовскаго капитула. Вскорѣ онъ сталъ въ близкія, дружелюбныя отношенія къ львовскому католическому архіепископу, Константину Зелинскому, который, довѣряя его учености, поручилъ ему въ 1703 году составить исторію львовской католической архіепископіи за истекшее столѣтіе; выполняя это порученіе, каноникъ и написалъ тотъ трудъ, съ которымъ мы хотимъ ознакомить читателей и который имѣетъ весьма важное значеніе и для нашей исторіи.

О дальнѣйшей судьбѣ Юзефовича, мы знаемъ не много. Въ 1704 году, послѣ взятія Львова Карломъ XII, Юзефовичъ весьма дѣятельно хлопоталъ объ облегченіи участи покореннаго города и уменьшеніи требуемой съ него контрибуціи; цѣль эта была въ значительной мѣрѣ достигнута, благодаря его просьбамъ и предстательству предъ шведскими генералами Штейнбокомъ и Пиперомъ, а также передъ королемъ Станиславомъ Лещинскимъ. Объ осадѣ Львова шведами Юзефовичъ оставилъ отдѣльныя записки, изъ которыхъ извлеченія помѣстилъ Ходынецкій въ своей исторіи Львова [1]). Затѣмъ изъ бѣглой замѣтки самаго Юзефовича мы знаемъ, что онъ жилъ еще въ 1725 году [2]).

---

[1]) Chodyniecki. Historja miasta Lwowa. Lwow, 1865, str. 249—261; Зубрицкій. Kronika miasta Lwowa. Lwow, 1844., стр. 454.

[2]) Замѣтка эта помѣщена на 43 страницѣ рукописи.

Историческій трудъ Юзефовича начинается съ 1613 г., со времени вступленія Яна Прухницкаго въ санъ львовскаго архіепископа, и продолжается до 1700 года, т. е. до назначенія на туже каѳедру Константина Зелинскаго. Весь трудъ раздѣленъ на главы, которыя названы именами львовскихъ архіепископовъ; затѣмъ событія разсказаны по годамъ, пріемомъ лѣтописнымъ. Подъ каждымъ годомъ событія расположены въ извѣстномъ порядкѣ: прежде всего разсказаны дѣянія самаго архіепископа и всѣ событія, относящіяся къ церковному устройству; далѣе идутъ свѣдѣнія о политическихъ событіяхъ, при чемъ авторъ обращаетъ почти исключительно вниманіе на событія, происходившія въ южной Руси; затѣмъ слѣдуютъ извѣстія, относящіяся къ исторіи города Львова и, наконецъ, въ заключеніе каждаго года помѣщенъ перечень случившихся въ теченіи его общественныхъ бѣдствій и выдающихся природныхъ явленій. Въ концѣ нѣкоторыхъ годовъ помѣщены замѣтки о вышедшихъ новыхъ сочиненіяхъ, содержаніе которыхъ обратило на себя вниманіе лѣтописца.

Обстоятельный и изобилующій подробностями разсказъ Юзефовича основанъ на многочисленныхъ источникахъ, которые онъ по большей части цитируетъ. Изъ цитатъ видно, что онъ пользовался, особенно для первой половины своей лѣтописи, сочиненіями печатными: Коховскаго, Пясецкаго и др., но сверхъ того располагалъ многочисленными рукописными источниками: мы встрѣчаемъ у него ссылки на записки и дневники, хранившіеся въ монастырскихъ библіотекахъ и въ мѣщанскихъ семействахъ, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ онъ выписываетъ цѣликомъ, а изъ другихъ дѣлаетъ извлеченія; затѣмъ чаще всего онъ основываетъ свое повѣтствованіе на многочисленныхъ актахъ и документахъ, заимствованныхъ изъ архивовъ: магистратскаго, консисторскаго, капитульнаго, а также изъ архивовъ разныхъ монастырей; наконецъ, очень многое разсказываетъ со словъ «старыхъ, вѣры достойныхъ людей», очевидцевъ описываемыхъ имъ событій, а такія показанія ему было легко собрать среди львовскихъ мѣщанъ старожиловъ, въ числѣ которыхъ были многочисленные его родственники, друзья и знакомые.

Главная и самая объемистая часть лѣтописи Юзефовича посвящена, согласно цѣли, съ которою составлялось сочиненіе, описанію фактовъ, относящихся къ исторіи львовской католической архіепископіи. Излагая до мельчайшихъ подробностей дѣянія архіепископовъ и капитуловъ, перечисляя всѣ другіе факты, относящіеся къ церковному управленію и къ состоянію католической церкви: засѣданія конвентовъ различныхъ монашескихъ орденовъ, приговоры духовныхъ судовъ, постройки или исправленія церквей и т. п., авторъ въ изложеніи этихъ событій обна-

руживаетъ свое настроеніе, вытекающее изъ его воспитанія и общественнаго положенія и согласное съ настроеніемъ современнаго ему общества, въ религіозныхъ же вопросахъ онъ является не только ревностнымъ католикомъ, но, не смотря на свою начитанность и развитіе, слѣпымъ фанатикомъ съ значительною наклонностью къ мистицизму. Съ особымъ пристрастіемъ и наивною вѣрою описываетъ онъ въ концѣ каждаго года многочисленныя чудеса, случившіяся въ львовской епархіи, въ родѣ напр. наказанія (1626 г.) одной несохранившей чистоты дѣвушки, которую въ то время, когда она шла приложиться къ чудотворной иконѣ Богородицы, въ церкви Доминиканскаго монастыря во Львовѣ, влетѣвшій въ церковь діаволъ схватилъ и разбилъ ея черепъ ударомъ о церковную стѣну, сорвавъ съ нея косы и ленты, или чудесной кары, постигшей (1632 г.) мѣщанку Дороту Голищанку за нарушеніе обѣта дѣвства, которая въ самый день брака, когда она уже надѣла вѣнчальное платье, внезапно упала и на третій день скончалась среди продолжительныхъ судорогъ и страданій, или превращенія въ 1700 году въ вепря дворянина Валихновскаго за ропотъ на Бога вслѣдствіе пониженія цѣнъ на хлѣбъ. Явленія духовъ у Юзефовича на каждомъ почти шагу и иногда ставятся въ связь съ текущими политическими событіями: такъ подъ 1652 годомъ встрѣчаемъ разсказъ, будто въ пещерѣ у города Ладыжина поселился духъ нѣкоего Спасовича (Spasovius), который предостерегалъ поляковъ объ угрожавшемъ имъ пораженіи на Батогѣ и потомъ, въ теченіи трехъ лѣтъ, давалъ имъ различные совѣты, относящіеся къ политическимъ событіямъ того времени; а подъ 1661 годомъ помѣщенъ разсказъ о томъ, будто Яну Собѣскому являлся духъ умершаго кіевскаго воеводы Станиславскаго для того, чтобы увѣрить его, что католическое ученіе о причастіи подъ однимъ видомъ есть единственное правильное ученіе объ этомъ таинствѣ. Кромѣ явленій духовъ въ лѣтописи Юзефовича встрѣчаемъ много другихъ мистическихъ извѣстій: о плакавшихъ иконахъ, о статуяхъ, покрывавшихся потомъ, о нечестивыхъ людяхъ, выдававшихъ діаволу «цырографы» на душу, уличенныхъ въ этомъ преступленіи передъ духовнымъ судомъ и сожженныхъ на кострѣ по его приговору, и т. д.

Но и въ этой главной части лѣтописи Юзефовича, посвященной дѣламъ католической церкви, встрѣчаются, не многочисленныя правда, свѣдѣнія, относящіяся къ состоянію православной церкви во Львовѣ въ XVII столѣтіи. Извѣстія эти переданы авторомъ съ весьма субъективнымъ, фанатичесчи-католическимъ освѣщеніемъ и даютъ новыя данныя къ исторіи преслѣдованія православной церкви польскимъ обществомъ XVII столѣтія. Подъ 1623 и 1641 годами записаны строгіе приговоры като-

лическаго духовнаго суда, покаравшіе двухъ православныхъ священниковъ за то, что одинъ изъ нихъ совершалъ похороны днемъ, а не ночью, другой-же повѣнчалъ католика съ православною дѣвицею. Подъ 1639 годомъ записанъ приговоръ того-же суда, по которому определено было сжечь черезъ палача вышедшее въ Львовѣ сочиненіе, написанное Михаиломъ Слёзкою въ защиту православія и носившее слѣд. заглавіе: „Aurora na horyzoncie Lwowskim, świecąca przeoświęconemu exarsze świetego tronu apostolskiego Konstantynopolskiego». Приговоръ этотъ былъ приведенъ въ исполненіе по настоянію духовной цензуры, признавшей сочиненіе Слёзки вреднымъ для католичества. Подъ 1655 годомъ вставлено, не смотря на нарушеніе хронологическаго порядка лѣтописи, жизнеописаніе Іосафата Кунцевича, извлеченное Юзефовичемъ изъ вновь вышедшей книги, написанной съ цѣлью возвеличенія этого фанатическаго гонителя православія [1]. Наконецъ, подъ 1700 годомъ разсказано подробно насильственное занятіе братской ставропигіальной львовской церкви уніатскимъ епископомъ Іосифомъ Шумлянскимъ, который явился принимать ее въ сопровожденіи отряда солдатъ; послѣдніе по его приказанію вырубили церковныя двери и такимъ образомъ открыли епископу доступъ въ братскую церковь.

Въ отдѣлѣ лѣтописи, посвященномъ разсказу о политическихъ событіяхъ, Юзефовичъ обращаетъ особенное вниманіе на факты, происходившіе въ южной Руси; весь этотъ отдѣлъ посвященъ почти исключительно описанію козацкихъ возстаній, татарскихъ набѣговъ и упорной борьбы поляковъ съ турками за обладаніе Подоліемъ и сосѣдними съ нимъ областями. Политическія убѣжденія, симпатіи и антипатіи Юзефовича, не смотря на его мѣщанское происхожденіе, заимствованы имъ всецѣло отъ окружавшей его шляхетской среды. Онъ презрительно относится къ „сельской черни“ (plebs rustica), возмущается непокорностью козаковъ, хотя и признаетъ, что польское правительство несправедливо съ ними поступало, и сожалѣетъ объ утратѣ Рѣчью Посполитою этого храбраго, ничего не стоившаго войка. Къ личности Хмельницкаго Юзефовичъ относится съ крайнею ненавистью и почти всегда прилагаетъ къ его имени бранные эпитеты: carnifex, tyrannus, vulpes, fallax и т. д.

Въ началѣ лѣтописи, до 1648 года, Юзефовичъ заимствуетъ свѣдѣнія о козакахъ по большей части изъ печатныхъ источниковъ, но съ этого времени разсказъ его становится вполнѣ самостоятельнымъ и въ лѣтописи его появляются многочисленныя, весьма точныя и обстоя-

---

[1]) Въ текстѣ приведено заглавіе книги: Nabożny affekt do błogosławionego Josaphata. Vilnae, 1705.

тельныя подробности, заимствованныя изъ мѣстныхъ, письменныхъ и изустныхъ, источниковъ: записокъ львовскихъ мѣщанъ, магистратскаго архива, разсказовъ очевидцевъ и, впослѣдствіи, изъ личныхъ воспоминаній. Въ 1648 году онъ описываетъ первыя побѣды Хмельницкаго, пользуясь сочиненіемъ Коховскаго; но послѣ разсказа о Пилявецкой битвѣ оставляетъ этотъ источникъ и переходитъ къ самостоятельному разсказу о пребываніи польскихъ региментарей во Львовѣ, объ осадѣ этого города Хмельницкимъ и т. д., основываясь на мѣстныхъ источникахъ (запискахъ мѣщанина Кушевича, городскомъ архивѣ и разсказахъ очевидцевъ), при чемъ онъ помѣщаетъ слѣдующую оговорку: «все это я вкратцѣ описалъ, собравъ извѣстія въ актахъ магистратскихъ, въ запискахъ объ упомянутой осадѣ и въ разсказахъ вѣры достойныхъ стариковъ, потому что Коховскій записалъ далеко не все, касающееся осады Львова". Дальнѣйшій разсказъ Юзефовича сохраняетъ вполнѣ самостоятельный характеръ до конца лѣтописи; особенно подробно описана вторая осада Львова Хмельницкимъ въ 1655 году; Юзефовичъ внесъ здѣсь цѣликомъ въ свою лѣтопись дневникъ этой осады, составленный львовскимъ студентомъ, современникомъ самаго событія—Борженцкимъ.

Несомнѣнно самую живую часть лѣтописи Юзефовича представляетъ тотъ ея отдѣлъ, который авторъ посвятилъ исторіи львовской городской общины. Мѣщанское происхожденіе лѣтописца сказывается въ его горячемъ мѣстномъ городскомъ патріотизмѣ: онъ относится съ глубокимъ уваженіемъ къ городскому магистрату, съ особою любовью выставляетъ на видъ ученость, гражданское развитіе и нравственный авторитетъ представителей городской общины, указываетъ злоупотребленія по отношенію къ ней шляхтичей и съ торжествомъ разсказываетъ тѣ случаи, въ которыхъ магистратъ побѣдоносно вышелъ изъ столкновеній съ членами дворянскаго сословія.

Среди извѣстій, относящихся къ исторіи города Львова, значительный интересъ представляютъ свѣдѣнія Юзефовича о колоніяхъ инородческихъ, поселившихся въ Львовѣ. Подъ 1630 годомъ онъ разсказываетъ подробно исторію львовской армянской колоніи, которая пользовалась многочисленными привилегіями, гарантировавшими ея торговую дѣятельность и самоуправленіе. Затѣмъ во всей лѣтописи разсѣяны свѣдѣнія объ упорной борьбѣ горожанъ львовскихъ съ поселившимися въ городѣ евреями, которые, пользуясь покровительствомъ воеводъ, старостъ и другихъ административныхъ чиновниковъ и не признавая надъ собою власти магистрата, а также не неся повинностей, возложенныхъ послѣднимъ на членовъ христіанской городской общины, вступили въ весьма удачную торговую конкуренцію съ купцами и ремесленниками христіанами и тѣмъ

вызвали упорную, не смолкавшую борьбу, доходившую иногда до весьма рѣзкихъ столкновеній. Въ 1644 году происходила на улицахъ Львова въ теченіи трехъ дней формальная война между евреями и защищавшею ихъ старостинскою милиціею съ одной стороны, и горожанами христіанами и принявшими ихъ сторону студентами съ другой; съ большимъ трудомъ удалось городскимъ властямъ прекратить кровопролитныя схватки и заставить спорившія стороны подчиниться судебному разбирательству. Разсказывая о столкновеніяхъ съ евреями, Юзефовичъ раздѣляетъ вполнѣ чувства раздраженія, существовавшія у его согражданъ; онъ не стѣсняется въ выраженіяхъ и эпитетахъ и приписываетъ евреямъ всевозможныя преступленія, въ которыхъ обвиняла ихъ городская молва, каковы: похищеніе дѣтей, насилія, систематическія убійства изъ побужденій религіознаго фанатизма и т. п. Многія изъ этихъ обвиненій основаны были вѣроятно на молвѣ, возникавшей на почвѣ сильнаго и продолжительнаго раздраженія, фактическое же основаніе могли имѣть лишь постоянные упреки евреевъ въ ростовщичествѣ. Очень характерно въ лѣтописи Юзефовича то обстоятельство, что, налегая на эту непривлекательную сторону дѣятельности евреевъ, онъ подъ 1633 годомъ приводитъ въ доказательство ея, какъ событіе, будто случившееся во Львовѣ, общеизвѣстную европейскую легенду, послужившую основою трагедіи Шекспира «Венеціанскій купецъ».

Желающій пользоваться лѣтописью Юзефовича для нашей исторіи долженъ имѣть въ виду только ту часть его труда, которая посвящена описанію политическихъ событій, случившихся въ южной Руси въ XVII столѣтіи, послѣ 1623 года, такъ какъ извѣстія за первыя 10 лѣтъ (1614—1623), разсказанныя Юзефовичемъ, не представляютъ вовсе оригинальныхъ данныхъ и списаны цѣликомъ изъ сочиненій общеизвѣстныхъ польскихъ писателей.

Самую пространную часть сочиненія Юзефовича, относящуюся къ исторіи католической львовской архіепископіи, можно оставить въ сторонѣ, какъ матеріалъ слишкомъ объемистый, можетъ быть важный для исторіи католической церкви въ Польшѣ, но почти совершенно лишенный интереса для исторіи южной Руси. Точно можно также опустить свѣдѣнія, относящіяся къ исторіи города Львова, какъ вслѣдствіе слишкомъ спеціальнаго ихъ характера, такъ и потому, что всѣ почти извѣстія этого отдѣла уже вошли въ составъ нѣсколькихъ монографій, посвященныхъ исторіи этого города, написанныхъ Зимоjовичемъ, Ходынецкимъ и Зубрицкимъ [1]).

[1]) Zimorowicz, Historya miasta Lwowa. Lwow, 1835; Chodyniecki, Historja miasta Lwowa. Lwow, 1828 w 1865; Dionizy Zubrzycki, Kronika miasta Lwowa. Lwow, 1844

Лѣтопись Юзефовича никогда не была издана въ подлинникѣ и въ полномъ ея составѣ. Только нѣкоторая часть ея (съ 1634 по 1690) появилась въ печати во Львовѣ въ 1854 году въ польскомъ переводѣ Пивоцкаго[1]). Но изданіе это при сравненіи съ оригиналомъ оказывается весьма недостаточнымъ: переводчикъ не только переводилъ подлинникъ, но дѣлалъ въ немъ произвольныя перемѣны, выбиралъ одни факты по своему усмотрѣнію и опускалъ другіе, сокращалъ текстъ разсказа, перемѣнялъ или стушевывалъ характеръ повѣтствованія и сверхъ того, по неизвѣстной причинѣ, исключилъ изъ перевода первые 20 и послѣдніе 10 лѣтъ данной лѣтописи. Убѣдиться въ этихъ недостаткахъ можно, сличивъ подлиный текстъ Юзефовича о событіяхъ въ южной Руси по списку института Оссолинскихъ съ соотвѣтствующими отрывками перевода Пивоцкаго.

В. Антоновичъ.

---

[1]) Kronika miasta Lwowa od roku 1634 do 1690, obejmująca w ogólności dzieje dawnej Rusi Czerwonej, a zwłaszcza historją arcybiskupstwa Lwowskiego w tejże epoce, napisana przez X. J. Tomasza Józefowicza, przełożona przez M. Piwockiego. Lwow, 1854.

О КАРПАТСКОЙ РУСИ [1]).

(Краткій этюдъ Андрея П. Дешка).

Все близкое видится мнѣ отдаленнымъ,
Отжившее, какъ прежде оживленнымъ.

Отъ границы молдавско-трансильванской, населенной волохами, тянутся по карпатскимъ горамъ и ихъ долинамъ, черезъ семь графствъ королевства венгерскаго, поселенія русскаго народа. Откуда и когда здѣсь взялся этотъ народъ, вопросъ объ этомъ еще не рѣшенъ. Угры увѣряютъ, что здѣшняя Русь пришла вмѣстѣ съ ними въ Паннонію и съ ними за одно отвоевала ее у словаковъ; но мы руснаки думаемъ, что наши праотцы во времена Ягеллоновъ были

---

1) Помѣщаемая здѣсь небольшая статейка о Карпатской Руси извѣстнаго угро-русскаго писателя и этнографа Андрея П. Дешка печатается съ рукописи, составляющей его автографъ и имѣющей видъ небольшой книжечки въ малую четверку, оправленной въ шагреневый переплетъ. На первомъ чистомъ ея листѣ крупными готическими буквами написаны слѣд. слова: *его высокопреосвященству, высокопреосвященнѣйшему Арсенію, архіепископу каменецъ-подольскому и брацлавскому,* а внизу этихъ строкъ поставленъ *1847* годъ. На второмъ чистомъ листѣ нарисованъ видъ мункачевскаго замка, работы, конечно, самаго Дешка, а за нимъ уже идетъ самый текстъ рукописи, тщательно отъ начала до конца писанный однимъ почеркомъ; въ концѣ подпись: *Андрей П. Дешко.* Очевидно, это личное подношеніе Дешка архіепископу Арсенію, впослѣдствіи кіевскому митрополиту; но когда и при какихъ обстоятельствахъ оно сдѣлано, зачѣмъ обращался Дешко къ каменецкому владыкѣ и объ чемъ хлопоталъ предъ нимъ, мы, къ сожалѣнію, ничего объ этомъ сказать не можемъ. Мы не можемъ даже припомнить, какъ давно и отъ кого досталась намъ эта рукопись. Въ Россіи она не была напечатана, а только въ галицкой „Семейной Библіотекѣ“ 1855 г. Не смотря на нѣкоторыя устарѣлыя свѣдѣнія, даемъ ей мѣсто, какъ матеріалу историческому. Очеркъ написанъ живо, совершенно почти правильнымъ русскимъ языкомъ и даетъ намъ вѣрно начерченную картину Угорщины и ея обитателей, столь близкихъ намъ по крови, вѣрѣ и языку.—*Ред.*

вызваны венгерскимъ королемъ изъ Подолья вмѣстѣ съ ихъ княземъ Ѳеодоромъ Коріатовичемъ, чтобы заселить горы и долины карпатскія, опустошенныя песьеголовцами татарами.

Есть преданіе, что Коріатовичъ съ своимъ народомъ, занявши въ Карпатахъ сперва берега Унга и Латорицы, а потомъ берега Тисы, разъ въ ночи видѣлъ ангела ходящаго по водамъ Латорицы и указывавшаго на гору Чернецкую. На этой горѣ князь построилъ монастырь Мункачевскій, а на другомъ берегу, на отдѣльной высокой и круглой горѣ, красивый мункачевскій замокъ (называемый при королевскомъ дворѣ золотымъ яблокомъ). Этотъ замокъ и былъ средоточіемъ карпатской Руси! Его великолѣпныя залы не разъ принимали въ себя царей и славныхъ подвижниковъ: Раковція, Текелія и другихъ. На его башняхъ пала въ отчаянной борьбѣ славная угорская героиня Елена Зриньи. Въ его душныхъ подземельныхъ темницахъ еще и въ новыя времена много изтомлено узниковъ, преступныхъ противъ имперіи.

Жилища руснаковъ по обѣимъ сторонамъ Тисы заняли почти все графство мармароское, берегское, угочское и унгварское, большую часть графства землинскаго, сукмарскаго и саболчскаго.

На венгерскую землю указываютъ, какъ на одну изъ прекраснѣйшихъ странъ въ мірѣ; но отнимите отъ нея Карпаты, и вы отняли всю ея красоту. На вершинахъ этихъ горъ, называемыхъ бѣлыми полонинами, вы видите неподвижныя голубо-бѣлыя облака: то никогда не тающіе снѣга карпатскіе [1]). Подъ этими полонинами всегда стоятъ черно-зеленыя тучи, то обширные дремучіе лѣса высокой смереки, надъ которыми летаютъ только орлы и въ которыхъ гуляютъ одни лѣнивые медвѣди и роютъ дикіе кабаны. Подъ густою сѣнію этихъ лѣсовъ, непроницаемою для солнца и прохладительнаго вѣтра, усталый охотникъ не найдетъ себѣ травного ковра, ему природа постлала здѣсь только колючіе сухіе листья, на которыхъ онъ можетъ спать спокойно, не тронутый ни медвѣдемъ, ни вепремъ, ибо они только защищаются отъ человѣка, но сами на него не нападаютъ.

---

[1]) Найбольшія бѣлыя полонины находятся въ Мармороши. Горы менѣе высокія, на которыхъ скоро таетъ снѣгъ и на его мѣстѣ зеленѣетъ трава, называются полонинами зелеными.

Ниже этихъ угрюмыхъ и безмолвныхъ боровъ спускаются по горамъ обширные лѣса, гдѣ огромные буки и дубы перемѣшаны съ каштанами, съ дикими яблонями и грушами. Здѣсь природа живѣе и разнообразнѣе, земля покрыта уже зеленью и цвѣтами, воздухъ колышется вѣтерками и оглашается то пѣніемъ различныхъ птицъ, то непрерывнымъ звономъ колокольчиковъ, которыми увѣшаны здѣсь пасущіяся стада, то жалобными звуками пастушьихъ роговъ, на которыхъ съ отличнымъ искусствомъ играютъ овчари, обыкновенно въ ночную пору. Здѣсь и тамъ весело шумятъ рѣки, выходя изъ нагорныхъ ключей и снѣговъ полонинскихъ, они быстро падаютъ съ вышины и уже на долинахъ сливаются въ большія рѣки, каковы: Иза, Унгъ, Латорица, Бережава; всѣ они впадаютъ въ широкую Тису, черезъ которую русскіе Карпаты передаютъ свои воды великому Дунаю. Въ этихъ нагорныхъ широколиственныхъ лѣсахъ, по обширнымъ чисташамъ или порубамъ, начинаются уже села, большею частію многолюдныя, и при каждомъ селѣ поля, раздѣленныя на двѣ половины: одно, на которомъ сѣется хлѣбъ и снимается сѣно, называется *цариною*, другое, назначенное въ тотъ же годъ для пастбища, называется *толокою*.

Между этими высокими горами простираются уже обширныя долины, пересѣкаемыя рѣками и уставленныя возвышенностями меньшей величины; но здѣсь и села обширнѣе, и люди рослѣе, и разводимый ими скотъ крупнѣе, чѣмъ на горахъ. Подкарпатскимъ долинамъ принадлежитъ и все наше городовое населеніе. На лѣсныхъ горахъ почти нѣтъ городовъ. Между тѣмъ на возвышенностяхъ, находящихся въ долинахъ, почти на каждой есть развалины прежде бывшихъ крѣпостей, объ которыхъ ведутся въ народѣ разныя сказки, но почти не осталось историческихъ извѣстій. На этихъ же возвышенностяхъ воздѣлываются виноградники; русскія вина изъ нихъ весьма уважаются, ибо середнянское изъ графства унгварскаго и лоховское изъ графства берегскаго считаются первымъ послѣ токайскаго. Здѣсь еще нельзя не вспомянуть о славныхъ мараморскихъ копяхъ, доставляющихъ неистощимое количество соли; ея разработка и вывозъ по Тисѣ до самаго города Солнока производится почти исключительно народомъ русскимъ.

Примѣчанія достойно еще богатство здѣшней земли минеральными ключами, изъ которыхъ особенно славится цѣлебною силою

своею вода собранская въ унгварскомъ графствѣ, и свальевская и синякъ въ графствѣ берегскомъ. Марамарошъ славится своею кипучею холодною кислою водою, называемою шулигуліемъ. Но, не вдаваясь въ подробное описаніе произведеній здѣшней природы, я поспѣшу познакомить васъ съ здѣшнимъ народомъ.

Большую частью его составляетъ кмитство или кмити, то есть поселяне; они живутъ на владѣльческихъ земляхъ и обработуютъ ее на извѣстныхъ условіяхъ, опредѣленныхъ венгерскимъ королевскимъ собраніемъ (сеймомъ).

Другой классъ народа составляютъ мѣщане; изъ нихъ образуется сословіе почетныхъ людей, къ которому причисляются всѣ ремесленники, купцы и тѣ изъ кметей, которые окончили гимназическій курсъ наукъ. Они свободны отъ поголовной подати и общественныхъ работъ.

Третій классъ народа дворянство; это званіе пріобрѣтаемо было военными заслугами, потому особенно важными для Венгріи, что руснаки, живучи на границѣ молдавско-трансильванской, всегда первые принимали на себя и отражали напоръ турецкой силы. Русинъ въ дворянствѣ пользуется тѣми-же правами, какъ и венгерецъ, хотя по состоянію они вообще бѣднѣе дворянства венгерскаго, что конечно зависѣло много отъ раздробленія между дѣтьми благопріобрѣтаемыхъ не слишкомъ большихъ имѣній.

Духовенство карпаторусское составляется частію изъ дворянства, но еще болѣе изъ кмитства, получившаго образованіе. Кмитъ, пріобрѣвъ духовное званіе, вмѣстѣ съ тѣмъ получаетъ уже и права дворянства какъ относительно владѣнія землею, такъ и относительно участія въ дворянскихъ и королевскихъ собраніяхъ. Всѣ эти сословія равно принадлежатъ къ церкви греко-уніатской, въ прежнее время православнаго исповѣданія.

Духовная власть сосредоточивается въ особѣ епископовъ, которые избираются королемъ государства изъ достойнѣйшихъ и притомъ безженныхъ священниковъ, бѣльцовъ, а не монаховъ. Потомъ, по утвержденіи папскою буллою, они посвящаются или въ карпатскихъ епархіяхъ, или въ Галиціи. Епархій русскихъ двѣ, одна мункачевская, а другая пряшевская; къ этой послѣдней принадлежатъ не одни русскіе, но и словаки. Русскіе епископы пользуются одинакими правами съ католическими, засѣдаютъ и подаютъ голосъ

при высшемъ столѣ магнатовъ на королевскихъ собраніяхъ (чего не имѣютъ епископы православные, напримѣръ расціанскіе). До нашего еще времени русскіе епископы, по древнему православному обычаю, носили бороду и длинные волоса, но епископъ мункачевскій Василій Поповичъ первый явился на посвященіе 1838 года въ Львовѣ безъ бороды и съ обстриженными волосами, къ немалому удивленію народа.

Что касается до священниковъ, то изъ нихъ лишь не многіе старики украшаютъ себя бородами. Большая часть священниковъ женятся до посвященія; впрочемъ это не поставляется въ необходимое условіе. Дѣти ихъ считаются наравнѣ съ дворянскими. Для достиженія священства должно, кончивъ шестиклассный курсъ гимназическихъ наукъ, учиться еще два года философіи и потомъ четыре года богословіи. Гимназіи находятся въ русскихъ городахъ Сиготъ и Унгваръ, философія преподается только въ городахъ венгерскихъ, а богословіе въ Унгварѣ; сюда стекаются для обученія не только русскіе, но и волохи, потому число образующихся здѣсь клериковъ и стороннихъ слушателей бываетъ весьма значительно.

Кромѣ сказанныхъ школъ, есть еще особыя монастырскія двѣ школы, въ которыхъ однимъ только монахамъ преподается философія и богословіе на карпато-русскомъ языкѣ. Они находятся въ двухъ значительныхъ монастыряхъ, а именно: въ мункачевскомъ и повчанскомъ.

Русскій городокъ Повча стоитъ далеко отъ Карпатъ въ графствѣ саболчскомъ, какъ островъ, окруженный венгерскими кальвинами. Монастырь его славится въ народѣ находящимся здѣсь чудотворнымъ образомъ Пресвятой Дѣвы Богородицы. Ко дню Успенія, когда великая Русь стекается отовсюду въ Кіевъ на поклоненіе чудотворному образу (Богоматери) Печерскому, карпатская Русь, идетъ молиться Богоматери Повчанской. Къ ней сходится на молитву и народъ католическій, и такимъ образомъ въ здѣшнемъ храмѣ можно слышать служеніе на языкахъ: славянскомъ, латинскомъ и румынскомъ или волоскомъ. Въ одно и тоже время вокругъ храма тысячамъ толпящагося народа возглашается проповѣдь на языкахъ: русскомъ, волоскомъ, венгерскомъ и нѣмецкомъ; но прелестное петербургское пѣніе слышится здѣсь только въ каѳедральной церкви унгварской и заведено здѣсь за 12 лѣтъ стараніемъ при-

шельца нашего Константина Матезонскаго, при бывшемъ епископскомъ викаріи Иванѣ Чурговичѣ.

Монахи карпато-русскіе всѣ одного чина, базиліане, одѣваются они въ черную рясу и ходятъ съ бородами, но не въ клобукахъ, а въ шляпахъ.

Монастырей женскихъ совсѣмъ нѣтъ, также, какъ нѣтъ никакихъ особенныхъ заведеній для образованія женскаго пола. Дѣвушки учатся славянской грамотѣ и катехизису вмѣстѣ съ мальчиками въ сельскихъ школахъ. Въ большихъ селахъ для школъ назначаются особые дома и особые учителя, но въ селахъ меньшихъ учатъ дяки, и не рѣдко въ собственныхъ домахъ. Ученіе бываетъ большею частію только въ зимнее время, ибо въ лѣтнюю пору дѣти занимаются пастушествомъ. За обученіе полагается обыкновенно 10—30 грошей съ ученика ежегодно, въ дополненіе къ тому дается еще учителю квартира и участокъ земли. Ученіе, какъ сказано выше, весьма ограниченно; оно состоитъ въ чтеніи венгерской и русской азбуки, обученіе русскаго краткаго катихизиса ведется по книжкамъ, издаваемымъ въ Budинѣ. Учить дѣтей поставляется въ обязанность всѣмъ родителямъ; такимъ образомъ грамотность, хотя и весьма скудная, принадлежитъ всему карпаторусскому народу. Для ея расширенія надо бы учить не только чтенію, но и письму русскому; но къ сожалѣнію въ сельскихъ школахъ учатъ немножко писать только по венгерски, да и въ самыхъ семинаріяхъ русскому письму учатъ только нѣсколько дней при изложеніи науки пасторальной. При такомъ бѣдномъ состояніи русскаго письма въ Карпатахъ случается не рѣдко, что священники хотя сочиняютъ проповѣди по славяно-русски, но пишутъ ихъ буквами латинскими. Катихизисъ, давно уже сочиненый русскимъ канoникомъ Куткою, есть еще почти единственная русская книга. Грамматика славянорусская, изданная въ недавнія времена, и то на латинскомъ языкѣ Лучкайемъ, есть необыкновенное у насъ явленіе [1]).

[1]) Недавно скончавшійся унгварскій священникъ Михаилъ Лучкай, былъ нѣкоторое время аббатомъ въ Луккѣ, когда князь лукскій, желая показать грекамъ свое вниманіе къ ихъ исповѣданію, содержалъ при дворѣ своемъ аббата съ двумя священниками и причтомъ русскимъ изъ Карпатовъ; но все это продолжалось не долго.

Должно помянуть еще недавно умершаго старика священника Лешковича; его изъ презрѣнія называли идіотомъ, но онъ умѣлъ сочинять русскія пѣсни и распространять ихъ въ народѣ. Другіе руснаки, становясь выше этой первоначальной образованности, являются уже весьма сильными умами. Въ доказательство довольно назвать здѣсь имя Михаила Вѣсяника, главнаго вѣнскаго доктора, Петра Типулы, профессора политической экономіи въ университетѣ пештскомъ, канониковъ Ивана Чурговича, Ивана Ляховича, священника Андрея Молнара, Василія Довговича, членовъ академіи наукъ пештской. Нельзя умолчать здѣсь и почтенныя имена Орласа, Михаила Балугіанскаго и нѣкоторыхъ другихъ карпатскихъ уроженцевъ, прославившихъ себя и родину свою служеніемъ въ имперіи русской; говорятъ, и Венелинъ, столько уважаемый болгарами, былъ нашъ землякъ, но въ Карпатахъ этого не знаютъ. Можно надѣяться, что между тамошними руснаками скоро соскроется и духъ русскій, и письменное русское слово для просвѣщенія своего народа; ибо при нынѣшнемъ епископѣ Василіѣ Поповичѣ въ Унгварѣ заведена уже типографія, бывшая прежде въ Кошицахъ. Пожелаемъ отъ души, чтобы въ ней краснорѣчивый священникъ Гаджега, Иванъ Раковскій, Іеронимъ Гайду, Антоній Чопей и другіе даровитые карпаторуссы, издали побольше своихъ произведеній для пользы и славы своей отчизны.

Но отъ этихъ сладкихъ надеждъ на ея будущее просвѣщеніе возвратимся опять къ теперешней доли ея поселянъ, изъ которыхъ и возникаетъ лучшій цвѣтъ ея народа. Языкъ его ясно показываетъ, что онъ есть вѣтвь народа южно-русскаго; въ его нарѣчіи есть впрочемъ нѣкоторыя особенности отъ нарѣчія малороссійскаго и галицкаго, таково напримѣръ весьма твердое *ы*, которое у горцевъ не смягчается и послѣ гортанныхъ г, к, х. По давнему общенію съ венгерцами и въ нарѣчіе карпаторусское вошло много венгерскихъ отдѣльныхъ словъ и даже звуковъ. Этимъ особенно отличается говоръ жителей долинъ, которые и по виду, и по одеждѣ гораздо болѣе обугрились; у нихъ слышится напримѣръ часто звукъ *ü*, столь употребительный въ венгерскомъ языкѣ, почти не извѣстный въ другихъ русскихъ и славянскихъ нарѣчіяхъ. Но и у горцевъ господствуетъ тотъ-же звукъ *и* вмѣсто *о*, какимъ отличается выговоръ украинцевъ и галичанъ. Сами между собою горцы называются лишаками, а жители долинъ лемаками, по поговоркѣ *лишъ*

и *лемъ*, употребляемой ими въ рѣчи, подобно тому, какъ словаки у венгерцевъ прозваны товтами, за частое употребленіе слова *тотъ*.

Есть и въ самомъ лицѣ горцевъ большое сходство съ малороссіянами. Одежда женская также напоминаетъ убранство украинокъ: таже вышитая красною ниткою сорочка, и запаска съ плахтою, подвязанныя краснымъ поясомъ. Голову здѣшнія женщины повязываютъ платками, подбирая подъ нихъ всѣ волосы, а у дѣвушекъ они заплетаются въ длинную косу; но головнымъ уборомъ ото всѣхъ отличаются женщины мараморскія, превосходящія всѣхъ въ Венгріи своею красотою. Тамошнія дѣвицы заплетаютъ волосы свои въ двѣ косы и на голову надѣваютъ красивую *парту*, сплетаемую въ видѣ толстаго и широкаго вѣнка изъ искусственныхъ цвѣтовъ и разноцвѣтныхъ гранатъ, а на лѣвой сторонѣ прикрѣпляютъ къ ней еще высокій пучокъ изъ цвѣтовъ натуральныхъ. Шею украшаютъ женщины горянскія множествомъ монистовъ, особенно красныхъ. На ногахъ какъ женщины, такъ и мущины горскіе носятъ кожаные постолы, завязываемые черными либо красными шерстяными волоками. Что касается до убранства мущинъ, то у горянъ рубахи очень похожи на великороссійскія по ихъ боковой распоркѣ (пазухѣ) и потому что носятся поверхъ узкихъ гатей. Волосы у нихъ длинные, подстригаемые только на лбу. На головѣ лѣтомъ носятъ клебаны съ круглою тульею и широкими брылами; но мущины мараморскіе носятъ широкія гати, коротенькія рубашки, съ чрезвычайно широкими рукавами, всего же примѣчательнѣе въ ихъ нарядѣ кожаные, шириною въ полъ-аршина, пояса, называемые чересами, и ихъ верхнее длинношерстное одѣяло, называемое гунею, въ родѣ бурки съ рукавами; женскія гуни нѣсколько короче. Чересъ переходитъ изъ рода въ родъ по завѣщанію отцовскому.

Домъ или хижина у горцевъ строится изъ сосноваго дерева и покрывается осокою, раздѣляется на жилую избу, сѣни и комору, какъ внутри, такъ и снаружи вымазанъ и выбѣленъ; но крыша отъ копоти скоро чернѣетъ, ибо дымовыхъ трубъ на домахъ нагорныхъ обыкновенно не дѣлаютъ.

Строенія при домѣ суть обыкновенно: хлѣвъ для рогатаго скота и лошадей, кутецъ для свиньи, въ особой отгородкѣ или стежарѣ стоятъ высокіе обороги сѣна, сложеннаго между четырехъ столбовъ, прикрытыхъ съ верху шаркою. Передъ вызорами (окнами) стоятъ

подвижные изъ прутьевъ сплетенные коши, для храненія кукурузы, составляющей здѣсь самое употребительное хлѣбное растеніе какъ въ горахъ, такъ и въ долинахъ: изъ нея не только приготовляются разные кушанья, но и печется хлѣбъ, а потому и на поляхъ иногда встрѣчаете только одну ее.

Середину села всегда занимаетъ церковь, по большой части каменная, вблизи церкви домъ священника, домъ дьячка и сельская школа; иногда возлѣ церкви ставится и куна или колода, но чаще этотъ станокъ для наказанія виновныхъ имѣетъ мѣсто возлѣ того дома, гдѣ живетъ бировъ, или сельскій старшина. Бировъ избирается изъ знатнѣйшихъ кметей ежегодно сельскою громадою. Ему въ помощники, которые называются божениками, и въ другія общественныя должности избираются кмети также громадою, но по указанію бирова, съ назначенія котораго собирается и громада на совѣтъ, или раду о дѣлахъ общественныхъ.

Кмети, какъ уже сказано выше, живутъ на земляхъ господскихъ, церковныхъ и коронныхъ, но принявъ ее на извѣстныхъ условіяхъ, они владѣютъ ее уже потомственно, только безъ раздробленія между дѣтьми, а съ передачею меньшому сыну. Обработывая принятую имъ землю, онъ за цѣлый ея участокъ (телекъ) обязанъ работать на владѣльца 52 (пѣшихъ) дня въ годъ, или 25 тяглыхъ и давать *дѣжму* или десятину съ полевого сбору хлѣбнаго. Прежде была и подымная дань, но она за нѣсколько лѣтъ предъ симъ уничтожена, также, какъ и прежняя власть владѣльцевъ наказывать кметей тѣлесно.

При этихъ обязанностяхъ въ отношеніи къ владѣльцу, кметь не привязанъ къ его землѣ и воленъ ее оставить. Въ отношеніи къ священнику кметь обязанъ работать два дня въ годъ, и со всего участка земли даетъ два вѣка (мѣрки) лучшаго хлѣба съ своего поля. Соразмѣрно уменьшенію принимаемой земли, и сказанная повинность кметя уменьшается.

Въ казну даетъ кметь «поголовную порцію», то есть подать, и исполняетъ повинность рекрутскую. Количество ежегодной подати опредѣляется на королевскомъ сеймѣ, бывающемъ черезъ три года, и собирается бировомъ [1]); но вмѣсто денежнаго взноса по-

[1]) Отъ головы человѣка и домашняго скота платится около коп. сер.

дать принимается иногда воробьиными головками и головами волчьими [1]).

Что касается до рекрутства, то еще въ недавнее время оно производилось такимъ порядкомъ, или лучше сказать безпорядкомъ: на тайное приказаніе алл-иш-пана или начальника графства поставить извѣстное число солдатъ или катунъ (изъ венгерскаго катона) бировъ съ своими помощниками и съ командою по ночамъ холодной зимы нападали на домы кметей и брали изъ нихъ силою, кого имъ было угодно. Это чрезвычайно не нравилось народу, и потому они всячески избѣгали рекрутства; молодые парни или легини, заслышавъ шумъ набора, поспѣшно уходили въ лѣса, гдѣ нерѣдко и пропадали, другіе увѣчили себя различно, чтобъ не быть годными въ службу, или же безденежно и на долгое время отдавались въ службу къ дворянамъ и священникамъ, которыхъ служители свободны отъ рекрутства; родители укрывали своихъ сыновей и иногда отчаянно защищали пойманныхъ, и все это дѣло кончалось не рѣдко смертоубійствами; но теперь, къ великой радости всѣхъ, наборъ войска производится уже не силою и не на неопредѣленное время, но по жребію на восемь лѣтъ; молодые парни, за исключеніемъ наслѣдниковъ земли, идутъ добровольно изъ селъ своихъ въ домъ графства (domus comitatensis) и на кого падетъ жребій, тотъ охотно становится въ ряды солдатъ.

Вь сельскомъ быту рабочій день начинается звономъ колокола на молитву Пресвятой Дѣвы Маріи, послѣ которой выходятъ на работу; часу въ 8-мъ садятся за обѣдъ, по здѣшнему завтракъ, состоящій обыкновенно изъ кукурузного хлѣба и дзямы (говяжего отвара, подбитаго кукурузною же мукою). Послѣ того продолжается работа, пока на колокольнѣ второй звонъ не воззоветъ къ молитвѣ полудневной; тогда народъ садится уже полуденковать, то есть обѣдать. Обыкновенный обѣдъ состоитъ также изъ дзямы, или изъ киселици [2]) и потомъ изъ бобовъ, или изъ картофлей. Отдохнувъ часъ, снова работаютъ до солнечнаго захода; тогда, при звукѣ колокола

---

[1]) Волчья голова принимается въ 5 злотыхъ сер., т. е. 3 рубл. сер.

[2]) Киселища замѣняетъ собою великорусскіе щи и малорусскій борщъ. Она варится изъ квасу, приготовленнаго изъ отрубей, особенно пшеничныхъ, но безъ зелени. Есть пословица: сербай, Грицу, киселицу, не впадуйся на дурницу.

на вечернюю молитву, возвращаются домой и тамъ уже садятся за ужинъ, на который подается свинное вареное мясо, или саламата, которая здѣсь дѣлается тоже изъ муки кукурузной, и при томъ или густая и называется *токаномъ*, или порѣже и называется *чиромъ:* первую кушаютъ съ овечьимъ сыромъ или съ свинымъ саломъ, а вторую всегда съ молокомъ. Для питья употребляютъ воду, а русскаго квасу и малоросійскаго сыровцу здѣсь не пьютъ. Изъ напитковъ здѣсь извѣстно пиво и виноградное вино; но важнѣе ихъ обоихъ водка, которая здѣсь называется *паленкою.*

Всякому русскому кметю можно выкуривать водки сколько угодно для собственнаго употребленія, что и дѣлаютъ многіе въ небольшихъ винокурняхъ, и варятъ ее всего болѣе изъ сливъ; однако большая часть предпочитаетъ ту паленку, которою въ каждомъ селѣ торгуетъ панъ арендарь. Это званіе принадлежитъ всегда жидамъ, которые и здѣсь наживаются на счетъ руснаковъ. Надобно однакожъ отдать справедливость, что у нихъ и дворы и корчмы несравненно опрятнѣе, нежели у жидовъ польскихъ; корчма посѣщается одними только мущинами. Корчемныя гулянья сопровождаются музыкою и пляскою; ремесло музыканта принадлежитъ всегда сельскому кузнецу цыгану и его семейству; играютъ они на гусляхъ (скрипкахъ) и цимбалахъ, но самые руснаки играютъ болѣе на дудахъ (волынкахъ); что касается до пляски, то, кромѣ обыкновенныхъ венгерокъ и національнаго карпаторусскаго танца, сопровождаемаго пѣніемъ, особенное вниманіе привлекаетъ ня себя пляска свинарей. Необыкновенное зрѣлище, когда они, по нѣсколько вмѣстѣ, выдѣлываютъ очень трудныя фигуры ногами, и въ тоже время надъ головами своими повертываютъ искусно и отважно широкими блестяще наточенными топорами (болтами). Пляски женщинъ можно видѣть только на семейныхъ праздникахъ, они вообще скорѣе и пылкіе, но не имѣютъ въ себѣ ничего мимическаго.

Что касается до пѣнія, то народъ русскій на Карпатахъ весьма пѣвучъ; мущины поютъ болѣе въ корчмахъ, но пѣніемъ женскимъ сопровождаются всегда работы сельскія. Напѣвъ здѣсь всегда почти протяжный и грустный. Нѣкоторія пѣсни здѣсь тѣже самыя, какъ и на Украйнѣ, напримѣръ: «Не ходи, Грицу, на вечерницу».

Много бы еще я могъ говорить вамъ о карпатской Руси, но не знаю, что именно и все ли объ ней будетъ любопытно.

Подъ двойною властію венгерскою и австрійскою она заключена въ своихъ Карпатахъ, какъ бы отрѣшенная отъ міра; но у нея есть еще другіе пріятнѣйшіе узы кровнаго родства съ великимъ народомъ, которому принадлежитъ она не только по имени и языку, но и по своей любви къ нему, составляющей одну изъ лучшихъ стихій ея внутренней духовной жизни.

Библіографія.

Холмская Русь. Историческія судьбы русскаго Забужья. Изд. П. Н. Батюшкова. Спб. 1887 г.

Названное изданіе не составляетъ нарочитаго самостоятельнаго изслѣдованія о данномъ предметѣ, но только переработку и систематизацію нѣкоторой части содержанія VII и VIII выпусковъ «Памятниковъ русской старины въ западномъ краѣ», издаваемыхъ П. Н. Батюшковымъ. Эти два выпуска посвящены уясненію историческихъ судебъ русскаго Забужья или Холмской Руси, иначе Холмщины и Подлясья; но въ составъ ихъ, какъ мы говорили въ свое время [1]), вошло много статей, притомъ самаго большаго объема, не имѣющихъ прямаго отношенія къ Холмской Руси, а только вообще къ исторіи уніи въ Западной Руси, каковы: двѣ статьи о люблинскомъ съѣздѣ 1569 г. проф. М. О. Кояловича и И. И. Малышевскаго, біографіи Кирилла Терлецкаго, епископа луцкаго и Ипатія Потѣя, О. И. Левицкаго, изслѣдованіе объ Іоасафатѣ Кунцевичѣ, проф. Петрова, о Сплѣтскомъ архіепископѣ Маркѣ Антоніѣ Господнѣвичѣ, его же, о креховскомъ монастырѣ въ Галиціи, Я. Ѳ. Головацкаго и пр. Произошло ли это отъ поспѣшности въ выпускѣ названныхъ сборниковъ, обусловленной употребленіемъ Высочайше разрѣшенной на изданіе ихъ суммы, или отъ недостатка людей, которые пожелали бы посвятить свой трудъ нарочитому изученію историческихъ судебъ русскаго Забужья, или отъ того, что приглашенные сотрудники предпочли новой трудной работѣ утилизацію готовыхъ свѣдѣній и матеріаловъ, хотя и не имѣющихъ прямаго отношенія къ цѣли изданія, все это ближе извѣстно самому издателю. Но когда два обширные и

---

1) См. „Кіев. Стар.“ 1885 г. въ іюньской книжкѣ рецензію VII вып. „Памятниковъ“ и 1886 г. въ апрѣльской кн. рецензію VIII вып.

дорого стоившіе сборники одинъ за другимъ явились въ свѣтъ, для всякаго стало очевидно, что цѣль изданія не вполнѣ достигнута, что оно не даетъ цѣльной картины многовѣковой жизни Холмской Руси, что въ немъ недостаетъ связнаго и послѣдовательнаго изложенія ея исторической судьбы, что собранный въ немъ пригодный для этой цѣли матеріалъ разбросанъ, не сведенъ къ единству и теряется въ массѣ другихъ общихъ и не нужныхъ матерій.

Чтобы исправить этотъ недостатокъ, принаровить изданіе къ намѣченной цѣли распространенія въ читающей публикѣ, а особливо мѣстной, точныхъ и вѣрныхъ свѣдѣній о Холмской Руси, о томъ, что это еесь исконная часть русской земли, что населеніе ея, раньше другихъ подвергшееся дѣйствію польско-католической пропаганды, больше всѣхъ потерпѣвшее отъ нея и совсѣмъ оторванное отъ единства съ русскою жизнью, сохранило до нашихъ дней, хотя и въ искаженномъ нѣсколько видѣ, свою вѣру, языкъ и народность, для этого необходимо было очистить оное отъ лишняго груза, переработать и свести къ единству разбросанный въ немъ пригодный матеріалъ, дополнить его новыми изысканіями и дать цѣльную историческую картину минувшей жизни Холмской Руси, словомъ: требовалось новое изданіе, хотя и на основѣ прежняго и съ употребленіемъ годнаго изъ него матеріала, нужно было стройное и полное изслѣдованіе, не бьющее въ глаза роскошью иллюстрацій, но раскрывающее предметъ съ большею полнотою и послѣдовательностію, при которыхъ рельефно выдѣлялись бы главнѣйшія перемѣны историческаго существованія холмско-подляскаго края и ярко очерчивался бы основный вѣро-исповѣдный и національный характеръ кореннаго населенія, подъ вліяніемъ непосильной борьбы измѣнявшійся и ослабѣвавшій, но не утратившійся до конца. Въ такомъ, кажется, видѣ мысль о необходимости новаго изданія представлялась и самому издателю, хотя въ предисловіи къ изданію она формулирована нѣсколько иначе и мотивы ея сведены къ общедоступности изданія и практическому его употребленію въ школахъ и среди грамотныхъ людей не только Забужной Руси, но и сосѣднихъ Литвы и Бѣлоруссіи.

Нѣтъ надобности говорить о пользѣ такого изданія и важности заслуги издателя, послѣ многолѣтнихъ трудовъ своихъ надъ собираніемъ и изданіемъ памятниковъ русской старины въ сѣверо-западномъ и юго-западномъ краѣ, посвятившаго время и трудъ ознакомленію русскаго общества съ такою исконною частію русской земли, которая до недавняго времени оставалась въ совершенномъ забвеніи и считалась принадлежностью Польши. Привѣтствуя съ полнымъ сочувствіемъ изданіе, въ которомъ давно чувствовалась настоятельная потребность, мы позволимъ

себѣ сказать нѣсколько словъ о его выполненіи и, имѣя въ виду практическое его назначеніе, которое можетъ вызвать повтореніе изданія, сдѣлаемъ нѣсколько посильныхъ замѣчаній о томъ, что слѣдовало бы восполнить и чего не мѣшало бы избѣжать при повтореніи изданія.

Историческій очеркъ русскаго Забужья, составляющій главное содержаніе настоящаго изданія, написанъ профессоромъ кіевской духовной академіи г. Петровымъ, извѣстнымъ многими, преимущественно историко-литературными работами. Отличительныя черты другихъ его трудовъ, въ числѣ которыхъ видное мѣсто занимаетъ «Очеркъ исторіи украинской литературы», отпечатлѣлись и въ настоящемъ его трудѣ. И здѣсь г. Петровъ справился съ своею ближайшою задачею хорошо и легко: съ свойственною ему тщательностью онъ разсортивалъ матеріалъ двухъ выпусковъ прежняго изданія, собралъ всѣ другія печатныя свѣдѣнія о Холмской Руси, свелъ тѣ и другія и далъ связный и послѣдовательный очеркъ исторической судьбы русскаго Забужья; но онъ не могъ уже ни стать выше, ни пойти дальше готоваго матеріала, ни даже извлечь изъ него все то, что помогло бы ему расширить рамки своего изслѣдованія, освѣтить предметъ съ различныхъ сторонъ, оживить его воспроизведеніемъ не рѣдко мелкихъ, но характерныхъ чертъ мѣстной жизни и быта. Имѣя дѣло съ опредѣленнымъ однохарактернымъ матеріаломъ, г. Петровъ, соотвѣтственно ему, установилъ и основную точку зрѣнія своего на предметъ изслѣдованія. Сказавъ лишь въ самыхъ общихъ чертахъ о политической судьбѣ и подчиненности русскаго Забужья до половины XVI в., онъ сосредоточилъ все вниманіе исключительно на церковно-религіозной жизни холмско-подляскаго края, точнѣе на вѣроисповѣдной борьбѣ здѣсь кореннаго православно-русскаго населенія съ наплывавшимъ польско-католическимъ, подкрѣпленнымъ впослѣдствіи выдѣлившимся изъ православія уніатствомъ; весь поэтому очеркъ исторической судьбы русскаго Забужья есть ничто иное, какъ изложеніе этой борьбы и постепеннаго подавленія православія, возстановленнаго лишь въ наши дни. Но этимъ далеко не исчерпывается жизнь русскаго населенія въ Забужьѣ на протяженіи девяти съ лишнимъ вѣковъ. Самая борьба, первые признаки ея обнаруживаются лишь съ XIV вѣка и какъ не преобладалъ въ тогдашней и послѣдующей жизни народовъ религіозный характеръ, однимъ этимъ нельзя оправдать такой односторонности въ изслѣдованіи автора о минувшей судьбѣ Забужья. Слѣдя эту судьбу по очерку г. Петрова, подумать можно, что другихъ интересовъ въ тогдашней жизни не существовало; борьба ведется притомъ представителями несогласныхъ исповѣданій лишь при слабомъ участіи общества, и то въ немногіе періоды; самый источникъ

борьбы, ея жизненные стимулы представлены столь же не полно, какъ и не ясно. Отъ чего Польша съ XIV в. движется на Русь? Отъ чего это движеніе совершается съ такимъ постоянствомъ и упорствомъ во всѣ послѣдующія столѣтія и идетъ все далѣе на востокъ, по пятамъ русской колонизаціи, вплоть до татарскихъ кочевьевъ и отъ чего въ немъ съ рѣдкимъ единодушіемъ принимаютъ участіе всѣ слои Рѣчи Посполитой? Отъ чего съ другой стороны повсюду и во всѣ послѣдующія времена это движеніе встрѣчаетъ въ русскомъ населеніи, начиная съ пограничья, самый рѣшительный отпоръ, превращающійся вскорѣ въ ожесточенную и непримиримую борьбу? Религіозными мотивами, какъ они ни сильны, ни этого движенія, ни встрѣченнаго имъ отпора уяснить нельзя. Двинулась Польша на востокъ послѣ того, какъ неразумно потеряла свои владѣнія на сѣверѣ и западѣ; ей тѣсно стало у себя, ей жить было нечѣмъ на своей бѣдной песчанной равнинѣ, ей не возможно было рззвиться снова въ сильное государство, не расширяясь постепенно на счетъ русскихъ княженій, раздробленныхъ и ослабленныхъ послѣ татарскаго погрома и литовскихъ завоеваній. Но Польша несла съ собою не одно политическое господство, а вмѣстѣ съ нимъ особый феодальный, рабовладѣльческій строй общественной жизни, совершенно противуположный извѣчному общинно-демократическому строю русской жизни. Борьба такимъ образомъ зарождалась и держалась на почвѣ глубокожизненныхъ интересовъ, на почвѣ основныхъ порядковъ и началъ жизни, и направлялась противъ чуждаго гражданско-общественнаго строя, въ городахъ и мѣстечкахъ разрушавшаго цѣлость общины, самоуправленіе, свободу промысловъ и ремеслъ, а въ селахъ превращавшаго свободнаго человѣка въ раба, ограничивавшаго его въ свободѣ труда и передвиженія и въ способахъ существованія. Въ этомъ исходный пунктъ борьбы, основной ея стимулъ; все остальное—посягательство на вѣру, языкъ, нравы и обычаи только усиливало борьбу и придавало ей возвышенный, идеальный характеръ. При такой постановкѣ главнаго предмета въ разсматриваемомъ очеркѣ изображаемая въ немъ борьба получила бы болѣе широкое освѣщеніе и не казалась бы столь однообразной и подъ часъ мелочной и какъ бы лишенной жизненной почвы. Правда, исторія Холмщины и Подлясья едва затронута въ послѣднее время и представляетъ предметъ новый, слишкомъ мало разработанный: но за то разработана значительно исторія земель и княженій сосѣднихъ съ холмско-подляскимъ краемъ, съ которыми онъ жилъ въ одинаковыхъ условіяхъ и въ составъ которыхъ иногда входилъ, потому многое въ сферѣ господствовавшихъ въ немъ гражданско-общественныхъ отношеній и порядковъ можно было бы уяснить даже путемъ ближайшей аналогіи;

при нѣкоторомъ же усердіи и большемъ срокѣ, покопавшись даже въ печатныхъ источникахъ, особливо многочисленныхъ собраніяхъ актовъ виленскихъ, минскихъ и др., не говоря о богатѣйшемъ собраніи неизданныхъ еще актовъ люблинскаго трибунала, варшавскаго главнаго архива и такихъ же собраній въ Львовѣ и Перемышлѣ, можно было бы найти не мало и прямыхъ данныхъ для объясненія культурно-общественной борьбы русскаго населенія Забужья съ вторгавшимся въ его исконныя земли польско-шляхетскимъ элементомъ и его рабовладѣльческими порядками. Будь хотя въ общихъ чертахъ намѣчены главные пункты и фазисы этой борьбы, набросанная авторомъ картина была бы болѣе полною и жизненною, болѣе интересною и поучительною.

Указаніемъ на этотъ главный и коренной недостатокъ разсматриваемой книги, ослабляющій ея высокій интересъ, мы и закончимъ сдѣланную выше общую ея характеристику. При внимательномъ чтеніи книги, можно бы подмѣтить нѣкоторыя второстепенныя погрѣшности, какъ напримѣръ спутанность соображеній автора объ аборигенахъ Холмщины и Подлясья и ихъ племенномъ характерѣ, основываемыхъ между прочимъ на пѣсняхъ, записанныхъ большею частію въ такихъ граничныхъ пунктахъ съ волынскою и гродненскою губерніями, гдѣ теряется всякая этнографическая грань, на что указываютъ иногда содержаніе и языкъ пѣсенъ, или неточность его свѣдѣній о политическомъ положеніи Холмщины и Подлясья въ XI и послѣдующихъ вѣкахъ и отношеніи къ нимъ сосѣднихъ земель, доходящую до перемѣшиванія галицко-владимірскаго княженія съ владиміро-волынскимъ, Юрія Даниловича съ Юріемъ Наримунтовичемъ и пр. Но все это мелочи, которыя не портятъ общаго впечатлѣнія ни въ цѣломъ, ни отдѣльно въ каждой главѣ. Исключеніе составляетъ послѣдняя, 7-я глава, излагающая исторію возсоединенія холмско-подляскихъ уніатовъ въ 1875 году.

Кто имѣлъ случай слѣдить за ходомъ этого дѣла или соприкасаться съ нимъ, для того очевидны неполнота и неточность многихъ изложенныхъ здѣсь свѣдѣній; но даже не посвященный въ подробности сего дѣла наталкивается въ настоящемъ изложеніи на нѣкоторыя не разрѣшимыя противорѣчія. Извѣстно напр., что два главные дѣятели по переобразованію Царства Польскаго послѣ мятежа 1864 г. и улучшенію положенія находившихся въ немъ уніатовъ, Н. А. Милютинъ и кн. В. А. Черкаскій, далеки были отъ мысли о возсоединеніи уніатовъ въ ближайшемъ будущемъ и не ставили этою прямою цѣлію проводимыхъ ими реформъ; тутъ шло дѣло лишь объ упорядоченіи церковныхъ дѣлъ уніатскаго населенія и объ огражденіи его отъ дальнѣйшей латинизаціи и колонизаціи. Такова же была система дѣятельности и графа Д. А. Толстаго, къ которому съ конца

1868 г. перешли въ завѣдываніе уніатскія дѣла, изъятыя изъ его вѣдѣнія снова въ 1874 году. Положеніе самыхъ уніатовъ отнюдь не давало какой либо надежды на скорое ихъ возсоединеніе: управленіе холмскою епархіею, переходившее изъ рукъ въ руки, отнюдь этому не благопріятствовало; холмско-подляшское населеніе, особливо его духовенство было до крайности окатоличено и ополячено; въ Подлясьѣ каждая новая мѣра, направленная къ очищенію уніатскаго обряда, вызывала ожесточенныя волненія, усмиряемыя только военною силою. Откуда же въ короткій промежутокъ времени, менѣе чѣмъ въ 10 лѣтъ, въ главномъ пунктѣ уніатской оппозиціи Подлясьѣ, это *народное* движеніе въ пользу православія, это стремленіе къ вѣрѣ Бѣлаго Царя, увлекшее за собою, по словамъ очерка, и самое духовенство? Одно изъ двухъ: или это движеніе преувеличено, или оно носило иной характеръ и вызвано другими, быть можетъ даже случайными причинами, на что указываютъ продолжающіяся и доселѣ упорныя уклоненія отъ православія бывшихъ уніатовъ преимущественно того же Подлясья. Вотъ другой не менѣе загадочный фактъ. Въ то время, какъ въ Подлясьѣ то и дѣло возникаютъ волненія и бунты при всякой новой мѣрѣ, направленной къ упорядоченію церковныхъ дѣлъ, Холмщина остается совершенно спокойною и даже такое крупное событіе, какъ вывозъ номината Каминскаго въ Вятку, проходитъ въ ней какъ бы не замѣченнымъ; между тѣмъ когда тоже бунтливое и фанатическое Подлясье, непосредственно послѣ самаго сильнаго волненія, осенью 1874 г. обнаруживаетъ столь серьезное и горячее стремленіе къ православію, Холмщина пребываетъ неподвижною и потомъ идетъ у него на буксирѣ, а затѣмъ опять Подляшье отталкивается отъ православія, а Холмщина въ большей части остается вѣрной ему. Какъ хотите, но тутъ что нибудь да не такъ.

Есть въ этой главѣ много другихъ недомолвокъ, неясностей, упущеній, и всѣ они, кажется, являются послѣдствіемъ односторонности источника, изъ котораго авторъ черпалъ свои свѣдѣнія, а быть можетъ и желанія подогнать факты къ благополучному разрѣшенію уніатскаго вопроса. Ни однимъ напр. словомъ не упомянуто о выдающейся въ семъ дѣлѣ роли бывшаго сѣдлецкаго губернатора, извѣстнаго С. С. Громеки, безъ объясненія способа дѣйствій котораго останется непонятною вся исторія подляскихъ волненій и неожиданная развязка ихъ и всего уніатскаго дѣла. Не отмѣчена вовсе двойственная дѣятельность временно управлявшаго холмскою епархіею протоіерея Войцицкаго, невыяснена такая же политика епископа Куземскаго. Воздано должное широкой и энергической дѣятельоости князя Черкаскаго, но упущены изъ виду характер-

ныя ея черты: нѣкоторая искусственность въ его дѣйствіяхъ, недостатокъ прямоты, иногда, какъ это ни странно, даже просто рѣшительности; такія черты особенно отразились въ дѣлѣ замѣщенія холмской епископской каѳедры дѣйствительнымъ, а не номинальнымъ епископомъ, въ дѣлѣ введенія русской проповѣди въ уніатскихъ церквахъ и русскаго преподаванія въ уніатской холмской семинаріи, даже въ такомъ незначительномъ по видимому дѣлѣ, какъ учрежденіе въ Холмѣ женскаго 6-ти класснаго училища, иниціативу котораго авторъ совершенно напрасно приписываетъ тому же князю. Все это частности, мелочи въ сложномъ и великой важности дѣлѣ; но безъ нихъ остается непонятнымъ многое какъ въ общемъ ходѣ его, такъ и въ дѣйствіяхъ оппозиціи. Очевидно, что одни оффиціальныя бумаги не обнимаютъ всѣхъ сторонъ дѣла и не исчерпываютъ его. Надо ждать частныхъ записокъ, воспоминаній, переписки неоффиціальной, но для этого не настала еще пора.

Скажемъ въ заключеніе еще объ одной сторонѣ разсматриваемаго изданія. Оно богато иллюстрировано: въ немъ двѣ хромо-литографіи и 45 гравюръ, дающихъ изображенія древнѣйшей мѣстной святыни и историческихъ дѣятелей, имѣющихъ отношеніе къ холмско-подляскому краю, а также карта люблинской и сѣдлецкой губерній съ обозначеніемъ границъ XIII в. входившихъ въ составъ ихъ земель. Мы остановимся на одной изъ этихъ иллюстрацій, именно хромолитографированномъ изображеніи св. равноапостольнаго князя Владиміра, представляющемъ копію съ древнѣйшей будто бы фрески успенскаго собора во Владимірѣ на Клязьмѣ. Позволяемъ себѣ сказать, что этой фрески нельзя признать изображеніемъ св. Владиміра и на это имѣемъ достаточныя причины.

Изображеніе это, открытое недавно подъ слоями побѣлки въ владимірскомъ успенскомъ соборѣ, созданномъ въ 1158 году в. кн. Андреемъ Юрьевичемъ Боголюбскимъ, признается въ книгѣ „Холмская Русь" современнымъ построенію этого храма. Этотъ храмъ дѣйствительно былъ расписанъ живописью при Андреѣ Боголюбскомъ и конечно фресковою, греческою. Но извѣстно изъ лѣтописей, что въ 1185 году онъ страшно потерпѣлъ отъ пожара, при чемъ погибли всѣ его украшенія, дорогіе сосуды, паникадила, иконы въ окладахъ, оксамиты и княжескія одежды, изъ коихъ нѣкоторыя хранились на хорахъ. Послѣ сего братъ Андрея, Всеволодъ Юрьевичъ, возобновляя владимірскій успенскій соборъ, сильно измѣнилъ его, расширивъ пристройкой 3-хъ стѣнъ съ 3-хъ сторонъ храма и надстроивъ 4 купола вокругъ бывшаго доселѣ одного. Въ 1238 году, по взятіи г. Владиміра, татары, чтобы погубить княжеское семейство, запершееся въ успенскомъ соборѣ съ епископомъ Митрофаномъ на хорахъ, произвели въ немъ новый пожаръ, зажегши нанесенный внутрь

его въ большомъ количествѣ хворостъ. Въ послѣдствіи времени, хотя и неизвѣстно когда именно, въ этомъ соборѣ, для его расширенія и лучшаго освѣщенія, выломаны преобразователями три стѣны Андрея Боголюбскаго и хоры. При такихъ огненныхъ бѣдствіяхъ, постигшихъ владимірскій успенскій соборъ и при двукратномъ его преобразованіи, безъ сомнѣнія не много могло уцѣлѣть въ немъ изъ фресковой иконописи князя Андрея, и даже изъ иконописи князя Всеволода, а вмѣсто ихъ, впослѣдствіи конечно, могла и должна была явиться новая иконопись русской суздальской школы. Что касается въ частности такъ называемаго изображенія св. Владиміра, то, хотя намъ неизвѣстно, фресковое ли оно, или воспроизведенное масляными красками, мы не можемъ отнести его къ XII вѣку. Тутъ во 1-хъ у князя въ рукѣ крестъ восьми-конечный, а не четверо-конечный, между тѣмъ восьми-конечные кресты не были извѣстны у насъ въ Россіи до XVI в., а на Востокѣ нѣтъ ихъ и понынѣ; во 2-хъ у него борода длинная, клинообразная, и волосы расчесаны по великорусскому, а не малорусскому манеру; а на извѣстныхъ древнихъ изображеніяхъ Владиміра, именно: въ спискѣ сказанія XIV вѣка о св. мученикахъ Борисѣ и Глѣбѣ, въ новгородской Ѳедоровской церкви 1369 г. и на владиміровскихъ монетахъ, кн. Владиміръ изображенъ съ круглою бородой, въ Ѳедоровской же церкви и на монетахъ, кромѣ того, и съ семи-конечнымъ крестомъ въ правой рукѣ; въ 3-хъ вѣнецъ на головѣ князя не сходенъ съ вѣнцами Владиміра на его монетахъ; въ 4-хъ въ XII вѣкѣ Владиміръ еще не былъ внесенъ въ число святыхъ; въ числѣ ихъ имя его въ первый разъ встрѣчается въ половинѣ XIII в., а потому ни при Андреѣ, ни при Всеволодѣ Юрьевичахъ онъ не могъ быть изображенъ въ владимірскомъ успенскомъ соборѣ на лицевой сторонѣ алтарнаго столба, гдѣ открыто будто бы его изображеніе.. Полагаемъ, что приложенное къ книгѣ „Холмская Русь» изображеніе князя есть произведеніе XVI или XVII вѣка и представляетъ, по всей вѣроятности, Андрея Боголюбскаго, создателя успенскаго собора. Къ этой догадкѣ слѣдуетъ обратиться тѣмъ болѣе, что надпись при образѣ не сохранилась, а противъ столба, на которомъ онъ написанъ, почиваютъ въ ракѣ мощи св. князя Андрея Боголюбскаго, который, какъ мученикъ, могъ быть изображенъ съ крестомъ, а какъ воинственный князь, и съ мечемъ.

Всѣ затѣмъ рисунки, помѣщенные въ разсматриваемой книгѣ, сдѣланы весьма отчетливо и искусно; поясненія къ нимъ М. И. Городецкаго, очень сжатыя и весьма содержательныя, заслуживаютъ особой похвалы. Книга снабжена, сверхъ всего, алфавитнымъ указателемъ встрѣчающихся въ ней личныхъ именъ.

Остается сдѣлать еще одно замѣчаніе. Въ нѣкоторыхъ экземплярахъ этого изданія въ слѣдъ за разсказомъ о возсоединеніи уніатовъ

помѣщены біографія издателя П. И. Батюшкова и его портретъ, въ другихъ ни біографіи, ни портрета нѣтъ. Почему бы это? Экземпляры перваго рода напечатаны на бумагѣ плохаго достоинства, но стоютъ не дорого, всего 1 р. 50 к. за экземпляръ.

К. Цыбульскій.

Историческая записка о злотопольской гимназіи, составленная ко дню 50-лѣтняго юбилея ея въ августѣ мѣсяцѣ 1887 г. инспекторомъ А. Андріевскимъ. Кіевъ, 1887 г.

Дѣло народнаго образованія пережило и переживаетъ у насъ столько рѣшительныхъ перемѣнъ, что полувѣковой періодъ составляетъ уже цѣлую эпоху и даже нѣсколько эпохъ въ жизни учебнаго заведенія и по справедливости можетъ послужить интереснымъ и поучительнымъ предметомъ изученія для историка. Авторъ названнаго выше труда, получившій ранѣе извѣстность своими сборниками матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива кіевскаго губернскаго правленія, и въ новомъ своемъ трудѣ отнесся къ дѣлу съ болѣе широкими задачами, чѣмъ это принято обычно въ «историческихъ запискахъ» объ учебныхъ заведеніяхъ; правда, очеркъ его не полонъ, что объясняется недостаткомъ времени, которымъ располагалъ г. Андріевскій для составленія его, но и въ настоящемъ видѣ „записка“ заключаетъ нѣкоторый матеріалъ для бытовой исторіи просвѣщенія на югѣ Россіи. Подѣлимся съ читателями существенными подробностями содержанія «записки».

Злотопольская гимназія возникла изъ существовавшаго тамъ ранѣе уѣзднаго дворянскаго училища, помѣщеніе для котораго, при его открытіи, пожертвовано и приспособлено владѣльцами имѣнія, братьями П. Ѳ. и А. Ѳ. Лопухиными. Ранѣе открытія этого училища существовалъ въ Злотополѣ частный мужской пансіонъ, учрежденный въ 1830 г. иностранцемъ Л. Вильетти и подготовлявшій къ поступленію не только въ гимназію, но и въ высшія учебныя заведенія; ученики этого пансіона распредѣлены были по тремъ классамъ училища, а пансіонъ Вильетти, въ которомъ они продолжали жить, подчиненъ смотрителю. Въ качествѣ приготовительнаго класса къ уѣздному дворянскому училищу открыто было приходское училище, въ домѣ, пожертвованномъ Лопухиными-же. Первый годъ вызвалъ служащихъ въ училищѣ къ усиленной дѣятельности по устроенію не только матеріальной и учебной части, но и воспитательной, по части надзора за воспитанниками, помѣщавшимися на квартирахъ, указанныхъ училищнымъ начальствомъ. Для этой цѣли существовали надзиратели, которымъ смотритель составилъ инструкцію;

учителямъ онъ также предписалъ соблюдать очередь въ надзорѣ за учениками. Вскорѣ послѣ открытія училища, признано было полезнымъ учредить при немъ благородный пансіонъ. Въ училищѣ преподавались: законъ Божій, русскій языкъ, математика, два новыхъ иностранныхъ языка и латинскій языкъ. По замѣчанію дирнктора училищъ кіевской губерніи Богородскаго, ревизовавшаго злотопольское училище въ 1840 году, занятія латинскимъ языкомъ, не смотря на опытность и трудолюбіе учнтеля, давали результаты плохіе: „большая часть учениковъ, писалъ онъ, зараженная ложнымъ мнѣніемъ, къ сожалѣнію, распространяемымъ нѣкоторыми изъ учителей, считаетъ этотъ предметъ не нужнымъ и безполезнымъ, а потому занимается мало и не оказываетъ достаточныхъ успѣховъ". Для недостаточныхъ учениковъ учреждены были общія квартиры, съ платою отъ 60 до 100 р. въ годъ. Въ 1857 году предостовлено было на волю родителей помѣщеніе дѣтей на общей квартирѣ или у частныхъ лицъ. Съ 60-хъ годовъ пробуждается особое рвеніе къ образованію среди еврейскаго населенія, и смотритель училища Сторожевскій признавалъ «огромное» и благотворное значеніе этого факта для улучшенія общественнаго быта мѣстныхъ евреевъ. Въ это же время въ педагогическомъ совѣтѣ начали подыматься и обсуждались разнаго рода педагогическіе вопросы, съ занесеніемъ разсужденій въ протоколы. Подъемъ умственной жизни въ педагогической карпораціи сказался и въ заботахъ о библіотекѣ. Въ 1861 году вдова статск. сов. Варвара Затлеръ жертвуетъ училищу свою библіотеку въ тысячу томовъ; имѣлось даже въ виду основать при училищѣ публичную библіотеку. Въ 1865 году совѣтъ началъ ходатайствовать о заведеніи ученической библіотеки. Любопытенъ напечатанный въ приложеніи къ «запискѣ» докладъ библіотекаря Чернявскаго о нуждахъ библіотеки. Указывая, между прочимъ, на скудость отдѣла естественной исторіи, онъ говоритъ: «можетъ быть, на это мнѣ скажутъ, что заведеніе наше, какъ общеобразовательное, не имѣющее въ виду никакой спеціальности, чуждое всякаго реализма, не должно, или, по крайней мѣрѣ, не имѣетъ необходимости заботиться объ обогащеніи себя сочиненіями спеціальнаго направленія. Не стану разбирать здѣсь, какой путь—классическій или реальный способенъ болѣе развить духовныя силы ребенка; споръ объ этомъ давно ведется европейскими учеными и до сихъ поръ не рѣшенъ, кажется, окончательно. Я хочу только сказать, что подобныя сочиненія съ популярнымъ, доступнымъ для неспеціалиста наставника, изложеніемъ, могли бы оживить, оразнообразить и придать болѣе занимательиости преподаванію каждаго предмета и въ тоже время служить матеріаломъ для домашняго чтенія воспитанниковъ".

Въ 1868 году училище преобразовано въ 4-классную прогимназію и плата за ученіе увеличена до 15 р., а съ 1883 г. до 40 р.; параллельно съ этимъ и плата за содержаніе въ пасіонѣ возрасла съ 150 р. Въ 1882 г. злотопольская прогимназія преобразована въ 6-классную. Въ 1881 году отставной поручикъ Н. А. Цвѣтковъ и почетный гражданинъ Л. И. Бродскій пожертвовали каждый по 30 тысячъ рублей на преобразованіе ея въ полную гимназію, на что и послѣдовало Высочайшее повелѣніе въ 1885 г.

В. П.

Матеріалы для исторіи воронежской и сосѣднихъ губерній. Воронежскіе акты. Изданіе воронежскаго статистическаго комитета. Т. I. Воронежъ. 1887 г.

Въ ряду другихъ губернскихъ городовъ Воронежъ издавна выдавался превосходствомъ своей интеллигенціи и ея дѣятельностью на пользу науки и просвѣщенія. Кромѣ знаменитаго историка и богослова, ученѣйшаго человѣка своего времени и плодотворнаго писателя, митрополита кіевскаго Евгенія Болховитинова, Воронежъ далъ двухъ поэтовъ, Кольцова и Никитина, и нѣсколько другихъ дѣятелей на поприщѣ науки и литературы. Еще въ началѣ 50-хъ годовъ тутъ работали надъ собираніемъ и изданіемъ историческихъ матеріаловъ два совѣтника губернскаго правленія, Н. Второвъ и К. Александровъ-Дольникъ, отыскавшіе и вытянувшіе изъ грязи постоялаго двора И. С. Никитина. Кромѣ Губернскихъ и Епархіальныхъ Вѣдомостей, въ Воронежѣ издавались и издаются уже свыше 25 лѣтъ Филологическія Записки, а теперь и Воронежскій Телеграфъ. Недавній трехъсотлѣтній юбилей Воронежа обогатилъ отечественную литературу нѣсколькими новыми изданіями, о которыхъ мы говорили въ свое время, преимущественно по части мѣстной исторіи, этнографіи и статистики. Нынѣ предъ нами первый огромный томъ, свыше 400 страницъ, историческихъ матеріаловъ, трудъ г. А. Вейнберга и г-жи А. Полторацкой, членовъ мѣстнаго статистическаго комитета, на средства его изданный.

Происхожденіе этого тома, какъ видно изъ предисловія къ нему, таково. Въ теченіи 1885—1886 годовъ въ Воронежѣ велась такая же почти работа, какую велъ въ Кіевѣ бывшій редакторъ неофиціальной части Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей г. Андріевскій, издавшій въ короткое врема 10 выпусковъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива кіевскаго губернскаго правленія, съ содержаніемъ которыхъ мы въ

свое время знакомили читателей, т. е. издавались такіе же мѣстные матеріалы, съ такимъ же заглавіемъ и также въ 10 выпускахъ. Воронежскіе издатели, какъ и кіевскій, старались этимъ способомъ спасти отъ гибели акты разрозненные, истлѣвавшіе; разница только въ томъ, что г. Андріевскій дѣлалъ какой то выборъ изъ архивнаго хлама, раздѣляя акты на интересные и не интересные, съ его, конечно, точки зрѣнія и печаталъ только первые, притомъ съ сокращеніями, когда помѣщалось цѣлое *дѣло*, но сортируя дѣла и акты по предметамъ, а издатели воронежскіе посредствомъ печати спасали все истлѣвавшее и, какъ сами сознаются, «помѣстили нѣсколько документовъ мало интересныхъ и частію тождественныхъ по содержанію». Теперь они сдѣлали выборъ, по ихъ словамъ, «найболѣе интересныхъ документовъ изъ числа напечатанныхъ и вновь подобранныхъ и издали ихъ отдѣльною книгою съ соблюденіемъ хронологическаго порядка».

Изданные акты самаго разнообразнаго содержанія и точно систематизировать ихъ въ настоящемъ видѣ не представляется никакой почти возможности; касаются они болѣе или менѣе заселенія воронежскихъ степей въ XVII и XVIII ст., устроенія городовъ, положенія первыхъ поселенцевъ—острогожскихъ козаковъ, ихъ сторожевой и походной службы, притѣсненій козаковъ воеводами и разными служилыми людьми, разбоевъ донскихъ казаковъ, бунта Стеньки Разина, построенія судовъ на рѣкѣ Воронежѣ и крѣпостныхъ башенъ въ городѣ Воронежѣ, надѣленія монастырей и частныхъ лицъ землями, аграрной борьбы между первоосѣдлыми «черкасами» и пришлымъ великорусскимъ людомъ, быта колодниковъ и пр. и пр. Всѣхъ актовъ 301, а раздѣлены они на два отдѣла: 1. Царскія грамоты и 2. Разные документы (sic!). Къ нимъ приложены указатели: предметный, личныхъ и географическихъ именъ, городищъ и кургановъ, разсѣяныхъ по воронежской губерніи и наконецъ объясненіе старинныхъ непонятныхъ словъ и словъ иностранныхъ; въ концѣ книги карта воронежскаго края въ XVII ст.

Изъ этого общаго обзора воронежскихъ актовъ видно, что въ массѣ ихъ есть не мало матеріаловъ, относящихся къ исторіи южной Руси; но матеріалы эти рѣдко являются въ видѣ цѣльныхъ документовъ, а разбросаны въ нихъ, какъ случайныя упоминанія и найти ихъ можно лишь съ помощью систематическаго указателя предметовъ, гдѣ они отмѣчены подъ рубриками: *Черкасы*, *Запороги*, *Польша и Литва*. Въ одномъ изъ документовъ находимъ перечисленіе сотень острогожскаго полка, именно: острогожская, ольшанская, усердская, короченская, палятовская, едидовищенская, землянская и ливенская, что даетъ понятіе о районѣ олка и территоріи, имъ занятой.

Нельзя не отдать полной справедливости усердію редактировавшихъ настоящій сборникъ; ими сдѣлано, кажется, все, что только могли они могли придумать для облегченія пользованія ихъ изданіемъ: тутъ всевозможныя замѣчанія и объясненія, указатели, снимки, карта, обозначенія датъ, печатей номеровъ, страницъ и пр. и пр. И при всемъ томъ занимающемуся исторіею справляться съ этою громадою матеріала трудно, а не посвященный въ архивную работу и просто отстранится отъ нея. Сами издатели, не смотря на массу потраченнаго ими труда, чувствовали, что въ работѣ ихъ не безъ недостатковъ и „не снисхожденія къ нимъ просятъ, а лишь откровеннаго указанія на нихъ“.

Именно въ виду этого откровеннаго обращенія издателей, дѣлающаго имъ особую честь, мы позволимъ себѣ, минуя частности и мелочи, указать на одинъ главный и существенный недостатокъ въ ихъ почтенномъ трудѣ, безъ котораго невозможно устраненіе другихъ, именно отсутствіе въ подборѣ актовъ основной, руководящей мысли, своего рода системы, иначе предметнаго ихъ *подбора,* а не распредѣленія ихъ по предметамъ, когда подборъ уже сдѣланъ по шаткому и субъективному критерію большаго или меньшаго интереса. Ужъ если издатели послѣ напечатанія актовъ додумались до необходимости приложить къ нимъ систематическій указатель предметовъ, въ нихъ заключающихся, то ничего не стоило имъ эту самую предметность, иначе однородность главнаго содержанія актовъ, положить въ основу ихъ подбора. Тогда особо подбирались бы акты напр. относительно колонизаціи, пожалованій землями, построенія церквей и пр., и особо акты, касающіяся острогожскихъ и иныхъ козаковъ, особо опять документы къ бунту Стеньки Разина, кораблестроительнаго дѣла и пр. и пр. Каждая группа такихъ актовъ, при большомъ ихъ числѣ, могла бы составить особый томъ, и томы могли бы чередоваться, и въ каждомъ томѣ была бы своя хронологія, но, что всего важнѣе, каждый томъ давалъ бы извѣстное число документовъ, уясняющихъ одну какую либо сторону въ минувшей жизни края и на основаніи ихъ, а также съ помощію печатныхъ источниковъ и общихъ свѣдѣній, можно было бы уяснять эту сторону въ передовой статьѣ, давая руководящую нить къ уразумѣнію и изученію актовъ всѣмъ, кто захотѣлъ бы заняться ими. Издаваемый матеріалъ входилъ бы тогда въ науку въ правильно разсортированномъ и даже обработанномъ видѣ, и не нужны были бы тогда многія къ нему мелкія поясненія и большаго труда стоющій систематическій указатель. Тогда не мыслимо было бы такое страное и вносящее путаницу дѣленіе, какое встрѣчаемъ въ настоящемъ томѣ актовъ: 1. Царскія грамоты и 2. Разные документы. Тогда наконецъ легче было бы и издателямъ и читателямъ уяснять не

только смыслъ, но и текстъ отрывочныхъ, искаженныхъ или испортившихся отъ времени актовъ.

Очень рады будемъ, если это общее указаніе наше пригодится въ дальнѣйшихъ работахъ воронежскимъ архивистамъ, обнаружившимъ и въ настоящемъ томѣ большую тщательность и усердіе къ пользѣ отечественной исторіи.

Т. Шнейдеръ.

Извѣстія и замѣтки

(историко-литературныя, этнографическія и историческія).

Мимолетное знакомство мое съ Т. Гр. Шевченкомъ и мои объ немъ воспоминанія.

Т. Гр. Шевченко ближайшій мнѣ землякъ. Село Кириловка, въ которомъ онъ родился и провелъ юные годы, всего въ семи верстахъ отъ мѣста моего рожденія, села Зеленой или по письменному, Зеленой Дубровы; а въ нашемъ селѣ, на искосокъ чрезъ улицу отъ насъ, рядомъ со *школой*, жила родная старшая сестра поэта, Катерина, по мужу Красицкая, у которой онъ въ дѣтствѣ по долгу проживалъ. Не смотря на это, узнать Тараса пришлось мнѣ не скоро, а познакомиться съ нимъ довелось лишь не задолго до его смерти, и то на короткое время, такъ сказать, мимолетомъ.

Какъ, однако, ни кратковременно было мое знакомство съ нимъ, но и тѣ немногія воспоминанія объ немъ, которыя я хочу здѣсь изложить, не лишены будутъ интереса для почитателей памяти славнаго поэта и пригодятся, быть можетъ, хотя какою-либо чертою для будущихъ его біографовъ.

Имя Тараса стало извѣстно мнѣ съ юношескихъ моихъ лѣтъ по упоминаніямъ объ немъ въ нашей семьѣ, относящимся къ той главнымъ образомъ порѣ его жизни, когда къ его христіанскому имени не прикладывалось еще никакого другаго, кромѣ имени *хлопця* и *погонича*, когда онъ, не окончивъ ученія ни въ школѣ дьячка Петра Богорскаго, ни у хиромантика-діакона с. Майдановки, жилъ нѣсколько лѣтъ, въ неопредѣленномъ положеніи не то най-

мита, не то пріемыша, у священника с. Кириловки о. Григорія Кошица. Семья этого сосѣда была въ ближайшемъ знакомствѣ съ нами и если, напр., пріѣзжалъ къ намъ въ гости о. Григорій съ своею супругою Ксеніею Прокопіевною, то широкохвостою буланою ихъ кобылою по большей части правилъ Тарасъ, будущій украинскій поэтъ, и онъ же продовольствовалъ ее въ нашей конюшнѣ и водилъ на водопой до «Нечитайлового ставка». На той же одинокой кобылѣ доставлялъ онъ сына о. Григорія Яся къ ученію въ Богуславъ и потомъ въ Кіевъ, а иногда возилъ сливы, яблоки или дыни на продажу въ сосѣднія мѣстечка Бурты и Шполу, совершая каждый разъ переѣздъ чрезъ наше село. Въ одинъ изъ такихъ переѣздовъ Тараса и Яся на Нечитайловомъ мостку «спиткала лиха година»: возъ ли, или мостокъ подломился, не помню, но только сливы высыпались изъ воза въ такой ставокъ, въ которомъ курицѣ утонуть было нельзя, но и вылѣзть изъ него трудно. Прибѣгали они къ намъ просить «поратунку», какъ выражалась матушка Ксенія Прокопіевна, и долго вытаскивали сливы изъ болота и полоскали ихъ въ болотной же водѣ. Сколько помнится, торговая эта экспедиція вышла неудачною: такъ называемыя *ранніи* сливы не выдержали далекаго переѣзда и какъ они оказались, кромѣ того, въ болотѣ, то и цѣна имъ была грошъ. Тарасу и Ясю досталось, кажется, на бублики отъ разсчетливаго, даже нѣсколько скупаго и взыскательнаго о. Григорія, хотя общественное мнѣніе околотка винило именно его за то, что онъ вздумалъ транспортировать въ далекую дорогу столь нѣжный продуктъ, и даже сама матушка Ксенія Прокопіевна не одобряла по существу столь смѣлаго и рискованнаго прожкта своего «господинка», выставляя въ доводъ о раннихъ сливахъ то, что Богъ родитъ ихъ «на всякого долю» и что добрые люди отдаютъ ихъ за *спасыби*, а излишекъ предоставляютъ даже на потребленіе собакамъ и свиньямъ. Но о. Григорій тѣмъ и былъ оригиналенъ, что чужихъ доводовъ, а тѣмъ болѣе доводовъ своего *подружія*, не признавалъ, смотрѣлъ вообще на вещи философски или же съ точки зрѣнія экономической.

Приходилось ли мнѣ видѣть когда-либо Шевченка въ этомъ первобытномъ приниженномъ состояніи, никакъ припомнить не могу; не могу также опредѣленно сказать, какова была жизнь Тараса у о. Григорія, какъ долго и на какихъ условіяхъ онъ жилъ у него. Первоначально,

по малому возрасту, былъ онъ *креденсовымъ* (буфетчикомъ), какъ говорили въ шутку, т. е. чистилъ и пряталъ въ шкафъ ножи и вилки, перемывалъ тарелки и ложки, топилъ «грубку въ покояхъ», состоялъ на мелкихъ посылкахъ по селу и въ поле, по вечерамъ повторялъ псалтырь и читалъ житія святыхъ, въ досужіе часы рисовалъ углемъ на коморѣ и стайнѣ пѣтуховъ, людей, церковь, даже и кіевскую *дзвиныцю*, а за тѣмъ его стали употреблять и на всѣ другія хозяйственныя и полевыя работы и даже на самостоятельныя и отвѣтственныя поѣздки съ Ясемъ въ школы и на ярмарки. Получалъ ли Тарасъ за свой трудъ и услуги какую-либо плату, не знаю; думаю, что сначала, будучи еще хлопцемъ, онъ не имѣлъ никакого денежнаго вознагражденія, какъ сирота, котораго надо было одѣть и прокормить, и какъ не пріученный еще и малоспособный къ работѣ. И впослѣдствіи наемная плата его не могла быть сколько-нибудь значительна: въ тѣ годы дюжій парубокъ на хозяйской одежѣ получалъ 15—20 руб. асс. въ годъ, а мальчикъ лѣтъ 16-ти, съ шуточнымъ названіемъ «креденсового», служилъ у насъ приблизительно въ тоже время за три рубля асс. въ годъ.

Зная близко священника Кошица и его жену, можно безошибочно утверждать, что по тогдашнему крестьянскому быту подроставшій Тарасъ нигдѣ не могъ бы найти лучшаго пріюта, какъ въ домѣ приходскаго батюшки, и что жизнь его здѣсь (а онъ жилъ, полагать надо, не меньше 3 лѣтъ) была гораздо удобнѣе и безпечальнѣе, чѣмъ жизнь другихъ, даже хозяйскихъ сыновей его возраста. О. Григорій былъ хорошій распорядительный хозяинъ и если былъ строгъ и взыскателенъ, то конечно больше на словахъ, ибо о тѣхъ наказаніяхъ и истязаніяхъ, какимъ подвергались неисправные и лѣнивые работники на панщинѣ, тутъ не могло быть и рѣчи; что же касается самой матушки, то это была идеальная женщина по необычайной добротѣ, кротости, снисходительности, заботливости и попечительности обо всемъ и обо всѣхъ. У такой хозяйки рабочимъ не могло быть плохаго житья, а по части кормленія имъ могли завидовать и хозяйскія дѣти. Непосильнымъ трудомъ своей прислуги священники никогда не обременяли; но и праздно сидѣть у нихъ не приходилось, такъ какъ хозяйство ихъ было обширнѣе крестьянскаго и въ немъ заключался главный источникъ ихъ содержанія. И въ

нравственномъ отношеніи здѣсь было больше выдержки, порядка жизни и охраны отъ всякой гульбы и соблазновъ. Можно съ полною увѣренностью допускать, что лучшія нравственныя свои воззрѣнія и идеалы нашъ поэтъ вынесъ отсюда и обязанъ ими боголюбивой, истино-христіанской душѣ своей матушки и ея сострадательности и любви ко всѣмъ страждущимъ и угнетеннымъ. Тѣмъ болѣе удивительно, что покойный Тарасъ Григорьевичъ, обязанный быть можетъ, лучшими годами своей жизни о. Григорію Кошицу и его женѣ, ни однимъ словомъ не обмолвился объ нихъ ни въ своей автобіографіи, ни въ послѣдующихъ бесѣдахъ со мною, когда казалось, не было болѣе подходящаго предмета для разговора, какъ эта жизнь у людей, столь близко извѣстныхъ намъ обоимъ. Почему? Не потому ли, что вообще онъ не любилъ обращаться воспоминаніями къ своей сиротской приниженной жизни? Не вспоминалъ онъ и о своей старшей сестрѣ Катеринѣ, въ противуположность Яринѣ, которую печатно величалъ великомученицею. Ее, т. е. старшую сестру Тараса, звали у насъ «Катрею гугнявою», потому что она отъ природы или отъ болѣзни какой гнусила. Послѣ того, какъ Тарасъ не задолго до ссылки своей побывалъ на родинѣ и у нея, Катри, она, вспоминая его дѣтство, разсказывала матери моей о его блуканьѣ въ дѣтскіе годы изъ Кириловки въ Зелену, т. е. отъ отчима къ старшей сестрѣ и обратно. «Приблудою ёго, матушечко, звали, ей-Богу. Було оце й не видно, якъ воно рипъ и ввійде тыхенько до хаты, сяде соби на лави та все мовчить. Ничого въ свити у ёго не допытаешся: чи ёго прогнали видтиля, чи ёго били, чи исти ёму не давали. Було манивцями ходыть, геть попидъ дибровою, та черезъ Гарбузивъ яръ, та черезъ левады, та могилками. И якъ прийшло разъ воно, то такъ впало грудочкою и заснуло на лави, а я якъ загляну ёму въ голову, ажъ у ёго, пробачайте, матушечко, въ голови... якъ у свинячому стегни... Эге, отаке було, а дали выстербало... Нихто й не сподивався зъ ёго чоловика».

Отъ времени этого посѣщенія остались у меня въ памяти два обстоятельства. Разсказывали, что при выѣздѣ изъ Кириловки Тараса провожала его родня за село и остановились всей гурьбой у корчмы, стоявшей на самомъ выѣздѣ у царины. Вошли въ корчму, усѣлись вокругъ стола, потребовали водки и стали угощаться на прощанье. А жидъ-арендарь снуетъ все по корчмѣ, или торчитъ

передъ ними, пренебрежительно посматривая на подгулявшую компанію. Тарасъ въ свою очередь сталъ пристально смотрѣть на жида. Жидъ былъ въ полномъ старомодномъ своемъ костюмѣ: съ пейсами, въ ермолкѣ, въ лапсердакѣ и въ патинкахъ, тогда какъ именно предъ тѣмъ Высочайшимъ указомъ воспрещено было носить такой костюмъ, брить головы и носить пейсы. Подгулявшій Тарасъ прошелся прежде съ злою ироніею на счетъ жидовскаго костюма и напомнилъ о царскомъ указѣ, воспрещавшемъ носить такіе костюмы. Богатый и зазнавшійся арендарь, которому наглядно тутъ представлялось невысокое происхожденіе Шевченка, отвѣчалъ съ презрѣніемъ и наглостію, что ему дѣла нѣтъ до его костюма и указа и чтобы онъ «глядѣлъ своего носа». Тарасъ уже съ большею рѣзкостью и приправою крѣпкихъ словъ продолжалъ на счетъ кровопійства жидовъ и того, какъ арендарь за проценты у пана беретъ людей на работу. Арендарь расхарахорился, погрозилъ паномъ, полиціею, добавилъ нѣсколько непочтительныхъ выраженій въ родѣ: «ну, ты швыня, мужикъ, сто цортивъ въ твою голову». Тарасъ не выдержалъ и крикнулъ своимъ родичамъ: «хлопцы! а простягнить, лишень, сего невиру на воздусі та всыпьте ему гарячихъ». Хлопцы, во главѣ которыхъ былъ рослый широкоплечій Микита, родной братъ Тараса, мигомъ протянули мизернаго арендаря и отхлестали его на всѣ бока. Жидовки и жиденята подняли гвалтъ; но пока дали знать пану эконому, Тарасъ уѣхалъ въ Зелену до Катри. Дорога пролегала мимо Боровиковаго хутора и стоявшей подъ лѣсомъ ветхой корчмы, гдѣ лѣтъ за 80 предъ тѣмъ, по воспѣтому Тарасомъ въ «Гайдамакахъ» живому преданію, подобный же Іуда-кровопійца, расплачиваясь за свои грѣхи предъ народомъ, подъ звуки музыки, подъ ударами нагаекъ конфедератовъ, выдѣлывалъ уморительный свой танецъ, характерно очерченный словами пѣсни:

Передъ паномъ Хведоромъ,
Ходыть жидъ передомъ.
Передъ паномъ Хведоркомъ
И задкомъ й передкомъ,
Ходыть жидъ, ходыть.

Въ этотъ единственный разъ Тарасъ Григорьевичъ былъ у насъ въ домѣ; но меня въ ту пору не было тамъ и мнѣ не пришлось тогда выдѣть его, о чемъ я, конечно, много жалѣлъ.

Провожалъ его отъ насъ въ ближайшее село Княжу на почтовую станцію одинъ изъ старшихъ моихъ братьевъ. Пора была вечерняя; на пути лежалъ густой, лиственный лѣсъ *доожокъ*, съ версту шириною. Когда въѣхали мы въ лѣсъ, разсказывалъ мнѣ братъ, стало совсѣмъ темно. Я ѣхалъ съ Шевченкомъ, позади слѣдовалъ братъ его Никита съ другимъ родичемъ. Вдругъ Тарасъ хватился своего кисета съ табакомъ и нигдѣ его не находитъ. Остановили лошадей, слѣзли съ брички и давай искать, присвѣчивая скоропотухавшими спичками. Никита, остановившись позади, нетерпѣливо ожидалъ конца нашихъ поисковъ, все спрашивая брата, что онъ потерялъ.

— Та яка тамъ згуба?–крикнулъ онъ еще разъ Тарасу.

— Та капшукъ зъ тютюномъ десь дівся,–отвѣчалъ тотъ ему.

— Тьпфу!–откликнулся на это Микита,–катъ-зна що шукать, и крикнувъ родичу: «звертай», свернули съ дороги и умчались впередъ.

Традиціонная въ минувшемъ козачествѣ люлька преслѣдовалась теперь въ убогомъ крестьянствѣ, по крайней мѣрѣ, въ нашихъ сосѣднихъ селахъ, какъ праздная панская забава, нерѣдко опасная при частомъ и близкомъ обращеніи съ соломою. Вотъ отъ чего и Микита такъ презрительно отнесся къ привычкѣ брата къ табаку и его потерѣ. Коли ты не панъ, то не приходится тебѣ панскимъ прихотямъ предаваться,—такъ, конечно, разсуждалъ про себя Микита.

Куда уѣхалъ Тарасъ изъ Княжей, не помню. Родичамъ его пришлось потомъ расплачиваться за расправу съ жидомъ, учиненную по его вдохновенію. Ихъ забрали подъ арестъ, водили въ Ольшану къ управляющему и въ Звенигородку къ становому. Напрасно мечтали они, «що Тарасъ десь тамъ коло царя» и заступится за нихъ. Пришлось бы имъ плохо, если бы не выручилъ ихъ Варѳоломей Гр. Шевченко, вспоминавшій со мною недавно эту трагикомическую сцену, стоившую родственникамъ Тараса не одинъ десятокъ рублей въ видѣ гонорара жиду.

Менѣе чѣмъ черезъ годъ послѣ этого Тарасъ Гр. Шевченко былъ уже арестованъ, а затѣмъ очутился въ ссылкѣ въ Новопетровскомъ укрѣпленіи. Меня живо интересовала судьба незнакомаго земляка-поэта. Я прочелъ уже его «Гайдамаки», и «Катерину» и проникся величайшимъ уваженіемъ къ его таланту. Съ жадностью слушалъ я разсказы о его дѣтствѣ, ученіи, выкупѣ, о портретѣ генерала, проданномъ имъ на вывѣску и о его собствен-

номъ портретѣ въ солдатской одежѣ, присланномъ изъ ссылки какому-то пріятелю вмѣсто письма, въ отвѣтъ на вопросъ о житьѣ-бытьѣ, съ наслажденіемъ прочитывалъ ходившія по рукамъ его не напечатанныя стихотворенія. Кончилось мое ученье, Тарасова ссылка. Я побывалъ уже на службѣ, вдали отъ родныхъ, и успѣлъ перебраться въ родной мнѣ Кіевъ. Прочелъ, наконецъ, «Наймичку» и не повѣрилъ Кулишу въ его сочиненной исторіи о происхожденіи этой поэмы. Какая тутъ степная барышня! „Одури, Пантелимоне, того, въ кого носа нема",–думалъ я про себя, видя въ каждомъ словѣ «Наймички» не барышню, а усатаго Кобзаря.

Насталъ 1859 годъ. Въ каникулярное время я очутился почему-то въ Кіевѣ, а не у родныхъ; очутился здѣсь и Тарасъ Григорьевичъ, доставленный сюда подъ арестомъ черкасскимъ исправникомъ Табачниковымъ послѣ извѣстной катехизаціи съ зернами, произведенной Тарасомъ въ какой-то корчмѣ въ состояніи невмѣняемости. Грустная эта исторія могла бы, говорятъ, кончиться ничѣмъ, но тутъ примѣшалось будто бы личное самолюбіе исправника, не осторожно задѣтое Шевченкомъ. Исправникъ, видите-ли, любилъ въ часы досуга предаваться поэтическимъ изліяніямъ и когда Тарасъ былъ доставленъ къ нему, то онъ, послѣ распросовъ, успокоивъ его, накормилъ его даже обѣдомъ, а послѣ обѣда представилъ ему на судъ нѣкоторыя изъ своихъ стихотвореній, вынувъ ихъ изъ столика, у котораго они сидѣли. Тарасъ, прослушавъ одно или два стихотворенія и будучи, вѣроятно, въ состояніи нѣкотораго подпитія и веселаго настроенія, взялъ изъ рукъ исправника тетрадку его стиховъ, положилъ обратно въ ящикъ, изъ котораго они были вынуты и, заперши на ключь, выбросилъ ключь въ растворенное окно, давъ совѣтъ непризванному поэту не искать ключа. Обидѣвшійся исправникъ сказалъ что-то рѣзкое Шевченку; онъ отвѣтилъ тѣмъ же. Исправникъ въ старой стереотипной формѣ указалъ на свое служебное положеніе, Шевченко отвѣчалъ: «Турный ты зъ твоимъ».... Тогда исправникъ далъ мѣсто правосудію и раба Божія Тараса препроводили въ Кіевъ, а здѣсь посадили въ крѣпость. Пока подлежащія власти разбирали дѣло о неудачномъ гаданьи Тараса на зернь, его выпросилъ къ себѣ на поруки мой школьный товарищъ, священникъ Ефимъ Ботвиновскій, которому Н. С. Лѣсковъ въ своихъ «Печерскихъ антикахъ» посвятилъ нѣсколько страницъ.

Было 1-е августа, праздникъ происхожденія, точнѣе предхожденія или преднесенія честныхъ древъ Животворящаго Креста. На Подолѣ, въ церкви братскаго монастыря, служилъ литургію нынѣшній петербургскій, а тогда кіевскій митрополитъ Исидоръ, а оттуда совершалъ обычный крестный ходъ на Днѣпръ для освященія воды. Я пошелъ на церемонію и шелъ рядомъ съ процессіею. Тутъ подмигнулъ мнѣ шедшій въ процессіи о. Ефимъ. Я подошелъ къ нему, а онъ шепчетъ мнѣ: «тебе Тарасъ шукає». Гдѣ, что и какъ, спрашиваю я, не зная ничего предъидущаго, и о. Ефимъ передалъ мнѣ вкороткѣ всю исторію привезенія, какъ онъ выразился, «честныхъ мощей Тараса» въ Кіевъ и содержанія ихъ у него на порукахъ. Я выразилъ намѣреніе самолично въ тотъ же день отправиться на поклонъ къ великому поэту; но о. Ефимъ отклонилъ меня отъ этого. «Загулявъ,-говоритъ,-козакъ зъ горя та зъ печали. Десь тыняется по ярамъ та горамъ... Не ночуетъ даже иной разъ у меня; и сегодня нѣтъ его дома. Жди, пока самъ забредетъ къ тебѣ». Я прождалъ дня три; навѣдался самъ, но и хозяина дома не засталъ.

6-го августа, въ день Преображенія Господня, на Подолѣ случился большой пожаръ. Я пошелъ на пожарище почти въ сумерки и неожиданно встрѣтилъ тамъ о. Ефима; онъ тотъ часъ всадилъ меня на свой скотъ и препроводилъ къ себѣ на Старый Кіевъ для свиданія съ объявившимся Тарасомъ. У меня невольно забилось сердце при мысли о скоромъ свиданіи съ человѣкомъ, котораго я давно чтилъ въ душѣ за его несравненный талантъ; молодое воображеніе рисовало его въ какихъ-то причудливыхъ, необыкновенныхъ чертахъ; я думалъ о первой встрѣчѣ, первомъ привѣтствіи и, признаюсь, смущенъ былъ не мало, не зная, съ чего начать. Увы! скоро всѣ мечты разсѣялись, какъ дымъ, при видѣ глубоко-грустной картины: Тарасъ, котораго не оказалось въ комнатахъ, вскорѣ найденъ нами у воротъ въ преждевременномъ и отнюдь не непорочномъ снѣ.... Не скрываю этого скорбнаго факта, свидѣтельствующаго, какъ теперь мнѣ думается, не столько о вынесенной поэтомъ изъ крестьянской среды привычкѣ, усиленной послѣдующими тяжелыми испытаніями, сколько о той великой тугѣ отъ неудачнаго гаданья на зернь, которую онъ хотѣлъ залить, заохочиваемый, быть можетъ, развеселымъ хозяиномъ, который жилъ, столь же мало думая о вчерашнемъ, какъ и о завтрешнемъ днѣ. Указанное

обстоятельство нисколько, разумѣется, не уменьшило моего глубокаго уваженія къ поэту и сердечныхъ моихъ симпатій къ нему, но повергло меня въ неописанное смущеніе, въ которомъ я счелъ за лучшее удалиться въ комнаты. Не меньше моего, кажется, смущенъ былъ и Тарасъ Гр., когда, кое-какъ разбуженный о. Ефимомъ, вошелъ съ нимъ въ комнату и увидѣлъ меня. «Охъ, Зелена, Зелена!»— повторялъ онъ со вздохомъ, то глядя на меня, то опуская голову на грудь. Хотя радушный хозяинъ поспѣшилъ разшевелить насъ наливочкою, но разговориться на сей разъ мы никакъ уже не могли, и я скоро отправился къ себѣ на квартиру.

На другой день, часовъ въ 5-ть пополудни, Т. Гр. пришелъ ко мнѣ, и тутъ уже мы разговорились не по-вчерашнему. Съ первыхъ почти словъ онъ заговорилъ о задуманномъ тогда въ Петербургѣ изданіи «Основы», ея задачахъ и цѣляхъ, силахъ, способахъ и пр. Я въ свою очередь сообщилъ Т. Гр. о готовившемся у насъ періодическомъ изданіи, духовномъ и даже спеціальномъ, но съ мѣстнымъ историко-литературнымъ и церковно-проповѣдническимъ отдѣломъ, къ сожалѣнію, почти не тронутыми потомъ при выполненіи. Тарасъ Гр. отнесся къ нашему предпріятію съ величайшимъ сочувствіемъ и одобреніемъ, желалъ намъ полнаго успѣха, но въ то же время, указывая на свое петербургское изданіе, широкое и болѣе мѣстное по своей задачѣ, заохочивалъ меня къ участію въ немъ, просилъ указать другихъ, готовыхъ трудиться на этомъ поприщѣ. Трудно было мнѣ дать какой-либо удовлетворительный отвѣтъ на теплыя задушевныя слова земляка-поэта; никто въ нашемъ заколдованномъ кружкѣ не обмакивалъ еще пера для печати и самъ я ничего также не писалъ и не печаталъ, кромѣ одной маленькой статейки, случайно и безъ моего вѣдома попавшей въ томъ году въ „Русскую Бесѣду". Была, правда, у меня на сей разъ одна небольшая вещица, написанная мною по-малорусски, въ видѣ образчика, для поддержанія мѣстной идеи, которую я проводилъ въ программѣ нашего изданія, но, боясь судьбы стиховъ Табачникова, я не вдругъ и послѣ нѣкотораго насилія надъ собою рѣшился показать ее великому моему гостю. Онъ попросилъ меня прочесть и не успѣлъ я окончить, какъ онъ обѣими руками взялъ ее у меня изъ рукъ и, закладывая въ свой карманъ, сказалъ: «теперь хоть вы мени що, а вже я вамъ и до вику вичного не отдамъ». Такъ и не отдалъ онъ уже мнѣ

моего рукописанія, увезъ его съ собою въ Петербургъ, читалъ землякамъ, восторгался чистотою рѣчи, ея ритмомъ, речитативомъ, какъ говорилъ онъ мнѣ самъ, какъ писали мнѣ другіе. Онъ не могъ надивиться, какъ сохранилъ я, пройдя школу, такую чистую народную рѣчь, а меня удивляло самое это удивленіе. «Вѣдь это таже родная рѣчь, которой научила насъ одна мать—зеленая дуброва, думалъ я, обращаясь мысленно къ поэту, давшему образцы безсмертной рѣчи, только владѣемъ мы ею не одинаково, ибо неодинаковыми талантами надѣлилъ насъ Богъ». Не много позже, когда съ изданіемъ «Основы» заговорили въ ней на разныхъ языкахъ подъ названіемъ малорусскаго, я понялъ причину удивленія Шевченка моей немудрой рѣчи.

Не помню, въ этотъ ли разъ или при другомъ посѣщеніи, Тарасъ Гр. разсказывалъ мнѣ, въ какое недоумѣніе привели его присланныя ему П. А. Кулишемъ Нижній Новгородъ извѣстныя «Оповиданя Марка Вовчка», снабженныя его предисловіемъ. «Сижу я, бачите, въ Нижнему та выглядаю того розришенія (ѣхать въ Москву), якъ стара баба лита. Коли це присилае Пантелимонъ оти оповидання и такъ уже ихъ захваляе та просить, щобъ я ихъ прочитавъ и сказавъ свое слово. Я, звычайно, починаю зпершу, зъ передмовы. И двохъ стряничокъ не перечитавъ, згорнувъ тай кинувъ за лаву. «Птьфу, кажу, хиба не видно Кулишевой работы». Лежали вони тамъ килька недиль. Коли зновъ пише до меня Кулишъ, нагадуе та просить, щобъ скорише перечитавъ, або хоть такъ вернувъ. Тоди я роскрывъ по середыни и читаю. Э, кажу соби, це вже не Кулишева мова, и перечитавши до остатку, благословивъ обома руками».

Въ эти первые дни свиданія моего съ Тарасомъ Григорьевичемъ, онъ получилъ извѣстіе о томъ, что дѣло его приходитъ къ благополучному концу и что ему будетъ разрѣшено свободно отправиться, куда хочетъ. Тарасъ Гр. замѣтно повеселѣлъ и вскорѣ перешелъ на жительство отъ о. Ефима Ботвиновскаго къ фотографу Гудовскому, жившему на углу Мало-Житомірской улицы со стороны Крещатика. Тутъ мнѣ пришлось побывать у него еще раза два по особому его порученію. Просилъ онъ меня поискать, не найдется ли гдѣ въ Кіевѣ списка его поэмы «Иванъ Гусъ», просилъ также принести ему для прочета большую тетрадь малорусскихъ стихотво-

реній покойнаго нынѣ профессора К. Д. Думитрашка. Поиски за «Гусомъ» оказались совершенно безуспѣшными, а по поводу стихотвореній Думитрашка, которыя мы читали вмѣстѣ, онъ выразилъ сожалѣніе, что этотъ безспорно даровитый человѣкъ вздумалъ перекладывать стихами оригинальныя народныя легенды, причемъ совершенно утрачивался иногда натуральный ихъ букетъ. Гораздо большую услугу, говорилъ Тарасъ Гр., оказалъ бы наукѣ нашъ поэтъ, если бы записалъ дословно всѣ эти легенды и разсказы, какъ они живутъ въ устахъ народа.

Въ поискахъ за «Гусомъ» Шевченко припоминалъ нѣкоторыя мѣста изъ этой поэмы и мурлыкалъ ихъ про себя; но и то, что можно было разслышать, давно улетѣло изъ памяти моей. Помню, что, живши еще у о. Ефима Ботвиновскаго, онъ записалъ карандашемъ на клочкѣ бумаги слѣдующіе стихи изъ тирады о папѣ:

> И на апостольськимъ престоли
> Чернець годованый сыдыть.
> Людскою кровью винъ шинкуе
> И рай у наймы отдае...
> О милый Боже! Судъ твій всуе
> И всуе царствіе твое.

По поводу тѣхъ же поисковъ случилось Тарасу Гр. познакомиться съ столоначальникомъ кіевской консисторіи, Даниломъ Кирилловичемъ Поставскимъ и узнать отъ него много малорусскихъ анекдотовъ, которыхъ онъ прежде никогда не слыхалъ. Въ числѣ ихъ особенно заинтересовалъ его анекдотъ о молодой канонархинѣ женскаго монастыря, посредствомъ припѣвовъ къ стихирамъ передававшей своей подругѣ вѣсть объ ожидающемъ ее свиданіи. Передавая мнѣ этотъ анекдотъ во время прогулки по Крещатику, Тарасъ Гр. до того увлекался имъ, что, забывая о проходящей публикѣ, далеко не вполголоса напѣвалъ: «Мене ждуть праведныци, а тебе, Палажко, на гори семинаристы ждуть, дендеже» и проч.

Случилось мнѣ за короткое время моего знакомства съ Тарасомъ Григорьевичемъ быть съ нимъ вмѣстѣ на одномъ семейномъ обѣдѣ, а въ другой разъ на скромномъ гуляньи на Оболони близъ Почайны. Радушнѣйшій хозяинъ, пригласившій Тараса Григорьевича на обѣдъ, пожелалъ выдержать всѣ предковскія церемоніи уго-

щеній, поэтому пили «стуканця» настоящей запеканки на калганѣ и баддянѣ, пили до борщу и послѣ борщу, пили потому, что рыба въ водѣ плавала и потому, что она воду любила, полоскали зубы и на потуху пили. День былъ нестерпимо жаркій, въ комнатѣ духота; къ концу обѣда Тарасъ Григорьевичъ видимо ослабѣлъ. Когда потомъ замужняя дочь хозяина сѣла за фортепьянъ и подъ аккомпаніеманъ его запѣла общеупотребительныя тогда „*Віють вітри*" и „*Ихавъ козакъ за Дунай*" (изданій народныхъ пѣсенъ съ музыкою тогда совсѣмъ еще не было), онъ сталъ непринужденно и съ нѣкоторымъ раздраженіемъ высказывать свое неодобреніе всему этому наслѣдію гр. Сарти и другихъ италіанско-малорусскихъ композиторовъ, а когда добродушнѣйшая хозяйка угостила насъ въ заключеніе такою варенухою, какая подавалась развѣ въ гетманскихъ и полковничьихъ будынкахъ, то великій поэтъ превратился въ самого слабого смертного, утратилъ всякое самообладаніе и соображеніе, такъ что не только о. Ефимъ поспѣшилъ увезти его на квартиру, но и готовившаяся въ тотъ день поѣздка за Днѣпръ не могла состояться. Совсѣмъ иначе прошло чаепитіе на Почайнѣ, устроенное молодыми почитателями таланта Шевченка изъ чиновничьего и педагогическаго кружковъ. Компанія была небольшая; собрались люди близкіе; пили чай, расположившись на травѣ и вели бесѣду о прелестяхъ кіевской природы и Украйны вообще, о минувшихъ временахъ, о богатствѣ народной поэзіи, о необходимости собирать памятники народного творчества и пр. и пр. Ничего лишнего не было ни въ рѣчахъ, ни въ угощеніи; вечеръ прошелъ живо и закончился общимъ удовольствіемъ. Дорогой нашъ гость былъ сначала задумчивъ и молчаливъ; потомъ мало по малу разговорился, восхищался Днѣпромъ, Почайной, видомъ Кіева, Андреевской церкви, Щекавицы, а когда солнце скрылось за горами, легкій туманъ пошелъ по Оболонью и вверху на чистомъ небѣ стали показываться то тамъ, то сямъ ярко свѣтившіе звѣзды, Шевченко, стоя лицомъ къ западу, своимъ чистымъ, серебристымъ, чуть-чуть дрожавшимъ голосомъ запѣлъ свою любимую пѣсню: «*Ой зійди, зійди, та вечірняя зіронько...*». И пѣлъ онъ съ такимъ одушевленіемъ, съ такимъ глубокимъ чувствомъ, что звуки этой пѣсни и теперь, спустя 26 лѣтъ, отдаются въ моихъ ушахъ. Воздухъ постепенно свѣжѣлъ; августъ давалъ себя знать и мы поспѣшили по домамъ.

Отъѣздъ Шевченка изъ Кіева въ Петербургъ послѣдовалъ такъ скоро и неожиданно, что я не могъ ни проститься съ нимъ, ни проводить его. Изъ Петербурга онъ прислалъ мнѣ свою фотографію, снятую Гудовскимъ, и два экземпляра вышедшаго тогда «Кобзаря». Другой экземпляръ онъ просилъ меня передать проф. Н. Д. Иванишеву, его такъ сказать сослуживцу по коммисіи для разбора древнихъ актовъ. Покойный Иванишевъ, рядомъ съ которымъ я квартировалъ, принялъ подарокъ Шевченка съ обычнымъ своимъ зоильствомъ, по которому онъ ради краснаго словца не щадилъ иногда и родного отца.

— А, это нашъ славный поэтъ! Скажите, какую толстую книгу написалъ. Видно, тамъ не даромъ его фухтелями угощали. Въ сущности вѣдь пьянчужка былъ. Право. Какъ-то онъ обѣдалъ у меня. Я, самъ вы знаете, ни ядца, ни пійца; ну, и ему много не даю, зная его страстишку. Послѣ обѣда приглашаю его въ мой садикъ, а онъ отказывается, лучше говоритъ, книжку почитаю. Пока я погулялъ немного, а онъ тутъ весь графинчикъ осушилъ.

Я не возражалъ многоученому профессору, зная довольно уже его натуру и то, что за этими язвительными словами у него скрываются самыя вѣрныя о людяхъ сужденія, которыхъ онъ однако въ большей части не имѣлъ привычки высказывать.

Прошло болѣе полутора года; я готовился начать семейную жизнь. Въ это именно время привезли въ Кіевъ покойнаго уже Шевченка. Мнѣ было тогда не до похоронъ и не до проводъ; я едва могъ побывать на отпѣваніи и проводить гробъ до парохода. Отъ того и воспоминаній у меня объ этомъ времени осталось не много. Были у меня В. Гр. Шевченко и художникъ Честоховскій въ ту пору, когда гробъ покойнаго остановленъ былъ за Днѣпромъ, и толковали со мною и братомъ о какихъ-то затрудненіяхъ, представившихся для провоза тѣла чрезъ Кіевъ, и о мѣстѣ погребенія, которое окончательно избрали близъ Канева. Не помню, сколько дней гробъ Шевченка простоялъ въ Кіевѣ, но при провозѣ его по набережному шоссе изъ-за Днѣпра къ церкви Рождества Христова и обратно къ пароходу собирались огромныя массы народа, да и вообще въ тѣ дни въ Кіевѣ было значительное оживленіе и возбужденіе въ нѣкоторыхъ кружкахъ. При отпѣваніи церковь была переполнена, александровская улица запружена самою разнообразною

публикою. Нигдѣ, кажется, нѣтъ населенія столько любопытнаго и охочаго до зрѣлищъ, какъ въ Кіевѣ; поставь только гдѣ-либо будочника и сей часъ соберутся толпы. Простой народъ совсѣмъ не могъ понять, если ему кто и объяснялъ, что такое поэтъ и за что ему такая честь. Иной десятскій или жандармъ на докучливые вопросы называлъ покойника просто генераломъ. И въ людяхъ понимающихъ не обошлось безъ комичныхъ сценъ. Пришелъ на отпѣваніе учитель гимназіи изъ евреевъ и, стоя у гроба, съ покиваніемъ головы и вздохомъ говорилъ сосѣду: «нема насого Тараса!» Семинаристы, забравшіеся на клиросъ, не нашли чѣмъ другимъ заявить своей симпатіи отпѣваемому поэту, какъ затянувъ въ концѣ «*вѣчная память*»... Одинъ студентъ, говорившій рѣчь на шоссе, величалъ поэта всевозможными именами: «ты нашъ батьку, учителю, *пророче*». При послѣднемъ словѣ баба-торговка, внимательно слушавшая рѣчь, плюнула со злостью и сказавши: «отъ, ка-зна що говорить», ушла домой. Другой студентъ, взлѣзшій на колесо, до того сконфузился и запутался, что не могъ кончить рѣчи. Большая возня была, когда пришлось наконецъ по ту сторону цѣпнаго моста спустить гробъ съ высокой насыпи къ пароходу; простыхъ рабочихъ тутъ не случилось, а почитатели таланта поэта не могли оцѣпить гробъ веревками. Замѣтивъ это, я отдалъ мой зонтикъ и шляпу стоявшему подлѣ меня племяннику Тараса, моему односельцу, Олексѣ Красицкому, а самъ взобрался на верхъ гроба, обвязалъ его съ помощію другихъ вокругъ, затянулъ узелъ съ двумя длинными концами и затѣмъ оглянулся съ высоты, ища глазами Олексы. Онъ въ свою очередь слѣдилъ за мною, боясь потерять меня изъ виду, и, лишь только мы встрѣтились глазами, какъ онъ, потрясая поверхъ головы зонтикомъ и шляпой, во все деревенское свое горло закричалъ: «Паничу! Ось, ось»! Это привлекло къ нему общее вниманіе и вызвало смѣхъ вокругъ.

Не задолго до привоза тѣла Шевченка въ Кіевъ пришлось мнѣ проѣхать на родину и быть въ послѣдній разъ у о. Григорія и Ксеніи Прокопіевны Кошицовыхъ. Дошла и туда вѣсть о смерти жившаго нѣкогда у нихъ Тараса и о томъ, какъ чествовали его по смерти. О. Григорій и теперь не могъ признать въ своемъ бывшемъ наймитѣ какого-то безсмертнаго поэта и судилъ объ немъ только по воспоминаніямъ, какъ о простомъ работникѣ.

— Не знаю, за що его такъ выславили. Этъ, такъ ледащо соби було,—закончилъ онъ.

А добродѣтельнѣйшая Ксенія Прокопіевна относилась къ нему, какъ и ко всѣмъ, и теперь вполнѣ любовно и снисходительно.

— Вичный покой души его, царство ему небесное,—говорила она.— Робивъ винъ и у насъ скильки литъ; не дуже, правда, охочий бувъ до роботы и трошки таки упартый, а все жъ працювавъ для насъ, издивъ зъ нами, побивався по дорогахъ зъ Ясемъ, худибки доглядавъ. Пошли ему, Господи, царство небесное!

Послѣ распродажи имущества Т. Гр. Шевченка пересланъ былъ мнѣ изъ Петербурга лѣтній парусинный костюмъ его, который и доселѣ хранится у меня.

Ѳ. Лобода.

Еще свѣдѣнія о «дикомъ попѣ».

Въ «Кіевской Старинѣ» 1886 г. (т. XIV, стр. 821—826) сообщены были довольно пространныя свѣдѣнія о «дикомъ попѣ», но основанныя, повидимому, на одномъ преданіи, и потому происхожденіе интересной личности священника Кирилла Тарловскаго по прежнему осталось невыясненнымъ. Въ № 63 «Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» за настоящій годъ г. Дорошенко далъ новыя свѣдѣнія о Тарловскомъ, говоря, что свѣдѣнія эти сообщены ему «глубокимъ старикомъ Ф. И. Д—скимъ, почерпнувшимъ ихъ изъ устъ козелецкихъ старожиловъ и изъ писемъ Тарловскаго къ своему зятю». Вотъ эти свѣдѣнія.

«Тарловскій былъ уроженецъ города Козельца, черниговской губерніи. Не смотря на то, что онъ происходилъ изъ дворянской фамиліи, отецъ его былъ священникомъ при козелецкой Николаевской церкви. Образованіе Тарловскій получилъ въ кіевской духовной академіи. По окончаніи курса, онъ поступилъ во священники: былъ сперва при козелецкомъ дѣвичьемъ монастырѣ (нынѣ упраздненномъ), а затѣмъ, по смерти отца, занялъ его мѣсто при Николаевской церкви. Здѣсь однако онъ пробылъ не долго. Въ 1744 году, по пути въ Кіевъ, Козелецъ посѣтила императрица Елисавета Петровна. Къ ея пріѣзду на берегу Остра (на мѣстѣ ны-

нѣшняго городскаго училища) былъ выстроенъ небольшой деревянный дворецъ. Въ этомъ скромномъ помѣщеніи, съ необычайною простотою и таинственностью, Тарловскій, какъ говоритъ преданіе, сочеталъ императрицу бракомъ съ извѣстнымъ графомъ А. К. Разумовскимъ. Выѣзжая изъ Козельца, Елисавета взяла о. Кирилла съ собой въ Петербургъ и опредѣлила его учителемъ и духовникомъ къ недавно прибывшей въ Россію принцессѣ Ангальтъ-Цербтской, будущей императрицѣ Екатеринѣ II. Достигнувъ такого высокаго положенія, Тарловскій не забывалъ ни своей довольно многочисленной родни, ни бывшихъ своихъ прихожанъ и, по возможности, старался помогать тѣмъ и другимъ. Когда въ 1752 г. во время сильнаго пожара деревянная Николаевская церковь сгорѣла, Тарловскій поспѣшилъ къ бывшимъ «парахвіянамъ» съ денежною помощію и практическими совѣтами. Письма его къ козельчанамъ долгое время хранились при Николаевской церкви и нѣкоторое время были въ рукахъ Ф. И. Д—скаго. Къ сожалѣнію, нѣсколько лѣтъ назадъ они соблазнили кого-то добротностью своей бумаги и были употреблены на оклейку потолка.

Со смертію императрицы Елисаветы, положеніе Тарловскаго при дворѣ сдѣлалось крайне тяжелымъ. Спасаясь отъ придворныхъ интригъ, онъ бѣжалъ наконецъ въ привольныя приднѣпровскія степи, гдѣ долго скитался, перенося всяческія лишенія, неразлучныя съ жизнью въ почти безлюдныхъ степяхъ. Наконецъ какимъ-то образомъ онъ попалъ въ руки запорожцевъ. Въ своемъ рапортѣ сѣчевому начальству они отрекомендовали его «дикимъ попомъ»—и это названіе осталось за нимъ на всегда. Тарловскій былъ доставленъ въ Сѣчь и, какъ видно, понравился *братчикамъ*, которые пригласили его священствовать въ ихъ сѣчевой церкви. Въ этой должности о. Кириллъ пробылъ не долго. Не понравилась ли ему разгульная жизнь *сичеваго товариства*, или считалъ онъ себя здѣсь не вполнѣ безопаснымъ отъ петербургскихъ враговъ, но только вскорѣ онъ наконецъ покинулъ гостепріимное Запорожье и снова пустился *блукать* по степямъ новороссійскимъ. Во время этихъ блуканій случай свелъ его съ знаменитымъ разбойникомъ прошлаго вѣка Семеномъ Гаркушей. Говорятъ, что, благодаря убѣжденіямъ Тарловскаго, Гаркуша будто бы раскаялся и кончилъ жизнь честнымъ человѣкомъ.

По *зруйнованьи* Сѣчи запорожской, въ Новороссійскій край прибылъ въ качествѣ администратора прежній пріятель Тарловскаго, генералъ Чертковъ. Узнавъ объ этомъ, о. Кириллъ явился къ нему, былъ имъ ласково принятъ и надѣленъ обширными помѣстьями. Обезпеченный такимъ образомъ съ матеріальной стороны, Тарловскій вызвалъ изъ Козельца свою родню и окончилъ жизнь въ энергической дѣятельности по колонизаціи южной части Новороссійскаго края.

Не смотря на то, что Тарловскій бóльшую часть жизни провелъ вдали отъ родины, память о «дикомъ попѣ», вѣнчавшемъ царицу съ Разумовскимъ, жива была въ козельчанахъ еще весьма недавно. Въ ризницѣ козелецкой соборной рождество-богородичной церкви до нынѣ хранится портретъ дикаго попа, писанный на полотнѣ масляными красками. Тарловскій изображенъ во весь ростъ; стоя у открытаго окна, онъ правой рукой опирается на какую-то книгу, лежащую на маленькомъ, изящномъ столикѣ. Наружность о. Кирилла довольно симпатичная: выразительная, нѣсколько строгая физіономія, правильный носъ, приподнятыя брови, не большая, сѣдоватая бородка. Одѣтъ Тарловскій въ шелковую темно-зеленую рясу. Подписи, на сколько помню, не имѣется».

На сколько козелецкое преданіе вѣрно въ своихъ подробностяхъ, рѣшить пока нельзя; но во всякомъ случаѣ свѣдѣнія г. Дорошенка интересны тѣмъ, что собраны на родинѣ Тарловскаго, гдѣ мѣстные старожилы должны сохранять о послѣднемъ, какъ объ интересномъ землякѣ, болѣе достовѣрную память, чѣмъ въ Екатеринославѣ. Козелецкое преданіе ни слова не говоритъ о военной службѣ Тарловскаго и, кажется, вполнѣ основательно, такъ какъ сыну козелецкаго священника естественнѣе было сразу стать священникомъ же, безъ посредства гвардейской будто бы службы. Нельзя также сразу отвергать преданія и о томъ, что Тарловскій вѣнчалъ императрицу Елисавету Петровну... Вѣдь свѣдѣніе о вѣнчаніи ея въ подмосковномъ селѣ Перовѣ (Семейство Разум., т. I, стр. 19—20) основано тоже на одномъ преданіи, при чемъ прибавка г. Васильчикова, что «нѣтъ сомнѣнія, что обрядъ совершалъ Дубянскій», основывается, какъ видно, на одной догадкѣ. А можетъ быть, что обрядъ вѣнчанія совершенъ былъ и въ Перовѣ, но не Дубянскимъ, а именно Тарловскимъ... Во всякомъ случаѣ козелец-

кое преданіе о происхожденіи «дикаго попа» значительно выдвигаетъ личность послѣдняго изъ того тумана, которымъ она до сихъ поръ окружена.

А. Л.

Къ исторіи рода Свѣчекъ.

Умѣла наживаться малороссійская козачья старшина XVII и XVIII ст. и составлять себѣ крупныя «маетности». Какой нибудь хорунжій, есаулъ, либо сотникъ выпроситъ у полковника или гетмана никѣмъ не занятое «мѣстце», впустѣ лежащую нивку или гаекъ, позволеніе устроить гдѣ либо на рѣчкѣ греблю и поставить «млинъ», пуститъ на свою земельку захожихъ людей и пойдетъ прихватывать къ ней близь лежащіе грунты, лѣски и нивы, покупая ихъ за безцѣнокъ или прямо отнимая у простыхъ козаковъ. Глядишь, лѣтъ чрезъ 10—20 является у него нѣсколько сотъ и тысячъ десятинъ земли, а поселившіеся на ней люди оказываютъ ему «послушенство» въ работахъ. По мѣрѣ повышенія въ войсковыхъ должностяхъ, это изъ ничего возникшее земельное достояніе увеличивается пожалованіями цѣлыхъ селъ и хуторовъ за службу и на «рангъ» и является крупное состояніе, занимавшее иногда половину и болѣе нынѣшняго уѣзда, а потомки безвѣстнаго лица образуютъ богатый и знатный родъ. Такимъ путемъ выдвинулся сильный и богатый нѣкогда родъ Свѣчекъ, и мы имѣемъ документальныя свѣдѣнія объ одномъ изъ непривлекательныхъ эпизодовъ ихъ обогащенія.

До появленія Богдана Хмельницкаго, прогнавшаго польскую шляхту изъ предѣловъ Украйны, неограниченнымъ владыкою Лѣвобережья былъ знаменитый князь Іеремія Вишневецкій, имѣвшій свою главную резиденцію въ г. Лубнахъ. Отсюда, по мановенію его перста, разсылались за сотни верстъ универсалы, наполнявшіе плодоносную, но пустынную страну жизнью, создававшіе новыя поселенія. Незадолго до хмельниччины Вишневецкій обратилъ вниманіе на одно живописное мѣсто на берегу р. Удая, находившееся между двумя его маетностями: Пирятиномъ и Куринькою и называвшееся Кручою, такъ какъ въ этомъ мѣстѣ нагорный берегъ былъ очень крутъ, и задумалъ устроить здѣсь греблю и мельницы. Уже свезенъ былъ весь необходимый для этой цѣли матеріалъ, но

загремѣло оружіе въ Украйнѣ и Вишневецкому было не до кручанской гребли.

Послѣ хмельниччины часть маетностей Вишневецкаго вошла въ составъ пирятинской сотни лубенскаго уѣзда и при Самойловичѣ была захвачена приближеннымъ къ нему переяславскимъ полковникомъ, Леонтіемъ Артемьевичемъ Полуботкомъ. По низложеніи Самойловича, Полуботокъ впалъ въ немилость новаго гетмана, Мазепы; этимъ воспользовался Леонтій Назаровичъ Свѣчка и началъ въ Москвѣ дѣло объ отнятыхъ земляхъ, которыя, по его ходатайству, и были возвращены пирятинцамъ. Въ этомъ дѣдѣ Свѣчка дѣйствовалъ не безкорыстно, такъ какъ изъ возвращенныхъ земель и ему досталась не малая ихъ часть. За три года своего полковничества Свѣчка сталъ владѣльцемъ большей половины пирятинской сотни.

Въ 1682 году, будучи еще полковымъ лубенскимъ есауломъ, Леонтій Свѣчка осуществилъ намѣреніе князя Вишневецкаго относительно «мѣста Кручи», устроилъ, съ разрѣшенія лубенскаго полковника, Максима Ильяшенка, греблю и поставилъ мельницу объ одномъ колесѣ; въ 1685 году ему было разрѣшено устроить при этой мельницѣ другое колесо, ступное.

Сдѣлавшись полковникомъ лубенскимъ, Леонтій Свѣчка не удовольствовался кручанской греблей и вынудилъ у пирятинскихъ мельниковъ себѣ согласіе на устройство весенней мельницы или вешняка, «на гаткахъ въ Зарѣчѣ, гребли пирятинской»; но ему только и нужно было это согласіе, получивши же его, онъ устроилъ пять колесъ, которыми работалъ круглый годъ. Такое самоуправство, а также то обстоятельство, что кручанская гребля сильно поднимала уровень воды, такъ что приходилось другимъ перестраивать свои мельницы, крайне возмущали пирятинскихъ мельниковъ; но, конечно, при жизни могучаго полковника, имъ и въ голову не приходило жаловаться на него расположенному къ нему гетману Мазепѣ. Послѣ смерти Леонтія Свѣчки, послѣдовавшей въ 1699 году, и паденія Мазепы, пирятинскіе мельники тотчасъ же «ускаржились» новому гетману Скоропадскому на самоуправство покойнаго полковника и просили разслѣдовать дѣло. Гетманъ послалъ въ Пирятинъ для «очевидного разсмотру и розыску» Ивана Сулиму, хорунжаго войсковаго генеральнаго, и Василія Велецкаго, гадяцкаго полковаго

судью, которые удостовѣрились, что вдова Леонтія Свѣчки, Домникія, продолжаетъ самоуправно молоть круглый годъ, а потому запретили ей дѣлать это впредь. О результатахъ осмотра было доведено до свѣдѣнія гетмана и онъ выдалъ въ обозѣ подъ с. Бѣлоусовкою, 5 мая 1711 года, универсалъ на имя лубенскаго полковника и пирятинскаго сотника, разрѣшавшій дѣло въ пользу пирятинскихъ мельниковъ. Получивши универсалъ, мельники отправились совмѣстно съ горожанами пирятинскими къ сыну Леонтія Свѣчки, Лукьяну, объявили ему о полученномъ универсалѣ и, когда тотъ пришелъ съ ними «до згоды», записали о его согласіи исполнять универсалъ въ городскую книгу «зъ притисненіемъ звиклой печати городовои ратуша пирятинскаго». Но, видно, эта «згода» ни къ чему не привела, такъ какъ уже въ 1715 году въ полковой лубенской канцеляріи былъ полученъ гетманскій универсалъ, въ которомъ говорилось, «иже многократне уже стужаютъ и стужали намъ своими жалобливими донесеніями всѣ обче мелники пирятинскіе, ускаржаючися на пана Лукяна Свѣчку», который, не довольствуясь вешнякомъ на пирятинской греблѣ, устраиваетъ новую мельницу на кручанской греблѣ; гетманъ угрожалъ Свѣчкѣ, въ случаѣ, исполненія имъ своего намѣренія, штрафомъ въ 2000 талярой. Но и этотъ универсалъ не подѣйствовалъ на Свѣчку, пришлось гетману обратиться къ послѣднему съ личными увѣщаніями. Въ 1715 году лѣтомъ Скоропадскій послалъ Свѣчкѣ слѣдующій листъ:

„Пане Свѣчка. Удивлятися непомалу мусимъ такому твоему глупому и неразумному поступку, же у полтора року ледве до насъ показалесь былъ очи, а потомъ, дневъ два чили три забавившись, звернулесь хороговъ и безъ вѣдома нашего уехалесь тайно ку дому, а до того зъ лекгоумия своего, противно зверхности нашои поступуючи, не выдаешъ, по давнему обикновенію, зъ селъ своихъ людей для гаченя греблѣ, подъ мѣстомъ Пирятиномъ будучои, якое твое лекгоумие не малую въ насъ ку тобѣ побужаетъ уразу, бо уже часъ бы, оставивши дурность, знати свое належное звание, и не иначей мусимъ зъ тобою впредъ поступовати, ажъ хиба зискавши, когда прилучится знову быти въ походѣ. кажемо тебе пилновати умислне, а теперъ пилно подъ неласкою нашою приказуемъ, абысь людей своихъ по давнему для гаченя греблѣ пирятинской не боронилъ, бо если бысь еще въ томъ мѣлъ быти противенъ, то не тилко млини твои кажемъ позапечатовати, але маетностей позбудешъ, декляруемъ. Зъ обозу одъ Макошина, іюля 22. 1715 року. Иванъ Скоропадскій гетманъ рукою власною“

И этотъ «листъ», видно, не ускромилъ Свѣчку, въ слѣдующемъ году Скоропадскому пришлось писать къ нему новый «листъ» слѣдующаго содержанія:

«Свѣчко неразумній. Не зъ чего иншого, тилко зъ твоеи легкомыслности и крайнего неразсудку, походитъ тое, же ты, бынамнѣй указовъ нашихъ не слухаючи и не исполняючи онихъ, не тилко млиновъ, на гаткахъ ку шкодѣ старои греблѣ пирятинской безправне и самоволне построенныхъ, не хочешъ зносити и безчережно всегда мелешъ, але еще зъ низу кручанскою своею греблею наплавною, а не старо-давною, чинишъ подтопъ, закгартовавши тертицями яловій спустъ, на которій свободно вода бивало идеть, а къ тому хочешъ насилно, ку болшой шкодѣ тоей же греблѣ пирятинской, и еще вновь на яловомъ лотоцѣ на греблѣ кручанской строити клѣтку, зъ якихъ своихъ легкомыслнихъ поступковъ, самъ будучи въ винѣ, чинишъ похвалки на Ходолѣя—то бити, то словомъ шпиgовати, не уважаючи наконецъ, жеби напередъ тобѣ не словомъ, але чимъ иншимъ не нашпиgовано; разсудилъ бись, если мѣешъ разумъ, што цѣле неслушне, безъ вѣдома и волѣ гетманской, построени млины на гаткахъ, поневажъ покойный отецъ твой упросился у мелниковъ пирятинскихъ, еще будучи полковымъ есауломъ, постройти межи ихъ млинами одно толко коло, зъ такимъ договоромъ, жеби оное не всегда мололо, лечъ въ тотъ часъ, когда изобилно биваетъ воды, а и то въ чергу, якое постеновление, и на писмѣ выраженное, презентовали намъ помянутие мелники; досить биложъ уже тобѣ нашого и на писмахъ упомненя и черезъ висланихъ нашихъ, якие Каменозатонского походу по жалобѣ тихже мелниковъ били ординовани, же бись конечне млини, на гаткахъ построение, позносилъ, аже ты, якъ вулъ на рогатину пручися, и по сей часъ онихъ не зносишъ, да еще и вновь строити збираешся, прето для всеконечного погамованя твоего зухвалства, за которое повелѣвши тобѣ приминути въ Глуховъ, учинимъ наказание, видалисмо мелникамъ пирятинскимъ унѣверсалъ, позволяючи, зъ помощию старшини тамошнеи, тие твои, не слушне построение, млини роскидати и пречъ зъ мѣсца позносити, тобѣ зась сурово грозимъ и приказуемъ, абись болше онихъ тамъ реставровати и держати не важился, бо если бысь мѣлъ еще стояти при упорѣ, то вѣдай певне, же иншихъ млиновъ, а безъ мала и маетностей не позбудешъ, декляруемъ. Съ Глухова, августа 29, року 1716» [1]).

---

[1]) Приведенные здѣсь документы хранятся въ копіяхъ середины XVIII вѣка въ усадьбѣ „Отрада" пирятинскаго уѣзда, полтавской губерніи, принадлежащей графинѣ Е. П. О'Рурвъ и были любезно предоставлены въ наше распоряженіе графомъ Н. М. О'Рурвомъ.

Отмѣтимъ любопытный фактъ: на пирятинской греблѣ теперь нѣтъ ни одной мельницы, а на кручанской, въ шести верстахъ внизъ по Удаю отъ г. Пирятина, и по нынѣ работаетъ четыре мельницы.

Н. Стороженко.

Замѣтка къ статьѣ «о шелудивомъ Бунякѣ».

Въ Дрогичинѣ на Западномъ Бугѣ я слышалъ нынѣшнимъ лѣтомъ преданіе, которое очевидно происходитъ изъ одного источника съ галицкой легендой, разсказанной въ статьѣ г. Кузмичевскаго «О шолудивомъ Бунякѣ» («Кіев. Стар.», августъ, 1887 г., стр. 693). Однажды мальчикъ заблудился въ подземельѣ дрогичинской замковой горы, отъискивая шапку, заброшенную туда шалуномъ-товарищемъ. Чортъ, стороживщій въ подземельѣ сундукъ съ золотомъ, сжалился надъ мальчикомъ и не только возвратилъ ему шапку, но и позволилъ наполнить ее червонцами. Тогда завистливый товарищъ нарочно забросилъ свою шапку въ тоже подземелье и попалъ ею какъ разъ въ сундукъ съ кладомъ. Но когда онъ сталъ наполнять шапку червонцами, сундукъ захлопнулся и отрубилъ голову мальчика. Замѣчательное сходство обѣихъ легендъ, червоно-русской и дрогичинокой, наводитъ на мысль, что онѣ родились до разъединенія волынско-галицкаго великаго княжества.

Н. Авенаріусъ.

Народное преданіе о взятіи Бендеръ.

Крѣпость Бендеры—старая крѣпость. Це не нашъ царь строивъ, кажуть, турецькій. Скильки тамъ міру ввести можна, сила! Тильки, розказують, якъ нашъ, значить, царь іи бравъ у туркивъ, то довго не могли наши взять іи, бо у туркивъ була чаривниця. Сидить вона соби на стовпи, що стоить на площади въ Бендерахъ и теперь (я самъ ёго бачивъ), сидить, кажу, та й вертае уси кули руськихъ на нихъ же. Узнали про це наши. Найшовся одинъ салдатъ и каже, що я, значить, можу іи вбити (мабуть винъ зъ нечистымъ знався). Царь позволивъ. Салдатъ каже до своихъ: «отъ тильки

выстрѣлю, то вы заразъ накрыйте мене, бо якъ не накрыете, то и самъ згину»; зарядивъ ружжо, та й чекае. Видьма узнала про цее и хоче злизти изъ стовпа; а у неи була мати, тожъ видьма; ось стара и каже: «сиди, дурна, ще не народився такій, що тебе подужае». Дочка послухала, знову сидить, та й кули вертае. Нашъ салдатъ побачивъ, та й выстреливъ; выстреливъ и вбивъ видьму, тильки наши не поспили ёго накрыть и салдатъ пропавъ.

(Записано Квятковскимъ отъ крестьянина, въ поѣздѣ одесской желѣзной дороги).

„Писанный крестъ“.

На юго-западной оконечности Волыни, въ кременецкомъ уѣздѣ, при с. Верещакахъ, въ 7 или 8 верстахъ отъ м. Збаража, находящагося въ Галиціи, среди распаханнаго поля одиноко стоитъ давно забытый крестъ на полуосунувшейся могилѣ какого-то героя, павшаго въ одной изъ кровопролитныхъ битвъ, которыми такъ извѣстна въ исторіи эта мѣстность. Крестъ этотъ извѣстенъ тамъ подъ именемъ «писаного», и рѣдкій изъ окрестныхъ жителей не знаетъ объ немъ. Такихъ памятниковъ въ томъ краѣ разсѣяно много въ разныхъ мѣстахъ по полямъ, лѣсамъ, горамъ, городищамъ и дубровамъ. Кѣмъ и когда они поставлены, память въ народѣ объ этомъ потеряна, и изъ оставшихся преданій въ рѣдкихъ случаяхъ можно вывести сколько нибудь опредѣленныя заключенія о времени и обстоятельствахъ появленія крестовъ. Крестъ, о которомъ мы говоримъ, имѣетъ надпись; но и она не уцѣлѣла и остались лишь слова: *атаманъ рабъ Бо... Б...яй.* Изъ разспросовъ на мѣстѣ удалось узнать не многое. Болѣе 10 лѣтъ тому назадъ на томъ мѣстѣ, гдѣ этотъ крестъ стоитъ, находился большой дубовый лѣсъ; затѣмъ лѣсъ этотъ вырубленъ, расчищенъ, а земля, бывшая подъ лѣсомъ, засѣяна хлѣбами. Когда мы осматривали эту мѣстность, крестъ находился среди посѣвовъ пшеницы, а холмъ, на которомъ онъ водруженъ, отъ распашки разсунулся и почти сравненъ съ землей, такъ что среди густой и рослой пшеницы крестъ мы могли найти только съ помощью лица, хорошо ознакомленнаго съ мѣстностію. Это былъ 70-ти лѣтній старикъ,

крестьянинъ села Верещакъ, по имени Лукьянъ (прозвище запомнилъ). Лукьянъ помнитъ время, когда крестъ стоялъ на небольшой полянѣ въ глубокомъ лѣсу; холмъ подъ нимъ былъ гораздо выше, но надпись была въ такомъ же видѣ, какъ и теперь. Кстати Лукьянъ грамотенъ; онъ говоритъ, что отецъ его, жившій болѣе 70 лѣтъ и дѣдъ, такой же долговѣчный, знали «писаный» крестъ такимъ же, а дѣдъ прибавлялъ, что на томъ мѣстѣ давно когда то была большая битва. Вотъ и все.

Исторически извѣстно, что во время козацкихъ войнъ Богданъ Хмельницкій осадилъ въ Збаражѣ польское войко и что при этой осадѣ было убито не мало козацкихъ старшинъ, въ томъ числѣ и атаманъ Бурляй. Очень вѣроятно, что могила, на которой стоитъ «писаный» крестъ, принадлежитъ кому нибудь изъ атамановъ Хмельницкаго, а можетъ быть и самому Бурляю.

Въ полуверстѣ отъ креста проходитъ австрійская граница; дорогъ вблизи креста теперь нѣтъ; но старики говорятъ, что очень давно не вдалекѣ отъ креста пролегалъ Збаражскій шляхъ; вѣроятно, дорога эта уничтожена, когда по присоединеніи края къ Россіи проводили кордонную линію между Австріей и Россіей и уничтожили по границѣ лишнія дороги.

Весьма интереснымъ при этомъ представляется слѣдующее совпаденіе. Въ нашемъ краѣ ходитъ по рукамъ много рукописей, подъ названіемъ запорожскихъ, въ которыхъ содержится описаніе мѣстъ, гдѣ зарыты клады. Одна изъ нихъ была издана въ 1856 г. въ Кіевѣ, и въ ней есть такая запись:

«На Верещаки Вышніи зъ Полщи иде шляхъ на Субботово, мимо козацкій яръ; а яръ буде у лѣву сторону отъ шляху, а шляхъ по-надъ яромъ близъ, и такъ иде по-надъ велыкымъ яромъ, то прыйде зъ велыкого яру малый вершиною до шляху, и тыею вершиною пиды у диброву; увошедши уже у великій той яръ, стань и смотри на низъ до луки, и гляди, надъ лукою стоитъ дубъ товстый; отъ дуба на лугъ пять ступеней большихъ крестъ съ тогожъ боку, а то бачъ гробъ; на гробѣ крестъ написанный. Добыча»!

Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что запорожская рукопись имѣетъ въ виду тотъ самый писанный крестъ, которому мы посвятили настоящую замѣтку.

О. К.

Небесные архистратиги во образѣ запорожцевъ.

Екатеринославской губерніи, ново-московскаго уѣзда, въ селѣ Аѳанасьевкѣ, рядомъ съ недавно построенною каменною церковью стоитъ старая деревянная, сложенная изъ толстыхъ дубовыхъ брусьевъ, сооруженная еще въ 1782 году полковникомъ запорожскаго войска Аѳанасіемъ Ѳедоровичемъ Колпакомъ. Это тотъ самый Колпакъ, который въ послѣдніе годы существованія Запорожья велъ ожесточенную борьбу съ обывателями и властями изюмской провинціи за неприкосновенность съ этой стороны запорожскихъ владѣній. Онъ вышелъ изъ этой борьбы счастливѣе своего запорожскаго начальства,—по разореніи Сѣчи, зачисленъ въ полтавскій пикинерный полкъ подполковникомъ, получилъ по отводу обширныя земли и основалъ на нихъ слободу своего имени, а въ ней устроилъ приходъ съ церковью.

Церковь эта незначительныхъ размѣровъ, въ формѣ креста, съ небольшимъ крылечкомъ, и не отличается ни архитектурою, ни богатствомъ ризницы, кромѣ развѣ своего иконостаса, современнаго построенію церкви. Иконостасъ пяти-ярусный съ рѣзьбою и позолотою; письмо на иконахъ для того времени очень тонкое и искусное. Нѣкоторыя изъ иконъ отъ времени, солнца и сырости пострадали въ такой степени, что трудно опредѣлить, что на нихъ изображено, другія отлично сохранились и свидѣтельствуютъ объ искусствѣ живописца. Въ срединѣ иконостаса, выше царскихъ вратъ, утвержденъ большой образъ Господа Вседержителя, а у престола его позади справа архангелъ Гавріилъ, а съ лѣва архистратигъ Михаилъ, и оба эти начальники небесныхъ силъ изображены въ видѣ запорожцевъ, Михаилъ явственно даже въ смушевой шапкѣ и съ мечемъ.

Что за дикая фантазія? спроситъ читатель.—Прежде всего, можно думать, здѣсь проглянуло высокое сознаніе о себѣ запорожцевъ, что они, всесвѣтные «лыцари» на морѣ и на сушѣ, достойны охранять престолъ Господа Вседержителя; но вѣрнѣе, кажется, предполагать здѣсь ту мысль, что запорожцы несутъ къ престолу Господню свою завѣтную храбрость и отвагу и готовы сложить головы за имя Его. Если сопоставить впрочемъ стоящихъ здѣсь на стражѣ у престола Господня запорожцевъ съ малороссійскими козаками вообще, которые, какъ удалось намъ прочесть въ одной рукописи

XVII ст., отгоняютъ отъ креста Іисуса Христа распинающихъ его поляковъ и жидовъ, то внутренній смыслъ названнаго выше изображенія получаетъ новый оттѣнокъ національнаго сознанія своей близости къ Богу и угодности Ему сравнительно съ мучителями христіанскаго рода въ данную пору ляхами и жидами, а также сосѣдями бусурманами. Уцѣлѣвшія другія изображенія въ этомъ родѣ, а также нѣкоторыя произведенія старинной нашей письменности, указываютъ на присущую нашимъ предкамъ особую наклонность къ антропоморфизму, стремленіе приблизить себя къ божественному, низвести оное въ кругъ обыденныхъ своихъ образовъ и представленій, чтобы яснѣе видѣть и понять недоступное уму. Изъ иконъ сего рода извѣстны: образъ Покрова Божіей Матери въ ново-московскомъ соборѣ, гдѣ въ качествѣ осѣняемыхъ изображена запорожская старшина, такой же образъ, бывшій въ покровской церкви г. Переяслава, съ изображеніемъ вверху группы малороссіянъ и великороссіянъ, а внизу Петра Великаго съ Екатериною I и Мазепы съ храмоздателемъ полковникомъ Мировичемъ, образъ съ портретомъ Богдана Хмельницкаго въ одной изъ заднѣпрскихъ церквей и другой съ портретами Мазепы, Скоропадскаго и Полуботка, бывшій въ упраздненномъ каменскомъ монастырѣ черниговской губерніи. Изъ произведеній старинной письменности нашей довольно указать на цѣлый рядъ рождественскихъ и пасхальныхъ виршъ послѣдней чесверти XVIII ст., гдѣ самыя возвышенныя идеи христіанства облекаются въ реальныя и простыя формы народнаго быта и цѣлый сонмъ ветхо-завѣтныхъ праведниковъ принимаетъ участіе въ радостяхъ земной мужицкой жизни. Во всякомъ случаѣ указанный фактъ изображенія арх. Гаввіила и архистр. Михаила во образѣ запорожцевъ у престола Господня, по самой оригинальности своей, заслуживаетъ быть отмѣченнымъ въ лѣтописи мѣстной исторической жизни.

А. Р—въ..

Пѣсня о Кармелюкѣ.

Молодый Кармалюкъ по свиту ходыть,
Не едну дивчину зъ розуму зводыть,
Не едну дивчину, не едну вдову,
На личко биляву, ще й чорноброву.

Пишовъ Кармалюкъ до кума въ гости;
Скинувши вбранье, сивъ на помости.
— Ой куме, куме, порадьмося,
Меду, горилки напіймося,
Сядемо соби пидъ яблонькою,
Будемо пити медъ зъ горилкою,
Будемо пити, ще й говорити,
Якъ съ Кармалюкомъ на свити жити.
Ще й рада въ раду,
Пидемъ до саду,
Натрусимъ грушокъ
Повенъ хвартушокъ,
Будемо пити, будемо спивати,
Прійде чорнява, будемо гуляти.
Скажи, чорнява, якъ тебе звати,
Щобъ потрапивъ до твоеи хаты.
— Моя хатина надъ долиною,
Мене зовуть Магдалиною,
Моя хатина въ самій долыни,
Прійди, Кармалюкъ, въ добрій годыни.
Моя хатина снопками шита,
Прійди, Кармалюкъ, хочъ буду бита.
Хочъ буду бита,—знати за кого:
За Кармалюка молодого.

(Записана г. Туркевичемъ въ ровенскомъ уѣздѣ, волынской губ.).

Отъ редакціи.

Журналъ „**Кіевская Старина**“ выходитъ *неизмѣнно* 1-го числа каждаго мѣсяца и въ тотъ-же день разсылается городскимъ подписчикамъ, а 2-го и не позже 3-го числа сдается въ Почтовую Контору для отправки внутри Имперіи и за границу.

Редакція отвѣчаетъ за исправное полученіе журнала лишь при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если въ *четко* написанномъ адресѣ означены: имя, отчество и фамилія подписчика, равно губернія, уѣздъ и почтовое учрежденіе, гдѣ *допущена* выдача журналовъ, 2) если жалоба на неполученіе книжки прислана непосредственно въ редакцію, хотя-бы подписка была сдѣлана въ одномъ изъ книжныхъ магазиновъ, 3) если жалоба послана, согласно объявленію Почтоваго Департамента, не позже полученія или срока выхода слѣдующей книжки, 4) если къ жалобѣ приложено будетъ удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книжка ею не была получена и 5) если о перемѣнѣ адреса было сдѣлано заявленіе редакціи и притомъ сдѣлано своевременно, т. е. съ такимъ разсчетомъ времени, чтобы редакція могла получить оное не позже выхода слѣдующей книжки

За перемѣну адреса иногородняго на городской и обратно уплачивается *пятьдесятъ коп.*, а при перемѣнѣ иногородняго на иногородный-же высылается *четыре семикопѣечныя марки.*

Подписная цѣна на мѣстѣ 8 р. 50 к., съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи 10 р., за границу 11 р. По той-же цѣнѣ высылаются и оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры 1882—1886 гг.

Подписка принимается въ редакціи журнала и конторѣ оной (*Кіевъ, Михайловская улица, домъ № 12-й*), въ книжныхъ магазинахъ Оглоблина въ Кіевѣ и Петербургѣ, «Новаго Времени» и Глазунова въ Петербургѣ и Москвѣ, Мелье, Вольфа и Мартынова въ Петербургѣ, Федорова, Розова, Динтера, Корейво, Гинтера и Малецкаго въ Кіевѣ и др.

Издателямъ и авторамъ книгъ и брошюръ по южно-русской исторіи и этнографіи, приславшимъ экземпляръ своихъ изданій въ редакцію, обѣщается рецензія.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

ТОМЪ XIX.

Декабрь.

1887 г.

КІЕВЪ.

Тип. А. Давиденко, аренд. Л. Штаммомъ, Мало-Житом. ул., д. № 4.

СОДЕРЖАНІЕ.

Декабрь, 1887 г.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 28-го ноября 1887 года.

Отъ Редакціи.

Съ выпускомъ настоящей книжки изданіе «Кіевской Старины», за болѣзнью редактора-издателя, пріостанавливается на неопредѣленное время, но *не прекращается*, какъ не вѣрно сообщено въ нѣкоторыхъ газетахъ. Въ виду сдѣланныхъ намъ положительныхъ заявленій по сему предмету, мы не теряемъ надежды, что изданіе можетъ быть возобновлено, хотя и подъ другою редакціею.

Мы получили и не перестаемъ получать много самыхъ искреннихъ заявленій живѣйшаго и глубокаго сожалѣнія по поводу объявленной нами пріостановки изданія, и это еще болѣе утверждаетъ насъ въ высказанной нами надеждѣ.

Не имѣя возможности, по состоянію здоровья нашего, своевременно отвѣчать на каждое изъ этихъ заявленій, считаемъ долгомъ выразить печатно нашу глубокую душевную благодарность всѣмъ изъявившимъ, по поводу пріостановки изданія, такъ или иначе свое сочувствіе какъ къ самому изданію, такъ и лично къ намъ. Благодаримъ отъ души всѣхъ тѣхъ, которые въ теченіи шести лѣтъ не переставали оказывать свое сочувствіе и содѣйствіе изданію своими трудами и приношеніями, большими и малыми. Печальная необходимость заставила насъ положить перо; мы сдѣлали однако все, что могли, для дѣла, котораго никогда не считали нашимъ личнымъ, и будемъ рады, если оно найдетъ продолжателей, болѣе насъ искусныхъ и достойныхъ. Остается масса драгоцѣннаго историческаго матеріала, явилось много готовыхъ и намѣченныхъ работъ по исторіи нашей родины. Было бы по истинѣ жаль, если бы все это осталось втунѣ, за неимѣніемъ мѣстнаго органа.

Сохраняя за собою, на основаніи существующихъ постановленій, въ теченіи годичнаго срока, право на возобновленіе изданія или передачу онаго въ другія руки, если на то послѣдуетъ разрѣшеніе, мы готовы по прежнему принимать отъ всѣхъ желающихъ продолженія изданія всякаго рода заявленія по сему предмету, равно и извѣщенія о готовыхъ и изготовляемыхъ трудахъ и матеріалахъ по южно-русской исторіи и этнографіи, для передачи въ свое время кому слѣдуетъ. Адресъ нашъ прежній: *Кіевъ, Михайловская улица, № 12. Въ редакцію «Кіевской Старины»*.

По этому же адресу покорнѣйше просимъ всѣхъ гг. подписчиковъ, не доплатившихъ или вовсе не уплатившихъ подписной суммы, присылать деньги и поспѣшить высылкою оныхъ.

Желающіе пріобрѣсть экземпляры «Кіевской Старины» за прежніе годы (1882—1887 гг.) пользуются объявленной раньше уступкой до 25%, или же по особому соглашенію съ редакціей, и обращаются также: *Въ Редакцію «Кіевской Старины». Кіевъ, Михайловская улица, д. № 12.*

Бугское козачество и военныя поселенія.

(Лѣтописные наброски о. Владиміра Лобачевскаго).

Можно считать признанными наукою важность и интересъ детальнаго изученія краевой исторіи мѣстными силами въ формѣ историческихъ очерковъ городовъ, селъ, приходовъ и другихъ мелкихъ территоріальныхъ единицъ, которыя часто бываютъ отмѣчены и своеобразными этнографическими чертами. «Кіевская Старина» много разъ имѣла случаи указывать въ библіографическомъ отдѣлѣ на прекрасные труды въ этомъ родѣ по изученію южно-русской земли. Въ ряду ихъ довольно видное мѣсто занимаютъ работы мѣстнаго духовенства по описанію церквей и приходовъ. Духовенство херсонской епархіи, къ которому принадлежитъ авторъ предлагаемаго нами труда, успѣло опубликовать въ своемъ епархіальномъ органѣ нѣсколько (хотя и не очень много) такихъ работъ, и нѣкоторыя изъ нихъ сообщаютъ данныя, имѣющія въ большей или меньшей степени интересъ научный, а иныя отличаются и хорошей научной обработкой. Все дѣло зависитъ, конечно, отъ степени заинтересованности автора своимъ сюжетомъ, отъ той искры Божіей, которая въ нѣкоторыхъ людяхъ не угасаетъ до старости, не взирая на тяжелыя невзгоды, преслѣдующія ихъ иногда всю жизнь, не взирая на сельскую глушь, въ которой судьба крѣпко держитъ ихъ многіе годы, на недостатокъ просвѣщеннаго общества, который болѣе слабыхъ гонитъ изъ деревни вонъ.

Къ такимъ выдающимся силамъ среди сельскаго духовенства херсонской епархіи принадлежитъ о. Владиміръ Лобачевскій, священникъ селя Ольшанки, елисаветградскаго уѣзда. Ясность и спокойствіе мысли, отчетливость памяти, неослабѣвшей въ теченіе долгой жизни, разнообразно направленная пытливость, теплая пастырская гуманность и не подкупная справедливость сужденій и наконецъ скромное довольство своей судьбою—все это сквозитъ въ его трудѣ, привлекаетъ къ нему и сооб-

щаетъ ему особенное значеніе. Недавно о. Лобачевскій переступилъ за 25 лѣтъ своего священства въ селѣ Ольшанкѣ; ранѣе священствовалъ тамъ лѣтъ 10 отецъ его. Во время долгаго служенія своего о. Владиміръ успѣлъ пріобрѣсти довѣріе прихожанъ, и въ историческомъ трудѣ своемъ часто обращается къ ихъ воспоминаніямъ, а еще чаще къ своимъ наблюденіямъ. Трудъ его носитъ заглавіе: «Лѣтопись прихода села Ольшанки св. Іоанна Милостиваго церкви». «Лѣтопись» представляетъ рукопись въ 31 листъ (листы не сшиты) и раздѣляется на три части, изъ которыхъ однако только двѣ первыя были въ нашемъ распоряженіи. По плану и по задачамъ, по разнообразію и обширности матеріала, трудъ этотъ шире формальныхъ рамокъ приходской лѣтописи и въ этомъ главный его интересъ для насъ; въ своихъ наблюденіяхъ, воспоминаніяхъ и сужденіяхъ авторъ часто выходитъ далеко за околицу своего села и за границы своего прихода, хотя конечно остается неизмѣнно на мѣстной, херсонской почвѣ; жизнь своего прихода онъ изучаетъ въ соотношеніи съ условіями краевой природы, съ условіями этнографическими и историческими, по скольку эти послѣднія отразились въ его микрокосмѣ—селѣ Ольшанкѣ. Въ трудѣ о. Лобачевскаго находимъ свѣдѣнія: о почвѣ, флорѣ и фаунѣ, о рѣкѣ Синюхѣ, на которой расположено село, о мѣстныхъ древностяхъ, находимъ этнографическій очеркъ мѣстныхъ жителей—болгаръ: узнаемъ о ихъ одеждѣ, о монетахъ, служащихъ украшеніемъ для женщинъ, о пищѣ, о нравахъ и характерѣ населенія, о религіозномъ его состояніи, объ обычаяхъ, предразсудкахъ, суевѣріяхъ, о занятіяхъ и промыслахъ ольшанцевъ, о рынкахъ сбыта, объ экономическомъ состояніи прихожанъ. Всѣмъ этимъ матеріаломъ мы не считаемъ себя въ правѣ пользоваться для «Кіевской Старины»: онъ представляетъ свой значительный, но спеціальный интересъ и не отвѣчаетъ задачамъ этого изданія. Точно также опускаемъ церковную и приходскую лѣтопись въ тѣсномъ смыслѣ слова. Ограничимся тою, значительною впрочемъ, частью лѣтописи, которая касается двухъ важнѣйшихъ эпохъ въ жизни нашего края: эпохи существованія бугскаго козачества и эпохи военныхъ поселеній. Эта часть представляетъ найбольшій обще-научный историческій интересъ по слѣдующимъ причинамъ: 1) авторъ пользуется нѣкоторыми, попавшими ему въ руки, документами, не обнародованными въ печати, приводя ихъ дословно и восполняя устными разсказами и преданіями прихожанъ, а также своими личными долголѣтними наблюденіями, 2) исторія бугскаго козачества едва тронута въ исторической литературѣ; точно также и для исторіи военныхъ поселеній на югѣ Россіи мало опубликовано матеріаловъ, и между ними трудъ о. Лобачевскаго, по обилію свѣдѣній, заслу-

женно можетъ занять видное мѣсто. Выпуская нѣкоторыя части труда, мы считаемъ необходимымъ округлить печатаемую часть его и сдѣлать ее болѣе понятною для читателя, предпосылая ей, въ сокращеніи, замѣчанія автора о положеніи села Ольшанки и о характерѣ мѣстнаго населенія; точно также не считаемъ себя въ правѣ опустить и замѣтокъ о мѣстныхъ древностяхъ, которыя могутъ пригодиться для археолога.

В. Я.

Село Ольшанка находится въ херсонской губерніи, въ елисаветградскомъ уѣздѣ, въ ольшанской волости, при рѣкѣ Синюхѣ, на мѣстѣ бывшаго когда-то Ольшанскаго шанца. Названіе свое Ольшанка получила отъ имени ручейка Ольшаны, протекающаго по юго-восточной сторонѣ селенія и впадающаго въ рѣку Синюху. Ручеекъ Ольшана получилъ свое названіе, какъ говоритъ преданіе, отъ небольшаго лѣска, который находился когда-то на вершинѣ балки, съ восточной стороны села, по теченію ручейка Ольшаны и состоялъ изъ деревьевъ ольхи. Находили въ балкѣ засыпанными въ почвѣ и дубовыя деревья. Кромѣ настоящаго названія, Ольшанка имѣетъ еще и другое, древнее — Маслова, которое, говорятъ, получила отъ имени одного изъ первыхъ поселенцевъ, жившихъ здѣсь еще до прихода настоящихъ жителей ольшанскихъ—болгаръ. До настоящаго столѣтія Ольшанка называлась «Ольшанское село».

Вся земля ольшанцевъ, за небольшимъ исключеніемъ, находится на ровной, возвышенной и открытой мѣстности, съ одиноко стоящими по мѣстамъ нагими степными курганами. Больше кургановъ видно на возвышенностяхъ по рѣкѣ Синюхѣ, бывшей границею между Польшей и Россіей: это, очевидно, были пограничные сторожевые посты запорожскихъ козаковъ, какъ говорятъ и мѣстные старожилы. Но есть курганы и въ глубинѣ степей, на возвышенныхъ равнинахъ. Такъ, имѣютъ свои названія: Новакова могила, съ столбообразнымъ камнемъ на ней, Брингачева могила, Чернева могила, Остра могила, Раскопанная могила. Эта послѣдняя дѣйствительно разрыта; разрывается она охотниками до кладовъ—нѣкоторыми крестьянами деревни Осичокъ и теперь, но въ глубинѣ ея могли только дорыться до чего-то въ родѣ погреба, выложеннаго камнемъ. Она находится по дорогѣ изъ Ольшанки въ

село Добрянку, на шестой или пятой верстѣ, на возвышенности. Такая же раскопанная могила, съ двумя меньшими, находится по дорогѣ въ городъ Ольвіополь изъ Ольшанки, на 12-й верстѣ. На юго-востокъ отъ Ольшанки, по дорогѣ въ село Исаевку, на четвертой или пятой верстѣ, по правую руку, стоитъ громадный курганъ и поодаль отъ него, въ линію, еще 3—4 меньшихъ. Недавно около этого большаго кургана охотники сложили сажени двѣ камня, которымъ былъ обложенъ весь курганъ. Кургана самаго не разрывали, но на вершинѣ его имѣется впадина съ отверстіемъ на юго-западъ. Квартировавшіе въ Ольшанкѣ офицеры военнаго поселенія называли этотъ курганъ «Суворовскимъ», объясняя это тѣмъ, что Суворовъ, въ войнѣ съ Турціей или съ Польшей, стоялъ здѣсь лагеремъ и на этомъ курганѣ находилась будто бы его палатка. Говорятъ, что на военныхъ картахъ этотъ курганъ и значится «Суворовскимъ». Есть еще около села Чумная могила. Она стоитъ надъ самою рѣкою Синюхою, на высокомъ утесѣ, въ одной верстѣ по дорогѣ изъ Ольшанки къ Осичкамъ. Насыпь эта когда-то видно была высокая, сдѣлана въ формѣ трехугольника и обкопана глубокой и широкой траншеей. Здѣсь погребены всѣ умершіе во время чумы, бывшей въ Ольшанкѣ въ 1812 году. Здѣсь же, между чумной могилой и селомъ, по-надъ рѣкой тянутся на плоской, какъ будто нивеллированной, равнинѣ какія-то, едва уже возвышающіяся надъ уровнемъ земли, но правильно расположенныя, земельныя сооруженія или окопы. Одни изъ старожиловъ говорятъ, что это былъ чумный кварталъ, съ палатками для заболѣвающихъ и выздоравливающихъ, а другіе, позднѣйшіе, что тамъ же былъ расположенъ лагеремъ полкъ рабочихъ солдатъ или депо для устройства, при введеніи военныхъ поселеній, госпиталя и другихъ казенныхъ зданій. На чумной могилѣ въ настоящее время водруженъ крестъ.

Къ числу приходскихъ памятниковъ можно отнести и такъ называемыя въ народѣ «фигуры», или большіе кресты, стоящіе при дорогахъ и въ другихъ мѣстахъ. Такихъ крестовъ, поставленныхъ по разнымъ случаямъ, особенно по поводу бывшихъ эпидемій, имѣется у насъ въ приходѣ болѣе десяти. Нѣсколько ихъ стоитъ въ самомъ селеніи, при въѣздѣ и выѣздѣ изъ него, два при колодцахъ и одинъ при церкви, а остальные въ степи, при раздѣленіи дорогъ.

Устроены они всѣ въ одной почти формѣ: на крестѣ изображено распятіе Господне, по бокамъ трости и другія орудія страданій Господнихъ, затѣмъ иногда 30 сребренниковъ, ангелы предстоящіе, надписи и проч.; нѣкоторые огорожены рѣшеткой.

Отличительныя черты нравовъ и характера ольшанскихъ жителей болгаръ—это консервативность во всемъ, кастовая замкнутость, домовитость, семейственность, трудолюбіе, умѣренность во всемъ до скупости и, сравнительно, трезвенность. По своему южному темпераменту, большая часть изъ нихъ весьма горячи и склонны къ мщенію, но вмѣстѣ съ тѣмъ добры и чрезвычайно терпѣливы, готовы къ примиренію. Постоянство въ терпѣніи, выносливость и умѣренность болгаръ часто меня удивляли. Любятъ легальность, любятъ слѣдовать разъ установившимся порядкамъ, но на прогрессѣ въ чемъ бы то ни было туги и вообще мало предпріимчивы. Въ обыденной жизни радушны и гостепріимны, но не до увлеченій; свадебныя только пиршества у нихъ тянутся долго, и то преимущественно съ своими же родными. Въ словѣ многіе еще очень честны: твердо держатъ данное слово, но часто очень долго и туго выполняютъ его, въ отношеніи, напримѣръ, отдачи долговъ, свадебныхъ подарковъ и проч.

Ольшанка населилась исключительно болгарами, вышедшими изъ Турціи въ 1773 году. Въ семъ году, во время бывшей тогда войны Россіи съ Турціей, болгары ольшанскіе вышли изъ села Флатарь, изъ подъ-Силистріи, въ числѣ 400 почти семействъ, на жительство въ Россію. Были также между ними переселенцы и изъ другихъ мѣстъ, изъ-подъ Рущука и Виддина, даже изъ Добруджи; это послѣднее видно изъ того, что и теперь еще одна часть населенія Ольшанки называется «добруджанами». Главнокомандующій русской арміей въ Турціи графъ Румянцевъ принялъ ихъ милостиво и поручилъ маіору Штеричу съ 72 гусарами провести отъ рѣки Дуная до крѣпости святыя Елисаветы (нынѣ городъ Елисаветградъ). Прибывъ туда осенью 1773 года, они были размѣщены на зимовлю въ селеніяхъ Дмитровкѣ, Аджамкѣ и Диковкѣ, пока Румянцевъ не прибылъ въ городъ Кременчугъ, и тогда, по совѣ-

щанiи съ мѣстнымъ начальствомъ, ихъ поселили (въ 1774 г.) на избранномъ ими самими урочищѣ, при рѣкѣ Синюхѣ, на настоящемъ мѣстѣ. Здѣсь, по преданiю, было уже нѣсколько хижинъ поселенцевъ—молдаванъ, которыхъ выселили въ сосѣднiя села молдаванскiя: Синюхинъ Бродъ и Лысую гору.

Болгары—ольшанцы, поселившись на земляхъ, отведенныхъ прежнимъ выходцамъ изъ Турцiи, названнымъ «войскомъ бугскимъ», тотъ-часъ же вошли въ составъ бугскаго войска, а за тѣмъ и бугскихъ козаковъ.

Отъ этой эпохи документовъ историческихъ никакихъ почти не осталось, а память народная передаетъ намъ еще меньше. Одинъ только quasi документъ проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на темное прошедшее прихода: это выписка изъ «Памятника законовъ о бугскихъ козакахъ», свѣренная и подписанная окружнымъ начальникомъ, полковникомъ и скрѣпленная окружнымъ аудиторомъ. Она была, какъ видно изъ переписки, поднесена министрами военнымъ и внутреннихъ дѣлъ на высочайшее воззрѣнiе въ 1803 году, и копiя съ нея найдена мною при дѣлахъ бывшаго окружнаго комитета 12-го округа военнаго поселенiя. Въ ней читаемъ:

Начало и перемѣны бугскаго войска.

«Войско сiе воспрiяло начало свое въ 1769 году и образовалось изъ людей иноплеменныхъ. Въ бывшую тогда противъ Россiи турецкую войну, когда россiйская армiя находилась подъ Хотиномъ, собранъ былъ Портою полкъ изъ молдаванъ, волоховъ и изъ другихъ христiанскихъ народовъ, за Дунаемъ живущихъ. Люди сiи, вмѣсто того, чтобы сражаться противъ Россiи, оставили родину и семьи свои и явились къ командовавшему армiей, генералъ-фельдмаршалу, графу Румянцеву-Задунайскому, которымъ были приняты и служили подъ знаменами его на собственномъ иждивенiи во все продолженiе той войны безотлучно».

«Когда война окончилась, гр. Румянцевъ увѣрилъ ихъ, что подъ покровительствомъ русской державы найдутъ они покойную жизнь и награждены будутъ выгодными для поселенiя и обзаведенiя землями, при чемъ объявленъ былъ и манифестъ, обѣщающiй имъ 30-лѣтнюю льготу. Почему, оставивъ жилища свои въ Молдавiи, Валахiи и за Дунаемъ, они перешли въ предѣлы россiйскiе и по-

селились по рѣкѣ Бугу, а въ сосѣдствѣ съ ними, по той же рѣкѣ водворился и другой полкъ, также составленный во время войны изъ разныхъ иностранцевъ, извѣстный тогда подъ именемъ «ново-вербованнаго козачьяго полка». По пустотѣ отведеннаго для поселенія ихъ мѣста и отдаленности его отъ городовъ, обзавелись они съ великимъ трудомъ и пользовались обѣщанною имъ льготою восемь только лѣтъ».

Къ этому времени относятся ходящіе въ приходѣ разсказы старожиловъ, что когда осмотрѣлись болгары на своихъ новыхъ жилищахъ и не нашли здѣсь ни садовъ, ни виноградниковъ, встрѣчая вездѣ одну только голую степь и безлюдье, то возроптали на свою судьбину и стали крѣпко скучать о прежнемъ Египтѣ, изъ котораго бѣжали. Многіе, пользуясь близостью границы, эмигрировали обратно: нѣкоторые черезъ рѣку Бугъ въ нынѣшнюю Голту—бывшее турецкое урочище, а другіе, черезъ рѣку Синюху, въ нынѣшнюю каменецъ-подольскую губернію—бывшую тогда Польшу, а оттуда въ Турцію. Русское правительство вынуждено было перехватывать бѣглецовъ и тогда пойманнымъ отрѣзывали косы (которыя носили всѣ болгары) и отдавали ихъ въ солдаты, въ регулярныя войска, и по выслугѣ уже всей службы возвращали опять на мѣсто новаго жительства, въ Ольшанку. Продолжаемъ выписку «Памятника».

«Въ 1783 году, по повелѣнію князя Потемкина, они поступили паки на службу и содержали по рѣчкѣ Бугу противъ турокъ кордоны.

Въ 1787 году, когда открылись со стороны Порты вновь непріятельскія дѣйствія, люди сіи перемѣщены были княземъ Потемкинымъ отъ рѣки Буга во внутрь губерніи, за 200 верстъ, въ селенія Красносельскія, имъ купленныя. По пришествіи же къ границамъ россійской арміи, они возвращены опять на прежнія жилища. Но сими перемѣщеніями перетерпѣли они крайнее разстройство».

Старожилы говорятъ, что перемѣщеніе въ красносельскія селенія и подъ Бахмутъ екатеринославской губерніи коснулось нѣкоторыхъ переселенцевъ турецкихъ, но что собственно болгары-ольшанцы перемѣщаемы не были и оставались на мѣстѣ.

«Въ 1788 году сформированъ былъ изъ выходцевъ сихъ полуторатысячный козачій полкъ, который до заключенія мира на-

ходился въ безпрерывномъ дѣйствіи и былъ при штурмѣ крѣпостей Очакова и Измаила. Въ продолженіи сей войны многіе изъ бугцевъ побиты и ранами изувѣчены, а вдовы и сироты ихъ оставлены безъ довлѣющаго призрѣнія. Наконецъ употребленъ былъ полкъ сей противъ польскихъ мятежниковъ и охранялъ по рѣкѣ Днѣстру и берегамъ Чернаго моря границу. За все то время по многимъ требованіямъ не удовлетворены они заслуженными за фуражъ и провіантъ деньгами».

И теперь еще помнятъ нѣкоторые изъ старожиловъ фамиліи тѣхъ лицъ изъ ольшанцевъ, которые находились въ бугскомъ козачьемъ кавалерійскомъ полку и принимали участіе въ штурмѣ турецкихъ крѣпостей Очакова и Измаила.

«Въ 1796 году покойная государиня императрица, во уваженіе усердной сего полка службы и претерпѣнныхъ изнуреній, всемилостивѣйше повелѣла князю Зубову оставить оный полкъ на всегда на службѣ и причислить къ сему сословію 3,796 душъ, купленныхъ княземъ Потемкинымъ у разныхъ помѣщиковъ, снабдить приличнымъ штатомъ, назначить при рѣкѣ Днѣстрѣ пограничную землю, офицеровъ наградить чинами, отвесть имъ ранговыя дачи и удовлетворить всѣми прежде заслуженными суммами, но за кончиною ея величества все сіе оставлено безъ исполненія.

«Въ 1797 году покойный государь императоръ повелѣлъ распустить полкъ сей изъ службы въ домы, при чемъ не сдѣлано ни какого постановленія, на какомъ положеніи впредь ему оставаться; одна часть его тогда же распущена, а другая оставалась при содержаніи кордоновъ по Днѣстру и Черному морю до 1800 года, а потомъ и она распущена и всѣ люди сіи поверстаны въ крестьянское состояніе. Число ихъ, кромѣ поселенныхъ на принадлежащихъ имъ дачахъ 600 душъ болгаръ, состоитъ нынѣ съ причисленными послѣ ревизіи изъ 6,383 мужеска пола душъ, водворенныхъ въ трехъ уѣздахъ: елисаветградскомъ. ольвіопольскомъ и херсонскомъ. Дворовъ у нихъ 1,595, земли удобной 169,758 деситинъ».

По обращеніи всего бугскаго войска въ крестьянское сословіе и по надѣленіи офицеровъ ихъ земельными угодьями, многіе изъ новыхъ помѣщиковъ сихъ стали заселять подаренные имъ правительствомъ участки пустопорожней земли разнымъ бродячимъ по

южнымъ степямъ людомъ. Вслѣдствіе этого, какъ говорятъ старожилы, пошла глухая, но упорная молва между всѣми выходцами изъ Турціи, что паны и ихъ всѣхъ закрѣпостятъ. Тогда ольшанцы-болгары, какъ помнятъ еще нѣкоторые, при посредствѣ какого-то «капитана» (вѣроятно, упоминаемаго ниже Хмельницкаго), вытребовали себѣ на обѣщанную имъ прежде льготу грамоту, за которою отправлялись депутаціей въ Полтаву, откуда и привезли ее и хранили у своего выборнаго начальника, «пана Ивана», какъ называютъ его, въ воспоминаніяхъ и теперь еще. Между тѣмъ всѣ бугскіе козаки обратились съ коллективною просьбою къ государю и просили о возстановленіи прежнихъ, данныхъ имъ правъ и о обращеніи ихъ снова въ служилое войско. По неимѣнію на этотъ предметъ другихъ данныхъ, обращаюсь опять къ прерванной выпискѣ изъ «Памятника законовъ», въ которомъ обстоятельно и подробно изложено это дѣло.

«Повѣренный отъ сихъ козаковъ, капитанъ Хмѣльницкій подалъ 12 сентября 1801 года просьбу на высочайшее имя о обращеніи ихъ паки на службу изъ крестьянскаго состоянія. Дѣло сіе подносимо было отъ генералъ-прокурора Беклешова на благоусмотрѣніе его императорскаго величества и по высочайшей волѣ предложено совѣту. По мнѣнію его опредѣлено до времени оставить бугскихъ козаковъ въ настоящемъ ихъ крестьянскомъ состояніи, а между тѣмъ черезъ генерала Михельсона предписано бывшему новороссійскому гражданскому губернатору Миклашевскому на мѣстѣ обозрѣть селенія сихъ козаковъ и удостовѣрясь, подлинно ли всѣ они желаютъ возстановленія въ первобытное состояніе, представить вмѣстѣ съ своими замѣчаніями. Вслѣдствіе сего генералъ Михельсонъ поднесъ собранныя губернаторомъ Миклашевскимъ о бугскихъ козакахъ слѣд. свѣдѣнія обще съ мнѣніемъ своимъ на благоусмотрѣніе его императорскаго величества.

Причины, требующія возстановленія бугскихъ козаковъ въ первобытное ихъ состояніе.

1) Бугскіе козаки, изъ иноплеменныхъ (странъ) перешедшіе въ Россію и всегда вѣрно ей служившіе, службою пріобрѣли себѣ право на преимущества своего званія; отвыкнувъ чрезъ долговре-

менное упражненіе въ военномъ дѣлѣ отъ крестьянскаго состоянія они противъ воли ихъ были въ оное причислены.

2) Бывъ обращены въ прежнее ихъ положеніе козачьихъ войскъ, могутъ они, на своемъ иждивеніи, оставаясь, такъ сказать, въ домахъ своихъ, содержать кордонную на границѣ стражу. Стража сія будетъ самая надежная, ибо, защищая границы, защищать будутъ они свои жилища; казна избавится черезъ сіе довольно важныхъ издержекъ, нужныхъ на приводъ изъ отдаленности войска и на содержаніе его въ пограничныхъ мѣстахъ.

3) Возстановленіе бугскихъ козаковъ изъ нынѣшняго въ первобытное ихъ состояніе полезно будетъ и для внутренняго устройствт всего новороссійскаго края: ибо, по новости его, по обширности степей, по разнообразію народа, въ немъ обитающаго, нерѣдко встрѣчается земской полиціи надобность въ подкрѣпленіи военномъ; для сего иногда цѣлые донскіе полки внутри его содержались на счетъ казны. Бугское же войско, живя въ домахъ своихъ, на всякій случай достаточнымъ подкрѣпленіемъ земской полиціи служить будетъ.

4) Устроеніемъ жребія сихъ козаковъ подается примѣръ воздаянія заслугамъ и тѣмъ самымъ привлекается болѣе еще ихъ соотчичей въ предѣлы Россіи.

5) Обращеніемъ сихъ козаковъ въ первобытное ихъ состояніе казна потеряетъ доходу до 1,500 рублей, но сія потеря, въ сравненіи съ выгодами, отъ того ожидаемыми, не можетъ быть уважительна, тѣмъ болѣе, что по силѣ обѣщанной имъ 30-лѣтней льготы во все сіе время должны они свободны быть отъ государственныхъ повинностей.

И такъ, возстановленіе бугскихъ козаковъ въ первобытное ихъ состояніе не только исполнитъ мѣру справедливости, но принесетъ пользу какъ имъ, такъ и государству. На какомъ же основаніи произвести сіе возстановленіе, имѣемъ счастіе представить здѣсь на благоусмотрѣніе вашего императорскаго величества наше мнѣніе, раздѣливъ его по существу предмета на 3 части.

А. Образованіе части воинской.

1) Обративъ бугскихъ козаковъ, согласно мнѣнію генерала Михельсона, въ первобытное ихъ воинское состояніе, съ присово-

купленіемъ къ нимъ и тѣхъ 600 болгаръ, кои въ послѣдствіи на ихъ земляхъ поселились и участь ихъ раздѣлить желаютъ, учредить изъ нихъ, подъ начальствомъ войскового атамана, три пятисотные нерегулярные полка подъ названіемъ бугскихъ козачьихъ. Одинъ полкъ всегда по очереди долженъ содержать кордонную на границѣ стражу, а по востребованію нужды и всѣ три могутъ быть высланы на службу».

Въ слѣдующихъ пунктахъ говорится о томъ, что количество чиновъ въ полку и устройство его должно быть такое же точно, какъ въ донскомъ и черноморскомъ козачьихъ войскахъ, что мѣста офицеровъ должны занять служащіе нынѣ въ бугскихъ войскахъ, или избранные вновь изъ того же войска; чтобы служба отправлялась по очереди и лично, безъ всякихъ наймовъ и замѣновъ; офицерамъ, командируемымъ на кордонную службу далѣе 100 верстъ отъ мѣста жительства и вообще командируемымъ на службу, выдавать изъ государственной казны жалованье по окладу армейскихъ гусарскихъ полковъ, а простымъ козакамъ по 12 р. въ годъ и провіантъ, полковому писарю по 30 р. въ годъ и провіантъ, а также фуражъ для лошадей. Порохъ и свинецъ отпускать, какъ и прочимъ козакамъ, изъ артиллерійскаго вѣдомства.

В. Гражданское и экономическое устройство.

Учреждается войсковая канцелярія подъ предсѣдательствомъ войсковаго атамана, двухъ членовъ непремѣнныхъ изъ штабъ-офицеровъ и двухъ ассесоровъ по выбору на 3 года. По гражданской части состоятъ въ вѣдомствѣ мѣстнаго губернскаго начальства и въ особенности управляющаго губерніей. Канцелярія состоитъ на иждивеніи козаковъ; она участвуетъ въ постройкѣ мундировъ, сбруи и пр., созываетъ обывателей и на ихъ волю отдаетъ выборъ расходчиковъ, сборъ и раскладку суммъ и пр.

С. Особыя постановленія для войска бугскаго.

1) Предоставить бугскимъ козакамъ право пріумножать сословіе ихъ людьми изъ заграницы, имъ единоплеменными, какъ-то: молдованами, волохами, болгарами и пр., къ чему они, содержа по Днѣстру стражу, могутъ имѣть всякую удобность; но строго запретить имъ, для предупрежденія могущихъ случиться злоупотребленій,

принимать природныхъ поселянъ въ козаки, равно какъ и поселять крестьянъ на ихъ землю.

За тѣмъ войску предоставляется землю имѣть общую войсковую, но не воспрещается каждому покупать въ собственность стороннія земли на общемъ положеніи.

4) Состоящіе на бугскихъ козакахъ за послѣдніе годы въ недоимкѣ 15,191 р. 12 к. всѣ простить—какъ по причинѣ разстроеннаго состоянія ихъ отъ бывшихъ переселеній съ мѣста на мѣсто и нѣсколько лѣтъ сряду продолжавшихся тамъ неурожаевъ въ хлѣбѣ, такъ и во уваженіе того, что по силѣ обѣщанной имъ льготы, въ теченіи цѣлыхъ 30 лѣтъ, долженствовали они быть свободны отъ всякихъ повинностей.

5) По сей же причинѣ не взыскивать съ нихъ и рекрутскихъ денегъ, слѣдующихъ по силѣ высочайшаго указа отъ 21 минувшаго сентября за каждаго человѣка по 360 рублей.

Затѣмъ предоставляется николаевскому военному губернатору избрать мѣсто для учрежденія войсковой канцеляріи и проч.

8) Поелику въ нѣкоторыхъ селеніяхъ сихъ козаковъ земли мало, а въ другихъ съ избыткомъ, то при обращеніи ихъ въ воинское состояніе позволить имъ переселиться изъ первыхъ въ послѣднія и въ семъ предоставить имъ полную свободу. Что касается до предполагаемой генераломъ Михельсономъ прибавки бугскому войску земли и отдачи ему всей той, какая между рѣками Бугомъ и Ингуломъ впустѣ находится, то сіе предоставить также мѣстному усмотрѣнію и соображенію николаевскаго военнаго губернатора, равно какъ и всѣ тѣ подробности, какія могутъ быть сверхъ настоящихъ главныхъ положеній нужны къ дальнѣйшему устройству сего войска».

Положеніе сіе во всѣхъ вышеизложенныхъ пунктахъ было поднесено на воззрѣніе государя императора и 28 апрѣля 1803 года высочайше конфирмовано, какъ сказано въ самой выпискѣ; но было ли оно въ тоже время приведено въ исполненіе, на это данныхъ не имѣемъ. Говорятъ старожилы, что бугцы съ нетерпѣніемъ ожидали возстановленія излюбленнаго козачества и нѣкоторые изъ иихъ, какъ слышно тогда было, напримѣръ, вознесенскіе бугцы, волновались даже; но ольшанцы, какъ можно догадываться изъ нѣкоторыхъ документовъ церковныхъ и преданій народныхъ, оставались

въ крестьянскомъ состояніи даже еще спустя полтора десятка лѣтъ, до введенія уланщины бугской или военныхъ поселеній, когда, вмѣсто проэктированныхъ бугскихъ козаковъ, сформированы были изъ бугцевъ, въ томъ числѣ и изъ моихъ прихожанъ, полки бугскихъ уланъ, и ольшанцы вошли въ составъ 4-го бугскаго уланскаго полка. Но такъ какъ до введенія этой реформы прошло 15—18 лѣтъ, то и этотъ небольшой періодъ старины можно все таки освѣтить нѣкоторыми собранными мною данными. Этотъ періодъ можно назвать состояніемъ ольшанцевъ въ сословіи казенныхъ крестьянъ или гражданскимъ состояніемъ, такъ какъ они тогда находились совершенно подъ управленіемъ гражданскаго начальства, избирали изъ среды себя головъ, старостъ и другихъ выборныхъ, имѣли надъ собою начальниками земскихъ засѣдателей, исправниковъ и проч. Ни о какихъ полковникахъ, сотникахъ, хорунжихъ и т. д. не слышно въ народѣ и по документамъ не видно. Потому-то объ этомъ періодѣ, предшествовавшемъ уланщинѣ, или военному поселенію, прихожане старики обыкновенно и теперь говорятъ: «это было еще за гражданства, до поселенія». «За гражданства» первымъ старостою или головою въ Ольшанкѣ былъ, какъ разсказываютъ старики, вышеупомянутый панъ Иванъ (Панта, онъ же Добровъ); фамилія его и теперь еще есть въ приходѣ и довольно распространенная. О немъ осталось въ народѣ такое повѣствованіе. Болгары, не довольные его управленіемъ, и въ особенности какими-то неудовлетворительными общественными разсчетами, собравшись къ его дому, начали его корить и упрекать. Разсерженный панъ Иванъ вынулъ изъ сундука хранившіеся у него какіе-то общественные документы и въ присутствіи всѣхъ бросилъ въ горѣвшую печь, гдѣ они всѣ и сгорѣли. Болгары говорятъ, будто чрезъ уничтоженіе сихъ документовъ они потеряли права свои на льготу и попали въ военные поселяне.

За періодъ «гражданства» у старожиловъ остались самыя отрадныя воспоминанія и преданія. То было доброе старое время, когда всего было въ изобиліи у крестьянскаго люда. Когда пообжились выходцы въ нашихъ степяхъ, познакомились съ ихъ почвой, климатомъ и другими условіями жизни, то увидѣли, что и здѣсь, такъ же, какъ и за Дунаемъ, жить можно безбѣдно и даже въ довольствѣ. Почва, всюду черноземная, была дѣвственна и плодо-

родна, травъ было въ изобиліи, и они никогда не выкашивались, древовидные бурьяны каждый годъ залегали на зиму нетронутыми, давая логовища многимъ звѣрямъ и пристанища птицамъ. По степямъ родили въ изобиліи даровые степные фрукты и ягоды: теренъ, дикія вишни, полуницы (клубника дикая), ожина (ежевика) и многія другія, которыя теперь уже рѣдкостны. На рѣкахъ и прудахъ водились безчисленныя стада дикихъ гусей, утокъ и прочей разной дичи. На поляхъ водилось множество полезныхъ звѣрей, даже стада дикихъ лошадей и козъ. Отъ всего этого теперь и слѣда не осталось уже. На поляхъ также разводили ольшанцы въ большомъ количествѣ пасѣки, даже до нѣсколькихъ сотъ пней. Многіе, послѣ ройбы пчелъ, вывозили ульи въ отдаленныя степи и тамъ, среди громадныхъ бурьяновъ, оставляли ихъ на цѣлое лѣто, забирая потомъ, уже осенью, наполненными медомъ и цѣлыми, ни кѣмъ нетронутыми. Стада овецъ, скота и лошади водились въ изобиліи, выпасаемые на привольныхъ и тучныхъ степяхъ бугскихъ. Это плодородіе и изобиліе земли, обширное и прибыльное скотоводство и овцеводство, цвѣтущее пчеловодство, при трудолюбіи болгаръ, сдѣлало многихъ изъ нихъ зажиточными и богатыми хозяевами.

Въ это доброе, старое время, разсказываютъ старожилы, кромѣ того, что природа благопріятствовала довольству, и сами люди всѣ берегли это доброе. Плугъ, напримѣръ, которымъ работали въ степи, на праздникъ бросали тамъ же, безъ всякаго присмотра, и все было цѣло; такъ же оставляли пасѣки, баштаны, иногда стадо—и никакихъ пропажъ не бывало. Запоры сараевъ, домовъ и пр. были деревянные, а замки считались большею рѣдкостью. Счеты скота, овецъ, пчелъ, даже денегъ никогда не записывались хозяевами или должниками на бумагахъ или роспискахъ, а все это отмѣчалось «карбами», т. е. нарѣзывалось на палочкѣ извѣстное число знаковъ, или карбовъ, означавшихъ число овецъ - приплодовъ, роевъ прибывшихъ, или же число рублей, и то «накарбованное» число было не нарушимо и свято съ обѣихъ сторонъ велось и сохранялось. Старики говорятъ, что люди тогда были дѣйствительно очень просты и неумны очень, теперь же молодое поколѣніе гораздо умнѣе, расторопнѣе и хитрѣе, но все это направлено только къ худу, а прямоты и честности прежней не видно.

Въ 1818 году начала вводиться реформа бугскихъ поселенцевъ. Реформа эта была въ началѣ строго военнаго режима. По принятіи поселянами присяги на вѣрность военной службы, всѣ годные и молодые были приняты въ 4-й бугскій уланскій полкъ, а прочіе оставались въ резервѣ и занимались хозяйствомъ. Всѣ здоровыя дѣти—мальчики отъ 7 лѣтъ были забраны въ военныя кантонистскія школы и тамъ учились грамотѣ и разнымъ военнымъ артикуламъ до 18 лѣтъ. Послѣ 18 лѣтняго возраста юноши поступали на пополненіе состава того же 4-го уланскаго полка и служили вмѣстѣ съ своими братьями и родителями. Каждый изъ нихъ былъ обмундированъ въ аммуницію синяго сукна и имѣлъ верховую лошадь; оружіе его состояло изъ пики, сабли и двухъ пистолетовъ. Для дѣтей военныхъ поселянъ 4-го бугскаго полка былъ устроенъ въ Ольшанкѣ такъ называвшійся кантонистскій дивизіонъ, гдѣ ихъ обучали и измала подготовляли къ военной службѣ. Каждый мальчикъ имѣлъ деревянную саблю и деревянный карабинъ, съ помощью которыхъ учился военнымъ артикуламъ на деревянной же лошади, а иногда при помощи деревянныхъ же пушекъ, обтянутыхъ листовою мѣдью. Неспособныхъ къ строевой службѣ учили разнымъ искусствамъ и ремесламъ: портняжному, столярному, малярному, слесарному, а также отдавали въ особо заведенныя военныя школы: фельдшерскія, писарскія, таксаторскія (топографовъ) и др. Здѣсь же въ Ольшанкѣ былъ учрежденъ такъ называемый штабъ 4-го уланскаго полка и здѣсь была резиденція администраціи какъ дѣйствующаго полка уланъ, такъ и поселенныхъ резервныхъ его эскадроновъ. Здѣсь были устроены: военный госпиталь, дворецъ царскій и домъ для проѣзжающихъ военныхъ начальственныхъ лицъ, съ огромной залой для пѣшихъ ученій кантонистовъ, манежъ для конныхъ ученій зимою, трубаческая школа для военныхъ музыкантовъ, гауптвахта, полковая канцелярія, комитетъ окружной и пр. Здѣсь же, въ штабѣ, построены были квартиры для военныхъ начальствующихъ лицъ: полковника, казначея, квартирместра и др., а также для госпитальнаго персонала дивизіоннато, капельмейстера, ветеринара, инженера и пр.

Въ Ольшанку, какъ штабъ 4 го бугскаго полка, часто наѣзжали для смотровъ и ревизій разныя административныя лица: дивизіонные корпусные генералы и инспекторы военныхъ поселеній: гр. Арачеевъ,

гр. Виттъ и гр. Никитинъ. Инспекторы производили смотры по преимуществу въ полномъ сборѣ бугскихъ уланъ, военныхъ кантонистовъ и военныхъ поселянъ въ одномъ пунктѣ и чаще всего въ гор. Вознесенскѣ, какъ штабѣ четырехъ бугскихъ полковъ. Послѣ смотровъ, всѣхъ уланъ, большихъ и недорослей, распускали на полевыя и домашнія работы, а затѣмъ опять собирали для военныхъ упражненій.

Военный режимъ этого времени положилъ свою печать на всѣ части управленія поселеній. Онъ коснулся даже церквей и духовенства. Сейчасъ по введеніи военныхъ поселеній церковь ольшанская была сдана подъ вѣдомство вознесенскаго военнаго благочиннаго Ѳеофилакта Башинскаго, который назывался и писался «дивизіонный благочинный бугской уланской дивизіи». Въ Ольшанкѣ же, какъ и въ штабѣ каждаго бугскаго уланскаго полка, одинъ священникъ назначался на весь полкъ, или округъ старшимъ и писался «старшій окружной священникъ», будучи помощникомъ дивизіонному благочинному, у котораго такихъ окружныхъ священниковъ было четыре. Затѣмъ были при штабѣ особенные «штабные діаконы», ведшіе все письмоводство церквей округа при старшемъ окружномъ священникѣ. Благочинные и старшіе священники имѣли обязательно форменныя рясы темно-зеленаго сукна съ краснымъ подбоемъ, а рядовые священники и діаконы—рясы такого же сукна, но съ голубымъ подбоемъ, причетники носили такіе же подрясники и волосы у нихъ должны были быть заплетены въ косу съ голубой лентой. Такую форму издало военное начальство поселеній. Для вознагражденій за требоисправленія военнымъ начальствомъ введена была извѣстная «аракчеевская такса». При совершенной организаціи военныхъ поселеній, церкви и духовенство его испытали на себѣ много перемѣнъ и вліянія со стороны высшаго военнаго начальства. Такъ, церкви въ военныхъ поселеніяхъ начали строиться по особымъ планамъ, изданнымъ военнымъ начальствомъ, въ формѣ квадратнаго креста, введены были однообразныя форменныя церковныя облаченія зеленой матеріи съ золотистыми квадратными крестами, форменныя хоругви—круглыя, металическія, съ сіяніемъ на трехъ древкахъ. Встрѣчи военно-начальствующихъ лицъ въ церкви съ крестомъ и святой водой были обязательны для приходскихъ священниковъ, которые выходили встрѣчать этихъ лицъ не-

премѣнно въ форменныхъ церковныхъ облаченіяхъ. Оффиціальными ктиторами церквей были впослѣдствіи, кромѣ избранныхъ поселянъ, военные волостные командиры, которыми часто состояли иновѣрцы-нѣмцы и поляки. Старостами при штабѣ въ послѣднее время былъ устроенъ и свѣчной заводъ, откуда свѣчами снабжались обязательно всѣ церкви полка или округа, и куда опять свозились всѣ огарки и воскъ для выдѣлки новыхъ свѣчъ. Контроль надъ производствомъ и продажей восковыхъ свѣчъ былъ какъ со стороны духовнаго начальства, такъ и со стороны военнаго, и ежемѣсячная выручка отъ продажи свѣчей въ церквяхъ, а также кошельковая въ концѣ каждаго мѣсяца, представлялась отъ всѣхъ церквей старшему окружному священнику, который ежемѣсячно же сдавалъ сумму въ окружной комитетъ. Въ концѣ года, впрочемъ, отчетъ представлялся дивизіонному благочинному, при которомъ была также небольшая канцелярія съ письмоводителемъ, или военнымъ писаремъ, на казенномъ содержаніи. Въ духовныя правленія причты военныхъ поселеній уже не относились и подчинены были, кромѣ епархіальнаго начальства, ближайшему и широкому вѣдѣнію дивизіоннаго благочиннаго, купно и военнаго начальства.

Хотя духовенство церквей военныхъ поселеній и зависѣло много отъ военнаго начальства, но за то оно всегда почти пользовалось его вниманіемъ къ своему матеріальному положенію и мощнымъ покровительствомъ. Благочинные, напримѣръ, и старшіе священники всегда разъѣзжали по своимъ районамъ по дѣламъ службы на лошадяхъ безплатныхъ; благочинному выдавалось по открытымъ листамъ 4 лошади, а окружному священнику 2. Квартиры почти у всѣхъ священно и церковнослужителей, не имѣвшихъ собственныхъ домовъ, были отъ военныхъ поселеній. Отопленіе и прислуга священникамъ были также отъ поселенія: священнику давался для прислуги инвалидъ-солдатъ, или кантонистъ, и на него отпускалось все содержаніе отъ военнаго поселенія, даже отпускался ежемѣсячно провіантъ, на каждаго служителя по 2 четверика муки и по $1^1/_2$ гарнца крупъ. Затѣмъ, при полномъ развитіи военныхъ поселеній и при введеніи штатовъ, духовенство получило на каждый причтъ полную пропорцію подцерковной земли, а двухъ-штатный причтъ—двойную пропорцію, 198 десятинъ. Всему духовенству назначено было казенное жалованье: священникамъ старшимъ по

147 рублей, младшимъ по 114 р., штатнымъ діаконамъ по 85 р., дьячкамъ по 36, пономарямъ по 17 р. и просфорнямъ по 14 руб. Духовенство военныхъ поселеній въ селахъ прежде всего и стало получать установленныя за службу пенсіи. Въ годы неурожайные духовенству наличному, а также его сиротамъ и вдовамъ выдавался изъ запасныхъ магазиновъ военныхъ поселеній провіантъ мукою и зерно на обсѣмененіе полей. Духовенство военныхъ поселеній пользовалось безплатнымъ лѣченіемъ въ мѣстныхъ госпиталяхъ и имѣло много другихъ выгодъ и услугъ со стороны администраціи военныхъ поселеній.

Въ 1820 году Ольшанку посѣтилъ блаженной памяти государь императоръ Александръ Павловичъ вмѣстѣ съ августѣйшимъ братомъ своимъ Николаемъ Павловичемъ. О посѣщеніи государя вотъ что помнятъ старожилы. Государь пріѣхалъ въ Ольшанку изъ Лысой Горы и здѣсь ночевалъ, такъ какъ тутъ былъ устроенъ такъ называемый дворецъ. На другой день утромъ посѣтилъ ольшанскую церковь, затѣмъ на площади церковной дѣлалъ смотръ бугскимъ уланамъ, бесѣдовалъ милостиво съ стариками, разспрашивалъ о хлѣбопашествѣ и о томъ, какой хлѣбъ лучше здѣсь родитъ и гдѣ поселяне его сбываютъ. Поселяне отвѣчали, что лучше всего родитъ пшеница арнаутка и что возятъ ее для продажи въ Одессу. Помнятъ еще одинъ случай великодушія государя, когда онъ, идучи со смотра уже во дворецъ, встрѣтилъ сидѣвшаго около дома старика, мало видѣвшаго болгарина Іосифа и спросилъ его: сколько тебѣ, старикъ, лѣтъ? Старикъ отвѣчалъ: сто лѣтъ. Государь далъ ему тутъ же 100 рублей на его старость. Такое милостивое обхожденіе государя подало болгарамъ ольшанцамъ смѣлость просить монарха объ освобожденіи ихъ отъ военнаго поселенія и возвращеніи имъ льготныхъ правъ колонистовъ; но крѣпко боялись они своего военнаго начальства, а потому ухитрились, говорятъ старожилы, вотъ что сдѣлать. Приготовивъ прошеніе государю, въ которомъ, ни на кого и ни на что не жалуясь, просили о возвращеніи дарованной имъ при переселеніи изъ Турціи льготы, они вручили его подъ глубокой тайной избранному расторопному болгарину Іорданчику для подачи государю по отъѣздѣ изъ Ольшанки, въ

пути. Государь выѣхалъ изъ Ольшанки на с. Добрянку и здѣсь, на дорогѣ, нагналъ царскій поѣздъ Іорданчикъ, съ бумагой въ рукѣ. Остановивъ одну изъ каретъ поѣзда, онъ сунулъ прошеніе сидѣвшему въ ней лицу и умчался на лихомъ конѣ безъ оглядки въ степь. Объ этомъ, говорятъ, было большое разслѣдованіе, но оно, за всѣми розысками, не открыло, кто подалъ прошеніе отъ имени ольшанцевъ; ольшанцы, страха ради, совсѣмъ отреклись отъ прошенія и изложенныхъ въ немъ пожеланій, и оно осталось безъ всякихъ послѣдствій.

Съ 1827 года ольшанцы и остальные мѣстные военные поселяне, сохранивъ за собою это послѣднее наименованіе, перестали называться бугскими уланами. Не извѣстно мнѣ, по какому государственному акту или распоряженію уланщина была упразднена, а могу констатировать изъ повѣствованій живыхъ еще поселенскихъ дѣятелей того времени слѣдующіе факты измѣненій въ военныхъ поселеніяхъ. Въ 1827 году уланы бугскіе изъ мѣстныхъ поселянъ и резервы ихъ были совсѣмъ разоружены и распущены для занятія хозяйственными дѣлами; но извѣстно, что въ слѣдующемъ году 4-й бугскій полкъ выступилъ въ походъ и участвовалъ въ турецкой компаніи (въ числѣ участвовавшихъ въ ней было до 60 человѣкъ ольшанцевъ). Дѣти всѣхъ уланъ бугскихъ были также распущены изъ кантонисткихъ дивизіоновъ и возвращены родителямъ, всѣ военныя ученія и смотры отмѣнены. Селенія поселянъ стали именоваться уже не дивизіонами или поселенными эскадронами, а просто «военными селеніями», поселяне назывались «военными поселянами». Взамѣнъ оружія и аммуниціи уланъ, поселяне носили установленную для нихъ форменную одежду, состоявшую изъ козакина сѣраго сукна съ такимъ же кушакомъ, и круглой, того же матеріала, фуражки, съ выставленными на ней красными буквами для ольшанцевъ, напр. «12. О. Н. В. П.» (12-го округа новороссійскаго военнаго поселенія). Бугскіе уланскіе полки стали именоваться по названіямъ городовъ военнаго поселенія; такъ 4-й бугскій уланскій полкъ названъ ольвіопольскимъ и комплектовался уже людьми изъ общаго рекрутскаго набора, какъ и другіе войска имперіи. Въ учрежденные кантонистскіе дивизіоны набирали дѣтей солдатскихъ и преимущественно сиротъ изъ разныхъ мѣстъ имперіи и здѣсь приготовляли ихъ наукою къ военной службѣ. Дѣти же военныхъ

поселянъ стали поступать на службу по рекрутскому набору на общемъ положенiи. Военные поселяне могли уже заниматься исключительно хозяйствомъ, и бугскiе козаки и уланы снова стали хлѣбопашцами. Они пользовались тѣми льготами, что не несли никакихъ государственныхъ денежныхъ налоговъ, пользовались землею въ полномъ избыткѣ и безплатно и были подъ опекою и попеченiемъ военнаго начальства. За то они были обязаны, занимаясь свободно хозяйствомъ, снабжать квартировавшiй въ округѣ полкъ провiантомъ, фуражемъ, отопленiемъ и квартирами. Вмѣсто кавалерiйскихъ начальниковъ, у нихъ явились такъ называемые поселенные: окружные, волостные командиры и низшiе—вахмистры, карабинеры и прочiе военные чины. А потому во всемъ, даже и въ хозяйственныхъ занятiяхъ, царила все таки строгая военная дисциплина, поддерживаемая военными начальниками. И не смотря на все это, положенiе ольшанцевъ и вообще военныхъ поселянъ въ это время, по отзывамъ старожиловъ, было очень удовлетворительно.

20 апрѣля 1828 года получено было оффицiальное извѣщенiе о прибытiи въ нашъ край государя императора. Между тѣмъ, по документамъ видно, что Ольшанку и церковь ея посѣтила въ этомъ году (12 сентября) августѣйшая супруга его, государыня императрица Александра Ѳеодоровна. Изъ разсказовъ старожиловъ извѣстно, что государыня въѣхала въ Ольшанку ночью, при большой, устроенной военнымъ начальствомъ иллюминацiи изъ бочекъ, горѣвшихъ на возвышенностяхъ вокругъ села, и изъ плошекъ, горѣвшихъ по улицамъ. Государыня ночевала во дворцѣ, а на другой день была въ церкви. Въ церковной оградѣ наканунѣ насаженъ былъ садъ изъ разныхъ деревьевъ, которыя и днемъ и ночью изобильно поливали водой, поддерживая зелень и свѣжесть къ прiѣзду государыни, что военно-поселенной администрацiей часто практиковалось при смотрахъ начальствующихъ лицъ. Разсказываютъ очевидцы, что когда государыня проходила по аллеѣ этого сада изъ церкви, то, любуясь имъ, взялась за вѣтку одного молодаго деревца, чтобы оторвать ее, но за вѣткой потянулось изъ свѣжаго ила все деревцо. Государыня удивилась и спросила: «давно ли растетъ этотъ садъ»?—Находчивый мѣстный начальникъ поселенiя отвѣтилъ: «онъ выросъ вчера, къ прiѣзду вашего императорскаго величества». Государыня снисходительно улыбнулась и пошла дальше. На пло-

щади, около дворца, она любовалась затѣйливыми нарядами ольшанскихъ болгарокъ. Къ столу поднесенъ былъ ей отъ помѣщика Адабаша изъ приходской деревни Осичокъ виноградъ, выросшій и созрѣвшій здѣсь же, въ Осичкахъ. Съ государыней былъ большой штатъ фрейлинъ, которыя были размѣщены по квартирамъ; былъ также въ Ольшанкѣ и извѣстный царскій кучеръ Ильюшка, который ночевалъ въ домѣ болгарина Льва Жекова, живущаго и теперь еще. Государыня выѣхала, говорятъ старожилы, на мѣстечко Лысую Гору, гдѣ былъ сборъ военныхъ поселянъ, и тамъ встрѣтилась съ государемъ, пріѣхавшимъ туда другимъ путемъ изъ Елисаветграда.

Въ 1856 году, когда военныя поселенія, за 40 лѣтъ своего существованія, достигли уже апогея своего развитія, болгары села Ольшанки, въ которомъ безсмѣнно находился штабъ 12-го округа и полка и которое черезъ то болѣе всего выносило тягостей военнаго управленія, начали опять изыскивать средства къ возвращенію давно обѣщанной и потерянной ими 30-тилѣтней льготы. Для этого они, секретно отъ начальства военнаго поселенія, уполномочили своего церковнаго старосту Григорія Кройтора, снабдили его деньгами и отправили въ Одессу для пріисканія свѣдущаго по дѣлу ходатая. Кройторъ отыскалъ занимавшагося адвокатурою отставнаго поручика Петра Бестужева-Рюмина, который составилъ имъ и подалъ 13 іюня 1856 г. прошеніе на высочайшее имя. Прошеніе это сохранилось въ копіи, въ бывшемъ комитетскомъ архивѣ и мы почерпаемъ изъ него интересныя свѣдѣнія. Изложивъ исторію своего переселенія и поселенія въ Россіи (мы разсказали ее раньше), просители продолжали такъ: «но мы, сохраняя многіе обычаи предковъ нашихъ и языкъ Болгаріи, имѣемъ большое затрудненіе въ супружествахъ сыновей нашихъ, потому что вступленія въ законный бракъ съ дѣвицею нашего происхожденія не дозволяютъ родственныя связи по малочисленности обществъ нашей націи; въ теченіе 83 лѣтъ сдѣлалось между нами родство, но нѣкоторые вынуждены были вступать въ таковые браки, чѣмъ нарушалась религія и святость законовъ. А вступя въ супружество съ дѣвицею другаго происхожденія, отъ различія обычаевъ и характеровъ происходятъ въ семействахъ распри и ссоры, чѣмъ нарушается супружеское сожи-

тіе. Болгары же-колонисты, хотя до переселенія нашего въ благословенную Россію были намъ соотечественники, но не соглашаются выдавать дочерей своихъ въ замужество за сыновъ нашихъ, потому что мы не пользуемся тѣми правами, каковые представлены имъ, и чрезъ холостую жизнь молодыхъ людей нашего общества происходятъ разстройства въ домашнихъ обзаведеніяхъ и земледѣліи, отъ чего многіе терпятъ нужду и бѣдность». Изложивъ мотивъ просьбы, ольшанцы переходятъ къ сей послѣдней: «великій монархъ, пишутъ они, повели обратить насъ изъ казенныхъ поселянъ въ первобытное состояніе по переселеніи насъ въ благодатную Россію, на правахъ колонистовъ болгаръ, соотечественниковъ нашихъ. Малочисленность душъ нашихъ, всего до 300 семействъ, не можетъ умалить поселеній твоихъ. Державный отецъ нашъ! мы не ропщемъ на какое либо угнетеніе или начальство наше, мы всѣмъ счастливы въ благоустроенной Россіи, но ради религіи святой умоляемъ тебя, какъ земнаго Бога нашего: отпусти дерзновеніе вѣрноподданныхъ рабовъ твоихъ и осчастливь повелѣніемъ отчислить нашу деревню къ колоніямъ болгаръ, которая одна включена къ военнымъ поселеніямъ, а соотечественники наши, со дня переселенія въ Россію, пользуются неограниченными милостями» и проч. За подписями читаемъ: «Сочинялъ и переписывалъ сіе прошеніе со словъ просителей отставной поручикъ Петръ Владиміровъ Бестужевъ-Рюминъ».

Какъ явствуетъ изъ сего прошенія, главнѣйшимъ мотивомъ просьбы ольшанцевъ о перечисленіи въ колонисты было то, что они встрѣчали большое затрудненіе въ бракосочетаніи своихъ дѣтей съ лицами ихъ же націи изъ колонистовъ; односельцы же болгары почти всѣ перероднились. Причина эта въ дѣйствительности была не маловажною, и теперь еще она отчасти существуетъ. Но и по уничтоженіи уже военныхъ поселеній, колонисты-болгары съ ольшанцами-болгарами въ браки все таки не вступаютъ, вѣроятно, по отдаленности разстоянія между тѣми и другими (около 200 верстъ), а можетъ быть и потому, что они подъ различными условіями жизни прожили такой длинный періодъ времени. Были случаи за время военнаго поселенія, что ольшанскія болгарки охотно выходили въ замужество за колонистовъ, чтобы избавиться отъ казеныхъ работъ военныхъ поселеній; изъ колонистокъ же никто не выходилъ сюда въ замужество, боясь военно-

поселенщины. Слѣдовательно, мотивъ, выраженный въ прошеніи, былъ не единственною причиною, побуждавшею ольшанцевъ искать перечисленія въ колонисты: имъ вообще не въ моготу было уже выносить на себѣ военнопоселенщину. Не жалѣя средствъ, они, какъ говорятъ, собрали и потеряли на это дѣло около 700 рублей. Но 1856 годъ былъ кануномъ уничтоженія всѣхъ военныхъ поселеній, а потому въ ходатайствѣ о перечисленіи въ колонисты имъ было отказано, за предстоявшимъ въ слѣдующемъ же году расформированіемъ всѣхъ военныхъ поселеній.

На канунѣ упраздненія своего военныя поселенія казались столь благоустроенными и внѣшне усовершенствованными, что никто и не подумалъ бы объ ихъ уничтоженіи. Проѣзжая военными поселеніями, бывало, удивляешься тѣмъ порядкамъ, устройствамъ и учрежденіямъ, которыя существовали исключительно въ однихъ только поселеніяхъ. Только вступивъ на территорію военныхъ поселеній, бывало, вы уже видите и чувствуете, что находитесь какъ бы въ совершенно иной, благоустроенной странѣ. Дороги вездѣ прямыя, широкія, нивеллированныя, съ обѣихъ сторонъ обрѣзанныя глубокими, ровными бороздами; на каждой четверти версты съ обѣхъ сторонъ поставлены деревянные крашеные, или каменные выштукатуренные и побѣленные столбы, а на каждой верстѣ—особый большой верстовой столбъ, съ обозначеніемъ цифрами числа пройденныхъ верстъ отъ селенія до селенія. На срединномъ разстояніи между селеніями устроены пріюты для проѣзжихъ, съ разведеннымъ вокругъ садомъ, или же цѣлой плантаціи шелковицы, акаціи и другихъ деревьевъ; въ пріютѣ найдете покойную меблированную комнату для проѣзжающихъ; для утоленія жажды всегда почти имѣется при немъ колодезь или фонтанъ; все это содержится въ образцовомъ порядкѣ и чистотѣ и охраняется нарочнымъ сторожемъ. На границахъ округовъ военныхъ поселеній, на дорогахъ стоятъ большія каменныя, изящно отдѣланныя пирамиды съ надписями въ нишахъ, свидѣтельствующими объ окончаніи территоріи одного округа и началѣ другаго. Всѣ крутизны, встрѣчающіяся на дорогахъ, срѣзаны и обставлены барьерами; рытвины и ручьи перекрыты хорошими мостиками съ деревянными, выкрашенными, или же каменными и

кирпичными рѣшетчатыми перилами, часто обсаженными аллеями деревьевъ. Вообще пути сообщенія въ военныхъ поселеніяхъ находились въ образцовомъ, щеголеватомъ видѣ.

Не въ худшемъ видѣ представлялась и хозяйственная сторона поселеній. На необозримомъ пространствѣ нашихъ, прежде дикихъ. степей бросались въ глаза обширныя поля пшеницы и другихъ разнородныхъ хлѣбовъ. При въѣздѣ въ каждое селеніе военныхъ поселеній васъ пріятно поражалъ громадный токъ, или гумно, на которомъ сложена масса хлѣба, выработаннаго руками поселянъ для потребностей военныхъ поселеній. Токъ расположенъ въ почтительномъ разстояніи отъ селенія, обнесенъ дерновымъ валомъ съ воротами и будкою; весь токъ уставленъ громадными скирдами разнороднаго хлѣба, симметрически и красиво сложенными на небольшихъ постаментахъ, возвышающихся надъ общимъ уровнемъ площади. Посреди тока стоитъ обширная клуня, гдѣ осенью (подъ контролемъ окружнаго командира, волостныхъ и сельскихъ начальниковъ, а также цѣлаго сонма вахмистровъ, карабинеровъ, десятниковъ, членовъ токовыхъ, лановыхъ и проч.) производится проба урожая, а затѣмъ вымолотка зерна руками поселянъ, въ послѣднее же время и при посредствѣ конныхъ молотильныхъ машинъ. Здѣсь при первой пробной вымолоткѣ для опредѣленія качества урожая разныхъ хлѣбовъ присутствовалъ въ послѣднее время обязательно, какъ членъ окружнаго комитета, и старшій окружной священникъ и участвовалъ въ подписаніи составлявшагося по сему акта вмѣстѣ съ прочими членами, военными офицерами. Отсюда, изъ такъ называемаго въ военномъ поселеніи казеннаго тока, этого кормильца военныхъ поселеній, шло продовольствіе всѣхъ служащихъ въ поселеніи лицъ и постоянно находившихся на квартированіи кавалерійскихъ эскадроновъ уланъ и гусаръ; отсюда шелъ провіантъ для служащихъ и паекъ для вдовъ и сиротъ, фуражъ для казенныхъ лошадей, отопленіе для квартиръ разныхъ чиновъ и околотъ для покрыши и ремонта многочисленныхъ казенныхъ зданій. Отсюда же шло иногда и масло, выработанное изъ разныхъ маслобойныхъ сѣмянъ для казенныхъ красильныхъ работъ. Это была кладовая военныхъ поселеній, въ которую свозились всѣ продукты и результаты тяжелыхъ полевыхъ работъ нашихъ военныхъ хлѣбопашцевъ.

Подъѣзжая къ селу съ другой окраины, вы непремѣнно остановили бы вниманіе свое на одномъ или нѣсколькихъ солидныхъ зданіяхъ, построенныхъ изъ камня или прекраснаго туземнаго кирпича, и покрытыхъ въ послѣднее время то желѣзомъ, то черепицей военно-поселенскаго издѣлья. Это зданія или казенныя конюшни и манежи для квартирующихъ войскъ, или хлѣбные магазины, госпитали, кантонистскіе дивизіоны, фермы, разныя школы и пр. Если при въѣздѣ въ селеніе есть балка, рытвина или ручей, непремѣнно устроенъ прочный и красивый мостикъ съ аллеей деревьевъ; вблизи часто увидите колодезь, изящно и затѣйливо отдѣланный въ восточномъ вкусѣ, съ желѣзной или черепичной крышей на каменныхъ столбахъ и аркахъ. При самомъ въѣздѣ въ селеніе, улицу заслоняетъ непремѣнно огромная каменная стѣна, аккуратно выштукаренная и выбѣленная известью, или же кирпичная рѣшетчатая, среди стѣны—широкія, отлѣланныя ворота прямо въ улицу, заслоненныя шлагбаумомъ. Эти подъѣзды къ военнымъ селеніямъ и главныя площади въ нихъ особенно были красиво и даже вычурно отдѣланы въ такъ называемыхъ штабныхъ селеніяхъ, гдѣ находился штабъ одного изъ 12 округовъ военныхъ поселеній, каковымъ состояло до самаго упраздненія поселеній и с. Ольшанка. Поэтому, какъ тогдашній очевидецъ и житель Ольшанки, я опишу внѣшній ея видъ, въ какомъ она находилась наканунѣ упраздненія военныхъ поселеній. Спускъ къ селенію съ юго-восточной стороны по крутой горѣ на ручей Ольшану тщательно обрѣзанъ, угладженъ и огражденъ крашенными перилами до самого моста, а отъ моста опять на гору до шлагбаума. Около моста, по равнинѣ шла аллея изъ двухъ рядовъ огромныхъ вѣтвистыхъ деревьевъ. Мостъ устроенъ прочно изъ мѣстнаго гранита, съ тумбами и перилами по бокамъ. Съ лѣвой стороны моста стоитъ колодезь съ изящно сдѣланнымъ навѣсомъ на четырехъ кирпичныхъ столбахъ или аркахъ, вычурно обкарнизованныхъ и выбѣленныхъ. При въѣздѣ въ шлагбаумъ, который также раздѣланъ красками по казенной формѣ и поднятъ на желѣзной цѣпи, съ правой стороны стоитъ столбъ съ круглой таблицей, на которой краскою по черному фону написано: «Штабъ 12 округа новороссійскаго военнаго поселенія с. Ольшанка», за тѣмъ число душъ мужеска пола, число хозяевъ 1-го и 2-го разряда, число такъ называемыхъ нехозяевъ

и проч. По въѣздѣ въ шлагбаумъ, съ правой стороны, около воротъ построенъ каменный, изящно отдѣланный домикъ, или караулка съ готическими окнами и дверями на улицу; назначеніе его служить пріютомъ для сторожа, который неизвѣстно что оберегалъ, развѣ чистоту и порядокъ. Далѣе идетъ плановая улица, съ красивыми по обѣ стороны домиками, построенными изъ жженаго кирпича и раскрашенными мѣстной краской охрой, а угловые пилястры известью бѣлой; каждый домикъ построенъ съ двумя окнами на улицу и третьимъ по срединѣ фальшивымъ, съ наличниками и ставнями; крыши на домахъ аккуратно покрыты околотомъ и устроены съ двумя высокими боковыми фронтами, въ коихъ видно по одному полукруглому окошку; на каждомъ домѣ подъ фронтономъ укрѣплена черная таблица, на которой краскою проставленъ номеръ дома и къ которому разряду принадлежитъ хозяинъ дома, а также изображенъ тотъ предметъ, съ которымъ хозяинъ обязанъ выходить на случившійся пожаръ. Вдоль улицы, съ обѣихъ сторонъ, подъ домами устроены возвышенные тротуары для пѣшеходовъ, утрамбованные сверху щебнемъ и съ боку выложенные камнемъ и выбѣленные известью; надъ тротуарами возвышается красивая рѣшетка изъ жженаго кирпича отъ дома къ дому съ каменными фигурными столбиками на воротахъ каждаго двора, выкрашенными красной краской съ побѣленными верхами и круглыми на нихъ каменными шарами. Минувши улицу, вы въѣзжаете въ штабъ, какъ говорятъ здѣсь и теперь еще. Штабъ—это площадь, посреди которой стоитъ церковь, а вокругъ нея и около расположены: окружной комитетъ, волостной комитетъ и сельской, полковая канцелярія, гауптвахта, каланча, пожарная команда, школа трубачей, цейгаузы полковой и поселенный, швальня и проч., а также квартиры окружнаго и полковаго командировъ, волостного начальника, доктора, священника и другихъ военнослужащихъ при штабѣ. Всѣ квартиры были крыты околотомъ (исключая двухъ крышъ черепичныхъ), но содержались въ образцовомъ порядкѣ и чистотѣ, нѣкоторыя были облицованы жженымъ кирпичемъ и покрашены красной краской. Отъ домика къ домику шли вездѣ рѣшетчатые, изъ жженаго кирпича и разныхъ фигуръ заборики. Вся площадь была окаймлена довольно высокимъ каменнымъ тротуаромъ, утрамбованнымъ щебнемъ и съ боковъ всегда побѣлен-

нымъ известью. Вокругъ всей площади былъ низкій барьеръ на каменныхъ тумбахъ, который ограждалъ аллею деревьевъ. Лучшими зданіями на площади были: домъ окружнаго начальника, гауптвахта, устроенная съ открытымъ корридоромъ на круглыхъ каменныхъ колоннахъ съ кордегардіей, съ деревянной платформой огражденной крашенымъ барьеромъ, съ навѣсомъ для ящика съ казной и для часового, съ вѣстовымъ колоколомъ и вообще со всѣмъ такимъ устройствомъ, какое видимъ теперь при военныхъ гауптвахтахъ. Каланча съ помѣщеніемъ для не военной (поселянской) кордегардіи и для пожарныхъ инструментовъ была также красиво устроена на столбахъ, съ открытыми полукруглыми подъѣздными арками и раскрашенными пилястрами. При выѣздѣ изъ штаба на с. Добрянку, по обѣимъ сторонамъ плановой улицы былъ разведенъ казенный садъ съ разбитыми дорожками, рѣшетчатой огорожей, красивыми воротами, тротуарами и пр. Въ концѣ сада, на выѣздѣ изъ селенія—опять готическая караулка, высокая стѣна, шлагбаумъ, столбъ съ надписью и пр., какъ при въѣздѣ. На окраинахъ селенія находились: огромное зданіе кантонистскаго дивизіона съ полковою домовою церковью, военно-поселенный госпиталь, дворъ рабочей роты, магазины, кавалерійскія конюшни, разныя мастерскія, бани, пекарни и пр.

Нынѣ уже все почти описанное нами не существуетъ, не существуютъ уже болѣе четверти вѣка и самыя поселенія. Оглянувшись назадъ, на это прошлое, попробуемъ теперь взвѣсить и добро, и зло, принесенныя военными поселеніями.

Благо военныхъ поселеній для народа заключалось въ томъ, что онъ, во первыхъ, никогда не платилъ никакихъ ни подушныхъ, ни поземельныхъ, пользуясь даже въ крайнихъ случаяхъ заведенною вспомогательною кассою. Изъ получавшагося въ началѣ жалованья военными поселянами, находившимися въ строю, дѣлались вычеты въ кассу для вспомоществованія нуждающимся хозяевамъ при падежѣ скота, неурожаѣ и пр. Еще въ 30-хъ годахъ этого капитала въ с. Ольшанкѣ было, какъ видно изъ подлинныхъ вѣдомостей, 7,657 р.

Затѣмъ земли свободной въ военномъ поселеніи было въ избыткѣ и каждый могъ обрабатывать столько, сколько хозяйствен-

ныхъ силъ его доставало. Такъ называемые перворазрядные хозяева засѣвали (по вѣдомостямъ поселеннымъ) по 30 четвертей хлѣба, средніе по 20, а слабые до 10. Урожай въ посредственный годъ бывалъ самъ пятъ. Сѣвооборотъ съ начала поселеній наблюдался правильно подъ руководствомъ опытныхъ въ хозяйствѣ начальниковъ. За своевременною и аккуратною обработкою полей, за посѣвами, уборкою травъ и хлѣбовъ не только военно-поселенскихъ, но и частныхъ хозяевъ былъ строгій и неослабный надзоръ и военныя понужденія, такъ что урожаи были въ большинствѣ обильные, и невольные военные поселяне имѣли несравненно больше хлѣба и скота, чѣмъ теперешніе, уже свободные хлѣбопашцы-крестьяне. Тунеядцевъ въ поселеніи не было, потому что энергичныя военныя мѣры вахмистровъ и карабинеровъ направляли всѣхъ къ дѣлу, и въ особенности въ рабочую пору выгоняли всѣхъ способныхъ въ поле, на казенную или собственную ниву, не позволяя никому залеживаться, или же, Боже храни, бражничать дома. Волей неволей всѣ трудились и въ избыткѣ пользовались за тѣмъ плодами своихъ трудовъ; въ несчастныхъ же обстоятельствахъ, какъ то, въ случаѣ неурожая, эпизоотіи, пожара, воровства, болѣзни, сиротства и т. п., военный поселянинъ всегда находилъ помощь въ отеческомъ попеченіи своего военнаго начальства. Во время неурожая въ одной мѣстности военнаго поселенія хлѣбъ привозился изъ другой мѣстности или округа и раздавался поселянамъ на обсѣмененіе полей, запасной же хлѣбъ изъ магазиновъ раздавался на прокормленіе нуждающимся. Сироты и бѣдныя вдовы ежемѣсячно получали назначенный имъ провіантъ изъ хлѣбныхъ магазиновъ. Если у поселянина пала скотина, или была уворована, ему выдавали изъ запаснаго капитала субсидію. Если онъ погорѣлъ, ему возобновляли постройки отъ казны, да и вообще всѣ дома въ послѣднее время перестраивали на линію общенароднымъ способомъ. Въ болѣзняхъ къ услугамъ поселянъ всегда были даровая аптека, госпиталь, докторъ и фельдшера, а оспа прививалась всѣмъ дѣтямъ регулярно. Въ случаяхъ заболѣванія рабочаго скота всегда имѣлся ветеринарный врачъ, фельдшера и лекарства даровыя.

Кромѣ этого, въ военномъ поселеніи учреждены были заводы породистыхъ лошадей, скота, которые улучшали скотоводство и хозяйство поселянъ. Въ послѣднее время введено было много ремес-

ленныхъ заведеній, въ которыхъ обучали поселянъ столярнымъ, слесарнымъ, кровельнымъ, каретнымъ, малярнымъ, живописнымъ, рѣзнымъ, лѣпнымъ и даже позолотнымъ мастерствамъ. Вездѣ завели плантаціи садоводства, лѣсоразведенія. шелководства, а также устроили много заводовъ кирпичныхъ, черепичныхъ, известковыхъ, селитреныхъ. восковыхъ, піявочныхъ и т. п., куда направлена была значительная доля труда военныхъ поселянъ.

Такое разнообразіе занятій, возлагавшихся на военныхъ поселянъ, такое усложненіе ихъ работъ отвлекало народъ отъ главнѣйшаго, первоначальнаго его дѣла—хлѣбопашества. Забота ближайшихъ военныхъ властей о томъ, чтобы наружная, казовая сторона военныхъ поселеній всегда представлялась ревизорамъ-инспекторамъ, при повторявшихся чаще и чаще смотрахъ, въ блестящемъ и изящномъ видѣ, ложилась новымъ, тяжелымъ бременемъ на поселянъ. Съ весны до осени періодически производились смотры въ военныхъ поселеніяхъ. Сначала осматривалъ свой округъ окружной командиръ, затѣмъ начальникъ четырехъ округовъ, далѣе-начальникъ девяти округовъ, послѣ инспекторъ поселеній, главный начальникъ всѣхъ военныхъ поселеній, генералъ-адъютанты изъ Петербурга и т. п. Приготовленія ко всѣмъ этимъ смотрамъ отнимали много рабочаго времени и рукъ поселянъ, въ ущербъ земледѣлію. Передъ пріѣздомъ сихъ начальниковъ начиналась поправка, побѣлка, подкраска всѣхъ военно-поселенскихъ разнообразныхъ зданій и построекъ: церкви, комитеты, мосты, мостики, колодцы, тротуары, аллеи, садики, шлагбаумы, будки—все это приводилось въ нарядный, праздничный видъ. Дороги исправлялись, выравнивались, столбы дорожные отъ селенія до селенія, по всей степи штукатурились, бѣлились, красились, а для всего этого нужно было развозить по всѣмъ степямъ камень, песокъ, воду, известь и пр., на все это нужны были руки поселянъ. Въ самыхъ селахъ поселянскихъ хаты вездѣ мазались, бѣлились, хотя бы то и въ жнива или косовицу, крыши исправлялись, главныя улицы выравнивались, заметались вѣниками, тротуары бѣлились, посыпались щебнемъ, пескомъ. Даже женщины и дѣти въ это время спѣшили выполнять означенныя работы. Въ послѣднее время, когда начали оскудѣвать сборы хлѣба въ военномъ поселеніи, то, при проѣздѣ высшихъ начальниковъ поселеній, въ селахъ, на главныхъ улицахъ, въ дворы жившихъ

тамъ поселянъ нарочно свозили чужой хлѣбъ и складывали его въ большіе стога на виду, на время проѣзда инспекторовъ. Окна такихъ домовъ на главныхъ улицахъ уставляли чужими самоварами, чайниками, чашками, цвѣтами и другими предметами роскоши, чтобы представить поселянъ благоденствующами. Часто, при проѣздѣ высшихъ лицъ, на видныхъ мѣстахъ устраивались искусственные парки и аллеи изъ выкопанныхъ наканунѣ въ садахъ и лѣсахъ деревьевъ, которые затѣмъ безостановочно поливались, чтобы представить благоустройство военныхъ поселеній и произвести отрадное впечатлѣніе на инспектирующаго начальника. А сколько это непроизводительное дѣло стоило трудовъ, времени, а часто и побоевъ бѣднымъ землепашцамъ поселянамъ! Съ инспектирующими, въ особенности высшими начальниками слѣдовалъ въ экипажахъ цѣлый кортежъ низшихъ мѣстныхъ военныхъ властей, встрѣчаемый и провожаемый передовыми, вѣстовыми, сигнальными, махальными и пр., что все требовало множества лошадей и людей. При усилившемся посѣщеніи военныхъ поселеній высшими, разныхъ спеціальностей, лицами по части военной, поселенной, медицинской, инженерной, лѣсной, разныхъ заводовъ и пр., умножились постройки новыхъ зданій и квартиръ для многихъ служащихъ. Для пріѣзжающихъ собственно лицъ нарочно устроены были такъ называемые «комитеты дли проѣзжающихъ лицъ». Зданія эти были въ каждомъ селеніи, и на большихъ трактахъ устраивались съ возможными удобствами, изяществомъ и даже роскошью. Въ каждомъ изъ нихъ была мебель: кушетки, шторы, часы и пр. И всѣ эти зданія, какъ и квартиры всѣхъ служащихъ въ поселеніи лицъ отапливались собственнымъ матеріаломъ военныхъ поселянъ, ими же ремонтировались и содержались всегда въ изысканномъ порядкѣ и чистотѣ. Около этихъ комитетовъ обьзательно разводились и поддерживались поселянами изящные садики, аллеи, дорожки и пр. Для устройства всѣхъ подобныхъ зданій и ремонта ихъ поселяне должны были своими подводами вывозить изъ далекихъ мѣстъ нужные матеріалы, какъ то лѣсъ, камень пиленый, известковый камень, гипсъ и пр. Для отапливанія всѣхъ квартиръ военнослужащихъ поселяне должны были перевозить на своихъ подводахъ, за нѣсколько десятковъ верстъ цѣлыя скирды соломы, кирпича, дровъ, а также фуражъ войскамъ: сѣна, овса. хлѣба и пр. Въ особенности тяжелою и изнурительною

повинностью для поселянъ была въ послѣднее время вывозка зимою дерева изъ черкаскихъ лѣсовъ. Выряжалось въ лѣса, часто на цѣлый мѣсяцъ, по нѣсколько десятковъ поселенскихъ возовъ, на которыхъ везлись и сани, и сѣно, и харчи; каждый поселянинъ обязанъ былъ имѣть, кромѣ собственной подводы съ лошадьми или волами, еще собственную провизію для себя и скота и всѣ путевые расходы нести на собственный счетъ. Отъ этихъ выѣздовъ въ лютыя зимы, или ненастья многіе изъ поселянъ, при плохой одеждѣ и слабомъ скотѣ, теряли здоровье и лишались рабочей скотины. Въ крымскую же компанію постоянное передвиженіе цѣлыхъ скирдъ, мѣшковъ съ хлѣбомъ, фуража, сѣна, отопленія и пр. въ районѣ военныхъ поселеній и даже до самаго города Берислава, въ ненастья и суровую погоду, свело не одного поселянина съ хозяйства.

Но еще два новыхъ обстоятельства въ военномъ поселеніи послужили большимъ зломъ для народа и разорили совсѣмъ военныхъ поселянъ. Это перестройка всѣхъ селъ военныхъ поселеній по новымъ, составленнымъ инженерами, планамъ и вновь выработанное въ поселеніи такъ называемое «урочное положеніе работъ».

Сначала на новыя, проэктированныя планами, улицы выводились исподволь только тѣ, которые, по ветхости домовъ, имѣли надобность въ перестройкѣ ихъ или выдѣляли новое семейство и новопоселенцы. Въ послѣднее же время съ особенною настойчивостью стали строить нарядомъ цѣлыя почти улицы на новыхъ линіяхъ и выселять туда жителей изъ старыхъ, насиженныхъ и обстроенныхъ усадьбъ; старыя, лежавшія не на линіи усадьбы, разорялись совершенно, со всѣми бывшими тамъ хозяйственными постройками, садами, огородами и пр. По новымъ планамъ, нѣкоторыя старыя усадьбы совершенно сметались съ лица земли, поступали подъ площади, улицы и разныя казенныя постройки. Иногда въ бывшихъ садахъ устраивались во время компаментовъ коновязи для цѣлыхъ эскадроновъ лошадей, а левады и хутора поселянъ также выводились и уничтожались. Это, повторяю, многихъ разорило въ хозяйствѣ. Распланировка лишила жителей многихъ хозяйственныхъ удобствъ и службъ, взамѣнъ чего давалась только красивая, веселая, но голая хата и на голой же линіи. Сады поселянъ, въ которыхъ въ 20-хъ годахъ, по разсказамъ сторожиловъ, почти утопала вся Ольшанка, были разорены, уничтожены, а взамѣнъ

ихъ явились, какъ я выше говорилъ, строго распланированныя аллейки, сельскіе парки, древесные питомники и пр., служившіе большею частью только веселой декораціей военныхъ поселеній. Всѣ сіи прихотливыя и хлопотливыя нѣмецкія затѣи были чужды духу нашихъ русскихъ хлѣбопашцевъ, лежали на нихъ тяжелымъ бременемъ и не отвѣчали насущной потребности народа. И потому то, какъ скоро упразднились военныя поселенія, многіе изъ жителей стали возвращаться опять на старыя усадьбы, застраивать ихъ и вновь разводить простые хозяйственные сады, которыхъ теперь несравненно больше, чѣмъ было въ поселеніи; плановые форменные дома стали перестраивать сейчасъ же, сообразно своимъ хозяйственнымъ удобствамъ: фронтонныя крыши вездѣ сломали и перестроили, ставни оконныя поснимали, тротуары разобрали, камень изъ нихъ вынули и употребили на болѣе полезное приложеніе, жженый кирпичъ изъ столбовъ и рѣшетчатыхъ заборовъ употребили на печи и трубы, шлагбаумы, будки, парки, аллеи—все это исчезло теперь.

Самымъ тяжкимъ и разорительнымъ бременемъ военныхъ поселянъ было урочное положеніе работъ, вводившееся съ военною точностію и неумолимою строгостію. Когда еще начальниками въ военныхъ поселеніяхъ были большею частію люди русскіе, вышедшіе изъ народа, или по крайней мѣрѣ близко стоявшіе къ народу, хорошо знакомые съ его жизнью и со всѣми ея условіями, то они хозяйство и порядки всѣ вели по русски, съ народомъ обращались человѣчнѣе, и хозяйства, какъ военныхъ поселеній вообще, такъ и частныхъ лицъ—поселянъ, шли тогда хорошо, и вообще въ поселеніи, по разсказамъ старожиловъ, все благоденствовало. Но когда поселеніе наводнили иностранцы и иновѣрцы, чуждые русской жизни и духу, желавшіе сдѣлать изъ русскаго нѣмца и все перестроить на внѣшній нѣмецкій ладъ, тогда всюду въ поселеніи выходило все для нѣмцевъ прекрасно, а для русскихъ ужасно. Почти всѣ высшіе и лучшіе посты начальниковъ въ поселеніи заняли нѣмцы и частію поляки. Герштенцвейги, Шварцы, Шмидты, Моллеры, Лауницы, Берги, Корфы, Филеборны, Миттерманы вездѣ почти красуются своими подписями на всѣхъ важнѣйшихъ циркулярахъ и распоряженіяхъ по поселеніямъ. Отъ нихъ происходила инициатива всѣхъ реформъ и нововведеній въ военномъ поселеніи,

которыя всѣ безапелляціонно вводились въ жизнь низшими властями съ полною военною субординаціею и математическою пунктуальностью. Сначала по высшей, вѣроятно нѣмецкой, иниціативѣ выбраны были здоровые, сильные работники изъ поселянъ и въ присутствіи избранной коммисіи поставлены на пробныя работы въ полѣ. Одни изъ нихъ въ присутствіи коммисіи должны были косить, другіе жать, третьи вязать, сѣно метать, наконецъ затѣмъ возить, молотить, вѣять и проч., и сколько было каждымъ такимъ рабочимъ въ присутствіи ихъ въ одинъ день сработано, это признано за норму для каждаго работника-поселянина. По этому образцу сдѣлана проба для оранки, посѣва, молотьбы, наконецъ, сколько здоровый рабочій скотъ можетъ поднять, перевезть тяжестей на возу и пр. Все это строго математически было опредѣлено, урегулировано, и отсюда вышло «урочное положеніе работъ» для поселянъ. Прежде поселяне обыкновенно работали три дня поселенію или казнѣ, а три дня себѣ; а теперь уже каждому давались для работъ, на основаніи урочнаго положенія, уроки. Уроки эти поселянинъ долженъ былъ выработать во сколько можетъ времени, но чисто и аккуратно. А такъ какъ уроки посильны были только для избранныхъ работниковъ, самыхъ сильныхъ и здоровыхъ, то и вышло, что большинство поселянъ заданныхъ имъ урочныхъ работъ выработать въ три дня были не въ состояніи, а работали четыре и больше. Тогда для собственныхъ работъ поселянину оставалось два или одинъ день въ недѣлю, а если приходилось ненастье или праздники, то, не сдѣлавъ ничего на собственной нивѣ, онъ долженъ былъ опять поступить въ нарядъ на урочныя поселенныя работы. Урочное положеніе не брало во вниманіе ни разности силъ рабочихъ, ни погоды, ни урожайности хлѣба, ничего. Всякую недоимку по урочнымъ работамъ приписывали нерадѣнію и лѣности поселянъ и строго взыскивали старымъ военнымъ способомъ—розгами. Кромѣ того, иному работнику приходилась нива чистая, легкая для работъ, а другому бурьяноватая, густая, тяжелая; иному выпадало время въ сухую погоду, другому въ сырую, когда опасно и убирать хлѣбъ, или въ вѣтряную, когда трудно бываетъ чисто и спѣшно убирать. А за всѣмъ этимъ слѣдило множество военныхъ начальниковъ контролеровъ, которые за всякую казавшуюся неисправность тутъ же сѣкли розгами; но многіе изъ нихъ, сказать къ слову, назначен-

ные изъ кавалерійскихъ полковъ гусаръ и уланъ въ послѣднее время, были недоросли-бѣлоручки, которые не только не умѣли управлять хозяйствомъ, но даже вовсе не понимали его, руководясь низшими вахмистрами, членами изъ поселянъ и пр. Если кто не успѣлъ отработать своего урока изъ-за погоды—сѣкутъ; если кто спѣшно работаетъ и не совсѣмъ чисто—сѣкутъ; если кто, вырабатывая свой урокъ, поспѣшилъ убрать часть зеленоватую, или сыроватую сѣкутъ; если кто отсталъ и допустилъ перестоять хлѣбъ, тоже сѣкутъ. Двѣсти-триста розогъ была заурядная порція, а то часто доходило до 500—600. Единолично, безапелляціонно наказывалъ такъ каждаго военнаго поселянина окружной начальникъ, волостной командиръ, завѣдующій селеніемъ и даже вахмистръ; а низшіе чины: карабинеры, десяточные, ефрейторы и даже избранные отъ поселянъ, такъ называемые члены, тѣ имѣли привиллегію прямо бить по зубамъ, и не одинъ еще и теперь есть изъ поселянъ, которые потеряли зубы отъ этихъ низшихъ экзекуторовъ. О послѣднихъ волостныхъ командирахъ, С—мъ и З—чѣ разсказываютъ поселяне, что они разъѣзжали по полямъ во время лѣтнихъ работъ съ дюжимъ кучеромъ, вооруженнымъ нарочитымъ арапникомъ, и тутъ же, на нивѣ, при замѣченной неисправности или при казавшейся только, кучеръ слѣзалъ съ козелъ и, по приказанію волостного, тѣмъ же арапникомъ, что сейчасъ стегалъ четверку лошадей, отсчитывалъ на трудовой спинѣ безотвѣтнаго поселянина не одну сотню. Нечего говорить о томъ, что собственныя хозяйства поселянъ разстраивались и стали приходить въ упадокъ; но и тутъ, при упущеніяхъ и не успѣхѣ въ своихъ работахъ, нужно было тоже отвѣчать предъ военнымъ начальствомъ, и отвѣчать также спиной. Это наводило паническій страхъ на всѣхъ поселянъ и заставляло ежедневно трепетать за свою кожу. Многіе, какъ разсказываютъ старожилы теперь, слабосильные работники въ зимнюю пору, когда дни уже малы, чтобы выработать урокъ и не быть наказанными, выходили на молотьбу на казенный токъ часа за два до свѣта и оставляли работу уже въ позднюю вечерю. Такъ же изнуряли себя поселяне собственными спѣшными и непосильными работами, отчего умалялась рабочая сила въ поселеніи и поселяне ослабѣвали духомъ и тѣломъ.

При упадкѣ рабочей силы людей и скота, опека военнаго начальства надъ поселянами еще болѣе усилилась. Поселянинъ не имѣлъ права продать своихъ воловъ или лошадей безъ дозволенія начальства, не могъ отлучиться изъ села, выѣхать на ярмарку, наняться въ работники, продать домъ, перестроить его, даже жениться или женить дѣтей безъ дозволенія и разрѣшенія военнаго начальствз. Военное начальство требовало отъ поселянина, чтобы у него самого былъ посѣвъ, чтобы были убраны хлѣбъ и сѣно, чтобы былъ въ порядкѣ домъ и дворъ, чтобы былъ въ порядкѣ плугъ, возъ, упряжь и все прочее, а за неисправности и упущенія сѣкли. Контроль надъ работами поселянъ до того развился, что ежемѣсячно и даже черезъ каждыя двѣ недѣли собирались свѣдѣнія и представлялись по инстанціямъ многочисленныя срочныя вѣдомости о произведенной оранкѣ, о сдѣланныхъ посѣвахъ, о ходѣ строительныхъ работъ, о прибыли и убыли населенія и рабочихъ силъ, о благосостояніи поселеній, о заболѣвшихъ и выздоровѣвшихъ, объ отлучившихся по билетамъ, о проѣхавшихъ чрезъ селеніе служащихъ и т. д. Помнится мнѣ, что въ послѣднее время начальство военно-поселенное, озабоченное тѣмъ, чтобы поселяне не теряли рабочаго времени пріѣздомъ съ поля на праздникъ домой, сдѣлало распоряженіе, чтобы приходское духовенство въ страдную пору выѣзжало въ воскресные дни на поле и тамъ служило бы обѣдницу для рабочаго люда. Къ этому распоряженію критически отнеслось все духовенство, и не знаю, было ли оно введено на практикѣ въ другихъ селахъ, знаю только, что въ Ольшанкѣ оно не практиковалось.

Такимъ образомъ, окруженные со всѣхъ сторонъ неотступнымъ контролемъ и преслѣдуемые во всемъ строгою опекою военнаго начальства поселяне работали много и тяжко, выбивались изъ силъ и потому то въ военныхъ поселеніяхъ вездѣ и во всемъ царилъ внѣшній порядокъ, изысканная чистота, благоустройство и благоденствіе, а во внутренней жизни ихъ тяготы, тѣсноты и велія скорби. Не съ радостью работали военные поселяне на своихъ даровыхъ земляхъ, но глубоко тяжко воздыхающе ко Господу. Ему возвѣщали печали своя и отъ Него Единаго ждали помощи, неся свой крестъ безропотно и съ полнымъ терпѣніемъ. При всѣхъ бывшихъ смотрахъ въ военномъ поселеніи высшихъ лицъ, военно-

поселяне на вопросы ревизоровъ объ обидахъ, страха ради, отвѣчали обыкновенно выраженіемъ довольства всѣми порядками и благодарности начальству. Только въ храмахъ Божіихъ, передъ лицемъ всевидящаго Господа и передъ своими духовными отцами они искренно изливали свое горе и накипѣвшія слезы. Вообще военно-поселяне почему-то своимъ небеснымъ патрономъ считали св. Іоанна Воина и къ нему особенно часто прибѣгали; при исходѣ же военныхъ поселеній, вездѣ и всегда, сколько помню изъ разсказовъ священниковъ, заказывали въ церквахъ молебны преимущественно св. Іоанну Воину и его имени сооружали образа.

И услышалъ Господь молитвы тяжко труждающихся и обремененныхъ и послалъ имъ нуждающую и скорую помощь. Сердце царево въ руцѣ Божіей, говоритъ священное писаніе. И дѣйствительно, не смотря на внѣшній блескъ и благоденствіе военныхъ поселеній, не смотря на постоянныя ревизіи и донесенія о благосостояніи поселянъ, государь императоръ блаженныя памяти Александръ Освободитель, вскорѣ по восшествіи на престолъ, а именно 4 іюня 1857 года, освободилъ первыми военныхъ поселянъ.

МУЗЫКАНТЪ.

(*Повѣсть Т. Гр. Шевченка*).

ЧАСТЬ I.

Если вы, благосклонный читатель, любитель отечественной старины, то, проѣзжая городъ П., п—ой губ., совѣтую вамъ остановиться на сутки въ этомъ городѣ, а если это случится не осенью и не зимою, то можно остаться и на двое сутокъ и во-первыхъ познакомиться съ отцемъ протоіереемъ Иліею Б., а во-вторыхъ посѣтить съ нимъ-же, отцемъ Иліею, полуразрушенный монастырь Г., по ту сторону рѣки Удая, верстахъ въ трехъ отъ г. П. Могу васъ увѣрить, что раскаиваться не будете. Это настоящее Сенклерское аббатство. Тутъ все есть: и каналъ глубокій и широкій, когда-то наполнявшійся водою изъ тихаго Удая, и валъ, и на валу высокая каменная зубчатая стѣна со внутренними ходами и бойницами, и безконечные склепы или подземелья, и надгробныя плиты, вросшія въ землю, между огромными суховерхими дубами, быть можетъ, самимъ ктикторомъ насажденными. Словомъ, все есть, что нужно для самой полной романической картины, разумѣется, подъ перомъ какого-нибудь Скотта Вальтера или ему подобнаго списателя природы. А я... по причинѣ нищеты моего воображенія (откровенно говоря), не беруся за такое дѣло, да у меня, признаться, и рѣчь не къ тому идетъ. А то я только такъ, для полноты разсказа, заговорилъ о развалинахъ Самойловичева памятника.

Я, изволите видѣть, по порученію кіевской археографической коммиссіи, посѣтилъ эти полуразвалины и, разумѣется, съ помощію почтеннѣйшаго отца Иліи, узналъ, что монастырь воздвигнутъ кош-

томъ и працею несчастнаго гетмана Самойловича въ 1674 году, о чемъ свидѣтельствуетъ портретъ его, яко ктитора, написанный на стѣнѣ внутри главной церкви.

Узнавши все это и нарисовавши, какъ умѣлъ, главныя или святыя ворота, да церковь о пяти главахъ Петра и Павла, да еще трапезу и церковь, гдѣ погребенъ вѣчныя памяти достойный князь Николай Григорьевичъ Репнинъ, да еще уцѣлѣвшій циклопическій братскій очагъ, сдѣлавши, говорю, все это, какъ умѣлъ, я на другой день хотѣлъ было оставить городъ П. и отправиться въ Л. посмотрѣть на монастырь, воздвигнутый набожною матерью Ереміи Вишневецкаго Корибута. Сложилъ было уже всю свою мизерію въ чемоданъ и хотѣлъ фактора Лейбу послать за лошадьми на почтовую станцію, только входитъ мой хозяинъ въ комнату и говоритъ:

— И не думайте, и не гадайте; вы только посмотрите, что на улицѣ творится.

Я посмотрѣлъ въ окно, и дѣйствительно вдоль грязной улицы тянулося двѣ четырехмѣстныя кареты, нѣсколько колясокъ, бричекъ, вагоновъ разной величины и наконецъ простыя телѣги.

— Что все это значитъ? спросилъ я своего хозяина.

— А это значитъ то, что одинъ изъ потомковъ славнаго п—аго полковника, современника Мазепы, завтра имянинникъ.

Хозяинъ мой, нужно замѣтить, былъ уѣздный преподаватель русской исторіи и любилъ щегольнуть своими познаніями, особенно передъ нашимъ братомъ—ученымъ.

— Такъ неужели весь этотъ транспортъ тянется къ имяниннику?

— Э! это только начало, а посмотрите, что будетъ къ вечеру: въ городѣ тѣсно будетъ.

— Прекрасно. Да какое-же мнѣ дѣло до вашего имянинника?

— А такое дѣло. что мы съ вами возьмемъ добрыхъ тройку коней, да и покатимъ чуть свѣтъ въ Д.

— Въ какіе Д.?

— Да просто къ имяниннику.

— Я вѣдь съ нимъ не знакомъ!

— Такъ познакомитесь.

Я призадумался.—А что въ самомъ дѣлѣ, не махнуть-ли по праву разыскателя древностей полюбоваться на сельскія импрови-

зированныя забавы? Это будетъ что-то новое. Рѣшено!... И мы на другой день поѣхали въ гости.

Начать съ того, что мы сбились съ дороги не потому, что было еще темно, когда мы выѣхали изъ города, а потому, что возница (настоящій мой землякъ!), переѣхавши черезъ удайскую греблю, опустилъ возжи, а самъ призадумался о чемъ-то, а кони, не будучи глупы, и пошли транспортной дорогой, разумѣется, по привычкѣ. Вотъ мы и пріѣхали въ село И.; спрашиваемъ у перваго встрѣтившагося мужика, какъ намъ проѣхать въ Д.

— Въ Д., говоритъ мужикъ... А просто берите на П.

— Какъ на П.? Вѣдь мы ѣдемъ съ П.

— Такъ не треба було вамъ и ïздыть въ П., отвѣчалъ мужикъ совершенно равнодушно.

— Ну, какъ же намъ теперь проѣхать въ Д., чтобы не возвращаться въ П., а? спросилъ я.

— Позвольте, тутъ гдѣ-то недалеко есть село С., тоже потомка славнаго полковника. Не знаетъ-ли онъ этого села?

— А. С., земляче, знаешь? спросилъ я у мужика.

— Знаю! отвѣчалъ онъ.

— А Д. отъ С. далеко?

— Ба ни.

— Такъ ты покажи намъ дорогу на С., а тамъ ужъ мы найдемъ какъ-нибудь Д.

— Ходимъ за мною, проговорилъ мужикъ, и пошелъ по улицѣ впереди нашей удалой тройки.

Онъ повелъ насъ мимо старой деревянной одноглавой церкви и четырехъ-угольной бревенчатой колокольни, глядя на которую я вспомнилъ картину незабвеннаго моего Штернберга «Освященіе пасокъ» и мнѣ грустно стало. При имени Штернберга я многое и многое воспоминаю.

— Оце вамъ будо шляхъ просто на С., говорилъ мужикъ, показывая рукою на едва замѣтную дорожку, блестѣвшую между густой зеленой пшеницею.

Замѣчательно, что возница нашъ въ продолженіе всей дороги отъ П. до И. и во время разговора моего съ мужикомъ все молчалъ и только увидѣвъ изъ-за темной полосы лѣса крытый бѣлымъ желѣзомъ куполъ, проговорилъ: вотъ вамъ и С.!, а потомъ опять

онѣмѣлъ. Это общая черта характера моихъ земляковъ. Землякъ мой, если что и впопадъ сдѣлаетъ, такъ не разговорится о своей удали, а если, Боже сохрани, опростофилится, тогда онъ дѣлается совершенной рыбой.

Въ С. мы узнали дорогу въ Д. и поѣхали себѣ съ Богомъ между зеленою пшеницею и житомъ.

Товарищу моему, кажется, не совсѣмъ нравилось такое путешествіе, тѣмъ болѣе, что онъ имѣлъ претензію на щеголя (а надо вамъ замѣтить, мы были одѣты совершенно по бальному). Онъ, какъ и возница нашъ, тоже молчалъ и не проговорилъ даже: а вотъ и С., такъ былъ озлобленъ пылью и прочими дорожными неудачами. Я же, не смотря на фракъ и прочія принадлежности, былъ совершенно спокоенъ и даже счастливъ, глядя на необозримыя пространства, засѣянныя житомъ и пшеницею. Правда, и въ мое сердце прокрадывалась грусть, но грусть иного рода. Я думалъ и у Бога спрашивалъ: Господи, для кого это поле засѣяно и зеленѣетъ? Хотѣлъ было сообщить мой грустный вопросъ товарищу, но, подумавши, не сообщилъ. Когда-бы не этотъ проклятый вопросъ, такъ не кстати родившійся въ моей душѣ, я былъ бы совершенно счастливъ, купаясь, такъ сказать, въ тихо-зыблемомъ морѣ свѣжей зелени. Чѣмъ ближе подвигались мы къ балу, тѣмъ грустнѣе и грустнѣе мнѣ дѣлалось, такъ что я готовъ былъ поворотить, какъ говорится, оглобли назадъ. Глядя на оборванныхъ крестьянъ, попадавшихся намъ на встрѣчу, мнѣ представлялся этотъ балъ какимъ-то нечеловѣческимъ весельемъ.

Такъ-ли, сякъ-ли, мы наконецъ добрались до нашей цѣли уже передъ закатомъ солнца. Не описываю вамъ ни великолѣпныхъ дубовъ, насажденныхъ прадѣдами, составляющихъ лѣсъ, освѣщенный заходящимъ солнцемъ, среди котораго высится бельведеръ съ куполомъ огромнаго барскаго дома, ни той широкой и величественной просѣки или аллеи, ведущей къ дому, ни огромнаго села, загроможденнаго экипажами, лошадьми, лакеями и кучерами; не описываю потому, что насъ встрѣтила передъ нашимъ въѣздомъ въ аллею безконечная кавалькада амазонокъ и амазоновъ и совершенно сбила меня съ толку; но товарищъ мой не оробѣлъ: онъ ловко выскочилъ изъ телѣги и хватски раскланивался со всею кавалькадою, изъ чего я заключилъ, что онъ порядочный шутникъ. По ми-

нованіи амазонокъ, амазоновъ и наконецъ грумовъ или жокеевъ, я тоже вылѣзъ изъ телѣги, расплатился съ нашимъ возницею и на вопросъ его: дежъ я буду ночувать? сказалъ: въ зеленій діброви, земляче, послѣ чего онъ посвисталъ и поѣхалъ въ село, а мы скромно пошли вдоль великолѣпной аллеи къ барскому дому. Но чтобы придать себѣ физіономію, хоть сколько-нибудь похожую на джентельменовъ, зашли мы въ такъ называемый холостой флигель, отстоящій не далеко отъ главнаго зданія, гдѣ встрѣтили насъ джентельмены самаго неблагопристойнаго содержанія. Обыкновенно бываетъ, что люди, послѣ немалосложнаго обѣда и не шуточной выпивки, предаются сновидѣніямъ, а у нихъ какъ-то вышло это напротивъ. Они скакали, кричали и чортъ знаетъ что выдѣлывали, и всѣ, разумѣется, въ шотландскихъ костюмахъ. Цинизмъ, чтобы не сказать мерзость, и больше ничего! Виргилій мой добился кое-какъ умывальника съ водой и лоханки, и мы, въ корридорѣ умывши свои лики и согнавши пыль съ фраковъ, посредствомъ вытряхиванія, отправились въ садъ, въ надеждѣ встрѣтиться съ хозяевами.

Надежда насъ не обманула. Мы вошли сначала въ домъ и, пройдя двѣ залы, очутились на террасѣ, уставленной роскошнѣйшими цвѣтами. Спустившись съ террасы и пройдя дорожкой, тщательно пескомъ усыпанной, черезъ зеленую площадь (изъ патріотизма называемую левадою), вошли мы въ садъ, къ немалому моему удивленію, не въ англійскій и не въ французскій садъ, а въ простой естественный дубовый лѣсъ или въ дубраву. И, если-бы не желтыя дорожки блестѣли между старыми, темными дубами, то я совершенно забылъ-бы, что нахожусь въ барскомъ саду, а не въ какой-нибудь заповѣдной дубравѣ. Виргилій мой повелъ меня къ высокому, раскидистому, огромному дубу и показалъ мнѣ на стволѣ его небольшое отверстіе въ родѣ маленькаго окошечка, сказавши: «посмотрите въ это оконце»! Я посмотрѣлъ и, разумѣется, ничего не увидѣлъ.—«Посмотрите пристальнѣе»! Я посмотрѣлъ пристальнѣе и увидѣлъ что-то въ родѣ иконы Божіей Матери. И, дѣйствительно, это была икона Иржавецкой Божіей Матери (такъ мнѣ пояснилъ мой Виргилій), врѣзанная въ этотъ дубъ знаменитымъ п—скимъ полковникомъ, годъ спустя послѣ полтавской битвы.

Слушая поясненія сего историческаго факта, я не замѣтилъ, какъ мы вышли опять на леваду, гдѣ и встрѣтили хозяина и хозяйку, окруженныхъ толпою улыбающихся гостей своихъ.

Виргилій мой, довольно ловко для уѣзднаго преподавателя, расшаркнулся передъ хозяиномъ и хозяйкою, причемъ хозяинъ протянулъ ему покровительственно указательный палецъ лѣвой руки, украшенный дорогимъ перстнемъ. Виргилій мой съ подобострастіемъ схватилъ его палецъ обѣими руками и рекомендовалъ меня, какъ своего друга и ученаго собрата. Я въ свою очередь тоже расшаркнулся, надо сказать правду, довольно по ученому, то есть по медвѣжьи, послѣ чего толпа гостей увеличилась двумя членами.

Не описываю вамъ ни хозяйки, ни хозяина, потому что во время нашей аудіенціи на дворѣ было почти темно, слѣдовательно, подробностей разсмотрѣть было не возможно. А какъ ни будь хороша картина въ цѣломъ, но если художникъ пренебрегъ подробностями, то картина его останется только эскизомъ, на который истинный знатокъ и любитель посмотритъ и только головой покачаетъ и отойдетъ со вздохомъ къ портретамъ Зорянки—восхищаться гербами, съ убійственною подробностію изображенными на пуговицахъ какого нибудь вицъ-мундира.

Во избѣжаніе помаванія главы знатока и любителя оконченныхъ картинъ, я ограничусь только первымъ впечатлѣніемъ, что, по мнѣнію психологовъ, самая важная черта при изображеніи характеровъ.

Первое впечатлѣніе, произведенное на меня хозяйкою, было самое пріятное впечатлѣніе, а хозяиномъ—напротивъ. Но это, быть можетъ, указательный палецъ лѣвой руки, такъ благосклонно протянутый моему пріятелю, былъ причиною непріятнаго впечатлѣнія. Веселая толпа гостей тихонько двигалась къ дому, уже освѣщенному ярко внутри, а на террасѣ между роскошными цвѣтами и лимонными деревьями только еще разноцвѣтные фонари развѣшивали.

Лишь только хозяинъ съ хозяйкою вступили на террасу, какъ крѣпостной оркестръ грянулъ знаменитый маршъ изъ Вильгельма Теля. Послѣ марша сейчасъ, не переводя духу, полонезъ,—и балъ начался во всемъ своемъ величіи.

Нѣкій ученый мужъ, кажется, баронъ Боде, поѣхалъ изъ Тегерана къ развалинамъ Персеполиса и описалъ довольно тщательно свое путешествіе до самой долины Мардамтъ; увидѣвши же величественныя руины Персеполиса, сказалъ: «такъ какъ многіе путе-

шественники описывали сіи знаменитыя развалины, то мнѣ здѣсь совершенно нечего дѣлать». Я то же могу сказать, глядя на провинціальный балъ, хотя мое путешествіе не имѣло цѣли описанія провинціальнаго бала и не было сопряжено съ такими трудностями, какъ путешествіе изъ Тегерана къ развалинамъ Персеполиса, да и сравненіе, надо правду сказать, я дѣлаю самое неестественное; но что дѣлать,—что подъ руку попалось, то и валяй.

Любую повѣсть прочтите современной нашей изящной словесности, вездѣ вы встрѣтите описаніе, если не столичнаго, то ужъ непремѣнно провинціальнаго бала и, разумѣется, съ разными прибавленіями на счетъ нарядовъ, ухватокъ или манеръ и даже самыхъ физіономій, какъ будто природа для провинціальныхъ львицъ и львовъ особенныя формы дѣлала. Вздоръ! Формы однѣ и тѣже, и ежели есть между ними разница, такъ это только та, что провинціальные львы и львицы несомнѣнно ручнѣе столичныхъ, чего, сколько мнѣ извѣстно, описатели провинціальныхъ баловъ не замѣтили. Слѣдовательно, всѣ балы описаны, начиная отъ бала на «Фрегатѣ Надежда» до русской пирушки на нѣмецкій ладъ, гдѣ устьсысольскіе ребята немножко пошалили. И въ отношеніи провинціальнаго бала я могу сказать смѣло, что мнѣ совершенно нечего дѣлать, какъ только любоваться свѣжими, здоровыми лицами провинціальныхъ красавицъ.

Одно меня немного озадачило на этомъ балѣ, именно то, что не видно было ни одного мундира, несмотря на то, что въ п—омъ уѣздѣ квартировалъ стрѣлковый баталіонъ. Не постигая сей причины, я обратился къ моему Виргилію; а Виргилій мой въ эту самую секунду выдѣлывалъ въ кадрили *па* самымъ классическимъ образомъ. Я терпѣливо ожидалъ конца послѣдней фигуры кадрили, а между тѣмъ разгадывалъ вопросъ предположеніями. Можетъ быть, думалъ я, они тово?.. Но нѣтъ, эта профессія принадлежитъ болѣе гусарамъ и вообще кавалеріи, а вѣдь они пѣхотинцы, да еще съ ученымъ Кантомъ. Нѣтъ, тутъ что-нибудь да не такъ!

Въ эту минуту кадриль кончилась и вспотѣвшій мой Виргилій подошелъ ко мнѣ.

— А, каково пляшемъ? проговорилъ онъ, утираясь.

— Ничего, изрядно, отвѣчалъ я разсѣянно.

— А вотъ что, сказалъ я ему почти шепотомъ: отъ чего это военныхъ нѣтъ на балѣ?

— Ихъ почти нигдѣ не принимаютъ, тѣмъ болѣе въ такомъ домѣ, какъ домъ нашего Амфитріона.

— Странно, подумалъ я и, подумавши, спросилъ:

— А барышни ничего?

— Совершенно ничего!

Въ это время заиграли вальсъ и менторъ мой завертѣлся съ какой-то аппетитной брюнеткой. А я, протолкавшись кое-какъ между зрителей и зрительницъ, т. е. между горничныхъ и лакеевъ, столпившихся у растворенныхъ дверей, вышелъ на террасу и думалъ о томъ, какъ

«Мы подвигаемся замѣтно»...

. . . .

Балъ былъ увѣнчанъ самымъ роскошнымъ ужиномъ и не спрыснутъ, не запитъ, а буквально былъ залитъ шампанскимъ всѣхъ наименованій. Меня просто ужаснула такая роскошь.

Послѣ ужина Амфитріонъ предложилъ гроссъ-фатера, что и было принято съ восторгомъ счастливыми гостями.

Гроссъ-фатеръ начался и продолжался со всей деревенской простотою до самаго восхода солнца.

Красавицы, особенно красавицы въ родѣ героинь покойнаго Бальзака, т. е. красавицы не первой свѣжести, не совѣтую вамъ танцовать до восхода солнечнаго! Власть, удержанная при свѣтѣ свѣчей надъ нашимъ бѣднымъ сердцемъ, распадается при свѣтѣ солнца и обаяніе, навѣянное вами въ продолженіе ночи, смѣняется какимъ-то горько-непріятнымъ чувствомъ, похожимъ на пресыщеніе. Но вы, алчныя пожирательницы бѣдныхъ сердецъ нашихъ, въ торжествѣ своемъ и не замѣчаете, какъ близится день и могущество ваше исчезаетъ, какъ прозрачный туманъ, разостлавшійся надъ болотомъ.

Такъ думалъ я, оставляя веселый, непринужденный гроссъ-фатеръ и пробираясь между дубами къ нашему лагерю (гости не помѣщались въ зданіяхъ; разбивалось нѣсколько палатокъ въ концѣ сада, что и означало лагерь, или, ближе, цыганскій таборъ). При-

ближаясь къ палаткамъ, блестѣвшимъ на темной зелени, я, къ немалому моему удивленію, услышалъ пѣсни и хохотъ въ одной палаткѣ. То были друзья-собутыльники, предпочитавшіе мірскую суету уединенію, нельзя сказать совершенному. Я кое-какъ пробрался въ свою палатку, наскоро перемѣнилъ фракъ на блузу и скрылся въ кустахъ орѣшника.

Я не зналъ, что къ саду примыкаетъ прудъ, и мнѣ показалось страннымъ, когда густыя, темныя вѣтви орѣшника стали рисоваться на бѣломъ фонѣ. Я вышелъ на полянку, и мнѣ во всей красѣ своей представилось озеро, осѣненное старыми берестами или вязами и живописнѣйшими вербами. Чудная картина!—вода не шелохнется,—совершенное зеркало, и вербы-красавицы какъ-бы подошли къ нему группами полюбоваться своими роскошными широкими вѣтвями. Долго я стоялъ на одномъ мѣстѣ, очарованный этою дивною картиной. Мнѣ казалось святотатствомъ нарушить малѣйшимъ движеніемъ эту торжественную тишину святой красавицы-природы.

Подумавши, я рѣшился однакожъ на такое святотатство. Мнѣ пришло въ голову, что не дурно-бы было окунуться раза два три въ этомъ волшебномъ озерѣ, что я тотчасъ-же и исполнилъ.

Послѣ купанья мнѣ такъ стало легко и отрадно, что я вдвойнѣ почувствовалъ прелесть пейзажа и рѣшился имъ вполнѣ насладиться. Для этого я усѣлся подъ развѣсистымъ вязомъ и предался сладкому созерцанію очаровательной природы.

Созерцаніе однакожъ не долго длилось. Я прислонился къ簡 бересту и безмятежно уснулъ. Во снѣ повторилась таже самая отрадная картина, съ прибавленіемъ бала, и только странно—вмѣсто обыкновеннаго вальса, я видѣлъ во снѣ извѣстную картину Гольбейна «Танецъ смерти».

Видѣнія мои были прерваны пронзительнымъ женскимъ хохотомъ. Раскрывши глаза, я увидѣлъ рѣзвую стаю нимфъ, плескавшихся и визжавшихъ въ водѣ, и мнѣ волей-неволей пришлось разыграть роль нескромнаго Антiона-пастуха. Я однакоже вскорѣ овладѣлъ собою и ползкомъ скрылся въ кустарникахъ орѣшника.

Въ одинадцать часовъ утра посредствомъ колокола сказано было холостымъ гостямъ, что чай готовъ (женатые гости наслаждались имъ въ своихъ нумерахъ). На сей отрадный благовѣстъ гости потянулись изъ своихъ уединенныхъ пріютовъ къ велико-

лѣпной террасѣ, украшенной столами съ чайными приборами и нѣсколькими пузатыми самоварами и кофейниками. Не успѣлъ я кончить вторую чашку свѣтло-коричневаго сиропа со сливками, какъ грянулъ вальсъ и въ открытыя двери въ залѣ я увидѣлъ вертящихся нѣсколько паръ. Когда-жъ они навертятся! подумалъ я и, сходя съ террассы, встрѣтилъ своего Просперо, который сообщилъ мнѣ по секрету, что сегодняшній вечеръ начнется концертомъ, чему я не мало обрадовался, хотя, правду сказать, многаго и не ожидалъ. Я однако-же ошибся.

Вскорѣ послѣ вечерней прогулки гости собрались кто въ чемъ попало, т. е. кто въ сюртукѣ, кто въ пальто, а кто держался хорошаго тона или корчилъ изъ себя англомана, такіе пришли во фракахъ; а о костюмахъ нѣжнаго пола и говорить нечего. Это уже всему міру извѣстно, что ни одна женщина, въ какой-бы степени ни была она красавица, не задумается разъ двадцать въ сутки перемѣнить свой костюмъ, если имѣетъ въ виду встрѣтить толпу, хотя-бы даже уродовъ, только не своей породы. Прошу не погнѣваться, мои милыя читательницы,—это не выдумка, а неопровержимый фактъ.

Гости собрались и заняли свои мѣста, разумѣется, съ нѣкоторой сортировкой; что покрупнѣе, выдвинулось впередъ, а мелочь (въ томъ числѣ и насъ, Господи, устрой) помѣстилась въ кіоскахъ, въ потьмахъ, между колоннами. Когда все пришло въ порядокъ, явился на подмосткахъ, въ родѣ сцены, вольноотпущенный капельмейстеръ довольно объемистой стати и самой лакейской физіономіи.

— Ученикъ знаменитаго Шпора! кто-то шепнулъ возлѣ меня.

Еще мигъ,—и грянула «Буря» Мендельсона и, правду сказать, грянула и продолжала гремѣть удачно. Меня задѣлъ не на шутку віолончель. Віолончелистъ сидѣлъ ближе другихъ музыкантовъ къ авансценѣ, какъ-бы на показъ (что дѣйствительно и было такъ). Это былъ молодой человѣкъ, блѣдный и худощавый,—все, что я могъ замѣтить изъ-за віолончели. Соло свои онъ исполнялъ съ такимъ чувствомъ и мастерствомъ, что хотя-бы самому Серве такъ въ пору. Меня удивило одно,—отчего ему не аплодируютъ. Самому же мнѣ начинать было неприлично. Что я за судья, да и что я за гость такой?—Богъ знаетъ что и Богъ знаетъ откуда! Что скажутъ гости перваго разбора!

Между тѣмъ «Буря» кончилась и я услышалъ произносимыя въ полголоса похвалы артисту такого рода: «ай-да Тарасъ! ай-да молодецъ! Не даромъ побывалъ въ Италіи»!

Пока оркестръ строился, я успѣлъ узнать отъ сосѣда кое-что о заинтересовавшемъ меня артистѣ. Началась увертюра изъ «Преціозы» Вебера, и я, къ удивленію моему, увидѣлъ віолончелиста со скрипкою въ рукахъ, почти рядомъ съ капельмейстеромъ, и теперь я его могъ лучше разсмотрѣть.

Это былъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати съ небольшимъ, стройный и граціозный, съ черными оживленными глазами, съ тонкими, едва улыбающимися, губами, высокимъ блѣднымъ лбомъ. Словомъ, это былъ джентельменъ первой породы и, вдобавокъ, самой симпатической породы.

Когда онъ исполнилъ арію Преціозы, я не утерпѣлъ,—закричалъ «браво»! и изо всей мочи сталъ аплодировать. Всѣ посмотрѣли на меня, разумѣется какъ на сумасшедшаго. Я однако-жъ не струсилъ и продолжалъ хлопать и кричать «браво!», пока наконецъ воловьи глаза самаго хозяина не заставили меня опомниться.

Оркестръ снова строился, но я, не ожидая услышать что-нибудь лучшее, вышелъ изъ залы въ садъ. Ночь была лунная, теплая и спокойная. Я бродилъ около дому недалеко и до меня долетали изъ хаоса звуковъ чудные звуки віолончеля или скрипки. Образъ грустнаго артиста, съ его меланхолическою улыбкою, носился, какъ бы живой, передо мною. Гдѣ я его видѣлъ? Гдѣ я съ нимъ встрѣчался? спрашивалъ я самъ себя и, послѣ долгаго напряженія памяти, я вспомнилъ, что я видѣлъ его во время обѣда, съ рукой, обернутой салфеткой, за стуломъ самого хозяина.

Мнѣ сдѣлалось почти дурно послѣ такого открытія.

Музыка затихла, и я пошелъ черезъ леваду по дорожкѣ къ старосвѣтскимъ таинственнымъ дубамъ. Пройдя не много, я услышалъ тихій шорохъ шаговъ за собою, оглянулся и узналъ преслѣдующаго меня віолончелиста. Я обратился было къ нему съ вопросомъ, но онъ предупредилъ меня, схвативъ мои руки, и со слезами прижалъ ихъ къ губамъ своимъ.

— Что вы, что вы? что съ вами сдѣлалось? спрашивалъ я его, стараясь освободить руки.

— Благодарю васъ, благодарю! говорилъ онъ шопотомъ. Вы, вы одинъ, единственный человѣкъ, который слушалъ меня и понялъ меня!

Онъ не могъ продолжать за слезами. Я молча взялъ его подъ руку и привелъ къ дерновой скамейкѣ, устроенной вокругъ столѣтняго развѣсистаго дуба.

Долго мы сидѣли молча, наконецъ онъ заговорилъ:

— Вы со мною очень милостивы!

Въ это время раздался голосъ, называвшій его по имени.

— Идите въ виноградную бесѣдку, сказалъ онъ, вставая.—Я сію минуту прійду къ вамъ.

И онъ поспѣшно удалился.

Глядя въ слѣдъ ему, я думалъ: вотъ вдохновенный миннезингеръ XII вѣка. Какъ мы не далеко однако-жъ ушли отъ благородныхъ рыцарей, разбойниковъ того плачевнаго вѣка! А просвѣщеніе идетъ себѣ впередъ крупными шагами...

Я всталъ со скамьи и пошелъ по дорожкѣ, ведущей къ виноградной бесѣдкѣ. Не знаю почему, а я не надѣялся услышать отъ него его безотрадную повѣсть, какъ это обыкновенно бываетъ, и я, слава Богу, не совсѣмъ ошибся. Правда, онъ передо мною высказался даже болѣе, можетъ быть, нежели самъ хотѣлъ; но то не простой нашъ бѣдный языкъ, которымъ онъ заговорилъ со мною,—то были божественные звуки, въ которыхъ отразились стоны страдающаго, непорочнаго сердца.

Пришелъ онъ ко мнѣ въ бесѣдку съ віолончелью и, не сказавъ ни свова, началъ настраивать инструментъ и, въ родѣ пробы, какъ бы шутя, проигралъ знаменитую каватину изъ «Нормы». У меня духъ захватывало при этихъ звукахъ. Не отнимая смычка отъ струнъ, онъ заигралъ одну изъ задушевныхъ мазурокъ вдохновеннаго Шопена. Кончивши мазурку, онъ едва внятно проговорилъ: «вотъ у насъ свой балъ». Проигралъ онъ еще нѣсколько мазурокъ, одну другой лучше, одну другой задушевнѣе.

Къ концу послѣдней мазурки я замѣтилъ сквозь виноградные листья безмолвныя лица многочисленныхъ слушателей; то были горничныя, лакеи и форрейторы пріѣзжихъ господъ. Они оставили окна, въ которыя глазѣли на нѣмецкіе танцы вымуштрованныхъ господъ и госпожъ своихъ и пришли послушать, какъ Тарасъ играетъ.

Орфей мой, отдохнувъ немного и настроивъ свою лиру, повелъ медленно смычкомъ по струнамъ—и полилася полная сердечной сладкой грусти, моя родная мелодія на слова:

Котилися возы зъ горы,
А въ долыни стали.

Проигравши тему, онъ варьировалъ ее на тысячу ладовъ и такъ варьировалъ, что я ничего подобнаго въ жизнь мою не слыхалъ, да, кажется, и не услышу никогда. Слушатели вокругъ бесѣдки въ продолженіе игры не пошевелились, и, когда онъ кончилъ свои чудныя варіаціи, слушатели долго еще слушали, не переводя духа, разразились наконецъ общимъ вздохомъ и снова замолчали.

Я молча взялъ его за руки и знакомъ просилъ его выйти изъ бесѣдки. Мы вышли и долго молча ходили по дорожкѣ, какъ-бы боясь заговорить. Наконецъ я, овладѣвши собой, спросилъ его:

— Гдѣ вы учились?

— Сначала дома.

— А потомъ?

— А потомъ баринъ съ барыней ѣздили за границу и меня съ собою брали, и, пока они жили въ Берлинѣ, я ходилъ нѣсколько разъ къ Шпору и больше нигдѣ не учился.

— Да вѣдь Шпоръ игралъ на скрипкѣ?

— Я на скрипкѣ у него и учился; скрипка и есть мой настоящій инструментъ, а віолончель это уже такъ.

— Что-же вы намѣрены теперь съ собою дѣлать? Вѣдь вы настоящій, великій артистъ!

— А что мнѣ съ собою дѣлать? Повѣситься, ничего больше.— Правду сказать, я и самъ не могъ ему ничего лучшаго предсказать.

— Прошедшаго лѣта, заговорилъ онъ, пріѣзжалъ къ намъ изъ Качановки Глинка, слушалъ мою игру на скрипкѣ и на віолончели, хвалилъ меня и просилъ барина, чтобы отпустилъ меня на волю. Они обѣщали ему, но тѣмъ, кажется, и кончилось.

— Не унывайте, молитесь Богу! Дастъ Богъ, все устроится.

— Я не отчаяваюсь. Михайло Ивановичъ, кажется, доброй такой; на него можно надѣяться.

— Совершенно можно, если только онъ про васъ не забылъ. Напишите вы ему письмо.

— Написать-то я напишу, да какъ-же я перешлю его? Вѣдь я адреса не знаю.

— Я знаю, и вы передайте письмо мнѣ. Напишите письмо сегодня, а я завтра буду въ городѣ и подамъ его на почту.

Въ это время мы подошли къ бесѣдкѣ и онъ спросилъ меня, наклонясь къ віолончели.

— Не сыграть-ли вамъ еще что-нибудь?

— Весьма вамъ благодаренъ. Вы устали, отдохните немного и приготовьте къ завтрему письмо.

И мы разстались.

Послѣ ужина (передъ восходомъ солнца), раскланявшись съ съ хозяиномъ и хозяйкой, я, не заходя въ таборъ, пошелъ въ село нанять лошадь съ телѣгою для совершенія обратнаго путешествія до города или хоть до почтовой станціи. Но, увы! во всемъ огромномъ селѣ ни лошади, ни телѣги не оказалось. Нечего сказать, мужики зажиточные! Пьяницы, я думаю, да лѣнтяи по большей части, а то какъ-бы не найтись во всемъ селѣ одной лошади съ телѣгою!.. Удивительный народъ наши мужики! Не припугни его, такъ ничего и не будетъ. А васъ однако-жъ, какъ видно, черезчуръ припугнули, подумалъ я, глядя на обнаженное село.

Дѣлать нечего, отправился я къ жиду въ корчму и нанялъ у него, разумѣется, за жидовскую цѣну, клячу на пять верстъ до какой-то фермы. А тамъ, увѣрялъ меня жидъ, хоть четверку можно нанять до самой П.

Съ помощію услужливаго Тараса Ѳедоровича (віолончелиста) мы уложили кое-какъ свою мизерію и выѣхали изъ села по дорогѣ въ П.

— Скажите мнѣ, что это такое за ферма, на которую онъ насъ теперь везетъ? спросилъ я у своего полусоннаго ментора.

— Ферма—это хуторъ Антона Карловича. Прекраснѣйшіе люди, т. е. онъ и Варвара Яковлевна! Прекраснѣйшіе люди! Заѣдемъ, непремѣнно заѣдемъ! Я уже ихъ давно не видалъ.

— Пожалуй, заѣдемъ. Мнѣ теперь за одно ужъ гулять-то, пока не выберусь на почтовую дорогу.

— Не будете жалѣть. Антонъ Карловичъ презамѣчательный человѣкъ. Онъ, изволите видѣть, началъ и кончилъ свою службу во флотѣ лѣкаремъ, путешествовалъ раза два вокругъ свѣта, оставилъ

службу и получаетъ себѣ полный пенсіонъ. Да теперь приватно занимаетъ мѣсто домашняго лѣкаря у нашего Амфитріона, а онъ ему вдобавокъ еще и хуторъ подарилъ со всѣми угодьями. Чего-жъ еще? Живи, да Бога хвали!

— И давно онъ уже живетъ здѣсь?

— Да будетъ лѣтъ около десяти съ небольшимъ.

— Что они семейные люди?

— Нѣтъ, только вдвоемъ. Правда, подъ ихъ непосредственнымъ надзоромъ воспитываются двѣ дочери помѣщика—премиленькія дѣти—и они-то, можно сказать, и замѣняютъ имъ настоящихъ дѣтей. Одной, я думаю, будетъ уже лѣтъ около шести, а другая годомъ меньше.

— Что-же ихъ не видно было на балѣ? Вѣдь онѣ, я думаю, уже качучу танцуютъ. А это, вы знаете, какое украшеніе бала.

— Нѣтъ. Я думаю, что онѣ качучи не танцуютъ, и, знаете, мать хочетъ ихъ воспитать въ совершенномъ уединеніи и послѣ выпустить на свѣтъ совершенно невинныхъ, какъ двухъ птенцовъ изъ подъ крылышка. Знаете, мнѣ эта идея чрезвычайно нравится, нравственно-философская и, можно сказать, поэтическая идея.— Какъ вы думаете?

— Дѣйствительно, поэтическая идея, но никакъ не больше. Я не подозрѣвалъ, однако-жъ, чтобы у Софьи Самойловны были дѣти. Она еще такъ свѣжа!...

— И прекрасна, прибавьте!

— Дѣйствительно, прекрасна.

Въ это время повстрѣчался намъ мужикъ и, снявши свой соломенный бриль, поклонился. И, когда мы проѣхали мимо его, то онъ все еще стоялъ съ открытой головой и смотрѣлъ на нашъ экипажъ и вѣроятно думалъ: чортъ ёго знае, що воно таке,—чи воно паны, чи воно жиды? — Паны, да еще изъ балу возвращающіеся.

Конечно, вы знаете лубочную картинку, изображающую, какъ жиды на шабашъ поспѣшаютъ. Много было общаго между этою картинкою и нашимъ экипажемъ, пожалуй и пассажирами. Какъ-же тутъ было мужику не остановиться и не полюбоваться такимъ величественнымъ поѣздомъ? А надо вамъ сказать, что пыль не скрывала нашего великолѣпія, потому что мы двигалися шагомъ и только

наши особы торчали изъ глубокой жидовской брички, а самъ хозяинъ шелъ пѣшкомъ, погоняя свою тощую клячу.

Нѣсколько разъ до меня долетали какія-то жидовскія слова, со вздохомъ произносимыя нашимъ возницею, и такъ часто повторялъ онъ одну и ту-же фразу, что я невольно ее затвердилъ и просилъ его перевести мнѣ ее, но онъ все не соглашался, увѣряя меня, что то были не хорошія слова.

— Такія крупныя, прибавилъ онъ, что объ нихъ и думать не хорошо, а не то, чтобы ихъ еще говорить.

Но я ему посулилъ гривну мѣди на водку, и онъ, посмотрѣвши на меня недовѣрчиво, сказалъ:

— Уни хушавке месъ; по вашему буде означать, что живой человѣкъ безъ денегъ, все равно, что мертвый.

Настоящая жидовская поговорка!

Вотъ мы и ѣдемъ себѣ тихонько по дорожкѣ между прекраснѣйшей зелени, освѣщенной утреннимъ солнцемъ. Роса уже немного подсохла и кузнечики начинали въ зеленомъ житѣ свой шопотъ, такой тихій, такой мелодическій шопотъ, что если-бы меня не укусила муха за носъ, то я непремѣнно-бы заснулъ. Согнавши проклятую муху, я невольно взглянулъ впередъ. Боже мой, да откуда-же все это взялося? Представьте себѣ, изъ зеленой гладкой поверхности, можно сказать, передъ самымъ носомъ, выглянули верхушки тополей, потомъ показались зеленыя маковки вербъ, потомъ цѣлый лѣсъ разстилался подъ горою, а за нимъ во всю долину раскинулося, какъ бѣлая скатерть, тихое свѣтлое озеро. Прекрасная, душу радующая, картина!

Я растолкалъ своего товарища и показалъ ему рукою на великолѣпный пейзажъ.

— Это ферма Антона Карловича. Мы тутъ встанемъ и пойдемъ черезъ рощу пѣшкомъ, а онъ пусть остановится около шинка подъ горою.

Сдѣлавши наставленіе жиду, мы пошли къ рощѣ; но въ рощу мы не такъ легко попали, какъ думали, потому что она обведена довольно широкимъ рвомъ, а противоположная сторона рва была защищена живою изгородью, т. е. усажена крыжовникомъ.

Взявшись съ пріятелемъ подъ руки (чего я между прочимъ терпѣть не могу), пошли мы вдоль изгороди, уставленной высо-

кими роскошными тополями. Изъ-за тополей кой-гдѣ просвѣчивались молодыя березовыя рощицы или темнѣлъ стройный молодой дубнякъ; то вдругъ стройный рядъ тополей прерывался усѣвшимся надъ самымъ рвомъ старымъ дубомъ, протянувшимъ свои живописныя вѣтви далеко за ровъ, на самую дорогу.

Пройдя добрыя полверсты, мы дошли до угла изгороди и поворотили влѣво по тропинкѣ, идущей параллельно со рвомъ подъ гору. При этомъ поворотѣ намъ открылось во всей красѣ своей тихое свѣтлое озеро, окаймленное густымъ зеленымъ камышемъ и раскидистыми огромными вербами. Подойдя къ озеру, мнѣ такъ и хотѣлось окунуться раза два-три въ его прозрачной водѣ. Но вожатый мой замѣтилъ мнѣ довольно основательно, что подобное дѣйствіе было-бы неприлично, тѣмъ болѣе, что въ то время мы подошли къ воротамъ парка, осѣненнымъ двумя старыми вербами. Мы безъ труда отворили ворота и вошли въ паркъ. Длинная тѣнистая дорожка вела къ дому, вдали бѣлѣвшемуся сквозь вѣтвей. Не доходя до дома, мы въ сторонѣ, недалеко отъ дороги, между деревьями увидѣли человѣческую фигуру въ бѣлой полотняной блузѣ, въ соломенной простой шляпѣ и съ сигарою въ зубахъ.

— Антону Карловичу имѣемъ честь кланяться, закричалъ мой вожатый.

Фигура въ блузѣ приподняла шляпу и, вынувши сигару изо рта, сказала:

— Добро жаловать!

Мы подошли другъ къ другу поближе. Это былъ самъ хозяинъ парка или фермы, свѣжій коренастый старикъ самой нѣмецкой физіономіи. Я былъ отрекомендованъ моимъ разбитнымъ путеводителемъ со всѣми прилагательными, на что Антонъ Карловичъ съ добродушной улыбкой протянулъ мнѣ руку и проговорилъ:

— Очень радъ.

Я съ своей стороны проговорилъ тоже какую-то лаконическую вѣжливость, и мы вышли снова на дорогу. Не успѣли мы ступить нѣсколько шаговъ, какъ къ намъ выбѣжали изъ-за куста цвѣтущей [illegible]истой черемухи двѣ бѣлокурыя прекрасныя дѣвочки лѣтъ пяти [illegible] шести и бросились къ Антону Карловичу, крича: «а что, испугали, испугали»!

Антонъ Карловичъ молча указалъ имъ рукою на насъ, и дѣвочки оставили его и скрылись за кустъ черемухи.

Тѣмъ временемъ мы вышли на зеленую площадку, примыкающую одной стороной къ озеру, а другой къ крылечку чистенькаго бѣленькаго домика, кругомъ усаженнаго кустами сирени.

Дивное впечатлѣніе произвела на меня эта тихая граціозная картина!

Вслѣдъ за нами дѣвочки выбѣжали на лужокъ, а изъ дому на крылечко вышла молодая, прекрасная собою женщина, съ книгою и съ зонтикомъ въ рукѣ и пошла къ дѣтямъ. Это была гувернантка-француженка, какъ я послѣ узналъ.

Мы вошли на крылечко, и хозяинъ предложилъ намъ отдохнуть въ тѣни, а самъ пошелъ въ домъ.

Я на досугѣ залюбовался на дѣтей, играющихъ на зеленомъ лужкѣ и, правду сказать, на стройную, величественную фигуру прекрасной гувернантки, залюбовался до того, что не замѣтилъ, какъ къ намъ вышла на крылечко сама хозяйка.

Поклонившись, я извинился въ своей разсѣянности.

— Ничего, ничего, любуйтесь! У насъ, слава Богу, есть на что полюбоваться.

И она лукаво улыбнулась и обратилась къ моему товарищу. Тотъ началъ было рекомендовать меня, но она ему сказала нецеремонно.

— Не безпокойтесь, мнѣ ужъ Антонъ Карловичъ отрекомендовалъ. А вы лучше разскажите, каково вы повеселились на балѣ?

И пріятель мой пустился описывать ей балъ, а я тѣмъ временемъ сталъ разсматривать нецеремонную хозяйку дома.

Это была лѣтъ тридцати пяти, по крайней мѣрѣ, прекрасно сохранившаяся брюнетка, съ большими выразительными карими глазами, съ довольно свѣжимъ для ея лѣтъ румянцемъ на полныхъ щекахъ, со вздернутымъ носомъ, съ прекрасными бѣлыми крупными зубами и съ едва отвисшимъ подбородкомъ. А въ цѣломъ она была настоящій типъ малороссіянки. Даже голосъ ея и особенно произношеніе напоминалъ мнѣ мою землячку, какую нибудь чиновницу средней руки или высокой руки протопопшу, не смотря на то, что она была одѣта какъ настоящая барыня.

— А нуте васъ съ вашимъ баломъ! проговорила она скорого[illegible]кой, остановилась въ дверяхъ, да и затараторила:

— Прошу покорно въ покои! Вы хоть и съ балу сегодня, а вѣрно еще чаю не пили. Правду сказать, и мы еще только что поднялись.

Я пошелъ вслѣдъ за хозяйкою, а товарищъ мой, какъ человѣкъ, знакомый съ мѣстностью, пошелъ отыскивать жида и распорядиться на счетъ помѣщенія.

Въ первой комнатѣ, довольно большой, встрѣтилъ насъ Антонъ Карловичъ уже не въ полотняной блузѣ, а въ сѣромъ пальто изъ лѣтняго трико, и просилъ меня садиться безъ церемоніи.

— А вы, Марьяна Акимовна, пошлите свою Арину просить къ завтраку Адольфину Францовну съ дѣтьми.

На зовъ хозяйки явилась горничная, скромная и миловидная, въ деревенскомъ костюмѣ и, получивши приказаніе отъ Марьяны Акимовны на чистомъ малороссійскомъ языкѣ, вышла изъ комнаты.

Черезъ нѣсколько минутъ вошла въ комнату гувернантка съ двумя дѣвочками, а за нею и мой товарищъ. И всѣ мы усѣлись вокругъ стола, увѣнчаннаго громаднымъ самоваромъ. Если бы я не зналъ, чьи это были дѣти, то я подумалъ-бы, что Марьяна Акимовна была имъ настоящая мать: такъ мило, такъ матерински мило она ухаживала за ними. И, къ немалому моему удивленію, она, обращаясь къ гувернанткѣ, разговаривала съ нею по французски. Вотъ тебѣ и чиновница средней руки! Вотъ тебѣ и протопопша высшей руки! подумалъ я. Я былъ просто очарованъ Марьяной Акимовной, и, если-бъ она обращалась къ своей Аринѣ (кажется, единственной прислугѣ) хоть на великороссійскомъ діалектѣ, то я подумалъ бы, что я имѣю счастіе видѣть передъ собою, по крайней мѣрѣ, графиню или хоть просто даму высшаго полета.

Такова сила предубѣжденія противъ своего роднаго нарѣчія!

За чаемъ я случайно узналъ имена двухъ дѣвочекъ. Одну, кажется, старшую (онѣ были обѣ одинаковаго роста), звали Лизой, а другую Наташей. И такъ онѣ были похожи одна на другую, что, пересади ихъ съ мѣста на мѣсто, то и не зналъ-бы, которая изъ нихъ Лиза, а которая Наташа. А обѣ онѣ были чрезвычайно похожи на свою милую маменьку.

Хозяйка, между прочимъ, обратилась ко мнѣ и спросила, понравился ли мнѣ концертъ въ Д.?

— Вѣдь ужъ вѣрно тамъ не обошлось безъ концерта? прибавила она.

Я отвѣчалъ утвердительно.

— А каковъ віолончелистъ? Не правда-ли прекрасный?

— Превосходный! отвѣчалъ я.

— Это нашъ большой пріятель, и, кромѣ того, что онъ артистъ превосходный, нужно знать, что онъ и человѣкъ самаго нѣжнаго, самаго благороднаго сердца. Но что будешь дѣлать? прибавила она со вздохомъ. Лиза и Наташа плачутъ, когда не видятъ его два дня сряду, а про Адольфину Францовну и говорить нечего, сказала она шутя и поцѣловала гувернантку въ загорѣвшуюся щеку, изъ чего я замѣтилъ, что она понимаетъ по русски.

Мнѣ было чрезвычайно пріятно слышать подобный отзывъ о человѣкѣ, котораго я съ одного разу полюбилъ, какъ что-то близкое моему сердцу.

Послѣ чая Антонъ Карловичъ обратился къ намъ и просилъ въ свою хату.

— Я къ нимъ только въ гости захожу, а хата моя въ саду. И онъ взялся за свою шляпу. Мы послѣдовали его примѣру.

Бѣлая, соломой крытая хата, къ которой насъ привелъ Антонъ Карловичъ, стояла между фруктовыми деревьями и служила кабинетомъ Антону Карловичу и вмѣстѣ караульней. Чисто нѣмецкая штука!

Хата Антона Карловича, какъ вообще малороссійскія хаты, раздѣлялась сѣнями на двѣ половины: собственно на хату съ комнатою и на такъ называемую комору. Въ коморѣ, освѣщенной однимъ окномъ, помѣщалась у него аптека и библіотека, въ сѣняхъ лабораторія. Это можно было заключить изъ стоявшаго на широкомъ каминѣ алембика, реторты и стеклянныхъ и глиняныхъ банокъ. Стѣны свѣтлицы или кабинета были украшены луками, стрѣлами, томагауками и другими орудіями дикарей, что и свидѣтельствовало о кругосвѣтномъ странствованіи Антона Карловича. Около стѣнъ стояло двѣ кушетки, а между ними у стѣны простой дубовый столъ и на немъ электрическая машина.

— Не угодно-ли отдохнуть съ дороги, а я пока навѣдаюсь къ Д.: вѣдь я ихъ домашній медикъ. До свиданія!

И онъ оставилъ насъ въ своемъ кабинетѣ совершенными хозяевами.

— Не думалъ я, отправляясь на балъ, попасть въ кабинетъ [illegible]наго путешественника и, вдобавокъ, путешественника скром[illegible] подумалъ я вслухъ, когда мы остались одни.

— Да это что еще! сказалъ мнѣ товарищъ: вы загляните въ комнату, вотъ гдѣ рѣдкости!

И дѣйствительно рѣдкости! Во всю длину комнаты, около стѣны, дубовый широкій столъ уставленъ разнообразнѣйшими и красивѣйшими раковинами тропическихъ морей и по срединѣ стола, какъ разъ противъ окошка, плоскій ящикъ въ аршинъ длины и ширины со стекляной крышкой, заключавшій въ себѣ нумизматическія рѣдкости Антона Карловича.

Между разной формы и величины монетъ я увидѣлъ австрійскій таллеръ 17 вѣка съ глубоко-вдавленнымъ клеймомъ, изображавшимъ московскій гербъ.

— Не правда-ли, любопытная монета? сказалъ мнѣ товарищъ, указывая на талеръ: или, лучше сказать, любопытно клеймо.

— Но что оно значитъ—это клеймо? спросилъ я его.

— А вотъ изволите видѣть. Когда въ 1664 или 5-мъ году ходилъ наказнымъ гетманомъ Иванъ Золотаренко съ полками малороссійскими, то наши козаки не захотѣли брать жалованья московскою монетою, вотъ имъ и выдали австрійскими талерами, положивши московское тавро на каждый таллеръ.

Налюбопытствовавшись рѣдкостями Антона Карловича, я вышелъ въ садъ, оставивши своего товарища помечтать наединѣ, т. е. маленько пріуснуть.

Я обошелъ весь садъ или, лучше сказать, паркъ и не могъ довольно налюбоваться прелестью деревьевъ, чистотою дорожекъ и вообще истинно-нѣмецкою аккуратностью, съ какой все это содержится. Напримѣръ, у кого вы увидите, кромѣ нѣмца, чтобы между фруктовыми деревьями были посажены арбузы, дыни и даже кукуруза? Въ Германіи это понятно, но у насъ это просто непостижимо.

Изъ саду вышелъ я на греблю, усаженную вербами. Полюбовавшись чистенькой, аккуратной мельницей объ одномъ шумящемъ колесѣ и пройдя плотину, я очутился въ селѣ.

Село всего-на все, можетъ быть, хатъ двадцать. Но что это за прелесть, что ни хата, то и картина!

— Вотъ, подумалъ я, и не великое село, а весело. Попробовалъ я у встрѣтившагося мужика спросить, можно-ли у нихъ будетъ нанять лошадей до П.

— Можна, чому не можна, хоть пару, хоть дви пары, такъ можна!

— Хорошо. Такъ я зайду послѣ, поторгуюсь.

— Добре, поторгуйтесь.

За селомъ я увидѣлъ панскую клуню или господское гумно, уставленное скирдами разнаго хлѣба. Подходя къ гумну, я встрѣтилъ токоваго и онъ показалъ подвѣдомственный ему токъ или гумно. Я, какъ не агрономъ, смотрѣлъ на все поверхностно и разспрашивалъ тоже поверхностно; но изъ всего видѣннаго и слышаннаго мною заключилъ, что не мѣшало бы записнымъ агрономамъ поучиться кой-чему у Антона Карловича или хоть у его токоваго.

Спросилъ я у таковаго и на счетъ винокурни, почему, дескать, Антонъ Карловичъ, имѣя столько хлѣба, не построитъ себѣ винокуренку, хоть небольшую, и получилъ въ отвѣтъ:

— Богъ ихъ святый знае! Я и самъ имъ говорилъ, чтобъ построить хоть небольшую. Зачѣмъ? говорятъ: чтобъ пьяницъ голыхъ пускать по свѣту? Не нужно! Они у насъ такіе чудные, и, Боже сохрани, какъ они того проклятаго вина не любятъ.

— Дѣйствительно странный человѣкъ. Ну, а мужики у васъ въ селѣ есть пьющіе?

— Ни одного.

— Прекрасно. Куда же вы сбываете свой хлѣбъ?

— А куда сбываемъ? Никуды больше, какъ у Д. Видите, паны тамъ бенкетуютъ, а мужики голодаютъ. Да еще мало того: въ селѣ, кромѣ корчмы, что ни улица, то и шинокъ, а въ каждомъ шинкѣ, для приману людей, шарманка играетъ. Вотъ мужикъ бѣдный и пропиваетъ послѣднюю нитку подъ нѣмецкую музыку. Сказано, мужикъ—дуракъ.

— За то паны умудрились! О, филантропія! подумалъ я и простился съ токовымъ.

Подходя къ греблѣ, я невольно остановился полюбоваться старыми вербами, опустившими свои длинныя зеленыя вѣтви въ свѣтлую прозрачную воду. А изъ за этихъ роскошныхъ вѣтвей, съ противоположной стороны пруда, выглядываетъ изъ темной зелени бѣленькій, улыбающійся домикъ Антона Карловича и, какъ красавица, любуется своею прелестью передъ зеркаломъ, такъ онъ любуется собою въ прозрачномъ тихомъ озерѣ.

— Благодать! подумалъ я и пошелъ чрезъ греблю къ кокетливому домику.

Къ этому времени Антонъ Карловичъ возвратился отъ своихъ паціентовъ и, къ великой моей радости, привезъ съ собою милаго

моего виртуоза и съ віолончелью. Мы встрѣтились съ нимъ при входѣ въ садъ и дружески привѣтствовали другъ друга, какъ самые старые знакомые.

Къ намъ подошла Марьяна Акимовна и, нецеремонно взявъ меня за руку, сказала:

— Вы должны быть благороднѣйшій человѣкъ, коли полюбили нашего милаго Тараса Ѳедоровича. Отъ души вамъ благодарна.

Я молча поцѣловалъ ея руку. Въ это время подходилъ къ намъ Антонъ Карловичъ.

— Посмотри, посмотри, что нашъ гость дѣлаетъ! сказала она, обращаясь къ мужу.

— Ничего, ничего, говорилъ Антонъ Карловичъ, улыбаясь. А не лучше-ли будетъ, если мы пойдемъ, да съ борщемъ покуртизанимъ. Какъ вы думаете, Марьяна Акимовна?

— И въ самомъ дѣлѣ лучше. Прошу покорно, господа! сказала она, обращаясь къ намъ, и мы пошли обѣдать.

Многіе-ли изъ васъ господа, имѣющіе хоть одну крѣпостную душу, посадятъ рядомъ съ собою крѣпостнаго человѣка, хотя-бы этотъ человѣкъ былъ величайшій геній въ мірѣ? Ручаюсь, что ни одного не найдется, кромѣ истинно-благороднаго Антона Карловича.

Тарасъ Ѳедоровичъ сидѣлъ между шалуньями Лизой и Наташей, и онѣ ему бѣдному покоя не давали во время обѣда. Чудное, благородное равенство! Вотъ бы какъ надо людямъ жить между собою! Да что-же ты будешь дѣлать? Нельзя! Между прочимъ я услышалъ нѣсколько французскихъ фразъ, произнесенныхъ Тарасомъ Ѳедоровичемъ и гувернанткою. Этимъ окончательно полонилъ меня мой милый виртуозъ.

Послѣ обѣда мы, т. е. мужчины, отправились къ Антону Карловичу въ хату покурить. Но такъ какъ я человѣкъ не курящій и виртуозъ мой оказался такимъ-же, то мы пошли себѣ гулять по саду, пока не вышли на небольшую лощину, на которой стоялъ небольшой стогъ свѣжаго сѣна. Не устоялъ я противъ такого могучаго соблазна. Снявши галстухъ и сюртукъ, прилегъ, опустился на ароматное сѣно, и за мною, разумѣется, товарищъ мой тоже. А чтобы дрема не одолѣла, я повелъ издали рѣчь о двухъ дѣвочкахъ, жившихъ, такъ сказать, на хлѣбахъ у почтеннѣйшаго Антона Карловича.

— Какія милыя, прекрасныя дѣти! сказалъ я.

— И, прибавьте, счастливыя дѣти. Я не знаю, чтобы изъ нихъ было, еслибъ-бъ не существовало около нашего роскошнаго села этой фермы и этихъ добрыхъ людей.

— Да въ самомъ дѣлѣ, разскажите мнѣ, что это за оригинальная мать, которая воспитываетъ своихъ дѣтей такимъ образомъ. Мнѣ кажется, что въ этомъ возрастѣ дѣтямъ никто не можетъ замѣнить матери.

— Марьяна Акимовна имъ совершенно ее замѣнила. Вотъ что! Софья Самойловна, мать ихъ по названію, великосвѣтская дама, а главное—красавица. Красавица конфузится, когда ее кто спроситъ о здоровьи ея дѣтей. Для нея это все равно, что сказать: какъ вы Софья Самойловна, подурнѣли. И притомъ, какъ дама свѣтская, она послѣ каждаго бала (а ихъ у насъ въ году бываетъ три, а въ высокосный и четыре) должна отдать визиты своимъ гостямъ. А гостей, вы сами видѣли, сколько наѣхало. А 17 сентября такъ вдвое столько наѣдетъ, не смотря ни на какую погоду, потому что она сама тогда бываетъ имянинница. Пока отдастъ визиты, смотритъ—другой балъ готовится, тамъ третій... Такъ годъ и проходитъ. А тамъ если выберется время, надо и въ Петербургъ съѣздить: а то, говоритъ, между этими хохлами совсѣмъ очерствѣешь. Такъ сами посудите, до дѣтей-ли ей при такой жизни? И, по моему, лучше она ничего выдумать не могла, какъ отдать ихъ на руки Марьянѣ Акимовнѣ.

— Я съ вами согласенъ, что они умно сдѣлали, но хорошо ли, это другой вопросъ.

— Конечно, здѣсь сердце матери спрятано подъ себялюбіемъ свѣтской красавицы. Я слышалъ, однако-жъ, какъ-то недавно она о нихъ вспоминала. Года черезъ два она хочетъ ихъ отправить въ Смольный институтъ: въ п—скомъ, говоритъ, онѣ хохлачками сдѣлаются.

— И то правда. Какъ-же она не побоялась ихъ отдать М. Акимовнѣ? Или она думала оградить ихъ француженкою гувернанткой, да нѣмкою-горничною?

— Какое! нѣмецкая горничная сама скоро сдѣлается хохлачкою, а про гувернантку и говорить нечего. Послушайте, что я вамъ разскажу. Адольфинѣ Францовнѣ вздумалось учиться по-русски,

Вотъ Марьяна Акимовна ее учитъ, да вмѣсто того, чтобы по-русски— выучила ее по малороссійски. Софья Самойловна чуть было не поссорилась изъ-за этого съ Марьяной Акимовной. И знаете, что еще: она прекрасно поетъ нѣкоторыя наши пѣсни. Будемъ ее просить, чтобы она намъ хоть одну спѣла.

— Непремѣнно.

— Вонъ они! вонъ они! услышали мы невдалекѣ дѣтскіе голоса, и едва успѣли мы надѣть сюртуки, какъ подбѣжали къ намъ Лиза и Наташа и, ухватившись за полы сюртука Тараса Ѳедоровича, потащили въ садъ, приговаривая:

— Пойдемте, пойдемте! Васъ мама проситъ играть.

Пройдя нѣсколько шаговъ вслѣдъ за артистомъ, я увидѣлъ прислонившуюся къ дереву Адольфину Францовну и, подойдя къ ней, сказалъ ей какую-то любезность по малороссійски, на что она, сдѣлавши милую гримасу, очень незастѣнчиво отвѣчала мнѣ: спасиба! Мы пошли вслѣдъ за дѣтьми, разговаривая, какъ короткіе знакомые. Между прочимъ, въ доказательство своего знанія въ малороссійскомъ языкѣ, гувернантка прочитала мнѣ два стиха:

Катерино, сердце мое,
Лышенько съ тобою.

И съ такимъ милымъ выраженіемъ прочитала она эти стихи, что, не знай я, что она француженка, то, не запинаясь, сказалъ-бы, что она моя истинная землячка.

Любезничая съ мадамъ Адольфиной по хохлацки на французскій ладъ, мы немного отстали отъ дѣтей и арестованнаго артиста, а когда подошли къ дому, то нашъ артистъ уже на крылечкѣ игралъ на скрипкѣ плясовую малороссійскую пѣсню, а Лиза и Наташа передъ крылечкомъ съ поднятыми ручонками, какъ-бы прищелкивая, танцовали, приговаривая:

Гопъ-чукъ грычаныки,
Гопъ-чукъ печеныи.

Антонъ Карловичъ, сидя на крылечкѣ, добродушно улыбался, а Марьяна Акимовна брала поочередно дѣтей на руки, цѣловала съ самой искренней материнской нѣжностію. Поодаль стояла нѣмка-горничная и, увлекшись живымъ мотивомъ пѣсни, прищелкивала въ тактъ пальцами.

Одни простодушные счастливцы могутъ группировать изъ себя подобную картину.

Въ саду, кромѣ хаты Антона Карловича, была еще небольшая хатка съ навѣсомъ и вмѣсто завалинъ стояли вокругъ рѣшетчатыя деревянныя скамейки, а передъ хаткою старая липа, тоже со скамейкою вокругъ, только не деревянною, а дерновою. Хатка эта была мастерская или рабочая Марьяны Акимовны. Здѣсь сушились фрукты, варились варенья и созидались разныя великолѣпныя настойки и наливки. А подъ липою Марьяна Акимовна отдыхала по трудахъ.

Въ эту хатку на все лѣто выносилось фортепіано, потому что Марьяна Акимовна, не смотря на свои прозаическіе годы и занятія по части спитобной и съѣдобной, осталася въ душѣ артисткой и любила въ часы досуга забывать свое прозаическое насущное существованіе и уноситься въ міръ созвучій, въ небесные предѣлы божественной фантазіи.

Часто и долго сидя подъ липою, добрый Антонъ Карловичъ, куря свою сигару, слушалъ холодныя практическія думы поэта. Какъ снѣгъ предъ лицемъ весенняго солнца, нѣмецкая фантазія оживала, сигара гасла во рту и старикъ молодѣлъ.

Въ эту-то завѣтную хатку Марьяна Акимовна просила своихъ гостей чай пить.

Послѣ чая въ хаткѣ зажгли свѣчи. М-lle Адольфина, безъ всякихъ просьбъ и уговариваній, какъ это обыкновенно бываетъ съ порядочными барышнями, сѣла за фортепьяно, а Тарасъ Өедоровичъ вооружился віолончелью и, послѣ нѣсколькихъ аккордовъ, тихо, стройно, какъ будто съ неба, раздалася одна изъ божественныхъ сонатъ божественнаго Бетховена.

Мы всѣ остались подъ липою и, въ продолженіе сонаты, сидѣли, притая дыханіе; даже рѣзвыя дѣти—и тѣ прильнули къ Марьянѣ Акимовнѣ, затихли и только, улыбаясь, посматривали другъ на друга.

За сонатой Бетховена были съиграны съ одинаковымъ мастерствомъ двѣ сонаты Моцарта, послѣ нѣкоторыя мѣста изъ знаменитаго «Реквіума» и въ заключеніе совершенно неожиданно:

Ходыть гарбузъ по городу...

Дѣти закричали около Марьяны Акимовны, а Антонъ Карловичъ пошелъ въ хатку закурить сигару.

Тарасъ Ѳедоровичъ такія раскинулъ варіаціи на этотъ полувеселый, полугрустный мотивъ, что дѣти опять молча прильнули къ колѣнамъ Марьяны Акимовны, а у Антона Карловича опять сигара погасла.

Многіе-ли изъ людей въ блескѣ и роскоши проводятъ свои длинные вечера такъ нецеремонно, просто и такъ возвышенно-изящно, какъ мы простые, почти бѣдные люди провели этотъ незабвенный вечеръ? Я думаю, не многіе. И выходитъ, что истинно-прекрасное и возвышенное духовное не нуждается въ ремесленныхъ золоченыхъ или даже золотыхъ украшеніяхъ.

Кончивши варіаціи, артисты наши вышли изъ хатки и обратились съ просьбою къ Марьянѣ Акимовнѣ, чтобы и она съиграла для нихъ что-нибудь. Она отказалась. Мы присоединились къ нимъ— рѣшительно ничего не помогло:

— Завтра, говоритъ, я вамъ съиграю, а то сегодня это значитъ— послѣ меду хрѣну. Пойдемте лучше гулять. Вонъ смотрите изъ-за деревьевъ луна выглядываетъ.

И съ этими словами она вошла въ хатку, погасила свѣчи, притворила и замкнула двери, и всѣ мы, весело разговаривая, пошли любоваться, какъ полная луна изъ-за мельницъ и изъ-за старой вербы выглядываетъ и отражается въ темной прозрачной водѣ. Я совершенно былъ очарованъ и декораціями, и этими добрыми, простыми людьми.

Долго мы еще гуляли по саду вдвоемъ съ Тарасомъ Ѳедоровичемъ, который меня просто приворожилъ къ себѣ. Онъ, какъ это обыкновенно бываетъ съ довѣрчивыми добряками, разсказалъ мнѣ исторію своего печальнаго дѣтства, безъ всякаго съ моей стороны домогательства, какъ это тоже обыкновенно бываетъ съ пишущей братіей, и разсказалъ мнѣ потому, что я его со вниманіемъ, или, лучше сказать, съ участіемъ слушалъ.

— Отца, говорилъ онъ, я не помню и мать моя мнѣ никогда о немъ ничего не говорила. Хаты у насъ тоже своей не было, и мы, какъ говорятъ у насъ, жили въ сосѣдяхъ, т. е. переходили отъ одного мужика къ другому, пока я началъ ходить. Тогда она, какъ стала уже свободнѣе, то хотѣла было наняться у кого-нибудь на годъ, но ее никто не хотѣлъ нанять, не знаю почему: можетъ изъ-

за меня, или потому, что она была такая худая и блѣдная; только, обойдя всѣ села безъ успѣха, нанялася, наконецъ, у жида въ корчмѣ. Не могу вамъ сказать, сколько именно лѣтъ она служила у жида, только знаю, что я уже былъ порядочный мальчуганъ, когда она умерла. А умерла она, сколько я припомню, отъ чахотки. И, какъ теперь помню, за нѣсколько дней передъ смертью пришла въ свой чуланъ, или, лучше сказать, въ стойло съ стадомъ, слегла и ужъ больше изъ стойла не выходила. За нѣсколико минутъ передъ ея смертью я принесъ ей воды въ кружкѣ. Но она уже пить не могла и говорить тоже, а только поманила къ себѣ рукою и, когда я нагнулся къ ней, она едва-едва прикоснулась къ моей головѣ рукою, поцѣловала меня и двѣ слезы выкатились изъ ея потухающихъ очей. Потомъ она тихо вздохнула и умерла.

Сотскій похоронилъ ее за тотъ рубль, что оставался у жида ею неполученный. А я шлялся по селу, пока не присталъ къ партіи нищихъ. Между нищими былъ слѣпой кобзарь или бандуристъ; ему и рекомендовали меня, какъ мальчика скромнаго. Онъ и замѣнилъ мною своего прежняго вожака.

И, знаете, мнѣ понравилось мое новое положеніе, потому что я имѣлъ хоть какой-нибудь, а все-таки пріютъ. А еще больше мнѣ нравился слѣпецъ, котораго я водилъ. Онъ былъ еще молодой человѣкъ и, помню, чрезвычайно сухощавый и съ длинными пальцами. А въ особенности мнѣ нравилось, когда онъ самъ для себя, медленно перебирая струны бандуры, тихонько напѣвалъ:

На мори синему, на камени билому
Ясный сокилъ квилить проквиляе...

Что-то необыкновенное представлялось моему дѣтскому воображенію въ звукахъ и въ словахъ этой унылой пѣсни.

Вотъ такой-же, какъ и теперь, былъ въ Д. балъ, съ тою только разницею, что тогда и для нищихъ обѣдъ готовили, а теперь уже не готовятъ. Вотъ и мы съ толпами нищихъ пришли на обѣдъ. Вотъ мы сидимъ себѣ подъ деревомъ, и, въ ожиданіи обѣда, настроивши кобзу, заигралъ мой кобзарь. Насъ народъ такъ и обступилъ. Вотъ онъ играетъ, а я смотрю по сторонамъ и вижу—къ намъ господа съ барышнями. Толпа, разумѣется, разступилась предъ господами и сама Софья Самойловна подошла ко мнѣ и, потрепав-

ши меня по щекѣ, проговорила: какой хорошенькій! И, обратясь къ господамъ, сказала: я его непремѣнно возьму къ себѣ въ пажи!

Такъ и сталося! На другой день я былъ уже въ числѣ многочисленной дворни. Но какъ я, не знаю почему-то, оказался не способнымъ для должности пажа, то меня начали учить пѣнію, и я оказывалъ успѣхи. А потомъ стали учить и играть сначала на скрипкѣ, а потомъ и на віолончели.—Вотъ вамъ моя простая исторія, прибавилъ онъ и замолчалъ.

— Грустная, правду сказать, исторія!

— Что дѣлать? Прошедшее мое дѣйствительно грустно, но настоящее такъ безнадежно, такъ безотрадно, что если-бъ не эти благородные люди, то я не зналъ-бы, что съ собою дѣлать.

— Не отчаявайтесь, мой другъ, любите свое прекрасное искусство и Господь успокоитъ вашу страждущую душу и пошлетъ вашему терпѣнію счастливый конецъ.

— Не знаю, найдетъ-ли мое письмо Михайла Ивановича въ Петербургѣ?

— О, навѣрное, онъ никуда не уѣхалъ: это было-бы извѣстно.

— Да и можно-ли надѣяться, чтобы мое письмо могло имѣть успѣхъ?

— Безъ всякаго сомнѣнія. Я очень хорошо знакомъ съ Михайломъ Ивановичемъ. Это добрѣйшее, благороднѣйшее созданіе! Словомъ, это самый благодушный артистъ. Еще вотъ что. Я завтра разстанусь съ вами надолго, а быть можетъ и навсегда, но вы и эти добрые люди и эти часы, проведенные вмѣстѣ съ вами, такъ дороги моему сердцу, что для меня были-бы величайшимъ подаркомъ ваши, хоть коротенькія, письма. Прошу васъ, извѣщайте меня хоть изрѣдка. А о результатѣ вашего письма Михайлу Ивановичу вы непремѣнно меня увѣдомьте. Я вамъ завтра сообщу свой адресъ.

И онъ обѣщался мнѣ вести дневникъ и посылать его каждый мѣсяцъ ко мнѣ вмѣсто писемъ.

— Мнѣ, сказалъ онъ, такъ пріятно вамъ открываться во всемъ и вы съ такимъ вниманіемъ слушаете меня, что и я тогда буду воображать, что разсказываю вамъ лично о моихъ впечатлѣніяхъ.

Въ хатѣ Антона Карловича свѣтился еще огонь, когда мы подошли къ ней, но движенія уже никакого не было. Виргилій мой такъ усердно храпѣлъ, что за хатою было слышно. Вскорѣ и мы ему начали вторить.

На другой день поутру я пошелъ было на хуторъ нанять лошадей съ повозкою для перевезенія себя съ товарищемъ въ П., но Антонъ Карловичъ догналъ меня уже на греблѣ и воротилъ въ домъ, говоря, что порядочные люди такъ не дѣлаютъ, а Марьяна Акимовна и слышать не хочетъ, чтобы вы ранѣе трехъ дней оставили нашу ферму. Дѣти—и тѣ даже заплакали, услыхавши о такомъ вашемъ неделикатномъ поступкѣ.

Отъ Марьяны Акимовны я выслушалъ еще убѣдительнѣе рацею. И не думайте, говорила она, и не помышляйте! Какъ на свѣтѣ живу, то еще не видала, чтобы порядочные люди на другой-же день изъ гостей уѣзжали; даже и на мужицкихъ коняхъ! Этого не токмо что у насъ, я думаю, и у нѣмцевъ не водится; такъ Антонъ Карловичъ, ты вѣдь нѣмецъ? а?

— Такой я нѣмецъ, какъ ты нѣмка, проговорилъ Антонъ Карловичъ и засмѣялся.

— Вотъ и Тарасъ Θедоровичъ останется у насъ, продолжала Марьяна Акимовна.

— Ему теперь послѣ бала совершенно тамъ дѣлать нечего. А Адольфина обѣщается намъ пѣть сегодня малороссійскія пѣсни; дѣти обѣщаются вамъ танцовать хоть цѣлый день «гречаныки».

— И метелыцю, мамаша, проговорили разомъ обѣ дѣвочки.

Противостоять не было возможности, и я сдался. Виргилій мой заговорилъ было о службѣ, объ обязанностяхъ, о попечителѣ.

— Ужъ хоть-бы вы молчали, а то разносились съ своимъ попечителемъ, право, ей-Богу! А еще старый знакомый... Пойдемте лучше въ мою хату чай пить, а то съ вами не сговоришься.

Переглянулись мы съ Виргиліемъ и пошли молча за Марьяной Акимовной.

Прогостили мы еще два дня у этихъ добрыхъ людей и въ это время удалось мнѣ сдѣлать карандашемъ нѣсколько видовъ счастливой фермы и почти одними чертами всю нашу компанію; а на первомъ планѣ помѣстилъ я Наташу и Лизу, танцующихъ «гречаныки». Все это едва-едва набросано. Но вотъ уже проходитъ двадцатый годъ, какъ любовался я этой живой картиной, и, глядя на этотъ эскизъ, я какъ будто снова любуюся этой живой картиной и даже слышу скрипку и прищелкиванье пальцами нѣмецкой горничной.

Мнѣ кажется, никакое геніальное описаніе лица и мѣстности не можетъ такъ оживить давно минувшее, какъ удачно проведенныхъ карандашемъ нѣсколько линій. По крайней мѣрѣ, на меня это такъ дѣйствуетъ.

На четвертый день нашего пребыванія на благодатной фермѣ, часу въ десятомъ утра, проводили насъ, какъ самыхъ близкихъ друзей своихъ, гостепріимные и счастливые обитатели фермы со всѣмъ своимъ домомъ. Даже Наташу и Лизу взяли съ собою. И проводили не только черезъ греблю, даже черезъ село до самой клуни. Тутъ мы усѣлись въ спокойную нетычанку Антона Карловича, запряженную парою добрыхъ коней и покатились по гладкой извилистой дорожкѣ.

Долго стояли друзья наши на одномъ мѣстѣ и махали намъ платками. А одна изъ дѣвочекъ, чтобы лучше видѣнъ былъ ея платокъ, вскочила на плечо Антону Карловичу и преусердно махала платкомъ. Нетычанка покатилась быстрѣе и быстрѣе и группа нашихъ друзей едва была замѣтна на горизонтѣ. Еще четверть версты, маленькая ложбина—и друзья исчезли за горизонтомъ. Я взглянулъ еще разъ назадъ, выѣхавши на пригорокъ, но увы! кромѣ клуни и скирдъ, на горизонтѣ ничего не было видно. Мнѣ стало грустно, такъ грустно, какъ будто я разставался съ своими родными на долгое, на неопредѣленное время. Оно такъ и сталось.

Во всю дорогу пріятель мой молчалъ, чему я былъ очень радъ, потому что не чувствовалъ въ себѣ способности вести самый пустой разговоръ. Вскорѣ на горизонтѣ показался нашъ городъ П., а нѣсколько ближе изъ-за темнаго лѣсу выглядывали главы, бѣлымъ желѣзомъ крытыя, соборной церкви Г—скаго монастыря.

Проѣзжая мимо этого обновляющагося замка-монастыря, меня чрезвычайно непріятно поразила новая, еще неоштукатуренная четыреугольная башня съ плоскою крышею, точно каланча.

— Что это такое за уродъ торчитъ? спросилъ я своего пріятеля.

— Это колокольня вновь отдѣланной домашней настоятельской церкви, что надъ малыми воротами.

— И вѣрно какой-нибудь досужій костромскій мужичекъ смастерилъ этакую штуку!

— Нѣтъ, извините, не мужичекъ, а настоящій патентованный художникъ!

— Какъ же онъ мастерски поддѣлался подъ византійскій стиль!

— Не извольте смѣяться надъ нашимъ художникомъ. Его торопятъ и денегъ не даютъ. А вотъ, когда поѣдете изъ П. въ Н., такъ увидите въ селѣ помѣщицы N. настоящій храмъ царя, этимъ художникомъ сооруженный. Уже на что нашъ посвященный знатокъ и покровитель искусствъ, можно сказать Меценатъ нашихъ дней, N—и тотъ посмотрѣлъ, да только ротъ разинулъ, а про непросвѣщеннаго и говорить нечего.

— Честь и слава вашему художнику!

Тѣмъ временемъ мы въѣхали въ городъ, а черезъ часъ я уже прощался съ почтеннѣйшимъ педагогомъ, прося его для пользы науки записывать все, что касается археологіи и вообще народнаго характера, какъ-то: пословицы, присказки, пѣсни, преданія и тому подобное. А найпаче просилъ я его по временамъ извѣщать меня о нашихъ добрыхъ друзьяхъ на фермѣ. Онъ обѣщался мнѣ все исполнить по мѣрѣ силъ своихъ. И мы разстались, и разстались надолго.

ЧАСТЬ II.

Разставаясь съ моимъ путеводителемъ, не думалъ я тогда, что я съ нимъ на долго-долго разстаюся; я тогда думалъ, что авосьлибо въ будущемъ году поѣду вновь по Малороссіи по порученію кіевской археографической коммиссіи, буду въ Черниговѣ, а изъ Чернигова поѣду черезъ Нѣжинъ въ П. и по дорогѣ посмотрю хваленый храмъ, возвигнутый коштомъ помѣщицы К. и трудами патентованнаго художника, архитектора N., а въ П. погощу денекъ-другой у моего Виргилія и, если можно будетъ, навѣстимъ достойнѣйшаго Антона Карловича и Марьяну Акимовну и полюбуемся ихъ прекраснѣйшею фермою.

Такъ я тогда думалъ, а вышло, что человѣкъ распредѣляетъ, а Богъ опредѣляетъ. Вышло то, что я въ продолженіе двадцати лѣтъ (со дня выѣзда моего изъ П.) не только что не видѣлъ Кіева, Чернигова, Нѣжина, П. и моего Автомедона, и фермы, и всего, что я тамъ видѣлъ прекраснаго, но въ продолженіе двадцати лѣтъ не видѣлъ моей милой родины, ни даже звука роднаго не слыхалъ.

Вотъ что иногда судьба съ нами дѣлаетъ!

Послѣ двадцатилѣтняго моего странствованія по чужимъ краямъ, возвращаюсь я въ Малороссію и, проѣзжая смиренный городъ П., вспомнилъ сѣренькій домикъ на углу грязныхъ улицъ и велѣлъ ямщику или почтарю остановиться у этого мизернаго домика. Вылѣзъ я изъ телѣги, вхожу на дворикъ, меня встрѣчаютъ два мальчугана; я спрашиваю, здѣсь-ли живетъ Иванъ Максимовичъ С.

— Здѣсь! отвѣчаютъ мальчуганы оба разомъ.

— Дома онъ?

— Нѣтъ! они въ училищѣ.

— А есть-ли у васъ дома кто-нибудь постарше васъ?

— Есть мати дома, только они опочиваютъ; мы ее разбудимъ.

— Не нужно, не будите. Я послѣ зайду.

И я поѣхалъ на почтовую станцію.

День былъ прекраснѣйшій и уже клонился къ вечеру, и я, сложивши вещи свои, т. е. чемоданъ и котомку, на крылечкѣ станціоннаго дома, а подорожнюю отдавая смотрителю, просилъ его не торопиться съ лошадьми.

Учредивши-же такимъ образомъ, я усѣлся на своей мизеріи, т. е. на чемоданѣ, и принялся рисовать прекрасно освѣщенную вечернимъ солнцемъ каменную церковь, довольно неуклюжей, но довольно оригинальной архитектуры, построенную полковникомъ п—скимъ, Игнатомъ Г., тѣмъ самымъ, что первый отложился отъ Мазепы и передался царю Петру, за что и былъ, по смерти полковника Носа, возведенъ въ званіе п—скаго полковника и одаренъ великими маетностями въ томъ-же полку. Пока я срисовалъ сей памятникъ знаменитаго полковника, солнце повисло надъ горизонтомъ и толпа школьниковъ показалась на улицѣ, а за толпою школьниковъ, въ нѣкоторомъ отдаленіи, появилась на улицѣ тощенькая, согбенная фигурка, съ зонтикомъ вмѣсто палки въ рукѣ. Это былъ мой Виргилій, и я почти побѣжалъ къ нему на встрѣчу.

Долго мы стояли среди улицы другъ противъ друга и наконецъ, послѣ долгихъ припоминаній, онъ протянулъ мнѣ руку и сказалъ:

— Антикварій! антикварій. Такъ это вы?... А я было уже васъ совсѣмъ похоронилъ!... Да какъ-же вы перемѣнились! Совсѣмъ было не узналъ...

— Спасибо еще, что хоть вспомнили.

— Да я васъ всегда вспоминалъ, только по наружности не узналъ. Прошу-же васъ покорнѣйше навѣстить меня въ моей убогой келіи.

И мы, разговаривая, подошли медленно къ воротамъ сѣренькаго, давно знакомаго мнѣ, домика.

У воротъ, какъ это обыкновенно бываетъ въ маленькихъ городахъ, стояла въ землю вросшая скамейка. Мы молча посмотрѣли на нее и сѣли.

— Да, такъ вотъ вы и попутешествовали, проговорилъ Иванъ Максимовичъ грустно; и свѣтъ Божій посмотрѣли, чай и за границей не разъ побывали... А я, какъ залѣзъ въ этотъ темный уголъ, такъ и на свѣтъ Божій не показываюсь: сижу себѣ, можно сказать, безъ всякаго движенія!...

И долго мы бесѣдовали, вспоминая каждый изъ насъ свое прошедшее. Между прочимъ онъ разсказалъ мнѣ, что вскорѣ послѣ нашей разлуки онъ женился на благородной и прекрасно-воспитанной, хотя и бѣдной, дѣвушкѣ. И думалъ, говоритъ, я съ нею вѣкъ свой коротать въ счастіи и любви; но Богъ судилъ мнѣ въ одиночествѣ вѣкъ свой коротать!—И старикъ заплакалъ.

— Братецъ! раздался женскій голосъ изъ-за воротъ: идите въ комнаты, пора вечерять, дѣти спать хотятъ.

— Накормите ихъ, сестрица, и уложите, а мы еще немного здѣсь посидимъ.—Сестрица! прибавилъ онъ: съ нами гость сегодня вечеряетъ, то вы-бы тамъ что-нибудь лишнее... хоть карасика поджарили, да послали-бъ Ѳеклу, знаете, на счетъ того...

— Пошлю, братецъ.

— Да... На третьемъ году нашего блаженства, продолжалъ онъ, съ разстановкой, она оставила меня на вѣки. Правда, я не совсѣмъ еще сирота: она оставила мнѣ малое дитя свое, для котораго, можно сказать, и прозябаю я. Въ тотъ самый годъ у сестры моей мужъ скончался скоропостижно и оставилъ ее тоже съ маленькимъ сиротою; вотъ мы съ нею и сошлись въ одинъ кутокъ, да и дѣлимъ свое горе, какъ намъ Богъ помогаетъ. Дѣтей, я думаю, съ Божіей помощью, въ гимназію... а тамъ...

— Братецъ, раздался снова женскій голосъ изъ-за воротъ: идите въ комнаты! На дворѣ роса и холодно, а вы только во фракѣ.

— Сейчасъ, сейчасъ, сестрица! Пойдемте въ нашу хату, а то и въ самомъ дѣлѣ какъ-бы намъ съ вами не простудиться. Вѣдь мы

съ вами не можемъ похвалиться молодостью, цвѣтущей здоровьемъ. Пойдемте!

И мы оставили скамейку и молча вошли въ комнату.

Комнатка, въ которой я двадцать лѣтъ тому назадъ провелъ нѣсколько дней на холостую ногу, была та-же, да не та. Бѣдность та-же, да только бѣдность эта была умытая и принаряженная женскою рукой; на чистенькомъ полу чистенькіе половики, у оконъ бѣлыя занавѣски, на окнахъ бальзамины и герань въ горшкахъ; столъ, досчатый диванъ, табуретки липовыя—тѣ-же, да какъ-то иначе смотрѣли. Что значитъ женская рука въ домашнемъ быту даже аккуратнаго мужчины!

Въ быту гражданскихъ мужчинъ это еще не такъ рѣзко бросается въ глаза, какъ у военныхъ. Напримѣръ, зайдите въ комнату холостого офицера: изба избой, такъ и несетъ отъ нее пѣнкой и табачищемъ. А у женатаго офицера—тоже изба, да только въ этой избѣ сундукъ, на которомъ у холостого деньщикъ спитъ съ собакою, покрытъ коврикомъ и замѣняетъ диванъ. На досчатомъ столикѣ, вмѣсто табачницы и гвоздя для ковырянья трубокъ, пестренькая ярославская салфеточка, зеркальце и какое-нибудь женское рукодѣліе. Словомъ, въ семейной жизни, даже въ бѣдности, есть какая-то свѣжая матеріальная прелесть: о нравственной прелести я и не говорю...

Изъ другой комнатки вышла къ намъ старушка въ черномъ платкѣ и въ бѣлѣйшемъ чепчикѣ, такая милая, чистенькая старушка, какую я рѣдко встрѣчалъ на своемъ вѣку.

— Рекомендую вамъ! Моя сестрица, Марья Максимовна!

Я поклонился,

— А они, сестрица, мой старый, добрый знакомый N. N.

Я снова поклонился, а она проговорила:

— Прошу садиться.

Я сѣлъ, а Иванъ Максимовичъ заглянулъ въ другую комнату и, обращаясь ко мнѣ, сказалъ:

— Какая у меня добрая, умная, догадливая сестрица! Представьте, мнѣ и въ голову не пришло, чтобы предложить вамъ съ дороги чаю, а вѣдь это какъ пріятно! Я просто живу у нея, какъ у Бога за дверьми. Ну, потчуйте-жъ насъ, моя дорогая, моя безцѣнная хозяйка!.. А дѣти спать уже легли, сестрица?

— Уже легли, братецъ, отвѣчала старуха, ставя на столъ чашки съ чаемъ.

— Ну хорошо, я вамъ завтра ихъ покажу. А по которому уже годочку имъ пошло теперь, сестрица? Они у насъ, знаете, однолѣтки, прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

— Да вотъ на Петра и Павла минетъ по двѣнадцатому!

— Уже по двѣнадцатому! Боже мой, съ какою быстротой летятъ наши старыя лѣта! проговорилъ онъ какъ-бы съ самимъ собою.

— Двѣнадцать, двѣнадцать!.. Да!.. почти вскрикнулъ онъ, ударивши себя по лбу ладонью: чуть-чуть было не забылъ! У меня есть письмо на ваше имя, еще до моей свадьбы полученное мною. Такъ и лежитъ не распечатанное... И знаете отъ кого?

— Не знаю, отвѣчалъ я.

— Отъ вашего почтеннѣйшаго, благороднѣйшаго Тараса Ѳедоровича, помните віолончелиста у Антона Карловича на фермѣ?

— Боже мой, какъ не помнить! Я только что хотѣлъ было спросить о немъ у васъ.

— Все разскажу, дайте время. Много трогательнаго и даже поучительнаго въ жизни этого достойнаго человѣка. У меня даже есть записаны нѣкоторые случаи изъ его жизни; я, знаете, самъ хотѣлъ было на старости лѣтъ пуститься въ литературу, да какъ прочиталъ Марлинскаго, така у меня и руки опустились. Что за блестящій, что за геніальный слогъ!... Сестрица, потрудитесь намъ вынуть изъ нижняго ящика пачку бумагъ, веревочкой перевязанныхъ.

Старушка не замедлила внести порядочную пачку бумагъ, сахарной веревочкой перевязанныхъ и, отдавая ихъ брату, спросила:

— Эти, братецъ, бумаги?

— Эти, сестрица, благодарю васъ.—Вотъ, сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ: вотъ сколько перепорчено бумаги, а все это литература виновата.

И, развязавши бумаги, онъ сталъ ихъ перелистовать и, остановясь на лоскуткѣ синей бумаги, сказалъ:

— А помните-ли, вы меня тогда просили записывать все, что я услышу, касающееся поэзіи и философіи нашего простого народа, помните?

— Помню, говорю.

— Вотъ я и исполнилъ вашу просьбу. Здѣсь вы много премудрости найдете... Да гдѣ-же это письмо? Ужъ не потерялъ-ли я его?

Нѣтъ, нѣтъ, вотъ оно. Я посылалъ его въ Кіевъ на ваше имя, а мнѣ возвратили его. Васъ уже въ Кіевѣ не было. И онъ подалъ мнѣ почтеннѣйшій конвертъ, говоря:

— А знаете что? Сегодня у насъ середа... Погостите у насъ до воскресенья, а въ воскресенье пустимся мы съ вами въ путешествіе, помните, какъ когда-то, только не на балъ, а просто-запросто на ферму. Тамъ вы лично увидите и автора сего письма; а до воскресенья я разберу эти лоскутки и, можетъ быть, и вамъ что нибудь прочитаю.

Я согласился и, послѣ долгихъ упрашиваній со стороны брата и сестрицы остаться ночевать у нихъ, взялъ письмо и отправился на почтовую станцію.

Случалось-ли вамъ читать письмо, написанное вашимъ искреннимъ другомъ и полученное почти пятнадцать лѣтъ спустя? Кто не читалъ подобнаго письма, тому напрасно бы я сталъ разсказывать и описывать впечатлѣніе, произведенное на меня письмомъ моего достойнѣйшаго друга Тараса Өедоровича, впечатлѣніе невыразимое, впечатлѣніе, которое только тотъ пойметъ, кому случалось читать подобное письмо.

Главный эффектъ такого письма тотъ, что вы какъ-будто только что простились и читаете строки только вчера написанныя, а пятнадцать лѣтъ вамъ покажутся какимъ-то непродолжительнымъ сновидѣніемъ.

Вотъ что писалъ мнѣ мой безцѣнный другъ:

Я былъ близокъ къ смерти, или, лучше сказать, къ помѣшательству, когда мы пріѣхали въ Петербургъ и я узналъ, что Михаилъ Ивановичъ уже другой годъ за границей. Вотъ причина, почему мое письмо, которое вы ему переслали, осталось безъ всякихъ послѣдствій. О, какъ горько, какъ невыразимо горько намъ, когда наши прекрасныя, блестящія надежды разбиваются молотомъ неумолимой судьбы!

Я обѣщалъ писать вамъ сейчасъ-же, какъ только узнаю какой-бы ни было результатъ моего письма къ Михайлу Ивановичу, и вотъ уже проходитъ третій годъ, какъ я только что собрался съ духомъ писать о своихъ, такъ безжалостно разрушенныхъ надеждахъ.

Послѣ бала, или, лучше сказать, послѣ того концерта, гдѣ вы мнѣ такъ чистосердечно апплодировали, концерта, въ слѣдствіе ко-

тораго я полюбилъ васъ какъ родного моего брата, такъ послѣ этого бала, недѣли двѣ спустя, у нашей Софьи Самойловны показался прыщикъ на лѣвой щекѣ; она его расцарапала; изъ прыщика сдѣлался вередъ, а изъ вереда къ августу мѣсяцу сдѣлалась рана такая, что она ее едва рукою закрывала. Вообразите себѣ ея положеніе, красавица, а не прошло мѣсяца, какъ на нее смотрѣть нельзя было; красавица, замѣтьте, такая, которая именемъ матери пожертвовала красотѣ своей... Не страдалъ такъ величайшій музыкантъ Бетховенъ, когда оглохъ, или великій вашъ Буонароти, когда ослѣпъ, какъ она бѣдная страдала.

Въ половинѣ августа рѣшено было ѣхать въ Петербургъ. Въ числѣ квартета и я былъ назначенъ. Радость мою только вы можете понять. Я думалъ: вотъ когда насталъ конецъ моимъ страданіямъ! А страданія только что начинались...

Поѣхали мы. Дорогою и *самъ* захворалъ и, не доѣзжая Великихъ Лукъ, на станціи Выруты, умеръ. Думаю, что она его въ гробъ вогнала своими капризами. И правду сказать: ничего въ свѣтѣ не можетъ быть ужаснѣе, какъ внезапно обезображенная красавица. Гіена, просто, гіена!

По пріѣздѣ въ Петербургъ, разумѣется, было не до гостей и не до квартетовъ; лакейская-же моя обязанность была не велика: уберу поутру комнаты, да и маршъ на цѣлый день, куда глаза глядятъ.

О, лучше-бы я никогда не видѣлъ свѣта Божьяго, чѣмъ видѣть его, чувствовать и не смѣть ни чувствовать, ни смотрѣть на него!

Послѣ того дня, въ который я узналъ, что Михаилъ Ивановичъ за границей, я заболѣлъ сначала лихорадкою, а потомъ, мѣсяцъ спустя, я увидѣлъ или сознавалъ себя въ Петровской больницѣ, что на петербургской сторонѣ.

Меня стали посѣщать по средамъ и по субботамъ товарищи мои, лакеи-виртуозы и, во едину отъ субботъ, сказали мнѣ, что наша Софья Самойловна скончалась подъ ножемъ какого-то знаменитаго хирурга и мы остались сиротами.

Я плохо поправлялся, такъ плохо, что даже самъ главный докторъ Кохъ, проходя мимо моей койки, не останавливался.

Весною однако-жъ я могъ уже прогуливаться по длинному широкому корридору, а въ маѣ мѣсяцѣ меня уже въ полдень и въ садъ выпускали часа на два.

Надо вамъ сказать, что въ Петровской больницѣ есть и женское отдѣленіе, въ третьемъ этажѣ, и женщинъ выздоравливающихъ тоже выпускаютъ въ полдень погулять въ саду. Вотъ однажды я сижу на скамейкѣ, подходитъ ко мнѣ больная въ тиковомъ халатѣ и въ бѣломъ чепчикѣ или такомъ колпакѣ, какой былъ и на мнѣ. Мы просидѣли молча, пока служитель не загналъ насъ въ палаты. На другой день были погода хорошая и насъ снова послали гулять въ полдень. Походивши немного, я присѣлъ на скамейкѣ. Вчерашняя дама снова приходитъ и садится около меня. Я какъ-то нечаянно взглянулъ ей въ лицо и увидѣлъ, что она была красавица, но только такая исхудалая, такая грустная, что у меня сердце заболѣло на нее глядя. Я не утерпѣлъ и спросилъ ее:

— О чемъ вы такъ грустите?

— О томъ, я думаю, о чемъ и вы: о здоровьи.

Я не удовольствовался ея отвѣтомъ и, немного помолчавъ, сказалъ ей:

— Здоровье ваше возобновится, да о здоровьи и не грустятъ такъ, какъ вы грустите.

— Да, это правда, сказала она и закрыла глаза рукою.

Служитель опять загналъ насъ въ палаты.

Нѣсколько дней сряду шелъ дождь. и я скучалъ, не видя моей знакомой-незнакомки. Наконецъ, дождикъ пересталъ и насъ опять выпустили въ садъ. Я прямо пошелъ къ скамейкѣ и, къ удивленію моему, на скамейкѣ уже сидѣла моя грустная знакомка. Я ей поклонился, она мнѣ тожъ, съ едва замѣтною, но такою грустною улыбкой, что я чуть было не заплакалъ.

— Вы должно быть страшно несчастны, сказалъ я ей, садясь на скамейку.

— А вы счастливы? спросила она, взглянувши на меня такъ выразительно, что я затрепеталъ и, прійдя въ себя, взглянулъ на нее; а она все еще смотрѣла на меня съ прежнимъ выраженіемъ.

— Всмотритесь въ меня, сказала она.

Я силился посмотрѣть на нее, но не могъ вынести устремленнаго на меня взгляда ея глубоко-впалыхъ большихъ черныхъ очей.

— Неужели вы меня не узнаете? спросила она едва внятнымъ шепотомъ.

— Не узнаю, отвѣтилъ я.

— Такъ я должно быть страшно перемѣнилась? И, немного помолчавъ, сказала:

— Ну такъ вспомните Кленовку и 23 апрѣля 18.. года. Что, вспомнили?...

— Боже мой! неужели это вы, m-lle Тарасевичъ?

— Я, едва проговорила она и залилась горькими слезами.

На другой день мы снова съ нею встрѣтились у завѣтной скамейки и она мнѣ разсказала свою грустную исторію.

Я и безъ того писать или выражать свои мысли на бумагѣ не мастеръ, а какъ буду пускаться въ отвлеченности да въ отступленія, то письму моему и конца не будетъ. Но грустная исторія, которую мнѣ про себя разсказала бѣдная Тарасевичъ, должна заставить и нѣмого говорить, и глухого слушать.

О, если бы я имѣлъ великое искусство писать, я написалъ-бы огромную книгу о гнусностяхъ, совершающихся въ с. Кленовкѣ.

Не помню, въ какой именно книгѣ, я начиталъ такое изреченіе, что если мы видимъ подлеца и не показываемъ на него пальцами, то и мы почти такіе-же подлецы.—Правда ли это? Мнѣ кажется, что правда.

Поэтому я и разсказываю вамъ исторію Тарасевичъ и Кленовскаго *пана*, а вы съ нею что хотите, то и дѣлайте, а если напечатаете, то это будетъ самое лучшее. Только перепишите ее по своему, потому что у меня складу недостаетъ.

Была у насъ помѣщица п. уѣзда, богатая помѣщица, душъ около 4000, бездѣтная вдова-старушка, добрая такая, благочестивая, да Богъ ее знаетъ, что ей вздумалось: разъ поѣхала она въ Кіевъ на поклоненіе, да и вышла замужъ за молодого человѣка, красавца собою, нѣкоего г. Кленовскаго. Она, можетъ быть, бѣдная въ лѣтахъ заматерѣлая, о наслѣдникѣ чаяла,—не знаю. И сказано: человѣкъ изъ ума вышелъ: передала все свое имѣніе, вмѣстѣ съ собою, въ руки молодого красавца мужа, а онъ, не будучи дуракомъ, повернулъ все по своему. И то правда: вѣдь не на старушкѣ же онъ женился, а на ея деревняхъ. Кромѣ разныхъ улучшеній по имѣнію, отъ которыхъ мужички запищали, онъ завелъ у себя оркестръ, сначала наемный, а потомъ и крѣпостной, выстроилъ великолѣпный театръ, выписалъ артистовъ и завелъ театральную школу, разумѣется, крѣпостную. Пирамъ и бенкетамъ коца не было.

Старуха была въ восторгѣ отъ своего молодого мужа. Когда-же собственныя актрисы подросли и начали уже играть роли любовницъ и одалисокъ, то онъ, смотря по возрасту и наружнымъ качествамъ, учредилъ изъ нихъ гаремъ на манеръ турецкаго султана. Разумѣется, подобное заведеніе въ тайнѣ не могло процвѣтать; только странно, что послѣдняя о немъ узнала старуха-жена, а узнавши все это, занемогла, бѣдная, отъ ревности и вскорѣ Богу душу отослала. На смертномъ одрѣ она простила своего вѣроломнаго мужа и со слезами просила его исполнить ея послѣднюю волю, т. е. положить капиталъ въ банкъ и на проценты его воспитывать трехъ сиротъ-дѣвицъ въ п—скомъ институтѣ. Онъ, разумѣется, поклялся въ точности исполнить волю умирающей.

Онъ ее и исполнилъ, да только по своему.

Послѣ смерти жены его выбрали предводителемъ дворянства, какъ человѣка достойнаго и благонамѣреннаго. Онъ тутъ-же у себя въ уѣздѣ нашелъ не трехъ, а пять сиротокъ и завелъ у себя въ селѣ благородный пансіонъ. Нанялъ учителя, какого-то отставного поручика и гувернантку безъ аттестата, а главный надзоръ за нравственностью воспитанницъ поручилъ сестрѣ своей, грязной и красноносой старухѣ. Когда сиротки стали подростать, то имъ, кромѣ русской грамоты, стали преподавать и изящныя искусства, то есть пѣніе, музыку (игру на гитарѣ), танцы и сценическое искусство. И все это, разумѣется, свои крѣпостные наставники и наставницы. Въ число этихъ-то несчастныхъ воспитанницъ попала и Тарасевичъ. Когда воспитанницы уже порядочно подросли, то, которыя по-красивѣе были, сдѣлались, по ходатайству главной надзирательницы, украшеніемъ гарема, не какъ рабыни, а какъ благородныя султанши. Тарасевичъ хотя была красивѣе всѣхъ ихъ, и умнѣе и благороднѣе, но была тощенькая, и потому-то не обратила на себя ласковаго султанскаго взора. Не завидовала она своимъ счастливымъ подругамъ, что онѣ и на балахъ являлись и танцовали, а на театрѣ являлись передъ многочисленными гостями, разумѣется, съ крѣпостными артистами, ибо не образовывать-же въ самомъ дѣлѣ для нихъ сиротокъ-мальчиковъ благороднаго происхожденія!—возьметъ бывало себѣ потихоньку какой-нибудь романъ изъ библіотеки, да и спрячется гдѣ-нибудь въ саду, читаетъ его да плачетъ. Такъ она прочитала всѣ романы, какіе только

были въ библіотекѣ. И вышло то, что она не знала, что съ собою дѣлать; пуще прежняго похудѣла; такъ и думали всѣ, что умретъ. Уже и въ постель было слегла, на ладонъ, какъ говорятъ, дышала, уже и крестъ намогильный сдѣлали; хотѣли было и гробъ дѣлать, да боялись, чтобы не укоротить, потому что люди когда умираютъ, то, говорятъ, вытягиваются; а крестъ сдѣлали сажени въ двѣ вышины, дубовый; выкрасилъ его домашній живописецъ зеленою краскою; на одной сторонѣ намалевалъ Распятіе, а на другой Скорбящую Божію Матерь; внизу прибилъ желѣзную доску и написалъ на ней: «здѣсь покоится раба Божія Марія Тарасевичь, воспитанница г. Кленовскаго, скончавшаяся 18... года, мѣсяца... числа. Только случилося такъ, что она выздоровѣла, а умерла любимая горничная сестры Кленовскаго, и умерла, говорятъ, не своею смертію. Она гладила утюгомъ своей барынѣ платье въ воскресеніе, да немного опоздала: уже во всѣ колокола прозвонили, а платье не было готово; вотъ барыня разсердилась, выхватила у нея изъ рукъ утюгъ, да и хвать ее *нечаянно* по головѣ такъ, что та бѣдная тутъ-же и ноги протянула. Правда-ли, нѣтъ ли, навѣрное не знаю. А крестъ я самъ собственными глазами видѣлъ и надпись читалъ. И, знаете-ли, такой крестъ—это своего рода картина, особенно на убогомъ сельскомъ кладбищѣ, гдѣ все крестики Богъ знаетъ какіе: то пошатнувшіеся, то совсѣмъ упавшіе, а то и просто десятокъ другой могилъ совсѣмъ безъ крестовъ. А тутъ вдругъ *фигура*, да еще какая фигура! Я думаю, г. Кленовскій самъ разсчитывалъ на этотъ эффектъ: смотрите, дескать, какъ мы своихъ воспитанницъ хоронимъ! А вышло, что похоронили не воспитанницу, а горничную... Ну, да это все равно, лишь-бы крестъ даромъ не пропалъ...

Музыкантская была въ одномъ флигелѣ съ нашимъ пансіономъ, продолжала свой разсказъ больная, и когда я начала выздоравливать и понимать себя, то мнѣ чрезвычайно пріятно было слушать, когда они сыгриваются; моему больному воображенію представлялся какой-то необыкновенно чудный міръ, особенно, когда весь оркестръ, какъ лѣсъ или море, вдали шумитъ и изъ этого неопредѣленнаго рокота выходитъ какой-нибудь одинъ инструментъ, скрипка или флейта. О, я тогда была выше всякаго блаженства!

Звуки эти мнѣ казалися чистѣйшею, отраднѣйшею молитвою, выходящей изъ глубины страдающей души.

О, зачѣмъ я выздоровѣла, зачѣмъ на вѣки не осталася въ томъ болѣзненно-блаженномъ состояніи!

Въ домѣ было прекрасное фортепьяно, и когда я могла уже выходить, то пошла прямо къ нашему капельмейстеру и просила его, чтобы онъ меня научилъ читать ноты и показалъ первые пріемы фортепьянной игры. Онъ... О, я давно прокляла его за его науку! Зачѣмъ открылъ онъ мнѣ тайну сочетанія звуковъ, зачѣмъ открылъ онъ мнѣ эту божественную, погубившую меня гармонію!...

Я быстро поглощала его первые уроки, такъ что не успѣли у меня на вершокъ волосы отрости (я больна была горячкой), какъ я уже быстрѣе его читала ноты и вырабатывала свои пальцы на сухихъ этюдахъ *Листа*.

Но не одни звуки питали мое больное сердце. Мнѣ нравилась сцена. Я прочитала все, что было въ нашей библіотекѣ драматическаго (репертуаръ нашего домашняго театра мнѣ не нравился), начиная съ *Синеуса* и *Трувора* Сумарокова до Гамлета Вискованова. Я дни и ночи бредила Офеліей, а дѣлать было нечего: я для своего дебюта принуждена была выучить роль дочери Льва Гурыча Синичкина. Успѣхъ былъ полный, и я окончательно погибла!

Когда видѣли вы меня въ Кленовкѣ, я уже бредила петербургской сценой: домашняя для меня была слишкомъ тѣсна. На несчастіе мое того-же лѣта заѣхалъ къ намъ Михаилъ Иванычъ Глинка; онъ тогда выбиралъ въ Малороссіи пѣвчихъ для придворной капеллы.

Увидѣвши меня на сценѣ и услышавши мой голосъ и игру на фортепьяно, онъ рѣшилъ, что я великая актриса. А я... о, горе мое, горе!... Я просто сердечно ему повѣрила. Да и кто-бы не повѣрилъ на моемъ мѣстѣ?

Не замѣтили-ли вы тогда у насъ на балѣ молодого, весьма скромнаго человѣка, съ большими, выпуклыми глазами, съ вздернутымъ носомъ и большимъ ртомъ? Это былъ художникъ Штернбергъ. Онъ тогда у насъ все лѣто пробылъ. Кроткое, благороднѣйшее созданіе!

Однажды я (мнѣ аккомпанировалъ Михаилъ Иванычъ) пѣла для гостей изъ его, еще не оконченной тогда оперы *Русланъ* и *Людмила* арію, помните въ чертогахъ Черномора поетъ Людмила. Только что я кончила пѣть, посыпались аплодисменты, разумѣется, не мнѣ, а автору. И, когда все замолкло, подходитъ ко мнѣ Штернбергъ, со слезами на глазахъ, и молча цѣлуетъ мои руки. Я тоже заплакала и вышла вонъ изъ залы. Съ тѣхъ поръ мы съ нимъ сдѣлались друзьями. Я часто для него въ сумерки пѣла любимую его арію изъ «Преціозы» и онъ каждый разъ, слушая меня, плакалъ.

Спустя два года послѣ моихъ успѣховъ въ Кленовкѣ, Кленовскій съ своею сестрицею начали собираться въ Петербургъ на зиму. Я, разумѣется, начала проситься съ ними. Они долго не соглашались. Но наконецъ согласились съ условіемъ, но съ какимъ условіемъ! вы понимаете меня? Да! понимаете!... И знаете что? Я согласилась!... О, будь я проклята, проклята, проклята!.. Я все забыла для искусства и для столицы, все, всѣмъ пожертвовала! И вотъ результатъ мой великой жертвы! Нищая, въ больницѣ и вдобавокъ подъ именемъ его крѣпостной дѣвки!...

Она за слезами не могла говорить. На другой день я услышалъ отъ нея подробности такого рода... Впрочемъ, онѣ такъ гнусны, что гнусно ихъ и повторять.

Скажу вамъ вкратцѣ конецъ ея бѣдственной исторіи. Пріѣхала она въ Петербургъ уже беременною и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, не выходя изъ квартиры, разрѣшилась мертвымъ ребенкомъ. Послѣ родовъ заболѣла горячкой. А г. Кленовскому нужно было ѣхать обратно въ свою Кленовку; вотъ онъ ее и отправилъ въ Петровскую больницу подъ именемъ своей крѣпостной дѣвки. Вотъ вамъ и вся недолга.

Я пробылъ еще двѣ недѣли въ больницѣ и каждый день, въ урочные часы, выходилъ въ садъ, садился на завѣтную скамейку и дожидался несчастной больной.

Какой-же въ самомъ дѣлѣ подлый эгоистъ человѣкъ вообще, а въ особенности я! Мнѣ стало на душѣ легче; я видимо сталъ поправляться послѣ ея исповѣди. Это значитъ—я доволенъ былъ, что есть несчастнѣе меня.

Страдальцы! воображайте такъ, и вы будете хоть на полъ-грана менѣе страдать!

Я каждый день спрашивалъ у знакомаго мнѣ служителя изъ женскаго отдѣленія: что № такой-то? и онъ отвѣчалъ мнѣ совершенно равнодушно: лежитъ. За день передъ моей выпиской изъ больницы спросилъ я служителя: что № такой-то? Въ покойницкой, отвѣтилъ онъ мнѣ и пошелъ за своимъ дѣломъ, быть можетъ за длинною плетеною корзиною, въ родѣ гроба, чтобы другого уже, не страдальца, вынести въ покойницкую.

На другой день, выписавшись изъ больницы, я просилъ позволенія похоронить тѣло такой-то, назвавшись: такой-то. И мнѣ было позволено.

Я пригласилъ своихъ товарищей. Вы помните, что насъ было четверо привезено въ Петербургъ (т. е. квартетъ), и мы вынесли ее на Смоленское каадбище, а послѣ панихиды пропѣли *«Со святыми упокой»*, да бросили земли по горсти въ ея вѣчное жилище—и больше ничего.

Вскорѣ послѣ этого прислалъ намъ управляющій имѣніемъ *плакатные* билеты, и мы остались еще на годъ въ Петербургѣ. И знаете, что мы сдѣлали? Прикинулись нѣмцами, да и пошли по улицамъ потѣшать добрыхъ людей своимъ искусствомъ. И знаете, хорошо было: мы почти что каждый по рублю серебромъ домой приносили.

За исключеніемъ харчей и квартиры, я каждое воскресенье получалъ рубль серебра, и каждую недѣлю я былъ два-три раза въ театрѣ (разумѣется, въ райкѣ). Откладывая каждую недѣлю полтину серебра на предвидѣнный случай, т. е. для Серве, чтобъ пріобрѣсти нѣсколько его этюдовъ для віолончели и, главное, самого его послушать.

Въ газетахъ давно уже публикуютъ, что онъ непремѣнно будетъ къ великому посту въ Петербургѣ. Дай-то Богъ! Мнѣ какъ-то страшно становится, когда я подумаю, что я буду слушать Серве. Неужели слава такъ могущественна?

Приближается зима, и наши уличные квартеты должны будутъ прекратиться. Что намъ дѣлать? Товарищи мои хотятъ бросить искусство и искать лакейскихъ должностей. А мнѣ-бы хотѣлось удержать ихъ отъ этого соблазна; да какъ удержать?

Съ этой благой мыслію пошелъ я однажды на Крестовскій островъ въ нѣмецкій трактиръ, поговорилъ съ хозяиномъ, что такъ и такъ... есть у меня квартетъ богемцевъ; можно-ли имъ будетъ прійти въ воскресенье попробовать счастья въ вашемъ заведеніи? Хозяинъ согласился, и мы въ первое-же воскресенье потѣшали почтеннѣйшую публику, какъ истинные чехи, и потѣшали не безъ пользы. Мы въ одинъ день достали себѣ пропитаніе на цѣлую недѣлю съ избыткомъ. Товарищи мои ободрились. Слѣдующее воскресенье намъ еще лучше повезло, а слѣдующее еще лучше, потому что уже настала настоящая зима.

Тутъ-же, въ трактирѣ, мы стали получать заказы черезъ содержателя трактира на вечеринки, на свадьбы и т. под. Товарищи выбрали меня подрядчикомъ и казначеемъ, и мы зиму прожили припѣваючи.

Съ Песковъ мы перебрались къ Николѣ Морскому. Квартира у насъ была уже не одна маленькая комнатка, а двѣ большія съ прихожей.

Въ свободное время, въ продолженіе зимы, я проштудировалъ всего Ромберга и Серве, что могъ достать.

Большой театръ посѣщалъ я постоянно два и три раза въ недѣлю и хоть изрѣдка, а видѣлъ и слышалъ все, что было лучшаго въ ту зиму въ столицѣ.

Прошла наконецъ и бѣшеная масляница, прошла и первая недѣля великаго поста...

О, незабвенная афиша!.....

Надо вамъ сказать, что я часто дѣлалъ большой кругъ, чтобы пройти мимо котораго-нибудь театра, собственно для того, чтобы прочитать афишу.

Въ воскресенье былъ я на соборномъ проклятіи въ Казанскомъ соборѣ. Вышелъ изъ церкви, перехожу Невскій проспектъ и издали вижу, что что-то бѣлѣетъ за проволочной рѣшеточкой у подъѣзда дома Энгельгардтъ. Я прибавилъ шагу. Подхожу къ подъѣзду, или, лучше, къ проволочному ящику, и мнѣ показалось, что я вижу самаго Серве, Вьетана. А это были только буквы. Долго я читалъ эти завѣтныя буквы, пока добрался до настоящаго ихъ смысла. А смыслъ былъ такой, что Серве даетъ концертъ сегодняшній-же день. Начало въ 7 часовъ вечера. Я сейчасъ-же купилъ билетъ. И цѣ-

лый день ходилъ по Невскому проспекту, заходя иногда къ Александринскому и Михайловскому театру прочитать афишу. Въ 6 часовъ вечера я уже былъ въ залѣ. Зала уже была въ половину освѣщена, и я вошелъ въ нее первый. Швейцаръ, впуская меня въ залу, сначала пристально осмотрѣлъ меня съ ногъ до головы, потому вѣроятно, что я вовсе не былъ похожъ на человѣка, для котораго пяти-рублевая депозитка ничего не значитъ. Ну, да Богъ съ нимъ: пускай думаетъ, что хочетъ!

Публика начала уже собираться, и къ половинѣ седьмого зала уже была полна. Меня пронимала дрожь. Но когда кто-то около меня сказалъ: уже семь часовъ, я затрепеталъ, а сердце у меня обдало какимъ-то холодомъ: какъ будто въ одно мгновеніе теплая кровь оставила его и вмѣсто крови потекла холодная вода.

Увертюра, которую я не слушалъ, кончилась. Оркестръ отдохнулъ, поправился—и, черезъ нѣсколько мгновеній, выходитъ Серве и за нимъ Вьетанъ...

Боже мой! я не слышалъ, да и не услышу никогда ничего прекраснѣе!

Листъ передъ Серве—фанфаронъ, простой механикъ, ремесленникъ передъ художникомъ, больше ничего! Я смутно помню, какъ я вышелъ изъ залы и какъ пришелъ домой. Помню только, что товарищи отняли у меня віолончель и спрятали.

Съ того вечера я уже не беру віолончеля въ руки и звуковъ ея слышать не могу: для меня это все равно, что ножемъ по сердцу.

Въ продолженіе поста я читалъ только афиши и только разъ былъ въ Большомъ театрѣ, когда давали ораторію Гайдна «Сотвореніе Міра». Это истинное сотвореніе міра. Только для Большого театра слишкомъ громко: трудно слушать. Тутъ нужно по крайней мѣрѣ Михайловскій манежъ.

Еще давали концертъ въ Патріотическомъ институтѣ, въ которомъ участвовалъ, между многими знаменитостями, и графъ Вьельгорскій.

Чего-бы я не отдалъ, чтобы послушать его! Но, увы, свѣтъ сей не для всѣхъ равно созданъ.

Какъ разъ въ великую субботу позвали насъ всѣхъ четырехъ въ часть и объявили намъ, что помѣщикъ требуетъ насъ къ себѣ

въ деревню и чтобы мы приготовились къ слѣдующей средѣ выступить въ походъ съ севастопольской партіей. Къ средѣ мы были совершенно готовы. И рано утромъ въ среду вышли за толпою колодниковъ изъ воротъ Литовскаго замка съ инструментами за плечами, и грустно, молча потянулись къ Московской заставѣ.

Не описываю вамъ путешествія нашего, потому что оно нестерпимо однообразно и отвратительно гнусно.

На третій мѣсяцъ нашего путешествія съ толпою злодѣевъ мы прибыли наконецъ въ П.

Странное и страшное чувство обуяло меня при видѣ роднаго мѣста.

Я долго не рѣшался послать изъ острога къ нашему доброму Ивану Максимовичу. Наконецъ черезъ великую силу превозмогъ ложный стыдъ и страхъ и послалъ за нимъ тюремнаго служителя. Черезъ полчаса явился Иванъ Максимовичъ и взялъ меня на поруки.

Въ продолженіе цѣлой ночи мы глазъ не смыкали, сообщая другъ другу все о себѣ, какъ родные братья послѣ долгой разлуки. Между прочими новостями онъ мнѣ сообщилъ, что промотанное и разоренное имѣніе покойнаго Г., нашего барина, купилъ съ публичнаго торгу г. Кленовскій и что хотѣлъ было взять Лизу и Наташу къ себѣ на воспитаніе, но Антонъ Карловичъ отдалъ только Лизу, а Наташу у себя оставилъ, что m-lle Адольфина оставила ихъ вмѣстѣ съ Лизою. На другой день я оставилъ П. и ночевалъ на фермѣ. На фермѣ все, какъ было и прежде, только Лизы и m-lle Адольфины не достаетъ, а хозяева ея кажется и помолодѣли и подобрѣли.

Солнце уже спускалось за горизонтъ, когда я подходилъ къ фермѣ. Мужички, попадавшіеся мнѣ около села, привѣтствуя меня съ добрымъ вечеромъ, посматривали на меня и, снявши шапки, крестилися. Меня это не мало удивило: что-бы такое значило, что они крестятся? спрашивалъ я самъ себя. Когда я входилъ въ село, дѣти, завидя меня, бросили игры и, остановясь около хаты, молча посматривали на меня, а которыя были постарше, тѣ крестилися. Я хотѣлъ было подойти къ нимъ и узнать причину благоговѣнія къ моей особѣ, но дѣти разбѣжалися. Я пошелъ далѣе, и уже на греблѣ попалась мнѣ старуха и, перекрестясь, остановила и спросила у меня.

— Куда вы гробокъ несете? Въ Д. священникъ померъ, поховать никому буде, бо нового попа ще не прислано.

Тутъ-то я только догадался, что они скрипичный ящикъ мой принимали за дѣтскій гробъ.

Подойдя къ самымъ воротамъ сада, я остановился въ раздумьи: заходить-ли мнѣ къ нимъ, или пройти мимо, и только было рѣшился на послѣднне, какъ послышался мнѣ дѣтскій голосъ въ саду. Это былъ голосъ Наташи. Я отворилъ ворота, но войти въ садъ все еще какъ-бы боялся. Только Наташа, увидя меня, закричала: мамо! мамо! нищій пришолъ! (Марью Акимовну она мамою называла).

— Гдѣ ты видишь нищаго? спросила ее Марья Акимовна, выходя изъ-за дерева.

— Онъ за воротами!

И онѣ подошли ко мнѣ на нѣсколько шаговъ. Наташа бросилась ко мнѣ, крича:

— Мамо! мамо! это не нищій: это нашъ Тарасъ Ѳедоровичъ!

Меня и въ самомъ дѣлѣ не мудрено было принять за нищаго: оборванный, запыленный, съ палкою въ рукѣ и съ ящикомъ за плечами. Марья Акимовна подошла ко мнѣ, посмотрѣла на меня, взяла меня за руку, сказавши: войдите, и заплакала. У меня ноги подкосились и я упалъ на землю и зарыдалъ, какъ дитя. Наташа побѣжала за Антономъ Карловичемъ, и черезъ нѣсколько минутъ мы уже всѣ трое шли къ дому и всѣ трое плакали. Наташа тоже плакала, разумѣется, безсознательно. Впрочемъ ей уже 12-й годъ.

И что это за дитя, еслибъ вы посмотрѣли! Это такая красота, такая дѣтская прелесть, какой мнѣ не удавалось видѣть даже на картинахъ.

Подходя къ дому, Антонъ Карловичъ почти что вырвалъ меня изъ рукъ Марьи Акимовны и повелъ свою хату. Подождите меня здѣсь, сказалъ онъ мнѣ, сажая меня на стулъ въ своей хатѣ. Я сію-же минуту, прибавилъ онъ уже за дверью.

Въ хатѣ его было все по прежнему, даже воздухъ былъ прежній, и мнѣ казалось, что я вчера только вышелъ изъ этой комнаты.

Черезъ минуту вошелъ мальчикъ съ умывальникомъ и бѣльемъ, а за нимъ и самъ Антонъ Карловичъ, неся въ рукахъ свое сѣренькое пальто и прочія принадлежности туалета.

— А сапоги найдете въ этой комнатѣ, сказалъ онъ, указывая на боковую дверь. А когда вы кончите, приходите чай пить. Мы васъ ждемъ! прибавилъ онъ, уходя изъ хаты.

Преобразившись, я пошелъ въ домъ. На крыльцѣ встрѣтила меня Наташа и, схватя за руку, закричала:

— Мамо! мамо! посмотрите, я его и не узнала!

И съ этими словами ввела меня въ комнату и, сажая меня на стулъ около стола, прибавила:

— Садитесь вотъ здѣсь, какъ разъ противъ меня и противъ мамы. Мы на васъ будемъ смотрѣть: вѣдь мы васъ давно не видѣли!

Я осмотрѣлся кругомъ и сѣлъ. Съ минуту длилось молчаніе. Марья Акимовна, молча глядя на меня, заплакала и проговорила:

— Теперь насъ только трое, а помните—было пятеро.

И, наливая чай, разсказала знакомую уже мнѣ исторію съ прибавленіемъ, что m—lle Адольфинѣ чрезвычайно не хотѣлось разставаться съ ними и что они ее на силу уговорили перейти къ г. Кленовскому, что она тамъ будетъ необходима для Лизы, потому что Лиза такая бойкая!.. Что Наташа противъ Лизы? Это просто ангелъ у меня, а не дитя, прибавила она, цѣлуя Наташу.

Марья Акимовна начала было спрашивать меня о моихъ похожденіяхъ, но Антонъ Карловичъ перебилъ ее, говоря, что для этого будетъ завтрашній день, а что сегодня нужно спросить у гостя, не хочетъ-ли онъ ѣсть и спать.

Послѣ ужина пошелъ я въ хату, гдѣ уже для меня была приготовлена постель. Боже мой! подумалъ я: за что эти добрые люди такъ полюбили меня? Встрѣчалъ-ли отецъ съ матерью съ такою любовью своего сына послѣ долгой разлуки, какъ они меня встрѣтили? Добрые, благородные люди!

На другой день поутру Антонъ Карловичъ съѣздилъ въ Д. и исходатайствовалъ мнѣ позволеніе у управляющаго остаться на фермѣ по случаю болѣзни.

Весь августъ мѣсяцъ я прожилъ въ кругу этихъ добрыхъ людей совершенно, какъ сынъ у отца и матери, и совершенно забылъ о моемъ грустномъ пребываніи въ Петербургѣ и о моемъ горькомъ странствованіи, не смотря на то, что я каждый день повторялъ свои разсказы.

Въ раю праведники едва-ли такъ блаженствуютъ, какъ я теперь блаженствую.

Наташа отъ меня совершенно не отходитъ, проситъ меня, чтобы я ее училъ на фортепьяно, хотя она сама не хуже играетъ. Проситъ меня учить ее по французски говорить, а сама меня поправляетъ. А когда я по вечерамъ разсказываю о моихъ приключеніяхъ на этапахъ, она плачетъ пуще самой Марьи Акимовны; просто она меня чаруетъ своею привязанностью ко мнѣ...

Въ четвертый разъ принимаюсь я за письмо это и не знаю, удастся-ли мнѣ хоть теперь кончить. Просто свободной минуты не имѣю. Представьте, что мы сидимъ иногда на пролетъ ночи въ уютной хаткѣ Марьи Акимовны, она за фортепьяно, а я со скрипкою.

Віолончель я думаю совсѣмъ оставить; да и хватитъ ли ужъ духу играть на ней, слышавши Серве?!

Конецъ моему блаженству близится; на дняхъ я оставляю ферму и являюсь къ моему новому властителю.

Не предчувствую ничего для себя добраго впереди, а впрочемъ—все въ рукахъ Божіихъ.

Я это письмо такъ долго писалъ, что наконецъ привыкъ къ нему, и мнѣ грустно стало, когда я его кончилъ. Я мысленно никогда не разставался съ вами, но въ это время я съ вами просто жилъ и открывалъ вамъ всѣ мои мысли и чувства, и теперь какъ подумаю о предстоящей мнѣ жизни, а въ ней предвижу я много для себя грустнаго, и грустное это некому будетъ передавать, то мнѣ теперь уже тяжело.

Напишите мнѣ хоть три слова, напишите только, что вы получили мое письмо, и я буду счастливъ.

Прощайте, незабвенный другъ мой, не забывайте преданнаго вамъ и безталаннаго музыканта N.

Ферма:

18.. года, августа.. дня.

По прочтеніи письма я думалъ было заснуть хоть немного съ дороги, но не тутъ-то было. Передо мною стоялъ, какъ живой, мой бѣдный музыкантъ съ своей віолончелью и, глядя на меня, грустно улыбался, и такъ грустно, что я хотѣлъ было достать огня и прочитать снова его печальное посланіе, только смотрю—въ окнахъ уже бѣлѣетъ. Я накинулъ на себя шинель и вышелъ на крылечко.

Не прошло пяти минутъ, какъ подходитъ ко мнѣ Иванъ Максимовичъ и, послѣ обоюдныхъ привѣтствій, жалуется мнѣ, что ему тоже всю ночь не спалося и что онъ давно уже ходитъ и посматриваетъ, не выйду-ли я.

— Мнѣ, не знаю почему, казалось, говорилъ онъ, что и вамъ тоже не спится. Я хотя и не читалъ письма Тараса Ѳедоровича, но зналъ, что оно не веселое, не правда-ли?

— Правда! отвѣчалъ я; даже очень невеселое.

— И оно, конечно, вамъ заснуть не дало?

— Дѣйствительно такъ.

— Я такъ и думалъ. Но это все ничего, а вы послушайте, что послѣ съ нимъ было!... Вечеромъ я вамъ лучше прочитаю. Я, знаете, на старости туда-же пустился въ литературу. Да что, думаю, вѣдь не святые-же горшки лѣпятъ!.. Предметъ же и самъ по себѣ интересный, а если его обработать, такъ это выйдетъ просто романъ. Вотъ я и принялся... А сестрица, я думаю, давно уже насъ съ самоваромъ дожидаетъ. Ей, бѣдной, тоже что-то не спалось въ эту ночь. Впрочемъ, это съ нею часто случается. Пойдемъ-ка, это будетъ лучше литературы.

И дѣйствительно, старушка насъ дожидала съ чаемъ, только не въ комнатахъ, а въ садикѣ, въ лѣтнемъ кабинетѣ братца. Садикъ заключалъ въ себѣ нѣсколько тощихъ фруктовыхъ деревьевъ; тутъ-же стоялъ досчатый чуланъ, приткнутый къ сосѣднему забору. Это-то и былъ лѣтній кабинетъ Ивана Максимовича.

Не смотря однакожъ на нищету этого садика, въ немъ было такъ все уютно, такъ спокойно, что я невольно позавидовалъ бѣдному Ивану Максимовичу.

Напившись чаю подъ кустомъ цвѣтущей бузины, Иванъ Максимовичъ повелъ меня въ свой кабинетъ, усадилъ на досчатомъ, обнаженномъ диванѣ и, вынимая изъ столика бумаги, сказалъ:

— Теперь мы въ тиши уединенія займемся литературою.

— Вотъ эти бумаги, сказалъ онъ, откладывая въ сторону нѣсколько листовъ мелко исписанныхъ: эти бумаги принадлежатъ вамъ. Помните, вы просили меня когда-то собирать для васъ все, касающееся исторіи, философіи и поэзіи нашего народа. Тутъ всего есть по немногу. Историческія свѣдѣнія, касающіяся собственно города П., сообщилъ мнѣ покойникъ отецъ Илья Б., а прочее я за-

писывалъ гдѣ попало. А вотъ это уже чистая литература, говорилъ онъ, разбирая другія бумаги.

— Я описываю все случившееся съ нашимъ музыкантомъ со дня его выѣзда въ Петербургъ, со-словъ его-же самаго, только украшаю иногда слогъ на манеръ Марлинскаго. Божественный писатель! Даже и названіе даю моему разсказу въ родѣ незабвеннаго Марлинскаго, т. е. *Музыкантъ или двѣ сиротки*. Помните *Лизу* и *Наташу?* Онѣ у меня тоже играютъ не малую роль.

— Такъ съ чего же намъ начать? Онъ вамъ вѣрно въ письмѣ своемъ описалъ все, хотя вкратцѣ, по день прибытія своего на родину.

— Дѣйствительно все, сказалъ я, кромѣ обратнаго своего путешествія изъ столицы.

— То-есть слѣдованія по этапамъ. Я такъ и думалъ, потому, что и мнѣ не мало стоило труда выпросить у него нѣкоторыя подробности этого, можно сказать, живописнаго путешествія.

И Иванъ Максимовичъ улыбнулся своей остротѣ.

— Такъ я начну вамъ именно съ путешествія

«Уже вечерній солнца лучъ златилъ величественное и широкое ложе рѣки Луги,—такъ началъ читать Иванъ Максимовичъ, и когда мы перешли безконечно длинный и разными вавилонами на сваяхъ воздвигнутый мостъ черезъ едва выглядывающую изъ камышей рѣку Лугу, то лучезарный Фебъ уже скрылся за горизонтомъ въ объятія Ѳетиды.

Но такъ какъ въ полярныхъ странахъ лѣтнія ночи бываютъ довольно ясны, то мы засвѣтло еще вступили въ городъ Лугу. Насъ, разумѣется, препроводили въ острогъ»....

Но тутъ, знаете, картина не авантажная, говорилъ Иванъ Максимовичъ; а потому я ее не описываю. По моему, чисто изящныя произведенія не должны касаться картинъ грязныхъ, хоть это теперь, къ несчастію, вошло въ моду. Но я все таки предпочитаю придерживаться классическаго стиля; да и гдѣ намъ, старикамъ, передѣлывать себя!...

Такъ вотъ они (я вамъ буду простыя происшествія разсказывать, а что касается поэзіи, то уже прочитано)... такъ вотъ они на другой день у этапнаго командира испросили позволенія, потому что у нихъ была дневка и къ тому-же день праздничный.... испросили позволенія (разумѣется, предложивши ему часть зара-

ботка) пройтись по улицамъ съ инструментами и дать нѣсколько концертовъ.

Предпріятіе ихъ, не смотря на то, что городъ Луга, можно сказать, нарочито не великій, увѣнчалось полнымъ успѣхомъ, такъ что, не смотря на значительную часть пріобрѣтенія, отдѣленную ими командиру этапа, у нихъ хватило пропитанія до самого Порхова. Близъ Порхова я описываю (по его-же разсказу) длинную, тонкую возвышенность въ родѣ циклопическаго вала, по которому тянется почтовая дорога почти до Порхова; потомъ самый Порховъ и величественную Шелонь, на лѣвомъ барегу которой высятся древнія развалины за́мка.

На счастье ихъ, въ Порховъ они пришли какъ разъ на Духовъ день. Пошли по улицамъ на другой-же день съ музыкою, какъ и въ Лугѣ это дѣлали. Только Порховъ—не Луга: тутъ ихъ забросали гривенниками. Одинъ прикащикъ какого-то мыловареннаго завода Жукова (значитъ, не того табачнаго фабриканта) разомъ выкинулъ три цѣлковыхъ. Имъ такъ повезло въ Порховѣ, что они уже нанимали на каждомъ этапѣ лошадку съ телѣгою для своихъ инструментовъ до самыхъ Великихъ Лукъ, а изъ Великихъ Лукъ у нихъ уже своя была лошадка, правда не мудрая, но все таки своя.

Такъ какъ они приближалися къ странѣ постоянно голодной, т. е. къ Бѣлоруссіи, то, кромѣ инструментовъ, отъ города до города везли за ними и порядочный запасъ печенаго хлѣба.

Трогательныя картины случалось ему видѣть въ сей убогой странѣ. Знаете, голодъ, нищета, развратъ и грустные спутники разврата. Все это я описываю въ назидательномъ тонѣ.

Такъ напримѣръ, когда они проходили чуть-ли не Усвяты, то, вмѣсто того, чтобы арестантамъ подать милостыню, толпа мальчишекъ съ толстыми полѣнами бросилась къ арестантамъ и стала просить хлѣба, а когда увидѣла, что имъ давали хлѣба наши арестанты, за мальчишками бросились и взрослые, и старики. Голодъ не знаетъ стыда. Пройдя страну сѣтованія и плача, они вступили, наконецъ, въ благословенные предѣлы нашей милой Малороссіи и наконецъ въ нашу скромную П. Въ тотъ-же вечеръ пили мы чай съ нашимъ милымъ музыкантомъ и дружески бесѣдовали въ этой самой бесѣдкѣ.

— Теперь вотъ что я вамъ скажу... Вы извините меня: я человѣкъ, знаете, обязанный службой...

— Сдѣлайте милость, распорядитесь какъ вамъ угодно! сказалъ я ему.

— Я вотъ что сдѣлаю, говорилъ онъ. Я схожу не надолго въ училище, а вы читайте мою рукопись. Тутъ вы стрѣтите нѣсколько подлинныхъ писемъ Тараса Ѳедоровича, въ которыхъ онъ изображаетъ большею частью состояніе души своей и прочія домашнія обстоятельства. И еще знаете что. Я забѣгу на станцію и скажу, чтобы принесли и ваши вещи сюда, и мы съ вами такъ и прокочуемъ до воскресенья, а въ воскресенье на ферму вмѣстѣ. Bene? прибавилъ онъ, сжимая мою руку.

— Benissimo, отвѣтилъ я, и мы разстались.

Рукопись, правду сказать, пугала меня; за то письма, въ ней помѣщенныя, меня чрезвычайно интересовали, а потому я и принялся за нее.

Письма были вклеены въ рукопись, а потому-то мнѣ ихъ не трудно было отыскать.

И первое изъ нихъ было такого содержанія:

«Я обѣщался вамъ, мой незабвенный Иванъ Максимовичъ, извѣщать васъ по временамъ какъ о себѣ самомъ, такъ и о предметахъ, меня окружающихъ. И вотъ уже скоро наступитъ третій годъ, какъ я пресмыкаюся у ногъ моего новаго властителя, и только теперь вспомнилъ я данное вамъ обѣщаніе. Мое горе такого рода, что само себя питаетъ и не любитъ утѣшенія. Простите меня, добрый Иванъ Максимовичъ, за такое выраженіе; но что дѣлать?— истинно! Теперь мнѣ лучше, и такъ лучше, что могу бесѣдовать съ вами. Что это вы къ намъ никогда не заглянете? То-то бы наговорились! Пріѣзжайте-ка, да и супругу вашу привезите. У насъ 23 апрѣля праздникъ. Вѣдь вы прежде такъ любили увеселенія! Я этой любви обязанъ и знакомствомъ моимъ съ антикваріемъ, помните? Гдѣ-то онъ теперь, бѣдный! Напишите мнѣ, если получите о немъ какое извѣстіе.

Вчера я возвратился съ фермы; я тамъ гостилъ три дня; впрочемъ, я тамъ никогда меньше двухъ дней не гощу. Вотъ мое одно, единственное счастіе. И правда, великое счастіе! Отъ сотворенія міра я думаю ни одному страдальцу не удавалось такъ заживлять свои сердечныя раны, какъ я ихъ заживляю въ кругу этихъ бла-

городныхъ людей. А Наташа, вообразите себѣ, такъ меня полюбила, что, когда я уѣзжаю, она на взрыдъ плачетъ. И что это за дѣвочка, что это за чудное созданіе! И въ этихъ лѣтахъ (ей четырнадцатый годъ) сколько глубокаго чувства и не дѣтскаго ума! Она полюбила музыку, и такъ полюбила, что дни цѣлые проводитъ за фортепьяно; и, представьте, она до сихъ поръ не знаетъ, что она сирота. Правда, при Марьѣ Акимовнѣ трудно ей это узнать, потому что она для нея больше. нежели мать родная; за то и Наташа вполнѣ вознаграждаетъ ее своею дѣтскою безотчетною любовью. А Антонъ Карловичъ просто не знаетъ, гдѣ и посадить свою Наташу. Представьте, онъ для нея цѣлый день не выходитъ изъ своей лабораторіи, чтобы вечеромъ потѣшить Наташу какою-нибудь замысловатою игрушкой. Я вамъ разсказываю то, что вы сами недавно видѣли. Мнѣ говорили, что вы недавно съ супругою вашею гостили у нихъ. Какъ жаль, что я не зналъ, а то-бы непремѣнно отпросился.

Странная, однакожъ, психологическая задача! Напримѣръ, Лиза—двѣ капли воды похожа на Наташу, и я ее каждый день вижу, а не могу любоваться ею, какъ Наташею любуюсь. Она мнѣ кажется слишкомъ бойкой. болѣе похожа на мальчика, ни къ чему не привязывается, не охотно учится и музыки не любитъ.

Что-бы это значило? Дѣтство ихъ было совершенно одинаково, а теперь такая разница.

M-lle Адольфинѣ, какъ вамъ извѣстно, въ тотъ-же годъ отказалъ Кленовскій. И знаете за что? Гнусный сластолюбецъ! Онъ не могъ обольстить ее и выгналъ изъ дому, назвавши при всѣхъ распутною дѣвкою.

Богъ ее знаетъ, гдѣ она теперь. Доброе, непорочное созданіе Вы знаете, что я ей обязанъ французскимъ языкомъ и теперь только узналъ я ему настоящую цѣну. Библіотека у насъ состоитъ почти! вся изъ французскихъ книгъ, хотя, правду сказать, болѣе изъ романовъ, но все таки лучше это, нежели ничего.

Да, m-lle Адольфина была необходима для Лизы.

Бѣдное дитя! Чему она выучится, что усвоитъ себѣ хорошаго отъ своей воспитательницы—безграмотной, старой, подлой дѣвки? Это почтеннѣйшая сестрица г. Кленовскаго. Она отдѣлила ее отъ общества пансіонерокъ и перевела къ себѣ, и все это, я подозрѣ-

ваю, по приказанію братца. Гнусные люди! Лиза чрезвычайно быстро выростаетъ. Г. Кленовскій пишетъ, чтобъ его нынѣшній годъ дожидали изъ-за границы. Онъ вѣдь еще въ прошломъ году уѣхалъ принимать ванны отъ какой-то застарѣлой болѣзни.

А знаете что! Пріѣзжайте къ 26 августа на ферму. Вы знаете —въ этотъ день Наташа именинница. Увѣряю васъ будетъ весело. Пріѣзжайте, я хоть посмотрю на васъ.

Къ этому дню я составлю нѣсколько квартетовъ, т. е. я съ товарищами моего странствованія. Только чуръ—не проболтайтесь, если раньше нашего пріѣдете. Я хочу сдѣлать это въ видѣ сюрприза. Антонъ Карловичъ готовитъ для нея еще иллюминацію и щитъ съ ея вензелемъ. Щитъ будетъ поставленъ между кустовъ, а за щитомъ помѣстится нашъ квартетъ. Не правда ли, хорошо придумано? Еще я приготовилъ для Наташи сюрпризъ; не знаю только, понравится-ли ей. За ноты я не боюсь: я ноты просто печатаю, а фронтисписъ меня безпокоитъ. Я, видите-ли, какъ умѣлъ, переписалъ на веленевой бумагѣ серенаду Шуберта и украсилъ заглавный листъ собственнымъ издѣліемъ; скопировалъ, правда, съ какого-то ничтожнаго романса, ну, да это ничего.

Пріѣзжайте 26 августа, Бога-ради, пріѣзжайте! Только непремѣнно вмѣстѣ съ супругою».

Едва кончилъ я это первое письмо, какъ вошелъ ко мнѣ Иванъ Максимовичъ, запыхавшись.

— Фу, какъ усталъ! почти бѣжалъ всю дорогу: боюсь, не соскучились-ли вы. А, да вы читаете, прочитываете! Что, каково, а? по-стариковски, не правда-ли! Слогъ, слогъ главное, а прочее само собою придетъ. Не правда-ли?

— У васъ слогъ прекрасный!

— Устарѣлъ маленько; что-же дѣлать, мы и сами устарѣли, не такъ-ли?

Я въ знакъ согласія кивнулъ головою, а онъ, взглянувши на рукопись, сказалъ:

— А, такъ вы на письмѣ остановились?... Продолжайте, продолжайте.

— Я уже кончилъ письмо,

— Кончили?—И, немного помолчавъ, онъ проговорилъ:

— Да, оно кончается приглашеніемъ меня на именины Наташи съ моею незабвенною!—И онъ замолчалъ и отвернулся.

— Музыка... иллюминація... Наташа! приходя въ себя, говорилъ онъ съ разстановкою.

— Да, прекрасно, торжественно прекрасно было. Нѣтъ, мы лучше прочтемъ: этотъ праздникъ у меня торжественнымъ стилемъ описанъ.

— Братецъ! пожалуйте обѣдать! раздался голосъ сестрицы.

— И въ самомъ дѣлѣ, лучше пойдемте пообѣдаемъ, а потомъ уже придемъ и прочитаемъ.

И мы пошли обѣдать.

Не знаю, дѣло-ли то было аппетита, или дѣло просто сердечнаго радушія, или просто борщъ съ сушеными карасями (который такъ геніально варятъ мои землячки), не знаю, что именно было причиною, знаю только, что я преплотно пообѣдалъ и еще плотнѣе заснулъ послѣ обѣда. Вещи мои были принесены съ почтовой станціи и я поселился до воскресенья въ бесѣдкѣ гостепріимнаго Ивана Максимовича. Во время его отсутствія прочитывалъ простосердечныя письма моего непорочнаго музыканта.

Второе письмо, предлагаемое здѣсь, было писано спустя два съ лишнимъ года послѣ перваго.

М. Г. Иванъ Максимовичъ.

Въ послѣднемъ письмѣ своемъ вы повторяете свою прежнюю просьбу, чтобы я записывалъ изъ устъ нашего народа, какъ вы пишете, все, что касается его философіи, поэзіи и исторіи. Благодарю васъ, что вы напоминаете мнѣ объ этомъ. Это значитъ, что ваше горе вполовину уменьшилось, что вы наконецъ вспомнили и нашего антикварія и наконецъ меня, вашего искреннаго друга. Антикварія нашего и я помню хорошо, только Богъ его знаетъ, гдѣ онъ теперь находится; а я для него или все равно для васъ записалъ на-дняхъ дивную пѣсню.

Иду я однажды по самой большой улицѣ въ селѣ и, правду сказать, иду къ корчмѣ, чтобы посидѣть съ добрыми людьми на завалинѣ: не услышу-ли чего-нибудь поучительнаго? Только иду и вижу, по самой серединѣ улицы идетъ пьяная баба и, какъ видно, не убогая. Идетъ и во все горло поетъ, поглядывая на высунувшіяся на улицу хаты:

Упилася я,
Не за ваше я:
Въ мене курка неслася—
Я за яйця впилася!...

Это-ли не философія? Это-ли не поэзія?

Мнѣ хотѣлось сдѣлать варіаціи на эту тему, но, увы! музыка не въ силахъ выразить этого великаго сарказма.

Вы теперь, какъ видно изъ вашего письма, немного успокоились послѣ вашей невознаградимой потери. *Быйте лихомъ объ землю, якъ швецъ мокрою халявою объ лаву*, да пріѣзжайте въ воскресенье на ферму. А я пріѣду туда съ віолончелью и буду играть для васъ цѣлый день и все ваши именно любимыя малороссійскія пѣсни.

Я вамъ кажется не писалъ еще о віолончели. Чудный, дивный инструментъ. И я не знаю. гдѣ онъ могъ его достать за такую ничтожную цѣну.

Въ прошломъ году нашъ поправившійся Кленовскій возвратился изъ за-границы и, между многими диковинными игрушками, привезъ и віолончель. Боже мой, что это за игрушка! Только одна душа человѣка можетъ такъ плакать и такъ радоваться, какъ поетъ и плачетъ этотъ дивный инструментъ.

Мастеръ, создавшій его, никто иной былъ, какъ самъ Прометей. Я спать ложуся и кладу его около себя. Это моя любовница, моя жизнь, мое я. И еслибъ я былъ два раза рабъ, то за этотъ инструментъ продалъ-бы себя въ третій разъ. О, я теперь совершенно забылъ Серве. А если-бы видѣли, что дѣлается съ Наташей, когда я заиграю на этомъ божественномъ инструментѣ? Она цѣпенѣетъ—и больше ничего.

А Марья Акимовна увѣряетъ меня, что я на скрипкѣ лучше играю, нежели на віолончели. Но это она говоритъ только такъ; она сама не можетъ равнодушно слушать віолончели.

Разносился я однакожъ съ своею віолончелью, какъ дурень съ писаною торбою, а о главномъ-то чуть было и не забылъ. Предчувствія мои сбылись. Едва ожившій Кленовскій ухаживаетъ уже за Лизою собственною персоною. Какъ видно, усердіе милой сестрицы не имѣло успѣха.

Лиза и знать ничего не хочетъ. Бѣгаетъ по заламъ, бьетъ горшки съ цвѣтами, ломаетъ стулья—совершенный ребенокъ. А этому ребенку, замѣтьте, 17 годовъ. Меня одно только утѣшаетъ: если я не ошибаюсь. мнѣ кажется, что если и успѣетъ г. Кленовскій, то этотъ успѣхъ обойдется ему не такъ-то дешево.

Мнѣ по крайней мѣрѣ не случалось еще встрѣчать такъ сильно развитой природы въ Лизины лѣта. Это совершенная женщина! Сестрица Кленовскаго въ тупикъ становится передъ ея выходками. Что если-бы хоть какое-нибудь образованіе этой дѣвушкѣ? Это была-бы совершенная Семирамида или Клеопатра.

Мѣсяцѣ тому назадъ, однажды сидятъ они всѣ трое за обѣдомъ молча и только поглядываютъ другъ на друга изъ подлобья. Кушанья подавали только для формы, никто къ нимъ и не прикасался. А я отъ нѣчего дѣлать, стоя за стуломъ Лизы, сталъ всматриваться въ лицо Кленовскаго. Руина! совершенная руина! Онъ не старикъ еще, но опередилъ даже дряхлыхъ стариковъ. Повисшія, едва сжимающіяся губы, полураскрытые безцвѣтные глаза, желто-зеленый цвѣтъ лица и вдобавокъ сѣрые, жиденькіе волосы и глухота дѣлаютъ его чѣмъ-то отвратительнымъ, чѣмъ-то на полипа похожимъ.

Обѣдъ кончился. Лиза, выходя изъ-за стола, заплакала и, обращаясь къ г. Кленовскому, сказала:

— Прикажите заложить лошадь, или я пѣшкомъ уйду къ Антону Карловичу.

Быть бѣдѣ! подумалъ я и не ошибся. Черезъ нѣсколько дней дворня шопотомъ заговорила о женитьбѣ барина на Лизаветѣ Ѳедоровнѣ, а еще черезъ нѣсколько дней явилися уже и подробности, сопровождающія всякую будущую свадьбу: изъ П. между тѣмъ пріѣхалъ стряпчій г. Кленовскаго, И. П. Ермолинъ, пробылъ у нихъ двое сутокъ и уѣхалъ такъ, что его почти никто и не видалъ.

Это тоже что-нибудь да значитъ!

Не прошло и мѣсяца послѣ этого происшествія, какъ сестрица Кленовскаго засуетилась, забѣгала, всю дворню подняла на ноги и своимъ благороднымъ воспитанницамъ приказала приготовить самую лучшую пьесу къ свадьбѣ.

Къ свадьбѣ? подумалъ я. Стало быть между Лизой и Кленовскимъ это вещь возможная. Странно! Я на другой-же день съѣздилъ на ферму, разсказалъ все видѣнное и слышанное. Антонъ Карловичъ сказалъ: *хорошо*, а Марья Акимовна только головой кивнула.

Свадьба совершилась тихо; гостей много не собралось; были только ближайшіе сосѣди. Въ театрѣ тоже не были. Хотѣли было дать концертъ, да тоже до завтра отложили.

Завтра тоже прошло безъ особыхъ приключеній, а послѣ-завтра управляющій получилъ приказаніе отъ Кленовскаго приготовить экипажи, людей и лошадей для поѣздки въ Кіевъ.

Все это происшествіе вамъ покажется невѣроятнымъ, фантастическимъ, какъ и самому мнѣ оно показалось. Но вспомните, что Лиза выростала подъ непосредственнымъ надзоромъ распутной, старой дѣвки. Вспомните это, и неестественное замужество Лизы дѣлается самымъ натуральнымъ. Грустно только смотрѣть на это милое созданье, такъ безчеловѣчно нравственно изуродованное: въ ней и тѣни не видно той ангельской прелести, какая такъ свойственна ея возрасту. Воспитательница однакожъ ошиблась въ своихъ разсчетахъ. Цѣль ея была развратить Лизу до такой степени, чтобы она была способна выйти замужъ за ея отвратительнаго братца; въ этомъ она успѣла. Но главное—ей надоѣдалъ братецъ своимъ самовластіемъ и ей нужно было сокрушить эту власть; она и сокрушила: т. е. она сдѣлала Лизу полной, независимой помѣщицей всего имѣнія, прежде принадлежавшаго Кленовскому. Для того и пріѣзжалъ стряпчій изъ П. Дѣло въ томъ, что когда Лиза сдѣлалась помѣщицей, то, вмѣсто половинной власти и состоянія, предложила своей наставницѣ мѣсто ключницы у себя въ домѣ.

Распорядившись такъ съ своей милой наставницею, она вручила полную власть своему управляющему надъ домомъ и всѣмъ имѣніемъ; потомъ взяла своего дряхлаго мужа и отправилась въ Кіевъ, якобы пользоваться тамошними минеральными водами. Въ домѣ оставалось все по прежнему. Хозяйка обѣщалась зиму провести въ имѣніи, а до зимы, слѣдовательно, мнѣ въ домѣ было нечего дѣлать. И я, пользуясь своимъ добрымъ случаемъ, отпросился у управляющаго мѣсяца на два въ Д., т. е. на ферму. И вотъ уже третій день я разыгрываю Моцартовскія сонаты въ хаткѣ Марьи Акимовны на моей віолончели.

Какъ тепло мнѣ, какъ хорошо въ кругу этихъ милыхъ моихъ друзей! Наташа день отъ дня становится все краше и милѣе. Что за умница. что за скромница, просто прелесть! Она, знаете, со мною хочетъ этикетничать, держать себя, какъ прилично взрослой дѣвицѣ, но никакъ не можетъ; важничаетъ, важничаетъ, да вдругъ схватитъ съ меня шляпу, побѣжитъ и спрячется въ кустахъ. Я ищу ее, а она перебѣгаетъ изъ куста въ кустъ, пока устанетъ, а потомъ

пойдетъ жаловаться Марьѣ Акимовнѣ, что я ей покою не даю, что она на мой соломенный бриль безъ смѣху смотрѣть не можетъ. Милое, прекрасное созданіе! Глядя на нее, иногда я себя чувствую выше человѣка, такимъ безгранично счастливымъ существомъ, какимъ человѣкъ никогда быть не можетъ. Съ нѣкотораго времени я замѣчаю, она начинаетъ задумываться и почти плачетъ, когда я играю ея любимую серенаду Шуберта.

Марья Акимовна предлагаетъ Антону Карловичу поѣхать съ Наташей на зиму въ Кіевъ. Но Антонъ Карловичъ упорно молчитъ, только головою потряхиваетъ. Разъ было сказала Марья Акимовна:
— Ну коли не въ Кіевъ, такъ хоть въ Кленовку, къ Лизѣ.

Но онъ на нее такъ посмотрѣлъ, что съ тѣхъ поръ о Лизѣ и помину не было.

Я совершенно понимаю и оправдываю мысль Марьи Акимовны, но никакъ не могу равнодушно вообразить себѣ Наташи въ кругу незнакомыхъ ей людей; мнѣ дѣлается страшно за нее. Она такая живая, впечатлительная и ей уже семнадцать лѣтъ. Ей предстоятъ большія опасности впереди.

Вотъ еще что меня не мало удивило. Когда я разсказалъ съ подробностями про свадьбу Лизы, Наташа равнодушно дослушала мой разсказъ и проговорила:
— Несчастная она!—и залилась слезами.

Неужели она въ эти лѣта такъ глубоко успѣла заглянуть и уразумѣть, въ чемъ состоитъ истинное наше счастье?

Я завтра поѣду въ Кленовку за партитурою Мендельсона «Сонъ въ Ивановскую ночь». Наташа еще не слыхала ея. Я положу для нея эту чудную симфонію для фортепьяно и баса.

Пріѣзжайте когда-нибудь въ праздникъ и вы послушаете; а между тѣмъ напишите о себѣ хоть пару словъ, съ нашимъ посланнымъ, напишите хоть только то, что вы получили мое посланіе.

Преданный вамъ вашъ Музыкантъ».

На оставшемся отъ письма чистомъ полулистѣ бумаги, въ родѣ примѣчанія, было написано рукою Ивана Максимовича такъ:

«29 іюня, въ день Петра и Павла, ѣздилъ я въ гости на ферму и гостилъ два дня съ великимъ удовольствіемъ. Віолончель и фортепьяно—это такая божественная гармонія, что вѣчно-бы слушалъ и не наслушался, особенно, когда они вдвоемъ исполняютъ

эту волшебную серенаду. Я впрочемъ думаю, и не безъ основанія, что, кромѣ гармоніи звуковъ, между ними существуетъ высочайшая гармонія самыхъ нѣжныхъ чувствъ. Мнѣ даже объ этомъ сама Марья Акимовна косвенно намекнула, когда они играли серенаду. Она обратилась ко мнѣ, взоромъ показывая на музыкантовъ и шепнула:

— Не правда-ли, парочка? Какъ вы думаете?

Я, разумѣется, въ знакъ согласія кивнулъ головой.

Другой разъ, когда мы гуляли въ саду, и они вдвоемъ шли впереди насъ и о чемъ-то тихо разговаривали, Антонъ Карловичъ, глядя на нихъ, проговорилъ, какъ бы самъ съ собою.

— Во-что-бы то ни стало, а я ему добуду свободу.

Благородное чувство! подумалъ я, Это значитъ стоять выше предразсудковъ вѣка. Давно пора бы всѣмъ такъ думать и чувствовать. Но, увы! гордыня обуяла насъ. А какъ-бы они счастливы были! Я всякій день ѣздилъ бы на ферму любоваться на ихъ счастье. Я тутъ не вижу ничего невозможнаго; все будетъ зависѣть отъ Антона Карловича, а сомнѣваться въ искреннемъ сочувствіи этого благороднаго человѣка, значитъ не вѣрить въ Бога. Подождемъ! Увидимъ»!

Въ слѣдующемъ за письмомъ повѣствованіи собственнаго издѣлія Ивана Максимовича продолжаются разсужденія въ томъ же родѣ филантропическомъ, только уже слогомъ возвышеннымъ, обработаннымъ,—такимъ слогомъ, что я съ трудомъ прочиталъ полстраницы. Настоящій Марлинскій. Миръ памяти его!

Перевернувши нѣсколько листовъ краснорѣчивой рукописи, я открылъ еще одно письмо музыканта, писанное годъ спустя послѣ предыдущаго.

Письмо начиналось такъ:

Незабвенный Иванъ Максимовичъ!

Я такъ счастливъ, такъ безконечно счастливъ, что едва ли могу писать вамъ, а писать необходимо, потому что счастье задушитъ меня, если я не выскажусь. Но съ чего-же вамъ начать? Дайте прійти въ себя. Да, начну съ того, что прошедшей осенью возвратился изъ Кіева Кленовскій совершенно больной и безъ жены. Елизавета Ѳедоровна бросила его въ Кіевѣ, на попеченіе сестрицы, а сама уѣхала съ какимъ-то гусаромъ на маневры въ Вознесенскъ, да и не возвращалась. Уже изъ-за границы (кажется, изъ Вѣны)

написала управляющему письмо, чтобы онъ всю дворню и музыкантовъ распустилъ на оброкъ—кто пожелаетъ, а остальныхъ обратилъ-бы въ хлѣбопашцевъ; благороднымъ воспитанницамъ выдалъ-бы по тысячѣ рублей и тоже распустилъ, а дворовыхъ дѣвушекъ повыдавалъ-бы замужъ съ приданнымъ по сту рублей, хоть за солдатъ; г. Кленовскому и сестрѣ его выдавалъ-бы по сту рублей въ мѣсяцъ, и больше ничего.

Жалко и отвратительно было смотрѣть на этого изувѣченнаго сластолюбца, когда онъ смотрѣлъ на сборы въ дорогу своихъ воспитанницъ и не могъ остановить этихъ сборовъ. Ему не хотѣлось разстаться съ своими жертвами, и онъ плакалъ въ безсиліи. Онъ пошелъ было къ нимъ во флигель проститься съ ними, но онѣ передъ нимъ двери заперли. Достойная благодарность развратителю!

Лизавета Ѳедоровна можетъ-быть и безсознательно, но вполнѣ справедливо и достойно наказала своего развратителя. Я въ душѣ ей благодаренъ. За одну бѣдную Тарасевичъ его слѣдовало-бы сдѣлать каторжникомъ. Если совѣсть его проснется когда-нибудь, то она забичуетъ его лучше всякаго палача. Только мнѣ не вѣрится въ присутствіе совѣсти въ развращенномъ сердцѣ.

Оркестръ нашъ почти весь пущенъ на оброкъ, и отправился въ Кіевъ. Выбрали было меня капельмейстеромъ, но я рѣшительно отказался и выпросилъ себѣ у управляющаго мѣсто лѣсничаго въ Д. Эта должность какъ-разъ пришлась по мнѣ: брожу себѣ цѣлый день по лѣсу, какъ будто дѣло дѣлаю, а въ вечеру отправляюсь на ферму. Віолончель осталась со мною. Слушатели мои—самые искренніе слушатели, и я просто блаженствую. Если бы ко всему этому прежняя рѣзвость и беззаботность Наташи, я былъ-бы совершенно счастливъ. А то она такая отчего-то грустная ходитъ, что я не знаю, что и дѣлать.

Марья Акимовна тоже будто-бы перемѣнилась, тоже чего-то по временамъ задумывается и скучаетъ. Одинъ только Антонъ Карловичъ по прежнему молчитъ и добродушно улыбается. Въ отношеніи же меня, они всѣ по прежнему ласковы, только что-то какъ будто-бы скрываютъ.

Меня это мучитъ, и я по цѣлымъ днямъ иногда хожу по лѣсу и плачу, самъ не знаю отчего...

Нѣсколько дней тому назадъ Антонъ Карловичъ ѣздилъ къ нашему управляющему и возвратился чрезвычайно веселъ, такъ веселъ, что заставилъ меня съ Наташею играть «Горлыцю», а самъ чуть было танцовать не пустился. А между прочимъ все-таки ни слова никому не говоритъ о причинѣ такой радости...

Черезъ недѣлю послѣ этой радости, Антонъ Карловичъ, не сказавъ никому ни слова, уѣхалъ опять къ управляющему, а къ вечеру того-же дня прислалъ записку, чтобы его не ждали вечерять, что съ управляющимъ онъ уѣхалъ въ Полтаву.

Мы, разумѣется, ахнули и минутъ пять не могли проговорить ни слова, только смотрѣли другъ на друга; наконецъ заговорила первая Марья Акимовна.

— Что-же это онъ сдѣлалъ со мною? Вотъ уже тридцать лѣтъ, слава-Богу, мы съ нимъ не разлучались ни на день единый, а тутъ взялъ да уѣхалъ, и хоть-бы сказалъ слово. Вотъ до чего я дожила, горькая!

И, минуту помолчавъ, она тихо заплакала, Наташа также, и, взявшиеь за руки, они пошли въ покои.

Я какъ вкопаный остался на мѣстѣ, и долго-бы простоялъ еще, если-бы Наташа не позвала меня въ комнаты.

Послѣ долгихъ разсужденій и предположеній, зачѣмъ и для чего такъ, можно сказать, воровски уѣхалъ Антонъ Карловичъ въ Полтаву, я вызвался сейчасъ-же съѣздить въ Кленовку и узнать все положительно на мѣстѣ, а чтобы имъ не страшно было безъ мущины, я сходилъ на мельницу и пригласилъ стараго мирошника на ферму, въ видѣ сторожа и собесѣдника (Наташа чрезвычайно любила слушать его старыя сказки и прибаутки).

На разсвѣтѣ я возвратился на ферму изъ Кленовки, не узнавши ничего. Конторскіе писаря, пользуясь отсутствіемъ управляющаго, перепились пьяны, и на вопросъ мой отвѣчали: уѣхали вь Полтаву! и больше ничего.

Наташа заснула, а Марья Акимовна ждала моего возвращенія у воротъ сада и, завидя меня, подбѣжала ко мнѣ съ вопросомъ: что? Я, хоть и горько мнѣ было, сказалъ ей, что въ Кленовкѣ никто ничего не знаетъ.

— Идите-же вь его хату, да отдохните съ дороги, сказала она мнѣ и, закрывъ лицо руками, такъ пошла къ дому.

Бѣдная женщина! подумалъ я, глядя ей вслѣдъ: неужели такъ тѣсно сдружилася ты съ нимъ, что не можешь одинъ день прожить безъ него? Счастливая, завидная твоя доля, и многія, многія жены тебѣ въ правѣ позавидовать. А тебѣ еще больше, счастливый благородный старче, должны завидовать мужья-горемыки!

Прошелъ день, другой, наконецъ и третій, а объ Антонѣ Карловичѣ ни слуху, ни духу. На фермѣ все такъ притихло и пріуныло, что я боялся и подумать о музыкѣ.

Марья Акимовна всѣ дни ходила взадъ и впередъ по одной дорожкѣ и только молча вздыхала, а Наташа ей вторила.

Казалось, что мы уже на вѣки разстались съ нашимъ Антономъ Карловичемъ. Въ теченіе дня Марья Акимовна заходила въ его хату, чего прежде никогда не дѣлала, обмахивала платкомъ пыль съ электрической машины и съ другихъ вещей, садилась на кушетку и плакала, словомъ, она походила на самую нѣжную любовницу.

Въ продолженіе этихъ дней я только и слышалъ отъ нея, и то она говорила какъ бы сама съ собою:

— Ну, слыхано-ли на свѣтѣ такое горе? Уѣхать въ такую даль и не сказать женѣ ни слова? О я несчастная!

Дни проходили медленно, а вечера еще медленнѣе, и 26 августа быстро близилось. Я думалъ было прежде о сюрпризахъ для дня ангела Наташи; но послѣ этого случая я такъ растерялся, что совершенно обо всемъ забылъ.

Я ѣздилъ еще разъ въ Кленовку и хотѣлъ было проѣхать въ П. къ повѣренному Елизаветы Ѳедоровны, но мнѣ сказали въ Кленовкѣ, что и онъ уѣхалъ вмѣстѣ съ ними.

Вотъ уже и 25 августа, а на фермѣ будто-бы ничего не бывало: ни малѣйшаго движенія; о предстоящемъ праздникѣ и помину нѣтъ.

Я вспомнилъ про мѣсячную розу въ Д. въ оранжереѣ, которую я давно выпросилъ у садовника для дня ангела Наташи, и, не сказавъ никому ни слова, отправился пѣшкомъ въ Д. Возвращался я съ цвѣткомъ на ферму уже вечеромъ. И—вообразите мою радость! Антонъ Карловичъ сидѣлъ за столомъ между Марьей Акимовной и Наташей и, по обыкновенію, улыбаясь, пилъ чай.

— А, и вы пришли! сказалъ онъ, увидѣвши меня.—Садитесь-ка, я вамъ разскажу, что я видѣлъ въ Полтавѣ.

Я сѣлъ—и нѣсколько минутъ прошло въ молчаніи.

— Ну, разсказывай, безпутный, проговорила Марья Акимовна, что ты видѣлъ въ твоей скучной Полтавѣ.

— А что я тамъ видѣлъ? грязь и больше ничего!

— А что-же ты тамъ дѣлалъ столько времени?

— Тоже ничего!

— Зачѣмъ-же ты ѣздилъ туда, вѣтрогонъ ты старый?

— Такъ, прогуляться!

— Такъ, прогуляться? Слышите, люди добрые: такъ прогуляться! Охъ, ты сѣдая, старая голова! И это тебѣ не совѣстно такъ мучить меня на старости лѣтъ?

И Марья Акимовна поцѣловала его такъ нѣжно, такъ просто, сердечно, какъ самая нѣжная мать цѣлуетъ покорное дитя свое.

Вечеръ прошелъ тихо и весело.

На другой день проснулись всѣ рано, а Антонъ Карловичъ раньше всѣхъ. Разбудивши меня, онъ сказалъ:

— А что, ты приготовилъ что-нибудь для имянинницы?

— Приготовилъ,—проговорилъ я.

— Ну, такъ вставай-же, одѣвайся и пойдемъ поздравимъ; она уже бѣгаетъ по саду.

Я наскоро умылся, одѣлся и, взявши свою розу, пошелъ къ дому вслѣдъ за Антономъ Карловичемъ. Наташа, увидя насъ, побѣжала въ комнаты.

Мы вошли вслѣдъ за нею, а она уже сидѣла за чайнымъ столомъ, какъ ни въ чемъ не бывало, около Марьи Акимовны и просила сухарика къ чаю.

Я поздравилъ ее и приподнесъ ей свой скромный подарокъ. Антонъ Карловичъ поздравилъ то-же и, вынувъ изъ бокового кармана сложенную вчетверо бумагу и подавая Наташѣ, сказалъ ей:

— Вотъ тебѣ гостинецъ изъ Полтавы.

Сказавши это, онъ, улыбаясь, сѣлъ около нея. Наташа долго молча читала бумагу и, не дочитавши, выпустила ее изъ рукъ и со слезами бросилась обнимать и цѣловать Антона Карловича, а мы съ Марьей Акимовной съ изумленіемъ посматривали другъ на друга.

Наконецъ, я поднялъ бумагу, посмотрѣлъ на нее, то была моя «отпускная»!..

Все, что сказалъ-бы я вамъ про свои ощущенія въ эту великую минуту, все-бы это и тѣни не было похоже на то, что я чувствовалъ.

— Віолончель тоже наша! проговорилъ, улыбаясь, Антонъ Карловичъ.

Я упалъ передъ нимъ на колѣни и цѣловалъ его руки, обливаясь слезами.

— Ну, Наташа, теперь за тобою очередь, продолжай! сказалъ Антонъ Карловичъ, обращаясь къ Наташѣ. Возьми эту бумагу и отдай нашему другу и скажи: вотъ, молъ, тебѣ мое приданное. А мы съ Марьей Акимовной скажемъ: Боже васъ благослови!

Всѣ четверо мы бросились другъ къ другу и залились слезами.

И вотъ уже болѣе недѣли, какъ мнѣ мое счастіе спать не даетъ. И знаете, кто все это сдѣлалъ? Наташа, моя милая, моя безцѣнная Наташа! Она предпочла меня и знатнымъ и богатымъ, меня, крѣпостного музыканта.... и, открывшись во всемъ своимъ благороднымъ благодѣтелямъ, просила ихъ дѣлать съ нею, что найдутъ лучшимъ. А добрый, молчаливый Антонъ Карловичъ, не долго разсуждая и не говоря никому ни слова, рѣшилъ по своему, однимъ разомъ. Онъ заплатилъ за мою свободу съ віолончелью 2500 руб. Если-бы Кленовскій былъ моимъ владыкою, этого-бы никогда не случилось. Спасибо тебѣ, Елизавета Өедоровна! Тебѣ и во снѣ не снится, что ты—невинная причина моего настоящаго блаженства...

Теперь Антонъ Карловичъ хлопочетъ объ опредѣленіи меня въ канцелярію дворянскаго предводителя,—ужъ это я и самъ не знаю для чего,—а когда это сбудется, тогда мы съ вами будемъ видѣться, по крайней мѣрѣ раза три въ недѣлю. А пока пріѣзжайте въ воскресенье на ферму и полюбуйтесь на совершенно счастливыхъ людей.

Преданный вамъ музыкантъ N.

Дочитавши это, самимъ счастіемъ написанное, письмо, я впалъ въ какую-то болѣзненную задумчивость. Боже мой! Неужели это была зависть? Нѣтъ, я не завидовалъ никому на свѣтѣ! Это было

горькое, невыразимо горькое чувство одиночества. Я чуть не заплакалъ отъ внутренней болѣзни.

Въ то время, какъ я собирался плакать, вошелъ ко мнѣ Иванъ Максимовичъ и спросилъ:

— Ну что, далеко уже прочитали мое немудрое повѣствованіе?

— Все прочиталъ, отвѣтилъ я.

— И описаніе свадебнаго пира?

— Нѣтъ, не читалъ.

— Такъ прочитайте, непремѣнно прочитайте, потому что я, можно сказать, больше всего разсчитываю на эффектъ этого великолѣпнаго изображенія.

— А скажите, Иванъ Максимовичъ, старики еще живы?

— Здоровехоньки, а о счастіи и говорить нечего. А если-бъ вы видѣли, что за внучку имъ Богъ послалъ! Совершенный ангелъ Божій!

Я снова задумался. А знаете что, Иванъ Максимовичъ? спросилъ я его черезъ минуту.

— А что?

— Отпустите меня завтра одного на ферму, а сами въ воскресенье пріѣзжайте.

— Ни за что. А коли вамъ ужъ такъ захотѣлось, то и я завтра могу съ вами ѣхать. Да что это вамъ такъ вдругъ?...

— У меня ужъ характеръ такой: я ужасно люблю смотрѣть на счастливыхъ людей, и, по моему, нѣтъ прекраснѣе, нѣтъ усладительнѣе зрѣлища, какъ образъ счастливаго человѣка.

— Это совершенная правда.

На другой день мы были на фермѣ, и я видѣлъ и былъ совершенно счастливъ счастіемъ этихъ простодушныхъ, благородныхъ людей. Видѣлъ и свидѣтельствую истину сего неложнаго сказанія.

Т. Шевченко.

15 января
1857 г.

Родъ Лашкевичей и дневникъ одного изъ нихъ[1]).

Царствованіе Екатерины II, по отношенію къ Малороссіи, было, какъ извѣстно, періодомъ усиленнаго приравненія всѣхъ внѣшнихъ сторонъ мѣстной жизни къ общегосударственнымъ формамъ. Рядъ столь важныхъ политическихъ и соціально-экономическихъ реформъ, какъ отмѣна гетманства (1764 г.), уничтоженіе запорожской Сѣчи (1775 г.), учрежденіе намѣстничествъ (1781 г.), окончательное закрѣпощеніе крестьянъ (1783 г.), нобилитація козацкой старшины (1785 г.) и проч., не могъ не отразиться весьма сильно на народной жизни. Въ короткое время измѣнилась не только оффиціальная физіономія края, но въ значительной степени и его внутренніе распорядки. Особенно сильное вліяніе имѣли екатерининскія реформы на жизнь высшихъ слоевъ тогдашняго малорусскаго общества. Выдѣляя изъ себя массу дѣятелей для преобразованной гражданской и военной администраціи, новыхъ судовъ, разнаго рода земскихъ должностей, козацкая старшина, превратившаяся затѣмъ въ малороссійское

---

[1]) Откладывая съ году на годъ печатаніе давно обѣщаннаго дневника Степана Ивановича Лашкевича, мы имѣли въ виду отыскать недостающіе его годы; но этого не случилось, а между тѣмъ наступаетъ пріостановка изданія, которое, Богъ вѣсть, когда возродиться можетъ. Не желая оставлять нашихъ читателей безъ удовлетворенія ихъ ожиданія, мы помѣщаемъ здѣсь давно готовый генеалогическій обзоръ рода Лашкевичей и самаго дневника, въ надеждѣ, что представитель сего рода, уважаемый А. С. Лашкевичъ, обязательно сообщившій намъ сохранившіяся части дневника, приложитъ стараніе къ отысканію затерявшихся частей и издастъ этотъ цѣнный памятникъ въ полномъ его видѣ, съ пополненіемъ генеалогическихъ свѣдѣній о самомъ родѣ и исправленіемъ неточностей, какія могли бы оказаться въ настоящемъ обзорѣ.—*Ред.*

дворянство, входила въ самую тѣсную связь съ остальнымъ русскимъ служащимъ міромъ и съ внѣшней стороны быстро ассимилировалась съ нимъ. Государственная служба, съ ея отличіями и преимуществами, всегда была привлекательна для состоятельныхъ малороссовъ; всѣ лучшіе люди шли въ нее, а потому нѣтъ ничего удивительнаго, что служилый классъ, усвоивавшій бытовыя формы россійскаго культурнаго человѣка, постоянно былъ предметомъ подражанія для остальной массы южнорусскаго дворянства. Подъ вліяніемъ новыхъ общественныхъ условій, изъ малорусскаго державцы конца XVII и половины XVIII вѣка постепенно вырабатывались тѣ хорошо извѣстные типы украинскихъ старосвѣтскихъ помѣщиковъ, низшій видъ которыхъ увѣковѣчилъ въ литературѣ Гоголь. Въ высшей степени интересенъ процессъ этой культурной переработки. Всякія данныя, относящіяся къ этой области нашей исторіи, заслуживаютъ поэтому полнаго вниманія.

Оставленный однимъ изъ рода Лашкевичей дневникъ, въ связи съ другими, относящимися къ его автору документами, и заключаетъ въ себѣ прежде всего именно тотъ интересъ, что до нѣкоторой степени знакомитъ насъ съ бытомъ средняго по образованности и общественному положенію малороссійскаго помѣщика переходнаго періода.

Сказаннымъ уже отчасти опредѣляется сравнительное значеніе упомянутаго дневника въ ряду такихъ, однородныхъ съ нимъ, памятниковъ южно-русской старины, какъ «Записки» Якова Марковича и «Діаріушъ» Ханенка. Слѣдующія за симъ, болѣе подробныя свѣдѣнія объ авторѣ и самомъ дневникѣ дадутъ намъ возможность провести болѣе полную параллель между ними.

Авторъ дневника, Степанъ Ивановичъ Лашкевичъ, бунчуковый товарищъ въ стародубовскомъ полку, впослѣдствіи надворный совѣтникъ и председатель новгородсѣверскаго верхняго земскаго суда, родился 1734 г. [1]), умеръ 1782 г.

---

[1]) Дневникъ, 28 марта 1772 г.

Родъ Лашкевичей, какъ это видно изъ родословныхъ ихъ документовъ, происходитъ отъ бѣлорусскаго выходца Ильи Лашкевича, переселившагося будто бы въ Стародубъ изъ рѣчицкаго повѣта въ 1679 году. Кто такой былъ этотъ Илья Лашкевичъ, неизвѣстно. Когда въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія дворянская коммисія новгородсѣверскаго намѣстничества потребовала у Лашкевичей доказательствъ дворянскаго ихъ происхожденія, то потомки Ильи нашли въ мозырскомъ повѣтѣ несомнѣнныхъ шляхтичей Лашкевичей, которые подъ присягою показали, что могилевскіе и сѣверскіе Лашкевичи происходятъ отъ одного предка. Затѣмъ въ рогачевскомъ уѣздномъ судѣ былъ найденъ въ городскихъ книгахъ чечерскаго, рѣчицкаго и другихъ зaмковъ рядъ грамотъ, данныхъ разными польскими королями, начиная отъ Сигизмунда II до Августа, фамиліи «землянъ» Лашкевичей, а у Папроцкаго и Окольскаго было заимствовано подробное описаніе герба этой фамиліи. Такимъ образомъ получилась цѣпь данныхъ, подкрѣпленная свидѣтельствами «вѣры годныхъ» людей, вполнѣ достаточная для убѣжденія членовъ дворянской коммисіи въ шляхетскомъ происхожденіи рода Лашкевичей и для внесенія ихъ въ шестую часть дворянской родословной книги, въ отдѣленіе древняго дворянства [1]).

На самомъ дѣлѣ древность едва ли не ограничивалась упомянутымъ выше Ильею Лашкевичемъ. Не даромъ авторъ «Исторіи руссовъ» замѣчаетъ въ одномъ мѣстѣ о польскихъ выходцахъ: «шляхта сія ежедневно почти умножалась новыми выходцами изъ музыкантовъ, мастеровыхъ и панскихъ служителей, которымъ никакого разбора здѣсь (въ Малороссіи) не было; а когда кто покажется изъ Польши, то уже и шляхтичъ, какъ-бы онъ былъ избраннаго рода левитскаго отъ древнихъ іудеевъ» [2]). Сынъ Ильи Тихонъ пріобрѣлъ куплею домъ въ Стародубѣ, а

[1]) Въ высшей степени любопытны эти родословные документы, образчикъ, такъ сказать, аргументаціонной брони, устрашавшей скептиковъ изъ дворянской коммисіи, и матеріалъ вообще для изображенія „людей старой Малороссіи“; но, по недостатку мѣста, мы привести ихъ не можемъ.

[2]) Ист. руссовъ, москов. изд. 1846 г., стр. 249.

внукъ его Семенъ уже на столько разбогатѣлъ, что могъ породниться съ древнимъ шляхетскимъ родомъ Сѣверщины—Рубцами. Онъ женился на одной изъ Рубцовенъ, взялъ за нею въ приданное маетности въ стародубовскомъ полку и имѣлъ отъ нея пять сыновей; старшій изъ нихъ, Карпъ, умеръ вѣроятно молодымъ, а остальныхъ отецъ пристроилъ къ знатному козачеству, записавъ ихъ въ службу значковыми товарищами. Ни одинъ изъ сыновей Семена, должно быть по отсутствію протекціи, не пошелъ далеко по службѣ: старшій, Иванъ, правда, умеръ въ 1765 году бунчуковымъ товарищемъ, за то слѣдующій, Артемій, оставался до смерти значковымъ товарищемъ (третій сынъ, Онисифоръ, кажется, вовсе не поступалъ на службу), а послѣдній, Өедоръ, дослужился до полковаго хорунжаго. Сыновья и внуки трехъ меньшихъ братьевъ затерялись затѣмъ въ массѣ мелкаго дворянства, а старшій, Иванъ Семеновичъ, успѣлъ собралъ значительное состояніе и тѣмъ выдвинуть свое потомство. Онъ скупилъ у тётокъ своихъ по матери, Рубцовенъ, обширныя помѣстья, по сосѣдству съ своимъ материнскимъ, такъ что сдѣлался богатымъ державцею въ стародубовскомъ полку. Ивану Лашкевичу принадлежали: половина селъ Брахлова, Любечанъ, Новхова, Обтень, слободки Шамовки (всѣ въ нынѣшнемъ новозыбковскомъ уѣздѣ), половина села Еліонки, слобода Воронецъ [1]); мельницы: на рѣчкѣ Бобинцѣ подъ городомъ Стародубомъ, на рѣчкѣ Снови, на рѣчкѣ Ирпѣ и на ручьѣ подъ мѣстечкомъ Новымъ Ропскомъ (новозыбковскаго уѣзда), дворъ и комора на рынкѣ въ городѣ Стародубѣ. Иванъ Семеновичъ женатъ былъ на Евфросиніи Ивановнѣ Губчицъ, бывшей уже въ замужествѣ за Василіемъ Журманомъ, и имѣлъ отъ нея пасынка Илью Журмана, сына Степана и дочь Марөу.

Степанъ Ивановичъ, авторъ дневника, въ 1751 году, 17-ти лѣтъ отъ роду, поступилъ въ генеральную войсковую канцелярію, въ званіи войсковаго канцеляриста, и состоялъ въ ней три

---

[1]) Еліонка и Воронокъ (прежній Воронецъ) нынѣ великорусскіе раскольничьи посады стародубскаго уѣзда.

года. Все время онъ находился при гетманѣ, то въ Глуховѣ, то при «походной» гетманской канцеляріи въ Москвѣ и Петербургѣ. Столичная жизнь при штабѣ Разумовскаго, который покровительствовалъ молодому Лашкевичу отчасти и по личнымъ связямъ [1]), конечно много повліяла какъ на карьеру Лашкевича, такъ и на его развитіе. По словамъ «сказки», поданной Лашкевичемъ въ стародубовскую полковую канцелярію въ 1762 г., онъ уже въ 1754 г, 20 лѣтъ, былъ сдѣланъ бунчуковымъ товарищемъ. Въ 1758 г. Степанъ Ивановичъ женился на Параскевіи Григорьевнѣ Галагановой, дочери прилуцкаго полковника Григорія Игнатьевича Галагана, и взялъ за нею, кромѣ богатой движимости, слободку Норицу въ стародубовскомъ полку (она-жъ и Галагановка).

По выходѣ изъ генеральной канцеляріи Лашкевичъ поселился въ селѣ Брахловѣ и занялся хозяйствомъ, при чемъ не упускалъ случаевъ округлять свои помѣстья новыми пріобрѣтеніями. Такъ, у погарскаго подкоморія Галецкаго онъ купилъ землю въ городѣ Погарѣ, съ крестьянами, у нѣкоего Случановскаго—«грунта курковскіе» (стародубовскаго уѣзда), у жителей раскольничьихъ слободъ Воронка и Еліонки отобралъ половину мельницы на рѣчкѣ Брусѣ (стародубовскаго уѣзда); по раздѣлу съ двоюродными братьями, дѣтьми Өедора Лашкевича, ему достались дворы въ Стародубѣ и проч. Если свести всѣ упоминанія дневника объ имѣніяхъ автора, то получается слѣдующій, быть можетъ еще не полный, перечень его владѣній. Главное помѣстье и мѣсто жительства Степана Лашкевича было село Брахловъ (новозыбковскаго уѣзда), гдѣ была мельница о двухъ поставахъ, садъ и проч.; затѣмъ домъ съ «трепальнымъ дворомъ» (для выдѣлки пеньки) и землями, мельницей и винокурней былъ въ городѣ Погарѣ, нѣсколько дворовъ съ мельницей въ городѣ Стародубѣ, земли съ мельницами въ хуторѣ Ирпѣ, на рѣчкѣ того-же имени и на притокѣ ея Прудцѣ—въ нынѣшнемъ ново-

---

[1]) Братъ Лашкевича по матери, Илья Васильевичъ Журманъ, былъ женатъ на Агафьѣ Давидовнѣ Стрѣшневой (?), „изъ дома гетмана“.

зыбковскомъ уѣздѣ; домъ, шинокъ и винокурня въ селѣ Ущерпьѣ суражскаго уѣзда, домъ съ землями и пасѣкой въ Норицѣ или Галагановкѣ мглинскаго уѣздовъ, дворъ и половина мельницы въ хуторѣ Брусѣ стародубовскаго уѣзда, земли въ селахъ: Курковичахъ (стародубовскаго уѣзда), Желѣзномъ мостѣ (новгородсѣверскаго уѣзда), Любечанахъ, Повховѣ, Шамовкѣ, Обтеняхъ, Бровничахъ, Тимновичахъ (новозыбковскаго уѣзда) и въ хуторѣ Гремячкѣ (новгородсѣверскаго уѣзда) [1]).

При своемъ богатствѣ Степанъ Ивановичъ обладалъ мягкимъ, общежительнымъ характеромъ, и потому пользовался большою популярностью между окружнымъ шляхетствомъ. Въ 1764 году онъ былъ избранъ земскимъ судьею въ погарскомъ повѣтѣ [2]) и въ этой должности состоялъ до 1779 г. Въ 1772 году погарское шляхетство кромѣ того выбрало его своимъ предводителемъ. Во время предводительства Лашкевичъ сильно хлопоталъ о полученіи «россійскаго чина»; такъ въ дневникѣ говорится, что поѣздка автора въ Москву въ 1775 году была совершена съ этою цѣлью. Но прежде Степанъ Ивановичъ былъ сдѣланъ въ 1779 году подкоморимъ [3]), и только въ 1781 году, при утвержденіи его въ должности предсѣдателя верхняго земскаго суда повѣта новгородсѣверскаго, онъ былъ произведенъ въ чинъ надворнаго совѣтника. Въ слѣдующемъ 1782 г. Лашкевичъ умеръ.

Сыновья и дочери автора дневника росли и воспитывались уже, какъ дѣти богатаго, со связями, украинскаго помѣщика. У Степана Ивановича было восьмеро дѣтей, два сына—Иванъ и Василій и шесть дочерей. По дневнику и другимъ фамильнымъ бумагамъ можно прослѣдить отчасти судьбу старщаго сына, Ивана, и старшей дочери, Агафьи. Иванъ родился въ 1765 году и до 13 лѣтъ воспитывался дома, при родителяхъ. 10-ти лѣтъ онъ былъ записанъ капраломъ въ измайловскій полкъ, счи-

---

[1]) Кромѣ того тесть дарилъ Лашкевичу въ разное время лошадей, которыя оставались въ галагановскомъ заводѣ въ Гнилицѣ и размножались, такъ что напр. къ 1772 году въ заводѣ было 50 лошадей, принадлежавшихъ Лашкевичу.

[2]) *Дневникъ*, 8 марта 1778 г.

[3]) Ibid., 21 іюня 1779 г.

тавшійся подъ командой графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго, и тогда-же отецъ привезъ къ сыну изъ Москвы учителя, француза Давена, договореннаго за 150 р. въ годъ. Но съ Давеномъ дѣло не сладилось: французъ вѣроятно былъ неуживчиваго характера и заносчивъ, за что скоро былъ прогнанъ [1]). Въ январѣ 1778 года мальчика отвезли учиться въ Москву, и подъ 6 ноября того-же года отецъ отмѣчаетъ въ дневникѣ: «изъ Москвы отъ сына (получилъ извѣстіе), что онъ во университетѣ уже учится». Девятнадцати лѣтъ Иванъ Лашкевичъ получилъ чинъ капитана, но въ слѣдующемъ году, по неизвѣстной причинѣ, вышелъ секундъ-маіоромъ въ отставку.

Къ дальнѣйшей судьбѣ Ивана Степановича Лашкевича относится любопытное «дѣло», хранящееся въ фамильномъ архивѣ графа Милорадовича и состоящее болѣе чѣмъ изъ 100 листовъ, о женитьбѣ его на дочери бывшаго черниговскаго полковника, генералъ-маіора Петра Степановича Милорадовича. Послѣдній былъ женатъ на дочери бунчуковаго товарища Семена Полуботка и получилъ за женою обширныя имѣнія, которыя должны были перейти, по смерти жены, къ дочери ихъ отъ этого брака, Анастасіи, по выходѣ послѣдней замужъ. Отецъ, «по своему пристрастію къ дитинному имѣнію», держалъ дочь при себѣ, отказывая сватавшимся къ ней женихамъ. Анастасія, будучи уже двадцати съ лишнимъ лѣтъ, убѣжала къ бабушкѣ своей Полуботковой и, съ ея согласія, вопреки волѣ отца, вышла въ 1789 году замужъ за Ивана Степановича Лашкевича. Милорадовичъ поднялъ дѣло о самовольномъ выходѣ дочери въ замужество, имѣя цѣлью, конечно, удержать за собою ея материнскія имѣнія. Дѣло тянулось очень долго, прошло по всѣмъ инстанціямъ и было окончено уже по смерти Петра Милорадовича, въ пользу Анастасіи. Иванъ Степановичъ Лашкевичъ такимъ образомъ къ своей наслѣдственной части прибавилъ об-

---

[1]) Любопытная отмѣтка касательно этого француза стоитъ въ дневникѣ подъ 5 января 1776 г.. „сей день у вечеру учитель Давенъ неучтиво изъ за вечери всталъ і пошолъ, при чемъ были Петро Павловскій и Николай Лашкевичъ". Должно быть, по случаю „кутти", была очень длинная „вечеря" и французъ не могъ выдержать ее до конца.

ширныя полуботковскія владѣнія въ черниговскомъ повѣтѣ и былъ владѣльцемъ двухъ съ половиною тысячъ душъ крестьянъ. Къ нему перешелъ и Брахловъ. Въ 1811 году Лашкевичъ подписывался почему-то уже подполковникомъ, какъ видно изъ описанія герба представителя рода Лашкевичей въ 1811 г., и умеръ въ этомъ чинѣ.

Старшая дочь автора дневника, Агафья, была выдана за Михаила Семеновича Кочубея, сына послѣдняго генеральнаго обозного, тайнаго совѣтника, Семена Васильевича. Агафьѣ Степановнѣ при обрученіи не хватало 6 дней до 15 лѣтъ. Въ дневникѣ есть нѣсколько интересныхъ бытовыхъ указаній объ ея свадьбѣ, о которыхъ будетъ упомянуто ниже. Сынъ молодой четы, мѣсячный ребенокъ Семенъ Кочубей, былъ записанъ въ преображенскій полкъ каптенармусомъ.

Изъ пяти сыновей Ивана Степановича четверо старшихъ умерли молодыми, и кореннымъ наслѣдникомъ остался пятый сынъ Степанъ, въ настоящее время уже умершій. Сыну послѣдняго, Александру Степановичу Лашкевичу, принадлежитъ Брахловское имѣніе; у него богатая библіотека и значительное собраніе рукописныхъ документовъ, изъ числа которыхъ имъ обязательно сообщенъ редакціи «Кіевской Старины» и упоминаемый дневникъ его прадѣда съ фамильными документами.

Дневникъ былъ веденъ Степаномъ Лашкевичемъ изо дня въ день впродолженіи 14 лѣтъ, отъ 1768 г. до смерти автора, послѣдовавшей въ 1782 г. Но намъ доставленъ только отрывокъ его, обнимающій промежутокъ времени съ 20 февраля 1771 г. по 24 іюня 1779 г., и то съ пропускомъ въ срединѣ, съ 23 мая 1773 г. по 19 ноября 1774 г. [1]). Этотъ отрывокъ состоитъ изъ 6 тетрадей, заключающихъ въ себѣ вмѣстѣ 74 листа сѣрой бумаги (4 тетради по 12 листовъ, одна 18 и одна 8 л.). Дневникъ былъ

[1]) По сообщенію нынѣшняго владѣльца „Дневника", недостающія части послѣдняго были отосланы имъ въ бывшій юго-западный отдѣлъ импер. геогр. общества. Предпринятыя нами однако разъисканія въ указанномъ направленіи не увѣнчались успѣхомъ.

названъ авторомъ, какъ видно изъ замѣтокъ его внука, «Запиской домашней ежедневной».

Не считая возможнымъ въ общемъ обзорѣ исчерпать всего разнообразнаго содержанія дневника, мы отмѣтимъ главнѣйшія и болѣе важныя для исторіи его данныя, сгруппировавъ ихъ въ нѣсколько общихъ категорій.

Прежде всего въ дневникѣ выдѣляются ежедневныя отмѣтки о погодѣ. Отмѣтки заключаются въ общихъ принятыхъ тогда въ житейскомъ обиходѣ выраженіяхъ, напр. зимою: «въ ночи и въ день силній морозъ; въ ночи и въ день умѣренная стужа; въ ночи морозъ и въ день холодно, но отъ слонца таило; въ ночи вѣтеръ и морозецъ, въ день пасмурно»; лѣтомъ: «въ ночи пріятно и ясно, въ день ясно и сторонами дождь; ночь хмарная, теплая, день жаркій, свѣтлый, сторонами дождь; ночь хмарная, день на перемѣнѣ; ночь свѣтлая, день ясній, жаркій; ночь ядреная, день холодноватый» и т. д. На сколько такія замѣтки цѣнны для метеорологовъ, судить не беремся; но въ виду выражавшихся въ свое время упрековъ издателю записокъ Марковича за то, что онъ выпустилъ всѣ замѣтки автора о погодѣ, ограничимся пожеланіемъ, чтобы при изданіи «Дневника» Лашкевича, если оно состоится, не была повторена та-же ошибка.

Другая категорія данныхъ дневника—извѣстія политическія. Авторъ читалъ газеты и получалъ ихъ отъ Ильи Васильевича Журмана изъ Глухова, большею частію по случаю, при письмахъ или другихъ посылкахъ. Такъ въ дневникѣ отмѣчается: «Иванъ Зятченокъ игруши привезъ и газеты», «михалчинского человѣка отпустилъ, который привозилъ газеты и зразцы печные» и проч. Нигдѣ въ дневникѣ не передается впечатлѣній о прочитанномъ, не отмѣчается политическихъ разговоровъ со знакомыми. Изрѣдка только вписываются случаи изъ придворной хроники, о рожденіяхъ и смерти членовъ императорскаго дома, да въ концѣ года, подъ 31 декабря, посвящается нѣсколько общихъ фразъ внѣшнимъ событіямъ, чаще всего войнамъ. Конечно, отсутствіе политическихъ замѣтокъ свидѣтельствуетъ объ извѣстномъ отношеніи автора къ политикѣ и вообще ко всему тому,

что выходило за предѣлы обыденной жизни. Но надо отмѣтить и личное качество автора, иногда проглядывающее въ дневникѣ, умѣнье держать, что называется, языкъ за зубами.

Остаются наконецъ данныя экономическія и бытовыя, составляющія наибольшую часть содержанія дневника и дающія ему цѣну культурно-историческаго памятника. При всей кажущейся сухости дневника, данныя послѣдней категоріи разсѣяны въ немъ на столько обильно, что даютъ возможность читателю довольно отчетливо представить себѣ какъ нравственный обликъ автора, такъ и его житейскую обстановку. Не имѣя претензіи исчерпать всѣ бытовыя указанія этого памятника, попробуемъ извлечь изъ него наиболѣе рельефныя черты и сгруппировать ихъ по возможности въ бѣглый бытовой набросокъ, съ единственною цѣлью дать приблизительное понятіе о научной цѣнности разсматриваемаго дневника.

Обширныя владѣнія Степана Ивановича Лашкевича находились въ стародубскомъ полку, именно въ нынѣшнихъ пяти сѣверныхъ уѣздахъ черниговской губерніи: новгородсѣверскомъ, новозыбковскомъ, стародубовскомъ, мглинскомъ и суражскомъ, въ бассейнахъ правыхъ притоковъ: Десны Судости и Снови и лѣваго притока Сожи, рѣчки Ипути. Послѣдняя въ настоящее время вовсе не судоходная, едва годная къ сплаву лѣса въ половодье[1]), въ прошломъ вѣкѣ еще носила байдаки, по крайней мѣрѣ весною. Лашкевичъ 29 марта 1771 г. отправилъ въ село Ущерпье на байдакѣ 30 бочекъ водки, а 14 апрѣля того-же года отмѣчается въ дневникѣ, что какой-то «Александѐръ у вечеру виехалъ на Ущерпье для отправки на байдацѣ». Если въ теченіе послѣдняго столѣтія край этотъ, надо полагать, вообще значительно измѣнился въ топографическомъ отношеніи, напр. исчезла масса лѣсовъ, обмелѣли нѣсколько рѣки и проч., то система сельскаго хозяйства и продукты послѣдняго остались неизмѣнными. Авторъ дневника нажинаетъ на своихъ земляхъ

---

[1]) См. „Списки населенныхъ мѣстъ по даннымъ 1859 г, изд. центр. стат. комит. министерства внутр. дѣлъ", стр. 4.

до 2000 копенъ (по отмѣткѣ 31 іюля 1777 года) жита и только $36^1/_2$ коп. пшеницы, потому что пшеница почти вовсе не родила въ этихъ мѣстахъ, какъ и въ настоящее время. Особенно важная статья въ мѣстномъ хозяйствѣ теперь—производство пеньки. И сто лѣтъ назадъ конопля культивировалась вѣроятно не въ меньшихъ размѣрахъ, если помѣщики, какъ и авторъ дневника, имѣли особые «трепальные дворы» и находились въ постоянныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ Ригою [1]). Родина автора дневника весьма интересна въ этнографическомъ отношеніи. Это историческая Сѣверщина въ тѣсномъ смыслѣ. Населеніе ея помѣщается между тремя русскими племенами: мало, велико и бѣлорусскимъ и представляетъ особый, среднiй этнографическій типъ съ наклономъ по краямъ къ сосѣднему племени. Жители средней полосы этого края, напр. южныхъ частей новозыбковскаго и стародубскаго уѣздовъ, до сихъ поръ отличаютъ себя отъ всѣхъ трехъ племенъ. Говорится, напр.: поѣхать «на Вкраину», поѣхать «въ Бѣлорусію»; великороссы-же (колонисты-старообрядцы) называются «москалями». Тѣ-же выраженія встрѣчаются и у автора дневника: онъ имѣетъ торговыя сдѣлки съ «москалями» Сухаревыми, ѣздить къ тестю Галагану «на Украину» и посылаетъ по торговымъ дѣламъ «въ Бѣлорусію».

Въ этомъ-то краѣ, на пространствѣ до сотни верстъ между крайними пунктами (напр. село Ущерпье и городъ Погаръ), расположены были помѣстья Лашкевича. Что-бы присмотрѣть за прикащиками въ каждомъ селѣ, надо безпрестанно ѣздить. И дѣйствительно, все время у Лашкевича, вся его будничная жизнь проходитъ въ поѣздкахъ. Нѣтъ надобности приводить выдержки изъ дневника о переѣздахъ автора, потому что на каждой страницѣ ихъ нѣсколько. Переѣзды дѣлаются вольготно, не спѣша, съ поворотами въ стороны къ родственникамъ, знакомымъ, друзьямъ, которые у Лашкевича разсѣяны не только по стародубовскому, но и по другимъ полкамъ. Земскій судья и пред-

---

[1]) Образчикъ коммерческаго письма изъ Риги см. въ „Кіев. Стар.“ 1885 г., апрѣль, стр. 780—781.

водитель, Лашкевичъ водитъ хлѣбъ-соль не только со всѣми извѣстными сѣверско-малороссійскими родами, но и мелкими дворянскими сошками и, какъ гласитъ эпитафія, «страннопріимствомъ (точнѣе гостепріимствомъ) былъ почти что Авраамъ». Съ одной стороны идутъ Безбородки, Борковскіе, Будлянскіе, Велинскіе, Гудовичи, Галаганы, Долинскіе, Дублянскіе, Журавки, Журманы, Завадовскіе, Искрицкіе, Кочубеи, Марковичи, Миклашевскіе, Милорадовичи, Рославцы, Рубцы, Разумовскіе, Сулимы, Скоропадскіе, Туманскіе, Ханенки, Шираи и проч., и проч.; съ другой—протопопы, попы, сотенная и полковая старшина, подсудки, писаря, коморники, офицеры квартирующихъ полковъ и т. д. У всѣхъ ихъ Лашкевичъ то креститъ, то присутствуетъ на сговоринахъ, свадьбахъ, похоронахъ; тщательно замѣчаетъ въ дневникѣ, у кого кто родился, кто были воспріемники и проч. Такъ какъ рѣдкій день проходилъ безъ поѣздокъ, слѣдовательно безъ обѣдовъ и ужиновъ съ попойками у знакомыхъ, а еще рѣже выпадали дни, въ которые Лашкевичъ не бывалъ въ гостяхъ, или у себя ихъ не принималъ, то эти рѣдкіе дни отмѣчаются въ дневникѣ, какъ нѣчто изъ ряду выходящее: «сей день (3 февраля 1776 г.) проводилъ безъ гостей». За то такъ-же часты, какъ поѣздки, выраженія: «сей день попили средственно (20 іюля 1771 г.), «а сей день (21-го) попили полутче», «попили ладно», попили добре», «попили не худо», «и попили», «и погуляли». Что-же пили эти добрые, веселые люди? Вѣроятно, чаще всего наливки и настойки всякія, ганнусковую горѣлку съ курдимономъ, циномономъ, перцемъ, инбиремъ, алоисомъ, сабуромъ и даже херувимскимъ ладономъ [1]). Впрочемъ, когда дѣло идетъ о Миклашевскихъ, или Шираяхъ въ Стародубѣ, то упоминается уже шампанское. Затѣмъ, разумѣется, надо исключить погреба Разумовскаго. Кстати сказать: когда Разумовскій пріѣзжалъ въ мѣстечко Ропскъ, свое имѣніе, то давалъ обѣдъ всему окружному стародубовскому дворянству, а затѣмъ по родственному заѣзжалъ и въ Брахловъ къ Лашкевичу, что послѣднимъ отмѣчается съ особеннымъ удовольствіемъ.

---

[1]) См. „Марцѣпанны и Ганнусковая горѣлка“ въ „Кіев. Старинѣ“ за 1883 г.

Такъ какъ мы заговорили о поѣздкахъ автора, то прибавимъ къ нимъ и два путешествія его въ Москву и Петербургъ, а также «на Украину», къ тестю Галагану. Разъ Лашкевичъ ѣздилъ въ Москву въ 1775 году и пробылъ въ путешествіи съ 9 августа по 27 октября, въ другой—въ Москву и Петербургъ въ 1779 г., съ 26 января по 18 апрѣля. Поѣздки дѣлались на нанятыхъ лошадяхъ. Отъ Почепа до Москвы 11 дней ѣзды; ѣдетъ Лашкевичъ на 5 лошадяхъ, за которыя отъ Брянска до Калуги заплатилъ по 3 руб. съ лошади [1]). Цѣль поѣздки—во первыхъ, какъ уже было сказано, похлопотать «о россійскомъ чинѣ» для себя и записать въ военную службу сына, во вторыхъ, удовлетворить разныя назрѣвшія домашнія нужды: нужно къ дѣтямъ учителя-француза договорить, нужно покупки сдѣлать. Посѣщая лавки въ Москвѣ, Лашкевичъ не пропускаетъ случая зайти «въ авкціонъ»; однажды напр. онъ купилъ тутъ, по сходнымъ цѣнамъ, «двѣ чаши серебреніе съ двома лотоками серебреними жъ, вѣсу 22 фунта, да нахтишъ деревянній китайскій». Но рядомъ съ «авкціономъ» онъ не разъ заходитъ (въ Петербургѣ) и въ академическую книжную лавку и покупаетъ книги; при одномъ изъ посѣщеній книжной лавки покупка отмѣчена въ дневникѣ въ 35 руб. Въ Москвѣ Лашкевичъ останавливается сперва на постояломъ дворѣ, потомъ у бригадира Степана Ефимовича Карновича; обѣдаетъ иногда «въ погребци». Пріѣхавъ въ 1779 г. въ Петербургъ, Лашкевичъ сначала остановился въ домѣ графа Разумовскаго, потомъ перешелъ на квартиру, нанявъ двѣ комнаты за 7 руб., наконецъ поселился на Мѣщанской и платилъ за квартиру 12 руб., парикмахеру давалъ «за одѣванье» по 5 алтынъ и за карету по 2 рубля ежедневно. Въ Петербургѣ онъ часто бывалъ у Разумовскаго, а у себя «трактовалъ сенатскихъ», такъ какъ подалъ въ сенатъ жалобу на Сулиму. Въ Москвѣ Лашкевичъ отмѣчаетъ въ днев-

---

[1]) Должно быть мало было поклажи. Осипу Артемовичу Лашкевичу, экзекутору 6-го департамента сената, авторъ иногда посылалъ въ Москву ветчину, масло, сало, колбасы, утокъ соленыхъ, шерсть, конфекты (!), всего до 50 пуд. въ разъ. Несомнѣнно, что много подобныхъ вещей Лашкевичъ возилъ и съ собою.

никѣ: «у вечеру былъ на опери» (4 апрѣля 1779 г.), «у вечеру на комедіи были» (7 апрѣля), «у вечеру былъ въ Бѣшенцова и на качели ѣздилъ».

Другаго рода поѣздки къ тестю въ Сокоринцы. Ѣдетъ вся семья автора, жена и дѣти, на собственныхъ лошадяхъ, въ собственныхъ, покойныхъ экипажахъ; о послѣднихъ такого рода замѣтки въ дневникѣ: «подъ спалнею ось переломилась, а въ каретѣ дроѕи». Поѣздки совершаются обыкновенно осенью, по окончаніи полевыхъ работъ, а потому ѣдутъ не спѣша, заворачиваютъ по дорогѣ въ гости къ знакомымъ и непремѣнно къ зятю Долинскому въ Курень (конотопскаго уѣзда). Къ Галагану, по случаю пріѣзда Лашкевича, собираются изъ ближнихъ селъ знакомые, вечера проводятся «при музыки», а дни иногда на охотѣ «съ ястребами». Отъ тестя возвращается Лашкевичъ съ подарками; Галаганъ даритъ зятю: барановъ, лошадей, масло, сыръ, пшено, „вовну“, арбузы, бочки меду и проч. Интересна поѣздка Лашкевича съ женою въ Сокоринцы послѣ смерти тестя, чтобы поживиться чѣмъ нибудь изъ наслѣдства.

Въ то время, какъ мужъ все ѣздитъ, жена съ дѣтьми проживаетъ въ Брахловѣ и только изрѣдка посѣщаетъ ближайшихъ знакомыхъ. Разъ Лашкевичъ отпустилъ жену съ дѣтьми къ отцу въ Сокиринцы. Черезъ 19 дней онъ такъ стосковался, что пишетъ въ дневникѣ (25 февраля 1777 г.): «не можно описать, какая скука одному, безъ жены, для того полагаю никогда на долгое время не оставаться безъ жены». Въ Брахловѣ у Лашкевича домъ съ садомъ, къ которому относится слѣдующая замѣтка подъ 13 апрѣля 1773 г.: «лабиринтъ я засадилъ въ Брахловѣ [1]); около дома цвѣтники. Здѣсь-же помѣщалась библіотека, содержавшаяся, очевидно, въ большомъ порядкѣ, такъ какъ въ бумагахъ Степана Ивановича есть нѣсколько разъ переписанный, по мѣрѣ дополненій (раза два собственною его рукою), алфавитный каталогъ книгъ. Помѣщеніе его дало бы возможность судить объ

---

[1]) 2 сентября 1776 г. отмѣчено: „начали галлерейку подъ водою (!) въ Брахловѣ (р. Сновь) дѣлать“.

умственномъ достояніи автора дневника. Дѣти учатся. 25 апрѣля 1773 г. въ дневникѣ отмѣтка: „сегодня уконтрактовался Яковъ Юревичъ Гиллеръ у мене трохъ дочерей учить на клавикордахъ играть и двохъ хлопцовъ на скрипици играть же; а жить ему въ моемъ домѣ на моемъ содержаніи зъ жалованемъ въ годъ сто двадцать рублей и пара платя". Въ свободное отъ ученья время ѣздятъ лѣтомъ „за ягодами суницями въ поле", зимою по вечерамъ „молодіожъ танчитъ". Лѣтомъ, когда отецъ бываетъ въ Брахловѣ, устраиваются семейныя поѣздки „къ криницѣ подъ Ропскъ", „на Ирпу (хуторъ) обѣдать" и проч.

Когда-же Степанъ Ивановичъ бываетъ въ семьѣ, въ Брахловѣ, а еще любопытнѣе, когда онъ отправляетъ свои служебныя обязанности? Въ Брахловѣ Лашкевичъ говѣетъ съ семьей. Говѣнье неизмѣнно происходитъ въ первую недѣлю великаго поста, всегда съ понедѣльника до субботы. Въ понедѣльникъ авторъ отмѣчаетъ: «начали до церкви ходить и готовиться къ принятію божественнихъ таинъ», въ субботу: „сей день причастилися божественнихъ таинъ—я, жена и дѣти". Первые дни праздника Пасхи тоже проводятся въ семьѣ; бываютъ только ближайшіе сосѣди. Затѣмъ всѣ семейныя торжества происходятъ конечно въ Брахловѣ: 26 февраля 1771 г. напримѣръ отмѣтка: «у вечеру родились у мене дочка Ульяна; воспріемною маткою была Елена Онисифовна Яснопольская (двоюродная сестра Лашкевича); крестили на другой день, а 2 марта отецъ пишетъ «письмо въ Прилуку зъ родиннимъ хлѣбомъ, чрезъ атамана Иваницкаго», 3-го посылаетъ «родинный хлѣбъ» и въ Курень къ Григорію Карповичу Долинскому. Вотъ какъ Лашкевичъ выдаетъ замужъ старшую дочь Агафью. Женихъ дочери, Михайло Семеновичъ Кочубей, изъ Глухова—весьма завидная для него партія. Лашкевичъ нерѣдко ѣзжалъ въ Глуховъ и водилъ знакомство со всѣми членами малороссійской коллегіи, но что важнѣе, тамъ былъ его родной братъ по матери, Илья Васильевичъ Журманъ, чрезъ котораго вѣроятно главнымъ образомъ и устроилось сватовство. Дочери Лашкевича было безъ малого 15 лѣтъ, вѣроятно и женихъ былъ очень молодъ; естественно, что сначала сдѣлка должна

была произойти между родителями. Женихъ пріѣзжаетъ къ невѣстѣ съ товарищемъ Рожалинымъ и въ первый же пріѣздъ живетъ у будущаго тестя 3 недѣли; въ это время онъ знакомится съ невѣстой и обручается. 21 апрѣля 1776 г. Лашкевичъ записываетъ въ дневникѣ: «сей день было обрученіе Михайла Семеновича Кочубея съ дочерью моею Агапіею, для чего и компанія была большая, и погуляли». Новообрученная креститъ съ товарищемъ жениха у нѣкоего Шаблинскаго. Послѣ обрученія женихъ остается въ домѣ невѣсты 5 дней и уѣзжаетъ, а свадьба откладывается до 25 сентября. Въ день свадьбы гостей пріѣзжаетъ: «пановъ 76, а слугъ 174, лошадей 270». 25-го «гуляли добре», на другой день „еще умножилося гостей“, а третій еще «болшъ пили и гуляли». На четвертый день пріѣхавшіе съ женихомъ отправились въ Глуховъ съ невѣстой, а домашніе остались, «коихъ за ужиною было 23».

Что касается служебныхъ обязанностей Лашкевича, то объ нихъ въ дневникѣ очень мало упоминается. Есть замѣтки о полученіи денегъ съ топальскаго и новгородсѣверскаго коммисарствъ [1]), а про дѣла земскаго погарскаго суда почти никакихъ упоминаній. Хотя и полагалось земскому судьѣ, какъ и подсудку и писарю, быть неотлучно въ повѣтовомъ городѣ три раза въ году—отъ Богоявленія до Пасхи, отъ Тройцына дня до іюля и отъ октября до Рождества Христова [2]), но должно быть Лашкевича очень часто замѣнялъ засѣдатель, подсудокъ Соболевскій, а шляхетство не было въ претензіи на хлѣбосольнаго и общительнаго судью.

За то въ дневникѣ множество замѣтокъ, относящихся къ хозяйственнымъ занятіямъ автора. Мы не коснемся данныхъ дневника о тогдашнихъ цѣнахъ на самые разнородные предметы и на трудъ; ихъ въ дневникѣ такая масса, что въ совокупности они могутъ представить цѣлую хозяйственно-экономическую картину описываемаго района. Мы отмѣтимъ только бытовыя черты изъ области хозяйственно-экономической. Изъ дневниковъ Мар-

---

[1]) См. Шафонскій, Топогр. оп. чернигов. нам., стр. 100—101.

[2]) Ibidem, стр. 96.

ковича и Ханенка извѣстно, что малороссійскіе державцы, будь они даже весьма важныя въ общественной іерархіи лица, издавна вели торговлю не только продуктами собственнаго хозяйства, но болѣе стяжательные не прочь были заняться и чистой коммерціей, при чемъ нѣкоторые (напр. гадяцкіе полковники, братья Милорадовичи) даже злоупотребляли своимъ оффиціальнымъ положеніемъ. Любилъ коммерцію, только безъ злоупотребленій, и Лашкевичъ. Рядомъ съ торговлей пенькой и водкой собственнаго издѣлія, онъ иногда закупаетъ эти предметы у другихъ и перепродаетъ на барышъ. У Лашкевича были для коммерческихъ услугъ не только „москали“ изъ сосѣднихъ раскольничьихъ посадовъ, но и лица изъ мелкаго дворянства; изъ послѣднихъ въ дневникѣ упоминаются Алексѣй Уманецъ и Яковъ Багинскій, 24 октября 1772 г. Лашкевичъ даетъ Алексѣю Өедоровичу Уманцу 250 р. на покупку «олѣю», и отмѣчаетъ «а что будетъ барыша—по поламъ со мною»; того же Алексѣя Уманца посылаетъ съ 1000 руб. въ Погаръ за пенькою. Лашкевичъ ссужаетъ по дружбѣ деньгами—по 100, 500 и 1000 р. Полетику, Губчица, Галецкаго, Велинскаго, Миклашевскаго и др. Разъ (21 мая 1772 г.) Михайло Андреевичъ Миклашевскій взялъ у Степана Ивановича, «въ позику» 10 осьмачекъ гречки. Степанъ Ивановичъ тщательный хозяинъ. Подъ 16 ноября 1778 года онъ записываетъ: „зарѣзано въ Брахловѣ гусей сто, вишло пуху 10 фунтовъ; утокъ двѣстѣ—пуху вышло два фунти; и такъ съ десяти гусей 1 фунтъ, съ одной гусѣ 10 золотниковъ пуху виходитъ; съ утокъ со ста фунтъ, съ одной золотникъ, для того користнѣе гусей держать, нежели утокъ: 10 утокъ за одну гусь». 2 авг. 1771 г.: «я цѣлій день былъ подля женцовъ, жито и пшеницу жали». 18 февраля 1776 г.: «сей день у мене въ Брахловѣ на гумнѣ отмолотилися». Но хозяйственное усердіе пана тяжело ложилось на мужиковъ. Въ дневникѣ отмѣчаются иногда побѣги и поимки разныхъ дворовыхъ людей.

Прибавимъ къ сказанному, что Лашкевичъ, какъ сѣверянинъ, ходилъ въ баню, а какъ человѣкъ своего времени, часто лѣчился пусканіемъ крови.

Наконецъ надо отмѣтить любовь автора къ духовенству и церкви. Всѣ окружные священники посѣщаютъ Лашкевича; погарскій-же, о. Иванъ Плосконный, былъ его кумомъ и близкимъ другомъ. Разъ въ дневникѣ проскользнула замѣтка, почему этотъ священннкъ былъ уважаемъ въ компаніи Лашкевича, всегда любившей «попить добре». 2 мая 1778 г.: «после обѣда былъ я въ гостяхъ въ Псіола и Томиловскаго, и попили *ладно;* и отецъ Иванъ Плосконній былъ съ нами... цупки!»... Иногда попадается такая замѣтка (4 августа 1778 г.): „обѣдали у мене чернецъ съ Ерусалима и попи". Лашкевичъ построилъ церковь въ одномъ изъ своихъ имѣній (мы не могли узнать, въ которомъ) и въ ней былъ похороненъ.

Окончимъ этотъ абрисъ жизни автора дневника современной эпитафіей надъ нимъ, сочиненной неизвѣстнымъ лицомъ и хранящейся въ бумагахъ Лашкевичей.

Читатель благосклонный! проводя жизнь свою,
Прочесть случай имѣешь ты надпись здѣсь сію.
Къ сему влечетъ тебе причина не иная,
Какъ толко разумъ зрѣлый, о всемъ познать желая.
Затѣмъ, увидѣвъ, чтешь, что здѣсь слова блестятъ;
Конечно, всѣ они не праздну вещь гласятъ!
Дѣйствително такъ есть, читателю похвалній:
Здесь, въ гробѣ каменномъ, погребенъ мужъ преславній,
Судбой Творца «Стефанъ» по имени названъ;
За трудъ же и заслуги, сколь въ жизнѣ былъ избранъ,—
Скажу тебѣ подробно, какъ было отъ начала,
Чемъ благость Вышняго во всемъ его вѣнчала.
1732 года родился онъ на свѣтъ
Вселенну украшать, какъ всякій селній цвѣтъ.
Но въ возрастъ зрѣлъ пришедшы и въ мужа совершенна,
Узналъ, на что сія сотворена вселенна.
Итакъ ученіемъ просвѣщенъ умъ имѣя,
Нелѣностно служилъ, отечеству радѣя,
За что прослилъ, какъ мужъ преславно именитій,
И въ награжденіе имѣлъ чынъ нарочитій:
Товарищъ бунчуковій, какъ то въ Малой Россіи
Къ отечеству за службу чины были такіи,

1754 года пожалованъ симъ чыномъ.
Но честь его не въ семъ скончалася единомъ,
Еще на вышшій степень не разъ подвышенъ былъ.
1758 года въ супружество вступилъ.
1764 года въ повѣтъ Погарскій избранъ былъ судіею,
Привлекъ любовъ отъ всѣхъ онъ ревностью своею.
Затѣмъ и предводитель того повѣта былъ,
Что къ ползѣ всякаго усердіемъ служилъ.
Въ дѣлахъ неутомимъ, теченіемъ нескоримъ,
За то 1779 года избранъ и подкоморимъ,
Потомъ надворній совѣтникъ 1781 года,
Того жъ года и предсѣдатель верхняго земскаго суда
Въ Новгородъ-Сѣверскій, гдѣ мало ужь онъ былъ,
Затѣмъ, что вскорѣ рокъ жызнь такъ его скратилъ.
1782 года преставился въ чертогъ,
Въ кой самъ принялъ его владыка твари, Богъ.
Не думаешь ли ты, читателю почтенній,
Что здесь писателя всѣ мысли дерзновенны,
Когда почившаго щытаетъ онъ въ чертогѣ
И веселящася въ покои томъ о Богѣ?
Не можетъ быть иначе, когда пророкъ поетъ,
Что таковый причтенъ во оній вѣчній свѣтъ,
Отдаленъ онъ отъ тмы, паритъ посредѣ звѣздъ,
Населникъ бывъ достоинъ всѣхъ горнихъ свѣтлыхъ мѣстъ.
Кой жызнь на ползу ближнихъ проводилъ всю свою,
То тотъ обитель точно наслѣдилъ вдругъ сію.
Притомъ нелестно сердце и правду такъ имѣлъ,
Что бѣдныхъ духъ во всѣмъ печалію вскипѣлъ;
Когда его узнали день преставленія,
Сочли свойго покрова тотъ день лишенія.
Не толко-жъ тѣ одни вездѣ печалны сами,
Но всѣ почти гласятъ неложними устнами,
Что жызнь его хотя и прекратила смерть,
Но добродѣтель такъ сіяетъ вся, какъ твердь,
Которую на время хотя мракъ покрываетъ.
Но цѣлость онія во вѣки пребываетъ.
Страннопріемствомъ былъ—почти что Авраамъ!
Еще тебѣ скажу: воззри на сей лишъ храмъ:
Се трудъ и коштъ его. се ревности есть плодъ!
И онъ, какъ древо здесь, что близь текущыхъ водъ,

Во храмѣ семъ почывъ, лежитъ подъ сей стѣной.
Среди трудовъ своихъ, дая примѣръ собой,
Сколь твердъ въ отеческой и правой вѣрѣ былъ,
Сіе не словомъ онъ, но дѣломъ утвердилъ,
Ни мало ни щадивъ на то трудовъ своихъ,
Въ чемъ вѣрная надежда негиблющыхъ благихъ.
Но какъ судбѣ такой подвластны человѣкы,
Что всѣ, живъ мало здесь, туда спѣшатъ на вѣкы,
То ты, читателю, сколь можно, умились
И искренну молбу къ Творцу принесть потщись.
Оставивъ суету и страхъ весь отметая,
Къ началу своему съ весельемъ возлетая,
Спѣши во щастіе, готовано тебѣ;
Покоя духъ усопшаго, получишь то себѣ»

Въ этотъ набросокъ мы собрали только немногія изъ *бытовыхъ* чертъ, разсѣянныхъ въ дневникѣ Лашкевича. Но въ немъ встрѣчаются еще, правда въ незначительномъ количествѣ, и замѣтки, имѣющія значеніе для исторіи населенныхъ мѣстъ черниговской губерніи. Таковы отмѣтки о пріобрѣтеніи авторомъ «грунтовъ» въ разныхъ мѣстахъ, указанія мѣста жительства разныхъ владѣльцевъ, замѣтки объ отнятіи у автора с. Ущерпья Завадовскимъ и проч.

Языкъ дневника, подъ покровомъ плохо усвоенныхъ авторомъ тогдашнихъ россійскихъ литературныхъ формъ, представляетъ интересную почву для изслѣдователя областныхъ говоровъ главнѣйшихъ русскихъ нарѣчій.

Сравнивая дневникъ Лашкевича съ «Записками» Якова Марковича и «Діаріушемъ» Ханенка, мы вообще должны сказать, что первый обнимаетъ болѣе узкую сферу общественной жизни, чѣмъ послѣдніе. Лашкевичъ ни по своему образованію, ни по общественному положенію не могъ играть такой видной роли въ жизни родины, какъ Марковичъ или Ханенко, слѣдовательно не зналъ многаго того изъ этой жизни, что знали послѣдніе. Потому-то многія замѣтки Марковича и нѣкоторыя Ханенка имѣютъ политическое значеніе, между тѣмъ какъ все содержаніе дневника Лашкевича заключаетъ въ себѣ единственно культурно-

историческій интересъ. Наконецъ дневникъ Лашкевича относится къ серединѣ *второй* половины XVIII в., а дневники Марковича (1716—67 г.) и Ханенка (1727—53 г.) главнымъ образомъ къ первой. Хотя Лашкевичъ писалъ свою «Записку» уже въ то время, когда не только существовала, но была въ ходу даже періодическая литература, но онъ не пользовался ею для своихъ записей, не дѣлалъ компиляцій, не заимствовалъ даже ходячихъ вѣстей. Ему и въ голову не приходило писать что-либо въ родѣ мемуаровъ, съ литературной обработкой; его дневникъ есть отголосокъ того стараго малороссійскаго обычая, по которому украинскіе грамотные люди, въ силу сосредоточенности и замкнутости національнаго характера, любили отмѣчать пережитое *единственно для себя*, для собственнаго развлеченія и назиданія.

Остается сказать нѣсколько словъ о внѣшности дневника. Всѣ тетради исписаны рукою автора, безъ помарокъ, съ отчеркнутыми небольшими полями по обѣ стороны одной и той-же страницы. Дневникъ очевидно путешествовалъ съ авторомъ въ Москву и Петербургъ, потому что мѣста, гдѣ отмѣчается дорога, болѣе запачканы и исписаны иногда весьма плохими чернилами. Каждый годъ начинается восклицаніемъ: «Господи благослови»! Оио же ставится иногда и передъ сентябремъ, а передъ Пасхою: «Христосъ Воскресъ»! На поляхъ въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ написано поперекъ строкъ: «сирная недѣля», «страстная недѣля», «зеленая недѣля» или «зеленіе свята». Почеркъ автора не имѣетъ уже характера стариннаго письма и какъ на остатокъ онаго можно указать на употребленіе въ собственныхъ именахъ и нѣкоторыхъ нарицательныхъ славянской буквы *кс* и начертанія твердаго и мягкаго знаковъ въ видѣ надстрочнаго значка. Пунктуація дневника самая несложная: изъ знаковъ препинанія авторъ употребляетъ, и то не всегда кстати, одну лишь запятую.

Ѳ. Николайчикъ.

Изъ воспоминаній отшельника К—ской пустыни.

Се удалихся бѣгая, и водворихся въ пустыни. Чаяхъ Бога, спасающаго мя отъ малодушія и отъ бури (Псал. 52, ст. 8 и 9).

Родители мои были крестьяне, и это обрекло меня съ дѣтства на жизнь крестьянскую. А кому не извѣстно, какова была эта жизнь лѣтъ 50 назадъ, притомъ въ томъ краѣ, въ которомъ я родился, въ стенавшей всегда отъ польскаго ига Подоліи. Плугъ да рало, жена да мірскіе хлопоты, трудъ до поту, да панскіе нагаи... Трудно, почти невозможно было тогда кому нибудь изъ крестьянъ выбиться изъ своей горькой доли. Кто хотѣлъ бы освободиться, конечно, чрезъ выкупъ, отъ панской неволи, на того паны смотрѣли какъ на бунтовщика, возмущающаго и другихъ противъ ихъ власти. Да и гдѣ было взять денегъ на выкупъ? Меньше, чѣмъ кто либо, могъ думать объ этомъ и я, а потому, придя въ возрастъ, спокойно принялся за плугъ и за чумачку и безъ ропота несъ назначенный мнѣ отъ Бога крестъ. Богъ однако судилъ о мнѣ иначе и нежданно ни для меня самого, ни для родныхъ и близкихъ моихъ, исторгъ меня изъ яремнаго ига моего и упокоилъ меня отъ всѣхъ тягостей и скорбей житейскихъ во святой обители своей, еще задолго до освобожденія крестьянъ отъ рабства и неволи панской.

Хочу разсказать о томъ, какъ все это совершилось и какимъ испытаніямъ подвергалъ меня Господь прежде, чѣмъ явить на мнѣ вседѣйствующую свою силу; хочу вспомнить при этомъ мое дѣтство и какъ выростали тогда люди одинаковаго со мною состоянія, чему и какъ они научались и какъ, страдая въ пан-

ской неволѣ, не теряли вѣры въ Бога и надежды на лучшую жизнь. И если читатель найдетъ во всемъ этомъ что либо неизвѣстное и любопытное, а быть можетъ и поучительное для себя, то цѣль моя будетъ достигнута.

Родъ мой, какъ я уже сказалъ, былъ простой; отецъ и мать моя были помѣщичьи крестьяне и жили въ с. Поборкѣ, гайсинскаго уѣзда, подольской губерніи, входившемъ въ составъ большаго имѣнія графини Александры Станиславовны Потоцкой. Я помню еще дѣда моего Михайла Барана; высокій и статный былъ старикъ. Зашелъ онъ сюда изъ Брацлавщины и женился здѣсь на дочери уніатскаго священника Ѳедора Малицкаго, Евдокіи. Не знаю почему, помѣщичья контора записала дѣда моего по фамиліи его жены и съ того времени фамилія эта перешла и на насъ. Бабка моя считала себя въ родствѣ съ кіевскимъ митрополитомъ Іероѳеемъ Малицкимъ; но такъ ли было на самомъ дѣлѣ, утверждать не берусь. Была она женщина глубоко набожная и многое видѣла на своемъ долгомъ вѣку. Въ Коліивщину она была еще дѣвушкой, и чего бывало не пораскажетъ намъ о гайдамакахъ, о польской съ ними расправѣ, о набѣгахъ татаръ, о злодѣйствахъ конфедератовъ и т. п. Изъ разсказовъ бабки моей о Коліивщинѣ осталось у меня въ памяти, какъ въ это ужасное время, когда разъяренные гайдамаки вырѣзывали *до ноги* всѣхъ ляховъ и жидовъ, были въ нашемъ милосердномъ народѣ люди, которые укрывали у себя панскихъ и жидовскихъ дѣтей и женщинъ, убѣгавшихъ отъ всеобщей рѣзни, наряжая ихъ въ свою одежду и выводя ихъ съ собою на свои работы. Удивительна однако была и сообразительность гайдамакъ. Узнали они объ этомъ и чтобы не мучить своихъ людей допросами и обысками, придумали вотъ какой способъ «выкрывать» шляхтянокъ и жидовокъ. «Оце, разсказывала бабка, зъйдуть було до села и якъ де купа жинокъ або дивокъ, на городи, чи на ричци,— такъ и кинутьця до ихъ верхами; то котори свои, закричать: «Охъ мени лыхо», або: «рятуйте, хто въ Бога вирує»! А котора закричить: «ой Іезу», або: «ой вей миръ», ту заразъ ратищемъ, або ножемъ такъ и колють.

Родился я 22 октября 1820 г. и при рожденіи получилъ имя Аверкій. Изъ времени моего дѣтства врѣзались особо въ мою память слѣдующія два обстоятельства.

Мать моя въ бесѣдахъ съ родными и сосѣдями то и дѣло повторяла: «я съ своимъ Аверкіемъ въ монастырь ходила», и это значило, что, будучи беременна мною, она ходила на богомолье съ сосѣдній Грановскій монастырь. Много десятковъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, мать моя давно почіетъ въ землѣ, а слова ея и теперь отдаются въ моемъ сердцѣ, и я вѣрю, что скорбный путь ея и былъ тотъ путь, которымъ Господь отъ утробы матерней велъ меня къ иноческой жизни.

Помню другое обстоятельство; оно произвело на меня болѣе сильное впечатлѣніе, но осталось до времени столь же мало понятнымъ, какъ и первое. Играли мы какъ-то въ хатѣ съ маленькой сестрой Наталочкой, а мать, стоя у печи, досматривала, чтобы не пересидѣлъ находившійся въ печи хлѣбъ; вдругъ слышимъ, на дворѣ у насъ залаяли собаки. Я и сестра бросились къ окну, а вслѣдъ за нами и мать. Видимъ, среди двора обороняется отъ собакъ высокій сгорбленный старикъ въ лохмотьяхъ панскаго платья. Это былъ шляхтичъ, служившій когда-то писаремъ или приказчикомъ у поссесора нашего села, Каминскаго. Настоящей его фамиліи я не знаю, а въ селѣ звали его Чугаинкою и звали такъ потому, что онъ носилъ всегда сѣрый *чугай*, въ родѣ плаща или эпанчи. Состоя въ должности и власти, Чугаинка былъ страшно жестокъ по отношенію къ крестьянамъ, немилосердно, чисто звѣрски наказывалъ ихъ, находя какое-то дикое удовольствіе въ томъ, чтобы мучить ихъ и разнообразить самыя эти мученія. Но вотъ Богъ наказалъ его и онъ, лишась мѣста и не собравъ ничего про черный день, долженъ былъ, оставшись въ нашемъ же селѣ, жить подаяніями тѣхъ самыхъ людей, съ которыми передъ тѣмъ онъ такъ гордо и такъ жестоко обходился. Этотъ-то самый Чугаинка шелъ теперь къ намъ просить хлѣба.

— Отъ старый собака, сказала моя мать, увидавъ его; ходыть по пидъ вікна, та милостыни просыть, а самъ, якъ бувъ

писаремъ, не хотивъ бути милостивымъ для людей. Колысь и мени досталось видъ его.—Якъ я слабила тобою, продолжала мать, глядя на меня, та не выйшла на панщину, то винъ казавъ на другій день привести мене до двору, положивъ въ корыто и давъ мени десять лозъ.—Та Богъ зъ нимъ! Винъ теперъ бидный, закончила мать и съ этими словами подошла къ печи, вынула оттуда свѣжій хлѣбъ, помазала сверху саломъ и вынесла Чугаинкѣ, успѣвшему уже добраться до дверей.

Возвратясь въ хату, мать перекрестилась, слегка вздохнула и чуть слышно сказала: «нехай ёго Богъ судыть»!

Такъ-то еще въ утробѣ материей пришлось уже мнѣ претерпѣть отъ панскихъ рукъ, которыя не переставали преслѣдовать меня и потомъ, пока Богъ не судилъ мнѣ успокоиться отъ нихъ въ своемъ святомъ убѣжищѣ!

Родители мои были люди богобоязненные и знали многое изъ того, что требуется для жизни христіанской. Особый случай помогъ имъ въ этомъ. Не задолго до моего рожденія умеръ приходскій священникъ нашего села. Приходъ, какъ это обыкновенно дѣлалось въ то время, былъ зачисленъ за его осиротѣлыми дочерьми, а къ намъ для совершенія требъ назначенъ былъ временно наблюдающимъ священникъ безсемейный, благочестивый старикъ о. Стефанъ. Домà у священниковъ были тогда свои, а не общественные, притомъ тѣсные. О. Стефану крайне не хотѣлось стѣснять осиротѣлой семьи умершаго священника и потому, когда отецъ мой предложилъ къ его услугамъ свое убогое жилище, онъ охотно и даже съ радостію принялъ это предложеніе и поселился у насъ. Прожилъ у насъ о. Стефанъ полтора года и ему-то, его глубоко назидательнымъ бесѣдамъ, чтеніямъ изъ евангелія и разсказамъ изъ житій святыхъ Божіихъ, родители мои, а съ ними и я, обязаны своимъ духовнымъ просвѣтлѣніемъ, нашею вѣрою въ Бога, терпѣніемъ, любовію къ ближнимъ. Мысль о Богѣ, о спасеніи своей души, о жизни загробной никогда, кажется, не покидала моей матери среди непрерывныхъ трудовъ бѣдной крестьянской жизни. Чтобы чѣмъ нибудь явить свое усердіе и готовность служить Господу,

мать моя дала обѣтъ ежегодно ходить на богомолье въ Бершадскій монастырь, находившійся не въ далекомъ отъ нашего села разстояніи; весною, лишь только управится она, бывало, съ самыми спѣшными хозяйственными работами, немедленно отправляется въ свое благочестивое путешествіе. Стараясь вдохнуть и въ меня то же религіозное настроеніе, какимъ была проникнута сама, она всегда брала меня съ собою въ монастырь и даже, когда я былъ еще такъ малъ, что не въ состояніи былъ идти самъ, не тяготилась нести меня во всю почти дорогу на своихъ рукахъ. Не могу безъ особаго умиленія сердечнаго вспоминать о томъ, съ какимъ благоговѣніемъ она вступала въ св. обитель, съ какимъ усердіемъ, усталая отъ дороги, выстаивала продолжительныя монастырскія службы, съ какимъ пламеннымъ чувствомъ шептала молитвы, съ какимъ сокрушеніемъ, слезами и вздохами полагала земные поклоны и простиралась ницъ на землѣ. А меня то и дѣло наставляла: вотъ такъ стой, вотъ такъ смотри, вотъ такъ молись! Ея примѣръ неотразимо дѣйствовалъ на меня, ея слова глубоко западали мнѣ въ душу, и не было у меня иной мысли, другого желанія, какъ только подражать во всемъ матери. По дѣтской впечатлительности, я бралъ иногда черезъ край и тѣмъ причинялъ безпокойство и огорченіе моей доброй матери. Имѣла она напр. обычай каждый разъ, когда я иду въ церковь, давать мнѣ собственнаго приготовленія свѣчку, чтобы я поставилъ предъ иконою. Что же? Я такъ привыкъ къ этому, что потомъ не хочу, бывало, идти въ церковь безъ свѣчки, и если мать не приготовитъ мнѣ свѣчки съ вечера, то я съ полночи уже не дамъ ей покоя, мычу и пищу: «вставайте, сучить мени свичку, бо уже до церкви пора». Былъ другой неизмѣнный обычай у моей матери: во всѣ посты и въ обыкновенное время по средамъ и пятницамъ она постилась до вечерней зари и только, по заходѣ солнца, позволяла себѣ принимать немного пищи. Меня, конечно, она не заставляла выдерживать съ нею такой суровый постъ. Но какъ мнѣ отстать отъ матери! И вотъ я упорно отказываюсь отъ ѣды, и мать не знаетъ, что дѣлать со мною, или же стараюсь не быть у

нея на глазахъ, чтобы она не напоминала мнѣ о пищѣ, либо спрячу данный мнѣ кусокъ хлѣба и скажу, что съѣлъ. Но голодъ не свой братъ, особливо у дитяти: съ полдня уже затошнитъ, позеленѣетъ лице, животъ подведетъ; я стяну животъ ременнымъ пояскомъ и все терплю, лишь бы не отстать отъ матери. Иной разъ она и посердится на меня, но ничего не можетъ сказать противъ своего убѣжденія и обычая.

Много другаго добраго, истинно христіанскаго внушала мнѣ мать моя словомъ и дѣломъ. Чего, чего не наскажетъ было она мнѣ, какихъ правилъ и наставленій не надаетъ, какихъ примѣровъ и случаевъ не приведетъ! А ея пѣсни, глубоко печальныя, и доселѣ щемятъ мнѣ сердце. Какъ теперь вижу ее, сидитъ, бывало, за прялкой, или за какою нибудь другою работою и поетъ пѣсню о прекрасномъ Іосифѣ египетскомъ (это была любимая ея пѣсня), поетъ и плачетъ. Глядя на нее, и я начинаю плакать и спрашиваю у нея:

— Мамо! якій то Іосифъ?

— А такій, отвѣчаетъ мать, що зли браты продали ёго въ Египетъ за те, що винъ бувъ добрымъ.

И мать начинаетъ разсказывать мнѣ объ Іосифѣ прекрасномъ, не забывая прибавить:

— Оттакимъ и ты будь—тихимъ, смирнымъ: никого не зачипай, ходи якъ линъ но дну, а якъ хто тебе зачепыть, полы врижъ та втикай, то може й тебе Господь колысь на люди выведе.

Много и другихъ назидательныхъ пѣсенъ и разсказовъ знала она и многому доброму научала меня при посредствѣ этихъ пѣсенъ и разсказовъ.

Но еще больше этихъ пѣсенъ и разсказовъ зналъ мой отецъ и также часто, какъ и мать, любилъ наставлять ими свою семью. Особенно часто пѣвалъ онъ любимую въ нашемъ народѣ пѣсню о св. великомученицѣ Варварѣ, о томъ, какъ и чѣмъ она навлекла на себя гнѣвъ своего отца Діоскора, какъ и за что онъ подвергалъ ее самымъ жестокимъ наказаніямъ и мученіямъ. Время изгладило изъ моей памяти слова и даже содержаніе этихъ

пѣсенъ, но пѣснь о св. великомученицѣ Варварѣ отецъ пѣлъ такъ часто, что и до сихъ поръ я помню еще начало ея:

Свята Варвара на муки ставала,
Що три викни въ бани сбудувала.

Особенное душевное удовольствіе доставляли мнѣ его разсказы о жизни и дѣлахъ св. угодниковъ Божіихъ. Житій святыхъ мой отецъ зналъ очень много, но чаще всего разсказывалъ онъ мнѣ житіе св. чудотворца Николая; этого святого особенно онъ чтилъ и ежегодно въ день его памяти непремѣнно посылаетъ, бывало, чрезъ меня въ церковь «мисочку» и проситъ священника отслужить святителю Николаю молебенъ.

Всего охотнѣе, однакожъ, выслушивалъ я разсказъ своего отца о житіи моего патрона св. Аверкія, чудотворца Іерапольскаго, съ восторгомъ и радостнымъ сердечнымъ трепетомъ внималъ его словамъ, съ умиленіемъ и любовью замѣчалъ всѣ, даже самыя малѣйшія, подробности повѣствованія о томъ, какъ св. Аверкій путешествовалъ въ Римъ для изгнанія бѣса изъ царевны и какъ потомъ заставилъ этого самого бѣса отнести камень въ Іераполь и поставить его подлѣ дверей іерапольскаго храма. Какія-то смутныя, неопредѣленныя представленія возникали въ моемъ воображеніи при этомъ разсказѣ, какое-то пламенное непреодолимое желаніе возгоралось въ моей душѣ, куда-то я рвался, къ чему-то стремился, чего-то искалъ, самъ не въ силахъ будучи дать себѣ отчетъ въ своихъ мысляхъ и желаніяхъ, и надъ всѣмъ этимъ царило во мнѣ одно желаніе также угодить Господу своею жизнію и своими дѣлами; но какъ и чѣмъ достигнуть его, это превышало мое дѣтское разумѣніе и вызывало во мнѣ пламенную молитву къ Богу и св. угоднику Его Аверкію.

Но не одними этими разсказами дѣйствовалъ на меня отецъ, вызывая во мнѣ стремленіе къ какой-то другой жизни; нерѣдко преподавалъ онъ мнѣ наставленія и для будничной моей жизни, отклоняя меня отъ дурныхъ привычекъ. Всего чаще отъучалъ онъ меня отъ употребленія бранныхъ словъ, но дѣлалъ это

кротко, безъ гнѣва. Скажешь, бывало, по привычкѣ: «чортъ его знае»! и отецъ тотъ часъ:

— Не говори такъ, бо такъ грихъ, а говори: «Богъ его святый знае»! И якъ хто тебе зобидыть, николи не кажи: «щобъ тебе чортъ взявъ», а кажи; «Богъ съ тобою»! бо якъ ты чорта сгадуешь, то винъ до тебе приступае ближче, а ангелъ отдаляется отъ тебе.

Тоже и относительно клятвы и божбы, такъ обыкновенныхъ въ быту крестьянскомъ. Изъ этихъ замѣчаній и наставленій и слагались у меня правила жизни и вырабатывались привычки; они-то замѣняли для меня то, что даетъ другимъ воспитаніе и наука.

Впрочемъ и относительно ученія на мою долю выпало рѣдкое въ крестьянскомъ быту счастье. Школа была въ ту пору не рѣдкость въ нашемъ краѣ и едва мнѣ минуло 6 лѣтъ, какъ родители мои отдали меня учиться къ дьячку. Это былъ завѣтъ жившаго у насъ о. Стефана, и ему я обязанъ моимъ скромнымъ начальнымъ обученіемъ.

Въ школу меня отдали столь малымъ, что въ дурную погоду, особливо въ мятель, меня носилъ туда на рукахъ наймитъ. Школа была близъ церкви, но далеко отъ нашего двора. Училъ конечно дьячекъ. Охоты къ ученью у меня совсѣмъ не было, да врядъ ли она у кого нибудь и могла быть. Такое тогда было ученье, что скорѣе на всякую работу не только домашнюю, но и панскую готовъ бы итти, чѣмъ въ школу. Что ни учишь, какъ ни бьешься, бывало, ничего въ толкъ не возьмешь, а затвердишь поневолѣ, повторяя цѣлые дни одно и тоже. Иначе и поступить нельзя впередъ, пока не вытвердишь все заданное. Учили насъ не многому; всего три книжки было: граматка, часловецъ и псалтырь. Но какъ много времени требовалось на нихъ! Иной три-четыре года учится, а я даже пять лѣтъ ходилъ въ школу, пока сталъ безъ запинки читать всю псалтырь и выучился кое какъ писать, и то не на бумагѣ, а на деревянной досточкѣ разведеннымъ въ водѣ мѣломъ. И то сказать надо: начинали мы ходить въ школу только по снѣжному пути, а бросали книжку,

какъ только снѣгъ сходилъ съ полей. Что выучишь за зиму, то за лѣто забудешь и зимою вновь старое твердишь. Иначе впрочемъ и быть не могло, когда всѣ въ семьѣ, и даже подростки, должны были и на *пана* работать, и свои нужды справлять. А паны ненавидѣли школу и школяровъ чаще другихъ гнали на работу. Грамотный человѣкъ считался у нихъ самымъ опаснымъ и просто пропащимъ человѣкомъ; они преслѣдовали его, какъ-то было потомъ и со мною, всѣми способами и старались сдать въ солдаты. Удивляться даже надо, какъ у тогдашняго крестьянина доставало еще охоты посылать, при всѣхъ трудностяхъ и нуждахъ, дитя свое въ школу, когда грамотнаго ждалъ «нагай» отъ пана, а нерѣдко и «красная шапочка». Правда, и училось насъ немного, всего 10—12 душъ, а иногда и меньше десяти. Въ школу могли посылать дѣтей только зажиточные люди, которые имѣли чѣмъ заплатить и не нуждались дома въ помощи дитяти. Сначала я отвиливалъ отъ школы и однажды два дня съ ряду прогулялъ съ чужими дѣтьми. Но дьячекъ далъ знать родителямъ, что уже два дня, какъ я не былъ въ школѣ. Мать только пожурила, но отецъ больно наказалъ меня. Это навело на меня страхъ, но не внушило любви и охоты къ ученію. Охота явилась уже тогда, когда дьячекъ выучилъ насъ подтягивать ему въ пѣніи, научилъ насъ виршамъ, сталъ брать насъ не только на клиросъ, но иногда и на «оказіи», то поручая что либо понести, то заставляя прочитать вмѣсто него *Трисвятое* и *Отче нашъ*, а потомъ и *Помилуй мя Боже* или *Благословлю Господа.* Премудрый это былъ обычай у тогдашнихъ учителей-дьячковъ ставить насъ школяровъ на клиросъ и предоставлять намъ прочесть въ слухъ то, что мы уже твердо, больше на изустъ, чѣмъ по книгѣ, изъучили. Не будь этого, мы скоро забывали бы то, что съ великимъ трудомъ и мученіемъ выучивали въ школѣ, да и совсѣмъ бросали бы школу. Клиросъ былъ для насъ практикою, другою и лучшею школою. Тутъ и охота къ ученію, и соревнованіе съ другими; тутъ мы съ разу видимъ, что ученіе не пропало даромъ, а для родителей и не могло быть большаго удовольствія, какъ слышать дитя свое читающимъ или

поющимъ въ церкви. Правда, это чтеніе въ слухъ всѣхъ, притомъ въ церкви, приводило меня въ страхъ, бросало то въ жаръ, то въ холодъ; но похвалятъ родители, похвалятъ чужіе и—земли не слышишь подъ собою. Не скоро, подъ конецъ ученія, и то не всякому, удавалось получить отъ дьячка дозволеніе или порученіе прочесть *Коль возлюбленна* или *Благослови душе моя Господа*. Вся трудность въ томъ была, что тѣ же псалмы въ школьныхъ книгахъ были напечатаны меньшими буквами, чѣмъ въ книгахъ церковныхъ, и слова и строки ихъ приходились не на тѣхъ мѣстахъ, что тамъ; кромѣ того по окончаніи ихъ въ церкви слѣдовали еще тропари и кондаки, которые положены не подъ рядъ и которыхъ мы и найти не умѣли. До всего этого доходили мы постепенно, многіе уже по окончаніи ученія, а иные и совсѣми не доходили. Кто могъ прочитать въ церкви *вечерню* и *часы*, тотъ считался выучившимся совершенно. Но высшею честію и вѣнцемъ ученія признавалось, если кто могъ громко, внятно, безъ ошибокъ и запинки прочесть по срединѣ церкви *Апостола*. Дозволеніе читать *Апостола* давалось отъ дьячка, какъ особая награда, тому изъ школяровъ, кто заявилъ себя не только усерднымъ ученіемъ и посѣщеніемъ церкви, но и твердымъ чтеніемъ молитвъ и псалмовъ. Не было предѣла моей радости, когда я наконецъ дождался этого дозволенія, о которомъ мечталъ все время ученія. Только послѣ этого и родители мои признали, и самъ я увѣрился, что учился не даромъ. Дома послѣ этого въ шутку стали звать меня дякомъ. Но что особенно важно было для меня, это то, что я привыкъ ходить неупустительно и даже охотно въ церковь къ вечерни, утрени и обѣдни каждый воскресный и праздничный день. Церковь была для меня новою и самою важною школою: какъ ни мало понималъ я тогда, какъ ни смутны были объясненія дьячка, къ которому я то и дѣло обращался съ вопросами, но все же я не могъ не замѣчать, что знаю больше другихъ, особливо моихъ ровесниковъ, могу сказать напр., когда начало службы въ церкви, средина или конецъ, когда какой праздникъ бываетъ, когда начинается какой постъ, могу объяснить, по какому случаю праздникъ или

постъ, могу иногда и евангеліе пересказать. Въ последнемъ много помогалъ мнѣ мой отецъ, который, не смотря на то, что былъ неграмотный, внимательно слѣдилъ за тѣмъ, что читается и поется въ церкви и многое зналъ наизусть. Пріучилъ его къ этому долго жившій у насъ о. Стефанъ, и онъ сталъ и отъ меня требовать того-же. Памятенъ мнѣ случай, когда отецъ въ первый разъ обратился ко мнѣ съ распросами о томъ, что читалось въ церкви. Была недѣля Закхея. Послѣ обѣдни пришли мы домой и, перекрестившись, сѣли обѣдать. За обѣдомъ отецъ говоритъ:

— А скажи-но мени, яке сегодня евангеліе читалось?

Я смутился и не зналъ, что отвѣчать.

— Ото такій нашъ красный дякъ! не знае, яке евангеліе читалось! сказалъ отецъ и, пристыдивши меня за мою расѣянность, началъ по своему разсказывать, что читалось въ тотъ день изъ евангелія.

— Се, бачъ, читавъ намъ сегодни батюшка, яка-то причта була зъ еднымъ багатыремъ та дуже гришнымъ чоловикомъ, тоди, якъ Христосъ ходивъ по земли. Було то въ жидивскій земли. Бувъ тамъ, може и теперь е, городъ Іерихонъ, а въ ёму людей сила. Були тамъ всяки началники, були и таки, що подати сбираютъ, якъ отъ у насъ сипаки подушне правлять, а найстаршій надъ ними, якъ бы то у насъ асаула, бувъ чоловикъ, на имя Закхей. Не милостивый, та ще й несправедливый то бувъ чоловикъ: не вважавъ на бидного, на вдову, на сироту, дравъ зъ усихъ, скильки треба й не треба, та й чи мало соби добра придбавъ. Отъ одного часу приходить Господь до Іерихону. Люди вси такъ и пишли за нимъ, щобъ послухать ёго, або хоть поглянути на его. Побигъ и той Закхей, дарма що багатырь та нечестивецъ бувъ. Тильки едно, що сила людей ишла, а друге, що самъ малый на зристъ бувъ, не мигъ ниде угледити Христа. Отъ забигъ винъ впередъ людей и вылизъ на дерево, на смоковныцю, та такъ пильненько дивитьця на Господа. А Господь до ёго: излизь, рече, Закхее, днесь бо подобае мени у тебе въ господи бути. Закхей поспихомъ злизъ зъ дерева, и ввивъ, и витавъ у

себе Христа. Спознавъ винъ, що то есть Сынъ Божій, спознавъ свои тяжкіи грихи, впавъ до нигъ его и каже: Господи, каже, отже половину добрз мого биднымъ отдамъ и що въ кого взявъ, вчетверо одверну. А люди ремствували на Христа: до гришныка, кажуть, въ господу зайшовъ,—бо такихъ збирщикивъ и тоди ненавидили, якъ отъ у насъ асауливъ ти сипакъ. А Христосъ видыть, якъ-то каитьця той гришникъ, тай каже ёму, що отъ сего дня спасеніе ёму, на те я й прыйшовъ, же бы гришникивъ спасти.

Въ такомъ же родѣ разсказываетъ, бывало, мнѣ отецъ о мытарѣ и фарисеѣ, о блудномъ сынѣ, о страшномъ судѣ, присовокупляя къ этому благочестивыя наставленія. Этимъ онъ заставилъ меня быть внимательнымъ къ тому, что читается въ церкви. Не выучившись самъ грамотѣ, онъ, какъ я уже упоминалъ объ этомъ, изустно научился многимъ евангельскимъ разсказамъ отъ о. Стефана.

Сказавши такъ много уже о моемъ ученіи, я ничего почти не сказалъ о моихъ учителяхъ. Ихъ было два, оба дьячки нашего же села. Первый Осипъ Грималло: того я мало и помню. Высокій, сухой старикъ, очень строгій человѣкъ: билъ насъ «дисциплиною», ставилъ колѣньми на горохъ и гречку; ходилъ стриженый въ какой-то козачкѣ и поверху опанча. Былъ онъ, кажется, изъ уніатовъ, зналъ много кантовъ и набожныхъ пѣсенъ, училъ насъ виршамъ и въ Рождество и Пасху водилъ насъ по хатамъ съ поздравленіемъ. Когда онъ умеръ въ 1827 г., на его мѣсто опредѣленъ Ефимъ Сендерко, одинъ изъ сыновей его предмѣстника, зашедшій къ намъ изъ херсонской губерніи. Отецъ его умеръ въ нашемъ же селѣ задолго до моего рожден[illegible], а мать (звали ее Ефросинія) осталась въ крайней бѣдности [illegible] нимъ и груднымъ еще братомъ Иванкомъ. Но вотъ какъ Богъ промышляетъ о сиротахъ. Несетъ однажды въ сумерки эта бѣдная вдова воду изъ керницы, а на встрѣчу ей ѣдетъ бричкою панъ. Остановился и проситъ воды напиться. Дьячиха подставила переднее ведро. Панъ напился, поблагодарилъ, а потомъ спрашиваетъ:

— А не знаешь, молодичко, дебъ тутъ у васъ переночувать? Ничъ заходить, кони потомилися.

— А коли ваша ласка, отвѣчаетъ Ефросинія, заиздить до моеи господы. Повозку можно заточить въ клуню, тамъ и кони на току стануть, а вашу милость до хаты просимо.

Панъ заѣхалъ во дворъ и расположился на ночлегъ. Молодая, пригожая дьячиха съ разу приглянулась ему и послѣ первыхъ распросовъ онъ предложилъ ей ѣхать съ нимъ и выйти за него за мужъ.

— Теперь, говорилъ онъ, я ѣду въ мѣстечко Киблачь закупить тамъ плуги, рала, возы, колеса, вила, грабли, и пр., а оттуда заѣду за тобою и поѣдемъ вмѣстѣ. Будь готова!

Ефросинія согласилась и, не сказавъ никому ни слова, чрезъ нѣсколько дней ночью уѣхала изъ села съ возвращавшимся женихомъ, взявъ съ собою дѣтей и кое-какіе пожитки. «Пропала дячиха», говорили долго въ селѣ, а потомъ и забыли объ ней.

Прошло много лѣтъ. Отецъ мой, доставлявшій чью-то пшеницу въ Одессу, на обратномъ пути подрядился съ другими чумаками доставить откуда-то камень въ село Ганское, херсонской губерніи, ананьевскаго уѣзда, гдѣ строилась тогда большая каменная церковь. Привезли камень, свалили и пошли къ управляющему за расплатою. Тутъ на встрѣчу имъ жена управляющаго и съ радостнымъ крикомъ бросается къ отцу моему. Это и была наша дячиха Ефросинія. Разговорились. Пошло угощеніе; накормили, напоили и подводчиковъ и воловъ; просили и въ другой разъ по пути заѣзжать. Въ слѣдующее лѣто отецъ, идучи въ Одессу съ пшеницей мимо Ганского, зашелъ провѣдать Ефросинію: но нашелъ ее уже въ крестьянской хатѣ, въ горѣ и слезахъ. Оказалось, что и второй мужъ ее умеръ, а какъ онъ былъ изъ крѣпостныхъ, то помѣщикъ засчиталъ и Ефросинію и ея сыновей, теперь уже почти взрослыхъ, въ число своихъ крестьянъ. Взмолилась Ефросинія къ отцу, чтобы не допустилъ ее пропасть на чужбинѣ, а отецъ сказалъ ей:

— Перебидуй до весны. На зиму попродай худобу, скажи, що ничимъ годувать; позбувай и все, що маешь въ хазяйстви,

такъ щобъ нихто не догадувався, а на лито я буду зъ Адесу йти, то зайду за тобою противъ ночи, та й заберу тебе до Поборокъ, якъ колись ты звидтиль помандрувала зъ твоимъ небожчикомъ. А прибудемо до себе, то тамъ побалакаемо зъ громадою, та зробимо твого старшого сына дякомъ, а молодшого паламаремъ; то й будешь ты при ихъ вику доживать.

Ефросинія съ радостью согласилась, въ точности исполнила совѣтъ отца и на слѣдующее лѣто была уже у насъ въ Поборокахъ. Къ тому времени умеръ старый нашъ Гримайло, пономаря жъ и давно у насъ не было; потому громада охотно приняла старшаго Сендерка, Ефима, дьячкомъ, а молодаго Ивана пономаремъ. Такъ-то Сендерки стали моими учителями. Чрезъ нѣсколько лѣтъ оба они вышли во священники, старшій въ село (кну, а младшій въ село Малую Кропивну.

Ефимъ Сендерко былъ доброй души и веселаго нрава; любилъ съ нами школярами поиграться и попѣть не только набожныя, но и мірскія пѣсни. Онъ-то и пріохотилъ насъ ходить на клиросъ. Молодой, здоровый и сильный, онъ умѣлъ при случаѣ постоять за себя и за другихъ.

Тогда великое навожденіе было народу не только отъ пановъ, но и отъ жидовъ. На водку былъ вездѣ откупъ, а откупщики и ихъ прислужники вездѣ были жиды. По селамъ въ корчмахъ такую скверную водку продавали, что пить было не возможно; разбавляли ее на половину водою, заправляли табакомъ, а брали вдвое дороже, чѣмъ за самую лучшую водку. Не возможно было человѣку справить крестины или свадьбу, доставши водки на сторонѣ. Сей часъ пронюхаютъ жидки и явятся во время угощенія, и когда отыщутъ чужую водку, совсѣмъ ограбятъ человѣка. На проводахъ, на храму, на обѣдахъ общественныхъ, и тутъ было явятся жидовскіе сыщики. Принялись наконецъ и за духовныхъ. Вотъ какъ-то на 4-й или 5-й день Пасхи пришли мы въ школу и сидимъ, ожидая своего учителя-дьяка, котораго сосѣди попросили въ гости. Приходитъ въ школу приказчикъ нашего арендаря Маіорки, Хаимъ, съ сотскими и понятыми и спрашиваетъ насъ, гдѣ дьякъ. Мы отвѣчаемъ:

не знаемъ.—Ну, а въ ёго чужа горилка? спрашиваетъ опять Хаимъ и, не дождавшись отвѣта, лѣзетъ къ сундуку, стучитъ сверху и по бокамъ, нюхаетъ крышку сундука. Но какъ хозяина не было дома, то Хаимъ и не рѣшился больше ничего сдѣлать и съ тѣмъ ушелъ. Мы тотъ часъ къ дяку и разсказали, какъ приходилъ Хаимъ «трусить горилки».

— Добре, хлопци, бижить же до корчмы та скажить жидамъ, що дякъ уже дома, говорить намъ Сендерко, а самъ, распрощавшись съ сосѣдями, пошелъ домой.

Приходимъ мы отъ корчмы и видимъ, стоитъ нашъ учитель среди школы, рукава засучены, самъ веселый, довольный, а у стола «добрый кiекъ».

Погуляйте тамъ соби на двори, говоритъ намъ, а самъ принялся прибирать что-то въ школѣ. Мы вышли на дворъ. Скоро появился Хаимъ съ сельскою полицiею. Дьякъ встрѣтилъ его въ сѣняхъ и, лишь только тотъ переступилъ порогъ, тотъ часъ захлопнулъ за нимъ дверь на засовку и давай «латать» его дубинкою на всѣ бока. Хаимъ не своимъ голосомъ кричалъ: «гвултъ! ратуйте!» Но никто не спѣшилъ оборонять его: сотскiе и понятые—свои люди только для виду потолкались въ дверь и равнодушно слушали тяжелые удары дьяка и отчаянные крики жида. Сбѣжались люди изъ села, прибѣжала жидова отъ корчмы. Люди потѣшались, жиды голосили: «ой вей миръ! гвултъ!» а дьякъ, втащивъ Хаима въ школу и поваливъ на полъ, билъ его руками и ногами. Вдругъ сѣни растворились и оттуда полетѣлъ, перекувыркнувшись раза три, Хаимъ. Всѣ расхохотались, а разсвирѣпѣвшiй дякъ крикнулъ намъ: «быйте жидивъ, женить ихъ до корчмы»! И мы бросились на оторопѣлыхъ жидовъ и погнали ихъ передъ собою, какъ стадо барановъ, сбивая съ нихъ ермолки и патынки, обрывая лапсердаки и бросая въ нихъ, чѣмъ попало.

Прогнавъ жидовъ до корчмы, мы возвращались съ торжествующимъ видомъ къ нашему учителю. Онъ высоко стоялъ въ нашемъ и всѣхъ людей мнѣнiи. При насъ пришелъ батюшка и говоритъ, смѣясь, дьячку:

— А це ты, Юхиме, на Амалыка ходивъ?

— А ходивъ, батюшечка, отвѣчаетъ Ефимъ.

— И ребра ему сокрушивъ?

— А сокрушивъ, батюшечка. Богъ мени допомигъ, якъ Давидови на Голіаѳа.

— Гляди, Юхиме, щобъ тоби чого не було, закончилъ батюшка и съ тѣмъ пошелъ.

Ефимъ съѣздилъ къ благочинному и возвратился оттуда веселый.

— А що благочинный? спрашиваютъ его.

— А що жъ? отвѣчаетъ Ефимъ. Питавъ, чи хорошенько побивъ.—Здаетьця, кажу, рукъ не жаливъ.—То-то, говоритъ, надо бы еще лучше, а самъ сміетьця.

Тѣмъ и кончилась вся эта исторія. Скажу больше: жидки присмирѣли и не смѣли уже являться для обысковъ, по крайней мѣрѣ во время общественныхъ обѣдовъ въ поминальные дни и въ храмовый праздникъ Самъ спѣсивый Маіорко приходилъ къ дяку Ефиму просить прощенія за своего повѣреннаго и принесъ въ подарокъ два гарнца водки, которые дякъ передалъ бывшимъ при той оказіи людямъ. Миръ былъ заключенъ; но жиды продолжали поить народъ одурманенною водкою и сосать съ него кровь. Кто захотѣлъ бы строго судить дяка Ефима за его жестокую расправу съ жидами, тому слѣдовало бы знать, какъ нахальны и безчеловѣчны были жиды съ тѣмъ, у кого находили хоть рюмку не ихней откупной водки. Расправа Ефима, конечно, дикая; но онъ поступалъ только по жидовскому закону: око за око и зубъ за зубъ, а жиды, кромѣ того, что били, еще грабили и обманывали.

Съ дѣтства не зналъ я праздности и съ самыхъ раннихъ лѣтъ, по мѣрѣ возраста и силы, исполнялъ всѣ хозяйственныя работы, домашнія и полевыя. Сперва я пасъ гусенятъ, поросятъ и ягнятъ, потомъ отецъ сталъ брать меня въ помощь себѣ до плуга, или до рала, посылать въ поле съ волами на пастьбу и употреблять на всякую не трудную работу, а лѣтъ съ 13-ти посылалъ меня и на панщину. Работа для своего хозяйства,

дома или въ полѣ, никогда не тяготила меня; напротивъ, переночевать напр. съ волами гдѣ нибудь въ балкѣ, или подъ лѣсомъ, въ звѣздную либо лунную ночь и пригонять по утренней росѣ домой воловъ съ восходомъ солнца составляло для меня величайшее наслажденіе. Иное дѣло работа на панщинѣ, весь день безъ отдыха, когда солнце прожигаетъ тебя насквозь, а надъ шеей у тебя торчитъ экономъ или писарь, асаулъ или сипака, то и дѣло понукая къ работѣ бранью, палкою или кнутомъ. Однажды пришлось мнѣ возить панское жито съ поля и подавать снопы на скирду. Скирда высокая, снопы тяжелые: поднимаешь снопъ, руки и ноги дрожатъ, въ глазахъ потемнѣетъ. Снопъ за снопомъ, жара нестерпимая, выбился я изъ силъ. Размахнулся еще однимъ снопомъ, чтобъ выбросить его вверхъ на скирду, вилы повернулись въ рукахъ, снопъ съѣхалъ на рогъ, расчахнулъ вилы и грохнулся на землю такъ, что зерно посыпалось вокругъ. Вдругъ какъ потянетъ меня писарь «пугою» сзади черезъ плечо и самымъ концемъ по мокрой отъ поту груди, —я такъ и шарахнулся съ воза. Подняли меня, едва водою отлили. Идти я уже не могъ и меня отвезли домой. Вся грудь мнѣ распухла, со мною сдѣлалась горячка и я пролежалъ около двухъ недѣль. Мнѣ было тогда лѣтъ 15-ть, и это было первое крещеніе панскимъ нагаемъ.

Къ счастію, отецъ мой былъ зажиточный человѣкъ, держалъ наймита, который большею частію выручалъ меня и его въ отбываніи панщины, пока я не выросъ и не сталъ самъ хозяиномъ.

Имѣя чѣмъ выручиться дома, отецъ мой въ лѣтнее и осеннее время предавался любимому своему занятію—*чумачкѣ*, доставляя на собственныхъ волахъ въ Одессу большею частію чужую, а иногда и свою пшеницу, а на обратномъ пути подряжаясь перевозить другія тяжести въ ближайшіе къ главной дорогѣ пункты, или привозя за собственныя деньги соль или рыбу для продажи по ярмаркамъ. Еще 7-ми лѣтъ отецъ въ первый разъ взялъ меня съ собою въ такую далекую дорогу, а когда я подросъ, посылалъ меня съ другими и такъ пріохотилъ меня къ

этому дѣлу, что я 25 разъ сходилъ въ Одессу съ пшеницей, а однажды доставлялъ въ Николаевъ дубы для кораблей. Ничего пріятнѣе и представить я себѣ не могу, какъ это путешествіе въ теченіи пяти, шести, иногда и больше недѣль, особливо въ лѣтнюю пору.

Ѣздили чумаки валкою, возовъ 50—60, иногда и больше. Херсонская губернія, по которой пролегала большая часть нашего пути, была тогда еще очень мало заселена. Цѣлые дни бывало идемъ и не встрѣтимъ души живой; въ рѣдкій день встрѣтимъ на пути какой либо хуторъ или село въ сторонѣ отъ дороги. Выступали мы послѣ ночлега съ утренней зарей Взойдетъ солнце и освѣтитъ намъ путь. Кругомъ все степь: куда ни глянешь, конца ей не видно; широкая, ровная, чуть-чуть подымается мѣстами; вездѣ густыя, высокія травы, а въ нихъ безъ числа всякихъ цвѣтовъ; солнце блеститъ на нихъ такъ, что глаза слѣпитъ. Одно слово: море при восходѣ солнца. А вдоль этого зеленаго безбрежнаго моря черной лентой чуть замѣтно вьется ровная, твердая дорога. Валка растянется чуть не на полверсты. Волы идутъ «вольною ступою», покачивая круторогими головами. Прочные, свѣже подмазанные возы широкими ободьями чуть замѣтно катятся по широкой дорогѣ. Ни скрипу, ни стуку. Широко шагаетъ передній чумакъ, помахивая безъ нужды батогомъ, *вартовники*, сторожившіе всю ночь воловъ, храпятъ, растянувшись на возахъ; молчаливо, задумчиво идутъ старики, каждый около своихъ воловъ, молодые весело поглядываютъ вверхъ и по сторонамъ, иной пѣсню затянетъ, другой достаетъ длиннымъ батогомъ перебѣгающаго черезъ дорогу овражка, тотъ окликаетъ своихъ круторогихъ. Копошится и жужжитъ въ травѣ насѣкомая тварь, весело порхаютъ и поютъ птички надъ головой. Всякое дыханіе хвалитъ Господа по своему. Въ воздухѣ благодать, въ душѣ истинный рай. Невольно припоминаешь слова псалтири: *Изыдетъ человѣкъ на дѣло и на дѣланіе свое до вечера. Господи, вся премудростію Твоею сотворилъ еси!*

Подобьется солнце къ полудню, попристанутъ волы; пора кашу варить. Спустимся гдѣ либо въ балку, готовая паша и

водопой; тогда еще рѣдко гдѣ платили за это. Достаемъ щепки изъ воза, запасецъ дровъ или кизяку, разставляемъ триногъ, нацѣпляемъ котелокъ. Тутъ, какъ въ семьѣ, всякій знаетъ свою работу. Часъ-другой и каша готова. Кто не ѣдалъ каши въ степи послѣ нѣсколькихъ часовъ утренней ходьбы, тотъ не испыталъ настоящаго аппетита и чувства удовольствія отъ пищи.

Въ жаркіе дни привалъ длится часа четыре и мы отдыхаемъ въ тѣни возовъ; въ дни пасмурные и прохладные снимаемся раннѣе, дѣлаемъ еще одинъ короткій привалъ, а съ заходомъ солнца останавливаемся на ночлегъ, гдѣ поближе кормъ и водопой. Вечеромъ большею частію варили галушки. За «вечерей» шли веселые разсказы, раздавались шутки, прибаутки. Иногда кто нибудь наигрывалъ на «сопилку», молодежь пускалась въ плясъ, пѣла пѣсни, особливо, если удавалось гдѣ либо запастись и подкрѣпиться водкой. Но случалось это больше на обратномъ пути, когда чумаки получали деньги за провозъ.

Такъ тянулись дни и недѣли. Дневные привалы смѣнялись ночлегами, какъ каша галушками и галушки кашей. Казалось, конца нѣтъ степи и дорогѣ; а все таки придемъ наконецъ въ Одессу и домой возвращаемся.

Въ дорогѣ, въ компаніи чумаковъ, соблюдался самый строгій порядокъ. Въ самомъ началѣ пути сошедшіеся изъ разныхъ селъ чумаки избирали себѣ атамана, который и распоряжался всѣмъ въ дорогѣ, по чумацкому обычаю, съ общаго совѣта и согласія въ случаяхъ неожиданныхъ и болѣе важныхъ. По его командѣ снимались съ привала и останавливались на новый. Онъ велъ всѣ дорожные расходы и счеты, назначалъ по очереди «вартовниковъ», мирилъ ссорющихся, удерживалъ отъ буйства и дракъ, а тѣмъ болѣе отъ обидъ кому либо изъ встрѣчающихся въ дорогѣ и на ночлегахъ, журилъ неисправныхъ и сонливыхъ, во всѣхъ дорожныхъ приключеніяхъ, а особливо при сдачѣ груза и разсчетѣ говорилъ и дѣйствовалъ отъ имени всѣхъ. Мнѣ не было еще 18 лѣтъ, какъ меня выбрали однажды атаманомъ, и этимъ я обязанъ главнымъ образомъ тому, что умѣлъ читать и писать. «Вартовники» назначались не только для воловъ,

но и для возовъ. Все пропавшее по ихъ прямой винѣ взыскивалось съ нихъ; въ чемъ вина ихъ не могла быть доказана, то вознаграждалось на общій счетъ. Всякое несчастье съ кѣмъ либо изъ чумаковъ, а особливо болѣзнь, считалось общимъ всей валки горемъ и всѣ старались помочь впавшему въ бѣду; за то обидѣвшихъ кого либо, а особливо уличенныхъ въ кражѣ, били нещадно батогами, по общему приговору.

Въ воскресенье, въ праздникъ чумакъ ни за что не тронется въ дорогу, но даетъ въ эти дни покой себѣ и скотинѣ. По дорогѣ попадались церкви—наши, румынскія и болгарскія. Оставимъ было вартовниковъ при волахъ и возахъ, а сами идемъ въ церковь. Я, какъ умѣлъ читать и пѣть, еще малымъ будучи, становился на клиросъ и пѣлъ даже въ румынскихъ церквахъ, хотя одно только «*Домине милоэшти*». Народъ вездѣ почти былъ зажиточный и гостепріимный: завидятъ чумаковъ и разбираютъ изъ церкви по хатамъ на обѣдъ. Мнѣ, какъ помогавшему на клиросѣ, доставалась найбольшая честь и угощеніе; скорѣе всего запроситъ къ себѣ дьячекъ, а иногда и священникъ; напоятъ, накормятъ, еще и на дорогу чего нибудь съѣстнаго дадутъ. Такъ-то угостили меня съ отцемъ въ Ганскомъ, гдѣ я пѣлъ съ сыновьями управляющаго Сендерка, не зная, что придется быть у нихъ школяромъ. А то разъ выпало мнѣ заступить какъ бы священника и дьячка вмѣстѣ. Приходимъ мы въ слободку Кошкову, имѣніе Потоцкаго. Вдругъ на встрѣчу намъ люди.

— Чи не ма у васъ, спрашиваютъ, письменного. У насъ померъ багатый старый чоловикъ, а никому псалтырь почитать.

— Есть, отвѣчаемъ мы. Щобъ то мы за чумаки, щобъ межъ нами письменного не було.

— То становитьця, будьте ласкави, до насъ на ночлигъ; все одно вечиръ заходыть. Выпрягайте волы, нехай пасуться зъ нашими, а вы йдить до насъ уси на вечерю, а той нехай псалтырь чита.

Мы охотно согласились, ибо не только день кончался, но небо заволокло тучами. Два дня шелъ дождь; два дня читалъ я псалтырь. Звали насъ обѣдать и вечерять; волы поправились

и мы подкрѣпились и отъ непогоды укрылись. На третій день пришлось хоронить. Мнѣ подали святую воду и кропило изъ васильковъ; я окропилъ гробъ и покойника. Тѣло вложили въ гробъ и понесли до могилы, а я всю дорогу пѣлъ: *Святый Боже*. Надъ могилой сговорили всѣ: *Отче нашъ*, а я сказалъ и пропѣлъ *вѣчную память*. Такъ похоронили безъ священника, котораго и за 100 верстъ нельзя было достать. Такъ и чумаковъ хоронили, а случалось, что чумакъ чумаку въ степи передъ смертью исповѣдывался, а тотъ, придя домой, передавалъ исповѣдь священнику. Нужда законъ измѣняетъ. Такъ и съ нами теперь было. Похоронили, а потомъ зазвали насъ на обѣдъ, угощали щиро, еще и сѣна на возы наклали намъ много.

Но не всегда чумаковъ ждали одни пріятности въ дорогѣ и не всякому чумаку бывала удача въ его дѣлахъ. Кому неизвѣстна пѣсня:

Ой ходивъ чумакъ симъ рикъ по Дону,
Та не було пригодоньки николи ёму.

Или кто не слышалъ другой:

А вже чумакъ та й дочумаковався,
Нема свиты, кожухъ обидрався.

Нельзя по одному лѣтнему походу судить о пріятности другаго такого же похода; нельзя по одному удачному обороту заключать о доходности вообще чумацкаго дѣла. Случаются съ чумаками всякія несчастья въ дорогѣ; случаются съ ними крупныя неудачи, разрушающія иногда всю ихъ жизнь. «Нихто такъ усердно, говорили у насъ, Богу не молится, якъ матросъ на морѣ, а чумакъ въ дорози». Самый тяжкій бичъ для чумака —это знойное лѣто. Выгоритъ трава, засуха страшная, умалится и водопой, негдѣ накормить и напоить скотинку. Стоитъ жара невыносимая, по дорогѣ пыль столбомъ; волы задыхаются и млѣютъ, отъ поту изъ сѣрыхъ становятся черными; не рѣдко останавливаются, тяжко поводятъ боками, слезы каплютъ изъ глазъ. Въ нѣсколько дней скотина теряетъ тѣло и силу; не можетъ ѣсть, не хочеть пить. Лежатъ волы, лежимъ и

мы, какъ мертвецы, у возовъ. А коли издохъ волъ у чумака, пропалъ весь его лѣтній заработокъ. Въ иное лѣто вмѣсто засухи льетъ дождь по цѣлымъ недѣлямъ. Новая бѣда для чумака: раскиснетъ дорога, позамокаютъ возы, попрѣютъ шеи у воловъ, стоимъ по цѣлымъ днямъ, время и деньги теряемъ; а каково намъ цѣлыя недѣли на дождѣ и холодѣ пробыть, о томъ не говорю. Чумаковъ въ собственною кладью, съ пшеницей въ Одессу и съ солью изъ Крыму, немного; большею частью это извощики. Подрядятся съ зимы или ранней весны въ извозъ и деньги впередъ заберутъ; а при неудавшейся дорогѣ приходится послѣднее продавать, чтобъ выполнить подрядъ и пополнить убытки.

Бывали и другія приключенія въ дорогѣ. Въ херсонскихъ степяхъ жило тогда хуторами не мало волоховъ, оставшихся отъ перваго заселенія тѣхъ мѣстъ; теперь ихъ и слѣда уже нѣтъ. Немилосердые то люди были и промышляли надъ нашимъ братомъ чумакомъ за потраву будто ихъ посѣвовъ и сѣнокосовъ. Вотъ какой случай былъ съ нами.

Проѣхали мы село Жеребково, ананьевскаго уѣзда, вышли въ степь, выбрали догодное мѣсто и такъ въ обѣдъ остановились попасать. Повыпрягали воловъ; волы пасутся, а мы кашу варимъ. Откуда ни возьмись волохъ на лошади верхомъ. Подъѣхалъ къ воламъ, отбилъ изъ гурта одного вола и погналъ передъ собою. Мы повылазили на возы и смотримъ, куда онъ погонитъ. Видимъ, за горбкомъ въ балкѣ труба отъ хатъ показалась, значитъ хуторъ; туда и погналъ волохъ вола и все немилосердно бьетъ его арапникомъ. Отрядили мы троихъ товарищей выручать вола. Приходятъ они къ тому хутору; видятъ, богатые люди живутъ: хаты порядочныя, огороды хорошіе, много хлѣба, скота, работниковъ. Только стали въ балку спускаться, а на встрѣчу имъ два волоха, отецъ и сынъ,—тотъ самый, что вола угналъ. Кланяются имъ наши, просятъ вола отдать, а тѣ какъ накинутся на нихъ:

— А мой чумакъ арнавутъ пасъ, сякой такой сынъ, польщакъ..., кричать оба волохи, траву рвутъ и со злостію броса-

ютъ нашимъ въ глаза, давая тѣмъ знать, что наши волы попортили ихъ пшеницу арнаутку.

Наши кланялись, просили, ничто не помогаетъ: волохи ругаются и безъ выкупа вола не отдаютъ, а выкупа требуютъ 20 руб. Бились наши до вечера, за совѣтомъ къ намъ приходили и опять къ волохамъ ходили, упрашивали ихъ всячески, кланялись до земли, руки и ноги цѣловали, но ничего не успѣли. Только на другой день богатые волохи выпустили вола, взявъ выкупу вмѣсто 20 руб. только 20 коп. А волъ все время стоялъ голодный, не ѣвши, не пивши. Пригнали его чуть живаго. Надо было опять стоять, чтобы подкрѣпить вола. Не столько уже намъ вола и денегъ жаль было, сколько безчестія, которое приняли наши отъ волоховъ. По свойственной человѣку склонности къ мщенію рѣшились мы наказать волоховъ.

Стоимъ мы; кашу сварили и сѣли обѣдать. Смотримъ, а волохъ изъ-за могилы верхомъ опять ѣдетъ къ намъ. Побоялись мы, что опять вола отобьетъ, и давай скорѣе воловъ запрягать. Но видимъ, волохъ за полверсты отъ насъ повернулъ въ бокъ и поѣхалъ къ Жеребковой.

— Дивитьця, хлопци, кричитъ одинъ изъ нашихъ; въ ёго кульбаки коло сидла; тамъ у трокахъ въ ёго баклажки, або барильця, и то напевне винъ ïде по дешеву до Жеребковоï.

Присмотрѣлись, такъ и есть. Рѣшили мы выждать волоха и отплатить ему за обиду. Проѣхали нѣсколько впередъ и остановились. Вызвалось пять охотниковъ на волоха, а въ числѣ ихъ сторожъ церковный Исаакъ, ростомъ въ сажень. Пошли они на перерѣзъ волоху; четверо спрятались въ кустахъ, а Исаакъ пошелъ къ сапавшимъ невдалекѣ баштанъ. Заговорился съ ними, какъ тутъ и волохъ. Исаакъ къ нему и спрашиваетъ, не видѣлъ ли онъ еще одного нашего вола. Хитрость удалась; волохъ остановился. Тогда Исаакъ схватилъ лошадь за поводья, свиснулъ на своихъ, а волоха въ мигъ стащилъ съ коня Прибѣжали наши, забрали водку и лошадь, а волоха пустили. Усѣлись мы и пьемъ водку, какъ бѣгутъ волохи лошадь выручать. Отплатили же мы имъ: потребовали съ нихъ 50 р., грозя иначе до-

ставить корчемную водку въ контору откупщика. Накланялись и намъ волохи, а кончили мы тѣмъ, что взяли съ нихъ 8 руб. и 4 изъ нихъ отдали въ Ананьевѣ на церковь, а на 4 купили рыбы до каши.

— Не по христіански мы поступили, говорю я потомъ товарищамъ.

— Може воно й такъ, отвѣчали они; а все жъ таки на другій разъ волохамъ осторога буде.

Но осторога для однихъ не остановила другихъ, худшихъ людей, и въ слѣдующемъ году мы чуть было не лишились въ другомъ уже мѣстѣ пары воловъ. Шли мы въ обратный путь изъ Одессы и шли «порожнемъ», безъ клади. Было уже послѣ Покрова; время позднее, холодное; негдѣ покормить воловъ, развѣ попоить. Говорили тогда, что по дорогѣ грабятъ, разбиваютъ, убиваютъ, да мы на то не смотрѣли. Прошли уже верстъ сто, съ лишнимъ даже. Спустились въ одномъ мѣстѣ въ балку; видимъ, трава при дорогѣ такая, хоть коси. Остановились мы, пустили на пашу воловъ, повечеряли и спать легли. Небо звѣздное, ясное, все видно. «Вартовники» ходятъ окола воловъ. Вдругъ видитъ одинъ, двое разбойниковъ съ топорами въ рукахъ выползли изъ обрыва, отбили пару найлучшихъ воловъ и погнали. Вартовникъ испугался, шепнулъ товарищу, а тотъ скорѣе къ намъ. Погнались мы гуртомъ, скоро догнали и оцѣпили воровъ. Кричимъ: «сдавайтесь»! А они съ топорами противъ насъ: «хто, говорятъ, подступить, тильки вже хлиба ѝвъ».—«Намъ и пидступать не треба, отвѣчаемъ имъ; стійте оттакъ, поки сьвитъ, а тоди мы вамъ дамо рады». Грызлись они съ нами, бросались на насъ, а мы на нихъ, наконецъ сдались. Скрутили мы имъ руки назадъ и повели до валки на судъ. Стали судить. Одни говорятъ: «зъ якои обрывы вылизлы, туда ихъ сторчь головами», другіе говорятъ: «батогами ихъ обчухрать, по чумацькому звычаю», третьи говорятъ: «привяжемо до возивъ на ничь, а раненько до станового приставимъ».—«Э, говорю (а я въ тотъ разъ атаманомъ былъ), браття; въ прирву кинемъ, души загубимъ; пидъ батоги визьмемъ, часомъ не уважимъ, а до стано-

вого—одна тяганина». Не слушають, спорять; кто на батоги приставалъ, и тѣ кричатъ: «убить ихъ въ смерть». А воры лазять у насъ въ ногахъ, плачуть, молять. Спорило еще товариство, а потомъ видять, что до ладу дайти не можно, говорять: «ну, якъ панъ отаманъ розсудыть, на те й пристанемъ».

— А коли такъ, говорю, то отъ якъ буде.

Всѣ притихли. Я досталъ чистый ручникъ, положилъ его на *війя*, а на немъ хлѣбъ и сверху дрибочокъ соли и говорю ворамъ: «нехай васъ Богъ та хлибъ и силь побьють, а мы васъ бить, а ни вбивать не будемъ. Идить себи, звиткиль взялись». И развязалъ имъ скрученныя назадъ руки.

Воры пали предъ нами на колѣни, цѣловали у всѣхъ руки и ноги, горько каялись въ своихъ грабежахъ и убійствахъ, клялись впредь пальцемъ никого не тронуть. Всѣ радовались, а у кого и слезы на очи выступили.

— Господи! подумалъ я: какая-же то радость на небѣ бываетъ, когда Богъ грѣшника проститъ!

На сей разъ мы только страхомъ отдѣлались, а съ другими чумаками и не то бывало. Не говорю: воловъ украдутъ,—стой тогда валка!—а то ограбятъ еще и убьютъ. Въ степяхъ херсонскихъ было тогда еще много бродягъ, воровъ и разбойниковъ. Въ темную ночь подкрадутся къ возамъ, отобьютъ сундучокъ съ деньгами и уйдутъ. А случалось, днемъ верхами налетятъ, захватятъ свиту, кожухъ или торбу съ саломъ либо пшеномъ и драла. Ищи вѣтра въ полѣ!

Когда наконецъ прибудемъ бывало въ Одессу, какъ камень съ плечей свалимъ. Но тутъ новая бѣда отъ жидовъ, безъ которыхъ никакого товару ни продать, ни сдать нельзя. Станемъ пшеницу ссыпать, разсчетъ брать, жидъ непремѣнно какого нибудь фагля выкинетъ, чтобы обмануть и обсчитать. Говорили у насъ: жидъ и хлѣба въ ротъ не возьметъ, пока не обманетъ кого. Выпала рааъ и на мою долю такая штука, да Богъ помогъ мнѣ одолѣть жидовъ.

Было это въ 1839 году. Мнѣ тогда было уже 19 лѣтъ. Привозимъ мы пшеницу въ Одессу какому-то купцу Хаиму. Ну,

извѣстно, купца не скоро увидишь. Обступили насъ приказчики, все жиды, Гергочуть по своему, кто ихъ тамъ разберетъ. Сказали къ амбару подъѣзжать, мѣшки на гору, на 2-й этажъ носить. Оставалось на моемъ возу еще два мѣшка, когда одинъ изъ послѣднихъ я понесъ по лѣстницѣ вверхъ. Какъ раазъ въ это время волы мои, отъ мухъ ли, или отъ чего другаго, перешли на другую сторону улицы, а на мѣсто моего воза сталъ другой. Замѣтили это жиды и подняли гвалтъ:

— А, злодіи, пщеницу сховали!

— Хиба, говорю, тоби повылазили, не бачишь, що волы зъ миста рушили, поки я вернусь.

— Добре рушили! самъ нагнавъ, а може кого напрохавъ... Обманщики, злодіи! кричатъ жиды и добавляютъ, что можетъ быть уже не одинъ возъ съ мѣшками отъѣхалъ.

— Та же ты, нависный жиде, на миру прыймаешь, а не на мишки: ну, то миряй! говорю я ему.

Но нѣтъ, слушать не хотятъ жиды и все кричать: «злодіи, пшеныцю покрали». Уже перемѣрили, сосчитали, на четверть, больше вышло, а они все свое. Пошли мы къ купцу за деньгами и квитанціею, прикащики насъ не допустили. Деньги мы, правда, часть впередъ взяли; но тутъ по уговору намъ слѣдовало по 1 рублю съ воза, а всего 40 рублей; безъ квитанціи жъ мы не могли дома остальныхъ денегъ получить.

Вернулись мы къ своимъ возамъ и не знаемъ, что дѣлать. Сижу я и грызу сухарь; идетъ бѣдный человѣкъ и проситъ хлѣба. Я далъ ему сухарей и спрашиваю, кому намъ на жидовъ жаловаться, разсказываю, какъ насъ жиды обидѣли.

— Въ часть, говоритъ, идить.

— А часть, спрашиваю, за нами потягне, чи за купцемъ?

— А за купцемъ.

— А дежъ намъ правды шукать?

— До полиціи йдить.

— А полиція за нами постоить?

— Ни, и полиція за купцемъ; бо купци полиціи гостынци на праздныки посылають и такъ хабаря дають.

Лиха наша година, думаю себѣ; а впрочемъ что Богъ дастъ. Подбиваю двухъ стариковъ въ полицію съ жалобою идти.

— Побый ихъ сила Божа тыхъ жидивъ! Ще засудять насъ, отвѣчаютъ старики, а потомъ согласились.

Пришли мы въ полицію, жалуемся полицмейстеру; такъ и такъ, говоримъ.

— Ваше, говоримъ, благородіе! Змилуйтесь надъ нами бѣдными чумаками: обѣдивъ насъ купець на вики.

— Постойте, говоритъ онъ, распросивши насъ и записавши наши фамиліи. Пошелъ въ другую комнату, позвалъ какого-то писаря и скоро выслалъ къ намъ присяжнаго—солдата съ бумагою.

Вышли мы съ присяжнымъ на улицу, а онъ такой веселый, отошелъ немного и говоритъ намъ:

— Эхъ, вы чумачки, не будьте дурачки. Вотъ повѣстка до купца, чтобы шелъ въ полицію на расправу. Купецъ не пойдетъ; ему стыдно въ полиціи съ чумаками судиться; онъ будетъ говорить: я имъ давалъ старые карбованцы, а они не захотѣли брать, требовали новыхъ. Я буду бранить васъ, кричать на васъ; но вы ничего не говорите. Купецъ деньги отдастъ, а вы мнѣ око вина купите. Хорошо?

— Добре, говоримъ, купимо; а сами думаемъ: отъ такъ штука!

Приходимъ къ купцу. Присяжный пошелъ къ нему въ комнаты, а насъ прикащики не пустили, еще «злодіями» называли насъ и ругали. Выходитъ присяжный, а за нимъ купецъ. Присяжный на насъ съ кулаками:

— Ахъ, вы сякіе такіе, вамъ деньги даютъ, а вы не хотите брать, да еще жалуетесь.

— Какихъ же имъ еще денегъ нужно? говоритъ купецъ, бросая на столъ старые елисаветинскіе рубли. Сдается мнѣ, что эти старые лучше еще, какъ новые. Я давалъ имъ, а они... извѣстно, мужикъ.

Дивуемся мы. Я таки не вытерпѣлъ: дававъ, говорю, т зъ кишени не выймавъ.

А присяжный на меня какъ крикнетъ:

— Получай деньги и убирайся, а то я тебя расколочу.

Мы скорѣе деньги со стола, да въ двери. Вышли на улицу, пересчитали: 40 рублей старыми карбованцами. Радуемся мы и опять говоримъ: отъ такъ штука! Какъ догоняетъ насъ, не скоро, правда, присяжный, тычетъ въ руки квитанцію и говоритъ: — Ну, спасибо вамъ чумаки. Около васъ и я поживился,—и показываетъ намъ десятирублевую ассигнацію, что получилъ отъ купца.—Ну, говоритъ; теперь могорычъ: уговоръ паче денегъ.

Купили мы ему око вина; купилъ и намъ онъ око-жъ вина. Съ тѣмъ и попрощались.

— А що? говоритъ одинъ изъ нашихъ. Хотивъ купець выдры, такъ самъ ледви выдерся!

Занятый нѣсколько лѣтъ подъ рядъ чумачкою, проводя все почти лѣто и осень въ далекихъ дорогахъ, думая только о томъ, какъ бы благополучно совершить путь и возвратиться съ заработкомъ, я никогда не приходилъ къ мысли о женитьбѣ, да и не представлялось мнѣ повода и случая къ избранію себѣ подруги жизни. Вдали, могу сказать, отъ жизни, ея утѣхъ и соблазновъ воспитали меня мои родители; не зналъ я ни «улыци», ни «вечерныць», ни другихъ сельскихъ собраній, гдѣ сходятся и сближаются молодые люди обоего пола, и родители сами должны были напомнить мнѣ о женитьбѣ, когда мнѣ минулъ 22-й годъ. Въ крестьянскомъ быту не рѣдкость и то, что отецъ самъ указываетъ сыну невѣсту; такъ случилось это и со мною. Посылалъ меня отецъ вмѣстѣ съ сватами къ одному крестьянину въ сосѣднее село Метановку «на оглядины». Говорили тутъ за меня сваты, но ничего изъ того не вышло. Отецъ рѣшился самъ ѣхать со мною въ Метановку, но въ сельскомъ быту считается за стыдъ для всѣхъ сельчанъ, если кто не находитъ на мѣстѣ невѣсты и ищетъ ее на сторонѣ и потому сосѣди наши отсовѣтовали отцу моему задуманную имъ поѣздку и указали невѣсту для меня у крестьянина нашего села, Софрона Гонорука, на которой, послѣ обычныхъ обрядовъ сватовства, и женили меня. Случилось это въ 1843 году послѣ свѣтлыхъ праздниковъ.

Жену мою звали Агафьей; была она очень добрая, благонравная и вмѣстѣ съ тѣмъ проворная и пригожая женщина, Когда она шла за меня, ей едва исполнилось 16 лѣтъ. Любовь должна была прійти съ супружествомъ, и она дѣйствительно пришла, но не на долго. Еще во время нашей свадьбы одинъ юродствовавшій сродникъ моей жены, по имени Лаврентій Криворукій, предсказывалъ намъ, что мы проживемъ вмѣстѣ не болѣе шести лѣтъ и что чрезъ 6 лѣтъ моя Агафія умретъ. Другой родственникъ съ моей стороны, слѣпой 70-ти лѣтній старикъ предсказывалъ намъ тоже самое. «Отъ», говорилъ онъ, «въ яку гарну пару сдруживъ васъ Богъ, та не довго будете вы вкупи жити, скоро васъ Господь роспаруе». Ужасно было для насъ такое предсказаніе въ самый день свадьбы, и какъ ни странно, но это дѣйствительно сбылось. Напуганные имъ, мы не могли отвязаться отъ мысли, что намъ не долго жить вмѣстѣ и это наложило особую печать на нашу супружескую жизнь. Уже на 5-й день послѣ свадьбы, когда моя жена отправлялась въ Кіевъ на богомолье и поклоненіе мощамъ св. угодниковъ Божіихъ, мнѣ невольно пришло на мысль: а что если, не дай Богъ, жена моя заболѣетъ и умретъ въ дорогѣ, или въ Кіевѣ! Невольный страхъ охватилъ меня; но я тогда же подумалъ, что не женился бы ни за что въ другой разъ, а посвятилъ бы себя на служеніе Богу. Въ свою очередь жена, не смотря на молодость, полную силъ и здоровья, не рѣдко поддавалась грусти, навѣваемой ужаснымъ предсказаніемъ, и только ежедневная злоба дня и хлопоты, неизбѣжныя при вступленіи въ новую жизнь, мало по малу отгоняли отъ насъ мысль объ ожидавшемъ насъ несчастьи.

Жили мы сначала не отдѣльнымъ хозяйствомъ, но вмѣстѣ съ моими родителями, и никогда не возникало у насъ никакого несогласія. Жена скоро привязалась ко мнѣ, какъ и я къ ней, и жили мы съ нею въ полной любви и согласіи. При совмѣстномъ хозяйствѣ съ родителями и щедрой помощи моего тестя не терпѣли мы ни въ чемъ недостатка. Умѣлъ я довольно искусно владѣть топоромъ: дѣлалъ самъ плуги, рала, бороны, колеса, ульи, учился гнуть ободья, не безъ успѣха занимался бондар-

ствомъ, шилъ, когда было нужно, сапоги и отчасти не дурно ткалъ полотна на ткацкомъ станкѣ, выучившись этому ремеслу отъ отца. Много помогало все это въ хозяйствѣ и пріумножало наши достатки. Только и несчастія испыталъ я за первые года супружества, что злые люди украли у меня пару лошадей, и мнѣ пришлось, отыскивая ихъ, побывать въ Жашковѣ и Бердичевѣ, извѣстныхъ издавна своими «злодійскими» ярмарками, и въ компаніяхъ разныхъ конокрадовъ. Много потратилъ я на это времени и денегъ; но когда, по совѣту добрыхъ людей, заказалъ три обѣдни въ трехъ сосѣднихъ церквахъ, лошади какимъ-то чудомъ нашлись и я невольно воскликнулъ: *по вѣрѣ вашей будетъ вамъ*!

Благословилъ насъ Богъ и дѣтьми, сыномъ и дочерью. На здоровьѣ мы не терпѣли, въ хлѣбѣ и одежѣ не нуждались, панщину отбывали больше работникомъ. Казалось бы жить да Бога хвалить; но не тутъ-то было. И Господь сказалъ: *егда речете: миръ и утвержденіе, тогда внезапу найдетъ на вы день той*, день несчастій. Такъ случилось и съ нами.

Началось съ того, что отецъ мой, видя умноженіе моей семьи, захотѣлъ отдѣлить насъ и самъ заложилъ для насъ новую хату съ отдѣльной усадьбой и полемъ. Надѣлилъ онъ насъ правда всѣмъ для хозяйства; но теперь пришлось уже самому обо всемъ думать, когда доселѣ мы жили у него, по пословицѣ, «якъ у Бога за дверьми». Мало того: ставъ самостоятельнымъ хозяиномъ, я сталъ отвѣтственнымъ за все передъ паномъ и громадой, а это и повлекло за собою всѣ почти послѣдующія мои несчастья.

Было у насъ въ селѣ двѣ власти: своя громадская и ненавистная панская. Первой надо было слушаться, второй бояться и все равно исполнять, что потребуетъ та или другая.

Памятуя мою чумачку и мое въ ней атаманство, а болѣе потому, можетъ быть, что я былъ грамотный, громада выбрала меня сборщикомъ «подушнаго» и другихъ налоговъ. Господи, что это за пытка требовать деньги у человѣка, когда знаешь, что ихъ у него нѣтъ, ходить къ нему по 10 разъ, напоминать,

приставать, требовать. грозить, браниться и выслушивать брань, забирать одежу, выставлять окна и двери, выламывать печь, какъ это дѣлали всѣ почти сборщики!... Ни на какія «здирства» у меня духу не хватало, а громадскую повинность надо было отбыть точно, аккуратно, и вотъ я, на первыхъ порахъ моего хозяйничанья, долженъ былъ приплатиться не однимъ десяткомъ рублей изъ собственнаго кармана.

Послужилъ я громадѣ, потратился для нея; но за то заслужилъ у нея доброе мнѣніе и расположеніе, и она не разъ выручала меня изъ бѣды.

Не такъ было справляться передъ панами. Натерпѣлся я отъ нихъ столько, что и теперь въ старости не могу вспомнить о томъ равнодушно. Село Поборки, какъ сказано мною выше, принадлежало графинѣ А. С. Потоцкой, но вмѣстѣ съ другими сосѣдними селами оно сдавалось въ поссесію. Была значительная разница въ пооложеніи крестьянъ тѣхъ селъ, въ которыхъ жили сами помѣщики или ихъ управляющіе, и тѣхъ, которыя сдавались въ аренду. Поссесія прибавляла намъ новую власть, кромѣ помѣщичьей, и новую тяжесть въ работахъ и разныхъ сборахъ, такъ какъ поссесоръ долженъ былъ арендную плату выработать и для себя заработать, а за все отвѣчалъ одинъ и тотъ же мужикъ. Съ другой стороны не даромъ пословица говоритъ: «не такъ паны, якъ пидпанки». Если и можно было еще бѣдному мужику искать милости и правды, то развѣ у большихъ пановъ, всѣ же эти поссесоры, экономы, надсмотрщики и писаря были прямыми тиранами нашими. Тяжкое иго была панщина. Говорилъ я объ ней выше и еще скажу. Хотя и было такое положеніе, что три дня въ недѣлю человѣкъ работаетъ на пана, а три дня на себя, но это такъ развѣ на бумагѣ, а на самомъ дѣлѣ мы были въ полной власти у пановъ: сколько скажутъ, столько и работай и куда прикажутъ, туда и иди. Въ жнива, въ косовицу заберутъ всѣхъ, такъ что и хаты не на кого покинуть, и дѣтей надо съ собою въ поле забирать. Но что всего хуже—это сѣченіе и побои. Чуть что не такъ, или не по нраву пану, сейчасъ въ зубы, въ спину, по шеѣ, по щекамъ и головѣ кулакомъ, палкой, либо нагаемъ. А

какъ возьмутъ подъ лозы на полѣ, въ сборнѣ или на панскомъ дворѣ, тутъ только проси Бога, чтобы остался живъ. Не приведи Богъ, какъ били и мучили насъ, и не то что управляющіе и экономы, а просто писаря и досмотрщики. И думаешь было не разъ, зачѣмъ это Господь такой порядокъ допустилъ, что одни работаютъ и сухимъ хлѣбомъ питаются, да еще и побои терпятъ, а другіе на боку лежатъ да бенкетуютъ, и ни въ чемъ не находишь отвѣта на такой вопросъ.

Тяжело было положеніе наше до 1847 г., т. е. до изданія «инвентарныхъ правилъ», но не легче оно было и потомъ, и виною сему были тѣже паны. «Царь хотивъ намъ добро зробить, та иродови паны перепутали по своему»,—такъ говорилъ народъ объ этихъ правилахъ, когда они вошли въ дѣйствіе, и говорилъ вѣрно. Что изъ того, что въ «Правилахъ» говорилось, съ какихъ лѣтъ можно брать человѣка въ работу и съ какихъ не должно, сколько дней работать въ недѣлю мужчинѣ и сколько женщинѣ, сколько напр. сноповъ и какого хлѣба и какой мѣры нажать, или обмолотить и проч. Но попробуй сказать, что онъ требуетъ не по «Правиламъ», сейчасъ тебя въ зубы или нагаемъ, либо на конюшню подъ розги, а то къ становому отправить, какъ бунтовщика. И сколько изъ насъ за такія упоминки о «Правилахъ» поплатились розгами въ стану, въ тюрьмахъ сидѣли, были выселяемы и ссылаемы! Досталось и мнѣ, и больше за это. На бѣду мою, я былъ грамотный, слушалъ, читалъ и помнилъ «Правила». Чуть было паны чего лишняго требуютъ, люди за работой спрашиваютъ меня, а я конечно не могу отказать ихъ просьбѣ. Какъ узнали про это паны, то такъ взялись на меня, что рады были бы со свѣта меня согнать, или изъ села выжить.

Поссесоромъ въ то время въ нашемъ селѣ былъ нѣкто Фавстъ Каминскій, а экономомъ Яворскій. Оба они сильно не любили меня и постоянно выискивали случай чѣмъ-нибудь досадить мнѣ и обидѣть меня. Разъ, во время свозки хлѣба, экономъ накинулся на меня за то, что я не выслалъ третьяго воза „на ланъ“. Я говорю ему: „въ Правилахъ нема“, а онъ меня „бацъ“, едва на ногахъ удержался: «я говоритъ, покажу тоби правила» и хотѣлъ

меня еще нагаемъ, да я отскочилъ. Нажаловался онъ на меня поссесору. Думаю, не посмѣетъ и поссесоръ бить меня, когда я правъ. Не тутъ-то было. Ѣду я на другой день въ поле, правда не съ разсвѣтомъ, ибо для пана это все равно, лишь бы я привезъ ему споповъ, сколько положено. Налетаетъ на меня фольварковый козакъ и давай драть меня нагайкой за то, что поздно на ланъ ѣду. Оказалось, что его поссесоръ наслалъ на меня. А въ то время какъ разъ пріѣхалъ къ намъ изъ Варшавы Липинскій, управляющій имѣніемъ графини Потоцкой. Я и пожаловался ему на эконома и козака. Липинскій поручилъ разобрать это дѣло «ключевому эконому» и, по докладу его о томъ, что я былъ обиженъ экономомъ Яворскимъ и фольварковымъ козакомъ совершенно напрасно, приказалъ имъ обоимъ удовлетворить меня за нанесенные мнѣ ими побои.

За эту жалобу еще больше озлился на меня поссесоръ Каминскій и велѣлъ какъ меня, такъ и отца моего забить «въ коколодку» и посадить «на зборню». Проходитъ онъ черезъ нѣсколько часовъ мимо насъ и начинаетъ выговаривать мнѣ, издѣваться надо мною, бранить меня. Я только что началъ было оправдываться предъ нимъ, а онъ какъ стоялъ предъ нами съ палкою, такъ и ткнулъ мнѣ ею въ зубы. Продержалъ насъ панъ посессоръ на зборнѣ три дня на сухомъ хлѣбѣ и на водѣ. Потомъ приходитъ къ намъ арендарь и уговариваетъ насъ просить у пана прощенія. Мы не покорились. На другой день панъ требуетъ насъ къ себѣ. Приходимъ, какъ были, въ колодкахъ, думаемъ, опять будетъ бить; а онъ вдругъ говоритъ намъ такія рѣчи: «ну, то я вже вамъ вшистко дарую; я панъ, тай вы люди поважни.—на що намъ сердитися, щобъ насъ люде судили»? Мы только переглянулись съ отцемъ, а панъ велѣлъ разбить колодки и отпустить насъ. Потомъ мы узнали, что онъ ждалъ Зелинскаго опять въ Поборки и боялся, чтобы мы уже на него не нажаловались пленипотенту графини.— Панъ, какъ и жидъ, верховодилъ надъ мужикомъ, когда чувствовалъ за собою силу, но готовъ былъ унизиться, если видѣлъ какую либо опасность для себя.

Унизился и посессоръ передъ нами, но затаилъ злобу противъ меня въ душѣ своей и при первомъ наборѣ рѣшился сдать меня въ солдаты. Какъ поссесоръ, онъ не имѣлъ права распорядиться этимъ безъ согласія громады, а потому отдалъ приказъ схватить меня въ самый день вывоза рекрутъ изъ нашего села на послѣдній осмотръ въ рекрутское Присутствіе, временно устроенное въ м. Соболевкѣ. И меня схватили тайно и совершенно неожиданно, забили въ колодки и повезли. Читатель! если тебѣ не приходилось видѣть прежняго рекрутскаго набора, то ты можешь считать себя счастливымъ. Ничего ужаснѣе я и представить себѣ не могу. Молодые, не женатые люди еще какъ нибудь могли мириться съ этимъ; но женатому, семейному, домовитому человѣку идти на 25-ти лѣтній срокъ тогдашней военной службы— это все равно почти, что идти на явную смерть. И какъ идти? Сидитъ себѣ человѣкъ въ своей хатѣ, или работаетъ на своемъ, либо панскомъ дворѣ, ничего не зная и не подозрѣвая, такъ какъ приказъ о наборѣ держался обыкновенно въ величайшемъ секретѣ. Вдругъ, по приказу панскому, набрасываются на него, схватываютъ, вяжутъ веревкой или поясомъ руки назадъ, забиваютъ ноги въ колодки, держатъ подъ карауломъ двѣ-три недѣли, а потомъ сваливаютъ, какъ бревно, на возъ и подъ стражею везутъ въ присутствіе; тамъ забрѣютъ, переодѣнутъ и погонятъ за сотни и тысячи верстъ. Прощай семья и село родное, прощай жена и дѣти, въ большей части на вѣки! Въ такомъ положеніи былъ и я теперь. Нужды нѣтъ, что я одинъ сынъ у отца, что у меня жена и маленькія дѣти. Схватили и повезли. Такъ пану угодно! Самъ онъ лично присутствовалъ при сдачѣ изъ опасенія, чтобы я какъ-нибудь не ускользнулъ отъ рекрутчины. Уже меня раздѣли и я готовъ былъ отправиться въ присутствіе. Но тутъ подошли мои ооносельцы, пришли и многіе знавшіе меня жители Соболевки и другихъ сосѣднихъ селъ. Заволновалась вся эта громада и заступилась за меня. Видитъ поссесоръ, что можетъ раздражить народъ, и говоритъ: «нехъ буде по вашому, тилько визьмить его собп зъ мого села; грунтъ ему сплачу и три годы буду за нёго подати платити». Входитъ тутъ коммисаръ Липинскій, при-

слушивается и говоритъ: «я возьму его за козака до скарбу». А священникъ нашъ о. Ѳеодоръ Сокальскій перебиваетъ: «а я его за старосту церковного радъ бы взять». Такъ и освободили меня отъ рекрутства.

Насталъ 1848 г., памятный для насъ холерою. Въ нашей семьѣ первыми заболѣли я и мать моя. Отвезли насъ обоихъ въ больницу, а тамъ сразу пустили намъ кровь. Лежимъ мы, на одного Господа уповая. Проваляlись недѣли двѣ, пока насъ домой не забрали. Я сталъ выздоравливать, а мать моя на другой же день скончалась. Умеръ вскорѣ и меньшій братъ мой и родная дочь, а сынъ раньше сего. Все разомъ; не даромъ говорятъ: одна бѣда не ходитъ, а ведетъ съ собою другую. Напала на меня такая тоска и печаль, что не приведи Господи. Сталъ я и самъ думать о смерти, и ношусь съ этими мыслями денно и нощно.

Предъ праздникомъ Св. Троицы рѣшился я устроить поминальный обѣдъ за умершихъ сродниковъ и не пожалѣлъ для этого лучшаго вола. Прихожу въ церковь къ обѣднѣ и слышу, священникъ читаетъ въ евангеліи: *аще кто оставитъ домъ, или села, или отца, или мать, или жену, или чада имене Моего ради, сторицею пріиметъ и животъ вѣчный наслѣдуетъ*. Господи! думаю, да зачѣмъ же я скитаюсь въ семъ мірѣ? И что это за жизнь? Одни скорби и лишенія, страхи и мученія. Если и удалось что собрать, то кому оно останется? Дѣтей Богъ къ себѣ забралъ... А если оставить все это для Бога и самому послужить Богу? Тутъ впервые посѣтила меня мысль о монашествѣ. А жена? подумалъ я опять и остановился. Но вспомнилъ изъ житій святыхъ не одинъ примѣръ, какъ супруги, по взаимному согласію, оставляли міръ и шли на служеніе Богу, и опять принялся за мысль, всецѣло меня обнявшую. А слова Христовы глубоко запали мнѣ въ душу и я не могу ихъ забыть. Прихожу изъ церкви и говорю своей женѣ:

— А що, моя голубко, якъ я оце тебе покину?

Жена приняла мои слова за шутку, разсмѣялась и говоритъ:

— То кидай! тилько и шкоды, я ще кращого соби знайду.

Дальше говорить было невозможно, и я замолчалъ. Но волне-

ніе въ душѣ моей не улегалось цѣлый день, а ночью снилось уже мнѣ, что я діаконствую въ нашей сельской церкви. Пробудился я и хотѣлъ было забыть свои мысли, но нѣтъ, никакъ нельзя; за что ни возьмусь, все изъ рукъ валится. Такъ прошелъ цѣлый мѣсяцъ. Собрался я съ духомъ и опять говорю женѣ, что хочу оставить ее.

— Що ты це таке чудне, та дивне думаешь? спрашиваетъ меня жена.—Нема мабуть тоби чого робити? Онъ, у тебе хазяйство, объ тимъ думай, а то не знати що верзе.

Я однако серьезно и настойчиво сталъ объяснять ей мое намѣреніе и то, какъ оно могло бы быть выполнено. Жена слушала меня внимательно, видѣла, что это не шутка, но никакъ понять моего желанія не могла, и когда я кончилъ, глубоко вздохнула и, подумавши немного, сказала:

— А щобъ я лучше вмерла, нижъ бы мала такъ оставатись!

Проходили дни за днями. Запавшая мнѣ въ душу мысль росла и крѣпла, а жена впадала все въ большую задумчивость. Истекалъ шестой годъ нашего супружества. Припомнились ей зловѣщія предсказанія на нашей свадьбѣ и она стала все чаще и чаще говорить о смерти, и не только говорить, но и самымъ дѣломъ готовиться къ ней: все наше имущество, невѣдомо для моего отца, она стала раздавать бѣднымъ, какъ будто бы намъ самимъ уже ничего не нужно было. Я и не препятствовалъ ей въ этомъ, но какая то глубокая тоска запала мнѣ вновь въ душу, какое то тяжкое предчувствіе давило меня. Свадебныя предсказанія начинали сбываться: не прошло и мѣсяца послѣ нашего разговора о моемъ монашествѣ, какъ жена моя заболѣла. Чѣмъ она болѣла, никто разгадать не могъ; но мысль о смерти не покидала ее. Продолжала она раздавать все свое имущество и оставила себѣ нужное только на случай смерти. Лице, рѣчь и всѣ мысли ея совсѣмъ измѣнились. И какъ она радовалась, что, раздавая свое добро бѣднымъ, она тѣмъ самымъ готовится къ будущей блаженной жизни!

Болѣзнь моей жены длилась отъ Покрова до Пасхи. На страстной, въ пятницу, какъ будто пришелъ ей часъ умереть, такъ она ослабла и обезсилѣла. Собрались сродники. По просьбѣ жены

я сталъ читать псалтирь, а затѣмъ и молитвы на исходъ души; но смерть отступила отъ нея. Родные разошлись, женѣ стало легче и она дождалась еще Свѣтлаго Праздника и пережила первые его дни, а наканунѣ свѣтлаго четверга тихо, съ радостію Богу душу предала.

Въ свѣтлый пятокъ похоронилъ я жену и въ тотъ же самый день—повѣритъ ли кто?—взяли опять меня въ рекруты. Вотъ что творили съ нами паны! Сначала поссесоръ склонился на просьбы нашего священника и въ воскресенье меня выпустили изъ колодокъ; но скоро я узналъ, что это сдѣлано лишь изъ опасенія волненія громады, а что затѣмъ велѣно схватить меня въ тотъ день, когда рекрутъ будутъ везти изъ села къ пріему; когда-жъ наступитъ этотъ день, никто не зналъ. Одинъ изъ моихъ односельцевъ, тотъ самый, который долженъ былъ взять меня, по предварительному уговору, далъ мнѣ о семъ знать, встрѣтивъ меня на улицѣ и дотронувшись до меня рукою. Принялъ онъ, правда, за это отъ пана 50 розокъ; но я успѣлъ скрыться.

Побрелъ я тайно отъ всѣхъ въ Грановскій монастырь, чтобы дать на сорокоусть по женѣ и по матери. Прихожу и разсказываю игумену все, что творилось со мною.

— Хорошо, говоритъ; оставайся здѣсь, тутъ никто тебя не тронетъ, а хочешь въ монахи, и въ этомъ не откажемъ.

Съ великимъ страхомъ остался я въ монастырѣ и прожилъ тамъ двѣ недѣли. Но наступалъ праздникъ Пятидесятницы и мнѣ захотѣлось справить обѣдъ по моей покойницѣ для всего села. Какъ ни уговаривалъ меня игуменъ подождать, чтобы опять не попасть въ руки пановъ, но я рѣшился исполнить свой долгъ и пошелъ въ свое село.

Поминальный обѣдъ прошелъ благополучно, хотя поссесоръ и отдалъ приказъ слѣдить за мною. Собрались всѣ, кого я просилъ, пришли и тѣ, которымъ приказано было отъ поссесора стеречь меня. Я ввелъ ихъ въ хату, посадилъ за столъ и сказалъ имъ: «якъ маете зъ боку дивитись за мною и стерегти мене, то лучше сидить тутъ зъ людьми и поминайте мою покойныцю».

Чтобы устранить однако грозившую мнѣ опасность отдачи въ солдаты и вмѣстѣ препятствія къ поступленію въ монастырь, о чемъ узнали уже паны и люди, я пустилъ слухъ, что хочу жениться, пріодѣлся, подбрился и сказалъ пріятелямъ, чтобы искали мнѣ невѣсту. Хитрость моя удалась. Такъ чрезъ это и прекратились толки о моемъ намѣреніи уйти въ монастырь. Одному отцу моему я открылся во всемъ раньше и онъ одинъ зналъ о моемъ рѣшеніи. Сначала онъ не соглашался и не совѣтовалъ этого дѣлать.

— То тоби, говорилъ, такъ чогось въ голову зайшло, зъ нудьги, та зъ печали. Визьмись до роботы, або забирай пшеныцю та йди въ Адесъ, то тая дурныця, якъ пара, геть по степамъ розійдеця. Якій зъ тебе чернець? Хиба тымъ душу спасешъ, що чорну одежу на себе надинешъ? Спасись, кажуть, въ мырп, а не въ манастыри. Отъ що!

Но я не могъ нарушить обѣта, даннаго въ душѣ Богу, и преслѣдовалъ свою цѣль неустанно. А пока я достигъ осуществленія моихъ желаній, пришлось мнѣ вытерпѣть еще не мало.

Началась уборка хлѣба; въ первый день я послалъ на барщину въ поле своего работника, а самъ собирался ѣхать въ грановскій монастырь вмѣстѣ съ нашимъ священникомъ, который взялся довезти меня, отправляясь въ Гайсинъ. Когда я велъ его лошадей съ поля, встрѣчаетъ меня экономъ.

— А ты чомъ не на лану? Не знаешь, де ты повиненъ бути зъ серпомъ? закричалъ онъ на меня.

— Я, говорю, пославъ за себе на ланъ.

— Самъ повиненъ бути тамъ, крикнулъ экономъ и велѣлъ мнѣ идти за нимъ.

Пошелъ я за нимъ. Привелъ онъ меня къ «скарбовымъ» плугамъ, гдѣ рабочіе пахали, и крикнулъ: „розогъ!“ Тотъ часъ явились розги; меня раздѣли и начали бить немилосердно.

— Паночку, голубчику! Змилуйся надо мною! прошусь я у эконома, но онъ не обращаетъ вниманія на мои мольбы и только покрикиваетъ парубкамъ: «дужче его, дужче»!

Больно было мнѣ, не дай Богъ, какъ больно; рвусь, кричу:

— Мати Христова, Царица Небесная, не оставь мене!

А экономъ сидитъ на лошади и только подсмѣивается надо мною.

— А! говоритъ, богомольный, вміешъ проситися? Бийте его щилненько!

Перестали наконецъ бить меня.

— Теперь, говоритъ мнѣ экономъ, ступай на ланъ!

— Въ мене, говорю, серпа нема; пиду перше по серпъ, а тогди прыйду на ланъ.

Пошелъ я будто бы за серпомъ, а между тѣмъ отправился къ священнику и разсказалъ ему о томъ, что случилось со мною. Священникъ немедленно написалъ къ поссесору записку о томъ, что дѣлаетъ экономъ, и затѣмъ, усадивъ меня съ собою на повозку, поѣхалъ въ Гайсинъ, а оттуда въ монастырь.

Люди на полѣ видѣли, какъ мы проѣзжали, и стали говорить эконому:

— Ой буде, вамъ пане! цежъ Аверкій поихавъ зъ батюшкою въ судъ жалитися на васъ.

Люди смѣялись надъ экономомъ, а онъ повѣрилъ имъ и полетѣлъ за 20 верстъ въ м. Тепликъ къ становому приставу. Но для пристава это былъ сущій кладъ, когда панъ обращался къ нему за помощью или съ жалобою, особливо по дѣлу о причиненіи побоевъ крестьянамъ. Конечно, крестьянамъ отъ того не легче было, но изъ пана приставъ виваритъ воду, обдеретъ его, какъ липку. Что ужъ тамъ на сей разъ у нихъ было, не знаю; но только экономъ, воротясь домой, долго шушукался съ поссесоромъ, оба какъ-то присмирѣли и хотя приказали заковать меня въ желѣзные оковы и посадить «на сборнѣ», но со страхомъ выжидали пріѣзда пристава. Прошло такъ двѣ недѣли. Къ пріѣзду пристава поссесоръ и экономъ пригласили поссесора изъ с. Шимановки Инглуцкаго и помѣщика с. Рижавки, Коссовскаго, набрали изъ «громады» 12 человѣкъ свидѣтелей. Готовился какъ будто судъ надо мною за то, что меня побили. Послѣ я узналъ, что былъ предъ тѣмъ отъ высшаго начальства приказъ уѣздной полиціи строго наблюдать за панами, чтобы они не допускали жестокости въ наказаніи крестьянъ, и наши паны не на шутку боялись, чтобы приставъ

не подвелъ ихъ подъ судъ. Пріѣхалъ наконецъ и приставъ. Меня велѣли расковать и привели къ поссесору. Приставъ самъ разспрашивалъ меня обо всемъ подробно. Когда я разсказалъ ему, какъ со мною поступилъ экономъ, то онъ тутъ же, обратясь къ эконому и поссесору, стал выговаривать имъ:

— А! такъ вотъ какъ! Сами вы, господа, виноваты, а стараетесь обвинить человѣка совершенно невиннаго! Такъ вы вотъ какъ управляете людьми!

Тутъ паны стали усердно просить пристава въ комнату. Можно было подумать, что приставъ горою готовъ стоять за бѣднаго мужика и упечь пановъ: но ничего такого на самомъ дѣлѣ не было: онъ только ловко пугнулъ пановъ и намъ «туману» въ глаза пустилъ.

Долго переговаривались паны съ приставомъ въ «покояхъ», конечно за «килишками» и закуской, а мы все стояли на дворѣ передъ крыльцемъ. Наконецъ выходитъ къ намъ... кто же? — панъ Коссовскій, сосѣдній помѣщикъ, которому конечно и дѣла никакого до насъ не было, и говоритъ, обращаясь ко всѣмъ, кромѣ меня:

— Напиталисте соби клопотъ презъ едного гультяя. Вси вы люди, якъ люди, панщину одбуваете, податки складаете, пана послухаете, опричь того грубіяна (при этомъ панъ со злостію взглянулъ на меня). Наробивъ теперь гвалту, що доставъ у шкуру! Щожъ то? звычайна речь. Варто бъ вамъ его видъ себе виддалити. То есть, якъ една паршива скотинка въ згони. Бо громада...

Панъ удержался отъ нелестнаго для громады сравненія съ «быдломъ» и, въ замѣнъ того кашлянувъ раза два, закончилъ:

— Ну, идить же соби зъ Богомъ!

— А зо мною якъ же буде? спросилъ я его.

— А коли тебе нихто не арештуе, то не маешъ на що ждати, отвѣтилъ онъ мнѣ и съ тѣмъ потянулъ до своей компаніи.

Приставъ такъ и не показывался къ намъ. Очевидно, панъ Коссовскій посланъ былъ къ намъ отъ всей компаніи. Выслушавъ его не мудрую рѣчь, я подумалъ про себя, что теперь ни

паны, ни громада не будутъ меня удерживать и мѣшать мнѣ въ моемъ намѣреніи принять иночество. Должно быть однакожъ приставъ хорошенько обчистилъ нашихъ пановъ, потому что экономъ на другой же день, не найдя меня на лану, послалъ за мною козака и еще разъ жестоко высѣкъ меня.

Послѣ этого я поспѣшилъ упросить моихъ односельцевъ подписать изготовленное мною свидѣтельство объ увольненіи меня изъ сельскаго общества и съ этимъ свидѣтельствомъ пошелъ къ становому приставу, чтобы попросить у него совѣта на счетъ увольненія меня изъ помѣщичьяго подданства. Приставъ посовѣтовалъ мнѣ подать просьбу объ этомъ управляющему, для представленія ея графинѣ, а до времени увольненія меня изъ ея подданства, чтобы я могъ спокойно жить въ монастырѣ, далъ мнѣ, по просьбѣ моей, срочное свидѣтельство на полгода. Очевидно, что все было заранѣе условлено между нимъ и моими панами и они готовы были на все, только бы сбыть меня съ рукъ и спокойно, безъ протеста угнетать моихъ односельцевъ.

По срочному свидѣтельству, которое возобновлялось на каждое полугодіе, прожилъ я въ монастырѣ цѣлыхъ три года и все ждалъ увольненія, посылая просьбу за просьбой. Жилось мнѣ тамъ хорошо: игуменъ былъ очень привѣтливъ ко мнѣ и поручилъ мнѣ, какъ знакомому съ хозяйствомъ, завѣдываніе монастырскою экономіею; но меня постоянно смущало то, что мнѣ не даютъ увольненія изъ подданства, а чрезъ это я лишаюсь надежды когда либо принять постриженіе въ монашество. Не желала ли того сама графиня, или главноуправляющій всѣми ея имѣніями, не знаю. По прошествіи трехъ лѣтъ управляющій Липинскій, о которомъ я не разъ упоминалъ, былъ смѣненъ, а на мѣсто его поступилъ Силицкій, зять главноуправляющаго Гродецкаго, который и самъ по этому случаю прибылъ изъ Варшавы въ м. Тепликъ, гдѣ было управленіе подольскихъ имѣній графини. Узнавъ о пріѣздѣ Гродецкаго, я отправился къ нему. Онъ охотно обѣщалъ выхлопотать мнѣ у графини увольненіе изъ ея подданства, но потребовалъ, чтобы я доставилъ ему отъ монастырской братіи свидѣтельство о моемъ поведеніи въ монастырѣ во все время пребыванія моего тамъ. Игуменъ не только не отказалъ

мнѣ въ этомъ свидѣтельствѣ, но далъ мнѣ даже просфору, чтобы я вручилъ ее Гродецкому. Иду я и, не доходя версты три до м. Теплика, встрѣчаю Гродецкаго, который шелъ пѣшкомъ. Поздравивъ его съ праздникомъ Пасхи, вынимаю просфору и даю ему вмѣстѣ съ прошеніемъ и свидѣтельствомъ. Панъ остался по видимому очень доволенъ вниманіемъ игумена, оказаннымъ черезъ меня, взялъ просфору и бумаги и обѣщалъ чрезъ два мѣсяца прислать мнѣ изъ Варшавы увольненіе. Я попросилъ его выдать мнѣ дозволеніе на прожитье въ монастырѣ до присылки увольненія.

— Хорошо, сказалъ онъ, иди ко мнѣ. Я вотъ только встрѣчу своихъ дѣтей (дочь съ мужемъ), ѣдущихъ изъ Дашева, и сей часъ домой. Пріѣдетъ зять и выдастъ тебѣ свидѣтельство.

Дѣйствительно, вскорѣ показалась на дорогѣ коляска, запряженная цугомъ. Изъ нея вышли зять и дочь Гродецкаго, почтительно привѣтствовали его и, усадивъ съ собой, поѣхали въ Тепликъ. Я пошелъ въ слѣдъ за ними и на другой день получилъ необходимое мнѣ свидѣтельство за подписью новаго управляющаго. Но вотъ что разсказалъ мнѣ кучеръ Гродецкаго, который привозилъ его дѣтей и у котораго я ночевалъ.

Когда, говоритъ, нашъ панъ садился въ коляску, то, показывая своимъ дѣтямъ просфору, говорилъ: «Это, видите ли, хлопъ встрѣтилъ меня на дорогѣ съ благословеннымъ хлѣбомъ».—А это хорошій знакъ, замѣтилъ ему зять и полюбопытствовалъ узнать, чтобы это былъ за хлопъ, что встрѣтилъ пана съ просфорой, да еще въ полѣ.—А это, говоритъ, такой хлопъ, что хочетъ стать чортомъ.—Какъ такъ?—Да онъ, говоритъ, хочетъ быть монахомъ.

—Что жъ, и хорошо! замѣчаетъ зять.—Что же тутъ хорошаго? отвѣтилъ ему тесть и прибавилъ: «хлопъ законникъ, а чортъ, то все одно».

Зять, говоритъ (Богъ его знаетъ, откуда онъ, а видно добрый панъ), заступился за нашу вѣру. Вы, говоритъ, не знаете конечно, что когда мнѣ (давно то, говоритъ, уже было) случилось заболѣть, да такъ, что и доктора уже отказались лечить меня, то исцѣлился я не въ другомъ мѣстѣ, а только въ кіевской лаврѣ, которая у хлоповъ считается такою великою святынею. Много слышалъ

я объ ней у насъ на Украинѣ, поѣхалъ туда, помолился и вернулся домой здоровымъ, и съ тѣхъ поръ здоровъ и до сего дня. Ахъ, какъ тамъ хорошо! И сколько тамъ святыхъ! Изъ того я, говоритъ, вижу, что и хлопская вѣра угодна предъ Богомъ.

— А что, васпанъ, мовишь? отвѣтилъ ему Гродецкій. Ничего, говоритъ, ты не разумѣешь. Наша католицкая вѣра первая у Господа Бога и она одна Ему пріятна, а хлопская вѣра ничего предъ Нимъ не значитъ. Чортъ чортомъ, а хлопъ хлопомъ; чортъ и хлопъ—то все одно.

Вотъ какъ наши паны думали объ насъ и о нашей вѣрѣ, хотя въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не было костеловъ, они ходили въ наши церкви, прикладывались къ кресту и евангелію, принимали и подносимыя имъ просфоры, допускали священниковъ къ окропленію ихъ домовъ въ Крещенье и пр.

Выслушавши весь этотъ разсказъ, я понялъ, что мнѣ нечего полагаться на обѣщанія Гродецкаго и рѣшился лично отправиться въ Варшаву и тамъ выпросить себѣ непосредственно у графини увольненіе изъ ея подданства. Распросивъ у того же кучера дорогу до Варшавы и взявъ въ коммисарскомъ управленіи проходное свидѣтельство, а по нему въ уѣздномъ казначействѣ плакатный паспортъ, попрощался я въ родномъ селѣ съ отцемъ и съ обществомъ, а въ монастырѣ съ игуменомъ и братіею, пустился въ далекій путь чрезъ Почаевъ и прибылъ въ Варшаву спустя недѣлю послѣ Пасхи.

Въ Варшавѣ я зашелъ прямо въ архіерейскій домъ и попросился переночевать, въ чемъ мнѣ и не отказали. На другой день доложили обо мнѣ архіепископу Арсенію. Этотъ умный и достойнѣйшій архипастырь, впослѣдствіи митрополитъ кіевскій, былъ прежде въ Подоліи; поэтому появленіе въ Варшавѣ человѣка изъ подольской его паствы, пришедшаго сюда искать увольненія изъ подданства и поступленія въ монашество, его заинтересовало. Владыка приказалъ позвать меня къ себѣ, распросилъ, обласкалъ и обѣщалъ даже принять меня въ одинъ изъ своихъ архіерейскихъ домовъ въ Почаевѣ или Житомірѣ (тогда варшавская епархія еще не была отдѣлена отъ волынской).

Того же дня я отправился къ графинѣ Потоцкой. Оказалось, что графиня выѣхала за границу; вмѣсто нея пришлось обратиться къ тому же Гродецкому. Онъ принялъ меня сурово, расходился было не на шутку, грозилъ отправить меня обратно въ грановскій монастырь, наконецъ сказалъ, что безъ графини ничего не можетъ сдѣлать и что она возвратится не скоро. Я отвѣчалъ, что готовъ и подождать, и на вопросъ его, гдѣ же буду ждать? сказалъ: меня тутъ архіерей принялъ. Гродецкій замолчалъ и, подумавъ немного, сказалъ: «ну, какъ хочешь».

Владыка Арсеній опредѣлилъ меня временно въ послушаніе просфорникомъ при каѳедральномъ соборѣ и свѣчаромъ въ архіерейскихъ домовыхъ церквахъ. Между тѣмъ чрезъ двѣ недѣли вернулась изъ-за границы графиня Потоцкая. Владыка самъ начертилъ мнѣ прошеніе и отослалъ къ графинѣ чрезъ консисторію, а когда я шелъ лично явиться графинѣ, послалъ со мною одного іеромонаха. Графиня ласково приняла меня, обѣщала на другой же день прислать увольненіе, какъ и дѣйствительно сдѣлала. Это окончательно рѣшило мою судьбу, и съ тѣхъ поръ я не возвращался въ міръ.

Того же лѣта графиня отправилась въ теплицкое свое имѣніе навѣдаться, какъ тамъ идутъ дѣла, какъ живутъ ея люди. Много милостей она оказала тогда: во всѣхъ православныхъ храмахъ была и гдѣ требовались исправленія, велѣла произвести таковыя, вознаградила людей за притѣсненія и обиды, которыя они терпѣли отъ поссесоровъ и даровала всѣмъ правдивый судъ и милость. «Я желаю, говорила она поссесорамъ, чтобы мои люди не плакались на меня. Смотрю на нихъ не какъ на поддапныхъ, а какъ на дѣтей моихъ, ибо другихъ дѣтей у меня нѣтъ».

Заканчивая на этомъ мои воспоминанія о мірской моей жизни, скажу коротко: много врагъ ставилъ препятствій моему намѣренію посвятить себя на служеніе Богу; но Богъ помогъ мнѣ ихъ преодолѣть и ввелъ меня въ тихое пристанище. Послѣ многихъ перемѣнъ и въ иноческой моей жизни, водворился я наконецъ въ к—ской пустыни, и здѣсь въ мирѣ скончаваю животъ свой, благословляя Бога, спасшаго меня отъ малодушія и отъ бури.

Іер. Ѳ—лъ.

Библіографія.

Первое столѣтіе города Екатеринослава. 1787—9 мая 1887 г. Матеріалы для историческаго очерка. Сост. М. М. Владиміровъ. Екатеринославъ. 1887 г.

Столѣтній юбилей Екатеринослава. 9 мая 1787—1887 г. Сост. преподаватель екатеринославской семинаріи Константинъ Корольковъ. Екатеринославъ. 1887 г.

Обѣ названныя книжки вышли въ свѣтъ весною текущаго года въ Екатеринославѣ и явились продуктомъ празднованія столѣтняго юбилея основанія этого города, прошлаго 9 мая. Пора эта вызвала усиленную дѣятельность мѣстныхъ интеллигентныхъ силъ, хотя далеко не въ тѣхъ размѣрахъ, какъ бы то было и желательно, и возможно, судя по ихъ наличности. Помимо обилія корреспонденцій въ столичныхъ и провинціальныхъ періодическихъ изданіяхъ (особенно, выходящихъ въ Одессѣ, Харьковѣ, Николаевѣ), въ самомъ Екатеринославѣ выходила въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, апрѣля и мая, спеціально-посвященная событію газета «Екатеринославскій Юбилейный Листокъ», помѣщавшая замѣтки и статьи, исключительно о жизни Екатеринослава и его окрестностей въ истекшемъ столѣтіи. Даже «Екатеринославскія Губернскія Вѣдомости», обыкновенно безжизненныя и наполненныя лишь сыскными статьями да перепечатками, стали помѣщать и «приватныя» замѣтки Егорова, Манжуры, Новицкаго и др., все по тому-же вопросу археологіи Екатеринослава, придававшія и этому омертвѣлому органу нѣчто оживленное. Въ эту-то пору и напечатаны обѣ книжонки, названія коихъ приведены нами въ заголовкѣ, и мы считаемъ необходимымъ сказать о нихъ нѣсколько словъ.

Книга «Первое столѣтіе», въ 19 печатныхъ листовъ (275 страницъ), составлена по порученію екатеринославской городской думы, выраженному въ постановленіи 19 февраля 1887 г. и возложенному на го-

родскую управу въ такой формулѣ: «отпечатать въ достаточномъ количествѣ экземпляровъ докладъ управы, заключающій въ себѣ краткій историческій очеркъ города Екатеринослава за минувшіе сто лѣтъ». Управа же, въ свою очередь, поручила эту работу своему городскому секретарю Владимірову, въ распоряженіи котораго для исполненія этой работы оставалось (до 9 мая) около двухъ мѣсяцевъ. Всѣми этими условіями опредѣляются и характеръ изданія, и его содержаніе; и съ этой точки зрѣнія мы только и можемъ трактовать исполненіе г. Владиміровымъ своей задачи. Никакой программы для него не было дано; никакихъ, болѣе осязательныхъ указаній о содержаніи «краткаго историческаго очерка города Екатеринослава» не было сдѣлано. Время было спѣшное; медлить было некогда; надо было «хоть что нибудь» дать населенію по части исторіи города, и дума, вѣроятно, была-бы рада всякому «докладу», самого казеннаго и сухаго содержанія, какъ и вообще дѣловые управскіе доклады. Но г. Владиміровъ далъ думѣ не сухой докладъ, не бѣглый перечень чиселъ, именъ и событій, а очеркъ живой и чрезвычайно интересный. Напрасно рецензентъ „Русской Мысли", въ октябрьской книжкѣ (стр. 598-я), упрекаетъ трудъ г. Владимірова въ «случайномъ подборѣ матеріала» и въ его отрывочности, тѣмъ болѣе, что и ему извѣстенъ былъ короткій срокъ, данный на исполненіе (съ 19 февраля до 9 мая); упрекать въ этомъ слѣдуетъ, при ближайшемъ знакомствѣ съ вопросомъ, не составителя «Перваго столѣтія», а тѣхъ, которые сдѣлали порученіе, не соразмѣривъ ни времени, ни средствъ, ни условій предстоящей работы и не снабдивъ составителя всѣмъ тѣмъ, что для подобнаго труда было бы необходимо. Да и слова: «матеріалы для историческаго очерка» уже сами собою опредѣляютъ сущность задачи, какъ понималъ ее и самъ авторъ, а слѣдовательно и тѣ требованія, какія можно предъявить къ исполненію ея. Отъ «матеріаловъ» не требуется ни строгой систематичности, ни художественнаго изложенія, ни вообще отчетливой литературной обработки предмета; требуется лишь возможная полнота и доброкачественность собраннаго матеріала. Но разсматривая и съ этой зрѣнія точки работу г. Владимірова, мы думаемъ, что размѣры историческихъ матеріаловъ, вошедшихъ въ его книжку, можно было-бы значительно расширить. Разобранныя дѣла думскаго архива могли-бы дать, полагаемъ, много свѣдѣній, напримѣръ, о постепенномъ развитіи въ городѣ торговли и промышленности, о его врачебной и вообще санитарной части; о его территоріальномъ владѣніи и недвижимыхъ имуществахъ населенія, облагаемыхъ сборами; о системѣ и размѣрахъ обложеній сборами; о прежнемъ городскомъ управленіи и составленіи смѣтныхъ росписей; о проявленіи художественныхъ вкусовъ общества

(музыка, живопись, церковное пѣніе, архитектура, театральное искусство); наконецъ о выдающихся явленіяхъ внѣшней и внутренней жизни городскаго общества (примѣчательныхъ событіяхъ, эпидеміяхъ, внутреннихъ замѣшательствахъ, поморахъ, наводненіяхъ) и пр. и пр. Ничего почти по всѣмъ этимъ сторонамъ жизни города Екатеринослива за истекшее столѣтіе въ книжкѣ Владимірова нѣтъ, между тѣмъ какъ архивныя дѣла управы представляли для всего этого богатый источникъ, и воспользоваться имъ едва ли было трудно. Затѣмъ, и въ матеріалахъ, внесенныхъ въ книжку, видна недодѣланность, лишающая ихъ того значенія, какое они могли бы имѣть. Такъ напр., въ таблицѣ «Представители екатеринославскаго городскаго общественнаго управленія», на стр. 240, помѣстивъ списокъ городскихъ головъ и гласныхъ, начиная съ 1787—1887 г., составитель ограничился приведеніемъ лишь ихъ именъ, отчествъ и фамилій, безъ обозначенія званій и сословности; за послѣдніе же годы, съ 1871 г., со времени учрежденія новой думы, и совсѣмъ не поименовалъ гласныхъ. Подобные списки, съ указаніемъ сословности, могли бы служить отвѣтомъ на вопросы о причинахъ такого или иного хозяйничанія въ городѣ, о направленіи, такъ сказать, внутренней городской политики; но безъ указанія сословности городскихъ дѣятелей списки не имѣютъ, по нашему мнѣнію, никакой цѣны. Словомъ, книжка «Первое столѣтіе», хотя и дала намъ не мало о Екатеринославѣ весьма интересныхъ свѣдѣній, взятыхъ изъ разныхъ, мало доступныхъ, а частію и совсѣмъ недоступныхъ источниковъ, но могла бы дать ихъ, при тѣхъ же условіяхъ ея изданія, гораздо больше; но всецѣло винить въ такой неполнотѣ ея одного лишь автора ея, искренно признающаго, что онъ «далъ, что могъ и какъ умѣлъ», мы едва-ли въ правѣ. Виною этому всего болѣе сама дума, слишкомъ неопредѣленно выразившаяся о желаніи ея имѣть «докладъ» съ очеркомъ города Екатеринослава и не позаботившаяся поставить составителей такого «доклада» въ полную возможность удовлетворить ея желанію возможно-обстоятельнымъ обзоромъ.

Совсѣмъ иной характеръ имѣетъ другая книжка—«*Столѣтній юбилей города Екатеринослава*», составленная г. Корольковымъ. Предъявляя извѣстную притязательность на полноту и всестороннее изложеніе предмета, она даетъ намъ право отнестись къ ней съ болѣе строгими требованіями. Самъ авторъ, въ предисловіи, говоритъ, что онъ желаетъ дать «очеркъ жизни Екатеринослава за истекшія сто лѣтъ» и малую книжицу свою назвалъ первымъ выпускомъ. Это даетъ намъ право ожидать и послѣдующихъ выпусковъ, по выходѣ которыхъ можно будетъ говорить о цѣломъ изданіи. Авторъ не даетъ намъ подробной программы своего труда; онъ даже и вскользь не дѣлаетъ намека о томъ, какихъ

сторонъ жизни города Екатеринослава онъ думаетъ коснуться въ своемъ трудѣ. Говоря о значеніи юбилеевъ вообще, въ кротенькомъ вступленіи, названомъ имъ громкимъ именемъ «исторической замѣтки», онъ разсматриваетъ юбилей, какъ историческое событіе большой важности, съ «четырехъ» различныхъ точекъ зрѣнія, обхватывающихъ все прошлое города самымъ широкимъ образомъ. Это «предпосланіе» сулитъ намъ въ его будущемъ трудѣ именно подобное всестороннее изслѣдованіе нашего города, и мы можемъ только радоваться появленію такого труда и пожелать ему скорѣйшаго осуществленія. До этого же вожделѣннаго времени обратимся къ предлежащей брошюркѣ, сравнительно очень краткой, всего въ 126 страничекъ.

Собственно общимъ судьбамъ города Екатеринослава удѣлено въ этой брошюрѣ очень мало мѣста, 11-ть листочковъ (3—24 страницы); остальная же часть ея посвящена спеціально изложенію основанія и развитія екатеринославской епархіи и вообще учрежденій духовнаго вѣдомства. Въ изложеніи событій обще-городской жизни авторъ не пошелъ далѣе 1803 года, но и тутъ онъ говоритъ собственно о мѣропріятіяхъ административнаго свойства, касавшихся болѣе внѣшняго устройства города Екатеринослава. Послѣ книжки г. Владиміровa «Первое столѣтіе» и раньше вышедшей брошюрки Егорова: «Екатеринославское блуканіе» (см. Кіев. Старину, 1887 г., апрѣль), книжица г. Королькова не даетъ намъ въ этомъ отношеніи ничего новаго; это перефразировка того, что всякому уже извѣстно, положимъ, довольно гладкая и плавная, но никакъ не болѣе. Часть брошюры, излагающая судьбы екатеринославской семинаріи, сильно напоминаетъ статьи бывшаго ея преподавателя Никольскаго, помѣщавшіяся въ Екатеринослав. Епарх. Вѣдомостяхъ. Точной ссылки на эти статьи у г. Королькова не находимъ ни въ его «исторической запискѣ», гдѣ онъ указываетъ матеріалы для своего труда, ни въ рюбрикѣ «Епархіальныя Вѣдомости» (стр. 121), и хотя встрѣчается на стр. 70 бѣглое указаніе на нихъ, но затѣмъ «пользованіе» ими у автора вышло какъ-то слишкомъ рабское. Трудъ г. Королькова печатался первоначально въ тѣхъ-же Екатеринослав. Епарх. Вѣдомостяхъ (№№ 8, 9 и 10 за 1887 г.), такъ что весь первый выпускъ есть лишь оттискъ статеекъ, тамъ помѣщенныхъ. Пройдутъ-ли и послѣдующіе его выпуски чрезъ тѣ-же Вѣдомости, намъ неизвѣстно; но, преслѣдуя свою спеціальную задачу, Вѣдомости едва-ли не наложатъ особой окраски и на послѣдующую работу г. Королькова, а это не можетъ не ослабить общаго значенія его труда. Повременное помѣщеніе имъ своего очерка въ видѣ отдѣльныхъ статей давало ему полную возможность къ осмотрительности въ работѣ, къ точности изложенія. Посему не знаемъ, чѣмъ

объяснить напр. такой недосмотръ, какой встрѣчаемъ на стр. 29-й. Онъ говорить здѣсь, что „въ екатеринославской эпархіи не было ни одного монастыря" въ пору перенесенія въ Екатеринославъ архіерейской каѳедры (1804 г.), а чрезъ три листика, на стр. 35-й, поясняетъ вдругъ, что «въ первое время по основаніи екатеринославской епархіи существовалъ въ ней только Самарскій монастырь".—Затѣмъ вся его статья, посвященная екатеринославской епархіи, говоритъ почти исключительно о «пасущихъ» стадо Христово и ихъ дѣятельности, но совершенно умалчиваетъ о самомъ „пасомомъ стадѣ" города Екатеринослава, о степени его религіозной восприимчивости и взаимныхъ отношеніяхъ духовенства и жителей, о положеніи церквей и приходовъ, кладбищъ, церковныхъ братствъ и попечительствъ, буде таковыя существовали; словомъ, умалчиваетъ обо всемъ томъ, что именно составляетъ «исторію» жизни городской общины, что найлучше характеризовало-бы духъ и направленіе городскаго населенія и найболѣе входило бы въ задачу самого автора—дать „очеркъ жизни города Екатеринослава". Впрочемъ быть можетъ, авторъ все это восполнитъ въ слѣдующихъ выпускахъ своего изданія... Мы желали бы также, что-бы въ этихъ выпускахъ было поменьше сладкихъ рѣчей о дѣятеляхъ живыхъ, современныхъ, дѣйствующихъ на одномъ поприщѣ съ авторомъ и въ томъ-же служебномъ районѣ. Даже и достойное похвалы, при воздаяніи таковой подчиненнымъ, не можетъ не казаться не нужнымъ преувеличеніемъ, не можетъ не вызывать сомнѣнія въ объективности изложенія и потому значительно утрачиваетъ даже въ своемъ достоинствѣ.

Сопоставляя обѣ вышеназванныя книжки, нельзя не сознаться, что брошюра «Столѣтній юбилей Екатеринослава» настолько кратка и бѣдна фактами изъ общественной жизни этого города, насколько сравнительно богата ими книга «Первое столѣтіе города Екатеринослава», три главы которой—I, II и III (въ текстѣ 153 страницы) наполнены по преимуществу выдержками изъ дѣлъ и бумагъ архива екатеринославской управы и иныхъ источниковъ. Тутъ обиліе сырья даже затемняетъ общій порядокъ событій и лишаетъ изложеніе необходимой ясности и цѣльности представленія: очевидно, авторъ подавленъ былъ массою матеріала и не могъ разобраться въ немъ съ достаточною послѣдовательностью. Отсюда нежданные переходы отъ факта совершающагося къ давно-совершившемуся, возвраты къ событіямъ прежней поры, лирическія отступленія и вообще отсутствіе въ «Первомъ столѣтіи» прагматической стройности повѣствованія.—Общій обоимъ изданіямъ недостатокъ въ томъ, что они въ фактическомъ изложеніи устроенія города не идутъ далѣе 1803 г., съ этого же времени до послѣднихъ дней, прерывая послѣдовательное из-

ложеніе хода обще-городской жизни, даютъ лишь отрывочныя свѣдѣнія о нѣкоторыхъ ея сторонахъ.

«Историческаго очерка города Екатеринослава» намъ, очевидно, ни одно изъ названныхъ изданій не дало, и смутно-выраженное въ этомъ отношеніи желаніе городскихъ представителей осталось невыполненнымъ. Будущему бытописателю города Екатеринослава много далъ-бы, полагаемъ, «Екатеринославскій Юбилейный Листокъ», который, несмотря на краткое свое существованіе, успѣлъ вмѣстить въ себѣ не мало интересныхъ воспоминаній старожиловъ и вообще замѣтокъ весьма разносторонниго содержанія. На страницахъ его высказывалось предположеніе о продолженіи „Листка". Осуществленію его можно-бы было лишь порадоваться. Наши населенные пункты, даже крупные города, такъ мало описаны, изучены и изслѣдованы, что всякая въ этомъ направленіи работа, всякая литературная затѣя не можетъ быть безплодна.

В—о.

Программа для собиранія этнографическихъ свѣдѣній, составленная при этнографическомъ отдѣлѣ Императорскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи Москва. 1887 г.

Состоящее при московскомъ университетѣ общество любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи приступило къ изданію программъ для собиранія юридическихъ обычаевъ и этнографическихъ свѣдѣній. Сначала вышла въ свѣтъ программа для собиранія юридическихъ обычаевъ, въ видѣ отдѣльной книжки солидной величины, въ 335 стр., а теперь передъ нами лежитъ немного меньшая по объему этнографическая программа (147 стран.). Изъ находящагося въ началѣ программы введенія видно, что иниціатива этого полезнаго предпріятія принадлежитъ проф. В. Ѳ. Миллеру, а заслуга приведенія его въ исполненіе М. Н. Харузину и Н. А. Янчуку. Въ основу юридической программы положены програмы А. Ѳ. Кистяковскаго, П. А. Матвѣева и П. С. Ефименка; въ основу этнографической—программы Мангардта, Потанина, А. Матвѣева. При составленіи программъ имѣлись въ виду всѣ народности, населяющія Россію; но при этомъ указана научная потребность въ мѣстныхъ программахъ. «Потребность въ мѣстныхъ программахъ является уже теперь крайне настоятельною, замѣчаетъ г. Харузинъ. Сколь велика разница въ бытѣ жителей разныхъ мѣстъ Россіи, окажется очевиднымъ, если сравнить между собою даже чисто русскихъ крестьянъ,

напримѣръ, сѣвернаго поморья, московской губерніи и Новороссіи, великоросса съ малороссомъ и т. д.

Чтобы удовлетворить новымъ потребностямъ, которыя тѣмъ болѣе заявляютъ себя, чѣмъ обстоятельнѣе и глубже становится изученіе обычнаго права, программа для собиранія юридическихъ обычаевъ должна быть составлена изъ ряда мѣстныхъ программъ, выработанныхъ какъ по племеннымъ особенностямъ обитателей Россіи, такъ и по отдѣльнымъ полосамъ Россіи, обнимающимъ мѣстности, которыя имѣютъ общія типическія особенности быта». Замѣчаніе это сохраняетъ свою силу также въ приложеніи къ этнографіи.

Этнографическая программа заключаетъ въ себѣ вопросы по слѣдующимъ общимъ главамъ: 1) географическія и историческія свѣдѣнія, 2) антропологическія свѣдѣнія, 3) жилище и его принадлежности, 4) одежда, 5) пища и питье, 6) бытъ и занятія, 7) семейные нравы и обычаи, 8) вѣрованія, 9) языкъ, письмо, искусства и 10) народная словесность. Наиболѣе вопросовъ предложено относительно вѣрованій народа.

Полнота и подробность изданныхъ обществомъ любителей естествознанія программъ составляютъ и крупное достоинство ихъ, когда ими будутъ пользоваться спеціалисты, и недостатокъ ихъ въ приложеніи къ массѣ любителей этнографіи.

Такая полнота и подробность можетъ смутить или запугать человѣка неопытнаго въ дѣлѣ собиранія этнографическаго матеріала. Не всякому прійдетъ на мысль воспользоваться богатымъ арсеналомъ научныхъ вопросовъ, изложенныхъ въ программахъ. Желательно было бы на ряду съ этими прекрасными программами имѣть программы болѣе краткія, простыя, притомъ мѣстнаго характера, и тѣмъ и другимъ программамъ, толстымъ и тоненькимъ, дать самое широкое распространеніе по лицу всей русской земли, направляя мѣстныя программы, разумѣется, въ тѣ стороны, гдѣ наиболѣе могутъ ими интересоваться. Хотя давно уже прошли годы, благопріятные для изученія этнографіи, годы живаго увлеченія вопросами народнаго быта и любовнаго ихъ изученія, что потомъ такъ жестоко и грубо было осмѣяно съ придачей разныхъ „фильствъ“, однако и теперь что нибудь можетъ быть сдѣлано въ области собиранія и изученія этнографическихъ и юридическихъ особенностей народа отдѣльными исключительными лицами, сохранившими еще въ глуши лѣсовъ или на просторѣ полей чистоту и цѣльность чувства любви къ родному краю. Самый фактъ появленія такого рода людей, независимо отъ того, что они соберутъ съ народнаго поля, будетъ уже отраднымъ фактомъ сохранности явленій жизни. **О.**

Холмскій народный календарь на 1888 годъ. Годъ IV. Изданіе холмскаго правосл. св. богородицкаго братства. Кіевъ. 1887 г.

Постоянные читатели «Кіевской Старины» достаточно ознакомлены съ характеромъ названнаго изданія, четвертый годъ выпускаемаго, по выраженію старинныхъ нашихъ издателей, «працею и коштомъ» существующаго въ городѣ Холмѣ при соборной рождество-богородичной церкви православнаго братства, возстановленнаго послѣ вѣковаго перерыва въ 1879 г. Едва ли однако не въ этотъ первый годъ холмскій календарь, если даже считать и нѣсколько лѣтъ его первоначальнаго выхода съ 1865 г., заслуживаетъ вполнѣ названія *народнаго*. Опытъ умудряетъ насъ во всемъ, и это сказывается даже на такомъ изданіи, какъ календарь. Давно чувствовалась потребность низвести холмскій народный календарь съ высоты научно-историческихъ изслѣдованій, для которыхъ, быть можетъ, не было тамъ и надлежаще подготовленныхъ дѣятелей, въ сферу религіозно-практическихъ интересовъ русскаго населенія холмско-подлясскаго края, едва начинающаго примыкать къ православно-русской жизни и въ нѣкоторой части то запутывающагося еще въ сѣтяхъ латино-польской пропаганды, то слѣпо-вѣрующаго ей и держащагося за нее, какъ держится слабое дитя за того, кто раньше далъ ему свою руку... Нѣкоторыя попытки къ удовлетворенію этой потребности дѣлаемы были раньше, но рѣшительно изданіе холмскаго братства становится на новый путь только теперь. Быть можетъ, исчерпано уже все, что можно было по добытымъ доселѣ матеріаламъ сказать о минувшихъ судьбахъ Холмщины и Подлясья; быть можетъ, просто руководство издательскимъ, да и вообще братскимъ дѣломъ перешло въ болѣе умѣлыя руки; но указываемой нами перемѣны не можемъ не привѣтствовать съ особою радостью.

Содержаніе холмскаго календаря на 1888 г. подраздѣляется на три части. Первая содержитъ собственно календарныя свѣдѣнія, общія и мѣстныя, во второй помѣщены популярныя статьи историко-практическаго характера, а третья представляетъ смѣсь практически нравоучительныхъ, медицинскихъ и сельско-хозяйственныхъ свѣдѣній, съ нѣкоторыми официальными свѣдѣніями (о холмскомъ духовномъ училищѣ и братствѣ), заканчивающимися краткимъ отчетомъ о дѣятельности холмскаго братства въ $188^5/_6$ г.

Въ первой части, кромѣ хронологическаго перечня церковно-историческихъ событій, имѣющихъ отношеніе къ Холмской Руси, составленнаго правда безъ строгаго соображенія съ научно-историческими данными, и болѣе серьезно сдѣланнаго списка холмскихъ православныхъ епископовъ, со времени учрежденія холмской епархіи, обращаютъ на себя

вниманіе прекрасно задуманный и выполненный „Церковный годъ православнаго христіанина", а также вполнѣ пригодныя для тамошняго сельскаго люда «Свѣденія о храмовыхъ праздникахъ и торжественныхъ празднованіяхъ въ церквахъ люблинской и сѣдлецкой губерній, съ показаніемъ крестныхъ ходовъ и мѣстъ особеннаго стеченія богомольцевъ». Въ „Церковномъ годѣ" почтенный о. Антоній Медвѣдь мастерски дѣлаетъ историко-правоучительное объясненіе взятыхъ имъ на выборъ 13-ти дней въ году, отнюдь не изъ числа великихъ и найболѣе замѣчательныхъ. Чтобы дать понятіе о манерѣ его изложенія и его умѣньи самую общую истину примѣнить къ положенію и потребностямъ мѣстнаго населенія, приведемъ нѣсколько строкъ изъ наставленія по поводу 1-го января. Сказавъ о необходимости внутренняго обновленія въ новый годъ, о. Антоній дѣлаетъ такое обращеніе къ мѣстнымъ поселянамъ: «Люди! уразумѣйте свое достоинство: вѣдь мы первобытные жители этой страны, цѣлыя тысячелѣтія живемъ на землѣ Холмской Руси. Земля наша богата, а мы бѣдны. Почему? Потому, что не обновлялись съ каждымъ годомъ, какъ дерево, какъ природа... Чужіе люди пришли къ намъ, на нашу Русь, и за воротами нашихъ домовъ покупаютъ нашу землю, и на нашихъ глазахъ богатѣютъ, а мы смотримъ, заложивъ руки, не имѣя ни копѣйки, и пожимаемъ плечима. Соромъ намъ, соромъ"! Или вотъ выводъ изъ объясненія 2 мая, дня перенесенія мощей св. князей Бориса и Глѣба: „Даже нашъ народъ, холмщане и жители Подлясской Руси, прибѣгалъ съ молитвами къ православнымъ князьямъ мученикамъ Борису и Глѣбу. Въ Голетовѣ на Подлясьѣ и теперь въ этотъ день храмовый праздникъ, храмовый праздникъ былъ недавно и въ Ортелѣ, Все это ясно говоритъ, что мы издавна были православными, отторгнуты правда на время къ уніи, но, благодареніе Богу, опять соединились съ православною церковію». Если это даже рядъ коротенькихъ поученій, которыя о. Антоній говорилъ въ своей приходской церкви, то тѣмъ болѣе они дѣлаютъ ему честь. Только въ такомъ духѣ и объемѣ и такъ просто можно говорить съ тамошнимъ сельскимъ людомъ. Это памятныя поученія знаменитаго въ своемъ родѣ о. Родіона Путятина!

На сколько умѣстны въ холмскомъ народномъ календарѣ и пригодны для возсоедииеннаго съ православіемъ холмско-подлясскаго русскаго населенія «Свѣденія о храмовыхъ праздникахъ» и пр., это можетъ вполнѣ понять только тотъ, кто знаетъ глубокую набожность этого населенія, воспитаннаго въ семъ направленіи общимъ строемъ господствовавшей тамъ польско-католической церковной жизни и ея пышныхъ церемоній. Къ особой чести и проницательности духовныхъ руководителей тамошняго возсоединеннаго люда надо отнести то, что они позаботились не

только поддержать, но распространить и усилить тѣ крестные ходы и торжественныя празднованія, какія существовали въ возсоединенныхъ приходахъ на пространствѣ двухъ смежныхъ губерній, люблинской и сѣдлецкой. Помѣщенныя въ холмскомъ народномъ календарѣ на 1888 годъ свѣдѣнія объ этихъ крестныхъ ходахъ и празднованіяхъ показываютъ, въ какіе дни въ году и въ какихъ приходахъ они совершаются и какое число богомольцевъ привлекаютъ. Кому изъ коренныхъ русскихъ не покажется удивительнымъ, что есть цѣлые десятки приходовъ, гдѣ они привлекаютъ отъ 1,000 до 15,000 богомольцевъ? Много ли на необъятномъ пространствѣ внутренней Россіи можно указать мѣстъ подобнаго проявленія народнаго благочестія и набожности? Богомольцы идутъ къ мѣсту праздненства большими или меньшими партіями, съ хоругвями, крестами, съ церковными или народно-набожными пѣснями и по пути слѣдованія поднимаютъ погрязшихъ въ суетѣ мірской, будятъ и поддерживаютъ въ народѣ религіозное настроеніе и память о чествуемыхъ святыхъ и святыняхъ. По приходѣ на мѣсто празднованія, они, во время торжественнаго богослуженія, пріобщаются святыхъ таинъ, а предварительно на исповѣди, тутъ-же совершаемой, получаютъ *отпущеніе* грѣховъ, откуда и самыя празднества получили названіе *отпустовъ*. Названіе, какъ и самое учрежденіе, очень давнее и общее какъ польско-католической, такъ и всей юго-западной русской церкви. Посредствомъ *отпустовъ*, пышно устраиваемыхъ, польско-католическіе ксендзы, совмѣстно съ уніатскими священниками, уловляли сотнями и тысячами православное населеніе Холмщины и Подлясья въ унію и католичество, а потомъ и самыхъ уніатовъ приводили къ тому же католичеству. Теперь православное духовенство той мѣстности ведетъ тѣмъ же путемъ бывшихъ уніатовъ къ православію, а въ возсоединившихся уже поддерживаетъ духъ единства съ русскою православною жизнью, наглядно представляя величіе, чистоту и умилительность православнаго богослуженія, совершая оное всенародно и даже подъ открытымъ небомъ, бесѣдуя съ народомъ объ истинахъ вѣры православной въ живыхъ и простыхъ бесѣдахъ его же языкомъ и огромными массами распространяя въ немъ православные крестики и образки, а также популярно составленныя и поучительныя книжечки, говорящія его уму и сердцу о его прошломъ и настоящемъ. Указать народу, гдѣ и когда происходятъ такіе отпусты, значитъ облегчить ему возможность принять въ нихъ участіе, и онъ, получившій вѣковую привычку къ такимъ торжествамъ, пойдетъ на нихъ и теперь и обновится духомъ, просвѣтится мыслію. Просматривая эти указанія въ названномъ отдѣлѣ холмскаго календаря, приходишь въ невольное изумленіе при видѣ того, какъ широко сѣются сѣмена древняго

«благочестія» и какъ быстро выростаютъ они, если уже теперь возможны многотысячныя стеченія богомольцевъ въ такъ недавно вполнѣ католической и глубоко фанатической Радечницѣ, въ Щебрешинѣ, насчитывавшемъ 20 лѣтъ назадъ едва 11 уніатовъ, въ Краснобродѣ, гдѣ ихъ было лишь 3, и т. д. и т. д. Вотъ что значитъ побивать врага его же оружіемъ!

Открывающему 2-ю часть холмскаго календаря популярному разсказу о св. равно-апостольномъ князѣ Владимірѣ предшествуетъ литографное изображеніе этого князя. Откуда оно и насколько приближаетъ къ намъ историческій образъ просвѣтителя Россіи? Сколько можемъ припомнить, такой образъ писалъ въ 1866 г. для холмскаго каѳедральнаго, тогда еще уніатскаго, собора пріѣзжавшій изъ Галиціи „гисторичный маляръ“ Устиновичъ, который на наше замѣчаніе о томъ, что въ изображенной фигурѣ примѣчается легкость, не свойственная русскому князю такого далекаго времени и напоминающая скорѣе легкую позу Аполлона Бельведерскаго, отвѣчалъ“: власне, мавемъ на угледи Аполліона, але то ницъ; бо скоро попущу му паса, то винъ стане грубшій въ плечахъ». И на представленномъ въ календарѣ изображеніи Владиміра „пасъ“ замѣтно „попущенъ“ и «плечи грубши», но осталась почти таже легкость фигуры и чуждые ей типъ лица и вышитая на выпускъ рубаха. Пора бы установить общій, хотя приблизительно вѣрный историческій типъ великаго просвѣтителя Россіи, чуждый всякой тенденціи!

Самый разсказъ о равно-апостольномъ князѣ Владимірѣ не отличается ни особою живостью и общедоступностію изложенія, ни строго соображеннымъ подборомъ лѣтописныхъ сказаній; но въ немъ довольно искусно установлена и показана, конечно, на основаніи преданія, связь равноапостольнаго просвѣтителя всей Руси съ Холмщиной, съ самымъ Холмомъ и съ однимъ изъ древнѣйшихъ окрестныхъ его поселеній, извѣстнымъ подъ именемъ Спаса.

Въ томъ же родѣ и духѣ слѣдующій разсказъ священника В. Якубовскаго о просвѣщеніи Руси св. крещеніемъ, принаровленный къ наступающему въ 1888 году празднованію 900 лѣтія сего событія и сопровождаемый литографированнымъ изображеніемъ крещенія кіевлянъ.

Разсказъ г. Шайдицкаго объ основаніи св. кіево-печерской лавры и о созданіи въ ней великой церкви воспроизводитъ слагавшіяся въ теченіе двухъ вѣковъ въ младенческомъ представленіи нашихъ предковъ легенды объ этомъ предметѣ, сообщенныя въ XIII уже вѣкѣ въ посланіи Симона, епископа суждальскаго, къ игумену печерскаго монастыря, въ какомъ видѣ сказанія эти вошли и въ печерскій Патерикъ. Къ этому разсказу приложенъ видъ великой церкви кіево-печерской лавры и колокольни при ней.

Небольшой также разсказъ свящ. П. Гапонова о жизни и подвигахъ преподобнаго Іова почаевскаго какъ нельзя болѣе пригоденъ для возсоединеннаго населенія Холмщины и Подлясья, по давней связи онаго съ почаевскою обителью и особымъ симпатіямъ къ ней. Но, подобно предъидущимъ разсказамъ, и онъ не держится на почвѣ строгой исторической дѣйствительности и еще менѣе ихъ можетъ похвалиться простотою и легкостью изложенія.

Двѣ «Бесѣды священника съ прихожанами по поводу самовольныхъ похоронъ», прот. Н. Страшкевича, весьма почтенны по замыслу и имѣютъ благую цѣль, но недостаточно, кажется, продуманы и обработаны. Вызваны эти бесѣды существованіемъ въ возсоединенномъ населеніи такъ называемыхъ «упорствующихъ», или по народному „калакутовъ“, проще сказать не желающихъ быть православными и, за невозможностію исполнить случающіяся у нихъ требы по уніатскому или католическому обряду, рѣшающихся обходиться въ сихъ случаяхъ безъ всякаго священника и впадающихъ нерѣдко въ совершенное безвѣріе. Въ основѣ бесѣдъ факты мѣстной печальной дѣйствительности, доказательства же противъ защитниковъ самовольныхъ похоронъ заимствуются изъ Ветхаго Завѣта и менѣе ветхаго Свода Законовъ. Тонъ бесѣдъ не для пастыря, языкъ ихъ не для простаго народа, особливо той мѣстности. Діалогическая форма одна изъ самыхъ трудныхъ и требуетъ большой тонкости и искусства, иначе она просто не пригодна.

Иначе совсѣмъ построены слѣдующія за „бесѣдами“ два разсказа: „Степанъ и Анна“ и „Бесѣды стараго дѣда“. Въ первомъ излагается простой случай, какъ молодые супруги изъ возсоединенныхъ, Степанъ и Анна, по поводу пріѣзда православнаго епископа въ одно село, пожелали причаститься св. таинъ, но подъ вліяніемъ мелочныхъ обстоятельствъ своей будничной жизни исполнили свой христіанскій долгъ не одинаково: первый съ благоговѣніемъ и къ великой душевной радости, вторая съ небреженіемъ, въ состояніи раздраженія, а потому къ пущей своей досадѣ, и въ этой-то незатѣйливой формѣ искусно проведена мысль о достойномъ приготовленіи къ принятію св. таинъ по духу и обычаямъ церкви православной. Во второмъ старый дѣдъ, пользующійся почетомъ и любовію всего села, прочитываетъ и толкуетъ молодымъ односельчанамъ извѣстный „Польскій Катехизисъ“ 1717 г. объ уничтоженіи русской вѣры и народности въ русскихъ областяхъ Польши. Хотя это матерія нѣсколько трудная для пониманія народа, но «старый дѣдъ» справляется съ нею довольно успѣшно, особенно потому, что онъ, какъ и авторъ предъидущаго разсказа, очень хорошо владѣетъ языкомъ, близкимъ къ народному пониманію. По языку и изложенію этимъ послѣднимъ двумъ разсказамъ безспорно принадлежитъ первое мѣсто.

Относительно 3-й части холмскаго календаря скажемъ коротко, что вся она составлена очень разнообразно и разумно, проникнута желаніемъ прійти въ помощь тамошнему простому сельскому люду и, не смотря на свою краткость, даетъ ему весьма существенныя и полезныя свѣдѣнія въ нуждахъ и бѣдахъ его повседневной жизни. Особенно хорошо составлена и вполнѣ доступно и тепло написана статья А. Бескидина о посѣвѣ разныхъ кормовыхъ травъ.

Заканчивающій 3-ю часть и весь календарь краткій отчетъ холмскаго православнаго братства за 188⁵/₆ г. оставляетъ въ читателѣ самое отрадное впечатлѣніе. Приращаются средства братства, расширяется его благотворная дѣятельность, видятся ясные признаки новой жизни тамъ, гдѣ два десятка лѣтъ назадъ, какъ на полѣ Іезекіилевомъ, приходилось съ подавляющимъ сомнѣніемъ вопрошать: *Господи, оживутъ ли кости сія?*

Отъ души желаемъ юному братству преуспѣяиія въ его начинаніяхъ и дѣлахъ, а его руководителямъ и всѣмъ потрудившимся въ изданіи столь разумной и полезной книжки для тамошняго русскаго люда всегда будетъ честь и великое спасибо отъ всего русскаго общества.

Холмскій старожилъ.

Сводная галичско-русская лѣтопись съ 1700 до конца августа 1772 г. Часть I-я. Составилъ А. С. Петрушевичъ. Львовъ. 1887 г.

Мы только что получили книгу, названіе которой приведено. По краткости остающагося времени мы не можемъ представить здѣсь подробнаго ея разбора, ограничимся сообщеніемъ о ея выходѣ и самыми общими замѣчаніями о ея содержаніи и значеніи.

Имя достоуважаемаго составителя настоящей книги, о. А. С. Петрушевича давно пользуется почетною извѣстностью не только въ галицко-русской, но и нашей исторической литературѣ. Недавно въ семъ году, въ Львовѣ состоялось скромное чествованіе 35-лѣтія ученой его дѣятельности, прошедшее у насъ совершенно незамѣченнымъ.

Отличительный характеръ многочисленныхъ трудовъ о. Антонія Петрушевича по исторіи Руси Галицкой и вообще южной есть лѣтописный. Такой характеръ носитъ и настоящая работа. Годъ за годомъ авторъ кратко, а иногда и довольно обстоятельно, отмѣчаетъ всѣ сколько нибудь примѣчательныя событія въ судьбахъ южной Руси и преимущественно Галичины. Событія одного года записываются по мѣсяцамъ и днямъ, а при неизвѣстности ихъ нѣсколько событій записываются подъ рядъ, переходною жъ и связующею ихъ фразою служатъ въ большей части такъ обычныя въ малорусскихъ лѣтописяхъ слова: „того жъ року“.

Большая или меньшая краткость записей зависитъ отъ характера событія, количества свѣдѣній объ немъ и источниковъ, изъ которыхъ заимствуетъ ихъ авторъ. Въ поясненіе и подтвержденіе записей изъ этихъ источниковъ авторомъ дѣлаются выписки. Эти-то выписки и составляютъ самую цѣнную часть книги, такъ какъ авторъ располагаетъ массою рукописей и старо печатныхъ изданій, ему лично принадлежащихъ или доступныхъ весьма не многимъ спеціалистамъ. Для любителей легкаго, хотя бы и историческаго чтенія трудъ о. Петрушевича представитъ значительную трудность какъ по способу изложенія, такъ и по языку; но не ихъ конечно онъ имѣлъ въ виду. Задачею его, какъ видно, было группировать, хотя въ хронологическомъ порядкѣ, всѣ имѣющіяся у него и доступныя ему историческія данныя и ими освѣтить судьбу своей родины вообще и въ частности за указанный періодъ времени, сдѣлавъ эти данныя достояніемъ людей науки.

Достопочтенный авторъ въ названномъ трудѣ не ограничился исключительно ролью лѣтописца, но въ довольно обширномъ къ нему предисловіи устанавливаетъ ту общую точку зрѣнія, какая служитъ связующею нитью отмѣчаемыхъ событій. Во всей совокупности ихъ въ очерчиваемый періодъ онъ видитъ разширеніе уніи въ западно-русскихъ областяхъ съ постепеннымъ погубленіемъ въ нихъ русской народности не только въ средѣ православныхъ, но и уніатовъ, а это потубленіе, систематизированное проэктами уничтоженія Руси 1717 и 1786 гг., считаетъ прямымъ дѣломъ всей внутренней политики Польши, навязанной ей Римомъ и представляющей продолженіе борьбы, погубившей Моравское княжество. Съ этой стороны трудъ о. Петрушевича можетъ служить поучительнымъ указателемъ для современной польско-католической лиги въ Галиціи и для всего славянскаго запада. Какъ научная работа, онъ соединяетъ въ себѣ полную добросовѣстность и точность, обиліе драгоцѣннаго матеріала и необычайную кропотливость въ его собираніи и группировкѣ.

Настоящему своду предшествовалъ такой же сводъ событій 1600—1700 гг., напечатанный въ «Литературномъ Сборникѣ» галицко-русской Матицы 1874 г. Окончаніе этого свода событій 1772—1800 гг. авторъ обѣщаетъ издать въ непродолжительномъ времени. Грустно подумать, что «Сводныя лѣтописи» его же за XIV, XV и XVI ст. остаются не изданными «для недостатка иждивенія» и что только составленная имъ же «Сводная молдавско-русская лѣтопись» будетъ издана, какъ надѣется авторъ, «стараніемъ румыновъ, любящихъ свою отечественную исторію».

К. Шнейдеръ.

Извѣстія и замѣтки

(историко-литературныя, этнографическія и историческія).

Къ вопросу о южно-русскихъ апокрифахъ.

Недавно оконченная на страницахъ «Кіев. Старины» монографія г. Сумцова «Очерки исторіи южно-русскихъ апокрифяческихъ сказаній и пѣсенъ» вѣроятно не нами одними, но и многими другими была прочтена съ большимъ интересомъ. Нельзя однако скрыть того, что, какъ всякій первый опытъ въ научной обработкѣ новаго матеріала, трудъ г. Сумцова, въ общемъ весьма добросовѣстный и талантливый, не лишенъ нѣкоторыхъ недосмотровъ, упущеній и, быть можетъ, прямыхъ даже ошибокъ. Будемъ надѣяться, что спеціалисты не преминутъ сдѣлать подробныя указанія на всѣ подобнаго рода недостатки въ новомъ изслѣдованіи молодаго ученаго; а пока что, да позволено будетъ намъ, лицу вовсе не спеціальному въ данной области, предложить два замѣчанія, или, точнѣе, дополненія къ названному труду: одно изъ нихъ касается вопроса о такъ называемой *евангелистой* пѣснѣ, а другое сказаній объ антихристѣ.

I. Евангелистая пѣсня.

Приводя мнѣніе г. Веселовскаго о томъ, что великорусскіе тексты евангелистой пѣсни пришли изъ югозападной школы, г. Сумцовъ замѣчаетъ: «трудно сказать что-нибудь положительное и опредѣленное, судя по одному галицко-русскому варіанту пѣсни (въ сборникѣ Головацкаго)... Въ Малороссіи, по видимому, не знаютъ евангелистой пѣсни». Нѣтъ, знаютъ ее хорошо и въ Малороссіи,

и можно лишь удивляться, почему она не вошла ни въ одинъ изъ малорусскихъ этнографическихъ сборниковъ. Разумѣется, знаетъ ее не простой народъ, къ которому, по справедливому замѣчанію г. Сумцова, и не могло привиться сухое догматическое содержаніе этой пѣсни, а знаетъ и донынѣ распѣваетъ ее то сословіе, въ средѣ котораго получила она и свое бытіе, т. е. малороссійское духовенство. Намъ неоднократно приходилось слышать эту пѣсню въ полтавской губерніи; ее обыкновенно пѣвали на храмовыхъ празднествахъ и тому подобныхъ съѣздахъ духовенства, и помнится, что въ пѣніи принимали участіе не одни священно- и церковно-служители, но и ихъ жены. Помню также, что среди полтавскихъ семинаристовъ въ 60-хъ годахъ пѣсня эта была общеизвѣстной; таковою же она была и нынѣ есть въ средѣ питомцевъ семинаріи кіевской, да вѣроятно, и многихъ другихъ. Очень жалѣемъ, что въ свое время не догадались записать сполна текстъ этой пѣсни. На дняхъ намъ сообщили мотивъ и текстъ ея изъ таращанскаго уѣзда, но, къ сожалѣнію, не сполна. Въ непродолжительномъ времени будемъ имѣть и полный текстъ, а пока помѣщаемъ лишь первую половину:

1. Ой ты, дяче, дяче ученый, надъ школами выбраный,
Скажи мени, дяче, що то есть *единъ?*
—Единъ Сынъ Маріи,
Той у неби царствуе,
Кролюе надъ нами.

2. Ой ты, дяче ученый, надъ школами выбраный,
Скажи мени, дяче, що то есть *два?*
—Дви таблыци Мусіёви,
Единъ Сынъ Маріи,
Той у неби царствуе,
Кролюе надъ нами.

3. Ой ты, дяче.., и проч., що есть *три?*
—Три янголи билохори
Дви таблыци Мусіёви и т. д.

4. Ой ты, дяче... що есть *штыри?*
—Штыри листы—вангелисты,
Три янголи билохори... и проч.

5. Ой ты, дяче... що есть *пять?*

—Пять ранъ терпивъ Панъ
За насъ гришныхъ христіянъ,
Штыри листы—вангелисты,
Три янголи... и проч.

Лице, сообщившее намъ эту пѣсню, къ сожалѣнію, не могло припомнить дальнѣйшихъ стиховъ, но увѣряетъ, что вопросы и отвѣты продолжаются далѣе числа 9, вѣроятно, они доходятъ до 12, каковое число, по изслѣдованію г. Веселовскаго, признается нормальнымъ для евангелистой пѣсни, распѣвавшейся въ средніе вѣка почти въ цѣлой Европѣ.

Сравнивая текстъ этой пѣсни съ галицкимъ (по сборнику Головацкаго), находимъ разницу, отчасти текстуальную, а особенно языковую: галицкій варіантъ переполненъ полонизмами. Ближе другихъ нашъ текстъ къ великорусскимъ варіантамъ, какъ по сходству большей части отвѣтовъ, такъ еще болѣе по тождественности выраженій (сравни, напр., отвѣтъ на первый вопросъ), что на нашъ взглядъ еще болѣе подтверждаетъ предположеніе г. Веселовскаго относительно происхожденія великорусскихъ варіантовъ этой пѣсни.

II. Сказанія объ антихристѣ.

Г. Сумцовъ справедливо замѣчаетъ, что въ концѣ XVI и особенно въ XVII ст. въ южной Руси, подъ вліяніемъ религіозныхъ преслѣдованій, сильно развилась идея о наступившемъ или близкомъ пришествіи антихриста; авторъ извѣстной «Книги о вѣрѣ» положительно утверждалъ, что появленіе антихриста должно состояться именно въ 1666 г. Въ ближайшей связи съ этими общими чаяніями, какъ намъ кажется, стоитъ одно любопытнѣйшее южно русское сказаніе XVII в. объ антихристѣ *уже народившемся,*—сказаніе, почему-то оставленное г. Сумцовымъ совсѣмъ безъ вниманія, между тѣмъ какъ оно дало бы ему благодарнѣйшій матеріалъ для интересныхъ соображеній и выводовъ. Сказаніе это называется «*История албо новина о анътихристѣ*»; текстъ его списанъ г. Голубевымъ изъ современной рукописи, принадлежащей извѣстному галицкому ученому Петрушевичу, и помѣщенъ нами въ VI томѣ 1-й ча-

сти «Архива юго-западной Россіи» подъ № 286. Отсылая спеціалистовъ къ подлинному тексту, считаемъ умѣстнымъ познакомить читателей съ содержаніемъ этого, повторяемъ, весьма любопытнаго апокрифа.

«История албо новина о анътихристѣ» составлена въ формѣ какъ-бы универсала отъ имени мальтійскаго магистра и «справцы кролевства и панства іерусалимского», адресованнаго князьямъ, панамъ и «кождому христіянскому человѣкови, великому и малому». Въ немъ повѣствуется о томъ, что въ 1634 году «у вавилонской краинѣ сталася барзо дивная и чюдная новина», именно народился антихристъ. Съ цѣлью точнаго освѣдомленія относительно этого событія, магистръ якобы посылалъ на мѣсто происшествія «на розвѣдки» нарочитыхъ пословъ, которые донесли ему слѣдующее. Мать антихриста—жидовка, по имени Кармута, «барзо красная и спанѣлая жена»; ея порожденіе не унаслѣдовало однако маменькиной красоты; вотъ его «тварь и постава»: черный цвѣтъ тѣла, короткая шея, «колчистая» голова, длинныя уши и уста, острые зубы, «зморщеное чоло» и все лице, «а нусъ (носъ) долгий и кривый, якъ орловый». Рожденіе чудовища было ознаменовано «дивами и зраками барзо великими»: днемъ нѣсколько разъ затмѣвалось солнце, а ночью «указалася великая свѣтлость и ясность, такъ, якобы огни изъ повѣтря падали надъ тымъ домомъ, въ которомъ ся народило». Тогда же всѣ горы «и пагорки пороспадалися на двое», а въ самомъ Вавилонѣ упалъ и разбился деревянный идолъ, а внутри его «оказалася картка», на которой было написано по жидовски: «южъ пришло нарожене антихриста, южъ ся народилъ». Въ тотъ же часъ, когда антихристъ родился, слышенъ былъ на 300 миль въ въ окружности «страшливый голосъ зъ неба: приправтесь, приправтесь и приймѣте сына моего! Благословенный будетъ, который увѣруетъ въ него, и не будетъ зотраченный»! На восьмой день дитя «почало ходити и мовити», и такъ разумно «мовило», что на его «розумъ великий людъ барзо ся чудовалъ». Съ того же дня антихристъ началъ «чуда великии чинити»: исцѣлялъ нѣмыхъ, глухихъ и хромыхъ, воскрешалъ мертвыхъ и творилъ разныя знаменія.—Когда послы обо всемъ этомъ донесли магистру, онъ созвалъ сеймъ, на которомъ было постановлено: избрать новую коммиссію изъ членовъ сейма, духовныхъ и свѣтскихъ, и послать ихъ

въ Вавилонскую землю «для большаго свѣдоцтва и для лѣпшей певности того всего, що ся тамъ стало». Новое посольство вполнѣ подтвердило донесенія прежнихъ пословъ. Сказаніе заканчивается слѣдующимъ увѣщаніемъ: «прето жъ вы, панове, и вы отци духовныи и все набоженства християнскаго и вѣры правдивое люде, пилно смотрите и всегды паметайте, що кончина вамъ ознаймуетъ... а бысте ся всѣ въ часъ трудный отъ сна пробудили и чуйными были завше во дни и въ нощи, а о томъ старалися, абысте тому злому и фалшивому антихристу опиратись умѣли, а зводитись не давали и не вѣровали ему, але при евангелии І. Христовомъ трѣвали и отъ него не отступовали, але и животъ свой при немъ скончали. Аминь».

Приписка: «тая новина... принесена до Угорскои землѣ року 1635 г.».

Приписка эта даетъ поводъ предполагать, что, быть можетъ, и самое сказаніе проникло въ южную Русь черезъ Угорскую Русь; но это должно входить уже въ область изслѣдованія апокрифа, каковое предоставляемъ сдѣлать спеціалистамъ.

О. Л.

Еще одна изъ древнѣйшихъ церквей въ Кіевѣ.

Въ одной изъ первыхъ книжекъ «Кіевской Старины» за 1882 г. помѣщена была любопытная замѣтка о томъ, какъ въ 1613 г. кіевляне, по поводу захвата уніатами соборной церкви св. Софіи, съ большою поспѣшностію поправили стоявшую впустѣ послѣ разоренія татарскаго церковь Успенія Божіей Матери на Подолѣ и на время замѣнили ею отнятую софійскую катедру; но о степени древности этой церкви, о времени ея построенія не было въ той замѣткѣ сказано ничего.

Оказывается, что эта церковь Успенія пресвятыя Богородицы, именуемая и по нынѣ градскою соборною, принадлежитъ несомнѣнно къ числу древнѣйшихъ въ Кіевѣ, къ постройкамъ древняго, великокняжескаго періода; въ этомъ убѣждаютъ насъ и ея планъ, представляющій собою удлиненный прямоугольникъ съ 3 абсидами или закругленными выступами на восточной сторонѣ, и матеріалъ, изъ

котораго она построена, именно: широкій и тонкій, почти квадратной формы, кирпичъ, а также толстые слои цемента изъ браиловской извести, смѣшанной съ жженымъ кирпичемъ. Кѣмъ и когда построена эта церковь, точныхъ историческихъ свѣдѣній о томъ нѣтъ; но можно полагать, что она была тѣмъ храмомъ, посвященнымъ чудотворной иконѣ Божіей Матери «Пирогощей», къ которому ѣхалъ, спускаясь по Боричеву изъ Кіевскаго Кремля, князь Игорь Святославичъ, по сказанію Слова о полку Игоревѣ. Это единственный случай указанія на существованіе этой церкви въ древнѣйшій періодъ. Затѣмъ ея имя не попадается нигдѣ въ русскихъ лѣтописныхъ сказаніяхъ. Въ первые встрѣчаемъ упоминаніе о ней уже въ XVI вѣкѣ въ ревизіи кіевскаго замка 1543 года. Къ 1581 году относится свѣдѣніе, что воевода кіевскій князь Константинъ Константиновичъ Острожскій, отдалъ Щекавицкую гору подъ пашню во владѣніе настоятелю этой церкви, названному Матеробозскимъ протопопомъ. Съ 1613 по 1633 годъ кіево-подольская церковь Успенія Божіей Матери, какъ указано было въ вышеупомянутой замѣткѣ, замѣняла для православныхъ кіевлянъ отнятый у нихъ уніатами кіево-софійскій каѳедральный соборъ. Въ 1620 году ее посѣщаетъ іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ, возстановившій православную кіевскую митрополію. Въ 1651 году, при занятіи Кіева поляками подъ предводительствомъ князя Радзивилла, она сгорѣла вмѣстѣ съ прочими церквами Подола. Въ 1654 году успенская церковь была оправлена на столько, что въ ней совершенъ приводъ къ присягѣ бывшихъ въ Кіевѣ козаковъ и всѣхъ кіевлянъ на вѣрность подданства московскому государю. Въ томъ же году эту церковь посѣщалъ антіохійскій патріархъ Макарій, возвращаясь изъ Москвы. Въ 1672 году гетманъ Самойловичъ своимъ универсаломъ подтвердилъ пожалованное ей прежде право брать «помѣрное» или плату за мѣру съ зерноваго хлѣба, привозимаго на кіевскій базаръ. Въ 1772 году при ней построена отдѣльная каменная колокольня «общимъ милостиннымъ подаяньемъ», съ церковью въ нижнемъ ея этажѣ во имя св. великомученицы Варвары. Въ 1811 году, во время страшнаго пожара, постигшаго весь Подолъ, не уцѣлѣла и соборная успенская церковь, а въ 1830 году сломана до основанія ея прекрасная колокольня, оказавшаяся по новому плану г. Кіева по срединѣ улицы. Въ замѣнъ ея

въ 1835 году надстроена настоящая круглая колокольня надъ западнымъ придѣломъ, который самъ составляетъ пристройку первой четверти нынѣшняго столѣтія.

Вотъ все, что можно сказать о судьбѣ древнѣйшей изъ кіево-подольскихъ церквей. Скудныя эти свѣдѣнія можно дополнить еще кое-чѣмъ изъ отрывочныхъ замѣтокъ о Кіевѣ, сдѣланныхъ въ началѣ XVII вѣка въ древней рукописной книгѣ уставщикомъ той же успенской церкви, іереемъ Кириломъ Ивановичемъ.

Этотъ случайный хроникеръ самъ вѣрилъ древности церкви, при которой состоялъ, «оглядѣлъ въ ней все очима своими» и желалъ сказать что-либо о ея началѣ; но даже о томъ, «яко поправлена она на старомъ фундаментѣ, отъ перваго початку стараго, нигдѣ, говоритъ, въ кроникахъ не обрѣтохомъ». Оставалось одно указаніе, и то не на очень еще сѣдую тогда древность ея, это «антиминсъ на томъ же престолѣ старомъ, сице подписанный: Освятися олтарь великаго Бога и Спаса нашего Іисуса Христа пресвятыя Богородицы честнаго ея успенія преосвященнымъ архіепископомъ и митрополитомъ кіевскимъ и всея Руси Мисаиломъ, при великомъ короли Казимери, а положенъ бысть здѣ въ лѣто 690-е (1474), индикта 6, марта 30 дня, на память преподобнаго отца нашего Іоанна Лѣствичника». Обрѣлъ еще о. Кирилъ въ какой то «Кроницѣ» извѣстіе близкаго за симъ времени о томъ, какъ при нападеніи на Кіевъ Менгли-Гирея, «сія божественная церковь была изнищена, все побрано серебро и злато, кресты и иконы полуплены (ободраны) и попалено все отъ поганаго царя перекопского и отъ нечестивыхъ его агарянъ»; какъ очевидецъ, онъ разсказываетъ, какъ исправляема была успенская перковь въ 1613 и слѣдующемъ году, замѣчая, что «поправлялъ ее майстеръ зе Влахъ (Италіи) Севастіанъ Брану», и по свѣжему преданію, а быть можетъ и личной памяти, передаетъ слѣдующія интересныя свѣдѣнія о первыхъ попыткахъ уніатовъ овладѣть кіевскими церквами (намекая тѣмъ косвенно и на судьбу успенской церкви) и о томъ отпорѣ, какой они здѣсь встрѣчали.

«Року 1609 панъ Жолковскій, гетманъ великаго князства литовскаго, наехалъ на воеводство кіевское. Того жъ року и святая Софія церковь остала отъ службы, не почали священники до неи со кресты ходити и службы Божои отправовати, пре то, ижъ митрополитъ Ипатій приступилъ до костела римскаго, и казалъ былъ

тамъ священникомъ кіевскимъ за себе Бога просити, за што и самъ зле живота своего доконалъ у Володимери; позвалъ поповъ мандатомъ на трибуналъ, да самъ и справъ своихъ не побралъ. А предъ нимъ былъ митрополитъ Михаилъ Рогоза. Тотъ началникъ того болиства найпервей прислалъ тутъ до Кіева врядника своего, именемъ Янъ Хрушинскій, щырый ляхъ,—того николи не бывало, —который задавалъ трунковъ попамъ о послушенство; теды и того Богъ явне скаралъ, же якъ сытили медъ ко рожеству Богородици, хотѣлъ мѣть поповъ въ себе на обѣдѣ, имѣя сполечность показовать костела римского исъ церковью восточною; але не допустилъ котелъ: пришли до него сыты глядѣти, мусели въ немъ и долго сидѣти, а они еи не почали глядѣти, такъ и той далъ покой».

Послѣднее извѣстіе очень напоминаетъ другое, какъ козаки подобнаго же посланца Юзефовича, желавшаго захватить выдубецкій монастырь, пустили въ Днѣпръ подъ ледъ «воды пити».

П. Л—въ.

Къ древней топографіи Кіева.

По записанному въ нашей древней лѣтописи преданію объ основаніи города Кіева, у полянъ было три брата: Кій, Щекъ и Хоревъ, а также сестра Лыбедь; эти три брата съ родами своими жили на трехъ горахъ, которыя стали потомъ называться ихъ именами. Братья создали небольшой городъ и назвали его по имени старшаго брата Кіевомъ. Такъ осмыслялся фактъ основанія города Кіева примѣрно въ XI вѣкѣ: на мѣстѣ современнаго Кіева было раньше три поселенія, каждое на особой горѣ, названіе которой звучало именемъ одного изъ его первыхъ поселенцевъ; еще одно поселеніе было внизу на рѣчкѣ, называвшейся Лыбедью. Жители первыхъ трехъ поселеній основали общее укрѣпленіе или городъ на мѣстѣ главнаго, значительнѣйшаго поселенія, т. е. у старшаго брата, и городъ этотъ сталъ историческимъ Кіевомъ.

Не имѣемъ основанія сомнѣваться, что въ этомъ преданіи скрывается фактъ синойкизма трехъ поселеній, сперва обособленно существовавшихъ на вершинахъ трехъ кіевскихъ горъ, а затѣмъ слившихся своими промежуточными поселками. Это сліяніе сдѣлало

всѣ три поселенія какъ бы однимъ, а затѣмъ необходимость защиты вынудила жителей укрѣпить одно, конечно, важнѣйшее поселеніе, или по крайней мѣрѣ самую возвышенную часть его, гдѣ жители могли бы укрываться въ случаѣ опасности. Это укрѣпленіе на одной изъ горъ и было городомъ Кіевомъ, центральнымъ пунктомъ, отъ котораго шли не укрѣпленныя, но защищаемыя городомъ слободы. Очень возможно, что укрѣпленіе было предпринято съ цѣлью обезпеченія перевоза черезъ рѣку Днѣпръ, на что указываетъ другое, извѣстное въ древности преданіе объ основаніи города Кіева перевозчикомъ Кіемъ, встрѣчающее себѣ аналогію во многихъ народныхъ сказаніяхъ.

Мѣсто древняго города Кіева опредѣлено съ достовѣрностью: городъ былъ тамъ, гдѣ нынѣ находятся церкви Десятинная, Андреевская, Трехвятительская и прилегающія къ нимъ съ юго-востока усадьбы. Здѣсь и можно съ достовѣрностію полагать мѣсто поселенія лѣтописнаго Кія, заключавшаго и устроенный имъ «городъ», или укрѣпленіе.

Не трудно опредѣлить и ту гору, на которой, по лѣтописному преданію, было другое поселеніе втораго брата Щека. И лѣтописи и народныя преданія указываютъ на возвышенность, довольно близкую къ собственно кіевской и донынѣ называемую Щековицею, или, по мѣстному народному, Скавикою.

Иначе стоитъ дѣло относительно третьяго поселенія и горы Хоревицы, мѣстность которой остается еще неопредѣленною. Хотя на нынѣшнемъ Кіевскомъ Подолѣ и есть улица Хоревая, идущая отъ подошвы горы Киселевки, но названіе ея чисто административнаго происхожденія и относится уже къ XIX в.

Нѣкоторые изъ прежнихъ изслѣдователей, кажется начиная еще съ кн. Щербатова, руководимые идеей, что всѣ три горы названы лѣтописью въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ идутъ вверхъ по теченію р. Днѣпра, готовы были видѣть Хоревицу въ горѣ Вышгородской, отстоящей отъ города Кіева верстъ по крайней мѣрѣ на 12, такъ какъ ближе къ Щековицѣ вверхъ по р. Днѣпру горы нѣтъ. Но это предположеніе совершенно неосновательно; 12 верстъ и нынѣ большое разстояніе, а для того, весьма отдаленнаго времени, къ которому приходится пріурочивать укрѣпленіе Кіева, со-

вершенно не возможно такое сопоставленіе мѣстъ, столь удаленныхъ одно отъ другого въ топографическомъ отношеніи.

И такъ Хоревицу надо искать въ какой то другой горѣ, болѣе близкой къ кіевской, чѣмъ вышгородская, стоящей въ первой примѣрно въ такомъ же отношеніи, какъ и Щековица, и жители которой могли бы дѣйствительно въ случаѣ опасности стать подъ защиту города Кіева.

Намъ кажется, что лѣтопись дѣйствительно ставитъ всѣ три горы въ извѣстную систему, но не въ ту линейную, которую думали уловить въ лѣтописномъ разсказѣ прежніе изслѣдователи. Лѣтописный разсказъ помѣщаетъ Щековицу отъ Кіева на правой сторонѣ; естественно предполагать, что Хоревицу онъ помѣщалъ на лѣвой. Такъ размѣщаютъ народныя преданія другихъ мѣстностей лицъ, аналогичныхъ тремъ кіевскимъ братьямъ. Вотъ напр. извѣстный разсказъ о Рюрикѣ, Синеусѣ и Труворѣ. Первый селится въ Новѣгородѣ, у озера Ильменя, или въ Ладогѣ, у озера Нево (Ладожскаго), что безразлично; направо отъ него, если смотрѣть изъ Кіева, гдѣ записанъ въ лѣтопись разсказъ, на Бѣлѣозерѣ-занимаетъ мѣсто Синеусъ, на, лѣво въ Изборскѣ, у псковскаго озера, Труворъ. Въ такомъ же родѣ иноземныя преданія о трехъ основателяхъ ирландскихъ городовъ: Амлавѣ (Дублина), Ситаракѣ (Гватерфорда) и Иворѣ (Лимрика), или о трехъ сестрахъ богатыршахъ: Люціи, Розаліи и Маріи, основательницахъ крѣпостей Люцинской, Рѣжицкой (Розитенской) и Маріенгаузенской.

Конечно, не вездѣ въ разсказѣ о поселеніи трехъ родственныхъ лицъ можно наблюдать строгую симметрію; притомъ мы не всегда можемъ знать, или сообразить, гдѣ именно составилось преданіе, но все же старшее лицо живетъ по срединѣ, младшія по бокамъ. Нѣчто подобное можемъ усмотрѣть и въ библейскомъ разсказѣ о сыновьяхъ Ноя и размѣщеніи ихъ потомковъ, по которому, какъ ни толковать его, Симъ сидитъ среди братьевъ. Аналогично расположеніе земель, завоеванныхъ Гераклидами въ Полопонезѣ и хотя въ этомъ преданіи Лаконія, находящаяся въ центрѣ, досталась меньшому брату (собственно дѣтямъ его), но первенство меньшого брата, или сестры надъ двумя старшими, особенно если эти старшія обижаютъ меньшихъ, что именно имѣло мѣсто при дѣлежѣ Гераклидовъ, вещь обычная въ народныхъ сказаніяхъ. Не говоря уже

о легендахъ объ Иванушкѣ дурачкѣ и о Сандрильонѣ, какъ общеизвѣстныхъ, укажемъ на легенду о Кадмѣ, младшемъ изъ трехъ, но наиболѣе геройскомъ сынѣ царя Агенора, о Колоксаисѣ, младшемъ сынѣ скиѳа Тарштая, взявшемъ въ руки золото, которое обожгло руки его старшихъ братьевъ, а также на легенду о Психеѣ, хотя и младшей, но болѣе достойной. Изъ трехъ чешскихъ сестеръ: Любуша, т. е. любимая, тоже младшая сестра, владѣетъ Вышгородомъ; наконецъ тенденція, что младшій братъ можетъ стать выше старшихъ, есть и въ библіи.

Разсказъ о Любушѣ и ея сестрахъ, связывающій съ ихъ именами мѣста ихъ жительства, по видимому, располагаетъ эти послѣднія по теченію рѣки, хотя въ порядкѣ обратномъ нашему преданію о трехъ кіевскихъ братьевъ; но если допустить, что Касина могила лежала именно между городами Тетинымъ и Вышеградомъ, тогда разсказъ представитъ аналогію съ нашимъ кіевскимъ преданіемъ. Сходное размѣщеніе встрѣчаемъ въ позднемъ книжномъ чешскомъ разсказѣ о трехъ братьяхъ Чехѣ, Лехѣ и Русѣ: Лехъ живетъ около Чеха, а за нимъ Русъ.

Преданій, параллельныхъ появленію сестры Лыбеди при братьяхъ, тоже существуетъ достаточно; такъ въ греческихъ преданіяхъ Елена является при Діоскурахъ, Гармонія при Дардолѣ и Ясіонѣ, Клеопатра при Іетесѣ и Калаисѣ, Ифигенія при Орестѣ и Пиладѣ и т. д.

Слѣдуя порядку, отмѣченному болѣе или менѣе ясно во всѣхъ указанныхъ преданіяхъ, и кіевское поселеніе, связанное съ именемъ Хорева, естественно искать вблизи поселенія Кія, но въ сторону, нѣсколько обратную той, гдѣ находится Щековица, а потому не на Киселевкѣ, гдѣ нынѣ флоровскій монастырь, и не на древней Уздыхальницѣ, прилегавшей и причислявшейся къ горѣ Кія.

По видимому, всего естественнѣе было бы искать Хоревицу въ тѣхъ возвышенностяхъ праваго берега р. Днѣпра, которыя составляютъ ближайшую къ рѣкѣ часть такъ называемыхъ Липокъ. Но историческія свѣдѣнія объ этой мѣстности не допускаютъ подобнаго предположенія. Судя по лѣтописямъ и по сказаніямъ Патерика печерскаго, нынѣшнія Липки, а тѣмъ болѣе Печерскъ, были мѣстами не кіевскими, но отдѣленными отъ города Кіева лѣсистымъ удольемъ (нынѣшнимъ Крещатикомъ) и въ свою очередь покрытыми густымъ лѣсомъ, среди котораго были села, напр. Берестово, уже

не причисляемыя къ Кіеву. Этими дебрями надо было очень долго ѣхать въ печерскій монастырь; словомъ вся эта мѣстность еще въ XI в. не была Кіевомъ.

Извѣстно, особенно изъ разсказа кіевской лѣтописи о волненіяхъ въ Кіевѣ въ 1147 г., что г. Кіевъ въ то время былъ пересѣченъ оврагомъ, настолько глубокимъ, что черезъ него былъ построенъ мостъ. Найти мѣсто этому оврагу не трудно, тѣмъ болѣе, что голова его сохранилась еще и нынѣ. Это и теперь еще довольно широкій и глубокій оврагъ, идетъ съ Крещатика, отъ котораго онъ отдѣленъ уже домами, и оканчивается недалеко около михайловскаго монастыря; въ половинѣ же XII в. онъ пересѣкалъ всю нынѣшнюю площадь между михайловскимъ монастыремъ и софійскимъ соборомъ, шелъ тамъ, гдѣ нынѣ зданіе присутственныхъ мѣстъ, и далѣе выходилъ на сѣверъ, впадая въ ущелія, отдѣлявшія кіевскую гору отъ Щековицы; теперь вся эта часть оврага уже засыпана. По нашему мнѣнію, этимъ оврагомъ и отдѣлялась отъ горы Кія древняя Хоревица, которая занимала въ такомъ случаѣ мѣстность нынѣшняго софійскаго собора и окрестныхъ усадьбъ. Что здѣсь еще въ X в. были поселенія, и даже довольно значительныя, видно изъ того, что вел. кн. Ярославъ счелъ необходимымъ ввести эту часть города въ укрѣпленіе, соорудивъ кругомъ ея валы, остаткомъ которыхъ служатъ Золотыя Ворота. Вѣроятно тогда же улучшено было и сообщеніе между старымъ и новымъ городомъ, напримѣръ построенъ мостъ черезъ оврагъ, вслѣдствіе чего древнее хоревицкое поселеніе вполнѣ слилось съ Кіевомъ и св. Софія уже была построена въ Кіевѣ. Этимъ можетъ быть объясненъ и тотъ весьма странный фактъ, что названіе Хоревица, мелькнувъ всего одинъ разъ въ самомъ началѣ древней лѣтописи, исчезаетъ затѣмъ на вѣки, тогда какъ названія другихъ кіевскихъ урочищъ постоянно появляются въ разсказахъ о войнахъ въ Кіевѣ. Подобный фактъ не покажется страннымъ, если предположить, что Хоревица уже въ XI в. стала частью города Кіева. За этою же, обнесенною валами, частью города опять шли слободы, доходя до самой рѣчки Лыбеди, что и дало поводъ лѣтописи причислить Лыбедь къ семьѣ трехъ кіевскихъ братьевъ.

Возможно и еще одно предположеніе, что Хоревицею называлась гора, на которой стоитъ нынѣ михайловскій монастырь.

Мѣста для небольшаго поселенія здѣсь достаточно, и эта часть города довольно рано слилась съ Кіевомъ и могла потерять свое собственное названіе. А между этою горою и кіевскою находилось небольшое удолье, по которому шелъ Боричевъ взвозъ. Но именно этотъ-то путь и препятствуетъ видѣть въ михайловской горѣ Хоревицу, такъ какъ Боричевъ взвозъ, главный путь въ Кіевъ съ рѣки Днѣпра, т. е. съ мѣста переправы черезъ него и изъ Почайнской пристани, выходилъ на Кіеву гору и вся мѣстность этого взвоза причислялась къ Кіеву. Мало того, лѣтописный разсказъ какъ бы подчеркиваетъ, что именно мѣстность Боричева взвоза, т. е. михайловская гора, была первымъ мѣстомъ поселенія Кія, а потомъ уже три брата устроили г. Кіевъ тамъ, гдѣ онъ впослѣдствіи и находился. Если понять лѣтописный разсказъ такимъ образомъ, то еще удобнѣе признать за Хоревицу мѣстность нынѣшняго софійскаго собора, такъ какъ она съ третьей стороны замыкаетъ кіевскую возвышенность, къ которой съ одной стороны примыкаетъ михайловская гора, а съ другой подходятъ отроги Щековицы, четвертая же сторона обрывомъ падаетъ къ рѣкѣ Днѣпру, или, вѣрнѣе, къ прежней Почайнской пристани.

Окончимъ нашу небольшую замѣтку оговоркою, что мы не имѣемъ здѣсь въ виду вопроса о древнѣйшемъ поселеніи на мѣстѣ нынѣшняго Кіева. Очень возможно, что справедливы тѣ предположенія, которыя, на основаніи найденныхъ кладовъ, указываютъ на нынѣшній Подолъ, какъ на мѣсто самаго ранняго поселенія въ Кіевѣ. Пещеры въ обрывахъ около кирилловскаго монастыря тоже могутъ быть весьма древняго происхожденія, равно какъ и пещеры вдоль берега Днѣпра ниже цѣпного моста. Но все это не Кіевъ. Пространство, нынѣ занятое этимъ городомъ, такъ велико, что въ него вошли многія мѣстности, хотя бы напримѣръ тотъ же Печерскій монастырь, которыя по лѣтописямъ находились возлѣ Кіева, но не въ самомъ Кіевѣ. Кіевъ могъ втянуть въ себя многія и древнѣйшія поселенія, какъ втянулъ села Берестово, Предславино и др. Но мы вели рѣчь собственно о той мѣстности, которая была Кіевомъ при составленіи древне-русской лѣтописи (собственно свода), т. е. приблизительно въ XI—XII вѣкѣ.

Алексѣй Маркевичъ.

Изъ воспоминаній о Н. Д. Иванишевѣ.

Кому изъ читателей не извѣстно имя славнаго кіевскаго профессора, Н. Д. Иванишева, автора нѣсколькихъ капитальныхъ изслѣдованій въ области исторіи юго-западной Руси (Жизнь князя Курбскаго, О копныхъ судахъ, О сельской общинѣ), вице-предсѣдателя и одного изъ учредителей кіевской археографической коммисіи, принимавшаго самое дѣятельное участіе въ ея трудахъ и выработавшаго прекрасную программу для ея работъ, удерживаемую и нынѣ, бывшаго декана юридическаго факультета и ректора университета св. Владиміра, послѣ кратковременной службы въ Варшавѣ въ званіи вице-директора юридической коммисіи, мирно окончившаго жизнь въ Кіевѣ надъ грудами архивныхъ бумагъ, въ широкихъ замыслахъ о будущихъ работахъ? Въ обширной біографіи его, составленной вскорѣ послѣ его смерти проф. Романовичъ-Словатинскимъ, обстоятельно очерчена его профессорская и ученая дѣятельность, разсмотрѣны и обслѣдованы его научные труды, собраны многія біографическія о немъ свѣдѣнія; но осталась почти не тронутою его внутренняя жизнь, въ особенности та сторона его характера, которою онъ преимущественно остался въ памяти всѣхъ знавшихъ или приходившихъ съ нимъ въ какое-либо соприкосновеніе, именно его отрицательное по преимуществу направленіе и критическое отношеніе къ людямъ и ихъ дѣйствіямъ, сказавшееся между прочимъ въ выдававшейся его наклонности шутить и острить надъ всѣми и всѣмъ, не исключая и самаго себя. Это тотъ особый складъ души и мысли, которымъ покойный Николай Дмитріевичъ рѣзко выдѣлялся изъ среды его сослуживцевъ и знакомыхъ, который дѣлалъ его душою своего кружка, доставлялъ ему пріятелей, а нерѣдко и враговъ. Этой стороны въ его характерѣ я и хочу коснуться въ моихъ о немъ воспоминаніяхъ, удерживаясь отъ всякихъ выводовъ и заключеній.

Судьба привела меня къ Николаю Дмитріевичу еще се студенческой скамьи. Я писалъ диссертацію по исторіи уніи и мнѣ посовѣтовали обратиться къ нему за нѣкоторыми рукописными источниками и пособіями. Это было въ 1851 г. Николай Дмитріевичъ принялъ меня самымъ радушнымъ образомъ и снабдилъ меня всѣмъ, что только было у него подъ рукою, приглашалъ и впредь обращаться

къ нему, чѣмъ я охотно пользовался. Съ тѣхъ поръ и началось мое знакомство съ нимъ, не близкое, но самое искреннее, продолжавшееся, иногда съ большими перерывами, до самой его смерти, послѣдовавшей въ 1874 г. Отсюда-то у меня въ памяти тѣ случаи, о которыхъ хочу здѣсь разсказать.

Саркастическое настроеніе Николая Дмитріевича памятно мнѣ прежде всего по тѣмъ вопросамъ, съ которыми онъ встрѣчалъ меня, и тѣмъ сообщеніямъ, которыя онъ дѣлалъ мнѣ, когда я приходилъ къ нему.

— Скажите, какъ это у васъ тамъ, въ академіи, плетьми философію изгоняли? спрашивалъ онъ меня однажды, по поводу дошедшаго до него слуха о вырвавшемся у покойнаго митрополита Филарета восклицаніи: «плетьми ее, эту философію»! въ то время, когда послѣ отчетливыхъ отвѣтовъ по философіи, кто-то изъ студентовъ не могъ разсказать жизни св. ап. Павла. А этотъ митрополитъ памятенъ былъ Н. Д. по извѣстному случаю публичнаго перерыва его рѣчи въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорилось о конкубинатѣ.

— Скажите, спрашивалъ онъ въ другой разъ, какой это монахъ у васъ, въ семинаріи, составилъ психологію по *антифонамъ* и *сѣдальнамъ?*— Былъ дѣйствительно такой чудакъ, который вводилъ *антифоны* и *сѣдальны* въ свои лекціи по психологіи, разумѣется, ни къ селу, ни къ городу.

— Вообразите, встрѣтилъ онъ меня въ третій разъ: монахъ кіево-печерской лавры изобрѣлъ машину!—Не вѣрите? Я вамъ покажу.— И показалъ мнѣ книжку «Трудовъ вольнаго экономическаго общества» съ рисункомъ лодки, безъ паруса и веселъ плывущей вверхъ. Устройства машины, равно и имени изобрѣтателя, за давностію я уже не помню.

Само собою разумѣется, что эти и подобные случаи служили темою для дальнѣйшаго въ томъ же тонѣ разговора.

Въ одно изъ посѣщеній пришлось мнѣ присутствовать при разговорѣ декана Иванишева съ студентомъ, пришедшимъ просить о назначеніи ему стипендіи.

— Скажите, вы очень бѣдны? спрашиваетъ его Иванишевъ.— Быть можетъ вамъ нечего кушать? Такъ вы бы ходили ко мнѣ.

Студентъ смутился. Оскорбленное чувство ясно отразилось на его лицѣ. Иванишевъ замѣтилъ это и тотъ часъ перемѣнилъ разговоръ.

— Нѣтъ, это я такъ, шутя. А вы мнѣ пожалуста скажите, гдѣ вы живете.

— На Глубочицѣ (самая бѣдная часть Кіева и далекая отъ университета).

— У кого же?

— У бубличницы мѣщанки.

— Что же? Можетъ быть у нея дочь есть дѣвица?

— Есть.

— А вы бы приволокнулись за ней. Право. А она васъ бубликами стала бы кормить. Впрочемъ вы знаете мой характеръ. Не смущайтесь; тамъ ужъ какъ нибудь устроимъ вамъ стипендію.

Иванишевъ былъ одно время инспекторомъ классовъ въ кіевскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ. Кто въ то идеальное для институтовъ время не служилъ въ нихъ предметомъ обожанія? Даже горбатый Шульгинъ, даже одноглазый учитель пѣнія Петрашень, оба давно почившіе. А Иванишевъ имѣлъ много прекрасныхъ внѣшнихъ достоинствъ. Вотъ передаютъ ему однажды, что такая-то классная дама (подгулявшая на счетъ красоты) вздыхаетъ по немъ.

— Скажите ей, отвѣчаетъ Иванишевъ, что я лучше ея откапывалъ въ древнихъ курганахъ.

Если не измѣняетъ мнѣ память, ему принадлежитъ извѣстный каламбуръ относительно профессора Мирама или Мирома, точнѣе плохаго знанія имъ русскаго языка. А каламбуръ въ томъ, что проф. Миромъ, будучи приглашенъ на обѣдъ къ викарію 8-го ноября и придя къ обѣднѣ въ михайловскій монастырь, разсказывалъ будто потомъ преосвященному, какъ вѣжливо встрѣтилъ его въ церкви болшой священникъ, сказавъ очень громко: *«Миромъ Господу помолимся»!*

Въ день выхода изъ Кіева банды повстанцевъ въ 1863 году прихожу я рано утромъ въ помѣщавшуюся въ домѣ Иванишева канцелярію археографической коммисіи, которой я былъ секретаремъ Слышу, въ сосѣдней комнатѣ, въ которую дверь была открыта, сестра Николая Дмитріевича въ страшномъ испугѣ передаетъ ему о томъ, что повстанцы идутъ уже въ городъ и начнутъ рѣзню.

— Не безпокойтесь, сестрица, говоритъ ей Николай Дмитріевичъ. Вы не знаете еще, что какъ войны съ поляками дѣло древнее, то усмиреніе ихъ поручено нашей коммисіи древностей. Какъ пойдемъ мы съ нашимъ предсѣдателемъ, разнесемъ ихъ въ прахъ. Право!

Въ самомъ началѣ польскаго возстанія Иванишевъ былъ уже ректоромъ университета. Является къ нему депутація отъ студентовъ поляковъ и съ нахальствомъ, какое царило тогда въ нихъ, заявляетъ петицію относительно открытія въ университетѣ каѳедры польскаго языка, польской исторіи, польскаго права и еще чего-то, на томъ основаніи, что это край польскій и университетъ польскій же. Ивянишевъ съ серьезнѣйшею миною выслушалъ студентовъ и затѣмъ говоритъ:

— Я совершенно признаю справедливость вашихъ требованій. Сдѣлаю надлежащее представленіе и надѣюсь, что мое ходатайство будетъ уважено, тѣмъ болѣе, что край вскорѣ вновь можетъ принадлежать вамъ. Но, господа, если вамъ удастся возстановить Польшу и дойдетъ до выборовъ короля, пожалуста, не забудьте составить мнѣ протекцію...

Поклонился и ушелъ. Студенты потолклись на мѣстѣ и также вышли, не солоно хлебавши.

Въ ректорство Николая Дмитріевича читались въ университетской залѣ профессоромъ богословія Н. А. Ѳаворовымъ публичныя лекціи о Ренанѣ, по поводу извѣстной его книги: «Жизнь Іисуса». Талантливыя чтенія, блестящее изложеніе, превосходная дикція лектора, помимо самаго предмета, привлекли массу публики. Вѣ слушали съ напряженнымъ вниманіемъ, одинъ Иванишевъ сидѣлъ у каѳедры съ зажмуренными глазами. На мое замѣчаніе объ этомъ Иванишевъ отвѣчалъ мнѣ:

— Я, знаете ли, какъ только споръ заходитъ далеко, всегда предпочитаю вздремнуть немножко.

Ректура была больнымъ его мѣстомъ и тяжелымъ временемъ въ его жизни. Проѣзжался онъ тогда на сѣрыхъ, только не въ яблокахъ, проѣзжался и на счетъ университета. Не любилъ онъ новаго тогда устава: «завели, говоритъ, у насъ республику, а вы знаете, республиканское правленіе самое безтолковое». Въ то время въ университетѣ происходила борьба партій, возмущавшая его до глубины души.

Прихожу я къ нему какъ-то не скоро послѣ занятія имъ ректорской должности и застаю нѣсколькихъ профессоровъ. Спрашиваю: какъ же вы, о. ректоръ, на новой должности себя чувствуете?

— А видите ли, когда я сижу у нихъ въ совѣтѣ, то воображаю себя въ положеніи Спасителя въ храмѣ іерусалимскомъ и думаю: сотворить бы бичъ отъ вервія и...

Въ другой разъ, когда ему пришлось прежде времени оставить должность ректора, на вопросъ мой: кто же будетъ вашимъ преемникомъ? Николай Дмитріевичъ, въ присутствіи также нѣсколькихъ профессоровъ, отвѣчалъ:

— Пока еще они придумали только способъ выбора: будутъ примѣрять эти, знаете, бѣлые, и на кого они придутся, тотъ и будетъ моимъ преемникомъ.

Около того же времени состоялся 1-й внутренній заемъ съ выигрышами, а по всей Галиціи и Польшѣ собирались деньги на канонизацію Іосафата Кунцевича, на что требовалось 200,000 р.

— А знаете ли, говоритъ мнѣ Ивнишевъ въ одно изъ моихъ посѣщеній, я купилъ себѣ билетъ внутренняго займа.

— А на что онъ вамъ? спрашиваю. У васъ вѣдь и такъ денегъ куры не клюютъ.

— Какъ на что? Выиграю 200,000 т. и пошлю папѣ; онъ меня канонизуетъ вмѣсто Іосафата, на котораго поляки не могутъ собрать такой суммы. И представьте: доселѣ не было изъ ректоровъ университета никого во святыхъ, а тутъ вдругъ....

Тутъ же въ ректорской квартирѣ происходило однажды годичное собраніе членовъ археографической коммисіи. Я читалъ отчетъ. По прочтеніи отчета усѣлись за чай, роскошно сервированный гостепріимнымъ хозяиномъ. За чаемъ мы, какъ археографы, вели рѣчь больше о древнихъ манускриптахъ. Къ концу уже, когда матеріалъ для разговора сталъ истощаться, покойный профессоръ Селинъ, извѣстный своею аффектированною декламаціею, сталъ декламировать посланіе Іоанна Грознаго къ монахамъ Іосифова волоколамскаго монастыря.

— Помните, говоритъ, какъ смиренно онъ начинаетъ: «У, лютѣ мнѣ, псу смердящему»! А потомъ, войдя въ свой нравъ, какъ начнетъ: «ахъ вы, кабацкіе пропойцы!» и т. д.

И, воодушевившись, Селинъ прочелъ все посланіе до конца. Настало общее молчаніе. Тогда Иванишевъ, сидѣвшій рядомъ съ Селинымъ, наклоняется къ нему въ полъоборота и говоритъ:

— А что, Александръ Ивановичъ, небось и вы иной разъ, сидя въ минуты раздумья, восклицаете про себя: «У, лютѣ мнѣ»!...

Раздался всеобщій хохотъ и тѣмъ ученое засѣданіе наше окончилось.

Любилъ Николай Дмитріевичъ пошутить и надъ собою. Былъ онъ сынъ священника кіево-подольской успенской церкви и никогда не скрывалъ своего духовнаго происхожденія, какъ-то дѣлали въ ту пору многіе; напротивъ любимою его шуткою при встрѣчѣ съ однимъ изъ священниковъ, состоявшимъ при той же церкви, было: «а, вы отбили у меня приходъ!» и т. д.

Раобралъ онъ свой флигелекъ и сталъ строить домъ на улицу. Прихожу я, а онъ говоритъ: «рекохъ въ сердцѣ моемъ: разорю житницы моя и большая сихъ созижду». А потомъ прибавилъ: «безумне, въ сію нощь душу твою истяжутъ»...

Пришелъ я къ нему разъ послѣ пожалованія его генеральскимъ чиномъ и спрашиваю о здоровьѣ.

— Теперь лучше, а то мнѣ совсѣмъ было худо стало. Представьте, ничего не могу дѣлать. За что ни возьмусь, все валится изъ рукъ. Думаю: засидѣлся. Пошелъ пройтись, все равно. Пойду, думаю, въ гости. Опять тоже. Что такое со мною?—Ба! догадываюсь наконецъ; я дѣйствительный статскій совѣтникъ. Забылъ объ этомъ, и работа, какъ по маслу, пошла.

Извѣстенъ переходъ его въ Варшаву и обстоятельства, его сопровождавшія. Вмѣсто обѣщаннаго директорскаго мѣста ему предоставили лишь мѣсто вице-директора въ юридической коммисіи и въ добавокъ насадили въ помощь его ученой работѣ людей съ бору да съ сосенки. Самолюбивый отъ природы и серьезный въ работѣ, онъ не могъ сносить этого положенія, и добродушная въ большей части его шутка переходила уже въ злую иронію. Былъ я не разъ у него въ Варшавѣ и видѣлъ возроставшее его недовольство, заставившее его наконецъ бросить службу и возвратиться къ своимъ пенатамъ.

— Наѣхали, говорилъ онъ, сюда русскіе дѣятели; а поскребите любого: или нѣмецъ, или татаринъ... Бываю иногда у А. Ѳ. Кошелева. У него, знаете, сейчасъ кулебяка, бараній бокъ съ кашей...

— А что тотъ вашъ, что говорилъ въ Немировѣ: «я за православіе готовъ голову сложить»? (Намекъ былъ на Ѳ. Ѳ. Витте).

Спросилъ я какъ-то о коммисіи, юридической, конечно.

— Да что, говоритъ, насажали мнѣ сюда такихъ *филовъ*, что не знаютъ ни носа, ни рыла... Давно, знаете, хочу бросить все и въ Кіевъ уйти. Одно только останавливаетъ. Помните вѣдь, меня сюда,

какъ восьмое чудо, выписывали, въ Петербургъ вызывали, государю представляли. И вдругъ эго восьмое чудо бѣжитъ... Вотъ что!

Изъ Варшавы проѣхалъ Николай Дмитріевичъ однажды въ Люблинъ порыться въ архивѣ люблинскаго трибунала. Было это въ концѣ 1864 или началѣ 1865 г. То была пора самаго высшаго поднятія тамъ русскаго духа. Квартировавшіе въ Люблинѣ военные разнаго оружія рѣшили почтить славнаго ученаго обѣдомъ, устроеннымъ въ клубѣ. При тостѣ за его здоровье много говорили о томъ, что самое прочное завоеваніе путемъ науки и что хотя молъ мечи наши и сокрушили польскую гидру, но что дальнѣйшая работа принадлежитъ вашимъ головамъ.

— Итакъ, господа, провозглашаетъ Иванишевъ въ отвѣтъ на эту любезность, за ваши мечи и наши головы!

Громкое ура, шумныя оваціи и все такое. Съ тѣмъ и проводили рѣдкаго и почетнаго гостя. Только уже немного спустя спохватились, что въ его тостѣ была ѣдкая острота. Бросились къ Николаю Дмитріевичу за объясненіемъ, а его и слѣдъ простылъ,— укатилъ въ Варшаву.

По переселеніи Иванишева въ Кіевъ доходили до меня слухи, что онъ тамъ скучаетъ, сталъ нелюдимымъ, никого не принимаетъ, самъ нигдѣ не бываетъ и ничего не производитъ. Пріѣзжаю въ 1869 г. въ Кіевъ и первымъ дѣломъ къ нему. Къ удивленію, онъ принялъ меня самымъ радушнѣйшимъ образомъ, съ живѣйшимъ любопытствомъ расправшивалъ о Варшавѣ и Польшѣ, разсказывалъ о задуманныхъ имъ научныхъ работахъ, строилъ широкіе планы. Не обошлось и въ этотъ разъ безъ обычныхъ его шутокъ. даже надъ самимъ собою. Разстались мы самымъ сердечнымъ образомъ. Но это было послѣднее наше свиданіе.

Припоминаю еще: когда Николай Дмитріевичъ велъ меня, въ качествѣ новаго члена археографической коммисіи, въ центральный архивъ, то говорилъ съ добродушнѣйшей усмѣшкой: «я васъ введу въ храмъ безсмертія, въ которомъ самъ много времени провелъ. И представьте, мы оба будемъ безсмертны»! Но и его судьба привела лишь къ почетной извѣстности.

Ѳ. Лобода.

Междуплеменныя соприкосновенія.

Три сосѣдственныя и родственныя племена: великорусское, малорусское и польское, а также влѣзшее въ среду ихъ чужеядное жидовское племя въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ приходили въ постоянныя, то такія, то иныя соприкосновенія другъ съ другомъ, и это отразилось въ сознаніи каждаго изъ нихъ и породило массу сказокъ и анекдотовъ, характеризующихъ взглядъ ихъ другъ на друга и самыя ихъ соприкосновенія.

Хохолъ въ глазахъ великороссіянина представляется дуракоıатымъ и «москаль» всегда проводитъ «безмозглаго хохла». Анекдотовъ на этотъ счетъ и не перечтешь. Общеизвѣстенъ одинъ изъ нихъ, какъ хохолъ, забравшись въ Москву, считалъ галокъ или воронъ на Ивановской колокольнѣ и заплатилъ за то не мало ловкому солдатику. Но вотъ отвѣтный анекдотъ.

Пріѣхали хохлы въ Москву на волахъ съ какимъ-то провіантомъ, который должны были сдать въ Кремлѣ. Нало было въѣзжать чрезъ Спасскія ворота. Показался первый возъ и его хозяинъ, а часовой: «шапку долой»! Повернулъ хохолъ головой; видитъ, всюду иконы, а предъ одной горитъ лампадка, и кричитъ къ своимъ:

— Гей, Иване! не наганяйсь, та назадъ завертай.

— Чого?

— Бо въ церкву заихали.

Другой анекдотъ.—Шелъ хохолъ лѣсомъ, встрѣчаетъ его разбойникъ изъ великороссіянъ. Повалилъ хохла и хотѣлъ зарѣзать.

— Дядечку, голубчику! взмолился къ нему хохолъ. Не рижъ мене; отдамъ тоби все, що маю, тильки даруй мене душею.

— А что у тебя естъ? спрашиваетъ разбойникъ.

— Е хлибъ и сало.

— Ну, давай хлибъ и сало. Покушаемъ прежде, а потомъ я тебя зарѣжу, потому—выдашь меня.

Усѣлся разбойникъ, порѣзалъ сало на мелкіе куски, накалываетъ по кусочку на ножъ и отправляетъ прямо въ свою пасть. Хохолъ долго посматривалъ на своего обидчика и, какъ только тотъ еще разъ поднесъ ножъ ко рту, онъ кулакомъ по ножу. Потталился разбойникъ, а хохолъ къ нему, связалъ ему руки, оторвалъ отъ сапога старую подошву и давай пилить ему горло.

— Да не мучь ты меня, безмозглый хохолъ! кричитъ разбойникъ. Возьми ножъ да скорѣй кончай.

— Э! говоритъ хохолъ, посмотрѣвъ на солнце. До вечера ще далеко; допиляю и пидошвою.

У поляковъ сложился иной взглядъ на хлопа-русина. Мужикъ ворона, а хитрійшій видъ чорта—пословица польская. Анекдотовъ впрочемъ на эту тему не много или почти нѣтъ, такъ какъ вообще они слагаются въ средѣ народной, а съ народомъ польскимъ мы мало соприкасались. Но относительно пановъ польскихъ у насъ масса анекдотовъ и сказокъ.

Есть сказка, начинающаяся словами: «Ой бувъ соби Конинъ, та пишовъ до пана красти коней, а Тихинъ та й знавъ объ тимъ, а Панасъ та й той прыйшовъ до насъ». Суть ея въ томъ, что три мужика, провѣдавъ, что набожный ихъ панъ боялся страшнаго суда даже во время сна и, чтобы убаюкивать себя, клалъ у своей постели казачка, которому, просыпаясь, велѣлъ каждый разъ разсказывать какую либо сказку, воспользовались этимъ, чтобъ одурачить пана и увести его лошадей, да и обокрасть совсѣмъ. Одинъ изъ нихъ, по уговору съ козачкомъ изъ своихъ же, замѣнилъ его у постели пана, пробравшись чрезъ незапертыя двери, и когда панъ въ просонкахъ крикнулъ: «бай байку»! разсказалъ ему какую-то страшную сказку, предвѣщавшую скорую кончину міра. Подъ впечатлѣніемъ разсказаннаго панъ грезилъ, а когда проснулся, увидѣлъ, что вся комната освѣщена яркимъ свѣтомъ, доходившимъ со двора. Онъ бросился къ окну и видитъ,—земл горитъ, а то остальные воры зажгли на дворѣ сотни восковыхъ свѣчекъ. Панъ къ дверямъ, а оттуда входятъ два хлопца въ бѣломъ, съ свѣчками въ рукахъ, и говорятъ: «пришли отъ Бога по твою душу! Лизь сюды въ мишокъ, понесемъ тебе на небо». Потерявшійся отъ страха панъ полѣзъ въ мѣшокъ, хлопцы понесли его и повѣсили въ полѣ на вербѣ при дорогѣ. Вѣтеръ колышетъ, а панъ думаетъ, что летитъ на небо. Тѣмъ временемъ Кононъ, Тихонъ и Панасъ обобрали пана дочиста и увели всѣхъ его лошадей. Только на утро слѣдующаго дня одураченнаго пана снялъ съ вербы его сосѣдъ, проѣзжавшій мимо.

Другой анекдотъ на счетъ панскаго лакомства.—Ѣдетъ панъ мимо пруда, а изъ пруда выкинулась большая щука. Панъ спрашиваетъ своего фурмана, чтобы тотъ сдѣлалъ, еслибъ ему пойма-

лась такая щука.—А щожъ? отвѣчаетъ тотъ; ошкромадивъ бы та въ капусту вкинувъ.—Панъ такъ и шарахнулся съ нетычанки. Фурманъ къ нему, ничего не подѣлаетъ; лежитъ панъ безъ признаковъ жизни. Ѣдетъ другой панъ, распросилъ фурмана, въ чемъ дѣло и говоритъ.

— O gałgan jesteś, kiep! Powinien-byś odpowiedzić, że zgotuje z niej nadziewanę, ta z octem, ta z chrzanem, ta z pieprzem, ta z olejkami...

Панъ задвигалъ ногами, зачмокалъ губами и сказавъ: «o to co innego»! поднялся съ земли и, выбранивъ фурмана, поѣхалъ дальше.

Анекдоты о жидахъ осмѣиваютъ ихъ жадность къ деньгамъ, трусость, лукавство и пр. Вотъ одинъ изъ цѣлой массы. Ѣдетъ жидъ съ мужикомъ ночью черезъ лѣсъ. На встрѣчу ему разбойникъ и требуетъ денегъ. Видитъ жидъ, разбойникъ дряблый и безоружный, а съ нимъ мужикъ здоровый; набрасывается на разбойника, бранитъ его, какъ можетъ, грозитъ связать и къ становому доставить. Вдругъ изъ-за деревьевъ еще пять молодцевъ. Жидъ униженно подбѣгаетъ къ старшему изъ нихъ и говоритъ:

— Ну, отъ цоловикъ поважный, я сёму дамъ гроши, а не тоби, свиня, мурло, сто цортивъ въ твою голову....

— А бы гроши, отвѣтилъ старшій, и—обобрали жида до нитки.

Но вотъ анекдотъ, аналогичнаго которому не приходилось намъ слышать.—Ѣдетъ молодой парубокъ съ молодою же жидовкою куда-то въ далекое мѣстечко. Стали въ полѣ ночевать. Ночь темная. Жидовка дрожитъ отъ страха въ возу, а парубокъ изъ предосторожности привязалъ возжами хомутъ и отъ скуки дергаетъ возжей, поглядывая на пасущуюся вблизи лошадь. Хомутъ то поднимется, то опустится, точно что прыгаетъ.

— Иванку, Иванку! а що то скаче? кричитъ испугавшаяся жидовка.

— А що? Вовкъ, отвѣчаетъ тотъ.

— Ой, Иванку, лизь до мене, сховай мене одъ вовка!

Иванко полѣзъ въ возъ и тамъ уже объяснилъ жидовочкѣ, что напугалъ ее хомутомъ, а спустя не много опять на свое мѣсто.

— Иванку, Иванку! кличетъ не много погодя жидовка уже другимъ голосомъ.

— Чого тоби? откликается Иванко.

— А знаешь що? Налякай мене ще разъ хамутою....

И. Кулюмбашъ.

„Царь-Максимиліанъ" въ Ковлѣ.

Рождественскіе праздники въ Ковлѣ (волынской губерніи) празднуются мѣщанами также, какъ и въ другихъ городахъ и селахъ той же губерніи. И здѣсь, какъ и въ другихъ городахъ, на второй и третій день праздниковъ мальчики дѣлятся на небольшія группы, устраиваютъ такъ называемыя звѣзды и съ ними ходятъ подъ окна домовъ колядовать. Взрослые безъ звѣзды ходятъ колядовать, а передъ Новымъ годомъ щедровать, въ самый же Новый годъ мальчики посыпаютъ. Наканунѣ Новаго года мѣщанскіе парни рядятся: кто евреемъ, кто цыганомъ и т. п. и съ музыкой ходятъ по домамъ своихъ знакомыхъ. Особенность же здѣсь въ празднованіи Рождества Христова, какой нѣтъ, кажется, на Волыни нигдѣ, заключается въ томъ, что во время праздниковъ парнями мѣщанами играется «Царь-Максимильянъ». Это длинная пьеса, и передается по памяти изъ устъ въ уста, а списанной нѣтъ. Обыкновенно задолго еще до Рождества, Филиповымъ постомъ собирается большая партія парней и мальчишекъ (нужное число, по числу ролей) и разучиваютъ пьесу; каждый старается выучить данную ему роль; а дѣло это не легкое, ибо учить ее приходится не по запискамъ, а изустно, пьеса же очень длинная. Репетиціи дѣлаются часто и труппа любителей актеровъ бываетъ довольно многочисленна, такъ какъ дѣйствующихъ лицъ въ пьесѣ довольно много: царь Максимильянъ, сынъ его, Скороходъ (адъютантъ), Черный арапъ, Гробокопатель, Великовоинъ и мн. др. Великовоиномъ всегда выбираютъ какого либо рослаго сильнаго парня.

Съ наступленіемъ праздника вся труппа любителей актеровъ, каждый въ соотвѣтствующемъ его роли костюмѣ, идетъ по домамъ и въ каждомъ разыгриваетъ пьесу. Труппа обыкновенно ждетъ у дома на дворѣ, а впередъ въ хату посылаютъ скорохода (адъютанта) спросить хозяевъ, позволятъ ли показать «Царя Максимиліана». Скороходомъ обыкновевнно бываетъ какой либо шустрый,

бойкій на словахъ и на дѣлѣ парень, который, какъ говорится, за словомъ въ карманъ не полѣзетъ. Скороходъ, войдя въ домъ, обыкновенно говоритъ шуточками и прибауточками, какъ бы предисловіе, а затѣмъ уже говоритъ о дѣлѣ, за которымъ пришелъ, спрашиваетъ, можно ли представить «Царя Максимиліана»? Вотъ образчикъ рѣчи Скорохода: «Здравствуйте, почтенные господа! Я не самъ, но съ царской свитой пріѣхалъ сюда. У меня сюртукъ парадный! въ тридцать три заплатки; у меня заплатки гладки... Можно ли представить «Царя Максимиліана»? Хозяева обыкновенно отвѣчаютъ согласіемъ. Тогда Скороходъ извѣщаетъ объ этомъ труппу, и она входитъ въ домъ и начинается игра, по окончаніи которой хозяева награждаютъ труппу деньгами, иногда усаживаютъ всю ее за столъ и угощаютъ. Труппа изъ одного дома переходитъ въ другой и обходитъ весь городъ.

Какъ самая пьеса, такъ и игра ея весьма интересны. Ковельскіе парни играютъ съ воодушевленіемъ, непринужденно и подъ часъ совсѣмъ хорошо; видно, что она пришлась имъ по вкусу. Я старался добиться, когда и какъ эта пьеса попала сюда, и вотъ что мнѣ разсказали объ этомъ.

Давно давно когда-то забрелъ въ Ковель и поселился на концѣ города отставной солдатъ. Откуда онъ самъ былъ родомъ, какъ его звали, никто того не знаетъ. Знаютъ, только, что онъ собралъ мѣщанскихъ парней, разсказалъ содержаніе пьесы, объяснилъ, растолковалъ, какъ и что слѣдуетъ дѣлать и выучилъ каждаго наизусть, что кому слѣдуетъ говорить и какъ дѣйствовать. Солдатъ умеръ, а занесенная имъ «комедія» живетъ въ Ковлѣ и до нынѣ и обязательно играется каждый годъ во время рождественскихъ праздниковъ.

Форма ея стихотворная, содержаніе принаровлено къ праздничному событію, на подобіе «Вертепа», языкъ смѣшанный—великорусско-малорусско-польскій.

И. Б.

Два стихотворенія П. П. Артемовскаго-Гулака.

Предлагаемыя стихотворенія написаны покойнымъ поэтомъ въ самомъ началѣ крымской войны, въ концѣ 1853 или въ началѣ 1854 года, вскорѣ послѣ синопской битвы, и въ свое время чита-

лись съ восторгомъ на всемъ югѣ Россіи. Мною записаны они тогда же въ Одессѣ, во время службы моей въ Ришельевскомъ лицеѣ, и недавно отысканы въ ворохѣ старыхъ бумагъ. Не помню, чтобы они когда либо были напечатаны. Во всякомъ случаѣ не лишне освѣжить ихъ въ памяти.

I.

Ой не мандруй Султане,
До Андріаполя,
Бо тамъ тебе застане
Лихенькая доля.
Ой не бажай, Султане,
Водыци зъ Марыци,
Бо въ животи стане
Гирше видъ горчыци.
Ой не схиляйся, Султане,
До Балканивъ зъ ухомъ,
Бо пахне погано
Кульмовскимъ духомъ.
Нехай твій нисъ, Султане,
Туды й не досягае,
Бо тамъ Дыбычъ якъ встане,
До смерти злякае.
Не поглядай, Султане,
На Чорнее море,
Бо тамъ въ хвиляхъ, въ тумани,
Плыве твое горе.
Бачъ въ Сынопи, Султане,
Клубы дыму вьются,
Оттожъ твои пиддани
Зъ Нахименкомъ бьются.
Бачъ, якъ море, Султане,
Видъ ихъ гарматъ стогне,
Твое війско погане
Зъ байдаками тоне.

Ой подивись, Султане,
Зъ моря на ту хуру,
Тамъ доставъ, та й ще достане
Турчинъ добре въ шкуру.
Не посылай, Султане,
Війска до Арпачаю,
Бо вернетця пьяне
Видъ руського чаю.
Не накликай, Султане,
На руськихъ Шамиля,
Бо винъ лыбонь не встане
Зъ руського похмилья.
Не вызволють, Султане,
Праньци й агличаньци,
Москаль свое достане
Не ничью, то враньци.
Такъ спижъ, Меджиде,
Мы буркать не будемъ,
А якъ москаль прыйде,
Мы тоди розбудимъ.

II.

Сыдыть Абдулъ,
Губы надувъ,
Та й гадку гадае:
Що тамъ мое
Турецькое
Війско поробляе?
Скилько воно
Въ море на дно
Москаливъ пустило?
Скильки ребьятъ
Зъ рушниць, зъ гарматъ
Трупомъ положило.
Ой вже жъ тіи
Турецкіи

Війска розчухрали,
Нахименко зъ Бебутомъ
Й Андроникомъ отспивали.
Вже й въ Петенбурхъ
Гинець Явтухъ
Черкнувъ, що мавъ силы
Зъ лыстомъ объ тимъ,
Що Туркамъ всимъ
Пенька въ нисъ встромили.
Сполать тоби
Въ руській земли
Андроньче, козаче,
Ты бусурманъ
Зимьявъ въ гаманъ,
Нехай Меджидъ скаче.
Сполать тоби
Въ руській земли
Нахименку хвацькій,
Що потопивъ
И попаливъ
Байдаки султаньски!
Такъ бачъ, Султанъ
На свій изъянъ
Ще въ гору нисъ пындючить,
На панъ-отця,
На Воронця
Арканъ зъ шовку сучить.
Сучи арканъ,
Абдулъ Султанъ,
Тай сучи тугенько,
Бо туркамъ всимъ
На аркани тимъ
Высить хорошенько.

Сооб. **И. П. Сокальскій.**

Рекрутская пѣсня.

Та по-за садомъ-виноградомъ,
Дорижка лежала.
Гей туды наша та сударыня
Некрутъ выряжала,
Выряжала на воронимъ кониченьку.
Выйди, выйди, серце мое, дивчинонько!
Ой не выйшла дивчинонька,
Выйшла стара мати,
Взяла коня за поводы
Та й стала питати:
Ой, сыну жъ мій, соколику,
Де жъ тебе шукати?
Шукай въ степу край-дороги,
Моя ридна мати;
Тамъ я буду, моя мати,
Горемъ горювати,
Своимъ чубомъ кучерявымъ
Степы устилати,
А своею кривицею
Моря доповняти,
А ще своимъ билымъ тиломъ
Орливъ годувати.
— Бодай же вы, вориженьки,
Вси разомъ пропали,
Якъ вы тую биду знали—
Мени не сказали;
А тоди вже вы сказали,
Якъ сына піймали.
Ой піймали мого сына
Ще й руки звязали,
А звязавши били руки,
Везуть на Прилуки,
А зъ Прилуки до Полтавы—
До вичнёй присяги.

Присягъ царю—присягъ Богу:
Одрикся одъ роду.
Прощай, сыну, мій голубе!
Не думай до-дому.

Сообщ. **И. Пономаревъ.**

Поправки. Въ ноябрьской книжкѣ „Кіевской Старины", за болѣзнью нашею, вкрались двѣ существенныя погрѣшности, которыя спѣшимъ исправить.

1) Въ концѣ рецензіи на книгу „Холмская Русь", изд. П. Н. Батюшкова, сказано, будто въ нѣкоторыхъ экземплярахъ этой книги есть біографія и портретъ издателя. Рецензентъ смѣшалъ въ семъ случаѣ майскую книжку „Русской Старины", гдѣ таковые помѣщены, съ книгой „Холмская Русь", гдѣ ихъ не было и нѣтъ, а смѣшалъ потому, что при составленіи рецензіи пользовался экземпляромъ одного кіевскаго ученаго, имѣющаго обыкновеніе для своихъ работъ переносить однородныя статьи изъ одного изданія въ другое и переплетать ихъ вмѣстѣ. Считаемъ долгомъ извиниться въ семъ предъ достоуважаемымъ издателемъ.

2) Въ той же рецензіи на страницѣ 556, строка 20, вмѣсто *четверо* конечнымъ крестомъ, сказано *семи* конечнымъ. Ошибка произошла отъ неразборчивости письма въ рукописи.

Ред.

Отъ редакціи.

Журналъ „Кіевская Старина" выходитъ *неизмѣнно* 1-го **числа** каждаго мѣсяца и въ тотъ-же день разсылается городскимъ подписчикамъ, а 2-го и не позже 3-го числа сдается въ Почтовую Контору для отправки внутри Имперіи и за границу.

Редакція отвѣчаетъ за исправное полученіе журнала лишь при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если въ *четко* написанномъ адресѣ означены: имя, отчество и фамилія подписчика, равно губернія, уѣздъ и почтовое учрежденіе, гдѣ *допущена* выдача журналовъ, 2) если жалоба на неполученіе книжки прислана непосредственно въ редакцію, хотя-бы подписка была сдѣлана въ одномъ изъ книжныхъ магазиновъ, 3) если жалоба послана, согласно объявленію Почтоваго Департамента, не позже полученія или срока выхода слѣдующей книжки, 4) если къ жалобѣ приложено будетъ удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книжка ею не была получена и 5) если о перемѣнѣ адреса было сдѣлано заявленіе редакціи и притомъ сдѣлано своевременно, т. е. съ такимъ разсчетомъ времени, чтобы редакція могла получить оное не позже выхода слѣдующей книжки

За перемѣну адреса иногороднаго на городской и обратно уплачивается *пятьдесятъ коп.*, а при перемѣнѣ иногороднаго на иногородный-же высылается *четыре семикопѣечныя марки.*

Подписная цѣна на мѣстѣ 8 р. 50 к., съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи 10 р., за границу 11 р. По той-же цѣнѣ высылаются и оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры 1882—1886 гг.

Подписка принимается въ редакціи журнала и конторѣ оной (*Кіевъ*, *Михайловская улица*, *домъ № 12-й*), въ книжныхъ магазинахъ Оглоблина въ Кіевѣ и Петербургѣ, «Новаго Времени» и Глазунова въ Петербургѣ и Москвѣ, Мелье, Вольфа и Мартынова въ Петербургѣ, Федорова, Розова, Динтера, Корейво, Гинтера и Малецкаго въ Кіевѣ и др.

Издателямъ и авторамъ книгъ и брошюръ по южно-русской исторіи и этнографіи, приславшимъ экземпляръ своихъ изданій въ редакцію, обѣщается рецензія.

СОДЕРЖАНІЕ

ТОМА XVII. 1887 г.

Январь, 1887 г.

Февраль, 1887 г.

Мартъ, 1887 г.

Апрѣль, 1887 г.

СОДЕРЖАНІЕ

ТОМА XVIII. 1887 г.

Май, 1887 г.

Іюнь и Іюль, 1887 г.

Августъ, 1887 г.

СОДЕРЖАНІЕ

ТОМА XI. 1887 г.

За Сентябрь, 1887 г.

Октябрь.

Ноябрь.

Декабрь.